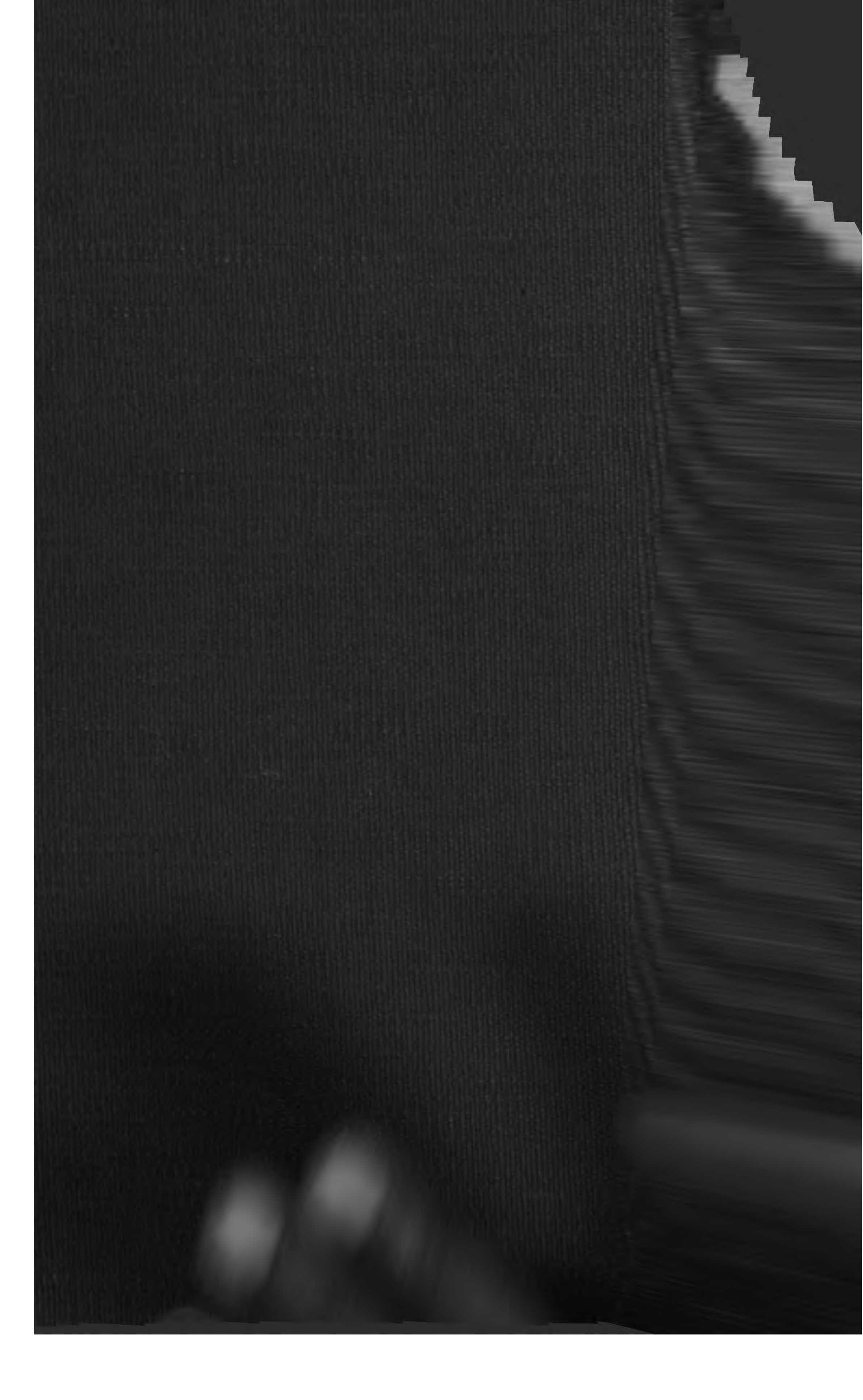


Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 2083.

ОКТЯБРЬ. 1904.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 10.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. 2-ую стр. обложки*).

ОКТЯБРЬ. 1904.

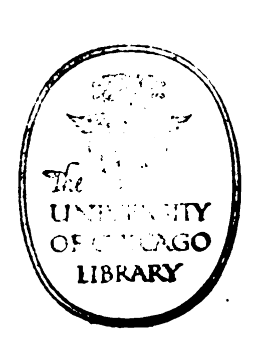
РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 10.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1904.



Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 октября 1904 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

Н. Кудринъ. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Отъ автора.—I. Народъ и его характеръ. Психологія француза. Французское краснорѣчіе. Цезаризмъ и роль личности во Франціи XIX в. Ренегаты и герои убѣжденія.—II. Общественные классы. Французское крестьянство. Несчастный богачъ и счастливые бѣдняки. Безработные. Жизнь и идеалы четвертаго класса во Франціи. — III. Наука, литература и печать. Соціологія человѣка-звѣря. О марксизмѣ вообще, по поводу франц. марксизма въ частности. Натурализмъ на службѣ у утопіи. Французская пресса.—IV. Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ. Современное „чертобѣсіе". Шовинистская и клерикальная реакція. Дѣло Дрейфуса (Торжество военщины. Идейное пробужденіе. Реннскій процессъ и его міровой характеръ). Еврейскій вопросъ и антисемитизмъ во Франціи. Французскій парламентаризмъ и его критики. Эволюція политическихъ партій. Сто лѣтъ взаимныхъ отношеній буржуазіи и пролетаріата.

Ек. Лѣткова. ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Томъ I. *Второе* изд. 1903 г.—311 стр. Ц. 1 р.

Мертвая зыбь.—Лушка.—Горе.—Счастье.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Томъ II. *Второе* изд. 1903 г.—314 стр. Ц. 1 р.

Отдыхъ.—Чудачка.—Бабьи слезы.—Праздники.—Лишняя.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Томъ III. Изд. 1903 г.—316 стр. Ц. 1 р.

Рабъ.—Оборванная переписка.—На мельницѣ.—Облачко.—Безъ фамиліи (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ. ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Томъ I. *Третье* изд. 1903 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ преддверіи.—Шелаевскій рудникъ.—Ферганскій орленокъ.—Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Томъ II. *Второе* изд. 1902 г.—402 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.—Post-scriptum (отъ автора).

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Второе* изд. 1903 г. — 367 стр. Ц. 1 р.

Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни.—Чортовъ яръ.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда.—На китайской рѣкѣ.—Ганя.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г. — 406 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Пѣвецъ гуманной красоты (Пушкинъ).—Муза мести и печали (Некрасовъ).—Чудеса „вседневнаго міра" (Фетъ).—На высотѣ (Тютчевъ).—Пѣвецъ „тревоги юныхъ силъ" (Надсонъ).—Современныя миніатюры (Гг. Минскій, Андреевскій, Фругъ, Льдовъ, Фофановъ, Коринфскій, Чюмина, Облеуховъ, Бальмонтъ, Брюсовъ, Танъ, Соловьевъ, Allegro, Ѳедоровъ, Бунинъ, Лохвицкая, Шепкина-Куперникъ, Галина). О старомъ и новомъ настроеніи.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ. Шесть томовъ. Изд. 1896 г. Цѣна каждаго тома 2 р.

Томъ I 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг

Томъ II. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 5) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ.

7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

Томъ III. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его „новая наука". 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

Томъ IV. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

Томъ V. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника: I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Ціона, чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ".

Томъ VI. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія. 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

Н. К. Михайловскій. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ I. Изд. 1900 г. — 504 стр. Ц. 2 р.

Мой первый литературный опытъ. „Разсвѣтъ". „Книжный Вѣстникъ". Братья Курочкины, Ножинъ, Благосвѣтловъ, Писаревъ, Демертъ, Минаевъ.—„Гласный судъ", „Современ. обозрѣніе", „Отеч. записки".—Некрасовъ.—Романъ „Борьба" и статья „Что такое прогрессъ". Салтыковъ, Елисеевъ, Успенскій. Некрасовъ, какъ человѣкъ.—Фетъ о Салтыковѣ. Изъ переписки и дневника Шелгунова. Шелгуновъ и Позднышевъ. „Исторія новѣйшей русской литературы" А. М. Скабичевскаго.—П. Д. Боборыкинъ и его отношеніе къ „Отеч. запискамъ".—Въ одной изъ толстовскихъ колоній. Изъ прошлаго и настоящаго Л. Н. Толстого. Полемика съ нимъ И. И. Мечникова.—Личныя воспоминанія о гр. Толстомъ. Толстой и г. Мечниковъ, какъ гигіенисты. О естественномъ и неестественномъ. О задачахъ науки. О будущемъ женщинъ и женскаго вопроса. Люди, владѣющіе перомъ и перомъ владѣемые. Двоякаго рода эпигоны. Г. Сементковскій о нашемъ недавнемъ прошломъ.—„Книга о книгахъ". Воспоминаніе объ одномъ маленькомъ человѣкѣ. Письмо К. Маркса. Кающіеся дворяне. Идеалы и идолы. Ошибки исторической перспективы. „Черезъ сто лѣтъ" Беллами и „Крушеніе цивилизаціи" Буажильбера".—О г. Розановѣ и его отказѣ отъ наслѣдства. О мозаичности культуры. Славянофилы, „Моск. Вѣдомости", „Гражданинъ" и благонамѣренность. Изъ поѣздки по Волгѣ и изъ исторіи русской цензуры.— Г. З. Елисеевъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ II. Изд. 1900 г.—496 стр. Ц. 2 р.

Оптимистическій и пессимистическій тонъ. Марксъ Нордау о вырожденіи. Декаденты, символисты, маги и проч. Русское отраженіе франц. символизма. О разныхъ типахъ празднословія. Объ исторической критикѣ. Отрывокъ изъ романа „Карьера Оладушкина". Основы народничества г. Юзова.—Памяти Тургенева. О народничествѣ г. В. В. Братство народовъ. — О молодости. О гг. П. Ковалевскомъ и Сениговѣ.

Смерть Гайдебурова. Объ экономическомъ матеріализмѣ. — Изъ писемъ марксистовъ. Гегелизмъ и гальванизмъ. О діалектическомъ развитіи и тройственныхъ формулахъ прогресса. О разсказахъ гг. Григоровича и Мамина-Сибиряка. О силѣ привычкѣ вообще, у писателей въ частности. О гр. Л. Н. Толстомъ.—Нѣчто о бѣдствіяхъ существенныхъ и красныхъ вымыслахъ. Фламмаріонъ, Мечниковъ и Бертело о грядущихъ судьбахъ человѣчества. Будущія бородатыя женщины г. Брандта „Выдающаяся женщина" г. Ардова и Раскольниковъ Достоевскаго.— О Литературномъ обществѣ" и нашихъ литературныхъ нравахъ. О системахъ морали. О Максѣ Штирнерѣ и Фр. Ничше.—О г. Струве и его „Критическихъ замѣткахъ".

— ОТКЛИКИ. Томъ I. Изд. 1904 г.—492 стр. Ц. 1 р. 50 к.
„ Томъ II Изд. 1904 г.—432 стр. Ц. 1 р. 50 к.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

А. В. Пѣшехоновъ. НА ОЧЕРЕДНЫЯ ТЕМЫ. Матеріалы для характеристики общественныхъ отношеній въ Россіи. Изд. 1904 г.—434 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Крестьянскій вопросъ.—Недодѣланное дѣло. — Изъ хроники голодныхъ лѣтъ.—Современные аргонавты.—Торгово-промышленныя дѣла и дѣятели.—По поводу одного аграрнаго закона.—Централизація экономической власти. — Желѣзныя дороги въ русскомъ государственномъ бюджетѣ.—Неудавшійся праздникъ.—Пора рѣшить.—Уединенная реформа.—Изъ земской жизни: 1) Земцы новой формаціи.—2) Кризисъ въ земской статистикѣ.—Господа ремесленники и ихъ комментаторы.— Самарскій мужикъ въ новомъ освѣщеніи.—Докторъ Штокманъ на русской сценѣ.—Изъ исторіи чести и совѣсти.—Проблемы совѣсти и чести въ ученіи новѣйшихъ метафизиковъ. — Матеріалы для характеристики русской интеллигенціи.

СБОРНИКЪ «РУССКАГО БОГАТСТВА». Часть I. *Беллетристика.* Изд. 1899 г.—206 стр. Ц. 2 р.

Изъ романа „Карьера Оладушкина". Въ провинціи. *Н. К. Михайловскаго.*—У святыхъ могилокъ. Эскизъ. *Д. Н. Мамина-Сибиряка.*—На службѣ обществу. *Л. Мельшина.* — Современная Миньона. *Н. Сѣверова.*—Бѣлыя крылья. Изъ разсказовъ стараго шахтера. *В. І. Дмитріевой.*—Маруся. Разсказъ. *В. Г. Короленко.*—Стихотворенія. *В. Г.* Послѣдній выборъ. Романъ. *Р. Штратца* (съ нѣмецкаго).

— Часть II. *Публицистика.* Изд. 1899 г.—450 стр. Ц. 1 р.

А. С. Пушкинъ. *П. Ф. Гриневича.*—Муки слова. *А. Г. Горнфельда.*— А. С. Пушкинъ и его письма. *Е. А. Ляцкаго.*—Изъ Пушкинской эпохи. *В. А. Мякотина.*—Сербско-болгарскія отношенія по македонскому вопросу. *П. Н. Милюкова.*—Покупательныя силы крестьянства. *А. В. Пѣшехонова.*—О классицизмѣ филологическомъ и идейномъ. *Н. Кудрина.* Людвигъ Бюхнеръ. *В. В. Лункевича.*—Неудавшійся праздникъ. *А. В. Пѣшехонова.*—Правители и властители современной Европы. *С. Н. Южакова.*

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ» Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г. — 350 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ.—На теплыхъ водахъ.

П. Я. СТИХОТВОРЕНІЯ. Томъ I (1878 — 1897 гг.). *Пятое* изд. 1903 г.—282 стр. Ц. 1 р.

— СТИХОТВОРЕНІЯ. Томъ II (1898—1902). *Второе* изд. 1902 г.—295 стр Ц. 1 р.

— РУССКАЯ МУЗА. Ц 1 р. 75 к.

Собраніе лучшихъ, оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній русскихъ поэтовъ XIX вѣка Съ приложеніемъ образцовъ юмористической поэзіи. Въ книгѣ больше 30.000 стиховъ. Произведеніямъ почти каждаго поэта предпослана краткая характеристика.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногородняго на петербургскій—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 10 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1902 г. и не востребованныя обратно до 1-го декабря 1903 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

СРЕДИ РАБОЧИХЪ.

(Очерки съ натуры).

VIII.

Покончивъ съ работой, получивъ разсчетъ и попрощавшись съ хозяевыми, мы вышли за ворота и, отойдя немного, остановились.

— Куда жъ теперь маршлутъ держать? — спросилъ Малинкинъ.—Чайку буде попить, что ли, а?..

— Попьемъ чайку, да и того... въ монастырь махнемъ!— сказалъ дядя Юфимъ.—Тамъ, гляди, косить коли не начали, такъ начнутъ на дняхъ... А пока что, до покосу другое дѣло дадутъ... Цѣна тамъ, правда, не ахти какая: 'всего 20 монетъ... Ну, за то харчъ—патока!.. Работа вольготная... А послѣ того по попамъ ударимъ, по имѣньишкамъ мелкимъ, по лавочникамъ... Народъ весь за дѣло бросится,—намъ вездѣ рады будутъ... только, батюшка, работай!..

Отъ села до монастыря было верстъ десять по хорошей торной дорогѣ. Это разстояніе мы прошли ходко, и еще задолго до заката солнца подходили къ монастырю. По дорогѣ, обгоняя насъ и на встрѣчу намъ, шло и ѣхало много богомольцевъ.

Не доходя до монастыря съ версту, мы, вмѣстѣ съ другими богомольцами, сдѣлали „залогу" около часовни, на порогѣ которой сидѣлъ древній, совершенно сѣдой монахъ, въ огромныхъ очкахъ, такихъ же древнихъ, какъ и онъ, читавшій толстую книгу въ кожаномъ, облупившимся переплетѣ. Передъ нимъ на табуреткѣ стояло оловянное блюдце, на которое богомольцы, помолившись въ часовнѣ, клали, кто сколько могъ.

Прежде, чѣмъ „залоговать", мы всѣ четверо зашли въ часовню—поклониться иконѣ преподобнаго, которымъ былъ, по преданію, основанъ монастырь.

Дядя Юфимъ долго и усердно молился, кланяясь передъ

иконой въ землю. Мы вышли изъ часовни и усѣлись въ сторонкѣ, а онъ все еще былъ тамъ. Когда старикъ, наконецъ, вышелъ и присоединился къ намъ, лицо его было серьезно, почти строго... Онъ долго молчалъ, что-то думая, часто моргая глазами и фыркая носомъ.

— Третій разъ я здѣсь, ребятушки, Господь привелъ побывать,—сказалъ онъ.—Третій!—И, помолчавъ и точно отвѣчая на свои думы, грустно добавилъ: — Эхъ, други, други, много я скорби перенесъ... рѣки! Единому Господу извѣстно! Нн-да!

Передъ нами, какъ на ладони, былъ монастырь... Солнце, низко стоявшее на западѣ, освѣщало его бѣлую стѣну, церкви, сосновый лѣсъ рядомъ, рѣчку, зеленый, точно бархатный, лугъ передъ ней, играло въ золоченыхъ крестахъ... Все это, вмѣстѣ съ какой-то особенной тишиной, разлитой вокругъ, представляло прекрасную картину...

— Здѣсь бы вотъ Господь привелъ косточки положить,—произнесъ дядя Юфимъ, вздохнувъ,—потрудиться бы передъ концомъ преподобному...

— Самое святое дѣло,—согласился Малинкинъ и добавилъ:—Одначе, идтить надо... Трогай, бѣлоногой!..

Мы встали и направились къ монастырю...

IX.

На площади, между „святыми воротами“, ведущими во внутренность монастыря, и гостиницей, огромнымъ въ три этажа зданіемъ, толкалось множество народу. Былъ канунъ какого-то праздника.

Богомольцы ожидали всенощной, которая, какъ я узналъ послѣ, тянулась здѣсь чуть-ли не до двухъ часовъ ночи, начиная съ шести вечера.

Маленькая, приткнувшаяся рядомъ со „святыми воротами“, лавченка, въ которой сидѣлъ длинный, худощавый приказчикъ, бойко торговала хлѣбомъ, чаемъ, селедками, баранками, монпасье и т. п.

У святыхъ воротъ стояли молодые послушники, заглядывавшіе въ открытыя окна гостиницы, изъ которыхъ иногда высовывались женскія лица. Здѣсь же, около воротъ, сидѣли слѣпые и пѣли Лазаря, чутко прислушиваясь къ ударамъ копѣекъ, падавшихъ въ деревянныя чашки, которыя они разставили около себя... Какой-то кряжистый, чернобородый, съ блестящими глазами, безногій мужикъ, стуча своими „культяпками“, двигался тутъ же, собирая подаяніе на убожество... Страшная безносая странница протягивала

руку, что-то шамкая и гнуся... „Злая рота“ по одиночкѣ и человѣка по три то и дѣло шмыгала въ ворота туда и обратно...

Мы остановились около параднаго подъѣзда гостиницы и присѣли на землю у изгородки, за которой росли кусты акаціи, черемухи, сирени... Въ гостиницу и изъ нея, мимо насъ, то и дѣло входили и выходили люди.

— Куда-жъ мы?—спросилъ Малинкинъ:—Здѣсь, что-ль, ночевать будемъ?

— Зачѣмъ здѣсь,—отвѣтилъ дядя Юфимъ,—на странню пойдемъ переночуемъ, а тамъ видать будетъ... Чай, скоро ужинъ...

Онъ поднялся и повелъ насъ. Пройдя немного по площади, онъ свернулъ влѣво и вошелъ сквозь открытую калитку во дворъ монастырской гостиницы. Дворъ былъ огромный, окруженный со всѣхъ сторонъ заборомъ... Прямо противъ воротъ, вдали, помѣщались конюшни, и подъ навѣсомъ стояли телѣги... Направо — скотный дворъ... Налѣво какое-то полуразвалившееся деревянное двухъэтажное зданіе... Къ нему-то, шагая напрямки черезъ площадь, и повелъ насъ дядя Юфимъ.

Въ нижней части этого зданія, какъ оказалось, помѣщалась „страння“. Входъ въ нее, какая-то узкая, ведущая внизъ дыра, пугалъ своей таинственностью...

Дядя Юфимъ, бывшій здѣсь раньше, смѣло спустился по деревяннымъ ступенькамъ куда-то внизъ, въ темный корридоръ, пошарилъ по двери, нащупалъ скобку и дернулъ.. Дверь, какъ-то чмокнувъ, точно кто сладко поцѣловался въ потемкахъ, отворилась, и мы вошли въ „странню“.

X.

Прежде всего насъ обдалъ запахъ, тяжелый, удушливый, противный запахъ человѣческихъ испареній, прѣлой одежды, махорки, гнили...

Въ большой, низкой, черной, необыкновенно мрачной комнатѣ царилъ полумракъ... По срединѣ, во всю длину, стояли столы и длинныя, узкія, грязныя скамейки... Около стѣнъ были устроены покатыя, сплошныя нары. На нарахъ, на скамейкахъ и по полу сидѣли и лежали люди. Нѣкоторые спали, нѣкоторые разговаривали, смѣялись, курили...

Въ одномъ мѣстѣ на нарахъ, противъ небольшихъ, съ грязными стеклами, оконъ, сквозь которыя тускло проникалъ свѣтъ, поджавъ подъ себя по турецки ноги, сидѣли люди, по поясъ нагіе, и искали въ своихъ грязныхъ рубаш-

кахъ насѣкомыхъ. Откуда-то, изъ темнаго угла, раздавался, съ короткими промежутками молчанія, рыкающій низкій, грубый басъ, повторявшій все одно и тоже: „Слава Ти, Господи, сотворившему вся, сотворившему вся“! Это „сотворившему вся“ глухо и какъ-то странно, будто что-то живое, страшное, огромнымъ шаромъ каталось по „страннѣ“, наполняя ее всю гудящимъ шумомъ...

Одинъ изъ сидѣвшихъ на нарахъ противъ насъ, худой человѣкъ съ блѣднымъ и истощеннымъ лицомъ, что-то разсказывалъ, то и дѣло смѣясь своимъ собственнымъ словамъ и обводя слушателей тяжелымъ взглядомъ большихъ дерзко-нахальныхъ выпуклыхъ глазъ.

Неподалеку отъ двери, около печки, на кирпичномъ полу съ выбитыми мѣстами кирпичами, подложивъ подъ голову сумку, лежалъ навзничь какой-то огромный человѣкъ, длинноволосый, одѣтый въ подрясникъ; онъ спалъ, громко храпя и поднимая то одну ногу, обутую въ лапоть, то другую. Молодой парнишка, одѣтый тоже въ подрясникъ и тоже съ длинными волосами, ходилъ по „страннѣ“ около столовъ, заложивъ за спину руки. Онъ то останавливался около группы людей, сидѣвшихъ на нарахъ, и слушалъ, что говорятъ, глупо ухмыляясь, то снова начиналъ шагать, озираясь во всѣ стороны, точно ища чего-то.

Близь двери, гдѣ мы остановились, на краю скамейки, сидѣлъ, наклонясь и упершись руками въ колѣнки, маленькій, худой, необыкновенно жалкій человѣчекъ, похожій на курицу-клушку, которую баба, желая отучить отъ клоктанья, выкупала нѣсколько разъ въ лужѣ и, отстегавъ послѣ этой ванны крапивой, бросила...

Одѣтъ онъ былъ во что-то рваное и грязное... Тяжелый, кислый запахъ шелъ отъ него. Онъ былъ страшно худъ... На руки, съ тонкими длинными пальцами, жутко было смотрѣть: точно руки мертвеца, высохшія, холодныя, страшныя! По лицу, начиная отъ ушей, росла у него бороденка, клочковатая, бурая, книзу заостренная клинушкомъ.

Человѣчекъ этотъ то и дѣло крестился и громко, ни на кого не глядя и не обращая вниманія, гнусавя, читалъ: „Камо пойду отъ Духа Твоего и отъ Лица Твоего камо бѣжу? Аще взыду на небо, Ты тамо еси; аще сниду во адъ, тамо еси. Аще возьму крилѣ мои рано, и вселюся въ послѣднихъ моря, и тамо рука Твоя наставитъ мя, и удержитъ мя десница Твоя...“

Кончивъ, помолчавъ немного и перекрестившись нѣсколько разъ, онъ снова начиналъ: „Камо пойду отъ Духа Твоего“ и т. д.

Стоя около входной двери, мы не знали, что дѣлать и гдѣ намъ приткнуться на ночь...

— Жуть! — произнесъ Тереха-Воха съ изумленіемъ въ большихъ глазахъ.

— Хива!—тоже тихо сказалъ Малинкинъ.—Здѣсь сумки упрутъ... вишь, народъ-то... Не уйти-ли съ Богомъ?

— А куда? — спросилъ дядя Юфимъ, — погодимъ буде, пока что.

Въ это время дверь позади насъ хлопнула, и въ „странню" вошелъ высокій сутуловатый монахъ. Въ „страннѣ" сразу затихло. Онъ исподлобья окинулъ всѣхъ маленькими глазами и, обернувшись къ намъ, спросилъ тоненькимъ голоскомъ:

— Вы, рабы Божьи, что?.. Ночевать?.. Аткеда... Дальніе?..

— Да, отецъ, ночевать бы, — отвѣтилъ дядя Юфимъ, — да, вишь, тѣсненько словно.

— Идите за мной! — сказалъ монахъ и пошелъ черезъ всю „странню" къ небольшому чуланчику съ маленькимъ оконцемъ-глядѣлкой на передней стѣнкѣ.

Подойдя, онъ досталъ изъ кармана ключъ и, отперевъ имъ небольшой висячій замокъ, открылъ дверь и сказалъ:

— Проходите, рабы Божьи!

Онъ пропустилъ насъ и, захлопнувъ за собой тонкую тесовую дверку, заперъ ее на крючокъ.

— Здѣсь, рабы Божьи, у меня и переночуете,—сказалъ онъ, — дорого я съ васъ не возьму... всего по три копѣйки съ человѣка.—И, какъ бы извиняясь, съ улыбкой пояснилъ:— Грѣшенъ... табачишко потребляю... то, се... А гдѣ взять?..

— Что говорить,—согласился Юфимъ,—всѣ мы грѣшны... всѣ во плоти... „Духъ бодръ, плоть немощна"—сказано въ святомъ писаніи.

— Вотъ, вотъ, — обрадовался монахъ, — самое это! Кладите сумки въ уголокъ... Не бойтесь, цѣлы будутъ. А спать ужо на полу ляжете... Тѣсновато оно, да за то спокойно. Опять и вшей здѣсь поменѣ, чѣмъ на страннѣ... Присядьте!..

Въ каморкѣ было тѣсно, неуютно, мрачно. Маленькое оконце за желѣзной рѣшоткой, точно въ тюрьмѣ, выходило куда то въ заборъ и давало сквозь грязныя стекла мало свѣта. Въ переднемъ углу висѣли иконы и картинки духовнаго содержанія. Подъ иконами стоялъ столикъ, и на немъ лежала необыкновенно толстая въ кожаномъ переплетѣ книга. Около печки, входившей одной своей стороной въ каморку, стояла узенькая на козлахъ кровать, на которой валялась грязная, сальная подушка и, вмѣсто одѣяла, старый подрясникъ. У противоположной стѣны, насупротивъ печки, стояли двѣ табуретки, висѣлъ въ углу полушубокъ

и на веревкѣ, протянутой подъ потолкомъ, двѣ пары теплыхъ валенокъ.

Больше, если не считать тяжелаго удушливаго запаха, да множества пятенъ на печкѣ, образовавшихся отъ раздавленныхъ пальцами клоповъ, ничего не было.

— Присядьте!—опять сказалъ монахъ и самъ сѣлъ на край кровати.—Деньги-то вы мнѣ сейчасъ, что-ли, отдадите?.. Аль какъ?.. Давайте ужъ, а?..

Дядя Юфимъ и Малинкинъ сѣли на табуретки, а мы съ Терехой опустились на полъ.

— Да у васъ есть-ли деньги-то?—спросилъ монахъ, подозрительно оглядывая насъ.—Вы, рабы Божьи, того... Коли что,—прямо говорите.

— Объ деньгахъ не сумлевайся, отецъ,—сказалъ дядя Юфимъ,—отдадимъ. Сейчасъ тебѣ, говоришь? Изволь! Ребята, я отдамъ за всѣхъ, опосля сочтемся...

Онъ досталъ кошелекъ и, отсчитавъ 12 к., подалъ монаху.

— Спаси васъ Христосъ!—произнесъ тотъ, опуская деньги въ карманъ подрясника, и опять, какъ давеча, съ виноватой улыбкой добавилъ:—Табачишка весь вышелъ... что ты будешь дѣлать! И не надо бы курить-то, а не отстанешь... привычка...

— А что, отецъ,—началъ дядя Юфимъ,—какъ у васъ здѣсь, косить не начинали?

— Нѣтъ... на той недѣлѣ, гляди, начнутъ... а что?..

— Да мы, было, за этимъ болѣ шли,—отвѣтилъ Юфимъ.—Ну, а еще какихъ дѣловъ не слыхать-ли?..

— Мало-ль дѣловъ у преподобнаго,—отвѣтилъ монахъ.—А вы что-жъ, по какому дѣлу?

— Да мы такъ... чернорабочіе...

Монахъ помолчалъ, подумалъ и сказалъ:

— Въ рощѣ работа есть: лѣсъ валятъ, дрова рѣжутъ, доски пилятъ... юхновцы работаютъ двѣ пары, пильщики продольные—шестеро...

— Работа для насъ не сподручная,—сказалъ дядя Юфимъ,—у насъ струменту нѣтъ... Дрова-то какъ рѣжутъ, какія?

— Всякія: береза швырокъ... осина пятерокъ... болѣ все осина.

— Ну, а цѣна какъ?

— Юхновцы на своихъ харчахъ, имъ и цѣна другая,—сказалъ монахъ.—Ну, а коли на нашихъ харчахъ,—извѣстно, скидка.

— А не слыхать, какъ цѣна-то?—опять спросилъ Юфимъ.

— Цѣна-то?.. Да какъ те сказать, не соврать,—цѣна настоящая: восемь гривенъ швырокъ березовый... рубль—пяте-

рокъ, со шкуркой ежели, ну, а безъ шкурки, лупленый, тотъ дороже... тотъ рубль десять... Ну, да эти самые юхновцы и работаютъ здорово: сажени по три съ лишкомъ на пару выгоняютъ... Встаютъ чѣмъ свѣтъ, бросаютъ ночью... Здорово работаютъ!..

— Струментъ у нихъ справный, налаженый,—сказалъ дядя Юфимъ,—опять сноровка... Намъ противу ихъ гдѣ же выстоять...

— Гдѣ же!—согласился монахъ и, помолчавъ, сказалъ:— Останьтесь, поработайте, а тамъ покосъ... работа легкая... Ну, только цѣна—двугривенный...

— Ну, а какую намъ цѣну, ежели дрова рѣзать, положатъ?—спросилъ Юфимъ:—На здѣшнихъ харчахъ?

— А ужъ это не знаю,—отвѣтилъ монахъ,—у васъ, вишь, и струменту нѣтъ... Вы по этому дѣлу къ отцу Зосимѣ толканитесь: онъ у насъ тутъ и покосомъ, и по лѣсной части управляетъ... Къ нему завтра апосля ранней... Только вотъ что, рабы Божьи,—улыбаясь продолжалъ онъ,—вы ему половиночку того... суньте...

— Соль, значитъ!—усмѣхнулся дядя Юфимъ.—А гдѣ-жъ намъ половинку-то взять?.. Завтра праздникъ, бѣжать далеча...

— Эва!—воскликнулъ монахъ,—у насъ чего другого, а это добро не переводится... Я вамъ, коли хотите, обмозгую: у насъ тутъ о. дьяконъ Владиміръ торгуетъ... сколько угодно! А то по утру бабы приносятъ... Мы привыкли... Коли не жалко,—бутылку принесу... Мнѣ бы, грѣшнымъ дѣломъ, стакашекъ поднесли...

Дядя Юфимъ почесалъ въ головѣ и, подумавъ, сказалъ:

— Накладно!..

— Другъ объ дружкѣ, а Богъ обо всѣхъ,—сказалъ монахъ.—Я бъ вамъ пригодился, коли останетесь... то, се,—мнѣ доступно... Вотъ сейчасъ ужинъ: на страннн, злой-то ротѣ,— онъ кивнулъ на оконце-глядѣлку,—я чего дамъ?.. Кашица— крупина за крупиной гоняется съ дубиной... ѣсть порядочный человѣкъ не станетъ... Ну, а вамъ щецъ бы съ трапезной сюда принесъ, кашки, кваску... Глядишь—и заправились бы...

— Такъ-то оно такъ,—согласился дядя Юфимъ и посмотрѣлъ на насъ.—Ну, какъ, ребята, а?..

— Какъ хошь!—отвѣтилъ Малинкинъ и махнулъ рукой.— Ты у насъ вродѣ полковника... Ты и дѣйствуй.

— Ну, отецъ,—какъ тебя звать, не знаю, ладно, быть по сему. Только ты, гляди, щей намъ раздобудься... Признаться, поѣсть хотца... Ну, сыпь до горы, а въ гору наймемъ.

Онъ засмѣялся и, хлопнувъ монаха по плечу, добавилъ:

— Эхъ вы, отцы, отцы!..

XI.

Отецъ Пименъ (такъ звали монаха), немного погодя, вышелъ изъ каморки кормить кашицей, какъ онъ выразился, „злую роту", а мы сквозь оконце-глядѣлку стали наблюдать эту сцену.

— Эй вы, рабы Божьи! — закричалъ онъ своимъ тоненькимъ голоскомъ на всю странню:—ужинать... Проголодались, чай, поработамши-то, а?.. Садись за столъ, кормить буду...

И, когда голодная толпа „злой роты" быстро разсѣлась по скамейкамъ, онъ началъ считать ихъ, ударяя рукой по плечамъ и громко произнося: „разъ! два! три!.."

— Двадцать шесть! — громко закончилъ онъ и, выйдя куда-то на минуту, принесъ съ нарѣзанными заранѣе кусками (по монастырски „округами") корзину хлѣба.

Набравъ двадцать шесть квадратныхъ кусковъ и положивъ ихъ другъ на дружку, онъ сталъ обходить столы, кидая куски и приговаривая:

— Держи!.. Эй, рабъ Божій, держи!

Окончивъ это, онъ принесъ груду большихъ деревянныхъ ложекъ и, швырнувъ на столъ, сказалъ:

— Разбирайте!..

„Злая рота", торопясь, наваливаясь другъ на друга, расхватала ложки.

Отецъ Пименъ опять сходилъ куда-то и, возвратившись съ пятью большими деревянными чашками, отправился съ ними къ печкѣ. Здѣсь, поставивъ ихъ на полъ, онъ открылъ заслонку и, съ помощью большого съ колесиками ухвата, вытащилъ изъ печи на шестокъ чугунъ. Сдѣлавъ это, онъ крикнулъ:

— Эй, рабы Божьи!.. Идите сюда пять человѣкъ!

Изъ-за столовъ сорвалось пять человѣкъ и бросилось къ нему. Взявъ большую „чумичку" и разболтавъ ею предварительно въ чугунѣ, монахъ сталъ наливать въ чашки кашицу.

— Тащите... пять человѣкъ на чашку,—крикнулъ онъ,—одинъ лишній... Ну, на его долю прибавлю, ѣшьте!..

„Рабы Божьи" поставили чашки на столы, сѣли сами, и, видно было, какъ замелькали ложки... Послышалось чавканье, хрипѣнье...

— Жуть, — произнесъ Тереха-Воха, — ровно волки на стерву... Да они бъ работали лучше...

— Наголодались, — сказалъ дядя Юфимъ и тихо, съ грустью, добавилъ: — а все, небось, водочка... Станутъ они тебѣ работать... Для нихъ работа—ножъ вострый... Охъ, хо, хо!

Учись, Терешка... Гляди, какъ люди живутъ... Помни: пить до дна, не видать добра!..

XII.

Поужинавъ, нѣкоторые изъ „злой роты“ пошли куда-то изъ „странни“; оставшіеся стали располагаться спать. Отецъ Пименъ убралъ со столовъ и, заглянувъ къ намъ въ каморку, сказалъ:

— Сидите?.. Ну, сидите, а я пойду вамъ поѣсть сгадаю... Скоро ко всенощной ударятъ. Пойдете?..

— Какъ же,—отвѣтилъ дядя Юфимъ,—надо сходить... Я пойду...

Отецъ Пименъ ушелъ. Мы остались одни, поджидая его возвращенія и обсуждая свои дѣлишки. Прошло съ полчаса... онъ все не шелъ... Ударили ко всенощной. Дядя Юфимъ перекрестился и сказалъ:

— Вотъ те и ужинъ. Что онъ тамъ?.. За смертью его посылать!

— Подождемъ, — сказалъ Малинкинъ, — было бы чего ждать.

Подождали еще немного, и, наконецъ, о. Пименъ пришелъ, неся съ собой двѣ большихъ чашки. Въ одной были щи, въ другой каша и нѣсколько штукъ соленыхъ огурцовъ... Поставивъ это, онъ принесъ хлѣба, котораго могло бы хватить на десять человѣкъ...

— А я, рабы Божьи, все насчетъ васъ хлопочу,—сказалъ онъ, присѣвъ на кровать, — отца Зосиму видѣлъ, говорилъ... насчетъ того намекнулъ... Онъ говоритъ: „ладно“... Къ о. Владиміру забѣгъ... Есть ли?—спрашиваю. „Хоть облейся,—говоритъ,—приходи немного погодя...“ Какъ бы не разобрали... Надо, коли что, поторопиться... Я бы сейчасъ и сбѣгалъ, а?

Дядя Юфимъ, молча, ѣлъ, дѣлая видъ, что эти слова къ нему не относятся.

— А каша у васъ добрая, — облизывая ложку, сказалъ онъ.—И щи хороши... Капуста-то своя?

— Своя!—рѣзко отвѣтилъ о. Пименъ, точно отмахнувшись рукой отъ надоѣдливаго комара.—Надо, коли ужъ, брать двѣ половинки: одну, значитъ, о. Зосимѣ, а другую намъ.

— Намъ не надо,—сказалъ дядя Юфимъ,—чего ужъ тутъ лизать на пятерыхъ половинку... Пей ты, отецъ.

О. Пименъ радостно, не умѣя скрыть улыбку, потеръ руки одна о другую, точно грѣя ихъ, и воскликнулъ:

— Такъ я, буде, сбѣгаю!

— Много-ль тебѣ денегъ-то?—спросилъ Юфимъ.

— Полтину.

— Эва!—воскликнулъ дядя Юфимъ:—что дорого больно?..

— Рабъ Божій! — жалобно какъ-то воскликнулъ о. Пименъ:—Самъ посуди: и ему, о. Владиміру-то, нажить надо... Изъ чего-жъ и хлопотать?

Дядя Юфимъ, хмурясь, досталъ деньги и, отдавая ихъ о. Пимену, сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Ты бы, Павлычъ, записывалъ, куда что... А то какъ бы не забыть грѣшнымъ дѣломъ... апосля спору промежъ насъ не было бы...

— Не бойся!—сказалъ Малинкинъ,—не забудемъ.

Получивъ деньги, о. Пименъ торопливо вышелъ изъ каморки. Мы опять остались одни.

— Ладно-ль, ребята, дѣлаемъ?—спросилъ Юфимъ:—какъ бы съ нимъ грѣха не нажить...

Мы молчали...

— Охъ, хо-хо!—продолжалъ старикъ:—врагъ-то, видно, горами качаетъ... Индо затрясся весь, увидалъ деньги... О, Господи Батюшка, ко всенощной звонятъ, а мы человѣка на грѣхъ наводимъ...

— Не махонькой, чай, смыслитъ,—отвѣтилъ Малинкинъ.

Немного погодя, пришелъ, запыхавшись, о. Пименъ и молча, радостно улыбаясь, поставилъ на столъ двѣ „половинки", вынувъ ихъ изъ кармановъ подрясника.

— Спосуду, какъ опорожнится, назадъ наказывалъ принесть,—сказалъ онъ.

— Дако-сь сюда! – сказалъ дядя Юфимъ, беря со стола одну половинку:—Терешка, спрячь, родной, къ себѣ въ сумку... Дѣло-то оно вѣрнѣе будетъ.

Онъ передалъ половинку Терехѣ-Вохѣ и, перекрестившись на иконы и взявъ картузъ, сказалъ:

— Ну, я пойду въ Божій храмъ.

— Погоди, пойдемъ вмѣстѣ,—сказалъ Малинкинъ.

— А вы, ребята, спать ложитесь,—сказалъ дядя Юфимъ, обращаясь къ намъ.—Мы не скоро.

Они вышли. Отецъ Пименъ заперъ за ними дверь. Въ каморкѣ стало темнѣть... Изъ „странни" доносилось храпѣнье... Отецъ Пименъ зажегъ лампадку.

— Ложитесь, рабы Божьи,—сказалъ онъ.

— И то лечь нѣшто,—отвѣтилъ Тереха-Воха, — Павлычъ, давай...

Онъ взялъ свою сумку, подложилъ ее подъ голову, перекрестился и, растянувшись на полу, почти сейчасъ же, по обыкновенію, захрапѣлъ.

— А ты, рабъ Божій?—спросилъ Пименъ.

— А я погожу... Курить можно?

— Кури... кури... Ты кури, а я того... пропущу,—захихикалъ онъ, потирая руки.—А я пропущу!—повторилъ онъ, радуясь...

Онъ взялъ половинку, сковырнулъ ногтемъ сургучъ и, ударивъ ладонью по донышку, вышибъ пробку... Пробка отлетѣла въ уголъ.

— Пошла душа въ рай, хвостикомъ завиляла! — сказалъ онъ и жадно началъ пить прямо изъ горлышка.

— Душа мѣру знаетъ, — сказалъ онъ затѣмъ, какъ-то ухнувъ и плюнувъ на полъ, отрываясь отъ половинки.—Эва еще осталось,—добавилъ онъ разглядывая ее на свѣтъ лампадки, — на зарядъ хватитъ... А ты, рабъ Божій, потребляешь?.. Дако-сь курнуть!—протянулъ онъ ко мнѣ руку,—закусить...

Я передалъ ему окурокъ. Онъ жадно, втягивая щеки, затянулся раза три и, передавая мнѣ обратно, сказалъ:

— Заберетъ складнѣе!..

Онъ присѣлъ на край кровати, что-то думая или ожидая дѣйствія водки. Я положилъ свою сумку рядомъ съ Терешкиной и легъ навзничь, наблюдая за о. Пименомъ.

Онъ посидѣлъ немножко, соскочилъ съ койки, открылъ въ столѣ ящикъ, досталъ оттуда огурецъ, чайную чашку, налилъ въ нее изъ половинки немного водки и, зажмуря глаза, выпилъ.

— Спишь, рабъ Божій?—спросилъ онъ, оглянувшись на меня.

— Нѣтъ... такъ лежу...

— А я еще выпью... останное... а?

— Захмѣлѣешь, отецъ.

Онъ ничего не отвѣтилъ и, молча, допилъ изъ половинки послѣдки.

— Все... вотъ и все!—грустно произнесъ онъ и сѣлъ на кровать.—Все!—повторилъ онъ.

Онъ поднесъ половинку ко рту и, запрокинувъ голову, допилъ нѣсколько оставшихся капель...

— Теперь полежать не грѣхъ,—сказалъ онъ и растянулся во весь ростъ на своей убогой постели. — А у насъ, рабъ Божій, — заговорилъ онъ, вдругъ приподнявшись, — какой тутъ недавно случай произошелъ... не слыхалъ, а? Съ отцемъ Кондратьемъ-то...

— Нѣтъ, не слыхалъ... А какой?..

— О-о!—затрясъ онъ головой,—ужасть! Прислали къ намъ въ обитель изъ... (онъ сказалъ—откуда) монаха на выдержку... Часто къ намъ присылаютъ... Молодой монахъ, видный... Таматко-то онъ, ишь, гулялъ шибко... ишь, полюбовница у него была... Мѣсто тамъ, знаешь, рабъ Божій, какое, — вольное,

доходное... постоянно деньга̀. Ну, а у насъ насчетъ этого плохо: коли своихъ нѣтъ,—взять негдѣ. Опять насчетъ харчей: какіе здѣсь противу тамашнихъ харчи? Ну, и затосковалъ малый... А пуще, слышь, объ полюбовницѣ убивался... молчитъ, бывало... спросишь,—молчитъ. Стука̀нный какой-то, ей-Богу... Вотъ разъ, что же, рабъ Божій: заперся, взялъ въ кельѣ да себя по горлу ножемъ... А ужъ за нимъ подглядывали: игуменъ, ишь, велѣлъ... Ладно, увидали... Ну, сполохъ пошелъ... Къ двери, а дверь здоровая, не выломаешь... Къ окну опять, а въ окнѣ рѣшотка желѣзная... во̀ каки пруты!.. А онъ... Кондратій-то... отошелъ въ уголъ, пилюкаетъ себѣ глотку. Ножикъ-то, ишь, тупой,—не перепилюкаетъ никакъ... Просунули въ рѣшотку, въ окно-то, кочергу, зацѣпить его какъ-нибудь норовятъ... не достанешь! Пилюкалъ, пилюкалъ, перепилюкалъ-таки, а все живъ... Бросилъ ножикъ да, понимаешь, рабъ Божій, взялъ вотъ эдакъ пальцами самъ себѣ глотку-то и перервалъ... Ну, тутъ и свалился... готовъ!.. Выломали дверь, глядятъ: померъ!.. А крови-то, аки изъ барана, аки изъ барана! Ужасть!..

Онъ замолчалъ и сѣлъ на кровати, спустивъ ноги.

— А то повѣсился еще одинъ,—опять заговорилъ онъ,— въ лѣсу нашли... виситъ на суку... посинѣлъ весь... А крестъ съ себя снялъ, положилъ на землю... Съ крестомъ-то, ишь, не удавишься... *Онъ* боится креста-то... Грѣхи, рабъ Божій!..

Онъ опять замолчалъ... Въ каморкѣ стало совсѣмъ темно... Лампадка чуть-чуть мерцала. На „страннѣ“, за перегородкой, кто-то громко разговаривалъ, часто повторяя: „А я ему, чорту, и говорю... А я ему, чорту, и говорю“.

— Рабъ Божій, а ты откеда?.. Какой губерни, а? — нарушилъ молчаніе о. Пименъ.

— Здѣшній,—отвѣтилъ я.

— А я тверской, изъ кореловъ я. У насъ тутъ много изъ кореловъ. Ужъ я здѣсь второй разъ, въ обители-то... Да, второй!—повторилъ онъ, какъ будто ожидая, что̀ я скажу на это. И видя, что я молчу, продолжалъ:—Ушелъ, да пришелъ... Куда-жъ мнѣ больше идти, самъ посуди, рабъ Божій, а? Куда?.. Коли мнѣ дѣться некуда... Я и пришелъ... Сказано: „Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы“... Я и пришелъ... взяли опять, ничего... игуменъ взялъ... У насъ игуменъ ха-а-рошій, простецъ!.. Что ты думаешь, рабъ Божій: допрежь, говорятъ, въ молодыхъ годахъ онъ пильщикъ продольный былъ... Какъ Господь-то возвеличилъ... Стало быть, Богу угодно... достоинъ... Мы, вотъ, недостойны, гдѣ намъ, грѣшны мы... Батюшки, сколько грѣховъ-то!.. Аки орѣховъ на орѣшинѣ... Ужасть!.. А нищихъ какъ любитъ игуменъ-то нашъ,—страсть!.. Умираетъ за нихъ..

Чтобъ ежели, спаси Богъ, узнаетъ, не накормить—распалитъ! Меня сюда на страннэ ставилъ на послушанье и говоритъ: „Пименъ, говоритъ, братъ, помни одно: „Блаженъ, разумѣваяй на нища и убога, въ день лютъ избавитъ его Господь"...

— А ты, отецъ, давно здѣсь, на страннѣ-то?

— Да вотъ ужъ четвертый годъ пошелъ...

— Насмотрѣлся, чай, на людей?

— О-о, рабъ Божій! какъ насмотрѣлся-то... Все-то одно, все-то одно каждый день! Голодные, холодные, грязные, больные... Ужасть!.. Самъ съ ними обовшивѣлъ...

— Надоѣло?

— Терплю... терплю, рабъ Божій... А тяжко ино... Охъ, хо-хо!.. ропщу... ругаюсь... вотъ выпьешь водочки, — отляжетъ...

— Ну, а прежде на какомъ послушаньи былъ?

— А всякія послушанія: въ квасной бочки мылъ... на конюшнѣ былъ, дрова рѣзалъ, воду качалъ... на прачешной бѣлье стиралъ, на угольницѣ уголь жегъ... да мало ли!..

— Что-жъ ушелъ, зачѣмъ?

— А соскучился! Тоска напала... врагъ, извѣстно! Напала тоска, - мѣста не найду! Взялъ да и ушелъ... Болѣе года на волѣ шатался... На родинѣ былъ... только тамъ мнѣ, вижу, дѣлать нечего... По монастырямъ ходилъ, Богу молился... пришелъ опять сюда: здѣсь ужъ, видно, и помирать буду...

Онъ замолчалъ и потомъ, послѣ долгаго молчанія, спросилъ вдругъ:

— Рабъ Божій, а ты женатъ, аль холостъ?

— Женатъ.

— А дѣти-то есть ли?...

— Есть.

— Сыновья, что ли?

— Есть и сынъ.

— Махонькій?..

— Да.

Онъ вдругъ спрыгнулъ съ койки и, сѣвъ рядомъ со мной на полу и наклонившись ко мнѣ, шепотомъ заговорилъ:

— Рабъ Божій, не сердись, по душамъ я тебѣ скажу: береги ты сынка... Учи паче всего Божьему слову... Сказано: что посѣешь, то и пожнешь... Паче огня бойся ругаться при немъ матерно, пьяный бѣги прочь... не бей... все по хорошему, все по хорошему дѣлай... чтобы видѣлъ онъ, каковъ ты человѣкъ есть... Выростетъ, почитать будетъ... слова отъ него не услышишь супротивнаго... Помни,—самъ Христосъ Батюшка сказалъ: „Пустите дѣтей приходить ко Мнѣ"... Съ ребенкомъ, что хошь, сдѣлать можно... Ангельская

душка—аки воскъ мягкій... Самъ Господь Батюшка на своихъ пречистыхъ рукахъ ее держитъ...

— Охъ, рабъ Божій,—тяжело вздохнувъ, продолжалъ онъ прерывающимся голосомъ:—кабы ты зналъ, каку я маяту-муку черезъ дѣтей принялъ!.. А кто виноватъ?.. Самъ, песъ смердящій!.. Понялъ это вотъ теперича, на краю могилы... понялъ, рабъ Божій, да поздно... вотъ онъ, локоть-то, а укуси-ка, попробуй... нѣтъ, не укусишь!.. Нѣшто мнѣ здѣсь жить-то надо? Два сына, а спроси: гдѣ? Въ „злой ротѣ", вотъ гдѣ!.. Я изъ нихъ Господа изгналъ, а дьявола вселилъ... Воры они теперича, мошенники... Въ тѣ поры, когда махонькіе были, что я дѣлалъ?.. Господи Батюшка, ужасъ... Бывало, напьюсь пьяный, приду домой и давай бушевать... Жена, покойница, побѣлѣетъ, словно береста... а я ее матерно... тьфу!.. съ топоромъ, съ ножемъ бѣгалъ... Ну, а они-то видятъ, все это имъ въ память входитъ... Ихъ билъ... страсть какъ билъ .. да все по черному... гдѣ бы приласкать, пожалѣть, а я рычу... Боялись меня пуще огня... А тутъ мать померла, одинъ съ ними остался... полюбовницу себѣ завелъ, шкуреху-канарейку... А они ужъ понимать стали... Да что ужъ!

— Далѣ да болѣ, далѣ да болѣ.,. выросли ребяты... Ну, тутъ и пошло! Я слово,—мнѣ десять... Я бить, — они меня! Извѣстно, вошли въ года... Въ солдаты одного взяли, другой остался. Пить началъ, изъ дому тащить... Я туды, сюды, — нѣтъ, шалишь!.. Дѣло пропало, шабашъ! Отслужилъ другой, пришелъ домой... пошло еще хуже! Я такъ, они этакъ... Въ воровство ударились... Били ихъ мужики разъ, страсть какъ!.. Женить хотѣлъ, — не идетъ никакая... Отбились совсѣмъ... А мнѣ только и названья: „собака проклятая". Вижу — дѣло мое пропащее... Уходите, говорю, съ глазъ моихъ долой, а я продамъ избу, тоже уйду... „Нѣтъ, говорятъ, старый песъ, намъ долю давай"...—Кака ваша доля? –„Така!"—говорятъ.— Нѣтъ вашей доли, все мы съ матерью наживали... все мое...— „Ты, говорятъ, собака, ее въ могилу вогналъ... На кой ты намъ... Давай, да и все, уйдемъ мы"... Я было на міръ, а міръ и радъ: „Пущай идутъ. Дери ихъ деромъ, и съ тобой-то вмѣстѣ"... Ну и того, рабъ Божій, пошло все прахомъ.

Онъ замолчалъ и долго сидѣлъ молча, тяжело дыша и сопя носомъ.

— Рабъ Божій!—зашепталъ онъ опять и ощупалъ меня руками:—а, рабъ Божій!.. Что я тебѣ скажу?

— Что?

— Дай мнѣ на шкаликъ, а? Христомъ Богомъ прошу, а? Я заслужу...

— Запьянѣешь?—сказалъ я.

— Ничего... дай, а?.. Дашь?

— Да гдѣ-жъ ты добудешь теперь?

— У Владиміра... ужъ я добуду... рабъ Божій... родной!— Онъ вдругъ всталъ на колѣнки и, наклонившись, поцѣловалъ меня.—Дай!.. Дай, Христа ради!—Онъ захлюпалъ.—За-а-аслужу я тебѣ... пожалѣй... ты добудешь... Богъ те за это впятеро невидимо пошлетъ... дай!..

Онъ ползалъ на колѣнкахъ, хватая меня руками и хлюпая.

— Спаси Христосъ! Спаси Христосъ! — залепеталъ онъ, получивъ отъ меня 15 к.—Спаси Христосъ! Родной ты мой.. не пожалѣлъ, далъ... Деньги—тлѣнъ... душу спасай... душу... душу...

— Душу!—повторилъ онъ еще разъ уже за дверью, и мнѣ слышно было, какъ онъ, топая большими сапогами, шелъ по „страннѣ" къ выходной двери.

XIII.

Отецъ Зосима, къ которому мы на другой день утромъ направились, поджидалъ насъ (о. Пименъ предупредилъ его), сидя на ступенькахъ крылечка у входа въ кельи, гдѣ жили монахи.

Человѣкъ этотъ былъ маленькаго роста, кряжистый, похожій на корявый обрубокъ корельской березы (о. Зосима тоже былъ изъ корелъ), съ длинной клинообразной бородой, съ щетинистыми, какъ у николаевскаго солдата, усами, съ лицомъ, похожимъ на старинный пятакъ, съ маленькими глазками, надъ которыми нависли сѣдыя длинныя брови, придававшія лицу о. Зосимы вмѣстѣ и смѣшной, и суровый видъ.

Онъ еще издали увидалъ насъ, но зачѣмъ-то началъ усердно ковырять палочкой въ пескѣ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ насъ.

Около его ногъ бродили голуби... Солнышко ярко освѣщало и его, и его длинную бѣлую бороду, и голубей, и растущіе около душистые тополя, и все крыльцо, гдѣ онъ сидѣлъ...

Подойдя, мы остановились и поздоровались.

Онъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на насъ какъ-то смѣшно, желая, вѣроятно, показать свою важность, нахмурился, отчего его глазки стали еще меньше, и сказалъ:

— Вы что, рабы Божьи?..

— Да вотъ, отецъ, къ твоей милости, — отвѣтилъ дядя Юфимъ,—насчетъ, значитъ, работенки. Сказывали намъ: дровишки рѣзать... Аль тамъ косить мы можемъ... мы...

— Сказывали!—перебилъ его, передразнивъ, о. Зосима:—кто сказывалъ?.. Никто не знаетъ... Я хозяинъ!—вдругъ, ткнувъ себя пальцемъ въ грудь, важно надувшись, произнесъ онъ и, глядя на насъ и хмуря брови, еще разъ сказалъ:—Я хозяинъ!

— Вотъ мы къ вашей милости и пришли,—сказалъ дядя Юфимъ, переходя съ ты на вы,—насъ къ вашей, отецъ, милости и наладили.

— Кто наладилъ?.. Никто не можетъ наладить... Я хозяинъ. А пачпорта при васъ?—еще больше надуваясь, спросилъ онъ.

— Видъ при насъ,—отвѣтилъ дядя Юфимъ.

— Да вы можете ль работать-то, а? Можетъ, вы только монастырскую кашу умѣете ѣсть?..

— Ну, вотъ,—усмѣхнулся дядя Юфимъ,—чай, мы не господа... мы крестьяне... дарма хлѣбъ не ѣдимъ.—И, немного помолчавъ и сдѣлавъ на своемъ лицѣ какую-то смѣшную улыбку, тихо добавилъ:—Мы вашей милости гостинчикъ принесли, не обезсудьте... вотъ...

Онъ запустилъ руку въ карманъ и осторожно, оглянувшись по сторонамъ, вытащилъ „половинку“ и сейчасъ же снова спряталъ ее.

Отецъ Зосима широко ухмыльнулся, при чемъ вся его суровость сразу пропала, и лицо точно расцвѣло.

— Ну,—сказалъ онъ, поднимаясь съ мѣста, — пойдемте въ келью... пачпорта отберу у васъ.

Онъ взошелъ на крыльцо и, отворивъ дверь, сказалъ:

— Идите!

Мы вошли въ какой-то полутемный длинный корридоръ, въ которомъ пахло чѣмъ-то похожимъ на запахъ испорченной кислой капусты, и пошли по этому корридору, вслѣдъ за о. Зосимой, въ самый дальній конецъ.

Въ корридорѣ было мертвенно тихо, сыро и какъ-то жутко, точно въ гостиницѣ; по бокамъ были двери, ведущія въ кельи...

Въ концѣ коридора, у самой крайней двери о. Зосима остановился и, доставъ изъ кармана большой ключъ, сунулъ его въ замокъ и повернулъ... Раздался гулкій, звенящій звукъ. О. Зосима толкнулъ дверь и, пропустивъ сперва насъ, вошелъ самъ, захлопнулъ за собой дверь и заперъ ее...

Келья, куда мы вошли, была узенькая, аршина два съ половиной въ ширину и аршинъ шесть въ длину, со сводчатымъ потолкомъ, похожая на склепъ, куда ставятъ мертвецовъ. Налѣво отъ двери помѣщалась изразцовая печь, съ узенькой аршина въ три лежанкой. Кровати въ кельѣ не

было, и поэтому можно было предположить, что о. Зосима спалъ на этой лежанкѣ и зиму, и лѣто.

Небольшое окно съ рѣшоткой, сдѣланное въ толстой аршина въ два стѣнѣ, выходило за монастырскую ограду, и сквозь него видна была рѣчка, поле, синева неба...

Въ переднемъ углу висѣли иконы, подъ ними столикъ съ книгами, шкафчикъ, табуретка.

Отецъ Зосима пододвинулъ къ столу табуретку и сѣлъ на нее... Мы всѣ четверо стали около двери... Водворилось какое-то неловкое молчаніе... Наконецъ, о. Зосима, доставъ изъ кармана берестовую тавлинку и понюхавъ изъ нее табачку, сказалъ:

— Та-а-а-къ, значитъ!—и, помолчавъ, опять протянулъ:—та-а-а-къ!..

Стоявшій впереди насъ, дядя Юфимъ торопливо досталъ „половинку" и, молча, поставилъ ее на столъ передъ о. Зосимой.

О. Зосима мотнулъ головой, взялъ ее, посмотрѣлъ на свѣтъ, встряхнулъ и вымолвилъ:

— Казенка пошла... Доходная статья, и вино много лучше. А гдѣ брали-то?..

— Ваша, здѣшняя, въ обители брали, — отвѣтилъ дядя Юфимъ.

— Та а-а-къ!—О. Зосима, потянувшись черезъ столъ, снялъ съ гвоздика висѣвшія на немъ ножницы.—Та-а-а-къ!—повторилъ онъ опять, отковыривая ножницами сургучъ.— Дорога здѣсь-то... четвертакъ, небось, а?..

Мы промолчали.

— Ну, я попробую,—продолжалъ онъ, выковыривая этими же ножницами пробку.—Не знаю, закусить-то у меня есть ли?..

Онъ отворилъ шкафчикъ и, нагнувшись, сталъ тамъ шарить.

— Нѣту,—сказалъ онъ, ставя на столъ чайную чашку.— Нечѣмъ закусить... Ну, я такъ... языкомъ... А, рабы Божьи, языкомъ?..

Онъ потихоньку захихикалъ, завторили ему и мы.

— Кушай, отецъ!—сказалъ дядя Юфимъ, снова переходя на ты,—кушай на здоровье... а тамъ и потолкуемъ.

— Чего толковать, толковать нечего... работайте!—сказалъ о. Зосима, выпивая водки.—Я хозяинъ...

— У насъ, отецъ, вишь ты какое дѣло... струменту-то своего нѣтъ.

— Гм! Какъ же это вы... безъ струменту?—принимая опять такой же важно-надутый видъ, какъ и давеча на крылечкѣ, спросилъ о. Зосима.

— Да мы, признаться, на мѣстахъ жили... въ имѣніи

одномъ, въ рабочихъ. Ну, взяли разсчетъ, ушли... аткеда-жъ у насъ струменту быть?.. Ходимъ вотъ, пока что,—работенки ищемъ... гдѣ кака придется... Мы, признаться, шли сюда, думали на покосъ попасть, анъ дѣло-то, вишь ты: косить-то не начинали... сказываютъ, на той недѣлѣ начнутъ.

— Сказываютъ!—разсердившись опять, передразнилъ его о. Зосима:—кто сказываетъ?.. Никто ничего не знаетъ... Я хозяинъ!..

— Да я такъ,—спохватился Юфимъ.

— То-то такъ... Я хозяинъ!..

Онъ вылилъ въ чашку остатки и допилъ все.

— Ну, а каку же ты, отецъ, цѣну положишь?—спросилъ дядя Юфимъ.

— Не обижу.

— Ну, а всетаки?

— Да каку цѣну?.. У меня, вонъ, работаютъ юхновцы... Имъ цѣна настоящая: у нихъ и струментъ, и все... Они привыкши, харчъ у нихъ свой... Гдѣ вамъ до нихъ!.. Вы вотъ что, ребята, я вамъ скажу: беритесь поденно. По тридцать монетъ дамъ... Ну, извѣстно: харчи наши, фатера, струментъ дамъ... струментъ, надо правду говорить,—неважный, много имъ не надѣлашь... Ну, а вотъ ежели поденно, таковскій... Пили, да пили...

Дядя Юфимъ почесалъ затылокъ.

— Возьмись поденно, а ты, отецъ, и будешь надъ душой стоять, не отойдешь... За тридцать-то копѣекъ заѣздишь!..

— Эва сказалъ!—воскликнулъ о. Зосима:—Буду я надъ душой стоять!.. Да я въ лѣсъ-то въ недѣлю разъ хожу... Я, другъ, не люблю эдакъ... Я на совѣсть... У меня этого нѣтъ, чтобы, значитъ, человѣка изводить... У преподобнаго на всѣхъ хватитъ.

— Какъ же, ребята, скажете?—обернулся къ намъ дядя Юфимъ:—думайте, какъ лучше.

— Думай не думай... оставаться надо,—отвѣтилъ Малинкинъ.—Глухое время, куда дѣнешься?

— Ну, вотъ и ладно,—отвѣтилъ о. Зосима, поднимаясь съ мѣста,—ступайте въ рабочую покеда, на конный дворъ... Къ обѣду позвонятъ, обѣдать на трапезну приходите... Я приду ужо, струментъ принесу... Нонѣ праздникъ... работать грѣхъ. Завтра по-утру поставлю васъ... Идите со Христомъ... За водку спасибо, утѣшенье мнѣ старику... Спаси Христосъ!

XIV.

Рабочая, куда мы пришли, по указанію о. Зосимы, была большая, съ низкимъ чернымъ потолкомъ, мрачная, загаженная комната. Огромная печка стояла по-срединѣ... Около стѣнъ, какъ и на „страннѣ", были настроены нары. Въ переднемъ углу стояли столъ и скамейки. Четыре небольшихъ окна, за двойными рамами, очевидно, никогда не выставлявшимися, глядѣли во дворъ.

Въ рабочей былъ народъ: шесть человѣкъ продольныхъ пильщиковъ и трое постоянныхъ мѣсячныхъ монастырскихъ рабочихъ. Эти послѣдніе, почти старики, жили здѣсь, получая лѣтомъ пять рублей, а зимой три на готовыхъ харчахъ.

Пильщики, въ грязныхъ рубашкахъ съ открытыми воротами (въ рабочей было жарко), сидѣли за столомъ и допивали водку изъ третьей бутылки (двѣ стояли уже пустыя), шумно о чемъ-то разговаривая.

Монастырскіе рабочіе, съ сердитыми лицами, лежали на на нарахъ и курили трубку, молча передавая ее одинъ другому и громко харкая, куда попало.

— Пріятнаго аппетита!—сказалъ дядя Юфимъ, поклонившись пильщикамъ и помолившись на картинку, висѣвшую въ углу надъ столомъ, на которой былъ изображенъ старецъ, кормящій изъ рукъ огромнаго во всю картинку медвѣдя,— миръ вашей компаніи...

— Садись,—отвѣтилъ ему на это одинъ изъ пильщиковъ,—гость будешь... Вина купишь—хозяинъ будешь... Что скажете?.. Зачѣмъ?

Дядя Юфимъ объяснилъ, зачѣмъ мы пришли.

— Чуднó!—воскликнулъ одинъ изъ пильщиковъ, выслушавъ его,—много ль добудете-то?.. Изъ за хлѣба на квасъ! Хуже-то не нашли...

— Да мы временно, пока, значитъ, время глухое, а тамъ уйдемъ,—пояснилъ Юфимъ.

— Здѣсь, другъ, тоже даромъ кашей не кормятъ,—опять сказалъ пильщикъ: — ты думаешь, даромъ тридцать-то монетъ дадутъ? Какъ же!.. Здѣсь, братъ, народъ аховый, садись да помахивай... Ты не гляди, что онъ монахъ,—онъ тé доѣдетъ... Мы здѣсь котору весну работаемъ! Не дальніе, знаемъ всѣ порядки... Вотъ дай дѣло къ разсчету,—жмутъ: скидку, то, се... Чай, небось, ужъ водочки поднесли хозяину-то?..

— Какому хозяину?..

— А Зосимкѣ-то!..—засмѣявшись, отвѣтилъ пильщикъ:— У него вѣдь первое слово: „я хозяинъ!"...

— Любитъ выпить,—сказалъ другой.

— Никто не откинетъ!—проворчалъ съ наръ рабочій:—Всѣ—не пролей капельки!..

XV.

Вскорѣ послѣ обѣдни раздался звонокъ на обѣдъ. Мы отправились, вслѣдъ за потянувшимися со всѣхъ сторонъ монахами, по направленію къ трапезной, расположенной въ самой отдаленной части монастыря. Огромный, узкій залъ, заставленный длинными столами, съ расписными потолкомъ и стѣнами, съ какимъ-то особеннымъ „монастырскимъ запахомъ“, быстро наполнялся монахами. Всѣ ждали игумена. Наконецъ, онъ явился. Это былъ замѣчательно красивый старикъ съ огромной сѣдой бородой, румяный и бодрый... Какъ-то особенно энергично шагая, онъ прошелъ между разступившимися монахами впередъ и остановился передъ большимъ кіотомъ съ образами.

Монахи пропѣли молитву и, не торопясь, чинно размѣстились за столами. Около аналойчика всталъ, небольшого роста, бѣлый, какъ лунь, старичекъ и началъ читать что-то, чего нельзя было понять, ибо старичекъ гнусавилъ и спотыкался на каждомъ словѣ. Нѣсколько молодыхъ послушниковъ отправились на кухню за кушаньемъ.

Мы, рабочіе, усѣлись за отдѣльный столъ, близь порога, поодаль отъ монашескихъ столовъ, и двое помоложе отправились вслѣдъ за послушниками, на кухню.

Всѣ столы были покрыты бѣлыми изъ грубаго толстаго холста скатертями, и только нашъ, „рабочій“, не былъ ничѣмъ прикрытъ и лоснился, точно лакированный... Отъ него пахло постнымъ масломъ... На столѣ стоялъ въ трехъ мѣстахъ, по рединѣ и по бокамъ, квасъ, въ жестяныхъ, пузатыхъ жбанчикахъ, и лежали небольшіе жестянные ковшики.

Чернаго хлѣба, нарѣзаннаго квадратными кусками, хватило бы, кромѣ насъ, еще человѣкъ на пять. Хлѣбъ лежалъ по столу стопками мѣстахъ въ шести...

Вскорѣ, осторожно ступая, гуськомъ, другъ за другомъ, стали входить послушники, неся въ рукахъ небольшія деревянныя чашки... Чашки эти разставили по столамъ, начиная по порядку отъ игумена...

Игуменъ позвонилъ, и „братія“ принялась за ѣду. Ѣли молча, тихо, не торопясь... Слышалось только чавканье, легкій стукъ ложекъ да монотонное, непонятное бормотанье старца, читавшаго что-то изъ житія святыхъ.

Когда чашки опорожнились, игуменъ, подождавъ немного

и видя, что уже никто не ѣстъ, позвонилъ снова. Послушники вскочили и отправились на кухню за второй перемѣной. Наши пильщики послѣдовали за ними.

Въ это время, дверь вдругъ тихонько отворилась, и въ трапезную робко, какъ-то бокомъ, точно крадучись, вошелъ молодой монахъ, съ черной клинообразной бородой.

Войдя, онъ остановился и началъ молиться, широко и размашисто крестясь. Потомъ, низко, въ поясъ поклонившись на три стороны, подошелъ къ нашему столу и сѣлъ съ краю, рядомъ съ Терешкой и со мной.

Я съ удивленіемъ замѣтилъ, что голова у него была начисто острижена. Приглядѣвшись внимательнѣе, я увидалъ, что по этой бритой головѣ ползаютъ бѣлыя насѣкомыя, и почувствовалъ, какъ холодокъ пошелъ у меня по спинѣ... Пильщики нахмурились, но дѣлали видъ, что ничего не замѣчаютъ... Я посмотрѣлъ еще. Монашекъ вдругъ полуобернулся въ мою сторону и, поймавъ мой взглядъ, улыбнулся какой-то необыкновенно жалкой, испуганной улыбкой...

Онъ наклонился и сидѣлъ, вертя въ рукахъ ложку, но не прикасаясь къ ѣдѣ.

— Отецъ Иванъ,—шепотомъ черезъ столъ сказалъ старый пильщикъ, — хлебай, родной... не бойся... мы ничего...

Монахъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на него и, опять такъ же жалобно улыбнувшись, началъ хлебать...

Игуменъ позвонилъ... Послушники принесли третью перемѣну. Мы принялись за ѣду, а монахъ, почему-то, опять только игралъ ложкой...

— Ѣшь, о. Иванъ, — снова шепотомъ сказалъ старый пильщикъ,—ѣшь, ѣшь, не робѣй!..

Монахъ опять виновато улыбнулся и принялся за ѣду...

Послѣ обильнаго обѣда монахи пропѣли молитву и, пропустивъ впередъ игумена, стали выходить изъ трапезной... Мы, вмѣстѣ съ сидѣвшимъ за нашимъ столомъ монахомъ, вышли послѣдними.

— Заходи, о. Иванъ, посидѣть въ рабочую,—сказалъ старый пильщикъ, выйдя изъ трапезной,—заходи, не бойся!

— Спаси Христосъ! Спаси Христосъ!—нѣсколько разъ съ улыбкой произнесъ монахъ и вдругъ, какъ-то согнувшись, торопливо пошелъ отъ насъ въ противоположную сторону.

— Мускоротно съ нимъ за столомъ-то сидѣть, — сказалъ одинъ изъ пильщиковъ, — кусокъ въ глотку не идетъ... ей-Богу.. къ себѣ, небось, не сажаютъ.

— Что за монахъ этотъ?—спросилъ я у стараго пильщика.

— Э, братъ ты мой!—воскликнулъ онъ,—Іовъ многострадальный! Истинный Господь,—жалости на него смотрѣть... Говорятъ, ишь, зачитался, библію все читалъ... Читалъ, чи-

талъ, да, видно, умъ за разумъ и зашелъ.. свихнулся вродѣ... Мать, слышь ты, къ нему издалеча пріѣзжала... Вчужѣ я въ тѣ поры, парень, наплакался... Привела она его на странню, посадила на скамью... А онъ не стриженый былъ... волосищи долгіе, да свалялись всѣ комомъ, а въ кому-то, вѣришь-ли Богу, несосвѣтимая сила вшей... Кишма кишатъ! Увидала она это... какъ взвоетъ,—такъ и покатилась... Страсть! Добыла ножницы, вывела на дворъ, давай стричь, какъ барана... Народъ собрался, глядятъ всѣ... Злая рота смѣется... Остригла баба, глядь—голова-то мѣстахъ эдакъ въ пяти до кости проѣдена. „Батюшка, кричитъ, сынокъ!“ то, се... сама разливается, плачетъ... Извѣстно, материнское сердце: жалко... Я мужикъ вотъ, чужой, да и то жалко... Ну, хорошо... мыть это она ему голову стала... Справила малаго, пожила съ недѣлю, ушла... Въ ногахъ валялась у игумена-то... просила не оставлять... братью просила... Только вотъ дивное, парень, дѣло: не выходитъ изъ него нечисть эта самая! Вымоютъ, бѣлье чистое надѣнутъ... хвать, на другой день опять... Говорятъ старые люди: отъ думы это, да ежели сердцемъ горячъ... Кто его знаетъ, что за человѣкъ... Его вонъ обижаютъ, а онъ скажетъ только: „Господь просвѣщеніе мое и спаситель мой, кого убоюся...“ да и отойдетъ прочь... Мать-то сказывала: охотой, ишь, ушелъ въ монастырь-то... съ малости чудной былъ, тихой, да все думалъ про себя... Умница, сказываетъ, былъ, жалостливый: курицу начнутъ рѣзать, а онъ въ слезы и убѣжитъ... Грамотѣ хорошо, сказываютъ, знаетъ... Озорничаютъ тутъ надъ нимъ послушники: ребята молодые, гладкіе, кой имъ песъ!.. Народъ, другъ, здѣсь тоже охъ-хо-хо! Грѣха-то конца краю нѣтъ... Чего имъ!.. Жизнь вольная... Харчъ хорошій... ихъ бы, вотъ, подъ пилу: узнали бы, на чемъ свинья хвостъ носитъ!..

Старый рабочій замолчалъ, свернулъ покурить, отошелъ отъ меня и легъ на нары.

XVI.

Къ вечеру, послѣ ужина, пришелъ о. Зосима и принесъ „струментъ“: двѣ пилы, два топора, два колуна. Пилы были ржавыя, давнымъ давно не точеныя и не разводившіяся...

— Охъ, отецъ, — сказалъ дядя Юфимъ, — ужъ и струментъ же у тебя... Охъ-хо-хо!.. Ты бы хоть подпилокъ далъ да разводку... Я, може, пилы-то наладилъ бы.

— Подпилокъ! Чтó еще выдумалъ... Онъ сколько стоитъ-то? Три гривенника. А ты его сразу изгадишь... Сойдетъ и эдакъ: по барину и говядина...

— Да намъ все едино... Смотри только, не взыскивай работу... На чиненомъ, отецъ, конѣ далеча не уѣдешь...

— Я хозяинъ! мое дѣло... Ты, рабъ Божій, я гляжу, пустословить любишь... А ты вотъ что: даютъ,—бери, бьютъ—бѣги... не пустословь!.. Не люблю: я хозяинъ! Завтра утречкомъ поранѣ я васъ поставлю... Пилюкайте, да пилюкайте...

Онъ ушелъ... Дядя Юфимъ повертѣлъ въ рукахъ „струментъ", разглядывая его, покачалъ головой и сказалъ:

— И ладно, ребята, мы сдѣлали, что поденно взялись... Зарѣзъ бы намъ былъ... Эва топоры-то: тѣсто рубить!..

. . . .

Утромъ, до восхода солнца, о. Зосима разбудилъ насъ и повелъ въ лѣсъ на работу. Идти пришлось довольно далеко, — версты за три, по плохой дорогѣ... Отецъ Зосима, повидимому, былъ не въ духѣ: онъ шелъ впереди и всю дорогу молчалъ.

Лѣсъ, куда онъ привелъ насъ на работу, былъ смѣшанный: ельникъ, осинникъ, береза... Преобладалъ, впрочемъ, осинникъ. Высокія, прямыя, „взводистыя", какъ говорилъ дядя Юфимъ, до самой макушки голыя осины достигали огромной вышины... Между ними было много сухихъ, стоявшихъ еще на корню, и много валялось по землѣ сгнившихъ или начинавшихъ гнить... Тутъ же валялось много хвороста, росла сочная, мягкая трава, и было сыро. На верху шуршало и шумѣло море листьевъ... Со всѣхъ сторонъ доносилось разнообразное чириканье птичекъ...

— Вы, рабы Божьи, коли пойдетъ вѣтеръ, остерегайтесь,— сказалъ о. Зосима,—спаси Богъ, лѣсъ валится здѣсь здорово... Коли увидите, силенъ вѣтеръ — бросайте работу... Убьетъ... Тутъ вонъ, вишь, сушняку сколько... на чемъ держится только... пхни рукой—упадетъ... особливо какъ мѣсто очистите... они другъ дружку держатъ... Рѣжьте на подрядъ, а кладка порознь... Осина къ осинѣ, береза къ березѣ... на швырокъ рѣжьте... ну, елки, извѣстно, на бревна пойдутъ... Сушилку тоже въ дровишки... Мѣрка три четверти плаха... Кладка обыкновенная, рощинская.

— Ладно,—сказалъ дядя Юфимъ и спросилъ: — А какъ класть?..

— Все едино... кладите, какъ вамъ способнѣе, полсаженками, четвертками, восьмушками... все едино! Приступайте со Христомъ.

Мы раздѣлились на двѣ пары,—Tереха-Воха съ Малинкинымъ, дядя Юфимъ со мной,— и, разойдясь, по указанію о. Зосимы, въ разныя стороны, принялись за работу...

Отецъ Зосима, постоявъ немного, посмотрѣлъ и ушелъ, сказавъ намъ:

— Ну, Христосъ съ вами, пилюкайте!.. Потрудитесь для преподобнаго... Увидите,—солнце на полдни встанетъ,—бросайте... Обѣдать приходите...

Работать тупыми пилами было тяжело... Мы скоро запыхались и облились потомъ... Пилили, ставъ на колѣнки, подъ самый корень.

Высокія „взводистыя" осины падали съ трескомъ и шумомъ, ударяясь объ землю съ такой силой, что каждый разъ, въ особенности у сухихъ, отскакивала точно срубленная топоромъ макушка, или же отъ силы удара дерево ломалось пополамъ.

Сваливъ дерево и приступивъ къ другому, дядя Юфимъ измѣрялъ его снизу до верху глазами и каждый разъ говорилъ:

— Эва махина, аршинъ восьмнадцать!.. Ну, Павлычъ, Господи благослови!..

Работа была очень трудна, въ особенности когда осина „зажимала..."

— Тьфу, окаянная! — сердился дядя Юфимъ, — зажала... чтобъ те издохнуть!..

Приходилось съ трудомъ вытаскивать пилу и начинать отрѣзъ съ другой стороны.

Случалось, что спиленное съ корня дерево не падало, а запутывалось вершиной тамъ гдѣ-то, на верху, останавливаясь въ наклонномъ положеніи; тогда, крикнувъ Терешку и Малинкина, мы всѣ четверо брались за комель и оттаскивали его въ сторону до тѣхъ поръ, пока не освобождалась вершина, и дерево, ломая сучья, грохалось объ землю.

— Ухъ!—раздавался глухой ударъ, и эхо гдѣ-то въ сторонѣ тихо повторяло:—Ухъ...

— Трудно, матушка,—говорилъ дядя Юфимъ,—трудно!

Сваливъ по нѣскольку штукъ деревьевъ, мы, усталые, мокрые отъ поту, сошлись всѣ четверо и сдѣлали продолжительную „залогу". Сидѣли долго, курили и разговаривали...

Отдыхать въ лѣсу было славно. Надъ нами, вверху, не смолкая, шумѣли безпокойныя осины... По сторонамъ чирикали птички, гдѣ-то куковала кукушка... Лучи солнца, пробиваясь сквозь частую сѣтку вѣтвей и листьевъ, падали пятнами, играя по зеленому моху.

— Потрудимся для преподобнаго,—сказалъ дядя Юфимъ, поднимаясь,—авось зачтется... Начинай, ребята!..

Мы опять разошлись и начали пилить сваленыя деревья въ дрова. Это дѣло оказалось еще труднѣе.

Отпиливъ кое-какъ первую самую толстую плаху („стулъ", какъ говорилъ дядя Юфимъ) и посрубивъ съ дерева топорами сучья, мы брались за комель, взваливали дерево на

„стулъ“ такъ, чтобы толстый конецъ, аршина на два выдвигаясь впередъ свѣшивался книзу и во время пилки, не зажималъ пилу.

Покончивъ кое-какъ съ этимъ дѣломъ и отдохнувъ, я колуномъ началъ раскалывать чураки, на двое, а дядя Юфимъ сталъ складывать ихъ въ четвертку. За этимъ дѣломъ мы провозились долго, и солнце стояло уже высоко.

— Время обѣдать,—крикнулъ дядя Юфимъ:—О-о пъ!..

— Опъ!—откликнулся Малинкинъ.

Мы попрятали, „струментъ“ въ кусты и отправились въ монастырь. Монахи уже отобѣдали, и высокій, худой, грязный поваръ о. Савелій, сердясь, собралъ намъ отдѣльно.

— Вы, рабы Божьи, не опаздывайте,—сказалъ онъ.—Мнѣ тоже, небось, отдохнуть надо. Я съ двухъ часовъ не присяду... Чего такъ больно усердствуете, аль заслужить думаете?.. Здѣсь не заслужишь... А работа дураковъ любитъ... Вы вотъ что: какъ ударятъ къ достойной, такъ и бросайте: здѣсь порядокъ такой... А по вечеру зазвонятъ къ вечернѣ,— опять бросайте. А то и собирать не стану... Ну, васъ къ ляду! Лошадь я въ самъ-дѣлѣ, что ли?..

Пообѣдавъ, мы отправились въ рабочую. Пильщики тоже уже отобѣдали и лежали на нарахъ—отдыхали. Насъ они встрѣтили съ усмѣшкой.

— Много ль напилюкали, отцы? — спросилъ старшій,— восьмушку вчетверомъ-то выставили, а?..

Дядя Юфимъ, молча, махнулъ рукой и полѣзъ на нары..

Пильщики засмѣялись...

С. Подъячевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Болгарская конституція.

III.

По параграфу 4-му конституціи „Болгарское княжество есть монархія наслѣдственная и конституціонная, съ народнымъ представительствомъ“. Но это опредѣленіе, какъ и другія относящіяся къ нему постановленія конституціи, оставляетъ большой просторъ для толкованій какъ теоретикамъ государственнаго права, такъ и практическимъ политическимъ дѣятелямъ. И даже независимо отъ того или другого юридическаго или публицистическаго толкованія примѣненіе конституціи на практикѣ такъ далеко отступало отъ всего, что требуется европейскими понятіями о законности, что скептическое и ироническое отношеніе къ этой „декораціи“ общественной жизни сдѣлалось въ самой болгарской средѣ дѣломъ вполнѣ обычнымъ. Было бы, однако, большой ошибкой со стороны иностранца принять это легкое отношеніе къ основному закону страны за чистую монету. Ближайшее знакомство съ политической жизнью Болгаріи можетъ показать, наоборотъ, что у этого дешеваго скептицизма есть своя обратная сторона: что въ дѣйствительности болгарское общество въ высшей степени чутко относилось не только къ факту, но даже къ малѣйшему слуху о перемѣнахъ въ конституціи и стойко становилось на защиту того самого документа, который—въ минуты, когда никакой серьезной опасности ему не грозило,—оно готово было трактовать, какъ клочекъ писаной бумаги. Разница въ пониманіи конституціи, такъ же какъ контрастъ между буквой и ея примѣненіемъ очень велики, дѣйствительно; но стоитъ лишь послушать отзывы болгаръ о странахъ, не пользующихся благами свободной политической жизни, чтобы замѣтить, какъ много политическихъ навыковъ уже проникло въ общее сознаніе всѣхъ партій, благодаря четвертьвѣковой практикѣ конституціи. Такимъ образомъ, рѣзкость полемики, такъ же какъ и грубость конституціонныхъ правонарушеній, не должны вводить насъ въ заблужденіе относительно главнаго: въ Болгаріи есть деспоты по привычкѣ и рес-

публиканцы по темпераменту, есть ожесточенные враги „демагогіи“ и „дворцоваго режима“, но нѣтъ принципіальныхъ противниковъ существующей формы правленія. Республика, какъ политическая форма, въ наше время вообще никому не кажется панацеей отъ соціальныхъ золъ; а абсолютизмъ представляется здѣсь чѣмъ-то вродѣ того, какъ грекамъ рисовался режимъ персидскаго царя.

Въ этихъ рамкахъ, однако же, разногласія все еще очень велики и едва ли даже практически и теоретически примиримы. Крайними полюсами являются, съ одной стороны, конституціонная теорія „молодыхъ демократовъ“, три года тому назадъ отдѣлившихся отъ Каравелова, съ другой—и парламентская практика старыхъ политическихъ партій. „Молодые демократы“, по выраженію ихъ органа („Демократическій Прегледъ“), „терпятъ по необходимости режимъ наслѣдственной династіи въ конституціонной формѣ управленія“ и ставятъ „непремѣннымъ условіемъ доведеніе этого режима до максимальнаго предѣла демократизаціи, совмѣстимаго съ этой формой“. Ихъ единственное пока средство для достиженія цѣли—литературная пропаганда; ихъ методъ—методъ юридической интерпретаціи основнаго документа, интерпретаціи, на которой довольно близко сходятся университетскіе профессора болгарскаго конституціоннаго права (гг. Кировъ и Фадемгехтъ) съ публицистами партійнаго органа (гг. Илья Георговъ, Влайковъ, Цановъ и др.). Исходной точкой интерпретаціи является тезисъ, по которому высшимъ источникомъ всякаго публичнаго права въ Болгаріи признается народъ, высказывающій свою волю при посредствѣ великаго народнаго собранія. Этотъ высшій органъ народнаго представительства,—ограниченный по буквѣ конституціи рѣшеніемъ только тѣхъ, перечисленныхъ въ текстѣ конституціи, вопросовъ, для которыхъ его созываютъ,—получаетъ въ теоріи молодыхъ демократовъ характеръ народнаго конвента, съ полной свободой рѣшеній и неограниченной инйціативой. „Власть и прерогатива князя вытекаетъ отъ него. Какъ дана князю власть царствовать и исполнять извѣстную миссію въ государствѣ, такъ можетъ онъ и ограничить ее или совсѣмъ отнять. Народъ черезъ великое собраніе является полнымъ распорядителемъ самимъ собой и своими судьбами: сегодня онъ нашелъ за лучшее дать себѣ наслѣдственную конституціонную монархію, а завтра можетъ найти за лучшее измѣнить конституцію и дать себѣ республику“ („Демокр. Прегл.“, 1 дек. 1903). Независимаго происхожденія и конкуррирующаго съ народовластіемъ значенія княжеской прерогативы теорія „молодыхъ демократовъ“ не допускаетъ,—такъ же какъ не допускали и предшественники этой теоріи, публицисты Сукнаровской „Независимости“. Существованіе двухъ конкуррирующихъ властей, по этой теоріи, логически и фактически невозможно: *слѣдовательно*, власть князя поглощается верховной властью на-

рода (аргументація Ст. Михайловскаго въ XIII нар. собраніи). Что касается той прерогативы, какую великое собраніе фактически удѣлило князю по существующему закону, теорія молодыхъ демократовъ также стремится свести ее къ минимуму. Князь царствуетъ, но не управляетъ. Его участіе въ управленіи сводится къ назначенію министровъ изъ большинства камеры, свободно избранной народомъ. Его участіе въ законодательствѣ сводится къ санкціонированію законопроектовъ, принятыхъ камерой. Отказать закону въ санкціи и вообще не согласиться съ большинствомъ палаты князь можетъ только въ случаѣ, если у него есть серьезныя основанія предполагать, что представительство не соотвѣтствуетъ измѣнившемуся послѣ выборовъ общественному мнѣнію и что свободные новые выборы дадутъ иное большинство. Правительство имѣетъ право, въ случаѣ невозможности созвать камеру, продлить дѣйствіе бюджета на слѣдующій годъ, но это право относится только къ производству расходовъ, а не къ взиманію податей. Параграфы 47 и 76 даютъ правительству право экстренныхъ мѣръ, имѣющихъ силу закона, и позволяютъ объявлять военное положеніе. Но, по ограничительному толкованію „молодыхъ демократовъ", приложеніе на практикѣ § 47 обставлено въ самой конституціи такими условіями (наличность чрезвычайной опасности для государства и невозможность физическая—созвать камеру), что примѣненіе его дѣлается почти невозможнымъ; по точному смыслу пар. 76 правительство имѣетъ право только суспендировать личную неприкосновенность, но не имѣетъ права ограничивать свободы печати и собраній. Высшее рѣшеніе вопросовъ о конституціонности дѣйствій правительства, принадлежащее по конституціи палатѣ, должно принадлежать, по теоріи молодыхъ демократовъ, также и суду.

Въ полной своей широтѣ, теорія молодыхъ демократовъ льститъ національному самолюбію и тѣмъ инстинктамъ демократизма, о которыхъ говорилось въ началѣ этой статьи. Это—гораздо болѣе, чѣмъ наличный уровень политическаго правосознанія—обѣщаетъ этой теоріи значительный успѣхъ въ будущемъ. Но, въ случаѣ такого успѣха, теорія грозитъ привести къ ряду серьезныхъ конфликтовъ и вызвать, путемъ измѣненій конституціи, насильственное рѣшеніе въ противномъ смыслѣ ряда поднятыхъ ею вопросовъ, которые могли бы быть рѣшены въ ея пользу лишь путемъ практическаго примѣненія конституціи въ демократическомъ духѣ. Въ полномъ своемъ видѣ теорія игнорируетъ международное происхожденіе болгарскаго политическаго строя; она игнорируетъ также очень большую роль, которая принадлежитъ князю по конституціи и въ силу обстоятельствъ въ области международныхъ отношеній и военнаго дѣла, а также и въ политической жизни страны. Но, главное, эта теорія стремится доказать гораздо больше, чѣмъ ей непосредственно нужно для обоснованія ея практическихъ требо-

ваній. Она сама выводитъ изъ своихъ основныхъ принциповъ несравненно меньше, чѣмъ они въ себѣ заключаютъ. Изъ принциповъ народовластія молодые демократы выводятъ лишь требованіе настоящаго парламентарнаго режима или такъ называемой „системы кабинета“. Но это такого рода требованіе, которое можетъ быть удовлетворено лишь *неписаной* конституціей, пополняющей пробѣлы и умолчанія писаной конституціи путемъ сложившихся навыковъ и, такимъ образомъ, приводящей въ гармонію притязанія двухъ конкуррирующихъ властей. Чего собственно требуютъ молодые демократы, мы увидимъ, когда познакомимся съ противоположнымъ полюсомъ болгарской политической жизни: съ дѣйствующей практикой конституціи.

Для большей наглядности возьмемъ прежде всего тотъ самый случай, который далъ поводъ молодымъ демократамъ развить ихъ теорію: полученіе власти управляющимъ въ настоящее время министерствомъ стамбулистовъ. Когда, въ 1903 г. возникли серьезныя международныя усложненія, выдвинувшія на первый планъ вопросы международной политики, князь взялъ власть изъ рукъ министерства Данева, ведшаго руссофильскую политику цанковистовъ, и поручилъ эту власть кабинету съ яркимъ стамбулистскимъ оттѣнкомъ. Мѣра эта была такъ далека отъ европейской практики парламентаризма, какъ только возможно. Министерство Данева опиралось на довѣріе собранія, сравнительно свободно избраннаго народомъ, тогда какъ партія, занявшая его мѣсто, насчитывала всего четырехъ представителей въ этой камерѣ и была, такимъ образомъ, численно слабѣйшей. Шефомъ новаго министерства сдѣлался не общепризнанный вождь партіи—давно уже не игравшей видной роли въ политической жизни страны,—а лично близкій къ князю человѣкъ, тотъ самый Рачо Петровъ, который избавилъ его когда-то отъ Стамбулова. Предыдущая попытка (1900) сдѣлать Рачо Петрова шефомъ кабинета кончилась неудачно, такъ какъ онъ не могъ получить большинства и долженъ былъ уступить свое мѣсто коалиціонному министерству Каравелова-Данева. Но въ данномъ случаѣ результатъ вышелъ иной. Не смотря на всѣ усилія оппозиціи, всѣ фракціи которой соединились, чтобы дѣйствовать противъ министерства; не смотря на то, что особенныхъ насилій при выборахъ въ новую палату правительство не употребляло,—стамбулисты получили на выборахъ огромное большинство 124 изъ общаго числа 189 членовъ собранія... Такимъ образомъ, князь выбралъ себѣ министровъ, а министры выбрали себѣ камеру. И такъ были обставлены, за исключеніемъ только что упомянутаго коалиціоннаго министерства, всѣ министерства князя Фердинанда. Князь всегда имѣлъ въ министерствѣ довѣренныхъ людей, которые никогда не встрѣчали затрудненія составить себѣ камеру съ желательнымъ для нихъ большинствомъ. Молодые демократы имѣютъ полное основаніе

называть подобный режимъ не парламентарнымъ, а „личнымъ“ или „дворцовымъ“. Съ своей стороны, они требуютъ: 1) чтобы только то министерство отставлялось княземъ, которое „блямирано“ собраніемъ; 2) чтобы новое министерство назначалось изъ большинства камеры, при чемъ шефъ господствующей партіи самъ составлялъ бы свой кабинетъ; 3) въ случаѣ распущенія палаты княземъ, чтобы составлялось временное дѣловое министерство изъ начальниковъ отдѣленій (министерствъ) и передавало власть послѣ выборовъ свободно избранному большинству; 4) чтобы вожди партій не соглашались принимать власти непосредственно отъ князя, а принимали бы ее лишь отъ новаго большинства, избраннаго вышеупомянутымъ способомъ.

Слабая сторона этихъ требованій заключается въ томъ, что въ странѣ нѣтъ такого большинства, какое предполагается ими, и что, если бы оно было на лицо, то самыя требованія стали бы совершенно излишними. Въ странѣ нѣтъ большихъ политическихъ партій, которыя бы различались принципіально между собою; и нѣтъ избирателей, которые бы давали той или другой партіи прочное, сознательно составленное большинство. При этихъ условіяхъ, естественно, что требованія „молодыхъ демократовъ“, адресованныя, собственно, къ большинству и политическимъ партіямъ будущаго, — въ средѣ современныхъ партій не встрѣтили никакого сочувствія, и изъ вождей наличныхъ партій не нашлось ни одного, который бы въ отвѣтъ на формальный запросъ Ст. Михайловскаго согласился ждать власти до тѣхъ поръ, пока призоветъ его къ власти идеальное „большинство“, избранное идеальными „свободными выборами“. При такомъ отношеніи партій къ требованіямъ „молодыхъ демократовъ“ неудивительно, что и обращенное ими къ князю требованіе считать вождей современныхъ партій за выразителей мнѣнія „большинства“, а мнѣніе „большинства“ за мнѣніе всей страны,—разбивается о неумолимую реальность.

Излагая исторію болгарскихъ политическихъ партій до Стамбулова, мы, правда, видѣли, что для дѣленія на партіи постоянно были на лицо достаточныя политическія основанія. Но значительная часть этихъ основаній, вызвавшихъ дѣленіе старыхъ партій и образованіе новыхъ, была случайнаго и временнаго характера, и самыя причины появленія новыхъ партій и фракцій теряли свое значеніе, какъ скоро проходилъ моментъ, вызывавшій это появленіе. Единственная принципіальная причина раздѣленія—борьба за неприкосновенность конституціи—тоже потеряла свой смыслъ, когда принципіально всѣ партіи признали конституцію, а фактически всѣ партіи провинились въ самыхъ безцеремонныхъ нарушеніяхъ ея. Въ результатѣ, въ Болгаріи оказалось на лицо нѣсколько партійныхъ организацій съ признанными общественнымъ мнѣніемъ вождями и съ приблизительно равными си-

лами, но безъ сколько-нибудь существенныхъ принципіальныхъ различій. Сила шефовъ партій заключалась исключительно въ томъ, что около каждаго изъ нихъ фактически сформировался свой штабъ присяжныхъ политическихъ дѣятелей въ центрѣ и сложилась своя группа партизановъ-„пріятелей" въ провинціи, съ болѣе или менѣе сильнымъ вліяніемъ въ данной мѣстности. Въ случаѣ „прихода на власть" какой либо изъ партій, средства ея вліянія чрезвычайно усиливались, и къ тѣсному кружку пріятелей примыкалъ болѣе широкій кругъ кліентовъ, искателей мѣстъ и выгодъ, связанныхъ съ властью; и чтобы удовлетворить этихъ искателей, каждая партія безъ различія принуждена была практиковать патронажъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Отъ искусства патронировать и дѣлить то, что американцы называютъ техническимъ терминомъ spoils, „добычу", зависитъ и степень вліянія партіи въ странѣ. Самыя безцеремонныя въ этомъ отношеніи, какъ партія радославистовъ, всегда оказывались и наиболѣе вліятельными. Въ дни перемѣны министерства въ Софіи можно наблюдать интересное зрѣлище: всѣ канцеляріи министерствъ и частныя квартиры министровъ осаждаются толпами явившихся изъ провинціи пріятелей въ сюртукахъ и кліентовъ въ сельскихъ „дрѣхахъ". Это происходитъ дѣлежъ добычи. Въ нѣсколько недѣль дѣлежъ заканчивается: очень значительный процентъ чиновническихъ мѣстъ, начиная начальниками отдѣленій и кончая почтальонами и метельщиками улицъ, заполняется новыми партизанами, „голодными" отъ долгихъ годовъ ожиданія (болѣе точныя указанія см. ниже). Очередь ждать и „голодать" наступаетъ для „сытыхъ" и „наѣвшихся" партизановъ группы, только что переставшей быть правительственной. Они знаютъ, что пройдетъ время, и для нихъ опять наступятъ жирные годы,—и смѣна совершается не безъ юмора и добродушія, какъ нѣчто узаконенное общественнымъ мнѣніемъ, какъ удовлетвореніе своего рода высшей справедливости. Въ роли этой „высшей справедливости" и является князь, съ его несомнѣннымъ правомъ смѣнять и назначать министровъ и съ его полнымъ игнорированіемъ „большинства" даннаго момента. Подъ условіемъ, чтобы ни одна партія не засиживалась слишкомъ долго во власти, всѣ партіи поочередно могутъ пользоваться благами этого своеобразнаго парламентскаго режима, и ни одна не захочетъ пропустить своей очереди. Вотъ почему, противъ „дворцоваго режима" декламируютъ только тѣ и только до тѣхъ поръ, кто и пока остается въ оппозиціи; тогда какъ дѣйствительное прекращеніе этого режима *наличнымъ* партіямъ было бы еще менѣе выгодно, чѣмъ князю. При условіи, чтобы князь внимательно слѣдилъ за психологіей „сытыхъ" и „голодныхъ", имъ всѣ будутъ довольны.

Но если всѣ довольны установившимся режимомъ, то почему же и обыкновенному избирателю оставаться въ сторонѣ отъ об-

щаго дѣлежа? Разница только та, что „партизанамъ“ приходится ждать и голодать цѣлые годы, тогда какъ избиратель можетъ избѣжать этой непріятности, — голосуя всякій разъ за правительственныхъ кандидатовъ. Выгоды для него отъ такой подачи голоса, правда, небольшія и скорѣе отрицательныя, чѣмъ положительныя; но ихъ достаточно, чтобы сдѣлать его скептикомъ по отношенію къ тѣмъ фиктивнымъ различіямъ программъ, которыя въ данный моментъ служатъ гораздо болѣе предлогомъ, чѣмъ причиной для дѣленія общей массы политиковъ и политикановъ на нѣсколько отдѣльныхъ группъ, поочередно, сытыхъ или голодныхъ. „Намъ избирателямъ—такъ формулируетъ эту политическую психологію одинъ изъ сотрудниковъ „Демокр. Прегледа“,—нѣтъ расчета быть въ оппозиціи, не зачѣмъ драться съ жандармами и шайками (господствующей группы)... Да и зачѣмъ, когда не Богъ знаетъ какая разница между претендующими на власть компаніями? Намъ безразлично, которая изъ нихъ завладѣетъ властью, но мы знаемъ, что только та, которая властвуетъ, можетъ намъ дать то, чего не можетъ дать оппозиція; по крайности насъ не будетъ бить полиція, не будутъ преслѣдовать и штрафовать кметы и всякіе чиновники, не будемъ мы натыкаться на препятствія на каждомъ шагу въ нашихъ частныхъ дѣлахъ. Мы вѣдь съ правительствомъ и правительство съ нами! Правда, и народняки заботятся о нашихъ карманахъ, и радослависты насъ любятъ больше даже, чѣмъ ихъ шефъ, и цанковисты не хотятъ намъ зла, и каравелисты наши искренніе пріятели, но... что подѣлаешь — они не у власти! Когда его царское высочество ихъ позоветъ, тогда, извѣстно, мы и имъ дадимъ поддержку“.

Разсуждая такимъ образомъ, болгарскій „данкоплатецъ“ вовсе еще не обнаруживаетъ того равнодушія къ своимъ общественнымъ обязанностямъ и правамъ, въ которомъ его обыкновенно упрекаютъ, а просто только вѣрно оцѣниваетъ положеніе и приспособляется къ нему, какъ диктуетъ ему здравый смыслъ, въ которомъ у него нѣтъ недостатка. Дайте ему другія партіи, поставьте на очередь какія-нибудь дѣйствительно важныя разногласія и серьезные общественные вопросы, важные и серьезные не только теоретически, но и практически,—и вы немедленно увидите, какъ онъ встряхнется отъ своей „апатіи“ и своего „скептицизма“. А пока, будьте довольны, что тотъ же здравый смыслъ мѣшаетъ ему брать въ серьезъ тѣ ужасныя обвиненія и ругательные эпитеты, которыми осыпаютъ другъ друга болгарскіе партизаны въ своихъ партійныхъ органахъ и манифестахъ. Болгарскій избиратель вовсе не по одному тому равнодушенъ къ своей политической жизни, что онъ невѣжда и простъ. Нѣтъ, какъ всякій народъ-демократъ, какъ американцы, напр., онъ смотритъ немножко свысока на своихъ выборныхъ; они его слуги, и пусть себѣ они бранятся и наѣдаются поочередно, лишь бы

дѣлали свое дѣло и не мѣшали ему дѣлать свое. Эта точка зрѣнія постоянно подкрѣплялась тѣмъ обстоятельствомъ, что до послѣдняго времени чуть не единственнымъ временемъ и мѣстомъ, когда болгарскій „данкоплатецъ“ встрѣчался съ своимъ болгарскимъ политикомъ,—были выборы. На выборахъ верхній этажъ болгарской политической жизни соприкасался съ нижнимъ; на выборахъ обитатели обоихъ этажей поневолѣ научались говорить другъ съ другомъ на одномъ языкѣ, обмѣниваться обѣщаніями и услугами, приспособляться—или приспособлять—другъ къ другу; здѣсь всего ярче обнаруживалась пропасть между конституціонной практикой и теоріей; иллюзіи смѣнялись разочарованіями, и разочарованія уступали мѣсто дѣловой партійной тактикѣ; на выборахъ же реализировались результаты мѣстныхъ вліяній и отношеній. Словомъ, выборы являются центральнымъ узломъ болгарской политической жизни и могутъ служить самымъ удобнымъ пунктомъ для наблюденій надъ практикой конституціи. На нихъ мы и остановимся прежде всего, чтобы характеризовать эту конституціонную практику.

За исключеніемъ времени „полномочій“ въ Болгаріи дѣйствовало установленное Тырновскимъ великимъ собраніемъ всеобщее избирательное право. Каждый болгаринъ, достигшій 21 года, имѣетъ право быть избирателемъ. Никакого ценза не существуетъ: существующія по закону изъятія введены не конституціей, а изданными на основаніи ея избирательными законами. Цѣлый рядъ этихъ законовъ (1880, 1882, 1883, 1890, 1893, 1897, не считая дополненій и измѣненій) болѣе или менѣе успѣшно пытался приспособить общій принципъ всеобщаго голосованія къ мѣстнымъ условіямъ. Въ настоящее время дѣйствуетъ законъ 1897 г. съ дополненіями 19 декабря 1898 и 15 іюня 1901. По этому закону, кромѣ военныхъ и полицейскихъ, а также лицъ, осужденныхъ за позорящія преступленія, лишены также права быть избирателями (1901) „цыгане—нехристіане, какъ и всѣ цыгане, не имѣющіе постояннаго мѣста жительства“. Это добавленіе, внесенное въ законъ Каравеловымъ, объясняется видной ролью, которую играли цыгане во всѣхъ избирательныхъ злоупотребленіяхъ. Неконституціонность его довольно слабо прикрыта отнесеніемъ цыганъ къ числу „нищихъ“, лишенныхъ уже права голоса предыдущими законами. Что касается пассивнаго избирательнаго права, то конституція ограничиваетъ его только возрастомъ 30 лѣтъ и требованіемъ грамотности. Вопросъ о томъ, какая именно грамотность разумѣется—въ государственномъ болгарскомъ языкѣ или въ національномъ языкѣ избираемаго (напр. турецкомъ), умышленно оставленъ былъ учредителями на рѣшеніе послѣдующихъ поколѣній. Въ разное время этотъ вопросъ рѣшался различно. II-е собраніе напр., требовало болгарской грамотности; но такъ какъ депутаты турки всегда стоятъ на

сторонѣ правительственнаго большинства, то это большинство не имѣло никакого интереса поднимать вопросъ объ ихъ правѣ быть избранными, и въ результатѣ вопросъ о грамотности депутатовъ остается до сихъ поръ формально неразъясненнымъ. Другой деликатный вопросъ—относительно квалификаціи избираемыхъ — касается чиновничества. Имѣя въ виду, что чиновники составляютъ очень значительный процентъ въ составѣ болгарской интеллигенціи, либералы въ первое время дѣйствія конституціи стояли за допущеніе чиновниковъ, а консерваторы, предпочитавшіе опираться на менѣе интеллигентные слои населенія—а исключеніе ихъ (то же наблюдается и въ политической жизни Сербіи). Въ выборахъ 1882 г., напримѣръ, чиновники, судьи, учителя и духовенство были устранены отъ выборовъ. Съ тѣхъ поръ, однако, какъ увидимъ ниже, обстоятельства измѣнились. Дѣйствующій законъ исключаетъ духовенство и военныхъ, а также правительственныхъ чиновниковъ (за исключеніемъ министровъ), къ которымъ онъ причисляетъ (съ 1901) также и всѣхъ состоящихъ на жалованіи у общиннаго и окружнаго управленія. Но чиновники могутъ кандидатироваться, если не позже 10 дней со времени изданія указа о выборахъ подадутъ въ отставку. Для подачи голосовъ, избиратели дѣлятся по округамъ, въ основу которыхъ положено существующее административное дѣленіе на „околіи“. Каждые 20,000 душъ населенія (изъ которыхъ, въ среднемъ, четвертая часть записана въ списки избирателей) имѣютъ право послать одного депутата; если въ околіи больше 70,000 населенія, она дѣлится на два избирательныхъ округа. Такихъ большихъ околій насчитывается 11 изъ 71; такимъ образомъ, всего въ Болгаріи 82 избирательныхъ округа, посылающихъ въ палату 189 депутатовъ.

Дроби населенія меньше 10,000 въ счетъ не принимаются; больше 10,000 считаются за 20,000 и получаютъ право посылать лишняго депутата. Лишними голосами правительственная партія получаетъ возможность манипулировать въ своихъ интересахъ, группируя ихъ, какъ окажется выгоднѣе. Съ 1889 г. каждый избирательный округъ (околія) дѣлится на секціи, при чемъ первоначально имѣлось въ виду, чтобы на секцію приходилось не болѣе 3,500 избирателей, а въ 1901 въ основу разсчета положено было 10,000 населенія (съ тѣмъ же различеніемъ дробей — выше и ниже 5,000, и съ тѣми же правительственными манипуляціями надъ лишними дробями). Самый процессъ выбора обставленъ всевозможными предосторожностями, которыя мы лучше поймемъ, если предварительно познакомимся съ наиболѣе типичными злоупотребленіями, противъ которыхъ эти предосторожности были принимаемы законодателемъ.

„Выборы“,—восклицаетъ одинъ спеціальный изслѣдователь болгарскихъ избирательныхъ порядковъ (г. Вогазли):—„это по-

нятіе, которое—неясно, туманно, быть можетъ,—но неразрывно связано съ понятіями драки, свалки, шума, разгула, пьянства, знаменъ, гайды (волынки), или террора и побоевъ; это періодъ привилегированныхъ оскорбленій и придирокъ со стороны стражарей и падарей—и по отношенію къ нимъ; время криковъ „ура“, „долой“,—словомъ, „выборы“ вызываютъ у насъ представленіе о времени, когда законъ и власть суспендированы; время ненаказуемыхъ вольностей и произвола; время анархіи, за которой навѣрное послѣдуетъ какой-нибудь законецъ объ амнистіи... Въ другихъ мѣстахъ считается исключеніемъ, если случаются смуты и скандалы въ день выборовъ; у насъ, напротивъ, считается какъ-то ненатуральнымъ, если выборы проходятъ безъ шума. Я слыхалъ, какъ селяне съ простодушной откровенностью высказывали неудовольствіе и называли выборы „хворыми“ и „сонными“ по той простой причинѣ, что не было скандала и все прошло въ тишинѣ и спокойствіи“.

Болгарскій „народъ - суверенъ“, конечно, не читалъ Руссо и не знаетъ, что выборы — единственный моментъ, когда онъ свободенъ. Но, во всякомъ случаѣ, „простодушные селяне“ знаютъ, что хотятъ сказать, когда дѣлаютъ различіе между бурными и мирными выборами. Дѣло въ томъ, что мирные выборы въ Болгаріи вовсе не значатъ „свободные“ выборы или „правильные выборы“. Когда мы читаемъ напечатанные въ „Независимости“ русскіе документы съ инструкціями офицерамъ, какъ дѣйствовать на выборахъ 1882 г. въ качествѣ „коммиссаровъ“, именно: вѣжливо попросить избирателя показать приготовленный бюллетень; если бюллетень заключаетъ имя лица изъ оппозиціи, то также вѣжливо объяснить избирателю, что этотъ кандидатъ врагъ князя и дружески посовѣтовать ему этотъ бюллетень разорвать, а написать другой; при чемъ если избиратель окажется неграмотнымъ, то это „тѣмъ лучше“; когда, повторяю, мы читаемъ эти документы, то у насъ не остается сомнѣнія, что выборы въ „полномощенское“ III собраніе должны были быть, при особенной тогда введенной избирательной системѣ, очень мирными, но... черезъ два года самъ князь молчаливо призналъ ихъ незаконными. Точно также и выборы 1890 г. въ VI народное собраніе, за самыми незначительными исключеніями, прошли „мирно и тихо“, при полномъ единодушіи. Напримѣръ, въ одной изъ Тырновскихъ околій голосовали 4,278 человѣкъ и трое правительственныхъ кандидатовъ получили по 4,278 голосовъ; въ другой околіи голосовали 2,602 человѣка и два кандидата правительства получили по 2,602 голоса; въ третьей голосовали 2,572 человѣка и три кандидата той же партіи получили по 2,572 голоса — и такъ почти вездѣ, по всей Болгаріи. Это были выборы Стамбулова, когда онъ находился на высотѣ своего могущества, и оппозиціонные избиратели, изъ страха насилій, не

рѣшились вовсе показываться по сосѣдству съ избирательными урнами. Напротивъ, въ 1887, когда Стамбуловъ только еще закрѣплялъ за собой власть и борьба между „черными" и „бѣлыми душами" была въ полномъ разгарѣ, выборы въ V народное собраніе вышли самыми кровавыми и самыми насильственными, какіе когда-либо происходили въ Болгаріи; а въ 1893 г., когда явились первые признаки ослабленія власти Стамбулова, опять пришлось ему прибѣгать къ открытымъ насиліямъ, и снова появились протесты и жалобы противъ насилій при выборахъ въ VII народное собраніе.

Итакъ, тишина и спокойствіе на выборахъ вовсе не доказываютъ въ Болгаріи, что конституціонная жизнь идетъ нормальнымъ ходомъ, а скорѣе доказываютъ обратное. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобъ насилія и борьба на выборахъ служили признакомъ высоко развитаго общественнаго интереса. Мѣстные люди борятся очень горячо въ околіяхъ и секціяхъ, всякій разъ, какъ только представляется возможность, но это вовсе еще не значитъ, чтобы они боролись сознательно за торжество той или другой партійной программы. Мы уже говорили, что и въ самыхъ этихъ программахъ мало идейнаго, да и партійная организація меньше всего заботится объ осуществленіи идейной стороны своей программы на другой день послѣ торжества. Чтобы привлечь глухую деревню на сторону той или другой партіи, странствующіе политики обыкновенно пускаютъ въ ходъ совсѣмъ не тѣ обѣщанія, которыя фигурируютъ въ центральныхъ программахъ. Одни обѣщаютъ, что податей не будетъ и солдатъ не будетъ, другіе обѣщаютъ, что русскіе будутъ раздавать крестьянамъ скотъ, третьи просто ставятъ угощеніе или открываютъ въ распоряженіе избирателей мѣстную лавочку и т. д. Но, конечно, такіе маневры годятся только на минуту, на короткій срокъ: съ каждымъ выборомъ къ нимъ относятся скептичнѣе, и, вообще, на такую удочку можно поймать только простецкаго избирателя. Сильные и вліятельные мѣстные элементы нуждаются въ болѣе реальныхъ „облагахъ" и обыкновенно бываютъ ангажированы задолго до пріѣзда на мѣсто, передъ самыми выборами, какого-нибудь странствующаго политика. Вокругъ этихъ мѣстныхъ вліятельныхъ элементовъ, чѣмъ дальше—тѣмъ больше, кристаллизуется и рядовое мѣстное населеніе, такъ что партійныя группировки во внутренности страны становятся все менѣе и менѣе случайными. Въ исторіи партій можно видѣть, какъ постепенно отъ широкихъ программъ и принципіальныхъ вопросовъ партійная жизнь отливаетъ въ постоянное и узкое русло ближайшихъ насущныхъ интересовъ мѣстныхъ группъ. На мѣстѣ, въ общинѣ, эти интересы сводятся къ двумъ типамъ: экономическаго вліянія и правительственной власти. Вліяніе въ деревнѣ дается экономическимъ преобладаніемъ; власть дается служебнымъ положеніемъ

„Лихварь“ и „кметъ“—таковы представители этихъ двухъ типовъ вліянія и власти. Лихварь, ростовщикъ, кулакъ—это чаще всего мѣстный „корчмарь“ (трактирщикъ); кметъ (староста)—зажиточный крестьянинъ. Кметство—должность выборная, какъ и другія должности въ „общинскомъ совѣтѣ“, но при извѣстныхъ условіяхъ правительство всегда имѣетъ возможность „принудить“ совѣтъ и провести въ него новый составъ членовъ изъ своихъ партизановъ. Это главный козырь въ рукахъ правительственной партіи. Какъ только „приходитъ на власть“ новая партія, передъ общинскими и городскими совѣтами всей Болгаріи возникаетъ дилемма: или объявить себя партизанами правительства, или уступить мѣсто какимъ-нибудь другимъ вліятельнымъ мѣстнымъ элементамъ, которые, можетъ быть, уже давно ждутъ своей очереди. Въ первомъ случаѣ дѣло рѣшается просто: какой-нибудь Драганъ или Цвѣтанъ просто переименовываетъ свое „бюро“ изъ народняцкаго въ либеральное, или изъ либеральнаго въ народнолиберальное, прогрессивно-либеральное и т. д. и съ этого момента посылаетъ свои привѣтственныя или негодующія телеграммы по адресу другой партійной газеты. Во второмъ случаѣ дѣло бываетъ сложнѣе, и именно въ этомъ второмъ случаѣ выборы *не* проходятъ мирно, такъ какъ ни дать, ни уступить выгоднаго положенія съ деревнѣ ни одна партія не хочетъ безъ боя.

Къ этому бою готовятся заранѣе. Каждая партія имѣетъ или нанимаетъ вновь своихъ кондотьеровъ избирательной борьбы, съ той только разницей, что кондотьеры мѣстнаго правительства—кметство—уже имѣются на лицо въ видѣ „страфей“, „падарей“, „пожарныхъ“ и др. чиновниковъ, состоящихъ на службѣ общины. Кондотьеровъ же оппозиціи приходится вновь набирать съ воли. Эти интересные незнакомцы обыкновенно за нѣсколько дней до выборовъ уже начинаютъ знакомить съ собой избирателей, — конечно, именно съ той стороны, съ какой они лучше всего могутъ подѣйствовать на избирательную психологію. Смотря по степени убѣдительности этой рекомендаціи, населеніе въ день выборовъ или предпочитаетъ мирно остаться дома, или тайно сговаривается сплотиться и дѣйствовать за одинъ. Первое сраженіе стороны даютъ другъ другу рано утромъ у мѣста выборовъ, обыкновенно у зданія училища. По прежнимъ избирательнымъ законамъ, избиратели сами конституировали свое бюро непосредственно передъ выборами. При такомъ порядкѣ, болѣе сильной партіи оставалось только первой занять поле битвы и выбрать въ бюро своихъ. Остальное разумѣлось затѣмъ само собой, т. е. чужихъ старались вовсе не допустить къ урнамъ, въ то же время урны наполняли фиктивными бюллетенями. Или, при необходимости пустить въ ходъ болѣе тонкія средства, давалась возможность своимъ голосовать по нѣскольку разъ, а чу-

жихъ отстраняли подъ предлогомъ, что они или не записаны въ избирательный списокъ, или уже разъ голосовали и т. п. Противная сторона, въ свою очередь, не слагала оружія. Если по причинѣ опозданія и по причинѣ слабости силъ не удавалось взять штурмомъ бюро, то противники удалялись и выбирали новое бюро въ какомъ-нибудь новомъ мѣстѣ; или, если они предпочитали допустить голосованіе и начинали замѣчать, что противная сторона побѣдитъ, они старались сорвать выборы путемъ всевозможныхъ нарушеній правилъ,—до разбитія урнъ и уничтоженія поданныхъ бюллетеней включительно. Постепенно избирательные законы ввели рядъ мѣръ, съ цѣлью сдѣлать невозможными только что перечисленныя злоупотребленія. Право самимъ составлять бюро было отнято у избирателей еще закономъ 1890 г. Но, вмѣсто того, бюро стало составляться изъ члена окружнаго совѣта и общинскихъ кметовъ, т. е. уже окончательно попало въ руки правительственной партіи. Законъ 1897 г. вновь измѣнилъ этотъ порядокъ, введя серьезныя гарантіи безпристрастія: именно, предсѣдателемъ сдѣлался судья, предварительно избранный апелляціоннымъ судомъ; а его товарищами стали назначаться, по жребію, окружнымъ судомъ—одинъ окружный совѣтникъ, одинъ общинскій кметъ и (по измѣненію 1901) два учителя начальныхъ училищъ. Этотъ составъ избирательныхъ коллегій оказался настолько удачнымъ, что съ тѣхъ поръ изъ 1,400 мѣстныхъ и парламентскихъ избирательныхъ собраній, состоявшихся подъ предсѣдательствомъ судей, только пять вызвали болѣе или менѣе серьезныя жалобы, и только одна изъ этихъ жалобъ оказалась основательной. Другимъ нововведеніемъ указаннаго закона 1897 г. было учрежденіе особыхъ избирательныхъ картъ, которыя, по закону 1901 г., должны выдаваться всякому избирателю кметомъ за 10 дней до выборовъ, а если кметъ откажется выдать, то мировымъ судьей по желанію избирателя. Благодаря этой мѣрѣ, оппозиціи иногда удавалось въ послѣднее время провести своихъ кандидатовъ противъ самыхъ рѣзкихъ насилій со стороны шаекъ господствующей партіи. Наконецъ, еще одно важное нововведеніе состоитъ въ правѣ, данномъ предсѣдателю бюро, обращаться въ случаѣ надобности за помощью прямо къ войску, минуя полицію, на партизанскую роль которой мы уже указывали. По замѣчанію цитированнаго выше автора, дѣйствительно, „стражари годятся только на то, чтобы вызывать, а не на то, чтобы предупреждать преступленія во время выборовъ: одно появленіе стражаря или пристава между избирателями вызываетъ гнѣвъ и злобу присутствующихъ,—въ самомъ дѣлѣ, эти самые стражари разгоняли избирательныя бюро, били избирателей, крали или фальсифицировали списки и бюллетени и убивали мирныхъ избирателей изъ засады“.

Насколько всѣ перечисленныя (далеко не единственныя) измѣ-

ченія въ избирательномъ законѣ оздоровили атмосферу выборовъ и насколько населеніе воспользовалось этимъ, чтобы въ большемъ количествѣ явиться къ избирательнымъ урнамъ и въ большемъ размѣрѣ использовать свое избирательное право, видно будетъ изъ слѣдующаго ряда цифръ.

		Число голосовавшихъ.	%
Въ VII-е народное собраніе	(1893)	141.460	19
„ VIII-е „ „	(1894)	197.303	26
„ IX-е „ „	(1896)	227.291	30
„ X-е „ „	(1899)	378.649	50
„ XI-е „ „	(1901)	344.294	43,5
„ XII-е „ „	(1902)	405.584	50
„ XIII-е „ „	(1903)	345.972	41

Какъ видимъ, процентъ голосующихъ сильно возросъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ. Особенно рѣзкій скачокъ вверхъ въ числѣ голосовавшихъ находимъ въ 1899 г. Припомнимъ, что какъ разъ передъ этими выборами голосованіе было значительно облегчено раздѣленіемъ избирательныхъ округовъ на секціи, такъ что избирателю не приходилось уже идти къ избирательному ящику такъ далеко отъ своего села, какъ прежде; затѣмъ самая подача голосовъ въ 1897 г. была обставлена лучшими гарантіями безопасности и правильности. Но затѣмъ явилась и еще одна причина, возбудившая усиленный интересъ къ выборамъ среди сельскаго населенія: именно, упоминавшаяся выше исторія желѣзнодорожнаго займа и введеніе натуральной подати — „десятка"—при Радославовѣ. Обезпечивъ себѣ путемъ этого усиленнаго вмѣшательства въ выборы отмѣну десятка, населеніе затѣмъ обнаружило полное равнодушіе къ взаимнымъ счетамъ партій между собой и дало легкую побѣду стамбулистамъ надъ оппозиціей, когда это потребовалось соображеніями національной безопасности.

Какъ мы говорили выше, такой отливъ интереса къ выборамъ 1903 г. есть не столько признакъ „апатіи", сколько показатель здраваго смысла болгарскаго избирателя. Вообще, чѣмъ дальше, тѣмъ этотъ избиратель дѣлается несговорчивѣе и требовательнѣе по отношенію къ партійнымъ вождямъ. Изучая внимательнѣе статистику выборовъ по округамъ, легко замѣтить, что въ очень многихъ изъ нихъ имѣются мѣстныя сплоченныя группы, которыя при голосованіи проявляютъ значительную независимость отъ перемѣнъ въ господствующей партіи. Мы уже не говоримъ о такихъ округахъ и городахъ, гдѣ населеніе рядъ годовъ остается вѣрнымъ извѣстному мѣстному дѣятелю, а черезъ него и извѣстной партіи. Напр., Виддинъ всегда былъ на сторонѣ демократовъ, а теперь, вслѣдъ за своими мѣстными вождями, готовъ даже голосовать за „молодыхъ демократовъ". Точно также и Троянъ, Берковица, Ломъ, Кула представляли прочный оплотъ каравели-

стовъ. Вратца, Бѣла, Слатина, Дупница, Провадія обнаружили большую вѣрность цанковистамъ. Севліево вѣрно радославистамъ. Любопытно, что партіи парламентскихъ дѣльцовъ менѣе могутъ разсчитывать на вѣрность избирателя, чѣмъ партіи принципіальныхъ оппозиціонеровъ. Съ дѣльцами избиратель самъ, очевидно, предпочитаетъ обходиться по-дѣлецки. Конечно, онъ оставляетъ и принципіальныхъ политиковъ, если этого требуютъ мѣстные интересы. Осторожное отношеніе избирателей къ своему выбору характеризуется, между прочимъ, тѣмъ, что мѣстный кандидатъ часто выбирается не на основаніи принадлежности его къ той или другой партіи, а на основаніи заявленія, что онъ будетъ „независимъ". Конечно, въ большинствѣ случаевъ, за такими заявленіями скрывается намѣреніе примкнуть къ тому большинству, какое образуется въ камерѣ, не связывая себя заранѣе. Какъ бы то ни было, такое отношеніе къ выборамъ исключаетъ уже старые пріемы полученія правительственнаго большинства. Даже тамъ, гдѣ избиратель не оппозиціонеръ, онъ старается не позволить господствующей партіи овладѣть положеніемъ путемъ прямого насилія или подтасовки выборовъ: онъ продаетъ и торгуется. Пока, впрочемъ, на этомъ пути отъ насилія къ подкупу болгарскій избиратель ушелъ еще не особенно далеко. Болгарскіе выборы едва ли не самые дешевые въ Европѣ. Для мѣстнаго кандидата, извѣстнаго избирателямъ, нужно не больше 300 франковъ на выборы. Пришлый политикъ долженъ истратить вдвое—около 600 франковъ. Конечно, ни тамъ, ни здѣсь не можетъ быть еще рѣчи о настоящемъ подкупѣ: это мелкіе избирательные расходы на мѣстныхъ агентовъ, на печатаніе, на угощеніе и т. д. Случаи прямой покупки голосовъ бываютъ, но не часто; своего рода рекордъ въ этомъ отношеніи вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ остается за богатымъ чудакомъ Гендовичемъ, истратившимъ на выборы цѣлыхъ... 10.000 франковъ.

Для того, чтобы точнѣе опредѣлить, въ какой степени возможно подтасовать выборы въ Болгаріи, мы приведемъ слѣдующую сравнительную таблицу двухъ сосѣднихъ по времени выборовъ—въ X-е и въ XI-е собраніе (1899 и 1901). Первые выборы были подтасованные—радославистскіе; вторые—сравнительно свободные: выборы Рачо Петрова (ср. выше *).

*) Таблица составлена мною на основаніи рукописныхъ матеріаловъ, любезно сообщенныхъ болгарскимъ статистическимъ бюро. Общіе итоги нѣсколько разнятся отъ тѣхъ, которые сообщены выше по матеріаламъ министерства внутр. дѣлъ; не вполнѣ сходятся также (въ самыхъ нашихъ матеріалахъ) итоги поданныхъ голосовъ съ распредѣленіемъ ихъ по партіямъ; но различія количественно ничтожны. Сдѣланное нами различеніе между числомъ избирателей и числомъ поданныхъ ими голосовъ объясняется тѣмъ, что въ округахъ, гдѣ избираются не одинъ, а два—пять депутатовъ, голосованіе производится по общему списку, т. е. каждый избиратель подаетъ два-пять голосовъ, распредѣляя ихъ часто между депутатами разныхъ партій,

	X (1899)	XI (1901)
Общее число избирателей	379.167	338.119
Число поданныхъ ими голосовъ	833.438	802.240
Распредѣленіе голосовъ по партіямъ:		
Народняки	91.539	152.590
Народо-либералы (стамбулисты)	119.559	157.041
Прогрессивно-либералы (цанковисты)	119.525	128.527
Демократы (каравелисты)	79.863	105.591
Независимые, нейтральные, индивид. мнѣній	40.849	113.147
Не заявившіе партіи и не кандидатировавшіеся правильно	35.534	37.137
Земледѣльческая ассоціація	10.399	47.011
Соціалисты	26.596	29.302
Либералы (радослависты)	305.320	31.477

Выводы, которые можно сдѣлать изъ этой маленькой таблицы, чрезвычайно поучительны. Болгарскій избиратель оказывается значительно выше той репутаціи, какую сдѣлали ему мѣстные политики. Если онъ принадлежитъ къ партіи, имѣющей дѣйствительно принципіальную программу, то онъ ея держится очень упорно. Мы видимъ, что при насильническихъ выборахъ Радославова цанковисты, которымъ народъ вѣритъ и которыхъ онъ понимаетъ, соціалисты, которымъ онъ вѣритъ, и каравелисты, которымъ онъ симпатизируетъ, потеряли сравнительно небольшой процентъ голосовъ, которые поданы были за нихъ при свободныхъ выборахъ. То громадное количество голосовъ, которымъ Радославовъ вдесятеро раздулъ настоящіе размѣры своей партіи, перешли къ нему не отъ только-что упомянутыхъ партій, а, главнымъ образомъ, отъ народняковъ, стамбулистовъ и особенно „независимыхъ". Очевидно, народняки и стамбулисты—по *числу* голосовъ (но не по количеству мѣстъ) первыя партіи въ странѣ—по *качеству* своихъ голосовъ стоятъ ниже ранѣе названныхъ партій. Группа „независимыхъ", почти исключительно состоящая изъ оппортунистовъ и только въ очень малой мѣрѣ изъ сторонниковъ крайнихъ индивидуальныхъ мнѣній, помогаетъ намъ понять значеніе этихъ колебаній. Избиратель, дѣйствительно, стремится поставить себя независимо отъ столичныхъ политиковъ и предпочитаетъ эксплуатировать ихъ, а не быть эксплуатируемъ ими. Рубрика „не заявившихъ партій и не кандидатировавшихся правильно" (послѣдніе обыкновенно получаютъ по ничтожному количеству голосовъ и почти ни одинъ изъ нихъ не проходитъ) характеризуетъ также самостоятельное отношеніе избирателей къ своимъ кандидатамъ и ихъ, такъ сказать, мѣстный характеръ. Но особенно выгодное представленіе объ избирателѣ даетъ огромный ростъ сторонниковъ земледѣльческой ассоціаціи,

---

или голосуя по коалиціонному списку. Такимъ образомъ, предлагаемый счетъ силы партій—не количествомъ избирателей, а количествомъ поданныхъ ими голосовъ—есть единственно возможный.

на значеніе которой мы указывали выше. Въ 1899 году она только сложилась; такимъ образомъ учетверенная численность ея въ 1901 г. дѣйствительно свидѣтельствуетъ о ростѣ оппозиціоннаго настроенія въ формѣ, совершенно соотвѣтствующей уровню пониманія избирателя и совершенно независимой отъ внушеній вождей парламентскихъ партій. Мы еще разъ убѣждаемся, такимъ образомъ, что болгарскій избиратель понимаетъ свои интересы и умѣетъ ихъ защищать даже тогда, когда по внѣшности служитъ чужимъ интересамъ.

Только-что сдѣланныя наблюденія мы можемъ провѣрить еще на другомъ матеріалѣ и съ другой точки зрѣнія, именно, разсматривая составъ избранныхъ кандидатовъ по занятіямъ. Общій ростъ политическаго сознанія и частныя флюктуаціи особенно ярко отразились на измѣненіяхъ въ этомъ составѣ *).

	III В. 1886	V 1887	IV В. 1893	VII 1893	VIII 1894	IX 1896	X 1899	XI 1901	XII 1902	XIII 1903
На общественной службѣ и жалов. .	18	23	37,5	42,4	29,5	28,8	8,8	9,6	5,6	12,6
Жив. доходами отъ земледѣлія, торговли и промышл. .	66,7	50,2	51,7	33,7	32	42,6	39,6	39,9	47,4	47,7
Жив. доходами отъ либер. профессій .	14	21,8	8,8	20,2	37	28	46,6	47,9	44,9	36,9
Другіе	1,3	4	1,9	3,6	1,2	0,6	4,7	2,5	2	3,8

Какъ видимъ, основное ядро депутатовъ состоитъ изъ земледѣльцевъ, торговцевъ и промышленниковъ. Въ наибольшемъ количествѣ—двухъ третей всего состава собранія—они являются въ тѣ старыя времена, когда ни классъ чиновниковъ на общественной и казенной службѣ, ни классъ либеральныхъ профессій не успѣлъ еще сложиться. Затѣмъ ихъ число начинаетъ падать. Стамбуловъ составляетъ палаты своего времени преимущественно изъ лицъ, находящихся на общественной службѣ; мы видѣли, какую роль играли кметы и совѣты, городскіе и общинные, при насильственныхъ выборахъ. Первые выборы послѣ паденія Стамбулова (1894) характеризуются торжествомъ людей либеральныхъ профессій, изъ которыхъ и состояла активная оппозиція Стамбуловскому режиму, на счетъ людей выборной службы. Но затѣмъ выборы, сдѣланные Стоиловымъ (1896), возстановляютъ перевѣсъ торговцевъ. Въ послѣдующихъ выборахъ уже дѣйствуютъ законы, запрещающіе выборнымъ чиновникамъ участіе въ пас-

*) Предлагаемая таблица составлена мною по даннымъ, печатавшимся министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ „Державномъ Вѣстникѣ", по поводу каждыхъ выборовъ. Для большей наглядности выводовъ, я оставилъ въ сторонѣ абсолютныя цифры и представилъ отношенія между различными профессіями депутатовъ въ процентахъ. Буква В. означаетъ великое собраніе, остальныя собранія—обыкновенныя.

сивномъ избирательномъ правѣ, чѣмъ и объясняется сокращеніе цифръ первой рубрики. Въ ней регистрируются, съ этихъ поръ, главнымъ образомъ, министры и пенсіонеры; число послѣднихъ быстро растетъ, что и отзывается на величинѣ послѣдней цифры первой рубрики. Главное значеніе принадлежитъ второй и третьей рубрикамъ, изъ которыхъ одна—земледѣльцы, торговцы и т. д.—послѣ небольшой потери при Радославовѣ (1899), непрерывно растетъ, а другая—люди либеральныхъ профессій,—какъ разъ при Радославовѣ и при слѣдующихъ свободныхъ выборахъ достигшая максимальныхъ цифръ, нѣсколько падаетъ. Чтобы лучше разобраться въ значеніи этихъ противоположныхъ перемѣнъ, мы теперь раздѣлимъ каждую изъ двухъ рубрикъ на ея составные элементы.

	IIIB	V	IVB	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
Земледѣльцы . . .	28,2	17,5	13,6	9,2	4,8	9,7	9,4	20,7	20,9	18,5
Торговцы, банкиры, фабриканты . .	34,2	32,1	37,7	24,5	26	32,3	24,9	16,7	25	27,7
Ремесленники и промышленники.	4,3	0,6	0,4	„	1,2	0,6	5,3	2,5	1,5	0,5
Адвокаты, помощники, „прошенописцы“	9,9	15,8	6,4	16,6	28,5	20,7	37,2	34,8	31,1	30,1
Другія либерал. профессіи	4,1	6	2,4	3,6	8,5	7,3	9,4	13,1	13,8	6,8

Какъ видимъ, въ паденіи и увеличеніи цифръ обѣихъ изучаемыхъ рубрикъ разные составные элементы ихъ играютъ далеко не одинаковую роль. Передъ режимомъ Стоилова депутаты-земледѣльцы гораздо быстрѣе исчезаютъ изъ камеры, чѣмъ депутаты-торговцы. Жители Софіи сохраняютъ уже какъ отдаленное преданіе память о томъ, какъ, бывало, въ доброе старое время депутаты въ сельскихъ самодѣльныхъ костюмахъ располагались въ промежуткахъ засѣданій тутъ же на улицѣ, у помѣщенія палаты, и, сидя на землѣ, съѣдали принесенный изъ дому завтракъ. Но, однако, со времени Стоилова (IX), цифры депутатовъ-земледѣльцевъ начинаютъ расти и во время свободныхъ анти-радославистскихъ выборовъ (XI) поднимаются рѣзкимъ скачкомъ съ 9,4% до 20,7%, увеличиваясь еще до 20,9 въ послѣдующихъ (цанковистскихъ) выборахъ. Причину этого яркаго факта мы знаемъ: это все та же „земледѣльческая ассоціація“, которая, извѣрившись, очевидно, въ присяжныхъ политиковъ, послала въ палату своихъ собственныхъ людей, уже не похожихъ на старыхъ наивныхъ селянъ, отъ которыхъ консерваторы времени Александра ожидали простодушнаго сочувствія князю и противодѣйствія его врагамъ либераламъ. Когда цѣль отмѣны десятка была достигнута, вниманіе сельскихъ избирателей къ „большой политикѣ“, очевидно, снова ослабѣло, что и отразилось на пониженіи цифры въ послѣднихъ выборахъ. Напротивъ, политическій интересъ торговцевъ оказался устойчивѣе. Выигравшіе

въ значеніи при Стоиловѣ и нѣсколько потерявшіе въ послѣдующихъ выборахъ, они оправляются и стойко идутъ впередъ въ въ послѣдніе годы.

Рубрика либеральныхъ профессій даетъ матеріалъ для не менѣе интересныхъ заключеній. Преобладающую роль среди этихъ профессій, какъ и слѣдуетъ ожидать, играютъ адвокаты, изъ которыхъ мало по малу и выработывается классъ присяжныхъ политиковъ. Высшей точки своего вліянія въ палатѣ адвокаты достигаютъ при Радославовѣ (X), что отчасти указываетъ и на характеръ этого вліянія. Этимъ сравнительнымъ обиліемъ интеллигентныхъ политиковъ объясняется возможность для господствующихъ партій обойтись безъ услугъ людей выборной службы. Адвокаты занимаютъ въ политической жизни страны ихъ мѣсто, что, конечно, само по себѣ показываетъ, что политическая жизнь создаетъ себѣ свое собственное нормальное русло. Образованіе класса политиковъ есть, безъ сомнѣнія, необходимый фактъ во всякой странѣ, пользующейся благами представительныхъ учрежденій, и декламировать по этому поводу на тему о „присяжномъ политиканствѣ“ можетъ только жалкое непониманіе. Злоупотребленія бываютъ вездѣ, и предложеніе можетъ превысить спросъ въ этой, какъ и въ другихъ профессіяхъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы на самую профессію слѣдовало смотрѣть какъ на какое-то общественное бѣдствіе. Мы видимъ при томъ какъ разъ на разбираемомъ примѣрѣ, что сама жизнь свободныхъ учрежденій вноситъ необходимый коррективъ къ возможнымъ злоупотребленіямъ. Стоитъ сравнить максимальную цифру радославовскихъ выборовъ съ цифрами послѣдующими, особено съ ближайшей цифрой антирадославовскихъ выборовъ, чтобы видѣть, какъ въ томъ же классѣ, который побилъ рекордъ болгарской политической коррупціи, нашлись люди, которое помогли покончить съ коррупціей. Цифра адвокатовъ падаетъ очень мало, но одновременно сильно повышается цифра другихъ интеллигентныхъ профессій (преимущественно писателей и журналистовъ), при общемъ повышенномъ вниманіи страны. Значительное паденіе цифры интеллигентовъ на послѣднихъ выборахъ, разумѣется, объясняется ихъ опасеніемъ передъ насиліями стамбулистовъ.

При раздробленности главныхъ политическихъ партій, при отсутствіи устойчиваго большинства и меньшинства, парламентаризмъ можетъ функціонировать въ Болгаріи или при помощи искусственныхъ выборовъ, или при помощи коалиціонныхъ кабинетовъ. До паденія Стамбулова практиковалась преимущественно первая система; послѣ того вторая стремится вытѣснить первую, хотя не всегда успѣшно. Третьей—и наиболѣе плодотворной—была бы система большихъ партій, но формировка такихъ партій еще остается задачей будущаго. При большомъ государственномъ смыслѣ болгаръ, надо думать, что эту задачу они разрѣшатъ успѣшно

Въ прилагаемой далѣе таблицѣ распредѣленія депутатовъ по партіямъ въ тринадцати обыкновенныхъ собраніяхъ конституціонной Болгаріи мы помѣстили съ лѣвой стороны—собранія до паденія Стамбулова, направо—послѣ этого времени. Посреди помѣщены названія партій: налѣво — тѣ, которыя соотвѣтствуютъ положенію партій въ первую, направо — во вторую эпоху. Скобки показываютъ союзы и группировки между партіями, при чемъ правительственное большинство изображено цифрами, напечатанными жирнымъ шрифтомъ. Послѣ очерка исторіи партій, даннаго во второмъ отдѣлѣ, эта таблица не нуждается въ дальнѣйшихъ поясненіяхъ, представляя лишь резюме сказаннаго тамъ. Матеріалы для таблицы взяты изъ современныхъ газетъ, а для послѣднихъ четырехъ собраній изъ оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ, уже упоминавшихся выше. Состояніе партій въ нихъ соотвѣтствуетъ не окончательному положенію дѣла, а деклараціямъ, даннымъ кандидатами на выборахъ.

I	II	III	IV	V	VI	VII		VIII	IX	X	XI	XII	XIII
1879	1880	1882	1884 и 1886 *)	1887	1890	1893		1894	1896	1899	1901	1902	1903
30	30	49	25	.	.	.	консерваторы } народняки	**26**	**160**	2	30	31	23
.	.	.	24 }	25			соединисты } народняки	**40**					
140	**115**	4	40 }		20	12	либералы: 1. довольные (цанковисты)—прогресс. либералы . . .	25+**15**	1	13	**42**	**97**	6
			100				2. недовольные (каравелисты) a. демократы	8	2	10	30	12	7
			60				(казенные) b. (радослависты) либералы	**37**	7	**114**	5	7	14
				250	**240**	**131**	c. (стамбулисты) народо-либералы .	.	3	**19**	34	9	**124**
							соціалисты	3	2	4	2	6	.
							земледѣльч. организація	.	.	.	13	12	.
							младодемократы, независ. демократы, дем. республиканцы реформаторы . . .	.	.	.	5	4	.
			5	.	10	6	независимые и неопредѣленные, тур. группа, случайные	.	.	.	25	17	15

*) Дополнительные выборы депутатовъ изъ южной Румеліи: вторая и пятая цифры (24 и 60). Всѣ цифры этой половины таблицы показаны приблизительно.

Подавляющія большинства нашей таблицы, которыя то случайно вынырнутъ въ томъ или другомъ мѣстѣ таблицы, то такъ же быстро и безслѣдно исчезнутъ, возвращаютъ насъ къ отрицательнымъ сторонамъ режима партій. Мы уже знакомы съ отношеніемъ этого режима къ прерогативѣ князя и къ психологіи избирателей. Намъ остается нѣсколько внимательнѣе остановиться на отношеніи его къ самимъ членамъ партій. Подавляющее большинство въ палатѣ создается насильственными выборами. Но оно подготовляется и поддерживается системой широкаго патронажа и щедраго дѣлежа „добычи".

Раздача чиновническихъ должностей партизанамъ составляетъ, несомнѣнно, одну изъ самыхъ темныхъ сторонъ конституціонной практики. Это распредѣленіе должностей между партизанами, съ одной стороны, является необходимымъ условіемъ для господства партіи въ странѣ, а съ другой—естественнымъ продуктомъ этого господства, какъ дѣлежъ добычи между побѣдителями. Въ первомъ смыслѣ отъ всякой перемѣны министерства особенно страдаютъ тѣ части государственнаго механизма, которыя имѣютъ отношеніе къ избирательной машинѣ. Наличный составъ полиціи и администраціи, также какъ составъ городскихъ и сельскихъ выборныхъ совѣтовъ, подвергаются въ этомъ случаѣ почти полной смѣнѣ. Особенно необходимой является такая смѣна въ случаяхъ рѣзкаго контраста партій, смѣняющихъ другъ друга во власти. Менѣе всего практиковались партійныя перемѣны въ администраціи въ первые годы Александра, когда мы встрѣчаемъ и выборы болѣе свободные, и партійную группировку болѣе принципіальную. Но и изъ этого періода въ нашемъ обзорѣ мы встрѣчали достаточно примѣровъ смѣны чиновничества и кметовъ, какъ средства выборной борьбы. Съ 1887 г., со времени Стамбулова, это средство начинаетъ примѣняться въ особенно широкихъ размѣрахъ. Самъ Стамбуловъ, получившій свою партію по наслѣдству отъ предшественниковъ-либераловъ, еще не имѣлъ особой нужды въ массовой смѣнѣ чиновничества. Но при такой крутой перемѣнѣ, какъ переходъ власти отъ стамбулистовъ къ народнякамъ въ 1894 г., смѣна администраціи и полиціи оказывается почти полной. Изъ 24-хъ окружныхъ управителей Стоиловъ смѣнилъ 21, изъ 84 околійскихъ начальниковъ — 70 и, кромѣ того, заставилъ переизбрать 1,500 кметовъ въ одинъ мѣсяцъ. То же самое повторилось при замѣнѣ народняковъ радославистами. Каравеловъ дѣйствовалъ гораздо болѣе совѣстливо, и послѣдующія правительства пользовались этимъ пріемомъ сравнительно умѣренно. Приблизительно тѣ же наблюденія можно сдѣлать и относительно поведенія различныхъ партій при дѣлежѣ добычи. Обыкновенно, больше всего страдаютъ при этомъ министерства внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, и гораздо менѣе такія министерства, какъ почтъ и телеграфовъ или народнаго

просвѣщенія, гдѣ смѣна чиновниковъ подчиняется строго опредѣленнымъ правиламъ.

Высшія мѣста государственной службы, требующія болѣе спеціальныхъ познаній и занятыя болѣе вліятельными людьми, вообще менѣе страдаютъ отъ частыхъ перемѣнъ, чѣмъ низшія должности. Перемѣны на высшихъ постахъ составляютъ обыкновенно около 10% всѣхъ мѣстъ, тогда какъ на низшихъ должностяхъ смѣна лицъ доходитъ до 50%. Надо признать, что болгарскіе государственные люди сами отлично понимаютъ весь вредъ этой партійной практики и до сихъ поръ употребили не мало усилій, чтобы сократить сферу партійнаго патронажа. Фактически, перемѣны въ военномъ вѣдомствѣ съ самаго начала стояли внѣ вліянія партійной борьбы, а въ послѣднія десять лѣтъ и назначенія по министерству иностранныхъ дѣлъ зависятъ непосредственно отъ князя. Затѣмъ въ собственной сферѣ чиновничества еще въ 1882 г. былъ проведенъ законъ, — съ тѣхъ поръ формально не отмѣненный, хотя и не соблюдавшійся (это время режима „полномочій"), — по которому, спустя три года послѣ назначенія, чиновники могли быть смѣняемы только съ разрѣшенія особой высшей коммиссіи, назначаемой государственнымъ и министерскимъ совѣтами, съ участіемъ депутата отъ высшаго суда. Законъ, проведенный Даневымъ въ 1903 году, только возобновилъ эти распоряженія, замѣнивъ высшую коммиссію дисциплинарнымъ совѣтомъ (при министерскомъ совѣтѣ). Однако, Даневъ воспользовался этой реформой по-партизански: онъ провелъ свой законъ въ послѣдніе дни своего министерства, предварительно пополнивъ ряды чиновничества сторонниками своей партіи. Замѣнившее его стамбулистское министерство начало съ того, что суспендировало дѣйствіе изданнаго такимъ образомъ закона. Однако, благодѣтельное значеніе даневскаго закона настолько очевидно, что рано или поздно онъ долженъ быть возстановленъ. Всего прочнѣе, конечно, это будетъ въ томъ случаѣ, если возобновленіе явится результатомъ компромисса нѣсколькихъ сильныхъ партій, которыя будутъ одинаково заинтересованы въ его соблюденіи. Нѣсколько счастливѣе былъ Даневъ въ другой своей мѣрѣ, направленной къ той же цѣли оздоровленія партійнаго режима. По его закону объ общинахъ министръ внутреннихъ дѣлъ сохранилъ право распускать общинный совѣтъ только въ томъ случаѣ, когда болѣе половины общинныхъ совѣтниковъ подадутъ въ отставку или будутъ отстранены отъ управленія по требованію судебныхъ властей для отдачи ихъ подъ судъ за какія-нибудь неправильности, и то если при этомъ подбальные кандидаты на ихъ мѣста получили не менѣе половины голосовъ, поданныхъ за отстраненныхъ членовъ. Однако же, нашлось достаточно угодливыхъ прокуроровъ, готовыхъ ловить желанія власти или мѣстныхъ влія-

тельныхъ лицъ, и при стамбулистскомъ правительствѣ (1903) было распущено всетаки около 300 общинныхъ совѣтовъ, подъ предлогомъ отдачи подъ судъ (иногда ихъ заставляли, впрочемъ, подавать прошенія объ отставкѣ). Въ ближайшей (1904) сессіи народнаго собранія имѣется въ виду улучшить законъ, введя новое требованіе, чтобы отдача подъ судъ производилась не по желанію одного прокурора, а по рѣшенію цѣлаго окружнаго суда. Мы видимъ, такимъ образомъ, что здѣсь такъ же, какъ въ избирательномъ законѣ, законодатель принужденъ былъ въ концѣ концевъ искать опоры въ магистратурѣ, какъ наиболѣе безпристрастномъ и стойкомъ въ политическомъ отношеніи элементѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ общемъ болгарская магистратура стоитъ на высотѣ возлагаемыхъ на нее ожиданій; но нѣтъ правила безъ исключеній, и, при общей неблагопріятной обстановкѣ общественной жизни, эти исключенія грозятъ сдѣлаться чаще послѣ возложенія на магистратуру деликатной и отвѣтственной политической роли. Необходимымъ послѣдствіемъ этой новой роли является, такимъ образомъ, усиленіе независимости и самостоятельности судебнаго сословія. По дѣйствующему закону болгарскіе судьи становятся несмѣняемыми лишь послѣ 15 лѣтъ службы; срокъ, несомнѣнно, слишкомъ длинный, и скорѣе способный послужить преміей за долголѣтнюю угодливость, чѣмъ воспитать духъ независимости въ магистратурѣ.

Какъ бы то ни было, приведенный рядъ усилій бороться съ самымъ опаснымъ зломъ партійнаго режима—партизанскимъ патронажемъ,—свидѣтельствуетъ о томъ, что болгарскіе политическіе дѣятели одинаково далеки отъ доктринерскаго оптимизма и отъ дешеваго скептицизма по отношенію къ парламентскому режиму. Не закрывая глазъ на дѣйствительность и не смущаясь огульной критикой принципіальныхъ враговъ парламентаризма, они шагъ за шагомъ отвоевываютъ почву у злоупотребленій парламентаризма, тѣмъ самымъ реабилитируя основную идею его.

Здѣсь мѣсто вообще упомянуть о практикѣ парламентарныхъ гарантій. По конституціи гарантіи эти двоякаго рода: однѣ состоятъ въ правѣ палаты назначать слѣдствія по управленію и предавать суду министровъ, другія заключаются въ обезпеченныхъ конституціей основныхъ правахъ гражданина. Что касается права контроля палаты надъ министрами, оно не оставалось мертвой буквой въ Болгаріи. Два раза въ теченіе своего короткаго конституціоннаго опыта народные представители давали выходъ возмущенному общественному мнѣнію, назначая парламентское слѣдствіе надъ павшими министрами. Первый разъ это было при ликвидаціи режима „полномочей", для разбора отвѣтственности министровъ въ хищеніяхъ Хаджіенова, въ соучастіи съ которымъ обвиняло консерваторовъ общественное мнѣніе. Вслѣдствіе наступившихъ затѣмъ политическихъ осложненій и ката-

строфъ, коммиссія не довела своего дѣла до конца. Второй разъ въ результатѣ парламентской анкеты министры радославовскаго кабинета (Радославовъ, Иванчевъ, Тончевъ и Тоневъ) были преданы суду, который и вынесъ противъ нихъ очень строгій приговоръ, присудивъ ихъ къ восьми мѣсяцамъ тюрьмы и лишенію гражданскихъ и политическихъ правъ. Это торжество идей парламентскаго контроля было, однако же, нѣсколько ослаблено послѣдующимъ рѣшеніемъ XIII народнаго собранія, не только давшаго полную амнистію осужденнымъ министрамъ, но и принявшаго новый „толкователенъ законъ", по смыслу котораго министровъ можно судить не за нарушеніе обыкновенныхъ законовъ, а лишь за нарушеніе конституціи.

Что касается гарантій, заключающихся въ основныхъ правахъ, обезпеченныхъ конституціей, то практика этихъ гарантій также весьма поучительна. Попытки нарушенія ихъ сводятся къ одному изъ двухъ типовъ: или къ ограниченію ихъ путемъ законодательныхъ распоряженій, или къ фактическому ихъ несоблюденію. Законодательныя ограниченія основныхъ правъ были немногочисленны, преимущественно относились они къ первымъ годамъ конституціонной практики и затѣмъ отмѣнялись. Гораздо многочисленнѣе были случаи фактическаго несоблюденія существующихъ законовъ; этого рода нарушенія основныхъ правъ, при отсутствіи въ болгарскомъ обществѣ вкоренившагося чувства законности, временами превращались въ господствующее правило. Наглядный и яркій примѣръ сказаннаго мы можемъ видѣть на практикѣ свободы печати, какъ извѣстно, гарантированной болгарской конституціей. Болгарская печать свободна, можетъ быть, свободна болѣе, чѣмъ гдѣ либо, такъ какъ она не только не стѣснена цензурой и судебныя преслѣдованія по дѣламъ печати почти безполезны, но и со стороны традиціи, религіозныхъ и культурныхъ привычекъ и обычаевъ, соціальныхъ условностей она стѣснена менѣе, чѣмъ пресса болѣе культурныхъ странъ стараго и новаго свѣта. По своимъ пріемамъ болгарская печать очень напоминаетъ американскую, съ ея ненасытнымъ любопытствомъ и безцеремонностью, съ интересомъ къ личнымъ дѣламъ и отношеніямъ, не менѣе, чѣмъ къ событіямъ общественной жизни. Естественно, что уже одно это могло дать богатый матеріалъ для криминалистики; но, конечно, главной причиной борьбы, которую ведетъ болгарскій „наказателенъ законъ" противъ печати, является огромная роль, какую играютъ органы печати въ политической жизни страны. Огромную часть болгарской прессы составляетъ пресса партизанская, еще болѣе рѣзкая и не стѣсняющаяся въ выраженіяхъ, чѣмъ немногіе органы безпартійной прессы. Принимать за чистую монету весь лексиконъ сильныхъ выраженій, ежедневно обогащаемый изобрѣтательными въ этомъ отношеніи дѣятелями партійной печати, было бы, конечно, такой же ошибкой, какъ вѣрить на слово всему, что говоритъ американская пресса.

Подобно послѣдней, это скорѣе предохранительный клапанъ, черезъ который выпускается лишній жаръ и пылъ, порождаемый кипѣніемъ политическихъ страстей. Этой прессой всѣ пользуются, но только наивные вѣрятъ на слово тому, что говорится въ газетахъ. Съ этимъ коррективомъ читательскаго скептицизма, газета дѣлаетъ свое дѣло и приноситъ пользу, не смотря на то, что наиболѣе серьезные политическіе дѣятели давно перестали принимать то личное участіе въ публицистикѣ, какое они принимали въ первые годы болгарской политической жизни, уступивъ свое мѣсто „вѣстникарямъ" по спеціальности или начинающимъ политикамъ. Надо сказать, что вообще, чѣмъ болѣе растетъ въ количествѣ читающая публика и чѣмъ болѣе растутъ ея требованія отъ газеты, тѣмъ менѣе она обнаруживаетъ склонности удовлетворяться партизанской прессой и тѣмъ болѣе переноситъ свое вниманіе къ тѣмъ органамъ, которые стараются удовлетворить не партизанскому, а просто читательскому вкусу и любопытству. Наибольшее количество читателей имѣетъ, напр., теперь „Вечерняя Почта", издающаяся въ 10.000 экземплярахъ, тогда какъ органъ правительства, „Новъ Вѣкъ", не смотря на обязательныхъ абонентовъ, расходится всего въ 5—6.000 экземплярахъ, а изъ оппозиціонныхъ органовъ наиболѣе вліятельный—органъ старой демократической партіи „Прѣпорецъ"—печатается въ 2.600 экземплярахъ. Не смотря на то, что, такимъ образомъ, партійные органы обращаются къ сравнительно небольшому кругу присяжныхъ партизановъ, правительственныя партіи рѣдко обнаруживали то терпѣніе и уваженіе къ принципу свободы печатнаго слова, которое было бы лучшей государственной мудростью. Длинная серія преслѣдованій по дѣламъ печати, въ рамкахъ конституціи и внѣ этихъ рамокъ, путемъ закона, суда или административныхъ мѣръ, тянется черезъ всѣ двадцать пять лѣтъ болгарской политической жизни, представляя собою рядъ эпизодовъ, то драматическихъ, то комическихъ. Характернымъ образомъ первое преслѣдованіе, начатое противъ печати, возбуждено было судебной властью, по прямому требованію II народнаго собранія, и обращено было либеральнымъ большинствомъ этой камеры противъ консервативной газеты „Витоша", какъ актъ политической мести. Тогда еще не было даже закона о преступленіяхъ по дѣламъ печати, и такъ какъ судебная власть выяснила невозможность преслѣдованія по статьямъ 47 и 76 конституціи (т. е. во имя экстренныхъ полномочій въ чрезвычайныхъ случаяхъ), то рѣшено было считать дѣйствующимъ старый турецкій законъ о печати—надо сказать, довольно либеральный по буквѣ. Дѣйствительно, послѣдующіе законы, изданные народнымъ правительствомъ, почти всѣ преслѣдовали не столько цѣли огражденія, сколько цѣли ограниченія правъ печати. Таковъ былъ, прежде всего, первый болгарскій законъ о печати, 6 февр. 1883, изданный государственнымъ совѣтомъ времени „полномочій"

(см. выше). Въ концѣ того же года, уже при Цанковѣ, какъ результатъ его „компромисса" съ княземъ и консерваторами, принятъ былъ камерой дополнительный законъ 14 декабря 1883, очевидно направленный противъ старыхъ товарищей Цанкова по либеральной партіи, эмигрировавшихъ во время „полномочій" въ Румелію и оттуда агитировавшихъ въ княжествѣ при помощи своего органа, пловдивской „Независимости". По §§ 10 и 11 дополнительнаго закона, министерскій совѣтъ получалъ право запрещать ввозъ книгъ и газетъ изъ-за границы, а распространителю таковыхъ въ княжествѣ грозилъ штрафъ отъ 20 до 200 франковъ. Очевидно, противоконституціонное, это постановленіе никогда не примѣнялось, такъ какъ эмигранты тотчасъ же вернулись въ княжество и перенесли свои органы въ самую столицу. Затѣмъ, въ министерство Каравелова проведенъ былъ сравнительно либеральный законъ о печати, въ формѣ дополнительнаго отдѣла къ уложенію о наказаніяхъ *). Каравеловскій законъ (18 января 1885), однако, тоже примѣнялся недолго: 10 сентября того же года было объявлено военное положеніе, и софійскимъ типографіямъ запрещено было выпускать въ свѣтъ что бы то ни было въ нихъ напечатанное до предварительнаго одобренія градоначальника. Это было форменное введеніе предварительной цензуры. Мы видѣли, какъ воспользовался Каравеловъ военнымъ положеніемъ противъ возобновленной его бывшими радикальными партизанами „Независимости" (см. выше). Предварительная цензура существовала и дѣйствовала и въ 1886 г. въ вѣдомствѣ министра внутреннихъ дѣлъ (Радославова). Стамбуловъ, такимъ образомъ, нашелъ эту практику уже готовой, и первымъ дѣломъ обратилъ ее противъ собственнаго органа Каравелова „Тырновской Конституціи". Съ конца 1886 г. „Тырновская Конституція" начала появляться съ пробѣлами, на которыхъ крупными буквами было объяснено „запрещено цензурой". Это, однако, было немедленно запрещено; тогда редакція стала заполнять мѣста, выброшенная цензурой, цитатами изъ Библіи, подобранными къ случаю и напечатанными славянскимъ шрифтомъ, а также статьями конституціи объ основныхъ правахъ, нарушавшихся режимомъ Стамбулова.

Въ засѣданіи палаты 27 ноября 1887 г. министру внутреннихъ дѣлъ былъ сдѣланъ слѣдующій запросъ: „почему не позво-

*) По конституціи не полагалось *особаго* закона о печати и предполагавшееся постановленіе объ этомъ было выкинуто учредителями изъ проекта конституціи, на томъ основаніи, что преступленія о печати должны судиться по общимъ законамъ. Постановленіе это либеральное въ томъ смыслѣ, что устраняло спеціальныя изъятія изъ общихъ законовъ *противъ* печати, однако въ то же время не допускало и спеціальныхъ облегченій въ процедурѣ и въ наказаніяхъ *въ пользу* печати. Въ послѣдующемъ болгарскомъ законодательствѣ о печати такія облегченія были по временамъ вводимы по примѣру теоріи и практики европейскихъ законодательствъ.

ляется издавать другія газеты, кромѣ (стамбуловскаго органа) „Свободы"? И не противорѣчитъ ли подобное распоряженіе ст. 79 конституціи?" Стамбуловъ отвѣчалъ, что правительство хотѣло отмѣнить военное положеніе и предварительную цензуру послѣ вокняженія Фердинанда, но нашлись газеты, которыя проповѣдывали бунтъ противъ главы государства, и въ виду труднаго положенія Болгаріи, а также въ виду недостаточности существующаго закона о печати, въ виду всего того зла, какое нанесла печать при сверженіи бывшаго князя и деморализаціи, посѣянной въ войскахъ и народѣ, рѣшено было постановленіемъ министерскаго совѣта ввести предварительную цензуру. „Я сознаю всю пользу свободы печати,—прибавлялъ Стамбуловъ,—признаю, что безъ нея не можетъ быть развитія въ конституціонной державѣ, что свобода необходима для прогресса; но признаю также, что свобода и интересъ отечества выше свободы печати". Затѣмъ Стамбуловъ обѣщалъ предварительно внести законъ, „который опредѣлилъ бы болѣе тяжелыя наказанія за преступленія печати, и, послѣ принятія закона, отмѣнить цензуру". Проектъ былъ дѣйствительно немедленно внесенъ и черезъ пять дней сдѣлался закономъ (17 декабря 1887 г.). По этому закону, между прочимъ, введены были штрафы за открытіе типографіи безъ явки полиціи и за выходъ періодическаго изданія безъ подписи отвѣтственнаго редактора. Отвѣтственный редакторъ долженъ былъ быть болгарскимъ подданнымъ, пользующимся гражданскими и политическими (этимъ исключались женщины) правами и имѣющимъ постоянное жительство въ мѣстѣ, гдѣ выходитъ изданіе (этотъ конецъ фразы впослѣдствіи выкинутъ). Затѣмъ снова введена цензура министерскаго совѣта надъ иностранными книгами и газетами; введено наказаніе тюремнымъ заключеніемъ отъ 1 до 5 лѣтъ за „подстрекательство къ преступленіямъ, нарушающимъ внутреннюю и внѣшнюю безопасность государства или личную безопасность князя".

Послѣ изданія закона 1887 г. оппозиціонныя газеты возобновили существованіе, но законъ примѣнялся очень строго, и вновь введенная должность „отвѣтственнаго редактора" оказывалась далеко-далеко не простой синекурой. Послѣ паденія Стамбулова оказалось, что 15 такихъ редакторовъ сидѣло въ тюрьмѣ по судебнымъ приговорамъ: въ томъ числѣ 5 редакторовъ одного „Свободнаго Слова". Въ это время завелся обычай нанимать за сходную плату особыхъ Sitzredacteure, съ спеціальной обязанностью отсиживать въ тюрьмѣ наказанія, наложенныя судомъ по новому закону. Франковъ 50 въ мѣсяцъ считалось хорошимъ вознагражденіемъ за это ремесло. Разумѣется, за него брались подходящія лица, не имѣвшія ничего общаго съ литературой.

Стамбуловскому закону о печати посчастливилось: онъ не только пережилъ своего иниціатора, но и былъ дополненъ и измѣненъ въ

смыслѣ еще большей строгости. Напр., по такъ называемому „измѣненію Папанчева“ (1896) для должности отвѣтственнаго редактора стали требоваться лица съ среднимъ образованіемъ, что заставило журналистовъ искать своихъ Sitzredacteure среди студентовъ высшаго училища. Тогда министръ Петевъ (въ кабинетѣ Иванчева) пошелъ дальше: „временными правилами“, изданными въ административномъ порядкѣ, требовалось отъ отвѣтственнаго редактора высшее образованіе (5 іюля 1900). Эти временныя правила, впрочемъ, уже въ слѣдующемъ году, при Каравеловѣ, были отмѣнены. Новаго закона о печати пока не издано, хотя стамбулистское министерство Рачо Петрова и поспѣшило провести частичный законъ о преступленіяхъ „противъ особы“. Наказанія за оскорбленіе „особы“ были усилены, для разбора дѣлъ назначенъ судъ безъ присяжныхъ засѣдателей, понятіе оскорбленія величества распространено на всю родню князя; всякое содѣйствіе осужденному путемъ сбора денегъ для уплаты за него пени, наложенной судомъ, признано также за особое преступленіе. Изданіе этого закона было однимъ изъ наиболѣе непопулярныхъ дѣйствій настоящаго министерства, а осужденіе, на основаніи этого закона, популярнаго писателя Михайловскаго (условное, на 6 мѣсяцевъ тюрьмы) за прозрачныя обвиненія князя въ соучастіи при неудачной покупкѣ военныхъ патроновъ у одной французской фабрики, только подчеркнуло непопулярность закона. Надо признать, что языкъ болгарской прессы относительно князя далеко выходитъ изъ предѣловъ всего, что позволяетъ себѣ въ этомъ случаѣ какая бы то ни было другая пресса. Но „законъ объ особѣ“ есть весьма несовершенное орудіе для борьбы съ безцеремонностью болгарскихъ газетныхъ нравовъ. Какъ большая часть подобныхъ законовъ, онъ можетъ только придать остроты и пикантности газетнымъ выходкамъ и сдѣлать смѣшной и ненавистной ту власть, для защиты которой онъ предназначается.

Изъ другихъ публичныхъ основныхъ правъ право митинговъ пытался ограничить Начовичъ еще въ 1882 г. По его закону, собранія дозволялись лишь „въ домѣ“ (а не на открытомъ воздухѣ, какъ позволено конституціей), и при томъ полиція должна была за три дня получить увѣдомленіе, что митингъ соберется. Понятно, что это равнялось не только запрещенію митинговъ, но организованному полицейскому наблюденію за частными квартирами. Законъ не примѣнялся, такъ же какъ и замѣнившій его въ слѣдующемъ (1883) году законъ Цанкова. Въ 1884 г. всѣ ограниченія были отмѣнены Каравеловымъ. Послѣдующія ограниченія и затрудненія предпринимались уже не въ законодательномъ, а въ полицейскомъ порядкѣ.

Что касается права составленія союзовъ, то оно практиковалось невозбранно и не возбуждало сомнѣній до тѣхъ поръ, пока правительство, 30 января 1903, не закрыло, изъ опасенія междуна-

родныхъ усложненій, „македонскихъ дружествъ“ во всей Болгаріи. Этотъ случай вызвалъ много пререканій въ печати, при чемъ „младо-либеральный“ органъ, „Демократическій Прегледъ“, защищалъ полную законность и конституціонность упомянутой мѣры. Во всякомъ случаѣ, была признана недостаточность и неполнота закона, ограждающаго право союзовъ, указана вышеупомянутая ошибка Моллова, переведшаго терминъ „mesure préventive“ невѣрно, какъ „предварительное разрѣшеніе“ (autorisasion préalable, ср. выше) и тѣмъ сузившаго сферу законной свободы союзовъ; указана, наконецъ, желательность, при необходимости закрытія союзовъ, судебной процедуры, вмѣсто административной, т. е. вмѣсто рѣшенія совѣта министровъ.

Соблюдаются ли въ Болгаріи личныя основныя права, т. е. неприкосновенность личности и собственности, отвѣтственность только по суду и наказаніе только въ предѣлахъ законовъ, неприкосновенность жилища и запрещеніе произвольныхъ обысковъ и арестовъ? И да, и нѣтъ. Насильственныя мѣры, нарушающія всѣ эти конституціонныя гарантіи, случаются и даже не составляютъ большой рѣдкости при управленіи самыхъ разнообразныхъ партій. Но всѣ правонарушенія этого рода отличаются одной чертой, отчасти обезвреживающей ихъ политическое значеніе. Очередное правительство обыкновенно не пытается возвести этихъ административныхъ пріемовъ въ теорію, въ постоянную систему, и оградить себя какими-нибудь законами или постановленіями, замѣняющими законы, отъ легальной отвѣтственности. Правительство очень рѣдко даже прибѣгаетъ къ тѣмъ параграфамъ конституціи, которые въ исключительныхъ случаяхъ даютъ ему чрезвычайныя полномочія. Подобно Стамбулову, нарушители конституціи прямо признаются, что ее нарушаютъ, и не пытаются нарушеніе закона возвести въ законъ. Такимъ образомъ, широкая сфера административнаго воздѣйствія существуетъ лишь фактически, и около случаевъ такого воздѣйствія всегда поднимается шумъ, который, можетъ быть, и создаетъ впечатлѣніе, что въ Болгаріи нарушеніе основныхъ правъ составляетъ повседневное явленіе. Въ дѣйствительности, здѣсь, какъ и въ другихъ упоминавшихся случаяхъ, болгарское общество очень чувствительно къ нарушенію своихъ правъ и, фактически мирясь съ привычнымъ режимомъ беззаконія, никогда не забываетъ протестовать противъ него принципіально. Старое поколѣніе, видавшее худшіе виды, конечно, руководится при этомъ больше умомъ, чѣмъ инстинктомъ и жизненной привычкой; но можно замѣтить, какъ привычки и требованія свободной политической жизни быстро развиваются у молодыхъ поколѣній, и какъ, вслѣдствіе этого, возрастаетъ щекотливость ко всякимъ нарушеніямъ основныхъ гарантій. Можно прибавить, что и самая практика партійной борьбы невольно сообразуется съ этой перемѣной въ общественномъ самочувствіи, и, въ

результатѣ, такія грубыя нарушенія нормальнаго хода политической жизни, какія могъ позволять себѣ Стамбуловъ, въ настоящее время кажутся уже совсѣмъ невозможными и невыносимыми. Мы упоминали, какъ постепенно утончаются пріемы избирательной борьбы, этого фокуса всѣхъ политическихъ и частныхъ страстей. Словомъ, *неписаная* конституція постепенно крѣпнетъ и обростаетъ кругомъ параграфовъ бумажнаго документа.

Что далъ этотъ документъ Болгаріи и не лучше ли было для страны, если бы ея политическая жизнь съ самаго начала была поставлена въ большее соотвѣтствіе съ элементарной степенью развитія и съ элементарнымъ общественнымъ строемъ?

Мы думаемъ, что сдѣланный нами обзоръ самъ по себѣ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. Болгарія обязана своей конституціи, прежде всего, той степенью независимости въ своемъ международномъ положеніи, какой она теперь достигла. Только въ непосредственномъ прикосновеніи съ живымъ голосомъ всей страны можно было такъ быстро и сильно реагировать на всѣ опасности, грозившія извнѣ, такъ быстро исправлять всѣ ошибки отдѣльныхъ личностей и пресѣкать по первому признаку ихъ опасныя послѣдствія. И эта смѣлость, и эта рѣшительность, и эта гибкость и изворотливость—всѣ эти черты, обнаруженныя болгарскими политиками—объясняются тѣмъ, что ихъ рука, управлявшая государственнымъ кораблемъ, всегда лежала на томъ мѣстѣ, гдѣ всего вѣрнѣе чувствовалось біеніе общественнаго пульса страны. Они были иногда очень безцеремонны въ своемъ обращеніи съ этимъ „общественнымъ пульсомъ" и часто дозволяли себѣ преслѣдовать личные интересы. Но они знали, что есть граница, которую перешагнуть нельзя, не разбудивъ общественнаго цербера, нельзя въ собственныхъ же интересахъ, чтобы не подвергнуться очень реальной отвѣтственности: вотъ почему они, въ общемъ, всегда вѣрно держали свой курсъ.

Когда вы читаете протоколы первыхъ же засѣданій перваго учредительнаго собранія, вы сразу получаете впечатлѣніе, которое затѣмъ сопровождаетъ васъ при самомъ подробномъ изученіи мельчайшихъ деталей болгарской конституціонной жизни.. Вы видите, что эти люди—круглые невѣжды и въ государственномъ, и въ какомъ угодно правѣ. Вы не можете не смѣяться, видя, какъ они спотыкаются и падаютъ на каждомъ шагу, какъ они создаютъ воображаемыя препятствія и борятся съ вѣтряными мельницами, не замѣчая въ то же время дѣйствительныхъ опасностей. Но скоро вы начинаете замѣчать, что, какимъ-то таинственнымъ, незамѣтнымъ для васъ путемъ, изъ этого хаоса криковъ, риторическихъ восклицаній, невѣжественной критики и обидныхъ личныхъ выходокъ слагается рѣшеніе, которое вы не можете не признать самымъ умнымъ и самымъ подходящимъ для даннаго частнаго случая. Вы проходите, такимъ обра-

вомъ, черезъ цѣлый рядъ частныхъ случаевъ и моментовъ, дивитесь инстинкту, который подсказываетъ въ каждомъ частномъ случаѣ вѣрный исходъ; но въ то же время вы начинаете замѣчать и нѣчто большее. На вашихъ глазахъ, изъ частныхъ эпизодовъ слагается общая нить, и эта нить опять есть единственно-правильная, единственно-вѣрная, самая лучшая, какую вы могли бы придумать или, точнѣе, какой вы, пожалуй, и не придумали бы сами. И невольно ваше ироническое отношеніе къ этимъ доморощеннымъ законодателямъ замѣняется мало по малу другимъ, хорошимъ чувствомъ. Вамъ въ новомъ свѣтѣ представляются теперь золотыя, безхитростныя слова народнаго мудреца Славейкова, и вы принуждены признать въ нихъ глубокій смыслъ. „Обидно для цѣлаго народа согласиться съ предвзятымъ мнѣніемъ о полной его неспособности и некомпетентности въ рѣшеніи народныхъ дѣлъ и признать способными и компетентными только нѣкоторыхъ привилегированныхъ лицъ... Нѣтъ большей глупости, какъ считать себя умнѣе всѣхъ и претендовать на руководство другими. Какъ бы ни были умны и образованы единичные руководители, они скорѣе могутъ заблудиться, ошибиться и напутать, чѣмъ зрѣло обдуманное общее или народное мнѣніе... Имѣйте, господа, побольше вѣры въ народъ, въ его благоразуміе, вглядитесь въ него получше, изучите попололожительнѣе его свойства и качества и, повѣрьте, вы составите о немъ лучшее мнѣніе“.

П. Милюковъ.

БИБЛІОГРАФІЯ. *Первоисточники:* Текстъ русскаго проекта конституціи и окончательный текстъ (перепечатанъ, между прочимъ, въ „Юбилейна история на 25—годишна България“. Составилъ Т. К. Бойчевъ, ч. I, София, 1903). „Дневници на учредителното Велико (Търновско) събрание“, два изданія (во второмъ есть приложенія, въ томъ числѣ рапортъ пятнадцатичленной коммиссіи). „Дневници“ послѣдующихъ собраній, правит. изданіе. Газеты, поименованныя въ текстѣ. Оффиціальные „Списъци на представителитѣ за Нар. Собр.“, печатавшіеся въ „Държавни Вѣстникъ“. Статистика на изборитѣ за Нар. Представители за X обикновенно Нар. Собр. София 1900 и рукописные матеріалы относительно выборовъ въ XI—XIII собранія въ софійскомъ статистическомъ бюро.

Пособія: общія для политической исторіи Болгаріи: соотв. главы въ Das Fürstenthum Bulgarien, von K. Irecek. Drandar, Cinq ans de regne. Le prince Alexandre en Bulgarie. Paris, 1884 (цанковистско-руссофильская точка зрѣнія). Матвѣевъ, Болгарія послѣ Берлинскаго конгресса. Спб. 1887 (основана, въ болѣе цѣнной своей части, на русскихъ документахъ; въ менѣе цѣнной—на Драндарѣ). Koch, Fürst Alexander v. Bulgarien, Darmstadt, 1887 (дружественна князю). A. Golovine, Fürst Alexander von. Bulgarien, Wien 1896 (съ точки зрѣнія князя: очень цѣнные матеріалы и личныя наблюденія, но пристрастно). Hans Klaeber, Fürst Alexander von Bulgarien, Dresden, 1904, (мало новаго послѣ Головина и др. Beaman, Stephan Stambulov. Drandar, Les évenements politiques en Bulgarie depuis 1876 jusqu'a nos jours. Paris—Bruxelles, 1896. Мемуары и памфлеты: Съчиненията на Тодоръ Икономовъ, т. IV, мемоари, Шуменъ, 1897 (очень важный источникъ). П. Каравеловъ, Българската конституція и

прѣдлагаемитѣ въ нея промѣнения отъ консервативната партія въ „Наука", год., II, 1882. П. Р. Славейкова, Послѣдното миходяние въ София, Пловдивъ 1883 и его же Размишленія върху положението ни, София, 1886 (обѣ брошюры изданы безъ имени автора). Л. Н. Соболевъ, Къ новѣйшей исторіи Болгаріи, Русская Старина, 1886, кн. IX. Папанчевъ, Каравеловъ и Радославовъ, Сливенъ 1900. Първий български нар. соборъ въ Цариградъ отъ А. Шоповъ, въ „Библиотека", кн. VIII—XIII (год. II и III). Пловдивъ, 1895. Спецiальныя работы по исторіи конституціи и по дѣйствующему конституціонному праву: Н. Е. Васильевъ, Русскій проектъ органическаго устава госуд. устройства Болгарскаго княжества и его дальнѣйшія измѣненія, въ Юридич. Вѣстникѣ 1887 т. XXIV (лучшая статья на русскомъ языкѣ, со сводным текстомъ конституціи, проекта и измѣненій его въ учред. собраніи, съ резюме преній въ послѣднемъ, съ приложеніемъ записки 15-ти и измѣненій 1893). Ср. его же дополненіе къ русскому переводу Лавеле, Балканскій полуостровъ, М. 1889. Литографированные курсы конституціоннаго права проф. С. Кирова. Списокъ министерствъ и народныхъ собраній въ журн. „Гражданинъ", год. I, кн. II (1904.) Рядъ статей (гг. И. Георгова, Фаденгехта, Влайкова, Н. Цанова и др.) въ двухнедѣльной газетѣ „Демократически Прегледъ". Г. Дерманчева, Конституціонализмътъ и една страна на нашия конституционенъ животъ, въ „Български Прегледъ", кн. V—VI, VIII—X, XII, год. IV и отдѣльно, София, 1898. Прѣстъпленията по изборитѣ изобщо и частно въ България, отъ д-ръ Д. К. Вонали, София, 1903. Д-ръ С. Кировъ, Членъ 47 отъ Конституцията и суспендирането на нѣкои членове отъ закони начиновницитѣ, София 1903.

---

* * *

Я умру... Но со мной, можетъ быть, не умретъ
Предразсвѣтная пѣсня моя:
Можетъ быть, до зари хоть она доживетъ,
До зари лучезарнаго дня!..

И что грезилось мнѣ только свѣтлой мечтой—
Встрѣтитъ пѣсню мою на яву,
И, быть можетъ, въ душѣ чьей-нибудь молодой
Я горячей слезой оживу.

И къ могилѣ моей, можетъ быть, долетятъ
Пѣсни новой, свободной зари,
И, какъ шепотъ вѣтвей, имъ въ отвѣтъ прозвучатъ
Предразсвѣтныя пѣсни мои!..

Г. Галина.

ТИКЪ-ТАКЪ.

(Разсказъ).

Судьбѣ угодно было, чтобы въ душѣ Дуни сохранилось воспоминаніе о родителяхъ. Умерли они въ одинъ годъ и мѣсяцъ, когда Дунѣ едва минуло четыре года. Мать умерла отъ оспы, отецъ отъ разрыва сердца. Онъ страшно горевалъ послѣ смерти жены, и этому неутѣшному горю приписывали причину его смерти. Дуня также заболѣла оспой, заразившись отъ матери, но смерть пощадила ее, и болѣзнь, оставивъ ей душу, обезобразила только тѣло. Она была такъ мала, когда умерли ея родители, и смерть ихъ, благодаря ея собственной болѣзни, прошла такъ незамѣтно для нея, что, при другихъ условіяхъ послѣдующей жизни, она, навѣрное, скоро забыла бы ихъ. Но нѣжныхъ родителей замѣнили люди крайне неласковые, и прежнія ласки и нѣжность никакъ не могли забыться. Даже образы отца и матери сохранились въ ея памяти, какъ синонимы нѣжности и ласки. Она не помнила лицъ, помнила только, что было время, когда ее, маленькую, бралъ на руки кто-то большой и хорошій, что онъ цѣловалъ ее и, при этомъ, смѣшно и пріятно щекоталъ ее своей бородой и усами. Ясно еще сохранилось въ ея памяти, что губы отца очень смѣшно складывались, когда онъ говорилъ ей: „милая моя Дунюся..."

Черты изъ образа матери сохранились яснѣе, но и онѣ были всетаки очень расплывчаты и неопредѣленны. Она помнила, что у матери были большіе черные глаза, которые она болѣе всего любила цѣловать, и длинная коса, которою она часто играла. Остальныя черты — терялись. Помнила, что у матери были нѣжныя и теплыя руки, и что этими руками она любила гладить головку дочери. Когда мать засыпала, Дуня взбиралась къ ней на кровать и прикладывала свою головку къ ея груди. Тамъ что-то ровно и мягко билось и трепетало, и Дуня обыкновенно сама за-

сыпала на груди у матери. Это біеніе материнскаго сердца особенно ясно запомнила Дуня, и, когда впослѣдствіи ей становилось тоскливо, — она уходила мечтами въ далекое прошлое, и ей казалось, что она вновь ощущаетъ своимъ ухомъ эти легкіе и упругіе толчки. Въ сердцѣ матери, навѣрное, заключался огромный избытокъ любви, и когда оно уже перестало биться, — любовь его всетаки продолжала жить. Когда Дуня спокойно думала объ умершей матери, она видѣла передъ собой какой-то неясный образъ, но какъ только начинала всматриваться въ этотъ образъ, стараясь оформить его контуры, — онъ отодвигался отъ нея, расплываясь и замирая, и замѣнялся какой-то неясной и смутной грезой... Дуня страдала и съ жаромъ просила Бога, чтобы ей хоть во снѣ являлась мать, и этотъ сонъ, дѣйствительно, часто посѣщалъ ее. Тогда она была счастлива и во снѣ блаженно рыдала...

Сиротку Дуню взялъ на воспитаніе двоюродный братъ ея отца, Иванъ Михайловичъ Степановъ. Онъ жилъ въ большомъ городѣ и служилъ въ казенномъ учрежденіи. Человѣкъ онъ былъ отъ природы не злой, но суровый. У него была большая семья, и отъ этого онъ, вѣроятно, былъ еще суровѣе, такъ какъ казеннаго жалованья не всегда хватало на прожитье и, добывая средства, приходилось иногда грѣшить противъ совѣсти. Жена его, Анна Васильевна, неумная и недобрая женщина, конечно, была мало обрадована Дунѣ, новому рту въ семьѣ, и иногда со злобой говорила:

— У-у, рябая, откуда ты взялась еще...

Говорила она это тихо, про себя, но случалось, слова эти долетали до слуха Дуни...

Съ дѣтьми своихъ новыхъ родителей Дуня тоже не могла сродниться душой. Правда, играли они всѣ вмѣстѣ, и, покуда играли мирно, — Дуня ничѣмъ не отличалась отъ прочихъ дѣтей. Но если между Дуней и кѣмъ-либо изъ игравшихъ происходила ссора, и поссорившіяся жаловались старшимъ—виноватой всегда оставалась Дуня. Обыкновенно Дуня не жаловалась—жаловались на нее, и это только увеличивало ея вину.

— Вотъ видишь сама, что ты виновата, — говорили ей:— Если бы ты была права сама, небось, первая пошла бы жаловаться, а то забилась въ уголъ и молчишь; тутъ ужъ видно, кто виноватъ. Не играйте съ ней, дѣтки, съ задирой. Какъ тебѣ не стыдно, — обращались напослѣдокъ къ Дунѣ.

А жалобщикъ говорилъ ей:

— А-а, за-дира, молчишь!

Дуня, дѣйствительно, молчала, но не потому, что считала

себя виноватой, и что ей было стыдно, а потому, что некому было жаловаться. Она чувствовала себя обиженной, оскорбленной, безпомощной. Она уходила куда-нибудь, гдѣ бы ее никто не видѣлъ, и тамъ съ жаромъ просила „дорогую, золотую маму", чтобы она упросила Бога наказать обидчиковъ, и чтобы мама „хоть на минуточку" пришла къ ней...

Была въ ней одна особенность, еще болѣе отягчавшая ея страданія, — она не умѣла плакать. Когда горе сжимаетъ сердце и ниоткуда нѣтъ помощи — незначительная ласка, слово участія вызываютъ порой цѣлые потоки слезъ, и эти слезы такъ облегчаютъ озлобленную душу! Дуня съ самыхъ раннихъ лѣтъ была лишена ласки и участливыхъ словъ, и способность плакать въ ней какъ бы атрофировалось. Когда ей ужъ очень было больно, когда на свѣжую рану обиды кто-нибудь щедрой рукой сыпалъ соль,—ея горло схватывала спазма, и она рыдала. Но рыданія эти, чаще всего безъ слезъ, сухія и мучительныя, никогда почти не облегчали ей душу. Пріятно ей было только рыдать во снѣ, вспоминая мать, на яву же рыданія переходили въ истерическіе крики, въ порывы разорвать на себѣ платье, исцарапать лицо, разбить о печку голову. Она въ такихъ случаяхъ бросалась въ кровать, билась и трепетала, какъ пойманная въ сѣти птица или какъ рыба на удочкѣ. Одинъ разъ, страшно обиженная, она схватила со стола тарелку и разбила ее объ полъ. Ее за это высѣкли, и отъ физическихъ и душевныхъ мукъ она цѣлую недѣлю проболѣла. А дѣти, послѣ этого, долго дразнили ее во время ссоръ розгой...

Анна Васильевна говорила иногда гостямъ, указывая на Дуню:

— Вотъ еще волченокъ, я вамъ скажу. Добраго ребенка накажешь, — онъ заплачетъ, попроситъ прощенія,—сердце и отойдетъ. А у нея слезинки никогда не увидишь: кричитъ, какъ рѣзанная, а потомъ цѣлый день, какъ пузырь, хлипаетъ. Или заскрипитъ зубами и молчитъ. Такая заклятая.

Лѣтъ съ шести Дуня начала уже помогать немного въ хозяйствѣ.

— Что попусту дармоѣдничать, — говорила Анна Васильевна,—поработай, вотъ, малость. Я тоже съ шести лѣтъ матери помогала.

Дуня не называла ея ни Анной Васильевной, ни мамой а обращалась къ ней неопредѣленно:

— Вы меня звали?

День и мѣсяцъ ея рожденія были забыты съ теченіемъ времени, и на вопросъ—сколько ей лѣтъ,—она отвѣчала:

— Не знаю.

А Анна Васильевна говорила:

— Что ни спросите,—ничего не знаетъ. Шесть лѣтъ ей,—седьмой пошелъ; или семь — восьмой, кажется. Не помнишь, Ваня,—обращаясь она къ мужу,—сколько Дунягѣ лѣтъ?

— Не помню, право. Очень нужно мнѣ помнить.

Когда Дунѣ минуло восемь лѣтъ, ее начали обучать грамотѣ. Учителемъ былъ старшій сынъ Степановыхъ, гимназистъ. Занимался онъ съ нею, „когда охота придетъ". Дуня оказалась очень способной дѣвочкой, но успѣвала мало, потому что иногда „охота" не являлась у гимназиста недѣлями. Порой она задавала своему учителю вопросы, отъ которыхъ тотъ становился втупикъ.

— Коля, — спрашивала она на урокѣ географіи,— почему это солнце восходитъ то у Татаренковыхъ надъ трубой, то немного правѣе?

— Почему?.. Вотъ окончимъ урокъ, тогда я тебѣ объясню. Да ты и сама должна понять, если хорошо знаешь географію. Не учишь уроковъ, вотъ и не знаешь.

— Да я же учу.

— Хорошо учишь, если не знаешь!

Къ концу урока Дуня опять задавала тотъ же вопросъ. Коля, всегда нетвердо знавшій географію, краснѣлъ, ерошилъ волосы и сердито говорилъ:

— Глупые вопросы задаешь. Для того, чтобы это знать, нужно изучать космографію, а ты азбуку еле знаешь.

— Какъ же ты говорилъ, что объяснишь?

— Мало ли, что говорилъ. Отвязаться хотѣлъ, вотъ и сказалъ.

— Что такое?—спрашивала проходившая мимо Анна Васильевна.

— Да вотъ, глупые вопросы задаетъ: почему солнце, да то, да другое...

— А ты не умничай, — обращалась Анна Васильевна къ Дунѣ.—Съ тобой занимаются, такъ ты слушай, да будь благодарна, а не надоѣдай. Всего тоже не узнаешь. Поди вотъ стаканы приготовь,—гости пришли.

Родныя дочери Анны Васильевны занимались плохо, и за ихъ несообразительность Дунѣ тоже часто доставалось.

Коля задавалъ вопросъ сестрѣ, и если та не скоро отвѣчала, то Дуня, не утерпѣвъ, давала за нее отвѣтъ. Тогда Анна Васильевна выходила изъ себя и, глядя на Дуню злыми глазами оскорбленной матери, говорила:

— А у тебя не спрашиваютъ,—ты и молчи. Ты думаешь, Липочка не знаетъ? Лучше твоего знаетъ, только она скромнѣе тебя и думаетъ прежде, чѣмъ отвѣтить. А ты выскакивать любишь. И неправильно отвѣтить, да чтобы первой.

Хвастунья ты, больше ничего. Тебя и учить не слѣдовало бы. Такъ только, доброта наша излишняя, глупая, а ты не чувствуешь этого.

Дуня рано пристрастилась къ чтенію, но подъ рукою у нея были только сказки, а въ другихъ книжкахъ ей отказывали: „мала еще, успѣешь начитаться, дѣлай что-нибудь"—говорили ей.

Сказки она перечитывала по нѣскольку разъ, знала ихъ почти наизусть и, читая, глубоко волновалась. Чуткіе нервы и любознательность, при отсутствіи впечатлѣній отъ окружающей дѣйствительности, уходили на внутреннюю работу, гдѣ открывался широкій просторъ полету фантазіи. Воображеніе ея, дѣйствительно, работало широко и величественно. По вечерамъ Дуня любила уходить въ гостиную, которая освѣщалась только при гостяхъ. Тамъ она садилась въ углу между печкой и мягкимъ диваномъ, противъ окна. Тамъ она давала волю воображенію, и душа ея вознаграждалась за убого проведенный день. Каждое время года и даже мѣсяца давало свою особую пищу этой работѣ. Если луна всходила рано и небо было чисто — Дунѣ начинало казаться, что изъ-за сосѣдняго, черезъ улицу, дома встаетъ огромный ангелъ съ сказочной силой и свѣтлымъ лицомъ... Ей казалось, что зоркій ангелъ съ высоты оглядываетъ всю землю и смотритъ: много ли на землѣ такихъ дѣвочекъ, какъ она, которыхъ жестоко обижаютъ. Потомъ, когда луна исчезала изъ площади окна, Дуня была увѣрена, что ангелъ поднялся къ Богу и все-все разскажетъ ему, и про нее тоже... Ей чудилось, что она слышитъ, какъ ангелъ разсказываетъ о ней Богу, и она чутко замирала, тихо шевелила губами, повторяя за ангеломъ свои жалобы...

Если вечеръ былъ темный, и за окномъ чуть-чуть только виднѣлись противоположныя постройки, — Дуня вглядывалась въ темноту: темнота раздвигалась, и въ далекой перспективѣ открывался рядъ замковъ съ высокими башнями, зубчатыми стѣнами, рыцарями и воинами. Въ тихомъ завываніи вѣтра она, прислушавшись, различала отдѣльные голоса,—побѣжденныхъ и побѣдителей, падающихъ и торжествующихъ, несчастныхъ и счастливыхъ...

Когда лѣтняя вечерняя гроза не позволяла гулять въ саду или на улицѣ, — Дуня занимала свою любимую позицію — въ гостиной. Съ какимъ-то сладкимъ ужасомъ она прислушивалась къ раскатамъ грома и широко раскрывала глаза при яркихъ вспышкахъ молніи. Когда среди рокочущаго мрака ночи молнія вдругъ освѣщала густо падающій

градъ, такъ что казалось, будто по землѣ разсыпаются груды серебра; Дуня тихо и радостно взвизгивала,—такъ тихо, что сама едва слышала...

Въ ея душѣ не было весны, и отъ этого она, вѣроятно, особенно любила весну. Вечеромъ, когда утихалъ звонъ говорливыхъ ручейковъ, которые сковывались легкимъ ночнымъ морозцемъ, когда падалъ шумъ и гамъ порхающихъ птичекъ, когда волнистый стукъ колесъ объ мостовую, обнажившуюся отъ снѣга и льда, все дальше и дальше куда-то уносился—Дуня становилась особенно чуткой, и чѣмъ звонъ весенней ночи становился тише, чѣмъ нѣжнѣе замиралъ, тѣмъ напряженнѣе она вслушивалась и ловила тончайшіе звуки... Когда же совсѣмъ ужъ ничего нельзя было разслышать, и воцарялась торжественная тишина,—Дуня прикладывала ручку къ своей худенькой груди и, какъ продолженіе замершаго шума, ощущала въ ней тревожное колыханіе сердца...

Когда ее отрывали отъ интересной книжки—лицо ея становилось неузнаваемо. Только что она перенесла вмѣстѣ съ Робинзономъ столько опасностей, и вотъ-вотъ она очутится съ нимъ у спокойнаго берега но... вдругъ окрикъ:

— Дуняша, сотри пыль съ мебели,—зачиталась!..

Дуня вздрагивала, подымала головку, и сколько страданія было въ этихъ большихъ голубыхъ глазахъ, съ расширенными отъ волненія зрачками...

— Ну, чего уставилась? Недовольна, что отъ глупостей оторвали?—говорила Анна Васильевна.—Тебя бы и родная мать такую работу заставила дѣлать. Что-жъ тутъ такого—пыль стереть. Вѣдь нельзя же все читать, я для твоей же пользы тебя къ работѣ пріучаю. Выростешь,—сама же благодарить будешь. Ты должна понимать, что я тебѣ все равно, какъ мама.

— Мама умерла... — говорила Дуня, не глядя на Анну Васильевну.

— Ну, конечно, умерла. Трудно забыть; тоже вѣдь ты забыть не дашь. Думаешь — все даромъ достается? Воспитать тебя чего-нибудь да стоитъ. Будь благодарна, что о тебѣ заботятся.

Такъ проходило дѣтство Дуни. Когда ей минуло десять лѣтъ, ее перестали учить. Коля окончилъ гимназію и уѣхалъ изъ города, а нанять учителя или опредѣлить въ учебное заведеніе не хватало средствъ: „на своихъ много уходитъ“—рѣшили Степановы. Потомъ Дуня уже забыла и то, что учила прежде.

Она понемногу втянулась въ работу по хозяйству—шила,

мыла, убирала комнаты. Ни съ кѣмъ не зналась и не сближалась. Молча выслушивала упреки Анны Васильевны въ небрежности и неблагодарности,—упреки, которыми обыкновенно заглушаютъ голосъ совѣсти,—еще усерднѣе работала, чтобы избавиться отъ нихъ и, съ теченіемъ времени, сама начала понемногу вѣрить тому, что дѣйствительно очень многимъ обязана пріютившимъ ее людямъ. Мало по малу глаза ея разучились видѣть разницу между своимъ положеніемъ и положеніемъ окружающихъ людей; если же разница была слишкомъ очевидна — она начинала приписывать причину этого не другимъ, а себѣ самой. Она научилась вѣрить, что другимъ весело, а ей скучно оттого, что другіе умны, красивы, а она глупа и уродлива, и поэтому съ ней никто не хочетъ знакомиться и говорить. Протестъ въ ея душѣ умолкалъ, и вязкая тина жизни засасывала ее все глубже и глубже...

Теперь она очень мало читала. Сказки перестали ее интересовать, болѣе серьезныхъ книгъ она не понимала, а доступныхъ пониманію и интересныхъ не было. Попрежнему она страстно, по своему, любила природу и ея трепетную жизнь. Попрежнему слѣдила за этой жизнью. Окна ея комнаты выходили во дворъ, въ большой садъ, и лѣтомъ, растворивъ окно, дѣвочка часами слушала огненныя пѣсни соловья. Когда пѣсня умолкала и потомъ, вспыхнувъ, снова ярко катилась и звенѣла въ притихшемъ саду, царственно ширясь и повышаясь, — Дуня нервно вздрагивала, и ея худенькое тѣльце трепетало мелкой дрожью...

Зимою Дуня подходила къ окну и смотрѣла на обѣленныя снѣгомъ деревья. При матовомъ свѣтѣ луны они казались ей толпою скелетовъ, наполнившихъ весь дворъ... Налеталъ вѣтеръ, ударяя въ окно сухимъ снѣгомъ, мертвыя вѣтви деревьевъ бились другъ о друга и рѣзко трещали. Дунѣ начинало казаться, что скелеты подрались между собою и въ дракѣ разсыпаются, — она бросалась въ постель, накрывалась съ головой одѣяломъ и согрѣвала своимъ прерывистымъ, горячимъ дыханіемъ похолодѣвшее отъ страха тѣло...

О чемъ она думала въ эти годы?

О покойной матери, о Богѣ, за что-то принявшемъ ее къ себѣ (она была увѣрена, что Богъ всегда за что-нибудь принимаетъ къ себѣ). Дѣтскіе годы проходили, и съ ними мечты о замкахъ и рыцаряхъ, а новаго жизнь не давала ничего, и въ душѣ Дуни образовывалась все большая и большая пустота, ничѣмъ кромѣ тоски не заполненная...

Знакомымъ Степановы говорили, что Дуня у нихъ „какъ своя, все равно“, и совсѣмъ ничему не обучить ее было, поэтому, неловко. Когда Дунѣ исполнилось 17 лѣтъ, и дальше оттягивать было нельзя, рѣшили опредѣлить ее въ фотографію.—„Вѣдь это не то, что въ бѣлошвейки,—работа чистая, своего рода искусство; мы вѣдь о ней, какъ о родной заботимся“ — такъ было объяснено знакомымъ, и цѣль была достигнута. Знакомые соглашались съ тѣмъ, что это дѣйствительно „искусство“, а обученіе ничего не стоило, такъ какъ пріятель-фотографъ согласился взять Дуню и „обучить ретушерскому искусству“, съ условіемъ, что за свой трудъ она ничего не будетъ получать три года. Кстати для Степановыхъ, въ это время, какъ разъ, сталъ входить въ моду „женскій трудъ“, и, опредѣляя Дуню въ фотографію, они могли говорить знакомымъ, что у Дуни будетъ своя спеціальность и „самостоятельность“, а это „въ наше время“ чего-нибудь да стоитъ. Всѣ приличія были соблюдены, и Дуня на лучшіе три года молодости была опредѣлена въ фотографію.

Фотографія находилась въ центрѣ города, а Дуня жила на окраинѣ, и поэтому каждый день ей приходилось дѣлать четыре большихъ конца: утромъ она уходила въ фотографію, потомъ шла домой обѣдать, послѣ обѣда—опять въ фотографію и вечеромъ, послѣ окончанія работы,—домой. Вставала она рано, такъ какъ зимою работа начиналась съ восьми часовъ, а лѣтомъ съ семи; оканчивалась работа зимой въ 3—4 часа, лѣтомъ въ 7—8.

Возвратившись домой, она помогала еще немного Аннѣ Васильевнѣ по хозяйству и потомъ, почитавъ немного въ постели, засыпала. Впрочемъ, послѣ однообразно проведеннаго дня, сонъ приходилъ не сразу: нервы требовали себѣ работы, а такой работы скучный день не давалъ, и передъ сномъ, когда заботиться было не о чемъ, въ голову забирались разныя мысли и мечты; Дуня тогда долго не засыпала.

Дни ея, дѣйствительно до утомительности походили одинъ на другой: какъ будто одинъ и тотъ же предметъ отражался въ безконечномъ рядѣ запыленныхъ зеркалъ... Не было почти ни одного, который можно было бы выдѣлить изъ другихъ и отмѣтить какимъ-нибудь интереснымъ событіемъ. Все было тускло и блѣдно, какъ осеннія сумерки, какъ огромный низкій подвалъ, освѣщенный одинокой коптящей лампочкой. Время тянулось мучительно медленно, а мѣсяцы въ то же время незамѣтно уходили и уходили...

Работа въ фотографіи была очень несложная. Дуня садилась на особаго устройства стулъ съ косой спинкой, брала

себѣ на колѣни большую доску, на которой укрѣплялась карточка и краски, прислоняла доску къ спинкѣ стула и, перегнувшись впередъ, подкрашивала, — „ретушировала" — снимки. Передъ ней проходила цѣлая вереница человѣческихъ лицъ, красивыхъ и дурныхъ, злыхъ и добрыхъ, старыхъ и молодыхъ, умныхъ и глупыхъ, тупыхъ и острыхъ.. За неимѣніемъ другихъ впечатлѣній Дуня научилась вглядываться и вдумываться въ эти изображенія, жить съ ними. Порой ей попадались очень интересныя лица, и она съ нѣжностью, чуть не съ любовью, заботилась объ ихъ украшеніи. Но за то, когда лицо случалось неинтересное, она буквально страдала, работая надъ нимъ. Иногда ей цѣлый день приходилось ретушировать „двѣ дюжины" карточекъ какой-нибудь купчихи съ двухъ-аршиннымъ обхватомъ и почти совершенно безъ глазъ, скрытыхъ пластами жира, или изображеніе группы съ бутылками и стаканами на столѣ и пьяными ухмыляющимися физіономіями. Въ такіе дни она разстраивалась до головной боли, до нервной дрожи во всемъ тѣлѣ. Тогда хозяинъ замѣчалъ ей, что ея работа никуда не годится и упрекалъ въ небрежности. Она напрягала послѣднія усилія воли, стараясь спокойно работать, и уходила домой, совершенно больная и измученная. Рябая и некрасивая, сгорбившаяся надъ доской, изо дня въ день она дѣлала только одно — украшала человѣческія физіономіи!. Мечты ея тоже обыкновенно возникали и группировались въ связи съ карточками. Придя домой и улегшись въ постель, она нервно зѣвала, потягивалась, и въ голову вдругъ заползала мысль: какъ было бы хорошо, еслибы она была такая красивая, какъ та миловидная дѣвушка съ ландышемъ въ тяжелыхъ черныхъ волосахъ, карточки которой она вчера ретушировала. Что бы тогда было?.. Тогда бы она нравилась всѣмъ, и ее полюбилъ бы кто-нибудь хорошій сильно-сильно. Кто же?.. Ну, напримѣръ, студентъ съ блѣднымъ худымъ лицомъ, бѣлокурыми длинными кудрями и задумчивыми глазами... Онъ спросилъ бы ее, какъ ей живется, и она бы ему разсказала, какъ ей страшно скучно, какъ ей надоѣло работать въ фотографіи, какъ противно ей было сегодня цѣлыхъ полдня ретушировать карточки попадьи съ тремя мальчиками, у которыхъ у всѣхъ одно и тоже лицо— глупое и плаксивое, а между тѣмъ, завтра нужно опять ретушировать ту же попадью съ дѣтьми, такъ какъ сегодня она не успѣла окончить заказъ. Студентъ пожалѣлъ бы ее— у него такое доброе, сострадательное лицо—и предложилъ бы ей бросить фотографію; онъ обѣщалъ бы учить ее, она поѣхала бы учиться... Куда? Въ Петербургъ? Да, въ Петербургъ, и когда она будетъ образованной — студентъ...

станетъ ея женихомъ... Неужели?!. — шептала она въ полузабытьѣ, блаженно улыбаясь. — О, да, да, вѣдь она такая красивая, образованная... Потомъ женихъ ей предложитъ сняться вмѣстѣ... какъ эти.. что на дняхъ... съ такими хорошими лицами... Она согласится... вѣдь всегда женихъ и невѣста фотографируются, но... для этого нужно идти въ фотографію... въ фотографію... и тамъ эти карточки... ея и студента... будетъ кто-нибудь ретушировать... Нѣтъ, ни за что не нужно!.. Это такая скука!..—На лицѣ у Дуни появляется выраженіе страданія, и мечты готовы оборваться но въ это время ея любимица-кошка вскакиваетъ къ ней на руки, сложенныя на груди: Дуня машинально гладитъ шерсть кошки, и ей кажется, что она гладитъ бѣлокурыя кудри студента, — поѣздъ фантазіи опять всходитъ на рельсы, но въ это время изъ сосѣдней комнаты доносится:

— Дуняша, поди сюда на часокъ!

Дуня вздрагиваетъ, проводитъ рукой по лицу, — еще секунду она находится на грани сладкой фантазіи и тягостной дѣйствительности, потомъ блескъ глазъ потухаетъ, изъ нихъ исчезаетъ отраженіе радужной мечты, и Дуня, склонивъ голову и опустивъ руки, какъ пришибленная, бредетъ въ столовую. По дорогѣ она мелькомъ взглядываетъ на себя въ зеркало, какъ бы желая провѣрить золотой сонъ, и отворачивается съ тоской и страданіемъ во взглядѣ: рябая!.. некрасивая!..

Въ фотографіи, кромѣ Дуни, работали еще дѣвушки, но она какъ-то не могла сойтись съ ними. У нихъ были свои интересы, сближавшіе ихъ, Дунѣ же эти интересы были чужды, и, робкая отъ природы и забитая жизнью, она оставалась въ отдаленіи отъ другихъ. Ее называли — кто подобрѣе—монашенкой, кто позлѣе—гордячкой.

Какъ-то разъ ей случилось остаться въ рабочей комнатѣ, съ глазу на глазъ, съ Катей Рязанцевой. Это была очень добрая, простая и жизнерадостная дѣвушка, всегда почему-то безотчетно жалѣвшая Дуню. О своей жизни Дуня никому ничего не разсказывала; она была изъ тѣхъ натуръ, которыя страдаютъ молча, но, очевидно, ея зашибленный видъ вызывалъ въ Рязанцевой состраданіе. Сначала онѣ работали, по обыкновенію, не разговаривая другъ съ другомъ, потомъ взглядъ Рязанцевой нечаянно упалъ на Дуню, и ее поразило выраженіе глубокой тоски въ лицѣ некрасивой дѣвушки. Рязанцева оставила работу и, глядя на Дуню своими добрыми простодушными глазами, спросила:

— Отчего вы, Маевская, такая?

— Какая?—въ свою очередь спросила Дуня и какъ-то

испуганно посмотрѣла на подругу. Еще никто и никогда не спрашивалъ ее въ такомъ родѣ.

— Да какая-то странная, — продолжала Рязанцева.—Вы извините, что я такъ просто спрашиваю васъ. Я вѣдь, право, дѣлаю это отъ чистаго сердца. Мнѣ ужъ давно хотѣлось спросить васъ обо многомъ, да все какъ то не удавалось. Всегда здѣсь народу много, и неловко какъ-то. А вотъ теперь мы однѣ. Вы не обижаетесь на меня, нѣтъ?

— Чего же обижаться; я, конечно, не обижаюсь, но только не понимаю, что вы спрашиваете.

— Ну, какъ бы выразить это яснѣе... Отчего вы никогда не разговариваете, не смѣетесь; почему у васъ, вообще, видъ какой-то... точно васъ кто-то обидѣлъ на всю жизнь.

— Право, я не знаю, что вамъ отвѣтить...

— Ну, да вѣдь вы о чемъ-нибудь думаете, мечтаете?

— Думаю. Всегда думаю. И мечтаю тоже, — добавила Дуня.

— Такъ вотъ и разскажите, о чемъ вы думаете.

— Да вотъ видите,—думать-то думаю, а если разсказать, такъ и нечего. Просто, какъ будто ни о чемъ и не думаю.

— Какъ же это—ни о чемъ?

— Такъ. И рада бы разсказать, а спросили—и разсказывать нечего.

— Можетъ быть, вы попросту скрытная?

— Скрытная? — удивилась Дуня. — Что же я скрывать стану. Мнѣ и скрывать нечего. Нѣтъ у меня ничего, вотъ и все. Смѣяться вѣдь будете, ежели скажу, что о карточкахъ думаю.

— О карточкахъ?..

— Ну, вотъ видите.

— Что же вы о нихъ думаете?

— Думаю: какой этотъ, да какой этотъ; да отчего эта смѣется, а эта груститъ.

— Какъ же вамъ это не наскучитъ? Неужели у васъ нѣтъ ничего болѣе интереснаго?

— О матушкѣ покойной тоже часто думаю... Почти что каждый день.

— А она давно у васъ умерла?

— Давно уже. Мнѣ тогда четыре года, кажется, было.

— Такъ вѣдь вы ея не помните.

— Потому и думаю часто, что не помню. Все вспомнить хочу.

— Нѣтъ, вы просто какая-то,—Рязанцева запнулась,—несчастная, и видъ у васъ несчастный!

— Вотъ это правда,—сдавленнымъ голосомъ проговорила Дуня. Она какъ-то еще болѣе сгорбилась и сжалась отъ

послѣднихъ словъ Рязанцевой. Въ это время кто-то вошелъ въ комнату, и разговоръ прекратился. А жизнерадостная и веселая подруга больше и не пыталась разговаривать съ Дуней. Она рѣшила, что это будетъ безполезно, что ей все равно не удастся договориться до чего-нибудь положительнаго. Къ тому, же ей становилось скучно отъ такихъ разговоровъ, а скуки она не переносила...

Когда кончились три года ученья Дуни, фотографъ-хозяинъ предложилъ ей за небольшое вознагражденіе остаться у него на службѣ. Дуня, конечно, согласилась,— ни о чемъ другомъ кромѣ службы она и не думала. Жалованье ея забирала себѣ Анна Васильевна: „цѣлѣе будетъ у меня — объясняла она, — да вѣдь и стоишь ты намъ чего нибудь; хватитъ ли еще жалованья твоего на твои же расходы". Дуня не протестовала. Деньги ей были совершенно не нужны. Она почти ничего не тратила на себя—тратить было не на что. Одѣвалась она просто, въ фотографію всегда ходила пѣшкомъ. Только одинъ разъ пошла она въ театръ, да и то случилась непріятная исторія, Собралось въ театръ все семейство Степановыхъ. На этотъ разъ взяли съ собой и Дуню. Ставили „Евгенія Онѣгина". Дуня вошла въ театръ передъ самымъ началомъ дѣйствія, когда зрительный залъ былъ почти полонъ. Она оглянулась вокругъ себя и замерла на мѣстѣ. Въ первый разъ въ жизни видѣла она такое великолѣпіе обстановки, такое блестящее собраніе мужчинъ и нарядныхъ дамъ. Глаза ея разбѣжались, и она окончательно потерялась. Вдругъ Анна Васильевна нагнулась къ ней и, сохраняя ласковое выраженіе лица, злобно зашептала ей на ухо: „Чего ты ротъ раскрыла, какъ ворона,—неприлично, держать себя не умѣешь!" Дуня подавила въ себѣ волненіе, и въ это время оркестръ заигралъ увертюру. Чарующая, мягкая, полная нѣжной грусти музыка ошеломила Дуню, и она жадно ловила звуки, забывъ обо всемъ на свѣтѣ и даже о наставленіи Анны Васильевны. Въ сердцѣ ея что-то стало оттаивать, къ горлу взмыла какая-то горячая волна,' еще мгновеніе — и острая струя горячихъ слезъ брызнула изъ глазъ Дуни. Она облегченно вздохнула, точно съ груди ея скатилась огромная тяжесть; сердце застучало быстро-быстро, грудь учащенно заходила, выпуская короткіе вздохи... Вдругъ Дуня схватилась за сердце,—ей показалось, что оно перестаетъ биться; въ груди что-то кольнуло... Мгновенно Дуню облилъ холодный потъ, и слегка вскрикнувъ, она упала въ обморокъ... Произошло это такъ быстро и неожиданно, что никто изъ сосѣдей Дуни въ

первую минуту ничего не могъ сообразить. Наконецъ, ее подняли и увели въ какую-то комнату. Дуня скоро пришла въ себя, но была такъ слаба, что ее сейчасъ же пришлось увезти домой. Дома она скоро оправилась, и Анна Васильевна набросилась на нее съ упреками:

— Дома никогда слезинки не уронитъ, а тутъ вдругъ въ театрѣ разревѣлась. А кругомъ знакомые. Стыдъ-то какой!

На семейныхъ торжествахъ, которыя бывали у Степановыхъ, на свадьбахъ ихъ дочерей и т. д. Дунѣ тоже не приходилось веселиться. Въ такіе дни она на правахъ „своей" лишь больше обыкновеннаго работала на кухнѣ, или ухаживала за гостями, во всемъ же остальномъ чувствовала себя чужой, и общее веселье ея не касалось.

Тучи собирались...

Лѣтомъ иногда приходится наблюдать глубоко интересные моменты въ жизни природы. Это именно послѣднія мгновенія передъ страшной грозой. Громъ, какъ будто, пугается своего свирѣпаго рокота и утихаетъ. Молнія тоже перестаетъ сверкать. Вѣтеръ, притаившись, останавливается въ своемъ яростномъ бѣгѣ и прячется куда-то. Тучи, клубившіяся гдѣ-то высоко, опускаются и теряютъ рѣзкую фіолетовую окраску, — онѣ сѣрѣютъ и медленно, но неумолимо затягиваютъ послѣдніе клочки ярко посинѣвшаго неба. Солнце меркнетъ. Все живое пугливо притихаетъ и, какъ будто, сдерживаетъ тяжелый вздохъ. Воздухъ сгущается, холодѣетъ, и его присутствіе, обыкновенно почти незамѣтное, явственно ощущается. Все тихо, но неспокойно... Чувствуется, что въ небѣ происходитъ борьба огромныхъ силъ. Кажется, что тамъ, высоко-высоко, кто-то могучій и грозный силится удержать страшные потоки воды, рвущіеся на землю, и при этомъ роняетъ крупныя отдѣльныя капли, какъ капли пота. Это продолжается нѣсколько мгновеній... Потомъ, вдругъ, напряженіе прорывается—и разражается страшная гроза... Громъ грохочетъ съ удвоенной силой, молнія ослѣпляетъ, между небомъ и землей встаетъ сплошная стѣна воды...

Такіе же моменты можно порой прослѣдить и въ жизни человѣка...

Прошло четыре года. Дуня попрежнему служила въ фотографіи. Ей пошелъ уже двадцать пятый годъ. Жизнь въ ней, какъ будто, окончательно замерла,—казалось, замерла уже навсегда. Но это лишь казалось такъ. Какъ звѣрь, утомленный въ борьбѣ съ крѣпкой клѣткой, жизнь лишь на время угомонилась и только притаилась въ оковахъ некрасиваго тѣла, чтобы вспыхнуть яростно и неудержимо...

Однажды, когда Дуня работала въ фотографіи, зашла въ рабочую комнату дочь хозяина фотографа, Марья Николаевна, недѣлю назадъ вышедшая замужъ, и, поздоровавшись со всѣми, сказала:

— Сегодня вечеромъ я уѣзжаю съ мужемъ въ деревню и буду очень рада, если вы всѣ—всѣ проводите меня. Мнѣ хочется проститься съ вами. Можно вѣдь сказать,—выросла между вами. Такъ будете на вокзалѣ, да? Всѣ?

— Будемъ. будемъ, очень вамъ благодарны за вниманіе! Непремѣнно будемъ!—отвѣтили хоромъ дѣвушки.

— Ну, вотъ и хорошо, благодарю васъ, — сказала Марья Николаевна и вышла изъ комнаты.

Марья Николаевна была очень добрая и симпатичная дѣвушка. Всѣ въ фотографіи любили и уважали ее. Съ нѣкоторыми изъ дѣвушекъ она пыталась подружиться, но этому препятствовалъ отецъ. Онъ былъ того мнѣнія, что подобная дружба можетъ вредно отразиться на дѣлѣ, такъ какъ пріятельницы дочери будутъ манкировать своими обязанностями.

Мужъ Марьи Николаевны, молодой помѣщикъ Григорій Ивановичъ Стебельскій, познакомился съ нею случайно, придя въ фотографію за своими карточками. Дунѣ какъ разъ пришлось ретушировать его карточки, и лицо такъ ей понравилось, что она отретушировала ихъ особенно хорошо. Работу ея хозяинъ замѣтилъ и похвалилъ. Наканунѣ свадьбы дочери онъ сказалъ Стебельскому, зашедшему зачѣмъ-то въ комнату, гдѣ работали ретушерки:

— Знаешь, голубчикъ, вѣдь въ тебя Маевская еще прежде Маши влюбилась, — при этомъ онъ указалъ на Дуню пальцемъ, — надъ твоими карточками такъ постаралась, я тебѣ скажу... Никогда такъ не старается, хе-хе-хе!..

Дуня страшно покраснѣла и еще ниже согнулась надъ доской, а Стебельскій разсмѣялся и ничего не сказалъ.

Въ тотъ день, когда уѣзжала Марья Николаевна, фотографію закрыли раньше обыкновеннаго, — въ четыре часа. Дуня пошла домой, напилась чаю, пріодѣлась и приготовилась ѣхать на вокзалъ. Анна Васильевна дала ей рубль на букетъ для уѣзжавшихъ молодыхъ и два двугривенныхъ на извозчика. Наконецъ, сопутствуемая наставленіями Анны Васильевны, какъ держать себя,—Дуня сѣла на извочичью пролетку и поѣхала.

Стояла чудная весенняя погода. Природа веселилась, и на душѣ Дуни тоже было веселѣе обыкновеннаго. Марья Николаевна и ея мужъ очень нравились Дунѣ, и она, сама себѣ не отдавая отчета—почему, радовалась ихъ браку. Сидя на пролеткѣ, она смотрѣла на прохожихъ и проѣзжихъ, и ей казалось, что всѣ они довольны, всѣмъ хорошо. О томъ,

что ей самой нехорошо—она какъ-то забыла. Переѣзжая черезъ мостъ, она смотрѣла на рѣку, горѣвшую подъ косыми лучами низко опустившагося солнца, и ей казалось, что и рѣка радуется. По дорогѣ, уже недалеко отъ вокзала ей навстрѣчу попался мастеровой подъ хмелькомъ, который, растягивая надъ головой плоскую гармонику, пѣлъ тонкимъ, съ переливами, голосомъ:

«Какъ тебѣ не сты-дно
Какъ тебѣ не жаль,—
На другую ду-уру
Мине промѣнялъ!..»

И, слушая его, Дуня невольно улыбнулась... Уже почти возлѣ самого вокзала она остановила извозчика—ей захотѣлось пройтись немного пѣшкомъ, такъ какъ отъ непривычки ѣздить тряская мостовая утомила ее—и, слѣзая съ пролетки, подала ему двугривенный.

— Маловато, барышни,—замѣтилъ извозчикъ, добродушный, рыжеватый, убогаго вида, мужичекъ,—по такціи-то оно правильно, ну, только она, такція эта самая, не больно на насъ смотритъ. Вѣдь почитай весь городъ съ вами изъѣздилъ. Сами изволите знать, — гдѣ живете. Обратите вниманіе, барышни, а вамъ Господь поможетъ.

Дуня ласково глядѣла на извозчика и, улыбаясь, слушала его.

— А вдругъ не поможетъ Господь?—сказала она.

— Какъ можно!—воскликнулъ мужичекъ:—Онъ, Господь, завсегда объ насъ заботу имѣетъ. Мы объ немъ только днемъ думаемъ, а Онъ, батюшка, объ насъ и днемъ, и ночью, постоянно. Какъ можно, штобъ не помогъ.

Дуня усмѣхнулась и опустила руку въ карманъ. „Зачѣмъ имъ мой букетъ — подумала она — отдамъ ему рубль, — то-то обрадуется". И, положивъ рубль въ протянутую руку извозчика, она быстро направилась къ вокзалу.

— Покорно благодаримъ, барышня!—крикнулъ ей въ догонку мужичекъ, придя въ себя отъ неожиданнаго счастья.— Хар-рошая вы барышня!

„Вотъ хоть одинъ такой нашелся, что хорошей меня назвалъ"—подумала Дуня. Она шла и на ходу читала вывѣски. Одна вывѣска разсмѣшила и окончательно развеселила ее. На бѣломъ фонѣ были изображены красныя ножницы, и стояла надпись: „Мушской портной. Пріемъ заказовъ изъ своего матеріала и изъ господъ заказчиковъ", а внизу красовалась подпись — большими буквами съ крошечными точками послѣ каждой „А. Х." и мелкими буквами: „Арсентій Харламовъ".

Когда Дуня пришла на вокзалъ—всѣ были уже въ сборѣ, и уѣзжавшіе, и провожавшіе. Со всѣми, кромѣ Стебельскаго, Дуня въ тотъ день видѣлась, и потому она подошла прямо къ нему и протянула ему руку.

— А, здравствуйте, вотъ и вы явились. Теперь, значитъ, всѣ на лицо. Знаешь, Маша, — обратился Стебельскій къ женѣ,— вѣдь у тебя одинъ вкусъ съ Авдотьей... — онъ запнулся.

— Семеновной, — подсказала Дуня.

— Да, съ Авдотьей Семеновной. Мнѣ папа говорилъ, будто я такъ ей понравился, что она карточки мои лучше всѣхъ другихъ раздѣлала.

Всѣ улыбнулись, даже и Дуня.

— Правда? Ну, что жъ, я очень рада — сказала Марья Николаевна, внимательно глядя на Дуню. — Сегодня у васъ, Авдотья Семеновна, очень хорошій видъ. Я никогда не видѣла, чтобы вы улыбались, сегодня въ первый разъ... Это очень хорошо. Нужно бросить хандрить. Вы еще молоды, будете счастливы, Богъ дастъ.

— Благодарю васъ,—сказала Дуня, имѣвшая, дѣйствительно, болѣе бодрый видъ, чѣмъ обыкновенно.

Между тѣмъ, дали первый звонокъ, и всѣ направились въ вагонъ, помогая нести вещи. Заняли мѣста, уложили вещи и стали прощаться. Марья Николаевна перецѣловалась со всѣми провожавшими ее и расплакалась. Всѣ пожелали ей счастья и, простившись съ Стебельскимъ, вышли изъ вагона и остановились противъ него на платформѣ. Раздался второй звонокъ. Стебельскій опустилъ окно, и, высунувъ изъ окна головы, уѣзжавшіе кланялись и перекидывались словами съ толпившимися у окна родственниками и знакомыми. Вдоль поѣзда прошли жандармы и попросили публику отодвинуться отъ вагона. Дуня стояла позади всѣхъ и утирала глаза платкомъ. Прощаніе растрогало ее и умилило... Лицо ея покраснѣло отъ слезъ и стало отъ этого еще болѣе некрасивымъ. Взглядъ Стебельскаго, глядѣвшаго на провожавшихъ, случайно упалъ на Дуню, и, понизивъ голосъ, онъ сказалъ женѣ:

— Бѣдняжка Маевская, какъ она уродлива!...

Онъ полагалъ, что Дуня не слышитъ его. Но Дуня замѣтила взглядъ, брошенный на нее Стебельскимъ, и до ея слуха долетѣло слово „уродлива"... Она поняла, что слово это относилось къ ней... Передъ глазами ея поплылъ кровавый туманъ, а губы вдругъ страшно побѣлѣли...

Въ это самое время раздался третій звонокъ. Всѣ замахали платками, закивали головами,— нѣкоторые весело улы-

баясь, нѣкоторые сквозь слезы, посылая отъѣзжающимъ воздушные поцѣлуи и привѣтствія.

— Хи-хи-хи-хи... — разсыпался ехиднымъ смѣхомъ свистокъ кондуктора.

— Х-а... — грохнулъ паровозъ.

— Хи-хи-хи-хи-хи-и-и... — еще язвительнѣе задребезжалъ свистокъ.

— Ха-ха-а-а... — нахально загрохоталъ паровозъ. Цѣпи уныло звякнули, вагоны сдвинулись и покатились.

— Чего онъ смѣется?—тихо, но внятно произнесла Дуня, вперивъ въ тронувшійся съ мѣста роковой вагонъ полные кровавыхъ слезъ глаза.

— Чего они всѣ смѣются?... — повторила Дуня, но, какъ и въ первый разъ, ее никто не услышалъ. Всѣ были заняты проводами.

Наконецъ поѣздъ скрылся изъ виду, и публика хлынула въ вокзалъ.

— Ѣдемте, Маевская! — предложилъ кто-то Дунѣ, но она ничего не отвѣтила. Къ ея молчанію такъ привыкли, что на этотъ разъ на него никто не обратилъ вниманія. Мало по малу платформа пустѣла, а Дуня стояла все въ прежнемъ положеніи, съ устремленными въ направленіи скрывшагося поѣзда глазами и судорожно сжимавшими платокъ руками. Казалось,—она застыла въ такомъ положеніи и ничего не видѣла передъ собой. На платформѣ оставалось всего 5—6 человѣкъ, и никто не обращалъ на Дуню вниманія.

Въ это время къ ней подошелъ маленькій пьяненькій старичекъ въ рыжемъ картузикѣ на сѣдыхъ до желтизны волосахъ и съ очками на носу, оглобли которыхъ не заходили за уши, а упирались въ щеки подъ глазами. Шатаясь, онъ подошелъ къ Дунѣ, посмотрѣлъ ей прямо въ глаза и скороговоркой произнесъ:

— Кто барышня старше,— я или ты? — и, подождавъ немного, отвѣтилъ самъ себѣ:

— Стало быть —ты. Я вотъ пьянъ, а ты трезвая —ты и старше, выходитъ! — и залился при этомъ добродушнымъ смѣхомъ.

— Чего они всѣ смѣются? — опять спросила Дуня, безсмысленно глядя на страннаго старичка.

— За всѣхъ не скажу, — затараторилъ онъ, — а я смѣюсь отъ того, что молодой. Знаешь, барышня, сколько мнѣ лѣтъ? Восемьдесятъ три года, а я еще сто лѣтъ проживу. Не вѣришь? Накажи меня Богъ—проживу. Дай 50 рублей—помру, а не то во вѣки не помру. Не дашь? Э, барышня, да ты нѣмая, такъ съ тобой и разговоръ нѣмой. Прощевай!—закончилъ онъ и мелкими, быстрыми шажками удалился.

Дуня все стояла. Наконецъ, прогуливавшійся по платформѣ жандармъ обратилъ на нее вниманіе.

Онъ подошелъ къ ней и вѣжливо спросилъ:

— Вамъ, барышня, чего угодно?

— Смѣются...—сдавленнымъ шопотомъ произнесла Дуня.

„Ужъ не пьяна ли?—вдругъ мелькнула у жандарма въ головѣ счастливая мысль.—Такъ и есть, пьяна".—Онъ обрадовался своей догадливости и рѣшилъ дѣйствовать прямо и кратко. Твердыми шагами подошелъ онъ вплотную къ Дунѣ, нагнулся къ ея лицу и повелительно произнесъ:

— Ну-ко-ся, барышня, дыхни!—„Нечего съ тобой, съ пьяной, церемониться"- подумалъ онъ.

— Какъ онъ смѣетъ... Я уродлива?!.—простонала Дуня.

— Это точно, дѣйствительно, уродъ, ну, тольки находиться тутъ безъ дѣла не полагается.

„Нѣтъ, не слышно, чтобы водкой... Что такое — не пойму"—все болѣе удивлялся жандармъ и даже сробѣлъ немного—не попалъ ли въ просакъ, принявъ ее за пьяную и надлежащимъ образомъ примѣнивъ мѣры... Мѣры оказывались ошибочными...

Но въ это время произошло нѣчто неожиданное: изъ груди Дуни вырвался страшный вопль, и она, съ размаха, ударила жандарма рукою по лицу...

— Ха-ха ха-ха!—дико захохотала она.—Я уродлива?.. Я красавица, красавица! Ха-ха-ха-ха!..

Произошелъ переполохъ Станціонные служители сбѣжались на крикъ испуганнаго жандарма. Дуня имѣла страшный видъ. Глаза ея налились кровью и дико вращались. Волосы растрепались. Она колотила себя кулаками по сухой и плоской груди, изъ которой вырывались каскадомъ несвязные, ни съ чѣмъ несравнимые вопли:

— Уродливая!.. Покажу!.. Смѣяться?.. Всѣмъ покажу!!.. Ха-ха-ха-ха!.. Я красавица, красавица!.. Догоню!..—и она бросилась съ платформы, но оступилась, упала и, съ расшибленнымъ въ кровь лицомъ, вновь вскочила на ноги и бросилась бѣжать. Нѣсколько человѣкъ преградили ей дорогу и пытались схватить, но она съ удивительной силой вырывалась. Наконецъ, ее задержали и облѣпили кругомъ сплошнымъ живымъ кольцомъ. Кто-то снялъ съ себя поясъ, Дунѣ скрутили имъ руки и повели въ вокзалъ. Долго мѣшкать было нечего, — рѣшили отвезти въ больницу. Дуню посадили между двумя жандармами по бокамъ на пролетку и повезли. Отъѣхавъ нѣсколько шаговъ, извозчикъ, везшій Дуню, обогналъ того самаго мужичка, который привезъ Дуню на вокзалъ и получилъ отъ нея рубль. Онъ ѣхалъ порожнякомъ и, увидѣвъ Дуню въ такомъ состояніи, очень уди-

вился. Онъ остановилъ извозчика и разсказалъ жандармамъ, что привозилъ Дуню на вокзалъ, упомянувъ при этомъ о полученномъ рублѣ и объяснивъ имъ, гдѣ она живетъ.

— И целковый-то этотъ не въ своемъ, знать, умѣ отдала. Богъ съ нимъ—свѣчей въ церкви куплю,—печально молвилъ онъ и покачалъ головой, участливо глядя на Дуню.

Дуню повезли домой. Всю дорогу она билась и извивалась всѣмъ тѣломъ, стараясь спрыгнуть съ пролетки, обращая на себя всеобщее вниманіе. Жандармы крѣпко держали ее. Наконецъ, Дуню привезли. Анна Васильевна заголосила, увидѣвъ ее, и чуть не упала въ обморокъ. Мужъ ея тоже сообразилъ, что исторія разыгралась нешуточная, и тотчасъ поѣхалъ за докторомъ. Остальные домашніе, въ испугѣ, попрятались по своимъ комнатамъ

Явился докторъ, извѣстный спеціалистъ по душевнымъ болѣзнямъ: это былъ огромный некрасивый мужчина, съ рыжими волосами и очками на толстомъ носу, но съ ласковыми, грустными глазами. Онъ молча всѣмъ поклонился и, ни къ кому не обращаясь, спросилъ:

— Гдѣ же больная?

Его повели въ комнату Дуни. Она сидѣла на своей кровати, а по бокамъ дворникъ и водовозъ держали ее за руки. Дуня, очевидно, обезсилѣла — недавнее страшное напряженіе всѣхъ силъ не прошло даромъ. Она сидѣла, склонивъ голову на плечо. Губы у нея припухли и нервно вздрагивали, обнажая передніе зубы. Подъ правымъ глазомъ запеклась кровь, и правая щека, выпачканная грязью, вздулась,— послѣдствія паденія и ушиба на платформѣ. Она тихо, вытягивая голову при каждой попыткѣ говорить, шептала что-то безсвязное, чего никто не могъ, разобрать. Глаза были налиты кровью, и въ нихъ невозможно было замѣтить слѣда мысли. Они блуждали по предметамъ, ни на чемъ одномъ не останавливаясь и какъ будто ничего не видя.

За докторомъ вошла Анна Васильевна съ домочадцами, блѣдная, еще не пришедшая въ себя отъ испуга.

Докторъ сѣлъ на стулъ противъ Дуни. Пользуясь тѣмъ, что она его не замѣчаетъ, онъ долго смотрѣлъ на нее. Потомъ шопотомъ приказалъ всѣмъ выйти изъ комнаты и притворить двери.

Когда всѣ вышли, онъ прикоснулся рукою къ плечу дѣвушки и спросилъ:

— Какъ васъ зовутъ?

Дуня, казалось, даже не почувствовала его прикосновенія.

Докторъ осторожно поднесъ руку къ ея лицу и слегка повернулъ его къ себѣ. По взгляду больной онъ замѣтилъ, что она обратила на него вниманіе.

— Какъ васъ зовутъ?

Дуня не отвѣчала, но было видно, что она вглядывается и, какъ будто, припоминаетъ что-то. Докторъ въ третій разъ повторилъ свой вопросъ, не спуская глазъ съ Дуни, и она, наконецъ, заговорила торопленнымъ шопотомъ:

— Дунюся меня зовутъ... Ду-ню-ся... Не смѣть меня называть Дуняшей... Я Дунюся... слышите, Дунюся, Ду-ню-ся, Ду-ню-ся...

И она десятки разъ повторяла это слово...

— Куда вы его спрятали?.. — вдругъ спросила она, и въ ея глазахъ мелькнуло выраженіе мучительной тревоги.

— Кого?

— Ахъ, Господи, не понимаете... — заторопилась Дуня.— Ну, его... понимаете... кабинетныя... лобъ такой... высокій, и волосы черные, длинные... вотъ такіе (она показала рукой, какіе волосы)... и тутъ пуговицы вездѣ... Гдѣ онъ?..

— О комъ вы говорите? Вы мнѣ разскажите о немъ съ самаго начала. Гдѣ вы его видѣли?

— А-а, я знаю, гдѣ онъ...—въ глазахъ ея мгновенно отразился ужасъ:—Вы его... убили, уби-или... Варвары... Вотъ онъ... вѣнокъ на головѣ... на груди медали... масса медалей... Миленькій, за что тебя убили?..

— Дунюся!—вдругъ перебилъ ее докторъ.

— Дунюся? — эхомъ отозвалась Дуня.—Дунюся.. Дунюся...—она усмѣхнулась безумной усмѣшкой.—Какъ смѣшно это выходитъ... Дунюся... Ха-ха-ха!.. — захохотала она, сотрясаясь всѣмъ своимъ худымъ тѣломъ. Потомъ вдругъ оборвала смѣхъ и задумалась о чемъ-то. Съ минуту помолчавъ, она поднесла руку къ груди и, прислушиваясь къ біенію сердца, заговорила:

— Сердце бьется-бьется... бѣдная мама... сердце бьется... милая мама... коса длинная, толстая... Гдѣ она?.. Отрѣзали?.. Бѣдная мама, отрѣзали косу... Я знаю, кто отрѣзалъ... вотъ этотъ... у-у, страшный... противный... глаза нахальные... полдюжины...

Позвавъ служителя и посадивъ возлѣ больной, докторъ вышелъ къ Аннѣ Васильевнѣ.

— Ну, что, докторъ? Какъ? Что съ ней?—засыпала она его вопросами.

— Разскажите-ка мнѣ о ея жизни все рѣшительно,—сказалъ докторъ, не отвѣчая на вопросъ.

Изъ неясныхъ и запутанныхъ отвѣтовъ старухи для него выяснилось понемногу, что Дуня съ четырехлѣтняго возраста не выѣзжала изъ города, да и вообще, кромѣ дома, фотографіи и изрѣдка церкви, рѣшительно нигдѣ не бывала. Выяснилось, что ни съ кѣмъ она не зналась, не дружила

не была откровенна; что съ 17 лѣтъ до 25 работала изо дня въ день въ фотографіи.

— Съ чего это съ ней приключилось, господинъ докторъ? Пила-ѣла она всегда вволю... Никогда ни въ чемъ не терпѣла недостатка...

Докторъ помолчалъ немного, подумалъ и сказалъ:

— Видали часы. Работаютъ, кажется, исправно, спокойно, — тикъ-такъ, тикъ-такъ... — Смотришь — остановились: колесико истерлось... Такъ и съ человѣкомъ.

— Что же, докторъ,—выздоровѣетъ она?

— Не могу теперь сказать. Вѣрнѣе всего, нѣтъ... Всю жизнь нервы натягивались,—малѣйшій ударъ по нимъ,—они и лопнули. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ буйное помѣшательство переходитъ въ тихое, и уже на всю жизнь. Во всякомъ случаѣ, ее необходимо помѣстить въ больницу. Я пришлю за ней...

А Дуня продолжала все разсказывать о карточкахъ, которыя она ретушировала, о красивыхъ, некрасивыхъ, злыхъ и добрыхъ физіономіяхъ...

О, она такую массу отретушировала ихъ за восемь лѣтъ!..

Абрамъ Дерманъ.

Религія въ Японіи.

Профессоръ токійскаго университета, Чамберлэнъ, въ статьѣ своей „О религіи въ Японіи“ говоритъ: „Не одинъ разъ намъ приходилось слышать, какъ европейскій путешественникъ спрашивалъ у японца: какую религію исповѣдываете вы,—синтоистическую или буддійскую?—и мы съ интересомъ при этомъ наблюдали неописуемое смущеніе японца, который никоимъ образомъ не могъ бы по совѣсти дать сколько-нибудь опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Обыкновенно всякая японская семья несетъ ребенка своего, черезъ мѣсяцъ послѣ его рожденія, въ синтоистическій храмъ; и столь же обычно видѣть, что та же семья, если умретъ этотъ ребенокъ или кто-либо другой изъ членовъ ея, хоронитъ покойника на буддійскомъ приходскомъ кладбищѣ по буддійскому обряду. Жители каждаго округа одинаково участвуютъ въ религіозныхъ праздникахъ обоихъ исповѣданій, не понимая всей несостоятельности подобнаго образа дѣйствій по существу. Они не заботятся дать себѣ отчетъ въ тѣхъ опредѣленныхъ различіяхъ двухъ религій, съ которыми знакомы мы“. Въ дѣйствительности почти все населеніе Японіи исповѣдуетъ синто-буддійскую религію. Мы сказали *почти* потому, что въ странѣ этой насчитывается еще до 134.000 христіанъ (къ 1 января 1903 года).

Въ чемъ состоитъ сущность религіи синто? Какимъ образомъ оказалось возможнымъ сліяніе ея съ буддійскою религіей? Какова исторія распространенія въ Японіи христіанства и имѣетъ ли послѣднее тамъ будущность, не смотря на малое число въ настоящее время адептовъ его? Религіозны ли японцы и какъ относятся они къ свободѣ вѣроисповѣданій? Вотъ вопросы, на которые мы постараемся отвѣтить въ предлагаемой вниманію читателей статьѣ.

I.

Религія Синто.

Сущность религіи синто.—Космогонія и миѳологія ея.—Отсутствіе въ религіи синто моральнаго кодекса и возмѣщеніе его принципомъ „сыновняго благочестія".—Норито (собраніе молитвъ).—Охараи (молитва о великомъ очищеніи).—Источникъ силы синтоистическаго міровоззрѣнія и вліяніе его на государственный строй Японіи и на обособленность ея отъ иностранцевъ до эры мейдзи.

Синтоизмъ есть поклоненіе силамъ природы и культъ предковъ, которыхъ родоначальниками считались боги, олицетворявшіе упомянутыя силы и ихъ проявленія. Космогонія и миѳологія синтоистовъ, тѣсно связанныя между собой, какъ и во всѣхъ первобытныхъ религіяхъ, не касаются вопроса о первоначальномъ источникѣ всего существующаго. Неизвѣстно, откуда появляется матеріальный хаосъ и многочисленныя поколѣнія боговъ. Два изъ нихъ, братъ и сестра—Идзанами и Идзанаги—заключили между собой брачный союзъ и, по приказанію другихъ божествъ, создали изъ хаоса острова Японскаго архипелага. Для этого они „взяли въ свои руки драгоцѣнное небесное копье и, ставъ на плавучемъ мосту неба *), расшевелили имъ хаотическія массы внизу. Соленая вода, которая капала съ его конца, сгустилась и обратилась въ главный островъ Японіи. Божественная чета снизошла на него и взялась за сотвореніе другихъ острововъ архипелага". Идзанами и Идзанаги сдѣлались также родителями множества другихъ божествъ, каковы: боги горъ, богъ вѣтра, богиня пищи, боги моря, рѣкъ, болотъ и множество другихъ. Послѣднимъ богомъ, котораго они произвели, былъ богъ огня; давъ ему рожденіе, Идзанами умерла. „Она ушла въ страну *Іоми*, т. е. подземное царство, куда послѣдовалъ за нею и Идзанаги; но онъ былъ принужденъ ретироваться поспѣшно въ надземный міръ, горячо преслѣдуемый богами и безобразною женщиной подземнаго царства". По возвращеніи своемъ на землю, Идзанаги выкупался въ морѣ, чтобы смыть съ себя нечистоты, которыми заразился во время своего пребыванія въ подземномъ царствѣ; дѣлая это, онъ произвелъ разныя божества, въ числѣ которыхъ были *богиня солнца* (Аматерасу), происшедшая изъ его лѣваго глаза, и *богъ луны*, происшедшій изъ праваго его глаза. Въ то же самое время изъ его носа произошло третье божество—*Су-са-но-во*..

Этотъ послѣдній былъ буйнымъ, неспокойнымъ божествомъ, злыя и непристойныя продѣлки котораго такъ огорчили богиню

*) Мостъ неба—радуга.

солнца, что она спряталась въ каменной пещерѣ неба и оставила міръ въ темнотѣ. Въ усиліяхъ убѣдить разгнѣванную богиню оставить затворничество, другіе боги устраивали у выхода изъ пещеры танцы, играли на музыкальныхъ инструментахъ и прибѣгали къ разнымъ подобнымъ приманкамъ... И когда богиня, однажды, выглянула изъ пещеры, чтобы удовлетворить своему любопытству, то передъ нею во-время поставили зеркало, на которое упалъ лучъ испускаемаго ею сіянія. Увидѣвъ тамъ свое изображеніе, богиня прельстилась имъ и, чтобы лучше разсмотрѣть его, совсѣмъ вышла изъ пещеры, послѣ чего уже не возвращались туда.

Внукъ богини солнца былъ первымъ правителемъ Японіи. Отъ него произошелъ, послѣ нѣсколькихъ поколѣній, Дзимму-Тенно—первый человѣческій монархъ этой страны и основатель нынѣшней династіи микадо. Знатныя фамиліи произошли отъ другихъ божествъ *).

Исторія Японіи, до начала точныхъ лѣтописей, такимъ образомъ такъ тѣсно связана съ миөологіей, что Чамберлэнъ въ своемъ сочиненіи „Things Japanese" излагаетъ ихъ въ одной и той же главѣ, History and Mythology, ибо „раздѣлить ихъ абсолютно невозможно. Да и зачѣмъ пытаться дѣлать это, когда та и другая одинаково баснословны?" **)

Синтоисты почитаютъ безчисленное множество боговъ—„800 миріадовъ божествъ, живущихъ на землѣ, столько же подъ землей и столько же въ воздухѣ и на небѣ, всего трижды восемьсотъ миріадовъ божествъ". Среди нихъ есть не только боги и богини силъ природы и всевозможныхъ проявленій ихъ, активныхъ и пассивныхъ—вѣтра, океана, огня, рѣкъ, чумы, горъ вообще, нѣкоторыхъ извѣстныхъ горъ, нѣкоторыхъ извѣстныхъ рѣкъ, извѣстныхъ деревьевъ и т. п., но и божества такихъ мелкихъ предметовъ, какъ, напримѣръ, чугуна, кастрюли и другихъ кухонныхъ принадлежностей. Всѣ эти божества обладаютъ, вмѣстѣ съ нечеловѣческимъ могуществомъ, также и человѣческими недостатками: они могутъ быть злы, мстительны, хитры, самолюбивы и т. п. Даже дурныя качества людей могутъ быть покровительствуемы особыми богами. Такъ, напримѣръ, воръ, разбойникъ и человѣкъ, желающій соблазнить невинную дѣвушку, должны для увѣренности въ успѣхѣ своихъ намѣреній молиться каждый спеціальному божеству... Пантеонъ синтоистовъ при этомъ

*) Тѣ фразы въ предшествующемъ изложеніи, которыя заключены въ кавычки, заимствованы изъ книги: *В. Г. Астонъ.—Исторія Японской литературы.* Переводъ съ англійскаго слушателя восточнаго института В. Мендрина, подъ редакціей и. д. профессора Г. Спальвина.—Владивостокъ, 1904. стран. 251.

**) Things Japanese, by Basil Hall Chamberlain, professor of japanese and philology in the Imperial University of Tokyo. London 1903., стран. 224.

постоянно „обогащается обожествленными духами принцевъ и героевъ страны, изъ которыхъ нѣкоторые пользуются популярностью повсемѣстно въ ней, тогда какъ другіе извѣстны только въ ограниченной мѣстности... Отъ времени до времени новыя имена вводятся въ пантеонъ. Настоящее царствованіе было свидѣтелемъ нѣсколькихъ примѣровъ такого апоѳеоза“ *).

Въ отношеніи будущей жизни религія синто не даетъ никакой доктрины. Предписываемый ею культъ предковъ показываетъ, что она предполагаетъ бытіе душъ умершихъ людей, но представленіе синтоистовъ объ этомъ бытіи крайне неопредѣленно. Однако, не смотря на то, упомянутый культъ имѣетъ въ жизни японцевъ огромное значеніе, такъ какъ онъ развился въ глубокое почитаніе старшихъ вообще и, въ частности, въ такое почитаніе дѣтьми родителей, которое не безъ основанія называется „сыновнимъ благочестіемъ“. Выдающійся японскій теологъ *Хирата* (1776—1843), въ произведеніяхъ котораго синтоизмъ принялъ болѣе опредѣленный и осязательный характеръ, чѣмъ въ трудахъ его предшественниковъ, говоритъ такъ: „Благоговѣніе предъ памятью предковъ есть главное начало всѣхъ добродѣтелей. Никто изъ тѣхъ, кто исполняетъ свою обязанность по отношенію къ нимъ, никогда не будетъ непочтителенъ къ богамъ или къ своимъ живымъ родителямъ. Такой человѣкъ будетъ также вѣренъ своему повелителю, преданъ своимъ друзьямъ и любезенъ и мягокъ со своей женой и дѣтьми. Ибо суть этого благоговѣнія заключается въ истинномъ сыновнемъ благочестіи. Эти истины подтверждаются книгами китайцевъ, которые говорятъ, что „вѣрный подданный выходитъ изъ воротъ благочестиваго сына“,—и далѣе: „сыновнее благочестіе есть основаніе всѣхъ благихъ дѣяній“ **).

Это сыновнее благочестіе и почитаніе старшихъ замѣняетъ совершенно отсутствующій въ религіи синто *моральный кодексъ*. Отсутствіе его объясняется въ трудахъ даже современныхъ намъ туземныхъ комментаторовъ врожденнымъ совершенствомъ человѣческой природы японца, которое устраняетъ надобность такихъ внѣшнихъ побужденій къ добру. „Только у такихъ низкихъ народовъ, какъ китайцы и жители западныхъ странъ, необходимо появленіе, отъ времени до времени, мудрецовъ и реформаторовъ... Но даже и при такой помощи всѣ иностранные народы продолжаютъ погрязать въ тинѣ невѣжества, преступленія и неповиновенія посланному небомъ монарху вселенной—микадо Японіи“ ***).

Одно изъ любимыхъ японцами стихотвореній знаменитаго пи-

---

*) Ibidem, стран. 415.

**) В. Г. Астонъ.—Исторія японской литературы; стран. 259.

***) Things Japanese.—Стр. 414.

сителя ихъ Мотоори (1730—1803) говоритъ по этому поводу слѣдующее:

„Если люди спросятъ
О сердцѣ Ямато,—
Это цвѣтъ горной вишни,
Благоухающій при утреннемъ солнцѣ".

Это значитъ: „Японцы инстинктивно и по природѣ благородны и добродѣтельны,—не такъ, какъ китайцы, которые нуждаются въ неуклюжей и искусственной системѣ этической философіи, чтобы обработать морально свои натуры" *).

Священнаго писанія у синтоистовъ нѣтъ; существуютъ только „молитвы синтоистическимъ божествамъ", извѣстныя подъ общимъ названіемъ *Норито*. Въ прежнее время онѣ съ большою церемоніей читались такъ называемыми *Накатоми*—наслѣдственной корпораціей придворныхъ чиновниковъ, спеціальной обязанностью которыхъ было представлять микадо въ качествѣ высшаго жреца націи. *Норито* содержатъ молитвы объ урожаѣ, моленія объ отвращеніи пожара и моровой язвы, молитвы, призывающія благословеніе на дворецъ, службы въ честь богини пищи, въ честь божествъ вѣтра и т. д.

По мнѣнію Астона, хотя *Норито* и представляютъ собой произведенія прозаическія, но, въ сущности, они гораздо болѣе поэтичны, чѣмъ современная имъ поэзія. Самое интересное изъ моленій, входящихъ въ Норито, это—*Охараи*, т. е. моленіе о великомъ очищеніи. Оно такъ характерно во многихъ отношеніяхъ, что мы приводимъ его здѣсь въ полномъ русскомъ переводѣ: **)

„Отверзите уши вы, принцы крови, министры и высшіе сановники, которые собрались здѣсь, и внемлите моленію о великомъ очищеніи, которымъ въ это междолуніе шестого мѣсяца снимутся и уничтожатся всѣ грѣхи, совершенные императорскими чиновниками и слугами, носятъ ли они шарфъ ***) или плечевую повязку, ****) носятъ ли они на спинѣ своей лукъ, или препоясаны мечомъ.

„Давно то было; наши царственные предки, которые пребываютъ въ глубокихъ небесахъ, созвали собраніе изъ восьмисотъ миріадовъ божествъ и держали съ ними божественный совѣтъ. И такъ они повелѣли: „Пусть нашъ божественный отпрыскъ приметъ подъ свое мирное управленіе землю прекрасныхъ рисовыхъ колосьевъ, плодородную равнину камыша". Но въ странѣ, такъ ему врученной, были враждебныя божества; они были покараны божескою карой, изгнаны божескимъ изгнаніемъ. И сверхъ того скалы,

*) В. Г. Астонъ.—Истор. японск. литерат.—Стр. 249; Ямато—т. е. Японія.
**) В. Г. Астонъ.—Исторія японской литературы; стр. 7.
***) Женщины.
****) Мужчины.

деревья и листья травы, которые имѣли способность рѣчи, должны были умолкнуть. А затѣмъ они послали его внизъ съ его небеснаго вѣчнаго трона, разсѣкая предъ нимъ, когда онъ шелъ, кучей нагроможденныя облака небесъ въ страшную разсѣлину-дорогу. Здѣсь, въ самой серединѣ пожалованной ему страны, въ *Ямато* *), землѣ высокаго солнца, учредилъ божественный отпрыскъ свое мирное царство; здѣсь воздвигъ онъ прекрасный дворецъ, вдѣлалъ глубоко въ скалы массивныя колонны, поднявъ къ небу брусья кровли, дабы быть укрытымъ отъ солнца и дождя.

„Теперь изъ разныхъ беззаконій, которыя могутъ быть совершены небеснымъ поколѣніемъ, предназначеннымъ все болѣе и болѣе заселять эту землю мирнаго управленія, одни суть беззаконія земныя, другія—беззаконія небесныя. Небесныя беззаконія суть: уничтоженіе плотинъ между рисовыми полями, заполненіе водостоковъ, смѣщеніе водяныхъ желобовъ, живодерство... Земныя беззаконія суть: рѣзаніе живыхъ тѣлъ, рѣзаніе мертвыхъ тѣлъ, проказа, кровосмѣшеніе, бѣдствія отъ ползающихъ тварей, высокихъ боговъ и птицъ небесныхъ, убіенія скота, заклинанія.

„И всякій разъ, какъ беззаконія эти будутъ совершены, а совершаться они будутъ, пусть великіе *накатоми* подрѣжутъ божественныя вѣтви у вершины и подрѣжутъ ихъ у комля, сдѣлавъ изъ нихъ полный рядъ въ тысячу подставокъ для жертвоприношеній. Подрѣзавъ вверху и внизу камышъ небесъ, пусть расщеплютъ они его на множество пластинокъ. А затѣмъ пусть прочтутъ это великое моленіе.

„И когда они это сдѣлаютъ, то небесные боги, открывъ настежь алмазныя двери небесъ и раздѣливъ нагроможденныя небесныя облака страшной разсѣлиной-дорогой, приблизятся и будутъ внимать.

„Земные боги, вознесясь на вершины высокихъ горъ и вершины низкихъ горъ, сметая прочь туманы съ высокихъ горъ и туманы съ низкихъ горъ, приблизятся и будутъ внимать.

„И тогда не останется не искупленнымъ ни одно преступленіе отъ дворца священнаго отпрыска боговъ и до самыхъ далекихъ концовъ царства. Какъ нагроможденныя облака въ небесахъ разсѣиваются дуновеніемъ бога вѣтровъ; какъ утренній бризъ и вечерній бризъ разгоняетъ утренніе туманы и разгоняетъ вечерніе туманы; какъ громадный корабль, ставшій на якорь въ большой гавани, потерявъ свои кормовые якоря и потерявъ свои носовые якоря, уносится въ обширный океанъ; какъ вотъ этотъ толстый хворостъ истребляется и разбрасывается острой лопаткой, закаленной въ огнѣ,—такъ точно и всѣ пре-

*) Японія.

ступленія будутъ сняты и уничтожены. И богиня *Се-ори-цу-химе* *), пребывающая въ быстринахъ стремительнаго потока, воды котораго бѣшено скатываются съ большихъ горъ и съ малыхъ горъ, унесетъ ихъ на равнины далекаго моря. Пусть затѣмъ богиня *Хая-аки-цу-химе* **), которая пребываетъ въ миріадахъ путей прибоя бушующаго моря и въ миріадахъ мѣстъ, гдѣ скрещиваются миріады морскихъ путей, поглотитъ ихъ; и пусть богъ *Ибуки-до-нуси* ***), пребывающій въ *Ибукидо* ****), изгонитъ ихъ прочь въ подземныя царства. Пусть затѣмъ богиня *Хая-сасура-химе* *****), что пребываетъ въ подземномъ царствѣ, истребитъ и уничтожитъ ихъ.

„Они уничтожены теперь. И всѣ, начиная отъ слугъ императорскаго дворца и вплоть до простого народа во всѣхъ четырехъ концахъ царства, всѣ отнынѣ впредь свободны отъ грѣха.

„Внимайте же всѣ вы, обративъ уши къ равнинамъ высокаго неба, моленію великаго очищенія, которымъ въ это междолуніе шестого мѣсяца при закатѣ солнца вы очищаетесь и освобождаетесь отъ грѣха".

Очищеніе, достигающееся чтеніемъ *Охараи*, было государственнымъ обрядомъ, на которомъ могли присутствовать лишь избранные. По мнѣнію Чамберлэна и Астона, даже языкъ этого моленія никогда не былъ понятенъ простому народу; вѣрующіе изъ среды его ищутъ очищенія въ другомъ, болѣе простомъ обрядѣ, а именно, въ омовеніяхъ передъ молитвой. Для этой цѣли у каждаго синтоистическаго храма, или даже только алтаря, расположенъ бассейнъ со „святою водой" (Чоцу-баси) для полосканія рта и омовенія рукъ. Пилигримы и богомольцы непремѣнно пользуются этою водой, вытираясь затѣмъ полотенцами, нарочно для того повѣшанными передъ бассейномъ. „На нашъ взглядъ",—говоритъ миссіонеръ Гуликъ,—„немногіе изъ обычаевъ въ Японіи способствуютъ распространенію заразныхъ болѣзней въ такой мѣрѣ, какъ этотъ обычай церемоніальнаго очищенія... Нѣтъ лучшаго средства для передачи кожныхъ болѣзней, которыя здѣсь такъ часты. Преобразованная религія новой Японіи,—будетъ ли она синтоистической, буддійской или христіанской,—не могла бы оказать большей услуги народу, какъ объявивъ крестовый походъ противъ этого религіознаго обычая" ******).

На предшествующихъ страницахъ я старался изложить сущность религіи синто. Все, что можно было бы сказать о ней еще,

---

*) Т. е. „дѣва, пребывающая въ мелкой водѣ".
**) Т. е. „дѣва, быстро раскрывающаяся".
***) Т. е. „хозяинъ мѣста дуновенія".
****) Т. е. „мѣсто дуновенія".
*****) Т. е. „быстро уничтожающая дѣва".
******) *Evolution of the Japanese,* social and psychic; by Sidney L. Gulick, M. A. Missionary of the American Board in Japan.—New-Jork 1903.—стран. 313.

было бы развитіемъ деталей, а не сущности этой религіи. Отсюда видно, что послѣдняя—не глубока по своему смыслу, лишена философскаго элемента и имѣетъ миѳологію чисто ребяческую по содержанію. Астонъ, разбирая сочиненія Мотоори—убѣжденнаго адепта этой древней національной религіи японцевъ, поставившаго себѣ задачей жизни пропагандировать ее между своими соотечественниками и осуждать „гнусную развращенность“ тѣхъ, которые пренебрегали ею ради софистической ереси [буддизма], внесенной изъ чужихъ краевъ,—говоритъ:

„Есть матеріалъ для размышленія въ томъ фактѣ, что для человѣка высокаго ума и большой учености, подобно Мотоори, не незнакомаго съ философіей и религіями Индіи и Китая, являлось возможнымъ принять за основаніе своихъ вѣрованій эти дѣтскія побасенки. И не только онъ самъ лично былъ искренно вѣрующимъ человѣкомъ, но у него былъ большой и ревностный кругъ послѣдователей, принадлежащихъ къ высшимъ и наиболѣе просвѣщеннымъ классамъ его соотечественниковъ. Справедливымъ, пожалуй, можетъ показаться то, что говорится словами одной японской пословицы: — „Иваси но атама мо син-двин-гара“, т. е. *важнымъ является качество вѣры, хотя бы предметомъ ея была только голова сардинки*“ *).

Эта пословица представляетъ для насъ большой интересъ, потому что высказанная въ ней мысль помогаетъ намъ понять, почему религія синто имѣла такое огромное значеніе въ исторіи Японіи вплоть до переживаемой нынѣ эры мейдзи **) и не утратила вполнѣ этого значенія и теперь.

Для поясненія сказаннаго обратимся къ слѣдующимъ политическимъ разсужденіямъ государственнаго дѣятеля и воина *Китабатаке Цикафуса* , игравшаго важную роль въ гражданскихъ войнахъ, которыя волновали Японію въ первой половинѣ XIV вѣка.

„Великая Ямато—божественная страна. Это только одна наша страна, основаніе которой положено божественнымъ предкомъ. Она единственная только, которая передана была богиней солнца длинному ряду ея потомковъ. Ничего нѣтъ подобнаго въ чужеземныхъ странахъ. Поэтому она и называется божественною страной.

„Это только одна наша страна, что сохранила съ того времени, какъ впервые проявились небо и земля (изъ хаоса), наслѣдованіе трона неизмѣннымъ въ одномъ и томъ же родѣ. Если даже оно переходило, какъ это иногда естественно происходитъ, въ боковыя линіи, то оно всегда было согласно съ истинными

*) В. Г. Астонъ. Исторія японской литературы, стр. 252.

**) Мейдзи значитъ „просвѣщеніе“.—Начало этой эры считается съ революціи 1867 года; вслѣдствіе этого текущій 1904 годъ считается въ Японіи тридцать седьмымъ годомъ мейдзи.

принципами. Это показываетъ, что священная клятва боговъ (сохранять престолонаслѣдіе) постоянно возобновляется, такъ что это и отличаетъ Японію отъ другихъ странъ" *).

Если такъ глубоко вѣрили въ проповѣдуемое религіей синто божественное происхожденіе страны и микадо такіе образованные по тому времени дѣятели, какъ Цикафуса, то легко представить себѣ силу вѣры въ это происхожденіе со стороны народныхъ массъ, воспринимавшихъ ее наслѣдственно съ незапамятныхъ временъ безъ всякой критики... „Изъ всѣхъ странъ и народовъ земного шара божественное происхожденіе имѣетъ только Японія и японцы. Изъ всѣхъ императоровъ на землѣ прямымъ потомкомъ боговъ является только микадо, правящій своимъ народомъ божественною силой и властью". — Въ этомъ ученіи и въ слѣпой вѣрѣ народа въ истинность его и заключается источникъ вліянія синтоистическаго ученія на государственную и общественную жизнь Японіи и на международное ея положеніе: „Японцы, придя въ соприкосновеніе съ иностранными народами, естественно считали послѣднихъ внѣ божественнаго промысла, отбросами человѣчества, присутствіе которыхъ въ божественной странѣ было въ большей или меньшей степени оскверненіемъ ея. Синтоистическое міровоззрѣніе имѣло въ виду развить духъ подчиненнаго послушанія и лояльной приверженности наслѣдственнымъ правителямъ страны, а также суроваго антагонизма къ иностранцамъ; оно составляло интеллектуальную канву, на которой развивалась жизнь государства. Наслѣдственный феодализмъ былъ естественнымъ, если не необходимымъ спутникомъ этого міровоззрѣнія" **).

Дѣйствительно, буддизмъ, къ роли котораго въ Японіи мы перейдемъ сейчасъ, сильно повліялъ на духовную жизнь народа, но онъ не тронулъ сущности воззрѣній синто. Не умалило значенія ихъ для народныхъ массъ и соприкосновеніе послѣднихъ съ иностранцами, которые недолго импонировали на трезвыхъ, трудолюбивыхъ и грамотныхъ жителей открывшейся, наконецъ, для нихъ страны... И когда недавно въ Японіи праздновалась 2564-я годовщина воцаренія перваго микадо, то проповѣди священниковъ въ синтоистическихъ храмахъ объ исключительной привилегіи Японіи—и только одной ея изъ всѣхъ странъ земного шара—пользоваться покровительствомъ боговъ слушались народомъ съ жадностью и гордостью. Наконецъ, опираясь на синтоистическія же воззрѣнія народа, представительное правительство Японіи увѣрено, что послѣдній съ довѣріемъ отнесется ко всѣмъ распоряженіямъ его и будетъ безпрекословно исполнять ихъ, пока они объявляются съ санкціей микадо.

---

*) В. Г. Астонъ. Исторія японской литературы, стр. 123.
**) Evolution of the Japanese by Sydney Gulick., стр. 405.

„Въ теченіе столѣтій, включая и настоящую эру мейдзи, синтоистическая религія въ Японіи давала и даетъ еще и нынѣ религіозныя санкціи для соціальнаго строя—даже для новаго соціальнаго строя, который пришелъ съ Запада. Именно вѣра народа въ божественное происхожденіе императора и вытекающія изъ этого происхожденія права послѣдняго соединяютъ теперь націю и заставляетъ ее съ такой готовностью принять новый соціальный строй. Разъ императоръ желаетъ, то нѣтъ никакихъ вопросовъ и никакой оппозиціи, хотя бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ этотъ строй и доставлялъ народу даже страданія“ *).

II.

Буддизмъ въ Японіи.

Краткія историческія свѣдѣнія о введеніи буддизма въ Японіи. — Причины скораго завоеванія этой религіей симпатій японскаго народа.—Роль буддизма въ духовномъ развитіи Японіи.—Историческія событія, подготовившія пошатнувшееся положеніе буддизма въ Японіи: уклоненіе японскихъ императоровъ отъ фактическаго управленія страною и переходъ этого управленія въ руки сіогуновъ. Іеясу—основатель Токугавской династіи сіогуновъ. Успѣшныя усилія его распространить въ странѣ идеи Конфуція, и вліяніе этихъ идей на установленіе внутренняго порядка въ странѣ. Возникновеніе недовольства въ странѣ деспотическимъ абсолютизмомъ династіи Токугавъ и вліяніе на это недовольство вмѣшательства западныхъ державъ.—Революція 1867 года: низверженіе династіи Токугавъ и возвращеніе микадо къ фактическому управленію страною. Провозглашеніе синто единственной законной государственной религіей. — Возстановленіе прежняго значенія буддизма.— Подавленіе фаллическаго культа въ странѣ подъ вліяніемъ культуры Запада.

Относительно введенія въ Японію буддизма туземныя лѣтописи говорятъ, что въ 552 году по Р. Хр. король одного изъ корейскихъ государствъ подарилъ микадо Кимеи золотое изображеніе Будды и нѣсколько свитковъ сутръ. Подъ вліяніемъ умнаго корейскаго проповѣдника, черезъ котораго поднесены были эти дары, микадо склонился къ принятію новой религіи; но большинство изъ его приближенныхъ—убѣжденные синтоисты—уговорили его удалить изъ дворца золотого Будду, который и былъ перенесенъ въ загородный императорскій домъ, обратившійся затѣмъ въ первый буддійскій храмъ на территоріи Японіи. Этой чужеземной ереси и была приписана партизанами старой религіи причина моровой язвы, постигшей вскорѣ послѣ того Японію, вслѣдствіе чего названный храмъ былъ разрушенъ до основанія. Но какъ разъ около этого времени страну постигъ голодъ, многія мѣстности страдали отъ землетрясеній,—и искуснымъ сторонникамъ буддизма удалось распространить въ народѣ убѣжденіе,

---

*) Ibidem; стр. 407.

что эти бѣдствія являются слѣдствіемъ непочтенія къ Буддѣ... Храмъ былъ вновь построенъ, и съ тѣхъ поръ буддійскіе монахи и проповѣдники начали прибывать въ Японію изъ Кореи все въ большемъ и большемъ числѣ. При императрицѣ Суико (593—621 г.) принцъ-регентъ Сотокутаиси,—котораго европейскіе историки называютъ Константиномъ буддизма въ Японіи,—самъ исполнялъ даже роль буддійскаго священника, и къ его времени относится построеніе многочисленныхъ буддійскихъ храмовъ въ странѣ. Новая религія начала быстро упрочиваться здѣсь и скоро сдѣлалась главенствующей, хотя и не безъ значительныхъ уступокъ съ обрядовой стороны, какъ мы увидимъ ниже.

Сравнительно съ тѣмъ, чтѝ давала Японіи старая религія, „метафизика буддизма была гораздо болѣе глубока: его обряды—значительно болѣе пышны; его моральный кодексъ значительно болѣе возвышенъ",—всего этого „было слишкомъ много, чтобы плохое зданіе синто могло представить прочное сопротивленіе... И все, чтѝ было религіознаго въ націи, перешло къ противнику. Буддійское священство дипломатически приняло туземныхъ синтоистическихъ боговъ въ свой пантеонъ, истолковавъ, что они суть только различныя воплощенія Будды; вслѣдствіе этого многія изъ синтоистическихъ церемоній, связанныхъ съ жизнью дворца, сохранились, хотя болѣе пышныя буддійскія церемоніи всетаки занимали первое мѣсто и въ мысляхъ самихъ потомковъ богини-солнца", т. е. микадо и императорскихъ принцевъ *). Даже и въ тѣхъ мѣстностяхъ Японіи, гдѣ синтоизмъ уцѣлѣлъ болѣе, чѣмъ въ раіонахъ особенно напряженной дѣятельности буддійскихъ проповѣдниковъ, онъ сильно страдалъ отъ захватовъ буддизма. „Буддійскіе жрецы забрали въ свои руки блюстительство большинства храмовъ національнаго культа и примѣшали къ его церемоніямъ и доктринамъ много чуждаго ему. Національные боги не были упразднены,—они еще сохранили нѣкоторое вліяніе на умы народовъ, но они были уже низведены до степени временныхъ проявленій Будды... Ихъ превратили въ домашнихъ слугъ въ буддійскомъ хозяйствѣ, какъ выразился одинъ изъ учениковъ Мотоори" **).

Фактъ, что буддизмъ въ Японіи принялъ въ свою теогонію синтоистическихъ божествъ, отождествивъ ихъ съ собственными богами индусскаго происхожденія, былъ одною изъ главныхъ причинъ скораго завоеванія новой религіей симпатіи народа. Рядомъ съ этимъ и для микадо Японіи не было серьезныхъ причинъ сопротивляться распространенію вліянія буддизма, такъ какъ послѣдній, не имѣя никакого идеала соціальнаго строя, не трогалъ соціальныхъ санкцій синтоизма. Не опровергая миѳологіи послѣд-

---

*) Things Japanese; by B. H. Chamberlain, стран. 77.

**) В. Г. Астонъ. Исторія японской литературы; стран. 250.

няго, буддизмъ въ Японіи не поколебалъ и принципа божественнаго происхожденія страны такъ же, какъ и божественнаго происхожденія микадо. Нельзя, поэтому, не согласиться съ зазамѣчаніемъ американскаго миссіонера Гулика, что „буддизмъ въ Японіи не исключилъ синтоизма, и что съ введеніемъ его синтобуддизмъ сдѣлался народною религіей, въ которую каждая изъ старыхъ религій внесла существенный элементъ". И этого, по нашему мнѣнію, нельзя упускать изъ виду ни на минуту при изученіи современнаго строя жизни Японіи.

Не тронувъ общественнаго элемента синтоизма, буддизмъ въ то же время восполнилъ для японцевъ отсутствіе въ немъ индивидуальнаго элемента, что̀ весьма ярко выражено въ слѣдующихъ строкахъ названнаго сейчасъ автора:

„Кромѣ приспособленія къ синтоизму, существуетъ еще одна реальная причина, объясняющая, почему буддизмъ сдѣлался столь популярнымъ въ Японіи: онъ внесъ драгоцѣнный элементъ въ національную жизнь, впервые для японцевъ выдвинувъ значеніе личности. Самоуглубленіе и свободное размышленіе начали играть роль. Съ буддійскимъ культомъ были насаждены и искусства, требующія индивидуальныхъ проявленій. Пышный ритуалъ, изящная архитектура, сложный религіозный организмъ, письменность и литература,—все дало мѣсто проявленіямъ индивидуальной дѣятельности и индивидуальнаго развитія, какъ въ механическомъ ручномъ трудѣ, такъ и въ духовномъ и эстетическомъ направленіяхъ. Узкая и примитивная до тѣхъ поръ жизнь японца отозвалась на этотъ призывъ съ глубокой радостью. Особенно высшіе классы почувствовали себя точно выросшими въ богатствѣ и полнотѣ новой жизни"... *).

У другого не менѣе компетентнаго знатока Японіи читаемъ по разсматриваемому вопросу: „Все дѣло образованія въ Японіи, такъ же какъ и попеченія о бѣдныхъ и больныхъ, находилось въ теченіе столѣтій въ рукахъ буддистовъ. Буддизмъ ввелъ искусства, медицину, оформилъ народныя вѣрованія, создалъ драматическую поэзію, глубоко вліялъ на политику и вообще властно проникъ во всѣ сферы общественной и умственной дѣятельности. Однимъ словомъ, буддизмъ былъ учителемъ, подъ руководствомъ котораго японская нація развивалась. Какъ нація, она, однако, нынѣ грубо забыла объ этомъ фактѣ. Спросите образованнаго японца что-нибудь о буддизмѣ, и десять противъ одного изъ нихъ улыбнутся вамъ въ лицо, а сто противъ одного скажутъ, что ничего не знаютъ объ этомъ предметѣ и будутъ хвалиться своимъ невѣдѣніемъ".

Не будетъ преувеличеніемъ сказать, замѣчаетъ Астонъ, что если Китай по отношенію къ Японіи занимаетъ мѣсто Греціи и

*) Evolution of the Japanese; стр. 408.

Рима въ европейской цивилизаціи, то буддизмъ, съ его мягкимъ и гуманитарнымъ направленіемъ „игралъ по отношенію къ Японіи такую же роль, какую играло христіанство по отношенію къ западному міру“.

До начала второй половины XVIII столѣтія буддизмъ въ Японіи процвѣталъ, можно сказать, безмятежно, такъ какъ попытки отдѣльныхъ лицъ,—хотя и очень энергичныя,—возстановить старую религію синто въ ея неприкосновенномъ видѣ ни разу не увѣнчались даже кратковременнымъ успѣхомъ. Напротивъ того, популярность буддизма постоянно росла, буддійскіе храмы воздвигались повсюду, и множество буддійскихъ монаховъ содержалось на приношенія вѣрующихъ. Но въ названную эпоху этой пришлой религіи Японіи былъ нанесенъ ударъ, который поколебалъ ея вліяніе, хотя и не надолго. Чтобы объяснить, чѣмъ подготовленъ былъ этотъ ударъ, мы должны сначала напомнить читателямъ нѣкоторыя историческія свѣдѣнія о политической жизни Японіи до эры мейдзи.

Съ развитіемъ въ странѣ, вмѣстѣ съ введеніемъ буддизма, литературы и искусства произошла перемѣна и въ отношеніяхъ двора къ народу. Около трона императора теперь собирались не только воины и правители, какъ это было прежде, но также и ученые, образованные и талантливые люди, находившіе въ императорѣ и придворной знати щедрыхъ патроновъ. Но въ то время, какъ императоры старались поощрять новыя знанія и цивилизацію, съ которыми смягчились воинственныя свойства окружающихъ ихъ людей, на границѣ дикія орды все еще дѣлали набѣги на отнятыя отъ нихъ территоріи,—и потому войны, требующія искуснаго руководителя и сильнаго оружія, въ сущности не прекращались. Однако, императоръ постепенно отказывался отъ личной власти въ военныхъ операціяхъ и передавалъ обязанность защиты государства въ руки того или другого изъ представителей знатныхъ родовъ. Знать, разумѣется, не замедлила понять преимущества, дававшіяся ей въ руки вмѣстѣ съ военной властью,—въ вѣкъ, когда сила была и правомъ еще въ большей степени, чѣмъ въ наши дни, и когда эта сила, употребляемая благоразумно и съ надлежащимъ уваженіемъ къ предразсудкамъ народа, могла повести къ обезпеченію власти даже надъ самимъ императоромъ. Такъ и случилось: дѣйствительная власть въ имперіи перешла къ такъ называемымъ сіогунамъ, которые назначались императоромъ изъ его вассаловъ или даймієвъ, и первымъ изъ которыхъ былъ Іоритомо, въ 1181 году. Императоры уединялись отъ народа все болѣе и болѣе, и дворъ сдѣлался самъ по себѣ совершенно замкнутымъ маленькимъ міромъ, до котораго рѣдко доходили тревоги войны или даже внутренней поли-

---

*) Things Japanese; by B. H. Chamberlain; стран. 77.

тики... А между тѣмъ тревоги эти были велики: даймія,—какъ это и всегда бывало въ феодальныхъ государствахъ при упадкѣ центральной власти, — постоянно вступали въ борьбу другъ съ другомъ изъ-за земельныхъ владѣній и даже за самый сіогунатъ, вслѣдствіе чего въ имперіи въ теченіе многихъ столѣтій велись междоусобныя войны и часто господствовала настоящая анархія. Первый, кто взялся за улучшеніе такого положенія дѣлъ, былъ даймій *Нобунага*—человѣкъ, обладавшій рѣшительнымъ характеромъ и большими военными дарованіями. Онъ успѣлъ привести въ подчиненіе себѣ большую часть дайміевъ при помощи двухъ своихъ знаменитыхъ сотоварищей, *Хидеіоси* и *Іеясу*, изъ которыхъ первый, послѣ смерти Нобунага, былъ фактическимъ монархомъ Японіи (подъ титуломъ тайко или регента). Когда же умеръ и онъ, то высшей власти въ имперіи добился Іеясу, который, послѣ пораженія всѣхъ своихъ противниковъ въ рѣшительномъ бою, въ 1600 году, принудилъ кукольнаго микадо назначить его сіогуномъ и сдѣлался, такимъ образомъ, основателемъ Токугавской династіи сіогуновъ, избравшей для своей резиденціи городъ Іедо и непрерывно управлявшей затѣмъ Японіей въ теченіе свыше 250 лѣтъ—до самой революціи 1867 года.

Стремясь къ созданію въ странѣ сильной центральной власти, Іеясу искалъ подспорья для нея въ религіозномъ освященіи идеи безусловнаго повиновенія. Буддизмъ, какъ мы видѣли, не заключалъ въ себѣ необходимыхъ для этого элементовъ; ученія синто, отодвинутыя на задній планъ буддійскою пропагандою, начали ослабѣвать и забываться. Іеясу обратился къ конфуціанству. Онъ понялъ съ дальновидностью проницательнаго государственнаго дѣятеля, какое могучее средство для его цѣлей можетъ дать конфуціанская этика, которая проникла въ Японію вмѣстѣ съ другими продуктами китайской цивилизаціи еще въ самомъ началѣ христіанской эры, но пока была лишь достояніемъ кабинетныхъ мудрецовъ. По предположенію Іеясу, японцы не могли отнестись къ этой этикѣ враждебно, такъ какъ идеалы ея не противорѣчили основнымъ элементамъ, хотя и забытаго, но родного имъ синтоистическаго міровоззрѣнія: конфуціанизмъ, какъ и синто, требовалъ безусловнаго подчиненія власти и почитанія предковъ. Дѣйствительно, напечатавъ сочиненія Конфуція, Іеясу скоро добился распространенія ихъ въ странѣ. Въ теченіе двухъ съ половиной столѣтій затѣмъ вся японская молодежь воспитывалась на конфуціанскихъ идеяхъ, и произведенія китайскаго мыслителя, изданныя съ діакритическими замѣчаніями, составляли главную часть учебно-воспитательной библіотеки для молодыхъ людей, готовящихся къ общественной и государственной дѣятельности, чѣмъ и оказали желаемое Іеясу вліяніе. Правда, идеаломъ самого Конфуція была централизованная монархія, но главная приведенная выше доктрина его безъ натяжки могла быть при-

мѣнена и по отношенію къ сіогуну и къ мѣстнымъ дайміямъ, подъ вліяніемъ чего Японія надолго упрочила свой феодальный строй, доведя его до самаго цвѣтущаго состоянія, какой когда-либо видѣлъ міръ.

Въ теченіе двухъ съ половиной столѣтій страна наслаждалась миромъ и спокойствіемъ. „За этотъ періодъ (т. е. съ 1603 по 1867 г.) надъ японскимъ государствомъ прошла великая волна китайскаго вліянія, воздѣйствовавшая на него во всѣхъ положительно направленіяхъ", говоритъ Астонъ. „Не только правительственныя установленія, но и законы, и наука, и искусство, и матеріальный прогрессъ, а болѣе всего національная мысль, поскольку она выразилась въ философіи и литературѣ,—все это носитъ на себѣ глубокіе слѣды китайскаго ученія и слѣдованія китайскимъ примѣрамъ. Это вліяніе не прекратилось совсѣмъ даже и въ настоящее время, но оно утратило свое важное значеніе за исключеніемъ развѣ только области установленія принциповъ національной морали" *).

Если режимъ, установленный Іеясу и переданный имъ въ такое прочное наслѣдіе своей династіи, далъ странѣ внутренній миръ, то купленъ этотъ миръ былъ дорогою цѣною: деспотическій абсолютизмъ сіогуната Токугава подавлялъ всякія индивидуальныя проявленія въ народѣ. Онъ запрещалъ всякую независимую мысль въ религіозной философіи и политикѣ, навязывая каждому моральную философію Конфуція. Несогласіе съ нею считалось не только еретическимъ, но и измѣнническимъ. Сіогунатъ, поэтому, возбудилъ противъ себя оппозицію многихъ передовыхъ людей, которые вынуждены были удалиться отъ дѣлъ внутренней политики; и такъ какъ страна наслаждалась внѣшнимъ миромъ, то они не могли найти другого выхода для своей энергіи, какъ въ занятіяхъ наукой. Среди такихъ японскихъ ученыхъ XVIII столѣтія,—по мѣрѣ того, какъ они изучали исторію прошлаго и сопоставляли событія его съ фактами настоящаго,—складывался взглядъ, что Токугавы присвоили себѣ тѣ функціи управленія страной, а вмѣстѣ съ ними и тѣ доходы ея, которые не принадлежали имъ по праву, и что императоръ сдѣлался куклой въ рукахъ военной власти, которая была отнята отъ него насильно.

„Намъ легко видѣть теперь", говоритъ миссіонеръ Гуликъ, „что японскіе ученые того времени идеализировали свою древнюю исторію и приписали императору такое мѣсто въ прежнія времена, какое онъ, уже въ теченіе многихъ столѣтій до Іеясу, по всей вѣроятности, занималъ весьма рѣдко. Но какъ бы то ни было, они считали свой взглядъ вѣрнымъ, и думали, что императоръ былъ лишенъ власти именно династіей Токугавъ" **).

---

*) В. Г. Астонъ.—Исторія японской литературы, стран. 163.
**) Evolution of the Japanese; by Sidney L. Gulick; стран. 411.

Этотъ выводъ свой ученые пропагандировали сначала тайно и съ большой осторожностію, но онъ всетаки распространялся и былъ усвоенъ мало по малу военнымъ сословіемъ страны— *самураями* *), которые уже давно были недовольны деспотическимъ абсолютизмомъ правленія Токугавы; они естественно поэтому пришли „къ религіозному чувству лояльности по отношенію къ императору", находя, что сіогунатъ занялъ положеніе, несогласное съ синтоистическими теоріями. Можно думать поэтому, что послѣдовавшее въ концѣ концовъ ниспроверженіе династіи Токугавъ и возстановленіе дѣйствительной императорской власти имѣло бы мѣсто даже и при отсутствіи внѣшнихъ вліяній на Японію. Но во всякомъ случаѣ это событіе было ускорено агрессивными дѣйствіями иностранныхъ государствъ.

Когда американскій адмиралъ Перри впервые появился у береговъ Японіи съ своими сильными морскими орудіями (1853—4), то сіогунъ долженъ былъ уступить его требованіямъ,—поддержаннымъ впослѣдствіи и представителями европейскихъ державъ: Англіи, Франціи и Россіи, и согласился открыть Іокагаму, Ходате и нѣкоторые другіе порты для иностранной торговли и резиденціи (1857—9). Затѣмъ, въ 1860 и 1861 годахъ, онъ даже отправилъ посольство въ Соединенные Штаты и Европу. Знакомство двора Іедо съ внѣшнимъ міромъ, хотя и не широкое, всетаки было достаточно для того, чтобы сіогунъ и его совѣтники поняли, что отказывать въ исполненіи требованій западныхъ державъ было бы безполезно. Но дворъ микадо въ Кіото не имѣлъ даже и той небольшой доли житейской мудрости, какая была бы достаточна, чтобы увидѣть правоту дѣйствій сіогуна, и настаивалъ на томъ, что Японія, какъ „страна боговъ", не должна оскверняться иностранцами, почему твердо рѣшилъ, что послѣдніе должны быть изгнаны.

Перри, заключая трактатъ съ представителями Токугавъ объ открытіи портовъ, думалъ, что имѣетъ дѣло съ отвѣтственнымъ правительствомъ, и потому возникшія затѣмъ пререканія по поводу этого трактата были для него неожиданными. Дѣло осложнилось еще независимыми дѣйствіями нѣкоторыхъ даймiевъ. Одинъ изъ нихъ, принцъ Чошіу—какъ думаютъ, подъ вліяніемъ тайныхъ инструкцій изъ дворца въ Кіото—оказалъ даже вооруженное сопротивленіе иностранцамъ, послѣдствіемъ чего и было такъ называемое „Симоносекское дѣло", т. е. бомбардированіе Симоносеки—главнаго морского порта во владѣніяхъ Чошіу. Это столкновеніе съ иностранцами открываетъ періодъ внутреннихъ

*) Сословіе это въ Японіи того времени занимало положеніе, приблизительно, среднее между тѣми, какія занимали въ Англіи во времена феодализма рыцари и эсквайры на службѣ у бароновъ.

смутъ въ странѣ, приведшихъ въ концѣ концовъ къ паденію сіогуната. Разрозненныя дѣйствія даймiевъ противъ иностранцевъ не могли имѣть успѣха, а авторитетъ сіогуната былъ настолько расшатанъ, что объединеніе всѣхъ силъ страны подъ его знаменемъ оказывалось невозможнымъ. Самураи, стоявшіе въ оппозиціи къ нему, воспользовались этимъ, чтобы выдвинуть впередъ идею возстановленія императорской власти, незаконно узурпированной сіогунатомъ, и имъ удалось привлечь народъ на свою сторону, внушивъ ему, что всѣ безпорядки въ странѣ являются слѣдствіемъ забвенія, подъ вліяніемъ буддистовъ, коренной ея религіи, въ силу которой единственный законный правитель священной Японіи есть микадо...

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы, сіогунатъ былъ низверженъ, и въ послѣднихъ числахъ декабря 1867 года былъ обнародованъ императорскій указъ о принятіи на себя микадо Муцухито управленія государствомъ. Вмѣстѣ съ этимъ политическимъ переворотомъ произошелъ и переворотъ религіозный: синто былъ провозглашенъ единственной государственной религіей. При этомъ тысячи буддійскихъ храмовъ были, какъ выражались тогда японцы, „очищены", т. е. лишены ихъ буддійскихъ украшеній и переданы въ вѣдѣніе синтоистовъ. По поводу этихъ послѣднихъ дѣйствій Чамберлэнъ замѣчаетъ: „Любитель японскаго искусства не поблагодаритъ синтоистовъ за это очищеніе, которое разрушило безчисленныя драгоцѣнности буддійской архитектуры—не ради великой моральной идеи, какъ это имѣло мѣсто въ дѣйствіяхъ пуританъ въ Европѣ, но для идеала, неизмѣримо болѣе низменнаго, чѣмъ самъ буддизмъ" *).

Однако, достигнутый революціей 1867 года порядокъ вещей продержался недолго въ религіозномъ отношеніи. Синто, сослужившій свою службу японской государственности, былъ слишкомъ бѣденъ въ смыслѣ удовлетворенія индивидуальныхъ потребностей человѣческаго ума и сердца, и естественно поэтому, что буддизмъ въ Японіи скоро занялъ прежнее положеніе. Правда, императоръ и его дворъ оффиціально исповѣдуютъ синтоистическую религію, а храмы въ странѣ дѣлятся формально на синтоистическіе и буддійскіе; но это дѣленіе имѣетъ значеніе только для обслуживающаго ихъ духовенства; народъ же посѣщаетъ и тѣ, и другіе и, въ сущности, какъ это было и до революціи, исповѣдуетъ синто-буддійскую религію.

Мы уже видѣли, что смѣшеніе первоначальной японской религіи съ буддійской оказалось возможнымъ по существу потому, что основы первой не препятствуютъ синтоистамъ усвоить догматы второй, и облегчилось на практикѣ тѣмъ, что въ сонмъ буддійскихъ боговъ были приняты и боги синтоистическіе. Отсюда

*) Things Japanese; by B. H. Chamberlain, стран. 417.

ясно, въ какомъ смыслѣ надо понимать терминъ „синто-буддизмъ". Вмѣстѣ съ смѣшеніемъ пантеоновъ двухъ основныхъ религій произошло также смѣшеніе религіозныхъ обрядовъ, обстановки храмовъ, и т. п. О томъ, что одна и та же семья идетъ молиться съ новорожденнымъ членомъ ея синтоистическимъ божествамъ, а хоронитъ умершихъ своихъ членовъ по буддійскому обряду,— мы уже говорили. Подобныхъ фактовъ можно было бы привести много, но это не входитъ въ нашу задачу, и потому мы ограничимся указаніемъ еще только на одинъ изъ нихъ, наиболѣе интересный. До введенія буддизма въ Японію она не знала ни скульптурныхъ, ни графическихъ изображеній божествъ. Поэтому въ синтоистическихъ храмахъ хранилась только эмблема божества, состоящая изъ трехъ вещей (митама-сиро): металлическаго зеркала, меча и драгоцѣннаго камня. Зеркало нѣкоторые японскіе писатели приравниваютъ богинѣ-солнца; другіе же усматриваютъ въ немъ вещественное воспоминаніе о томъ зеркалѣ, которое заставило богиню солнца, Аматерасу, выйти изъ пещеры. Зеркало хранится въ ящикѣ, завернутое въ бархатную матерію, изъ которой никогда не вынимается; а когда послѣдняя приходитъ въ ветхость, то сверхъ нее надѣваютъ новый кусокъ матеріи, и т. д. Въ прежнее время одна изъ дѣвственныхъ дочерей микадо всегда была жрицей-хранительницей митама-сиро въ синтоистическомъ храмѣ въ Иве. Со смѣшеніемъ же пантеоновъ двухъ религій появились всякаго рода изображенія и синтоистическихъ божествъ, которыми начали украшать храмы. Такимъ образомъ, въ настоящее время есть не мало такихъ храмовъ, священнослужители которыхъ считаютъ себя чистыми синтоистами, но въ которыхъ, не смотря на то, поставлено много изображеній и синтоистическихъ, и буддійскихъ божествъ, и имъ прихожане молятся съ одинаковымъ усердіемъ.

Хотя 1867 годъ можно считать датой, съ которой началось въ Японіи „замѣщеніе" Китая Европой, въ качествѣ источника матеріальной и духовной жизни народа, на религіозномъ вопросѣ это замѣщеніе не отразилось существенно, за исключеніемъ допущенія въ странѣ свободы христіанской пропаганды (см. гл. III). Однако, всетаки нельзя пройти молчаніемъ тотъ фактъ, что лишь подъ вліяніемъ соприкосновенія съ новой культурой въ Японіи отмѣнены были нѣкоторые религіозные обычаи и обряды, грѣшащіе, съ западной точки зрѣнія, противъ общественной морали. Иллюстраціей этого послѣдняго замѣчанія можетъ служить правительственное запрещеніе въ странѣ *фаллическаго культа,* состоявшееся въ первые годы эры мейдзи.

До того времени во многихъ частяхъ Японіи пользовались значительной популярностью фаллическіе алтари, передъ кото-

рыми, по крайней мѣрѣ въ дни празднествъ, совершались религіозные обряды, сопровождавшіеся половой безнравственностью. Въ Узи, недалеко отъ Кіото—столицы имперіи въ теченіе тысячи лѣтъ — былъ алтарь фаллическаго культа, привлекавшій огромныя толпы народа, и здѣсь, „съ испрашивавшагося вѣрующими благословенія богини Хасиме и бога Сумiоси, царствовалъ слишкомъ явный развратъ“. Съ начала новаго режима такія откровенныя выраженія чувственной распущенности были запрещены и видимо подавлены. Фаллическіе символы уже не выставляются нынѣ на видъ, хотя хранители алтарей и заявляютъ, что они все еще не уничтожены, а только спрятаны въ ящикахъ тѣхъ пьедесталовъ, на которыхъ прежде стояли. Профессоръ Эдмундъ Беклей, хорошо изучившій вопросъ о фаллическомъ культѣ въ Японіи, даетъ списокъ тринадцати мѣстностей ея, гдѣ еще въ семидесятыхъ годахъ XIX столѣтія можно было видѣть символы этого культа. По изслѣдованіямъ его, оказывается, что къ нѣкоторымъ алтарямъ еще и нынѣ приходятъ вѣрующіе, при чемъ тѣ, которые ищутъ развода, молятся женскому божеству, тогда какъ жаждущіе счастливаго брака молятся божеству мужскому. Интересно замѣтить, что на священной горѣ Фузи, недалеко отъ остатковъ фаллическаго алтаря, есть храмъ бога Агата, „спеціальностью котораго является излѣченіе венерическихъ болѣзней“.

Какъ уже сказано, нынѣ фаллическій культъ въ Японіи и сопровождавшія его безнравственныя проявленія уничтожены, и при томъ въ такой степени, что обыкновенный путешественникъ въ Японіи, проведя тамъ много времени и посѣщая свободно религіозные празднества и обряды, можетъ совсѣмъ и не подозрѣвать, что фаллицизмъ составлялъ еще такъ недавно выдающуюся черту въ религіозной жизни японцевъ. Только пытливые изслѣдователи могутъ теперь найти слабые слѣды этого нѣкогда столь популярнаго культа. Однако, всетаки приходится сказать, что безнравственность въ связи съ религіей все еще не подавлена въ нѣкоторыхъ частяхъ Японіи. Такъ, напримѣръ, недалеко отъ большихъ храмовъ въ Изе—центрѣ синтоизма, привлекающемъ до полумилліона пилигримовъ ежегодно, расположены обширные дома проститутокъ, процвѣтающихъ благодаря пилигримамъ, для которыхъ только и существуютъ.

„Старыя религіи—говоритъ по этому поводу Гуликъ—какъ бы много силы, красоты и правды ни признали мы за ними, никогда не объявляли войны противъ непристойныхъ формъ культа и противъ явной безнравственности вѣрующихъ. Что бы ни говорили о глубокой философіи жизни, заключающейся въ фаллическомъ культѣ, нельзя не признать, что онъ, во всякомъ случаѣ, въ теченіе многихъ вѣковъ былъ источникомъ возмутительной безнравственности. Старая Японія не была исключеніемъ въ этомъ отношеніи, а

Индія даже и теперь удивительно безнравственна въ нѣкоторыхъ формахъ своего религіознаго культа“ *).

Фактъ, что нынѣ Японія отрѣшилась въ значительной мѣрѣ отъ своихъ прежнихъ взглядовъ на непристойныя формы религіи, Гуликъ приписываетъ почти исключительно соприкосновенію ея съ народами Запада. „Искорененіе фаллическаго культа было обязано не моральной реформѣ, а политическому самолюбію. Оно состоялось не въ уваженіе къ общественному мнѣнію, какъ и не въ пренебреженіе къ нему, но всецѣло по правительственному почину; хотя, безспорно, мнѣніе болѣе благородныхъ представителей страны одобрило этотъ правительственный актъ. Однако, и у нихъ это послѣднее чувство возникло подъ вліяніемъ западныхъ воздѣйствій. Что же касается быстраго успѣха оффиціальныхъ распоряженій, то онъ долженъ быть приписанъ въ значительной степени вѣковой національной привычкѣ безусловнаго подчиненія правительственной иниціативѣ“.

III.

Христіанство въ Японіи.

Историческія свѣдѣнія: Высадка въ Японіи св. Франциска Ксаверія въ 1549 г.—Быстрое распространеніе христіанства до начала XVII столѣтія, не смотря на частныя гоненія на него съ 1587 года.—Избіеніе христіанъ въ 1-й половинѣ XVII столѣтія.—Возвращеніе миссіонеровъ въ Японію послѣ открытія страны для западныхъ державъ въ 1858 году.—Продолженіе оффиціальнаго запрещенія исповѣданія христіанства до 1873 года.—Провозглашеніе свободы вѣроисповѣданія по конституціи 1889 г.—*Современное положеніе христіанства въ Японіи*: Статистическія данныя о числѣ христіанъ.—Вліяніе христіанства на современную жизнь Японіи.—Мнѣнія о причинѣ незначительности успѣха дѣятельности христіанскихъ миссіонеровъ въ Японіи.—Соображенія о возможности принятія японцами христіанства въ качествѣ государственной религіи.

Христіанскія идеи впервые проникли въ Японію черезъ іезуита Франциска Ксаверія (причисленнаго впослѣдствіи католической церковью къ лику святыхъ), который, еще проповѣдывая евангеліе въ Индіи и на Зондскихъ островахъ, крестилъ тамъ трехъ японскихъ бѣглецовъ. Современныя лѣтописи говорятъ, что въ Японіи Ксаверій высадился въ 1549 году, въ г. Кагошима, гдѣ былъ принятъ мѣстнымъ принцемъ съ большимъ радушіемъ. Въ теченіе двухъ съ половиной лѣтъ своего пребыванія въ Японіи онъ посѣтилъ Хирадо, Ямагуси и Кіото, при чемъ „многочисленныя и удивительныя исцѣленія“, которыя онъ совершилъ, дали такой вѣсъ его словамъ, что ему удалось основать въ различныхъ мѣстахъ христіанскія общины, воодушевленныя ревностью и выдѣлившія скоро изъ своей среды миссіонеровъ, которые сами на-

*) Evolution of the Japanese, by S. Gulick; стр. 326.

чали проповѣдывать христіанство среди своихъ соотечественниковъ. „Обращенные пребывали одинаково изъ всѣхъ классовъ. Дворяне, буддійскіе священники, люди науки принимали новую вѣру съ такимъ же увлеченіемъ, какъ бѣдный и невѣжа. Около 1584 года весь островъ Амакуса и большая часть острововъ Гота, а также Омурскій дайміатъ были обращены въ христіанство. Оно процвѣтало одинаково въ Ямагуси и въ Кіото, и святое имя Іисуса проникло до отдаленнѣйшихъ провинцій сѣвера. Все число японцевъ, исповѣдующихъ христіанство въ этотъ періодъ, составляло 600,000 душъ. Число же европейскихъ миссій достигло 138“ *).

Такое счастливое положеніе христіанской церкви въ Японіи пошатнулось въ первый разъ около 1585 года изъ за взаимнаго соперничества между проникшими въ страну вмѣстѣ съ миссіонерами испанскими, португальскими, голландскими и англійскими торговцами и авантюристами, которые начали враждебно оговаривать другъ друга передъ японскими властями и тѣмъ компрометировать въ глазахъ туземцевъ и всѣхъ лицъ, называвшихъ себя послѣдователями Христа. Въ то же время образъ дѣйствій самихъ миссіонеровъ — францисканцевъ, доминиканцевъ, нищенствующихъ монаховъ съ Филипинскихъ острововъ и протестантовъ—не могъ внушать уваженія къ нимъ: интригуя другъ противъ друга и проповѣдуя даже насилія противъ жрецовъ и служителей туземныхъ религій, они не давали примѣра религіозной терпимости и христіанскаго смиренія. Недовѣріе японцевъ къ европейцамъ особенно возрасло, когда, по почину португальскихъ купцовъ, заведена была работорговля **), которая вскорѣ приняла обширные размѣры: японцы стали тысячами вывозиться для продажи въ Макао, Китай, на Филиппинскіе острова.

Въ это время фактическимъ правителемъ страны, въ качествѣ регента при малолѣтнемъ императорѣ, сдѣлался дайміи Хидеіоси, о которомъ мы уже говорили выше. Страдая, при всѣхъ своихъ выдающихся достоинствахъ, безпредѣльнымъ тщеславіемъ, онъ жаждалъ божескихъ почестей и уже началъ осуществлять планъ постройки великолѣпныхъ храмовъ въ Кіото, гдѣ его должны были чествовать, какъ „новаго бога войны“. Понимая, что христіанское ученіе не могло оправдывать такого апсеоза, Хидеіоси вообще не дружелюбно относился къ миссіонерамъ, раздраженіе противъ которыхъ пересталъ, наконецъ, сдерживать, когда въ 1587 году до ушей его дошелъ разсказъ о хвастливой угрозѣ

*) Things Japanese, by B. H. Chamberlain, стр. 321.

**) Фактъ развитія работорговли въ Японіи сдѣлался возможнымъ вслѣдствіе нищеты, въ которую впалъ японскій народъ въ результатѣ непрерывныхъ внутреннихъ смутъ, потрясавшихъ государство въ теченіе многихъ вѣковъ.

одного испанскаго лоцмана *). Разгнѣванный правитель издалъ тогда указъ объ изгнаніи изъ страны всѣхъ иностранныхъ проповѣдниковъ и о запрещеніи его подданнымъ исповѣдывать христіанство. Въ этомъ указѣ миссіонеры обвинялись въ подстрекательствахъ японскихъ христіанъ къ разрушенію туземныхъ храмовъ и избіенію жрецовъ, въ употребленіи въ пищу мяса полезныхъ для человѣка домашнихъ животныхъ и въ активномъ сочувствіи работорговлѣ японскими подданными... Въ результатѣ въ Нагасаки было распято шесть францисканцевъ и около 20 туземныхъ христіанъ.

Однако, въ общемъ, указы Хидеіоси исполнялись отнюдь не во всей строгости и не повсемѣстно, такъ какъ авторитетъ его чтился не одинаково въ различныхъ провинціяхъ имперіи; кромѣ того, въ числѣ христіанъ ея были и могущественные феодалы и талантливые полководцы, ссору съ которыми Хидеіоси не считалъ для себя выгодной. Благодаря этому, христіанство въ Японіи, не смотря на мѣстныя и временныя затрудненія, продолжало распространяться, такъ что въ началѣ XVII столѣтія христіанъ тамъ насчитывалось уже около милліона. Но за то въ первые же годы названнаго столѣтія для проповѣдниковъ и послѣдователей христіанской религіи наступили въ этой странѣ черные дни, продолжавшіеся до самой эры мейдзи.

Послѣ смерти Хидеіоси мѣсто его въ государствѣ занялъ Іеясу, который въ началѣ своего правленія старался пріобрѣсти расположеніе къ себѣ христіанъ, такъ какъ они составляли главную силу въ рядахъ возвратившейся тогда изъ похода въ Корею арміи. Но, несмотря на то, во время борьбы Іеясу за обладаніе властью, христіане стали на сторону его противниковъ и тѣмъ навлекли на себя большія бѣдствія: въ битвѣ съ приверженцами Іеясу они потерпѣли жестокое пораженіе; талантливый полководецъ ихъ Конниши Курода былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ, такъ же какъ и многіе другіе вожди христіанъ. Противъ послѣднихъ начались затѣмъ суровыя гоненія, не прекратившіяся и послѣ смерти Іеясу (1615 г.), который, упрочивъ власть за своимъ потомствомъ, завѣщалъ сыну „искоренить христіанство“. И онъ

---

*) „Наши короли“,—будто бы говорилъ лоцманъ,—„начинаютъ посылкой въ страны, которыя они хотятъ завоевать, священниковъ для внушенія населенію нашей религіи, а когда это подготовитъ успѣхъ, то посылаютъ войска, соединяющіяся съ новыми христіанами, и тогда уже безъ труда довершаютъ остальное“.—Чамберлэнъ высказываетъ мнѣніе, что это неосторожное замѣчаніе имѣло основаніе: „Правители Испаніи и Португаліи, какъ мы хорошо знаемъ изъ ихъ дѣяній въ другихъ частяхъ земного шара, были отнюдь не безпорочными въ своихъ сношеніяхъ съ туземными расами. Исторія повторяется, — и поведеніе европейцевъ по отношенію къ Китаю въ наши дни представляетъ совершенно такую же смѣсь истиннаго благочестія со стороны миссіонеровъ и безцеремонной притязательности со стороны пославшихъ ихъ странъ“ (Things Japanese, стр. 322).

и особенно внукъ Іеясу, Туемицъ, слѣдовали этому завѣту съ неослабной жестокостью: иностранцы высылались изъ предѣловъ Японіи съ угрозой распятія ихъ на крестѣ въ случаѣ возвращенія; отъ христіанъ-туземцевъ требовалось отреченіе отъ принятой ими вѣры, и тѣ, которые сопротивлялись, подвергались жестокимъ мученіямъ; ихъ жгли, распинали, распиливали на части. По повелѣнію Туемица въ одинъ день было убито до 37 тысячъ упорствовавшихъ.

Дольше всѣхъ христіанство (почти исключительно католицизмъ) держалось на сѣверо-западѣ острова Кіу-Сіу, гдѣ христіане взялись даже за оружіе, укрывшись въ замкѣ Симабара, на берегу Арима. Но послѣ трехмѣсячной осады замокъ этотъ былъ взятъ, и его защитники перебиты. Около того же времени и послѣдніе католики въ Нагасаки были сброшены въ море со скалы, называемой съ тѣхъ поръ европейцами „Паппенбергъ". Эдикты о принятіи противъ христіанъ подобныхъ жестокихъ мѣръ оставались въ силѣ въ теченіе послѣдующихъ двухъ столѣтій *).

Только въ 1858 году, по подписаніи Японіей трактата съ Америкой, христіанскіе миссіонеры опять вошли въ Японію. Первыми изъ нихъ были тѣ католическіе монахи, которые за двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1846 году, основались на Ліукійскихъ островахъ. Въ 1859 году прибыли въ Нагасаки и протестантскіе, а въ 1861 году также и православные миссіонеры. Въ 1865 году было обнаружено въ окрестностяхъ Нагасаки нѣсколько таившихся до тѣхъ поръ христіанскихъ общинъ, которыя пережили разрушеніе церкви ихъ предшественниковъ, уничтоженной около двухъ столѣтій назадъ. Онѣ знали нѣсколько христіанскихъ молитвъ, передававшихся изъ поколѣнія въ поколѣніе устно, такъ же какъ сохранили обрядъ христіанскаго богослуженія и нѣсколько книгъ. Въ 1867—70 году, т. е. въ эпоху, когда синто былъ провозглашенъ единственной законной государственною религіей, тѣ члены упомянутыхъ общинъ, которые отказались отречься отъ христіанской вѣры, были разселены изъ своихъ родныхъ деревень по различнымъ провинціямъ монархіи, гдѣ и содержались въ качествѣ плѣнныхъ дайміевъ. Только въ 1873 году имъ была возвращена, наконецъ, свобода.

Удивительна судьба христіанства въ Японіи за послѣднія тридцать или сорокъ лѣтъ, говоритъ Чамберлэнъ. Еще въ 1870 году для японца было пагубнымъ исповѣдывать ученіе Христа. Старое воззваніе правительства къ народу, которое съ 1638 года объявило послѣдователей Іисуса „развратною сектой", еще въ 1873 году красовалось на доскахъ объявленій во всѣхъ мѣстахъ, посѣщавшихся толпой. Нынѣ же правительство открыто переноситъ по-

*) Образчики крестовъ, употреблявшихся для распятія христіанъ, и до сихъ поръ сохраняются въ Уенскомъ музеѣ въ Токіо.

стройку христіанскихъ церквей и публичное совершеніе христіанскихъ обрядовъ, согласно статьѣ XXVIII-й конституціи 1889 года, которая гласитъ, что „японскіе подданные будутъ наслаждаться свободой религіознаго исповѣданія въ предѣлахъ, не угрожающихъ сохраненію мира и порядка и не противорѣчащихъ исполненію ими обязанностей, какъ граждан государства".

Изъ статистическихъ данныхъ о результатахъ современной намъ дѣятельности христіанскихъ миссіонеровъ въ Японіи узнаемъ, что къ 1 января 1903 года въ этой странѣ числилось всего около, 134,000 христіанъ, а именно:

Протестантовъ	50,855
Романо-католиковъ	55,824
Православныхъ.	27,245 *).

Признавая, что это число само по себѣ отнюдь не свидѣтельствуетъ о процвѣтаніи въ настоящее время христіанства въ Японіи насчитывающей до 47.000,000 жителей, миссіонеръ Crosby Green—издатель интереснаго труда „О христіанскомъ движеніи по отношенію его къ жизни новой Японіи", изъ котораго и заимствованы эти данныя, въ то же время говоритъ, что въ это число вошли только тѣ японцы, которые, исповѣдуя ученіе Іисуса, вмѣстѣ съ тѣмъ въ точности подчиняются всѣмъ требованіямъ христіанской церкви. „Въ сущности же численность христіанъ, понимая подъ этимъ терминомъ ту часть населенія, которая относится сочувственно и даже чутко къ различнымъ отраслямъ дѣятельности христіанской церкви, можно считать не менѣе 300,000 человѣкъ. Наконецъ, если классифицировать все населеніе Японіи по религіознымъ исповѣданіямъ, давая термину „христіанинъ" такое же широкое толкованіе, какое дается терминамъ „синтоистъ, буддистъ, конфуціанистъ", то придется признать, что число христіанъ доходитъ до 500,000 человѣкъ, т. е. немного болѣе одного процента населенія страны" **).

Та же мысль высказывается и многими другими изслѣдователями жизни современной Японіи,—не только миссіонерами, но и лицами, которыя не смотрятъ на вліяніе христіанской проповѣди такъ оптимистически, какъ активные ея дѣятели.

Весьма рельефную картину современнаго положенія христіан-

---

*) Православная русская церковь имѣетъ миссіи въ Японіи съ 1862 года; во главѣ ея стоитъ популярный въ Токіо епископъ Николай, и она обслуживается 27-ю туземными священниками и діаконами. Съ 1891 г. въ Токіо открытъ для богослуженія русскій православный соборъ, внушительное зданіе котораго, построенное на высокомъ холмѣ, доминируетъ надъ всѣмъ городомъ.

**) „The Christian Movement in its relation to the new life in Japan" published for the Standing committee of cooperating christian missions. Yokahama, 1903; стр. IV.

ства въ Японіи и значенія его въ жизни японскаго общества находимъ въ трудѣ Алисы Беконъ „Женщина въ Японіи“ *), гдѣ, между прочимъ, читаемъ:

„Послѣднія десять лѣтъ (т. е. съ 1893 по 1903 г.) не могутъ назваться удачными для дѣятельности миссіонеровъ въ Японіи во многихъ отношеніяхъ, и нерѣдко приходится слышать отъ менѣе бодрыхъ изъ нихъ, что ихъ работа въ теченіе этого времени была въ застоѣ, если даже не шла назадъ. Правда, статистика дѣятельности миссіонеровъ показываетъ постоянный, хотя и медленный, ростъ обращенныхъ въ христіанство; но все-таки, если сумма всѣхъ результатовъ усилій миссіонеровъ должна выражаться числомъ обращенныхъ, представляется сомнительнымъ, не было ли бы болѣе цѣлесообразнымъ обратить денежныя затраты, произведенныя на содержаніе христіанскихъ миссій въ Японіи, на какія-либо другія цѣли“. Но вліяніе христіанъ въ этой странѣ не пропорціонально числу ихъ, а гораздо значительнѣе: „Христіане работэютъ въ парламентѣ, въ арміи и флотѣ, въ университетахъ и школахъ, въ редакціяхъ изданій въ числѣ, значительно превышающемъ названное отношеніе, по сравненію съ общимъ числомъ служащихъ въ этихъ учрежденіяхъ, оказывая свое вліяніе многими путями на поднятіе народа до высшихъ нравственныхъ идеаловъ. Относительное число христіанъ,—мужчинъ и женщинъ,—въ правительственныхъ школахъ, съ которыми моя дѣятельность была связана,—говоритъ А. Беконъ — просто удивительно. Въ высшей нормальной школѣ, подготовляющей молодыхъ дѣвушекъ на должности учительницъ во всей странѣ, процентъ христіанъ въ учительскомъ составѣ поразителенъ; и въ школѣ для дочерей дворянъ,—которую надо считать консервативнымъ и недружелюбнымъ по отношенію къ иностранцамъ учрежденіемъ,—среди тридцати пяти учителей насчитывается пять христіанъ. Если, съ одной стороны, японскіе христіане не являются образцами всѣхъ добродѣтелей, такъ какъ у многихъ изъ нихъ есть наклонность приспособлять христіанское ученіе съ значительными компромиссами къ требованіямъ свѣтской мудрости, то, съ другой стороны, несомнѣнно, что наиболѣе энергичные труженики въ дѣлѣ филантропіи суть лица, принявшія христіанскую вѣру и борющіяся со всею горячностью за проведеніе въ жизнь принциповъ, преподанныхъ Великимъ Учителемъ. Современная христіанская церковь въ Японіи имѣетъ своихъ героевъ и своихъ отступниковъ, и между этими двумя крайностями она имѣетъ также ряды обыкновенныхъ мужчинъ и женщинъ, которые посреди частыхъ неудачъ и многихъ искуше-

*) „Japanese Girls and Women“, by Alice Mabel Beacon.—Boston and New-Iork. 1903. См. также русскій переводъ этой книги „Алиса Беконъ.—Женщина въ Японіи“. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1904.

ній обращаются къ имени Христа и слѣдуютъ завѣту Его жизни, возвышаясь морально надъ своими соотечественниками. Въ значительной мѣрѣ благодаря имъ, значеніе христіанства поднимается въ общественномъ мнѣніи японцевъ не христіанъ. Даже тѣ современные японцы, которые не имѣютъ особенной склонности къ христіанству, укоризненно покачиваютъ головой при проявленіяхъ въ обществѣ такихъ пороковъ, какіе еще немного лѣтъ назадъ не считались бы ими зломъ. Много толкуютъ о ростѣ растлѣнія нравовъ въ этой странѣ; но, въ дѣйствительности, идеалъ добродѣтели никогда не былъ такъ высокъ со времени открытія доступа иностранцевъ въ Японію, какъ онъ стоитъ теперь: только христіанскій образъ мышленія далъ для нехристіанскаго общества зеркало, въ которомъ оно слишкомъ ясно видитъ свои недостатки. По моему мнѣнію, нѣтъ бо́льшаго грѣха въ наше время, чѣмъ упрекъ въ пониженіи, будто бы подъ вліяніемъ бѣлой расы, нравственности въ современной Японіи. Когда посмотришь на постоянно возрастающее уваженіе тамъ къ честности и силѣ характера христіанъ—мужчинъ и женщинъ,—то нельзя не понять, что христіанство оказало уже и нынѣ большое и прочное вліяніе. Теперь банки, промышленныя предпріятія и другія учрежденія, требующія надежныхъ служащихъ, предпочитаютъ, при остальныхъ одинаковыхъ условіяхъ, молодыхъ людей христіанъ, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что они болѣе достойны довѣрія, чѣмъ большинство нехристіанъ, ищущихъ такихъ мѣстъ". Какъ иллюстрацію возрастающаго нравственнаго вліянія христіанъ въ Японіи, Алиса Беконъ приводитъ краткую исторію начавшейся около пятнадцати лѣтъ назадъ и продолжающейся и нынѣ съ большимъ успѣхомъ борьбы ихъ противъ проституціи и вообще безнравственной эксплуатаціи молодыхъ дѣвушекъ содержателями различныхъ непочтенныхъ учрежденій *).

„Мнѣ кажется до нѣкоторой степени поразительнымъ", говоритъ далѣе Алиса Беконъ, „что въ 1900 г. въ Японіи было продано 50,000 экземпляровъ библіи—болѣе, чѣмъ всякой другой книги. Хотя настоящій переводъ далекъ отъ совершенства, и многое въ немъ непонятно среднему японцу безъ прямыхъ или косвенныхъ поясненій миссіонеровъ, тѣмъ не менѣе спросъ на эту книгу имѣется, благодаря репутаціи, которую она пріобрѣла въ странѣ. Лишь немногіе миссіонеры въ Японіи не могли бы разсказать объ обращавшихся къ нимъ жителяхъ деревень, которые, прочтя библію, попавшую къ нимъ въ руки тѣмъ или другимъ образомъ, были поражены красотой и благородствомъ

*) Борьба эта подробно описана въ статьѣ моей „Женскій вопросъ въ Японіи", напечатанной въ іюньской и іюльской книжкахъ журнала „Міръ Божій" за 1904 годъ.

мыслей, доступныхъ ихъ пониманію, и искали поясненій на возникшіе у нихъ вопросы по поводу мѣстъ, не вполнѣ понятыхъ ими, у учителей или священниковъ".

У различныхъ авторовъ, писавшихъ о религіи въ Японіи, мы найдемъ мнѣнія о томъ, что дѣятельность миссіонеровъ имѣла бы тамъ большій успѣхъ, если бы поддерживалась примѣромъ болѣе достойной жизни христіанскихъ резидентовъ въ этой странѣ. Но намъ кажется, что если въ этихъ мнѣніяхъ и есть доля правды, то гораздо большаго вниманія заслуживаетъ увѣренность Чамберлэна въ томъ, что „дѣлу миссіонеровъ мѣшаетъ безнравственная политика (такъ называемыхъ) христіанскихъ націй. Когда Англія и другія европейскія государства вступаютъ между собой въ дружескій союзъ для рѣзни въ Китаѣ, который никогда не дѣлалъ имъ никакого вреда; когда Франція и Германія, антиклерикальныя у себя на родинѣ, горячо поднимаются за каждаго оскорбленнаго священника или за каждый разгромленный миссіонерскій домъ для того, чтобы извлечь при этомъ какую-либо коммерческую выгоду или урвать для себя частицу чужой территоріи, то что долженъ думать туземецъ Дальняго Востока? Онъ думаетъ въ точности то же, что должны были бы думать и мы сами mutatis mutandis; онъ думаетъ и думаетъ вѣрно, что наши религіозныя проповѣди только плащъ для прикрытія грубой жадности. Японцы, будучи довольно сильными для самозащиты, можетъ быть, чувствуютъ эту ложь менѣе, чѣмъ другіе жители Востока, но они всетаки чувствуютъ ее, какъ свидѣтельствуетъ о томъ ихъ пресса, въ которой встрѣчаются отъ времени до времени статьи на эту тему. Они понимаютъ, что матеріальныя побужденія и духовное вліяніе не могутъ идти въ одной упряжи и что то, чтó характерно называютъ *политикой евангелія и канонерки*, полно противорѣчій по существу. Они понимаютъ, повидимому, что если миссіонерамъ суждено быть признанными за апостоловъ, то это можетъ случиться тогда только, когда они, подобно апостоламъ, отдѣлятъ свое личное положеніе отъ всякой надежды на чужеземное вмѣшательство. Натурализація миссіонеровъ въ странѣ ихъ трудовъ, ихъ полное подчиненіе туземнымъ законамъ и отреченіе отъ всякаго дипломатическаго вмѣшательства въ ихъ пользу сейчасъ же безконечно усилило бы ихъ вліяніе. Но, безъ сомнѣнія, такой шагъ не встрѣтилъ бы сочувствія со стороны отечественныхъ политиковъ на родинѣ миссіонеровъ,—политиковъ, для которыхъ единственная выгода миссіонерства и состоитъ въ томъ, что оно можетъ открыть дорогу для осуществленія политическихъ притязаній *).

Не смотря, однако, на такое сознаніе нелогичности дѣйствій

*) Things Japanese, стр. 381.

христіанскихъ государствъ, японцы, по словамъ Чамберлэна, не только не закрываютъ для христіанства дверей въ свою страну, но, напротивъ, весьма возможно, что обратятся къ нему, сознавая преимущество этой религіи передъ религіями Востока. „Сдѣлать всѣхъ японцевъ христіанами по эдикту въ одно прекрасное утро можетъ не быть въ программѣ государственнаго дѣятеля Японіи въ настоящій моментъ; но что нѣчто въ этомъ родѣ должно случиться до конца столѣтія, то это кажется гораздо менѣе невѣроятнымъ, чѣмъ многія вещи, которыя въ дѣйствительности случились въ этой странѣ осуществленныхъ невѣроятностей". Однако, при этомъ японское правительство „пожелаетъ японизировать христіанство по существу и, кажется, склонно выбросить за бортъ даже тотъ минимумъ догмъ, на которомъ протестантскіе миссіонеры считаютъ себя обязанными настаивать" *).

Ту же интересную мысль высказываетъ и Arthur Diosy въ его послѣднемъ сочиненіи „New Far East". Предсказывая большую будущность Японіи, онъ считаетъ болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ, что она скоро приметъ христіанство, но что это будетъ христіанство японскаго образца **).

IV.

О степени религіозности японцевъ.

Недостатокъ религіозности въ интеллигентномъ классѣ населенія.—Объясненіе этого факта.—Проявленія глубокой религіозности низшихъ классовъ населенія: въ семейномъ обиходѣ; въ щедрыхъ пожертвованіяхъ на храмы; въ распространенности пилигримства; въ характерѣ молитвы въ храмахъ.

Большинство западныхъ писателей, касаясь вопроса о религіи въ Японіи, считаютъ японцевъ народомъ не религіознымъ; и они объясняютъ это тѣмъ, что въ теченіе почти трехсотъ лѣтъ, непосредственно предшествующихъ эрѣ мейдзи, вся интеллигентная часть населенія Японіи жила конфуціанствомъ. Ученіе же это, какъ извѣстно, занималось только вопросами этики и политики и совершенно не касалось вопросовъ метафизическихъ, какъ и вообще всего, что не можетъ быть объяснено человѣческимъ разумомъ, а усваивается только вѣрой. Тѣмъ же наслѣдствомъ идей Конфуція объясняется упомянутыми писателями и тотъ фактъ, что съ развитіемъ въ настоящую эру въ Японіи сношеній ея съ

*) Ibidem, стр. 330.

**) „Японія никогда не причислится къ церкви, глава членовъ которой возсѣдаетъ на тронѣ въ Римѣ... Епископъ Николай никогда не внушитъ большинству японцевъ принятія вѣроисповѣданія, верховный глава котораго есть Царь... Не вступитъ также Японія въ союзъ съ церковью, управленіе которою сосредоточивается въ Кантербэри" (Impressions of Japan, by Geo H. Rittner. London. 1904, стр. 186).

Западомъ, передовые дѣятели этой страны усвоили прежде всего отрицательное отношеніе къ религіи.

Мнѣніе о нерелигіозности японцевъ подкрѣпляется часто ссылками на убѣжденія такихъ вліятельныхъ и типичныхъ представителей новаго направленія въ Японіи, каковы извѣстный прогрессистъ и педагогъ Фукузава, бывшій президентъ токійскаго университета, а позднѣе японскій министръ народнаго просвѣщенія, Хироуко Като и столь популярный государственный дѣятель маркизъ Ито. Такъ первый изъ нихъ въ одной изъ статей своихъ писалъ:

„Само собой ясно, это для обезпеченія мира и безопасности въ обществѣ религія нужна; и для этой цѣли всякая религія хороша. Что же касается меня лично, то я не религіозенъ по природѣ и никогда не вѣрилъ ни въ какую религію. Я такимъ образомъ подвергаю себя обвиненію, что совѣтую другимъ быть религіозными, когда не религіозенъ самъ. Тѣмъ не менѣе, моя совѣсть не позволяетъ мнѣ одѣваться въ плащъ религіи, когда я не имѣю ея въ сердцѣ своемъ... Есть нѣсколько видовъ религій— буддизмъ, христіанство и мало ли еще что. Но съ моей точки зрѣнія онѣ отличаются другъ отъ друга не болѣе, чѣмъ зеленый чай отличается отъ чернаго чая“ *).

Като утверждаетъ, что „религія внушается только страхомъ“; о маркизѣ Ито разсказываютъ будто однажды онъ сказалъ: „Я считаю, что религія совсѣмъ не необходима для жизни государства. Наука гораздо выше суевѣрій, а что такое религія—буддизмъ ли или христіанство—какъ не суевѣріе и, слѣдовательно, источникъ слабости государства? Я не боюсь стремленія къ свободомыслію и атеизму, которое почти универсально въ Японіи, потому что не смотрю на него, какъ на источникъ опасности для общества“ **).

Неизбѣжнымъ, однако, является вопросъ, имѣемъ ли мы право, на основаніи цитированныхъ сейчасъ и подобныхъ имъ разсужденій „вождей мысли“ интеллигентной части населенія Японіи, заключать, что нерелигіозность присуща и народнымъ массамъ ея? Не разъ упоминавшійся въ нашемъ трудѣ американскій миссіонеръ Гуликъ, хорошо изучившій религіозную жизнь Японіи, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно.

Допуская, что, въ общемъ, *интеллигентный классъ* въ современной Японіи проявляетъ нынѣ меньшее уваженіе къ формамъ религіи, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ западныхъ странахъ, онъ объясняетъ ***) этотъ фактъ временными историческими обстоятельствами. Жизнь современной Японіи сильно потрясена

---

*) Things Japanese; by B. H. Chamberlain; стр. 404.

**) Evolution of the Japanese; by S. Gulick; стр. 228.

***) Evolution of the Japanese; Chapt, XXV, стр. 286—295.

ворвавшимся въ нее внезапно широкимъ потокомъ новыхъ для нея знаній; а такой потокъ всегда сначала дискредитируетъ старыя формы религіозныхъ выраженій... Такъ бывало даже и съ христіанствомъ, тѣмъ болѣе сурово должна была пострадать въ рукахъ точнаго современнаго знанія синто-буддійская религія Японіи, погруженная въ политеистическій символизмъ. Для образованнаго меньшинства неизбѣжна поэтому реакція къ глубокому скептицизму. Такъ было и въ западныхъ странахъ. Но считать и народныя массы Японіи чуждыми религіознаго чувства было бы совсѣмъ ошибочно. Наоборотъ, японцы чрезвычайно набожны. „Никакая другая нація—говоритъ Гуликъ—не имѣла и не имѣетъ такъ много боговъ, какъ Японія, которую поэтому иногда и называютъ *страною боговъ*. Ея храмы и алтари безчисленны; они обслуживаются обильнымъ штатомъ священниковъ и посѣщаются огромными толпами молящихся... А молитва, какъ бы безсмысленна она ни была, есть доказательство религіознаго чувства того, кто произноситъ ее по собственному побужденію".

Въ каждомъ японскомъ домѣ имѣются *бутсуданъ*, т. е. полка Будды, и *камиданъ*, т. е. полка боговъ *); первая—у буддистовъ, а вторая—у синтоистовъ. Чаще всего въ домѣ находятся обѣ полки, и тогда таблицы поминанія предковъ помѣщаются на *бутсуданъ*; въ противномъ же случаѣ онѣ помѣщаются на *камиданъ*. Послѣдняя такъ же, какъ и всѣ вещественныя выраженія синтоистической религіи, весьма проста; бутсуданъ же обыкновенно изященъ и красивъ. Возлѣ этихъ полокъ сосредоточивается весь, такъ сказать, семейно-религіозный культъ японца, соблюденіе всѣхъ требованій котораго возлагается, главнымъ образомъ, на мать семейства. И надо видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ относится она къ этимъ молчаливымъ представителямъ божественныхъ существъ и умершихъ предковъ и дѣтей! „Я не колеблясь скажу даже,—замѣчаетъ цитируемый авторъ,—что, поскольку можно судить по этимъ внѣшнимъ выраженіямъ религіозныхъ чувствъ, надо заключить, что средняя семья въ Японіи гораздо болѣе религіозна, чѣмъ такая же семья въ просвѣщенной Англіи и Америкѣ". Нѣкоторые писатели считаютъ, что оказаніе почета полкамъ боговъ и предковъ является нынѣ только пустою формой, механически унаслѣдованнымъ отъ прежнихъ вѣковъ обычаемъ безъ всякаго зародыша мысли или вѣры. Дѣйствительно, религіозные обычаи, какъ и всякіе другіе, могутъ переживать вѣрованія и терять свое внутреннее значеніе; но въ такомъ случаѣ они теряютъ его быстро; а если даже и оставляютъ иногда продолжительный слѣдъ, то такой слабый, что лишь внимательные изслѣдователи

*) Данъ—значитъ полка; Бутсу—Будда; Ками—собирательное имя синтоистическихъ божествъ.

могутъ открыть его и распознать по немъ первоначальную природу и цѣль обычая. Отношеніе же японцевъ къ бутсудану и камидану отнюдь не похоже на подобный, уже лишенный значенія, обычай, и средняя японская семья считала бы себя глубоко оскорбленной именно въ религіозныхъ своихъ чувствахъ, если бы кто-либо подумалъ отнять у нея эти полки или даже сколько-нибудь непочтительно отнестись къ нимъ.

Во всѣхъ частяхъ Японіи можно видѣть храмы огромныхъ размѣровъ, часто выдерживающіе не неблагопріятное сравненіе съ соборами Европы по отношенію къ стоимости сооруженія, не смотря на то, что основной матеріалъ зданія—дерево. Огромные бронзовые колокола при такихъ храмахъ, колоссальныя статуи Будды, и хотя и менѣе крупныя, но нерѣдко всетаки дорогія, статуи другихъ святыхъ въ японскихъ храмахъ многочисленны и свидѣтельствуютъ о щедромъ расточеніи богатствъ на внѣшнее выраженіе религіознаго культа. Дѣйствительно, число храмовъ и алтарей въ странѣ поразительно: согласно правительственной статистикѣ, въ 1898 году буддійскихъ храмовъ и моленъ насчитывалось 110,006, а синтоистскихъ храмовъ и алтарей, попавшихъ въ оффиціальную запись, оказалось 191,906 *)... И у каждаго сколько-нибудь замѣчательнаго храма непремѣнно можно видѣть выставленныя близь главнаго входа таблицы, на которыхъ написаны суммы, иногда весьма значительныя, пожертвованныя для постройки или ремонта храма вѣрующими. Чамберлэнъ говоритъ, что въ одномъ 1900 году только въ шести провинціяхъ на храмъ Ниси-Хонгванжи было пожертвовано почти исключительно крестьянами и ремесленниками не менѣе 1.200,000 іенъ. Принимая въ соображеніе бѣдность населенія, фактъ этотъ нельзя не признать поразительнымъ свидѣтельствомъ реальности религіознаго рвенія; и невѣроятно, чтобы оно покоилось всецѣло на формѣ и безсознательныхъ обрядахъ.

Интересно замѣтить, что самый большой и одинъ изъ самыхъ роскошныхъ и красивыхъ храмовъ въ странѣ, Хигаши-хон-гванжи въ Кіото, принадлежащій буддійской сектѣ хон-гванжи, построенъ всего лишь десять лѣтъ назадъ. При сооруженіи его вѣрующіе жертвовали не только деньги и трудъ, но даже свои волосы, при чемъ молодыя женщины отрѣзывали свои роскошныя черныя косы на канаты для подъема на мѣсто балокъ зданія. Г-жа Черевкова, посѣтившая этотъ храмъ въ 1888 году, когда онъ еще строился, получила отъ надзирателей за работами печатный рисунокъ храма и небольшой листокъ, гдѣ на японскомъ и англійскомъ языкахъ было напечатано слѣдующее интересное сообщеніе **):

*) Н. Д. Богуславскій. Японія. Изданіе 2-е. С.-Петербургъ. 1904.

**) А. А. Черевкова. Очерки современной Японіи. 2-е изданіе. С.-Петербургъ. 1903.

„Въ 13-й годъ мейдзи (1888 года), когда начались работы по возобновленію храма Восточнаго Хонгванжи въ Кіото, многіе благочестивые міряне страны (мужчины и женщины) рѣшили пожертвовать въ главный храмъ толстые канаты для того, чтобы они могли быть употреблены при храмовыхъ работахъ. Число всѣхъ такихъ канатовъ равнялось 53. Двадцать девять изъ нихъ, хотя они были такъ же крѣпки, какъ и прочіе, пришли уже въ негодность отъ частаго употребленія. Ихъ длина, вѣсъ и прочее неизвѣстны теперь. Но относительно 24 другихъ, цѣлыхъ еще, канатовъ мы имѣемъ точныя цифры ихъ измѣреній. На память потомству мы представляемъ нижеслѣдующій списокъ мѣстностей, пожертвовавшихъ 53 каната, а также таблицу длины, вѣса и окружности 24 существующихъ еще канатовъ.

„7-й мѣсяцъ 22-го года мейдзи (1888 г.).

„Правленіе работъ по возобновленію храма Восточнаго Хонгванжи".

Длина вышеупомянутыхъ 24-хъ канатовъ, вмѣстѣ взятыхъ, равнялась 650 саженямъ, а вѣсъ—почти 300 пудамъ.

Доказательствомъ религіозности японскаго народа можетъ служить и широко распространенный обычай странствованія къ знаменитымъ храмамъ и восхожденія на священные горные пики... И внимательный изслѣдователь жизни Японіи не можетъ не поразиться безконечными толпами пилигримовъ, которыхъ ему приходится встрѣчать въ странѣ. Богомольцы, стекающіеся къ большому алтарю въ Кицуки у Ицумо, исчисляются приблизительно въ 250,000 человѣкъ ежегодно; число ежегодныхъ посѣтителей синтоистическихъ алтарей въ Изе доходитъ до полумилліона; а число пилигримовъ, приходящихъ къ храмамъ Компира въ Сикоку, просто невѣроятно велико: согласно подсчету, сдѣланному въ первой половинѣ 1898 г., въ среднемъ за шесть мѣсяцевъ оно составляло 2,500 человѣкъ въ день, что даетъ почти 900,000 въ годъ! На священную гору Фузи каждое лѣто восходитъ до 10,000 пилигримовъ, при чемъ большинство ихъ ѣдятъ въ теченіе этого восхожденія мало, обыкновенно не заходятъ въ расположенные на пути привалы и питаются только скудною провизіей, которую несутъ съ собой, при этомъ отдыхаютъ весьма мало. Восхожденіе на священныя горы считается вообще испытаніемъ чистоты и искренности вѣры: если пилигриму не удастся достигнуть вершины, то онъ думаетъ, что недостаточно замолилъ грѣхъ свой и что боги неблагосклонны къ нему. Тѣ же, которымъ удается совершать молитвы на вершинахъ горъ, увѣрены, что боги услышатъ ихъ. Несомнѣнно, что пилигримство сопряжено съ большими суевѣріями, но фактъ вѣры въ то, что бытіе, какъ въ этомъ, такъ и въ будущемъ мірѣ, существенно улучшается странствованіями и поклоненіями богамъ, неоспоримо указываетъ на сильное религіозное чувство.

„Безъ сомнѣнія, многія черты характера, приписываемыя

японцамъ случайнымъ наблюдателемъ или недоброжелательнымъ критикомъ, объясняются недостатками способности его читать между строками. Японецъ привыкъ воздерживаться отъ внѣшняго выраженія своихъ душевныхъ ощущеній вообще. Иногда мучимый горемъ о потерѣ отца или сына, онъ будетъ отвѣчать на вопросы о ней съ улыбкой... Японская улыбка не разъ вовлекала степеннаго иностранца во много ошибокъ при истолкованіи индивидуальнаго и расоваго характера японца. Особенно часто случались такія ошибки въ заключеніяхъ о религіозности японцевъ" *). Однако, если внимательный наблюдатель будетъ имѣть случай войти въ интимныя сношенія съ народомъ, то, мало по малу, онъ освободится отъ своего заблужденія.

„Посмотрите на эту мать,—говоритъ Гуликъ,—ведущую своего больного ребенка къ изображенію *Бинзуру* **)—бога лѣченія и учащую его потереть лицо и глаза идола своею рученкой и затѣмъ приложить послѣднюю къ своимъ глазамъ и лицу; наблюдайте за этимъ прокаженнымъ, молящимся милосердной богинѣ—многорукой *Кваннонъ* ***) объ излѣченіи его недуга; слушайте этотъ жалобный стонъ цѣлаго десятка жертвъ хитрости *лисицы*****) молящихся объ освобожденіи ихъ отъ обидчицы; посмотрите на эту дѣвушку, которая, вся въ слезахъ, совершаетъ сто обходовъ кругомъ храма, молясь о ниспосланіи благословенія на нее или на кого-либо изъ любимыхъ ею существъ; посмотрите на

---

*) Evolution of the Japanese; by S. Gulick, стр. 308.

**) *Бинзуру*, бывшій сначала однимъ изъ шестнадцати ближайшихъ къ Буддѣ боговъ, былъ затѣмъ изгнанъ изъ числа ихъ за нарушеніе обѣта цѣломудрія въ увлеченіи красотою женщины, вслѣдствіе чего изображеніе его помѣщается внѣ святилища храма. Для смягченія наказанія Будда надѣлилъ его даромъ исцѣлять всѣ людскія болѣзни. Человѣкъ, у котораго болитъ какая-нибудь часть тѣла, долженъ прикоснуться ладонью къ той же части изображенія Бинзуру, а затѣмъ потереть ею больное мѣсто своего тѣла.. Немудрено поэтому, что изображеніе этого божества всегда истерто; черты лица, напримѣръ, иногда совершенно сглажены, такъ что голова дѣлается похожей на отполированный шаръ. Geo H. Rittner, въ своемъ трудѣ „Impressions of Japan", говоритъ, что самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ согбенный отъ нервнаго пораженія больной совершенно выпрямился, прикоснувшись къ Бинзуру. „Такова сила суевѣрія, дѣлающая чудеса вѣры", замѣчаетъ онъ и прибавляетъ: „Чѣмъ эта форма суевѣрія отличается отъ той, которую мы знаемъ въ Лурдѣ или на подъемѣ Санта Скала въ Римѣ?"

***) *Кваннонъ*—богиня милосердія, которая внимаетъ молитвамъ обездоленныхъ. Такъ называемая тысячерукая Кваннонъ изображается съ сорока руками, которыя держатъ нѣсколько буддійскихъ эмблемъ, какъ, напр., цвѣтокъ лотоса, колесо закона, солнце и луну, черепъ и топоръ—эмблему „отдѣленія" (отреченія) отъ всѣхъ мірскихъ заботъ.

****) Бѣлая лисица (*Инари*)—помощница *Укемотси*—богини-покровительницы рисовыхъ плантацій; ея обязанность отгонять отъ полей мышей, крысъ и другихъ вредныхъ для земледѣльца животныхъ. Инари очень хитра, и если не взлюбитъ кого-либо изъ земледѣльцевъ, то сумѣетъ насолить ему; и надо много молиться ей, чтобы умилостивить ее, и въ то же время надо просить Укемотси „обуздать ее".

этого купца, торжественно совершающаго молитвы передъ богомъ моря, принося ему рисъ и вино... И вдумавшись въ эти и подобныя имъ сцены, вы уже не будете говорить, что нерелигіозность отличительная черта японца".

Припоминаю по поводу изложеннаго въ этой главѣ наблюденія свои во время посѣщенія мною, осенью 1903 года, вышеупомянутаго храма Хигаши-хонгванжи. Храмъ этотъ расположенъ очень близко отъ вокзала желѣзной дороги, почему я, пріѣхавъ въ Кіото рано утромъ, прежде всего отправился посмотрѣть его. Снявъ передъ входомъ обувь и войдя по ступенямъ между массивными колоннами въ храмъ, я былъ пораженъ величественнымъ видомъ внутренности его. На глазъ пріятно дѣйствовала безукоризненная бѣлизна циновокъ, на которыхъ сидѣли молящіеся. Выраженіе ихъ лицъ, обращенныхъ къ смотрящему на нихъ изъ глубины изящной ниши изображенію Будды и вырывавшіяся изъ устъ ихъ, то шепотомъ, то довольно громко восклицанія: „Амида, Амида!" свидѣтельствовали о томъ, что ихъ волнуютъ глубокія чувства... Богослуженія собственно не было никакого, но въ храмѣ было не менѣе ста человѣкъ обоего пола, хотя, не смотря на это, въ немъ было совсѣмъ просторно... При этомъ молящіеся постоянно входили и выходили, такъ что въ теченіе получаса, который я оставался въ храмѣ, въ немъ перебывало не менѣе 300 лицъ. Тишина отъ этого не нарушалась нисколько, такъ какъ толстыя и мягкія циновки поглощали шумъ шаговъ. Лишь изрѣдка слышался звонъ мѣдной монеты, оставлявшейся почти каждымъ изъ молящихся на циновкѣ, откуда отъ времени до времени служители храма—худощавые сухіе старики съ бритыми головами, въ гладкихъ свѣтло-сѣрыхъ киримонахъ—собирали деньги совками и ссыпали въ поставленныя въ разныхъ частяхъ храма кассы... Возвращаясь на вокзалъ, часовъ въ десять вечера, я опять зашелъ въ храмъ, уже освѣщенный на этотъ разъ обильными свѣтильниками, и нашелъ тамъ значительно большее, чѣмъ утромъ, число молящихся... Мой курума, говорившій по англійски, сказалъ мнѣ, что ему приходится часто возить посѣтителей въ этотъ храмъ, и что молящихся въ немъ бываетъ довольно во всѣ часы дня, но особенно много вечеромъ, когда рабочіе и работницы кончаютъ свой дневной трудъ.

V.

Положеніе въ Японіи вопроса о свободѣ вѣроисповѣданія.

Японія тѣхъ временъ, когда въ нее еще не проникло христіанство, наслаждалась, какъ мы видѣли это въ первыхъ главахъ нашей статьи, сравнительно большою свободой вѣроисповѣданія. Въ самомъ дѣлѣ, въ ней каждый могъ молиться свободно у ка-

кихъ-угодно алтарей и въ какихъ-угодно храмахъ страны. И нынѣ, какъ мы знаемъ уже, японецъ, говоря вообще, не можетъ сказать, синтоистъ онъ, буддистъ или конфуціанистъ. Причину такого религіознаго эклектизма надо искать, вѣроятно, главнымъ образомъ въ томъ характерѣ восточныхъ религій, въ силу котораго онѣ дополняютъ другъ друга: ни въ философской доктринѣ, ни въ морали ихъ нѣтъ почвы для столкновенія. Религіозная свобода, поэтому, допускалась въ старой Японіи, можно сказать, не по принципу, а по индифферентизму. Подобно тому, какъ Римъ терпѣлъ всѣ религіи, которыя не предъявляли исключительныхъ по отношенію другъ къ другу требованій, но сурово преслѣдовалъ христіанство, такъ и старая Японія терпимо относилась къ двумъ религіямъ, нашедшимъ къ ней доступъ, потому что въ нихъ нѣтъ упомянутой исключительности, но испугалась религіи, потребовавшей отреченія народа отъ того, чему онъ поклонялся ранѣе.

Новая Японія, слѣдуя примѣру Запада, провозгласила религіозную свободу, какъ принципъ, выраженный вышеприведенными нами строками XXVIII-й статьи конституціи 1889 г. И о томъ, что этотъ принципъ проводится на дѣлѣ, убѣдительно свидѣтельствуютъ, по нашему мнѣнію, во-1-хъ, дѣйствующая въ Японіи система начальнаго образованія, въ основу которой, вмѣстѣ съ началомъ обязательности его, положено и начало *свѣтскости*, а во-2-хъ, отсутствіе какихъ бы то ни было ограниченій, связанныхъ съ вопросами вѣроисповѣданія въ дѣлѣ доступа кандидатовъ въ учебныя заведенія страны и къ занятію въ ней государственныхъ должностей. Для подтвержденія вѣрности послѣдняго замѣчанія мы считаемъ достаточнымъ напомнить читателямъ приведенную во III-й главѣ настоящей статьи выдержку изъ труда Алисы Беконъ, въ которой читаемъ, между прочимъ, что христіане работаютъ въ парламентѣ, въ арміи и флотѣ, въ университетѣ и школахъ въ числѣ, значительно превышающемъ процентное отношеніе общаго числа христіанъ ко всему населенію въ странѣ.

Что же касается отношенія къ разсматриваемому нами вопросу начала свѣтскости народнаго образованія, то интересно остановиться на томъ, что нѣкоторые авторы современныхъ сочиненій объ Японіи, и среди нихъ особенно миссіонеры, находятъ, въ противоположность высказанному нами мнѣнію, что самое это начало говоритъ о религіозной нетерпимости японцевъ, такъ какъ сильно тормазитъ дѣло распространенія христіанства... Сущность ихъ доводовъ сводится къ слѣдующему:

Въ Японіи ученики *только тѣхъ* начальныхъ школъ получаютъ льготы по воинской повинности и право поступать безъ экзаменовъ въ среднія школы, *изъ учебнаго курса которыхъ* совершенно *исключены* предметы религіознаго характера и не

преподаются поэтому ни въ классное, ни во внѣклассное время.

Ясно, что миссіонерскія школы не могутъ отказаться отъ преподаванія Закона Божія, такъ какъ это отняло бы у нихъ возможность преслѣдовать главную свою задачу, и потому онѣ не пользуются упомянутыми льготами и правами, чтò, конечно, отвлекаетъ отъ нихъ нуждающихся въ послѣднихъ учениковъ. Даже тѣ дѣти, которыя не нуждаются, по какимъ либо условіямъ, въ льготахъ по воинской повинности и которыя, по способностямъ своимъ, могли бы вполнѣ разсчитывать на выдержаніе конкурснаго экзамена въ среднія и высшія школы, неохотно отдаются родителями въ миссіонерскія школы, потому что право на этотъ экзаменъ практически сводится къ нулю: конкурсъ для бездипломныхъ учениковъ разрѣшается лишь тогда, когда въ среднихъ и высшихъ школахъ остаются вакансіи, не занятыя дипломными учениками. Но въ послѣдніе годы этого почти совсѣмъ не бываетъ, такъ какъ при маломъ числѣ среднихъ и высшихъ школъ въ странѣ, огромное число дипломныхъ учениковъ не находитъ въ нихъ мѣста... Итакъ, въ силу самаго закона о начальномъ образованіи въ странѣ, миссіонерскія школы пустуютъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и проповѣдь христіанства встрѣчаетъ серьезныя препятствія.

Правда, можно сказать, что запрещеніе преподаванія религіозныхъ предметовъ распространяется не только на христіанскія, но и на всякія другія школы. Однако, очевидно, что тяжелѣе всего это запрещеніе отзывается именно на школахъ христіанскихъ: при ничтожномъ числѣ христіанъ въ странѣ успѣхъ религіозной пропаганды ихъ можетъ опираться главнымъ образомъ на школы.

Въ японскихъ начальныхъ школахъ, взамѣнъ преподаванія Закона Божія, отводится видное мѣсто преподаванію кодекса нравственности, который, согласно инструкціи министерства народнаго просвѣщенія, долженъ быть основанъ на указаніяхъ императорскаго манифеста, изданнаго въ 1890 году. Преподаванія кодекса нравственности въ христіанскихъ школахъ правительство не требуетъ, но миссіонеры сѣтуютъ на то, что оно, тѣмъ не менѣе, обязываетъ и эти школы, наравнѣ со всѣми другими, чествовать установленнымъ церемоніаломъ какъ изображеніе императора Японіи, такъ и упомянутый манифестъ его, который гласитъ слѣдующее:

„Наши предки дали государству широкія основанія, въ которыхъ глубоко посѣяны сѣмена добродѣтели; и наши подданные въ теченіе вѣковъ единодушіемъ своей великой лояльности и сыновней преданности выростили эти сѣмена въ совершенствѣ. Такова сущность національной политики, и таковъ истинный принципъ нашей системы воспитанія.

„Вы, наши возлюбленные подданные, будьте преданными сынами, добрыми братьями, любящими мужьями и женами и вѣрными друзьями. Ведите себя со скромностью и будьте добры ко всѣмъ. Развивайте ваши умственныя способности; совершенствуйтесь въ вашей нравственной силѣ, накопляя знанія и пріобрѣтая умѣнья.

„Также работайте въ интересахъ общественныхъ и будьте преданы общественнымъ дѣламъ. Почитайте государственное устройство. Повинуйтесь законамъ страны и, въ случаѣ необходимости, отъ всего сердца жертвуйте собою для общаго блага.

„Оказывайте также полную поддержку нашей императорской династіи, *вѣчной, какъ вселенная*.

„Тогда вы не только будете нашими вѣрными подданными, но вы будете при этомъ способны проявлять *благородный характеръ вашихъ предковъ*.

„Такой завѣтъ, *оставленный намъ нашими предками*, который долженъ быть соблюдаемъ также ихъ потомками и ихъ подданными.

„Эти принципы совершенны для всѣхъ вѣковъ и примѣнимы во всемъ. Наше желаніе—носить ихъ въ своемъ сердцѣ вмѣстѣ съ вами, наши подданные, съ тѣмъ, чтобы мы могли навсегда овладѣть этими добродѣтелями".

Японцы любятъ этотъ манифестъ, учителя и школьники знаютъ его наизусть, и поэтому можно признать основательнымъ замѣчаніе французскаго автора Веллерса, что онъ является какъ бы „школьнымъ катехизисомъ" Японіи *). Однако, едва ли можно согласиться съ тѣми писателями, которые вмѣстѣ съ Гуликомъ утверждаютъ, что правительство, требованіемъ обязательнаго чествованія въ частныхъ даже школахъ манифеста, „который проповѣдуетъ прежде всего патріотизмъ, благоговѣйное почитаніе предковъ и обожествленіе императорской династіи, т. е., въ сущности, основы религіи синто,—тѣмъ самымъ ограничиваетъ религіозную свободу народа" **).

Въ заключеніе статьи приведу, для сопоставленія съ этимъ мнѣніемъ, интересное замѣчаніе одного увлекающагося синтоизмомъ японца, которое мнѣ пришлось слышать въ бесѣдѣ съ нимъ въ Токіо какъ разъ по вопросу о свободѣ вѣроисповѣданій въ этой странѣ: „Истинный патріотъ не можетъ не быть синтоистомъ; да въ сущности и всѣ европейцы—синтоисты, такъ какъ чѣмъ иначе объяснить, что въ своихъ государствахъ они такъ чтутъ статуи прославившихся героевъ и правителей, различные памятники народныхъ подвиговъ и тому подобныя вещественныя воспоминанія о дорогомъ прошломъ своего отечества?"

Н. П. А—левъ.

---

*) Weulersse. Le Japon d'aujourdhui. 1904.
**) Evolution of the Japanese; by S. Gulick. стр. 329.

ПРОЖИТЫЙ ДЕНЬ.

(Эскизъ).

I.

Иванъ Александровичъ Загорскій, штатный преподаватель N—ской классической гимназіи, проснулся въ отвратительномъ настроеніи духа: голова была тяжела, во рту ощущался вкусъ селедки съ лукомъ, позывало на рвоту. Насколько весело прошелъ вчерашній вечеръ, настолько же скучнымъ до одуренія представлялся начинающійся день. Вчера Иванъ Александровичъ былъ съ женою въ театрѣ, гдѣ съ большимъ удовольствіемъ слѣдилъ за пьесою, въ антрактахъ весело разговаривалъ со знакомыми, а послѣ театра съ аппетитомъ поужиналъ, выпивъ при этомъ нѣсколько рюмокъ водки и двѣ бутылки пива... Гимназія, давно страшно надоѣвшая, словно провалилась въ сознаніи, и онъ чувствовалъ себя, если не счастливымъ, то вполнѣ довольнымъ... Но за то сегодня все поворачивалось дурною стороною. Сидя на своей кровати, съ взлохмаченною головою и не одѣтый, Иванъ Александровичъ сердито крикнулъ въ пространство:

— Что за безобразіе, опять сапоги не вычищены! Глаша, Лена... или кто тамъ!

Изъ столовой доносился стукъ чайной посуды. Иванъ Александровичъ подождалъ нѣкоторое время и снова крикнулъ:

— Глаша! Оглохли вы всѣ, что ли... Что же сапоги?..

Въ эту минуту изъ другой двери вошла въ спальню горничная Глаша съ не причесанною головою, въ грязной кофточкѣ, изъ-подъ которой выбивалось что-то бѣлое, а на груди виднѣлись сальныя пятна. Глаша была, очевидно, тоже не въ духѣ, что было замѣтно по ея порывистымъ движеніямъ.

— Сто разъ говорилъ, чистить сапоги! — ворчливо пробормоталъ Иванъ Александровичъ.

— Не выставили за дверь, оттого и не чищены,—дерзко, какъ показалось ему, отвѣчала Глаша, со стукомъ устанавливая умывальный приборъ.

— Вошли бы и взяли, трудъ не великъ...

— Не великъ трудъ и выставить,—не смолчала Глаша.

— У, хамство!—подумалъ Иванъ Александровичъ и началъ умываться, фыркая и отплевываясь. Холодная вода его нѣсколько освѣжила.

И, умывшись, онъ вышелъ въ столовую. Его жена, довольно миловидная женщина, лѣтъ подъ тридцать, сидѣла за самоваромъ. Она была въ домашнемъ капотѣ, порядочно замызганномъ. Ивана Александровича покоробило при видѣ женинныхъ ногтей съ черными каемками. Елена Димитріевна,—такъ звали жену Загорскаго,—съ аппетитомъ пила чай, почмокивая и присасывая воздухъ съ глотками жидкости. И эти маленькія привычки въ настоящую минуту были для Ивана Александровича положительно противны, и онъ едва сдерживался, чтобы не сказать женѣ чего-либо обиднаго. А на нее, наоборотъ, напалъ припадокъ влюбленности.

— Что Ванюша нашъ не веселъ, свою голову повѣсилъ?— спросила она игриво.

— Не по себѣ,—хмуро отвѣтилъ онъ.

— У Ваника го—ӧвка бобӧ,—тоненькимъ голоскомъ пропѣла Елена Димитріевна, какъ бы подражая лепету ребенка.

— Гм...

— Дай, Ваникъ, поцѣлую го-ӧвку: пе-естанетъ бобо,— продолжала въ томъ же тонѣ Елена Димитріевна.

— Отстань, говорю, нездоровится, — сердито отмахнулся Иванъ Александровичъ.

— Если серьезно, такъ не ходи въ гимназію. Вонъ Коровинъ цѣлую недѣлю не ходилъ по болѣзни, а самъ по бульвару гулялъ,—сказала Елена Димитріевна уже своимъ обыкновеннымъ голосомъ.

Но Ивана Александровича ужаснула мысль провести цѣлый день въ этихъ неприбранныхъ комнатахъ съ глазу на глазъ съ женою и съ растрепанной Глашей, и потому, буркнувъ что-то, онъ принялся за чай. Елена Димитріевна тотчасъ же начала разсказывать что-то пространное объ одной изъ своихъ знакомыхъ дамъ, которая, судя по ея словамъ, была и не хороша, и не умна, но которую почему-то считали и умною, и интересною, и красивою. Иванъ Александровичъ, не слушая, смотрѣлъ на жену и думалъ о томъ, какъ без-

надежно ограниченны наши женщины средняго круга, какъ ничтожны ихъ духовные запросы.

— Мы всѣ говоримъ и даже учимъ, что человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла,—думалъ онъ,—а гдѣ въ сущности душа въ этомъ явно перекормленномъ тѣлѣ? Гдѣ ея духовные интересы? Вотъ я часто злюсь на свое безсмысленное существованіе, граничащее съ прозябаніемъ,—значитъ, все же что-то бродитъ... А здѣсь все кончено: одѣта, обута, накормлена, выспалась... Вотъ и вся жизнь женщинъ нашего круга. Высшій интересъ—модное платье съ нелѣпыми пузырями на плечахъ. И вѣдь Лена умнѣе многихъ изъ своихъ подругъ. Кончила гимназію съ медалью, а Тургенева отъ Достоевскаго не отличитъ...

II.

Наконецъ, онъ отправился въ гимназію... День былъ осенній. Ночью прошелъ дождь, и все было мокро: стѣны домовъ, фонарные, телеграфные и телефонные столбы—все почернѣло съ одной стороны отъ дождя. Попадались прохожіе подъ зонтиками. По срединѣ улицъ тащились телѣги, разбрасывая уличную грязь. Извозчики уныло сидѣли на облучкахъ... Все было скучно, сѣро... Вотъ тянется вереница телѣгъ, нагруженныхъ домашнимъ скарбомъ: кто-то переѣзжаетъ на квартиру. Вся житейская дребедень, которая въ обычныхъ условіяхъ прячется въ укромныхъ уголкахъ обывательскаго жилища, теперь безъ стѣсненія выставлена на возахъ... И снова чувство отвращенія къ человѣку охватило Ивана Александровича... Недалеко отъ гимназіи онъ столкнулся со своимъ сослуживцемъ, Марьяномъ Демьяновичемъ Центноровичемъ, преподавателемъ греческаго языка. Это былъ невысокій молодой человѣкъ съ цвѣтущимъ румянымъ лицомъ явно не русскаго типа. Центноровичъ выдавалъ себя за чеха, но, на самомъ дѣлѣ, былъ мадьяръ. Отправляясь нѣкогда въ Россію, Центноровичъ сильно побаивался „восточныхъ варваровъ“, но, пріѣхавъ въ N—скъ, скоро освоился и увидѣлъ, что здѣсь ему несравненно легче устроить свою карьеру, чѣмъ на родинѣ. Прежде всего онъ сошелся съ директоромъ, а затѣмъ, научившись русскому языку, сталъ издавать „объясненіе“ къ Ѳукидиду. Эти „объясненія“ ровно ничего не дали ни учащимъ, ни учащимся, но много дали автору... Въ N—ской гимназіи никто ничего печатнаго не издавалъ, а потому „труды“ Центноровича тотчасъ же создали ему репутацію глубокаго знатока своего предмета, такъ что въ учебномъ округѣ онъ стоялъ на лучшемъ счету.

Центноровичъ шелъ, бодро размахивая руками. Его цвѣ-

тущее лицо и вся фигура говорили, что онъ доволенъ своимъ настоящимъ и съ надеждою смотритъ на будущее.

— А-а, здравствуйте, Herr-collega,—привѣтствовалъ онъ Ивана Александровича.

— Здравствуйте... Что вы такъ рано вышли: у васъ вѣдь урокъ въ двѣнадцать?

— Дѣлаю прогулку, послѣ Gymnastik... Теперь нужно ходить такъ: разъ-два.

— Вы занимаетесь гимнастикой? Для чего же это, собственно?—вяло поинтересовался Иванъ Александровичъ.

— Для здоровья: mens sana in corpore sano...

— А для чего вамъ здоровье, если не секретъ?

— Какъ для чего?—удивился Центноровичъ.—Здоровье нужно... ну, хотя бы для порядочнаго выполненія своего дѣла.

— А у васъ какое же дѣло, если можно спросить?

— Поми-и-луйте,—вскрикнулъ Центноровичъ, даже останавливаясь на ходу:—я же вѣдь учитель гимназіи, какъ и вы!

— А! вотъ что... Да, да, конечно... Я какъ-то, признаться, забылъ, что мы учительствуемъ въ гимназіи, — спокойно сказалъ Иванъ Александровичъ.

Центноровичъ фыркнулъ и съ любопытствомъ вскинулъ на него свои круглые глаза.

— Да, забылъ... Какой толкъ въ нашемъ учительствѣ?.. Дѣлать дѣло—значитъ видѣть его цѣль и ждать результатовъ. А мы ничего не знаемъ, и ничего не ждемъ!—откровенно продолжалъ Иванъ Александровичъ.

— По-ми-луйте!.. Что вы это говорите, коллега? Но для чего же, въ такомъ случаѣ, гимназія? — вскричалъ Центноровичъ, нѣсколько даже обезпокоенный страннымъ оборотомъ разговора.

— Вотъ объ этомъ я и хотѣлъ бы у кого-нибудь спросить,—отвѣтилъ Иванъ Александровичъ спокойно.—Для чего эти Ксерксы и Артаксерксы, Марафонскія и иныя битвы, не говоря уже объ accusativus cum infinitivo или ablativus absolutus?

Центноровичъ совсѣмъ остановился въ явномъ испугѣ: ни отъ кого еще онъ не слыхалъ такихъ рѣчей... Наконецъ, онъ сказалъ рѣшительно:

— Если въ Россіи не сознается нужда въ классическомъ образованіи, то ее нужно создать...

— То есть это выходитъ такъ: нужно, чтобы было нужно,— усмѣхнулся Иванъ Александровичъ. — Я думалъ, что предложеніе должно отвѣчать спросу... А спросите-ка у общества, — нужна ли, въ сущности, гимназія, особенно классическая... Что вамъ отвѣтятъ?

Центноровичъ молчалъ: въ его головѣ родилось темное подозрѣніе, которымъ онъ рѣшилъ подѣлиться съ директоромъ сегодня же. Поэтому, когда они подошли къ гимназіи, Центноровичъ взялъ влѣво.

— Вы куда? – спросилъ его Иванъ Александровичъ.

— Къ директору: завтракать приглашалъ, — съ побѣдоноснымъ видомъ отвѣчалъ Центноровичъ и юркнулъ въ садовую калитку, черезъ которую ходили только болѣе близкіе къ директору люди. Иванъ Александровичъ усмѣхнулся, но оживленіе скоро сошло съ его лица...

Войдя въ низкую обширную переднюю, Иванъ Александровичъ сразу почувствовалъ запахъ не просушеннаго верхняго платья и табаку, выкуреннаго здѣсь гимназистами. Сверху несся нестройный шумъ голосовъ, похожій на пчелиное жужжаніе. И сегодня, какъ и всегда, у Ивана Александровича явилось что-то вродѣ зависти къ служителямъ, толкавшимся въ шинельной и, очевидно, ничуть не тяготившимся своимъ положеніемъ, тогда какъ для всѣхъ остальныхъ, посѣщавшихъ это зданіе, т. е. для учителей и учениковъ, былъ противенъ тотъ подневольный трудъ, ради котораго они сходились. Раздѣвшись, Иванъ Александровичъ началъ медленно подниматься по лѣстницѣ. Гулъ голосовъ слышался все сильнѣе и сильнѣе, а атмосфера дѣлалась все удушливѣе.

— Гусакъ идетъ, гусакъ идетъ! — раздался у него надъ головою сдавленный шепотъ, и нѣсколько паръ ногъ стремительно кинулись отъ перилъ верхней площадки. Иванъ Александровичъ нахмурился (онъ зналъ, что это прозвище относилось къ нему) и направился по корридору въ „учительскую".

Была перемѣна. Ученики толпами шныряли по корридору; время отъ времени отворялись двери классовъ, и оттуда стремительно выскакивалъ раскраснѣвшійся мальчуганъ, очевидно, вытолкнутый въ дружеской вознѣ. При встрѣчѣ съ учителемъ, оживленіе сбѣгало съ дѣтскихъ лицъ, которыя дѣлались вытянутыми и напряженными. Нѣкоторые ученики кланялись Ивану Александровичу, другіе показывали видъ, что не замѣчаютъ его... Ивана Александровича это ничуть не удивляло, но ему всегда дѣлалось какъ-то неловко при встрѣчѣ съ учениками внѣ классовъ, словно онъ не зналъ, что ему было нужно дѣлать въ такихъ случаяхъ.

Въ учительской было уже нѣсколько учителей. Математикъ Быховскій, выдѣлявшійся огромною косматою сѣдою головою съ блестящими глазами, сидѣлъ на диванѣ.

— Ну-ка, ну-ка, дальше-то что, Савелій Абрамовичъ?—

говорилъ онъ густымъ басомъ, обращаясь къ маленькому юркому учителю восточнаго типа. — Таки изловили злодѣя? Нѣтъ, вы послушайте, господа, какъ Савелій Абрамовичъ за Писаревымъ и Добролюбовымъ охотился! За-мѣ-чательно!

— И изловилъ, и изловилъ! — съ торжествомъ отвѣчалъ Савелій Абрамовичъ, котораго гимназисты называли не иначе, какъ Савоська.—Вижу,—мальчикъ все въ публичную библіотеку шатается и книжки домой таскаетъ. Забрался разъ въ библіотеку, подтибрилъ записной журналъ, да и посмотрѣлъ, что нашъ Глассонъ получаетъ. Вижу: Писаревъ, Добролюбовъ съ братіей, Бѣлинскій... А-а, думаю, вонъ ты каковъ, голубчикъ! Неймется: три раза на замѣчаніи былъ за недозволенное чтеніе, и опять за свое! Ну, и рѣшилъ накрыть съ поличнымъ. Выбралъ я, знаете, вечерокъ потемнѣе, да и шасть въ Архангельскую, гдѣ Глассонъ живетъ. Грязища, темень... Думалъ, не доѣду. Ну-съ, добрался съ Божіей помощью. Звоню. Изъ-за двери спрашиваютъ: кто такой? Къ Мишѣ, что-ли? А я такъ тоненько: къ Мишѣ изъ гимназіи! Впустили. Тутъ я и отрекомендовался: классный наставникъ—Бейлинъ. И поднялась же кутерьма! Забѣгали, зашумѣли! Да я не дуракъ: прямо къ Мишѣ въ комнату. Стоитъ мой Глассонъ, какъ истуканъ: губы бѣлыя, руки трясутся. Не ждалъ, значитъ! Осмотрѣлся я: ничего, все въ порядкѣ: учебники, тетрадки, все, какъ слѣдуетъ... Не видать запрещенныхъ плодовъ. Эхъ, думаю, маху далъ: либо спрятали, либо другому кому отдали. Хотѣлъ ужъ уходить, не солоно хлебавши, да и присѣлъ было на постель... Вдругъ ногою подъ кроватью и задѣлъ за что-то... Батюшки! Вотъ оно! Уронилъ нарочно карандашикъ и полѣзъ подъ кровать, будто поднимать карандашъ... А тамъ—представьте: цѣлая библіотека, да все на подборъ: и Писаревъ, и Щаповъ, и Шелгуновъ, и Бокль... Да что: даже самъ Марксъ въ переводѣ! Ну, и выволокъ всю эту мудрость... да на извозчика... Тутъ, конечно, слезы, моленія... Сестренка выскочила... прехорошенькая, скажу я вамъ, штучка... плачетъ, за руку хватаетъ: милый, говоритъ, Савелій Абрамовичъ, не доносите...

— Хо-хо-хо, — загудѣлъ математикъ. — Такъ и сказала: милый Савелій Абрамовичъ! По имени и по отчеству. А вѣдь другой разъ, навѣрное, Савоською величаетъ!

— И что это вы, Александръ Григорьевичъ, все Савоська да Савоська! Никто меня Савоською не называетъ, развѣ мальчишки...—нѣсколько обидившись, сказалъ Савелій Абрамовичъ.

— Да вы не обижайтесь, это я къ слову. Итакъ, дѣвочка-то, говорите, недурна собою? Сейчасъ видно холостого че-

лобѣка: непремѣнно на женскій циферблатъ поглядитъ, не утерпитъ!—сказалъ математикъ.—Да вы ужъ договаривайте, какъ васъ собака-то подъ кроватью погладила?

— Какая собака?—спросилъ, улыбаясь, одинъ изъ слушателей.

— А это, изволите видѣть, подъ кроватью, куда нашъ Лекокъ полѣзъ за добычею, оказалась собака... Ну, и хвать его за... непоказанное мѣсто,—отвѣчалъ математикъ.

— Ну, что-жъ такое? Непріятная случайность... А контрабанду всетаки извлекъ да прямо къ директору! Благодарилъ.

— Какъ не благодарить: отечество спасли,—иронически сказалъ математикъ.

— Да, большое нестроеніе среди учениковъ, — степенно вставилъ батюшка, гимназическій законоучитель.—И къ чему? Себѣ — во вредъ и намъ въ укоризну. Вотъ на экзаменѣ у меня этотъ самый Глассонъ отличился при преосвященномъ: спрашиваю, откуда происходитъ слово „пасха", а онъ и хлопъ: отъ слова „пехазъ"! Это вмѣсто „песахъ"-то! Ну, и задалъ мнѣ преосвященный за этого „пехаза": неуваженіе, говоритъ, къ священнымъ наименованіямъ. А тоже Бокля съ Добролюбовымъ читаетъ. Съ развитіемъ мнитъ себя!

— Слабо проходятъ у насъ славянскій языкъ, оттого такіе грубые промахи и бываютъ,—глубокомысленно замѣтилъ одинъ изъ слушателей.

Математикъ опять захохоталъ:

— Ловко: „пехазъ" или „песахъ" изъ славянскаго языка вывели! А вѣдь Бокля съ Писаревымъ не читаете!

Нѣкоторые засмѣялись, но батюшка отнесся къ дѣлу серьезнѣе:

— Я полагаю, было бы планомѣрно ввести въ кругъ гимназическаго образованія и преподаваніе древне-еврейскаго языка. Тогда не было бы такихъ прискорбныхъ недоразумѣній.

— А вы, отецъ Никандръ, сами-то изучали въ семинаріи еврейскій языкъ?—спросилъ его математикъ, съ невиннымъ видомъ. Батюшка закашлялся.

— Да... то есть... собственно говоря... начатки еврейскаго языка проходили нѣкоторые изъ насъ,—уклончиво отвѣчалъ онъ, отходя въ сторону.

Въ это время въ „учительскую" не вошелъ, а вкатился инспекторъ Лобовъ, невысокій толстенькій господинъ съ характерными бѣгающими глазами и суетливыми движеніями. Гимназисты прозвали его „вертопомъ", „зайцемъ" и „флюгаркою", и всѣ эти клички удивительно подходили къ нему.

— Ахъ, господа, опять засидѣлись! Вѣдь ужъ бóльшая половина урока прошла,—забормоталъ онъ, безтолково снуя по всѣмъ угламъ комнаты.

— Половины, милѣйшій Ардаліонъ Васильевичъ,—суть величины равныя, и бóльшей половины быть не можетъ,—отвѣчалъ за всѣхъ математикъ.

— Такъ, такъ, такъ,—не слушая его, суетился Лобовъ...—А все-жъ, господа, въ классы, въ классы пора.

— Не бойтесь, заглянемъ и въ классы... Охъ-хо-хо!.. Ну, тащися, сивка!—сказалъ математикъ, лѣниво поднимаясь, и добавилъ:

— Эхъ, хоть бы ревматизмъ заполучить, что ли: поскорѣе бы къ пенсіи!—И съ этимъ, повидимому, искреннимъ пожеланіемъ самому себѣ тяжело потащился въ классъ.

— А съ вами, Иванъ Александровичъ, того... какъ сказать... надо побесѣдовать... Охъ, надо, надо побесѣдовать,—подскочилъ Лобовъ къ Ивану Александровичу.

— Очень радъ.

— Радоваться-то, батенька, погодите: вѣдь дѣло-то выходитъ пакостное. Именно препакостный казусъ... Извольте видѣть, мальчишка-то этотъ, какъ его?.. Семиклассникъ Пашкевичъ на васъ насплетничалъ директору: васъ обвиняетъ въ пристрастіи... придирки, дескать, и тому подобное... Директоръ ко мнѣ: наблюдай, говоритъ, инспекторъ! А мнѣ что прикажете дѣлать?.. Охъ, бѣда съ семьею: былъ бы одинъ, начхалъ бы, ей-Богу, и на Пашкевичей этихъ, и на гимназію и... на самого господина директора...

При послѣднихъ словахъ Лобовъ тревожно оглянулся... У него была огромная семья, и онъ постоянно трепеталъ за ея участь.

— Ничего не понимаю, — отвѣчалъ Иванъ Александровичъ. — Дѣйствительно, дня два назадъ Пашкевичъ отвѣчалъ изъ рукъ вонъ плохо, и я поставилъ ему единицу. Онъ сталъ грубить, и я выгналъ его изъ класса... Вотъ и все.

— Правда, правда, золотая правда: дерзкій мальчишка, наглецъ, что и говорить. Только вы, вотъ, ему колъ поставили въ журналѣ, а онъ мигомъ къ директору. Тотъ и переспросилъ его урокъ. И что-же вы думаете: вѣдь отвѣтилъ, подлецъ, и даже хорошо отвѣтилъ... Мину, что ли, подъ васъ подвелъ: нарочно вралъ!

— Ну, ужъ не знаю, — нарочно или не нарочно, только отвѣчалъ онъ мнѣ изъ рукъ вонъ плохо: спросите весь классъ!

Лобовъ даже замахалъ руками:

— Тс... тс... Да развѣ можно учениковъ въ такія дѣла

посвящать? Ихъ дѣло слушать и повиноваться, а не свидѣтельствовать и не судить... Охъ, не сносить вамъ головы, голубчикъ! Больно вы прытки. Да и то сказать: семья у васъ небольшая, не то что у меня: семеро пискуновъ, тетка, свояченица, да бабушка въ придачу... Ну, и терпи, сноси, хоть плачь, да вскачь!

И Лобовъ сокрушенно поникъ головою, но тотчасъ же вскочилъ и прислушался. Лицо его приняло положительно заячье выраженіе: съ конца корридора донесся взрывъ хохота...

— Ахъ, этотъ математикъ! Опять, вѣрно, анекдоты въ классѣ разсказываетъ: ишь, какъ заливаются! Вотъ что значитъ безсемейный-то человѣкъ: горюшка мало... съ самимъ директоромъ споритъ...

И Лобовъ безпокойно, въ припрыжку, побѣжалъ въ тотъ конецъ корридора, откуда слышался смѣхъ.

III.

Иванъ Александровичъ отправился въ седьмой классъ. Ему была очень непріятна исторія съ Пашкевичемъ: хотя онъ и считалъ себя правымъ, но Пашкевичъ былъ сынъ богатаго и вліятельнаго въ N-скѣ инженера.

Первый урокъ у Ивана Александровича былъ занятъ письменнымъ упражненіемъ. Текстъ перевода съ русскаго на латинскій былъ приготовленъ уже давно и назначался для занятій изъ года въ годъ. „Цезарь сказалъ, что если“ и т. д. Вся соль упражненія состояла въ томъ, чтобы ученики распутали клубокъ предложеній, связанныхъ косвенною рѣчью, въ результатѣ чего должна была получиться самая удивительная перестановка глагольныхъ временъ и залоговъ: вмѣсто давнопрошедшаго—третье будущее, вмѣсто дѣйствительнаго залога — страдательный и т. п. Ученики принялись за разгадку, зорко отыскивая коварную „косвенную рѣчь“. Самый смыслъ перевода не интересовалъ никого.

Иванъ Александровичъ сидѣлъ на каѳедрѣ, наблюдая за учениками. Онъ давно уже подраздѣлилъ ихъ на нѣсколько категорій: одну составляли недалекіе, но усердные работники, которые долбили все, что предписывалось со школьной каѳедры, не отдавая себѣ въ томъ отчета; въ другой категоріи были явные протестанты, которые съ нескрываемымъ отвращеніемъ воспринимали гимназическую мудрость; третьи учились вяло, лѣниво, безпрестанно подгоняемые двойками и единицами... Волъ Иваницкій — ти-

пическій представитель первой категоріи — весь ушелъ въ свой переводъ: наморщивъ брови и подпирая щеки языкомъ, онъ усердно выводитъ букву за буквою въ своей чистенькой тетради. Рядомъ Глассонъ, извѣстный протестантъ, позѣвывая и почесываясь, выжимаетъ изъ себя весь скудный запасъ латинской мудрости... Большинство ждетъ помощи отъ болѣе усердныхъ товарищей.

Время отъ времени Иванъ Александровичъ видитъ, какъ чья-нибудь рука протягивается подъ партою, а навстрѣчу ей тянется рука сосѣда... Моментъ... и маленькій клочекъ бумажки съ разгадкою латинской шарады переходитъ изъ одной руки въ другую. Иванъ Александровичъ видитъ все это, но ему лѣнь ловить контрабанду; къ тому же онъ считаетъ это безполезнымъ: все равно „взаимопомощи“ не выведешь.

Но вотъ подъ партою, на которой одиноко сидѣлъ Пашкевичъ, появился клочекъ бумажки, аккуратно сложенный... Очевидно, это былъ переводъ, пересланный съ сосѣдней парты. Искушеніе было слишкомъ велико: Иванъ Александровичъ, быстро сойдя съ каѳедры, схватилъ бумажку.

— Это, вѣроятно, адресовано вамъ?—съ язвительною учтивостью спросилъ онъ Пашкевича.

— Не знаю,—можетъ и вамъ!—дерзко отвѣчалъ юноша, прямо смотря на Загорскаго.

Иванъ Александровичъ развернулъ бумажку: на ней печатными буквами было написано одно слово: дуррракъ!

Иванъ Александровичъ поблѣднѣлъ, у него сдавило горло, захватило духъ, ударило въ виски, въ глазахъ забѣгали искорки.

— Ма...мальчишка... м...мерзавецъ,—задыхаясь, прошепталъ онъ.—Доложу въ совѣтъ... въ округъ...

И его охватила такая злоба, что онъ отвернулся, чтобы не ударить Пашкевича по его дерзкой, теперь поблѣднѣвшей физіономіи.

— Я... я... позвольте!—началъ было Пашкевичъ.

— Вонъ, вонъ!.. Вонъ изъ класса!—тѣмъ же сиплымъ голосомъ продолжалъ Иванъ Александровичъ и, почти шатаясь, отошелъ отъ парты.

Пашкевичъ, потрясенный не менѣе Загорскаго, сейчасъ же вышелъ, втягивая голову между плечъ, точно ожидая сзади удара.

Въ классѣ стихло. Всѣ чувствовали, что произошла не совсѣмъ обычная сцена. Иванъ Александровичъ вдругъ обратился къ ученикамъ:

— Господа! Вы уже не маленькіе... Вы должны понимать: и учитель тоже человѣкъ, и учитель имѣетъ самолюбіе, ко-

торое не трудно унизить и оскорбить какому-нибудь богатому хлыщу, сыну какого-нибудь пользующагося вліяніемъ...

Голосъ у него пресѣкся, и онъ закрылъ лицо руками. Въ такомъ положеніи его засталъ звонокъ... Онъ быстро вышелъ, почти выбѣжалъ изъ класса.

По уходѣ Ивана Александровича, въ классѣ произошла цѣлая исторія. Первымъ вскочилъ на парту Глассонъ, подвижной и экспансивный. Онъ, видимо, былъ сильно взволнованъ.

— Господа!—закричалъ онъ звонко.—Всему есть предѣлъ. Я не поклонникъ господина Загорскаго, но нельзя же забывать и уваженія къ чужому человѣческому достоинству... Къ тому же Загорскій намъ ничего дурного не дѣлалъ...

— Да и добраго мы еще ничего не видали,—угрюмо вставилъ прыщеватый гимназистъ, завзятый протестантъ.

— Но Пашкевичъ въ тотъ разъ намѣренно отвѣчалъ плохо, а потомъ побѣжалъ къ директору, чтобы подвести Загорскаго. Мы знали это и смолчали... то есть, сподличали!

— Выражайся осторожнѣе!—со смѣхомъ вскричалъ кто-то изъ слушателей.

— Смѣшного тутъ мало: подлость есть подлость, кто бы ее ни сдѣлалъ. Наконецъ, нужно же быть толерантнымъ (Глассонъ съ видимымъ удовольствіемъ произнесъ это слово) даже въ отношеніи учителей...

— Не исключая и Савоськи?—спросилъ прыщеватый протестантъ и сплюнулъ на сторону...

— Савоськи?... Ну... да вѣдь не всѣ же Савоськи... Господа! Слушайте! Я предлагаю выразить Загорскому сочувствіе отъ всего класса по поводу инцидента съ Пашкевичемъ!

— Да ужъ валяй прямо къ директору: отличишься! Кстати Савоська тамъ нафискалилъ насчетъ твоей библіотеки: авось вывернешься!—сказалъ угреватый протестантъ.

Глассонъ презрительно посмотрѣлъ на него.

— За такія предположенія бьютъ по физіономіи,—сказалъ онъ.

Поднялся шумъ. Одни держали сторону Глассона, другіе Пашкевича. Гимназистовъ, очевидно, сильно заинтересовала роль безпристрастныхъ судей между ученикомъ и учителемъ. Они и не замѣтили, какъ къ классной двери прильнулъ Савоська... Почтенный наблюдатель сообразилъ, въ чемъ дѣло, и тотчасъ же полетѣлъ съ рапортомъ къ дидиректору.

Перемѣна кончилась. Классныя занятія пошли своимъ чередомъ. Иванъ Александровичъ слушалъ дубовые переводы съ латинскаго на русскій, — переводы, несравненно

худшіе, чѣмъ съ русскаго на латинскій; машинально поправлялъ ошибки, машинально задавалъ вопросы, но ему было тяжело: эта глупая исторія съ Пашкевичемъ оставила ѣдкій осадокъ въ его душѣ. Онъ не придавалъ ей особаго значенія, но какое-то предчувствіе говорило ему, что этимъ дѣло не кончится, тѣмъ болѣе, что въ слѣдующую перемѣну Савоська очень назойливо вертѣлся около него, а инспекторъ поглядывалъ особенно жалостливо и два раза спросилъ, сколько именно у него дѣтей.

Въ этотъ день послѣ уроковъ было IV засѣданіе Совѣта. Предсѣдательствовалъ директоръ. Это былъ невысокій плотный мужчина съ спокойнымъ, самоувѣреннымъ лицомъ. Ходилъ онъ мягкими шагами, говорилъ тихо и мало, но вся гимназія, начиная съ инспектора и кончая послѣднимъ истопникомъ, чувствовала его тяжелую руку. Въ засѣданіи разбирались обычныя школьные дѣла, иногда прерываемыя легкимъ смѣхомъ по поводу солидной шутки, исходившей съ предсѣдательскаго мѣста.

Всѣ замѣтно оживились, когда къ концу засѣданія директоръ своимъ безстрастнымъ голосомъ поднялъ вопросъ объ ученикѣ седьмого класса, Михаилѣ Глассонѣ.

— Господа,—сказалъ онъ,—остается еще одно дѣло, не совсѣмъ обычное: о Глассонѣ, ученикѣ седьмого класса. Помимо того, что Глассонъ былъ замѣченъ въ цѣломъ рядѣ проступковъ противъ школьной дисциплины и гимназическаго устава,—въ послѣднее время онъ былъ уличенъ въ чтеніи книгъ, безусловно запрещенныхъ для гимназистовъ. Не смотря на двукратное въ этомъ отношеніи замѣчаніе...

— Троекратное...—поправилъ Савоська.

— ...Да, троекратное... благодарю васъ, Савелій Абрамовичъ... Глассонъ продолжалъ упорно читать эти книги... А затѣмъ, по имѣющимся у инспекціи свѣдѣніямъ, онъ въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ ни разу не посѣщалъ гимназическаго богослуженія...

— Виноватъ,—прервалъ математикъ,—Глассонъ живетъ на Архангельской улицѣ: улица—отдаленная, почти окраина города, не мощеная, не освѣщаемая... Тамъ по вечерамъ ходить положительно не безопасно.

Директоръ холодно посмотрѣлъ на него.

— Во-первыхъ, въ циркулярѣ объ обязательномъ посѣщеніи гимназической церкви никакихъ оговорокъ о... географическомъ положеніи Архангельской улицы не имѣется, а, во-вторыхъ, публичная библіотека отъ квартиры Глассона отстоитъ еще дальше, и, тѣмъ не менѣе, Глассонъ аккуратно, даже по вечерамъ, посѣщалъ библіотеку. А затѣмъ, еще одно важное обстоятельство. Глассонъ пользуется вліяніемъ

въ своемъ классѣ, а это вліяніе, при случаѣ, можетъ сказаться и на общемъ теченіи гимназической жизни въ самомъ нежелательномъ смыслѣ... Да и вообще, такія лица въ гимназіи... скажу прямо: нетерпимы!

— Интересно бы знать: откуда идутъ свѣдѣнія о вліяніи Глассона на классъ?—спросилъ математикъ...

— Извините, есть свѣдѣнія конфиденціальныя, которыя не всегда можно сообщать всѣмъ и каждому... — совсѣмъ уже холодно отвѣчалъ директоръ.

Математикъ нахмурился и замолчалъ. Директоръ поставилъ на голосованіе вопросъ: сдѣлать ли Глассону выговоръ со внесеніемъ въ кондуитный журналъ, или исключить его изъ гимназіи? Начали отбирать голоса. Савоська торопливо, точно боясь опоздать, сказалъ первый:

— Исключить... конечно, исключить...

Батюшка началъ было рѣчь:

— Хотя, съ одной стороны, разумѣется...

Но его прервалъ директоръ:

— Да вы, отецъ Никандръ, не тяните: скажите безъ вступленій.

— Ну, да, съ сокрушеніемъ говорю: исключить, хотя, впрочемъ...

— А вы, Иванъ Александровичъ?—обратился директоръ къ Загорскому. Тотъ, почти не слушая, сказалъ разсѣянно: „Я согласенъ съ батюшкой...“ Насмѣшливый огонекъ сверкнулъ въ глазахъ директора, но тотчасъ же потухъ. Послѣднимъ подавалъ голосъ инспекторъ. Онъ метался, какъ заяцъ: бумаги, перья, карандаши такъ и сыпались у него изъ рукъ. Ему, очевидно, было жаль Глассона, но онъ не могъ забыть и о своей многочисленной семьѣ, благополучіе которой зависѣло отъ согласія его съ директоромъ, а рѣшеніе послѣдняго относительно Глассона ему было хорошо извѣстно. Но всетаки добрый человѣкъ сдѣлалъ попытку защитить Глассона.

— Жаль мальчугана: преспособный, да и семья большая... Да, да! Большая семья: двѣ сестры, младшій братъ, да мать полуслѣпая... Жаль, говорю, мальчика: пригрозить кондуитомъ—можетъ, образумится!

— Да вѣдь Глассона не изъ семьи исключаемъ, а изъ гимназіи, — пошутилъ директоръ.

Инспекторъ съ видимымъ мучительнымъ колебаніемъ всетаки сдался и сказалъ глухо: „исключить“. Другіе учителя высказались за выговоръ, и голоса раздѣлились: шесть голосовъ за „исключить“, шесть за выговоръ. Голосъ предсѣдателя имѣлъ рѣшающее значеніе, и постановленіе объ исключеніи Глассона состоялось. Тутъ только Загорскій

очнувшійся отъ своихъ думъ, сообразилъ, что это именно его голосъ рѣшилъ участь Глассона, который вообще былъ ему симпатиченъ. Но было уже поздно.

— Все равно, —сказалъ онъ себѣ съ чувствомъ какой-то злой апатіи, — одною несправедливостью больше, одною меньше... Не все ли равно?

V.

Послѣ засѣданія директоръ подозвалъ къ себѣ Ивана Александровича и пошелъ съ нимъ по опустѣвшему корридору.

— Мнѣ нужно съ вами переговорить,—началъ онъ, прямо смотря на Загорскаго своими холодными рыбьими глазами.— Дѣло касается и васъ лично, и всей гимназіи. Ко мнѣ поступила на васъ жалоба со стороны ученика Пашкевича, который обвиняетъ васъ въ придирчивости и пристрастіи. Я, по принципу, не придаю никакого значенія жалобамъ учениковъ на учителей. Но тутъ имѣются особыя обстоятельства („Знаю я эти обстоятельства: въ карты играешь съ отцомъ Пашкевича, и всегда счастливо!" подумалъ при этомъ Иванъ Александровичъ). Да, особыя обстоятельства... Я самъ переспросилъ Пашкевича, и онъ отвѣтилъ болѣе чѣмъ удовлетворительно тотъ самый урокъ, за который вы поставили ему единицу... Это бы еще ничего: мало ли почему ученикъ, даже зная урокъ, въ классѣ отвѣчаетъ плохо! Но сегодня у васъ опять вышла съ нимъ исторія... Вы, повидимому, хотѣли его изловить на списываніи, но нѣсколько... ошиблись. Вы знаете, что было написано въ той бумажкѣ?

— Знаю, — густо покраснѣвъ, отвѣчалъ Иванъ Александровичъ.

— И я знаю: весьма возможно, что написанное относилось къ кому-нибудь изъ учениковъ, можетъ быть, даже къ самому Пашкевичу... Школьная шалость!.. А вы, недостаточно вникнувъ, создали изъ этого цѣлую исторію, выгнавъ Пашкевича изъ класса... И при томъ—слишкомъ рѣзко. Пашкевичъ передалъ дѣло своему отцу, тотъ сдѣлалъ мнѣ оффиціальный запросъ и хочетъ все дѣло передать въ министерство, даже по телеграфу... Словомъ, готовится пренепріятная исторія!

— Извините, господинъ директоръ: не могу же я выносить систематическаго издѣвательства надъ собою со стороны этого мальчишки, который слишкомъ уже полагается на вліяніе своего отца!—сказалъ Иванъ Александровичъ сухимъ оффиціальнымъ тономъ.

— Э-э-э, батюшка,— фамильярно возразилъ директоръ.— Вы — преподаватель, Пашкевичъ — вашъ ученикъ; значитъ, сила въ вашихъ рукахъ. Вы всегда могли бы его просто измором взять... Вы думаете, у меня не бывало такихъ молодцовъ, когда я учительствовалъ? Были, да еще почище! И я справлялся съ ними потихонечку да полегонечку! Тамъ двоечка — по успѣхамъ, троечка — по поведенію, тамъ кондуитъ, замѣчаніе въ годовой баллъ... Глядишь, и отдѣлался отъ молодца: либо останется на второй годъ, либо совсѣмъ изъ гимназіи выскочитъ. И самъ не пойметъ, откуда сіе: совѣтъ постановилъ—и баста! Педагогично и дисциплинарно! А вы вступаете съ мальчишкой въ какія-то пререканія, дѣло становится явнымъ и гласнымъ... Вообще, повторяю, непріятная исторія. А тутъ еще нѣкоторыя детали.

— Какія именно?

— Во-первыхъ, послѣ вашего инцидента съ Пашкевичемъ ученики седьмого класса, по предложенію Глассона, рѣшили выразить вамъ коллективное сочувствіе... Все это, конечно, по существу, такъ сказать, можетъ быть, и хорошо... Но вѣдь вамъ извѣстно, что коллективныя заявленія строжайшимъ образомъ запрещены въ гимназіи, и за нихъ всегда влетаетъ и тому, по чьему адресу они направлены: такъ сказать, рикошетомъ-съ... Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, — не забывайте, что иниціаторомъ этого заявленія былъ Глассонъ, тотъ самый Глассонъ, который сегодня постановленіемъ совѣта, при вашемъ же участіи, исключенъ въ виду цѣлаго ряда дисциплинарныхъ нарушеній.

— Глассонъ?.. Глассонъ предлагалъ мнѣ выразить сочувствіе?!—растерянно пробормоталъ Иванъ Александровичъ, вспыхнувъ при воспоминаніи о той роли, какую сыгралъ его голосъ въ рѣшеніи судьбы этого юноши.

— Да, онъ самый... А, въ третьихъ, мнѣ извѣстенъ вашъ образъ мыслей: вы позволяете себѣ вслухъ выражать сомнѣнія въ пригодности всего гимназическаго строя... Согласитесь, для учителя гимназіи это... ну, во всякомъ случаѣ—не послѣдовательно... Для чего же служить?..

Слушая спокойную, размѣренную рѣчь директора, Иванъ Александровичъ смотрѣлъ на него отупѣвшимъ взглядомъ загипнотизированнаго человѣка. И вдругъ ему стало страшно: въ немъ заговорилъ инстинктъ самосохраненія и желаніе отстоять то житейское положеніе, котораго онъ достигъ и которое вдругъ сдѣлалось въ его глазахъ и цѣннымъ, и значительнымъ.

— Яковъ Ивановичъ, — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ. — Ей-Богу, я не знаю, что дѣлать... Я готовъ на все, чтобы загладить эту исторію!

— Вотъ и отлично, голубчикъ, — отвѣтилъ директоръ ласково: — сходите къ отцу Пашкевича и попросите его оставить жалобу... А я... ну, я въ такомъ случаѣ ничего не слыхалъ и ничего не знаю объ этой исторіи. Пашкевичъ — человѣкъ горячій: ну, покричитъ, да и отойдетъ. А я, съ своей стороны, при случаѣ тоже скажу ему: Загорскій, дескать, — человѣкъ молодой, невыдержанный, не всегда тактичный... Ужъ простите за рѣзкость... И такъ далѣе... Ну, все и уладится.

— Ахъ, какъ мнѣ благодарить васъ, Яковъ Ивановичъ,— искренно вскричалъ Иванъ Александровичъ и даже схватилъ директора за руку, которую тотъ снисходительно протянулъ ему.

— Богъ дастъ, образуется, какъ говорится гдѣ-то у Толстого. А только позвольте, въ заключеніе, дать вамъ еще два-три совѣта. Держитесь вы подальше отъ учениковъ, какъ въ смыслѣ пріязни, такъ и въ смыслѣ столкновеній. У нихъ своя жизнь, свои интересы, у васъ—свои. Встрѣтились въ классѣ, сдѣлали свое дѣло и разошлись мирно по домамъ. А затѣмъ, будьте повоздержнѣе на языкъ, особенно на счетъ гимназіи. Хороша она или плоха,—дѣло не наше: не нами устроено, не нами и разстроится. Наше дѣло сторона: прикажутъ грамматику Ходобая долбить, будемъ Ходобая долбить, прикажутъ Дарвина въ классѣ читать... Ну, что-жъ! Будемъ читать Дарвина... Поймите: мы—инструментъ, орудіе, не больше... Что же тутъ умничать?! Не нравится тебѣ Ходобай или Дарвинъ, — уходи и только!.. Нечего ершиться... Не смотрите вы на нашего математика: кричать-то онъ мастеръ, а самъ до пенсіи, небось, дотянулъ: годъ остается. Вотъ, когда мы съ вами до этого предѣла доберемся, можно будетъ и намъ языкъ почесать... Вы что думаете: тогда и я не отстану! Чѣмъ я хуже другихъ! И даже очень будетъ пикантно: директоръ Афоновъ—либералистъ, директоръ Афоновъ—въ оппозиціи... Хе-хе-хе!

И, разсмѣявшись своей солидной шуткѣ, директоръ протянулъ руку на прощаніе.

Иванъ Александровичъ машинально улыбнулся на шутку начальства, и они разстались.

VI.

Скверно было послѣ всего этого на душѣ у Ивана Александровича. И оскорбленное самолюбіе, и сознаніе своего безсилія, и страхъ за будущее, и перспектива объясненія съ отцомъ Пашкевича,—все это точно связало его... Дома онъ

наскоро отобѣдалъ, угрюмо отмалчиваясь на разспросы жены, и ушелъ въ спальню. Заснуть ему не удалось и онъ напрасно ворочался въ постели, глядя на верхушки оголенныхъ деревьевъ передъ окнами, освѣщенныя краснымъ заревомъ осенняго заката...

Часовъ въ восемь вечера онъ отправился къ Пашкевичу. Послѣдній занималъ бэль-этажъ огромнаго дома съ асфальтовымъ подъѣздомъ. Дверь отворилъ лакей во фракѣ, видимо нѣсколько удивленный робкимъ видомъ посѣтителя. Иванъ Александровичъ раздѣлся самъ, и ему бросилась въ глаза непрезентабельность его пальто по сравненію съ монументальными вещами, висѣвшими рядомъ. Лакей провелъ посѣтителя въ кабинетъ—огромную комнату строго дѣлового характера, куда черезъ нѣсколько минутъ вышелъ и хозяинъ. Это былъ невысокій, тучный мужчина съ черными вьющимися волосами и огромною бородою. Нижняя губа нѣсколько отвисала отъ безпрестаннаго сосанія сигары. Впрочемъ, видъ у инженера Пашкевича былъ необыкновенно добродушный, и Ивану Александровичу почему-то припомнился жирный, откормленный песъ его домоваго хозяина.

— Здравствуйте, здравствуйте, очень радъ,—началъ Пашкевичъ, раскланиваясь, какъ ученый медвѣдь.—Чѣмъ могу служить?

Но едва Иванъ Александровичъ назвалъ свое имя и приступилъ, въ осторожныхъ выраженіяхъ и путаясь, къ выясненію причины своего прихода, какъ выраженіе добродушія исчезло съ лица хозяина, и Иванъ Александровичъ со страхомъ увидѣлъ на немъ печать той же безпощадной, слѣпой силы, которую замѣтилъ и на лицѣ директора въ началѣ утренней бесѣды.

— А-а, гм... гм...—промычалъ Пашкевичъ, подбирая нижнюю губу.—Произволъ и пристрастіе—всего менѣе умѣстны въ положеніи педагога... И все это оттого, что вашъ директоръ, милѣйшій Афоня, распустилъ гимназію... Что-жъ, я возьму сына изъ гимназіи, но прежде пошлю извѣщеніе въ Петербургъ... Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ...

Но тутъ напряженное состояніе, въ которомъ прошелъ весь день Ивана Александровича, внезапно разрѣшилось неожиданнымъ образомъ: въ груди его что-то потеплѣло, къ горлу подкатился клубокъ, и изъ глазъ брызнули слезы... И онъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ и не стыдясь своей слабости, заговорилъ горячо и взволнованно... Онъ говорилъ о томъ, какъ нелѣпы отношенія между учащимъ и учащимися, какъ иногда бываетъ унизительно положеніе учителя средней школы, какъ тяжелъ и непроизводителенъ его трудъ... И чѣмъ больше говорилъ онъ, тѣмъ мягче становилось

выраженіе лица Пашкевича, тѣмъ ниже опускалась его губа. Наконецъ, инженеръ ткнулъ пальцемъ кнопку звонка и приказалъ лакею позвать сына. Послѣдній вошелъ, одѣтый въ гимназическое новенькое платье. Увидѣвъ заплаканные глаза Загорскаго, онъ по своему понялъ это, и надменная улыбка показалась на его лицѣ. Но, къ большому удивленію его, отецъ подскочилъ къ нему съ грознымъ окрикомъ:

— Ты что тутъ фокусы-то выкидываешь? Въ гимназіи, братъ, надо, какъ въ казармѣ: разъ-два—и готово! А ты что это вздумалъ устраивать, а?..

— Я не понимаю, папà,—началъ было сынъ, но отецъ закричалъ еще громче:

— И понимать нечего: проси сейчасъ же извиненія у господина учителя, сію минуту...

— Папà, выслушай же меня. Ты выслушалъ господина Загорскаго, позволь и мнѣ сказать. Вѣдь ты самъ сегодня въ бумагѣ...

— И не слушаю, и не хочу слушать... Мальчишка и молокососъ!.. Думаешь, мать-баловница, такъ и я буду потакать? Бумага... бумага... Вотъ она, твоя бумага!

И Пашкевичъ выхватилъ изъ стола уже переписанную жалобу и разорвалъ ее въ клочки, приговаривая: „Сидѣлъ, видѣлъ?! Вотъ бумага!"

— Но, папа, если меня оскорбляютъ...

— Молчать! Я самъ, братъ, учился на послѣдніе гроши и знаю, чего стоитъ интеллигентному человѣку возиться съ богатыми балбесами... Знаю, на своей шкурѣ испыталъ эту сладость! Помню! Проси извиненія, сейчасъ же, слышишь?

— Ну, ужъ этого не будетъ,—началъ было сынъ, повидимому, не очень-то боявшійся горячаго отца, но на этотъ разъ опять ошибся въ разсчетѣ: отецъ побагровѣлъ и подскочилъ къ нему, весь трясясь отъ гнѣва:

— Что-о-о?! Не будетъ? Нѣтъ, врешь, будетъ... А не то... видишь?

И онъ съ маху сбросилъ толстую конторскую книгу на полъ, словно придавая этому дѣйствію какой-то особенный смыслъ.

Тогда сынъ струсилъ и тотчасъ же подошелъ къ Ивану Александровичу.

— Извините, пожалуйста,—сказалъ онъ. — Я, право, не знаю...

— Кланяйся, ниже кланяйся... Мальчишка!—прохрипѣлъ отецъ, нѣсколько стихая и дыша, какъ паровозъ.

Иванъ Александровичъ поспѣшилъ протянуть молодому человѣку руку.

— Вотъ это такъ, вотъ это такъ,—приговаривалъ Паш-

кевичъ-старшій.—Ну, чортъ съ тобою, Петька!.. Впередъ помни... А вы, батенька, ступайте-ка домой: кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ!

И онъ началъ выпроваживать Ивана Александровича изъ кабинета, какъ будто боясь остыть и снова подчиниться вліянію жены и сына...

VII.

Почти не отдавая себѣ отчета въ случившемся, шелъ Иванъ Александровичъ по освѣщеннымъ уже улицамъ. Онъ вдыхалъ всею грудью морозный воздухъ, ни о чемъ не думая и не стараясь думать: онъ отдыхалъ отъ пережитаго въ этотъ день. Онъ шелъ, машинально уступая дорогу встрѣчнымъ, по временамъ останавливаясь и прищуренными глазами вглядываясь въ двѣ полоски золотистыхъ огоньковъ уличнаго газа, кое-гдѣ прерываемыя бѣлыми шарами электрическихъ фонарей. На одномъ поворотѣ онъ столкнулся съ математикомъ. Тотъ шелъ ныряющею походкою, мелькая въ освѣщенныхъ окнахъ характерною фуражкою съ козырькомъ въ видѣ гусинаго клюва.

— А-а, quo vadis, domine Praeceptor? — привѣтствовалъ онъ Ивана Александровича.

Они поздоровались.

— Прогуливаетесь?—спросилъ Иванъ Александровичъ.

— Не столько прогуливаюсь, сколько вытряхаю древнія впечатлѣнія,—отвѣчалъ математикъ.—Какой-то великій мужъ древности (а въ древности, какъ извѣстно, всѣ мужи были великіе) сказалъ, что онъ считаетъ потеряннымъ день, когда не сдѣлалъ добраго дѣла... А по нашимъ временамъ, хорошъ тотъ день, когда удалось не сдѣлать подлости... Вотъ и сегодня отличились мы въ исторіи съ Глассономъ.

Ивана Александровича что-то кольнуло: онъ представилъ себѣ, какъ горячо онъ отнесся къ своей исторіи съ Пашкевичемъ и какъ безразлично было его отношеніе къ Глассону, судьба котораго такъ спуталась съ его собственною. Но математикъ не подозрѣвалъ душевнаго состоянія товарища и продолжалъ:

— Да, отличились... И не впервые вѣдь, и пора бы привыкнуть, а все же на сердцѣ скверно... Я вотъ сейчасъ ходилъ къ Глассону: погромъ настоящій! Дѣвочки плачутъ, ругаютъ Савоську. А въ сущности—при чемъ тутъ Савоська? Савоська- собаченка: натаскали на охоту, ну, и дѣлаетъ стойку, гдѣ надо. Мальчикъ-то храбрится, а у самого щеки ввалились и подъ глазами круги... Эхъ-хе-хе! Не то скверно,

что исключили: точно безъ гимназіи и безъ университета жить нельзя, а то скверно, что вѣру въ людей убили, въ молодую душу пальнули...

Математикъ замолчалъ, и оба педагога шли, занятые каждый своими мыслями.

— Скверное время, а всетаки чуется, къ концу подходитъ. Нарождается, какъ будто, что-то новое, хорошее, не выдуманное, родное... И лѣзетъ, и напираетъ со всѣхъ сторонъ... И вѣрится, на старости лѣтъ, что эта новая родная сила изломаетъ перегородки, которыя наставили мы въ образованіи нашего юношества... Вотъ будутъ тогда удивляться наши дѣти, а можетъ, и мы сами, какъ это мы могли жить и тянуть токую лямку!..

Иванъ Александровичъ не отвѣчалъ. На душѣ у него было сумрачно и тяжело... Мысль о Глассонѣ и его семьѣ, потерпѣвшей погромъ при его участіи, не шла изъ ума и заглушала оптимистическія пророчества стараго педагога.

В. А. Тихова.

---

* * *

Въ холодномъ небѣ тучи бродятъ:
Черны, какъ злоба, какъ тоска,
Онѣ пріюта не находятъ...
Подъ ними пѣнится рѣка

И шумно мчитъ куда-то воды,
Кому-то бѣшено грозитъ!..
Въ пролетахъ тучъ, какъ свѣтъ свободы,
Порою лучъ звѣзды блеститъ.

И въ эти краткія мгновенья
Глухая ночь не такъ темна,
Не такъ угрюмо о каменья
Дробится бурная волна!..

Н. Шрейтеръ.

ЦВѢТЪ ЯБЛОНИ.

Этюдъ. *Михаила Коцюбинскаго.*

Переводъ *Л. Ш.*

Я плотно притворилъ двери своего кабинета. Я не могу... Я рѣшительно не могу слышать это сдавленное, съ присвистомъ дыханіе, которое, кажется, наполняетъ собою весь домъ. Тамъ, въ спальнѣ жены умираетъ моя дѣвочка. Я все хожу по своему кабинету, хожу уже третью безсонную ночь, напряженный, точно настроенная арфа, звучащая своими струнами отъ каждаго движенія воздуха. Моя лампа подъ широкимъ картоннымъ абажуромъ дѣлитъ комнату на два этажа—вверху темный, сумрачный, тяжелый, подъ нимъ—залитый свѣтомъ, съ ясными бликами и сѣтью тѣней. Приготовленная на кушеткѣ и нетронутая постель особенно рѣжетъ глазъ. За черными окнами лежитъ міръ, затопленный ночью, а моя комната кажется каютой корабля, плывущаго гдѣ-то въ невѣдомомъ черномъ морѣ вмѣстѣ со мной, съ моей тоской и съ моимъ ужасомъ. Меня удивляетъ, что я все замѣчаю, хотя горе захватило меня всецѣло. Я даже, проходя мимо стола, поправилъ фотографическую карточку. Вотъ! теперь симметрично.

А свистъ не унимается. Я его слышу и сквозь запертыя двери. Я не пойду въ спальню. Зачѣмъ? Я и такъ вижу все, вижу мою дѣвочку, ея голыя ручки на простынѣ, вижу, какъ ходитъ подъ одѣяломъ ея грудь, какъ она раскрываетъ запекшіяся губы и ловитъ воздухъ. Это маленькое существо, обыкновенно такое дикое, теперь обнимаетъ пухленькими ручонками шею доктора и само раскрываетъ ротъ. Такой покорный теперь, котеночекъ. Это рѣжетъ мнѣ сердце. Хоть бы скорѣе конецъ!..

Я прислушиваюсь. Малѣйшій шорохъ, или стукъ—и мое сердце падаетъ и замираетъ. Мнѣ кажется, что сейчасъ произойдетъ что-нибудь необыкновенное, проникнетъ сквозь окно

какое-то существо съ громадными черными крыльями, проскользнетъ по комнатѣ тѣнь или кто-нибудь вдругъ вскрикнетъ, и оборвется жизнь. Я вслушиваюсь. Нѣтъ, домъ не спитъ. Въ немъ живетъ что-то громадное, невѣдомое. Я слышу, какъ оно дышетъ, вздыхаетъ, какъ безпокойно стучитъ его сердце и бьется пульсъ. Я знаю,—это тревога. Она держитъ въ своихъ объятіяхъ даже комнатную атмосферу, и такъ хочется освободиться изъ-подъ ея гнета, выйти изъ дому и сбросить ее съ себя.

А я хожу. Ровнымъ, размѣреннымъ шагомъ, черезъ всю комнату, изъ угла въ уголъ. Изъ угла въ уголъ. Я не чувствую своихъ ногъ, не управляю ими, онѣ носятъ меня сами, точно заведенный механизмъ, и только голова моя, словно паукъ паутину, плететъ кружево мыслей. Въ окна смотрится ночь, безконечно далекое, глубокое черное пространство. Гдѣ-то вдали слышится колотушка ночного сторожа. Сколько вѣковъ будитъ она ночную тишь своимъ деревяннымъ языкомъ, сколько людей, поколѣній пережила... Она всегда вызываетъ во мнѣ настроеніе, чувство связи съ далекимъ прошлымъ, съ жизнью моихъ предковъ. Есть что-то простое и милое въ этомъ разговорѣ колотушки, обѣщающей среди тишины и безлюдья охранять спокойствіе твоего сна... Почему бы мнѣ не воспользоваться описаніемъ такой ночи въ томъ эпизодѣ начатаго мной романа, гдѣ Христина, бросивъ своего мужа, перенеслась сразу изъ большого города въ глухое мѣстечко? Ей не спится. Она отворяетъ окно своей комнаты... Цѣлое море деревьевъ въ цвѣту... мягкими черными волнами катится вокругъ... Спитъ мѣстечко, точно груда черныхъ скалъ... Ни звука, ни проблеска подъ облачнымъ небомъ. Только ароматы душатъ грудь, да трепещетъ въ отдаленіи глухая колотушка, словно удары сердца невидимаго великана... Какъ все это ново для Христины, какъ незнакомо... Она чувствуетъ...

Я встрепенулся... Боже! что со мной? или я забылъ, что у меня умираетъ ребенокъ? Я приложилъ ухо къ дверямъ. Свиститъ? Свиститъ... Какъ ей трудно дышать, какъ она мучится, бѣдная пташка... Мнѣ самому сперло дыханіе въ груди отъ этого свиста, и я начинаю глубоко втягивать воздухъ, дышать за нее, будто ей отъ этого станетъ легче...

Однако, меня знобитъ... Что-то отъ спины ползетъ холодными мурашками по всему тѣлу и челюсти трясутся... Я не спалъ три ночи... меня грызетъ горе, я теряю единственнаго и дорогого ребенка. И мнѣ такъ жалко становится самого себя. Я такъ обиженъ, такъ несчастенъ, такъ одинокъ; я весь съежился, лицо мое жалобно вытягивается и въ глазу повисла горькая слеза...

Что это? Что-то хлопнуло дверью и зашлепало босыми ногами... Конецъ?

Я замеръ на мѣстѣ и сердце мое остановилось. Что-то переливается и желѣзной дужкой звенитъ ведро.

Это Катерина внесла что-то въ домъ. Я вижу эту встревоженную и заспанную женщину, она покорно топчется по ночамъ, она также любитъ нашу Леночку. Добрая душа!..

И снова все тихо, если бы не этотъ свистъ сдавленнаго горла, не этотъ шелестъ подстерегающей смерти... Куда мнѣ бѣжать отъ этого свиста, куда мнѣ дѣться? Я не въ силахъ уже слышать его... А вѣдь я прекрасно знаю, что я не выйду изъ этого дома, вѣдь я не могу не слышать его. Онъ меня приковываетъ. Пока я слышу его, я знаю, что мой ребенокъ еще живъ. И я хожу и мучусь, и у меня всѣ нервы изныли отъ этого свиста...

Уже поздно. Лампа начинаетъ чадить и гаснуть. Я слышу, какъ трещитъ фитиль, и вижу, какъ мигаетъ свѣтъ, то поднимаясь, то падая, точно грудь моего ребенка. Я съ ужасомъ всматриваюсь въ эту бурьбу свѣта со смертью, и мнѣ кажется, что въ тотъ моментъ, когда онъ погаснетъ, отлетитъ душа моей Леночки.

Ужасно, до чего я сталъ суевѣренъ! Я зажигаю свѣчу и вдругъ, набравшись рѣшимости, гашу лампу. Въ комнатѣ становится темнѣе, пропали блики и рѣзкія тѣни, на все легъ сѣрый, печальный колоритъ. Тоскливо стало въ моей комнатѣ. Я волоку утомленныя ноги среди сѣрой мебели, а за мной тихо плетется моя сгорбленная тѣнь. Голова сплетаетъ новыя мысли. О чемъ я думаю? Я думаю о чемъ-то чужомъ, постороннемъ, неважномъ, а между тѣмъ я сознаю, что не забылъ своего горя. Какіе-то голоса говорятъ во мнѣ: „Не хотите ли селедки?..“ Что, какую селедку? Я не задумываюсь надъ этимъ. Кто-то чужой спросилъ—такъ оно и осталось... „Гидрохинонъ... гидрохинонъ... гидрохинонъ“... Почему то это слово мнѣ понравилось, я повторяю его съ каждымъ шагомъ и боюсь пропустить въ немъ хоть одинъ слогъ. Оно какъ-то удивительно облегчаетъ мои горячіе глаза, они отдыхаютъ, сладко отдыхаютъ и передъ ними начинаютъ разстилаться длинные, зеленые луга съ такой свѣжей травой... Не слышу свиста, затихла колотушка...

Часы въ столовой пробили два. Звучно, рѣзко. Эти два звонка упали мнѣ на голову, какъ громъ съ неба, какъ ножъ гильотины. Они меня чуть не убили.

Если вы въ горѣ, если вы каждую секунду ожидаете какой-нибудь бѣды, и душа ваша напряжена, точно струна на инструментѣ, совѣтую вамъ остановить часы. Когда вы слѣдите за ними, они безконечно продолжаютъ ваши муки.

Когда же забываете о нихъ, они сами напоминаютъ о себѣ, будто камень, упавшій на голову. Они безучастно отсчитываютъ секунды вашего терпѣнія и длинными стрѣлами-пальцами приближаютъ моментъ катастрофы.

Съ глазъ моихъ исчезли зеленые луга, и я снова услышалъ далекую колотушку.

Окно сѣрѣетъ. Въ комнатѣ все такъ же, какъ и до сихъ поръ: точно такъ же изгибается отъ движенія воздуха желтое пламя свѣчи, точно такъ же колышутся тѣни и виситъ полумракъ. Но есть еще что-то новое. Вѣроятно, сѣрое окно.

Я дѣлаюсь слишкомъ чуткимъ, мои глаза замѣчаютъ то, чего раньше не видѣли. Я вижу даже себя шагающимъ изъ угла въ уголъ среди ненужной мнѣ и какъ бы не моей мебели, вижу свое сердце, въ которомъ нѣтъ ни малѣйшаго горя. Что же, смерть—такъ смерть, жизнь—такъ жизнь!..

Двери кабинета скрипнули, и въ комнату тихо входитъ врачъ. Добрый, старый другъ! Онъ только-что изъ спальни, отъ моего ребенка. Онъ крѣпко жметъ мнѣ руку и смотритъ въ глаза. И я понимаю его. Нѣтъ спасенія? Нѣтъ, говорятъ его честные глаза. Онъ не нуженъ и уходитъ, а на порогѣ стоитъ жена и просящимъ, полнымъ надежды взглядомъ провожаетъ его черезъ всю комнату, будто онъ уноситъ съ собой жизнь нашей Леночки.

Потомъ она переводитъ глаза на меня. Горячіе и темные отъ безсонницы и тревоги, блестящіе отъ слезъ и красивые. Ея черные волосы, небрежно завязанные грубымъ узломъ, такіе мягкіе и теплые. Все это я вижу. Я все это вижу. Я вижу ея милое заплаканное лицо, обнаженную шею и слегка распахнувшуюся грудь, откуда идетъ душистое тепло молодого тѣла, и въ тотъ моментъ, когда она лежитъ на моей груди и тихо плачетъ, я обнимаю ее не только какъ друга, но и какъ привлекательную женщину, и словно сквозь сонъ сознаю, что въ головѣ моей остается невысказанная мысль: „Не плачь. Не все пропало. Еще будетъ у насъ"... О, подлость!.. какъ можетъ родиться такое утѣшеніе подъ свистъ сдавленнаго смертью горла? Леночка умираетъ... Нѣтъ, этого не можетъ быть... Это дико... это безсмысленно... Кто ее забираетъ? Кому нужна ея жизнь?.. Кто можетъ высосать кровь моего сердца, когда я еще живъ... мою Леночку, мою радость, мою единственную крошку... Нѣтъ, не можетъ этого быть... не можетъ быть... Вѣдь это безсмысленно, наконецъ, говорю я!..

Моя жена, встревоженная стономъ изъ спальни, бросилась туда, а я мечусь по комнатѣ, какъ раненый звѣрь, и въ безпомощной злобѣ расталкиваю мебель. Мнѣ хочется все, все разрушить. „Это подло, это безсмысленно",—кричитъ во

мнѣ что-то, и зубы скрипятъ отъ скрытой душевной боли. „Проклятіе! это насиліе“!—бунтуетъ мое существо.—„Это законъ природы!“—говоритъ что-то за мной выразительно, но я не слушаю и бѣгаю по комнатѣ. Съ устъ моихъ готовы сорваться грубыя ругательства, и я произношу ихъ, кричу громко и самъ пугаюсь своего голоса. Челюсти мнѣ сводитъ, холодный потъ обливаетъ лицо... Я падаю въ кресло, закрываю глаза ладонью... А-а!

Я долго остаюсь въ этомъ положеніи.

Мнѣ кажется, или дѣйствительно свистъ затихаетъ? Что же это—конецъ? Однако, жена молчитъ, не слышно плача. А можетъ быть ей легче? Вѣроятно, ей легче, моей крошкѣ?

Можетъ быть, все пройдетъ, она заснетъ, и завтра ея глазенки будутъ улыбаться папѣ? Развѣ это не возможно? Развѣ я самъ, будучи ребенкомъ, не умиралъ уже, даже врачи отъ меня отказались, а все же... Господи! Есть же какая-то сила, которую можно умолить!..

Свиститъ? Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, ей какъ будто легче дышать... Если бъ только заснула. О, если бъ заснула!.. Вѣроятно, я ошибся при прощаніи съ докторомъ. Онъ не могъ бы такъ смѣло смотрѣть мнѣ въ глаза...

Внезапно дикій крикъ, крикъ матери, выбрасываетъ меня изъ кресла. Ноги мои замираютъ, но я бѣгу... Я мчусь стремглавъ, все переворачиваю, ударяюсь руками объ двери и наскакиваю на жену, ломающую въ истерическомъ припадкѣ руки... Я все понялъ. Вотъ онъ, конецъ.

Ну, съ той мнѣ уже нечего дѣлать, нужно успокоить жену. Я ее обнимаю, утѣшаю, говорю какія-то слова, которымъ самъ не вѣрю, и цѣлую холодныя, мокрыя отъ слезъ, руки. Съ помощью Катерины, лавровыхъ капель, поцѣлуевъ и холодной воды мнѣ удается вскорѣ привести въ чувство жену и удалить ее изъ спальни. Она уже не кричитъ, она горько, безутѣшно плачетъ. Пусть выплачется, бѣдная.

А я бѣгу въ спальню. Зачѣмъ? Развѣ я знаю. Что-то тянетъ меня. Я останавливаюсь на порогѣ и смотрю. Я чувствую, что мои щеки присохли къ скуламъ, глаза сухіе, даже не моргнутъ, точно кто-нибудь вставилъ ихъ въ роговую оправу. Я вижу все необыкновенно отчетливо, словно въ горячкѣ.

Среди комнаты, на большой двухспальной кровати, на бѣлыхъ простыняхъ, лежитъ моя крошка, уже посинѣлая. Еще дышитъ. Слабый свистъ вылетаетъ сквозь запекшіяся уста и маленькіе зубки. Я вижу стеклянный уже взглядъ наполовину закрытыхъ глазъ, а мои глаза, мой мозгъ жадно ловятъ всѣ детали страшнаго мгновенія... и все записываютъ... И это большое ложе съ маленькимъ тѣломъ, и робкій свѣтъ

ранняго утра, что обнялъ сѣрую еще комнату... и забытую на столѣ, не погашенную свѣчу, бросающую сквозь зеленый щитокъ мертвые тона на лицо ребенка... и разлитую на полу воду, и блескъ свѣчи на пузырькѣ съ лѣкарствомъ... Чтобъ не забыть... чтобы ничего не забыть... ни этихъ реберъ, что съ послѣдними вздохами то поднимаютъ, то опускаютъ простыню... ни этихъ, мертвыхъ уже, золотыхъ кудрей, разсыпавшихся по подушкѣ, ни теплаго запаха холодѣющаго тѣла, что наполняетъ комнату... Все это понадобится мнѣ... когда-нибудь... я это чувствую, я сознаю, кто-то мнѣ говоритъ объ этомъ, кто-то другой, засѣвшій во мнѣ.. Я знаю, что это онъ смотритъ моими глазами, это онъ прожорливой памятью писателя поглощаетъ всю эту картину смерти на разсвѣтѣ жизни... Ахъ, какъ мнѣ скверно, какъ мнѣ страшно, какъ это сознаніе ранитъ мое отцовское сердце!.. Я не выдерживаю больше... Прочь, прочь изъ дому, какъ можно скорѣе...

Цвѣтутъ яблони. Солнце уже встало и золотитъ воздухъ. Такъ тепло, такъ радостно. Птицы щебечутъ подъ голубымъ небомъ. Я машинально срываю цвѣтокъ яблони и прижимаю холодный отъ росы цвѣтокъ къ щекѣ. Розовые лепестки отъ грубаго прикосновенія руки осыпаются и тихо падаютъ на землю. Развѣ не то же случилось съ жизнью моего ребенка? А природа, не смотря на это, радуется.

И чего не смогла сдѣлать картина горя, то вызвала радость природы. Я плачу. Слезы облегченія катятся вслѣдъ за лепестками, а я съ отчаяніемъ смотрю на ненужную мнѣ зеленую чашечку, оставшуюся въ рукахъ...

Я не могу вернуться въ домъ и остаюсь въ саду. Ну, что жъ—случилось. Фактъ. Можетъ быть, ей и лучше теперь. Развѣ я знаю?

Фактъ. А какъ трудно мнѣ повѣрить этому факту, примириться съ нимъ. Еще недавно—всего шесть—нѣтъ, пять дней, какъ она бѣгала здѣсь въ саду, и я слышалъ топотъ ея босыхъ ножекъ. Замѣчали ли вы, какая радость слушать топотанье босыхъ маленькихъ ножекъ? Еще недавно—просто кажется, что вчера—стояли мы съ ней подъ нашей любимой вишней. Вишня была вся въ цвѣту, какъ букетъ. Мы держались за руки, подняли вверхъ головы и слушали, какъ жужжали въ цвѣткахъ пчелы. Сквозь бѣлый цвѣтъ виднѣлось синее небо, а по травѣ играло весеннее солнце.

Но вотъ...

Она была такая потѣшная, мы съ женой часто смѣялись надъ ея выдумками.

Когда я чесался щеткой, она называла это: „папа подметаетъ голову“, мои воротнички прозвала обручами, не выговаривала буквы *р* и, вмѣсто „стыдно“, говорила „стындо“.

Развѣ я могу забыть, какъ она, раздѣвшись передъ сномъ, приходила ко мнѣ пожелать „спокойной ночи", въ коротенькой рубашонкѣ, вся теплая и розовая, съ голыми ручонками и съ пухленькими ножками. Одной рукой она прижимала къ груди свою одежду, а другую закидывала мнѣ на шею и подставляла для поцѣлуя разгоряченную отъ игры щечку.

Я не забуду счастья прикосновенія къ ея шелковымъ кудрямъ, не забуду ея души, что смотрѣла сквозь синія очи,—моей души, только далеко болѣе прекрасной, чистой, невинной.

Какая она теперь, моя маленькая дочурка? Нѣтъ, не нужно думать, ея нѣтъ. Нѣтъ. Гдѣ ее положили? Какая она теперь? Я интересуюсь. Я срываю цѣлые пучки цвѣтовъ яблони, полныя руки, и несу въ домъ. Я не знаю, гдѣ найду свою дѣтку, гдѣ ее положили—и въ первой комнатѣ, въ которую вхожу, въ гостиной, натыкаюсь на столъ, а на немъ...

Ты здѣсь, моя малютка! Какая же ты стала большая, какъ ты выросла сразу, точно тебѣ не три года, а цѣлыхъ шесть...

Я обкладываю ее цвѣтами яблони со всѣхъ сторонъ, осыпаю ее этими цвѣтами, такими нѣжными, такими чистыми, какъ мое дитятко.

Потомъ смотрю на нее.

Она лежитъ, выпрямивъ голыя ручки, вытянутая и неестественная, какъ восковая кукла. На ней хорошенькое бѣлое платьице и желтыя новенькія туфельки съ помпонами, которыя я недавно купилъ ей. Она такъ радовалась имъ.

Въ головахъ у нея горитъ свѣтъ. Этотъ странный, неестественный, блѣдный, точно мертвый свѣтъ среди бѣлаго дня. Дрожащимъ блескомъ онъ цѣлуетъ мертвыя щечки.

Я смотрю на это восковое тѣло, и странное настроеніе охватываетъ меня. Я чувствую, что оно мнѣ чужое, что оно не имѣетъ ни малѣйшей связи съ моимъ живымъ организмомъ, въ которомъ течетъ теплая кровь, что я люблю не то, что я тоскую не по немъ, а по чемъ-то другомъ, живомъ, что осталось въ моей памяти и отразилось тамъ золотыми лучами...

А моя память, этотъ неразлучный секретарь мой, уже записываетъ и эту неподвижность тѣла среди цвѣтовъ яблони, и игру свѣта на посинѣлыхъ щекахъ, и мое странное настроеніе...

Я знаю, зачѣмъ ты записываешь все это, моя мучительница! оно пригодится тебѣ... когда-нибудь... какъ матеріалъ...

Дѣвочка моя милая, ты не сердишься на меня?

СВОЯ ПѢСНЯ.

(Изъ записокъ, найденныхъ на улицѣ).

Помню я осенній темный вечеръ.

Въ окна, черными впадинами смотрѣвшія въ нашу освѣщенную комнату, барабанилъ дождь.

За столомъ, заставленнымъ бутылками водки и пива, сидѣли мы—случайно сведенные судьбою—люди: Робертъ, заболѣвшій и оставленный проѣзжею труппой акробатъ, Лизавета (или Луиза, какъ ее звали когда-то), старая, вышедшая въ отставку балаганная пѣвица, и я, тоже выброшенный изъ жизни, хотя и не признавшій еще себя побѣжденнымъ...

Поодаль отъ стола, въ уголкѣ, привалившись спиною къ стѣнѣ, сидѣла Таня.

Она смотрѣла оттуда на насъ молча, точно выжидая чего-то; плотно сжавъ губы и сверкая глазами, въ которыхъ сегодня (я еще съ утра замѣтилъ это) начали вспыхивать буйные огоньки.

Робе́ртъ игралъ на мандолинѣ тотъ самый вальсъ, подъ звуки котораго онъ, бывало, ломался въ циркѣ. Онъ задумчиво смотрѣлъ въ полъ, и лицо его иногда передергивалось въ тактъ звучащимъ струнамъ.

Лизавета, вторя ему на гитарѣ, подпѣвала:

Врямячко-о счастливое-е
Быстро-о та-акъ промчалось...

и морщинистое лицо ея, слегка разрумянившееся отъ выпитаго вина, казалось, съ каждой минутой молодѣло, разглаживалось и прояснялось, какъ проясняется отъ солнца пасмурный день.

Пѣла она сначала хриповатымъ голосомъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ голосъ этотъ, очень низкій для женщины, похожій на мужской теноръ, становился чище, прозрачнѣе, точно отъ него отскакивало все ненужное, налипшее, приставшее къ нему отъ долгаго бездѣйствія.

Таня слушала.

Блѣдное, съ ярко-красными пятнами на щекахъ, лицо ея, странно-спокойное лицо,—по временамъ вздрагивало, и тогда чувствовалось, что страшная нервная сила, еле сдерживаемая, просится наружу.

Иногда она поворачивала голову и долго, пристально смотрѣла въ темныя впадины оконъ; при этомъ она теребила рукою свою курчавую, и безъ того растрепанную, голову и какъ-то нетерпѣливо стучала объ полъ ногою.

— Ждешь кого-то, Таня?—спросилъ я.

— Да, жду,—отвѣтила она, усмѣхнувшись и метнувъ въ мою сторону быстрый взглядъ.—А что, правда—похоже, будто я жду чего-то? Мнѣ вотъ много говорили такъ-то... А чего? Я ничего не жду... Такъ, это бываетъ со мною: смотришь, ждешь чего-то, а чего,—и сама не знаешь...

Она помолчала и добавила:

— Думать я стала—отъ думъ это... Эхъ, вы!—обернулась она къ замолкшимъ музыкантамъ:—Что-жъ замолчали? Лиза, спой „Ночку"...

Она быстро вскочила, быстро налила и выпила стаканъ водки и снова усѣлась въ уголъ, уставившись на меня еще болѣе теперь засверкавшими глазами.

Лизавета тоже выпила и сразу какъ-то выпрямилась... Она повернула глаза къ темнымъ окнамъ и, точно захвативъ со струнъ цѣлую пригоршню звуковъ, вдругъ кинула ихъ въ лицо смотрящей въ комнату ночи.

«Живетъ моя красотка
«Въ высокомъ терему,
«А въ этотъ теремочекъ
«Нѣтъ ходу никому»...—

запѣла Лизавета, и голосъ ея, какъ ручей, прорвавшійся, наконецъ, сквозь засосавшую его тину, звучалъ теперь задорно и звонко.

«Сломаю всѣ запоры,
«Пройду я въ теремъ къ ней...
«Была бы только ночка
«Сегодня потемнѣ-ѣй!»...

Что-то дерзкое, рѣшительное, вызывающее почудилось намъ въ звукахъ этой разбойничьей пѣсни, чѣмъ-то дикимъ и вольнымъ пахнуло изъ холоднаго сумрака ночи, и что-то будто родное взглянуло на насъ изъ этой стоящей у окна тьмы. Какъ будто, лишенные солнца, мы уже и не просили солнца, а надѣялись только на собственную удаль и отвагу; какъ будто уже и не боялись этой тьмы и даже готовы были

побрататься съ нею: и безъ солнца, дескать, найдемъ дорогу въ тотъ высокій теремъ, къ той Красотѣ, у которой еще не былъ никто никогда!..

Была бы только ночка
Сегодня потемнѣй!..—

разомъ, какъ одинъ человѣкъ, подхватили мы и дерзко, рѣшительно, но и любовно смотрѣли въ тьму ночи, зіявшей за окномъ...

Лизавета долго пѣла.

Она знала много такихъ пѣсенъ, вѣрнѣе — только ихъ и знала теперь, а Таня подошла ко мнѣ, сѣла рядомъ и заглянула мнѣ прямо въ глаза своими большими, разгорѣвшимися, какъ огонь, глазами.

— Что задумался? Живи весело!.. Чего тутъ... Видишь, какъ мы живемъ... Была бы только ночка-а-а... Слышишь, пей!..

Она поднесла къ моему рту стаканъ.

Я взялъ его, выпилъ, и... передъ моими глазами все разомъ закружилось, заиграло, запѣло... Точно темная ночь вдругъ выдвинула передо мною изъ своихъ нѣдръ какой-то иной міръ, что-то такое, чего я не зналъ доселѣ. Это былъ какъ будто, тотъ же старый, прежній міръ, только онъ сталъ болѣе яркимъ, красивымъ, полнымъ красокъ и звуковъ, жизни и счастья. А то, что было раньше, куда-то ушло, отодвинулось и стало далекимъ, прошлымъ, точно полурастаявшій сонъ... Я смотрѣлъ на Таню... Да что же это? Вѣдь я уже видѣлъ ее когда-то, видѣлъ и эту комнату, и Лизавету, и акробата... Они всѣ родные мнѣ, знакомые, я только не узналъ ихъ сразу...

— Выпьемъ!—говорю я уже самъ, наливая себѣ стаканъ...— Была бы только ночка-а...—затягиваю я, и передо мною проносится на мгновеніе та далекая и уплывающая теперь въ забвеніе моя прошлая жизнь. Жалкой и ничтожной кажется она мнѣ теперь, когда я вотъ сейчасъ, какъ будто, перешелъ какую-то черту, за которой открылась иная жизнь, лучшая, свободная...

Взявъ меня за руку, Таня глядѣла мнѣ въ глаза и шептала:

— Ни о чемъ не думай, живи, какъ во снѣ, какъ я живу... Кажется мнѣ, будто я на свѣтѣ сотню ужъ, тысячу лѣтъ живу, всегда жила и всегда жить буду... И все сплю... Сны мѣняются, а я все та же. Помню, вотъ, смутно... давно-давно это было... Снѣжное поле... Солнце свѣтитъ, пахнетъ весной, знаешь, ранней такой весной, когда снѣгъ таетъ. Вверху жаворонокъ, какъ ручеекъ, журчитъ, а внизу, въ оврагѣ, ручеекъ, какъ жаворонокъ, переливается... Иду я по полю, и кругомъ никого нѣтъ, иду и пою... И такъ хорошо мнѣ, по-

тому что одна я во всемъ свѣтѣ, куда хочу—туда и пойду, и все равно мнѣ—куда ни пойти... Ну, и пошла я по городамъ. Много всего видѣла, и хорошаго и дурного, а больше-то, пожалуй, хорошаго. Въ жизни-то, можетъ, и нѣтъ ничего дурного, надо только умѣть смотрѣть... Живи такъ, будто картинки глядишь!

Я слушалъ вкрадчивый, точно полусонный шепотъ Тани, смотрѣлъ на ея нервно вздрагивающія поблѣднѣвшія губы, на пылающія неестественно-яркимъ румянцемъ щеки, на ея волнистые волосы, растрепанные, точно разбитые буйнымъ вѣтромъ, и мнѣ казалось, что я гдѣ-то уже видѣлъ это, однажды въ золотую осень, когда холодный вѣтеръ, шутя и играя, сметалъ съ уныло скрипѣвшихъ деревьевъ золотые листья, и они летѣли, сухіе, безсильные, и шелестѣли о чемъ-то, что уже было, было, было... И, сквозь оголенные сучья, въ глаза мнѣ смотрѣла красная, вечерняя заря, яркая, какъ кровь, но холодная и печальная...

Я слушалъ невнятный, убаюкивающій шепотъ, и вдругъ что-то злое шевельнулось у меня на душѣ.

Я вѣдь тоже жилъ! И я тоже помню: и яркое солнце, и синее небо, и голубую весну ранней-ранней юности, когда я смотрѣлъ въ даль жизни и ждалъ отъ нея счастья—свободнаго, человѣческаго счастья... И я ходилъ и искалъ, искалъ только хорошаго. Я искалъ свободныхъ людей, а видѣлъ лишь звѣрей, посаженныхъ въ клѣтки, то тупыхъ и покорныхъ, то яростно грызущихъ желѣзные прутья, отдѣляющіе ихъ отъ свободной жизни... И я видѣлъ много городовъ, но я не видѣлъ среди живущихъ тамъ настоящаго, человѣческаго счастья: я видѣлъ стадо загнанныхъ, забитыхъ, изнывающихъ подъ бременемъ жизни, я видѣлъ нищихъ, вымаливающихъ у жизни кусочекъ счастья, я видѣлъ только сытыхъ хозяевъ и голодныхъ рабовъ...

„Она этого не видѣла, она ничего этого не видѣла!“ —думалъ я, и злая усмѣшка кривила мнѣ губы...

— Ну, а теперь?—спросилъ я.

— Что-о?

— А вотъ это?

Я кивнулъ на столъ, залитый виномъ, на пьяную Лизавету, сонно свѣсившую усталую голову. Роберта не было въ комнатѣ, но я зналъ, куда ушелъ онъ: онъ ушелъ, чтобы надѣть оставшееся у него расшитое яркими блестками трико, пестрое, напоминающее шкуру змѣи,—трико, въ которомъ онъ когда-то ломался передъ рукоплещущей толпою.

— Теперь, что жъ теперь?—помолчавъ, отвѣтила Таня.— Кровь, видно, стынетъ,—это вѣрно... тяжелѣе стало... точно просыпаешься иной разъ...

— Да что ты...—чортъ!—вдругъ оттолкнула она меня отъ себя и, вскочивъ, крикнула какъ-то дико и страшно:—Слышишь, замолчи ты, воронъ!..

Она налила полный стаканъ водки и, залпомъ выпивъ, глубоко вздохнула.

— На вотъ тебѣ,—проговорила она, пристально взглянувъ на меня злыми, широко открытыми, вызывающими глазами.— Вотъ оно опять все по старому... Эхъ, вы, что задумались,— крикнула она:—Живи весело!

Она захлопала въ ладоши, загикала, застучала коблуками, и казалось, что какая-то большая дикая птица вдругъ влетѣла въ комнату и стала биться объ ея тѣсныя стѣны.

Лизавета разомъ очнулась, подняла съ полу гитару и, что есть силы, ударяя по струнамъ, запѣла:

«Ахъ, жить будемъ и гулять будемъ,
«А смерть придетъ—умирать будемъ!..»

Таня схватила со стѣны бубенъ и, ударяя въ него, кричала:—Ахъ, ахъ, ахъ, ахъ!..—И бубенъ звенѣлъ, наполняя комнату сыплющимися звуками, точно кто-то могучій и бѣшеный вырвался изъ долгаго плѣна и теперь билъ и крошилъ все въ мелкія дребезги.

Въ темномъ углу, сверкая расшитымъ блестками костюмомъ, стоялъ человѣкъ-змѣя и посылалъ граціозными жестами куда-то въ пространство воздушные поцѣлуи...

А въ окна стучалъ и плевалъ дождемъ осенній холодный вѣтеръ, и изъ темныхъ оконныхъ впадинъ въ озаренный свѣтомъ маленькій четыреугольникъ нашей комнаты—смотрѣла громадная темная ночь...

Такъ, я зналъ, жили эти люди изо-дня въ день.

Не думая о томъ, что будетъ завтра, они плыли въ безбрежномъ морѣ тьмы и, закрывъ глаза, пѣли, не смолкая, свои звонкія пѣсни. И мнѣ казалось порой, что жизнь этихъ людей одна изъ самыхъ высокихъ нотъ въ міровомъ концертѣ, одна изъ тѣхъ нотъ, которыя рвутъ струны...

Но я... я былъ здѣсь случайнымъ гостемъ. Дня за четыре до описываемаго вечера, въ холодную осеннюю ночь,—только что выпущенный изъ тюрьмы,—я бродилъ безъ пріюта по улицамъ чужого мнѣ города и случайно набрелъ на освѣщенныя окна этой комнаты.

До меня донеслись звуки пѣсенъ, шумъ, хохотъ, и, не знаю почему, я постучался.

Меня впустили, и никто не удивился моему приходу; меня точно ждали. Былъ здѣсь въ ту ночь и еще одинъ случайный гость,—огромный сѣдой человѣкъ, съ виду похожій на

купца, пившій стаканъ за стаканомъ и то плакавшій, то грозившій кому-то въ пространство громаднымъ кулакомъ...

Усталый, иззябшій, я скоро заснулъ подъ звуки пѣсенъ, а когда утромъ проснулся и хотѣлъ идти, Таня подошла ко мнѣ и сказала:

— Куда идешь-то, пожилъ бы у насъ, пока работы не найдешь...

Я остался, прожилъ нѣсколько дней, но работы не нашелъ... И вотъ теперь мнѣ нужно было уѣзжать изъ этого города и разстаться съ Таней навсегда. И я проводилъ здѣсь послѣднюю ночь...

Я сидѣлъ, слушалъ пѣсни, пилъ вино, пьянѣлъ временами, но все же мнѣ было невыносимо грустно. Я не могъ, какъ эти люди, отдаваться веселью беззавѣтно, и все думалъ о томъ, какъ я пойду снова въ ту другую, прежнюю мою жизнь и буду разрушать, передѣлывать и перестраивать эту жизнь по своему.

И когда подъ утро все стихло, наконецъ, и я лежалъ съ закрытыми глазами, терзаясь сомнѣніями и проклиная судьбу за то, что родился въ такой жизни, которую ненавижу, и что я, страстно жаждущій полнаго счастья, умру, не извѣдавъ этого счастья; когда я лежалъ такъ, проклиная безсмыслицу жизни, заставляющую человѣка быть только средствомъ для чего-то невѣдомаго, кто-то сѣлъ рядомъ со мною и, положивъ на мой пылающій лобъ руку, заговорилъ надъ самымъ ухомъ.

Я открылъ глаза.

Кудрявая, растрепанная голова Тани, съ блѣднымъ лицомъ и горящими глазами, низко наклонилась надо мною.

— Думаешь все?—тихо заговорила она, шевеля сухими вздрагивающими губами.—Брось это, видишь—живемъ еще... Никому и ничему не покоряемся... Хорошо такъ жить! Легко!

— Неужто это, по твоему, хорошо?—горячо перебилъ я ее:—Васъ гонятъ, презираютъ всѣ; вы вотъ пьете, а для чего? Забыться хотите, тяжело вамъ, ну, вы и обманываете себя...

— А какъ же иначе?—спросила насмѣшливо Таня.—Ну-ка разскажи, какъ иначе жить.

И я сталъ говорить ей о томъ, что сильные ограбили слабыхъ, что одни живутъ за счетъ другихъ и что нужно сдѣлать такъ, чтобы ничего этого не было, чтобы всѣ были свободны, сыты, веселы.

Таня внимательно слушала меня и, когда кончилъ я, нѣкоторое время молчала, а потомъ сказала серьезнымъ шепотомъ:

— Ничего нѣтъ этого, что ты говоришь. Никто никого не грабитъ. Не могутъ всѣ свободными быть... Можетъ, оно бы

и хорошо было, когда бы всѣ жили такъ, какъ ты говоришь, но я бы въ той жизни не стала жить... Ты вѣдь вотъ говоришь, всѣ тамъ работать должны, а я не хочу работать. Я люблю пѣсни пѣть—вотъ и все! Что мнѣ въ той жизни? Да и какъ это людей сравнять можно? Если во всемъ—и въ умѣ, и въ сердцѣ сравнять, такъ очень ужъ скучно станетъ... ничего любопытнаго не будетъ... А если только въ жизни сравнять, а человѣка, какъ онъ есть, оставить, такъ опять скоро то же выйдетъ, что и теперь... Немножко развѣ по иному... Нѣтъ, по моему, ужъ лучше такъ, какъ сейчасъ: каждый человѣкъ для себя живетъ, свою пѣсню поетъ. Убери одного изъ насъ—и одной пѣсней ужъ меньше станетъ на свѣтѣ!

Таня замолкла, прилегла рядомъ со мною и закрыла глаза.

Синеватые лучи утра пробивались въ окно и скользили по ея блѣдному, съ ярко-красными тѣнями, лицу. Лицо это теперь какъ-то разомъ осунулось, закрытые глаза глубоко запали въ темныя впадины, и грудь дышала взволнованно и порывисто.

— Спи,—прошептала она,—будетъ ужъ... Все сказала... Теперь—спать!

Что то серьезное, сознаніе какого-то выполненнаго долга почудилось мнѣ въ ея усталомъ шепотѣ, а въ словахъ „теперь спать“ слышался вздохъ облегченія, какой бываетъ у умирающихъ, облегчившихъ душу какимъ-нибудь важнымъ признаніемъ.

Но... я уже не могъ спать.

Я смотрѣлъ на Таню, и мнѣ казалось, что эта странная дѣвушка больше знаетъ о жизни, чѣмъ мы всѣ о ней знаемъ, знаетъ самое важное, безъ чего нельзя жить.

И я думалъ: покидая эту берлогу, чтобы идти бороться за новую, лучшую жизнь, могу ли я, имѣю ли право оставить ее здѣсь, въ ея жизни?.. Спасти отъ конечной гибели одного человѣка, быть можетъ,—большій подвигъ, нежели улучшить на ничтожную, незамѣтную долю жизнь всего человѣчества?..

— Таня,—шепнулъ я,—уѣдемъ!

Она вздрогнула, какъ бы съ просонокъ, и, открывъ широко глаза, пристально посмотрѣла на меня.

— Уѣдемъ вмѣстѣ!—продолжалъ я.—Здѣсь я не могу жить, противно мнѣ... Уѣдемъ въ чужую страну, въ Америку, что-ли: тамъ новый свѣтъ, новая жизнь, свободный трудъ, свободные люди. Мы забудемъ все, что было здѣсь, заживемъ по новому!

— Ты съ ума сошелъ!—сказала она, поблѣднѣвъ и горько усмѣхнувшись.—На что мнѣ твоя Америка? Я развѣ жаловалась тебѣ на свою жизнь?

Она взглянула на полосы свѣта, пробивавшіяся въ окно, потянулась и разомъ смолкла... Становилось совсѣмъ свѣтло. Спать было уже некогда.

Я всталъ.

— Тогда, прощай, Таня,—сказалъ я,—я пойду...

Она порывисто приподнялась, обняла меня и крѣпко поцѣловала.

— Прощай, прости, ежели что не такъ сказала. Я вотъ все спорила съ тобой, словъ твоихъ не могла понять, а всетаки... я рада, что люди такіе, какъ ты, пошли теперь... Маленькій эдакій человѣчекъ, а одинъ противъ всѣхъ идетъ: кричитъ, ругается, никого знать не хочетъ, все по своему передѣлать думаетъ,—хорошо это! Весело! Ну, прощай! Когда ужъ очень тяжело станетъ—вспомни, какъ пѣсни мы пѣли... Пой и ты свою пѣсню, какую знаешь!

Таня устало опустилась на подушку и закрыла глаза.

Я тихо вышелъ и больше уже никогда не видалъ этихъ глазъ...

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ.

Увлеченный потокомъ жизни, я кружился въ немъ и съ жгучимъ любопытствомъ смотрѣлъ, куда меня вынесетъ моя рвущаяся къ простору мысль. И то падалъ въ глубокія, темныя бездны, то поднимался на снѣжно-бѣлые гребни волнъ и замиралъ на высотѣ ихъ въ недвижномъ созерцаніи... Но чаще я бродилъ среди пустынь и степей жизни безъ пріюта и цѣли... Порою, укачиваемый волнами, я будто начиналъ дремать, и тогда, тяжелыя, холодныя мысли заползали въ мозгъ, и шумъ жизни начиналъ казаться мнѣ однообразной, монотонной пѣсней, подъ которую такъ пріятно заснуть...

Но, всякій разъ, когда весною, стряхнувши съ себя сѣрыя тучи, клочекъ голубого неба заглянетъ въ окно моей комнаты и, вмѣстѣ съ волною звуковъ ожившей улицы, съ дыханіемъ теплаго, весеняго вѣтерка, сверкающій солнечный лучъ разгонитъ тишину застывшаго вкругъ меня полумрака и, поднявши столбъ золотистой пыли, наполнитъ этотъ мертвый мракъ яркою игрою свѣта и тѣней, — тогда, навстрѣчу веснѣ, навстрѣчу жизни и свѣту, изъ-подъ толстой коры зимою навѣянныхъ мрачныхъ мыслей, брызнутъ мои нѣжныя, зеленыя мечты и образы прошлаго, подернутые туманною дымкой забвенія... Я гляжу въ нѣмую даль жизни и жадно прошу у нея разгадки ея смысла... И она отвѣчаетъ мнѣ ясною, нѣжною, довѣрчивою улыбкой юной весны. Изъ глубины прошлаго, безпорядочнаго и непонятнаго, гдѣ все игра, все случайность,—она выдвигаетъ множество дорогихъ тѣней и образовъ... Я вижу юныя, вдохновенныя лица, вижу глаза,

сверкающіе огнемъ молодого гнѣва, вижу руки, устремленныя къ небу, руки погибающихъ, но вѣрящихъ въ правду... И живо встаетъ передо мной блѣдное лицо дѣвушки съ ярко-красными пятнами на щекахъ, и горящіе безумной жаждой счастья глаза и темныя кудри, будто разбитыя буйнымъ вѣтромъ.

— Развѣ жизнь не стоитъ хорошей пѣсни?

И мнѣ снова хочется жить, жить высшимъ напряженіемъ нервовъ, страстно, мучительно хочется жить, наперекоръ холодному опыту, наперекоръ мудрости, замораживающей кровь! И я снова иду въ толпу, въ водоворотъ жизни и громко пою свою пѣсню... Образъ Тани неотступно стоитъ передъ моими глазами, какъ прекрасный обломокъ разбитаго идеала свободнаго человѣка, свободной женщины..

М. Митяшевъ.

За счастьемъ и правдой.

(Очерки и наблюденія русскаго путешественника).

(Окончаніе).

IX.

Сальваціонисты.

Вечерѣетъ; въ глубинѣ расходящихся вѣеромъ четырехъ улицъ, точно перепархивая съ мѣста на мѣсто, загораются огоньки; уличный гамъ затихаетъ...

На перекресткѣ толпа. Плавно волнуясь по вѣтру, надъ ней извивается красное знамя. Какъ бы въ ритмъ его колебаніямъ, то разсыпаясь мелкой журчащею дробью, то разражаясь глухимъ сердитымъ ворчаньемъ, рокочетъ большой барабанъ, и подъ его тревожный зазывающій рокотъ толпа выростаетъ.

Это воины арміи спасенія вышли на битву съ діаволомъ. При порывахъ холоднаго вѣтра блеститъ на знамени крупная золотомъ шитая буква S—символъ арміи (Salvation Army).

Барабанъ замолкаетъ. Надъ толпою тотчасъ же вспархиваетъ чей-то мягкій, закругленный, ровный баритонъ.

— Остановитесь: еще не поздно...

Я протискиваюсь ближе. Въ центрѣ толпы трое: знаменщикъ, барабанщикъ—безцвѣтныя сѣрыя лица—и сержантъ „Арміи", рослый, красивый мужчина, лѣтъ 35; у него позументы на кепи и на обшлагахъ форменной куртки. Продолговатымъ кольцомъ вокругъ стали солдаты,—мужчины въ кепи, женщины—въ преувеличенно скромныхъ, одинаковыхъ сѣренькихъ платьяхъ, въ уродливыхъ, въ родѣ капора, старомодныхъ изъ темной соломы шляпахъ, перехваченныхъ подъ подбородкомъ широкой алой лентой. Лица, большею частью, блѣдныя, усталыя, иныя съ чисто мученическимъ выраженіемъ. Тотъ же нервный, почти страдальческій видъ у нѣкоторыхъ изъ переднихъ рядовъ толпы,—настроеніе, очевидно, назрѣвшее и передающееся вширь...

— Пожалѣйте вашу душу!—восклицаетъ, между тѣмъ, сержантъ,

печально склоняя голову и округлымъ жестомъ выдвигая впередъ правую руку.—Пожалѣйте, пока не поздно, пока до васъ еще доходятъ ея стоны, ея ужасные стоны!..

Онъ дѣлаетъ паузу; по переднимъ рядамъ проносится шорохъ подавленныхъ вздоховъ; кто-то позади мяучитъ, но даже полисмэнъ, стоящій тутъ, скрестивъ на груди руки, не обращаетъ на это вниманія *).

— О, скажите мнѣ лучше, что я лгу,—продолжаетъ ораторъ съ разгорающимся пафосомъ,—что это—неправда!..

Точно въ отвѣтъ, позади кто-то лаетъ.

— Скажите, что ежедневно, быть можетъ, ежечасно изъ-за житейскихъ соблазновъ вы не насилуете вашу душу, не подавляете голоса вашей совѣсти, увѣряя себя, что всѣ, всѣ такъ живутъ, что иначе жить невозможно, что счастье летуче: разъ упустишь его—не поймаешь... Счастье!.. А!.. вотъ онъ, идолъ-невидимка, тиранъ-поработитель!.. Вотъ онъ, болотный огонекъ, завлекающій въ трясину, заслоняющій намъ цѣль истинно-праведной жизни...

Въ публикѣ шепотъ недоумѣнія.

— Да, заслоняющій!.. Вспомните, джентльмэны, въ томъ ли, что и теперь, вы видѣли счастье, когда дѣтски-чистыми глазами, бывало, глядѣли въ глаза вашей матери, или когда, скажемъ, возвращаясь изъ sunday shool *), быть можетъ, объ руку съ вашей первой, вашей чистой, вашей святой любовью, вы давали обѣтъ стать ея достойнымъ, слѣдовать въ путяхъ своихъ избранникамъ Божіимъ?..

Выпрямивъ станъ, ораторъ обводитъ взглядомъ толпу. Публика ждетъ... Въ переднихъ рядахъ глубокое вниманіе, въ заднихъ—явное любопытство: кольцо вкругъ проповѣдника становится все ўже, особенно въ моменты, когда перебѣгаютъ черезъ перекрестокъ шумливые вагоны конки. Ни шутокъ, ни какихъ-нибудь замѣчаній...

— Въ ту пору, въ ту незабвенную пору, джентльмэны, въ каждомъ изъ насъ обитала душа, алкавшая и жаждавшая правды... А теперь?.. О, я ни на минуту не сомнѣваюсь,—тутъ голосъ его понизился до конфиденціальнаго и, тѣмъ не менѣе, звучнаго шепота,—не сомнѣваюсь, что каждый изъ предстоящихъ достоинъ съ честью пожать руку самаго безупречнаго джентльмэна, но—отвѣтьте на это своей совѣсти,—многіе ли устоятъ предъ счастливымъ случаемъ удачно обольстить, успѣшно, не взирая на чьи-

*) Его непосредственная обязанность—блюсти только, чтобы толпа не загромоздила проходъ.

**) Sunday shool—собственно, воскресная школа. Такъ называются у англичанъ воскресныя собранія, преимущественно дѣтей и подростковъ, обыкновенно отъ 3 до 5 пополудни, на которыхъ кто-либо читаетъ и объясняетъ Библію, разъясняя тексты и выводя изъ нихъ нравственныя поученія.

нибудь слезы, обогатиться?.. О, я самъ живу въ этомъ великомъ, въ этомъ могучемъ, въ этомъ кипучемъ городѣ, равнаго которому, быть можетъ, нѣтъ въ цѣломъ мірѣ... Я знаю, что значитъ давленіе жизни, я знаю, что можно привести сотни оправданій, сотни объясненій причинъ неизбѣжности нашей внутренней порчи... Но не все ли равно убитому, какимъ ножемъ его зарѣзали?..

— О, конечно!.. О, разумѣется!—даютъ реплику воины; имъ вторятъ нѣсколько человѣкъ изъ толпы.

Скрестивъ на груди руки и опустивъ голову, сержантъ продолжаетъ, тихимъ размѣреннымъ голосомъ, будто въ раздумьи:

— Да, врагъ силенъ; врагъ не дремлетъ: онъ подстерегаетъ даже во снѣ, навѣвая намъ сны, обольщающіе насъ затѣмъ на яву... А мы—чѣмъ защищаемся мы отъ его соблазновъ?.. Ничѣмъ: мы безпечны, какъ газель на лугу, когда среди ближнихъ зарослей крадется къ ней ягуаръ... Ея чуткому уху, какъ будто, и слышенъ неясный, подозрительный шорохъ, но... лазурь такъ чиста, солнце такъ ярко сіяетъ, а вотъ тамъ, надъ прозрачной водною гладью, такъ нѣжно склонилась роскошная, сочная зелень... Еще бы немножко, еще бы минутку, только минутку блаженства подъ вѣтками пышныхъ кустовъ!.. Но именно тамъ-то и поджидаетъ лютый, безжалостный врагъ: минута, секунда, мгновенье,—и несчастная жертва въ коварныхъ когтяхъ... Она бьется, трепещетъ, ищетъ спасенья—безплодно! Она силится вырваться—поздно! Она изнемогаетъ, теряетъ послѣднія силы—напрасно!..

Ораторъ, постепенно возвышая голосъ, почти выкрикиваетъ послѣднія слова и замираетъ съ широко раскрытыми глазами, точно предъ нимъ и въявь происходитъ агонія послѣдней борьбы. Въ публикѣ—тишина, напряженное вниманіе...

Медленно, какъ бы противъ воли, ораторъ продолжаетъ:

— И капля за каплей струится алая кровь, обагряетъ траву, обагряетъ вѣтки тѣхъ самыхъ кустовъ, что манили къ блаженству покоя: несчастная гибнетъ!..

— Гибнетъ!.. Она... она гибнетъ!..—истерически подхватываетъ хоръ.

— Такъ гибнемъ, братья, и мы!—уже грознымъ, суровымъ тономъ заключаетъ ораторъ.—Такъ гибнемъ и мы, безпечно стремясь къ наслажденью, и еще дерзаемъ жаловаться, что несчастны!.. Мы убѣгаемъ отъ свѣта Христова ученья, пытаемся отыскать счастье въ потемкахъ минутныхъ успѣховъ этого міра!.. О, горе намъ, горе!.. Горе тебѣ, Виесаида!.. Горе тебѣ, Хоразинъ!.. Горе слѣпотствующимъ, горе блуждающимъ въ бездорожной, безплодной пустынѣ!..

— Горе намъ, горе!.. О, горе, горе!.. — плачевно-сурово, тоскливо и жалостно стонетъ хоръ.

Не знаю, переступилъ ли ораторъ должную мѣру, или ужъ мѣстная публика вообще такова: готова слушать все, что угодно,

но не легко поддается къ чему-нибудь обязывающимъ ее выводамъ,—только въ толпѣ вдругъ явно проступаетъ двойственное настроеніе: часть, безмолвная и неподвижная, видимо, остается подъ обаяніемъ грубаго краснорѣчія, тогда какъ съ другой сыплются замѣчанія, шутки, часто неловкія, какъ у людей, вдругъ устыдившихся наивности только что испытанныхъ впечатлѣній и старающихся скрыть это...

— Ну, Билли,—восклицаетъ стоящій неподалеку отъ меня какой-то свѣже выбритый и гладко выутюженный*) молодой человѣкъ товарищу, такому же франту, какъ самъ,—сегодня я, наконецъ, услышалъ собственныя мысли. Я всегда догадывался, что наше несчастье—только отъ счастья... Это, дорогой мой,—глубочайшая философія!

— Резонно: итакъ, долой счастье!.. Да здравствуетъ несчастье; отъ него—счастье, которое родинѣ несчастье, которое... Что же это выходитъ?..

Рокотъ барабана разомъ покрываетъ нечестивыя замѣчанія...

— Братья!—звучнымъ, властнымъ тономъ снова начинаетъ сержантъ, подымая голову...—Братья!... Если вы думаете, что я говорилъ вамъ правду, и отъ чистаго сердца, какъ роднымъ, какъ близкимъ друзьямъ,—ступайте за мной: тутъ неподалеку, въ немногихъ минутахъ ходьбы, въ Уайнѣ-Голлѣ, разъяснятъ вамъ ваши сомнѣнья, научатъ лучше меня, какъ противостоять злому давленію житейскихъ соблазновъ, объяснятъ вамъ, почему вы такъ несчастны, укажутъ, какъ вновь вернуться на путь къ высшему счастью...

Онъ подалъ знакъ; отрядъ стройно запѣлъ гимнъ,—очень выразительный, хотя и мало оригинальный по мелодіи. Въ мотивѣ незамѣтно было ничего рутинно-церковнаго; только гармонія широкихъ финальныхъ аккордовъ нѣсколько напоминала духовный ладъ.

— Ряды, стройсь!—раздалась команда.

Знаменщикъ шагнулъ впередъ; за нимъ—сержантъ, рядомъ съ барабанщикомъ, громко выбивавшимъ тактъ марша, и рядами, по двое, солдаты: сначала мужчины, потомъ женщины; въ хвостѣ змѣей извивавшагося на поворотѣ по мостовой отряда, и также парами, выступали человѣкъ двадцать изъ публики.

— Переодѣтые, переодѣтые!..

— Барнаби, я васъ узналъ, не хитрите!

— Обманщики!.. Фальсификаторы!

Насмѣшки, болѣе или менѣе колкія шутки посыпались, какъ изъ мѣшка: толпа точно хотѣла отомстить за обаяніе, въ которомъ ее только что держалъ ораторъ; она шипѣла, ухала, гикала, видимо радуясь скандалу. И однако же, послѣ нѣсколькихъ нелов-

*) Американскіе щеголи ежедневно освѣжаютъ свой костюмъ утюженіемъ.

кихъ колебаній, къ шествію, замыкая его, тутъ же присоединилось еще нѣсколько паръ изъ той же, начавшей уже расходиться толпы... Это были, надо полагать, уже настоящіе, неподдѣльные прозелиты.

Въ ту же сторону, въ числѣ десятка другихъ любопытныхъ, двинулся по тротуару и я.

Покаянныя собранія воиновъ Арміи Спасенія столько разъ уже описаны, что я ограничусь тутъ лишь нѣсколькими штрихами, подмѣченными лично.

Замѣчу прежде всего, что публичный залъ Уайтъ-Голла во второмъ этажѣ четырехъ-этажнаго бѣлаго зданія, у стрѣлки, т. е. у перекрестка цѣлаго вѣера улицъ, былъ разсчитанъ не болѣе какъ на сто человѣкъ. А между тѣмъ, сюда вошли не менѣе полуторыхъ сотъ, и кое-гдѣ все еще оставалось свободное мѣсто. Остается предположить, что раздававшіяся у перекрестка замѣчанія о переодѣтыхъ были справедливы, и шествовавшіе въ роли новообращенныхъ партикулярно одѣтые сальваціонисты, по приходѣ въ залъ, укрылись гдѣ-нибудь во внутреннихъ комнатахъ, какъ статисты, когда въ нихъ миновала надобность.

Въ залѣ насъ встрѣтила привѣтствіемъ и за что-то благодарила маленькая, черненькая сальваціонистка съ сангвинически подвижнымъ блѣдно-желтымъ лицомъ, на которомъ сверкали черные, какъ уголь, глаза (на уличномъ митингѣ она отсутствовала). За ея спиной стояла одна изъ участницъ шествія, высокая женщина съ плоскимъ лицомъ и плоскою до нельзя грудью, по временамъ что-то нашептывавшая товаркѣ и въ то же время жестами размѣщавшая публику по скамьямъ, при чемъ приходившіе группами разсаживались вмѣстѣ, а одинокіе размѣщались по скамьямъ, гдѣ уже имѣлись посѣтители. Меня усадили рядомъ съ какимъ-то геморроидальнаго вида господиномъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ безцвѣтными большими глазами и бровями соломеннаго цвѣта. У него порядкомъ тряслись руки, длинныя, костлявыя и худыя; онъ то безпокойно вертѣлъ ими свой сѣрый, высокій, сильно поношенный котелокъ, то энергично упирался въ раздвинутыя колѣнки. Мнѣ казалось, что этого господина я уже гдѣ-то видѣлъ, но никакъ не могъ припомнить, гдѣ именно...

Въ узкой, длинной, ярко выбѣленной комнатѣ съ низенькимъ потолкомъ было душно и жарко до испарины. Когда же, вслѣдъ за гимномъ, пропѣтымъ на устроенной въ глубинѣ зала эстрадѣ, помянутая уже желтоблѣдная женщина начала свою исповѣдь, и публика, какъ-будто только и поджидавшая пикантнаго номера программы, разомъ хлынула изъ корридора и заполнила всѣ проходы, такъ что и яблоку упасть было бы негдѣ,—въ комнатѣ на-

стала такая духота, что у меня застучало въ вискахъ и кровь ударила въ голову.

Между тѣмъ, блѣдная женщина съ эстрады разсказывала что-то тоже удушливое и нравственно нездоровое... Она разсказывала, напримѣръ, какъ, притворившись спящей, соблазняла увлекавшагося ею пастора, съ которымъ впослѣдствіи и сбѣжала въ Фриско (С. Франциско). Потомъ діаволъ, какъ извѣстно, главный виновникъ всѣхъ подобныхъ приключеній, внушилъ ей намѣреніе бросить надоѣвшаго ей грѣшнаго пастыря и снова убѣжать, уже въ С. Луи. На этотъ разъ она увлекла съ собой только что повѣнчавшагося и, ради любовницы, обокравшаго свою молодую жену комми-вояжера... Все это излагалось обстоятельно и подробно, даже со вздохами и покаянными восклицаніями, но, тѣмъ не менѣе, въ этой странной исповѣди чувствовалось далеко не раскаяніе и не сокрушеніе о грѣхахъ... Мнѣ казалось, что предъ аудиторіей развертывалось проявленіе истеріи, которой бы мѣсто въ рукахъ гинеколога или психіатра, а никакъ не на вивисекціонномъ столѣ сальваціонистскаго митинга...

Повидимому, не совсѣмъ доволенъ былъ проповѣдницей и сержантъ арміи, остававшійся все время позади говорившей у стѣны, на эстрадѣ: порой, и какъ разъ въ мѣстахъ сомнительной назидательности, глаза его расширялись, какъ тогда, когда онъ набрасывалъ картину агоніи газели, и онъ дѣлалъ невольныя движенія, точно хотѣлъ остановить исповѣдницу. Но та уже не въ состояніи была удержаться: торопясь, почти захлебываясь, она выбрасывала предъ жадно внимавшей ей аудиторіей все новые факты своего грѣховнаго прошлаго, замедляя скачущую нервную рѣчь именно на эпизодахъ наиболѣе рискованныхъ, умѣстныхъ развѣ на страницахъ бульварно-порнографическаго романа...

Чѣмъ-то неестественнымъ, искуственнымъ и глухо-сладострастнымъ звучалъ пафосъ ея заключительнаго обращенія къ слушателямъ, когда она умоляла ихъ остерегаться сѣтей діавола, которыя такъ легко, такъ незамѣтно, такъ обольстительно-сладостно опутываютъ наше бѣдное сердце, вѣчно жаждующее терзаній, которыя мы упорно называемъ счастьемъ.

Звуки какого-то бурно-воинственнаго гимна, подъ аккомпаниментъ двухъ гитаръ и оглушительно гудѣвшаго барабана, покрыли эту рѣчь, и затѣмъ на эстраду вышелъ рыжеватый, на половину уже сѣдой господинъ съ трясущейся, словно сплющенной съ боковъ головой, очевидно многолѣтній алкоголикъ. Онъ принялся восхвалять Армію Спасенія—„любвеобильную мать всѣхъ угнетенныхъ и обездоленныхъ“. Она сдѣлала для него больше, нежели родная мать,—та только произвела его на свѣтъ и вскорѣ умерла, послѣ чего онъ, оставшись безъ призора, чуть не съ дѣтства сталъ пьяницею... Армія Спасенія пріютила его, омыла съ него душевную грязь, уврачевала его мерзкія язвы... Тутъ

бѣднякъ прослезился, а хоръ отряда, съ участіемъ страшно разноголосившей публики, затянулъ новый побѣдный гимнъ...

Слѣдующимъ ораторомъ былъ опять старый алкоголикъ—высокій бородатый господинъ, нѣкогда брюнетъ, съ сильной просѣдью, быстро усиливавшейся кверху, точно голову его обмакнули въ чернила, и послѣднія, сбѣгая, остановились у конца въ густой бородѣ. Онъ говорилъ просто, довольно искренно и убѣжденно. Однако публика не удѣляла ему и половины того вниманія, какимъ нѣсколько минутъ назадъ встрѣчала покаяніе бывшей грѣшницы: въ залѣ разговаривали даже въ такіе моменты, когда въ исповѣди проходили эпизоды, полные потрясающаго драматизма. Мнѣ стало тяжело, и я вышелъ.

У дверей, теперь угрюмая, какъ монашенка, принявшая схиму, стояла та же пожилая, плоскогрудая женщина, которая принимала насъ въ началѣ митинга.

— Вернитесь, не зажимайте ушей, не закрывайте очей!—сурово, непріятнымъ сипловатымъ баскомъ бросила она мнѣ, но, видя, что я всетаки ухожу, добавила укоризненно:

— Бѣжишь отъ голоса правды, душа, омраченная грѣхами...

— А! Поздравляю!—сказалъ мнѣ на слѣдующій день мой сосѣдъ по комнатѣ, мистеръ Мюнцъ. — Вы были вчера у сальваціонистовъ. Ну, какъ вы находите этихъ враговъ человѣчества?

— Почему же враговъ?

— Да какъ же! Не пей, не кури, жену люби, какъ сестру... Вамъ все это понравилось?

— Много ненужнаго, театральнаго; но думаю, среди нихъ есть пламенно-вѣрующіе, быть можетъ, даже—праведники...

— Вотъ-то радъ будетъ Фреди,—сказалъ мистеръ Мюнцъ,— когда я передамъ ему вашъ отзывъ.

Оказалось, что Фредъ или Фредерикъ Гаммеръ, товарищъ Мюнца по мастерской и сальваціонистъ по убѣжденіямъ, видѣлъ меня на уличномъ митингѣ, потомъ былъ моимъ сосѣдомъ въ Уайтъ-Голлѣ и остался такъ доволенъ моимъ „симпатичнымъ поведеніемъ,“ что теперь проситъ назначить день, когда ему придти, чтобы познакомиться со мною.

— Конечно, я буду очень радъ,—отвѣтилъ я,—но боюсь, что долженъ буду огорчить вашего пріятеля... Онъ, вѣроятно, надѣется найти во мнѣ прозелита...

— Разумѣется! — добродушно согласился мистеръ Мюнцъ. — Въ этомъ отношеніи вы правы: онъ на васъ разсчитываетъ... Нужно сказать правду, — сальваціонисты сдѣлали для него коечто: онъ былъ бродяга и пьяница... Они таки встряхнули его, и теперь онъ остепенился. Но за то только и думаетъ о новыхъ рекрутахъ для арміи... За меня онъ принимался довольно круто...

— Но вы устояли?..—Мюнцъ усмѣхнулся.

— Нѣтъ, я охотно соглашаюсь посѣщать ихъ митинги, съ однимъ условіемъ: чтобы было хорошее пиво, и чтобы программа увеселеній была нѣсколько разнообразнѣе... Впрочемъ, Фредъ отличный малый и славный товарищъ, которому я готовъ оказать всякую услугу. Поэтому—не угодно ли получить?.. Это онъ посылаетъ вамъ.

И онъ сунулъ мнѣ въ руку небольшой листокъ изъ какого-то сальваціонистскаго ежегодника. На лицевой сторонѣ листка имѣлись свѣдѣнія объ Арміи Спасенія, а на оборотной мельчайшимъ шрифтомъ были напечатаны статистическія данныя объ орденѣ „Шотландскихъ Классовъ", „Рыцарей Вифлеемской Звѣзды", „Рыцарей Золотой Иглы", „Независимыхъ Рехабитовъ", „Соединенныхъ Отцовъ пилигримовъ", „Новѣйшихъ Маккавеевъ" и т. д.

Вотъ данныя объ Арміи, какъ сообщаетъ ихъ помянутый листокъ.

Основанная въ іюлѣ 1865 г. въ Лондонѣ методистскимъ пасторомъ Вилліамомъ Бутсомъ, сначала въ качествѣ миссіонерскаго общества, имѣвшаго исключительной цѣлью доставленіе Свѣта Евангелія лицамъ, почему либо не посѣщающимъ церкви, она въ 1878 году расширила свою программу и является уже вліятельной духовной организаціей, направленной на непосредственную борьбу съ грѣхомъ и нечестіемъ; тогда же она приняла и свое теперешнее имя. Въ настоящее время армія уже ратоборствуетъ въ 49 странахъ, имѣетъ 7585 кадровыхъ организацій, состоящихъ подъ командой 16,020 старшихъ офицеровъ-руководителей, при 45,000 мѣстныхъ исполнителей, 16,000 горнистахъ и 50,000 музыкантахъ. Армія выпускаетъ въ свѣтъ 58 періодическихъ изданій, выходящихъ всего на 24 языкахъ, при еженедѣльномъ тиражѣ около 1.000,000 экз. Армія учредила 668 общественно-благотворительныхъ учрежденій, находящихся подъ управленіемъ особаго штата служащихъ, достигающаго 31.000 человѣкъ. Для падшихъ женщинъ Арміей устроено въ разныхъ странахъ 113 убѣжищъ, въ которыхъ находятъ пріютъ и слово участія ежегодно до 7,000 жертвъ общественнаго темперамента (изъ нихъ, по увѣренію автора замѣтки, ежегодно отъ 80 до 90% возвращаются на путь добродѣтели). Число же совершенно избавленныхъ Арміей отъ упорнаго пьянства превышаетъ 200,000 человѣкъ, преимущественно жителей рабочихъ кварталовъ и захолустій большихъ городовъ, для каковой надобности Армія снаряжаетъ особые избранные отряды.

Въ самой Америкѣ (командиръ Бутсъ Покеръ) Армія въ настоящее время насчитываетъ 81 жилой домъ для рабочихъ мужчинъ (нѣчто въ родѣ нашихъ пріютовъ, но — чище и лучше обставленныхъ), 6 — для женщинъ, 15 безплатныхъ столовыхъ, 32

дома трудолюбія для безработныхъ, 22 мелкихъ торговыхъ заведенія для продажи разныхъ предметовъ потребленія по оптовымъ цѣнамъ, 25 бюро для ищущихъ работы, 3 земледѣльческихъ колоніи, обладающихъ свыше 1.500 десятинъ земли, на которыхъ постоянно работаютъ около 400 мужчинъ, женщинъ и дѣтей, и 21 убѣжище для падшихъ, гдѣ ежегодно призрѣвается до 2,000 женщинъ. Работа пріискивается и предоставляется, въ среднемъ, для 50,000 чел. ежегодно.

Изъ собственно нью-іоркскихъ учрежденій Арміи Спасенія замѣчателенъ въ особенности Бравермавъ-Отель для рабочихъ мужчинъ, находящійся на Чэтэмъ-скверѣ (входъ съ Боуэри). Это десяти-этажное огнеупорное зданіе, дающее пріютъ 450 душамъ; въ немъ великолѣпный залъ для общихъ собраній, баня, въ родѣ описанной мною выше, читальня съ множествомъ газетъ, мѣстныхъ и иногородныхъ и проч. Зданіе освѣщается электричествомъ, снабжено лифтомъ и т. п. усовершенствованіями комфорта. На Боуэри есть еще одинъ подобный домъ, но — меньше. Кромѣ того, имѣются еще 2 дома трудолюбія—въ Бруклинѣ и на Мэнхенгэнѣ.

Имущество Арміи оцѣнивается (въ одной Америкѣ) свыше 3,000,000 рублей; годовой оборотъ ея торговыхъ заведеній — 400,000 р. Этой отраслью вѣдаетъ особая, юридически утвержденная, администрація; другая, подобная же, организована для управленія дѣлами особой вѣтви Арміи—Общества Домовъ Трудолюбія, имѣющаго цѣлью пойти навстрѣчу все возрастающей потребности устройства быта безработныхъ. Независимо отъ всего этого, Арміи принадлежатъ въ С. Штатахъ нѣсколько колледжей для подготовки какъ коммерческихъ служащихъ, необходимыхъ для принадлежащихъ ей бюро, торговыхъ заведеній и проч., такъ и офицеровъ...

— Ну, что же вы скажете теперь?—въ тотъ же вечеръ спросилъ меня мистеръ Мюнцъ.—Что вы думаете объ Арміи?..

— То же, что думалъ и ранѣе: сальваціонисты, несомнѣнно, одушевлены наилучшими намѣреніями, и призывъ къ нравственному возрожденію—прекрасное дѣло... Но...

— Но что-же?

— Всетаки они похожи на людей, которые, возставая, напримѣръ, противъ войны, какъ явленія несправедливаго и безчеловѣчнаго, думали бы бороться съ нею исключительно при помощи санитарныхъ отрядовъ и перевязки раненыхъ... Кромѣ того, ихъ театрально-мистическіе пріемы разсчитаны на слишкомъ ужъ грубые вкусы.

Мистеръ Мюнцъ засмѣялся.

— Ого,—сказалъ онъ.—Я вижу, что моему бѣдному другу отъ васъ будетъ мало пользы... Пожалуй, не больше, чѣмъ отъ меня

Такъ мое ближайшее знакомство съ вербовщикомъ Арміи Спасенія и не состоялось...

X.

Приближеніе нужды.—Барухъ Розенъ.—Силуэты. — Евреи въ Нью-Іоркѣ.— Русское православное демократическое братство. — Христіанско - еврейскій храмъ.—Трагедія отцовъ и дѣтей на новой почвѣ.

Время шло, подходили святки съ ихъ обычнымъ оживленіемъ, съ шумнымъ, необычайнымъ даже здѣсь ливнемъ рекламъ, съ гирляндами тучныхъ индючныхъ тушъ за стеклами чопорно опрятныхъ мясныхъ лавокъ, съ не менѣе тучными (свыше 100 страницъ) рождественскими номерами ежедневныхъ газетъ, выходящихъ, однако же, за двѣ-три недѣли, иной разъ—за мѣсяцъ до Рождества, въ перегонку другъ передъ другомъ...

Скудныя средства мои таяли, а у меня все еще не было ни знакомствъ, ни достаточныхъ силъ, чтобы заняться физическимъ трудомъ. Я уже самъ стиралъ себѣ бѣлье во время купанья въ „Народныхъ баняхъ"; а въ самый день Новаго Года, тщательно разсчитавъ свою наличность и сообразивъ кое-какія независящія отъ меня обстоятельства, я поздравилъ себя съ необходимостью совсѣмъ отказаться отъ обѣдовъ, которыми иной разъ еще угощался въ дешевенькихъ нѣмецкихъ ресторанахъ. Для сокращенія и этого расхода, я сталъ варить себѣ на обыкновенной столовой лампѣ нѣчто въ родѣ соуса изъ фунта мяса *) второго сорта и картофеля (на два дня), пользуясь для этого жестянкой изъ подъ консервовъ. Поверхъ большого ламповаго стекла (съ зубчатыми верхними краями) не трудно было уложить два толстыхъ желѣзныхъ гвоздя и установить надъ огнемъ импровизированную легонькую кастрюльку.

Разносившійся въ необычное время по квартирѣ острый кулинарный запахъ выдавалъ меня головой, и эти занятія разомъ уронили меня въ глазахъ окружающихъ: бѣдность, оказывается, вездѣ не въ авантажѣ, даже въ свободной Америкѣ...

Больше всѣхъ были шокированы хозяева, которые, повидимому, разсчитывали залучить меня со временемъ въ столовники. Со дня обнаруженія моей позорной тайны, хозяйка моя уже едва удостоивала меня „добрымъ утромъ" и то и дѣло забывала подмести мою комнату, налить керосину въ лампу, оставить мнѣ кипятку и т. д., а побѣдитель французовъ при Гравелотѣ и Резонвиллѣ вовсе пересталъ мнѣ кланяться и только искоса, съ сознаніемъ собственнаго превосходства, оглядывалъ меня при встрѣчѣ. А затѣмъ прибѣгъ къ особому пріему: сталъ систе-

*) Мясо въ Нью-Іоркѣ дорого, но продается безъ костей; фунтъ 1-го сорта доходитъ до 16 центовъ, второго 8—10 цент.

матически притворять дверь, выходившую въ кухню... Этотъ маневръ лишалъ мою комнату и того единственнаго источника тепла, какимъ до этого времени ей, какъ и прочимъ покоямъ квартиры, служила перегрѣтая атмосфера нашей общей гостиной—кухни. Однимъ словомъ, въ глазахъ населенія нашей квартиры я пересталъ быть человѣкомъ респектабельнымъ...

Я философски выносилъ это положеніе, выжидая одного, важнаго для меня письма, которое должно было придти по этому адресу, но все же настроеніе у меня было тяжелое, и я часто уходилъ изъ квартиры и подолгу бродилъ по улицамъ шумнаго города.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ я познакомился съ интереснымъ уголкомъ и интересными людьми...

Какъ-то въ серединѣ января, подъ вечеръ, наткнулся я подъ эстокадой Уэстъ 4-й улицы на газетный кіоскъ, въ окошечкѣ котораго виднѣлась фигура, совсѣмъ необычная въ этой части города, населенной преимущественно нѣмцами, шотландцами да ирландцами. Владѣлецъ кіоска былъ крупный, высокій, мѣшковатый человѣкъ, съ широкимъ, блѣднымъ, плохо выбритымъ лицомъ, на которомъ особенно выдѣлялись большіе, на выкатѣ, глаза и толстыя, мясистыя губы семитическаго склада. Когда я обратился къ нему съ какимъ-то случайнымъ вопросомъ по-англійски, онъ взметнулъ характерными робко наблюдающими глазами, съ секунду всматривался въ меня и отвѣтилъ... по-русски, съ сильнымъ польско-еврейскимъ акцентомъ.

Мы живо разговорились и познакомились... А вскорѣ, какъ это бываетъ лишь на чужбинѣ, сошлись настолько, что я и теперь еще съ удовольствіемъ вспоминаю Баруха Розена или, по здѣшнему, мистера Барнета, человѣка, по моему мнѣнію, во многихъ отношеніяхъ интереснаго и даже замѣчательнаго.

Я и до сихъ поръ не могу хорошенько понять, что именно побуждало этого простого, полуграмотнаго еврея оказывать мнѣ столько теплаго участія и заботливости, и откуда у него нашлось столько тонкой душевной чуткости къ положенію чужаго ему человѣка. Онъ всякій разъ подмѣчалъ признаки, временами все еще дававшіе себя знать, моей болѣзни, и съ чрезвычайнымъ участіемъ давалъ совѣты, указывалъ докторовъ, рекомендовалъ извѣстныя ему средства... И во всѣхъ этихъ совѣтахъ чуялось такое сердечное и неподдѣльное участіе, что уже оно одно способно было облегчить страданіе и тоску моего одиночества.

Онъ очень скоро замѣтилъ также и мое затруднительное положеніе. Это побудило добраго человѣка къ цѣлому ряду дипломатическихъ хитростей, чтобы „случайно", совершенно непредвидѣннымъ образомъ, устраивать у себя въ кіоскѣ маленькіе завтраки именно въ то время, когда я приходилъ къ нему... Онъ всегда былъ такъ радъ, мой приходъ оказывался „такъ кстати",

потому что онъ, Барнетъ, совершенно не можетъ завтракать одинъ... При этомъ онъ густо краснѣлъ, какъ человѣкъ, повинный въ преступныхъ замыслахъ противъ ближняго...

Въ Америку Баруха, сына многосемейнаго польскаго еврея, конечно, погнали не идеи, а самая прозаическая нужда. Онъ прибылъ сюда черезъ Канаду, съ грошами въ карманѣ. Два года проходилъ „педлеромъ", съ коробомъ галантерейныхъ товаровъ за плечами; три съ половиною года состоялъ рабочимъ на фабрикѣ карманныхъ часовъ, а когда фабрика во время одного изъ налетающихъ, какъ ураганъ, торговыхъ кризисовъ закрылась, то Барнетъ съ прикопленными 350 долларами поторопился перебраться въ Нью-Іоркъ, гдѣ за 200 долларовъ купилъ свой кіоскъ и теперь былъ занятъ съ ранняго утра до поздняго вечера, кромѣ воскресныхъ дней, когда газеты выходятъ лишь однажды въ сутки, позволяя, такимъ образомъ, торговцамъ закрывать свои кіоски съ 10 ч. утра.

За такой работой Боруху, при всей его любознательности, не было ни времени, ни возможности воспользоваться помощью мѣстныхъ народно-просвѣтительныхъ учрежденій: ему нѣкогда было даже читать. Тѣмъ не менѣе, у него были на многое очень опредѣленные и, видимо, твердо выработанные, хотя и своеобразные взгляды. Такъ, главные праздники еврейскіе онъ исполнялъ и въ Бога вѣровалъ, но — врядъ ли такъ, какъ того желали бы его правовѣрные соплеменники: въ будущее пришествіе Мессіи, напримѣръ, онъ совсѣмъ не вѣрилъ. Впрочемъ, не вѣрилъ и ни въ какое, вообще, грядущее „общее счастье" людей.

— Самый умный, самый ученый человѣкъ на свѣтѣ,—говорилъ онъ часто, — не знаетъ, въ чемъ его собственное счастье, такъ какъ же вы хотите установить „общее счастье" людей?

И никакіе доводы, никакія указанія на постепенное уясненіе и расширеніе основъ человѣческаго благополучія на него не дѣйствовали. Онъ оставался при своемъ пессимизмѣ.

— Вы говорите, что въ разныя времена люди разно понимали это „общее счастье?"—лукаво спрашивалъ онъ.

— Да...

— И всегда это счастье было то, чего нѣту?

— Да...

— Почему же теперь станетъ иначе?.. И почему „оно" сбудется? Вѣдь когда оно будетъ, — такъ его не будетъ, потому что оно—то, чего нѣту...

И этотъ плохой каламбуръ онъ обливалъ грубоватымъ, но искреннимъ смѣхомъ, а слушателю становилось ясно, что и безъ формальной вѣры въ будущее счастье будущихъ людей въ этомъ пессимистѣ есть неистощимый запасъ доброжелательства къ людямъ живущимъ...

И, точно на огонекъ, въ тѣсный узенькій стэндъ, пріютив-

шійся въ полумракѣ эстокады, подъ которую только въ полдень заглядывало солнце, любили въ часы досуга заходить люди самаго разнообразнаго склада побесѣдовать съ мистеромъ Барнетомъ о текущихъ новостяхъ и о химеричности будущаго благополучія. Приходили какъ люди съ замѣтнымъ образованіемъ, такъ и люди, еле разбиравшіе по печатному. Тутъ были русскіе, евреи, поляки, давно живущіе въ Америкѣ и уже устроившіеся и только еще начинавшіе „искать счастья“ или, наконецъ, уже много разъ терпѣвшіе крушеніе... Всѣхъ ихъ влекло что-то въ этотъ уголокъ, къ мистеру Барнету... Попробую набросать нѣсколько силуэтовъ, насколько они сохранились въ моей памяти...

Вотъ, напримѣръ, сынъ разорившагося (при памятной высылкѣ евреевъ изъ Москвы) мелкаго табачнаго фабриканта, теперь агентъ по страхованію жизни. Маленькаго роста, рыжій, сухой съ чисто русскою фамиліей: Добровъ — онъ терпѣть не можетъ всего русскаго, включая сюда и русскую литературу, виновную въ его глазахъ уже въ томъ, что она „обходитъ факты вопіющей несправедливости къ цѣлому населенію“. Добровъ со мной разговариваетъ неохотно, какъ и я съ нимъ: несимпатична мнѣ его жестокость, фанатическое пристрастіе и сухость...

Вотъ его антиподъ: также маленькаго роста и съ очень мелкими чертами блѣднаго нервнаго лица, съ черными, какъ уголь, точно улыбающимися глазками, — мистеръ Артуръ Брей, или Брайеръ, оптикъ; онъ не вѣритъ въ возможность эмиграціи цѣлаго народа и потому проповѣдуетъ необходимость сохранять связь со старой родиной, обучать эмигрантскихъ дѣтей русскому языку, русской исторіи, слѣдить за русской литературой, не забывая, что лучшими своими порывами, высшими своими идеями еврейская молодежь обязана всетаки именно ей... Это, видимо, очень мягкій, женственнаго склада человѣчекъ, любитъ животныхъ и является въ стэндъ непремѣнно въ сопровожденіи маленькой темно-коричневой собачки, какъ-то удивительно подходящей къ своему хозяину...

Вотъ красавица миссъ Клара Алленъ, портниха, невѣста инспектора одного изъ мѣстныхъ страховыхъ обществъ, еще очень недавно бывшаго рабочимъ на паровой шляпной фабрикѣ въ Нью-Аркѣ *). Оба, и женихъ и невѣста, большіе сторонники выселенія евреевъ изъ Россіи, и именно — въ Америку, которую считаютъ просто Обѣтованной Землей. Особенно пламенно предана этой мысли миссъ Клара, утверждающая, что никакія жертвы для этого не будутъ чрезмѣрны и велики... Она горячо выражаетъ свою солидарность съ авторами только что выпущеннаго тогда воззванія къ еврейскому народу, въ которомъ крайняя демократическая партія въ пламенныхъ выраженіяхъ предлагала

*) Городъ въ штатѣ Нью-Джоржей, неподалеку отъ Нью-Іорка

американскимъ евреямъ, какъ можно скорѣй, слиться съ своимъ новымъ отечествомъ, и для этого разстаться даже со своимъ языкомъ...

А вотъ, наряду съ этими евреями, — полякъ, панъ Казиміръ Ціанковскій, или просто „Казя-философъ" страстный поклонникъ Канта... Бывшій студентъ рижскаго политехникума, панъ Казиміръ служитъ теперь уэйтеромъ, т. е. лакеемъ второстепеннаго ресторана и утверждаетъ, какъ, впрочемъ, и вся его (умѣренно-демократическая) группа, что для насъ, русскихъ, взрощенныхъ остатками крѣпостничества, это лучшая школа перевоспитанія.

— Вѣдь всякій трудъ почтененъ, не правда ли?—горячо восклицалъ онъ, сидя у кіоска, въ кружкѣ обычныхъ посѣтителей мистера Барнета. — Такъ почему же трудъ „услуженія" нужно предоставить только простолюдину, бѣдняку?.. Или мы, демократы-интеллигенты, вѣчно будемъ отводить себѣ пріятную, чистенькую область умственнаго труда, предоставляя меньшому брату черную и якобы унизительную работу? Нѣтъ, мы здѣсь... то есть кружокъ интеллигентныхъ демократовъ, рѣшили иначе: если иммигрантъ желаетъ устроиться при нашей помощи, онъ долженъ прежде всего приняться за такую работу. И, чѣмъ барственнѣе была предшествующая жизнь пришельца, тѣмъ болѣе необходимо, чтобы свою новую жизнь здѣсь онъ начиналъ со службы лакея, конюха, кучера. Только пройдя эту ступень, онъ имѣетъ нравственное право, оставаясь демократомъ, подняться на слѣдующую, высшую; только этимъ путемъ и возможно воспитать въ себѣ демократа, и мы, сознательные, обязаны показать тому примѣръ.

А вотъ близкій другъ и родственникъ „философа Кази", также уроженецъ Риги, нѣмецъ, бывшій студентъ-математикъ петербургскаго университета Адольфъ фонъ-Гогенфельдъ, или просто „Адя". Онъ уже два года работаетъ на шапочной фабрикѣ,— пришиваетъ козырьки и зарабатываетъ этимъ $2^1/_2$ доллара за восьмичасовой день. Пріятелямъ его извѣстно, что досуги свои онъ посвящаетъ разработкѣ положеній Лобачевскаго, но самъ „Адя" не любитъ разговаривать о своихъ занятіяхъ и утверждаетъ, что готовится лишь сдать экзаменъ за три курса математическаго факультета. На вопросъ, не надоѣло ли ему его скучное „шапочное" занятіе, онъ отвѣчаетъ вопросомъ: „а какое изъ фабричныхъ занятій не считаешь скучнымъ?" Жена его— сестра Ціанковскаго, по ремеслу цвѣточница, и имъ обоимъ достаточно $1^1/_2$ доллара въ сутки, такъ что открывается возможность кое-что откладывать, а при восьмичасовомъ рабочемъ днѣ остается достаточно досуга. Теперь у нихъ полная возможность слѣдить за литературой, видѣться съ близкими людьми... И онъ говоритъ совершенно искренно, что не промѣнялъ бы эту простую, но свободную трудовую жизнь на культурное прозябаніе

среди безпечальныхъ пошляковъ, напоминающихъ такъ называемое „порядочное общество“, въ которомъ онъ жилъ на родинѣ...

Вотъ, наконецъ, еще одинъ силуэтъ, на которомъ хотѣлось бы остановить вниманіе читателя. Передъ нами уроженецъ одного изъ крупныхъ городовъ Новороссіи, по профессіи—мелкій торговецъ готовымъ платьемъ, пятидесятилѣтній Аронъ Гителисъ. Онъ вдовецъ, живетъ уже семь лѣтъ въ Нью-Іоркѣ, выписалъ къ себѣ сына, двухъ племянниковъ, всѣхъ ихъ довольно сносно устроилъ, имѣетъ и самъ хорошій заработокъ... Казалось бы, всѣ условія для того, чтобы свыкнуться съ новой средой и акклиматизироваться въ Америкѣ. Но этотъ сѣдѣющій мечтатель, дрожащимъ, надтреснутымъ голосомъ поющій иногда космополитическія пѣсни молодежи, этотъ еврей-торговецъ страстно, до безумія тоскуетъ по русской родинѣ; она, съ ея небомъ, съ ея природой, коснѣющимъ въ нравственной полутьмѣ населеніемъ не сходитъ у него съ языка... Сынъ его, веселый, жизнерадостный парень, шляпный мастеръ, открыто смѣется надъ сентиментальностью отца, а старикъ грустить, тоскуетъ и, оставаясь наединѣ, говорятъ, нерѣдко плачетъ... Наблюдая эту скорбную фигуру, а впослѣдствіи и не одну еще ей подобную, я сожалѣлъ о томъ, что эта скорбь такъ и замираетъ за океаномъ... Будь у меня сильный талантъ, я съ радостью посвятилъ бы его описанію такого стараго тоскующаго сердца: быть можетъ, иные и поняли бы, наконецъ, что и сыны скитальческаго народа, какъ и всѣ люди на свѣтѣ, способны безотчетно, стихійно любить родную страну, хотя бы она была для нихъ всегда только мачихой: въ этой любви—и слабость, и величіе человѣка...

Здѣсь, за океаномъ, какъ извѣстно, еврейскаго вопроса не существуетъ; за то здѣсь есть евреи-ветераны, служившіе добровольцами и раненые въ бояхъ за освобожденіе негровъ. Въ одинъ изъ осеннихъ дней, кажется, въ концѣ ноября, ежегодно, не смотря ни на какую погоду, шествуютъ колонной эти ветераны съ военной музыкой во главѣ по улицамъ города,—это день ихъ полкового праздника.

Но въ мундирѣ ли, въ обыкновенномъ ли цивильномъ платьѣ, каждый изъ нихъ знаетъ, что для всѣхъ, даже для главы государства, каждый изъ нихъ—„мистеръ“ и „сэръ“. Здѣсь и не нашлось бы администратора, который могъ бы признать, что цѣлому народу приличествуетъ не только въ захолустномъ быту, но и оффиціально, предъ лицомъ всего государства, носить уничижительныя имена, данныя иновѣрцамъ темною, грубою чернью; за то здѣсь есть полноправные граждане, искренно преданные

своему отечеству и съ честью несущіе свои общественныя и личныя обязательства...

На срединѣ широкаго Истъ-Бродуэйя, неподалеку отъ знаменитаго Бруклинскаго моста, высится громадное пяти или шестиэтажное зданіе—Еврейскій Институтъ. Тутъ помѣщаются: обширная библіотека (много и русскихъ книгъ), читальня, школы для дѣтей разнаго возраста, профессіональная школа; тутъ же читаются курсы по предметамъ средняго и высшаго образованія, а по вечерамъ—ремесленные классы, лекціи по предметамъ техники и искусствъ, при чемъ окончившимъ шестимѣсячный курсъ выдается полный наборъ инструментовъ пройденнаго ими ремесла. И все это — безплатно, и все это — для всѣхъ желающихъ, безъ всякаго различія вѣроисповѣданія и національности.

На аристократическомъ Пятомъ-эвеню (уголъ 76-й улицы, противъ Центральнаго парка), высится златоглавый храмъ „Bethel“ (куполъ 140 футовъ вышины). Съ каѳедры этого храма рядъ выдающихся еврейскихъ проповѣдниковъ горячо возглашаетъ принципы деизма, какъ основу общечеловѣческихъ отношеній. И это не только никого здѣсь не смущаетъ, но послушать проповѣдниковъ сходятся нерѣдко люди разныхъ національностей и исповѣданій... Проповѣди знаменитаго сенъ-луисскаго раввина, наѣзжающаго порою въ Нью-Іоркъ, появляются на слѣдующій же день цѣликомъ почти во всѣхъ мѣстныхъ газетахъ, а красующійся тутъ же портретъ его, воспроизведенный въ десяткахъ моментальныхъ снимковъ, передаетъ выраженіе лица оратора въ наиболѣе патетическихъ мѣстахъ рѣчи.

Еще болѣе, если хотите, замѣчателенъ другой еврейскій храмъ той же улицы—„Эммануэль“. Замѣчателенъ онъ не столько оригинальностью своей мавританской архитектуры и милліонной стоимостью сооруженія, сколько терпимостью и братской предупредительностью, проявленной его общиной и ея раввинами по отношенію къ сосѣдямъ-христіанамъ: когда, нѣсколько лѣтъ назадъ, сгорѣла здѣсь ближняя унитаріанская церковь, синагога „Эммануэль“ гостепріимно открыла свои двери христіанамъ, и богослуженіе нѣкоторое время стало чередоваться: сегодня—еврейское, завтра—христіанское...

Гражданственно-просвѣтительная и устроительная дѣятельность представителей мѣстной еврейско-русской общины группируется вокругъ помянутаго „Hebrew Institut“ и связанныхъ съ нимъ учрежденій. Параллельно съ нимъ, и нисколько не въ антагонизмѣ другъ съ другомъ, работаетъ нѣсколько христіанскихъ братствъ, изъ которыхъ интересно руссинское съ его органомъ „Свобода“, редактируемымъ православными священниками-демократами и сторонниками экономическаго переустройства общества на началахъ самой широкой человѣчности, справедливости и свободы.

Соединяя людей во имя высшихъ началъ человѣческаго нравственнаго сознанія, братство, какъ я убѣдился изъ личнаго, къ сожалѣнію—кратковременнаго знакомства съ однимъ изъ выдающихся его членовъ, о. Иваномъ Рудькомъ, отнюдь не посягаетъ на религіозныя представленія человѣка, избѣгаетъ насилія или оскорбленіе религіознаго чувства: развивая въ иммигрантѣ-простолюдинѣ естественное чувство общечеловѣческой солидарности, расширяя его кругозоръ, ему оставляютъ неприкосновенными его религіозные представленія и обряды, исходя изъ совершенно правильнаго убѣжденія, что послѣдніе—лишь внѣшнее выраженіе первыхъ, а эти, въ свою очередь,—лишь продуктъ естественнаго стремленія человѣка къ высшей правдѣ, добру и вѣчной истинѣ...

Въ странахъ съ извѣстнымъ ограниченіемъ правъ одной части населенія, сравнительно съ другой, въ полноправномъ простолюдинѣ всегда живетъ зародышъ безсознательной непріязни къ „ограниченному“ закономъ иноплеменнику. Но вотъ, этотъ простолюдинъ переѣзжаетъ сюда, за океанъ, и отъ его антисемитическаго настроенія не остается слѣда. Въ Нью-Іоркѣ евреевъ, преимущественно русскихъ, свыше 250 тысячъ; занимаются они, въ массѣ, тѣмъ же самымъ, что и у насъ—между прочимъ, и старьевщичествомъ, содержаніемъ питейныхъ заведеній, коммиссіонерствомъ, маклерствомъ и другими непроизводительными занятіями; проживаютъ они и громадной, сплоченной, почти двухсотъ тысячной массой въ Даунтаунѣ и разрозненно, среди христіанъ, въ Эптаунѣ, входятъ въ то или иное тѣсное имущественное, торговое и промышленное соприкосновеніе съ христіанскимъ населеніемъ—и группами, и въ одиночку, но никто, ни среди янки, ни среди пришлаго элемента, никогда не услышитъ здѣсь такихъ выраженій, какъ „еврейская эксплуатація“, „торгашество“, „спаиваніе народа евреями“, „еврейское мошенничество“...

За то круговоротъ американской жизни, захватывающій особенно сильно наиболѣе воспріимчивыя молодыя поколѣнія иммигрантовъ, порождаетъ часто глубокій расколъ и рознь среди пріѣзжающихъ сюда семей...

— И той не человѣкъ, хто сюды йидзе!—говорилъ мнѣ на своемъ польско-малороссійскомъ жаргонѣ маленькій сѣрый еврей съ задумчивымъ взглядомъ.

— Что-жъ, развѣ здѣсь вамъ плохо живется?

— Ой-ой!.. Имѣю себѣ три сыны, двѣ дочки, а дитей у мене немае, все равно умерли!..

— Не понимаю...

— Не понимаю и я!—скорбно подхватываетъ онъ и безнадежно разводитъ руками.—Такіе булы разумныя, до Бога вчены, до звычаго добри... И що зъ ными зробылось?.. У шабосъ винъ цігарку палыть, трефне йисть...

— А дочки?..

— Дочки...

Глаза старика вспыхиваютъ недобрымъ огнемъ, сѣдая борода трясется... Черезъ секунду, впрочемъ, скорбь пересиливаетъ.

— Нема у мене и дочокъ,—нема!.. Нѣмцы забралы!

Оказывается, старшая дочь его, работница на фабрикѣ бѣлья, вышла по любви за мастера, гладильщика рубахъ, поляка изъ Познани. Вторая дочь перешла жить къ замужней и готовится выйти тоже за христіанина,—благо, законъ этого не возбраняетъ...

— Кажыть мини, чи у цієй стороні уседа таке паскудства, чи тильки теперички?

И бѣдняга пытливо всматривается вамъ въ лицо, ища признака сочувствія, надежды на иное будущее...

Не догадаться ему, не понять властнаго очарованія широкихъ свободныхъ формъ новой жизни, такъ мощно захватывающихъ молодежь! А послѣдняя, со свойственнымъ молодости эгоизмомъ, всѣмъ существомъ своимъ устремляется къ заманчивому будущему, безжалостно порывая слабыя нити, внѣшнимъ образомъ еще связывающія ее съ отцами, и не замѣчая,—даже не желая замѣтить, какую страшную боль чувствуютъ тѣ при этомъ и съ какою горькою безнадежностью снова обращаютъ духовные взоры туда, гдѣ, правда, ихъ жестоко оскорбляли, но оскорбляли чужіе, иновѣрцы, иноплеменники, а не свои кровныя, родныя дѣти...

Тяжело наблюдать эту трагедію, тяжело сознавать, что не найти тутъ и слова старику въ утѣшеніе... А въ усталыхъ и робкихъ глазахъ бѣдняка, сквозь скорбь и досаду, свѣтится такое мучительно страстное желаніе считать все „это" лишь временнымъ случайнымъ недоразумѣніемъ...

IX.

Центральный паркъ.—Мистеръ Мэтью Уэлсли.—Солнечный лучъ.—Положеніе прислуги.—Нѣчто объ американскомъ театрѣ.—Безпаспортный народъ и адресное дѣло.—Мистеръ Бенжаменъ Гейлъ.—Въ поискахъ работы.—Нью-Іоркскія газеты.—Адская экспедиція.—На гавани.—На волосокъ отъ тюрьмы.—Куда глаза глядятъ.

Вывѣски, вывѣски, вывѣски,—безъ конца!..

Вывѣски горизонтальныя и вертикальныя, сплошныя и ажурныя, обыкновенныя и свѣтящіяся, неподвижныя и автоматически передвигающіяся, вывѣски на стѣнахъ домовъ, на печныхъ трубахъ, на оконныхъ стеклахъ, на панели тротуаровъ, на гигантскихъ флагахъ, рѣющихъ надъ половиной квартала, на коврахъ, вымпелахъ и полотнахъ, свѣшивающихся съ веревокъ, протянутыхъ на нѣкоторой высотѣ черезъ улицу, въ видѣ гигантскихъ гирляндъ...

И все это бѣшено мчится навстрѣчу несущемуся на всѣхъ

парахъ эстокадному поѣзду, точно торопясь другъ передъ дружкой занять собой, заполонить все ваше вниманіе, и пропадаетъ позади въ сѣровато-красномъ ущельѣ улицы лишь для того, чтобы дать мѣсто другимъ, такимъ же мертвенно безразличнымъ и кошмарно-назойливымъ буквеннымъ чудищамъ. Вамъ некогда замѣтить архитектуры встрѣчныхъ зданій, вамъ некогда подумать даже, обладаютъ ли они вообще какой-нибудь архитектурой: коротенькіе, футовъ въ 300 кварталы быстро смѣняютъ другъ друга, и въ открывающихся вправо и влѣво отъ васъ новыхъ перспективахъ—новыя и новыя вывѣски, съ тою же безпощадностью хлещущія васъ по глазамъ... Вы отворачиваетесь, опускаете взоры къ полотну лежащей пятью-шестью этажами ниже улицы, но и тамъ, на плещущихся, какъ Божьи коровки, красныхъ фургонахъ, на крышахъ ползущихъ внизу вагоновъ конки—все такія же, назойливо кричащія буквы...

Таковы несложныя впечатлѣнія, ожидающія васъ въ поѣздахъ эстокадной желѣзной дороги Нью-Іорка, и потому, если вы направляетесь по ней линіею, пролегающей по 6-му и 9-му эвеню, то просто съ отрадой встрѣтите открывающійся, наконецъ, у 100-й улицы широкій просторъ, когда, внезапно извернувшись змѣей, легкая ажурная эстокада проходитъ на головокружительной высотѣ у сѣверо-восточнаго угла Центральнаго парка, оставляя влѣво террасы и переходы красиваго, но скуднаго растительностью Морнингсайдъ-парка.

Я направлялся къ дому № 138 восточной 127 улицы, куда былъ приглашенъ къ 6—7 часамъ вечера запиской. Теперь было около 3-хъ пополудни,—стало быть, у меня оставалось свыше трехъ часовъ свободнаго времени... Какъ было не соблазниться возможностью хоть немного ознакомиться съ этимъ чудомъ американской гортикультуры, о которомъ еще дорогою въ Америку, на пароходѣ, слышалъ я кучу восторженныхъ отзывовъ?..

И, дѣйствительно, американцамъ и тутъ есть чѣмъ гордиться *). Паркъ, въ его цѣломъ, великолѣпенъ: тутъ есть и обширныя бархатно-зеленыя лужайки, и холмы съ переброшенными на нихъ мостиками черезъ живописныя, удачно избранныя для этой цѣли миніатюрныя ущелья, и озера зеркальной воды съ поэтически задумавшимися надъ нею плакучими ивами и хрустально-прозрачные ключи. Долженъ признаться, что на меня сравнительно слабое впечатлѣніе произвели въ этомъ чудесномъ паркѣ именно тѣ вещи, которыя особенно выхваляютъ и гиды, и патріоты-американцы.

*) Въ высшей степени замѣчателенъ, напр., водоемъ такъ называемый Croton Reservoir'a, образованный взрывами динамита въ маковкѣ плоской гнейсо-гранитовой возвышенности. Водоемъ вмѣщаетъ 85 милл. ведеръ воды, самотекомъ бѣгущей съ высоты по трубамъ въ городъ. Это цѣлое озеро болѣе версты въ діаметрѣ.

Ни знаменитый звѣринецъ, ни еще болѣе знаменитая „Игла Клеопатры“, гигантскій египетскій обелискъ *), свидѣтель тысячелѣтій, сиротливо торчащій теперь у громаднаго гранитнаго зданія съ мраморной облицовкою зданія музея искусствъ, ни самъ этотъ музей (зданіе довольно уродливой архитектуры),—не оставили во мнѣ яркаго воспоминанія...

За то сѣверо-западная часть парка, гдѣ „сухіе янки“ постарались сохранить нетронутымъ все, что носитъ отпечатокъ подлиннаго стариннаго, нетронутаго лѣса—даетъ своеобразное настроеніе, которое трудно забыть... Купы гигантскихъ деревьевъ, въ ихъ естественной группировкѣ, то густо покрываютъ холмы, то разбросаны въ одиночку по дикимъ скатамъ, цѣпляясь за расщелины гнейсово-слюдяного сланца. И все это сурово и просто, не испорчено шаблонными бесѣдками, скамьями или гротами.

И точно въ pendant къ этой строгой картинѣ оттиснутой вдаль сѣверо-американской природы, на вершинѣ гребня, противолежащаго Вашингтонскимъ высотамъ, догадались сохранить и памятникъ гражданской старины — блокгаузъ. Это небольшое одноэтажное каменное зданіе, порядкомъ уже пострадавшее отъ времени, подъ широкой остроконечной крышей. Деревянныя части его уже побурѣли, вывѣтрились, штукатурка легко и быстро осыпается, обнажая точно язвы, пятна каменной кладки. Толстые дубовые ставни—теперь единственный признакъ того, что зданіе должно было служить защитою въ грозу военной непогоды. А между тѣмъ, въ такомъ хрупкомъ, ненадежномъ убѣжищѣ укрывались патріоты возстанцы, отъ сохи и рабочаго станка стекавшіеся сюда на защиту отечества. Какимъ неизъяснимымъ героизмомъ, какой несокрушимой энергіей и беззавѣтной любовью къ родинѣ должны были обладать эти мирные, совершенно неопытные въ военномъ дѣлѣ люди, осмѣлившіеся противустать хорошо обученнымъ и вооруженнымъ войскамъ хищной метрополіи и впослѣдствіи все-таки, какъ ничтожную щепку, сломившіе ея гордую силу!..

Да, невзраченъ этотъ старый блокгаузъ—это правда, но на

**) Четырехгранная пирамидальная глыба песчаника въ 64 кв. фута въ основаніи и 90 ф. (считая съ пьедесталомъ) высоты. Гигантскій обелискъ этотъ вѣсомъ около 90,000 пудовъ, какъ гласятъ сохранившіеся еще на немъ іероглифы, былъ воздвигнутъ Тотмесомъ III фараономъ Египта, царствовавшимъ за $1^1/_2$ тысячи лѣтъ до Р. Х, и стоялъ у храма Солнца въ Геліополисѣ около 1000 лѣтъ, когда дикій Камбизъ, завоевавшій Египетъ, приказалъ обелискъ опрокинуть. Въ такомъ состояніи онъ находился до завоеванія Египта римлянами, когда его перевезли въ Александрію и поставили передъ дворцомъ Антонія, откуда и пошла легенда о принадлежности обелиска Клеопатрѣ. Городу Нью-Іорку достался этотъ мономбръ уже какъ даръ хедива Измаила-паши. „Иглу Клеопатры“ перевезли сюда въ 1880 г., что съ постановкой обошлось около 205 тыс. рублей. Такъ дорого стоилъ кусокъ камня, въ сущности мало говорящій сердцу человѣка!.. Расходы по постановкѣ, впрочемъ, принялъ на себя Вандербильтъ.

того, кто хоть секунду могъ душою постичь святое величіе непреклонной борьбы съ тираніей, на того видъ этого скромнаго маленькаго зданія, одиноко стоящаго на вершинѣ скалы среди хмураго строгаго лѣса, произведетъ впечатлѣніе, съ какимъ не сравниться худосочнымъ восторгамъ туристовъ предъ блестящими дворцами-громадами королей и князей...

Солнце садилось. Тонкія полосатыя облака, точно стремясь уловить его послѣдній взглядъ, стѣснились на небосклонѣ и расцвѣтились прощальной улыбкой. Тѣни отъ густо поросшихъ по склону деревъ замѣтно подступали къ безмолвному дому. Вотъ онѣ у стѣнъ, вотъ поползли на самыя стѣны, добрались до крыши, перекинулись черезъ нее и потонули въ свободномъ просторѣ прилежащей долины. Въ потеплѣвшемъ, напоенномъ неуловимыми ароматами засыпающаго лѣса воздухѣ, было тихо-тихо, точно не въ полу-верстѣ отсюда, а гдѣ-то тамъ, далеко за потемнѣвшимъ горизонтомъ, былъ этотъ безпокойный городъ, съ его не знающими устали шумомъ и суетой. Обстановка навѣвала грезы...

И грезилось мнѣ,—вотъ-вотъ послышится торопливый, мятущійся топотъ и, неуклюже взбираясь по склону, размахивая грубыми мозолистыми руками, побѣгутъ сюда коренастыя бритыя фигуры въ уродливыхъ шляпахъ, самодѣльныхъ бѣлыхъ холщевыхъ рубахахъ и распахнувшихся на груди безрукавкахъ... А оттуда вотъ, со стороны моря, подойдутъ великодушные европейскіе добровольцы, переплывшіе грозный, бурный океанъ, чтобы подоспѣть на святое дѣло защиты республиканской свободы.

Къ 6 часамъ вечера того же дня, пройдя семнадцать кварталовъ, сплошь застроенныхъ двухэтажными, очень схожими другъ съ другомъ щеголеватыми домами изъ кирпича и красно бураго песчаника, добрался я, наконецъ, до 127 улицы, населенной въ значительной степени врачами, пасторами, педагогами, вообще людьми такъ называемыхъ „вольныхъ профессій".

Все здѣсь дышало довольствомъ, постояннымъ, привычнымъ достаткомъ; всякаго рода лавочки совершенно отсутствовали, какъ бы знаменуя тѣмъ, что запасливые мѣстные обыватели совсѣмъ не нуждаются въ услугахъ мелкой торговли. Тротуары, отъ бордюра гранитной мостовой до самыхъ стѣнъ домовъ сплошь залитые асфальтомъ, были удивительно чисты, словно ихъ только что вымыли и до суха вытерли тряпкой.

Я шелъ, не торопясь и не безъ нѣкотораго волненія размышляя о томъ, какъ встрѣтитъ меня знакомый, несомнѣнно „сытый" человѣкъ, къ которому я теперь направлялся съ рекомендательнымъ письмомъ: костюмъ мой былъ порядкомъ поношенъ, а американцевъ, при всемъ ихъ демократизмѣ, это очень шокируетъ, въ особенности,—въ просителѣ... Съ другой стороны, о самомъ существованіи мистера Мэтью Уэлсли, я узналъ лишь изъ письма своего школьнаго товарища, воспитывавшагося въ Россіи

американца. Я переслалъ письмо и получилъ въ отвѣтъ коротенькую записочку: мистеръ Мэтью Уэлсли будетъ радъ принять у себя на завтра, между 6 и 7 ч. вечера.

Мистеръ Уэлсли встрѣтилъ меня на порогѣ своего комфортабельно обставленнаго парлюра *). Это былъ высокій, худощавый лысый блондинъ съ остроконечной бородкой и въ золотыхъ очкахъ, изъ-подъ которыхъ внимательно блестѣли маленькіе свѣтло-сѣрые глаза.

Любезный хозяинъ, рѣшительно не замѣчавшій явныхъ дефектовъ моего костюма, былъ чрезвычайно предупредителенъ. Послѣ обычныхъ вопросовъ о томъ, какъ нравится мнѣ въ Америкѣ и проч., онъ сейчасъ же сообщилъ мнѣ, что и самъ „немного русскій": женатъ на дочери лица, долгое время служившаго американскимъ консуломъ въ нашемъ отечествѣ, родившейся въ Россіи и очень любящей свою родину. Къ сожалѣнію, жена его должна была уѣхать навѣстить прихворнувшую золовку, но очень рада будетъ познакомиться со мной при слѣдующемъ моемъ посѣщеніи, которое, онъ надѣется, не заставитъ себя долго ждать.

Тутъ сидѣвшая на сосѣдней софѣ, рядомъ съ нарядно одѣтой дѣвушкой, негритянкой, все время молча наблюдавшая насъ, хорошенькая пяти или шестилѣтняя востроглазая дѣвочка быстро спрыгнула на полъ и, громко шлепая по паркету ножками, подбѣжала ко мнѣ.

— Ты—русскій?—крикнула она, на мигъ остановившись и глядя на меня въ упоръ ярко-черными глазками.

Въ ту же секунду гибкія маленькія ручки обхватили мою шею и дѣтскія губки впились въ мои... Точно солнечный лучъ поцѣловалъ меня въ сердце...

— Ты—русскій и мама—русская, и я—русская,—щебетала дѣвочка по-русски, серьезно, какъ большая, всматриваясь мнѣ въ лицо.—Посидя съ нами, приходи къ намъ...

Мистеръ Уэлсли молча смотрѣлъ на насъ, улыбался и, должно быть, чтобы довершить мое удовольствіе, и самъ заговорилъ по-русски,—довольно бѣгло, лишь изрѣдка останавливаясь, чтобы пріискать слово. Оказалось, что онъ почти два года прожилъ въ Петербургѣ, при посольствѣ, и теперь дома, для практики, любилъ говорить по-русски.

Въ комнатѣ, нагрѣвавшейся, какъ и вообще покои мѣстныхъ барскихъ квартиръ, паропроводными трубами, было жарко, и я попросилъ пить.

— Можетъ быть, чаю?.. Это у насъ дѣло пяти минутъ?—освѣдомился мистеръ Уэлсли.

— Холодной воды...

---

*) Гостиная; за нею, въ глубь дома, обыкновенно слѣдуетъ кабинетъ столовая, спальня и прочія комнаты.

— Со льдомъ прикажете?

— Если это не затруднитъ...

— Сэра! — обратился хозяинъ къ дѣвушкѣ-негритянкѣ по-англійски,—принесите, пожалуйста, гостю воды со льдомъ.

Дѣвушка тотчасъ же вышла изъ комнаты, а минуту спустя, граціозно поклонившись, подала мнѣ стеклянную кружку съ прозрачной, какъ хрусталь, водой и плававшимъ въ ней кускомъ такого же хрустально-прозрачнаго льда. Тутъ только я понялъ, что эта нарядно одѣтая дѣвушка—горничная.

Полчаса спустя, она снова вошла въ парлюръ, уже въ шляпѣ, мантильѣ и перчаткахъ, съ кружевнымъ моднымъ зонтикомъ въ рукахъ.

— Пожалуйста, вотъ ключъ отъ моей комнаты!—проговорила она, подавая хозяину маленькій мѣдный ключъ.—Будьте добры, мистеръ Уэлсли...

— Хорошо, Сэра, хорошо!..

Слегка поклонившись намъ, дѣвушка плавно, съ достоинствомъ удалилась. Хозяинъ, вѣроятно, замѣтилъ мое удивленіе и поспѣшилъ объяснить.

— Прислуга у насъ обязана работать только до извѣстнаго часа, точно условленнаго при наймѣ. Если же хозяевамъ явится надобность въ ея услагахъ и позже этого времени, они обязаны заблаговременно ее предупредить; за это сверхъурочное время, конечно, платится отдѣльно. Я не предупредилъ Сэру сегодня, она и ушла, хотя и на полчаса позже обыкновеннаго, — теперь 7½ часовъ. Боюсь, бѣдняжка опоздаетъ...—промолвилъ онъ озабоченно, какъ бы про себя.

— Куда?—спросилъ я машинально.

— Э-э... въ театръ. Наша Сэра—страстная поклонница Шекспира, знаетъ наизусть цѣлые монологи и—кàкъ читаетъ ихъ!.. Негры вообще очень способны къ декламаціи... Да... А сегодня, какъ разъ, Виндзорскія кумушки...

И, какъ бы въ отвѣтъ на мои мысли, онъ добавилъ:

— Вотъ уже на примѣрѣ Сэры можно бы видѣть, насколько справедливы сыплющіеся на насъ упреки въ профанаціи искусства.

— Мнѣ кажется,—замѣтилъ я,—обвиненіе противоположнаго характера существеннѣе...

— Вы говорите о такъ называемомъ пониженіи художественнаго вкуса?.. Да, насъ упрекаютъ и въ этомъ, указываютъ на грубость, вычурность, неестественность трескучихъ пьесъ, выдерживающихъ наибольшее число представленій. Это вѣрно, но... во-первыхъ, у насъ существуетъ на ряду со всѣмъ этимъ и серьезный театръ, ставящій дѣйствительно цѣнныя пьесы современнаго и классическаго репертуара, а во-вторыхъ... вѣдь все-таки не публика для театра, а наоборотъ, — не правда ли?

— Разумѣется,—согласился я.

— Стало быть, въ чемъ же дѣло?.. Искусство у насъ проникаетъ въ массу и, при этомъ, временно теряетъ въ своемъ содержаніи. Это, знаете, какъ въ логикѣ: чѣмъ больше объемъ, тѣмъ меньше содержаніе. Но таковъ ужъ естественный ходъ всякой демократизаціи вообще... За то, когда этотъ объемъ, такъ сказать, насытится, когда сотни нашихъ театровъ накормятъ, наконецъ, своей грубой стряпней нашу много-милліонную театральную публику,—какъ вы думаете, не предъявитъ ли она тогда, мало-по-малу, спросъ на иную, лучшую пищу?.. И какой, въ общемъ, могучій толчекъ впередъ дастъ этотъ спросъ всему искусству!.. И не ясно ли, кто въ этомъ отношеніи будетъ имѣть преимущество,—мы ли, пріобщившіеся къ области эстетическихъ воспріятій цѣлой націей, или вы, европейцы, съ яркими проявленіями эстетической потребности лишь у немногихъ избранныхъ?.. Впрочемъ... я очень виноватъ передъ вами: у насъ есть болѣе существенная и болѣе васъ интересующая тема для разговора... Перейдемъ же прямо къ предмету, о которомъ писалъ мнѣ мистеръ Стронгъ. Вы ищете занятій,—какихъ?

— Прежде всего такихъ, которыя я могъ бы исполнять. Физически я еще работать не могу: не совсѣмъ оправился послѣ болѣзни, языкомъ также еще владѣю плохо.

— Это не бѣда: есть занятія, гдѣ не требуется литературнаго знакомства съ языкомъ...

— Мнѣ уже предлагали подобное: поступить „уэйтеромъ"...

— Ну, и что же?

— Не способенъ...

Онъ улыбнулся.

— Типичный вы, стало быть, европеецъ... Ну, ничего: обживетесь, акклиматизируетесь, перемѣнитесь... А пока... Знаете что: возьмите вы фэрстъ-пэйперъ (первое свидѣтельство) *) Есть уже мѣсяца три, что вы въ Америкѣ?

— Уже четыре прошло. Но вѣдь требуется два года пребыванія въ Штатахъ,—возразилъ я.

— Пустое: всегда найдутся свидѣтели, которые такъ и покажутъ: это только формальность. Имѣй вы фэрстъ-пэйперъ, я

*) Такъ называется документъ, удостовѣряющій, что данное лицо, прожившее до этого уже 2 года на территоріи Штатовъ, заявило при свидѣтеляхъ предъ судомъ С. Штатовъ, что оно добровольно отказывается отъ присяги на вѣрность главѣ своего прежняго отечества или какого бы то ни было иного государства, кромѣ С. Штатовъ, и имѣетъ твердое намѣреніе стать гражданиномъ С. Штатовъ. „Секондъ-пэйперъ", или свидѣтельство о принятіи въ американское подданство — выдается такому лицу по истеченіи послѣдующихъ 3 лѣтъ, если оно докажетъ свидѣтелями, что обладаетъ доброю нравственностью, предано конституціи государства и готово его всѣми своими силами и средствами защищать. Требуется также пребываніе въ теченіе одного года въ данномъ штатѣ.

могъ бы васъ устроить на конкѣ: восьмичасовой день и два доллара поденной платы... Или, вотъ, на одну изъ муниципальныхъ работъ. Возьмите, право, иначе—невозможно...

— Нѣтъ, свидѣтельства я не возьму...

— Что же вамъ мѣшаетъ?—изумился мистеръ Уэсли и поглядѣлъ на меня поверхъ очковъ, въ упоръ.

— Я не имѣю намѣренія оставаться въ Америкѣ, и мнѣ не хочется и обманывать вашъ народъ относительно этого пункта...

— Да народъ объ этомъ ничего не знаетъ и спрашивать васъ не намѣренъ,—чуть-чуть улыбаясь, сказалъ м-ръ Уэсли.— Не знаю, что и сказать вамъ въ такомъ случаѣ, право... Вотъ что, однако: обратитесь-ка къ мистеру Гейлю, это — одинъ изъ очень дѣльныхъ членовъ попечительнаго о русскихъ иммигрантахъ комитета... Только о своемъ отношеніи къ вопросу... о натурализаціи не распространяйтесь: могутъ истолковать ошибочно.

— О такихъ вещахъ я говорю, только когда меня спрашиваютъ,—сказалъ я...

— И отлично... Ну, сходите же къ мистеру Гейлю, только непремѣнно—на квартиру, вечеркомъ. Адреса я не знаю,—узнаете изъ „Указателя". А къ намъ всетаки забѣгайте...

На этомъ мы и разстались.

Два слова объ „Указателѣ".

Даже здѣсь, за океаномъ, не могъ я нѣкоторое время отрѣшиться отъ представленія о паспортѣ, какъ о документѣ, необходимо сопутствующемъ человѣку въ общежитіи... Намъ, жителямъ восточной Европы, всегда кажется, „что безъ строительнаго устава, какъ мѣры пресѣченія" никакой городъ не выстроится, а безъ пожарнаго устава всякій городъ сгоритъ, а безъ адреснаго стола люди затеряются въ городахъ, какъ песчинка въ Сахарѣ. Въ Америкѣ легко уразумѣть, что собственный интересъ владѣльца научитъ его поставить домъ такъ, чтобы можно было въ немъ жить и чтобы люди надъ строителемъ не смѣялись. Но какъ, въ самомъ дѣлѣ, безъ вида на жительство, прописаннаго въ участкѣ, разыскать человѣка въ городѣ, гдѣ не только нѣтъ и не можетъ быть рѣчи о пропискѣ „видовъ на жительство" *), но гдѣ предоставляется даже полное право каждому именоваться любой фамиліей и перемѣнять ее, не спрашивая нигдѣ и никакого разрѣшенія и никого о томъ даже не увѣдомляя иначе, какъ по собственному своему произволенію?..

И однако же, въ любомъ крошечномъ поселкѣ, гдѣ только

---

*) Изъ этого, разумѣется, не слѣдуетъ, что американцы и вовсе обходятся безъ документовъ о личности: они имѣютъ право пріобрѣтать ихъ, гдѣ сами чувствуютъ въ томъ надобность, какъ, напр., при выѣздѣ за-границу, но это—право, а не обязанность.

имѣется аптека, аптекарскій магазинъ или почтовое отдѣленіе, вы, зная лишь имя и фамилію даннаго лица или хотя бы только его профессію и лишь смутно припоминая его имя, можете въ какія-нибудь пять минутъ узнать его точный адресъ въ городѣ; тамъ же, гдѣ имѣется контора „Указателя“ („Директори“), можете узнать точный адресъ любого лица въ Штатахъ, хотя бы оно проживало за четыре — пять тысячъ верстъ отъ вашего мѣстожительства...

„Указатель“ этотъ, въ видѣ многихъ тонкихъ, толстыхъ и толстѣйшихъ книгъ (для Нью-Іорка, напр.,—свыше 100 печатныхъ листовъ),—яркій примѣръ успѣшнаго примѣненія частной предпріимчивости къ обслуживанію общественной потребности, и при томъ потребности такой сложной, какъ адресное дѣло въ этой обширной, густо населенной странѣ. Составленіе этого „Указателя“ организовано чрезвычайно просто: нѣсколько сотъ опытныхъ бойкихъ агентовъ, большею частью соединяющихъ эту операцію съ собираніемъ объявленій для различныхъ повременныхъ изданій, приступаютъ одновременно къ ежегодной переписи всѣхъ проживающихъ въ данное время въ С. Штатахъ. Публика, при этомъ, всегда очень охотно даетъ требуемыя свѣдѣнія, такъ какъ видитъ въ этомъ собственную выгоду. Не малую пользу извлекаетъ для себя и „Тройская компанія“, ведущая это дѣло на свой собственный рискъ, безъ всякой откуда бы то ни было субсидіи, и богатѣющая, говорятъ, не по днямъ, а по часамъ. Доходы ея составляются изъ платы за пользованіе „Указателемъ“ въ ея многочисленныхъ конторахъ *), такъ и изъ выручки отъ продажи отдѣльныхъ томовъ. Плата за отдѣльные томы „Указателя“, принимая во вниманіе мѣстныя цѣны, вообще, совсѣмъ не высока. Такъ, „Указатель“ адресовъ г. Нью-Іорка стоитъ что-то около 20 р.

Достовѣрность сообщаемыхъ „Указателемъ“ свѣдѣній почти полная. Нужно замѣтить, что въ С. Штатахъ дѣйствуетъ такое замѣчательное государственное учрежденіе, какъ „Бюро Ценза“ (Census Office), съ его 800 слишкомъ агентовъ-статистиковъ; въ силу конституціи, это учрежденіе каждыя десять лѣтъ производитъ поголовную перепись всѣмъ, проживающимъ на территоріи республики. Данныя этой переписи служатъ великолѣпнымъ средствомъ контролировать и пополнять свѣдѣнія, доставляемыя публикѣ „Тройскимъ Указателемъ“.

Такимъ образомъ, свободолюбивые американцы умѣютъ и безъ паспортовъ поставить прочно адресное дѣло и только пожимаютъ плечами, когда пріѣзжіе, напр., изъ восточной Европы пробуютъ предъ ними защищать необходимость обязательной выборки паспортовъ, какъ средства защиты общества и помѣхи всякаго рода

*) За пользованіе Указателемъ взимается 25 ц. съ лица за каждые 1/2 часа; пользованіе въ продолженіе меньшаго срока—безплатно.

хищникамъ, въ родѣ злостныхъ банкротовъ, бѣглыхъ кассировъ и т. п., укрываться отъ глазъ правосудія... „Неужели",—скажутъ вамъ американцы,—„послѣ того, какъ судебная практика уже милліоны разъ вамъ доказала, что въ странахъ съ самой строжайшей паспортной регламентаціей плуту всегда легко, сравнительно за безцѣнокъ, достать себѣ сколько угодно подложныхъ паспортовъ,—неужели и послѣ всего этого вы не желаете понять, что обязательный паспортъ, нисколько не стѣсняя и не затрудняя мошенника и плута, является тяжкими путами, жестокимъ ярмомъ для самой личности и энергичной дѣятельности нравственно-правоспособнаго человѣка?!. Вѣдь это—вредный самообманъ, и только!"

„Тройскій Указатель" далъ мнѣ очень точный адресъ Бенжамена Гейля, обитавшаго на Истъ-Сайдѣ, о-бокъ съ кварталами, гдѣ споконъ вѣку селятся выходцы изъ Австріи и Россіи.

Мистеръ Гейль былъ плотный, коренастый джентльмэнъ съ замѣтно округлившимся брюшкомъ, большой головой и круглымъ бритымъ, грубоватымъ лицомъ. Довольно ординарная фигура не намекала, что предъ вами одинъ изъ извѣстныхъ окулистовъ Нью-Іорка и еще болѣе извѣстный и популярный дѣятель на современной народной нивѣ. Только небольшіе каріе глазки, зорко всматривавшіеся въ каждаго новаго собесѣдника, въ особенности тогда, когда на нихъ не глядѣли,—могли бы обнаружить человѣка, привыкшаго быстро распознавать людей и такъ же быстро принимать относительно нихъ опредѣленныя рѣшенія.

Мистеръ Гейль былъ необыкновенно популяренъ: онъ славился умомъ, энергіей, преданностью демократическому дѣлу, самою манерою своей рѣчи: короткими, отрывистыми фразами съ „передышкой" и явнымъ стремленіемъ направлять разговоръ по своему усмотрѣнію; восхищались даже его улыбкой, которая на меня лично произвела какъ разъ обратное, расхолаживающее впечатлѣніе: за этой привычно-привѣтливой улыбкой мнѣ почудилось холодное самосознаніе одного изъ тѣхъ „генераловъ", которые знаютъ себѣ цѣну, но въ другихъ привыкли цѣнить лишь какую-нибудь одну, нужную для ихъ дѣла, сторону...

Эта черта мистера Гейля, къ сожалѣнію, отразилась и на судьбѣ моихъ дальнѣйшихъ скитаній по Америкѣ... Усадивъ меня въ удобное мягкое кресло, мистеръ Гейль усѣлся самъ по другую сторону большого письменнаго стола и, какъ врачъ, попросилъ разсказать о себѣ все, начиная съ состоянія моего здоровья. Онъ слушалъ молча, лишь два или три раза проронивъ вполголоса: „поправимъ, поправимъ". Когда же, перейдя къ причинамъ, приведшимъ меня въ Америку, я сказалъ, что одною изъ главныхъ была жажда хоть тутъ, въ странѣ Свободы, встрѣтить стремленіе къ живому братству людей, стремленіе осуществить

чего, хотя бы въ общихъ основахъ, теперь же, а не черезъ тысячу лѣтъ,—мистеръ Гейль, пробормотавъ прежнее: „поправимъ, поправимъ!“ — поторопился перевести разговоръ на факты изъ моего „объективнаго прошлаго“: моего воспитанія, образованія, соціальнаго положенія на родинѣ и т. д., видимо желая подчеркнуть, что вотъ это и есть самое главное... Освѣтивъ, по возможности, всѣ эти интересовавшіе его пункты, я снова заговорилъ о своей давней мечтѣ, о духовной свободѣ, о возможности зажить тутъ, повинуясь лишь голосу свободной отъ всякаго внѣшняго давленія совѣсти... Мистеръ Гейль снова и столь же круто свернулъ на предметы конкретные:

— Итакъ, чего же вы желали бы отъ меня именно теперь?—спросилъ онъ, вставая.

Я нѣсколько опѣшилъ... Я почувствовалъ себя, какъ человѣкъ, темною ночью стучащійся въ дверь, за которой, видитъ онъ,—нѣтъ никого, а на дворѣ—мятель и стужа...

— Пока помочь мнѣ найти посильное занятіе,—сказалъ я, дѣлая новую попытку достучаться,—и если возможно, такое, гдѣ бы я вмѣстѣ съ тѣмъ могъ работать для того сближенія людей, о которомъ говорилъ вамъ... Пусть это будетъ трудная работа, но чтобы она шла въ томъ направленіи...

— Стало быть, на родинѣ... у васъ не нашлось связей съ Америкой?—не то утвердительно, не то вопросительно замѣтилъ мой собесѣдникъ.

— Я не предполагалъ, чтобы тутъ требовалась спеціальная рекомендація...

— А вотъ, побывали же вы предварительно у мистера Уэлсли?—сказалъ мистеръ Гейль, сопровождая эти слова внимательнымъ взглядомъ.

— Это случайность: мнѣ написалъ о немъ мой школьный пріятель, поселившійся на Западѣ, въ Дектонѣ... Но и я могъ бы сослаться на лицъ, вамъ, вѣроятно, извѣстныхъ... Вотъ, позвольте напр., на далекомъ востокѣ я близко знавалъ Макса Гейля, изъ Варшавы,—не родственникъ ли вашъ?

— Вы знали Макса? — съ искоркой оживленія проговорилъ мистеръ Гейль. — Вотъ какъ!.. Да, это мой двоюродный братъ; славный парень!

Я очень обрадовался пріятному открытію, но не успѣлъ открыть ротъ, чтобы разспросить о пріятелѣ, какъ искорка въ глазахъ м-ра Гейля уже потухла.

— Ну-съ...—сказалъ онъ чисто дѣловымъ тономъ,—могу предложить вамъ... работу въ портняжной мастерской.

— Я предпочелъ бы копать землю, колоть дрова, таскать тяжести на заводѣ,—отвѣтилъ я.

— Ваше дѣло... У насъ, однако же, и студенты работаютъ въ портняжныхъ мастерскихъ.

— Знаю. Я знакомъ уже съ однимъ: съ Гогенерельдомъ.

— Съ математикомъ?.. Итакъ... стало быть,—нѣтъ? Хотѣли бы въ землекопы?.. Есть и такія работы, есть! Но—городскія. Для этого надо вамъ натурализоваться. Какъ вы на этотъ счетъ?

Я высказалъ свое мнѣніе по этому предмету. Взглядъ мистера Гейля сталъ еще холоднѣе, тонъ еще суше.

— Вотъ видите... Ну, а мѣсто уэйтера?

Я опять отказался, прося какой угодно тяжкой работы—лишь бы хватило силъ... Но лакейская должность, связанная съ добровольнымъ самоуниженіемъ,—не по мнѣ.

— Такъ, такъ... Да, да, да... — загадочно процѣдилъ мистеръ Гейль.—Ну, если такъ, то... обдумайте хорошенько, обдумайте все и приходите въ пятницу,—это не слишкомъ долго для васъ... Или нѣтъ: въ субботу, послѣ пяти... А вотъ въ портняжную мастерскую—хоть завтра...—прибавилъ онъ, кинувъ на меня быстрый испытующій взглядъ.

На этомъ мы и разстались.

Въ огорченіи и досадѣ, возвращался я отъ мистера Гейля: я зналъ, что, кромѣ участія въ мѣстномъ попечительномъ о русскихъ иммигрантахъ комитетѣ, мистеръ Гейль былъ виднымъ дѣятельнымъ членомъ знаменитой „American Federation of Labor“, „Американской Федераціи Труда“ *), насчитывающей свыше 1,800 мѣстныхъ организацій или такъ называемыхъ „юніэновъ“. Эта могучая организація (имѣющая теперь уже свыше 2.100.000 членовъ), разраставшаяся рѣшительно не по днямъ, а по часамъ *) и выпускавшая въ свѣтъ для пропаганды своихъ идей цѣлыхъ 235 еженедѣльныхъ или ежемѣсячныхъ изданій **),—очевидно, давала мистеру Гейлю полную возможность оказать мнѣ просимое содѣйствіе и ужъ, во всякомъ случаѣ, не ограничивать выбора портняжествомъ или уэйтерствомъ. И мнѣ, въ тогдашнемъ моемъ положеніи и настроеніи, стало казаться, что со стороны мистера Гейля это просто проявленіе извѣстной власти надо мной, власти человѣка, дающаго работу, надъ человѣкомъ, ее ищущимъ...

---

*) До экзамена и полученія диплома на званіе американскаго врача мистеръ Гейль, имѣвшій уже дипломъ врача отъ одного изъ швейцарскихъ университетовъ, два съ половиною года состоялъ рабочимъ въ крупной оптической мастерской въ Нью-Іоркѣ.

**) Въ одномъ истекшемъ году къ федераціи примкнуло 114 отдѣльныхъ рабочихъ обществъ, состоявшихъ изъ 200,000 слишкомъ членовъ.

***) Органомъ „Федераціи“ служитъ „The American Federatiomst“, редактируемый главой организаціи, Самуэлемъ Гомперсомъ. Цѣль федераціи—поставить трудящихся въ условія независимости отъ милости работодателей и добиться болѣе справедливаго распредѣленія продуктовъ и выгодъ производства...

Въ назначенный день и часъ я всетаки былъ у дверей мистера Гейля, но... не засталъ его дома; мнѣ не могли здѣсь даже сказать, когда онъ возвратится. То же повторилось и на второй, и на третій день: я никогда не могъ его застать, а приходить въ пріемные часы для больныхъ считалъ неудобнымъ.

Мало-по-малу во мнѣ назрѣвало убѣжденіе, что Гейль поставилъ мнѣ ультиматумъ и желаетъ привести меня къ принятію своего рѣшенія. Дня черезъ два я не засталъ мистера Гейля дома уже и въ его пріемные часы.

Настроеніе мое становилось все хуже,—и понятно: съ одной стороны, сильно тощали мои финансы, и былъ уже день, когда, экономя на каждомъ кускѣ хлѣба, я легъ спать голоднымъ... Съ другой—во мнѣ наростало строптивое желаніе обойтись безъ властнаго мистера Гейля. Напрасно я говорилъ себѣ, что мистеръ Гейль лишь развернулъ передо мною практически ту самую программу, которую „философъ Казя“ развивалъ теоретически около „стэнда“ мистера Барнета. И тогда это меня не возмущало... А теперь, когда мистеръ Гейль, какъ бы пользуясь моимъ положеніемъ, навязывалъ мнѣ эту программу, что-то властно возставало противъ нея въ моей душѣ.

Я чувствовалъ себя теперь болѣе одинокимъ, чѣмъ когда-бы то ни было. Даже мой добрый Барнетъ оказывался теперь глухъ къ моему огорченію.

— Ну, что вы думаете? — говорилъ онъ, на еврейскій ладъ пѣвуче растягивая слова.—Что вы думаете? Даютъ работу—надо брать... Нѣтъ, вы все по своему: вотъ и борода вамъ ужасно нужна. Всѣ бреютъ, даже наши евреи, а вы не хотите... Какой вы человѣкъ, я не знаю! Почему не идете въ портняжную? Дадутъ вамъ бортъ, дадутъ пуговички — пришивайте пуговички къ борту и больше ничего!.. Эхъ, вы!.. Если-бъ я васъ не зналъ, я бы не сталъ и говорить съ вами послѣ этого!..

Весна этого года подошла поздняя: перемежаясь изрѣдка съ теплыми днями, почти весь мартъ стояли порядочные холода, а въ самомъ концѣ мѣсяца выпалъ такой снѣгъ, что одурѣвшіе отъ восторга янки день и ночь катались на саняхъ.

Горестно отзывался поздній подарокъ зимы лишь на безработныхъ *) и бездомныхъ, длинными вереницами стоявшихъ теперь по вечерамъ цѣлыми часами въ парахъ, какъ школьники, у полицейскихъ участковъ, гдѣ имъ отводился на городской счетъ ночлегъ съ придачею кружки чая и нѣсколькихъ картофелинъ въ мундирахъ. Но пользоваться гостепріимствомъ участковъ дов-

---

*) Не смотря на сокращеніе рабочаго времени до 8 ч. въ сутки, во время торговыхъ кризисовъ, и вообще къ зимѣ, тутъ скопляются тысячи безработныхъ. Рабочая демократическая партія поэтому ведетъ агитацію объ установленіи 6-часового рабочаго дня.

волялось каждому лишь троекратно, а затѣмъ—ищи ночлега, гдѣ хочешь!..

Въ надеждѣ найти работу при разгрузкѣ кораблей, я пошелъ въ гавань, направляясь на набережную Уэстъ-стритъ, гдѣ на протяженіи трехъ съ половиною миль примостились у берега 47 пристаней *). Тутъ не мало пристаней и желѣзнодорожныхъ, принадлежащихъ компаніямъ, чьи линіи оканчиваются на противоположномъ Нью-Джорзейскомъ берегу, есть и пристани паровыхъ фери-боотовъ, курсирующихъ межъ различными пунктами гигантской лагуны (здѣсь мало шансовъ для ищущаго работы пришельца); но тутъ же находятся пристани и нѣсколькихъ крупныхъ трансъатлантическихъ обществъ, владѣющихъ десятками гигантовъ, ежедневно то тамъ, то здѣсь пристающими у набережной для разгрузки и нагрузки.

Явился я на набережную, чуть свѣтъ, однако же цѣлыя сотни пришли еще раньше: мнѣ пришлось стать въ хвостѣ, подъ градомъ недружелюбныхъ взглядовъ „спеціалистовъ“ порта, не смотря на туманъ и утренній сумракъ, не замедлившихъ тотчасъ же разглядѣть во мнѣ новичка. Полчаса спустя, изъ поперечной улицы показался высокій, румяный господинъ въ свѣтлосѣрой мягкой шляпѣ, видимо—мѣстная сила.

— М'стэръ К'нэди, м'стэръ К'нэди! — сипло возгласилъ мой сосѣдъ, испитой субъектъ лѣтъ тридцати, дрожавшій отъ холода въ своемъ куцомъ пиджакѣ. Въ толпѣ живо смолкли толки, головы поворотились въ сторону свѣтила.

Мистеръ Кенэди, высоко поднимая богатырскія плечи, плавно подошелъ къ намъ. У меня сильно забилось сердце.

— Галлоу Боби, галлоу Джекъ!—здоровался онъ со старыми знакомцами, въ томъ числѣ—и съ моимъ сосѣдомъ.—А этотъ откуда? — кивнулъ онъ въ мою сторону.—Уходите! (Go away!)— громче обыкновеннаго крикнулъ онъ мнѣ, отворачиваясь.

Въ толпѣ точно вдругъ просыпали мѣшокъ орѣховъ,—послышался градъ шутокъ, насмѣшекъ; кто-то попробовалъ даже изъ-за чужой спины дать мнѣ, уходящему, тычка, но, къ счастью, не досталъ... Сконфуженный, я направился къ другой группѣ, чернѣвшей кварталами двумя по набережной дальше; въ отдаленіи виднѣлись толпы еще и еще.

Въ ту же сторону направился и какой то, уже пожилой, человѣкъ, повидимому, матросъ,—сухой, жилистый, съ энергичнымъ, но блѣднымъ лицомъ. Онъ былъ въ хорошей кожаной курткѣ, подъ мышкой держалъ небольшой узелокъ. „Должно быть, на дежурство,—подумалось мнѣ,—не спросить ли у него указаній?..“

— Гдѣ бы мнѣ, сэръ, найти какую-нибудь работу?—спросилъ

*) Каждое крупное пароходное общество тутъ владѣетъ отдѣльною маленькою пристанью, обыкновенно отгороженною наглухо отъ набережной, имѣющей поэтому видъ улицы.

я, поровнявшись: — сносчика или подручнаго къ трюмному, что ли...

— О, только не здѣсь, только не здѣсь! — воскликнулъ онъ живо. — Я тутъ потолкался довольно, знаю: изъ ста — тридцать, сорокъ человѣкъ попадаетъ на работу!.. По большимъ заводамъ ищите, если есть силы...

Я остановился. Шагнувъ еще разъ шесть, пріостановился и матросъ, что-то соображая.

— Давно ищете?—спросилъ онъ, оборачиваясь.

— Второй мѣсяцъ...

Онъ опять помолчалъ.

— А ну... два сапога—пара! Со мной въ Патерсонъ!—вдругъ предложилъ онъ рѣшительно. — У нихъ тамъ всѣ норы промочило,—найдется работа!

Изъ газетъ я уже зналъ, что наканунѣ въ этомъ городкѣ было сильное наводненіе: по улицамъ ѣздили въ лодкахъ. Было очень сомнительно, однако, чтобы тамъ не нашлось достаточно мѣстныхъ рукъ; къ тому же, предстояли расходы по поѣздкѣ... Я отказался. У рѣшетчатыхъ дверей пристани Ферп-боота добрый человѣкъ попробовалъ еще разъ поманить меня съ собой, но безуспѣшно...

Шагахъ въ тридцати отъ этого мѣста, передъ группой рабочихъ шнырялъ, между тѣмъ, взадъ и впередъ какой-то маленькій толстый человѣкъ, шипя, фыркая и быстро вызывая изъ толпы самыхъ сильныхъ, здоровыхъ; тутъ даже не отсчитывали по порядку: дѣйствовалъ искусственный отборъ, и дѣйствовалъ успѣшно, оставляя сотни голодныхъ людей за бортомъ *).

*) Немудрено, что при этихъ условіяхъ продуктивность стачекъ, не смотря на численный ростъ ихъ и на все расширяющуюся дѣятельность „Американской Федераціи“, замѣтно падаетъ, какъ объ этомъ можно судить по нижеслѣдующимъ даннымъ „Коммисіонера Труда Соед. Штатовъ“ отъ 1 янв. 1881 г. по 1 янв. 1893 г.

Годы.	Число			Процентъ успѣшности стачекъ.	Потери въ долларахъ:	
	Стачекъ.	Пром. заведеній.	Разсчитан. рабочихъ.		Хозяевъ.	Рабочихъ.
1881	471	2,928	129,521	61,37	3.372,578	1.914,483
1882	454	2,105	154,671	53,59	9.864,228	4.269,094
1883	478	2,759	149,763	58,17	6.274,480	4.696,027
1884	443	2,367	147,054	51,50	7.666,717	3.393,073
1885	645	2,284	242,705	52,80	10.663,248	4.388,893
1886	1,432	10,053	508,044	34,85	14.992,453	12.357,808
1887	1,436	6,589	379,726	45,64	16.560,534	6.696,495
1888	906	3,506	147,704	52,22	6.377,749	6.509,017
1889	1,075	3,786	249,559	46,49	10.409,686	2.936,752
1890	1,833	9,424	251,944	52,64	13.875,338	5.133,404
1891	1,718	8,117	299,064	37,87	14.801,714	6.177,288
1892	1,298	5,540	206,671	39,31	10.772,622	5.145,691
1893	1,305	4,555	265,914	50,82	9.938,048	3.406,195
Итоги.	13,494	63,993	3.228,340	сред. 44,49	135.569,395	67.037,220

— Скоро ли поможетъ тутъ „принудительная система"?—спрашивалъ я себя.—И не лучше ли людямъ свободно организоваться лишь во имя труда, но такъ, чтобы ни одинъ человѣкъ не оставался внѣ великаго братства рабочихъ?

На набережной было мокро и грязно; грязные же потоки отъ быстро таявшаго снѣга потянулись отъ оконныхъ карнизовъ внизъ, по фасадамъ упиравшихся въ грязно-сѣрое небо домовъ. На рѣчкѣ, куда-то маня, немолчно гудѣли гудки. Туманъ подымался, обнажая гладкую, чистую водяную поверхность, и чѣмъ дальше отъ берега, тѣмъ поверхность эта все болѣе свѣтлѣла: слой облаковъ, нависшихъ надъ нею, былъ тоньше. Вотъ, наконецъ, и солнечные лучи... Они прорвали кошмарную завѣсу, отгоняя сѣрые клубы тумана подальше. Рѣка озарилась, озолотилась розоватымъ блескомъ, точно море, обѣщая безбрежную волшебную даль впереди... Но вотъ туманы, все отступая, добѣжали и до противоположнаго берега, и взору открылись... такіе же грязные, угрюмые дома, какъ и здѣсь! Велики они, эти небоподпиратели, это правда, но волшебная даль, очевидно, гдѣ-то еще далеко за ними...

Въ числѣ моихъ случайныхъ нью-іоркскихъ знакомыхъ былъ нѣкто Экимъ (Іоахимъ) Зондерманъ, ближній торговецъ яйцами, масломъ и сыромъ. Это былъ австрійскій еврей, къ сожалѣнію, преотвратительно говорившій и плохо понимавшій, какъ по-русски, такъ и по-англійски. Свѣтлорыжій, чрезвычайно худой, съ тонкимъ, выдавшимся впередъ носомъ и быстро перебѣгавшими съ предмета на предметъ маленькими глазками подъ близко сходившимися бровями, онъ имѣлъ видъ настоящаго проныры, на дѣлѣ же былъ довольно добродушный человѣкъ, охотно вѣрившій въ долгъ и, поэтому, часто остававшійся въ накладѣ. Пронырливый видъ его, въ сущности, объяснялся лишь чрезвычайной подвижностью. Онъ вѣчно былъ въ хлопотахъ; пересматривалъ разъ уже пересмотрѣнныя яйца, перекладывалъ ихъ затѣйливыми группами на выставкѣ, переставлялъ громадные ящики изъ подъ яицъ, сложенные стѣной и отдѣлявшіе часть обширнаго магазина подъ „лабораторію", прибиралъ, подметалъ, обтиралъ стекла, — словомъ, не въ состояніи былъ просидѣть на мѣстѣ и нѣсколькихъ минутъ. Какъ-то, шутя, я предложилъ ему взять меня въ помощники. Онъ принялъ это въ серьезъ, сталъ извиняться, что размѣры его торговли не позволяютъ этого сдѣлать, а вотъ, если мнѣ угодно, онъ можетъ достать мнѣ рекомендацію къ мистеру Фризе, мастеру на сахарномъ заводѣ въ Бруклинѣ: тотъ сможетъ меня устроить... Разумѣется, я тотчасъ же ухватился за это предложеніе, и вотъ сегодня, по возвращеніи съ гавани, нашелъ у себя дома письмецо отъ Зондермана, предла-

гавшее мнѣ явиться къ мистеру Фризе сегодня же, въ 5 часовъ пополудни.

Къ назначенному времени я уже былъ у воротъ обнесеннаго грязно-сѣрой стѣной, высокаго и чрезвычайно мрачнаго зданія, расположившагося почти насупротивъ восточнаго конца Истъ Хаустонъ Стритъ. На самый заводъ меня не впустили,—предложили обождать на улицѣ. Нѣсколько перепачканныхъ сажей рабочихъ, одинъ за однимъ, показывались въ калиткѣ, любопытствуя узнать, кого мнѣ нужно, и тотчасъ исчезали обратно. Наконецъ, вышелъ черный, какъ трубочистъ, великанъ, молча взялъ у меня изъ рукъ записку Зондермана и пробасилъ:

— Фредерикъ Фризе. Что угодно?

— Я сказалъ.

— Никакого Зондермана, Тондермана, Бондермана не знаю!—гаркнулъ онъ такъ, что нѣкоторые изъ прохожихъ оглянулись.

Я недоумѣвалъ: адресъ былъ обозначенъ точно.

Великанъ вдругъ осклабился, показывая желтые отъ табачной жвачки зубы.

— Но это все равно,—проговорилъ онъ, не переставая усмѣхаться.—Можетъ быть, что-нибудь и сдѣлаемъ. Приходите завтра пораньше.

Разумѣется, я тотчасъ же направился къ Зондерману за объясненіемъ. Оказалось, что онъ знакомъ лично лишь съ меньшимъ братомъ Фризе, который, вѣроятно, не успѣлъ еще переговорить съ Фредерикомъ объ этомъ дѣлѣ.

И вотъ, раннимъ сумрачнымъ утромъ я снова у стѣны завода. Часа черезъ полтора явился и великанъ.

— Ну?—осклабился онъ.—За какимъ дьяволомъ вы пришли такъ рано? Тутъ и дьяволъ еще не успѣлъ бы ничего сдѣлать, а я—человѣкъ, могу васъ увѣрить. Я думалъ: пораньше вечеромъ. До свиданья!

Вечеромъ повторилась почти та же исторія, съ тою разницей, что онъ справился, могу ли я переносить высокую температуру, потому что въ отдѣленіи, гдѣ выгружаютъ налитыя сиропомъ формы, „самому чорту не показалось бы холодно". Я сказалъ, что готовъ перенести и жаръ, и холодъ, лишь бы найти работу.

— Лишь бы не голодъ, пріятель, а?—захохоталъ Фризе.—Ну, а возьметесь подвозить на тачкѣ песокъ: скоро изъ Гамбурга придетъ цѣлый пароходъ?..

Я соглашался и на это. Тогда великанъ предложилъ мнѣ придти завтра утромъ: тѣмъ временемъ онъ переговоритъ съ кѣмъ слѣдуетъ.

Не только завтра утромъ, но еще четыре раза утромъ и столько же разъ вечеромъ я напрасно любовался на грязныя стѣны завода, пока, наконецъ, не догадался, что... съ меня ожидается взятка. Наведенная, по моей просьбѣ, Зондерманомъ справка

подтвердила это нѣсколько запоздалое предположеніе. Фризе требовалъ десять долларовъ, чтобы пристроить меня на заводъ чернорабочимъ.

На подобный же аппетитъ наткнулся я въ одной гладильной *), мастеръ которой чрезъ одного изъ рабочихъ потребовалъ взятку въ 15 долларовъ. Недѣлю спустя, я наткнулся еще на бывшаго шляпнаго мастера, а въ ту пору — агента по страхованію жизни. Этотъ, чтобы устроить меня „купальщикомъ“ **), попросилъ десять долларовъ и обязательство взять столъ и квартиру въ семьѣ по его указанію, за недѣльную плату въ 3 доллара 50 центовъ. При платѣ въ 6 долларовъ въ недѣлю, я имѣлъ на всѣ остальные расходы около 10 долларовъ въ мѣсяцъ, по истеченіи же 3 мѣсяцевъ или при переводѣ на иную, болѣе сложную, работу долженъ былъ получать по $7^1/_2$ долларовъ. Условія, сравнительно, выгодныя; и всетаки я не могъ согласиться: во-первыхъ—меня возмущала взятка, во-вторыхъ—обязательство закрѣпоститься квартирой и столомъ, въ третьихъ—свѣдѣнія, добытыя Зондерманомъ... что-то слишкомъ ужъ часто мистеръ Пфлугъ шлетъ „купальщиковъ“ на эту фабрику. Не искусственно ли устраиваются эти свободныя вакансіи, приносящія посреднику, вѣроятно, пополамъ съ главнымъ мастеромъ фабрики — каждый разъ по 10—15 долларовъ (съ простаковъ онъ бралъ и дороже)? Это, казалось, тѣмъ болѣе возможнымъ, что взяточничество мастеровъ и, вообще, лицъ, имѣющихъ возможность „поставить на мѣсто“, такъ глубоко въѣлось здѣсь въ нравы, что я рѣшительно ни одного разу и ни въ комъ не замѣчалъ по такимъ поводамъ негодованія. Такъ жажда наживы вытравляетъ изъ людей и даже изъ окружающей ихъ атмосферы самую элементарную нравственную чистоплотность.

Съ мистеромъ Гейлемъ я свидѣлся еще разъ—недѣли черезъ двѣ послѣ перваго моего визита, и свиданіе это подтвердило мои предположенія.

Встрѣтилъ меня мистеръ Гейль все съ тою же привычно-привѣтливою улыбкою, ни словомъ не намекая на свою неисправность. Попробовалъ было напомнить объ этомъ я, сказавъ, что я прихожу въ четвертый разъ, но мистеръ Гейль, торопливо обронивъ: „былъ очень занятъ“,—сразу же поставилъ вопросъ:

---

*) Большую часть прачешныхъ и гладиленъ содержатъ тутъ, какъ и вообще въ Сѣверной Америкѣ, китайцы, проживающіе въ одномъ Нью-Іоркѣ въ количествѣ 3,000 человѣкъ. Въ послѣднее время, однако, все больше и больше открываютъ прачешныя русскіе евреи и поляки.

**) Обязанность его вылавливать голыми руками изъ чана съ горячей водой распаренныя тамъ шляпы. Не знаю, представляетъ ли слово это ходячій терминъ, или же это просто эпитетъ, изобрѣтенный юмористическимъ остроуміемъ мистера Пфлуга.

— Ну, надумали?.. Въ портняжную?

— Нельзя ли куда-нибудь въ столярную?

— Опять!.. Почему вы такъ гнушаетесь иголкой?

Я попробовалъ откровенно объяснить ему свое настроеніе. Я сказалъ, что не понимаю, почему онъ предпочитаетъ для меня иголку или мѣсто лакея, когда могъ бы предоставить болѣе широкій выборъ. Я сказалъ также, что вижу въ этомъ принужденіе, между тѣмъ какъ ищу прежде всего свободы. Мистеръ Гейль слушалъ внимательно, но лицо его становилось все угрюмѣе.

— Не совсѣмъ понимаю васъ, — сказалъ онъ сурово,—вижу только, что наши дороги расходятся... Очень жаль, но—что подѣлаешь?!

Онъ проводилъ меня до дверей, сухо пожавъ протянутую ему руку. Больше мы не встрѣчались.

На этотъ разъ и мистеръ Барнетъ, когда я ему разсказалъ про послѣднее свиданіе свое съ мистеромъ Гейлемъ, недовольно задумался. Онъ ни словомъ не обмолвился противъ своего кумира, но видно было, что не я—причина его недовольства.

— Э!—воскликнулъ онъ, наконецъ,—наши жидки говорятъ: не всѣ Сарры безплодны! Сходите-ка вы въ отдѣленіе.

— Куда, куда?.. Въ какое „отдѣленіе“?

— Ну, развѣ не знаете? Въ наше отдѣленіе, уголъ Истъ 4-й и Воуэри. Ну, — куда я забѣгалъ прошлое воскресенье, помните: мы шли вмѣстѣ отъ „математика?“ Тамъ, навѣрно, найдется работа.

Оказалось, дѣло идетъ объ отдѣленіи конторы компаніи, занимающейся экспедиціей главнѣйшихъ нью-іоркскихъ газетъ.

Тутъ необходимо маленькое отступленіе.

Тиражи американскихъ газетъ достигаютъ необычайныхъ, съ нашей точки зрѣнія, размѣровъ, и это идетъ параллельно съ необыкновенной дешевизной. Утренній номеръ газеты „World“, побившей всемірный рекордъ распространенности (4 ноября 1896 г. газета вышла въ количествѣ 1.397.129 экз.), стоитъ всего 2 цента (около 3³/₄ коп.) за 50—60 страницъ очень убористой печати *).

---

*) Корректируется такая газета цѣлымъ отрядомъ корректоровъ, со „старшимъ пруфридеромъ“ во главѣ, до котораго восходитъ разрѣшеніе лишь т. наз. ревизіонныхъ вопросовъ. Младшіе корректора со старшимъ сносятся помощью телефона, какъ и съ типографіей. Приходъ новой, какой угодно важности, телеграммы никогда не ведетъ къ переверсткѣ страницы: текстъ данной статьи прерываютъ хотя бы на полусловѣ, ставятъ выноску, показывающую на какой страницѣ искать продолженіе, а затѣмъ за обыкновенной „линейкой“ ставятъ текстъ только что полученной новости. Случается, что

Само собою разумѣется, что, собственно, текстъ газеты давалъ бы одинъ убытокъ, если бы не объявленія, которыя тоже при сравнительно невысокой платѣ (центъ за слово) составляютъ главный доходъ газеты и занимаютъ въ ней очень много мѣста. Количество же объявленій зависитъ отъ распространенности газеты. Отсюда—лихорадочная гонка газетъ въ этомъ направленіи. Я сосчиталъ какъ-то, что изъ 64 страницъ утренняго выпуска газеты „World" около 40 занимали объявленія. Къ 10 часамъ газета часто выпускаетъ второе изданіе, а въ 5 часовъ вечера появляется вечерній выпускъ...

При такомъ тиражѣ, разумѣется, нечего и думать объ экспедиціи всего выпуска собственными средствами. На помощь ей и является спеціальная компанія, въ свою очередь, затрачивающая на это дѣло крупныя суммы денегъ.

Въ отдѣленіе одной изъ такихъ-то конторъ, помѣщавшееся въ подвалѣ углового дома, сейчасъ за эстокадою улицы Боуэри, я и пришелъ съ рекомендаціей мистера Барнета. Было уже подъ-вечеръ, когда затишье экспедиціонныхъ операцій позволяло надѣяться на досугъ администраціи отдѣленія и, стало быть, на возможность переговорить, не спѣша. Вышло, однако, не то — и переговоры оказались очень коротки.

Изъ-за стеклянной перегородки конторы, пріютившейся въ углу подвала, вышелъ ко мнѣ франтовски одѣтый, полный и серьезный господинъ, съ массивною цѣпью на мохнатомъ жилетѣ. Господинъ этотъ прочелъ записку, дважды оглядѣлъ меня съ ногъ до головы, черезъ очки и поверхъ очковъ, — щуря, словно ощупывавшія меня, „ѣдкіе" глаза, и объявилъ, сжимая при каждомъ словѣ мясистыя бритыя губы.

— Очень хорошо!.. Сегодня ночью, въ 2 часа 45 минутъ.

— Какъ?—переспросилъ я въ изумленіи.

— Я сказалъ: ночью въ 2 часа 45 минутъ, или, если хотите безъ четверти въ три пополуночи. Это все... До свиданья!..

Въ половинѣ третьяго, радостно перебѣжавъ поперекъ почти подровину мертвенно затихшаго города, оглашаемаго лишь лѣнивыми позвякиваніями конки да грохотомъ не знающей и ночью покоя эстокады, — я былъ уже въ подвалѣ. Мистеръ Макъ-Клеланъ,—такъ звали шефа „отдѣленія"—проходя, кивнулъ мнѣ головой и сейчасъ же углубился въ толстѣйшую пачку какихъ-то блокнотовъ или счетовъ, поданную ему блѣднымъ, синеглазымъ стройнымъ юношей, уже лѣтъ шестнадцати, но одѣтымъ въ коротенькую дѣтскую куртку.

положеніе и этой послѣдней прерываетъ текстъ полученной еще позднѣе и т. д., никого и нисколько тѣмъ не смущая.

Кстати: въ Нью-Іоркѣ выходитъ 56 періодическихъ изданій, а въ Соед. Штатахъ 20,443. Тогда какъ въ Россіи около 850; въ Японіи—2,000.

Вдругъ что-то загудѣло, застучало,—это пріѣхали фургоны съ только что вышедшимъ номеромъ газеты „World".

— Что прикажете мнѣ дѣлать? — спросилъ я, подойдя къ принципалу.

— Стать вотъ тутъ.—онъ указалъ мнѣ мѣсто у конторы, откуда видно было все обширное помѣщеніе подвала, — и наблюдать.

И онъ торопливо, очевидно, о чемъ-то вспомнивъ, бросился къ телефону.

— А чтобъ тебя, съ твоимъ лаконизмомъ! — невольно выругался я, теряясь въ догадкахъ насчетъ своего новаго положенія.

А передо мною, частью вокругъ меня, съ какою-то яростной торопливостью сновали люди безъ сюртуковъ, принимавшіе и распаковывавшіе стрѣлой спускавшіеся въ подвалъ на низенькихъ телѣжкахъ тюки съ тысячами и тысячами экземпляровъ сильно пахнувшаго типографскою краской послѣдняго номера газеты. Синеглазый юноша просто леталъ по подвалу съ какими-то замѣтками въ рукахъ. съ непостижимой ловкостью лавируя въ этомъ адскомъ хаосѣ. Мистеръ Макъ-Клеланъ то и дѣло бросался къ телефону, къ пачкамъ блокнотовъ, откуда его толстые пальцы живо выуживали искомый листокъ, перекидывался лаконическими дѣловыми фразами съ десятками людей разнаго возраста и внѣшности, притекавшихъ сюда съ кускомъ клеенки или картона подъ мышками и уходившихъ съ пачками толстѣйшихъ номеровъ газеты.

Одни фургоны гулко подкатывались къ дверямъ, другіе, нагруженные для дальнѣйшей экспедиціи, такъ же гулко откатывали прочь. Тюки таяли, разбиваясь и раздробляясь на болѣе или менѣе толстыя пачки, мигомъ, и всегда безошибочно, получавшія дальнѣйшія назначенія. Народъ вокругъ пыхтѣлъ, сопѣлъ, работая почти молча,—изрѣдка лишь перекидываясь необходимыми замѣчаніями; блѣдный юноша леталъ теперь, уже весь красный, съ крупными каплями пота на шишковатомъ лбу. Отъ всей этой никогда еще невиданной мною суеты у меня просто кружилась голова, дыханіе учащалось, точно и я принималъ физическое участіе въ этой горячечной работѣ.

— Ну, годитесь сюда?—спросилъ меня, часъ спустя, мистеръ Макъ-Клеланъ, кивая въ сторону рабочихъ „отдѣленія".

— Нѣтъ, сэръ. Они у васъ бѣгаютъ, какъ клавиши фортепіано.

Онъ улыбнулся.

— Да, въ часѣ столько минутъ, сколько сработаешь. Можетъ быть, впрочемъ, испробуете?

— Нѣтъ, сэръ, не справлюсь. А вотъ, можетъ, будете такъ любезны, посовѣтуете, куда еще обратиться...

— Хорошій совѣтникъ одинъ только Богъ! — замѣтилъ онъ сентенціозно.—Обратитесь, на всякій случай, въ главную контору: 28, William Street, мистеръ Паркеръ управляющій. Желаю успѣха!..

Здѣсь меня ждала, однако, не бо́льшая удача: мистеръ Паркеръ, удивительно походившій лицомъ на Листа, только безъ гривы, заставилъ меня прождать добрый часъ, чтобы сказать, что „въ настоящее время ничего нѣту!"

— Быть можетъ, будетъ впослѣдствіи? — освѣдомился я нерѣшительно.

Онъ поморщился.

— Если и будетъ,—замѣтилъ онъ рѣзко,—то я не приму незнакомаго, чтобы не дать повода десятку другихъ напрасно отнимать у меня время!

— Сэръ, вы забываете, что нужда отнимаетъ у нихъ нѣчто большее!—огрызнулся я.

— Кто васъ прислалъ ко мнѣ? — спросилъ онъ нѣсколько мягче.

— Мистеръ Макъ-Клеланъ.

— Такъ скажите ему, чтобы онъ васъ принялъ самъ.

— Благодарю!

Въ конторѣ газеты „Таймсъ" оказался еще болѣе сердитый администраторъ: когда, вслѣдъ за его отказомъ, я предъявилъ ему обычную просьбу посовѣтовать мнѣ, куда бы еще обратиться, онъ отвѣтилъ просьбой: „уйти, какъ можно скорѣе, съ глазъ!" Въ конторѣ „Mail and Express" („Почта и Курьеръ") отказъ сдобрили совѣтомъ подать объявленіе въ газету. А какъ мало могло бы оно мнѣ помочь, видно уже изъ того, что такъ называемыя „situation wanted", т. е. объявленія ищущихъ занятій составляютъ обыкновенно 8—10 страницъ убористой печати въ каждомъ утреннемъ номерѣ „World'a"...

Проходя улицею прессы—„Park Row", я замѣтилъ въ трехъ-четырехъ окнахъ многоэтажнаго зданія вывѣску, гласившую золотыми буквами на стеклѣ, что тутъ помѣщается редакція газеты „Христіанскія Новости". Я рѣшилъ зайти еще сюда.

Поднявшись по круто извивавшейся винтомъ каменной лѣстницѣ на седьмой этажъ (3 безостановочно работающія подъемныя машины все время были переполнены пассажирами), я вошелъ въ обширную комнату, гдѣ за палисандровымъ барьеромъ сидѣлъ человѣкъ, великолѣпно упитанный, розовый и благодушный. Это былъ самъ мистеръ Робертъ Тайнеръ, редакторъ-издатель и докторъ философіи, какъ онъ не преминулъ мнѣ отрекомендоваться. По всей вѣроятности, это былъ и самый общительный человѣкъ въ Нью-Іоркѣ: за десять—пятнадцать минутъ, что я у него пробылъ, онъ, безъ всякой видимой надобности, сообщилъ мнѣ, что живетъ съ семьей въ четырехъ миляхъ отъ Нью-Іорка, куда ежедневно въ 9 часовъ пріѣзжаетъ въ контору работать. Еженедѣльный

журналъ свой ведетъ единолично, давая руководящія статьи и вырѣзки изъ газетъ, касающіяся современнаго положенія христіанства... Сотрудниками у него состоятъ только читатели, которымъ предоставляется широкое право поднимать какіе угодно вопросы на столбцахъ изданія. Въ служащихъ онъ также не нуждается, а вотъ, если мнѣ угодно, то онъ можетъ предоставить мнѣ агентуру въ любомъ изъ городовъ, гдѣ таковой еще не имѣется, но— на собственный счетъ и рискъ... Впрочемъ, журналъ отличается столь яркими достоинствами, что, при извѣстной энергіи и выдержкѣ, агентъ сумѣетъ отлично вознаградить себя за труды...

Вечеромъ того же дня кто-то изъ обычной публики кіоска мистера Барнета сообщилъ мнѣ, что изъ конторы „Нью-Іоркъ-Герольдъ“ только что уволился, служившій тамъ, извѣстный русскій писатель Максимовъ, и что въ этомъ газетномъ министерствѣ, будто бы охотно, принимаютъ русскихъ. Это навело меня на мысль попытать счастья.

Громадное двухъ-этажное, занимающее цѣлый кварталъ зданіе (между 34 и 35 улицами, Бродуэйемъ и 6 эвеню), съ его страннымъ фасадомъ, являющимъ жалкое подражаніе дворцу дожей въ Венеціи, наполовину окутано было густымъ, холоднымъ туманомъ. Высокія аркады изъ полированныхъ гранитныхъ колоннъ, причудливой формы парныя окна, скопированныя съ итальянскихъ произведеній временъ возрожденія, орнаментъ пилястръ и карнизовъ, самыя статуи Минервы на невысокомъ фронтонѣ у угловъ— все это отдавало вычурностью и безвкусіемъ. Внутри зданія, съ его пятью колоссальными двойными машинами, выпускающими вмѣстѣ 450,000 экземпляровъ газеты въ часъ, навѣрное, и теперь кипѣла работа, потому что газета, обладающая собственными телеграфными проводами черезъ океанъ, безустанно принимаетъ приливающія къ ней новости со всего свѣта; но въ наружныхъ окнахъ зданія нигдѣ еще не свѣтился огонекъ, и среди этого свинцоваго тумана оно и само обдавало нервно настроеннаго человѣка какой-то свинцовой мрачной безнадежностью. Я провелъ тутъ около часа, слыша, какъ часы межъ статуями, изображающими словолитчика и печатника, на фронтонѣ били четверти и получасы, и все не рѣшался войти...

Наконецъ, пройдя колоннаду, я былъ въ дверяхъ. Здѣсь быстрыми шагами направился ко мнѣ какой то высокій, худой господинъ *), съ длиннымъ олимпійски величавымъ лицомъ и точно вырубленнымъ топоромъ четырехугольнымъ подбородкомъ.

— Кого вамъ надо? — кинулъ онъ мнѣ, останавливаясь въ полъ-оборота.

Я сказалъ.

---

*) Какъ узналъ я впослѣдствіи, это былъ мистеръ Джонъ Лаисъ, одинъ изъ лакеевъ конторы газеты...

— Имѣете какія-нибудь рекомендаціи?
— Никакихъ...
— Нѣтъ мѣста, нѣтъ работы.
— Можетъ быть...
— Нѣтъ мѣста, говорю... Некогда разговаривать!..

И онъ тѣми же быстрыми шагами вышелъ на улицу, рѣзкими движеніями толкая дверь передъ собой.

Вышелъ и я. Въ окнахъ зданія все еще было темно, хотя уже совсѣмъ свечерѣло; только циферблатъ часовъ безучастно, какъ глазъ циклопа, глядѣлъ передъ собой, освѣщенный холоднымъ матовымъ свѣтомъ. Вдругъ въ глазахъ совъ, разставленныхъ по фронтону между статуями Минервы, попеременно—то въ правомъ глазу, то въ лѣвомъ — замигали желтоватые огоньки. И мнѣ казалось, что было что-то нагло-насмѣшливое въ этомъ миганьи...

А кругомъ кипѣла жизнь...

Шла уже суета предвыборныхъ *) маневровъ: ораторы произносили рѣчи, раздавали тысячами памфлеты, восхваляя своихъ кандидатовъ, насколько возможно черня и роняя чужихъ; на улицахъ у главныхъ квартиръ разныхъ партій участка, пестрѣли флаги, слышались взрывы холостыхъ петардъ; наконецъ, на куполѣ зданія газеты World, въ знакъ побѣды республиканцевъ, зажглись розовые лампіоны, огненной короной красуясь въ темномъ небѣ. Но я, какъ будто, не слыхалъ и не видалъ ничего; всѣ мои мысли были заняты однимъ: куда еще мнѣ сунуться, чтобы найти работу. Самая грандіозность совершающагося предо мной общественнаго факта вызывала во мнѣ одно раздраженіе: не одинъ страхъ нужды и перспектива бездомнаго скитальчества угнетали меня,—я невыразимо страдалъ отъ сознанія, что вотъ всѣ или почти всѣ имѣютъ здѣсь свое мѣсто за общей работой, и лишь меня, въ числѣ сравнительно немногихъ, эта клокочущая промыслами жизнь не хочетъ знать и отталкиваетъ прочь...

Въ такомъ настроеніи я безплодно стучался еще по фабрикамъ,—былъ даже на фабрикѣ искусственнаго льда и на сѣдомъ отъ известковой пыли ацетиленовомъ заводѣ. Наконецъ, по указанію одного фруктовщика-неаполитанца, сунулся къ итальянцамъ-мостовщикамъ, прокладывавшимъ тогда дорогу у скалистаго склона „Вангтноскихъ высотъ“ вдоль западнаго берега рѣки Гарлемъ *). Но и тутъ меня ждала неудача: Винченцо Джіотти, къ которому у меня была рекомендація, только наканунѣ уѣхалъ въ Чикаго, а итальянцы-мостовщики почти никогда не принимающіе

*) Шли выборы по штату Нью-Іоркъ.
**) Насупротивъ Сѣверного Нью-Іорка.

въ свою рабочую компанію иноплеменника, отказали мнѣ даже въ надеждѣ на работу въ будущемъ...

Отдохнувъ немного послѣ четырнадцати миль пѣшаго пути, я пустился въ обратный путь. Дѣло близилось къ вечеру. Рѣка, глубокая и непривѣтливая, тѣсно прижалась къ берегу, такъ что на протяженіи 10 или 15 кварталовъ сюда не выходилъ ни одинъ переулокъ. Для сокращенія пути я пошелъ надъ обрывомъ къ виднѣвшемуся вдалекѣ мосту... Идти было трудно, подъ ногами часто осыпалась земля, руками приходилось хвататься за выступы... Въ довершеніе бѣды, уже почти у конца труднаго пути я встрѣтилъ заборъ съ грозной надписью: „No passing“ (нѣтъ прохода). Я зналъ, что американскій законъ строго караетъ за подобныя нарушенія права частнаго владѣнія, но... въ тогдашнемъ моемъ настроеніи мнѣ было мало дѣла до американскихъ законовъ, и я перелѣзъ черезъ заборъ... Я уже прошелъ черезъ дворъ къ калиткѣ, когда за мною послышались въ сумеркахъ шаги, а открывъ калитку, я увидѣлъ въ ней полисмэна... Итакъ, тюрьма или штрафъ,—мелькнуло у меня въ головѣ. Но я смѣло вышелъ на улицу, отстранивъ полисмэна... Онъ говорилъ что-то, но я шелъ быстро, не оглядываясь...

Только на мосту я остановился, глядя въ туманную перспективу рѣки, въ которой смутно виднѣлись грузныя громады гигантскаго города... Все мнѣ здѣсь было чуждо, враждебно и холодно... Какъ это бываетъ часто, маленькое приключеніе съ проходомъ черезъ чужой дворъ и съ намекомъ на опасность тюрьмы, дало толчекъ моей рѣшимости.

Мнѣ надо покинуть этотъ городъ и искать счастья дальше, тамъ, въ туманныхъ даляхъ невѣдомой страны.

„О гдѣ ты, гдѣ, блаженная страна?“—мелькалъ въ умѣ стихъ изъ Гете.

Вернувшись домой, я подсчиталъ свои деньги. Ихъ оставалось уже очень мало. Черезъ два дня истекалъ срокъ, за который у меня было уже уплачено впередъ за квартиру... Если я уплачу еще за одинъ срокъ, у меня не хватитъ даже на билетъ до Бофло (Buffalo), который я намѣтилъ себѣ, какъ одинъ изъ ближайшихъ этаповъ моего странствія.

Я рѣшился, чтобы избѣгнуть непріятныхъ разспросовъ и всей процедуры, связанной съ оставленіемъ квартиры, сдѣлать все это гораздо проще: на слѣдующій же день, надѣвъ на себя нѣсколько паръ своего бѣлья и все платье,—я оставилъ сундукъ и вышелъ, ни съ кѣмъ не простившись...

Внизу скрипнула дверь. Миловидная сосѣдка, дочь пастора ближней церкви, увидѣвъ мою необычайно толстую фигуру, испугалась и быстро захлопнула дверь, даже не поздоровавшись.

Потѣшались надъ моей грузной фигурой и мальчишки на улицѣ; иные изъ нихъ забѣгали впередъ, спрашивая, не позвать ли

мнѣ кэбъ, двое ли насъ въ одной шкурѣ, или только одинъ и т. п. Я шелъ, не оглядываясь, не отвѣчая...

Подъ вечеръ я уже мчался въ вагонѣ второго класса. Третьяго класса здѣсь нѣтъ совсѣмъ, кресла разставлены довольно тѣсно, какъ въ театрѣ, и меня, признаюсь, мало утѣшало то обстоятельство, что я ѣду на бархатномъ сидѣніи... Въ карманѣ у меня былъ билетъ до Бофло, который обошелся въ 17 долларовъ слишкомъ, и у меня оставалось нѣсколько мелочи. Позади исчезалъ, затягиваясь туманами, непривѣтливый Нью-Іоркъ, впереди разстилалась даль, тоже туманная, какъ мое будущее...

Первый періодъ моихъ скитаній „за счастьемъ и правдой" былъ, такимъ образомъ, законченъ. О томъ, что я нашелъ въ своихъ дальнѣйшихъ странствіяхъ,—быть можетъ, разскажу въ другой разъ...

П. Владыченко.

* * *

Какъ звонъ цѣпей, мой стихъ угрюмъ,
Однообразенъ, однозвученъ,
Но я тоской суровыхъ думъ
И тяжкимъ гнетомъ зла измученъ!

Засну-ль,—все тотъ же дикій сонъ,
Глухая жизнь гнететъ кошмаромъ:
Я вижу стѣны, слышу стонъ...
И нѣтъ конца проклятымъ чарамъ!..

Н. Шрейтеръ.

Потомъ они вернулись къ своимъ колесамъ, но сидѣли, повернувшись къ нему лицомъ, и, стараясь перекричать стукъ машинъ, разспрашивали его съ большимъ интересомъ о друзьяхъ и знакомыхъ, которые еще остались въ Америкѣ. Даже чипсмэкеры *) изъ христіанъ посматривали со своихъ мѣстъ.

— Что-же, станешь баасомъ **)?—закричалъ Леонъ черезъ головы Моппеса и Кларуна.

— Прибавьте мнѣ пять марокъ въ недѣлю и булку съ цимесомъ,—шутилъ Гесъ, кусая толстыя губы.

— Пойдетъ и безъ цимеса!—смѣялся Кларунъ, оборачивая свое желтое лицо, съ синяками подъ глазами.

— Не буду ни скупщикомъ, ни мастеромъ,—засмѣялся Элеазаръ.—Довольно натерпѣлся.

— Что онъ сказалъ?

— Говоритъ, — довольно натерпѣлся.

— Чего онъ натерпѣлся?

— Отъ дѣвчонокъ, Эли? Неправда ли?.. Дѣвчонки это—наша пагуба?—шутилъ Леонъ, прикрѣпляя при помощи завертки шлифовальную чашечку къ скобкѣ и громко хохоча. Моппесъ и Кларунъ, работая согнувшись, тоже не переставали зубоскалить.

— Да будетъ бѣдность моя такъ же неистощима, какъ его богатство!—сказалъ Хесъ.—Хотите даровой билетъ на сегодняшній вечеръ, Эли?

— Очень ему нужно,—сказалъ съ сухой усмѣшкой Моппесъ, наклоняясь и перебрасывая мѣдную чашечку лукаво усмѣхающемуся формовщику ***).—Очень ему нужно!.. провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ.

— Ни за что я не возьмусь за это,—засмѣялся Элеазаръ, пришедшій въ нѣкоторое возбужденіе отъ чисто дѣтской безпечности рабочихъ.

— Что же ты, ножи будешь точить?—насмѣшливо спросилъ Кларунъ и повторилъ свои слова, такъ какъ чипсмэкеры, сидѣвшіе напротивъ, громко затянули пѣсню, которая слилась съ шумомъ колесъ.

— Нѣтъ, онъ будетъ точить медъ!—съострилъ Гесъ и

---

*) Рабочіе, которые обработываютъ „чипсы", мелкіе, трудно шлифуемые осколки бриллiантовъ; въ противоположность остальнымъ гранильщикамъ, они почти исключительно христіане.

**) Баасъ,—перекупаетъ у крупныхъ бриллiантщиковъ необработанные камни и отдѣлываетъ ихъ на свой рискъ.

***) Горячая чашечка, при помощи небольшого стержня, помѣщается въ деревянную форму, имѣющую видъ кубка. Здѣсь формовщикъ сглаживаетъ мягкую массу, въ которую положенъ камень, и придаетъ камню удобное для шлифовки положеніе.

наклонился, трясясь отъ неудержимаго смѣха и погружая кисточку въ чашку съ порошкомъ для шлифованія.

Это замѣчаніе послужило поводомъ къ новому взрыву веселости, и голоса раздавались еще громче.

По лѣсенкѣ осторожно пробирался маленькій, тощій еврей съ перекинутыми черезъ руку свѣтло-сѣрыми, коричневыми и синими тряпками.

У него было узкое, желтое угловатое лицо; казалось, что кости скулъ вотъ-вотъ прорвутъ кожу и проступятъ наружу, а подъ носомъ торчали колючіе пучки черныхъ волосиковъ, точно случайно заползшая туда гусеница. Отъ яркаго свѣта, падавшаго изъ оконъ фабрики, онъ боязливо зажмурилъ глаза.

— Господа! Господа! Вотъ товаръ на продажу! Господа! поглядите сюда, господа!

Онъ остановился около Элеазара и высоко поднялъ обѣими руками отрѣзокъ свѣтло-сѣрой матеріи.

— Вотъ этотъ господинъ,—показалъ Гесъ на Элеазара,—хочетъ купить себѣ костюмъ.

— Это богачъ!—воскликнулъ Леонъ,—онъ скупитъ у тебя всѣ товары.

— Почемъ?—спросилъ Кларунъ, разсматривая вещи.

— Три гульдена!—отвѣтилъ торговецъ. — Три гульдена, потому что по случаю... Въ магазинѣ заплатите семь.

— За эту тряпку!.. Гульденъ берешь?

— Гульденъ? Одинъ гульденъ? За это! — повторялъ разнозчикъ, слегка пожимая плечами и любовно поглядывая на кусокъ матеріи.

— Дрянь!—заявилъ Гесъ, протягивая щипцами ярко блестящій брилліантъ Іудѣ.

— Это дрянь! Это дрянь? У меня нѣтъ дряни!.. Все это продается по случаю... Чистѣйшая шерсть!

— Отдай мнѣ за гульденъ! — лукаво заявилъ Кларунъ и громко разсмѣялся,—я сошью себѣ свадебный фракъ!

— Чортъ возьми! Матерія выглядитъ какъ кусокъ кожи!—смѣялся Моппесъ, осторожно полируя камень.

— Вы посмотрите, что за остатокъ! — говорилъ продавецъ, съ нѣжностью проводя рукой по матеріи. — Прекрасный остатокъ, какъ разъ на панталоны! Чудо, что за кусокъ!

— Хочешь двадцать пять пятаковъ? — предложилъ Кларунъ, низко наклоняя свое желтое лицо надъ колесомъ, сплошь покрытымъ черной пылью.

— Ничего не подѣлаешь!—заявилъ еврейчикъ. — Пожалуйте, господа! Вы здѣсь можете дешево купить! Я не гонюсь за прибылью! Пожалуйте, господа!

Маленькій и жалкій въ своемъ блестящемъ жилетѣ, на которомъ болталась куртка, онъ прислонился къ рабочему станку, робко озираясь кругомъ. Войлочная шапочка его съѣхала на бокъ, открывая вспотѣвшій лобъ; смятый воротничекъ прилипалъ къ худой шеѣ, на которой висѣла складками кожа.

Внизу пѣли чипсмэкеры; снаружи доносился пронзительный голосъ уличной пѣвицы. Кто-то подпѣвалъ ей. Высокія окна со множествомъ мелкихъ стеколъ стояли запыленныя и запотѣвшія, но отливали золотомъ въ изломахъ стекла. Ихъ было три, большихъ, сводчатыхъ съ прямыми продольными перекладинками, и каждое стеклышко въ нихъ свѣтилось, какъ прозрачное золото.

Лѣвое окно, полузакрытое тѣнью выступавшей стѣны, обвитой поблекшимъ плющемъ, наполовину купалось въ волнахъ яркаго свѣта; другая половина была черная отъ насѣвшей на стекло пыли и грязи. Во второмъ окнѣ не хватало многихъ стеколъ; оно напоминало широко раскинутую паутину съ отъѣвшимся, жирнымъ паукомъ-крестовикомъ по срединѣ. На немъ, подтянутая къ одной сторонѣ, висѣла грязно-бѣлая штора, которую спускали, когда солнце свѣтило въ глаза рабочимъ. На фонѣ пронизанныхъ золотыми лучами рамъ выдѣлялись крупныя четырехугольныя плечи чипсмэкеровъ; они сидѣли, согнувшись, съ опущенными головами, окутанными блѣднымъ облакомъ расходившагося кольцами голубоватаго дыма. У третьяго окна свѣтился матово-краснымъ цвѣтомъ огонь паяльнаго горна, уменьшавшійся до зеленоватой искорки, когда закрывали поддувало.

Верхнія окна съ молочно бѣлыми стеклами, для смягченія свѣта, открывались наискось, точно люки. Потолокъ перерѣзывала пополамъ огромная балка. Рядомъ, тяжелыя, пробитыя насквозь ржавыми гвоздями, тянулись другія такія же балки, прижатыя снизу колоннами, которыя желѣзными скобами, словно руками, охватывали дерево.

Еврейчикъ, маленькій и робкій, продолжалъ зазывать покупателей, но слабый голосъ его почти терялся въ визгѣ желѣзныхъ осей и колесъ. Мальчикъ, толокшій въ ступкѣ алмазный песокъ, тощій, съ полосами грязи на блѣдномъ лицѣ, скалилъ зубы, потѣшаясь надъ нимъ, и стукъ толкача звонкимъ смѣхомъ покрывалъ остальной шумъ.

— Сюда, господа! сюда пожалуйте! Дешево продаю!..

— Двадцать пять штиверовъ и еще одинъ,—предлагалъ Кларунъ, крѣпко зажимая въ рукахъ щипцы.

— Нѣтъ, такъ не пойдетъ,—рѣшительно отрѣзалъ еврей-

чикъ, любовно поглядывая на матерію своими подслѣповатыми глазками.

— Двадцать пять штиверовъ и еще одинъ... ну, еще одинъ штиверъ,—продолжалъ Кларунъ, дѣлая жадные глаза и лукаво подсмѣиваясь.

— Талеръ!—крикнулъ еврейчикъ.

— Двадцать шесть съ половиной, — засмѣялся опять Кларунъ.

Но Леонъ, поднявъ голову надъ точиломъ, крикнулъ густымъ хриплымъ басомъ:

— Я дамъ тебѣ рейхсталеръ за твою тряпку, если ты съумѣешь понравиться моей женѣ.

Гранильщики покатились со смѣху.

— Господа, господа! — хныкалъ еврейчикъ, поворачивая во всѣ стороны матерію.

Кларунъ схватилъ ее, любовно разгладилъ руками и повѣсилъ на выдвинутый ящикъ шкафа.

— Чего же вы ждете?—замѣтилъ Моппесъ.—Вы хорошо заработали... Цѣлый талеръ за какой-то дрянной лоскутъ.

Кларунъ продолжалъ работать. Еврейчикъ пугливо посмотрѣлъ въ окно, щурясь отъ свѣта, потомъ на гранильщиковъ и почти назойливо крикнулъ:

— Господинъ! Господинъ!.. А гдѣ же деньги?

— Завтра,—сказалъ Кларунъ,—сейчасъ нѣтъ мелочи.

— Ничего у него нѣтъ! Онъ обманщикъ! — загремѣлъ Гесъ, трясясь отъ смѣха.

— Господинъ, добрѣйшій господинъ!.. Я бы сегодня, можетъ, еще сколько-нибудь заработалъ!—жалобно приставалъ смущенный еврейчикъ.

— Прикажете выдать вамъ чекъ?—заржалъ Кларунъ.

— У него уцѣлѣли денежки еще отъ капскихъ временъ *),—снова крикнулъ Гесъ.

— Я бы сегодня, можетъ, еще сколько-нибудь заработалъ,—кротко увѣщевалъ еврейчикъ.

— Желаете получить мою визитную карточку? — спросилъ Кларунъ, посыпая точильный дискъ свѣжимъ алмазнымъ пескомъ,—*Rue de Peejee* **)... Третій этажъ.

— Да заплати ему, — вмѣшался Іуда, поворачивая къ гранильщику свою голову съ коротко остриженными сѣдыми волосами.

— Вы можете размѣнять мнѣ двадцать пять гульденовъ?—освѣдомился Кларунъ.

---

*) Періодъ, когда алмазная промышленность процвѣтала, и гранильщики имѣли отличный заработокъ.

**) *Rue de payer*—улица, гдѣ платятъ.

— Если-бъ я былъ такой богатый! — слабо усмѣхнулся еврейчикъ.

— Въ такомъ случаѣ не угодно ли вамъ зайти завтра?

— Ничего унего нѣтъ!—издѣвался Гесъ.

— То есть, какъ нѣтъ? Я хочу свои деньги!—кротко замѣтилъ еврейчикъ.

— Ну, такъ бери назадъ свою тряпку!—будто разсердившись, объявилъ Кларунъ.

Еврейчикъ двинулся дальше, тихонько и пугливо бормоча себѣ подъ носъ, и продолжалъ предлагать свой убогій товаръ чипсмэкерамъ.

Тѣнь побѣжала по залу, какая-то странная тяжелая тѣнь, и разомъ погасли золотые блики въ окнахъ. Должно быть, солнце зашло за тучу. Въ бѣломъ свѣтѣ рѣзче выступали очертанія головъ и скамей; дымъ сигаръ принялъ темносѣрый оттѣнокъ.

— Гроза идетъ,—сказалъ Іуда, глядя на небо, по которому неслись темносинія тучи.

— Вздоръ,—отвѣтилъ Моппесъ.

Работа шла вяло. Гесъ, шлифовальщикъ бриллiантовъ, принесъ Іудѣ, распредѣлявшему работу, уже готовый камень въ четыре карата; тотъ взялъ его за нижнюю фацетку и испытующе повертѣлъ въ рукахъ. — Хорошій товаръ!— сказалъ онъ, кивнувъ головой. Сталъ присматриваться и Элеазаръ. Въ толстыхъ черныхъ пальцахъ гранильщика, съ грубыми ногтями, нѣжно свѣтилась свѣтлосиняя звѣздочка; мелкія грани какъ бы то расцвѣтали розами въ тающей влажной лазури, то сверкали искорками въ сине-стальномъ сумракѣ ночи. Въ этихъ неуклюжихъ пальцахъ камень, сіявшій розовыми и красными полосками граней, весь горѣлъ и сверкалъ, испуская снопы лучей, палевыхъ, желтыхъ, лиловыхъ, то зеленыхъ, какъ морская вода, то вдругъ окрашенныхъ пурпуромъ кроваваго отсвѣта изъ глубины. Въ граняхъ другой стороны дрожали и трепетали фосфоресцирующія пятнышки, фіолетовыя, зеленыя, какъ мохъ, сѣрыя, какъ прозрачная вода, голубыя, какъ дѣтскія глазки, вспыхивавшія красными искорками, будто вино. Іуда крѣпко держалъ камень за остріе, и нѣжная красота камня, подобная солнечному лучу, скованному кристалломъ, производила странное впечатлѣніе рядомъ съ грубыми потрескавшимися черными пальцами и плоскими широкими ногтями.

— Чудной воды! — сказалъ Іуда, кладя на столъ бриллiантъ и осматривая другую формочку: въ ней камень, залитый сплавомъ, казался кусочкомъ простого стекла.

Онъ ласково и участливо освѣдомился о дѣлахъ Элеазара.

— Я кое-что скопилъ, — разсказывалъ тотъ на ухо гранильщику,—но три мѣсяца лѣченья въ больницѣ... смерть сестры, ребятишки... дорога... и я сижу безъ копѣйки, прямо таки безъ гроша... Нѣтъ ли у васъ работы?

— Ахъ, если бы она у меня была! — сказалъ Іуда и повернулся на табуретѣ, задумчиво склонивъ голову на бокъ и глядя внизъ изъ подъ очковъ.

— Давидъ тоже ужъ сколько недѣль сидитъ безъ работы,—замѣтилъ Элеазаръ.

Наступило молчаніе.

Жужжанье вертящихся гранильныхъ дисковъ напоминало скрипъ заржавленныхъ великановъ. Въ это жужжанье рѣзко врывался звонкій стукъ толкача въ рукахъ мальчика; изъ дальняго угла неслось тихое пѣніе одного изъ чипсмэкеровъ.

— Въ пятницу мнѣ самому придется оставить работу,— сказалъ Іуда.—Половина мельницъ бездѣйствуетъ... и хуже будетъ.

— Еще хуже,—возможно ли?

— Еще хуже будетъ,—повторилъ Іуда, низко наклоняя свою сѣдую, щетинистую голову и осматривая формочки съ сѣро-серебристымъ сплавомъ, въ которомъ слабо блестѣли вставленные туда камни. Локти его были широко разставлены, и съ виду неподвижный дискъ вращался быстрыми сѣро-стальными кругами, шлифуя бриллiантъ. Онъ постоянно мѣнялъ щипцы, закрѣплялъ винтики, поправлялъ формочку и кисточкой насыпалъ новаго порошку на дискъ, казалось, остававшійся неподвижнымъ. Вдругъ онъ замѣтилъ черточку на своемъ камнѣ, остановилъ дискъ и наклонился поправить изъянъ. Подлѣ него сидѣли другіе гранильщики: Моппесъ, Кларунъ, Леонъ и Гесъ. Позади Кларуна Рійстъ, поодаль, за мельницами, полусонный отъ скуки, съ усталыми глазами потягивался Лаванъ, маленькій племянникъ Геса, еще только изучавшій ремесло. Спины гранильщиковъ, одѣтыхъ въ синія рабочія куртки, были согнуты, руки ходили, какъ ножницы, то впередъ, то назадъ, поминутно хватаясь за щипцы. Они вынимали формочки изъ станковъ и отбрасывали назадъ рабочему, жевавшему табакъ.

Гранильщики сидѣли спиной къ окну, такъ что ихъ куртки и головы были сзади рѣзко освѣщены. Гесъ и Кларунъ повѣсили передъ собой на крючки свои карманные часы. Леону было жарко; онъ разстегнулъ свою куртку, и изъ

подъ синей блузы виднѣлась его смугло желтая шея. Надъ худой головой Геса было развѣшено платье: жилеты, сюртуки, крахмальныя манишки, галстухи, запыленныя войлочныя шляпы. Гесъ, поджимая губы, насвистывалъ пѣсенку. Леонъ пѣлъ густымъ басомъ, перекрикивая звонкое жужжанiе колесъ. Пѣсню подхватили другiе, и съ минуту ревѣли всѣ вмѣстѣ въ тактъ гулу станковъ.

Кларунъ, желтый, съ впалыми глазами, всталъ, опрокинувъ свою табуретку, и пошелъ показать Iудѣ одну изъ формъ. У него былъ камень, жесткiй, какъ алмазный песокъ, предназначавшiйся для первоначальной шлифовки другихъ.

— Его надо вынуть,—сказалъ Iуда,—онъ слишкомъ глубоко сидитъ.—Кларунъ вернулся къ своей мельницѣ и сталъ осторожно очищать камень отъ сплава. Подошелъ Гесъ тоже посовѣтоваться съ Iудой.

Леонъ жевалъ сладкiй пирожокъ, посыпанный миндалемъ, медленно и со смакомъ, чавкая и причмокивая губами; при этомъ онъ широко раскрывалъ ротъ и пѣлъ еще болѣе густымъ голосомъ. Пѣли и чипсмэкеры. Весь воздухъ гудѣлъ отъ этого безпорядочнаго оранья, въ перемежку съ глухимъ свистомъ осей, колесъ и приводныхъ ремней.

Согбенный, невеселый сидѣлъ Элеазаръ на табуретѣ и спрашивалъ:

— Неужели у васъ, правда, нѣтъ ничего въ виду для меня, Iуда?

Онъ спрашивалъ соннымъ усталымъ голосомъ, истомленный и обезсиленный внутренней тревогой, отъ которой его знобило, какъ передъ непогодой. У него поминутно холодѣли руки и ноги, горѣли и съуживались глаза, языкъ тяжелымъ комомъ прилипалъ къ гортани. Въ такiя минуты жизнь казалась ему тяжелымъ, утомительнымъ бременемъ, всякая работа мучительно тяготила, всѣ планы и предположенiя казались тревожнымъ и напраснымъ исканiемъ ощупью. Кожа на головѣ горѣла, словно ее кололи иголками. Всего охотнѣе онъ положилъ бы эту горячую голову на столъ и задремалъ. Послѣ нѣсколькихъ дней тщетныхъ попытокъ продать кому-нибудь силу своихъ рукъ, шумъ мастерской и чувствовавшееся въ воздухѣ приближенiе грозы угнетало его до отупѣнiя.

— Такъ вы ничего мнѣ не посовѣтуете?—выговорилъ онъ соннымъ голосомъ. Его одолѣвала дремота.

— Какъ вы сказали? — переспросилъ Iуда, углубленный въ свое занятiе.

— Не знаете, гдѣ мнѣ найти работу?

Тощiй, сѣдой гранильщикъ пожалъ плечами.

— Теперь столько народу сидитъ безъ работы, что и не перечесть...

Снова оба умолкли. То же жужжанье и стукъ наполняли залу. У Элеазара горѣли глаза, щипало языкъ, мысли въ головѣ ползали лѣниво и вяло; онъ оперся головой на влажныя, холодныя ладони и тупо смотрѣлъ, какъ работаетъ Рійстъ. Онъ зналъ его еще въ дѣтствѣ и смѣялся надъ нимъ, когда тотъ бѣгалъ съ пузырями на рукахъ, съ кровавыми пузырями отъ раскаленной паяльной массы. Рійстъ стоялъ, озаренный желтоватымъ свѣтомъ, падавшимъ на него изъ окна, и осторожно раскрывалъ формочку. Мозолистые, толстые пальцы его мѣсили и мяли паяльныя пластинки, которыя гнулись, кривились, чуть не ломаясь, таяли и опять выпрямлялись, словно мягкая глина подъ искусными ударами щипцовъ. Изъ формочки выплескивался черезъ край металлъ, образуя цвѣтокъ съ мясистыми угловатыми листьями, но щипцы стягивали края и превращали расплавленную массу въ блестящій желудь для полировщика Геса. Неторопливо, нагибаясь надъ формочкой, вставленной въ стойку, Рійстъ посасывалъ свою обкуренную плоскую сигару и улыбался Эли. Другими щипцами онъ взялъ брилліантъ, осторожно приложилъ его къ острой головкѣ желудя и надавилъ вкось; мозолистые пальцы приглаживали горячій металлъ, сравнивали его, какъ масло, вокругъ выдававшейся наружу части камня.

Элеазаръ ужъ не въ первый разъ видѣлъ это, но и теперь онъ все съ тѣмъ же удивленіемъ смотрѣлъ на обуглившіеся концы пальцевъ, которые мяли и разглаживали расплавленный металлъ, какъ они дѣлали это и въ то время, когда кожа еще не потеряла чувствительности, и на ней образовывались пузыри, которые лопались, гноились и кровоточили, и каждое прикосновеніе къ нимъ кипящей паяльной массы снова и снова растравляло раны.

— Тепло сегодня,—добродушно замѣтилъ Рійстъ, бросивъ раскаленную формочку въ горшокъ съ водой, надъ которымъ съ шипѣніемъ поднялся паръ, и тотчасъ же досталъ щипцами изъ огня новую формочку и другими щипцами осторожно вынулъ изъ нея брилліантъ. Надъ охлаждающимъ горшкомъ клубился паръ отъ кипящей воды; незанятые пока паяльные горны выбрасывали вверхъ ярко желтое пламя. Пузатыя деревянныя чашки ждали, въ одной уже лежала остывшая черносѣрая форма.

Снова поднялся смѣхъ и шутки по адресу вошедшей приземистой брюхатой торговки, тащившей за ручку корзину. Женщина, въ развалку, прошла мимо Элеазара, между

Іудой и Моппесомъ. Черная, измятая и грязная юбка топорщилась кверху на ея колыхавшихся толстыхъ бедрахъ. Изъ разрѣза юбки вылѣзали завязки, болтавшіяся сзади. Голубая кофта съ бѣлыми полосками и заплатами на локтяхъ свободно охватывала ея станъ, оттопыривалась на животѣ и высоко поднималась на полной груди. Лобъ ея обрамляла накладка изъ фальшивыхъ волосъ съ проборомъ посерединѣ; заднюю часть головы, съ пучкомъ волосъ, прикрывалъ простроченный складками чепецъ. Гранильщики надрывались со смѣху, глядя на нее; Гесъ хохоталъ громче всѣхъ. Женщина добродушно усмѣхалась, какъ будто не слыша ихъ шутокъ, и шепталась съ Моппесомъ, который полѣзъ въ свой ящикъ посмотрѣть, есть ли у него мыло и спички. Корзину свою она поставила на полъ, а руки устало сложила на животѣ.

— Господинъ начальникъ! господинъ начальникъ!—кричалъ Леонъ.—Велите ей поднять руки!

— Чѣмъ она вамъ помѣшала?—спрашивалъ Моппесъ.

— Она скоро родитъ отъ Геса двухъ близнецовъ!—смѣялся Кларунъ.

— Ну, если отъ тебя, жаль ее!—вскричалъ Моппесъ, наклоняясь къ Гесу.

Кларунъ, съ кускомъ розоваго мыла въ рукѣ, увѣрялъ, что она всегда беременна, и когда только перестанетъ!

— Скажите мужу, чтобъ онъ меня оставилъ въ покоѣ,—смѣялась женщина.

— Бросьте работать!—крикнулъ Леонъ.

— Чтобъ я бросила работать!—пѣвучимъ голосомъ весело возразила женщина.—Я тогда брошу, когда буду лежать въ гробу.

Всѣ лица улыбались; Леонъ, возбужденный, съ пылавшимъ лицомъ, отрывисто смѣялся и продолжалъ кричать Іудѣ:

— Господинъ начальникъ, велите ей поднять руки!

Женщина жеманно присѣла на кончикъ скамейки Кларуна и улыбалась плоскимъ шуткамъ Леона и Геса.

— Вы бы лучше что-нибудь купили у меня, — ласково убѣждала она ихъ, притягивая къ себѣ корзину, въ которой лежали мыло, спички, сигары, пряжки, гребни и другая мелочь. Подъ жужжанье гранильныхъ камней она перешептывалась теперь съ Гесомъ.

Стало темно. Стѣна позади чисцмэкеровъ, обвитая плющемъ, казалась черной; золотистый блескъ на стеклахъ пропалъ; теперь они были холодныя, сѣрыя, пыльныя. Отъ жары, пропитанной запахомъ машиннаго масла, горѣла голова и спирало дыханіе. Рійстъ у окна, въ отраженномъ свѣтѣ отъ ошту-

катуренныхъ стѣнъ, казался необычайно блѣднымъ, словно ему дѣлалось дурно; осыпавшаяся штукатурка въ этомъ сумеречномъ свѣтѣ казалась сѣрой.

На противоположной сторонѣ тянулись окна трехъ этажей фабрики, помѣщавшейся въ лицевомъ зданіи. Занавѣски на этихъ окнахъ были отдернуты, и рѣзкій свѣтъ, падавшій на нихъ изъ-за грозовыхъ тучъ, такъ ярко освѣщалъ внутренность мастерскихъ, что Элеазаръ могъ разсмотрѣть все, вплоть до оконъ противоположнаго лицевого фасада, выходившихъ на каналъ и обрамленныхъ обвисшей увядающей зеленью плюща. Согнувшись, тяжело дыша отъ усталости, сидѣлъ онъ на своей скамеечкѣ и тупо смотрѣлъ. Онъ видѣлъ затылки гранильщиковъ, ихъ круглыя спины; въ каждомъ этажѣ, за сѣрыми стеклами, пылали, выбрасывая огненные языки, паяльные горны, озаряя красноватымъ свѣтомъ желтыя лица наклоненныхъ впередъ рабочихъ, ихъ неустанно движущіяся руки и глиняные тигли. Среди далеко разносившагося стона и визга машинъ, потрясавшаго все зданіе, эти вспышки пламени казались огненными языками жадныхъ, прожорливыхъ, коварныхъ чудовищъ.

Вдругъ что-то дрогнуло, затрещало, ослѣпительно-яркій свѣтъ молніи прорѣзалъ всю залу. Красное пламя горновъ во всѣхъ этажахъ заколыхалось, какъ при сильномъ порывѣ вѣтра, и отрывистый рѣзкій ударъ грома заглушилъ гулъ машинъ. Гранильщики испуганно переглянулись.

— Однако!—сказалъ Леонъ Рійсту. Моппесъ, Гесъ и Кларунъ повскакали съ мѣстъ, со щипцами въ рукахъ, и бросились къ запыленнымъ окнамъ; съ противоположной стороны за стеклами виднѣлись такія же испуганныя лица рабочихъ.

— Сильная будетъ гроза,—сказалъ Гесъ, обводя испытующимъ взоромъ небо, закрытое грозными темными тучами Одинъ Іуда продолжалъ работать, наклонивъ сѣдую голову надъ дискомъ, которому быстрое вращеніе придавало мягкій голубоватый блескъ. Мальчикъ, толокшій алмазный песокъ, пугливо жался къ Элеазару; Лаванъ, ученикъ Геса, съ испуга проснулся и стоялъ на цыпочкахъ за гранильными мельницами. Чипсмэкеры тоже побросали работу и столпились всѣ у окна, а на маленькой лѣсенкѣ, возлѣ скрипучей оси, укрылась боявшаяся грозы торговка, поставивъ корзину такъ, чтобы она защищала ея животъ.

— Сейчасъ еще молнія будетъ,—сказалъ Кларунъ, казавшійся еще желтѣе и старше при странномъ свѣтѣ, падавшемъ изъ окна.

— Должно быть, гдѣ-нибудь по близости ударило,—замѣ-

тилъ Леонъ. Моппесъ присѣлъ опять къ своей мельницѣ и равнодушно посвистывалъ.

— Да заткни ты глотку!—прикрикнулъ на него Гесъ,—что это, право? Нельзя же свистѣть, когда такъ...

Онъ не договорилъ, испуганно откинувшись назадъ. Желтый, какъ сѣра, свѣтъ залилъ весь дворъ, осыпалъ словно искрящейся мѣловой пылью сѣрую штукатурку стѣнъ. Оконныя рамы рѣзко отдѣлились отъ черныхъ стеколъ; лица Моппеса, Леона, Геса, Рійста и мальчика у ступки вдругъ стали изсине фіолетовыми, какъ у мертвецовъ.

— Ай!—вскрикнулъ испуганно мальчуганъ. Внезапно раздавшійся громовой ударъ, словно взрывъ, потрясъ все зданіе фабрики; казалось, обрушилась домовая труба, обрушились всѣ балки и стропила. Іуда обернулся къ окну; Моппесъ, на этотъ разъ тоже взволнованный, соскользнулъ съ табурета и подошелъ посмотрѣть.

— Ой, Боже мой, какой ударъ!—встревоженно выговорилъ Гесъ.

По пепельно сѣрому небу неслись черныя, какъ ночь, ряды облаковъ. Окна на противоположной сторонѣ казались черными дырками. Въ желтомъ пламени газа мелькнулъ тревожный красноватый отблескъ. Сильный вѣтеръ поднималъ въ воздухѣ вихри пыли. Вѣтромъ занесло съ улицы на дворъ листъ бумаги; онъ перемѣщался, подпрыгивалъ, высоко взлеталъ кверху и, шурша, ударялся объ окна. Шумъ вѣтра заглушилъ даже лязгъ и гулъ машинъ. Брызнулъ дождь, сначала тяжелыми, крупными каплями, потомъ косыми полосами, хлеставшими въ окна.

— Надъ самымъ городомъ ударило,—замѣтилъ Моппесъ, не снимая руки съ плеча Рійста.

— Убійственная погода!—сказалъ Іуда, и опять молнія, огненной стрѣлой прорѣзавъ темную синеву, заставила его смолкнуть. Странный свѣтъ моремъ бѣлаго огня затопилъ мастерскія. Молнія прорѣзывала ихъ наискось, по направленію отъ двора къ каналу,—молнія такой ослѣпительной бѣлизны, что шумѣвшія и гнувшіяся отъ вѣтра вершины деревьевъ и далекая линія кровель рѣзко обрисовывались на фонѣ воды канала, а фабрика казалось пустымъ пространствомъ, усѣяннымъ мертвыми лицами. Вслѣдъ за каждымъ яркимъ ударомъ молніи вспыхивали опять красные огни горновъ, и раскаты грома заглушали гулъ машинъ. Этимъ синимъ вспышкамъ молніи, казалось, не будетъ конца. Она то загоралась слабымъ, трепетнымъ свѣтомъ, то высоко взвивалась кверху яркимъ огненнымъ языкомъ; громъ гремѣлъ, не переставая, словно тяжелые возы грохотали по мостовой

Въ мертвой пепельно-сѣрой залѣ вдругъ, при вспышкѣ молніи, рѣзко выступали скамьи, диски и другіе предметы, окаймленные синими ободками; фигуры мужчинъ казались большими и черными, а на лица и руки ложился матово-фіолетовый отблескъ, пока грянувшій громъ снова не погружалъ мастерскую въ сѣрый сумракъ.

На окнѣ чипсмэкеровъ точно пауки раскинули на потрескавшихся стеклахъ большія черныя сѣти; словно паръ окутывалъ этотъ уголъ, и удивительно странно свѣтились тамъ. при каждой вспышкѣ молніи, развѣшанные на крючкахъ жилеты, сюртуки, манишки и шляпы. Женщина на лѣсенкѣ, съ корзинкой на широко разставленныхъ колѣняхъ, всякій разъ судорожно жмурилась и затыкала пальцами уши. Губы ея тихонько шевелились, испуганно шепча молитву; поодаль отъ всѣхъ съ заплаканнымъ лицомъ стоялъ ученикъ Лаванъ, тоже пугливо сжимая вѣки, при каждой вспышкѣ, и хватаясь руками за табуретъ.

Молнія поминутно вспыхивала и гасла, озяряя жуткимъ ослѣпительнымъ блескомъ и залу, гдѣ сидѣлъ Элеазаръ, и мастерскія напротивъ, и въ этомъ необычномъ свѣтѣ красное пламя паяльныхъ огней едва мерцало, какъ спичка. Въ голубомъ огнѣ молніи ясно вырисовывались гнувшіяся отъ вѣтра вѣтви деревьевъ надъ каналомъ и далекая линія крышъ. Громъ перекатывался, какъ грохотъ взрыва въ каменныхъ сводахъ, какъ удары молота, будя многократное эхо непрерывными залпами; не успѣвалъ смолкнуть одинъ раскатъ, какъ уже грохоталъ другой. Не было ни минуты покоя. Взрывъ за взрывомъ, ударъ за ударомъ, трескъ и щелканье, рыданье и рокотъ, пока не посыплется снова градъ молній и не сгонитъ этотъ черный ревущій грохотъ съ оцѣпенѣвшей земли. И рядомъ съ этими раскатами неумолкающій, неистовый гулъ колесъ и приводныхъ ремней, непрерывное жужжанье осей, на которыхъ вращаются точильные диски.

Гранильщики молча толпились у оконъ, при каждой вспышкѣ откидывая голову назадъ, словно отъ приступа боли, и отъ ихъ дыханія голубоватый налетъ ложился на стекла. Дождь полилъ сильнѣе и мутнымъ флеромъ окуталъ землю; вѣтеръ подхлестывалъ его и гналъ по каналу. Раздался особенно сильный ударъ; потомъ долго не смолкали то оглушительные, то глухіе раскаты, и зданіе каждый разъ испуганно вздрагивало. Опять блеснула ослѣпительно яркая, красная молнія, заливъ кровавымъ заревомъ окна напротивъ, и красный свѣтъ еще не успѣлъ погаснуть, какъ снова загремѣли громовые раскаты. Вѣтеръ какъ будто усилился.

Намокшая бумага взлетѣла кверху, закружилась передъ самымъ окномъ, разорвалась посрединѣ, и обрывки ея взвились высоко надъ крышей, на мигъ озаренные молніей, засыпавшей лиловыми искрами и окна, и дворъ.

Но вотъ блескъ молніи сталъ менѣе ярокъ, пріобрѣлъ фіолетовый оттѣнокъ, вспыхивалъ трепетнымъ пугливымъ огнемъ, врѣзываясь серебристыми клиньями въ ровный свинцовый воздухъ, и скоро смягчился до кроткаго луннаго свѣта. Громъ глухо рокоталъ уже вдали, равномѣрно, безцвѣтно, и яснѣе гудѣли ремни и жужжали точила, а звонкій стукъ толкача врывался въ этотъ шумъ сухимъ насмѣшливымъ хохотомъ.

Гранильщики снова взялись за работу. Рійстъ накаливалъ форму, придерживая пальцами уже размягченный сплавъ; одинъ изъ чипсмэкеровъ задорно насвистывалъ пѣсенку. Окна по временамъ еще вспыхивали слабымъ мерцаньемъ, скользившимъ вдоль стѣнъ и призрачнымъ ореоломъ озарявшимъ головы, но это былъ уже ласковый, привѣтливый свѣтъ, не внушавшій страха.

Леонъ, съ полуобнаженной грудью, стоялъ возлѣ Іуды и показывалъ не дававшійся ему, лишь на половину отшлифованный, камень... Іуда давалъ указанія. Дрожащій свѣтъ нерѣшительно скользнулъ по брилліанту, залилъ зеленью грани и ребра, и камень сверкнулъ, какъ свѣтящіеся глаза съ красными зрачками притаившейся кошки. Снова вспышка—и брилліантъ заигралъ тысячью цвѣтовъ, какъ мыльный пузырь на солнцѣ, то зеленымъ и краснымъ, то розовымъ, желтымъ, лиловымъ, оранжевымъ, фіолетовымъ, переливаясь, вспыхивая и погасая, какъ сверкнувшая искра.

Беременная торговка теперь подошла къ чипсмэкерамъ, слащаво расхваливая свой товаръ: мыло, папиросы и сѣрныя спички.

Еще разъ скользнулъ по стѣнамъ нѣжно голубой трепетный свѣтъ, озаривъ мастерскія, наклоненныя надъ дисками головы гранильщиковъ и красные языки паяльныхъ огней. Но угрюмые раскаты грома уже почти заглушалъ гулъ машинъ, и толкачъ въ ступкѣ съ алмазнымъ пескомъ шаловливо стучалъ и звенѣлъ, дерзко покрывая своимъ стукомъ грохотъ и говоръ фабрики.

V.

Подъ вечеръ Элеазаръ вернулся домой. На дворѣ уже залегли черныя тѣни; въ окнѣ сапожника виднѣлся желтоватый свѣтъ. Гдѣ-то плакалъ ребенокъ, словно отъ боли. Элеазаръ тихонько пробирался вдоль стѣны, потомъ, укрывшись за выступомъ, осмотрѣлъ дворъ, стараясь незамѣтно разглядѣть, кто сидитъ у тети Регги. Тамъ никого не было видно. Лампа еще не горѣла. Покосившаяся дверь была притворена. Сверху, гдѣ уже многія окна слабо свѣтились, падалъ золотистый отблескъ внизъ, на заплесневѣвшія стѣны. Ручная телѣжка, съ торчавшими кверху оглоблями, походила на пугливо пригнувшагося къ землѣ злобнаго звѣря.

Элеазаръ безшумно подкрался ближе, но въ это время ближайшая къ освѣщенному окну сапожника дверь распахнулась, и чей то голосъ спросилъ:

— Кто тамъ?

— Я,—откликнулся Элеазаръ, вздрогнувъ и отступивъ въ тѣнь воротъ.

Вышелъ сапожникъ, заложивъ руки подъ кожаный передникъ. Желтый свѣтъ лампы падалъ сзади на его угловатую фигуру, на спутанные волосы. Онъ заглянулъ за уголъ и узналъ сосѣда.

— О! о!.. Это вы?—И тотчасъ, скороговоркой, ворчливо, чуть не плача, началъ жаловаться на свою судьбу.—Опять эта гадость, будь она проклята! Вы только поглядите!.. Теперь сами увидите!... Хоть топись, прямо топись!... Вотъ пакость-то!... И это всегда, какъ только подымается вода... Вы поглядите!

Вмѣстѣ, плечо къ плечу,—дверь была узкая,—они заглянули въ погребъ, съ поблескивавшимъ каменнымъ поломъ. На деревянномъ некрашенномъ столикѣ горѣла маленькая лампочка. Отблескъ свѣта ложился на воду, покрывшую красные кирпичи съ глубокими черными зигзагами кладки. Выбѣленныя извѣстью стѣны какъ-то особенно рѣзко бѣлѣли вплоть до самаго потолка. Въ альковѣ съ распахнутой настежь дверью сидѣли на кровати трое проснувшихся отъ испуга дѣтей. Младшая, блѣдная дѣвочка, жалобно плакала и, не переставая, терла кулачками глаза, размазывая слезы по щекамъ.

— Не реви!—сердито прикрикнула на нее мать.—Завернувъ подолъ и обмотавъ вокругъ бедеръ черную юбку, безъ башмаковъ и чулокъ, она собирала воду въ ведро съ помощью тряпки, всякій разъ разстилая эту тряпку, какъ неводъ, и съ силой выкручивая ее покраснѣвшими руками, такъ что грязная

вода съ плескомъ попадала въ ведро. Старшій мальчикъ сапожника, Янъ, еще не спалъ; онъ сидѣлъ на спинкѣ стула, заложивъ поверхъ здоровой ноги свою изуродованную ножку; глаза его блестѣли отъ удовольствія. Въ одномъ углу подвала, на стульяхъ, были свалены различные предметы, наскоро брошенные туда, чтобы предохранить ихъ отъ сырости: старый матрацъ, одѣяло, рогожа, желѣзная сковорода, пара высокихъ сапогъ, уполовникъ и разныя дѣтскія вещи. Горшокъ плавалъ около ножекъ стола, толкаясь объ нихъ всякій разъ, какъ женщина опускала въ воду тряпку.

Когда набралось полное ведро, она протянула его своему тощему мужу; тотъ, нагнувшись, взялся за дужку. Не разгибая спины, вполголоса бранясь себѣ подъ носъ, онъ понесъ ведро черезъ ворота въ темный переулокъ и швырнулъ его объ землю такъ, что вода плеснула на стѣны, а, вернувшись, сталъ опять плакаться:

— Вы гляньте только!... Накажи меня Богъ, хоть плачь!... Прямо вся душа переворачивается... Со всего дома, сколько кто ни нагадилъ—на, получай! И такъ всякій разъ въ полнолуніе. А у меня подметки по заказу не готовы!.. Да перестань ты, накажи меня Богъ, возиться съ этимъ! Вѣдь ни чорта не поможешь. Чѣмъ больше ты копаешься, тѣмъ хуже.

— Вотъ она, твоя благодарность! А пропади ты совсѣмъ!— обозлилась женщина, шлепнувъ тряпкой по водѣ, такъ что брызги полетѣли черезъ столъ.—Ты бы лучше помогъ мнѣ, слышишь? помогъ бы лучше!—кричала она, вся выгнувшись и возя тряпкой по полу. Калѣка Янъ тоже стащилъ съ себя башмаки и чулки и пробовалъ, холодна ли вода, осторожно погружая въ нее большой палецъ своей изуродованной ножки.

— Поди сюда!—сердито крикнула ему мать. Ребенокъ, насупившись, заковылялъ по водѣ большими шагами, словно скользя на конькахъ и черпая воду захваченнымъ ковшикомъ.

— Мамка, и я хочу! Можно и мнѣ помогать?—крикнулъ съ кровати Диркъ и заболталъ голой ноженкой, готовый соскочить въ воду.

— И этотъ туда же! Вотъ я тебя, соплякъ! Лежи смирно, а то я тебѣ по мордѣ дамъ, — пригрозила мать и, вдругъ разсердившись, шлепнула мальчугана мокрой ладонью по уху, разъ-два, толкнула его подъ одѣяло и свирѣпо подоткнула подъ тюфякъ концы жесткаго грязнаго войлока, прикрывавшаго всѣхъ троихъ ребятишекъ.—Если вы будете хныкать, я васъ на смерть заколочу!—И снова затопталась, хлопая ногами въ водѣ, съ перекошеннымъ отъ злости лицомъ.

И такъ уныло и безотрадно было вокругъ, такое горе горькое ютилось въ этомъ подвалѣ, что злость и грубость жен-

щины казались Элеазару вполнѣ естественными и понятными. Она снова собирала тряпкой воду и выжимала ее надъ ведромъ, чаще прежняго нагибаясь и мутя воду, которая отъ этого становилась коричневой и пахла еще противнѣе. Подобранная юбка ея немного спустилась, и край подола намокъ. Женщина взвыла съ досады, рванула юбку, подоткнула ее еще выше, такъ что теперь видны были выше колѣнъ ея забрызганныя грязью толстыя ноги. Янъ, веселый, довольный тѣмъ, что ему позволили помогать, усердно плескался около матери. Онъ набиралъ въ ковшъ воды и высоко поднималъ его, стараясь худенькими пальчиками зажать по угламъ дырочки, черезъ которыя, журча, струйками вытекала вода. Тускло горѣла лампочка на некрашеномъ деревянномъ столѣ, освѣщая сапогъ безъ подошвы, бѣлую линію ранта, шило, дратву, ножъ, молотокъ, кучку гвоздей и деревянныхъ шпилекъ. Тутъ же, рядомъ съ лампой стоялъ запачканный, до половины наполненный кофейникъ. По поверхности водяной зыби скользили золотые лучи свѣта, постепенно вытягиваясь въ ровную блестящую полосу; ноги женщины и ребенка отливали серебромъ сквозь эту гладь, теперь красную отъ отраженія кирпичей. На желтомъ лицѣ сапожника въ дверяхъ яркими темно красными пятнами выступали скулы, топорщились на головѣ его спутанные темные волосы. Онъ снова нагнулся, схватилъ за дужку ведро, расплескавшееся отъ сильнаго толчка, и, перегнувшись на бокъ, чтобъ уравновѣсить его тяжесть, опять понесъ его въ темень за ворота, въ грязный тупикъ, гдѣ снова вылилъ на землю грязную воду. Послышался плескъ, блеснули брызги, прорѣзавъ тьму. Тѣмъ временемъ Янъ, прислонившись къ стѣнѣ, теръ грязными пальцами свою искривленную внутрь ступню, казалось, тяжело повисшую на худенькой хрупкой голени.

Въ полосѣ желтоватаго свѣта въ дверяхъ снова выступила фигура сапожника, безутѣшно бормотавшаго:

— Проклятый погребъ!.. Вонючая яма... И надо же, будь оно проклято, чтобъ это случилось какъ разъ теперь... именно теперь, когда у меня есть работа... Ты чего, болванъ, ухмыляешься? забавно тебѣ? щенокъ поганый!.. Помогай матери!.. Стоитъ, какъ чурбанъ, накажи меня Богъ, и еще играетъ!

— Когда же ковшъ течетъ—чѣмъ же я виноватъ? — оправдывался Янъ, пугливо озираясь на мать.—Нальешь, и опять все вытечетъ.

— Я тебѣ покажу: вытечетъ! — пригрозила женщина. — Нечего! нечего! Пошевеливайся!.. Маршъ за горшкомъ!

Мутная вода, булькая, опять полилась въ ведро.

— Всякій разъ такъ! — жаловался сапожникъ. — Всякій разъ! Хоть бы околѣть скорѣе!..—Тупое скотское отчаяніе прозвучало въ его голосѣ.

Не глядя на него, не сводя глазъ съ топтавшихся въ грязной водѣ человѣческихъ ногъ, Элеазаръ мягко отвѣтилъ:

— Да, конечно, это скверно, очень скверно... Но вѣдь намъ и всѣмъ не легко—этого не надо забывать, хоть это и плохое утѣшеніе... Мнѣ самому страшно вернуться домой.

Кровь закипѣла въ немъ, ударила въ голову. Куда ни пойди, куда ни глянь, всюду люди, измученные заботами, преждевременно состарившіеся въ нищетѣ. Кажется, только это и встрѣчалъ онъ на своемъ пути, съ тѣхъ поръ, какъ у него раскрылись глаза послѣ зимней спячки убогой юности. Въ нищенскомъ подвалѣ у тетки Cooръ, гдѣ онъ выпилъ чашку кофе, у Зейкерпера во всѣхъ этажахъ и коридорахъ, куда только онъ ни заглядывалъ, и здѣсь опять, живая жизнь задыхалась и гасла, какъ вянущій цвѣтокъ на окнѣ, куда не заглядываетъ солнце. Въ сумерки, когда онъ пробирался межъ ларей и лавченокъ еврейскаго квартала, ему удалось обмануть себя своею выдуманной силой, подбодриться, подавить въ себѣ болѣзненную, какъ ему казалось, склонность видѣть все въ мрачномъ свѣтѣ. Онъ заразился маніей всѣхъ этихъ запуганныхъ людей безотрадно смотрѣть впередъ, въ сѣрую даль. Они такъ давно страдаютъ, что уже перестали вѣрить въ лучшее будущее. Слѣпой не знаетъ, что такое свѣтъ, если онъ родился слѣпымъ. Если бъ Элеазаръ и въ зрѣломъ, и въ незрѣломъ возрастѣ не накидывался съ такой страстью на чтеніе, на книги, которыя онъ понималъ лишь наполовину, но которыя будили его душу и мысль, онъ остался бы такимъ же слѣпцомъ, какъ всѣ вокругъ. „Надо остерегаться воспитывать въ себѣ безнадежное отношеніе къ нищетѣ. Надо крѣпко держаться за бодрящую мысль, что спасеніе близко, — вѣдь вотъ, и гранильщики устроили стачку, а прежде имъ это и въ голову не приходило. Заря уже алѣетъ, солнце скоро взойдетъ“. Такъ подбодряя себя, чувствуя въ себѣ силу сопротивленія, онъ вошелъ подъ ворота и—опять стоитъ безполезнымъ зрителемъ, сжимая кулаки, безсильный помочь! Вся философія вздоръ, чепуха, безплодныя мечтанія!

Ночь вползала въ комнату чернымъ туманомъ. Сапожникъ, тяжело ступая, вышелъ. Жена его, угрюмая, сердито сжимая губы, отдыхала, положивъ посинѣвшія отъ холода ноги на перекладину стула. Янъ игралъ горшкомъ, плававшимъ на поверхности воды, тихонько подталкивая его. Маленькая Аагье пищала все жалобнѣе.

— Тише ты!—крикнула женщина.—Перестань!

— Когда же мнѣ нужно!—простонала блѣдная дѣвочка, метаясь головкой по синему чахлу перины.

— Подожди!—разсвирѣпѣла женщина.—У меня и безъ тебя довольно хлопотъ! — Потомъ она смягчилась и подошла къ ребенку.

— Я помогу, мама!—поспѣшилъ услужить Янъ.

Диркъ, довольный, что и онъ можетъ помочь, крѣпко держалъ сестру, которая поджимала худенькія ноженки. Мать обтерла ей грязь съ лица, подвязала свою юбку и опять вернулась къ прерванному дѣлу. Янъ тоже. Никто не говорилъ ни слова, мужчины угрюмо безмолвствовали, женщина, топая ногами отъ злости, выкручивала тряпку надъ ведромъ. Вдругъ маленькій Диркъ испуганно вскрикнулъ:

— Ой, мама!.. опять кровь!

Женщина швырнула тряпку и опять зашлепала къ кровати, по дорогѣ вытирая руки. Она уложила дѣвочку и успокоительно погладила ее по головкѣ.

— Не могу ли я вамъ помочь вынести ведро? — спросилъ Элеазаръ.

— Нѣтъ!—отказался сапожникъ и вдругъ яростно закричалъ:—Не поможетъ! Напрасный трудъ! Это на цѣлую ночь... накажи меня Богъ!.. на цѣлую ночь. А утромъ вода сама схлынетъ...

Совсѣмъ стемнѣло. Осторожно ступая, Элеазаръ вышелъ на дворъ. У тети Регги не было свѣта въ окнѣ. Слава Богу, всѣ улеглись. Но изъ слабо освѣщеннаго окошка Зейкерпера высунулась голова, и голосъ зеленщика спросилъ:

— Эли, это—вы?

— Да,—вздрогнулъ онъ.

— Вы не подыметесь наверхъ?.. Регги у насъ... Не хотите ли чашечку кофе?

Узкая лѣстница скрипѣла подъ ногами. Наверху отворилась дверь. Слабый свѣтъ упалъ на стертыя сѣрыя ступени, на черныя стѣны.

— Что вы такъ долго?—жалобно окликнула его тетя Регги.

Элеазаръ улыбался. Выйдя изъ темноты на свѣтъ, онъ не сразу могъ разсмотрѣть, кто въ комнатѣ, и чуть не упалъ, споткнувшись о матрацъ, на которомъ спало четверо ребятишекъ. За столомъ сидѣли Зейкерперъ, жена его Эсси, тетя Регги, Давидъ, Миньтье, старшая дочь Зейкерпера, и двое чужихъ,—тощій мужчина съ длинной бородой и молодая

дѣвушка съ копной вьющихся черныхъ волосъ. На кровати, гдѣ дѣти спали вмѣстѣ съ отцомъ и матерью, покоилось еще двое малютокъ. Стѣнная лампочка въ желѣзной подставкѣ, съ низко опущеннымъ фитилемъ, чадила, по временамъ выбрасывая пламя.

— Охъ!—крикливо накинулся на него Давидъ,—пожаловать изволили! И гдѣ ты шляешься цѣлый день! Былъ бы дома, имѣлъ бы работу. Охъ! Вотъ ротозѣй-то!

— Работу?—удивленно переспросилъ Элеазаръ.

— Гдѣ вы такъ долго пропадали? — жалобно заговорила слѣпая.—Отчего не пришли обѣдать?.. И Берлійна не упустили бы... А какъ я безпокоюсь!

— Берлійнъ?... Берлійнъ?—неувѣренно повторилъ Элеазаръ.

Возбужденный Давидъ, съ черточками досады по угламъ носа и рта, судорожно перебирая пальцами, выкрикивалъ:

— Да, да, Берлійнъ! Берлійнъ! Берлійнъ! Чего стоишь, какъ столбъ? Не знаешь, кто такой Берлійнъ? Былъ бы дома, имѣлъ бы работу! Теперь бѣги за нимъ въ пустой слѣдъ, когда онъ уже другихъ успѣлъ взять!

— Ну, ну!—успокаивала слѣпая.—Вѣдь онъ же сказалъ, что оставитъ для него мѣстечко? Чего ты такъ волнуешься, Давидъ?.. Онъ еще, пожалуй, и не ѣлъ.

— Пусть жретъ! — крикнулъ Давидъ.—Есть о комъ хлопотать!

Между нимъ и Элеазаромъ установился тонъ людей, которые много лѣтъ не видались и разучились понимать другъ друга.

— Берлійнъ?—еще разъ повторилъ Элеазаръ.—Это ужъ не съ фабрики ли Лабуна... — Наморщивъ лобъ, онъ задумался, припоминая, и уже съ увѣренностью сказалъ:

— Да, это онъ, отъ Лабуна. Ну, на него я работать не стану. Благодарю покорно! Да и вообще я теперь ни у кого работы не возьму. Стачка рѣшена.

Всѣ закричали разомъ, перебивая другъ друга; Эсси испуганно унимала всѣхъ, боясь, какъ бы они не разбудили дѣтей.

— Стачка? стачка?—заикаясь, хрипѣлъ Зейкерперъ, вѣчно ходившій съ простуженнымъ горломъ.

— Стачка! — кричалъ человѣкъ съ длинной бородой, незнакомый Элеазару.

— Стачка! стачка!—выкрикивалъ Давидъ, стуча кулакомъ по столу, такъ что звенѣли чашки, и одна опрокинулась, выплеснувъ на столъ грязный осадокъ кофе. — Чтобъ васъ

чума задавила! Это значить опять бейся, какъ рыба объ ледъ! Кто же меня кормить будетъ, когда я брошу работу?.. Я ужь и такъ сколько недѣль сидѣлъ дома безъ работы и безъ гроша. Разрази меня на мѣстѣ, если неправда... Я гранильщикъ алмазовъ, а не мостовыхъ! Вы мнѣ, что-ль, заплатите за квартиру?.. заплатите за обѣдъ? въ мелочную?.. за говядину?.. Да и видимъ ли мы говядину! Мнѣ кушать надо! Жрать надо!.. Пусть лучше этотъ Деккеръ вмѣсто меня заболѣетъ! Мнѣ дали для отдѣлки партію камней, а этотъ красавчикъ приходитъ и хочетъ отнять у меня работу! Ну! Онъ мнѣ приноситъ послѣднюю новость о стачкѣ! Стачка! Глупости! вздоръ! Это надо совсѣмъ съ ума сойти! Или ты видѣлъ копѣйку въ послѣдніе мѣсяцы? Или я видѣлъ копѣйку? Даже хлѣба занять не у кого! Свинячая морда! Обезьяній глупый хвостъ! Стачка! Стачка! Охъ!..

Изо рта у него текла слюна; гладко выстриженная худая голова нервно тряслась отъ злости. Онъ схватилъ чашку со стола, сталъ пить жадными большими глотками и поперхнулся.

Холодно смотрѣли сѣрые глаза Элеазара; упрямо сжимались его тонкія безкровныя губы. Еще раньше, чѣмъ Давидъ началъ неистовствовать, онъ чутьемъ угадалъ, что будетъ, понялъ по внезапной вспышкѣ зятя, который уже въ первый вечеръ его прибытія поругался съ Зейкерперомъ изъ-за сходки въ Пале и подъ своимъ крикомъ и бранью скрывалъ тревогу. Иначе онъ не разсвирѣпѣлъ бы теперь такъ сразу.

— Если тебѣ угодно пресмыкаться, — началъ Элеазаръ съ спокойствіемъ человѣка, который понимаетъ, чѣмъ вызвано возбужденіе противника, — если тебѣ желательно обкрадывать своихъ товарищей, которые имѣли работу и бросили ее ради тебя, ради меня, ради сотенъ другихъ — какъ знаешь. Твои товарищи...

— Мои товарищи!..— пронзительно взвизгнулъ Давидъ.— Господи Боже мой, мои това...

— Дай мнѣ говорить, — перебилъ его Элеазаръ такимъ рѣзкимъ и властнымъ тономъ, что Давидъ запнулся, недоговоривъ въ слухъ конца фразы.—Если тебѣ угодно пресмыкаться—твое дѣло... Я этого не желаю... хотя бы всѣ мы, здѣсь сидящіе, передохли съ голода.

— Онъ правъ,—сказалъ человѣкъ съ длинной бородой.

Элеазаръ посмотрѣлъ на него. У незнакомца была типичная голова польскаго еврея, горбатый, мясистый носъ, глаза съ красными воспаленными ободками вѣкъ и жесткая темная борода, уже отливавшая кое-гдѣ металлическимъ бле-

скомъ серебряныхъ нитей. Элеазару прежде всего бросилась въ глаза его огромная шишка у лѣваго угла рта.

— Правъ! правъ!—закричалъ Давидъ, все больше волнуясь.—Ему бы только мутить! Мои товарищи... да чума ихъ задави! Если бъ я пресмыкался въ то время, какъ у меня болѣли глаза, мы бы не сидѣли теперь по уши въ грязи! Ты и меня хочешь съ ума свести? Что мы нынче жрали? Пустую похлебку! Попробуй-ка этимъ наѣсться до сыта!.. А вчера что ѣли? Гороховую похлебку съ уксусомъ! Развѣ не заложена моя перина? Или мой талесъ *) не въ ссудной кассѣ? Да холера васъ всѣхъ задави и тебя перваго, паршивецъ ты такой! Что жь ты мнѣ прикажешь и дальше еще морить голодомъ старуху и своихъ ребятъ? Да скорѣй вы всѣ тутъ сгніете, чѣмъ я выпущу изъ рукъ эту работу! А ты... чтобъ у тебя кишки повылѣзли!..

Въ неподдѣльной ярости, изжелта блѣдный, онъ вскочилъ, отшвырнулъ свой стулъ къ окну и стукнулъ чашкой объ столъ.

Въ первый моментъ отъ испуга всѣ смолкли. Потомъ Эсси, жена Зейкерпера, начала браниться, съ каждымъ словомъ раздражаясь все больше.

— Охъ, что же это за скотина! Молиться разучился, такъ клясть всѣхъ надо!

— И всетаки онъ правъ,—тоже волнуясь, прохрипѣлъ Зейкерперъ.—Какое ему дѣло до стачки? Мало онъ сидѣлъ безъ работы? А дѣтей-то куда же дѣвать? Не вы ли ихъ пристроите? Клянусь моимъ здоровьемъ, моими дѣтьми, что я и вчера, и сегодня, и сколько ужъ дней, не знаю—ничего не ѣлъ, кромѣ картошки съ жиромъ. Если бъ я былъ гранильщикомъ и досталъ работу, я бы работалъ день и ночь и сегодня, и завтра, и послѣ завтра, до самаго шабаша!

— Зачѣмъ ему отказываться?—кротко вмѣшалась слѣпая, остановивъ свой мутный взоръ на ламповомъ колпакѣ.—Съ какой стати ему отказываться, Эли?.. Вы посмотрите, какъ намъ не везетъ съ того самаго дня, какъ вы вернулись изъ Америки. Я вотъ уже четвертый шабашъ въ долгу у мясника. Въ зеленную должна, въ булочную должна... А моя бѣдная Сарочка—она ходитъ безъ рубашки!.. Берлійнъ отличный малый!.. Но развѣ вы будете рвать на себѣ платье, когда другіе въ трауре?.. И не думайте, что я здорова, не думайте! Вы не должны ссориться. Онъ правду говоритъ, чтобъ мнѣ такъ Богъ далъ еще разъ увидѣть свѣтъ передъ смертью, Давидъ правъ!

---

*) Молитвенное облаченіе.

Она умолкла, продолжая беззвучно шевелить пересохшими губами и ласково кивая головой въ ту сторону, гдѣ стоялъ Элеазаръ.

— Правъ!—что такое правъ?—заговорилъ польскій еврей густымъ прерывистымъ басомъ, постепенно хрипнувшимъ отъ сдерживаемаго гнѣва: — Я правъ, когда хватаю, что могу достать!.. Я правъ, когда беру, если я голоденъ!.. Правъ, когда плюю въ лицо тѣмъ, кто меня надуваетъ!.. Правъ, когда топчу ногами ихъ сердце!.. Правъ, когда желаю, чтобы у нихъ сгнили и легкія, и печенка, если изъ-за нихъ мои дѣти должны голодать! Чтобъ у нихъ все нутро свело отъ коликъ!.. Что такое право?—Всякій имѣетъ право сказать: не стану больше голодать! Всякій вправѣ бороться за свой желудокъ!.. Но что можетъ *одинъ* человѣкъ, Давидъ! Ой! Вы всѣ должны, какъ колючки, цѣпляться другъ за друга! Не даютъ добровольно, надо брать силой. Тогда сила становится правомъ!.. *Въ одиночку* ничего не подѣлаешь, ничего, ничего!—въ одиночку и булавки не добудешь, и куска сахару, и глотка воды не добьешься! Вотъ ежели вы соединитесь, сплотитесь, сцѣпитесь вмѣстѣ, тогда вы можете ихъ заставить, принудить; тогда они корчиться будутъ отъ злости, а станутъ дѣлать по вашему!..

Онъ замолчалъ и оперся локтями на столъ. Руки его дрожали, жилы на высокомъ лбу надулись.

Опять стало тихо въ комнатѣ; лишь слабо доносился говоръ со двора, гдѣ сапожникъ все еще бѣгалъ съ ведромъ.

Застѣнчиво вставила словечко жена Зейкерпера, Эсси, маленькая сморщенная женщина въ парикѣ:

— Да, вамъ хорошо говорить: вы не знаете этого мастерства, а Давидъ имѣетъ себѣ хорошій кусокъ хлѣба, онъ работаетъ четырьмя щипцами.

Давидъ, стоявшій у окна, окончательно вышелъ изъ себя. Звуки со свистомъ вырывались изъ его горла.

— А они говорятъ, что я пресмыкаюсь!.. Ну, и суди меня Богъ!.. А на васъ мнѣ плевать!.. По мнѣ бастуйте, бастуйте, пока васъ черная немочь не хватитъ, пока вы не опаршивѣете съ голоду!.. Чтобъ я такъ дѣлалъ, какъ Деккеръ?.. Нѣтъ, вы прежде свѣтъ выверните на изнанку... Пусть я пресмыкаюсь—пусть!.. Чтобъ васъ всѣхъ холера задавила!

Внѣ себя отъ ярости, съ налившимися кровью глазами, онъ плюнулъ на полъ, стремительно пробѣжалъ мимо спавшихъ на матрацѣ дѣтей и съ трескомъ захлопнулъ за собой дверь.

— Ну, ужъ и скотина!—сказала Эсси, раскачивая руками свою маленькую головку въ парикѣ.

Наступило неловкое молчаніе, но, какъ только шаги Давида стихли на лѣстницѣ, поднялся страшный гамъ. Зейкерперъ, Эсси, тетя Регги приняли его сторону; говорили всѣ разомъ, съ крикомъ перебивая другъ друга и еще больше возбуждая себя рѣзкими жестами.

Всѣ они сидѣли вокругъ стола, Регги у окна, возлѣ хозяина и хозяйки, въ углу Ревекка, дочь польскаго еврея, молча прислушиваясь къ разговору, какъ и Миньтье, старшая дочка Зейкерпера. Полякъ Подновскій, сидѣвшій рядомъ съ Элеазаромъ, теперь, когда очистилось мѣсто, отодвинулъ свой стулъ къ окну и обрушился на трехъ противниковъ, то перекрикивая ихъ, то, побѣжденный ихъ крикомъ, злобно проклиная тѣхъ, кто преслѣдовалъ его съ дѣтства, когда онъ вмѣстѣ съ отцомъ и матерью принужденъ былъ выселиться изъ Россіи.

Усталый, съ утра ничего не ѣвшій, Элеазаръ прихлебывалъ кофе и слушалъ. Сѣрые глаза его порой встрѣчались съ большими черными глазами Ревекки, и онъ изумлялся свѣжести этой дѣвушки, съ волосами, какъ вороново крыло, казалось, попавшей въ неподходящую для нея обстановку; она напоминала собою пышно расцвѣтшій піонъ. Еще ярче и свѣжѣй казался необычный румянецъ ея щекъ, когда онъ сравнивалъ ее съ сидѣвшей рядомъ Миньтье, тоже дѣвушкой лѣтъ шестнадцати-семнадцати, блѣдной отъ постояннаго сидѣнья въ комнатѣ, слабенькой, хилой. Въ комнатѣ было такъ жарко, что у него потъ катился со лба, но вѣтерокъ изъ окна освѣжалъ его разгоряченную голову.

Потолокъ былъ низкій, и на его балки свѣтъ падалъ отъ лампы дрожащими кружками. На столѣ стояла въ безпорядкѣ неубранная посуда, чашки, кружки, тарелки, грязныя, съ пятнами и остатками пищи. Желтая клеенка, украшенная цвѣтными гирляндами, мѣстами протертая до дыръ, коробилась складками и блестѣла на мокрыхъ мѣстахъ.

Стѣна на сторонѣ двери была оклеена обоями; на другой они отстали, или висѣли клочьями, свернувшись такъ, что видна была штукатурка; она напоминала животное, сбрасывающее старую кожу. Всего привѣтливѣй смотрѣлъ шкафъ съ стеклянными, изъ мелкихъ стеколъ, дверцами, сквозь которыя виднѣлись полки, покрытыя газетной бумагой, успѣвшей пожелтѣть, съ большими и ровными зубцами, старательно вырѣзанными Миньтье. На полкахъ тарелки, стеклянная и мѣдная посуда, отливавшая матово-краснымъ блескомъ. Каминную доску Миньтье также изукрасила полосками обоевъ, вырѣзавъ и ихъ зубцами, теперь слегка покоробившимися отъ жары. На полу у очага лежали дѣти,

съ краю Мейеръ, еще не спавшій, за нимъ, на подушкѣ изъ морской травы, виднѣлось еще три головки съ раскрытыми ртами,—все жалкія старообразныя еврейскія дѣти: двѣнадцатилѣтняя Эстеръ съ бѣлыми отъ мази пятнами на головѣ; десятилѣтняя Яантье; Флиппи, мальчуганъ лѣтъ шести; онъ храпѣлъ во снѣ и такъ яростно дралъ ногтями струпья на своей головѣ, что волосы мѣстами слиплись отъ крови. Младшія спали на кровати, въ альковѣ, вмѣстѣ съ матерью и отцомъ; Миньтье съ дѣтьми на полу. Самый младшій ребенокъ, Брамъ, спалъ неспокойно, безпрестанно ворочаясь и вскрикивая; это было болѣзненное дитя, постепенно умиравшее отъ истощенія; единственно здоровая была Бекки, которая тихо спала возлѣ него.

За столомъ въ тускломъ свѣтѣ лампы неуклюжими темными массами выступали фигуры взрослыхъ; освѣщены были, да и то слабо, только руки и лицо. Отъ спины Миньтье падала на полъ черезъ головы дѣтей длинная матово-черная тѣнь... Надъ дверью чулана, гдѣ стояло грязное ведро, висѣла картина, изображавшая бушующее море и человѣка въ утлой лодочкѣ посреди волнъ. Картина заплеснивѣла и покрылась пузырями отъ сырости; внизу полустершаяся надпись золочеными буквами гласила: „Вильгельмъ-Тель однимъ прыжкомъ освобождается изъ плѣна Гесслера“.

Мужчины за столомъ все еще горячо обсуждали событіе. Миньтье съ Ревеккой шептались, хихикая; Подновскій, или Подди, какъ его звали, спорилъ съ Эсси и Зейкерперомъ. Элеазаръ, усталый отъ шатанья по городу, задремалъ. Въ альковѣ заплакалъ ребенокъ. Эсси пошла успокоить его; это спугнуло сонъ Элеазара, и онъ сталъ прислушиваться къ разговору другихъ.

— Ой, эта Бекки!—И Зейкерперъ, грубо захохотавъ, разсказалъ неприличную исторію о своей маленькой дочкѣ...— Она такая умница, такая хитрая для ребенка трехъ лѣтъ... да есть ли ей еще три года?

Смѣялась слѣпая Регги, смѣялась и Эсси, и дѣвушки, фыркая и хихикая, не стѣсняясь обнаруживать свое любопытство. Потомъ Эсси, укачавшая ребенка, сообщила, что у нея было одиннадцать ребятъ, и Іозеню былъ такой же плутишка. И она безъ церемоніи принялась разсказывать о его неприличныхъ продѣлкахъ...

— Ахъ, какая жалость, что онъ умеръ! И что это было за дитя... настоящее христіанское дитя!

— Да, да,—скороговоркой заговорилъ Зейкерперъ, напрасно мигавшій женѣ, съ цѣлью напомнить ей, что не слѣдуетъ сообщать непристойности при Ревеккѣ и Миньтье; те-

перь онъ умышленно повысилъ голосъ, чтобы заглушить общій смѣхъ.

— Чего только въ жизни не испытаешь!.. Да не смѣйся такъ—тутъ нечему смѣяться!.. Да, да, мы вотъ уже четверыхъ свезли въ Зеебургъ *), и я боюсь, что Браметье... — Онъ запнулся, оглянувшись на альковъ, откуда доносилось неровное, прерывистое дыханіе.

— Ахъ, Боже мой, ужъ эта сердечная боль!—удрученно повторяла Эсси, сложивъ руки на животѣ.

— Все, что Богъ ни дѣлаетъ, все хорошо,—съ тихой улыбкой сказала слѣпая.—Не должно испытывать Бога вопросами... Пойдемте, Эли, помогите мнѣ сойти съ лѣстницы...

Она встала, помѣшавъ Элеазару наблюдать за Ревеккой; облокотившись головой на руку, онъ смотрѣлъ на ея розовое личико въ рамкѣ спутанныхъ черныхъ волосъ, въ темную глубь ея очей, и думалъ:

— Какъ она попала сюда!.. Какъ она ухитрилась сохранить свою свѣжесть, живя у этого старика? И какъ она нагло хохочетъ, какія у нея вульгарныя черточки около рта—что за странная мордочка!.. Когда она серьезна, не смотритъ на меня, сидитъ тихо—смотрѣть на нее истинное наслажденіе, а когда смѣется и влажныя губы ждутъ, чтобъ я засмѣялся, мнѣ становится жутко, отъ нея вѣетъ тогда какимъ-то коварствомъ и зноемъ.

— Вы еще посидите, Эли?

— Нѣтъ, нѣтъ,—поспѣшно отозвался онъ, вскакивая съ мѣста.

Онъ шелъ впереди слѣпой, ведя ее за руку и осторожно переступая со ступеньки на ступеньку. Спустившись съ лѣстницы, они снова очутились въ душной, спертой атмосферѣ нижней квартиры. Элеазаръ, по разсѣянности, зажегъ лампу.

— Что вы дѣлаете?—усмѣхнулась старушка. — Мнѣ это совсѣмъ не нужно... Но разъ уже вы пришли сюда, Эли, ваши буттерброды въ шкафу... захватите ихъ съ собою. Слышите?

Онъ увидалъ въ стеклянномъ шкафу тарелку съ буттербродами, взялъ ихъ и пожелалъ Регги спокойной ночи.

— Пораскиньте умомъ, Эли,—крикнула она ему вслѣдъ.— Что вамъ за радость идти на такую непріятность? — Стачка это—несчастье... несчастье!.. Не глупите, Эли, я вижу все это много лучше васъ... много лучше... Ступайте-ка лучше завтра къ Берлійну, у него есть работа.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ рѣшительно.—Если-бы только среди рабочихъ не было подлецовъ и трусовъ, мы бы всего доби-

*) Амстердамское кладбище.

лись... Спите спокойно... Давиду не придется меня кормить своими трудами... Я самъ какъ нибудь перебьюсь. Доброй ночи!

Онъ заперъ дверь. На дворѣ стояла глубокая ночь. Въ густой тѣни стѣнъ и во тьмѣ воздуха что-то слабо мерцало, словно красный ободокъ усталыхъ воспаленныхъ вѣкъ; нигдѣ не было никакихъ признаковъ жизни, ни звука человѣческаго голоса.

Тусклый свѣтъ падалъ изъ подъ воротъ. Съ кускомъ хлѣба въ рукѣ Элеазаръ направился туда и споткнулся о ведро, не внесенное въ домъ. Дверь въ каморку сапожника была отворена настежь. Самъ онъ сидѣлъ на верхней ступенькѣ лѣстницы, ведущей въ подвалъ, и за вытащеннымъ оттуда столомъ работалъ. Жена его улеглась спать вмѣстѣ съ дѣтьми. Вода поднялась выше; поверхность ея поблескивала въ тѣхъ мѣстахъ, куда падалъ свѣтъ.

— Ну, вотъ видите, была надобность возиться,—сказалъ сапожникъ, не отрываясь отъ работы. —Тутъ хоть всю ночь черпай—не поможетъ... къ утру вода сама уйдетъ. Эта баба постоянно скандалитъ!

Онъ подкидывалъ подметку къ старому сапогу. Кулакъ его, крѣпко сжимавшій молотокъ, которымъ онъ вколачивалъ гвозди, сердито ходилъ взадъ и впередъ мимо уха.

— Веселой работы!—вяло произнесъ Элеазаръ.

— Веселой!.. Какой тамъ веселой!—повторилъ сапожникъ съ горькикъ смѣхомъ.

Лѣстница громко скрипѣла подъ ногами Элеазара, когда онъ поднимался наверхъ. Онъ занялъ комнатку надъ Зейкерперомъ. Въ Америкѣ онъ избаловался и ужъ не хотѣлъ, какъ прежде, спать вмѣстѣ съ Давидомъ, Саартье и Мосье, у тетѣ Регги, на полу въ альковѣ. Жилъ онъ одинъ, а столовался у Регги. Такъ было всего удобнѣе и недорого. Комнатка обходилась пятьдесятъ центовъ въ недѣлю, и никто ему не мѣшалъ. У Подновскаго дверь была полуоткрыта.

Лампа накоптила, и сажа была даже на лѣстницѣ.

— Лампа начадила. Копоть,—пояснилъ Подди, ходившій по площадкѣ въ однихъ чулкахъ, изъ которыхъ лѣзли наружу пальцы. Панталоны его болтались на старыхъ подтяжкахъ; сине-зеленая вязаная куртка прикрывала костлявую грудь. Элеазаръ смутно видѣлъ матрацъ на полу, дѣтскія головки, отворенную дверь въ альковъ, горшокъ и на столѣ капустныя кочерыжки. Ближе къ двери стоялъ другой столикъ, поменьше, и на немъ коробки съ табакомъ и папиросами.

— Это моя торговля,—сказалъ Подди, поглаживая рукой свою бородку и указывая на папиросы,—этимъ я долженъ кормить пятерыхъ дѣтей!.. Хотите выкурить одну послѣ ужина?—настоящая русская, хорошая...

— Охотно возьму,—засмѣялся Элеазаръ. Пока костлявый еврей выбиралъ ему папиросу, онъ вглядывался въ лежавшій на полу матрацъ, на которомъ уже различалъ три головы: дѣтскую, юноши съ пробивающимися усиками и Ревекки, глядѣвшей на него, смущенно улыбаясь. Въ головахъ ея, на стулѣ, были свалены безпорядочнымъ клубкомъ ея юбки.

— Выкурите ее за ужиномъ,—говорилъ Подди,—и не слушайте этого сумасшедшаго Давида. Вы правы. Да благословитъ васъ Богъ!

— Спасибо. Доброй ночи. Спите спокойно.

И Элеазаръ сталъ карабкаться еще выше, въ свою каморку.

Тамъ не было свѣта. Въ потьмахъ онъ нащупалъ окно, отворилъ его, придвинулъ къ окну старый соломенный стулъ и принялся за ѣду. На душѣ у него было неспокойно, и кусокъ не шелъ въ горло. Немного погодя, онъ положилъ буттербродъ на подоконникъ и сталъ смотрѣть вверхъ. Ночь была темная. Передъ нимъ тянулись неуклюжія, причудливой формы мрачныя крыши, эти тяжеловѣсныя, давящія покрышки надъ убогимъ человѣческимъ жильемъ, желѣзные гасильники жизни, едва теплившейся внизу. Въ одномъ чердачномъ окошечкѣ грустно мерцалъ слабый свѣтъ, озарявшій безмолвіе ночи.

VI.

Брамъ, болѣзненный младшій мальчикъ Зейкерпера, умеръ. Однажды утромъ отецъ съ матерью нашли его въ постели уже похолодѣвшимъ. Въ домѣ это не произвело особеннаго впечатлѣнія. Подди сошелъ взглянуть на маленькаго покойника, притащилась сама по лѣстницѣ тетя Регги; огорченія хватило ровно на часъ равнодушной болтовни объ умершемъ, не больше. Зейкерперъ купилъ партію мерзлой красной капусты, сложенной въ корзинахъ за дверью, и въ затхлой атмосферѣ комнаты капуста испортилась. Нижнія головки уже сгнили и провоняли всю комнату, гдѣ на соломѣ лежалъ мертвый ребенокъ. Всю пятницу торговалъ Зейкерперъ, но продалъ немного. Капуста была вялая и горькая—никто не хотѣлъ ее брать. Лилъ дождь. Измокшій, въ платьѣ, прилипавшемъ къ тощему тѣлу, зеленщикъ вернулся домой, втащилъ наверхъ корзину съ захваченнымъ утромъ това-

ромъ, пронесъ ее мимо трупа сына и швырнулъ въ уголъ.

Еще не отдышавшись послѣ подъема, разсерженный и тѣмъ, что вода течетъ у него по спинѣ, и тѣмъ, что ноги его озябли въ худыхъ сапогахъ, онъ разразился проклятіями.

— Чтобъ у нихъ языкъ отнялся, какъ они меня обмошенничали!.. Вотъ такъ дешевая покупка!.. Будь они прокляты!.. гниль одна!.. Я и десяти штиверовъ не заработалъ. Какъ я верну свои центы?.. Послѣдніе несчастные гроши пошли къ чорту! Откуда я возьму денегъ платить по лавкамъ? На что купить свѣжаго товару? Ой какой ударъ, какой ударъ! Теперь сиди и нюхай эту вонь. Будь я проклятъ! будь я проклятъ!

Онъ со стономъ упалъ на стулъ и вцѣпился пальцами въ волосы. Неистовымъ, сиплымъ голосомъ выкрикивая свое горе, съ визгомъ, всхлипываньями и причитаньями, онъ схватывался руками за голову и раскачивалъ ее въ безумномъ отчаяніи. Руки были огромныя, грубыя, синебагровыя; гніющая капуста оставила на нихъ слѣдъ; на оконечностяхъ пальцевъ, толстыхъ, мясистыхъ, съ кривыми ногтями, глубоко въѣлись синія пятна. Эти пальцы размазывали слезы по толстому желтому лицу, поросшему сѣдою щетиной, и проводили по щекамъ синія и красныя полосы. Сокомъ капусты было перепачкано и все его тѣло, платье, шапка, сапоги. Въ душной жарко натопленной комнатѣ отъ капусты несло гнилью, словно изъ раскрытой могилы.

Этотъ вой и стоны, выкрикиваемыя съ рыданіями жалобы зеленщика заставили притихнуть даже дѣтей. Эстеръ, Янтье, Флиппи и Бекки сидѣли всѣ за столомъ, играя картинкой на картонѣ, найденной Янтье въ мусорномъ ведрѣ. Миньтье хлопотала у очага. Мейеръ только что вернулся домой съ зелеными огурцами и стоялъ смирно въ углу, возлѣ корзины съ тухлой капустой.

— Да не сходи ты съ ума, ради Бога!—говорила Эсси.— Все равно вѣдь не поможешь... Хуже было бы, если-бъ ты сломалъ себѣ руку или ногу... Къ тому же самъ виноватъ: надо быть умнѣй... Не велико счастье капуста.

— Да не говори ты! не говори! Что ты мнѣ голову морочишь, будь я проклятъ!—взвылъ зеленщикъ, вскакивая съ мѣста, и забѣгалъ по комнатѣ, отъ трупа къ окну и обратно, размахивая руками и подкрѣпляя свои слова дикими жестами. — Вся моя торговля — въ этой капустѣ! Господи, гдѣ я возьму денегъ заплатить Тоби? На что я куплю свѣжаго товару?.. За этотъ проклятый шабашъ она совсѣмъ сгніетъ. А въ воскресенье утромъ похороны... Какъ

тутъ не сойти съ ума?.. что я буду дѣлать?.. Накажи меня Богъ! будь я проклятъ!

Отъ огорченія и досады на промокшее платье, прилипавшее къ тѣлу, онъ кричалъ все громче и неистовѣй.

— Да не ори ты такъ! хоть сосѣдей бы постыдился! Хочешь, чтобъ враги твои радовались?—въ свою очередь пронзительно крикнула Эсси.

— Ахъ чтобъ ихъ трясучка взяла! — съ бѣшенствомъ вскинулся онъ на нее...—Я надрываюсь на работѣ.. .я изъ кожи лѣзу ради дѣтей, будь я проклятъ!.. А тутъ такая напасть!.. Что я теперь буду дѣлать?.. Кто мнѣ заплатитъ... У кого занять денегъ на новый товаръ?! Что только будетъ!.. что только будетъ!

Съ искаженнымъ лицомъ, безпомощно судорожно сжимая кулаки, онъ бѣгалъ по комнатѣ, припадая то на одну ногу, то на другую, словно толкая передъ собою телѣжку. Подъ протертыми панталонами обрисовывались неуклюжія костлявыя колѣни; тяжело ступая въ четырехугольныхъ грязныхъ сапогахъ, онъ едва дотащился до сухого сѣна, клочьями разбросаннаго по полу, точно здѣсь опрокинули упаковочный ящикъ.

Миньтье молча поставила горшокъ на огонь; горячій жиръ выплеснулся на плиту и зашипѣлъ. Эсси, которой тоже нездоровилось—уже два дня она мучилась страшными коликами въ желудкѣ—утѣшала его въ перемежку съ упреками, какъ подобаетъ умной еврейской женѣ, которой попался въ мужья неудачникъ.

— Да будетъ тебѣ выть и кричать!.. Ну что ты этимъ поможешь?.. Самъ виноватъ: не надо быть такимъ сумасшедшимъ!.. Я тебѣ сразу сказала, что не слѣдовало покупать капусту... Что ты ни затѣешь, ни въ чемъ тебѣ нѣтъ удачи!.. Развѣ тебя не надули давеча гнилыми яблоками?.. Ахъ, ты, умная голова!.. О! горе мнѣ съ тобою! А лукъ? Ты вѣдь всегда и лукъ покупаешь гнилой!. Ну, можно ли быть такимъ дурнемъ: купить двѣ сотни головокъ дрянной капусты по четыре цента за штуку?! Ей-Богу, я бы тебѣ за нее ни одного цента не дала.. Ты только посмотри, что это за гадость! — уже изъ корзины весь сокъ вытекъ наружу... Это прямо грѣхъ, ей-Богу, грѣхъ такъ деньги бросать за окно!

— А, чтобъ ты скисла! — выругался Зейкерперъ. — Для кого же я это дѣлаю? Мнѣ-то какая польза отъ этого? Сегодня за весь день росинки маковой во рту не было! Чтобъ ты околѣла!.. Чего ты ко мнѣ пристала?—все равно, теперь ужъ не поправить.

Она не осталась въ долгу.

— Молчи! Вѣдь ты же своею работой дѣтей кормишь.

Спроси, кого хочешь, спроси Подди, Давида, Регги, будетъ ли кто изъ нихъ такимъ болваномъ, чтобы купить двѣ сотни капусты, вонючей, какъ зараза, двѣ сотни гнилыхъ капустныхъ головъ! двѣсти штукъ!.. Ой, какой дуракъ! Что я только терплю!.. что я терплю!

Зейкерперъ еще больше обозлился.—Чтобъ тебѣ околѣть! злобно хрипѣлъ онъ.—Пусть у тебя кусокъ коломъ въ горлѣ встанетъ, если я еще разъ возьмусь за торговлю! Ступай сама въ люди, сама покупай. Дрянь поганая! Она еще меня попрекаетъ. Нечего сказать, хорошій праздникъ устроила!..

— Дрянь? Дрянь?—со злостью закричала Эсси, блѣднѣя подъ своимъ парикомъ.—Это твоя мать дрянь, а не я! И, что ты за гадина, что за подлецъ, если мать своихъ дѣтей ругаешь дрянью!

— Подлецъ, подлецъ!—глухо повторилъ Зейкерперъ обезсиленный, вздрагивая всѣмъ тѣломъ.—Не смѣй трогать моей матери! Знай свою штопку и не суйся не въ свое дѣло. Старая... чтобъ ты ослѣпла!

И съ этимъ послѣднимъ ругательствомъ зеленщикъ, еле передвигая ноги, заковылялъ къ печкѣ, гдѣ стащилъ съ себя намокшіе рваные сапоги.

— Я тогда ослѣпну, когда тебя чума хватитъ... пускай ужъ вмѣстѣ...—бранилась Эсси, дрожа отъ злости.

Теперь перевѣсъ былъ на ея сторонѣ: онъ, совершенно обезсиленный, дрожащій, сидѣлъ у огня, съ высоко поднятыми колѣнами, стараясь согрѣться. Она все пуще наскакивала на него, придумывая все болѣе и болѣе ужасныя проклятія. Неудача въ торговлѣ приводила въ изступленіе ихъ обоихъ, вырывала у нихъ горькіе, злобные, обидные попреки. Дѣти за столомъ, давно привыкшія къ этимъ ссорамъ, возобновили игру, только говорили теперь шепотомъ, по временамъ пугливо озираясь на мать. Игра ихъ заключалась въ томъ, что на старую выцвѣтшую картинку они клали обгорѣвшія спички, приговаривая разныя смѣшныя присловья. Къ нимъ присоединился и Мейеръ. Свѣтъ лампы падалъ прямо на больныя головки, освѣщалъ углы комнаты, корзины съ тухлой капустой и солому на полу со съѣхавшимъ съ нея одѣяломъ.

Въ субботу вечеромъ маленькаго покойника обмыли и положили въ гробъ, расчесали льняные волосики, вычистили ногти и надѣли чистую рубашенку на крошечное тѣльце.

Зайця въ воскресенье къ Зейкерперу, Элеазаръ увидалъ стоявшій на двухъ стульяхъ маленькій гробикъ.

Эсси лежала въ постели: ее знобило; рѣзь въ животѣ

все усиливалась. Миньтье купила на пять центовъ крупы, сварила болтушку съ клецками и кормила дѣтей изъ краснаго глиняннаго горшка; тѣ съ аппетитомъ ѣли, набивая себѣ рты липкими клецками. Младшая, Бекки, уже успѣла пальцами залѣзть въ горшокъ и вымазать себѣ подбородокъ кашей; перегнувшись черезъ столъ, она черпала въ горшкѣ, царапая ложкой о край, пока на днѣ не осталась только отцовская порція похлебки и клецокъ. Штора на окнѣ была спущена и висѣла складками, пожелтѣвшими въ серединѣ. Черезъ прожженную на ней дырку виднѣлся квадратный кусочекъ голубовато-сѣраго неба.

— Это вы, Эли?—спросила Эсси, садясь на постель.— Ахъ, Боже мой, я такъ больна! отъ меня ужъ, кажется, ничего не осталось... И такія ужасныя боли въ желудкѣ, въ спинѣ, поминутно схватываютъ...

— Ничего, это пройдетъ,—сказалъ онъ ласково и присѣлъ къ столу, посадивъ къ себѣ на колѣни трехлѣтнюю Бекки.

— Пройдетъ, пройдетъ,—жалобно простонала она.—Вамъ хорошо говорить, когда вы не чувствуете того, что я чувствую... Такіе колики, точно меня на части рвутъ!.. И чего этотъ негодяй докторъ не идетъ!.. Пусть вамъ Миньтье разскажетъ, какъ я страдаю...

Въ ея голосѣ звучалъ страхъ, которому нужно было излиться.

— Такіе пустяки всегда проходятъ,—утѣшалъ онъ.—Вы не должны такъ пугаться.

— Пугаться,—повторила она, вдругъ струсивъ и прикрывая страхъ слабой улыбкой.—Кто же пугается? Я же знаю, это пустяки, что если Богъ поможетъ, это пройдетъ. А все-таки нельзя же знать навѣрное... такая странная боль... такая странная боль!

Дѣти уплетали кашу, чмокая губами и жаднымъ взглядомъ слѣдя за Миньтье, которая выскребала горшокъ. Мейеръ первый кончилъ и облизалъ свою тарелку. Бекки пальцами размазывала кашу по блюдечку. Стало тихо; слышенъ былъ только стукъ ложекъ, какъ вдругъ Янтье, испугавшись, какъ бы Мейеръ не полакомился ея порціей, съ силой отдернула тарелку, и та скользнула со стола и упала ей на колѣни. Дѣвочка пронзительно взвизгнула и, разозлившись, ударила брата по лицу.

— Ну, ну, перестаньте, вотъ я васъ!..—пригрозила Миньтье.

— Онъ ѣлъ съ моей тарелки,—заревѣла дѣвочка, пытаясь собрать кашу съ платья обратно на тарелку. Но желтыя клецки падали на полъ. Она еще больше озлилась и начала браниться.

— Воръ! Мошенникъ! Ганнефъ! Чумная голова!

— Я не ѣлъ съ твоей тарелки,—совралъ Мейеръ. Но тутъ всѣ ребятишки закричали хоромъ:

— Неправда, неправда, онъ ѣлъ! я видѣла, Миньтье, какъ онъ ѣлъ!.. Онъ вретъ, Миньтье! Онъ ей пальцемъ заѣхалъ въ тарелку, Миньтье!

Крикливые еврейскіе голоса звенѣли, перебивая другъ друга. Эстеръ, Флиппи, Мейеръ,—всѣ были взволнованы. Яантье, красная отъ слезъ, усердно отскребала кашу, приставшую къ ея юбкѣ.

— Пусть у меня рука отсохнетъ, если я это сдѣлалъ!—охрипшимъ голосомъ кричалъ Мейеръ.

— Да замолчите же, наконецъ,—сердито крикнула Миньтье, нагибаясь къ нимъ черезъ столъ.

— Зачѣмъ онъ ѣстъ мою кашу? — продожала ревѣть Яантье.—Вонючій! Пархатый!

— Сама пархатая!

— Заткни глотку, говорятъ тебѣ!—зазвенѣлъ угрожающій голосъ Миньтье.

— Чтобъ тебя громомъ убило на мѣстѣ!—бранилась дѣвочка, въ простотѣ души копируя взрослыхъ.

Мать, давно уже напрасно унимавшая ихъ, шире растворила двери алькова и жалобно простонала, вся трясясь отъ озноба.

— О, о! что это за мученіе! Ни минуты не вспомнятъ, что я лежу здѣсь больная. и какая больная!.. Колотья такія, что дѣйствительно есть, чего испугаться... Ой, моя голова! Мой мозгъ, кажется, скоро лопнетъ! Ой, моя голова, бѣдная голова!—стонала она, зажимая руками уши.

Миньтье сердитымъ взглядомъ искала, кого ударить.

— Если вы еще слово скажете, я васъ всѣхъ отшлепаю по мордѣ! Скверныя, дрянныя дѣти! — крикнула она злымъ голосомъ. Угроза подѣйствовала.

Яантье все еще всхлипывала и водила пальцами по тарелкѣ, на которой осталось еще немного клейкой, какъ кисель, каши; Бекки, смирно сидѣвшая на колѣняхъ Элеазара, какъ во снѣ, слѣдила глазами за сестренкой.

— Ой, какъ болитъ! ой, какъ болитъ! — снова жалобно застонала Эсси. — Негодныя! развѣ это дѣти! Это не дѣти, а звѣри. Негодныя. Негодныя... Ой, ой, какъ колетъ, ой какъ колетъ!

Миньтье пошла помочь ей и затворила двери алькова. Тѣмъ временемъ вернулся домой Зейкернеръ. Не говоря ни слова, онъ сѣлъ напротивъ Элеазара и началъ ѣсть прямо изъ горшка оставленную ему кашу.

Около двѣнадцати часовъ на улицѣ показалась карета

для покойниковъ *). Дождь лилъ, какъ изъ ведра. За дрогами шли отецъ умершаго, носильщики и Элеазаръ,—носильщики съ зонтиками, съ которыхъ струилась вода, другіе безъ всякой защиты отъ дождя. Навстрѣчу попадалось мало людей. Пробѣжала измокшая косматая собака; на углу стоялъ полицейскій, закутанный въ резиновый плащъ.

На Бреестратъ было больше жизни. Мокрый асфальтъ блестѣлъ и все отражалось въ немъ—колеса, подножки, человѣческія ноги; свѣтъ и тѣни пробѣгали по немъ, мѣстами грязь и навозъ нарушали цѣльность картины, но дождь снова обмывалъ мостовую, и гладкая поверхность отражала все, что двигалось и скользило по ней. Конскіи копыта стучали о мостовую, отрывисто и звонко ударялись подковы о камень; дроги раскачивались, какъ телѣжка булочника, которая рано утромъ ѣдетъ по улицамъ.

Элеазаръ спряталъ руки въ карманы и пытался укрыться отъ дождя за экипажемъ, но промокъ и озябъ. Въ церкви только что кончилась служба, съ паперти хлынулъ народъ произошла задержка; мимо пробѣгали спѣшившіе домой богомольцы, обрызгивая грязью. Элеазару было очень не по себѣ отъ этой остановки на сырости. Онъ разсматривалъ богомольцевъ, мужчинъ и женщинъ, отогрѣвшихся въ тепломъ воздухѣ церкви, съ молитвенниками въ рукахъ, съ раскрытыми мокрыми зонтиками. Они тѣснились вокругъ кареты и громко разговаривали, при чемъ у нихъ шелъ паръ изо рта. Золотыя украшенія молитвенниковъ назойливо рѣзко блестѣли, отражаясь въ мокромъ асфальтѣ.

Карета колыхалась, слегка покачивались траурныя перья, мелькали стальнымъ блескомъ желѣзныя спицы колесъ, вода изъ подъ колесъ брызгала на сапоги прохожимъ. Такъ подвигались они, медленно и чинно, къ безмолвной синагогѣ, передъ которой карета остановилась, чтобы отдать послѣдній долгъ маленькому дѣтскому тѣльцу **); по бокамъ лошадей струились капли дождя. Все сильнѣй становился ливень: капли ударялись о камни и ступени подъѣздовъ. Прохожіе ежились подъ дождемъ, хлеставшимъ въ ихъ спины, и пробирались вдоль стѣнъ, укрываясь подъ карнизы кровель. Лошади прибавили шагу, карета выѣхала на другую улицу, длинную и широкую.

---

*) Нѣчто вродѣ омнибуса со скамейками вдоль длинной стороны. Гробъ ставится прямо на полъ. За городомъ носильщики садятся въ карету и ставятъ ноги на гробъ, какъ на скамейку.

**) Въ Амстердамѣ, при еврейскихъ похоронахъ, дроги останавливаются у входа въ синагогу, при чемъ для богатыхъ евреевъ на минуту отворяются двери.

Зейкерперъ молча шагалъ, жевалъ табакъ, отплевываясь, и не подымалъ глазъ отъ земли. Ноги его были мокры до колѣнъ, изъ дырявыхъ башмаковъ бѣжала вода. Рядомъ съ нимъ шелъ носильщикъ, добродушно приглашавшій его укрыться подъ зонтикомъ. Но вода съ зонтика струями лилась на шапку еврея. Элеазаръ угрюмо шелъ позади носильщика. Онъ уже не разбиралъ дороги и со злобой шагалъ прямо по лужамъ, коченѣя отъ холода. У него промокли плечи, колѣни, спина, ноги словно съежились въ тяжелыхъ намокшихъ штиблетахъ и липнувшихъ къ тѣлу чулкахъ. За воротникъ его бѣжала вода по спинѣ и всасывалась въ одежду. Все прилипало, давило; кожа горѣла и чесалась отъ тренія о сорочку. Воды набралось и въ карманы; намокъ и свернутый комочкомъ платокъ, и коробка со спичками. Онъ взялъ ее въ руки и мялъ и давилъ, пока размокшая бумага не начала отдѣляться свертывающимися полосками. Его одолѣвало омерзительное сознаніе бѣдности, и, чтобы подавить недовольство, онъ усиленно старался догадаться, что означаютъ слова, напечатанныя на желтой бандероли, и угрюмо, злобно повторялъ ихъ: *Säkerhet—Tändstikor—Tändstikor—Tändstikor.*

Воздухъ становился все болѣе сѣрымъ, а линія крышъ все темнѣе; окна, фронтоны, фасады домовъ, казалось, растаяли; на землю словно спустились непривѣтныя сумерки, когда предметы стоятъ изжелта-блѣдные и безмолвные. Дождь былъ такъ силенъ, такъ билъ и хлесталъ, что пугливыя, оголенныя деревья со скрипомъ и стономъ пригибались къ самой дорогѣ. Вѣтеръ рвалъ зонтики изъ рукъ носильщиковъ; одинъ старый зонтикъ вывернулся на изнанку, и покрывившіеся прутья образовали конусъ, съ неистово хлопавшей обивкой.

— Чортъ побери! ну и погодка!—проворчалъ зеленщикъ, выплевывая табачный сокъ. Никто не отвѣтилъ.

Такъ шли они молча, дрожа отъ стужи, до городскихъ воротъ, гдѣ усѣлись въ карету. Лошади рысцой повезли ихъ дальше, къ Зеебургу. Карета представляла собой нѣчто вродѣ омнибуса, съ двумя деревянными продольными скамьями и заиндѣвѣвшими отъ сырости окнами. Гробикъ съ мертвымъ ребенкомъ, покрытый чернымъ бархатомъ, стоялъ у нихъ въ ногахъ; изголовье изъ необструганнаго дерева съ слабо блестѣвшими винтиками оставалось открытымъ. Носильщики и отецъ покойнаго сидѣли всѣ рядомъ въ ногахъ, Элеазаръ—напротивъ. Весь мокрый и озябшій въ облипавшей тѣло одеждѣ, онъ смотрѣлъ на маленькій гробикъ.

Зейкерперъ снялъ сюртукъ и выжималъ воду изъ рука-

вовъ; грязно черная жидкость капала на полъ кареты. Еще багровыми отъ капусты руками онъ скручивалъ жгутомъ матерію, выжималъ ее и вытягивалъ. Потомъ громко заговорилъ, такъ какъ стукъ колесъ заглушалъ его голосъ, жалуясь на погоду, и носильщики, довольные, что теперь они защищены отъ дождя, кричали ему въ отвѣтъ. Они поставили мокрые зонтики въ другой уголъ, гдѣ подъ каждымъ образовалась лужица грязной воды, вылили воду изъ шляпъ и пытались бесѣдовать, перекрикивая дребезжанье колесъ и стеколъ. Оживленно жестикулируя, они разговаривали о погодѣ, а отецъ покойнаго жаловался на свою горькую участь и плаксивымъ жалобнымъ тономъ разсказывалъ исторію о капустѣ.

За тусклыми, запотѣвшими стеклами медленно плыли картины, тѣни домовъ и болѣе свѣтлые промежутки воздуха надъ еще зеленѣющими лугами. Они точно ѣхали изъ деревни въ деревню, сталкиваясь колѣнями на особенно глубокихъ выбоинахъ дамбы, по которой шла дорога къ кладбищу. Жевавшій табакъ зеленщикъ время отъ времени плевалъ по направленію къ двери; одинъ изъ носильщиковъ терпѣливо выправлялъ свой вывороченный вѣтромъ зонтикъ, упираясь ногою въ гробъ, который тихонько поскрипывалъ. По спуску карета поѣхала быстрѣй и остановилась. Сидѣвшіе въ ней вышли подъ дождемъ и вынесли гробъ. Вѣтеръ рванулъ черный бархатъ и кинулъ конецъ его въ лицо Элеазару; на него пахнуло кисловатымъ запахомъ. Медленно шагая, подъ проливнымъ дождемъ, дошли они до кладбища.

Кладбище было огромное, безконечное, плоское, какъ повитый туманомъ лугъ, на которомъ тамъ и сямъ высились сѣрые памятники. Когда они шли по грязной дорожкѣ къ могилѣ, невдалекѣ застучали лопасти маленькой водяной мельницы. Звукъ походилъ на карканье ворона.

VII.

Въ то же воскресенье, подъ вечеръ Элеазаръ пошелъ за Саартье, чтобы привести ее домой изъ школы. Дождь все еще лилъ, но уже не такъ сильно. Еврейскій базаръ весь гудѣлъ гортанными выкриками и препирательствами торгующихся евреевъ. Тамъ было цѣлое скопище палатокъ и движеніе взадъ и впередъ телѣгъ, подпрыгивавшихъ на неровной мостовой. Лощеный холстъ, которымъ были прикрыты отъ дождя лотки и телѣги, надувался отъ вѣтра и блестѣлъ;

5*

надъ нимъ колыхались шапки и цѣлое волнующееся море зонтиковъ.

Улица была узкая. Во всѣхъ проулкахъ и проходахъ жилыя помѣщенія имѣли такой видъ, какъ будто здѣсь недавно былъ пожаръ: двери, подоконники и фронтоны обуглились и поверхность ихъ покрылась пузырями, стекла полопались, копоть глубоко въѣлась въ стѣны. Изъ узенькихъ проулковъ шумъ не унимавшагося дождя вырывался, какъ вздохъ. Горе стонало въ воздухѣ. Въ этомъ сыромъ полумракѣ единственное, что бросалось въ глаза, былъ влажный блескъ четыреугольныхъ оконныхъ стеколъ.

Въ школу идти было еще рано; уроки не кончились. Мечтательно, заложивъ руки въ карманы, Элеазаръ бродилъ по улицамъ. Въ такіе безцѣльно проходившіе дни, онъ иногда цѣлыми часами подъ рядъ оставался ко всему безучастнымъ, не видѣлъ, не замѣчалъ окружающаго; цѣлыми часами ходилъ, сидѣлъ, говорилъ, но эти часы не считались, они исчезали безслѣдно; въ эти часы онъ не зналъ, живетъ онъ, или нѣтъ. Задумчиво озираясь кругомъ, но ни къ чему не приглядываясь, онъ нетороппливо шелъ и смотрѣлъ въ томъ направленіи, гдѣ въ концѣ узкаго переулка, по ту сторону канала обрисовывались неуклюжія очертанія фабрики. Какъ гигантская булава, торчала надъ ней огромная дымовая труба, высокая, тонкая, выбрасывавшая высоко надъ приземистымъ тяжеловѣснымъ фабричнымъ корпусомъ коричневые клубы густого дыма и сажи, казалось, выходившихъ изъ самой земли. Порой чудовище затихало и словно втягивало въ себя висѣвшія надъ нимъ пухлыя сѣрыя облака и опять извергало ихъ изъ своей пасти сѣро-коричневымъ клубомъ. Подъ этой неподвижной башней тянулась фабричная стѣна со множествомъ оконъ. Въ нижнемъ этажѣ эти окна были грязно-черныя, запыленныя, съ желтыми рамами; среднія казались чуть посвѣтлѣе, а въ верхнихъ стекла блестѣли, какъ вода при лунномъ свѣтѣ. Зданіе смотрѣло одинокимъ и унылымъ. Элеазаръ задумчиво глядѣлъ то на бѣгущія по небу облака, спокойно проносившіяся надъ крышей фабрики, то на стекла оконъ, отражавшія ихъ бѣгъ, то на дымовую трубу, кидавшую въ нихъ куски сажи и черные клочья дыма.

Онъ остановился и сталъ присматриваться. Въ нѣкоторыхъ окнахъ, то уменьшаясь, то высоко взвиваясь кверху, танцовали остроконечные огоньки. Тамъ еще работали. Не всѣ мельницы стояли праздными. Старая пѣсня о трудѣ, который воюетъ съ трудомъ же, ужасное отсутствіе единодушія! Элеазаръ угрюмо и злобно дергалъ подкладку своихъ панталонъ. Паяльные огни вздрагивали, выбрасывали пламя и снова гасли. На мигъ они исчезали, точно прятались, поглощенные

тьмой, потомъ опять загорались и лизали воздухъ красными и желтыми языками.

Порывъ вѣтра погналъ дымъ отъ трубы внизъ на окна, и они вдругъ окутались черной завѣсой.

— Бараны!—сказалъ Элеазаръ.

Нѣмецъ, съ которымъ онъ лежалъ въ госпиталѣ въ Бруклинѣ и которому онъ такъ много обязанъ—тотъ самый, что не могъ вернуться на родину, пока не пройдетъ давность произнесенному надъ нимъ приговору — былъ правъ, когда издѣвался надъ рабочими листками, надъ похвальбами и злобой рабочихъ противъ своихъ владыкъ, которые вовсе не были владыками.—„Слова, слова!"—говорилъ онъ всегда, когда Элеазаръ начиналъ возражать ему,—„слова и ничего больше! У насъ одинъ только врагъ. Одинъ. Самъ рабочій". Да, да, это правда. Вѣдь это же ясно, какъ день, что всякій человѣкъ есть человѣкъ и имѣетъ право на человѣческое существованіе. А между тѣмъ, сколько нужно убѣжденій, сколько отчаянныхъ попытокъ, чтобы заставить тысячи сдѣлать первый шагъ, робкій, неувѣренный, дѣтскій шагъ! Солнце, природу—всю красоту, созданную вѣками—ничего они не видятъ, не знаютъ, ничего не переживаютъ. А на тѣхъ немногихъ, которые хотятъ выбиться изъ подъ гнета, которые уже поняли, что каждый лишній часъ—пытка для милліоновъ людей,—на тѣхъ они попадаютъ сзади, тѣмъ подставляютъ ножку, гонятъ ихъ вмѣстѣ съ другими.

Элеазаръ задумчиво смотрѣлъ вдаль.

Фабричная стѣна съ ея матовыми окнами, отъ сѣраго отсвѣта облаковъ, казалась теперь мраморно-холодной, бѣлесоватой, прозрачной и нѣжной, какъ будто это была не стѣна изъ камня и цемента, а видѣніе, греза изъ тумана и пара. Такими кажутся порой улицы, залитыя послѣдними разсѣянными лучами заката.

Медленно возвращаясь домой, онъ встрѣтилъ уже возлѣ школы Ревекку, дочь Подди. Они видались ежедневно у Зейкерпера, у Регги, у торговца папиросами или на узкой скрипучей лѣстницѣ. Но это было всегда въ тѣни дома, въ полутьмѣ комнатъ, и теперь имъ было какъ-то странно встрѣтиться на улицѣ, и это усиливало, обостряло впечатлѣніе. Она оказалась меньше ростомъ рядомъ съ домами и стѣнами онъ показался ей блѣднѣе обыкновеннаго и какимъ-то незнакомымъ. И онъ не сразу освоился съ ея измѣнившейся внѣшностью.

Маленькая хорошенькая еврейка, съ роскошными, всегда растрепанными, черными кудрями, была одѣта въ довольно грязное платье съ коричневыми крапинками по матово-лиловымъ полоскамъ. Въ свои семнадцать лѣтъ она каза-

лась уже совсѣмъ взрослой, даже слишкомъ зрѣлой, съ развитой грудью, какъ у женщины, что ей не шло и старило ея тѣло. Ея привлекательной особенностью были брови, густыя, бархатныя, совершенно сливавшіяся надъ маленькимъ безъ горбинки носомъ.

Брови придавало ея лицу что-то вдумчивое, серьезное и въ то же время, когда она смѣялась или улыбалась, что-то раздражающе-чувственное. Когда глаза ея сверкали весельемъ, черныя брови гуще сходились, перепутывались и топорщились, какъ мохнатый репейникъ съ торчащими наружу иглами. Когда она была серьезна, брови разглаживались и отливали матовымъ блескомъ бархата. Такія брови бываютъ у совъ, а иногда у кошекъ. Когда она закрывала глаза, это было не такъ замѣтно.

— Брови придаютъ ей какой-то угнетенный видъ,—подумалъ Элеазаръ и съ улыбкой вспомнилъ слова тети Регги, что такое обиліе волосъ надъ глазами приноситъ несчастье:

— Пусть спроситъ кого хочетъ, если не вѣритъ ей.

Ревекка съ жадностью ѣла уже испорченный апельсинъ, купленный ею за полъ-цента, выплевывая корку и гнилыя мѣста. Сокъ стекалъ по ея подбородку и пачкалъ и безъ того уже грязную блузу.

— Здравствуйте, — сказала она застѣнчиво, съ мокрыми отъ апельсина губами.

— Вы тоже идете въ школу?—спросилъ онъ.

— Да, за сестренкой,—засмѣялась она, останавливаясь.

— У васъ есть сестра, которая ходитъ въ школу? — спросилъ онъ, шагая дальше и глядя не на нее, а на свои грязные сапоги.

Она стала разсказывать, при чемъ продолжала сосать апельсинъ и выплевывать косточки прямо на тротуаръ.

— Подди обыкновенно самъ ходитъ за дочкой. Но сегодня онъ не вставалъ съ постели. У него нѣсколько ранъ на бедрѣ, и одна нога стала твердая и неподвижная, какъ колода. Бѣлье давно уже пропиталось кровью, но онъ не жалуется. Онъ прикладывалъ къ нарывамъ кашицу изъ размоченныхъ корокъ черстваго ржаного хлѣба, но они все росли и теперь прорвались.—Кусая апельсинъ и разрывая острыми зубами желтую мякоть, она разсказывала, шутила и немножко конфузилась... Ей было странно идти среди бѣлаго дня съ почти совершенно чужимъ человѣкомъ. Она застѣнчиво подняла на него глаза, разжевала корку, выплюнула и уже не раскрывала рта, пока они не дошли до школы. Дверь была притворена. Въ сѣняхъ ни души.

— Намъ придется подождать,—сказалъ Элеазаръ.

Она шла за нимъ, тихонько смѣясь, какъ будто дѣлая

что-то такое, чего не слѣдуетъ дѣлать. На дворѣ все еще шелъ мелкій дождикъ. Элеазаръ зѣвнулъ, потеръ озябшія руки и прислонился къ столбу, прислушиваясь къ слабому гулу, перекатывавшемуся надъ его головой и возлѣ него, отъ стѣны къ стѣнѣ, точно далекій отголосокъ гдѣ-то шумѣвшихъ дѣтей.

Дѣвушка стояла противъ него, потупившись и играя намокшимъ шнуркомъ отъ башмака, который извивался по полу, выводя на немъ мокрые узоры. Въ полутьмѣ особенно ярко сверкали ея глаза, рѣзко выступала вздутая линія бровей, непріятно звучалъ безпричинный смѣхъ. Когда она поднимала глаза, Элеазаръ встрѣчалъ ея загадочный взглядъ; когда опускала ихъ, все выраженіе ея личика выдавало, что она знаетъ, какъ на нее смотрятъ, и находитъ это нелѣпымъ, страшно нелѣпымъ, но въ то же время смѣшнымъ и забавнымъ. Эта игра въ прятки, эти приступы смѣха и улыбающіеся, блуждающіе глаза подъ густыми бровями дѣйствовали поощрительно; взоръ его угадывалъ ея формы подъ узкимъ лифомъ, плотно прилегавшимъ къ тѣлу. Полумракъ придавалъ ей особую прелесть, какъ ночь различнымъ предметамъ: деревьямъ, домамъ...

Передъ Элеазаромъ была не хорошенькая неряха, грызущая гнилой апельсинъ, не робкая домосѣдка, которую онъ такъ часто видѣлъ мелькомъ, пробѣгая по лѣстницѣ, — теперь, когда она стояла въ тѣни и молчала, въ ней не было грубости, не было ничего отталкивающаго, только глаза, черные глаза свѣтились изъ подъ темныхъ бровей на нѣжной, блѣдной кожѣ, въ рамкѣ спутанныхъ густыхъ черныхъ кудрей. Если бы она теперь вышла на свѣтъ, его бы разсердили, испортили бы впечатлѣніе ея грязная шея и пятна на груди отъ апельсиннаго сока, и странно наглое выраженіе глазъ. Но здѣсь въ ней была какая-то неестественная красота — въ этихъ тонкихъ бѣлыхъ чертахъ, вставленныхъ въ черную рамку волосъ, безъ рѣзкостей, безъ жесткихъ линій, безъ всякаго диссонанса.

Такой преображенной онъ только что видѣлъ фабрику; такой вспоминалась ему головка англичанки-танцовщицы, видѣнной имъ однажды въ Америкѣ, когда она лежала на сценѣ, раскинувъ ноги и утопая головой въ воздушныхъ газовыхъ юбочкахъ: такъ дурачитъ иногда свѣтъ, маскируя заплаты, лохмотья и нищету...

Его загорѣвшіеся глаза не отрывались отъ ея глазъ, а она уже не улыбалась, не играла съ развязавшимся шнуркомъ башмака, безъ смущенія отвѣчая на его взглядъ съ грубымъ вульгарнымъ смѣхомъ, закинувъ руки назадъ за

колонну, къ которой она прислонилась, и черная полоса ея бровей сіяла какой-то темной щелью.

Гдѣ то отворилась дверь. Съ ворвавшимся въ сѣни токомъ воздуха донесся оглушительный звонъ; дѣтскіе голоса затрещали громче.

Дверь опять затворилась. Стало тихо. Ревекка, отвернувшись, смѣялась и смотрѣла въ ту сторону, откуда доносился невидимый шумъ. Элеазаръ безпокойно шагалъ изъ угла въ уголъ, сердитый, недовольный; ему было не по себѣ: и скучно, и досадно на себя за свое нелѣпое поведеніе; онъ чувствовалъ себя пристыженнымъ. Когда такъ смотришь на дѣвушку нѣсколько минутъ, не спуская глазъ, и она выдерживаетъ твой взглядъ, впиваетъ его въ себя, не отводя своего, безъ сопротивленія, словно отдаваясь всѣмъ существомъ, — въ этомъ есть что-то грязное: потомъ вздрагиваешь и руки становятся липкими и холодными, точно проснулся въ темномъ альковѣ, куда забился въ слодострастномъ возбужденіи и боишься взглянуть на свѣтъ.

Она казалась ему противной, отталкивающей. Онъ все равно, что видѣлъ ее нагой—столько въ ней было чувственности, когда она стояла тамъ, у колонны.

Опять отворилась дверь, па этотъ разъ совсѣмъ близко. Чья-то рука прикоснулась къ кнопкѣ, потомъ отодвинулась. Элеазаръ тихонько подкрался къ щели, заглянулъ въ залу, и внезапно проснувшійся интересъ разомъ вытѣснилъ его лихорадочное возбужденіе. Длинными рядами сидѣли тамъ маленькія дѣти, до нелѣпости маленькія—пяти, шести лѣтъ—по шести въ рядъ на скамеечкахъ, такихъ низкихъ, что колѣнки ихъ касались пюпитровъ. Рученки у всѣхъ лежали на партахъ, головы плотно одна около другой, смотрѣли всѣ въ одномъ направленіи. То были блѣдныя, большія, старообразныя головы съ коротко остриженными волосами; съ больными красными, слезящимися глазами,—головы дѣтей, родившихся въ убогихъ жилищахъ, вскормленныхъ и взросшихъ въ нищетѣ, дѣтей, не знавшихъ свѣта, солнца, зелени луговъ, видѣвшихъ только узкія улицы безъ свѣта и воздуха. Ихъ было здѣсь больше сотни. А во всей школѣ больше тысячи такихъ маленькихъ еврейскихъ ребятишекъ, и среди нихъ ни одного сильнаго, цвѣтущаго, жизнерадостнаго: ихъ здѣсь учили и лѣчили.

За скамьями стояли двѣ кроватки. На одной лежала утомившаяся дѣвочка лѣтъ пяти и спала; другая пустовала. Все вниманіе дѣтей, а съ ними и Элеазара сосредоточилось на одномъ углу комнаты. Тамъ ждало очереди до тридцати ребятишекъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, маленькихъ человѣчковъ, въ спущенныхъ штанишкахъ, въ чулкахъ, съѣхавшимъ

клубкомъ на ладыжку. Нѣкоторыя жалобно плакали; ихъ ласково утѣшали молоденькія учительницы въ темно синихъ передникахъ.

За маленькимъ деревяннымъ, некрашеннымъ столикомъ, все время двигая руками надъ черными стеклянными бутылками съ пестренькими этикетками, надъ чашками съ водой и большимъ ящикомъ, наполненномъ кусочками ваты, будто снѣжными хлопьями, сидѣлъ врачъ для бѣдныхъ. Элеазаръ узналъ его милое лицо, добрый взглядъ, ласковую улыбку. Взъерошенная каштановая бородка почти касалась чернаго кожанаго передника, завязаннаго сзади на шеѣ. Это былъ одинъ изъ немногихъ врачей въ огромномъ разгульномъ городѣ, настолько тактичный, что онъ не давалъ бѣднякамъ чувствовать ихъ убожество, находившій для каждаго больного доброе слово и шутку, ежедневно скромно и безъ шума проводившій по нѣсколько часовъ въ домахъ нищеты.

Онъ поднималъ дѣтишекъ одного за другимъ, клалъ себѣ на грудь листъ чистой бумаги и прижималъ къ ней голову паціента. Затѣмъ начиналось лѣченіе. На колѣняхъ у него сидѣлъ мальчуганъ лѣтъ четырехъ съ распухшими щеками и красными воспаленными вѣками. Съ улыбкой нагнулась надъ нимъ типичная еврейская голова врача, ловкіе пальцы раздвинули вѣки. Ребенокъ заплакалъ.

— Ну, полно, полно, бутузъ,—успокаивалъ докторъ.

Все глазное яблоко обнажилось между вывороченныхъ вѣкъ, испещренныхъ водянисто-красными жилками. Придерживая ребенка лѣвой рукой, докторъ правой быстро вынулъ изъ черной бутылочки маленькую пипетку, поднесъ ее къ самому глазу, напрасно пытавшемуся закрыться, и вспрыснулъ растворъ ляписа въ незащищенную полость глаза. Ребенокъ закричалъ, пуская пузыри изъ ноздрей, забился въ рукахъ помогавшей учительницы, и изо всей силы вцѣпился пальчиками въ сильную руку доктора, державшую глазъ.

— Ого!.. ого!,. Ну, полно же!.. Будь умницей, будь мужественнымъ, миленькимъ мальчуганомъ!.. Вотъ такъ!.. вотъ та-а-къ!..

Другимъ шприцемъ онъ вспрыснулъ воды, выполоскалъ глазъ, удаливъ излишекъ ѣдкаго ляписа, и маленькимъ комочкомъ ваты обтеръ испуганно-сжавшіяся вѣки, такъ крѣпко стиснутыя, что болѣзненно кривилась блѣдная щека. Но докторъ уже раскрылъ вѣрной рукой другой глазъ, завернулъ вѣко и вспрыснулъ цѣлебную каплю. Ребенокъ жалобно визжалъ, вертѣлъ головой; и опять раздался успокоительный, монотонно-ласковый голосъ, и опять большой шприцъ направилъ молочно-бѣлую струю на рого-

вую оболочку глаза... Спущенный съ колѣнъ, мальчуганъ стоялъ безпомощный, ослѣпленный, и теръ кулаченками закрытые больные глаза. Одинъ глазокъ пугливо блеснулъ было и опять болѣзненно сжался; ребенокъ, плача, ощупью сталъ пробираться назадъ къ скамьѣ.

Тѣмъ временемъ докторъ уже посадилъ къ себѣ на колѣни другого ребенка—дѣвочку. Она сама, спокойно улыбаясь, положила свою головку на грудь доктора, уже привыкшая къ лѣченію, повторявшемуся каждое воскресенье. Головка у нея была вся въ струпьяхъ и натерта мазью, но глазъ затронутъ только одинъ—правый, и то слегка. Докторъ осмотрѣлъ въ лупу роговую оболочку, довольный кивнулъ головой, впустилъ каплю, промылъ водой и вытеръ глазъ кускомъ ваты.

Такъ лѣчилъ онъ одного ребенка за другимъ, терпѣливо успокаивая ихъ разными сказочками и прибаутками, неутомимый, какъ машина.

Передъ Саартье, которая пугливо ждала—у ней тоже болѣли глаза — была очередь трехлѣтняго мальчика, съ блѣднымъ точенымъ лицомъ и рѣзко очерченнымъ типичнымъ еврейскимъ носикомъ. Одинъ глазокъ у него, затянутый бѣлой пленкой, какъ перламутромъ, совсѣмъ ничего не видѣлъ. У другого ободокъ былъ воспаленный, огненно-красный. Ребенокъ застѣнчиво смѣялся, не плакалъ, не противился, покорно откинувъ назадъ головку; чулочки его спустились; изъ прорѣхи сзади выглядывала рубашенка.

— Не хорошо, мальчуганъ,—ласково сказалъ докторъ, — очень не хорошо. Ну, возьмемъ капельку покрѣпче. Будь же умницей, какъ всегда,—слышишь?

Ребенокъ мило улыбался открытымъ ротикомъ.

Докторъ нажалъ резиновый шарикъ, и капля изъ черной бутылочки попала въ глазъ. Ребенокъ сжалъ кулачки, громко засопѣлъ носомъ, страдальчески закусилъ губки и тихо застоналъ: „О,—о!..“ Ляписъ сильно кусалъ, но послѣ промыванія стало легче, и мальчуганъ, ничего не видя, прижимая кулачекъ къ больному глазу, ощупью добрался до своего мѣста.

Саартье расплакалась еще раньше, чѣмъ докторъ взялъ ее на руки. Стоявшая возлѣ нея дѣвушка грубовато утерла ей носъ и передала ее доктору.

— Не надо, не надо!.. Я не хочу!—повторяла она, барахтаясь изо-всѣхъ силъ.

— Сиди смирно... слышишь!.. тебѣ говорятъ,—строго приказала учительница.

Дѣвочка визжала, отталкивала руку доктора, вырывалась, соскользнула на полъ, при чемъ всѣ ея юбки поднялись

вверхъ. Дѣвушка сердито нагнулась, готовая отшлепать ребенка, и только ради присутствія доктора сдерживая гнѣвъ.

— Ну! Ты скоро уймешься?.. Скоро?.. Гадкая дѣвчонка!

— Ну, будетъ,—ласково усмѣхнулся докторъ, опять беря на руки Саартье.—Развѣ ты хочешь ослѣпнуть, глупенькая дѣвочка? Чтобъ никогда больше не видѣть яснаго солнышка?.. Вотъ такъ... Ну, теперь ты будешь умницей, правда?.. Да?.. Смотри же, сиди смирно!

Капля попала въ глазъ: яблоко закатилось, вѣки судорожно сжались, крикъ дѣвочки пронесся черезъ всю залу.

Докторъ спокойно продолжалъ работать. Дѣтишки, притаившись въ испугѣ, ждали своей очереди. Слышенъ былъ только тихій голосъ врача и дѣвушки, помогавшей ему; всѣ эти большеголовые ребятишки съ болѣзненными и сѣро-блѣдными, одутловатыми лицами, сидѣли молча съ любопытствомъ и страхомъ уставившись на человѣка, который дѣлалъ имъ больно.

Такъ сидѣлъ здѣсь нѣкогда и Элеазаръ. Въ немъ проснулось тягостное воспоминаніе о другой еврейской школѣ, гдѣ онъ учился, какъ складывать имя Божіе изъ древнееврейскихъ литеръ, учился еврейской азбукѣ и еврейскимъ заповѣдямъ, гдѣ всѣхъ учениковъ охватывалъ страхъ, когда въ школу заходилъ раввинъ, гдѣ имъ запрещалось разговаривать въ присутствіи благодѣтелей и благотворителей, которыхъ онъ теперь такъ глубоко презиралъ.

Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ! А вѣдь кажется, это все было такъ недавно. И онъ сидѣлъ здѣсь робкимъ, запуганнымъ мальчикомъ съ отекшимъ лицомъ и красными, воспаленными глазами. И онъ росъ, какъ эти дѣти, въ жалкой норѣ, гдѣ дерево гнило и подтачивалось червями, гдѣ отсырѣвшіе камни вываливались изъ штукатурки, гдѣ окна стояли безъ стеколъ. И онъ, объ руку съ покойной сестрой, пробирался въ школу по узенькимъ темнымъ проулкамъ, и онъ сидѣлъ здѣсь съ мечтательнымъ взглядомъ, будто устремленнымъ внутрь, рядомъ съ маленькими дѣвочками и мальчиками, изъ такихъ же темныхъ, сырыхъ душныхъ домовъ. И тогда дѣти были такія же блѣдныя, больныя, тщедушныя, какъ будто ихъ маленькія тѣльца старались приспособиться къ сѣрой удручающей обстановкѣ. Ему припомнилась дѣвочка, безъ волосъ, съ страшной сыпью на головѣ, и мальчикъ, — неужели онъ и теперь еще живъ? — на котораго онъ всегда смотрѣлъ именно потому, что на него было такъ противно смотрѣть, у котораго текло изъ уха и во рту не было ни одного зуба.

И тогда многіе болѣли глазами, но лѣчить ихъ было некому. Докторъ не приходилъ, и дѣти сплошь и рядомъ за-

ражали другъ друга. Чудо, что онъ остался здоровымъ, — за исключеніемъ легкаго. Но все остальное еще ничего. Раннее вставанье, завтракъ, состоящій изъ сухого чернаго хлѣба, принесеннаго въ разорванной грязной сумочкѣ, запиваемаго водой изъ общей жестяной кружки, отдыхъ въ кроваткѣ послѣ того, какъ заснешь на скамьѣ, изученіе древне-еврейскаго языка, заповѣдей—вѣчныя десять заповѣдей!.. И эти дѣти, сидящія, какъ маленькіе, измокшіе, нахохлившіеся попугаи съ ручонками на столѣ—непремѣнно наверху на столѣ... Были у него и другія воспоминанія. Слѣпой Леви—кажется, его звали Леви,—какъ онъ пострадалъ за грѣхи родителей! Его глаза были заражены уже при самомъ рожденіи. Отецъ передалъ болѣзнь матери...

И тогда было тоже, что нынче. Эти собачьи норы, гдѣ поневолѣ должны были жить люди, эти жалкіе сараи, которые должны были приносить доходъ,—все это были беззвучно гніющіе памятники несказаннаго горя. Здѣсь рождались на свѣтъ дѣти, обреченныя не существовать, кормиться подачками благотворителей и раввиновъ, подававшихъ крохи своего состраданія разъ въ недѣлю.

Грустно смотрѣлъ Элеазаръ...

Ревекка позади его тоже смотрѣла въ щель, сначала слегка опираясь на него, потомъ довѣрчиво прижавшись. Она вмѣстѣ смотрѣла на блѣдныя личики, на покрытыя шишками головы и глаза, на искривленные пальчики, на движеніе рукъ доктора.

На первой скамейкѣ одинъ ребенокъ уснулъ, положивъ голову на руки. Принесли свѣчи, освѣтившія лицо доктора, его руки, черныя скляночки, чашку съ водой, ящикъ съ кусочками бѣлоснѣжной ваты. На рукахъ у него сидѣла дѣвочка, крича, визжа и барахтаясь. При свѣтѣ свѣчей обнажился опять дѣтскій глазъ съ смертельнымъ страхомъ въ неподвижномъ зрачкѣ, съ влажно-алыми краями и распухшей, расщепленной слезной железой. Блеснувъ серебромъ, упала капля жгучаго ляписа въ пугливо вздрагивавшій глазъ: головка откинулась назадъ, и дѣвочка съ крикомъ забилась въ рукахъ у доктора.

VIII.

По Бреештрагъ бродили толпами гранильщики, и они опять пошли вмѣстѣ: Элеазаръ, ведя за руку Саартье, Ревекка рядомъ съ нимъ, неся на рукахъ сестренку.

Не перестававшій дождикъ тонкими брызгами отскакивалъ отъ уличной грязи; холодный вѣтеръ леденилъ и рѣ-

валъ кожу. У канала вѣтеръ былъ еще рѣзче. По ту сторону воды у богадѣльни для мужчинъ и женщинъ толпился народъ. Мужчины кучками стояли, занимая улицу во всю ширинну до самаго берега, бродили взадъ и впередъ, перекрикиваясь между собой, или останавливались и прислушивались, заложивъ руки въ карманы. Съ Брееш тратъ подходили новыя группы въ мокрыхъ отъ дождя шляпахъ, съ намокшими плечами. Они ходили, толкались, говорили всѣ вмѣстѣ, всѣмъ корпусомъ нагибаясь впередъ, усиленно размахивая руками. На грязной скользкой мостовой по обѣ стороны канала виднѣлись густые ряды безпокойно движущихся тѣлъ и головъ. Они шли отъ моста, переходили отъ одного канала къ другому шумными возбужденными толпами, разступавшимися, чтобы дать дорогу новой толпѣ, и слова смыкавшимися. Съ негодующимъ ропотомъ тянулись они темной массой вдоль стѣнъ домовъ, гдѣ стекла ужъ стали матовыми, какъ будто въ ожиданіи ночи, и рѣзче выдѣлялась линія крышъ, какъ бы отодвигая бѣгущія по небу облака.

Вечеръ подвигался какъ-то медленно, словно ночь чего-то ждала съ испуганно раскрытымъ ртомъ и остановившимися глазами. Облака робко тянулись по направленію къ богадѣльнѣ. Бѣломраморные ватные хлопья неслись быстрѣй, обгоняя разорванные черныя лохмотья тучъ и грозныя гряды облаковъ. Холодныя, суровыя, всѣ они неслись въ одну сторону, словно вѣтеръ гналъ надъ крышами клубы густого чернаго дыма и пробивавшагося сквозь него бѣлаго пара.

Точно дрожь пробѣгала отъ неба къ водѣ, отъ замершихъ въ ожиданіи домовъ къ этимъ чернымъ толпамъ людей; въ воздухѣ висѣло предчувствіе чего-то жестокаго, дикаго, отъ чего зашатаются дома, полопаются стекла и выступятъ изъ береговъ воды канала; но пока еще все было спокойно, словно то дикое, жестокое само себя ужаснулось и—медлитъ. Эта невѣдомая жуть, съ угрозой нависшая надъ живою жизнью, этотъ неопредѣленный страхъ, сковывавшій члены и тѣснившій грудь въ нервно насторожившемся сумракѣ ночи, такъ волновали Элеазара, что онъ поминутно оглядывался и озирался кругомъ, отыскивая глазами что-то, чего не было.

Оно пришло со стороны городского бульвара, чернѣвшагося невдалекѣ. Впереди пробѣжали мальчишки, шлепая ногами по лужамъ и разбрызгивая грязь. Изъ-за угла донесся топотъ человѣческихъ ногъ. Надъ темною массой тѣлъ бѣлѣли головы. Поодаль сзади колыхались въ воздухѣ остроконечныя блестящія каски полицейскихъ, по четыре въ

рядъ, гнавшихъ передъ собою толпу мужчинъ и мальчишекъ. Раздавались пронзительные свистки и бранные окрики. Сбоку, по тротуару, мимо полицейскихъ касокъ, напирая, бѣжалъ народъ къ высокому подъѣзду „Ювелирнаго общества Голконда". Шумъ и говоръ толпы напоминалъ рокотъ прибоя.

По другую сторону канала давка была еще сильнѣй, толпа ревѣла и бушевала; словно громъ перекатывался отъ стѣны до стѣны. Со стороны бульвара также бѣжалъ народъ, на мосту одна людская волна сталкивалась съ другой, бѣжавшей навстрѣчу и, прорѣзавъ ее, сердито заливала всю улицу. Набережная напротивъ была почти пуста, если не считать нѣсколькихъ зрителей; но съ мѣста доносился несмолкаемый оглушительный топотъ. Вся эта человѣческая масса рвалась къ Голкондѣ и, запрудивъ улицу, останавливалась позади блистѣвшихъ касокъ. Дома, казалось, шатались отъ напора этого живого потока, катившагося невысокимъ валомъ съ красновато-лиловымъ гребнемъ.

Вдругъ толпа взвыла, раздалась; передъ зданіемъ Голконды образовалась странная пустота. Полицейскіе, тѣснимые спереди и сзади, врѣзались клиномъ въ толпу и ринулись на народъ.

Каналъ словно метлой вымело. Онъ вдругъ какимъ-то безжизненнымъ пятномъ выступилъ изъ тумана, и рѣзче выдѣлялась на немъ линія берега, чернѣе казались простертыя надъ нимъ вѣтви деревьевъ, блѣднѣе отраженіе крышъ въ водѣ. На каждомъ крыльцѣ виднѣлись кучки мужчинъ и женщинъ, укрывшихся туда отъ давки и глядѣвшихъ на бѣгущую толпу, на вдругъ опустѣвшую набережную. Живой потокъ уже перекинулся черезъ мостъ и шумными волнами залилъ набережную съ другой стороны, окруживъ вагонъ трамвая, который осторожно подвигался впередъ, непрерывными звонками предостерегая бѣгущихъ. Полицейскіе вернулись назадъ, сердитыми окриками сгоняя съ подъѣздовъ пр..этившихся тамъ мужчинъ и женщинъ.

— Тащите ихъ внизъ!—крикнулъ одинъ.

Всѣхъ согнали съ крыльца. Съ дѣтьми на рукахъ Элеазаръ и Ревекка перешли черезъ мостъ на другую сторону канала, гдѣ толпились еще тысячи людей, глядя на очищенную полиціей улицу передъ зданіемъ Голконды. Каски блестѣли съ обѣихъ сторонъ, сдерживая волнующуюся толпу...

Элеазаръ снова велъ Саартье за руку и угрюмо глядѣлъ прямо передъ собой.

Грапильщики возбужденно переговаривались между се-

бой, сходились группами и крикливо обсуждали происшедшее.

Гесъ и Кларунъ стояли вмѣстѣ съ Іудой и Моппессомъ, пылая гнѣвомъ и жаждой мести.

— Чтобъ ихъ холера задавила! — хрипѣлъ Кларунъ, наклоняясь къ товарищамъ своимъ желтымъ лицомъ съ мрачными злыми глазами.— Ни у кого еще и волосъ не упалъ съ головы, а они уже показали когти! Чего они сами себѣ лапъ не поотрубили — разбойники! Какъ у нихъ рука поднялась! Что я имъ сдѣлалъ? Что вы имъ сдѣлали? Они бы лучше Дэви выдавили кишки, псы проклятые!

Его хриплый, взволнованный голосъ разжигалъ окружающихъ.

Вагонъ электрическаго трамвая шагомъ въѣхалъ въ толпу. Она разсыпалась въ стороны, чтобы пропустить его, и снова смыкалась сзади.

Старый еврей, сѣдой, съ трясущимися губами, протиснулся въ самую середину и кричалъ воющимъ голосомъ:

— Онъ вѣдь пальцемъ никого не тронулъ, накажи меня Богъ!... Чтобъ я такъ видѣлъ свѣтъ, какъ я правду говорю! Онъ совсѣмъ смирно стоялъ возлѣ меня и смотрѣлъ. Мы шли съ бульвара... Пусть ихъ Богъ накажетъ, что они ни съ того, не съ сего накидываются такъ на человѣка съ шашками!.. Ему всю голову раскроили... Живодеры!...

Полиція образовала вооруженный четыреугольникъ, въ серединѣ котораго шли по набережной брилліантщики. Какъ волна съ высокимъ пѣнящимся гребнемъ, какъ прибой бушующихъ водъ, толпа хлынула на мостъ, и устои его застонали и заскрипѣли подъ ея напоромъ. За четыреугольникомъ сабель, за блестящими касками образовалась какая-то каша толкающихся головъ, плечъ и ногъ...

У канала стало теперь потише. Возлѣ моста стояла большая лодка, нагруженная коксомъ. Пониже отражали въ водѣ свои коричневыя осмоленныя днища, нагруженныя досками, грузовыя барки, привязанныя канатами къ толстымъ кольцамъ.

Дождь утихъ. На мосту стоялъ Элеазаръ съ дѣвочкой на рукахъ и смотрѣлъ на толпу, на давку, на блестящія каски и мирную теперь набережную. По каналу плыли другія барки, нагруженныя торфомъ, сложеннымъ высокой стѣной. На торфѣ были наложены доски, а на доскахъ свитые клубки канатовъ; трубы дымили, и голубоватый чадившій дымъ стлался надъ водой. По одной баркѣ бѣгалъ, тявкая, шпицъ, на другой сидѣла женщина и кормила ребенка. Каналъ тянулся далеко, извилистый, грязный.

Рѣзкую противоположность этой давкѣ и толкотнѣ на

мосту представляла мирная картина дремлющихъ барокъ. Позади судна, нагруженнаго коксомъ, лежалъ уже разгруженный трешкоутъ; на немъ сидѣлъ шкиперъ съ широкимъ лицомъ, съ трубкой въ зубахъ, и спокойно смотрѣлъ на всю эту сумятицу. Длинная и плоская лежала барка на сѣрой блестящей водѣ, отбрасывая отъ себя такую же длинную тѣнь отъ осмоленной обшивки, отъ руля, отъ угля, гдѣ бѣгалъ довольный шпицъ. И шестъ отбрасывалъ отъ себя опрокинутую тѣнь съ бѣлыми буквами надписи: „Съ нами Богъ", и маленькій трехугольный вымпелъ, красный съ бѣлымъ и синимъ, таинственно окунался въ глубину. Въ этомъ гладкомъ, какъ сталь, зеркалѣ, отражался и шкиперъ, задумчиво опустившій голову, и сѣроголубыя облачка дыма, выпускаемаго имъ изо рта. Отражалась вся барка: ея тонкій стройный корпусъ, руль, плоская кадка съ водой, коричневыя ребра досокъ и шкиперъ, съ опущенной головой, съ согнутымъ отдыхающимъ тѣломъ.

Шумное человѣческое море, все еще ревя и волнуясь, попрежнему заливало набережную. Гранильщики упрямо не хотѣли расходиться, топтались на мосту, проклинали Дэви, который не хотѣлъ уступить, и Морица, и Принса, и прочихъ. На углу завязалась драка. Тамъ проходили Давидъ и Берлійнъ, и толпа узнала ихъ. Съ размаху два кулака опустились на головы нарушителей стачки, испуганный крикъ пронесся въ воздухѣ. Давка усилилась; шла настоящая схватка. Дикіе крики и вопли звенѣли надъ каналомъ; полицейскіе снова съ обнаженными шашками ударили на толпу, выталкивая впередъ дѣтей и женщинъ, гоня передъ собою мужчинъ; толпу снова загнали на мостъ; съ бранью и проклятіями, гранильщики бѣжали, преслѣдуемые полиціей.

Саартье, испуганная, расплакалась.

— Домой! пойдемъ домой!—молила она.

Элеазаръ успокоительно закрылъ ей ладонью ротъ и поцѣловалъ холодныя, какъ ледъ, дрожащія губки.

Онъ былъ такъ же блѣденъ, какъ раненый, котораго снесли въ Голконду.

IX.

У тетки Cooрь были гости. Пришелъ Іоозепъ, женихъ Рахили, съ своей матерью Гиньтье, пришли и застряли. Лампа горѣла неровно, пламя вспыхивало и колебалось, озаряя лица то свѣтомъ, то танцующей тѣнью. Тетка Cooръ штопала чулокъ, сидя на порогѣ открытой двери алькова, и добродушно улыбалась, когда Іоозепъ за игрой въ лото отпускалъ какую-нибудь глупѣйшую шуточку, или Натанъ злился,

Диссонансы настроенія.

(Нѣсколько литературныхъ наблюденій).

Я люблю слушать, когда въ театрѣ музыканты настраиваютъ скрипки и трубы. Ухо ловитъ множество отдѣльныхъ вѣрныхъ нотъ, порою услышишь красивую фразу... и ужасно хочется скорѣе услышать—что именно будутъ играть музыканты...

М. Горькій.

Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ было оповѣщено внезапно urbi et orbi, что, наконецъ, въ силу стихійныхъ условій, наша русская жизнь пошла своимъ полнымъ ходомъ. „Сдвинулась-таки Россія съ своихъ трехъ китовъ", сколько помнится, таково было подлинное выраженіе (по поводу факта, принадлежащаго къ категоріи такъ называемыхъ положительныхъ) въ одномъ изъ журналовъ, отнюдь не принадлежавшемъ къ числу самыхъ восторженныхъ. И говорилось это какъ разъ о тѣхъ медвѣжьихъ углахъ нашей родины, въ одномъ изъ которыхъ, по счастливой случайности, находился пишущій эти строки, совсѣмъ не подозрѣвая о такой радикальной перемѣнѣ: „прямо съ трехъ китовъ да полнымъ ходомъ". Одно только смущало въ этомъ сообщеніи. Полнымъ ходомъ. Но по какому же курсу? Литература по этой части оставляла въ полномъ недоумѣніи, не говоря уже объ искусствѣ... Въ области послѣдняго въ одной сферѣ (сценической) царилъ не только реализмъ, но архиреализмъ: даже сказки ставились по даннымъ этнографіи, въ другой—всѣми симпатіями завладѣлъ символизмъ, который допускалъ „симплификацію" контура и, по толкованію одного изъ посвященныхъ, бралъ сюжетами не самихъ людей въ ихъ конкретной формѣ, а только души, которыя потому и должны изображаться однообразными, въ длинныхъ одеждахъ съ *горизонтальными* складками, въ отличіе отъ вертикальныхъ складокъ, свойственныхъ въ силу тяжести тому міру, въ которомъ „все тѣмъ ничтожнѣе, чѣмъ оно кажется важнѣе". Съ

этими излюбленными мотивами, заимствовавшими теорію вещей-тѣней (флюидовъ) не то изъ вѣрованій первобытныхъ анимистовъ, не то изъ современныхъ спиритическихъ журналовъ, находились въ какой-то странной гармоніи другіе излюбленные мотивы въ той наукѣ, которая ближе всего стоитъ съ вопросами: что же дѣлать? Тамъ господствовало воззрѣніе, что, наоборотъ, только то важно, что имѣетъ три измѣренія, что можно продать-купить, что можно взять въ руки и при случаѣ учесть въ мѣняльной лавкѣ. Выходило даже, что только существованіе мѣняльной лавки и обезпечивало надежду на близкое наступленіе царства человѣческихъ отношеній. Некрасовскіе „Герои нашего времени" сдѣлались въ серьезъ героями нашего времени. Въ спеціальныхъ трактатахъ, написанныхъ людьми съ кристальною душой, доказывалось совершенно серьезно, что именно тѣ, кого невѣжественные люди именуютъ кровопійцами и ростовщиками—именно тѣ

. . . . широкую, ясную
Грудью дорогу проложатъ себѣ,

а вмѣстѣ съ тѣмъ и Россіи.

Если къ этому прибавить, что въ сферѣ изученія внѣшней природы господствовали испытанные положительные методы изслѣдованія, принося человѣчеству одно за другимъ самыя блестящія и неожиданныя завоеванія, а въ сферѣ научнаго изученія самого человѣка, все яснѣе пробивался ручеекъ метафизическихъ воззрѣній, какъ раньше казалось, совсѣмъ уже заглохшихъ и забытыхъ,—станетъ ясно, что русскій читатель того времени былъ гораздо богаче и счастливѣе сказочнаго Ивана Царевича. Передъ тѣмъ были три дороги и всѣ три обѣщали какую-нибудь непріятность: по одной поѣдешь—коня потеряешь, по другой—потеряешь голову, а по третьей—и коня, и голову. Тогдашнему же читателю не угрожала никакая непріятность; онъ могъ идти по всѣмъ дорогамъ вразъ, могъ идти бодрый и счастливый тѣмъ, что, наконецъ, онъ около рѣшенія вопроса, что такое истина и что, наконецъ, ему, читателю, дѣлать съ собой.

Странно было одно... Не было похоже, что жизнь дѣйствительно полна бодрыхъ и счастливыхъ людей. Не то, что въ литературѣ не было этихъ бодрыхъ и счастливыхъ людей... Это, конечно, не было бы нисколько удивительно и ни чуть бы не доказывало отсутствія такихъ людей въ дѣйствительной жизни. Нѣтъ, не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что въ этой самой литературѣ наряду съ радужными изображеніями завтрашняго дня, сегодняшній день изображался въ тѣхъ же самыхъ краскахъ, что и до наступленія новой эры.

Другъ мой, усталый страдающій братъ,
Кто бъ ты ни былъ, не падай душой!

Развѣ большей бодростью вѣетъ на читателя отъ позднѣйшихъ разсказовъ Чехова, который въ данный моментъ принадлежитъ къ числу интимнѣйшихъ писателей (если такъ можно выразиться) русскаго читателя? Вѣдь его героямъ въ буквальномъ смыслѣ слова „нечѣмъ жить". Жизнь каждаго изъ нихъ такъ сложилась, что получается одна „скучная исторія". Спасеніе одно—въ какой-то далекой „Москвѣ", въ которую попасть чеховскому герою такъ же легко, какъ грѣшнику въ святые... И отъ всѣхъ чеховскихъ вещей у читателя звучитъ мелодія (вѣдь эта мелодія всетаки есть!) заключительныхъ словъ одного романса Рубинштейна:

И съ сердцемъ разбитымъ
Живу да живу!..

Мы хотѣли бы еще обратить вниманіе на одну характерную подробность: этотъ безнадежно грустный тонъ—особенность не первыхъ, а позднѣйшихъ разсказовъ Чехова. Въ своихъ раннихъ вещахъ Чеховъ (не Чехонте) далъ образцы такого юмора, *) такого безпечальнаго смѣха, какихъ давно не было въ русской литературѣ. Среди нихъ есть настоящіе перлы юмора, которые въ устахъ искусныхъ разсказчиковъ способны исцѣлить самаго безнадежнаго ипохондрика... Въ тотъ періодъ Чеховъ какъ извѣстно, подвергался такимъ, напр., упрекамъ: у него „холодная кровь" и ему „все равно—что колокольчикъ, что самоубійца"...

Въ чемъ бы ни заключалось то зелье, которымъ отравила русская дѣйствительность это жизнерадостное творчество, фактъ тотъ, что прежняго Чехова нѣтъ. Есть новый Чеховъ, **) который, въ союзѣ съ московскимъ театромъ, заставляетъ зрителя испытывать такое чувство жгучей тоски, такой душевной надтреснутости и такой безпросвѣтности... Трудно вѣрится, что этотъ новый задушевный грустный и близкій писатель тотъ же прежній А. П. Чеховъ.

Передъ вами точно старинное иноческое житіе: были когда-то для человѣка радости и оказалось, что нѣтъ ихъ. Есть только суета суетъ, въ которой смѣху жизни принадлежитъ только та область, которая зовется грѣхомъ. Разница только въ томъ, что старая исторія была гораздо проще и второй періодъ приносилъ такое же успокоеніе; какъ и первый. А въ новой—нѣтъ этого успокоенія. Есть вопросъ:

Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?

---

*) Таковы, напримѣръ, его бездѣлушки въ драматической формѣ („Предложеніе" и друг.). Недавно одна изъ нихъ шла съ крупнымъ успѣхомъ на вѣнской сценѣ, отмѣченная въ нѣкоторыхъ критическихъ отзывахъ, какъ лучшій образецъ этого жанра въ драматической литературѣ.

**) Настоящая статья написана еще *до* кончины А. П. Чехова. *Ред.*

А отвѣтъ, хоть какой-нибудь отвѣтъ — невѣдомъ... Во всемъ многообразіи современной жизни герои Чехова не находятъ ничего, къ чему *стоитъ* и должно приладить свою жизнь... Какого шуму когда-то надѣлали чеховскіе „Мужики" со своимъ звѣроподобнымъ укладомъ жизни! Чехова очень быстро истолковали только какъ противника „мужика". Но онъ быстро разочаровалъ въ этомъ. Правда, кромѣ „Мужиковъ" онъ взялъ темой деревню еще для одного изъ своихъ разсказовъ—деревню въ ея отношеніи къ благожелательному интеллигенту. Короткій разсказъ („Новая дача") такъ богатъ дикою нелѣпостью отношеній, что оторопь беретъ. Даже для самихъ авторовъ боеваго отношенія къ этимъ благожелательнымъ пришельцамъ въ результатѣ непонятно, какой барышъ получили они, выгнавъ отъ себя человѣка, который мечталъ у нихъ найти корни для душевнаго покоя, хлопоталъ объ устройствѣ школъ, о голодныхъ, больныхъ ребятахъ, а ему взамѣнъ устраивали совершенно ненужныя и нелѣпыя потравы и пр. и пр.

Найдя вмѣсто искомаго покоя души муку мученскую, пришлые люди уѣхали, а на ихъ мѣсто на „Новой дачѣ" водворился какой-то губернскій секретарь, который держитъ себя очень важнымъ чиновникомъ, ходитъ въ фуражкѣ съ кокардой и на поклоны мужиковъ не отвѣчаетъ. И все идетъ хорошо. И никто не понимаетъ, гдѣ же тутъ смыслъ. „Въ ихъ деревнѣ, думаютъ мужики, народъ хорошій, смирный, разумный, Бога боится и Елена Ивановна (бывшая владѣлица „Новой дачи") тоже смирная, добрая, кроткая, было такъ жалко глядѣть на нее, но почему же они не ужились и разошлись, какъ враги? Что это былъ за туманъ, который застилалъ отъ глазъ самое важное, и видны были только потравы, уздечки, клещи и всѣ эти мелочи, которыя теперь при воспоминаніи кажутся такимъ вздоромъ?"

Но и фабричная Россія ничего не обѣщаетъ герою другого разсказа Чехова — врачу, ассистенту медицинской знаменитости, приглашенному на фабрику къ больной владѣлицѣ ея.

Молодая владѣлица несчастна тѣмъ, что она владѣлица и несчастна тѣмъ, что она одинока и не умѣетъ разобраться въ той нелѣпости, которая ее окружаетъ. „Тысячи полторы-двѣ фабричныхъ работаютъ безъ отдыха, въ нездоровой обстановкѣ, дѣлая плохой ситецъ, живутъ впроголодь и только изрѣдка въ кабакѣ отрезвляются отъ этого кошмара; сотня людей надзираетъ за работой и вся жизнь этой сотни уходитъ на записываніе штрафовъ и брань, несправедливости и только двое-трое, такъ называемые хозяева, пользуются выгодами, хотя совсѣмъ не работаютъ и презираютъ плохой ситецъ". Но и они—хозяева (въ данномъ случаѣ)—несчастны и живетъ въ свое удовольствіе только одна гувернантка, наслаждающаяся стерлядями и мадерой. Возможны,

конечно, „улучшенія". Но доктору не вѣрится въ нихъ, какъ не вѣритъ въ ихъ серьезность, повидимому, и сама владѣлица.

„Пусть спектакль для рабочихъ,—думаетъ докторъ,—волшебные фонари, фабричные доктора,разныя улучшенія, но все же рабочіе, которыхъ онъ встрѣтилъ сегодня по дорогѣ со станціи, ничѣмъ не отличаются по виду отъ тѣхъ рабочихъ, которыхъ онъ видѣлъ давно въ дѣтствѣ, когда еще не было фабричныхъ спектаклей и улучшеній. Онъ, какъ медикъ, правильно судившій о хроническихъ страданіяхъ, коренная причина которыхъ была непонятна и неизлѣчима, и на фабрики смотрѣлъ какъ на недоразумѣніе, причина котораго была тоже неясна и неустранима, и всѣ улучшенія въ жизни фабричныхъ онъ не считалъ лишними, но приравнивалъ ихъ къ лѣченію неизлѣчиныхъ болѣзней". Глядя на фабрику, онъ долженъ употреблять усиліе, чтобы вспомнить, что „тутъ внутри паровые двигатели, электричество, телефоны... 'какъ-то все думалось о свайныхъ постройкахъ, о каменномъ вѣкѣ, чувствовалось присутствіе грубой, безсознательной силы"...

Общее впечатлѣніе докторъ мысленно резюмируетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Хорошо чувствуетъ себя здѣсь только одна гувернантка и фабрика работаетъ для ея удовольствія. Но это такъ кажется, она здѣсь только подставное лицо. Главный же, для кого здѣсь все дѣлается,—это дьяволъ"...

„И онъ думалъ о дьяволѣ, въ котораго не вѣрилъ, и оглядывался на два окна, въ которыхъ свѣтился огонь. Ему казалось, что этими багровыми глазами смотрѣлъ на него самъ дьяволъ, та невѣдомая сила, которая создала отношенія между сильными и слабыми, эту грубую ошибку, которую теперь *ничѣмъ не исправишь*. Нужно, чтобы сильный мѣшалъ жить слабому, таковъ законъ природы, но это понятно и легко укладывается въ мысль только въ газетной статьѣ или въ учебникѣ; въ той кашѣ, какую представляетъ изъ себя обыденная жизнь, въ путаницѣ всѣхъ мелочей, изъ которыхъ сотканы человѣческія отношенія, это уже не законъ, а логическая несообразность, когда сильный и слабый одинаково падаютъ жертвой своихъ взаимныхъ отношеній, невольно покоряясь какой-то направляющей силѣ, неизвѣстной, стоящей внѣ жизни, посторонней человѣку"...

Наконецъ въ „Моей жизни"—лицо, отъ имени котораго ведется разсказъ, находитъ искомый покой души въ простомъ бѣгствѣ отъ традиціонной культуры. Герой уходитъ въ маляры, краситъ крыши и церкви, остается одинъ одинешенекъ и около ведра съ краской находитъ возможность переносить жизнь. По его собственнымъ словамъ, онъ не зналъ, какъ можно жить, не чувствуя себя виноватымъ, въ этой, такъ называемой, культурной средѣ.

„Мнѣ было непонятно, чѣмъ живутъ всѣ эти шестьдесятъ тысячъ жителей, для чего они читаютъ евангеліе, для чего молятся, для чего читаютъ книги и журналы. Какую пользу принесло имъ все то, что до сихъ поръ писалось и говорилось, если у нихъ все та же душевная темнота и то же отвращеніе къ свободѣ, что было и сто и триста лѣтъ назадъ? Подрядчикъ-плотникъ всю свою жизнь строитъ дома и все же до самой смерти вмѣсто „галлерея" говоритъ „галдарея"; такъ и эти шестьдесятъ тысячъ жителей поколѣніями читаютъ и слышатъ о правдѣ, о милосердіи и свободѣ, и все же до самой смерти лгутъ отъ утра до вечера, мучаютъ другъ друга, а свободы боятся и ненавидятъ ее, какъ врага".

Единственная рѣзкая разница между культурными обывателями была та, что одни брали взятки, другіе не брали, и тѣ, которые „взятокъ не брали, какъ, напримѣръ, чины судебнаго вѣдомства, были надменны, подавали два пальца, отличались холодностью и узостью сужденій, играли много въ карты, много пили, женились на богатыхъ, и, несомнѣнно, имѣли на среду вредное, развращающее вліяніе".

Бѣгство отъ культуры, однако, не было спасеніемъ. Не говоря уже о томъ, что теперь разсказчику приходилось на собственной спинѣ знакомиться съ изнанкой жизни („Главное, что больше всего поражало меня въ моемъ новомъ положеніи, разсказываетъ онъ, это совершенное отсутствіе справедливости, именно то самое, что у народа опредѣляется словами: „Бога забыли". Рѣдкій день обходился безъ мошенничества. Мошенничали и купцы, продававшіе намъ олифу, и подрядчики, и ребята *), и сами заказчики. Само собой, ни о какихъ нашихъ правахъ не могло быть и рѣчи, и свои заработанныя деньги мы должны были всякій разъ выпрашивать, какъ милостыню, стоя у чернаго крыльца безъ шапокъ"); не говоря уже о тѣхъ враждебныхъ выходкахъ, вплоть до обливанія водой и швырянія палками, которыми встрѣчали обыватели превращеніе дворянина въ маляры (разсказчикъ добавляетъ при этомъ, что никто не относился къ нему такъ немилосердно, какъ именно тѣ, которые еще недавно сами были простыми людьми и добывали себѣ кусокъ хлѣба чернымъ трудомъ),—единственное, что давала ему „ломовая" жизнь, это-то, что онъ жилъ среди людей, которые работали, какъ ломовыя лошади; среди нихъ онъ тоже чувствовалъ себя ломовикомъ, все болѣе проникался обязательностью и неизбѣжностью того, что дѣлалъ, и это облегчало ему жизнь, избавляя отъ всякихъ сомнѣній.

Это былъ только жизненный наркозъ, пріемъ болеутоляющихъ средствъ, не больше. Временно улыбнулось было ему счастье, въ видѣ любви богато-одаренной женщины, но, очевидно, это не могло долго продолжаться около ведра съ краской, и разсказъ заканчивается словами: „я постарѣлъ, сталъ молчаливъ, суровъ, строгъ, рѣдко смѣюсь... Въ будни я бываю занятъ съ ранняго утра до вечера, а по праздникамъ, въ хорошую погоду, я беру на руки свою крошечную племянницу и иду, не спѣша, на кладбище. Тамъ я стою или сижу, и подолгу смотрю на дорогую мнѣ могилу *) и говорю дѣвочкѣ, что тутъ лежитъ ея мама"...

„Очевидно, счастье и правда существуютъ гдѣ-то внѣ жизни"— говоритъ въ другомъ мѣстѣ Чеховъ. („Въ родномъ углу").

---

*) Маляры.
**) Сестры разсказчика.

Такъ отражается русская жизнь въ творчествѣ Чехова.

И вотъ эта эволюція настроенія задушевнаго писателя совпала какъ разъ съ открытіемъ новой эры общественности на стихійныхъ основахъ. Кто же правъ? Вѣдь если писатель находитъ себѣ сочувственную аудиторію, — значитъ, онъ касается близкихъ струнъ въ душѣ читателя, а эти струны тяжелыя, наболѣвшія струны...

Правда, нѣкоторые находятъ новую струйку въ творчествѣ Чехова: въ „Трехъ сестрахъ", въ нѣкоторыхъ другихъ вещахъ. Нѣтъ, говорятъ они, удовлетворенія настоящимъ, но есть за то вѣра въ будущее, вѣра въ то, что оно не будетъ похоже на ужасное настоящее. Не мало ли это? Для того, чтобы видѣть въ настоящемъ колыбель свѣтлаго будущаго, нужна сознаваемая связь между ними, нужно знать, какъ или изъ чего можетъ вырости это будущее. А этого у Чехова пока нѣтъ. Ибо вѣрить въ будущее можно и съ отчаянія въ настоящемъ. Вѣдь вѣрить необходимо, ибо иначе нельзя жить. „Всякому человѣку нужно, чтобы вдали свѣтился огонекъ", говоритъ Астровъ въ „Дядѣ Ванѣ". А кто его зажжетъ, и какъ онъ зажжется—Богъ его знаетъ. Чудомъ быть можетъ, тѣмъ самымъ чудомъ, въ которое вѣритъ Нора, потому что оно ей нужно. Нужно оно и измученной душѣ отрицателя русской дѣйствительности. Есть Богъ русской земли и должно оно быть, это чудо. Подобно библейскому сказанію: ничего не было и только духъ Божій носился надъ бездной. А по слову: „да будетъ свѣтъ", явился свѣтъ и создался міръ... Но вѣдь это претвореніе хаоса въ желанное будущее, только желанное чудо, въ которое вѣрятъ, и вѣра въ него не примиряетъ съ дѣйствительностью, въ которую не вѣрятъ.

II.

Довольно долго представлялъ исключеніе въ нашей литературѣ Максимъ Горькій со своими босяками. Своимъ современникамъ, не умѣвшимъ ни мочь, ни хотѣть, Лермонтовъ бросилъ когда-то упрекъ въ формѣ „Пѣсни о купцѣ Калашниковѣ", который умѣлъ и хотѣть, и мочь. Но для такого упрека Лермонтовъ долженъ былъ отправиться на поиски въ очень далекія времена. Максимъ Горькій, черезъ три четверти столѣтія повторившій тотъ же упрекъ современной ему интеллигенціи, нашелъ живыя формы его непосредственно подъ ногами этой интеллигенціи. Это—люди, выброшенные изъ нашей внѣшней культуры со всѣмъ ея относительнымъ счастьемъ и относительными благами, такъ высоко цѣнимыми и такъ немногимъ дающимися.

Впечатлѣніе, произведенное босяками г. Максима Горькаго, хорошо памятно. На ихъ долю достался одновременно и успѣхъ

„купца Калашникова“, и успѣхъ первыхъ мужицкихъ произведеній Григоровича и Тургенева. Конечно, первая причина успѣха была наболѣе существенною. Если бы Максимъ Горькій только предъявилъ читателю новый, до того неизвѣстный, міръ, въ которомъ люди, не считающіеся людьми, думаютъ, любятъ, страдаютъ, живутъ и умираютъ по тѣмъ же самымъ правиламъ, какъ и всѣ; еслибы М. Горькій трактовалъ этотъ міръ „униженныхъ и оскорбленныхъ“ въ такомъ тонѣ, который, по словамъ иностранцевъ, составляетъ особенность русскихъ писателей: въ тонѣ „жалости“ къ этимъ униженнымъ и оскорбленнымъ, въ тонѣ душевной боли за нихъ, за ту изломанную жизнь, голодъ и безчисленныя оскорбленія, которыя имъ „удѣломъ заданы“; еслибы М. Горькій относительно своихъ босяковъ и проститутокъ держался той же точки зрѣнія, которая заставляетъ рыдать одного героя Чехова, приведеннаго въ домъ терпимости: вѣдь если вещь разобьется, намъ жалко ея, а вѣдь тутъ разбиваютъ и такъ попросту разбиваютъ высшее, что есть въ мірѣ — жизнь человѣческую; — еслибы М. Горькій трактовалъ свои художественныя темы въ этомъ смыслѣ, онъ не имѣлъ бы, конечно, и половины успѣха. Ново было въ этихъ разсказахъ — и это было общимъ фокусомъ впечатлѣній — какъ реагируютъ эти оскорбленные „бывшіе люди“ на удары мачихи культуры. Доброе старое время, такъ неутѣшно оплакиваемое любителями, очень заботилось объ общей гармоніи жизни, не исключая некрасовскаго мотива:

И непремѣнно кого-нибудь бьютъ...

Въ силу этой предустановленной, по мнѣнію обывателя, гармоніи, у него за представленіемъ старшаго „брата во Христѣ“ всегда слѣдовалъ образъ съежившейся фигурки младшаго брата съ вытянутыми руками, только вздрагивающаго при ударѣ и только этимъ реагирущаго на нихъ. Существовала даже рабская формула о благодарности за „науку“. Такъ все это было просто и понятно— по человѣчеству понятно. Вопросъ былъ только въ томъ, кто бьетъ и по чину ли бьетъ. Въ одномъ изъ разсказовъ Лѣскова есть вводная сцена: бьютъ станціоннаго смотрителя, обладающаго 14-мъ классомъ и по закону свободнаго отъ тѣлеснаго наказанія. И бьетъ—за отказъ въ лошадяхъ—властная особа (смотритель не справился предварительно въ подорожной „кому“ онъ отказываетъ) именно, чтобы смотритель не очень на „законъ надѣялся“. Разсказчикъ отмѣчаетъ необыкновенное искусство въ нанесеніи побоевъ: не успѣвалъ смотритель встать, какъ уже снова летѣлъ на полъ, а въ концѣ концовъ его заталкиваютъ ногами подъ столъ. *По уходѣ* (характерная подробность) особы присутствовавшіе—все культурные люди—адресовались къ избитому съ соотвѣтствующими заявленіями, но тотъ возразилъ, что это еще

ничего, а вотъ плохо, когда какой-нибудь прапорщикъ, а тоже лѣзетъ въ рыло. Вотъ это уже „противно", резюмировалъ свои впечатлѣнія лѣсковскій смотритель.

Эта предустановленная гармонія между субъектомъ и объектомъ побоевъ отнюдь не исчезла вмѣстѣ съ почтовыми станціями и лѣсковскими смотрителями. По закону инерціи она продолжала быть ключемъ къ пониманію живой дѣйствительности и для внуковъ смотрителя. Они только подвергли тщательнѣйшему обсужденію на печатныхъ столбцахъ вопросъ, когда и при какихъ условіяхъ „противно" и „непротивно", въ какой степени побои — элементъ нашей самобытной культуры, и почему даже

Имъ дорожить какъ кладомъ мы должны.

Даже и тѣ изъ внуковъ, которымъ все это не казалось признакомъ русскаго соціальнаго здоровья, даже и тѣ не видѣли никакого конца этой предустановленной гармоніи. Надежда была только философскаго свойства относительно конечности всего сущаго, а стало быть и той ночи человѣческихъ отношеній, которая „черезчуръ ужъ темна"!

Въ силу житейскаго a priori не было никакого сомнѣнія, что та оскорбленная масса „бывшихъ людей", съ которою сроднилъ русскую литературу М. Горькій, не можетъ реагировать на оскорбленія жизни иначе, какъ въ тонѣ гармоніи. Между тѣмъ оказалось, что не только бывшій офицеръ Кувалда—тотъ по своему первоначальному обиходу жизни могъ не привыкнуть къ гармоніи,—но и пекарь Коноваловъ, наборщикъ Гвоздевъ, контрабандистъ Челкашъ, всѣ они сполна отрицаютъ эту гармонію.

И отрицаютъ они не только право заушать ихъ; они отрицаютъ самую жизнь, гдѣ непремѣнно кого-нибудь бьютъ, отрицаютъ всѣ искусственныя (по ихъ мнѣнію) созданныя ею клѣточки, изъ которыхъ человѣку, ищущему простора, выйти такъ же легко, какъ перескочить черезъ собственную свою голову. Николка Гвоздевъ такъ именно и формулируетъ свое озорство. Когда-то нелѣпость общественнаго механизма была хоть цѣлостна и логична. Николкамъ Гвоздевымъ жилось, конечно, не лучше, но былъ порядокъ: Николка рождался Николкой и умиралъ Николкой. Никакихъ отклоненій отъ нормы не могло быть и не было, и Николкѣ кажется, что такая устойчивость въ распредѣленіи ролей среди созданныхъ по образу и по подобію Божію все же лучше, чѣмъ та нелѣпость въ распредѣленіи ихъ, которая создается, какъ нынѣ, „грамматикой", по его недоумѣвающе-презрительному опредѣленію. Товарищи его дѣтскихъ игръ, по первоначальному соціальному матеріалу — были несомнѣнными Николками, но они выучились „грамматикѣ", и одинъ изъ нихъ—редакторъ газеты, а другой—судебный слѣдователь. Былъ Мишка, а теперь (говоритъ Николка) Михаилъ Ефимовичъ. А онъ Ни-

колка, къ грамматикѣ доступа не имѣлъ и потому онъ—Николка, все тотъ же Николка, что и былъ; только въ роли наборщика провинціальной газеты. Ни понять, ни признать законности такой метаморфозы Николка не можетъ и не хочетъ.

И что особенно его возмущаетъ, — это, что бывшіе Николки становятся совершенно чужими интересамъ теперешняго Николки, точно ихъ не грамматика сдѣлала Михаилами Ефимовичами, а старинный рокъ судьбы и рожденія.

Правда, въ газетѣ, редактируемой товарищемъ его дѣтскихъ игръ, говорятся время отъ времени хорошія слова о Николкахъ, но все это только слова, которыя издатель одобряетъ или не одобряетъ съ точки зрѣнія успѣшной подписки и розничной продажи... У поэта такъ красиво звучатъ слова:

Арміи свинцовой суровый командиръ...

Въ глазахъ Николки его положеніе не только не красиво, но прямо оскорбительно. Какая тамъ „армія свинцовая"! Онъ „суровый командиръ" надъ предметами печатнаго жонглированія и торгашескаго лицедѣйства. И у него складывается такое острое чувство озлобленія къ своей роли „суроваго командира", что онъ въ набираемую имъ статью съ хорошими словами вставляетъ отъ себя ѣдкую выходку противъ этихъ хорошихъ словъ.. Потомъ онъ пробуетъ объясниться съ оскорбленнымъ имъ редакторомъ, но объясненіе приводитъ только къ новому взрыву озлобленнаго чувства противъ грамматики, которая навсегда отдѣлила его, теперешняго Николку, отъ счастливыхъ „бывшихъ Николокъ".

И Горькій развертываетъ цѣлый рядъ такихъ погибшихъ жизней, погибшихъ для русской дѣйствительности. А вѣдь могли бы пригодиться на нѣчто большее, чѣмъ жизнь въ ночлежкахъ. Таковъ Коноваловъ, который тоску своей женственно хорошей души заливаетъ водкой, который не знаетъ, отчего ему некуда дѣть себя, который всю жизнь ищетъ своей „точки жизни",—точки, на которую онъ могъ бы „опереться", и который въ противность сказанному: „ищите и обрящете", не находитъ этой точки и обрываетъ самъ свою жизнь, когда она стала черезчуръ ужъ надоѣдной, въ вѣчныхъ переходахъ отъ дикой работы къ дикому разгулу и пересылкѣ по тюремнымъ этапамъ за „безписьменность".

Таковъ Челкашъ. Дерзкій, остроумный контрабандистъ, онъ способенъ отдать добытые смѣлой авантюрой 500 рублей парню,— изъ тѣхъ, которыхъ въ городахъ насмѣшливо зовутъ „деревней", котораго онъ презираетъ за способность жить въ деревнѣ, за способность выносить мужицкую неволю, въ которой нужно „всю жизнь изъ кожи лѣзть", а „кормовъ (всетаки) не будетъ хватать", презираетъ за то, что этотъ „деревня" „не знаетъ цѣны свободѣ". Презираетъ, но при воспоминаніи о далекой деревнѣ раз-

рывъ съ нею отзывается спазматической болью. Когда память, которая по выраженію Горькаго, „оживляетъ даже камни прошлаго", „въ выпитый нѣкогда ядъ подливаетъ капли меда",—когда память уноситъ Челкаша въ далекую пору дѣтства, онъ любовно отдается воспоминаніямъ, забываетъ о тяжелыхъ сторонахъ крестьянской жизни и помнитъ только о томъ, чѣмъ хороша (могла бы быть) жизнь крестьянина: „Главное, говоритъ онъ, въ крестьянской жизни — это, братъ, свобода! Хозяинъ ты есть самъ себѣ. У тебя твой домъ — грошъ ему цѣна — да онъ твой. У тебя земля своя — всего итого горсть — да она твоя... Король ты на своей землѣ!" И онъ чувствуетъ себя „сбитымъ, упавшимъ, жалкимъ и одинокимъ и выброшеннымъ изъ порядка жизни", чувствуетъ—до эпизода съ Гаврилой. Только когда этотъ мужикъ, задавленный нуждой, не выдерживаетъ мысли, что цѣлое богатство, которое сдѣлало бы Гаврилу „человѣкомъ", не только въ глазахъ другихъ, но и въ глазахъ самого себя, будетъ Челкашемъ пропито, — не выдерживаетъ, бросается Челкашу въ ноги, презирая его, обнимаетъ его колѣни, чтобы только вымолить эти 500 руб., Челкашъ поднимается въ своихъ глазахъ. Онъ чувствуетъ себя выше этого „жаднаго раба". Онъ „воръ, гуляка, оторванный ото всего родного—никогда не будетъ такимъ жаднымъ, низкимъ, непомнящимъ себя. Никогда не станетъ такимъ!.." И эта мысль и ощущеніе, наполняютъ его „сознаніемъ своей свободы и удали"...

Этотъ мотивъ о не использованной жизни въ низахъ общества яснѣе всего, быть можетъ, звучитъ въ „Супругахъ Орловыхъ". Кто этотъ Орловъ? Звѣрь, для котораго у культурнаго общества достаточно

Бичей, темницъ и топоровъ

или только несчастный человѣкъ среди несчастныхъ людей? Для Горькаго сомнѣнія нѣтъ. Для него Орловъ — не нашедшій себя человѣкъ. Что-то нужно, нужно до смертельной тоски. Нуженъ подвигъ, но какой—Богъ его знаетъ.

Ежедневная жизнь идетъ потихоньку и полегоньку вкругъ старенькихъ безобразій и съ подвигомъ, который сполна захватилъ бы душу Орлова, ничего общаго не имѣетъ... Съ вопросомъ этимъ не справиться и людямъ, осчастливленнымъ доступомъ къ грамматикѣ; еще меньше можетъ удасться это Орлову. Онъ дошелъ своимъ умомъ только до двухъ равноцѣнныхъ подвиговъ: или принести себя въ жертву и избавить людей — всѣхъ разомъ — отъ ужасовъ холернаго мора или... пойти бить евреевъ. На этомъ сошелся клиномъ весь міръ грезъ сапожника Орлова. Не виноватъ, конечно, сапожникъ Орловъ въ томъ, что его грезы о подвигѣ не выше практическихъ идеаловъ среди извѣстной части, осчастливленныхъ грамматикой. Во всякомъ случаѣ, Орловъ не-

счастенъ и искрененъ. И когда ему представляется въ первый разъ въ жизни нѣчто въ родѣ подвига, нѣчто такое, на что нужна героическая рѣшимость (не только для среды сапожника Орлова), на что онъ—именно онъ, Орловъ—нуженъ, онъ совершенно преображается

„Горитъ у меня душа... Хочется ей простора, чтобы могъ я развернуться во всю мою силу... Эхма! силу я въ себѣ чувствую—необоримую! То есть, если бы эта, напримѣръ, холера да преобразилась въ человѣка... въ богатыря... хоть въ самаго Илью Муромца — сцѣпился бы я съ ней! Иди на смертный бой! Ты сила и я, Гришка Орловъ, сила, — ну, кто кого? И придушилъ бы я ее и самъ бы легъ... Крестъ надо мной въ полѣ и надпись: „Григорій Андреевъ Орловъ... Освободилъ Россію отъ холеры". Больше ничего не надо. „Понимаешь... на сто ножей бросился бы я... но чтобы съ пользой! Чтобы отъ этого облегченіе вышло жизни".

Но преподнятый душевный тонъ не выдерживается. Для тенденціознаго идеализатора босячества, какимъ считаютъ Горькаго, этотъ моментъ одинъ изъ самыхъ рискованныхъ. Не было ничего легче, какъ закончить картину этимъ перерожденіемъ пьянаго буяна Орлова въ брата милосердія, выражаясь спеціальнымъ терминомъ. Но Горькій заканчиваетъ разсказъ возвращеніемъ Орлова въ первобытное состояніе... И оно понятно. Сначала можно было всѣ силы отдать только потому, что именно всѣ силы и требуется отдать. Но дальше нужно что-нибудь получать, чтобы отдавать дальше? Но вѣдь не значитъ же получать—служить въ холерномъ баракѣ, таскать мертвыхъ и выхаживать тѣхъ, у которыхъ „жизнь будетъ хуже холерной судороги", какъ говоритъ Орловъ. Развѣ что-нибудь на іоту измѣнится вокругъ Орлова? Развѣ что-нибудь выростетъ *нужное*, что сдѣлалъ онъ, Орловъ? Развѣ не все будетъ то же, что и раньше, какъ только онъ выйдетъ изъ барака? Дѣятельности Орлова достаточно для тѣхъ, кто самъ для себя человѣкъ и кому жаль другихъ. Орловъ самъ для себя не человѣкъ, а только сапожникъ Орловъ, и ему жаль не другихъ, а самого себя... Орловъ остываетъ, и первое столкновеніе съ докторомъ возвращаетъ его къ старымъ „основамъ жизни". И вѣроятно уже навсегда.

Таковъ этотъ варіантъ повѣсти о человѣкѣ, не взятомъ жизнью на потребу жизни.

Но она—эта потребность быть взятымъ жизнью—есть въ низахъ общественной жизни, есть тамъ и оскорбленное чувство человѣческаго достоинства... Когда казалось, что

Ночь черезчуръ ужъ темна

въ этомъ должно было быть много ободряющихъ звуковъ... Поднять человѣка, который не хочетъ подняться, не только трудно, но и невозможно, пожалуй... И вдругъ въ самыхъ далекихъ уголкахъ, о которыхъ грамотный обыватель зналъ только, какъ о ма-

теріалѣ для тюрьмы, горятъ тѣ самые огни, которые, казалось, вездѣ догорѣли.

Для поколѣнія, поэтомъ котораго былъ Надсонъ, герои М. Горькаго были тѣмъ же, что первыя капли дождя послѣ продолжительной засухи... Сколько счастья приносятъ онѣ, эти первыя капли. Сколько надеждъ! Такъ вѣрится, что все пережитое уже позади. И трещины на груди полей, которыя еще вчера такъ сжимали тоской сердце, сегодня уже не пугаютъ. Вѣдь завтра онѣ навѣрное уже закроются!.. Не хочется думать, что первыя капли могутъ такъ и остаться первыми каплями, которыя ничего не измѣнятъ.

На выручку пришелъ слѣдующій силлогизмъ: — Если люди, обиженные грамматикой, могутъ остаться самими собой въ своей индивидуальной жизни, то осчастливленные грамматикой могутъ и должны остаться самими собой и въ индивидуальной жизни и въ своей соціальной работѣ. Силлогизмъ, конечно, не изъ строгихъ въ смыслѣ своего построенія, но за то изъ тѣхъ, которымъ на роду написано счастье. Онъ сотворилъ чудо: подвигъ очеловѣченія человѣческихъ отношеній, этотъ тяжелый крестъ для цѣлаго поколѣнія лучшихъ русскихъ людей, превратился почти въ шуточную задачу. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ можетъ заключаться трудность задачи, если „*униженныхъ* и оскорбленныхъ“ нѣтъ, а есть только „оскорбленные“ и если стать самими собой въ соціальной работѣ не только должно, но и легко возможно?

Пріемлемость чудодѣйственнаго силлогизма, съ одной стороны, обезпечивалась естественной гордостью человѣка, который побѣдилъ внѣшнія условія своей жизни, и какъ побѣдилъ! Изъ невѣдомой единицы того міра, который обреченъ условіями на чтеніе повѣстей объ англійскомъ милордѣ и о прекрасной кабардинкѣ, выросъ вдругъ, какъ въ сказкахъ, писатель, владѣющій міровымъ успѣхомъ, границы котораго опредѣляются уже не берегами Бѣлаго и Чернаго морей, какъ объ этомъ мечталъ для себя Пушкинъ, а берегами Великаго и Атлантическаго океановъ! Какъ тутъ не вѣрить по-наполеоновски, что „судьба — это глупое слово“ и что для того, кто хочетъ, все возможно!

И если не все оказалось возможно для цѣлаго поколѣнія, въ которомъ слабѣйшіе по духу жертвы скорбно молились о томъ, чтобы они смогли уйти

...въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви...

то естественно предположить, что они были жалчайшими людьми, не умѣвшими по настоящему ни хотѣть, ни мочь... Отсюда то глубокое презрѣніе къ русской интеллигенціи, котораго не скрываетъ Горькій *); отсюда то преклоненіе передъ лич-

*) Эта нота въ творчествѣ М. Горькаго рѣзко измѣняется въ его по-

ной мощью, которое такъ красиво и такъ убѣжденно проповѣдуется старухой Изергиль и которое доходитъ до художественной апологіи человѣческихъ отношеній по образу и по подобію звѣриному въ разсказѣ „Ханъ и его сынъ". Совсѣмъ: „заповѣдь новую вамъ даю: если не можешь сохранить себѣ человѣка, который тебѣ нуженъ, и не хочешь отдать его другому, то можешь бросить его въ море!"

Отсюда и тѣ коренныя ошибки и невыдержанность тона, которыя обнаружились въ позднѣйшихъ произведеніяхъ М. Горькаго.

Если это преуменьшеніе соціальныхъ преградъ, стоящихъ на пути человѣка, понятно въ писателѣ, такъ блестяще одержавшемъ побѣду надъ своей жизнью, то не менѣе понятенъ и тотъ восторженный пріемъ, который былъ оказанъ этому художественному преуменьшенію со стороны читателей. Было сказано какъ разъ то, что было нужно услышать: подоспѣла смѣна общественнаго настроенія.

Когда на дальнемъ сѣверѣ среди долгой полярной зимы загорится огонь сѣвернаго сіянія, онъ никого не вводитъ въ заблужденіе. Это не конецъ ночи, не приближеніе весны. Это только сѣверное сіяніе. Не такъ просто въ полярныя ночи нашихъ общественныхъ отношеній. Простая игра сіянія или близость утра весны? Этотъ вопросъ сопровождается всегда жгучею болью и рѣшается по большинству голосовъ въ пользу весны. И, пожалуй, если это не вѣрно оказывается съ астрономической точки зрѣнія, за то это справедливо съ психологической. Вѣдь иначе, пожалуй, и не пережить этой безконечной ночи безъ солнца... Такъ или иначе, но вопросъ разрѣшается всегда въ пользу весны. На этотъ разъ весна, а то, что раньше принималось за приближеніе весны, это, дѣйствительно, только полохи играли... Это символъ вѣры каждаго нашего десятилѣтія, не исключая даже убогихъ душою восьмидесятниковъ. Даже они, въ

слѣдней вещи (Человѣкъ), появившейся въ печати уже послѣ того, какъ были написаны эти строки... Это—торжественный гимнъ Человѣку (не человѣку), образъ котораго „силою воображенія своего" вызываетъ передъ собою писатель „въ часы усталости духа"... Въ мечтѣ писателя Человѣкъ призванъ, чтобъ „освѣтить весь міръ, расплавить тьму его загадокъ тайныхъ, найти гармонію между собой и міромъ, въ себѣ самомъ гармонію создать и, *озаривъ весь мрачный хаосъ жизни на этой изстрадавшейся землѣ*, покрытой... корой несчастій, скорби, горя, злобы,—*всю злую грязь съ нея смести въ могилу прошлаго*"... Но не побѣда ждетъ его, и не побѣдой мѣрится значеніе его. „Спокойно сознаю... что побѣждаютъ не тѣ, которые берутъ плоды побѣды, а *только* тѣ, что остаются на полѣ битвы... И гибель для меня (Человѣка)—моя награда"... Но если немедленная побѣда не аттрибутъ „Человѣка", вызваннаго къ жизни „силою воображенія" писателя, очевидно, она перестаетъ быть мѣриломъ и для „тѣней прошлаго", для тѣхъ, которые на самомъ дѣлѣ шли „одни—среди загадокъ бытія" и тягчайшихъ противорѣчій жизни.

своихъ поискахъ примиренія съ сѣренькой, скверненькой дѣйствительностью, кричали: „шире дорогу“!.. За то какой красотой вѣры звучали иногда эти слова въ иныхъ устахъ! Какіе цѣнные образцы того, чѣмъ можетъ быть человѣкъ, когда онъ думаетъ, что онъ можетъ и долженъ быть человѣкомъ, — давало такое время!.. Но, увы! весна оказывалась не весной: полыхали только огни сѣвернаго сіянія, ночь продолжалась. А въ результатѣ:

Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Терситъ...

Затѣмъ все начиналось сызнова. Оказывалось только, по новымъ справкамъ, что никакихъ Патрокловъ въ предыдущемъ періодѣ и не было, было только сплошное недоразумѣніе. Эта особенность—отсутствіе преемственности въ нашихъ общественныхъ настроеніяхъ,—какъ извѣстно, характерная особенность всѣхъ смѣнъ нашихъ умственныхъ настроеній. Предыдущій періодъ зачеркивается, на немъ ставится крестъ, и самая исторія Россіи начинается съ перваго января текущаго, года, или даже съ перваго числа текущаго мѣсяца! Но за то (предполагается) уже ближайшія пять лѣтъ дадутъ матеріалу на двѣнадцать томовъ исторіи нашего культурнаго развитія...

Подоспѣла какъ разъ такая смѣна настроеній... Это обстоятельство поставило литературную дѣятельность М. Горькаго въ совершенно особыя условія. Само собой разумѣется, что писатель, который чувствуетъ радость жизни и умѣетъ ее передать читателю въ такихъ яркихъ художественныхъ формахъ, какъ это дѣлаетъ М. Горькій,—такой писатель долженъ былъ „съ невѣдомою силой ударить по сердцамъ“, независимо отъ направленія общественной мысли, которое характеризовало данный моментъ... Эта естественная связь между читателемъ и писателемъ пріобрѣла еще особый оттѣнокъ. Въ озлобленныхъ людяхъ, которыхъ изображалъ писатель, читатель усмотрѣлъ художественное оправданіе своихъ теоретическихъ предположеній относительно наступленія той комбинаціи общественныхъ условій, которая должна вынести его ладью „на берегъ радостный“. Писатель оказался, если не пророкомъ, то во всякомъ случаѣ провозвѣстникомъ болѣе или менѣе близкаго счастливаго будущаго *). И по тону, какимъ онъ говорилъ, и по тѣмъ образамъ, которые давалъ,—онъ въ точности отвѣчалъ настроенію читателя.

И русская интеллигенція отвѣтила восторженной любовью писателю, который презиралъ русскую интеллигенцію за неумѣніе

*) Вольно или невольно М. Горькій употребляетъ въ одномъ мѣстѣ, говоря о своихъ герояхъ-босякахъ терминъ „классъ“ („Коноваловъ“). Разсказчикъ замѣчаетъ, что Коноваловъ нарушалъ „представленіе о людяхъ, которыхъ давно пора считать за *классъ* и которые вполнѣ достойны вниманія какъ сильно алчущіе и жаждущіе, очень злые и далеко не глупые“.

побѣдить. Новое поколѣніе этой интеллигенціи относило презрительныя слова писателя цѣликомъ къ предшествующему поколѣнію.

Но побѣдить жизнь лично и побѣдить ее въ цѣломъ—„двѣ большія разницы". Писателю пришлось въ этомъ убѣдиться, какъ только онъ попытался доказать, что самимъ собой, не поступаясь своей цѣльностью, можно быть и въ культурной жизни цѣлаго.

Такова ужъ магическая сила русской дѣйствительности. Какъ только сталъ онъ искать бодрыхъ людей, которыхъ онъ могъ бы противопоставить унылымъ представителямъ интеллигенціи, такъ сказать, доисторическаго періода, явились первыя неудачныя страницы, подписанныя Максимомъ Горькимъ. Вспомните „Мужика", котораго авторъ заставилъ говорить такія ѣдкія и остроумныя рѣчи противъ безсчастной доисторической интеллигенціи. „Мужикъ" долженъ былъ оттѣнить своимъ мужицкимъ здоровьемъ эту злополучную неудачницу, замученную больной совѣстью и словомъ „невозможно." Авторъ началъ свою импровизацію (повидимому, „Мужикъ" не былъ законченъ и въ рукописи), но не въ состояніи былъ выдержать ее. У него, какъ у пѣвцовъ, не хватило голоса. Онъ сорвался, какъ выражаются о нихъ. И впечатлѣніе отъ этого было далеко не злорадное, какъ утверждали иные. Нѣтъ, это было именно то же, что бываетъ, когда слушаешь: пѣвецъ умѣлъ захватить васъ, но вы не вѣрите, что онъ можетъ выдержать тонъ, въ которомъ онъ началъ... И, къ вашему сожалѣнію, вы оказались правы: вамъ не слыхать того, что вамъ обѣщали. Но стократъ вы были бы счастливѣе, если бы *вы* ошиблись.

Затѣмъ послѣдовали „Мѣщане". Ничтожный представитель „мѣщанской" интеллигенціи, не смѣющій жить, какъ ему хочется—въ свою волюшку, и какъ противовѣсъ ему—самородокъ изъ трудовой массы, желѣзнодорожный машинистъ Нилъ. О немъ говорятъ въ пьесѣ, что „дурнымъ людямъ... злымъ и жаднымъ—плохо будетъ отъ него!" Самъ онъ говоритъ о себѣ, что „тому помѣшать, этому — помочь... вотъ въ чемъ радость жизни..." О томъ, поскольку эти слова переходятъ у Нила въ дѣло, читателю приходится судить по тому, что онъ однажды „отчиталъ" „дубиноголоваго" начальника депо. Разсказавши и затѣмъ снова вспомнивъ о своей „побѣдѣ", Нилъ „мечтательно улыбается" и говоритъ: „Интересная штука—жизнь!"—Нужно удивляться, какъ такой художникъ, какъ М. Горькій, не почувствовалъ всей комичности этого упоенія побѣдой своего героя! *).

Нилъ во весь свой ростъ рисуется въ той похвалѣ, которую

*) Нужно замѣтить, что и отчиталъ онъ дубиноголоваго, очевидно, не очень сильно, ибо его не уволили отъ службы, судя по его разсказу.

онъ провозглашаетъ Шишкину: „Онъ славный парень! Не только не позволитъ наступить себѣ на ногу, *самъ первый всякому наступитъ*". По существу онъ только это и дѣлаетъ на протяженіи всей пьесы: наступаетъ окружающимъ на ноги и констатируетъ, что отъ этого ему нисколько не больно. Все, что онъ дѣлаетъ, отзывается необыкновенною грубостью и жестокостью. Онъ живетъ въ домѣ своего воспитателя, ненавидитъ его, считаетъ себя въ правѣ покинуть этотъ домъ, но не покидаетъ, а только „протестуетъ", т. е. бранится. Онъ живетъ бокъ о бокъ съ товарищемъ своего дѣтства—дѣвушкой, въ него влюбленной, самъ ея не любитъ, но изъ дома опять-таки не уѣзжаетъ. Напротивъ, здѣсь же въ этомъ домѣ онъ ухаживаетъ за другой дѣвушкой, добиваясь ея любви. Когда ему это удается, а Татьяна пробуетъ отравиться, онъ чувствуетъ себя какъ ни въ чемъ не бывало, съ глазъ злополучной дѣвушки не уѣзжаетъ, наоборотъ, именно около нея, больной, онъ и „улыбается мечтательно" по поводу сраженія съ дубиноголовымъ начальникомъ. Именно около нея, изнывающей и больной, онъ и развиваетъ свою философію: „тому помѣшать, этому—помочь... вотъ въ чемъ радость жизни!" Во всей пьесѣ онъ самый несомнѣнный „мѣщанинъ" духа и самое несомнѣнное опроверженіе всѣхъ тенденцій своего автора относительно бодрыхъ людей въ жизни. Бодрость Нила не бодрость лучшихъ людей, это бодрость мелочного, черстваго и жестокаго человѣка, какъ правильно характеризуетъ Нила злополучная Татьяна. И вопросъ о „гущѣ жизни" остался открытымъ, какъ былъ.

Впрочемъ, чудо въ литературной дѣятельности Максима Горькаго впереди. Оно—„На днѣ". На этотъ разъ авторъ вопросу: „что дѣлать" участникамъ комедійнаго дѣйства въ жизни?—далъ совершенно неожиданное освѣщеніе,—вольно или невольно. Въ гущу жизни никто не рвется, хотя въ этой жизни горя рѣченька бездонная. Вопросъ идетъ уже не о томъ, какъ вычерпать эту рѣку, а какъ выдержать ее, какъ жить около нея? Оказалось, увы! что въ жизни есть не только оскорбленные, но и униженные, которые не въ состояніи реагировать на оскорбленіе именно потому, что они унижены. И авторъ изъ всей многообразности жизни рѣшилъ вопросъ объ одной этой группѣ. Нужно жалѣть ихъ. Нужно защитить въ нихъ человѣка. Нужно лгать, но заставить ихъ вѣрить въ то, что они не унижены. Ибо иначе нельзя будетъ имъ жить. Это та ложь, которая спасла душу солгавшаго, какъ разсказывается въ житіи св. Варвары. Это та ложь, которую считаетъ обязательной для себя врачъ у постели умирающаго. Но развѣ это рѣшеніе задачи: что дѣлать? Развѣ это побѣда надъ жизнью, а не пораженіе?

Гдѣ же причины для ѣдкихъ словъ по адресу доисторической интеллигенціи, когда во всей пьесѣ нѣтъ ничего, кромѣ

„жалѣнія“ человѣка, т. е. тѣхъ самыхъ мотивовъ, которые были такъ свойственны отрицаемому времени—до начала настоящей русской исторіи. „Человѣкъ — это гордо звучитъ“, — вѣдь это только въ принципѣ, въ разсужденіяхъ Сатина. Ужъ какая тутъ гордость, когда нужно лгать, чтобы человѣкъ могъ выносить свое человѣческое существованіе!

Жаль, страшно жаль, Яго!

вотъ все, что выноситъ зритель изъ театральной залы, послѣ „На днѣ“.

Таковъ неожиданный финалъ гордыхъ словъ о человѣкѣ, разбросанныхъ въ шести томикахъ сочиненій Максима Горькаго... То, что есть, — какъ оно не похоже на то, что нужно и что должно бы быть, чтобы слова „человѣкъ—это гордо звучитъ“ не звучали горькой ироніей.

III.

Но ничто, быть можетъ, не подчеркиваетъ своеобразной двойственности настроеній русскаго общества, какъ успѣхъ Леонида Андреева наряду съ успѣхомъ Максима Горькаго. Если у одного такъ красиво прозвучала нота „бодрости духа“ и „сильныхъ людей“, то у другого излюбленные мотивы: человѣкъ всегда одинъ, человѣкъ всегда безсиленъ. И это — характерныя особенности творчества Леонида Андреева, а не случайные мотивы въ его произведеніяхъ. А жизнь—что такое жизнь въ глазахъ Леонида Андреева? Развѣ можно придумать что-нибудь болѣе мрачное, чѣмъ его разсказъ „Стѣна“? Въ этомъ разсказѣ, какъ, впрочемъ, и во всѣхъ почти вещахъ Леонида Андреева, не хватаетъ простоты; лѣпка разсказа въ значительной степени страдаетъ вычурностью, авторъ подбираетъ изысканно-отталкивающія (если можно такъ выразиться) выраженія, чтобы передать вамъ ужасъ ночи, которая „никогда не уходитъ“, и стѣны, отдѣляющей міръ „прокаженныхъ“, голосъ которыхъ гнусавъ и дыханіе смрадно, отъ свѣтлаго міра, гдѣ нѣтъ безумныхъ, убивающихъ другъ друга. Дѣйствительно ли существуетъ этотъ желанный міръ,— никому изъ прокаженныхъ неизвѣстно. Можетъ быть, только „дураки думаютъ, что тамъ свѣтло. А тамъ тоже темно, и тоже ползаютъ прокаженные и просятъ: убейте насъ“. Тѣмъ не менѣе, прокаженнымъ за эту стѣну „нужно“ проникнуть. Нужно. Кровавая пѣна на стѣнѣ—слѣды сдѣланныхъ попытокъ. Иногда, *въ ослѣпленіи вѣры*, прокаженнымъ кажется, что стѣна начинаетъ дрожать. Но только въ ослѣпленіи вѣры. „На самомъ дѣлѣ, неподвижна и высока была стѣна, и равнодушно отражала она вой прокаженныхъ), пластами рѣзавшій и пронизывающій густой

зловонный воздухъ". Только въ ослѣпленіи. „Быть можетъ, то слезы дрожали въ нашихъ глазахъ, а мы думали, что сама стѣна"... Но вѣдь нужно же что-нибудь дѣлать? Эту задачу взяли на себя два „дурака". Одинъ черезъ извѣстные промежутки времени ударялъ объ стѣну лбомъ и падалъ, потерявъ сознаніе, а другой серьезно смотрѣлъ на него, щупалъ рукой его голову, а потомъ стѣну и, когда тотъ приходилъ въ сознаніе, говорилъ:

— Нужно еще; теперь немного осталось.

Такова сущность жизни въ символическомъ изображеніи Л. Андреева.

Можетъ ли быть что-нибудь страшнѣе по замыслу? Вѣдь это въ буквальномъ смыслѣ отчаяніе человѣка за человѣка, отчаяніе за жизнь, гдѣ „нельзя понять, какъ это случалось, но радостно оскаленные зубы начинали щелкать, поцѣлуи становились укусами и съ визгомъ, въ которомъ еще не исчезла радость, мы начинаемъ грызть другъ друга и убивать".

Впечатлѣніе ужаса отъ „Стѣны" смягчается только преувеличенными выраженіями. Возьмемъ хотя бы изображеніе ночи. Вмѣсто унылой ночи у Надсона, которая „черезчуръ ужъ темна", у Леонида Андреева ночь усталая, задыхающаяся и угрюмая, которая глухо и тяжко стонетъ и съ каждымъ вздохомъ „выплевываетъ изъ нѣдръ своихъ острый и жгучій песокъ, отъ котораго мучительно горятъ раны и язвы". Глаголъ „плюнуть" ему кажется особенно стильнымъ по отношенію къ этой вѣчной ночи, и онъ трижды употребляетъ этотъ эпитетъ, говоря о ночи... Потомъ ночь у Л. Андреева начинаетъ „грозно хохотать, покачивая своимъ сѣрымъ пятнистымъ брюхомъ, старыя лысыя горы подхватываютъ этотъ сатанинскій (какъ это мелодраматично звучитъ!) хохотъ, а мрачно развеселившаяся стѣна начинаетъ *шаловливо* ронять камни, которые дробятъ головы и расплющиваютъ тѣла". Не будь этой вычурности въ стилѣ разсказовъ Л. Андреева, они производили бы болѣе цѣльное и сильное впечатлѣніе. А теперь нехудожественность многихъ деталей ослабляетъ (къ счастью для читателя) это впечатлѣніе.

Тѣмъ не менѣе, впечатлѣніе достаточно мрачно. И оно, по нашему мнѣнію, ставитъ вопросъ о тенденціи въ разсказахъ „Въ туманѣ" и „Бездна" на вполнѣ опредѣленную почву. Всѣмъ памятенъ тотъ горячій бой, который завязался между „друзьями" и „врагами" Л. Андреева по поводу разсказа „Въ Туманѣ". Чего-чего только не было сказано въ пользу и въ поношеніе автора этого разсказа. Одни видѣли въ немъ обличеніе родительскаго недосмотра и родительскаго отдаленія отъ дѣтей. По ихъ словамъ, Павелъ Рыбаковъ „вполнѣ типичный, нормальный юноша, какихъ по меньшей мѣрѣ 99 на 100"... Онъ встрѣтилъ на улицѣ большого города то, „что послужило началомъ его паденія и что *неизбѣжно* должно было довершить его гибель".

Отвѣтственность за это всецѣло ложится на родителей, которые боятся грязи, боятся правды и предпочитаютъ вѣрить, что все обстоитъ благополучно, хотя и знаютъ, что это ложь. Въ результатѣ между ними и дѣтьми въ трудныя минуты ихъ жизни та пропасть, которая отдѣляла Павла Рыбакова отъ его отца и которая создала благопріятныя условія для ужаснаго конца злополучнаго юноши, представителя „огромнаго большинства“ нашихъ дѣтей.

Другіе видѣли въ Леонидѣ Андреевѣ только циника, который смакуетъ, именно смакуетъ, нѣкоторыя подробности своего разсказа.

Ярче всего это отношеніе къ автору выразилось въ одномъ четверостишіи, найденномъ нами на библіотечномъ экземплярѣ журнала „Для всѣхъ“ съ разсказомъ Л. Андреева.

Баркова тѣнь меня усыновила
И геніемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня журналы возмутила
И въ жертву мнѣ разсудокъ обрекла!..

Это, конечно, преувеличеніе! Смакованія со стороны Л. Андреева въ разсказѣ нѣтъ. Но неправильно приписывать ему и гигіенически-педагогическія тенденціи. Не странно ли, что въ большинствѣ случаевъ этотъ разсказъ разбирали безъ связи съ „Бездной“? Ну, въ одномъ случаѣ плохой примѣръ, нездоровыя условія, настоятельныя требованія организма, дурно направленныя. А въ другомъ случаѣ—въ „Безднѣ“? Вѣдь тамъ аналогичныхъ причинъ нѣтъ или онѣ не при чемъ!.. Вспомните.—Шли двое. „Уже кончался день, а они двое все шли, все говорили и не замѣчали ни времени, ни дороги... Разговоръ ясный, задушевный и тихій лился спокойнымъ потокомъ и былъ все объ одномъ: о силѣ, красотѣ и безсмертіи любви... И, какъ и рѣчь, все у нихъ было молодое, красивое и чистое... Даже въ простыхъ словахъ у нихъ (прибавляетъ авторъ) звучала задумчивая нѣжность, какъ звенитъ ручей въ тихую весеннюю ночь, когда не весь еще снѣгъ сошелъ съ зеленыхъ полей“.

Все это такъ не похоже на Павла Рыбакова въ „Туманѣ“, у котораго слово „женщина“ выжжено огненными буквами въ мозгу. Тѣмъ не менѣе, результатъ одинъ и тотъ же. Стоило нѣсколькимъ негодяямъ напасть на этихъ чистыхъ людей, напоминавшихъ автору ручей въ весеннюю ночь, стоило имъ свершить самое гнусное, что доступно звѣрю въ человѣкѣ,—какъ этотъ юноша, только что разговаривавшій о безсмертной любви и красотѣ, только что цитировавшій слова:

„И со мною снова та, кого люблю, отъ которой скрылъ я, не сказавъ ни слова, всю тоску, всю нѣжность, всю любовь мою“...

пользуется плодами совершеннаго преступленія и идетъ по слѣдамъ совершившихъ его. „Черная бездна поглотила его“...

Чѣмъ собственно отличается отъ первоначальныхъ преступниковъ Нѣмовецкій? Только тѣмъ, что звѣрь у него въ душѣ сначала спалъ, убаюканный разговорами о безконечности, красотѣ и безсмертіи, а у нихъ совсѣмъ не спалъ, и они повиновались ему. И, быть можетъ, герои эти въ стилѣ сахалинскихъ разсказовъ г. Дорошевича даже выше Нѣмовецкаго въ моральномъ отношеніи. Они были пьяны, когда совершали гнусность. У Нѣмовецкаго этого оправданія нѣтъ.

Разгадка вся въ томъ, что рѣчь идетъ все о томъ же мірѣ „прокаженныхъ, у которыхъ нельзя понять, какъ поцѣлуи смѣняются укусомъ и какъ они начинаютъ грызть другъ друга и убивать". Авторъ вѣритъ только въ „стѣну", которая окружаетъ прокаженныхъ „несокрушимой громадой".

Такъ или иначе, но едва ли въ русской художественной литературѣ существуетъ что-либо болѣе мрачное. Вѣчная борьба духа и плоти въ цитированныхъ разсказахъ пріобрѣтаетъ характеръ вѣчнаго торжества плоти надъ духомъ! И вѣдь какая плоть: безъ малѣйшей красоты, безъ малѣйшей привлекательности, безъ малѣйшаго оправданія своей власти и торжества. Тѣмъ не менѣе, исходъ борьбы съ ней заранѣе предопредѣленъ, не смотря на то, что духъ вооруженъ всѣмъ, чѣмъ можетъ быть силенъ человѣкъ. Тутъ и молодость, для которой такъ близки интересы духа, тутъ и юношеская любовь къ чистой дѣвушкѣ... И все это ничто въ сравненіи съ велѣніями зоологической плоти. Злополучный герой „Въ туманѣ" будетъ повторять имя любимой дѣвушки и въ то же самое время „впиваться" губами въ грязное, несчастное, продажное тѣло, разящее запахомъ только что выпитой водки...

При такихъ условіяхъ легко можетъ придти въ голову, что

Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже
Насъ возвышающій обманъ.

Къ счастью, здѣсь низка не истина, здѣсь низокъ „обманъ". Неужели, въ самомъ дѣлѣ, у „99 изъ 100" нашихъ юношей слово „женщина" вырѣзано въ мозгу такими же огненными буквами, какъ у Павла Рыбакова? Другими словами: неужели „99 изъ 100" похожи на героя „Бездны"?...

Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что такія вещи, какъ „Бездна" и „Въ туманѣ", не имѣютъ правъ на существованіе въ литературѣ. Отрицать право автора говорить то, что онъ думаетъ о человѣкѣ только потому, что это оскорбительно для человѣка,—конечно, странно... Разъ онъ искрененъ, вопроса о правѣ не можетъ быть. Вѣдь онъ и самъ именуетъ „стѣну" — *подлою*. Гдѣ же взять для нея краски, которыя дѣлали бы картину не подлою?

Съ точки зрѣнія „отдѣльныхъ нотъ", различаемыхъ въ жи-

вомъ шумѣ русской жизни, эти вещи г. Л. Андреева представляютъ особый интересъ. Именно потому, что онѣ написаны въ „подлыхъ" краскахъ и все же не оказались чуждыми настроенію читателя... Оказался какой-то скрытый уголокъ въ его душѣ, и г. Л. Андреевъ нашелъ доступъ именно въ этотъ скрытый уголокъ. Какъ бы ни велика была роль внѣшнихъ причинъ въ успѣхѣ г. Л. Андреева, исключительно этими внѣшними причинами объяснить интересъ къ его мрачному творчеству вообще и этимъ „подлымъ" изображеніемъ человѣка въ частности, очевидно, нельзя. Порукой въ этомъ служатъ хотя бы тѣ благодарственныя письма—въ томъ числѣ отъ молодежи—которыя печатались въ свое время, въ которыхъ автору выражалась горячая признательность за правдивыя слова, за смѣлую готовность не скрывать правды, какъ бы ни была она горька... Но тогда какую же цѣну имѣетъ въ глазахъ этихъ читателей человѣкъ, какъ матеріалъ для осуществленія царства человѣчности на землѣ?

. . . .

Чеховъ со своимъ горькимъ невѣріемъ въ жизнь... Его антиподъ — Горькій, поэтъ радости бытія и вѣры въ силу человѣка измѣнить жизнь, и, наконецъ, Л. Андреевъ, оцѣнивающій моральную силу человѣческой личности величиной, которая немногимъ больше нуля, — всѣ они любимые писатели! Всѣ владѣютъ вниманіемъ аудиторіи! Естественнымъ является вопросъ: кто же изъ этихъ разныхъ писателей *ближе* отвѣчаетъ читательскому настроенію? И что же въ концѣ концовъ „будутъ играть музыканты"?

А. Е. Рѣдько.

Изъ Англіи.

„Nous sommes entourés d'hommes plus fort que nous: ils peuvent nous nuire de mille manières différentes; les trois quarts du temps ils peuvent l faire impunément".
Montesquieu. Lettres Persanes *).

I.

Старинная поговорка гласитъ „Summum jus, summa injuria". Опытъ, накопленный всѣмъ человѣчествомъ, свидѣтельствуетъ, что „безусловно осуществленное право" суда дѣйствительно приводило къ „высшему безправію". Устная и письменная литература всѣхъ народовъ говоритъ о судебныхъ ошибкахъ. На этомъ

*) „Мы окружены людьми, которые сильнѣе насъ. Они имѣютъ тысячи различныхъ способовъ вредить намъ и въ большинствѣ случаевъ могутъ сдѣлать это безнаказанно".

построенъ рядъ сказокъ, средневѣковыхъ легендъ и пр. Въ дѣтствѣ еще мы оплакивали судьбу Гассана-Аль-Бассри, бальсорскаго купца, заключеннаго въ Багдадѣ въ тюрьму за преступленіе, котораго не свершалъ. Взглядъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, причитаній и сказокъ на возможность судебныхъ ошибокъ извѣстенъ: крестьянскому міровоззрѣнію всякое судебное производство кажется одною сплошною неправдою. „Не къ лицу тебѣ родитель,—говоритъ вопельница въ „Причитаніяхъ сѣвернаго края", собранныхъ Е. В. Барсовымъ, — што таскаться по избамъ тебѣ по земскіимъ, у стола стоять, родитель, у судебнаго, супротивъ стоять *судей неправосудныхъ*". Производящій слѣдствіе рисуется такъ въ тѣхъ же причитаньяхъ. „Исусовой молитовки не творитъ да тутъ, не кладетъ да онъ креста по писанному... Во потай у недоростковъ онъ вывѣдываетъ, ужъ нѣтъ-ли гдѣ корыстнаго дѣлишечка. Да онъ такъ же надъ крестьянствомъ надругается, быдто въ родѣ человѣкъ, какъ некрещеной. Онъ затопае ногами во дубовой полъ, онъ захлопае руками о кленовой стулъ, онъ въ походню по покоямъ запохаживае, точно вихорь во чистомъ полѣ полетывае, быдто звѣрь да во темномъ лѣсу покрикивае". Только при наличности „Summa injuria" могли сложиться такія классическія сказки, какъ про Ерша Щетинникова или про Шемякинъ судъ.

„Въ великой Россіи,—говоритъ хронографъ,—на *всякаго судію* и восхитника въ укоризнахъ прозвася Шемякинъ судъ". Послѣдствіемъ глубокаго недовѣрія къ правящимъ судъ явилось воззрѣніе на всѣхъ пострадавшихъ отъ него, какъ на несчастныхъ. Что такое воззрѣніе обусловливается только недовѣріемъ къ командующимъ классамъ, а не особенной жалостливостью, мнѣ кажется, подтверждается слѣдующимъ фактомъ. Сибирскіе крестьяне охотно подавали шаньги и хлѣбъ бродягамъ, которыхъ называли несчастными. Но стоило только кому-нибудь изъ „летучей команды" учинить какое-нибудь „качество" въ деревнѣ, напримѣръ, украсть, какъ все населеніе устраивало облаву, ловило бродягу и зачастую тутъ же въ тайгѣ предавало жестокой смерти. Въ 1887 г., по старому этапному пути изъ Томска въ Иркутскъ, я слышалъ отъ бывалыхъ бродягъ не мало страшныхъ разсказовъ подобнаго рода...

Не только народная устная литература богата разсказами про судебныя ошибки. Вспомнимъ, напр., „Богъ правду видитъ да не скоро скажетъ", которую Л. Н. Толстой въ статьѣ „Что такое искусство" признаетъ своимъ лучшимъ произведеніемъ. Митя Карамазовъ—тоже жертва судебной ошибки. Но еще больше примѣровъ доставляетъ намъ живая жизнь. Нѣкоторыя судебныя ошибки стали историческими событіями. Таково, напримѣръ, дѣло несчастнаго Жозефа Лезюрка, осужденнаго и казненнаго въ концѣ XVIII вѣка. Черезъ два года былъ арестованъ и казненъ настоящій виновникъ преступленія. Таково дѣло Жана Каласа, колесо-

ваннаго въ 1762 г. по приговору тулузскаго парламента. Вдова Каласа перебралась черезъ Юрскія горы и явилась къ Вольтеру молить о защитѣ. Участіе Вольтера въ реабилитаціи памяти казненнаго смываетъ совершенно всѣ пятна съ репутаціи знаменитаго писателя. Переписка его за 1762—1765 гг.. поражаетъ насъ тою энергіею, которую затратилъ Вольтеръ тогда. Гельвеція, Дамилявиля, всѣхъ убѣждаетъ онъ „вопить и бить въ набатъ по поводу дѣла Каласа". Вольтеру говорили, что казнь невиннаго Каласа, конечно, ужасна; но стоитъ ли поднимать по этому поводу всю Францію, весь образованный міръ, когда мы привыкли на еще болѣе страшныя вещи смотрѣть, какъ на вполнѣ нормальное явленіе. Въ самомъ дѣлѣ,—говорили Вольтеру,—что такое юридическое убійство одного человѣка, когда существуютъ войны, во время которыхъ гибнутъ десятки тысячъ людей. На это Вольтеръ отвѣтилъ:

„Юридическое убійство Каласа, свершенное 9 марта 1762 г., представляетъ одно изъ самыхъ поразительныхъ преступленій и достойно вниманія какъ современниковъ, такъ и потомковъ. Люди быстро забываютъ полки солдатъ, погибшихъ на полѣ битвы, не только потому, что такое убійство фатально неизбѣжно на войнѣ, но и потому, что они имѣли оружіе въ рукахъ. Погибая отъ руки непріятеля, они могли защищаться и въ свою очередь причинить смерть. Тамъ, гдѣ шансы равны и гдѣ опасность одинакова съ выгодой, даже сама жалость нѣсколько смягчается. Но если отецъ семейства становится жертвой страшной ошибки, предубѣжденія или фанатизма; если отнимающіе у него жизнь рѣшительно ничѣмъ не рискуютъ; если они судебнымъ приговоромъ безжалостно могутъ отнять у невинно-осужденнаго жизнь, — тогда раздается вопль общественнаго негодованія. Каждый тогда страшится за свою собственную участь. Каждый убѣждается, что его жизнь не гарантирована, что ее можетъ по ошибкѣ отнять трибуналъ, обязанность котораго именно охранять гражданъ. И тогда всѣ голоса сливаются въ одинъ вопль о мщеніи" *).

Въ наше время весь громадный міръ волновался по поводу судебной ошибки, которая свѣжа еще въ памяти. Все это—„историческія" судебныя ошибки. Каждый юристъ, каждый сталкивавшійся съ тюремнымъ міромъ знаетъ, что невинно осужденные представляютъ совсѣмъ не исключительное явленіе. Только изрѣдка, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, напр., какъ въ дѣлѣ Дрейфуса, публика узнаетъ про такія ошибки.

Анализируя извѣстные факты судебныхъ ошибокъ послѣдняго времени, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію. Старинное положеніе, что отъ тюрьмы не слѣдуетъ зарекаться, еще не утратило значенія даже въ культурныхъ государствахъ. Въ каждомъ

*) *Vortaire*, „Traité sur la Tolérance", Chapitre I.

обществѣ существуютъ внѣ прямого контроля гражданъ институты, спеціальность которыхъ раскрывать преступленія. Члены этихъ институтовъ никогда не сознаются въ сдѣланной ошибкѣ. Изъ чувства корпоративнаго самолюбія они скорѣе будутъ содѣйствовать тому, чтобы въ тюрьмѣ сидѣлъ невинно осужденный, чѣмъ скомпрометировать собственную проницательность. И это возможно при самой совершенной системѣ суда, разъ корпорація, производящая предварительное слѣдствіе, стоитъ внѣ прямого общественнаго контроля.

II.

Апрѣль 1903 г. Тѣсная, темная и грязная зала, которая кажется заплеванннoй, какъ бы ее ни чистили, мрачна, не смотря на погожій день. Въ каминѣ, противоположномъ входу, нѣсколько подмостокъ. Это—Old Bailey, знаменитая палата лондонскаго уголовнаго суда, находившаяся до начала этого года рядомъ съ ньюгэтской тюрьмой, въ которой казнено нѣсколько сотенъ людей. Когда-то, въ ночь передъ казнями, передъ воротами тюрьмы, гдѣ сооружалась висѣлица, собиралась громадная толпа бродягъ, проститутокъ, воровъ и блазированныхъ богачей. Они пьянствовали, пѣли, плясали и ругались до разсвѣта, покуда съ колокольни противъ тюрьмы раздавался погребальный звонъ по человѣку, который въ этотъ моментъ былъ еще живъ. Когда открывалась калитка въ *debtor's gate* и показывался связанный по рукамъ и ногамъ осужденный,—пьяная толпа встрѣчала его криками, свистками, циничными ругательствами, смѣшивавшимися съ звуками похороннаго колокола. Иногда осужденный падалъ въ обморокъ. Толпа тогда не только свистѣла, но принималась швырять комки грязи. Иногда то былъ мужественный человѣкъ, владѣвшій своими нервами. Въ такомъ случаѣ, поднимаясь на эшафотъ, онъ бросалъ толпѣ мрачную шутку или грубое ругательство. Тогда толпа апплодировала и кричала „ура". Страшную картину толпы, дожидающейся казни, дали намъ Смолетъ (*Родерикъ Рэндолъ*), Фильдингъ (*Джонатанъ Уайльдъ*), затѣмъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ—Диккенсъ (*Оливеръ Твистъ*). Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ блестящій французскій публицистъ и историкъ писалъ: „Огромная толпа, возбужденная до чрезвычайной степени и распаленная любопытствомъ, еще задолго до совершенія казни, наводняла площадь передъ воротами тюрьмы. Все это вѣдь такъ просто: при входѣ у кассы театра всегда стоитъ рядъ зрителей, когда назначена хорошая пьеса; но какъ провести время до появленія палача, что соотвѣтствуетъ поднятію занавѣса на сценѣ? Спать? Нельзя. Не потому, что приходится спать подъ открытымъ небомъ, а потому, что ожиданіе большаго удовольствія прогоняетъ сонъ. Поэтому время проводилось въ

питьѣ, въ пѣніи, въ перебранкахъ и шуткахъ... Вѣшанье, имѣющее цѣлью устрашать преступниковъ примѣромъ, сдѣлалось спектаклемъ, который какъ будто нарочно назначенъ для практики всѣхъ воровъ, мошенниковъ и плутовъ столицы: они это знаютъ и потому спѣшатъ почтить это мѣсто своимъ присутствіемъ. Огромное скопленіе народа и давка, происходящая при этомъ, доставляютъ ворамъ, кромѣ назидательнаго примѣра, еще прекрасный случай собрать порядочную добычу кошельковъ, часовъ и платковъ" *).

Затѣмъ казни перенесли въ стѣны тюрьмы, въ особый амбаръ, *shed*, куда не допускали даже представителей печати. Тѣмъ не менѣе, въ утро казни за стѣнами ньюгэтской тюрьмы всегда дожидалась толпа, чтобы послушать погребальный звонъ по живому еще человѣку и посмотрѣть на черный флагъ, который поднимутъ надъ крышой, когда врачъ констатируетъ смерть осужденнаго. Въ этомъ году старинная ньюгэтская тюрьма, стоявшая въ сердцѣ Сити, разрушена. Казни перенесены въ другую тюрьму, но судъ, *Old Bailey*, такой же страшный и мрачный, какъ и сто лѣтъ тому назадъ, остался.

Мы въ залѣ суда. Засѣданіе еще не начиналось. Въ загородкѣ для печати идутъ спѣшныя приготовленія. Три-четыре десятка старыхъ и совсѣмъ молодыхъ репортеровъ спѣшно чинятъ карандаши. Процессъ, который долженъ закончиться сегодня, волнуетъ лондонцевъ. Вечернія изданія газетъ берутся съ боя. Залъ суда покуда еще пустъ. Суетливо пробѣгаютъ порой молодые люди въ черныхъ мантіяхъ и въ сѣдыхъ парикахъ съ косичками. Это—начинающіе адвокаты, изучающіе „прецеденты". Въ Англіи юриспруденція изучается не въ университетахъ, а въ канцеляріяхъ адвокатовъ и въ судебныхъ палатахъ. Искусство заключается въ томъ, чтобы постичь возможно больше „прецедентовъ". Адвокатская этика здѣсь крайне растяжима и не особенно далеко ушла отъ той, которую описываетъ Свифтъ. Въ залахъ суда начинающіе адвокаты выискиваютъ иногда „briefs"—т. е. практику. Обильную жатву доставляютъ имъ процессы, порожденные нарушеніемъ обѣщанія жениться. Молодые адвокаты выискиваютъ такіе процессы и берутъ ихъ „исполу". Залъ сталъ наполняться публикой. Указываютъ на видныхъ генераловъ, литераторовъ, художниковъ и общественныхъ дѣятелей. Процессъ—громкій и породилъ безчисленные толки. Скамьи для присяжныхъ заняты уже. Тамъ, большею частью, ничего не выражающія лица, совершенно бритыя или усатыя. Или, вѣрнѣе сказать, на этихъ лицахъ застыло одно выраженіе: „скорѣе бы отдѣлаться и за работу въ контору или въ лавку". Преобладающее большинство присяжныхъ клэрки или лавочники. Вотъ въ залѣ все затихло.

---

*) *Louis Blanc*, „Lettres sur l'Angleterre".

Судебный приставъ,—*Usher*—широко распахнулъ двери и отскочилъ въ сторону. Вошелъ, медленно ступая, главный судья, lord chief justice, въ сѣдомъ парикѣ и въ длинной мантіи, обшитой гарностаемъ. Судъ—въ Сити, поэтому впереди судьи выступаютъ лордъ мэръ и два ольдэрмэна, тоже въ средневѣковыхъ малиновыхъ мантіяхъ, опушенныхъ мѣхомъ. Это не судьи-совѣтники, а только почетная свита. Въ Англіи дѣла разбираетъ одинъ судья. Лицо судьи какъ будто вырублено изъ камня. Никакого движенія нельзя уловить въ немъ. Глаза подъ густыми бровями тоже какъ бы каменные. Для человѣка съ такимъ лицомъ нѣтъ живыхъ людей, которыхъ волнуютъ радость или горе, а есть только болѣе или менѣе запутанные „прецеденты". Англійскіе судьи, какъ извѣстно, выбираются изъ наиболѣе талантливыхъ и знающихъ адвокатовъ. Чтобы сдѣлать ихъ вполнѣ независимыми, судей окружаютъ такимъ почетомъ, какъ нигдѣ на континентѣ. Они смѣнялись только за преступленіе. Колоссальное вознагражденіе должно сдѣлать подкупъ совершенно невозможнымъ. Теоретически, судья внѣ партій, хотя фактически, невольно, быть можетъ, для самого себя, онъ иногда отражаетъ взглядъ класса, къ которому принадлежитъ. Въ общемъ англійскіе судьи внушаютъ наблюдателямъ-иностранцамъ глубокое уваженіе своею безпристрастностью. Въ особенности это относится къ тѣмъ, которые ведутъ уголовныя дѣла, хотя, конечно, возможны исключенія.

Главный судья опустился въ старинное черное кресло. Черезъ минуту, по данному знаку, ввели подсудимаго. Личность его—загадка для всѣхъ. Это—мужчина лѣтъ 38, съ энергичнымъ, сильнымъ, красивымъ лицомъ. Зовутъ его Чэпмэнъ. Онъ былъ хозяиномъ гостиницы. Одна изъ служившихъ у него подносчицъ, съ которой Чэпмэнъ былъ близокъ, умерла при обстоятельствахъ, заставившихъ заподозрить отравленіе. Вскрытіе показало присутствіе сурьмы. Чэпмэнъ былъ очень нѣженъ къ Модъ Маршъ (такъ звали умершую), на которой собирался жениться. Когда дѣвушка была больна, Чэпмэнъ ухаживалъ за ней и цѣлыя ночи просиживалъ у постели и самъ подносилъ лѣкарства. Чэпмэна арестовали, хотя онъ все время увѣрялъ, что ничего не знаетъ. Вспомнили затѣмъ, что онъ былъ женатъ дважды на подносчицахъ, тоже служившихъ у него. Обѣ жены умерли, поживъ съ мужемъ не болѣе года. Вырыли трупы, и вскрытіе обнаружило въ нихъ присутствіе сурьмы. Чэпмэна предали суду по обвиненію въ отравленіи трехъ женщинъ. Предварительное дознаніе въ Англіи производитъ Scotland Yard, т. е. слѣдственная полиція, которая собираетъ факты для суда. Чиновники Scotland Yard нашли у Чэпмэна нѣсколько медицинскихъ книгъ, между прочимъ, фармакопею, заложенную бумажкой на страницѣ, гдѣ говорится о дѣйствіяхъ сурьмы. Бумажка эта оказалась аптечной сигнатуркой, по которой выдана сурьма. На предварительномъ

допросѣ, который въ Англіи производится гласно, въ присутствіи присяжныхъ, защитника и публики, Чэпмэнъ отрицалъ свою вину. Онъ утверждалъ, что никогда не покупалъ сурьмы и никогда не закладывалъ страницы въ фармакопеѣ. Все это сдѣлали другіе, быть можетъ, полицейскіе изъ Scotland Yard.

Одинъ фактъ отравленія трехъ женъ сдѣлалъ бы процессъ громкимъ; но у сыщиковъ изъ Scotland Yard имѣлся въ запасѣ для публики еще болѣе сенсаціонный фактъ. Джорджъ Чэпмэнъ,—заявили сыщики, — не тотъ, за кого онъ себя выдаетъ. Онъ совсѣмъ не американецъ, а полякъ Северинъ Клоссовскій, который былъ сперва фельдшеромъ въ Калишѣ, а затѣмъ, въ восьмидесятыхъ годахъ, переселился въ Лондонъ. Полиція выставила двухъ свидѣтелей—цирульника, у котораго служилъ Клоссовскій, когда прибылъ въ Лондонъ, и полячку, на которой онъ былъ женатъ въ Россіи. Свидѣтели признали Чэпмэна, какъ Клоссовскаго (жена при этомъ ошиблась вначалѣ), хотя подсудимый категорически отрицалъ это тождество и упорно стоялъ на томъ, что онъ природный американецъ, отъ родителей ирландцевъ. Любопытно слѣдующее обстоятельство. Иностранцу возможно изучить въ совершенствѣ любой континентальный языкъ и говорить на немъ безъ малѣйшаго акцента. Не трудно также выучиться говорить по-англійски литературнѣе и правильнѣе, чѣмъ говорятъ многіе англичане; но крайне трудно отдѣлаться отъ всякаго акцента. Это обусловливается особенностью англійскихъ дифтонговъ, уловить тонкости которыхъ очень трудно и еще труднѣе передать. Англичанинъ, привыкшій къ своимъ дифтонгамъ, съ большимъ трудомъ отстаетъ отъ нихъ, когда учится иностранному языку. Англичанину такъ же трудно отдѣлаться отъ своего акцента, когда онъ говоритъ, напр., по-французски, какъ трудно русскому пріобрѣсти совершенно англійскій выговоръ. Чэпмэнъ, или Клоссовскій, говорилъ по-англійски абсолютно безъ всякаго иностраннаго акцента, если не считать американскаго „twang“ (скороговорка въ носъ). Магистратъ предалъ Чэпмэна-Клоссовскаго суду. И вотъ семь дней уже разбиралось его дѣло. Семь дней подсудимый держался удивительно стойко и категорически отрицалъ все. Въ тотъ день, когда я былъ въ судѣ, начались, наконецъ, пренія.

Представитель обвиненія (*совѣтникъ короля*,—какъ его называютъ) съ замѣчательной убѣдительностью принялся подбирать факты, говорящіе противъ подсудимаго. Каждый фактъ представлялъ своего рода гвоздь, которымъ совѣтникъ короля заколачивалъ въ гробъ живого еще человѣка. Газетные репортеры, передавая потомъ рѣчь, писали: „обвинитель снова соткалъ все обвиненіе и свилъ изъ отдѣльныхъ фактовъ петлю на шею Клоссовскому“. Иногда подсудимые не выдерживаютъ процесса „свиванія петли“ и падаютъ въ обморокъ, поэтому за спиной ихъ во

время рѣчи обвинителя стоятъ два дюжихъ ключника. Стояли они и за Чэпмэномъ-Клоссовскимъ, готовые подхватить его въ случаѣ обморока. Но подсудимый былъ, повидимому, человѣкъ твердый. Нѣсколько разъ лицо его блѣднѣло. Раза два волосатыя, широкія руки нервно дрожали; но затѣмъ лицо опять принимало спокойное, увѣренное выраженіе.

Обвинитель кончилъ. Въ залѣ многимъ въ этотъ моментъ припомнился стихъ изъ баллады Оскара Уайльда:

„That fellow's got to swing".

(Этотъ человѣкъ будетъ повѣшенъ). Но вотъ заговорилъ адвокатъ. Никакими сентиментальными мотивами средняго англійскаго присяжнаго пронять нельзя. Онъ желаетъ только знать: свершилъ ли такой-то преступленіе, или нѣтъ. Если свершилъ, то виновенъ, потому что мотивы совершенно не важны для зауряднаго англійскаго клэрка. Онъ одинаково скажетъ: „виновенъ" и отправитъ на висѣлицу человѣка, какія бы побужденія ни довели его до убійства. Адвокаты знаютъ это, конечно, и система защиты у нихъ только одна—отрицаніе. Рѣчь адвоката—мастерская. Онъ пытается оборвать каждую нить, сотканную обвинителемъ. Но, въ сущности, въ англійскихъ судахъ роль защитника кончается послѣ допроса свидѣтелей. Искусный адвокатъ ловкимъ перекрестнымъ допросомъ можетъ сбить опаснаго свидѣтеля, скомпрометировать его въ глазахъ присяжныхъ или умѣетъ вытянуть важное показаніе даже у опытныхъ полицейскихъ чиновниковъ. Во время пренія сторонъ, какъ я лично убѣдился, рядовые присяжные *никогда* не слушаютъ защитника.

Не трудно было убѣдиться, что адвоката съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ одинъ человѣкъ—Чэпмэнъ. По всей вѣроятности, доводы, приводимые защитникомъ, казались подсудимому неопровержимыми. Кровь опять прилила ему къ щекамъ. Повидимому, рѣчь пробудила въ немъ надежду. Но вотъ защитникъ окончилъ. Опять поднялся совѣтникъ короля и въ нѣсколько минутъ отъ всей защиты не осталось и слѣда. Чэпмэнъ опять поблѣднѣлъ. Судья съ каменнымъ лицомъ, холоднымъ, спокойнымъ тономъ сталъ резюмировать присяжнымъ все дѣло. Затѣмъ присяжныхъ увели въ совѣщательную комнату. Стемнѣло. Зажгли газъ. Взволнованные процессомъ зрители сбились въ кучки, предугадывая приговоръ. Многихъ волновалъ не исходъ,—они знали, что обвиненіе неминуемо, — а то, когда возвратятся присяжные. Есть ли время, чтобы побѣжать черезъ дорогу въ трактиръ обѣдать? По англійскимъ законамъ приговоръ присяжныхъ долженъ быть единогласный. Если хотя одинъ присяжный упорно стоитъ на своемъ, то остальные должны переубѣдить его, что можетъ затянуться на долго. Если присяжные не убѣдятъ товарища, то предстоитъ вторичный разборъ дѣла при новомъ составѣ суда.

Кто-то изъ журналистовъ предсказываетъ, что присяжные навѣрное будутъ долго совѣщаться, такъ какъ одинъ изъ нихъ—принципіально противъ смертной казни. Но вотъ черезъ двадцать минутъ раздается звонокъ изъ совѣщательной комнаты. Еще черезъ двѣ минуты судья, защитникъ, совѣтникъ короля и подсудимый на своихъ мѣстахъ. Рядомъ съ судьей стоитъ теперь новое лицо—тюремный капеланъ въ черной рясѣ, съ висящими рукавами,—гладкій, откормленный мужчина въ очкахъ, съ заботливо подстриженной бородой. За подсудимыхъ—два дюжихъ ключника, готовыхъ подхватить его въ любой моментъ.

— Gentlemen of the jury (господа присяжные), — раздается среди скованной тишины холодный голосъ главнаго судьи,—вынесли ли вы единодушный приговоръ?

— Да, — лаконически отвѣтилъ старшина, клэркъ какого-то большого банка.

— Признаете ли вы заключеннаго, стоящаго на подмосткахъ, виновнымъ или нѣтъ?

— Guilty! (виновенъ), — съ легкой дрожью въ голосѣ говоритъ старшина. Онъ знаетъ, что это слово означаетъ смерть. Я могу видѣть, что въ залѣ многіе поблѣднѣли. Чэпмэнъ пошатнулся слегка и конвульсивно ухватился за рѣшотку. Ключники бросились поддерживать его, но подсудимый оправился уже и смѣло взглянулъ на судью, когда тотъ спросилъ:

— Знаете ли вы причину, почему приговоръ надъ вами не долженъ быть произнесенъ?

— Только одну: я не виновенъ,—почти крикнулъ Чэпмэнъ.

По данному знаку подошелъ клэркъ и положилъ судьѣ на парикъ кусокъ чернаго сукна съ носовой платокъ, знаменитый *black cap*, т. е. черный колпакъ, означающій смертный приговоръ.

— Северинъ Клоссовскій,—началъ судья,—Господь надѣлилъ васъ недюжиннымъ умомъ и большою энергіею. Вы учились, читали. Но всѣ ваши таланты вы употребили на свершеніе подлаго, предательскаго, гнуснаго, жестокаго преступленія, въ которомъ вы теперь изобличены. За это я приговариваю васъ къ тому, чтобы васъ повѣсили и не снимали петли до тѣхъ поръ, покуда не наступитъ смерть. And my the Lord have mercy on your soul (И пусть Господь помилуетъ вашу душу).

— Аминь!—произнесъ черный капеланъ, сложивъ свои жирныя, пухлыя руки. Чэпмэнъ, или Клоссовскій, успѣлъ крикнуть только: „Я не виновенъ!“ Его подхватили ключники и поволокли ко входу, гдѣ дожидалась уже тюремная карета, или *Черная Марія*, какъ ее зовутъ. На улицѣ раздались свистки и улюлюканье толпы. Прежде, чѣмъ Чэпмэнъ доѣхалъ до тюрьмы, онъ могъ слышать уже, какъ мальчишки выкликали „экстра-спеціальныя изданія“ вечернихъ газетъ со смертнымъ приговоромъ.

Дѣло Чэпмэна произвело на меня страшное впечатлѣніе. Я

вышелъ изъ суда разбитый, подавленный. Я и теперь не знаю, что подумать объ этомъ дѣлѣ. Съ одной стороны—рядъ категорическихъ свидѣтельскихъ показаній, съ другой—категорическое отрицаніе до послѣдняго момента. Чэпмэнъ заявлялъ, что не причастенъ преступленію не только на судѣ, когда была надежда на оправданіе, но и потомъ, въ ожиданіи казни, когда приговоренный сидитъ

..... with silent men
Who watch him night and day;
Who watch him when he tries to weep,
And when he tries to pray;
Who watch him lest himself should rob
The prison of ist prey *).

Чэпмэнъ, или Клоссовскій, былъ вѣрующій католикъ и предъ смертью долго молился со своимъ духовникомъ. Между тѣмъ, стоя уже на эшафотѣ, Клоссовскій въ послѣдній разъ заявилъ то же самое, что и на судѣ.

„Все, что произойдетъ,—говоритъ онъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ, наканунѣ казни,—я приму, какъ наказаніе за мои грѣхи, но не за преступленіе, котораго не совершалъ... Вы слышали, что русская женщина, найденная полиціей, клялась на судѣ, что я—ея мужъ, Клоссовскій. Клянусь вамъ, я ее никогда не видалъ въ глаза“.

Казнь Чэпмэна сопровождалась однимъ эпизодомъ, который подалъ поводъ къ запросу въ парламентѣ. Когда осужденный, въ капюшонѣ и съ петлей на шеѣ, стоялъ на эшафотѣ, а палачъ готовился опустить подъемную дверь,—духовникъ крикнулъ:

— Северинъ Клоссовскій, на порогѣ вѣчности скажите, признаете ли вы свою вину или нѣтъ.

— Нѣтъ!—послышался хриплый голосъ.

Черезъ секунду трапъ подъ ногами осужденнаго былъ опущенъ. До послѣдняго времени многіе, которыхъ описаніе этой ужасной сцены выбило изъ равновѣсія, успокаивали себя тѣмъ, что показанія свидѣтелей установили виновность Клоссовскаго. Показанія эти были очень точны. Каждое изъ нихъ составляло отдѣльно звено въ длинной цѣпи. Теперь, когда дѣло Адольфа Бэка выплыло на свѣтъ и взволновало всю Англію, увѣренность публики не въ свидѣтельскія показанія, а въ безпристрастность тѣхъ, кто предварительно подбираетъ факты для обвиненія, сильно поколебалась. Прежде, чѣмъ изложить дѣло Бэка, посмотримъ, какъ подготовляется предварительное слѣдствіе въ Англіи. Судопроизводство здѣсь почти идеальное. Личность подсудимаго, по-

---

*) „Съ молчаливыми людьми, которые стерегутъ его днемъ и ночью. Они стерегутъ его, когда онъ пробуетъ плакать или пытается молиться. Они сторожатъ, чтобы осужденный самъ не отнялъ у тюрьмы ея добычу“. („The Ballad of Reading Gaol“, *Оскаръ Уайльдъ*).

видимому, гарантирована самой широкой гласностью, какъ на предварительномъ слѣдствіи (у магистрата), такъ и въ судѣ. Можно ли, однако, сказать, что собирающіе факты для обвиненія такъ же безпристрастны, какъ англійскіе судьи или магистраты?

III.

Предположимъ, свершено убійство и личность убійцы неизвѣстна. Дознаніе производится слѣдственной полиціей, чиновниками Scotland Yard. Полиція въ Англіи находится подъ непосредственнымъ общественнымъ контролемъ, т. е. прямо зависитъ отъ муниципалитетовъ; но Scotland Yard со своими инспекторами и *detectives*, т. е. сыщиками, представляетъ исключеніе, такъ какъ находится въ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ. Scotland Yard— единственная замкнутая корпорація въ Англіи, о дѣятельности которой общество знаетъ очень мало. Не разъ въ Англіи раздавались голоса, доказывавшіе, что всякая полиція, въ томъ числѣ Scotland Yard, разъ она не находится подъ прямымъ общественнымъ контролемъ, неизбѣжно превращается изъ слуги общества во врага его. Такъ говорила, между прочимъ, Джозефина Батлеръ, о которой я писалъ уже какъ то.

Scotland Yard поручаетъ разслѣдовать преступленіе какому нибудь „инспектору“, служащему въ развѣдочномъ департаментѣ (Criminal Investigation Department или, для сокращенія, „C. I. D.“). Инспекторъ приступаетъ къ дѣлу съ двумя или тремя подчиненными сыщиками. Эти желаютъ выслужиться предъ начальствомъ. Инспекторъ тоже хочетъ отличиться предъ начальникомъ Scotland Yard. Если преступленіе остается не раскрытымъ, это объясняютъ глупостью полиціи. Scotland Yard очень щекотливъ въ вопросахъ корпоративной чести, для защиты которой онъ, какъ мы увидимъ въ дѣлѣ Бэка, не останавливается предъ преступленіемъ.

Преступника нужно найти во чтобы то ни стало. Переодѣтые сыщики поселяются по сосѣдству и прислушиваются къ тому, что говорятъ различные Томсоны, Джонсоны и Смиты. Но въ Англіи каждый обыватель можетъ быть арестованъ только на основаніи судебнаго постановленія (warrant). Не позже, чѣмъ черезъ двадцать четыре часа послѣ ареста, обвиняемый приводится къ магистрату, т. е. на гласное слѣдствіе въ присутствіи публики и печати. Вотъ почему полиція прежде, чѣмъ произвести арестъ, должна имѣть какія-нибудь вѣскія улики. Если полиція задержитъ человѣка на основаніи слабыхъ уликъ, то магистратъ не только немедленно освободитъ заключеннаго, но обзоветъ еще полицію „глупой“ или „идіотской“. И это, конечно, сейчасъ же появится въ вечернихъ газетахъ. А Scotland Yard самолюбивъ. Вотъ почему инспекторъ, намѣтивъ предполагаемаго

преступника, старается предварительно собрать противъ него обвиненія, которыя удовлетворили бы магистрата. Разъ человѣкъ арестованъ, Scotland Yard, изъ чувства самолюбія, употребляетъ всѣ усилія, чтобы его не оправдали. „Если невиновный не будетъ освобожденъ послѣ перваго допроса,—читаемъ мы въ статьѣ свѣдущаго человѣка,—то съ каждымъ новымъ допросомъ шансы его на свободу уменьшаются, вслѣдствіе бдительности и усердія Scotland Yard. Разъ человѣкъ, обвиняемый въ серьезномъ преступленіи, сидитъ въ тюрьмѣ, полиція употребляетъ всѣ усилія, чтобы найти противъ него доказательства. Scotland Yard радъ показаніямъ противъ обвиняемаго, изъ какого бы источника они не исходили. Внѣ сомнѣнія фактъ, что полиція иногда „внушаетъ" свидѣтелю планъ показаній. Это обнаружилось, между прочимъ, во время суда надъ Кэнхэмомъ Ридомъ, обвинявшимся въ убійствѣ. Подсудимый, желая отдѣлаться отъ своей возлюбленной, вызвалъ ее телеграммой въ Саузсэндъ, застрѣлилъ ее въ глухомъ мѣстѣ, а тѣло спряталъ въ канаву. На разсвѣтѣ Кэнхэмъ Ридъ возвратился въ Лондонъ. Полиція, стремясь собрать факты противъ обвиняемаго, желала доказать, что онъ былъ въ извѣстный часъ дня на мѣстѣ преступленія. Съ этой цѣлью Scotland Yard выставилъ рядъ свидѣтелей, подобранныхъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Показанія этихъ свидѣтелей составили цѣлую цѣпь. Каждый изъ нихъ видѣлъ обвиняемаго въ разное время въ разныхъ пунктахъ той дороги, по которой, по предположенію полиціи, прошелъ Кэнхэмъ Ридъ. Между прочими свидѣтелями была старая женщина, которая подъ присягой показала, что видѣла подсудимаго, когда онъ проходилъ мимо ея коттеджа. Это показаніе должно было связать всѣ остальныя показанія и установить, что Ридъ былъ тамъ, гдѣ произошло убійство. Но на перекрестномъ допросѣ защитникъ установилъ, что показанія внушены старухѣ полицейскимъ инспекторомъ. Ридъ дѣйствительно убилъ дѣвушку, но прошелъ совсѣмъ другой дорогой, чѣмъ предположила полиція. Инспекторы, производя слѣдствіе, предлагаютъ свидѣтелямъ „наводящіе вопросы", вмѣсто того, чтобы безпристрастно выслушивать одну правду" *). Слова эти можно иллюстрировать такимъ примѣромъ. У инспектора, собирающаго факты относительно преступленія, есть теорія. Чтобы подтвердить ее, онъ не просто допрашиваетъ свидѣтеля, а задаетъ ему вопросъ: „Не видѣли ли вы такого то дня, въ такомъ-то часу человѣка съ такою наружностью? Подумайте. Вы, навѣрное, видѣли". Этотъ вопросъ задается тамъ, гдѣ всѣ сосѣди толкуютъ про преступленіе. Задавать такіе „наводящіе вопросы" свидѣтелямъ въ камерѣ магистрата или на судѣ строго воспрещено; но Scotland Yard, работающій внѣ общественнаго контроля, широко пользуется системой. Путемъ

*) «The Detective at work», *Daily Express*, September 2, 1904.

такихъ допросовъ полиція „препарируетъ" свидѣтелей для магистратовъ и судовъ. Самый ловкій и опытный адвокатъ не всегда собьетъ потомъ на перекрестномъ допросѣ такого свидѣтеля. Онъ съ глубокимъ убѣжденіемъ повторяетъ показаніе, на которое его навелъ опытный полицейскій чиновникъ.

Инспекторъ, производящій предварительное дознаніе, нашелъ предполагаемаго преступника. Англійскій законъ, охраняя интересы личности, требуетъ, чтобы свидѣтели узнали подсудимаго. Теоретически это должно произойти такъ. Приглашаютъ двѣнадцать прохожихъ, похожихъ другъ на друга, которыхъ вмѣстѣ съ обвиняемымъ посылаютъ гулять по тюремному двору. Свидѣтель долженъ указать въ толпѣ того, кого онъ оговорилъ. Практически это дѣлается не совсѣмъ такъ. Во-первыхъ, крайне трудно найти даже въ такомъ громадномъ городѣ, какъ Лондонъ, не то что двѣнадцать, а пять человѣкъ, вполнѣ похожихъ другъ на друга. Затѣмъ, нужно помнить, что за свидѣтелемъ отправляется полицейскій инспекторъ. „Иногда имъ приходится идти вмѣстѣ очень долго,—говоритъ авторъ цитируемой статьи.—Кто знаетъ, о чемъ говорятъ они по дорогѣ! Во всякомъ случаѣ, инспекторъ не молчитъ. Покуда свидѣтель прибываетъ въ тюрьму, онъ имѣетъ достаточно вѣрное представленіе о примѣтахъ человѣка, на котораго ему слѣдуетъ указать". Иногда инспекторъ, какъ это было въ дѣлѣ Бэка, показываетъ свидѣтелю обвиняемаго, когда онъ еще на свободѣ. Итакъ, обвиняемый узнанъ, о чемъ составляется протоколъ. Scotland Yard передаетъ собранные факты магистрату, который, въ свою очередь, послѣ слѣдствія, передаетъ дѣло суду. У магистрата и въ судѣ полицейскіе чиновники являются часто свидѣтелями и приводятъ мелкую прессу въ восторгъ точностью и обстоятельностью своихъ показаній. Разъ дѣло дошло до суда, Scotland Yard считаетъ вопросомъ корпоративной чести, чтобы присяжные вынесли тому человѣку, на котораго полиція указала, —обвинительный приговоръ. Предо мною только что вышедшая брошюра Джемса Таймуэлля „Police Work", о которой много говоритъ теперь печать. Возьму оттуда нѣсколько фактовъ. Въ Лондонѣ магистраты разсматриваютъ ежегодно около 200,000 дѣлъ,—говоритъ авторъ. Полиція подготовляетъ все такъ заботливо, что судъ работаетъ съ правильностью часового механизма. Опытный адвокатъ всегда можетъ точно опредѣлить, въ какомъ часу будетъ разбирательство такого то дѣла въ камерѣ магистрата. Нѣкоторые магистраты разбираютъ дѣла съ поразительной быстротой: въ округѣ Marylebone (сѣв. Лондона) въ девяносто минутъ разобрано семьдесятъ пять дѣлъ. Стремительность эта объясняется довѣріемъ магистратовъ къ полицейскимъ дознаніямъ. Авторъ категорически заявляетъ, что Scotland Yard руководствуется соображеніями, не имѣющими ничего общаго съ раскрытіемъ истины. Послѣдствіемъ является осужденіе не винов-

ныхъ. „Въ небольшихъ проступкахъ или преступленіяхъ,—говоритъ Таймуэлль,—нѣкоторые обвиняемые предпочитаютъ у магистратовъ признавать себя виновными, хотя ничего не сдѣлали. Въ такомъ случаѣ, они разсчитываютъ отдѣлаться маленькимъ штрафомъ шиллинговъ въ пять. Если бы они стали отрицать вину, возводимую на нихъ полиціей, послѣдняя стала бы подготовлять свидѣтельскія показанія. Въ такомъ случаѣ, штрафъ возросъ бы до пяти фунтовъ. Чиновники Scotland Yard никогда не остановятся предъ ложной присягой, когда нужно поддержать корпоративную честь". По словамъ Таймуэлля, Scotland Yard очень мстителенъ. Онъ всегда постарается крупно насолить тому, кто выступитъ на судѣ съ разоблаченіями дѣятельности инспекторовъ. Выводъ, къ которому приходитъ авторъ, таковъ. Scotland Yard долженъ быть подчиненъ, какъ полиція всѣхъ провинціальныхъ городовъ, непосредственному общественному контролю. Всякая замкнутая административная корпорація, дѣятельность которой не гласна, а полномочія не указаны точно, превращается неминуемо, въ концѣ концовъ, въ врага общества.

IV.

Вѣроятно, о дѣятельности Scotland Yard не говорили бы такъ много, какъ теперь; вѣроятно, не возникли бы лиги, поставившія цѣлью „mend or end" (измѣнить или покончить) съ сыскной полиціей, если бы не дѣло Адольфа Бэка. Заключается оно вотъ въ чемъ.

Въ 1877 г. нѣкто Джонъ Смитъ былъ осужденъ въ Old Bailey за то, что выманилъ у нѣсколькихъ уличныхъ женщинъ цѣнныя вещи. Приведу два показанія, данныхъ свидѣтелями во время процесса. „Я встрѣтила подсудимаго на улицѣ,—показала Луиза Леонардъ.—Онъ сказалъ, что напишетъ мнѣ. На другой день я дѣйствительно получила письмо. Затѣмъ ко мнѣ явился подсудимый и сказалъ, что онъ *лордъ Уилоби*, и что у него прекрасный *домъ* въ *St. John's Wood* (сѣв. Лондона)".—Дальше мы увидимъ значеніе подчеркнутыхъ словъ. Джонъ Смитъ сказалъ, что ищетъ экономку для себя. Его прежняя только что ушла, проживъ у него 15 лѣтъ. Онъ далъ ей пять тысячъ фун. стерл. Джонъ Смитъ составилъ списокъ вещей, которыя должна купить себѣ Луиза Леонардъ, и далъ ей *чекъ на Union Bank*. Онъ забралъ у Леонардъ нѣсколько колецъ, чтобы *по образцу ихъ заказать лучшія*. Когда Леонардъ явилась съ чекомъ въ Union Bank, ей сказали тамъ, что не знаютъ лорда Уилоби. Полицейскій инспекторъ Элисъ Сперрей показалъ, что арестовалъ подсудимаго на улицѣ по указанію обобранныхъ женщинъ (всѣхъ

ихъ было семнадцать) *). Представителемъ обвиненія былъ Фультонъ. Присяжные признали Джона Смита виновнымъ, и судья его приговорилъ къ пяти годамъ каторжныхъ работъ.

Въ началѣ 1896 г. поступилъ цѣлый рядъ заявленій отъ уличныхъ женщинъ, что ихъ обобралъ нѣкто, назвавшій себя *лордомъ Уилоби*. Онъ заводилъ съ женщинами знакомство подъ предлогомъ, что ищетъ экономку для своего *дома въ St. John's Wood*. Лордъ Уилоби составлялъ списокъ вещей, которыя нужны женщинамъ, и выдавалъ имъ *чеки на Union Bank*. Затѣмъ забиралъ кольца и браслеты, *чтобы по образцу ихъ сдѣлать лучшія*. Вотъ показаніе одной свидѣтельницы.

„Я вдова,—показала Фанни Нетъ. Мой мужъ умеръ годъ тому назадъ. Около шести часовъ вечера въ декабрѣ я проходила по улицѣ, когда ко мнѣ подошелъ назвавшійся лордомъ Уилоби.— Вы такъ молоды, а уже вдова, — сказалъ онъ. — Да, отвѣтила я, — мнѣ только двадцать одинъ годъ. — Разскажите мнѣ все про вашего мужа, и при какихъ обстоятельствахъ онъ умеръ? — Я разсказала, а лордъ Уилоби спросилъ потомъ, не можетъ ли онъ навѣстить меня? — Я дала свой адресъ. Лордъ Уилоби сказалъ, что въ этотъ вечеръ не можетъ зайти, такъ какъ долженъ быть на парадномъ обѣдѣ. Черезъ день лордъ Уилоби прислалъ мнѣ письмо, а еще черезъ день—пріѣхалъ въ кэбѣ самъ. Онъ сказалъ мнѣ, что имѣетъ прекрасный домъ въ *St. John's Wood* и спросилъ, хочу ли я быть его экономкой? Свою прежнюю экономку онъ только что разсчиталъ; она увезла съ собою гостинцевъ, деньгами и бриліантами, на 18 тысячъ фунт. стерл. Лордъ Уилоби предложилъ 5 фун. въ недѣлю. Онъ сказалъ, что скоро отплываетъ на своей яхтѣ на югъ Франціи... Лордъ Уилоби выглядывалъ настоящимъ джентельмэномъ. Одѣтъ онъ былъ отлично... Онъ сказалъ, что желаетъ составить списокъ вещей для меня и, дѣйствительно, записалъ платья, бѣлье, драгоцѣнныя вещи и часы, указавъ, въ какихъ магазинахъ мнѣ слѣдуетъ пріобрѣсти все. Затѣмъ онъ далъ мнѣ чекъ на пятнадцать гиней на Union Bank. Лордъ Уилоби спросилъ, имѣю ли я какія-нибудь цѣнныя вещи.

— Не особенно много,—отвѣтила я.—У меня только кольца.

— Дайте ихъ, мнѣ нужна мѣрка, чтобы заказать у ювелира лучшія.

Лордъ Уилоби сказалъ, что возвратитъ мнѣ кольца въ тотъ же день съ посыльнымъ, а самъ заглянетъ черезъ два дня. Когда онъ ушелъ, я не досчиталась еще брошки. Я поѣхала въ банкъ, но тамъ мнѣ сказали, что такого вкладчика у нихъ нѣтъ" **).

---

*) Central Criminal Court Session Paper, vol. LXXXVI, Part 511.

**) Central Criminal C. S. P. vol. CXXIII, Part 737.

Подробности дѣла должны были породить у инспекторовъ Scotland Yard предположеніе, что женщинъ въ 1896 г. обирало то же лицо, которое было осуждено въ 1877 г. Экспертъ, сличавшій почерки, показалъ, что счеты и чеки, выданные въ 1877 и въ 1896 г. г., написаны однимъ и тѣмъ же лицомъ. И вотъ полиція стала разыскивать Джона Смита.

Въ февралѣ 1896 г. инспекторъ изъ Scotland Yard, производившій предварительное дознаніе, арестовалъ инженера Адольфа Бэка, норвежца по происхожденію, прибывшаго въ Лондонъ изъ Южной Америки. Бэкъ протестовалъ. Онъ увѣрялъ, что ничего не знаетъ, ни въ чемъ не виновенъ, но у магистрата свидѣтелемъ противъ него выступилъ, между прочимъ, отставной полицейскій инспекторъ Элисъ Сперрей.

— Въ маѣ 1877 г., — показалъ онъ, — я находился въ судѣ, когда подсудимый, стоящій теперь здѣсь, былъ осужденъ въ каторжныя работы на пять лѣтъ за выманиваніе денегъ и вещей у различныхъ женщинъ.

— Обстоятельства дѣла были тогда такія, какъ и теперь?— спросилъ представитель обвиненія.

— Совершенно такія же во всѣхъ мелочахъ. Тогда противъ подсудимаго выступили семнадцать женщинъ съ одинаковыми жалобами. Въ 1877 г. подсудимый называлъ себя лордомъ Уилоби. То же имя онъ взялъ себѣ и теперь, въ 1896 г.

— Узнаете ли въ подсудимомъ Джона Смита?—спросилъ обвинитель.

— Да, я категорически заявляю, что Адольфъ Бэкъ и Джонъ Смитъ одно и то же лицо,—отвѣтилъ свидѣтель.

— Вы теперь въ отставкѣ,—началъ защитникъ,—и, вѣроятно, желаете мирно, съ спокойной совѣстью дожить свой вѣкъ. Готовы ли вы, поэтому, поклясться, что узнаете въ подсудимомъ Джона Смита?

— Да, я готовъ. Сомнѣнія быть не можетъ. Я самъ арестовалъ его.

Экспертъ высказалъ увѣренность, что письма, отобранныя у Бэка, написаны тѣмъ же почеркомъ, „хотя умышленно измѣненнымъ", что и чеки, выданные Джономъ Смитомъ *). Экспертъ подробно объяснилъ свою теорію „норвежскихъ" и „саксонскихъ" волосныхъ буквъ. Вышло непонятно, но за то „учено". Магистратъ нашелъ, что улики, собранныя полиціей противъ Бэка, достаточны, и предалъ его суду.

Адольфъ Бэкъ все время категорически отрицалъ свою вину. Scotland Yard, между тѣмъ, убѣдился, что гипотеза, будто Бэкъ и Смитъ одно и то же лицо — не можетъ быть доказана. Смитъ отбывалъ въ 1877—82 гг. срокъ въ каторжной тюрьмѣ, между

*) Sessions Paper. Vol. CXXIII, Part. 737.

тѣмъ Бэкъ готовъ былъ представить свидѣтелей (двухъ консуловъ и одного англійскаго офицера), которые видѣли его въ это время въ Перу, въ Южной Америкѣ. Смитъ—англичанинъ по рожденію и еврей по религіи. Между тѣмъ Бэкъ—христіанинъ, а по-англійски говоритъ очень плохо, съ невозможнымъ акцентомъ. Свидѣтельницы всѣ показывали, что приняли человѣка, обобравшаго ихъ, за англійскаго аристократа. Бэку стоило бы сказать два слова, чтобы въ немъ узнали иностранца. Но Scotland Yard именно потому и арестовалъ Бэка, что предположилъ въ немъ Смита, виновника преступленій 1877 г. Если бы на судѣ было доказано, что Бэкъ не Смитъ, то обвиненіе пало бы, и инспекторамъ Scotland Yard нужно было бы допустить, что они сдѣлали большую ошибку. Но Scotland Yard дорожитъ своимъ принципомъ необыкновенной проницательности. И вотъ составляется настоящій заговоръ, чтобы добиться осужденія Бэка. Судьей, по странной случайности, явился Фультонъ, тотъ самый, который обвинялъ Смита въ 1877 г. Онъ не дозволилъ касаться прецедентовъ. Бэку, поэтому, не дали возможности доказать, что онъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ былъ въ Перу. Вызваны были только свидѣтельницы, которыя показали, что узнаютъ въ подсудимомъ человѣка, обобравшаго ихъ. Теперь, когда дѣло вполнѣ выяснилось, когда король особой грамотой призналъ невиновность Бэка,—приходится только поражаться, перечитывая въ сборникѣ судебныхъ рѣшеній эти категорическія и совершенно лживыя показанія. Теперь за спиной этихъ уличныхъ женщинъ, дававшихъ подъ присягой такія точныя показанія, мы видимъ опытныхъ режиссеровъ. Невольно зарождается вопросъ: если въ странѣ съ такимъ совершеннымъ гласнымъ судомъ, какъ Англія, слѣдственная полиція можетъ выставить свидѣтелей, чтобы добиться осужденія невиновнаго, то что же можетъ случиться въ судахъ на континентѣ?

Приведу изъ „Sessions Papers“ показанія нѣкоторыхъ свидѣтельницъ.

— Въ мартѣ 1895 г.,—показала Джульета Клутъ,—я была съ маленькой сестрой въ Олимпіи (лондонскій циркъ). Подсудимый подошелъ и заговорилъ со мною. Я дала ему адресъ, и на другой день этотъ человѣкъ заѣхалъ ко мнѣ. Онъ сказалъ, что имѣетъ большой домъ въ St. John's Wood и просилъ придти къ нему когда-нибудь, чтобы поиграть на піанино его гостямъ. Я согласилась. Тогда онъ сказалъ, что я не достаточно хорошо одѣта, и составилъ списокъ вещей, которыя я должна купить. Я замѣтила, что у меня нѣтъ денегъ. „Ничего,—отвѣтилъ онъ,—вотъ вамъ чекъ на двадцать фунтовъ“. Мой гость положилъ чекъ въ конвертъ, запечаталъ и велѣлъ снести въ Union Bank. Затѣмъ лордъ Уилоби,—какъ назвался гость,—сказалъ, что подаритъ мнѣ нѣсколько цѣнныхъ вещей, если я ему дамъ кольцо для мѣрки.

Я дала колечко съ тремя небольшими алмазами, которое онъ обѣщалъ возвратить въ тотъ же день съ „однорукимъ посыльнымъ“. Больше лорда Уилоби я не видала. На другой день я пошла въ банкъ, но тамъ по чеку ничего не выдали. Затѣмъ я изъ газетъ узнала, что другихъ женщинъ тоже обманули. Я снеслась съ Scotland Yard и сообщила примѣты человѣка, который былъ у меня. Черезъ три мѣсяца меня вызвали въ полицію, и тамъ я узнала подсудимаго“. Свидѣтельница дальше показала, что узнала подсудимаго, такъ какъ онъ одинъ былъ сѣдой человѣкъ съ усами, въ числѣ выведенныхъ предъ нею. Прежде, чѣмъ свидѣтельница увидала въ полиціи подсудимаго, она „бесѣдовала немного объ этомъ дѣлѣ съ тремя господами, которые были тамъ“.

Свидѣтельница Кэтъ Брэкфилдъ показала, что ее обобралъ неизвѣстный господинъ аристократической наружности, назвавшій себя лордомъ Уилоби. Она заявила полиціи и потомъ узнала подсудимаго въ полиціи. До этого свидѣтельница видѣла портретъ арестованнаго въ еженедѣльной газетѣ. Брэкфилдъ, по ея словамъ, „много говорила о своемъ дѣлѣ съ чиновникомъ изъ Scotland Yard“.

— Въ ноябрѣ я проходила по улицѣ Викторіи,—показала свидѣтельница Оталія Мейсонье.—Вдругъ меня остановилъ подсудимый. Онъ приподнялъ свою круглую шляпу и спросилъ, не зовутъ ли меня лэди Ивертонъ? На мой отвѣтъ онъ сказалъ, что я очень похожа на лэди Ивертонъ. Мы разговорились и пошли вмѣстѣ. Я дала свой адресъ. На другой день господинъ пріѣхалъ ко мнѣ. Онъ назвался лордомъ Уилоби, двоюроднымъ братомъ лорда Солсбри, и сказалъ, что имѣетъ большой домъ въ Лондонѣ и 180 тысячъ ф. ст. годового дохода. Лордъ Уилоби дальше замѣтилъ, что собирается съ шестью друзьями въ своей яхтѣ на южный берегъ Франціи, и предложилъ мнѣ присоединиться, такъ какъ знаніемъ языковъ и музыки я могу быть полезна и пріятна“. Дальше повторяется стереотипный разсказъ о составленіи списка вещей, о выданномъ чекѣ и о взятыхъ кольцахъ, чтобы по ихъ мѣркѣ прислать лучшія. Лордъ Уилоби забралъ еще часы, чтобы дать ихъ оправить въ алмазы. Затѣмъ онъ исчезъ. Свидѣтельница увидала черезъ мѣсяцъ на улицѣ человѣка, въ которомъ она узнала Уилоби, и остановила его.

— Что вы отъ меня хотите?—спросилъ онъ ломаннымъ англійскимъ языкомъ.

— Я хочу мои часы и кольца.—Неизвѣстный,—показала дальше свидѣтельница,—побѣжалъ, но я за нимъ, покуда встрѣтила полисмэна. Неизвѣстный обругалъ меня и сказалъ полисмэну, что я пристаю къ нему; но я, тѣмъ не менѣе, отвѣтила, что обвиняю этого человѣка въ кражѣ и въ поддѣлкѣ чека на сорокъ фунтовъ ст. Полисмэнъ, по моимъ указаніямъ, арестовалъ „лорда

Уилоби“. Свидѣтельница дальше заявила, что узнаетъ въ подсудимомъ человѣка, обобравшаго ее.

И такъ выступали одна свидѣтельница за другой. Каждая показывала точно и ясно. Каждое новое показаніе являлось отдѣльнымъ звеномъ. Адольфъ Бэкъ горячо протестовалъ. Онъ заявлялъ, что никогда не видалъ свидѣтельницъ въ глаза. При обыскѣ у него не нашли ничего подозрительнаго. Представитель обвиненія не могъ выяснить причину, почему образованный, матеріально обезпеченный человѣкъ сталъ бы выманивать, рискуя каторгой, жалкія кольца у уличныхъ женщинъ. Тѣмъ не менѣе, на основаніи точныхъ показаній свидѣтельницъ, присяжные вынесли Адольфу Бэку обвинительный приговоръ, а судья (Фультонъ, обвинявшій въ 1877 г. Смита) присудилъ его къ семи годамъ каторжныхъ работъ. Подсудимый такъ энергично протестовалъ, что это произвело нѣкоторое впечатлѣніе на газетныхъ репортеровъ. И вотъ въ воскресныхъ газетахъ появились инспирированныя замѣтки. На судѣ не упоминалось совершенно про Джона Смита, но въ замѣткахъ положительно устанавливалось тожество Бэка съ Смитомъ. „Полиція имѣетъ точныя основанія предполагать,— говорится въ одной замѣткѣ,—что осужденный Бэкъ то же лицо, которое обвинялось въ 1877 г. подъ именемъ Джона Смита. Способъ выманиванія вещей въ обоихъ случаяхъ рѣшительно одинъ и тотъ же... Бэкъ, или Смитъ, безъ сомнѣнія, очень ловкій преступникъ. Онъ успѣлъ завоевать извѣстное мѣсто въ дѣловомъ мірѣ, гдѣ значился директоромъ одного рудника въ Норвегіи. Scotland Yard заслуживаетъ величайшей признательности со стороны публики за ту проницательность, которую онъ проявилъ въ этомъ дѣлѣ. Инспекторы Scotland Yard изъяли теперь изъ обращенія одного изъ самыхъ ловкихъ мошенниковъ“.

„Нашъ сотрудникъ только что бесѣдовалъ съ инспекторами Scotland Yard, Рэдстономъ и Сперрелемъ, — говорится въ другой замѣткѣ.—Они категорически заявляютъ, что осужденный Адольфъ Бэкъ и Джонъ Смитъ,—одно и то же лицо. Объ этомъ свидѣтельствуетъ также карточка, снятая въ 1877 г. въ тюрьмѣ съ Смита“.

Адольфа Бэка отвезли въ каторжную тюрьму, гдѣ помѣстили его въ спискахъ подъ номеромъ „D. W. 523“. Буква D. обозначала, что онъ былъ уже осужденъ въ 1877 г. Буква W. означала второй приговоръ 1896 г. Итакъ, на судѣ не дозволено было коснуться „прецедента“, т. е. Бэку не разрѣшили доказывать, что онъ—не Смитъ. Обстоятельство это было не трудно доказать, такъ какъ Бэкъ могъ показать *alibi*. Когда же его осудили, Scotland Yard уже помимо суда установилъ тождество Бэка и Смита. Такимъ образомъ, престижъ слѣдственной полиціи былъ спасенъ. И въ каторгѣ Бэкъ не переставалъ протестовать противъ приговора. Онъ подавалъ прошенія министру, приглашалъ адвокатовъ, но все напрасно. Но вотъ случайно онъ узнаетъ, что Смитъ,

за котораго его считаютъ,—былъ еврей. Бэкъ проситъ, чтобы его освидѣтельствовали и установили, что онъ не еврей. Наконецъ, слѣдствіе было назначено. Осмотръ констатировалъ, что нѣтъ возможности предполагать тождественность Смита и Бэка. Повидимому, обвиненіе противъ Бэка пало, такъ какъ всѣмъ было ясно, что женщинъ въ 1877 и 1896 г. г. обирало одно и то же лицо. Но Бэкъ добился только того, что ему дали другой номеръ, безъ буквы D. Затѣмъ онъ отбылъ полный срокъ наказанія и въ концѣ 1902 г. вышелъ на свободу. У него остались еще кое-какія средства, и всѣ ихъ онъ пустилъ въ ходъ, чтобы реабилитировать себя. Онъ обращался къ адвокатамъ и къ частнымъ сыщикамъ, которымъ поручилъ разыскать свидѣтельницъ, показывавшихъ противъ него въ 1896 г. Наконецъ, Бэку удалось познакомиться съ виднымъ публицистомъ Джорджемъ Симсомъ и убѣдить его въ своей невиновности. Предстояло страшно трудное дѣло. „Великая хартія“ гласитъ, что никто не можетъ быть дважды осужденъ за одно и то же преступленіе. Результатомъ явилось, что въ Англіи приговоръ присяжныхъ—навсегда рѣшаетъ дѣло. Апелляціи на приговоръ не существуетъ. Если впослѣдствіи и выяснится, что произошла судебная ошибка, то снять пятно приговора съ невинно пострадавшаго можетъ только „полное королевское прощеніе“ (The King's Free Pardon), которое выражается особой грамотой. И вотъ Бэку предстояло добиться такого прощенія. Необходимо имѣть въ виду, что иностранцу еще труднѣе реабилитировать себя, чѣмъ англичанину.

V.

Повидимому, за попытками Бэка реабилитировать себя внимательно слѣдили. Каждый успѣшный шагъ его въ этомъ отношеніи тщательно отмѣчался. Въ маѣ 1904 г. инспекторъ изъ Scotland Yard вторично арестовалъ Бэка. Съ марта мѣсяца этого года опять стали поступать жалобы отъ уличныхъ женщинъ на человѣка, называвшаго себя лордомъ Уилоби и подыскивавшаго себѣ экономку для своего дома въ St. John's Wood. Изъ показаній пострадавшихъ женщинъ видно, что инспекторы Scotland Yard показывали имъ Бэка и спрашивали, не этотъ ли человѣкъ обобралъ ихъ? Вотъ, напримѣръ, показанія Паулины Скоттъ.

„Я получила извѣщеніе изъ Scotland Yard и отправилась, по указанію инспектора, въ ресторанъ на Оксфордской улицѣ. Сперва я не узнала подсудимаго, который сидѣлъ тамъ. Я чувствовала себя въ такомъ нервномъ состояніи, что если бы даже узнала его, то не могла бы заговорить съ нимъ. Видѣла я, однако, что человѣкъ, сидѣвшій въ ресторанѣ, очень похожъ на „лорда Уилоби“, приходившаго ко мнѣ. Впослѣдствіи, когда подсудимый находился

уже въ полиціи, я его очень хорошо узнала. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ инспекторъ Уордъ указалъ мнѣ подсудимаго въ ресторанѣ, я дожидалась на углу Tottenham Court Road (улица въ центральномъ Лондонѣ). Тутъ же былъ и сыщикъ изъ Scotland Yard. Я увидала подсудимаго, подошла къ нему и спросила, что онъ сдѣлалъ съ цѣнными вещами, которыя выманилъ у меня. Вы—тотъ самый, который взялъ у меня кольца и соверэнъ,—сказала я.

— Я васъ не знаю,—отвѣтилъ онъ,—и васъ никогда не видалъ въ глаза.

— Вы украли у меня вещи,—продолжала я.

— Кто васъ научилъ такъ поступать?—сказалъ подсудимый.— Я васъ поведу къ моему адвокату.

— У меня тутъ человѣкъ, который желаетъ васъ видѣть,— отвѣтила я и подала знакъ сыщику изъ Scotland Yard, который сейчасъ же явился и арестовалъ подсудимаго". На перекрестномъ допросѣ свидѣтельница показала, что подсудимый все время утверждалъ, что видитъ ее въ первый разъ. Она, Паулина Скоттъ, отправилась въ ресторанъ и на уголъ Tottenham Court Road, *зная, что встрѣтитъ тамъ человѣка, обобравшаго ее*. Въ ресторанѣ она пробыла около двухъ часовъ и все смотрѣла на подсудимаго. Она его не узнала сперва, но въ душѣ все время была убѣждена, что это тотъ самый человѣкъ, который обобралъ ее. Въ тюрьмѣ, куда ее привели, чтобы опознать подсудимаго, свидѣтельница выбрала его изъ десяти человѣкъ. Все это были люди гораздо моложе подсудимаго. Въ такомъ же духѣ показывала свидѣтельница Лили Кингъ *). Адольфъ Бэкъ, не смотря на свои протесты, что всѣ показанія вымышлены, былъ преданъ суду, который состоялся 27 іюня этого года. Опять продефелировалъ рядъ свидѣтельницъ. Всѣ онѣ подъ присягой, съ замѣчательной точностью и опредѣленностью, показывали, что Бэкъ тотъ самый человѣкъ, который, подъ именемъ лорда Уилоби, обиралъ ихъ въ февралѣ и въ мартѣ 1904 г. Какъ въ 1877 и въ 1896 гг., „лордъ Уилоби" и теперь выдалъ нѣсколько подложныхъ чековъ на свой любимый Union Bank. Для сличенія почерковъ вызванъ былъ правительственный экспертъ Герринъ, тотъ самый, который фигурировалъ и въ 1896 г. Я приведу изъ стенографическаго отчета его показанія. По нимъ видно, какъ осторожно должны относиться присяжные къ заключеніямъ экспертовъ по изученію почерковъ, тѣмъ болѣе, что такими спеціалистами зачастую являются простые учителя чистописанія.

„Я—правительственный экспертъ и нахожусь на службѣ около двадцати лѣтъ. За это время мнѣ приходилось давать по-

*) *Daily Mail*, june 28, 1904, судебн. отчетъ. См. также брошюру „The Martyrdom of Adolf Beck", by G. Sims, London, 1904, p. p. 15—41.

казанія сотни разъ. Я внимательно изучилъ и сличилъ почеркъ подсудимаго съ почеркомъ чековъ и списковъ, составленныхъ лордомъ Уилоби. Я глубоко убѣжденъ, что всѣ эти документы писаны однимъ и тѣмъ же лицомъ, т. е. подсудимымъ. Письма, отобранныя у подсудимаго, писаны его нормальнымъ почеркомъ, а чеки и списки платьевъ—умышленно измѣненнымъ. Сотни данныхъ подтверждаютъ это. По моему мнѣнію, характеръ поддѣлки принадлежитъ къ тому, что мы, эксперты, называемъ „скандинавской группой". Я изучалъ рукописи иностранцевъ и замѣтилъ особенности въ буквахъ *t* и *f*. Всѣ эти особенности я нашелъ въ почеркѣ, которымъ написаны чеки". Дальше слѣдуютъ глубокомысленныя соображенія о черточкахъ и волосныхъ линіяхъ, которыя привели бы на память слова Сганареля „Nous autres grands médecins",—если бы дѣло не шло о человѣческой свободѣ. Присяжные вынесли Бэку во второй разъ обвинительный приговоръ.

Подсудимый пришелъ въ отчаянье.

— Клянусь Господомъ Богомъ,—воскликнулъ онъ,—я совершенно не виновенъ въ томъ преступленіи, которое взваливаютъ на меня. Я никогда не видалъ этихъ женщинъ. Ихъ научили показывать противъ меня полицейскіе сыщики. Я умоляю представителей печати, чтобы они узнали всѣ факты, касающіеся меня у моего адвоката.

Присяжные вынесли обвинительный приговоръ; судья сказалъ, что согласенъ съ присяжными, но отложилъ на четыре дня опредѣленіе наказанія. Размѣръ его, однако, не подлежалъ сомнѣнію: Бэка ждала каторга лѣтъ на семь. Но процессъ и поведеніе подсудимаго произвели глубокое впечатлѣніе на многихъ. Они были убѣждены, что произошла судебная ошибка. Въ одинъ день составился комитетъ, который послалъ судьѣ петицію съ просьбой просмотрѣть снова дѣло. Перваго іюля 1904 г. судья отвѣтилъ предсѣдателю комитета: „я уже сдѣлалъ добавочныя разслѣдованія по этому дѣлу. Теперь для меня внѣ сомнѣнія какъ вина осужденнаго, такъ и справедливость вердикта. Въ силу этого никакихъ дальнѣйшихъ разслѣдованій я дѣлать не намѣренъ".

„Добавочныя свѣдѣнія", о которыхъ говоритъ судья, получены были имъ изъ Scotland Yard. Судья обратился къ инспекторамъ полиціи съ вопросомъ, считаютъ ли они, что Бэкъ и лордъ Уилоби—одно и тоже лицо. Казалось, теперь для Бэка все кончено. Врядъ ли бы онъ выдержалъ семилѣтнюю каторгу, если имѣть въ виду, что Бэку теперь подъ шестьдесятъ. Но вотъ съ поразительной быстротой дѣла принимаютъ неожиданный и совершенно мелодраматическій характеръ. Въ Лондонѣ на мѣстѣ преступленія задержанъ человѣкъ „лордъ Уилоби" при попыткѣ выманить вещи у женщины. Въ арестованномъ узнаютъ Джона Смита, осужденнаго въ 1877 г. Третьяго іюля, т. е. черезъ два дня послѣ того, какъ судья отвѣтилъ предсѣдателю комитета,

мальчишки, продававшіе въ Лондонѣ вечернія газеты, выкликали на улицахъ: „Terrible miscarriage of justice“! (Ужасная судебная ошибка). Въ тотъ же день Бэкъ былъ освобожденъ изъ тюрьмы, а еще черезъ нѣсколько дней — получилъ двѣ королевскія грамоты съ полнымъ прощеніемъ, т. е. съ полной реабилитаціей. Джонъ Смитъ, или лордъ Уилоби сознался, и теперь посланъ въ каторжныя работы. Это—не совсѣмъ заурядный преступникъ. Онъ получилъ порядочное образованіе и докторскій дипломъ въ вѣнскомъ университетѣ. Въ 1866 г. онъ былъ врачемъ, участвовалъ въ австро-прусской войнѣ. Затѣмъ уѣхалъ на Сандвичевы острова, откуда попалъ въ Лондонъ, гдѣ въ 1877 г. былъ осужденъ въ каторжныя работы. Въ 1882 г. опять уѣхалъ въ Австралію, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ, практикуя иногда, какъ врачъ, а иногда занимаясь преступленіями.

VI.

Дѣло Адольфа Бэка произвело страшно сильное впечатлѣніе въ Англіи. Нѣкоторыя газеты назвали невинно осужденнаго „англійскимъ Дрейфусомъ“, но только далеко не точно. Во Франціи дѣло Дрейфуса раздѣлило все населеніе на два враждебныхъ лагеря. Многіе были тамъ глубоко убѣждены, что для спасенія престижа корпораціи можно пожертвовать иногда единичнымъ лицомъ. Въ Англіи, какъ только раскрылось дѣло, *вся* печать, безъ всякаго исключенія, сейчасъ же забила тревогу и потребовала, чтобы найдены были виновные. Печать поставила дѣло на принципіальную почву и доказывала, что теперь рѣчь идетъ не объ индивидуумѣ, а о правахъ каждаго. „Если Scotland Yard вчера для спасенія своего престижа могъ содѣйствовать осужденію не виновнаго, то гдѣ же гарантія, что такая же опасность не угрожаетъ сегодня любому мирному гражданину, моему сосѣду, или мнѣ самому?“—задавали себѣ вопросъ англичане. Я приведу выдержки изъ консервативныхъ газетъ.

„Мы, англичане, любимъ во всемъ законность и справедливость, fair play; теперь мы убѣдились, что какіе-то злоумышленники ткутъ сѣть противъ мирныхъ обывателей“,—писала *St. James's Gazette*. „Бэкъ сдѣлался жертвой страшной несправедливости,—говоритъ *Daily Telegraph*.—Правительство обязано немедленно дать отвѣтъ, какъ это могло случиться. Общество не успокоится до тѣхъ поръ, покуда безпристрастное слѣдствіе не выяснитъ всего“. „То, что случилось съ Бэкомъ, можетъ во всякое время приключиться съ любымъ ни въ чемъ не повиннымъ гражданиномъ,—доказывали джингоистическія *Evening News*. — Каждый изъ насъ, поэтому, заинтересованъ въ томъ, чтобы слѣдствіе нашло виновныхъ, кто бы они ни были“.

„Такіе случаи, какъ дѣло Бэка,—писалъ *Times*,—къ счастью, у насъ очень рѣдки; но мы обязаны добиться того, чтобы они стали невозможны. Необходимо самое тщательное слѣдствіе, произведенное уполномоченными общества“. Всѣ газеты, кромѣ того, доказывали, что корпорація, облеченная широкими полномочіями, какъ Scotland Yard, должна находиться, какъ вся англійская полиція, подъ прямымъ общественнымъ контролемъ. Отсутствіе прямого контроля имѣетъ послѣдствіемъ то, что Scotland Yard начинаетъ получать совершенно не желательное значеніе и можетъ превратиться прямо во врага общества. Scotland Yard, чего добраго, скоро пожелаетъ взять подъ контроль своихъ агентовъ мирныхъ обывателей. Этого нельзя терпѣть.

Заинтересованныя лица пожелали по возможности замять дѣло. Адольфу Бэку предложили 20,000 руб. вознагражденія, предупредивъ, однако, что если онъ будетъ „шумѣть“, то потомъ ничего не получитъ. Бэкъ разоренъ совершенно двумя процессами и, вѣроятно, согласился бы взять деньги; но англійское общество не допустило, чтобы виновные отдѣлались такъ легко. Немедленно составилась лига, которая убѣдила Бэка, въ интересахъ всѣхъ гражданъ, настаивать на полномъ разслѣдованіи дѣла. Лига эта гарантировала Бэку полученіе 20,000 руб. И вотъ теперь тщательное слѣдствіе наряжено. Засѣданіе слѣдственной коммиссіи будетъ гласное. Внимательное изученіе дѣла Бэка зарождаетъ въ каждомъ вопросъ: если подобные случаи возможны въ Англіи, то что же бываетъ на континентѣ, гдѣ оперируютъ организаціи съ неизмѣримо болѣе широкими полномочіями, чѣмъ Scotland Yard? Что происходитъ тамъ, гдѣ дѣятельность организацій покрыта гораздо большею тайною, чѣмъ операціи инспекторовъ изъ Scotland Yard?

Діонео.

Кроличье право.

(Письмо изъ Германіи).

I.

Всѣ русскіе, которые этимъ лѣтомъ посѣтили Берлинъ и Германію, чувствовали себя, несомнѣнно, совершенно спокойными и на берлинскихъ улицахъ, и въ вагонѣ желѣзной дороги, пересѣкающей такія мѣста, какъ Познань, Бромбергъ, Торнъ и т. п. Даже болѣе того, многіе изъ странствующихъ россіянъ, навѣрное, любовались прусской мощью и силой, воплощенной въ видѣ браваго прусскаго жандарма съ блестящимъ шишакомъ на головѣ;

многіе въ глубинѣ души позавидовали дисциплинѣ, выдержкѣ и служебному рвенію по-прусски закаленныхъ, прусскимъ духомъ одушевленныхъ, исполненныхъ гордой самоувѣренности и удивительной вышколенности многочисленныхъ прусскихъ стражей тишины и порядка. И если бы истинно-русскому патріоту удалось заглянуть въ тайники прусской бюрократіи, онъ остановился бы съ благоговѣйнымъ удивленіемъ передъ прусской государственной машиной: во главѣ пирамиды прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ—неукоснительный и твердый, проникнутый съ головы до пятъ духомъ бисмарковскаго броненоснаго кулака, относящійся съ величайшимъ презрѣніемъ ко всякой оппозиціи и не только не знающій, но и не желающій ничего знать о какихъ-то нелѣпыхъ „соціальныхъ законахъ", о какой-то „исторіи", которая осмѣливается развиваться помимо прусско-королевской канцелярской указки—таковъ идеальный типъ. Г. фонъ-Гаммерштейнъ, правда, нѣсколько къ нему не подходитъ. Г. фонъ-Гаммерштейнъ бываетъ иногда слабъ, неловокъ и дѣлаетъ промахи. Г. фонъ-Гаммерштейнъ попался вмѣстѣ съ пресловутымъ барономъ фонъ-Мирбахомъ въ продажѣ монаршихъ милостей своего короля за церковные дары еврейскихъ банкировъ и фабрикантовъ и долженъ, по всей вѣроятности, пасть. Но на мѣсто одного г. фонъ-Гаммерштейна будетъ найденъ другой, еще лучшій фонъ-Гаммерштейнъ, и этотъ послѣдній опять будетъ стремиться съ неуклонной постепенностью къ выше нарисованному идеалу до тѣхъ поръ, конечно, пока не протянется рука съ „высшей инстанціи" и не ссадитъ его съ мѣста за какія-нибудь неловкости и ошибки. Но идеалъ спасительной незыблемости и непримиримой твердости останется и тогда все тотъ же. Подобно статуѣ „Побѣды" въ Tiergarten'ѣ, является прусскій министръ воплощеніемъ прусской побѣдоносной исторіи, основою ея неукоснительнаго хода. Достойными соратниками его служатъ архи-консервативные оберъ-президенты и премудрые регирунгсъ-президенты; ихъ дополняютъ собою бравые ландраты и исполнительные амтсфорштейеры, а у подножія красуются полки извѣстныхъ всему міру прусскихъ полицейскихъ коммиссаровъ и агентовъ, тайныхъ и явныхъ уголовныхъ полицейскихъ, жандармовъ и простыхъ городовыхъ — „шуцмановъ". Какая мощная и прекрасно организованная армія, съ какой быстротою и точностью работаетъ она, проникая своими вѣчно зрячими очами сквозь крыши и стѣны публичныхъ мѣстъ и частныхъ домовъ и раскрывая повсюду анти-государственныя козни, преслѣдуя „вредныхъ" иностранцевъ, защищая интересы промышленности и торговли отъ злоумышленій, „лишенныхъ отечества парней". И въ особенности въ послѣднее время проявила прусская полиція свои усмирительные таланты по отношенію къ славянской опасности: въ каждомъ русскомъ студентѣ въ Берлинѣ усмотрѣла она преступную политическую заразу, въ каждомъ

русскомъ эмигрантѣ видитъ она гибель Германской имперіи и мощной рукой однихъ выселяетъ изъ Пруссіи, а другихъ отдаетъ въ крѣпость, какъ безсловесную скотину, мѣстнымъ пароходнымъ обществамъ, занимающимся транспортомъ живой клади въ Америку.

И, тѣмъ не менѣе, „Пруссія наканунѣ своей гибели"—такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаютъ патріотическіе листки и газеты, и если эта гибель отсрочена, то только вслѣдствіе чрезвычайныхъ мѣропріятій, принятыхъ въ послѣднюю сессію прусскимъ ландтагомъ и извѣстныхъ отнынѣ подъ названіемъ закона 10 августа 1904 г.

Все дѣло въ томъ, что въ Пруссіи развились кролики. Тѣ самые кролики, которые, будучи способны къ чрезвычайному размноженію, съ одной стороны, опустошаютъ, благодаря своей прожорливости, цѣлыя мѣстности, засаженныя огурцами и капустой, съ другой же—являются благодарнымъ матеріаломъ для опытовъ прививки различныхъ ядовъ, для медицинскихъ экспериментовъ, вивисекцій и т. п. мѣропріятій на живомъ тѣлѣ. Только въ данномъ случаѣ кроликами въ рукахъ пруссаковъ оказываются не четвероногіе обитатели приморскихъ дюнъ, а двуногіе представители человѣческой породы, тѣ славяне польской національности, которые волею судебъ получили прусское правительство въ качествѣ своихъ отцовъ и командировъ.

И поляки-кролики являются, по утвержденію нѣмцевъ, невѣроятно опаснымъ элементомъ для великой и славной Германіи. По утвержденіямъ націоналистической прессы, эти кролики обладаютъ слѣдующими зловредными свойствами: 1) принадлежа къ низшей польской расѣ, не желаютъ причислиться къ высшей нѣмецкой породѣ людей. 2) Чрезмѣрно размножаются и тѣмъ препятствуютъ скорѣйшему искорененію славянскаго духа. 3) Упорно признаютъ свое польское отечество отечествомъ, хотя оно въ канцелярскомъ порядкѣ уже давно переименовано въ Пруссію. 4) Довольствуются малымъ, а потому препятствуютъ переселенію въ ихъ страну болѣе притязательныхъ тевтоновъ. 5) Вѣруютъ въ непогрѣшимость католическаго папы. И, наконецъ, 6) желаютъ ниспровергнуть всѣ установленныя правительства и подчинить вселенную польскому государству. Въ этомъ же родѣ можно еще насчитать въ 7-хъ, въ 8-хъ, въ 9-хъ и т. д. Мы пока отъ этого воздержимся и перейдемъ къ разсмотрѣнію всѣхъ названныхъ польскихъ грѣховъ и преступленій.

Прежде всего, поляки не хотятъ отказаться отъ своей національности. И этому нѣкоторые нѣмецкіе писатели совершенно искренно удивляются; вѣдь, какъ говоритъ одинъ изъ важнѣйшихъ истребителей поляковъ, г. Ф. Массовъ *): „не имѣется вовсе ни

---

*) W. v. Massow. Die Polen-Not im deutschen Osten, Berlin, 1903.

польской культуры, ни науки, ни искусства, ни литературы, которой могли бы поучиться мы, нѣмцы"; напротивъ того, все, что имѣютъ поляки, все это получили они отъ своихъ нѣмецкихъ благодѣтелей; вѣдь именно Пруссія „выполнила серьезную работу для того, чтобы излѣчить польскій народъ отъ его политическихъ болѣзней"; Пруссія не только „менѣе другихъ виновата въ уничтоженіи государственной самостоятельности Польши", но и „предоставила своимъ польскимъ подданнымъ полныя политическія права", чѣмъ пріобрѣла себѣ „величайшую заслугу дѣломъ возрожденія польскаго народа"... И вдругъ такая черная неблагодарность: поляки ни за что не хотятъ сдѣлаться нѣмцами. Требованія поляковъ къ ихъ сородичамъ могутъ быть выражены словами: „Вы — поляки, и у васъ есть обязанности по отношенію къ вашему народу. Не забывайте объ этомъ на чужбинѣ и докажите это на дѣлѣ! Пользуйтесь вашимъ роднымъ языкомъ, берегите его, старайтесь, чтобы ваши дѣти его не забыли! И, если даже вамъ хорошо живется на чужбинѣ, помните, что вы не ей принадлежите, а своей родинѣ". Мало этого, какъ утверждаетъ—на основаніи одного польскаго летучаго листка—другой новѣйшій пожиратель поляковъ, г. Максъ Бутларъ *): поляки осмѣливаются провозглашать, что, дескать, „единая нація—единая мысль", что „поляки имѣютъ свои собственные идеалы и свои собственныя цѣли"; что, наконецъ, „поляки вѣрятъ въ политическое возрожденіе своего народа"—и все это, не смотря, на то, что, съ одной стороны, какъ мы видѣли выше, польскій народъ уже въ достаточной степени „возрожденъ" Пруссіей, съ другой же, подобно другимъ „низшимъ" расамъ,—по утвержденію г. Герра **),—не обладаетъ ни „собственной культурой", ни „достойной упоминанія литературой". Таковы вредныя и опасныя стремленія поляковъ. И, какъ сообщилъ одинъ нѣмецкій учитель на съѣздѣ въ Глейвицѣ осенью 1897 г., этотъ „ядъ вліяетъ, къ сожалѣнію, не только на взрослыхъ. Если нѣмецко-патріотическій образъ мыслей систематически попирается въ родителяхъ, то это должно дѣйствовать и на дѣтей. Такъ,—разсказываетъ онъ,—случилось со мною въ школѣ прошлой весной; во время урока исторіи одинъ изъ учениковъ сказалъ: „по словамъ моего отца, наши короли жили прежде въ Краковѣ; правда ли это, г. учитель?" Къ этому сообщенію г. учитель прибавилъ: „какіе разговоры должны были вестись въ этой семьѣ, если такой вопросъ сталъ возможенъ въ школѣ!"

„Надежды" поляковъ—это первое и величайшее ихъ преступленіе. Этимъ надеждамъ г. Ф. Массовъ посвящаетъ цѣлую главу

*) Max Buttlar. Die polnische Frage, Frankfurt a. M. 1904.

**) D-r jur. E. Herr, Regierungs-Assessor, Neue Bahnen der Polenpolitik. Berlin. 1903.

своей объемистой книги; но такъ какъ надежды сами по себѣ даже при крайнемъ напряженіи патріотической подозрительности ничего непосредственно опаснаго для Пруссіи собою не обнаруживають, то подъ нихъ подставляются длинныя разсужденія о томъ, что всякое стремленіе къ національной самобытности должно непремѣнно носить политически опасный характеръ, что если у поляковъ такія опасныя надежды мало высказываются, то они тѣмъ, не менѣе, непремѣнно должны существовать и должны привести Пруссію къ гибели и т. п. Присмотримся ближе къ той философіи, которая „кроликовъ“ Пруссіи подводитъ неминуемо подъ ножъ живосѣченія.

Для этого кроликамъ прежде всего выдается льстивый аттестатъ. Оказывается, что „черная неблагодарность“ поляковъ не можетъ быть имъ поставлена въ вину. „Что доказываетъ эта неблагодарность?“—вопрошаетъ г. Ф. Массовъ: „она доказываетъ, что они еще и теперь представляютъ собою не отдѣльныхъ по-польски говорящихъ индивидовъ, а народъ. Неблагодарность отвратительна со стороны отдѣльнаго лица, но для народа она является политической добродѣтелью. Народъ, который за оказанныя благодѣянія доказалъ бы другому тѣмъ свою благодарность, что вручилъ бы свои судьбы въ руки благодѣтеля, пересталъ бы быть народомъ. Народъ, какъ цѣлое, долженъ видѣть свой высшій моральный законъ въ долгѣ самосохраненія. И это даже можетъ служить признакомъ жизненной силы народа, если среди его членовъ настолько велико чувство, направленное на сохраненіе народности, что оно совершенно преодолѣваетъ не только ближайшія моральныя соображенія, но даже стремленіе къ матеріальному благосостоянію“. И дальше: „для народа, который сохраняетъ съ полнымъ сознаніемъ и силой свой бытъ и языкъ, точно такъ же, какъ полную вѣру въ самого себя, который создалъ и развиваетъ свою самостоятельную литературу и искусство, а въ соціальномъ отношеніи принялъ структуру великихъ культурныхъ народовъ Западной Европы, который неустанно прогрессируетъ совершенно самостоятельно и при томъ на національной основѣ въ области промышленной жизни, для народа, который постоянно возрастаетъ въ числѣ и очень мало или почти ничего не отдаетъ изъ своего прироста чуждымъ національностямъ,—для такого народа совершенно невозможно взирать на себя, только какъ на часть различныхъ чужихъ государствъ“. Все это г. Массовъ примѣняетъ и къ полякамъ. Но нашъ философъ національизма не даромъ выдаетъ „кроликамъ“ Пруссіи такой хорошій аттестатъ: онъ неминуемо приходитъ затѣмъ къ результату, что „поляки, какъ живой народъ, вступившій въ новую фазу развитія.. съ математической необходимостью и при всякихъ условіяхъ обладаетъ одною только цѣлью, а именно: создать себѣ такую форму, безъ которой не можетъ долго существовать ни одна живая нація, т. е. форму

какого-бы то ни было самостоятельнаго государственнаго представительства". Польскій народъ, такимъ образомъ,—повторяетъ нашъ авторъ, — „живетъ и стремится со всею мощью къ единственному, чего ему еще не хватаетъ по сравненію съ другими народами, а именно: самостоятельному государственному представительству". Что и требовалось доказать! Далѣе уже не трудно, путемъ легонькой подстановочки, перейти къ государственной „измѣнѣ" зловредныхъ кроликовъ, неустанно роющихъ ходы въ дюнахъ прусской государственности.

Сказано „какому-нибудь національному представительству". И это вполнѣ понятно: такое представительство, въ большемъ или меньшемъ объемѣ, безусловно необходимо для духовнаго здоровья живой и прогрессирующей націи, но это, однако, далеко не значитъ еще, чтобы во имя такого представительства необходимо было нарушить добрыя сосѣдскія отношенія съ другими культурными націями, посягать на ихъ самобытность и самостоятельность, провозглашать свою гегемонію надъ всей вселенной. И прусскіе поляки, въ этомъ отношеніи, не составляютъ исключенія: стремясь „къ какому бы то ни было" національному представительству, они въ то же время честно и самоотверженно исполняютъ свой долгъ по отношенію къ тѣмъ чуждымъ для нихъ правительствамъ, подъ властью которыхъ они сейчасъ находятся. Во время прусско-французской войны 1870 г. поляки дрались въ первыхъ рядахъ прусскаго войска и своею кровью запечатлѣли свою вѣрность закону и прусскому государству,—это признаетъ самъ г. Массовъ и другіе противъ поляковъ враждебно-настроенные писатели. Какъ говоритъ г. Буттларъ: „въ великихъ войнахъ 1886—1870—1871 гг. польскіе солдаты заслужили себѣ великую честь и по полному праву гордились этимъ". „Они дрались и побѣждали плечо къ плечу съ нѣмцами". И не даромъ характеризуетъ г. Массовъ польскаго солдата слѣдующими чертами: „съ геройскимъ мужествомъ идетъ онъ на смерть за своего офицера или чтобы вынести раненаго изъ подъ ужаснаго дождя пуль, и никакіе чуждые уговоры не отвлекутъ его отъ исполненія его долга". И все это нисколько не мѣшаетъ прусскимъ патріотамъ утверждать, что польскія надежды непосредственно грозятъ прусскому государству, такъ какъ подъ понятіе „какого нибудь" національнаго представительства они подставляютъ прямыя стремленія къ ниспроверженію прусскаго владычества, и ихъ воспаленному воображенію уже рисуются страшныя картины раздѣла поляками Пруссіи, ополяченія нѣмцевъ, уничтоженія германской культуры и т. п. Такъ дѣйствуютъ несомнѣнно отклики стараго прусскаго историческаго грѣха и сознаніе невозможнаго положенія, въ которое, благодаря ему, поставлены добрые пруссаки. „По отношенію къ полякамъ мы должны сдѣлать употребленіе изъ нашего права хозяина въ своей

странѣ“, возглашаютъ тевтоны, и сами чувствуютъ, что въ этой фразѣ что-то не ладно. „Поляки дѣлаютъ слишкомъ дурное употребленіе изъ нашего гостепріимства“,—оправдываютъ они свои мѣропріятія, и тутъ уже почва подъ ними совсѣмъ колеблется. Спрашивается, въ самомъ дѣлѣ, кто „хозяинъ“, и кто „гость“ въ Великой Польшѣ, въ Восточной Пруссіи, а частью и въ Бранденбургѣ и Силезіи? Кто пришелъ туда незванный и непрошенный и усѣлся за хозяйскій столъ? Какъ можно вообще говорить о правахъ „хозяина“ и „гостепріимствѣ“ тамъ, гдѣ незначительное нѣмецкое меньшинство захватываетъ власть надъ исконнымъ славянскимъ населеніемъ и на правахъ „хозяина“ требуетъ, чтобы польскіе „гости“ стали и думать, и чувствовать, какъ ихъ новый, пришедшій къ нимъ съ запада, „хозяинъ“. И несомнѣнно, именно чувства такого забравшагося въ чужой домъ хозяина заставляютъ г. Массова и ему подобныхъ видѣть повреждение хозяйскихъ правъ тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ просятъ поляки своего непрошеннаго гостя снять ноги съ ихъ стола и дать имъ возможность пообѣдать безъ этой культурной приправы. Только такимъ путемъ мы можемъ объяснить себѣ то стремленіе сокрушить, разбить и изничтожить, которое овладѣваетъ прусскими ненавистниками поляковъ. Только угрызеніями національной совѣсти можно оправдать тѣ призраки, которые рисуютъ себѣ нѣмцы. Вѣдь умудрился же г. Максъ Буттларъ (въ изданіи свободомыслящаго „Свободнаго Слова“) узрѣть поляковъ въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ на Балканахъ въ Турціи, въ Италіи и въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ они куютъ ковы противъ бѣдной Пруссіи и ея восточныхъ сосѣдей, при чемъ даже бракъ князя Радзивилла съ графинею Хотекъ (свояченицей австрійскаго наслѣдника престола) получаетъ архи-страшное и таинственное значеніе. Въ качествѣ польскаго Піемонта рисуется этому писателю католическая Австрія, „тамъ грохочетъ,—возглашаетъ онъ, подобно Пифіи,—чреватая бѣдствіями европейская гроза и грозитъ соединиться съ азіатской бурей, готовя для поляковъ тотъ давно желанный моментъ, когда они могутъ начать великое возстаніе!“ Немудрено, что послѣ всѣхъ такихъ ужасовъ г. губернскій ассесоръ и докторъ права г. Герръ, въ своемъ служебномъ рвеніи, восклицаетъ: „требовать отъ поляковъ, чтобы они стали лояльными гражданами, это не значитъ ничего другого, какъ требовать у нихъ отреченія отъ ихъ народности“; „но чѣмъ меньше мы требуемъ отъ поляковъ невозможнаго, а именно, чтобы они отказались отъ мечты своего народа относительно мощи и величія польской земли, — тѣмъ болѣе мы считаемъ нашей священной обязанностью въ качествѣ нѣмцевъ крушить эти стремленія панцырнымъ кулакомъ, а эти обломки чуждой народности въ нашемъ новомъ національномъ государствѣ или всосать (онѣмечить), или выбросить вонъ изъ страны!“

Эта формула вполнѣ гармонируетъ съ знаменитымъ изреченіемъ о томъ, что мы, де, нѣмцы никого не боимся, кромѣ Бога, и прекрасно приспособлена къ тому, чтобы въ худшемъ случаѣ пугать политическихъ младенцевъ. Къ сожалѣнію, однако, польская политика Пруссіи въ послѣднее время придаетъ этой формулѣ оттѣнокъ политической серьезности, и въ виду этого мы попробуемъ повторить ея основную схему. Положеніе I. Поляки не хотятъ быть нѣмцами. Ergo—они мечтаютъ о польскомъ единствѣ. Положеніе II. Поляки—сильная и способная къ развитію нація. Отсюда слѣдствіе — они должны желать возстановленія польскаго государства. Положеніе III. Поляки—„гости" прусскаго государства и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ своего „дома" не имѣютъ. Слѣдовательно,—они хотятъ прогнать своего гостепріимнаго хозяина и изъ его дома построить себѣ хатку. Положеніе IV и послѣднее. Поляки это—зловредные кролики, которые подкапываютъ Европу и на Балканахъ, и въ Америкѣ, и отсюда—сокрушительный выводъ: „кроликовъ надо душить панцырнымъ кулакомъ."

Таковы философскія основы новой государственной мудрости прусскаго „гакатизма".

II.

Спрашивается теперь, гдѣ тѣ гигантскія силы, при помощи которыхъ должна быть ниспровергнута германская имперія, съ тѣмъ, чтобы на ея развалинахъ учредить новое славянское царство?—На этотъ вопросъ передовые бойцы прусской германизаціи не замедляютъ отвѣтомъ. Силъ у поляковъ оказывается много, слишкомъ много, и первая изъ нихъ — низкій уровень культурнаго развитія.

Въ борьбѣ низшей расы съ высшею, какъ разсуждаетъ членъ пангерманскаго союза г. Рейсманъ-Гронэ *), побѣждаетъ несомнѣнно низшая. Благодаря своей непритязательности, славянскіе дешевые рабочіе неизбѣжно вытѣсняютъ дорогихъ нѣмецкихъ, подобно тому, какъ въ Америкѣ китайцы вытѣсняютъ туземныхъ рабочихъ, а въ Африкѣ негры—англичанъ и голландцевъ. Въ виду этого страшныя массы славянскаго пролетаріата не только вливаются цѣлымъ потокомъ въ Познань изъ Галиціи и русской Польши, но тому же движенію на западъ слѣдуютъ и прусскіе поляки, и въ свою очередь вытѣсняютъ культурныхъ нѣмцевъ изъ горной Силезіи, изъ промышленныхъ областей Вестфаліи и прирейнской области. И нѣмцы ничего противъ этого не могутъ подѣлать. Правда, можно бы совсѣмъ закрыть границу для

*) Dr. Reismann-Grone. Die slawische Gefahr in der Ostmark. Muenchen, 1899.

иностранныхъ рабочихъ, выселить ихъ изъ Пруссіи на манеръ Бисмарка и тѣмъ дать возможность гг. аграріямъ пригласить болѣе дорогихъ нѣмецкихъ рабочихъ въ цѣляхъ охраненія великихъ національныхъ благъ. Этимъ, несомнѣнно, для нѣмецкихъ промышленниковъ открылась бы завидная доля: они пожертвовали бы своей предпринимательской прибылью во имя высокой національной идеи, доказали бы не на словахъ, а своими карманами степень своего патріотическаго одушевленія. Но... такъ далеко прусскій патріотизмъ не идетъ, и прусскіе юнкеры вкупѣ съ силезскими горнопромышленниками предпочитаютъ „прибавочную стоимость“ интересамъ пангерманизма и тысячами выписываютъ къ себѣ польскихъ „кули“ на мѣсто нѣмецкихъ рабочихъ. Такъ польская некультурность, соединяясь съ интересами высоко культурныхъ нѣмецкихъ кармановъ, оказывается первымъ орудіемъ въ рукахъ велико-польскаго „Zukunft-Staat'a“.

У мѣста будетъ замѣтить, что новый русско-германскій торговый договоръ можетъ до извѣстной степени облегчить положеніе національно-прусскихъ предпринимателей: ихъ доходы, въ особенности доходы крупныхъ аграріевъ, увеличатся до чрезвычайности; этимъ, конечно, откроется возможность перехода отъ дешевыхъ польскихъ къ дорогимъ нѣмецкимъ рабочимъ; спрашивается только, пожелаютъ ли нѣмецкіе патріоты дѣлиться своими возросшими барышами съ нѣмецкимъ рабочимъ? Мы думаемъ, что по прежнимъ примѣрамъ всѣ новые барыши они направятъ исключительно въ свои собственные карманы.

Но и въ другомъ отношеніи польская „дикость“ оказывается роковою для нѣмцевъ. Согласно утвержденію г. Массова, нѣмцы въ качествѣ высоко развитой націи представляютъ собою чрезвычайныхъ „индивидуалистовъ“. Каждый изъ нихъ дѣйствуетъ самъ за себя и до всего хочетъ дойти собственнымъ умомъ. Онъ желаетъ себѣ составить обо всемъ свое собственное мнѣніе и регулируетъ свою дѣятельность на основаніи чисто индивидуальныхъ нормъ. Поэтому среди нѣмцевъ есть очень много такихъ, которые относятся къ польскому вопросу болѣе чѣмъ индиферентно; процентъ нѣмцевъ-„ренегатовъ“ очень великъ, и весь процессъ германизаціи получаетъ поэтому характеръ раздробленности и неорганизованности. Не то съ польской стороны. Въ качествѣ „низшей расы“ славяне вообще, а поляки въ частности, оказываются сильно подверженными „стаднымъ инстинктамъ“, тому, что называетъ нашъ авторъ ученымъ терминомъ „массового внушенія“. Слѣдующими чертами рисуетъ онъ польскій народный характеръ: у поляковъ, „благодаря взаимному внушенію, настолько господствуетъ массовое воспріятіе, что оно совершенно подчиняетъ себѣ отдѣльную личность“. Отдѣльный полякъ думаетъ и чувствуетъ не какъ личность, а какъ частица стада. Всюду и вездѣ тянетъ его къ его сородичамъ, вездѣ онъ создаетъ особыя поль-

скія ячейки, среди которыхъ онъ находитъ нужную ему среду: онъ держится за эту среду, ею живетъ и дышетъ; отсюда то удивительное „стадное“ единство поляковъ, которые всегда на своей спинѣ носятъ свою родину. „Единство воспріятія... у поляковъ покоится въ такой степени на естественной способности, что внѣшнія воздѣйствія играютъ относительно незначительную роль. Полякъ по всей своей природѣ чувствуетъ себя только тогда хорошо, когда онъ находится въ обществѣ своихъ земляковъ; все чисто-человѣческое, индивидуалистическое стоитъ у него на второмъ планѣ... Гдѣ собрались два поляка, тамъ, если они даже будутъ смертельными врагами, они будутъ чувствовать себя солидарными противъ не поляка и при томъ не на основаніи сознательной рефлексіи, а прямо въ силу естественнаго влеченія“. И польская среда дѣйствуетъ крайне развращающе на отдѣльнаго поляка: „сильное массовое воспріятіе въ такой степени подавляетъ моральное поведеніе отдѣльныхъ лицъ, что легко увлекаетъ ихъ даже въ такомъ направленіи, которое должно имъ быть совершенно чуждо по ихъ нравственнымъ понятіямъ. Изъ вѣрноподданнаго прусскаго солдата она дѣлаетъ отчаяннаго повстанца и врага всѣхъ нѣмцевъ. Изъ польскихъ гимназистовъ она создаетъ заговорщиковъ, которые основываютъ тайныя общества для изученія польскаго языка и исторіи. Могучая, всепоглощающая среда, исполненная стаднаго единства и слѣпого повиновенія массѣ,— такова, основанная на славянской дикости, сила, разбивающая натискъ нѣмецкихъ „индивидуалистовъ“. Бѣдные пруссаки! Какъ тяжело должны они платиться за свою цивилизацію. Какъ грустно видѣть себя и свое отечество поглощеннымъ славянскими ордами, забивающими съ дьявольской ловкостью клинъ въ среду самодовлѣющей нѣмецкой „личности“. И въ то же время какой переворотъ: славяне, исторически прославившіеся своей рознью и неумѣніемъ дѣйствовать вмѣстѣ, превратились въ одинаково думающихъ и чувствующихъ, единымъ духомъ охваченныхъ поборниковъ національной идеи. Впрочемъ, въ этомъ превращеніи оказывается виновной не только одна свойственная имъ „дикость“. Къ величайшему нашему удивленію, оказывается, что „культурность“, и при томъ на нѣмецкій фасонъ, сослужила имъ громадную службу.

Все дѣло въ томъ, что нѣмцы отогрѣли на своей груди змѣю. Они, и никто другой, содѣйствовали появленію на исторической сценѣ новагофактора польской исторіи, а именно—польской буржуазіи. По словамъ Массова, „она уже теперь сдѣлалась носительницей польскаго національнаго духа и становится ею все больше и больше. Къ ней присоединилась значительная часть привилегированной прежде „шляхты“, т. е. многочисленнаго мелкаго дворянства. Духовенство рекрутируется по большей части изъ средняго сословія и примыкаетъ уже къ нему, а не исключительно къ помѣстному дворянству. Такъ, на мѣсто безпокой-

наго, властолюбиваго и легкомысленнаго шляхтича стараго типа, выступилъ теперь цѣлесознающій, ловкій, настойчивый и энергичный, — и еще болѣе, чѣмъ старый шляхтичъ, фанатичный дѣлецъ, фабрикантъ, адвокатъ, докторъ, аптекарь, учитель и т. п.". Вмѣстѣ съ тѣмъ поляки подверглись еще одному „замѣчательному моральному и духовному подъему и извнутри, при помощи собственной силы". „Все, что только было въ польскомъ народѣ исполнено благородства и рыцарскаго образа мыслей, все это національнымъ несчастіемъ было поднято на поверхность и приведено къ серьезной работѣ... Такъ быстро пробудился польскій національный духъ съ неожиданной силой. Опять были найдены идеалы, для которыхъ готовы были на всевозможныя жертвы, а отсюда родилось мощное стремленіе впередъ, какое только могло быть въ развитіи національной жизни, сопровождаемое эпохой расцвѣта національной литературы". И слѣдомъ за поэтами и романтиками возрожденія пошло именно то „новѣйшее поколѣніе", которое „уже безъ мечтаній и вѣрующихъ надеждъ, трезво и радикально и въ высшей степени поспѣшно, стремилось собирать плоды тамъ, гдѣ едва только кончилось цвѣтеніе". И имъ удалось это: съ одной стороны, они „усвоили себѣ драгоцѣнное искусство пользоваться ошибками противника", вмѣсто того, чтобы истощать свои силы въ безполезныхъ повстаніяхъ; съ другой же—они сохранили всѣ свои духовныя пріобрѣтенія въ искусствѣ и литературѣ. Свое просвѣщеніе основали они на чисто-національной основѣ: „все, что объединяетъ у нихъ семьи образованнаго круга, и все, что подымается надъ повседневной обыденностью, носитъ у нихъ національную оболочку". Такъ „на протяженіи нѣсколькихъ поколѣній въ руководящихъ кругахъ польской націи возникла новая духовная жизнь, которая, не будучи нисколько остановлена въ своемъ теченіи нѣмецкой школой, скорѣе воспользовалась даннымъ этою послѣдней духовнымъ толчкомъ и нашла высочайшій пунктъ своего подъема именно въ національной идеѣ".

И польская культурность оказывается еще болѣе опасною для нѣмцевъ, чѣмъ польская некультурность. Сами нѣмцы поддаются ей и становятся „ренегатами". Все дѣло въ томъ, что нѣмцы въ восточныхъ мѣстностяхъ Пруссіи, являясь „піонерами нѣмецкой народности, подобно нѣмцамъ за границей, не чувствуютъ себя, однако, таковыми... Все, что нѣмецъ за границей долженъ создать своей собственной энергіей, все это желаетъ онъ получить здѣсь изъ рукъ правительства". А между тѣмъ, „нѣмцы не имѣютъ здѣсь никакого національнаго представительства и въ то же время находятся между чужаками... Такъ развивается здѣсь у нихъ отъ сожительства съ чужеземцами притупляющая ихъ привычка къ чужому и, даже сказать, вѣрнѣе рутина, имѣющая результатомъ извѣстную національную безчувственность. Разъ,

однако. притуплена національная энергія, то выступаетъ тогда самымъ печальнымъ образомъ одна изъ опаснѣйшихъ сторонъ нѣмецкаго характера, а именно, стремленіе къ компромиссу и подражательности... Очень многіе нѣмцы находятъ къ тому же польскій бытъ „интереснымъ“ и сознательно или безсознательно многое заимствуютъ изъ него. Естественно, что это больше всего внѣшность и пороки, которые такъ заразительно дѣйствуютъ; все, однако, что смягчаетъ эти пороки и придаетъ смыслъ этимъ внѣшностямъ, остается не воспринятымъ“. Результатомъ этого является ослабленіе хозяйственныхъ добродѣтелей: „духа предпріимчивости и стремленія къ развитію, и вмѣсто нихъ наблюдается полное непониманіе новыхъ потребностей и новой творческой дѣятельности“. Стремясь къ тишинѣ и спокойствію, эти бѣдные нѣмцы, охваченные польской заразой, взираютъ на вождей національной нѣмецкой борьбы, какъ на „нарушителей покоя“, и скорѣе довѣряютъ „польской тенденціозной лжи“, чѣмъ своимъ кровнымъ соотечественникамъ. Такую податливость по отношенію къ польской культурѣ подкрѣпляютъ также и серьезные матеріальные интересы. Не одна „національная тупость“ или „филистерскій духъ“, не одна „безсмысленность и привычка“ дѣлаютъ изъ нѣмецкихъ „трусовъ и безхарактерныхъ“ сначала полуполяковъ, а затѣмъ и настоящихъ „въ высшей степени фанатичныхъ и сознательныхъ поляковъ“: самые простые и естественные интересы требуютъ отъ нѣмецкаго купца, фабриканта и помѣщика, чтобы онъ поддерживалъ добрыя отношенія съ польскимъ населеніемъ. Самъ г. Массовъ признаетъ, что не легко противостоять противъ польскаго бойкота ремесленнику, мелкому торговцу и мелкому помѣщику. Однако, по свидѣтельству того же автора, „не матеріальная нужда, а торговая безсовѣстность толкаетъ многихъ нѣмцевъ со стороны соотечественниковъ во враждебный лагерь“. Такъ, владѣніе акціями польскихъ предпріятій въ Познани весьма много содѣйствовало возрожденію польскихъ симпатій среди тамошнихъ нѣмцевъ. „Трусами и боязливыми служителями матеріальныхъ интересовъ“ титулуетъ г. Массовъ этихъ измѣнниковъ, но фактъ остается фактомъ, а къ этому еще присоединяется убійственное вліяніе польской женщины. Не могутъ устоять нѣмцы передъ ея очарованіемъ и энергіей, передъ ея изяществомъ и силою національной вѣры и падаютъ жертвой своего чувствительнаго сердца. Въ смѣшанныхъ бракахъ съ польками нѣмцы, по свидѣтельству прусскихъ патріотовъ, неизбѣжно ополячиваются. Нѣмецкая женщина во всемъ привыкла подчиняться своему мужу. Полька, наоборотъ, властвуетъ надъ нимъ; она дѣлаетъ польскій языкъ — языкомъ семьи, она воспитываетъ дѣтей въ католичествѣ и польскомъ національномъ духѣ, она ополячиваетъ постепенно своего мужа, и во второмъ поколѣніи совершается уже полная метаморфоза: бывшій нѣмецъ

„Schultz“ начинаетъ писать свое имя по польски „Szulc“, господинъ „Schumann“ превращается въ „Szuman'а, а какой-нибудь „Sperling“ становится прямо-таки господиномъ Врублевскимъ. Такъ, „смѣшанные браки являются предметомъ особеннаго вниманія національно-польскихъ агитаторовъ, а это заставляетъ заключать, что поляки никогда не лишатся проистекающей отсюда выгоды, основанной на различіи народныхъ характеровъ“.

Не менѣе польской культурности врагомъ нѣмцевъ оказывается польская религіозность. Благодаря ей, къ польскому національному движенію присоединилось движеніе польской пропаганды, и слово „полякъ“ стало равнозначно слову „католикъ“. Съ великимъ сокрушеніемъ отрицаютъ прусскіе германизаторы такую, на ихъ взглядъ, противоестественную связь и всѣми силами стараются доказать, что католичество въ польскихъ областяхъ эксплуатируется польскимъ духовенствомъ для чуждыхъ религіи политическихъ цѣлей, для того, чтобы подъ кровомъ религіознаго фанатизма обрушиться на бѣдныхъ нѣмцевъ и полонизировать ихъ. Католическую іерархію Германіи и партію центра обвиняютъ прусскіе патріоты въ измѣнѣ германскому отечеству и въ предательствѣ по отношенію къ нѣмецкимъ католикамъ. И дѣйствительно, и центръ, и католическое духовенство Германіи совершаютъ тяжелыя преступленія. Ихъ пресса стоитъ на сторонѣ поляковъ; при выборахъ партія центра поддерживаетъ ихъ, насколько можетъ. „Въ нѣмецкой народности видитъ ультрамонтанство своего заклятаго врага, такъ какъ съ его точки зрѣнія каждый нѣмецъ въ извѣстной степени еретикъ... Это вѣдь, во всякомъ случаѣ, удобнѣе и спокойнѣе“—инсинуируетъ г. Массовъ—„имѣть дѣло съ народомъ, котораго благочестіе покоится на слѣпомъ, ничего не различающемъ послушаніи, который все принимаетъ, что ему будетъ приказано во имя церкви. Нѣмецкая народность никогда для ультромонтановъ не можетъ быть удобна, напротивъ того, польская національность изо всѣхъ другихъ представляется самой удобной“. Такъ, съ одной стороны, поляки эксплуатируютъ католическое духовенство въ своихъ цѣляхъ; центръ и католическая церковь эксплуатируютъ поляковъ—въ своихъ, и вмѣстѣ они набрасываются на бѣдныхъ нѣмцевъ „съ чрезвычайной жестокостью“ и побиваютъ ихъ при помощи всѣхъ средствъ, находящихся въ рукахъ духовенства. Они исповѣдуютъ поляковъ на польскомъ языкѣ, они стремятся преподавать религію польскимъ дѣтямъ по-польски, они говорятъ проповѣди передъ польскимъ населеніемъ по-польски и пользуются родною рѣчью поляковъ для ихъ катехизаціи. Мало того, на польскомъ языкѣ печатаются для поляковъ ихъ молитвенники, катехизисы и другія священныя книги; въ храмахъ позволяютъ пѣть польскія молитвы, а одинъ польскій архіепископъ осмѣлился заявить, что его „imprimatur“ на нѣмецкомъ катехизисѣ совершенно не обозначаетъ

необходимости преподавать всѣмъ польскимъ дѣтямъ законъ Божій на нѣмецкомъ языкѣ. Еще болѣе ужасно,—католическое духовенство считаетъ возможнымъ учреждать польское богослуженіе для тѣхъ рабочихъ поляковъ, которые идутъ массами на Западъ и тамъ осѣдаютъ среди нѣмецкаго населенія!

Не менѣе предательски, чѣмъ польское духовенство, поступаютъ польскіе дворяне и помѣщики. Они обольщаютъ нѣмцевъ своей чрезвычайной любезностью и гостепріимствомъ, они плѣняютъ ихъ чистотой своихъ консервативныхъ воззрѣній и чисто феодальнымъ отношеніемъ къ низшимъ классамъ населенія. Принадлежа по своему происхожденію къ лучшей европейской знати, обладая прекраснымъ воспитаніемъ и широкими придворными связями не только въ Пруссіи, но и въ другихъ сосѣднихъ государствахъ, они совершенно естественно импонируютъ явившемуся на службу въ восточныя провинціи административному чину. Казенный нѣмецъ, а въ особенности пруссакъ чрезвычайно чувствителенъ къ титуламъ и сословнымъ различіямъ. Онъ совершенно естественно дѣлитъ весь міръ на прирожденныхъ господъ и обязанныхъ повиновеніемъ подданныхъ и вездѣ ищетъ связи въ высоко-дворянской лояльной и консервативной средѣ. Съ тѣми же чувствами является онъ и на востокъ. Здѣсь его принимаютъ радушно, и привычная угодливость передъ господами немедленно же дѣлаетъ изъ него измѣнника своему отечеству. Господа оказываются не настоящими. Они вѣрноподданны, но не до лакейства. Они преданы прусскому монарху, но не боятся оппозиціи. Они въ прусскомъ государствѣ желаютъ сохранить національность своихъ предковъ и за правительственныя милости не продаютъ своего народа. Мало того, когда былъ учрежденъ въ 1886 году особый фондъ для скупки польскихъ земель и для устройства нѣмецкихъ поселеній въ польскихъ мѣстностяхъ, польскіе магнаты не только отказались отъ участія въ этомъ высоко-патріотическомъ дѣлѣ, не только съ презрѣніемъ отвергли предложенныя имъ 30 сребренниковъ, но стали еще при помощи многочисленныхъ польскихъ банковъ усиливать въ своей странѣ польскія поселенія, поддерживать польскихъ крестьянъ!

Послѣ того, какъ мы познакомились съ основными проявленіями вредной дѣятельности поляковъ-кроликовъ, не мѣшаетъ еще упомянуть, что эти зловредные элементы пользуются слѣдующими средствами для борьбы за свою національность. Пользуясь конституціонными правами прусскихъ гражданъ, они создали національно-польскія политическія партіи, при чемъ на своихъ собраніяхъ осмѣливаются произносить рѣчи на своемъ родномъ языкѣ. Всѣ эти партіи, начиная съ аристократической группы придворной партіи и кончая народной, всѣ сходятся въ своей „ненависти“ къ нѣмцамъ; и если придворно-дворянская партія

въ свое время, подъ предводительствомъ Косцѣльскаго, оказала чрезвычайныя услуги германскому правительству, въ особенности своею поддержкой морскихъ плановъ императора Вильгельма, то опять-таки она это сдѣлала только въ своихъ національныхъ видахъ, чтобы добиться обученія въ школахъ на польскомъ языкѣ. Послѣ крушенія этой партіи, такъ называемая національная партія (народовцы) выступила уже съ ясной національной программой. Еще болѣе радикальное правленіе приняла народная польская партія (людовцы) и этимъ обнаружила совершенно всѣ „адскіе“ замыслы поляковъ. И не только эти партіи, но даже и польскіе соціалисты выставили на своемъ знамени извѣстныя національныя требованія. А на помощь полякамъ пришла еще польская пресса. Въ большихъ газетахъ, въ родѣ „Dziennik Poznanski“, „Kuryer Poznanski“, „Orendownik“, національное направленіе производится при помощи „относительно умѣреннаго“ и „осторожнаго языка“: онѣ обращаются къ „уже вышколенной публикѣ“, этимъ газетамъ дорого поддержать извѣстную „журнальную и литературную репутацію“. Гораздо ядовитѣе съ нѣмецкой точки зрѣнія оказываются мѣстные листки, изъ которыхъ нѣкоторые пріобрѣли „извѣстное значеніе“. Таковы, напримѣръ: „Gazeta Gdanska“, „Gazeta Grudziadzka“, „Gazeta Torunska“, и болѣе всего—силезскій „Górnoszlazak“. Во всѣхъ этихъ газетахъ поляки пишутъ по-польски, и во всѣхъ ихъ проводится мысль, что польская національность имѣетъ право не только на существованіе, но и на нѣкоторое политическое представительство. Цѣлый рядъ общественныхъ учрежденій поляковъ представляется, далѣе, нѣмцамъ прямымъ государственнымъ преступленіемъ. Общество имени доктора Марцинковскаго осмѣливается доставлять средства тѣмъ недостаточнымъ молодымъ людямъ польской національности, которые желаютъ посвятить себя наукѣ, литературѣ, искусству. Общество народныхъ читаленъ въ Познани устраиваетъ безплатныя библіотеки съ книгами на польскомъ языкѣ, даже въ гимнастическихъ обществахъ „Соколовъ“ говорятъ по-польски, танцуютъ польскіе танцы, носятъ національные костюмы, играютъ краковякъ и мазурку и тѣмъ несомнѣнно потрясаютъ самыя прочныя основы прусскаго „гостепріимства“. Но и этимъ поляки не удовлетворяются, они идутъ еще дальше въ своихъ противогосударственныхъ стремленіяхъ: они предпочитаютъ покупать нужныя имъ вещи у польскихъ торговцевъ, заказывать сапоги, бѣлье и платье у польскихъ ремесленниковъ, предпочитаютъ служить въ польскихъ заведеніяхъ и учрежденіяхъ, покупать хлѣбъ и сельскіе продукты у польскихъ крестьянъ. Эти преступленія поляковъ носятъ характерное названіе „бойкота нѣмецкой промышленности“ и вызываютъ наибольшую злобу среди прусскихъ германизаторовъ. Являясь въ польскія провинціи съ высокою цѣлью просвѣщенія славянскихъ варваровъ, нѣ-

мецкіе предприниматели, торговцы и ремесленники считають себя при этомъ, конечно, вполнѣ вправѣ получать за это съ поляковъ соотвѣтственную прибыль, какъ мзду за высоко-патріотическое дѣло. Неблагодарные поляки не хотятъ этого, и бѣдные нѣмцы возвращаются вспять, не солоно хлебавши—ужасное положеніе! Но самое главное преступленіе поляковъ мы оставили на конецъ; пора, однако, и его вывести на свѣжую воду: поляки-учителя говорятъ по-польски въ своей семьѣ! Поляки-торговцы свои имена пишутъ на вывѣскахъ по-польски! Поляки обыватели имѣютъ дерзость писать адреса на своихъ письмахъ не по англійски, не по-французски, не по-нѣмецки или итальянски, а пишутъ ихъ прямо таки польскими буквами, употребляя при этомъ и польскія имена! Всѣ эти случаи настолько важны и серьезны, что мы не можемъ идти дальше, не подкрѣпивъ ихъ примѣрами. Къ счастью, депутатъ центра Германъ Реренъ*) приводитъ ихъ въ достаточномъ количествѣ. Итакъ, примѣръ къ первому пункту: достовѣрными свидѣтелями было установлено, что учитель Еркевичъ въ Салоковѣ говорилъ по-польски съ лицами, которыя могутъ понимать по-нѣмецки — этотъ преступникъ былъ лишенъ мѣста и не получилъ больше его въ предѣлахъ прусской монархіи. Примѣры ко второму пункту: a) содержатель омнибуса г. Пейзеръ написалъ на одной сторонѣ своего омнибуса по-нѣмецки „Peisers Omnibus", а на другой по-польски „Omnibus Peisera"; подъ угрозой потери своей концессіи этотъ преступникъ стеръ послѣднее „a" на государственно-опасной надписи. b) Г-жа Болеслава Плавинская написала на вывѣскѣ свое имя съ польскимъ „ł" это ł властями было стерто и замѣнено чисто нѣмецкимъ благонадежнымъ „l" безъ черточки. Одинъ купецъ, по имени Антоній, напечаталъ на своихъ конвертахъ не нѣмецкаго „Anton", а польскаго „Antoni"; этотъ потрясатель основъ былъ немедленно подвергнутъ репрессіямъ и удалилъ возмутительное „i" со своихъ конвертовъ. Примѣры къ пункту третьему безчисленны. Письма съ какими бы то ни было польскими буквами не доставляются адресатамъ. Характеренъ одинъ случай: одинъ господинъ на конвертѣ своего письма „его высокоблагородію" написалъ не по-нѣмецки „seiner Hochwohlgeboren", а по-польски „Wielmozny"—письмо не было доставлено, въ силу того, что адресъ оказался непонятнымъ для почтовыхъ властей. Тогда отправитель письма написалъ буквально тотъ же самый адресъ, но на верху, вмѣсто Wielmozny, написалъ по-англійски „Right Honourable", и письмо было торжественно доставлено адресату. Для оправданія подобной практики высоко-патріотическіе нѣмцы пишутъ цѣлыя юридическія диссертаціи въ родѣ автора сочиненія Паль-

*) Herm. Roeren, Zur Polenfrage (Frankfurter Zeitgemässe Broschüren, Oktober 1902) Hamm i. W. 1902.

цова *), который, изслѣдуя вопросъ о польскомъ языкѣ на публичныхъ собраніяхъ и въ почтовыхъ адресахъ, приходитъ къ слѣдующему результату: „польскіе почтовые адреса обозначаютъ собою провокацію нѣмецкихъ почтовыхъ учрежденій, и если почта относится къ этому вопросу безразлично, то это не соотвѣтствуетъ національному достоинству, которое должно быть соблюдаемо почтой, какъ отраслью имперскаго управленія". На этомъ кончаемъ перечисленіе смертныхъ грѣховъ нашихъ славянскихъ братьевъ въ Пруссіи. Перейдемъ теперь къ юридической основѣ этихъ преступленій.

III.

Въ 1815 г., при присоединеніи великаго герцогства Познанскаго къ Пруссіи, въ договорѣ 3 мая было постановлено: „польскіе подданные должны получить учрежденія, которыя обезпечиваютъ сохраненіе ихъ народности, въ сообразности съ тѣмъ образомъ правленія, который каждая изъ участвующихъ державъ найдетъ за благо имъ предоставить". Эту же точку зрѣнія поддерживалъ въ своей прокламаціи прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III, когда сказалъ полякамъ: „и вы имѣете отечество и вмѣстѣ съ нимъ примите отъ меня доказательство моего уваженія къ вашей привязанности къ нему. Вы присоединяетесь къ моей монархіи безъ того, чтобъ вы должны были отказаться отъ вашей національности. Вашъ языкъ на ряду съ нѣмецкимъ долженъ примѣняться во всякомъ публичномъ производствѣ". Первый намѣстникъ великаго герцогства, князь Радзивиллъ, представляя особу прусскаго короля, обратился, въ полномъ согласіи съ этимъ принципомъ, съ слѣдующими словами къ населенію области: „ваши національныя особенности состоятъ въ вашемъ языкѣ, въ вашихъ нравахъ и обычаяхъ. Эти дорогія вамъ черты вы должны сохранить, такъ какъ вы унаслѣдовали ихъ отъ вашихъ отцовъ. Новая семья, которая васъ принимаетъ, оставитъ ихъ неприкосновенными". Какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Реренъ, прусская конституція 1850 г. вполнѣ осуществила эти обѣщанія. Согласно § 4 тамъ провозглашено, что всѣ прусскіе подданные „равны передъ закономъ". Этимъ прямо уничтожена всякая возможность ограниченія въ правахъ прусскихъ подданныхъ въ силу различія исповѣданія или національностей. „Такъ", говоритъ Реренъ, „поляки не образуютъ особой части населенія внѣ прусскаго государства и не обладаютъ никакими особыми правами и обязанностями. Напротивъ того, изъ нихъ вмѣстѣ съ согражданами нѣмецкой національности, создано прусское государ-

*) Hans Paalzow. Zur Polenfrage. Der Gebrauch der polnischen Sprache in politischen Versammlungen. Die polnischen Postadressen. Berlin. 1902.

ство". Подобное уравненіе поляковъ въ государственномъ отношеніи находитъ полную аналогію и подтвержденіе и въ имперской конституціи. Ея § 3, опредѣляющій права индигената имперіи, гласитъ: „для всей Германіи существуетъ общій индигенатъ (право гражданства) съ тѣмъ дѣйствіемъ, что каждый членъ (подданный, гражданинъ) каждаго отдѣльнаго союзнаго государства подлежитъ такому же обращенію со стороны всякаго другого союзнаго государства, какъ туземецъ, а въ силу этого... долженъ быть допущенъ къ пріобрѣтенію недвижимыхъ имуществъ... и къ пользованію всѣми прочими гражданскими правами на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и туземцы"... Совершенно на тѣхъ же основаніяхъ полнаго уравненія поляковъ съ нѣмцами изданъ также имперскій законъ о свободѣ передвиженія. Въ его § 1 значится: „каждый, принадлежащій къ имперіи, имѣетъ право въ предѣлахъ имперіи: во 1-хъ, останавливаться и селиться въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ только онъ въ состояніи обосновать свое собственное жилище или средства къ пропитанію; во 2-хъ, на каждомъ мѣстѣ пріобрѣтать недвижимую собственность"... §§ 873 и 925 новаго гражданскаго уложенія не предусматриваютъ также никакихъ національныхъ различій въ дѣлѣ пріобрѣтенія и укрѣпленія недвижимыхъ имуществъ. Точно также нѣмецкое законодательство о прессѣ и публичныхъ собраніяхъ не знаетъ никакихъ предписаній, которыя запрещали бы употребленіе польскаго языка на собраніяхъ или въ печати. Какъ ясно сказано въ § 1 имперскаго закона о прессѣ 1874 г., „свобода прессы не подлежитъ никакимъ другимъ ограниченіямъ, кромѣ тѣхъ, которыя предписаны или допущены настоящимъ закономъ". Для появленія повременнаго изданія на польскомъ языкѣ не требуется въ силу этого закона никакихъ предварительныхъ разрѣшеній. Мало этого, этотъ законъ положительно запрещаетъ (§ 3) лишеніе почтоваго кредита какого бы то ни было выходящаго въ Германіи политическаго повременнаго изданія. Что же касается постановленій прусской конституціи о правѣ сходокъ и соединеній, въ силу которыхъ изданъ законъ 11 марта 1850 г., то на основаніи этихъ постановленій не одно польское публичное собраніе политическаго характера не можетъ быть распущено только въ силу того, что въ его средѣ говорятъ по-польски; и эти предписанія § 5 закона о сходкахъ неоднократно были подтверждены рѣшеніями высшаго суда административной юстиціи. Совершенно въ согласіи съ этими положеніями стоитъ не только § 17 закона 1869 г. о выборахъ въ германскій рейхстагъ, но и § 21 указаннаго выше прусскаго закона, касающагося союзовъ и соединеній. Въ виду этого не можетъ быть ни малѣйшаго юридическаго основанія для запрещенія польскаго языка въ прессѣ и политической жизни страны. Точно также лишена юридическаго основанія и практика почтовыхъ имперскихъ учрежденій, отказывающая адре-

сатамъ въ полученіи писемъ съ польскими адресами. На основаніи § 50 закона объ имперской почтѣ имперскимъ канцлеромъ въ 1900 г. было издано распоряженіе, которое требуетъ, чтобы „на адресахъ писемъ получатель письма и мѣсто назначенія были обозначены настолько ясно и точно, чтобы была предупреждена этимъ всякая неизвѣстность". Какъ очевидно, о польскомъ языкѣ здѣсь не говорится ни слова, и для него не дѣлается никакихъ исключéній. И если по-польски „ясно и точно" написанъ адресъ, то само собою слѣдуетъ, что письмо должно быть доставлено.

Итакъ, казалось бы, всѣ перечисленныя нами „преступленія" поляковъ оказываются вовсе не преступленіями, а просто осуществленіемъ правъ, обезпеченныхъ имъ прусской конституціей и законами въ качествѣ гражданъ прусской монархіи. Въ правовомъ государствѣ, впрочемъ, и не можетъ быть иначе. Обезпечивая своимъ гражданамъ равныя права и ставя ихъ подъ общую сѣнь закона, государство этого типа не вмѣшивается непосредственно въ общественную борьбу, а устанавливаетъ только общія рамки, среди которыхъ она происходитъ. Въ основу всего строя здѣсь положена мысль, что общество не можетъ жить и развиваться безъ противоположности интересовъ, безъ экономическихъ, культурныхъ и національныхъ партій, которыя преслѣдуютъ часто противоположныя цѣли и вступаютъ въ ожесточенную борьбу другъ съ другомъ. И правовое государство не боится этихъ противоположностей, напротивъ того, оно основывается на томъ опытѣ, что свободная борьба равносильныхъ общественныхъ движеній неминуемо приводитъ къ ихъ взаимному смягченію и необходимой гармоніи различныхъ интересовъ. Только въ томъ развѣ случаѣ современное государство оставляетъ свою пассивную и регулирующую роль въ общественной борьбѣ, когда на чьей-нибудь одной сторонѣ образовывается чрезмѣрный перевѣсъ силы, которая давитъ противную партію, соціальный классъ или сословіе и тѣмъ наноситъ непоправимый вредъ всему цѣлому. Такъ, современное государство становится по принципу на защиту рабочихъ противъ класса капиталистовъ, охраняетъ отъ фанатичныхъ преслѣдованій со стороны большихъ религіозныхъ обществъ небольшія секты, защищаетъ интересы какой-нибудь слабой національности, хотя бы даже некультурной и вымирающей, противъ насильственнаго истребленія со стороны могучаго и далеко превосходящаго знаніями и энергіей противника. Въ этихъ случаяхъ правовое государство уже не ограничивается ролью простого регулятора процесса, оно прямо приходитъ на помощь слабымъ, угнетеннымъ, эксплуатируемымъ, а этимъ самымъ отъ юридической буквы и политическаго шаблона переходитъ къ воплощенію самой идеи новаго государства, какъ гуманной и справедливой общественной организаціи. Правда, бываютъ случаи, когда государство обязано прибѣгнуть къ болѣе рѣшительнымъ, порою даже

насильственнымъ и грубымъ мѣрамъ, когда оно прибѣгаетъ къ послѣднему своему аргументу—къ элементарной силѣ и давитъ тѣ или другія соціальныя движенія вооруженной и тяжкой рукой; но такіе случаи примѣненія государственной силы въ правовомъ государствѣ являются рѣдкимъ исключеніемъ и то только тогда, когда политическому организму страны грозитъ внезапная и чрезвычайная опасность, которая несетъ съ собою разореніе страны, гибель ея населенія, анархію или чужеземное нашествіе. Эти и тому подобные случаи чрезвычайной опасности предусмотрѣны въ конституціонномъ правѣ европейскихъ державъ со всей возможной точностью и опредѣленностью, и только для этихъ случаевъ конституціи открываютъ возможность чрезвычайныхъ полномочій исполнительной власти, только ими обусловливаютъ появленіе чрезвычайнаго законодательства и связанныхъ съ нимъ чрезвычайныхъ мѣръ.

Взятыя съ этой точки зрѣнія перечисленныя нами проявленія польской національной жизни не представляютъ собою никакихъ признаковъ, которые могли бы оправдывать здѣсь какъ вмѣшательство государства вообще, такъ и принятіе чрезвычайныхъ мѣръ въ частности. Какъ совершенно вѣрно замѣтилъ однажды польскій журналъ „Orendownik“: „поляки исполняютъ всѣ, именно всѣ свои обязанности по отношенію къ престолу, правительству и государству. Строгое исполненіе ими долга обусловлено уже тѣмъ, что они должны его исполнить, и при томъ не смотря на то, справедливо или нѣтъ приказанное имъ. Съ какимъ чувствомъ они это дѣлаютъ, это безразлично; здѣсь достаточенъ тотъ фактъ, что императору мы воздаемъ то, что надлежитъ императору, а государству то, что принадлежитъ ему. Это должно вполнѣ удовлетворять какъ правительство, такъ и нѣмцевъ. И если польское населеніе пользуется всѣми благодѣяніями законодательства и государственныхъ учрежденій, направленными къ его моральному и матеріальному развитію, то оно отнюдь не видитъ въ этомъ акта милости, которую бы оказывало здѣсь прусское правительство, такъ какъ оно съ своей стороны за все получаемое даетъ правительству полное вознагражденіе. Польское населеніе снабжаетъ прусскую армію способными солдатами, которые сражаются во всѣхъ ея военныхъ походахъ, оно платитъ подати и доставляетъ многочисленный контингентъ низшихъ служащихъ для самыхъ различныхъ отраслей управленія; кромѣ того, какъ подданные, поляки ведутъ себя образцово. Гдѣ же теперь находятся тѣ признаки, которые могли бы оправдать высказанное утвержденіе... что польскій элементъ на востокѣ враждебенъ правительству и государству?“ И въ самомъ дѣлѣ, всѣ свои обязанности въ качествѣ подданныхъ поляки исполняютъ точно такъ же, какъ нѣмцы, а если и стремятся къ сохраненію своей народности, то въ этомъ опять таки работаютъ и борются только въ тѣхъ предѣлахъ, которые установ-

лены для общественной борьбы во всякомъ правовомъ государствѣ, основанномъ на свободномъ и автономномъ развитіи національныхъ и экономическихъ силъ. Они борются за свою національность—но они имѣютъ на это полное право и въ силу исторической своей судьбы, и въ силу тѣхъ естественныхъ правъ человѣка, которыя признаны прусской конституціей въ ея широковѣщательномъ введеніи. Они борются за свой языкъ, свои обычаи, свою культуру, за польскую самобытность и поэзію, за польское политическое сознаніе, за свои соціальные и государственые идеалы — но при этой борьбѣ они не представляютъ собою ни подавляющаго большинства всего населенія Пруссіи, ни даже исключительнаго населенія какой-либо части монархіи; они отстаиваютъ себя и родной имъ бытъ со всѣмъ упорствомъ горячихъ патріотовъ, ихъ дѣти готовы идти въ прусскія тюрьмы за право читать Мицкевича и Крашевскаго, за любовь къ своей несчастной и вмѣстѣ съ тѣмъ родной и любимой странѣ — но они при этомъ пользуются только средствами мирной пропаганды, которая въ одинаковой степени доступна всякому пруссаку, будь онъ датскаго, нѣмецкаго или французскаго происхожденія. И менѣе всего могутъ быть оправданы противъ поляковъ мѣры насильственныя и чрезвычайныя вродѣ государственной колонизаціи польскихъ областей, ограниченія правъ польскаго землевладѣнія или стѣсненія поляковъ въ ихъ духовной и промышленной жизни. Какъ прекрасно сказалъ по поводу нѣмецкой колонизаціи польскихъ провинцій покойный Вирховъ: „это насиліе и это насиліе тѣмъ болѣе въ тотъ моментъ, когда открыто объявляютъ части прусскихъ и общенѣмецкихъ подданныхъ, что будутъ примѣнены средства закона для того, чтобы выгнать ихъ съ части той земли, гдѣ сидѣли ихъ предки и гдѣ родились они сами. И, на самомъ дѣлѣ, одна изъ величайшихъ жестокостей, которыя можно примѣнить къ человѣку, это—сдѣлать опытъ прямо вышвырнуть его отъ его родного очага. Вправду, я не знаю ничего, что можно себѣ представить болѣе жестокимъ! И происходитъ ли это при помощи тѣхъ средствъ, которыя такъ любезны канцлеру, а именно, при помощи денегъ и судебной процедуры, или производятъ это при помощи силы оружія или какимъ нибудь другимъ способомъ, это вѣдь только модификація, созданная прогрессомъ эпохи, отнюдь не уменьшающая хоть сколько-нибудь насильственность мѣропріятія“. И это насиліе въ дѣйствительности не имѣетъ за собою никакихъ оправдывающихъ его основаній. Послушаемъ, что говорятъ по этому поводу сами пожиратели поляковъ, проповѣдники ихъ полной германизаціи или даже изгнанія изъ предѣловъ Пруссіи.

Тутъ мы встрѣчаемся съ удивительнѣйшими видами. Эти господа, подъ вліяніемъ своей ненависти къ славянству, отказываются отъ благодѣяній правового строя, извращаютъ законъ и

конституцію, прибѣгаютъ къ самымъ невѣроятнымъ софизмамъ для того, чтобы придать хоть тѣнь правовой возможности своимъ стремленіямъ къ насилію и гнету, своимъ проектамъ безразборчивой германизаціи славянъ. Г. ассессоръ Герръ, получившій, кстати сказать, за свои писанія теплое мѣстечко при нѣмецкой колонизаціонной коммиссіи въ Познани, — этотъ, успѣшно дѣлающій свою карьеру, чинъ, ставящій въ ироническія кавычки самое слово правовое государство, — говоритъ „ясными словами" то, что, по его мнѣнію, многіе втихомолку думаютъ про себя: „не всѣ такъ называемыя гарантіи личной свободы и выведенныя изъ наивнаго понятія естественной свободы человѣка права пруссаковъ и не всякую правовую защиту противъ публичнаго управленія, которыми конституціонизмъ XIX вѣка наградилъ въ равной степени вмѣстѣ съ нѣмцами и чужаковъ, — не всѣхъ ихъ можно сегодня хранить безъ всякихъ сокращеній въ виду славянской опасности безъ того, чтобы не измѣнить высшему принципу отдѣльнаго лица и публичнаго общежитія, а именно самосохраненію. Ибо возвышенное правоположеніе, что только соотечественникъ является полноправнымъ — положеніе, которое составляло основной столбъ правовой системы какъ германцевъ, такъ и римскаго народа — коренится безконечно глубоко въ народной душѣ". „Тѣ чрезвычайныя мѣры, въ которыхъ мы нуждаемся, мы можемъ найти въ измѣненіи нашего законодательства. Сама собою остается при этомъ необходимость, чтобы это измѣненное законодательство было приведено въ полное дѣйствіе при строгомъ и неколебимомъ направленіи администраціи, а исполненіе этихъ законовъ обусловливается наличностью вышколеннаго въ національной борьбѣ, безусловно благонадежнаго высшаго и низшаго чиновничества". И бравый ассессоръ Герръ не стѣсняется ни передъ германской, ни передъ прусской конституціей. Не безъ легкомысленнаго ухарства вспоминаетъ онъ при этомъ какъ исключительное законодательство Kulturkampf'а, такъ и блаженной памяти законъ о соціалистахъ. „И послѣ такихъ опытовъ мы, которые всетаки могли немножко выучиться реальной политикѣ въ бисмарковской школѣ, мы будемъ стѣсняться обнажить отточенныя орудія противъ чужеродныхъ, противодѣйствующихъ государственной идеѣ членовъ нашего государственнаго тѣла, когда мы уже обнажали ихъ противъ нашихъ собственныхъ соотечественниковъ!" Правильно: въ логикѣ административнаго восторга нельзя отказать лихому ассесору, тѣмъ болѣе, что эта логика получила уже свое надлежащее вознагражденіе. Однако, и на самомъ ассесорѣ чувствуется давленіе „проклятаго" правового строя и зависимость его проектовъ отъ народнаго представительства. Рекомендуя самыя сокрушительныя мѣры по отношенію къ полякамъ, онъ внезапно ощущаетъ стыдъ передъ наивнымъ поня-

тіемъ естественной свободы и свое оружіе предпочитаетъ вонзить врагу не въ грудь спереди, какъ подобало бы ученому Бисмарку, а воткнуть его втихомолку сзади, прикрывъ свой маневръ мантіей не исключительнаго законодательства, а „строгаго“ осуществленія существующихъ нормъ правового государства. „Рекомендуется“,— говоритъ нашъ дипломатъ,—„по возможности избѣгнуть собственно исключительнаго законодательства, скорѣе представлялось бы политичнымъ установить путемъ законодательства только извѣстные необходимо нужные основные принципы въ разныхъ областяхъ управленія, предоставивъ уже администраціи дальнѣйшую постройку зданія на этой основѣ“. Другими словами: не путемъ открытаго всѣмъ возвѣщеннаго закона, а путемъ административнаго произвола, окутаннаго канцелярской тайной, рекомендуетъ этотъ авторъ провести мѣры германизаціи поляковъ. И на Бисмарка походить хочется, да и стыдно немножко! Бисмаркъ, однако, никогда не стыдился.

Другую теорію для оправданія мѣръ насилія и произвола противъ поляковъ строитъ солидный и нравственно мыслящій Массовъ. Онъ становится совершенно на иную почву. Онъ не наскакиваетъ на конституцію, какъ г. Герръ, а дѣлаетъ подъ нее благонамѣренный подкопъ. И прежде всего онъ высмѣиваетъ съ чрезвычайной ядовитостью тѣхъ „доктринеровъ“ въ области политики, которые придерживаются въ пониманіи закона „юридическаго формализма“, требуютъ у нѣмцевъ сочувствія къ народу, такъ много страдавшему и лишенному навѣки отечества, и во имя „христіанской любви и гуманности“ желаютъ примиренія съ поляками. Самъ г. Массовъ разсуждаетъ не такъ, какъ осмѣянный имъ „Herr Doctrinarius“. Онъ пускается въ область политической благонадежности и оттуда извлекаетъ то оружіе, которымъ онъ рѣжетъ затѣмъ ловко и изящно какъ прусскую конституцію, такъ и польскія права. Г. Массовъ становится на точку зрѣнія „чувствъ“. Онъ считаетъ, что всѣ блага современнаго государства дарованы его гражданамъ подъ тѣмъ подразумѣваемымъ условіемъ, что они исполняютъ не только свои обязанности, но и чувствуютъ всегда именно такъ, какъ приказываетъ начальство въ виду такъ называемаго общаго блага. „Если конституція даетъ извѣстное число правъ“, говоритъ этотъ авторъ, „которыя предполагаютъ въ своей основѣ непосредственный интересъ гражданъ, направленный къ цѣлости государства и общему благу, то не существуетъ никакихъ точныхъ признаковъ, въ силу которыхъ можно было бы отличить гражданина, удовлетворяющаго этому предложенію, отъ всякаго иного. Исполненіе нѣкоторыхъ государственныхъ обязанностей можетъ быть обезпечено уголовнымъ закономъ. Однако, таковыми могутъ быть только обязанности, которыя признаны необходимыми въ силу личнаго интереса гражданъ или общепризнанныхъ требованій нравственнаго закона. Съ другой

же стороны, именно обязанности, предположеніемъ которыхъ является интересъ въ существованіи государства и развитіи цѣлаго, именно онѣ требуютъ извѣстнаго простора для личности, и именно потому современное конституціонное государство обезпечиваетъ необходимую въ интересѣ цѣлаго свободу при помощи избирательнаго права и свободы прессы, собраній и сходокъ, что оно стремится къ содѣйствію отдѣльной личности и къ общей ея отвѣтственности за благо общее. Въ силу этого государство должно дать возможность пользованія различными средствами и путями, при помощи которыхъ граждане, сообразно своему міросозерцанію и партійной принадлежности, желаютъ содѣйствовать общему благу; должно прислушиваться къ нимъ и должно даже терпѣть оппозицію, которая ему, во всѣхъ отношеніяхъ, неудобна. При этихъ условіяхъ всегда, конечно, возможно, что кто-нибудь держится во всѣхъ законно-осязаемыхъ отношеніяхъ вполнѣ безупречно и вмѣстѣ съ тѣмъ работаетъ ко вреду государства, отъ котораго онъ пользуется конституціонными правами, не признавая для себя обязательнымъ или, по крайней мѣрѣ, на долго связывающимъ тотъ нравственный долгъ по отношенію къ отечеству, который подразумѣвается само-собою, какъ предположеніе указанныхъ правъ". И поляки, какъ оказывается, „великолѣпно" сумѣли утилизировать такое положеніе: „среди широкихъ границъ, которыя опредѣлены очень предусмотрительно и точно, и найти которыя этой націи, въ особенности одаренной хитростью и лукавствомъ, не было большого труда, они успѣваютъ довольно-таки открыто и свободно дѣйствовать въ своихъ національныхъ цѣляхъ и хранить свою обособленность: вѣдь они исполняютъ всѣ законы и пользуются только конституціоннымъ правомъ свободнаго выраженія своихъ мнѣній". Мало того: „ловкость въ пользованіи конституціонными правами для цѣлей агитаціи противъ государственной неприкосновенности достигла у поляковъ настоящей виртуозности, такъ что всякое энергическое мѣропріятіе властей противъ явныхъ злоупотребленій поляковъ ими немедленно можетъ быть запятнано, какъ преступленіе противъ конституціонной свободы, а при этомъ, по общему правилу, и нѣмецкія оппозиціонныя партіи становятся ихъ союзникомъ".

Нельзя не отдать Массову справедливости, онъ не безъ остроумія пришелъ къ необходимости лишить поляковъ всѣхъ конституціонныхъ политическихъ правъ, и хотя трудно ему было отличить лицъ, обладающихъ нравственной приверженностью къ Пруссіи, отъ лицъ, оною не обладающихъ, онъ, однако, съ неукоснительностью прозрѣлъ „враговъ отечества" и лишеніемъ гражданъ конституціонныхъ правъ спасъ нравственную сущность самой конституціи. Въ одномъ только ошибается г. Массовъ: правовое государство не есть режимъ, построенный на гибкихъ и весьма измѣнчивыхъ „нравственныхъ предположеніяхъ",—какъ

это бываетъ при патріархальномъ строѣ. Дѣйствительно, въ государствахъ послѣдняго типа все держится на нравственныхъ предположеніяхъ, здѣсь нужны не столько дѣйствія, сколько чувства. Чувствами опредѣляются здѣсь и мѣропріятія, направленныя къ блаженству обывателя, чувствами создаются самыя различныя перемѣны курса, чувства подсказываютъ тамъ назначеніе на должности, раздачу почестей и украшеній отличившимся. Съ другой же стороны, тамъ существуетъ и строгая обязанность для обывателя чувствовать именно такъ, какъ это въ данное время указано свыше начальственными распоряженіями и проявлять эти чувства въ такой формѣ и въ такомъ объемѣ, какъ это въ данный моментъ должно содѣйствовать осуществленіямъ предписаннаго въ надлежащемъ порядкѣ общаго блага; и вполнѣ понятно, что въ такой странѣ чувствамъ ведется строгая регистрація, и блюдетъ за ними морально-полицейскій сыскъ, а недостаточныя чувства или неукоснительно караются при помощи приставленныхъ къ чувствамъ чиновниковъ, или же получаютъ надлежащее дополненіе, развитіе и направленіе... Г. Массовъ забылъ, что правовое государство именно потому и называется правовымъ, что оно не въ чувствахъ, а въ строго-юридическихъ обязанностяхъ находитъ свою исключительную опору, въ незыблемомъ и неизмѣнчивомъ законѣ права создаетъ свой государственный скелетъ и самое существованіе государства, безопасность его обитателей и развитіе цѣлаго ставитъ внѣ всякой непосредственной зависимости отъ политики и этики чувства. Политическая и соціальная борьба свободныхъ общественныхъ силъ замѣняетъ собою въ новомъ государствѣ политику чувствъ патріархальнаго строя. Въ широкихъ слояхъ политически управомоченнаго народа находятъ свое рѣшеніе тяжелые, а подчасъ и больные, вопросы текущей современности. Снабженная политическими правами личность въ окончательномъ исходѣ является факторомъ этой борьбы, и безъ свободы гражданина немыслимо такое разрѣшеніе этихъ вопросовъ, которое бы удовлетворило общественное сознаніе націи. И только тѣ элементы, которые чувствуютъ себя слабыми въ культурной и экономической борьбѣ, только тѣ, кто не надѣются на побѣду въ порядкѣ мирнаго состязанія политическихъ мнѣній и силъ, — только тѣ, подобно Массову, начинаютъ заниматься при представительномъ режимѣ розыскомъ чувствъ и прибѣгаютъ къ мѣрамъ трусливаго и лицемѣрнаго терроризма.

Предлагая прусскому государству приступить къ „прямой работѣ“, направленной къ распространенію германизма на востокѣ, и не останавливаясь вмѣстѣ съ тѣмъ даже ни передъ какими рѣшительными средствами, такъ какъ „наличность прусскихъ государственныхъ правъ обусловливаетъ собою государственную обязанность стоять за длительные интересы прусскаго государства“, Массовъ не останавливается, далѣе, передъ естественнымъ

вопросомъ: что же будутъ дѣлать поляки, когда ихъ раздавитъ такая „превосходная активная сила"? Этимъ вопросомъ нашъ авторъ не интересуется вовсе, онъ говоритъ совершенно откровенно: „какія послѣдствія выведутъ изъ этихъ мѣръ поляки, объ этомъ, конечно, ничего нельзя сказать. Подчинятся ли они молча и безъ сопротивленія силѣ вещей, выселятся ли они изъ области, которая опять никогда не можетъ быть ихъ отечествомъ въ смыслѣ ихъ желанія, или они присоединятся по принужденію къ нѣмцамъ и постепенно отрекутся отъ своей національности, этого мы не можемъ знать, да и не желаемъ ломать себѣ надъ этимъ голову. Мы видимъ только одно,—а именно, что существуетъ полная возможность безъ поврежденія конституціи и нарушенія права (?) достичь того, чтобы поляки стали безвреднымъ элементомъ нашей государственной жизни..." И, дѣйствительно, понимая такъ право и конституцію, какъ это указано выше, г. Массовъ имѣлъ уже полную возможность разработать ту рафированную систему заплечныхъ дѣлъ мастерства, которую онъ даетъ намъ въ своей книгѣ. Съ знаніемъ дѣла и съ удивительной послѣдовательностью даетъ онъ рецепты для умерщвленія всякихъ признаковъ польской національности въ прусскихъ полякахъ, для водворенія полицейскаго насилія, шпіонства и преслѣдованій въ странѣ, которая имѣла несчастіе попасть подъ владычество прусскаго одноглаваго орла.

Упомянемъ, полноты ради, еще объ одной игривой юридической конструкціи, которая изобрѣтена съ той невинной цѣлью, чтобы, не устраняя формально конституціи и оффиціальныхъ правъ гражданъ, тѣмъ не менѣе, поставить поляковъ совершенно внѣ того и другого. Эту заслугу мы можемъ въ полной мѣрѣ приписать профессору Цорну, который для своей теоріи прибѣгъ къ нѣсколько другимъ „предположеніямъ" конституціи и закона, чѣмъ Массовъ. Этотъ представитель ученой „лейбъ-гвардіи" прусскаго министерства народнаго просвѣщенія рѣшилъ, что всѣ акты нѣмецкаго законодательства уже тѣмъ самымъ требуютъ изгнанія всего польскаго изъ общественной жизни, что они написаны на нѣмецкомъ языкѣ, для нѣмецкихъ гражданъ и изданы національной нѣмецкой властью. Такимъ образомъ, выходитъ, что нѣмцы писали законы только для нѣмцевъ, а въ силу этого, если поляки не хотятъ остаться внѣ закона, они должны непремѣнно стать нѣмцами. Блестящимъ подтвержденіемъ этой теоріи является тотъ пунктъ имперской конституціи, который говоритъ, что она издается для „блага нѣмецкаго народа". Подобные выводы простительны, конечно, только одному Цорну, ему одному позволительно не знать, что въ составѣ законодательныхъ камеръ Пруссіи и Германіи засѣдаютъ національныя польскія фракціи, а слѣдовательно, вырабатываютъ законы вмѣстѣ съ нѣмцами, что понятіе народа употреблено въ конституціи въ госу-

дарственномъ, а не національномъ смыслѣ, наконецъ, что тамъ, гдѣ общій законъ не дѣлаетъ никакихъ положительныхъ изъятій, никакое, даже самое патріотическое толкованіе не можетъ создать ихъ вопреки закону...

Признаться тяжело было писать эти строки, тяжело приводить софизмы и злобныя извращенія правовыхъ нормъ, которыя продиктованы гражданамъ конституціоннаго государства національной враждой и расовой ненавистью. Одно дѣлаетъ честь всѣмъ этимъ авторамъ: даже въ своей слѣпой враждѣ они не могутъ не признать, что изданіе въ настоящее время исключительныхъ законовъ съ полной отмѣной конституціи для поляковъ вещь совершенно невозможная, и они довольствуются только ея частичнымъ упраздненіемъ.

IV.

Какъ извѣстно, еще при князѣ Бисмаркѣ и по его совѣту образовался „Союзъ для поощренія нѣмецкаго элемента въ Восточной Маркѣ". Во главѣ стали знаменитые отнынѣ мужи: Кеннеманъ изъ Кленки, Тидеманъ изъ Зеегейма и Ганземанъ изъ Пемпова—всѣ трое мужи „чистаго воодушевленія въ пользу нѣмецкаго дѣла, полные благороднаго стремленія и свѣжей энергіи". Этотъ союзъ уже въ самомъ началѣ не былъ оцѣненъ и понятъ по достоинству ни поляками, ни массой „индифферентныхъ" нѣмцевъ. По именамъ указанныхъ трехъ мужей назвали поляки союзъ „Towarzystwo H-K-T" или обществомъ Га-Ка-Тэ, окрестили самое дѣло поощренія „гакатизмомъ", а чиновъ союза „гакатистами", и подъ этимъ саркастическимъ наименованіемъ пошло гулять дѣло германизаціи поляковъ и въ польской, и нѣмецкой прессѣ, и сразу стало соединяться съ понятіемъ національной нетерпимости, дикой расовой вражды и грубаго шовинизма. Скомпрометированное съ самаго начала, общество гакатистовъ очень туго развивалось и вслѣдствіе полной своей неудачи преобразовалось въ 1900 г. въ „Новый нѣмецкій союзъ Восточной Марки". Только въ послѣднее время, подъ вліяніемъ враждебной полякамъ прусской политики, обновленный союзъ нѣсколько ожилъ, однако, и до сихъ поръ, по признанію самихъ гакатистовъ, воззванія союза встрѣчаются со стороны нѣмецкаго населенія съ „нескрываемымъ недовѣріемъ". Гакатистамъ не помогаютъ въ ихъ дѣлѣ даже тѣ „теплыя симпатіи", которыя къ нимъ питаютъ различныя протестантскія соединенія, въ родѣ евангелическаго союза или общества Густава Адольфа. За то союзъ Восточной Марки возмѣщаетъ чрезвычайной яростью тона и рѣшительностью своихъ мѣропріятій малую успѣшность своихъ дѣйствій. И въ этомъ

отношеніи его успѣшно поддерживаетъ пангерманскій союзъ который задается еще болѣе широкими планами и изъ Австріи и Германіи думаетъ создать всенѣмецкое царство и поработить ему всѣ низшія славянскія расы.

Этимъ, въ сущности, и ограничивается общественная и соціальная борьба нѣмцевъ съ поляками на востокѣ Пруссіи. Все остальное, что сдѣлано для германизаціи края, предпринимается прусскимъ правительствомъ, опирающимся, въ свою очередь на консервативно-юнкерское большинство прусскаго классового представительства.

Уже въ 1886 г. было приступлено къ созданію того „фонда для подкупа“ (Korruptionsfond), по выраженію покойнаго Виндгорста,—который долженъ былъ соблазнить польскихъ помѣщиковъ къ отчужденію ихъ имѣній въ нѣмецкія руки и явиться, такимъ образомъ, платою полякамъ за измѣну ихъ народности. Предполагалось, что поляки, хозяйство которыхъ исторически славилось своей запущенностью, съ радостью ухватятся за предлогъ поправить свои разстроенныя дѣла и продадутъ польскую идею за полновѣсную нѣмецкую монету. Закономъ 26 апрѣля 1886 г. было ассигновано 100.000.000 марокъ „въ видахъ усиленія германскаго элемента въ провинціяхъ западной Пруссіи и Познани поселеніемъ нѣмецкихъ крестьянъ и рабочихъ, для противодѣйствія стремленіямъ къ ополячиванію“. Эти деньги должны были расходоваться: „на предметъ: 1) пріобрѣтенія покупкою земель; 2) покрытія, въ мѣрѣ необходимости, расходовъ: а) по первоначальному устройству; б) по удовлетворенію потребностей церковныхъ, школьныхъ и сельскаго управленія лицъ, поселенныхъ на новыхъ участкахъ средняго и мелкаго размѣра, а равно цѣлыхъ сельскихъ обществъ, устроенныхъ, какъ на спеціально для того пріобрѣтенныхъ (§ I), такъ и на иныхъ, принадлежащихъ казнѣ, земляхъ“. Характерно то обстоятельство, что при самомъ проведеніи этого закона — какъ это видно изъ протоколовъ ландтага—правительство, принимая такую крупную мѣру для германизаціи провинціи, въ то же самое время отрицало самымъ положительнымъ образомъ германизаціонныя цѣли своего проекта. Самое дѣло колонизаціи было поручено особой поселенческой коммиссіи, которая немедленно и приступила къ выполненію своей задачи *).

Въ 1898 г. въ распоряженіе коммиссіи было предоставлено еще 100.000.000 марокъ, въ 1902 г. новыя 150.000.000 марокъ, а въ 1903 г. еще 100.000.000 мар. На эти громадныя суммы было всего

*) Германская колонизація польскихъ провинцій Пруссіи по закону 26 апрѣля 1886 г. Изданіе канцеляріи комитета министровъ. С.-Петербургъ, 1894 г.

пріобрѣтено до 1903 г. помѣщичьихъ земель 219,948 гектаровъ за общую сумму 166.426.263 марокъ и крестьянскихъ участковъ 8,605 гектаровъ цѣнностью въ 8.927.362 марокъ, итого 228.553 гектаровъ цѣною въ 175.353.630 марокъ. Въ одномъ 1903 г, было пріобрѣтено 42,052 гектаровъ, цѣною въ 42.344.114 марокъ. Однако, разсчеты на продажность польскихъ помѣщиковъ-кроликовъ рушились самымъ невѣроятнымъ образомъ: польское хозяйство давно уже отжило времена шляхетской неурядицы и въ послѣднее время замѣчательно окрѣпло во всѣхъ отношеніяхъ подъ вліяніемъ новаго капиталистическаго развитія; съ другой стороны, сыграло здѣсь не маловажную роль и чувство чести польскаго дворянства, которое считало позоромъ для себя предложенный нѣмцами гешефтъ за счетъ національной идеи.

Окрѣпшая польская буржуазія пришла на помощь польскому крестьянину и помѣщику; былъ организованъ самымъ широкимъ образомъ сельско-хозяйственный кредитъ, и въ нѣмецкія руки изъ польскихъ земель стали попадать только весьма ничтожныя части. Такъ, изъ всѣхъ пріобрѣтенныхъ поселенческой коммиссіей земель изъ польскихъ рукъ было куплено 140 отдѣльныхъ имѣній, 20 имѣній безъ вотчинной самостоятельности и 123 крестьянскихъ двора. Площадь этихъ пріобрѣтеній охватываетъ собою 95,713 гектаровъ, цѣнностью въ 70.027.430 марокъ, всю же остальную массу земель нѣмцамъ пришлось покупать уже изъ нѣмецкихъ рукъ, или, другими словами, на мѣсто прусскихъ помѣщиковъ-юнкеровъ пришлось сажать нѣмецкихъ крестьянъ и батраковъ; всего изъ нѣмецкихъ рукъ было пріобрѣтено 195 самостоятельныхъ и 50 не самостоятельныхъ имѣній и 103 крестьянскихъ двора. Общая площадь этихъ земель охватываетъ собою 132,840 гектаровъ, цѣною въ 105.326.200 марокъ, эта площадь составляетъ 58% всей пріобрѣтенной земли. Въ 1903 г. было пріобрѣтено польскихъ земель 3,067 гект. или, другими словами, всего только 7,3% всего приращенія этого года. Самый составъ нѣмецкихъ поселенцевъ такъ же не долженъ быть признанъ особенно пріятнымъ для дѣлъ колонизаціи: изъ всей массы колонистовъ, поселенныхъ съ 1886—1902 гг., 33% приходится на нѣмецкихъ уроженцевъ колонизируемыхъ областей, или, иначе говоря, на тѣхъ самыхъ испорченныхъ польскою пропагандою нѣмцевъ, которые оказались столь слабыми передъ напоромъ поляковъ. Въ одномъ только отношеніи коммиссія вполнѣ оправдала свою задачу: она тщательно избѣгала нѣмецкихъ поселенцевъ католическаго исповѣданія: въ 1903 г. изъ 2.000 заключенныхъ контрактовъ на нѣмецкихъ католиковъ приходится только 12. Всего до конца 1903 года коммиссія поселила 7,539 семействъ, при чемъ общее число поселенцевъ можно считать отъ 48 до 50 тысячъ. Таковы результаты гран-

діознаго ассигнованія 350.000.000 марокъ народныхъ денегъ, къ которымъ въ прошломъ году присоединена еще добрая сотня милліоновъ, при чемъ, по подсчету самихъ гакатистовъ въ родѣ Массова, Пруссія ежегодно безвозвратно теряетъ (до 1903 г.) не менѣе $3^1/_2$ милліоновъ марокъ, или $^1/_2\%$ ассигнованныхъ за это время суммъ *). Спрашивается теперь, каковы общіе результаты этихъ громадныхъ народныхъ жертвъ, въ несеніи которыхъ, кстати сказать, въ такой же степени участвуютъ пруссаки польской національности, какъ и нѣмецкой? Результаты эти до крайности плачевны для германизаторовъ.

Прежде всего, благодаря повышенію спроса на польскія земли, чрезвычайно поднялись цѣны на землю вообще, и польскіе помѣщики получили своего рода премію за свою національность, въ видѣ возросшихъ ипотечныхъ оцѣнокъ и общаго расширенія поземельнаго кредита. Но и польскій крестьянинъ не проигралъ на этомъ: напротивъ того, онъ получилъ возможность вытѣснить нѣмецкаго земледѣльца изъ тѣхъ мѣстностей, которыя естественно были открыты для новыхъ поселеній и парцелляцій крупныхъ участковъ. Полякъ могъ довольствоваться небольшимъ, а слѣдовательно, и болѣе дешевымъ кускомъ земли, такъ какъ на заработки онъ уходилъ на западъ и на родину приносилъ съ собою вполнѣ достаточный оборотный капиталъ. Нѣмецъ же оказался цѣликомъ предоставленнымъ землѣ, долженъ былъ получать все изъ земли, а слѣдовательно, принужденъ былъ покупать и болѣе крупные, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дорогіе участки. Въ результатѣ нѣмцы были оттѣснены на болѣе плохія земли. Нечего и говорить, далѣе, что цѣлый рядъ кредитныхъ учрежденій, земскихъ банковъ, сельско-хозяйственныхъ товариществъ, вспомогательныхъ кассъ и товариществъ пришли на помощь польскому земледѣльцу и уравновѣсили хоть отчасти дѣятельность колонизаціонной коммиссіи. Какъ мы видѣли уже выше, менѣе всего нѣмецкіе землевладѣльцы могли обойтись безъ дешевыхъ польскихъ рабочихъ, а слѣдовательно, по необходимости противодѣйствовали германизаціи областей. Приведемъ теперь нѣкоторыя данныя, которыя, съ одной стороны, показываютъ ростъ польскаго населенія провинціи, съ другой же—характеризуютъ дѣятельность польскихъ кредитныхъ учрежденій. По вычисленіямъ г. Вегенера, обработавшаго матеріалы прусской оффиціальной статистики, за періодъ съ 1871—1895 г. число нѣмцевъ уменьшилось на 3%, а число поляковъ за то же время возросло на 14%, при чемъ съ 1897—1899 г. 60% нѣмецкой убыли было порождено парцелляціей крупныхъ имѣній между поляками. Въ помѣстьяхъ

*) Haus der Abgeordneten. Drucksache № 80. 20 Legislaturperiode. I Session. 1904 г. Denkschrift über die Ausführung des Gesetzes vom 26 April 1886.

дѣло шло еще благопріятнѣе для поляковъ: здѣсь, за тотъ же самый срокъ, у нѣмцевъ оказалась убыль въ 9,77%, а у поляковъ приростъ въ 14,52%. Промышленная борьба между поляками и нѣмцами въ городахъ шла не менѣе благопріятно: въ то время, какъ здѣсь за указанный періодъ времени протестанты и евреи уменьшились въ числѣ на $^1/_{10}$%, городское польское населеніе возросло не болѣе не менѣе какъ на 30,1%! Цифры весьма многознаменательныя, онѣ доказываютъ съ полной очевидностью, что соціальные законы не могутъ быть перекрещены односторонними полицейскими распоряженіями, что живыя силы народа сильнѣе всякихъ мѣръ политическаго давленія и стѣсненія, что, наконецъ, національная борьба не есть дѣло произвола отдѣльныхъ государственно-опасныхъ или бунтарскихъ элементовъ. И если нѣмцы, со своей стороны, при поддержкѣ государства, выставили цѣлый рядъ грозныхъ форпостовъ германизма, то и поляки не были бездѣятельны въ промышленной и культурной борьбѣ.

Общество Марцинковскаго слѣдующимъ образомъ увеличило свой капиталъ: въ 1876 г. его основной фондъ составлялъ 101,165 марокъ, въ 1889 г. онъ возросъ до 422,922, а въ 1900 г. равнялся уже 781.056.30 марокъ; такимъ образомъ, въ послѣднія 11 лѣтъ этотъ фондъ удвоился. Балансъ 1900 г. былъ заключенъ въ суммѣ 1.021.881.07 марокъ. Изъ этого фонда была оказана значительная помощь учащейся молодежи, не исключая учительскихъ семинарій. Общество для поддержанія учащихся польскихъ дѣвушекъ не менѣе значительно увеличило свой капиталъ. Въ 1894 г. оно обладало 39,109 мар., а въ 1900 году довело объемъ своего капитала до 69.459 мар. Образованные по образцу шульце-деличевскаго союза, товарищества только съ 1890 г. по 1901 г. увеличили свое число съ 90 до 134, а число своихъ членовъ съ 30,090 до 57,260. Членскіе паи съ 62,300 м. въ 1873 г. возросли до 8.275.000 м. въ 1901 г. Число депозитовъ возросло только за 5 лѣтъ, съ 1894—1899 г., съ 18,292 до 27,380, при чемъ цѣнность депозитовъ увеличилась за то же время съ 1.497.000 до 32.462.000 марокъ; въ 1901 г. цѣнность депозитовъ возросла на сумму около 10 милліоновъ, т. е. равнялась 42.248.000 марокъ. Нѣкоторые изъ кредитныхъ польскихъ союзовъ развились въ цѣлые банки, какъ это случилось, напримѣръ, съ народнымъ банкомъ въ Шриммѣ и съ банкомъ промышленниковъ въ Познани. Появленіе особаго банка, служащаго только кредитнымъ товариществамъ и союзамъ, было вопросомъ не долгаго времени: этотъ банкъ „Związku spółek zarobkowych" работаетъ въ настоящее время въ размѣрахъ общаго оборота до 100.000.000 марокъ! За этими банками слѣдуетъ цѣлый рядъ всевозможныхъ земскихъ и ипотечныхъ банковъ, изъ которыхъ отмѣтимъ крестьянскій банкъ, съ оборотомъ (въ 1900 г.) въ

68.219.178 марокъ, банкъ земскій, созданный въ противовѣсъ прусскому колонизаціонному закону, и цѣлый рядъ другихъ учрежденій, товариществъ и союзовъ, которые примкнули къ этой могучей организаціи. Изъ этихъ послѣднихъ замѣчательна Spólka Ziemska, которая приняла на себя трудное дѣло парцелляціи крупныхъ имѣній для увеличенія польскаго крестьянства въ странѣ. Оборотъ 1900 г. у этого учрежденія достигалъ 12.150,658 марокъ. Рядомъ съ этимъ банкомъ образовалось другое товарищество для парцелляціи земель, которое въ 1897 г. имѣло въ общемъ оборотѣ 523,339 марокъ и обладало 264 членами съ 459 паями. Въ 1896 году возникъ новый банкъ съ тою же цѣлью, который до 1900 г. раздѣлилъ 25 имѣній, размѣромъ въ 6,656 моргеновъ, цѣною въ 1.300.000 м.; годовой оборотъ этого банка достигалъ 9.348.967 марокъ. Къ этимъ сельско-хозяйственнымъ учрежденіямъ можно причислить еще различныя общества, которыя основаны на принципѣ взаимной помощи, въ родѣ центральнаго товарищества хозяевъ въ Познани, которое насчитывало въ 1900 г. 610 членовъ, и общество самопомощи сельскихъ хозяевъ, которое черезъ годъ существованія насчитывало 203 члена и въ теченіе первой же четверти года спасло 5 имѣній отъ перехода въ нѣмецкія руки. Мы не будемъ останавливаться на другихъ культурно-просвѣтительныхъ, промышленныхъ, увеселительныхъ и спортивныхъ обществахъ, которыя съ величайшей энергіей и единодушіемъ стремятся отстоять польскую національность отъ насильственнаго онѣмеченія. Достаточно сказать, что союзъ „Соколовъ“ насчитывалъ въ 1900 г. 40 гимнастическихъ обществъ съ 2,111 членами, а союзъ народныхъ библіотекъ въ теченіе 9 лѣтъ основалъ 1,590 читаленъ и распредѣлилъ 18,214 книгъ. Такіе успѣхи польскаго дѣла привели также къ увеличенію членовъ свободныхъ профессій польской національности. Въ 1899 г. въ округѣ Познани 32% всѣхъ аптекарей были поляки, въ Бромбергѣ 23% и въ провинціи вообще 29%. Изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ провинціи 26% принадлежало полякамъ, а изъ 517 врачей было 32% поляковъ. Характернымъ является также возрастаніе польскихъ промышленныхъ предпріятій въ самомъ городѣ Познани. Въ то время, какъ съ 1894—1897 г. число нѣмецко-христіанскихъ учрежденій осталось однимъ и тѣмъ же 155,—число еврейскихъ уменьшилось съ 490 до 483, число польскихъ возросло съ 115 на 125 *).

Такова удивительная живучесть прусскихъ „кроликовъ“. Ничто на нихъ не дѣйствуетъ: ни стомилліонные фонды пруссаковъ, ни почтовыя мѣропріятія, ни даже такіе факты, какъ сохраненіе у нихъ устарѣлыхъ формъ мѣстнаго самоуправленія по фасонамъ

*) Leo Wegener. Der wirtschaftliche Kampf der Deutschen mit den Polen um die Provinz Posen, Posen 1903.

1828 г., ни замѣчательная система городского представительства, при чемъ польское большинство населенія получаетъ непонятнымъ образомъ польское меньшинство въ городскомъ магистратѣ; даже право оберъ-президента назначать членовъ уѣздныхъ управъ не помогаетъ дѣлу. Исключительное законодательство оказалось до сихъ поръ безсильнымъ передъ живою силой воскресшей націи.

И въ текущемъ году приступлено уже къ экстреннымъ, особымъ мѣрамъ. Послѣ горячихъ дебатовъ въ прусскомъ ландтагѣ прошелъ въ законодательномъ порядкѣ, а 10 августа 1904 г. обнародованъ уставъ объ основаніи новыхъ поселеній въ провинціяхъ Восточной и Западной Пруссіи, Бранденбурга, Помераніи, Познани, Силезіи, Саксоніи и Вестфаліи—законъ, который является новымъ рѣзкимъ поворотомъ въ сторону нарушенія конституціи и насильственной германизаціи поляковъ *). Существенное содержаніе этого закона состоитъ въ слѣдующемъ: законами 1876 г., 1887 г., 1888 г., 1890 г. и 1899 г. были установлены уже различныя требованія по отношенію къ новымъ поселеніямъ и парцеллированнымъ участкамъ; всѣ эти требованія обусловливались необходимостью, съ одной стороны, доставить поселенцамъ необходимое благоустройство, а съ другой—облегчить имъ распредѣленіе общественныхъ тягостей. Въ силу этого было введено, какъ общее требованіе для устройства новыхъ участковъ, чтобы къ нимъ вели доступныя и открытыя дороги, чтобы они не нарушали законныхъ интересовъ сосѣднихъ владѣльцевъ въ ихъ хозяйствѣ, охотѣ и рыболовствѣ, наконецъ, спеціально относительно мѣстъ въ горныхъ областяхъ было установлено требованіе, чтобы новые участки не вредили горному производству на сосѣднихъ участкахъ. Въ виду этого для каждаго новаго поселенія или парцеллы этими законами была установлена необходимость особаго административнаго разрѣшенія для основанія новыхъ поселковъ, безъ наличности котораго устройство новыхъ поселковъ воспрещается. И вотъ въ настоящее время правительство рѣшило воспользоваться этимъ закономъ для того, чтобы лишить поляковъ всякой возможности устраивать новыя крестьянскія поселенія, парцеллировать большія имѣнія и тѣмъ создавать новыя польскія деревни. Правда, такое новое содержаніе указанныхъ выше законовъ прежде всего совершенно противорѣчило ихъ цѣли и юридическому основанію. Эти законы преслѣдовали цѣли сельско-хозяйственной культурной политики или полиціи благосостоянія. Они были изданы въ интересахъ всего населенія прусской монархіи и были равнымъ закономъ для равныхъ гражданъ страны; административное разрѣшеніе, вдобавокъ строго

*) Cesetzsammlung für die Königlichen Preussischen Staaten № 29. Gesetz vom 10 August 1904 (№ 10541).

обусловленное наличностью точно опредѣленныхъ фактовъ, не нарушало ничьихъ правъ, а примѣненіе его не могло вызвать никакихъ затрудненій на практикѣ. Законъ 1904 г. рѣшилъ сдѣлать это распоряженіе орудіемъ германизаціи края и къ § 13 закона 1876 г. прибавилъ еще § 13в, въ первой части котораго значится слѣдующее положеніе: „разрѣшеніе на устройство новыхъ поселеній въ провинціяхъ Западной Пруссіи и Познани, гдѣ примѣняется законъ 26 апрѣля 1886 г. (о германской колонизаціи), не можетъ быть выдано, если не представлено удостовѣреніе президента окружнаго правленія, что данное поселеніе не стоитъ въ противорѣчіи съ цѣлями вышеозначеннаго закона. Въ провинціяхъ Восточной Пруссіи, Силезіи и правительственныхъ округахъ Франкфурта, Штетина и Кеслина это предписаніе закона получаетъ также соотвѣтственное направленіе“.

Этотъ законъ, дѣлая зависящимъ отъ административнаго распоряженія самое осуществленіе правъ собственности для пруссаковъ польской національности, является, съ одной стороны, полнымъ извращеніемъ прежняго законодательства по данному вопросу, такъ какъ національно-политическую тенденцію и цѣли подставляетъ подъ нормы полиціи благосостоянія. Противорѣчіе между § 13-b и всѣми остальными параграфами закона прямо бросается въ глаза; но этотъ новый законъ является не только внесеніемъ административнаго произвола въ область гражданскихъ правоотношеній, онъ прямо нарушаетъ собою конституцію Пруссіи и отмѣняетъ нормы имперскаго права, установленныя общимъ гражданскимъ кодексомъ. Если даже не останавливаться на нарушеніи § 4 прусской конституціи, которая требуетъ равенства всѣхъ пруссаковъ передъ закономъ, то и тогда нельзя не признать, что здѣсь прямо нарушенъ § 9 конституціи, который гласитъ: „собственность неприкосновенна, она можетъ быть ограничена или отчуждена только на основаніи требованій публичнаго блага за предварительное, а въ особо неотложныхъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ, предварительно установленное, вознагражденіе, въ согласіи съ требованіями закона“. Поляки новымъ закономъ лишены своего конституціоннаго права свободнаго пріобрѣтенія собственности, и при томъ, даже не въ силу конституціонной поправки, которая должна на основаніи § 107 конституціи подвергнуться двумъ голосованіямъ съ промежуткомъ между ними не менѣе 21 дня, а на основаніи простого закона, который безъ соблюденія формальностей конституціоннаго пересмотра отмѣнилъ конституцію для польскихъ гражданъ, низвелъ ихъ на степень неполноправныхъ гражданъ второго разряда, устранилъ для нихъ возможность закономѣрной соціальной борьбы противъ германизаціи, сдѣлалъ ихъ искусственно беззащитными передъ натискомъ воинственнаго гакатизма.

Совершенно правильно сказалъ при второмъ чтеніи этого за-

кона 27 іюня 1904 г. депутатъ Рёренъ: „этимъ путемъ дѣлаютъ невозможнымъ для польскаго населенія селиться въ его собственномъ отечествѣ, а этимъ обезцѣниваютъ и землю, и почву... Поляки чувствуютъ теперь совершенно ясно: если политика хватается за такія средства, какъ настоящій законъ, то она стоитъ близко къ своему крушенію. Теперь уже положеніе тамъ невыносимо, оно станетъ совершенно невозможнымъ... И на нѣмцахъ отразится вредъ закона, такъ какъ поляки будутъ сдѣланы такимъ путемъ ихъ непримиримыми врагами... Законъ противорѣчитъ праву и справедливости и является неслыханной жестокостью по отношенію къ польскому населенію. Это несправедливая жестокость—запрещать полякамъ строить тамъ жилище, гдѣ они уже прошли со своимъ плугомъ, это двойная несправедливость, такъ какъ законъ направленъ противъ самаго бѣднаго и мало интеллигентнаго слоя населенія, противъ мелкихъ крестьянъ и неминуемо вытѣсняетъ ихъ въ ряды городского пролетаріата". Не менѣе рѣзко выразился представитель свободомыслящихъ депутатъ Трегеръ: „законъ 1886 г. оставилъ, по крайней мѣрѣ, за полякомъ свободное рѣшеніе того, уйти ли ему отъ своего плуга или устоять передъ предложеннымъ ему подкупомъ. При помощи настоящаго закона хотятъ уже насильственно вытѣснить и выгнать поляковъ... Со мной, навѣрно, согласятся, что это насильственное изгнаніе поляковъ является ихъ угнетеніемъ въ самой дурной формѣ. У поляковъ отнимаютъ право на поселеніе въ ихъ собственной странѣ, человѣческое, основное право, которое такъ же старо, какъ право на родной языкъ, которое такъ же отнимаютъ у поляковъ самымъ несправедливымъ образомъ... Нельзя оказать худшей услуги нѣмецкому дѣлу на востокѣ, какъ путемъ принятія этого закона, который является издѣвательствомъ надъ всякимъ правомъ и всякой справедливостью!"

Съ поляками вожди и носители гакатизма поступаютъ точно такъ же, какъ жители дюнъ съ кроликами: они заливаютъ ихъ норы водою и вытѣсняютъ изъ занятой ими мѣстности; только прусскіе гакатисты забываютъ одно — не поляки пришли къ нимъ хищною стаей въ Пруссію, а исторія отдала польскія области нѣмецкому гнету, не безсмысленныхъ животныхъ душатъ они среди ихъ норъ, а примѣняютъ голое государственное насиліе къ живой и сознательной націи, на ея вѣками освященной и любимой родинѣ. И не безмолвіе могилы будетъ результатомъ этого попранія человѣческихъ правъ, а серьезныя историческія событія, которыя бросятъ на вѣсы справедливости судьбу культурнаго и мощнаго народа.

Реусъ.

Изъ замѣтокъ школьнаго учителя.

Воспитаніе учителей.

I.

Въ 1893 г. начавъ службу въ к—омъ уѣздномъ училищѣ, я счелъ болѣе удобнымъ говорить ученикамъ „вы". Мой ближайшій начальникъ — штатный смотритель — видимо встревожился. Полушутя, полусерьезно, онъ нѣсколько разъ намекалъ, что „выканья" ни въ коемъ случаѣ одобрить не можетъ. А потомъ счелъ своимъ долгомъ сдѣлать мнѣ надлежащее внушеніе:

— Знаете, что, — заговорилъ онъ, — вашъ предшественникъ, правда, тоже обращался на „вы", но у него это выходило энергично, строго. Онъ, бывало, кричалъ: „вы—идіотъ, вы—болванъ, вы — дуракъ..." У васъ же выходитъ слишкомъ деликатно и мягко...

— Значитъ, я долженъ тоже ругаться?

— Зачѣмъ же ругаться? -- возразилъ смотритель. — Но ваша деликатность не соотвѣтствуетъ тому, какъ я обращаюсь съ учениками. И другіе преподаватели иначе обращаются... Вы вносите диссонансъ... И вообще какъ бы подчеркиваете... Этого я не могу допустить...

— А если я всетаки буду „выкать"?

— Тогда я попрошу содѣйствія у директора народныхъ училищъ,—оффиціальнымъ тономъ предупредилъ смотритель.

Прошло нѣсколько дней. По обыкновенію, какъ и всѣ другіе учителя, я пришелъ на уроки къ концу утренней общей молитвы. Когда молитва кончилась, смотритель, нимало не стѣсняясь присутствіемъ учениковъ, заявилъ мнѣ:

— Вы опоздали. Я васъ прошу впредь этого не дѣлать... И потомъ это „вы",—когда же оно прекратится?

Еще черезъ нѣсколько дней я выслушалъ другое замѣчаніе:

— Я васъ попрошу, — обратился ко мнѣ смотритель въ учительской,—не кричать такъ въ классѣ.

— Не кричать?

— Вы мѣшаете другимъ преподавателямъ...

„Другіе преподаватели" находились тутъ же, на лицо, а между ними и законоучитель, который занимался рядомъ со мною, въ сосѣднемъ классѣ.

— О. Алексѣй, — спросилъ я у него, — мой голосъ вамъ мѣшаетъ?

— Вашего голоса я и не слышалъ вовсе,—мужественно засвидѣтельствовалъ о. Алексѣй.

— И потомъ—это „вы“,—объяснилъ свое поведеніе смотритель,—когда же ему будетъ конецъ?

Повидимому, къ содѣйствію директора онъ не счелъ удобнымъ обращаться. Но замѣчанія и выговоры я получалъ каждый день, и почти каждое замѣчаніе неизмѣнно заканчивалось словами:

— И потомъ—это „вы“...

Даже, при выдачѣ жалованья, смотритель сумѣлъ показать мнѣ, до какой степени неудобно обращаться съ учениками „слишкомъ деликатно“: выждавъ, когда я протяну руку за деньгами, онъ быстро прикрылъ ихъ и началъ внимательно разсматривать мою подпись въ „требовательной вѣдомости“; и, лишь потративъ на это занятіе не меньше минуты, сказалъ:

— Вѣрно-съ... Можете получить ваше жалованье...

Любопытное совпаденіе. Года черезъ два судьба забросила меня въ другой округъ. Я попалъ учителемъ въ д—ое городское училище. „Начальство“ встрѣтило меня довольно любезно, но сразу же предупредило:

— Только, пожалуйста, не „выкайте...“ И вообще постарайтесь безъ этихъ, знаете ли, разныхъ деликатностей и прочихъ суперфлю... У насъ тутъ всѣ попросту. Такъ ужъ вы общей музыки не разстраивайте...

„Война“, которую мнѣ пришлось выдержать изъ-за „вы“, сама по себѣ эпизодъ второстепенный. Но она показываетъ, что начальство вооружено достаточными средствами, чтобы вліять на учителей и воспитывать ихъ въ томъ или другомъ направленіи.

Дѣло не въ однѣхъ личныхъ непріятностяхъ, которымъ можетъ быть подвергнутъ въ любую минуту строптивый и не поддающійся воспитательному вліянію учитель. Къ непокорному учителю начальство то и дѣло приходитъ на урокъ, вмѣшивается въ преподаваніе, строго слѣдитъ за малѣйшими отступленіями отъ министерской программы, и вообще на каждомъ шагу „убѣждается“, что NN не только упрямый человѣкъ, но и плохой преподаватель. Истощивъ всѣ способы отучить меня отъ „вы“, штатный смотритель (говорю все о томъ же к—омъ училищѣ), не обинуясь и не смущаясь, предложилъ мнѣ:

— Желаете заключить миръ? Выкайте въ старшемъ классѣ. А въ младшихъ дѣлайте по моему. Не то — даю вамъ честное слово, на экзаменѣ по вашимъ предметамъ буду ставить ученикамъ единицы и двойки. Найду вашу успѣшность ужасной и тогда извольте объясняться съ директоромъ.

— Знаете что,—по товарищески убѣждали меня сослуживцы,—уступите ему. Хоть учениковъ пожалѣйте. Не хорошо вѣдь вывыходитъ: паны дерутся, а у хлопцевъ чубы болятъ. Плюньте на это окаянное „вы“.

Совѣтъ резонный: воля начальства неотразима, и разъ чело-

вѣкъ не догадался или не имѣлъ возможности бросить учительскую службу, для него самое правильное, дѣйствительно, „плюнуть“ не только на „вы“, но и на многое другое, начиная съ собственной внѣшности.

II.

И. Деркачевъ, вспоминая симферопольскій учительскій съѣздъ 1870 г., отмѣчаетъ, между прочимъ, любопытную ошибку тогдашняго попечителя одесскаго учебнаго округа С. П. Голубцова. Попечителю съѣздъ не понравился; онъ остался недоволенъ „и бойкостью учениковъ, и тою свободою, съ какою держали себя учителя“. Особенное же недовольство высказалъ Голубцовъ по поводу учительницъ, такъ какъ онѣ держали въ рукахъ „букеты“. „Мнѣ пришлось — говоритъ Деркачевъ — объясняться. Оказалось, что попечитель принялъ деревянные шарики и кубики, окрашенные въ разные цвѣта, за букеты натуральныхъ цвѣтовъ“ *).

По близорукости или по другой причинѣ, попечитель округа смѣшалъ классныя пособія съ букетами — допытываться не будемъ. Гораздо интереснѣе руководящій взглядъ, что учительницѣ предосудительно держать въ рукахъ „цвѣты“. Это мнѣніе довольно распространено и принадлежитъ оно далеко не одному Голубцову. Вообще считается неудобнымъ, если учительница имѣетъ „легкомысленный, свѣтскій“ видъ. Даже въ парадныхъ случаяхъ жизни она должна „надѣвать платье изъ матеріи гладкой, безъ рисунковъ“ **), по возможности, темной окраски, и отнюдь не модныхъ покроевъ. Ленты и другія украшенія могутъ быть допущены лишь въ очень ограниченномъ количествѣ. Прическа должна быть гладкой; очень нехорошо, если учительница позволяетъ себѣ „завиваться“. Одна изъ моихъ знакомыхъ, сельская учительница, осмѣлилась на святкахъ появиться въ клубѣ на балу „въ декольтированномъ—какъ выразился возмущенный инспекторъ—видѣ“. Декольте, правда, было довольно робкое, но, конечно, инспекторъ немедленно „далъ ей почувствовать все неприличіе такого поступка“ и посовѣтовалъ „поскорѣе ѣхать домой и переодѣться“. Интересно, что дочь того же инспектора была на томъ же балу и тоже „въ декольтированномъ видѣ“.

Словомъ, лишь спеціально для учительницъ признается предосудительнымъ имѣть внѣшность, „привлекательную для молодого человѣка“,—послѣдствіемъ чего можетъ быть замужество. Принято даже думать, что вступленіе въ бракъ совершенно несовмѣстимо съ званіемъ учительницы, и весьма во многихъ мѣ-

*) „Русск. Шк.“ 1897 г., кн. V.

**) См. „Совѣтникъ народнаго учителя, руководство для лицъ, служащихъ въ народн. училищахъ“, стр. 65.

стахъ учительницамъ „разрѣшено" выходить замужъ только за учителей: въ печати достаточно выяснено, что это почти равносильно полному запрещенію замужества. Запрещалось замужество и циркулярами начальства (какъ, напр., было въ 1899 г. въ Яранскомъ уѣздѣ), и простымъ увольненіемъ „провинившихся", — какъ, напр., въ 1902 году поступили въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ съ учительницей за то, что на ней женился фельдшеръ.

Вопросъ, почему именно учительницу, вышедшую замужъ за учителя, терпѣть можно, а вышедшую за „посторонняго" терпѣть нельзя—до сихъ поръ не рѣшенъ. По крайней мѣрѣ, печатно на него никто удовлетворительно не отвѣтилъ, не берусь и я на него отвѣчать. Приведу лишь мнѣніе нѣкоего М—ва, инспектора народныхъ училищъ О—ой губ. Нѣсколько лѣтъ назадъ этотъ М—въ, въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ, заговорилъ о только что вышедшей тогда книгѣ директора народныхъ училищъ Тульской губ. г. Яблочкова. Разговоръ, между прочимъ, коснулся и взгляда, что учительница совершенно неблагонадежна, если является въ классъ беременной.

— Ну, конечно!—сталъ доказывать М—въ.—Дѣти народъ догадливый. Фантазія у нихъ живая... И вдругъ — какая-нибудь Марья Ивановна — извините за выраженіе — брюхатая ходитъ! Судите сами,—что могутъ подумать ученики?.. Эге, молъ, Марья-то Ивановна наша того... Разумѣется, каждый этакій мальчишка сейчасъ же представитъ со всѣми онерами, какъ это дѣлается... Богъ знаетъ что! Послѣ этого что жъ остается: развратныя картинки развѣ въ классѣ развѣшивать?..

М—ву напомнили, что „Марьѣ Ивановнѣ" всетаки не запрещено выйти замужъ за учителя и стать матерью.

— Да, конечно,—согласился М—въ,—такіе браки уже уступка съ нашей стороны... Но, во-первыхъ, они большая рѣдкость. А во-вторыхъ, тутъ другая психологія. Вы понимаете: учитель— тотъ же отецъ; учительница—та же мать. Въ такихъ случаяхъ святыня семейныхъ отношеній отъ соблазнительныхъ мыслей охраняетъ. Семейственное начало много значитъ...

Присутствовавшій при разговорѣ учитель П. скромно предложилъ мысль:

— Не слѣдуетъ ли,—сказалъ онъ,—ходатайствовать объ установленіи закона, чтобъ беременныя женщины на улицу не выходили и вообще ученикамъ показываться не смѣли?.. Дабы юношество не развращалось...

Всѣ засмѣялись, кромѣ М—ва, который вполнѣ серьезно, какъ бы не допуская мысли, что въ словахъ подчиненнаго смѣетъ заключаться иронія, отвѣтилъ:

— Къ сожалѣнію, такое ходатайство не будетъ уважено. Это было бы слишкомъ большимъ стѣсненіемъ для обывателей.

Знаете ли, въ бѣдной семьѣ... Вотъ потому-то закрытыя учебныя заведенія и предпочтительнѣе открытыхъ...

Замѣчу кстати, что взгляды инспектора М—ва имѣютъ немало аналогій.

Въ 1892 г. въ станицѣ Константиновской, Области Войска Донского, штатный смотритель Сидоровъ заставилъ учительницу Т. лишиться мѣста. Вина Т. заключалась въ томъ, что она „незаконнорожденная“.

— Неудобно такихъ держать, — объяснялъ г. Сидоровъ. — Ученицы узнали, какого она происхожденія... Соблазнъ!..

— Но вѣдь она хорошая учительница,—возражали ему.

— Это правда,—соглашался онъ,—хорошая. Но въ томъ-то и горе. Если бы плохая—было бы терпимо. У дѣвочекъ, такъ сказать, живой примѣръ передъ глазами: вотъ, дескать, какъ Богъ шельму мѣтитъ. А если она хорошая—сами посудите, что подумаютъ ученицы? Значитъ, скажутъ, это ничего, что она незаконнорожденная. Значитъ, можно...

Повидимому, благодаря той же точкѣ зрѣнія, возникъ вопросъ, на который въ 1894 году отвѣчалъ „Церковный Вѣстникъ“: „слѣдуетъ ли принимать въ духовныя училища незаконнорожденныхъ?“ То есть,—переводя на языкъ практической педагогики: Не побудитъ ли учениковъ присутствіе незаконнорожденнаго, особенно если онъ окажется хорошимъ мальчикомъ, вольно мыслить о таинствѣ брака?

Извѣстны, наконецъ, случаи, когда изъ гимназіи „выгоняли“ ученика за то, что его отецъ застрѣлился *).

— Что подумаютъ ученики, если рядомъ съ ними сидитъ сынъ тяжкаго грѣшника, не подлежащаго даже церковному погребенію?

И еще одно замѣчаніе: взгляды инспектора М—ва нельзя разсматривать, какъ нѣчто крайнее. М—въ человѣкъ терпимый: онъ всетаки, дѣлаетъ „уступку“ въ пользу брака между учителемъ и учительницей. Бываютъ мнѣнія, болѣе рѣзкія.

Укажу для примѣра на случай, бывшій въ Брянскѣ, Орловской губ. Учительницѣ женской прогимназіи, Аѳанасьевой, не запретили выйти замужъ за учителя городского училища, Гаврилова. Но когда она забеременѣла, начальство „посовѣтовало“ „не смущать этакой фигурой ученицъ“, т. е. подать просьбу объ увольненіи отъ службы, разумѣется, навсегда.

III.

Требованія, предъявляемыя къ учителю, не такъ строги. „Для учительницъ обязательно,—сурово гласитъ „Совѣтникъ народ-

*) См. „Русск. шк.“, 1900 г. кн. VII- VIII, стр. 111.

наго учителя"—или въ занятіяхъ своихъ куреніемъ табаку тщательно скрываться отъ учениковъ, ученицъ, ихъ родственниковъ и знакомыхъ и служителей въ училищѣ, или навсегда оставить это вредное и непристойное для женщины занятіе". Учителю же лишь „неудобно курить при учащихся;" законоучителю нельзя курить въ училищномъ домѣ иначе, какъ въ квартирѣ учителя, при закрытыхъ дверяхъ".

Жениться учителю тоже не запрещается. Однако, внѣшній видъ его „упорядоченъ" и обычаемъ, и прямымъ требованіемъ начальства. Не хорошо, если учительская (неформенная) одежда свѣтлыхъ тоновъ; всего лучше, если она темная, темно сѣрая, и въ крайнихъ случаяхъ съ легкой искрой. Галстухъ предпочтительнѣе черный; допустимъ и бѣлый. Пестрые и въ особенности яркіе—начальство очень не любитъ и сардонически называетъ „бабьими подвязками". Для учителей, состоящихъ въ классныхъ чинахъ, форменная одежда обязательна. Ревизующіе строго слѣдятъ, чтобъ установленная форма соблюдалась. Одинъ изъ окружныхъ инспекторовъ Б—овъ, авторъ довольно распространенныхъ учебниковъ, немедленно уходилъ изъ училища, считая невозможнымъ производить ревизію, если замѣчалъ, что учителя одѣты „какъ зря". Конечно, одѣтые „какъ зря" получали строгій выговоръ.

Наиболѣе трудно ввести „извѣстное однообразіе" среди народныхъ учителей, для которыхъ формы нѣтъ. Инспектора стараются не одобрять „слишкомъ франтоватаго вида", яркихъ цвѣтовъ. Кое гдѣ воздвигалось гоненіе на „народническіе костюмы"; въ другихъ мѣстахъ (напр., въ Тульской губ.) возбуждали неудовольствіе „пиджаки и манишки". Иногда мѣстныя власти пытались даже установить нѣчто вродѣ формы.

Такой опытъ, между прочимъ, въ началѣ 90-хъ годовъ былъ сдѣланъ однимъ изъ инспекторовъ народныхъ училищъ Донской области. Здѣсь, по станицамъ распространены приходскія училища, которыя даютъ учителю права государственной службы. Этимъ и воспользовалась инспекція и предписала учителямъ „являться на службу" въ вицмундирахъ или фракахъ, установленнаго для чиновъ министерства народнаго просвѣщенія образца.

Опытъ, однако, не удался, по винѣ нѣкоего Ивана Андреевича, учителя весьма находчиваго и остроумнаго.

— Получилъ я эту бумажку,—разсказывалъ Иванъ Андреевичъ,—зло меня взяло. Ну, думаю, погоди жъ, два цѣлковыхъ не пожалѣю, а штуку выкину... Купилъ я коленкору синяго. Старыхъ пуговицъ, спасибо, окружные учителя дали... Давай, говорю, женка, фракъ шить. Смѣется.—„Что жъ,—говоритъ,—давай". Вечеровъ пять мы надъ этимъ дѣломъ сидѣли. Однако, сшили. Сталъ я примѣрять. Жена въ хохотъ.—„Молчи,—говорю,—теперь намъ какъ бы только начальство не прозѣвать".—„Небось,

говоритъ, не прозѣваемъ". И точно, не прозѣвали... Инспекторъ на тройкѣ къ школѣ, я фракъ на плечи и выбѣгаю встрѣчать. Онъ ажъ попятился.—„Что это, говоритъ, на васъ?"—„Фракъ-съ, говорю, ваше высокородіе! Матеріалъ, говорю, дорогой—по пятнадцати копѣекъ аршинъ. Есть еще лучше по семнадцати, да денегъ у меня, ваше высокородіе, не хватило"... Молчитъ его высокородіе... Ладно. Пошли мы на урокъ. Увидѣвши меня, ребятишки мои подняли хохотъ...—„Извините, говорю, ваше высокородіе,—съ ними это каждый разъ бываетъ, когда я фракъ одѣваю... Они сейчасъ успокоятся..." Посмотрѣлъ онъ, знаете ли, на меня и отвернулся.—„Идите,—говоритъ,—что-нибудь другое одѣньте..."

Послѣ этого случая „его высокородіе" на распоряженіи своемъ о фракахъ не настаивало. Было бы, однако, большою ошибкою думать, будто такого сорта распоряженія ничѣмъ не обоснованы и никакой резонной цѣли не имѣютъ. У нихъ безусловно есть и свое основаніе, и своя цѣль.

Извѣстный поклонникъ толстовской школы, С. А. Рачинскій пытался дать ей любопытное оправданіе. Воспользовавшись примѣромъ парижской школьной анкеты, онъ заставилъ своихъ учениковъ письменно отвѣтить на вопросъ: „Какъ бы я желалъ прожить?" „Идеаломъ" парижскихъ дѣтей, отвѣчавшихъ на такой же вопросъ, оказался, въ большинствѣ, трудъ и достатокъ. Ученики г. Рачинскаго, по его словамъ, обнаружили совершенно иной образъ мыслей. „Большинство мальчиковъ,—говоритъ онъ въ „Замѣткѣ о сельскихъ школахъ",—внимательно (?) относящихся къ заданной темѣ, нарисовавъ себѣ жизнь, соотвѣтствующую ихъ вкусамъ и наклонностямъ, заключаютъ ее отреченіемъ отъ всего мірского, раздачею имущества бѣднымъ, поступленіемъ въ монастырь..."

Выводъ г. Рачинскаго подозрителенъ, во первыхъ, по источнику: надо знать, свободно ли отвѣчали ученики, и не было ли имъ заранѣе извѣстно, какого отвѣта отъ нихъ добиваются? Во вторыхъ, подозрителенъ методъ обработки: вмѣсто простого большинства, взято „большинство внимательно относящихся". Въ-третьихъ, выводъ г. Рачинскаго врядъ ли имѣетъ общее значеніе. По крайней мѣрѣ, такая же анкета, устроенная народнымъ учителемъ Петровымъ въ Богородскомъ уѣздѣ, дала результаты почти тѣ же, что и въ Парижѣ: ученики выразили желаніе учиться, имѣть работу и достатокъ; ни одинъ отвѣтъ съ нравоучительными примѣчаніями къ былинѣ о Васькѣ Буслаевѣ не сообразовался *).

И всетаки мнѣніе г. Рачинскаго имѣетъ серьезное симптоматическое значеніе. Прежде всего въ немъ не трудно видѣть

*) См. „Вѣст. Восп.", 1897 г., кн. 1.

черты того ученія, которое А. М. Пыпинъ назвалъ „оффиціальною народностью“.

Идеалы русскихъ дѣтей, а стало быть, и всего народа русскаго, суровые, строгіе, подвижническіе.

Не къ мірской прелести русская душа лежитъ, и не о матеріальномъ достаткѣ печется. Злымъ дыханіемъ матеріализма отравленъ погибшій и гніющій Западъ. У насъ же народъ къ божественному и вѣчному прилѣпляется. Вотъ почему земская школа, какъ преслѣдующая задачи свѣтскія, не соотвѣтствуетъ духу русскаго народа... Она, по выраженію члена брянскаго училищнаго совѣта, г. Невіянта, уже оттого вредна, что организована по системѣ барона Корфа *). И вотъ почему церковная школа, которую очень любилъ г. Рачинскій, „есть, дѣйствительно, неоцѣнимый даръ Провидѣнія для православной Руси“. По той же причинѣ, чтобы стремленіе къ „матеріализму“ не возникало, а „подвижническіе идеалы вѣчно горѣли“, необходимо, какъ проектировалъ въ 1897 г. гласный бранскаго земства г. Лагода, учредить за счетъ казны, при земскомъ участіи, особыхъ проповѣдниковъ для нравственной опеки населенія.

Разъ народъ полонъ идеаловъ подвижническихъ, а школа должна этому идеалу соотвѣтствовать и укрѣплять его, учителю воистину подобаетъ—говоря словами „Домостроя“ — „безстрастіе тѣлесное, ступаніе кротко, гласъ умѣренъ **), слово благочинно, пища и питіе не мятежно ***), при старѣйшихъ молчаніе, премудрѣйшихъ послушаніе, преимящнымъ повиновеніе, мало вѣщати, множое разумѣвати, не продерзовати словомъ ****), не избыточествовати бесѣдою, не дерзку быти на смѣхъ, стыдѣніемъ украшатися, долу зрѣніе имѣти, горѣ же душу“. Тѣмъ паче учительницѣ не подобаетъ „нагота срамная“ *****), „волосы, какъ у блудницы ******), „украшеніе плетеніями“ *******) и т. д. „Слишкомъ свѣтская“, суетная, „франтоватая“ внѣшность учащаго мѣшаетъ школьнику возноситься мыслями „въ горняя“, противорѣчитъ исконному стремленію русскаго народа — „отречься отъ всего мірского, раздать имущество бѣднымъ, поступить въ монастырь“.

Такова философія вопроса объ учительской внѣшности. Сталкиваясь съ мѣстными особенностями и личными склонностями „ближайшаго начальства“, она обусловливаетъ мѣры, не вездѣ оди-

*) „Русс. Шк.“, 1895 г., ноябрь.

**) Сравните требованіе директора Яблочкова: учитель долженъ имѣть голосъ „мягкій, пріятный, нѣжный, гармоническій“.

***) Ср. требованіе костромскихъ правилъ надзора за учителями: „тѣмъ болѣе нетерпимо въ учителѣ нарушеніе постовъ“.

****) Ср. правило Яблочкова: „учитель долженъ не дозволять себѣ обсуждать указанія и дѣйствія начальниковъ, а также обсуждать ихъ дѣятельность“.

*****) Декольте.

******) Пышная прическа.

*******) Платье должно быть изъ матеріи гладкой, безъ узоровъ.

наковыя, но неизмѣнно налагающія особый отпечатокъ, по которому даже не совсѣмъ опытные люди почти безошибочно опредѣляютъ:

— Вотъ идетъ учитель.

IV.

Въ 1894 г. нѣсколькимъ моимъ знакомымъ захотѣлось устроить воскресную школу. Меня, какъ учителя, попросили переговорить объ этомъ съ начальствомъ, отъ котораго прежде всего зависѣла судьба ходатайства. Начальство — штатный смотритель Лукьянъ Иларіоновичъ—выслушало меня довольно благосклонно, но освѣдомилось:

— А кто предполагается въ числѣ учредителей?

Я назвалъ фамиліи: X. У. Z...

— И вы съ ними будете принимать участіе? — спросилъ Лукьянъ Иларіоновичъ.

— И я буду принимать участіе...

— Ну, знаете ли, не совѣтую...

— Почему?

— А хотя бы потому, — отвѣтилъ онъ, — что вашъ предшественникъ Юшкинъ за якшанье съ этими господами съ мѣста слетѣлъ.

Юшкинъ, дѣйствительно, „слетѣлъ", или, вѣрнѣе, получилъ отъ директора оскорбленіе, послѣ котораго ничего другого не оставалось, какъ оставить службу.

— И вы увѣрены, что онъ изъ-за этихъ господъ „слетѣлъ"?— спросилъ я.

— Конечно, изъ-за нихъ... Директоръ на вашихъ X, У, Z... очень золъ... Да и вообще это непріятные люди... Очень ужъ они, знаете ли, критику любятъ наводить. Я бы вамъ совѣтовалъ подальше отъ нихъ держаться...

Вскорѣ послѣ этого разговора намъ, учителямъ к—аго уѣзднаго училища, пришлось „подальше держаться" и отъ клуба, единственнаго общественнаго учрежденія, куда мы входили, не опасаясь подвергнуться непріятностямъ въ классахъ. Клубъ „вообще мѣсто безопасное", но на нашу бѣду тамъ образовалось двѣ „партіи". Одна доказывала, что наличный фондъ 1000 руб. надо употребить на покупку новой мебели; по мнѣнію другой, мебель и старая хороша, а 1000 руб. слѣдуетъ употребить на библіотеку. Въ главѣ первой партіи сталъ предводитель дворянства, онъ же и предсѣдатель училищнаго совѣта. Къ предводителю примкнулъ и штатный смотритель, какъ членъ отъ министерства народнаго просвѣщенія въ томъ же совѣтѣ.

Положеніе учителей оказалось довольно затруднительнымъ.

Возражать начальству опасно, ибо непріятности клубныя легко могутъ быть перенесены въ классы. А надъ педагогами, которые подадутъ голосъ противъ библіотеки, „куры“ и тѣ смѣяться станутъ.

Кстати, точь въ точь такое же затрудненіе я наблюдалъ въ 1902 г. въ губернскомъ городѣ Е. На мой вопросъ:

— Отчего вы въ коммиссіи народныхъ чтеній не участвуете?—одинъ изъ учителей отвѣтилъ:

— Нельзя мнѣ.

— Почему?

— Жена директора оппозицію противъ правленія составляетъ. Не могу же я возражать ей...

Также, приблизительно, разсуждая, что возражать начальству опасно, мы уклонялись даже отъ участія въ любительскихъ общедоступныхъ спектакляхъ. Впрочемъ, одно время театральныя зрѣлища принципіально не одобрялись. Напримѣръ, „Отчетъ о состояніи школъ Тверской эпархіи за 1898—1899 г.“ кратко упоминаетъ, что „за участіе въ любительскомъ спектаклѣ учители г. Бѣжецка Румянцевъ, Забѣлинъ, Антоновъ удалены“. Нѣсколько раньше, въ февралѣ 1897 г. высказалось министерство народнаго просвѣщенія. Измаильскій уѣздный комитетъ попечительства о народной трезвости ходатайствовалъ о разрѣшеніи устроить въ зданіи чичманманскаго начальнаго училища спектакль. Министръ въ предложеніи попечителю одесскаго учебнаго округа указалъ, что это ходатайство „правильнѣе было бы отклонить, въ виду несоотвѣтствія такого развлеченія религіозно-нравственному строю народной школы“.

Такое же принципіально неодобрительное отношеніе замѣчалось и къ учителямъ, которые пытались помогать голодающему населенію. Напомню хотя бы циркуляръ инспектора народныхъ училищъ 3-го раіона Елисаветградскаго уѣзда, г. Боголюбова:

„Въ газетахъ стали появляться—писалъ г. Боголюбовъ въ 1901 г.—корреспонденціи за подписью учащихъ ввѣреннаго мнѣ раіона о случаяхъ недостаточнаго домашняго питанія учащихся, по случаю недорода, сопровождаемыя воззваніями о помощи... Предлагаю всѣмъ учащимъ прекратить корреспондированіе въ газеты, а, вмѣсто того, о такихъ случаяхъ доносить мнѣ“.

Еще болѣе выразительный эпизодъ обсуждался на II съѣздѣ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію. Одинъ изъ докладчиковъ, пріѣхавъ въ 1891 г. съ отрядомъ въ голодающее село, нашелъ тамъ учителя, который уже 12 мѣсяцевъ не получалъ отъ управы жалованья и, вмѣстѣ съ крестьянами, голодалъ. Голодали и его трое дѣтей. А жена только что умерла отъ тифа. Въ этомъ учителѣ приняли участіе. Накормили его и дѣтей, и онъ горячо принялся помогать отряду, за что и былъ уволенъ отъ службы. Увольненіе сопровождалось, повиди-

мому, приказомъ немедленно выдворить изъ квартиры: пожитки учителя и дѣти его были выброшены на улицу. Собрались крестьяне.

— За что? За что это? — жалобно приставали старики,—кажись, того... Человѣкъ ты смирный.

Учитель мялъ фуражку, глоталъ слезы и бормоталъ:

— Не знаю, братцы!.. Я человѣкъ покорный... Видно, ужъ такая моя судьба...

Итакъ,—заключалъ докладчикъ,—учитель имѣетъ право голодать, но не имѣетъ права спасать голодающихъ отъ голода".

Несомнѣнно, вопросъ слѣдуетъ поставить шире: позволена ли учителю общественная внѣшкольная дѣятельность? и если позволена, то въ какой мѣрѣ и въ какихъ областяхъ? Безспорно, есть роды общественной дѣятельности, прикосновенность къ которымъ для учителя вообще не одобряется. Въ другихъ случаяхъ неодобреніе вытекаетъ изъ чисто мѣстныхъ и трудно понимаемыхъ соображеній. Такъ было, между прочимъ, по словамъ покойной „Недѣли", въ Корочанскомъ уѣздѣ, гдѣ инспекторъ народныхъ училищъ запретилъ учителямъ завѣдывать народными библіотеками. А такъ какъ губернаторъ требовалъ, чтобы завѣдываніе находилось именно въ рукахъ учителей, то уѣздъ остался вовсе безъ библіотекъ, хотя къ открытію ихъ земствомъ все было приготовлено. Не менѣе „странное дѣло" возникло въ Брянскѣ. Здѣсь учитель низшаго техническаго училища П. обратилъ вниманіе на какого-то бѣднаго ученика, которому грозило увольненіе за невзносъ платы. Мальчикъ сильно бѣдствовалъ—ему не на что было даже купить бумаги. П. разсказалъ объ этомъ въ клубѣ и собралъ среди знакомыхъ нѣсколько десятковъ руб., т. е., на взглядъ начальства, позволилъ себѣ устроить денежную подписку, никѣмъ не разрѣшенную, а слѣдовательно, и противозаконную. У П. строго потребовали объясненій; онъ поспѣшилъ перевестись.

Но и помимо запрета или разрѣшенія со стороны начальства, общественная дѣятельность опасна для учителя. Она складывается изъ ряда постоянныхъ столкновеній и борьбы. А учителю, даже въ городѣ живущему, опасно участвовать въ столкновеніяхъ, которыя хоть отдаленно задѣваютъ начальство. Въ деревнѣ же... пусть кто-нибудь попробуетъ въ нашей деревнѣ задѣть интересы старшины, писаря, урядника! Со строптивымъ учителемъ деревенскія начальства не церемонятся и, въ случаѣ надобности, безъ стѣсненія, сажаютъ въ „клоповникъ" (такъ, напр., поступили въ концѣ 1903 г. съ учителемъ Мироненкомъ, въ с. Субботцахъ, Александрійскаго уѣзда Херсонской губ.); строптивому учителю не выдаютъ зимою дровъ (т. е. морозятъ), задерживаютъ его жалованье (т. е. заставляютъ голодать); въ рѣшительныхъ случаяхъ его порютъ розгами.

„Саратовскій Дневникъ" разсказывалъ о такомъ случаѣ. Въ

1893 г. учитель с. Никольскаго, Кузнецкаго уѣзда, Быстрицкій, отдавшій школѣ 20 лѣтъ своей жизни, „задѣлъ“ урядника. Урядникъ разсердился и сталъ „внушать“ учителю уваженіе къ начальству. Быстрицкій бросился жаловаться. Ему посовѣтовали „сидѣть спокойно“ и, въ видѣ утѣшенія, сказали буквально слѣдующее:

— Урядника не смѣняютъ и на десять учителей.

Впрочемъ, Быстрицкому недолго пришлось „сидѣть спокойно“: вскорѣ онъ сошелъ съ ума, и этотъ его поступокъ саратовская газета ставила въ причинную связь съ дѣйствіями раздраженнаго урядника.

Вотъ почему, мнѣ кажется, не слѣдуетъ строго винить учителя, что онъ плохо интересуется общественными дѣлами и мало ихъ знаетъ. Отъ него требуется иная добродѣтель, имя которой— послушаніе. А до чего порою учителя послушны, напомню еще одинъ фактъ, удостовѣренный „Сибирскимъ Вѣстникомъ“. Въ 1900 г. волостной старшина явился въ школу с. Костинъ-Логъ и сталъ „производить ревизію“. Онъ велѣлъ ученикамъ рѣшать задачу изъ учебника Гольденберга. Ученики не рѣшили, и „ревизоръ“ приказалъ имъ стать на колѣнки, а учителю рѣшать ту же задачу. Запутался ли учитель, или просто не потрафилъ на ревизоровъ вкусъ, только старшина приказалъ и ему стать на колѣнки рядомъ съ учениками. И учитель покорно сталъ на колѣнки.

V.

Есть, однако, общества, куда учитель привлекается, и притомъ порою даже рѣшительно. Такъ было, между прочимъ, со мною въ к—омъ уѣздномъ училищѣ. Въ одно изъ двадцатыхъ чиселъ, при выдачѣ жалованья, штатный смотритель заявилъ мнѣ, какъ бы продолжая начатый разговоръ:

— Значитъ, я шесть руб. вычту...

— Какіе шесть рублей?—удивился я.

— Членскій взносъ...

— Взносъ?.. Куда?..

— Въ наше общество...

— Какое общество?..

— А директоръ общество взаимопомощи устраиваетъ...

— Въ первой слышу.

— Какъ же, какъ же... Всѣ учителя будутъ участвовать.

Я сказалъ, что шести рублей не дамъ.

— Ну, что-жъ, можно и въ разсрочку, — спокойно отвѣтилъ смотритель.

— Не надо мнѣ разсрочки... Я вовсе не хочу быть членомъ.

— Позвольте,—возразилъ смотритель, — вѣдь, директоръ же предложилъ...

Послѣ долгихъ препирательствъ я рѣшительно объявилъ, что обращусь въ судъ, если, помимо моего желанія, съ меня будутъ взимать членскіе взносы Сослуживцы мои, не прибѣгнувшіе къ столь рѣшительному средству, по шести рублей заплатили; правда, въ разсрочку. За то и бранились же они.

— Ловко,— говорили,—придумано! Начальство будетъ дѣлами заправлять, мы платить, а любимчики и прихвостни получать пособія... Спеціально для укрощенія строптивыхъ и поощренія послушныхъ устроено. За наши же кровныя деньги учреждается Reptilienfond...

„Reptilienfond"—реченіе рѣзкое. Но, вообще говоря, провинціальныя учительскія общества взаимопомощи въ большинствѣ всецѣло руководятся начальствомъ. Если они устроены для народныхъ учителей, то дѣла вершаются по волѣ директора или инспекторовъ. Прошеніе учителя о помощи кое-гдѣ передается участковому инспектору народныхъ училищъ, который и опредѣляетъ, дѣйствительно ли проситель нуждается, въ какой мѣрѣ, и заслуживаетъ ли пособія. Судьба прошенія зависитъ вполнѣ отъ инспекторскаго отзыва. Если инспекторъ ангельски справедливый человѣкъ, онъ обращаетъ вниманіе только на нужду просителя, забывая о служебныхъ и личныхъ отношеніяхъ. Однако было бы рискованно утверждать, что всѣ инспектора ангелы. Впрочемъ, даже при ангельски добродѣтельномъ начальствѣ такая система „взаимопомощи" врядъ ли укрѣпляетъ въ учителѣ чувство человѣческаго достоинства.

Конечно, теоретически направленіе дѣлъ въ учительскихъ обществахъ должно бы зависѣть отъ общаго собранія, т. е. отъ самихъ же учителей. Но, при столкновеніи съ жизнью, теорія эта оказывается совершенно несостоятельной. И вотъ одно изъ многихъ тому доказательствъ.

До 1900 г. въ Борисоглѣбскѣ существовала „ссудосберегательная касса учителей мужской и женской гимназій и городскихъ начальныхъ школъ". Предсѣдателемъ былъ директоръ гимназіи. Въ число должниковъ кассы попалъ „директорскій — какъ его называли—любимчикъ". Платить „любимчикъ" не захотѣлъ, и деньги съ него пришлось взыскивать по исполнительному листу. Однако предсѣдатель распорядился взысканіе прекратить. Распоряженіе это горячо обсуждалось на общемъ собраніи и большинствомъ голосовъ было отмѣнено. Тогда предсѣдатель заявилъ (цитирую дословно по „Сѣверному Курьеру"):

— Я остаюсь при особомъ мнѣніи... Да вы не думайте, что мое особое мнѣніе такъ и останется при протоколѣ. Я его представлю...

Послѣ минутнаго общаго молчанія директоръ продолжалъ:

— Такъ какъ большинство собранія со мною не согласно, то я считаю себя обиженнымъ, а потому отказываюсь отъ долж-

ности предсѣдателя. Постановленіе о взысканіи долга не будетъ исполнено, потому что я не согласенъ съ нимъ.

Вслѣдъ затѣмъ онъ созвалъ новое экстренное собраніе и предложилъ кассу закрыть. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній большинство согласилось желаніе предсѣдателя исполнить.

И покорности этой не надо удивляться. Великую силу имѣетъ человѣкъ, если ему дано право дѣлать „представленія", т. е. въ оффиціальной бумагѣ за номеромъ, по своему вкусу и не подвергаясь отвѣтственности, аттестовать своихъ ближнихъ съ какой угодно точки зрѣнія. Сила эта неотвратима, какъ судьба. Защищаться противъ нея нечѣмъ. Единственное средство—умилостивить ее, хотя бы и цѣною крайнихъ пожертвованій. Не анекдотъ вѣдь, что учителя бакинской гимназіи покорно соглашались получать жалованье, вмѣсто кредитной и звонкой монеты, личными векселями директора Побѣдоносцева. Рискуя серьезною отвѣтственностью, хозяйственный комитетъ покорно глядѣлъ, какъ г. Побѣдоносцевъ своею властью тратилъ средства гимназіи на школьную колонію и на кое-какія побочныя предпріятія. Объ этихъ предпріятіяхъ разсказываетъ весьма откровенно самъ г. Побѣдоносцевъ, въ оффиціальномъ „Ежегодникѣ": „Рѣшившись—говоритъ онъ—поскорѣе закончить устройство колоніи, я искалъ сказочнаго источника для обогащенія колоніи. Случай, дѣйствительно, представлялся мнѣ. Знающіе Баку люди хорошо знаютъ, что такое демоническая скачка на заявкахъ по отысканію нефти на Апшеронскомъ полуостровѣ внѣ меридіана завѣдомо нефтеносныхъ земель. Были случаи продажи такихъ заявокъ за 10—15 тысячъ рублей, смотря по мѣстности. Эта нефтеносная земля продавалась въ Англію, и, если бы не внезапно наступившій нефтяной кризисъ въ Баку, дѣло было бы окончено, и колонія была бы обезпечена. Но Богу было угодно продлить намъ испытанія" *).

Проще говоря: директоръ игралъ на нефтяныхъ заявкахъ и проигрался, потерявъ довольно крупную сумму. Долги наличными деньгами платила гимназія, учителя же, естественно, получали векселя, а, сверхъ того, со стороны мѣстнаго общества подвергались обвиненіямъ въ растратѣ 800 руб., собранныхъ по подписнымъ листамъ, на стипендію. И лишь въ октябрѣ 1902 г., когда стало извѣстно, что г. Побѣдоносцевъ „уходитъ", учителя, собиравшіе деньги, рѣшились объявить въ газетѣ „Бакинскія Извѣстія", что все, пожертвованное на стипендію, 2 года 10 мѣсяцевъ назадъ передано на храненіе г. директору гимназіи.

Правовая обстановка, въ которой возможны такіе случаи, едва ли способствуетъ процвѣтанію учительскихъ обществъ взаимопомощи. И только нѣкоторыя изъ нихъ (таково, напр., Славяно-

---

*) „Ежегодникъ сельскохозяйственной колоніи при Бакинской мужской гимназіи". № 2, стр. 163.

сербское) стараются жить по собственному усмотрѣнію, хотя бы и вопреки взглядамъ ближайшаго учебнаго начальства. Но какъ разъ именно въ связи съ самостоятельностью, какую проявляли члены Славяносербскаго общества, газета „Баку“ приводила два циркуляра раіоннаго инспектора народныхъ училищъ, г. Сребницкаго.

„Наблюдая—писалъ г. Сребницкій въ первомъ циркулярѣ—за ходомъ учебно-воспитательнаго дѣла въ училищахъ ввѣреннаго мнѣ раіона, я не могъ не обратить вниманія на существованіе нежелательнаго направленія въ нихъ. Въ виду этого я вынужденъ призвать учителей къ порядку и вмѣнить въ обязанность каждаго сообразовать дѣятельность, подъ наблюденіемъ училищнаго совѣта и моимъ руководствомъ, съ духомъ правительства и законности“.

Видя, что самостоятельность истолкована въ смыслѣ политической неблагонадежности, лица, причастныя къ обществу, взволновались. У г. Сребницкаго стали просить объясненій. Онъ отвѣтилъ вторымъ циркуляромъ:

„Пусть тѣ изъ учителей и учительницъ, которые намѣрены продолжать службу въ Славяносербскомъ уѣздѣ, подадутъ мнѣ не позднѣе 1-го іюня о томъ заявленіе, которое и будетъ служить обязательствомъ. Тѣ же изъ учителей, которые къ 1 іюня такихъ заявленій не подадутъ, будутъ причислены мною къ категоріи лицъ, не желающихъ продолжать службу во ввѣренномъ мнѣ раіонѣ, и учительскія мѣста, занимаемыя ими, будутъ считаться вакантными“.

VI.

На третій или на четвертый день моей учительской службы штатный смотритель позвалъ меня къ себѣ на квартиру и предложилъ переговорить „по душамъ“.

— Человѣкъ вы молодой, неопытный,— доброжелательно началъ онъ,—позвольте дать вамъ нѣсколько дружескихъ совѣтовъ.

— Пожалуйста...

— Я не буду говорить о преподаваніи въ училищѣ—съ этимъ еще успѣется... А вотъ... скажите, вы уже дѣлали кому-нибудь визиты?

— Пока нѣтъ...

— Ну, вотъ и хорошо... Видите ли—у насъ тутъ клика есть. Да, да,—можете себѣ представить!.. Всякія гадости устраивать горазды... Во-первыхъ, нотаріусъ Харитоновъ—главный въ городѣ смутьянъ. Всѣмъ онъ надоѣлъ, и никто его не любитъ. Потомъ товарищъ прокурора Ганъ—говорятъ, будто изъ красныхъ, а по моему, просто дуракъ. А еще городской судья Поповъ и судебный слѣдователь Воскресенскій... Эти господа стараются каждаго новаго человѣка къ себѣ привлекать. Вы ихъ остерегитесь. Пре-

дупреждаю васъ—директоръ терпѣть ихъ не можетъ. Инспекторъ тоже. И про меня они сплетни распускаютъ. Изъ нашихъ учителей съ ними только Ширмовскій водится. Это интриганъ. Онъ подъ меня подкопы дѣлаетъ. Мнѣ-то на него въ высокой степени наплевать. А вамъ... Вы отъ него еще никакой гнусности обо мнѣ не слышали?.. Я, конечно, понимаю ваше молчаніе. Всетаки коллега, неловко переносить. Но вы Ширмовскаго остерегитесь, это—опасный человѣкъ... Тутъ есть хорошіе люди: Бирюковы, напр., Чеботаревы... Мадамъ Бирюкова ужъ справлялась объ васъ. Интересно бы, говоритъ, новаго учителя посмотрѣть. Если хотите, мы бы сегодня вечеромъ и пошли къ нимъ...

И видимо обидившись, что я молчу, смотритель сухо закончилъ:

— Ну, я, что надо было, сказалъ, а остальное — дѣло ваше.

Позже я имѣлъ возможность убѣдиться, что непосредственное начальство имѣетъ таки привычку слѣдить, съ кѣмъ учитель водитъ знакомство, у кого бываетъ. И если въ числѣ знакомыхъ оказываются лица „запрещенныя“, т. е. по какимъ-либо причинамъ начальству непріятныя, учитель рискуетъ лишиться награды или пособія, получить десятка два-три служебныхъ замѣчаній. Учителей народныхъ, менѣе устойчивыхъ въ правовомъ смыслѣ, просто увольняютъ. Такъ было, напр., въ Аткарскомъ уѣздѣ, гдѣ инспекторъ народныхъ училищъ г. К. сразу удалилъ трехъ учительницъ за то, что онѣ „ведутъ знакомство со студентами“ (причина эта была объявлена оффиціально).

Безспорно, учитель, какъ и всѣ прочіе люди, „животное общественное“. Какъ и всѣмъ прочимъ людямъ, ему хочется и необходимо бывать въ обществѣ себѣ подобныхъ. Распредѣленіе знакомствъ на „допущенныя“ и „недопущенныя“ ставитъ его въ фальшивое положеніе, лишаетъ основныхъ гражданскихъ правъ. Но для большинства это вопросъ чисто академическій. Сплошь и рядомъ у учителя, какъ общественнаго животнаго, оказывается болѣе серьезный врагъ, который вообще не допускаетъ знакомствъ—ни разрѣшенныхъ, ни дозволенныхъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ врагѣ одинъ учитель въ своемъ дневникѣ (запись сдѣлана 10 мая 1897 г.):

„Ужъ третій день у насъ нѣтъ хлѣба. Положеніе нѣсколько комическое: всѣ продукты и все вообще необходимое мы можемъ брать въ кредитъ по такъ называемымъ „заборнымъ книжкамъ“. Но печеный хлѣбъ покупается у бабъ-„перепечеекъ“ за наличныя, а послѣднія четыре копѣйки наличности истрачены третьяго дня на два фунта хлѣба. Вчера и сегодня мы доѣдали сбереженныя женою хлѣбныя корки и доѣли...

Сейчасъ за обѣдомъ произошла тяжелая сцена. Витя сталъ просить хлѣба. Жена молчала. Ребенокъ сталъ хныкать. Чтобъ утѣшить его, я сказалъ:

— Не плачь, Витя,—завтра мама испечетъ „адя".

Витя хорошо знаетъ, что „адя" это—пироги и очень любитъ ихъ. Но, повидимому, въ самомъ тонѣ моего отвѣта онъ угадалъ нашъ коварный замыселъ — замѣнить до двадцатаго покупной ржаной хлѣбъ домашними пшеничными пирогами—и заревѣлъ:

— Не хочу адя, хлѣба хочу...

И онъ правъ — мы всѣ предпочитаемъ имѣть за обѣдомъ хлѣбъ, а не пироги.

Вслѣдъ за сыномъ заплакала жена. Я смотрѣлъ на нихъ и никакъ не могъ рѣшить, что дѣлать—плакать или смѣяться?

Къ общему удовольствію, я поперхнулся крошками плохо прожеваннаго сухаря и закашлялся. Жена испугалась и начала меня легонько бить по „горбушкѣ": она увѣрена, что это средство помогаетъ застрявшей въ горлѣ пищѣ пройти, куда слѣдуетъ. Въ это время она держала ребенка на рукахъ. Бить папу Витѣ очень понравилось, и онъ, хлопая ручонками по моей спинѣ, весело засмѣялся. Его смѣющееся и покрытое слезами личико было преуморительно. Жена поглядѣла на него и улыбнулась сквозь слезы. Тутъ я окончательно рѣшилъ, что мнѣ надо смѣяться, и засмѣялся. Семейное счастье водворилось, но поперхнуться не всегда удается такъ удачно и такъ во время. На такую удачу трудно разсчитывать сегодня за ужиномъ, завтра за обѣдомъ и т. д., и т. д. Впереди еще цѣлыхъ десять дней безъ хлѣба!

Я подалъ было мысль: взять что либо въ бакалейной лавкѣ на книжку, продать и выручку употребить на покупку хлѣба. Но это такъ неловко и стыдно, что лучше сидѣть безъ хлѣба. Занять не у кого. Сегодня я выходилъ изъ училища вмѣстѣ съ Машатинымъ и чуть было не попросилъ у него:

— Миша, нѣтъ ли у васъ рубля взаймы?

У него богатые родители, и онъ славный мальчикъ. Онъ, конечно, далъ бы, но у меня языкъ не повернулся сказать такія слова ученику.

Вообще нужда въ самомъ необходимомъ—наша постоянная гостья, но чѣмъ дальше, тѣмъ чаще и острѣе она чувствуется. Зимой у насъ оказалась недостача бѣлья; сверхъ того, пришлось выдумывать, какъ замѣнить прошлогодніе заношенные до тла лѣтніе костюмы новыми. Къ Пасхѣ выдали жалованье почти за полмѣсяца впередъ—вопросъ о бѣльѣ и костюмахъ былъ кое-какъ рѣшенъ, за то теперь нѣтъ хлѣба.

Два года назадъ мы получали „Русскія Вѣдомости", потомъ съѣхали на четырехрублевые „Биржевики". Въ нынѣшнемъ году и четыре рубля оказалось невозможно выкроить изъ бюджета. Я читаю въ училищѣ „Московскія Вѣдомости" и изрѣдка приношу старые прочитанные всѣми номера женѣ. Этими старыми номерами, да не менѣе старыми книжками „Русскаго Вѣстника",

да „Журналомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ ограничивается наше общеніе съ текущей литературой.

Раньше мы любили слѣдить за книжными новинками и говорили о нихъ другъ другу. Теперь мнѣ слышать о нихъ обидно и больно, а говорить, если узнаю откуда либо, женѣ—стыдно. Повидимому, также и то же чувствуетъ и она. Книжныя новости для насъ обоихъ стали предметомъ столь деликатнымъ, что мы избѣгаемъ его касаться.

Мы оба очень любимъ театръ, но вотъ уже два года, какъ не были даже въ здѣшнемъ клубѣ, единственномъ у насъ мѣстѣ, гдѣ даются любительскія представленія. Временами, когда любители объявляютъ что-либо ужъ очень заманчивое, Надя проситъ принести изъ училищной библіотеки „какой-нибудь томъ Островскаго“. Я приношу, мы читаемъ вслухъ. Это замѣняетъ намъ театръ.

Я люблю скрипку, но избѣгаю играть, чтобъ не напоминать женѣ, что у насъ нѣтъ рояля: она любитъ этотъ инструментъ и когда-то хорошо на немъ играла. Впрочемъ, иногда она сама проситъ сыграть. Я беру скрипку, но сразу чувствую, что пальцы потеряли былую гибкость и бѣглость. И мнѣ становится обидно, а жена скорбно задумывается.

Основной мотивъ нашей интимной жизни—напряженная и жалкая боязнь имѣть дѣтей. По безмолвному межъ нами соглашенію, Витя — единственная роскошь, какую мы могли себѣ въ этомъ отношеніи позволить. Въ одномъ католическомъ богословскомъ трактатѣ я разъ случайно нашелъ рубрику: „Semen extra vos femineum fundere...“ Какъ мужъ и жена, мы живемъ именно такимъ образомъ, чтобы быть зарегистрованными въ этой самой графѣ. Правда, мы еще близки другъ къ другу, но это—близость заговорщиковъ, одинаково заинтересованныхъ въ одномъ и томъ же нехорошемъ дѣлѣ.

Въ обществѣ мы почти не бываемъ: она—потому, что нѣтъ „выходныхъ костюмовъ“, я—потому, что здѣсь безъ жены бывать не принято. Да и бывать—значитъ приглашать къ себѣ, а такой роскоши мы позволить не можемъ.

Наши расходы распадаются на двѣ, приблизительно равныя половины. Одна идетъ на удовлетвореніе нашихъ личныхъ потребностей—въ этой области мы готовы отказаться отъ самаго необходимаго. Другая половина уходитъ на то, что называется поддержаніемъ престижа.

Я долженъ быть на службѣ въ чистомъ крахмальномъ бѣльѣ, въ форменномъ костюмѣ извѣстнаго достоинства, имѣть обувь и верхнее платье не ниже опредѣленной свѣжести. И мы покорно тратимъ на прачку, на форму и на все прочее почти пятую часть заработка.

Бывая въ церкви, я не могу положить въ тарелку менѣе

гривенника; говѣя, я не могу дать священнику за исповѣдь меньше рубля; сторожу, когда онъ меня поздравляетъ, я долженъ дать, по крайней мѣрѣ, полтинникъ и проч., и проч... И по обязанностямъ службы, я бываю, говѣю, принимаю поздравленія. И по долгу положенія, даю, даю, даю... Этимъ я покупаю то внѣшнее и условное уваженіе къ моей особѣ, отсутствіе котораго дѣлало бы мнѣ еще больнѣе, чѣмъ теперь.

Положеніе же обязываетъ меня держать прислугу, хоть мнѣ и женѣ неловко этого невольнаго свидѣтеля прорѣхъ въ нашемъ житьѣ-бытьѣ. И намъ обидно, что мы должны скрывать эти прорѣхи и въ то же время многое безсильны скрыть, что приходится учитывать каждую копѣйку, которая идетъ на содержаніе прислуги. Быть можетъ, въ силу этого затаеннаго чувства обиды и неловкости, прислуга у насъ часто мѣняется, и мы, обыкновенно, не торопимся ее нанимать.

Когда ея нѣтъ, какъ напримѣръ, теперь, намъ живется покойнѣе, лучше, почти счастливѣе.

Два года назадъ я еще жилъ высшимъ кругомъ идей и понятій. Каждое явленіе интересовало меня не столько само по себѣ, сколько по отраженію въ немъ вопросовъ общаго характера. И эти общіе вопросы волновали меня, я улавливалъ въ нихъ малѣйшіе оттѣнки, болѣлъ и страдалъ ими; болѣлъ тою особенною болью, которая повышаетъ человѣка и даетъ ему полноту человѣческаго, а не животнаго существованія. Теперь иначе. Крылья крѣпко завязли въ сѣти соображеній, ужъ слишкомъ конкретныхъ, слишкомъ конечныхъ и узкихъ. То высшее, чѣмъ недавно такъ сладко дышалось, уходитъ куда-то прочь. Да и жизнь вся, съ ея вихремъ разнообразныхъ запросовъ, съ ея красками, блескомъ, сочностью, уплываетъ также прочь. И что ни часъ, то дальше. И я чувствую себя, какъ пассажиръ, выкинутый за бортъ на пустынный берегъ. По всей вѣроятности, то же чувствуетъ и Надя.

Въ послѣднее время я часто ловлю себя на мысляхъ, совершенно не позволительныхъ. Это случается, обыкновенно, въ классѣ и преимущественно на урокахъ литературы, наиболѣе любимыхъ учениками. Ученикъ читаетъ какой-либо отрывокъ, а я начинаю соображать, насколько хватитъ тѣхъ дровъ, которыя вчера куплены, или какъ нужно распредѣлить жалованье, чтобъ осталось на башмаки женѣ. Если такія мысли упорно лѣзутъ въ голову, я становлюсь золъ. На завтра ученики говорятъ мнѣ:

— Вы, Василій Николаичъ, вчера не въ духѣ были.

Я краснѣю и отвѣчаю:

— Съ вами развѣ можно всегда въ духѣ быть...

И отъ этой лжи еще болѣе краснѣю.

Пока межъ мною и учениками отношенія добрыя и сердечныя. Ребята откровенны со мною, не стѣсняясь разсказываютъ

про столкновенія съ другими учителями, вѣрятъ моей порядочности, убѣждены, что не донесу, не передамъ начальству, не обижу. Но я ужъ началъ лгать, и, стало быть, черезъ 2—3 года будетъ совсѣмъ не то.

Порою я чувствую себя, какъ человѣкъ, который тонетъ и уже послѣдними, слабѣющими усиліями держится на водѣ. И хочется крикнуть:

— Братцы, тону вѣдь я—спасите!

Но кому крикнуть? Кто услышитъ?...

Мои записки прервала жена. Она вошла ко мнѣ съ Витей на рукахъ.

— Вася,—говоритъ,—я нашла выходъ. Сейчасъ послала хозяйскую дѣвочку за ржаной мукой. Хозяйка закваски даетъ. Завтра попробую испечь. Заранѣе прошу, сударь,—попыталась она шутить,—имѣть въ виду, что это мой первый опытъ.

Всѣ геніальныя открытія просты, какъ яйцо Колумба. Тѣмъ не менѣе, перспектива перваго опыта меня нѣсколько смутила.

— Знаешь что, Надя,—робко посовѣтовалъ я,—ты бы лучше сначала испробовала свои силы на лепешкахъ. Чухонки, напримѣръ, превкусныя лепешки дѣлаютъ. И представь, какъ просто...

— Убирайся ты со своими чухонками. Умѣю же я пироги печь. А теперь поучусь ржаной хлѣбъ. Не велика премудрость.

Да, премудрость не велика. Но въ нашей берлогѣ „дама изъ общества", собственноручно пекущая пшеничные пироги, считается просто хозяйственной дамой, а собственноручно мѣсящая въ дежкѣ ржаное тѣсто,—женщиной дурного тона... И, слѣдовательно, черезъ три дня о томъ, что жена учителя Гаврилова пекла хлѣбъ, будутъ знать всѣ педагогическія дамы, и не преминутъ при случаѣ уколоть:

— Говорятъ, у васъ, Василій Николаичъ, необыкновенно вкусный хлѣбъ...

А что эти уколы будутъ, Надя знаетъ такъ же хорошо, какъ и я. И думаетъ она объ этомъ то же, что и я:

— Оно и глупо, и пошло, но жить мѣшаетъ, ставитъ въ фальшивое положеніе.

И намъ ничего другого не оставалось, какъ, опустивъ глаза внизъ, молчать.

— Ты четырнадцатаго въ церковь пойдешь?—спросила, наконецъ, она.

— Нельзя не пойти—царскій день.

— А въ тарелку что положишь?

— Ничего не положу. Среди обѣдни курить выйду.

— Вотъ и мораль,—грустно замѣтила Надя,—не женись на безприданницѣ. Нашелъ бы себѣ жену побогаче, никогда такой нужды не видѣлъ бы.

О себѣ ни слова—будто въ святыя записалась. Впрочемъ, я

тоже святѣю, и скоро, надо полагать, совсѣмъ буду святъ,—какъ пробка“ *).

VII.

Въ 1893 г. насъ, учителей к—аго уѣзднаго училища, постигла крупная неожиданность.

Изъ губернскаго города явился нѣкто Босовъ держать экзаменъ на званіе сельскаго учителя. Видъ онъ имѣлъ весьма независимый и все время до экзаменовъ почему-то иронически улыбался, чѣмъ законоучитель былъ даже нѣсколько обиженъ:

— Нельзя сказать,—замѣтилъ онъ,—что сей оболтусъ къ старшимъ почтителенъ.

— Должно быть, увѣренъ въ себѣ,—возразили ему.

Къ общему удивленію, работа по русскому языку оказалась совершенно безграмотной. Учителя поставили 2, батюшка единицу, промолвивъ:

— Пусть дуракъ не зазнается.

Отмѣточный листъ перешелъ къ предсѣдательствующему штатному смотрителю. Тотъ молча подвелъ черту, написалъ: „общій выводъ—два“, потомъ свою отмѣтку—„пять“, а подъ нею: „общій выводъ—четыре“.

Батюшка отъ неожиданности даже вскочилъ.

— Позвольте, Лукьянъ Иларіоновичъ,—вмѣшались учителя,—вы ошиблись. Подъ работой три двойки, единица и ваше пять. Сумма балловъ двѣнадцать. Въ общемъ выводѣ меньше $2^1/_2$.

— Въ общемъ выводѣ $3^1/_2$,—отвѣтилъ Лукьянъ Иларіоновичъ,—ваша преподавательская двойка и моя предсѣдательская пятерка... Потрудитесь раздѣлить семь на два.

— Но вы неправильно комбинируете.

— Прошу меня не учить,—прекратилъ разговоры смотритель.

За письменную работу по ариѳметикѣ мы, трое учителей, поставили по единицѣ; законоучитель, нѣсколько подумавъ и даже покраснѣвъ,—два. Лукьянъ Иларіоновичъ вывелъ: „два“, написалъ свою отмѣтку—„пять“, въ среднемъ, по его разсчетамъ, снова получился требуемый правилами баллъ—4. Это ужъ значило, что Босовъ свидѣтельства удостоивается, такъ какъ остальное, что требуется для экзамена (colloquium по поводу письменныхъ работъ и пробные уроки), всецѣло зависѣли отъ смотрителя.

Впослѣдствіи оказалось, что Лукьянъ Иларіоновичъ имѣлъ нѣкоторое основаніе содѣйствовать благополучному исходу экзаменовъ: у Босова была родственница, которая нравилась кому-то изъ начальствующихъ лицъ. Свидѣтельство Босову, желавшему

*) Отрывокъ этотъ привожу съ разрѣшенія автора. Собственныя имена, по весьма понятной причинѣ, мною измѣнены.

освободиться отъ воинской повинности, и было выдано. Тѣмъ не менѣе, директоръ, утверждающій экзаменаціонное производство, сдѣлалъ строгій выговоръ всему педагогическому совѣту за неправильный выводъ балловъ. А штатный смотритель, ни мало не смущаясь, выговоръ этотъ намъ объявилъ.

Учителя заволновались и рѣшили немедленно же собраться и обсудить „положеніе вещей“. Сборнымъ пунктомъ назначена была почему-то моя квартира. Изъ „положенія вещей“, однако, вытекало, что обсуждать, собственно, нечего, такъ какъ:

— Сами же мы во всемъ виноваты.

Надо было сговориться, сообща дѣйствовать. Останься мы всѣ при особомъ мнѣніи, да будь это мнѣніе къ протоколу приложено, на нашей сторонѣ было бы большинство. Директоръ поневолѣ къ нашему мнѣнію присоединился бы...

Отсюда слѣдовало, что горе наше въ томъ, что мы врозь живемъ. А потому слѣдуетъ хотя бы разъ въ недѣлю собираться вмѣстѣ по-товарищески, попить чайку, поговорить. На томъ и порѣшили.

Собираться мы стали по субботамъ, когда вечера наиболѣе свободны. „Сборища“ происходили у меня, и на нихъ быстро обратилъ вниманіе штатный смотритель. Онъ вдругъ сдѣлался очень любезенъ и какъ бы вскользь замѣтилъ мнѣ:

— А у васъ, оказывается, журфиксы устроены...

— Журфиксовъ нѣтъ,—а такъ заходятъ коллеги...

— Слышалъ, слышалъ! Какой вы, однако! Все молчкомъ дѣлаете... Отчего бы и мнѣ не сказать?

— Да о чемъ же сказать?

— Ну, какъ о чемъ!—возразилъ смотритель.—Вѣдь въ одномъ училищѣ служимъ. На одного Бога молимся... Я знаете, самъ это люблю,—когда по просту, по студенчески... И весело у васъ?

— Право, не знаю...

— Ну, ну, не скромничайте!.. Хорошо бы вотъ такъ собираться всей компаніей...

Видя, что я плохо догадываюсь пригласить его, Лукьянъ Иларіоновичъ пошелъ прямѣе:

— Отчего бы намъ всѣмъ у меня не собираться?—предложилъ онъ.—Человѣкъ я холостой. Квартира всегда свободна, помѣшать некому. Да и на счетъ полиціи безопаснѣе...

— При чемъ тутъ полиція?—удивился я.

— Ну, знаете ли, она тоже наблюдаетъ, — загадочно отвѣтилъ онъ и прекратилъ разговоръ.

Разумѣется, смотритель безпокоился не зря. И не зря называлъ впослѣдствіи наши мирныя „субботки“ „нелегальными сборищами“ и „комплотомъ противъ начальства“. Онѣ и, дѣйствительно, были „комплотомъ“, т. е., по каждому вопросу, какой возникалъ въ совѣтѣ, смотритель наталкивался на вполнѣ опре-

дѣленное и твердо обоснованное мнѣніе большинства. И измѣнить это мнѣніе онъ былъ не въ силахъ, такъ какъ даже въ наиболѣе благопріятныхъ для себя случаяхъ располагалъ лишь двумя голосами—собственнымъ и законоучителя.

Немудрено, что Лукьянъ Иларіонычъ противъ „субботокъ" сталъ принимать мѣры. Вначалѣ онъ предложилъ постановить, чтобы учителя каждую субботу обходили всѣ ученическія квартиры. По его словамъ, это необходимо, такъ какъ директоромъ народныхъ училищъ „сдѣлано соотвѣтствующее распоряженіе". Ссылки на „соотвѣтствующее распоряженіе" нерѣдко практикуются, когда предсѣдатель желаетъ доказать, что вопросъ можетъ быть только такъ рѣшенъ, какъ онъ говоритъ. Спорить противъ нихъ довольно трудно. На „субботкахъ" нашихъ мы тоже рѣшили не спорить, но каждую такую ссылку обязательно заносить въ протоколъ.

— Зачѣмъ же въ протоколъ?—возразилъ смотритель.—Нельзя же все, что говорится, въ протоколѣ записывать.

— Не все, что говорится,—настаивали учителя,—а распоряженіе директора. Это разница...

— Что значитъ распоряженіе?—сталъ объяснять смотритель.—Директоръ собственно упомянулъ къ разговору, вродѣ какъ бы намека...

— А вы думали, что вездѣ по нашему формы!—лукаво попрекнулъ насъ законоучитель, видимо, съ большимъ интересомъ слѣдившій за споромъ. Съ той поры долго учителя называли „соотвѣтствующія распоряженія" смотрительскими огурцами (то же, что римскій огурецъ). Но „субботки" наши въ концѣ концовъ прекратились. Произошло-ли это по причинѣ установленныхъ смотрителемъ ежесубботнихъ всенощныхъ, гдѣ присутствіе учителей было обязательно, или просто надоѣло „составлять комплотъ" и подвергаться непріятностямъ—сказать не умѣю.

Такого же рода „субботки" устраивались одно время учителями н—скаго городскаго училища. О нихъ я знаю, по разсказамъ моего бывшаго сослуживца С—ва.

— Мѣсяца полтора это у насъ велось,—говорилъ С—въ. Народъ, какъ на подборъ, собрался молодой, горячій. Водку мы понимали, какъ послѣднюю гибель души человѣческой. А карты были для насъ все равно, что для вѣрующаго попа оскверненіе храма Божія. Городишко же, надо вамъ сказать, дикій, захудалый. Дѣлать-то въ немъ, помимо картъ и водки, нечего. Развлеченіе одно только и есть, да и то сонъ... Ну, и рѣшили мы собираться. А инспекторъ у насъ дока былъ. Прожженый. Изъ штатныхъ смотрителей. Ну, такъ же, какъ и вашъ Лукьянъ Иларіонычъ, коситься началъ:

— Зачѣмъ, говоритъ, собираетесь?

— Да просто такъ—въ гости.

— А дѣлаете что?

— Читаемъ...

— Этого, говоритъ, нельзя.

Мы, разумѣется, по молодости лѣтъ, на смѣхъ его подняли.

— Ну, вотъ, молъ, еще глупости!

— Погодите, говоритъ,—вы еще увидите, какія это глупости.

И точно, дня черезъ три является онъ въ учительскую, и бумага у него въ рукахъ.

— Что, говоритъ,—дождались!.. Полюбуйтесь!..

— Въ чемъ, спрашиваемъ, дѣло?

— А въ томъ, говоритъ, что отношеніе отъ исправника.

Кинулись мы читать. Дѣйствительно, бумага отъ исправника, съ числомъ и за номеромъ—все, какъ слѣдуетъ быть, по формѣ. Ну, сами знаете, какъ въ такихъ случаяхъ канцеляріи пишутъ: сначала „до свѣдѣнія моего дошло", а потомъ: „покорнѣйше прошу поставить господъ преподавателей въ извѣстность, что таковыя собранія могутъ происходить не иначе, какъ съ моего каждый разъ разрѣшенія и лишь по представленіи мнѣ подробной программы, въ противномъ случаѣ съ ними поступлено будетъ по всей строгости законовъ".

— Не можетъ быть!—удивился я.

— Э-э-э,—протянулъ С—въ.—А вы, батюшка, посмотрите на мой носъ и разсудите, по какой причинѣ онъ, принадлежа отставному алкоголененавистнику, краснымъ сталъ? Да по какой причинѣ я въ прошломъ мѣсяцѣ, изъ присвоеннаго мнѣ по штату содержанія 50 руб. 35 коп., женѣ 35 коп. принесъ, а рубли всѣ до единаго проремизилъ?.. Знаете, тамъ въ Ч—ни, до исправницкой бумаги, вотъ въ эту голову—С—въ стукнулъ себя по лбу—по разнымъ обстоятельствамъ, Аркашки Счастливцева мысль лѣзла: „А не удавиться ли, молъ, мнѣ?" И если бы мнѣ тогда сказали: прежде чѣмъ десять зимъ минетъ, будетъ у тебя, рабъ Божій Павелъ, носъ красный, и будешь ты ночи на пролетъ за стуколкой сидѣть, — я бы, ни на минуту не задумываясь, веревку на гвоздь, да и того... А вы говорите: „не можетъ быть!"

— Но на какомъ основаніи?—спросилъ я.

— Чортъ ихъ знаетъ!—пожалъ плечами С—въ,—догадывались тогда, что это инспекторовы штуки.

— Такъ ваши чтенія и прекратились?

— Не сразу... Сначала мы для потѣхи исправнику „программу" послали. Потѣшная была штука. Въ первомъ отдѣленіи значилось: „Ода Богъ", „Телемакида" и мелодекламація: „Коль славенъ"... Второе отдѣленіе: „Россіяда", „О любви къ отечеству" и живая картина—переходъ Суворова черезъ Чортовъ мостъ при пѣніи всѣхъ присутствующихъ: „Громъ побѣды раздавайся". Еще что-то въ томъ же родѣ понаписали—теперь ужъ не припомню. Думали, что взбѣленится исправникъ. А онъ самымъ серьезнымъ образомъ

написалъ: „разрѣшаю“... Ну, собрались коллеги ко мнѣ—у насъ это тоже по субботамъ дѣлалось... О чемъ говорить? Дѣло ясное...

— А что, спрашиваю, братцы, не сыграть ли намъ въ дурачка?

— Давай, говорятъ, хоть въ дурачка...

Вотъ и пошелъ я карты купить. Да ужъ и вина кстати. А погода была мерзѣйшая—и снѣгъ, и дождь, и вѣтеръ. Темь, хоть глаза коли. Возвращаюсь назадъ. Глядь около сѣней фигура какая-то торчитъ.

— Что за человѣкъ?—спрашиваю.

— Я—говоритъ

— А зовутъ какъ?

— Околоточный.

— Что вы тутъ дѣлаете?

— Въ нарядѣ, говоритъ, стою...

— Въ какомъ нарядѣ?

— Собраніе, говоритъ, тутъ. Такъ вотъ меня въ нарядъ и поставили.

— Да вѣдь холодно?

— Что-жъ, говоритъ, дѣлать?—служба.

Жалко мнѣ его стало.

Пригласилъ я его въ комнату. Веселый малый оказался. Анекдоты похабные разсказывалъ. Въ преферансъ училъ насъ играть. И даже поблагодарить за гостепріимство не забылъ. А на прощанье совѣтъ далъ:

— Бросьте, говоритъ, господа, эти штуки. Вамъ только одна непріятность будетъ. Да и нашему брату, вы думаете, сладко!.. Трясись, слѣди, отписывайся... Ей Богу,—плюньте!..

— Плюнули, разумѣется. Ничего не подѣлаешь!—закончилъ С—въ.

Впрочемъ, собранія учителей вообще дѣло громоздкое. Даже просто зайти въ гости къ товарищу по службѣ не всегда удобно. Со мною былъ такой случай.

Учитель Г., тотъ самый, который „Новое Время“ жидовской газетой называлъ, по какому-то поводу крупно повздорилъ съ инспекторомъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого мнѣ вечеромъ понадобилось быть въ училищѣ. По пути я завернулъ къ Г. Это растрогало его почти до слезъ.

— Цѣню!—говорилъ онъ, крѣпко пожимая мнѣ руку.—Очень цѣню! Вотъ это благородно!

— Богъ съ вами, Семенъ Ивановичъ!—возразилъ я.—При чемъ тутъ благородство?

— Зайти къ опальному товарищу!.. Нѣтъ, на такой шагъ не всякій рѣшится... А вѣдь мы до сихъ поръ,—добавилъ онъ,—и близки не были.

Въ тотъ же вечеръ въ училищную библіотеку, гдѣ я работалъ, зашелъ инспекторъ.

— Пойдемте ко мнѣ чай пить,—предложилъ онъ.

— Спасибо, — отвѣтилъ я, — чаемъ меня Семенъ Иванычъ угостилъ.

А на другой день тотъ же Семенъ Иванычъ при томъ же инспекторѣ говорилъ мнѣ:

— Знаемъ мы вашего брата, либераловъ! Жди отъ васъ помощи въ случаѣ нужды—какъ же! Пока я не удостоился, чтобъ ваша милость хоть поглядѣть изволили, гдѣ моя квартира стоитъ...

Исподтишка онъ хитро подмигнулъ мнѣ: „небось, молъ, я тебя не выдамъ".

Инспекторъ имѣлъ жестокость не сказать даже фамусовскаго: „хоть подеритесь, не повѣрю".

Вопросъ о правѣ учителей бывать, безъ вѣдома начальства, въ гостяхъ другъ у друга ставился кое-гдѣ принципіально. Такъ было, между прочимъ, въ 1899 г. въ Тверскомъ уѣздѣ, гдѣ народные учителя нѣсколькихъ сосѣднихъ селъ условились въ свободное отъ занятій время, когда случится нѣсколько праздниковъ подъ рядъ, устраивать совмѣстныя скромныя пирушки. Одинъ разъ имъ безпрепятственно удалось собраться къ учителю ильинской школы. Затѣмъ товарищей пригласилъ къ себѣ на ближайшіе праздники Измайловскій учитель. Но къ нему вмѣстѣ съ гостями прибыла оффиціальная бумага отъ инспектора народныхъ училищъ. Инспекторъ строго предписывалъ угощеніе немедленно прекратить, такъ какъ „всякія собранія учителей, безъ разрѣшенія начальства, терпимы быть не могутъ".

Тотъ же инспекторъ предложилъ уѣздному училищному совѣту: учителя измайловской школы уволить, а собравшихся было къ нему гостей перевести на худшія мѣста. Совѣтъ принялъ во вниманіе, что циркуляръ инспектора не былъ извѣстенъ учителямъ въ моментъ совершенія вины, т. е. когда они съѣзжались въ гости. А потому было рѣшено наказать лишь измайловскаго учителя (его перевели на плохое мѣсто), всѣхъ же остальныхъ простить *).

Приказъ инспекціи, если стать на ея точку зрѣнія, вполнѣ понятенъ. „Собранія" учителей, хотя бы и для совмѣстнаго лишь угощенія, всетаки напоминаютъ долгое время безусловно запрещенные учительскіе съѣзды. Это во-первыхъ. А, во-вторыхъ, благодаря пирушкамъ, на которыхъ начальство не присутствуетъ, учителя, дѣйствительно, могутъ сговориться и единодушно дѣйствовать вопреки желанію и вкусамъ инспектора.

*) „Русск. Шк.", 1900 г., кн. X—XI.

VIII.

Лѣтомъ 1903 г. ко мнѣ, въ редакцію одной южной газеты, зашелъ знакомый инспекторъ народныхъ училищъ, человѣкъ очень добродушный.

— У васъ,—заговорилъ онъ,—статья вотъ напечатана объ участіи великаго князя въ учительскихъ курсахъ, за подписью Сеничевъ.

— Да...

— Прекрасная статья. И взгляды у автора прекрасные. Но видите ли... у насъ учитель есть Сеничевъ. Такъ вотъ—если это онъ, посовѣтуйте ему подъ какимъ-нибудь псевдонимомъ писать. А то... вы сами были учителемъ... Порядки наши вамъ извѣстны. Сеничеву-то я всетаки замѣчаніе сдѣлаю, а вы съ нимъ тоже поговорите.

— Позвольте,—замѣтилъ я,—какъ же вы сдѣлаете замѣчаніе, не зная, онъ ли авторъ?..

— Ну, если не онъ, такъ пусть ему напредки это урокомъ послужитъ.

— Да и сами вы, насколько помнится пишете,—возразилъ я

— Пишу,—отвѣтилъ инспекторъ,—но нужно знать, о чемъ? Вотъ, напр., наблюденія надъ погодой, сельскохозяйственныя или естественно-историческія свѣдѣнія, или методическое указаніе въ предѣлахъ существующихъ программъ, или вообще что-нибудь этакое безобидное, безъ намековъ на политику. А въ этой статьѣ авторъ какъ-будто великаго-то князя хвалитъ, а между строкъ недовольство министерскими распоряженіями видно... Нельзя этого дозволить, никакъ нельзя...

Въ 1893 г., когда я начиналъ учительскую службу, мнѣ тоже было заявлено, послѣ того какъ въ „Орловскомъ Вѣстникѣ“ появилась статья за полною моею подписью:

— Въ газетахъ ничего не пишите, потому что это закономъ запрещено.

Въ подтвержденіе мнѣ указали на ст. 727 третьяго тома. Статья эта, дѣйствительно, гласитъ:

„Служащимъ чиновникамъ запрещается издавать въ свѣтъ сочиненія, заключающія въ себѣ что-либо, касающееся до внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній Россійскаго государства, безъ дозволенія своихъ начальствъ“.

Безъ сомнѣнія, статья эта продиктована благоразумною осторожностью. Чиновникамъ порою ввѣряются вещи секретныя, опубликованіе которыхъ, разъ рѣчь идетъ „о внѣшнихъ и внутреннихъ отношеніяхъ Россійскаго государства“, не всегда удобно. Но, во-первыхъ, Сеничевъ, о которомъ говорилъ инспекторъ, на-

родный учитель. А стало быть, не чиновникъ, ибо никакихъ правъ государственной службы должность его не даетъ. Значитъ, дѣйствію 727 ст. онъ не подлежитъ, а равносильной статьи, которая относилась бы къ народнымъ учителямъ, сводъ законовъ не содержитъ. Во-вторыхъ, законъ говоритъ о „сочиненіяхъ, касающихся „внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній“, къ разряду каковыхъ трудно отнести мелкія газетныя замѣтки и корреспонденціи. Въ дѣйствительности же „безобидныя сочиненія“ учителями пишутся и печатаются довольно свободно. Примѣненіе 727 ст. къ директору народныхъ училищъ Яблочкову, которому предложили „не издавать болѣе ничего безъ предварительнаго согласія начальства“ *)—случай, довольно исключительный. Да и обусловливается онъ тѣмъ скандаломъ, какое произвели писательскіе труды г. Яблочкова. За то газетныя замѣтки, особенно если онѣ касаются вопросовъ общественныхъ, навлекаютъ на учителя-автора большія или меньшія непріятности. Значитъ, 727 ст. истолковывается не по явному ея смыслу, а примѣнительно къ соображеніямъ, внѣ закона лежащимъ.

Объ этихъ внезапныхъ соображеніяхъ откровенно высказался мой сослуживецъ Д—въ, учитель б—скаго городского училища, и вотъ по какому поводу. Нѣкоему малограмотному дворянину захотѣлось баллотироваться въ губернскіе земскіе гласные. Онъ рѣшилъ поэтому держать экзаменъ на первый классный чинъ, и, конечно, провалился. Мѣсяцевъ черезъ 8, малограмотный дворянинъ опять пріѣхалъ въ б—ское училище, для вторичнаго экзамена, и на этотъ разъ привезъ рекомендательное письмо. Прочитавъ рекомендацію и особенно подпись, инспекторъ училища переполошился и объявилъ учителямъ еще до экзамена, что свидѣтельство надо непремѣнно выдать. Однако, часть учителей осталась „при особомъ мнѣніи“. Мнѣніе это было оставлено дирекціей „безъ послѣдствій“. Малограмотный дворянинъ свидѣтельство на классный чинъ получилъ, и, стало быть, пріобрѣлъ право попасть въ губернскіе гласные, въ члены управы и т. д. „Строптивцы“ же были наказаны: одинъ лишился обѣщаннаго пособія, другому отказали въ переводѣ на лучшее мѣсто. Д—въ, тоже наказанный, возмутился... и написалъ мнѣ (уже оставившему учительскую службу), „по старой памяти“, но за тысячу верстъ:

„Нельзя ли — заканчиваетъ онъ свой разсказъ о малограмотномъ дворянинѣ — все это огласить. Я бы и самъ взялся, да руки связаны. Иначе бы они, конечно, никогда не позволили бы себѣ такъ откровенно орудовать“.

Т. е., другими словами, будь у него „руки развязаны“, онъ каждое неправильное дѣйствіе начальства передавалъ бы на судъ общественнаго мнѣнія. Такого рода апелляціи, если бы за нихъ

*) См. „Вѣстн. Восп.“, 1897 г., кн. II, стр. 154.

учитель отвѣчалъ лишь передъ судомъ, давали бы подчиненному крупный „козырь". Но для начальства онѣ, конечно, неудобны. И, оберегая свой престижъ, оно приказываетъ:

— Въ газетахъ ничего не пишите.

Такъ объясняютъ запрещеніе сами учителя. И другое объясненіе, признаться, трудно придумать. Правда, чтобъ „обличить" начальника въ корреспонденціи, нужна большая отчаянность и даже самоотверженіе. Но вѣдь лиха бѣда дозволить подчиненному вступить въ сношенія съ редакціею, завязать связи съ литературнымъ міромъ, а тамъ ужъ онъ сумѣетъ обличительную замѣтку тиснуть и анонимно. Поди тогда, угадывай, кто написалъ; ищи виновнаго.

Разумѣется, учителя пишутъ и корреспондируютъ, вопреки запрещеніямъ. Умоляя „уважаемаго редактора сохранить тайну", скрываясь подъ самыми разнообразными псевдонимами, учитель упрямо продолжаетъ „обличать". Достается отъ него на орѣхи и начальству. Правда, на такое дѣло способенъ далеко не всякій; для него, помимо мужества, нуженъ врожденный темпераментъ общественнаго дѣятеля, который органически не способенъ „не лѣзть въ самую гущу жизни" и такъ же органически не можетъ понять, почему его хата должна быть съ краю. Такихъ учителей въ общей массѣ немного, да и живется имъ не сладко.

Напомню хотя бы, какъ хоронили „писаку", учителя Бѣлова въ 1902 г. въ г. Юрьевѣ Польскомъ, Владимірской губ. (нѣсколько статей Бѣлова было, между прочимъ, напечатано въ „Русс. Шк."). Служилъ онъ въ городскомъ училищѣ. „Сослуживецъ покойнаго—привожу дословно корреспонденцію „Сѣвернаго Края"—протоіерей Знаменскій, приглашенный отслужить панихиду, сдѣлалъ замѣчаніе вдовѣ покойнаго, почему она не сшила мужу савана, давъ при этомъ всѣмъ присутствовавшимъ на панихидѣ такое разъясненіе:

— Если бы вы, скажемъ, положили его въ мундирѣ съ галунами, или тамъ съ нашивками какими на рукахъ и воротѣ, съ ясными пуговицами—тогда другое дѣло, можно бы и безъ савана. А то онъ у васъ въ штатскомъ сюртукѣ, безъ всякаго ордена и знака отличія. Какъ же онъ явится на тотъ свѣтъ? Кѣмъ онъ предстанетъ—не то чиновникъ, не то еще кто?

Требованіе было исполнено—покойнаго одѣли въ саванъ. Затѣмъ о. протоіерей перешелъ къ обуви, найдя, что въ штиблетахъ, при томъ надѣванныхъ, неловко являться на тотъ свѣтъ, а надо надѣть туфли, и при томъ новыя. Затѣмъ послѣдовали замѣчанія относительно свѣчъ, креста, чернаго и бѣлаго крепа. Въ заключеніе о. Знаменскій (въ присутствіи, конечно, бывшихъ на похоронахъ учениковъ) произнесъ надгробную рѣчь, которая закончилась словами:

— Смерть, братіе, большею частію бываетъ несвоевременна;

и въ данномъ случаѣ, беря во вниманіе молодые годы раба Божія Павла, можно подумать, что кончина была ранняя. Но это будетъ невѣрно. Мы можемъ сказать: „Хорошо, что рабъ Божій Павелъ умеръ, ибо только смерть отвлекла его отъ дальнѣйшихъ заблужденій и окончательной духовной гибели и не дала окончательно укрѣпиться въ зловредныхъ идеяхъ. Неизвѣстно, до чего бы дошелъ онъ въ своихъ заблужденіяхъ, если бы смерть не пришла во время. Итакъ, братіе, кончина раба Божія Павла своевременна. Помолимся же о его грѣшной душѣ".

IX.

Объясню причину, почему мнѣ казалось необходимымъ сказать нѣсколько словъ о правѣ учителей писать въ газетахъ. Какъ бы ни разсматривать участіе въ періодической печати, хотя бы въ видѣ простого корреспондированія, занятіе это несомнѣнно пробуждаетъ и питаетъ интересъ къ общественной жизни и ея отраженію — литературѣ. Представьте положеніе человѣка, для котораго пути къ общественной дѣятельности отрѣзаны, у котораго нѣтъ или почти нѣтъ знакомствъ, который не имѣетъ даже идейныхъ связей съ товарищами по профессіи. Представьте, словомъ, жизнь, протекающую внѣ какого бы то ни было обмѣна мыслей. Человѣкъ, поставленный въ столь противоестественныя условія, не напоминаетъ ли тѣ бузиновые шарики, которые укрѣпляются на стеклянныхъ подставкахъ? Этотъ общераспространенный въ физическихъ кабинетахъ приборъ очень удобенъ для экспериментатора, потому что изолированный шарикъ можно по желанію зарядить какимъ угодно электричествомъ. Но человѣкъ немножко больше, нежели простой физическій приборъ. И судьба его, если онъ изолированъ отъ органическихъ и стихійныхъ вліяній жизни, нѣсколько сложнѣе.

Прежде всего—чѣмъ онъ „электризуется"? Какая мысль получаетъ въ немъ преобладаніе? Сохраняется ли и возбуждается ли у него интересъ къ литературѣ, какъ первостепенному источнику мысли и знанія?

Однажды возлѣ церкви мнѣ пришлось услышать наивный разговоръ. Ребенокъ лѣтъ пяти, указывая на колокольню, спрашивалъ у отца:

— Папа, вонъ тамъ колокола?

— Да, милый, колокола.

— А отчего жъ они не звонятъ?

— Оттого, — отвѣтилъ отецъ, — что за веревку никто не дергаетъ.

Чтобъ колоколъ зазвучалъ, надо всетаки дернуть за веревку. Неужели же резонно ждать, что будетъ неугасимо горѣть ин-

тересъ къ литературѣ въ человѣкѣ, который изолированъ? Вѣдь и человѣка, чтобъ мысль въ немъ не засыпала, чтобъ жажда знаній съ годами не гасла, тоже надо, хоть время-отъ-времени, „дергать за веревку“.

Пожалуй, возразятъ мнѣ:

— Плохъ тотъ человѣкъ, который нуждается во внѣшнихъ побужденіяхъ, а безъ нихъ перестаетъ жаждать знанія. Литературу надо любить ради нея самой.

Дѣйствительно, литература, въ лицѣ лучшихъ и плодоносящихъ ея представителей, была и, конечно, будетъ выразителемъ мысли честной и неподкупной. И въ этой святой, кристальной ея чистотѣ заключается глубокая притягательная сила. Но, если позволено идти путемъ сравненій, мнѣ бы хотѣлось напомнить одну притчу, принадлежащую индійскому пророку—Рамакришнѣ. Два человѣка—разсказываетъ Рамакришна—шли по лѣсу. На встрѣчу имъ тигръ. Одинъ путникъ сказалъ:

— Стой — бѣжать не нужно. Богъ видитъ наше затруднительное положеніе. Онъ всемогущъ и, конечно, защититъ насъ.

— Нѣтъ, братъ,—отвѣтилъ другой—давай лучше побѣжимъ. Что намъ безпокоить Господа Бога, когда мы сами можемъ справиться съ этимъ дѣломъ.

Второго путника, который „самимъ управиться“ посовѣтовалъ, Рамакришна называетъ истинно любящимъ Бога.

И мнѣ кажется,—люби мы литературу больше, а на всемогущество ея полагайся меньше, не такъ бы часто обвинялись учителя, что интеллектуальный уровень ихъ быстро понижается, умственный кругозоръ суживается, интересъ къ книгѣ падаетъ и умираетъ. То правда — интеллигентность учителя скоро изнашивается; встрѣтить педагога, котораго пытливость не идетъ дальше учебника и министерскихъ циркуляровъ,—трудъ небольшой. Однако, не надо забывать, что изъ всѣхъ изолированныхъ отъ жизни людей учителя врядъ ли не самые изолированные.

Но пусть Рамокришна не правъ, и притча его не доказательство. И всетаки, прежде чѣмъ требовать, чтобы учитель интересовался литературой, надо спросить его—имѣетъ ли онъ къ тому фактическую возможность.

X.

Въ правѣ ли учитель читать книги, не допущенныя ученымъ комитетомъ?—вопросъ этотъ долгое время оставался открытымъ и спорнымъ. Первыя земскія учительскія библіотеки вначалѣ встрѣтили препятствіе. Воронежскому, напр., земству, чтобъ выхлопотать учителямъ право пользоваться библіотекой, подчиненной общему уставу о цензурѣ и печати, пришлось обратиться въ сенатъ. Сенатъ нашелъ, что земство имѣетъ законныя основанія

учреждать для своихъ служащихъ библіотеки; такимъ образомъ, учителя могутъ пользоваться земской библіотекою не какъ учителя, а какъ лица, состоящія на земской службѣ.

Относительно же частныхъ библіотекъ компетентное мнѣніе высказано, между прочимъ, попечителемъ кіевскаго учебнаго округа. Въ началѣ девяностыхъ годовъ въ г. Чудновѣ, Волынской губерніи, нѣкая г-жа Тычино пожелала устроить библіотеку для народныхъ учителей, живущихъ въ городѣ и ближайшихъ селахъ. Отвѣтъ попечителя на просьбу разрѣшить это былъ полученъ черезъ два года. Принципіально округъ „не встрѣтилъ препятствій" къ открытію въ г. Чудновѣ библіотеки. „Что же касается до учащихъ въ народныхъ училищахъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ, то къ полученію ими книгъ изъ новооткрываемой библіотеки г. попечитель *не видитъ достаточныхъ законныхъ основаній*" *).

Учительскихъ правъ выписывать книги на собственныя средства коснулся циркуляръ министра народнаго просвѣщенія гр. Делянова 29 февраля 1896 г. Гр. Деляновъ, указывая директорамъ народныхъ училищъ „на всю неловкость распоряженій, которыя какъ бы обязываютъ учителей къ выпискѣ для нихъ самихъ и для учебныхъ заведеній разныхъ изданій", замѣтилъ, что учителя „собственно для себя могутъ выбирать *изъ числа одобренныхъ книгъ* какія угодно, и для нихъ нельзя установить какой бы то нибыло обязательной выписки изданій" *). Подчеркнутыя мною слова показываютъ, что графъ Деляновъ имѣлъ въ виду „какія угодно книги" изъ упомянутыхъ въ каталогахъ ученаго комитета, такъ какъ общая цензура „разрѣшаетъ", а не „одобряетъ". Такъ, по крайней мѣрѣ, истолковывали циркуляръ 1896 г. нѣкоторые директора народныхъ училищъ. Такъ поняли и учителя. Въ мѣстностяхъ, гдѣ есть земскія библіотеки, я замѣтилъ даже довольно любопытное явленіе.

Народные учителя берутъ книги, конечно, не справляясь съ „одобреніемъ" ученаго комитета. Но такихъ авторовъ, какъ Н. К. Михайловскій, Л. Н. Толстой, Н. В. Шелгуновъ и т. д., благоразумно прячутъ куда либо въ уголъ, подальше — на тотъ случай, чтобы начальство, если оно внезапно пріѣдетъ ревизовать, не замѣтило ихъ.

Въ 1893 г.. я, „собственно для себя" вздумалъ выписать нѣсколько книгъ не „изъ числа одобренныхъ"; коллеги посовѣтовали мнѣ, какъ человѣку неопытному, сдѣлать это черезъ аптекаря, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, „выбранные" мною авторы (Ушинскій, Льюисъ, Милль и др.) могутъ вызвать у начальства „сомнѣніе".

Опасливость моихъ сослуживцевъ оказалась не лишенною ос-

*) „Русск. Вѣд.".
**) „Цирк. по Кавк. учебн. окр.", 1896 г. № 4.

нованій. Когда почтальонъ сталъ приносить въ училище адресованные на мое имя журналы и газеты „сомнительнаго направленія", штатный смотритель встревожился.

— Однако, даже „Недѣля!" — сказалъ онъ, покачивая головою.

— Да, „Недѣля..."

— И „Русская Школа!.."

— И „Русская Школа..."

— Небось, жалѣете, что „Колоколъ" теперь не издается?

— Жалѣю, какъ не жалѣть!..

— Однако, шутки въ сторону, — сердито заключилъ смотритель. — Предупреждаю васъ, директоръ нашъ такихъ штукъ терпѣть не можетъ.

И это была правда: впослѣдствіи я убѣдился, что директоръ, дѣйствительно, „такихъ штукъ" не долюбливалъ. Пріѣхавъ на ревизію, онъ довольно-таки серьезно „переговорилъ" со мною о „либерализмѣ".

По его словамъ, „либеральное направленіе" у меня обнаруживалось „даже въ мелочахъ".

— Вотъ вы, напримѣръ, — упомянулъ онъ объ одномъ изъ моихъ ходатайствъ,—подымаете вопросъ, чтобъ въ ученическихъ аттестатахъ писать: „обучался бухгалтеріи". Въ принципѣ я съ вами согласенъ. Разъ бухгалтерія введена, какъ добавочный предметъ, конечно, о ней надо сказать и въ аттестатѣ. Но „бухгалтерія",—что значитъ „бухгалтерія?" Изъ за вашего либерализма вы непремѣнно хотите плодить иностранщину. Ради Бога безъ этихъ иностранныхъ словъ! У насъ есть прекрасныя русскія... Ходатайство ваше я удовлетворилъ. Но писать вы будете не по либеральному: „бухгалтерія", а по-русски: „практическое счетоводство".

Распоряженіе директора исполнялось, конечно, въ точности, но, признаться, я до сихъ поръ не понимаю, почему „практическій" болѣе русское слово, нежели „бухгалтерія", и почему „бухгалтерія" слово либеральное, а такія же иностранныя слова: „исторія", „ариѳметика", „геометрія", „географія" — не либеральныя.

Впрочемъ, выговоръ мнѣ за либерализмъ кончился вообще очень странно. Собираясь уѣзжать, директоръ обратился ко мнѣ съ просьбой:

— Вотъ что, г библіотекарь... Въ дорогѣ-то мнѣ, чай, скучно будетъ... Дайте-ка послѣднюю книжку какого-нибудь журнала.

— Не угодно ли „Паломника?"—предложилъ я.

— Гм... А еще что есть?

— „Воскресеніе..."

— Гм... А еще?

— „Журналъ Министерства..."

Директоръ засмѣялся.

— Въ библіотекѣ больше ничего нѣтъ,—сказалъ я. — Не желаете ли изъ моихъ? Могу дать послѣднюю книжку „Русской Мысли". Если хотите, пошлю сторожа къ себѣ на квартиру.

— Ну, что жъ,—нерѣшительно отвѣтилъ онъ,—пожалуй, пошлите... Пусть онъ принесетъ... двѣ послѣднихъ.

Замѣчу кстати, „Русская Мысль" въ тѣ годы считалась журналомъ страшнымъ и завѣдомо зловреднымъ. Ея побаивались даже „либерально" настроенные педагоги. Для примѣра разскажу характерный эпизодъ. Въ О—ой губ. нѣкоторое время служилъ директоромъ народныхъ училищъ С. А. Б—кій, человѣкъ пожилой, не безъ странностей и не безъ грѣховъ, но школу онъ любилъ и при разговорѣ съ учителями часто вспоминалъ Пирогова:

— Вотъ кому надо подражать!—убѣждалъ Б—кій.

Учителя пользовались этимъ и ежегодно просили для фундаментальной библіотеки „Русскую Мысль". Б—кій, вопреки совершенно ясному указанію министерства и не взирая на свою многочисленную семью, имѣлъ мужество „разрѣшать".

Въ 1896 г. пріѣхалъ онъ ревизовать б—ское городское училище, вошелъ въ учительскую, гдѣ стояли библіотечные шкафы, и ахнулъ: за стекломъ, на самомъ видномъ мѣстѣ, красовалась цѣлая полка, заставленная новыми корешками съ четкою надписью „Русская Мысль".

— Ай-ай-ай!—неодобрительно проговорилъ Б—кій,—зачѣмъ вы ее на показъ!.. Ну пріѣдетъ кто изъ округа — сейчасъ она въ глаза бросается...

Учителя оправдывались тѣмъ, что „Русская Мысль" заняла свое мѣсто по праву, такъ какъ по библіотечной нумераціи ей именно здѣсь нужно быть.

Посовѣтовавшись, рѣшили заново распредѣлить книги по шкафамъ, такъ чтобы корешки съ „страшною" надписью попали на такую полку, гдѣ ихъ трудно замѣтить.

На слѣдующій годъ Б—кій уже не разрѣшилъ пріобрѣсти „опасный" журналъ, который и былъ замѣненъ „Русскимъ Вѣстникомъ".

Благополучный и даже нѣсколько комическій конецъ выговора, какому я подвергся за выписку „неодобренныхъ" изданій, разумѣется, не доказываетъ, что учителю „свободно" за собственныя деньги имѣть какую угодно книгу. Далеко не у всѣхъ и не всегда „собственныя деньги" есть. Это, во-первыхъ, а во-вторыхъ, надѣюсь, никто не потребуетъ, чтобъ у учителя было желаніе постоянно подвергаться выговорамъ. Выговоры вѣдь не зря дѣлаются, они влекутъ за собою служебныя неудобства и болѣе или менѣе серьезныя лишенія.

XI.

Пока культурный человѣкъ въ учителѣ живъ, онъ всемѣрно борется за свое существованіе и жадно ищетъ книгу. А что находитъ? „Старые журналы,—разсказываетъ одинъ изъ народныхъ учителей г. Барсовъ въ своихъ воспоминаніяхъ — извлеченные мною изъ помѣщичьей библіотеки, были манной небесной. Мы *перечитывали* (т. е. читали по нѣсколько разъ) авторовъ, имена которыхъ можно встрѣтить только въ подробномъ курсѣ литературы. Порою радъ былъ бы прочитать и „англійскаго милорда". И повѣрьте — про „милорда" не для краснаго словца сказано. Я разъ зашелъ къ одному учителю и засталъ его за Еруслановъ Лазаревичемъ, котораго онъ читалъ съ видимымъ увлеченіемъ. Бѣдняга, замѣтивъ меня, покраснѣлъ, смѣшался и сталъ прятать книжку. Минута была не изъ пріятныхъ. Промолчать, сдѣлать видъ, будто не замѣтилъ, было бы жестоко. А сказать,—что скажешь? У меня, по крайней мѣрѣ, ничего не вышло, кромѣ мало утѣшительной фразы:

— Глушь тутъ у васъ... хорошую книгу гдѣ достать...

— Э!—отвѣтилъ онъ.—Хорошую! И за такую спасибо, которую пополамъ со стыдомъ читаешь.

А вѣдь отъ этого человѣка, который говоритъ спасибо за Еруслана Лазаревича, мы требуемъ звукового метода, нагляднаго способа обученія и вообще пріемовъ, основанныхъ на весьма тонкихъ выводахъ опытной психологіи.

Такъ поддерживается существованіе культурнаго человѣка въ начальной школѣ. Не лучше это дѣло шло (во время моей службы) въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ. Мы даже за педагогической литературой лишены были возможности слѣдить. Правда, для каждаго училища обязательно выписывать „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія". Но это очень солидное изданіе для учителя-практика слишкомъ академично. А главное, это общенаучный органъ, а не педагогическій. Настоящихъ же педагогическихъ журналовъ намъ, обыкновенно, не разрѣшали, и мы ихъ могли читать не раньше, чѣмъ они „просмотрѣны" и „допущены" ученымъ комитетомъ, т. е. въ 1897 г. за 1895-й, въ 99 мъ за 97-й и т. д.

Что же касается литературы не спеціальной, то обобщать свои наблюденія я не стану и врядъ ли имѣю право. Но видѣлъ я вотъ что.

Учителя пожилые книгой интересовались плохо и мало. Брали читать лишь то, что представляло нѣкоторый интересъ новизны, т. е., главнымъ образомъ, дѣтскіе журналы: „Родникъ", „Дѣтскій Отдыхъ", „Читальню Народной Школы" и т. д. Читали они дѣт-

скую литературу такъ же, какъ обыкновенные смертные свѣжій номеръ „Русскаго Богатства“, или послѣднее произведеніе Чехова, Короленко, Горькаго. Иные даже ребусы рѣшали и шарады отгадывали. Это, очевидно, значило, что культурный человѣкъ впалъ въ дѣтство и доживаетъ послѣдніе дни.

Молодые учителя также обращались къ тому отдѣлу библіотеки, который представлялъ для нихъ интересъ новизны, т. е. къ старымъ журналамъ. Изъ таковыхъ въ школахъ сохранился лишь „Русскій Вѣстникъ“—его преимущественно и читали. Разумѣется, ничего зазорнаго въ такомъ чтеніи нѣтъ. Но старый номеръ стараго журнала въ рукахъ учителя, которому къ другимъ книгамъ доступа нѣтъ, обозначаетъ вынужденное и полное удаленіе отъ вопросовъ современности.

Пульсъ умственной жизни, какою полна страна, перестаетъ биться для учителя. Съ человѣкомъ сдѣлано тоже, что съ пальцемъ, который туго на туго стянутъ бичевкой: къ нему прекра-кращенъ доступъ живительныхъ и освѣжающихъ соковъ.

А. Петрищевъ

Новыя книги.

Стихотворенія **Н. П. Огарева.** Подъ редакціей М. О. Гершензона. Т. I. М. 1904.

Среди русскихъ поэтовъ, быть можетъ, немногіе такъ бѣдны протестующими нотами, какъ извѣстный политическій эмигрантъ Огаревъ, имя котораго, наравнѣ съ Герценомъ, цѣлые десятки лѣтъ было у насъ своего рода жупеломъ.

Къ чему упрекъ?

писалъ поэтъ еще въ юности:

Смиренье въ душу вложимъ
И въ ней затворимся—безъ желчи, если можемъ!

Такова и вся поэзія Огарева, за самыми малыми исключеніями,—поэзія кроткаго раздумья, тихой меланхоліи, грустныхъ воспоминаній о невозвратномъ свѣтломъ прошломъ. Но, не смотря на это, сорокъ слишкомъ лѣтъ (съ 1863 г.) находилась она подъ запретомъ!.. Лишь теперь уничтожается, наконецъ, печальнѣйшій и безсмысленнѣйшій анахронизмъ, и мы можемъ привѣтствовать появленіе на свѣтъ полнаго собранія стихотвореній Огарева. По словамъ г. Гершензона, редактора новаго изданія, всего лишь

семь пьесъ остаются не подлежащими еще обнародованію,—какъ немного для поэта, который былъ однимъ изъ главныхъ руководителей „Колокола!"

Издателю и редактору, поработавшему надъ тѣмъ или другимъ писателемъ, не мудрено въ концѣ концовъ преувеличить его значеніе, но г. Гершензонъ сумѣлъ счастливо избѣжать этой крайности. Сознавая, что „Огаревъ не принадлежитъ къ числу поэтовъ, чья каждая строка драгоцѣнна", и вполнѣ резонно опасаясь оказать „плохую услугу" памяти поэта, онъ счелъ необходимымъ изъ массы стихотвореній, печатавшихся послѣ смерти Огарева въ „Русской Старинѣ" и въ другихъ журналахъ, исключить цѣлыхъ 55 пьесъ. Этого нельзя не одобрить: извѣстно, что и въ лучшихъ, еще при жизни напечатанныхъ произведеніяхъ, Огаревъ далеко не былъ виртуозомъ формы,—тѣмъ болѣе въ черновыхъ набросках, которые никогда не предназначались для печати.

Въ „Предисловіи" г. Гершензонъ задается вполнѣ естественнымъ вопросомъ: сохранила ли еще поэзія Огарева способность жизни, найдетъ ли она отзвукъ въ душѣ современнаго человѣка? Отвѣтъ, къ сожалѣнію, неясенъ и полонъ противорѣчій.

„Субъективное лирическое чувство,—читаемъ въ „Предисловіи",—быстро старѣетъ... потому что у каждой эпохи свой особенный темпъ чувства"; „изъ всѣхъ видовъ литературы лирика наименѣе долговѣчна... едва ли кто изъ современной молодежи читалъ какое-нибудь лирическое стихотвореніе хотя бы близкаго къ намъ XVIII столѣтія" (и Шиллера, и Гете?!); „полвѣка для лирическаго поэта не первой величины—большой срокъ"... „Поэзія Огарева очень субъективна"...

Казалось бы, выводъ отсюда для Огарева убійственный, тѣмъ болѣе, что „какое дѣло дѣвушкѣ или студенту, которые возьмутъ въ руки эти два томика, до историческаго значенія Огарева? Они будутъ искать въ немъ себя, свои думы и чувства, и это — ихъ законное право". Какимъ-то непостижимымъ скачкомъ логики, г. Гершензонъ, однако, рѣшаетъ далѣе, что „въ чувствахъ Огарева и въ его поэзіи есть вѣчное ядро, которое еще долго будетъ сообщать живую силу его стихамъ, даже когда ихъ форма устарѣетъ".

Какъ видитъ читатель, очень многое здѣсь можно оспаривать. Почему, прежде всего, лирика есть наименѣе долговѣчный родъ поэзіи? Элегіи Тибулла, второстепеннаго поэта древности, искренныя и безыскусственныя, способны еще и теперь трогать и волновать читателя, тогда какъ многія эпическія поэмы знаменитыхъ и даже великихъ поэтовъ позднѣйшихъ временъ читаются прямо со скукой... Въ тискахъ условной риторики и искусственности, и великій талантъ, сравнительно, безсиленъ,—только въ этомъ, а отнюдь не въ „родѣ" поэзіи причина того, что любовная ли-

рика Петрарки оставляетъ,—по свидѣтельству г. Гершензона,—холоднымъ современнаго юношу...

Крайне спорно и другое положеніе, будто мы ищемъ у поэтовъ только „самихъ себя". Несомнѣнно, что поэтъ, обладающій сильной и оригинальной индивидуальностью, увлечетъ насъ въ міръ своихъ собственныхъ думъ и чувствъ, заставитъ пережить вмѣстѣ съ нимъ то, чего лично мы, можетъ быть, и не переживали.

Переходя, собственно, къ Огареву, еще разъ констатируемъ, что въ своей поэзіи онъ до удивительнаго мало отразилъ эпоху и почти не использовалъ своей позиціи политическаго изгнанника. Вспомнимъ, напр., очень характерное для него стихотвореніе „Дорога", написанное въ 1842 году, передъ вторымъ отъѣздомъ за границу.

Туско мѣсяцъ дальній
    Свѣтитъ сквозь туманы,
И лежатъ печально
    Снѣжныя поляны.
Бѣлыя съ морозу,
    Вдоль пути, рядами,
Тянутся березы
    Съ голыми сучками.
Тройка мчится лихо,
    Колокольчикъ звонокъ,
Напѣваетъ тихо
    Мой ямщикъ съ просонокъ.
Я въ кибиткѣ валкой
    Ѣду да тоскую.
Скучно мнѣ да жалко
    Сторону родную!

Ни одной черты, которая напоминала бы, что это Россія 40-хъ годовъ, „страна рабовъ, страна господъ"!.. Секретъ обаянія лучшихъ огаревскихъ стихотвореній надо искать не въ гражданскихъ чувствахъ поэта-эмигранта. Мотивы его поэзіи—исключительно мотивы личныхъ настроеній, мотивы психологическіе и философскіе, и потому—то, что казалось сильнымъ во времена Чернышевскаго (давшаго, какъ извѣстно, высокую оцѣнку поэзіи Огарева), сохраняетъ свою силу и въ наше время.

Чего хочу? Всего со всею полнотою,
Я жажду знать, я подвиговъ хочу,
Еще хочу любить съ безумною тоскою,
Весь трепетъ жизни чувствовать хочу!
А въ тайнѣ чувствую, что всѣ желанья тщетны,
И жизнь скупа, и внутренно я хилъ;
Мои стремленія замолкнутъ, безотвѣтны,
Въ попыткахъ я запасъ растрачу силъ!
Я самъ себѣ кажусь, подавленный страданьемъ,
Какимъ-то жалкимъ, маленькимъ глупцомъ,
Среди безбрежности затеряннымъ созданьемъ,
Томящимся въ броженіи пустомъ...

Духъ вѣчности обнять не въ нашей долѣ,
А чашу жизни пьемъ мы по глоткамъ...

Поэтъ имѣетъ въ виду въ этихъ знаменитыхъ стихахъ не тотъ или иной строй общественной жизни, не то или другое поколѣніе (какъ, напр., Лермонтовъ въ „Думѣ"), и еще менѣе—несчастно сложившуюся долю отдѣльной личности: тутъ — неизбѣжный законъ человѣческой природы, противъ котораго не пойдешь, хотя, облеченное въ красивый поэтическій образъ, страданіе этого рода всегда можетъ найти отзвукъ въ душѣ вѣчнаго Фауста—человѣка.

Къ сожалѣнію, поэтическія средства Огарева слѣдуетъ признать ограниченными: художественная палитра его не богата красками, которыя при этомъ блѣдны и однотонны, самый стихъ рѣдко окрыляется страстью и силой... Число вполнѣ удавшихся стихотвореній у него, сравнительно, очень невелико...

Во второй (пока еще не вышедшій) томъ настоящаго изданія, согласно обѣщанію редактора, войдутъ всѣ поэмы, напечатанныя какъ при жизни, такъ и послѣ смерти поэта, а равно и не бывшія еще въ печати. Первый томъ распадается, въ свою очередь, на двѣ части, посвященныя мелкой лирикѣ. Въ первую вошелъ цѣликомъ матеріалъ лондонскаго изданія 1858 года, т. е. послѣдняго, напечатаннаго подъ наблюденіемъ самого Огарева, а затѣмъ все, опубликованное имъ позже. Во второй части помѣщены лучшія изъ посмертныхъ стихотвореній,—изъ нихъ многія впервые появляются въ свѣтъ. Естественно, что это наиболѣе слабый отдѣлъ, хотя и въ немъ встрѣчаются пьесы, достойныя стать рядомъ съ лучшими огаревскими вещами. Такова, напр., извѣстная „Серенада" (изъ Шуберта), принадлежность которой Огареву была до сихъ поръ лишь немногимъ извѣстна („Пѣснь моя летитъ съ мольбою"). Прелестны также два слѣдующихъ стихотворенія:

I.

Какъ звукъ, замолкнувшій безслѣдно,
Какъ пробѣжавшая струя,
Огонь, потухшій, вспыхнувъ блѣдно,
Исчезнетъ жизнь моя.
Но звукъ исполненъ былъ стремленья,
Кипѣла волею струя,
Въ огнѣ мелькнуло вдохновенье,
И вотъ что жизнь моя!..

II.

Ночь и буря съ черной мглою,
Море страшно и темно,
Только пѣною сѣдою
Чуть бѣлѣется оно.
Кто-жъ тамъ плачетъ, кто тамъ стонетъ,
Рвется, мечется, зоветъ,
Воплемъ жалобнымъ поетъ,
Точно гибнетъ иль хоронитъ,
Но глухой судьбы не тронетъ
И покоя не найдетъ?..
Буря волны гонитъ, гонитъ,
Море темное реветъ,—
Сердце ноетъ, сердце стонетъ,
Сердце гибнетъ и хоронитъ
И нигдѣ не отдохнетъ.

Василій Ив. Ивановъ. На память о русско-японской войнѣ. Стихотворенія. Харьковъ. 1904.

При распространенности стихотворной формы въ современной русской литературѣ, обращаетъ на себя вниманіе фактъ отсутствія сколько-нибудь художественныхъ—посвященныхъ войнѣ—произведеній, способныхъ дѣйствительно затронуть читателя своей искренностью и по-настоящему взволновать. Тѣ же, которыя появились въ печати и даже въ музыкѣ, и искусственны, и слишкомъ патетичны. Между тѣмъ излишній пафосъ—одна изъ самыхъ рискованныхъ вещей, когда обращаются къ чувству сѣверянина. Это должны бы имѣть въ виду тѣ „дѣти мирнаго труда", которыя берутъ на себя воодушевлять русскихъ людей идти и умереть... Скорѣе *жить* мы не умѣемъ—это искусство для насъ, въ массѣ, дѣйствительно незнакомое. А умирать—всегда умѣли и въ массѣ, и въ одиночку: было бы за что... *Этому* искусству учить—едва ли стоющее дѣло... Во всякомъ случаѣ для этого нуженъ огромный талантъ и нужна особая искренность, чтобы человѣкъ, остающійся въ рядахъ „дѣтей мирнаго труда", отважился крикнуть обреченнымъ на „ужасы войны": впередъ, впередъ! безъ страха и сомнѣнья!.. При неудачѣ, даже при несомнѣнной искренности авторскаго настроенія, читателю легко можетъ придти въ голову совсѣмъ не то, чего хочетъ для себя авторъ: читателю волей-неволей припомнятся „Сорокъ разбойниковъ" и турецкій полицеймейстеръ въ этой оперетѣ: полицеймейстеръ приводитъ дюжину солдатъ для ареста 40 разбойниковъ, командуетъ солдатамъ: „всѣ впередъ!" и прибавляетъ въ публику: „а я—назадъ!"

Создать для читателя настроеніе безыскусственности г. В. Иванову не удалось. Только смерть адмирала Макарова вызвала у него нѣсколько простыхъ, искренно сказанныхъ словъ, не чуждыхъ поэзіи. Все остальное—простая версификація, мотивъ для которой: куй, пока горячо. Вездѣ шаблонъ. Русскіе солдаты сражаются у автора „солдата русскаго мечемъ"; сражаются, между прочимъ, „за вѣру"... Естественно, что эта ходульность и неискренность отражаются на читателѣ... И чѣмъ больнѣе для него переживаемые „ужасы войны", тѣмъ оскорбительнѣе для него эти „мечи" и сраженія съ японцами за „вѣру"... Для кого и для чего нужны эти сочиненныя слова?

Версификація въ общемъ искусная *), хотя и то не всегда. Рифма иногда оказывается коварнымъ врагомъ не хуже японцевъ, и авторъ оказывается у нея въ самомъ безславномъ плѣненіи: онъ говоритъ не то, что хочетъ, а то, что ему диктуетъ необходимость въ рифмѣ. Такъ, война во всѣхъ стихотвореніяхъ автора является безпричинной, навязанной намъ коварствомъ

---

*) Отчасти въ этомъ виноваты позаимствованія у Пушкина, у Некрасова и др.

. . . языческаго края,
Гдѣ злобой правда и любовь сокрушена (ы),

пока въ стихотвореніи „18 апрѣля 1904 года" (бой при Тюренченѣ) поэту не приходится подобрать рифму къ „русской чести". Никакой другой рифмы, кромѣ „мести", подъ рукой, очевидно, не оказалось, и потому въ этомъ стихотвореніи японцы горятъ не коварствомъ, а „огнемъ безумной мести".

Pour la bonhe bouche авторъ помѣстилъ въ полномъ смыслѣ слова „бранное" стихотвореніе: „Шпіонія" (Японія):

Шпіонъ!.. Какъ много это слово
Душѣ японской говоритъ!
. . . .
„Шпіонъ" синонимомъ героя
Японцамъ служитъ съ давнихъ лѣтъ;
Въ немъ все великое, святое
. . . .
Онъ выше правды и закона,
Онъ презираетъ Божій судъ,
И званье славное „шпіона"
Японцы съ гордостью несутъ...

Авторъ, повидимому, припомнилъ, что наши предки—лѣтъ тысячу тому назадъ—имѣли обыкновеніе переругиваться передъ боемъ съ врагами; припомнилъ и рѣшилъ угодить, не забывъ проставить на обложкѣ: Цѣна 40 коп.

Вильгельмъ фонъ-Поленцъ. Деревенскій священникъ. Романъ. Пер. съ нѣм. В. М. Величкиной. Изд. „Посредника". Спб. 1903.

Изъ трехъ нѣмецкихъ отзывовъ о Вильгельмѣ фонъ-Поленцѣ въ двухъ непремѣнно говорится о „запахѣ земли", который чуютъ нѣмцы въ его произведеніяхъ, и объ „областномъ искусствѣ" (Heimatkunst), къ лучшимъ представителямъ котораго относятъ Поленца. Все это довольно вѣрно опредѣляетъ не только его художественную индивидуальность, но и размѣры значенія, которое слѣдовало бы ему имѣть, и которые почему-то стараются раздвинуть. Хорошій наблюдатель деревенской жизни въ ея этнографическихъ чертахъ, правдивый ея изобразитель, непосредственный, но не сильный, Поленцъ умѣлъ только перенести въ особую обстановку своей маленькой родины общіе образы и общія положенія, какими литература была богата до него. Въ колоритномъ языкѣ, который умѣетъ цѣнить богатая діалектами Германія, въ хорошо подмѣченныхъ мелочахъ своеобразнаго быта находили выраженіе особенности общихъ темъ, за предѣлы которыхъ не умѣлъ выйти и, кажется, не порывался выйти Поленцъ. Русскій читатель не въ силахъ оцѣнить эти прелести художественнаго провинціализма, и предъ нимъ остается лишь остовъ

романовъ Поленца, ясный, простой, сильный, но, надо правду сказать, достаточно банальный.

Старое произведеніе нѣмецкаго романиста, нынѣ переведенное и изданное „Посредникомъ“ для русскихъ „интеллигентныхъ читателей“, служитъ столь же убѣдительнымъ подтвержденіемъ этой характеристики, какъ и „Крестьянинъ“, не въ мѣру захваленный у насъ. Образы и положенія „Деревенскаго священника“ не новы и не сложны. Сдѣлавшись по призванію деревенскимъ пасторомъ, герой романа не находитъ ни надлежащей почвы для посѣва, ни сочувствія въ товарищахъ по священному призванію. Внизу — механическое, обрядовое благочестіе, вверху — протестантское лицемѣріе, которое душитъ истинную религіозность, дѣлая ее орудіемъ государственности. Два событія рѣшаютъ тяжелое положеніе брейтендорфскаго пастора: его новый другъ, товарищъ по призванію, потерявъ вѣру и не найдя въ себѣ силы обманывать долѣе себя и другихъ, добровольно разстается съ жизнью. Самъ онъ встрѣчается съ глубоко невѣрующимъ человѣкомъ, которому это невѣріе не мѣшаетъ сохранить достоинства, по общему мнѣнію, необходимо связанныя съ вѣрой. Онъ не теряетъ этой вѣры; но считаетъ своимъ долгомъ порвать съ протестантской церковью, которой по существу нѣтъ дѣла до религіи. Окрестивъ воспитанную въ безбожіи дочь стараго атеиста, онъ женится на ней и уходитъ изъ своей общины, чтобы стать школьнымъ учителемъ и учить дѣтей новому свободному, не церковному христіанству.

Эта канва заткана многочисленными, но мало значительными и мало оригинальными образами. Все это задумано и выполнено, какъ слѣдуетъ, все искренно и самостоятельно, но не глубоко. Намъ представляется, что у Поленца было все,—кромѣ ярко выраженной индивидуальности—и эта слабость личности окургузила его талантъ. Одно недоумѣніе вызываетъ предсмертный отзывъ покойнаго Чехова о „Крестьянинѣ“, недавно переданный намъ Вл. Г. Короленко: „Вотъ если бы мнѣ еще написать одну такую книгу... Я считалъ бы, что этого довольно. Можно умереть“.

Въ любомъ изъ большихъ разсказовъ Чехова больше художественной силы и хорошаго содержанія, чѣмъ въ обстоятельныхъ романахъ Поленца.

Избранныя мысли Шиллера и Лессинга. Выпускъ первый. Изданіе „Посредника“ (Замѣчательные мыслители древняго и новаго міра). М. 1904.

Если „избранныя мысли“ должны играть роль витрины въ окнахъ ювелира, въ которой гармонично подобраны шедевры творческой мысли Шиллера и Лессинга, роль литературной витрины, которая должна остановить глазъ случайнаго читателя и сдѣлать его данникомъ обоихъ поэтовъ,—въ такомъ случаѣ

избранныя „Посредникомъ“ мысли цѣли не достигнутъ. Скорѣй обратное. Если случайный читатель пробѣжитъ эти „избранныя мысли“, онъ получитъ совершенно странное представленіе о Шиллерѣ и Лессингѣ: не то добрые пасторы, не то составители нравоучительныхъ прописей. Во всякомъ случаѣ—не „замѣчательные мыслители“. Помимо особенностей подбора, этому впечатлѣнію поможетъ отсутствіе стихотворной формы, которая для мысли, облеченной въ слово, то же, что гранильная работа для сырого алмаза: до отдѣлки онъ сверкать не будетъ. Между тѣмъ всѣ „мысли“, изданныя „Посредникомъ“, переведены исключительно прозой и тусклой прозой. Напримѣръ, общеизвѣстные стихи:

Страшись раба, когда онъ цѣпи сброситъ,
Людей свободныхъ не страшись!

въ сборникѣ „Посредника“ отсутствуютъ, и соотвѣтствующая „мысль“ переведена такою блѣдной строчкой: „Бойтесь раба, разбившаго свои цѣпи, не бойтесь свободнаго человѣка!“

Въ результатѣ Шиллеръ оказывается первовиновникомъ такихъ „избранныхъ“ мыслей:

„Будьте единодушны, единодушны, единодушны!“ „Ты говоришь хорошо. Если бы можно было то же сказать и о твоихъ дѣлахъ!“ „Праздный покой—смерть для мужества.“ „Благородный человѣкъ думаетъ о себѣ послѣ всего остального.“ „Они идутъ съ распятіемъ въ рукахъ, но съ надменностью и жаждою мірскихъ наслажденій въ сердцѣ.“

Въ томъ же родѣ „избранныя мысли“, характеризующія Лессинга, какъ „замѣчательнаго мыслителя“:

„Пусть каждый подражаетъ неподкупной, свободной отъ пристрастій, любви Божіей.“ „Тотъ, кто ищетъ себѣ друзей, достоинъ того, чтобы найти ихъ; тотъ, у кого нѣтъ ни одного друга, никогда не желалъ ихъ имѣть.“ „Равнодушіе вмѣсто любви? Это значитъ ничего, вмѣсто всего.“ „Мы должны уподобляться небу“.

Пожелаемъ большей удачи слѣдующимъ выпускамъ „избранныхъ мыслей“.

Академикъ А. Н. Веселовскій. В. А. Жуковскій. Поэзія чувства и „сердечнаго воображенія“. Спб. 1904.

Уткинскій сборникъ. Письма В. А. Жуковскаго, М. А. Мойеръ и Е. А. Протасовой. Москва 1904.

Литературная судьба Жуковскаго можетъ считаться завидной для другихъ поэтовъ. Вниманіе къ нему не выше его значенія, но онъ изъ тѣхъ немногихъ, кого читатели и наука цѣнятъ въ полной мѣрѣ. Старѣйшій изъ русскихъ поэтовъ, до сихъ поръ остающихся въ живомъ общеніи съ читателемъ, онъ нашелъ біографовъ, сохранившихъ въ любовномъ воспоминаніи подробности

его жизни, и изслѣдователей, зачерпнувшихъ полной рукой въ богатомъ собраніи матеріаловъ для характеристики его жизни и поэзіи. Два близкихъ человѣка съ разныхъ точекъ зрѣнія изобразили его жизнь; литература русскихъ мемуаровъ прошлаго вѣка полна впечатлѣній, оставленныхъ его мягкимъ, но замѣтнымъ обликомъ. Собственно критика, какъ бы сознавъ, что къ нему непримѣнима ея статическая точка зрѣнія, нашла болѣе злободневные предметы для сужденія; но исторія литературы давно занимается имъ съ особымъ интересомъ. Даже переводамъ его посвященъ особый трактатъ; даже не вполнѣ удачная работа-книга Поливанова была поводомъ къ обширному возраженію Тихонравова, разросшемуся въ цѣлое изслѣдованіе и показавшему, какъ далеко идетъ интересъ къ Жуковскому въ широкомъ спеціалистѣ по русской литературѣ. Наконецъ, пятидесятилѣтіе его смерти вызвало лежащую предъ нами книгу, которая представляетъ собою значительнѣйшее явленіе въ изученіи его личности и творчества и которой суждено долго быть настольнымъ руководствомъ для всѣхъ, обращающихся къ литературной дѣятельности Жуковскаго.

Авторъ „не рѣшился назвать свою книгу біографіей“, быть можетъ, потому, что въ ней, дѣйствительно, мало движенія: она ближе къ характеристикѣ. Но вина не въ изслѣдователѣ, а въ предметѣ изображенія; думается, что когда будетъ закончено накопленіе матеріаловъ для біографіи Жуковскаго и возможна будетъ книга, которой авторъ предсказываетъ заглавіе „Жуковскій и его друзья“,—развитіе поэта будетъ въ ней намѣчено въ чертахъ столь же мало устойчивыхъ и рѣзкихъ. Было бы ошибочно, однако, считать характеристику, представленную авторомъ, какъ бы внѣ-исторической. Наоборотъ, если нужна настоящая антитеза тѣмъ моднымъ литературнымъ портретамъ, гдѣ все значеніе и весь смыслъ изображаемаго полагается въ томъ отраженіи, которое оно получило въ личности изобразителя, то мы имѣемъ такую антитезу въ новой книгѣ А. Н. Веселовскаго.

Индивидуальный портретъ не былъ въ намѣреніяхъ автора, и онъ не далъ его. „Я старался—заканчиваетъ онъ предисловіе—направить анализъ не столько на личность, сколько на общественно-психологическій типъ, къ которому можно отнестись отвлеченнѣе, внѣ сочувствій или отверженій, которыя такъ легко заподозрить въ лицепріятіи“. Думается, на такое рѣшеніе автора повліяла опредѣляющимъ образомъ самая индивидуальность чувствительнаго поэта. Жуковскій изъ тѣхъ, кто ускользаетъ отъ опредѣленности портрета и сливается съ фономъ, по крайней мѣрѣ, ближайшихъ современниковъ. Скажутъ: дѣло въ изобразителѣ, который сумѣетъ найти и выдѣлить отличительныя черты; нѣтъ—дѣло также въ изображаемомъ: эта обобщенность есть его индивидуальная отмѣтка. Вотъ, напримѣръ, въ Герценѣ, какъ ни много

было въ немъ типичнаго, скорѣе заинтересуетъ, конечно, личность, чѣмъ „общественно-психологическій типъ“. Однако, автору удалось подняться надъ холодными чертами абстракціи именно потому, что онъ явился историкомъ по преимуществу. Здоровое и теплое дыханіе исторіи проникаетъ страницы книги; автору дорогъ и интересенъ тотъ Жуковскій, который былъ на самомъ дѣлѣ, а не тотъ, который съ большей или меньшей оригинальностью гипотезъ и натяжекъ можетъ быть созданъ критическимъ импрессіонизмомъ. Не стараясь и не умѣя отожествлять себя съ другимъ, А. Н. Веселовскій далъ не лирическій перепѣвъ настроеній Жуковскаго, а ихъ эпическое изображеніе, широкое и спокойное, убѣдительное своей правдивостью, субъективное въ тонѣ, объективное въ безконечномъ уваженіи къ истинѣ.

Его изслѣдованіе сближаетъ насъ не только съ эпохой и личностью Жуковскаго, но и съ его поэзіей. Время стерло тотъ смыслъ, который первоначально имѣла лирика Жуковскаго. Мало индивидуальныя въ выраженіи, его стихотворенія сдѣлались отвлеченными изображеніями общихъ чувствъ, хотя на самомъ дѣлѣ имѣли глубоко личное значеніе и происхожденіе. А. Н. Веселовскій замѣчаетъ, что лучшее въ лирикѣ Жуковскаго, Gelegenheitsdichtung: небольшія стихотворенія, вызванныя опредѣленнымъ переживаніемъ и полныя искренняго чувства. Эту искренность, непосредственность и жизненность, утерянныя для насъ въ стихотвореніяхъ Жуковскаго, превосходно воскрешаетъ новый опытъ изученія его творчества. Возвращенныя къ первоисточнику, оправленныя соотвѣтственными впечатлѣніями и событіями въ жизни поэта, его стихотворенія вдругъ получаютъ ту значительность, которую имѣли для него. Мы начинаемъ чувствовать личную жизнь тамъ, гдѣ видѣли только поэзію; мы находимъ творчество тамъ, гдѣ видѣли клише. Одинъ примѣръ изъ многихъ. Всякій знаетъ, какъ повторяется въ стихахъ Жуковскаго мотивъ воспоминанія. Давно звучатъ для насъ лирическимъ шаблономъ всѣ эти порыванія къ прошлому, „привѣты былому“ и „вѣрность минувшему“. А между тѣмъ, какъ полны содержанія были эти сентиментальныя схемы для самого поэта и его окружающихъ; не то, что у него не было ничего, кромѣ прошлаго; но въ пережитомъ онъ черпалъ оболочку для новыхъ настроеній, и даже „упованія“ его звучали не призывомъ грядущаго, а скорѣе откликомъ прошлаго. Мудрено ли, что современность оставалась неизмѣнно чуждой и подчасъ тягостной для поэта, навсегда ушедшаго въ исключительно личный міръ отъ всякой общественности.

Такъ оживляетъ для насъ увядающія страницы Жуковскаго сближеніе съ его личностью, погруженіе въ обстановку и атмосферу его творчества. Но это уже искусственное оживленіе. Поэтъ живетъ, пока смѣняющіяся поколѣнія его читателей на-

полняютъ его образы новымъ содержаніемъ. Продолжаетъ ли въ этомъ смыслѣ обновляться поэзія Жуковскаго? Новый изслѣдователь его творчества даетъ сложный отвѣтъ. Пушкинъ пророчилъ, что стихъ Жуковскаго пройдетъ „вѣковъ завистливую даль"; мы же присутствуемъ какъ бы при постепенномъ угасаніи этого стиха въ живомъ сознаніи современниковъ. „Уже молодость, окружавшая „лебединаго пращура", стала отказываться отъ порывовъ въ область „неизреченнаго", стала искать поэзіи въ дѣйствительности, и не въ уединенной личности, а въ широкихъ движеніяхъ общественнаго организма. Осталась *правда настроенія:* завѣтъ Жуковскаго; это стало требованіемъ, и эта правда пройдетъ „вѣковъ завистливую даль".

Лишь по окончаніи своего труда А. Н. Веселовскій получилъ возможность познакомиться съ частью цѣнныхъ матеріаловъ, нынѣ изданныхъ подъ редакціей А. Е. Грузинскаго въ „Уткинскомъ сборникѣ". Этотъ пробѣлъ не оказалъ замѣтнаго вліянія на результаты изслѣдованія. Но читатели, которые захотятъ восполнить впечатлѣнія, почерпнутыя ими въ книгѣ А. Н. Веселовскаго, самостоятельнымъ знакомствомъ съ жизненной обстановкой Жуковскаго, найдутъ для этого полную возможность въ сборникѣ писемъ поэта и его близкихъ.

Въ началѣ прошлаго вѣка было въ цвѣту забываемое нынѣ умѣніе писать письма, и отъ безыскусственной переписки милыхъ женщинъ, давшихъ столько счастья и столько горя поэту, отдѣляется благородный ароматъ жизненной правды, подчасъ болѣе чувствуемый въ этой интимной литературѣ, чѣмъ въ поэзіи и прозѣ того времени.

Карѣевъ, Н. Монархіи древняго востока и греко-римскаго міра. Очеркъ политической, экономической и культурной эволюціи древняго міра подъ господствомъ универсальныхъ монархій. Спб. 1904.

Новая книга проф. Карѣева, изданная въ форматѣ „Государства города античнаго міра" (вышедшаго въ 1903 г.), и по своему содержанію примыкаетъ непосредственно къ этому послѣднему сочиненію. Она точно такъ же, какъ и послѣднее, посвящена „типологическому" изученію древняго міра, только въ болѣе широкомъ масштабѣ (со включеніемъ востока) и съ иной стороны. Тамъ „типомъ", подлежащимъ историческому изученію, является „государство-городъ", здѣсь—„универсальная монархія". Первая глава („великія монархіи и государства-города древняго міра") выясняетъ болѣе обстоятельно отношеніе, въ какомъ стоитъ эта новая книга къ своей предшественницѣ. За этой главой, имѣющей характеръ введенія, слѣдуютъ три главы общаго характера, посвященныя послѣдовательно историко-географическому обзору древняго міра, образованію первыхъ государствъ древности и характеристикѣ историческаго значенія древней торговли. Даль-

нѣйшія главы посвящены характеристикѣ отдѣльныхъ монархій: египетской (гл. пятая), ассиро-вавилонской (гл. шестая), затѣмъ послѣ двухъ главъ, трактующихъ о международныхъ отношеніяхъ древняго востока и культурныхъ взаимодѣйствіяхъ, слѣдуетъ характеристика персидской монархіи (гл. девятая); завоеваніе востока греками (гл. десятая) служитъ переходомъ къ монархіи Александра Македонскаго (гл. одиннадцатая), а эллинистическія царства (гл. двѣнадцатая) — къ римской имперіи, которой посвящены слѣдующія десять главъ (съ тринадцатой до 22-й включительно), занимающихъ около половины всей книги. Это исключительное вниманіе, удѣленное римской имперіи, мотивируется авторомъ (стр. 383), во-первыхъ, значительной продолжительностью ея историческаго существованія, во-вторыхъ, сравнительною сложностью ея историческаго развитія, въ-третьихъ, ея сравнительною близостью къ нашему времени и большей доступностью для историческаго познанія, и, наконецъ (было бы лучше сказать „во первыхъ“), „особенною ея важностью со всемірно-исторической точки зрѣнія вообще и съ точки зрѣнія европейской исторіи въ частности“. Дѣйствительно, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ авторъ, „европейская исторія въ средніе вѣка есть не что иное, какъ непосредственное продолженіе исторіи римской имперіи“, а черезъ средніе вѣка съ послѣднею связано и новѣйшее историческое развитіе. Общіе выводы и заключеніе изложены авторомъ въ послѣдней (23-й) главѣ. Въ концѣ приложены двѣ наглядныя схематическія карты, представляющія послѣдовательное расширеніе исторической сцены въ древности и территоріальное взаимоотношеніе между монархіей Александра Македонскаго и римскою имперіей. Число этихъ наглядныхъ картъ могло бы быть увеличено съ пользой для книги и удобствомъ для читателя нѣкоторыми изъ подобныхъ же картъ, приложенныхъ къ „Учебной книгѣ древней исторіи“ того же автора.

Новая книга плодовитаго ученаго историка и талантливаго популяризатора является желаннымъ гостемъ въ среду той части русской читающей публики, которая въ чтеніи ищетъ средства пополнить свое образованіе. „Если мнѣ удастся — заканчиваетъ авторъ свое предисловіе,—издать и задуманный мною типологическій очеркъ средневѣковой феодальной и сословной монархіи, то онъ примкнетъ своими первыми главами къ послѣдней (предпослѣдней?) главѣ настоящей книги, посвященной эпохѣ упадка римской имперіи“. Намъ остается лишь пожелать, чтобы это предположеніе стало поскорѣе дѣйствительностью.

Бондаренко, И. М. Англійскій городъ въ средніе вѣка. Критическая оцѣнка главнѣйшихъ теорій происхожденія городской организаціи на основаніи данныхъ по исторіи возникновенія городовъ въ Англіи. Одесса 1904 г.

Какъ видно изъ предисловія, книга эта представляетъ собою переработку студенческаго сочиненія автора. Впрочемъ, и безъ этого предупрежденія было бы не трудно угадать въ авторѣ начинающаго ученаго, хотя бы уже по его пристрастію къ нарочито „ученымъ“ словечкамъ и выраженіямъ, отъ наличности которыхъ сочиненіе рѣшительно ничего не выигрываетъ въ научности, тогда какъ отъ ихъ отсутствія оно много выиграло бы въ литературности. Авторъ не просто составляетъ себѣ понятіе, но глубокомысленно „строитъ концепцію“ относительно различныхъ „кардинальныхъ пунктовъ“ занимающаго его вопроса. Къ сожалѣнію, „доминирующее“ у автора (выражаясь его архи-ученымъ стилемъ) стремленіе выражаться какъ можно „ученѣе“ не всегда уживается въ ладахъ не только съ литературностью, но также съ логикой и исторической правдой. Чтобы не быть голословными, остановимся на первыхъ строкахъ введенія. „Выдающаяся во всѣхъ отношеніяхъ роль городовъ въ настоящее время, переживаемое нами, является продуктомъ долгаго историческаго развитія, въ которомъ можно подмѣтить нѣсколько этаповъ. Одинъ изъ таковыхъ составляютъ средневѣковые города“. Какимъ образомъ города, хотя бы и средневѣковые, могутъ „составлять этапъ“ „историческаго развитія городовъ“, то-есть своего же собственнаго развитія? Можетъ ли г. Бондаренко, студентъ новороссійскаго университета, „составлять“ какой-либо „этапъ“ въ своей собственной жизни? Далѣе. „Послѣдніе (т. е. города), хотя и не играли въ эпоху средневѣковья той видной политической роли, какую играетъ теперешнее населеніе городовъ, были, однако, важнымъ элементомъ средневѣковаго строя, подкапывая нѣкоторыми своими сторонами его основы и разрушая постепенно тѣ устои, въ нѣдрахъ которыхъ возникли сами. Окончательная ломка всего, что такъ или иначе связано со старымъ порядкомъ, выпала на долю населенія новѣйшихъ городовъ съ ихъ буржуазіей (въ широкомъ смыслѣ tiers état XVIII вѣка), преемницей средневѣковыхъ burgenses“. Ученая внѣшность этой тирады не мѣшаетъ, однако, ей заключать въ себѣ почти столько же историческихъ неточностей, сколько въ ней строкъ. Повѣрить автору, такъ вся „политическая роль“ (почему же только *политическая?*) средневѣковыхъ городовъ сводилась къ „окончательной ломкѣ всего, что такъ или иначе связано съ старымъ порядкомъ“, то есть, говоря другими словами, города играли лишь роль чисто отрицательнаго фактора въ политическомъ развитіи Европы. Непонятенъ, далѣе, этотъ скачекъ отъ средневѣковыхъ городовъ къ tiers état XVIII вѣка. Говоря о буржуазіи, какъ „tiers état въ

широкомъ смыслѣ", авторъ какъ будто считаетъ понятіе буржуазіи болѣе широкимъ, чѣмъ понятіе tiers état, а между тѣмъ самъ же въ примѣчаніи поясняетъ, что „третье сословіе (le tiers état) объединяло всѣхъ, кто не принадлежалъ къ духовенству и дворянству", слѣдовательно, — не только буржуазію, но и все крестьянство и городской рабочій классъ. Выходитъ, стало быть, что понятіе „третьяго сословія" шире понятія буржуазіи. Какъ примирить это новое противорѣчіе на пространствѣ полудюжины строкъ, остается секретомъ автора.

Впрочемъ, было бы несправедливо предъявлять къ начинающему изслѣдователю такія же требованія, какъ и къ записному ученому. Какъ отмѣченные выше недостатки, такъ и нѣкоторые другіе (недостаточная стройность изложенія и неравномѣрность въ распредѣленіи матеріала, недостаточная ясность и законченность мысли), въ общемъ, не таковы, чтобы при нѣкоторой настойчивости въ работѣ надъ самимъ собой не могли со временемъ сгладиться и даже совсѣмъ исчезнуть, тѣмъ болѣе, что начинающій ученый успѣлъ обнаружить въ своей работѣ серьезныя положительныя данныя: интересъ къ научной работѣ, изрядную начитанность и нѣкоторое умѣнье обращаться со сложнымъ фактическимъ и идейнымъ историческимъ матеріаломъ.

Что касается самого содержанія книги, то, хотя авторъ и говоритъ о ней (стр. 230), какъ объ „очеркѣ исторіи англійскаго города и городскихъ учрежденій", но въ сущности она представляетъ собою лишь изложеніе и (какъ гласитъ подзаголовокъ книги) „критическую оцѣнку главнѣйшихъ теорій происхожденія городской организаціи на основаніи данныхъ по исторіи возникновенія городовъ въ Англіи". Для лицъ, уже знакомыхъ въ общихъ чертахъ съ исторіей средневѣковыхъ городовъ по вышедшей въ 1902 году популярной книгѣ г. Дживилегова, сочиненіе г. Бондаренко можетъ служить полезнымъ дополненіемъ, а отчасти и коррективомъ.

В. Бузескулъ. Введеніе въ исторію Греціи. Изданіе второе. Харьковъ, 1904 г.

Второе изданіе книги проф. Бузескула, вышедшей первымъ изданіемъ лишь въ прошломъ году, лучшее доказательство того, что появленіе ея вполнѣ отвѣчаетъ существующей живой потребности въ подобномъ пособіи для изученія исторіи древней Греціи. При вторичномъ изданіи книги авторомъ были приняты во вниманіе указанія, сдѣланныя критикою по поводу ея перваго изданія, а также внесены различныя поправки и дополненія (въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ, и сокращенія) по собственному почину автора. Въ общемъ всѣ внесенныя въ текстъ измѣненія дѣлаютъ изъ новаго изданія книги изданіе „улучшенное". Въ

остальномъ намъ нечего прибавить къ тому, что было въ свое время нами сказано по поводу перваго изданія этой полезной книги. Намъ остается только пожелать, чтобы авторъ довелъ до конца начатое и вслѣдъ за введеніемъ далъ бы и курсъ исторіи Греціи...

П. фонъ-Герихъ. Очерки политической исторіи. Европа XIX столѣтія (1815—1870). Спб. 1904 г.

„Едва успѣлъ расцвѣсти изумительный цвѣтокъ идеи, какъ демонъ бѣшеннаго разрушенія раздробилъ чудное созданіе мысли и на мѣсто его ввелъ кровавую анархію и хаосъ, пока, наконецъ, спокойная сила—человѣческая склонность къ порядку—не водворила порядокъ". Такъ, вдохновляясь образцами краснорѣчія гимназическихъ сочиненій, характеризуетъ г. фонъ-Герихъ на первой же страницѣ своихъ „Очерковъ" (по номераціи стр. 3) французскую революцію, чтобы тутъ же, нѣсколькими строками ниже объявить, что „представителемъ этой силы сдѣлался сынъ корсиканскаго адвоката, невзрачный поручикъ артиллеріи Наполеонъ Бонапартъ". Не объясняя, почему „человѣческая склонность къ порядку" воплощалась въ Наполеонѣ, когда онъ былъ невзрачнымъ поручикомъ, а не представительнымъ императоромъ французовъ, авторъ заявляетъ, что Наполеонъ „былъ какъ бы созданъ для того, чтобы возстановить разрушенное дикими страстями и неумѣренностями революціи и реформировать гнилой общественный строй Европы". На стр. 4 мы узнаемъ, что въ немъ „Бурбоны Испаніи видѣли своего покровителя" (хорошъ покровитель!), и что противъ него „націи возстали съ Испаніей во главѣ". Не менѣе курьезно на стр. 5 утвержденіе, что „изъ этихъ переговоровъ (какихъ—раньше не сказано, но рѣчь, видимо, идетъ о вѣнскомъ конгрессѣ) родился тотъ государственный строй, который, за небольшими измѣненіями, просуществовалъ нѣсколько десятковъ лѣтъ": г. фонъ-Герихъ не особенно силенъ въ политической терминологіи и подъ государственнымъ строемъ разумѣетъ здѣсь международный порядокъ. На этой же страницѣ читаемъ еще такія строки: „наконецъ насталъ ожидаемый одними, опасаемый (sic!) другими 1848 годъ. Народы Европы испытывали душное безвѣтріе, предшествовавшее бурѣ. Какъ быстро падающая ртуть предсказываетъ непогоду, пока насъ еще окружаетъ спокойный воздухъ, такъ палъ барометръ общественной безопасности: среди глубокаго мира пали бумаги на биржѣ и понизились курсы, какъ передъ войною. Звонкая монета исчезла изъ оборота, промышленность и спекуляція затихли". Дѣйствительно, видно, что годъ былъ заранѣе „опасаемъ". Нѣсколькими строками ниже мелькаютъ передъ глазами „деморализація, пропасть которой иногда страшно освѣщалась отдѣльными молніями", какая-то „бюрократія, поддѣлывающая хартіи" (?), „Венгрія, Штирія и Бо-

гемія, возстающія противъ заправилы вѣнскаго конгресса и карлсбадскихъ постановленій", и разныя иныя непонятности. Къ числу таковыхъ относится и слѣдующая фраза на стр. 6: „хотя реакція и отняла многія изъ достигнутыхъ правъ, во всѣхъ государствахъ оставалось, тѣмъ не менѣе, еще достаточно правъ, что совершенно отстраняло всякое сравненіе съ до-мартовскимъ временемъ". Дѣлая далѣе общую оцѣнку XIX в., авторъ, между прочимъ, находитъ, что „на соціальной почвѣ XIX столѣтіе сумѣло осуществить идеи, доставшіяся ему отъ французской революціи" (вотъ какъ!), хотя тутъ же замѣчаетъ, что „человѣкъ все еще стоитъ въ виду жестокаго опыта, подтверждающаго, что онъ, наравнѣ съ прочими органическими существами, подчиненъ жизнеразрушительному закону о прилаживаніи" (стр. 8). Какой это такой „жизнеразрушительный законъ о прилаживаніи", такъ и остается секретомъ автора. Впрочемъ, XIX вѣкомъ въ общемъ онъ доволенъ, хотя и находитъ въ немъ многія несимпатичныя явленія, каковы, напр., „наглыя притязанія въ области финансовъ и промышленности въ соединеніи съ истинно разбойничьею нравственностью и монополистическими насиліями надъ сословіями (?), разрастающійся милитаризмъ, какой-то наполеонизмъ безъ Наполеона, наконецъ, наглый тонъ, звучащій въ соціализмѣ", и т. п. (стр. 9—10).

Пусть читатель не думаетъ, что мы станемъ такъ же подробно говорить о другихъ отдѣлахъ книги, какъ это сдѣлали по отношенію къ первымъ неполнымъ восьми страницамъ, составляющимъ „введеніе". Отдѣльныхъ мѣстъ, болѣе или менѣе характерныхъ для того, какъ авторъ понимаетъ то, о чемъ говоритъ, и какъ выражаетъ иногда свои мысли, можно было бы привести еще немало. То у него проводятся „законы отъ отмѣнѣ личной безопасности" (стр. 59), то „цензура замѣняется денежной порукой" (стр. 60), то Полиньякъ „отказывается подписать (sic) хартію" (стр. 64), то палата распускается до новаго созыва (стр. 66), когда рѣчь должна была бы идти о назначеніи новыхъ выборовъ и т. п. Образцами неумѣнія г. фонъ-Гериха выражать свои мысли могутъ служить и слѣдующія еще мѣста: „благодаря долгому періоду мира (въ книгѣ поставлено міра) послѣ наполеоновскихъ войнъ промышленность и умственная дѣятельность начали процвѣтать, что вызвало нежелательныя явленія въ области экономической жизни народовъ" (стр. 78). „На банкетѣ въ Лиллѣ Ледрю Ролленъ велѣлъ отставить чару за короля, примѣру котораго (короля?) послѣдовали и другіе банкеты" (стр. 89). „Парижъ въ описываемое время имѣлъ около милліона жителей, среди которыхъ 39% принадлежали къ числу внѣбрачныхъ" (эти „внѣбрачные жители" тоже на стр. 89).

Размѣры рецензіи не позволяютъ намъ говорить подробно ни объ общемъ построеніи книги, ни о выборѣ матеріала, ни о по-

слѣдовательности изложенія, ни объ идейномъ освѣщеніи событій, но и во всемъ этомъ проглядываетъ та же неумѣлость автора. Онъ говоритъ, напр., о конституціонныхъ законахъ разныхъ странъ, но можно биться объ закладъ, что ни къ одному изъ нихъ онъ не обращался, а въ изложеніе ихъ другими историками и не вдумывался, нисколько не позаботившись и о томъ, чтобы читатели вынесли сколько-нибудь отчетливое пониманіе этихъ законовъ. То же самое приходится сказать и объ изложеніи г. фонъ-Герихомъ политическихъ и соціальныхъ ученій, гдѣ зачастую все спутано и смѣшано. Возьмемъ, напр., чтобы не оставить безъ вниманія и конецъ книги, параграфъ о возникновеніи радикализма въ Англіи въ первые годы царствованія королевы Викторіи (стр. 319). Уже самое вступленіе курьезно по внутреннему своему противорѣчію. „Основой движенія, говоритъ авторъ, было *нежеланіе отдѣльныхъ лицъ подчиниться установившемуся, путемъ преданія, порядку*. Движеніе это имѣло практическія цѣли, *не отвергая національныхъ преданій* и основъ христіанства, что отличало англійскій радикализмъ отъ французскаго якобинства“. По мнѣнію г. фонъ-Гериха, „настоящимъ творцомъ новаго движенія былъ экономистъ Адамъ Смитъ“, и, не говоря ни слова, кто когда жилъ, онъ называетъ еще Бентама, Пристлея, Годвина, Пэна и др. представителей разныхъ эпохъ и, передавъ кое-какъ ихъ взгляды, заявляетъ, что послѣдніе „не преминули вызвать броженіе въ умахъ простого народа“, большинство котораго, „ознакомившись со взглядами радикаловъ“, стало стремиться къ „возстановленію (такъ и сказано: возстановленію) демократіи“ (стр. 320). Это и былъ чартизмъ! О томъ, какъ понимаются у автора междуклассовыя отношенія, пусть судитъ читатель, напр., по слѣдующимъ строкамъ: „раньше (до Наполеона III) богатые и бѣдные жили на одной улицѣ, въ одномъ и томъ же домѣ, что безспорно сближало ихъ; теперь же рабочія казармы помѣстились на окраинахъ, и рабочіе начали жить своею собственною жизнью, интересы которой не всегда сливались съ интересами буржуазіи. Это отчужденіе рабочаго класса сдѣлало его воспріимчивымъ для ученій всякихъ агитаторовъ и современемъ сулило большія бѣдствія“ (стр. 106). Можно послѣ этого и безъ длинныхъ выписокъ судить о томъ, какъ въ книгѣ г. фонъ-Гериха освѣщены „іюньскіе дни“ 1848 г. „Толпа, говоритъ онъ, истребившая все (!), начала голодать и требовать хлѣба отъ правительства“ (стр. 94). О самомъ возстаніи сказано только, что рабочіе съ оружіемъ въ рукахъ рѣшили отстоять „свои права“ (ироническія кавычки у автора), но Кавеньякъ „быстро (съ 23 по 26 іюня) подавилъ возстаніе“ (стр. 97). Впрочемъ, тутъ авторъ еще объективенъ, но упоминая о неудачѣ извѣстнаго баденскаго возстанія, онъ высказываетъ сожалѣніе („къ сожалѣнію“), что главнымъ его зачинщикамъ удалось бѣжать за границу.

Исторія XIX в. пользуется популярностью въ русской читающей публики, и эту публику нужно предостерегать отъ недоброкачественныхъ издѣлій въ этой области: только по этой причинѣ мы такъ и распространились объ издѣліи г. фонъ-Гериха.

А. Н. Куломзинъ. Доступность начальной школы въ Россіи. Спб. 1904.

„Настаивать на осуществленіи чего-либо матеріально и нравственно невозможнаго, значило бы искусственно разрушать то, что требуется создавать органически, въ примѣненіи къ условіямъ и потребностямъ природы. А такова именно задача, которую нынѣ ставятъ передъ собой и усиленно разрабатываютъ многія земства — задача осуществить идею всеобщаго обученія во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи. Осуществленіе ея, — возможное по особливымъ условіямъ, развѣ въ Ярославской губ.,—въ примѣненіи ко всей Россіи является идеальнымъ мечтаніемъ, лишеннымъ реальной почвы и потому осужденнымъ на гибель и на безплодныя усилія устроить невозможное" — такъ написано въ одномъ изъ отзывовъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Сгнода въ 1898 г. Съ тѣхъ поръ прошло всего пять-шесть лѣтъ, и вотъ „идеальныя мечтанія, лишенныя реальной почвы" (о какихъ только „мечтаніяхъ" за послѣднее десятилѣтіе не пришлось наслушаться русскому обществу!), злокозненно выдуманныя непрактичными земцами, сумѣли пробить себѣ путь въ правительственныя сферы. Въ прошломъ году съ проектомъ всеобщаго обученія для Россіи на страницахъ оффиціальнаго „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія" выступилъ г. Фармаковскій. Въ нынѣшнемъ году проектъ на ту же тему разработанъ г. Куломзинымъ, однимъ изъ видныхъ государственныхъ дѣятелей.

Проектъ г. Куломзина шире и глубже проекта г. Фармаковскаго. Достаточно указать, что по плану г. Куломзина всеобщее обученіе должно быть реализовано въ гораздо меньшій срокъ, чѣмъ по плану г. Фармаковскаго; что первый удѣляетъ въ своемъ проектѣ вниманіе и общественнымъ силамъ, тогда какъ второй думаетъ исполнить все дѣло исключительно при помощи бюрократіи.

Всѣ разсчеты г. Куломзина сдѣланы на одноклассную начальную школу съ трехлѣтнимъ курсомъ, при одномъ учителѣ на 50 чел. дѣтей. При этомъ авторъ считаетъ нормальнымъ не трехлѣтнее пребываніе въ школѣ, а четырехлѣтнее и требуетъ, чтобы доступность начальнаго обученія была обезпечена возможно большему числу дѣтей четырехъ возрастовъ: 8, 9, 10 и 11 лѣтъ. Это требованіе будетъ исполнено, если сразу будетъ открыто 129,711 школъ (всѣ данныя отнесены къ 1898 г.) и затѣмъ ежегодно будетъ добавляться по 2,860 школъ, соотвѣтственно ежегодному уве-

личенію числа дѣтей школьнаго возраста. Весь проектъ долженъ быть проведенъ въ жизнь въ теченіе 15 лѣтъ. Принимая въ основу нормы, выработанныя въ настоящее время для правильной постановки школы, авторъ высчитываетъ, что исполненіе его проекта потребуетъ слѣдующихъ расходовъ: 78.899,542 руб. на содержаніе дополнительной сѣти школъ, 26.607,540 р. на школы, ежегодно открываемыя для прироста дѣтей школьнаго возраста въ теченіе того пятнадцатилѣтняго періода, который назначается для исполненія этого проекта, и 4.984,231 р. на увеличеніе инспекціи и числа учащихъ, —а всего 110.491,313 р. Эти затраты, по разсчету г. Куломзина, распредѣлятся слѣдующимъ образомъ: изъ государственнаго казначейства 37,2%, отъ земствъ 34 губерній —18,4%, изъ земскихъ сборовъ въ прочихъ губерніяхъ—10,7%, отъ сельскихъ обществъ—17,0%, частныхъ пожертвованій—8,3%, отъ городскихъ обществъ—8,4% (распредѣленіе это сдѣлано согласно существующимъ нынѣ долямъ участія въ дѣлѣ народнаго образованія указанныхъ категорій). При этомъ въ первый годъ дѣйствія плана всѣмъ указаннымъ участникамъ пришлось бы увеличить свои расходы на 5.547,289 руб., а затѣмъ ежегодно прибавлять еще 230,660 руб. къ каждому предыдущему ассигнованію впредь до заполненія всей школьной сѣти. Какъ видимъ, цифры эти уже не поражаютъ насъ своими фантастическими огромными размѣрами,—такое увеличеніе расходовъ на народное образованіе надо признать вполнѣ посильнымъ для нашей родины. Съ этой стороны проектъ г. Куломзина производитъ самое благопріятное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что, вопреки г. Фармаковскому, онъ не предполагаетъ необходимымъ для достиженія всеобщности обученія понижать степень подготовки учительскаго персонала или обстановку школьныхъ зданій, или размѣры программъ.

Если что и можно поставить въ упрекъ г. Куломзину, такъ это чрезмѣрно мягкое отношеніе къ церковно-приходскимъ школамъ, недостатки которыхъ все же слишкомъ велики для того, чтобы имъ можно было отводить въ данной области такую роль, какъ это дѣлаетъ авторъ. Затѣмъ едва ли можно считать цѣлесообразнымъ то, что больше трети школъ всей сѣти, намѣченной для удовлетворенія нуждъ всеобщаго обученія, по проекту, остаются въ распоряженіи бюрократіи: исторія русскаго просвѣщенія показала, что только въ рукахъ общественныхъ организацій можетъ народная школа идти съ успѣхомъ.

Заусайловъ М. А. Помощь пострадавшимъ отъ несчастныхъ случаевъ и травматическія поврежденія на Екатерининской желѣзной дорогѣ за 20-ть лѣтъ ея существованія (1884—1904 гг.). Диссертація на степень доктора медицины. Екатеринославъ, 1903.

Диссертація д-ра Заусайлова представляетъ собой подробный обзоръ исторіи, статистики и организаціи медицинскаго дѣла на Екатерининской желѣзной дорогѣ. Значительное мѣсто удѣлено также и спеціальнымъ вопросамъ желѣзнодорожной медицины вообще: устройству санитарныхъ вагоновъ, пріемныхъ покоевъ, лѣченію ранъ и проч. Въ общемъ заглавіе диссертаціи не вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію: послѣднее шире.

Общій интересъ въ этой диссертаціи имѣетъ богатая статистика несчастныхъ случаевъ на желѣзныхъ дорогахъ вообще и на Екатерининской дорогѣ въ частности. Эти несчастные желѣзнодорожные случаи заслуживаютъ самаго серьезнаго изученія. Если и можно согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что случаи эти представляютъ собой нѣчто неизбѣжное, какъ это часто повторяетъ д-ръ Заусайловъ, то интересы общественнаго здравоохраненія во всякомъ случаѣ требуютъ, чтобы количество этихъ случаевъ было сведено до minimum'а. По даннымъ за 18 лѣтъ (1884—1901), на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ пострадало всего 43,303 человѣка, изъ нихъ ранено 29,232 и убито 14,071 (32,49%).

Пассажировъ	убито	955,	ранено	4,203,	всего	5,168
Служащихъ	„	4,919	„	15,824	„	20,629
Постороннихъ	„	8,194	„	9,234	„	17,428

Процентъ убитыхъ пассажировъ — 18,47, служащихъ — 23,96 и постороннихъ—47,01. Съ увеличеніемъ протяженія дорогъ увеличивается и количество пострадавшихъ, но не пропорціонально: увеличеніе числа пострадавшихъ идетъ гораздо быстрѣй. Число несчастныхъ случаевъ прямо пропорціонально такъ называемой „густотѣ движенія“, измѣряемой числомъ поѣздо-верстъ. Такъ на Екатерининской желѣзной дорогѣ число пострадавшихъ въ послѣдніе годы эксплуатаціи дороги увеличилось въ 40 разъ, т. е. ровно во столько, во сколько увеличилась за эти годы густота движенія. По сравненію съ заграничными желѣзными дорогами русскія желѣзныя дороги стоятъ всетаки не на первомъ мѣстѣ по числу несчастныхъ случаевъ. Въ Германіи и во Франціи на 1 милліонъ поѣздо-верстъ за послѣдніе годы приходилось всѣхъ пострадавшихъ отъ 5 до 7 человѣкъ, въ Австро-Венгріи отъ 10 до 13, въ Россіи отъ 10 до 15, а въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки отъ 37 до 45 человѣкъ. Число пострадавшихъ *пассажировъ* на западно-европейскихъ и на нашихъ дорогахъ приблизительно одинаково отъ 0,7 до 1,5 человѣкъ на 1 милліонъ поѣздоверстъ, а увеличеніе общаго числа несчастныхъ случаевъ на

нашихъ дорогахъ обусловливается главнымъ образомъ значительностью числа пострадавшихъ изъ среды *постороннихъ* лицъ.

Всѣ эти разсчеты, однако, далеко не точны. Настоящее число несчастныхъ случаевъ на рускихъ (а, можетъ быть, также и на иностранныхъ) желѣзныхъ дорогахъ—величина, далеко не вполнѣ опредѣленная. Собирая свѣдѣнія о несчастныхъ случаяхъ на Екатерининской желѣзной дорогѣ, д-ръ Заусайловъ нашелъ, что въ „Статистическомъ сборникѣ министерства путей сообщенія" число несчастныхъ случаевъ показано меньше, чѣмъ въ сдѣланной имъ выборкѣ изъ актовъ о происшествіяхъ. Акты же эти онъ могъ добыть не всѣ, да и акты-то составляются лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда поврежденіе отличается значительной тяжестью и можетъ впослѣдствіи имѣть вліяніе на трудоспособность пострадавшаго.

Такимъ образомъ, весьма значительная часть несчастныхъ случаевъ на желѣзныхъ дорогахъ вовсе не подвергается регистраціи. Можно ли послѣ этого надѣяться на вѣрность вышеприведенныхъ статистическихъ выводовъ и слѣдуетъ ли изъ нихъ, что у насъ дѣйствительно по части желѣзно-дорожныхъ несчастій дѣло обстоитъ не хуже, чѣмъ за границей?

Авторъ диссертаціи совсѣмъ почти не касается вопросовъ, выясняющихъ причины желѣзно-дорожныхъ несчастныхъ случаевъ. Межъ тѣмъ, если бы можно было выяснить эти причины хоть отчасти, то тѣмъ самымъ создавалась бы возможность предупреждать въ извѣстной мѣрѣ и самое возникновеніе этихъ несчастій. Можетъ быть, у д-ра Заусайлова было на этотъ счетъ мало данныхъ, но во всякомъ случаѣ нельзя не пожалѣть, что, изучивъ несчастные случаи съ разнообразныхъ точекъ зрѣнія, онъ не обратилъ надлежащаго вниманія на ихъ этіологію (ученіе о происхожденіи).

Народная литература. Сборникъ отзывовъ библіотечной коммиссіи Кіевскаго общества грамотности о книгахъ для народнаго чтенія. Выпускъ второй. Кіевъ. 1904.

Въ декабрьской книжкѣ „Р. Б." за прошлый годъ мы давали отзывъ о первомъ выпускѣ этого сборника. Отзывъ этотъ, какъ видно изъ предисловія къ настоящему выпуску, не остался безызвѣстнымъ гг. составителямъ. Они признаютъ, что „всѣ указанія критики на недостатки перваго выпуска представляются настолько серьезными, что ихъ нельзя оставить безъ разъясненій". Не смотря на такое заявленіе, мы не нашли всетаки разъясненія всѣхъ тѣхъ недоумѣній, которая вызывалъ первый выпускъ сборника. Остается неизвѣстнымъ, почему библіотечная коммиссія кіевскаго общества грамотности совершенно игнорируетъ разборъ книгъ духовно-нравственнаго содержанія, почему на ряду съ изданіями преимущественно послѣднихъ лѣтъ встрѣчаются вдругъ

отзывы о книгахъ, напечатанныхъ болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ (книга П. Петрова „Петръ Великій, послѣдній царь московскій и первый императоръ русскій.“ Изд. Гоппе 1872 г.); почему изъ „біографической библіотеки“ Павленкова въ сборникѣ упоминаются только жизнеописанія Григорія VII, Сервантеса, Диккенса и Савонароллы (въ первомъ выпускѣ была только одна біографія гр. Канкрина). Относительно замѣченнаго нами ранѣе отсутствія отзывовъ о произведеніяхъ нашихъ классиковъ въ предисловіи объясняется, что коммиссія „исходила изъ того соображенія, что указывать достоинства и недостатки произведеній этихъ писателей едва ли есть какая-нибудь надобность: они извѣстны тѣмъ, для кого предназначено изданіе общества грамотности. Говорить о пригодности произведеній знаменитыхъ русскихъ писателей для народа коммиссія находила тоже излишнимъ: по ея мнѣнію, каждый русскій человѣкъ долженъ быть съ ними знакомъ.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ коммиссія въ отдѣльномъ приложеніи помѣщаетъ указатель нѣкоторыхъ дешевыхъ изданій русскихъ классиковъ. Указатель этотъ, однако, мало даетъ для желающаго имъ воспользоваться. Отдѣльныя произведенія и цѣна ихъ не перечислены, а изъ того, что г. Марксомъ, напр., издано 15 книжекъ отдѣльныхъ произведеній Гоголя отъ 5 до 20 коп. каждая, справляющійся въ указателѣ не узнаетъ въ сущности ничего. Было бы полезно перечислить всѣ отдѣльныя изданія, указать ихъ цѣну, качество бумаги, печати и пр. Въ числѣ классиковъ нѣтъ, между прочимъ, Л. Н. Толстого. Отмѣтки нѣкоторыхъ изданій звѣздочками, что означаетъ допущеніе ихъ въ безплатныя читальни, въ настоящее время потеряли силу, такъ какъ по разъясненію ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія „всякое новое изданіе книги, разъ допущенной ученымъ комитетомъ къ обращенію въ безплатныхъ читальняхъ, допускается въ нихъ независимо отъ того, выпущено ли оно новымъ издателемъ, или старымъ, есть ли на новомъ изданіи помѣтка о томъ, что оно перепечатывается безъ измѣненій съ изданія, допущеннаго въ читальни, или нѣтъ“ *). Въ прошломъ отзывѣ мы говорили, что полезно было бы прилагать въ сборникахъ рецензій о народныхъ книгахъ, кромѣ алфавита авторовъ, алфавитъ личныхъ именъ по отдѣлу исторіи и географіи и алфавитъ предметовъ по отдѣламъ естественныхъ наукъ, медицины, техники и пр. Въ настоящемъ выпускѣ „Народной Литературы“ приложенъ „Систематическій указатель книгъ и брошюръ по исторіи“. Указатель этотъ составленъ не вполнѣ удовлетвори-

---

*) См. „Русскія Вѣдомости“ № 75 отъ 16 марта 1904 г. корреспонденція изъ Владиміра и второй выпускъ „Для народнаго учителя“ Тулупова и Шестакова, стр. 21.

тельно: алфавитъ именъ перемѣшанъ съ алфавитомъ эпохъ и не вполнѣ удобенъ для справокъ.

Что касается самыхъ отзывовъ, то они сохраняютъ тотъ характеръ, что и въ первомъ выпускѣ: отзывы чисто теоретическіе и не преломленные, такъ сказать, черезъ призму народнаго книгопониманія. Руководствомъ для лицъ, вѣдающихъ внѣшкольное образованіе народа, они всетаки въ извѣстной степени быть могутъ. Въ этомъ выпускѣ рецензируются преимущественно книги, напечатанныя въ послѣдніе 3—4 года; есть отзывы объ изданіяхъ недавно возникшихъ фирмъ „Донская Рѣчь" и „Вятское Товарищество". Число книгъ, *не* рекомендуемыхъ для чтенія народу, сравнительно больше, чѣмъ въ первомъ выпускѣ. Такъ, напр., по отдѣлу беллетристики изъ 213 разобранныхъ книгъ не рекомендуется 34 (болѣе 12%). При всемъ томъ рекомендаціи отличаются большой снисходительностью. Въ разсказѣ Воронова „Магнитъ"—„ни причина ссоры, ни побужденія, приведшія къ примиренію, *не обрисованы настолько ясно, чтобы заинтересовать маленькаго читателя*". И разсказъ этотъ рекомендуется именно „для дѣтей"... О разсказахъ Э. Демольдера „Сердце бѣдныхъ" говорится такъ: „вслѣдствіе *полнаго отсутствія художественности*, разсказы не могутъ произвести на маленькаго читателя надлежащаго впечатлѣнія, *не могутъ вызвать у него интереса* и сочувствія къ бѣднымъ". И всетаки эти разсказы рекомендуются „для дѣтей и подростковъ"... Біографія Гладстона, принадлежащая перу Брайса, по мнѣнію рецензента, „совершенно недоступна для читателя изъ народа, даже обладающаго подготовкой". И опять таки книга рекомендуется „для взрослыхъ". Вообще въ сборникъ попало, хотя и немного, такихъ книгъ, которыя врядъ ли можно причислить къ „народной" литературѣ. Таковы „Чукотскіе разсказы" Тана, очеркъ Лясковскаго „Братья Кирѣевскіе, жизнь и труды ихъ", „Культурно-историческія картины изъ жизни Западной Европы" Тарасова и Моравскаго и нѣк. др.

Не смотря на всѣ отмѣченные недостатки, слѣдуетъ сказать, что и второй выпускъ трудовъ кіевской коммиссіи является всетаки полезнымъ вкладомъ въ небогатую пока литературу отзывовъ о книгахъ, пригодныхъ для народнаго чтенія.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Полное собраніе сочиненій ***А. Н. Островскаго***, подъ редакціей М. И. Писарева. Т. пятый. Спб. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". Ц. за 10 томовъ 16 р.

Сочиненія ***А. А. Потѣхина***. Т. 7-й. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". Спб. Ц. за 12 том. 12 р.

Өедоръ Смородскій. Пѣсни человѣка. Спб. Ц. 50 к.

Александръ Рокотовъ. Смерть Бетховена. Москва. 1904. Ц. 25 к.

Стих. ***П. В. Борисенка***. Знамя вѣка. Вып. I и II. М. 1904. Ц. 20 и 50 коп.

Чиветтандо. Стихотворенія. Изд. М. Сѣрякова. Спб. 1904.

К. К. Случевскій. Новыя повѣсти. Изд. П. П. Сойкина. Спб.

М. Грушевській. Оповидання. Выдавныцтво „Викъ", у Кыиви, 1904. Ц. 35 к.

И. Буханцевъ. Въ глуши. Харьковъ. 1904.

Н. Шинскій. Разсказы. М. 1903. Ц. 1 р. кн. I и II.

Цеваръ Островенцкій. Госпожа инженерша. Одесса. 1904. Ц. 20 к.

А. И. Знаменскій. Записки туриста. Минскъ. 1904.

Д. И. Подшиваловъ. Воспоминанія кавалергарда. Тверь. 1904.

Робертъ Борнсъ въ переводѣ русскихъ писателей, подъ ред. И. А. Бѣлоусова. Изд. А. С. Суворина. Спб. Ц. 20 к.

Эмерихъ Мадачъ. Трагедія человѣчества. Перев. Н. А. Холодковскаго. Изд. А. С. Суворина. Спб. Ц. 25 к.

Е. Львовъ. Жалкое счастье. Перев. съ франц. Спб. 1904. Ц. 50 к.

О. Шрейнеръ. Грезы и сновидѣнія. Перев. съ англійскаго Ц. В. Изд. 2-е, С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Адамъ Эленшлэгеръ. Ярлъ Гаконъ. Траг. въ 5 д., перев. съ датскаго Анны Ганзенъ. Изд. С. Скирмунта. М. 1904. Ц. 60 к.

А. Тепловъ. „Въ погоню за Горькимъ", ком. въ 3 д. Тверь. 1904. Ц. 75 к.

С. Разумовскій. Пульчинело, драмат. фантазія въ 3-хъ карт. Изд. журнала „Правда". М. 1905.

Гегель. Основы философіи права, въ изложеніи ***Аркадія Пресса***. Изд. П. П. Сойкина. Спб. Ц. 40 к.

Проф. ***Л. І. Петражицкій***. О мотивахъ человѣческихъ поступковъ, въ особенности объ этическихъ мотивахъ и ихъ разновидностяхъ. Спб. 1904. Ц. 75 к.

Бугле. Эгалитаризмъ. Соціологич. этюдъ. Перев. съ франц. подъ ред. И. К. Брусиловскаго. Изд. Е. П. Распопова. Одесса. 1904. Ц. 50 к.

Кортней Ильбертъ. Монтескье. Перев. съ англ. подъ ред. проф. ***В. Ө. Дерюжинскаго***. Спб. 1904.

Государственный строй и политическія партіи въ Зап. Европѣ и Сѣв. Амер. Соед. Штатахъ. Сборникъ статей, подъ ред. ***Е. Смирнова***. Изд. Н. Глаголева. Спб. 1904.

В. Ф. Арнольдъ. Политико-экономическіе этюды. Одесса. Изд. Е. П. Распопова. Ц. 50 к.

Эмиль Вандервельде. Деревенскій отходъ и возвращеніе на лоно природы. Перев. съ франц. Ю. Стеклова. Вмѣсто предисловія „Массовыя перемѣщенія жителей, приливъ ихъ въ города и отливъ въ села". ***М. М. Ковалевскаго***. Одесса. Изд. Вл. Распопова. 1904. Ц. 80 к.

Вернеръ Зомбартъ. Современный капитализмъ. Т. I. Перев. съ нѣм. подъ ред. В. Базарова и И. Степанова. Изд. С. Скирмунта. М. Ц. 2 р. 50 к.

Карлъ Гарейсъ. Германское торговое право. Перев. съ нѣм. Н. И. Ржондковскаго подъ ред. А. Г. Гусакова. Вып. III. М. 1904. Ц. 1 р.

Основные вопросы ученія о наказаніи ***С. В. Познышева***. М. 1904.

Л. С. Личковъ. Очерки изъ прошлаго и настоящаго черноморскаго побережья Кавказа. Кіевъ. 1904. Ц. 1 р. 25 коп.

А. Никитинъ. Задачи Петербурга. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Л. А. Куперникъ. Еврейское цар-

ство. Изд. Ѳ. А. Русанова и Ф. Липмана. Кіевъ. Ц. 20 к.

Ю. И. Гессенъ. Изъ исторіи ритуальныхъ процессовъ. Велижская драма. Спб. 1905. Ц. 1 р.

А. Г. Наши задачи на востокѣ. Спб. Ц. 60 к.

Д-ръ Е. Дюковъ. О необходимости измѣненія принятой системы образованія и воспитанія медиковъ. Харьковъ. 1904. Ц. 60 к.

Н. Новомбергскій. Черты врачебной практики въ Московской Руси. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Житіе протопопа Аввакума, написанное имъ самимъ. Изд. ***А. Е. Бѣляева.*** Изд. 2-е. Спб. 1904.

Научно-историческая библіотека. I. ***Фюстель де-Куланжъ.*** Исторія общественнаго строя древней Франціи. Переводъ подъ ред. проф. ***И. М. Гревса.*** Т. 2-й. Спб. 1904. Ц. 4 р. 50 коп.

А. Выкова. Разсказы изъ исторіи Франціи XVII и XVIII вѣка. Изд. А. Чарушникова и С. Дороватовскаго. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Н. Рожновъ. Учебникъ всеобщей исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія (Книгоиздательство М. В. Пирожкова). Спб. 1904. Ц. 1 р. 10 к.

Проф. Р. Випперъ. Учебникъ древней исторіи. Третье, дополненное изданіе. М. 1904. Ц. 1 р.

Ангъюсъ Гамильтонъ. Корея. Перев. съ англійскаго. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Джонъ Моррисъ. Молодая Японія. Пер. съ англійскаго Л. Чудновской. Изд. Вл. Распопова. Одесса. 1905. Ц. 75 к.

Японія. Очерки японской культуры. Причина войны. Составилъ ***М. Коваленскій.*** Изд. журнала „Правда". М. 1904, Ц. 20 к.

Наши морскія силы на Дальнемъ Востокѣ и японскій флотъ. Составилъ ***Л. Керберъ.*** Спб. 1904. Ц. 1 р.

S. A. Arrhenius. Физика неба. Перев. съ нѣмецкаго А. Р. Орбинскаго. Одесса. 1905. Ц. 2 р.

Видимыя и невидимыя движенія. Лекціи ***Г. А. Лоренца.*** Перев. подъ ред. Б. П. Вейнберга. Изд. Вл. Распопова. Одесса. 1905. Ц. 50 к.

Ф. Рихардъ. Новѣйшіе успѣхи въ области электричества. Перев. подъ ред. Б. П. Вейнберга. Изд. Вл. Распопова. Одесса. 1905. Ц. 50 к.

Краткія свѣдѣнія по электротехникѣ. Составилъ ***I. А. Хатаенеръ.*** Спб. 1904. Ц. 75 к.

Н. Abraham. Сборникъ элементарныхъ опытовъ по физикѣ. Ч. 1-я. Пер. подъ ред. Б. П. Вейнберга. Одесса. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Эльпе. Радій и его спутники. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1904. Ц. 1 р.

М. Складовская-Кюри. Радій и радіактивность. Перев. съ франц. А. I. Бачинскаго. Книгоиздательство „Творческая Мысль". М. 1905. Ц. 1 р.

В. Оствальдъ. Школа химіи. I. Общая часть. Переводъ съ нѣмецк. подъ ред. Л. В. Писаржевскаго. Изд. Вл. Распопова. Одесса. 1904 Ц. 60 к.

Проф. В. Оствальдъ. Школа химіи. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. А. Титова. (Международная библіотека, изд. I. Юровскаго, № 51). Спб. 1904. Ц. 15 к.

В. Кюненталь. Руководство къ практической зоологіи. Перев. съ нѣм. Съ предисловіемъ В. М. Шимкевича. Изд. П. П. Сойкина. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Книгоиздательское т-во „Просвѣщеніе". Вселенная и человѣчество. Т. 1-й. Вып. 12—14, 15—17, 18—20. Спб. Ц. 40 к. (за каждый выпускъ).

Метисы Закавказья. Антропологическій этюдъ врача ***П. Г. Мацокина.*** („Записки И. Академіи Наукъ". VIII серія, кн. XVI, № 1). Спб. 1904. Ц. 2 р. 10 к.

Stanley Waterloo. Жизнь пещернаго человѣка. Съ американскаго перевелъ Н. С. Курловъ. Изд. книжнаго магазина „С. Н. Курнинъ и К°". М.

Научная дешевая библіотека, изд. А. С. Суворина. — Исторія первобытнаго человѣка ***Э. Клодда.*** Перев. съ англійскаго. Спб.—Невидимые богатыри. Очеркъ жизни и дѣятельности бактерій. ***Г. Ц. Ковна.*** Перев. съ англ. Я. Л. Спб.

Артуръ Феддерсенъ. Сто растеній (Краткій учебникъ ботаники) Перев. съ датскаго Елены Зографъ. Изд. К. И Тихомірова. М. 1904. Ц. 30 к.

Педагогическое общество, состоящее при И. Московск. Универс.—Сборникъ чтеній съ волшебнымъ фонаремъ въ школѣ и дома. I. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Простое ученіе о воздушномъ кораблѣ и его построеніи. ***К. Ціолковскаго.*** 2-е изд. Калуга. 1904. Ц. 50 к.

В. И. Васильевъ. Классное пособіе при прохожденіи тригонометріи. Таблица натуральныхъ тригонометрическихъ величинъ. М. 1904. Ц. 20 к.

Ѳ. Ворисовъ. „Родное". Книга для чтенія въ начальныхъ училищахъ

Изд. К. И. Тихомірова. М. 1904. Ц. 65 к.

А. Тороповъ. Книга для обученія церковно-славянскому чтенію въ начальныхъ училищахъ. Годъ I и II. Изд. К. И. Тихомірова. М. 1904. Ц. 25 к.

П. Санулинъ. Сборникъ для статей для упражненія въ знакахъ препинанія и для синтаксическаго разбора. 2-е изд. К. И. Тихомірова. М. 1904. Ц. 25 к.

В. О. Крижъ. Первое домашнее чтеніе сельскаго школьника. Вып. I и II. Изд. И. Ѳ. Жиркова. М. 1904. Ц. 30 к. (каждый выпускъ).

Изданія „Посредника": LXXIV. О довѣріи къ себѣ, ***Ральфа Эмерсона***, съ англійскаго. Изд. 2-е. Ц. 10 к.— CXI. ***С. Т. Семеновъ*** I. Въ родной деревнѣ. Очеркъ. II. Гаврила Скворцова. Повѣсть. Ц. 1 р.—CXII. Избранныя мысли ***Джона Рескина*** Перев. Л. Н. Никифорова. Выпускъ 3-й. Ц. 20 к.—XCIV. Земледѣліе, промышленность и ремесла. Съ англійскаго перевелъ А. Н. Коншинъ. Изд. 2-е. Ц. 80 к.—CXV. На новомъ мѣстѣ. Разсказъ ***Н. Хотымскаго***. Ц 25 к. — CXIX. ***Робертъ Шарардъ***. Бѣлые рабы Англіи. Съ англ. перев. ***А. Н. Коншинъ***. Ц. 60 к.—CXVIII. ***Л. Николаева***. Сто вегетаріанскихъ блюдъ. Ц. 25 к. — LXXII. Хлѣбный огородъ или ручное земледѣліе. Составилъ ***Е. И. Поповъ***. Ц. 60 к.— № 460. Пьянство горе наше. Составила ***В. Лукьянская***. Ц. 5 к. № 480. Родныя души. Повѣсть ***С. Т. Семенова***. Ц. 10 к. № 481. Загубленная жизнь. Разсказъ ***Пізтари Пэйервинта***. Пер. съ финскаго. Ц. 2½ к. № 483. Передникъ. Разсказъ крест. ***С. Ф. Егорова***. Ц. 1 к. № 484. Отказались. Разсказъ крестьянина ***Алексѣя Волкова***. Ц. 1 к. № 485. Бѣлая одежда. Сказка. Ц. 1 к. № 486. I. Подъ выстрѣломъ. Съ нѣм. пер. А. Веселовской. II. Калѣка. Разсказъ ***Гюи де-Монассана***. Пер. Л. П. Никифорова. Ц. 1 к. № 497. Бабушка. Разсказъ ***И. Наживина***. Ц. 1 к. № 500. Ассирійскій царь Ассархадонъ и три вопроса. Двѣ сказки ***Л. Н. Толстого***. Ц. 1 к. № 511. Голосъ совѣсти. Разсказъ. Ц. 1 к. № 512. Черный быкъ. Разсказъ. Ц. 1 к. № Ремонтный рабочій. Разсказъ ***С. Васюкова***. Ц. 1 к. М. 1904.

Выдавныцтво „Викъ", № 37. ***Марко Вовчокъ***. Карменокъ.—Невольничка. Ц. 10 к. № 38. ***Марко Вовчокъ***. Сестра. Ц. 10 к. № 39. Трыста найкращыхъ украинськыхъ писень. Ц. 20 к, № 40. ***Панасъ Мырный***. Морозенко. Ц. 10 к. У Кыиви. 1904.

Музей прикладныхъ знаній въ Москвѣ. ***Н. Рихтеръ***. Вулканы. Ц. 5 к. ***Н. Дубницкій***. Чѣмъ предметы похожи другъ на друга. Ц. 6 к. ***С. К***. Начало разсказа. Ц. 6 к. М. 1904.

Библіотека Горбунова-Посадова для дѣтей и юношества.—Павлиный глазъ. Разсказъ. ***Сергѣя Орловскаго***. Ц. 15 к.—Въ деревнѣ. Четыре разсказа для дѣтей ***С. Т. Семенова***. Изд. 2-е. Ц. 30 к.—Наши звѣрки. Разсказы для младшаго возраста. ***Е. Горбуновой***. М. 1904.

Русскій деревенскій календарь на 1905 г. ***И. Горбунова-Посадова***. Ц. 6 к. М. 1904.

Русскій сельскій календарь на 1905 г. Составилъ ***И. Горбуновъ-Посадовъ***. М. 1904. Ц. 20 к.

Сельскохозяйственная библіотека. Изд. К. И. Тихомірова. ***И. П. Петровъ***. О зимнемъ кормленіи коровъ. Ц. 10 к.—***В. Н. Спасскій***. Кормовые корнеплоды. Ц. 8 к.—***И. П. Петровъ*** О скотскомъ дворѣ. Ц. 4 к.— ***И. П. Петровъ*** Пастбище для молочныхъ коровъ. Ц. 4 к. М. 1904.

Списокъ изданій книгоиздательства „Посредникъ" (1885—1904). Библіотека Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества и серіи книгъ. Деревенское хозяйство и деревянская жизнь подъ редакціей И. Горбунова-Посадова. М. 1904.

Новости богословской литературы. Библіографическій журналъ издаваемый ***К. М. Поповымъ***. 1904. Сергіевъ посадъ.

Систематическая роспись книгамъ, вышедшимъ въ Россіи за 1899 г. Подъ общей ред. М. Я Вилліе и Э. А. Вольтера. Т. I вып. II. Изд. Статистико-библіографической коммиссіи при Р. О. Д. П. Д. Спб. 1903.

Матеріалы для исторіи Рязанскаго губ. земства. Часть I. Изд. Рязанской ученой архивной комиссіи. Рязань. 1903. Ч. II. 1904. Ч. II. Вып. II. 1904.

Историческій очеркъ дѣятельности Херсонскаго губ. земства за 1865—99 гг. Вып. I. Изд Херсонской губ. земской управы. Херсонъ. 1904.

Пермская губ. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Вып. 4. Пермь. 1904.

Комитетъ для помощи поморамъ Русскаго Сѣвера.—Систематическія изслѣдованія Мурмана. Т. I, вып. II. Колонизація —Т. IV. Тресковый промыселъ. Спб. 1904.

Статистическое бюро Совѣта съѣзда горнопромышленниковъ Юга Россіи:

№ 178. Марганцовая промышленность Южной Россіи въ 1902 г.—№ 179. Желѣзнодорожная промышленность Южной Россіи въ 1902 г.—№ 181. Каменноугольная промышленность Россіи въ 1902 г. Вып. I. Каменноугольная промышленность Южной Россіи.—№ 182—83. Желѣзная промышленность Россіи въ 1902 г. Вып. 1 и 2-ой № 184. Каменноугольная промышленность Россіи въ 1902 г. Вып. II.—Подъ редакціей Н. Ф. фонъ-Дитмара. Харьковъ. 1903.

Отчетъ о дѣятельности Харьковской комиссіи народныхъ чтеній за 1903 г. Харьковъ. 1904.

Отчетъ Ярославской городской Пушкинской библіотеки за 1903 г. Ярославль. 1904.

Гибнущія силы.

Наша общественная и, главнымъ образомъ, земская статистика выполнила уже огромную работу по освѣщенію самыхъ сложныхъ вопросовъ экономическаго и санитарнаго характера. Неизмѣримо менѣе сдѣлано ею до сихъ поръ для изученія вопросовъ, касающихся духовной жизни массы населенія. Отчасти это объясняется сравнительной трудностью самой задачи, но только отчасти. Лишь со второй половины девяностыхъ годовъ одновременно замѣчается, съ одной стороны, значительный ростъ числа разнаго рода статистическихъ изданій, посвященныхъ вопросамъ народнаго образованія, съ другой—расширеніе круга явленій, подвергаемыхъ изученію и освѣщенію. И чѣмъ больше развивается это движеніе, тѣмъ очевиднѣе становится все его общественное значеніе. Уже теперь можно назвать рядъ работъ, вскрывающихъ такіе уголки духовной жизни народа, которые требуютъ самаго усиленнаго вниманія общественныхъ дѣятелей. Передъ нами одна изъ такихъ работъ, и чуть не каждая страница ея заставляетъ глубоко волноваться каждаго, кто только способенъ задумываться надъ общественными вопросами. Мы имѣемъ въ виду недавно только опубликованные результаты изслѣдованія о даровитыхъ питомцахъ народной школы, произведеннаго курскимъ земскимъ справочно-педагогическимъ бюро *). Изслѣдованіе это было выполнено въ формѣ опроса всѣхъ учителей земскихъ школъ губерніи, и вотъ какіе результаты оно дало.

Учителямъ были поставлены три слѣдующіе вопроса: 1) нѣтъ ли среди учениковъ или ученицъ вашей школы дѣтей, выдающихся своей талантливостью; 2) если есть, то назовите ихъ и сообщите, въ чемъ, главнымъ образомъ, проявляются ихъ выдающіяся способности, и 3) если въ вашей учительской практикѣ

---

*) См. изданіе „Текущая школьная статистика курскаго губернскаго земства“. Годъ седьмой. Курскъ. 1903 г. Глава VI. Даровитые питомцы Курской народной школы. Е. А. Звягинцева.

за прежніе годы приходилось имѣть дѣло съ выдающимися талантливыми дѣтьми, то сообщите свѣдѣнія о склонностяхъ, способностяхъ, стремленіяхъ и дальнѣйшей судьбѣ каждаго изъ нихъ; если можно, то пришлите какія-либо ихъ письменныя работы, рисунки и т. д. Не смотря на нѣкоторую неопредѣленность и условность поставленныхъ вопросовъ и на краткость даннаго учителямъ срока для отвѣта, учителя доставили бюро десятки сообщеній о настоящихъ и бывшихъ своихъ ученикахъ, обращавшихъ на себя вниманіе по даровитости. Кромѣ того, было доставлено много рисунковъ, исполненныхъ дѣтьми-самоучками, письменныя работы, характеризующія исключительныя способности дѣтей, стихотворенія, написанныя бывшими учениками народной школы, и даже незатѣйливыя модели машинъ механиковъ-самоучекъ. Вотъ наиболѣе характерныя изъ этихъ учительскихъ сообщеній. Обратимся сначала къ поэтамъ.

Учителями были доставлены образчики поэтическаго творчества нѣсколькихъ подростковъ и юношей, а отъ двухъ цѣлыя тетрадки стихотвореній. Авторъ изслѣдованія характеризуетъ ихъ слѣдующими словами: „далеко не вездѣ въ этихъ стихотвореніяхъ видно знакомство авторовъ съ пріемами и правилами стихосложенія; не вездѣ соблюдены элементарныя грамматическія правила; еще менѣе замѣтны слѣды начитанности или чьего-либо руководства. И тѣмъ пріятнѣе поражаешься изяществомъ, силой или оригинальностью нѣкоторыхъ стиховъ". Чтобы дать о нихъ понятіе, ограничимся хотя бы двумя слѣдующими:

Одинокая жизнь.

Скучно-грустно жить съ тоскою
Мнѣ на свѣтѣ одному:
Съ кѣмъ что сдумаю-сгадаю,
Слово ласково скажу?
    Скажу вѣтру,—не привѣтитъ,
    Не согрѣетъ мнѣ души;
    Скажу звѣздамъ,—не услышатъ
    Ночью темною въ тиши.
Солнце свѣтитъ, грѣетъ жарко
Только днемъ, а ночью нѣтъ,
Съ горькимъ сномъ не прилетаетъ
Благодатный его свѣтъ.
    Не замѣнитъ радость горе.
    Въ Божьемъ мірѣ нѣтъ любви.
    Стану жить одинъ, докол̀ѣ
    Не придетъ мой даръ судьбы.
Стану жить одинъ съ тоскою,
Ночи темныя не спать,
Стану въ гости рокъ съ судьбою
Съ часу на часъ ожидать.

Стихи принадлежатъ одному подростку, написавшему также горячее прочувствованное стихотвореніе, посвященное геройской борьбѣ буровъ за правду.

А вотъ одно изъ стихотвореній г. И. Е. Ларченко, крестьянина Новооскольскаго уѣзда, 31 года.

Памяти друга.

Покрыта могила травою высокой;
Спитъ сномъ непробуднымъ въ могилѣ глубокой
Мой другъ одиноко!..
Въ печальномъ раздумьи стою надъ тобой,
Мой другъ незабвенный, мой другъ дорогой,
Я здѣсь, недалеко...
Давно ли, бывало, мы вмѣстѣ съ тобой
Дѣлили и радость, и горе порой!
И вотъ я одинъ...
Стою утомленный житейской борьбою,
Надъ свѣжей могилой, покрытой травою.
Ты жъ спишь недвижимъ.
Не хочешь сказать мнѣ ни слова въ отраду,
Не хочешь мнѣ бросить любовнаго взгляда.
На вѣкъ позабылъ.
Забылъ, видно, какъ мы съ тобою дружили,
Забылъ, какъ, бывало, мечты мы дѣлили,
Что другомъ мнѣ былъ!
Я-жъ, памяти вѣренъ, тебя посѣщаю;
И часто надъ хладной могилой рыдаю
О счастьи быломъ.
И крестъ намогильный, таинственно черный,
Мнѣ внемлетъ въ молчаньи, какъ сторожъ безмолвный
На холмѣ крутомъ...

Г. Ларченко написалъ рядъ хорошихъ стихотвореній и разсказовъ на русскомъ и малорусскомъ языкахъ. Перу другого автора, 12-ти лѣтняго г. Постникова, принадлежитъ около 270 стихотвореній, о которыхъ онъ пишетъ слѣдующее: „стихотворенія мои преимущественно все лирическія, попадаются элегіи. посланія, пѣсни; эпиграммъ еще не писалъ; есть нѣсколько сказокъ, но онѣ подлежатъ большому исправленію и передѣлкѣ съ начала до конца; теперь онѣ лежатъ подъ спудомъ до времени; надѣюсь, что когда-нибудь исправятся“. Вспоминая о его пребываніи въ школѣ, бывшій учитель г. Постникова пишетъ: „въ школѣ Постниковъ отличался живымъ, наблюдательнымъ умомъ, пылкимъ воображеніемъ и горячимъ, любящимъ сердцемъ. Стихи сталъ писать лѣтъ съ 10, учась въ третьей группѣ, а въ четвертой, познакомясь съ правилами стихосложеніями, уже описывалъ картины и явленіе природы стихами свободнѣе, чѣмъ прозой. Какъ теперь помню этого малыша въ классѣ во время грозы: онъ весь впился въ грозную картину, забылъ все окружающее, и тутъ же ярко описалъ видѣнную грозу“. А вотъ сообщеніе одной изъ уѣздныхъ воскресныхъ школъ объ авторѣ многочисленныхъ лирическихъ стихотвореній и одной драмы: онъ усердный посѣтитель читальни. „каждую выдачу можно видѣть этого блѣднаго, худого юношу со скорбнымъ выраженіемъ темныхъ

глазъ, какъ онъ пробирается къ столу въ читальнѣ, за которымъ и проводитъ не менѣе двухъ часовъ. Книгъ читаетъ много. Романовъ не любитъ, увлекается Островскимъ". Авторъ изслѣдованія замѣчаетъ, что въ народной средѣ Курской губерніи найдется еще не мало лицъ съ поэтическимъ даромъ, о которыхъ по разнымъ причинамъ свѣдѣній вовсе нельзя было получить: иные изъ нихъ не дѣлились своими попытками творчества съ учителями; иные учителя сами не интересовались подобными проявленіями дѣтской натуры; далѣе, значительный процентъ народныхъ учителей и особенно учительницъ сравнительно недолго учительствуетъ, такъ что имѣетъ слишкомъ небольшой опытъ; наконецъ, нѣкоторые учителя стѣснялись дѣлать сообщенія о талантливыхъ дѣтяхъ, не имѣя подъ рукой ихъ произведеній.

Нѣтъ недостатка въ выдающихся питомцахъ земской школы съ наклонностью къ живописи и рисованію. Учителя сообщили о восемнадцати мальчикахъ, выдѣляющихся своею любовью и умѣніемъ рисовать, и о двухъ мальчикахъ-скульпторахъ: „предъ ними нѣтъ образцовъ живописи", говорится по этому поводу въ изслѣдованіи, „ихъ никто не обучалъ пріемамъ рисованія, у нихъ нѣтъ ни красокъ, ни даже хорошаго карандаша; у нихъ часто не хватаетъ клочка бумаги, на чемъ рисовать. И всетаки природная страсть ищетъ исхода, сказывается въ маніи рисовать рѣшительно чѣмъ угодно, гдѣ угодно, лишь бы рисовать". Учителями доставленъ цѣлый рядъ попытокъ въ этомъ направленіи, „попытокъ самыхъ примитивныхъ и неудачныхъ, но обнаруживающихъ упорство труда и художественное дарованіе въ той или иной степени".

Сообщеній о выдающихся дарованіяхъ музыкальныхъ гораздо меньше; ихъ получено всего три. Немного указаній также на проявленіе артистическихъ и декламаторскихъ дарованій, но нельзя забывать, что современная народная школа имѣетъ очень мало возможности обнаруживать ихъ въ своихъ питомцахъ. Тѣмъ не менѣе, вотъ, напримѣръ, что читаемъ въ сообщеніи учителя о 12-лѣтнемъ ученикѣ Портненко по поводу прочтенія имъ на елкѣ Некрасовскаго „Дядюшки Якова": Портненко „своей декламаціей привелъ въ изумленіе и товарищей, и учителя, и постороннихъ лицъ—старшихъ, бывшихъ на школьномъ праздникѣ. Мальчикъ имѣетъ весьма выразительное лицо, и игра мускуловъ лица у него до такой степени поразительно развита, что публика видѣла передъ собою то удивленнаго автора передъ телѣжкой Якова, то самого строгого дядюшку Якова, клятвой увѣряющаго, что уступить ничего не можетъ, то деревенскихъ бабъ, клянчащихъ, ласкающихся, чтобы склонить неуступчиваго Якова на скидку цѣны, то вдругъ представлялся уличный торговецъ, который бойко зазываетъ къ себѣ покупателей, перечисляетъ и расхваливаетъ свой товаръ. Такой выразительности способствовалъ и довольно сильный, но

мягкій голосъ. Необыкновенно трудолюбивый, этотъ мальчикъ мало играетъ съ товарищами, дома много помогаетъ родителямъ въ домашнихъ работахъ и оттого отчасти менѣе, чѣмъ другіе, занимается чтеніемъ книгъ, хотя любовь къ книгѣ у него не меньше, чѣмъ у другихъ".

Несравненно многочисленнѣе учительскія сообщенія, показывающія, что въ деревнѣ нерѣдки проявленія выдающихся способностей и страсти къ строительству. Курскіе учителя имѣли случай наблюдать у крестьянскихъ дѣтей также и совершенно спеціальныя склонности, которыя, казалось бы, вовсе не могли обнаружиться въ дѣтскомъ возрастѣ. Такъ, одна учительница сообщаетъ о дѣвочкѣ, которая, будучи вообще очень способнымъ ребенкомъ, выдѣлялась необыкновеннымъ стремленіемъ къ учительской дѣятельности: будучи 11—12 лѣтъ, она уже прекрасно вела занятіе съ учениками, при чемъ даже объясняла имъ что-либо новое; ея объясненія вполнѣ понимались учащимися, и она была ими „страшно любима".

Чрезвычайно цѣнны и особенно многочисленны сообщенія о выдающихся общихъ умственныхъ способностяхъ крестьянскихъ дѣтей. Для изслѣдованія доставлено „болѣе 80 учительскихъ указаній на высокія дарованія дѣтей—учащихся или бывшихъ учениковъ. Указанія эти, въ большей своей части, понятно, очень кратки и неопредѣленны, но многія изъ нихъ глубоко интересны и довольно хорошо знакомятъ насъ съ тѣмъ запасомъ духовныхъ силъ, какой таится въ нашей деревнѣ, вскрывается нашей школой и, однако, остается безъ употребленія или, во всякомъ случаѣ, безъ надлежащаго употребленія". Изъ ряда подобныхъ сообщеній приведемъ хотя бы слѣдующее объ одномъ мальчикѣ Старооскольскаго уѣзда: „его любовь къ чтенію книгъ и пытливость ума были таковы, что, казалось, онъ рожденъ для книгъ и послѣднія впереди должны сдѣлаться его единственными друзьями. Держался онъ въ школѣ не особенно обычно. Въ то время, какъ другіе на перемѣнѣ бѣгали на школьномъ дворѣ, улицѣ, играли, ссорились и дрались, онъ рѣдко принималъ участіе въ играхъ, сидѣлъ или находился въ классѣ, проводя время или въ чтеніи, или въ разговорѣ. Поведеніе его было поведеніемъ основательнаго взрослаго человѣка. Онъ никогда не дрался, въ обхожденіи съ товарищами былъ привѣтливъ. Отецъ его также незаурядный человѣкъ въ деревнѣ... По бѣдности своей отецъ не могъ пустить мальчика дальше учиться".

Все приведенное вполнѣ оправдываетъ общій выводъ, сдѣланный изъ матеріаловъ изслѣдованія, что наша „народная школа работаетъ надъ богатымъ матеріаломъ, что, не смотря на всѣ неблагопріятныя внѣшнія условія, народъ нашъ не перестанетъ быть высоко-даровитымъ". Что же дѣлаетъ жизнь съ такими выдѣленными школой изъ общей массы ея питомцевъ

сильно одаренными въ томъ или иномъ отношеніи натурами? На этотъ вопросъ изслѣдованіе дало какъ нельзя болѣе краснорѣчивый отвѣтъ.

Рядъ учительскихъ сообщеній заканчиваются горькими сѣтованіями на жестокую долю крестьянскихъ талантливыхъ дѣтей. „Въ теченіе двадцатипятилѣтней практики", пишетъ, напримѣръ, одинъ учитель, „я встрѣчался съ выдающимися талантами, и большинство изъ нихъ, благодаря бѣдности, заглохли въ деревнѣ". „Много талантовъ гибнетъ въ народѣ", восклицаетъ другой учитель. „Даровитыя дѣти продолжаютъ оставаться въ своей обстановкѣ, совершенно не могущей ни содѣйствовать развитію способностей, ни открыть дорогу, соотвѣтствующую стремленіямъ ребенка или подростка"; по выраженію Б. Пруса, они, „подобно дикимъ грушамъ и вишнямъ, подобно полевымъ цвѣтамъ, остаются безъ развитія и гибнутъ безъ проявленія, безъ пользы для жизни, для родной страны". Вотъ два конкретныхъ примѣра судьбы подобныхъ дѣтей. „Мальчикъ Б. учился со мною въ сельской школѣ", пишетъ одинъ учитель, „я его помню и знаю лишь потому, что онъ свои тетради изрѣзывалъ на фигурки, дѣлая изъ нихъ коней, птицъ, звѣрей, людей и проч. Вырѣзки его были настолько интересны, особенно, когда онъ украшалъ ихъ своей богатой фантазіей, что мы съ охотой раскупали эти изображенія за булки и сало. Многіе сами было принимались вырѣзывать, но эти фигурки никакого интереса не представляли. Изъ школы онъ выбылъ, не окончивъ курса, по случаю грубаго обращенія учителя, но не оставилъ своихъ занятій: онъ перешелъ къ рисованію, а потомъ написалъ тетрадку стиховъ. Стихи эти состояли изъ двустишій къ фамиліи или уличному прозвищу ихъ односельчанъ. Такимъ двустишіемъ онъ настолько мѣтко охарактеризовалъ всѣхъ, что стихи его переписывались, выучивались на память и стали всѣмъ извѣстны. Теперь ему лѣтъ 35; онъ обыкновенный крестьянинъ и извѣстенъ лишь тѣмъ, что умѣетъ потѣшать уличную толпу своимъ неистощимымъ враньемъ и балагурствомъ".

„Одинъ изъ моихъ уже давно окончившихъ курсъ учениковъ, И. Бондарь", сообщаетъ другой учитель, „всегда удивлялъ меня своими необыкновенными способностями къ рисованію и скульптурѣ. Еще будучи ученикомъ, онъ вырѣзывалъ изъ бумаги, рисовалъ, довольно удачно лѣпилъ изъ глины съ натуры птицъ и животныхъ. Нѣсколько попытокъ съ моей стороны, еще при окончаніи имъ школы, открыть дорогу несомнѣнному таланту оказались безрезультатны. Мнѣ кажется, что Бондарь успѣлъ бы проявить свои способности не только въ художественной школѣ, но даже у художника средней руки. Но онъ совсѣмъ ихъ не могъ проявить, такъ какъ служилъ работникомъ, гдѣ не только рисовать, но и думать о рисованіи невозможно".

Тѣ условія для дальнѣйшаго развитія и для удовлетворенія пробуждавшейся умственной пытливости, которыя встрѣчаютъ человѣка въ современной деревнѣ, довольно хорошо характеризуются слѣдующимъ небольшимъ отрывкомъ изъ одного стихотворенія уже упоминавшагося нами выше г. Постникова:

. . . Дома я,
Живу въ кругу своей семьи;
Въ убогой лавочкѣ торгую;
Пишу по прежнему стихи;
Но часто, часто я горюю.
Наукамъ высшимъ не ученъ,
И книгъ для чтенья не имѣю,
Къ которымъ все мое стремленье,
Къ которымъ я горю огнемъ;
И недостатокъ словъ имѣю,
Съ которыми дабы слегка
Разнообразностью пестрѣли
Строки убогаго стиха...

Правда, есть въ деревнѣ школьныя и народныя библіотеки, но онѣ давно уже не удовлетворяютъ даже общей массы читающей деревенской публики и тѣмъ менѣе могутъ удовлетворить выдающихся людей деревни. Вотъ что читаемъ, между прочимъ, въ сообщеніи учителя о другомъ, также уже упоминавшемся нами выше, поэтѣ, г. Ларченкѣ: „Ларченко въ свои рѣдкіе часы досуга любитъ и теперь читать книги, преимущественно нашихъ классиковъ; ихъ произведенія ему удается добывать у своихъ знакомыхъ; *изъ школьной же библіотеки книгъ онъ не беретъ*, ибо эти книги, въ большинствѣ своемъ, по содержанію не удовлетворяютъ его.“

Рѣдко, крайне рѣдко талантливымъ дѣтямъ народа удается при современныхъ условіяхъ пробиться къ свѣту, на сравнительный просторъ: „необходимо случайное благопріятное стеченіе обстоятельствъ или нужно быть совершенно крупной натурой, чтобы выбраться на настоящую дорогу, отвѣчающую призванію и силамъ“. Такъ, для изслѣдованія сообщено всего о четырехъ случаяхъ, когда дѣти, обнаружившія склонность къ рисованію, были опредѣлены въ спеціальныя школы; замѣчательно, что и изъ этихъ четырехъ случаевъ три имѣли мѣсто по отношенію къ дѣтямъ городскимъ, и только одинъ крестьянскій мальчикъ былъ помѣщенъ на средства уѣзднаго земства въ пензенскую школу рисованія. Читатели, надѣемся, не посѣтуютъ на насъ, если мы сдѣлаемъ здѣсь довольно подробныя выписки изъ матеріаловъ изслѣдованія, характеризующія тѣ условія, при которыхъ немногимъ единичнымъ личностямъ удается теперь добиваться возможности удовлетворить своимъ стремленіямъ къ развитію.

Молодая пятнадцатилѣтняя крестьянская дѣвушка, попавшая въ суджанскую гимназію, написала нѣчто въ родѣ своей авто-

біографіи. Она разсказываетъ здѣсь о своемъ горѣ, когда она ребенкомъ 11 лѣтъ узнала, что родители рѣшили взять ее изъ сельской школы ранѣе окончанія курса; это рѣшеніе сложилось у нихъ и въ виду ихъ бѣдности, и подъ вліяніемъ того, что она, по ихъ мнѣнію, черезчуръ ужъ увлекалась чтеніемъ книгъ; они боялись, какъ бы ихъ дочка, „какъ великограмотная“, не сошла съ ума. „Когда мать, передъ третьимъ учебнымъ годомъ, вдругъ объявила мнѣ, что я не буду больше учиться“, пишетъ она, „это для меня было такъ неожиданно, такъ внезапно, что я нѣсколько минутъ стояла, какъ пришибленная. Мои горькія слезы, просьбы не поколебали воли родительской; мать то и дѣло твердила, что я большая и надо учиться работать. Видя тщетность моихъ просьбъ, я сдѣлалась грубой и непочтительной. На ласки родителей я отвѣчала упреками, на брань ихъ—дикими угрозами. Объ этомъ узнала наша молодая учительница; та пожалѣла меня, пришла, упросила родителей, нарисовала мою блестящую будущность, и они, къ моему восторгу, хотя и неохотно, но всетаки согласились отпустить меня въ школу еще на одинъ годъ. Если бы съ неба сошелъ ангелъ, то онъ не казался бы мнѣ прекраснѣе учительницы въ эту минуту; мое дѣтское сердце съ довѣрчивостью потянулось къ ней и съ безконечною привязанностью искало въ ней поддержки и опоры. Я благополучно окончила сельскую школу и, благодаря стараніямъ моего неизмѣннаго друга (учительницы), поступила въ гимназію“.

А вотъ подобная же автобіографія двадцатилѣтняго юноши Н. того же Суджанскаго уѣзда. „Окончивши начальную школу, мнѣ страшно хотѣлось поступить въ уѣздное училище, но, сколько я ни просилъ, родители не отдали меня туда, и, руководясь личными взглядами на жизнь, они отдали меня въ сапожники, самое противное мнѣ ремесло. Мнѣ, напримѣръ, если не учиться, то хотѣлось въ слесаря, а не въ сапожники. Я заявилъ родителямъ, что сапожника изъ меня не выйдетъ. Такъ и вышло: проучившись зиму, я рѣшительно ничего не понялъ. Весной отдали меня учиться совсѣмъ другому—въ печники къ мѣстному подрядчику. Съ этимъ я кое-какъ примирился: всетаки лучше, чѣмъ сапожникъ. А на зиму меня снова отдали въ сапожники. И такъ я боролся между жизнью и смертью три года (потому что сапожное ремесло для меня хуже смерти), пока не умеръ мой хозяинъ“. Далѣе Н. разсказываетъ, что онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ѣздилъ лѣтомъ на заработки на югъ Россіи и на Кавказъ, а зимой учился въ воскресной школѣ въ Суджѣ. Горячее желаніе продолжать свое образованіе не покидало его, но только въ прошломъ году, живя въ Кіевѣ, продолжаетъ онъ, „нечаянно я узналъ, что въ Суджѣ открылось новое училище. На мой запросъ мои знакомые подробно описали новооткрытую торговую школу. Оказывается, что для поступленія туда нужно имѣть по-

рядочныя средства, которыхъ у меня, къ сожалѣнію, не было. Всетаки, я пріѣхалъ въ Суджу узнать подробно, въ чемъ состоитъ препятствіе. И вотъ, въ теченіе зимы невозможное сдѣлалось возможнымъ... нашлись хорошіе люди, которые помогли мнѣ быть принятымъ въ торговую школу, не смотря даже на то, что возрастъ для поступленія опредѣленъ не старше 15 лѣтъ, а мнѣ уже 20 лѣтъ. Только одно меня безпокоитъ: родные не хотятъ, чтобы я учился, и всѣми силами стараются помѣшать мнѣ". Рѣшившись „стараться всѣми зависящими средствами, чтобы окончить начатое ученіе", юноша кончаетъ: „наконецъ-то, исполнилось мое желаніе, моя завѣтная мечта, которая въ продолженіи восьми лѣтъ не покидала меня, а напротивъ того, съ каждымъ годомъ все настойчивѣе и настойчивѣе разжигала во мнѣ желаніе учиться; я съ гордостью могу назвать себя теперь ученикомъ торговой школы".

Въ третьемъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Обоянскомъ уѣздѣ, одинъ ученикъ съ выдающимися способностями былъ помѣщенъ мѣстной учительницей на ея средства (получаетъ всего около 250 р.) въ духовное училище, а по окончаніи послѣдняго—въ духовную семинарію; это стоитъ учительницѣ „огромныхъ, почти подвижническихъ лишеній"; въ настоящее время онъ вышелъ изъ пятаго класса семинаріи и готовится на средства той же учительницы къ экзамену на аттестатъ зрѣлости для поступленія въ университетъ.

„Разсуждая теоретически", замѣчаетъ авторъ изслѣдованія, „намъ, послѣ Ломоносова, Кольцова, Шевченко, Никитина и другихъ поэтовъ изъ народа, собственно и не слѣдовало бы удивляться, что въ народной средѣ таится цѣлый родникъ поэзіи, ума и творчества". Удивляться этому, конечно, нечего, но давно уже настала пора ужаснуться, въ какомъ пренебреженіи находится до сихъ поръ этотъ родникъ, какъ жестоко и близоруко коверкается и заглушается его теченіе. До сихъ поръ еще у насъ не достигнуто даже самаго элементарнаго условія здороваго общежитія, обезпечивающаго каждому простую возможность попробовать и проявить свои умственныя способности—общедоступности образованія. Для этого у насъ все еще „нѣтъ средствъ". Тамъ же, гдѣ населеніе уже имѣетъ возможность давать своимъ дѣтямъ элементарное образованіе, это образованіе, собственно говоря, ограничивается почти одной грамотой и не способно въ сколько-нибудь значительной степени удовлетворить пробужденную въ ребенкѣ умственную пытливость. Очень долго, цѣлыя десятилѣтія, учебная администрація систематически стремилась къ тому, чтобы народная школа не выходила изъ рамокъ простой грамотности даже и тамъ, гдѣ и требованія жизни, и матеріальныя условія позволяли значительно раздвинуть эти рамки. От-

части подъ мертвящимъ давленіемъ этой внѣшней тенденціи, отчасти въ виду огромности все еще не осуществленной задачи общедоступности хотя бы элементарной школы, наши общественныя учрежденія не сдѣлали еще почти ничего для созданія высшей народной школы, въ которой могли бы получать дальнѣйшее общее образованіе окончившіе элементарную школу. Только въ самые послѣдніе годы вопросъ о созданіи такой высшей школы сдѣлался очереднымъ, и надъ практическимъ его разрѣшеніемъ работаютъ уже нѣсколько земствъ. Трудно пока сказать, когда эта работа приведетъ къ сколько-нибудь осязательнымъ для массы населенія результатамъ, на пути ея все еще стоитъ множество внѣшнихъ препятствій.

Какъ бы то ни было, въ настоящее время питомцы современной народной школы не имѣютъ передъ собой никакого учебнаго заведенія, въ которомъ они могли бы получать дальнѣйшее общее образованіе. Единичные случаи, когда тому или другому изъ нихъ удается пробиться въ среднее учебное заведеніе, разумѣется, не въ состояніи измѣнить общей картины. Правда, не въ одной только школѣ возможно получить образованіе — для этого существуютъ еще разнообразные способы внѣшкольнаго образованія: книги, курсы, лекціи. Дѣйствительно, начиная со второй половины девяностыхъ годовъ, земства и отчасти города успѣли создать цѣлую систему внѣшкольныхъ образовательныхъ учрежденій для народныхъ массъ. Съ каждымъ годомъ быстро ростетъ счетъ безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ. Въ цѣломъ рядѣ мѣстностей болѣе или менѣе широко поставлены народныя чтенія. Появились уже, единичныя пока, попытки общественной организаціи систематическихъ курсовъ и лекцій при посредствѣ спеціально приглашенныхъ для этого лицъ. Въ нѣсколькихъ земствахъ поставленъ также на очередь вопросъ объ обезпеченіи дальнѣйшаго образованія даровитѣйшихъ учениковъ народныхъ школъ посредствомъ соотвѣтствующей организаціи системы выдачи земскихъ стипендій учащимся, отчасти носившей до сихъ поръ совершенно случайный характеръ, отчасти служившей какъ бы формой дополнительнаго вознагражденія земскихъ служащихъ. Но все это движеніе, таящее въ себѣ въ высшей степени здоровые зародыши будущаго широкаго развитія, происходитъ теперь въ крайне неблагопріятной внѣшней обстановкѣ: на каждомъ шагу наталкивается оно на рядъ препятствій, подчасъ почти неодолимыхъ. Замѣчательнѣе всего то, что коренныя основанія этихъ препятствій являются продуктомъ новѣйшаго времени и не существовали въ 60-хъ и 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Въ то время, напримѣръ, терминъ „народная библіотека", въ смыслѣ библіотеки съ спеціальнымъ, ограниченнымъ каталогомъ, былъ неизвѣстенъ,—какъ онъ и до сихъ поръ неизвѣстенъ дѣйствующему основному закону о цензурѣ и печати. Этотъ тер-

минъ появился лишь вмѣстѣ съ пресловутыми правилами 1890 г., не имѣющими никакого юридическаго основанія въ законѣ, но, тѣмъ не менѣе, цѣлый рядъ лѣтъ продолжающими регулировать обширную область общественнаго хозяйства. Характерной чертой какъ этихъ правилъ, такъ и вообще всѣхъ другихъ административныхъ распоряженій, нормирующихъ способы удовлетворенія умственныхъ запросовъ всего трудящагося населенія, является признаніе умственной неправоспособности этого населенія. Оно все еще считается незрѣлымъ для того, чтобы невозбранно и по собственному усмотрѣнію пользоваться тѣми литературными и научными источниками, которыми можетъ, съ точки зрѣнія цензуры, пользоваться такъ называемое образованное общество или, лучше сказать, состоятельная часть этого общества. Судьей того, что можно „обществу“, но нельзя „простому народу“, является ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія— органъ, достаточно извѣстный по той атмосферѣ, которая виситъ надъ всѣмъ нашимъ школьнымъ дѣломъ. „Общество“ избавлено отъ этой атмосферы, по крайней мѣрѣ, за порогомъ школы, „народъ“ признается нужнымъ держать въ ней всю жизнь.

До паденія крѣпостного права такой порядокъ былъ бы, конечно, какъ нельзя болѣе послѣдовательнымъ. Но теперь онъ давно уже является вопіющимъ анахронизмомъ. Давно пора уже открыть общественнымъ учрежденіямъ возможность развивать свою просвѣтительную дѣятельность безъ какихъ бы то ни было подраздѣленій на „общество“ и „народъ“, давно пора признать, какой неисчислимый для государства вредъ проистекаетъ отъ того, что лучшія умственныя силы народа гибнутъ, не имѣя почти никакой возможности свободнаго, широкаго развитія. Курское изслѣдованіе приподняло передъ нами только маленькій уголокъ этой мрачной картины, но такая же растрата народныхъ силъ, такія же душевныя драмы рвущихся къ свѣту и въ безсиліи склоняющихся передъ жизнью молодыхъ душъ происходятъ по всему обширному лицу нашей родины. Сдача этого порядка въ историческій архивъ диктуется самыми настоятельными государственными и общественными интересами. Что эта сдача теперь уже дѣло близкаго будущаго, лучшей порукой въ томъ служитъ несомнѣнный ростъ самосознанія, происходящій въ средѣ самого деревенскаго населенія.

Правда, по внѣшности здѣсь все еще кажется по старому, картинно выраженному въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ стихотворенія уже цитированнаго нами, г. Постникова:

Моя же родина въ глуши,
Полна безмолвья и тиши;
Лишь праздникомъ, на общей сходкѣ,
Напившись въ волю хмѣльной водки,
Шумитъ народъ ея, какъ рой
Голодныхъ пчелъ въ саду весной...

Заусайловъ И. А. Помощь пострадавшимъ отъ несчастныхъ случаевъ и травматическія поврежденія на Екатерининской желѣзной дорогѣ за 20-ть лѣтъ ея существованія (1884—1904 гг.). Диссертація на степень доктора медицины. Екатеринославъ, 1903.

Диссертація д-ра Заусайлова представляетъ собой подробный обзоръ исторіи, статистики и организаціи медицинскаго дѣла на Екатерининской желѣзной дорогѣ. Значительное мѣсто удѣлено также и спеціальнымъ вопросамъ желѣзнодорожной медицины вообще: устройству санитарныхъ вагоновъ, пріемныхъ покоевъ, лѣченію ранъ и проч. Въ общемъ заглавіе диссертаціи не вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію: послѣднее шире.

Общій интересъ въ этой диссертаціи имѣетъ богатая статистика несчастныхъ случаевъ на желѣзныхъ дорогахъ вообще и на Екатерининской дорогѣ въ частности. Эти несчастные желѣзнодорожные случаи заслуживаютъ самаго серьезнаго изученія. Если и можно согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что случаи эти представляютъ собой нѣчто неизбѣжное, какъ это часто повторяетъ д-ръ Заусайловъ, то интересы общественнаго здравоохраненія во всякомъ случаѣ требуютъ, чтобы количество этихъ случаевъ было сведено до minimum'а. По даннымъ за 18 лѣтъ (1884—1901), на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ пострадало всего 43,303 человѣка, изъ нихъ ранено 29,232 и убито 14,071 (32,49%).

Пассажировъ	убито	955,	ранено	4,203,	всего	5,168
Служащихъ	„	4,919	„	15,824	„	20,629
Постороннихъ	„	8,194	„	9,234	„	17,428

Процентъ убитыхъ пассажировъ — 18,47, служащихъ — 23,96 и постороннихъ—47,01. Съ увеличеніемъ протяженія дорогъ увеличивается и количество пострадавшихъ, но не пропорціонально: увеличеніе числа пострадавшихъ идетъ гораздо быстрѣй. Число несчастныхъ случаевъ прямо пропорціонально такъ называемой „густотѣ движенія“, измѣряемой числомъ поѣздо-верстъ. Такъ на Екатерининской желѣзной дорогѣ число пострадавшихъ въ послѣдніе годы эксплуатаціи дороги увеличилось въ 40 разъ, т. е. ровно во столько, во сколько увеличилась за эти годы густота движенія. По сравненію съ заграничными желѣзными дорогами русскія желѣзныя дороги стоятъ всетаки не на первомъ мѣстѣ по числу несчастныхъ случаевъ. Въ Германіи и во Франціи на 1 милліонъ поѣздо-верстъ за послѣдніе годы приходилось всѣхъ пострадавшихъ отъ 5 до 7 человѣкъ, въ Австро-Венгріи отъ 10 до 13, въ Россіи отъ 10 до 15, а въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки отъ 37 до 45 человѣкъ. Число пострадавшихъ *пассажировъ* на западно-европейскихъ и на нашихъ дорогахъ приблизительно одинаково отъ 0,7 до 1,5 человѣкъ на 1 милліонъ поѣздоверстъ, а увеличеніе общаго числа несчастныхъ случаевъ на

нашихъ дорогахъ обусловливается главнымъ образомъ значительностью числа пострадавшихъ изъ среды *постороннихъ* лицъ.

Всѣ эти разсчеты, однако, далеко не точны. Настоящее число несчастныхъ случаевъ на руских (а, можетъ быть, также и на иностранныхъ) желѣзныхъ дорогахъ—величина, далеко не вполнѣ опредѣленная. Собирая свѣдѣнія о несчастныхъ случаяхъ на Екатерининской желѣзной дорогѣ, д-ръ Заусайловъ нашелъ, что въ „Статистическомъ сборникѣ министерства путей сообщенія" число несчастныхъ случаевъ показано меньше, чѣмъ въ сдѣланной имъ выборкѣ изъ актовъ о происшествіяхъ. Акты же эти онъ могъ добыть не всѣ, да и акты-то составляются лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда поврежденіе отличается значительной тяжестью и можетъ впослѣдствіи имѣть вліяніе на трудоспособность пострадавшаго.

Такимъ образомъ, весьма значительная часть несчастныхъ случаевъ на желѣзныхъ дорогахъ вовсе не подвергается регистраціи. Можно ли послѣ этого надѣяться на вѣрность вышеприведенныхъ статистическихъ выводовъ и слѣдуетъ ли изъ нихъ, что у насъ дѣйствительно по части желѣзно-дорожныхъ несчастій дѣло обстоитъ не хуже, чѣмъ за границей?

Авторъ диссертаціи совсѣмъ почти не касается вопросовъ, выясняющихъ причины желѣзно-дорожныхъ несчастныхъ случаевъ. Межъ тѣмъ, если бы можно было выяснить эти причины хоть отчасти, то тѣмъ самымъ создавалась бы возможность предупреждать въ извѣстной мѣрѣ и самое возникновеніе этихъ несчастій. Можетъ быть, у д-ра Заусайлова было на этотъ счетъ мало данныхъ, но во всякомъ случаѣ нельзя не пожалѣть, что, изучивъ несчастные случаи съ разнообразныхъ точекъ зрѣнія, онъ не обратилъ надлежащаго вниманія на ихъ этіологію (ученіе о происхожденіи).

Народная литература. Сборникъ отзывовъ библіотечной коммиссіи Кіевскаго общества грамотности о книгахъ для народнаго чтенія. Выпускъ второй. Кіевъ. 1904.

Въ декабрьской книжкѣ „Р. Б." за прошлый годъ мы давали отзывъ о первомъ выпускѣ этого сборника. Отзывъ этотъ, какъ видно изъ предисловія къ настоящему выпуску, не остался безызвѣстнымъ гг. составителямъ. Они признаютъ, что „всѣ указанія критики на недостатки перваго выпуска представляются настолько серьезными, что ихъ нельзя оставить безъ разъясненій". Не смотря на такое заявленіе, мы не нашли всетаки разъясненія всѣхъ тѣхъ недоумѣній, которая вызывалъ первый выпускъ сборника. Остается неизвѣстнымъ, почему библіотечная коммиссія кіевскаго общества грамотности совершенно игнорируетъ разборъ книгъ духовно-нравственнаго содержанія, почему на ряду съ изданіями преимущественно послѣднихъ лѣтъ встрѣчаются вдругъ

отзывы о книгахъ, напечатанныхъ болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ (книга П. Петрова „Петръ Великій, послѣдній царь московскій и первый императоръ русскій.“ Изд. Гоппе 1872 г.); почему изъ „біографической библіотеки“ Павленкова въ сборникѣ упоминаются только жизнеописанія Григорія VII, Сервантеса, Диккенса и Савонароллы (въ первомъ выпускѣ была только одна біографія гр. Канкрина). Относительно замѣченнаго нами ранѣе отсутствія отзывовъ о произведеніяхъ нашихъ классиковъ въ предисловіи объясняется, что коммиссія „исходила изъ того соображенія, что указывать достоинства и недостатки произведеній этихъ писателей едва ли есть какая-нибудь надобность: они извѣстны тѣмъ, для кого предназначено изданіе общества грамотности. Говорить о пригодности произведеній знаменитыхъ русскихъ писателей для народа коммиссія находила тоже излишнимъ: по ея мнѣнію, каждый русскій человѣкъ долженъ быть съ ними знакомъ.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ коммиссія въ отдѣльномъ приложеніи помѣщаетъ указатель нѣкоторыхъ дешевыхъ изданій русскихъ классиковъ. Указатель этотъ, однако, мало даетъ для желающаго имъ воспользоваться. Отдѣльныя произведенія и цѣна ихъ не перечислены, а изъ того, что г. Марксомъ, напр., издано 15 книжекъ отдѣльныхъ произведеній Гоголя отъ 5 до 20 коп. каждая, справляющійся въ указателѣ не узнаетъ въ сущности ничего. Было бы полезно перечислить всѣ отдѣльныя изданія, указать ихъ цѣну, качество бумаги, печати и пр. Въ числѣ классиковъ нѣтъ, между прочимъ, Л. Н. Толстого. Отмѣтки нѣкоторыхъ изданій звѣздочками, что означаетъ допущеніе ихъ въ безплатныя читальни, въ настоящее время потеряли силу, такъ какъ по разъясненію ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія „всякое новое изданіе книги, разъ допущенной ученымъ комитетомъ къ обращенію въ безплатныхъ читальняхъ, допускается въ нихъ независимо отъ того, выпущено ли оно новымъ издателемъ, или старымъ, есть ли на новомъ изданіи помѣтка о томъ, что оно перепечатывается безъ измѣненій съ изданія, допущеннаго въ читальни, или нѣтъ“ *). Въ прошломъ отзывѣ мы говорили, что полезно было бы прилагать въ сборникахъ рецензій о народныхъ книгахъ, кромѣ алфавита авторовъ, алфавитъ личныхъ именъ по отдѣлу исторіи и географіи и алфавитъ предметовъ по отдѣламъ естественныхъ наукъ, медицины, техники и пр. Въ настоящемъ выпускѣ „Народной Литературы“ приложенъ „Систематическій указатель книгъ и брошюръ по исторіи“. Указатель этотъ составленъ не вполнѣ удовлетвори-

---

*) См. „Русскія Вѣдомости“ № 75 отъ 16 марта 1904 г. корреспонденція изъ Владиміра и второй выпускъ „Для народнаго учителя“ Тулупова и Шестакова, стр. 21.

тельно: алфавитъ именъ перемѣшанъ съ алфавитомъ эпохъ и не вполнѣ удобенъ для справокъ.

Что касается самыхъ отзывовъ, то они сохраняютъ тотъ характеръ, что и въ первомъ выпускѣ: отзывы чисто теоретическіе и не преломленные, такъ сказать, черезъ призму народнаго книгопониманія. Руководствомъ для лицъ, вѣдающихъ внѣшкольное образованіе народа, они всетаки въ извѣстной степени быть могутъ. Въ этомъ выпускѣ рецензируются преимущественно книги, напечатанныя въ послѣдніе 3—4 года; есть отзывы объ изданіяхъ недавно возникшихъ фирмъ „Донская Рѣчь" и „Вятское Товарищество". Число книгъ, *не* рекомендуемыхъ для чтенія народу, сравнительно больше, чѣмъ въ первомъ выпускѣ. Такъ, напр., по отдѣлу беллетристики изъ 213 разобранныхъ книгъ не рекомендуется 34 (болѣе 12%). При всемъ томъ рекомендаціи отличаются большой снисходительностью. Въ разсказѣ Воронова „Магнитъ"—„ни причина ссоры, ни побужденія, приведшія къ примиренію, *не обрисованы настолько ясно, чтобы заинтересовать маленькаго читателя*". И разсказъ этотъ рекомендуется именно „для дѣтей"... О разсказахъ Э. Демольдера „Сердце бѣдныхъ" говорится такъ: „вслѣдствіе *полнаго отсутствія художественности*, разсказы не могутъ произвести на маленькаго читателя надлежащаго впечатлѣнія, *не могутъ вызвать у него интереса* и сочувствія къ бѣднымъ". И всетаки эти разсказы рекомендуются „для дѣтей и подростковъ"... Біографія Гладстона, принадлежащая перу Брайса, по мнѣнію рецензента, „совершенно недоступна для читателя изъ народа, даже обладающаго подготовкой". И опять таки книга рекомендуется „для взрослыхъ". Вообще въ сборникъ попало, хотя и немного, такихъ книгъ, которыя врядъ ли можно причислить къ „народной" литературѣ. Таковы „Чукотскіе разсказы" Тана, очеркъ Лясковскаго „Братья Кирѣевскіе, жизнь и труды ихъ", „Культурно-историческія картины изъ жизни Западной Европы" Тарасова и Моравскаго и нѣк. др.

Не смотря на всѣ отмѣченные недостатки, слѣдуетъ сказать, что и второй выпускъ трудовъ кіевской коммиссіи является всетаки полезнымъ вкладомъ въ небогатую пока литературу отзывовъ о книгахъ, пригодныхъ для народнаго чтенія.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Полное собраніе сочиненій ***А. Н. Островскаго***, подъ редакціей М. И. Писарева. Т. пятый. Спб. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". Ц. за 10 томовъ 16 р.

Сочиненія ***А. А. Потѣхина***. Т. 7-й. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". Спб. Ц. за 12 том. 12 р.

Өедоръ Смородскій. Пѣсни человѣка. Спб. Ц. 50 к.

Александръ Ронотовъ. Смерть Бетховена. Москва. 1904. Ц. 25 к.

Стих. ***П. В. Борисенка***. Знамя вѣка. Вып. I и II. М. 1904. Ц. 20 и 50 коп.

Чиветтандо. Стихотворенія. Изд. М. Сѣрякова. Спб. 1904.

К. К. Случевскій. Новыя повѣсти. Изд. П. П. Сойкина. Спб.

М. Грушевській. Оповидання. Выдавныцтво „Викъ", у Кыиви, 1904. Ц. 35 к.

И. Буханцевъ. Въ глуши. Харьковъ. 1904.

Н. Шинскій. Разсказы. М. 1903. Ц. 1 р. кн. I и II.

Цезарь Остроменцкій. Госпожа инженерша. Одесса. 1904. Ц. 20 к.

А. И. Знаменскій. Записки туриста. Минскъ. 1904.

Д. И. Подшиваловъ. Воспоминанія кавалергарда. Тверь. 1904.

Робертъ Борнсъ въ переводѣ русскихъ писателей, подъ ред. И. А. Бѣлоусова. Изд. А. С. Суворина. Спб. Ц. 20 к.

Эмерихъ Мадачъ. Трагедія человѣчества. Перев. Н. А. Холодковскаго. Изд. А. С. Суворина. Спб. Ц. 25 к.

Е. Львовъ. Жалкое счастье. Перев. съ франц. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Ө. Шрейнеръ. Грезы и сновидѣнія. Перев. съ англійскаго Ц. В. Изд. 2-е, С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Адамъ Эленшлэгеръ. Ярлъ Гаконъ. Траг. въ 5 д., перев. съ датскаго Анны Ганзенъ. Изд. С. Скирмунта. М. 1904. Ц. 60 к.

А. Тепловъ. „Въ погоню за Горькимъ", ком. въ 3 д. Тверь. 1904. Ц. 75 к.

С. Разумовскій. Пульчинелло, драмат. фантазія въ 3-хъ карт. Изд. журнала „Правда". М. 1905.

Гегель. Основы философіи права, въ изложеніи ***Аркадія Пресса***. Изд. П. П. Сойкина. Спб. Ц. 40 к.

Проф. ***Л. I. Петражицкій.*** О мотивахъ человѣческихъ поступковъ, въ особенности объ этическихъ мотивахъ и ихъ разновидностяхъ. Спб. 1904. Ц. 75 к.

Бугле. Эгалитаризмъ. Соціологич. этюдъ. Перев. съ франц. подъ ред. И. К. Брусиловскаго. Изд. Е. П. Распопова. Одесса. 1904. Ц. 50 к.

Кортней Ильбертъ. Монтескье. Перев. съ англ. подъ ред. проф. ***В. Ө. Дерюжинскаго***. Спб. 1904.

Государственный строй и политическія партіи въ Зап. Европѣ и Сѣв. Амер. Соед. Штатахъ. Сборникъ статей, подъ ред. ***Е. Смирнова***. Изд. Н. Глаголева. Спб. 1904.

В. Ф. Арнольдъ. Политико-экономическіе этюды. Одесса. Изд. Е. П. Распопова. Ц. 50 к.

Эмиль Вандервельде. Деревенскій отходъ и возвращеніе на лоно природы. Перев. съ франц. Ю. Стеклова. Вмѣсто предисловія „Массовыя перемѣщенія жителей, приливъ ихъ въ города и отливъ въ села". ***М. М. Ковалевскаго***. Одесса. Изд. Вл. Распопова. 1904. Ц. 80 к.

Вернеръ Зомбартъ. Современный капитализмъ. Т. I. Перев. съ нѣм. подъ ред. В. Базарова и И. Степанова. Изд. С. Скирмунта. М. Ц. 2 р. 50 к.

Карлъ Гарейсъ. Германское торговое право. Перев. съ нѣм. Н. И. Ржондковскаго подъ ред. А. Г. Гусакова. Вып. III. М. 1904. Ц. 1 р.

Основные вопросы ученія о наказаніи ***С. В. Познышева***. М. 1904.

Л. С. Личковъ. Очерки изъ прошлаго и настоящаго черноморскаго побережья Кавказа. Кіевъ. 1904. Ц. 1 р. 25 коп.

А. Никитинъ. Задачи Петербурга. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Л. А. Куперникъ. Еврейское цар-

ство. Изд. Ѳ. А. Русанова и Ф. Липмана. Кіевъ. Ц. 20 к.

Ю. И. Гессенъ. Изъ исторіи ритуальныхъ процессовъ. Велижская драма. Спб. 1905. Ц. 1 р.

А. Г. Наши задачи на востокѣ. Спб. Ц. 60 к.

Д-ръ Е. Дюковъ. О необходимости измѣненія принятой системы образованія и воспитанія медиковъ. Харьковъ. 1904. Ц. 60 к.

Н. Новомбергскій. Черты врачебной практики въ Московской Руси. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Житіе протопопа Аввакума, написанное имъ самимъ. Изд. ***А. Е. Бѣляева.*** Изд. 2-е. Спб. 1904.

Научно-историческая библіотека. I. ***Фюстель. де-Куланжъ.*** Исторія общественнаго строя древней Франціи. Переводъ подъ ред. проф. ***И. М. Гревса.*** Т. 2-й. Спб. 1904. Ц. 4 р. 50 коп.

А. Быкова. Разсказы изъ исторіи Франціи XVII и XVIII вѣка. Изд. А. Чарушникова и С. Дороватовскаго. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Н. Рожновъ. Учебникъ всеобщей исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія (Книгоиздательство М. В. Пирожкова). Спб. 1904. Ц. 1 р. 10 к.

Проф. Р. Випперъ. Учебникъ древней исторіи. Третье, дополненное изданіе. М. 1904. Ц. 1 р.

Ангюсъ Гамильтонъ. Корея. Перев. съ англійскаго. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Джонъ Моррисъ. Молодая Японія. Пер. съ англійскаго Л. Чудновской. Изд. Вл. Распопова. Одесса. 1905. Ц. 75 к.

Японія. Очерки японской культуры. Причина войны. Составилъ ***М. Коваленскій.*** Изд. журнала „Правда". М. 1904, Ц. 20 к.

Наши морскія силы на Дальнемъ Востокѣ и японскій флотъ. Составилъ ***Л. Берберъ.*** Спб. 1904. Ц. 1 р.

S. A. Arrhenius. Физика неба. Перев. съ нѣмецкаго А. Р. Орбинскаго. Одесса. 1905. Ц. 2 р.

Видимыя и невидимыя движенія. Лекціи ***Г. А. Лоренца.*** Перев. подъ ред. Б. П. Вейнберга. Изд. Вл. Распопова. Одесса. 1905. Ц. 50 к.

Ф. Рихардъ. Новѣйшіе успѣхи въ области электричества. Перев. подъ ред. Б. П. Вейнберга. Изд. Вл. Распопова. Одесса. 1905. Ц. 50 к.

Краткія свѣдѣнія по электротехникѣ. Составилъ ***I. А. Хатпенеръ.*** Спб 1904. Ц. 75 к.

H. Abraham. Сборникъ элементарныхъ опытовъ по физикѣ. Ч. 1-я. Пер. подъ ред. Б. П. Вейнберга. Одесса. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Эльпе. Радій и его спутники. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1904. Ц. 1 р.

М. Складовская-Кюри. Радій и радіактивность. Перев. съ франц. А. I. Бачинскаго. Книгоиздательство „Творческая Мысль". М. 1905. Ц. 1 р.

В. Оствальдъ. Школа химіи. I. Общая часть. Переводъ съ нѣмецк. подъ ред. Л. В. Писаржевскаго. Изд. Вл. Распопова. Одесса. 1904 Ц. 60 к.

Проф. В. Оствальдъ. Школа химіи. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. А. Титова. (Международная библіотека, изд. I. Юровскаго, № 51). Спб. 1904. Ц. 15 к.

В. Кюненталь. Руководство къ практической зоологіи. Перев. съ нѣм. Съ предисловіемъ В. М. Шимкевича. Изд. П. П. Сойкина. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Книгоиздательское т-во „Просвѣщеніе". Вселенная и человѣчество. Т. 1-й. Вып. 12—14, 15—17, 18—20. Спб. Ц. 40 к. (за каждый выпускъ).

Метисы Закавказья. Антропологическій этюдъ врача ***П. Г. Мацокина.*** („Записки И. Академіи Наукъ". VIII серія, кн. XVI, № 1). Спб. 1904. Ц. 2 р. 10 к.

Stanley Waterloo. Жизнь пещернаго человѣка. Съ американскаго перевелъ Н. С. Курловъ. Изд. книжнаго магазина „С. Н. Курнинъ и К°". М.

Научная дешевая библіотека, изд. А. С. Суворина. — Исторія первобытнаго человѣка ***Э. Клодда.*** Перев. съ англійскаго. Спб.—Невидимые богатыри. Очеркъ жизни и дѣятельности бактерій. ***Г. Ц. Ковна.*** Перев. съ англ. Я. Л. Спб.

Артуръ Феддерсенъ. Сто растеній (Краткій учебникъ ботаники) Перев. съ датскаго Елены Зографъ. Изд. К. И Тихомірова. М. 1904. Ц. 30 к.

Педагогическое общество, состоящее при И. Московск. Универс.—Сборникъ чтеній съ волшебнымъ фонаремъ въ школѣ и дома. I. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Простое ученіе о воздушномъ кораблѣ и его построеніи. ***К. Ціолковскаго.*** 2-е изд. Калуга. 1904. Ц. 50 к.

В. И. Васильевъ. Классное пособіе при прохожденіи тригонометріи. Таблица натуральныхъ тригонометрическихъ величинъ. М. 1904. Ц. 20 к.

Ѳ. Борисовъ. „Родное". Книга для чтенія въ начальныхъ училищахъ

Изд. К. И. Тихомірова. М. 1904. Ц. 65 к.

А. Тороповъ. Книга для обученія церковно-славянскому чтенію въ начальныхъ училищахъ. Годъ I и II. Изд. К. И. Тихомірова. М. 1904. Ц. 25 к.

П. Санулинъ. Сборникъ для статей для упражненія въ знакахъ препинанія и для синтаксическаго разбора. 2-е изд. К. И. Тихомірова. М. 1904. Ц. 25 к.

В. О. Крижъ. Первое домашнее чтеніе сельскаго школьника. Вып. I и II. Изд. И. Ө. Жиркова. М. 1904. Ц. 30 к. (каждый выпускъ).

Изданія „Посредника": LXXIV. О довѣріи къ себѣ, ***Ральфа Эмерсона***, съ англійскаго. Изд. 2-е. Ц. 10 к.— CXI. ***С. Т. Семеновъ*** I. Въ родной деревнѣ. Очеркъ. II. Гаврила Скворцова. Повѣсть. Ц. 1 р.—CXII. Избранныя мысли ***Джона Рескина*** Перев. Л. Н. Никифорова. Выпускъ 3-й. Ц. 20 к.—XCIV. Земледѣліе, промышленность и ремесла. Съ англійскаго перевелъ А. Н. Коншинъ. Изд. 2-е. Ц. 80 к.—CXV.. На новомъ мѣстѣ. Разсказъ ***Н. Хотымскаго.*** Ц 25 к. — CXIX. ***Робертъ Шарардъ.*** Бѣлые рабы Англіи. Съ англ. перев. ***А. Н. Коншинъ.*** Ц. 60 к.—CXVIII. ***Л. Николаева.*** Сто вегетаріанскихъ блюдъ. Ц. 25 к. — LXXII. Хлѣбный огородъ или ручное земледѣліе. Составилъ ***Е. И. Поповъ.*** Ц. 60 к.—№ 460. Пьянство горе наше. Составила ***В. Лукьянская.*** Ц. 5 к. № 480. Родныя души. Повѣсть ***С. Т. Семенова.*** Ц. 10 к. № 481. Загубленная жизнь. Разсказъ ***Пізтари Пэйервинта.*** Пер. съ финскаго. Ц. $2^1/_2$ к. № 483. Передникъ. Разсказъ крест. ***С. Ф. Егорова.*** Ц. 1 к. № 484. Отказались. Разсказъ крестьянина ***Алексѣя Волкова.*** Ц. 1 к. № 485. Бѣлая одежда. Сказка. Ц. 1 к. № 486. I. Подъ выстрѣломъ. Съ нѣм. пер. А. Веселовской. II. Калѣка. Разсказъ ***Гюи де-Мопассана.*** Пер. Л. П. Никифорова. Ц. 1 к. № 497. Бабушка. Разсказъ ***Н. Наживина.*** Ц. 1 к. № 500. Ассирійскій царь Ассаргадонъ и три вопроса. Двѣ сказки ***Л. Н. Толстого.*** Ц. 1 к. № 511. Голосъ совѣсти. Разсказъ. Ц. 1 к. № 512. Черный быкъ. Разсказъ. Ц. 1 к. № Ремонтный рабочій. Разсказъ ***С. Васюнова.*** Ц. 1 к. М. 1904.

Выдавныцтво „Викъ", № 37. ***Марко Вовчокъ.*** Карменокъ.—Невольничка. Ц. 10 к. № 38. ***Марко Вовчокъ.*** Сестра. Ц. 10 к. № 39. Трыста найкращыхъ украинськыхъ писень. Ц. 20 к, № 40. ***Панасъ Мырный.*** Морозенко. Ц. 10 к. У Кыиви. 1904.

Музей приклалныхъ знаній въ Москвѣ. ***Н. Рихтеръ.*** Вулканы. Ц. 5 к. ***Н. Дубницкій.*** Чѣмъ предметы похожи другъ на друга. Ц. 6 к. ***С. К.*** Начало разсказа. Ц. 6 к. М. 1904.

Библіотека Горбунова-Посадова для дѣтей и юношества.—Павлиный глазъ. Разсказъ. ***Сергѣя Орловскаго.*** Ц. 15 к.—Въ деревнѣ. Четыре разсказа для дѣтей ***С. Т. Семенова.*** Изд. 2-е. Ц. 30 к.—Наши звѣрки. Разсказы для младшаго возраста. ***Е. Горбуновой.*** М. 1904.

Русскій деревенскій календарь на 1905 г. ***И. Горбунова-Посадова.*** Ц. 6 к. М. 1904.

Русскій сельскій календарь на 1905 г. Составилъ ***И. Горбуновъ-Посадовъ.*** М. 1904. Ц. 20 к.

Сельскохозяйственная библіотека. Изд. К. И. Тихомірова. ***И. П. Петровъ.*** О зимнемъ кормленіи коровъ. Ц. 10 к.—***В. Н. Спасскій.*** Кормовые корнеплоды. Ц. 8 к.—***И. П. Петровъ*** О скотскомъ дворѣ. Ц. 4 к.— ***И. П. Петровъ*** Пастбище для молочныхъ коровъ. Ц. 4 к. М. 1904.

Списокъ изданій книгоиздательства „Посредникъ" (1885—1904). Библіотека Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества и серіи книгъ. Деревенское хозяйство и деревянская жизнь подъ редакціей И. Горбунова-Посадова. М. 1904.

Новости богословской литературы. Библіографическій журналъ издаваемый ***К. М. Поповымъ.*** 1904. Сергіевъ посадъ.

Систематическая роспись книгамъ, вышедшимъ въ Россіи за 1899 г. Подъ общей ред. М. Я Вилліе и Э. А. Вольтера. Т. I вып. II. Изд. Статистико-библіографической коммиссіи при Р. О. Д. П. Д. Спб. 1903.

Матеріалы для исторіи Рязанскаго губ. земства. Часть I. Изд. Рязанской ученой архивной комиссіи. Рязань. 1903. Ч. II. 1904. Ч. II. Вып. II. 1904.

Историческій очеркъ дѣятельности Херсонскаго губ. земства за 1865—99 гг. Вып. I. Изд Херсонской губ. земской управы. Херсонъ. 1904.

Пермская губ. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Вып. 4. Пермь. 1904.

Комитетъ для помощи поморамъ Русскаго Сѣвера.—Систематическія изслѣдованія Мурмана. Т. I, вып. II. Колонизація —Т. IV. Тресковый промыселъ. Спб. 1904.

Статистическое бюро Совѣта съѣзда горнопромышленниковъ Юга Россіи:

№ 178. Марганцовая промышленность Южной Россіи въ 1902 г.—№ 179. Желѣзнодорожная промышленность Южной Россіи въ 1902 г.—№ 181. Каменноугольная промышленность Россіи въ 1902 г. Вып. I. Каменноугольная промышленность Южной Россіи.—№ 182—83. Желѣзная промышленность Россія въ 1902 г. Вып. 1 и 2-ой № 184. Каменноугольная промышленность Россіи въ 1902 г. Вып. II.—Подъ редакціей Н. Ф. фонъ-Дитмара. Харьковъ. 1903.

Отчетъ о дѣятельности Харьковской комиссіи народныхъ чтеній за 1903 г. Харьковъ. 1904.

Отчетъ Ярославской городской Пушкинской библіотеки за 1903 г. Ярославль. 1904.

Гибнущія силы.

Наша общественная и, главнымъ образомъ, земская статистика выполнила уже огромную работу по освѣщенію самыхъ сложныхъ вопросовъ экономическаго и санитарнаго характера. Неизмѣримо менѣе сдѣлано ею до сихъ поръ для изученія вопросовъ, касающихся духовной жизни массы населенія. Отчасти это объясняется сравнительной трудностью самой задачи, но только отчасти. Лишь со второй половины девяностыхъ годовъ одновременно замѣчается, съ одной стороны, значительный ростъ числа разнаго рода статистическихъ изданій, посвященныхъ вопросамъ народнаго образованія, съ другой—расширеніе круга явленій, подвергаемыхъ изученію и освѣщенію. И чѣмъ больше развивается это движеніе, тѣмъ очевиднѣе становится все его общественное значеніе. Уже теперь можно назвать рядъ работъ, вскрывающихъ такіе уголки духовной жизни народа, которые требуютъ самаго усиленнаго вниманія общественныхъ дѣятелей. Передъ нами одна изъ такихъ работъ, и чуть не каждая страница ея заставляетъ глубоко волноваться каждаго, кто только способенъ задумываться надъ общественными вопросами. Мы имѣемъ въ виду недавно только опубликованные результаты изслѣдованія о даровитыхъ питомцахъ народной школы, произведеннаго курскимъ земскимъ справочно-педагогическимъ бюро *). Изслѣдованіе это было выполнено въ формѣ опроса всѣхъ учителей земскихъ школъ губерніи, и вотъ какіе результаты оно дало.

Учителямъ были поставлены три слѣдующіе вопроса: 1) нѣтъ ли среди учениковъ или ученицъ вашей школы дѣтей, выдающихся своей талантливостью; 2) если есть, то назовите ихъ и сообщите, въ чемъ, главнымъ образомъ, проявляются ихъ выдающіяся способности, и 3) если въ вашей учительской практикѣ

*) См. изданіе „Текущая школьная статистика курскаго губернскаго земства“. Годъ седьмой. Курскъ. 1903 г. Глава VI. Даровитые питомцы Курской народной школы. Е. А. Звягинцева.

за прежніе годы приходилось имѣть дѣло съ выдающимися талантливыми дѣтьми, то сообщите свѣдѣнія о склонностяхъ, способностяхъ, стремленіяхъ и дальнѣйшей судьбѣ каждаго изъ нихъ; если можно, то пришлите какія-либо ихъ письменныя работы, рисунки и т. д. Не смотря на нѣкоторую неопредѣленность и условность поставленныхъ вопросовъ и на краткость даннаго учителямъ срока для отвѣта, учителя доставили бюро десятки сообщеній о настоящихъ и бывшихъ своихъ ученикахъ, обращавшихъ на себя вниманіе по даровитости. Кромѣ того, было доставлено много рисунковъ, исполненныхъ дѣтьми-самоучками, письменныя работы, характеризующія исключительныя способности дѣтей, стихотворенія, написанныя бывшими учениками народной школы, и даже незатѣйливыя модели машинъ механиковъ-самоучекъ. Вотъ наиболѣе характерныя изъ этихъ учительскихъ сообщеній. Обратимся сначала къ поэтамъ.

Учителями были доставлены образчики поэтическаго творчества нѣсколькихъ подростковъ и юношей, а отъ двухъ цѣлыя тетрадки стихотвореній. Авторъ изслѣдованія характеризуетъ ихъ слѣдующими словами: „далеко не вездѣ въ этихъ стихотвореніяхъ видно знакомство авторовъ съ пріемами и правилами стихосложенія; не вездѣ соблюдены элементарныя грамматическія правила; еще менѣе замѣтны слѣды начитанности или чьего-либо руководства. И тѣмъ пріятнѣе поражаешься изяществомъ, силой или оригинальностью нѣкоторыхъ стиховъ“. Чтобы дать о нихъ понятіе, ограничимся хотя бы двумя слѣдующими:

Одинокая жизнь.

Скучно-грустно жить съ тоскою
Мнѣ на свѣтѣ одному:
Съ кѣмъ что сдумаю-сгадаю,
Слово ласково скажу?
    Скажу вѣтру,—не привѣтитъ,
    Не согрѣетъ мнѣ души;
    Скажу звѣздамъ,—не услышатъ
    Ночью темною въ тиши.
Солнце свѣтитъ, грѣетъ жарко
Только днемъ, а ночью нѣтъ,
Съ горькимъ сномъ не прилетаетъ
Благодатный его свѣтъ.
    Не замѣнитъ радость горе.
    Въ Божьемъ мірѣ нѣтъ любви.
    Стану жить одинъ, доколѣ
    Не придетъ мой даръ судьбы.
Стану жить одинъ съ тоскою,
Ночи темныя не спать,
Стану въ гости рокъ съ судьбою
Съ часу на часъ ожидать.

Стихи принадлежатъ одному подростку, написавшему также горячее прочувствованное стихотвореніе, посвященное геройской борьбѣ буровъ за правду.

А вотъ одно изъ стихотвореній г. И. Е. Ларченко, крестьянина Новооскольскаго уѣзда, 31 года.

Памяти друга.

Покрыта могила травою высокой;
Спитъ сномъ непробуднымъ въ могилѣ глубокой
Мой другъ одиноко!..
Въ печальномъ раздумьи стою надъ тобой,
Мой другъ незабвенный, мой другъ дорогой,
Я здѣсь, недалеко...
Давно ли, бывало, мы вмѣстѣ съ тобой
Дѣлили и радость, и горе порой!
И вотъ я одинъ...
Стою утомленный житейской борьбою,
Надъ свѣжей могилой, покрытой травою.
Ты жъ спишь недвижимъ.
Не хочешь сказать мнѣ ни слова въ отраду,
Не хочешь мнѣ бросить любовнаго взгляда.
На вѣкъ позабылъ.
Забылъ, видно, какъ мы съ тобою дружили,
Забылъ, какъ, бывало, мечты мы дѣлили,
Что другомъ мнѣ былъ!
Я-жъ, памяти вѣренъ, тебя посѣщаю;
И часто надъ хладной могилой рыдаю
О счастьи быломъ.
И крестъ намогильный, таинственно черный,
Мнѣ внемлетъ въ молчаньи, какъ сторожъ безмолвный
На холмѣ крутомъ...

Г. Ларченко написалъ рядъ хорошихъ стихотвореній и разсказовъ на русскомъ и малорусскомъ языкахъ. Перу другого автора, 12-ти лѣтняго г. Постникова, принадлежитъ около 270 стихотвореній, о которыхъ онъ пишетъ слѣдующее: „стихотворенія мои преимущественно все лирическія, попадаются элегіи. посланія, пѣсни; эпиграммъ еще не писалъ; есть нѣсколько сказокъ, но онѣ подлежатъ большому исправленію и передѣлкѣ съ начала до конца; теперь онѣ лежатъ подъ спудомъ до времени; надѣюсь, что когда-нибудь исправятся". Вспоминая о его пребываніи въ школѣ, бывшій учитель г. Постникова пишетъ: „въ школѣ Постниковъ отличался живымъ, наблюдательнымъ умомъ, пылкимъ воображеніемъ и горячимъ, любящимъ сердцемъ. Стихи сталъ писать лѣтъ съ 10, учась въ третьей группѣ, а въ четвертой, познакомясь съ правилами стихосложеніями, уже описывалъ картины и явленіе природы стихами свободнѣе, чѣмъ прозой. Какъ теперь помню этого малыша въ классѣ во время грозы: онъ весь впился въ грозную картину, забылъ все окружающее, и тутъ же ярко описалъ видѣнную грозу". А вотъ сообщеніе одной изъ уѣздныхъ воскресныхъ школъ объ авторѣ многочисленныхъ лирическихъ стихотвореній и одной драмы: онъ усердный посѣтитель читальни, „каждую выдачу можно видѣть этого блѣднаго, худого юношу со скорбнымъ выраженіемъ темныхъ

глазъ, какъ онъ пробирается къ столу въ читальнѣ, за которымъ и проводитъ не менѣе двухъ часовъ. Книгъ читаетъ много. Романовъ не любитъ, увлекается Островскимъ“. Авторъ изслѣдованія замѣчаетъ, что въ народной средѣ Курской губерніи найдется еще не мало лицъ съ поэтическимъ даромъ, о которыхъ по разнымъ причинамъ свѣдѣній вовсе нельзя было получить: иные изъ нихъ не дѣлились своими попытками творчества съ учителями; иные учителя сами не интересовались подобными проявленіями дѣтской натуры; далѣе, значительный процентъ народныхъ учителей и особенно учительницъ сравнительно недолго учительствуетъ, такъ что имѣетъ слишкомъ небольшой опытъ; наконецъ, нѣкоторые учителя стѣснялись дѣлать сообщенія о талантливыхъ дѣтяхъ, не имѣя подъ рукой ихъ произведеній.

Нѣтъ недостатка въ выдающихся питомцахъ земской школы съ наклонностью къ живописи и рисованію. Учителя сообщили о восемнадцати мальчикахъ, выдѣляющихся своею любовью и умѣніемъ рисовать, и о двухъ мальчикахъ скульпторахъ: „предъ ними нѣтъ образцовъ живописи“, говорится по этому поводу въ изслѣдованіи, „ихъ никто не обучалъ пріемамъ рисованія, у нихъ нѣтъ ни красокъ, ни даже хорошаго карандаша; у нихъ часто не хватаетъ клочка бумаги, на чемъ рисовать. И всетаки природная страсть ищетъ исхода, сказывается въ маніи рисовать рѣшительно чѣмъ угодно, гдѣ угодно, лишь бы рисовать“. Учителями доставленъ цѣлый рядъ попытокъ въ этомъ направленіи, „попытокъ самыхъ примитивныхъ и неудачныхъ, но обнаруживающихъ упорство труда и художественное дарованіе въ той или иной степени“.

Сообщеній о выдающихся дарованіяхъ музыкальныхъ гораздо меньше; ихъ получено всего три. Немного указаній также на проявленіе артистическихъ и декламаторскихъ дарованій, но нельзя забывать, что современная народная школа имѣетъ очень мало возможности обнаруживать ихъ въ своихъ питомцахъ. Тѣмъ не менѣе, вотъ, напримѣръ, что читаемъ въ сообщеніи учителя о 12-лѣтнемъ ученикѣ Портненко по поводу прочтенія имъ на елкѣ Некрасовскаго „Дядюшки Якова“: Портненко „своей декламаціей привелъ въ изумленіе и товарищей, и учителя, и постороннихъ лицъ—старшихъ, бывшихъ на школьномъ праздникѣ. Мальчикъ имѣетъ весьма выразительное лицо, и игра мускуловъ лица у него до такой степени поразительно развита, что публика видѣла передъ собою то удивленнаго автора передъ телѣжкой Якова, то самого строгого дядюшку Якова, клятвой увѣряющаго, что уступить ничего не можетъ, то деревенскихъ бабъ, клянчащихъ, ласкающихся, чтобы склонить неуступчиваго Якова на скидку цѣны, то вдругъ представлялся уличный торговецъ, который бойко зазываетъ къ себѣ покупателей, перечисляетъ и расхваливаетъ свой товаръ. Такой выразительности способствовалъ и довольно сильный, но

мягкій голосъ. Необыкновенно трудолюбивый, этотъ мальчикъ мало играетъ съ товарищами, дома много помогаетъ родителямъ въ домашнихъ работахъ и оттого отчасти менѣе, чѣмъ другіе, занимается чтеніемъ книгъ, хотя любовь къ книгѣ у него не меньше, чѣмъ у другихъ".

Несравненно многочисленнѣе учительскія сообщенія, показывающія, что въ деревнѣ нерѣдки проявленія выдающихся способностей и страсти къ строительству. Курскіе учителя имѣли случай наблюдать у крестьянскихъ дѣтей также и совершенно спеціальныя склонности, которыя, казалось бы, вовсе не могли обнаружиться въ дѣтскомъ возрастѣ. Такъ, одна учительница сообщаетъ о дѣвочкѣ, которая, будучи вообще очень способнымъ ребенкомъ, выдѣлялась необыкновеннымъ стремленіемъ къ учительской дѣятельности: будучи 11—12 лѣтъ, она уже прекрасно вела занятіе съ учениками, при чемъ даже объясняла имъ что-либо новое; ея объясненія вполнѣ понимались учащимися, и она была ими „страшно любима".

Чрезвычайно цѣнны и особенно многочисленны сообщенія о выдающихся общихъ умственныхъ способностяхъ крестьянскихъ дѣтей. Для изслѣдованія доставлено „болѣе 80 учительскихъ указаній на высокія дарованія дѣтей—учащихся или бывшихъ учениковъ. Указанія эти, въ большей своей части, понятно, очень кратки и неопредѣленны, но многія изъ нихъ глубоко интересны и довольно хорошо знакомятъ насъ съ тѣмъ запасомъ духовныхъ силъ, какой таится въ нашей деревнѣ, вскрывается нашей школой и, однако, остается безъ употребленія или, во всякомъ случаѣ, безъ надлежащаго употребленія". Изъ ряда подобныхъ сообщеній приведемъ хотя бы слѣдующее объ одномъ мальчикѣ Старооскольскаго уѣзда: „его любовь къ чтенію книгъ и пытливость ума были таковы, что, казалось, онъ рожденъ для книгъ и послѣднія впереди должны сдѣлаться его единственными друзьями. Держался онъ въ школѣ не особенно обычно. Въ то время, какъ другіе на перемѣнѣ бѣгали на школьномъ дворѣ, улицѣ, играли, ссорились и дрались, онъ рѣдко принималъ участіе въ играхъ, сидѣлъ или находился въ классѣ, проводя время или въ чтеніи, или въ разговорѣ. Поведеніе его было поведеніемъ основательнаго взрослаго человѣка. Онъ никогда не дрался, въ обхожденіи съ товарищами былъ привѣтливъ. Отецъ его также незаурядный человѣкъ въ деревнѣ... По бѣдности своей отецъ не могъ пустить мальчика дальше учиться".

Все приведенное вполнѣ оправдываетъ общій выводъ, сдѣланный изъ матеріаловъ изслѣдованія, что наша „народная школа работаетъ надъ богатымъ матеріаломъ, что, не смотря на всѣ неблагопріятныя внѣшнія условія, народъ нашъ не перестанетъ быть высоко-даровитымъ". Что же дѣлаетъ жизнь съ такими выдѣленными школой изъ общей массы ея питомцевъ

сильно одаренными въ томъ или иномъ отношеніи натурами? На этотъ вопросъ изслѣдованіе дало какъ нельзя болѣе краснорѣчивый отвѣтъ.

Рядъ учительскихъ сообщеній заканчиваются горькими сѣтованіями на жестокую долю крестьянскихъ талантливыхъ дѣтей. „Въ теченіе двадцатипятилѣтней практики“, пишетъ, напримѣръ, одинъ учитель, „я встрѣчался съ выдающимися талантами, и большинство изъ нихъ, благодаря бѣдности, заглохли въ деревнѣ“. „Много талантовъ гибнетъ въ народѣ“, восклицаетъ другой учитель. „Даровитыя дѣти продолжаютъ оставаться въ своей обстановкѣ, совершенно не могущей ни содѣйствовать развитію способностей, ни открыть дорогу, соотвѣтствующую стремленіямъ ребенка или подростка“; по выраженію Б. Пруса, они, „подобно дикимъ грушамъ и вишнямъ, подобно полевымъ цвѣтамъ, остаются безъ развитія и гибнутъ безъ проявленія, безъ пользы для жизни, для родной страны“. Вотъ два конкретныхъ примѣра судьбы подобныхъ дѣтей. „Мальчикъ Б. учился со мною въ сельской школѣ“, пишетъ одинъ учитель, „я его помню и знаю лишь потому, что онъ свои тетради изрѣзывалъ на фигурки, дѣлая изъ нихъ коней, птицъ, звѣрей, людей и проч. Вырѣзки его были настолько интересны, особенно, когда онъ украшалъ ихъ своей богатой фантазіей, что мы съ охотой раскупали эти изображенія за булки и сало. Многіе сами было принимались вырѣзывать, но эти фигурки никакого интереса не представляли. Изъ школы онъ выбылъ, не окончивъ курса, по случаю грубаго обращенія учителя, но не оставилъ своихъ занятій: онъ перешелъ къ рисованію, а потомъ написалъ тетрадку стиховъ. Стихи эти состояли изъ двустишій къ фамиліи или уличному прозвищу ихъ односельчанъ. Такимъ двустишіемъ онъ настолько мѣтко охарактеризовалъ всѣхъ, что стихи его переписывались, выучивались на память и стали всѣмъ извѣстны. Теперь ему лѣтъ 35; онъ обыкновенный крестьянинъ и извѣстенъ лишь тѣмъ, что умѣетъ потѣшать уличную толпу своимъ неистощимымъ враньемъ и балагурствомъ“.

„Одинъ изъ моихъ уже давно окончившихъ курсъ учениковъ, И. Бондарь“, сообщаетъ другой учитель, „всегда удивлялъ меня своими необыкновенными способностями къ рисованію и скульптурѣ. Еще будучи ученикомъ, онъ вырѣзывалъ изъ бумаги, рисовалъ, довольно удачно лѣпилъ изъ глины съ натуры птицъ и животныхъ. Нѣсколько попытокъ съ моей стороны, еще при окончаніи имъ школы, открыть дорогу несомнѣнному таланту оказались безрезультатны. Мнѣ кажется, что Бондарь успѣлъ бы проявить свои способности не только въ художественной школѣ, но даже у художника средней руки. Но онъ совсѣмъ ихъ не могъ проявить, такъ какъ служилъ работникомъ, гдѣ не только рисовать, но и думать о рисованіи невозможно“.

Тѣ условія для дальнѣйшаго развитія и для удовлетворенія пробуждавшейся умственной пытливости, которыя встрѣчаютъ человѣка въ современной деревнѣ, довольно хорошо характеризуются слѣдующимъ небольшимъ отрывкомъ изъ одного стихотворенія уже упоминавшагося нами выше г. Постникова:

. . . Дома я,
Живу въ кругу своей семьи;
Въ убогой лавочкѣ торгую;
Пишу по прежнему стихи;
Но часто, часто я горюю.
Наукамъ высшимъ не ученъ,
И книгъ для чтенья не имѣю,
Къ которымъ все мое стремленье,
Къ которымъ я горю огнемъ;
И недостатокъ словъ имѣю,
Съ которыми дабы слегка
Разнообразностью пестрѣли
Строки убогаго стиха...

Правда, есть въ деревнѣ школьныя и народныя библіотеки, но онѣ давно уже не удовлетворяютъ даже общей массы читающей деревенской публики и тѣмъ менѣе могутъ удовлетворить выдающихся людей деревни. Вотъ что читаемъ, между прочимъ, въ сообщеніи учителя о другомъ, также уже упоминавшемся нами выше, поэтѣ, г. Ларченкѣ: „Ларченко въ свои рѣдкіе часы досуга любитъ и теперь читать книги, преимущественно нашихъ классиковъ; ихъ произведенія ему удается добывать у своихъ знакомыхъ; *изъ школьной же библіотеки книгъ онъ не беретъ*, ибо эти книги, въ большинствѣ своемъ, по содержанію не удовлетворяютъ его.“

Рѣдко, крайне рѣдко талантливымъ дѣтямъ народа удается при современныхъ условіяхъ пробиться къ свѣту, на сравнительный просторъ: „необходимо случайное благопріятное стеченіе обстоятельствъ или нужно быть совершенно крупной натурой, чтобы выбраться на настоящую дорогу, отвѣчающую призванію и силамъ“. Такъ, для изслѣдованія сообщено всего о четырехъ случаяхъ, когда дѣти, обнаружившія склонность къ рисованію, были опредѣлены въ спеціальныя школы; замѣчательно, что и изъ этихъ четырехъ случаевъ три имѣли мѣсто по отношенію къ дѣтямъ городскимъ, и только одинъ крестьянскій мальчикъ былъ помѣщенъ на средства уѣзднаго земства въ пензенскую школу рисованія. Читатели, надѣемся, не посѣтуютъ на насъ, если мы сдѣлаемъ здѣсь довольно подробныя выписки изъ матеріаловъ изслѣдованія, характеризующія тѣ условія, при которыхъ немногимъ единичнымъ личностямъ удается теперь добиваться возможности удовлетворить своимъ стремленіямъ къ развитію.

Молодая пятнадцатилѣтняя крестьянская дѣвушка, попавшая въ суджанскую гимназію, написала нѣчто въ родѣ своей авто-

біографіи. Она разсказываетъ здѣсь о своемъ горѣ, когда она ребенкомъ 11 лѣтъ узнала, что родители рѣшили взять ее изъ сельской школы ранѣе окончанія курса; это рѣшеніе сложилось у нихъ и въ виду ихъ бѣдности, и подъ вліяніемъ того, что она, по ихъ мнѣнію, черезчуръ ужъ увлекалась чтеніемъ книгъ; они боялись, какъ бы ихъ дочка, „какъ великограмотная", не сошла съ ума. „Когда мать, передъ третьимъ учебнымъ годомъ, вдругъ объявила мнѣ, что я не буду больше учиться", пишетъ она, „это для меня было такъ неожиданно, такъ внезапно, что я нѣсколько минутъ стояла, какъ пришибленная. Мои горькія слезы, просьбы не поколебали воли родительской; мать то и дѣло твердила, что я большая и надо учиться работать. Видя тщетность моихъ просьбъ, я сдѣлалась грубой и непочтительной. На ласки родителей я отвѣчала упреками, на брань ихъ—дикими угрозами. Объ этомъ узнала наша молодая учительница; та пожалѣла меня, пришла, упросила родителей, нарисовала мою блестящую будущность, и они, къ моему восторгу, хотя и неохотно, но всетаки согласились отпустить меня въ школу еще на одинъ годъ. Если бы съ неба сошелъ ангелъ, то онъ не казался бы мнѣ прекраснѣе учительницы въ эту минуту; мое дѣтское сердце съ довѣрчивостью потянулось къ ней и съ безконечною привязанностью искало въ ней поддержки и опоры. Я благополучно окончила сельскую школу и, благодаря стараніямъ моего неизмѣннаго друга (учительницы), поступила въ гимназію".

А вотъ подобная же автобіографія двадцатилѣтняго юноши Н. того же Суджанскаго уѣзда. „Окончивши начальную школу, мнѣ страшно хотѣлось поступить въ уѣздное училище, но, сколько я ни просилъ, родители не отдали меня туда, и, руководясь личными взглядами на жизнь, они отдали меня въ сапожники, самое противное мнѣ ремесло. Мнѣ, напримѣръ, если не учиться, то хотѣлось въ слесаря, а не въ сапожники. Я заявилъ родителямъ, что сапожника изъ меня не выйдетъ. Такъ и вышло: проучившись зиму, я рѣшительно ничего не понялъ. Весной отдали меня учиться совсѣмъ другому—въ печники къ мѣстному подрядчику. Съ этимъ я кое-какъ примирился: всетаки лучше, чѣмъ сапожникъ. А на зиму меня снова отдали въ сапожники. И такъ я боролся между жизнью и смертью три года (потому что сапожное ремесло для меня хуже смерти), пока не умеръ мой хозяинъ". Далѣе Н. разсказываетъ, что онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ѣздилъ лѣтомъ на заработки на югъ Россіи и на Кавказъ, а зимой учился въ воскресной школѣ въ Суджѣ. Горячее желаніе продолжать свое образованіе не покидало его, но только въ прошломъ году, живя въ Кіевѣ, продолжаетъ онъ, „нечаянно я узналъ, что въ Суджѣ открылось новое училище. На мой запросъ мои знакомые подробно описали новооткрытую торговую школу. Оказывается, что для поступленія туда нужно имѣть по-

рядочныя средства, которыхъ у меня, къ сожалѣнію, не было. Всетаки, я пріѣхалъ въ Суджу узнать подробно, въ чемъ состоитъ препятствіе. И вотъ, въ теченіе зимы невозможное сдѣлалось возможнымъ... нашлись хорошіе люди, которые помогли мнѣ быть принятымъ въ торговую школу, не смотря даже на то, что возрастъ для поступленія опредѣленъ не старше 15 лѣтъ, а мнѣ уже 20 лѣтъ. Только одно меня безпокоитъ: родные не хотятъ, чтобы я учился, и всѣми силами стараются помѣшать мнѣ". Рѣшившись „стараться всѣми зависящими средствами, чтобы окончить начатое ученіе", юноша кончаетъ: „наконецъ-то, исполнилось мое желаніе, моя завѣтная мечта, которая въ продолженіи восьми лѣтъ не покидала меня, а напротивъ того, съ каждымъ годомъ все настойчивѣе и настойчивѣе разжигала во мнѣ желаніе учиться; я съ гордостью могу назвать себя теперь ученикомъ торговой школы".

Въ третьемъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Обоянскомъ уѣздѣ, одинъ ученикъ съ выдающимися способностями былъ помѣщенъ мѣстной учительницей на ея средства (получаетъ всего около 250 р.) въ духовное училище, а по окончаніи послѣдняго—въ духовную семинарію; это стоитъ учительницѣ „огромныхъ, почти подвижническихъ лишеній"; въ настоящее время онъ вышелъ изъ пятаго класса семинаріи и готовится на средства той же учительницы къ экзамену на аттестатъ зрѣлости для поступленія въ университетъ.

„Разсуждая теоретически", замѣчаетъ авторъ изслѣдованія, „намъ, послѣ Ломоносова, Кольцова, Шевченко, Никитина и другихъ поэтовъ изъ народа, собственно и не слѣдовало бы удивляться, что въ народной средѣ таится цѣлый родникъ поэзіи, ума и творчества". Удивляться этому, конечно, нечего, но давно уже настала пора ужаснуться, въ какомъ пренебреженіи находится до сихъ поръ этотъ родникъ, какъ жестоко и близоруко коверкается и заглушается его теченіе. До сихъ поръ еще у насъ не достигнуто даже самаго элементарнаго условія здороваго общежитія, обезпечивающаго каждому простую возможность попробовать и проявить свои умственныя способности—общедоступности образованія. Для этого у насъ все еще „нѣтъ средствъ". Тамъ же, гдѣ населеніе уже имѣетъ возможность давать своимъ дѣтямъ элементарное образованіе, это образованіе, собственно говоря, ограничивается почти одной грамотой и не способно въ сколько-нибудь значительной степени удовлетворить пробужденную въ ребенкѣ умственную пытливость. Очень долго, цѣлыя десятилѣтія, учебная администрація систематически стремилась къ тому, чтобы народная школа не выходила изъ рамокъ простой грамотности даже и тамъ, гдѣ и требованія жизни, и матеріальныя условія позволяли значительно раздвинуть эти рамки. От-

части подъ мертвящимъ давленіемъ этой внѣшней тенденціи, отчасти въ виду огромности все еще не осуществленной задачи общедоступности хотя бы элементарной школы, наши общественныя учрежденія не сдѣлали еще почти ничего для созданія высшей народной школы, въ которой могли бы получать дальнѣйшее общее образованіе окончившіе элементарную школу. Только въ самые послѣдніе годы вопросъ о созданіи такой высшей школы сдѣлался очереднымъ, и надъ практическимъ его разрѣшеніемъ работаютъ уже нѣсколько земствъ. Трудно пока сказать, когда эта работа приведетъ къ сколько-нибудь осязательнымъ для массы населенія результатамъ, на пути ея все еще стоитъ множество внѣшнихъ препятствій.

Какъ бы то ни было, въ настоящее время питомцы современной народной школы не имѣютъ передъ собой никакого учебнаго заведенія, въ которомъ они могли бы получать дальнѣйшее общее образованіе. Единичные случаи, когда тому или другому изъ нихъ удается пробиться въ среднее учебное заведеніе, разумѣется, не въ состояніи измѣнить общей картины. Правда, не въ одной только школѣ возможно получить образованіе — для этого существуютъ еще разнообразные способы внѣшкольнаго образованія: книги, курсы, лекціи. Дѣйствительно, начиная со второй половины девяностыхъ годовъ, земства и отчасти города успѣли создать цѣлую систему внѣшкольныхъ образовательныхъ учрежденій для народныхъ массъ. Съ каждымъ годомъ быстро ростетъ счетъ безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ. Въ цѣломъ рядѣ мѣстностей болѣе или менѣе широко поставлены народныя чтенія. Появились уже, единичныя пока, попытки общественной организаціи систематическихъ курсовъ и лекцій при посредствѣ спеціально приглашенныхъ для этого лицъ. Въ нѣсколькихъ земствахъ поставленъ также на очередь вопросъ объ обезпеченіи дальнѣйшаго образованія даровитѣйшихъ учениковъ народныхъ школъ посредствомъ соотвѣтствующей организаціи системы выдачи земскихъ стипендій учащимся, отчасти носившей до сихъ поръ совершенно случайный характеръ, отчасти служившей какъ бы формой дополнительнаго вознагражденія земскихъ служащихъ. Но все это движеніе, таящее въ себѣ въ высшей степени здоровые зародыши будущаго широкаго развитія, происходитъ теперь въ крайне неблагопріятной внѣшней обстановкѣ: на каждомъ шагу наталкивается оно на рядъ препятствій, подчасъ почти неодолимыхъ. Замѣчательнѣе всего то, что коренныя основанія этихъ препятствій являются продуктомъ новѣйшаго времени и не существовали въ 60-хъ и 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Въ то время, напримѣръ, терминъ „народная библіотека", въ смыслѣ библіотеки съ спеціальнымъ, ограниченнымъ каталогомъ, былъ неизвѣстенъ,—какъ онъ и до сихъ поръ неизвѣстенъ дѣйствующему основному закону о цензурѣ и печати. Этотъ тер-

минъ появился лишь вмѣстѣ съ пресловутыми правилами 1890 г., не имѣющими никакого юридическаго основанія въ законѣ, но, тѣмъ не менѣе, цѣлый рядъ лѣтъ продолжающими регулировать обширную область общественнаго хозяйства. Характерной чертой какъ этихъ правилъ, такъ и вообще всѣхъ другихъ административныхъ распоряженій, нормирующихъ способы удовлетворенія умственныхъ запросовъ всего трудящагося населенія, является признаніе умственной неправоспособности этого населенія. Оно все еще считается незрѣлымъ для того, чтобы невозбранно и по собственному усмотрѣнію пользоваться тѣми литературными и научными источниками, которыми можетъ, съ точки зрѣнія цензуры, пользоваться такъ называемое образованное общество или, лучше сказать, состоятельная часть этого общества. Судьей того, что можно „обществу“, но нельзя „простому народу“, является ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія—органъ, достаточно извѣстный по той атмосферѣ, которая виситъ надъ всѣмъ нашимъ школьнымъ дѣломъ. „Общество“ избавлено отъ этой атмосферы, по крайней мѣрѣ, за порогомъ школы, „народъ“ признается нужнымъ держать въ ней всю жизнь.

До паденія крѣпостного права такой порядокъ былъ бы, конечно, какъ нельзя болѣе послѣдовательнымъ. Но теперь онъ давно уже является вопіющимъ анахронизмомъ. Давно пора уже открыть общественнымъ учрежденіямъ возможность развивать свою просвѣтительную дѣятельность безъ какихъ бы то ни было подраздѣленій на „общество“ и „народъ“, давно пора признать, какой неисчислимый для государства вредъ проистекаетъ отъ того, что лучшія умственныя силы народа гибнутъ, не имѣя почти никакой возможности свободнаго, широкаго развитія. Курское изслѣдованіе приподняло передъ нами только маленькій уголокъ этой мрачной картины, но такая же растрата народныхъ силъ, такія же душевныя драмы рвущихся къ свѣту и въ безсиліи склоняющихся передъ жизнью молодыхъ душъ происходятъ по всему обширному лицу нашей родины. Сдача этого порядка въ историческій архивъ диктуется самыми настоятельными государственными и общественными интересами. Что эта сдача теперь уже дѣло близкаго будущаго, лучшей порукой въ томъ служитъ несомнѣнный ростъ самосознанія, происходящій въ средѣ самого деревенскаго населенія.

Правда, по внѣшности здѣсь все еще кажется по старому, картинно выраженному въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ стихотворенія уже цитированнаго нами, г. Постникова:

Моя же родина въ глуши,
Полна безмолвья и тиши;
Лишь праздникомъ, на общей сходкѣ,
Напившись въ волю хмѣльной водки,
Шумитъ народъ ея, какъ рой
Голодныхъ пчелъ въ саду весной...

Подъ этотъ внѣшній, привычный шумъ, въ глубинѣ народной идетъ уже и другой шумъ, идетъ трудная, упорная умственная работа, и на фонѣ деревенской жизни все чаще и чаще появляются тѣ передовые представители и бойцы ея свѣтлаго будущаго, наличность и судьбу которыхъ раскрыло передъ нами курское изслѣдованіе. Изъ ихъ среды раздаются уже и другія пѣсни; они поютъ, что

.....Геройская месть
Передъ правдой святой—
Одно средство лишь есть.

В. Ивановичъ.

Страничка изъ одной продовольственной кампаніи.

(Письмо изъ Минусинскаго уѣзда).

Въ 1901—1902 хозяйственномъ году Минусинскій уѣздъ Енисейской губерніи впервые увидѣлъ въ своемъ раіонѣ совершенно новую для него хозяйственную операцію—продовольственную кампанію. Двумя послѣдовавшими другъ за другомъ недородами (1900 и 1901 гг.) экономическое положеніе многихъ селеній этого сравнительно зажиточнаго края было потрясено до того, что они уже не могли справиться собственными силами. Понадобилась помощь извнѣ.

Нельзя сказать, чтобы бѣдствіе застигло мѣстную администрацію врасплохъ. Напротивъ, она, повидимому, внимательно слѣдила за состояніемъ посѣвовъ и встревожилась при первыхъ же неблагопріятныхъ извѣстіяхъ. Уже въ іюлѣ 1901 г. въ Минусинскѣ состоялось подъ непосредственнымъ руководствомъ бывшаго начальника губерніи г. Плецъ особое совѣщаніе о состояніи урожая хлѣбовъ и травъ въ уѣздѣ. Данныя, надъ которыми оперировало это совѣщаніе, конечно, не отличались и не могли отличаться особенной полнотой, но все же были достаточны для нѣкоторыхъ общихъ выводовъ. Совѣщаніе признало урожай хлѣбовъ и травъ по уѣзду неудовлетворительнымъ, подсчитало приблизительно наличность хлѣба въ хлѣбозапасныхъ магазинахъ и даже въ рукахъ частныхъ лицъ и признало это количество достаточнымъ для уѣзда, а пострадавшія мѣстности—нуждающимися въ продовольственной помощи. Были намѣчены и нѣкоторыя мѣры борьбы съ бѣдствіемъ: для крестьянъ предположено было исходатайствовать ссуду (натурой или деньгами) въ размѣрѣ 244.000 р., для мѣстныхъ инородцевъ, занимающихся скотовод-

ствомъ, испросить право пасти скотъ на покосахъ сосѣдняго Кузнецкаго уѣзда Томской губерніи.

Казалось бы, такое своевременное констатированіе нужды и принятіе мѣръ должно было привести къ лучшему исходу кампаніи. Задача облегчалась наличностью мѣстныхъ средствъ: хлѣбозапасные магазины далеко не представляли такой картины опустошенія, какъ въ подвергающихся періодическимъ недородамъ губерніяхъ Европейской Россіи; кромѣ того, въ уѣздахъ и въ губерніи имѣлись спеціальные капиталы, такъ наз. „капиталы общественной запашки", и фондъ вспомоществованія Сибирской ж. д. Можно было ожидать, что продовольственная кампанія пройдетъ безъ замѣшательства и затрудненія. Но оказываемое пособіе приходилось не только доставлять населенію, но и оформливать на бумагѣ, и это обстоятельство въ значительной степени парализовало безусловно благія намѣренія администраціи.

Чернильная волна сразу пошла по двумъ направленіямъ—вверхъ и внизъ—и совершила нѣсколько оборотовъ по плохимъ сибирскимъ дорогамъ. Съ одной стороны, рѣшенія минусинскаго особаго совѣщанія должны были подвергнуться пересмотру въ губернскомъ управленіи, а затѣмъ, дополненныя выработанными мѣрами, направиться въ канцелярію иркутскаго генералъ-губернатора. Съ другой стороны, отъ крестьянскихъ начальниковъ были затребованы болѣе подробныя „свѣдѣнія" о пострадавшихъ селеніяхъ: о числѣ душъ въ каждомъ, ихъ имущественномъ положеніи, наличномъ количествѣ хлѣба, ближайшихъ къ пострадавшимъ мѣстностямъ хлѣбныхъ пунктахъ и т. п. Какой либо опредѣленной программы для этого статистическаго изслѣдованія, которое предложено было произвести въ возможно скорое время, дано не было. Не была опредѣлена и норма для исчисленія требуемаго количества хлѣба. Крестьянскіе начальники—каждый по своему участку—переложили работу собиранія свѣдѣній на волостныя правленія. Волостнымъ писарямъ переложить дѣло было не на кого, они вдохновились и сфабриковали требуемыя начальствомъ „свѣдѣнія". Получилось то, что должно было получиться—разнообразіе, путаница и критическія замѣчанія со стороны губернскаго управленія вродѣ слѣдующихъ:

„Списки крестьянъ, нуждающихся въ ссудѣ, составлены крайне небрежно. Такъ, въ 6 случаяхъ общее число душъ въ селеніи съ малолѣтними показано менѣе числа рабочихъ душъ; въ большинствѣ ссуды испрашиваются по 1 ч. на душу, въ одномъ случаѣ испрашивается на 1 душу 3 четверти, и чѣмъ вызвано такое увеличеніе — неизвѣстно... Въ списки с. Т. внесены крестьяне, имѣющіе отъ 30 до 180 головъ крупнаго и мелкаго скота"... и т. п.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, само собою, были затребованы новые списки, составленные уже по выработанной общимъ присутствіемъ гу-

бернскаго управленія программѣ. Эти списки пришли уже въ декабрѣ.

Между тѣмъ, пока администрація занималась этими упражненіями, отъ крестьянъ начали поступать приговоры съ ходатайствами о выдачѣ хлѣба изъ магазиновъ. Приговоры сперва поступали въ одиночку,—для крестьянъ дѣло было тоже новое,—потомъ начали поступать все въ большемъ количествѣ и, наконецъ, посыпались, какъ дождь. Съѣздъ, частныя квартиры, даже карманы крестьянскихъ начальниковъ переполнились такими приговорами.

Мелкія ссуды крестьянскіе начальники выдавали сами и затѣмъ спрашивали утвержденія съѣзда. Ходатайства о болѣе крупныхъ ссудахъ удовлетворялись послѣ сложной процедуры, требовавшей мѣсяцевъ времени.

Губернское управленіе разрѣшило выдачу не болѣе 30 ф. въ мѣсяцъ на душу старожила (т. е. живущаго въ краѣ болѣе 5 лѣтъ; переселенцамъ ссуда выдавалась почему-то въ уменьшенномъ размѣрѣ, считалось ли, что крестьянскій желудокъ, недавно только явившійся изъ Европейской Россіи, болѣе привыкъ къ сокращенной діэтѣ?), при томъ съ условіемъ, чтобы испрашиваемая ссуда въ общей суммѣ не превышала $^2/_3$ наличнаго запаса въ магазинѣ; такое количество могло быть выдаваемо съ разрѣшенія губернскаго управленія. Такъ какъ недородъ былъ солидный и требованія хлѣба значительныя, а магазинный запасъ не сообразовался съ этими обстоятельствами, то въ большинствѣ случаевъ испрашиваемое количество превышало компетенцію мѣстныхъ властей, и ходатайство о ссудѣ обыкновенно должно было пройти слѣдующія инстанціи: 1) сельскій сходъ, 2) утвержденіе крестьянскаго начальника, 3) съѣздъ крестьянскихъ начальниковъ и 4) губернское управленіе. Прибавьте къ этому, что съѣздъ крестьянскихъ начальниковъ собирается разъ въ мѣсяцъ, а почта отъ Минусинска до Красноярска идетъ 5 дней и въ описываемое время отправлялась только два раза въ недѣлю, и вы поймете, сколько времени требовалось для удовлетворенія ходатайства о крупной ссудѣ, т. е. продиктованнаго большей нуждою. Можно положительно сказать, что скорость удовлетворенія была обратно пропорціональна нуждѣ.

Въ январѣ общее присутствіе губернскаго управленія снова рѣшило изслѣдовать положеніе на мѣстѣ, и для этой цѣли былъ командированъ непремѣнный членъ г. Коломинскій. Онъ лично отправился по уѣзду, забирался въ самыя отдаленныя мѣста, вообще много изъѣздилъ... но дѣло снабженія населенія хлѣбомъ отъ этого не особенно подвинулось впередъ. Вынесенныя на состоявшемся подъ его предсѣдательствомъ особомъ совѣщаніи рѣшенія дали матеріалъ для новой переписки. На этомъ совѣщаніи, между прочимъ, было предложено заимствовать для особо пострадавшихъ

мѣстностей хлѣбъ изъ стороннихъ магазиновъ. Противъ этого предложенія, особенно соблазнительнаго своей простотой, высказалось большинство крестьянскихъ начальниковъ. Во-первыхъ, для приведенія его въ исполненіе не находили соотвѣтствующихъ указаній въ законѣ, во-вторыхъ, опасались какой-нибудь реакціи со стороны тѣхъ крестьянскихъ обществъ, у которыхъ придется заимствовать хлѣбъ, расхищенія ими своихъ магазиновъ. На томъ же совѣщаніи выяснилась нужда въ 190,000 пудахъ сѣменнаго хлѣба.

На эти заключенія минусинскаго совѣщанія послѣдовали возраженія со стороны губернатора. Магазинный хлѣбъ — не общественная, а государственная собственость, и на распоряженіе ею въ смыслѣ заимствованія уже испрошено высочайшее разрѣшеніе. Самое заимствованіе при достаточномъ тактѣ можетъ быть исполнено, не вызывая осложненій. Что касается 190,000 пудовъ сѣменного хлѣба, то губернаторъ считаетъ цифру преувеличенной и предлагаетъ испытать всхожесть всего наличнаго магазиннаго хлѣба и выдавать на продовольствіе только невсхожій хлѣбъ, а всхожій хранить на обсѣмененіе; привозить же хлѣбъ онъ считаетъ возможнымъ только изъ ближайшаго Ачинскаго уѣзда— и то, если крестьяне подвезутъ его на своихъ подводахъ.

Хлѣбъ былъ заимствованъ изъ не пострадавшихъ участковъ уѣзда. Операція не вездѣ сошла гладко, и въ одномъ случаѣ цѣлая деревня не очутилась на скамьѣ подсудимыхъ только потому, что изъ перваго же умолота новаго урожая пополнила расхищенный изъ магазина хлѣбъ,—но въ общемъ опасенія крестьянскихъ начальниковъ, къ счастью, не оправдались. Но магазинный хлѣбъ могъ идти только на продовольствіе, а на посѣвъ, какъ показали пробы всхожести, онъ не годился. А моментъ былъ уже такой, что вопросъ о посѣвѣ становился самымъ жгучимъ. Приближалась весна съ порчей дорогъ и усиленнымъ спросомъ на сѣменной хлѣбъ, котораго въ иныхъ мѣстахъ ни за какія деньги нельзя было достать. Отъ подвоза ссужаемаго зерна на своихъ подводахъ изъ Ачинска (на разстояніи 380 верстъ) крестьяне отказались: хлѣбъ вышелъ бы слишкомъ ужъ дорогъ. Возможность организовать доставку хлѣба, повидимому, еще не была утеряна. По крайней мѣрѣ, отъ губернатора послѣдовало предложеніе: предоставить крестьянамъ на выборъ—получать ссуду сѣменного хлѣба натурою по цѣнѣ 2 р. за пудъ или деньгами—по 1 р. на каждый требуемый пудъ. Крестьяне, какъ и слѣдовало ожидать (а можетъ быть и, дѣйствительно, ожидалось), выбрали послѣднее.

Такъ былъ рѣшенъ вопросъ о формѣ посѣвной ссуды. По вопросу о размѣрѣ ея тоже возникли переговоры между губерніей и уѣздомъ. Губернія оспаривала правильность расчета уѣзднаго совѣщанія. Только когда стало поздно и очевидно было

что утроба земли не человѣческая и ждать насыщенія долго не можетъ, рамки формализма треснули, заработалъ телеграфъ, инстанція „съѣзда“ была исключена, и отъ большой или меньшей настойчивости каждаго отдѣльнаго крестьянскаго начальника зависѣло получить для своего участка большую или меньшую ссуду. Былъ даже такой случай, что ссуда была разрѣшена помимо крестьянскаго начальника, даже вопреки его мнѣнію, по телеграфной просьбѣ самихъ крестьянъ.

Но эта запоздалая отзывчивость на крестьянскую нужду не могла уже спасти уѣздъ отъ огромнаго недосѣва. Ссуды выдавались цѣлымъ деревнямъ гуртомъ, передъ самымъ посѣвомъ, и всѣ эти деньги направились на поиски сѣменного хлѣба, цѣна котораго вскочила на небывалую въ Минусинскомъ уѣздѣ высоту $1^1/_2$ р. за пудъ (а ссуда выдавалась въ размѣрѣ 1 р. на каждый пудъ посѣва), да и за эти деньги не вездѣ его можно было достать. Въ результатѣ — недосѣвъ, оффиціально исчисляемый въ 28% посѣвной площади. Это—*по уѣзду*, а пострадалъ отъ предшествовавшаго недорода не весь уѣздъ, такъ что въ наиболѣе пострадавшихъ мѣстностяхъ недосѣвъ достигъ мѣстами $^1/_2$ и даже $^2/_3$ обычнаго размѣра посѣва. И это при общей тенденіи уѣзда къ расширенію запашки.

Такой крупный недосѣвъ совершенно исказилъ результаты хорошаго урожая слѣдующаго года. Обычный барометръ экономическаго состоянія деревни—базарныя цѣны въ городѣ—показывалъ „высокое давленіе“. Цѣны мало понижались. При отсутствіи какого-либо регулятора цѣнъ, вродѣ крупнаго внѣшняго рынка, высокія цѣны хлѣба при обильномъ урожаѣ и накопленной нуждѣ въ деньгахъ могутъ имѣть одно объясненіе: крестьянство въ цѣломъ мало отчуждало хлѣба, потому что не имѣло избытковъ. Поле щедро вознаградило сѣятеля за трудъ, но посѣяно было мало, и это-то чувствовалъ минусинскій городской базаръ, но чувствовалъ, конечно, послѣдній. Раньше его это ощутили сами крестьяне, только теперь оцѣнившіе значеніе недосѣва. „Собралъ 200 пудовъ съ десятины, да что толку, когда только одну десятину и сѣялъ“, приходилось слышать осенью 1902 г.—и въ этихъ словахъ слышался упрекъ и внѣшнимъ условіямъ, и самому себѣ за недостатокъ энергіи въ отыскиваніи сѣменного хлѣба.

Съ далеко не обильнымъ запасомъ хлѣба, но довольно круглой суммой долговъ всякаго рода — отъ недоимокъ, продовольственной и сѣменной ссуды натурой и деньгами, очередныхъ повинностей, а, вѣроятно, и по займамъ у частныхъ лицъ—вступила значительная часть минусинскаго крестьянства въ новый экономическій годъ. Такое положеніе отразилось на второмъ актѣ продовольственной кампаніи—взысканіи ссудъ. Съ конца 1902 г. начинается взысканіе продовольственной и сѣменной ссуды—на-

турой и деньгами. Платежи поступали туго. Стали принимать „мѣры“: сельскіе старосты подвергались аресту за недостаточно энергичное взысканіе ссудъ. Мѣры произвели свое дѣйствіе, взысканіе стало энергичнѣе, кой-гдѣ дошло до описи имущества. Со стороны крестьянъ пошли жалобы въ губернію, и оттуда, для изслѣдованія вопроса на мѣстѣ, снова былъ командированъ непремѣнный членъ губернскаго правленія. Состоялось совѣщаніе, на которомъ взялъ перевѣсъ тотъ взглядъ, что натуральную ссуду слѣдуетъ взыскать немедленно. Противъ доводовъ меньшинства, что неукоснительное взысканіе ссуды обострить нужду, большинство высказалось, что это опасно: пусть уплатятъ, а въ случаѣ нужды снова обращаются за ссудой. Принятое рѣшеніе грозило серьезнымъ потрясеніемъ многихъ хозяйствъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣло дошло и до продажи описаннаго имущества. Къ счастью, такіе случаи представляли результатъ исключительной ретивости, и въ общемъ административный механизмъ такъ же туго поворачивалъ свои колеса при взысканіи ссуды, какъ прежде при выдачѣ ея. Подоспѣлъ новый обильный урожай 1903 г., и положеніе поправилось. Цѣны на хлѣбъ стали понижаться и хозяйственная жизнь начала входить въ свою обычную колею.

А. Л.

Новыя данныя о русской промышленности.

Статистическая литература по русской промышленности такъ скудна количественно и качественно, что всякій новый трудъ, освѣщающій положеніе этой стороны народнаго хозяйства, заслуживаетъ особаго вниманія. Большой сборникъ, изданный отдѣломъ промышленности министерства финансовъ подъ названіемъ „Статистическія свѣдѣнія о фабрикахъ и заводахъ по производствамъ необложеннымъ акцизомъ за 1900 г.“ въ этомъ отношеніи представляетъ явленіе исключительное, будучи первой серьезной попыткой статистическаго изслѣдованія русской фабрично-заводской промышленности по широкой программѣ, выработанной при содѣйствіи значительнаго числа спеціалистовъ экспертовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и по способу полученія статистическихъ данныхъ новый трудъ представляетъ нѣкоторый шагъ впередъ въ сферѣ нашей промышленной статистики.

Вопросные бланки при посредствѣ фабричныхъ инспекторовъ вручались владѣльцамъ фабрикъ и заводовъ, по заполненіи ихъ

требуемыми отвѣтами провѣрялись на мѣстахъ фабричными инспекторами и отсылались въ отдѣлъ промышленности для дальнѣйшей обработки. Вѣдомости до разработки просматривались редакторами, при чемъ провѣрка свѣдѣній по перекрестнымъ и контрольнымъ вопросамъ давала возможность судить, въ извѣстной мѣрѣ, о достовѣрности полученныхъ свѣдѣній. Въ случаяхъ явной несообразности требовались разъясненія и дополнительныя свѣдѣнія отъ мѣстныхъ фабричныхъ инспекторовъ.

Къ сожалѣнію, собранныя такимъ образомъ данныя относятся далеко не ко всѣмъ заведеніямъ обработывающей промышленности. Изслѣдованіемъ не захвачены:

а) производства, обложенныя акцизомъ;

б) заведенія, находящіяся въ вѣдѣніи министерства госуд. имуществъ и земледѣлія;

в) заводы военнаго и морского вѣдомства;

г) заведенія, принадлежащія казнѣ, и

д) заводы и мастерскія, находящіяся въ вѣдѣніи министерства путей сообщенія.

Отъ регистраціи ускользнули также всѣ мелкія, не носящія характера фабрикъ, заведенія, имѣвшія менѣе 10 человѣкъ рабочихъ, не имѣвшія механическихъ двигателей, носившія ярко выраженный цеховой ремесленный характеръ или характеръ мелкихъ сельскохозяйственныхъ и кустарныхъ заведеній, — однимъ словомъ, всѣ тѣ заведенія, которыя находятся внѣ надзора фабричной инспекціи.

О нѣкоторыхъ изъ названныхъ отраслей крупной промышленности данныя могутъ быть отчасти пополнены по другимъ источникамъ.

Статистическій сборникъ отдѣла промышленности зарегистрировалъ въ 1900 году 12,702 заведенія по производствамъ необложеннымъ акцизомъ; заведенія эти занимали 1.343,279 человѣкъ рабочихъ обоего пола и „произвели“, какъ значится въ сборникѣ, различнаго рода издѣлій на сумму 2.048.416,000 руб. На послѣдней цифрѣ необходимо остановиться.

Подъ суммой производства, т. е. оцѣнкой производительности фабрикъ и заводовъ, въ сборникѣ обычнымъ образомъ разумѣлась вся масса и стоимость продуктовъ, выбрасываемыхъ промышленными заведеніями на рынокъ, т. е. на продажу. Это количество и стоимость продуктовъ, какъ реальный фактъ, и подверглись наблюденію и учету. Между тѣмъ ясно, что при такомъ способѣ многократно засчитывалась цѣна матеріаловъ въ стоимости полуфабрикатовъ и полупродуктовъ: напримѣръ, сортовое, листовое, фасонное желѣзо, желѣзныя трубы, винты, гвозди— вошли составною частью въ паровозы, вагоны, машины, аппараты, земледѣльческія и иныя орудія и инструменты, и были, такимъ образомъ, засчитаны болѣе одного раза; полуфабрикаты

и полуиздѣлія, какъ, напримѣръ, пряжа, суровая ткань—отчуждались, какъ матеріалъ для дальнѣйшей обработки въ другихъ заведеніяхъ, и также засчитывались нѣсколько разъ, и т. д.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что приводимая въ сборникѣ „сумма производства" зарегистрированныхъ имъ фабрикъ и заводовъ въ 2.048.416,000 руб. значительно превышаетъ *дѣйствительную* производительность, если подъ послѣдней разумѣть ту *стоимость*, какую пріобрѣли тѣ или иные предметы во время процесса обработки ихъ на фабрикахъ или заводахъ.

Но какъ опредѣлить *дѣйствительную производительность* промышленности? Вѣдь часто одни и тѣ же полуфабрикаты и издѣлія, какъ, напримѣръ, пряжа, ткань, сортовое желѣзо, балки, гвозди, доски, мука и т. п., являются то предметами непосредственнаго потребленія, то матеріаломъ для другихъ издѣлій.

Интересный вопросъ этотъ можно разрѣшить съ большимъ приближеніемъ *), совершенно при этомъ не вторгаясь въ область потребленія, слѣдующимъ образомъ:

Если A есть полная стоимость товара, выпущеннаго данной фабрикой, а A^1 есть стоимость сырого матеріала и топлива, употребленныхъ на этотъ товаръ, то $A—A^1$ и есть *дѣйствительная производительность*, т. е. та стоимость, которая была создана на фабрикѣ (сырой матеріалъ и топливо свою стоимость A^1 перенесъ на новый продуктъ безъ измѣненія). Этотъ товаръ полною (рыночною) стоимостью въ A рублей можетъ, въ свою очередь, поступить въ дальнѣйшую переработку и явиться на другой фабрикѣ въ роли сырого матеріала.

Для оцѣнки производительности этой другой фабрики пришлось бы, очевидно, сдѣлать тоже самое. Безъ сомнѣнія, для оцѣнки *дѣйствительной производительности* всей обработывающей промышленности должно употребить тотъ же пріемъ: изъ общей рыночной стоимости всѣхъ товаровъ обрабатывающей промышленности вычесть общую стоимость сырья и топлива.

Примѣняя этотъ способъ исчисленія къ 1900 году, мы получимъ, что дѣйствительная производительность фабрикъ и заводовъ по производствамъ, не обложеннымъ акцизомъ, въ Европейской Россіи и на Кавказѣ, была равна:

2.048.416,000 р. — (1.353.110,000 + 101.726,000) **) р. = 593.580,000 руб., т. е. въ 3 слишкомъ раза менѣе указанной въ сборникѣ.

*) Точнымъ предлагаемый нами способъ нельзя считать уже потому, что, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго, въ составѣ «дѣйствительной производительности» приходится оставлять, между прочимъ, расходы на освѣщеніе, ремонтъ зданій и инвентаря, каковые расходы увеличиваютъ стоимость производимыхъ издѣлій за счетъ ранѣе созданныхъ, а не вновь создаваемыхъ цѣнностей.

**) Числа, стоящія въ скобкахъ означаютъ стоимости сырого матеріала и топлива.

Для правильной оцѣнки производительности фабрикъ и заводовъ, не вошедшихъ въ сборникъ отдѣла промышленности, какъ, напр., производствъ, обложенныхъ акцизомъ, приходится пользоваться, за отсутствіемъ для этихъ заведеній полныхъ свѣдѣній о сырьѣ и топливѣ, сравнительными данными упомянутаго сборника для подобныхъ же производствъ. Путемъ сравненія возможно, напримѣръ, достаточно точно установить расходъ топлива въ производствахъ, обложенныхъ акцизомъ, а на основаніи данныхъ о сырьѣ и среднихъ цѣнахъ, приводимыхъ въ сборникѣ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ за 1900 годъ, опредѣлить стоимость сырыхъ матеріаловъ, употребленныхъ въ этихъ производствахъ. Вся валовая стоимость продуктовъ, облагаемыхъ акцизомъ, оцѣнивается „Статистикой производствъ, обложенныхъ акцизными сборами“ (Изд. Гл. упр. неокл. сборовъ) за 1900 годъ въ 411.075,000 руб. Сырые матеріалы и топливо при этомъ составляютъ сумму въ 309.000,000 руб. *); такимъ образомъ, дѣйствительная производительность названныхъ заведеній будетъ: 411.075,000 руб.—309.000,000 руб.=*102.075,000 руб.*

Наконецъ, для оцѣнки дѣйствительной производительности горно-заводскихъ предпріятій, не учтенныхъ упомянутыми выше сборниками, вполнѣ возможно принять разсчетъ, предложенный В. Е. Варзаромъ (см. „Статистическія таблицы 1892—1900 гг.“), а именно, оцѣнивать производные продукты чугуна по разницѣ средней цѣны желѣза и чугуна, согласно цѣнамъ 1900 года, единообразно въ 80 к. пудъ (1 пудъ чугуна въ среднемъ стоитъ 60 к., пудъ же желѣза 1 р. 40 к.,—слѣдовательно, пріобрѣтенная стоимость на 1 пудъ издѣлія въ желѣзодѣлательныхъ производствахъ=1 р. 40 к.—60 к.=80 к.). Если примѣнить этотъ разсчетъ къ даннымъ „Сборника статистическихъ свѣдѣній о горнозаводской промышленности Россіи за 1900 годъ“, изд. горнымъ ученымъ комитетомъ, то получимъ, что дѣйствительная цѣнность всѣхъ ископаемыхъ (металлы, уголь и проч., за исключеніемъ рудъ), чугуна и производныхъ чугуна составляла *483.874.000 р.*

Такимъ образомъ, дѣйствительная производительность крупной русской промышленности, за исключеніемъ казенныхъ предпріятій, въ 1900 году равнялась:

1) По производствамъ, не обложеннымъ акцизомъ.	593.580,000	руб.
2) По производствамъ, обложеннымъ акцизными сборами	102.075,000**)	„
и 3) По горнымъ и горнозаводскимъ предпріятіямъ	483.874,000	„
Всего	1.179.529,000	руб.

*) Сумма исчислена указаннымъ выше способомъ.

**) Акцизъ исключенъ.

Между тѣмъ, цитированные оффиціальные сборники исчисляли эту производительность въ 2.943.365.000 руб., т. е. въ 2½ раза больше *дѣйствительной*.

Понятно, что приведенная мною цифра 1.179,529 тысячъ рублей не можетъ претендовать на совершенную точность, что явствуетъ изъ самаго способа полученія результата; на нее слѣдуетъ смотрѣть скорѣе, какъ на первое приближеніе, и лишь постольку она и должна быть отмѣчена. Говоря о дѣйствительной цѣнности продуктовъ русской промышленности, необходимо, кромѣ того, помнить, что русскія цѣны, благодаря высокимъ таможеннымъ ставкамъ, значительно преувеличены съ цѣнами мірового рынка.

Заключающіяся въ новомъ сборникѣ отдѣла промышленности подробныя данныя объ издержкахъ производства позволяютъ не только выдѣлить для каждой вошедшей въ него группы производствъ дѣйствительную производительность изъ общей суммы производства, но и, что очень важно, прослѣдить до извѣстной степени распредѣленіе создаваемаго въ этихъ производствахъ національнаго дохода между отдѣльными классами.

Сырые матеріалы и топливо являются главнѣйшими статьями расхода. Лишь въ одной группѣ производствъ—по обработкѣ минеральныхъ веществъ,—они составляютъ 42,7% всей суммы производства; во всѣхъ же остальныхъ—бо̀льшую половину валовой стоимости издѣлій, достигая въ производствахъ по обработкѣ питательныхъ веществъ 85,6%, животныхъ продуктовъ 81,0% и въ текстильной промышленности 71,6%. Такимъ образомъ, въ громадной части производствъ на долю „дѣйствительной“ производительности приходится меньшая половина суммы, исчисляемой оффиціальною статистикою; въ нѣкоторыхъ случаяхъ доля эта составляетъ всего 14% этой суммы.

Другія „издержки производства“, между которыми сборникъ распредѣляетъ дѣйствительную производительность, таковы:

1) заработная плата,

2) администрація и служащіе,

3) освѣщеніе, содержаніе и ремонтъ зданій и инвентаря,

4) страхованіе имущества, налоги,

5) расходы въ пользу рабочихъ, какъ, напр., училища, врачебная помощь, страхованіе

и 6) разные расходы: торговые, коммиссіонные, непредвидѣнные и прибыль.

Заработная плата рабочихъ въ бо̀льшей части производствъ составляетъ примѣрно ½ „дѣйствительной“ производительности; такъ, въ производствахъ по обработкѣ металла она равна 58,7%, минеральныхъ веществъ 56,5%, дерева 47,4%, волокнистыхъ и животныхъ веществъ—45,6—45,8%. Наинизшая доля рабочихъ—

въ производствахъ по обработкѣ питательныхъ веществъ (24,3%) и въ химическихъ производствахъ (28,4).

Доля администраціи и служащихъ колеблется отъ 8,8% (текстильная промышленность) до 13,7% (химическая промышленность). Расходы на освѣщеніе, содержаніе зданій и инвентаря приблизительно одинаковы и въ среднемъ составляютъ 7%. Страхованіе имущества и налоги также отличаются мало, составляя отъ 3,5% до 7,6%.

Крупная доля „дѣйствительной" стоимости произведенныхъ издѣлій приходится на нераспредѣленную часть расходовъ, каковыми являются расходы торговые, непредвидѣнные и прибыль. Часть эта тѣмъ больше, чѣмъ меньше доля рабочихъ, и наоборотъ. Такъ, въ обработкѣ металла она составляетъ 15,8% всей „дѣйствительной" стоимости, а въ производствахъ по обработкѣ питательныхъ веществъ — 45,8%. Для наглядности ниже приводится таблица % отношеній составныхъ частей „дѣйствительной производительности", при чемъ ради простоты заработная плата, расходы на администрацію и служащихъ, а также расходы въ пользу рабочихъ (училища, врачебная помощь, страхованіе) сведены въ одинъ столбецъ; точно также соединены вмѣстѣ смѣшанные расходы: освѣщеніе, содержаніе зданій и инвентаря, страхованіе имущества и налоги. Производства расположены въ порядкѣ уменьшенія доли рабочихъ и служащихъ и, наоборотъ, увеличенія торговыхъ расходовъ и прибыли.

Названія производствъ.	Заработная плата рабочихъ, содержаніе администраціи и служащихъ, расходы въ пользу рабочихъ.	Освѣщеніе, содержаніе зданій и инвентаря, страхованіе имущества и налоги.	Торговые, непредвидѣнные расходы, прибыль.
Обработка металла	73,7%	10,5%	15,8%
„ минеральн. веществъ	69,6	13,2	17,2
„ дерева	58,6	12,3	29,1
„ волокн. веществъ	57,2	13,7	29,1
„ животн. „	56,3	12,6	31,8
Производство бумаги	52,6	12,4	35,0
„ химическое	44,1	16,0	39,9
Обработка питательныхъ продуктовъ	36,8	17,4	45,8

Не малый интересъ представляютъ содержащіяся въ сборникѣ данныя о стоимости рабочей силы, производительности труда, стоимости оборудованія и двигателей. Предварительно необходимо сказать нѣсколько словъ о способахъ оцѣнки рабочей силы. Обыкновенно стоимость послѣдней выражаютъ въ заработной платѣ за годъ, мѣсяцъ или день. Средняя заработная плата за

годъ въ данномъ производствѣ получилась бы путемъ дѣленія всей заработной платы на все количество рабочихъ въ этомъ производствѣ. Легко замѣтить, что полученные такимъ образомъ результаты несравнимы: рабочій періодъ производства не вездѣ одинаковъ: въ однихъ производствахъ онъ захватываетъ круглый годъ, въ другихъ только часть года, даже въ различныхъ заведеніяхъ одного и того же производства этотъ періодъ не одинаковъ; такимъ образомъ, средняя заработная плата, явившаяся результатомъ дѣленія всей заработной платы на среднее за рабочій періодъ количество рабочихъ, въ одномъ случаѣ относилась бы ко времени въ годъ, въ другихъ—ко времени въ нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ, и рабочій день въ разныхъ производствахъ различенъ. Совсѣмъ другое дѣло, если мы вычислимъ все *дѣйствительное количество труда,* потраченное на производство продуктовъ даннаго производства, какъ *произведеніе средняго числа часовъ за весь рабочій періодъ въ году на среднее количество рабочихъ за тотъ же промежутокъ времени.* Такой пріемъ даетъ возможность опредѣлить среднюю стоимость 1 часа труда одного рабочаго. Понятно, было бы еще правильнѣй сдѣлать среднюю оцѣнку часового труда отдѣльно мужского, женскаго и дѣтскаго. Но, къ сожалѣнію, въ сборникѣ заработная плата не расчленена.

Наивысшая средняя заработная плата приходится на обработку металла — 12,8 коп. за 1 часъ работы; въ обработкѣ дерева заработная плата равна 11,5 коп., въ химическихъ производствахъ 10,2 коп. въ часъ, въ производствѣ по обработкѣ животныхъ продуктовъ часъ труда стоитъ 9,4 коп., питательныхъ веществъ 9,0 коп. Низшій уровень заработной платы въ текстильной промышленности—7,2 коп. въ часъ. Сравненіе производительности труда, выраженной въ цѣнности созданныхъ имъ издѣлій, съ часовой оплатой того же труда приводитъ къ установленію прямой зависимости высоты заработной платы отъ производительности труда: въ тѣхъ производствахъ, въ которыхъ заработная плата наивысшая, напр., въ обработкѣ металла, дерева химическихъ и животныхъ продуктовъ, въ которыхъ она въ среднемъ составляетъ 11 коп. въ часъ, дѣйствительная цѣнность часовой производительности одного рабочаго также наивысшая въ среднемъ 25,5 коп.; наоборотъ, въ текстильной промышленности, обработкѣ минеральныхъ и бумажныхъ продуктовъ при низшей средней заработной платѣ въ 7,9 коп. въ часъ и производительность меньше—16,6 коп. Любопытно, что какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ производствахъ доля рабочаго составляетъ примѣрно половину „дѣйствительно" произведенной имъ въ теченіе часа цѣнности. Отступленіе отъ этой вполнѣ понятной зависимости, представляетъ лишь обработка питательныхъ продуктовъ: въ 1 часъ труда производится здѣсь наивысшая, сравнительно съ

другими производствами, „дѣйствительная“ цѣнность въ 70,1 коп., между тѣмъ стоимость труда въ этомъ производствѣ не наивысшая—всего лишь 9 коп. часъ; доля труда, такимъ образомъ, здѣсь наинизшая, равная $^{1}/_{4}$ произведенной цѣнности. Объясняется это, во первыхъ, тѣмъ, что при обработкѣ питательныхъ продуктовъ (главнымъ образомъ мукомольное производство) въ созданіи „дѣйствительной“ цѣнности очень большое участіе принимаетъ двигательная сила механизмовъ, и, во-вторыхъ, еще тѣмъ, что въ этомъ производствѣ очень велики (что видно изъ приведенной выше таблицы) торговые расходы и предпринимательская прибыль.

Представлялось бы крайне интереснымъ установить ту или иную зависимость между производительностью человѣческаго труда, съ одной стороны, и богатствомъ оборудованія и размѣрами примѣненія механической двигательной силы—съ другой. Имѣющіяся въ сборникѣ данныя не позволяютъ, однако, сдѣлать на этотъ счетъ какія либо опредѣленныя заключенія. Въ нижеслѣдующей таблицѣ приведены данныя о числѣ часовъ труда, количествѣ рублей оборудованія и числѣ тысячныхъ долей лошадиныхъ силъ двигателей, приходящихся на 1 рубль „дѣйствительно“ произведенной цѣнности. Производства расположены въ порядкѣ уменьшенія производительности труда.

Названіе производствъ.	Число часовъ труда.	Количество рублей оборудованія.	Число лошад. силъ двигателей въ $^{1}/_{1000}$ доляхъ.
1) Обработка питательныхъ веществъ	2,7	1,3	2,3
2) Химическое производство.	2,8	1,4	0,9
3) Обработка дерева	4,1	0.7	1,4
4) „ металла	4,6	0,9	1,2
5) „ животныхъ продуктовъ	4.9	0,6	[illegible],4
6) Производство бумаги	5,2	1,6	1,8
7) Обработка волокнистыхъ веществъ	6,4	1,5	1,6
8) „ минеральныхъ производствъ	6.7	0,7	0,8

Какъ видно изъ таблицы, наиболѣе производителенъ трудъ въ производствахъ питательныхъ веществъ и химическихъ продуктовъ. При сравненіи этихъ производствъ съ обработкой дерева и металла, замѣчается прямая зависимость между оборудованіемъ и производительностью труда: чѣмъ богаче оборудованіе, тѣмъ производительнѣй трудъ рабочаго. Нельзя того же сказать относительно двигательной силы: въ химическомъ производствѣ двигательная сила примѣняется въ меньшихъ размѣрахъ, нежели при обработѣ дерева и металла, между тѣмъ по производительности труда послѣднія производства ниже. Явленіе это должно быть объяснено неодинаковостью техническихъ условій

производства. Вообще сравненіе между собою производствъ, часто весьма разнородныхъ, должно дѣлаться съ большею осторожностью, въ особенности когда рѣчь идетъ о производительности труда. Непосредственное сравненіе можетъ привести часто къ явно несообразному выводу. Такъ, при сравненіи первыхъ двухъ производствъ (питательные и химическіе продукты) съ 6-мъ и 7-мъ (бумага и волокнистыя вещества) оказывается, что производительность труда въ послѣднихъ, богаче оборудованныхъ производствахъ, вдвое меньше, нежели въ первыхъ, т. е. какъ будто бы наблюдается и обратная зависимость между производительностью труда и оборудованіемъ. Въ данномъ случаѣ сравненіе производствъ затрудняется не только различіемъ техническихъ условій производства, но и неодинаковостью состава рабочихъ: въ то время, какъ въ первыхъ двухъ производствахъ женскій и дѣтскій трудъ примѣняется весьма мало, въ текстильной промышленности процентъ женскаго и дѣтскаго труда очень высокъ—48%, и въ бумажномъ производствѣ—36%. Припомнимъ, что въ послѣднихъ производствахъ и заработная плата наинизшая. Такимъ образомъ, сравненіе упомянутыхъ производствъ скорѣе можетъ привести къ слѣдующему выводу: не смотря на богатство оборудованія и значительность примѣненія двигательной силы, производительность труда въ текстильной и бумажной промышленности значительно ниже, чѣмъ въ другихъ производствахъ, что должно быть, главнымъ образомъ, объясняемо большимъ сравнительно съ другими производствами примѣненіемъ женскаго и дѣтскаго труда, плохо оплачиваемаго и мало производительнаго.

Николай Саввинъ.

Мечтанія.

Ни для кого не тайна, что надежды на всеобщій передѣлъ и „равненіе“ земли давно уже зародились въ нашей деревнѣ. Надежды эти, не смотря на несомнѣнные, убѣдительнѣйше охлаждающіе факты дѣйствительности, продолжаютъ до сихъ поръ съ удивительной живучестью держаться въ народѣ, поддерживаясь, Богъ вѣсть, какими и, Богъ вѣсть, откуда выходящими слухами. Если вы разговоритесь въ вагонѣ желѣзной дороги, на пароходѣ, у монастырской ограды съ мужикомъ, разговоритесь въ такое время, когда у него есть досугъ, когда онъ не „бьется“, не „умираетъ“ на работѣ, и разговоритесь не какъ „баринъ“, не тономъ снисходительнаго превосходства, не съ скучающимъ видомъ, показывающимъ, что вы затѣяли разговоръ „такъ“, „отъ

нечего дѣлать", а съ капелькой вниманія къ собесѣднику, интереса къ его выводамъ, положеніямъ, наблюденіямъ, къ его нуждамъ, то вы непремѣнно услышите среди разговора слухи о „нарѣзкѣ", о „равненіи" земли

— Теперя вотъ слыхали,— наклоняясь въ вашу сторону и понизивъ голосъ, конфиденціально сообщитъ вамъ собесѣдникъ:— въ Самарѣ, баютъ, вышло равненіе. Наши пришли по осени съ Волги, сказывали,— бумага пришла объ этомъ... чтобъ нарѣзывать землю..

И вамъ невозможно будетъ разубѣдить его, доказать, что слухи эти ложны, что имъ не слѣдуетъ придавать никакого значенія. Вашъ собесѣдникъ приведетъ вамъ столько соображеній въ пользу *необходимости* нарѣзки, выкажетъ передъ вами, особенно, если онъ довѣряетъ вамъ, „какъ своему брату", такую твердую, непоколебимую увѣренность въ неизбѣжности этой „нарѣзки" и „равненія", что вы сами въ концѣ концовъ начнете, если не вѣрить, то соглашаться съ его вѣрою. „Нарѣзка" и „равненіе" при теперешнемъ все прогрессирующемъ безземельѣ мужика дороги ему, хотя бы какъ мечта о будущемъ золотомъ вѣкѣ, когда ему можно будетъ „передохнуть", „поправиться", мечта, на которой можно время отъ времени отдохнуть душою.

И эти мечты о землѣ, о „нарѣзкѣ" вы встрѣтите не только у мужика, этого прирожденнаго поклонника земли, „ржаного поля", но и у мѣщанина, ремесленника, мелкаго торговца и прочаго безземельнаго, кое-какъ перебивающагося люда, давно уже порвавшаго непосредственную связь съ землею и, казалось бы, ничего общаго не имѣющаго съ „нарѣзкой". Мечты о нарѣзкѣ о „своей землѣ", у этого люда сильны и ярки не менѣе, чѣмъ у мужика. И чѣмъ тяжелѣе живется человѣку, чѣмъ больше ему приходится „биться" изъ за куска хлѣба, тѣмъ сильнѣе мечтаетъ онъ о землѣ, тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ ждетъ „нарѣзки", какъ избавленія отъ „каторжной жизни", тѣмъ съ большимъ вниманіемъ прислушивается онъ ко всякимъслухамъ и толкамъ объ этой нарѣзкѣ. Мнѣ однажды пришлось сильно удивиться, натолкнувшись въ одномъ глухомъ степномъ хуторѣ Донской области на такое страстное ожиданіе земли торговымъ мѣщанскимъ людомъ.

На Дону, въ каждомъ, даже самомъ маленькомъ глухомъ хуторишкѣ непремѣнно встрѣтится человѣкъ, именующій себя при сношеніяхъ съ предержащими властями прежде всего „иногороднимъ", и потомъ уже выясняющій болѣе подробно свое настоящее званіе: такой-то губерніи, уѣзда, города мѣщанинъ или крестьянинъ... Такой „иногородній" человѣкъ въ большинствѣ случаевъ лицо торговое: лавочникъ, дегтярь, шерстеникъ, хлѣбникъ, вообще „масъ", — лицо, кормящееся около казака земледѣльца, удовлетворяющее его хозяйственнымъ нуждамъ. Этотъ торговый людъ, за немногими исключеніями, выходцы изъ сѣверныхъ и,

преимущественно, среднихъ губерній. Безземелье, нужда, безхлѣбье, отсутствіе дѣлъ выгоняютъ его изъ „Расеи“, изъ дому и послѣ долгихъ мытарствъ загоняютъ на Донъ.

Особенно большой наплывъ „иногороднихъ“ сталъ замѣчаться на Дону въ послѣднія десять—пятнадцать лѣтъ, вмѣстѣ съ расширеніемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ въ средней полосѣ Россіи. Каждая новая желѣзнодорожная вѣтка, образовавъ новые пункты торговли, новые рынки сбыта, оставляла въ сторонѣ не у дѣлъ, много старыхъ торговыхъ мѣстъ, стянувшихъ уже около себя массу торговаго и промышленнаго люда, „обсидѣвшагося“, „пустившаго корни“ на этихъ старыхъ мѣстахъ. Весь этотъ людъ, оставшись въ сторонѣ отъ желѣзной дороги, поставленный въ невозможность конкуррировать съ новыми мѣстами, вмѣстѣ съ упадкомъ торговли, съ переводомъ покупателя, скоро очутился въ положеніи, характеризуемомъ словами: „хоть ложись и помирай“.

Однако, „умирать“ было какъ-то неловко, „несподручно“ и непривычно для этого люда, привыкшаго къ бойкой торговой базарной сутолокѣ. И онъ не умеръ, не перевелся. Пообглядѣвшись и „привѣсившись“ къ „новымъ временамъ“, онъ и самъ началъ пробовать пристраиваться къ новымъ дѣламъ, потянулся на „новыя мѣста“. А такъ какъ всѣ, болѣе или менѣе „хлѣбныя“ мѣста были уже заняты, и такъ какъ онъ уже стронулся съ насиженнаго мѣста, возвращаться на которое не было ни возможности, ни смысла, то онъ, попытавъ счастья въ нѣсколькихъ мѣстахъ „по близости, въ своей округѣ“, скоро предавалъ свою судьбу всецѣло „въ руки Божіи“ и шелъ дальше, „не глядя“, не выбирая, руководствуясь единственной цѣлью „приткнуться“ и единственнымъ соображеніемъ „куда вынесетъ“. Нужда, отсутствіе заработка, „дѣла“, тоска, своего рода „зудъ“ по этому дѣлу, невозможность не только сколько нибудь прочно основаться на новыхъ мѣстахъ, но и приткнуться „мало-мало сносно,“—перегоняли его съ мѣста на мѣсто и послѣ долгихъ, иногда очень долгихъ мытарствъ загоняли на Донъ, гдѣ по расказамъ, разукрашеннымъ его досужей и голодной фантазіей, чуть ли не молочныя рѣки, берега кисельные, а земли—„завались“, „по самое горло“. Онъ помнилъ, что еще въ то время, какъ „подъ турку ходили“, сватовъ своякъ присылалъ письмо съ Дону, въ которомъ рисовалъ все житье на Дону словами „благодать Божія“.

„А житье у насъ на Дону къ любопытству вашему,—сообщалъ своякъ послѣ поклоновъ:—ничего, слава Богу. Занимаемся теперь краснымъ товаромъ и по бакалейной части. А сейчасъ овца подошла, беремъ. А ситецъ у насъ кубовый морозовскій, двугривенный торгуемъ. Цѣна стоитъ крѣпкая... Вотъ бы вамъ, братецъ, Иванъ Петровичъ, тоже переѣхать, въ компаніи торговать бы стали. Потомъ китайка да кумачъ больше идетъ. Бязь тоже въ цѣнѣ теперь...“

Припоминался ему также и самъ своякъ, и его разсказы про Донъ, когда онъ пріѣзжалъ послѣдній разъ „въ Расею“ провѣдать своихъ. Своякъ выглядѣлъ купцомъ, собирался въ Нижегородскую, сорилъ деньгами и, говорили, живетъ теперь хорошо. Самъ своякъ хвастался тогда житьемъ, разсказывалъ о баснословной дешевизнѣ шкуръ, хлѣба, пера, пуха, овецъ, и о еще болѣе баснословной дороговизнѣ аршина китайки.

Вся эта „благодать“, сообщенная тогда своякомъ „къ любопытству“ и принятая именно, какъ интересная подробность— „чего не бываетъ на бѣломъ свѣтѣ!“—теперь припоминалась ему, разжигала его воображеніе и рисовала самыя свѣтлыя перспективы въ будущемъ,—возможность „отдышаться“, „поправиться“, „передохнуть“.

И вотъ онъ шелъ на Донъ съ самыми розовыми надеждами и широчайшими ожиданіями и шелъ, большею частью, съ однимъ кнутомъ въ рукахъ.

На первыхъ порахъ такой людъ обыкновенно начиналъ свое житье-бытье въ большихъ придонскихъ торговыхъ станицахъ. Нѣкоторымъ удавалось пристроиться въ молодцы къ какому нибудь изъ мѣстныхъ торговцевъ, большинство же, поставленное въ невозможность конкуррировать съ мѣстными, твердо усѣвшимися и „пріучившими“ уже покупателя торговцами и руководимое страстнымъ нетерпѣливымъ желаніемъ урвать поскорѣе, „сразу“, „отчаливало“ изъ станицы въ какой нибудь глухой хуторъ, гдѣ можно было бы вести торговлю одному безъ конкуррентовъ и гдѣ, самое главное, можно было бы „на грошъ пятаковъ намѣнять“.

Но такихъ счастливыхъ „удачливыхъ“ мѣстъ въ послѣднее время становилось все меньше и меньше. И въ самыхъ глухихъ углахъ начала появляться конкурренція, и „благодать“, обрисованная своякомъ, перестала быть тою благодатью, при которой отъ чистаго сердца можно было сказать: „жизнь—умирать не надо!“... Казакъ уже былъ немного „обученъ“ предшественниками, во времена свояка поживившимися тутъ вволю. Онъ уже началъ привыкать „жить съ оглядкой“, пріучился считать на сотни, отвѣшивать пудами и фунтами, а не горстью; у него уже завелись и вѣсы, и пружинный „кентарь“—безмѣнъ, и казенная, вывѣренная мѣра; по пути „опаски и оглядки“ онъ дошелъ до сознанія необходимости „съ нынѣшнимъ народомъ“ писать росписки и свидѣтельствовать ихъ въ правленіи у атамана. Аршинъ ситцу не былъ уже такою рѣдкостью въ хуторѣ, чтобы можно было за этотъ аршинъ вымѣнять мѣшки хлѣба и потомъ „еще нажить“ и на этихъ мѣшкахъ. Хлѣбъ, шерсть, перо, пухъ уже нельзя стало купить „чохомъ“, „на глазокъ“... Прежній престижъ „торговаго“ упалъ. Появленіе торговаго на хуторѣ уже не производитъ сенсацію, перестало быть для хутора событіемъ, собиравшимъ около него все населеніе; ночлегъ торговаго во дворѣ пе-

ресталъ уже считаться честью для хозяевъ двора; съ торговаго стали брать за ночлегъ, за сѣно, овесъ, самоваръ; „торговымъ" перестали уже пугать разбаловавшихся ребятишекъ.

— Ужъ и ребятишки не боятся!—говорилъ мнѣ съ огорченіемъ одинъ такой „торговый", жалуясь на новыя времена и характеризуя этимъ „нонѣшній, поумнѣвшій народъ".

Урвать „сразу" по „теперешнимъ временамъ" стало невозможнымъ. Пришлось сжиматься, перебиваться съ хлѣба на воду, сколачивать по копѣйкѣ, работая, не покладая рукъ, и плутуя по мелочамъ, а мечты и ожиданія „поправиться" отложить на неопредѣленное время въ дальній уголъ.

Нѣкоторые, незначительное меньшинство,„ выбиваются въ люди", большинство же остается тѣмъ же, чѣмъ и было, продолжаетъ кое какъ „сводить концы съ концами", чуть не голодаетъ, завидуетъ немногимъ сумѣвшимъ выбиться счастливцамъ, иногда негодуетъ, клевещетъ и объясняетъ свою неудачу и чужой „успѣхъ какимъ-то фаталистическимъ „повезло", „полоса", „въ полосу попалъ".

Мнѣ приходилось встрѣчать такого „торговаго", завѣтною и, судя по сокрушенному тону, трудно достижимою цѣлью котораго было—„зашибить десятку".

— Мнѣ бы только десяточку, кадила раздуть! — говорилъ онъ:—А тамъ бы я пошелъ...

И онъ строилъ широчайшіе и удивительно стройные планы дальнѣйшаго благополучія. Весь его товаръ помѣщался на маленькихъ ручныхъ салазкахъ, вродѣ тѣхъ, что служатъ ребятамъ для катанія съ горъ Казалось бы, положеніе купца, весь наличный товаръ котораго не превышалъ стоимостью „трешницы", не должно бы было возбуждать иного чувства, кромѣ жалости и состраданія къ такой „оплаканной" торговлѣ, однако находились другіе „торговые", которые съ завистью смотрѣли на Андреяна.

— Вишь ты,—Андреянъ то: семь цалковыхъ, говоритъ, выручилъ за недѣлю, и половина товару цѣла!—указывалъ на него другой купецъ, размечтавшійся о возможности „зашибить деньгу", и указывалъ не съ ироніей, а съ самымъ серьезнымъ, почтительно-завистливымъ видомъ, съ мыслью, что Андреяну „везетъ".

Это „везетъ", „полоса" являясь перефразировкой „случая", „судьбы", даетъ всетаки тѣмъ, кому „не повезло", возможность реабилитировать себя, хотя бы въ своихъ собственныхъ глазахъ, легче смотрѣть на свѣтъ Божій и мечтать о праздникѣ на своей улицѣ, все о томъ же „передохнуть".

Мечты эти, задавленныя суровой дѣйствительностью, вспугнутыя рѣзкимъ контрастомъ настоящаго Дона съ воображаемыми кисельными берегами, отложенныя въ дальній уголъ, время отъ времени всплываютъ наружу, всплываютъ какъ-то періодически,

сразу у всѣхъ и порождаютъ въ средѣ этого пришлаго, „иногороднаго“, безземельнаго и безденежнаго люда горячіе толки, новыя надежды на близкое болѣе свѣтлое будущее.

На одну изъ такихъ вспышекъ надежды на перемѣну обстоятельствъ и пришлось мнѣ натолкнуться въ глухомъ степномъ хуторѣ Донской области.

II.

Заѣхалъ я какъ-то зимой по дѣлу въ хуторъ Базной. Вмѣсто того, чтобы кончить всѣ дѣла въ два дня и уѣхать обратно, мнѣ пришлось проторчать въ хуторѣ недѣли полторы. То то, то другое... То пріятелю моему нельзя отлучиться со мной, а безъ него я, какъ безъ рукъ, то мятель поднялась—„носа высунуть нельзя“, то помѣщикъ, съ которымъ я имѣлъ дѣло, выѣхалъ экстренно въ окружную станицу и просилъ подождать его денька два, растянувшіеся въ цѣлыхъ пять.

Если вы жили зимою въ деревнѣ, то вы поймете ту скуку, тоску, которая охватила меня въ концѣ концовъ. Ни книгъ, ни газетъ, ни сколько-нибудь сноснаго общества. Съ пріятелемъ мы другъ другу на третій уже день надоѣли до смерти. Одно и то же, тѣ же разговоры, что я слышалъ мѣсяца два тому назадъ, тѣ же остроты, тѣ же прибаутки за третьей рюмкой, которыя я знаю наизусть,—новости вродѣ того, что Арина вышла замужъ, а Иванъ Евтѣичъ умеръ, быстро исчерпались,—и на третій уже день по пріѣздѣ меня охватила тоска, та безпредметная, тупая тоска, при которой вы не можете ни работать, ни думать, ни гулять, при которой все вамъ кажется такимъ ненужнымъ, лишнимъ и которая все сильнѣе и сильнѣе разгорается отъ окружающей васъ тишины и безлюдья...

Тоска, невыносимая тишина въ этомъ маленькомъ, такомъ уютномъ, жарко натопленномъ домикѣ выгнали меня какъ-то вевечеромъ изъ дому. Захотѣлось „на люди“, захотѣлось непринужденнаго бойкаго разговора, шума, смѣха, оживленія, и я пошелъ къ знакомому торговому, Петру Ивановичу Козлову, зная, что, если онъ дома, непремѣнно застану у него кого нибудь изъ иногородныхъ.

Петръ Ивановичъ сидѣлъ за столомъ и пилъ чай. Вмѣстѣ съ нимъ „чайничали“ еще двое иногородныхъ—его сосѣди: Василій Ѳедосьевичъ, старикъ лѣтъ 80, извѣстный болѣе подъ кличкой дѣда Василія, старый „вѣковой“ торговый, лѣсъ сорокъ ходившій съ коробкой по Дону и знавшій „свои мѣста“, какъ пять пальцевъ, и Прокунинъ „дегтярь“, крѣпкій, сильный и угрюмый человѣкъ, настойчиво, по щепочкѣ сколачивавшій свое благосостояніе. Я хорошо зналъ ихъ всѣхъ, такъ какъ, случалось, по-

долгу живалъ въ этомъ хуторѣ, и они знали меня и смотрѣли на меня, какъ на „своего человѣка".

Когда послѣ обычныхъ разспросовъ про здоровье, дѣла, житье и отвѣтовъ, вродѣ „ничего, слава Богу... живемъ, хлѣбъ жуемъ", я усѣлся къ столу и мнѣ налили стаканъ крѣпкаго, какъ кофе, чаю, дѣдъ Василій обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Ну, ты тамъ въ городахъ живешь—ближе нашего слышишь, что о землѣ чево говорятъ?

— О какой землѣ?

— А что нарѣзка будетъ?

Вопросъ удивилъ меня. Если я прежде встрѣчался съ толками о землѣ, о нарѣзкѣ, то встрѣчался съ ними у мужиковъ, для которыхъ земля была непосредственной „поилицей—кормилицей", теперь же меня поразило больше всего то обстоятельство, что о „нарѣзкѣ" заговорилъ дѣдъ Василій, котораго я зналъ, какъ именно „вѣкового" торговаго, всѣ разговоры котораго вертѣлись прежде исключительно на торговлѣ, на дѣлахъ, на способѣ „заработать".

— Ничего не знаю. А развѣ вы ждете земли?

— Ка-акъ же! Землю, матушка моя, нарѣзывать безпремѣнно будутъ... равненіе, стало быть, выйдетъ всѣмъ.

— Какую же землю?

— Такую. Панскую. Ай не слыхалъ вовсе? Давно ужъ баютъ про это... отъ пановъ отберутъ землю, а потомъ и раздѣлятъ поровну.

— Болтаютъ по двадцати десятинъ?..—полувопросительно вставилъ Петръ Иванычъ.

Прокунинъ засмѣялся.

— Ты чего?—ревниво уставился на него дѣдъ Василій.

— Да какъ же!? по двадцати десятинъ!

— Ну?

— Дожидайся!

Прокунинъ хлебнулъ изъ блюдечка, фыркнулъ еще разъ и закашлялся. Кашляя, онъ порывался сказать еще что-то и только махалъ рукой по направленію дѣда Василія, останавливая готовое у того сорваться возраженіе.

Прокунинъ, какъ видно, плохо вѣрилъ въ нарѣзку, хотя и не разъ слыхалъ о ней. Это былъ человѣкъ, много видавшій, много извѣдавшій „своей шкурой", какъ онъ выражался, съ недовѣріемъ относившійся ко всему, что носило характеръ оффиціальной мѣры или распоряженія, хотя бы это распоряженіе было направлено всецѣло на улучшеніе участи его, Прокунина. Во всемъ онъ видѣлъ, если не прямо налогъ, бьющій его по карману, то, во всякомъ случаѣ, новое средство для выбиранія у него денегъ засѣдателемъ или атаманомъ и съ этой точки зрѣнія оцѣнивалъ всякія касавшіяся его реформы и мѣропріятія.

— Попомните мое слово, даромъ это вамъ не пройдетъ! — угрожалъ онъ собесѣдникамъ по поводу новаго устава о паспортахъ:—Какъ бы хуже не вышло! То въ волости тебя водили, а теперь и засѣдатель поводитъ.

— Да пойми ты, дурья голова, что отсрочка,—разъясняли ему собесѣдники:—Марку на шесть мѣсяцевъ!

— Знаемъ! Марку!!. то-то оно и есть. Поди-ка ты за маркой, сунься-ка! Что онъ тебѣ запоетъ? А—а! Тутъ-то онъ тебя досыта поводитъ...

Понятно, что при такомъ взглядѣ на все, исходящее сверху, ему плохо вѣрилось въ возможность передѣла, въ возможность имѣть когда-нибудь „свой" надѣлъ, „свою" землю, хотя бы и хотѣлось вѣрить.

— Какъ же ты отберешь у пановъ землю, когда она ихняя?— спросилъ онъ, откашлявшись.

— Какъ отнять? Вона! крестьянъ отняли же, не поглядѣли?! А то...

— Откуда вы все это взяли?—спросилъ я.

— Сорока на хвостѣ принесла,—иронически вставилъ Прокунинъ и снова засмѣялся:—И выдумаютъ же люди... землю!

— Нѣтъ, ты миленькій, не говори такъ,—съ ажитаціей заговорилъ дѣдъ Василій:—не сорока, а люди говорятъ... Вѣрно это... гласъ народа... Вонъ я молодымъ еще былъ, съ коробкой хаживалъ, такъ старикъ одинъ говорилъ мнѣ.. древній такой старикъ былъ,—книжки все читалъ... Зашелъ я къ нему, сижу вотъ такъ, какъ съ тобой бы теперь. Онъ читалъ, читалъ и говоритъ:—Вотъ, говоритъ, Василій, придетъ время огненные жеребцы будутъ бѣгать, да, говоритъ, весь свѣтъ веревкой опутаютъ. — Я и засмѣялся:—какъ же такъ, говорю, дѣдушка, такая-то чушь и писана въ книгахъ?—Писана, мой сударикъ, писана...—Какъ же, спрашиваю, они будутъ бѣгать, а балки, теперь, рѣки?—Ну, ужъ не знаю, говоритъ, а только будутъ бѣгать.. Мнѣ не доведется увидать, не доживу може, а ты увидишь.. Оно и правда, такъ и вышло..

Внушительно звучало въ устахъ дѣда Василія это подтвержденіе положенія „гласъ народа"; отъ его внушительной сѣдобородой фигуры, отъ его спокойной увѣренности, отъ этихъ образовъ „огненныхъ жеребцовъ", подсказанныхъ какой-то невѣдомой книгой, вѣяло чѣмъ-то мистическимъ, непонятнымъ, вселяло немного жуткое, робко-почтительное чувство предъ той таинственной лабораторіей, въ которой отлились и созрѣли и эти образы, и эта увѣренность... Даже Прокунинъ не нашелъ что возразить противъ очевиднаго исполненія пророчества.

— Да вотъ теперь, говорятъ, всѣхъ казаковъ въ мужики повернутъ,—вмѣшался Петръ Иванычъ:—Мнѣ Мартынъ съ Гнилой рѣчки разсказывалъ. Перво на перво казаки, говоритъ, на майскую

не пойдутъ, а потомъ у нихъ и ланпасы сымутъ... Такъ оно и есть: нынѣшній годъ очередные не ходили въ лагери, а потомъ и ланпасы... дойдетъ!

— Погляжу я на васъ — и умный вы народъ собралися! — вмѣшалась жена Петра Иваныча, молча доселѣ перетиравшая чашки: — право! то есть умникъ на умникѣ...

— А что?

— Ничего, такъ я... сидимъ, сложа руки, да хочемъ, чтобы само въ ротъ валилось.

— Ты къ чему это?

— Да вотъ все къ тому же... объ землѣ объ этой. Замѣсто того, чтобы дѣло дѣлать, они лясы точутъ, земли дожидаются. На кой рожонъ земля-то вамъ?! Вы и съ своимъ дѣломъ управится не умѣете, а туда же... Ты, вонъ, сколько за мѣсяцъ-то заработалъ?—неожиданно перевела она разговоръ изъ области предположеній на фактическую почву.

Петръ Иванычъ заерзалъ на стулѣ:—Сколько бы не заработалъ, не объ томъ рѣчь у насъ.

— То-то вотъ оно и есть, такъ вотъ и всегда. Люди дѣло дѣлаютъ, копѣйку наживаютъ, а мы сидимъ... Сидите, батюшка, сидите, авось досидитесь до сумы.

— Да ты что, въ самомъ-то дѣлѣ, — запротестовалъ Петръ Иванычъ:—сыта вѣдь?!

— Что жъ что сыта?! Не ты вѣдь накормилъ? Кабы не работала сама, тоже насидѣлась бы голодная... И что за народъ, братцы мои!?—начала она уже тономъ причитанья, ни къ кому изъ насъ не обращаясь:—лежебокъ на лежебокѣ; хоть травушки не рости,—имъ все одно... Мой, вонъ, цѣлый мѣсяцъ на хутора и не заглядывалъ..

— Да чего ты на хуторахъ не видала? Какой дуракъ тебѣ теперь поѣдетъ?—тономъ отчаянія уже выкрикнулъ Петръ Иванычъ.

— Сидѣть лучше, оно конечно...

— Нѣтъ вотъ, пойду по первому сну, авось пошлетъ Господь..

— Голоштанники! Кругомъ ничего. Приходъ-то полтора, а расходу три... Колотилась вѣкъ...

— Ну, слова сказать нельзя—поѣхала!..· Работнику лучше.

— Туда же землю имъ дадутъ! Какой дуракъ, прости Господи, землю то вамъ дастъ.

— Найдутся, мамушка моя, дадутъ,—сдержанно, ласково отвѣтилъ Василій Өетисьевичъ.

— Поглядѣла бы я...

— Въ самомъ дѣлѣ, Василій Өетисьевичъ,—спросилъ я:—кто же задумалъ отобрать землю?

— Видишь ты,—началъ онъ:—въ шестомъ году еще ждали мы землю-то, да не вышло тогда... списковъ, вишь, не было...

А потомъ и списки составлять почали: перепись, знаешь, была... Тоже вѣдь надо понимать это — что къ чему: и младенцевъ, и всѣхъ...

Народная мысль, хотя ощупью, но всетаки разбиралась я очевидно, въ событіяхъ послѣднихъ лѣтъ, по своему осмысливая ихъ, освѣщая съ своей точки зрѣнія и группируя около „своей“ желанной цѣли.

— Силой что-ль, по твоему, отберутъ землю-то?—спросилъ Прокунинъ:—Поди-ка, вонъ, тронь у казака,—какъ онъ тебѣ фыркнетъ?!

— Нѣ-е. Какъ можно, моя мамушка, силой?! Силой ничего не возьмешь. Сами отдадутъ землю... Вотъ кабы, къ примѣру, всѣхъ раздѣться заставили,—всѣ бы раздѣлись, а ты нѣтъ. Тебѣ и скажутъ: что же ты, молъ, батюшка, Яковъ Семеновичъ, не раздѣваешься? Видишь вѣдь—всѣ раздѣвши? Ну, покрутишься, покрутишься—раздѣнешься! Нельзя иначе будетъ, коли всѣ раздѣвши... Такъ-то... сами, а силой—нельзя...

— Вѣдь панамъ—имъ на 49 годовъ земля то дана,—продолжалъ дѣдъ Василій:—какъ 49 годовъ пройдетъ, такъ и отберутъ землю всю въ козну, а потомъ и нарѣзка всѣмъ выйдетъ. Оно это давно ужъ идетъ, все такъ и подстроено.... Потому иначе и нельзя.

— Д-да-а, — протянулъ задумчиво Прокунинъ: — Хитро... А можетъ и правда оно такъ будетъ?! Давай-то, Богъ!..

И на него, видно, подѣйствовала наивная, но глубокая и страстная вѣра дѣда Василія и Петра Иваныча въ „нарѣзку“. Только онъ уже до самаго ухода не фыркалъ, не возражалъ, а сидѣлъ, насупившись, ушелъ въ себя...

Поздно ночью мы съ Прокунинымъ вмѣстѣ вышли отъ Петра Иваныча. Идти намъ было по дорогѣ. Прокунинъ молча, сердито-задумчиво шагалъ размѣренными шагами, словно отмѣривалъ пройденное разстояніе. Я тоже молчалъ.

— Да-а...—сказалъ вдругъ Прокунинъ, какъ будто заканчивая какую то мысль, и, помолчавъ, добавилъ со вздохомъ:—А завтра на хутора собираться надо... щетина пойдетъ теперь... Прощайте, С. Я. Бывайте здоровы.

— Прощайте, Прокунинъ.

Прокунинъ свернулъ въ переулокъ, и скоро его фигура затерялась во мракѣ...

С. Арефинъ.

Хроника внутренней жизни.

I. Заявленія новаго министра внутреннихъ дѣлъ.—Отклики, вызванные этими заявленіями въ общественныхъ учрежденіяхъ и въ печати.—Программа, создаваемая принципомъ довѣрія къ населенію.— Перемѣны въ составѣ и организаціи центральныхъ учрежденій министерства внутреннихъ дѣлъ.—Сообщенія министерства внутреннихъ дѣлъ.—II. Рѣчь министра народнаго просвѣщенія и новый приступъ къ школьной реформѣ.—III. Извѣстія изъ неурожайныхъ мѣстностей.—IV. Правительственныя распоряженія и сообщенія.—Правительственныя сообщенія относительно Финляндіи.—Административныя распоряженія по дѣламъ печати.

I

Должность министра внутреннихъ дѣлъ, остававшаяся вакантною въ теченіе шести недѣль послѣ смерти статсъ-секретаря Плеве, съ конца августа вновь замѣщена. Высочайшимъ указомъ 26 августа на эту должность назначенъ кн. Святополкъ-Мирскій, бывшій уже при покойномъ министрѣ Сипягинѣ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и командиромъ корпуса жандармовъ, а въ послѣдніе годы занимавшій мѣсто виленскаго, ковенскаго и гродненскаго генералъ-губернатора. Среди различныхъ вѣдомствъ и учрежденій, составляющихъ русскій государственный механизмъ, министерство внутреннихъ дѣлъ съ давнихъ поръ играетъ наиболѣе видную роль, за послѣднее же время эта роль еще болѣе обострилась. Неудивительно поэтому, что назначеніе новаго руководителя названнаго министерства, въ переживаемый страною критическій моментъ, вызвало въ обществѣ и въ печати многочисленные комментаріи, принявшіе особенно оживленный характеръ послѣ того, какъ вновь назначеннымъ министромъ было сдѣлано нѣсколько заявленій, болѣе или менѣе выясняющихъ предположенную имъ программу дѣйствій.

Нельзя не признать характернымъ то обстоятельство, что первыя заявленія такого рода были сдѣланы новымъ министромъ представителямъ иностранной прессы. Въ петербургскихъ газетахъ была, между прочимъ, перепечатана любопытная бесѣда, веденная кн. Святополкъ Мирскимъ непосредственно послѣ его назначенія на постъ министра съ однимъ изъ такихъ представителей, петербургскимъ корреспондентомъ „Echo de Paris". „Большихъ перемѣнъ во внутренней политики Россіи—заявилъ въ этой бесѣдѣ министръ, отвѣчая на вопросъ корреспондента,—не будетъ; но я намѣренъ слѣдовать программѣ, намѣченной въ манифестѣ имп. Николая II, обнародованномъ въ февралѣ 1903 года. Опираясь на основныя начала, указанныя моимъ государемъ, я постараюсь проявить въ моихъ дѣйствіяхъ истинный и широкій

либерализмъ, поскольку этотъ послѣдній не противорѣчитъ установленному порядку правленія. Какъ провинціалъ, любящій провинцію, я рѣшительный сторонникъ децентрализаціи. Я полагаю, что не всѣ вопросы должны рѣшаться въ Петербургѣ. Я выполню намѣренія государя, давъ провинціальнымъ общественнымъ собраніямъ, земствамъ, возможно болѣе полномочій для рѣшенія, согласно съ желаніями населенія, всѣхъ вопросовъ, касающихся школъ, продовольствія, устройства путей сообщенія и т. п. Мы дадимъ земствамъ самую широкую свободу, какую только возможно предоставить этимъ собраніямъ, представляющимся столь схожими съ вашими conseils généraux. Наше внутреннее положеніе не критическое, но запутанное. Къ чему это отрицать? Но хорошей организаціей земства и городского управленія можно достигнуть многаго". На замѣчаніе корреспондента, что онъ слышалъ, будто Россіи нужны отвѣтственные министры, кн. Святополкъ Мирскій отвѣтилъ вопросомъ: „Отвѣтственные передъ кѣмъ? Они зависятъ исключительно отъ императора, который царствуетъ милостію Божіей. Нужно оставить министрамъ ихъ настоящую роль, которая состоитъ въ исполненіи воли государя. Всякая другая отвѣтственность была бы искусственной и номинальной. Я—продолжалъ министръ въ отвѣтъ на дальнѣйшіе вопросы корреспондента—врагъ религіозныхъ преслѣдованій и сторонникъ возможно большей свободы совѣсти съ нѣкоторыми ограниченіями. Впрочемъ, уже много сдѣлано въ этомъ направленіи въ послѣдніе годы въ Россіи. Я буду продолжать осуществленіе этой задачи, которая имѣетъ цѣлью возможность мирнаго сосуществованія различныхъ вѣроисповѣданій въ обширной имперіи... Я не врагъ евреевъ, но, если-бы дать имъ полную свободу, они могли бы вскорѣ сдѣлаться слишкомъ преобладающими. Я намѣренъ относиться къ нимъ очень благосклонно и улучшить бытъ бѣдныхъ еврейскихъ классовъ. Добротой можно добиться счастливыхъ результатовъ... Мы должны бороться съ террористами, но лично я намѣренъ не проявлять чрезмѣрной строгости въ отношеніи къ молодежи, заблужденія которой часто сопровождаются раскаяніемъ" *).

Немного погодя въ русскихъ газетахъ были напечатаны извлеченія изъ бесѣдъ кн. Святополкъ - Мирскаго съ петербургскимъ корреспондентомъ „Berliner Local - Anzeiger" и съ представителемъ американской „Associated Press". Въ первой изъ этихъ бесѣдъ министръ, по поводу затронутаго корреспондентомъ вопроса о національностяхъ въ Россіи, замѣтилъ: „Приходится ли теперь еще говорить о различіи національностей, когда всѣ, безъ исключенія и не взирая на вѣроисповѣданіе, готовы положить свою жизнь за честь и славу нашей

*) „Н. Время", 1 сентября; „Русь", 2 сентября 1904 г.

общей родины? Всѣ они русскіе безъ исключенія". По поводу поднятаго въ той же бесѣдѣ вопроса о положеніи русской печати министръ заявилъ, что, „хотя у насъ и не можетъ быть рѣчи о неограниченной свободѣ печати, но тѣмъ не менѣе чувствуется необходимость въ большей свободѣ и свѣжей струѣ воздуха, и въ этомъ направленіи многое уже сдѣлано" *). Въ бесѣдѣ же съ съ представителемъ „Associated Press" министръ, между прочимъ, сказалъ, что „его сильно интересуетъ положеніе евреевъ, что онъ внимательно изучилъ серьезный характеръ этого вопроса и знаетъ, какъ трудно разрѣшить его. Недавній указъ расширилъ права евреевъ относительно черты осѣдлости и выбора занятій. Однако положеніе бѣднѣйшихъ классовъ еврейскаго населенія еще очень тяжелое; они ограничены правомъ пребыванія въ городахъ и мѣстечкахъ въ предѣлахъ черты осѣдлости. Лучшее, что можно для нихъ серьезно желать, это—дать имъ широкій выборъ существованія и работы" **).

Нельзя сказать, чтобы приведенныя сообщенія грѣшили чрезмѣрной опредѣленностью и ясностью. Тѣмъ не менѣе они, повидимому, были признаны недостаточно удовлетворительными именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ. По крайней мѣрѣ, вслѣдъ за появленіемъ этихъ сообщеній въ русской печати и, какъ бы въ противовѣсъ имъ, на страницахъ газеты „Русь" былъ помѣщенъ отчетъ о любопытной бесѣдѣ репортера названной газеты съ кн. Святополкъ-Мирскимъ, бесѣдѣ, начатой косвеннымъ опроверженіемъ приведенныхъ выше сообщеній. „Въ иностранныхъ газетахъ—заявилъ репортеру „Руси" министръ—появилось нѣсколько бесѣдъ корреспондентовъ этихъ газетъ со мной. Эти бесѣды вызвали много толковъ, пожалуй, даже слишкомъ много. Долженъ признаться, что меня эти бесѣды не удовлетворили, такъ какъ онѣ не совсѣмъ точно передали мои взгляды. Я не думаю упрекать корреспондентовъ, ибо ихъ личной вины тутъ мало. Иностранцы вообще насъ не совсѣмъ понимаютъ, какъ не понимаютъ они нашихъ нуждъ. Да и не могутъ они понять этого, такъ какъ весь строй ихъ государственной жизни иной: у нихъ даже нѣтъ такихъ органовъ самоуправленія, какъ у насъ, и они обо всемъ судятъ съ своей точки зрѣнія: американецъ передалъ мои мысли по-американски, французъ—по французски; я разумѣю здѣсь не лингвистическую передачу, а моральную... Затѣмъ они категорически излагали мои отвѣты. Но я долженъ признаться, что я лично на многое въ настоящее время не имѣю возможности категорически отвѣтить. Я до сихъ поръ стоялъ въ сторонѣ отъ многихъ вопросовъ и есть не мало серьезныхъ дѣлъ, съ которыми я теперь только близко знакомлюсь. Возьмемъ, напримѣръ,

*) „Русь", 19 сентября 1904 г.

**) „Книжки Восхода", 1904 г., № 9, с. 138.

вопросъ о крестьянской реформѣ, по поводу котораго у насъ собранъ громадный матеріалъ. Я его знаю большей частью лишь изъ газетъ. Съ деталями знакомлюсь теперь и, разумѣется, не могу еще высказаться опредѣленно именно потому, что теперь мой взглядъ на этотъ весьма важный вопросъ пріобрѣтаетъ весьма важное значеніе. Во всякомъ случаѣ говорить о томъ, что мы предполагаемъ дѣлать, преждевременно. Я могу только высказать свои личные взгляды по нѣкоторымъ вопросамъ".

Эти „личные взгляды" министра бесѣдовавшій съ нимъ репортеръ „Руси" передаетъ въ слѣдующихъ словахъ. „По вопросу о пересмотрѣ продовольственнаго устава министръ думаетъ, что земство должно быть привлечено къ этому дѣлу. Министръ вообще придаетъ земству большое значеніе и оживленіе дѣятельности земства, на его взглядъ, благотворно отразится на благосостояніи нашего отечества. Въ частности, по отношенію къ затронутому вопросу, министръ полагаетъ, что съ изъятіемъ продовольственнаго вопроса изъ сферы дѣятельности земства послѣднее было лишено не только своего права, но и своей обязанности. Министръ считаетъ желательнымъ распространеніе общеземскихъ учрежденій въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эта форма самоуправленія еще не организована, напримѣръ, въ Астраханской, Архангельской, Оренбургской и Ставропольской губерніяхъ. По вопросу о сохраненіи за губернскимъ земствомъ значенія руководящаго органа, министръ высказался въ положительномъ смыслѣ. Онъ придаетъ большое значеніе губернскому земству. Одно время у насъ даже былъ вопросъ, существовать ли губернскому земству вообще. Министръ считаетъ это недоразумѣніемъ. По вопросу о центральной власти министръ, будучи хорошо знакомъ съ нуждами нашихъ окраинъ, гдѣ онъ провелъ значительную часть своей дѣятельности, стоитъ за децентрализацію. Онъ видитъ много полезнаго въ предоставленіи окраинамъ рѣшать нѣкоторые вопросы самостоятельно, такъ какъ центральная власть не всегда можетъ быть знакома съ деталями окраинныхъ дѣлъ и не всегда можетъ вполнѣ компетентно судить какъ объ истинныхъ нуждахъ, такъ и о мѣрахъ, которыя могутъ быть проведены тамъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. По вопросу о печати министръ сказалъ, что всегда придавалъ большое значеніе ей, и высказалъ намѣреніе заняться серьезно этимъ вопросомъ въ близкомъ будущемъ. По вопросу о національностяхъ—въ иностранныхъ газетахъ было много сказано со ссылкой на министра, но, къ сожалѣнію, его слова были переданы неточно. Это вопросъ больной, острый, къ которому надо подходить съ большой осторожностью. Вотъ основной взглядъ министра на этотъ вопросъ: если даже смотрѣть на дѣло такъ, что необходимо ограждать интересы русскаго населенія, то должно соблюдать извѣстную мѣру и во всякомъ случаѣ надо имѣть въ виду не наносить чувствительнаго ущерба лю-

дямъ; а то вѣдь у насъ не мало мѣръ, которыя, не принося никакой существенной пользы тѣмъ, ради кого это дѣлается, вмѣстѣ съ тѣмъ наносятъ огромныя лишенія людямъ, къ которымъ онѣ примѣняются. Въ заключеніе министръ подчеркнулъ, что все, высказанное имъ, представляетъ его глубокія убѣжденія, которыя онъ будетъ по мѣрѣ силъ и возможности проводить въ жизнь. Во всей своей дѣятельности министръ будетъ главнымъ образомъ основываться на принципѣ довѣрія. Онъ находитъ, что примѣненіе этого принципа есть первое условіе для достиженія благихъ результатовъ“ *).

Послѣднія строки приведеннаго репортерскаго отчета находятъ себѣ объясненіе въ опубликованномъ еще раньше оффиціальномъ заявленіи кн. Святополкъ-Мирскаго, сдѣланномъ имъ 16-го сентября въ формѣ рѣчи къ чинамъ министерства внутреннихъ дѣлъ. „Приступая сегодня — заявилъ министръ въ этой рѣчи—къ выполненію возложенныхъ на меня обязанностей, я считаю своимъ долгомъ заявить, что въ основу направленія ввѣреннаго мнѣ министерства мною будутъ положены начала, провозглашенныя съ высоты престола всемилостивѣйшимъ манифестомъ 26-го февраля 1903 г. Приглашаю васъ къ дѣятельному, самоотверженному сотрудничеству именно въ этомъ направленіи. Административный опытъ привелъ меня къ глубокому убѣжденію, что плодотворность правительственнаго труда основана на искренно благожелательномъ и искренно довѣрчивомъ отношеніи къ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ и къ населенію вообще. Лишь при этихъ условіяхъ работы можно получить взаимное довѣріе, безъ котораго невозможно ожидать прочнаго успѣха въ дѣлѣ устроенія государства“.

Таковы были первыя заявленія новаго министра внутреннихъ дѣлъ и эти заявленія немедленно породили характерные отклики. Многія городскія думы и земскія собранія поспѣшили отозваться сочувственными привѣтствіями на слова министра о необходимости „искренно благожелательнаго и искренно довѣрчиваго отношенія къ общественнымъ учрежденіямъ и къ населенію вообще“. Мотивировка такого рода привѣтствій почти вездѣ была одна и та же, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ она являлась особенно яркой и любопытной. „Въ рѣчи министра внутреннихъ дѣлъ—говорилъ московскій городской голова кн. Голицынъ въ засѣданіи московской думы—общественныя учрежденія не могутъ не усмотрѣть знаменательнаго обѣщанія признать за ними тотъ характеръ, тотъ смыслъ, которые были положены въ ихъ основу,—характеръ и смыслъ органовъ всей мѣстной жизни, мѣстнаго труда. Слова эти

*) „Русь“, 28 сентября 1904 г.

знаменательны по существу своему, знаменательны по времени, когда они были сказаны. Еще недавно насъ всѣхъ смущало явное недовѣріе къ общественнымъ учрежденіямъ, нарушавшее правильность, спокойствіе ихъ дѣятельности, даже заставившее ихъ опасаться за свою судьбу. И вотъ государственный дѣятель, призванный руководить внутренними интересами имперіи, ставитъ довѣріе къ общественнымъ учрежденіямъ, единеніе ихъ дѣятельности съ дѣятельностью правительства непремѣннымъ условіемъ къ выполненію имъ возложеннаго на него долга. Надлежитъ русскому обществу устами своихъ избранниковъ отозваться на этотъ призывъ, внушающій увѣренность, что это довѣріе, это единеніе будутъ отнынѣ одушевлять дѣятельность нашего высшаго правительственнаго органа“ *). „Еще такъ недавно—говорилъ въ курской думѣ одинъ изъ ея гласныхъ, г. Долженковъ—суровое и недовѣрчивое отношеніе власти къ нашему городскому управленію поставило думу въ положеніе, при которомъ между гласными возникла мысль о выходѣ въ отставку. Для насъ поэтому является особо цѣннымъ оффиціальное, программное заявленіе новаго министра внутреннихъ дѣлъ, что плодотворность правительственнаго труда основана на искренно-довѣрчивомъ отношеніи къ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ и къ населенію вообще“ **). „Слова новаго министра — заявилъ въ черниговскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи гласный Шрагъ—особенно цѣнны потому, что сказаны въ моментъ тяжелаго недовѣрія къ земству, въ моментъ, когда земству грозило полное уничтоженіе. На это указывали, напримѣръ, такіе факты, какъ мѣры, принятыя въ отношеніи тверского земства, исключительныя мѣры противъ отдѣльныхъ земскихъ гласныхъ, ревизія московскаго земства т. с. Зиновьевымъ и т. д. Но теперь опасенія за будущность земства, повидимому, миновали. Послѣ словъ министра внутреннихъ дѣлъ можно ожидать, вмѣсто ограниченія, расширенія правъ земства. Если эти слова войдутъ въ жизнь, земство получитъ необходимую для своей дѣятельности самостоятельность. Слова министра обѣщаютъ разсѣять тяжелую атмосферу недовѣрія къ земству и народу и потому вызываютъ чувство глубокаго нравственнаго удовлетворенія; выразить это чувство необходимо“ ***). Еще болѣе опредѣленно и рѣшительно высказалось въ томъ же смыслѣ балашевское уѣздное земское собраніе. „Вновь назначенный министръ внутреннихъ дѣлъ—заявилъ, между прочимъ, въ этомъ собраніи мѣстный предводитель дворянства, г. Унковскій—въ своей рѣчи къ чинамъ министерства сказалъ знаменательныя слова о довѣріи къ общественнымъ учрежденіямъ. Эти первыя его слова и первыя его довѣрія вселяютъ въ насъ надежду, что недавніе

*) „Русь“, 22 сентября 1904 г.
**) „Русь“, 2 октября 1904 г.
***) „Кіевскіе Отклики“, 1 октября 1904 г.

тяжелые и мрачные дни, которые приходилось переживать земству, когда чуть ли не каждый земскій дѣятель считался человѣкомъ опаснымъ, достойнымъ нести всякія кары, когда каждое свободное слово преслѣдовалось и администрація считала одною изъ своихъ главныхъ задачъ тормозить всякое проявленіе общественной самодѣятельности, что эти недоброй памяти дни миновали и миновали навсегда“ *).

Заявленія новаго министра нашли себѣ откликъ и въ другой сферѣ. Большая часть органовъ нашей періодической печати въ свою очередь поспѣшила восторженно привѣтствовать эти заявленія, при чемъ въ такого рода привѣтствіяхъ страннымъ образомъ сошлись представители совершенно различныхъ литературныхъ людей. Издатель „Гражданина“ торжественно объявилъ, что ему „очень симпатична эта психическая минута, въ теченіе которой министръ, коего жизнь дала цѣну довѣрію его къ людямъ, говоритъ о своемъ довѣріи къ обществу, а органы печати выражаютъ радость объ этомъ довѣріи“. **) Г. Суворинъ въ „Новомъ Времени“ въ третій разъ заговорилъ о „веснѣ“ и попутно, не желая, должно быть, уступать кн. Мещерскому въ искусствѣ краснорѣчія, далъ для русской жизни такой рецептъ: „надо создать для правильнаго и быстраго теченія жизни такую гармонію, по крайней мѣрѣ, заложить ее такъ глубоко и искренно, съ такой вѣрой въ народъ русскій и въ его образованную часть, чтобы это созданіе служило и воспитательнымъ средствомъ для грядущихъ поколѣній“. ***) Органъ другого г. Суворина, „Русь“, усмотрѣлъ въ заявленіяхъ министра „ясную зарю грядущей новой, молодой Россіи“. ****) Съ другой стороны „Русскія Вѣдомости“ также находятъ, что въ русской жизни „повѣяло весной“, *****) и этотъ взглядъ раздѣляетъ съ ними не малое количество серьезныхъ провинціальныхъ газетъ.

Эти единодушныя привѣтствія, съ разныхъ сторонъ направляемыя по адресу новой эры, невольно приводятъ на память недалекое прошлое. Такое же кажущееся единодушіе наблюдалось въ большинствѣ органовъ нашей прессы три года тому назадъ, когда провозглашена была необходимость „сердечнаго попеченія“ въ русской школѣ. И подобно тому, какъ тогда за мнимымъ единодушіемъ прессы скрывалось совершенно различное пониманіе самой сущности „сердечнаго попеченія“, теперь разные органы печати также находятъ возможнымъ далеко не одинаково толковать слова призыва къ „взаимному довѣрію“. „Московскія Вѣдомости“, которыя также сочли нужнымъ привѣтствовать всту-

*) „Спб. Вѣдомости“, 5 октября 1904 г.
**) „Гражданинъ“, 1904 г., № 76.
***) „Н. Время“, 21 сентября 1904 г.
****) „Русь“, 17 сентября 1904 г.
*****) „Р. Вѣдомости“, 24 сентября 1904 г.

пительную рѣчь новаго министра, рѣшительно утверждаютъ, что эта рѣчь разсѣяла „легенду о какомъ-то враждебномъ будто бы отношеніи правительства къ нашему общественному самоуправленію". „И дѣйствительно—увѣряетъ газета г. Грингмута—правительство всегда относилось съ благожелательнымъ довѣріемъ къ нашимъ земскимъ и городскимъ учрежденіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы не было этого довѣрія со стороны правительства, то не могло бы быть и того злоупотребленія этимъ довѣріемъ со стороны нашихъ общественныхъ учрежденій, которое, къ сожалѣнію, съ такою неопровержимостью было констатировано въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи правительственною ревизіею" *). „Гражданинъ" нѣсколько иначе отзывается о прошломъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряетъ, что настоящій моментъ является „пробнымъ камнемъ для русскаго общества", которое должно отказаться отъ всякихъ требованій, имѣющихъ связь съ „безпочвеннымъ либерализмомъ". Сотрудники „Гражданина" слыхали о какомъ-то земскомъ начальникѣ, который усмирялъ выходившихъ изъ повиновенія крестьянъ словами: „я васъ брошу и уѣду въ Парижъ", и заранѣе спѣшатъ рекомендовать такой же способъ дѣйствій новому министру. „Если мы — говоритъ органъ кн. Мещерскаго — неделикатность и непорядочность доведемъ до того, что исполненіемъ нашихъ требованій обусловимъ наше довѣріе къ благородному человѣку, давшему намъ свое довѣріе безъ условій, то, ни малѣйшаго въ томъ нѣтъ сомнѣнія, результатомъ этого будетъ только то, что условія, при которыхъ новому министру можетъ быть дорого его мѣсто, исчезнутъ и онъ, подобно земскому начальнику, броситъ свое мѣсто и уйдетъ" **). Въ свою очередь „Новое Время", ведя разговоры о „веснѣ" и „гармоніи", на ряду съ этимъ старательно доказываетъ, что для Россіи не нужны ни свобода совѣсти, ни равноправность національностей и что первая изъ нихъ у насъ съ успѣхомъ можетъ быть замѣнена вѣротерпимостью по отношенію къ русскимъ раскольникамъ, тогда какъ всевозможныя ограниченія для лицъ другихъ вѣроисповѣданій и національностей должны и на будущее время остаться въ полной силѣ ***).

Такимъ образомъ реакціонная пресса осталась вѣрна себѣ и, примкнувъ къ хору сочувственныхъ откликовъ, вызванныхъ заявленіями министра внутреннихъ дѣлъ, обнаружила полную готовность восторженно привѣтствовать новую политику, лишь бы эта новая политика ни въ чемъ существенномъ не отличалась отъ старой. Такого рода привѣтствія мы опять-таки слышали уже въ недавнемъ прошломъ. Три съ половиною года тому назадъ, когда

*) „М. Вѣдомости", 18 сентября 1904 г.
**) „Гражданинъ", 1904 г., № 77.
***) „Н. Время", 26 и 30 сентября 1904 г.

властью признана была необходимость „коренного исправленія учебнаго строя“ нашихъ школъ, органы реакціонной прессы столь же восторженно привѣтствовали это признаніе и столь же настойчиво доказывали, что желаемое „коренное исправленіе“ можетъ быть достигнуто путемъ частныхъ поправокъ въ существующемъ порядкѣ, безъ всякихъ перемѣнъ въ общихъ условіяхъ гражданской жизни страны. Результаты, какіе дала попытка школьной реформы, поставленная на этотъ путь и осуществлявшаяся въ рамкахъ бюрократическаго строя, хорошо извѣстны и являются достаточно краснорѣчивымъ предупрежденіемъ. Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что иного рода результатовъ не сможетъ дать и болѣе широкій опытъ, поведенный въ томъ же самомъ направленіи, и въ виду этого вопросъ о тѣхъ пріемахъ, при помощи которыхъ предполагается проводить новую политику, пріобрѣтаетъ крайне важное значеніе.

Странно было бы, конечно, оспаривать то положеніе, что „безъ взаимнаго довѣрія“ между властью и населеніемъ „невозможно ожидать прочнаго успѣха въ дѣлѣ устроенія государства“, и можно только привѣтствовать тотъ моментъ, когда сознаніе этой простой истины проникло въ высшія бюрократическія сферы. Но теоретическое признаніе этой истины дается легче, чѣмъ практическое воплощеніе ея въ жизни, и во всякомъ случаѣ далеко не равносильно послѣднему. Можно безусловно согласиться съ тѣмъ, что „искренно благожелательное и искренно довѣрчивое отношеніе къ общественнымъ учрежденіямъ и къ населенію вообще“ является единственнымъ условіемъ, способнымъ породить то „взаимное довѣріе“, о которомъ идетъ рѣчь, но надо прибавить, что это условіе можетъ проявить свою силу лишь съ той минуты, когда изъ области благожелательныхъ словъ оно перейдетъ въ сферу конкретныхъ дѣйствій.

Выше мы уже видѣли отчасти, какого рода мѣры предположены для осуществленія такого перехода, и теперь намъ остается только оцѣнить то значеніе, какое онѣ могутъ получить въ условіяхъ окружающей насъ дѣйствительности. Въ программѣ новаго министра внутреннихъ дѣлъ, поскольку она обрисовалась изъ его сообщеній, главное вниманіе, повидимому, обращено на земскія и городскія учрежденія, которымъ проектируется предоставить „возможно болѣе полномочій для рѣшенія, согласно съ желаніями населенія, вопросовъ, касающихся школъ, продовольствія, путей сообщенія и т. п.“ Сообразно этому за губернскими земствами предполагается сохранить ихъ роль руководящаго органа въ земскомъ дѣлѣ, а тотъ проектъ упраздненія губернскаго земства, который составлялся въ послѣднее время министерской дѣятельности Плеве и къ которому были пріурочены производившіяся т. с. Зиновьевымъ ревизіи нѣкоторыхъ земствъ, сдается въ архивъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предполагается вновь возвратить

земству продольственное дѣло, недавно изъятое изъ вѣдѣнія земскихъ учрежденій и переданное въ руки администраціи. Обѣ эти мѣры, несомнѣнно, гармонировали бы съ политикой „довѣрія къ общественнымъ учрежденіямъ“, но, сами по себѣ взятыя, онѣ, конечно, не могутъ еще составить сколько-нибудь серьезнаго шага въ сторону такой политики. То недовѣріе къ общественнымъ учрежденіямъ, которое породило проектъ упраздненія губернскихъ земствъ и передачу продовольственнаго дѣла отъ земства къ администраціи, нашло себѣ не менѣе яркое возраженіе въ цѣломъ рядѣ законодательныхъ актовъ послѣдняго времени, направленныхъ къ ограниченію земской дѣятельности. Эту цѣль въ одинаковой мѣрѣ преслѣдовали и законъ о предѣльности земскаго обложенія, и уставъ о лѣчебныхъ заведеніяхъ, и ветеринарный законъ. Въ свою очередь самая организація, приданная земству положеніемъ 1890 г. и городскому управленію положеніемъ 1892 г., явилась плодомъ глубокаго недовѣрія къ общественнымъ учрежденіямъ, недовѣрія, въ силу котораго земскія и городскія учрежденія признано было необходимымъ возможно болѣе отдалить отъ типа мѣстнаго самоуправленія и поставить подъ строгую опеку администраціи. Въ еще большемъ размѣрѣ та же административная опека съ давняго времени примѣняется къ массѣ крестьянскаго населенія, въ значительной мѣрѣ изъятаго отъ дѣйствія общихъ законовъ, подчиненнаго дискреціонной власти земскихъ начальниковъ и старательно отгораживаемаго отъ культурной жизни страны.

Послѣдовательное проведеніе принципа довѣрія къ населенію, очевидно, предполагаетъ полное устраненіе этой системы административной опеки, но такое устраненіе, конечно, немыслимо безъ радикальнаго преобразованія мѣстныхъ и центральныхъ бюрократическихъ органовъ, въ настоящемъ своемъ видѣ совершенно несогласованныхъ съ существованіемъ органовъ самоуправленія. Съ другой стороны, дѣйствительное осуществленіе принципа довѣрія къ населенію неразрывно связано съ признаніемъ за послѣднимъ права выражать свои нужды путемъ печати, избавленной отъ всякаго рода стѣсненій и путъ и постановленой подъ охрану закона. Это послѣднее обстоятельство до нѣкоторой степени предусмотрѣно и въ планахъ министра, который въ бесѣдѣ съ однимъ изъ иностранныхъ корреспондентовъ, отрицая возможность существованія въ Россіи „неограниченной свободы“ печати, вмѣстѣ съ тѣмъ призналъ „безусловно необходимымъ“ дать русской прессы „нѣкоторыя облегченія“. Въ дѣйствительности, однако-же, частичныя облегченія врядъ ли могутъ сколько-нибудь существенно измѣнить положеніе русской печати. „Напрасно было бы—говорила еще въ 1862 г. одна изъ правительственныхъ коммиссій—мечтать о возможности оградить цензуру отъ произвола, т. е. лишить ее того характера произвола, кото-

рый составляетъ всю ея сущность и безъ котораго цензура перестала бы быть цензурой. Можно спорить о томъ, нужна ли, полезна ли, удобна ли она въ извѣстное время; но пытаться поставить сущность ея въ какіе-либо ярко очерченные предѣлы нѣтъ никакой возможности". Эти слова, сказанныя сорокъ два года тому назадъ, остаются безусловно справедливыми и въ настоящее время. Для печати не существуетъ никакого средняго положенія между свободою отъ цензуры и подчиненіемъ ей и, если послѣднее сохранитъ свою силу, всѣ частичныя его облегченія по необходимости явятся не только крайне мелкими, но и весьма непрочными, а при такихъ условіяхъ дѣйствительное ихъ значеніе будетъ въ высшей степени проблематичнымъ.

Къ сказанному необходимо прибавить и еще одно замѣчаніе. Ни правильное функціонированіе общественныхъ учрежденій, ни пользованіе правомъ выражать свои мнѣнія въ печати, если бы даже то и другое было ограждено спеціальнымъ закономъ, немыслимо безъ признанія неприкосновенности личности. До тѣхъ же поръ, пока такого признанія не существуетъ, пока въ арсеналѣ уголовныхъ каръ, на ряду съ отвѣтственностью передъ судомъ, сохраняется и возможность административной расправы, нельзя, очевидно, разсчитывать ни на свободу дѣйствій, хотя бы въ самой ограниченной сферѣ, ни на откровенное выраженіе мнѣній, хотя бы въ наиболѣе сдержанной формѣ. При наличности указанныхъ условій всякое дѣйствіе, не выходящее изъ предѣловъ закона, но почему либо нежелательное съ точки зрѣнія тѣхъ или иныхъ бюрократическихъ органовъ, можетъ повлечь за собою болѣе или менѣе жестокую кару, всякое мнѣніе, хотя бы оно было высказано даже въ отвѣтъ на прямой запросъ правительственныхъ органовъ, можетъ вызвать тяжелыя послѣдствія для своего автора. Окружающая насъ дѣйствительность переполнена случаями такого рода и нѣкоторые изъ нихъ успѣли даже привлечь къ себѣ вниманіе новаго министра. Какъ сообщаютъ газеты, вскорѣ послѣ назначенія князя Святополкъ-Мирскаго на должность министра внутреннихъ дѣлъ возвращены были въ Петербургъ писатели Н. Ѳ. Анненскій—изъ Ревеля и В. И. Чарнолускій — изъ Архангельска; высланнымъ изъ предѣловъ Тверской губ. бывшему предсѣдателю тверской губернской земской управы В. Д. фонъ-Дервизу и бывшему члену той же управы Н. К. Милюкову, разрѣшено было возвратиться въ ихъ имѣнія въ Тверской губерніи, впредь до пересмотра дѣла о тверскомъ земствѣ; вслѣдъ затѣмъ разрѣшено было вернуться въ Воронежъ членамъ бывшаго воронежскаго уѣзднаго комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности д-ру Мартынову — изъ Архангельска и г. Бунакову — изъ Новгородской губерніи; наконецъ, освобождены изъ-подъ надзора полиціи и получили разрѣшеніе вернуться въ Петербургъ писатель Ю. Н. Лавриновичъ и зем-

скій статистикъ Н. И. Воробьевъ, высланные въ Архангельскую губернію за участіе въ послѣднемъ съѣздѣ дѣятелей по техническому образованію *). Перечисленныя мѣры, несомнѣнно, разсчитаны и на нѣкоторую общую цѣль, но эта благая цѣль едва ли можетъ быть достигнута путемъ частныхъ распоряженій, касающихся отдѣльныхъ личностей. Подобныя распоряженія бывали и раньше,—между прочимъ, и при вступленіи въ должность предъидущаго министра, — но сами по себѣ они нисколько не колебали и не колеблютъ того общаго порядка, въ основѣ котораго заложено глубокое недовѣріе къ обществу, нашедшее себѣ выраженіе въ такихъ экстраординарныхъ мѣропріятіяхъ, какъ положеніе объ усиленной охранѣ, распространенное на значительную часть страны. Соотвѣтственно этому лишь полное устраненіе такихъ мѣропріятій и сопутствующее ему коренное измѣненіе самого понятія о правахъ личности могли бы открыть дорогу дѣйствительному проведенію въ жизнь государства принципа довѣрія къ населенію, при чемъ осуществленіе этого принципа, естественно, должно было бы повести къ полной ликвидаціи всѣхъ репрессивныхъ мѣръ, принятыхъ во имя старой системы.

Болѣе или менѣе то же самое приходится сказать и о той спеціальной области личныхъ правъ, которая образуетъ собою вѣроисповѣдный и національный вопросы. Новый министръ, согласно его заявленію, является „сторонникомъ возможно большей свободы совѣсти съ нѣкоторыми ограниченіями" и, находя, что „въ этомъ направленіи уже много сдѣлано въ послѣдніе годы въ Россіи", намѣренъ „продолжать осуществленіе этой задачи, которая имѣетъ возможность мирнаго сосуществованія разныхъ вѣроисповѣданій въ имперіи". Въ частности по отношенію къ евреямъ онъ находитъ, что, „если дать имъ полную свободу, они могли бы вскорѣ сдѣлаться слишкомъ преобладающими", и потому предполагаетъ только „относиться къ нимъ очень благосклонно и улучшить бытъ бѣдныхъ классовъ". Такъ выразился министръ въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ „Echo de Paris". Бесѣдуя о томъ же предметѣ съ корреспондентомъ „Berliner Local-Anzeiger", министръ замѣтилъ, что едва ли приходится „говорить теперь о религіи національностей, когда всѣ безъ исключенія и не взирая на вѣроисповѣданіе готовы положить свою жизнь за честь и славу нашей общей родины". На поляхъ битвъ, дѣйствительно, нѣтъ различія между русскими гражданами разныхъ національностей и вѣроисповѣданій, но отсюда еще далеко до полнаго отсутствія такого различія. И если умирать за государство всѣмъ русскимъ гражданамъ предоставляется одинаково, то условія жизни, предоставляемыя тѣмъ же государствомъ лицамъ разныхъ вѣроисповѣданій и національностей, со-

*) „Право", 1904 г. № 39; „Р. Вѣд.", 5 и 8 октября 1904 г.

вершенно различны. Эта аномалія, рѣзко выступившая во время войны, поразила даже сотрудниковъ „Гражданина“. „Мы присутствуемъ,—писалъ не такъ давно одинъ изъ нихъ, — при весьма рѣдкомъ явленіи: газеты и телеграфъ ежедневно приносятъ намъ подробности сраженій, рекогносцировокъ, геройскихъ подвиговъ, среди которыхъ то и дѣло мелькаютъ имена нашихъ иновѣрцевъ и инородцевъ, погибающихъ съ нами въ томъ же бою, съ такой же храбростью, для той же цѣли. И это тѣ же самые люди, которыхъ посылать въ огонь мы посылаемъ, сравнять же съ нами въ каждодневной жизни нашей не хотимъ; умирать на ряду съ нами они должны; дѣлить наши трудности, опасности, неизмѣримые лишенія и ужасы, переживаемые въ эту минуту, они должны, пользоваться же наравнѣ съ нами правами и привилегіями общей отчизны, за которую рядомъ съ нами геройски погибаютъ,— нѣтъ! Этого нельзя; законъ другой для нихъ написанъ: умирай, какъ я умираю, а живи, какъ я хочу, а не такъ, какъ твоя религія, твоя народность, твоя душа и твои привязанности этого требуютъ!“ *). Такимъ образомъ, даже въ лагерь крайнихъ реакціонеровъ проникло сознаніе той истины, что несеніе равныхъ обязанностей предполагаетъ пользованіе равными правами. Надо ли говорить, что практическое примѣненіе этой истины въ жизни государства не допускаетъ никакихъ ограниченій и оговорокъ? Свобода совѣсти, сопровождаемая ограниченіями, не будетъ уже свободою совѣсти. Неполное равноправіе національностей будетъ равносильно полному отсутствію равноправія между ними. Въ обоихъ этихъ случаяхъ нѣтъ въ сущности мѣста ни для какого средняго положенія, и одно только признаніе за каждымъ гражданиномъ всѣхъ государственныхъ правъ, внѣ всякой зависимости отъ его религіи и національности, явится со стороны государства дѣйствительнымъ осуществленіемъ принципа довѣрія къ населенію.

Послѣдовательное проведеніе этого принципа не можетъ, однако же, быть ограничено примѣненіемъ его лишь въ сферѣ мѣстнаго самоуправленія и въ области личныхъ правъ и, если бы даже такое ограниченное примѣненіе какимъ-либо путемъ было осуществлено на практикѣ, оно очень скоро оказалось бы крайне непрочнымъ. Довѣріе къ населенію, поскольку оно не остается въ области теоріи, не совмѣстимо съ бюрократическимъ строемъ, старательно отгораживающимъ это населеніе отъ всякаго активнаго участія въ государственной жизни, участія, на почвѣ котораго только и могутъ быть санкціонированы и закрѣплены всѣ личныя права гражданъ и которое одно лишь способно обезпечить государству возможность правильнаго развитія. Если бы для этого положенія нужны были еще спеціальныя доказательства, ихъ

---

*) „Гражданинъ“, 1904 г., № 69.

можно было бы въ изобиліи найти въ событіяхъ послѣднихъ лѣтъ, какъ нельзя болѣе наглядно выяснившихъ, что всѣ важнѣйшія задачи государственной жизни совершенно не поддаются сколько-нибудь удовлетворительному разрѣшенію въ рамкахъ бюрократическаго строя, лишеннаго всякой связи съ живыми силами страны. Съ своей стороны общество усвоило себѣ эту точку зрѣнія и въ послѣднее время многочисленныя ходатайства земскихъ собраній и постановленія комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности вновь показали, что широкіе слои русскаго общества ожидаютъ проявленія довѣрія къ нимъ именно въ указанной области, выдвигая въ той или иной формѣ вопросъ о привлеченіи населенія къ дѣлу устроенія государства. Очевидно, только съ полнымъ разрѣшеніемъ этого вопроса можно будетъ считать завершившимся осуществленіе въ жизни страны принципа довѣрія.

Такова въ общихъ чертахъ программа, логически вытекающая изъ провозглашенія принципа довѣрія къ населенію. Отдѣльныя части этой программы прочно связаны между собою, образуя одно неразрывное цѣлое, и ослабленіе или разобщеніе этихъ частей немыслимо безъ отказа отъ того общаго принципа, какой положенъ въ ихъ основу. Сопоставляя съ этой программой цитированные выше планы новаго министра внутреннихъ дѣлъ, нетрудно видѣть, что послѣдніе далеко не совпадаютъ съ нею, являясь не столько попыткою проведенія въ жизнь новаго начала, сколько рядомъ смягченій начала стараго, не переходящихъ, однако же, въ рѣшительное его отрицаніе. При такихъ условіяхъ успѣхъ этихъ проектовъ всецѣло зависитъ отъ того, будутъ ли они доразвиты въ цѣльную и стройную систему, приближающуюся къ указанной программѣ, или же останутся случайными и разрозненными палліативами, не имѣющими возможности претендовать ни на серьезное значеніе, ни на долговременное существованіе. Ближайшее будущее должно дать рѣшительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, пока же характеръ такого отвѣта можно предугадывать, руководясь лишь указанными выше соображеніями и состоявшимися уже частными мѣропріятіями.

Вслѣдъ за назначеніемъ кн. Святополкъ-Мирскаго на должность министра, въ составѣ и организаціи центральныхъ учрежденій министерства внутреннихъ дѣлъ произошли нѣкоторыя перемѣны. 14 сентября двое изъ наиболѣе дѣятельныхъ помощниковъ предыдущаго министра, товарищъ министра т. с. Зиновьевъ, завѣдывавшій дѣлами, относящимися къ земскому и городскому самоуправленію, и товарищъ министра т. с. Стишинскій, вѣдавшій крестьянское дѣло, выбыли изъ состава министерства, получивъ назначеніе въ члены Государственнаго Совѣта. Одно-

временно съ этимъ такое же назначеніе досталось на долю директора департамента общихъ дѣлъ, гофмейстера Штюрмера, имя котораго тѣсно связано съ произведенной въ прошломъ году ревизіей тверского губернскаго земства.

22 сентября состоялся именной высочайшій указъ правительствующему сенату слѣдующаго содержанія: „Указомъ Нашимъ, правительствующему сенату 1 февраля 1901 года даннымъ, одному изъ товарищей министра внутреннихъ дѣлъ ввѣряется командованіе отдѣльнымъ корпусомъ жандармовъ, съ званіемъ командира сего корпуса. Нынѣ, признавъ необходимымъ возложить на означеннаго товарища министра общее завѣдываніе полиціей, повелѣваемъ: I. товарищу министра внутреннихъ дѣлъ, состоящему командиромъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ, присвоить званіе товарища министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдывающаго полиціею; II. права и обязанности товарища министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдывающаго полиціею, опредѣлить особою инструкціею, Нами утвержденною“.

Согласно упомянутой въ этомъ указѣ инструкціи, на товарища министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующаго полиціей и вмѣстѣ съ тѣмъ состоящаго командиромъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ, возлагается общее завѣдываніе, подъ высшимъ руководствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, производящимися въ центральныхъ и мѣстныхъ учрежденіяхъ вѣдомства министерства дѣлами по предупрежденію и пресѣченію преступленій, а равно по охраненію общественной безопасности и порядка. Названный товарищъ министра даетъ по этимъ предметамъ въ подлежащихъ случаяхъ указанія и разъясненія губернаторамъ, градоначальникамъ и оберъ-полицеймейстерамъ. По дѣламъ, производящимся въ департаментѣ полиціи, товарищъ министра, завѣдующій полиціей, разрѣшаетъ всѣ вопросы, разрѣшаемые по учрежденіямъ министерствъ властью министра. Изъ этого порядка исключаются, однако, предметы, подлежащіе направленію въ законодательномъ порядкѣ; дѣла, требующія разъясненія дѣйствующихъ законовъ или изданія общихъ инструкцій, правилъ и положеній, вопросы личнаго состава и всѣ другія дѣла, которыя министръ внутреннихъ дѣлъ признаетъ нужнымъ подчинить своему непосредственному вѣдѣнію. Вмѣстѣ съ тѣмъ товарищъ министра, завѣдующій полиціей, является распорядителемъ всѣхъ кредитовъ, ассигнуемыхъ министерству внутреннихъ дѣлъ по управленію полиціею. Онъ, далѣе, предсѣдательствуетъ въ особомъ совѣщаніи, образованномъ при министрѣ внутреннихъ дѣлъ изъ представителей министерствъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи на основаніи положенія 14 августа 1881 года о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, и разрѣшаетъ всѣ вопросы, возникающіе по примѣненію положенія о гласномъ полицейскомъ надзорѣ. Онъ даетъ заключенія по дѣламъ о госу-

дарственныхъ преступленіяхъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ это право дѣйствующими узаконеніями предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ. Ему же, наконецъ, передается и высшій надзоръ за всѣми состоящими въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ мѣстами заключенія, предназначенными для содержанія подъ стражею лицъ, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ.

Вслѣдъ затѣмъ 28 сентября состоялся именной высочайшій указъ правительствующему сенату такого содержанія: „исправляющему должность управляющаго Кабинетомъ Нашимъ, свиты Нашей генералъ-маіору Рыдзевскому — всемилостивѣйше повелѣваемъ быть товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдывающимъ полиціей и командующимъ отдѣльнымъ корпусомъ жандармовъ, съ оставленіемъ въ свитѣ Нашей".

Одна изъ провинціальныхъ газетъ усмотрѣла въ указѣ 22 сентября и сопровождающей его инструкціи „весьма симптоматическое преобразованіе". Результатомъ этого преобразованія, по мнѣнію упомянутой газеты, „будетъ то, что у министра внутреннихъ дѣлъ сократится исполнительная работа и сократится весьма чувствительно, такъ какъ до сихъ поръ государственная полиція отнимала у него главное вниманіе. Освободившись же отъ заботы о государственной полиціи, министръ внутреннихъ дѣлъ получитъ возможность сосредоточить свои силы на другихъ функціяхъ своего вѣдомства, которыя до сихъ поръ стояли поневолѣ на второмъ планѣ, хотя ихъ значеніе для страны и населенія громадно". Ожиданія газеты въ этомъ отношеніи идутъ очень далеко. „Выдѣленіе государственной полиціи въ самостоятельное вѣдомство, хотя морально и связанное съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ,—по ея словамъ—даетъ возможность послѣднему высоко поставить свою дѣятельность по улучшенію народной жизни, такъ какъ это дѣло становится для него самодовлѣющей задачей, рѣшеніе которой диктуется однѣми только нуждами и потребностями народа, какъ народъ ихъ самъ понимаетъ" *).

Въ дѣйствительности указъ 22 сентября и соединенная съ нимъ инструкція не даютъ никакихъ основаній для подобныхъ ожиданій и надеждъ. Прежде всего самый порядокъ, устанавливаемый этими актами, вовсе не является чѣмъ-либо совершенно новымъ въ практикѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Еще въ 1882 г. непосредственное управленіе государственной полиціей было возложено на одного изъ товарищей министра внутреннихъ дѣлъ, при чемъ этому же лицу поручено было и командованіе корпусомъ жандармовъ, тогда какъ за министромъ былъ оставленъ высшій надзоръ за точнымъ исполненіемъ чинами корпуса жандармовъ своихъ обязанностей и высшее руководство дѣятель-

*) „Одесскія Новости", 30 сентября 1904 г.

ностью жандармскихъ чиновъ по обнаруженію и изслѣдованію преступленій. Этотъ порядокъ существовалъ до 1896 года, когда права министра по управленію личнымъ составомъ жандармскаго корпуса были расширены, а для командованія послѣднимъ была создана новая должность помощника шефа жандармовъ. Въ 1901 г. въ этомъ порядкѣ произошло новое измѣненіе: командованіе корпусомъ жандармовъ вновь перешло къ одному изъ товарищей министра и ему же было поручено завѣдываніе всей полиціей на общихъ для товарища министра основаніяхъ. Указъ 22 сентября, такимъ образомъ, лишь возстанавливаетъ порядокъ, дѣйствовавшій уже съ 1882 г. по 1896 г., съ тою только разницей, что теперь товарищу министра, завѣдующему полиціей, передается управленіе не одной государственной, но и общей полиціей.

Не создавая какой-либо совершенно новой организаціи, указъ 22 сентября и сопутствующая ему инструкція вмѣстѣ съ тѣмъ и не освобождаютъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ заботъ о государственной полиціи, возлагая на товарища министра въ сущности лишь тѣ изъ этихъ заботъ, которыя лежали на немъ и при дѣйствіи прежняго порядка. За министромъ внутреннихъ дѣлъ и впредь остаются не только высшее руководство государственной полиціей, опредѣленіе ея личнаго состава и разрѣшеніе всѣхъ общихъ вопросовъ, вызываемыхъ ея дѣятельностью, но и всѣ другія, относящіяся къ этой области дѣла, которыя онъ признаетъ нужнымъ подчинить своему непосредственному вѣдѣнію. Сохраняя за собою такія права, министръ внутреннихъ дѣлъ и на будущее время останется истиннымъ руководителемъ дѣятельности государственной полиціи. Дѣйствительная важность вопроса заключается, однако, не въ томъ, министръ или товарищъ министра управляетъ государственной полиціей, а въ томъ, какого рода функціи исполняетъ эта послѣдняя и какими нормами регулируется ея дѣятельность. Но какъ разъ этой стороны вопроса указъ 22 сентября и сопровождающая его инструкція совершенно не касается, оставляя здѣсь все на своемъ мѣстѣ, и въ виду этого нѣтъ никакихъ основаній ожидать, что существовавшая до сихъ поръ въ названной области практика министерства внутреннихъ дѣлъ съ изданіемъ упомянутаго указа подвергнется какимъ-либо измѣненіямъ. Тѣмъ болѣе странно, конечно, было бы разсчитывать на полное преобразованіе дѣятельности министерства внутреннихъ дѣлъ въ результатѣ мелкихъ перемѣнъ, внесенныхъ въ его организацію указомъ 22 сентября.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" напечатаны слѣдующія оффиціальныя сообщенія министерства внутреннихъ дѣлъ:

„По Высочайшему повелѣнію на обсужденіе губернскихъ совѣщаній, образованныхъ для предварительнаго разсмотрѣнія тру-

довъ редакціонной коммиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ, переданы внесенные въ Государственный Совѣтъ министромъ юстиціи проекты устава опекунскаго учрежденія и опекунскихъ установленій въ частяхъ, касающихся крестьянскихъ опекъ. Пересмотръ законоположеній о крестьянахъ предполагается энергично продолжать".

„Министръ внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ военнымъ министромъ, призналъ соотвѣтственнымъ, для обезпеченія порядка при призывѣ новобранцевъ, предоставить уѣзднымъ (окружнымъ) и городскимъ воинскимъ присутствіямъ лишать домашняго отпуска и немедленно передавать воинскимъ начальникамъ новобранцевъ, въ нетрезвомъ видѣ явившихся въ эти присутствія или нарушившихъ порядокъ въ мѣстахъ призыва".

II.

Почти одновременно съ заявленіями новаго министра внутреннихъ дѣлъ русское общество услышало своего рода программное заявленіе и отъ руководителя другого крупнаго вѣдомства, новаго министра народнаго просвѣщенія, генерала Глазова. Принимая 19 сентября директоровъ петербургскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, генералъ Глазовъ обратился къ присутствовавшимъ на пріемѣ лицамъ съ рѣчью, въ которой отмѣтилъ, что въ настоящее время со стороны общества предъявляются серьезные запросы и требованія къ школѣ, сопровождаемыя нареканіями на послѣднюю. Въ прессѣ нерѣдки нападки на школу и, хотя часто онѣ несправедливы, но среди нихъ встрѣчаются и взгляды, заслуживающіе сочувствія. Съ другой стороны, нерѣдки и нареканія родителей на учителей. Въ этихъ нареканіяхъ сказывается отчужденіе семьи отъ школы и по существу они не всегда правильны, являясь иногда результатомъ незнакомства съ условіями внутренней жизни школы. Учителей упрекаютъ, напримѣръ, въ неровности характера, недостаткѣ сердечности, любви къ дѣлу и т. п., не зная, въ какомъ тяжеломъ матеріальномъ, а подчасъ и нравственномъ положеніи находятся преподаватели. Какъ бы то ни было, между родителями и школой все же чувствуется нежелательная рознь, своего рода стѣна, въ которой нужно пробить брешь. Въ виду этого министръ предложилъ образовать подъ руководствомъ попечителя петербургскаго учебнаго округа, г. Извольскаго, особое совѣщаніе изъ среды директоровъ петербургскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, которое поставило бы своей цѣлью „изыскать мѣры для устраненія такого ненормальнаго средостѣнія для сближенія школы съ родителями и съ требованіями жизни". При этомъ министръ указалъ, что нѣкоторый матеріалъ въ этомъ отношеніи могли бы дать школы вѣдомства

министерства финансовъ, пользующіяся въ обществѣ хорошей репутаціей, и въ заключеніе выразилъ надежду, что будущее совѣщаніе удачно и умѣло выполнитъ свою нелегкую задачу.

Появленіе оффиціальныхъ заявленій министерства народнаго просвѣщенія обыкновенно приводитъ одну изъ петербургскихъ газетъ въ состояніе крайняго восторга. Такъ случилось и на этотъ разъ. „Рѣчь министра народнаго просвѣщенія къ директорамъ среднихъ учебныхъ заведеній — писало „Новое Время“ черезъ нѣсколько дней послѣ появленія отчета объ этой рѣчи — является однимъ изъ тѣхъ мѣрныхъ, чрезъ извѣстные промежутки времени повторяющихся ударовъ благовѣста, какіе припризываютъ горожанъ къ бодрствованію и молитвѣ“. По словамъ восторженной газеты, министерство народнаго просвѣщенія „даетъ примѣръ чуткости всѣмъ другимъ нашимъ вѣдомствамъ“. Оно сдѣлалось или дѣлается самымъ впечатлительнымъ, хочетъ быть самымъ гуманнымъ и не только допускаетъ критику себя, но и признаетъ ея основательность во многомъ, а, наконецъ, и выражаетъ готовность соображаться съ этою критикою“. Самая рѣчь министра „производитъ крайне отрадное впечатлѣніе готовностью его работать на пользу отчизны не отвлеченно, а въ жизненной атмосферѣ, такъ сказать, взаимно связанныхъ дыханій, гдѣ чиновники черпаютъ всю свою силу и одушевленіе изъ земли, отъ стоящихъ на землѣ людей, хотя и не принимающихъ участіе въ этой работѣ, но, однако, далеко къ ней не безучастныхъ и даже далеко въ ней не безправныхъ“. Въ виду этого, по мнѣнію газеты, „общество, въ лицѣ главнымъ образомъ родителей учениковъ, должно напрячь всѣ усилія, чтобы помочь этимъ чиновникамъ совершить плодотворно ихъ работу“.

Въ противоположность восторженнымъ рѣчамъ газеты г. Суворина, раздающимся „въ атмосферѣ взаимо связанныхъ дыханій“, большинство органовъ нашей прессы отнеслось къ заявленіямъ руководителя министерства народнаго просвѣщенія съ большою сдержанностью и даже съ нѣкоторымъ скептицизмомъ. Такой скептицизмъ нельзя не признать совершенно законнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, призывъ къ сближенію семьи и школы самъ по себѣ не составляетъ уже новости для русскаго общества. За послѣдніе годы, оффиціальные руководители нашей школы не разъ уже повторяли подобные призывы и тѣмъ не менѣе послѣдніе не повели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Новая попытка въ этомъ направленіи, очевидно, могла бы разсчитывать на успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, если бы она была поставлена на совершенно иную почву и не рисковала встрѣтиться съ тѣми препятствіями, о которыя разбились предшествовавшіе ей неудачные опыты. Но именно этого и нельзя сказать о той новой попыткѣ школьной реформы, какая предпринята въ настоящее время министерствомъ народнаго просвѣщенія. По крайней мѣрѣ,

само учебное вѣдомство, приступая къ этой попыткѣ, намѣрено, повидимому, всецѣло сохранить не только прежнюю свою программу, но и прежніе способы проведенія ея въ жизнь.

До извѣстной степени позволяетъ такъ думать уже приведенная выше рѣчь министра народнаго просвѣщенія, и особенно та ея часть, въ которой дается объясненіе розни, существующей между школой и семьей. Въ глазахъ представителя учебнаго вѣдомства виновницею такой розни является по преимуществу семья. Въ тѣхъ нареканіяхъ, какія раздаются съ ея стороны по адресу школы, признается, правда, извѣстная доля справедливости, но главная масса этихъ нареканій приписывается лишь незнакомству родителей съ „условіями внутренней жизни школы". Такимъ образомъ, въ цѣляхъ сближенія семьи со школой предстоитъ, повидимому, лишь озаботиться ознакомленіемъ первой съ условіями и требованіями послѣдней. Такая постановка дѣла сближенія семьи и школы далеко не нова. Оффиціальная школа давно уже предлагаетъ русскому обществу ознакомиться съ ея требованіями и принять ихъ къ руководству и упорно не замѣчаетъ того, что значительная часть этихъ требованій рѣшительно отвергается обществомъ, имѣющимъ свои собственные взгляды на задачи школы. Но въ этомъ отношеніи школы къ семьѣ и заключается источникъ розни между ними и, конечно, эта рознь не можетъ быть уничтожена дальнѣйшимъ слѣдованіемъ по тому же самому пути, который привелъ къ ней. Дѣйствительное общеніе между семьей и школой возникаетъ только при такихъ условіяхъ, когда между требованіями той и другой стороны устанавливается извѣстная гармонія, когда семья располагаетъ возможностью высказывать свое мнѣніе о школьныхъ порядкахъ и это мнѣніе принимается въ разсчетъ руководителями школы.

Такія условія едва-ли возможно, однако, считать обезпеченными и въ дальнѣйшихъ стадіяхъ предпринятой министерствомъ народнаго просвѣщенія попытки разработать вопросъ объ отношеніяхъ семьи и школы. Образованное для этой цѣли совѣщаніе педагоговъ, надо думать, сможетъ формулировать взгляды, существующіе по названному вопросу въ средѣ дѣятелей самой школы, но задача выясненія тѣхъ требованій, какія предъявляются къ школѣ обществомъ, подобному совѣщанію, очевидно, будетъ не по силамъ. Въ газетахъ промелькнуло, правда, извѣстіе, что для лучшаго исполненія такой задачи, къ работамъ совѣщанія предполагается привлечь родителей учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но этотъ пріемъ былъ уже использованъ въ министерство ген.-ад. Ванновскаго и тогда же проявилъ свои неудобства: съ одной стороны, подборъ родителей, получившихъ приглашенія на совѣщанія педагоговъ, по необходимости являлся совершенно случайнымъ, съ другой — родителямъ, предполагавшимъ высказать школѣ свои пожеланія, въ большинствѣ случаевъ

приходилось лишь выслушивать наставленія школьныхъ дѣятелей. Если даже эта послѣдняя сторона совмѣстныхъ совѣщаній въ настоящее время и будетъ измѣнена, чего, однако-же, нельзя ожидать съ полной увѣренностью, то все же случайные отзывы нѣсколькихъ родителей, конечно, не восполнятъ собою отсутствія такой организаціи, которая дала бы возможность общественному мнѣнію высказаться въ школьномъ вопросѣ съ достаточной полнотою и опредѣленностью. Въ виду этого едва ли можно разсчитывать, что вновь предпринятая попытка сближенія школы съ семьею окажется удачнѣе предыдущихъ и дастъ значительные результаты въ видѣ серьезной реформы всей постановки учебнаго дѣла.

Между тѣмъ, необходимость въ такой реформѣ съ каждымъ годомъ сказывается все настоятельнѣе. Нѣтъ недостатка и въ фактахъ, наглядно доказывающихъ эту необходимость. Въ началѣ осени въ петербургскихъ газетахъ были приведены нѣкоторыя свѣдѣнія, касающіяся условій поступленія въ высшія техническія школы Петербурга. Согласно этимъ свѣдѣніямъ, въ горный институтъ на 60 вакансій было подано 700 прошеній, въ институтъ гражданскихъ инженеровъ—на 101 вакансію 545 прошеній, въ технологическій институтъ—на 249 вакансій 1,389 прошеній. Немногимъ лучше дѣло обстояло и на высшихъ женскихъ курсахъ, гдѣ на 550 вакансій было подано 1,200 прошеній *). Эти цифры достаточно ярно обрисовываютъ ту разницу, какая существуетъ между спросомъ, предъявляемымъ страной на высшее образованіе, и средствами, имѣющимися въ распоряженіи учебной системы для удовлетворенія такого спроса. Но среди населенія Россіи есть и такая группа, по отношенію къ которой эта разница пріобрѣтаетъ еще болѣе печальный характеръ. Такою группою являются евреи, для которыхъ поступленіе въ школу затрудняется, помимо общихъ препятствій, еще правиломъ о сохраненіи опредѣленнаго процентнаго отношенія между учащимися евреями и христіанами. Такъ, въ настоящемъ году въ петербургскій политехническій институтъ евреями было подано около 100 прошеній, принять же въ институтъ оказалось возможнымъ лишь 11 евреевъ. Въ петербургскій университетъ отъ евреевъ поступило 125 прошеній, но изъ нихъ могло быть удовлетворено только 25. Въ кіевскій политехническій институтъ изъ 170 подавшихъ прошенія евреевъ было принято лишь около 40 человѣкъ. Въ новороссійскій университетъ евреями было подано 260 прошеній, а принято въ него могло быть, при установленной для него десятипроцентной нормѣ, только 40 евреевъ **).

Такія условія доступа въ школу, при которыхъ сотни и ты-

*) „Русь“, 26 августа 1904 г.
**) „Книжки Восхода“, 1904 г., № 9, стр. 13[illegible].

сячи ищущихъ образованія напрасно стучатся въ ея двери, трудно, конечно, назвать нормальными. Но не менѣе ненормальныя явленія наблюдаются и внутри стѣнъ нашей школы. Въ печать проникаетъ сравнительно мало свѣдѣній объ этой сторонѣ учебнаго дѣла, но и тѣ свѣдѣнія, какія имѣются на лицо, ясно показываютъ, что въ названной области далеко не все обстоитъ благополучно. Въ началѣ текущаго года, какъ сообщали газеты, петербургскій горный институтъ лишился значительной части своихъ профессоровъ, не нашедшихъ возможнымъ занимать въ немъ каѳедры при современныхъ условіяхъ академической жизни. Съ началомъ новаго учебнаго года нѣчто подобное произошло въ харьковскомъ технологическомъ институтѣ, гдѣ частью были уволены, частью подали въ отставку 22 профессора и лектора, въ томъ числѣ нѣсколько лицъ, пользующихся большою извѣстностью въ ученомъ мірѣ. „Нѣкоторые изъ этихъ бывшихъ преподавателей технологическаго института—прибавляетъ одна изъ газетъ, сообщившихъ это извѣстіе,—были тотчасъ же приглашены на соотвѣтствующія каѳедры въ другія высшія учебныя заведенія: такъ, профессоръ Красускій, уволенный изъ харьковскаго института, занялъ каѳедру въ варшавскомъ политехникумѣ. Иные, преимущественно спеціалисты технической химіи, получили мѣста на заводахъ; иные же, наконецъ, принуждены были совершенно измѣнить свою профессію и спеціальность, что, конечно, не легко было для нихъ. Между прочимъ, одинъ изъ профессоровъ математики получилъ мѣсто преподавателя въ полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ, который поспѣшилъ воспользоваться институтскимъ разгромомъ и прислалъ приглашеніе на имѣвшуюся у него вакансію. Надо думать, что успѣхи кадетовъ въ математикѣ будутъ отъ этого не безъ выигрыша *). Кадетскій корпусъ, быть можетъ, и дѣйствительно останется въ выигрышѣ благодаря „институтскому разгрому“, но общіе интересы просвѣщенія страны едва ли что-либо выигрываютъ отъ такихъ разгромовъ, и періодическое ихъ повтореніе врядъ ли можетъ считаться нормальнымъ явленіемъ.

Между тѣмъ явленія такого рода свойственны не только высшей нашей школѣ. Время отъ времени въ печати появляются извѣстія о подобныхъ же происшествіяхъ въ жизни средней школы. Такова, напримѣръ, исторія, разсказанная въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ „Гражданина“, къ сожалѣнію, не нашедшаго возможнымъ назвать имена дѣйствовавшихъ въ ней лицъ. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ неполномъ своемъ видѣ разсказъ газеты, до сихъ поръ не вызвавшій никакого опроверженія, остается чрезвычайно характернымъ.

„Въ гимназіи одного губернскаго города—разсказываетъ кн.

*) „Русь“, 20 сентября 1904 г.

Мещерскій—текла жизнь безъ какихъ бы то ни было острыхъ политическихъ инцидентовъ. Назначили туда, одному Богу извѣстно—почему, въ директоры бывшаго учителя, и въ этой должности имѣвшаго некрасивую въ нравственномъ отношеніи исторію, замятую по ходатайству мѣстнаго учебнаго начальства. Назначили, и вотъ что затѣмъ произошло. Былъ въ городѣ катокъ, на которомъ сходились въ числѣ публики гимназисты. Въ одинъ прекрасный день устроился второй катокъ. Но на этотъ второй катокъ извѣстная часть публики не ѣздила, оставшись на старомъ каткѣ, а такъ какъ въ этой публикѣ большинство составляли поляки, то кто-то пустилъ по городу слухъ, что старый катокъ—польскій, а новый—русско-еврейскій. Но въ числѣ оставшихся на старомъ каткѣ были гимназисты, и вотъ это обстоятельство послужило предлогомъ цѣлой политической драмы. Казалось бы, какое дѣло директору гимназіи вмѣшиваться въ городскія сплетни о двухъ каткахъ и, тѣмъ паче, искать въ нихъ политической подкладки, и если дѣйствительно кто-нибудь хотѣлъ эту подкладку дать, то, разумѣется, тактъ обязывалъ начальство гимназіи не обращать на эти сплетни никакого вниманія и предоставлять каждому ходить на катокъ, который ему больше нравится, и этимъ уничтожить въ зародышѣ дѣйствіе сплетенъ о политическомъ значеніи двухъ катковъ. Это тѣмъ болѣе легко было сдѣлать, что ни на одномъ изъ двухъ катковъ ни разу никто не позволилъ себѣ ни малѣйшихъ политическихъ или антинаціональныхъ демонстрацій.

„Не тутъ-то было. Директоръ гимназіи объявляетъ ученикамъ строжайшее запрещеніе ходить на старый катокъ. Разумѣется, какъ и слѣдовало ожидать, послѣдствіемъ такого превращенія стараго катка въ запрещенный плодъ явилось, какъ это всегда бываетъ въ средѣ не только молодежи, но и взрослыхъ, искушеніе для извѣстнаго процента учениковъ бравировать это запрещеніе, и немедленно вслѣдъ за этимъ началась педагогическая расправа. Сразу проступкамъ учениковъ дана была политическая окраска и наказанія за посѣщеніе стараго катка, усиливаясь crescendo, стали доходить до изгнанія изъ гимназіи. Тогда въ стѣнахъ гимназіи зажглась уже дурного свойства неурядица, гдѣ заговорили страсти, а заговорили онѣ по двумъ причинамъ: вопервыхъ, потому, что въ гимназіи между молодежью зажглась ненависть къ директору, а во-вторыхъ, все общество приняло участіе въ этомъ разгорѣвшемся эпизодѣ и большая часть семействъ, какъ польскихъ, такъ и русскихъ, открыто высказалась противъ гимназическаго начальства. Тогда это встревоженное состояніе молодыхъ умовъ, искусственно созданное, перешло на почву уже прямо политическихъ демонстрацій, гдѣ опять же вмѣсто того, чтобы обратиться къ сердцу и къ совѣсти расходившихся мальчиковъ и вмѣстѣ съ этимъ проявить твердость нрав-

ственнаго авторитета, начальство прямо перешло отъ некрасивой роли агентовъ-провокаторовъ къ роли безпощаднаго палача, и болѣе ста молодыхъ людей было выброшено на улицу изъ гимназіи.

„Но въ чемъ заключалась политическая окраска безпорядка? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ обнаруживается нѣчто совсѣмъ невѣроятное, какъ проявленіе педагогической безтактности и даже педагогическаго неразумія, о которомъ, какъ я узналъ, даже нѣкоторыя мѣстныя правительственныя лица не имѣли понятія. Оказывается, что въ каждомъ учебномъ заведеніи Привислинскаго края, подъ предлогомъ, если не обрусенія, то все же успокоенія умовъ, создано было нѣчто, получившее назначеніе во всякое время служить поводомъ и искрою къ зажиганію безпорядка на почвѣ національной и религіозной. И въ это „нѣчто“ превращена была молитва передъ ученіемъ. Оказывается, что эти молитвы передъ ученіемъ и послѣ ученія, которыя мы всѣ повторяли на училищныхъ скамьяхъ, были въ четырехъ текстахъ напечатаны на одномъ листкѣ—для школъ Привислинскаго края: два текста были безъ измѣненія напечатаны для русскихъ и для протестантовъ, одинъ текстъ для реформатовъ съ маленькимъ измѣненіемъ и, наконецъ, четвертый былъ для поляковъ-католиковъ съ серьезнымъ измѣненіемъ. Вотъ объ этомъ серьезномъ и въ то же время нелѣпомъ фактѣ, въ духѣ исключительно провокаторскомъ, никто почти не подозрѣвалъ въ Привислинскомъ краѣ и узнали только теперь, вслѣдствіе вспыхнувшаго въ одной изъ гимназій демонстративнаго недоразумѣнія. Въ трехъ текстахъ одна изъ молитвъ оканчивается словами: „*на утѣшеніе церкви и родителямъ и отечеству на пользу*“. Въ четвертомъ хитроумные политики-педагоги придумали слѣдующее измѣненіе для католиковъ-поляковъ: „*въ утѣшеніе монарху и родителямъ, и всему краю на пользу*“. Такимъ образомъ, для католиковъ-поляковъ вычеркнуты, какъ несуществующія, церковь и отечество, а взамѣнъ вставлено слово *монархъ*, котораго въ молитвѣ для русскихъ, протестантовъ и реформатовъ не имѣется. Значитъ, если полякъ-католикъ захочетъ изъ четырехъ текстовъ той же молитвы предпочесть русскій, онъ, очевидно, становится политическимъ преступникомъ, ибо онъ не произноситъ слова: монархъ, а произноситъ слова: отечество и церковь. И эту возможность сдѣлаться политическимъ преступникомъ ежедневно въ теченіе 8-ми лѣтъ въ видѣ ловушки каждому мальчику въ Привислинскомъ краѣ подставляютъ во всѣхъ училищахъ,—ужасно сказать, въ молитвѣ!.. И вотъ на почвѣ этой молитвы разыгралась драма въ гимназіи, погубившая болѣе ста молодыхъ жизней“ *).

Возможность подобныхъ фактовъ сама по себѣ уже является

*) „Гражданинъ“, 1904 г., № 79.

какъ нельзя болѣе краснорѣчивымъ доказательствомъ необходимости коренной реформы всего учебнаго дѣла. Но эта давно назрѣвшая реформа, въ свою очередь, не можетъ быть осуществлена внѣ связи съ другими, болѣе общими условіями общественной жизни, и тотъ новый приступъ къ школьной реформѣ, о которомъ у насъ шла рѣчь выше, только ярче освѣщаетъ такое положеніе вещей.

III.

Минувшее лѣто оказалось крайне неблагопріятнымъ для земледѣльческаго населенія нѣкоторыхъ мѣстностей Россіи. Во многихъ мѣстахъ Сибири, въ нѣсколькихъ центральныхъ, сѣверныхъ, западныхъ и южныхъ губерніяхъ Европейской Россіи крестьянскому населенію грозитъ новое и тяжелое бѣдствіе, благодаря серьезному неурожаю. Въ Сибири особенно печальнымъ представляется положеніе Забайкальской области, перенесшей уже тяжелую голодовку въ прошломъ году и въ настоящее время вновь вынужденной считаться съ тѣмъ же бѣдствіемъ. „Въ Нерчинскомъ уѣздѣ—писалъ еще въ маѣ одинъ изъ корреспондентовъ „Восточнаго Обозрѣнія“—вполнѣ возможна голодовка. Большая часть молодого казачьяго населенія ушла на войну; послѣдніе запасы уходятъ на-дняхъ; остается дома только старъ да малъ. Изъ крестьянъ запасные тоже давно ушли. Вездѣ горе, нищета, жалуются на недостаточность отпускаемаго изъ казны пособія или на трудность полученія его. Жители города Нерчинска и селеній не знаютъ, гдѣ достать хлѣба, мяса“ *). Около того же времени „Забайкальскія Областныя Вѣдомости“ указывали, что населеніе области и въ прошлые годы не могло обойтись безъ правительственныхъ ссудъ, а въ настоящемъ году до 1 іюня въ ссуду было уже выдано 400 тысячъ пудовъ хлѣба, и тѣмъ не менѣе новыя ходатайства о ссудахъ поступаютъ со всѣхъ сторонъ. „На благопріятный исходъ этого года—прибавляла газета — разсчитывать трудно, во-первыхъ, въ виду безусловнаго сокращенія запашекъ на половину, а во-вторыхъ, вслѣдствіе полнаго отсутствія рабочихъ рукъ, ибо все крестьянское и казачье хозяйство осталось пока на попеченіи стариковъ, бабъ и дѣтей. Такимъ образомъ, передъ нами картина безпросвѣтной нужды, и если нужда эта сильна во всей области, то особенно тяжелые симптомы ея видны въ Селенгинскомъ уѣздѣ въ мѣстности по р. Джидѣ или въ такъ называемой Торейской волости. Здѣсь уже настоящая голодовка съ цынгой, тифомъ и прочими послѣдствіями“ **). Въ концѣ лѣта „Амурскому Краю“ сообщали изъ

*) „В. Об.“, 15 іюня 1904 г.
**) Цититую по „Вост. Обозрѣнію“, 8 іюля 1904 г.

Читы, что въ ней „уже около мѣсяца замѣчаются случаи заболѣванія цынгой". „Болѣзнь эта,—прибавлялъ корреспондентъ—по слухамъ, приняла большіе размѣры и въ г. Верхнеудинскѣ" *). Немногимъ лучше обстояло дѣло и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Якутской области. Такъ, изъ Чекурской волости Олекминскаго округа „Вост. Обозрѣнію" писали, что небывалый разгонъ лошадей подъ ссыльныхъ и запасныхъ совершенно истощилъ и безъ того недостаточные запасы корма. Во многихъ селеніяхъ крестьяне разобрали до-тла общественные запасы сѣна, но ихъ оказалось мало и пришлось прикупать сѣно на сторонѣ по дорогой цѣнѣ. Недородъ прошлаго года вынудилъ крестьянъ прикупать и хлѣбъ, цѣна на который значительно поднялась съ открытіемъ военныхъ дѣйствій. Между прочимъ, въ прошломъ году крестьяне покупали муку изъ олекминскаго казеннаго хлѣбо-запаснаго магазина по 1 р. 5 к. за пудъ. Мука эта лежала тамъ нѣсколько десятковъ лѣтъ и никуда не годится; даже казаки олекминской команды отказались брать ее въ качествѣ пайковаго довольствія. Въ нынѣшнемъ году та же мука отпускалась крестьянамъ по 1 р. 50 к. Это обстоятельство тѣмъ болѣе смутило обывателей, что незадолго передъ тѣмъ объявлено было обязательное постановленіе генералъ губернатора, воспрещавшее соглашенія торговцевъ съ цѣлью повышенія цѣнъ на предметы первой необходимости **). Общее тяжелое положеніе Восточной Сибири еще болѣе осложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что желѣзная дорога, занятая всецѣло перевозкой воинскихъ грузовъ, почти совершенно не доставляетъ товаровъ съ запада. Иркутская городская дума, указывая на переживаемый населеніемъ продовольственный кризисъ, дважды уже ходатайствовала о предоставленіи Иркутску ежедневно не менѣе 26 вагоновъ, но эти ходатайства остаются пока безъ удовлетворенія, и не трудно представить себѣ, какъ долженъ отразиться такой порядокъ на ростущей среди населенія нуждѣ.

Изъ центральныхъ губерній Европейской Россіи въ нынѣшнемъ году особенно сильно пострадала Нижегородская губернія, которую и въ прошломъ году посѣтилъ настолько сильный неурожай, что во многихъ ея мѣстахъ крестьяне оказались совершенно не въ состояніи платить ни казенныхъ, ни земскихъ, ни мірскихъ сборовъ. Въ настоящемъ году урожай самъ по себѣ обѣщалъ быть обильнымъ, но дожди совершенно не дали хлѣбу созрѣть. Въ однихъ мѣстахъ колосья ржи проросли, въ другихъ ее пришлось косить совсѣмъ еще зеленой, и въ общемъ крестьяское населеніе почти всей губерніи опять очутилось въ крайне печальномъ положеніи, не имѣя ни запасовъ продовольствія, ни

*) Цитирую по „Р. Вѣдомостямъ", 2 августа 1904 г.
**) Цитирую по „Р. Вѣдомостямъ", 5 іюля 1904 г.

зерна для обсѣмененія озимыхъ полей *). Между тѣмъ управляющій губерніей, какъ сообщаютъ мѣстныя газеты, особымъ циркуляромъ предложилъ земскимъ начальникамъ принять всѣ мѣры къ своевременной уплатѣ крестьянскимъ населеніемъ окладныхъ сборовъ текущаго года, въ виду того, что военныя событія на Дальнемъ Востокѣ указываютъ на особенную необходимость своевременнаго поступленія этихъ сборовъ **).

Не менѣе печальными оказались результаты минувшаго лѣта и въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ оно также было необыкновенно дождливымъ. Въ Петрозаводскомъ и Повѣнецкомъ уѣздахъ Олонецкой губерніи, по словамъ корреспондента „Нов. Времени", урожай получился „гораздо ниже средняго". Рожь косили еще совсѣмъ зеленую, потому что „нечего стало ѣсть". Результаты молотьбы оказались таковы: съ 10 бабокъ, съ которыхъ въ урожайные годы намолачивалось до 10 пудовъ, нынче въ хорошихъ мѣстахъ намолачивали 3 пуда, а въ плохихъ—30 фунтовъ. Въ итогѣ—„зима впроголодь вырисовалась уже вполнѣ". Отсутствіе пригодныхъ для посѣва сѣмянъ вынудило крестьянъ прибѣгнуть къ распродажѣ имущества и скота. „Продаютъ, конечно, въ три раза дешевле обыкновенной стоимости, да еще благодаря покупщиковъ, что выручили". Вдобавокъ, въ новомъ хлѣбѣ „очень много спорыньи, производящей, если она смолота вмѣстѣ съ мукой, при употребленіи такого хлѣба заболѣванія, такъ наз. „злую корчу", страшную, выражающуюся судорогами, болѣзнь, часто со смертельнымъ исходомъ" ***). Приблизительно таково же положеніе крестьянскаго населенія и въ значительной части Новгородской губерніи. Въ Валдайскомъ, Кирилловскомъ, Тихвинскомъ, Череповецкомъ и Бѣлозерскомъ уѣздахъ рожь на крестьянскихъ поляхъ по большей части совершенно не вызрѣла. Убирали ее съ большимъ опозданіемъ противъ обыкновеннаго срока и тѣмъ не менѣе сняли совсѣмъ зеленой. Урожай получился по количеству гораздо ниже средняго, а по качеству—совсѣмъ плохой. Отчасти благодаря примѣси спорыньи, отчасти вслѣдствіе спиртового броженія, развившагося въ размокшемъ отъ непрестанныхъ дождей зернѣ, хлѣбъ новаго урожая обладаетъ особыми свойствами, которыя заставили крестьянъ прозвать его „пьянымъ хлѣбомъ": употребленіе этого хлѣба въ пищу вызываетъ головокруженіе, тошноту и жестокія желудочныя боли. Благодаря этому среди крестьянъ появляются массовыя заболѣванія. Для посѣва этотъ хлѣбъ совершенно непригоденъ, и въ виду этого нѣкоторыя сельскія общества просили ссудъ на обсѣмененіе полей. Но такія просьбы встрѣтили со стороны администраціи рѣшительный отказъ

*) „Нижег. Листокъ", 11 августа 1904 г.

**) „Нижег. Листокъ" Цитирую по СПБ. Вѣдомостямъ", 9 окт. 1904 г.

***) „Н. Время", 1 сент. 1904 г.

и большинство крестьянъ, не имѣя никакихъ средствъ на покупку сѣмянъ, вынуждено было или засѣять озимыя поля завѣдомо негоднымъ зерномъ, или же оставить ихъ совсѣмъ безъ посѣва. Такимъ образомъ, неурожай обезпеченъ и на будущій годъ. Яровые хлѣба въ свою очередь не выручили населенія. Они, какъ и картофель, сильно пострадали отъ морозовъ и въ общемъ сборъ ихъ явился крайне неудовлетворительнымъ. Эти печальные результаты сельскохозяйственнаго года грозятъ тѣмъ тяжелѣе отозваться на населеніи Новгородской губерніи, что въ ней, какъ и въ Олонецкой, неурожай повторяется уже третій годъ подъ-рядъ и средства мѣстнаго крестьянства представляются совершенно истощенными *).

Аналогичныя извѣстія сообщаются и изъ нѣкоторыхъ западныхъ губерній. Въ Полоцкомъ уѣздѣ Витебской губерніи, крестьянское населеніе котораго также уже третій годъ испытываетъ послѣдствія неурожая и пришло, благодаря этому, въ состояніе крайняго упадка, нынѣшній годъ опять принесъ съ собою неурожай хлѣбовъ и травъ **). Въ Варшавской, Петроковской, Плоцкой и Калишской губерніяхъ, согласно отвѣтамъ мѣстныхъ лѣсничихъ на запросъ варшавскаго управленія государственныхъ имуществъ, яровые хлѣба повсюду плохи, картофель еще хуже, травы также плохи, а второго покоса травы и совсѣмъ не производилось. Удовлетворительнымъ оказался урожай озимой ржи, но этого зерна не хватитъ на продовольствіе сельскаго населенія. Въ Варшавской губерніи крестьяне уже ощущаютъ недостатокъ корма для скота, благодаря чему цѣна на скотъ упала здѣсь на 30%. Изъ жителей названныхъ губерній, по мнѣнію лѣсничихъ, пограничные крестьяне сравнительно легче выдержатъ бѣдствіе неурожая, такъ какъ они лѣтомъ имѣли недурной заработокъ въ Пруссіи, а зимой занимаются вывозомъ лѣса и другихъ сырыхъ продуктовъ за границу. Сельское же населеніе удаленныхъ отъ границы мѣстностей совершенно безпомощно и до сихъ поръ не принято никакихъ мѣръ для оказанія ему помощи ***).

Еще хуже обстоитъ дѣло на крайнемъ юго-востокѣ и югѣ Европейской Россіи. Какъ сообщаютъ изъ Астраханской губерніи, калмыцкую степь въ этомъ году постигъ полный неурожай травъ. Такой же неурожай былъ въ ней и въ прошломъ году, но тогда калмыкамъ-скотоводамъ помогла справиться съ бѣдствіемъ правительственная ссуда. Въ нынѣшнемъ же году астраханскій губернаторъ предложилъ попечителямъ и завѣдующимъ отдѣльными частями улусовъ объявить калмыкамъ, что они не должны разсчитывать въ этомъ году на ссуды, и рекомендовать имъ продать

*) „Р. Вѣдомости“, 8 и 30 сентября; „Русь“, 7 сентября; „Н. Время“ 15 сент. 1904 г.

**) „Спб. Вѣдомости“, 28 сент. 1904 г.

***) „Р. Вѣдомости“, 30 сент. 1904 г.

часть своего скота, чтобы имѣть больше шансовъ на сохраненіе остального скота въ случаѣ суровой зимы и отсутствія подножныхъ кормовъ. Во многихъ мѣстахъ Полтавской губерніи также обнаружился неурожай травъ и яровыхъ хлѣбовъ, вызванный отсутствіемъ дождей *). Но особенно грозные размѣры бѣдствіе неурожая приняло въ Бессарабской, Херсонской и Таврической губерніяхъ. Въ Аккерманскомъ, Измаильскомъ, Бендерскомъ и отчасти въ Орловскомъ уѣздахъ Бесссарабской губерніи, во всей Херсонской губерніи, за исключеніемъ лишь Херсонскаго уѣзда, и почти во всей Таврической губерніи жестокая засуха совершенно погубила на крестьянскихъ земляхъ и хлѣба, и травы. Въ пострадавшей части Бессарабіи, какъ сообщалъ въ началѣ осени корреспондентъ „Од. Новостей“, „полное отсутствіе въ продолженіе всего лѣта травъ на пастбищахъ и малые запасы корма для скота привели къ тому, что въ теченіе іюня, іюля и августа населеніе лишилось десятковъ и даже сотенъ тысячъ головъ скота. Всѣ базары въ эти мѣсяцы въ южной Бессарабіи были почти исключительно „скотскими“. Черезъ Маяки, а также и другіе пункты безпрерывно перегонялись и продолжаютъ перегоняться гурты скота для отправки въ Крымъ и урожайныя мѣстности. Скотъ продолжаетъ продаваться необычайно дешево. Такъ, корова съ теленкомъ продается за 5—6 р., пара лошадей — за 15—20 р., пара хорошихъ, сильныхъ воловъ—за 40—50 р., плоховатыхъ же— за 12—18 р., и, не смотря на такую цѣну, продавцовъ много, а покупателей мало, такъ какъ каждый житель старается сбыть послѣднюю телушку, чтобы не издохла она съ голода. Падежъ на скотъ тоже порядочный и особенно сильный на овецъ, которыя дохли отъ голода и отъ оспы сотнями“ **). То же самое происходило и въ другихъ двухъ пострадавшихъ губерніяхъ.

Для борьбы съ бѣдствіемъ, принявшимъ такіе громадные размѣры, требуются весьма значительныя средства. По разсчету аккерманской уѣздной управы, для обезпеченія населенію сохраненія рабочаго скота въ одномъ Аккерманскомъ уѣздѣ потребуется 385,000 р. ***). Но въ помощи нуждается не только крестьянскій скотъ, а и сами крестьяне, не имѣющіе почти никакихъ запасовъ продовольствія. Эта помощь и оказывается населенію, но въ крайне недостаточномъ размѣрѣ. Между прочимъ, бессарабское земство при первыхъ извѣстіяхъ о неурожаѣ было извѣщено, что изъ общеимперскаго продовольственнаго капитала оно можетъ получить лишь „весьма ограниченную ссуду“ и при томъ только „въ крайнемъ случаѣ“. При этомъ земству ставилось на видъ, что помощь населенію въ продовольствіи рабочаго скота лежитъ

*) „Р. Вѣд.“ 23 авг. 1904 г.

**) Цитирую по „Р. Вѣдомостямъ“, 10 сент. 1904 г.

***) „Р. Вѣдомости“, 9 авг. 1904 г.

на обязанности земства *). Но у земства нѣтъ средствъ, которыя позволили бы ему выполнить эту обязанность, и въ виду этого оно вынуждено прибѣгать къ займамъ и ходатайствамъ о ссудахъ, по необходимости сокращая ихъ размѣры сравнительно съ дѣйствительной нуждой. Съ другой стороны, тяжелое бѣдствіе, лишившее крестьянское населеніе всякихъ средствъ, нисколько не повліяло, повидимому, на облегченіе обязанностей этого населенія передъ государствомъ. Въ газетахъ приводилось любопытное прошеніе, поданное бессарабскому губернатору жителями коммуны Баурчи молдаванъ Измаильскаго уѣзда. „Наше горе — писали авторы этого прошенія, указывая на бѣдственное положеніе, созданное для нихъ неурожаемъ, — усугубляется еще нашимъ коммунальнымъ управленіемъ, которое совершенно не обращаетъ вниманія на постигшій нашу мѣстность полнѣйшій неурожай и на всѣ послѣдствія его и дѣятельно взыскиваетъ съ насъ недоимки за прошлые годы, а также подати за текущій годъ, для чего и отбираетъ и продаетъ съ публичныхъ торговъ послѣднее наше имущество и скотъ. Вслѣдствіе сего многіе хозяева-хлѣбопашцы превратились теперь почти въ нищихъ и просятъ общественной помощи“ **). Едва ли можно думать, что названная коммуна составляла въ этомъ отношеніи рѣзкое исключеніе изъ общаго порядка.

Дѣйствительность продовольственной помощи, оказываемой населенію неурожайныхъ мѣстностей, не мало затрудняется самой организаціей этого дѣла, находящейся въ рукахъ земскихъ начальниковъ и въ короткій срокъ своего существованія успѣвшей уже выказать всю свою несостоятельность. Недостатки этой организаціи успѣли заявить себя и въ нынѣшнюю продовольственную кампанію. Въ Одесскомъ уѣздѣ мѣстный предводитель дворянства, г. Якунинъ, нашелъ необходимымъ сообщить губернатору, что уѣздному съѣзду очень трудно вести продовольственную кампанію, такъ какъ земскіе начальники не имѣютъ физической возможности одновременно и исполнять свои обычныя занятія, и отдавать много времени продовольственному дѣлу ***). Въ Оргѣевскомъ уѣздѣ сами земскіе начальники сочли болѣе удобнымъ передать свои обязанности въ продовольственномъ дѣлѣ мѣстному земству. Оргѣевскій продовольственный комитетъ ассигновалъ именно 100,000 р. на закупку хлѣба для продажи его населенію по заготовительной цѣнѣ, а фактическое веденіе этого дѣла поручилъ предсѣдателю и членамъ земской управы, какъ лицамъ, входящимъ въ ихъ составъ ****). Но такой способъ рѣшенія вопроса,

*) „Р. Вѣдомости“, 18 іюля 1904 г.
**) „Н. Время“, 15 іюня 1904 г.
***) „Од. Новости“, 26 авг. 1904 г.
****) „Биржевыя Вѣдомости“, № 418.

конечно, не можетъ быть примѣненъ вездѣ и самъ по себѣ еще не обезпечиваетъ правильной постановки продовольственнаго дѣла. Въ виду этого земскимъ учрежденіямъ, въ интересахъ населенія, слѣдовало бы предпринять возможно скорѣе новыя и болѣе энергичныя попытки къ возвращенію всей продовольственной организаціи въ вѣдѣніе земства. Не менѣе необходимой является и другая мѣра въ видѣ уничтоженія тѣхъ заставъ, которыя въ послѣдніе годы закрыли для частной благотворительности дорогу къ голодающей деревнѣ. Въ виду выяснившагося уже небольшого размѣра средствъ, удѣляемыхъ государственнымъ казначействомъ на помощь пострадавшему отъ неурожая населенію, эта мѣра представляется особенно желательной и съ заботами объ ея осуществленіи необходимо торопиться, такъ какъ бѣдствіе не ждетъ и въ пораженныхъ неурожаемъ мѣстностяхъ быстро развивается голодовка.

IV.

За послѣдній мѣсяцъ опубликованъ рядъ правительственныхъ распоряженій и сообщеній, касающихся охраны порядка. Приводимъ здѣсь важнѣйшія изъ нихъ.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатано слѣдующее мнѣніе Государственнаго Совѣта, состоявшееся по представленію министерства внутреннихъ дѣлъ и 23 февраля 1904 г. получившее Высочайшее утвержденіе: „I. Въ измѣненіе Высочайше утвержденной 15 августа 1901 г. вѣдомости окладамъ содержанія и прочихъ видовъ довольствія чиновъ отдѣльного корпуса жандармовъ, присвоить начальству полтавскаго губернскаго жандармскаго управленія столовыя деньги въ размѣрѣ 2,700 руб. и на секретные расходы по 750 р. II. Вызываемый указанною въ отдѣлѣ I мѣрою новый расходъ, въ количествѣ 901 руб. 34 к. въ годъ, относить на смѣтныя назначенія военнаго министерства порядкомъ, указаннымъ въ дѣйствующихъ постановленіяхъ о предѣльномъ бюджетѣ сего вѣдомства для покрытія расходовъ по содержанію отдѣльнаго корпуса жандармовъ“.

Въ той же газетѣ напечатано слѣдующее мнѣніе Государственнаго Совѣта, состоявшееся также по представленію министра внутреннихъ дѣлъ и получившее Высочайшее утвержденіе 7 іюня 1904 г.: „I. Учредить въ составѣ кіевскаго губернскаго жандармскаго управленія одну должность помощника начальника управленія въ чинѣ полковника (можетъ быть, подполковника), съ производствомъ ему жалованья по чину, столовыхъ денегъ изъ годового оклада 1,560 р. за узаконенными вычетами и денегъ на прислугу и квартирныхъ по положенію. II. Добавить къ дополнительному штату губернскихъ жандармскихъ управленій 16 помощ-

никовъ начальниковъ управленій, 9 вахмистровъ и 99 унтеръ-офицеровъ (изъ нихъ по 25 высшаго и средняго окладовъ и 49 низшаго оклада) съ присвоеніемъ симъ чинамъ служебныхъ преимуществъ и содержанія, установленныхъ для таковыхъ чиновъ упомянутымъ штатомъ, назначивъ единовременно на вооруженіе нижнихъ чиновъ 3,142 руб. III. Вызываемый мѣрами, предусмотрѣнными въ отдѣлахъ I и II, расходъ: въ 1904 году — сколько по разсчету времени причитаться будетъ, а начиная съ 1905 года— по 93,188 руб. ежегодно, отнести на смѣтныя назначенія военнаго министерства порядкомъ, указаннымъ въ дѣйствующихъ постановленіяхъ о предѣльномъ бюджетѣ сего вѣдомства для покрытія расходовъ по содержанію отдѣльнаго корпуса жандармовъ".

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" напечатаны слѣдующія Высочайшія повелѣнія, объявленныя министромъ внутреннихъ дѣлъ:

„Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, въ 19 день іюля 1904 г., Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) предоставить командующему войсками сибирскаго военнаго округа—права генералъ-губернатора во всей полосѣ отчужденія Сибирской, Забайкальской и Кругобайкальской желѣзныхъ дорогъ въ предѣлахъ сибирскаго военнаго округа, на ледокольной переправѣ черезъ озеро Байкалъ и на кругобайкальскомъ грунтовомъ трактѣ Иркутскъ - Култукъ, съ временнымъ изъятіемъ изъ вѣдѣнія иркутскаго военнаго генералъ-губернатора и губернаторовъ томскаго и тобольскаго тѣхъ частей названной полосы, ледокольной переправы и грунтового тракта, которыя находятся въ предѣлахъ указанныхъ генералъ-губернаторства и губерній, а также право уполномочивать начальниковъ жандармскихъ полицейскихъ управленій Сибирской и Забайкальской желѣзныхъ дорогъ въ раіонѣ ввѣреннаго каждому изъ нихъ управленія—разрѣшать въ административномъ порядкѣ дѣла по нарушенію изданныхъ высшею властью обязательныхъ постановленій и подвергать виновныхъ въ нарушеніи сихъ постановленій аресту до двухъ недѣль или штрафу до 300 рублей безъ распространенія сего права на дѣла о поступкахъ, подлежащихъ въ общемъ порядкѣ вѣдѣнію суда, но обращенныхъ къ административному разрѣшенію согласно пп. 3 и 4 ст. 19 правилъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, 2) предоставить начальникамъ жандармскихъ полицейскихъ управленій Сибирской и Забайкальской желѣзныхъ дорогъ—права начальника этаповъ арміи, указанныя въ 605, 609, 610 и 611 ст. ст. Положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время, при пользованіи сими правами въ качествѣ начальниковъ охраны дорогъ, въ раіонѣ ввѣреннаго каждому изъ нихъ управленія".

„Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу иркут-

скаго военнаго генералъ-губернатора, въ 21 день іюля 1904 г., Высочайше повелѣть соизволилъ предоставить иркутскому военному генералъ-губернатору на время военныхъ дѣйствій на Дальнемъ Востокѣ право налагать въ административномъ порядкѣ на ссыльныхъ, находящихся въ предѣлахъ ввѣреннаго ему края подъ надзоромъ полиціи, за самовольныя отлучки ихъ изъ мѣстъ, назначенныхъ для жительства, взысканія, не превышающія трехмѣсячнаго ареста или штрафа въ пятьсотъ рублей, съ присвоеніемъ названному генералъ-губернатору права уполномочивать подчиненныхъ ему начальниковъ губерній и области на наложеніе этихъ взысканій".

Сверхъ того, въ той же газетѣ опубликовано Высочайшее повелѣніе о предоставленіи минскому губернатору особыхъ полномочій по изданію обязательныхъ постановленій для городовъ Бобруйска и Пинска по предметамъ, относящимся къ предупрежденію нарушенія государственнаго порядка и общественной безопасности.

Въ „Харбинскомъ Вѣстникѣ" напечатанъ слѣдующій приказъ намѣстника Дальняго Востока отъ 26 іюля сего года: „Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго дѣлами особаго комитета Дальняго Востока, 23 сего іюля Высочайше соизволилъ на прекращеніе, согласно моему ходатайству, судебнаго преслѣдованія, возбужденнаго противъ инородцевъ Забайкальской области, оказавшихъ противодѣйствіе введенію въ области реформы общественнаго управленія и суда" *).

Въ „Варшавскомъ Дневникѣ" напечатано слѣдующее сообщеніе: „Какъ извѣстно, въ нынѣшнемъ году произошли недоразумѣнія между рабочими и подрядчиками во время строительныхъ работъ, вслѣдствіе чего постройка многихъ домовъ въ Варшавѣ запоздала и не была кончена къ сроку. Во избѣжаніе подобнаго рода случаевъ на будущее время, на послѣднемъ засѣданіи мастеровъ каменьщичьяго цеха постановлено: 1) норму рабочаго дня опредѣлить въ 10 часовъ; 2) недѣльный разсчетъ заканчивать въ пятницу, а выплату заработной платы производить въ субботу не позже 6 час. вечера.; 3) насколько позволяетъ мѣсто, завести на работахъ особыя помѣщенія для храненія вещей и платья рабочихъ; 4) завести для каменьщиковъ особыя книжки, по образцу ремесленныхъ, въ которыхъ мастера отмѣчали бы, гдѣ и у кого данный рабочій работалъ и по какой цѣнѣ. Постановленія эти, надлежащимъ образомъ мотивированныя, будутъ представлены на утвержденіе подлежащихъ властей" **).

---

*) Цитирую по „Кіевск. Откликамъ", 14 сентября 1904 г.

**) Цитирую по „Кіевск. Откликамъ", 14 сентября 1904 г.

Въ той же газетѣ напечатанъ слѣдующій приказъ командующаго войсками варшавскаго военнаго округа ген.-ад. Черткова, отданный по войскамъ этого округа 18 сентября 1904 г.: „6-го сего мѣсяца нѣсколько рабочихъ напали на трехъ нижнихъ чиновъ 182 пѣхотнаго резервнаго гроховскаго полка вблизи караульнаго дома при Повонзковскомъ элеваторѣ. Начальникъ этого унтеръ-офицерскаго караула, извѣщенный о безпорядкѣ, выслалъ на мѣсто происшествія трехъ вооруженныхъ ружьями рядовыхъ при ефрейторѣ. Съ приближеніемъ команды, увеличившаяся толпа рабочихъ стала бросать въ нее камнями, при чемъ одному нижнему чину причинена незначительная рана. Команда затѣмъ стала отходить къ караульному помѣщенію, рабочіе же двинулись за нею, продолжая бросать камни. Тогда ефрейторъ приказалъ, въ видѣ угрозы, дать выстрѣлъ вверхъ, послѣ чего рабочіе прекратили преслѣдованіе нижнихъ чиновъ. Признавая, что полное самообладаніе и осмотрительность въ употребленіи оружія въ дѣло при уличныхъ безпорядкахъ должны всегда руководить начальникомъ воинской части, дабы избѣжать напраснаго кровопролитія, я нахожу, однако, что въ данномъ случаѣ, когда толпа осыпаетъ воинскую команду камнями, отступленіе отъ нападающихъ и выстрѣлъ на воздухъ неумѣстны и недостойны вооруженныхъ воинскихъ чиновъ. Въ подобномъ случаѣ ничего не остается, какъ прибѣгнуть къ оружію, и надо имѣть рѣшимость это сдѣлать, чтобы не подать и мысли толпѣ, что она можетъ безнаказанно наносить оскорбленія и увѣчья воинской командѣ. Вообще, излишняя боязнь отвѣтственности при употребленіи въ подобныхъ случаяхъ оружія, къ прискорбію, неоднократно замѣчается въ послѣднее время, между тѣмъ, поощряя съ одной стороны нарушителей порядка, эта нерѣшительность можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ поколебать въ ихъ мнѣніи высокое значеніе воинскаго чина при исполненіи имъ служебнаго дѣла. Предлагаю ближайшимъ войсковымъ начальникамъ дать должное разъясненіе и внушить подчиненнымъ имъ чинамъ, въ какихъ случаяхъ употребленіе оружія, на точномъ основаніи приказа по округу сего года № 12 и объявленной при немъ инструкціи, неизбѣжно, а потому и не можетъ вызвать отвѣтственности со стороны лица, вынужденнаго къ крайней мѣрѣ *).

Какъ сообщаютъ газеты, группою варшавскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, заключающею въ себѣ болѣе ста человѣкъ, подано на имя общаго собранія отдѣленій варшавскаго окружнаго суда заявленіе слѣдующаго содержанія: „Вслѣдствіе распоряженія г. товарища предсѣдателя варшавскаго окружнаго суда Г. Г. Рождественскаго, судебныя засѣданія въ III гражданскомъ отдѣленіи происходятъ, вопреки 153 ст. учр. суд. уст. и 324 и слѣд. ст.

*) Цитирую по „Руси“, 24 сентября 1904 г.

уст. гражд. судопр., при закрытыхъ дверяхъ. Это несогласное съ закономъ распоряженіе вызвало общеизвѣстное крайне прискорбное событіе, небывалое въ сношеніяхъ суда съ адвокатурой *). Принимая во вниманіе, что это происшествіе задѣло въ высшей степени честь и достоинство присяжныхъ повѣренныхъ, что возможность повторенія подобныхъ, хотя бы и менѣе рѣзкихъ фактовъ, сдѣлала бы почти неисполнимымъ осуществленіе присяжными повѣренными возложенныхъ на нихъ по закону обязанностей, что случившееся, по нашему мнѣнію, не должно остаться безъ распоряженій со стороны общаго собранія, направленныхъ къ возстановленію нарушеннаго порядка и огражденію правъ присяжной адвокатуры, въ силу 250 и 272 ст. учр. суд. уст. имѣемъ честь просить окружный судъ: распоряженіе товарища предсѣдателя Рождественскаго о закрытіи дверей во время судебныхъ засѣданій—отмѣнить" **).

Въ кіевскихъ газетахъ приведены слѣдующія постановленія мѣстнаго губернатора:

Постановленіями отъ 6 сентября, за нарушеніе обязательнаго постановленія кіевскаго генералъ-губернатора отъ 16 апрѣля настоящаго года, подвергнуты аресту при полиціи: почетный гражданинъ А. Карповичъ и мѣщанинъ Г. П. Ждановъ—на три мѣсяца каждый, считая срокъ со дня ихъ задержанія, крестьянинъ П. Е. Свиридовъ, казакъ А. Гладченко и мѣщанинъ Гр. Феоклистовъ—на два мѣсяца каждый и мѣщанинъ Гр. М. Захаровъ — на одинъ мѣсяцъ; за нарушеніе обязательнаго постановленія генералъ-губернатора отъ 9 апрѣля 1901 г. подвергнуты аресту при полиціи: казакъ П. Сябера и крестьянинъ Еф. Чумаченко—на три мѣсяца каждый и крестьянинъ Ѳ. А. Бѣляковъ—на одинъ мѣсяцъ, считая всѣмъ имъ срокъ со дня ихъ задержанія ***).

Постановленіями отъ 24 сентября подвергнуты аресту при полиціи: за нарушеніе обязательнаго постановленія генералъ-губернатора отъ 16 апрѣля сего года о воспрещеніи носить оружіе: крестьянинъ И. И. Ладанъ — на три мѣсяца, крестьянинъ Кс. Вл. Кузьменковъ—на два мѣсяца и мѣщанинъ П. А. Шульцъ—на два мѣсяца; за нарушеніе обязательнаго постановленія генералъ-губернатора отъ 9 апрѣля 1904 г.: мѣщанинъ О. Пр. Дереберъ — на два мѣсяца, считая срокъ со дня его задержанія, и

---

*) Двери суда были открыты только во время перерывовъ судебнаго засѣданія, устраиваемыхъ по выслушаніи одного или нѣсколькихъ подъ рядъ дѣлъ. Вошедшій въ залъ во время слушанія дѣла присяжный повѣренный Лабенцкій былъ выведенъ разсыльнымъ.

**) Цитирую по „Руси", 7 октября 1904 г.

***) „Кіевск. Отклики", 10 сентября 1904 г.

мѣщане М. А. Каропецъ, Г. И. Ерченко, Гр. Е. Федоровъ и Д. Е. Голубенко—на одинъ мѣсяцъ каждый *).

Постановленіемъ отъ 26 сентября, за нарушеніе обязательныхъ постановленій генералъ-губернатора отъ 9 апрѣля 1901 г. и 16 апрѣля сего года, подвергнуты аресту при полиціи: крестьянинъ С. М. Поздняковъ—на три мѣсяца, крестьянинъ Ѳ. П. Гончаровъ и мѣщанинъ В. А. Ансонскій—на два мѣсяца каждый **).

Постановленіемъ отъ 26 сентября, за нарушеніе обязательнаго постановленія генералъ-губернатора отъ 24 іюня 1896 г. о домовыхъ дворникахъ и ночныхъ сторожахъ, подвергнуты аресту при полиціи: дворники С. Колесниковъ и Ѳ. Кирильченко — на сутки каждый и ночные сторожа А. Черкасовъ и Тр. Авдѣевъ—на двое сутокъ каждый ***).

Сверхъ того, постановленіями 26 и 27 сентября, за нарушеніе обязательнаго постановленія отъ 15 іюня сего года о прописке видовъ на жительство, подвергнуты: одинъ домовладѣлецъ—штрафу въ 300 р., одинъ квартиронаниматель—штрафу въ 100 р., два домовладѣльца — каждый штрафу въ 100 р. или аресту на одинъ мѣсяцъ, одинъ домовладѣлецъ — штрафу въ 25 р., одинъ домовладѣлецъ—штрафу въ 15 р., пять домовладѣльцевъ—каждый штрафу въ 10 р., три домовладѣльца — каждый штрафу въ 5 р., два домовладѣльца—каждый штрафу въ 3 р. и одинъ дворникъ—аресту на 5 дней ****).

Въ свою очередь одесскія газеты приводятъ слѣдующія постановленія мѣстнаго градоначальника:

На основаніи ст. 15 положенія объ усиленной охранѣ, одесскимъ градоначальникомъ 5 сентября постановлено за нарушеніе дѣйствующаго въ градоначальствѣ обязательнаго постановленія о воспрещеніи сходбищъ, мѣщанина Ст. Стеценко и крестьянина С. Козаченко подвергнуть аресту на три мѣсяца, мѣщанина Л. Понякевича, мѣщанина И. Вубермана, лишеннаго правъ Ѳ. Грищенко, мѣщанъ М. Чимченко, В. Ильина и Ф. Штрахера—на два мѣсяца, мѣщанъ Я. Ройза, А. Регирера и Б. Бондаревскаго — на двѣ недѣли, считая арестъ со дня заключенія подъ стражу,—за то, что они своимъ вызывающимъ поведеніемъ собрали толпу и при возстановленіи полиціей порядка позволили себѣ нанести городовому оскорбленіе дѣйствіемъ *****).

10 сентября одесскимъ градоначальникомъ постановлено:

---

*) „Кіевск. Отклики", 28 сентября 1904 г.

**) „Кіевск. Отклики", 2 октября 1904 г.

***) „Кіевск. Отклики", 1 октября 1904 г.

****) „Кіевск. Отклики", 1 и 2 октября 1904 г.

*****) „Южное Обозрѣніе". Цитирую по „Русск. Вѣдомостямъ", 12 сентября 1904 г.

1) за нарушеніе обязательнаго постановленія о воспрещеніи сходбищъ австрійскаго подданнаго Л. Гопера и крестьянина З. Цихмейстера за то, что они своимъ вызывающимъ поведеніемъ собрали толпу, подвергнуть аресту на двѣ недѣли каждаго; 2) И. Шашницана за то же нарушеніе также подвергнуть аресту на двѣ недѣли *).

Въ г. Екатеринославѣ задержанныя чинами полиціи на улицахъ города 4 и 5 сентября лица за участіе въ толпѣ, намѣревавшейся произвести насильственныя дѣйствія противъ личности и имущества евреевъ, подвергнуты губернаторомъ за нарушеніе изданныхъ имъ 20 января сего года обязательныхъ постановленій въ административномъ порядкѣ аресту при полиціи: 6 человѣкъ—на два мѣсяца, 1—на одинъ мѣсяцъ, 7—на три недѣли и 2—на двѣ недѣли **).

Въ г. Бѣлостокѣ, какъ сообщаютъ газеты, имѣло мѣсто слѣдующее происшествіе: 6 октября, около 7 ч. вечера, въ канцелярію пристава 1-й части вошелъ, повидимому, рабочій, лѣтъ 20-ти, и бросилъ снарядъ; послѣдовалъ сильный взрывъ, которымъ былъ убитъ самъ бросившій снарядъ и ранены: письмоводитель въ ногу и его помощникъ—тяжело, околоточный надзиратель, городовой и два частныхъ лица, находившихся въ помѣщеніи участка,—легко; сильно пострадала квартира; мебель вся исщеплена осколками; стекла выбиты даже въ сосѣднихъ домахъ; слѣдствіе производится ***).

По словамъ газетъ, человѣкъ, убившій министра Плеве, опознанъ. Онъ оказался сыномъ уфимскаго купца Сазоновымъ. Онъ слушалъ лекціи въ московскомъ университетѣ, но былъ высланъ въ Томскую губернію; оттуда онъ самовольно возвратился на югъ Россіи, гдѣ работалъ въ газетахъ и служилъ на желѣзной дорогѣ. „Здоровье его — прибавляетъ газетное сообщеніе — настолько удовлетворительно, что онъ скоро будетъ перемѣщенъ изъ тюремной больницы въ камеру“ ****).

Въ теченіе минувшаго мѣсяца были опубликованы также свѣдѣнія о нѣкоторыхъ судебныхъ процессахъ, имѣющихъ отношеніе къ охранѣ порядка.

Правительствующимъ сенатомъ, какъ сообщаютъ петербургскія газеты, постановлено всѣ тѣ дѣла по политическимъ преступле-

*) „Од. Новости“, 12 сентября 1904 г.

**) „Приднѣпровскій Край“. Цитирую по „Кіевск. Откликамъ“, 16 сентября 1904 г.

***) „Русь“, 11 октября 1904 г.

****) „Нов. Время“, 17 сентября 1904 г.

ніямъ, которыя по новому разсматриваются въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ, въ случаѣ принесенія кассаціонной жалобы разрѣшать не въ отдѣленіяхъ сената, а въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ съ тѣмъ, чтобы давать руководящія указанія для разсмотрѣнія такихъ дѣлъ.

Въ скоромъ времени, по сообщеніямъ тѣхъ же газетъ, въ сенатѣ будетъ разсмотрѣна кассаціонная жалоба бывшаго члена саратовской городской управы, г. Милашевскаго, приговореннаго особымъ присутствіемъ саратовской судебной палаты къ каторжнымъ работамъ за храненіе запрещенныхъ изданій *).

Въ г. Омскѣ, по словамъ „Степного Края", въ военно-окружномъ судѣ было назначено къ разсмотрѣнію на 16 іюля дѣло о призванныхъ на дѣйствительную службу изъ запаса арміи рядовыхъ: Г. Воровиковѣ, Х. Заострожномъ, В. Чембулашкинѣ, С. Уньжаковѣ, Пр. Гобановѣ, Дм. Малетинѣ, Ис. Осиповѣ, И. Ладкинѣ, Тр. Куксинѣ, Е. Душкинѣ, И. Машаринѣ, П. Терляхинѣ, Ф. Зыряновѣ, Гр. Казанцевѣ и Ф. Шадринѣ, обвиняемыхъ въ возстаніи съ намѣреніемъ воспротивиться начальству **).

Въ г. Минскѣ 7 и 8 сентября въ засѣданіяхъ временного военнаго суда слушалось дѣло о пинскихъ жителяхъ М. Цитринѣ, Х. Дворкиндѣ и Н. Цалингольдѣ, обвиняемыхъ въ убійствѣ агента виленскаго охраннаго отдѣленія А. Н. Арнацкаго (Феркеля). По ходатайству помощника прокурора и защиты, дѣло передано прокурору виленскаго военно-окружнаго суда для доизслѣдованія ***).

Въ тифлисской судебной палатѣ по первому уголовному департаменту 2 сентября разсматривалось при закрытыхъ дверяхъ дѣло по обвиненію жителей г. Александрополя, Перча, Амазуни и Алексана Теръ-Минасова въ покушеніи на убійство городового Дардыманова. Дѣло это уже слушалось въ эриванскомъ окружномъ судѣ и тамъ подсудимые были оправданы, но по протесту прокурора эриванскаго окружнаго суда оно перешло въ судебную палату. Резолюціей палаты, объявленной при открытыхъ дверяхъ, былъ утвержденъ приговоръ эриванскаго окружнаго суда ****).

Въ той же палатѣ 21 и 22 сентября разсматривалось при закрытыхъ дверяхъ въ аппеляціонномъ порядкѣ дѣло по обвиненію священниковъ Теръ-Аракелянца и Теръ-Минасянца вмѣстѣ съ 28-ю жителями гор. Карса по 268 ст. уложенія о наказаніяхъ. Эриванскимъ окружнымъ судомъ изъ нихъ лишь 24 обвиняемыхъ были признаны виновными и приговорены: 12 — къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преи-

*) „Русь", 4 октября 1904 г.

**) Цитирую по „Нижег. Листку", 24 іюля 1904 г.

***) „Сѣв.-Зап. Край". Цитирую по „Кіевск. Откликамъ", 16 сентября 1904 г.

****) „Н. Обозрѣніе". Цитирую по „К. Откликамъ". 11 сент. 1904 г.

муществъ и отдачѣ въ арестантскія отдѣленія, при чемъ священники Теръ-Аракелянцъ и Теръ-Минасянцъ срокомъ на $2^1/_2$ года и 10 обвиняемыхъ—на 2 года; трое обвиняемыхъ—къ тюремному заключенію на 1 годъ и 3 мѣсяца каждый; 17 подсудимыхъ — къ 3-мѣсячному, безъ лишенія правъ, и 2 — къ 2-мѣсячному заключенію также безъ лишенія правъ. Судебная палата, съ примѣненіемъ Высочайшаго манифеста, приговорила священниковъ Теръ-Аракелянца и Теръ-Минасянца къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на 1 годъ каждаго, 10 подсудимыхъ — къ отдачѣ въ арестантскія отдѣленія на 8 мѣсяцевъ каждаго, трехъ—къ тюремному заключенію на 3 мѣс., а остальныхъ признала невиновными *).

Во владикавказскомъ окружномъ судѣ разбиралось при открытыхъ дверяхъ дѣло по обвиненію жителей сел. Экажева, Сунженскаго отдѣла, Бексултана, Мудара, Идриса, Мусы, Кортоевыхъ, Косума и Саита Базіевыхъ въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ. Суть дѣла по обвинительному акту представляется въ слѣдующемъ видѣ. 15 августа 1903 года, чины полиціи, подъ начальствомъ атамана Сунженскаго отдѣла, ген.-м. Суровецкаго, въ составѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ 2-го сунженско-владикавк. казачьяго полка, атамановъ, казаковъ и старшинъ ближайшихъ станицъ и селеній и при участіи начальника участка кап. Добровольскаго, производили обыскъ въ сел. Экажево съ цѣлью отобранія у жителей оружія, ношеніе котораго имъ было воспрещено. Бексултанъ Кортоевъ по уговору съ бѣглымъ каторжникомъ Исламомъ Санталіевымъ, нынѣ умершимъ, съ цѣлью воспрепятствовать производству обыска, засѣвъ въ бурьянѣ, произвели нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ въ обыскивавшихъ, при чемъ убили урядника станицы Карабулакской Ив. Жежелова, казака той же станицы Максима Митрофанова и случайно стоявшаго за цѣпью нижнихъ чиновъ и не принимавшаго участія въ обыскѣ мѣстнаго жителя Исмаила Гуліева. Когда нижніе чины открыли стрѣльбу по бурьяну, то Санталіевъ былъ убитъ, а Кортоевъ спасся бѣгствомъ и спрятался въ домѣ Идриса и Мусы Кортоевыхъ, которые, вмѣстѣ съ Мударомъ Кортоевымъ и К. и С. Базіевыми, открыли ружейную стрѣльбу по цѣпи обыскивавшихъ, но вреда никому не причинили. Въ судебномъ засѣданіи подсудимые не признали себя виновными. Судъ нашелъ, что судебное слѣдствіе не выработало болѣе или менѣе положительныхъ данныхъ, изобличающихъ подсудимыхъ въ приписываемыхъ имъ преступныхъ дѣяніяхъ, а потому и оправдалъ ихъ всѣхъ **).

Въ г. Красноярскѣ, въ выѣздной сессіи иркутской судебной палаты, 18 сентября должно было начаться разсмотрѣніе дѣла

---

*) „Н. Обозрѣніе". Цитирую по „К. Откликамъ", 29 сент. 1904 г.
**) „К. Отклики" 14 сент. 1904 г.

объ И. И. Бойцовѣ, Е. Н. Бражниковой, П. Е. Миловидовѣ, М. Ш. Келлерманъ, Н. И. Семененко и женѣ его С. Н. Семененко по обвиненію ихъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 2-ю частью 250 ст. уложенія о наказаніяхъ (бунтъ противъ верховной власти и государственная измѣна). Всѣ эти лица преданы суду иркутской судебной палаты на основаніи воспослѣдовавшаго 12 мая 1904 г. особаго по настоящему дѣлу Высочайшаго повелѣнія *).

Приведемъ еще опубликованныя за послѣдній мѣсяцъ сообщенія, касающіяся Финляндіи.

По словамъ газетъ, высланные изъ Финляндіи въ предѣлы Имперіи подъ особый надзоръ полиціи финляндскіе агитаторы Юхо, Вайніо и Эмилій Шюбергсонъ ходатайствовали о разрѣшеніи имъ выѣхать за границу. Финляндскій генералъ-губернаторъ, руководствуясь § 8 XXXII ст. Высочайшаго манифеста 11 августа, находя возможнымъ удовлетворить означенное ходатайство, сообщилъ объ этомъ на распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ **).

Въ послѣднее время финляндское главное управленіе по дѣламъ печати отмѣнило прежнее свое распоряженіе, запрещавшее пропускъ въ Финляндію девяти стокгольмскихъ газетъ, и вновь разрѣшило свободный ихъ доступъ въ Финляндію ***).

„Финляндская Газета" приводитъ текстъ ст. 4-й гл. 11-й уголовнаго уложенія Великаго Княжества Финляндскаго, по которой обвиняется бывшій сенаторъ Императорскаго финляндскаго сената и генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ, отставной тайный совѣтникъ Шауманъ. Статья эта гласитъ: „кто, съ намѣреніемъ содѣять преступленіе противъ Верховной Власти, войдетъ въ сношенія съ иностраннымъ правительствомъ или злоупотребитъ ввѣренною ему по должности властью, или заготовитъ оружіе, или людей, или совершитъ другое подобнаго свойства приготовительное дѣйствіе, тотъ подвергается заключенію въ смирительномъ домѣ или тюрьмѣ на время отъ одного года до восьми полныхъ лѣтъ. Кто съ подобнымъ же намѣреніемъ присоединится къ такимъ людямъ, тотъ подвергается заключенію въ смирительномъ домѣ или тюрьмѣ срокомъ не свыше двухъ лѣтъ".

---

18 сентября состоялось слѣдующее распоряженіе по дѣламъ печати: „министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: вновь разрѣшить выпускъ въ свѣтъ газеты „Восходъ", пріостановленной распоряженіемъ отъ 24 апрѣля 1904 г."

*) „Н. Время", 27 сент. 1904 г.

**) „Русь", 4 октября 1904 г.

***) „К. Отклики", 27 сентября 1904 г.

Какъ сообщаютъ изъ Орла, цензоромъ „Орловскаго Вѣстника“, не смотря на точный смыслъ ст. 15-й устава о цензурѣ, назначенъ секретарь губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія Поповъ. Въ г. Волховѣ мѣстная полиція воспретила розничную продажу нумеровъ „Орловскаго Вѣстника“. Обращеніе редакціи по этому поводу къ губернской администраціи ни къ чему не привело, такъ какъ губернская администрація оказалась солидарной съ уѣздной полиціей *). Вслѣдъ затѣмъ, вслѣдствіе отношенія епископа орловскаго и сѣвскаго преосвященнаго Кvріона, и. д. орловскаго губернатора предложилъ редакціи „Орловскаго Вѣстника“ не печатать подъ корреспонденціями псевдонимовъ „Херувимъ“ и „Серафимчикъ“ **).

В. Мякотинъ.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

На сооруженіе памятника на могилѣ Николая Константиновича Михайловскаго поступило:

Отъ В. Николенко, изъ Варшавы—10 р.; А. С. Шабельской, изъ Гостомля—50 р.

Итого . . 60 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 2.273 р. 04 к.***)

На стипендію имени Николая Константиновича Михайловскаго:

Отъ В. Николенко, изъ Варшавы—10 р.

Итого . . . 10 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 871 р. 65 к.

На устройство народной школы имени Николая Константиновича Михайловскаго:

Отъ педагогическаго персонала Якутской женской гимназіи—37 р.; псаломщика Федора Зелетугина, изъ Николаева—1 р.

Итого . . . 38 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 118 р. 50 к.

---

*) „Русск. Вѣдомости“, 21 сентября 1904 г.

**) „Русь“, 2 октября 1904 г.

***) Къ сооруженію памятника уже приступлено. 26 іюля были произведены расходы: церковному причту на Волковомъ кладбищѣ за право открытія могилы уплачено—14 р. 70 к. и по счету мастерской М. Ф. Крутикова за устройство склепа и фундамента—400 р. Итого 414 р. 70 к.

На изданіе сборника, посвященнаго памяти Николая Константиновича Михайловскаго:

От В. В. Буйницкаго, изъ Екатеринбурга—„памяти незабвеннаго вождя, учителя и человѣка"—1 р. 50 к.

Итого . . . 1 р. 50 к.
А всего съ прежде поступившими 2 р. 50 к.

На пріобрѣтеніе въ общественную собственность части усадьбы Некрасовыхъ въ Грешневѣ, Ярославскаго уѣзда, для устройства тамъ школы и библіотеки въ память 25-лѣтія со дня смерти Н. А. Некрасова:

Отъ псаломщика Федора Залетугина, изъ Николаева—1 р.

Итого . . . 1 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 404 р. 35 к.

На развитіе библіотеки имени Вл. Г. Короленко въ г. Лукояновѣ, Нижегородской губ.:

Отъ С. Чернобаевой—1 р.; черезъ редакцію „Русскихъ Вѣдомостей"—3 р.

Итого . . . 4 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 1.380 р. — к. *)

На образованіе стипендіи имени Вл. Г. Короленко:

Отъ группы учительницъ народн. училищъ, изъ Одессы—13 р.; Петропавловской воскресной школы—17 р.

Итого . . . 30 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 107 р. 50 к.

На учрежденіе высшей народной школы имени гр. Л. Н. Толстого:

Отъ псаломщика Федора Залетугина, изъ Николаева—1 р.; С. Чернобаевой—1 р.

Итого . . . 2 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 158 р. 50 к.

*) Изъ этой суммы 1.275 р. отправлены 20 февраля 1904 г. предсѣдателю общества распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губ., А. И. Ланину.

Редакторъ-Издатель: *Вл. Г. Короленко.*

Дозв. ценз. Спб., 26 октября 1904 г. Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская, 34.

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 2083.

НОЯБРЬ. 1904.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 11.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. 2-ую стр. обложки).

При этомъ № прилагаются каталоги книгоиздательствъ: 1) А. Ф. Девріена и 2) Д. И. Тихомирова и 3) объявленіе редакціи журналовъ „Свѣтлячокъ“ и „Путеводный Огонекъ“.

НОЯБРЬ. 1904.

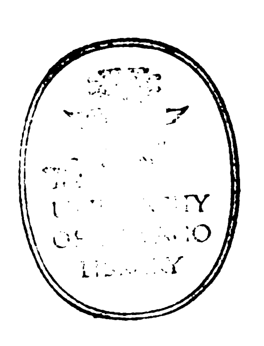
РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 11.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1904.



Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 ноября 1904 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. на оборотѣ).

СТРАН.

Н. Кудринъ. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Отъ автора.—I. Народъ и его характеръ. Психологія француза. Французское краснорѣчіе. Цезаризмъ и роль личности во Франціи XIX в. Ренегаты и герои убѣжденія.—II. Общественные классы. Французское крестьянство. Несчастный богачъ и счастливые бѣдняки. Безработные. Жизнь и идеалы четвертаго класса во Франціи. — III. Наука, литература и печать. Соціологія человѣка-звѣря. О марксизмѣ вообще, по поводу франц. марксизма въ частности. Натурализмъ на службѣ у утопіи. Французская пресса.—IV. Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ. Современное „чертобѣсіе". Шовинистская и клерикальная реакція. Дѣло Дрейфуса (Торжество военщины. Идейное пробужденіе. Реннскій процессъ и его міровой характеръ). Еврейскій вопросъ и антисемитизмъ во Франціи. Французскій парламентаризмъ и его критики. Эволюція политическихъ партій. Сто лѣтъ взаимныхъ отношеній буржуазіи и пролетаріата.

Ек. Лѣткова. ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Томъ I. *Второе* изд. 1903 г.—311 стр. Ц. 1 р.

Мертвая зыбь.—Лушка.—Горе.—Счастье.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Томъ II. *Второе* изд. 1903 г.—314 стр. Ц. 1 р.

Отдыхъ.—Чудачка.—Бабьи слезы.—Праздники.—Лишняя.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Томъ III. Изд. 1903 г.—316 стр. Ц. 1 р.

Рабъ.—Оборванная переписка.—На мельницѣ.—Облачко.—Безъ фамиліи (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ. ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Томъ I. *Третье* изд. 1903 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ преддверіи.—Шелаевскій рудникъ.—Ферганскій орленокъ.—Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Томъ II. *Второе* изд. 1902 г.—402 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.—Post-scriptum (отъ автора).

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Второе* изд. 1903 г. — 367 стр. Ц. 1 р.

Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни.—Чортовъ яръ.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда.—На китайской рѣкѣ.—Ганя.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г. — 406 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Пѣвецъ гуманной красоты (Пушкинъ).—Муза мести и печали (Некрасовъ).—Чудеса „вседневнаго міра" (Фетъ).—На высотѣ (Тютчевъ).—Пѣвецъ „тревоги юныхъ силъ" (Надсонъ).—Современныя миніатюры (Гг. Минскій, Андреевскій, Фругъ, Льдовъ, Фофановъ, Коринфскій, Чюмина, Облеуховъ, Бальмонтъ, Брюсовъ, Танъ, Соловьевъ, Allegro, Өедоровъ, Бунинъ, Лохвицкая, Щепкина-Куперникъ, Галина). О старомъ и новомъ настроеніи.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ. Шесть томовъ. Изд. 1896 г. Цѣна каждаго тома 2 р.

Томъ I 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг

Томъ II. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 5) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ.

7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

Томъ III. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его „новая наука". 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

Томъ IV. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

Томъ V. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника: I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Ціона, чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ".

Томъ VI. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія. 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

Н. К. Михайловскій. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ I. Изд. 1900 г. — 504 стр. Ц. 2 р.

Мой первый литературный опытъ. „Разсвѣтъ". „Книжный Вѣстникъ". Братья Курочкины, Ножинъ, Благосвѣтловъ, Писаревъ, Демертъ, Минаевъ.—„Гласный судъ", „Современ. обозрѣніе", „Отеч. записки".—Некрасовъ.—Романъ „Борьба" и статья „Что такое прогрессъ". Салтыковъ, Елисеевъ, Успенскій. Некрасовъ, какъ человѣкъ.—Фетъ о Салтыковѣ. Изъ переписки и дневника Шелгунова. Шелгуновъ и Позднышевъ. „Исторія новѣйшей русской литературы" А. М. Скабичевскаго.—П. Д. Боборыкинъ и его отношеніе къ „Отеч. запискамъ".—Въ одной изъ толстовскихъ колоній. Изъ прошлаго и настоящаго Л. Н. Толстого. Полемика съ нимъ И. И. Мечникова.—Личныя воспоминанія о гр. Толстомъ. Толстой и г. Мечниковъ, какъ гигіенисты. О естественномъ и неестественномъ. О задачахъ науки. О будущемъ женщинъ и женскаго вопроса. Люди, владѣющіе перомъ и перомъ владѣемые. Двоякаго рода эпигоны. Г. Сементковскій о нашемъ недавнемъ прошломъ.—„Книга о книгахъ". Воспоминаніе объ одномъ маленькомъ человѣкѣ. Письмо К. Маркса. Кающіеся дворяне. Идеалы и идолы. Ошибки исторической перспективы. „Черезъ сто лѣтъ" Беллами и „Крушеніе цивилизаціи" Буажильбера".—О г. Розановѣ и его отказѣ отъ наслѣдства. О мозаичности культуры. Славянофилы, „Моск. Вѣдомости", „Гражданинъ" и благонамѣренность. Изъ поѣздки по Волгѣ и изъ исторіи русской цензуры.— Г. З. Елисеевъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ II. Изд. 1900 г.—496 стр. Ц. 2 р.

Оптимистическій и пессимистическій тонъ. Марксъ Нордау о вырожденіи. Декаденты, символисты, маги и проч. Русское отраженіе франц. символизма. О разныхъ типахъ празднословія. Объ исторической критикѣ. Отрывокъ изъ романа „Карьера Оладушкина". Основы народничества г. Юзова.—Памяти Тургенева. О народничествѣ г. В. В. Братство народовъ. — О молодости. О гг. П. Ковалевскомъ и Сениговѣ.

Смерть Гайдебурова. Объ экономическомъ матеріализмѣ. — Изъ писемъ марксистовъ. Гегелизмъ и гальванизмъ. О діалектическомъ развитіи и тройственныхъ формулахъ прогресса. О разсказахъ гг. Григоровича и Мамина-Сибиряка. О силѣ привычкѣ вообще, у писателей въ частности. О гр. Л. Н. Толстомъ.—Нѣчто о бѣдствіяхъ существенныхъ и красныхъ вымыслахъ. Фламмаріонъ, Мечниковъ и Бертело о грядущихъ судьбахъ человѣчества. Будущія бородатыя женщины г. Брандта „Выдающаяся женщина" г. Ардова и Раскольниковъ Достоевскаго.— О Литературномъ обществѣ" и нашихъ литературныхъ нравахъ. О системахъ морали. О Максѣ Штирнерѣ и Фр. Ничше.—О г. Струве и его „Критическихъ замѣткахъ".

— ОТКЛИКИ. Томъ I. Изд. 1904 г.—492 стр. Ц. 1 р. 50 к.
„ Томъ II. Изд. 1904 г.—432 стр. Ц. 1 р. 50 к.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

А. В. Пѣшехоновъ. НА ОЧЕРЕДНЫЯ ТЕМЫ. Матеріалы для характеристики общественныхъ отношеній въ Россіи. Изд. 1904 г.—434 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Крестьянскій вопросъ.—Недодѣланное дѣло. — Изъ хроники голодныхъ лѣтъ.—Современные аргонавты.—Торгово-промышленныя дѣла и дѣятели.—По поводу одного аграрнаго закона.—Централизація экономической власти. — Желѣзныя дороги въ русскомъ государственномъ бюджетѣ.—Неудавшійся праздникъ.—Пора рѣшить.—Уединенная реформа.—Изъ земской жизни: 1) Земцы новой формаціи.—2) Кризисъ въ земской статистикѣ.—Господа ремесленники и ихъ комментаторы.— Самарскій мужикъ въ новомъ освѣщеніи.—Докторъ Штокманъ на русской сценѣ.—Изъ исторіи чести и совѣсти.—Проблемы совѣсти и чести въ ученіи новѣйшихъ метафизиковъ. — Матеріалы для характеристики русской интеллигенціи.

СБОРНИКЪ «РУССКАГО БОГАТСТВА». Часть I. *Беллетристика.* Изд. 1899 г.—206 стр. Ц. 2 р.

Изъ романа „Карьера Оладушкина". Въ провинціи. *Н. К. Михайловскаго.*—У святыхъ могилокъ. Эскизъ. *Д. Н. Мамина-Сибиряка.*—На службѣ обществу. *Л. Мельшина.* — Современная Миньона. *Н. Сѣверова.*—Бѣлыя крылья. Изъ разсказовъ стараго шахтера. *В. I. Дмитріевой.*—Маруся. Разсказъ. *В. Г. Короленко.*—Стихотворенія. *В. Г.* Послѣдній выборъ. Романъ. *Р. Штратца* (съ нѣмецкаго).

— Часть II. *Публицистика.* Изд. 1899 г.—450 стр. Ц. 1 р.

А. С. Пушкинъ. *П. Ф. Гриневича.*—Муки слова. *А. Г. Горнфельда.*— А. С. Пушкинъ и его письма. *Е. А. Ляцкаго.*—Изъ Пушкинской эпохи. *В. А. Мякотина.*—Сербско-болгарскія отношенія по македонскому вопросу. *П. Н. Милюкова.*—Покупательныя силы крестьянства. *А. В. Пѣшехонова.*—О классицизмѣ филологическомъ и идейномъ. *Н. Кудрина.* Людвигъ Бюхнеръ. *В. В. Лункевича.*—Неудавшійся праздникъ. *А. В. Пѣшехонова.*—Правители и властители современной Европы. *С. Н. Южакова.*

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ» Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г. — 350 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ.—На теплыхъ водахъ.

П. Я. СТИХОТВОРЕНІЯ. Томъ I (1878 — 1897 гг.). *Пятое* изд. 1903 г.—282 стр. Ц. 1 р.

— СТИХОТВОРЕНІЯ. Томъ II (1898—1902). *Второе* изд. 1902 г.—295 стр. Ц. 1 р.

— РУССКАЯ МУЗА. Ц. 1 р. 75 к.

Собраніе лучшихъ, оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній русскихъ поэтовъ XIX вѣка. Съ приложеніемъ образцовъ юмористической поэзіи. Въ книгѣ больше 30.000 стиховъ. Произведеніямъ почти каждаго поэта предпослана краткая характеристика.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногородняго на петербургскій—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 10 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1902 г. и не востребованныя обратно до 1-го декабря 1903 г., **уничтожены**.

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются**.

СРЕДИ РАБОЧИХЪ.

(Очерки съ натуры).

XVII.

Прошла недѣля. Мы привыкли къ монастырю, освоились съ порядками, приглядѣлись къ монахамъ, хорошо узнали о. Зосиму, который только любилъ напускать на себя строгость и кричать ни къ селу ни къ городу: „я хозяинъ!"— а, въ сущности, былъ добрѣйшій человѣкъ.

Въ рощу мы ходили каждый день и, по совѣсти сказать, больше „залоговали", чѣмъ работали... Совѣтъ повара о. Савелья: „какъ ударятъ къ достойной,—бросайте" и „по вечеру зазвонятъ къ вечернѣ,—опять бросайте" мы приняли близко къ сердцу...

Такая жизнь очень нравилась Терехѣ-Вохѣ. Онъ нѣсколько разъ говорилъ мнѣ:

— Малина, Павлычъ, а не житье — жисть здѣшная... Истинный Господь! Харчи—помирать не надо... Квасъ—сусло, работа легкая... Не ушелъ бы отседа!..

Насъ навѣщалъ по вечерамъ о. Пименъ. Онъ, какъ оказалось, былъ страстный рыболовъ, и какъ-то разъ пригласилъ меня идти на ночь ловить рыбу. Я согласился и съ тѣхъ поръ сталъ ходить съ нимъ почти каждую ночь.

Собравшись съ вечера, забравъ снасти, мы уходили изъ монастыря версты за три, на рѣку. Придя на мѣсто, закидывали удочки и, молча, сидѣли на берегу. Ночи были тихія, звѣздныя, прекрасныя. Съ низкихъ мѣстъ, съ болотъ, гдѣ стояли всю ночь похожіе на дымъ туманы, неслось неумолкаемое кваканье лягушекъ, блеянье бекасовъ, жалобное уханье выпи. Лишь только на землю спускалась ночь, и небо становилось темно-синимъ, въ воздухѣ являлись странные звуки; тихіе и жалобно-непонятные, они рождались сами собой, то усиливаясь, то смолкая, то сливаясь въ одну

странную мелодію, наводившую на душу пріятно-сладкую жуть. Они рождались, замирали, таяли и снова оживали въ таинственной прелести ночи.

Къ полночи, когда рыба переставала брать, мы разводили небольшой огонекъ и ложились навзничь, подложивъ подъ себя широкій, старый подрясникъ о. Пимена, захваченный нарочно съ этой цѣлью.

Мы лежали и смотрѣли кверху. Прямо надъ нами сіяло усѣянное звѣздами небо. Звѣзды мигали, гасли, падали и манили къ себѣ...

Какая-то тихая непонятная грусть наполняла душу... Хотѣлось не быть человѣкомъ, хотѣлось имѣть крылья... Хотѣлось забыть все, подняться отъ земли, высоко-высоко, и потонуть навсегда тамъ, гдѣ бродятъ эти тихо мигающія, прекрасныя, манящія къ себѣ своей таинственной прелестью звѣзды.

Мы рѣдко говорили, но о. Пименъ часто пѣлъ тоненькимъ голоскомъ. Пѣлъ онъ грустныя вещи, и въ его пѣніи мнѣ слышались слезы и безъисходная тоска.

„Въ путь узкій ходшіи прискорбный,—тоненькимъ голоскомъ необыкновенно грустно выводилъ онъ,—всѣ въ житіи крестъ яко яремъ вземшіи, и мнѣ послѣдовавшіи вѣрою, пріидите насладитеся, ихже уготовахъ вамъ,—почестей и вѣнцовъ небесныхъ!“

И, помолчавъ, еще съ большею тоской начиналъ другое.

„Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижду во гробѣхъ лежащую, по образу Божію созданную, нашу красоту безобразну и безславну, не имущу вида“ и т. д.

Передъ восходомъ солнца, когда ярко разгоралась заря и начинали пѣть птицы, когда листья на прибрежныхъ кустахъ, и трава, и цвѣты блестѣли, покрытые росой, мы шли обратно въ обитель и тамъ пили въ каморкѣ о. Пимена изъ грязнаго самоварчика чай или сушеную землянику.

Напившись, я шелъ черезъ дворъ, гдѣ было тихо и бродили только что проснувшіяся куры, въ рабочую и будилъ товарищей. Они лѣниво поднимались, долго зѣвали, умывались, крестились на образа и, наконецъ, послѣ долгаго „разламыванья“, отправлялись въ рощу, на работу.

XVIII.

Подошло, такимъ образомъ, время покоса. Дни стояли прекрасные, солнечные, жаркіе, самые благодатные для этого дѣла. На заливномъ лугу, передъ монастыремъ, трава стояла по поясъ, съ густымъ плотнымъ подсѣдомъ.

Какъ-то разъ, поздно вечеромъ, когда мы уже легли на

нары, пришелъ о. Зосима и объявилъ намъ, что наша работа въ лѣсу кончена.

— Косить завтра по утру,—сказалъ онъ,—давайте струментъ.

Мы сдали ему топоры, пилы и, очень довольные, снова улеглись спать.

— Еще, робята, недѣльку аль полторы живанемъ здѣсь да и того... на настоящую добычу!—сказалъ дядя Юфимъ:— Пора! Слава те Господи!

Утромъ о. Зосима позаботился разбудить насъ, когда еще чуть-чуть начинало брезжить. Онъ принесъ намъ новыя, повидимому, только что наканунѣ отбитыя косы и брусочницы съ зеркальцами, въ которыхъ торчали тоже совсѣмъ еще новые бруски.

Осмотрѣвъ косы и перевязавъ ручки, мы отправились за о. Зосимой къ святымъ воротамъ. Здѣсь мы услышали по ту сторону стѣны разговоръ и топанье: это шли косцы. Калитка отворилась настежь, и въ нее, другъ за другомъ, стали выходить послушники съ косами въ рукахъ. Ихъ было человѣкъ двадцать пять, народъ все молодой, здоровый, сытый... Одѣты были всѣ одинаково: въ бѣлые длинные подрясники-балахоны. На головахъ были чернаго цвѣта шапочки, по формѣ похожія на поповскія „камилавки". На ногахъ опорки на босу ногу. Каждый былъ подпоясанъ, кто узенькимъ ремешкомъ, кто веревочкой, и на этихъ ремешкахъ и веревочкахъ висѣли жестяныя брусочницы, тоже съ зеркальцами, какъ и у насъ.

Отецъ Зосима, успѣвшій уже, повидимому, „клюнуть", съ покраснѣвшимъ носомъ, необыкновенно серьезный и растопырившійся, какъ индѣйскій пѣтухъ, повелъ насъ на лугъ.

Съ рѣки поднимался бѣлый туманъ. Здѣсь было сыро, и трава стояла, наклонившись, мокрая отъ росы.

Отмѣривъ шаговъ 70 по берегу рѣчки, о. Зосима остановился и сказалъ:

— Атседа начинайте!

Высокій, рыжебородый, долговолосый послушникъ, вышелъ впередъ и, поточивъ косу, предварительно зачерпнувъ въ рѣчкѣ воды въ брусочницу, сказалъ:

— Свальникъ, что-ль, отецъ?..

— А ты, небось, не знаешь,—усмѣхнулся о. Зосима,—махонькой, что ли, аль баринъ изъ лягавыхъ?.. Чай, видишь: знамо, свальникъ.

— Да я такъ,—произнесъ послушникъ и, поправивъ на головѣ шапочку и поплевавъ въ руки, пошелъ...

Жикъ! Жикъ!—раздался пріятный звукъ подъ его косой,—жикъ, жикъ...

За этимъ послушникомъ, давъ ему отойти шага четыре, тронулся другой, третій, четвертый...

Мы пошли въ концѣ.

Трава была густая, мѣстами полегшая, спутанная и крѣпкая на косу... Прокосы необыкновенно длинные... Часто попадались кочки, которыя приходилось обкашивать, что задерживало работу, и приходилось торопиться... Подъ ногами кое-гдѣ хлюпала вода... Косу приходилось точить то и дѣло.

Дойдя до конца прокоса, почти подъ самую монастырскую стѣну, шедшій впереди послушникъ остановился, обтеръ полой балахона потное лицо и, подождавъ немного, когда подойдутъ другіе, началъ дѣлать свальникъ.

Подъ косой трава ложилася
Подъ серпомъ горѣла рожь...

запѣлъ онъ вдругъ густымъ басомъ, покатившимся по лугу и отозвавшимся по ту сторону рѣки въ сосновомъ бору:

Ка-а-тя часу не спала!..

— Вотъ я те задамъ!—завопилъ о. Зосима, перебивая:— Игумену скажу... Ахъ ты, рыжій, красный... Молчать! Я хозяинъ! Не вводи во искушенье... Ахъ ты, лодарь гладкій!..

Послушникъ громко захохоталъ и крикнулъ:

— Я хозяинъ!

— Я хозяинъ! Я хозяинъ!—подхватило нѣсколько голосовъ.

— Я хозяинъ! Я хозяинъ! — громко и необыкновенно внятно отвѣтило изъ сосноваго бора эхо.

— Молчать!—пуще прежняго завопилъ о. Зосима, въ ярости затопотавъ ногами.—Ахъ вы, лодари! Кашу вамъ жрать только!.. Игумену скажу... Косите, косите, вамъ говорятъ!.. Встали, жеребцы стоялые!..

— Я хозяинъ!—опять крикнулъ кто-то.

— Озорной народъ,—вполголоса замѣтилъ дядя Юфимъ.— Да что имъ, правда... Ишь морды то—лопнуть хотятъ... Жеребцы и есть!..

Между тѣмъ взошедшее солнце начинало сильно припекать; трава сохла, и косить становилось труднѣе.

— Коси коса, пока роса,—сказалъ дядя Юфимъ, начиная третій прокосъ.—Роса долой, и мы домой.

Прошли еще по прокосу. Солнце стояло уже высоко. По времени пора уже было идти завтракать. Но о. Зосима, казалось, и не думалъ объ этомъ. Онъ ходилъ, заложивъ руки за спину, и покрикивалъ.

— Поуспѣшнѣе, рабы Божьи, поуспѣшнѣе!.. Еще прокосикъ, другой... поуспѣшнѣй!..

Прошли еще по прокосу, и рыжій, ходившій впереди послушникъ, бросивъ на землю косу и обтеревъ, какъ и давеча, полой балахона потное лицо, сказалъ:

— Довольно!.. Жрать пора... Эна какую махину смахнули!..

И правда, скосили много... Высокіе, „пухлявые" валы лежали, какъ гряды.

— Возовъ десятокъ ахнули!

— Болтай!—крикнулъ на него о. Зосима:—Больно много насчиталъ... Скажи пять—и то ладно! Еще бы по прокосику...

— Пять!—передразнилъ его послушникъ.—Эхъ ты „я хозяинъ"!.. Пойдемъ-ка, пойдемъ, нечего разговаривать... Подноси по банкѣ...

— Только объ этомъ и думаешь,—проворчалъ о. Зосима,—налакаться бы поскорѣе...

Недовольный, онъ пошелъ, однако, къ монастырю. Закинувъ за плечи косы, звякая на ходу брусками, и мы всѣ отправились за нимъ.

XIX.

Въ трапезной приготовленъ былъ завтракъ: капуста съ квасомъ, картошка со свеклой и оставшаяся отъ вчерашняго ужина черная каша.

Послушники не садились за столъ, ожидая о. Зосиму, который пошелъ къ о. эконому за водкой.

Вскорѣ онъ пришелъ, весь запыхавшись, неся подъ мышкой „чудуху", и, кромѣ того, въ карманахъ подрясника торчали у него еще двѣ бутылки.

Радостный гулъ голосовъ встрѣтилъ его. Лица у всѣхъ какъ-то расцвѣли, стали радостные, добрые... О. Зосиму окружили...

У многихъ изъ послушниковъ оказалась припасенная заранѣе посуда: у кого половинка, у кого бутылка. Эти запасливые люди, оказывалось, копили водку, выливая свои „банки" въ посуду до тѣхъ поръ, пока она не наполнялась до краевъ, и тогда уже водка выпивалась вся сразу...

— Чего пить стакашками? Лизнешь—и не попахнетъ... То ли дѣло сразу... Пить—такъ пить, чтобы покачивало!..

О. Зосима дрожащими отъ волненія руками открылъ пробку и началъ небольшимъ граненымъ стаканчикомъ („семерикомъ") обносить косцовъ.

Тѣмъ, которые „отливали", онъ велѣлъ подходить послѣ. Такихъ оказалось человѣкъ восемь. О. Зосима, наливая имъ „банки", сказалъ:

— Пьяницы вы, пьяницы горчайшіе!.. Зависть у васъ... нажраться до безчувствія... Эхъ, вы!..

Когда всѣ выпили, и водки еще осталось много, о. Зосима сказалъ, обращаясь къ намъ:

— Рабы Божьи, подходите!..

Мы не заставили повторять предложеніе и подошли.

— Гоже!—сказалъ дядя Юфимъ, выпивъ и утеревъ рукавомъ губы.—Съ устатку-то гоже... Спаси Христосъ!...

Сѣли за столъ. О. Зосима, забравъ оставшуюся водку, ушелъ. Мы остались одни, и за столомъ пошелъ веселый оживленный разговоръ, смѣхъ, шутки...

— Ну и жизнь здѣсь,—наклонившись ко мнѣ, тихо произнесъ Тереха-Воха,—истинный Господь, помирать не надо!

— Нравится?

— Жуть!

— Оставайся совсѣмъ...

— Что ты... очумѣлъ? Чай, мнѣ жениться надыть... Такъ я говорю...

Послѣ завтрака косцы-послушники разошлись по кельямъ спать, а мы, не видя о. Зосимы и не зная, что теперь дѣлать, тоже завалились въ рабочей на свои нары. Но долго намъ лежать не пришлось: явился о. Зосима, веселый, разговорчивый, красненькій, по всѣмъ признакамъ сильно выпившій, и весело крикнулъ:

— Эй, рабы Божьи!.. Что это вы... спать? Сонъ пагуба... Подите валы бить... тамъ вонъ у крыльца грабли... Вёдро Господь посылаетъ... Много хлопотъ мнѣ теперича предстоитъ... Да!.. Одинъ я... за всѣмъ догляди... упустишь вѣдь часъ—все пропало... Я ужъ давно этимъ дѣломъ завѣдую... полная моя власть... Я хозяинъ!..

Нечего было дѣлать—мы вышли изъ рабочей, взяли грабли и отправились на лугъ. Здѣсь уже человѣкъ десять пожилыхъ монаховъ потихоньку ходили и разбивали „граблевищами“ валы. Работа шла лѣниво, неохотно, черезъ пень колоду.

Мы присоединились. Крайній монахъ, съ длинной сѣдой бородой, худой и горбоносый, съ выпуклыми непріятными глазами, покосился на насъ и какъ-то прошипѣлъ:

— Лодари... Кашу только жрать пришли сюды, необузданные!..

— Не болѣ твоего, отецъ, жремъ,—отвѣтилъ Малинкинъ,—чего ты насъ попрекаешь... не твое...

— Молчи!..

— А ты, что за птица така выискалась, чтобъ я передъ тобой молчать сталъ... Начальство здѣшнее, что ли?

— Отстань, деревня!—крикнулъ монахъ и, закинувъ грабли

на плечо, торопливо отошелъ отъ насъ въ сторону на другой валъ, сердито на ходу оглядываясь и сверкая глазами.

— Во, лѣшманъ-то!—произнесъ Малинкинъ.

— Лѣшманъ и есть!—согласился дядя Юфимъ.

XX.

Разбивъ валы, мы вмѣстѣ съ монахами опять пошли въ монастырь.

Отошла поздняя обѣдня, и позвонили къ обѣду. Пообѣдавъ, я отъ нечего дѣлать сталъ бродить по монастырю. Зашелъ на кладбище, осмотрѣлъ незатѣйливые памятники, почиталъ надписи, подумалъ о смерти; потомъ забрелъ на пчельникъ, гдѣ старый, глуховатый монахъ о. Афмилозій радушно предложилъ мнѣ понюхать съ нимъ табачку изъ берестовой тавлинки.

Вернувшись въ ограду, я увидѣлъ о. Зосиму, который шелъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону, по направленію къ высокому столбу съ колоколомъ.

Подойдя къ столбу, онъ остановился, подумалъ, посмотрѣлъ на солнце и, бормоча что-то, схватился за конецъ веревки обѣими руками.

Дернувъ нѣсколько разъ, онъ вдругъ поскользнулся, поѣхалъ ногами впередъ и упалъ навзничь, не выпуская, однако, изъ рукъ веревки. Его клинообразная борода торчала кверху, колпакъ свалился... Онъ, лежа, дергалъ за веревку и бормоталъ:

— Я хо-о-зяинъ...

Я сталъ его поднимать.

— Я хозяинъ!—закричалъ онъ, тараща на меня пьяные, одурѣвшіе глаза.—Во-о-о-рошить... Я хозяинъ...

Между тѣмъ, на звонокъ собирались монахи и послушники. О. Зосима вырывалъ у меня руку и кричалъ:

— Я хозяинъ...

Мнѣ надоѣло возиться съ нимъ, и я предоставилъ поднимать его подошедшимъ къ мѣсту происшествія монахамъ. Но послѣдніе не торопились поднимать: это для нихъ было развлеченіемъ, случавшимся въ годъ разъ. Слышался смѣхъ, сыпались различнаго рода замѣчанія и остроты.

— Довѣрили козлу огородъ!—сказалъ кто-то:—вотъ такъ „я хозяинъ“!

— Поднимите его,—сказалъ, наконецъ, худощавый, серьезный монахъ.—Грѣхъ смѣяться... не хорошо... Чужіе люди ходятъ... обители конфузъ... Братъ Григорій! Иванъ! сведите

его въ келью... Охъ, грѣхи тяжкіе... Игуменъ тоже: знаетъ—человѣкъ слабъ... нѣтъ, каждый годъ такъ то...

— Жалѣетъ его игуменъ... обидѣть старика не хочетъ,— сказалъ другой.

— Братъ Григорій! Иванъ!—уже строго сказалъ серьезный монахъ:—берите подъ руки... ведите... А вы расходитесь,— обратился онъ къ другимъ,—не хорошо... грѣхъ... со всякимъ можетъ случиться... грѣхъ смѣяться... вспомните Ноя!

Два послушника подхватили о. Зосиму, все еще кричавшаго „я хозяинъ", и потащили почти волокомъ въ келью.

XXI.

Время шло... Проработавъ еще съ недѣлю, мы объявили о. Зосимѣ о своемъ желаніи покинуть монастырь.

— Дѣло ваше,—нахмурясь, видимо недовольный, сказалъ онъ.—Знамо, человѣкъ ищетъ, гдѣ лучше... Поработали на преподобнаго.. хорошее дѣло сдѣлали... Остались бы еще на недѣльку!

— Нѣтъ, отецъ, намъ разсчета нѣтъ оставаться... ослобони!— отвѣтилъ дядя Юфимъ.

— Дѣло ваше!—опять повторилъ о. Зосима и спросилъ:— Много-ль вы денъ здѣсь жили?..

— Да ты, чай, знаешь.

— Надо къ казначею сходить... Вы когда уйдете-то?

— Да нонѣ... получимъ расчетъ, отслужимъ молебенъ преподобному, да и со Христомъ!

— Ну, ладно... схожу ужо къ казначею. Пачпорта ваши у него тоже... Только вотъ что, рабы Божьи... половинку съ васъ...

— Какъ же такъ, отецъ: въ тѣ поры половинку, опять половинку... больно много половинокъ-то... У насъ деньги тоже не шальныя...

О. Зосима нахмурился.

— Ну, какъ знаете,—сказалъ онъ,—ваше дѣло... Подождать вамъ денекъ-другой придется... пожить на страннѣ...

— Что такъ?

— Да о. казначею нездоровится... Какъ его безпокоить?. Нельзя безпокоить! Погодить придется...

— Ну, ну!—покачалъ головой дядя Юфимъ.—Ловко! А ты ужъ, о. Зосима, того... не обижайся... половинку тебѣ въ зубы... Господь съ тобой... грабь! Не ты, такъ другой... Гдѣ наше не пропадало...

О. Зосима улыбнулся и сказалъ:

— Другъ объ дружкѣ—Богъ обо всѣхъ... А намъ гдѣ взять?

Онъ сходилъ къ казначею, принесъ наши паспорта, деньги, и мы, пообѣдавъ въ послѣдній разъ на трапезной, попрощавшись съ о. Зосимой, Пименомъ и отслуживъ молебенъ, покинули монастырь.

XXII.

Прошло два дня... Мы отошли верстъ за шестьдесятъ, нигдѣ не найдя работы. По деревнямъ только что начинали косить усадьбы, а настоящаго покоса еще не было.

Мѣстность, гдѣ мы проходили, была глухая, лѣсная... Народъ по деревнямъ жилъ, по выраженію дяди Юфима, сѣрый, лапотники, говорившіе на *о* и смотрѣвшіе на насъ подозрительно.

Наконецъ, на третій уже день къ вечеру, придя въ большое село Уткино, напившись въ трактирѣ чаю, мы разговорились съ хозяиномъ, и онъ, узнавъ въ чемъ дѣло, предложилъ намъ остаться у него.

— Завтра — воскресенье, помочь у меня будетъ... пять человѣкъ придутъ... Коли желаете косить, косите за водку... Ну, а опосля завтра, въ понедѣльникъ, начнете, какъ надо...

— А много-ль положишь?—спросилъ дядя Юфимъ.—Знамо ужъ, харчи твои, чай твой.

Трактирщикъ долго и упорно торговался съ нами, но, наконецъ, сошлись на полтинникѣ. Мы отдали ему паспорта и остались.

— Такъ завтра по утру помочь у меня,—опять повторилъ хозяинъ.—Водку-то пьете?..

— Пьемъ... Какъ, чай, не пить...

— Ну, и отлично... Косы у меня есть... побить надо только... бой тоже есть... молотокъ, бабка... Нонѣ, пока засвѣтло, побили бы косы-то... Спать на дворѣ будете... стойло тамъ пустое есть... солома... Вамъ тоже будетъ, мягко... Въ избѣ-то тѣсно... бабы... то, се...—Онъ обернулся отъ стойки къ стѣнѣ и постучалъ въ нее кулакомъ:—Эй, Марья, поди сюда...

— Сейчасъ!—послышался за стѣной тонкій голосъ, и, немного погодя, въ трактиръ, громко хлопнувъ въ сѣняхъ дверью, вошла толстая, какъ копна, баба.

— Чаво?—спросила она.

— Проводи вотъ робятъ въ стойло, гдѣ солома, укажи имъ... Да дай косы... на сушилѣ онѣ... сыми тамъ... бой дай... гдѣ онъ, не знаешь?..

— Чай, на палатцахъ... тамъ валялся, словно.

— Сыщи... Побейте косы-то, а тамъ ужинать... Марья, ты имъ ужо налей похлебать... мурцовку, что ли, сдѣлай, коли щей не хватитъ.

— Ладно!—отвѣтила баба.—Кто ихъ зналъ, что придутъ... щей-то мало... Пойдемте...

Она провела насъ на дворъ, указала стойло, гдѣ намъ предназначалось жить, сняла съ сушила косы и принесла бой.

Мы вышли на задворки, гдѣ лежала толстая очищенная „лапа", и, заколотивъ въ нее „бабку", пристроивъ колъ съ веревочкой, на которую вѣшалось косье, стали бить косы.

Косы оказались старыя, ржавыя, къ бою мягкія; во время работы такія косы приходится безпрестанно точить, иначе онѣ не будутъ рѣзать, и тогда приходится ими не косить, а, какъ говорятъ, „тяпать", т. е. налегать на плечо, брать на силу.

— Ну, ребята, вотъ такъ косы!—ворчалъ дядя Юфимъ:— эдакими косами траву только мучить.

Покончивъ съ точеньемъ, мы пошли въ свое стойло и легли на солому, поджидая, когда позовутъ ужинать. Стемнѣло... Изъ поля пригнали скотину, и мы очутились въ пріятномъ сосѣдствѣ съ коровами, лошадьми, овцами...

— Неужто-жъ мы этого только и стоимъ,—ворчалъ дядя Юфимъ,—чтобы вмѣстѣ со скотомъ... Ишь, духъ какой тяжелый... Да и сыро... Ну-ну!..

Подоивъ коровъ, толстая баба позвала насъ въ кухню ужинать, для чего устроила намъ мурцовку съ кислымъ жиденькимъ квaскомъ, съ зеленымъ лукомъ и снятками и, поставивъ на столъ чашку, сказала:

— Не взыщите... болѣ ничего нѣтъ.

Мы поѣли этой мурцовки и, прозябнувъ (квасъ былъ холодный), пошли спать.

— Коли такъ станетъ кормить,—сказалъ Малинкинъ,—то ну его къ лѣшему и съ работой!

XXIII.

Утромъ, еще солнце не вставало, хозяинъ разбудилъ насъ.

— Вставайте... пора... Скоро, чай, мужики придутъ.

Мы встали и пошли къ колодцу, достали воды и умылись. Немного погодя, пришли и мужики.

— Здорово, ребятушки, здорово, милые!—весело привѣтствовалъ ихъ трактирщикъ, радостный и довольный ихъ приходомъ, равно какъ вёдренымъ утромъ,—спасибо, пришли... Погода-то больно хороша... Неохота упустить ведро...

Утро, дѣйствительно, было прекрасное. Солнце еще не взошло, но уже весь востокъ горѣлъ, какъ въ огнѣ. Кое-гдѣ разбросанныя золотыя облачка разстилались по

небу и уходили куда-то, словно таяли. Въ чутко дремлющемъ утреннемъ воздухѣ начинали раздаваться живые звуки: вотъ, гдѣ-то вдали послышалось тонкое ржанье жеребенка... вотъ заблеяли овцы... пастухъ заигралъ на жалѣйкѣ пѣсню, ясно выговаривая:

Ка-а-акъ на зорькѣ было на зарѣ,
Да на зарѣ было на утренней...
Та-а-а-мъ дѣвушка коровушку доила.

Влажный вѣтерокъ набѣгалъ волною... Подъ горой, вдали, дымилась рѣчка... Роса крупными алмазами блестѣла на травѣ; тихо шушукались листья; медовый запахъ шелъ отъ цвѣтущей липы; надъ этой липой уже кружились и гудѣли пчелы, а съ поля доносились крики перепеловъ и пѣніе жаворонковъ.

— Ну, братцы, идемте,—сказалъ трактирщикъ,—пора... Сейчасъ, гляди, и солнышко выглянетъ.

Онъ пошелъ впереди... Мужики и мы, брякая брусками въ брусочницахъ, гуськомъ потянулись слѣдомъ. Идти до лужка, какъ оказалось, было съ версту. Трактирщикъ повелъ насъ, чтобы сократить путь, не по дорогѣ, а межой, черезъ овесъ.

Зеленой чертой ложились наши слѣды по росистой травѣ. На межѣ росли полынь, кашка, мята, издававшая сильный запахъ. Въ овсѣ по сторонамъ кричали перепела; жаворонки то и дѣло взвивались кверху и быстро падали опять, точно камушки. Заяцъ-русакъ, весь мокрый отъ росы, выскочилъ изъ овса на межу, увидалъ насъ, присѣлъ, послушалъ, шевеля ушами, и пустился бѣжать по межѣ, вскидывая задомъ.

— Держи!—крикнулъ идущій впереди трактирщикъ.

— Держи!—звонко раздался его голосъ въ сосѣднемъ лѣсу.

Придя на мѣсто, трактирщикъ остановился, досталъ изъ кармана пиджака платокъ, утеръ лицо и сказалъ:

— Ну, вотъ, Прохоръ, начинайте... Вонъ до энтаго мѣста... до барской канавы... Ты передомъ-то пойдешь?

— Да все одно, чай...

— Нѣтъ ужъ, сдѣлай милость, иди ты... ужъ я тебя знаю... имъ противу тебя не выстоять...

— Конфузишь, Илья Михалычъ,—отозвались мужики... Нѣшто мы косить не умѣемъ, аль не кашивали?..

— Ну, ладно... передомъ, такъ передомъ, —сказалъ мужикъ, котораго трактирщикъ назвалъ Прохоромъ, и сталъ точить косу.

Мы всѣ послѣдовали его примѣру. Звучное лязганье далеко понеслось по чуткому утреннему воздуху.

— А и прокосы длинны будутъ!—сказалъ Прохоръ, отточивъ косу и сунувъ брусокъ въ брусочницу.—Такъ до канавы, говоришь?..

— До канавы... до самой канавы.

— Ладно... Ну, ребята, не отставать... Прокоса по три до завтрака отмахнемъ... Господи, благослови!

Онъ поплевалъ на ладони, отставилъ немного впередъ лѣвую ногу, взмахнулъ косой и пошелъ. Худой мужикъ, тощій и длинный, подождалъ немного, далъ ему отойти и тоже пошелъ.

Пройдя шаговъ двадцать, идущій впереди мужикъ остановился, нагнулся, поднялъ горсть травы, обтеръ косу, поточилъ ее и, подождавъ, когда мы сдѣлаемъ то же, опять пошелъ. Казалось, онъ не косилъ, а игралъ. Коса у него не рѣзала, а, какъ говорятъ мужики, „мылила“. Тщедушный, длинный мужикъ, идущій за нимъ, торопливо махалъ со всего плеча,—„тяпалъ“, стараясь не отставать.

Дойдя до канавы, идущій впереди мужикъ, повернулся, поточилъ и началъ дѣлать свальникъ. Густой, высокій валъ ложился позади его.

— Ну, и травка!—громко сказалъ онъ подошедшему хозяину.

— А что... хороша?—радостно спросилъ тотъ.

— Малина!.. Не сѣно будетъ, а свинина! Въ каждомъ возу пудъ меду... Вишь, не прорѣжешь... кашка... пырей... Зародитъ же Господы!..

— Ха, ха, ха!—радостно засмѣялся трактирщикъ, — и то хороша!

— А, чай, дарма досталась... за много-ль взялъ?

Трактирщикъ не отвѣтилъ на вопросъ и сказалъ:

— Ну, ладно... косите, а я пойду... Закусить тамъ принесу.. водочки... Косите!

— Ступай со Христомъ!—откликнулись мужики.—Ступай... не сумлявайся... не подгадимъ...

Трактирщикъ ушелъ... Мы докончили по прокосу и, видя, что трактирщикъ скрылся изъ глазъ, сѣли курить...

XXIV.

— Кури, ребята, отдыхай!—сказалъ старшій мужикъ, Прохоръ.—Ну, его къ лѣшему... Задаромъ норовитъ... Успѣемъ... выпьемъ, вотъ, толи разговоръ другой...

— Принесетъ, небось, бутылку, — сказалъ другой, — наперсткомъ обносить будетъ... Дьяволъ, выжига... Коли-бъ не долженъ, ни въ жисть не пошелъ бы.

— А вы, робята, что-жъ у его нанялись, что ли? — спросилъ Прохоръ, обращаясь къ намъ.

— Нанялись,—отвѣтилъ дядя Юфимъ.

— Какъ цѣна-то?

— Полтина.

Мужикъ ухмыльнулся и сказалъ:

— Глядите въ оба... Выжига! Норовитъ на грошъ пятаковъ сцопать...

— Ну?...

— Лѣтось меня такъ нажогъ... Заложилъ я у него шерсть за три съ четвертью, пришелъ выкупать... Насчиталъ на меня проценту... четыре съ гакомъ содралъ... во какъ! А допрежь-то что́ дѣлалъ, до винополіи этой самой... Бывалочка (кабакъ онъ держалъ), принесешь курицу, — стоитъ скажемъ, гривенникъ, „на, говоритъ, возьми три монеты"... Всѣмъ бралъ, разбойникъ... Онъ деньги-то, ишь, въ Москвѣ нажилъ: обобралъ кого-то... баютъ, придушилъ...

— А то что-жъ, и вѣрно!—сказалъ тощій мужикъ: — отъ святой жизни, думаешь, разбогатѣешь? Какъ же? Пустишь душу въ адъ, будешь богатъ... Онъ вонъ жену свою родную... Стойте, робята!—перебилъ онъ самъ себя:—идетъ?..

— Идетъ и есть... Коси, робята!..

Мужики вскочили и дружно принялись за работу, дѣлая видъ, что не замѣчаютъ идущаго полемъ подъ гору трактирщика.

Онъ подошелъ, неся въ правой рукѣ узелокъ, а подъ лѣвой—четвертную, положилъ все это на землю, утеръ лицо платкомъ и, немного подождавъ, вѣроятно, думая про себя: „ишь, мошенники, навалились... диви, я не знаю!" — крикнулъ:

— Ребятушки, подходи!

Но „ребятушки", какъ будто, не слыхали его крика: никто не оглянулся.

Трактирщикъ подождалъ и опять крикнулъ:

— Прохоръ, подходите! Говорю: бросайте!

— Погоди! — отвѣтилъ Прохоръ, — прокосъ пройдемъ... Успѣемъ... время терпитъ... стараемся для твоего здоровья!..

Пройдя прокосъ, онъ обтеръ косу, закинулъ ее за плечо и, не торопясь, пошелъ къ трактирщику.

Остальные мужики сдѣлали то же.

Всѣ мы окружили его, и каждый изъ насъ старался не глядѣть на стоявшую, прислонясь бокомъ къ кочкѣ, четвертную. Всѣ мы занялись совсѣмъ ненужнымъ теперь дѣломъ: кто разглядывалъ косу съ такимъ видомъ, какъ будто ее, надоѣвшую до смерти, видитъ въ первый разъ, кто полоскалъ брусочницу, кто вертѣлъ курить...

— Ну, братцы, съ начатіемъ... приступайте... Прохоръ..., Аксенъ... какъ васъ тамъ... подходите!..

Прохоръ подошелъ, взялъ въ лѣвую руку налитую водкой чашку, перекрестился правой на сельскую церковь и, прежде чѣмъ выпить, сказалъ:

— Дай Богъ тебѣ управиться за погоду... Да и трава же—не прорѣжешь! Индо всю поясницу разломило... истинный Господь!

Онъ выпилъ, утерся рукавомъ, передалъ чашку трактирщику, потянулся за кускомъ селедки, осторожно взялъ его двумя пальцами и спросилъ:

— Почемъ селедки-то продаешь?

— Подходи! подходи!—крикнулъ трактирщикъ.

„Обнеся“ всѣхъ, онъ вдругъ, сдѣлавъ серьезное лицо, энергично заткнулъ пробкой четвертную, молча показывая этимъ, что, дескать, довольно.

— Ну, братцы,—сказалъ онъ,—выпили, закусили, начинать пора, а то жарко будетъ...

— Дѣйствительно, пора,—отозвались мужики, не трогаясь, однако, съ мѣста,—да и трава—погибель! Зародилъ же Царь Небесный!.. Какъ махнулъ — такъ копна! Много ты сѣна уберешь.

Трактирщикъ только вздохнулъ на это, обвелъ насъ всѣхъ глазами, взялъ посудину и сказалъ:

— Вотъ что, братцы, поднесу я вамъ еще по махонькой, а ужъ вы того... поналяжьте... Ужо, по окончаніи, угощенье само собой будетъ... До пьяна напою!

— Да мы, нѣшь, изъ корысти,—загалдѣли мужики,—какъ себѣ... Нѣшь вина не видывали, что-ли... Да мы его и пить-то путемъ не умѣемъ!

Трактирщикъ, молча, хмурясь, съ недовольнымъ лицомъ и, вѣроятно, думая про себя: „Знаю я васъ... за водку отца родного продадите“, сталъ обносить по другой, но только не полной.

Эта другая быстро „забрала“ мужиковъ. Они стали поговаривать по другому. Лица покраснѣли, глаза стали свинцовые...

— Ну, братцы, давай!.. Начинай!—орали они, не трогаясь съ мѣста.—Прохоръ, заходи!.. Смахнемъ нонѣ тебѣ... Убирай, не зѣвай! Захаръ, неча лясы-то точить... дѣло дѣлать надыть... Заходи... Господи, благослови!..

— Начинайте, братцы!—сердито крикнулъ трактирщикъ.—Ужо наговоритесь... будетъ время.

— Мы со всѣмъ усердіемъ... какъ себѣ, такъ и тебѣ!—орали мужики и, наконецъ, кое-какъ успокоившись, стали косить.

Трактирщикъ пробылъ около насъ съ часъ времени, въ продолженіе котораго мы усердно работали; но какъ только онъ ушелъ домой, мужики сейчасъ же бросили косить и сѣли.

Солнце стояло уже высоко и дѣлалось жарко. Въ селѣ отзвонили къ обѣднѣ.

— Бросать надо,—сказалъ тощій мужикъ, — коего чорта, въ самъ дѣлѣ... Посидимъ вотъ, курнемъ да и айда!..

— Погоди, вотъ ударятъ къ достойной, тогда и пойдемъ,— сказалъ другой.

— Еще по прокосику сдѣлать бы не грѣхъ, — вступился въ разговоръ дядя Юфимъ.

— А ты, старый шутъ, не суйся впередъ отца въ петлю!— осадилъ его тощій мужикъ.

— Старъ селезень, да уха сладка, — отвѣтилъ ему дядя Юфимъ.—Ваше дѣло одно, наше другое!..

— Ну, и дери васъ чортъ, ломайте...

Ударили къ „достойной", и мы, бросивъ косить, вмѣстѣ съ мужиками отправились въ село. Солнце стояло высоко, и было жарко... Роса давнымъ-давно сошла, и въ травѣ громко кричали кузнечики-сверчки.

Передъ окнами трактира стоялъ приготовленный для насъ столъ. На столѣ лежалъ уже нарѣзанный кусками черный хлѣбъ и стояло деревянное ведерко съ квасомъ.

Повѣсивъ косы на сучья рябины, мы сѣли на землю въ тѣнь и стали курить.

Вскорѣ вышла изъ трактира работница и поставила на столъ закуску: „холодное", соленые огурцы, селедки, кислую сѣрую капусту. За ней показался хозяинъ съ четвертной подъ мышкой и съ чайнымъ стаканомъ въ рукѣ.

— Садитесь, православные... милости просимъ!—сказалъ онъ и, обернувшись къ работницѣ, добавилъ:—Марья, убери-ка косы то ихнія... спрячь пакеда отъ грѣха.

— Боишься?—съ улыбкой произнесъ тощій мужикъ.

— Мы учены,—отвѣтилъ трактирщикъ,—лѣтось перерѣзались... Садитесь,—опять произнесъ онъ,—милости просимъ!

Мы усѣлись за столъ. Трактирщикъ сталъ „обносить" большимъ чайнымъ стаканомъ. Дѣлалъ онъ такъ для того, чтобы сразу ошеломить „православныхъ" и, благодаря этому, выпоить меньше водки и израсходовать закуски... И разсчетъ его оказался замѣчательно вѣрнымъ. Послѣ перваго же выпитаго стакана мужики „обалдѣли" и совсѣмъ почти не закусывали... Трактирщикъ, не теряя времени, сейчасъ же началъ „обносить" по другому разу изъ другой четверти, принесенной работницей... Мужики выпили съ жадностью, и,

когда, немного погодя, совершенно опьянѣли, началась обычная безобразная гульба, окончившаяся въ концѣ концовъ дракой...

XXV.

Хозяинъ, дѣйствительно, какъ говорили мужики, оказался „выжигой". Мы прожили у него всего лишь четыре дня и ушли, пожелавъ ему... всего нехорошаго...

Кормилъ онъ насъ отвратительно, будилъ на работу часа въ два ночи, когда еще было темно, и морилъ на работѣ до самаго поздняго вечера... Ужинали съ огнемъ, спали въ хлѣву... Кромѣ того, разъ ночью онъ поѣхалъ съ нами въ барскій лѣсъ и заставилъ украсть 30 штукъ слегъ...

При разсчетѣ, не додалъ по пятачку, ссылаясь на то, что Тереха-Воха нечаянно оборвалъ у него косу объ пенекъ.

— Подавись ты нашими деньгами! — сказалъ ему на прощанье Малинкинъ: — прохвостъ!.. Своего брата грабишь... Отольются тебѣ наши деньги...

— Идите... идите!—кричалъ трактирщикъ, — а то урядника призову... Злая рота!..

Мы ушли... Купивъ затѣмъ въ уѣздномъ земствѣ собственныя косы, мы подрядились косить у богатаго, торговавшаго краснымъ товаромъ, купца, „въ лугахъ".

Тамъ, въ „лугахъ", мы и жили въ шалашѣ. Хозяинъ-купецъ остался нами доволенъ,— при разсчетѣ далъ „на чай" и, весело улыбаясь, сказалъ:

— Приходите, ребята, на то лѣто, ждать буду... На совѣсть работали!..

Послѣ Ильина дня, когда сжали рожь, мы продали наши косы, вооружились цѣпами, или, какъ выражался Тереха-Воха, „тяпками" и „ударились" по молотьбѣ... На этомъ дѣлѣ мы заработывали гораздо больше... За нами ухаживали, кормили хорошо...

Послѣ ржи мы молотили овесъ до самой поздней осени, переходя изъ деревни въ деревню...

Это время я всегда вспоминаю съ любовью.

Осень стояла прекрасная... Днемъ солнце грѣло, точно въ маѣ... На небѣ не было ни облачка... Листъ съ принявшихъ осенній уборъ деревьевъ неслышно падалъ... Клены, липы, березы стояли золотыя; рябины и осины—красныя... Паутина, бѣлыми длинными нитями носилась по воздуху, цѣпляясь за ростущую по межамъ дикую рябину и за кусты. Озими ярко зеленѣли, какъ бархать... Словомъ, была та „короткая, но дивная пора", когда:

Весь день стоитъ, какъ бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Природа точно улыбалась на прощанье; все глядѣло какъ-то необыкновенно бодро, празднично, весело....

Вставали мы на работу рано и шли на гумно съ фонаремъ. По утрамъ было свѣжо, но тихо и какъ-то таинственно-прекрасно... Кругомъ ни звука, точно все давнымъ давно умерло... Темно-синее, далекое и глубокое небо горѣло звѣздами, и тамъ, казалось, было еще тише, еще таинственнѣе, чѣмъ на землѣ.

Придя на мѣсто, мы вѣшали фонарь такъ, чтобы онъ освѣщалъ гумно, и, разложивъ снопы, принимались за работу.

— Буцъ, буцъ, буцъ!—раздавались глухіе удары,—буцъ, буцъ, буцъ!..

— Пріударьте-ка, ребята,
По буланымъ лошадямъ!—

весело, каждый разъ, затягивалъ слегка дрожащимъ голосомъ нашъ добрый, милый „старшой“, дядя Юфимъ.

Чтобы шибче ишли!..

Подхватывали мы, и — „буцъ, буцъ, буцъ! буцъ, буцъ буцъ!..“ раздавалось сильнѣе...

Вскорѣ, однако, намъ пришлось разстаться...

Проходя какъ-то разъ уѣзднымъ городомъ, я получилъ печальное извѣстіе изъ дому, благодаря которому мнѣ необходимо надо было вернуться. Я сообщилъ о своемъ рѣшеніи товарищамъ.

— Какъ же такъ,—сказалъ дядя Юфимъ, глядя на меня удивленными глазами,—а мы-то?.. Не уходи, Павлычъ!..

— Не могу... нельзя...

— Ахъ ты, Владычица!.. Жили, жили вмѣстѣ... анъ вонъ оно дѣло-то...

На прощанье мы зашли, конечно, въ трактиръ. Дѣло уже было къ вечеру. Въ трактирѣ, „на черной половинѣ“, было полутемно, гадко, печально. Растрепанный половой подалъ намъ бутылку водки съ обрѣзками противной колбасы на закуску, „двѣ пары“ чаю, баранокъ и отошелъ прочь...

Мы всѣ четверо сидѣли грустные и, молча, поочереди тянули изъ граненаго стаканчика водку.

Когда, наконецъ, покончили съ водкой и попили чаю, я сказалъ:

— Ну... прощайте!..

— Прощай, Павлычъ, — отвѣтилъ дядя Юфимъ, моргая

глазами. — Прощай, родной... Дай тебѣ, Господи... живи по Божьи...

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но только махнулъ рукой и, обнявъ меня, поцѣловалъ. Я почувствовалъ, что и у меня къ горлу подступаютъ слезы...

Тереха-Воха, молча, глядѣлъ на меня во всѣ глаза, и въ этихъ прекрасныхъ глазахъ стоялъ туманъ.

— Я тебя провожу чутокъ!—наконецъ, вымолвилъ онъ,—за городъ.

Я еще разъ поцѣловался съ дядей Юфимомъ, съ Малинкинымъ и вмѣстѣ съ Терешкой вышелъ изъ трактира.

Мы оставили городъ и вышли въ поле. Вдали виднѣлось на моей дорогѣ на горѣ село. Солнце низко стояло на горизонтѣ и ударяло намъ въ глаза. Мы остановились.

— Прощай!..

— Прощай, Павлычъ!

Мы три раза крѣпко поцѣловались.

— Дай тебѣ Богъ... неужели не увидимся николи?..

— Богъ знаетъ... Прощай!..

Съ грустью въ сердцѣ я пошелъ прочь и, отойдя шаговъ пятьдесятъ, оглянулся.

Тереха стоялъ и смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ, заслонясь рукой отъ солнца... Я махнулъ ему еще разъ фуражкой и торопливо пошелъ по убѣгающей вдаль дорогѣ, навстрѣчу заходящему яркому солнцу...

С. Подъячевъ.

Историческія основы государственнаго строя современной Франціи.

I.

Изучая государственный строй различныхъ націй, ихъ „конституцію“ въ широкомъ и узкомъ смыслѣ этого слова, политическій писатель подвергается двумъ противоположнымъ опасностямъ: это, съ одной стороны, преувеличить значеніе формальныхъ, „писанныхъ конституцій“, какъ называютъ ихъ часто во Франціи знатоки государственнаго права, напр. Эсмэнъ; это, съ другой стороны, черезчуръ пренебрежительно отнестись къ этому формальному, писанному элементу политическаго строя. Увлеченія перваго рода, кажется, отживаютъ свое время: вѣра въ единоспасающую силу бумажной формулы значительно ослабѣла. Люди начинаютъ понимать, что самыя громкія слова, обѣщанія и конституціонныя формулы сами по себѣ немного вѣсятъ, если въ обществѣ нѣтъ живыхъ силъ, поддерживающихъ писанное право государства. Громадный талантъ Лассаля успѣлъ, напр., популяризировать въ широкихъ слояхъ демократіи, дѣйствовавшей въ концѣ XIX-го вѣка, истинный взглядъ на значеніе писанныхъ формулировокъ. И мало-мальски мыслящій писатель, знакомый съ лекціей пламеннаго трибуна „О сущности конституціи“, твердо знаетъ теперь, что конституція не есть только формальный договоръ между государемъ и націей, если дѣло идетъ о монархіи, и не только основной законъ, организующій государственное право, если дѣло идетъ о республикѣ, но прежде всего и больше всего „выраженіе отношенія фактическихъ силъ, существующихъ въ данномъ обществѣ“ (thatsächlicher, socialer und realer Machtverhältnisse). Полагаю поэтому, что особенно бороться теперь противъ стараго метафизическаго воззрѣнія на конституціи значитъ въ сильной степени ломиться въ открытую дверь. Реалистическій взглядъ на формулы, въ которыхъ выражается тотъ или иной государственный строй, безспорно является въ настоящее время господствующимъ. И если вы попробуете заподозрить

объективную точность опредѣленія Лассаля и припишете ему умышленное, такъ сказать, заостреніе формулы въ чисто агитаціонныхъ цѣляхъ, то я ограничусь указаніемъ хотя бы на Іеринга. Вотъ, дѣйствительно, писатель, котораго нельзя упрекать въ принесеніи науки въ жертву практическимъ соображеніямъ момента. И что же? Вспомните его эффектный и глубокій вмѣстѣ афоризмъ: „право есть защищенный интересъ"; обратите вниманіе, какую роль въ его воззрѣніяхъ играетъ „борьба за право". И вы придете къ заключенію, что и у этого замѣчательнаго историка-юриста реальная подкладка права и реальныя условія его осуществленія лежатъ во главѣ угла научнаго изслѣдованія юридическихъ отношеній. Закрѣпленіе интересовъ въ правовыхъ формулахъ и столкновеніе общественныхъ силъ, борющихся за интересы—таковы, по нашему мнѣнію, основныя пружины эволюціи права, согласно Іерингу.

Но если въ настоящее время реалистическій взглядъ на право вообще и на государственное право въ частности не нуждается въ особомъ доказательствѣ своей научности; и если намъ нечего слишкомъ горячо оспаривать утратившую свой кредитъ метафизическую точку зрѣнія, то изслѣдователю „конституцій" грозитъ противоположная опасность: черезчуръ перегнуть палку въ другую сторону и, ища „фактическія силы, существующія въ обществѣ", отказать во всякомъ значеніи словамъ, формуламъ и „писаннымъ конституціямъ". Реакція противъ преувеличенія силы словъ заходитъ нынѣ порою такъ далеко, что тѣ самые реалистически настроенные изслѣдователи, которые задаются цѣлью исключительнаго изученія фактовъ и фактическихъ силъ въ обществѣ, совершенно пренебрегаютъ анализомъ писаннаго государственнаго права, какъ будто и сама „бумажная конституція" не является въ извѣстномъ смыслѣ фактомъ, и фактомъ немаловажнаго значенія. Дѣйствительно, какъ бы отрицательно вы ни относились къ писаннымъ формуламъ, не поддерживаемымъ реальными силами, вы не должны забывать, что въ среднемъ нормальномъ случаѣ сами формулы являются закрѣпленіемъ, кристаллизаціей отношеній именно между упомянутыми силами и уже поэтому не могутъ быть вещью безразличной. Съ другой стороны, черезчуръ презрительный взглядъ на писанныя конституціи не считается съ тѣмъ обстоятельствомъ, что правовая формула,—какъ и всякая абстрактная общественная формула,—обладаетъ драгоцѣннымъ свойствомъ своеобразнаго идейнаго гипноза. Она выражаетъ фактическія отношенія въ терминахъ человѣческаго сознанія, обращаетъ вниманіе людей на эти нормы и вырабатываетъ среди участниковъ въ данномъ общежитіи привычку считать ихъ обязательными и сообразовать съ ними свое поведеніе. Это могущество психологическаго воздѣйствія самой, казалось бы, голой формулы и самой бумажной конституціи никогда не должно

упускаться изъ виду именно тѣми изслѣдователями, которые хотятъ оставаться на почвѣ реальнаго изученія дѣйствительности. Ибо, повторяемъ, данная правовая формула со всѣми обычными ассоціаціями идей и чувствъ, возбуждаемыхъ ею у людей, живущихъ подъ ея господствомъ, сама представляетъ собою очень реальное явленіе.

Позволю иллюстрировать это положеніе исторической ссылкой. Кому неизвѣстно, какъ была призрачна конституція 4-го ноября 1848 г., составленная учредительнымъ собраніемъ, выросшимъ изъ побѣдоносныхъ февральскихъ баррикадъ. И, однако, не смотря на этотъ бумажный характеръ ея, нужно было три года внутреннихъ и внѣшнихъ замѣшательствъ, борьбы партій, расходившихся чувствъ страха и надежды, чтобы Людовикъ-Наполеонъ Бонапартъ продѣлалъ coup d'Etat 2-го декабря 1851 г. и далъ Франціи новую мнимо-республиканскую конституцію 1852 г., которая и привела его, наконецъ, благополучно, при помощи сенатусъ-консульта 7-го ноября того же года, къ императорской коронѣ. Надо читать историковъ эпохи, описывающихъ всевозможныя перипетіи борьбы между національнымъ собраніемъ и „принцемъ-президентомъ", интриги—съ одной стороны, и контръ-интриги—съ другой, колебанія будущаго узурпатора между стремленіемъ сейчасъ же продѣлать переворотъ и желаніемъ оттянуть его, порою даже прямымъ страхомъ передъ александровымъ рѣшеніемъ гордіева узла,—надо, говорю, прослѣживать день за днемъ исторію этой то глухой, то открытой войны между законодательной и исполнительной властями второй республики, чтобы понять, какою психологическою мощью обладаютъ повидимому самыя призрачныя формулы и бумажныя санкціи. Есть историки, которые даже полагаютъ, что кровавая развязка конфликта была вынуждена исключительно самимъ характеромъ конституціи 1848 г., такъ какъ она устраняла всякую возможность легальнаго рѣшенія тяжбы между двумя главнѣйшими органами республики: президентъ республики не имѣлъ, согласно этой конституціи, права распустить національное собраніе, какъ это послѣднее не имѣло права низложить президента. Не заходя такъ далеко, какъ эти авторы, преувеличивающіе значеніе чисто бумажныхъ отвѣтовъ на роковыя коллизіи не только политическихъ, но и соціальныхъ силъ тогдашней Франціи, мы можемъ, однако, видѣть на этомъ примѣрѣ, что психологическое значеніе правовыхъ формулъ далеко не столь ничтожно, какъ это обыкновенно думаютъ, и что сторонникамъ переворота должно было употребить немало усилій, чтобы подготовить общественное мнѣніе къ грубому нарушенію „писанной конституціи". Припомните хотя бы, какъ послѣ двухъ—трехъ рѣчей, проникнутыхъ имперіализмомъ, грядущій „клятвопреступникъ" вдругъ останавливается и, напуганный подозрительнымъ отношеніемъ къ нему національнаго собранія и во-

обще сторонниковъ конституціи, рѣзко поворачиваетъ назадъ въ своемъ президентскомъ посланіи отъ 12-го ноября 1850 г.

Никогда еще,—говоритъ одинъ изъ историковъ переворота, — никогда еще, со времени торжественной присяги 20-го декабря 1848 г., Людовикъ-Наполеонъ не выразилъ съ большей энергіей и языкомъ, исполненнымъ большей честности и лояльной искренности, свое непоколебимое рѣшеніе соблюдать конституцію и оставаться вѣрнымъ принятому на себя обязательству чести [1]).

Очевидно, гипнозъ закона игралъ, на ряду съ опасеніемъ неудачи, извѣстную роль въ поведеніи будущаго Наполеона III; и на этомъ частномъ примѣрѣ мы можемъ, какъ мнѣ кажется, достаточно ясно видѣть, въ какой степени небезразлично психологическое значеніе правовой формулы.

Мнѣ бы хотѣлось, впрочемъ, продолжить еще анализъ этого значенія и указать на новую сторону „бумажныхъ конституцій“. Допустимъ, что часто и въ сильной степени эти формулы лишь „слова, слова, слова“, выражающія въ самомъ лучшемъ случаѣ мимолетное отношеніе фактическихъ силъ и интересовъ, борющихся за господство въ обществѣ. Но человѣческія слова, именно потому, что они слова, обладаютъ способностью дальнѣйшаго развитія уже только въ силу своей внутренней логики и независимо отъ фактической почвы, на которой они первоначально возникли. Какъ идейные элементы реальныхъ отношеній, они живутъ своеобразною, отчасти самостоятельною жизнью и стремятся тѣсно сростись и вылиться въ новую, болѣе послѣдовательную и болѣе цѣльную формулу. А эта въ свою очередь можетъ пріобрѣсти такое психологическое значеніе, что въ обществѣ найдутся реальныя силы, которыя захотятъ связать новую правовую формулировку съ защитою своихъ интересовъ и будутъ энергично поддерживать это сначала чисто логическое стремленіе къ цѣльности и гармоніи правосознанія, чтобы подставить новую писанную конституцію старой. Можно ли отрицать историческую важность этой на половину самостоятельной эволюціи „словъ“ и формулъ государственнаго права, которыя, такъ сказать, возвратнымъ ударомъ дѣйствуютъ уже на взаимныя отношенія реальныхъ силъ, борющихся въ обществѣ?

Опять таки я позволю себѣ историческій примѣръ. Конституція третьей республики, та самая конституція, которая является органическимъ закономъ современной Франціи, возникла въ 1875 г. изъ компромисса либераловъ орлеанистскаго лагеря и республиканцевъ. Потому-то она и не начиналась, какъ бы того требовала логика, съ принципіальнаго провозглашенія республиканскаго строя, а, наоборотъ, лишь въ чисто описательной формѣ

---

[1]) Eugène Tenot, *Paris en décembre 1851. Etude historique sur le coup d'Etat*; Парижъ. 1868, 3-е изд., стр. 35.

изображала его главнѣйшіе органы и при томъ открывала возможность возвращенія къ монархическому режиму путемъ пересмотра конституціи. Но этой ублюдочной конституціей, остающейся въ главныхъ чертахъ и до сихъ поръ безъ измѣненія, завладѣла критика искреннихъ демократовъ и поставила своимъ требованіемъ рядъ существенныхъ поправокъ и модификацій, имѣющихъ цѣлью придать внутреннюю гармонію и дѣйствительно республиканскій характеръ органическимъ законамъ третьей республики. Уничтоженіе сената и даже уничтоженіе должности президента республики; усиленіе законодательной власти на счетъ исполнительной; расширеніе и преобразованіе всеобщей подачи голосовъ путемъ введенія referendum'а; избираемость, подсудность и смѣняемость представителей исполнительной и судебной властей, и т. п.,—всѣ эти требованія остаются пока pia desideria крайнихъ республиканцевъ. Но, представляя собою результатъ самостоятельной правовой мысли, которая оперируетъ надъ данной конституціей даже независимо отъ тѣхъ чисто практическихъ соображеній, насколько эта работа юридической логики въ состояніи передѣлать сама по себѣ упомянутую ублюдочную конституцію,—представляя, говорю *я*, въ началѣ проявленіе чисто идеальнаго развитія политическихъ принциповъ, эти кажущіеся пока утопическими планы радикальнаго пересмотра конституціи начинаютъ пріобрѣтать въ послѣднее время все большее и большее значеніе. Недаромъ наиболѣе энергичныя и передовыя партіи завладѣваютъ ими въ качествѣ обычныхъ параграфовъ своихъ программъ. Можно даже сказать, что это стремленіе крайнихъ демократовъ внести больше послѣдовательности и цѣльности въ писанную конституцію 1875 года увѣнчалось уже кой какими частными успѣхами. Такъ, еще въ 1884 году оппортунистское министерство Ферри произвело подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія этихъ республиканцевъ частичный пересмотръ черезчуръ монархической конституціи, который если и глубоко разочаровалъ своею умѣренностью искреннихъ демократовъ, все же имѣлъ тотъ результатъ, что замѣнилъ несмѣняемыхъ сенаторовъ выборными, объявилъ республиканскую форму правленія не подлежащею дальнѣйшему пересмотру и измѣнилъ отчасти тѣмъ самымъ характеръ арены политической борьбы. Какъ видите, логика внутренняго развитія правовой мысли рано или поздно врывается въ бумажныя конституціи и, толкая людей къ ихъ измѣненію во имя единства юридическаго міровоззрѣнія, измѣняетъ потомъ отчасти и фактическія отношенія силъ, борющихся за преобладаніе въ обществѣ.

Эти предварительныя объясненія казались намъ полезными въ особенности потому, что государственный строй современной Франціи, какъ онъ проявляется въ политической жизни страны, не настолько значительно отклоняется отъ „писанной конститу-

ціи" третьей республики, чтобы мы могли поставить на задній планъ чисто бумажную формулировку этого такъ называемаго французами „публичнаго права". Оставляя пока въ сторонѣ нѣкоторыя оговорки, которыя мы сдѣлаемъ ниже, мы имѣемъ право сказать, что въ общемъ практика политической жизни течетъ во Франціи по каналамъ той или другой дѣйствующей въ данный моментъ „писанной конституціи". Эта особенность французскаго государственнаго строя ярко обрисовывается, если сравнить его, напр., съ англійскимъ.

Изслѣдователямъ „публичнаго права" хорошо извѣстенъ тотъ интересный фактъ англійской государственной практики, который съ такою убѣдительностью прослѣживается въ деталяхъ хотя бы Фриманомъ въ его сочиненіи о „Ростѣ англійской конституціи", а именно, что эта конституція

наша конституція, — какъ выражается упомянутый авторъ, — никогда не была сочинена (собственно „сдѣлана", made) въ томъ смыслѣ, какъ это разумѣется по отношенію къ конституціямъ разныхъ другихъ странъ. Никогда не было такого момента, когда англичане представили бы свою политическую систему въ формѣ извѣстнаго торжественнаго акта, являющагося изложеніемъ отвлеченныхъ теорій или воспроизведеніемъ современной или прошлой системы другой націи [1]).

Поэтому, если строго держаться буквы закона различныхъ постепенно наслоявшихся документовъ и биллей, изъ которыхъ слагалась медленно англійская конституція, то очень значительная часть хотя бы современной парламентарной дѣятельности въ Англіи окажется основанною не на писанномъ правѣ, а на обычаѣ, практика же государственнаго управленія—сильно отклоняющеюся отъ юридической формулы. Въ самомъ дѣлѣ, на чтобы уже, казалось, Англія есть страна парламентарнаго правительства par excellence, или „правительства кабинета" (*government of cabinet*), какъ любятъ выражаться сами англичане. И, однако, буква закона совершенно еще игнорируетъ самое существованіе кабинета министровъ. И министры, образующіе въ данный моментъ тотъ или другой кабинетъ, представляютъ собою, согласно писанной формулѣ, не вожаковъ и выразителей политики парламентарнаго большинства, — чѣмъ они являются фактически и на самомъ дѣлѣ,—а лишь „служителей короля" (*His Majesty's servants*), законный характеръ которыхъ опредѣляется лишь тѣмъ, и только тѣмъ, что они приносятъ присягу въ качествѣ членовъ королевскаго совѣта (такъ называемаго Privy Council).

Не то во Франціи. Здѣсь „торжественный актъ" провозглашенія конституціи, „писанной конституціи", совершается всякій

---

[1]) E. A. Freeman, *Growth of the English Constitution*; Лондонъ, 1872. Ср. замѣчанія къ французскому переводу этого мѣста въ популярномъ руководствѣ конституціоннаго права: Louis Martin, *Précis élémentaire de droit constitutionnel*; Парижъ, 1891, стр. 6—7.

разъ, какъ происходитъ болѣе или менѣе рѣзкое столкновеніе реальныхъ силъ, борющихся въ обществѣ. И результаты этого столкновенія именно и выражаются въ сочиненіи новой конституціи, которая замѣщаетъ старую и имѣетъ цѣлью дать удовлетвореніе новой равнодѣйствующей враждующихъ политическихъ партій. Такимъ образомъ, юридическая формула въ каждый данный моментъ представляетъ, если можно такъ выразиться, неподвижную точку привѣса, вокругъ которой можетъ колебаться политическій маятникъ, но не особенно отклоняясь отъ нея. И практика „публичнаго права" не отличается значительно отъ его теоретическаго выраженія. Вотъ еще одинъ лишній мотивъ необходимости изучать писанныя конституціи Франціи, когда дѣло заходитъ объ изображеніи ея государственнаго строя.

Начиная съ великой революціи и по настоящее время, Франція насчитываетъ 11 конституцій собственно, или даже 15, если прибавить къ нимъ нѣсколько законодательныхъ актовъ, не бывшихъ въ сущности новыми конституціями, но тѣмъ не менѣе произведшихъ серьезныя измѣненія въ публичномъ правѣ страны. *Первая* по времени—это конституція, вотированная учредительнымъ собраніемъ 3-го сентября 1791 г. и представляющая отправную точку революціоннаго законодательства, какъ начальный договоръ между націей и королемъ. *Вторая*, чисто республиканская конституція, носящая дату 24-го іюня 1793 г., обозначаетъ кульминаціонный пунктъ революціи, вводя непосредственное участіе народа въ изготовленіи законовъ. Но вскорѣ революція начинаетъ двигаться по нисходящей вѣтви параболы, и передъ нами *третья* конституція, конституція директоріи, вотированная 5-го фруктидора III-го года республики (22-го августа 1795 г.). Паденіе политическаго энтузіазма націи происходитъ со все большей и большей быстротой: генералъ Бонапартъ, ставъ у власти путемъ переворота 18-го брюмера (9-го ноября 1799 г.), вырабатываетъ, при помощи пресловутаго Сьейеса, новую конституцію, *четвертую* по счету, одобренную націей 22-го фримера VIII-го года (13-го декабря 1799 г.) и плохо скрывающую за своимъ сложнымъ quasi-республиканскимъ фасадомъ фигуру абсолютнаго цезаря. Засимъ слѣдуютъ два крупные акта, которые можно было бы въ сущности считать за особыя конституціи: это—сенатусъ-консультъ 16-го термидора X-го года (4-го августа 1802 г.), провозглашающій Бонапарта пожизненнымъ консуломъ; и сенатусъ-консультъ 28-го флореаля XII-го года (18-го мая 1804 г.), вручавшій „правительство республики императору", т. е., попросту сказать, основывавшій имперію.

Паденіе Наполеона I-го влечетъ за собою новую конституцію, *пятую*, или такъ называемую „хартію 1814 года", октроированную возвратившимися въ „фургонѣ-союзниковъ" Бурбонами, но сохранявшую часть политическихъ пріобрѣтеній 1789 года и

клавшую во Франціи первое основаніе собственно такъ называемаго парламентарнаго режима. Эфемерное возвращеніе Наполеона въ періодъ „Ста дней“ вызываетъ въ 1815 г. къ жизни *шестую* конституцію, носящую названіе „Дополнительнаго акта къ конституціямъ имперіи“ и освящающую, съ нѣкоторыми измѣненіями въ смыслѣ либерализма, принципы хартіи 1814 г. Эта конституція, составленная, какъ извѣстно, при дѣятельномъ участіи ревностнаго защитника парламентаризма, Бенжамэна Констана, была унесена вторымъ возвращеніемъ Бурбоновъ, пообѣщавшихъ было сначала внести либеральныя поправки въ октроированную хартію, но кончившихъ, въ лицѣ Карла X-го, знаменитыми „ордоннансами“, вызвавшими іюльскую революцію. И вотъ изъ баррикадъ выростаетъ *седьмая* конституція, такъ называемая „хартія 1830 года“, которая, въ отличіе отъ предшествующей, была уже не октроирована монархомъ, а „исправлена“ представителями націи и „принята“ (acceptée) королемъ-гражданиномъ“, Людовикомъ Филиппомъ, провозгласившимъ ее 14-го августа 1830 года. Возникшая изъ іюльскихъ баррикадъ, конституція, отмѣчавшая господство цензовой парламентарной буржуазіи, была и похоронена на баррикадахъ же, а именно въ февралѣ 1848 г.: ее смѣнила *восьмая* конституція, вотированная 4-го ноября 1848 г. и означавшая торжество республиканскаго принципа и народнаго самодержавія.

Но вторая республика рухнула подъ ударами реакціи, послѣдовавшей за соціальной борьбой классовъ, и слѣдствіемъ coup d'Etat 2-го декабря 1851 г. явилась призрачно-республиканская, а на самомъ дѣлѣ цезаристская конституція 14-го января 1852 г., *девятая* по счету, которая была преддверіемъ второй имперіи. Послѣдняя была и формально провозглашена сенатусъ-консультомъ 7-го ноября 1852 г., который можно считать за своего рода конституціонный актъ. Минуя рядъ сенатусъ-консультовъ, обнародованныхъ въ 60-хъ годахъ и вносящихъ тѣ или другія частныя измѣненія въ публичное право второй имперіи, мы встрѣчаемся съ новой конституціей, *десятой*, при самомъ концѣ царствованія Наполеона III, когда значительныя модификаціи государственнаго строя, возвращавшія Францію къ парламентарному режиму, были сведены въ одно сенатусъ-консультомъ 20-го апрѣля 1870 г. и подтверждены народнымъ плебисцитомъ 8-го мая того же года, стало быть, всего за два мѣсяца съ небольшимъ до франко-прусской войны.

Когда вторая имперія потонула въ крови и грязи, начинается рядъ временныхъ законодательныхъ актовъ, фактически утверждающихъ республику, пока, наконецъ, республиканская форма правленія не была провозглашена если и косвеннымъ, то достаточно опредѣленнымъ способомъ 30-го января 1875 г., т. е. въ тотъ день, когда была вотирована поправка Валлона относи-

тельно выбора президента республики. Эта формула являлась отправнымъ пунктомъ для дальнѣйшей законодательной работы. Три основные закона, вотированные въ 1875 г. (24-го и 25-го февраля и 16-го іюля), вмѣстѣ съ нѣкоторыми послѣдующими законодательными актами и составляютъ нынѣ дѣйствующую конституцію третьей республики, по счету *одиннадцатую*.

Всматриваясь въ эту длинную серію быстро смѣнявшихъ одна другую конституцій Франціи, я не могу отказаться отъ метафоры, которая сама собою напрашивается подъ перо. Всѣ эти конституціи, возникавшія чаще всего среди крупныхъ общественныхъ потрясеній и являвшіяся бумажнымъ выраженіемъ столкновенія крайне реальныхъ политическихъ силъ, напоминаютъ слои лавы различныхъ эпохъ, которые остаются застывшими памятниками колоссальныхъ изверженій. Въ каждый данный моментъ извѣстная часть этихъ вулканическихъ напластованій представляется какъ бы окончательно оформившеюся и затвердѣвшею: ихъ прорѣзываютъ рѣки; на нихъ возникаютъ цвѣтущія поля и выростаютъ рощи; ихъ покрываютъ человѣческія жилища; къ ихъ составу, ихъ очертанію приспособляется вся могучая жизнь, кишащая на поверхности. Но прислушайтесь хорошенько: вулканическая почва все еще глухо дрожитъ; отъ времени до времени раздаются отдаленные раскаты подземныхъ, неустанно работающихъ силъ; все напоминаетъ вамъ, что вулканъ еще не угасъ, и все предостерегаетъ васъ противъ чрезмѣрной увѣренности въ окончательной неподвижности застывшихъ слоевъ. Изучая ихъ, вы изучаете вмѣстѣ съ тѣмъ и состояніе вулканическихъ силъ въ прошломъ и пріучаетесь къ мысли о возможности ихъ взрыва въ будущемъ. Историческое изслѣдованіе французскихъ конституцій представляетъ аналогичный процессъ: повидимому, застывшія „слова, слова, слова“ публичнаго права вдругъ начинаютъ жечь васъ, когда вы вдвигаете ихъ въ обстановку прошлыхъ событій и припоминаете, какимъ страшно жизненнымъ столкновеніямъ между нѣкогда дѣйствовавшими людьми и боровшимися партіями соотвѣтствуетъ та или иная конституціонная формула. Сквозь абстрактныя по необходимости формулы государственнаго строя то и дѣло прорывается игра живыхъ общественныхъ силъ.

Этюдъ, предлагаемый читателю, не представляетъ, однако, собою собственно историческаго изслѣдованія французскаго „публичнаго права“. Онъ задается лишь цѣлью указать читателю въ общихъ чертахъ на историческія основы государственнаго строя современной Франціи. Не зная этихъ основъ, нельзя, дѣйствительно, составить себѣ и понятія объ особенностяхъ политической жизни страны. Этимъ незнаніемъ объясняется, между прочимъ, банальный взглядъ на Францію, какъ на театръ хаотической борьбы партій, которыя враждуютъ неизвѣстно изъ-за чего, просто лишь въ силу галльской подвижности, тогда какъ на са-

комъ-то дѣлѣ эта борьба есть неизбѣжная форма выработки пореволюціоннаго права, распространяющагося изъ Франціи на весь континентъ Европы. Познакомимъ же, прежде всего, читателя съ главнѣйшими принципами конституціоннаго права Франціи, провозглашенными во время первой революціи и въ большей или меньшей степени, явно или въ формѣ подразумѣвающихся положеній, вошедшими въ сознаніе страны и въ область „публичнаго права“ [1]). Это такъ называемые въ политической литературѣ и полемикѣ партій „принципы 1789 года“, резюмированные въ „Провозглашеніи правъ человѣка и гражданина“.

Затѣмъ мы разсмотримъ вліяніе этихъ принциповъ на строй пореволюціонной Франціи, для которой они стали по истинѣ „историческими основами“.

II.

Конституція третьей республики отличается, сказали мы, мимоходомъ, своимъ фактическимъ, дѣловымъ характеромъ, исключающимъ какъ отвлеченныя разсужденія, такъ и упоминаніе объ общихъ правовыхъ принципахъ. Она, напр., не только не даетъ знаменитаго „Провозглашенія правъ человѣка и гражданина“, которое съ такими или иными измѣненіями воспроизводится въ трехъ первыхъ конституціяхъ Франціи, но нѣма даже относительно такъ называемыхъ гарантій правъ личности, формулированныхъ во всѣхъ другихъ французскихъ конституціяхъ.

Не таковъ, однако, характеръ французскаго „публичнаго права“ вообще: конституціи Франціи тѣмъ и отличаются въ особенности отъ соотвѣтственныхъ политическихъ памятниковъ прочихъ странъ, что провозглашеніе общихъ принциповъ играетъ въ нихъ важную роль. Таковъ уже духъ французской націи, которая беретъ частныя или мѣстныя явленія права, очищаетъ ихъ отъ ихъ спеціальныхъ особенностей и выражаетъ ихъ въ абстрактной общечеловѣческой формѣ, возводя ихъ въ рангъ какъ бы вѣчныхъ и незыблемыхъ законовъ человѣческаго общества. Эта черта французскаго правосознанія особенно ярко проявилась въ періодъ первой революціи, въ тотъ періодъ творческаго энтузіазма, который даже скептическій Ренанъ назвалъ эпохой „божественной лихорадки, овладѣвшей Франціею“. Дѣйствительно, изслѣдователи конституцій

[1]) Во избѣжаніе усложненія этого этюда, имѣющаго главнымъ образомъ популярный характеръ, я употребляю термины „публичное“ или „государственное“ право и „конституціонное право“ почти какъ синонимы. Во всякомъ случаѣ, какъ говоритъ Эсмэнъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ права во Франціи, „конституціонное право есть основная часть публичнаго права: всѣ другія отрасли этого права предполагаютъ его существованіе“. См. A. Esmein, *Eléments de droit constitutionnel français et comparé* Парижъ. 1903 г., 3-е изд., стр. 1 „введенія“.

знаютъ тѣ мѣстные и историческіе прецеденты, равно какъ тѣ идеи различныхъ писателей по политическимъ вопросамъ, которые были источниками современнаго публичнаго права[1]). Но кто бросилъ въ міръ основанныя на этихъ прецедентахъ и на этихъ идеяхъ формулы, которыя проникли въ сознаніе всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, кто, какъ не французы первой революціи, придававшіе мѣстному и историческому всеобщій и обязательный характеръ? Въ самомъ дѣлѣ, ни для кого не тайна, что исторически выработавшаяся конституція Англіи дала богатый фактическій матеріалъ для обсужденія вопросовъ свободнаго политическаго строя. Съ другой стороны, писатели и публицисты XVIII-го вѣка, оперировавшіе надъ этимъ матеріаломъ, вдохновлялись положеніями своихъ предшественниковъ и учителей, начинавшихъ уже съ XVII-го вѣка (а въ сущности, въ отрывочномъ видѣ еще съ среднихъ вѣковъ) создавать „школу естественнаго и международнаго права“ (école du droit de la nature et du droit des gens),—какъ называетъ ее Эсмэнъ,—наиболѣе крупными представителями которой были Гроцій, Гоббзъ, Пуффендорфъ, Локкъ, Вольфъ, Ваттель, Мабли, Монтескье, Руссо. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ конституціяхъ освобождавшихся отъ англійскаго ига Штатовъ Сѣверной Америки уже были формулированы основныя положенія современнаго права и даже съ достаточно общимъ и философскимъ характеромъ. Не говоритъ-ли, напр., провозглашеніе правъ, служащее введеніемъ къ конституціи Южной Каролины, о томъ, что „необходимо часто восходить къ основнымъ принципамъ, чтобы сохранить неоцѣненныя выгоды свободы?“[2]). Но надо было явиться людямъ великой французской революціи, чтобы сплавить на огнѣ идейнаго энтузіазма воедино всѣ эти разрозненные и фактическіе, и идейные прецеденты и дать міру какъ бы вѣчные лозунги права и справедливости, не ограничивающіеся ни эпохой, ни мѣстомъ, ни національностью. Во время дебатовъ, происходившихъ въ національномъ собраніи, въ первыхъ числахъ августа 1789 г., по вопросу, составлять-ли, или не составлять общее „Провозглашеніе правъ человѣка и гражданина“, въ качествѣ введенія въ конституціи, одинъ изъ членовъ собранія, нѣкто Дюпоръ (Duport), съ могучею энергіею убѣжденія выразилъ міровое значеніе подобнаго акта.

Нельзя уклониться,—говорилъ онъ,—отъ составленія такихъ декларацій подъ тѣмъ предлогомъ, что общество измѣняется. Именно если бы оно не было подвержено революціямъ, то тогда достаточно было бы сказать, что люди должны подчиняться законамъ. Но вы бросили вашъ взоръ гораздо дальше; вы постарались предвидѣть всевозможныя перемѣны; наконецъ, вы захотѣли дать декларацію, которая подходила бы всѣмъ людямъ и всѣмъ

---

[1]) См., напр., уже цитированное нами популярное руководство: Louis Martin, *Précis élémentaire* etc.

[2]) Esmein, l. c., стр. 394.

націямъ. Таково обязательство, которое вы приняли на себя предъ лицомъ всей Европы. Здѣсь нечего бояться высказать истины всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ [1]).

Конечно, мы теперь въ состояніи разобраться въ философскихъ и практическихъ преувеличеніяхъ этого взгляда на „Провозглашеніе правъ человѣка и гражданина" [2]) какъ на нѣчто, безусловно общее и вѣчное. Но о метафизичности воззрѣнія, приписывающаго абсолютное значеніе политическимъ (да и всякимъ другимъ) „истинамъ" писалось довольно. Не надо впадать и въ другую крайность и, на подобіе мыслителей реакціонной исторической школы, отрицать великій смыслъ такихъ міровыхъ формулъ, которыя, если и не могутъ считаться абсолютными истинами,—да и есть ли что абсолютное для развивающагося человѣка и прогрессирующаго общества?—то за то являются относительными (или если хотите субъективными) истинами цѣлаго историческаго періода. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ принципы, заключающіеся въ „Провозглашенія правъ человѣка и гражданина", не представляютъ до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ своихъ проявленіяхъ, высшей ступени правового сознанія, до какой только могло подняться современное человѣчество, и развѣ они не должны служить маякомъ для странъ, только что высвобождающихся изъ-подъ гнета историческихъ традицій и формъ политическаго насилія? А что же сказать о великомъ историческомъ значеніи „Провозглашенія" для тогдашняго состоянія Франціи и Европы, которыя только еще рвались къ раскрѣпощенію себя отъ феодальнаго и абсолютистскаго рабства? Я позволю себѣ привести по этому поводу очень справедливую, какъ мнѣ кажется, мысль одного изъ новѣйшихъ историковъ революціи, который, цитировавъ знакомое уже намъ мѣсто изъ рѣчи Дюпора (Duport), гдѣ говорится объ обязательствѣ, принятомъ на себя французскими революціонерами передъ Европой, продолжаетъ:

Это обязательство революція выполнила „Провозглашеніемъ правъ". Химера, скажутъ намъ, химера и пустая абстракція! Вовсе нѣтъ, если только припомнить,—какъ мы уже констатировали это съ Барнавомъ,—что экономическія и политическія условія, изъ которыхъ выросла во Франціи революція, были осуществлены въ различныхъ степеняхъ и во всѣхъ прочихъ странахъ Европы. Повсюду въ скрытомъ и неодинаково напряженномъ состояніи назрѣвала европейская революція, и единственнымъ средствомъ для Франціи координировать и оживить эту всеобщую революцію именно и было дать всеобщую формулу своему собственному движенію. Повсюду, въ силу внутренней исторической эволюціи, народы въ концѣ XVIII вѣка были готовы требовать своихъ правъ, — отстаивать свое человѣческое достоинство, и французская революція обнаружила великое историческое пониманіе, призвавъ къ жизни

[1]) Esmein, стр. 395—396.

[2]) Когда говорится о „Провозглашеніи", то разумѣется, по большей части первое, 1789 г. Есть, какъ извѣстно, еще второе, болѣе радикальное, но менѣе извѣстное „Провозглашеніе" 1793 г.

общечеловѣческимъ лозунгомъ уже готовое человѣчество. Никогда она не была исполнена столь грандіознаго и доблестнаго реализма, какъ въ ту минуту, когда провозгласила свой высокій идеалъ: „люди рождаются и остаются свободными и равными въ правахъ". Цѣль всякаго политическаго союза состоитъ въ охраненіи естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка. Эти права суть: свобода, собственность, безопасность и сопротивленіе насилію. Принципъ всякой верховной власти по существу лежитъ въ націи. Никакая корпорація, никакая личность не могутъ располагать властью, не вытекающею самымъ яснымъ образомъ изъ націи. Законъ есть выраженіе всеобщей воли. Всѣ граждане имѣютъ право способствовать лично или черезъ своихъ представителей его выработкѣ. Законъ долженъ быть одинъ и тотъ же для всѣхъ, покровительствуетъ-ли онъ или наказываетъ. Всѣ граждане, являясь равными въ его глазахъ, имѣютъ одинаковый доступъ ко всѣмъ постамъ, мѣстамъ и должностямъ, соразмѣрно со своими способностями, и безъ всякаго другого различія, кромѣ вытекающаго изъ ихъ добродѣтелей и талантовъ [1]).

Только-что приведенная цитата удобна въ томъ отношеніи, что въ послѣдней своей части дословно воспроизводитъ наиболѣе яркіе параграфы изъ „Провозглашенія правъ" и даетъ намъ возможность, не входя пока въ подробности, обратить сейчасъ же вниманіе читателей на самыя существенныя стороны этого великаго историческаго документа. Вотированный національнымъ собраніемъ 18—27-го августа 1789 г., онъ сдѣлался со всѣми своими семнадцатью статьями введеніемъ къ конституціи 1791 г. и, не смотря на многократные возвраты реакціи, остается существеннымъ элементомъ правового сознанія современной Франціи (и большинства Европы). Внутренняя сила этого документа, его, если можно такъ выразиться, центральная ось упирается, словно въ два полюса, въ два основныхъ принципа: одинъ изъ нихъ это верховная власть, суверенитетъ народа; другой—права человѣческой личности. Выражаясь такъ, я употребляю не простую метафору: между народнымъ суверенитетомъ и правами личности есть извѣстная полярная противоположность, извѣстная антиномія, которая разрѣшается системой равновѣсія между требованіями всемогущей народной воли и правомъ человѣческой личности на счастіе и развитіе. Великій историческій вопросъ объ отношеніяхъ между обществомъ и индивидуумомъ, конечно, представляетъ собою очень сложную задачу, которая не можетъ быть окончательно рѣшена никакой собственно политической комбинаціей въ рамкахъ современнаго классового строя, основаннаго на борьбѣ группъ и особей [2]). Но историческій документъ, занимающій насъ сей-

---

[1]) Это, напр., ясно сознавалъ Прудонъ, ошибка котораго лишь заключалась въ стремленіи рѣшать черезчуръ часто эту глубокожизненную антиномію абстрактнымъ принципомъ „анархіи". Ср. P. J. Proudhon, *Idée générale de la Révolution au XIX-e siècle*; Парижъ, 1851. стр. 283, и его же *Théorie de l'Impôt*; Парижъ, 1861, стр. 9.

[2]) Jean Jaurès, *La Constituante* (1789—1791); Парижъ, безъ обозначенія даты (1901?), стр. 305—306.

часъ, является во всякомъ случаѣ одной изъ самыхъ интересныхъ и удачныхъ попытокъ примирить два элемента политическаго союза: каждую отдѣльную личность и все противополагающееся ей общество.

Возьмемъ сначала принципъ народнаго суверенитета. Юристы вамъ скажутъ, что всякій крупный политическій союзъ „предполагаетъ существованіе общей воли, возвышающейся надъ отдѣльными волями, существованіе власти, обладающей правомъ приказывать и заставлять себѣ повиноваться съ цѣлью поддержанія порядка внутри общежитія“ [1]). И эту „общественную власть“, имѣющую принудительный характеръ, они назовутъ „верховной властью“ или „суверенитетомъ“. Мало того, они укажутъ вамъ на юридическую или моральную личность, на „идеальнаго и постояннаго субъекта или носителя“ этой власти, а именно „государство, которое сливается такимъ образомъ съ самой верховною властью“ [2]). Не предрѣшая самыхъ формъ этой власти, этого государства, но анализируя его общее понятіе, юристы современной Европы обратятъ къ нему, между прочимъ, то требованіе, чтобы „государственная власть, суверенитетъ функціонировалъ исключительно въ интересахъ всѣхъ гражданъ“. И какъ доказательство того, что такое требованіе вытекаетъ изъ самой природы государства, они укажутъ на то, что люди „поставляютъ субъектомъ власти фиктивное лицо, отличное отъ всѣхъ индивидуумовъ, составляющихъ націю, отличное отъ представителей магистратуры и отъ властителей въ той же степени, какъ и отъ простыхъ гражданъ“ [3]). Но сами же прибавятъ, что такое понятіе представляетъ собою лишь „медленно выработавшійся продуктъ цивилизаціи“, характеризуетъ лишь „современное право“; но что „долго и часто“ суверенитетъ смѣшивался и смѣшивается съ „властителемъ“. Въ республикахъ античнаго міра граждане, правда, уже доработались до обособленія этихъ двухъ понятій. Средневѣковые теологи въ борьбѣ церкви съ государствомъ выставили тезисъ народнаго суверенитета. Въ XV и XVI вѣкахъ Франція выдвинула цѣлый рядъ такъ называемыхъ „монархомаховъ“ или писателей, боровшихся противъ королевской власти во имя принциповъ народнаго суверенитета. Но эта школа скоро потеряла свой кредитъ въ странѣ; и, когда за періодомъ разложенія феодальной власти, наступила эпоха организаціи абсолютной монархіи, отожествленіе короля и государственнаго суверенитета достигло своей высшей точки, за которой идти дальше было некуда. Не приписывались ли Людовику XIV слова: „государство, это—я“? И политическая теологія Боссюэта не доказывала ли подробно какъ

---

[1]) См. J.-B. Simonet, *Traité élémentaire de droit public et administratif*; Парижъ, 1896, 3-е изд., стр., 1.

[2]) Esmein, l. c., стр. 1.

[3]) Esmein, стр. 2.

разъ этотъ афоризмъ, выдвигая библейскіе аргументы? Читайте боссюэтовскую „Политику, выведенную на основаніи подлинныхъ словъ Священнаго Писанія", хотя бы, напр., шестую книгу:

... Все государство заключается въ особѣ монарха. Въ немъ вся мощь. Въ немъ воля всего народа. Лишь онъ одинъ долженъ направлять все къ общему благу... Въ немъ разумъ, управляющій государствомъ. Тѣ, кто думаютъ служить государству инымъ путемъ, чѣмъ служа монарху и повинуясь ему, присваиваютъ себѣ часть королевской власти: они возмущаютъ общественное спокойствіе... Король смотритъ издали и съ высоты: поэтому должно вѣрить, что и видитъ онъ лучше; и ему слѣдуетъ повиноваться безропотно, ибо ропотъ предрасполагаетъ къ возмущенію... Льстить народу, дабы отдѣлить его отъ интересовъ короля, значитъ вести противъ него самую жестокую изъ всѣхъ войнъ и къ прочимъ зламъ прибавить еще возмущеніе. Да возненавидятъ народы... всѣхъ тѣхъ, кто дѣлаетъ видъ, будто бы любитъ ихъ ъ, на падая въ то же время на ихъ короля... Вѣрноподданный любитъ своего короля, какъ общественное благо, какъ спасеніе всего государства, какъ воздухъ, которымъ дышетъ, какъ свѣтъ своихъ очей, какъ жизнь свою и даже больше, чѣмъ жизнь... Власть королей священна... и нѣтъ ничего столь прямо основаннаго на словѣ Божіемъ, какъ повиновеніе законной власти ихъ, къ чему обязываетъ насъ принципъ религіи и совѣсти [1]).

Въ другихъ книгахъ „Политики" теоретикъ абсолютизма еще ярче подчеркиваетъ божественное право королей и доходитъ до такого энтузіазма къ монархіи, что, напр., Поль Жанэ вынужденъ отыскивать нѣчто аналогичное этому „идолопоклонству передъ монархическою властью" лишь въ религіи браминовъ, напр.:

...Какъ въ Богѣ соединены всякія совершенства и всякія добродѣтели, такъ все могущество отдѣльныхъ лицъ соединено въ особѣ монарха. Что за величіе въ этомъ одномъ человѣкѣ, могущемъ вмѣщать въ себѣ столько всего!.. По истинѣ божественное начало проникаетъ цѣликомъ личность государя и внушаетъ страхъ народу [2]).

Замѣтимъ, однако, что на послѣднія слова точно умышленно откликается другой современникъ Людовика XIV, Паскаль, которому его монархическія и католическія воззрѣнія не всегда мѣшали проявлять безпощадную силу анализа:

Привычка видѣть королей въ сопровожденіи тѣлохранителей, барабановъ, офицеровъ и всѣхъ тѣхъ вещей, которыя гнутъ человѣческую машину въ сторону почтенія и благоговѣйнаго ужаса, производитъ то, что видъ монарха и тогда, когда его встрѣчаютъ порою одного и безъ всякой такой свиты, вызываетъ въ подданныхъ чувство почтенія и ужаса, потому что они не отдѣляютъ въ мысли его особу отъ свиты, обыкновенно его сопровождающей. И вотъ свѣтъ, не знающій, что такое воздѣйствіе коренится въ упомянутомъ обычаѣ, полагаетъ, что оно, наоборотъ, вытекаетъ изъ самой природы

---

[1]) *Politique tirée des propres paroles de l'Ecriture Sainte*; книга VI, параграфы 1-й и 2-й, т. XXIV „Oeuvres complètes, de Bossuet (изд. F. Lachat); Парижъ, 1864, стр. 7—9, passim.

[2]) *Politique tirée de l'Ecriture*; книга II, параграфъ 1-й; и книга V, параграфъ 4.

короля; отсюда слова: „уже на его лицѣ отражается характеръ Божества“ и т. п. [1]).

Какъ бы то ни было, лишь писателямъ XVIII вѣка, подготовившимъ идейные элементы революціи, и самимъ дѣятелямъ переворота удалось навсегда оторвать понятіе верховной власти отъ понятія монарха и подставить вмѣсто принципа королевскаго суверенитета принципъ суверенитета народнаго. Это и было ярко выражено въ знаменитомъ „Провозглашеніи правъ человѣка и гражданина“,—обстоятельство тѣмъ болѣе замѣчательное, что ни энциклопедисты, ни люди 1789 г. не были, собственно говоря, республиканцами, и ни теорія, ни практика не шли вначалѣ дальше задачи „реформировать монархію“ [2]). Но этотъ рѣшительный шагъ лежалъ и въ логикѣ фактовъ, и въ логикѣ правового сознанія, и онъ былъ сдѣланъ: отнынѣ суверенитетъ народа, не смотря на кажущіяся историческія отклоненія, навсегда смѣнилъ для пореволюціонной Франціи суверенитетъ короля [3]). Я позволю себѣ процитировать здѣсь спокойнаго и серьезнаго спеціалиста, котораго нельзя заподозрить ни въ какихъ агитаціонныхъ стремленіяхъ:

Самымъ важнымъ принципомъ, провозглашеннымъ французской революціей, былъ принципъ народнаго верховенства (souveraineté nationale). Всѣ наши, хотя и столь различныя конституціи, за исключеніемъ хартіи 1814 г., признали его и взяли за основаніе. Мало-по-малу онъ обошелъ весь свѣтъ; и тамъ, гдѣ водворился, стремится глубоко измѣнить учрежденія, вытекающія изъ другого источника и принятыя въ то же время современными націями: представительное и парламентарное правленіе. Этой мощью своею онъ обязанъ тому, что выражаетъ собою простую идею, отвѣчающую вмѣстѣ съ тѣмъ инстинктамъ справедливости и равенства, которые коренятся въ самомъ основаніи души человѣка. Принципъ этотъ сводится, дѣйствительно, къ слѣдующему положенію: верховная власть у извѣстнаго народа заключается въ организмѣ всей націи и не можетъ пребывать нигдѣ больше. [4]).

Или, какъ говоритъ другой писатель, изслѣдовавшій посте-

---

[1]) *Pensées*, V, 8, стр. 270 гашеттовскаго изданія „Oeuvres complètes de Blaise Pascal“, т. I; Парижъ, 1899.

[2]) Читателя, которому только что сказанное можетъ показаться парадоксальнымъ, отсылаю, между прочимъ, къ сочиненіямъ: Edme Champion. *La France d'apres les Cahiers de 1789*; Парижъ, 1897, стр. 236 и слѣд.; и A. Aulard, *Histoire politique de la Revolution francaise*; Парижъ, 1901, стр. 2 и слѣд.—Ср. мой этюдъ: *Послѣдніе труды о происхожденіи современной Франціи* въ февральской книжкѣ „Русскаго Богатства“ за 1902 г., особенно стр. 112—118.

[3]) Въ этомъ смыслѣ подготовляющая роль Руссо громадна. И, не смотря на то, что самъ онъ считалъ „демократическое правленіе“ настолько „совершеннымъ“, что оно могло годиться лишь для „народа боговъ“, а не для простыхъ смертныхъ, его страстная проповѣдь свободы и равенства и не менѣе страстная борьба противъ общественныхъ привилегій и несправедливостей въ концѣ концовъ подорвали въ умахъ его учениковъ монархическій принципъ. Ср. Aulard l. c., стр. 10—11.

[4]) Esmein, стр. 171.

пенный ростъ „революціоннаго духа“ наканунѣ переворота и охватившій его общую эволюцію въ ея среднихъ, но тѣмъ болѣе могущественныхъ, проявленіяхъ:

Голосъ Сьейеса, провозгласившаго, что третье сословіе было въ политической области *ничѣмъ*, а должно быть *всѣмъ* (январь—февраль 1789 г.), былъ какъ бы призывной трубой, при звукѣ которой рухнуло все, что оставалось еще отъ Франціи прошлаго; и отнынѣ, за старой развалившейся церковью и за умиравшей королевской властью, за низверженными парламентами и на обломкахъ привилегій, вдругъ появилась въ полномъ блескѣ нація, чье имя, произнесенное на слѣдующій день послѣ смерти Людовика XIV, часто повторялось съ этихъ поръ, но чей образъ оставался пока еще въ тѣни [1]).

Стоитъ, дѣйствительно, бросить самый бѣглый взглядъ на политическую исторію Франціи со времени великаго переворота и подвергнуть поверхностному анализу различныя конституціонныя формулы, въ которыхъ страна выражала свое государственное право, чтобы видѣть во всемъ и повсюду могущественное вліяніе начала народнаго суверенитета. Оно порою затемнялось; порою лицемѣрно парализовалось софизмами конституцій, водворявшихъ временно деспотическую власть; изрѣдка открыто отрицалось. Но всегда и послѣ всѣхъ этихъ временныхъ пораженій принципъ народнаго самодержавія проявлялся съ еще большей энергіей; и можно сказать, что, въ концѣ концовъ, онъ сознательно или безсознательно проникаетъ политическое міровоззрѣніе современнаго француза. Народъ, „нація“ остается носителемъ высшей государственной власти, которая является въ извѣстномъ смыслѣ неотдѣлимымъ аттрибутомъ всей совокупности гражданъ. Такъ, монархическая конституція 1791 г. говоритъ ясно: „верховная власть едина, нераздѣльна, неотчуждаема, непросрочима (imprescriptible); она принадлежитъ націи“ [2]). Такъ, республиканская конституція 1848 г. повторяетъ почти буквально: „верховная власть заключается въ совокупности французскихъ гражданъ. Она неотчуждаема и непросрочима“ [3]). Самъ цезаризмъ вынужденъ на почвѣ Франціи, взрытой огненнымъ плугомъ революціи, драпироваться въ принципъ народнаго самодержавія. Напримѣръ, уже упомянутый нами выше сенатусъ-консультъ 28-го флореаля XII-го года, основывая имперію, въ то же время пытается представить эту узурпацію власти у народа, какъ простое назначеніе особаго высшаго сановника республики: „Правленіе республикой ввѣряется императору, который получаетъ титулъ императора

---

[1]) Félix Rocquain, *L'esprit révolutionnaire avant la Révolution* (1715—1789); Парижъ, 1878, стр. 485.

[2]) Ibid., стр. 234. (Constit. du 4 nov. 1848, chap. premier, art. 1-er).

[3]) См. сборникъ текстовъ французскихъ конституцій съ историческимъ введеніемъ: Léon Duguit et Henry Monnier, *Les constitutions et les principales lois politiques de la France depuis 1789*; Парижъ, 1898, стр. 7. (Constit. du 3 sept. 1791, titre III, art. 1-er).

французовъ" [1]). И порою еще теперь вы можете видѣть старыя золотыя и серебряныя монеты, на одной сторонѣ которыхъ красуется надпись „Французская республика", а на другой—идеализированный античный профиль корсиканца и слова: „Императоръ Наполеонъ". И точно такъ же конституція 14-го января 1852 г., закладывая фактическій фундаментъ второй имперіи, содержитъ слѣдующія, написанныя чернымъ по бѣлому, „слова" (лучше бы, пожалуй, сказать, чернымъ по красному, припомнивъ кровь, пролитую на парижскихъ бульварахъ и въ провинціи рыцарями декабрьской ночи): „Правленіе французской республикой ввѣряется на десять лѣтъ принцу Людовику-Наполеону Бонапарту, настоящему президенту республики" [2]), при чемъ прибавляется даже лицемѣрная фраза: „президентъ республики отвѣтственъ предъ французскимъ народомъ, къ которому онъ всегда имѣетъ право апеллировать" [3]).

Даже наслѣдственная монархія въ пореволюціонной Франціи принуждена прибѣгать къ фикціи, стараясь установить свою связь съ принципомъ народнаго верховенства. Уже упомянутая конституція 1791 г. считаетъ короля наслѣдственнымъ *представителемъ* націи (наравнѣ съ законодательнымъ корпусомъ), называетъ его „первымъ должностнымъ лицомъ государства" (le premier fonctionnaire public) [4]), и если не даетъ націи прямого права отрѣшать монарха отъ должности, то пускаетъ въ ходъ юридическую уловку, ведущую фактически къ тому же результату. За извѣстныя дѣйствія король „считается отрекшимся отъ престола" [5]) и „послѣ формальнаго или легальнаго отреченія переходитъ въ классъ простыхъ гражданъ, а тогда можетъ быть обвиненъ и судимъ, какъ и они, за проступки, совершенные имъ послѣ отреченія" [6]). Правда, хартія 1814-го года,—единственная въ этомъ смыслѣ изъ всѣхъ французскихъ конституцій,—не признавала принципа народнаго верховенства и говорила объ октроированіи свободы королемъ. Но надо читать Сэнтъ-Уанскую „декларацію" Людовика XVIII-го отъ 2-го мая 1814 г., чтобы видѣть, къ какой казуистикѣ прибѣгалъ этотъ сообразительный Бурбонъ, чтобы ухитриться сѣсть на престолъ Франціи на основаніи временной конституціи, вотированной сенатомъ имперіи, и въ то же время заявить о своемъ правѣ не принять ея окончательно, а замѣнить новой уже октроированной конституціей [7]).

---

[1]) Ibid., стр. 144—145. (Senatus-consulte organique du 28 floréal an XII, titre premier, art. 1-er).
[2]) Ibid., стр. 275. (Constit. du 14 janv. 1852, titre II, 2).
[3]) Ibid. titre III, 5).
[4]) Décret du 12 sept. 1791, § III, art. 3.
[5]) Constit. du 3 sept. 1791, titre III, chap. II, sect. prem., art. 5—7.
[6]) Art. 8.
[7]) Eugène Pierre, *Traité de droit politique, électoral et parlementaire*; Парижъ, 1893, стр. 5—6.

Съ другой стороны, здѣсь не мѣшаетъ припомнить интересную мысль Луи Блана, показывающую, что въ сущности и хартія 1814 г. покоилась если не юридически, то фактически на началѣ народнаго суверенитета. Историкъ „Десяти лѣтъ" объясняетъ во введеніи къ этой книгѣ сравнительную легкость воцаренія Бурбоновъ тѣмъ именно, что буржуазія, продѣлавшая начальныя фазы великой революціи во имя народнаго суверенитета, но остановленная въ своемъ „восходящемъ шествіи" къ политическому и соціальному могуществу терроромъ и Наполеономъ, временно искала

такой власти, которая нуждалась бы въ ней, не могла бы обойтись безъ ея поддержки и даже покровительства, т. е. власти, лишенной внутренней силы, блеска, національнаго характера, наконецъ, прочныхъ корней. Что дѣлало монархію Бурбоновъ желательной для буржуазнаго класса, такъ это именно самая слабость подобной монархіи, а въ особенности ея новизна; ибо *она, сколько бы ни считала себя монархіей Капетинговъ, родилась лишь 21-го января* (день казни Людовика XVI-го. Н. К) [1]).

Какъ бы то ни было, лишь только Бурбоны приняли въ серьезъ свою роль раздавателей и отбирателей конституціонныхъ свободъ и устами министра Полиньяка провозгласили „право власти охранять свою безопасность" внѣ законовъ, „ибо это право предшествуетъ" якобы „всѣмъ законамъ" (préexistant aux lois), какъ нація отвѣтила на эти притязанія іюльской революціей, и Карлу X-му пришлось удариться въ Англію, чтобы на досугѣ и обдумать значеніе принципа народнаго суверенитета. Этотъ принципъ легъ,—правда, въ подразумѣвающейся формѣ,—въ основаніе хартіи 1830 г., которая, какъ уже видѣлъ читатель, была исправлена представителями націи и „принята" Людовикомъ-Филиппомъ. И не мѣшаетъ, можетъ быть, прибавить, что формальное провозглашеніе принципа было отклонено, лишь благодаря интригамъ и софистическимъ рѣчамъ орлеанистовъ въ палатѣ депутатовъ, которая отвергла предложеніе Персиля воспроизвести два параграфа конституціи 1791 г. подъ тѣмъ предлогомъ, что верховная власть націи разумѣется, молъ, сама собой; и что достаточно лишь вычеркнуть оскорбительное введеніе къ хартіи 1814 г., гдѣ говорится объ „октроированіи французамъ правъ, которыя принадлежатъ имъ по существу" [2]). Уже масса эпитетовъ, рисующихъ гражданскія доблести новаго короля,—„король-гражданинъ", „лучшая изъ республикъ" и т. п., — показываетъ, что идея народнаго суверенитета не была чужда іюльской революціи. Или, какъ говоритъ историкъ республиканской партіи при Людовикѣ-Филиппѣ:

---

[1]) Louis Blanc, *Histoire de dix ans* (1830—1840); Парижъ, полное иллюстрированное изданіе 1882 г., т. I, стр. VII.

[2]) Louis Blanc, l. c., т. I, стр. 152.

Не въ силу какого-либо принадлежащаго ему права, не *потому что* Бурбонъ, а *хотя и* Бурбонъ, герцогъ Орлеанскій былъ призванъ на престолъ. Онъ заключаетъ настоящій договоръ со страной... И онъ договаривается даже не съ палатой, а съ вооруженнымъ народомъ. Онъ продѣлалъ знаменитую поѣздку верхомъ на лошади въ Парижскую ратушу, чтобы получить народную инвеституру, согласіе народа, еще стоявшаго на баррикадахъ. Съ точки зрѣнія права, онъ не наслѣдуетъ старой династіи, паденіе которой провозглашено самымъ формальнымъ образомъ. Онъ призванъ ко власти формальнымъ же актомъ революціоннаго правительства [1]).

И несомнѣнно, что во имя этой же все назрѣвавшей идеи народнаго верховенства, которая временно отступила на задній планъ при имперіи и реставраціи, „король-гражданинъ" и былъ низвергнутъ съ престола снова вооружившимся народомъ, но на сей разъ вооружившимся уже противъ метафорической „лучшей республики", чтобы замѣнить ее формальнымъ республиканскимъ режимомъ. И опять таки внутренняя логика вещей хотѣла этого, ибо, начавъ съ борьбы лишь противъ кабинета Гизо, побѣдоносная революція ставила въ теченіе трехъ дней все болѣе и болѣе радикальныя требованія, пока, наконецъ, рѣшительно не замѣнила монархіи республикой. Или, какъ картинно выражается въ одномъ изъ писемъ Прудонъ, „республика, которая накан унѣ еще была очень робка, а на слѣдующій день утромъ испытывала большое безпокойство, а въ два часа сама еще не вѣрила себѣ, вдругъ, въ пять часовъ, была провозглашена" [2]).

Можетъ быть, будетъ, наконецъ, умѣстнымъ указать читателю на нѣкоторыя современныя политическія явленія въ лагерѣ монархистовъ, явленія, показывающія, какъ глубоко принципъ народнаго суверенитета вошелъ въ сознаніе самихъ противниковъ его. Не вынужденъ ли герцогъ Орлеанскій и его партизаны выставлять, въ оправданіе своихъ претензій, удивительно курьезную теорію „новой монархіи", основанной на началѣ наслѣдственности и даже—правда, смягченнаго — „божественнаго права", а въ то же время якобы стремящейся получить высшую санкцію отъ „свободно выраженной воли „народа"? Довольно уже одного такого факта, чтобы видѣть, какую существенную роль въ политическомъ воззрѣніи страны играетъ провозглашенный великой революціей принципъ народнаго суверенитета.

Вдумываясь въ перипетіи этого принципа на почвѣ Франціи, замѣчаешь, что онѣ являются достаточнымъ подтвержденіемъ мнѣнія Эсмэна, который находитъ внутреннюю противоположность между началомъ народной верховной власти и началомъ монархической верховной власти. Спокойный и ученый изслѣдователь сравнительнаго права Франціи и другихъ государствъ не

[1]) I. Tchernoff. *Le parti républicain sous la monarchie de Juillet*; Парижъ, 1901, стр. 55—56.

[2]) Цитировано у Georges Weill, *Histoire du parti républicain en France de* 1814 à 1870; Парижъ, 1900, стр. 273, прим. 2.

отрицаетъ, конечно, того, что высоко развитая политическая свобода можетъ совмѣщаться съ существованіемъ монархической конституціи. И онъ указываетъ справедливо на примѣръ Англіи. Но онъ не менѣе справедливо приписываетъ самую возможность такого совмѣщенія своеобразнымъ историческимъ условіямъ англійскаго королевства, въ то время какъ въ сущности-то оба начала осуждены на постоянную борьбу вплоть до окончательнаго уничтоженія одного изъ нихъ другимъ.

Вопросъ, изслѣдуемый мною,—говоритъ нашъ авторъ — таковъ: провозглашая въ одной и той же конституціи народное верховенство и монархическій образъ правленія, не вводимъ ли мы туда, чтобы мы затѣмъ ни дѣлали, противорѣчивые принципы. Это не простой споръ изъ-за словъ и не схоластическая распря. Учрежденія имѣютъ свою логику, какъ и идея. Если въ средѣ, гдѣ очень силенъ консервативный и традиціонный духъ, могутъ очень долго уживаться между собой учрежденія, хотя и комбинирующія въ систему неустойчиваго равновѣсія противоположные принципы, то повсюду въ другихъ мѣстахъ эти расходящіяся силы вступаютъ фатально при такой комбинаціи въ борьбу, и каждая изъ нихъ стремится возстановить гармонію, выдѣляя противорѣчивые элементы [1]).

Въ этомъ, какъ мнѣ кажется, и надо искать причины, почему на почвѣ Франціи, разорвавшей связь съ традиціями, монархическія правительства отличаются особой непрочностью, и почему въ послѣднее время лишь республикѣ удалось, не смотря на всѣ усилія отживающихъ партій, достигнуть возраста, чуть не вдвое превышающаго продолжительность самого долговѣчнаго изъ прежнихъ режимовъ. Дѣйствительно, третья республика вступила уже въ 35-й годъ своего существованія, тогда какъ вторая имперія не дожила до 19 лѣтъ, іюльская монархія до 18 л., реставрація до 17 лѣтъ, и при томъ развѣ только этому послѣднему режиму посчастливилось одинъ разъ реализировать наслѣдственность власти, да и то не въ прямо нисходящей линіи, а отъ брата къ брату.

Ниже мы увидимъ, какія слѣдствія вытекаютъ изъ народнаго суверенитета. Но обратимся пока къ другому, какъ мы выразились раньше, полюсу „Провозглашенія правъ человѣка и гражданина", а именно опредѣленію собственно такъ называемыхъ „индивидуальныхъ" или „гражданскихъ" правъ личности, иногда называемыхъ также „общественными правами" (Росси) и „публичными вольностями": читатель не долженъ, конечно, обращать чрезмѣрное вниманіе на эти нѣсколько схоластическія различія, вносимыя юристами въ номенклатуру личныхъ правъ, ибо если, напр., Эсмэнъ разсматриваетъ право свободнаго выраженія мнѣній въ печати подъ рубрикой „индивидуальныхъ правъ", у Симонэ это же право, въ формѣ свободы печати, трактуется какъ одна изъ „публичныхъ вольностей". Да эта неопредѣленность и

[1]) Esmein, стр. 195.

понятна: разъ членъ политическаго общежитія не можетъ быть абстрактнымъ, изолированнымъ, самодовлѣющимъ существомъ [1]), то въ его правахъ заинтересованы всѣ прочіе граждане; и то, что для него представляетъ упражненіе „индивидуальнаго права", является съ точки зрѣнія общества „публичной свободой", — хотя бы та же свобода печати.

Каковы же въ общихъ чертахъ эти „индивидуальныя" (или „публичныя") права, освященныя конституціоннымъ правомъ великой революціи? Ихъ обыкновенно сводятъ къ двумъ принципамъ: гражданскому равенству и свободѣ личности. Оставляя въ сторонѣ нѣсколько метафизическій вопросъ, откуда должно быть выводимо гражданское равенство, изъ общественнаго ли договора à la Руссо, или изъ природы человѣка, какъ имѣющаго равное право съ другими людьми на развитіе, мы во всякомъ случаѣ можемъ сказать, что французская революція очень энергично подчеркнула это требованіе, и что на почвѣ Франціи гражданскому равенству посчастливилось даже больше, чѣмъ свободѣ личности. Если Гладстонъ, дѣйствительно, могъ утверждать, что у англичанина царитъ настоящая „религія неравенства"; если лояльное настроеніе англійской толпы, молчаливо восхищающейся лакеями и экипажами лордовъ, было отмѣчено въ въ записной книжкѣ американцемъ Госорномъ, — то, наоборотъ, въ душѣ по-революціоннаго француза живетъ неистребимое стремленіе къ равенству [2]). Этотъ гордый народъ могъ порою въ теченіе двухъ десятковъ лѣтъ сносить гнетъ одинаково давящаго на всѣхъ цезаризма. Но политическія привилегіи, но гражданское неравенство находили въ немъ всегда ожесточеннаго врага, и ихъ онъ не въ состояніи выносить и минуты. Понятно въ этомъ пунктѣ раздраженіе защитниковъ неравенства и соціальной іерархіи, въ родѣ хотя бы энглизирующаго Тэна. Стоитъ только вспомнить его ожесточенную критику дѣятельности учре дительнаго собранія:

Исполненное ослѣпленія и грубости спекулятивнаго хирурга, оно разрушило въ обществѣ, брошенномъ подъ удары его скальпеля и теорій, не только опухоли, не только несоотвѣтствіе и взаимное треніе органовъ, но самые эти органы... естественныхъ вождей, которыхъ уже ихъ имя, ихъ знаменитость, воспитаніе, независимость, ихъ добрая воля, ихъ способности

---

[1]) Ср. Aristot, Polit. 1, 2, изд. Bekkeri, стр. 1253 a: ὁ θὲ μὴ δυνάμενος κοινωνειν, ἢμηθὲν δεόμενος θὶ αὐτάρκειαν, οὐθὲν μέρος πόλεως. ὥςτε ἢ θηρίον ἢ θεος („не могущій же участвовать въ общежитіи, или не нуждающійся въ немъ по причинѣ самодовлѣемости, не составляетъ и части государства, какъ, напримѣръ, звѣрь или богъ).

[2]) Едва ли не болѣе другихъ въ этомъ смыслѣ сдѣлалъ Руссо. Абстрактная простота его идей, въ особенности мысль о равенствѣ правъ всѣхъ членовъ общества, равенствѣ, вытекающемъ изъ „общественнаго договора", а вмѣстѣ съ тѣмъ его геніальная реторика, зажигавшая идейную страсть въ читателяхъ, оказали здѣсь удивительное дѣйствіе на французовъ.

предназначали для первой роли... И когда эта операція была продѣлана, всякая связь или сближеніе между людьми оказалось перерѣзаннымъ; всякая подчиненность или іерархія исчезла. Нѣтъ больше кадровъ и нѣтъ больше вождей [1]).

Посмотрите, однако, на благотворныя проявленія этого гражданскаго равенства, прямо или косвенно, рѣзкимъ или стыдливымъ образомъ порицаемаго любителями общественной субординаціи, между тѣмъ, какъ правовое сознаніе современныхъ французовъ упорно повторяетъ статью 1-ю „Провозглашенія правъ человѣка и гражданина“: „люди рождаются и остаются свободными и равными въ правахъ“. Упомянутое гражданское равенство требуетъ прежде всего равенства всѣхъ предъ закономъ и предъ судомъ: ни для кого нѣтъ особыхъ правовыхъ нормъ, какъ ни для кого нѣтъ спеціальныхъ трибуналовъ. Или, какъ выражается введеніе къ конституціи 3-го сентября 1791 г.: „ни для какой доли націи, ни для какого индивидуума не существуетъ болѣе никакой привилегіи и никакого исключенія изъ общаго права всѣхъ французовъ“ [2]).

Или еще въ отдѣлѣ первомъ, трактующемъ объ „основныхъ положеніяхъ, гарантируемыхъ конституціей“... „одни и тѣ же проступки будутъ караться одними и тѣми же наказаніями, безъ всякаго разичія между лицами“ [3]). Гражданское же равенство требуетъ одинаковаго права „всѣхъ гражданъ на допущеніе къ различнымъ общественнымъ должностямъ и мѣстамъ, помимо всякого другого различія, кромѣ вытекающаго изъ ихъ добродѣтелей и талантовъ“ [4]). То же самое равенство требуетъ равенства всѣхъ предъ налогомъ, или, какъ гласитъ начало все того же отдѣла перваго: „всѣ подати будутъ распредѣляться одинаково между всѣми гражданами пропорціонально съ ихъ (платежными) способностями“ [5]).

Перейдемъ теперь собственно къ „индивидуальной свободѣ“ или „свободѣ личности“. Этому принципу удалось привиться на почвѣ пореволюціонной Франціи лишь послѣ ряда кровавыхъ столкновеній націи съ реакціонными правительствами. Не смотря на эффектную и энергичную формулировку этого начала еще въ знаменитомъ „Провозглашеніи“, деспотизмъ нѣсколько разъ вытѣснялъ личную свободу изъ завоеванныхъ ею, казалось бы, на-

---

[1]) H. Taine. *Les origines de la France contemporaine. La Révolution*, т. I: *L'anarchie*; Парижъ, 1896, 18-е изд., стр. 277—278, passim.

[2]) Duguit et Monier, стр. 3 (Constit. française).

[3]) Ibid., стр. 4 (Titre premier, 3°).

[4]) Ibid. Titre premier, 1°).

[5]) Ibid. Titre premier, 2°). Кстати сказать, изъ этой формулы нельзя вывести принципіальнаго отрицанія прогрессивнаго налога, какъ то дѣлаютъ типичные буржуазные писатели нашихъ дней, а скорѣе даже наоборотъ: прогрессивный налогъ именно и осуществляетъ строгую пропорціональность обложенія и платежныхъ способностей.

всегда позицій, пока новый приливъ общественнаго энтузіазма не обращалъ въ бѣгство темныя силы гнета и произвола. Можно сказать, что индивидуальная свобода добывалась французами въ теченіе цѣлаго вѣка по частямъ; и что даже и теперь этотъ процессъ отвоевыванія ея далеко не прекратился, такъ какъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (при столкновеніи съ администраціей) права личности и до сихъ поръ менѣе гарантированы въ республиканской Франціи, чѣмъ въ монархической Англіи. И это понятно. Особенности національной исторіи французовъ, отличающія ее отъ національной же исторіи за-ламаншскихъ сосѣдей [1]), толкали эволюцію первой страны главнымъ образомъ въ сторону выработки сильной центральной власти, тогда какъ эволюція второй совершалась преимущественно въ направленіи къ утвержденію мѣстнаго самоуправленія и личной свободы. И при этомъ „индивидуальныя права" были даже не столько непосредственнымъ выраженіемъ какого-нибудь опредѣленнаго торжественнаго акта, сколько наростаніемъ и закрѣпленіемъ давнишнихъ правовыхъ обычаевъ. Кому, напр., изъ поверхностно знакомыхъ съ конституціонной исторіей Англіи славный Habeas Corpus Act не рисуется въ видѣ законодательнаго монумента, болѣе или менѣе сразу вводящаго новый порядокъ вещей? Но уже чуть не 80 лѣтъ тому назадъ Галламъ въ своемъ капитальномъ трудѣ по исторіи англійской конституціи вдвигалъ этотъ актъ въ надлежащую историческую перспективу и мѣтко замѣчалъ:

Не только между иностранцами, но и среди многихъ, отъ кого можно было бы ждать нѣкотораго знанія нашихъ конституціонныхъ законовъ, широко распространено ошибочное мнѣніе, будто этотъ статутъ Карла II увеличилъ въ значительной степени наши вольности и составляетъ извѣстнаго рода эпоху въ ихъ исторіи. Но хотя онъ былъ и очень благотворнымъ актомъ и энергичнымъ средствомъ (eminently remedial) во многихъ случаяхъ противозаконнаго ареста, онъ не вводилъ новыхъ принциповъ и не давалъ никакого новаго права въ этомъ отношеніи. Со времени самыхъ первыхъ проявленій англійскаго закона, ни одинъ свободный человѣкъ не могъ быть подвергнутъ тюремному заключенію, за исключеніемъ случаевъ уголовнаго обвиненія, или осужденія или же невыполненія гражданскаго обязательства [2]).

Вмѣсто этой давнишней практики индивидуальной свободы, пріобрѣтенной англичанами въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій, во Фран-

---

[1]) См. объ этомъ, между прочимъ, уже у Бокля, замѣчательное сочиненіе котораго, не смотря почти на полвѣка, прошедшіе со времени его появленія, еще не устарѣло именно въ этомъ пунктѣ и рѣшительно не заслуживаетъ высокомѣрнаго презрѣнія къ нему разныхъ узкихъ спеціалистовъ нашего времени. Рекомендую читателю особенно главу „Исторія духа покровительства и ея сравненіе во Франціи и Англіи" (глава 2-я второго тома. Henry Thomas Buckle. *History of Civilization in England*, стр. 84 и слѣд. второго томика популярнаго изданія „The World's Classics", Лондонъ, 1903).

[2]) Henry Hallam, *The constitutional history of England from the accession of Henry VII to the death of George II*; Лондонъ, стр. 617 изд. Ward въ одномъ томѣ.

ціи, совсѣмъ наканунѣ великой революціи, царилъ такой произволъ по отношенію къ личности, что заключеніе любого гражданина въ тюрьму или отправленіе его въ ссылку было однимъ изъ обычнѣйшихъ проявленій такъ называемой *justice retenue*, т. е. вмѣшательства короля въ установленныя королевскою же властію условія отправленія правосудія. Такова была практика знаменитыхъ lettres de cachet, которыя Эсмэнъ въ одномъ изъ своихъ историческихъ сочиненій называетъ „наиболѣе произвольными и опасными актами, наиболѣе крайнимъ примѣненіемъ justice retenue“:

Lettres de cachet... принадлежали по формѣ къ категоріи закрытыхъ писемъ (*lettres closes*), т. е. представляли собою тайные приказы королевской власти, вручавшіеся въ закрытомъ конвертѣ тому лицу, которое должно было позаботиться объ ихъ выполненіи. Они не проходили чрезъ „великую канцелярію“, такъ какъ не носили государственной печати, и потому не подлежали контролю канцлера. Къ нимъ прикладывалась только личная печать короля (отсюда ихъ названіе), и они подписывались однимъ изъ государственныхъ секретарей. Они могли содержать всякаго рода приказы, но на практикѣ содержали почти всегда только два: приказъ о заключеніи въ государственную тюрьму помимо всякаго процесса и приказъ о ссылкѣ или удаленіи отъ двора. Они выполняли двѣ главныя функціи. Съ одной стороны, они служили для того, чтобы наказывать политически неудобныхъ или опасныхъ лицъ, избѣгая въ то же время гласности разбирательства; съ другой— вліятельныя фамиліи получали lettres de cachet, чтобы имѣть возможность заключать въ тюрьму, не возбуждая скандала, компрометирующихъ ихъ членовъ. Эта практика вошла въ обыкновеніе, благодаря идеѣ, распространенной легистами, будто воля монарха, даже противная праву и справедливости, верховна и потому требуетъ безусловнаго повиновенія [1]).

Понятно, съ какой энергіей люди великой революціи противоставили этой „идеѣ“ произвола идею свободы, и въ какихъ рельефныхъ формулахъ они провозгласили права личности, и прежде всего общее понятіе о свободѣ, изъ котораго они вытекали: „Свобода, — говоритъ статья 5-я „Провозглашенія“, — состоитъ въ возможности дѣлать все то, что не вредитъ другому; такимъ образомъ, упражненіе естественныхъ правъ человѣка не имѣетъ границъ кромѣ тѣхъ, которыя обезпечиваютъ прочимъ членамъ общества пользованіе тѣми же самыми правами. Эти границы опредѣляются только закономъ“ [2]). То же „Провозглашеніе“ ставитъ, въ числѣ естественныхъ правъ человѣка и наряду со свободою, извѣстныя ея модификаціи или матеріальныя условія ея осуществленія: „собственность, безопасность и сопротивленіе угнетенію“ [3]).

Собственность представляетъ наиболѣе грубое и осязательное „право“ человѣка; и именно на этотъ принципъ 1789 г. соціа-

---

[1]) A. Esmein, *Cour élémentaire d'histoire du droit français*; Парижъ, 1892, II-й выпускъ, стр. 428—429.

[2]) Duguit et Monnier, стр. 2 (Déclar., art. 4.).

[3]) Ibid. (art. 2).

листическая мысль XIX-го вѣка направила наиболѣе же рѣзкую критику, обвиняя „Провозглашеніе“ въ фетишизмѣ предъ индивидуалистическою буржуазною собственностью. Эта критика, разумѣется, совершенно справедлива, когда изслѣдователь изучаетъ проявленія индивидуальной капиталистической собственности, развившейся въ современномъ пореволюціонномъ обществѣ. Но когда переносишься въ эпоху „Провозглашенія“, то начинаешь понимать историческую фатальность, которая диктовала статью 17 великаго акта: „Собственность есть неприкосновенное и священное право; никто не можетъ быть лишенъ его,—развѣ только въ томъ случаѣ, когда общественная, законнымъ образомъ констатированная необходимость съ очевидностью требуетъ этого, при томъ подъ условіемъ справедливаго и предварительнаго возмѣщенія“ [1]). И, прежде всего, признаніе „святости“ собственности является реакціей противъ монархически абсолютистскихъ взглядовъ на право короля распоряжаться собственностью своихъ подданныхъ, равно какъ реакціей противъ ограниченій употребленія собственности и труда со стороны цеховъ и корпорацій. Не говорилъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, „король-солнце“, Людовикъ XIV, въ своей „Инструкціи дофину“: „монархи суть неограниченные властители и естественно обладаютъ правомъ полнаго и свободнаго распоряженія всѣми находящимися во владѣніи подданныхъ имуществами“ [2]). Съ другой стороны, кому не извѣстны стѣсненія, которыми корпоративный и цеховой режимъ опутывалъ дореволюціонную собственность? Не надо, кромѣ того, забывать, что крупная обобществленная капиталомъ промышленность тогда еще проявлялась сравнительно слабо, и что требованія свободы распоряженія „священной“ собственностью исходили въ то время отъ многочисленной арміи мелкихъ хозяевъ-мастерковъ, изнывавшихъ подъ игомъ корпорацій,—что отчасти сказалось и въ отвращеніи людей великой революціи къ ассоціаціонному принципу [3]).

Слѣдующее требованіе, выводившееся авторами „Провозглашенія“ изъ понятія о свободѣ, почти не нуждается въ комментаріяхъ: черезъ весь XVIII-ый вѣкъ проходитъ красною нитью у политическихъ писателей требованіе такъ называемой „безопасности“ (sûreté), подъ которою разумѣлась совокупность необходимыхъ гарантій неприкосновенности личности и жилища, исключавшихъ произвольные аресты, заключеніе въ тюрьму, незаконныя наказанія и т. п. Или, какъ энергично выражается „Провозглашеніе“: „ни одинъ человѣкъ не можетъ быть обви-

[1]) Duguit et Monnier, стр. 3.

[2]) Цитировано у Simonet, Traité élement., etc., стр. 5.

[3]) См. этюдъ „Сто лѣтъ взаимныхъ отношеній буржуазіи и пролетаріата“ въ моей книгѣ: Очерки современной Франціи; С.-Петербургъ, 1904, изд. 2-е. особенно стр. 597—598.

ненъ, арестованъ, подвергнутъ заключенію, иначе какъ въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ, и согласно формамъ, имъ предписываемымъ. Тѣ, кто требуютъ, посылаютъ, исполняютъ или заставляютъ другихъ исполнять произвольные приказы, должны быть наказаны" и т. д. [1]).

Право на „сопротивленіе угнетенію" есть въ сущности выводъ одновременно изъ двухъ полярныхъ и основныхъ идей „Провозглашенія»: народнаго суверенитета и индивидуальной свободы. Все, что мѣшаетъ народной волѣ, должно быть устранено; все, что посягаетъ на право личности, подлежитъ уничтоженію. Это—право на возстаніе, освященіе революціи. И если первое „Провозглашеніе" и основанная на немъ конституція 1791 г. не останавливаются подробно на этой идеѣ, то второе „Провозглашеніе", легшее въ основу радикальнѣйшей изъ французскихъ конституцій, конституціи 24-го іюня 1793 г., даетъ самую формальную санкцію инсуррекціи: „Сопротивленіе угнетенію является слѣдствіемъ всѣхъ другихъ правъ человѣка. Весь общественный организмъ страдаетъ отъ угнетенія, когда угнетенъ хотя бы одинъ изъ его членовъ. Каждый членъ страдаетъ отъ угнетенія, когда угнетенъ общественный организмъ. Когда правительство попираетъ права народа, возстаніе для всего народа и для каждой части народа является самымъ священнымъ правомъ и самымъ необходимымъ долгомъ [2]).

Замѣтимъ, что если это право на возстаніе не формулировалось уже позже ни въ одной изъ конституцій, фактически оно наполняло своими яркими проявленіями всю политическую исторію пореволюціонной Франціи; и что, именно благодаря упражненію этого права, французамъ удалось въ концѣ концовъ болѣе или менѣе удачно отстоять и другое формулированное „Провозглашеніемъ" право, а именно „безопасность", поскольку она существуетъ хотя бы при третьей республикѣ.

Первая революція опредѣляетъ въ болѣе или менѣе удачной формѣ и тѣ индивидуальныя права, которыя сливаются съ публичными вольностями: свободою совѣсти, печати, собраній и которыя, какъ было сказано нами нѣсколько выше, претерпѣвали наиболѣе пертурбацій среди бурной политической жизни страны. „Провозглашеніе" и первая конституція въ различныхъ своихъ статьяхъ говорятъ: „Никто не можетъ подвергаться преслѣдованіямъ (собственно текстъ говоритъ еще сильнѣе: „никого нельзя безпокоить"—nul ne doit être inquiété. Н. К.) за свои мнѣнія, даже и религіозныя, лишь бы ихъ выраженіе не нарушало порядка, установленнаго закономъ [3]). „Свободное сообщеніе другимъ своихъ мыслей и мнѣній является однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ

[1]) Duguit et Monnier, стр. 2 (art. 7).
[2]) Duguit et Monnier, стр. 69. (Const. du 24 juin 1793, Déclar. art. 33—35).
[3]) Duguit et Monnier, стр. 2 (Déclar., art. 10).

правъ человѣка; всякій гражданинъ можетъ поэтому свободно говорить, писать, печатать, отвѣчая лишь за злоупотребленія свободой въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ" [1]). Или еще: „конституція гарантируетъ, въ качествѣ естественныхъ и гражданскихъ правъ... свободу всякому человѣку говорить, писать, печатать и распространять печатно (publier) свои мысли, при чемъ сочиненія не должны подвергаться никакой цензурѣ и никакому просмотру до выхода въ свѣтъ... свободу гражданамъ собираться мирно и безъ оружія, удовлетворяя законамъ, касающимся полиціи" [2]). Кстати сказать, и въ конституціи 1793 г. свобода печати и свобода собраній соединены въ одномъ параграфѣ и сопровождаются энергичнымъ замѣчаніемъ, подчеркивающимъ и неотъемлемость этихъ правъ: „Право выражать свои мысли и мнѣнія, путемъ ли печати, или какимъ либо другимъ образомъ, право мирныхъ собраній, право свободнаго отправленія религіознаго культа не могутъ подлежать запрещенію. *Необходимость упоминать объ этихъ правахъ предполагаетъ существованіе деспотизма или же еще свѣжія воспоминанія о немъ*" [3]). Третья республика, кстати сказать, осуществила значительную свободу печати закономъ 29-го іюля 1881 г., составленномъ въ духѣ принциповъ великой революціи. Нѣкоторыя ограниченія были сдѣланы въ 1893 и 1894 г. подъ вліяніемъ реакціоннаго настроенія, овладѣвшаго умѣренными республиканцами послѣ нѣсколькихъ анархическихъ покушеній.

Труднѣе всего сложились на почвѣ пореволюціонной Франціи условія для свободы ассоціацій и свободы преподаванія. Противъ свободы ассоціацій среди дѣятелей великой революціи царило сильное предубѣжденіе. Отчасти оно объяснялось исторически, а именно страхомъ возстановленія средневѣковыхъ корпорацій (см. между прочимъ, яркое выраженіе этихъ опасеній въ знаменитой брошюрѣ Сьейеса; а отчасти оно обнаруживало несомнѣнныя тенденціи становившейся все болѣе и болѣе мощною буржуазіи воспрепятствовать организаціи народныхъ массъ [4]). Въ конституціяхъ первой революціи не говорится объ общей свободѣ ассо-

[1]) Ibid. (art. 11). Было бы интересно прослѣдить здѣсь въ частности вліяніе Вольтера, котораго можно въ извѣстномъ смыслѣ назвать подготовителемъ par excellence идеи личной свободы, какъ Руссо—подготовителемъ par excellence идеи общественнаго равенства и братства. Идеалъ самого Вольтера въ области печати, правда, не шелъ дальше карательной цензуры и даже простой „терпимости просвѣщеннаго монарха". Но въ идеяхъ есть своя логика, и понятіе о свободѣ печати у учениковъ Вольтера выросло изъ борьбы ихъ учителя противъ безконечныхъ злоупотребленій деспотизма въ области мысли.

[2]) Ibid., стр. 4 (Constit., titre prem.).

[3]) Duguit et Monnier, стр. 67 (Déclar. de 1793, art. 7).

[4]) См. что сказано нами выше о „священной" собственности въ „Провозглашеніи".

ціацій, а лишь объ ограниченіяхъ ея, благодаря которымъ эта свобода сводится на нѣтъ. Напр., конституція 5-го фруктидора III-го года, если не самая неудачная, то самая длинная изъ французскихъ конституцій, гласитъ: „запрещены (il ne peut être formé) корпораціи и ассоціаціи, противныя общественному порядку“ [1],— формула, достаточно растяжимая для того, чтобы запретить любую группировку личностей. Лишь болѣе полвѣка спустя, конституція 4-го ноября 1848 г. формулировала ясно право на ассоціацію („граждане имѣютъ право ассоціироваться“ [2]). Но и это признаніе отнюдь не было настоящей свободой союзовъ, такъ какъ всѣ ассоціаціи,—кромѣ профессіональныхъ синдикатовъ (да и то лишь со времени вальдэковскаго закона 21 марта 1884 г.),— находились во Франціи до самаго послѣдняго времени подъ Дамокловымъ мечемъ статей 291—294 уголовнаго свода 1810 г., которыя ставили существованіе обществъ, имѣющихъ болѣе 20 членовъ, въ зависимость отъ предварительнаго разрѣшенія правительства. Лишь недавній законъ (1-го іюля 1901 г.) далъ настоящую свободу ассоціаціи, признавъ легальность всякаго союза, преслѣдующаго дозволенныя цѣли, „безъ какого бы то ни было разрѣшенія и предварительнаго заявленія“ [3]). Законъ этотъ, который Эсмэномъ справедливо считается „однимъ изъ либеральнѣйшихъ законовъ, существующихъ въ цивилизованномъ мірѣ“, не прилагается, однако, къ религіознымъ корпораціямъ, обязаннымъ, согласно ст. 13-ой того же акта, имѣть законное разрѣшеніе.

Это естественно приводитъ насъ къ указанію на судьбы свободы преподаванія во Франціи, такъ какъ именно это право подвергалось наибольшимъ ограниченіямъ со стороны государства, и при томъ не только при реакціонныхъ правительствахъ, всячески тѣснившихъ свободную науку, но и при болѣе демократическихъ режимахъ, озабоченныхъ клерикальнымъ и противо общественнымъ характеромъ преподаванія, исходившаго какъ разъ отъ религіозныхъ корпорацій. Конституція III-го года признаетъ извѣстную свободу преподаванія: „граждане имѣютъ право основывать частныя учрежденія для воспитанія и образованія“ [4]). Хартія 1830 г. въ свою очередь обѣщаетъ „особыми законами“ организовать „народное образованіе и свободу обученія“ [5]). Конституція 1848 г. опредѣляетъ границы этой „свободы“, видя ихъ въ контролѣ центральной власти: „Преподаваніе свободно. Свобода преподаванія имѣетъ мѣсто (s'exerce) въ соотвѣтствіи съ

[1]) Duguit et Monnier, стр. 117. (Constit. du 5 fructidor an III, titre XIV, art. 360).

[2]) Ibid., стр. 235. (Constit. du 4 nov. 1848. chap II, art. 8).

[3]) См. ст. 2 закона, опубликованнаго въ № 177 (отъ 2-го іюля 1901 г.) Journal officiel“.

[4]) Duguit et Monnier, стр. 110. (Const. du 5 fructidor., titre X, art. 300).

[5]) Ibid., стр. 218. (Charte constit., art. 69, § 8).

условіями профессіональной способности и нравственности, опредѣляемыми на основаніи законовъ, и подъ наблюденіемъ государства" и т. д. [1]). Но мы знаемъ, что вскорѣ новый приливъ реакціи выдвинулъ противъ свѣтской мысли подъ фальшивымъ названіемъ „свободы преподаванія" пресловутый законъ Фаллу 15-го марта 1850 г., и что слѣдствіемъ его былъ переходъ народнаго образованія въ руки клерикаловъ [2]). Мы знаемъ также, что послѣдующія усилія демократовъ имѣли цѣлью постепенное вытѣсненіе этого закона изъ различныхъ отраслей обученія, впервые освободившихся въ болѣе или менѣе значительной степени отъ гнета этой клерикальной свободы при третьей республикѣ въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка. А въ настоящее время борьба клерикализма съ свѣтской цивилизаціей приняла такіе размѣры, что и крайніе демократы отступаютъ передъ мыслью о полной свободѣ преподаванія, и что, наоборотъ, мысль о монополіи государства въ дѣлѣ народнаго образованія находитъ не мало сторонниковъ даже между соціалистами (праваго, жоресистскаго крыла).

Такова судьба основныхъ „принциповъ 1789 года" на почвѣ Франціи.

III.

Мы познакомили читателя со смысломъ и отчасти съ эволюціей принциповъ „Провозглашенія", означавшаго новую эру въ государственномъ правѣ современной Европы. Намъ остается разсмотрѣть тѣ политическія слѣдствія, которыя были выведены страной изъ упомянутыхъ принциповъ. Они, эти слѣдствія, представляютъ собою, дѣйствительно, совокупность политическихъ пріемовъ, позволяющихъ болѣе или менѣе правильное теченіе государственной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ, не смотря на частую смѣну конституцій, придающихъ извѣстный общій отпечатокъ, извѣстное, если можно такъ выразиться, фамильное сходство различнымъ режимамъ пореволюціонной Франціи.

Какія же слѣдствія вытекаютъ изъ взаимно поляризующихся, но и взаимно уравновѣшивающихъ другъ друга принциповъ державной народной воли и свободы личности? Мы не будемъ здѣсь говорить объ одномъ изъ такихъ слѣдствій, которое, по нашему мнѣнію, такъ интимно соприкасается съ самой природой народнаго суверенитета, что представляетъ собою даже не слѣдствіе этого великаго принципа, а чуть ли не необходимый или, какъ говорили средневѣковые метафизики, „реальный атрибутъ" суверенитета народа. Я разумѣю республиканскую форму правленія и позволю себѣ по этому поводу лишь отослать чита-

---

[1]) Ibid. стр. 235. (Constit. du 4 nov. 1848, chap. II, art. 9).

[2]) Eugène Brouard, *Essai d'histoire critique de l'instruction primaire en France, de 1789 jusqu'a nos jours*; Парижъ, 1901, стр 79 и слѣд.

теля къ страницамъ, гдѣ я старался установить тѣсную связь между началомъ народнаго суверенитета и республикой.

Но есть другія слѣдствія, вытекающія изъ упомянутыхъ началъ и нуждающіяся въ нѣкоторомъ освѣщеніи. И, прежде всего, всеобщая подача голосовъ. Дѣйствительно, народная воля, представляющая лишь метафизически нѣчто единое, предполагаетъ на самомъ дѣлѣ выраженіе отдѣльныхъ воль живыхъ личностей и такое или иное суммированіе стремленій тѣхъ атомовъ, изъ которыхъ составляется организмъ народа. Мы увидимъ, что, несмотря на различныя историческія отклоненія отъ начала всеобщей подачи голосовъ, французская нація всегда стремилась къ этой формѣ выраженія народной воли и, наконецъ, окончательно остановилась на ней.

Но этого мало. Суммированіе воль, всеобщая подача голосовъ можетъ примѣняться къ управленію страной, по крайней мѣрѣ, двумя различными способами: или народъ непосредственно рѣшаетъ вопросы управленія, вотируетъ законы, объявляетъ войну и заключаетъ миръ, — и въ такомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ прямымъ народнымъ правленіемъ; или же онъ избираетъ для этого представителей (и при томъ непосредственно или посредственно, по двойной или даже тройной системѣ концентрически суживающихся круговъ выборщиковъ), которымъ онъ поручаетъ рѣшеніе упомянутыхъ вопросовъ,—и предъ нами такъ называемое представительное правленіе. Мы видимъ, что, за немногими и при томъ кратковременными или же неудавшимися исключеніями, французская нація до сего времени прибѣгаетъ къ представительному правительству.

И этого мало. Представительное правленіе можетъ сосредоточивать всѣ функціи,—и власть законодательную, и власть исполнительную, и власть судебную, — въ рукахъ однихъ и тѣхъ же лицъ; или же можетъ болѣе или менѣе строго распредѣлять эти функціи между различными, въ той или иной степени независимыми одинъ отъ другого органами и лицами. Мы увидимъ, что французская нація стоитъ, по крайней мѣрѣ, въ теоріи, за болѣе или менѣе далеко проведенное начало раздѣленія властей.

И это еще не все. Каковы бы ни были формы проявленія верховной народной воли и представительнаго правительства, правящій персоналъ, начиная отъ самыхъ высокихъ должностныхъ лицъ государства и кончая самыми мелкими агентами администраціи, можетъ злоупотреблять властью и нарушать права гражданъ. Какими законными путями (не говоря, конечно, о возстаніи) возможно пресѣчь эти злоупотребленія? Извѣстно нѣсколько способовъ осуществленія отвѣтственности чиновниковъ. Мы увидимъ, что и этотъ вопросъ французская нація рѣшила на почвѣ раздѣленія властей, создавъ особые органы для рѣшенія тяжбъ между администраціей и гражданами.

Итакъ, всеобщая подача голосовъ. Страна то подходитъ къ ней, то отдаляется отъ нея, пока начало всеобщаго вота не входитъ, наконецъ, окончательно въ теорію и практику политической жизни. Революція начала съ ограниченной подачи голосовъ: дѣленія гражданъ на активныхъ (вотирующихъ) и пассивныхъ (лишенныхъ правъ вота); выборовъ въ двухъ степеняхъ; ценза какъ для активныхъ гражданъ (первая степень), такъ и для избирателей (вторая степень). Таковы были условія подачи голосовъ согласно декрету учредительнаго собранія отъ 22-го декабря 1789 г. и конституціи 1791 г. Конституція 1793 г. вводитъ всеобщую подачу голосовъ. Конституція III-го года представляетъ возвратъ къ ограниченному воту. Консульство и имперія приносятъ съ собой лицемѣрное признаніе на словахъ всеобщей подачи. Но дѣлаютъ это лишь съ тѣмъ, чтобы путемъ выборовъ въ четвертой и третьей степени и запутанными „листами“ лицъ, послѣдовательно процѣживаемыхъ нѣсколько разъ (начиная отъ „коммунальнаго“ листа и кончая „національнымъ“), оставить одну каррикатуру универсальнаго вота въ рукахъ распоряжавшагося имъ по своему произволу всемогущаго цезаря. Съ Бурбонами комедія всеобщей подачи прекращается; но избиратели, дѣйствительно, могутъ теперь посылать своихъ представителей въ палату депутатовъ: законы 5-го февраля 1817 г. и 29-го іюня 1820 г. вводятъ такія высокія и притомъ спеціальныя условія ценза, что власть переходитъ почти исключительно въ руки крупныхъ поземельныхъ собственниковъ. И Беррія-Сэнъ-При имѣлъ полное право сказать для того времени, что 25,000 богатѣйшихъ помѣщиковъ Франціи избираютъ по меньшей мѣрѣ двѣ пятыхъ всей палаты. Съ воцареніемъ Людовика-Филиппа, цензъ нѣсколько понижается; и законъ 19 апрѣля 1831 г. ставитъ такія условія выборовъ, которыя явно клонятся къ тому, чтобы заставить ось политическаго могущества пройти не чрезъ богатыхъ земельныхъ собственниковъ, но чрезъ наиболѣе зажиточные слои буржуазіи, оставляя по прежнему милліоны народа совершенно въ сторонѣ, какъ пушечное и податное мясо. Къ этому времени относится знаменитая діатриба памфлетиста-демократа Корменена: „Развѣ избиратели народъ? Развѣ сто тысячъ гражданъ представляютъ собой тридцать три милліона людей?... И они то состряпали (bâclé) и хартію, и королевство въ нѣсколько часовъ“. Во время царствованія Людовика-Филиппа „легальная страна“, т.-е. люди, пользующіеся правомъ голоса, не превышали 250 тысячъ. И между тѣмъ, когда въ палатѣ возникли пренія по поводу очень скромной избирательной реформы (предложеніе Дювержье-де-Гораина), Гизо съ самоувѣренностью неисправимаго доктринера, презирающаго народъ, произнесъ: „Никогда не наступитъ дня для всеобщей подачи голосовъ. Никогда не наступитъ дня, когда всѣ человѣческія существа, каковы бы они ни были, будутъ призваны

къ пользованію политическими правами" [1]). И, однако, этотъ день наступилъ и наступилъ гораздо скорѣе, чѣмъ думалъ высокомѣрный министръ: его презрительное пророчество было брошено съ высоты трибуны 26-го марта 1847 г., а менѣе чѣмъ черезъ годъ вспыхнула февральская революція, и 5-го марта 1848 г. декретъ временнаго правительства объявлялъ „избирателями всѣхъ французовъ, достигшихъ 21 года и пользующихся гражданскими и политическими правами" [2]).

Отнынѣ всеобщая подача голосовъ окончательно вошла въ конституціонное право. Если реакція пыталась лицемѣрно и исподтишка ограничить ее или же исказить каррикатурными примѣненіями, то прямо рукъ на нее уже болѣе не налагала. Такъ, національное собраніе, фарисейски увѣряя публику, что оно „уважаетъ конституцію 1848 г. и въ ея духѣ, и въ ея буквѣ" и считаетъ „недозволительнымъ не только нарушать ее, но даже и косвенно обходить", старалось, однако, именно такимъ косвеннымъ обходомъ сузить всеобщую подачу голосовъ въ интересахъ, видите ли, „защиты угрожаемаго общества": закономъ 31-го мая 1850 г. потребовалъ отъ избирателей, какъ необходимаго условія, трехлѣтняго пребыванія въ той же коммунѣ или томъ же кантонѣ. Но тотъ самый Людовикъ-Наполеонъ-Бонапартъ, который, согласно желанію палаты, представилъ при помощи своего министерства этотъ законъ на вотъ, сейчасъ же отмѣнилъ его, какъ только произвелъ декабрьскій переворотъ 1851 г. При второй имперіи всеобщая подача голосовъ принимала форму прямого народнаго законодательства въ видѣ пресловутыхъ плебисцитовъ (см. ниже). Эта форма мнимаго народнаго опроса рухнула вмѣстѣ съ имперіей; но всеобщая подача голосовъ перешла въ законодательство третьей республики, которая сначала возникла фактически, а затѣмъ получила и конституціонное существованіе, не тронувъ, однако, начала всеобщаго вотума.

Что касается до представительнаго правленія, то оно съ самой революціи характеризуетъ государственное право Франціи. Были попытки прямого народнаго законодательства, но онѣ отличаются крайней кратковременностью или же представляютъ лишь пародію принципа. Эти попытки состояли по большей части въ

---

[1]) Такую редакцію своей фразѣ даетъ самъ Гизо въ „Исторіи моего времени" (*Histoire de mon temps*). Но графиня д'Агу, написавшая извѣстную исторію февральской революціи и отличающаяся большою точностью въ документаціи, приводитъ пресловутую фразу, согласно показаніямъ современниковъ, еще въ болѣе рѣзкой формѣ: „Никогда не наступитъ дня для всеобщей подачи голосовъ, для этой *нелѣпой системы, которая хотѣла бы призвать всѣхъ живыхъ существъ* къ пользованію политическими правами". (Daniel Stern (M-me d'Agoult). *Histoire de la révolution de 1848*; Парижъ, 1862, 2-е изд.; т. I прим. къ стр. 30).

[2]) Повторено буквально въ конституціи 4-го ноября 1848 г. См. Duguit et Monnier, стр. 236 (Constit. du 4 nov. 1848, Chap. IV, art. 25).

формальной ратификаціи народныхъ конституцій, изготовлявшихся подъ напоромъ бурныхъ событій законодателями, — что имѣло, напр., мѣсто по отношенію къ конституціямъ 1793 г., III-го года, VIII-го года и было приложеніемъ принципа, вотированнаго однажды конвентомъ (на первомъ же засѣданіи его 21-го сентября 1792 г.): „Національный конвентъ объявляетъ, что конституція вообще не существуетъ, пока она не принята народомъ". Консульство и первая имперія извратили и эти рѣдкія проявленія непосредственной народной воли, поставивъ, вмѣсто вопроса о годности или негодности вновь выработанной конституціи, вопросъ о личности и прерогативахъ цезаря. Такъ, рѣшеніе консуловъ отъ 20-го февраля X-го года обращалось къ народу съ голымъ запросомъ: „будетъ ли Наполеонъ пожизненнымъ консуломъ". Такъ сенатусъ-консультъ 28-го флореаля XII-го года, устанавливавшій имперію, требовалъ отъ народа опять-таки отвѣта на одинъ единственный пунктъ: „желаетъ-ли народъ наслѣдованія императорской власти въ прямомъ, естественномъ, законномъ и основанномъ на усыновленіи потомствѣ Наполеона-Бонапарта и т. д." Такая пародія прямого законодательства возобновилась при второй имперіи, которая еще болѣе развила эту каррикатурную форму „гласа народа — гласа Божія" и дала ей историческое названіе „плебисцита", идущее отъ римлянъ (Gaius, I, 3:... plebiscitus est, quod plebs jubet atque constituit), но открывавшее въ данномъ случаѣ исключительно практику обращенія цезаря къ вотировавшему стаду за санкціей произвольныхъ актовъ правительства, и при томъ послѣ ихъ совершенія. Такъ, послѣ переворота 2-го декабря 1851 г., Людовикъ-Наполеонъ обращается къ народу съ предложеніемъ,—лучше сказать, грознымъ требованіемъ, подкрѣпленнымъ осаднымъ положеніемъ, — дать ему полномочія для выработки новой конституціи. Но самая конституція отнюдь не была подвергнута ратификаціи всеобщей подачей голосовъ, а просто обнародована узурпаторомъ законной власти. И надо сказать, этотъ пріемъ постоянно практиковался во время имперіи, такъ что всѣ, порою очень серьезныя, измѣненія въ первоначальной конституціи были почти до самаго конца царствованія Наполеона III производимы путемъ сенатусъ-консультовъ, даже декретовъ, и лишь окончательная „либеральная" конституція 21-го мая 1870 г. была санкціонирована плебисцитомъ.

Болѣе искренняя и въ сущности единственно серьезная попытка ввести прямое народное законодательство, именно въ примѣненіи ко всѣмъ, даже обыкновеннымъ, а не только основнымъ, законамъ, была сдѣлана въ конституціи 1793 г. И въ виду ея исключительности для Франціи о ней придется сказать два слова, хотя конституція 1793 г. не была вовсе осуществлена на практикѣ среди бурь террора. Эта попытка сдѣлать изъ избира-

телей прямыхъ законодателей признаетъ въ принципѣ, что всѣ законы, вотируемые законодательнымъ корпусомъ, должны подлежать санкціи народа. „Державный народъ", дѣйствительно, не только „избираетъ непосредственно своихъ депутатовъ", но и „обсуждаетъ законы" въ такъ называемыхъ „первичныхъ собраніяхъ" (assemblées primaires). Соотвѣтственно съ этимъ законы, прошедшіе лишь черезъ упомянутый корпусъ, носятъ временный характеръ и даже называются только „предложенными законами". Они разсылаются въ такомъ видѣ во всѣ коммуны Франціи, и дальнѣйшая ихъ судьба опредѣляется слѣдующими двумя параграфами конституціи: „Если въ теченіе сорока дней послѣ разсылки предложеннаго закона, въ половинѣ департаментовъ + (плюсъ) одинъ, десятая часть первичныхъ собраній каждаго изъ нихъ... не выразила протеста (n'a pas réclamé), то проектъ считается принятымъ и становится *закономъ*. Если же былъ протестъ, то законодательный корпусъ созываетъ (всѣ) первичныя собранія" [1]), въ которыхъ законъ долженъ быть теперь уже просто принятъ или отвергнутъ, или, какъ выражается другой параграфъ конституціи, „вотировка закона совершается путемъ *да* или *нѣтъ*" [2]) съ обозначеніемъ большинства въ каждомъ собраніи. Такимъ образомъ, мы видимъ, что общій принципъ прямого народнаго законодательства терпитъ первое крупное ограниченіе: народъ имѣетъ право высказываться,—и при томъ лишь односложнымъ „да" или „нѣтъ", — только въ тѣхъ случаяхъ, когда протестъ раздался въ большинствѣ департаментовъ и притомъ съ достаточной силой. Но конституція вводитъ еще другое ограниченіе: „Законодательный корпусъ *предлагаетъ* законы и *издаетъ* декреты" [3]), а это значитъ, что лишь первыя мѣры—законы—подлежатъ вообще ратификаціи народа, вторыя же — декреты — сразу вступаютъ въ законную силу [4]). И когда изучаешь сравнительныя сферы законовъ и декретовъ и видишь, что въ категорію послѣднихъ включены такія важныя вещи, какъ „установленіе ежегоднаго контингента сухопутныхъ и морскихъ силъ", „мѣры по охраненію общей безопасности и спокойствія", „защита территоріи", „непредвидѣнные и чрезвычайные расходы", „ратификація договоровъ" [5]) и т. д., то приходишь къ заключенію, что область прямого народнаго законодательства была сильно сужена

[1]) Duguit et Monnier, стр. 73 (Constit. du 24 juin 1793, art. 59—60.

[2]) Ibid., стр. 71 (art. 19).

[3]) Ibid., стр. 73 (art. 53).

[4]) Меня немало удивляетъ крупная оплошность, допущенная въ этомъ пунктѣ извѣстнымъ „трактатомъ политическаго права" Эженя Пьера, который какъ разъ стираетъ эту существенную разницу между закономъ и декретомъ по конституціи 1793 г., говоря: „декреты законодательнаго корпуса должны были разсылаться всѣмъ коммунамъ республики подъ названіемъ предложеннаго закона" и т. д. (см. Eugène Pierre, *Traité*, стр. 50).

[5]) Duguit et Monnier, стр. 73 (art. 54—55).

даже и по конституціи 1793 г. А, главное, эта попытка не была примѣнена на практикѣ; и Франціи совсѣмъ не удалось видѣть правильное функціонированіе этой формы законодательства, какъ мы то наблюдаемъ хотя бы въ Швейцаріи, — въ общемъ ли собраніи (*Landsgemeinde*) всѣхъ взрослыхъ гражданъ, практиковавшемся съ незапамятныхъ временъ въ нѣкоторыхъ старыхъ кантонахъ (Ури, Швицѣ, Аппенцелѣ и т. д.) или въ широкомъ примѣненіи такъ называемаго референдума и законодательной иниціативы народа уже къ общегосударственному строю по федеральной конституціи 29-го мая 1874 г., пересмотрѣнной (и ратифицированной народомъ) 5-го іюля 1891 г.

Словомъ, Франція осталась страной представительнаго правленія; и можно сказать, что не только большинство ея конституцій, но и громадная доля ея политическихъ дѣятелей и даже теоретическихъ писателей по общественнымъ вопросамъ ревниво защищаютъ эту форму правительства противъ предложеній реформъ. Говоря такъ, я имѣю въ виду не одни проекты мнимаго суверенитета народа, которые исходятъ отъ бонапартистовъ и ставятъ своею цѣлью лишь замаскировать плебисцитами и т. п. политическими уловками водвореніе безотвѣтственной деспотической власти. Но подобному же отрицанію подвергаются и планы искреннихъ демократовъ, полагающихъ, что представительное правленіе отнюдь не есть идеальная форма правительства, и что теперь уже должно пріучать народъ къ непосредственному участію въ распоряженіи своими судьбами, ибо правленіе всѣхъ при помощи всѣхъ есть именно ближайшій идеалъ государственной власти вообще [1]). Референдумъ, право законодательнаго почина народа,— наравнѣ съ распространеніемъ всеобщей подачи голосовъ на женщинъ,—защищаются пока во Франціи лишь самыми крайними радикалами среди буржуазныхъ партій и соціалистами (я оставляю въ сторонѣ для простоты кой какія оговорки). Въ громадномъ же большинствѣ случаевъ взглядъ Монтескье на сравнительныя выгоды именно представительнаго правленія считается до сихъ поръ почти аксіомой:

Такъ какъ въ свободномъ государствѣ всякій человѣкъ, у котораго предполагается свободная душа, долженъ управляться самимъ же собою, то слѣдовало-бы, чтобы весь народъ въ цѣломъ (le peuple en corps) обладалъ законодательной властью. Но въ силу того, что это невозможно въ большихъ государствахъ и сопряжено со многими неудобствами въ малыхъ, должно,

[1]) Ср. Милля въ этюдѣ о „представительномъ правленіи": „Нѣтъ никакой трудности показать, что идеально лучшая форма правительства есть та, при которой суверенитетъ (sovereignty), или высшая контролирующая власть, въ послѣднемъ счетѣ находится въ цѣлой совокупности членовъ общежитія; при чемъ каждый гражданинъ не только имѣетъ голосъ при упражненіи этого суверенитета, но призывается, по крайней мѣрѣ при случаѣ, принимать дѣйствительное участіе въ правительствѣ" и т. д. (John Stuart Mill, *Considerations on representative government*; Лондонъ, 1873, народное изд., стр. 21).

чтобы народъ дѣлалъ при помощи своихъ представителей все то, что онъ не можетъ дѣлать лично самъ... Великое преимущество представителей заключается въ томъ, что они способны обсуждать дѣла. Народъ же совершенно къ тому неспособенъ,—что составляетъ одно изъ крупнѣйшихъ неудобствъ демократіи... Большинству древнихъ республикъ былъ присущъ великій недостатокъ: это то, что народъ имѣлъ право принимать дѣйствительныя рѣшенія (résolutions actives), нуждавшіяся въ надлежащемъ выполненіи,—вещь, къ которой онъ совершенно неспособенъ. Онъ долженъ участвовать въ правительствѣ лишь для выбора своихъ представителей: это въ его силахъ. Ибо, если мало людей знаетъ точную степень способностей человѣка, то каждый, однако, въ состояніи знать вообще, отличается ли тотъ, кого онъ избираетъ, большею просвѣщенностью сравнительно съ другими [1]).

Знаменательно, что эта точка зрѣнія, идущая, собственно говоря, даже и не отъ Монтескье, а уже изъ античнаго міра [2]), раздѣляется многими очень демократическими писателями Франціи, которые въ другихъ отношеніяхъ вполнѣ оптимистически смотрятъ на умственныя и нравственныя качества народа. Напомню читателю хотя бы Луи-Блана, который въ своихъ „Вопросахъ сегодняшняго и завтрашняго дня" [3]), наговоривши народу кучу комплиментовъ относительно непогрѣшимаго инстинкта подсказывающаго ему при нормальныхъ условіяхъ жизни выборъ наилучшихъ представителей, рѣшительно отказываетъ ему въ способности самому правильно обсуждать и рѣшать живо интересующіе его вопросы. Вся политическая исторія пореволюціонной Франціи проникнута ростомъ и развитіемъ начала представительства. И достойно замѣчанія, что люди, даже рѣзко критикующіе недостатки современнаго парламентаризма во Франціи (конечно, я не говорю о критикахъ рѣзко реакціоннаго лагеря, которымъ претитъ самый принципъ свободнаго обсужденія), ищутъ средствъ противъ недуга опять таки на почвѣ представительнаго правленія, расширяя его, вводя новыя категоріи представительства, но не имѣя мужества коснуться самой основы. Не дѣлались ли въ послѣднее время многочисленныя предложенія, исходившія изъ лагеря консервативныхъ и умѣренныхъ республиканцевъ, ввести въ современную политическую систему, наряду съ дѣйствую-

---

[1]) Motesquieu, De l'esprit des lois, XI, 6 (стр. 256—257, passim, перваго тома гашеттовскаго изд. „Oeuvres completes"; Парижъ, 1892).

[2]) См., между прочимъ, во многихъ мѣстахъ „Политики" Аристотеля, а особенно въ слѣдующемъ замѣчательномъ мѣстѣ: „не дать массѣ (τὸ πλῆθος) никакого участія во власти—страшно. Ибо тамъ, гдѣ существуетъ много безправныхъ и бѣдныхъ, государство неизбѣжно наполнено врагами. Остается такимъ образомъ дать имъ участіе въ рѣшающей дѣла и въ судебной власти. Поэтому-то Солонъ и другіе законодатели предоставляютъ народу выборъ правящихъ лицъ и требованіе отчета у нихъ, но устраняютъ отъ правленія каждаго въ отдѣльности (κατὰ μόνας) изъ народа" (Politic., III, 11, изд. Bekkeri, стр. 1281 в.).

[3]) Louis-Blanc, *Questions d'aujourd'hui et de demain*; Парижъ, 1873—1874, 3 тома (сборникъ газетныхъ статей изъ „Le Rappel").

щимъ принципомъ представительства населенія, еще принципъ особаго „представительства великихъ общественныхъ интересовъ“, напр., землевладѣнія, торговли, магистратуры, военнаго и духовнаго сословій,—словомъ, нѣчто въ родѣ оставшихся отчасти отъ феодальныхъ временъ „курій“ въ Австріи?

Съ другой стороны, не существуетъ ли во Франціи чрезвычайно богатая литература, посвященная ожесточенному опровerженію мнѣнія тѣхъ, которые хотѣли бы ввести въ представительство нѣкоторый коррективъ въ видѣ „точной инструкціи“, или mandat impératif, какъ называется эта система на политическомъ жаргонѣ страны? Вещь, казалось бы, простая: разъ вы дѣйствительно представляете, выражаете интересы и мнѣнія вашихъ избирателей, то почему бы вамъ, ихъ представителю, не заключить съ ними заранѣе извѣстнаго договора, согласно которому вы до тѣхъ поръ будете ихъ выборнымъ въ парламентѣ, пока ваши мнѣнія въ общихъ и главныхъ вопросахъ совпадаютъ съ мнѣніями пославшихъ васъ? Но разъ, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ причинъ, ваши взгляды существенно измѣнились, почему бы вашимъ избирателямъ не имѣть права, не дожидаясь слѣдующихъ выборовъ, взять назадъ данныя вамъ полномочія, а вамъ не подчиниться безпрекословно этому условію? Такъ въ сущности и поступаетъ, и долженъ поступать на практикѣ, человѣкъ, даже и не заключившій подобнаго договора, но дѣйствительно принимающій къ сердцу интересы своихъ избирателей и идейное общеніе съ ними. И что же? Тѣ самые люди, которые упрекаютъ въ ренегатствѣ представителей, вотирующихъ въ разрѣзъ съ своей избирательной программой, скандализируются, однако, всякій разъ, какъ заходитъ рѣчь о реформѣ представительства въ смыслѣ обязательной и точной инструкціи отъ избирателей ихъ избраннику. На реформаторовъ этого рода сыплются громы: и представитель-то не есть вотирующая машина; и не его вина, если по зрѣломъ размышленіи и при обсужденіи мнѣній въ парламентѣ, его взгляды не воспроизводятъ болѣе взглядовъ его избирателей; и тиранія послѣднихъ возмутительна, тѣмъ болѣе, что толпа не способна къ тонкостямъ оцѣнки и различія, и т. д. Въ сущности, за всѣми этими возраженіями, которыя, кстати сказать, неоднократно и успѣшно опровергались, скрывается роковой предразсудокъ, дѣлающій при представительномъ режимѣ изъ избраннаго какое-то высшее существо, парящее надъ избирателями. Точная инструкція это какъ бы „оскорбленіе величества“ представителя. Какими въ самомъ дѣлѣ насмѣшками и прямыми оскорбленіями заинтересованныхъ лицъ встрѣчались и встрѣчаются въ буржуазной прессѣ пока сравнительно, къ сожалѣнію, рѣдкіе случаи примѣненія договорнаго начала между избирателями и представителемъ! И если практика заранѣе подписанныхъ избранными обязательствъ подать въ отставку по требованію изби-

рательныхъ комитетовъ могла вести къ злоупотребленіямъ и интригамъ, то не забудемъ, что, напр., и предложенный бланкистскими депутатами въ 1894 г. проектъ разумно обставленной точной инструкціи жестоко провалился въ палатѣ. Надо, однако, сказать, что идея этой реформы зрѣетъ все болѣе и болѣе. Она уже сравнительно очень давно встрѣчала жаркихъ защитниковъ между радикалами и буржуазными демократами; и, можетъ быть, впервые на этой почвѣ представительная система отступитъ во Франціи нѣсколько назадъ передъ прямымъ народнымъ законодательствомъ.

Начало представительства идетъ во Франціи до нѣкоторой степени рука объ руку съ началомъ такъ называемаго раздѣленія властей, которое положительно или отрицательно затрогиваетъ цѣлый рядъ конституціонныхъ вопросовъ. Такъ, самыя функціи парламентарнаго правительства или, если хотите, „правительства кабинета", будутъ не особенно понятны читателю, если прежде не устранить крупнаго недоразумѣнія, касающагося упомянутаго начала. Скажемъ сейчасъ же, что хотя этотъ принципъ часто провозглашается основою правительствъ пореволюціонной Франціи, онъ терпитъ, однако, кое-какія существенныя ограниченія и во всякомъ случаѣ не является тѣмъ единоспасающимъ талисманомъ, какимъ онъ рисовался доктринерамъ умѣреннаго либерализма. Въ задачу этого этюда не входитъ собственно изученіе конституцій различныхъ странъ. Но мы можемъ все же напомнить читателю, что независимость законодательной, исполнительной и судебной властей, которую съ такою энергіей провозглашала и пыталась осуществить на практикѣ великая революція, находившаяся въ этомъ отношеніи подъ сильнымъ вліяніемъ Монтескье,— что эта независимость далеко не имѣла подобнаго строгаго характера въ самой Англіи, гдѣ ее нашелъ знаменитый авторъ „Духа законовъ" въ видѣ довольно сложнаго и смѣшаннаго факта политической жизни, чтобы придать ему несоотвѣтствующую дѣйствительности теоретическую чистоту. Монтескье могъ, конечно, разсматривать въ абстрактной раздѣльности власть законодательную, власть исполнительную и власть судебную; или, какъ выражается онъ все въ той же знаменитой, уже цитированной нами главѣ 6-ой книги XI (посвященной „конституціи Англіи"), „власть законодательную; власть исполнительную въ отношеніи вещей, зависящихъ отъ международнаго права; и власть исполнительную въ отношеніи вещей, зависящихъ отъ гражданскаго права" [1]). Онъ могъ, конечно, разсматривая Англію, какъ идеальный типъ государства par excellence, пріурочивать законодательную власть къ „корпораціи знатныхъ и къ корпораціи, избранной для того, чтобы представлять народъ" [2]), а исполнительную власть сосре-

---

[1]) Montesquieu, Ibid., стр. 254.
[2]) Ibid., стр. 257.

доточивать исключительно „въ рукахъ монарха, ибо эта часть правленія, почти всегда нуждающаяся въ моментальномъ дѣйствіи, лучше выполняется однимъ, чѣмъ нѣсколькими" [1]) и т. д. Но эта черезчуръ отвлеченная конструкція мѣшала ему видѣть, что и въ идеальной странѣ, изображаемой имъ, такого рѣзкаго раздѣленія на практикѣ не существовало; что его носитель исполнительной власти,—монархъ,—участвовалъ вмѣстѣ съ парламентомъ и въ законодательной; что отъ монарха же истекала и судебная власть; и, наоборотъ, что парламентъ, будучи носителемъ законодательной власти, въ то же время (особенно начиная съ революціи 1688 г.) все дѣятельнѣе и дѣятельнѣе вмѣшивался,—къ счастью политической свободы,—въ сферу исполнительной власти, при помощи кабинета, выбираемаго королемъ изъ среды парламентскаго большинства [2]).

Люди великой революціи, вдохновляемые, кромѣ Монтескье—и въ извѣстномъ смыслѣ Руссо,—только что введенной федеральной конституціей Сѣверо-Американскихъ Штатовъ [3]), составленной подъ сильнымъ вліяніемъ идей какъ разъ Монтескье, пожелали, конечно, осуществить въ возможно большей полнотѣ и чистотѣ принципъ троякаго раздѣленія власти. Но если только что упомянутый авторъ „Американской республики" показалъ, какъ подъ давленіемъ обстоятельствъ измѣнялся на практикѣ (by usage) „повидимому, неподвижный и несгибаемый инструментъ" конституціи Штатовъ, и какъ необходимость заставила тамъ обходить не разъ путемъ жизненныхъ приспособленій принципъ раздѣленія властей, трудно осуществимый въ дѣйствительности во всей своей чистотѣ [4]), то политическая исторія пореволюціонной Франціи свидѣтельствуетъ еще ярче и рѣзче, съ какой быстротой и какимъ важнымъ ограниченіямъ подверглось начало тройственнаго обособленія на вулканической почвѣ Галліи.

Конечно, въ первой конституціи (1791 г.) министры, какъ агенты исполнительной власти, были до такой степени оторваны

---

[1]) Ibid., стр. 258.

[2]) Ср. Максимъ Ковалевскій, *Происхожденіе современной демократіи;* Москва, 1895, т. I, стр. 562: „... не въ обособленіи и независимости исполнительной власти отъ законодательной, а въ подчиненіи ея народному представительству лежитъ дѣйствительный источникъ англійской политической свободы" и т. д.

[3]) По поводу хронологіи этого законодательнаго акта Брайсъ пишетъ: „Трудно сказать, должны-ли мы называть эту конституцію конституціей 1787 г., когда она была составлена, или конституціей 1788 г., когда она была принята надлежащимъ числомъ Штатовъ, или наконецъ, конституціей 1789 г., когда она вошла въ дѣйствіе" (James Brice), *The American Commonwealth;* Лондонъ, 1889, 2-е изд., II, см. прим. 3 къ стр. 24).

[4]) Пусть читатель обратитъ вниманіе хотя бы на дѣятельность комитетовъ конгресса, которые являются негласными посредниками между конгрессомъ, лишеннымъ по закону права мѣшаться въ администрацію, и между министрами, не имѣющими доступа въ конгрессъ.

отъ власти законодательной, что король, которому принадлежало право назначать и отставлять министровъ, ни въ какомъ случаѣ не могъ выбирать ихъ среди членовъ парламента. Или, какъ говорилъ текстъ: „члены настоящаго національнаго собранія и слѣдующихъ законодательныхъ собраній (législatures), члены кассаціоннаго суда и тѣ, кто будутъ отправлять должности въ великомъ жюри, не могутъ быть назначаемы на постъ министра, ни получать какія бы то ни было мѣста, аренды, пенсіи, оклады или миссіи отъ исполнительной власти и ея агентовъ, во все время отправленія ими своихъ функцій, равно какъ въ теченіе двухъ лѣтъ, слѣдующихъ за ихъ прекращеніемъ“ [1]).

Но тогда же пришлось ввести нѣкоторыя смягченія въ эту систему раздѣленія властей. Такъ, въ противоположность гораздо болѣе послѣдовательной и неумолимой въ этомъ отношеніи американской конституціи, министры, хотя и будучи агентами исполнительной власти, получили право доступа и слова въ законодательномъ собраніи [2]). Съ другой стороны, они же были поставлены подъ нѣкоторый,—правда, платоническій,—контроль законодательной власти, ибо законъ 27-го апрѣля 1791 г. объ организаціи министерства,—и притомъ законъ, не вошедшій собственно въ число конституціонныхъ законовъ,—говоритъ: „Законодательный корпусъ можетъ представлять королю, какія только сочтетъ нужнымъ, заявленія относительно поведенія его министровъ и даже объявить ему, что они потеряли довѣріе націи“. Правда, это выраженіе порицанія,—„вотъ недовѣрія“, какъ сказали бы въ наше время, — имѣло, повторяемъ, лишь моральное значеніе и не влекло за собою никакой санкціи, ибо „согласно декрету, король могъ сохранить своихъ министровъ вопреки заявленію законодательнаго корпуса“ [3]).

Смягченія принципа раздѣленія были внесены и въ самую систему изготовленія законовъ. Согласно этому принципу, такая функція должна цѣликомъ принадлежать законодательной власти; и такъ и значилось въ конституціи. Но тутъ же была, если позволено такъ выразиться, устроена и нѣкоторая лазейка для выхода изъ затрудненія, которое могло возникнуть вслѣдствіе черезчуръ строгаго проведенія начала обособленности властей. Конституція 1791 г., дѣйствительно, говорила, что она „вручаетъ исключительно законодательному корпусу слѣдующія права и функціи: 1-е, предлагать и декретировать законы“ и т. д.; но непосредственно за этимъ добавляла: „король можетъ только пригласить законодательный корпусъ принять во вниманіе извѣст-

---

[1]) Duguit et Monnier, стр. 17 (Constit. du 3 sept., titre III, chap. II, sect. IV, art. 2).

[2]) Ibid., стр. 23 (Constit. du 3 sept. titre III, sect. IV, art. 10).

[3]) Esmein, *Eléments*, стр. 320 (слова современника, Турэ).

ный вопросъ“ [1]). И какъ ни смотрѣть на частицу „только“ затушевывающую отступленіе отъ правила, ясно во всякомъ случаѣ, что, не обладая собственно иниціативой въ дѣлѣ законодательства, представитель исполнительной власти получалъ, однако, возможность косвенно влiять на эту чужую функцію, предлагая законодателямъ заняться тѣмъ или инымъ вопросомъ.

Замѣтимъ, наконецъ, что конституція 1791 г., не смотря на свое стремленіе осуществить возможно полнѣе начало раздѣленія, вводила уже прямое, — хотя и въ отрицательной формѣ,— вмѣшательство исполнительной власти въ законодательную, а именно королевское *veto* (которое, кстати сказать, существовало уже и въ англійской конституціи), или такъ называемый „пріостанавливающій отказъ“ (refus suspensif) короля санкціонировать „декретъ законодательнаго корпуса“. И этотъ отказъ въ санкціи могъ пріостановить вступленіе декрета въ законную силу въ теченіе двухъ слѣдующихъ одна за другою „легислатуръ“ (срока существованія собранія) [2]).

Эти трудности и тренія, обнаруживавшіяся при осуществленіи на практикѣ начала раздѣленія властей, были въ значительной степени устранены на почвѣ Франціи самой эволюціей конституціонной жизни. А именно, сохраняя упомянутое начало раздѣленія, какъ желательный принципъ, страна пошла въ направленіи къ сближенію, къ взаимному проникновенію властей. И при этомъ, не смотря на нѣкоторыя рѣзкія отклоненія отъ этого общаго хода, смыслъ движенія заключался въ томъ, что на мѣсто сложной системы трехъ равныхъ противовѣсовъ вырабатывался болѣе упрощенный механизмъ преобладанія одного изъ нихъ. Такимъ усилившимся элементомъ явилась законодательная власть. И это обнаружилось не только прямо, расширеніемъ ея компетенціи, но и косвенно, возростаніемъ вліянія исполнительной власти на законодательство. Это можетъ показаться парадоксомъ. Но если мы напомнимъ читателю, что имѣемъ здѣсь въ виду выработку парламентарнаго правительства, или правительства кабинета, то наше утвержденіе сейчасъ же теряетъ свой на первый взглядъ странный характеръ. Да, теперь иниціатива закона принадлежитъ и министерству, наравнѣ съ членами парламента. Но именно потому, что высшій представитель исполнительной власти (скажемъ, президентъ республики) поставленъ въ практическую необходимость избирать своихъ министровъ среди парламента и между вожаками большинства,— иначе кабинетъ не продержится и минуты,—именно поэтому въ этомъ кажущемся усиленіи вліянія министровъ на законодательство заключается на самомъ-то дѣлѣ торжество законодательной

---

1) Duguit et Monnier, 18 (Constit. du 3 sept., titre III, sect. prem., art. 1-er)
2) Ibib., стр. 21 (titre III, chap. III, se III, art. 1—2).

власти надъ исполнительной. Ибо послѣдняя всего чаще лишь проводитъ со скамьи отвѣтственныхъ министровъ то, къ чему тяготѣетъ большинство членовъ парламента. Политическая отвѣтственность кабинета министровъ передъ законодательною властью, появившаяся, вопреки принципу раздѣленія, въ 1814 г. и все усиливавшаяся съ тѣхъ поръ (если мы оставимъ въ сторонѣ сравнительно кратковременные періоды крайней реакціи), и составляетъ характерный пріемъ правленія на почвѣ Франціи и придаетъ ей яркій отпечатокъ парламентарной страны. Къ Франціи поэтому какъ разъ примѣнимы слова умнаго изслѣдователя „Американской республики", который, сравнивая сѣверо-американскую конституцію съ типичными европейскими конституціями, замѣчательно рельефно изображаетъ переплетеніе независимыхъ якобы (по теоріи Монтескье) властей въ практикѣ политической жизни. Вотъ что дѣйствительно говоритъ Брайсъ объ „англійской системѣ", которая послужила образцомъ для различныхъ европейскихъ конституцій, болѣе или менѣе вдохновившихся ею:

... Англійская система ставитъ во главѣ государства лицо, во имя котораго совершаются всѣ акты исполнительной власти и которое (за исключеніемъ Франціи) неотвѣтственно и несмѣняемо. Эти акты его дѣлаются по совѣту и за отвѣтственностью министровъ, номинально выбираемыхъ имъ, а въ дѣйствительности представителями народа,—и обыкновенно, но непремѣнно между членами законодательнаго собранія. Представители являются такимъ образомъ, чрезъ выбираемыхъ ими агентовъ, настоящимъ правительствомъ страны. Когда представительное собраніе перестаетъ довѣрять своимъ агентамъ, послѣдніе подаютъ въ отставку (resign), и назначаются новые. Такимъ образомъ, исполнительная, какъ и законодательная власть на самомъ дѣлѣ принадлежитъ большинству палаты представителей, хотя при назначеніи агентовъ,—пріемъ, къ которому его побуждаетъ самая многочисленность его,—это большинство и вынуждено оставлять въ рукахъ этихъ агентовъ извѣстную долю власти, которой достаточно для того, чтобы придавать имъ видъ чего-то отличнаго отъ него, а порою толкать ихъ на дѣйствія, какія не одобряются ихъ господами. И какъ законодательная власть является, такимъ образомъ, въ извѣстномъ смыслѣ исполнительной, такъ и правительство, обладающее исполнительной властью, а именно совѣтъ министровъ или кабинетъ, является постольку законодательнымъ, поскольку иниціатива принимаемыхъ мѣръ зависитъ въ значительной части отъ него и поскольку проведеніе упомянутыхъ мѣръ чрезъ палату требуетъ съ его стороны защиты и обратнаго давленія на большинство представителей. Члены правительства являются не только агентами исполнительной власти, но и вожаками законодательной. По истинѣ можно сказать, что законодательная и исполнительная функціи столь же тѣсно переплетаются при этой системѣ, какъ въ абсолютныхъ монархіяхъ, напр., въ Римской имперіи или въ современной Россіи; и тотъ фактъ, что податное обложеніе, хотя и опредѣляемое законодательнымъ путемъ, есть въ тоже время необходимое орудіе администраціи, показываетъ, насколько нераздѣльны эти обѣ, повидимому различныя, власти. При этой системѣ суверенитетъ законодательной власти можетъ быть болѣе или менѣе полонъ. Онъ всего полнѣе проявляется во Франціи, всего менѣе въ Германіи и Пруссіи, гдѣ власть императора и короля еще велика и не обнаруживаетъ упадка. Но во всѣхъ этихъ странахъ власть законодательная и власть исполнительная

не только тѣсно соприкасаются между собой, но и улаживаютъ свои несогласія, не обращаясь къ судебной власти и т. д. [1]).

Трудно яснѣе выразить, въ какой степени видоизмѣняется на практикѣ принципъ раздѣленія властей, принципъ, который остается въ конституціонныхъ странахъ скорѣе предостереженіемъ противъ произвольной перетасовки функцій государственныхъ органовъ, чѣмъ требованіемъ абсолютной, если можно такъ выразиться, непроницаемости одной стороны дѣятельности „народа-суверена“ для другой. Вотъ почему во Франціи уже давно не только самыя крайнія партіи, но и радикальная буржуазія скептически относится къ безусловному значенію формулы обособленія властей. Правда, преобладающимъ направленіемъ въ конституціонной теоріи Франціи было все же стремленіе сохранить въ общихъ чертахъ упомянутое начало. Правда, политическіе дѣятели и публицисты умѣреннаго лагеря продолжаютъ являться его горячими панегиристами. Но на практикѣ все больше и больше замѣчается усиленіе одной функціи—а именно законодательной,—насчетъ другихъ: исполнительной, а отчасти и судебной. А въ теоретической полемикѣ партій искреннія демократы даже привѣтствуютъ эту эволюцію, видя въ ней начало грядущаго порядка вещей: распространеніе законодательнаго элемента на сферы исполнительную и судебную, но съ строгой отвѣтственностью носителей власти передъ всею націею вообще и каждымъ гражданиномъ въ частности. Выборность, судимость и смѣняемость всѣхъ лицъ правящаго персонала и всѣхъ агентовъ власти во всѣхъ сферахъ ея дѣятельности являются обыкновеннымъ требованіемъ въ программахъ крайнихъ республиканцевъ.

Мы приходимъ здѣсь къ четвертому слѣдствію, вытекающему изъ принциповъ „провозглашенія“: отвѣтственности представителей власти передъ народомъ. Относительно лицъ, облеченныхъ законодательною властью, эта отвѣтственность (кромѣ прямыхъ преступленій, подлежащихъ наказанію согласно съ общимъ правомъ страны) носитъ чисто политическій характеръ, и политическая вина влечетъ за собой и политическое наказаніе; „державный-народъ“ воленъ отнять на выборахъ и при помощи выборовъ законодательную функцію у недобросовѣстнаго или неспособнаго представителя и передать свои полномочія тому, кто лучше отвѣчаетъ требованіямъ избирателей. Мы видѣли, впрочемъ, что этотъ пріемъ выражаетъ максимумъ современнаго контроля избирающихъ надъ избранными и что, напр., система „точной инструкціи“ до сихъ поръ не введена въ конституціонное право, и даже сравнительно рѣдко примѣняется въ отдѣльныхъ случаяхъ по предварительному соглашенію между избирателями и депутатами.

[1]) Bryce, l. c., I, стр. 271—272.

Но рѣчь можетъ идти и о другой отвѣтственности, а именно объ отвѣтственности органовъ и агентовъ (чиновниковъ и т. п.) исполнительной власти за злоупотребленія, допущенныя ими при отправленіи обязанностей и влекущія за собою матеріальный и моральный вредъ для пострадавшихъ гражданъ. „Державный народъ" не можетъ допустить, чтобы, отъ его имени и прикрываясь общими интересами, его агенты могли наносить ущербъ самомалѣйшей частицѣ его державнаго организма, позволять себѣ превышенія власти или произволъ. Мы видѣли, съ какой энергіей „Провозглашеніе" (особенно второе, служащее введеніемъ къ конституціи 1793 г.) формулировало даже право на возстаніе, если хоть одинъ членъ общежитія подвергался угнетенію. Но это, такъ сказать, революціонная мораль на время общественной войны. Какой-же исходъ указываетъ французское право, вытекающее изъ движенія 1789 г., для мирнаго времени, для прозаическаго обихода вещей, который нисколько, однако, не исключаетъ возможности насилія и произвола со стороны администраціи по отношенію къ простымъ гражданамъ? Интересно, что въ этомъ пунктѣ Франція гораздо болѣе строго держится принципа раздѣленія властей, чѣмъ Англія, эта страна классическаго, по мнѣнію Монтескье, торжества упомянутой системы обособленности. Дѣйствительно, великая и драгоцѣнная особенность англійскаго права заключается въ томъ, что оно, не преклоняясь предъ фетишомъ раздѣленія, подчиняетъ администрацію суду; и никакой произволъ никакого должностнаго лица, какъ бы оно ни было высоко поставлено, не можетъ такимъ образомъ избѣгнуть разбора и осужденія въ странѣ, гдѣ всѣ „индивидуальныя права", или „публичныя вольности" находятъ такого самостоятельнаго и могучаго покровителя, какимъ является голосъ общественнаго мнѣнія въ видѣ суда присяжныхъ. Франція,—мы сейчасъ увидимъ, подъ давленіемъ какихъ историческихъ обстоятельствъ,—рѣшила, наоборотъ, данную задачу въ духѣ раздѣленія властей и изъяла администрацію изъ компетенціи обыкновеннаго суда.

Гражданинъ французской республики, слѣдующей въ этомъ отношеніи юридической формулѣ, которая идетъ со временъ первой революціи, не можетъ позвать чиновника къ отвѣту предъ обыкновеннымъ трибуналомъ и, того менѣе, предъ судомъ общественной совѣсти въ формѣ суда присяжныхъ. Онъ вынужденъ обращаться съ жалобами на администрацію къ администраціи же, а именно къ той вѣтви исполнительной власти, которая носитъ названіе „административной юстиціи" и вѣдаетъ, между прочимъ, какъ разъ столкновенія съ частными лицами и общественными властями. Намъ нечего входить въ подробности этой довольно сложной организаціи; и читатель можетъ найти ясное резюме характера и функцій учрежденія (государственнаго со-

вѣта, совѣтовъ префектуры и т. п.) хотя бы у Симонэ [1]). Но несомнѣнно одно: въ случаѣ тяжбы между гражданиномъ и администраціей судьею является администрація же, т. е. какъ разъ одна изъ тяжущихся сторонъ. И этотъ фактъ можно затушевать, но отнюдь не отрицать, указаніемъ на особенности административной юстиціи, якобы сохраняющей достаточную самостоятельность и оригинальность функціи по отношенію къ общему механизму исполнительной власти.

Любопытно происхожденіе этой особенности французскаго конституціоннаго права. Перенесемся въ эпоху великой революціи. Новое міровоззрѣніе, пробивая себѣ дорогу, естественно должно было вступать въ сильныя столкновенія съ интересами и силами прошлаго. И мы знаемъ, какая свирѣпая борьба завязалась, дѣйствительно, между старымъ и новымъ режимомъ. Революціонной законодательной власти приходилось проводить свои мѣры при помощи агентовъ революціонной же администраціи, которая встрѣчала жестокое сопротивленіе среди защитниковъ рухнувшаго строя. Съ другой стороны, старинныя судебныя учрежденія въ формѣ парламентовъ, доживавшихъ свой вѣкъ наканунѣ революціи и пытавшихся упорно тормозить необходимую общественную реформу, оставили по себѣ чрезвычайно дурную славу. Реакція и судебная власть соединялись поэтому мощной ассоціаціей идей въ головѣ революціонеровъ. Люди великаго переворота и боялись, чтобы работа пересозданія общества не была сильно заторможена, если бы каждое частное лицо получило возможность преслѣдовать агентовъ новой исполнительной власти передъ обыкновенными (хотя бы и новыми) судами и такимъ образомъ оттягивать и даже уничтожать дѣйствія революціонной администраціи. Или, какъ выразился одинъ изъ членовъ учредительнаго собранія, Деменье, во время дебатовъ по этому вопросу: „Всѣ граждане пойдутъ тогда со своими жалобами въ суды, прося объ отмѣнѣ того или другого административнаго распоряженія. Тогда трибуналамъ пришлось бы заняться дѣлами, которыя вы нарочно изъяли изъ ихъ компетенціи“ [2]).

Какъ бы то ни было, и по миновавіи опасностей революціоннаго времени, конституціонное право Франціи сохранило этотъ принципъ независимости административной власти отъ судебной, хотя въ то же время допустило въ другомъ смыслѣ гораздо большее смѣшеніе функціи, сдѣлавъ исполнительную власть въ указанныхъ нами случаяхъ и стороною, и судьею въ своемъ же дѣлѣ. Съ другой стороны, развитіе централистическихъ тенденцій, въ особенности со времени Наполеона I (продолжавшаго въ из-

---

[1]) Simonet, *Traité élémentaire de droit public et administratif*, стр. 146 и слѣд.

[2]) Цитировано Эсмэномъ (Esmein, *Eléments*, прим. 1 къ стр. 370).

вѣстныхъ отношеніяхъ централизацію дореволюціонной абсолютной монархіи), сказалось,—на сей разъ уже противъ принципа раздѣленія,—въ усиленіи зависимости судебной власти отъ исполнительной сравнительно съ эпохою первой революціи. Дѣйствительно, по конституціи 1791 г. „правосудіе будетъ отправляться задаромъ судьями, избираемыми на время народомъ" и несмѣняемыми въ теченіе этого времени [1]) Но конституція VIII-го года отмѣнила выборное начало въ примѣненіи ко всѣмъ судьямъ, кромѣ мировой юстиціи и членовъ кассаціоннаго суда, а сенатусъ-консультъ 28-го флореаля XII-го года уничтожилъ и эти исключенія. И, такимъ образомъ, съ тѣхъ поръ судебное сословіе не избирается во Франціи народомъ, а назначается главою исполнительной власти.

Правда, какъ бы съ цѣлью усилить независимость судей отъ правительства, принципъ несмѣняемости былъ удержанъ (за исключеніемъ мировыхъ судей) при всѣхъ послѣдующихъ режимахъ и вошелъ въ конституціонную традицію до такой степени, что, напр., современная конституція (1875 г.) даже не упоминаетъ его, считая подразумѣвающимся самимъ собою. Но именно противъ несмѣняемости судей и ведется уже довольно давно горячая кампанія французскими крайними республиканцами, которые требуютъ, наоборотъ, строгаго примѣненія къ судебному сословію (какъ, впрочемъ, и ко всѣмъ должностнымъ лицамъ) начала избираемости, непосредственной судимости и смѣняемости, какъ логическаго развитія народнаго самодержавія.

Таковы принципы 1789 г. и главнѣйшіе выводы изъ нихъ на почвѣ современной Франціи, у которой есть, какъ мы видимъ, свои историческія „основы", проходящія красною нитью чрезъ всю пореволюціонную исторію страны.

Н. Е. Кудринъ.

[1]) Duguit et Monnier, стр. 27 (Constit. du 3 sept., titre. III, chap. V, art. 2).

СЛУЧАЙ.

Очеркъ.

Уже четвертый день мелкій осенній дождь сѣялся, какъ через сито, изъ хмураго, сѣраго неба. Тропинки, тянувшіяся вдоль казарменнаго забора, были покрыты липкой глинистой грязью. Она клейко приставала къ сапогамъ пробиравшихся въ казармы солдатъ, и тѣ усердно очищали ее, входя на мощенный булыжникомъ казарменный дворъ.

По мокрымъ булыжникамъ, покрытымъ грязью, солдаты скользили, ругаясь, и торопились войти въ казармы, гдѣ ихъ руганью встрѣчали дежурные унтера и дневальные, на обязанности которыхъ лежало недосягаемое въ такую погоду поддержаніе чистоты въ ротахъ.

Въ казармахъ было тускло, сыро, грязно и скучно.

Люди не выходили безъ надобности изъ помѣщеній; окна были затворены. Въ спертомъ воздухѣ носился запахъ ржаного хлѣба, мокрыхъ шинелей и сапогъ, портянокъ и махорки. Во дворѣ было мало свѣта, а въ помѣщеніяхъ еще меньше.

У большинства солдатъ были хмурыя, недовольныя лица, а у многихъ усталыя: сегодня рота вернулась изъ караула. Многіе отдыхали, лежа на кроватяхъ. Отбывшій караулъ на ночномъ посту у „склада оружія", рядовой Савелій Ермаковъ спалъ съ чистой совѣстью: караулъ сошелъ у него вполнѣ благополучно. Не „уважалъ" онъ вообще ночныхъ смѣнъ въ караулѣ, а у „склада оружія" въ особенности. Зданіе, гдѣ хранилось оружіе, стояло далеко за городомъ, и тащиться до него, особенно по такой невылазной грязи, было непріятно; а еще непріятнѣе стоять въ глухую, темную дождливую ночь у этого зданія на посту, который былъ установленъ послѣ попытки злоумышленниковъ обворовать складъ. Находился этотъ постъ у самаго оврага, густо заросшаго деревьями и кустарникомъ. Въ глубинѣ оврага шу-

мѣлъ ручей, а подъ деревьями находили себѣ пріютъ люди, которые не могли отыскать себѣ лучшаго. А эти люди, по мнѣнію Ермакова, прекрасно знали, что за каждую берданку горцы платятъ не менѣе 25—30 руб.

Стоитъ Ермаковъ на „ночномъ" посту, хочетъ проникнуть глазами въ густую, мокрую тьму ночи; но ничего не видно... Слышно, какъ бурлитъ ручей... Какъ странно въ немъ шумитъ вода: вотъ-вотъ, кажется, рокочетъ у самыхъ ногъ Ермакова, такъ что онъ невольно дѣлаетъ шагъ назадъ и упирается мокрой спиной въ мокрую стѣну склада; то, какъ будто, вода куда-то отходитъ и шумитъ уже не въ оврагѣ, а далеко, по ту сторону его... Вѣтеръ изрѣдка дунетъ порывомъ, сорветъ откуда-то крупныя капли дождя и броситъ въ обрѣшеченное желѣзомъ окно... Вздрогнетъ Ермаковъ, точно кто-нибудь позади, бродя въ темномъ складѣ, стукнулъ въ стекло. Судорожно сжимаетъ Ермаковъ винтовку и дѣлаетъ поворотъ кругомъ, чтобы взглянуть въ окно склада; но не видно окна, не видно его рѣшетки: во мракѣ, сквозь мокрыя рѣсницы, точно сѣрѣетъ кусокъ стѣны склада.

— „А, чтобъ тебя..."—шепчетъ Ермаковъ, снимаетъ шапку и крестится. Холодныя капли падаютъ на коротко обстриженную, горячую голову... Но вотъ тоненькая, какъ жало, струйка холодной воды пробилась за воротникъ шинели и мундиръ и холодной змѣйкой, зигзагами, спускается по спинѣ. Ермаковъ передернулъ плечами, взялъ „къ ногѣ" и пошелъ подъ „грибъ" *), хотя знаетъ, что рундъ и дежурный по карауламъ въ такую ночь могутъ обходить посты и не любятъ заставать часовыхъ на этомъ посту подъ „грибомъ".

— „Ну, а кто въ такую ночь пойдетъ на добычу?" — думаетъ Ермаковъ:—„Въ такую погоду даже всякій прохвостъ долженъ дома сидѣть, а не шататься въ оврагѣ. Попробуй подняться теперь изъ оврага, разъ десятокъ въ ручей оборвешься... Положимъ, есть тамъ одна тропинка; на ней и камни положены для упора".

Но скоро мысли Ермакова принимаютъ менѣе успокоительное направленіе; онъ вспоминаетъ, что попытка проникнуть въ складъ была произведена именно въ ненастную, темную ночь.—„Понятное дѣло",- разсуждаетъ онъ,—„какой же дуракъ полѣзетъ при свѣтѣ окно ломать въ складѣ; а вотъ когда темно, да дождь, да вѣтеръ... ручей проклятый шумитъ"... И Ермаковъ выходитъ изъ-подъ гриба, беретъ ружье „вольно" и, ерзая шинелью по стѣнѣ склада, скользитъ по

*) Маленькій навѣсъ на одномъ столбѣ,—для защиты отъ зноя и отчасти дождя.

тропкѣ, проложенной параллельно стѣнѣ ногами часовыхъ, и считаетъ окна: „разъ, два... десять"... Добирается онъ до конца „тропки" и облегченно вздыхаетъ: всѣ 10 оконъ на лицо, ни одно не пропало; потомъ онъ что-то соображаетъ, плюетъ, ругается и опять идетъ къ грибу.

Онъ старается ни о чемъ не думать...

Но вотъ, среди шума воды и капели, раздается какой-то трескъ тамъ, въ оврагѣ... Ермаковъ точно прирастаетъ къ мѣсту, впяряетъ глаза въ темноту и медленно, съ бьющимся сердцемъ, беретъ ружье на изготовку... Но ничего не видно: темно впереди, совсѣмъ темно... И въ этой темнотѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ тропинка у оврага выходитъ къ складу, чернѣетъ какое-то еще болѣе черное пятно. Кровь бросается въ голову Ермакова; ему дѣлается жарко. Непослушными пальцами поднимаетъ онъ крышку подсумка, ощупью вынимаетъ патронъ и, не сводя глазъ съ чернаго пятна, открываетъ затворъ берданки... Затворъ щелкаетъ; Ермаковъ вздрагиваетъ, быстро бросаетъ патронъ въ винтовку, закрываетъ затворъ и, точно подталкиваемый сзади, держа палецъ на спускѣ, идетъ къ черному пятну... Онъ сдѣлалъ шагъ и... кругомъ все темно, все одинаково черно... Ермаковъ обезсилѣлъ: онъ разрядилъ винтовку, прислонился къ столбу гриба и не хочетъ ничего видѣть...

Когда послѣ четырехчасового промежутка сонный Ермаковъ вновь заступаетъ на этотъ же постъ,—уже начинаетъ свѣтать. Кругомъ туманъ, сыро и мокро. Ермакову очень хочется спать, но за то теперь вовсе „не боязно". Онъ равнодушнымъ взглядомъ скользитъ по окнамъ склада, по окутаннымъ тяжелымъ туманомъ зубчатымъ вершинамъ деревьевъ, подымающихся изъ оврага, по тропинкѣ, идущей къ складу, и въ головѣ его тяжело ворочается мысль: „какого лѣшаго я прошлую смѣну здѣсь пугался? Все, какъ слѣдуетъ быть... и все это зря"... Онъ думаетъ теперь о томъ, что, отстоявъ эту смѣну, онъ съ другими „ночными" пойдетъ въ казармы, напьется чаю, пообѣдаетъ и будетъ спать до вечернихъ занятій... Какъ пріятно снять мокрую шинель, мокрые сапоги и лечь на кровать... Очень пріятно... Онъ третъ грязной, мокрой отъ дождя рукой сонные глаза и съ какимъ то сладострастіемъ рисуетъ себѣ, какъ повалится спать...

Пробило четыре часа.

— Пошелъ, выходи на занятіе-е!—кричитъ дежурный по ротѣ унтеръ-офицеръ.

— Пошелъ, выходи на занятіе-е!—повторяютъ дневальные.

Люди просыпаются, одѣваются, свертываютъ „цыгарки"

и „собачьи ножки“, надѣваютъ подсумки, разбираютъ изъ пирамидъ винтовки.

— Производить занятіе по взводамъ! — командуетъ, выходя изъ ротной канцеляріи, фельдфебель.

— Третій взводъ строиться на подготовительныя!—кричитъ взводный 3-го взвода, унтеръ-офицеръ Басюра.

3-ій взводъ выстраивается въ концѣ роты, въ проходѣ между кроватями.

— Открыть подсумки! — командуетъ Басюра и обходитъ взводъ, осматривая содержимое подсумковъ. Въ срединѣ 1-го отдѣленія замѣчаетъ свободное мѣсто.—Кого нѣтъ?—спрашиваетъ онъ у отдѣленнаго.

— Ермаковъ запоздалъ: въ ночныхъ былъ, такъ малость заспался. Сейчасъ придетъ, — докладываетъ Басюрѣ ефрейторъ Андреевъ, исполняющій обязанности отдѣленнаго унтеръ-офицера.

— Уклонить штыки!—командуетъ взводный.

Взводъ опускаетъ ружья, уперши ихъ штыками въ полъ и держа за прикладъ одной правой рукой.

— Шеренга...—командуетъ Басюра, и люди одной рукой приподнимаютъ ружья и вставляютъ приклады въ плечо.

— Передать въ лѣвую руку... — командуетъ Басюра: — Ермаковъ, лупоглазый чертъ, ты что запаздываешь? П-шелъ, стань на мѣсто.

Ермаковъ становится на мѣсто.

Занятія „подготовительными къ стрѣльбѣ упражненіями“ продолжаются. Отдѣленные повѣряютъ, правильно ли ихъ люди наводятъ винтовки со станковъ въ мишеньки, повѣшенныя на стѣнахъ казармы.

Басюра вызываетъ по очереди каждаго солдата къ себѣ. Солдатъ становится передъ зеркаломъ, въ которомъ отражается мишенька. Мишеньку эту держитъ у себя передъ глазомъ Басюра и сквозь дырочку въ ея центрѣ видитъ въ зеркалѣ мушку и прицѣлъ на винтовкѣ солдата, котораго повѣряетъ въ умѣньи навести правильно ружье и правильно спустить ударникъ. Каждый вызванный становится передъ зеркаломъ, беретъ ружье на изготовку и вкладываетъ въ него такъ называемый пружинный патронъ, предохраняющій механизмъ винтовки отъ порчи при спускѣ ударника безъ боевого патрона.

Каждый старается навести ружье правильнѣе, спустить ударникъ плавно, чтобы не вызвать замѣчаній со стороны взводнаго: онъ вѣдь всякую неисправность замѣтитъ.

Но Басюра плохо видитъ въ зеркало маленькія части ружья, мушку и прицѣлъ: очень ужъ темно въ помѣщеніи.

— Убери зеркало, — приказываетъ Басюра одному изъ

солдатъ, и подноситъ мишеньку къ глазу. Повѣрка идетъ безъ зеркала, а въ „глазъ“: такъ виднѣе, чѣмъ въ зеркало.

— Плохо, дергаешь,—говоритъ Басюра солдатику, который уже три раза спускаетъ ударникъ, прицѣлившись въ мишеньку на глазу Басюры:—Поди къ Андрееву, пусть онъ тебя поучитъ... Ну, ты, Ермаковъ, подходи... Проспался, али еще нѣтъ?—Ермаковъ, улыбаясь, вышелъ изъ шеренги, лихо взялъ на изготовку, быстро зарядилъ и сталъ.

— Цѣлься!—скомандовалъ Басюра. Улыбающійся Ермаковъ сталъ плавно подводить винтовку.

Бахъ! прогремѣлъ по ротѣ выстрѣлъ и смѣнился поразительной тишиной... Всѣ замерли... Пороховой дымъ медленно расплывался въ густомъ, сыромъ воздухѣ. Всѣ смотрѣли къ 3-му взводу. Басюры не было видно: онъ лежалъ на полу, и пороховой нагаръ на его лицѣ уже былъ почти весь залитъ кровью... На лбу выше праваго глаза, изъ темно-красной дырочки, выпучивалась жирная, красновато-бѣлая мякоть мозга...

Взводъ бросился поднимать Басюру; одинъ Ермаковъ, блѣдный, опустивъ ружье къ паху, стоялъ, ничего не понимая. Нѣсколько человѣкъ приподняли Басюру съ пола.

— Неси на кровать, тащи въ околодокъ!—раздались голоса.

— Стой, братцы, нѣтъ... погоди!—закричалъ вдругъ Ермаковъ:—Погоди... какъ это, зачѣмъ такъ... ты объясни!..—И, бросивъ на полъ ружье, онъ схватилъ руку мертваго Басюры, какъ будто хотѣлъ помѣшать уносить его.

Балагурившіе въ помѣщеніи возлѣ карцеровъ люди полкового караула стали говорить между собой шепотомъ, какъ возлѣ трудно больного, когда узнали, по какой причинѣ привели Ермакова въ карцеръ. Никто изъ караула не задавалъ арестанту обычныхъ вопросовъ, никто не заглядывалъ въ окошечко, прорѣзанное въ двери карцера, выходившей въ помѣщеніе караула.

Въ карцерѣ было тихо и темно. Ермаковъ сидѣлъ на нарахъ, охвативъ руками согнутыя колѣни. Онъ не спалъ, но и не бодрствовалъ: усиліемъ воли подавлялъ онъ въ себѣ всякое размышленіе и, понимая, что сидитъ въ карцерѣ, не хотѣлъ отдавать себѣ отчета, зачѣмъ и почему онъ здѣсь.

Главная задача была въ томъ, чтобъ не ставить въ причинную связь того, что вокругъ него теперь, съ тѣмъ, что было раньше. Доносившійся въ карцеръ шепотъ караула, постукиваніе дождевыхъ капель въ высокое окно карцера, темнота,

смягченная проникавшимъ въ окно тусклымъ свѣтомъ умиравшаго сѣраго дня—все это помогало Ермакову въ его задачѣ: обстановка была необычная, и Ермаковъ на ней могъ задержать свое вниманіе, чтобы не думать о томъ, что болѣзненно сжимало его сердце раньше, чѣмъ мысль давала образъ.

Онъ уставился глазами въ окошечко двери, но не видѣлъ, какъ молодой, безусый солдатъ изъ караула, скосивъ глаза и стараясь, чтобъ этого не замѣтили другіе, пытался оглядѣть внутренность карцера.

— Чего глаза пялишь? Въ кіятрѣ развѣ? — донесся до Ермакова сердитый шепотъ.

— Кому это?—подумалъ Ермаковъ:—Кто глаза пялитъ? Зачѣмъ пялитъ?—И опять что-то, неоформленное еще въ сознаніи, рѣзнуло его по сердцу, и онъ быстро оборотился къ высокому окну карцера, надѣясь найти тамъ что-нибудь, что перемѣнило бы его мысли.

— Встать, смирно! — раздалась команда, и Ермаковъ почувствовалъ, что приближается что-то страшное и неизбѣжное, отъ чего уже нѣтъ спасенія, отъ чего нельзя укрыться, о чемъ нельзя не думать. Онъ всталъ съ наръ и, поправивъ на себѣ накинутую шинель, ожидалъ. Что-то заговорили въ караульномъ помѣщеніи, но Ермаковъ не могъ понять, о чемъ говорятъ, такъ какъ употреблялись совсѣмъ не тѣ слова, какія предулавливались его ухомъ. Только слово „лампа“ уловилось его сознаніемъ.

— Ну, конечно: надо зажечь огонь, давно пора! — сталъ думать Ермаковъ и, слыша, что отпираютъ замокъ его двери, настойчиво старался убѣдить себя въ правильности этой догадки:—Давно пора огонь зажигать, давно пора... Уже темно, надо зажигать...

А замокъ все еще отпираютъ.

— Давно пора, давно пора...—увѣряетъ себя Ермаковъ: — ну, вотъ зажгли, слава Богу... Давно пора, давно пора, уже темно...

Дверь растворилась.

— „Кто зажигалъ лампу, если дверь отворялъ ефрейторъ?“—задаетъ себѣ вопросъ Ермаковъ и сейчасъ же получаетъ отвѣтъ: лампу держитъ, освѣщая входъ въ карцеръ, „черняâенькій солдатикъ“... Онъ замѣтилъ почему-то этого „чернявенькаго“, еще когда шелъ въ карцеръ. А вотъ рядомъ съ нимъ стоитъ дежурный по полку, а позади его, Ермакова, ротный. Взглянулъ Ермаковъ на ротнаго, и сразу масса новыхъ мыслей хлынула ему въ голову, а господствующей была мысль: — „А вѣдь ротному достанется; завсегда ротный долженъ отвѣчать...“ И Ермакову было

больно глядѣть на лицо ротнаго, изможденное долгой лихорадкой. Жестокій пароксизмъ производилъ болѣзненныя гримасы на желтоблѣдномъ лицѣ и синихъ губахъ.

— „Опять у него лихорадка; вотъ почему и на занятія не пришелъ“,—думалъ Ермаковъ. И ему захотѣлось сдѣлать что-нибудь пріятное и хорошее своему ротному.

— Вотъ какъ передъ Истиннымъ...—заговорилъ Ермаковъ и замолчалъ: онъ не зналъ, что сказать дальше.

— Откуда у тебя взялся патронъ?—съ усиліемъ спросилъ ротный.

— Караульный,—отвѣчалъ Ермаковъ.

— Отчего же ты не сдалъ сегодня инструктору? Онъ вѣдь отбиралъ патроны.

— Я на посту ночью вынулъ изъ колодки, а назадъ забылъ вложить. Колодку съ остальными патронами сдалъ, а этотъ забылъ.

— А инструкторъ считалъ же у тебя патроны?

— Инструкторъ не раскрывалъ колодки,—отвѣчалъ Ермаковъ.

Ротный замолчалъ.

Ермакову стало невыносимо тяжело... „Спрашивай скорѣй, спрашивай, — думалъ онъ про себя, — не томи, нельзя такъ стоять“.

— Ну, а ты...—началъ ротный и пріостановился.

— „Вотъ оно, начинается...“—подумалъ Ермаковъ, точно угадывая, о чемъ хотѣлъ спросить ротный, и почему онъ замолчалъ.

— Ты какъ: не ссорился съ Басюрой?..—докончилъ свою мысль ротный.

Кровь хлынула въ голову Ермакова.—Ваше высокоблагородіе, вотъ какъ передъ Истиннымъ...—и голосъ Ермакова зазвенѣлъ.

Ротный отвернулся.

— Запри! — сказалъ онъ, ни къ кому не обращаясь, и вышелъ вмѣстѣ съ дежурнымъ по полку.

Не прошло и получаса, какъ этотъ небольшой разговоръ ротнаго съ Ермаковымъ комментировался политиками въ ротѣ на всѣ лады.

— А у пыку ни заихавъ?..—спрашивалъ высокій, плотный малороссіянинъ у вертляваго вятича.

— Ни-ни! Такой чижолый на руку, и хочь бы разъ тебѣ по мордѣ.

— Дуракъ ты, мазепа - хохолъ, — докторальнымъ тономъ возражалъ ефрейторъ-пермякъ,—нѣшто этимъ можно Ермакова отъ суда ослобонить, ежели въ „пыку“!

— Одначе же съ сердцовъ бьетъ,—вмѣшался одинъ солдатикъ.

— Сказалъ тоже: то съ сердцовъ, а здѣсь... а здѣсь печенка! — объяснилъ ефрейторъ, и всѣ политики такимъ объясненіемъ вполнѣ удовлетворились.

Ермаковъ опять сидѣлъ взаперти, но теперь онъ понималъ, что „думать надо".—„Все равно отъ этого не уйдешь"—рѣшилъ онъ. Но когда рѣшилъ, что „думать надо", то не зналъ, о чемъ думать. — „Ну, убилъ—размышлялъ онъ,—сошлютъ меня въ Сибирь; это ничего, не бѣда, что сошлютъ".—Ему чувствовалось, что важна не ссылка его въ Сибирь, а есть что-то другое, болѣе важное, чѣмъ его участь. Ссылка въ Сибирь, какъ будто, затемняетъ значеніе этого важнаго, но оно, это важное, остается имъ, не смотря на ссылку. И если бы отъ ссылки въ Сибирь важное перестало быть важнымъ, если бы оно исчезло, то было бы хорошо и ему, и... Басюрѣ.

— „Да вѣдь Басюра, можетъ, живъ, можетъ, только раненъ; я, кажется, очень влѣво винтовку свалилъ..."—И радостная надежда мелькнула въ сердцѣ Ермакова.

— Ребята,—подошелъ онъ къ окошечку двери,—ребята, какъ Басюра?..

Наступило небольшое молчаніе: никто ему не отвѣчалъ.

— Царство ему небесное,—сказалъ, наконецъ, караульный начальникъ и, снявъ шапку, перекрестился. Многіе изъ караула сдѣлали то же, но Ермаковъ, хотѣвшій также перекреститься, удержалъ свое движеніе: ему казалось, что онъ не имѣлъ права креститься за упокой души Басюры.

Онъ отошелъ къ двери и усѣлся на нары.

Важнымъ оказалось то, что былъ человѣкъ, а теперь нѣтъ этого человѣка... Человѣкъ этотъ имѣлъ близкихъ, думалъ о нихъ, и тѣ объ немъ думали; и они, и онъ жили взаимными надеждами, а Ермаковъ эти надежды разрушилъ, однимъ нажимомъ пальца разорвалъ тѣ тысячи нитей, которыя сплелись между этимъ человѣкомъ и другими... Если бы онъ, Ермаковъ, посмотрѣлъ на тотъ патронъ, который вкладывалъ ощупью въ коробку ружья, человѣкъ былъ бы живъ, и эти нити продолжали бы существовать, а теперь все это разрушено оттого, что онъ не сдѣлалъ маленькаго движенія глазами внизъ...

Нѣтъ, не можетъ этого быть, чтобъ такія страшныя вещи происходили отъ такихъ ничтожныхъ причинъ... Здѣсь должно быть что-то болѣе сильное, болѣе могущественное и осмыс-

ленное: здѣсь должно быть стремленіе нечистой силы поразить Ермакова...

И Ермаковъ испугался этой мысли и рѣшилъ по иному: не нечистая это, а Божеское наказаніе за грѣхи...

Ну, пусть ему наказаніе; но чѣмъ виноватъ Басюра? Почему онъ такъ пострадалъ?... А зачѣмъ Басюра зеркало отставилъ. Вѣдь начальство не позволяетъ цѣлиться безъ зеркала. Ежели бы Басюра исполнялъ приказанія начальства, то онъ, Ермаковъ, только и всего, что прострѣлилъ бы зеркало, а не убилъ бы человѣка. Грѣхъ на немъ, на Басюрѣ. Но тутъ Ермаковъ вспомнилъ мертвое лицо Басюры и устыдился своихъ мыслей:

— Нѣтъ, на мнѣ, на мнѣ грѣхъ! — застоналъ онъ, заметавшись на нарахъ.

— Ермаковъ, хочешь чаю выпить? — предложилъ кто-то изъ караула.

— Спасибо, братцы, не хочу.

— Отчего не побаловаться?..—настаивалъ безусый солдатикъ, заглядывавшій ранѣе въ карцеръ.

— Чего суешься?..—вполголоса остановилъ его караульный начальникъ:—Видишь, человѣкъ не въ себѣ.

А Ермаковъ все думалъ и думалъ; онъ перебиралъ и всѣ свои грѣхи, и всѣ тѣ мелкіе эпизоды изъ своей жизни, въ которыхъ ему приходилось имѣть дѣло съ Басюрой; даже тѣ эпизоды, которые происходили на его глазахъ между Басюрой и другими чинами роты,—и во всѣхъ этихъ картинахъ фигура Басюры вырѣзывалась ясно, отчетливо... И тутъ же онъ вспоминалъ, что уже Басюра убитъ имъ, и тоска и недоумѣніе охватывали его; и еще живѣе, еще подробнѣе рисовалъ онъ себѣ картины, въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ былъ Басюра; онъ видѣлъ его, слышалъ его голосъ, вспоминалъ всѣ слова, которыя были когда-либо сказаны имъ. Ермаковъ всталъ и началъ ходить, но помѣщеніе было очень маленькое: ходить было трудно.

— Ребята, пустите къ себѣ!.. — обратился онъ къ караулу.

Караульный начальникъ, молча, открылъ замокъ и отворилъ дверь. Ермаковъ вошелъ въ караульное помѣщеніе и оглядѣлъ его: солдаты сидѣли вокругъ лампы, стоявшей на табуреткѣ, гдѣ была нарисована шашечная доска и разставлены самодѣльныя шашки. Всѣ люди, при его входѣ, наклонились надъ доской и, какъ будто, были очень заняты игрой: никто на него не смотрѣлъ... Даже караульный начальникъ, отворявшій дверь, смотрѣлъ куда-то въ сторону.

Свѣтъ лампы показался Ермакову очень яркимъ. Онъ постоялъ съ минуту вблизи порога.

— Ну, спасибо, братцы,—сказалъ онъ, наконецъ. Повернулся, опять вошелъ въ карцеръ и притворилъ за собой дверь. Караульный, не говоря ни слова, опять заперъ ее на замокъ.

Солдаты угрюмо посмотрѣли на запертую дверь и продолжали сидѣть въ тѣхъ же позахъ.

Ермаковъ усѣлся на нарахъ въ самомъ углу, натянулъ себѣ шинель на голову и думалъ, думалъ...

Черезъ два дня въ полковомъ караулѣ былъ „землякъ“ Ермакова, Трошкинъ. Трошкинъ зашелъ въ карцеръ къ Ермакову, сидѣвшему на нарахъ, сунулъ ему свою мозолистую, корявую руку, вздохнулъ и опустился на нары.

— Похоронили,—сказалъ Трошкинъ.

— Рѣзали?—спросилъ Ермаковъ.

— Ну, ужъ конечно, не безъ этого...

— И зачѣмъ рѣзать?—сказалъ Ермаковъ.

Помолчали.

— Слѣдователь всѣхъ опрашиваетъ, — началъ опять Трошкинъ.

— Я завинюсь ему,—сказалъ Ермаковъ.

— Про что завинишься?..—возразилъ Трошкинъ:—Чай, не нарочно, замѣсто пружиннаго, боевой положилъ.

— Всетаки завинюсь.

— Аль въ Сибирь захотѣлось?

— Захотѣлось,—коротко отрѣзалъ Ермаковъ.

Опять помолчали.

— Значитъ, въ Звѣрюково, домой, значитъ, не пойдемъ?—спросилъ Трошкинъ.

— Дуракъ ты, Трошкинъ! Какое мнѣ теперь Звѣрюково. Развѣ...—началъ было Ермаковъ и оборвалъ.

Опять помолчали.

— Ну, прощай, — протянулъ руку Трошкинъ,—только я тебѣ скажу: большой ты грѣхъ на душу берешь.

— Больше, какъ взялъ уже, не возьму! — возразилъ Ермаковъ.

— Ну, взялъ: на Басюру взялъ одинъ, а на отца-мать другой теперь поднимать хочешь... Ты свое сердце понимаешь, а родительское понимать не хочешь. Не форси ты со своимъ сердцемъ, вотъ что. Прощай!..—И Трошкинъ вышелъ изъ карцера.

Ермаковъ былъ сраженъ, и когда въ тотъ же день военный слѣдователь снялъ съ него допросъ,—онъ показалъ все, „какъ передъ Истиннымъ“, и былъ немедленно освобожденъ изъ подъ ареста, съ „отдачей подъ надзоръ непосредственнаго начальства“.

Когда онъ вернулся въ роту, его прежде всего поразило то, что въ ротѣ было все по старому. Что именно должно было сдѣлаться тамъ новаго, Ермаковъ объяснить себѣ не могъ. Онъ чувствовалъ только, что самъ онъ весь другой, а все внѣ его осталось прежнее. Даже люди его роты говорили съ нимъ и смотрѣли на него такъ же, какъ и раньше. Это казалось Ермакову, пожалуй, удивительнѣе всего, и онъ пристально вглядывался въ каждаго солдата роты, точно стараясь разгадать, не скрывается ли за наружными прежними отношеніями еще чего-нибудь новаго. И ему казалось, что теперь всѣ люди кругомъ стали добрѣе...

Ротный не приходилъ въ роту: онъ все хворалъ, а Ермакову такъ хотѣлось его видѣть... Ему казалось, что ротный придетъ, и тогда прояснится то неясное положеніе, въ которомъ онъ чувствовалъ себя. Но Ермаковъ не дождался прихода ротнаго: однажды вечеромъ грамотей роты долго разбиралъ длинный приказъ по полку, и вечеромъ, послѣ переклички, фельдфебель прочелъ этотъ приказъ передъ ротой. Изъ этого приказа Ермаковъ могъ понять только, что его ротный командиръ отрѣшается отъ командованія ротою и предается военно-окружному суду. За что предается суду—Ермаковъ точно узнать не могъ, потому что были написаны все какіе-то номера какихъ-то статей какой-то книги; но въ началѣ приказа все говорилось объ „его дѣлѣ", а въ концѣ концовъ — предается суду ротный командиръ, исполняющій обязанности отдѣленнаго унтеръ-офицера, ефрейторъ Андреевъ, инструкторъ Пальчукъ, а его, Ермакова, по приказу, арестовать на 30 сутокъ смѣшаннымъ арестомъ.

Ермаковъ сидѣлъ подъ арестомъ, и его неотвязно грызла мысль: почему онъ арестованъ на 30 сутокъ за „такое" дѣло, а совершенно невиноватые, по его мнѣнію, Пальчукъ, Андреевъ и ротный—преданы суду. Его представленіе о справедливости никакъ не могло помириться съ такимъ исходомъ дѣла: онъ могъ предполагать, что его „сошлютъ", даже поставятъ „подъ разстрѣлъ", но чтобъ судили Пальчука, Андреева и ротнаго за „его дѣло",—онъ этого предполагать никакъ не могъ. Но что зависимость между „его дѣломъ" и судомъ надъ ротнымъ была, и что вовсе не за что другое ротный былъ преданъ суду—въ этомъ убѣждены были и всѣ его товарищи, не менѣе удивленные такимъ оборотомъ дѣла. Конечно, „ротный завсегда отвѣчаетъ"; но чтобъ такъ тяжела была отвѣтственность, этого никто изъ солдатъ предположить не могъ.

Еще болѣе увѣренности въ томъ, что это „дѣло его",

Ермаковъ получилъ тогда, когда его подъ конвоемъ повели изъ-подъ ареста въ окружный судъ, гдѣ судились его ротный, Андреевъ и Пальчукъ, и тамъ дѣлали ему допросъ. А вскорѣ прочитали приказъ, изъ котораго онъ узналъ, что бывшій ротный, за „его дѣло“, арестовывается по суду на три мѣсяца съ ограниченіемъ правъ по службѣ, а ефрейторы Андреевъ и Пальчукъ лишаются ефрейторскаго званія и арестовываются каждый на 30 сутокъ... Ермаковъ сталъ „сумный“ и даже разъ сказалъ Трошкину: „зря я тебя послушалъ!“—на что Трошкинъ опять ему отвѣчалъ: „не форси!“

Прошло около года. Опять Ермаковъ стоялъ на томъ же ночномъ посту. Опять сѣялся мелкій осенній дождь, и сырой вѣтеръ раскачивалъ верхушки деревьевъ, возвышавшіяся надъ оврагомъ, и пронизывалъ Ермакова сквозь мокрую шинель. Скрестивъ руки на дулѣ ружья, смотритъ онъ въ сѣрую мглу и ясно видитъ два силуэта, одинъ за другимъ выпрыгивающіе изъ глубины оврага и направляющіеся къ складу. Вотъ они уже крадутся къ крайнему окну, вертя головами и ища часового. Но Ермаковъ не перемѣняетъ позы: онъ стоитъ такъ же спокойно. Наконецъ, люди замѣчаютъ его: одинъ быстро ложится на землю, а другой продолжаетъ стоять, посматривая на Ермакова.. И оба похожи на звѣрей, готовыхъ броситься впередъ, чтобы цѣною чужой жизни спасать свою.

— Идите, ребята, своей дорогой...—говоритъ Ермаковъ громко, спокойно, не шевелясь. Голосъ его звучитъ такъ просто и буднично, какъ будто онъ говоритъ самую обычную вещь, при самыхъ обычныхъ обстоятельствахъ. И это потому, что Ермаковъ много думалъ о томъ, что было, и не боится, что оно будетъ опять... Этого не нужно, и этого не будетъ! И онъ знаетъ, что люди эти его поймутъ... И они понимаютъ... понимаютъ, быть можетъ, не самыя слова, а тонъ голоса, который звучитъ такъ увѣренно и такъ просто среди напряженія минуты...

Лежавшій на землѣ поднимается, и оба хищника довѣрчиво, не спѣша, уходятъ въ темноту...

Ермаковъ вскидываетъ ружье и идетъ вдоль стѣны... Потомъ останавливается и думаетъ... Думаетъ не о тѣхъ людяхъ, которые ушли и могли бы вернуться, но о томъ, что было... И еще обо многомъ, что послѣ того приходило ему въ голову...

Ночь темна, въ оврагѣ шумитъ ручей. Сѣетъ мелкій дождикъ...

Н. Саларскій.

Торгующія тѣломъ.

(Очерки столичной проституціи).

Когда, послѣ утомительнаго дня, опускается надъ столицей завѣса ночи, наступаетъ второй, пожалуй, еще болѣе лихорадочный въ своей тайной работѣ, періодъ городской жизни. Изъ угловъ и логовищъ—будь то подвалъ или роскошный будуаръ—выползаетъ на улицу развратъ, кое-какъ подкрашенный, кое-какъ принаряженный, а то и вовсе не прикрытый, въ лохмотьяхъ, рубищахъ.

Вы видѣли, какъ порывъ вѣтра подхватываетъ съ земли все, что попадается по дорогѣ: мусоръ, окурки, несчастную былинку, невѣдомо какъ попавшую съ благоухающихъ полей, исписанный лоскутокъ бумаги, негодный обрывокъ тряпки, чистое, бѣлое перышко... Вихрь разврата кружитъ еще съ большею силой все живое, такъ или иначе выброшенное на панель столицы, — отъ непорочной дѣвушки, которую нужда впервые гонитъ на проспектъ, до опытной промышленницы тѣломъ, которая „работаетъ“ на книжку сберегательной кассы... Какое многоразличіе типовъ, характеровъ, интересовъ, цѣлей, настроеній!..

И, однако, вся эта толпа, духовно столь различная въ отдѣльныхъ своихъ представительницахъ, имѣетъ въ большихъ, населенныхъ центрахъ, одинъ пунктъ, гдѣ она проносится передъ взоромъ наблюдателя, какъ цѣпь тѣней въ „Макбетѣ“. Въ крупныхъ городахъ существуютъ спеціальныя больницы для проститутокъ-поднадзорныхъ (туда же попадаетъ большая часть и не поднадзорныхъ).

Если принять во вниманіе, что около 50% поднадзорныхъ проститутокъ страдаетъ сифилисомъ (для Петербурга 52,7%—по П. Обозненко; для Москвы 52,3%—по Фивейскому), да еще прибавить проститутокъ, попадающихъ въ спеціальную больницу съ явленіями другихъ венерическихъ болѣзней, то станетъ понятнымъ, что подавляющее большинство торгующихъ тѣломъ должно пройти черезъ это своеобразное чистилище...

Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ мнѣ пришлось наблю-

дать въ Петербургской Калинкинской больницѣ этихъ торгующихъ тѣломъ—вольныхъ и невольныхъ. Не смотря на большое недовѣріе и чисто, сказалъ бы я, кастовую замкнутость этихъ женщинъ,—оказалось достаточно матеріала для „ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ“...

Съ нѣкоторыми моими впечатлѣніями и выводами я и хотѣлъ бы познакомить читателя.

I. Осмотръ.

10 часовъ утра...

По широкому коррпдору 4-го отдѣленія прогуливается нѣсколько паръ молодыхъ женщинъ въ характерномъ больничномъ одѣяніи: сѣромъ халатѣ, накинутомъ поверхъ бѣлья. Халатъ этотъ вноситъ извѣстное единообразіе. Въ остальномъ подробности туалета весьма различны. Болѣе состоятельныя „форсятъ“ другъ передъ другомъ тонкими рубашками: у кого съ дорогими прошивками, кипой кружевъ, лентъ и бантиковъ; большое разнообразіе нижнихъ юбокъ моднаго матеріала и моднаго цвѣта; главная статья щегольства —дорогія ботинки всевозможныхъ цвѣтовъ на высокихъ французскихъ каблукахъ съ изящною отдѣлкой... Платья и умопомрачительный нарядъ, конечно, здѣсь показать нельзя, и подруги стараются удивить другъ друга, чѣмъ могутъ.

Конечно, совсѣмъ иной внѣшній декорумъ у третьеразрядныхъ проститутокъ, этихъ отребьевъ столичной панели, съ Лиговки, съ Песковъ, съ Никольскаго рынка, изъ трущобъ Вяземской лавры. Тѣ одѣты во все казенное,—и сѣрое, грубое больничное бѣлье считаютъ уже завидною роскошью... Есть, конечно, много переходныхъ ступеней между этими двумя крайностями: самодѣльная вязаная юбка, обшитая грошевыми кружевами, рубаха грубаго деревенскаго холста съ кокетливо продѣтыми шелковыми лентами...

По корридору движутся пары, взявшись подъ руки, или обнявшись. Это интимныя подруги. Ибо здѣсь существуетъ „обожаніе“ другъ друга—о чемъ рѣчь подробнѣе будетъ дальше. Въ открытыя двери палатъ, гдѣ довольно тѣсно поставлены койки, видны группы женщинъ въ самыхъ разнообразныхъ позахъ. Однѣ лежатъ въ полномъ бездѣльѣ, уставившись въ одну точку. Другія дѣятельно шьютъ заказное бѣлье (для благотворительнаго общества при Калинкинской больницѣ, или для потребностей городскихъ больницъ); рѣдко кто читаетъ книжку; больше всего концентрируются вокругъ какой нибудь одной койки, сплетничая и треща на пропалую, не скупясь при этомъ на сильныя выраженія. Очень часто картина разнообразится какою нибудь отчаянною схваткою между двумя, а то и нѣсколькими не поладившими проститутками...

Крупная, характерная ругань виситъ въ воздухѣ, производя на свѣжаго человѣка ошеломляющее впечатлѣніе богатымъ арсеналомъ необычайно скверныхъ словъ, спеціально трущобнаго арго. Еще ужаснѣе впечатлѣніе отъ того, что слова эти произносятъ совершенно трезвыя молодыя женщины, часто еще не достигшія 16—17-лѣтняго возраста. Недоразумѣнія возникаютъ чаще всего на романтической почвѣ, изъ за какого нибудь кавалера хулигана, котораго никакъ не могутъ подѣлить встрѣтившіяся въ больницѣ соперницы. Но и чисто теоретическіе споры о предметахъ довольно отвлеченныхъ могутъ довести эту необузданную компанію чуть ли не до рукопашной. Постоянный, какъ бы сословный, антагонизмъ существуетъ обыкновенно между группой женщинъ, являющихся сюда изъ домовъ терпимости (билетныя), и живущими въ одиночку, вольными (бланковыя). Собственно 4-ое отдѣленіе Калинкинской больницы предназначено для сифилитичекъ—билетныхъ, а для бланковыхъ—6-ое отдѣленіе. Но очень часто, когда имѣются свободныя мѣста въ 4-мъ отдѣленіи, туда приводятся и бланковыя. Враждебное отношеніе этихъ двухъ элементовъ имѣетъ свое психологическое основаніе, о которомъ я скажу ниже...

Во врачебномъ кабинетѣ приготовляютъ все къ визитаціи врача... Фельдшерица разставляетъ на столикѣ лѣкарства, которыя необходимо имѣть подъ рукой, сидѣлки перетираютъ тазы, зеркала, инструменты. Обстановка врачебной комнаты самая ординарная; только все выкрашено бѣлою масляною краской. Самое достопримѣчательное въ комнатѣ столъ для изслѣдованій—высокій, довольно своеобразнаго вида, имѣющій форму обрубленной лежанки. Къ этому столу ведетъ лѣсенка въ нѣсколько ступенекъ, такія же ступеньки спускаются съ другой стороны. На мѣстномъ арго столъ этотъ называется то эшафотомъ, то трапеціей, то трономъ.

Стрѣлка перешла уже за 10 часовъ. Одна изъ сидѣлокъ стала къ дверямъ, ведущимъ изъ корридора на лѣстницу. Ждутъ доктора. Часть обитательницъ 4-го отдѣленія смѣнила свою изящную обувь на казенныя войлочныя туфли. Такъ какъ комплектъ больныхъ часто доходитъ даже до 90 человѣкъ (хотя по штату кроватей около 60), то обыкновенно визитирующій врачъ дѣлитъ больныхъ на двѣ половины: одну половину осматриваетъ одинъ день, другую на слѣдующій. Половина, назначенная въ этотъ день къ осмотру, и обувается въ казенныя туфли, такъ какъ врачу, конечно, некогда ждать, пока паціентка вздумаетъ развязывать свою сложную обувь.

— Докторъ... Докторъ.. — передается отъ дежурящей сидѣлки по корридору къ фельдшерицѣ.

— Ребятки... Первая половина... Новенькія... Идите скорѣй...— раздается голосъ фельдшерицы.

Во врачебный кабинетъ, толкая другъ друга, шумя и суетясь,

устремляется толпа женщинъ. Визитація врача вноситъ извѣстное разнообразіе въ ихъ скучное пребываніе среди больничной обстановки, и поэтому большинство стремится сюда весьма охотно. Но, конечно, дѣло не обходится безъ недовольства и протестовъ. Недовольны тѣ, которыя уже долго засидѣлись въ больницѣ, и собираются опять ныть и приставать къ врачу, чтобы онъ ихъ „выписалъ“ на свободу... Недовольны тѣ, которыя знаютъ, что процессъ врачебнаго осмотра будетъ сопровождаться для нихъ болью, или даже оперативнымъ вмѣшательствомъ... Недовольны въ большинствѣ случаевъ „новенькія“, которыя только что вчера вечеромъ доставлены при отношеніи врачебно-полицейскаго комитета и которыя знаютъ, что здѣсь, въ томительной скукѣ, имъ придется, быть можетъ, высидѣть не одну недѣлю—безъ выпивки, безъ кавалеровъ, безъ пестрыхъ нарядовъ... Въ этой, сбившейся вмѣстѣ, какъ стадо, толпѣ женщинъ слышится временами то визгъ, то хохотъ, то крѣпкое словцо... Всѣхъ, однако, сдерживаетъ въ должныхъ границахъ фельдшерица то рѣзкимъ окрикомъ, то ласковымъ словомъ, то умѣлой шуткой. Она — удивительно тонкій психологъ, и, поистинѣ, изумительно ея умѣнье проникать въ душу этого, въ общемъ строптиваго, стада, и управлять имъ, какъ умный, опытный пастырь. Мнѣ еще придется много говорить о фельдшерицѣ 4-го отдѣленія Т. О. Б—ръ, которая воплощаетъ, по моему, тотъ идеалъ „практической“ подвижницы, къ которому должны стремиться всѣ, желающіе посвятить себя помощи и спасенію падшихъ, обычно относящіеся къ дѣлу слишкомъ теоретично, слишкомъ миндальничая на словахъ и ничего не добиваясь на дѣлѣ.

Врачъ усѣлся за небольшой столъ, взялъ пачку скорбныхъ листовъ, и осмотръ начался...

Благодаря долгой практикѣ и приспособленію къ наличнымъ обстоятельствамъ, этотъ осмотръ отличается удивительной быстротой и почти механическою автоматичностью...

Не будемъ приводить подробности этого процесса. Отмѣтимъ лишь нѣкоторыя типичныя фигуры.

Вотъ въ сторонѣ стоятъ три „новенькія“... Врачъ и фельдшерица осматриваютъ ихъ въ началѣ болѣе подробно и тщательно, такъ какъ нужно установить точный діагнозъ тѣхъ явленій, съ которыми онѣ присланы вчера вечеромъ изъ комитета. Хотя комитетскіе врачи и обозначаютъ ужъ діагнозъ въ листкахъ, при которыхъ препровождаются поднадзорныя въ больницу, но не всегда врачи больницы соглашаются съ этимъ діагнозомъ, и тогда присланную приходится или переслать въ другое отдѣленіе, или даже совсѣмъ „выписать“, какъ здоровую, присланную по недоразумѣнію...

Къ эшафоту приближается первая изъ новенькихъ.

Степанида С. Это тщедушная блѣдная дѣвушка почти ребе-

нокъ. Дрожа, она взбирается на ложе для изслѣдованія, закрываетъ лицо руками, отворачиваетъ голову... Ей стыдно... Она не пріучилась еще къ подобному положенію... Она начинаетъ плакать вовсе не отъ боли, но отъ жгучаго горя... Въ листкѣ значится, что это дѣвушка 15 лѣтъ, „комиссная", т. е. не имѣющая еще ни „бланки", ни „билета", а забранная врачебно-полицейскимъ обходомъ по подозрѣнію въ занятіи тайною проституціей... Масса безработныхъ, „бродячихъ" женщинъ забирается такимъ способомъ ночью и доставляются во врачебно-полицейскій комитетъ...

Въ листкѣ 15-лѣтней новенькой еще значится, что она прислуга, и что у нея найдены въ комитетѣ такія-то и такія-то сифилитическія явленія. Діагнозъ этотъ вполнѣ подтверждается. Врачъ внимательно осматриваетъ малокровное, несформированное тѣло. Назначается соотвѣтствующее специфическое лѣченіе, и больная отходитъ въ сторону...

Слѣдующая!..

Я подхожу къ Степанидѣ С., начинаю ее разспрашивать. Сквозь всхлипыванія, неохотно, односложно отвѣчаетъ она мнѣ. Тѣмъ не менѣе, выводъ получается такой. Годъ тому назадъ Степанида С., 14 лѣтъ, прибыла изъ деревни Новгородской губерніи на заработки. Съ Никольской площади ее взяли въ няньки... Она нѣсколько разъ мѣняла мѣста... Мѣсяца два тому назадъ на нее обратилъ милостивое вниманіе старшій дворникъ того дома, гдѣ она жила. Угрожая ей чѣмъ то за просрочку паспорта, онъ насильно добился исполненія своихъ желаній и заразилъ ее... Послѣднія двѣ недѣли она безъ мѣста, издержала по угламъ нѣсколько рублей, которыя у нея были, блуждала двѣ ночи по улицѣ, забрана полицейскимъ обходомъ и доставлена въ комитетъ...

Слѣдующая,—*Анна Р.* 24 лѣтъ—совсѣмъ другого пошиба. Это „билетная", проживающая уже болѣе 5 лѣтъ по разнымъ домамъ терпимости. Опухшее лицо, на лбу глубокій втянутый шрамъ, повидимому, отъ удара какимъ-то острымъ, рѣжущимъ орудіемъ (чаще всего въ „веселыхъ" домахъ такой ударъ наносится посредствомъ бутылки не въ мѣру разыгравшимся „веселымъ гостемъ). Когда Анна Р. скидываетъ рубашку, все ея тѣло оказывается покрытымъ громадными кровоподтеками, синяками, царапинами. Ведетъ себя при этомъ довольно развязно и почему-то глупо улыбается всѣмъ своимъ испитымъ, распухшимъ лицомъ...

— Ахъ ты, Аннушка, Аннушка!—укоризненно качаетъ головой фельдшерица...

И тутъ же объясняетъ доктору, что Анна Р. была доставлена въ пріемное отдѣленіе вчера, въ 7-мъ часу вечера, въ невозможно пьяномъ видѣ, грубила и ругалась немилосердно...

Прибытіе „билетныхъ“ въ больницу зачастую ознаменовывается такою подробностью. Врачи врачебно-полицейскаго комитета обыкновенно осматриваютъ проститутокъ въ домахъ терпимости послѣ 12 часовъ дня. Тогда же они отдѣляютъ тѣхъ, которыхъ необходимо отправить въ Калинкинскую больницу. Листки ихъ съ соотвѣтствующей отмѣткой отсылаются въ канцелярію комитета, а оттуда является въ Калинкинскую больницу разсыльный съ книгой, гдѣ отмѣчено,—какія проститутки и изъ какихъ домовъ терпимости должны прибыть на излѣченіе... Бухгалтерія довольно сложная, но все же она ведетъ къ тому, что „хозяйки“ volens—nolens должны въ тотъ же день отправить въ больницу своихъ, отмѣченныхъ при осмотрѣ, питомицъ. Обыкновенно послѣ ухода врача эти больныя напиваются „съ горя“, и прибываютъ въ больницу пьяныя и буйныя, только къ 6, 7, а иногда и 10 часамъ. Обычно сопровождаютъ ихъ прислуга или „ключницы“ домовъ терпимости... Не то по дорогѣ онѣ могли бы еще „запутаться“ и вовсе не добраться до больницы...

На другой день, проспавшись, онѣ чаще всего стыдятся грубости и буйства, проявленныхъ наканунѣ, и искусственною развязностью прикрываютъ свое раскаяніе... Но фельдшерица, которая отлично знаетъ каждую изъ своихъ „ребятокъ“, чутьемъ тонкаго психолога угадываетъ, какъ привести почти каждую къ требованіямъ больничной субординаціи.

И Анна Р. застыдилась и покраснѣла отъ оклика фельдшерицы.

— Гдѣ только тебя угораздило такъ разукраситься?!.. Анна скорѣе накидываетъ рубашку на свое бѣдное, избитое, какъ у собаки, тѣло... Хроническая алкоголичка, она, конечно, первая участвуетъ въ каждой дракѣ, въ каждомъ скандалѣ, и, конечно, ей же первой попадаетъ отъ ея собутыльника—гостя...

У больной оказываются довольно пустяшныя явленія.

— Жалко ее... Пускай хоть отдохнетъ тутъ немного и покормится...—говоритъ фельдшерица по нѣмецки врачу, и тотъ съ нею соглашается...

Да, правда, пусть отдохнетъ здѣсь эта несчастная... Здѣсь согрѣется ея усталое тѣло, здѣсь поблекнутъ ея синяки и подтеки, здѣсь не будетъ куражиться надъ нею веселый гость...

Какая, однако, иронія судьбы!.. Есть такія жалкія созданія, для которыхъ Калинкинская больница—идеалъ отдыха...

Слѣдующая!..

Къ врачу приближается красивая, стройная дѣвушка съ пышною копною рыжихъ волосъ... Это *Александра Р.* Она вся почти съ ногъ до головы усѣяна сифилитическими явленіями. Съ такими рѣзкими проявленіями болѣзни Александра Р. представляетъ громаднѣйшую опасность зараженія. Это въ нѣкоторомъ родѣ живой очагъ, живой факелъ сифилиса... Однако, она еще

совершенно не лѣчилась. И въ комитетъ, и въ Калинкинскую больницу она попала впервые... Исторія этого случая слѣдующая. Александра Р. работаетъ въ мастерской дамскихъ нарядовъ. Около года тому назадъ она начала „гулять", не оставляя при томъ, однако, работы въ мастерской. Не мало есть такихъ ремесленницъ, которыя увеличиваютъ этимъ путемъ свой скромный бюджетъ... Когда заразилась Александра Р.—она сама не знаетъ, но несомнѣнно, что она въ свою очередь успѣла передать заразу многимъ... Конечно, она могла бы еще долго продолжать свою гибельную дѣятельность. Но одинъ изъ ея кавалеровъ написалъ сообщеніе во врачебно-полицейскій комитетъ, указавъ мѣстожительство Александры Р. Ее забрали изъ мастерской и, освидѣтельствовавъ въ комитетѣ, переслали въ Калинкинскую больницу. При осмотрѣ, больная ведетъ себя весьма апатично... Повидимому, не понимаетъ, почему ее забрали, и не сознаетъ того, сколько неизгладимаго зла она, можетъ быть, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ систематически сѣяла вокругъ себя!..

Новенькія осмотрѣны, записаны, имъ назначено соотвѣтсвующее лѣченіе... Теперь начинаютъ быстрою чредою смѣняться „старыя".

Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Ида Б. Нѣмка изъ Риги. 18 лѣтъ. Очень интеллигентное лицо. Деликатна и сдержана въ обращеніи. Въ рубрикѣ предшествовавшихъ занятій значится: гувернантка. Фактическая исторія такова: 16 лѣтъ прибыла въ Петербургъ. Вскорѣ сошлась съ господиномъ, при дѣтяхъ котораго служила въ качествѣ бонны. Женою этого господина изгнана изъ дома и очутилась „на проспектѣ", гдѣ была ночью захвачена врачебно-полицейскимъ надзирателемъ, какъ „бродячая" женщина, и попала на излѣченіе въ Калинкинскую больницу. Здѣсь въ судьбѣ Иды Б. приняла участіе фельдшерица Б—ръ, и, по ея иниціативѣ, 16-лѣтняя дѣвушка была отослана въ Ригу, къ родителямъ. Однако, спустя два мѣсяца, она очутилась почему то опять въ Петербургѣ, и даже прямо съ вокзала попала въ одинъ изъ публичныхъ домовъ. Теперь она „билетная" и сифилитка вторичнаго періода.

Евдокія М. Производитъ впечатлѣніе ветхой старухи. Измождена до крайности. Кости да кожа... Вся въ морщинахъ. Потухшій, старческій взглядъ... Однако, ей всего 32 года. Судя по скорбному листу, она послѣдовательно значилась „билетною", затѣмъ „бланковою", затѣмъ „папиросницей", затѣмъ „безъ занятій". Послѣднее опредѣленіе равносильно нищенству. Изъ публичнаго дома ее выгнали, когда ея доходы перестали покрывать расходы хозяйки. Она стала „бланковой", но могла занимать это амплуа только до тѣхъ поръ, пока имѣла хоть для кого-нибудь притягательную силу. Потомъ, когда и пьяные перестали обращать на нее вниманіе, она пошла на папиросную фабрику. Здѣсь, въ атмосферѣ

табака и алкогольнаго угара, были потеряны послѣдніе остатки здоровья. Теперь Евдокія М. нищенствуетъ*). Находясь въ безвредномъ для окружающихъ періодѣ болѣзни, она придирается къ каждому малѣйшему случаю, чтобы придти въ Калинкинскую больницу и выклянчить позволеніе полежать тамъ и отдохнуть. Жаль эту несчастную, и, если только есть какая-нибудь возможность, ей даютъ больничную койку и лѣчатъ то незначительное болѣзненное явленіе, съ которымъ она, конечно, могла бы отлично оставаться на улицѣ.

Для такихъ бездомныхъ сифилитичекъ, нищихъ ех-проститутокъ, необходимо было бы устроить какой-нибудь пріютъ. Это, мнѣ кажется, прямая задача тѣхъ благотворительныхъ обществъ, которыя посвятили свою дѣятельность „павшимъ женщинамъ".

Большой жалости и состраданія достойны эти жертвы общественнаго темперамента, пришедшія къ полному маразму въ томъ возрастѣ, который обычно у женщины считается періодомъ полнаго расцвѣта физическихъ и интеллектуальныхъ силъ.

Но, какъ это ни странно, въ той же средѣ поденьщицъ любви, правда, весьма рѣдко встрѣчаются типы, идущіе совершенно въ разрѣзъ съ логикой вещей.

Вотъ *Капитолина К.* „бланковая". Это краснощекая, цвѣтущая здоровьемъ, низкорослая, но крѣпкая дѣвушка, которой никакъ болѣе 20 лѣтъ дать нельзя. Однако, ей уже 28 лѣтъ, и, если взглянуть на фактическую исторію ея жизни и болѣзни, то никакъ нельзя понять, почему она такъ удивительно сохранилась. Вышла на улицу Капитолина К. съ 15 лѣтъ. Въ 16 лѣтъ она впервые попала въ Калинкинскую больницу. Съ 18 лѣтъ у нея сифилисъ. Каждый годъ она обязательно по нѣскольку разъ попадаетъ въ больницу. Если сосчитать, сколько всего времени за эти 12 лѣтъ она провела въ больницѣ, то получится солидная сумма въ 52 мѣсяца, т. е. 4 года 4 мѣсяца. Такимъ образомъ $^{1}/_{3}$ жизни Капитолина К. отдаетъ своей болѣзни и больницѣ. Кромѣ того, это привычная, хроническая алкоголичка. На тѣлѣ у нея много слѣдовъ разныхъ пораненій и ушибовъ.

Въ хмѣлю она буйна и постоянно лѣзетъ въ драку... И при всемъ этомъ разрушающемъ организмъ прошломъ—такая непонятная свѣжесть, юность, отъ которой такъ и пышетъ здоровьемъ!.. Благодаря пьянству, Капитолина К. чаще всего и попадаетъ въ больницу. Здѣсь всѣ къ ней очень расположены. Она веселитъ всѣхъ, любитъ похохотать и подурачиться. Въ больницѣ не найти болѣе кроткаго и послушнаго существа. Никакой печати разврата и разгула нѣтъ на ней. И это послѣ 12 лѣтъ занятія своимъ промысломъ. При томъ, во все время пребыванія въ больницѣ

---

*) Въ Малковскомъ пер., на Сѣнной, на Лиговкѣ можно часто натолкнуться на этихъ несчастныхъ „бывшихъ женщинъ", сифилитокъ третичнаго періода, вымаливающихъ подаяніе.

она не перестаетъ работать: шьетъ бѣлье, строчитъ, кроитъ. Фельдшерица Т. О. Б—ръ не можетъ ею нахвалиться... Пробовали ее разъ устроить въ Домъ Милосердія, но страсть къ водкѣ брала свое. Она бѣжала оттуда и, напившись, дебоширила до тѣхъ поръ, пока не попала въ участокъ... Вотъ прекрасная, но безусловно больная душа, къ которой не знаешь, какъ подойти, не знаешь, какъ спасти ее!.. Повидимому, все горе тутъ въ алкоголизмѣ. Не будь его, Капитолина К. жила бы совсѣмъ иною жизнью. Ее слѣдовало бы отправить прежде всего въ лѣчебницу для алкоголиковъ. Но у насъ вовсе и нѣтъ такого безплатнаго учрежденія. А никакіе Дома Милосердія, конечно, помочь тутъ не могутъ.

Кстати, вслѣдъ за Капитолиной К. передъ врачемъ проходитъ *Прасковья П.* Это другой примѣръ долгаго пребыванія въ Калинкинской больницѣ. Значится она прислугой, 22 лѣтъ отъ роду, впервые забрана обходомъ въ іюлѣ 1898 г. Изъ комитета прислана въ больницу. И здѣсь *безвыходно* пробыла по іюль 1900 г., т. е. цѣлыхъ 2 года. Были такіе моменты, когда Прасковья П. могла бы быть выпущена изъ больницы. Но она такъ тутъ освоилась, такъ привыкла, что никакого желанія выйти на вольный воздухъ не обнаруживаетъ. Это, повидимому, существо съ очень слабо развитымъ чувствомъ свободы. Гдѣ тепло, гдѣ ее кормятъ, гдѣ къ ея услугамъ чистая койка, тамъ для нея идеалъ существованія. Больница—ея домъ: она помогаетъ сидѣлкамъ, фельдшерицѣ, шьетъ и штопаетъ... За стѣнами же больницы стонетъ вьюга, плесенью покрыты стѣны трущобы, гдѣ она въ продолженіе мѣсяцевъ „ожидала мѣста", а ночью, цѣной позора и болѣзни, зарабатывала себѣ на пропитаніе...

Большинство проститутокъ, однако, цѣнитъ свободу очень высоко..

Вотъ *Александра Р—нъ* 18 лѣтъ, „комиссная", безпаспортная. Говоритъ, что забрана впервые; въ Калинкинскую больницу попала впервые же. Однако, фельдшерица, всмотрѣвшись, узнаетъ въ ней больную, которая въ качествѣ „коммиссной" уже была здѣсь раньше и назвалась Р—вой. Въ концѣ концовъ дѣвушка сознается, что дѣйствительно она рецидивистка, и именно Р—ва. Ея больничный листокъ былъ найденъ безъ труда. Оказалось, что за Р. уже цѣлая, довольно длительная, исторія болѣзни, и что въ качествѣ сифилитички она попадаетъ въ больницу въ 4-й разъ. Въ чемъ смыслъ этого самозванства и замѣны фамиліи?.. Дѣло въ томъ, что, когда „бродячая" женщина въ продолженіе небольшого срока трижды забирается обходомъ, да еще оказывается сифилитичкой, то ее почти *заставляютъ* взять „бланку", т. е. записаться въ ряды оффиціальныхъ проститутокъ *), и, слѣдова-

*) Далѣе я поговорю о томъ, насколько это правильно.

тельно, она подчиняется систематическому, обязательному врачебному надзору. Резонъ тутъ тотъ, что такъ часто „гуляющая" ночью „на проспектѣ" женщина-сифилитка вѣроятнѣе всего занимается тайною проституціей, и, слѣдовательно, представляетъ собою большую опасность зараженія. Вотъ именно, чтобы не получить бланки, чтобы не быть обязанными являться на врачебные осмотры, чтобы быть свободными, нѣкоторыя безпаспортныя женщины называются ложною фамиліей, говорятъ, что онѣ попались впервые. Если не установятъ ихъ тождество съ занесеннымъ уже въ комитетскіе списки лицомъ, то послѣ выписки изъ больницы ихъ высылаютъ изъ города, какъ безпаспортныхъ, но такъ какъ въ дѣйствительности паспортъ у нихъ есть,—онѣ скоро вновь возвращаются въ столицу и опять свободно живутъ, прописанныя въ участкѣ. Это довольно сложная комбинація, но продѣлать ее, можетъ быть, вовсе не такъ трудно, какъ пересказать. Опытная и очень памятливая на лица, фельдшерица Б—ръ, однако, довольно часто обнаруживаетъ такихъ симулянтокъ, и онѣ попадаютъ въ списки поднадзорныхъ.

Александра Р. чуть не при каждомъ осмотрѣ обнаруживаетъ свое тяготѣніе къ свободѣ. Она грубитъ врачу, доказываетъ, что получила уже достаточное количество ртутныхъ инъекцій, ругается, споритъ, плачетъ... Вообще положеніе врача во время осмотра подчасъ довольно тягостное. Нетерпимыхъ, невоздержанныхъ на языкъ особъ передъ нимъ проходитъ достаточно. Онѣ пользуются малѣйшимъ поводомъ, чтобы выразить свое недовольство. Одна требуетъ замѣнить ей впрыскиваніе втираніями; другая заявляетъ, что врачъ долженъ перемѣнить ей діэту; третья наотрѣзъ отказывается отъ всякаго лѣченія. Особенно недовольство усиливается передъ „днемъ выписки". День этотъ— въ среду. Тѣ, которыхъ врачъ находитъ уже возможнымъ освободить отъ лѣченія, въ этотъ день покидаютъ стѣны больницы. И вотъ начинается плачъ, скрежетъ зубовный, притворная истерика среди надѣявшихся попасть въ ближайшую среду на выписку и обманувшихся въ своихъ ожиданіяхъ. Много хладнокровія, терпѣнія и такта нужно врачу, чтобы урезонить расходившихся проститутокъ. Большую помощь въ этомъ отношеніи оказываетъ опять таки фельдшерица: гдѣ прикрикнетъ, гдѣ пожалѣетъ, гдѣ убѣдитъ—и, въ концѣ концовъ, добьется относительнаго спокойствія. Конечно, въ настоящее время авторитетъ врача и фельдшерицы среди лѣчащихся проститутокъ настолько установленъ, что по большой части дѣло не доходитъ до крупныхъ обостреній. Но вовсе недалеко еще то время (лѣтъ 15—20 тому назадъ), когда недоразумѣнія кончались формальными скандалами, бунтами, когда летали мѣдные тазы и разбивались оконныя рамы...

Передъ нами проходитъ *Генріетта* Д. Это оригинальнѣйшая

личность, на которой слѣдуетъ остановиться. Я назвалъ бы ее убѣжденной, „идейной“ проституткой. Конечно, мнѣ не приходилось съ нею много говорить. Извѣстная духовная замкнутость и недовѣріе по отношенію къ врачу вполнѣ понятны. Но и тѣ немногія фразы, которыя я услышалъ изъ ея устъ, открыли мнѣ совершенно своеобразное по своему цинизму міросозерцаніе... Быть можетъ, Генріетта Д. психически не совсѣмъ нормальна... Быть можетъ, ея своеобразная логика свидѣтельствуетъ о большой самостоятельности мышленія, о своеобразной „переоцѣнкѣ цѣнностей“...

Генріетта Д. убѣждена, что быть проституткой не представляетъ ничего постыднаго, что это только одинъ изъ тѣхъ способовъ, которыми судьба и соціальныя условія предоставили женщинѣ зарабатывать себѣ пропитаніе. Каждая свободная женщина вольна выбрать любой способъ труда. Проституція—такой же трудъ. Генріетта Д. называетъ его такимъ же ремесломъ, какъ портняжничество, башмачничество и т. п. Никакой любви, никакого участія сердца при указанныхъ ремеслахъ вѣдь не требуется... Не требуется этого и при исполненіи обязанностей проститутки. Проститутка должна только добросовѣстно нести свою спеціальную службу. Духовный же міръ ея совершенно свободенъ. Духовная жизнь ея течетъ въ сторонѣ отъ ея повседневныхъ обязанностей, не менѣе тяжелыхъ, чѣмъ у ремесленниковъ иныхъ цеховъ. Стыдиться своихъ занятій проститутка никоимъ образомъ не должна, ибо каждый выбираетъ себѣ тотъ трудъ, который болѣе для него подходитъ. Д. идетъ далѣе. Она говоритъ, что, при такомъ взглядѣ на проституцію, какъ на одну изъ отраслей свободнаго женскаго труда, эта спеціальность имѣетъ много преимуществъ. Если тутъ представляется большая опасность для здоровья и жизни, то вѣдь всякій ремесленный, а особенно фабричный трудъ связанъ съ нимъ. Преимущества же проституціи: ея свобода, удовлетвореніе врожденной женской склонности къ ухаживателямъ и нарядамъ, легкомысленное веселье, которое является чаще всего обязательнымъ спутникомъ этого ремесла.

Въ общихъ чертахъ я передалъ, насколько могъ точно, міровозрѣніе Генріетты Д. Комментировать его не стану; во всякомъ случаѣ, не счелъ возможнымъ умолчать объ этомъ оригинальномъ „credo“ проститутки. Въ самой личности Генріетты Д. не видно ничего ненормальнаго, какъ не видно и ничего циничнаго. Это очень красивая особа. Бѣлье на ней тонкое, дорогое; обувь изящная. Мѣрило благосостоянія такимъ образомъ на лицо... Къ тому, что она называетъ „своими обязанностями“, Генріетта Д. относится тщательно. На врачебно-полицейскіе осмотры является съ примѣрною аккуратностью. Весь курсъ лѣченія, который ей назначенъ въ больницѣ, исполняетъ беспрекословно. Самостоятельность ея нрава, однако, высказывается въ презрительной над-

менности и склонности къ протесту, лишь только ей кажется, что затронуто чувство ея человѣческаго достоинства, или что въ больницѣ совершается что-нибудь не согласное съ справедливостью. Она заступается за всякую обиженную, она покровительница слабыхъ... Она придирается къ малѣйшему случаю, чтобы наговорить кучу дерзостей и побунтарить. Она всегда умѣетъ подбить окружающихъ и найти толпу послушныхъ союзницъ. Врачи и фельдшерицы избѣгаютъ связываться съ нею, такъ какъ дѣло можетъ кончиться крупною непріятностью.

Для меня казалось страннымъ, что такая свободолюбивая, нетерпимая особа не „бланковая“, а „билетная“, т. е. живетъ въ домѣ терпимости. Обыкновенно эти дома населяютъ существа именно инертныя, съ ослабленною волей, которыя боятся, что на свободѣ онѣ не сумѣютъ сносно устроиться, и которыя спокойны въ домѣ терпимости, такъ какъ во всякомъ случаѣ квартира, столъ и одежда тутъ обезпечены хозяйкой. Но, со словъ одной изъ подругъ Генріетты Д., я понялъ, что положеніе этой послѣдней въ домѣ терпимости совершенно особенное, привилегированное. Не ею помыкаетъ хозяйка, а, при желаніи, она терроризируетъ хозяйку. Генріетта Д. говоритъ на трехъ языкахъ, остроумна, оригинальна въ бесѣдѣ. Она умѣетъ привлечь самыхъ дорогихъ и доходныхъ гостей. Немудрено, что владѣлицы домовъ терпимости дорожатъ ею и даже отбиваютъ ее другъ отъ друга. Случайно мнѣ удалось узнать, что Генріетта Д, кромѣ того, не прочь исполнить и роль „эмиссарши“...

У содержательницъ домовъ терпимости имѣются особыя довѣренныя лица, которыхъ задача состоитъ въ томъ, чтобы подыскать свѣжій живой товаръ, для обновленія наличнаго персонала „дома“. Эти эмиссарши посѣщаютъ всѣ тѣ пункты, гдѣ происходитъ большое скопленіе неимущаго женскаго элемента: станціи желѣзныхъ дорогъ, рынки, конторы для найма прислуги и т. д. Ошибочно было бы думать, что большинство жертвъ заманивается въ домъ терпимости обманомъ, подъ предлогомъ найма на службу въ горничныя, компаньонки, конторщицы и т. д. Неправда. Большинство туда идетъ, хотя съ отчаянія, но вполнѣ сознательно, понимая, куда и зачѣмъ онѣ идутъ. Эмиссарша, напримѣръ, снуетъ и присматривается въ конторѣ для найма прислуги. Тутъ много дѣвушекъ, которыя мѣсяцами не могутъ дождаться мѣста, много деревенскихъ молодицъ, которыя пришли въ Петербургъ съ рублемъ въ карманѣ и сразу остались ни съ чѣмъ. Къ нимъ то и подсаживаются эмиссарши. Часто требуется немного терпѣнія и труда, и эмиссарша приводитъ съ собой къ хозяйкѣ нѣсколькихъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя сознательно (на сколько вообще при крайней нуждѣ можно быть сознательнымъ) перекочевываютъ въ домъ, гдѣ ихъ кормятъ, гдѣ ихъ будутъ обувать и одѣвать.

Въ Калинкинской больницѣ эмиссаршамъ представляется нѣсколько иное поле дѣятельности.

Здѣсь, во-первыхъ, имѣется цѣлое отдѣленіе для вольныхъ (8-ое отдѣленіе). Вѣдь всякая свободная, неимущая женщина, которая заболѣла одною изъ такъ называемыхъ венерическихъ болѣзней, можетъ найти пристанище въ Калинкинской больницѣ и здѣсь подвергнуться серьезному лѣченію. Такая женщина и поступаетъ въ вольное отдѣленіе. Въ этомъ отдѣленіи, однако, большое смѣшеніе элементовъ. Попадаются особы и вполнѣ приличныя, и еще не окончательно павшія, но, такъ сказать, балансирующія на границѣ добра и зла, и, наконецъ, тайныя проститутки, которымъ удалось избѣжать регистраціи. Само собою понятно, къ какимъ печальнымъ результатамъ это должно вести. Колеблющіяся, стоящія на распутьѣ попадаютъ подъ вліяніе опытныхъ проститутокъ и, по выходѣ изъ больницы, сами спеціализируются въ области разврата... Не даромъ „вольное" отдѣленіе Калинкинской больницы на мѣстномъ арго называется „приготовительнымъ пансіономъ". Эмиссарша-проститутка, вродѣ Генріетты Д., занимается улавливаніемъ среди питомицъ своего отдѣленія наиболѣе молодыхъ и интересныхъ жертвъ. Послѣ „выписки" изъ больницы, онѣ попадаютъ въ домъ, куда направляетъ ихъ эмиссарша.

Богатый матеріалъ въ этомъ смыслѣ представляютъ „бланковыя" и особенно „комисcныя". Послѣднія, не знающія, куда голову склонить по выходѣ изъ больницы, легче всего, конечно, поддаются увѣщаніямъ и на приманку теплаго угла и сытой жизни летятъ, какъ мотыльки на огонь...

Генріетта Д., вѣроятно, одна изъ энергичнѣйшихъ эмиссаршъ, по той именно, причинѣ что она проститутка „убѣжденная", такъ сказать „идейная", проститутка, горячо проповѣдующая свое оригинальное ученье. Ея энергичная, зажигательная рѣчь должна совершенно подчинить себѣ волю слабыхъ и хилыхъ дѣвушекъ... Мнѣ самому пришлось быть свидѣтелемъ случая, гдѣ безспорно чувствовалась рука Генріетты Д.

Комиссная — мастерица Анна Р., о которой я говорилъ выше, попала въ больницу какъ разъ въ то время, когда Генріетта Д. заканчивала здѣсь курсъ лѣченія. Красивая дѣвушка, вѣроятно, обратила на себя вниманіе Генріетты. Я не разъ видѣлъ ихъ прогуливающимися подъ руку въ больничномъ корридорѣ. Генріетта Д. въ свое время была выписана. Но вотъ странное обстоятельство. Она вновь поступила черезъ 3 недѣли, съ очень незначительными явленіями въ горлѣ. Она явилась по собственному желанію, требуя, чтобы ей назначили соотвѣтствующее лѣченіе. Конечно, больной-сифилитичкѣ отказать въ этомъ были не вправѣ. Затѣмъ Генріетта Д. выписалась въ одинъ день съ Ан-

ной Р., и я узналъ впослѣдствіи, что Анна прямо попала въ домъ терпимости...

Слѣдуютъ нѣсколько типовъ, хотя менѣе интересныхъ, но выдѣляющихся среди этой толпы торгующихъ тѣломъ.

Надежда М. 21 года, бланковая; беременна 7 мѣсяцевъ. Была совращена приказчикомъ изъ галантерейной лавки, а когда забеременѣла,—брошена на произволъ судьбы. Въ отчаяніи, не имѣя средствъ къ жизни, взяла бланку и пошла торговать собой. Мѣсяцъ тому назадъ заразилась и пошла въ Калинкинскую больницу. Надежда М. хочетъ остаться до родовъ въ больницѣ и затѣмъ вернуться на путь честной жизни, поступитъ въ Домъ Милосердія. Желаніе ея, конечно, будетъ исполнено.

Странно присутствіе беременной женщины среди этой толпы... Однако, явленіе это если не частое, то и не столь рѣдкое. Случается, что забеременѣваютъ женщины, много лѣтъ занимающіяся развратомъ въ домахъ терпимости. И женщины эти „донашиваютъ" и рожаютъ. Такова энергія природной способности материнства!.. Нерѣдко бываетъ, что материнство настолько озаряетъ и очищаетъ душу профессіональной проститутки, что она бросаетъ домъ терпимости и начинаетъ жить трудовою жизнью самостоятельной женщины... Надолго ли,—не знаю, но во всякомъ случаѣ тутъ, какъ нигдѣ, подтверждается облагораживающее вліяніе материнства...

Кромѣ Надежды М. въ больницѣ, но въ другомъ уже отдѣленіи, мнѣ пришлось видѣть еще одну беременную. Та была уже „на сносѣ" и должна была родить дней черезъ 5—6. Исторія этой дѣвушки болѣе драматична. *Екатерина О.*, 18 лѣтъ, швея, пріѣзжая. Годъ тому назадъ сошлась съ какимъ-то лакеемъ. Вскорѣ забеременѣла. Лакей первое время поддерживалъ съ нею связь. Затѣмъ онъ надумалъ жениться на другой. Узнавъ объ этомъ, Екатерина О., во время прогулки съ своимъ возлюбленнымъ, бросилась въ Фонтанку. Лакей силой удержалъ ее и потомъ придумалъ слѣдующую комбинацію, чтобы освободиться отъ слишкомъ нервной любовницы. Онъ сказалъ ей, что въ Петербургѣ имѣется такой комитетъ, куда стоитъ только явиться и попросить „бланку", какъ судьба Екатерины О. будетъ устроена самымъ лучшимъ образомъ: ее пріютятъ и будущаго ребенка ея воспитаютъ... Онъ же самъ, какъ человѣкъ бѣдный и подневольный, конечно, ничѣмъ матеріально ей помочь не можетъ, а только въ состояніи дарить ей свою любовь... Мерзавецъ этотъ самъ привелъ свою любовницу къ дому, гдѣ помѣщается комитетъ, и втолкнулъ ее туда. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе на присутствующихъ произвела несчастная дѣвушка въ послѣднемъ періодѣ беременности, пришедшая умолять, чтобы ей выдали „бланку"... Конечно, въ ней приняли самое горячее участіе... Хотя не понимаю, почему ее вздумали направить въ Калинкинскую больницу, когда подобающее ей мѣсто было въ городскомъ ро-

дильномъ пріютѣ. Однако, и это оказалось къ лучшему: въ Калинкинской больницѣ столь же сердечно отнеслись къ судьбѣ Екатерины О. Здѣсь она благополучно родила, а затѣмъ поступила съ ребенкомъ въ Домъ Милосердія. Фельдшерица Б. съ обычною своей энергіей взялась пріискать ей мѣсто и занятія. Такимъ образомъ, направивъ свою несчастную жертву въ комитетъ, подлецъ-лакей случайно сотворилъ благо, избавивъ свою жертву отъ тяжкой нужды и отъ перспективы стать проституткой...

Ирина Я. 26 лѣтъ—кронштадтская проститутка. Поступила добровольно для лѣченія. Дѣло въ томъ, что въ Кронштадтѣ нѣтъ безплатной больницы для проститутокъ. Ихъ подвергаютъ періодическимъ осмотрамъ врачи мѣстнаго морского госпиталя, и, попадая въ этотъ госпиталь для лѣченія, онѣ должны платить по 83 коп. въ сутки. Для неимущихъ „матросскихъ“ жрицъ любви, конечно, это не по средствамъ, хозяйки же за нихъ платить не желаютъ; поэтому кронштадтскія проститутки являются въ Петербургъ и безплатно поступаютъ въ Калинкинскую больницу. Едва ли это выгодно для города, который, въ сущности, обязанъ лѣчить только своихъ, петербургскихъ. Бываютъ случаи, что Калинкинская больница переполнена, а тутъ еще занимаютъ мѣсто пришлыя, кронштадтскія гостьи.

Ирина Я. интересна тѣмъ, что у нея добрая четверть туловища занята татуировкой... Чего тутъ только нѣтъ: и какой-то военный фрегатъ, и спасательный кругъ съ якоремъ, и прекрасно вытравленный маякъ на скалѣ—въ общемъ все больше картины морского быта. Но есть, конечно, и два—три рисунка безсовѣстно-циничнаго содержанія...

Вообще татуировка среди проститутокъ очень распространена. Обыкновенно соотвѣтствующія эмблемы и иниціалы выжигаютъ „на память“ возлюбленные проститутокъ. Циничные надписи и эскизы, вѣроятно, выжигаются въ пьяномъ видѣ. Чаще, однако, встрѣчаются знаки любовно-идеальнаго характера: переплетенные иниціалы, соединенныя кольца, сердца, пронзенныя стрѣлой, два воркующихъ голубя. Кладутся эти „тавры“ по большей части на предплечья. Нѣсколько разъ мнѣ приходилось видѣть въ безпорядкѣ расположенныя круглыя, нѣсколько втянутыя отмѣтины на груди. Эта своеобразная татуировка—по просту слѣды тлѣющей папиросы, которую благодушно расшалившіеся посѣтители имѣютъ обыкновеніе *тушить* о грудь проститутки... Не дурной способъ веселиться...

За послѣдніе годы въ Англіи и въ Америкѣ—мода на татуировку. Если бы высокочтимыя леди знали, что это выжиганіе кожи обычное украшеніе самыхъ низкопробныхъ проститутокъ, едва ли бы онѣ покушались на такое модное новшество!..

Нина И. 16 лѣтъ, комиссная. Эта представляетъ интересъ

тѣмъ, что ясно иллюстрируетъ собою одинъ изъ недостатковъ существующей системы регламентаціи. Въ 14 лѣтъ „по листку“ она значится комиссной: съ сифилитическими явленіями она тогда находилась въ Калинкинской больницѣ. Въ 15 лѣтъ ей дали уже бланку. Бланку собственно не имѣютъ права выдавать раньше, чѣмъ проституирующей наступитъ 17 лѣтъ. Сколько бы разъ она ни была захвачена обходомъ, сколько бы разъ ни являлась въ комитетъ, но ее опять отпускаютъ на всѣ четыре стороны, хотя бы завѣдомо знали, что она торгуетъ собой, и подобно Нинѣ И. даже заражена сифилисомъ. Но, повидимому, Нинѣ И. надоѣло прогуливаться частенько подъ конвоемъ городоваго въ комитетъ, и она облыжно заявила, что ей 17 лѣтъ, тогда какъ ей было всего 15. Благодаря этой уловкѣ, она получила бланку и могла спокойно заниматься своею спеціальностью. Однако, не знаю почему, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ей оказалось неудобнымъ пребывать въ числѣ бланковыхъ, и, при ближайшей визитаціи въ комитетѣ, она объявила, что ей всего 16 лѣтъ, и, быть можетъ, удостовѣрила даже это паспортомъ. Пришлось освободить отъ бланки, выключить ее изъ числа поднадзорныхъ и пустить въ свободное обращеніе. Спустя два мѣсяца, она вновь попалась обходу, и, такъ какъ у нея оказались возвратныя сифилитическія явленія, — опять была направлена въ Калинкинскую больницу, по старому, въ качествѣ комиссной. Интересно то обстоятельство, что оффиціально, „по листку“, Нина И. все время числится *прислугой*. Подробнѣе по этому поводу мнѣ придется поговорить ниже...

. . . .

Осмотръ конченъ. Врачъ подписываетъ еще нѣсколько листковъ, имѣющихъ формальное значеніе, и въ 1-мъ часу оставляетъ кабинетъ... Какъ разъ къ этому времени въ широкомъ корридорѣ 4-ой палаты сидѣлки разставили и накрыли столы. Настаетъ время обѣденной трапезы.

II. Источники проституціи.

Когда я изо дня въ день разглядывалъ эту мѣняющуюся, обнаженную толпу оффиціальныхъ проститутокъ, мнѣ неизмѣнно приходила на умъ криминально-антропологическая теорія Ломброзо и Ферреро о „прирожденной проституткѣ“. Прирожденныя патологическія отклоненія въ строеніи организма, будто бы, роковымъ образомъ вліяютъ на направленіе жизни женщины и заранѣе отмѣчаютъ ее клеймомъ обреченной на проституированіе... Какъ извѣстно, эта теорія нашла себѣ горячаго сторонника въ профессорѣ В. Тарновскомъ (Проституція и аболиціонизмъ. 1888 г.),

а также и среди его многочисленныхъ учениковъ. Я не стану здѣсь подробно развивать основанія этой теоріи, такъ какъ для каждаго не предубѣжденнаго наблюдателя она должна казаться въ высокой степени утрированной.

Берутъ завѣдомую проститутку и начинаютъ производить установленныя итальянскою школой измѣренія:

Длина правой плечевой + лучевой кости.
Длина правой кисти.
Длина правой стопы.
Отношеніе плечевой + лучевой кости къ росту.
Форма черепа.
Развитіе затылочнаго бугра.
Форма носа.
Положеніе ушей.
Расположеніе зубовъ.
Форма ушной мочки.
и т. д., и т. д.

Если въ одномъ индивидуумѣ сочетается четыре несоотвѣтствія измѣреній, то изслѣдователь вполнѣ доволенъ, такъ какъ „среди проститутокъ встрѣчается чаще, чѣмъ среди преступницъ, *полный типъ*", подъ которымъ Ломброзо и Ферреро понимаютъ присутствіе не менѣе четырехъ признаковъ вырожденія" *). Но не дурно, если насчитываются 3—2 или даже одинъ внѣшній признакъ вырожденія. Все же—ad maiorem teoriae gloriam—женщина обречена уже была судьбою быть проституткой!..

Для этого, напримѣръ, вполнѣ достаточны такіе четыре признака: лобъ, скошенный кзади; сильное развитіе мочки уха (?); неправильная форма ушей (?) и „вздернутый носъ" (?!). Можно, однако, примириться и съ двумя только признаками: напримѣръ—*съ продолговатыми ушами* и *вздернутымъ носомъ*—и ярлыкъ „врожденной" проститутки на лицо!..

Кромѣ внѣшнихъ отмѣтинъ, школа Ломброзо сочла нужнымъ надѣлить проститутку и специфическими духовными признаками. Весьма наивно формулируетъ г-жа Тарновская—послѣдовательница школы Ломброзо—эти особенности торгующихъ тѣломъ: „Психическая ненормальность проститутокъ проявляется въ болѣе или менѣе ясно выраженной слабости умственнаго развитія, въ невропатической конституціи и въ характерномъ отсутствіи нравственнаго чувства. Послѣднее подтверждается, между прочимъ, злоупотребленіями половой жизни, а также тѣмъ обстоятельствомъ, что позорное ремесло ихъ представляетъ для нихъ такую при-

---

*) *П. Гиршъ.* Преступленія и проституція, какъ соціальныя болѣзни. Переводъ съ нѣмецкаго. 1898 г., стр. 26.

влекательную силу, что онѣ охотно возвращаются къ нему даже тогда, когда въ этомъ нѣтъ надобности“ *).

Все это, конечно, общія фразы, которыя съ одинаковымъ правомъ могутъ быть отнесены не къ причинамъ, а *къ послѣдствіямъ* проституированія.

И вотъ—возвращаюсь къ началу,—когда я разглядывалъ эту толпу обнаженныхъ проститутокъ, я всѣмъ сердцемъ долженъ былъ присоединиться къ другой – единственно логичной теоріи проституціи—теоріи существованія этого зла въ зависимости отъ соціальныхъ условій жизни...

Я видѣлъ десятки и сотни лицъ, вполнѣ осмысленныхъ, воспріимчивыхъ, интеллигентныхъ, которыя не носили на себѣ даже слѣда вырожденія... Я говорилъ съ десятками и сотнями проститутокъ, встрѣчалъ среди нихъ глупыхъ и умныхъ, отсталыхъ и выдающихся по сообразительности... Что изъ того, если при измѣреніи правая плечевая кость кое у кого изъ нихъ окажется длиннѣе нормы?!. Вѣдь смѣшно, поистинѣ, придавать этому какое-то рѣшающее значеніе... И какая же это дырявая, произвольная статистика, которая ведется подобнымъ путемъ!.. Нѣтъ, извольте измѣрить поголовно всѣхъ женщинъ, не разбирая ихъ профессій и общественнаго положенія... И тогда, быть можетъ, окажется, что у честныхъ, почтенныхъ матронъ недохватки лучевой кости столь же часты, какъ у патентованныхъ проститутокъ... А то спеціально мѣряютъ вдоль и поперекъ *только* падшую женщину, а о „порядочной“ почему-то совершенно произвольно и безапелляціонно рѣшаютъ, что у нея отклоненій нѣтъ и не должно быть... Почему?.. Кѣмъ и чѣмъ это доказано?!.

Нѣтъ, единственно логичная теорія, и даже не теорія, а истина, вопіющая изъ самыхъ нѣдръ жизни тысячью голосовъ, это та, что проституція была, есть и будетъ слѣдствіемъ соціальныхъ и экономическихъ условій, и что проституирующія не отъ рожденія отмѣчены постыдною печатью Каина, а что тяготы жизни и окружающія печальныя обстоятельства дѣлаютъ ихъ таками.

Въ общихъ чертахъ мнѣ хочется остановиться на контингентѣ торгующихъ тѣломъ и нѣсколько систематизировать тѣ условія, которыя гонятъ ихъ къ этому промыслу...

Изъ безднъ нужды и нищеты выходятъ проститутки. Едва ли это подлежитъ сомнѣнію. За нѣсколько мѣсяцевъ моихъ наблюденій въ Калинкинской больницѣ, я натолкнулся только на 5 проститутокъ, которыя были зарегистрованы „дворянками“. Одна изъ нихъ говорила, что она собственно бывшая княгиня М. и фигурируетъ теперь подъ чужой фамиліей. Хотя, конечно, кня-

*) *Грязновъ*. Публичная женщина. Картины современной и древней проституціи. Москва. 1901 г. стр. 25.

женское достоинство этой обитательницы трущобъ подлежало большому сомнѣнію и только заставляло думать о громадной склонности ко лжи, которая распространена среди проститутокъ и которая опять таки является прямымъ послѣдствіемъ ихъ условій жизни. Конечно, дворянство—не есть еще богатство... Но вообще привилегированные классы общества, которые обыкновенно пользуются большимъ достаткомъ и болѣе благопріятными условіями жизни, значительно меньше прикосновенны къ проституціи.

Купеческое сословіе въ отношеніи обезпеченности, конечно, должно выдѣляться изъ общаго числа. Въ дѣйствительности такъ оно и есть. Д-ръ П. Обозненко даетъ слѣдующую подробную таблицу 5,189 зарегистрованныхъ имъ проститукъ (весь личный составъ поднадзорной проституціи Петербурга за 1891, 1892 и 1893 г.г. *).

Крестьянокъ	47,6	%
Мѣщанокъ	30,1	„
Солдатокъ и солдатскихъ дочерей	7,3	„
Иностранокъ	3,7	„
Дворянокъ	0,8	„
Купеческаго званія	0,1	„
Чиновницъ	1,2	„
Незаконныхъ дочерей (никуда не приписанныхъ)	1,6	„
Изъ воспитательнаго дома	0,2	„
Финляндокъ	2,3	„
Духовнаго званія	0,2	„
Потомственныхъ гражданокъ	0,4	„
Неизвѣстнаго званія	2,5	„

У д-ра А. Федорова **), который пользовался матеріаломъ съ 1868 г. по 1899 годъ, приведены слѣдующія абсолютныя цифры:

Крестьянокъ	1231
Мѣщанокъ	883
Солдатскія жены и дочери	316
Изъ воспитательнаго дома	22
Финляндокъ	165
Иностранокъ	115
Купеческаго званія	5
Всѣхъ привил. сосл.	72

Выводъ, слѣдовательно, получается одинъ и тотъ же. Матеріальныя невзгоды влекутъ, главнымъ образомъ, низшіе классы къ проституціи. Подчеркиваю *„матеріальныя невзгоды“*, потому

*) *П. Обозненко.* Поднадзорная проституція Петербурга, по даннымъ врачебно-полицейскаго комитета и Калинкинской больницы. 1896 г. стр. 21.

**) *А. Федоровъ*: Grunduge der polizei-ärztlichen Beaufsichtigung der prostitution in St.-Petersburg. стран. 7.

что, по моему искреннему убѣжденію, то, что говорятъ о подъемѣ нравственнаго уровня толпы, о духовномъ ея просвѣщеніи, внесетъ очень мало практическихъ измѣненій въ этомъ вопросѣ... Много ли помогутъ хорошія слова, благіе мысли и порывы, когда голодъ и нищенская обстановка мучатъ человѣка и гонятъ его на улицу. Нѣтъ, только подъемъ *экономическаго* благосостоянія низшихъ классовъ направитъ этотъ вопросъ по другому руслу...

Присмотримся нѣсколько ближе къ тѣмъ сторонамъ нищенскаго существованія, которыя играютъ въ данномъ случаѣ главную роль.

Начнемъ съ условій совмѣстной жизни бѣдноты. Нигдѣ, конечно, не происходитъ такого тѣснаго соприкосновенія половъ, какъ среди бѣдноты. Въ единственной комнатѣ избы набита не только вся громадная семья, но даже, въ зимнее время, и домашнія животныя. Еще хуже въ городскихъ угловыхъ квартирахъ, ночлежкахъ и трущобахъ. Въ избѣ спятъ вмѣстѣ хоть родственные люди, одной и той же семьи. Въ углахъ—совершенно различные, другъ другу чуждые, пришлые элементы. Нигдѣ не можетъ быть легче дѣвушкѣ дойти до паденія, какъ въ такой обстановкѣ. Дѣти и подростки тутъ знаютъ все и видятъ все. Отношеніе половъ иллюстрируется передъ ними часто и откровенно. Самыя несдержанныя безчинства разврата проходятъ какъ нѣчто привычное и нормальное. Ничего нѣтъ удивительнаго, что дѣвушка, почти ребенокъ, взросшая въ такой средѣ, скоро совершенно сливается съ общимъ теченіемъ этого грязнаго, зловоннаго потока.

Моралисты, очень напирающіе на духовное очищеніе такихъ жертвъ соціальныхъ условій, какъ разъ впадаютъ тутъ въ ошибку. Они хотятъ призвать этихъ несчастныхъ путемъ убѣжденія очистить отъ скверны ихъ зараженную порокомъ душу, поднять въ нихъ стыдливость...

Да, но сдѣлавъ все это, куда же они опять отправятъ ихъ, какъ не въ тотъ же грязный уголъ, на потѣху той же трущобной орды, на удовлетвореніе тѣхъ же животныхъ инстинктовъ?!. Только перемѣна экономическихъ условій могла бы вырвать эти жертвы изъ засасывающей грязной трясины, только относительное благосостояніе выбросило бы ихъ изъ угловъ въ болѣе приличную обстановку, только это спасло бы ихъ...

Хочу привести здѣсь характеристику крестьянскаго жилища въ Восточной Пруссіи, сдѣланную пасторомъ Виттенбергомъ *): „Благодаря тѣснотѣ, такія жилища являются сводниками разврата, и если одна комната служитъ помѣщеніемъ и спальней для многочисленной семьи съ взрослыми дѣтьми, если взрослыя дѣти

*) *П. Гиршъ.* Преступленія и проституція, какъ соціальныя болѣзни, стр. 64.

обоего пола спятъ на одной кровати, или дѣвушки принуждены раздѣлять ложе съ батракомъ, если дѣти являются свидѣтелями брачнаго сожительства родителей, а родители должны быть свидѣтелями половаго сожительства батраковъ или своихъ же дѣтей съ ихъ любовницами,—тогда, дѣйствительно, слѣдуетъ удивляться, что въ массѣ существуетъ еще малая доза чувства стыда".

Такъ обстоитъ дѣло въ деревняхъ Германіи. Не думаю, чтобы въ нашей деревнѣ было лучше. Но, что безусловно еще худшее существуетъ въ городахъ—это не можетъ подлежать сомнѣнію.

Послѣдняя перепись Москвы указала на то, что въ невозможныхъ условіяхъ, низводящихъ человѣка на уровень скотскаго состоянія, тамъ въ углахъ, полу-углахъ и коечныхъ квартирахъ живетъ до 175 тысячъ человѣкъ, т. е. болѣе $^1/_{10}$ всего населенія Москвы, и въ этомъ числѣ свыше 38 тысячъ дѣтей. Послѣднее обстоятельство ужаснѣе всего. Пьянство и спаиваніе дѣтей широко процвѣтаютъ въ такихъ логовищахъ.

Докторъ Н. Григорьевъ *) сообщаетъ, что изъ 222 мальчиковъ, въ возрастѣ отъ 8 до 13 лѣтъ, съ спиртными напитками были знакомы 166, при чемъ 151 изъ нихъ пили водку систематически. Нѣкоторые заявляли, что могутъ выпить до 3-хъ рюмокъ сразу съ удовольствіемъ, и пьютъ, потому что „хорошо въ головѣ шумитъ"... Изъ 159 дѣвочекъ, въ возрастѣ отъ 8 до 15 лѣтъ, пили 149, изъ нихъ нѣкоторыя „ежедневно", другія „уже давно", третьи „бывали пьяны". Посѣтивъ однажды ночью года три тому назадъ „съ обходомъ" нѣсколько трущобныхъ квартиръ знаменитой Вяземской лавры, я былъ пораженъ въ одной изъ смрадныхъ комнатъ такою картиной: посреди комнаты буйствовало—буквально буйствовало—крошечное, худосочное дитя: дѣвочка лѣтъ 6—7 ругалась самыми скверными, непотребными словами, изгибало свое дряблое тѣльце въ самыя рискованныя, неприличныя позы. Когда мы неожиданно вошли въ комнату, гулъ стоялъ тамъ отъ смѣху. Надрывались пьяные мужчины и женщины этой клоаки, „шутки ради" подпоившіе малютку и, вѣроятно, отравлявшіе ее такъ, систематически, ежедневно. Ужасная картина, которую я никогда не забуду!..

Если дѣвушка-подростокъ, расцвѣтшая на такой почвѣ, зловонной, пропитанной всякою скверной, прямо не попадаетъ въ ряды проституціи (что весьма удивительно), или если она принадлежитъ къ нѣсколько болѣе обезпеченному сословію, то ей потомъ предстоитъ еще цѣлый рядъ испытаній, соблазновъ и препонъ, изъ которыхъ выйти чистой поистинѣ трудно. Такая дѣвушка попадаетъ въ толпу самостоятельно трудящихся, идетъ изъ бѣднаго угла или изъ деревни на заработки. Этихъ дѣвушекъ,

*) *Григорьевъ Н. П.* Алкоголизмъ и преступленія въ г. С.-Петербургѣ. С.-Петербургъ 1900 г.

главнымъ образомъ, можно раздѣлить на слѣдующія категоріи: 1) прислуга; 2) ремесленницы: портнихи, бѣлошвейки, корсетницы, цвѣточницы и другихъ спеціальностей, кормящіяся вокругъ капризовъ моды, и 3) фабричныя работницы.

Если посмотрѣть на подробную таблицу *прежнихъ занятій* зарегистрованныхъ проститутокъ Петербурга *), то общій итогъ ихъ можно подвести подъ 3 категоріи:

а) Прислуга:	
Одной прислугой	36,5%
Прачки	7,0 „
Горничныя	5,0 „
Кухарки	4,0 „
Поденщицы	2,7 „
Няньки	1,7 „
Итого	56,9%
б) Мастерицы разныхъ цеховъ:	
Портнихи	9,0%
Бѣлошвейки	4,0 „
Чулочницы	1,6 „
Башмачницы	1,3 „
Шапочницы	1,1 „
Галстучницы	0,7 „
Корсетницы	0,7 „
Модистки	0.3 „
Итого	19,7%
в) Фабричныя:	
Бумагопрядильщицы	8,0%
Папиросницы	9,0 „
Коробочницы	1,0 „
Басонщицы	0,7 „
Итого	18,7%

Представительницы этихъ трехъ категорій въ суммѣ даютъ 95,3%. Такимъ образомъ, на всѣ остальныя професcіи (продавщицы, сидѣлки, бонны, конторщицы и т. д.) остается всего на всего 4,7%... Съ экономическою теоріей эти фактическія данныя находятся въ полномъ соотвѣтствіи, и точно такъ же ими разрушаются басни о „врожденной проституткѣ".

Разсмотримъ условія существованія трехъ главныхъ источниковъ, несущихъ свои волны въ грязный бассейнъ проституціи.

*) *А. И. Федоровъ.* „Позорный промыселъ". 1901 г. С.-Петербургъ, стр. 5

1) *Прислуга.* Большинство вступающихъ въ кадры прислуги представляетъ элементъ пришлый, деревенскій. Въ годы неурожая и безработицы этотъ притокъ молодыхъ простонародныхъ дѣвушекъ особенно значителенъ. Но и обычно къ зимѣ, по окончаніи полевыхъ работъ, желѣзныя дороги подвозятъ со всѣхъ сторонъ тысячи крестьянокъ, часто 15—16-лѣтнихъ подростковъ, которыхъ родители сгоняютъ съ хлѣба на заработки съ тѣмъ, чтобы къ веснѣ, къ періоду полевыхъ работъ, онѣ вернулись домой. Не думаю, чтобы и одна десятая часть этихъ пришелицъ дѣйствительно возвратилась въ родную избу. Большинство присасывается столичною культурой и продолжаетъ свою дѣятельность въ качествѣ прислуги, періодически пополняя собой ряды тайной и явной проституціи.

Уже съ момента пріѣзда молодой крестьянки на столичный вокзалъ начинается охота за нею. На перронѣ подкарауливаютъ ее факторши живого товара, содержательницы домовъ терпимости или ихъ ключницы. Мало мальски смазливое личико привлекаетъ ихъ вниманіе. Конечно, чаще всего онѣ подходятъ къ дѣвушкамъ, которыя пріѣхали въ одиночествѣ. Предложеніе дешеваго угла или выгоднаго мѣста иногда производитъ должное впечатлѣніе. Впрочемъ, за послѣдніе годы эта охота на вокзалахъ значительно сократилась. „Общество защиты женщинъ“ вывѣсило на всѣхъ крупныхъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ предупреждающее объявленіе о томъ, что молодыя женщины, незнакомыя съ городомъ, не должны довѣряться приглашенію неизвѣстныхъ имъ лицъ, а могутъ обращаться за справками къ уполномоченнымъ общества, а въ тѣхъ центрахъ, гдѣ имѣются безплатные или дешевые пріюты и общежитія—туда, по указанному адресу.

Допустимъ, что такъ или иначе молодая крестьянка благополучно обошла первый подводный камень, пріютилась въ углу, заблаговременно рекомендованномъ ей земляками, побывала кое у кого изъ выходцевъ ея деревни—если таковые въ столицѣ имѣются,—попросила у нихъ покровительства. Теперь начинаются поиски мѣста. Самая сѣрая деревенщина устремляется на Никольскій рынокъ, гдѣ можно нанять прислугу за 2—3 рубля. Но конкурренція тутъ большая, а промышленницы живого товара опять не дремлютъ. Никольскій рынокъ окруженъ трущобными „угловыми“ квартирами, гдѣ процвѣтаетъ самый низкопробный развратъ, гдѣ ласки продаются за самую доступную цѣну. Такса въ 20—30 копѣекъ въ этихъ трущобахъ не считается низкой. Несчастныхъ созданій, служащихъ предметомъ торговли здѣсь, можно встрѣтить на Никольской улицѣ, на углу Садовой, а также въ близь лежащихъ гостепріимныхъ трактирчикахъ и чайныхъ. Чаще всего это пьяныя, истерзанныя, съ хриплыми голосами, густо накрашенныя женщины неопредѣленныхъ лѣтъ, которыя не всегда могутъ прельстить и неразборчивую сѣрую публику, посѣщающую

эти углы. Хозяйки трущобныхъ квартиръ поэтому постоянно ищутъ болѣе привлекательный молодой матеріалъ, на который пьянство и развратъ не наложили еще своего клейма. Долгое безрезультатное ожиданіе мѣста, полное истощеніе скудныхъ средствъ и невозможность вернуться въ деревню нерѣдко бросаютъ молодыя жертвы въ бездну этихъ трущобъ. Даже одно только близкое соприкосновеніе на Никольской площади молодыхъ, пришедшихъ искать честнаго заработка, дѣвушекъ съ профессіональными, низкопробными проститутками должно оказать весьма пагубное вліяніе на первыхъ. А это тѣсное соприкосновеніе идетъ всюду: въ общей квартирѣ, гдѣ нанимаетъ койку деревенская дѣвушка, на самой площади, гдѣ среди толпы снуютъ накрашенныя прелестницы, въ трактирчикѣ и чайныхъ, куда дѣвушки-работницы заходятъ напиться чаю. Такое же, приблизительно, пагубное соприкосновеніе женскаго элемента чернорабочаго съ женскимъ элементомъ — если можно такъ выразиться — чернопроституирующимъ замѣчается въ районѣ Сѣнной площади, въ Малковскомъ переулкѣ, на Лиговкѣ, на Пескахъ (особенно чайныя 1-ой Рождественской), гдѣ пришлый крестьянскій элементъ въ массѣ концентрируется въ угловыхъ рабочихъ квартирахъ.

Перехожу къ категоріи спеціальной прислуги, которая не пойдетъ подобно сѣрой крестьянской массѣ искать мѣста на Никольскій рынокъ. Къ услугамъ этого контингента имѣются многочисленныя конторы для предложенія труда. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ открыта Петербургской городской управой самая крупная изъ этихъ конторъ, которая своимъ исключительнымъ положеніемъ сразу внушила довѣріе и нанимателю, и прислугѣ. Поэтому сюда именно изъ другихъ конторъ отхлынула волна ищущихъ труда. Мнѣ удалось нѣсколько ознакомиться съ дѣятельностью этой центральной конторы, и, какъ ни благотворно ея лишенное эксплуататорскихъ инстинктовъ отношеніе къ служащему люду, все же и ее не постѣснялись избрать ареной дѣятельности тѣ подозрительно-наглые элементы, которые торговлю женскимъ тѣломъ сдѣлали своею спеціальностью. Скажу болѣе, именно благодаря исключительному наплыву въ этой конторѣ молодыхъ дѣвушекъ, спеціальныя промышленницы и промышленники нашли возможнымъ сюда устремить свое особенное вниманіе, оставивъ въ покоѣ частныя конторы, гдѣ кліентура теперь значительно пала...

Въ городской конторѣ за одинъ 1902 годъ число записавшихся служанокъ достигло 16,013; нанимателей перебывало 12,842. Женская прислуга размѣщена въ трехъ большихъ комнатахъ: въ первой—ищущія мѣсто „одной прислугой", во второй—няни и горничныя, въ третьей—кухарки. Для мужской прислуги, число которой не велико—отдѣльная комната. Но на черной лѣстницѣ эти элементы постоянно сталкиваются, и здѣсь, при вынужден-

номъ бездѣльѣ, происходитъ довольно недвусмысленный флиртъ. То же бездѣлье заставляетъ дѣвушекъ разныхъ категорій вести безконечные разговоры, которые для неопытныхъ, начинающихъ свою карьеру, часто являются причиной первыхъ соблазновъ и паденій. Но есть кое-что и посерьезнѣе этихъ разговоровъ. Обиліе ищущихъ труда, предложеніе, значительно превышающее спросъ, приводитъ къ тому, что неудачливой прислугѣ по многу дней, а иногда и по многу недѣль приходится выжидать мѣста. Средства къ существованію, конечно, мало по малу истощаются, а мѣста все нѣтъ какъ нѣтъ... Между тѣмъ, нужно и поѣсть, и смѣнить стоптанную обувь, и, главное, переночевать. Приходитъ вечеръ, контора закрывается, и дѣвушкѣ надо имѣть свой уголъ, гдѣ бы голову склонить. Результаты такого критическаго положенія иногда сказываются довольно быстро. На черной лѣстницѣ бродятъ коммиссіонерши и эмиссарши домовъ терпимости. Мало мальски смазливое личико привлекаетъ ихъ вниманіе. Предложенія, смотря по обстоятельствамъ, дѣлаются или напрямикъ, или какъ нибудь благовидно замаскированныя. Тутъ же, подъ воротами, среди мужской прислуги иногда толкутся и низкопробные сутенеры, тоже высматривающіе добычу, которою могли бы воспользоваться. Для болѣе опытныхъ и менѣе застѣнчивыхъ изъ числа искательницъ мѣстъ существуетъ и другой путь.

Отсидѣвъ день въ конторѣ и тщетно прождавъ мѣста, къ ночи дѣвушка выходитъ „на проспектъ" и, вмѣшавшись въ ряды торгующихъ собой, при удачѣ достигаетъ того, что ночуетъ съ нѣкоторымъ даже комфортомъ въ заплеванномъ номерѣ третьеразрядной гостинницы, досыта наѣдается (иногда и напивается), а къ утру въ ея карманѣ звенитъ еще серебряный рубль. На утро она опять дежуритъ въ конторѣ, поджидая мѣста, а въ случаѣ неудачи, черезъ день—два, когда добытые рессурсы придутъ къ концу, она къ ночи опять „на проспектѣ" ищетъ случайнаго ночного спутника... Кто въ нее броситъ за это камнемъ?..

Справедливость требуетъ сказать, что вообще среди бывалой столичной прислуги примѣры подобнаго совмѣстительства далеко не рѣдки. Есть прислуга, которая и безъ крайней нужды не прочь приработать рубль-другой путемъ тайной проституціи. Къ ночи можно встрѣтить на Литейномъ, Владимірской, Вознесенскомъ и другихъ людныхъ улицахъ, нисколько не принаряженныхъ даже, прислугъ съ накинутыми на плечи платками, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ бѣгаютъ за провизіей въ лавочку. Эти простоволосыя женщинъ очень охотно поддаются заигрыванію мимоидущихъ представителей „третьяго сословія" и, послѣ недолгихъ переговоровъ, готовы пригласить ихъ на часокъ на кухню господъ, у которыхъ въ данное время служатъ. Въ случаѣ чего, посѣтитель можетъ сойти за „кума"; если же гостепріимная кухарка будетъ уличена и изгнана, то на новомъ мѣстѣ ей ничего

не помѣшаетъ тѣмъ же путемъ пополнять свой бюджетъ. Быть можетъ, подобныя прислуги-проститутки начали свой побочный промыселъ въ тѣ критическія ночи, когда, просидѣвъ подрядъ нѣсколько дней въ рекомендательныхъ конторахъ, онѣ остались безъ всякихъ средствъ и, въ силу нужды, цѣною своего тѣла, покупали право на ночлегъ и утоленіе голода... Все входитъ въ привычку, и женщина, рѣшившаяся продаться въ первый разъ изъ за крайней нужды, впослѣдствіи прибѣгаетъ къ этому просто изъ желанія приработать себѣ на обновку.

Конечно, такая прислуга нерѣдко улавливается агентами врачебно-полицейскаго комитета во время ихъ ночного обхода и тогда, безъ большого сопротивленія, вступаетъ въ кадры оффиціальной проституціи. Все, что я говорилъ выше о „воспитальномъ значеніи“ Никольскаго рынка, разныхъ чайныхъ, угловыхъ квартиръ и рекомендательныхъ конторъ резюмируется тѣмъ, что процентъ проститутокъ, вышедшихъ изъ контингента прислугъ, равенъ громадной цифрѣ—56,9.

Для того, чтобы такой ужасающей цифры не было, конечно, нужны предупреждающія мѣры, между тѣмъ какъ разъ въ этой области „предупрежденія зла“ обществами, которыя посвятили себя борьбѣ съ проституціей, сдѣлано очень немного.

На 5 улицѣ Песковъ (раньше было на Лиговкѣ) имѣется помѣщеніе „общества для защиты женщинъ“, гдѣ могутъ найти временный пріютъ ищущія труда бездомныя женщины. Ранѣе въ этомъ пріютѣ могло помѣститься всего 20 человѣкъ. Теперь цифра доведена до 80. Конечно, это слишкомъ мало. Для пріѣзжающихъ крестьянокъ и ищущихъ мѣста прислугъ слѣдовало бы создать цѣлый рядъ общежитій, коечныхъ домовъ, гдѣ онѣ могли бы имѣть все необходимое (квартиру и столъ) за незначительную плату, а для бѣднѣйшихъ, конечно, и совершенно даромъ. Это для многихъ исключало бы необходимость жить и ночевать въ трущобныхъ углахъ, а то и просто гулять по проспекту за неимѣніемъ ни гроша денегъ на ночлегъ.

Конторы для найма прислугъ должны находиться подъ извѣстной нравственной охраной тѣхъ же обществъ. Многія изъ скучающихъ безъ мѣста прислугъ, проводящія цѣлые дни въ тоскѣ и болтовнѣ, охотно читали бы книжки, которыя имъ могли доставляться сюда, и еще охотнѣе слушали бы чтенія съ туманными картинами, которыя вовсе не трудно организовать, напримѣръ, при такомъ солидномъ учрежденіи, какъ городская контора для найма прислуги; да найдутся, безъ сомнѣнія, лекторы и для другихъ болѣе крупныхъ конторъ. Здѣсь могло бы быть организовано и безплатное обученіе кройкѣ, шитью, вязанью, наконецъ—что такъ необходимо прислугѣ—обученіе основамъ домоводства. Все это, конечно, было бы принято съ горячею благодарностью—если не всѣми, то большинствомъ. Вынужденный досугъ былъ бы

заполненъ съ пользою, не было бы боязни остаться временно безъ койки и куска хлѣба, и, благодаря этому, вліяніе вреднаго знакомства и соблазновъ было бы значительно ослаблено.

2) Перехожу къ слѣдующей по численности группѣ, изъ которой формируются кадры проституціи —къ мастерицамъ разныхъ цеховъ.

Карьера мастерицы обычно намѣчается съ дѣтства. Ребенокъ 10—12 лѣтъ отдается по контракту на годы (обыкновенно на 5 лѣтъ) въ мастерство. Суровую школу, какъ извѣстно, проходятъ всѣ эти дѣвочки, находящіяся то на побѣгушкахъ, то въ качествѣ подручныхъ у болѣе опытныхъ, знающихъ свое дѣло мастерицъ. Побои, недоѣданіе, переутомленіе—обычно сопутствуютъ здѣсь жизни подростковъ. И рядомъ съ этимъ опять таки нравственная зараза и соблазны, тянущія ихъ въ сторону болѣе легкаго и обезпеченнаго, повидимому, существованія. Я знаю, что есть мастерскія, гдѣ прямо занимаются непотребствомъ. Это тѣ, про которыя поэтъ еще сказалъ, что „не очень много шили тамъ, и не въ шитьѣ была тамъ сила“. Днемъ, дѣйствительно, идетъ, хотя и вяло, работа, а къ вечеру наряжается сама „мадамъ“, наряжаются и живущія при мастерской мастерицы, пріѣзжаютъ знакомые богатые „покровители“, течетъ разливное море вина, во всю играютъ разнузданныя страсти... Къ утру уже всѣ на мѣстахъ за рабочими столами. Не подлежитъ комментаріямъ, что видятъ и слышатъ въ такихъ „мастерскихъ“ малолѣтнія дѣвочки. Въ одинъ изъ веселыхъ вечеровъ онѣ сами среди постоянныхъ гостей находятъ тароватаго и не въ мѣру ласковаго „дядю“... Конечно, эти пріюты тайной проституціи подъ вывѣскою „корсетныхъ“, „цвѣточныхъ“ „шляпныхъ“ заведеній—рѣдки. Но и въ большинствѣ дѣйствительно труженическихъ мастерскихъ нравы достаточно распущены. Разговоры преимущественно вращаются вокругъ личныхъ любовныхъ похожденій или похожденій тѣхъ бывшихъ подругъ, которыя успѣли уже „составить себѣ счастье“. Скабрезные анекдоты и весьма недвусмысленныя словечки слышатся то тутъ, то тамъ. Малолѣтнія дѣвочки—подшивальщицы—благодаря такому сосѣдству, посвящаются во всѣ тонкости низкопробнаго флирта. Онѣ же служатъ самыми удобными „вѣстницами любви“ и, когда бѣгутъ въ лавку, сплошь и рядомъ несутъ записку къ „предмету“ одной изъ старшихъ мастерицъ. Такое воспитаніе, конечно, должно дать свои гнилые плоды. Когда какая нибудь, брошенная своимъ непостояннымъ любовникомъ, мастерица переходитъ въ ряды тайной, а затѣмъ и оффиціальной проституціи, ея мѣсто занимаетъ дѣвочка подростокъ, кончившая уже учебный искусъ и сдѣлавшаяся сама мастерицей. Черезъ извѣстный срокъ—она тоже въ рядахъ соблазненныхъ, брошенныхъ и, наконецъ, продающихъ себя.

Это общая схема смѣны поколѣній женщинъ-ремесленницъ,

дающая въ итогѣ поднадзорной проституціи 19,7%. Тѣ же сложившіяся соціально-экономическія условія выработали невыносимо-возмутительное отношеніе мужчинъ къ женщинамъ-труженицамъ. Дѣвушка-ремесленница, спѣшащая съ картонкой изъ мастерской, всегда служитъ предметомъ самыхъ откровенныхъ замѣчаній и заигрываній мимоидущихъ мужчинъ. А что дѣлается у оконъ, находящихся въ нижнемъ этажѣ бѣлошвеенъ, шляпныхъ, цвѣточныхъ и иныхъ магазиновъ!.. Каждый праздношатающійся мужчина не постѣснится остановиться здѣсь и взглядомъ знатока разсматривать работающихъ у столовъ дѣвушекъ. Соотвѣтствующими жестами и улыбками часто сопровождаются эти любительскіе осмотры женскихъ лицъ и фигуръ. Впечатлѣніе такое, какъ будто вся эта толпа женщинъ раньше или позже предназначена для удовлетворенія животныхъ инстиктовъ мужчины, и онъ предварительно разсматриваетъ и расцѣниваетъ этотъ товаръ съ видомъ присяжнаго эксперта. Съ особенною рѣзкостью можно наблюдать подобную картину въ примѣненіи къ труженицамъ болѣе простого цеха—цеха прачекъ. У оконъ прачешныхъ заведеній собирается весьма разношерстная толпа мужскихъ индивидуумовъ: тутъ и уличный разносчикъ, и дворникъ, и господскій лакей, и извозчикъ, и господинъ въ цилиндрѣ. Все это зубоскалитъ, перемигивается, говоритъ сальности, дѣлаетъ неприличныя критическія замѣчанія... Что церемониться съ прачками, цвѣточницами, корсетницами, бѣлошвейками!...

Что удивительнаго, если, вѣчно сталкиваясь съ такимъ беззаботно циничнымъ отношеніемъ, сама дѣвушка-ремесленница привыкаетъ мало по малу смотрѣть на себя, какъ на существо, словно судьбой присужденное послужить въ свое время къ удовлетворенію мужского полового инстинкта.—„Да что ужъ... Со всѣми нами такъ будетъ... Видно, судьба ужъ такая у нашей сестры!... Всѣмъ одна дорога... Знаемъ —поиграютъ и бросятъ!..“ Такія фразы то и дѣло слышатся изъ устъ дѣвушекъ-ремесленницъ. Теряется вѣра въ себя, въ свое человѣческое достоинство, въ право личности, и „паденіе“ признается чѣмъ-то неизбѣжнымъ, законнымъ, судьбою предначертаннымъ...

Въ Петербургѣ для ремесленницъ существуетъ еще одинъ очагъ развращенія ихъ, подобно тому какъ для прислуги мы встрѣчаемъ такой очагъ въ рекомендательныхъ конторахъ.

Какъ это ни странно, но подобнымъ очагомъ—совершенно, конечно, не произвольно—служатъ превосходныя по идеѣ и обилію достигаемыхъ ими почтенныхъ результатовъ сады и театры попечительства о народной трезвости. Судьба нерѣдко разбиваетъ въ прахъ самыя благія начинанія...

Каковъ контингентъ посѣтительницъ учрежденій попечительства?.. Конечно, наивысшій процентъ представляютъ труженицы-ремесленницы. Прислуга не можетъ быть здѣсь преобладающимъ

элементомъ, потому что только въ воскресенье—и то не каждое—ей удается располагать нѣсколькими свободными часами. Дѣвушки же ремесленницы обычно освобождаются въ 8—9 час. отъ работы, и могутъ посвятить вечеръ личной жизни. Конечно, самое подходящее мѣсто для разумнаго ихъ отдыха это учрежденія попечительства, гдѣ за входный гривенникъ онѣ могутъ доставить себѣ достаточно удовольствія и развлеченія. Но происходитъ то, что и слѣдовало ожидать: сюда же устремляются мужчины, по преимуществу низшихъ сословій. Здѣсь завязываются первыя знакомства, первыя любовныя интриги. Опытный донъ-жуанъ сумѣетъ здѣсь за лѣто сокрушить нѣсколько юныхъ сердецъ. Сады поражаютъ обиліемъ веселыхъ, свѣжихъ, красивыхъ женскихъ лицъ, среди которыхъ съ видомъ побѣдителей снуютъ писаря, приказчики, мелкіе чиновники, артельщики и франтоватые спеціалисты-сутенеры. Однако, теперь нерѣдко можно тутъ встрѣтить зеленую молодежь и снисходительныхъ старичковъ болѣе высокаго общественнаго положенія. Этихъ сюда привлекаетъ возможность поохотиться за свѣжею и юною женскою дичью, тѣмъ болѣе, что сдѣлаться счастливымъ обладателемъ швейки, мастерички, конвертницы и т. п. тутъ довольно легко. Нѣсколько ласковыхъ, сочувственныхъ словъ, угощеніе дешевымъ ужиномъ изъ мѣстнаго меню, въ лучшемъ случаѣ—прогулка на рысакѣ, и, подъ обаяніемъ невиданнаго еще свѣтскаго ловеласа, головка простой дѣвушки уже закружилась... Еще нѣсколько обѣщаній, которыя ровно ничего не стоятъ, подарокъ въ видѣ скромнаго золотого колечка, и свѣтскій лоботрясъ на нѣсколько дней или недѣль обзаводится безплатной молодой любовницей, отъ которой можетъ удалиться въ любую минуту. Интрига, завязываемая здѣсь ловеласами низшаго общественнаго положенія, требуетъ съ ихъ стороны большой послѣдовательности, большого терпѣнія и ловкости. Но результаты въ концѣ концовъ тоже благопріятны. Шалопаи добиваются своего, и дѣвушка „падаетъ“. Брошенная, оскорбленная въ лучшихъ своихъ чувствахъ, она представляетъ уже прекрасный матеріалъ для цѣлей разврата. Еще нѣсколько увлеченій, нѣсколько ошибочныхъ шаговъ со ступеньки на ступеньку, подговоры подругъ, и проституція пріобрѣла новую свою данницу.

Какъ можно было бы понизить процентъ проститутокъ, выходящихъ изъ числа мастерицъ?.. Необходимо урегулировать непосильный трудъ, наваленный на плечи этихъ поденщицъ моды. Всѣмъ извѣстно, что въ горячее сезонное время работа въ различныхъ мастерскихъ продолжается почти безпрерывно круглыя сутки. 16-ти часовой и даже 18-ти часовой рабочій день тогда не считается рѣдкостью. Всякій честный трудъ опротивѣетъ, когда тянешь такую непосильную лямку въ продолженіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ. Между тѣмъ оплата женскаго труда со-

вершенно не соотвѣтствуетъ его интенсивности. Прекрасная мастерица получаетъ 70 — 80 коп. Не рѣдка цѣна въ 30—40 коп. за 12 часовъ работы (съ 9 часовъ утра до 9 часовъ вечера). Старшая мастерица въ солидномъ дѣлѣ получаетъ 25—30 рублей въ мѣсяцъ съ квартирой (крошечной комнатой-чуланчикомъ). А вѣдь такое положеніе—идеалъ каждой дѣвушки-ремесленницы. Самое большое, что можетъ заработать „средняя" мастерица въ спѣшное время, истощаясь и на ночной работѣ (за которую плата особая), это 20—22 рубля. А рядомъ бывшія подруги, „вышедшія въ люди", беззаботно гуляютъ въ шелку, въ бархатѣ, проводятъ жизнь въ довольствѣ и весельѣ (такъ, по крайней мѣрѣ, кажется несчастнымъ труженицамъ).

Необходимо установить, по крайней мѣрѣ, 10 часовой рабочій день для женскихъ цеховыхъ мастерскихъ (какъ на фабрикахъ). Необходимо повысить поденную плату цеховыхъ работницъ. И то, и другое сразу подниметъ экономическое положеніе этого класса. Желательно учрежденіе особаго института „ремесленныхъ инспектрисъ", подобно существующей фабричной инспекціи. Инспектрисы будутъ слѣдить за гигіеническою обстановкой мастерскихъ, а также за трудовою и моральною ихъ жизнью. Труженицамъ найдется къ кому придти съ своими жалобами. Надъ хозяйками мастерскихъ будетъ постоянно висѣть нѣкій „дамокловъ мечъ", и это заставитъ ихъ быть болѣе сдержанными по отношенію къ отданнымъ въ ученіе дѣвочкамъ. Умѣлая и добросовѣстная инспектриса сумѣетъ также оказать благотворное нравственное вліяніе на порученную ея надзору толпу подростковъ. Великимъ благодѣяніемъ было бы устройство домовъ-общежитій для дѣвушекъ мастерицъ. За небольшую плату онѣ получали бы здѣсь все необходимое. Не приходилось бы имъ ютиться въ нищенскихъ комнаткахъ, а то и углахъ, бокъ объ бокъ съ самыми подозрительными элементами. Устройство подобныхъ общежитій, конечно, прямая обязанность ремесленныхъ цеховыхъ управъ. Но, при несомнѣнной инертности ихъ, ту же полезную работу могли бы исполнить нѣкоторыя благотворительныя общества, со сходными задачами. Вѣдь существуетъ какое то „общество попеченія о молодыхъ дѣвицахъ", которое всю свою дѣятельность ограничиваетъ устройствомъ по воскреснымъ днямъ душеспасительныхъ развлеченій для молодыхъ дѣвицъ-ремесленницъ (какая наивность). Этому обществу какъ нельзя болѣе пристало бы посвятить свои труды устройству подобныхъ домовъ общежитія. Думаю, что и солидное по своему привилегированному положенію „общество защиты женщинъ" нашло бы здѣсь область, вполнѣ достойную для примѣненія своей энергіи. Кромѣ того, необходимо создать нѣчто объединяющее, корпоративное, связующее во едино всю громадную армію дѣвушекъ-ремесленницъ. Имѣется вѣдь общество приказчиковъ, и даже оффиціанты теперь

сплотились для охраненія своихъ правъ и интересовъ. Организуйте среди цеховыхъ труженицъ нѣчто подобное „женскому клубу". Принципъ самопомощи долженъ быть тутъ развитъ въ возможно широкой формѣ. За небольшой членскій взносъ труженица воспользуется всѣми преимуществами такого рода учрежденій (временныя ссуды, инвалидный фондъ, пенсіонная касса, нравственная поддержка и т. д.). Очень много могъ бы сдѣлать подобный корпоративный центръ для подъема самознанія среди молодыхъ дѣвушекъ. Вѣдь никакъ не измѣнить практически повадку мужчинъ преслѣдовать труженицъ-ремесленницъ, какъ легко доступный живой товаръ. Но путемъ систематическихъ просвѣтительныхъ лекцій и собесѣдованій въ женскомъ „цеховомъ клубѣ", можно будетъ достигнуть того, что сами дѣвушки перестанутъ смотрѣть на себя, какъ на обреченныхъ судьбой удовлетворять физіологическимъ инстинктамъ мужчинъ; можно будетъ разбудить въ этихъ юныхъ душахъ сознаніе своего „я", склонить къ самооцѣнкѣ, къ самоуваженію, къ отстаиванію правъ своей личности. И путемъ такого воспитанія можно дать весьма внушительный отпоръ грубымъ претензіямъ мужчинъ.

3) *Фабричныя.* Если принять во вниманіе, съ одной стороны, громадную цифру женщинъ, работающихъ на столичныхъ фабрикахъ, а съ другой стороны, исключительно тяжелыя условія исполняемой тамъ работы, то процентъ (18,7), даваемый этой категоріей для цѣлей явной проституціи, слѣдуетъ считать незначительнымъ. Однако нельзя согласиться съ оптимистическимъ выводомъ доктора Обозненко („Поднадзорная проституція", стр. 40) что „едва ли найдется много фабричныхъ женщинъ, которыя при 10-ти часовомъ тяжеломъ трудѣ имѣли бы еще время и охоту заниматься проституціей". Мнѣ думается, что эта среда должна изобиловать тайными проститутками-фабричными, которыя не прочь прибавить кое что къ своему скудному заработку.

Молодая дѣвушка, попадающая на фабрику, сразу сталкивается со всевозможными условіями, посягающими на ея нравственность. Если дѣвушка миловидна, она обращаетъ на себя вниманіе когонибудь изъ „власть имущихъ": конторщика, мастера, механика, техника и т. д. Конечно, дѣвушка, вышедшая изъ крестьянской среды, гдѣ все видѣла и слышала, отлично знаетъ, чего отъ нея ждетъ фабричный донъ-жуанъ. Если она идетъ на компромиссъ, ея будущее относительно благопріятно. На ея долю выпадаютъ болѣе легкія работы, ей предоставляются различныя льготы, заработная плата увеличивается. Если дѣвушка выказываетъ противодѣйствіе, то картина совершенно мѣняется: къ ней придираются, ее штрафуютъ, назначаютъ на самую грязную и тяжелую работу. Остается или уйти, или подчиниться вожделѣніямъ „начальства". Послѣднее, конечно, явленіе болѣе частое, и дѣвушка, состоящая фавориткой какого-нибудь мастера или надсмотрщика,

служитъ даже предметомъ зависти для товарокъ. Сознаніе своего „я“, сознаніе права личности, конечно, у женщинъ-чернорабочихъ развито еще слабѣе, чѣмъ у болѣе высокой категоріи ремесленницъ-цеховыхъ, о которыхъ я говорилъ выше. Взглядъ на себя, какъ на матеріалъ для удовлетворенія позорнаго спроса, здѣсь взглядъ обычный. Рѣдко, рѣдко встрѣчаемся мы съ фактами противоположнаго характера. Одинъ изъ подобныхъ фактовъ разсказанъ въ интересной книгѣ Н. Рейнгардта: „Женщина передъ судомъ уголовнымъ и судомъ исторіи“ *), и фактъ этотъ долженъ быть отмѣченъ. Авторъ въ архивахъ уральскихъ заводовъ нашелъ обширную переписку, озаглавленную такъ: „Переписка о неповиновеніи заводскому начальству крестьянскихъ дѣвокъ по случаю наряда ихъ въ свойственныя имъ работы съ 17 сентября 1839 года“. На уральскихъ пріискахъ крѣпостныя дѣвушки, отправляющіяся на работы, обыкновенно очень скоро подвергались мелкими мѣстными заводскими помпадурами растлѣнію и затѣмъ приневоливались принимать участіе въ самыхъ неудержныхъ оргіяхъ. Такъ велось издавна, и существенныхъ протестовъ, повидимому, не вызывало. И вотъ вдругъ на К-скихъ заводахъ въ 1839 году возникаетъ нежданно-негаданно дѣвичій бунтъ. „Къ 1-му октября были посланы дѣвушки на пріиски въ полномъ сборѣ, т. е. въ количествѣ 212 человѣкъ, но ихъ явилось только 12; прочія же остались дома, объявивъ заводскимъ служащимъ рѣшительнымъ тономъ, что онѣ никогда на пріискахъ работать не будутъ“ (стр. 101). Никакія увѣщанія мѣстныхъ властей не могли подѣйствовать на бунтарокъ, которыхъ поддерживали въ ихъ упорствѣ матери, въ свое время испытавшія на себѣ уже всѣ прелести безпризорной отдачи дѣвушекъ въ полное распоряженіе разныхъ заводскихъ приказчиковъ и надсмотрщиковъ.

Мѣстныя власти обратились въ главное горнозаводское правленіе. Правленіе предписало горному исправнику принять энергичныя мѣры къ подавленію дѣвичьяго бунта. Исправникъ этотъ прибѣгъ къ обычному излюбленному средству того времени—къ розгамъ. Это, конечно, помогло, но не совсѣмъ. Въ своемъ рапортѣ главному начальнику горныхъ заводовъ уральскаго хребта, исправникъ, между прочимъ, пишетъ „эта мѣра (розги) имѣла весьма благопріятное (!) дѣйствіе на дѣвокъ, ибо многія изъ нихъ тотчасъ согласились вступить въ работу и немедленно отправились на золотые промысла. За всѣмъ тѣмъ, пять дѣвокъ, а именно: Агафья Гребеньщикова, Василиса Быкова, Марья Сесекина, Анна Баранова и Наталья Плотникова остались въ непреклонности и отъ вступленія въ работы рѣшительно отказались“ (стр. 106). Повидимому, послѣ этого горное начальство

*) *Н. В. Рейнгардъ.* Женщина передъ судомъ уголовнымъ и судомъ исторіи. Казань 1900 г. стр. 94 и слѣдующія.

было подробно освѣдомлено объ истинныхъ мотивахъ дѣвичьяго бунта. По крайней мѣрѣ, горному исправнику было прислано секретное предписаніе узнать, на какія промысла, въ какомъ разстояніи отъ ихъ жилищъ посылались дѣвушки и поскольку лѣтъ 5 непокорившимся дѣвушкамъ. Возрастъ этихъ опасныхъ бунтарокъ оказался отъ 16 до 19 лѣтъ. Послѣдовала окончательная резолюція: 1) дѣвушки должны быть отправляемы только въ ближайшіе пріиски и 2) онѣ должны быть тамъ *вмѣстѣ съ своими близкими родственниками, т. е. отцами, братьями и друг.* Вотъ какая исторія разыгралась 65 лѣтъ тому назадъ среди крѣпостныхъ дѣвушекъ... Тѣмъ болѣе она достойна быть отмѣченной, что въ настоящее время среди свободныхъ работницъ мы на такую энергичную защиту ихъ нравственности не наталкиваемся. Недавній примѣръ (3—4 года тому назадъ) процесса, возникшаго на одномъ изъ кирпичныхъ заводовъ въ Минскѣ, какъ нельзя лучше доказалъ, что работницы смотрятъ какъ на нѣчто „правовое" на свои наложническія отношенія къ мелкому заводскому начальству.

Конечно, паденію нравственности среди дѣвушекъ способствуютъ сами условія совмѣстной работы ихъ съ мужчинами. Соприкосновеніе половъ тутъ самое тѣсное, почти такое же, какъ въ артельныхъ рабочихъ и угловыхъ квартирахъ. Тяжелыя, изнуряющія, разрушающія организмъ особенности даннаго производства (табачнаго, спичечнаго, красильнаго и т. д.) ведутъ къ тому, что работницы начинаютъ наравнѣ съ мужчинами искать утѣшенія въ водкѣ. Подъ вліяніемъ алкоголя ихъ нравственное чувство окончательно гаснетъ, половыя отношенія пріобрѣтаютъ болѣе легкій, случайный характеръ, а минимальный заработокъ, приходящійся на долю женщинъ-фабричныхъ, еще скорѣе ведетъ къ процвѣтанію тайной проституціи. Вечеромъ въ грязныхъ трактирчикахъ, чайныхъ, харчевняхъ, находящихся на окраинѣ столицы, среди заводскаго околодка, случайный посѣтитель всегда имѣетъ возможность распить въ обществѣ какой-нибудь работницы штофъ водки, а послѣ угощенія, за нѣсколько гривенниковъ, воспользоваться ея мимолетною благосклонностью. Приработанное идетъ опять же на водку или на покупку какой нибудь обновы, которою можно похвастать передъ подругами. Сожительство съ товарищемъ мужчиной среди заводскихъ работницъ—дѣло обычное. Конечно, такое сожительство, если оно длительно (явленіе довольно частое), никоимъ образомъ нельзя считать проституированіемъ. Но характеръ послѣдняго пріобрѣтаютъ тѣ мимолетныя связи съ мѣстными парнями, которыя продолжаются нѣсколько дней и оплачиваются если не деньгами, то водкой, парой новыхъ ботинокъ, расшитымъ шелками платкомъ и т. д. Если принять во вниманіе такую легкость нравственныхъ началъ, то повторяю 18,7%, оффиціально удѣляемыхъ фабричной

проституціи, покажутся незначительными. Объясненіе этому можно найти въ слѣдующемъ. Съ завода, конечно, прямая дорога въ самые низкопробные дома терпимости и угловые притоны. Какъ я уже указывалъ выше, женскому рабочему элементу часто приходится сталкиваться съ настоящими мѣстными проститутками, которыя бродятъ, грязныя, пьяныя, ободранныя, въ пунктахъ скопленія рабочихъ. Картина не изъ завидныхъ, и едва ли многія изъ работницъ прельстятся перспективой стать подобными этимъ „тварямъ". Каждая женщина здѣсь будетъ чувствовать себя гораздо болѣе самостоятельной и обезпеченной, занимаясь хотя и тяжелымъ, но дающимъ ей кусокъ хлѣба трудомъ. На свои грошевыя прихоти она можетъ прирабатывать въ веселой компаніи, путемъ случайныхъ мимолетныхъ сожительствъ. Слѣдствіемъ этого и должно быть развитіе проституціи тайной, а не профессіональной.

Какъ въ этой средѣ понизить процентъ, явно и тайно проституирующихъ?.. Все, что рекомендовано мною въ этомъ смыслѣ для класса прислугъ и цеховыхъ, и здѣсь должно принести свою долю пользы. Но, конечно, подъемъ соціально-экономическаго благосостоянія этой женской чернорабочей арміи имѣетъ первенствующее значеніе. При большемъ заработкѣ и большей матеріальной обезпеченности, не будетъ нужды дополнять скудный бюджетъ продажей себя; при болѣе нормальныхъ условіяхъ производства, фабричный трудъ не явится такимъ истощающимъ; не будетъ такой нужды искать возбужденія, забвенія и отдыха въ алкоголѣ; при отсутствіи излишней тѣсноты, обусловливающей постоянное соприкосновеніе двухъ половъ, въ женщинѣ будетъ болѣе сохранено чувство стыдливости, исчезнетъ поводъ къ излишнимъ соблазнамъ и необузданнымъ проявленіямъ половыхъ инстинктовъ...

Докторъ Б. Бентовинъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

КЪ ИСТОЧНИКУ ИСЦѢЛЕНІЙ.

Разсказъ.

I.

Въ вагонѣ было тѣсно. Особенный запахъ—смѣшанный, густой запахъ сосѣдняго отхожаго мѣста, ѣдкой махорки, грязныхъ и вспотѣвшихъ людей, скверной дорожной ѣды—обдалъ новыхъ пассажировъ тою же непріязненностью, съ какою встрѣтили ихъ пассажиры, уже сидѣвшіе здѣсь. Они укрѣпляли свои позиціи узлами и сумками, ставили на незанятыхъ мѣстахъ какой-нибудь чайникъ, клали хлѣбъ, селедку въ бумагѣ, а сами становились въ проходѣ у оконъ на наблютельныхъ пунктахъ.

Новыхъ пассажировъ было двое: высокій бородатый человѣкъ въ сѣромъ помятомъ, мало ношенномъ пиджакѣ, съ Георгіемъ въ петлицѣ, и мальчикъ лѣтъ четырнадцати—на костыляхъ.

— Тутъ занято,—раздавался сердитый голосъ всякій разъ, какъ высокій человѣкъ останавливался съ своими сумками и узломъ возлѣ какой-нибудь лавки.

— Занято?—робко переспрашивалъ новый пассажиръ.

— Да. Сейчасъ человѣкъ вышелъ, придетъ...

И они шли дальше, останавливаясь въ недоумѣніи и нерѣшительности передъ лавками, на которыхъ, растянувшись, спали или притворялись спящими счастливые обладатели наиболѣе удобныхъ мѣстъ...

Большой человѣкъ, деликатный и робкій, не смотря на свое внушительное, почти атлетическое сложеніе, сталъ уже падать духомъ, какъ въ вагонъ поспѣшно и шумно влѣзли новые пассажиры съ огромными узлами и мѣшками, съ котомками, косами, забинтованными въ тряпицы, и съ новымъ—своимъ собственнымъ—„русскимъ духомъ“. Они тотчасъ затѣяли ссору изъ-за мѣстъ съ тѣми самыми пассажирами, которые за минуту передъ этимъ представлялись спавшими

крѣпчайшимъ сномъ, а теперь вдругъ обнаружили неожиданную и самую острую бдительность. Тогда и большой человѣкъ пріободрился и рѣшительно направился къ лавкѣ, на которой лежала на разостланомъ парусиновомъ тюфячкѣ полная, красивая женщина, а противъ нея, на другой лавкѣ помѣщался небольшого роста сухенькій священникъ, рядомъ съ толстой старухой купеческаго вида.

— Здѣсь сидятъ,—внушительно сказалъ батюшка, дѣлая величественно-указующій жестъ правой рукой.

— Что-жъ дѣлать, батюшка,—сказалъ мягкимъ, извиняющимся голосомъ большой пассажиръ,—и намъ надо сѣсть. У меня вонъ парнишка... хромой...

Батюшка подумалъ нѣсколько мгновеній, потомъ всталъ съ своего мѣста и пересѣлъ на противоположную лавку, на самый конецъ ея.

— Ну, садитесь, — сказалъ онъ примирительно, повторяя свой прежній великолѣпный жестъ:—Подбери-ка, мать, ноги-то... я тутъ, съ краю...

Красивая попадья слегка подогнула ноги, а новый пассажиръ началъ размѣщать свои сумки и узелъ рядомъ съ толстой старухой.

— Ты, Егоръ, либо того... на полу легъ бы, что-ли?.. Постелю тебѣ дипломатъ... а?..—сказалъ онъ мальчику.

— Зачѣмъ на полъ?—живо возразилъ батюшка:—А вонъ туда, на полку. Самое мѣсто для него! Ты сумки-то подъ лавку, а его туда... вотъ-вотъ... такъ! подсаживай... сажай!.. Прекра-а-сно, прекра-а-сно... ну, вотъ!..

Черезъ минуту малецъ съ своими костыликами былъ на полкѣ и не безъ торжества оглядывалъ оттуда слабо освѣщенную половину вагона съ дрожащими огнями и большими шевелящимися тѣнями, а въ открытое окно видѣлъ звѣзды надъ самымъ горизонтомъ. До него доносился ровнымъ шелестомъ вялый говоръ вагона, суетливый топотъ людскихъ ногъ на станціи и торопливое громыханіе тачекъ.

— Далече ѣдете?—спрашивалъ батюшка его отца.

— Пока до Поворина. А тамъ пересадка...

— Это и мы тоже. А тамъ куда?

— Тамъ на Балашовъ.

— Попутчики... А тамъ?

— А тамъ—на Пензу.

— Да вы... не къ о. Серафиму ѣдете?—спросилъ батюшка, пытливо всматриваясь въ своего собесѣдника.

— Такъ точно. Туда.

— А-а, такъ это же мы на всю дорогу попутчики!

— Стало быть, и вы?..

И оба собесѣдника, какъ бы обрадовавшись этому открытію, закивали другъ другу головами...

— Вы же сами отколь?—спросилъ батюшка.

— Да я вотъ тутъ, верстахъ въ сорока, живу въ слободѣ.

— Такъ. А занимаетесь чѣмъ?

— Я—столяръ. Также и землей занимаемся.

— А сами изъ казаковъ, или изъ русскихъ?

— Изъ русскихъ.

— А крестикъ гдѣ получили?

— За Дунаемъ.

— Это хорошо. Такъ къ отцу Серафиму поклониться ѣдете? Благое дѣло, благое дѣло... Мать, ты мнѣ ногами рясу не попачкай. Сняла бы туфли-то пока.. Да. Какъ разъ къ открытію пріѣдемъ. Государь будетъ. Войска разныя... Чудесное торжество... А это малецъ-то твой?

— Мой.

Слышно было, какъ большой человѣкъ вздохнулъ.

— Одинъ остался.. послѣдышъ. Всѣхъ похоронилъ... Вотъ везу, не будетъ ли милость Господня, — сказалъ онъ не совсѣмъ увѣренно:—обезножилъ. На одну ногу никакъ не наступаетъ.

— Ммм... такъ, такъ... А съ чего? Отъ природы или повредилъ?

— Да доктора признали, будучи зашибъ. Въ бедрѣ, говорятъ, у него кость гніетъ. Выбилъ какъ-нибудь, дескать... А я такъ считаю—отъ простуды. Птичекъ ловилъ съ ребятами да простудился. Полежалъ, вѣрно, на снѣжку, его и тово... Двѣ зимы прохворалъ. Жевлаки выступали у него по всему тѣлу,—такіе иной разъ,—по кулаку!.. Теперь шишки-то пропали, а на ногу не наступаетъ...

— Такъ, такъ,—сказалъ батюшка и, подумавъ, прибавилъ:— баловство-то иной разъ... оно вотъ и не въ пользу... Такъ-то, мать! Ты вотъ своихъ не уймаешь, а гляди, кабы... — обратился онъ къ попадьѣ.

Попадья ничего не сказала. Егорушка сверху посмотрѣлъ на ея полное, бѣлое, красивое лицо. Глаза ея, ласково улыбаясь, встрѣтились съ его глазами, и онъ рѣшилъ, что она понимаетъ, какъ хорошо ловить синичекъ въ ясный день съ легкимъ морозцемъ, когда тѣни отъ деревьевъ сини, какъ небо, и по сухому и мягкому снѣгу прыгаютъ безчисленныя брилліантовыя искорки. Она понимаетъ... А батюшка этого никогда не постигнетъ.

Кто-то на станціи ударилъ три раза въ колоколъ. Кто-то сейчасъ же зажурчалъ въ свистюльку. Стальной „жеребецъ" съ тремя глазами коротко заржалъ. Опять прожурчала сви-

стюлька, и затѣмъ лязгнули какія-то желѣзныя сковороды, вагонъ вздрогнулъ, недовольно, какъ казалось Егорушкѣ, по-стариковски, скрипнулъ, но сейчасъ же спохватился и, скрывая недовольство, засмѣялся дребезжащимъ смѣхомъ: прр... фрр... прр... фрр... Маленькая станція съ ея огоньками тихо поплыла назадъ въ теплый сумракъ лѣтней ночи. Отецъ Егорушки, снявши картузъ, сталъ часто креститься, а за компанію съ нимъ осѣнилъ себя крестомъ два раза и батюшка— неторопливо и истово. Между тѣмъ, въ это время мимо вагона быстро пробѣжала водокачка, а за нею какіе-то маленькіе домики съ свѣтящимися окошками. Потомъ за окнами стало темно, и лишь мигали звѣзды надъ краемъ земли. А вагонъ теперь уже самъ бѣжалъ съ дребезжащимъ стукомъ и приговаривалъ: ох-хо-хо... ох-хо-хо... такъ-такъ... такъ-такъ...

Огоньки дрожали въ трехъ фонарикахъ. Дрожали и ползали по стѣнамъ уродливыя тѣни. Говоръ въ вагонѣ сталъ громче. Голоса то вспыхивали разомъ, одновременно, толклись и перебивали другъ друга, то разбивались порознь и текли ровно и неторопливо подъ однообразный стукъ колесъ. Лежа на полкѣ, Егору трудно было разбирать, о чемъ говорятъ. Но если подвинуться къ краю и свѣсить голову, то можно было слышать батюшку—на одной сторонѣ—и старика въ жилеткѣ и розовой рубахѣ, сидѣвшаго по другую сторону на лавкѣ.

— Есть два благодатныхъ средства отъ пьянства,—говорилъ батюшка, обращаясь къ толстой старой купчихѣ съ красным лицомъ (онъ, очевидно, продолжалъ раньше начатый разговоръ),—два средства... Первое: пить каждый день святую воду и служить молебны круглый годъ. А еще есть благодатное средство: служится панихида по царицѣ Даріи...

— Дарьѣ?—почтительно переспросилъ отецъ Егора, желая, должно быть, выказать свое вниманіе къ словамъ батюшки.

— Да. По царицѣ Даріи,—съ особенной отчетливостью повторилъ батюшка.—Изъ исторіи намъ извѣстны двѣ царицы Даріи. Одна была четвертая жена Ивана Грознаго, другая грузинская царица, умершая въ 1805-мъ, кажется, году. Не знаю, по какой изъ нихъ, но служится панихида. Многіе получаютъ исцѣленіе... Совсѣмъ даже бросаютъ пить...

Изъ-за спины отца, съ другой лавки, доносился до Егора ровный и неспѣшный стариковскій голосъ. Должно быть, онъ разсказывалъ что-нибудь интересное, потому что около него было больше слушателей, чѣмъ около батюшки: они стояли даже въ проходѣ и выглядывали черезъ перегородку изъ другого купэ. Ихъ лица трудно было разсмотрѣть, но въ позахъ, наклонившихся въ одну сторону, въ согнутыхъ, чер

ныхъ шеяхъ, въ неподвижныхъ затылкахъ, въ потныхъ лысыхъ или мохнатыхъ головахъ,—сквозило пристальное вниманіе.

— У васъ тутъ мало слыхать про нарѣзку, не говорятъ... А у насъ все ждали: вотъ-вотъ къ Петрову дню выйдетъ... Анъ вотъ заглохло что-то...

— Мнѣ у Троицы монахи сказывали: пойдешь въ Рассею, дѣдъ, говори, чтобы ожидали. Вѣрно!... Такъ и назначали: къ Петрову дню, говорятъ, выйдетъ... Анъ вотъ нѣтъ!

— А какъ Турція? Не довелось вамъ слыхать?—снова послышался голосъ съ полу, когда стихъ одновременный говоръ.

— Турція?—повторилъ старикъ и на мгновеніе задумался, какъ бы наводя справку по этому предмету въ обширномъ архивѣ своей памяти:—Да вѣдь ее на три части хотѣли дѣлить, а нашъ царь не далъ свово согласія.—„Я—говоритъ—одинъ ее заберу, а всѣхъ турокъ по своему народу разведу, чтобы и мужъ жену не видалъ... чтобы никакого совѣту промежду нихъ не могло быть"...

— А агличанка?—возразилъ скептическій голосъ изъ прохода.

— Агличанка?—живо и весело возразилъ старикъ:—Да вѣдь ея самой-то ужъ нѣтъ!

— А гляди, кто-нибудь да на ея мѣстѣ сидитъ... аль нѣтъ?

— Это зять-то, што-ль, ея?—съ презрѣніемъ воскликнулъ дѣдъ:—онъ чего сдѣлаетъ? Вѣдь онъ у насъ въ Петербурхѣ живетъ...

Онъ сдѣлалъ короткую паузу и продолжалъ опять вдохновенно:

— Д-да, кабы Турцію-то намъ забрать, такъ нарѣзка-то ужъ безъ всякихъ тѣхъ... безъ проволочки была бы... Тамъ зёмли—пространство!.. А то у насъ расчисленіе дѣлали, такъ даже народу умножилось... си-ла народу!.. Тогда вотъ ревизію производили, годовъ тридцать назадъ: сколько у нашего царя есть народу и сколько земли на каждаго? И насчитали двѣсти милліоновъ двѣсти тыщъ...

— Ф-фу ты, Боже мой!—вздохнулъ кто-то съ изумленіемъ и не безъ гордости.

— Да. А сичасъ вотъ ревизію производили, въ 97-мъ, насчитали ишшо шестьдесятъ милліоновъ шестьдесятъ тыщъ...—„Откеда же они взялись?"—Царь спрашиваетъ. Господа сенатóры и енаралы говорятъ:—„А разродились". — „А что земля за это время разродилась, аль нѣтъ?"—Земля все та же да одна...—„То-то и есть",—говоритъ: „они къ этимъ пришли, эти шестьдесятъ милліоновъ, да всю землю на себѣ въ лаптяхъ унесли... А разсчитайте",—говоритъ,—„сколько земли

на душу приходится?“ Расчитали, сколько земли на душу приходится: восемь десятинъ на великаго князя, царскаго сына—наслѣдника, восемь десятинъ на енарала, восемь десятинъ на попа... всѣмъ равно—и крестьянину!.. И ежели родитъ енаральская жена сына,—не пиши его енаральскимъ сыномъ, а пиши въ казенные крестьяне! И ежели родитъ попадья сына, — не пиши его въ семинаристы, а пиши въ казенные крестьяне! Тогда всѣмъ земли хватитъ!.. А господа говорятъ:—„У насъ чины-ордена, хресты святыя Анны,—не лишай насъ чиновъ-орденовъ, оставь намъ ихъ!.. — „Какъ же“,—говоритъ, „я—вамъ оставлю ихъ? Идѣ же я вамъ земли возьму? Хотите, чтобы я оставилъ чины-ордена, выселяйтесь въ Зеленый Клинъ, тамъ вамъ и земли“... — „Да мы чего же тамъ будемъ дѣлать безъ черни?“—„Стройте фабрики и заводы“...—„Фабрики и заводы безъ черни тоже не пойдутъ“... Не хотятъ выселяться...

А поѣздъ громко и весело лязгалъ, уносясь въ темноту безлунной ночи, которая частыми звѣздами заглядывала въ окна вагона и лила въ нихъ струю свѣжей степной прохлады, съ тонкимъ запахомъ поспѣвшихъ хлѣбовъ и свѣжей соломы.

Егоръ вытянулъ голову книзу и глядѣлъ въ это неизвѣстное, безпредѣльное пространство, молчаливое и сосредоточенно-серьезное. Искры сыпались изъ паровоза и разбѣгались въ разныя стороны. Снизу выскакивалъ яркій свѣтъ, метался по сторонамъ, лизалъ придорожную траву, прыгалъ, дрожалъ и отрывался, пропадая въ молчаливой степи. Онъ кидался крылатымъ змѣемъ на встрѣчные кусты, телеграфные столбы, будки, — и они, попавши въ него, испуганно прыгали, крутились, какъ обожженные, и плясали какой-то смѣшной танецъ. Затѣмъ быстро исчезали въ темнотѣ.

II.

Въ два часа ночи пріѣхали въ Поворино.

Въ третьемъ классѣ вокзала были забиты двери: шелъ ремонтъ. Въ первомъ — всѣ диваны и стулья были заняты спящими. Егоръ съ отцомъ остались на платформѣ. Они съ удобствомъ помѣстились на тачкѣ. Поглядывая въ небо, начинавшее блѣднѣть, Егоръ слышалъ голосъ батюшки, бунтовавшаго въ первомъ классѣ:

— Что-жъ такое, что дамское отдѣленіе? Во-первыхъ, я— священникъ, а во-вторыхъ—кромѣ моей жены, тамъ никого нѣтъ!

Воздухъ былъ почти тепелъ. Легкая примѣсь вокзальной

вони плавала въ немъ, и носился тихій говоръ какихъ-то переселенцевъ, возвращавшихся изъ Сибири, да густое храпѣніе кубанскихъ казаковъ — богомольцевъ. Прошелъ раза два по платформѣ величественный жандармъ, перегналъ кого-то съ одного мѣста на другое—для порядка—и ушелъ, громко звеня шпорами. Потомъ пришелъ поѣздъ съ пустыми красными вагонами, немного постоялъ и ушелъ, гремя, стуча, лязгая, словно ему нравилось мѣшать спать лежавшимъ на платформѣ людямъ.

Егоръ такъ и не заснулъ. И отецъ не спалъ: онъ сидѣлъ на тачкѣ и дремалъ. Занималась заря. Вышелъ сторожъ въ синей, засаленной блузѣ и въ валенкахъ и зазвонилъ въ небольшой колоколъ, висѣвшій у дверей. Хохолъ, спавшій около дверей, испуганно вскочилъ на ноги.

— Кто то подшутилъ, — сказалъ онъ соннымъ голосомъ, съ недоумѣніемъ оглядываясь кругомъ.

— А что?—спросилъ отецъ Егора.

— Да надъ самымъ ухомъ звону далъ...

Пришелъ еще поѣздъ—товаро-пассажирскій. Отецъ Егора засуетился было, хотѣлъ садиться, но предварительно обратился къ жандарму. Жандармъ сначала отвернулся и зѣвнулъ, но потомъ, оглянувшись на вопрошавшаго, замѣтилъ знакъ отличія на его груди и сталъ любезнѣе.

— Вамъ по какому классу?—спросилъ онъ.

— По третьему.

— Это — товаро-пассажирскій. Видите — все четвертаго класса вагоны. А вы садитесь на почтовый.

— А не знаете, когда почтовый будетъ?

— Никогда такъ не спрашивайте: „не знаете"... Конечно, знаю. Въ девять часовъ придетъ.

И жандармъ величественно ушелъ съ платформы.

Пришлось дожидаться почтоваго поѣзда. Взошло солнце. Зашевелился на платформѣ и въ вокзалѣ народъ, загремѣли чайниками, посудой. Вышелъ на платформу батюшка съ книгой, и около него собралась толпа. Онъ сидѣлъ на лавочкѣ безъ шляпы, на самомъ припекѣ, и что-то читалъ вслухъ. Старый кубанецъ въ черкескѣ, въ грубыхъ черевичкахъ и толстыхъ бѣлыхъ чулкахъ стоялъ безъ шапки, ближе всѣхъ, высокій, тонкій и не совсѣмъ складный. На его рябомъ болѣзненно-блѣдномъ лицѣ съ мелкими чертами и съ рѣдкой бородой выражалось благоговѣніе непонимающаго, но вѣрующаго человѣка. Позади его стоялъ небольшой и неуклюжій подростокъ съ бѣльмомъ на глазу и тупо дремалъ. Хохлы-переселенцы глядѣли прямо въ ротъ чтецу. Умиленно подперши щеки руками, стояли женщины и сокрушенно вздыхали... каялись - ли онѣ въ какихъ грѣхахъ, или

вспоминали что-нибудь грустное?.. Станціонные рабочіе въ синихъ блузахъ подходили къ толпѣ, останавливались на минутку и, посмотрѣвши съ любопытствомъ на слушателей и чтеца, уходили прочь. А батюшка своимъ звонкимъ, немного сиплымъ голосомъ читалъ съ увлеченіемъ одну назидательную исторію за другой. Онѣ были всѣ очень похожи одна на другую. Егоръ подошелъ и прослушалъ, какъ крестьяне одной деревни вышли съ крестнымъ ходомъ противъ „червя", и какъ послѣ этого налетѣли грачи и поклевали его.

Приходила два раза матушка и звала о. Михаила пить чай. Онъ отвѣчалъ: „сейчасъ, мать",—и продолжалъ читать. Во второй разъ матушка долго-таки стояла, ожидая о. Михаила и прислушиваясь къ его уже уставшему, иногда спотыкающемуся голосу. Потомъ, не дождавшись, пошла, нѣсколько раздосадованная, и сказала:

— Это ужъ крайность...

Отецъ Егора тоже постоялъ, послушалъ и вздохнулъ.

— Пойдемъ, чадушка, чай пить,—сказалъ онъ голосомъ сознающаго свою грѣховность человѣка.

Они отошли и сѣли въ нѣсколькихъ шагахъ. Былъ слышенъ лишь голосъ о. Михаила, но слова доходили неразборчиво. По спинамъ людей, стоявшихъ въ толпѣ, припекаемой солнцемъ, видно было желаніе уловить и понять смыслъ читаемаго, и какія-то грустныя и неясныя мысли бродили, видимо, въ этихъ обнаженныхъ и покрытыхъ головахъ и объединяли толпу.

— О-о-о, Господи Исусе Христе...—вздохнулъ кто-то громко и тяжело позади Егора, за тачкой.

Онъ оглянулся. Слѣпой казакъ съ окладистой бородой, красавецъ, въ папахѣ и башлыкѣ, сидѣлъ въ короткой тѣни, падавшей отъ дверей залы перваго класса. Неподвижный, безмолвный, могуче сложенный, стройно перехваченный поясомъ съ свѣтлыми металлическими бляхами, онъ смотрѣлъ передъ собой внизъ своими темными очами, и какая-то тяжелая, неотвязная, глубокая дума застыла на его красивомъ, безнадежно-грустномъ лицѣ. Подростокъ-кубанецъ, уставши слушать неутомимаго о. Михаила, подошелъ къ нему и сѣлъ рядомъ.

— Ванъ, ты?—спросилъ слѣпой казакъ.

— Я.

— Дѣ бувъ?

— А на базарѣ.

— Хорошъ базаръ?

— Ни. Базару всего одинъ возъ, а станица—шесть чи семь хатъ... Священника слыхалъ?—прибавилъ Ванъ, помолчавъ:—читаетъ... Всѣ, говоритъ, помремъ, грѣшные...

— Помремъ — заховаютъ,—сказалъ равнодушно слѣпой казакъ:—Какъ Богъ... Съ Богомъ драться, что ль, будешь? Съ Богомъ драться не будешь... Какъ говорится—знаешь?—нынче живъ, а завтра, что Богъ дастъ..

Въ 9 часовъ 45 минутъ поѣхали дальше, и часа черезъ три снова пересаживались—въ Балашовѣ. Было жарко. Богомольцы метались по платформѣ, ища кипятку, а ихъ гоняли изъ третьяго класса въ четвертый, а гдѣ былъ четвертый—никто не зналъ. Поѣздъ стоялъ тутъ два часа, и въ вагонахъ была неимовѣрная тѣснота. О. Михаилъ, около котораго держались Егоръ съ отцомъ, бунтовалъ, грозилъ жалобной книгой, усовѣщевалъ и добился всетаки того, что ему для матушки очистили одну длинную лавку, а на другой занялъ мѣсто онъ самъ и Егоръ съ отцомъ. Потомъ пришелъ и сѣлъ съ самаго края какой-то небольшой, грязный старичокъ, вродѣ юродиваго, босой, въ подрясникѣ и подштаникахъ, съ длинными волосами, съ добрымъ испуганнымъ лицомъ.

Но вошелъ кондукторъ и весело крикнулъ:

— Ну, отче, подъ эту лавку!..

И старичокъ въ подрясникѣ вмѣстѣ съ своей котомкой безпрекословно поползъ подъ ту лавку, на которой сидѣлъ Егоръ.

— А вы—въ отхожее! — сказалъ кондукторъ въ сосѣднемъ купэ, и нѣсколько человѣкъ пошли по его указанію.

И хоть ѣхать тѣсно было, но интересно. О. Михаилъ не переставалъ разсуждать, поучать, повѣствовать. Егоръ ходилъ за нимъ на своихъ костыликахъ всюду. Теперь онъ симпатизировалъ ему даже больше, чѣмъ матушкѣ, хотя послѣдняя и давала ему какіе-то превкусные бѣлые, сдобные сухарики и поила чаемъ. Но Егору всегда было досадно, когда матушка останавливала ораторскій пылъ о. Михаила, яко бы изъ опасенія, что онъ можетъ прозѣвать поѣздъ, — а о. Михаилъ почти на всѣхъ большихъ станціяхъ выступалъ съ своей назидательной книжечкой „Другъ народа“ и собиралъ около себя толпу. Иногда даже жандармы,—хотя очень деликатно,—вмѣшивались и убѣдительно просили чтеца и его слушателей не мѣшать движенію на платформѣ.

И въ вагонѣ неугомонный о. Михаилъ не могъ сидѣть, молча. Онъ не въ силахъ былъ удержать своего проповѣдническаго пыла и всегда находилъ слушателей, которыхъ можно было наставить и просвѣтить.

— Священное Писаніе,—говорилъ онъ учительнымъ тономъ,—должно читать совсѣмъ иначе, чѣмъ обыкновенно читаютъ, и каждый разъ будешь узнавать все новое. Да. Я про себя скажу. Учился я въ гимназіи,—наукамъ свѣтскимъ,—

и не плохо учился... Даже стихи могъ сочинять... Но при этомъ имѣлъ пристрастіе къ Св. Писанію и пѣлъ каждый день по каѳизмѣ, и читалъ по нѣскольку главъ изъ евангелія... И удалялся въ уединенныя мѣста,—пилъ изъ родничка холодную воду, пѣлъ... тогда у меня сформировался недурный баритонъ. И стало посѣщать меня по временамъ умиленное настроеніе... Какъ бы вамъ сказать? Восторгъ передъ Богомъ, ясность такая... радость о всѣхъ ранахъ, болѣзняхъ, о благахъ и красотѣ мірозданія Господня... Сердце, бывало, такъ и ширится, такъ и жаждетъ возлюбить всѣхъ и вся... каждое живое существо... каждую козявочку и былинку... И падалъ я безъ чувствъ, и било меня всего въ конвульсіяхъ... Но это было блаженное состояніе... И слышался мнѣ какъ бы голосъ,—откуда, какъ,—не знаю... Это былъ необычайный голосъ... чудный... безъ звуковъ, а проникалъ все существо. Что говорилъ, какъ, какими словами,—этого передать я никогда бы не могъ... Но одно я понималъ: звалъ онъ меня ко Господу,—служить Ему единому... Обращался я къ священникамъ за совѣтомъ, двухъ прозорливцевъ спрашивалъ,—одинъ — слѣпецъ, а другой—болящій. Посовѣтовали мнѣ они въ духовные учиться. Прозорливецъ-болящій сказалъ: „ты будешь постриженъ на Аѳонѣ въ монахи. Но всетаки ты женись и иди въ священники“...

Егоръ вдругъ почувствовалъ, что между его свѣсившихся ногъ вылѣзаетъ что-то изъ-подъ лавки. Онъ глянулъ. Зелено-сѣдая голова старика въ подрясникѣ шевелилась, какъ какое-то невиданное чудище, а за нею съ усиліемъ выползало и все старое тѣло. Было и страшно, и смѣшно смотрѣть.

— Старымъ костямъ-то Трошки и больно,—сказалъ старикъ, усаживаясь на полу между лавокъ:—все позатекло...

— Повременилъ бы, дѣдушка. Контроль еще не проходилъ,—сказалъ отецъ Егора.

— Ничего, милый... Я тогда какъ-нибудь... успѣю, авось... Мнѣ даже желательно послушать... Любопытенъ я на это... Вотъ вы, батюшка, говорите: на Аѳонѣ... Я тамъ былъ. И на старомъ, и на новомъ... На старомъ—вотъ гдѣ истинное благочестіе!..

— Да, дѣдушка, это вѣрно,—согласился о. Михаилъ...

— Я и въ Русалимѣ былъ,—продолжалъ старикъ.—Хорошъ и Русалимъ, конешно, тамъ стопы Господни, а мы, грѣшные, по нимъ ходимъ... Но дико тамъ нашему брату: турокъ, арапъ, греки... Дюже жадны, греки-то... А на старомъ Аѳонѣ—тутъ святость дюже хорошая...

— Что-же, батюшка, разсчитываете—такъ и будетъ насчетъ

монастыря? — спросилъ отецъ Егора, возвращаясь къ прерванному разсказу о. Михаила.

— Вѣрю,—сказалъ о. Михаилъ:—твердо вѣрю. Мнѣ болѣе по душѣ гдѣ-нибудь въ монастырѣ священствовать: люблю служить... алтарь, тихое пѣніе, сосредоточенную молитву... такъ бы и служилъ, не переставая... А для міряпъ это не всегда того... подходяще... Но люблю я и міряпъ: народъ добрый, мягкій. Дѣти наипаче.

Матушка вздохнула и сказала:

— Ты бы узналъ, отецъ, на какой станціи кипяточку-то можно набрать.

— Ну-ну, спрошу, спрошу, — сказалъ о. Михаилъ, неохотно выходя изъ своего приподнятаго настроенія.

— У меня въ приходѣ, — прибавилъ онъ послѣ значительной паузы,—есть также нѣкоторые прозорливцы... сподобились различныхъ видѣній... Одному мужику во время водосвятія голубь три раза садился на голову...

Старичокъ въ подрясникѣ нетерпѣливо завозился... Лицо его странно сморщилось, точно онъ хотѣлъ засмѣяться или заплакать.

— Вотъ вы, батюшка, вѣрно сказали: мужичку благость Господня послана... Господь выбираетъ себѣ не изъ богатыхъ да сильныхъ, а самаго что ни есть простѣющаго званія...

— Справедливо, дѣдъ, справедливо,—вздохнулъ о. Михаилъ.

— Вотъ я слыхалъ: одна старуха изъ Арзамаса заблудилась въ пещерахъ кіевскихъ... Три года ходила! Черезъ три года въ старомъ Русалимѣ вышла. Какъ уже ее Господь сподобилъ... Черезъ три-то года,—продолжалъ старикъ, оглядываясь кругомъ,—вошли, стало быть, монахи въ пещеру, идутъ со свѣчками, вотъ и она на свѣчки идетъ. Передній и говоритъ:—„Стой, остановись, кто ты такой!"—Она остановилась.—„Сотвори молитву".—Сотворила молитву.—„Сотвори другую!"—Сотворила.—„Ну, стой тутъ, на мѣстѣ!"—Вышли они изъ пещеры, сказали старшимъ монахамъ. Старшіе монахи сказали архимандриту. Архимандритъ архирею доложилъ... Вошли въ пещеру, — потомъ вывели ее на воздухъ. За три года мохомъ покрылась, позеленѣла вся. Воздухомъ вѣнуло на нее, — она въ разъ и кончилась... Да. Такъ, любезничали дюже узнать, чѣмъ она питалась? Потрошили. Разрѣзали нутренность, животъ, кишки. Одна земля въ кишкахъ...

Старичокъ посмотрѣлъ, сколько могъ, вверхъ, на своихъ слушателей и повозился на мѣстѣ, желая сѣсть поудобнѣе.

— Ну, хоронили-то ее дюже хорошо!.. — закончилъ онъ

радостно:—Такъ хоронили, такъ хоронили... Сколько архиреевъ было... Дюже хорошій похоронъ былъ по ней...

— Ваши билеты, господа, приготовьте,—раздался въ концѣ вагона громкій голосъ кондуктора.

Старичокъ невѣроятно быстро юркнулъ подъ лавку, не договоривъ о похоронахъ.

Когда прошелъ контроль, онъ снова вылѣзъ изъ-подъ лавки, сѣлъ на полу и скоро завладѣлъ вниманіемъ большинства пассажировъ, сидѣвшихъ по сосѣдству. Словоохотливъ и краснорѣчивъ былъ о. Михаилъ, но старикъ-странникъ былъ еще краснорѣчивѣе, и разсказъ его лился неудержимымъ потокомъ.

— Въ Кіевѣ я шесть разъ былъ, — повѣствовалъ онъ: — пѣніе дюже хорошее! Все — партесное... „Господи помилуй" запоютъ, такъ ажъ душу пронзятъ... У Сергія-Троицы три раза былъ. Два раза въ Новомъ Русалимѣ. Ну, лучше нѣтъ— у Сергія Троицы. Тамъ одно панукадило,—мериканецъ представилъ,—теперь стоитъ этихъ трехъ монастырей. Золота на ней!.. Какъ свѣтъ зажгутъ, — такая свѣтлость! Дюже ха рошая свѣтлость-то...

— А въ Саровѣ былъ?—полюбопытствовалъ о. Михаилъ.

— У о. Серафима? Четыре раза былъ. Тамъ такой порядокъ: вотъ васъ пять человѣкъ, сложитесь промежду себя по четвертачку, обѣденку отслужите. Послѣ обѣдни подойдешь къ хресту: — „Батюшка, благословите къ о. Серафиму приложиться"... Такъ-то вотъ будутъ царскія врата (старикъ распланировалъ руками),—а такъ-то вотъ гробъ его... въ пещерахъ. Тепленькій лежитъ! И ручки, и ножки.. голову лишь не видать, а то весь тепленькій. И Сергій-Троица лежитъ, на щечкахъ у него—румянецъ, а самъ—ажъ горячій весь...

— Вы вотъ въ Пензѣ будете,—загляньте въ губерню. Хорошо поправилась она за послѣдніе года!.. Тамъ, коль поимѣете усердіе, къ о. Акентію... подъ престоломъ лежитъ. Тоже чудеса являлъ: слѣпого одного съ глазами сдѣлалъ, хромого съ ногами. Во снѣ губернатору являлся и говоритъ: „вы,—говоритъ,—если хотите, чтобъ я явился, уничтожьте скверу отъ собора". А сквера—это, стало быть, сады разведены, а въ садахъ музыка всякая, лавки торгуютъ, статуй стоитъ и прочее, стало быть. „Уничтожьте, — говоритъ, — скверу, я вамъ явлюсь..." Ну, а нони ишпо съ боку, отъ Московской, развели сады. Отъ этого самаго—прежде о. Акентій теплый былъ, а теперь гробъ потемнѣлъ и плѣсень уже пошла. Стало быть, ушелъ оттуда... А то могъ бы явиться вполнѣ...

III.

Въ полночь пріѣхали къ какому-то большому городу. Сказали: Пенза. Много огоньковъ разсыпалось внизу и вверху—зеленыхъ, бѣлыхъ и золотисто-красныхъ. Одни двигались, исчезали и вновь появлялись; другіе моргали и дрожали на одномъ мѣстѣ, иногда тоже прятались и снова выныривали...

Егоръ никакъ не предполагалъ, что ихъ поѣздъ привезъ такую массу народа. Широкая асфальтовая платформа сразу покрылась мѣшками, узлами, котомками, сумками, корзинками... Вагоны точно вдругъ прорвались и высыпали изъ себя эти кишащія, двигающіяся толпы, эти груды всевозможной рухляди.

— Держись, Егорушка! за меня держись! — говорилъ отецъ:—Гляди, не отставай, а то аминь... пропадешь ни за грошъ!.

Они попали въ людской потокъ, который неудержимо несъ ихъ впередъ, къ вокзалу. Но тамъ давно уже все было биткомъ набито. Егоръ съ отцомъ наткнулись на какую-то тачку около цвѣтника, положили на нее узелъ и сумки и присѣли, съ удовольствіемъ дыша свѣжимъ ночнымъ воздухомъ послѣ духоты вагона и съ удовольствіемъ поглядывая на давку въ дверяхъ вокзала. Два жандарма, чистые, величаво-спокойные, огромные, водворяли порядокъ. Отъ времени до времени густая толпа богомольцевъ, подталкиваемая легонько сзади ихъ кулаками, перекатывалась съ одного конца платформы на другой короткими, быстрыми шажками.

А кругомъ шелестѣлъ смутный говоръ многихъ голосовъ. Около тачки, которую заняли Егоръ съ отцомъ, уже образовались баррикады изъ мѣшковъ и узловъ. Подходили, устанавливались и садились люди—робкіе и растерянные, въ темнотѣ казавшіеся подозрительными и опасными.

— Откуда?—спросилъ отецъ Егора стоявшаго по близости низенькаго старичка въ длинной свитѣ и въ шляпѣ-котелкѣ.

— Полтавски.

— Сидайте туточки.

Старикъ присѣлъ рядомъ съ кучкой женщинъ самыхъ разнообразныхъ возрастовъ, которыя весело болтали между собой по-украински и пересмѣивались. Онѣ ѣхали изъ Ставропольской губерніи.

Изъ большихъ оконъ вокзала падалъ яркій свѣтъ, и копошащіяся кучки богомольцевъ на ихъ фонѣ казались черными и странными. Гдѣ-то тамъ, въ противоположной сто-

ронѣ, громыхая, передвигались въ черной тьмѣ длинныя цѣпи вагоновъ, выли свистки, лязгало желѣзо. И было странно, чуждо и сиротливо. Хотѣлось бы увидѣть кого-нибудь своего, поговорить, улечься поудобнѣе да соснуть...

— Билеты были до Лукьянова городу,—заговорилъ вдругъ старичокъ въ длинной свитѣ, быстро и оживленно поглядывая своими проворными и наивными глазками на стоявшихъ и сидѣвшихъ вокругъ тачки людей:—у Сараньску пустыню не далъ мнѣ кассиръ. „Нѣту", говоритъ, „у насъ билетовъ у Сараньску пустыню. Бери до Лукьянова". Узялъ до Лукьянова. По 11 рублей по 37 копіекъ платилъ за кажній отъ Прилукивъ. А тутъ, какъ замитусився народъ, я ихъ и обронивъ. Передъ этимъ контроль пошелъ, я показывалъ... при свидѣтеляхъ дѣло було.

— Потерялъ, стало быть?—спросилъ голосъ изъ темноты.

— Д-да... Ма буть такъ...

— Можетъ, онъ взялъ ихъ?—спросилъ новый голосъ.

— Хто?

— А контроль...

— Ни. Назадъ отдавъ,—грустно сказалъ старичокъ.

— А кабы взялъ, то онъ бы и отвѣчалъ.

— Ни. Я вамъ говорю, опять у руку мнѣ отдавъ. А тутъ какъ усѣ заспѣшили, я ихъ и обронивъ. Въ вагонѣ обронивъ, нигдѣ бильшъ...

— Что-жъ вы теперь думаете?—спрашивалъ голосъ изъ темноты и какъ бы откуда-то снизу, изъ узловъ и мѣшковъ.

— Да теперь вотъ домой хотимъ ворочаться. Старуха вонъ заболѣла, плачетъ: домой, говоритъ, вернемся...

— Ну, тутъ ужъ недалеко. Это врагъ не допущаетъ...

— Ужъ доѣдешь, — сказала ободряющимъ тономъ пиджачная пара торговаго вида:—деньги-то есть?

— Да деньги есть доѣхать. По 2 рубляхъ 64 копѣйки надо доплачивать. Доѣхать можно. Вотъ назадъ-то... Да и старуха заболѣла...

— А ты всетаки не вертайся!—голосомъ увѣщанія возразилъ купецъ:—это, дѣйствительно, врагъ тебя... того...

Ночь была темная. Какіе-то странные лапчатые звѣри ползли въ небесной высотѣ и съѣдали одну за другой яркія звѣздочки, кротко глядѣвшія внизъ на эту сѣрую, грязную усталую и смирную толпу.

Онѣ исчезали одна за другою, и Егору было такъ жалко ихъ... Потомъ онѣ совсѣмъ скрылись, и пошелъ дождикъ.

Сперва робко и крадучись упали на лицо Егора двѣ-три маленькихъ капельки. Онъ поднялъ лицо и ждалъ ихъ еще, но, должно быть, онѣ раздумали и скрылись... Потомъ, когда онъ усталъ ихъ ждать и задремалъ, онѣ налетѣли опять и

закапали чаще. Было похоже, что онѣ снова перестанутъ. Нѣтъ. Онѣ смѣлѣе и чаще забрызгали въ лицо и сдѣлали его мокрымъ. Приходилось накрываться или уходить.

— Оце й дожжикъ...—сказалъ голосъ въ притихшей и дремавшей грудѣ человѣческихъ тѣлъ, заваливших платформу.

— Какъ будто... Господь-кормилецъ посылаетъ... тово... дожжу...—подтвердилъ смиренно другой отсырѣвшій богомолецъ.

— Не размякнемъ!—послышался около тачки чей-то ободряющій голосъ.

— Небось, не глыняни,—присоединился еще кто-то.

Прошло еще минутъ десять. Мелкій дождикъ сыпался, не останавливаясь. Гдѣ-то уже зазвенѣли струйки, стекая съ крыши вокзала. Все намокло. Толпа зашевелилась,—надо было спасать свои сухари и пожитки. И вотъ, какъ муравьи, поползли всѣ подъ крышу. Сначала они сгрудились передъ залой третьяго класса, но, убѣдившись, что туда нѣтъ никакой возможности влѣзть, двинулись на первый классъ. Сонный жандармъ, не желавшій мокнуть на дождѣ, отступилъ и занялъ боевую позицію внутри, въ самой залѣ перваго класса, имѣя въ резервѣ усталаго буфетчика съ баками на темномъ, зломъ, лакейски-высокомѣрномъ лицѣ. Толпа втиснулась въ корридоръ и распахнула двери въ залъ. Публика почище, которая уже заняла въ залѣ мѣста своими узлами,— глядѣла враждебно и съ негодованіемъ на эту темную, грязную массу намокшихъ людей, которые на мгновеніе остановились, озадаченные яркимъ свѣтомъ, блескомъ граненаго хрусталя, зелеными вѣерами поддѣльныхъ пальмъ и вазой съ разнообразными бутылками.

— Ку-у-да? Эт-тэ куда?—послышался голосъ грознаго жандарма.

Когда жандармъ молчалъ или, не возвышая голоса, дѣлалъ свои распоряженія, его величественно-важная фигура производила впечатлѣніе чего-то, дѣйствительно, внушительнаго, непогрѣшимо-властнаго и непререкаемаго. Но когда онъ закричалъ, голосъ у него неожиданно оказался жидкимъ, совсѣмъ не величественнымъ, телячьимъ,—и все обаяніе устрашающей власти исчезло... Этотъ голосъ слабо плеснулъ надъ волнами другихъ голосовъ, жужжащихъ и несущихся изъ темноты, хлопающей и шелестящей дождемъ. Что-то стихійное напирало оттуда и подавало впередъ первые ряды толпы, какъ они ни упирались, озадаченные яркимъ свѣтомъ и непривычною для нихъ обстановкою зала. Короткими, мелкими шажками, они шли, шли прямо на жандарма, на буфетчика, на роскошный столъ, на толстую, благообразную

монахиню, на усатаго отставного офицера, на какую то барышню въ шляпкѣ...

Жандармъ съ рѣшительнымъ видомъ уперся кулаками въ животъ того торговца, который разговаривалъ съ хохломъ, потерявшимъ билеты. Это былъ толстый, солидный человѣкъ въ пиджакѣ и въ сапогахъ бутылками.

— Назадъ!—кричалъ жандармъ, багровѣя отъ усилія и всетаки отодвигаясь подъ напоромъ толпы, которая выносила впередъ и толстаго торговца, и старуху съ сумками за плечами, и нѣмую крестьянку, и двухъ мужичковъ въ сѣрыхъ армякахъ.

— Ты сверхъ своей обязанности не смѣешь поступать!—кричалъ, въ свою очередь, пиджакъ, осторожно стараясь освободить себя отъ рукъ жандарма:—У меня въ Саратовѣ собственный домъ!.. Имѣешь ли ты права за грудки хватать? Эк-ка!..

И онъ наѣзжалъ все ближе и ближе на жандарма. А жандармъ, выбившись изъ силъ, бросилъ тяжелаго купца и рванулъ вдругъ за котомку старуху. Испуганно охнувъ, она полетѣла мимо него подъ столъ. Но, должно быть, не ушиблась, потому что тотчасъ же сбросила свои сумки съ плечъ и расположилась тамъ, повидимому, не безъ удобства. За ней прошмыгнули два мужичка, потомъ нѣмая крестьянка, а потомъ прорвался потокъ, унесшій на противоположный конецъ зала жандарма, забившій въ уголъ буфетчика, затопившій тѣлами и узлами все: и полъ, и диваны, и стулья, и все пространство подъ столами, и окна, и уборныя, и ватерклозеты. И всетаки въ проходѣ, въ корридорахъ и подъ дождемъ остались стоять толпы, сбившіяся, какъ овцы, въ плотную массу, мокрыя и безропотныя...

Отецъ держалъ Егора на рукахъ, когда толпа вынесла ихъ въ залъ. Имъ посчастливилось: о. Михаилъ, сидѣвшій съ матушкой въ уголку у окна, увидѣлъ ихъ и взялъ подъ свое покровительство; они расположились около нихъ на полу, подъ круглымъ столикомъ. Было тѣсно и неудобно, но всетаки лучше, чѣмъ подъ дождемъ. Егора посадили послѣ того на окно, и онъ тотчасъ же уснулъ.

Онъ проснулся оттого, что нога затекла отъ неудобнаго положенія и больно ныла. Въ окно глядѣлъ голубой разсвѣтъ. На столѣ лежала лохматая голова о. Михаила; матушка, подложивъ къ уху маленькую подушечку-„думку“, спала, склонившись головой на спинку стула. Тяжелый, всепобѣждающій сонъ сковалъ всѣхъ, и странно было видѣть теперь, при брезжущемъ свѣтѣ утра и жидкомъ свѣтѣ висячей лампы у буфета, эти уставшія, большею частью, старыя и уродливыя тѣла.

Люди спали въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ: ничкомъ на полу, сидя за столами и у стѣнъ, стоя—опершись на костыли; валялись въ дверяхъ и въ проходѣ, заложенные узлами; ложились головами на чужія ноги, а иногда чьи-нибудь неуклюжіе сапоги безцеремонно наваливались на голову сокрушеннаго всемогущимъ сномъ сосѣда.

Воздухъ въ залѣ былъ нагрѣтый и испорченный. Егору очень хотѣлось выйти, но нельзя было перелѣзть черезъ спящихъ. Онъ осторожно пріотворилъ окно и съ жадностью сталъ вдыхать сырой, свѣжій воздухъ хмураго утра. За окномъ, въ неясномъ сумеречномъ свѣтѣ, виднѣлись фигуры въ старыхъ, грязныхъ тряпкахъ, запыленныя, поношенныя, дряблыя. Дождя уже не было, но виднѣлись лужи на платформѣ. Слышно было, какъ молились вслухъ иные изъ богомольцевъ, обратившись въ ту сторону, гдѣ сквозь облака просвѣчивалъ румянецъ зари.

— Чистую душу... грѣшную... помилуй меня, грѣшную...— доносились до Егора слова молитвы, то замирающей и угасающей, то вновь вздыхающей и несущейся туда, вверхъ, въ невѣдомое пространство.

Молилась старая хохлушка, стоявшая у самаго окна. Долго крестилась она и кланялась, долго шевелились ея потрескавшіяся отъ вѣтра губы,—онѣ то шептали, то вслухъ говорили однообразно-пѣвучія слова ея собственной молитвы:

— Святый угодничекъ Божій Никола... Стопочка... помилуй меня грѣшную... Преподобный Іованъ Кронштадскій, молись за насъ, грѣшныхъ... Заступница усердная... помилуй мою душу грѣшную...

Подъ этотъ пѣвучій, молящій голосъ, Егоръ опять заснулъ, обвѣваемый ароматной прохладой наружнаго воздуха.

Когда его разбудилъ отецъ, было уже шумно, ярко кругомъ Солнце стояло высоко, лужъ на платформѣ не было, въ залѣ было почти пусто. Богомольцы разбрелись въ разныя стороны, ходили въ городъ, пили чай на высохшей платформѣ, спали въ тѣни. Матушка дала Егору кружку чаю. За окномъ, на платформѣ, въ центрѣ толпы старухъ, калѣкъ, болящихъ, ораторствовалъ о. Михаилъ. Онъ говорилъ, должно быть, о „благодатныхъ" средствахъ исцѣленія отъ разныхъ недуговъ, а толпа жадно, съ поглощающимъ вниманіемъ слушала его.

Егоръ поскорѣе допилъ чай и побѣжалъ туда же. О. Михаилъ для чего-то заносилъ званія, имена и фамиліи болящихъ въ свою записную книжку, а толпа все густѣла вокругъ него.

— Помяните и меня, батюшка, въ своихъ святыхъ молит-

вахъ,—Назарія!—настойчиво раздавался звонкій теноръ сзади Егора.

— Званіе?—дѣловымъ тономъ спрашивалъ о. Михаилъ.

— Я—городовой... Городовымъ въ Москвѣ служилъ... Да зашибленъ лошадьми, такъ—въ грудяхъ у меня стѣсненіе... воздухъ не держится... Даже иной разъ говорить не говорю, а прежде агромаднѣйщій голосъ былъ...

О. Михаилъ писалъ и писалъ, долго писалъ. Что онъ записывалъ, окружавшая его толпа не знала, но видъ записной книжки, видъ серьезнаго, глубоко-озабоченнаго о. Михаила внушалъ мысль о чемъ-то чрезмѣрно важномъ, необычномъ, таинственномъ.

— А вотъ тутъ есть женщина, батюшка,—заговорилъ опять бывшій московскій городовой:—женщина... мужъ у ней повреженъ умомъ, проситъ его записать...

— Гдѣ она?—спросилъ о. Михаилъ.

— На плацформѣ. Въ Москву везетъ.

— А почему же не къ о. Серафиму? — съ изумленіемъ воскликнулъ батюшка.

— Кто-жъ ее знаетъ... Билетъ, говоритъ, ей на Москву данъ...

— Что-жъ такое! Тутъ недалеко свернуть въ сторону. Гдѣ она?

И о. Михаилъ проворно направился въ ту сторону платформы, куда повелъ его бывшій городовой. Толпа повалила за нимъ. Егоръ тоже не отставалъ.

И когда онъ на своихъ костыляхъ съ усиліемъ протискался въ середину толпы, окружившей сумасшедшаго, его же у и о. Михаила, онъ прежде всего увидѣлъ стоявшаго почтительно, безъ шапки, молодого человѣка въ пальто по колѣни, подпоясаннаго синимъ поясомъ, за концы котораго сзади держалъ другой молодой человѣкъ въ пиджакѣ. О. Михаилъ стоялъ передъ полной, молодой, безбровой женщиной съ очень круглыми формами.

Батюшка краснорѣчиво убѣждалъ свернуть съ дороги къ о. Серафиму, а женщина, держа свои пухлыя руки на животѣ, говорила, что провожатый ей данъ только до Казани. Ея мужъ глядѣлъ на о. Михаила недоумѣвающими, кроткими дѣтскими глазами, и въ его кругломъ, наивномъ, молодомъ лицѣ, съ усами и короткой щетиной небритой бороды, въ его стриженой головѣ и въ томъ смирномъ вниманіи, съ которымъ онъ глядѣлъ въ ротъ о. Михаилу, усиливаясь, можетъ быть, понять его рѣчь,—было много дѣтскаго, безпомощнаго и трогательнаго.

— Съ чего же повредился?—спросилъ о. Михаилъ.

— А Богъ его знаетъ. Крушеніе поѣзда было. Съ тѣхъ самыхъ поръ попортился.

— А зачѣмъ же это вы его связали?

— Да боимся, кабы не выскочилъ. Разъ въ окно чуть не вылѣзъ. А то на паровозъ лѣзетъ: „я,—говоритъ, — машинистъ"...

О. Михаилъ покачалъ съ сожалѣніемъ головой и, помолчавъ, сказалъ:

— Мой душевный совѣтъ вамъ: повезите къ о. Серафиму!

И толпа, которая пристально и жалостливо разсматривала этого человѣка, — толпа этихъ старухъ, болящихъ, калѣкъ, людей, угнетенныхъ какимъ-нибудь несчастіемъ или скорбью, тоже повторяла слова о. Михаила, вѣря въ возможность чуда, надѣясь на всемогущество новаго заступника, чая воскресенія умершихъ преданій о невозможномъ, которое было когда-то возможно...

IV.

Въ полдень подали поѣздъ. Богомольцы, расположившіеся въ ожиданіи его по всей платформѣ съ своими узлами и котомками, кинулись въ вагоны, давя другъ друга, застрявая въ дверяхъ, ссорясь, крича, захватывая мѣста. Кричали и толкались жандармы, кричали какіе-то желѣзнодорожные начальники, кричали кондуктора и сторожа... Въ воздухѣ, нагрѣтомъ и тяжеломъ, стоялъ гвалтъ, и становилось страшно.

Въ этой сутолокѣ Егору пришлось понести чувствительную потерю: о. Михаилъ, переговоривъ по секрету съ „оберомъ", рѣшилъ сѣсть во второй классъ, и Егору уже никогда больше не пришлось его видѣть. Онъ съ отцомъ пошелъ впередъ, безнадежно посматривая на вагоны, уже биткомъ набитые пассажирами. Около одного вагона стояли кондуктора. Отецъ заглянулъ въ окно и несмѣло сказалъ:

— А тутъ вѣдь никого нѣтъ?.

— Служебное отдѣленіе,—строго сказалъ одинъ кондукторъ.

— Да пускай садятся, — прибавилъ другой, — садитесь, кавалеръ.

И Егоръ съ отцомъ очутились въ пустомъ отдѣленіи вагона, въ которомъ было только одно существенное неудобство: удушливо пахло клозетомъ. Но едва они успѣли расположиться, занявъ сразу двѣ лавки, какъ дверь отворилась и въ нее испытующе заглянулъ кудрявый человѣкъ въ картузѣ, съ русой бородкой.

— Слободно?—спросилъ онъ мягкимъ голосомъ, заискивающе глядя своими блестящими, маленькими глазками на Егора.

— Служебное отдѣленіе,—строго сказалъ отецъ.

— А мы на полку?..

И, видя, что возраженій нѣтъ, онъ проворно вошелъ, а за нимъ послѣдовалъ еще коротенькій старичокъ съ квадратнымъ лицомъ.

— Сида-айте! — сказалъ кудрявый человѣкъ, засуетившись, и радостно засмѣялся.

Онъ тотчасъ же забрался на полку и разостлалъ тамъ свой суконный халатъ. Старичокъ смирнехонько присѣлъ въ углу, стараясь занять своей особой какъ можно меньше мѣста. И оба, видимо, были довольны. Кудрявый человѣкъ, восторженно поглядывая сверху своими блестящими глазками, не выдержалъ восхищенія и разсмѣялся горошкомъ. Этотъ смѣхъ заразилъ старика, Егора и его отца. И они всѣ дружно смѣялись и посматривали, какъ толпы метались по платформѣ и шли куда-то все впередъ и впередъ, мимо ихъ вагона.

Но вотъ черезъ нѣсколько минутъ опять отворяются двери, и въ нихъ заглядываетъ черная борода.

— А здѣсь занято, — быстро говорить кудрявый хохолъ сверху.

— Занято? — недовѣрчиво и уныло переспрашиваетъ борода.

— Да. Тутъ вонъ начальники сидятъ... Вонъ мундеръ лежитъ... аполеты вотъ... видите...

Но пока происходило это объясненіе, изъ-за черной бороды вылѣвло, одна за другой, около полдюжины бабъ. Онѣ вторглись дружно и безапелляціонно и сейчасъ же наполнили маленькое отдѣленіе своими узлами, котомками, чайниками. И оказалось ихъ уже не полдюжины, а цѣлый десятокъ.

— Дамська дальше,—попробовалъ было соврать кудрявый хохолъ, лицо котораго изъ веселаго постепенно вытянулось въ тревожное и недоумѣвающее.

— Да мы бы и въ дамской,—застрекотали бабы:—да вотъ человікъ у насъ... его не пускаютъ.

— Да его хочь и къ намъ!

— Да у него-жъ жена да дочь...

— Экъ біда... не скиснуть безъ него.

— Ни... онъ говоритъ: голодный буде...

— Экъ!..—досадливо крякнулъ кудрявый хохолъ и слѣзъ съ полки, чтобы занять свою долю мѣста и на лавкѣ.

И снова духота, тѣснота, вонь...

Тронулся поѣздъ. Пробѣжалъ сначала городъ съ церквами, съ мелкой панорамой домовъ, разбросанныхъ по скату нагорнаго рѣчного берега, съ лѣсопильными заводами; сверкнула узкая, загрязненная рѣчка, прогремѣлъ мостъ, потянулось какое-то длиннѣйшее село съ деревянными домиками, безъ трубъ, безъ пристроекъ, почти безъ оконъ... Потомъ пошли огороды, побѣжали рощицы, перелѣски, поля сжатыя и не сжатыя, маленькія станціи съ долгими остановками, съ толкотней около кадокъ съ водой, около крестьянокъ, продающихъ яйца, малину, яблоки и орѣхи. Дѣвчонки лѣзли къ окнамъ вагоновъ съ своими товарами, наперерывъ кричали, протягивали тарелки. Иногда жандармъ — должно быть, отъ скуки, — гналъ ихъ, давалъ пинка, вышибалъ изъ рукъ деревянную чашку съ яблоками, — яблоки разсыпались и катились по платформѣ, — но проворная дѣвчонка быстро подбирала ихъ и снова уже протягивала чашку по направленію смотрѣвшихъ въ окна пассажировъ, а жандармъ зѣвалъ...

Такъ ѣхали до вечера. Вечеромъ пересаживались въ Рузаевкѣ. Тутъ обокрали толстую монахиню, и она безъ конца охала и плакала. Ночью еще пересаживались на станціи Тимирязево, и тамъ опять обнаружена была кража у двухъ пассажировъ. Отецъ Егора вздыхалъ и осторожно ощупывалъ правый бокъ жилета, гдѣ у него были зашиты деньги.

Егору пришлось теперь спать сидя, въ самомъ неудобномъ положеніи. Ныла нога, болѣлъ бокъ и лѣвая половина головы. Онъ часто просыпался и глядѣлъ въ окно, ожидая, что поѣздъ вотъ-вотъ добѣжитъ до слѣдующей станціи, и тогда—конецъ ихъ пути.

Но поѣздъ все бѣжалъ и бѣжалъ. Въ окно видны были синія тучки, зарумяненныя зарей, высокое и блѣдное голубое небо, свѣжій, точно отмытый, березовый лѣсокъ, фигуры солдатиковъ въ бѣлыхъ рубахахъ и въ накинутыхъ на плечи шиняляхъ, мужички съ костылями, въ армякахъ и лаптяхъ, съ какими-то бляхами на груди. Мужички стояли неподвижно на одинаковыхъ дистанціяхъ. Казалось, они боялись повернуть головы въ сторону поѣзда и смотрѣли, не моргая, впередъ, въ ту сторону, куда онъ шелъ. А мимо нихъ гарцовали на коняхъ по скошеннымъ полямъ урядники, похожіе на генераловъ, какъ ихъ рисуютъ на картинкахъ. Мелькали кое-гдѣ бѣлыя палатки, а возлѣ — маленькій огонекъ съ задумчивымъ солдатикомъ, вспоминающимъ родину и, можетъ быть, покосъ гдѣ-нибудь тамъ, далеко, въ родныхъ мѣстахъ...

На станціяхъ уже не было ни народу, ни дѣвчатъ съ малиной или яблоками. Кучкой стояли крупные, щеголе-

ватые жандармы, а въ сторонкѣ—господинъ въ красной фуражкѣ, начальникъ станціи. На каждой станціи изъ поѣзда выходилъ старый жандармскій подполковникъ и, сдѣлавши озабоченное лицо, о чемъ-то подолгу толковалъ съ начальниками въ красныхъ фуражкахъ. По усталымъ лицамъ этихъ людей видно было, что старикъ говоритъ для формы, перебираетъ совершеннѣйшіе пустяки, которые и безъ него предусмотрѣны. Молодцоватые унтера величественно и сурово взирали на какого-нибудь смиреннаго богомольца, торопливо набиравшаго въ чайникъ воды изъ зеленой станціонной кадки. На ихъ лицахъ, какъ будто, было написано:

— „И къ чему такая мразь землю обременяетъ въ такой важный моментъ?..“

Когда подполковникъ проходилъ мимо нихъ, они вытягивались до послѣдней физической возможности, затаивали дыханіе и „ѣли“ его глазами.

— Ну, какъ, братецъ? У тебя все благополучно?—кидалъ небрежно старикъ въ сторону кого-нибудь изъ нихъ.

— Гавъ-гавъ! —быстро и громко отвѣчалъ унтеръ, и глаза его преданно глотали начальника.

V.

Около восьми часовъ утра поѣздъ остановился на станціи Шатки.

Большая часть богомольцевъ высадилась здѣсь, даже тѣ, у кого былъ билетъ до Арзамаса. Такъ сдѣлалъ и Егоровъ отецъ, потому что ходили упорные слухи о дороговизнѣ подводъ въ Арзамасѣ и о томъ, что отъ Шатокъ путь короче.

Послѣ духоты вагона было особенно пріятно подышать утреннимъ воздухомъ на травкѣ около маленькаго вокзала, закусить и выпить чаю. Множество отпряженныхъ телѣгъ стояло за вокзаломъ. Мужики съ кнутами въ рукахъ шли развернутымъ фронтомъ на богомольцевъ.

— Ѣхать?—спросилъ тощій старичокъ отца Егора.

— Да.

— Васъ сколько?

— Да вотъ двое съ парнишкой.

— Двоимъ дорого будетъ. Человѣка три-четыре...

Сидѣвшіе рядомъ на травкѣ двое богомольцевъ—старый хохолъ изъ Таврической губерніи и молодой человѣкъ въ пиджакѣ изъ Екатеринославской—поднялись и приняли участіе въ торгѣ.

— А довезешь четырехъ-то?—спросилъ молодой, котораго старикъ называлъ Алексѣй.

— Х-хе!—воскликнулъ ухарски дѣдъ, обнаруживая желтые, порѣдѣвшіе зубы:—ч-че-ты-рехъ!.. Десять довезу! Телѣга крѣпкая и лошадь—ничего... твердая лошадка...

— А за сколько повезешь?

— Къ Понитаевкѣ аль до Сарова?

— До Сарова.

— До Сарова шесть рубликовъ...

— Тю-у!.. Ска-залъ!..

Молодой екатеринославскій богомолецъ, самъ человѣкъ, повидимому, прикосновенный къ торговлѣ, умѣвшій и любившій „ладиться", сейчасъ же забралъ въ свои руки торгъ за подводу.

— Господа-а! да вы какъ считаете? А сколько тутъ верстовъ по вашему?—восклицалъ возница.

— А сколько?—задорнымъ тономъ сказалъ Алексѣй.

— Тутъ до Понитаевки считается двадцать. Извольте, до Понитаевки за полтора довезу, пожалуйте...

— А отъ Понитаевки?

— Чаво отъ Понитаевки?

— Верстъ... чаво!

— Да тамъ болѣ... съ тридцать будетъ... а то и всѣ сорокъ клади... а може—и съ пятьдесятъ...

— А ты тутъ хочешь полтора содрать? Эка какой простякъ!..

— Господа-а! да вы какъ считаете...

— Нѣтъ, ты-то какъ?..

Торговались очень долго. Молодой богомолецъ учитывалъ старика въ верстахъ, сбилъ его подъ конецъ съ толку на смѣхъ слушателямъ, вошелъ въ азартъ и назвалъ беззубымъ съ прибавленіемъ пряннаго словца.

— Да ты чего?.. Эка ты, парень... къ чему ты такія слова? Молодой вьюношъ и того... ты еще зеленъ, братецъ,—смущенно говорилъ старикъ, нѣсколько растерявшись подъ стремительнымъ натискомъ Алексѣя.

Въ концѣ концовъ сошлись на четырехъ рубляхъ. Телѣжонка оказалась маленькая, старая и дрянная, но лошадь сносная. Всѣ четыре пассажира взобрались всетаки на телѣгу съ твердой рѣшимостью ѣхать, а старикъ пошелъ съ боку. Но было неудобно сидѣть—тѣсно, и скоро съ телѣги слѣзли всѣ взрослые пассажиры, остался одинъ лишь Егоръ. И онъ бы слѣзъ съ удовольствіемъ, потому что телѣга была очень тряская; передокъ ея былъ выше задка, и сидѣть съ вытянутыми ногами было мучительно. Онъ примостился коекакъ на узлахъ и не безъ любопытства поглядывалъ кругомъ и слушалъ старика-возницу, который оказался болтливымъ и довольно занимательнымъ человѣкомъ.

Широко и благодушно разстилались холмистыя поля съ синѣющими вдали перелѣсками, съ копнами озимаго жита, съ жницею, согнувшеюся въ высокой ржи, съ тощими овсами, чечевицей и гречихой, съ деревеньками и церквами. Частыя, бѣлѣющія тамъ и сямъ церковки придавали веселый, оживленный видъ населенности однообразію этихъ похожихъ другъ на друга холмовъ.

Деревеньки были особенныя, не похожія на тѣ, которыя зналъ Егоръ. Маленькіе темные, покрытые старымъ тесомъ домики походили на амбары. На широкую улицу вылѣзали какіе-то погреба. Тутъ же были расчищены токи, а около нихъ сложены небольшія кучки сноповъ. Молотили бабы, медленно взмахивая цѣпами. Для Егора такая молотьба была невиданнымъ никогда зрѣлищемъ.

— Что же кушать будутъ, коли такая работа?—пренебрежительно говорилъ екатеринославецъ Алексѣй.

— Дывлюсь: никакого садика, никакой фрухты не видать,—говорилъ старикъ, херсонскій хохолъ, котораго звали Симонычемъ:—Какъ они живутъ, эти люди?..

Но люди жили, плодились и множились. Кучи ребятишекъ, бѣлоголовыхъ, стриженыхъ въ кружокъ, окружали телѣгу и съ пронзительнымъ крикомъ рѣчныхъ чаекъ бѣжали за ней.

— Кинь! кинь!—кричали они и дружной стаей налетали на брошенный имъ съ телѣги кусокъ булки или ситнаго хлѣба, и опять бѣжали, не глядя себѣ подъ ноги и спотыкаясь въ глубокихъ колеяхъ дороги.

И все здѣсь смотрѣло какъ-то особенно смирно, кротко, робко: и запыленныя фигуры, плетущіяся по дорогѣ, и добродушно-болтливый старикъ-возница, и этотъ тощій хлѣбецъ, и синеватыя балки съ жидкимъ лѣскомъ, и бѣлѣвшія вдали церковки. Было странно, что эти многочисленныя толпы народа, тянувшагося гуськомъ по всей дорогѣ и усѣявшаго всѣ завалины въ деревняхъ, ничуть не оживляли этого тихаго, смиренно-грустнаго пейзажа. Онѣ шли, не спѣша, размѣреннымъ, экономнымъ шагомъ, серьезныя, молчаливыя, и равнодушнымъ, усталымъ взглядомъ смотрѣли на проѣзжающихъ. На всѣхъ лицахъ застыло общее деревянное выраженіе блѣдной, неясной, скучной думы. Взоръ жадно искалъ среди нихъ молодого, красиваго, бодраго лица и — не находилъ...

Къ полудню старикъ-возница нагналъ богомольческій поѣздъ, стоявшій въ мордовскомъ селѣ Кордевиль, и предложилъ своимъ пассажирамъ, по примѣру прочихъ богомольцевъ, напиться чаю, пока онъ покормитъ гнѣдка. Пили чай въ грязной и душной мордовской избѣ съ небѣленой

ночью. Чай былъ какой-то мутный, самоваръ — давно не чищенный, зеленый, а хозяинъ—косноязычный, разбитый параличемъ мордвинъ, все время говорившій что-то, чего нельзя было разобрать. За самоваръ взяли только двѣ копѣйки.

Потомъ поѣхали дальше, вслѣдъ за цѣлымъ рядомъ телѣгъ съ богомольцами. Сзади тоже шуршали телѣги, и длинный поѣздъ поднималъ цѣлыя облака пыли. Пыль густо покрывала траву по обѣ стороны дороги, обувь пѣшеходовъ и пассажировъ, ихъ одежду и лица. Егору казалось, что она какъ встала, такъ и не садилась и летѣла на него и спереди, и сзади, и ощущеніе ея въ носу, во рту, за рубахой причиняло непріятное безпокойство, — хуже, чѣмъ безпощадная тряска телѣги. Онъ завидовалъ тѣмъ пассажирамъ, которые, соскочивши съ телѣгъ, плетущихся шагомъ, шли себѣ въ отдаленіи отъ дороги, избавившись отъ этой безпощадной пыли.

Съ ближайшей телѣги, ѣхавшей впереди, доносился иногда глухой, надрывающій душу крикъ, завываніе мучительной боли. Егоръ привставалъ нѣсколько разъ, но ничего не разсмотрѣлъ, кромѣ спины женщины, нагнувшейся надъ тѣмъ самымъ отрывисто взывавшимъ существомъ.

— Дѣвка, — сказалъ ему разговорчивый возница: — годовъ семнадцати, а на видъ — лѣтъ шесть, больше не дашь... Попортилась. Это мой мнукъ ихъ везетъ, Васька... Маленькую, говоритъ, лошади ушибли. А это мать ея сидитъ вонъ... Чижало ей, любушкѣ...

И когда страдающій, болѣзненный вой долеталъ до Егора, ему казалось, что кто-то рѣзко сдавливалъ ему сердце. И было больно, было жалко и это несчастное, изуродованное муками существо, и ту наклонившуюся женщину-мать, которая много лѣтъ слышитъ этотъ мучительный крикъ боли, много безсонныхъ и страшныхъ ночей провела, глядя въ очи темной, безпросвѣтной скорби, погруженная въ бездну безсильныхъ страданій...

Сѣло солнце. Когда послѣдніе, красноватые лучи его погасли на курившихся облакахъ пыли, стало вдругъ очень свѣжо, даже холодно, захотѣлось деревни, ночлега. И когда наступила ночь,—впереди, въ мглистомъ ея туманѣ, представлялись все хаты, церковь, но не было ни хатъ, ни церкви, тряслись и скрипѣли телѣги, скатывались куда-то внизъ и медленно всползали затѣмъ вверхъ. Надъ головой мелькали звѣзды. Иногда влажная свѣжесть проползала по лицу. Егоръ улегся. Отецъ прикрылъ его чѣмъ-то теплымъ, но телѣга ужасно трясла, прыгала, стукалась обо что-то, кряхтѣла и скрипѣла, и, лежа, Егору казалось, что она вотъ-вотъ развалится. Отъ тряски разбаливалась голова, и Егоръ опять под-

нимался и садился и чувствовалъ холодъ и пыль, плавающую въ воздухѣ, и все ждалъ, что скоро въѣдутъ или въ деревню, или въ монастырь. Деревня теперь представлялась ему чѣмъ-то ласковымъ, теплымъ и уютнымъ, и онъ жадно всматривался впередъ.

Вонъ какая-то темная масса вырисовывается на смутно-бѣломъ горизонтѣ. Должно быть, лѣсъ? Вѣдь подъ монастыремъ, говорятъ, лѣсъ? Сейчасъ въѣдутъ въ него, а тамъ и монастырь. Тоже хорошо: можно отдохнуть, согрѣться и уснуть... Но лѣсъ оказывается кустарникомъ, а за нимъ опять темное поле, и мутный горизонтъ надъ нимъ, и звѣзды.

Вонъ огоньки моргаютъ, два—съ правой стороны, одинъ—съ лѣвой. Этотъ ближе къ дорогѣ, тѣ — далеко въ сторонѣ. И когда поѣздъ богомольческихъ телѣгъ проѣзжаетъ мимо лѣваго огонька, Егоръ видитъ освѣщенную имъ телѣгу и головы лошадей, а около самого костра двухъ человѣкъ съ бѣлокурыми, задумчивыми лицами. Кто эти люди? О чемъ они думаютъ?..

Теперь уже и старикъ не болтаетъ, и его пассажиры рѣже сходятъ съ телѣги, чтобы идти вдоль дороги. Должно быть, дремлется и имъ. Они одѣлись потеплѣе и сидятъ, свѣсивъ съ телѣги ноги. Алексѣй все крякаетъ. Потомъ, какъ-то странно изогнувшись, онъ упирается головой въ спину ямщика и начинаетъ, какъ-будто, всхрапывать.

Въ одномъ мѣстѣ телѣга, неистово гремя, быстро скатилась куда-то внизъ, съ грохотомъ склонилась налѣво, въ сторону черной стѣны кустарника, наткнулась на что-то, испуганно крякнула, заскрипѣла, словно отъ боли, и остановилась. Всѣ вскочили...

— Осы! -трагически воскликнулъ старикъ-возница.

— А? Погодите... я сичасъ... —дикимъ голосомъ, спросонья, говорилъ Алексѣй, суетясь около телѣги.

Отецъ Егора хладнокровно осмотрѣлъ телѣгу и спокойно сказалъ:

— Пенекъ. Подавай назадъ лошадь! Ты, старикъ!

Старикъ взялъ гнѣдка подъ уздцы и, усиливаясь подвинуть его назадъ, говорилъ ласково:

— Тпру, золотой... тпру... осади задъ... задъ, милый, задъ...

Но гнѣдко стоялъ себѣ равнодушно, понуривъ голову, не смотря на эти уговоры и не взирая на то, что надъ телѣгой пыжились Алексѣй и херсонскій хохолъ Симонычъ, старавшіеся сдвинуть ее назадъ. Тогда отецъ Егора зашелъ сзади, легко приподнялъ задокъ телѣги и пересадилъ ее черезъ пень.

— Трогай!—сказалъ онъ, садясь на телѣгу.

И снова она покатилась, а за нею и хвостъ поѣзда, остановленнаго этимъ инцидентомъ.

Вотъ и деревня. Поѣздъ катитъ по широкой, уснувшей улицѣ, домишки которой кажутся совершенно одинаковыми по обѣимъ сторонамъ,—потомъ по плотинѣ надъ прудомъ потомъ останавливается около какой-то освѣщенной лавчонки. Должно быть, это чайная или постоялый дворъ; она биткомъ набита: видны въ раскрытую настежь дверь распоясавшіеся люди съ блюдечками въ рукахъ, слышенъ смѣшанный гулъ голосовъ, а кругомъ, на улицѣ, цѣлая флотилія отпряженныхъ телѣгъ. Явное дѣло, останавливаться — не миновать, что и дѣлаетъ новый богомольческій поѣздъ.

— Егоръ, пойдемъ... чайку...—сказалъ отецъ.

— Нѣ-ѣтъ...

— Не хошь? Ну, какъ знаешь. Полежи тутъ, покарауль. Тебѣ тепло?

— Ничего.

Они ушли, кромѣ ямщика. Старикъ сначала предложилъ своему гнѣдку овса, но гнѣдко задумчиво постоялъ съ торбой на мѣстѣ и не сталъ ѣсть.

— Вотъ, ишшо... ка-кой!—недовольно говорилъ дѣдъ: — пра-а... Ну, на сѣна!

Гнѣдко нагнулся къ сѣну и сталъ жевать.

— Выгодная лошадь, — сказалъ какой-то незнакомецъ, стоявшій неподалеку:—овса не ѣстъ...

Гнѣдко потянулся къ травѣ. Онъ подергивалъ телѣгу, телѣга покачивалась и поскрипывала, и Егоръ, лежа на ней, ждалъ, что вотъ-вотъ она опрокинется. Но лежать было хорошо, тряски не было, пыль улеглась. Вверху раскинулось высокое, темное небо съ звѣздами. Онѣ были прекрасны, чисты и непонятны, будили смутныя мысли и воспоминанія о родинѣ, о матери. Тихій говоръ людскихъ голосовъ плавалъ, шуршалъ и сыпался кругомъ, за телѣгой, впереди и позади. Гдѣ-то, въ сторонѣ, слышалась громкая болтовня и смѣхъ молодыхъ голосовъ—мужскихъ и женскихъ. Прошла гурьба парней черезъ площадь. На плотинѣ они запѣли:

Ничего мнѣ такъ въ свѣтѣ не надо...

Голоса были громкіе и нестройные, но когда пѣвцы удалялись, звуки становились стройнѣе, мягче, красивѣе, и что-то подкупающее, родственно-милое и неизмѣнно-грустное было въ этихъ вздохахъ и однообразныхъ жалобахъ, въ вихристыхъ и кудрявыхъ затяжкахъ подголоска.

И тихая ночь задумчиво-безмолвно стояла надъ этимъ краемъ, разбуженнымъ необычнымъ наплывомъ странныхъ гостей, смирнымъ, сѣрымъ и скучнымъ краемъ чернаго

труда, робкихъ мыслей и тупого, равнодушнаго терпѣнія... И звѣзды моргали съ неба ласково и, какъ будто, знаменательно, говоря всѣмъ одно и то же и предоставляя каждому понимать ихъ по-своему...

Егоръ заснулъ. Сквозь сонъ онъ слышалъ, какъ пришелъ сначала дѣдъ-возница и, гремя дугой, сталъ запрягать гнѣдка. Потомъ подошелъ отецъ съ старымъ хохломъ...

— Чего? Ай ѣхать?—спросилъ кто то далекимъ, но знакомымъ голосомъ, должно быть—Алексѣй.

— Ѣхать. Запрягаютъ,—сказалъ голосъ ближе.

И Егоръ смутно слышалъ, какъ вездѣ суетились, покрикивали на лошадей, запрягали. Потомъ телѣга заколыхалась, громыхнула, потянулась куда-то, и Егоръ забылся... Ему казалось, что подъ нимъ гудѣли мельничныя колеса и тряслся мостъ... и что-то бурлило, кипѣло и плескалось...

Когда онъ поднялъ голову, — при тускломъ свѣтѣ перваго утра разглядѣлъ большую глинистую поляну, изборожденную колеями. Было холодно. Только одинъ разъ потянула теплая струя нагрѣтаго воздуха,—Богъ вѣсть откуда взявшаяся среди сыроватой и остро-холодной мглы утра. Неожиданная и непонятная, она на мгновеніе согрѣла всѣхъ озябшихъ и примолкшихъ людей, удивила и такъ же быстро исчезла, какъ и пришла. Точно вздохнулъ кто-то ласковый и добрый...

Впереди, на фонѣ бѣлой зари, вставалъ лѣсъ. Люди шли впереди и по сторонамъ дороги, молча, не разговаривая между собой, погруженные въ неясныя, дремотныя грезы, и лѣсъ ждалъ ихъ, темный и молчаливый. И когда поѣздъ скрипящихъ телѣгъ, извиваясь и курясь пылью, въѣхалъ въ опушку осинъ, елей, березъ и молодыхъ сосенъ, то вмѣстѣ съ неподвижнымъ и рѣзкимъ холодомъ, ихъ окуталъ молчаливый мракъ, какъ будто они опустились въ погребъ.

И было тяжело и жутко это молчаніе величественной, строгой, угрюмой толпы великановъ, которые въ глубинѣ вытѣснили совсѣмъ зеленую, веселую листву березъ и ольхи и стояли прямые, стройные, высокіе, почти безъ вѣтокъ, съ небольшими зелеными шапками тамъ, вверху, подъ смутно просвѣчивавшимъ сводомъ неба. Колеса вязли въ пескѣ и уже не шуршали, а слабо поскрипывали и чуть слышно шипѣли. И пыль, какъ будто, улеглась,—ея не было видно въ лѣсу. Не было звуковъ, а ихъ такъ хотѣлось... Какая-то одинокая птица гдѣ то тамъ, въ высотѣ, издавала монотонный, тихо скрипящій звукъ, точно чертила ногтемъ по шершавой корѣ этихъ великановъ.

Ѣхали медленно и долго, увязая въ пескѣ. Стало свѣтлѣе. Должно быть, взошло солнце: вершины сосенъ сзади

ярко зардѣлись, и клочки неба стали особенно нѣжны и ярки своей синевой, а темная зелень сосенъ вкраплялась въ нихъ отчетливо и рѣзко. Вотъ поляна. Сверкнула рѣчка. Надъ ней кучка палатокъ донского казачьяго полка. Вдали засіяли главы монастырскихъ церквей.

— Ряда была, золотые, до мостика, — напомнилъ дѣдъ-возница:—А то тутъ есть Городокъ, такъ до Городка другая цѣна... Тамъ верстъ шесть по песку...

— Вези до первой остановки, прибавлю гривенникъ, — сказалъ Алексѣй тономъ щедраго человѣка.

Старикъ тронулъ вожжами и проѣхалъ еще ольховую рощицу, за которой открылось болѣе десятка бараковъ. Тутъ было многое множество телѣгъ и народа. Озябшіе, не выспавшіеся, сердитые люди непріязненно посмотрѣли на новыхъ богомольцевъ, которые заглядывали въ широко раскрытыя пасти плохо сколоченныхъ досчатыхъ бараковъ и вездѣ встрѣчали сплошную массу лежавшихъ и сидѣвшихъ человѣческихъ тѣлъ, спертый воздухъ, соръ объѣдковъ и грязь.

— Тутъ некуда!—слышалъ Егоръ изъ глубины каждой полутемной пасти.

— Да насъ вотъ трое... только...—говорилъ Алексѣй, выступавшій вездѣ парламентеромъ.

— Вы въ Городокъ лучше... А тутъ вару не хватаетъ, не то что... Тѣснота...

— А холодъ...—послышался другой голосъ, въ которомъ, дѣйствительно, звучала судорожная дрожь:—Рази можно? Голая земля. Тамъ, по крайности, помощено...

— Вотъ въ Дивѣевомъ—тамъ хорошо: нары... А тутъ кипятку нѣтъ—чаю напиться,—вотъ какой порядокъ... Одинъ кубъ на сколько народу...

— Вы въ Городокъ идите. Въ Городкѣ — тамъ мѣстовъ сколько угодно. Совсѣмъ есть пустые бараки...

Въ этихъ, по виду доброжелательныхъ, совѣтахъ звучала фальшь и коварство, но было несомнѣнно одно, что здѣсь, въ мѣстныхъ десяти баракахъ, все было заполнено биткомъ, и волей неволей пришлось уходить дальше, за монастырь.

— Ну, пойдемте,—обратился Алексѣй къ своимъ спутникамъ: все равно, монастырь посмотрѣть надо.

Они взвалили на себя узлы (у Алексѣя даже цѣлая корзина была привѣшена сбоку) и пошли.

Ѳ. Крюковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПѢСНИ ПОБѢЖДЕННЫХЪ.

Изъ Чезаре Никколини *).

I.

Рѣшетки, бойницы... И въ стѣны тюрьмы
Волна ударяетъ безсонная...
Здѣсь царство безмолвія, страха и тьмы,
Здѣсь молодость спитъ побѣжденная!
Великая молодость, въ сердцѣ больномъ
Святыя мечты затаившая,
Поникшая скорбно высокимъ челомъ,
Но гордость и гнѣвъ сохранившая!
И гаснетъ безрадостно солнце весны,
Проносятся зимы тоскливыя...
Лишь сладко-мучительны яркіе сны —
Былого видѣнья счастливыя!

II.

Сегодня я всю ночь не могъ очей сомкнуть,—
Сомнѣнье черное мнѣ душу истерзало!
Желѣзною рукой сдавивши мозгъ и грудь,
Свободно чувствовать и мыслить не давало
И грознымъ шепотомъ дышало на меня:
„О, горе, горе вамъ! Вы родину сгубили!
Въ преддверьи свѣтлаго и радостнаго дня
Она была бъ теперь,—вы только отдалили
Ея свободы часъ... Безумные! Себя
За цвѣтъ и соль земли сочли вы горделиво,
Вопросы сложные рѣшая торопливо,
Грѣхи вѣковъ съ плеча рубя!

---

*) Авторъ тюремныхъ мелодій 1830 — 1840 гг., пѣвецъ борьбы за освобожденіе Италіи.

И что отрады въ томъ, что сторонѣ родимой
Желали блага вы, что ваша кровь лилась?
Любя, вы нанесли ей вредъ непоправимый...
Да, вы преступники! Она осудитъ васъ!"

Такъ, въ тишинѣ ночной, угрюмое сомнѣнье
Нашептывало мнѣ, злорадствуя и мстя...
И, полный ужаса и слабый, какъ дитя,
Спасенья я искалъ—и не было спасенья!

III.

— Пускай обвиняютъ, клевещутъ, бранятъ,
И жалятъ, и топчутъ... У спящихъ въ могилѣ
Вѣнцы отнимаютъ... Пускай говорятъ,
    Что родину мы погубили!
Не вамъ насъ судить! Мы на судъ васъ зовемъ,
Кто глухъ былъ къ стенаньямъ народа родного!
Безъ страха суда мы правдиваго ждемъ—
    Потомства свободнаго слова.
Вы неба не знали; влачась по землѣ,
На ощупь вы каждый успѣхъ измѣряли,
А мы... Мы витали въ таинственной мглѣ—
    Мы думой въ вѣка прозирали!
Свободная мысль изнывала въ цѣпяхъ,
И мракъ былъ ужасенъ, и зло ликовало...
Мы подняли знамя, упавшее въ прахъ,—
    И полночь вокругъ задрожала!
Горсть храбрыхъ на тьмы ополчилась враговъ,
Шатались могучаго Рима ступени...
Мгновенье—но цѣлые сонмы вѣковъ
    Подобныхъ не стоятъ мгновеній!
Все стихло, предсмертный лишь носится стонъ...
Но явится правды поруганной Мститель:
Не тотъ, кто на землю упалъ,—побѣжденъ,
    Не тотъ, кто разитъ,—побѣдитель!

П. Я.

ИСКУПЛЕНІЕ.

Миланская легенда.

I.

Въ черные дни тираніи герцога Варнавы Висконти огромная шестигранная башня, одиноко стоявшая на угрюмомъ обрывѣ приречной скалы, порождала въ сердцахъ трепетаніе ужаса.

Здѣсь, въ этой башнѣ, производились пытки. Отсюда, съ высоты двухсотъ метровъ, людей, уже наполовину истерзанныхъ, сбрасывали въ воду. И отсюда же начинался тѣсный ходъ въ тѣ подводныя могилы, которыя, въ часъ дикаго неистовства фантазіи, придумалъ, на утѣху своему повелителю, герцогскій любимецъ—Туліо Гаэтанъ.

Гаэтанъ былъ высокій, костистый, нѣсколько сгорбленный старикъ, съ длиннымъ и кривымъ носомъ, съ узкими скулами и жидкой бородкой, отдѣльными клочками торчавшей на тяжелой и сильно выдавшейся впередъ челюсти. У него былъ одинъ только глазъ, а уши, такъ же какъ и брови, отсутствовали совсѣмъ: вмѣстѣ съ глазомъ они выѣдены были волдырями черной оспы...

Ужасная болѣзнь эта, не разъ посѣщавшая герцогство, въ одну недѣлю унесла у Гаэтана жену и четверыхъ дѣтей. Злымъ чудомъ самъ Гаэтанъ остался жить—полуразрушенный и обезображенный...

Изъ всей семьи у него оставался теперь только одинъ ребенокъ, десятилѣтній Эммануэль. И всю любовь, которую Гаэтанъ питалъ раньше къ женѣ и дѣтямъ, онъ сосредоточилъ теперь на этомъ мальчикѣ. Онъ любилъ его беззавѣтно, безмѣрно, и, можетъ быть, никто во всей странѣ не зналъ такого сильнаго и глубокаго чувства, какое жило въ сердцѣ стараго урода.

По ночамъ, когда мальчикъ спалъ, онъ зажигалъ свѣ-

тильню, подходилъ къ кроваткѣ, останавливался и долго глядѣлъ на него своимъ единственнымъ глазомъ.

Кроткая улыбка появлялась на губахъ старика, какія-то особенныя складки ложились у глазъ и у носа, и лицо это—ужасное, отвратительное лицо—свѣтлѣло, пріобрѣтало выраженіе необычайное, дѣлалось почти пріятнымъ, почти красивымъ...

— Если бы нужно было по десяти разъ въ день умирать для тебя, я бы дѣлалъ это съ радостью! — шепталъ старикъ.

Онъ уходилъ въ сосѣднюю комнату, становился передъ мраморнымъ изваяніемъ св. Дѣвы на колѣни и молился, долго и горячо, за счастье ребенка...

А потомъ вставалъ, забиралъ свои тяжелые ключи и, гремя ими, отправлялся въ башню, на расправу...

II.

Герцогъ Варнава, по природѣ своей, не былъ жестокимъ человѣкомъ. Но его сдѣлали такимъ его приближенные.

Они каждый день доносили ему о заговорахъ, объ измѣнахъ, о покушеніяхъ. Они подстраивали покушенія. Они возбуждали слабаго, ничтожнаго правителя, запугивали, обманывали его, лгали ему,—и имъ управляли.

И въ то время, какъ народъ, отъ непрерывныхъ лишеній, вымиралъ,—въ многочисленныхъ базиликахъ служили ежедневныя благодарственныя мессы, и воздавалась Богу хвала за то, что странѣ дарованъ такой мудрый, такой любящій правитель.

Устраивались торжественныя процессіи; монахи разныхъ орденовъ въ черныхъ и бѣлыхъ власяницахъ выносили на площадь изображеніе св. Варнавы; народъ, въ смертельномъ страхѣ и съ ненавистью въ душѣ, преклонялъ колѣни; надъ головами людей тихо плавали голубые клубы кадильнаго дыма; раздавалось звучное пѣніе „Kyrié éléison“, и могучій органъ придворной базилики сливалъ свои величавые аккорды со словами вынужденной молитвы и съ гулкимъ звономъ безчисленныхъ колоколовъ...

А когда месса подходила къ концу,—въ замкѣ начиналась оргія.

Дѣтей-пѣвчихъ вводили въ пиршественный чертогъ, и сцены разврата принимали самыя гнусныя, самыя чудовищныя формы...

И въ эти именно минуты къ обезсиленному, полуживому,

утратившему человѣческое подобіе герцогу являлся Гаэтанъ съ докладомъ о совершенныхъ дѣлахъ.

III.

Должность Гаэтана заключалась въ организаціи охраны герцогской особы. Но онъ имѣлъ большое вліяніе на всѣ дѣла страны.

Варнава къ своему охранителю питалъ большое довѣріе и считалъ его человѣкомъ незамѣнимымъ. Онъ былъ убѣжденъ,—и часто выражалъ это вслухъ,—что безъ Гаэтана трудно было бы справиться съ заговорщиками, покушающимися на своего государя. А Гаэтанъ поддерживалъ въ немъ это убѣжденіе, — поддерживалъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что постоянно открывалъ новые козни и заговоры и безпрестанно ловилъ новыхъ бунтовщиковъ.

И кого онъ ловилъ, того немедленно отправлялъ въ шестигранную башню и подвергалъ жестокимъ пыткамъ.

Герцогъ при пыткахъ не присутствовалъ никогда. Видѣть, какъ живое тѣло жгутъ огнемъ, слышать человѣческіе стоны и вопли было ему не по силамъ. Но доклады объ этихъ вопляхъ онъ слушалъ съ напряженнымъ любопытствомъ. И Гаэтанъ, изощрившійся въ подобнаго рода разсказахъ, не разъ вызывалъ ими въ герцогѣ чувство жуткаго злорадства.

Старый палачъ употреблялъ всю силу своей изобрѣтательности на то, чтобы постоянно разнообразить орудія пытки, и чтобы муки своихъ жертвъ сдѣлать какъ можно болѣе ужасными.

По его чертежамъ былъ сооруженъ особаго рода станокъ, отрывавшій одинъ за другимъ суставы пальцевъ. Была привезена, по его требованію, изъ аравійскихъ долинъ трава, отъ растиранія которой тѣло раздувало, какъ бочку, и покрывало смердящими нарывами. Была устроена металлическая кираса съ подобіемъ часового механизма, медленно сжимавшая грудную клѣтку...

И, придумывая все новые способы пытки, Гаэтанъ заботился, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы продлить мученія осужденныхъ.

Именно поэтому онъ устроилъ такъ называемый „карантинъ"—замучиваніе человѣка ровно въ сорокъ дней.

Строгое расписаніе опредѣляло, въ какой день, какому истязанію подвергать осужденнаго.

Сначала сѣкли розгами и давали сорокъ восемь часовъ передышки. Потомъ сдирали со ступней кожу и гоняли по

10*

усыпанной горохомъ галлереѣ. Въ продолженіе шести дней жертву морили затѣмъ голодомъ и жаждой, предлагая вмѣсто пищи уксусъ, известь и смолу.

Подкрѣпивъ, по истеченіи этого времени, несчастнаго мясомъ и винами, оскопляли его; послѣ новаго промежутка, подлѣчивъ рану, вырывали языкъ, переламывали голени, выкалывали глаза.

И, наконецъ, на сороковой день четвертовали...

Но и этого всего Гаэтану казалось мало.

Дьявольской душѣ его нужно было, чтобы мученія людей не имѣли конца. И тогда онъ выстроилъ ту страшную, небывалую тюрьму, одни слухи о которой наполняли сердца людей мертвеннымъ ужасомъ и—заставляли молить о завоеваніи родной страны чужеземцами, какъ объ избавленіи, какъ о высшемъ благѣ...

Никто не былъ гарантированъ, никто не могъ быть спокоенъ, никто не зналъ, чѣмъ окончится день.

Мирныхъ жителей схватывали, заковывали и уводили въ шестигранную башню. Тамъ ихъ раздѣвали до нага и трое сутокъ держали, погруженными до подбородка, въ водѣ.

Послѣ этого живыхъ людей заворачивали въ саванъ, укладывали въ гробъ и уносили въ базилику.

Высшее духовенство служило заупокойную мессу, и гробъ спускали въ подземелье. Здѣсь, подъ самымъ дномъ рѣки, вырытъ былъ рядъ могилъ, и въ нихъ всовывали гробы...

Могилы имѣли три метра въ длину и два въ ширину. Высота же ихъ была вдвое меньше человѣческаго роста. Брошенный сюда человѣкъ могъ выйти изъ гроба, могъ садиться, могъ и ходить, но стать и выпрямиться не могъ никогда.

Онъ долженъ былъ оставаться либо въ горизонтальномъ положеніи, какъ червь, либо согнутымъ вдвое.

Пища въ могилы спускалась посредствомъ особаго приспособленія въ ящикахъ, и заключенные никогда никого не видали, никогда ничего не слыхали.

Они вступали здѣсь въ вѣчную тьму и вѣчное молчаніе.

Они здѣсь заболѣвали и умирали, и никто объ этомъ не зналъ.

Если ящикъ для пищи наверхъ подымался пустой—это означало, что заключенный живъ. Если же въ теченіе тринадцати дней ѣда возвращалась нетронутой — это служило признакомъ, что заключенный скончался.

Гаэтанъ спускался тогда въ могилу, обвязывалъ трупъ веревкой и извлекалъ его вонъ.

Мѣсто же умершаго занимала другая жертва...

IV.

Отъ этой новой выдумки своего любимца герцогъ Варнава былъ въ особенномъ восторгѣ.

— Пусть поползаютъ, пусть!—со смѣхомъ говорилъ онъ.

И знаки вниманія и довѣрія сыпались на Гаэтана щедрѣе прежняго.

Но вотъ пришло какъ-то герцогу въ голову осмотрѣть эти могилы. И вмѣстѣ съ Гаэтаномъ и двумя другими приближенными, въ спеціально устроенной корзинѣ, спустился онъ въ подземелье.

— Сейчасъ мы ихъ посмотримъ, твоихъ соловьевъ,—шутилъ герцогъ.—Хорошо, должно быть, поютъ...

— Смѣю надѣяться, что ваша свѣтлость будете удовлетворены,—отвѣтилъ Гаэтанъ, гремя ключами.

Входъ въ ближайшую могилу былъ открытъ, и потокъ лучей, вырвавшись изъ фонаря, внезапно залилъ ея безмолвную глубину.

Герцогъ, стоявшій позади Гаэтана, у входа, замеръ и оцѣпенѣлъ...

Что-то похожее на человѣческое существо, на женщину, скорчившись, сидѣло въ гробу. Нельзя было понять, старуха это или подростокъ. Лицо было маленькое, ссохшееся; морщины, какихъ никогда никто еще не видѣлъ, бороздили его по всѣмъ направленіямъ. Сѣрые волосы длинными космами скатывались на обнаженныя плечи и грудь Глаза были огромные, неподвижные и тусклые...

Правой рукой женщина держалась за босую ступню, лѣвую вложила въ ротъ и грызла. Широкая струя темной крови скатывалась внизъ, къ локтю, и частыми каплями падала на землю...

Появленіе людей, появленіе свѣта не произвело на заключенную никакого впечатлѣнія.

Она продолжала сидѣть, безмолвная и неподвижная, и продолжала смотрѣть впередъ себя...

А герцогъ стоялъ у входа,—тоже безмолвный, тоже неподвижный...

— Соловей номеръ первый,—доложилъ Гаэтанъ, приподнимая надъ головой фонарь и отстраняясь, чтобы пропустить впередъ посѣтителей.

Но Варнава, выйдя изъ оцѣпенѣнія, знакомъ показалъ, что желаетъ удалиться.

И когда черезъ нѣсколько минутъ корзина была вытащена изъ подземелья, и герцогъ сталъ на землю,—весь

дрожащій и блѣдный, онъ обернулся къ Гаэтану и съ размаха ударилъ его по лицу...

На слѣдующій, однако, день онъ призвалъ старика и собственными руками подалъ ему желѣзный, съ золотой рукояткой, мечъ—высшую въ герцогствѣ награду.

V.

Маленькій Эммануэль росъ одиноко.

Придворная челядь и высшіе сановники, изъ страха передъ могуществомъ Гаэтана, заискивали въ мальчикѣ, льстили ему, восхищались его красотой. Но Эммануэль ко всѣмъ выраженіямъ вниманія относился съ какой-то сумрачной дикостью.

У него и вообще видъ былъ дикій и не по-дѣтски суровый. Онъ былъ медлителенъ въ движеніяхъ, нелюдимъ, неразговорчивъ, и во взглядѣ его, какъ и въ голосѣ, было что-то тяжелое, холодное, что-то затаенное.

Улыбающимся его видѣли немногіе, а смѣхъ его не былъ знакомъ никому.

Онъ любилъ безмолвіе одиночества и часто, когда Гаэтанъ уходилъ къ герцогу, забирался въ какую-нибудь отдаленную галлерею, садился у подножія колонны, склонялъ къ ней голову и какъ бы цѣпенѣлъ.

Проходилъ часъ, два часа, а мѣста своего онъ не оставлялъ. Обвѣянный сумракомъ и тишиной, онъ вперялъ глаза въ трепещущую мглу таинственныхъ сводовъ, и выраженіе у него дѣлалось странное,—тревожное и злое. Его губы скашивались, сжимались, лицо блѣднѣло, — блѣднѣло все сильнѣй и, наконецъ, дѣлалось бѣлымъ—такимъ же бѣлымъ, какъ мраморъ колоннъ.

— Звѣренышъ!—думали придворные, случайно заходившіе въ галлерею.—Будетъ отцу помощникомъ...

И во всей странѣ мальчика называли не иначе, какъ звѣренышемъ, и говорили о немъ съ ненавистью и отвращеніемъ.

VI.

Эммануэль обнаруживалъ большія способности къ рисованію.

Когда ему пошелъ тринадцатый годъ, изъ Флоренціи былъ вызванъ для него учитель—знаменитый въ то время художникъ Андреа Орканья. Около трехъ лѣтъ работалъ мальчикъ подъ его руководствомъ и сдѣлалъ за это время такіе

успѣхи, что продолжать ученіе дома оказалось уже невозможнымъ.

Надо было ѣхать во Флоренцію и въ Римъ, тамъ изучить сокровищницы искусства и присмотрѣться, какъ работаютъ великіе мастера.

Этого требовалъ Орканья. Но Гаэтану мысль о разлукѣ съ сыномъ была такъ страшна, что славнаго флорентинца онъ не хотѣлъ и слушать. И отъѣздъ Эммануэля, навѣрно, никогда бы не состоялся, если бы въ дѣло не вмѣшался герцогъ.

Варнава, считавшій себя большимъ покровителемъ искусства и отмѣчавшій въ Эммануэлѣ рѣдкое дарованіе, приказалъ Гаэтану отпустить сына, и для путешествія мальчика предоставилъ собственную карету и восьмерку лучшихъ лошадей.

Гаэтану оставалось подчиниться и принять эту новую, безпримѣрную милость повелителя.

— Отецъ, поѣдемъ со мной,—просилъ Эммануэль предъ разставаньемъ.

— Нельзя, дитя! Мнѣ нельзя оставить Миланъ.

— Оставь его, отецъ... Ты уже старъ... Оставь свои... дѣла и живи со мной.

Но старый Гаэтанъ только улыбался дѣтской наивности сына.

И Эммануэль уѣхалъ одинъ.

Два года и семь мѣсяцевъ продолжалось его отсутствіе.

И когда онъ, наконецъ, вернулся домой, онъ привезъ множество картинъ и этюдовъ, свидѣтельствовавшихъ объ изумительномъ, необыкновенномъ и вполнѣ уже сформировавшемся талантѣ.

Весь дворъ, вся знать преклонилась передъ молодымъ художникомъ, — и счастью, и гордости Гаэтана не было конца.

Что же касается до самого Эммануэля, то трудно было понять, какъ относится онъ къ своей славѣ.

Теперь онъ былъ еще молчаливѣе, чѣмъ въ дѣтствѣ. На лицѣ его лежала какая-то каменная неподвижность, а глаза смотрѣли съ неизмѣнной холодной суровостью.

Онъ часто выходилъ за городъ, къ шестигранной надрѣчной башнѣ и, казалось, прислушивался...

Полное безмолвіе царило вокругъ.

Ни малѣйшаго звука не вылетало изъ узкихъ оконъ, и желтыя воды рѣки тоже лежали безмолвно, какъ трупъ.

Но Эммануэль слушалъ напряженно, подолгу, приникалъ и къ землѣ, и къ башеннымъ стѣнамъ. И минутами казалось, что ухо его что-то улавливаетъ...

Судорожное трепетаніе пробѣгало тогда по его губамъ и въ глазахъ, и лицо рѣзко искажалось не то дикой улыбкой, не то холодомъ ужаса...

И самъ Гаэтанъ не понималъ своего сына и, случалось, испытывалъ какое-то глубоко-болѣзненное чувство, даже страхъ, когда внезапно встрѣчалъ его тяжелый, почти безумный взглядъ...

Въ народѣ же, до крайней степени напуганномъ и измученномъ, объ этомъ взглядѣ складывались странныя легенды.

Говорили, что когда Эммануэль уставится на дерево, то листья чернѣютъ и опадаютъ; дѣти же подъ этимъ взоромъ нѣмѣютъ навсегда...

Съ тоской отчаянья добавляли, что это выросъ преемникъ отцу,—и къ молитвѣ о собственномъ спасеніи и объ истребленіи стараго мучителя присоединяли всегда и мольбу о гибели сына...

VII.

Однажды,—это было вскорѣ послѣ возвращенія Эммануэля изъ Флоренціи,—Гаэтанъ, радостно сіяя, явился къ сыну съ извѣстіемъ, что герцогъ желаетъ имѣть свой портретъ, и исполненіе этой работы поручается молодому художнику.

Полотно должно изображать апоѳеозъ Варнавы и должно быть огромныхъ размѣровъ.

Принцъ, въ порфирѣ и съ короной на головѣ, возсѣдаетъ на тронѣ. Вокругъ него, въ парадныхъ одѣяніяхъ, стоятъ приближенные. За ними—придворныя дамы и многочисленные вельможи.

Когда Эммануэль услыхалъ эту вѣсть, онъ вдругъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ. Въ мрачныхъ глазахъ его вспыхнули искры, щеки залились краской, и на губахъ заиграла побѣдная улыбка.

— Ага, ты доволенъ? — съ гордой усмѣшкой спросилъ Гаэтанъ.

Но Эммануэль, какъ будто, и не слыхалъ его.

Онъ выпрямился и, уставивъ широко раскрытые глаза вдаль, тихо бормоталъ:

— Тронный залъ... Герцогъ въ коронѣ... вокругъ него приближенные... весь дворъ... Да, именно это и нужно..

— Высокая честь—писать герцога—до сихъ поръ предоставлена была только двумъ художникамъ: твоему учителю Орканья да знаменитому Антоніо Сарто.

— Я создамъ великое произведеніе,—въ глубокомъ волненіи говорилъ Эммануэль:—великое... И оно будетъ жить...

— А изображать его свѣтлость въ такой торжественной обстановкѣ, въ какой изобразишь его ты, не дано было еще никому!

— Герцогъ на тронѣ... и весь дворъ вокругъ него... всѣ приближенные... — закрывъ глаза, шепталъ Эммануэль.—И потомъ... когда картина будетъ окончена... и послѣдній мазокъ будетъ сдѣланъ... О! какъ это будетъ прекрасно!..

Гаэтанъ прошелся по комнатѣ... Потомъ остановился передъ сыномъ и подбоченился.

— Хорошо, другъ мой, имѣть блестящее дарованіе,— самодовольно улыбаясь, началъ онъ:—но недурно также имѣть меня отцомъ...

Эммануэль не отвѣчалъ.

— Такъ, значитъ, ты доволенъ?—не переставая усмѣхаться, спросилъ опять Гаэтанъ.

Тонкія ноздри Эммануэля тихо затрепетали.

— О, отецъ,—вырвалось у него:—я счастливъ, я глубоко счастливъ!..

VIII.

Черезъ два дня картина была начата.

Эммануэлю никогда еще не приходилось работать надъ такой большой и сложной композиціей, и онъ писалъ теперь съ небывалымъ, почти болѣзненнымъ увлеченіемъ.

Ему позировалъ герцогъ. А когда герцогъ уходилъ, Эммануэль писалъ придворныхъ. Когда уходили придворные, онъ по манекенамъ отдѣлывалъ костюмы или прокладывалъ фонъ. И только когда наступали сумерки, онъ прерывалъ работу.

Но и тогда онъ не разставался съ картиной. Онъ зажигалъ свѣтильники, становился передъ полотномъ и смотрѣлъ на него.

— О, моя лебединая пѣснь!—тихо, съ выраженіемъ мучительной скорби, шепталъ онъ:—Я вложу въ тебя все мое умѣнье, всю мою любовь къ искусству..

По ночамъ Эммануэль видѣлъ свою работу во снѣ, а рано утромъ снова стоялъ передъ мольбертомъ и писалъ.

И онъ создавалъ нѣчто удивительное, нѣчто высоко-прекрасное. Онъ сравнялся съ лучшими мастерами Флоренціи и Рима.

Фигура герцога выступала на полотнѣ съ такою жизненностью, какую не всегда имѣетъ и самая жизнь. Толпа придворныхъ, располагавшаяся позади трона и по бокамъ его, была написана изумительно. Шелкъ и бархатъ, драгоцѣнные камни, золото и перламутръ, мѣха и слоновая кость— все это, залитое ослѣпительнымъ блескомъ солнечнаго утра,

передано было съ такой необычайной виртуозностью, съ такой безподобной яркостью и силой, что среди придворныхъ не разъ подымался гулъ восхищенія, а герцогъ послѣ каждаго сеанса, сойдя съ трона, становился за спиной художника и съ выраженіемъ глубокаго изумленія слѣдилъ за движеніями его кисти...

IX.

Черезъ двѣнадцать недѣль картина была окончена.

И герцогъ, призвавъ къ себѣ Гаэтана, вмѣстѣ съ нимъ отправился въ мастерскую поздравить художника.

— Я понимаю теперь,—любуясь картиной и милостиво улыбаясь, промолвилъ онъ:—я понимаю, что великій правитель могъ нагнуться и подать артисту оброненную кисть.

Эммануэль почтительно склонилъ голову.

— Картина моя окончена,—сказалъ онъ,—но я боюсь, что въ ней есть недочеты. И прежде чѣмъ съ ней разстаться, я хотѣлъ бы удостовѣриться, что дѣйствительно ничего уже улучшить въ ней не могу. Дайте же мнѣ возможность провѣрить себя.

— А что я долженъ для этого сдѣлать?—освѣдомился герцогъ.

Эммануэль объяснилъ.

Ему позировалъ герцогъ, позировали въ отдѣльности всѣ придворные, позировали и группы придворныхъ. Но всю сцену цѣликомъ, такой, какой она изображена на холстѣ, онъ видѣлъ только разъ, давнымъ-давно, во время коронованія герцога. Теперь ему кажется, что картинѣ недостаетъ цѣльности, недостаетъ гармоніи освѣщенія. Если бы онъ могъ сличить свое произведеніе съ натурой, онъ лучше уловилъ бы всѣ недочеты и сумѣлъ бы ихъ устранить. Онъ проситъ поэтому, чтобы изображенная имъ сцена возсоздана была и въ дѣйствительности.

— Это будетъ сдѣлано въ четвергъ, до начала мессы,— обѣщалъ Варнава.

И точно, въ четвергъ утромъ, всѣ изображенныя на картинѣ лица, одѣтыя въ парадныя одежды, собрались въ тронномъ залѣ. Когда Эммануэль разсадилъ и разставилъ ихъ, въ залъ вошелъ герцогъ и занялъ свое мѣсто, на тронѣ, впереди всѣхъ.

Эммануэль, съ огромной палитрой въ лѣвой рукѣ и съ пачкой кистей въ правой, стоялъ передъ мольбертомъ и пристально смотрѣлъ то въ глубину зала, то на картину.

Онъ былъ весь въ бѣломъ, и три большія лиліи были приколоты къ лѣвой сторонѣ его груди.

Его глаза горѣли страннымъ блескомъ, но осанка и движенія полны были величавой медлительности и царственнаго спокойствія.

Онъ зналъ, что дѣлаетъ, и вѣрилъ въ себя.

И вотъ, въ ту минуту, когда герцогъ, среди общаго почтительнаго безмолвія, посылалъ ему съ высоты трона ободряющую улыбку, а счастливѣйшій изъ отцовъ, Гаэтанъ, горделиво игралъ желѣзнымъ мечомъ у ногъ своего властелина, Эммануэль вдругъ выпрямился во весь ростъ, откинулъ назадъ голову, поднялъ высоко надъ ней руку съ кистями— и всю пачку, съ силой, швырнулъ герцогу прямо въ лицо...

Короткій крикъ ужаса вырвался изъ десятковъ грудей...

Потомъ все смолкло...

Точно всѣ находившіеся въ залѣ какою-то высшей таинственной силой сразу обратились въ мраморныя изваянія...

Но черезъ мгновеніе грохочущій, дикій гулъ вспыхнулъ опять.

И, опрокидывая стулья, сбивая другъ друга съ ногъ, прыгая черезъ упавшихъ, съ изумленными, испуганными лицами, придворные бросились къ герцогу и окружили его.

И, спѣша выразить ему свою преданность, свою безграничную любовь, свое негодованіе противъ безумца, они всѣ послѣдовали за нимъ, вонъ изъ зала.

Эммануэль же остался на своемъ мѣстѣ, неподвижный, безмолвный и спокойный.

— Бѣжимъ!—раздался за его спиной сдавленный хрипъ.

И Гаэтанъ схватилъ его за руку.

— Въ сумятицѣ... въ суматохѣ... намъ еще удастся... бѣжимъ!

— Нѣтъ.

— Пока они ошеломлены... пока не схватили тебя... Бѣжимъ!..

— Нѣтъ, отецъ!.

— Нѣтъ?!.. Но вѣдь ты знаешь, что съ тобою будетъ?..

Эммануэль молчалъ..

— Ты оскорбилъ герцога... въ присутствіи всего двора.. когда онъ былъ на тронѣ... Вѣдь тебя даже и не казнятъ! Тебя и съ башни не свергнутъ!.. Смерть—ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что тебя ждетъ... Тебя бросятъ туда... въ казематъ... въ подводную могилу...

Эммануэль посмотрѣлъ старику прямо въ лицо.

— Къ твоимъ жертвамъ, отецъ!—тихо, отчетливо проговорилъ онъ.

Онъ продолжалъ пристально смотрѣть на Гаэтана... И старому палачу стало казаться, что онъ что-то понялъ...

Онъ не проронилъ больше ни звука.

Медленно, шатаясь, трясясь всѣмъ тѣломъ, онъ сталъ пятиться назадъ..

Единственный глазъ его смотрѣлъ съ ужасомъ... съ ужасомъ...

Д. Айзманъ.

Безработица.

Насупился городъ, и шумъ его мѣрный
Звучитъ необычной и жуткой тревогой,
Какъ будто онъ шепчетъ въ тоскѣ суевѣрной:
„Смотрите: ихъ много! Ихъ много!"
Согнутыя спины и впалыя груди,
На лицахъ морщины суровой заботы...
Толпами идутъ изнуренные люди—
Никто не даетъ имъ работы.
Зловѣще и тихо въ рабочемъ кварталѣ,
Но черныя окна глядятъ, какъ живыя:
Тамъ взрослые вѣрить и ждать перестали,
Тамъ дѣти теперь, какъ большiе!
Съ безсильнымъ терпѣньемъ покончены счеты,
Отчаянной злобой наполнены груди...
Трудъ нуженъ, какъ воздухъ Измучены люди.
Работы! Работы!

В. Башкинъ.

потому что проигрывалъ. Старая бабушка задремала и осипѣла во снѣ, устало качая головой въ тактъ дыханію медленно поднимавшейся плоской груди; морщинистыя руки ея были сложены на животѣ, серебристые волосы выбивались изъ подъ съѣхавшаго на бокъ парика. Возлѣ нея сидѣла, углубившись въ книгу, Стелла, дѣвушка лѣтъ шестнадцати, облокотившись головой на руку, и громко бормотала фразы, чтобы заглушить говоръ Іоозепа, Раатье *), Натана и Гиньтье и болѣзненные стоны малютки, лежавшаго на кровати въ альковѣ.

Квартирка помѣщалась на набережной канала, въ подвальномъ этажѣ, лежавшемъ ниже уровня воды. Она состояла изъ двухъ отдѣленій: лавки и жилой комнаты, безъ оконъ. Днемъ и ночью здѣсь горѣла лампа. Тутъ жили всѣ вмѣстѣ: Соортье и Натанъ со старой бабушкой и цѣлымъ гнѣздомъ ребятишекъ. Трое дѣтей умерло, десять были еще живы. Бабушка спала въ альковѣ вмѣстѣ съ Раатье и Стеллой, Сооръ съ Натаномъ, Маупье съ Роосомъ. Подъ окномъ, на войлочной подстилкѣ спали еще четверо, да двое—въ подвалѣ возлѣ тряпокъ и бочекъ; одинъ изъ нихъ уже кое-что зарабатывалъ сортировкой тряпокъ. Прежде и Стелла спала здѣсь, но подроставшіе мальчики такъ обижали ее, что ей пришлось убраться.

Якобъ тупо слѣдилъ за лото, смѣясь идіотскимъ смѣхомъ, когда кто-нибудь находилъ у себя вынутый номеръ. Говорилъ онъ мало, потому что заикался и вызывалъ насмѣшки Раатье, Іоозепа и Стеллы. Онъ постоянно хворалъ, то волочилъ ногу, то совершенно не могъ ходить отъ опухоли паховыхъ железъ. Соортье говорила, что это отъ сырости, и давала ему коровьяго масла для втиранія. Дѣйствительно, съ балокъ постоянно капала вода, и стѣны были усѣяны кристаллами соли. Сырость проѣла въ комнатѣ полъ, доски сгнили, и Натанъ приколотилъ желѣзную планку, чтобы прикрыть дыру.

Передняя комната служила одновременно лавкой и складомъ. Тамъ висѣли сюртуки и рваныя брюки, кучей свалены были разные лохмотья, обрѣзки изъ швейныхъ мастерскихъ, грязныя тряпки и мѣшки, старые шерстяные чулки и рваныя сорочки. Тутъ же стояла корзина съ ломанными жестянками и ящикъ съ костями изъ боенъ. Ближе къ перегородкѣ, отдѣлявшей первую комнатку отъ второй, лежала груда старыхъ, заплеснѣвѣвшихъ сапогъ и башмаковъ, съ зелеными шишками отъ сырости, и тутъ же, возлѣ сырыхъ кошачьихъ шкурокъ—ржавый желѣзный ломъ.

*) Уменьшительное отъ Рахиль.

Здѣсь спалъ на матрацѣ Гомпель, живой мертвецъ, съ синими кругами около глазъ. Свѣтъ изъ неплотно притворенной двери падалъ полоской на его ухо и открытый ротъ. Ребенокъ дышалъ гнилой вонью костей и тряпокъ, спалъ неспокойно, морщилъ вѣки, шевелилъ рученками и со стономъ метался во снѣ, пугая кошку, которая объѣдала уцѣлѣвшее на костяхъ мясо. Свѣтъ съ улицы смутно отражалъ на полу форму окна и даже грязную бумагу, замѣнявшую выбитое стекло.

Игра въ лото продолжалась. Лампа чадила, копоть садилась на колпакъ, на книгу и на карточки лото. Натанъ, тощій, блѣдный, съ толстыми красными губами и мѣдно-рыжей щетиной усовъ и бороды, росшей даже на шеѣ, усиленно сдувалъ сажу и стиралъ ее мозолистымъ пальцемъ.

— Чего ты тамъ сидишь, баба? — проворчалъ онъ хриплымъ голосомъ.—Не видишь, что лампа накоптила?

— Онъ сердится, что у него нѣтъ одиннадцати, — поддразнила Сооръ, но тотчасъ же задорно накинулась на мужа:— А у тебя глаза сзади, что ли?.. Чего же ты самъ не смотрѣлъ?

— Тебѣ издали виднѣе! Господи, сколько сажи!—ворчалъ онъ, рукавомъ сюртука вытирая клеенку на столѣ.

— Лучше быть чернымъ, чѣмъ тебя бы очернили.

— Есть о чемъ хлопотать! Велика бѣда, что накоптило!—смѣялся Іоозепъ.—Какой былъ послѣдній номеръ, Раатье?

Послѣдняя держала на колѣняхъ мѣшокъ съ номерами, зажавъ его между ногъ, и вся тряслась отъ смѣха. Рука жениха лежала на ея колѣнѣ и онъ слегка поглаживалъ его.

— Ну, Іоозепъ!—говорила она, усмѣхаясь влажными губами,—сиди же смирно!—И, вынимая номеръ изъ мѣшочка, нараспѣвъ протянула:—Пять!.. номеръ пять!

— На чулкѣ дыра опять, — отвѣтилъ въ риѳму Іоозепъ, закрывая номеръ у себя на карточкѣ миндальной скорлупкой

— Пусть у тебя будетъ, а не у меня,—засмѣялась она.— Восемь... номерочекъ восемь!

— Этого не спросимъ!—отозвался опять Іоозепъ.

— Придержи языкъ, шарлатанъ!—И опять она, хихикая, отвела его руку и продолжала: — Девять, девяточка!

— Девять уже было,—проворчалъ Натанъ.—У меня девять покрыто.

— Неправда, неправда!—закричала Раатье,—папаша всегда ошибается, когда съ нимъ играютъ.

— Да вѣдь покрыто же, видишь, скорлупка лежитъ!

— Ну, значитъ, вѣтромъ занесло, — засмѣялся Іоозепъ, подмигнувъ невѣстѣ, какъ бы говоря: пусть себѣ поплутуетъ немножко!

— Пять!.. Шесть!..

— Хочу ѣсть!

— Ты опять дурачишься?

— Иначе съ вами наплачешься! — опять въ риѳму отвѣтилъ Іоозепъ.

Игра продолжалась. Всѣ засмѣялись, когда, наконецъ, и мать Іоозепа закрыла у себя на карточкѣ номеръ и страшно этому обрадовалась.

Головы играющихъ почти касались другъ друга. Якобъ жадно слѣдилъ за игрой, ковыряя пальцемъ то въ носу, то во рту, или, для разнообразія, грызя ногти. Голова его была ярко освѣщена желтымъ свѣтомъ лампы, большая, блѣдная, отекшая, съ распухшимъ носомъ и красными воспаленными вѣками. Онъ сидѣлъ рядомъ съ отцомъ. Углубленный въ игру, составлявшую его любимый отдыхъ и развлеченіе, отецъ слѣдилъ за рукою дочери, поминутно лазившей за номерами въ мѣшочекъ.

Стеклышекъ для лото у нихъ не было, и они прикрывали выпавшіе номера скорлупками отъ миндальныхъ орѣховъ. Возлѣ каждаго лежала на столѣ, среди пятенъ кофейной гущи и крошекъ пирога, коричневая кучка такихъ скорлупокъ. Всѣ они волновались, кричали и очень увлекались игрой, не смущаясь привычной духотой маленькой комнаты и вонью отъ тряпокъ и костей. Въ альковѣ жалобно пищалъ больной ребенокъ.

— Ну, что же, скоро мы будемъ играть?—вскрикнулъ Натанъ и сердито затрясъ головой.

— Ну, да... ну, да!—вздрогнувъ, откликнулась Раатье и оттолкнула руку жениха. Потъ выступилъ на ея худомъ, костлявомъ лицѣ... Они давно уже были женихомъ и невѣстой. Но Іоозепъ торговалъ печенкой и селедками, содержалъ цѣлую семью: мать, сестеръ, братьевъ, и не могъ жениться. Оба желтѣли и увядали.

— Ну, говори, чего ты тамъ ищешь?—ворчливо крикнулъ Натанъ: у него только одинъ номеръ на карточкѣ остался незанятымъ.

— Тринадцать!—крикнула Рахиль, смѣясь надъ близорукой Гиньтье, которая искала номеровъ носомъ.

— Да будетъ тебѣ!—ворчалъ отецъ, выпячивая толстыя губы и съ нетерпѣніемъ ожидая слѣдующихъ нумеровъ.

— Толстоголовый!.. Обжора *)—прочла она.

Широкая улыбка расплылась по лицу рыжаго еврея, и онъ схватилъ чашечку съ грязными центами.

*) Девяносто.

— Моя партія, моя!

Поднялся общій крикъ.

— Развѣ уже кончено?.. Надо сначала провѣрить,—говорила Гиньтье.

— У тебя уже кончено? Такъ скоро?.. Не можетъ быть! Какъ это можетъ быть?

Но Іоозепъ, у котораго не было охоти провѣрять, принялъ сторону будущаго тестя.

— Чего вы хотите отъ него, когда онъ выигралъ!..

— Да не выигралъ же!—настаивала тетка Гиньтье, близорукими глазами всматриваясь въ засаленныя карточки Натана.

Подошла и Сооръ съ крикомъ:—Партія? Партія? Уже опять партія?.. Вотъ кому везетъ!

— Не можетъ быть!—недовѣрчиво, почти бранчиво воскликнула Гиньтье.—Никакъ не можетъ быть!.. Мы только что начали!

Іоозепъ успокаивалъ ее, крѣпко прижимаясь къ невѣстѣ:

— То есть, какъ же не можетъ быть, когда всѣ номера закрыты?

— Да не могъ онъ выиграть такъ скоро партію!.. Боже мой, это совершенно невозможно!

— Ну, и чего вы, мамаша, придираетесь?—сердился Іоозепъ,—всегда вы ссоритесь за игрой.

— Я выигралъ! — прохрипѣлъ тряпичникъ, ударивъ ладонью по столу, такъ что чашки запрыгали и зазвенѣли.— Чтобъ я такъ жилъ на свѣтѣ!.. Вы мнѣ не вѣрите?.. не вѣрите?.. Пускай у меня глаза вытекутъ, если я неправду говорю!.. Вонъ у меня сколько скорлупокъ,—вся карточка закрыта... Я еще, слава Богу, не сумасшедшій.

— Да, ну, будемъ играть,—просила Раатье. Они съ Іоозепомъ такъ удобно устроились.—Ну, сдавайте, я уже перетрясла номера... Будемъ играть!.. Солдатики *)... Лебеди **)...

— Почему же не гуси?—съострилъ Іоозепъ.

— Потому что ты самъ гусь!—добродушно засмѣялась Сооръе, опять усѣвшись въ альковѣ.

Нѣкоторое время они играли спокойно. Ребенокъ въ альковѣ продолжалъ пищать. Тряпичникъ сердито посмотрѣлъ въ его сторону. Разгоряченный игрой, спорами и духотой комнаты, онъ хрипло проворчалъ:—Чего онъ тамъ кряхтитъ? Дай ему груди!

— Спроси сначала, есть ли у меня молоко,—такъ же ворчливо отозвалась жена.—Онъ и безъ того сосетъ цѣлый день.

*) Одиннадцать.

**) Двадцать два

Тѣмъ не менѣе, она тотчасъ же отложила въ сторону чулокъ, взяла мокраго отъ слезъ ребенка, сразу разстегнула всѣ пуговицы на своей груди, такъ что нѣсколько костяшекъ отлетѣло въ сторону, сбросила съ плечъ коричневый платокъ и приложила ко рту ребенка свою тощую, вялую грудь, говоря подсѣвшей къ ней Гиньтье:

— Бѣдненькій, это у него зубки идутъ... Когда глазные зубки идутъ, всегда дѣти такъ мучаются!

— Да ужъ зубы, это—такое несчастье! — сочувственно вздыхала Гиньтье: у нея самой шестеро дѣтей умерло „отъ зубовъ“.

— Ну, ну, не болтай, слѣди за игрой!.. А то потомъ опять будете придираться, если кто выиграетъ.

Сооръ вдругъ разсердилась. Ребенокъ, мучимый голодомъ и болью въ зубахъ, укусилъ ее за сосокъ. Она съ силой прижала его головку къ груди, чтобъ онъ выпустилъ сосокъ; капельки крови выступили на смугло-желтой кожѣ. Чтобы хоть на комъ нибудь вымѣстить свою обиду, она ядовито замѣтила:

— Ему надо непремѣнно играть!.. За ребенкомъ, небось, не присмотритъ!

— Развѣ я не тружусь для нихъ съ утра до вечера?

— А я нѣтъ?—Она болѣзненно вскрикнула. Ребенокъ опять принялся сосать.—Я нѣтъ?.. Ой!..—И она бросила мужу грязное ругательство.

Онъ моментально вспылилъ и отвѣтилъ ей тѣмъ же:

— А я виноватъ, что ты каждый годъ таскаешь дѣтей? Что я буду дѣлать съ такой оравой!

Она опять прижала головку ребенка, ощупала освобожденный сосокъ, ярко красный на влажномъ коричневомъ фонѣ, и разразилась проклятьями:

— Ну, такъ самъ ихъ и роди!.. Чтобъ тебя ракъ задавилъ!

— Придержи языкъ, баба!—злобно пригрозилъ ей мужъ.

— Ну, не ссорьтесь же!—кротко увѣщевала ихъ Гиньтье,—вѣдь вы мѣшаете играть!..

— Папаша всегда такъ!—говорила Рахиль, качая головой, и продолжала выкликать номера:—Семьдесятъ!.. Старикашки *)!..

— Ну, и дай ему кашки,—опять въ рифму отвѣтилъ Іоозепъ, которому надоѣла ссора.

Сооръе укачивала ребенка, который опять жадно сосалъ и кусался. На головѣ ребенка лежала одна изъ завязокъ чепца, съѣхавшаго на бокъ съ парика матери. Она вся вздра-

*) Восемьдесятъ.

гибала и корчилась, когда ребенокъ тянулъ сильнѣе, сама голодная и больная отъ ежедневной недостаточной пищи—картофеля съ саломъ.

Теперь мѣшочекъ съ номерами былъ у Натана. Раатье и Іоссепъ, прижимаясь плечомъ къ плечу, влюбленно смотрѣли другъ на друга. Лампа опять коптила, скупо освѣщая головы Гиньтье, Якоба, Натана и маленькое сморщенное лицо бабушки.

— Двѣнадцать!

— Ты плохо смотришь: это ужъ было.

— Не придирайся!.. Я знаю, что говорю.

— Шестьдесятъ!

Они еще играли, когда пришелъ Элеазаръ, съ маленькой Саартье на рукахъ, и Давидъ. Давиду здорово досталось отъ стачечниковъ. У него вздулся глазъ, кровь изъ носу запеклась на небритомъ подбородкѣ и на шерстяномъ галстухѣ. Въ низенькой душной комнатѣ зазвенѣли голоса, вопросы и отвѣты. Давидъ просто вылъ отъ ярости. Бабушка спросонокъ испуганно спрашивала, что такое случилось, но никто не обращалъ на нее вниманія. Всѣ кричали, перебивая другъ друга.

— Вотъ разбойники!—возмущался Давидъ, блѣдный и жалкій, примачивая водой разбитый носъ.—Висѣльники!!!... Зачумленные!... Что я имъ сдѣлалъ?... Неужели же мнѣ выпускать изъ рукъ работу?... Мнѣ кушать надо, жрать надо!...

— Зачѣмъ ты имъ далъ себя бить?—возмущался Натанъ.— Я бы имъ глаза выцарапалъ, ногами за топталъ!...

— Что же онъ могъ сдѣлать одинъ, когда тамъ было столько народу?—пронзительно кричала тетка Гиньтье.

— Развѣ можетъ одинъ человѣкъ бороться съ цѣлой тысячей этихъ разбойниковъ?—хныкалъ Давидъ.—Это прямо разбой!.. Какъ они смѣютъ мѣшать людямъ работать? Развратники!... Разбойники!... Что же я долженъ пропасть отъ голода?... — И онъ, какъ бѣшеный, накинулся на Элеазара: — И этотъ, подлецъ, еще беретъ ихъ сторону!.. Онъ не можетъ поддержать свояка. Онъ еще отчитываетъ меня по дорогѣ! Онъ хочетъ сдѣлать меня совсѣмъ сумасшедшимъ!.. Чтобъ ты издохъ!...

Элеазаръ спокойно сидѣлъ возлѣ Якоба.

— На что ты жалуешься!—отвѣтилъ онъ соннымъ голосомъ, прижимая къ себѣ задремавшую Саартье.—Не раболѣпствуй!

— На, подавись!—хрипѣлъ Давидъ, угрожающе потрясая окровавленнымъ носовымъ платкомъ. — На тебѣ, твой платокъ!.. Дай мнѣ еще башмаковъ надѣть на твои похороны!..

— Онъ правъ, ей-Богу, правъ,—такъ же хрипло кричалъ Натанъ.—Чего ты связался съ этими пархатыми. Какъ ты можешь стоять за нихъ противъ родственника!

— Если-бъ онъ и вы не были сами себѣ врагами,—возразилъ Элеазаръ,—горе давно бы миновало.

— Самъ околѣвай, самъ дохни съ голоду!—кричалъ гранильщикъ.

— Тогда нужды не было бы... не было бы!—повторялъ Элеазаръ тупо, упрямо.—Солидарность—все, только солидарность!...

Въ отвѣтъ ему раздался цѣлый хоръ насмѣшливыхъ, злыхъ голосовъ: какъ онъ можетъ быть такимъ глупымъ!

— Самъ дохни! самъ пропадай!—еще яростнѣе хрипѣлъ Давидъ.

— Очень мнѣ нужна твоя солидарность... Много за нее дадутъ въ ссудной кассѣ?.. Попробуй-ка заплатить ею за квартиру!.. — Сол-лидарность!.. Ой!.. Ты сначала устройся такъ, чтобъ тебѣ было что жрать!..

— Сол-лидарность!—сиплымъ голосомъ кричалъ Натанъ.— Ты лучше позаботься, чтобъ твоя старая, слѣпая тетка и вотъ эта маленькая овечка, которую ты держишь на рукахъ, не издохли съ голоду!.. Что ты тамъ кричишь о солидарности!

Гиньтье, широко разставивъ ноги и раздвинувъ локти на грязной клеенкѣ, высокимъ, пѣвучимъ голосомъ повторяла, покрывая всѣ прочіе голоса:

— Сол-лидарность!.. Что такое солидарность?.. Ой, какой онъ образованный человѣкъ!.. Онъ умѣетъ говорить по французски!.. Ты, вѣрно, хотѣлъ сказать: неосмотрительность?

А Іоозепъ, воспользовавшись паузой, со смѣхомъ крикнулъ:

— У него отъ большого ума выростетъ за плечами сума!— и всѣ загоготали.

Элеазаръ пожалъ плечами. Говорить съ ними было безполезно. На камнѣ не сѣютъ хлѣба, если у человѣка есть царь въ головѣ...

Давидъ продолжалъ ругаться; Натанъ корилъ его на всѣ лады. Элеазаръ больше ничего не отвѣчалъ. Отъ шума и крика онъ испытывалъ чисто физическую колющую боль.

Должно быть, грудь у него была опять не въ порядкѣ. У него тѣснило въ груди; онъ тяжело дышалъ. Господи! какая здѣсь духота! Что только приходится выносить его легкимъ!

Дверь въ подвалъ была открыта настежъ. Возлѣ ящика съ окровавленными костями медленно раздѣвался Якобъ. Элеазаръ видѣлъ, какъ онъ подошелъ къ матрацу, гдѣ уже спалъ его младшій братъ... И вдругъ все, какъ въ туманѣ, поплыло передъ его глазами: комната, кровати, дѣти на полу, разбитая лампа, столъ, за которымъ играли въ лото, миндальныя скорлупки, подвалъ съ ящиками и корзинами. Теперь, когда онъ сидѣлъ въ этомъ подвалѣ, истощенный и обезсиленный, съ мокрыми, холодными, какъ ледъ, ногами, — убогій сѣрый мірокъ, въ которомъ онъ вращался, мірокъ, гдѣ люди осуждены были сами портить себѣ жизнь, казался ему безнадежно убогимъ, исполненнымъ безпросвѣтнаго горя. Отъ этого можно было сойти съ ума. Хотѣлось кричать, биться головой объ стѣну, проклинать Бога и міръ, безумствовать во всю. Хотѣлось плюнуть на все, на лживыя сказки о добрѣ и злѣ, на пустую болтовню собственнаго мозга, который взвѣшивалъ, обсуждалъ, колебался. Хотѣлось избыть какъ нибудь свою обиду, выкричать боль за тетку Регги, сапожника Зейкерпера, за польскаго еврея, за раненаго на крыльцѣ Голконды, за тысячи и сотни тысячъ обманутыхъ, достойныхъ сожалѣнія и погибающихъ отъ собственной глупости, за этотъ подвалъ и вонь и вѣчно горящую лампу, за эту семью изъ мужа, жены, бабушки и десятка дѣтей, увязшихъ по уши въ грязи, потерявшихъ человѣческій образъ. Подъ шумъ и споры препиравшихся между собой евреевъ, онъ вдругъ расхохотался: тринадцать человѣкъ въ подземной норѣ, гдѣ, на что ни взглянешь,—становится тошно... Неужели будущее поколѣніе не придетъ въ бѣшенство, вспоминая, что было?

Съ потолка упала капля на одну изъ карточекъ. Элеазаръ уныло перевелъ глаза на альковъ. На кровати сидѣла Соортье и плакала, прижимая руку къ груди. У младенца губки были странно алыя, какъ будто онъ кашлялъ кровью; подъ желто-коричневымъ соскомъ вилась кровавая

полоска. Тихонько всхлипывая, Соортье терла себѣ грудь и время отъ времени стонала.

— У тебя что нибудь болитъ, тетя?—спросилъ онъ.

— Ничего, ничего... оставь меня!.. Вѣдь это не въ первый разъ... и не въ послѣдній...

X.

Но уже на другой день въ душѣ Элеазара снова проснулась надежда, и его возмущеніе противъ Бога — какъ ни представляй себѣ Его: карающей и милующей силой, по изображенію Библіи, или же природой въ ея высшихъ проявленіяхъ—показалось ему совершенно неразумнымъ пережиткомъ еще тѣхъ дней, когда Дрейфъ разсказывалъ ему о верховномъ существѣ, стоящемъ внѣ и выше человѣка. Теперь вѣдь онъ сталъ умнѣе... и если онъ до сихъ поръ медлитъ, то не есть ли это результатъ его настроеній, его еврейской мечтательности, наконецъ, просто его малокровія?- Отъ усталости становишься слабымъ и вялымъ, трусливо и глупо судишь о жизни и смерти, добровольно преклоняешься передъ господиномъ, который не внушаетъ тебѣ ни малѣйшаго страха, когда разсуждаешь о немъ съ свѣжей и бодрой головой...

Онъ лежалъ на кровати, заложивъ руки за голову, и думалъ, и у него становилось веселѣе на душѣ.

Иногда онъ закрывалъ глаза, потомъ опять открывалъ ихъ и смотрѣлъ сквозь маленькое квадратное окошечко на безформенную груду крышъ. Утромъ въ постели, отдохнувъ, набравшись новыхъ силъ для дневного труда, такъ хорошо лежать и думать! Мысль работаетъ, не спѣша, все случившееся рисуется такъ ясно; голова похожа на прохладный залъ, гдѣ по желанію убавили свѣтъ.

Легкій стукъ въ дверь спугнулъ его мысли. На порогѣ стояла Саартье.

— Дядя! Дядя Эли!..—громко позвала она, думая, что онъ спитъ.

— Это ты?.. Поди сюда, дитя мое.

Онъ тихонько засмѣялся. Это старообразное личико въ рамкѣ спутанныхъ, вьющихся волосъ напомнило ему его сестру Эсфирь, такъ рано увядшую, единственную, которую онъ любилъ. Дѣвочка просунула голову въ дверь. Въ рукахъ у нея была потрескавшаяся коричневая тарелка и на ней два ломтя хлѣба съ вареньемъ, которымъ она уже успѣла вымазать себѣ весь подбородокъ.

— Дядя, тетя сказала...—Дѣвочка не договорила и тихонько разсмѣялась: такъ забавно было видѣть дядю въ постели съ заспанными глазами и торчащимъ изъ подъ одѣяла кончикомъ пальца ноги — такой смѣшной палецъ, совсѣмъ какъ носъ Зейкерпера...

— Ну—что же тетя сказала?—спрашивалъ онъ, привѣтливо кивая ей головой.

Она опять засмѣялась и вымазанной вареньемъ рученкой схватила его за палецъ.

— Ты маленькая баба-яга, я боюсь тебя,—говорилъ онъ, представляясь, будто ему страшно, и прячась подъ одѣяло. Дѣвочка расхохоталась еще громче, широко раскрывая глаза отъ удовольствія. Потомъ поставила тарелку на стулъ, вскорабкалась на кровать и хотѣла вымазать ему сиропомъ лицо. Онъ вскрикивалъ отъ страха, кутался въ одѣяло, прячась отъ грязныхъ, липкихъ рученокъ, но вдругъ неожиданно далъ поймать себя и самъ схватилъ ее на руки.

— Вотъ я тебя, плутовка! — пригрозилъ онъ, будто сердясь.

Но дѣвочка не давалась въ обманъ, видя по выраженію его глазъ, что онъ не сердится, и визжала отъ восторга, что вымазала ему вареньемъ усы.

Такъ они сидѣли вмѣстѣ на кровати, мужчина со спутанными волосами и полуобнаженной грудью и худенькій, блѣдный ребенокъ въ рваномъ выцвѣтшемъ платьицѣ и дырявыхъ чулкахъ.

Онъ поцѣловалъ ее въ измазанную вареньемъ щечку, весело распрашивая, счастливый дружбой этого ребенка.

— Кто же мнѣ прислалъ варенья?

— Тетя прислала. У насъ еще много, много осталось!

Саартье вся сіяла отъ восторга.

— Вотъ какъ!—удивился онъ такому чуду.—Что же это, отецъ принесъ денегъ?

— Папаша?—нѣтъ, папаша еще спитъ... его давеча такъ побили... ты знаешь, дядя?.. у него глазъ распухъ и сталъ такой синій, синій, какъ...—она искала сравненія—какъ я не знаю что!.. Ты знаешь, дядя, что его побили?

— Да, знаю.

— Какая низость!.. а, дядя?.. какая гадость, — правда?.. такъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего избить человѣка. Пусть только попробуютъ тронуть меня; я тогда возьму... я возьму,— у нея даже зрачки расширились отъ напряженной работы мысли,—я возьму палку и всѣхъ ихъ поубиваю, какъ собакъ. Фу, какіе они гадкіе!.. такъ избить бѣднаго папашу!

— И отлично сдѣлаешь,—засмѣялся Элеазаръ, приглаживая ея курчавые волосы. Удивительно забавно было слышать, какъ этотъ ребенокъ фантазируетъ о подвигахъ.

— А потомъ... потомъ,—продолжала она, стараясь придать своему личику грозное выраженіе,—потомъ возьму тетинъ ножъ, которымъ она рѣжетъ хлѣбъ, и воткну имъ въ животъ... а, дядя?.. а потомъ отрѣжу имъ голову... Развѣ они смѣютъ такъ бить папашу... а, дядя?

Она смотрѣла не на него, а въ окно на тяжеловѣсныя почернѣвшія отъ копоти крыши; тамъ она видѣла передъ собой все, о чёмъ говорила.

— А вотъ этого я бы не сдѣлалъ, — предусмотрительно замѣтилъ онъ,—потому что тогда придетъ полицейскій съ большой саблей и уведетъ тебя съ собой.

— А я и полицейскаго заколю, — безжалостно объявила она.

— Послушай, это ужасно!

Онъ громко расхохотался и принялся цѣловать ее. Худенькая, блѣдная дѣвочка не противилась, продолжая мечтать о своемъ. На выступавшемъ карнизѣ крыши играло солнце; полоска свѣта отдѣляла красныя черепицы отъ выбѣленныхъ известью стѣнъ. Другія крыши, красныя и пепельно сѣрыя, съ желобами и грязными застрехами, наоборотъ, окутались густой мутной тѣнью, словно убѣгая отъ свѣта. Изъ одной трубы валилъ дымъ, какой-то странно-прозрачный, похожій на паръ, клубился вдоль отверстія, змѣйкой подползалъ къ свѣтлой полоскѣ и, перебравшись черезъ нее, направлялся къ сосѣдней крышѣ, неохотно расплываясь въ воздухѣ синеватымъ паромъ.

Дѣвочкѣ съ воспаленными глазками въ этой игрѣ дыма и солнца чудился блескъ сабли и каски полицейскаго. Она даже сощурила глазки и вдругъ заговорила скороговоркой, какъ это съ ней часто бывало:

— Дядя, ты развѣ не хочешь кушать?

Ей казалось мучительнымъ такъ долго ждать. Онъ понялъ.

— Да, да. Ты, конечно, съѣшь еще кусочекъ? Возьми!

— Нѣтъ,—отказалась она, жадно поглядывая на хлѣбъ.— Тетя говоритъ, это—тебѣ.

— Я не особенно голоденъ,—усмѣхнулся онъ, съ удовольствіемъ глядя, какъ она уплетаетъ хлѣбъ и, причмокивая, подлизываетъ сиропъ.

— Я это сама покупала... правда, дядя? — разсказывала она, какъ взрослая.—Я вчера еще ходила съ пакетомъ къ Вольфу.

— А кто такой Вольфъ?

— Вольфъ? Ты не знаешь, дядя, кто такой Вольфъ?—удивлялась она, торопливо прожевывая жесткую корку.— Вольфъ—онъ тамъ за угломъ живетъ—ты не знаешь?.. Ему принесешь башмаки, онъ денегъ дастъ... если платье принести, тоже дастъ денегъ... ты не знаешь, дядя?.. и еще онъ даетъ билетикъ, и если потомъ придешь къ нему съ этимъ билетикомъ, опять все назадъ получишь, понимаешь, дядя?.. только тогда и деньги ему нужно отдать назадъ. А идти къ нему нужно все прямо, прямо по улицѣ, а потомъ за уголъ завернуть... ты развѣ не знаешь?

Онъ кивнулъ головой.—Теперь знаю. Что же ты ему носила вчера?

— Вчера?—она поковыряла пальчикомъ во рту.—Вчера я ему носила шабашевую юбку и кофточку и шабашевый чепчикъ тети Регги и еще ея башмаки,—только онъ башмаковъ не хотѣлъ брать.—„Скажи, говоритъ, твоей мамѣ... а у меня вѣдь нѣтъ мамы, правда, дядя?.. что башмаки ничего не стоятъ"—И таки правда, дядя, у нихъ подошвы совсѣмъ худыя, а ужъ когда подошвы худыя, башмаковъ все равно нельзя носить... правда, дядя?.. Ну, а за юбку и за чепчикъ и за шелковую кофточку... знаешь ту, которую тетя всегда надѣваетъ на шабашъ... онъ далъ семьдесятъ пять центовъ: онъ такой гадкій, скупой!.. и всегда у него капаетъ изъ носу такая большая капля!..

Она раставила большой и указательный пальцы, чтобы показать размѣръ капли.

Элеазаръ озабочено смотрѣлъ на крыши: онъ зналъ, какъ дорожитъ слѣпая своимъ праздничнымъ платьемъ. Если его не удастся выкупить къ субботѣ—а на это нѣтъ никакой надежды—она будетъ жестоко огорчена. Дѣвочка, между тѣмъ, продолжала болтать:

— Знаешь, дядя, а сосѣдскій Янъ...

— Кто это Янъ?..

— Янъ? Ну, Янъ, который живетъ у сапожника, развѣ ты не знаешь? Вотъ онъ его ловко надулъ! завернулъ въ бумажку навозъ... слышишь, дядя?.. и суетъ ему въ окошечко. И говоритъ: „Господинъ Вольфъ, сколько вы мнѣ дадите за это?“—Все ея худенькое тѣльце тряслось отъ смѣха, такъ что она съ трудомъ могла продолжать. — А этотъ, Вольфъ-то, развернулъ бумажку... ха, ха, ха!.. и говоритъ: „Это что же такое?“ А Янъ ему: „А вы понюхайте“... Ха, ха, ха!.. А мы скорѣй всѣ удрали.

— Вотъ такъ штука!—смѣялся вмѣстѣ съ нею Элеазаръ.— А вѣдь васъ, собственно говоря, слѣдовало бы за это хорошенько вздуть!.. И тетя Регги часто посылаетъ тебя туда?

— О, да!—хвасталась дѣвочка, гордясь тѣмъ, что она можетъ исполнять подобныя порученія.—На этой недѣлѣ я ужъ три раза туда ходила: одинъ разъ съ этимъ... какъ его?.. съ одѣяломъ, другой разъ съ подсвѣчникомъ, а вчера съ тетинымъ шабашевымъ платьемъ... Ты что же не ѣшь, дядя?

— Да, да,—разсѣянно кивнулъ онъ ей головой и, соскочивъ съ постели, торопливо сталъ одѣваться. Сегодня ничто не должно волновать его. Тѣло его отдохнуло, и онъ чувствовалъ въ себѣ огромный запасъ силъ.

Солнце свѣтило на крышѣ; воробушекъ, чирикая, прыгалъ вокругъ дымовой трубы. Элеазару казалось, что этотъ день долженъ быть для него счастливымъ, что съ этимъ сухимъ прохладнымъ воздухомъ, врывающимся въ окно, входитъ что-то новое, невѣдомое, таинственное. На дворѣ было тихо. Не слышно даже молотка сапожника, обыкновенно стучавшаго такъ, что и наверху было слышно; за окнами на противоположной сторонѣ словно все вымерло.

Дѣвочка наполовину высунулась въ окно.

— Какъ высоко, дядя... а?

— Да, высоко.

— Если упасть отсюда,—вѣдь убьешься... а, дядя?

— Ну, конечно.

Онъ окунулъ голову въ тазъ съ водой, припасенной съ вечера. Къ теткѣ Регги приходили за водой всѣ жильцы, такъ какъ кранъ былъ одинъ на весь домъ.

Вытирая руки полотенцемъ, Элеазаръ заглянулъ въ темный корридоръ. По лѣстницѣ спускалась Ревекка съ вѣникомъ въ рукѣ; изъ подъ платка, надѣтаго на голову, выбивались спутанные черные волосы, обрамляя нѣжное блѣдное личико. Увидя Элеазара, она смущенно засмѣялась... На ней было старенькое платьице, завернутое вокругъ пояса грязной черной подкладкой наружу; она засучила рукава, такъ что видны были голыя руки. На выцвѣтшемъ бархатномъ воротничкѣ оторвался крючекъ, и изъ подъ бархата вы-

глядывала пухлая шея съ сѣтью тонкихъ голубоватыхъ жилокъ.

— Доброе утро!—сказалъ онъ, вытирая лицо.

— Здравствуйте,—застѣнчиво откликнулась она изъ темноты.

— Вы бы кстати ужъ и у меня убрали,—шутливо крикнулъ онъ ей,—а то у меня вся мебель испортится. Здѣсь ужъ нѣсколько мѣсяцевъ не метено.

— Да что вы!—засмѣялась она, подходя ближе и прислоняясь къ косяку двери.

Саартье тоже подошла къ двери.

— Здравствуй, Бекки, здравствуй, здравствуй!

— Здравствуй, Сарочка милая.

Ревекка усердно мела лѣстницу, ступеньку за ступенькой, потомъ вымела площадку, ползая на рукахъ и на колѣняхъ, и все время не переставая болтать и смѣяться.

Эли съѣлъ ломтикъ хлѣба съ вареньемъ и, знакомъ приглашая ее войти, сталъ разспрашивать объ отцѣ. Она стѣснялась идти дальше порога и стояла въ дверяхъ, неизвѣстно зачѣмъ размахивая вѣникомъ. Она никогда не выходила изъ дому, развѣ только погулять съ дѣтьми. Другія дѣвушки ея лѣтъ любили поиграть, подурачиться въ праздничный день,—ее не тянуло къ нимъ; она была, повидимому, прирожденная насѣдка. Вотъ такъ, въ яркомъ ровномъ свѣтѣ, падавшемъ изъ окна, съ своими черными глазами подъ густой цѣльной линіей бровей, въ красномъ платочкѣ на черныхъ волосахъ, повязанномъ такъ странно, словно вѣнокъ, она была до того хороша, сіяла такой своеобразной дикой красотой, что у Эли шутка застряла въ горлѣ, и глаза опять загорѣлись,—какъ тогда, въ сѣняхъ пріюта. И, какъ тогда, она вдругъ дерзко расхохоталась.

— Что вы на меня такъ смотрите?—выговорила она сухо, какимъ-то беззвучнымъ голосомъ.

— Такъ... смотрю себѣ,—засмѣялся и онъ, но къ горлу его что-то хлынуло горячей волной.

— Ахъ,—такъ только?—поддразнила она.

— Да, только,—попробовалъ и онъ отвѣтить шуткой. Онъ всталъ съ кровати, перенесъ стулъ къ окну и началъ играть съ Саартье.

Ревекка вошла въ комнату и, нагнувшись, принялась мести полъ.

— Ну что? рады?—смѣялась она, какъ ребенокъ.

— Еще бы! А то у меня, чего добраго, вся мебель пропадетъ отъ пыли.

Оба расхохотались. Мебели въ комнатѣ только и было, что кровать съ жиденькимъ матрацомъ, стулъ да ящикъ, на

которомъ стояла умывальная чашка. Но Эли недолго смѣялся. Маленькая Саартье соскочила съ его колѣнъ.

— Прощай, дядя!

— Куда ты?

— Мнѣ нужно въ школу.

— Погоди минутку...

— Нѣтъ, дядя... Янъ уже ждетъ меня внизу.

Она увидѣла его въ окно и, шлепая туфельками, сбѣжала съ лѣстницы, захлопнувъ за собой дверь.

— Что за милый ребенокъ! — сказала Ревекка, пригибаясь къ самому полу, и потомъ застѣнчиво подняла на него полуиспуганные, полусмѣющіеся глаза.

— Да,—милый,—тихо повторилъ онъ.

Оба смолкли. Только царапанье вѣника объ полъ нарушало тишину. Элеазаръ, не отрываясь, смотрѣлъ въ окно на противоположную крышу; она была ярко-красная и вся дымилась. Мягкія, блѣдныя облачка завитками клубились подъ сточной трубой; паръ шелъ и отъ высыхавшихъ сырыхъ черепицъ. Черезъ дворъ, къ воротамъ направлялись дѣти, и съ ними Миньтье, дочка Зейкерпера. Позади раздавалось мѣрное сухое царапанье вѣника объ полъ.

Элеазаръ первый заговорилъ:

— Давно уже здѣсь не убирали.

— Да, давно,—откликнулась Ревекка быстро и громко.

Теперь она мела подъ кроватью, отвернувъ голову такъ, что ему видны были только ея полныя икры. Красный платочекъ съѣхалъ назадъ; старыя стоптанныя туфли шлепали по полу.

— Хотите, я у васъ каждый день буду мести? — сказала она, помолчавъ, и приподнялась на колѣняхъ, глядя на него скорѣе дерзко, чѣмъ смущенно. Такой она ему не нравилась, отталкивала его. Застѣнчивая, робкая, она была безконечно мила, походила на ребенка, который никогда не видѣлъ солнца, не имѣетъ понятія о томъ, что творится на свѣтѣ. Но, когда она смотрѣла на него вызывающе, вотъ какъ сейчасъ, въ немъ просыпалась антипатія къ ней, которую онъ самъ себѣ хорошенько не могъ объяснить.

— Да, это было бы очень хорошо, — выговорилъ онъ почти враждебно, — я былъ бы очень радъ, но не будетъ ли это для васъ слишкомъ утомительно?

— Нѣтъ,—фыркнула она и вдругъ поднялась.—Поправить вамъ постель?

Онъ кивнулъ головой.

— Только одѣяло.

Пріятно было видѣть дѣвушку, разглаживающую складки на одѣялѣ и взбивающую подушки.

Оправивъ постель, она присѣла на краюшекъ, тамъ, гдѣ раньше сидѣла Саартье.

— А простыни у васъ нѣтъ развѣ?

— Простыни? нѣтъ.

— Вамъ не холодно спать такъ, безъ простыни?

— Привычка...

— Вотъ намъ такъ тепло, — засмѣялась она.

— Кому „намъ"? — сухо переспросилъ онъ. Она вдругъ показалась ему совсѣмъ чужой, съ этими растрепанными волосами и съѣхавшимъ на спину краснымъ платкомъ.

— Намъ: моей сестрѣ, брату и мнѣ. Намъ тепло спать. А когда становится холодно, мы всѣ крѣпче жмемся другъ къ дружкѣ.

— Та-а-къ,—проговорилъ онъ, улыбаясь этому неожиданному довѣрію.—На минуту глаза ихъ встрѣтились. Она первая отвела свои и, потупившись, принялась играть кисточкой покрывала.

— Ревекка! Ревекка! Куда ты запропастилась?

Это кричалъ Подди снизу.

XI.

Лежа въ постели, бранясь и охая отъ боли, польскій еврей отворилъ дверь на лѣстницу, зацѣпивъ палкой за ручку. Палка осталась висѣть на ней и упала на полъ, когда молодые люди подошли къ двери.

— Что же мнѣ всю глотку раскричать? — бранился онъ, тяжело дыша.—Не дозовешься! Гдѣ?.. гдѣ ты?..

Онъ не договорилъ и закашлялся, захлебываясь мокротой и трясясь всѣмъ своимъ костлявымъ старческимъ тѣломъ. Ногти его впились въ деревянные бока кровати; багровая отъ натуги, морщинистая голова, съ торчащими остатками бороды судорожно тряслась; онъ кашлялъ такъ, что казалось вотъ сейчасъ у него треснетъ грудь, потомъ со свистомъ перевелъ духъ и глухо захрипѣлъ, совершенно обезсиленный. Слюна стекала внизъ по его бородѣ на лиловую съ зеленымъ фуфайку; всѣ морщины на суровомъ лицѣ побѣлѣли, а шишка налѣво отъ рта стала ярко-красной и, казалось, готова была лопнуть.

— Выпей воды, папаша!—испуганно вскричала Ревекка.

Онъ со злостью оттолкнулъ ее и выпрямился въ постели, чего-то ища возлѣ себя руками. Одѣяло соскользнуло на полъ, обнаживъ ужасныя раны на боку больного. Подди продолжалъ тяжело дышать; лицо его по прежнему оставалось багровымъ, а вздувшіяся жилы натянулись черными

ремнями. Этотъ мучительный свистъ и хрипъ въ груди были такъ страшны, что Ревекка начала кричать, а Элеазаръ думалъ, что больной задохнется.

— Выпей же, папаша,—со слезами просила дѣвушка, подавая стаканъ дрожавшей отъ страха рукой.

Элеазаръ взялъ у нея изъ рукъ стаканъ.

— Вы слышите, Подди?—Выпейте, вамъ будетъ легче.

Продолжая хрипѣть, больной сдѣлалъ нѣсколько глотковъ лихорадочно дрожащими губами и опять жестоко закашлялся, изгибаясь всѣмъ тѣломъ и сбрасывая съ себя одѣяло. Кровать стояла въ тѣни. Свѣтъ падалъ въ комнату только черезъ маленькія запыленныя стекла единственнаго окна, въ которое видны были ряды обвѣтрившихся грязно-бурыхъ черепицъ.

Полуобнаженный, съ окровавленными ранами на боку, съ руками, судорожно хватавшимися за деревянные борты кровати, съ бородатымъ, искаженнымъ болью лицомъ, старикъ въ полутьмѣ грязнаго алькова казался такимъ несчастнымъ, что Элеазаръ испуганно отшатнулся и пролилъ воду. Онъ и Ревекка молча смотрѣли, какъ больной задыхался, пока новый приступъ оглушительнаго кашля не далъ доступа воздуху въ его легкія. Тогда больной со стономъ, слабо откашливаясь, упалъ на подушки. На лбу его, изрѣзанномъ глубокими морщинами, какъ и все лицо, слиплись отъ пота сѣдые волосы. Изъ кривившагося въ гримасу рта толчками вырывалось со стономъ дыханіе.

— Не могу ли я помочь вамъ?—спросилъ Элеазаръ.

Костлявая рука, лежавшая на одѣялѣ, сдѣлала отрицательный жестъ. Элеазару стало жутко до дрожи, когда онъ увидѣлъ вблизи этотъ ужасный бокъ, глубокія раны и кровь. Кровь засыхала на выцвѣтшей обивкѣ матраца, на мочалѣ, которая лѣзла наружу изъ разъѣхавшихся швовъ. Въ комнатѣ былъ еще столъ, совершенно исчезавшій подъ наваленными на него принадлежностями костюма и узелками. Былъ еще горшокъ безъ ручки, да гвозди, на которыхъ висѣли куртка и брюки. Вотъ и вся обстановка алькова.

— Ой!.. ой!..—стоналъ еврей, пытаясь приподняться на локтяхъ.

Элеазаръ поспѣшилъ поддержать его, но Подди вскрикнулъ отъ боли: у него свело ногу.

— Къ концу идетъ, пропадаю,—выговорилъ онъ, тяжело дыша, и, уткнувшись въ подушки, заплакалъ.

— Ну, полно же, перестаньте,— говорилъ Элеазаръ, сжимая его руку. — Подумайте о вашихъ дѣтяхъ, Подди, подумайте о...

Онъ не договорилъ, слова не шли съ языка. Молча, со

слезами на глазахъ онъ прислонился къ двери алькова. Ревекка у окна рыдала, уронивъ голову на столъ. А изъ алькова доносился непрерывный болѣзненный плачъ, стонъ и рыданія, и жалобы старика.

— О чемъ вы плачете, Подди? Ну, полно же, перестаньте,— успокоивалъ Элеазаръ.—У васъ былъ докторъ?

— Нѣтъ... это уже не поможетъ... ничего не поможетъ!..

— Хотите, я позову?

— Нѣтъ, не надо доктора, не надо доктора...

— Нѣтъ, надо, — упорно настаивалъ Элеазаръ. — Тогда вамъ сразу станетъ лучше,—слышите?

— По моему, не надо доктора... По моему, не надо. — Подди утеръ носъ рукавомъ и сердито покачалъ головой.

— Докторъ уже былъ,—плача, пояснила Ревекка. — Онъ далъ билетикъ въ больницу, говоритъ, надо везти.

— Ну вотъ и чудесно! Чего же вы здѣсь лежите? Какъ можно быть такимъ упрямымъ!

Обезсиленный, слишкомъ усталый для того, чтобы возражать, больной отвернулся къ стѣнѣ.

— Папаша не хочетъ,—отвѣтила за него Ревекка.

— Не хочетъ? не хочетъ?—почему не хочетъ?

— Такъ, не хочетъ.

— Подди, что съ вами! что за упрямство?—грустно допытывался Элеазаръ, подыскивая слова. Ему было стыдно своего здороваго голоса при видѣ этого разбитаго, умирающаго человѣка. Все, что онъ говорилъ, казалось такимъ дикимъ и грубымъ рядомъ съ этимъ безумнымъ отчаяніемъ, съ этимъ убогимъ, окровавленнымъ ложемъ.

Подди какъ будто не слышалъ. Зарывшись головою въ подушку, онъ лежалъ такъ, что виденъ былъ только его худой горбатый носъ, обращенный къ стѣнѣ, гдѣ висѣли куртки и брюки.

И опять, осторожно зондируя почву, Элеазаръ спросилъ:

— Развѣ вы не хотите полѣчиться, Подди? Зачѣмъ такъ запускать болѣзнь.

— Ну да! да! не хочу! Дайте мнѣ лежать спокойно! Чего вы пристаете ко мнѣ?

— Нѣтъ, батенька, этого нельзя,—добродушно настаивалъ Элеазаръ. Онъ спокойно развернулъ съѣхавшую на колѣно повязку изъ тряпокъ и попробовалъ перевязать одну изъ ранъ. Пальцы его слегка дрожали. Это была непривычная для него работа. Но больной такъ жалобно стоналъ, такъ яростно отталкивалъ помогавшую ему руку, что Элеазаръ долженъ былъ прекратить обмываніе и, какъ умѣлъ, наложилъ повязку вокругъ бедра. Онъ хотѣлъ было переа мѣнить больному рубашку, но чистой не оказалось; тогд-

онъ оправилъ старую, грязную, осторожно взбилъ матрацъ, натянулъ до плечъ одѣяло и улыбнулся больному.

— Чѣмъ я не докторъ, Подди?.. Я увѣренъ, что теперь вы чувствуете себя, какъ какой нибудь принцъ.

Полякъ кивнулъ головой. Ему дѣйствительно стало легче; освѣженныя водою раны меньше горѣли. И лежать было теперь удобнѣе; только шаткая, неуклюжая кровать выступала горбомъ какъ разъ подъ позвоночникомъ и рѣзала ему спину, да насѣкомыя не давали покоя. Такъ жаловался онъ, кашляя и тяжело дыша, пока отдыхъ, уменьшившаяся боль отъ ранъ и болѣе удобное положеніе не измѣнили его настроенія къ лучшему. Онъ началъ разсказывать Элеазару о домашнихъ дѣлахъ.

Салли и Розочка спали прежде здѣсь на кровати вмѣстѣ съ нимъ, но докторъ запретилъ, и вотъ уже двѣ недѣли всѣ дѣти спятъ на полу.

— Докторъ?—перебилъ его Элеазаръ,—но вѣдь онъ же далъ вамъ записку въ больницу. Зачѣмъ же вамъ лежать здѣсь, если тамъ можно устроиться гораздо удобнѣе?

— Удобнѣе?—опять захныкалъ Подди.—Чѣмъ удобнѣе? Почему удобнѣе? Развѣ я знаю, что со мной такое!.. И здѣсь у меня дыра, и тамъ дыра; ихъ такъ много, что и не перечтешь! Докторъ самъ не знаетъ, какая у меня болѣзнь. Онъ говоритъ: нарывъ на почкѣ, но я васъ спрашиваю, развѣ это можетъ быть?.. Нарывъ на носу—это мы видимъ, это бываетъ, но нарывъ на почкѣ! Что за вздоръ! Гдѣ она сидитъ—моя почка?.. или вы знаете? Такъ, пожалуйста, покажите мнѣ ее, сдѣлайте мнѣ такое удовольствіе!.. Записку въ больницу — ой!.. Если онъ мнѣ десять записокъ дастъ, я всетаки не пойду. Развѣ я въ больницѣ могу кормить своихъ дѣтей? Что они будутъ ѣсть, если я лягу въ больницу?.. Нарывъ на почкѣ... скажите, пожалуйста!.. Здѣсь, я по крайней мѣрѣ, могу присмотрѣть за Іоозепомъ, когда онъ дѣлаетъ папиросы. Если со мной, сохрани Богъ, что нибудь случится, то, по крайней мѣрѣ, я лежу здѣсь въ своей собственной грязи... Ревекка, приготовь мнѣ опять мякиша. Хлѣбный мякишъ отъ всего помогаетъ. Это старое, но чудесное средство... Вы знаете, что я вамъ скажу: это все отъ желудка... должно быть, я черезчуръ много ѣлъ мяса... ой, горе мое!—по одной крошкѣ въ годъ!

Онъ самъ засмѣялся своей шуткѣ, откашлялся и вздохнулъ, довольный, что ему теперь такъ удобно лежать.

— Хлѣбный мякишъ,—философствовалъ Элеазаръ, присѣвъ на кровать, пока Ревекка возилась у печки,—хлѣбный мякишъ врядъ ли хорошъ для открытыхъ ранъ.

— Ахъ, какой вздоръ!.. Мякишъ изъ ржаного хлѣба

лучше всякихъ вонючихъ капель. Когда насъ гнали изъ Россіи—я до сихъ поръ отлично это помню—и въ другіе разы случалось, насъ поколотятъ, покойница мать, миръ ея памяти, всегда, бывало, пожуетъ мякишъ, приложитъ—и какъ рукой все сниметъ...

— Вѣдь это давненько уже было?—спрашивалъ Элеазаръ, радуясь, что больной повеселѣлъ.

— Давно ли? Можетъ быть, полсотни лѣтъ, а можетъ— и больше. Я еще мальчикомъ былъ. Можете себѣ представить, какъ давно это было! Никогда мнѣ этого не забыть... Я, кажется, вамъ этого еще не разсказывалъ?..

— Нѣтъ,—сказалъ Элеазаръ, смутно припоминая, что разсказывалъ Подли въ тотъ вечеръ, когда онъ поссорился съ Давидомъ.

Больной облокотился на подушку и, не отводя впалыхъ глазъ отъ щелей досчатаго пола, заговорилъ угрюмо, порою тряся сѣдой головой, какъ будто видѣлъ передъ собою то, о чемъ говорилъ:

— ... Вы слыхали когда нибудь о Новомосковскѣ!.. Что? не слыхали, а? Это все равно, что въ Новомосковскѣ заговорить объ Эйленбургѣ или Маркенѣ... Ну, да не бѣда—не въ этомъ дѣло!.. Названіе тутъ не при чемъ; по мнѣ зовите его, какъ угодно... Разъ вечеромъ, въ субботу лежу я въ своей кроваткѣ—было мнѣ тогда, можетъ, лѣтъ десять, не больше — и вдругъ началась потѣха... Тысячи людей ломятся въ дверь и швыряютъ въ нее чѣмъ ни попало: грязью, камнями, навозомъ. Что намъ было дѣлать? шесть человѣкъ противъ цѣлой шайки громилъ! Насъ, евреевъ, только и было въ деревнѣ, что папаша съ мамашей, дядя, тетка, моя сестренка и я. Что имъ стоило справиться съ нами!.. Сначала они вымазали наши двери керосиномъ и смолой, и еще какой-то гадостью... ужъ не знаю чѣмъ... а потомъ подожгли. Какъ сейчасъ вижу огонь! Что человѣкъ въ дѣтствѣ испыталъ, то какъ-то не забывается... Огонь до самой крыши и дымъ такой, что все нутро переворачивалось. Мы, какъ сумасшедшіе, метались, думали, вотъ-вотъ задохнемся... Вдругъ слышимъ: они выломали дверь, подымаются по лѣстницѣ. Впереди стоялъ мой дядя. Они схватили его и... этого нельзя описать... кто-то желѣзомъ ударилъ его по головѣ такъ, что кровь брызнула. Я залѣзъ въ шкафъ и сестренка тоже. Мы притаились, даже пальцемъ боялись пошевелить. Какъ мы только не задохнулись отъ дыма! Ужасъ, какой былъ дымъ, передъ глазами руки не видать; съ насъ уже кровавый потъ катился. А потомъ... Господи, они нашли папашу... Намъ все было слышно, какъ они кричали, какъ ругали его... Я давай было плакать въ шкафу, а

сестра... ей было всего двѣнадцать лѣтъ, но такая умница, ай, ай, какая разумница!.. она ущипнула меня за плечо, дай ей Богъ здоровья,—а то бы я громко разревѣлся. Отецъ кричалъ, какъ бѣшеный. Они его связали по рукамъ и по ногамъ и изуродовали... Казаки пріѣхали, когда ужъ было поздно... Можетъ быть, вамъ еще что нибудь разсказать объ этомъ? Можетъ быть, вы даже не вѣрите моимъ словамъ? Я знаю, что этому трудно повѣрить. Это надо пережить... На другой день мы ушли. Хочешь не хочешь, надо было уходить! Что же было дѣлать мамашѣ съ мужемъ, у котораго не стало руки, и съ двумя дѣтьми? Мы проѣхали всю Германію, побывали и въ Австріи, и въ Англіи, изъѣздили полсвѣта, и вездѣ въ насъ бросали гнилыми яблоками... Они съ собакой лучше обращаются, чѣмъ съ евреемъ. Собакѣ они даютъ ѣсть. Для собаки они покупаютъ ошейникъ и цѣпь. За собаку они платятъ деньги—цѣлые капиталы! А еврей? Что такое еврей?.. Я съ роду не знаю, что значитъ ѣсть досыта, съ роду не видѣлъ ничего, кромѣ нужды: съ заботой встаешь, съ заботой ложишься, въ заботѣ издыхаешь...

На минуту все стихло; только со двора доносился слабый отголосокъ чьего-то пронзительнаго, крикливаго голоса. Ревекка, все время внимательно слушавшая, смотрѣла въ одну точку въ глубокой задумчивости, какъ ребенокъ, которому разсказали удивительную исторію. Старый еврей откинулся на подушки и тихо стоналъ съ закрытыми глазами. Его ротъ, носъ и морщины, словно наросты, выступали изъ спутанной сѣдой бороды.

— Вы сейчасъ было развеселились,—сказалъ Элеазаръ,— а теперь... Зачѣмъ вы говорите объ этихъ вещахъ?.. Вѣдь христіанинъ живетъ не лучше еврея, когда онъ бѣденъ... я не вижу разницы?

— Ой, что мнѣ съ этого? Какая мнѣ отъ этого польза?— проворчалъ Подди, утомленный длиннымъ разсказомъ и уже опять недовольный.—Вы говорите: какая разница между одинаково бѣдными гоемъ и евреемъ? Никакой? Вздоръ! Какъ бы гой ни былъ бѣденъ, у него есть права. Развѣ въ бѣднаго гоя будутъ кидать грязью на улицѣ? Развѣ кто смѣетъ назвать его Шмулемъ, жидомъ, пархатымъ? Развѣ кто станетъ торговать въ воскресеніе?

— Это не такая ужъ большая разница,—осторожно замѣтилъ Элеазаръ, боясь разсердить его и пытаясь перевести разговоръ на другое.—Только въ сумасшедшемъ домѣ дураку можетъ придти дикая мысль, что у бѣднаго еврея и у бѣднаго христіанина не одинаково устроены желудокъ и мозгъ!.. Богъ съ вами, Подди! Ну, а если бъ вы были христіани-

номъ въ Россіи и безъ копѣйки денегъ? Ну? что тогда? Если васъ укусила бѣшеная собака, то не все вамъ равно, кобель или сука? Что?

— А ненависть? а вражда?—Полякъ приподнялся въ постели.—Я васъ спрашиваю, скажите мнѣ: смѣетъ кто нибудь гоя ругать на улицѣ?

На минуту Элеазаръ почувствовалъ непреодолимое желаніе высказать то, что онъ давно обдумалъ и рѣшилъ. Евреи сами упорно сторонятся отъ христіанъ, живутъ обособленной замкнутой жизнью, хотя еврейскія гетто давно уже уничтожены, женятся ради денегъ на близкихъ родственницахъ съ обычными результатами такихъ браковъ: вырожденіемъ и безуміемъ... и сколько еще другихъ причинъ! Всѣ эти ограничительныя предписанія узкой религіи, коренящіяся въ глубокой древности, — все это, конечно, вызываетъ вражду. У него готово было сорваться съ языка, что народъ, самъ не понимающій, насколько онъ выродился, достоинъ насмѣшекъ и презрѣнія. Но когда онъ взглянулъ на больного, на этого человѣка, столько выстрадавшаго отъ тупости и безумія обѣихъ сторонъ, у него пропала охота; онъ только улыбнулся и сказалъ:

— Нѣтъ, гою не кричатъ вслѣдъ бранныхъ словъ — въ этомъ вы правы.

— Ну, такъ что же вы мнѣ говорите! — ворчалъ Подди, неловко подпираясь локтями.—Да уличному псу лучше, чѣмъ бѣдному еврею!—Онъ опять упалъ на подушки и со вздохомъ глубокаго отчаянія проговорилъ:—Клянусь Богомъ, если бъ у меня былъ ядъ, я бы далъ его своимъ дѣтямъ прежде, чѣмъ издохну.

— Ого! ядъ стоитъ денегъ,—засмѣялся Элеазаръ.

— Ядъ стоитъ денегъ... стоитъ денегъ... все стоитъ денегъ,—возразилъ больной, со стономъ ворочаясь въ постели.— А все-жъ-таки фосфорныя спички всегда можно достать... всегда! Если-бъ я тогда сгорѣлъ въ Новомосковскѣ, я бы не наплодилъ столько нищихъ. Отъ шелудивой собаки и щенята шелудивыя...

— Ваши дѣти...—началъ было Элеазаръ, но Подди перебилъ его.

— Мои дѣти,—выкрикивалъ онъ гнѣвно и грозно,—стыдъ передъ Богомъ!.. Развѣ того хотѣлъ Богъ, сказавъ: плодитесь и размножайтесь! Для чего? Чтобы дохнуть съ голоду? Развѣ Онъ хотѣлъ сказать: идите, околѣвайте!..

— Подди, вамъ нельзя такъ волноваться. Смотрите, вотъ и повязка съѣхала, а я такъ хорошо васъ перевязалъ. Лежите смирно, я сейчасъ поправлю.

Онъ поправилъ повязку, подтянулъ ее кверху, разгла-

дилъ складки матраца. Больной все время лежалъ съ закрытыми глазами, ворча, какъ озлобленное животное, и отталкивая руку Элеазара.

— Да перестаньте же!—крикнулъ онъ сердито.—Вы мнѣ еще больше растравляете рану. Убирайтесь вонъ!

— Ну, не надо,—терпѣливо замѣтилъ Элеазаръ и знакомъ показалъ Ревеккѣ, что больного надо оставить въ покоѣ.

Онъ по личному опыту зналъ, какъ иногда пустякъ, мелочь можетъ раздражать больного, и какъ мучительно долженъ чувствовать себя человѣкъ съ такими ужасными ранами.

— Хотите, еще побесѣдуемъ? — предложилъ Элеазаръ.— Или, можетъ быть, мнѣ лучше уйти?

— Какъ хотите, только не трогайте меня.

За окномъ на крышѣ, чирикая, прыгалъ воробушекъ.

— Тоже голодный,—засмѣялся Элеазаръ.

Больной лежалъ неподвижно, съ угрюмымъ лицомъ; его начинало лихорадить. Но онъ чувствовалъ, что надо же что нибудь сказать молодому человѣку, который такъ сердечно отнесся къ нему, и, тяжело дыша, проговорилъ:

— Ну что, какъ ваша стачка?

— Стачка?—переспросилъ Элеазаръ, обрадовавшись, что старикъ заговорилъ.—Да что, плохо... совсѣмъ плохо. Все идетъ черезъ пень-колоду; дѣло все равно, что проиграно...

— Та-акъ.—Подди глубоко вздохнулъ. Дыханіе со свистомъ вырывалось изъ его ноздрей; пальцы его царапали одѣяло. Онъ притихъ, и глаза его стали тусклыми. Элеазаръ всталъ, натянулъ ему на ноги пуховичекъ и подоткнулъ подъ него одѣяло.

Но Подди опять оттолкнулъ его руку; онъ не хотѣлъ, чтобы его трогали. Измученные глаза его сверкали зеленоватымъ свѣтомъ въ полутьмѣ алькова. Ему хотѣлось пить; онъ жадно проглотилъ холодный чай, поданный ему Ревеккой, опять потребовалъ мякиша и вдругъ съ жалобнымъ крикомъ сорвалъ повязку, приподнялся, насколько могъ, и осмотрѣлъ раны на ногѣ и на боку.

— Подди!—укоризненно воскликнулъ Элеазаръ.

— Придержите языкъ!—закричалъ на него больной, почти садясь на кровати и держась за нее рукой.—Какой мнѣ прокъ отъ вашей болтовни? Да я бы... я бы... Лучше бы все пропало... Ужъ горѣло бы сверху до низу... Все къ чорту!.. Это самое лучшее: по крайней мѣрѣ, сразу подохнешь!..

Онъ опять отчаянно зарыдалъ, стукаясь головой о спинку кровати, проклиналъ сведенную ногу и насѣкомыхъ, не дававшихъ ему покоя, и требовалъ воздуха.

Ревекка въ страхѣ бросилась къ окну и спугнула чири

кавшаго воробья. Гнилой запахъ сточнаго желоба медленно проникалъ въ крошечную каморку.

XII.

Это уже третій говорилъ о необходимости уступить, уже третій пытался убить въ нихъ послѣднюю каплю мужества. Угрюмые, оцѣпенѣвшіе отъ холода, слушали его стачечники. Цѣлый часъ они, топчась въ застывшей грязи, поджидали Деккера, но тотъ не могъ придти. Дѣло не ладилось. Еще одна суббота съ горькой нуждой, вмѣсто праздника, еще недѣля прошла безъ всякихъ надеждъ на улучшеніе.

Сбившись въ кучу вокругъ небольшой палатки, съ промокшими ногами, съ согбенными спинами и тупо вытянутыми впередъ шеями, они, казалось, готовы были поддаться отчаянію.

Элеазаръ стоялъ вмѣстѣ съ Іудой, Гесомъ и Кларуномъ, судорожно сжимая кулаки. Онъ чувствовалъ то же, что чувствовали они, страдалъ вмѣстѣ съ ними, можетъ быть, даже глубже, чѣмъ они. Не разъ уже онъ переживалъ ощущенія толпы: массовую ненависть, любовь, страсть, жажду мести. Не разъ пытался довести ее до ликованія, гнѣва, досады, энергическаго отпора, не разъ ломалъ себѣ голову, думая о ней, объ ея силѣ и могуществѣ, ея рабской натурѣ, ея страхахъ и нерѣшительности. И всетаки, когда стоишь, вотъ какъ теперь, въ толпѣ, тѣломъ къ тѣлу, плечомъ къ плечу, и видишь вокругъ себя безчисленное множество головъ, и чувствуешь, что рядомъ съ тобою живутъ и работаютъ другіе мозги,—нельзя жить своей личной, обособленной жизнью. Какъ дыханіе всѣхъ этихъ людей сливается въ одно облако пара, клубящагося въ пепельно-сѣромъ зимнемъ воздухѣ, какъ сердца ихъ бьются и глаза сверкаютъ, какъ легкія дышатъ однимъ и тѣмъ же воздухомъ,—такъ же точно негодуешь и радуешься вмѣстѣ съ ними и падаешь духомъ. Толпа можетъ убивать, опустошать, преклоняться, проклинать, мучить, преслѣдовать, и отдѣльная личность все это будетъ продѣлывать вмѣстѣ съ нею и поддаваться ея вліянію, какъ въ другія времена другія личности тоже подпадали ея вліянію. Вы вскрикиваете отъ испуга вмѣстѣ съ толпой, когда на вашихъ глазахъ ребенокъ падаетъ въ воду, отчаяваетесь, когда онъ готовъ пойти ко дну, и ликуете, видя его спасеннымъ.—Такъ и во всемъ. Толпа можетъ выдвинуть себѣ кумира. Толпа кажется безсмертной. Толпа группируется, сплочивается, тиранитъ, раболѣпствуетъ. У толпы двѣ души: одна совсѣмъ особенная, благородная, дѣтски-наивная, честная;

другая мелкая и упорная. Толпа, это—огромное тѣло съ изуродованнымъ умомъ, сотни лѣтъ злобствовавшее само на себя, неуклюжее, какъ молодой щенокъ, и только теперь какъ будто начинающее просыпаться. Въ толпѣ свой собственный голосъ кажется грубѣй, тѣло тяжелѣе, мускулы крѣпче, воля гибче, голова сильнѣе и больше. Но толпа можетъ сдѣлать человѣка и вялымъ, боязливымъ, унылымъ, довести его до безумія, до отчаянія.

Сегодня она сама дошла до отчаянія. Равномѣрно черный и холодный снѣжный воздухъ тяжело ложился на крыши безжизненной, безпросвѣтной мглой. Нигдѣ ни облачка; повсюду неподвижная грязь, сгущающаяся грязно-бурыми комками у домовъ по ту сторону канала. Каналъ, застеклѣвшій, прямой, тянулся, какъ натянутая стрѣла, отражая въ себѣ сѣро-свинцовое небо. Деревья простирали надъ нимъ свои черныя, узловатыя вѣтви. Почти жутко было смотрѣть на нихъ: казалось, сѣрая лавина вотъ-вотъ рухнетъ и первымъ дѣломъ раздробитъ сухое старое дерево, его тонкіе, хрупкіе сучья.

Но не это одно угнетало толпу. Всѣ эти люди, толпясь вокругъ маленькой платформы, давя толстыми подошвами своихъ сапогъ комья грязи, таявшіе и замерзавшіе снова, чувствовали, какъ ноги ихъ холодѣютъ и пропитываются сыростью, какъ тѣла ихъ ежатся отъ пронизывающаго холода въ воздухѣ, какъ подъ платьемъ словно касаются чьи-то мокрыя руки ихъ кожи, и холодная дрожь скользитъ по груди и спинѣ. И то же самое чувствовалъ Элеазаръ, сознавая, что онъ испытываетъ то-же, что должна испытывать вся толпа. О, будь это лѣтній день съ свѣжей зеленью луга, съ серебристыми облаками на небѣ; будь это весенній день, полный молодости и бодрости, они не стояли бы тутъ вялые, обезсиленные, пассивно слушая безконечную болтовню кучки недовольныхъ, робкихъ, трусливыхъ людей!.. Вся душа его вдругъ всколыхнулась отъ жалости. Зрачки расширились отъ нервнаго возбужденія. И въ первый разъ въ жизни, не задумываясь, увлекаемый неотразимой силой, въ порывѣ гнѣва, отъ котораго поблѣднѣло его лицо и рѣзко зазвенѣлъ голосъ, онъ попросилъ слова.

Еще не смолкли рукоплесканія, какъ онъ уже проложилъ себѣ дорогу сквозь разступавшуюся толпу стачечниковъ къ платформѣ. У него кружилась голова, глаза невольно щурились отъ свѣта. Каждый нервъ въ немъ ходилъ ходуномъ; движенія его были такъ плохо разсчитаны, что онъ споткнулся и больно ударился обо что-то колѣномъ. Холодными, какъ ледъ, руками онъ судорожно уцѣпился за верхнюю перекладину балюстрады и блѣдный, какъ смерть, съ выступившими около глазъ синими кругами, смотрѣлъ на толпу,

которая вдругъ уставилась на него, какъ на звѣря, точно намѣреваясь запугать его. Съ минуту онъ думалъ, что задохнется: вся кровь отхлынула къ сердцу. Шляпы, желтыя головы, сѣрыя вѣтки, рѣшетки, камни,—все поплыло у него передъ глазами; пальцы его, дрожа, впились въ дерево. Онъ хрипло откашлялся, началъ было: „Товарищи"... и запнулся, стараясь проглотить что-то, мѣшавшее ему говорить. Окаменѣвшія руки его судорожно цѣплялись за балюстраду; окаменѣвшимъ ногамъ вдругъ стало слишкомъ свободно въ сапогахъ; на вискахъ выступили капли пота, и въ мозгу молніей пронеслась страшная мысль, что онъ сходитъ съ ума. Безсмысленнымъ взглядомъ, не отрываясь, смотрѣлъ онъ на толпу. Огибая площадь, проплылъ въ туманѣ трамвай. Онъ слышалъ звонъ колокольчика, желтаго мѣднаго колокольчика, имѣвшаго форму груши, съ мѣднымъ язычкомъ и болтавшимся ремнемъ. У одного дерева стояла большая рыжая собака, высоко поднявъ ногу. Онъ ясно видѣлъ ее, видѣлъ ея мохнатое тѣло, качавшуюся въ воздухѣ лапу, хвостъ, бѣлый паръ, выходившій у нея изо рта... и вдругъ въ его опустѣвшемъ мозгу вспыхнуло безумное, бѣшенное отчаяніе: онъ сходитъ съ ума, и они поймутъ это и вмѣстѣ съ нимъ будутъ безсмысленно смотрѣть на эту собаку... впередъ... въ пустое пространство...

А забастовщики, видя, что онъ стоитъ молча, блѣдный и неподвижный, думали, что онъ ждетъ, пока все утихнетъ. Но толпа не могла сразу успокоиться, и подошвы все еще скрипѣли о застывшую грязь.

Іуда, также возмущенный трусостью и нерѣшительностью толпы, безъ Деккера превратившейся въ какое-то стадо, нетерпѣливо выкрикивалъ глухимъ, злобнымъ голосомъ: „Тихо! Цыцъ! Заткни глотку!" А тощій, костлявый еврей, стоявшій за палаткой, вообразилъ, что Элеазаръ уже говоритъ, и сердито крикнулъ: „Громче!... Да громче же!".

Это подстрекнуло Элеазара.—„Товарищи",—началъ онъ опять, запинаясь на каждомъ словѣ. Теперь онъ зналъ, что говоритъ, но смыслъ его рѣчи былъ ему непонятенъ. У него все трепетало въ мозгу, но онъ всетаки говорилъ, сбивчиво, быстро, безсвязно, говорилъ вещи, которыхъ не хотѣлъ сказать; начиналъ фразы, которыя не зналъ, какъ окончить; искалъ вывода, который ускользалъ отъ него, путался и сбивался отъ страха, какъ бы совсѣмъ не остановиться. Онъ даже слышалъ смутные звуки, которые жужжали и трещали, и звенѣли у него въ ушахъ, туманя его и безъ того тяжелую голову.

На минуту онъ смолкъ. Толпа кричала „браво" и апплоди-

ровала. Кларунъ кивалъ головой, а длиннобородый еврей, лицомъ похожій на Подди, крикнулъ: „Онъ правъ!..“

Что онъ такое сказалъ? Онъ не могъ бы повторить. Но когда стали кричать браво, у него вдругъ прояснилось въ головѣ, мучительный страхъ разсѣялся, исчезла и робость застѣнчиваго тихаго юноши, никогда еще не стоявшаго на виду у такой огромной толпы. Ему стало почти весело. Голосъ его окрѣпъ, сѣрые глаза заблестѣли, тонкія, блѣдныя губы складывались въ выразительную усмѣшку; весь онъ какъ будто выросъ. Толпа подхватила его и понесла, подбадривая сотнями устремленныхъ на него глазъ; она жила и дышала вмѣстѣ съ нимъ, и дыханіе ея молочно-бѣлымъ паромъ расплывалось въ морозномъ воздухѣ. Старыя и молодыя, бородатыя и безбородыя лица, изжелта-блѣдныя, суровыя, болѣзненныя; черныя головы, въ сумеркахъ казавшіяся угловатыми, безъ конца наклонялись, прислушиваясь, по временамъ подаваясь назадъ.

Это напряженное, сосредоточенное вниманіе захватило его, пробудило страсть въ его груди, мощнымъ натискомъ заставило дать волю словамъ, которыхъ онъ теперь уже не искалъ и не сдерживалъ. И до такой степени тѣсная связь установилась между нимъ и толпой незнакомыхъ ему лично товарищей, что минутами ему казалось, что онъ стоитъ здѣсь уже безконечно давно, и каждое его слово заранѣе продумано и прочувствовано всѣми слушателями, и онъ только высказываетъ то, что сейчасъ чувствуетъ, какъ одинъ человѣкъ, вся толпа.

Маленькія, дрожащія снѣжинки бѣлой пылью сыпались съ неба, кружились въ воздухѣ, падали на землю, какъ цвѣтъ съ дерева раннимъ лѣтомъ. Онѣ осѣдали на поляхъ шляпъ, на плечахъ, на согнутыхъ спинахъ, осѣдали тихонько, будто застѣнчиво, такія бѣленькія, и потомъ таяли. То была нѣжная, никому не мѣшавшая игра; снѣжинки порхали, кружились, летѣли надъ головами людей, между вѣтвей надъ водою. Одна, особенно крупная, казавшаяся проворнѣй и бѣлѣе другихъ, пролетѣла мимо палатки и крѣпко прильнула къ жестикулировавшей рукѣ Элеазара.

— ...Мы не уступимъ ни сегодня, ни завтра... мы никогда не уступимъ! Чего мы хотимъ сегодня, того будемъ хотѣть и завтра. Товарищи, это только начало, правда, скверное, тяжелое начало. Но оглянитесь кругомъ...

Онъ вторично остановился. Разразилась цѣлая буря рукоплесканій. Но онъ, словно опьяненный собственной рѣчью, впиваясь въ балюстраду руками, перегибаясь всѣмъ корпусомъ черезъ перила, съ горящими гнѣвомъ глазами, совершенно преображенный, не узнаваемый тѣми, кто при-

выкъ видѣть его молчаливымъ и замкнутымъ, продолжалъ:

— Это животная жизнь!.. Маркъ говоритъ, что дома у него голодаютъ. Мы это знаемъ, Маркъ, отлично понимаемъ, но развѣ мы не голодаемъ?.. И развѣ намъ легче будетъ, если мы разбредемся въ разныя стороны. Товарищи, не слушайте Марка, не слушайте Леви, не слушайте Беема! Для того, чтобы быть сильными, должны быть всѣ заодно.

Рукоплесканія и крики „браво" заглушили послѣднія гнѣвныя слова. Толпа, сгрудившись, тѣснилась вокругъ платформы, и удивительно нѣжными, бѣлыми бликами ложились на эту темную массу первые хлопья снѣга, блѣдныя и трепетныя, падавшія съ грознаго сѣраго неба.

Элеазаръ говорилъ еще долго, не сводя глазъ съ перепутанныхъ темныхъ вѣтвей. Но вдругъ круто оборвалъ свою рѣчь и отступилъ подъ громомъ рукоплесканій и одобрительныхъ возгласовъ.

Руки его вдругъ безсильно повисли, тѣло ослабѣло, словно у пьянаго, въ лицѣ ходуномъ ходилъ каждый нервъ, — послѣ страшнаго возбужденія наступила полная прострація... Не рѣшаясь взглянуть на свѣтъ, онъ, шатаясь, спускался съ помоста, пугливо отыскивая глазами мѣстечко, гдѣ онъ могъ бы укрыться незамѣченнымъ. Ему казалось, что сознаніе вытекаетъ у него изъ мозга капля за каплей, точно онъ сидѣлъ въ сумеркахъ и, напрягая зрѣніе, читалъ книгу, и вдругъ яркій утренній свѣтъ ударилъ ему въ глаза. Въ затылкѣ у него мучительно билась какая-то жилка, судорожная дрожь пробѣгала по шеѣ; мысли ползли, тягучія, вялыя, слабо укоряя его за то, что онъ плохо говорилъ, ровно ничего не сказалъ, несъ все время какую-то чепуху и теперь даже не можетъ вспомнить ни одного слова

Теперь вмѣсто Элеазара говорилъ другой. Снѣгъ падалъ гуще, большими мокрыми хлопьями. Элеазаръ прислушивался, наклоняя впередъ голову, которой онъ совсѣмъ не чувствовалъ, которая казалась ему чѣмъ-то постороннимъ, сдавленнымъ, безформеннымъ.

Понемногу онъ успокоился, хотя угнетающая, парализующая волю и движенія слабость еще не совсѣмъ исчезла. Онъ сталъ искать Іуду и Геса, но не могъ найти ихъ. И опять къ сердцу его жгучей волной прилило недовольство собою. Вѣдь эти мысли такъ глубоко вросли въ его душу. Про себя онъ умѣлъ говорить такъ страстно, такъ горячо; почему же тамъ онъ заикался и запинался на каждомъ словѣ и не могъ формулировать такого простого настроенія заодно съ нимъ мыслившей и жившей толпы? Почему онъ до сихъ поръ дрожитъ отъ волненія? Почему съ Іудой и

Гесомъ онъ говоритъ спокойно, обдуманно, разсудительно, а когда приходится говорить объ этихъ давно извѣстныхъ, давно рѣшенныхъ вопросахъ съ толпою,—позади него становится какой-то чортъ, который подталкиваетъ, мучитъ, дразнитъ, пока отъ его мыслей остаются только обрывки, и онъ начинаетъ фантазировать... да, фантазировать...

Зачѣмъ люди не научились говорить съ толпой просто и съ чувствомъ, говорить ей даже безусловныя истины? Почему нельзя такъ легко, просто и съ чувствомъ высказать ихъ, когда на васъ смотрятъ тысячи глазъ? Почему тогда говорятъ грубыя, рѣзкія вещи, сейчасъ только пришедшія въ голову, или пустыя, напыщенныя, глупыя фразы изъ романовъ?..

А между тѣмъ, онъ долженъ былъ говорить, онъ не могъ удержаться и зналъ, что такъ будетъ всегда, какъ только онъ услышитъ призывъ времени, такой сильный, сознательный, звонкій голосъ, какъ благовѣстъ...

Онъ повеселѣлъ немного и сталъ счищать снѣгъ съ своего пальто. Въ сущности, не все ли равно, какъ онъ началъ. Приблизительно онъ сказалъ то, что нужно. И то уже хорошо, что онъ осмѣлился, что онъ хоть разъ, не задумываясь, стряхнулъ съ себя затхлую, трущобную атмосферу, которою онъ все время дышалъ, вышелъ изъ мрака этихъ трущобъ на свѣтъ, чтобы ободрить и поддержать товарищей. Вѣдь ихъ бурное ликованіе было вызвано имъ... Они радовались, они поняли... они рукоплескали товарищу своихъ невзгодъ. О, какое это счастье: видѣть, какъ вездѣ изъ толпы поднимаются робкіе, забитые люди и сначала дышатъ съ трудомъ и бормочатъ что-то невнятное, а потомъ сами находятъ дорогу и увѣренный жестъ, чтобъ указать правый путь...

Въ немъ проснулся старый мечтатель, и тихая радость, и сладостная теплота надежды и довѣрія все росли и росли въ его душѣ, по мѣрѣ того, какъ проходила слабость отъ чрезмѣрнаго напряженія.

Снѣгъ валилъ густыми хлопьями, когда они съ Іудой пробирались сквозь толпу, чтобъ уйти домой.

Въ тихихъ, бѣлыхъ улицахъ, гдѣ такъ рѣзко вырисовывались черные стволы деревьевъ, а отяжелѣвшія вѣтки висѣли, какъ сталактиты,—съ крикомъ кувыркались расшалившіеся ребятишки. Наскоро сдѣланные снѣжки носились въ воздухѣ, кружились и разсыпались, мягко ударяясь о бѣлый коверъ земли. Черезъ улицу бѣжала дѣвочка, пугливо закрывая руками голову. Брошенные въ нее снѣжки разсыпались пылью на коричневомъ платочкѣ, забивались въ складки юбки, засыпали снѣгомъ узелъ волосъ на затылкѣ. Дюжій рабочій схватилъ ее за талію, засунулъ ей комокъ

снѣга глубоко за воротникъ, а когда она закричала, еще разъ наклонился и насыпалъ ей въ ротъ полную пригоршню снѣга.

Снѣгъ падалъ густой, безшумный и торопливый, тихонько трещалъ и скрипѣлъ подъ ногами. Палубы и снасти на баркахъ стали чопорно-бѣлыми, и очертанія ихъ вмѣстѣ съ бѣлыми хлопьями смутно отражались въ водѣ.

Іуда шелъ молча, угрюмый, уйдя головой въ высоко поднятый воротникъ. Элеазаръ шагалъ легко и быстро. Въ синагогѣ только что началась служба. У входа стоялъ Дэви и Берлійнъ, закрываясь отъ снѣга зонтикомъ.

— Смотри,—презрительно сказалъ Элеазаръ.

Берлійнъ узналъ его и юркнулъ въ дверь, утащивъ за собою Дэви. Дверь распахнулась, внутри блеснули огни свѣчей,—и дверь захлопнулась снова.

— Вѣдь это былъ Дэви,—глухимъ, угрюмымъ голосомъ выговорилъ Іуда.

— Да,—взволнованно отвѣтилъ Элеазаръ; ему вспомнилось, какъ ювелира вели по улицѣ подъ конвоемъ полиціи, защищавшей его отъ разъяренной толпы.

Къ синагогѣ стекались евреи. Каждый разъ, какъ пріотворялась дверь, выступала залитая ярко желтымъ свѣтомъ внутренность синагоги, свѣчи, ряды скамеекъ; потомъ дверь съ пронзительнымъ скрипомъ поворачивалась на петляхъ, и опять становилось темно. Элеазаръ узналъ Дрейфа, младшаго раввина, котораго онъ въ день пріѣзда видѣлъ чрезъ окно въ казино, когда онъ жадными глазами смотрѣлъ на сверкавшіе голубоватыми искорками бриллiанты, барышничалъ и торговался, и въ этомъ торгѣ принимали участіе и его сухіе, загребистые пальцы, и пухлое чувственное лицо, и круглая борода, и мясистый, безформенный носъ...

— Дрейфъ,—сказалъ Іуда, глядя вслѣдъ раввину, скрывшемуся за дверью, и, не выдержавъ, сталъ браниться:—Они молятся, когда мы дохнемъ съ голоду... смѣютъ молиться!.. хоть бы молнія въ нихъ ударила!.. Намъ жрать нечего, а они въ теплой синагогѣ.

— Почему же имъ не молиться сегодня, если они молятся вообще?—возразилъ Элеазаръ, шагая, весь въ снѣгу, по улицамъ еврейскаго квартала.—Отчего именно сегодня они должны проявить больше совѣстливости, чѣмъ обыкновенно?.. Вѣдь хочется вѣрить въ ихъ искренность... Не всѣ же лгутъ: надо попытаться разбудить ихъ силы. Когда я взошелъ на помостъ и заговорилъ въ первый разъ въ жизни, я тоже громко молился. Иной молитвы я не знаю...

— Знаешь ли ты, что такое молитва?—перебилъ его Іуда.—

Какъ же можно терпѣть, чтобы подъ одною кровлею воръ молился рядомъ съ человѣкомъ, котораго онъ ежедневно обкрадываетъ и обижаетъ? Развѣ можемъ мы—я и Берлійнъ съ Дрейфомъ—вѣрить въ одного и того же Бога?.. Если бы Моисей жилъ теперь среди насъ и былъ гранильщикомъ алмазовъ, они такъ же высасывали бы изъ него послѣдніе соки, такъ же заставляли бы его голодать вмѣстѣ съ женой, больной дочерью и парой ребятишекъ, какъ меня!.. А попробуй-ка не ходить въ синагогу, увидишь, что тебѣ будетъ... Почему нашъ строгій ребе не предаетъ анаѳемѣ Дэви и другихъ? Я хотѣлъ бы имѣть силу Самсона, чтобы обрушить на нихъ эти стѣны.

Онъ возбуждалъ себя еще больше такими рѣчами и сердито плевалъ на снѣгъ.

— Глупый!—сказалъ Элеазаръ,—мы всѣ вмѣстѣ можемъ сдѣлать больше того, что сдѣлалъ одинъ Самсонъ. Главное... главное,—онъ дѣтски таинственно засмѣялся,—главное, что возсталъ настоящій Мессія, который насъ освободитъ и поведетъ въ Іерусалимъ...

— Да,—просто сказалъ Іуда,

Молча, шагали они дальше по бѣлымъ улицамъ, подставляя головы и спины снѣжному вихрю. Имъ было и грустно, и почти весело отъ сознанія, что, не смотря на весь ужасъ и гнусность окружающаго, они всетаки могутъ испытывать радость отъ своего единенія, общности мысли и дѣлъ. Ихъ простая мысль больше возвышала душу, чѣмъ молитва.

Еврейскій кварталъ лежалъ передъ ними весь бѣлый, съ бѣлыми извилистыми аллеями—улицами. Теперь онъ имѣлъ совсѣмъ другой видъ, казался величественнымъ и красивымъ. Узкія улочки и переулки, крыши и мостики слились въ одну безформенную бѣлую массу. Снѣгъ густымъ слоемъ лежалъ на грязной мостовой, на телѣгахъ, на крытыхъ повозкахъ. Все нечистое, грязное, ветхое исчезло подъ этой холодной бѣлой пеленой. Старыя ворота и арки казались бѣлѣе и массивнѣе. Выступающія части погребовъ походили на берега, изрѣзанные мѣловыми скалами. Бѣлыми лентами тянулись каналы и причудливой формы маленькіе пруды. Полуразвалившіяся зданія были неузнаваемы.

На площадкѣ двора играли Саартье, Мейеръ, сынъ зеленщика, и Янъ сапожника. Они катали огромнѣйшій комъ снѣга, пока не вылѣпили изъ него гигантскую бабу, толстую и неуклюжую, съ отпечатками грязныхъ дѣтскихъ рученокъ.

— Ой, что за баба, какая чудесная баба! — восхищался калѣка Янъ, дуя на похолодѣвшіе пальцы.

— Она вѣдь не сломается, дядя?—спрашивала Саартье,

озабоченно морща грязное личико, раскраснѣвшееся отъ работы.

— Ты съ ума сошла, — воскликнулъ Янъ, — да на ней стоять можно!

Общими усиліями они вытащили бабу черезъ темныя ворота въ маленькій переулокъ. Ихъ свѣжіе, какъ снѣгъ, голоса пронеслись подъ каменнымъ сводомъ. Съ минуту Элеазаръ прислушивался къ звукамъ этихъ голосовъ, потомъ пошелъ въ домъ, къ тетѣ Регги; она сидѣла въ креслѣ съ открытымъ ртомъ и спала.

XIII.

Элеазаръ угрюмо шагалъ по набережной, пряча руки въ карманы панталонъ, но и тамъ морозъ щипалъ пальцы. Снѣгъ скрипѣлъ подъ ногами, дыханіе выходило изо рта бѣлымъ паромъ. Онъ провелъ ужасную ночь, мучительное утро. Когда онъ наканунѣ прощался съ теткой, ему приходилось дѣлать страшныя усилія надъ собой, чтобы не разрыдаться, не заплакать громко. Старушка сидѣла въ нетопленой комнатѣ возлѣ гаснувшей лампы; за весь день она ничего не ѣла, кромѣ ломтя хлѣба утромъ, послѣдняго, даннаго въ долгъ булочникомъ. Всему бываетъ конецъ, и булочникъ объявилъ, что больше безъ денегъ давать не будетъ.

— Спите спокойно,—съ трудомъ выговорилъ онъ на прощанье.

— Доброй ночи, мой мальчикъ, и вы спите спокойно,—отвѣтила она, складывая руки на груди.

Онъ затворилъ за собой дверь и съ минуту стоялъ на дворѣ въ горькомъ раздумьѣ, унылый и жалкій. Что это за ужасный, проклятый міръ, гдѣ даже слѣпой приходится голодать! Онъ все еще держался за ручку двери; ему казалось, что уйти такимъ образомъ—страшная низость съ его стороны. Послѣ цѣлаго дня невольнаго поста бываютъ иногда безумные и свѣтлые моменты, когда натянутые нервы вдругъ сдадутъ, и кажется, вотъ-вотъ расплачешься, и по внезапному побужденію дѣлаешь то, чего самъ отъ себя не ожидалъ. Такой моментъ пережилъ Элеазаръ. Подъ наплывомъ жалости, не думая, не разсуждая, онъ порывисто распахнулъ дверь, бросился къ теткѣ и прильнулъ къ ея худымъ изсохшимъ рукамъ.

— Что это значитъ? что съ вами, Эли, глупый мальчикъ?—спросила она.

Онъ закусилъ губы, чтобы не расплакаться, какъ сентиментальная дѣвчонка, и, запинаясь, неестественно высокимъ голосомъ объяснилъ, что ему показалось, будто она его зоветъ и проситъ вернуться.

— Звала? Нѣтъ,—сказала она удивленно и недовѣрчиво, не понимая, что съ нимъ вдругъ сталось.

— Завтра я позабочусь, чтобы у насъ было что ѣсть,— волнуясь, говорилъ онъ, встревоженный упрекомъ, который ему почудился въ ея молчаніи.

— Это хорошо,—кивнула она головой,—а то у насъ точно іомъ-кипуръ *). Мнѣ-то это ничего, а вотъ дѣти—за дѣтей душа болитъ!

— Да,—сказалъ онъ, опять направляясь къ двери.—Погасить лампу?

— Нѣтъ, нѣтъ, мой мальчикъ, я посижу еще, подожду Давида; не понимаю, куда онъ дѣвался... Ну, вотъ видите теперь, какъ онъ былъ правъ, когда не хотѣлъ бросить работу...

Замѣтивъ по его молчанію, что онъ не согласенъ съ нею она поспѣшила поправиться:

— Я не упрекаю васъ и никогда не упрекну... У васъ доброе сердце и вы уже не дитя; вы знаете, что дѣлаете... Я только говорю: вы видите, что изъ всего этого вышло, видите? Свѣтъ не вывернешь наизнанку: это можетъ сдѣлать только Господь Богъ, если захочетъ.

Пока она говорила, онъ тупо смотрѣлъ на огонь лампы, который становился все меньше и трещалъ, вспыхивая красными искорками. Когда Регги смолкла, она тоже услыхала это потрескиваніе и, слабо улыбнувшись, спросила, не лучше ли ему въ самомъ дѣлѣ погасить лампу, пока она не начадила. Въ тихой комнаткѣ заскрипѣли ржавыя цѣпи; Элеазаръ потянулъ лампу книзу и погасилъ ее. Они еще долго сидѣли и разговаривали въ темнотѣ, покуда часы у сосѣдей не пробили одиннадцать.

Придя къ себѣ наверхъ, Элеазаръ хотѣлъ отворить окно, но только напрасно испортилъ себѣ пальцы. Какъ онъ ни трясъ, ни тянулъ, рама не подавалась: она крѣпко примерзла къ подоконнику. Четыреугольныя обледенѣвшія, разрисованныя морозомъ стекла закрывали ему видъ на крыши. Онъ задыхался на своемъ чердакѣ. Тамъ, за окномъ уже давно замерзли ручьи и каналы, на нихъ катались на конькахъ, тамъ дулъ рѣзкій восточный вѣтеръ, а у него тѣснило грудь, ему не хватало воздуха; ему было жарко и душно отъ черезмѣрнаго возбужденія; мысль работала усиленно, какъ часто бывало въ дѣтствѣ, когда наступала весна.

Онъ сбросилъ сапоги и, не снимая одѣяла, легъ на кровать и смотрѣлъ на блестящія стекла, расцвѣтившіяся ледяными розами, съ серебристыми, чешуйчатыми стебельками, на всѣ

*) День примиренія, еврейскій праздникъ, во время котораго соблюдають строгій постъ.

эти фантастическіе узоры, блестѣвшіе и сверкавшіе при лунномъ свѣтѣ.

Образъ слѣпой точно врѣзался въ его память: худенькія руки, которыя она терла, стараясь согрѣть, ея улыбка, выраженіе кроткой покорности,—все это, какъ живое, стояло передъ глазами. Зубы его стучали до боли въ челюстяхъ отъ волненія; тяжело дыша, напряженно впиваясь взглядомъ въ одну точку, онъ все думалъ и думалъ. Все можно снести, но только не это. Видѣть, какъ голодаетъ слѣпая, знать, что у нея все внутри сводитъ отъ голода, точно такъ же, какъ у него—что можетъ быть мучительнѣе! Онъ уже продалъ все свое платье, книги, весь свой убогій скарбъ, заложилъ часы... хоть бы его пытали, онъ больше не въ состояніи былъ бы добыть ни единаго гроша. Что же дѣлать? Что предпринять?

Зейкерперъ? — Ему самому ѣсть нечего; завтра онъ хотѣлъ попробовать наняться гдѣ-нибудь разгребать снѣгъ, или колоть ледъ, чтобы хоть что нибудь заработать... Подди лежитъ больной при смерти, въ жару и бредитъ такъ страшно, что Ревекка уже два раза будила его ночью... Тетка Сооръ? Онъ чуть не расхохотался, перебирая свои возможные рессурсы! Что за ужасный день предстоитъ ему! Дѣти, беэпомощная старуха—и ни крошки хлѣба въ домѣ, ни капли масла, ни кусочка торфа!..

Онъ все утро бѣгалъ, искалъ работы, готовъ былъ взять первую попавшуюся, звонилъ въ нѣсколькихъ домахъ, предлагая свои услуги сколоть ледъ на тротуарѣ, и вездѣ получалъ отказъ. Постройки всѣ кончились. Тысячи людей сидѣли безъ работы: землекопы, каменьщики, носильщики... Не далѣе, какъ сегодня утромъ, они собрались цѣлой толпой, жалкіе, голодные, и шумѣли и волновались, браня гранильщиковъ, которые... туда же! устроили стачку, когда могли бы имѣть работу, если-бъ только сбавили немного свои дерзкія требованія... Нашли время бастовать!.. лѣнивые псы... Это вдвойнѣ возмущало тѣхъ, кому поневолѣ приходилось сидѣть, сложа руки. Что же будетъ завтра?

Вотъ онъ лежитъ слабый, жалкій, какъ тысячи другихъ. Боже, Боже! а стоитъ только встать, пройти одну-двѣ улицы, и онъ увидитъ портерныя, гдѣ въ теплыхъ свѣтлыхъ комнатахъ сидятъ сытые люди, дома, гдѣ другіе сытые люди кормятъ голодныхъ и даютъ имъ подачки, чтобы умѣрить ихъ отчаяніе. Онъ натянулъ одѣяло на свои похолодѣвшія ноги и, закрывъ измученные глаза, сталъ представлять себѣ самыя невѣроятныя преступленія, которыя — онъ зналъ—самъ не способенъ совершить. Но ему нравилось воображать себя преступникомъ; это дразнило его фантазію, и онъ придумывалъ для себя всевозможныя, удивительно ловко обстав-

ленныя кражи, которыя удавались какъ нельзя лучше и приносили кучу денегъ, при чемъ его, конечно, никто не умѣлъ поймать.

Безпокойно ворочаясь на кровати, прислушиваясь къ каждому звуку въ домѣ: къ кашлю больного Подди, къ плачу маленькой дочки Зейкерпера, — онъ припоминалъ разсказы о преступленіяхъ, читанные имъ въ Америкѣ, и фантазія его разыгрывалась все больше и больше. Съ чего бы начать: бросить кому-нибудь перцу въ глаза или накинуть петлю на шею гдѣ-нибудь въ безлюдномъ переулкѣ возлѣ канавы? Или спрятаться гдѣ-нибудь у Вольфа-закладчика, о которомъ разсказывала Саартье, выждать время, пока въ домѣ останется только его жена или дочка, и... Или, можетъ быть, лучше вырѣзать стекло въ какой-нибудь банкирской конторѣ, а то и просто въ богатомъ домѣ?.. не прихватить ли фунтикъ зеленаго мыла смазать стекла, чтобы они не звенѣли?..

Мысли его все время кружились около этой темы; у него страшно шумѣло въ ушахъ, но онъ все представлялъ подробности: какъ онъ надѣнетъ шапку, какой на немъ раньше никто не видалъ, какъ вывернетъ свой сюртукъ на изнанку, чтобы его не узнали, какъ остановитъ часы въ домѣ ограбленнаго, чтобы подумали, что кража дѣло рукъ профессіональнаго вора. Ему было трудно думать. Мысли шли въ разбродъ, но онъ заставлялъ себя сосредоточиваться, какъ это дѣлаютъ настоящіе, профессіональные преступники, вырабатывая планъ дѣйствій. Полусонный, борясь съ одолѣвавшей его дремотой, онъ все думалъ и думалъ...

Внезапно онъ вздрогнулъ. Это Подди разбудилъ его своимъ ужаснымъ кашлемъ, напоминающимъ собачій лай. Спалъ онъ, или нѣтъ?.. Который теперь можетъ быть часъ? Онъ приподнялся на локтѣ, прислушиваясь къ голосу Ревекки, къ хриплому кашлю и брани больного, и думалъ, не встать ли, не пойти ли помочь? Но все опять стихло; звуки потонули въ безмолвіи ночи.

Онъ всталъ рано, усталый, измученный, и не могъ даже освѣжить себя умываніемъ: вода въ кувшинѣ замерзла; полотенце висѣло жесткими и упрямыми складками. Угрюмый, съ жестокой головной болью, онъ вышелъ изъ дому, не заглянувъ къ теткѣ. Съ пустыми руками что ужъ заходить! А вѣдь онъ обѣщалъ ей вчера, безумный!... обѣщалъ то, чего не могъ исполнить... Онъ все еще не могъ освободиться отъ вчерашняго кошмара и злился самъ на себя за свои мысли о грабежѣ и убійствѣ. Что за нелѣпость думать о преступленіяхъ, вычитанныхъ изъ романовъ, когда стоишь лицомъ къ лицу съ суровой дѣйствительностью, съ необходи-

мостью добыть кусокъ хлѣба для слѣпой старухи и малыхъ дѣтей!..

Прежде всего онъ отправился въ городское бюро по очисткѣ снѣга; тамъ уже толпились сотни людей, враждебно слѣдя другъ за другомъ, какъ бы кто не прорвалъ цѣпи и не проскользнулъ впередъ. Издали ему кивалъ головой Зейкерперъ; онъ оказался похитрѣе Элеазара: всталъ до свѣту и забрался сюда съ четырехъ часовъ. Около получаса Элеазаръ топтался по улицѣ, готовый заплакать: такъ жалокъ онъ былъ самъ себѣ... Потомъ удалось войти, но взяли только первыхъ; остальнымъ не хватило работы.

Элеазаръ присоединился къ кучкѣ рабочихъ, давно уже сидѣвшихъ безъ дѣла и ночевавшихъ въ ночлежныхъ пріютахъ, гдѣ, по крайней мѣрѣ, даютъ поутру чашку горячаго кофе, и вмѣстѣ съ ними обошелъ всѣ городскіе катки. Тамъ уже съ утра весело развивались флаги, и плотники, каменщики, гранильщики сгребали лопатами снѣгъ. Подъ мостами они нарочно прорубали полыньи, чтобы класть на нихъ доски и выпрашивать за это деньги съ прохожихъ; натащили стульевъ, коньковъ, чтобы отдавать ихъ на прокатъ. Каждый боялся потерять свое мѣсто; для блѣднаго, молодого еврея и его оборванныхъ спутниковъ, вышедшихъ изъ ночлежнаго пріюта, не находилось ничего, кромѣ насмѣшекъ и брани. Они опять пошли по домамъ, звоня у каждой двери и спрашивая, не нужно ли вычистить тротуаръ или посыпать его золой, или колоть ледъ. Господа еще спали, а служанки отказывали. Элеазаръ отсталъ отъ случайныхъ товарищей.

Угрюмый и злой, коченѣя отъ холода въ это ясное, студеное зимнее утро, шагалъ онъ мимо ломовыхъ лошадей, тащившихъ тяжело нагруженныя снѣгомъ телѣги, мимо чистильщиковъ улицъ, задѣвавшихъ его своими метлами. Ему вдругъ пришло на умъ еще одно средство, довольно-таки нелѣпое, но почему не испробовать? Онъ слыхалъ, что, когда рѣка замерзаетъ, рыбамъ становится душно подо льдомъ, и онѣ всплываютъ на поверхность—подышать воздухомъ, или же задыхаются и уже мертвыя всплываютъ въ полыньяхъ. Значитъ, если идти по льду, по рѣкѣ, мимо большихъ катковъ, — пожалуй, что-нибудь и поймаешь. Во всякомъ случаѣ, если бы даже пришлось проходить здѣсь цѣлый день, все, что всплыветъ наверхъ — тотъ же заработокъ, а можетъ быть, и обѣдъ.... Онъ машинально шагалъ, не думая; голова работала вяло: тѣло двадцать четыре часа не подкрѣплялось пищей.

Рѣка, между тѣмъ, оживилась; появились на каткахъ конькобѣжцы. Деревья, угрюмыя, черныя, опушенныя инеемъ, гнулись отъ вѣтра, роняя снѣжную пыль. Блестѣли политые

щелокомъ рельсы трамваевъ; камни между рельсами побурѣли; образовались ручейки изъ талаго снѣга въ перемежку со льдинками.

Подъ ногами скрипѣлъ снѣгъ; дыханіе выходило изо-рта бѣлымъ паромъ. Но проруби нигдѣ не оказывалось, — все затянуло снѣгомъ и льдомъ. Чувствуя, что члены коченѣютъ отъ холода, Элеазаръ со злостью повернулъ назадъ и уже хотѣлъ было идти домой, чтобы согрѣться хоть въ постели, какъ вдругъ его окликнулъ молодой звонкій голосъ:

— Съ добрымъ утромъ, Эли!

Онъ обернулся,—это былъ старшій сынъ сапожника, хромоножка Янъ.

— Что—холодно, а?.. За то какая погода. А ледъ — Господи ты Боже мой, какой онъ толстый! Кабы не моя нога, и я покатался бы на конькахъ. Вы туда идете?

— Нѣтъ. И здѣсь достаточно холодно!

— Ну, это вы только такъ говорите. Точно я не знаю!.. вы просто боитесь, потому что тамъ, внизу не положено досокъ.

Это было сказано такъ рябячески-дерзко, что Элеазаръ невольно расхохотался.

— Досокъ тамъ достаточно, — возразилъ онъ, ежась и вздрагивая отъ холода,—но не въ нихъ сила. Я ищу прорубь и уснувшихъ рыбъ.

— А на что вамъ уснувшія рыбы?

— Какъ—на что? Ѣсть!

— Фу, гадость! Развѣ можно ѣсть дохлыхъ рыбъ? Я бы не сталъ...

— Отчего же? Если, напримѣръ, бѣлорыбица... и хорошенько сварить—пальчики оближешь!

— Полноте! Дохлая рыба воняетъ... Не воображайте, что я повѣрю вашему вранью: не на такого напали.

Элеазаръ снова засмѣялся и, шутя, потрясъ за плечо мальчугана, разсуждавшаго, какъ старикъ.

— Плотва и бѣлорыбица, если ихъ сварить съ уксусомъ... я тебѣ скажу, Янъ... это такая вкусная штука!.. Если-бъ тебѣ подали ихъ горячими, ты бы непремѣнно отвѣдалъ...

Они шли рядомъ, взрослый мужчина и калѣка подростокъ, и бесѣдовали, какъ два добрыхъ товарища.

— У васъ, что же, сѣть взята съ собой?—спрашивалъ Янъ.

— Когда онѣ плаваютъ поверху, то сѣтью не возьмешь, надо руками.

— Поверху? Поверху вѣдь плаваетъ только дохлятина. Живая рыба уйдетъ подъ ледъ.

— Если во льду есть отверстіе, рыбы выплываютъ туда

подышать воздухомъ. Безъ воздуха онѣ задыхаются, все равно, какъ мы, люди...

— Ха-ха-ха!—звонко захохоталъ мальчуганъ.—Какъ! чтобы рыба задохнулась въ водѣ?... Ха-ха-ха!

— Ты не вѣришь?

— А вы неужто вѣрите! Ну, и здорово же вамъ наврали. А вы и повѣрили—такой большой! Это довольно таки глупо,—философствовалъ мальчикъ, съ трудомъ ковыляя по глубокому снѣгу.

— Спасибо,—разсмѣялся Элеазаръ.—Его забавляла эта грубая непосредственность.—А всетаки я думаю, что въ жизни есть кое что такое, чего и мы съ тобой не знаемъ. Когда рыба, вынутая изъ воды, дѣлаетъ вотъ такъ,—онъ остановился и показалъ, какъ рыба судорожно сжимаетъ и разжимаетъ жабры,—это она дышетъ, понялъ?

Съ минуту Янъ раздумывалъ, потомъ возразилъ еще болѣе увѣреннымъ тономъ:

— Ну, что вы чушь городите, вѣдь тогда значитъ рыба можетъ жить и безъ воды. Ну, вотъ видите, все это вамъ наврали. Только рыбу выдернешь на удочкѣ изъ воды, тутъ ей и смерть... Какъ же это такъ? съ чего же это! Вѣдь если бы ей нуженъ былъ воздухъ, такъ въ воздухѣ же его больше, чѣмъ въ водѣ, въ водѣ то его и вовсе нѣтъ.

— Въ водѣ тоже есть воздухъ,—началъ объяснять Элеазаръ, но Янъ съ первыхъ же словъ покатился со смѣху.

— Ха, ха, ха! Воздухъ въ водѣ! Отчего же тогда пузыри не всплываютъ наверхъ? Вѣдь если въ воду вставить старую трубку и начать дуть, сейчасъ пузыри пойдутъ. Все вы пустяки говорите. Если васъ ткнуть въ воду внизъ головой, такъ вы задохнетесь, а если-бъ въ водѣ былъ воздухъ, такъ вы бы не задохнулись.

— Благодарю за урокъ. А всетаки въ водѣ есть воздухъ, если не самый воздухъ, то всѣ его составныя части—увѣряю тебя, Янъ.

— Дудки, не проведете,—хохоталъ Янъ.—Если-бъ вода была воздухомъ, а воздухъ водой, тогда птицы бы плавали, а рыбы летали!.. Ну, вамъ, конечно, не трудно наврать, вы всему вѣрите.

— Спроси своего учителя, когда придешь въ школу.

— Въ школѣ нельзя задавать вопросы, тамъ можно только подымать руку, когда нужно выйти...

— Ну, право же, Янъ, все это на самомъ дѣлѣ такъ, какъ я тебѣ говорю.

— Да будетъ вамъ! И какъ это вы всему вѣрите! Сказалъ вамъ, что вы меня не надуете, и не надуете. Будь я рыбой, и я бы подохъ отъ холода?..

— Дай мнѣ руку, тебѣ легче будетъ идти.

Они пробирались по кучамъ снѣга къ купальному заведенію, возлѣ котораго были вырублены во льду большія проруби. Элеазаръ осторожно подошелъ къ самому краю, обложенному большими кусками льда, для предупрежденія конькобѣжцевъ объ опасности, и палкой разбилъ тонкую корочку, которой затянулась поверхность. Среди осколковъ плавала одна только единственная плотичка, серебристо-сѣрая, съ красными плавниками.

Янъ, стоявшій поодаль—вдвоемъ подходить къ краю было рискованно—увидя добычу, залился смѣхомъ.

— Стоило ради этого идти полчаса, прости Господи! И плотичка-то съ червяка ростомъ!

— Будутъ и другія, имѣй терпѣніе,—сказалъ Элеазаръ, вынимая плотичку и кладя ее рядомъ съ собою. Лежа на локтяхъ и на колѣняхъ, онъ внимательно слѣдилъ за движеніями большого ельца, который слабо трепыхался въ водѣ, шевеля плавниками.

Коченѣя отъ холода, стуча зубами, Элеазаръ смотрѣлъ на него съ жадностью проголодавшагося хищнаго звѣря.

— Жалко, что у меня нѣтъ съ собой удочки,—говорилъ Янъ, похлопывая рукой объ руку, чтобы согрѣться.

— Вы что же, въ самомъ дѣлѣ, намѣрены дома ѣсть эту рыбу?

— Да,—утвердительно кивнулъ Элеазаръ.

— Съ картошкой?

— Нѣтъ, картошки у насъ нѣтъ.

— Неужто такъ, безъ ничего будете ѣсть?

— Я бы хотѣлъ только наловить побольше.

— А знаете, что папаша говоритъ?

— Ну, что же папаша говоритъ?

Элеазаръ поднялся съ колѣнъ: слишкомъ холодно было ногамъ.

— Папаша говоритъ, что вы сами виноваты, что вамъ ѣсть нечего, что вы могли бы работать, если-бъ только захотѣли.

— Не подходи такъ близко къ водѣ, и не замѣтишь, какъ свалишься, а плавать я не умѣю.

— Вы лучше скажите: это правда, что вы сами виноваты? Вмѣсто того, чтобы ловить дохлую рыбу, вѣдь вы могли бы работать...

— Да, да, почему же нѣтъ,—разсѣянно говорилъ Элеазаръ, не сводя глазъ съ ельца, и вдругъ, быстро нагнувшись, схватилъ его и вытащилъ изъ воды. Елецъ еще жилъ и слабо шевелилъ хвостомъ и занесенными иломъ жабрами...

— Господи Боже мой!—воскликнулъ Янъ, быстро подковы-

лявъ къ нему и съ удивленіемъ разсматривая добычу.— Однако, вы это ловко!... Онъ еще живой. Подержать?

— Да, только не выпусти!—Мальчикъ грязной рученкой взялъ рыбу за голову и поднесъ мизинецъ къ самому рту ея.

— Не укуситъ? Нѣтъ?.. какъ вы думаете? Глаза-то какіе, какъ кораллы, а?.. Ой, ой, ой, какъ онъ рвется! Нѣтъ, братъ, теперь, шалишь, не уйдешь. Надо было раньше быть умнѣе!

— Заверни его въ мой носовой платокъ,—сказалъ Элеазаръ,—тогда онъ не испортится.

Нѣкоторое время они сидѣли молча, только вздрагивали порой, когда ледъ вблизи трещалъ подъ ногами катающихся.

— Почему же вы не возьметесь за какую-нибудь другую работу, если вамъ надоѣло гранить алмазы?—допытывался Янъ.

— Да, гранить алмазы мнѣ надоѣло, — зѣвая, отвѣтилъ Элеазаръ: его отъ холода клонило ко сну.— Надо, чтобы работа не только нравилась, но и приносила что-нибудь.

— Ну, конечно; задаромъ и я не сталъ бы работать. Изъ ничего и не выйдетъ ничего... А скажите, собственно, что это за штука такая, эти алмазы, которые вы граните?

— Алмазъ это—камень.

— Зачѣмъ же его гранить?

— Чтобъ онъ сталъ гладкимъ.

— А потомъ?

— А потомъ, когда онъ готовъ, его носятъ.

— Кто носитъ?

— Люди, у которыхъ есть деньги.

— Такъ, значитъ, за нихъ надо платить?

— Ого! еще сколько! За полфунта такихъ камешковъ ты могъ бы купить собственный домъ и жить припѣваючи. И денегъ у тебя было бы такъ много, что тебѣ не понадобилось бы работать.

—Вздоръ!—рѣшительно объявилъ калѣка.—За полфунта камней—домъ, цѣлый домъ! Что же стоитъ такой камень?

— Есть такіе, что стоятъ и по сто тысячъ гульденовъ,— увѣрялъ Элеазаръ, которому нравилось дразнить мальчика.— Даже больше...

— Сто тысячъ гульденовъ!—недовѣрчиво вскрикнулъ Янъ.—Да на что же онъ? Что съ нимъ дѣлаютъ?

— Носятъ; носятъ въ ушахъ, на пальцахъ, на шеѣ...

— Вздоръ,—повторилъ мальчуганъ,—развѣ это возможно? Была охота платить за камень сто тысячъ гульденовъ, чтобъ положить его себѣ на руку!

И опять онъ насмѣшливо расхохотался, и лицо его искри-

вилось въ хитрую усмѣшку, говорившую: меня не проведешь, не такъ глупъ.

— И какъ это вы, прости Господи, можете смотрѣть человѣку прямо въ глаза и такъ врать!

Элеазаръ громко разсмѣялся, и Янъ, увѣренный, что Эли пересталъ притворяться, смѣялся вмѣстѣ съ нимъ. Платокъ, лежавшій на льду, время отъ времени вздрагивалъ: рыба была еще жива. Катающихся прибавилось; они пробѣгали совсѣмъ близко, описывая большіе круги. Неподалеку играли дѣти, катая другъ друга на саночкахъ; голоса ихъ звенѣли, какъ серебряные колокольчики. Издали доносились зазыванія мелкихъ торговцевъ, продававшихъ по дешевой цѣнѣ молоко и можжевеловую настойку. Элеазаръ ходилъ около проруби, не чувствуя ногъ; руки его горѣли отъ холодной воды; онъ страшно озябъ, но все время внимательно слѣдилъ за прорубью.

Въ проруби плыла еще одна рыбка, брюшкомъ кверху, устало шевеля плавниками. Элеазаръ легъ плашмя на ледъ, вытянулъ руки надъ водой и поймалъ ее.

Но рыбка неожиданно выскользнула у него изъ руки и юркнула подъ ледъ.

— Ишь, мошенница, притворилась мертвой! — сказалъ Янъ и, затопавъ ногами, чтобы согрѣться, заявилъ:—Ну, я пойду домой.

— Хорошо, — вяло отвѣтилъ Элеазаръ. Онъ столкнулъ нѣсколько кусковъ льду въ воду, сѣлъ, скрестилъ ноги, заложилъ руки въ карманы и сталъ ждать, не всплыветъ ли еще что нибудь со дна. Янъ мелкими шажками, слегка прихрамывая, пробирался черезъ катокъ, иногда пытаясь скользить, волоча больную ногу и какъ-то потѣшно разводя руками.

Обезсилѣвъ отъ усталости и голода, Элеазаръ продолжалъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, поглядывая то на прорубь, то на платокъ, который ужъ больше не шевелился. Мальчикъ подбодрялъ его своей ребячески дѣтской самоувѣренностью. Теперь имъ овладѣвало то же тупое отчаяніе, какое онъ испыталъ на фабрикѣ, когда сидѣлъ возлѣ Іуды и не могъ пошевелиться, такъ какъ надвигавшаяся гроза парализовала его волю. Одинъ шагъ, одинъ только шагъ, скользнуть туда, подъ ледъ и—задохнешься, какъ рыба, и покончишь съ этимъ жалкимъ существованіемъ! Онъ судорожно зѣвнулъ, такъ что слезы выступили у него на глазахъ, и поднялся на ноги. Нѣтъ, лучше ходить, а то вода слишкомъ притягиваетъ. Если-бъ ему сейчасъ дали хлѣба, онъ не сталъ бы ѣсть, такъ все ему было противно. Что это за ужасная вещь голодъ; онъ положительно превращаетъ человѣка въ живот-

ное: все клянешь, все забываешь, ничего не чувствуешь, кромѣ желудка, который своимъ властнымъ голосомъ вытѣсняетъ всѣ мысли изъ головы. Стуча зубами, онъ наклонился поднять узелокъ съ уснувшими рыбами, чтобы еще разъ попытать счастья въ городѣ, и въ это время увидѣлъ еще двѣ маленькія рыбки, всплывшія на поверхность. Это его подбодрило. Онъ зачерпнулъ воду шапкой и поймалъ ихъ. Четыре, только четыре. Этого слишкомъ мало для дѣтей и для слѣпой, которая и вчера ждала, и сегодня будетъ ждать напрасно. Рыбы тихонько трепыхались въ платкѣ.

Около пяти часовъ, веселый и радостный, съ хорошимъ уловомъ—у него набралось до двадцати рыбокъ—Элеазаръ спѣшилъ домой. Уборка снѣга еще не кончилась. Высокія кучи снѣга, перемѣшаннаго съ грязью, тянулись вдоль тротуара на одинаковомъ разстояніи одна отъ другой. Снѣгъ накладывали въ ручныя телѣжки, увозили и сбрасывали въ каналъ. На рельсахъ трамвая работали машинами, съ прикрѣпленными къ нимъ метлами и лопатами.

На тротуарѣ стоялъ Зейкерперъ, необычайно красный, и рубилъ замерзшій снѣгъ. Онъ стоялъ, облокотившись на заступъ, кашлялъ и отплевывался; у него всѣ кости разломило отъ этой работы, которая была не подъ силу его старому, слабому тѣлу.

— Напрасно вы меня сегодня утромъ не прихватили съ собою,—сказалъ Элеазаръ.

— Это все равно, что цѣлую недѣлю хворать, — возразилъ зеленщикъ, раскачиваясь всѣмъ тѣломъ въ тактъ кашлю,—такая работа не для еврея...

— За то принесете домой цѣлый талеръ, вы должны радоваться.

— Радоваться! радоваться? У меня сухого мѣстечка на тѣлѣ нѣтъ, всю поясницу разломило, а вы говорите: радоваться! Для этого нужно имѣть силы гоя. Я здѣсь съ семи часовъ утра! Смотрите, какіе у меня пузыри на ладоняхъ.

Его всего трясло отъ усталости. Руки такъ и сводило: на ладоняхъ были огромные кровавые пузыри.

— Съ деньгами и пузыри не болятъ, — почти съ завистью сказалъ Элеазаръ.

По тротуару шелъ надсмотрщикъ, кидая грозные взгляды на тѣхъ, кто болталъ, вмѣсто того, чтобы работать. Элеазаръ пошелъ дальше. На углу онъ опять остановился посмотрѣть, какъ накладывали снѣгъ въ тачку. Стали зажигать фонари; желто-зеленоватый свѣтъ ихъ боролся съ догоравшимъ свѣтомъ дня. Около вокзала свѣтились красные сигнальные огоньки.

Тетя Регги раздобыла у сестры полъ хлѣба. Когда Элеазаръ принесъ, вдобавокъ къ этому, еще рыбы, она не знала, что и сказать при видѣ такого богатства.

— Вы ихъ купили?—спрашивала она, ощупывая каждую рыбку.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ, жуя черствый ломоть хлѣба,—если бы пришлось еще ждать, онъ бы свалился,—нѣтъ, я вытащилъ ихъ изъ проруби.

— Изъ проруби? Какъ можно такъ рисковать своей жизнью?

Онъ засмѣялся.

— Ну,—озабоченно говорила слѣпая,—теперь у насъ есть рыба, это очень лакомое блюдо, но что же мы съ ней сдѣлаемъ безъ огня и безъ соли?

— Дайте, я прежде всего вычищу ихъ,—подбодрившись, сказалъ Элеазаръ, — а тамъ ужъ что-нибудь и придумаемъ.

Старушка, сидя на порогѣ, прислушивалась къ скрипу его ножа. Онъ клалъ одну рыбку за другой на подоконникъ и счищалъ чешую. Прибѣжавшая сверху Саартье смотрѣла на него удивленными глазами.

— Дядя, ты ходилъ ловить рыбу?

— Да, Сарочка.

— Это какія же рыбки, дядя?

— Вотъ это окунь, а это плотва, а это... это рѣдкая, — я не знаю, какъ она называется.

— Можно мнѣ тебѣ помочь?

— Нѣтъ, не приставай,—вдругъ разсердился онъ, уколовшись объ острый плавникъ. Онъ даже вскрикнулъ и сталъ высасывать кровь, выплевывая ее на снѣгъ.

— Вы порѣзались, Эли?—жалобно спросила слѣпая.

— Нѣтъ, только укололся.

— Смотрите, хорошенько высосите кровь... У Салли вся рука распухла отъ такого укола... Это очень не хорошо. Смотрите, хорошенько высосите кровь.

— Да, да,—буркнулъ онъ. Ему было досадно и больно.

Заскрипѣли ступени лѣстницы, громче, чѣмъ они скрипѣли обыкновенно отъ холода. Сверху спускалась жена Зейкерпера, Эсси, посмотрѣть, куда дѣвался зеленщикъ. Она накинула платокъ, собираясь идти искать его на улицѣ, но, узнавъ, что Элеазаръ видѣлъ ея мужа, осталась поболтать.

— Вотъ кому везетъ!—говорила она, потирая руки и качая головой.—И какъ это можно наловить столько рыбы въ такой морозъ! Я удивляюсь, это какое-то чудо!

— Онъ вытащилъ ихъ изъ проруби, съ опасностью жизни,—проговорила слѣпая.

— Здѣсь, пожалуй, будетъ два фунта, — опредѣлила Эсси.—Это что же, все—окуни?

— Есть и окуни, есть и плотва.

— Вы не повѣрите, у меня прямо слюнки текутъ,—ей-Богу! Вотъ счастье-то!

Она произносила эти слова съ такой жадностью въ голосѣ и во взглядѣ,—въ этомъ домѣ каждый такъ хорошо зналъ, что лежитъ въ шкафу у сосѣда,—что Регги съ добродушной улыбкой предложила ей половину: для нея, Давида, Эли и дѣтей довольно и десяти рыбокъ, хватитъ съ избыткомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—смѣясь, какъ добрая сосѣдка, отказывалась Эсси.—Нѣтъ, зачѣмъ же я буду васъ грабить?

— Грабить! грабить! Какъ вы можете насъ ограбить? У насъ есть рыба и нѣтъ дровъ, а вѣдь рыбу нужно еще изжарить; нѣтъ и соли, и картофеля.

Эсси съ минуту соображала, взвѣшивая всѣ *за* и *противъ*, и звонко расхохоталась:

— Знаете что? — воскликнула она.—Давайте, приложимъ вашу нищету къ нашей бѣдности—и будетъ у насъ чудесное угощенье. Ха-ха-ха!.. Жарить можно у насъ: у меня еще есть нѣсколько угольковъ и немножко горячей золы... ну, а насчетъ остальнаго, тамъ видно будетъ.

— Помѣстимся ли мы всѣ у васъ? вѣдь насъ много,—сомнѣвалась Регги.

— Чѣмъ больше, тѣмъ веселѣй,—увѣряла Эсси.

Элеазаръ бросилъ рыбу въ ведро съ водой и вытеръ ножъ.

Но Эсси, видѣвшая только, какъ онъ снималъ чешую, забезпокоилась.

— Эли, что же это вы дѣлаете? А какъ же грязь — вся тамъ останется?

— Грязь? какая грязь?

— Ой! какой онъ глупый! вѣдь нельзя же жарить рыбу со внутренностями. Вотъ было бы славно! Если бъ мы ее такъ оставили, пришлось бы все вонъ выбросить.

— Съ какой же стороны рѣзать,—съ лѣвой или съ правой?

— Вскройте брюшко какъ разъ посрединѣ,—учила Эсси,—и вынимайте осторожно все, что тамъ есть внутри, слѣва и справа, только осторожно, а то, если прольется желчь,—весь обѣдъ пропалъ...

Элеазаръ осторожно приложилъ остріе ножа къ брюшку рыбы и вспоролъ его отъ хвоста до головы, такъ что внутренности сами вывалились. Но пузыря съ желчью онъ найти не могъ и тянулъ, и щупалъ до тѣхъ поръ, пока между пальцевъ его не потекла желтовато-бурая жидкость.

— Ну, что это, какой неуклюжій!— сердилась Эсси.—Кажется, все ему растолковали, и то не сумѣлъ сдѣлать! Ско-

рѣй положите ее въ воду, а то у васъ всю душу выворотитъ отъ такого кушанья...

Саартье подбѣжала съ рыбкой къ водопроводному крану. Эсси взяла у Элеазара ножъ и принялась чистить рыбу; это она дѣлала мастерски.

— Вотъ такъ... вотъ, если вы такъ будете дѣлать, Эли, желчь никогда не вытечетъ... Хорошо, что я во время пришла, Регги, а то вы вѣдь не видите... Ой, что это за дурень: чуть было не испортилъ такого королевскаго обѣда!

Королевскій обѣдъ! Да, тутъ былъ дѣйствительно королевскій обѣдъ, пиръ, на которомъ веселился весь домъ. Рыбу поставили варить съ небольшимъ количествомъ соли, добытой Миньтье въ долгъ у сапожника... Въ послѣднее время сапожникъ сталъ ужаснымъ скрягой, но въ соли не отказываютъ даже злѣйшему врагу. Тѣмъ временемъ пришелъ домой Зейкерперъ и принесъ копченокъ. Съ нимъ случилось сегодня то, что бывало очень рѣдко. Усталый, разбитый, онъ съ горя пошелъ и выпилъ вмѣстѣ съ другими чистильщиками стаканчикъ водки, но съ сахаромъ,—простой джинъ былъ для него слишкомъ крѣпокъ. А потомъ, чтобъ задобрить Эсси, которая со своимъ собачьимъ нюхомъ навѣрное сейчасъ замѣтитъ, что онъ угостился, купилъ по дешевой цѣнѣ полдюжины копченокъ. Онѣ и такъ очень вкусны, а если ихъ еще подогрѣть немножко на горячихъ угольяхъ, такъ просто пальчики оближешь.

— Рыба съ солью, уксусомъ и перцемъ и копченки — мы ужъ давно такъ не кутили!—говорила Регги, и ея тихая радость передавалась другимъ.

— Никогда въ жизни больше не пойду чистить снѣгъ,— жаловался Зейкерперъ.—Это прямо мука мученическая. Часъ поработаешь, и то не слышишь ни рукъ, ни ногъ, ни поясницы. Телѣжку съ товаромъ я готовъ возить,—ну, а это ужъ предоставляю другимъ. Такая работа не для насъ.

Въ это время пришла Ревекка. Она варила на обѣдъ рисъ съ чечевицей и не могла доварить: у нея погасла керосинка. Не позволятъ ли ей поставить ея горшокъ на плиту, если только онъ не помѣшаетъ? Она вся посинѣла отъ холода. У нихъ уже нѣсколько дней не топили, а тутъ еще отцу сегодня лучше, и на него напалъ такой аппетитъ, что она просто не знаетъ, что дѣлать.

— Знаете, что я вамъ скажу?—предложилъ Зейкерперъ,— приходите всѣ сюда, будемъ обѣдать вмѣстѣ: въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ.

— И въ самомъ дѣлѣ, приходите,—поддержала Регги,— и горе вмѣстѣ мыкать веселѣе...

— Какъ же отецъ?—застѣнчиво и нерѣшительно отнѣки-

валась Ревекка: здѣсь было такъ пріятно, тепло и такъ много людей.

— А отцу мы положимъ на тарелку всего понемножку и снесемъ наверхъ,—сказалъ Зейкерперъ,—и выйдетъ французскій обѣдъ: сначала рыба, потомъ копченки, потомъ рисъ съ сахарнымъ горошкомъ...

Послѣ всѣхъ дневныхъ трудовъ, усталости и тяжелой работы на морозѣ, они, какъ дѣти, радовались отдыху. Сегодня есть что ѣсть, и слава Богу, а придетъ „завтра“, тогда и будемъ думать о завтрашнемъ днѣ. Вѣтеръ такъ завывалъ на улицѣ, что у нихъ явилась страшная потребность сплотиться, держаться поближе другъ къ другу.

— Можно мнѣ пойти спросить папашу?

— Ну, конечно,—сказала Эсси.

— И Іоозепу можно придти?

— Ни за что! Вотъ глупенькая! Ну, а Іоозепъ какъ же будетъ, не ѣвши, что ли?

Комната вся гудѣла. Эстеръ, Мейеръ, Янтье, Флиппи и Бекки,—всѣ дѣти бранились между собой и тараторили безъ умолку.

— Если бъ вы принесли снизу парочку тарелокъ,—сказала Эсси Элеазару,—а то у насъ не хватаетъ. Впрочемъ, все равно не хватитъ. Насъ восемь человѣкъ, да Эли, Регги и Саартье—одиннадцать, да Бекки съ Іоозепомъ—тринадцать...

— Тринадцать! — испуганно воскликнула тетя Регги, — тринадцать—это не годится. Вы считали Давида?

— Съ Давидомъ четырнадцать,—кивнула головой успокоенная Эсси.—Тринадцати нельзя садиться за столъ,—тогда бы одному пришлось выйти; съ тринадцатью я бы ни за что не сѣла.

Элеазаръ, довольный, какъ ребенокъ, помчался внизъ, прыгая черезъ три ступеньки. Ему не разъ уже случалось видѣть, какъ въ годину нужды сосѣди ѣли всѣ вмѣстѣ, соединяя свои скудные запасы. Ему самому,—правда, давно,—довелось однажды принять участіе въ такомъ соединенномъ пирѣ съ Іудой и Гесомъ, а въ другой разъ съ Исаакомъ, который на ярмаркахъ разыгрывалъ въ лотерею сладкіе пироги,—и всегда на такихъ пирушкахъ царило самое непринужденное веселье и оживленіе, и смѣхъ, и шутки безъ конца. Послѣ мучительнаго, тягостнаго дня,—онъ и сейчасъ видѣлъ себя надъ прорубью такимъ жалкимъ, иззябшимъ, окоченѣвшимъ отъ холода,—этотъ совмѣстный обѣдъ улыбался ему, какъ нежданная радость. Захвативъ тарелки, вилки, ложки и чашки, онъ снова помчался наверхъ, даже что-то напѣвая отъ радости. Двери Зейкерпера и Подди, выходившія на верхнюю площадку, были открыты настежь.

Съ шумомъ и смѣхомъ зеленщикъ помогалъ Ревеккѣ тащить столъ, который надо было перенести въ его квартиру, а онъ никакъ не хотѣлъ проходить въ дверь.

— Переверните его ножками кверху!—закричалъ Подди.

Изъ стола вывалился ящикъ и съ такимъ грохотомъ полетѣлъ на полъ, что на площадку выбѣжали и Эсси, и Миньтье съ дѣтьми.

Наконецъ, столъ очутился въ квартирѣ зеленщика, привѣтствуемый громкимъ „ура“ ребятишекъ.

Элеазаръ задержался немного около Подди. Больной разсказывалъ ему, какъ онъ провелъ ночь: испарина и кашель не дали ему сомкнуть глазъ до утра. За то утромъ, благодаря Богу, удалось соснуть часокъ-другой, и теперь онъ чувствуетъ только голодъ, честное слово, самый настоящій голодъ! Глаза у него были тусклые, впалые; худыя, какъ у скелета, руки сновали по одѣялу, словно по ткацкому станку.

— Пусть Іоозепъ и Ревекка ѣдятъ вмѣстѣ съ вами,— говорилъ онъ, отдуваясь. — Я здѣсь задыхаюсь, такъ мнѣ жарко, а они ежатся отъ холода. Салли съ Розочкой и Серре уже покушали немножко и спятъ,—удивительно, какъ дѣти во снѣ все забываютъ...

— Развѣ вамъ такъ жарко?—спросилъ Элеазаръ, дрожа отъ холода, особенно чувствительнаго послѣ теплой каморки Зейкерпера.

— Жарко? Мнѣ не холодно и не жарко, — мнѣ просто пріятно. Я уже нѣсколько мѣсяцевъ не чувствовалъ себя такъ хорошо. Это была только простуда, простуда, и ничего больше...

Дверь отворилась; вошелъ Іоозепъ, старшій сынъ Подновскаго. Элеазаръ въ первый разъ видѣлъ его вблизи; это былъ юноша, лѣтъ шестнадцати-семнадцати, съ пробивающимися усиками, блѣдный, но съ ярко-красными блестящими губами.

— Здравствуйте,—поклонился онъ издали, не узнавая Элеазара.

— Продалъ что-нибудь?—спросилъ Подди, беря у него изъ рукъ ящикъ, въ которомъ были красиво уложены папиросы.

— Ничего,—коротко отвѣтилъ юноша. Онъ весь день, голодный, стоялъ на льду, возлѣ катка. А когда его стало тошнить отъ голода, онъ разорвалъ одну папиросу и сталъ жевать табакъ.

— Ничего? совсѣмъ таки ничего,—проворчалъ Подди. — Этого со мной еще никогда не бывало.

— Попробуй самъ,—съ горечью сказалъ юноша.

— Мнѣ попробовать!—накинулся на него отецъ.—Ахъ, ты

лѣнивая собака! Или я не работалъ для васъ всю свою жизнь?

Юноша присѣлъ на подоконникъ; онъ совсѣмъ окоченѣлъ отъ холода.

Элеазаръ сострадательно покачалъ головой и глазами показалъ больному, чтобы онъ оставилъ мальчика въ покоѣ.

— Ну, еще вы заступаетесь за него!—сердился Подди.— Еще вы будете подкладывать руки подъ его лѣнивыя ноги. Такъ изъ него и вовсе никогда не выйдетъ купца. Мнѣ попробовать! Мнѣ попробовать! съ моимъ больнымъ бокомъ и отнявшейся ногой! Лѣнивая собака!

У мальчика злобно блеснули глаза, но онъ сдержался. Розетье, спавшая на матрацѣ въ углу, проснулась отъ крика Подди, сѣла, протерла глазки, оглядѣлась вокругъ и опять легла рядомъ съ братомъ. Элеазаръ смотрѣлъ то на дѣтей, спавшихъ въ углу, то на поджараго подростка у окна и вспоминалъ тотъ вечеръ, когда онъ впервые зашелъ въ комнату стараго еврея, разговаривалъ съ нимъ съ порога, такъ какъ комната была полна копоти, и увидѣлъ Ревекку, спавшую на полу вмѣстѣ съ Іоозепомъ и Серре. Вспомнилъ—и въ душѣ его поднялось какое-то жуткое, необъяснимое, нелѣпое чувство отвращенія,—нелѣпое потому, что и его собственная юность шла такъ же.

Было около восьми часовъ, когда они, наконецъ, сѣли за столъ. Стряпня не сразу наладилась. У Эсси не хватило уксусу, послали Саартье внизъ за бутылкой, въ которой должно было остаться нѣсколько капель. На днѣ, дѣйствительно, оказалось немного уксусу, но покрытаго толстымъ слоемъ желтоватой плѣсени. Эсси, Миньтье и Зейкерперъ поочереди нюхали изъ горлышка, чтобы убѣдиться, можно ли этотъ уксусъ употреблять. Эсси встряхнула бутылку и попробовала съ ложечки, отпивая маленькими глотками. Тѣмъ временемъ Миньтье побѣжала внизъ за хлѣбомъ, о которомъ чуть было не позабыли. Давида пришлось долго ждать. Регги, боясь, какъ бы за столъ не сѣло тринадцати человѣкъ, чутко прислушивалась къ шагамъ на улицѣ, и посылала посмотрѣть, не идетъ ли Давидъ, то Ревекку, то Элеазара. Подди раньше всѣхъ получилъ свою порцію: вареную рыбку, немного риса съ горохомъ и половину копченки. Зейкерперъ самъ отнесъ ему обѣдъ. Но Подди ѣлъ такъ неловко, что чечевица падала на постель. Тѣмъ временемъ вернулась Миньтье съ хлѣбомъ и сдачей денегъ, запыхавшись, раскраснѣвшаяся отъ морознаго воздуха. Она положила четыреугольную ковригу хлѣба на столъ и, схвативъ ножъ, принялась отрѣзывать большіе ломти.

— Брось!—крикнула Эсси, слѣдившая за ней сердитыми

Духовная смута въ освѣщеніи Н. К. Михайловскаго.

I.

Н. К. Михайловскій былъ во всѣхъ отношеніяхъ сильной и опредѣленной личностью, какъ по характеру, такъ и по своему міросозерцанію. Онъ всегда зналъ, чего хочетъ, и энергично хотѣлъ. Читатель объ этомъ можетъ судить по силѣ и стремительности его полемическихъ пріемовъ. За ними всегда чувствуется темпераментъ, натура, а не просто задоръ талантливаго литератора. Этой натурѣ соотвѣтствовалъ большой умъ, громадная начитанность, которые дали ему возможность очень рано выработать собственное стройное міросозерцаніе. За 40 лѣтъ многосторонней литературной дѣятельности онъ далъ своимъ основнымъ идеямъ блестящее развитіе, и онѣ въ свою очередь давали ему твердую руководящую нить въ самыхъ запутанныхъ вопросахъ жизни и литературы. Такой сильной и опредѣленной личности естественно было, при его вдумчивости и интересѣ къ людямъ, задаваться вопросомъ: отчего они такіе растерянные и безличные? отчего такъ плохо знаютъ, чего хотятъ, и такъ мало дорожатъ цѣлью своихъ хотѣній. И его отвѣты на этотъ вопросъ, вмѣстѣ съ основными мотивами, которые проходятъ чрезъ нихъ, представляютъ громадный интересъ. Они давали ему возможность разбираться въ противорѣчіяхъ дѣйствительности и въ самыхъ сложныхъ ея вопросахъ съ необыкновенной силой и ясностью.

Центральнымъ и главнымъ психологическимъ фактомъ въ явленіяхъ ослабленія личнаго начала онъ склоненъ былъ ставить слабую привязанность личности къ тому, къ чему она стремится, отсутствіе цѣлей и задачъ, которыя были бы достаточно дороги человѣку. И въ этомъ недостаткѣ, съ его точки зрѣнія, заключается центръ всякой обезличенности; въ немъ—главная сущность того, что обезцѣниваетъ жизнь, дѣлаетъ ее безсодержательной и тѣмъ самымъ лишаетъ ее привлекательности, силы и красоты, какъ нравственной, такъ и эстетической.

Внѣшняя разбросанность темъ и разсужденій въ работахъ

Михайловскаго способна иногда призводить нѣсколько обивчивое впечатлѣніе, но если имѣть постоянно въ виду именно приведенные основные мотивы, которые его занимають, то становится ясною характерная и интересная связь между изслѣдованіями, очень отдаленными другъ отъ друга, какъ по сюжетамъ, такъ и по времени ихъ обсужденія. И вмѣстѣ съ тѣмъ получается чрезвычайно яркое и цѣльное освѣщеніе и отдѣльныхъ фигуръ, и цѣлыхъ эпохъ въ литературной и общественной жизни со стороны господствующаго въ нихъ элемента—анархіи въ стремленіяхъ и задачахъ.

Въ длинной галлереѣ характеристикъ лицъ и общественныхъ явленій, которыя мы находимъ у Михайловскаго, обращаетъ на себя вниманіе то, что, съ терпѣніемъ и упорствомъ разбираясь въ противорѣчіяхъ даннаго лица или данной частной комбинаціи явленій и возвращаясь съ настойчивымъ интересомъ вновь и вновь къ тѣмъ же лицамъ и явленіямъ или родственнымъ имъ, онъ видимо все время руководится заботой дать себѣ отчетъ въ ихъ общихъ причинахъ. И эти общія причины онъ всегда былъ склоненъ искать и умѣлъ находить—въ указанномъ сейчасъ направленіи, вслѣдствіе чего характеристики отдѣльныхъ личностей или явленій разростаются въ обширныя картины широко захватывающихъ явленій общественной жизни.

Одна изъ первыхъ статей, а именно посвященная эмигранту Кельсіеву, соотвѣтственно этому озаглавлена—„Жертва старой русской исторіи". Личность Кельсіева давно уже, что называется, „канула въ Лету", но на статьѣ объ немъ интересно остановиться. Въ галлереѣ характеристикъ нашего писателя она отличается сравнительной элементарностью и простотой.

Кельсіевъ былъ девять лѣтъ эмигрантомъ. Онъ бросался изъ одного угла Европы въ другой, велъ самую дѣятельную революціонную агитацію и былъ замѣшанъ во множествѣ политическихъ дѣлъ. Счастливо пробравшись въ Россію съ фальшивымъ паспортомъ, онъ такъ же счастливо ушелъ изъ нея, затѣмъ полтора года былъ атаманомъ на Добруджѣ, чуть-чуть не попалъ въ черкесскіе султаны и въ концѣ-концовъ воротился въ Россію, получилъ помилованіе и обратился въ русскаго литератора. При этомъ онъ изъ соціалиста сдѣлался панславистомъ. Въ разсказѣ о своей жизни и въ сужденіяхъ о своей личности самъ Кельсіевъ считалъ себя типичнымъ представителемъ всѣхъ нашихъ политическихъ преступниковъ и даже всѣхъ такъ называемыхъ отрицателей и нигилистовъ разныхъ оттѣнковъ. Михайловскій даетъ совершенно иное освѣщеніе дѣлу. На основаніи собственныхъ словъ Кельсіева—относительно характера его чтенія, образованія и интересовъ, преобладавшихъ у него, начиная съ дѣтскаго возраста, онъ объясняетъ себѣ всѣ удивительныя киданія Кельсіева изъ стороны въ сторону чрезъ цѣлый рядъ смѣняющихъ другъ друга, взаимно

исключающихъ увлеченій и покаяній—„фантастичностью и разнузданностью его воображенія". Онъ былъ вскормленъ и вспоенъ литературой карамзинскаго періода и мистиками конца XVIII и начала XIX вѣка. Еще совсѣмъ ребенкомъ онъ жадно читалъ и перечитывалъ сочиненія Карамзина, митрополита Платона, Державина, Хераскова, „Сіонскій Вѣстникъ", „Пансалвина или князь тьмы", „Старина вездѣ и нигдѣ", „Гросфильдское аббатство", „Удольфскія таинства" и проч. Чтеніе этого рода развивало воображеніе, склонность къ фантастикѣ насчетъ всѣхъ другихъ умственныхъ способностей. Кельсіевъ самъ пишетъ: „Литература XVIII и начала XIX вѣка, на которой мнѣ пришлось вырости, имѣла то странное свойство, что обаятельно отрѣшала читателя отъ всего окружающаго, вводила его въ ворота новаго міра,—міра, исполненнаго изящества, геройства, глубокихъ страстей, гдѣ не было ни дрязгъ, ни суеты житейской, и гдѣ не являлся ни одинъ Санхо Панчо, задававшій, какъ въ нынѣшней литературѣ, вопросы своему Донъ-Кихоту, что на какія же деньги благородные рыцари изволятъ странствовать по свѣту? Житейскій вопросъ, вопросъ обыденной жизни для этой литературы не существовалъ, и мѣщанскаго въ ней ничего не было. Она звала къ подвигамъ, она развивала мечтательность и зарождала въ душѣ инстинктъ ко всему высокому и изящному". Съ такой подготовкой онъ, къ началу крымской кампаніи, окончивши курсъ въ коммерческомъ училищѣ, вступилъ въ жизнь. Онъ вступилъ въ нее, „въ интеллектуальномъ отношеніи, какъ его мать родила. Никакой болѣе или менѣе твердой опоры у него не было,—ни научной подготовки, ни сильно развитого соціальнаго чувства, ни знанія общества и его нуждъ; словомъ, ничего такого, что бы могло послужить вѣхами на его жизненномъ пути. Не было у него подъ ногами никакой почвы, и стоялъ онъ отъ всего, что волнуетъ живыхъ людей, далеко, далеко, въ заоблачномъ мірѣ фантазіи". Наступившія новыя времена призывали къ дѣятельности—сначала война, а затѣмъ 60-тые годы. Но Кельсіеву, человѣку увлекающемуся и энергичному, способному предаться дѣлу цѣликомъ и беззавѣтно, искреннему и честному, мѣшала его фантастичность—его склонность забывать или даже нежеланіе знать, на какія деньги благородные рыцари изволятъ странствовать по свѣту? Эта фантастичность мѣшала ему не только привязаться къ чему-нибудь всей душой, но даже подойти вплотную къ живой дѣйствительности и ясно увидать, чего она требуетъ, какихъ дѣлъ, какихъ усилій. Онъ жаждалъ дѣятельности, но дѣятельности не обыденной, а такой, въ которой можно было бы явиться героемъ, съ заговорами, побѣгами изъ тюремъ, съ картинными сраженіями на полѣ битвы и т. п. Возникшая въ 60-тые годы „натуральная школа", съ своимъ безпощаднымъ анализомъ, явилась полной противоположностью ходульному и мишурному

міросозерцанію предшествующаго періода. Но хотя Кельсіевъ и утверждалъ, что „понималъ всю вопіющую ложь романтизма“, однако, на самомъ дѣлѣ, какъ замѣчаетъ Михайловскій, эта школа „быть можетъ, даже заставила Кельсіева еще крѣпче ухватиться за міръ ходуль и сусальнаго золота“, такъ какъ „новое міросозерцаніе стояло въ слишкомъ рѣзкой противоположности къ этому небывалому, но чудному міру, которымъ Кельсіевъ успѣлъ уже насквозь пропитаться“. Неспособный перейти изъ фантастически-сказочнаго міра въ дѣйствительность и съ жаждой дѣятельности, онъ искалъ ея, не руководясь привязанностью къ той или другой опредѣленной жизненной задачѣ, которая была бы ему дорога, а ради фантастическихъ аксессуаровъ и драпировокъ, ради неопредѣленныхъ сильныхъ ощущеній, сопровождающихъ эти аксессуары. Мальчикомъ онъ весьма сочувствовалъ декабристамъ, разсказы о которыхъ окружались въ то время мракомъ таинственности и которыхъ онъ рисовалъ себѣ въ видѣ заговорщиковъ въ черныхъ плащахъ на красной подкладкѣ, съ кинжалами въ рукахъ. Не имѣя ни малѣйшаго понятія о томъ, что это были за люди, какія у нихъ были дѣла, онъ любилъ ихъ (по его собственнымъ словамъ), „точно такъ же, какъ любилъ всякихъ графовъ С. Жерменъ, Каліостро, Пиѳагора, египетскіе іероглифы, Эккартсгаузена и вообще все загадочное и таинственное“. И совершенно въ такомъ же родѣ, взрослымъ (какъ онъ самъ говоритъ, „вслѣдствіе своего общаго мистическаго и фантастическаго настроенія“) онъ сначала сталъ заниматься восточными языками, потомъ сталъ мечтать быть юнкеромъ, офицеромъ, идти съ своимъ войскомъ на батарею, на приступъ и оказать чудеса храбрости, затѣмъ сдѣлался эмигрантомъ и т. д., не имѣя ни малѣйшаго представленія о дѣйствительныхъ живыхъ цѣляхъ всѣхъ этихъ занятій и призваній. Когда онъ описываетъ свою жизнь, то искренно считаетъ себя героемъ новыхъ идей. Но и тутъ получается все то же положеніе; какъ показываетъ Михайловскій, онъ этихъ идей „не пережилъ, не переварилъ, даже хорошенько не передумалъ“. Онѣ его привлекали, но онъ такъ же не имѣлъ объ нихъ ни малѣйшаго понятія, какъ и о графѣ С. Жерменъ, о Каліостро и т. п. Вообще, всѣ идеи, которыми онъ увлекался, были въ его жизни не при чемъ, и во всѣхъ его удивительныхъ превращеніяхъ онъ былъ „жертвой нашего прошедшаго“, которое уносило въ обаятельный міръ подвиговъ и путешествій того прошедшаго, въ которомъ такъ отвратительно переплетались барство и рабство. Оно сдирало съ мужика послѣдній грошъ на благотворительное дѣло, но не умѣло сводить прихода съ расходомъ; оно дѣлало изъ человѣка нѣчто безформенное и безличное—въ родѣ гороховаго киселя: „его можно вылить и просто на тарелку, и въ видѣ башни какой-нибудь, но и тутъ, и тамъ будетъ все тотъ же кисель гороховый“.

Таковъ конкретный образъ, выхваченный изъ дѣйствительности, которымъ Михайловскій въ началѣ своей дѣятельности охарактеризовалъ воздѣйствіе „старой русской исторіи“ на душевный строй личности. Основной ея мотивъ—фантастика безсвязнаго, произвольнаго отношенія къ дѣйствительности, воспитавшая личность въ привычкѣ не переживать, не переваривать и даже не передумывать тѣ задачи, которыми она увлекается. Выражаясь наглядно, эта была та фантастика, которая поучала рыцарей всевозможныхъ высокихъ идей не задаваться вопросомъ, на чьи деньги они изволятъ путешествовать и къ чему ихъ такое путешествіе обязываетъ—да и вообще обязываетъ ли къ чему-нибудь? Въ результатѣ такого отношенія къ своимъ высшимъ идеямъ и задачамъ—безсодержательность стремленій, безличность побужденій.

Не знаемъ, разсчитывалъ ли въ 1868 г. начинавшій свою дѣятельность писатель, что „старая русская исторія“ будетъ еще долго требовать своихъ жертвъ. Но черезъ 30 лѣтъ, на склонѣ своей жизни, онъ со скорбью и горечью жалуется и возмущается противъ того же зла, лежащаго въ основаніи „современной смуты“. Въ 70-хъ, 80-хъ и 90-хъ годахъ, разбираясь въ возникавшихъ умственныхъ и нравственныхъ теченіяхъ, не уставая бороться съ путаницей и противорѣчіями, онъ принужденъ былъ неустанно возвращаться къ идеѣ, что дѣло не въ тѣхъ или другихъ противорѣчіяхъ. Самыя противорѣчія представлялись ему только отраженіемъ особаго характера или, скорѣе, безхарактерности задачъ и стремленій, привлекающихъ и увлекающихъ общество и ея представителей. Все дѣло въ фантастической произвольности стремленій, въ безотвѣтственномъ къ нимъ отношеніи, что и влечетъ за собой спутанность и неопредѣленность идей и побужденій. Не переживаемыя, не перевариваемыя и не продумываемыя, вообще не связываемыя съ реальными условіями жизни, идеи и стремленія—каковы бы онѣ ни были,—только играютъ въ руку роковымъ силамъ „старой русской исторіи“.

Возвращаясь къ характеристикѣ вліяній этой „старой исторіи“ черезъ много лѣтъ, въ статьѣ о Шелгуновѣ, Михайловскій приводитъ со словъ Шелгунова слѣдующую характерику Николаевской эпохи *):

„Дорожить насъ не пріучили ничѣмъ, уважать мы также ничего не уважали: но за то начальство старательно водворяло въ насъ чувство страха. Имъ (то есть чувствомъ страха) у насъ постоянно злоупотребляли. Когда же всѣ общественныя связи основаны только на страхѣ и страхъ, наконецъ, исчезаетъ, тогда ничего не остается, кромѣ пустого пространства, открытаго для всѣхъ вѣтровъ“.

Иллюстрируя и развивая эту характеристику, Михайловскій говоритъ:

*) Соч. V, 350 и. д. Замѣчательную характеристику Николаевской эпохи см. въ ст. „Преступленіе и Наказаніе“, Соч., II, особенно стр. 59 и д.

„Цѣлыя поколѣнія съ упорною послѣдовательностью и исключительностью готовились къ двоякой роли: приказывающихъ и исполняющихъ приказанія, и въ результатѣ получились настоящіе виртуозы той или другой функціи, изумительно приладившіеся къ воспитавшей ихъ системѣ. Но когда область двуединой функціи съузилась и расшаталась, эти превосходнѣйшіе въ своемъ родѣ спеціалисты естественно должны были очутиться въ положеніи рыбъ, вытащенныхъ изъ воды, а о выработкѣ того, что требовалось новымъ историческимъ моментомъ,—самостоятельной мысли, знаній, твердыхъ убѣжденій, чувства собственнаго достоинства и признанія таковаго за другими—система не заботилась и не могла, по самому существу своему, заботиться... Гордая своею художественною законченностью, система не добивалась чьего бы то ни было уваженія, любви, сознательной преданности, она довольствовалась страхомъ и формальнымъ исполненіемъ приказаній. „Не разсуждай, а исполняй" — требовала система, требовала жестоко, неумолимо. И потому случалось одно изъ двухъ: или душа опустошалась совершенно, превращалась въ пустыя рамки, которыя не заключали въ себѣ никакой картины, никакого образа и подобія; или же разсужденіе и вообще внутренняя жизнь складывалась безъ всякаго вліянія со стороны системы; ей нечѣмъ было вліять".

При этомъ „ошибка системы, — говоритъ Михайловскій, — ошибка, часто повторяющаяся въ исторіи и составляющая, повидимому, даже необходимую принадлежность наиболѣе мрачныхъ ея періодовъ,—состояла въ увѣренности, что опустошенныя души являются лучшею опорою существующаго порядка". Между тѣмъ никогда этого не бываетъ и быть не можетъ. „При первомъ удобномъ случаѣ жертвы опустошенія съ чрезвычайною легкостью проникаются враждебными системѣ элементами". Кто ничѣмъ не дорожитъ, ничѣмъ опредѣленнымъ не проникся, а главное — не считаетъ себя по совѣсти отвѣтственнымъ ни за что, тотъ, и повинуясь, не представляетъ сколько-нибудь надежной опоры. Поэтому

„жестоко ошибаются тѣ,—говоритъ Михайловскій,—кто ликуетъ при видѣ тиши и глади, господствующихъ въ мрачные историческіе періоды всеобщаго обезличенія. Въ этой тиши, подъ всеподавляющимъ гнетомъ дисциплины, копится матеріалъ, совершенно несоотвѣтствующій близорукимъ ожиданіямъ. Тихо-то оно тихо, но система, воспитывающая барановъ, не должна бы собственно удивляться, когда въ одинъ прекрасный день все стадо шарахается въ сторону. Такъ и было въ шестидесятыхъ годахъ, къ великому, но совершенно неосновательному удивленію близорукихъ людей".

Въ идеалистической сторонѣ эпохи, предшествовавшей шестидесятымъ годамъ, въ такъ называемыхъ идеяхъ сороковыхъ годовъ, наиболѣе характернымъ Михайловскому представлялось то, что чрезмѣрная неопредѣленность и расплывчатость этихъ идей дѣлала ихъ непригодными для воплощенія въ практической жизни. Тутъ были все формулы такого рода, какъ, напримѣръ, искусство, наука, философія, литература, гуманизмъ и т. п., которыя ни къ чему не обязываютъ и потому даже не имѣютъ шансовъ по-своему воздѣйствовать на жизнь,—по-своему группировать и связывать ея составные элементы. Отзывчивые люди 40-хъ годовъ могли

очень увлекаться ими, даже испытывать страданіе отъ несоотвѣтствія ихъ съ дѣйствительностью, чувствовать себя „лишними людьми“. Но хотя бы „они (какъ, напр., Степанъ Трофимовичъ Верховенскій въ „Бѣсахъ“) всю жизнь ныли, плакали, терзались, несли свое нытье въ публику, на торжище и стогна“,—однако „они и не дѣлали рѣшительно ничего для прекращенія своихъ мученій“. Въ этомъ отношеніи знаменательно отличіе въ положеніи Тургеневскаго Нежданова сравнительно съ лишними людьми 40-хъ годовъ. Онъ страдаетъ такимъ же душевнымъ разладомъ, какъ и они, но у него этотъ разладъ разрѣшается самоубійствомъ. Это зависит не отъ того, что онъ сильнѣе духомъ, а отъ того, что увлекающія его идеи стали опредѣленнѣе, яснѣе и, стало быть, рѣшительнѣе предъявляютъ извѣстныя требованія. „Въ прежнія времена, говоритъ Михайловскій, эти страданія только мѣшали бы человѣку жить, но не обязывали бы его умереть, потому что, благодаря неясности его идеаловъ, человѣкъ этотъ могъ бы за что-нибудь въ нихъ уцѣпиться. Нежданову не за что уцѣпиться... и здѣсь не можетъ быть мѣста продолжительному обману и самообману“. Бо́льшая опредѣленность идей несетъ съ собой то, что онѣ къ чему-то обязываютъ, что онѣ способны руководить человѣкомъ, и это-то вноситъ въ манеру относиться къ идеямъ живой, связующій элементъ искренности и убѣжденности.

Неоднократно возвращаясь къ характеристикѣ и обсужденію движенія 60-хъ годовъ *), Михайловскій горячо защищалъ жизнеспособное зерно этого движенія, которое, по его убѣжденію, останется жизнеспособнымъ еще многіе и многіе годы. Оно состояло въ стремленіи добыть себѣ вѣру и для этого прежде всего провѣрить и отдать себѣ сознательный отчетъ въ тѣхъ идеалахъ и задачахъ, которые имъ вручила предшествующая эпоха. Руководясь тѣмъ положительнымъ наслѣдствомъ, которое предшествующимъ поколѣніямъ удалось, цѣною огромныхъ усилій и жертвъ, выработать вопреки господствующему строю жизни, шестидесятники подвергали смѣлой безпощадной критикѣ всѣ тѣ формы жизни, на которыя, по выраженію Михайловскаго, существовалъ „своего рода принудительный курсъ“. Эта критика облегчена была событіями самой жизни, которая выступила въ крымскую кампанію въ роли практическаго критика. Здоровые и живые элементы той эпохи въ этой критикѣ искали не дешевыхъ успѣховъ, а возможности обрѣсти такія задачи и интересы, которые личность можетъ уважать, въ которые она можетъ вѣрить, которыми можетъ дорожить по своей доброй волѣ, искренно, а не вслѣдствіе „принудительнаго курса“. Правда, въ критикѣ наслѣдства предшествую-

*) О шестидесятыхъ годахъ см. Соч., I, 360—70; 390; 817—20; IV, 20, 22, 35—41 и д., 65; V, 350 и д., 370, 376 и д. Лит. восп., I, гл. восьмая—268 и д. Отклики, II, 150.

щей эпохи „реалисты“-шестидесятники хватали черезъ край. „Обрубая ходули, на которыхъ ходилъ человѣкъ, они иногда заодно обрубали и ноги“, отвергая фальшивую любовь и фальшивые идеалы, они договаривались до утвержденій, что любви нѣтъ, а есть половое влеченіе; что жертва есть фикція, нѣчто въ дѣйствительности не существующее, сапоги въ смятку; нравственно все, что естественно, человѣкъ есть рабъ обстоятельствъ; наука должна служить исключительно практическимъ цѣлямъ; законы исторіи непреоборимы, и т. п. Но всѣ эти крайности были явными уклоненіями отъ основной здоровой тенденціи „реалистовъ“. Всѣ такіе парадоксы были явнымъ насиліемъ надъ собственной природой, и тѣ, кто ихъ провозглашалъ, сами не могли въ нихъ вѣрить. Когда Писаревъ, сидя въ крѣпости за политическую неблагонадежность, весьма пространно и азартно доказывалъ, что „мыслящій реалистъ“ долженъ сидѣть за естественными науками, дѣлать свое дѣло и не мѣшаться въ чужія, что ему должно быть все равно, какъ живутъ другіе, то не могъ онъ дѣйствительно серьезно вѣрить въ это. Онъ просто приносилъ въ жертву свои истинныя глубоко-интимныя побужденія мнимо логическимъ выводамъ изъ положеній реализма. Въ сущности же онъ этими выводами и не думалъ руководиться. „А что дѣлалось между нами—говоритъ Михайловскій—не писавшею, а просто жившею молодежью того времени...

Какъ мы, искатели истины, лгали и ломались, преклоняясь передъ Базаровымъ! Какъ бравировали мы базаровскимъ „богатымъ тѣломъ“, черствостью и т. п., когда намъ такъ хотѣлось любить! Какъ трещалъ на насъ по всѣмъ швамъ узкій, яко бы реалистическій мундиръ, который мы, подъ вліяніемъ увлеченія и травли, старались напялить на себя во что бы то ни стало!—Мало того, когда травля выхватывала изъ среды такъ называемыхъ новыхъ людей какихъ-нибудь уродовъ, буквально понимавшихъ и практиковавшихъ наши краткія и грубыя формулы, которыя имѣли для насъ вообще только теоретическое значеніе и которымъ мы вовсе не слѣдовали на практикѣ, когда травля выхватывала такихъ уродовъ и снимала съ нихъ фотографію, мы даже брали уродовъ подъ свою защиту и старались нанизать на нихъ свои мысли и чувства“.

Всѣ эти крайности и уродства были уклоненіями отъ прямой и ясной основной тенденціи: онѣ были результатомъ непродуманностей и незрѣлости мысли. Людямъ новаго поколѣнія хотѣлось порвать со всѣми отжившими и мертвыми обязательствами, которыми жила предшествующая эпоха. И такъ какъ она говорила объ идеалахъ, о самоотверженіи, о любви и красотѣ, то новые люди считали нужнымъ все это сплошь отрицать,—конечно, въ фантазіи, т. е. въ томъ мірѣ, въ которомъ рыцари могутъ путешествовать, не спрашивая себя, къ чему ихъ это обязываетъ и какъ вообще свести концы съ концами. Даже помимо явныхъ крайностей, образцы которыхъ приведены выше, самое намѣреніе порвать со

всѣмъ прошлымъ во всякомъ случаѣ заключало въ себѣ элементы фантастическаго произвола. Вырывая клочокъ изъ будущаго, они хотѣли его связать съ настоящимъ, которое съ нимъ не гармонировало. Если бы дальнѣйшій ходъ исторіи далъ новымъ людямъ возможность провѣрить свои отвлеченныя формулы, передумать ихъ, пережить и переварить свои идеи, вообще свести концы съ концами, тогда само собой отпало бы все, что въ нихъ было чужого, фальшиваго и непригоднаго. Но именно такому процессу имъ не удалось подвергнуться. И онѣ такъ и остались фантазіей, не исправленной живымъ общеніемъ съ дѣйствительностью, не провѣренныя въ живой и широкой атмосферѣ послѣдовательной общественной работы.

Да такой работы и не было. Общество по прежнему оставалось въ „пустомъ пространствѣ, открытомъ для всѣхъ вѣтровъ", и, какъ стадо барановъ, безхарактерно кидалось изъ стороны въ сторону, предоставляя „рыцарямъ" (да и не однимъ рыцарямъ) странствовать на прежній беззаботный манеръ.

Семидесятые годы, этотъ „героическій" періодъ дѣятельности Михайловскаго, когда онъ съ молодымъ воодушевленіемъ и съ молодой вѣрой въ осуществимость своихъ идей излагалъ свою положительную программу, сопровождались у него страстными и продолжительными обличеніями общества въ шатаніи и безпринципности. Съ одной стороны, въ обозрѣніяхъ литературныхъ онъ доказывалъ, что духовному оскудѣнію, на которое жаловалось общество, одинъ исходъ—въ служеніи интересамъ народа. А съ другой—не переставалъ громить тѣ духовныя теченія, которыя порождаютъ „Ивановъ Непомнящихъ", забывающихъ сегодня то, что они говорили вчера, съ ихъ беззаботной растерянностью мыслей и беззастѣнчивой распущенностью интересовъ. Длинный рядъ фельетоновъ за 1874, 1875 и 1877 г.г. соотвѣтственно этому носитъ общее заглавіе „Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго".

Въ одномъ изъ этихъ очерковъ Михайловскій отъ имени „незнакомца" обращается съ негодующей рѣчью къ той толпѣ, которая въ петербургскомъ университетѣ аплодировала Владиміру Соловьеву. Соловьевъ пріѣхалъ изъ Москвы защищать диссертацію, направленную противъ позитивистовъ. На взглядъ Михайловскаго, особенно поразительной картина получилась оттого, что Соловьевъ пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, въ это логовище Минотавра, сосредоточіе „либераловъ, радикаловъ и неистовыхъ нигилистовъ", и открыто бросилъ имъ въ глаза заявленіе, что ихъ позитивизмъ не есть философія, а „волчье царство въ философіи", „хозяйничаніе волковъ въ запустѣлой деревнѣ". „И вы, бараны, говоритъ незнакомецъ слушателямъ, даже не дали Соловьеву возможности совершить подвигъ, не доставили ему повода для борьбы. Вы, только что онъ показалъ вамъ палецъ,

загоготали и зааплодировали, поклонились всему, что сжигали, и сожгли все, чему поклонились!"

Одинъ изъ апплодировавшихъ Ивановъ Непомнящихъ перебиваетъ „незнакомца" словами: Позвольте, вы вѣроятно позитивистъ, и вамъ просто обидно, что вашъ противникъ удостоился такихъ овацій?

— Нѣтъ, барашекъ, нѣтъ,—отвѣчаетъ незнакомецъ.—Я не позитивистъ, хоть и съ г. Соловьевымъ не въ одномъ лагерѣ обрѣтаюсь. Да не въ этомъ совсѣмъ и дѣло. Не „противникъ мой", не г. Соловьевъ меня занимаетъ, много у насъ было такихъ мыслителей и много ихъ еще будетъ. Меня вы занимаете, вы, публика, для которой работаютъ и г. Соловьевъ, и люди совершенно противоположнаго образа мыслей и дѣйствій. Если бы г. Соловьевъ былъ мой alter ego и я съ чистой совѣстью могъ бы подписаться подъ каждой его строчкой, такъ и то я не порадовался бы сегодняшнему диспуту. Штурмъ крѣпости, выносящей ключи побѣдителю, когда онъ еще не успѣлъ зарядить своихъ пушекъ! Побѣда въ пустомъ пространствѣ! Куда какъ лестно! Нѣтъ, не завидую я г. Соловьеву. Мнѣ не то обидно, что онъ удостоился вашихъ овацій. Мнѣ обидно вспоминать о тѣхъ людяхъ, которые старались— и, казалось, не безъ успѣха—вложить въ ваши головы понятія, вами сегодня оплеванныя. Мало ли людей погибло изъ за васъ. Теперь много говорятъ о дряблости литературы, и вы, барашки, чего добраго, участвуете въ этихъ разговорахъ. Да у кого же не опустятся руки, глядя на васъ, глядя на то, какъ вы забываете сегодня все, чему апплодировали вчера?"

Въ этой тирадѣ, рядомъ съ шаткостью идей и увлеченій, отмѣчено обстоятельство, къ которому Михайловскій возвращался очень охотно. Это обстоятельство тѣмъ болѣе интересно, что оно охватываетъ чрезвычайно большой кругъ проявленій той фантастики, которая такъ легко возникаетъ въ „пустомъ пространствѣ, открытомъ для всѣхъ вѣтровъ", гдѣ идеи не могутъ быть провѣрены и передуманы въ послѣдовательной живой работѣ. Обстоятельство это заключается въ наблюденіи, что при извѣстныхъ условіяхъ между преклоненіемъ предъ чѣмъ нибудь и презрѣніемъ къ тому же предмету нѣтъ существенной разницы. Это именно бываетъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ преклоняется предъ чѣмъ нибудь (или презираетъ), что ему по какимъ либо причинамъ чуждо и незнакомо, или когда онъ это дѣлаетъ во имя началъ, которыя ему чужды и мало понятны *). При подобныхъ условіяхъ преклоненіе и презрѣніе даже чрезвычайно легко переходятъ одно въ другое, какимъ-то образомъ тѣсно переплетаясь. Да оно и естественно. Когда человѣкъ самъ не знаетъ того, что онъ уважаетъ и во имя чего, то какое же это уваженіе? и что стоитъ такому уваженію обратиться въ столь же легковѣсное презрѣніе?

Въ примѣненіи этого положенія къ неопредѣленнымъ общимъ идеямъ, унаслѣдованнымъ отъ прошлаго, отъ старой русской исторіи, Михайловскій не разъ останавливался на одной изъ нихъ, очень

*) См. ст. Суздальцы и суздальская критика. Соч. IV 69 и д.

для него характерной; не разъ, какъ будто наперекоръ своимъ интимнымъ личнымъ вкусамъ, онъ протестовалъ противъ уваженія къ абстрактной литературѣ и „литературному человѣку". Именно вслѣдствіе своей общности и неопредѣленности это уваженіе, говоритъ Михайловскій, ничѣмъ не отличается отъ презрѣнія, будучи уваженіемъ неизвѣстно къ чему. Въ старыя времена „напишетъ человѣкъ стихотвореніе, повѣсть, выразитъ въ стихахъ или прозѣ „благоговѣйное уваженіе къ наукѣ", и дѣло въ шляпѣ: онъ литераторъ". У людей являлось о немъ „представленіе, какъ о „литературномъ человѣкѣ", писателѣ вообще, какъ о странномъ какомъ-то знатномъ иностранцѣ, вызывающемъ благоговѣйное отношеніе къ себѣ, совершенно независимо отъ содержанія его писаній. Писатель, литераторъ и конецъ: значитъ какой-то особенный человѣкъ, на котораго даже посмотрѣть любопытно; а представляетъ ли онъ изъ себя Богу свѣчку или чорту кочергу — это въ разсчетъ не берется. Съ перваго взгляда кажется, что въ такомъ отношеніи къ писателю сквозитъ глубокое уваженіе. На самомъ-же дѣлѣ, тутъ уваженія нѣтъ ни капли, а есть только полная отчужденность: ты, молъ, не нашъ, намъ съ тобой не дѣтей крестить, не пиво варить, а посмотрѣть на знатнаго иностранца ничего, любопытно—можетъ быть, у него какіе узоры на лицѣ разрисованы. Отчужденность особенно выражается этимъ нежеланіемъ или неумѣніемъ проникнуть во внутреннюю жизнь писателя, посмотрѣть, чѣмъ, именно, живетъ его душа, какому онъ Богу молится... Я осмѣливаюсь утверждать, говоритъ Михайловскій, что тѣ дикіе люди, которые гонятъ какого-нибудь несчастнаго корреспондента, раскрывшаго губернскія тайны, и рекутъ на него всякъ золъ глаголъ, много ближе къ правильному пониманію вещей, чѣмъ тѣ, кто смотритъ на литератора, какъ на знатнаго иностранца. Они дики и звѣроподобны — это правда, но они, по крайней мѣрѣ, видятъ въ литераторѣ нѣкоторую общественную силу, съ которой надо считаться, которая можетъ нанести имъ ущербъ, которая имъ, слѣдовательно, хоть и враждебна, но все-таки близка". Неопредѣленное общее преклоненіе предъ литературой, все равно какъ и общее высокомѣрное къ ней отношеніе, можетъ держаться только на отчужденности отъ нея, на непониманіи ея задачъ. И обоимъ этимъ отношеніямъ естественно переходитъ одно въ другое, такъ какъ ни то, ни другое не связаны ни съ чѣмъ реальнымъ,—ни къ чему не обязываютъ и не даютъ ничего руководящаго. Оба они въ лучшемъ случаѣ выражаютъ полное равнодушіе къ литературѣ и ея задачамъ. При такихъ условіяхъ не можетъ быть рѣчи ни о настоящемъ уваженіи къ ея достоинствамъ, ни разумнаго возмущенія противъ того зла, которое она способна нести. Поэтому когда литераторы, призванные въ руководители общественной мысли, въ своемъ „уваженіи" къ задачамъ печатнаго слова не знаютъ ни-

чего лучше этой неопредѣленной точки зрѣнія, то они не въ силахъ возбудить дѣйствительное уваженіе ни къ себѣ, ни къ литературѣ. Литература, лишенная принциповъ, во имя которыхъ она требуетъ уваженія и которые были бы достаточно опредѣленными, чтобы послѣдовательно руководить, является растерянной и распущенной прислужницей чего попало; „ловя моментъ", она легко оказывается вынужденной наживлять удочку приманками для самыхъ грубыхъ инстинктовъ, питать въ обществѣ всякіе предразсудки, нелѣпое самомнѣніе, страсть къ скандалу и т. п. Она вызываетъ къ себѣ тотъ видъ презрѣнія, съ которымъ потребители относятся къ шутамъ, сводникамъ и другимъ представителямъ профессій постыдныхъ, но сумѣвшихъ сдѣлаться удобными для потребителей.

Съ характернымъ протестомъ противъ требованія опредѣленныхъ взглядовъ въ литературѣ выступилъ въ эпоху, когда объявилось „откровенное направленіе" (это было въ 70-ые годы), извѣстный Евгеній Марковъ. Протестуя противъ господства въ литературѣ „кружковщины", „партійности", оскорбляющихъ жизнь отсутствіемъ простора и свободы, онъ упрекалъ литературу въ „талмудизмѣ" и „цеховой замкнутости", въ тупой преданности разъ навсегда усвоеннымъ, неподвижнымъ принципамъ. Во имя „смѣлой, бодрящей вѣры въ разнообразіе и широту міра", онъ требовалъ подчиненія „инстинкту внутренняго равновѣсія", который не даетъ человѣку заморозиться въ мертвомъ принципѣ, а побуждаетъ смотрѣть на вещи сегодня такъ, а завтра иначе, въ зависимости отъ требованій жизни. Михайловскій—въ статьѣ, посвященной этой удивительной защитѣ безпринципности, систематически, по пунктамъ, разбираетъ противорѣчія Маркова и недоумѣваетъ, „какое же это, въ самомъ дѣлѣ, равновѣсіе, когда то одна чашка вѣсовъ подскакиваетъ кверху, а другая стукается о подставку, то наоборотъ? Какое это равновѣсіе, когда человѣкъ сегодня объявляетъ петровскую реформу благомъ, а завтра зломъ и т. п.?" И подходя съ разныхъ сторонъ къ разсужденіямъ Маркова, Михайловскій сводитъ все къ вопросу, что можетъ быть дорого писателю, отстаивающему свободу отъ опредѣленныхъ взглядовъ, чѣмъ онъ дорожитъ и къ чему собственно стремится? „Прекрасны цвѣты моего сада, прекрасенъ баранъ, обгладывающій цвѣты, прекрасенъ волкъ, пожирающій барана, прекрасна борзая собака, хватающая волка за горло. Но,—заключаетъ Михайловскій свою статью,—всего въ природѣ прекраснѣе, мнѣ, кажется угорь. И именно въ тотъ, нѣсколько даже фантастическій моментъ, когда онъ, къ величайшему изумленію кухарки, совершенно отпрепарированный, выползаетъ изъ пирога". Проповѣдь ширины жизни съ подобной точки зрѣнія оказывается принципіальной защитой безучастно-распущеннаго отношенія къ дѣйствительности, низводящаго литературу на одинъ уровень съ

бездѣльнымъ шутовствомъ. И если литературныхъ шутовъ нельзя поставить на одну доску съ странствующими рыцарями, то во всякомъ случаѣ про нихъ можно сказать, что они не очень озабочены тѣмъ, на чей счетъ они гаерствуютъ. Да и вообще развѣ шуты способны задавать себѣ серьезные вопросы и заботиться о сведеніи концовъ съ концами?

II.

Начиная съ конца 70-хъ и въ теченіе всѣхъ 80-хъ годовъ, а отчасти и дальше, Михайловскому пришлось особенно много имѣть дѣло съ двумя нравственно-политическими теченіями. Одно изъ нихъ—національно-патріотическое, берущее свое начало отъ славянофильства *); другое—сводящееся къ идеѣ, что намъ нужны не учрежденія, а личное самосовершенствованіе. Въ томъ, какъ судилъ объ нихъ Михайловскій, мы имѣемъ характеристику очень значительныхъ явленій въ умственной жизни русскаго общества.

Относительно старыхъ славянофиловъ ему представлялось характернымъ, что при всей ихъ фантастичности, они вѣрили въ то, что говорили. „Восторженная искренность и наивная вѣра, сквозившая въ каждой строкѣ первоучителя славянофильства (К. Аксакова), до извѣстной степени не то, что оправдывали дикость и грубость мысли, но, по крайней мѣрѣ, придавали ей оттѣнокъ фанатизма, при которомъ человѣкъ въ себѣ не властенъ". Но у ихъ послѣдователей, явившихся при совершенно иныхъ историческихъ условіяхъ, этого не могло быть и не было. Разбирая въ 1874 г. статью г. Дмитріева-Мамонова, выступившаго на защиту славянофильства, Михайловскій показываетъ,—опираясь, между прочимъ, на полемику съ г. Мамоновымъ И. С. Аксакова,—что Мамоновъ въ концѣ концовъ оказывается настолько безхарактернымъ по своимъ воззрѣніямъ, что его только въ очень малой степени можно считать славянофиломъ, хотя самъ онъ желаетъ быть таковымъ. Защищая славянофильство отъ г. Пыпина, онъ его фильтруетъ, — онъ „двусмысленно туманно освѣщаетъ положительную сторону славянофильства, его понятія о народности и православіи, и въ то же время направляетъ непропорціонально яркій свѣтъ на его отрицательную сторону, на его

*) Сужденія Михайловскаго на эту тему разбросаны на всемъ протяженіи его сочиненій, и читатель, который возьметъ на себя трудъ перечитать ихъ одно за другимъ, навѣрное не пожалѣетъ потраченнаго труда. О націонализмѣ и патріотизмѣ см. Соч. I, 741—51, 767; II, 85—7, 594—7, 762 и д. III, 753—4, 757—8, 762 и д., 790, 792, 825—32, 836 и д., IV, 446 и д., 522, 899, 940 и д., 952; V, 171—2, 470—1 и д., 604 и д. 614, 618, 763—4; VI, 271; Лит. восп. II, 204—216, 225—232. О славянофильствѣ см. Соч. II, 571 и д. до 578; III, 452—9, 497, 760 и д., 769; IV 432—50; 686—9, 951, 1000 и д. 1012, 1020; VI, 273—5. Лит. восп. I, глава XI, 378—415.

протестъ противъ чиновничества, противъ подражательности". И. С. Аксаковъ энергично протестовалъ противъ этихъ пріемовъ Мамонова, увидавъ въ нихъ отступничество отъ славянофильства. Но когда въ 1880 мъ году самъ онъ выступилъ въ своей „Руси", то Михайловскій, опять таки не вдаваясь въ споръ противъ доктринъ славянофильства по существу, предъявилъ къ разсужденіямъ Аксакова только требованіе ясности и опредѣленности—яснаго и опредѣленнаго рѣшенія тѣхъ жгучихъ вопросовъ, которые жизнь настоятельно предъявляла обществу въ эту бурную и тяжелую эпоху (см. V, 1004). Онъ считалъ себя вправѣ требовать отъ Аксакова рѣшеній, дающихъ нѣчто опредѣленно-руководящее,—соотвѣтствующее основнымъ принципамъ самого славянофильства. Аксаковъ въ одной изъ первыхъ статей заявилъ, что „настоящая пора — пора великой исторической важности", а затѣмъ, прежде всего, нашелъ необходимымъ, чтобы было брошено подражаніе иноземнымъ образцамъ, чтобы Русь стала Русью, чтобы русская правда засіяла самобытнымъ свѣтомъ и прочее въ такомъ же родѣ. Михайловскій называетъ эти требованія „чрезвычайно старой пѣсней, имѣющей обыкновенно несчастіе разноситься туманомъ, не сгущаясь въ сколько-нибудь опредѣленныя формы". Вслѣдъ затѣмъ Аксаковъ перешелъ къ вопросу о дальнѣйшемъ слѣдованіи по пути „реформъ" и объ „увѣнчаніи зданія" по европейскимъ образцамъ. При этомъ оказалось, что по мнѣнію Аксакова, самаго зданія еще нѣтъ, а есть только двѣ истинныя историческія основы его, двѣ державы: это — русскій народъ и единоличная верховная власть. И задача, предлежащая Россіи, заключается не въ „увѣнчаніи зданія" и не въ „реформахъ", а въ томъ, чтобы просить земскихъ и другихъ людей „поразвѣдать мысль крестьянъ и прочихъ классовъ уѣзднаго общества, и попытаться начертать обдуманно, на мѣстахъ, сообща планы мѣстнаго самоуправленія". При этомъ, особенно поражаетъ Михайловскаго замѣчаніе Аксакова: „не бѣда, если наши труды не будутъ приняты въ соображеніе и останутся внѣ всякаго практическаго примѣненія: работа будетъ, во всякомъ случаѣ, полезна для просвѣтленія нашего самосознанія". Въ результатѣ громкихъ словъ о „дивныхъ подвигахъ" и „невиданныхъ міромъ силахъ"— предложеніе „интеллигентнымъ земскимъ силамъ тратить время на начертаніе уѣздныхъ конституцій для просвѣтленія собственнаго самосознанія и на превращеніе въ школьниковъ, пишущихъ сочиненія на заданныя темы, напримѣръ, о восходѣ солнца, для упражненія въ стилѣ". А тѣмъ временемъ полное равнодушіе къ интересамъ того самаго народа, который составляетъ „историческую основу" Россіи. Долой интеллигенцію, и да здравствуетъ народъ, возглашаютъ сторонники этого взгляда. Но при этомъ получается такая любопытная комбинація, ярко рисующая безхарактерность основныхъ началъ славянофильства въ этомъ періодѣ

его развитія: изъ уваженія къ требованіямъ народа (его совѣсти и вѣрованій) театры въ посту должны быть закрыты; что же касается народнаго пониманія хозяйственныхъ отношеній, то тутъ не у народа надо справляться, а у интеллигентнаго человѣка, Самарина, который сочинилъ теорію достаточности надѣловъ. Въ цѣломъ, получается тенденція—задавить подъ предлогомъ народныхъ идеаловъ, великія международныя вещи и... и всетаки ничего не дать народу. Для славянофиловъ съ идеей патріотизма неразрывно связывается требованіе о независимости отъ Западной Европы, о національномъ рѣшеніи національныхъ задачъ. И въ то же время они же абсолютно ничего не имѣютъ противъ всевозможныхъ заимствованій и рѣшеній задачъ въ области экономической, опять таки не справляясь при этомъ съ интересами „державы"-народа. „Осмотритесь, говорятъ Михайловскій, и вы увидите, что мы еще не имѣемъ лучшаго изъ того, что создано вѣковымъ трудомъ Европы, но уже имѣемъ слишкомъ многое изъ ея печальнаго и грязнаго наслѣдія. Индѣ въ зародышѣ, а индѣ даже въ преувеличенномъ размѣрѣ, подъ сѣнію нашего недостроеннаго зданія разростается многое европейское, съ чѣмъ сама Европа, по крайней мѣрѣ, имѣетъ возможность бороться. Апплодируя торжественному шествію „банкирской" и желѣзнодорожной Европы, смѣшно запирать двери передъ Европой политической и научной".

Такимъ образомъ, два коренныхъ принципа славянофиловъ—народъ и независимость отъ подражанія Европѣ—не вязались у И. Аксакова другъ съ другомъ. Поэтому произвольно выставляя то одинъ, то другой изъ нихъ, онъ, такъ оказать, поневолѣ проявлялъ равнодушіе и безучастіе то къ одному, то къ другому изъ этихъ дорогихъ славянофильству началъ. И въ основѣ всего этого не то высокомѣрное, не то смиренное равнодушіе къ практической приложимости собственныхъ идей,—все то же равнодушіе странствующихъ рыцарей къ тому, на чьи деньги они странствуютъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ рѣзче давали себя чувствовать эти свойства у адептовъ славянофильства; чѣмъ больше становилось несоотвѣтствіе ихъ узкихъ формулъ и догматовъ съ усложняющимися задачами жизни, тѣмъ сильнѣе обострялась расплывчатая, произвольная фантастичность этихъ идей и индифферентное отношеніе къ ихъ дѣйствительному осуществленію. При этомъ выходило даже такъ, что именно въ неясности и безхарактерности, въ отсутствіи въ этихъ формулахъ чего-нибудь руководящаго и къ чему-нибудь обязывающаго, заключалась какая то особенная притягательная сила ихъ.

Въ началѣ 1890-хъ годовъ въ защиту славянофильства выступилъ г. Розановъ, при чемъ приглашалъ Михайловскаго принять „всю славянофильскую точку зрѣнія" и пророчилъ славянофильству торжество въ будущемъ, а западничеству гибель. А между

тѣмъ, внимательный разборъ разсужденій г. Розанова далъ Михайловскому право придти къ заключенію, что г. Розановъ только одна изъ жертвъ „очень распространенной въ нынѣшней литературѣ болѣзни, вслѣдствіе которой люди говорятъ съ развязностью и даже горячностью о вещахъ, имъ неизвѣстныхъ или мало извѣстныхъ. Г. Розановъ, говоритъ Михайловскій, взялъ подъ свое покровительство славянофиловъ, не освѣживъ въ своей памяти ихъ ученій". Онъ не далъ себѣ труда прослѣдить исторію славянофильскихъ воззрѣній. Иначе онъ бы обратилъ вниманіе на то, напримѣръ, что разныя утвержденія и предположенія Аксакова въ защиту коренной противоположности началъ славяно-русскихъ и романо-германскихъ, простительныя когда они были высказаны въ 1861 г., ни съ чѣмъ несообразны въ девяностыхъ годахъ. Ядро славянофильскаго ученія состояло въ обладаніи вселенскою истиною, а г. Розановъ въ этомъ отношеніи обнаруживаетъ полный индифферентизмъ. Словомъ, этотъ новѣйшій изъ защитниковъ славянофильства окончательно не умѣетъ найти въ ихъ ученіи ничего руководящаго и въ самомъ дѣлѣ привлекательнаго: его не заботитъ отношеніе этого ученія къ дѣйствительности; его даже мало интересуетъ самое содержаніе того ученія, къ которому онъ примыкаетъ, которое защищаетъ и принятіе котораго требуетъ отъ другихъ. И замѣчательная вещь, что стоя на такой непрочной почвѣ, онъ при этомъ не затрудняется опираться на „высшую Волю". По этому поводу Михайловскій, называя ссылку на „высшую Волю" кощунственной, высказываетъ слѣдующее:

„Безъ этой воли, какъ сказано, ни одинъ волосъ не упадетъ съ головы человѣка; это—безконечная общая скобка, въ которой совершается все, а потому и нельзя на нее ссылаться въ томъ или другомъ частномъ случаѣ. А если г. Розанову или кому другому вздумается изъ глубины собственнаго разума извлечь указанія путей народамъ: однимъ — страданіе, другимъ—борьбу, то вовсе не очевидно, что таково-же и указаніе высшей Воли. Не намъ съ г. Розановымъ говорить отъ лица этой Воли, ибо мы ея не знаемъ. Намъ только что въ пору въ своихъ собственныхъ мысляхъ разобраться. Г. Розановъ припишетъ высшей Волѣ одно, я—другое, третій—третье, и всѣ мы будемъ одинаково неправы. Намъ, простымъ людямъ, не получившимъ непосредственнаго откровенія, подобаетъ говорить и дѣйствовать не отъ лица высшей Воли, а отъ своего собственнаго лица, въ упованіи, что эти наши рѣчи и дѣйствія, какъ и все въ мірѣ, не могутъ происходить вопреки высшей Волѣ".

Опять таки, и тутъ, какъ видимъ, основная забота и центральная мысль Михайловскаго сводится къ тому, чтобы выдѣлить изъ данной совокупности воззрѣній одно: тѣ начала, которыя въ глазахъ самихъ сторонниковъ этихъ воззрѣній должны обладать силой чего-то дѣйствительно руководящаго и дѣйствительно къ чему-то обязывающаго. Гдѣ этого нѣтъ, тамъ и ссылка на высшую Волю не помогаетъ. Она не избавляетъ ни отъ расте-

рянности, ни отъ неумѣнія уважать предметъ собственныхъ своихъ стремленій. А что касается пріема говорить не отъ своего имени, этой манеры подсовывать свои неясныя идеи таинственнымъ высшимъ силамъ,—то это не случайная черта въ данномъ строѣ мыслей. Она постоянно обращала на себя усиленное и очень серьезное вниманіе Михайловскаго по разнымъ поводамъ, и онъ не разъ имѣлъ случай возвращаться къ ней въ примѣненіи къ представителямъ націонализма и національнаго патріотизма. Его при этомъ всегда особенно занимала задача выяснить какъ можно полнѣе, отъ чьего собственно имени говорятъ и предъявляютъ свои требованія націоналисты и „патріоты", интересы какихъ общественныхъ группъ они выдаютъ за высшія интересы всей „націи". И анализъ его не одинъ разъ блестяще обнаруживалъ, что они обыкновенно сами этого не знаютъ. Они совершенно произвольно — чаще всего, не сознавая этого—подсовываютъ подъ знамя націи интересы очень узенькихъ группъ, входящихъ въ ея составъ *). И вслѣдствіе этой путаницы, въ результатѣ очень часто, подъ красивымъ прикрытіемъ національныхъ интересовъ, сѣются сѣмена вражды между людьми, разжигаются страсти, возбуждаются самообольщеніе, нетерпимость, злоба и человѣконенавистничество,—вообще порождаются такія чувства, которыя никоимъ образомъ не соотвѣтствуютъ интересамъ страны. Въ одномъ изъ самыхъ послѣднихъ своихъ очерковъ Михайловскій удивляется „патріотизму, который состоитъ въ томъ, чтобы подъ флагомъ любви къ отечеству возбуждать вездѣ, гдѣ можно, ненависть къ этому отечеству". И это дѣлается отъ лица національныхъ интересовъ! Позволительно въ виду этого задаться вопросомъ, дѣйствительно ли націоналисты въ своемъ патріотизмѣ знаютъ, чѣмъ собственно они дорожатъ? — или, выражаясь точнѣе—знаютъ ли они, какія руководящія начала имъ дороги? и не жертвы ли они все той же „старой русской исторіи", которая не научила людей дорожить никакими высшими интересами, достаточно опредѣленными, чтобы руководить, и достаточно сильными, чтобы обязывать къ чему нибудь.

Среди требованій націоналистовъ есть только одно болѣе опредѣленное. Это—требованіе самобытности. Оно выражено Ренаномъ въ такой формулѣ, что „отечество" есть „совокупность предразсудковъ и установившихся идей, которыхъ не можетъ принять все человѣчество". Къ этой же формулѣ примыкалъ и Страховъ; а г. Розановъ, съ своей стороны, полагаетъ, что „каждый народъ долженъ строго хранить отличительную черту своей исторіи, какова бы она ни была". Михайловскій по поводу этой фор-

*) Въ этомъ смыслѣ замѣчательную поправку къ ходячимъ понятіямъ „о любви къ отечеству и народной гордости" сдѣлалъ Михайловскій въ одной изъ своихъ послѣднихъ статей, въ „Русскомъ Богатствѣ" 1903, XI, особенно стр. 101.

мулы задается вопросомъ, кто же будетъ указывать, въ чемъ состоятъ эти отличительныя черты различныхъ народовъ. „Мудрецы, что ли, какіе особенные, свои, отечественные или международный ареопагъ, или г. Розановъ персонально возьметъ на себя этотъ трудъ?“ А главное то, что печальная историческая судьба иногда награждаетъ національности такими „установившимися идеями“ и такими „отличительными чертами“, въ которыхъ нѣтъ ничего хорошаго. Кто-же, спрашиваетъ Михайловскій, посмѣетъ обречь несчастный народъ на дальнѣйшее, всестороннее, „вѣковѣчное“ развитіе наложенныхъ на него судьбою мрачныхъ стигматовъ? Представитель этого народа, если онъ дѣйствительно свой народъ любитъ и желаетъ ему блага, конечно, не послѣдуетъ этому завѣту“.

III.

Вопросъ о томъ, что нужно обществу—личное самосовершенствованіе или „учрежденія“—въ теченіе долгихъ лѣтъ являлся для русскаго общества жгучей темой обсужденія и не менѣе жгучимъ вопросомъ практической жизни. Особенно обострился этотъ вопросъ въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ, а затѣмъ въ теченіе 80-хъ, отчасти и 90-хъ годовъ онъ нашелъ себѣ яркое выраженіе въ увлеченіи моральными поученіями гр. Л. Толстого. Для Михайловскаго это была одна изъ темъ, которыя его глубоко занимали; онъ къ ней настойчиво возвращался, какъ къ вопросу первостепенной практической важности, настоятельно требующему разъясненія. Особенно много онъ имѣлъ случаевъ останавливаться на этомъ вопросѣ въ связи съ отношеніемъ къ нему Достоевскаго и гр. Л. Толстого, отдавшихъ ему такъ много вниманія. Разбираясь въ ихъ стремленіяхъ и дѣятельности въ этомъ отношеніи, Михайловскій имѣлъ случай не только выяснить данный вопросъ, но и освѣтить психологическую и реальную основу тѣхъ рѣшеній, которыя ихъ привлекали.

Исходная точка Михайловскаго при этомъ заключалась въ томъ, что дѣло личнаго совершенствованія великое дѣло. Но возлагать его на одну только личность, отрѣзывая задачи личнаго самосовершенствованія отъ поддержки соотвѣтственной общественной организаціи, значитъ возлагать на личность непосильное бремя, могущее глубоко расшатать весь ея строй. Легко возникающія при этихъ условіяхъ порыванія, отчасти мистическаго характера, къ чему-то неясному, превышающему человѣческія силы, способствуютъ тому, что личность при этомъ теряетъ нормальное мѣрило человѣческихъ интересовъ. Въ своей растерянности получаетъ она склонность смѣшивать эти интересы, въ ихъ здоровой нормальной пропорціи, съ разными смутными и темными инстинктами, произвольно вырывающимися

изъ общей совокупности цѣлаго организма. Инстинкты эти при такихъ обстоятельствахъ получаютъ способность къ ненормальному преобладанію. Благодаря этому, они отдаютъ личность сплошь и рядомъ во власть побужденій, утратившихъ нормальное направленіе и свой здоровый жизненный смыслъ: они то аскетически ожесточаютъ ее противъ собственной человѣческой природы, то разнуздываютъ въ ней самыя грубыя и мрачныя стороны этой природы. Своей фантастической безмѣрностью они подкашиваютъ естественное здоровое довѣріе личности къ своимъ побужденіямъ, окутывая ее атмосферой экзальтированной фантастики.

Яркую картину этой фантастики представляетъ буддизмъ, это крайнее проявленіе личной морали самосовершенствованія, оторванной отъ общественныхъ интересовъ и задачъ.

Ученіе это явилось въ „безглагольныхъ, недвижимыхъ, мертвыхъ странахъ“, стоящихъ въ сторонѣ отъ международной жизни, въ которыхъ всѣ общественныя отношенія настолько неподвижно застыли, что никогда не является мысль поколебать ихъ въ ту или другую сторону. При этихъ условіяхъ вся работа мысли и нравственнаго чувства цѣликомъ устремляется на самого носителя мысли, потому что это единственный пунктъ, подлежащій воздѣйствію. На этой почвѣ возникъ и развился культъ самосозерцанія, погруженія въ самого себя и самосовершенствованія, не имѣющій себѣ подобнаго по грандіозности. Самосовершенствованіе тутъ все основано на доведенномъ до крайней степени сокращеніи круга общенія съ дѣйствительностью и на удивительно пассивномъ къ ней отношеніи. Въ результатѣ такого отношенія получилось совершенно фантастическое опустошеніе того, что составляетъ содержаніе жизни. Въ одномъ буддійскомъ сочиненіи говорится, что для достиженія святости Будды надо „отрѣшиться отъ всего матеріальнаго и совершать созерцанія, стараясь уразумѣть смыслъ основныхъ свойствъ пустоты“. Соотвѣтственно этому буддійскій подвижникъ продѣлываетъ, напримѣръ, такія вещи. Удалившись въ уединенное мѣсто, онъ усаживается въ священной позѣ, то-есть, загнувъ правую ногу и положивъ ее на колѣно лѣвой, а лѣвую на колѣно правой. Затѣмъ онъ въ теченіе семи дней старается представлять себѣ живо и раздѣльно образъ Будды во всемъ его величіи и красотѣ. Потомъ онъ сосредоточиваетъ вниманіе исключительно на своемъ лбу, потомъ столь же исключительно на своемъ сердцѣ, потомъ на пупкѣ, и изо всѣхъ этихъ частей тѣла послѣдовательно выходятъ въ огромномъ числѣ Будды, одинъ за другимъ, точно въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ представлялъ себѣ Будду прежде. Подробностей этихъ фантастическихъ видѣній приводить здѣсь мы не станемъ, любознательный читатель найдетъ ихъ въ выпискахъ изъ спеціальнаго сочиненія по этому предмету, сдѣланныхъ Н. К.

Михайловскимъ. Эта же безмѣрная фантастичность въ сокращеніи жизни и человѣческой личности доведена до еще большей степени у секты іогиновъ, которую Будда встрѣтилъ въ своихъ скитаніяхъ. Это — юродивые аскеты, подвергающіе себя ни съ чѣмъ не сообразнымъ, безцѣльнымъ истязаніямъ. Одни изъ нихъ сидятъ, поджавши ноги, и вѣчно молчатъ; другіе ѣдятъ разъ въ день или черезъ день, или черезъ четыре, шесть, до четырнадцати дней; третьи спятъ въ мокрой одеждѣ или на колючей травѣ, на камняхъ, на гвоздяхъ и т. п.; четвертые, ставъ на одной ногѣ или вытянувъ одну руку вверхъ, цѣлыми годами смотрятъ на солнце; иные сидятъ среди пяти костровъ, поджариваясь со всѣхъ сторонъ; есть и такіе, которые стоятъ вверхъ ногами, зарывъ голову въ муравьиную кучу.

Отъ всѣхъ подобныхъ жестокихъ способовъ самоистязанія Будда отступилъ, все равно какъ, въ свою очередь, буддійскіе пріемы въ нетронутомъ видѣ отнюдь не усваиваются многочисленными европейскими поклонниками буддизма, къ каковымъ въ 90-хъ годахъ принадлежали многіе десятки тысячъ людей. Но въ буддизмѣ сохранился тотъ же основной мотивъ — фантастически произвольнаго отношенія къ природѣ человѣка, со склонностью безцѣльно истязать и произвольно насиловать эту природу. Мотивъ этотъ входитъ въ составъ особеннаго душевнаго состоянія, — экстаза, способнаго доходить до изступленія, дающаго чувство своеобразнаго наслажденія въ безцѣльномъ страданіи и вообще въ побужденіяхъ, проникнутыхъ характеромъ безъисходности, безцѣльности и, такъ сказать, ненужности.

Нравственное ученіе буддистовъ проповѣдуетъ самопожертвованіе и любовь—любовь и благоволеніе не только къ человѣку, но и ко всему живущему. Но Михайловскій, руководимый своей основной идеей, обращаетъ особенное вниманіе на то, что „любовь любви рознь". „Если всякая система морали,—говоритъ онъ,— имѣетъ въ виду личное совершенство и благополучіе адепта, то въ буддизмѣ эта черта выступаетъ уже съ слишкомъ грубою наглядностью, такъ что въ ней тонутъ всѣ предписанія относительно обязанностей къ ближнимъ". Любовь и благоволеніе буддійской морали ни къ чему не обязываютъ, по крайней мѣрѣ, ни къ чему цѣлесообразному, ни къ чему, что могло бы руководить и побуждать къ принятію активнаго участія въ жизни. Про Будду существуютъ разсказы, рисующіе его самопожертвованіе, которые могутъ ослѣпить. Но это, по выраженію Михайловскаго, больше всего моральные фокусы. Такъ, напримѣръ, Будда въ одномъ изъ своихъ прошлыхъ существованій былъ зайцемъ и, желая сдѣлать проѣзжему брамину подаяніе, „какого еще никогда никто не давалъ", велѣлъ зажечь костеръ и бросился въ него, чтобы покормить брамина собственнымъ жаренымъ мясомъ. Михайловскій подчеркиваетъ здѣсь то обстоятель-

ство, что Буддѣ приписывается желаніе сдѣлать нѣчто такое, чего еще никто никогда не дѣлалъ. Это моральный фокусъ. Непосредственнаго же чувства любви къ ближнему тутъ нѣтъ. А непосредственное чувство выразилось по этому случаю въ слѣдующихъ словахъ Будды: „Какъ свѣжая вода утоляетъ мучительный жаръ погрузившагося въ нее, доставляя ему прохладу и удовольствіе, такъ и пылающій огонь, въ который я погрузился (въ видѣ зайца), утолилъ, подобно прохладной водѣ, всѣ мои мученія". Эти слова рисуютъ, по словамъ Михайловскаго, не любовь къ ближнему, а своего рода сладострастіе, — сладострастіе мученичества. При такой комбинаціи чувствъ, кротость, благоволеніе, непротивленіе злу, благотворительность—не добродѣтели въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а средства достичь личной чистоты отъ соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ, основанной на безучастномъ отношеніи къ страданію и ко всему, что способно волновать человѣка; при такихъ условіяхъ, это — равнодушіе къ добру и злу. Вотъ почему Ольденбергъ говоритъ „о холодѣ, какимъ вѣетъ отъ всѣхъ созданій буддійской нравственности. Мудрецъ стоитъ на такой высотѣ, которая недосягаема никакой человѣческой дѣятельности. Онъ не возмущается обидой, какую ему готова причинить грѣшная страсть, но онъ не страдаетъ отъ этой обиды. Не заботясь о поступкахъ другихъ людей, онъ распространяетъ свое благоволеніе на всѣхъ, на злыхъ, какъ на добрыхъ". Тутъ именно больше всего усталаго равнодушія и безучастія.

Въ буддійской морали, выросшей въ атмосферѣ исключительнаго самоуглубленія и связаннаго съ этимъ чрезвычайнаго сокращенія содержанія жизни, мы, такимъ образомъ, видимъ фантастическое, произвольное отношеніе къ страданію и къ человѣческой природѣ. Въ то же время здѣсь въ грандіозныхъ размѣрахъ проявилась тенденція отнять у человѣка всякую привязанность къ чему бы то ни было въ жизни. И эта потеря всего дорогого въ жизни тѣсно переплетается съ тѣмъ, что моральныя правила буддистовъ не обязываютъ ни къ чему цѣлесообразному, ни къ чему нужному для человѣка, — и вообще ни къ чему опредѣленному: съ одной стороны, кротость и благоволеніе, съ другой — самоистязаніе; съ одной — любовь къ ближнему, а съ другой — полное равнодушіе къ нему. И что особенно замѣчательно, — у нихъ это не простыя логическія противорѣчія, а, такъ сказать, тѣсное сочетаніе противоположностей; желаніе довести свою личность до высокихъ степеней совершенства сочетается съ причиненіемъ ей жесточайшихъ лишеній и страданій, высшее мужество — съ крайней степенью пассивности, высшее торжество личности съ полнымъ устраненіемъ всего личнаго. Рѣзкое сочетаніе этихъ крайностей нашло себѣ особенное выраженіе въ очень своеобразномъ харак-

терѣ буддійскихъ изображеній различныхъ божествъ. Одни изъ нихъ изображаются съ покойными и улыбающимися лицами, въ ознаменованіе того идеальнаго спокойствія, которое достигается упражненіями въ буддійскомъ смыслѣ. Другіе, напротивъ, соединяютъ въ себѣ все, что можетъ представить безобразнаго человѣческая фантазія. Сюда входятъ изображенія сладострастія, которыхъ особенно много, и затѣмъ—изображенія лицъ, полныхъ гнѣва, окруженныхъ принадлежностями смерти, пытки, мученій. Существуетъ такое объясненіе, что все это имѣетъ свой смыслъ и даже нѣкоторое таинственное значеніе. А именно, что изображенія этого рода служатъ прямымъ выраженіемъ отвращенія отъ предметовъ матеріальнаго міра и постояннаго стремленія подавить матеріальное, грѣховное начало.

Михайловскій не находитъ возможнымъ признать это объясненіе удовлетворительнымъ и, считая его просто хитрымъ изворотомъ со стороны буддійскихъ начетчиковъ, полагаетъ, что оно оставляетъ данныя явленія вполнѣ загадочными. „Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, какимъ образомъ религія, проповѣдующая кротость, непротивленіе злу, всеобщее благоволеніе, не находитъ для изображенія отвращенія отъ матеріальнаго міра ничего болѣе подходящаго, чѣмъ искаженное злобой лицо божества и орудія пытки, мученичества, казни? Вѣдь, это вопіющая наглядная несообразность. Почему религія, столь высоко цѣнящая цѣломудріе, символами высшаго божества выбираетъ грубо циническія сцены разврата?“

Съ своей стороны, онъ находитъ объясненіе этимъ явленіямъ въ кое-какихъ фактахъ исторіи и текущей жизни. Мимоходомъ онъ отмѣчаетъ чудовищные культы древняго Египта, Ассиріи, Вавилона, Финикіи, гдѣ самыя страшныя самоистязанія сочетались съ свирѣпою жестокостью, даже до мучительскихъ человѣческихъ жертвоприношеній, и съ оргіями разврата. Указавъ затѣмъ на греческія и римскія вакханаліи, въ которыхъ встрѣчаются сочетанія тѣхъ же трехъ элементовъ, онъ останавливается, какъ на особенно интересномъ явленіи, — на средневѣковыхъ самобичеваніяхъ „флагеллантовъ“. Это были обширныя народныя движенія, которыя возникли въ Европѣ еще въ VIII вѣкѣ, а именно, когда сложилось ученіе, что грѣхи можно выкупать эквивалентомъ физическаго страданія. Въ XI вѣкѣ появляются даже точные разсчеты: такое-то количество ударовъ, сопровождаемыхъ пѣніемъ такого-то количества такихъ-то псалмовъ, равняется году искупленія. Въ XIII вѣкѣ, въ 1260 г., появилась въ Италіи первая процессія бичующихся: огромная толпа полураздѣтыхъ мужчинъ и женщинъ переходила съ мѣста на мѣсто, распѣвая священныя пѣсни и нанося себѣ кровавые удары. Въ XIV столѣтіи каждое крупное общественное несчастіе вызывало эти коллективные взрывы чувства грѣха и покаянія, и въ томъ числѣ такія не-

счастія, какъ чума, голодъ, землетрясеніе, появленіе монголовъ. Движеніе охватило огромное пространство: Венгрію, Богемію, Польшу, Швецію, Италію, Францію, Германію. Люди, въ искупленіе грѣховъ, цѣлыми толпами жестоко истязали себя ударами узловатыхъ ременныхъ плетей, въ которыя еще вплетались кусочки заостреннаго желѣза. То же повторялось въ XV, XVI и даже XVII столѣтіяхъ. При этомъ удивительнымъ образомъ въ флагеллантѣ, побѣдоносно борющемся съ своей грѣшной плотью и такъ жестоко карающемъ ее за грѣхи, въ усиленной степени давалъ себя чувствовать „человѣкъ-звѣрь“, кровожадный и сладострастный. Спеціальный историкъ аскетизма говоритъ о „формальныхъ преступленіяхъ и то утонченныхъ, то скотски грубыхъ ужасахъ разврата въ флагеллантизмѣ, исторіей развитія которыхъ можно было бы наполнить многія страницы, пожалуй, цѣлые томы мистическо-уголовной исторіи и статистики“. Этотъ же историкъ по тому же поводу указываетъ на „сладострастно жестокое наслажденіе, испытываемое человѣкомъ отъ собственнаго или чужого физическаго страданія“.

Во всѣхъ этихъ своеобразныхъ явленіяхъ самое замѣчательное и характерное заключается въ томъ, что на личность, на ея грѣховность—возлагается полная, безусловная отвѣтственность за всякія бѣдствія, въ томъ числѣ даже за чуму, голодъ, землетрясеніе или монгольское нашествіе. И это доходитъ даже до точныхъ, ариѳметическихъ разсчетовъ—за такой-то грѣхъ личности полагается такое-то искупленіе. Личность виновата во всемъ и должна отвѣчать за все рѣшительно, по совершенно опредѣленному разсчету. Разъ она по этому разсчету искупила свою вину, исполнила задачу возложенной на нее отвѣтственности, все рѣшено исчерпывающимъ образомъ и ничего больше не остается дѣлать, ни о чемъ больше заботиться не надо. А если на пути къ этому безусловному вмѣненію оказывается собственная природа, ея собственныя потребности, то передъ этимъ нечего останавливаться—надо ее сокращать, давить, казнить.

Но такая безусловная отвѣтственность личности не подъ силу ей. Личность совершенно не въ состояніи справиться съ такой отвѣтственностью за все и про все, и когда на нее возлагаютъ ее, она протестуетъ, т. е. вѣрнѣе—ея природа протестуетъ. Отрекаясь, ради безусловной отвѣтственности, отъ естественныхъ потребностей, личность натягиваетъ струну, которая „чѣмъ больше натянута, тѣмъ съ большимъ эффектомъ лопается, когда наступаетъ предѣлъ возможнаго сопротивленія. Оскорбленная природа, говоритъ Михайловскій, жестоко мститъ за себя, вызывая взрывы необузданнаго сладострастія, какъ бы въ видѣ компенсаціи за нарушенное равновѣсіе и создавая равнодушіе къ ближнему и вообще къ страданіямъ тамъ, гдѣ предъявляется требованіе всеобщаго благоволенія, безразличной кротости и непротивленія злу.

А такъ какъ эти судорожные скачки съ одного ненормальнаго пути жизни на другой, столь же ненормальный, происходятъ стихійно, т. е. помимо сознанія и воли, а иногда даже вопреки волѣ, то захваченный такимъ бурнымъ психическимъ процессомъ субъектъ при этомъ, во-первыхъ, раздражается. И, раздражаясь безпредметно, онъ теряетъ самообладаніе. А во-вторыхъ, онъ ищетъ объясненій этому темному процессу—въ чьемъ-то могущественномъ стороннемъ вліяніи, въ чьей то высшей волѣ". Утрата самообладанія даетъ при этихъ условіяхъ „источникъ мистическому чувству, въ волнахъ котораго уже все окончательно спутывается: страданіе и наслажденіе, свое страданіе и чужое, любовь и ненависть, грѣхъ и покаяніе, жажда жизни и боязнь ея, жажда уничтоженія, смерть и боязнь ея".

Особенно интересна при этомъ та присущая мистическому чувству особенность, что, утрачивая самообладаніе и впадая въ экстазъ, личность приписываетъ свои побужденія какой-то посторонней могущественной волѣ. Она это дѣлаетъ въ такое время, когда, утративъ самообладаніе, чувствуетъ, что у нея самой нѣтъ больше собственной воли и личности. При этомъ она, стало быть, совсѣмъ снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность въ своихъ побужденіяхъ и дѣйствіяхъ. И это тѣмъ болѣе любопытно, что оно является въ результатѣ стремленія возложить на личность безусловно полную безраздѣльную отвѣтственность за все.

Сходное съ этимъ положеніе получается вообще во всѣхъ тѣхъ многоразличныхъ жизненныхъ комбинаціяхъ, когда совокупность обстоятельствъ загоняетъ личность въ рамки очень узкихъ и тѣсныхъ для нея общественныхъ формъ и отношеній. Если при этомъ, подъ вліяніемъ чего бы то ни было, отъ личности требуется спасеніе отъ всѣхъ золъ обязательно помимо мѣръ общественной организаціи, тогда, въ результатѣ такого обремененія непосильной задачей, весь душевный строй личности расшатывается. Главное, расшатываются чувства самообладанія и мѣры; является склонность искать поддержки въ разныхъ безмѣрныхъ побужденіяхъ, фантастически капризныхъ и фантастически безысходныхъ. А побужденія этого рода не даютъ ничего руководящаго и обыкновенно ни къ чему не обязываютъ *).

Совершенно особенная картина получается, когда въ такое положеніе попадаетъ крупная личность съ большимъ запасомъ душевныхъ силъ, съ жаждой покорять сердца, вести за собой другихъ, поучать и повелѣвать. Обстоятельства иногда складываются

*) Замѣчательно, что совершенно то же положеніе получается и въ другихъ случаяхъ переудовлетворенія, а также неудовлетворенія потребностей. См. Соч. I, 580, 620 и д. VI, 233 и д., 666—75, 817—53, 1011—1025 IV, 742—756. Р. Б. 1902, IX, 69.

такъ, что она не въ состояніи примкнуть душой къ той или другой достаточно широкой общественной организаціи, которая бы помогала ей разрѣшать противорѣчія жизни. Случается, что при этомъ въ своихъ стремленіяхъ она не въ состояніи принять живое участіе въ какой-нибудь общей идейной работѣ. Тогда у нея легко являются экзальтированныя порыванія къ чему то безмѣрному и безконтрольному, — переходящія въ стремленіе къ тому, что превышаетъ силы человѣческія. Съ одной стороны, это порывы къ безысходнымъ чувствамъ, къ незнающей удержу тратѣ силъ невѣдомо на что. Блестящимъ воплощеніемъ стремленій этого рода былъ Лермонтовъ, какъ онъ нарисованъ Михайловскимъ въ двухъ статьяхъ, ему посвященныхъ. А съ другой стороны, это настроеніе выражается въ склонности принимать себя и свои побужденія,—притомъ самыя исключительныя, ничѣмъ не контролируемыя—за общій законъ для всего человѣчества. Эта душевная складка свойственна такимъ моралистамъ, какъ Гоголь, Достоевскій и гр. Л. Толстой. Имъ, какъ и первой категоріи, свойственна усиленная склонность къ побужденіямъ безконтрольнымъ, не дающимъ ничего опредѣленнаго, руководящаго и ни къ чему опредѣленному не обязывающимъ. Изъ нихъ Гоголя Михайловскій упоминаетъ въ этомъ смыслѣ только вскользь, а Достоевскому и гр. Л. Толстому посвятилъ съ этой стороны очень много вниманія. На нихъ мы и остановимся подробнѣе.

Nemo.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Профили.

(*Письмо изъ Англіи*).

I.

Со словами *англійскій парламентъ* ассоціируются всегда имена Пита, Фокса, Бёрка, Пиля, Брайта, Дизраэли, Гладстона въ прошломъ и Чембэрлэна, Морлея, Брайса, Бальфура, Рэдмонда, Бернса—въ настоящемъ. Эти имена извѣстны каждому, читающему газеты. Такой средній человѣкъ знаетъ, что великіе коммонеры былого времени, къ какой бы партіи они ни принадлежали, содѣйствовали пробужденію самосознанія англійскаго общества. Когда-то при Георгѣ III, если такіе публицисты, какъ издатель *North Briton* Джонъ Уилькесъ, поднимали вопросъ о ре·

формахъ, государственные дѣятели, какъ лордъ Бьютъ, важно отвѣчали имъ: „общество прежде должно заслужить довѣріе правительства“. Теперь вопросъ въ Англіи ставится иначе. Коммонеры консерваторы и радикалы одинаково сходятся въ томъ, что страна можетъ процвѣтать только тогда, когда существуетъ полная гармонія между правительствомъ и обществомъ; но и Чемберлэнъ, и Бальфуръ признаютъ, что не правительство должно выразить свое довѣріе обществу, а какъ разъ наоборотъ.

Видныхъ коммонеровъ, имена которыхъ пестрѣютъ въ телеграммахъ, въ передовыхъ статьяхъ и въ заграничныхъ корреспонденціяхъ, человѣкъ сорокъ—пятьдесятъ, не больше. Въ Англіи имъ въ стенографическихъ отчетахъ удѣляется мѣсто отъ двухъ строкъ до двухъ столбцовъ. Затѣмъ въ парламентѣ есть еще около шестисотъ коммонеровъ, имена которыхъ обыновенно никогда не упоминаются въ газетныхъ отчетахъ. Для публицистовъ эти коммонеры своего рода живой инвентарь. Желая дать представленіе о богатствѣ какой-нибудь колоніи, публицистъ сообщаетъ, что овецъ тамъ столько-то, лошадей столько-то и т. д. Нѣчто подобное продѣлываютъ и съ парламентскимъ живымъ инвентаремъ послѣ выборовъ: составляется раздѣленная на красивыя клѣточки таблица, въ которой отмѣчается, что въ обновленной палатѣ общинъ банкировъ столько-то, помѣщиковъ, адвокатовъ, литераторовъ и фабрикантовъ—столько-то и т. д. Между тѣмъ, врядъ ли таблица съ самыми красивыми и старательно вычерченными клѣточками даетъ какое-нибудь цѣльное представленіе. Начать хоть бы съ того, что многіе коммонеры-рядовые, имена которыхъ никогда не упоминаются въ газетахъ—политическіе эмбріоны, развивающіеся иногда сразу, въ одно бурное засѣданіе. Такъ сразу выдвинулся блестящій вождь уэльскихъ депутатовъ Дэвидъ Ллойдъ-Джорджъ.

Въ очень недалекомъ будущемъ предстоитъ полное обновленіе палаты общинъ. Вотъ почему, мнѣ кажется, не лишнее дать рядъ профилей коммонеровъ-рядовыхъ, только что выступающихъ на поприще общественной жизни. Кое какіе выводы я сдѣлаю потомъ, когда предъ читателями будетъ уже запасъ матеріала. О парламентѣ, о видныхъ коммонерахъ и о выборахъ, я писалъ уже *). Среди коммонеровъ-рядовыхъ есть, конечно, совершенно заурядные, бездарные, но честолюбивые люди. Когда-то, до великихъ реформъ, ихъ набиралось въ палатѣ общинъ гораздо больше, чѣмъ теперь. „Гнилыя мѣстечки“ давали легкую возможность каждому честолюбивому и богатому человѣку попасть въ парламентъ. До законовъ, сдѣлавшихъ подкупъ избирателей почти совершенно невозможнымъ дѣломъ, результатъ выборовъ зависѣлъ иногда только отъ того, у кого изъ кан-

*) См. „Очерки современной Англіи“, стр. 160—283.

дидатовъ мошна толще и кто больше тароватъ. Рядъ портретовъ коммонеровъ-ничтожностей далъ намъ Диккенсъ. Предъ нами проходятъ Вильямъ Бёффи (Bleak House), Корнелій Брукъ Дингуолъ (Sketches), Грегсбери (Nicholas Nickleby), сэръ Мэтью Пейкеръ (тамъ же), сэръ Барнетъ Скэтлсъ (Домби и сынъ), Гамильтонъ Венирингъ (Our Mutual Friend) и, наконецъ, безсмертные Горацій Фицкинъ, эсквайръ, и Самуэль Слэмки, эсквайръ, оспаривающіе другъ у друга честь представлять въ парламентѣ городъ Итэнсуилъ (Пикквики). „Корнелій Брукъ Дингуолъ, M. P. (т. е. Member of Parliament, членъ парламента) былъ очень напыщенъ, чопоренъ и торжественъ. Послѣднее достоинство увеличивалось въ значительной степени высочайшими тугими воротничками и такимъ же тугимъ галстухомъ. Корнелій Брукъ Дингуолъ необычайно гордился буквами M. P. и никогда не упускалъ случая напомнить окружающимъ о своемъ достоинствѣ. Онъ имѣлъ крайне высокое представленіе о своихъ собственныхъ достоинствахъ, что должно было служить ему большимъ утѣшеніемъ, такъ какъ никто этихъ достоинствъ не видалъ“ *). Мистеръ Грегсбери, у котораго проситъ занятій Николай Никльби,— еще большая ничтожность и бездарность, чѣмъ Корнелій Брукъ Дингуолъ. Онъ выѣзжаетъ на своихъ секретаряхъ. „Мой секретарь,—объясняетъ онъ Николаю Никльби будущія его занятія,— долженъ вполнѣ изучить европейскую политику, поскольку она отражается въ газетахъ. Онъ обязанъ пробѣгать замѣтки о всѣхъ митингахъ, всѣ передовыя статьи и отчеты различныхъ обществъ. Секретарь обязанъ сдѣлать для меня наброски, на основаніи которыхъ я могъ бы произносить рѣчи. Затѣмъ вы должны внимательно просматривать въ газетахъ всѣ случайныя замѣтки, какъ, напримѣръ, „Таинственное исчезновеніе и предполагаемое самоубійство подносчика въ кабакѣ“ или что-нибудь въ этомъ родѣ, доставляя мнѣ, такимъ образомъ, матеріалъ для запросовъ министру внутреннихъ дѣлъ. Мою рѣчь вы потомъ должны отправить въ редакцію газеты нашего избирательнаго округа, сдобривъ нѣсколькими лестными замѣчаніями о моемъ краснорѣчіи, здравомъ смыслѣ и умѣ. Не мѣшаетъ также каждый разъ посылать при этомъ коротенькую передовую статью и указывать въ ней, что я бдительно и неукоснительно отстаиваю общественные интересы и т. д. Секретарь для меня долженъ изучать различные финансовые вопросы, дабы снабжать меня цифрами и идеями для рѣчей... Во время дебатовъ вы должны сидѣть на галлереѣ для зрителей на первой скамьѣ и обращать вниманіе сосѣдей на меня. „Видите того джентельмэна съ умнымъ лицомъ,—скажете вы:— это мистеръ Грегсбери, знаменитый мистеръ Грегсбери“.—При

*) *Sketches by Boz*, Sentiment.

чемъ предоставляется вамъ право прибавлять еще похвалы, какія придутъ въ голову“ *).

Гамильтонъ Вениринг —ничтожный, разбогатѣвшій выскочка, желающій извѣстности и почета. Вотъ почему онъ добивается избранія отъ мѣстечка Pocket Breaches (*Нашъ общій другъ*). Нужно помнить, что Диккенсъ писалъ свои портреты съ оригиналовъ, жившихъ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ въ Англіи произошли поразительныя перемѣны. Среди рядовыхъ коммонеровъ, конечно, и теперь встрѣчаются Грегсбери и Дингуолы, но только какъ исключенія. Для подавляющаго большинства парламентъ, *the Mother of Parliaments*, или, по просту, *the House* — національная святыня. Попасть туда — величайшая честь для англичанина. Покойный Вильямъ Гаркортъ дважды отказывался отъ титула виконта и графа, потому что, какъ онъ говорилъ, званіе „коммонера и англійскаго джентельмэна почетнѣе жемчужной коронки лорда“. Титулъ лорда знаменуетъ благоволеніе и довѣріе *короля* **). Буквы „M. P.“ (Member of Parliament) означаютъ для англичанина, что его *сограждане* оказали ему довѣріе и послали его въ число законодателей. Для Гаркорта довѣріе общества имѣло большее значеніе, чѣмъ довѣріе короны.

Теперь познакомлю читателей съ молодымъ кандидатомъ, желающимъ на ближайшихъ выборахъ добиться такого довѣрія отъ избирателей округа Гретна Гринъ.

II.

Это было восемь лѣтъ тому назадъ, когда я только что пріѣхалъ въ Лондонъ и жилъ въ пансіонѣ, въ boarding house. Объ этихъ пансіонахъ, точнѣе, о пестрой публикѣ, проживающей тамъ, стоитъ сказать нѣсколько словъ. Въ гостиныхъ, въ drawing-rooms, съ стереотипной и унылой обстановкой, собирается по вечерамъ любопытное общество. Преобладаютъ иностранцы. Тутъ непремѣнно, прежде всего, краснощекій нѣмецъ, коммивояжеръ или банковскій клэркъ. Онъ усиленно энглизируетъ свою наружность: носитъ высочайшіе отложные воротнички, дѣлающіе его голову похожей на вилокъ красной капусты, съ кочаномъ, завернутымъ въ бѣлую бумагу, говоритъ о спортѣ, и сбрилъ даже закрученные кверху вильгельмовскіе усы. Съ остальной

---

*) *Nicholas Nickleby*, chap. XVI.

**) Такъ полагается теоретически. Практически теперь король возводитъ въ достоинство пэра только того, на кого ему укажетъ премьеръ. У лорда Солсбри вышелъ маленькій разладъ съ Эдуардомъ VII, когда послѣдній хотѣлъ сдѣлать барономъ своего друга, владѣльца колоніальныхъ фабрикъ. Премьеръ „отсовѣтовалъ“, и король подчинился. Другъ короля потомъ удовлетворился простымъ возведеніемъ въ дворянское достоинство.

публикой нѣмецъ-клэркъ въ свободное время говоритъ о военной силѣ Германіи. Если въ пансіонѣ живутъ дѣвицы, то нѣмецъ непремѣнно имъ декламируетъ, закатывая глаза, чувствительные стишки въ родѣ:

„Träum'ich? ist mein Auge trüber?
Nebelt's mir ums Angesicht?
Meine Minna geht vorüber?
Meine Minna kennt mich nicht?

Молодой человѣкъ объясняетъ ничего не понимающимъ дѣвицамъ, что это очень хорошіе стихи, но далеко не лучшіе въ нѣмецкой литературѣ. Англійскія misses поджимаютъ губы и отвѣчаютъ стереотипной фразой:

— Very nice inded!

Если пансіонъ находится въ кварталѣ, ограниченномъ Монтэгюстритъ, Оксфордстритъ и Тотенгэмъ-коортъ-роадъ, — то тамъ непремѣнно живутъ русскіе, пріѣхавшіе „къ британскому музею“, большею частью, молодые магистранты, неловкіе, неуклюжіе, знающіе англійскій языкъ теоретически. Имъ легче процитировать строфу изъ Байрона, чѣмъ попросить у нарядной горничной стаканъ воды. Это — народъ очень трудолюбивый, крайне разсѣянный, всецѣло погруженный въ *демсдейбукъ* и въ средневѣковыя хартіи объ аграрныхъ отношеніяхъ. Англійскую публику они не перестаютъ удивлять своею неуклюжестью, застѣнчивостью и ученостью. По воскресеніямъ, когда музей запертъ, русскіе, работающіе тамъ, или идутъ слушать великолѣпную музыку въ Queen's Hall, или же отправляются „изучать Уайтчепель“. Я не знаю почему, но русскіе, попадающіе въ Лондонъ, прежде всего разыскиваютъ этотъ кварталъ. Въ boarding house непремѣнно можно найти жизнерадостнаго француза, неугомоннаго болтуна и первокласснаго дѣльца. Французы умѣютъ всегда это отлично сочетать. Французъ находитъ для себя своеобразный спортъ. Онъ быстро убѣждается, что англійскія misses не понимаютъ по-французски, хотя иногда претендуютъ на знаніе языка. Французъ, подъ видомъ комплиментовъ, говоритъ перезрѣлымъ англичанкамъ невозможныя вещи, до „chèvre anglaise“ включительно. Англійская публика, встрѣчающаяся въ boarding house, въ общемъ, не интересна. Это—провинціалы средней руки, осматривающіе столицу. Въ такомъ случаѣ за обѣдомъ и въ гостиной они разсказываютъ всѣмъ, кто желаетъ и не желаетъ слушать, что простояли три часа у Rotten row въ Гайдъ-паркѣ, но за то видѣли катающуюся герцогиню Девонширскую. Провинціалы расходятся между собою въ одномъ пунктѣ. Одни изъ нихъ увѣряютъ, что на герцогинѣ были ея знаменитыя сережки съ рубинами цвѣта голубиной крови, о которыхъ писалъ *Tit-Bits*, другіе же стоятъ на томъ, что лэди Девонширская носила другія сережки съ брилліантами *Жужу*. Свѣдѣнія о нихъ

тоже почерпнуты изъ того же журнала. Въ *boarding house* живетъ непремѣнно какой-нибудь удалившійся отъ дѣлъ лавочникъ. Отъ скуки онъ становится *one book reader*. Это значитъ слѣдующее. Человѣкъ облюбовываетъ одну какую нибудь книгу, напр., „History of the war in the Peninsula", генералъ-маіора Нэпира и читаетъ только ее. Кончивъ шестой томъ, онъ опять начинаетъ съ перваго. Такой *one book reader* разскажетъ вамъ во всѣхъ подробностяхъ не только про битву при Бадахосъ или про осаду Саррагосы, но помнитъ на память, гдѣ стояли французскіе гренадеры при Баросѣ. Военная исторія и мемуары—любимый предметъ изученія подобныхъ читателей. Всѣ знанія ихъ, такъ сказать, ограничены стѣнами Тарагоны и Саррагосы. Рядомъ съ *one book reader*'омъ сидитъ, навѣрное, сѣденькій сытенькій священникъ, посвящающій свои досуги литературѣ: онъ пишетъ трактатъ, въ которомъ доказываетъ, что искуситель придумалъ велосипедъ съ цѣлью революціонизировать церковь. Прежде по воскресеніямъ молодые люди отправлялись слушать проповѣдь. Теперь, когда придуманъ сатаной *байкъ* (велосипедъ), молодые люди забыли церковь и съ утра укатываютъ со своими душеньками за городъ.

Въ boarding-house можно встрѣтить также публику, уставшую воевать съ прислугой и оставившую домъ ради „change" (для отдыха). Эти всякій разговоръ сводятъ на распущенность, дерзость, требовательность и цѣнность современныхъ горничныхъ и кухарокъ. Русскій, пріѣзжающій въ Англію обыкновенно только съ книжнымъ знаніемъ языка и не понимающій того, что говорятъ, находится первые два, три мѣсяца въ положеніи кузнеца Вакулы въ Петербургѣ. „Боже ты мой, сколько тутъ панства!—думалъ кузнецъ.—Каждый, кто ни пройдетъ по улицѣ въ шубѣ, то и засѣдатель". Прожилъ бы Вакула больше въ Петербургѣ, онъ открылъ бы, что не всѣ прохожіе такіе важные люди, какъ онъ думалъ. Въ первыя недѣли публика boarding house'а импонируетъ русскому своею внѣшней культурой, и онъ получаетъ сильно преувеличенное представленіе объ образованности ея. Затѣмъ „Вакула" убѣждается, къ великому своему удивленію, что „засѣдатели" самые сѣрые люди, большею частью, крайне ограниченные и на рѣдкость невѣжественные. Потомъ только русскій понимаетъ значеніе своего открытія. Публика, встрѣчающаяся въ boarding house'ѣ, большею частью, принадлежитъ къ „нижне-среднему классу". У насъ такіе люди развлекаются тѣмъ, что цѣлой компаніей „ѣдутъ топить поповскаго кобеля". Это, пожалуй, будетъ похуже, чѣмъ всю жизнь читать исторію испанской войны Нэпира. Иногда, впрочемъ, въ boarding house встрѣчаются очень интересные люди. Къ числу ихъ принадлежала семья Мюиръ, съ которой я познакомился восемь лѣтъ тому назадъ. Для меня въ Англіи тогда все было ново. Я пріѣхалъ съ знаніями страны, вынесенными изъ книгъ, на основаніи которыхъ у меня сложи

лось опредѣленное представленіе объ Англіи. Чѣмъ больше я знакомился съ дѣйствительностью, тѣмъ сильнѣе убѣждался, что мое представленіе—крайне устарѣло, что въ силу закона эволюціи, подъ вліяніемъ новыхъ факторовъ, нынѣшняя Англія уже не та, которую я изучалъ по книгамъ. Еще болѣе односторонними оказались мои представленія о народѣ. Помню, какое сильное впечатлѣніе произвелъ на меня ничтожный фактъ, про который мнѣ разсказали въ гостиной пансіона. Дѣло шло о „Ragging“, о грубомъ обычаѣ расправляться своимъ судомъ, держащемся въ англійскихъ офицерскихъ казармахъ и среди учащейся молодежи обоего пола. Тогда газеты говорили объ инцидентѣ въ колоніи для умалишенныхъ (Tooting Bec Asylum, если не ошибаюсь). Фельдшерицы разсердились за что-то на свою подругу, устроили „военный судъ“ и приговорили выкупать виновную въ холодной ваннѣ. Восемь дѣвушекъ (фельдшерицы всѣ принадлежатъ къ среднимъ классамъ) взялись привести приговоръ въ исполненіе. Ночью онѣ ворвались въ комнату подруги, схватили ее въ постели и понесли купать. Завязалась отчаянная драка, кончившаяся разбитыми носами и синяками. Ту, которую хотѣли бросить въ ванну, жестоко избили. Въ boarding house разсказывали про этотъ фактъ, какъ про остроумную шутку.

— У насъ въ колледжѣ въ Оксфортѣ,—сообщилъ мнѣ сѣденькій священникъ, обличавшій велосипедистовъ,—въ мое время „ragging“ (трепка) бывала постоянно. Студенты устраивали трепку товарищамъ за цѣлый рядъ проступковъ: за провинціальный акцентъ, за лакированные башмаки, за слишкомъ усиленное прилежаніе, за тощій кошелекъ (въ старыхъ англійскихъ университетахъ студенты, сыновья богатыхъ людей, смотрятъ косо на бѣдныхъ товарищей) и пр. Тогда подобные факты меня страшно поражали. Я еще могъ понять, что Бэнъ Аллэнъ или Бобъ Сойеръ (студенты въ *Пикквикахъ*) устраиваютъ „трепку“, но диккенсовскихъ дѣвушекъ Кэтъ, Дору, Арабеллу Аллэнъ или Руеь, тащущихъ въ ванну Агнесу Уикфильдъ—я никакъ не могъ себѣ представить.

III.

Семья Мюиръ состояла изъ отца, матери и молодого, болѣзненнаго сына, лѣтъ 22—23. Отецъ исчезъ было одно время, затѣмъ снова появился въ boarding house мѣсяца черезъ два. Оказалось, что для отдыха онъ „слеталъ“ за это время... на о. Тринидатъ въ Вестъ-Индію и возвратился съ первымъ обратнымъ кораблемъ.

— Семейныя традиціи соединяютъ насъ, Мюировъ, съ Южной Америкой,—полушутливо отвѣтилъ мнѣ старикъ на мое замѣчаніе по поводу трудностей „увеселительной“ прогулки.

Мнѣ не трудно было угадать, какой болѣзнью страдаетъ молодой Мюиръ. Я видѣлъ быструю, безпричинную смѣну настроеній и переходъ отъ крайняго оживленія къ полной подавленности. Къ завтраку молодой человѣкъ спускался со слѣдами крайняго утомленія, какъ кутилы послѣ безсонной ночи. Между тѣмъ, лицо молодого Мюира не утратило еще той почти дѣтской свѣжести, которую можно наблюдать только у англійскихъ юношей. Руки молодого человѣка, очевидно, привыкли къ сильнымъ упражненіямъ, между тѣмъ, онѣ дрожали иногда, какъ у старика. Иногда въ гостиной Мюиръ внезапно блѣднѣлъ и хватался за сердце. Большею частью, онъ сидѣлъ одинъ. Иногда онъ бралъ книгу, но скоро откладывалъ ее.

— Что, my boy, не читается?—услышалъ я какъ-то заботливый голосъ отца.

— Нѣтъ, daddy (папа), не знаю, что съ глазами: буквы мелькаютъ и сливаются вмѣстѣ.

Предо мною были всѣ характерные и знакомые симптомы крайняго умственнаго переутомленія и неврастеніи, „русской болѣзни", какъ называютъ ее въ Англіи, гдѣ она рѣже наблюдается, чѣмъ гдѣ бы то ни было на континентѣ. У насъ мы привыкли видѣть неврастениковъ, носящихъ еще гимназическій мундиръ. Въ обществѣ болѣзнь такъ распространена, что знакомый англичанинъ, прожившій нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, пробовалъ увѣрять меня, что даже „святая тоска", такъ часто упоминаемая въ русской литературѣ, — не что иное, какъ одинъ изъ признаковъ повальной неврастеніи. „Здоровые люди дѣло дѣлаютъ, а не анализируютъ, исповѣдуются и тоскуютъ", — сентенціозно убѣждалъ меня пріятель. Теперь предо мной былъ неврастеникъ англичанинъ. Мы быстро сошлись съ Мюирами, и я узналъ исторію молодого человѣка. Отъ поэтовъ, романистовъ и художниковъ мы знаемъ муки, доставляемыя сознаніемъ своего безсилія облечь въ кристаллическую форму идею, которая ясна воображенію. Молодой Мюиръ два года испытывалъ нѣчто подобное. Его тоже терзало сознаніе своего безсилія выразить идею, но не въ словахъ или въ краскахъ, а въ стали, въ системѣ зубчатыхъ колесъ, рычаговъ и электрическихъ проводовъ. Мюиръ задумалъ грандіозную машину. Идею ея онъ вынашивалъ съ восемнадцати лѣтъ, съ того времени, какъ поступилъ для практики на ткацкую фабрику, принадлежащую брату его отца. Черезъ три года, когда проектъ созрѣлъ вполнѣ, Мюиръ удалился въ рабочій кварталъ Лондона, поближе къ заводамъ, устроилъ тамъ мастерскую и занялся въ ней творческой работой: кристаллизаціей своей идеи.

Машина, надъ которой работалъ Мюиръ, должна была произвести цѣлый переворотъ въ ткацкомъ дѣлѣ. На фабрикахъ въ Ланкаширѣ теперь одинъ рабочій стоитъ при четырехъ станкахъ,

при чемъ ему нужны подручные, которые связывали бы обрывающіяся уточныя нити и смазывали бы машину на полномъ ходу. Новая машина должна была крайне повысить интенсивность производства. Мюиру представлялся почти живой организмъ, съ сверкающими мускулами изъ никкелированной стали, съ нервной системой изъ электрическихъ проволокъ. На фабрикѣ, гдѣ поселится это стальное живое существо, оно замѣнитъ пятьсотъ взрослыхъ рабочихъ двадцатью подростками. Два года бился Мюиръ надъ своимъ проектомъ, пытаясь выразить идею, которая такъ ясна была въ головѣ и такъ очевидна въ чертежахъ и выкладкахъ. Но была какая-то подробность, неуловимая, какъ призракъ, которая разрушала весь проектъ, когда Мюиръ пробовалъ строить модель. Изобрѣтатель догадывался, что дѣло тутъ въ тѣхъ таинственныхъ вопросахъ сложной энергіи, которые еще такъ мало разработаны до сихъ поръ. Идея такъ властно захватила Мюира, что онъ не могъ уже отложить ее года на два, чтобы заняться теоретической разработкой деталей. Молодой изобрѣтатель пережилъ тѣ жестокія муки творчества, онъ испыталъ ту полную гамму бѣшенаго восторга и тупого ледяного отчаянія, о которыхъ говорятъ поэты. Послѣ двухъ лѣтъ упорнаго, страшно напряженнаго труда, Мюиръ доработался до настоящихъ галлюцинацій. Сообразно съ тѣмъ, какъ шла работа, фантазія порождала то заманчивыя и свѣтлыя, то непріятныя и мрачныя картины. То Мюиру казалось, что все уже кончено. Въ средѣ ланкаширскихъ фабрикантовъ съ живымъ интересомъ слѣдятъ за работой изобрѣтателя. Предложенія одно заманчивѣе другого получаются со всѣхъ сторонъ. Но вотъ громадная, знаменитая Ольдгэмская фабрика: „Кросъ Свэлгровъ и К°“ даетъ совершенно исключительныя условія. Мюиръ соглашается; не потому, что деньги для него представляютъ самоцѣль, а потому, что именно на такой фабрикѣ его дѣтище проявитъ всю свою мощь. Вотъ предварительные переговоры закончены. Мюиръ видитъ во всѣхъ деталяхъ обстановку переговоровъ, лица директоровъ. Контрактъ подписанъ. Изобрѣтатель осязательно ясно представлялъ себѣ то радостное чувство облегченія, съ которымъ будетъ бродить въ тотъ день по улицамъ Лондона. Съ тѣхъ поръ, какъ идея зародилась, она давила гирей голову изобрѣтателя, оторвала отъ всѣхъ другихъ вопросовъ и интересовъ... Но вотъ опытъ не удается, и радостный подъемъ духа смѣняется тупымъ отчаяніемъ. Голова тяжела. Мысль изъ нея исчезла. Изобрѣтатель не въ состояніи больше фиксировать свое вниманіе. Идея, которая недавно казалась такой конкретной, расплывается совершенно. Мюиру тогда представлялась одна картина, которую онъ мальчикомъ наблюдалъ въ Швейцаріи съ террасы гостиницы въ Бэ. Тучка, похожая на комокъ ваты, медленно подплывала къ ярко освѣщенной заходящимъ солнцемъ вершинѣ горы. Вотъ тучка

плотно припала къ зубчатымъ скаламъ, багровымъ отъ косыхъ лучей. Казалось, она тутъ заночуетъ, такъ крѣпко и уютно прижалась она; но вотъ она тронулась дальше, стала таять и исчезла совершенно на оранжевомъ горизонтѣ. То же самое происходило теперь съ идеей, занимавшей такъ долго Мюира. Она таяла, послѣ того, какъ изобрѣтатель видѣлъ ее въ вполнѣ конкретной формѣ.

Къ концу второго года упорной работы, у Мюира начались мучительныя головныя боли; жестокая безсонница не подавалась даже усиленнымъ пріемамъ сульфонала. Въ такія ночи галлюцинаціи приходили почти постоянно. Мюиръ въ особенности съ ужасомъ вспоминалъ одну ночь послѣ того, какъ онъ, желая нѣсколько развлечься, пошелъ въ тэйтовскую картинную галлерею на берегъ Темзы. Ночью, чтобы заснуть, онъ принялъ хлоралъгидратъ, который принесъ, однако, только полузабытье. Въ полумракѣ своей комнаты Мюиръ увидалъ странную, сидящую фигуру. Грубое, толстое, неподвижное и самодовольное лицо было украшено странной короной. На жирномъ, грузномъ туловищѣ неуклюже сидѣло платье изъ дорогой златотканной парчи. Огромные мѣшки, набитые золотомъ, лежали на колѣняхъ. Одной рукой призракъ пригнулъ шею молодой, обнаженной дѣвушки, почти ребенка; зеленый хитонъ ея, символъ ея молодыхъ надеждъ, былъ сорванъ грубой, жирной рукой. Обутая въ кроваво красный сапогъ толстая, какъ колода, нога придавила лежащаго на землѣ юношу съ сильными мускулистыми руками. Эту фигуру Мюиръ видѣлъ днемъ въ тэйтовской галлереѣ на картинѣ Уотса *Мамона*. И изобрѣтателя поразила мысль, что онъ повторяетъ опытъ доктора Франкенштейна, описываемый въ старинномъ англійскомъ романѣ. Докторъ создалъ чудовище, которое гналось потомъ за нимъ. Онъ же, Мюиръ, создаетъ страшное существо, которое поступитъ на службу къ этой грубой фигурѣ въ парчевой одеждѣ. Оно подчинитъ волѣ Мамоны еще тысячи дѣвушекъ и еще больше юношей съ мускулистыми руками. Чувствуя, что не заснетъ больше, съ тяжелой головой отъ хлоралъгидрата, Мюиръ одѣлся и спустился въ свою мастерскую. Полуприкрученный рожокъ слабо освѣщалъ громадную мрачную комнату. Трепетный свѣтъ пробѣгалъ по инструментамъ, по свернутымъ кругамъ мѣдной проволоки, обмотанной зеленымъ шелкомъ, да по никкелированнымъ стальнымъ рычагамъ. Подъ вліяніемъ переутомленія и хлоралъ-гидрата, сознаніе дѣйствительности терялось. У Мюира рождались вопросы: развѣ это только проволоки, а не оборванные нервы? Развѣ это дѣйствительно приложенные рычаги, а не берцовыя и лучевыя кости? Вольное сердце билось неровно и сильно. Оно то стучало, какъ молотъ, то замирало, какъ будто желая оборваться. И безсознательный, безпричинный, не поддающійся контролю воли страхъ охватилъ

Мюира. Ему стало казаться, что дѣтище его, смутно вырисовывавшееся по срединѣ мастерской подъ полотномъ, уже не бездушная машина, которую какая-то ошибка препятствуетъ привести въ движеніе, а живое существо. Въ полуоткрытое окно подулъ предразсвѣтный вѣтеръ съ рѣки и вспузырилъ слегка полотно. Мюиру показалось, что машина ожила и расправляетъ застывшія отъ долгаго бездѣйствія мышцы. „Что, если сорвать полотно?"—сверкнуло въ головѣ изобрѣтателя. И мгновенно же представилось, что если онъ сдѣлаетъ это, то найдетъ грузную, жестокую фигуру, придавившую своею тяжелой, какъ колода, ногой юношу съ мускулистыми руками. Порывъ бѣшенства на мгновеніе затуманилъ голову Мюиру. Онъ схватилъ молотъ, чтобы сокрушить чудовище; но затѣмъ наступилъ припадокъ. На другое утро Мюира нашли на полу безъ памяти. Сейчасъ же вызвали родныхъ его. Врачъ предписалъ, прежде всего, немедленно увезти подальше изобрѣтателя отъ машинъ и чертежей. И вотъ вся семья жила временно въ *boarding house*, покуда молодой человѣкъ оправится настолько, чтобы принять энергичное англійское лѣкарство отъ переутомленія—продолжительное морское путешествіе. Одна изъ дамъ, жившая въ пансіонѣ, принадлежащая къ модной сектѣ *Christian Science*, совѣтовала полѣчить молодого человѣка молитвой.

— Да развѣ вы всѣ болѣзни можете лѣчить такимъ образомъ?—спросилъ какъ-то старикъ Мюиръ.

— Конечно. Болѣзнь только условное понятіе. Матерія только представленіе нашего духа. А духъ не можетъ болѣть,—отвѣтила дама.

— Ну, однако же, чирей, напр., вскакиваетъ не на духѣ, а на тѣлѣ. Что вы съ нимъ будете дѣлать?

— Чирей означаетъ только, что вы вѣрите въ боль. Вся болѣзнь—отъ предразсудка и отъ невѣрія. Сколько такихъ предразсудковъ у насъ! Напр., купанье новорожденныхъ!

— ?!

— Да, обмываніе дѣтей такъ же неестественно, какъ если бы мы вынимали каждый день рыбку изъ ея родной стихіи и обмазывали бы ее, съ гигіенической цѣлью, грязью.

Но дама не убѣдила Мюировъ. Ихъ сынъ готовился къ продолжительному путешествію и, повидимому, выжидалъ лишь сезонъ для плаванія. Я близко сошелся съ Мюирами. Какъ-то разъ мы сидѣли вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ. Онъ читалъ, затѣмъ поднялъ голову отъ книги и сказалъ: „какое удивительное мѣсто, посмотрите!" Я взялъ поданную мнѣ французскую книгу и прочиталъ: „Съ ранней юности я испытывалъ страстное желаніе путешествовать по отдаленнымъ странамъ, куда рѣдко заглядываютъ европейцы. Такое желаніе свойственно извѣстному періоду, когда жизнь кажется намъ безпредѣльной, когда умъ

требуетъ форсированной дѣятельности, когда намъ нужна борьба и хочется испытать опасности... Уже въ ранней молодости я мечталъ объ океанѣ и объ отдаленныхъ странахъ. Земли, про которыя я зналъ только по яркимъ описаніямъ путешественниковъ, представляли для меня чарующую прелесть. Я мечталъ разрѣшить все, что на умѣ казалось смутнымъ и неопредѣленнымъ въ этихъ далекихъ краяхъ. Все окружающее представлялось мнѣ такимъ скучнымъ и прозаичнымъ". На корешкѣ книги я прочиталъ: „Voyage dans les régions equinoxiaux du nouveau continent". То былъ французскій текстъ знаменитаго отчета Александра Гумбольдта объ его путешествіи, которое называютъ *научнымъ* открытіемъ Южной Америки.

Съ тѣхъ поръ я постоянно видѣлъ въ рукахъ Мюира эту книгу, къ которой потомъ прибавилась другая: „Manual da Conversação". Въ гостиной по утрамъ, когда тамъ не было публики, цѣлыми часами слышался шопотъ: „Eo tenho, tu tens" (я имѣю, ты имѣешь). Молодой Мюиръ учился по португальски, потому что собирался въ Бразилію. Отъ него я услышалъ ту же фразу, которую сказалъ мнѣ уже разъ его отецъ: „Семейныя традиціи соединяютъ насъ, Мюировъ, съ Южной Америкой, а именно, съ Бразиліей". Семейныя традиціи въ Англіи, какъ извѣстно, значатъ много. Въ силу ихъ въ однѣхъ семьяхъ изъ вѣка въ вѣка старшій сынъ идетъ во флотъ, а младшій—въ священники, хотя молодые люди порой проявляютъ какъ разъ противоположныя наклонности: моряка тянетъ къ стихарю, а священника — на капитанскіе мостки. Въ силу семейныхъ традицій лорды Девонширскіе — виги, а лорды Норфолькскіе—непримиримые тори. Леббоки ведутъ банкирскія операціи два вѣка. Знаменитый ученый сэръ Джонъ Леббокъ (теперь лордъ Аверберри), прежде всего, банкиръ. Наука это его развлеченіе, его „hobby". Объясненіе Мюира, что онъ ѣдетъ въ Бразилію по семейнымъ традиціямъ, меня не удивило. Мнѣ хотѣлось только знать, какого рода онѣ. И я узналъ потомъ. „Традиція" сложилась болѣе вѣка тому назадъ. Она переноситъ насъ въ то время, когда въ Англіи общество и корона были еще двумя враждующими лагерями. Общество требовало правъ; корона полагала, что, уступивъ обществу, она потеряетъ свой престижъ. Незадолго до того, какъ сложились бразильскія традиціи въ семьѣ Мюировъ, издатель газеты North Briton былъ отправленъ въ Тоуэръ при такомъ отношеніи: „Препровождается при этомъ Джонъ Уилькесъ, сочинитель и издатель крайне гнуснаго и мятежнаго листа, именуемаго „North Briton, № XLV", стремящагося побудить къ бунту противъ его величества вѣрноподданныхъ его". Еще черезъ нѣсколько лѣтъ Юніусъ въ одномъ изъ своихъ писемъ такъ обращался къ Георгу III: „Не слушайте людей, которые по слѣпотѣ своей или изъ корыстныхъ цѣлей пугаютъ васъ и вселяютъ недовѣріе къ обществу. Сововите пред-

ставителей вашего народа. Забудьте архаическія формальности и обратитесь къ выборнымъ съ смѣлой рѣчью, приличествующей мужественному человѣку и джентельмэну, любящему родину. Скажите представителямъ вашего народа, что приближенные, которымъ вы довѣряли, — до сихъ поръ фатально скрывали отъ васъ истину. Такое признаніе не только не ослабитъ, а, наоборотъ, крайне увеличитъ вашъ престижъ. Скажите народнымъ представителямъ, что вы устраните всякую причину недовольства. Обѣщайте, что вы станете довѣрять только такимъ лицамъ, которыхъ общество само облекло своимъ довѣріемъ". Какъ все измѣнилось съ тѣхъ поръ въ Англіи! Совѣтъ Юніуса давно исполненъ. Средніе англичане не могутъ себѣ даже представить того времени, когда не было взаимнаго довѣрія между обществомъ и короной. Теперь въ Тоуэръ никого не отправляютъ: прежняя когда-то государственная тюрьма превратилась въ простой открытый историческій музей. И, не смотря на почти безграничную политическую свободу, тронъ въ Англіи теперь гораздо прочнѣе, чѣмъ во времена Георга III, когда престижъ короны охранялся тюрьмой и ссылками. Къ концу XVIII вѣка реакція въ Англіи усилилась подъ вліяніемъ французской революціи. Встревоженный король захотѣлъ опереться только на бюрократію, которая добилась такого значенія, какого не имѣла ни раньше, ни позже. Въ это время Томасъ Пэнъ выступилъ со своимъ знаменитымъ памфлетомъ „The Rights of Men", въ которомъ бюрократія отождествлялась съ правительствомъ и противопоставлялась обществу. Теперь этотъ памфлетъ — только забытый историческій документъ. Въ моментъ же своего появленія онъ создалъ бурю.

Порядокъ поддерживается не правительствомъ, а обществомъ,— таково то основное положеніе, которое стремится доказать Томасъ Пэнъ. Порядокъ, наблюдаемый въ цивилизованныхъ странахъ, создается не дѣятельностью правительства. Онъ обусловливается какъ существованіемъ общества, такъ и основными свойствами человѣческаго характера. Порядокъ существовалъ до возникновенія правительства и продолжалъ бы существовать, если бы послѣднее исчезло. Общіе интересы различныхъ группъ культурнаго народа и взаимное вліяніе, которое человѣкъ имѣетъ на человѣка, — создаютъ великую цѣпь, связывающую всѣхъ вмѣстѣ. Землевладѣлецъ, фермеръ, фабрикантъ, торговецъ, ремесленникъ и пр. могутъ преуспѣвать только вслѣдствіе помощи, получаемой ими другъ отъ друга. Общіе интересы регулируютъ предпріятія этихъ людей и создаютъ соотвѣтствующіе законы. И законы, выработанные потребностью каждаго дня, имѣютъ гораздо больше вліянія, чѣмъ законы, изданные правительствомъ (т. е. бюрократіей, безъ содѣйствія общества). Короче сказать, каждое общество дѣлаетъ для себя все то, что приписывается обыкновенно правительству. Чтобы понять, каково идеальное правительство, нам-

болѣе соотвѣтствующее человѣку, нужно изучить характеръ послѣдняго. Такъ какъ природа создала человѣка для жизни въ обществѣ, то она и надѣлила его соотвѣтственно съ этимъ. Природа устроила такъ, что всѣ потребности человѣка сильнѣе его единичныхъ силъ. Никто не можетъ безъ содѣйствія общества заботиться о своихъ собственныхъ нуждахъ. И это обстоятельство также естественно соединяетъ индивидуумовъ въ общество, какъ падаетъ на землю выпущенный изъ руки камень. Природа пошла дальше. Она не только объединила людей въ общество взаимными потребностями, но надѣлила также индивидуума системой соціальныхъ инстинктовъ, которые хотя и не нужны для существованія, но важны, какъ источникъ счастья. Нѣтъ такого періода въ жизни, когда эта любовь къ обществу перестаетъ существовать.

Внимательно изучивъ человѣка,—продолжаетъ Томасъ Пэнъ,—познакомившись съ разнообразіемъ его потребностей и съ его тяготѣніемъ къ обществу, мы легко замѣтимъ, что необходимость въ бюрократіи въ значительной степени призрачна. Правительство нужно въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда общество недостаточно компетентно. Не трудно, кромѣ того, найти факты, свидѣтельствующіе, что всѣ функціи правительства исполнялись зачастую обществомъ по взаимному соглашенію.

Въ теченіе двухъ лѣтъ со времени начала американской войны, а въ отдѣльныхъ штатахъ и дольше,—въ Соединенныхъ Штатахъ совсѣмъ не было правительства. Старое правительство было уничтожено, а Америка была такъ занята организаціей защиты, что у ней не было времени заняться выборомъ новаго. Не смотря на это, во время перерыва, порядокъ и гармонія такъ же поддерживались, какъ въ любой европейской странѣ. У человѣка, а въ особенности, у общества есть естественное свойство приспособляться къ окружающимъ условіямъ. Какъ только формальное правительство перестаетъ существовать, начинаетъ дѣйствовать это естественное свойство. Взаимная помощь порождаетъ взаимную безопасность.

Утверждалось, что отмѣна правительства равносильна распаденію общества. Это совершенно невѣрно, — говоритъ Пэнъ.— Скорѣе мы наблюдаемъ совершенно обратное явленіе: въ подобномъ случаѣ общество, вмѣсто того, чтобы распасться, тѣснѣе сближается. Общество само беретъ тогда на себя тѣ функціи, которыя оно прежде поручало правительству. Когда люди привыкли съ соціальной жизни, то всякая радикальная перемѣна, которую общество дѣлаетъ,—свершается безъ всякой опасности для послѣдняго. Короче сказать, человѣкъ до такой степени является продуктомъ общества, что внѣ послѣдняго почти невозможно себѣ его представить.

Чѣмъ болѣе совершенна цивилизація, тѣмъ больше умѣетъ общество само заботиться о своихъ собственныхъ дѣлахъ. Со-

отвѣтственно съ этимъ въ такой же пропорціи уменьшаются функціи правительства. Между тѣмъ, въ практической жизни мы видимъ, что правительственные расходы, вмѣсто того, чтобы уменьшаться, увеличиваются съ ростомъ общественнаго самосознанія.

Въ Англіи уже много лѣтъ не существуетъ того противопоставленія общества правительству, которое дѣлаетъ Пэнъ. Послѣ ряда реформъ всѣ классы населенія призваны къ общественной жизни. И не только въ Англіи противопоставленія не существуетъ, но рядовой англичанинъ не въ состояніи себѣ даже представить страны, въ которой правительство и общество не есть тожество.

The Rights of Man произвели потрясающее впечатлѣніе въ Англіи. Пэнъ долженъ былъ бѣжать. Ненависть къ нему была такъ велика, что когда, черезъ десять лѣтъ послѣ смерти автора (въ 1809 г.), Кобетъ привезъ его кости изъ Америки въ Англію, правительство конфисковало прахъ писателя. Казенные обличители аттестовали Пэна не иначе, какъ „злобнымъ демономъ“ и „шотландской чумой“. Авторъ памфлета скрылся; но правительство привлекло къ отвѣтственности распространителей. Возникъ большой политическій процессъ, въ результатѣ котораго четыре человѣка: Маргаротъ, священникъ Томасъ Пальмеръ, докторъ Джеральдъ и адвокатъ Томасъ Мюиръ были присуждены къ ссылкѣ въ каторжныя работы въ Австралію на четырнадцать лѣтъ. Всѣ осужденные занимали видное общественное положеніе и имѣли много друзей. Этимъ и объясняется суровость приговора: правительство желало терроризировать общество. Осужденныхъ заковали, посадили на каторжный корабль и доставили въ Портъ Джэксонъ. Но друзья осужденныхъ не теряли времени. Черезъ годъ Томасъ Мюиръ бѣжалъ изъ Австраліи въ Ріо Жанейро, гдѣ прожилъ восемь лѣтъ. Онъ былъ прадѣдомъ молодого изобрѣтателя. И съ тѣхъ поръ въ семьѣ сложился по традиціи культъ Бразиліи.

IV.

Незадолго до отъѣзда Мюира у насъ былъ большой разговоръ о правахъ, объ обязанностяхъ и о долгѣ. Собственно, говорилъ, главнымъ образомъ, Мюиръ. Я слушалъ. Меня крайне заинтересовало не абсолютное достоинство афоризмовъ, которые я услышалъ (они не отличались ни оригинальностью, ни глубиной), а раскрывавшаяся предо мною психологія средняго англичанина.

— Культура должна развить въ человѣкѣ три достоинства,— доказывалъ мнѣ Мюиръ,—самоуваженіе, самопознаніе и контроль надъ собой. Важнѣе всего самоуваженіе, такъ какъ послѣдствіемъ его является выработка идеала и сознаніе въ насъ самихъ силы для достиженія его. Достоинство и благородство идеала нахо

дятся, конечно, въ прямой зависимости отъ степени умственнаго и душевнаго развитія индивидуума. Наиболѣе элементарная форма идеала это—стремленіе жить „прилично“. Надъ этимъ много глумились, хотя не знаю почему: желаніемъ англійскихъ массъ жить „прилично“, т. е. при сносныхъ условіяхъ, обусловливается начало общественныхъ движеній. Затѣмъ являются высшія формы самоуваженія, порождающія у благородныхъ людей стремленіе къ возвышеннымъ идеаламъ. Прогрессивное общество должно, прежде всего, пробудить элементарное самоуваженіе и доставить возможность наибольшему числу индивидуумовъ жить „прилично“, т. е. при сносныхъ условіяхъ. При моемъ прадѣдѣ, конечно, общественный порядокъ былъ таковъ, что долгъ обязывалъ каждаго честнаго человѣка, прежде всего, бороться съ произволомъ. Но все это прошло. Общественная машина у насъ работаетъ правильно. Когда-то мой прадѣдъ, какъ шкиперъ на тонущемъ корабле, взывалъ ко всѣмъ молодымъ людямъ: „All hands to the pump!“ *) Тогда нужно было спасать гражданскую свободу. Теперь дѣло терпитъ, покуда каждый устроитъ свою личную жизнь.

— Каковы же ваши личные планы, если позволите спросить, мистеръ Мюиръ?

— Прежде всего, выздоровѣть. Нужно подтянуться и укрѣпить нервы. Затѣмъ я постараюсь добиться независимаго матеріальнаго положенія въ жизни. Французскій авторъ не совсѣмъ ошибается, когда говоритъ: „Un philosophe qui a six mille livres de rente a la pierre philosophale“. Если мнѣ удастся это, у меня окажется досугъ, который я посвящу службѣ странѣ. Я попытаюсь тогда заслужить довѣріе моихъ согражданъ, чтобы, такимъ образомъ, попасть въ „house“ (т. е. въ парламентъ). Видите, мы, англичане, составляемъ смѣту на много лѣтъ впередъ!

Черезъ недѣлю послѣ этого молодой Мюиръ уѣхалъ въ Бразилію. Еще черезъ двѣ недѣли прибыло письмо съ пути изъ Фунчала. Молодой человѣкъ писалъ, что почувствовалъ себя сразу гораздо лучше, какъ только корабль вышелъ изъ Англійскаго канала въ Атлантическій океанъ. Изъ С. Винцента (острова Зеленаго мыса) получилось громадное, восторженное посланіе. Молодой человѣкъ описывалъ океанъ, жизнь на кораблѣ и первыя впечатлѣнія, произведенныя Южнымъ Крестомъ. „По мѣрѣ приближенія къ тропикамъ,—писалъ молодой изобрѣтатель,—меня все больше и больше поражаетъ по ночамъ красота южнаго неба и новыя созвѣздія. Звѣзды, къ которымъ я привыкъ съ дѣтства, мало по малу исчезаютъ за горизонтомъ. Ничто не даетъ такого представленія о томъ, что родной континентъ далекъ, какъ видъ неба, усѣяннаго незнакомыми созвѣздіями. Группировка звѣздъ первой величины, разбросанныя туманныя пятна, соперничающія

*) Т. е. всѣ на кораблѣ—къ насосамъ, откачивать воду.

по великолѣпію съ млечнымъ путемъ, и пространства, совершенно лишенныя звѣздъ,—придаютъ особый характеръ южному небу... Южный Крестъ поразилъ меня. Я гляжу на него по ночамъ и вспоминаю слова Данте:

„Io mi volsi a man'destra e posi mente
All'altro polo, e vidi quattro stelle
Non viste mai fuorch'alla prima gente".

Затѣмъ наступилъ длинный перерывъ. Слѣдующее письмо прибыло уже изъ Портъ-офъ-Спейнъ, на Тринидатѣ. Молодой человѣкъ, очевидно, чувствовалъ себя великолѣпно, судя по жизнерадостному тону письма. Я переѣхалъ изъ пансіона и вскорѣ забылъ про Мюировъ, захваченный вихремъ новыхъ впечатлѣній. Про моихъ знакомыхъ напомнила мнѣ книжка „The Great River, notes on the Amazon and its tributaries" (Великая рѣка. Замѣтки объ Амазонкѣ и притокахъ ея), которую получилъ года черезъ два изъ Саонъ-Антоніо, въ Бразиліи. Авторомъ книжки былъ Мюиръ. Въ ней говорилось съ англійской точностью и обстоятельностью про добываніе резины въ лѣсахъ Амазонки. Описывалась жизнь работниковъ (Seringueiros), затѣмъ приводились цифры. Я перелисталъ книгу и отложилъ ее съ сознаніемъ, что мой пріятель, повидимому, нашелъ „his line", свою линію, и осуществляетъ второй пунктъ своей программы. Еще черезъ годъ я встрѣтилъ въ „Contemporary Review" статью Мюира о британской торговлѣ въ бассейнѣ Амазонки. Статья, повидимому, произвела впечатлѣніе, потому что потомъ я нѣсколько разъ находилъ въ парламентскихъ отчетахъ ссылки консуловъ на работу пріятеля. Потомъ такія статьи стали встрѣчаться довольно часто. Молодой изобрѣтатель рѣшительно составлялъ себѣ имя.

V.

Прошло семь лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Мюиръ уѣхалъ. Встрѣтились мы съ нимъ снова не въ прозаической обстановкѣ лондонскаго boarding house. То было въ январѣ 1904 г.

Я плылъ на сѣверъ по Canale Grande. Какъ отдыхающій и набирающійся силъ туристъ, для котораго Венеція новинка, я не взялъ мѣста на одномъ изъ vaporetti, т. е. на пыхтящемъ, расторопномъ пароходикѣ, а предпочелъ старинный способъ передвиженія, воспѣтый поэтами.

„'Tis a long cover'd boat that's common here,...
It glides along the water looking blackly,
Just like a coffin clapt in a canoe" *),

какъ описываетъ его Байронъ въ „Беппо".

*) „Это—продолговатая лодка, очень обыкновенная здѣсь. Она скользитъ по водѣ и имѣетъ мрачный видъ, подобно гробу, втиснутому въ челнокъ"

— Palazzo Giustiniani, ora Hôtel de l'Europe! (Дворецъ Джустиніани, нынѣ—гостиница Европа), слышалъ я позади себя объясненія лодочника. Онъ называлъ дворцы, когда-то принадлежавшіе все лицамъ съ громкими историческими именами. Меня въ данный моментъ не интересовали совершенно ни эти имена, ни американскіе банкиры, австрійскіе трактирщики и француженки балетчицы, которымъ дворцы принадлежали теперь. Но лодочникъ привыкъ снабжать туристовъ такими историческими свѣдѣніями. Чтобы доставить удовольствіе моему невидимому лодочнику, я спрашивалъ его иногда, указывая на какой-нибудь облупленный дворецъ:

—Come si chiama il suo attuale possessore? (Какъ зовутъ нынѣшняго владѣльца). Иногда оказывалось, что лодочникъ назвалъ уже мнѣ имя раньше, но я не слышалъ. Чувство радостнаго, дѣтскаго блаженства наполняло грудь. Я наслаждался удивительнымъ воздухомъ, пропитаннымъ испареніями и солнечными лучами, любовался цвѣтными столбами съ облѣзлыми гербами, волнами, плескавшими объ изъѣденныя временемъ мраморныя ступени. Венеція—русалка, раскинувшаяся на песчаныхъ островкахъ и просушивающая на солнцѣ свои зеленые волосы—Giardini Pubblici. Чтобы постичь таинственную прелесть города, „выстроеннаго театральнымъ декораторомъ", романтически настроенные туристы должны проѣхаться по каналамъ ночью, часовъ въ 11—12. Тогда во мракѣ воскресаютъ старые разсказы про трехъ инквизиторовъ, совѣтъ десяти, замаскированныхъ шпіоновъ, про свинцовыя тюрьмы и про тѣла, брошенныя въ Canale Orfano,—словомъ, вся мелодраматическая mise en scène средневѣковой Венеціи.

Въ данный моментъ меня занимала будничная Венеція: пыхтящіе vaporetti, набитые рабочимъ людомъ, ползущія барки, въ которыхъ на грудахъ капустныхъ вилковъ и на кувшинахъ съ виномъ гомозились ребятишки. Вотъ едва не сцѣпились двѣ гондолы, дожидающіяся туристовъ. Воздухъ наполняется отчаянными криками и ругательствами. Можно подумать, что то два черныхъ сказочныхъ лебедя съ сверкающими стальными клювами готовы кинуться другъ на друга. Лодочники машутъ веслами и соперничаютъ одинъ предъ другимъ въ выборѣ энергичныхъ выраженій. Сперва идетъ миѳологическая перебранка: тѣломъ Бахуса и кровью Діаны. Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ страсти разгораются, ругательства принимаютъ болѣе современный и болѣе экспрессивный характеръ.

— Oca ceco (слѣпой гусь)!—кричитъ короткій, широкоплечій, корявый гондольеръ, заплатанныя панталоны котораго проявляютъ тенденцію сползти.

— Rospo (жаба)!—отвѣчаетъ другой лодочникъ, рыжій, небритый, сверкая бѣлками.

— Безногій паукъ!

— Издохшій крабъ съ обломанной клешней!
— Assassino (убійца)!.
— Tedesco (нѣмчура)!.
— Spia (шпіонъ)!.
— За „шпіона" я тебѣ вгоню весло въ поганую глотку!

Темпъ ссоры ускорялся. Теперь изъ области позитивной ругательства перешли въ міръ метафизическій.

— Оселъ и молишься ослу!—крикнулъ корявый гондольеръ, энергично подтягивая сползшія панталоны.—Твой святой дуракъ, который и чуда порядочнаго не можетъ сдѣлать.

— А твоя патронесса—шлюха,—отвѣтилъ рыжій лодочникъ. Только такой asinello (ослятина), какъ ты, можетъ разворяться ей на свѣчки.

Казалось, вотъ вотъ зеленыя волны большого канала обагряться кровью; но черные лебеди поворачиваютъ свои стальные клювы въ разныя стороны и только издали, изъ угла, доносится:

— Pidocchio di mare (морская вошь)! — Послѣднее слово осталось за корявымъ лодочникомъ.

— Stai!—крикнулъ мой лодочникъ и повернулъ съ большого канала въ Качареджіо. Старый ganziero зацѣпилъ лодку крючкомъ и притянулъ ее къ берегу. Отсюда я хотѣлъ пройти пѣшкомъ до Піацетты, т. е. почти всю Венецію съ сѣвера на югъ. Прежде всего я попалъ въ узкую улочку, обстроенную высокими, облупившимися домами. У иныхъ домовъ выпятились отъ времени нижніе этажи. У другихъ, наоборотъ, выгнулись дугой стѣны верхнихъ этажей, что сдѣлало ихъ похожими на дѣтей, страдающихъ водянкой. Съ мучительнымъ чувствомъ щемящей боли глядѣлъ я на эти мрачные дома, на *Ghetto Vecchio*, которые въ теченіе столькихъ вѣковъ были сценой безпрерывной трагедіи. Политическая гроза давно уже очистила воздухъ и смела стѣны, которыми когда-то было обнесено гетто. Въ кварталѣ живутъ теперь просто бѣдные люди христіане и евреи рядомъ; но дома остаются каменной страшной легендой прошлаго. Когда надъ Италіей пронесся ангелъ примиренія, изъ этого гетто вышли люди, которые дрались вмѣстѣ съ Гарибальди за освобожденіе общей родины. Изъ этого гетто вышелъ отецъ того бойца, бронзовая статуя котораго стоитъ неподалеку оттуда. Я говорю о гордости Венеціи, о президентѣ Венеціанской республики въ 1848 г., о Даніэлѣ Маннинѣ.

До Ріальто я быстро добрался по плану, но затѣмъ, вмѣсто того, чтобы выйти на Мерчеріа,—заплутался въ клубкѣ узенькихъ улочекъ и нѣсколько разъ попадалъ на одну и ту же площадь. Но вотъ, наконецъ, площадь Св. Марка, а затѣмъ и Піацетта съ двумя колоннами. На цоколѣ одной изъ нихъ, на которой стоитъ левъ Св. Марка, дождевыя капли въ теченіе вѣковъ выдолбили глубокіе желобки. Венеціанская легенда новаго вре-

мени объясняетъ происхожденіе ихъ слезами, выплаканными крылатымъ львомъ во время австрійской неволи.

Былъ уже вечеръ, когда я добрался до парапета *Giardino Reale* Отдыхающая толпа залила набережную. До карнавала оставалось еще дней десять, но кое гдѣ попадались уже дѣвчонки и мальчишки, наряженные клоунами, пьеро, турчанками и чертенятами. Они кувыркались, плясали и такъ заразительно хохотали, что на душѣ становилось весело, и даже на тяжелыхъ лицахъ нѣмецкихъ туристовъ расползалась добродушная улыбка. Я не былъ въ Италіи шесть лѣтъ, и меня поражала теперь перемѣна. Въ первый разъ я перевалилъ черезъ Альпы въ 1898 году, нѣсколько дней спустя послѣ большого мятежа въ Миланѣ. Въ Италіи тогда чувствовалась удушливая атмосфера жандармскаго произвола, тюремъ, шпіонскаго сыска и пр. Въ Аостѣ, въ Миланѣ — я видѣлъ всюду запертыя ставни клубовъ, редакцій прекращенныхъ газетъ да изрѣшетенныя картечью стѣны. Лица поражали застывшимъ выраженіемъ отчаянія. На улицахъ мнѣ постоянно попадались тогда военные патрули. Все это дѣйствовало такъ удручающе, что я поспѣшилъ тогда изъ Милана назадъ въ Новару и Домодоссоло и черезъ Симплонъ выбрался изъ Италіи. Теперь я нашелъ совершенно иную атмосферу. Патрули, жандармскій сыскъ, агенты, провокаторы, подавленность—все это не только исчезло, но какъ будто бы никогда не существовало. Всюду чудился радостный, бодрый темпъ новой жизни. Это читалось на всѣхъ лицахъ; про обновленіе говорили книги и брошюры въ окнахъ книжныхъ магазиновъ, объявленія о большихъ митингахъ разнаго рода. Я находилъ другой тонъ даже въ статьяхъ „Il Giornale di Venezia“.

Бодрое настроеніе, вызванное дуновеніемъ новой жизни, передавалось и наблюдателю. Становилось такъ легко на сердцѣ. Зарождалась вѣра въ непрочность застоя, въ то, что не можетъ быть народа, который вѣчно мирился бы съ удушливой атмосферой подвала...

Мимо меня, между тѣмъ, прошелъ плотный, широкоплечій господинъ съ бронзовымъ отъ загара лицомъ. Онъ взглянулъ на меня пристально и прошелъ мимо, затѣмъ опять возвратился и подошелъ ко мнѣ съ протянутой рукой. Къ великому удовольствію, хотя не безъ труда, я узналъ молодого Мюира. Онъ сильно возмужалъ за семь лѣтъ, раздался въ плечахъ; на лицѣ его легла та прочная, несокрушимая увѣренность въ своихъ силахъ, которая насъ, жителей континента, больше всего поражаетъ.

Черезъ два часа послѣ того, къ концу обѣда въ гостиницѣ, помѣщающейся въ историческомъ дворцѣ Дондолы, я уже зналъ исторію Мюира за все время, что мы не видались. Сперва онъ, дѣйствительно, набирался только силъ. Съ этой цѣлью Мюиръ поднялся вверхъ по Амазонкѣ отъ Пара до Манаосъ. Теперь

такое путешествіе не труднѣе, чѣмъ спуститься на пароходѣ отъ Нижняго до Астрахани. Роскошная тропическая растительность, фантастическія птицы, гнѣздящіяся въ ней, колоссальныя *podocremis expansa*, грѣющіяся на отмеляхъ и не боящіяся хлопанья пароходныхъ колесъ, — все это первое время только занимало Мюира, какъ отдыхающаго туриста; но скоро въ немъ пробудилось практическое чувство англичанина. Въ лѣсахъ по берегамъ рѣки и притоковъ ея въ громадномъ количествѣ растетъ „borracha", какъ называютъ тамъ резиновое дерево — *Hevea Brasiliensis*, доставляющее самый лучшій матеріалъ въ мірѣ.

Добыча резины сводится къ тому, что отдѣльные предприниматели нанимаютъ небольшія артели работниковъ—*seringueiros*, которымъ платятъ гроши. Мюиръ быстро убѣдился, что, если предложить хорошую плату и производить при томъ разсчетъ честно, т. е. деньгами, а не товарами, то можно навербовать большую партію, состоящую изъ самыхъ опытныхъ *seringueiros*, отлично знающихъ лѣса. Мелкіе португальскіе предприниматели разсчитываютъ только на одинъ сезонъ. Послѣ мошенническаго разсчета, артель распадается. Хозяину приходится переѣзжать на новое мѣсто и набирать другихъ работниковъ, которыхъ онъ не успѣлъ обмануть. Какъ практическій англичанинъ, Мюиръ зналъ, что убыточнѣе всего вести дѣло на мошенничествѣ и на обманѣ. Серьезное дѣло требуетъ, чтобы разсчетъ былъ составленъ на нѣсколько лѣтъ. Для этого приходится принимать во вниманіе интересы работниковъ. Мюиръ предложилъ *seringueiros* втрое больше, чѣмъ они получали у португальцевъ. Разсчетъ его оказался вѣрнымъ. Съ партіей отборныхъ работниковъ въ 200 человѣкъ онъ поднялся по Ріо-Мадерѣ до Саонъ-Антоніо, вблизи котораго расположился въ лѣсу лагеремъ. Черезъ годъ операція дала очень хорошіе результаты. Мюиръ взялъ теперь партію не въ 200, а въ четыреста человѣкъ. Выше Саонъ-Антоніо начинаются пороги, тянущіеся версты на двѣ. За порогами въ лѣсахъ очень много хорошихъ деревьевъ, но предприниматели туда не отправлялись, такъ какъ сплавлять внизъ по рѣкѣ лодки, нагруженныя добытымъ продуктомъ—очень опасно. Между тѣмъ, берега такъ топки, что обойти пороги очень трудно. Такъ дѣло обстояло десятки лѣтъ. Но Мюиръ былъ изобрѣтатель. Онъ построилъ простую, но очень остроумную систему блоковъ, вродѣ той, которая примѣняется въ нѣкоторыхъ оловянныхъ рудникахъ въ Бельгіи. При помощи этой системы, легкіе челноки, нагруженные резиной, переправлялись на веревкахъ черезъ пороги. Такимъ образомъ, явилась возможность эксплуатировать нетронутые почти лѣса выше пороговъ. Черезъ пять лѣтъ Мюиръ доставилъ въ Пара 15 тысячъ тоннъ резины, т. е. половину всего груза, привозимаго туда ежегодно. Дѣло стало такъ прочно и основательно, что не требовало уже постояннаго присутствія Мюира. Нѣсколько лѣтъ

онъ жилъ въ лѣсахъ, какъ простой *seringueiro*. Теперь онъ могъ возвратиться въ Европу и наѣзжать только разъ въ годъ мѣсяца на два, къ концу операцiи. Мюиръ возвращался въ Англiю, чтобы осуществить третiй пунктъ своей программы, которую намѣтилъ себѣ семь лѣтъ тому назадъ: онъ намѣревался посильно послужать родинѣ. Радикальная партiя въ Гретна-Гринъ, гдѣ Мюиры жили уже во время Кромвеля, предложила молодому человѣку выступить ея кандидатомъ на ближайшихъ общихъ выборахъ. Партiя соображалась съ тѣмъ, что радикализмъ—семейная традицiя Мюировъ. Молодой человѣкъ былъ польщенъ довѣрiемъ, оказаннымъ ему, и теперь ѣхалъ изъ Венецiи въ Гретна-Гринъ, чтобы тамъ подготовить почву. Какъ выяснилось изъ разговора, Мюиръ не только давно уже обдумалъ избирательную программу, но успѣлъ даже составить ее на пароходѣ. Она не заключала въ себѣ ничего особенно оригинальнаго и смѣлаго съ англiйской точки зрѣнiя. Мюиръ исходилъ изъ того положенiя, что массы должны сами высказать черезъ своихъ непосредственныхъ представителей въ парламентѣ, какiя реформы имъ нужны. Теперь работники не всегда могутъ посылать въ палату общинъ своихъ товарищей въ силу того, что коммонеры не получаютъ вознагражденiя. Вотъ почему первымъ пунктомъ программы Мюира было жалованье членамъ парламента. Вторымъ пунктомъ программы являлся государственный пенсiонъ въ размѣрѣ пяти шиллинговъ въ недѣлю для всѣхъ 60-тилѣтнихъ стариковъ, не опороченныхъ судомъ. Деньги эти должны идти, не какъ пособiе, а какъ признательность общества за трудовую жизнь. Полученiе пенсiона не должно, поэтому, лишать права участвовать въ выборахъ. Для осуществленiя реформъ, заключающихся въ первомъ и во второмъ пунктахъ программы, требуются новые источники государственныхъ доходовъ. Мюиръ, съ этой цѣлью, предлагалъ обложенiе земельной собственности и прогрессивный налогъ на, такъ называемое, незаработанное приращенiе ренты (The Unearned Increment). Лэндлордъ, какъ нашелъ еще Рикардо, „богатѣетъ во время сна". По мѣрѣ того, какъ общество прокладываетъ новыя дороги, устраиваетъ дренажъ, заводитъ парки и пр., земля автоматически, безъ всякой затраты со стороны владѣльца, увеличивается въ цѣнѣ. Въ Лондонѣ, напр., за двадцать лѣтъ „незаработанное приращенiе ренты" составляетъ сумму въ 7.154,844 ф. ст. По разсчетамъ Мюира, прогрессивный налогъ на „Unearned Increment" не только покроетъ расходы, сопряженные съ намѣченными имъ преобразованiями, но дастъ даже возможность снять пошлины съ чая, кофе и какао, т.-е. позволитъ осуществить реформу, которую гладстонiанцы называютъ free breakfast. Такимъ образомъ, Мюиръ выступалъ крайнимъ фритрэдеромъ. Онъ привезъ съ собою объяснительную записку, въ которой до-

казывалъ невыгодность возвращенія къ протекціонизму. Приходилось только удивляться тому, какъ внимательно слѣдилъ Мюиръ въ бразильскомъ лѣсу за фискальной борьбой въ Англіи. Въ объяснительной запискѣ были и ссылки на Адама Смита, Рикардо и Милля, и статистическія таблицы, взятыя изъ оффиціальныхъ отчетовъ канадскихъ и австралійскихъ торговыхъ палатъ. По мнѣнію Мюира, возвращеніе къ протекціонизму было бы немыслимо даже въ томъ случаѣ, если бы Британская имперія представляла экономическій микрокосмъ, т.-е. когда колоніи могли бы потреблять всѣ фабрикаты, выработанные метрополіей изъ сырья, доставленнаго колоніями же. А между тѣмъ, имперія не представляетъ такого экономически самодовлѣющаго міра. Колоніи не могутъ явиться рынкомъ для всѣхъ фабрикатовъ метрополіи. Метрополія не можетъ скупить все сырье колоній. Кромѣ того, Канада и Австралія все больше и больше сами становятся промышленными центрами. Въ недалекомъ будущемъ такимъ же центромъ явится и Индія. Такова въ общихъ чертахъ была сущность объяснительной записки Мюира. Послѣднимъ пунктомъ его избирательной программы былъ гомруль, Home Rule all round, т.-е. областные сеймы не только для Ирландіи, но для Шотландіи и Уэльса. Парламентъ долженъ превратиться въ мозгъ громаднаго имперскаго федеративнаго союза отдѣльныхъ независимыхъ демократій.

— Ну, а если палата лордовъ отвергнетъ реформу, принятую уже коммонерами? Что тогда?—спросилъ я.

— Тогда коммонеры должны упразднить лордовъ,—спокойно отвѣтилъ Мюиръ.—Общество имѣетъ право сдѣлать все, что оно найдетъ выгоднымъ для себя.

Я пожелалъ пріятелю успѣха на выборахъ, и мы разстались.

Мюиръ—только средній представитель, такъ называемаго, средняго класса, соотвѣтствующаго континентальной буржуазіи. Отличіе отъ послѣдней заключается въ слѣдующемъ. Французская буржуазія, напр., представляетъ уже немало признаковъ гнили и разложенія. Англійскіе средніе классы, покуда, поражаютъ еще наблюдателя своею удивительной энергіей и жизненной силой. Они не утратили еще той творческой мощи, которую проявили 250 лѣтъ тому назадъ, когда впервые помѣрялись на поляхъ Іорка и Марстонъ Мура съ войсками Карла I. Покуда въ Англіи средніе классы занимаютъ теперь почти всю арену. Аристократія безнадежно и окончательно обанкротилась духовно. Массы же, въ силу особыхъ условій, о которыхъ мнѣ приходилось уже писать *), до послѣдняго времени почти не принимали непосред-

*) См. „Новый Фазисъ“ въ „Очеркахъ современной Англіи“.

ственнаго и прямого участія въ политической жизни страны. Наиболѣе энергичная часть пролетаріата въ трудныя минуты находила болѣе выгоднымъ для себя идти въ сторону наименьшаго сопротивленія, т.-е. переселялась въ колоніи, гдѣ возродились новыя демократіи. Только теперь англійскій пролетаріатъ рѣшилъ имѣть въ парламентѣ свою собственную партію. Въ слѣдующемъ письмѣ я постараюсь познакомить читателей съ среднимъ кандидатомъ, выставленнымъ трудящимися массами.

Діонео.

Воспоминанія о Чернышевскомъ.

I.

Я помню, еще въ раннемъ дѣтствѣ мнѣ попался фантастическій польскій разсказъ. Герой его молодымъ человѣкомъ пробрался потаеннымъ ходомъ въ погребокъ, гдѣ хранилось чудесное старое вино, лежавшее въ землѣ, въ невѣдомомъ тайникѣ, нѣсколько столѣтій. Молодой человѣкъ выпилъ стаканъ и заснулъ. Заснулъ такъ крѣпко, что, пока онъ спалъ въ своемъ убѣжищѣ,— на землѣ бѣжали года, событія смѣнялись событіями, XVIII столѣтіе отошло въ вѣчность, Польшу раздѣлили между собою враги. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, на улицѣ русской уже Варшавы, съ вывѣсками на двухъ языкахъ и съ городовыми на каждомъ углу—появляется какая-то архаическая фигура въ старопольскомъ одѣяніи, съ „карабеллой" у пояса, съ кармазиновыми отворотами рукавовъ и съ страшной сѣдой бородой.

Дальнѣйшая часть разсказа посвящена развитію этого совершенно исключительнаго и, повидимому, невозможнаго положенія.

Такое именно невозможное и фантастическое явленіе совершилось почти на нашихъ глазахъ съ Чернышевскимъ. Правда, надъ его головой промчалось не столѣтіе, а всего двадцать лѣтъ, но эти двадцать лѣтъ стоили цѣлаго вѣка. Въ эти двадцать лѣтъ физіономія Россіи измѣнилась, пожалуй, болѣе, чѣмъ за цѣлое предшествовавшее столѣтіе. Въ остальномъ параллель тоже очень близка. Опьяненный захватывающимъ, одуряющимъ потокомъ событій, надеждъ и ожиданій только что начавшейся реформы,— онъ попадаетъ въ далекіе казематы Нерчинска, Акатуя, потомъ на Вилюй. Развѣ все, что онъ тамъ видѣлъ, въ этихъ глухихъ углахъ, отставшихъ на цѣлое столѣтіе даже отъ дореформенной Россіи—не могло показаться страннымъ сномъ, подъ далекіе отголоски оставленной жизни, гулъ которой катился надъ его

головой, какъ гулъ и выстрѣлы осажденной Варшавы надъ головой спящаго въ подземельи поляка?

Безъ сомнѣнія, когда этотъ полякъ исчезъ невѣдомо куда,—его искали, можетъ быть, даже догадывались, что онъ недалеко, можетъ быть, рылись и стучали въ нѣсколькихъ саженяхъ въ стѣны погреба. А потомъ стали забывать, и, наконецъ, тѣ, кто искалъ, перемерли одинъ за другимъ, а въ средѣ оставшихся потомковъ повторялась только легенда,—что былъ еще одинъ человѣкъ и даже хорошій былъ человѣкъ, но исчезъ безъ слѣда.

Чернышевскаго тоже искали. Его потеря была очень чувствительна для передовой части русскаго общества, и примириться съ нею было очень трудно. Но постепенно его имя стало тоже превращаться въ легенду. Теперь, изъ моихъ читателей, рѣдко кто знаетъ уже, что были въ свое время попытки освободить Чернышевскаго, что одна изъ такихъ попытокъ чуть было не увѣнчалась успѣхомъ, и что за это люди платили цѣлою жизнью каторги и одиночнаго заключенія. А между тѣмъ, все это было, и мнѣ пришлось даже встрѣтиться съ главнымъ героемъ главной попытки, именно съ Мышкинымъ, — когда его отправляли на Кару. Но уже въ то время, когда я его видѣлъ, другія событія и другія „злобы дня“ закрыли отъ общественнаго вниманія и имя Чернышевскаго, и самую попытку его освобожденія, такъ что теперь я могу передать лишь незначительныя черты этого эпизода. Мышкинъ явился въ Вилюйскъ въ формѣ жандармскаго офицера и предъявилъ предписаніе немедленно отдать ему Чернышевскаго для препровожденія, если не ошибаюсь, въ Иркутскъ. У исправника возникло подозрѣніе (говорили, будто у Мышкина эксельбантъ былъ повѣшенъ не на той сторонѣ, гдѣ надо, но, кажется, это невѣрно), тѣмъ болѣе, что пріѣзжій не доставилъ предписанія отъ якутскаго губернатора. Исправникъ отказался выдать Чернышевскаго, Мышкинъ пытался бѣжать, былъ арестованъ и потомъ всетаки бѣжалъ и судился уже впослѣдствіи по, такъ называемому, „большому процессу“. Послѣ этого Чернышевскій обратился съ положительной и категорической просьбой—не дѣлать впредь подобныхъ попытокъ, и эта просьба былъ напечатана въ 70-хъ годахъ въ заграничныхъ изданіяхъ. Въ послѣдующіе годы о Чернышевскомъ говорили все меньше и меньше. Его „Что дѣлать?“ читалось и комментировалось, но лучшія его произведенія, вся его яркая, кипучая и благородная дѣятельность постепенно забывалась, по мѣрѣ того, какъ истрепывались и становились библіографической рѣдкостью книжки „Современника“. О самомъ Чернышевскомъ доходили до насъ смутные, сбивчивые слухи. Возникнувъ еще въ 70-хъ годахъ, когда въ одномъ извѣстномъ тогда стихотвореніи говорилось:

...Угасаетъ въ далекой якутской тайгѣ
Яркій свѣточъ науки опальной,—

одинъ изъ этихъ слуховъ проводилъ Чернышевскаго въ могилу. Говорили, что умственныя способности его угасли и даже,— что онъ помѣшанный. Что онъ до конца сохранилъ силу своего могучаго мозга—это онъ, впрочемъ, доказалъ въ послѣдніе годы невѣроятно энергической работой по переводамъ. Но что у него не „все въ порядкѣ"—объ этомъ я слышалъ еще за нѣсколько недѣль до его смерти и отъ людей, которые имѣли случай видѣть его и говорить съ нимъ лично.

Самостоятельныя статьи его не имѣли уже особеннаго значенія и не были даже замѣчены.

Во всякомъ случаѣ, и онѣ вызывали покачиваніе головами необычностью въ наше время и странностью тона. Однако всѣ эти слухи совершенно невѣрны и легко объясняются двумя обстоятельствами: Чернышевскій всегда былъ немножко чудакъ, это во-первыхъ. А во-вторыхъ, всѣ, на кого онъ производилъ такое странное впечатлѣніе, не читали, вѣроятно, того разсказа, о которомъ я упомянулъ вначалѣ,—и не принимали въ соображеніе, что Чернышевскій вернулся къ намъ изъ глубины 50-хъ и начала 60-хъ годовъ. Бѣда состояла не въ томъ, что онъ „измѣнился"... Нѣтъ, дѣло, наоборотъ, въ томъ, что онъ остался прежнимъ, съ прежними пріемами мысли, съ прежней вѣрой въ одинъ только всеустроительный разумъ, съ прежнимъ „пренебреженіемъ къ авторитетамъ", тогда какъ мы пережили за это время цѣлое столѣтіе опыта, разочарованій, разбитыхъ утопій и пришли къ излишнему невѣрію въ тотъ самый разумъ, передъ которымъ преклонялись вначалѣ.

Чернышевскій явился къ намъ, какъ архаическая фигура поляка XVIII вѣка на макадамовой мостовой русской Варшавы. Насъ онъ не зналъ вовсе, а его мы успѣли забыть, и его обликъ,—прежній обликъ—казался намъ уже страннымъ.

Впрочемъ, кажется, я позволилъ себѣ уже слишкомъ длинное отступленіе отъ прямой задачи настоящаго небольшого очерка. Задача эта—сообщить тѣ (очень немногія, къ сожалѣнію) свѣдѣнія о Чернышевскомъ послѣ его ссылки, которыя мнѣ удалось собрать во время странствій въ сосѣднихъ съ нимъ мѣстахъ, частью отъ лицъ, жившихъ вмѣстѣ съ нимъ, частью же—отъ самого Чернышевскаго, котораго я видѣлъ и съ которымъ познакомился въ августѣ 1889 года, за два мѣсяца до его смерти.

II.

Говорили, что Чернышевскій писалъ въ послѣднее время свои мемуары, которые пересылалъ близкимъ людямъ въ Петербургъ. Современемъ, быть можетъ, мы узнаемъ подробности его дѣла, а также его жизни въ Сибири. Теперь же матеріаловъ по этому предмету очень мало. Рѣдкая смерть виднаго общественнаго дѣятеля проходитъ такъ мало отмѣченной въ литературѣ, какъ прошла въ свое время смерть Чернышевскаго. Нѣсколько скудныхъ некрологовъ, двѣ-три замѣтки—и все. Это-то обстоятельство и заставляетъ меня сообщить хоть то немногое, что я знаю.

Въ 1881 году судьба закинула меня въ далекую Сибирь, въ ту самую Якутскую область, гдѣ въ это время уже находился Чернышевскій. Когда я былъ въ Иркутскѣ, меня опять встрѣтили здѣсь постоянно ходившіе слухи: говорили, что Чернышевскій умеръ и что за нѣсколько лѣтъ до смерти онъ уже былъ сумасшедшимъ. Объясняли даже причину: могучій умъ, истомленный бездѣятельностью, не находилъ исхода. Чернышевскій, будто бы постоянно писалъ съ утра до ночи, но, боясь, что рукописи (какъ бывало прежде) будутъ отобраны, сжигалъ ихъ въ каминѣ. Это будто бы и стало исходной точкой помѣшательства еще до перевода въ Якутскую область.

По пріѣздѣ на мѣсто, въ слободѣ Амгѣ, въ 200-хъ верстахъ отъ Якутска,—я узналъ, что слухъ о смерти положительно невѣренъ, а слухъ о помѣшательствѣ опровергался за все время пребыванія его въ Забайкальи. Оказалось, что, частью въ слободѣ, гдѣ я жилъ, частью не въ дальнихъ разстояніяхъ отъ нея—находились товарищи Чернышевскаго по заключенію. Это были такъ называемые „Каракозовцы“ (нынѣ всѣ уже возвращены въ Россію) или ссыльные по дѣлу о воскресныхъ школахъ, дѣлу еще болѣе раннему, о которомъ теперь почти уже исчезли самыя воспоминанія, какъ о первыхъ наивныхъ еще проблескахъ начинавшагося движенія, впослѣдствіи въ 70-е и 80-е годы наводнившаго Сибирь цѣлыми отрядами политическихъ ссыльныхъ.

Отъ нихъ я узналъ, что всѣ тревожные слухи о болѣзни Чернышевскаго не имѣли ни малѣйшаго основанія. Будучи высланъ сначала въ Нерчинскъ (кажется), Чернышевскій жилъ вмѣстѣ съ партіей поляковъ. Дворъ, обнесенный деревяннымъ частоколомъ съ заостренными концами, внутри—деревянные домики казенной упрощенной донельзя архитектуры, кордегардія съ конвойными солдатами, полосатая будка у воротъ, и изъ-за частокола кругомъ вдалекѣ туманныя высокія горы Забайкалья,—такова обычная обстановка этихъ казематовъ. Поляки были по большей части люди простого званія, которые каждый день уходили на работы

въ разрѣзъ. Тогда во дворѣ, обнесенномъ частоколомъ, и въ сѣрыхъ домахъ съ рѣшетками становилось пусто и тихо, и только въ одной каморкѣ сидѣлъ надъ своими книгами Чернышевскій. Я встрѣтилъ впослѣдствіи одного изъ этихъ поляковъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, что всѣ они очень уважали и любили Чернышевскаго. Его добродушіе, постоянная серьезность и умѣніе при случаѣ говорить просто съ простыми людьми пріобрѣли ему общую симпатію, и они привыкли обращаться къ нему за разрѣшеніемъ своихъ споровъ и недоразумѣній, которые такъ часты въ этихъ тѣсныхъ норахъ, гдѣ люди отъ тоски готовы нерѣдко съѣсть другъ-друга, какъ мыши, попавшія въ стеклянную банку, откуда нѣтъ выхода. И Чернышевскій всегда съ необычайнымъ терпѣніемъ входилъ во всѣ мелочи подобныхъ разбирательствъ. До него, говорилъ мнѣ этотъ полякъ, дѣло доходило до того, что однажды, по общему приговору, поляки высѣкли одного изъ своихъ товарищей. При немъ не повторялось ничего подобнаго.

Къ этому времени относится одинъ разсказъ, слышанный мною тоже отъ очевидца. „Вообще, говорилъ мнѣ одинъ интеллигентный полякъ, тоже жившій вмѣстѣ съ Чернышевскимъ, мы никогда не видѣли его унывающимъ или печальнымъ. О причинахъ своей ссылки онъ говорить не любилъ. „Богъ ихъ знаетъ, можетъ быть, они и знаютъ, за что сослали, а я не знаю",—и затѣмъ отдѣлывался какимъ-нибудь анекдотомъ или шуткой. Только одинъ разъ мы видѣли, какъ онъ заплакалъ. Мы сидѣли съ нимъ на дворѣ, когда принесли письма и журналы. Чернышевскій надѣлъ очки, развернулъ книгу, перелистовалъ ее, потомъ книга выскользнула у него изъ рукъ, онъ всталъ и быстро ушелъ къ себѣ. Мы замѣтили у него на глазахъ слезы". Въ журналѣ были напечатаны извѣстные стихи Некрасова Муравьеву (тѣ самые, по поводу которыхъ прислано Некрасову стихотвореніе: „Не можетъ быть"). Когда я передавалъ этотъ эпизодъ современникамъ и знакомымъ Некрасова и Чернышевскаго,—они выражали нѣкоторыя сомнѣнія въ точности самого разсказа или моей передачи. Помнится, что дѣйствительно стихи Некрасова Муравьеву были прочитаны на торжественномъ обѣдѣ, но напечатаны не были, и на вопросъ поэта—Муравьевъ будто-бы самъ отвѣтилъ: „Мой совѣтъ не печатать". Я привожу этотъ разсказъ потому, во-первыхъ, что всетаки далеко не увѣренъ, что, хотя бы и по какому нибудь другому случаю, не было подобнаго эпизода; а во-вторыхъ, онъ до извѣстной степени рисуетъ настроеніе, которое приходилось переживать Чернышевскому въ далекомъ Забайкальи, когда до него доходили вѣсти о жестокостяхъ съ одной, и отступничествахъ съ другой стороны въ эти первые годы, послѣдовавшіе за его ссылкой...

Не знаю—въ Нерчинскѣ, или уже по переводѣ въ Акатуй въ тюрьму, гдѣ содержался Чернышевскій, стали присылать русскихъ

политическихъ ссыльныхъ. Такимъ образомъ, составилось цѣлое общество, въ которомъ были также интеллигентные поляки и даже два гарибальдійца, участвовавшіе въ польскомъ возстаніи, вскорѣ, впрочемъ, помилованные и высланные на родину.

Вся эта компанія жила однимъ кружкомъ, и только Чернышевскій по прежнему держался нѣсколько въ сторонѣ. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы онъ удалялся сознательно отъ товарищей по заключенію, — нѣтъ, онъ былъ знакомъ со всѣми, а съ нѣкоторыми даже довольно друженъ; но всетаки онъ стоялъ по возрасту и по интересамъ внѣ кружка, не участвуя въ его интимностяхъ, маленькихъ партіяхъ, ссорахъ и примиреніяхъ.

Порой въ общей камерѣ устраивались чтенія или рефераты. Въ кружкѣ были свои поэты, политико-экономы, критики и публицисты. Чернышевскій тоже слушалъ эти чтенія, а иногда и участвовалъ въ нихъ очень оригинальнымъ образомъ. Онъ приходилъ съ толстой тетрадью, садился, раскрывалъ ее и читалъ свои повѣсти, длинныя аллегоріи и т. д. Чтеніе это продолжалось иногда два-три вечера. Одинъ изъ слушателей (г. Шагановъ) записалъ впослѣдствіи содержаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ произведеній.

Я не стану повторять ихъ здѣсь, тѣмъ болѣе, что большая часть деталей, полученныхъ уже мною изъ вторыхъ рукъ, исчезли изъ моей памяти. Скажу только, что одинъ изъ записанныхъ г-мъ Ш—мъ разсказовъ представляетъ цѣлую повѣсть, съ очень сложнымъ дѣйствіемъ, съ массой приключеній, отступленій научнаго свойства, психологическимъ и даже физіологическимъ анализомъ. Читалъ Чернышевскій неторопливо, но спокойно и плавно. Каково же было удивленіе слушателей, когда одинъ изъ нихъ, заглянувъ черезъ плечо лектора, увидѣлъ, что онъ самымъ серьезнымъ образомъ смотритъ въ чистую тетрадь и перевертываетъ не записанныя страницы.

Впослѣдствіи и мой братъ, хорошо знавшій покойнаго, а отчасти и я самъ, имѣли случай убѣдиться въ этой удивительной способности къ импровизаціи, которая чрезвычайно походила на чтеніе хорошо написаннаго и въ совершенствѣ отдѣланнаго литературнаго разсказа. Здѣсь выступаетъ также и другая черта покойнаго, которую я узналъ въ немъ при личномъ знакомствѣ: это какое-то особое добродушное лукавство, съ которымъ онъ порой любилъ мистифицировать собесѣдника. Разговаривая съ нимъ, никогда не мѣшало держать ухо востро, чтобы не принять въ серьезъ какую-либо шутку. Кромѣ того, онъ часто, развивая какую-нибудь сложную мысль,—отмѣчалъ ходъ своей аргументаціи, такъ сказать, отдѣльными вѣхами, снимая всѣ логическіе мостики, облегчающіе слушателю возможность легко и безъ труда слѣдовать за нимъ, и вамъ приходилось дѣлать самые неожиданные скачки, чтобы не отстать и не потерять изъ виду общей связи. Но за то, если вы понимали его шутку и не теряли нити,

въ его добродушно-лукавыхъ глазахъ вспыхивало выраженіе удовольствія, почти наслажденія.

Такимъ я увидѣлъ его въ 1889 году, незадолго до кончины, такимъ же рисуетъ его и приведенный только что разсказъ. Съ этой оговоркой я могу, пожалуй, привести и содержаніе самой повѣсти, прося помнить, что мы не имѣемъ данныхъ для сужденія, насколько мысли, въ ней высказанныя, слѣдуетъ принимать серьезно или считать простой шуткой, упражненіемъ могучаго и нѣсколько юмористически въ то время направленнаго ума среди казематной скуки и казематнаго бездѣлья. Замѣчу, что заглавіе повѣсти было, по словамъ г. Шаганова: „Не для всѣхъ".

Дѣйствующія лица: русская дѣвушка и два ея поклонника. Оба умны, оба хороши собой, оба влюблены въ нее. У обоихъ есть, конечно, свои особенности ума и характера, есть и недостатки; но все это природа распредѣлила между ними такъ, что черты одного дополняютъ черты другого. Дѣвушка и любитъ ихъ обоихъ. Когда порой она рѣшается отдать предпочтеніе одному изъ искателей, то чувствуетъ также, что другой образъ ей приходится съ болью отрывать отъ сердца, что тѣ свойства души, которыя приходится отвергнуть, тоже привлекаютъ ее и ей трудно отъ нихъ отказаться. Тогда два друга-соперника рѣшаются кинуть жребій, и одинъ уступаетъ съ пути, исчезая куда-то безъ вѣсти и навсегда.

Молодая женщина сильно чувствуетъ всетаки потерю; любовь мужа не можетъ дать ей полнаго успокоенія. Она чахнетъ и доктора совѣтуютъ путешествіе. На Великомъ океанѣ ихъ застаетъ штормъ. Корабль носится по волнамъ, безъ руля, съ изорванными парусами, приблизительно такъ, какъ это происходитъ во многихъ романахъ съ „захватывающей" фабулой, которые съ большимъ юморомъ пародируются въ этой части разсказа. Конецъ бури застаетъ молодого человѣка и его жену погибающими въ волнахъ вблизи невѣдомаго острова. Въ послѣднія мгновенія, когда истощены всѣ силы,—кто-то кидается къ нимъ съ острова на помощь, и они спасены.

Но тутъ оказывается, что спасенные отъ ярости стихій,—они становятся „игралищемъ" насмѣшливой судьбы. Ихъ спаситель—никто иной, какъ все тотъ же, навсегда исчезнувшій другъ и соперникъ, и вопросъ возникаетъ вновь въ формѣ тѣмъ болѣе трагической, что островъ совершенно необитаемъ, и они на немъ единственные жители, окруженные со всѣхъ сторонъ насмѣшливо ревущимъ океаномъ. Разыгрывается цѣлый романъ со сценами мученій ревности и безысходнаго отчаянія. Наконецъ, когда положеніе обостряется до послѣдней степени, кому-то (кажется, именно молодой женщинѣ) приходитъ въ голову исходъ изъ невыразимо запутаннаго положенія и притомъ исходъ, который если и грѣшитъ чѣмъ-нибудь, то именно излишней простотой. Зачѣмъ

всѣ эти мученія, ведущія къ ненависти, къ возможности убійства, къ очевидной гибели всѣхъ троихъ, когда все дѣло въ томъ, чтобы жить всѣмъ троимъ, то есть... втроемъ. Дѣло такъ ясно... Пробуютъ,—и послѣ легкой побѣды надъ нѣкоторыми укоренившимися чувствами—все устраивается прекрасно. Наступаетъ миръ, согласіе, и вмѣсто ада на необитаемомъ островѣ воцаряется рай.

Далѣе—опять, какъ въ романахъ съ приключеніями,—тоска по родинѣ, печальные взгляды на необозримую даль океана, парусъ на горизонтѣ, смѣна надежды, отчаянія, опять надежды... Они на кораблѣ, они въ Европѣ.

И именно въ Англіи. Они считаютъ ее страной свободы, а скрываться они не желаютъ, такъ какъ не признаютъ въ своемъ необычномъ союзѣ ничего противообщественнаго. Оказывается, однако, что именно въ Англіи, этой странѣ традицій и семейнаго романа, гдѣ развратъ терпится при условіи пуританскаго соблюденія внѣшности и рутины, но величайшая добродѣтель не спасаетъ отъ наказанія за нарушеніе этой внѣшности, — ихъ союзъ производитъ соблазнъ, начинаются сосѣдскія сплетни, общественное мнѣніе вынуждаетъ власти къ вмѣшательству, и три наши героя оказываются на скамьѣ подсудимыхъ. Судъ, публика, рѣчи прокуроровъ, защиты, судей и подсудимыхъ — все это описывалось чрезвычайно подробно. Въ послѣднемъ словѣ одинъ изъ подсудимыхъ (кажется, именно, женщина) произноситъ блестящую рѣчь, гдѣ отстаиваетъ право каждаго устраивать свою жизнь по указаніямъ своей совѣсти. Она разсказываетъ о своихъ попыткахъ устроить ее на основаніи общественнаго кодекса, о томъ, къ какимъ результатамъ чуть не привели онѣ всѣхъ троихъ; какъ ихъ выходъ спасъ отъ ненависти и убійства. Присяжные ихъ оправдываютъ, и они уѣзжаютъ въ Америку, гдѣ, среди броженія новыхъ формъ жизни, и ихъ союзъ находитъ терпимость и законное мѣсто.

Повторяю,—я не могу сказать, была ли это простая шутка, или тутъ отразилась обычная черта временъ „бури и натиска“, когда подвергаются пересмотру всѣ „общепринятыя положенія“... Во всякомъ случаѣ, нѣкоторый элементъ шутки и лукаваго юмора присутствовалъ въ этомъ эпизодѣ несомнѣнно.

Кромѣ этой повѣсти, въ запискахъ, о которыхъ я говорю, приводилось еще содержаніе шуточно-аллегорической комедіи, написанной Чернышевскимъ и даже разыгранной въ казематѣ. Содержаніе этой шутки, юморъ, который весь испарился уже въ первой передачѣ, я, понятно, пересказывать не берусь.

III.

Большая часть этихъ товарищей Чернышевскаго были разосланы на поселеніе ранѣе его. Онъ проводилъ ихъ добрыми пожеланіями и напутствіями, а затѣмъ и самъ былъ переведенъ на сѣверъ, въ Якутскую область, на Вилюй.

Въ городъ Вилюйскъ, расположенный въ нѣсколькихъ сотняхъ верстъ на западъ отъ Якутска, на рѣкѣ того же имени,—не высылали русскихъ политическихъ ссыльныхъ. Въ шестидесятыхъ годахъ тамъ была выстроена особая тюрьма, приспособленная для помѣщенія одного арестанта. Сначала въ ней помѣстили д-ра Дворжачека, потомъ поляка Іосафата Огрызко, знаменитаго въ свое время тѣмъ, что, занимая въ Петербургѣ очень важный постъ въ министерствѣ финансовъ, онъ держалъ въ своихъ рукахъ вмѣстѣ съ тѣмъ многія нити „польской интриги". Въ передовицахъ „Московскихъ Вѣдомостей" много разъ имя Огрызко употреблялось, какъ нарицательное, для воплощенія „польскаго коварства". Когда по манифестамъ, слѣдовавшимъ поочередно одни за другими, очередь помилованія дошла до Огрызко, который получилъ право свободныхъ переѣздовъ по Сибири и занялъ видное мѣсто по пріисковому дѣлу,—его тюрьма осталась пустой и туда перевели Чернышевскаго.

Объ этомъ періодѣ его сибирской жизни извѣстно еще менѣе. „Теперь встревоженная мысль летитъ къ нему туда, на Вилюй, въ холодную могилу, гдѣ онъ томится одинъ, въ мрачномъ одиночномъ заключеніи",—приблизительно такъ кончались записки г. Шаганова. Тѣ самые люди, которые опровергли привезенные мной изъ Россіи слухи насчетъ помѣшательства Чернышевскаго въ Забайкальи,—повторяли эти тревожныя опасенія, перенося ихъ на Вилюй. Жизнь его тамъ, дѣйствительно, окружена была тайной, которая такъ рѣдко возможна въ Россіи.

Однажды къ намъ въ слободу пріѣхалъ новый писарь. Скромный, отягченный многочисленнымъ семействомъ и потому вынужденный иногда на нѣкоторыя сдѣлки съ совѣстью, онъ всетаки производилъ впечатлѣніе человѣка, далеко не погрязшаго въ тинѣ глухихъ сибирскихъ угловъ. Онъ явился къ намъ, познакомился и попросилъ книжекъ, предлагая, въ свою очередь, пользоваться своими.

Въ числѣ послѣднихъ мнѣ попалась одна съ надписью: „Такому-то отъ Чернышевскаго". Теперь я не помню уже, какая это была книга. Оказалось, что писарь служилъ ранѣе въ Вилюйскѣ и былъ хорошо знакомъ съ Чернышевскимъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что тюрьма Чернышевскаго можетъ быть названа тюрьмой только на половину. Съ нимъ вмѣстѣ жили три (кажется)

жандарма; но у него была своя отдѣльная комната, и онъ могъ выходить изъ нея, когда угодно. Онъ былъ знакомъ въ городѣ съ исправникомъ, кое съ кѣмъ изъ чиновниковъ и купцовъ. Но выходилъ въ гости всетаки рѣдко и не засиживался долго. Его стѣсняло то обстоятельство, что жандармъ долженъ былъ издали слѣдить за нимъ и дожидаться, пока онъ выйдетъ, что, при рѣдкой деликатности Чернышевскаго, совершенно отравляло для него всякое удовольствіе этихъ посѣщеній. „Что его, бѣднаго, заставлять дожидаться... Нѣтъ, ужъ лучше прощайте",—говорилъ онъ и уходилъ въ свою комнату-тюрьму.

Разъ въ мѣсяцъ небольшой городокъ, похожій скорѣе на среднюю нашу деревню, оглашался звономъ почтоваго колокольчика; приходила почта, привозившая Чернышевскому письма, газеты и книги. Онъ тотчасъ же разносилъ книги по городу, приноровляясь ко вкусамъ читателей. Когда его спрашивали, отчего онъ такъ мало оставляетъ себѣ, онъ лукаво улыбался и говорилъ:

— А вы не поняли: разсчетъ! Вѣдь я обжора: накинусь, сразу все и поглощу. А такъ, по партіямъ мнѣ и хватитъ на цѣлый мѣсяцъ.

Онъ очень любилъ, когда у него просили книгъ, и охотно занимался со своими тюремщиками. Мнѣ пришлось встрѣтиться на Ленѣ съ молодымъ жандармомъ, который пріятно поразилъ меня нѣкоторыми оборотами рѣчи и начитанностью. Оказалось, что онъ въ теченіе года былъ приставленъ къ Чернышевскому и говорилъ мнѣ, что охотно принялъ бы еще на годъ эту командировку, не смотря на скуку почти тюремной жизни.

Эти свѣдѣнія вновь разсѣяли мои опасенія. Было очевидно, что этотъ человѣкъ удивительно владѣетъ собой, держитъ себя въ рукахъ и не даетъ тяжелому и безжизненному отупѣнію далекаго захолустья побѣдить свой могучій умъ и здравый смыслъ, который всегда отличалъ его и прежде, служа главнымъ орудіемъ его въ борьбѣ „съ псевдоучеными авторитетами". Но сколько силы растрачено въ этомъ пустомъ пространствѣ, въ безплодной борьбѣ съ мертвымъ болотомъ! Я видѣлъ людей, которые прожили въ сибирской глуши гораздо меньше Чернышевскаго и не въ такихъ условіяхъ, и на нихъ подчасъ не оставалось человѣческаго облика. Однажды, на Оби, къ пароходу, который везъ новую партію ссыльныхъ и присталъ къ обрыву берега, чтобы набрать дровъ,—вышли изъ ближайшихъ остяцкихъ чумовъ нѣсколько остяковъ и остячекъ, съ дѣтьми. Одинъ изъ этихъ дикарей, одѣтый, какъ и другіе, въ звѣриныя шкуры, съ лицомъ, покрытымъ цѣлымъ слоемъ жиру и дыма, увидѣвъ на баржѣ „политическихъ",—заговорилъ съ ними по русски. Оказалось, что это тоже политическій ссыльный, поселенный среди остяковъ. Одна изъ остячекъ, безсмысленно глядѣвшая на чуждыхъ людей,—была его жена, а маленькіе дикари, прижимавшіеся къ

ней—его дѣти. Со слезами на глазахъ, онъ прощался съ незнакомыми товарищами, когда баржа тихо отчаливала отъ кручи, чтобы спуститься далѣе по широкой и пустынной Оби, и въ его рѣчи слышалось, что онъ уже разучивается говорить по-русски. Да, нужно было обладать могучимъ умомъ Чернышевскаго, чтобы не поддаться одиночеству долгой сибирской ссылки, безъ товарищей и друзей. Онъ не поддался, и насколько среда была къ этому способна,—подымалъ ее до себя. Но и ссылка взяла у него все, что могла. Отнявъ непосредственное общеніе съ живыми фактами интеллектуальной жизни, она лишила сильный умъ его естественной пищи, необходимой для того, чтобы идти на ряду съ этой жизнью. Могучимъ усиліемъ онъ удержался на высотѣ прежнихъ способностей, но только удержался и именно на той ступени, на какой его застигла ссылка. Онъ вернулся къ намъ тѣмъ, чѣмъ былъ въ 60-хъ годахъ, а время,—къ худу ли, къ добру ли,—ушло далеко отъ этого мѣста. Правда, столкновеніе опьяняющихъ надеждъ и каземата, борьбы за передовыя реформы и допотопныхъ порядковъ Сибири,—это столкновеніе не могло не отразиться на немъ. И оно отразилось оттѣнкомъ скептическаго юмора и нѣкоторымъ недовѣріемъ къ прежнимъ „путямъ прогресса". Но и только. Въ остальномъ,—повторяю, онъ не измѣнился.

Въ 1883 году весной опять пронесся у насъ, въ Якутской области, слухъ о смерти Чернышевскаго, но тотчасъ же этотъ слухъ замѣнился радостнымъ извѣстіемъ: Чернышевскаго возвращаютъ, Чернышевскій въ Якутскѣ.

Дѣйствительно, Чернышевскаго привезли съ Вилюя, провезли съ жандармами прямо къ губернатору, который его угостилъ завтракомъ, и тотчасъ-же, не давъ переночевать и отдохнуть,—повезли въ Россію, тщательно скрывая имя и не прописывая фамиліи на станціяхъ. Чернышевскій, сначала принявшій завтракъ у губернатора, какъ любезное гостепріимство, вскорѣ убѣдился въ истинномъ значеніи этой губернаторской любезности, когда ему не позволили оставаться въ городѣ для отдыха и покупокъ. Провожатые заѣхали только на нѣсколько минутъ и то, кажется, украдкой, къ одному знакомому обывателю, который впослѣдствіи, покачивая головой, говорилъ мнѣ:

— Отличный, образованный господинъ, а, кажется, того... не совсѣмъ въ порядкѣ.

— А что?

— Да какъ же, помилуйте. Ну, хотѣлъ сначала остановиться у меня отдохнуть. Жандармы говорятъ: „нельзя, строго наказалъ губернаторъ, чтобы отнюдь не останавливаться". Вотъ стали садиться въ повозку, онъ и говоритъ жандарму: „надо бы хоть къ губернатору-то вернуться. Рубль, что ли, ему за завтракъ отдать".

Помилуйте,—на что же это похоже! Неужто губернатору его рубль нуженъ!

Впослѣдствіи, когда я ѣхалъ назадъ, мнѣ разсказывали курьезный эпизодъ, связанный съ этимъ „секретомъ полишинеля“, какимъ окружали отъѣздъ Чернышевскаго изъ Сибири, о чемъ въ то время извѣстно было всей Россіи изъ газетъ.

За нѣсколько часовъ до выѣзда Чернышевскаго, по Ленѣ изъ Якутска отправилась почта. Почталіонъ, какъ и всѣ въ городѣ, конечно, зналъ, что Чернышевскій поѣдетъ вслѣдъ за нимъ, и, желая поусердствовать,—предупреждалъ всѣхъ смотрителей. Такимъ образомъ, подъѣзжая къ станціи въ лодкѣ, небольшой отрядъ съ важнымъ пересыльнымъ заставалъ уже на берегу готовыми новую лодку, лошадей для лямки и ямщиковъ въ парадныхъ (по возможности) костюмахъ. Это, наконецъ, обратило на себя вниманіе жандарма Машкова, расторопнаго служаки, съ которымъ и мнѣ пришлось познакомиться впослѣдствіи, имѣвшаго нѣсколько преувеличенное понятіе о своей миссіи.

— Что за чортъ,—удивился онъ.—Откуда вы знаете, что мы будемъ?

— Отъ почталіона такого-то. Проѣхалъ съ почтой и говоритъ: готовьтесь, Чернышевскаго везутъ.

— А, вотъ что! Онъ не обязанъ даже и знать-то, кого мы веземъ.

Машковъ усмотрѣлъ въ усердіи бѣдняги-почталіона разоблаченіе государственной тайны. Это, конечно, не удивительно. Гораздо удивительнѣе то, что усердный почталіонъ потерялъ мѣсто за то лишь, что зналъ весь городъ, и оказалъ жандармамъ дѣйствительную услугу, такъ какъ по всей Ленѣ ихъ ждали на берегу готовыя лодки, лошади и ямщики.

IV.

Теперь, минуя то, что извѣстно изъ газетъ, я прямо перейду къ описанію личнаго свиданія моего съ Чернышевскимъ.

17 августа 1889 года, часовъ около 6 вечера, я позвонилъ у дверей деревяннаго флигеля во дворѣ, противъ общественнаго сада, въ Саратовѣ. Въ этомъ домикѣ жилъ Чернышевскій.

Въ Саратовѣ мнѣ разсказывали, что онъ и здѣсь, какъ въ Астрахани, живетъ отшельникомъ, ни съ кѣмъ не видится и доступъ къ нему очень труденъ, почти невозможенъ. Говорили даже, будто на дверяхъ вывѣшено объявленіе: „никого не принимаютъ“.

Объявленія, конечно, не было. Что же касается трудности доступа, то я это испыталъ на себѣ, хотя имѣлъ полное основаніе разсчитывать, что буду принятъ. Съ Николаемъ Гаврило-

вичемъ заочно я давно уже былъ знакомъ чрезъ брата, въ послѣдній же годъ мы съ нимъ немного переписывались. Онъ звалъ меня повидаться и, что еще важнѣе въ данномъ отношеніи,—такое же приглашеніе получилъ я отъ Ольги Сократовны, его жены. Года два передъ тѣмъ я писалъ брату, когда онъ жилъ въ Астрахани, что лѣтомъ очень бы хотѣлъ пріѣхать туда и познакомиться съ Н. Г., но тогда послѣдній отвѣтилъ:

— Нѣтъ, ужъ это не надо. Мы съ В. Г.—какъ два гнилыхъ яблока. Положи вмѣстѣ—хуже загніютъ,—намекая, очевидно, на то, что у насъ обоихъ репутація значительно въ глазахъ начальства попорчена.

Но въ послѣдніе годы этотъ строгій режимъ самъ Н. Г. значительно ослабилъ (я думаю,—у него и тутъ, какъ съ чтеніемъ въ Вилюйскѣ, была извѣстная система), — но Ольга Сократовна продолжала держаться его до конца. Такимъ образомъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, въ отсутствіе О. С., Чернышевскій иногда принималъ кого попало, и къ нему проникали совершенно случайные посѣтители. Въ другое время — не принимали никого, кромѣ тѣхъ, кто зналъ секретъ, открытый при свиданіи и мнѣ. Нужно было, не звоня у параднаго входа, обойти кругомъ и войти черезъ кухню.

Я не зналъ секрета, и ко мнѣ черезъ нѣсколько минутъ вышла кухарка. Не отворяя вполнѣ двери, она оглядѣла меня, какъ будто вспоминая, не видѣла ли меня прежде, потомъ загородила входъ и, улыбаясь мнѣ въ лицо,—сказала, что Н. Г. нѣтъ дома.

— А барыня?

— Уѣхали въ въ гости.

Мнѣ казалось, что баринъ дома, и что кухарка именно этому и смѣется. Но дѣлать было нечего. Я взялъ визитную карточку, написалъ, что зайду еще завтра, и отдалъ кухаркѣ, не обозначивъ своего адреса.

Утромъ, вмѣстѣ съ женой, мы ушли изъ номера „Татарской гостиницы", гдѣ остановились, въ гостиный дворъ, за покупками. Вернувшись около половины десятаго домой, мы получили отъ номерного записку на клочкѣ бумаги. На ней было написано характернымъ крупнымъ почеркомъ Чернышевскаго: „Приходилъ. Буду между 10-ю и четвертью одиннадцатаго. Н. Чернышевскій".

Дѣйствительно, мы только что усѣлись за самоваръ, какъ въ назначенный срокъ скрипнула дверь, и кто-то, не видный изъ за перегородки, заговорилъ:

— А-а, дома. Ну, вотъ и отлично, вотъ и пришелъ. А, вотъ вы какой, Владиміръ Галактіоновичъ... Ну, каково поживаете, каково поживаете?.. Ну, очень радъ.

Къ концу этой рѣчи Чернышевскій былъ уже около стола,

протягивая мнѣ руку, точно мы съ нимъ старые знакомые и видѣлись лишь нѣсколько дней назадъ.

— А это кто у васъ? Жена, Авдотья Семеновна? Ну, и отлично, ну, и отлично, вѣдь я очень радъ, голубушка, очень радъ. Ну, вотъ и пришелъ.

Я видѣлъ портреты Чернышевскаго. Одинъ изъ нихъ былъ снятъ въ Астрахани, кажется, за годъ до отъѣзда въ Саратовъ. На немъ Чернышевскій совсѣмъ не похожъ на того, нѣсколько мечтательнаго, молодого человѣка съ сильно выдавшимися скулами и рѣзко съуженной нижней частью лица, съ почти прямымъ носомъ и очень тонкими губами, изображеннаго на портретѣ, который мы всѣ знали въ 70-хъ годахъ. Но теперь я по первому взгляду тоже не узналъ-бы Чернышевскаго. Послѣдній его портретъ, находящійся въ обращеніи, изображаетъ мужественнаго человѣка, съ крупными чертами лица, очень мало напоминающими литератора. Густые длинные волосы по-русски, какъ у Гоголя, обрамляютъ это лицо и свѣшиваются на лобъ. Выраженіе серьезное, и въ немъ совсѣмъ не замѣтно оттѣнка добродушнаго смѣха и отчасти стариковскаго чудачества, которое оживляло лицо вошедшаго къ намъ человѣка.

Голосъ, который мы услышали еще изъ-за перегородки, былъ старческій, слегка приглушенный, но фигура сначала показалась мнѣ совсѣмъ молодой. Эту иллюзію производили въ особенности его каштановые волосы, длинные, кудрявившіеся внизу, безъ малѣйшихъ признаковъ сѣдины.

Но когда я взглянулъ ему въ лицо, — у меня какъ-то сжалось сердце: такимъ это лицо показалось мнѣ истрадавшимся и изможденнымъ изъ-подъ этой прекрасной молодой шевелюры. Въ сущности, онъ былъ похожъ на портретъ, только черты его, мужественныя на карточкѣ, были въ дѣйствительности мельче, миніатюрнѣе, — по нимъ прошло много морщинъ, и цвѣтъ этого лица былъ почти землистый.

Это желтая лихорадка, захваченная въ Астрахани, уже дѣлала свое быстрое, губительное дѣло.

Поляки, съ которыми я встрѣчался и жилъ въ Якутской области, сдѣлали интересныя наблюденія. Одинъ изъ нихъ разсказывалъ мнѣ, что почти всѣ, возвращавшіеся по манифестамъ прямо на родину, послѣ того, какъ много лѣтъ прожили въ холодномъ якутскомъ климатѣ,—умирали неожиданно быстро. Поэтому, кто могъ,—старался смягчить переходъ останавливаясь на годъ, на два или на три въ южныхъ областяхъ Сибири или въ сѣверовосточныхъ Европейской Россіи.

Вѣрно это наблюденіе, или эти смерти—простыя случайности, но только на Чернышевскомъ оно подтвердилось. Изъ холодовъ Якутска, Чернышевскій пріѣхалъ въ знойную Астрахань здоровымъ. Мой братъ видѣлъ его тамъ такимъ, каковъ онъ на пор-

третѣ. Изъ Астрахани онъ переѣхалъ въ Саратовъ уже такимъ, какимъ мы его увидали, съ землистымъ цвѣтомъ лица, съ жестокимъ недугомъ въ крови, который велъ его уже къ могилѣ.

Это чувство внезапнаго и какого-то остраго сожалѣнія возвращалось ко мнѣ нѣсколько разъ въ теченіе разговора, который завязался у насъ какъ-то сразу, точно мы были съ Н. Г. родные, свидѣвшіеся послѣ долгой разлуки.

Онъ говорилъ оживленно и даже весело, онъ всегда отлично владѣлъ собою, и если страдалъ, — а могъ ли онъ не страдать очень жестоко,—то всегда страдалъ гордо, одинъ, ни съ кѣмъ не дѣлясь своей горечью.

По истеченіи нѣкотораго времени, среди разговоровъ, онъ взялъ руку А. С. и, глядя на нее, сказалъ:

— Ну, вотъ, очень радъ, милая вы моя, это отлично, право. Это очень хорошо. Я очень радъ, что узналъ васъ.—И неожиданно поцѣловалъ у нея руку. Она также неожиданно наклонилась и отвѣтила поцѣлуемъ въ лобъ, но онъ отстранялся, какъ будто испугавшись этого внезапнаго изліянія.

— Нѣтъ, не надо. Сожалѣніе... не надо этого. Я вѣдь знаете,— какъ поцѣловалъ у васъ руку — изъ галантности. А-а, а вы не знали: я вѣдь галантнѣйшій кавалеръ.

И онъ съ шутливой манерностью поднесъ вторично ея руку къ губамъ.

— Да-съ. И вотъ онъ—тоже галантнѣйшій кавалеръ, да еще какой. Утонченнѣйшая вѣжливость. Пришелъ вчера, не засталъ и оставилъ карточку, а адреса на карточкѣ не написалъ. Понимаю, понимаю,—не объясняйте. Я отлично понимаю: значитъ, не трудитесь, Н. Г., отдавать визитъ, долгомъ сочту явиться вторично. Деликатность!.. А я изъ за этой деликатности сегодня, высуня языкъ, весь городъ обѣгалъ, все разыскивалъ. На пристаняхъ былъ, въ полиціи былъ, наконецъ, догадался купить газету. Онѣ тутъ отмѣчаютъ всѣхъ пріѣзжихъ, останавливающихся въ гостиницахъ; вотъ и нашелъ.

Уже въ это первое свиданіе мнѣ вспомнился тотъ разсказъ, который я привелъ въ началѣ моего очерка,—о полякѣ, вышедшемъ изъ подъ земли, и впечатлѣніе опредѣлилось. „Тотъ самый, тотъ самый", думалось съ грустью. Какая это, въ сущности, страшная трагедія остаться тѣмъ же, когда жизнь, вся жизнь такъ измѣнилась. Мы слышимъ часто, что тотъ или другой человѣкъ „остался тѣмъ же хорошимъ, честнымъ и съ тѣми же убѣжденіями, какимъ мы его знали двадцать лѣтъ назадъ". Но это нужно понимать условно. Это значитъ только, что человѣкъ остался въ томъ же отношеніи къ разнымъ сторонамъ жизни. Если вся жизнь передвинулась куда бы то ни было, и мы съ нею, и съ нею же нашъ знакомый,—то ясно, что мы не замѣтили никакой перемѣны въ положеніи. Но Чернышевскаго

наша жизнь даже не задѣла. Она вся прошла вдали отъ него, промчалась мимо, не увлекая его за собой, не оставляя на его душѣ тѣхъ чертъ и рубцовъ, которые рѣка оставляетъ хотя бы на неподвижномъ берегу и которые свидѣтельствуютъ о столкновеніяхъ и борьбѣ.

— Публицистика!..—сказалъ однажды Чернышевскій на вопросъ моего брата, отчего онъ опять не возьмется за нее.— Какъ вы хотите, чтобы я занялся публицистикой. Вотъ у васъ теперь на очереди вопросъ о нападеніи на земство, на новые суды... Что я напишу объ нихъ: во всю мою жизнь я не былъ ни разу въ засѣданіи гласнаго суда, ни разу въ земскомъ собраніи.

Ни разу! Конечно: вѣдь его увезли до открытія новыхъ учрежденій, а привезли обратно, когда ихъ собирались уничтожить. И эта судьба постигла человѣка, котораго всѣ помыслы сердца, всѣ стремленія, вся жизнь—были жизнью, помыслами, стремленіями русскаго писателя, и ничѣмъ болѣе. У него, какъ у Щедрина, не было ничего, кромѣ литературы: ни семья, ни профессія—ничто не смягчало для него горечи ссылки, не могло смягчить горечи возвращенія. Въ Сибири онъ стоялъ, какъ старый камень вдали отъ берега измѣнившей русло рѣки. Она катится гдѣ-то далеко, гдѣ-то шумятъ ея живыя волны,—но онѣ уже не обмываютъ его, одинокаго, печальнаго.

Его разговоръ обнаруживалъ прежній умъ, прежнюю діалектику, прежнее остроуміе; но матеріалъ, надъ которымъ онъ работалъ теперь, уже не поддавался его пріемамъ. Онъ остался по прежнему крайнимъ раціоналистомъ по пріемамъ мысли, экономистомъ по ея основаніямъ.

Позволяя себѣ вторгнуться въ чужіе предѣлы,—я попробую очертить главныя основанія прежняго умственнаго склада Чернышевскаго и его сподвижниковъ. Вѣра въ силу устроительнаго разума, по Канту. Вся исторія—есть ни что иное, какъ смѣна разныхъ силлогизмовъ, смѣна, происходящая по схемѣ Гегеля. „Докажите мнѣ, что это не такъ, что положеніе, антитеза и синтезъ Гегеля не имѣютъ мѣста въ исторіи, — и я уступлю вамъ по всѣмъ пунктамъ нашей полемики", писалъ онъ, помнится, Вернадскому. Далѣе: главный матеріалъ, надъ которымъ оперируетъ разумъ, творящій соціальныя формы,—эгоистическіе и прежде всего матеріальные интересы. Сдѣлать подсчетъ этихъ интересовъ, поставить наибольшее благо наибольшаго числа людей въ качествѣ цѣли, показать эту таблицу съ ея противоположными итогами громаднымъ массамъ, которыя теперь, по неумѣнію разсчитать, допускаютъ существованіе неестественной соціальной ариѳметики,—остальное уже можно легко предсказать и предвидѣть.

Таковы были, по моему, взгляды, такова, по моему, была вѣра

И вотъ—казематы Александровска, Нерчинска, Акатуя, которые не могли, конечно, разбить основныхъ взглядовъ,—очень удачно справились съ вѣрой, обломавъ ей крылья и ощипавъ перья. Основные философскіе взгляды остались, но вѣра въ непосредственное творческое дѣйствіе раціональныхъ идей утратилась. Для насъ, оставшихся среди жизни, этотъ процессъ совершился посредствомъ вторженія, постепеннаго и незамѣтнаго, новыхъ элементовъ міровоззрѣнія. Вмѣстѣ съ народнической литературой наше поколѣніе изучало народъ, которому приходилось показывать соціальную ариѳметику; оно изучало его также практически, цѣлымъ опытомъ народническо-пропагандистскаго движенія. И мы были поражены сложностью, противорѣчіями, неожиданностями, которыя при этомъ встрѣтились. Но эти разочарованія, причиняемыя столкновеніями съ живою жизнью, имѣютъ особое свойство: ихъ и исцѣляетъ сама жизнь. Противорѣчіе, неожиданность разрушаетъ прежній взглядъ, но тотчасъ же оно захватываетъ вниманіе, и незамѣтно зарождается въ душѣ возможность новыхъ воззрѣній. Вся литературная біографія Успенскаго, все, за что мы его такъ любимъ, весь захватывающій интересъ его дѣятельности, художественной и публицистической, объясняется этой исторіей интеллигентной чуткой души, натыкающейся, въ поискахъ правды и жизненной гармоніи, на противорѣчія и диссонансы и всетаки нетеряющей вѣры.

Переставъ быть „раціоналистическими экономистами“, мы тоже не остановились на мѣстѣ. Вмѣсто схемъ чисто экономическихъ, литературное направленіе, главнымъ представителемъ котораго является Н. К. Михайловскій, раскрыло передъ нами цѣлую перспективу законовъ и параллелей біологическаго характера, а игрѣ экономическихъ интересовъ отводилось подчинэнное мѣсто. Все это лишало прежнюю постановку вопросовъ ея прозрачной ясности, усложняло ихъ, запутывало, но всѣ мы чувствовали, что намъ необходимо войти въ этотъ сложный лабиринтъ, и при этомъ мы прощали изслѣдователямъ отступленія, ошибки, противорѣчія.

Чернышевскій остался при прежнихъ взглядахъ; отъ художественнаго произведенія, какъ отъ критической или публицистической статьи, онъ требовалъ яснаго, простого, непосредственнаго вывода, который покрывалъ бы все содержаніе. Вотъ примѣръ, иллюстрирующій его отношенія къ Гл. Успенскому.

— Ну, вотъ вамъ разсказъ: живетъ мужикъ, въ нуждѣ да въ работѣ, какъ конь ломовой. Вдругъ господа помогаютъ, или тамъ... урожай. Разбогатѣлъ на время, отдыхаетъ. Полѣзли въ голову мысли во время отдыха, сталъ пьянствовать, бить бабу, чуть не погибъ. Выводъ очевиденъ: не нужно мужику жить богаче и имѣть отдыхъ, чтобы не избаловался.

Я вспомнилъ дѣйствительно два разсказа Глѣба Ивановича

приблизительно такого содержанія. Одинъ слѣдовалъ вскорѣ послѣ радостной картины урожая, гдѣ Гл. Ив. описалъ, какъ понемногу „выпрямляется“ мужицкая душа отъ благодати урожая, и въ ней исчезаетъ злоба и звѣрство. Но вотъ, черезъ нѣкоторое время, онъ видитъ фактъ, послужившій поводомъ къ разсказу „Взбрело въ башку“, и, не заботясь о полной стройности всѣхъ выводовъ изъ всѣхъ своихъ разсказовъ,—взволнованный и разстроенный до глубины души (я видѣлъ его, когда онъ собирался писать этотъ разсказъ), кинулъ намъ этотъ живой фактъ, такъ сказать, еще теплый, во всей его правдѣ и со всѣми заключенными въ немъ противорѣчіями. Мы, сами давно уже бьющіеся среди сложности и противорѣчій жизни, ускользающей отъ нашего „устроенія“, любимъ и цѣнимъ въ писателѣ эту чуткую нервность и тонкую правдивую воспріимчивость къ такимъ фактамъ.

Чернышевскій, у котораго жизнь тоже утянула, какъ и у насъ, много прежнихъ надеждъ, не хотѣлъ всетаки, да и не могъ, считаться съ этой сложностью и требовалъ по прежнему ясныхъ, прямыхъ, непосредственныхъ выводовъ.

О всякомъ писателѣ онъ спрашивалъ прежде всего: умный онъ человѣкъ или нѣтъ? И далеко не за всѣми извѣстностями признавалъ это качество. За Михайловскимъ, напримѣръ, признавалъ, хотя совершенно отвергалъ его біолого-соціологическія параллели.

Съ особенной рѣзкостью говорилъ онъ о Толстомъ, и это понятно, потому что оба они имѣютъ общую точку соприкосновенія въ раціонализмѣ, хотя во многомъ стоятъ на противоположныхъ полюсахъ.

— А Толстымъ увлекаетесь?—спросилъ онъ, лукаво смотря на А. С.—Превосходный писатель, не правда ли?

А. С. сказала свое мнѣніе, и спросила объ его собственномъ отношеніи къ послѣднимъ для того времени произведеніямъ Толстого.

Чернышевскій вынулъ платокъ и высморкался.

— Что, хорошо?—спросилъ онъ, къ великому нашему удивленію.—Хорошо я сморкаюсь? Такъ себѣ, не правда ли. Если бы у васъ кто спросилъ: хорошо ли Чернышевскій сморкается, вы бы отвѣтили: безъ всякихъ манеръ, да и гдѣ же какому-то бурсаку имѣть хорошія манеры. А что, если бы я вдругъ представилъ неопровержимыя доказательства, что я не бурсакъ, а герцогъ, и получилъ самое настоящее герцогское воспитаніе. Вотъ тогда бы вы тотчасъ же подумали: А—а, нѣтъ-съ, это онъ не плохо высморкался,—это и есть настоящая, самая рѣдкостная герцогская манера.. Правда вѣдь? А?

— Пожалуй.

— Ну, вотъ то же и съ Толстымъ. Если бы другой написалъ сказку объ Иванѣ-дуракѣ,—ни въ одной редакціи, пожалуй, и

не напечатали-бы. А вотъ, подпишутъ графъ Толстой,—всѣ и ахаютъ. Ахъ, Толстой, великій романистъ! Не можетъ быть, чтобъ была глупость. Это только необычно и геніально! По-графски сморкается!..

V.

Вообще, къ движенію, обозначенному Толстымъ, но имѣвшему и другія родственныя развѣтвленія, онъ относился очень насмѣшливо и разсказывалъ нѣкоторые, сюда относящіеся, эпизоды съ большимъ юморомъ. Я приведу одинъ изъ подобныхъ эпизодовъ, но чтобы онъ могъ сказать все, что съ нимъ связано относительно характеристики Чернышевскаго, я долженъ прибавить еще нѣсколько словъ.

Въ квартирѣ Чернышевскаго, во второе мое свиданіе съ нимъ, я встрѣтилъ, кромѣ его жены и секретаря, еще молодую дѣвушку, племянницу Чернышевскаго, знакомую моему брату. Она очень сердилась на послѣдняго за то, что онъ не отвѣтилъ на ея письмо, и часто возвращалась къ тому вопросу.

— Ахъ, милая вы моя,—полушутя, полусерьезно сказалъ ей Чернышевскій со своей обычной добродушно насмѣшливой манерой. — Развѣ кто нибудь изъ серьезныхъ людей отвѣчаетъ на письма. Никогда! Да и не нужно. Положительно не нужно! Вотъ я вамъ случай разскажу изъ своей практики: какъ-то разъ Ольги Сократовны не было дома, хожу себѣ по комнатамъ, вдругъ звонокъ. Отворяю дверь, — какой то незнакомый господинъ. — „Что угодно?"

— Николая Гавриловича Чернышевскаго угодно.

— А это я самый.

— Вы—Николай Гавриловичъ?

— Да, я Николай Гавриловичъ.

Онъ стоитъ, смотритъ на меня, и я на него смотрю. Потомъ вижу, что вѣдь такъ нельзя, позвалъ въ гостиную, посадилъ. Сѣлъ, облокотился на столъ, опять смотритъ въ лицо.

— Такъ вотъ это вы—Николай Гавриловичъ Чернышевскій.

— Да, говорю, я Николай Гавриловичъ Чернышевскій.

— А я, говоритъ, пріѣхалъ на пароходѣ, а поѣздъ уходитъ черезъ пять часовъ. Я и думаю: надо зайти къ Николаю Гавриловичу Чернышевскому.

— А-а, это, конечно, уважительная причина. Однако, вотъ и моя жена пришла. Позвольте вамъ представить, какъ васъ зовутъ?

— А это, говоритъ, вовсе и не нужно.

— „Вотъ оно что, — подумалъ я себѣ,—какой нибудь важный конспираторъ".—Увелъ его къ себѣ въ кабинетъ, посадилъ и говорю: — если при другихъ вамъ нельзя высказаться, то, можетъ, мнѣ одному скажете?

— Ахъ, нѣтъ, говоритъ, это не то вовсе. Моя фамилія такая-то, докторъ X. Ѣду теперь въ Петербургъ по своимъ дѣламъ.

И опять сидитъ, смотритъ.

— Такъ вотъ... Вы—Николай Гавриловичъ Чернышевскій!

— Я Николай Гавриловичъ Чернышевскій. Однако, знаете, до поѣзда всетаки еще долго. Давайте о чемъ-нибудь говорить.

— Ну, хорошо, давайте.

— О чемъ-же?

— О чемъ хотите, Николай Гавриловичъ Чернышевскій, о томъ и говорите.

Посмотрѣлъ я на него и думаю: давай попробую съ нимъ о Толстомъ заговорить. Взялъ да и обругалъ Толстого.

Смотрю,—ничего, никакого впечатлѣнія.

— Послушайте, говорю,—а можетъ быть, вамъ это непріятно, что я тутъ о такомъ великомъ человѣкѣ такъ отзываюсь.

— Нѣтъ, говоритъ ничего. Продолжайте. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, можетъ быть, я и очень бы огорчился. А теперь ничего, теперь я уже свою вѣру выдумалъ, собственную.

— А, вотъ это интересно. Разскажите, какую вы это выдумали вѣру. Можетъ и хорошая вѣра.

— Конечно, хорошая.—Началъ разсказывать что-то, я слушаю. Должно быть, ужъ очень что-то умное, — ничего нельзя понять.

— Постойте, говоритъ. Я вамъ письмо съ дороги пришлю. Адресъ тоже пришлю, и вы мнѣ непремѣнно отвѣтьте. А теперь пойдемъ лучше пройдемъ по городу да и на пароходъ.

Мнѣ тоже показалось, что это самое лучшее. Вѣра у него какая то очень скучная, да и не графъ онъ ни въ какомъ смыслѣ...—Неинтересно. Проводилъ я его на пароходъ, пароходъ отчаливаетъ, а онъ все кричитъ: напишу, отвѣчайте непремѣнно, что думаете.

Отлично. Онъ уѣхалъ, а я забылъ. Только черезъ нѣкоторое время опять я одинъ, опять звонокъ. Отворяю. Опять незнакомецъ, на этотъ разъ молодой.

— Вы—Николай Гавриловичъ Чернышевскій?

— Я Николай Гавриловичъ Чернышевскій.

— Я отъ доктора X.—А-а, думаю себѣ, пророкъ Андрей Первозванный. Присланъ меня въ новую вѣру обращать.

— Милости просимъ, говорю.

— Письмо къ вамъ, длинное. Проситъ отвѣта. Я съ нимъ увижусь.

— А вы кто?

Оказался ветеринаръ и человѣкъ отличный. Проѣздомъ,—устраивалъ свои дѣла, а теперь ѣдетъ въ университетъ. Планы все простые, хорошіе, какъ у всякаго порядочнаго молодого человѣка. Учиться собирается, ну, и прочее... Все хорошо.

Думаю: нѣтъ, должно быть, не этой вѣры. И дѣйствительно,— съ докторомъ онъ встрѣтился совсѣмъ случайно.

— Ну, отлично, говорю. Вы хотите отвѣта?

— Просилъ X непремѣнно привезти. Ужъ вы, пожалуйста.

— Ахъ ты Господи! А содержаніе письма вамъ извѣстно?

— Нѣтъ, не знаю.

Ну, думаю, такъ можетъ еще освободить.—Дававайте ка, прочтемъ вмѣстѣ.—Усадилъ его въ кабинетѣ, вскрылъ письмо, читаю. Прочиталъ нѣсколько,—все такъ же, какъ въ изустной рѣчи: или уже слишкомъ умно, или просто глупо, ничего не понимаю. Посмотрѣлъ на молодого человѣка. У него глаза удивленные...

— Ну, что, говорю, читать далѣе, или о чемъ другомъ поговоримъ?

— О другомъ, говоритъ, лучше.

— А отвѣчать надо?

— Помилуйте, говоритъ, что тутъ отвѣчать. Невозможно и отвѣтить ничего толкомъ.—Такъ вотъ, видите,—улыбаясь, закончилъ онъ разсказъ, обращаясь къ племянницѣ.—О важныхъ дѣлахъ, о новой вѣрѣ и то не отвѣчаютъ, а вы тутъ о своихъ пустякахъ пишете и требуете отвѣта... Предразсудокъ!

Дѣвушка, смѣясь, вышла изъ комнаты... Тогда, оглянувшись конспиративно на дверь, Чернышевскій наклонился ко мнѣ и сказалъ:

— Если передадите брату ея слова, скажите, пусть не сердится. Видите, она дѣвушка хорошая, честная, сирота. Жизнь вся прошла сѣро, сестеръ и братьевъ выводила въ люди, сама не видѣла ничего, никакой радости. Ну, а въ тотъ годъ, когда встрѣтилась съ вашимъ братомъ,—свалила съ себя главное-то бремя, поѣхала по Волгѣ, стала жить на свой счетъ. Все это, понимаете, и радостно ей, и кажется значительно очень. Свобода, встрѣча съ хорошими интеллигентными людьми послѣ глухого угла. Вотъ она и не можетъ себѣ представить, что эта случайная встрѣча важна и значительна только для нея одной, а не для другихъ, и вотъ почему ее такъ волнуетъ неполученіе отвѣта отъ случайно встрѣченнаго тогда человѣка.

Эта внимательность къ окружающимъ, это тонкое пониманіе чужого настроенія добавляетъ, по моему, очень важную черту къ нравственному облику самого Чернышевскаго.

Позднимъ вечеромъ Чернышевскій проводилъ меня до воротъ, мы обнялись на прощаніе, и я не подозрѣвалъ, что обнимаю его въ послѣдній разъ...

Теперь еще нѣсколько словъ объ его отношеніи къ своему прошлому.

Мой братъ передавалъ мнѣ одну импровизацію Чернышевскаго. Эту легенду-аллегорію онъ слышалъ, къ сожалѣнію, изъ вторыхъ рукъ: ему разсказывала племянница Чернышевскаго,

подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ очень яркаго, живого и юмористическаго разсказа самого Николая Гавриловича. Братъ разсказывалъ ее мнѣ тогда же, но теперь мы оба возстановили въ памяти лишь нѣкоторыя черты, одинъ остовъ этой аллегоріи. Я привожу ее всетаки, такъ какъ въ ней есть характерныя черты и проглядываютъ отчасти взгляды Чернышевскаго въ послѣднее время на свою прошлую дѣятельность.

Когда-то, во время кавказской войны, Шамиль спросилъ одного прорицателя объ исходѣ своего предпріятія. Прорицатель далъ отвѣтъ очень неблагопріятный. Шамиль разсердился и велѣлъ посадить пророка въ темницу, а затѣмъ приговорилъ его къ казни, въ виду того, что его предсказаніе вносило уныніе въ среду мюридовъ. Передъ казнью пророкъ попросилъ его выслушать въ послѣдній разъ и сказалъ: „въ эту ночь я видѣлъ вѣщій сонъ: есть гдѣ-то на свѣтѣ домъ, въ этомъ домѣ ученый человѣкъ сидитъ много лѣтъ надъ рукописями и книгами. Онъ придумаетъ вскорѣ такую машину, отъ которой перевернется не только Кавказъ и Константинополь, но и вся Европа. А будетъ это тогда, когда бараны станутъ кричать козлами“.

Шамиль задумался и хотѣлъ помиловать пророка, но мюриды возмутились еще больше: не ясно ли, что пророкъ сѣетъ въ рядахъ правовѣрныхъ напрасное уныніе, — гдѣ же видано, чтобы бараны кричали козлами?

И пророка казнили. Но когда стали готовиться, чтобы отпраздновать тризну по казненномъ, то одинъ изъ барановъ, назначенный къ закланію, вырвался изъ рукъ черкеса и, вскочивъ на крышу Шамилевой сакли,— закричалъ три раза козломъ.

Тогда Шамиль ужаснулся и, призвавъ самаго вѣрнаго изъ своихъ адъютантовъ, далъ ему денегъ и велѣлъ ѣхать по свѣту, во что бы-то ни стало разыскать неизвѣстнаго ученаго и убить его прежде, чѣмъ онъ успѣетъ окончить свою работу.

Къ сожалѣнію, я совсѣмъ не знаю подробностей путешествія адъютанта по разнымъ странамъ. Слышавшіе этотъ разсказъ говорили, что описаніе этихъ поисковъ представляло настоящую юмористическую поэму и, безъ сомнѣнія, значительно могло бы выяснить смыслъ аллегоріи. Теперь приходится ограничиться тѣмъ, что адъютантъ, дѣйствительно, разыскалъ ученаго и, кажется, именно въ Петербургѣ. Онъ засталъ его окруженнаго книгами, въ кабинетѣ, въ которомъ топился каминъ. Ученый сидѣлъ противъ огня и размышлялъ. Когда адъютантъ Шамиля объявилъ ему, что онъ долго его разыскивалъ, чтобы убить,—ученый отвѣтилъ, что онъ готовъ умереть, но просилъ дать немного времени, чтобы покончить свои дѣла и планы.

— Ты хочешь привести въ исполненіе то, что у тебя здѣсь написано и начерчено?—спросилъ его мюридъ.

— Нѣтъ, я хочу все это сжечь въ каминѣ, чтобы никто

не вздумалъ выполнить то, надъ чѣмъ я такъ долго трудился, считая, что работаю для блага людей. Теперь я пришелъ къ заключенію, что я ошибался!...

— Вы — были этотъ ученый? — спросила Чернышевскаго одна изъ слушательницъ.

— Нѣтъ, я — тотъ баранъ, который хотѣлъ кричать козломъ, — отвѣтилъ онъ съ той добродушной ироніей, съ которой часто говорилъ о себѣ. Въ дальнѣйшіе комментаріи онъ не пускался, предоставляя, по своему обыкновенію, — слушателямъ дѣлать самимъ тѣ или другія заключенія.

Конечно, очень трудно по приведеннымъ мною обломкамъ судить о цѣломъ этой аллегоріи. Однако, на основаніи того, что я слышалъ впослѣдствіи отчасти отъ другихъ, отчасти же лично отъ Чернышевскаго, я позволю себѣ сдѣлать нѣкоторыя комментаріи. Мнѣ кажется, что Чернышевскій имѣлъ здѣсь въ виду себя (а, можетъ быть, также и другихъ),—какъ теоретика и мыслителя, который вообразилъ себя практическимъ дѣятелемъ. Вѣроятно, на это именно указываетъ сравненіе себя самого съ кроткимъ по природѣ бараномъ, которому вздумалось кричать по козлиному. Мнѣ доводилось слышать эту же мысль, выраженную ясно и безъ всякихъ аллегорій.

— Ахъ, Владиміръ Галактіоновичъ,—говорилъ мнѣ покойный при личномъ свиданіи, когда мы стали перебирать прошлое и заговорили о Сибири.—Знаете-ли: попалъ я, въ Акатуѣ, въ среду сосланныхъ за революціонныя дѣла... Кого только тамъ не было: поляки, мечтавшіе о возстановленіи своей Рѣчи Посполитой, итальянцы-гарибальдійцы, пріѣхавшіе помогать полякамъ, наши каракозовцы!... И все — народъ хорошій, но все — зеленая молодежь. Одному мнѣ подъ пятьдесятъ. Оглянулся я на себя и говорю: ахъ ты, старый дуракъ, старый дуракъ, куда тебя занесло. Ну, и стыдно стало...

Правда, всѣ эти нападки на прошлое, иногда высказываемыя въ очень рѣзкой формѣ самообличенія, — не отзывались ни унылымъ разочарованіемъ, ни слабодушнымъ покаяніемъ въ прошлыхъ „грѣхахъ". Наоборотъ, послѣ такихъ выходокъ, Чернышевскій встряхивалъ своими густыми волосами, глядѣлъ исподлобья улыбающимся взглядомъ и прибавлялъ:

— А вѣдь всетаки, сказать правду: не все-же только худое было... Было кое-что и хорошее. Пожалуй, не мало было хорошаго, да, не мало.

Указаніемъ на это обстоятельство я отклоняю вмѣстѣ съ тѣмъ упрекъ въ кажущемся противорѣчіи, которое можно бы, пожалуй, усмотрѣть въ томъ, что я говорилъ выше о Чернышевскомъ, оставшимся прежнимъ Чернышевскимъ 60-хъ годовъ,—съ его насмѣшками надъ своимъ прошлымъ. Нѣтъ, онъ не смѣялся надъ прошлымъ и остался въ основныхъ своихъ взглядахъ тѣмъ же

революціонеромъ въ области мысли, со всѣми прежними пріемами умственной борьбы. Онъ смѣялся только надъ своими попытками практической дѣятельности и, пожалуй,—не вѣрилъ въ близость и плодотворность общественнаго катаклизма.

Это фактъ, и, какъ таковой, я привожу его для характеристики этого крупнаго человѣка въ послѣдній періодъ его жизни.

В. Короленко.

Новыя книги.

Д. Мережковскій. Дафнисъ и Хлоя—древне-греческая повѣсть о любви пастушка и пастушки на островѣ Лесбосѣ. Спб. 1904.

Популяризація произведеній древней литературы представляетъ свои спеціальныя трудности. Tempora mutantur et nos mutamur in illis; господствующіе вкусы и настроенія образованнаго меньшинства текучи, какъ и все; и наши дни въ этомъ отношеніи глубоко разнятся, хотя бы, напр., отъ средневѣковыхъ. Въ этой простой истинѣ лишній разъ убѣждаешься при чтеніи художественно переведенной г. Мережковскимъ поэмы Лонгуса *Дафнисъ и Хлоя*. По справедливому опредѣленію переводчика, — онъ же комментаторъ,—„Лонгусъ въ своемъ романѣ показываетъ опытъ первобытной человѣческой любви, освобожденной отъ всѣхъ условностей и предразсудковъ, отъ всѣхъ покрововъ и цѣпей“. Эта „первобытная любовь“ возникаетъ среди горячей природы юга, на островѣ Лесбосѣ между пастушкомъ Дафнисомъ и пастушкой Хлоей. Въ романѣ живѣйшее участіе принимаютъ Эросъ, Панъ и нимфы; остальныя лица: поселяне, морскіе разбойники, горожане—показываются мелькомъ, не задерживая на себѣ вниманія, какъ маловажныя подробности, нужныя лишь для развитія дѣйствія. Любовь является, не то чтобы главной, а единственной темой пасторали; съ первой и до послѣдней строки тянется все одинъ и тотъ же очень несложный мотивъ, что сообщаетъ всей вещи характеръ удивительнаго однообразія и какъ бы роднитъ ее съ нѣжными, меланхолическими мелодіями пастушеской свирѣли. Поэма выдержана въ намѣренно наивномъ, насквозь проникнутомъ сентиментальностью тонѣ; по замыслу она можетъ быть принята за протестъ уставшаго культурнаго человѣка противъ золъ культуры, своего рода призывомъ: назадъ къ природѣ! Въ общемъ, покончивъ съ чтеніемъ этой добродушной сказки, приходишь къ заключенію, что и уму, и сердцу вашему она сказала очень немного; вамъ, знакомому съ гораздо болѣе близкими по времени и болѣе талантливыми „протестами“ противъ крайностей культуры, трудно „прочувствовать“ это произведеніе.

Значительно больше займетъ читателя вступительная статья, которой сопровождаетъ свой переводъ г. Мережковскій. Здѣсь, въ разговорахъ о дѣлахъ давно минувшихъ дней, мы встрѣчаемся съ сужденіями fin de siècle. Г. Мережковскій стремится показать въ въ *Дафнисѣ и Хлоѣ* продуктъ одного изъ вѣковъ возрожденія и раскрыть ту двойственность, тѣ колебанія между новымъ и старымъ, которыя такъ характерны для литературныхъ произведеній всякаго переходнаго времени. Но едва ли эта попытка важна автору сама по себѣ: намъ думается, что за нею скрывается желаніе г. Мережковскаго высказать и иллюстрировать на примѣрѣ нѣкоторыя излюбленныя свои идеи. Дѣло въ слѣдующемъ. Г. Мережковскій убѣжденъ, что переживаемое нами время есть канунъ новаго Renaissance'а (Rinascimento); сущность же всякаго возрожденія заключается въ обостреніи борьбы двухъ противоположныхъ началъ: язычества и христіанства. Эта борьба и есть та почва, изъ которой берутъ свое начало явленія *декадентства* и *символизма*, неизбѣжныя и характерныя для всякой эпохи Rinascimento. Съ такой точки зрѣнія всѣ вѣка Rinascimento,—IV и V, XV и XVI и, наконецъ, наше время, — въ своихъ психологическихъ основахъ имѣютъ много общихъ, глубоко родственныхъ чертъ. „Не только въ главномъ, но и въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ вѣка Rinascimento иногда поражаютъ насъ удивительными сходствами, какъ будто изъ народа въ народъ, изъ тысячелѣтія въ тысячелѣтіе братскіе голоса перекликаются и подаютъ другъ другу вѣсть, что странники идутъ по одному пути, къ одной цѣли черезъ всѣ перевалы, черезъ всѣ долины и горы — Упадка (Décadences) и Возрожденія (Renaissances)". Эти соображенія г. Мережковскій и старается обосновать на примѣрѣ поэмы Лонгуса. Къ сожалѣнію, вся попытка основана на зыбкой почвѣ черезчуръ смѣлыхъ и критически не провѣренныхъ предположеній и почти цѣликомъ должна быть отнесена къ области гаданій. Прежде всего, встрѣчается большое затрудненіе въ опредѣленіи возраста поэмы; онъ неизвѣстенъ; предполагаютъ, что пастораль написана не ранѣе II и не позже IX вѣка. „Какъ видите,—замѣчаетъ по этому поводу г. Мережковскій,—промежуточныя семь столѣтій—весьма и даже слишкомъ широкое поле для всякихъ догадокъ и болѣе или менѣе остроумныхъ гипотезъ". И г. Мережковскій тутъ же показываетъ опытъ безбоязненнаго путешествія по этому „широкому полю".

Проведя вѣрную мысль, что „поэма написана не эллиномъ, а *эллинистомъ*", авторъ на этомъ не останавливается, что и понятно: типъ эллиниста не есть исключительное достояніе одного—двухъ столѣтій, а встрѣчается на протяженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ; г-ну же Мережковскому необходимо пріурочить Лонгуса съ его поэмой къ Renaissance'у. И вотъ, пренепріятныя въ этомъ отношеніи семь столѣтій,—ибо не всѣ же они вѣка возрожденія,—

помаленьку, да полегоньку, правда, съ оговоркой словомъ *быть можетъ*, сокращаются въ одно, именно IV столѣтіе, когда была сдѣлана первая, неудавшаяся попытка возрожденія эллинскаго духа. Какія же находитъ г. Мережковскій указанія на принадлежность поэмы къ опредѣленной исторической эпохѣ? „Поэма,—читаемъ у него,—какъ нарочно задумана такъ, чтобы нельзя было опредѣлить съ историческою точностью время дѣйствія". Какая, право, досада! Оказывается, однако, что выходъ изъ этого неловкаго положенія все же есть: „Не смотря на высокую степень отрѣшенности произведенія отъ всѣхъ низшихъ мѣстныхъ и временныхъ условій, не смотря на полную объективность... отъ внимательнаго взора не ускользаетъ въ поэмѣ то, что выше всѣхъ условій мѣста и времени—живая душа поэта". Такимъ образомъ, какъ ни странно, то, „что выше всѣхъ условій мѣста и времени", и позволяетъ г. Мережковскому найти опредѣленное мѣсто и время Лонгусу и его пасторали. Думая, что онъ возстановляетъ обликъ души поэта, г. Мережковскій создаетъ его „по образу своему и подобію"; въ результатѣ Лонгусъ помѣщается рядомъ съ увѣнчаннымъ „темнымъ вѣнцомъ" Юліаномъ Отступникомъ, въ компаніи „похожихъ на насъ",—надо полагать, на г. Мережковскаго cum similibus,—утонченныхъ эстетовъ, риторовъ и прочихъ *декадентовъ* и *символистовъ* IV в.; скрытой двойственностью, въ одно и то же время и декадентствомъ, и символизмомъ, оказывается, проникнута и вся поэма Лонгуса.

Опредѣливъ „тонъ" поэмы, г. Мережковскій переходитъ къ раскрытію ея замысла. Онъ очень простъ: Лонгусъ показываетъ любовь, какъ верховную силу жизни. Но какая это любовь? „Христіане,—говоритъ г. Мережковскій,—утверждали, какъ Лонгусъ: Богъ есть любовь. Но христіане подъ любовью понимали братскую жалость, а Лонгусъ—сочетанія мужскаго и женскаго начала во вселенной, то, что мы теперь называемъ *геніемъ рода*,—сладострастье". Вотъ въ чемъ заключается „живое ядро" поэмы! И г. Мережковскій не только подчеркиваетъ свою солидарность со взглядомъ „язычника" Лонгуса на „смыслъ міровой жизни", но идетъ гораздо дальше послѣдняго; люди,—поучаетъ г. Мережковскій,—„забываютъ единственно важное и серьезное дѣло—божественную, безцѣльную игру любви". Возводя поэму въ перлъ созданія, г. Мережковскій находитъ въ ней и „вдохновенный лиризмъ", и „метафизическія высоты", въ подтвержденіе чего приводитъ выдержку, въ которой эти свойства поэмы яснѣе всего обнаружены; вотъ эта выдержка: Старикъ Филетасъ говоритъ Дафнису и Хлоѣ: „Дѣти мои, любовь есть богъ юный, прекрасный и окрыленный... Такова его сила, что даже сила Громовержца не можетъ съ нею равняться. Онъ царствуетъ надъ прочими богами съ большею властью, чѣмъ вы надъ вашими козами и овцами. Всѣ цвѣты созданы Любовью, и Любовь вызвала

на свѣтъ изъ нѣдръ земныхъ растенія. Любовью движутся рѣки, Любовью дышатъ вѣтры. Я видѣлъ влюбленнаго быка: онъ ревѣлъ, какъ ужаленный оводомъ".

Есть метафизики и метафизики... Но неужели можно серьезно думать, что весь смыслъ міровой жизни заключается въ любви, понимаемой какъ сладострастье? Искренно сожалѣемъ, если этакая напасть приключилась съ г. Мережковскимъ; очевидно, что человѣкъ невѣдомо куда забрелъ, путешествуя по „весьма и даже слишкомъ широкому полю" всяческихъ гаданій и предположеній. По нашему мнѣнію, чтобы избѣгать такихъ крайностей, г. Мережковскому необходимо измѣнить въ своемъ литературно-критическомъ творчествѣ соотношеніе воображенія и мысли въ пользу послѣдней.

Мих. Могилянскій. Тина. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ. Спб. 1903 г.

Пьеса въ „чеховскомъ" жанрѣ, которая должна перенести читателя въ „тину" существованія одной семьи, основанной на трезвомъ отношеніи къ жизни и жестокой любви къ дѣтямъ, въ стилѣ купеческихъ драмъ Островскаго... Главное страдающее лицо—дочь, утонченное существо, которое хочетъ идти въ консерваторію, чтобы найти смыслъ жизни. Она восклицаетъ: „Искусство, мое дорогое искусство! Я хочу найти выраженіе тѣмъ сокровеннымъ, душевнымъ движеніямъ, для которыхъ нѣтъ слова, потому что слова слишкомъ грубы, слишкомъ человѣчны... Я хочу уловить ту священную тайну жизни, которая заглушена шумомъ и грохотомъ преходящей сутолоки, суеты суетъ каждаго дня, которая одна можетъ дать смыслъ жизни". Тѣмъ не менѣе, въ Петербургъ отецъ ее не пускаетъ, потому что онъ не въ состояніи „жить безъ нея". Это ее убиваетъ, но предпринять она ничего не въ силахъ. Она такъ проникла въ глубь внутренней трагедіи всякаго оскорбленія и всякой неправды, что ей „больше, мучительнѣе жаль палача, чѣмъ жертву", не исключая и себя. Естественно, что она не въ силахъ пойти въ консерваторію за смысломъ жизни безъ благословенія старика-родителя, лелѣющаго мысль благословить ее совсѣмъ на другое: на брачный союзъ съ чиновникомъ особыхъ порученій при мѣстномъ губернаторѣ... Это узелъ драмы.

Остальные (кромѣ родителей и чиновника-жениха) персонажи: студентъ, братъ героини, издѣвающійся надъ безвольной сестрой; другой студентъ, въ нее влюбленный, но исповѣдующій жизнерадостность и смѣшивающій въ одно цѣлое бредъ, психопатію и декадентщину, и бывшая курсистка, исключенная изъ учебнаго заведенія, „со стономъ" признающаяся, что жизнерадостность ей чужда, что маской жизнерадостности она хотѣла обмануть самое себя, чтобы „облегчить тяжесть жизни". Между ними происходятъ безконечные разговоры на тему, что такое жизнь, на что

она намъ дана и даже „за что" она намъ дана—все по поводу не состоявшейся поѣздки въ Петербургъ, въ консерваторію. Кардинальный вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли слушаться родителей, въ пьесѣ остается не рѣшеннымъ. Хотя героиня и полагаетъ, что „никогда еще истина не держалась за руку абсолютнаго", тѣмъ не менѣе есть всѣ шансы полагать, что слушаться не надо. Наглядное доказательство—примѣръ героини, которая послушалась и не только не открыла смысла жизни, но и увязла въ „тинѣ".

Нужно замѣтить, что начальная сцена въ пьесѣ, сцена семейнаго утренняго чаепитія—каждаго въ особицу и съ переругиваніемъ—написана живо и правдиво. Повидимому, коренная ошибка автора—вычурность въ литературной обработкѣ и ничтожность тѣхъ событій, на которыхъ онъ развилъ свою драму. Онъ поставилъ себѣ интересную по существу задачу — безволіе, обусловленное чрезмѣрной чувствительностью къ чужому страданію, съ одной стороны, и общимъ міроразумѣніемъ, съ другой стороны, но психологически развилъ эту тему на теоретическихъ разговорахъ, а не на событіяхъ... Читатель готовъ согласиться съ серьезностью исканія смысла жизни героиней, согласенъ допустить, что вопросъ о консерваторіи для нея вопросъ жизни. Но онъ естественно ждетъ даже отъ нея, безвольной, попытки спастись, хотя бы путемъ самаго бережнаго (отецъ предполагается больной) разговора съ отцомъ, губящимъ ея жизнь, не смотря на „безумную" любовь. Пусть при этомъ побѣдитъ *онъ* своей трезвой и жестокой родительской любовью, и пусть читателю сдѣлается близкой и понятной эта безвольность, вытекающая изъ безбрежной (по замыслу автора) любви и жалости ко всему сущему, если даже и исключить „палача". Но ничего этого въ пьесѣ нѣтъ, и читатель не въ состояніи сохранить серьезность при чтеніи пьесы безъ дѣйствія.

Иногда авторъ говоритъ красиво и содержательно, но это, въ силу указаннаго, совершенно пропадаетъ для читателя. Взять хотя бы слѣдующія слова героини: „О, кто знаетъ, Люба, что надо и чего не надо?! Кто распоряжается нашими „надо" и вертитъ нами, какъ вѣтеръ осенними листьями, вопреки всѣмъ „надо"? Это и серьезно и красиво, но въ то же время вызываетъ улыбку, когда вспоминаешь, что все это говорится въ пустое мѣсто... Тогда какимъ же языкомъ говорить о тѣхъ людскихъ страданіяхъ, для которыхъ дѣйствительно нѣтъ исхода?

Федоръ Заринъ „Рагузада" (Послѣдній ударъ) Историческая трагедія 4-хъ въ дѣйствіяхъ. Спб. 1904.

Авторъ беретъ темой первое отреченіе Наполеона. Отвернулось отъ него военное счастье, отвернулись отъ него и всѣ созданные имъ князья и герцоги. Почти 15 лѣтъ были они „опорой"

его трона и его династіи, „не только за страхъ, но и за совѣсть“. Но это перестало быть выгоднымъ, и они перестали быть „опорой“.

Какъ женщина ему вы измѣнили
И какъ рабы—вы предали его...

Авторъ освѣщаетъ нѣсколько иначе поведеніе государственныхъ людей тогдашней Франціи. Они просто поступали, какъ коммерческіе люди. Пользуясь нѣкоторыми историческими указаніями, г. Заринъ заставляетъ Наполеона прибѣгнуть къ яду послѣ вынужденнаго отреченія.

Автору „Рагузады“ не достаетъ того страстнаго чувства, которое вылилось у Лермонтова въ приведенныхъ двухъ строчкахъ, и читатель спокойно пробѣгаетъ страницы, посвященныя жизненной драмѣ человѣка, чье имя, по словамъ Талейрана (онъ, конечно, выведенъ въ пьесѣ), „могло быть неразрывно связано съ цѣлымъ вѣкомъ, а останется соединеннымъ лишь съ повѣствованіемъ о нѣсколькихъ приключеніяхъ“. Этому способствуетъ и недостаточная жизненность выведенныхъ авторомъ персонажей: они слишкомъ схематичны. Лучше всего двѣ сцены съ Наполеономъ, когда приходитъ камердинеръ Констанъ, а за нимъ мамелюкъ Рустанъ, оба издалека и нерѣшительно заводятъ рѣчь о своемъ намѣреніи оставить службу у него, и бывшій властелинъ Франціи ласково облегчаетъ имъ эту трудную задачу. Гнѣва у него хватаетъ только на князей.

— —

И. Тенеромо. Катастрофа. Повѣсть. Елисаветградъ. 1904.

Произведеніе г-на Тенеромо оставляетъ нѣсколько странное впечатлѣніе. Начинается оно, какъ нѣкій грѣховный романъ, продолжается и заканчивается, какъ лекція хирургіи, изложенная въ лицахъ. Людмила Александровна, очень красивая жена неинтереснаго мужа, везетъ сына въ земледѣльческое училище. Въ поѣздѣ она встрѣчаетъ молодого инженера Ровинскаго, съ которымъ состоитъ въ грѣховной связи. Они сначала цѣлуются на темной площадкѣ вагона, потомъ инженеръ увлекаетъ Людмилу Александровну въ дамскую комнату на станціи, у которой поѣздъ стоитъ 10 минутъ. То, что происходило въ дамской комнатѣ, авторъ описываетъ довольно живо... Между тѣмъ раздается третій звонокъ. Людмила Александровна кидается къ вагону, гдѣ спитъ оставленный ею мальчикъ, но не успѣваетъ вскочить на площадку двигающагося поѣзда, падаетъ, и ей колесами отрѣзаетъ ноги. Это происходитъ на 13-й страницѣ. Остальныя 30 страницъ заняты хирургическими подробностями, и можно думать, что авторъ имѣлъ въ виду популяризацію нѣкоторыхъ пріемовъ ампутаціи ногъ. На стр. 14—17 изображается переноска Людмилы Александровны въ больницу. На страницахъ 18—21

излагаются очень подробно и съ очевиднымъ знаніемъ дѣла препирательства врачей во время консиліума. Читатель узнаетъ, что ждать съ операціей 24 часа всегда можно и даже необходимо въ случаяхъ шока, а въ нѣкоторыхъ европейскихъ клиникахъ больного съ размозженными конечностями „кладутъ въ ароматную ванну и въ ней ему устраиваютъ водяную постель". Очень важно также сразу поставить правильный діагнозъ, который долженъ опредѣлить необходимые размѣры операціи. Къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ врачи ошиблись и сначала отрѣзали ногу ниже колѣна, а потомъ оказалось необходимымъ отнять бедро. Хлороформируютъ теперь не „удушающимъ методомъ", какъ прежде, а капельнымъ, и за состояніемъ больной слѣдятъ не по пульсу, а по зрачкамъ и дыханію. Самая операція состоитъ въ томъ, что сначала обрѣзаютъ кругомъ кожу, заворачиваютъ ее „въ видѣ рукавчика наверхъ..." и т. д., и т. д. Все это кончается тѣмъ, что больная умираетъ отъ нѣкотораго процесса, который называется collaps. Параллельно съ этимъ описаніемъ хирургическихъ пріемовъ, идетъ психологія больной. По увѣренію автора, основной тонъ настроенія Людмилы Александровны состоялъ въ ощущеніи скольженія внизъ. И это потому, что человѣкъ „земля есть и въ землю обратится..." Можетъ быть, оно и такъ, но, можетъ быть, и совсѣмъ не такъ. Даже, пожалуй, вѣрнѣе, что не такъ, потому что эти слишкомъ простыя объясненія (въ данномъ случаѣ г. Тенеромо сводитъ все на „тяготѣніе къ нѣдрамъ земли") рѣдко умѣстны въ психологическихъ процессахъ. Во всякомъ случаѣ, вся небольшая повѣсть г. Тенеромо, написанная совершенно литературно, мѣстами даже довольно живо, — оставляетъ въ общемъ чувство недоумѣнія и читатель спрашиваетъ себя: къ чему все это абутируетъ? Кое-гдѣ у автора проглядываетъ какъ будто подражаніе Л. Н. Толстому. Невольно вспоминается Анна Каренина: вѣдь и тамъ есть поѣздъ и ѐсть „грѣхопаденіе". Кромѣ того, порой намѣчается что-то въ родѣ отрицательнаго отношенія къ врачамъ... Ужъ не хочетъ ли г. Тенеромо внушить нѣкую мораль, — невольно думаетъ читатель? И „катастрофа" не есть ли кара за грѣхопаденіе? Можетъ быть, хотя... читателю извѣстно много случаевъ, когда подъ поѣздами погибаютъ люди добродѣтельные и даже воины, ѣдущіе для защиты отечества... А если отбросить мораль, то останется одно: „бываетъ". Да, бываетъ, что жены и матери грѣшатъ съ инженерами, что онѣ попадаютъ подъ поѣздъ, что врачи плохо знаютъ свое дѣло и съ оперируемыми случается collaps. Бываетъ и то, что люди, весьма изрядно владѣющіе перомъ, описывая такіе случаи, переносятъ центръ тяжести разсказа въ хирургическія подробности и оставляютъ совершенно не затронутыми ни нравственное чувство, ни душевныя эмоціи читателя. Произведеніе г. Тенеромо служитъ, пожалуй, характернымъ показателемъ того,

что значитъ отсутствіе художественной идеи: рядъ „натуралистическихъ“ подробностей, ничѣмъ не спаянныхъ въ одно художественное или моральное цѣлое.

Марія Мара. Confetti. Варшава 1905.

Сборникъ г-жи Мара напечатанъ на разноцвѣтной бумагѣ и на самомъ дѣлѣ можетъ быть использованъ, при желаніи, для выдѣлки порядочнаго количества конфетти.

Стихотворенія, напечатанныя на голубой бумагѣ (см. ниже), такъ же хороши, какъ и напечатанныя на оранжевой бумагѣ, а напечатанныя на лиловой нисколько не уступаютъ тѣмъ, которыя напечатаны на розовой. Вотъ, напримѣръ, выдержка изъ голубого стихотворенія:

Пусть люди говорятъ, что въ оргіи безумной
Цѣлуютъ всю въ винѣ обрызганную грудь,
Мой каждый шагъ *)—развратницы преступной,
Не вѣрь ты имъ, себѣ лишь вѣрнымъ будь!
Пусть люди говорятъ, что всѣхъ я развращаю,
Развратъ ношу съ собой повсюду и вездѣ,
Со всѣми пью, катаюсь и гуляю,
Пусть говорятъ!...

а вотъ выдержка изъ оранжеваго:

Любовь то адъ, куда идемъ живыми
Для мукъ досмертныхъ и посмертныхъ дней.
Любовь даритъ мученьями такими,
Какихъ не зналъ Сынъ Бога въ ночь страстей!

Причины этихъ нечеловѣческихъ страданій дополнительно растолкованы въ слѣдующей, тоже оранжевой, „Шуткѣ“.

Кого люблю изъ васъ я до сихъ поръ не знаю!

(колебанія быстро кончаются; рѣшеніе соломоновское).

Нѣтъ! Васъ хочу я полюбить обоихъ!
Лазурь вся глазъ твоихъ... и ночь его очей!
Страданья пить *изъ рукъ обоихъ*!
Безсонныхъ ждать вдвойнѣ ночей!
Передъ двумя то унижаться,
То васъ обоихъ ждать, искать...
Надъ вами часто издѣваться...
И безъ конца обоимъ... лгать!

На единственномъ въ книгѣ бѣломъ листкѣ напечатано: „Цѣна 1 р. 50 к. съ фотографіей 1 р. 80 к.“. Если имѣть въ виду разнообразное примѣненіе которое можетъ имѣть сборникъ, назначенную цѣну особенно высокой считать нельзя.

---

*) [illegible]

Исполнивъ долгъ рецензента, позволимъ себѣ спросить.—Не проще ли было сразу использовать цвѣтную бумагу на конфетти, оставивъ ее чистою и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ, не портя ни „поэтическимъ“ изложеніемъ страданій г-жи Мара, „какихъ не зналъ Сынъ Бога“, ни заключительнымъ пѣснопѣніемъ о русскомъ народѣ (что онъ Гекубѣ, имѣющей „всю въ винѣ забрызганную грудь“?), который, по ея словамъ „хочетъ жить безъ грозъ мучительной войны, но тѣмъ не менѣе намѣренъ

> Весь свѣтъ призвать лишь (!) къ рабству для страны—
> Страны родной!

потому что считаетъ необходимымъ, „чтобъ міръ весь нашимъ былъ“. Совсѣмъ политическая программа проф. Мигулина... Неизвѣстно только, кто кого вдохновилъ: проф. Мигулинъ г-жу Мара, или г-жа Мара проф. Мигулина.

Алексѣй Мошинъ. Ясная Поляна и Васильевка. Съ портретами и факсимиле гр. Л. Н. Толстого, В. В. Гоголя и рисунками художника Ѳ. Ризниченко. Спб. 1904.

Г-нъ Мошинъ написалъ нѣсколько довольно слабыхъ разсказовъ и отправился, въ февралѣ 1898 года, въ Москву, въ Хамовники, чтобы повѣдать объ этомъ Л. Н. Толстому. Великій писатель не читалъ этихъ разсказовъ, но повѣрилъ г-ну Мошину на слово и сказалъ: „Пока (если?) у васъ есть что писать, — пишите!“ Г. Мошинъ счелъ это за благословеніе на дальнѣйшіе литературные подвиги и издалъ книжку „Штрихи и настроеніе“, гдѣ разсказъ о своемъ свиданіи съ Толстымъ помѣстилъ вмѣсто предисловія. Теперь, вѣроятно, съ цѣлью доказать, что у него дѣйствительно „есть что писать“,—онъ издаетъ другую книжку: „Ясная Поляна и Васильевка“. Въ Ясной Полянѣ, какъ извѣстно, Л. Н. Толстой живетъ по лѣтамъ; въ Васильевкѣ круглый годъ проживаетъ сестра Н. В. Гоголя. Г. Мошинъ побывалъ и въ томъ, и другомъ мѣстѣ и повѣствуетъ объ этомъ въ эпическомъ тонѣ. Въ Ясной Полянѣ онъ во второй разъ говорилъ Л. Н. Толстому о своихъ разсказахъ и жаловался на критику, которая будто бы упрекала его по поводу одного „типа“ въ подражаніи Л. Н. Толстому. Но, конечно, г. Мошинъ совсѣмъ не подражалъ, а просто, какъ говорится, встрѣтился съ великимъ писателемъ...—„Я помню, — отвѣтилъ Толстой, — а съ критиками это случается“. Мы уже, признаемся, ждали, не разскажетъ ли Л. Н. Толстой, что и его подозрѣваютъ въ подражаніи г-ну Мошину, но этого Л. Н. Толстой почему-то не сказалъ, а просто одобрилъ г. Мошина.—„Пишете?—сказалъ онъ искреннимъ, полнымъ поощренія (sic) и теплаго участія тономъ“. И когда г. Мошинъ возвращался на станцію, то „день сталъ уже яснымъ, небо

отъ облаковъ очистилось, и солнце любовно грѣло влажную отъ дождей землю“. При этомъ г-нъ Мошинъ, разумѣется, не преминулъ вспомнить, какъ онъ уже разъ былъ у Л. Н. Толстого, и какъ Толстой сказалъ ему: „пока у васъ есть что писать,—пишите“. Очень можетъ быть, что вскорѣ г. Мошинъ пріѣдетъ къ Л. Н. Толстому въ третій разъ, вспомнитъ оба прежнихъ посѣщенія и получитъ новое „поощреніе“, которое окрылитъ его и на четвертую поѣздку. И, такимъ образомъ, у г-на Мошина долго „будетъ что писать“, и печатные труды его будутъ рости. Но біографы Л. Н. Толстого извлекутъ изъ этихъ писаній только одну черту: „великій человѣкъ Л. Н. Толстой, но поощряетъ иной разъ сущіе пустяки“. Однако, мы рекомендуемъ біографамъ нѣкоторую осторожность, такъ какъ, можетъ быть, Л. Н. Толстой г-на Мошина еще и не поощрялъ. Дѣло въ томъ, что г. Мошинъ иные отзывы о своихъ трудахъ передаетъ слишкомъ своеобразно, что ли. Такъ, на обложкѣ своей книжки онъ перечислилъ содержаніе рецензій о своемъ первомъ изданіи („Штрихи и настроенія“). Тамъ мы встрѣчаемъ и скромную отмѣтку нашего журнала, но — Боже мой, въ какомъ усовершенствованномъ видѣ! А именно: „Русское Богатство“. Сентябрь 1901 г. Алексѣй Мошинъ. Штрихи и настроенія. Вмѣсто предисловія—Бесѣда съ гр. Л. Н. Толстымъ... Онъ бесѣдовалъ съ великимъ писателемъ земли русской... Сказалъ нашему автору Левъ Николаевичъ: „...Какъ мало имѣющихъ право писать... Я не понимаю, зачѣмъ такъ много пишутъ... Коротко пишете?.. Это хорошо“,—смягчился суровый судья и окончательно преложилъ гнѣвъ на милость, выслушавъ содержаніе разсказа „Секретъ Митрича“... Это—буквально такъ у г-на Мошина. Выходитъ, что нашъ рецензентъ лишь отмѣчаетъ его торжество: какъ ни мало людей, за которыми Л. Н. Толстой признаетъ право писать, но въ числѣ этихъ избранныхъ есть А. М. Мошинъ. А между тѣмъ, наша рецензія говоритъ совсѣмъ не то, и если заполнить нѣкоторыя мѣста, замѣненныя у г-на Мошина многоточіями, то выйдетъ, между прочимъ, вотъ что: „разсчетъ г-на Мошина вполнѣ правильный: захочетъ ли кто читать его разсказы или нѣтъ, но, несомнѣнно, многіе полюбопытствуютъ, о чемъ онъ бесѣдовалъ съ великимъ писателемъ...“ И далѣе: „Мы прочли... всю книжку и нашли въ ней только одно указанное самимъ авторомъ достоинство: краткость, да и то, къ сожалѣнію, не во всѣхъ разсказахъ...“ И, наконецъ: „Таковы эти „Штрихи и настроенія“. Если „штрихи“ сами по себѣ мелки и незначительны, то сказавшіяся въ нихъ „настроенія“ часто совсѣмъ не заслуживаютъ поощренія“... Все это напечатано въ той самой рецензіи, изъ которой г. Мошинъ такъ искусно выкроилъ нѣчто къ прославленію себя... Это, кажется, называется „художественной передачей“. Но что если г. Мошинъ столь же художественно

передаетъ и разговоры Толстого... „Объявленіе не есть реклама— пишетъ онъ въ началѣ перечня рецензій на обложкѣ своей книги.—Нисколько. Реклама—*это, когда человѣкъ самъ себя хвалитъ.* Но всякій вправѣ печатать объявленія о своихъ работахъ и приводить отзывы о нихъ печати и частныхъ авторитетныхъ лицъ, если послѣднія позволятъ...“ Допустимъ... Ну, а такъ „обрабатывать“ чужіе отзывы о себѣ—это тоже, г. Мошинъ, будетъ объявленіе?.. Или реклама? Или еще что-нибудь третье?..

К. Верманъ. Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ. Томъ I. Пер. съ нѣм. подъ ред. А. И. Сомова. Изд. Т-ва Просвѣщеніе. Спб. 1904 г.

Вопросы искуства интересуютъ наше общество, но наука объ искусствѣ остается ему чуждой. Оно бываетъ внимательно къ отдѣльнымъ художественнымъ явленіямъ, оно споритъ о направленіяхъ, оно даетъ оцѣнки. Эти оцѣнки основаны на нѣкоторой общепризнанной догмѣ, на рядѣ эстетическихъ положеній; но эти положенія внѣ науки объ искусствѣ.

Не смотря на то, что эстетика ужъ съ полвѣка есть для насъ не столько названіе науки, сколько пренебрежительная кличка,—у каждаго изъ насъ есть своя эстетика, на положеніяхъ которой мы строимъ свои сужденія о произведеніяхъ искусства. Отъ пріобрѣтеній точнаго знанія въ этой области она довольно далека; говорятъ объ искусствѣ, но книги по его теоріи изучаются мало и неохотно. Еще меньшимъ вниманіемъ пользуются у насъ труды по исторіи искусства. Если они красиво иллюстрированы, ихъ покупаютъ съ цѣлями болѣе декоративными, чѣмъ образовательными. Исторія искусства остается незнакомой нашему обществу; это дѣлаетъ его эстетику абстрактной и его сужденія произвольными. Невозможно оцѣнить современность искусства, не зная его прошлаго. Съ перваго раза это представляется страннымъ: казалось бы, самодовлѣющій міръ законченнаго художественнаго произведенія не нуждается ни въ какихъ добавленіяхъ: оно должно быть понято само по себѣ, внѣ всякой исторической связи. Все это вѣрно, по скольку касается наслажденія отдѣльнымъ произведеніемъ искусства. Но это элементарное, примитивное наслажденіе, не заключающее элементовъ оцѣнки или же грубо ошибочное въ этой оцѣнкѣ. Можно наслаждаться банальнымъ, не зная, что оно банально и теряя ту полноту художественнаго впечатлѣнія, которую могъ бы дать первоисточникъ. А, между тѣмъ, вѣдь банальность есть гибель всякой творческой мысли—и болѣе всего художественной. Оцѣнить художественное произведеніе и направленіе значитъ опредѣлить новизну и значительность пріемовъ, которые его создали: для этого надо знать то, что ему предшествовало. Ростъ искус-

ства есть развитіе средствъ выраженія, и исторія искусства есть исторія художественной техники. Только знакомство съ долгимъ и тяжелымъ путемъ, пройденнымъ людьми въ стремленіи объективировать и правдиво выразить дѣйствительность, даетъ право на самостоятельное сужденіе о современныхъ стадіяхъ этого пути. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что это знакомство въ нашемъ обществѣ крайне слабо; еще слабѣе сознаніе, что это замѣтный пробѣлъ въ его общемъ образованіи.

Быть можетъ, читатели не такъ виноваты. Общедоступная литература по исторіи искусствъ на русскомъ языкѣ бѣдна и устарѣла. Переводы Каррьера, Куглера и Любке относятся къ началу семидесятыхъ годовъ; отъ воззрѣній, положенныхъ въ основу этихъ почтенныхъ курсовъ, наука ушла далеко. Кромѣ того, въ нихъ не было того богатаго иллюстраціоннаго матеріала, который необходимъ для знакомства съ исторіей пластическихъ искусствъ и который сталъ доступенъ лишь съ развитіемъ техники графическаго воспроизведенія. Немудрено, что при этихъ условіяхъ разошлась въ двухъ изданіяхъ ярко иллюстрированная и очень дурно принятая печатью книга Гнѣдича. Самый главный недостатокъ старыхъ курсовъ въ томъ, что въ нихъ было слишкомъ мало исторіи. Отвлеченность философіи и мелочность археологіи были Сциллой и Харибдой, въ пучины которыхъ они попадали поочередно. Но ни въ ихъ абстрактныхъ схемахъ, ни въ любительскихъ описаніяхъ нельзя было найти той нити преемственнаго развитія, намѣтить которую есть цѣль и долгъ настоящаго историческаго сочиненія. Они трактовали о шедеврахъ, тогда какъ возстановить ходъ эволюціи можно было только по несовершеннымъ попыткамъ; первобытное искусство для нихъ не существовало, а тотъ или иной эстетическій канонъ виталъ неизбѣжно предъ ихъ духовными очами.

Между тѣмъ, въ монографической литературѣ и въ общей научной обстановкѣ готовилась перемѣна. Обширный трудъ Вермана есть какъ бы попытка дать выраженіе этимъ новымъ научнымъ требованіямъ и подвести итогъ частнымъ изслѣдованіямъ. Общее сужденіе о книгѣ, изъ которой намъ извѣстно не болѣе трети (въ подлинникѣ тоже законченъ лишь первый томъ), конечно, преждевременно. Но кой-что выясняется уже теперь съ достаточной ясностью. Не много исторіи и въ новомъ курсѣ авторитетнаго нѣмецкаго знатока искусства. Уступая духу времени, онъ, правда, ввелъ въ свое сочиненіе вступительныя главы, трактующія не только объ искусствѣ доисторической эпохи и народовъ первобытныхъ и полукультурныхъ, но даже объ искусствѣ животныхъ и самой природы.

Это не исторія: это полное и добросовѣстное обозрѣніе разнообразныхъ художественныхъ формъ, какія удалось найти у всѣхъ народовъ новаго, древняго и древнѣйшаго времени. Книга пере-

гружена фактами, скрѣпленными географической или хронологической связью, которую не можетъ не признать внѣшнею всякій, кто привыкъ искать въ исторіи внутренняго единства закономѣрной послѣдовательности. Объ этой закономѣрности почти нѣтъ рѣчи во всей книгѣ Вермана. Въ предѣлахъ отдѣльныхъ группъ она показываетъ—поскольку это подготовлено предшествовавшими изученіями—элементы переходовъ и вліяній, но въ цѣломъ она состоитъ изъ такихъ отдѣльныхъ монографій. Это не исторія искусства, какъ цѣльнаго достоянія единаго человѣчества, а обозрѣніе искусствъ „*всѣхъ* племенъ и народовъ", какъ говорится въ заглавіи: всѣхъ *отдѣльныхъ* племенъ и народовъ, точно у нихъ искусства нѣтъ „всеобщей исторіи", какъ у другихъ проявленій ихъ коллективной жизни.

Если не настаивать на этомъ требованіи, — быть можетъ, трудно исполнимомъ при нынѣшнемъ состояніи науки,—то для элементарнаго знакомства съ фактами пластическаго творчества книга Вермана вполнѣ пригодна. Она полна и добросовѣстна, какъ только можетъ быть работа нѣмецкаго знатока. Техническіе элементы художественной исторіи поставлены въ ней на надлежащее мѣсто. Богатый иллюстраціонный матеріалъ служитъ хорошимъ пособіемъ для пониманія текста. Какъ его ни много, въ немъ всегда, конечно, чувствуется недостатокъ, когда рѣчь идетъ о пластикѣ. Переводъ сдѣланъ внимательно, безъ размаха, но не безъ промаховъ.

Куно Франке. Исторія нѣмецкой литературы въ связи съ развитіемъ общественныхъ силъ. Пер. съ англійскаго П. Батина. Книгоиздательство Пирожкова. Спб. 1904.

Нѣсколько десятилѣтій назадъ Куно Франке назвалъ бы свою книгу просто исторіей нѣмецкой литературы: его не остановило бы то, что она трактуетъ объ идеяхъ, а не о формахъ ихъ выраженія. Въ наши дни терминологія достигла большей опредѣленности, и, давъ въ своей книгѣ исторію нѣмецкой общественности, поскольку она выразилась въ литературѣ, американскій профессоръ счелъ необходимымъ, уже въ заглавіи оттѣнить, что слѣдитъ за исторіей литературы „въ связи съ развитіемъ общественныхъ силъ".

Предпринятый авторомъ анализъ соціальныхъ, религіозныхъ и моральныхъ силъ, опредѣлившихъ ростъ германской литературы, долженъ былъ необходимо опереться на ясное общественно-философское міровоззрѣніе. Оцѣнивать развитіе общественныхъ силъ можно только на основаніи опредѣленнаго критерія,—и авторъ въ предисловіи пытается уяснить свою исходную точку зрѣнія; его указанія расплывчато широки—его книга должна наполнить ихъ содержаніемъ. „Мнѣ кажется,—говоритъ онъ,—что развитіе всякой литературы обусловлено непрерывнымъ столкно-

веніемъ двухъ основныхъ стихійныхъ человѣческихъ стремленій: стремленія къ личной свободѣ и стремленія къ коллективной сплоченности. Первое ведетъ къ наблюденію и воспроизведенію всего выдающагося, оригинальнаго, индивидуальнаго; короче—къ реалистическому направленію. Второе—къ наблюденію и воспроизведенію всего возвышеннаго и прекраснаго, многозначительнаго и универсальнаго; короче—къ идеализму. Индивидуалистическое стремленіе, ничѣмъ не сдерживаемое, можетъ выродиться въ вульгарный натурализмъ или фантастическій мистицизмъ. Ничѣмъ не сдерживаемое идеалистическое стремленіе можетъ повести къ пустой и безсодержательной условности". Великія литературныя произведенія являлись тамъ, гдѣ эти противоположныя тяготѣнія къ индивидуальному и коллективному приходили въ равновѣсіе.

Возражать противъ этихъ общихъ формъ не приходится, хотя бы кой-что вызывало въ нихъ сомнѣніе. Гораздо важнѣе прослѣдить, какое конкретное содержаніе получаютъ эти теоретическія схемы въ историческомъ изслѣдованіи, представленномъ авторомъ. Въ этомъ отношеніи наиболѣе любопытнымъ представляется минувшее столѣтіе, которому посвящена половина книги Куно Франке. Конецъ XVIII вѣка былъ эпохой индивидуализма. Періодъ „бури и натиска" былъ движеніемъ чисто интеллектуальнымъ, не смотря на то, что агитаціонныя формы его изобиловали соціальными и политическими заявленіями. Изъ виднѣйшихъ „классиковъ индивидуализма" провозвѣстникомъ новыхъ началъ явился въ наибольшей степени Гердеръ, создатель теоріи національныхъ организмовъ, изъ коихъ каждый „индивидуализаціей своего типа содѣйствуетъ обогащенію и развитію общаго человѣческаго типа". Восторженный индивидуалистъ, онъ былъ въ то же время первымъ крупнымъ представителемъ коллективизма. „Каждый индивидъ былъ въ его глазахъ общественная единица". Вѣрность завѣтамъ XVIII вѣка охранила этого теоретика національизма отъ шовинизма. „Изъ всѣхъ формъ гордости,—говоритъ онъ въ „Письмахъ о гуманности",—я считаю національную гордость величайшей глупостью. Мы должны содѣйствовать, сколько можемъ, славѣ нашей націи, должны, въ случаѣ надобности, защищать ее; но хвалить ее ex professo кажется мнѣ нелѣпымъ самовозвеличеніемъ". И у „революціонера новѣйшей мысли", Канта, индивидуализмъ XVIII вѣка, достигнувъ высшей формы развитія, переходитъ въ коллективизмъ XIX-го. И теоретическая мысль, и нравственный законъ суть выраженія всеопредѣляющаго *я*; но истинная свобода заключается въ повиновеніи нравственному закону; человѣчество есть сообщество нравственныхъ существъ, связанныхъ вмѣстѣ суровымъ закономъ долга.

Переходомъ къ новымъ идеаламъ общественности явились также зрѣлыя произведенія Гете и Шиллера: „они выводятъ чи-

тателя изъ узкаго, изолированнаго отрывочнаго понятія о жизни на широкій солнечный просторъ универсальнаго человѣчества.... они предсказываютъ такое состояніе человѣческой культуры, когда будетъ достигнута цѣль существованія: равновѣсіе между... индивидомъ и обществомъ".

Зародившись въ XVIII вѣкѣ, коллективизмъ возмужалъ въ XIX-мъ, обратившись въ самостоятельный принципъ, „вліяющій на всю національную жизнь, революціонирующій науку, искусство, религію, политику, измѣняющій умственный, нравственный и соціальный укладъ всей Европы". Выразительнымъ моментомъ явился романтизмъ; авторъ пользуется этимъ терминомъ, хотя полагаетъ, что „возникновеніе международной лиги для упраздненія терминовъ „романтизмъ" и „классицизмъ" было бы истинно-благодѣтельнымъ предпріятіемъ". Романтизмъ Тика, Шлегеля и Новалиса довелъ „возвышенный индивидуализмъ" прошлаго до „крайнихъ предѣловъ эгоизма". Но въ немъ была двойственность, получившая наиболѣе ясное выраженіе въ воззрѣніяхъ Шлейермахера: одна сторона ихъ связываетъ его съ кантовскимъ трансцедентализмомъ и классиками-индивидуалистами; другая уже воплощаетъ коллективистскіе идеалы будущаго, и эта сторона преобладаетъ. Фихте съ его пылкообщественными настроеніями уже прямо представляется автору „предтечею новѣйшаго нѣмецкаго соціализма".

Политика реставраціи остановила болѣе чѣмъ на четверть вѣка широкое развитіе и воплощеніе этихъ началъ. Она дробила, чтобы властвовать. Она свела къ нулю едва зародившееся общественное мнѣніе, она отстранила отъ руководящей роли дѣятелей недавняго прошлаго, отказавшихся отъ ренегатства. Къ ней сводитъ авторъ всѣ черты, которыя представляются ему политически вредными и нравственно отрицательными въ нѣмецкихъ писателяхъ меттерниховской эпохи. „Всѣ они носятъ на себѣ печать времени, неспособнаго удовлетворить глубочайшимъ запросамъ сердца, недостойнаго серьезныхъ усилій серьезныхъ людей; всѣ они ищутъ чего-то невѣдомаго, что помогло бы имъ не задохнуться въ этой ужасной атмосферѣ умственной духоты. Развѣ не выработались бы изъ нихъ люди болѣе широкаго кругозора—развѣ не былъ бы Шопенгауеръ менѣе раздражителенъ, Ленау менѣе болѣзненно настроенъ, Берне менѣе фанатиченъ, Гейне менѣе колеблющимся, а Платенъ и Иммерманъ менѣе угрюмыми и поглощенными самими собой—если бы сбылись надежды 1813 года, и если бы они не были лишены благороднѣйшей привилегіи свободныхъ людей: возможности дѣятельно служить своей родинѣ".

Живое сочувствіе безъ всякихъ оговорокъ вызвали бы въ русскомъ читателѣ эти общія соображенія, если бы въ дальнѣйшихъ характеристикахъ Гейне и Берне авторъ сосредоточился на этомъ

пагубномъ духовномъ вліяніи политической реакціи. Но онъ идетъ гораздо дальше. Желая показать, что „изъ всѣхъ современныхъ ему писателей Гейне представляетъ наиболѣе печальный примѣръ интеллектуальной дегенераціи, вызванной политическими принципами эпохи реставраціи", онъ обливаетъ поэта грязью, которую не сведешь ни къ какимъ принципамъ. Гейне „вступилъ на литературную арену съ тайной печатью отступничества на челѣ"; къ концу жизни, а, пожалуй, и съ начала ея, онъ былъ „ренегатомъ въ религіозномъ, политическомъ и даже художественномъ отношеніяхъ"; какъ поэтъ, онъ „едва ли хоть когда-нибудь пробуждаетъ въ насъ наше лучшее *я*"; наконецъ—это говорится о Гейне—онъ „врядъ ли хоть когда-нибудь раскрываетъ предъ нами тайну истинной любви". Вообще Гейне и Берне „не были идейными вождями въ истинномъ значеніи этого слова", такъ какъ ихъ силы ушли цѣликомъ на борьбу съ принципами Священнаго Союза: выводъ довольно оригинальный для автора исторіи нѣмецкой общественности и тѣмъ болѣе странный, что онъ самъ видитъ въ нихъ заслуженнѣйшихъ провозвѣстниковъ движенія 1848 года,—„великаго національнаго пробужденія, безъ котораго невозможны были бы и успѣхи императорской Германіи". Въ яркой характеристикѣ сосредоточилъ Франке подготовительные моменты этого событія. Надежды на благожелательнаго и безвольнаго Фридриха-Вильгельма IV пали; всѣ вопросы были заслонены одной всепоглощающей дилеммой: „на одной сторонѣ—монархія, бюрократія, милитаризмъ, господство духовенства; на другой—народъ, народное правосудіе, народное вооруженіе, народная религія; на одной сторонѣ—принудительная власть, на другой—свобода; на одной—привилегіи, на другой—законъ; на одной—областныя соперничества, на другой—національное величіе и единство. Этимъ резюмируется исторія восьмилѣтія съ 1840 по 1848 годъ. Эта дилемма заставила соединиться подъ однимъ знаменемъ оппозиціи коллективистовъ и индивидуалистовъ, раціоналистовъ и пантеистовъ, умѣренныя и радикальныя группы гегельянцевъ, сторонниковъ конституціонной монархіи и республиканцевъ-соціалистовъ". Вслѣдъ за Зибелемъ авторъ видитъ въ событіяхъ, завершившихъ это настроеніе, необходимый результатъ великаго умственнаго движенія, начатаго „Мессіадой" Клопштока и не завершеннаго въ наши дни.

Мы остановимся на этомъ моментѣ и не послѣдуетъ за авторомъ въ характеристикѣ дальнѣйшихъ моментовъ литературно-общественой жизни Германіи. Указаннаго достаточно для общаго представленія о его взглядахъ и пріемахъ. Особенное достоинство его книги заключается въ томъ, что она написана для читателей, не болѣе близкихъ нѣмецкой литературѣ, чѣмъ наша читающая публика. Это заставляетъ его, не останавливаясь на подробностяхъ, сосредоточиваться на основныхъ линіяхъ развитія,

которыя его изложеніе дѣлаетъ отчетливыми и наглядными. Онъ не предполагаетъ предварительныхъ знаній и настолько умѣло подбираетъ выдержки, что мы рѣшились бы это искусство цитированія признать наиболѣе располагающей стороной его книги.

Переводъ сдѣланъ литературно, но портреты, украшающіе книгу, подобраны неудачно. Такъ нельзя иллюстрировать серьезное научное сочиненіе. Если историко-литературный трудъ нуждается въ рисункахъ, то это должны быть подлинники, а не выдумки. Между тѣмъ, какой-то злой рокъ преслѣдуетъ изображенія, приложенныя къ книгѣ Куно Франке. Подъ портретами Готтшеда и Брокеса подписано *съ литографіи*, хотя портреты носятъ явные слѣды рѣзца гравера; къ тому же литографіи не было въ эпоху Готтшеда, какъ не было фотографіи при Шиллерѣ и Гете, портреты которыхъ носятъ подпись *съ фотографіи*. А на самомъ дѣлѣ это цинкографіи, и не съ подлинныхъ портретовъ, а съ банально-сладенькихъ идеализацій Іегера. Четверть вѣка назадъ онѣ нравились нѣмецкимъ филистерамъ; теперь пропагандировать ихъ не годится.

Проф. В. Виндельбандъ. Прелюдіи. Философскія статьи и рѣчи. Перев. со 2-го нѣм. изд. С. Франка. Спб. 1904.

Имя Виндельбанда постоянно на языкѣ у нашихъ „идеалистовъ“ и, такимъ образомъ, давая переводъ „Прелюдій“, г. Франкъ знакомитъ русскаго читателя съ однимъ изъ главнѣйшихъ современныхъ авторитетовъ кантизма.

Съ своей стороны, мы искренно привѣтствуемъ появленіе этой книжки на русскомъ языкѣ, и это не только потому, что нельзя не привѣтствовать появленія всякой дѣйствительно талантливой книжки въ нашей скудной философской литературѣ, но еще и потому, что послѣдовательно, безъ всякихъ увертокъ (не рѣдко встрѣчающихся у другихъ кантіанцевъ) проведенный кантизмъ Виндельбанда даетъ случай вдумчивому читателю особенно ясно увидѣть, къ какой философской катастрофѣ неизбѣжно ведетъ послѣдовательный кантизмъ.

Философія Канта представляетъ случай неустойчиваго равновѣсія, и всякая попытка развить это ученіе послѣдовательно ведетъ неизбѣжно къ скептицизму и солипсизму. Если эти печальные съ философской точки зрѣнія результаты (и особенно печальные именно для кантіанцевъ, считающихъ пораженіе скептицизма одною изъ главныхъ заслугъ Канта) не такъ ясны для читателей, то одною изъ причинъ этого, безспорно, слѣдуетъ считать тѣ непослѣдовательности и даже противорѣчія, которыми переполнены сочиненія Канта; такъ что чѣмъ стройнѣе изложено ученіе Канта, тѣмъ яснѣе становятся присущіе ему недостатки.

„Всякое человѣческое познаніе,—говоритъ Виндельбандъ,—движется между двумя полюсами: на одной сторонѣ находятся

отдѣльныя ощущенія, на другой—общія положенія, выражающія извѣстныя правила о возможныхъ отношеніяхъ между ощущеніями... Все наше познаніе состоитъ въ соединеніи наиболѣе общаго съ наиболѣе частнымъ при помощи промежуточныхъ звеньевъ... Эти необходимыя предпосылки всякаго доказательства сами не могутъ быть доказаны" (стр. 228). Ощущенія, по Канту, сводятся къ простымъ толчкамъ, даваемымъ нашему сознанію внѣшнимъ міромъ, совершенно для насъ непостигаемымъ. Все, что мы знаемъ, это, въ сущности, „правила", путемъ которыхъ нашъ духъ комбинируетъ эти безсодержательные толчки, и при этомъ, „какъ справедливо отмѣтилъ Лотце, можно назвать „счастливымъ обстоятельствомъ" то, что совокупность нашихъ ощущеній на самомъ дѣлѣ допускаетъ такое подведеніе подъ аксіоматическія предпосылки" (стр. 229). Итакъ, все наше знаніе о „не-я" сводится къ тому, что въ силу „счастливаго обстоятельства" безсодержательные толчки этого не-я могутъ быть комбинированы по извѣстнымъ правиламъ нашего духа.

Слѣдя за аргументаціей Виндельбанда, компетентный читатель легко замѣтитъ, что защита кантовскаго ученія противъ „позитивизма" удается нашему автору лишь потому, что онъ всегда направляетъ свои удары на старый „позитивизмъ", принимавшій форму сенсуализма, эмпиризма и т. п., и не атакуетъ современной твердыни позитивизма—эволюціонизма. Одинъ эволюціонизмъ можетъ нанести смертельный ударъ кантизму, показавши, откуда и какъ развились тѣ апріорныя формы мышленія, существованіе которыхъ открылъ Кантъ, чѣмъ временно и доставилъ рѣшительный перевѣсъ „идеализму" надъ „позитивизмомъ".

Если читатель, изучая Виндельбанда, будетъ постоянно помнить, что сверхъ стараго „позитивизма" существуетъ еще почти столь же враждебная Канту эволюціонная философія, то, какъ мы сказали выше, чтеніе Виндельбанда приведетъ его лишь къ болѣе ясному пониманію недостатковъ философіи Канта.

Н. Д. Ивановичъ. Борцы и мученики за свободу Болгаріи. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М. 1904.

Содержаніе этой интересной книги, быть можетъ, памятно еще нѣкоторымъ читателямъ, такъ какъ очерки г-на Ивановича печатались въ 1880 хъ годахъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" Они не представляютъ самостоятельной работы: г. Ивановичъ составилъ свои очерки на основаніи сочиненій извѣстнаго болгарскаго писателя З. Стоянова, но компиляція сдѣлана талантливой рукой, сумѣвшей выбрать черты, которыя, несомнѣнно, способны заинтересовать русскаго читателя. Очерки начинаются съ половины истекшаго столѣтія, когда турецкое владычество въ Болгаріи представлялось фактомъ торжествующимъ и незыблемымъ.

Казалось, только безумцы могутъ посягать на прочно сложившійся „порядокъ вещей", и даже самъ народъ, за свободу котораго гибли эти „безумцы", только проклиналъ ихъ, какъ борцовъ за безнадежное дѣло, какъ нарушителей своего спокойствія, —тяжелаго, унизительнаго, рабскаго, но все же—спокойствія... Въ біографіи „Бабы Тонки" Тонки Тиховицы Обреченовой, отдавшей дѣлу освобожденія своихъ дѣтей, З. Стояновъ отмѣчаетъ, напримѣръ, тяжелый эпизодъ, когда изъ двухъ ея сыновей, участвовавшихъ въ четѣ хаджи Димитра и Стефана Караджи, одинъ былъ убитъ, другой ждалъ казни въ турецкой тюрьмѣ. И въ это самое время болгарскія женщины приходили къ окнамъ ея жилища, посылая проклятія несчастной за то, что она, по ихъ мнѣнію, колдовствомъ привлекала другихъ юношей и направила ихъ „на кривой путь" (92). Когда остатки разбитыхъ четъ, изнуренные, израненные и связанные,—препровождались въ тюрьмы, толпа болгарскихъ рабовъ провожала ихъ ругательствами за то, что они нарушили „добрыя отношенія" болгаръ и турокъ. И, однако, движеніе тлѣло и разгоралось. Въ книгѣ г. Ивановича читатель найдетъ интересный очеркъ чисто бытовой, несознательной еще, полуразбойничьей борьбы „юнаковъ", уходившихъ въ дикіе Балканы и спускавшихся оттуда, какъ хищныя птицы, чтобы мстить угнетателямъ. Потомъ на этомъ бытовомъ фонѣ возникаютъ попытки пламенныхъ мечтателей, очистившихъ дѣло борьбы за свободу отъ всѣхъ стороннихъ примѣсей и ставшихъ мучениками своей мечты. Первыя „четы", переправлявшіяся черезъ Дунай изъ Румыніи или Австріи, почти неизмѣнно гибли, не успѣвъ достигнуть балканскихъ вершинъ. Но движеніе все росло, за первыми попытками слѣдовали другія, движеніе вырабатывало свою идеологію, свои легенды, свою литературу, поэзію, исторію и, быстро развертываясь, охватило пожаромъ всю страну... Наконецъ, „подъ громъ русскихъ пушекъ", Болгарія получаетъ свободу и представительное правленіе.

Книга З. Стоянова и очерки г. Ивановича писались въ тяжелое для Болгаріи время. Какъ это бываетъ часто, освободительная борьба на національныхъ началахъ, уничтоживъ чужеземное иго, еще не подготовила народъ къ внутренней гражданской свободѣ, и устроительный періодъ затянулся. Во главѣ освобожденной Болгаріи становились нерѣдко люди очень низменнаго уровня. Казалось, была забыта даже самая память борцовъ, и мелкая интрига или прямое насиліе стали основнымъ тономъ болгарской политической жизни. Авторъ разбираемой книги и самъ З. Стояновъ, приводя факты паденія гражданскихъ и политическихъ нравовъ въ болгарскомъ обществѣ послѣ освобожденія, кажется, готовы признать болгаръ недостойными принесенныхъ имъ жертвъ. Но это, конечно, ошибка. Правда, политическое освобожденіе только уничтожило препятствія для нормальнаго

развитія страны, но чисто націоналистическая освободительная идея не дала еще самаго содержанія гражданственности и свободы. Если бы книга писалась теперь,—когда въ Болгаріи на конституціонной почвѣ уже значительно выросли и окрѣпли положительные идеалы народной, а не только національной свободы, то, вѣроятно, тонъ ея по отношенію къ настоящему былъ бы менѣе пессимистиченъ. Героическая борьба уже приноситъ свои плоды и „мила майка Болгаря“, съ именемъ которой на устахъ умирали первые четники, теперь становится дѣйствительно свободной матерью своихъ дѣтей. Во всякомъ случаѣ, книга г. Ивановича, написанная живо, порой даже художественно, прочтется, мы увѣрены, съ большимъ интересомъ.

Дѣтскіе пріюты-корабли. Сборникъ свѣдѣній, издаваемый Канцеляріей по управленію всѣми дѣтскими пріютами вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Часть XVIII. Спб. 1904.

Мысль объ устройствѣ въ Россіи дѣтскихъ пріютовъ-кораблей принадлежитъ самому послѣднему времени. Въ 1902—1903 году, по порученію предсѣдателя комитета главнаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ, членъ этого комитета баронъ О. О. Буксгевденъ ѣздилъ въ Италію и въ Англію осматривать и изучать существующіе тамъ корабли-пріюты, а затѣмъ дѣлалъ доклады о нихъ въ Кронштадтѣ, Баку, Батумѣ, Севастополѣ, Таганрогѣ и Ростовѣ на Дону. По словамъ представленнаго барономъ Буксгевденомъ доклада, во всѣхъ этихъ городахъ мысль объ устройствѣ пріютовъ-кораблей была встрѣчена очень сочувственно, и тотчасъ же собирались по подпискѣ деньги для осуществленія этого предпріятія. А денегъ для этого требуется сравнительно не мало: покупка паруснаго судна должна обойтись отъ 8,000 до 10,000 руб. и ежегодное содержаніе 25 воспитанниковъ отъ 6,000 до 7,000 р., т. е. по 240—280 руб. въ годъ на человѣка. Такъ это высчитано по смѣтамъ въ Батумѣ и Севастополѣ и также, приблизительно, обходится содержаніе одного воспитанника въ годъ въ Англіи—24 фунта 3 шиллинга, при чемъ 60% этой суммы падаетъ на содержаніе администраціи.

Что же собственно представляютъ собой эти пріюты-корабли и почему желательно у насъ обзаведеніе этого рода воспитательными учрежденіями? Изъ доклада барона Буксгевдена и напечатанной въ той же брошюрѣ статьи г. В. Несслера „Учебные корабли въ Англіи“ видно, что за границей эти учрежденія играютъ не столько роль пріютовъ, сколько роль исправительныхъ колоній для малолѣтнихъ преступниковъ и, кромѣ исправленія преступныхъ наклонностей, имѣютъ цѣлью дать для торговаго и военнаго флота дисциплинированныхъ и опытныхъ матросовъ. У насъ, говоритъ г. Буксгевденъ, корабли-пріюты были бы годны спеціально

для исключенныхъ до окончанія курса гимназистовъ и реалистовъ. Въ Англіи пріюты-корабли существуютъ около 150 лѣтъ и тамъ имѣется 15 такихъ кораблей. Въ Италіи есть только одинъ такой корабль съ 1883 года. Въ другихъ государствахъ Западной Европы такихъ кораблей еще нѣтъ. Корабли, служащіе пріютами, принадлежатъ обыкновенно къ числу старыхъ судовъ и стоятъ на якоряхъ или на канатахъ прикрѣпленными къ берегу и плавать на нихъ нельзя. Дисциплина на нихъ строгая: такъ, напр., получить книгу для чтенія, *писать домой письмо черезъ каждые два мѣсяца* *), получить свиданіе съ родными — все это дозволяется, только какъ награда за хорошее поведеніе въ срокъ не менѣе года. „Въ качествѣ орудій для тѣлеснаго наказанія употребляются: трость, которой наносятъ черезъ одежду до 8 ударовъ, и розги, которыми бьютъ по голому тѣлу, при чемъ количество ударовъ не превышаетъ 18. Что же касается другихъ тѣлесныхъ наказаній въ видѣ *смирительной рубашки, треххвостной кошки, желѣзныхъ кандаловъ, кожаныхъ наручниковъ* и *привязыванія къ мачтѣ*, то объ нихъ нѣтъ и помину" (стр. 32. Къ чему же тогда о нихъ расписывать?). „Занятія, по докладу барона Буксгевдена, заключаются въ слѣдующемъ: *въ чисткѣ и скобленіи палубъ, стиркѣ бѣлья, окраскѣ судна и шлюпокъ, въ шитьѣ и починкѣ обуви*, въ такелажныхъ работахъ, въ портняжныхъ работахъ, въ катаніи на шлюпкахъ подъ парусами и на веслахъ, въ упражненіи ружьемъ и въ игрѣ въ оркестрѣ" (стр. 18). Таковы морскія „науки", проходимыя на корабляхъ-пріютахъ! Въ оправданіе пословицы, что корень ученія горекъ, слѣдуетъ еще добавить, что по отчетамъ о состояніи здоровья ежегодно 18,45% всѣхъ воспитанниковъ подвергаются ушибамъ и пораненіямъ и 13,84% простуднымъ заболѣваніямъ, другими словами, третья часть воспитанниковъ ежегодно подвергается своего рода профессіональнымъ заболѣваніямъ.

Нужно думать, что молодой человѣкъ, получившій такое спеціальное образованіе и воспитанный въ такой болѣе, чѣмъ спартанской дисциплинѣ, если Богъ судитъ ему претерпѣть до конца, долженъ считать раемъ свое поступленіе въ матросы. Если, затѣмъ, воспитаніе не сдѣлаетъ его окончательно озлобленнымъ, а подавитъ въ немъ волю и чувство собственнаго достоинства, то онъ выйдетъ весьма удобнымъ объектомъ для всяческой эксплуатаціи на любомъ торговомъ или военномъ суднѣ. Ужъ не этими ли собственно результатами и обусловливается столь восхваляемое различными морскими чинами превосходство кораблей-пріютовъ надъ другими заведеніями подобнаго рода?

Интересно еще и то, что *корабль* собственно тутъ почти что не при чемъ. Корабль этотъ, какъ сказано выше, прежде всего

*) Курсивъ вездѣ нашъ.

лишенъ самаго своего существеннаго свойства: онъ не плаваетъ. „Затѣмъ—дѣлаемъ выписку изъ статьи г. Несслера,—по мнѣнію г. Леггъ, главнаго правительственнаго инспектора всѣхъ англійскихъ исправительныхъ заведеній, человѣка искренне преданнаго этому дѣлу и глубоко вѣрующаго въ его благотворность, болѣе удобнымъ представлялся бы такой порядокъ, при которомъ воспитанники *жили бы на берегу въ спеціально устроенныхъ баракахъ или казармахъ*... Живя *на берегу*, воспитанники были бы поставлены въ несомнѣнно *лучшія гигіеническія условія*, чѣмъ теперь, гдѣ они скучены на тѣсномъ пространствѣ корабля; кромѣ того, они имѣли бы болѣе мѣста для военныхъ и гимнастическихъ занятій и игръ и т. д.“ (стр. 45).

Не смотря на видимое желаніе гг. Буксгевдена и Несслера представить пріюты-корабли въ наиболѣе выгодномъ свѣтѣ, у лица не предубѣжденнаго, на основаніи чтенія ихъ же докладовъ, создается прямо отрицательное отношеніе къ этому типу воспитательныхъ учрежденій.

Баронъ Буксгевденъ, какъ уже упомянуто, говоритъ, что у насъ, въ Россіи, корабли-пріюты могли бы быть въ особенности пригодны для огромной массы малолѣтнихъ, ежегодно исключаемыхъ изъ гимназій и реальныхъ училищъ, и что корабли-пріюты могли бы быть хорошимъ средствомъ борьбы противъ того зла, которое представляется *„направленіемъ нашей учащейся молодежи, отличающимся отсутствіемъ вѣры и идеальныхъ стремленій и обнаруживающимъ чрезвычайную испорченность нравовъ“* (стр. 19).

Можно одно сказать: дай Богъ, чтобы надежды барона Буксгевдена покрыть русскія моря кораблями-казематами оказались столь же невѣрными, какъ невѣрно его огульное осужденіе нашей учащейся молодежи.

Краткій указатель литературы по крестьянскому вопросу. Составленъ коммиссіей по устройству отдѣла имени Г. И. Успенскаго при Тульской общественной библіотекѣ. Чистый сборъ поступаетъ на устройство народной библіотеки имени Г. И. Успенскаго въ Тульской губ. Тула. 1904 г.

Судьбы тульской общественной библіотеки служатъ нагляднымъ примѣромъ того, какъ шатко существованіе нашихъ просвѣтительныхъ учрежденій, сколько-нибудь широко развертывающихъ свою общественную работу. Тульская библіотека несомнѣнно занимала одно изъ почетныхъ мѣстъ среди такихъ учрежденій, и самый „Указатель“, лежащій предъ нами, является однимъ изъ доказательствъ вдумчиваго и серьезнаго отношенія библіотеки къ своимъ задачамъ. Но, какъ извѣстно, этотъ „Указатель“ оказывается лебединою пѣснью почтеннаго учрежденія...

Свою задачу составители „Указателя“ опредѣляютъ слѣдующими словами предисловія: „крестьянскимъ вопросомъ за послѣд-

нія 50 лѣтъ занято все русское общество, при чемъ работа ведется и въ центрахъ умственной жизни, и въ провинціи. Но въ Москвѣ и въ Петербургѣ имѣются публичныя библіотеки, дающія полную возможность заняться теоретической разработкой вопроса. Въ совершенно иныя условія поставлены провинціальные практики: стоя близко къ народу, они въ громадномъ большинствѣ случаевъ совершенно лишены возможности освѣтить свой путь сколько-нибудь обстоятельнымъ знакомствомъ съ литературой предмета". „Указатель" и поставилъ своей задачей помочь провинціаламъ въ этотъ отношеніи. Составители остановились при этомъ только на *главномъ* въ литературѣ предмета, понимая „крестьянскій вопросъ" въ узкомъ смыслѣ слова и сосредоточивъ свое вниманіе на работахъ, освѣщающихъ экономическое и юридическое положеніе крестьянъ.

„Указатель" поэтому принялъ слѣдующіе отдѣлы и подъотдѣлы: а) Крестьяне на Западѣ. б) Крестьянскій вопросъ въ Россіи: I. Происхожденіе крестьянъ. Происхожденіе крѣпостного права. II Развитіе крѣпостного права. Помѣщичье хозяйство при крѣпостномъ правѣ. III. Освобожденіе крестьянъ. IV. Крестьянскій вопросъ послѣ освобожденія: а) общіе вопросы, б) землевладѣніе и земледѣліе, в) кустарная промышленность, г) артели, д) кредитъ, кооперація, е) сельскіе рабочіе, ж) переселеніе и отхожіе промыслы, з) ростовщичество, и) нищенство и призрѣніе, і) крестьянскій судъ и законъ о крестьянахъ. Обычное право.

Во всѣхъ этихъ отдѣлахъ указано свыше 200 книгъ, статей и брошюръ. Выборъ сдѣланъ вдумчиво и удачно. „Указатель" безусловно принесетъ огромную пользу и провинціаламъ, и столичнымъ жителямъ, но онъ всетаки не лишенъ нѣкоторыхъ недостатковъ, которые мы и считаемъ необходимымъ здѣсь отмѣтить.

Мы не будемъ останавливаться на отдѣльныхъ книгахъ (хотя можно было бы, напр., отмѣтить отсутствіе книги г. Прокоповича о русскомъ кооперативномъ движеніи или признать нецѣлесообразной ссылку на книгу г. Осипова „Пособіе для устройства промышленныхъ и кустарныхъ артелей", изд. 1897 г., когда позднѣйшія новеллы внесли въ законъ объ артеляхъ существенныя измѣненія и т. д.), но укажемъ на отдѣлы, отсутствіе которыхъ особенно чувствуется въ „Указателѣ". Такъ, напр., совершенно нѣтъ указаній на тему объ отношеніи между земствомъ и крестьянствомъ (вопросъ о цензѣ, который подвергался за послѣднее время тщательной обработкѣ въ литературѣ и земской, и общей), слабо разработанъ вопросъ о земскихъ начальникахъ (для этого достаточно было бы привести рядъ статей по внутреннему обозрѣнію, хотя бы изъ „Вѣстника Европы"). Совершенно не затронутъ вопросъ о народномъ образованіи, которое несомнѣнно имѣло огромное вліяніе и на юридическое, и на экономическое положеніе кре-

стьянства; ничего не говорится о страховомъ дѣлѣ, хотя пожаръ—одинъ изъ сильнѣйшихъ экономическихъ недуговъ деревни; не разработанъ и вопросъ о народномъ здравіи, представляющій огромный интересъ и вообще, и въ связи съ отходомъ.

Конечно, эти отдѣлы будутъ, вѣроятно, понемногу пополняться при слѣдующихъ изданіяхъ, которыхъ „Указатель" дождется, думаемъ, въ непродолжительномъ времени, такъ какъ нужда въ немъ несомнѣнно очень большая.

Великіе люди изъ простого званія. Пересказалъ **Е. Чижовъ.** Съ рисунками. 1) Стефенсонъ, изобрѣтатель желѣзныхъ дорогъ. 2) Фультонъ, изобрѣтатель пароходовъ. 3) Уаттъ, изобрѣтатель паровыхъ машинъ. 4) Ливингстонъ, знаменитый путешественникъ по Африкѣ.

„Великіе люди изъ простого званія"—эта тема, думается намъ, какъ нельзя кстати въ настоящее время. Она будетъ обслуживать общество съ двухъ сторонъ: на читателя изъ „народа" она произведетъ подбадривающее дѣйствіе, привилегированнымъ напомнитъ о тѣхъ услугахъ, которыя „народъ" оказалъ и оказываетъ нашей культурѣ и цивилизаціи. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ мы знаемъ, что все матеріальное богатство человѣчества создано руками и горбомъ „народа" или, говоря словами настоящей серіи, „людьми изъ простого званія". Но многіе ли знаютъ, что все богатство идей и образовъ, которыми гордится современное человѣчество, обязано въ значительной степени своимъ происхожденіемъ и развитіемъ тѣмъ же „великимъ людямъ изъ простого званія". Намъ невольно вспоминается небольшая, но изящная статейка В. В. Стасова: „Артистическая статистика". Этотъ критикъ просмотрѣлъ происхожденіе цѣлаго ряда нашихъ знаменитыхъ художниковъ, скульпторовъ, граверовъ и т. д. и былъ пораженъ подавляющимъ числомъ лицъ „низкаго званія и происхожденія", которыя заполняютъ списки нашихъ знаменитостей въ области искусства. То же, вѣроятно, имѣетъ мѣсто и среди дѣятелей науки чистой и прикладной, литературы, политики... Названная серія, по крайней мѣрѣ, напоминаетъ намъ объ этомъ.

Пересматривая отдѣльныя книжечки этой серіи, мы можемъ отмѣтить рядъ положительныхъ сторонъ даннаго предпріятія. Изложены онѣ простымъ, легкимъ языкомъ; свободны отъ фактическихъ, по крайней мѣрѣ грубыхъ, ошибокъ, которыя бы бросались въ глаза; изданы очень опрятно и дешево. Но тѣмъ не менѣе данная обработка указанныхъ темъ обладаетъ и нѣкоторыми существенными недостатками. Прежде всего слабо или даже почти не очерчена та историческая среда, которая выдвинула того или другого изъ великихъ людей, привлекшихъ на себя вниманіе автора, и великій человѣкъ является передъ читателемъ, какъ

„deus ex machina“. Во-вторыхъ, авторъ недостаточно показываетъ на конкретныхъ фактахъ, какъ то и другое изъ великихъ открытій и изобрѣтеній оказалось, дѣйствительно, великимъ и за что оно въ такой рангъ возведено. Наконецъ, изложеніе слишкомъ мало драматизировано, слишкомъ оно мѣстами протокольно, что для такихъ популярныхъ работъ является несомнѣннымъ недостаткомъ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются***. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Өедоръ Смородскій. Пѣсня человѣка. Стихотворенія. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Владиміръ Ж. Бѣдная Шарлотта. Поэма. Спб. 1904. Ц. 5 к.

Осенніе цвѣты, покрытые снѣгомъ. Стихотворенія ***Александры Костомаровой***. Спб. 1902.

М. В. Глѣбовъ. Сибирь. Стихотворенія. Семипалатинскъ. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Ольга Шапиръ. Инвалиды и новобранцы. Спб. 1905. Ц. 1 р.

В. Висковскій. Разсказы. Т. I. Изд. 2-е. М. 1904. Ц. 1 р.

Е. Милицына. Разсказы. М. 1905. Ц. 1 р.

Алексѣй Худековъ. На пашнѣ. Очерки и разсказы. Спб. 1905. Ц. 80 к.

Библіотека для юношества. Подъ гнетомъ инквизиціи. Историческая повѣсть ***А. Алтаева***. Изд. П. П. Сойкина. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

К. Михайловъ-Стоянъ. Еврей-Ивановъ. Двадцать лѣтъ на цѣпи. Спб. 1904.

П. С. Уваровъ. Типы и нравы Сахалина. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Избранныя русскія пословицы. Составилъ ***П. Богомазовъ***. М. 1905. Ц. 20 к.

Ради хлѣба насущнаго. Романъ. ***Клары Фибигъ***. Переводъ В. Кошевичъ. Изд. „Посредника“. М. Ц. 1 р. 50 к.

Эскизы ***Петера Альтенберга***. Переводъ А. и Е. Герцыкъ. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1904. Ц. 50 к.

Изъ дневника ***Амієля***. Пер. съ франц. М. А. Толстой. Подъ редакціей и съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. 2-е изд. „Посредника“. М. 1905. Ц. 40 к.

Дочь Лигійскаго царя, или изъ царства тьмы къ царству свѣта. Романъ. По Сенкевичу. Составила ***В. Лунъянская***. Изд. „Посредника“. М. 1904. Ц. 50 к.

Безъ семьи. ***Гекторъ Мало***. Переводъ (въ сокращеніи) О. Н. Поповой. Спб. 905. Ц. 40 к.

Генрихъ фонъ-Клейстъ. Михаилъ Кольгазъ (Изъ старинной хроники). Переводъ О. Ф. Брандтъ. Спб. 1904. Ц. 40 к.

М. Г. Болквадзе. Исповѣдь адвоката. 2-е изд. книгоиздательства „Югъ“. Кіевъ. 1904. Ц. 60 к.

Джорджъ-Генри Льюисъ. Біографическій очеркъ съ его портретомъ. ***Н. В. Волкова***. Владикавказъ. 1904. Ц. 15 к.

И. Я. Стечькинъ. Максимъ Горькій. Его творчество и его значеніе въ исторіи русской словесности и въ жизни русскаго общества. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Н. Карповъ. Чеховъ и его творчество. Спб. 1904. Ц. 40 к.

И. И. Гливенко. Типы героевъ въ литературѣ въ ихъ отношеніи къ дѣйствительности. Кіевъ. 1904.

Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Вып. II. Ч. 2-я. Составилъ ***В. Зелинскій***. Изд. 4 е. М. 1905. Ц. 2 р.

Полное собраніе сочиненій ***Н. М. Астырева***. Въ волостныхъ писаряхъ. Очерки крестьянскаго самоуправленія. Т. I. Изд. 3-е. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Профессоръ ***Мих. Грушевскій***.

Очеркъ исторіи Украинскаго народа. Изд. Т-ва „Общественная Польза". Спб. 1904. Ц. 2 р.

Собраніе сочиненій ***Н. И. Костомарова***. Историческія монографіи и изслѣдованія. Книга четвертая. Тт. IX—XI. Изд. „Литературнаго Фонда". Спб. 1904. Ц. 4 р.

А. Бэнъ. Психологія. Переводъ съ англійскаго пр.-доц. Вл. Н. Ивановскаго. Т. II. Изд. маг. „Книжное Дѣло". М. 1905.

Фридрихъ Энгельсъ. Философія, политическая экономія, соціализмъ. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія. Изд. В. И. Яковенко. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Гансъ Корнеліусъ. Введеніе въ философію. Переводъ съ нѣмецкаго Г. А. Котляра, подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. Н. Н. Ланге. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1905. Ц. 2 р.

Гаральдъ Геффдингъ. Философскія проблемы. Переводъ съ нѣмецкаго Г. А. Котляра. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1904. Ц. 50 к.

Собраніе сочиненій ***Артура Шопенгауэра***. Въ переводѣ и подъ редакціей Ю. И. Айхенвальда. Вып. XI. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1904.

В. Богучарскій. Изъ прошлаго русскаго общества (книгоиздательство М. В. Пирожкова). Спб. 1904. Ц. 2 р.

Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета (1805—1819). Разсказы по архивнымъ документамъ. ***Н. Булича***. Ч. II. Изд. 2-е. Спб. 1904. Ц. 3 р.

М. П. Манасеинъ. Матеріалы къ столѣтнему юбилею Казанскаго университета. Спб. 1904.

Великія реформы шестидесятыхъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ. Подъ редакціей ***І. В. Гессена*** и пр.-доц. ***А. И. Каминка***. Т. I. ***К. К. Арсеньевъ***. Законодательство о печати. Книгоиздательство П. П. Гершунина и К°. Спб. 1903. Ц. 1 р. 25 к. — Т. II. ***І. В. Гессенъ***. Судебная реформа. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Законы о крестьянахъ и крестьянскихъ учрежденіяхъ. Вып. I. Общія положенія о крестьянахъ. ***П. Богомазовъ***. М. 1905. Ц. 60 к.

Мотивы преобразованія мѣстныхъ учрежденій. Мнѣніе члена Волынскаго губернскаго совѣщанія ***Г. Н. Бобрикова***. 1904.

Избранныя рѣчи и статьи ***Генри Джорджа***. Переводъ съ англійскаго. С. Д. Николаева. Изд. „Посредника". М. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

А. С. Пругавинъ. Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ сектантствомъ. Съ критическими замѣчаніями духовнаго цензора. Изд. „Посредника". М. 1905. Ц. 60 к.

Арсеній, епископъ Псковскій. Изслѣдованія и монографіи по исторіи Молдавской церкви. Спб. 1904. Ц. 3 р.

Изъ исторіи общественныхъ теченій. ***К. Каутскій***. Перев. Е. К. и И. Н. Леонтьевыхъ.

Историко - политическая библіотека № 6. ***Л. В. Новгородцевъ***. Германія и ея политическая жизнь. Изд. т-ва „Знаніе". Спб. 1904. Ц. 1 р. 20 к.

Идеалы соціальной политики. ***В. Зомбартъ***. Переводъ съ нѣмецкаго П. Ф. Теплова. Изд. 2-е т-ва „Знаніе". Спб. 1905. Ц. 40 к.

Земля и люди. ***Э. Реклю***. Вып. VII. Германія. Переводъ съ французскаго, подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

Каѳедра физической географіи въ Новороссійскомъ университетѣ (1880—1904). ***А. Классовскаго***. Одесса. 1905.

Сергѣй Рунинъ. Въ Манчжуріи Спб. 1904. Ц. 1 р.

П. Головачевъ. Россія на Дальнемъ Востокѣ. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Изданіе ***Кранихфельдъ***.— Политическія и экономическія задачи Японіи. Харьковъ. 1905. Ц. 45 к.

Графъ ***Э. Ревентловъ***. Русско-Японская война. Вып. I—III. Цѣна выпуска 30 к. Спб. 1904.

Проф. ***И. Х. Озеровъ***. Экономическая Россія и ея финансовая политика. Изд. Д. С. Горшкова. М. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

Николай Бухъ-Полтевъ. Данныя механики къ выясненію общественно - экономическихъ вопросовъ. Харьковъ. 1905. Ц. 80 к.

Рудольфъ Штаммлеръ. Закономѣрность правового порядка и народнаго хозяйства. Кіевъ. 1904. Ц. 15 к.

Гр. ***Сергѣй Толстой***. О составѣ крестьянскаго сословія. Изд. журнала „Русская Мысль". М. 1904.

А. А. Кофодъ. Опыты самостоятельнаго перехода крестьянъ къ хозяйству на отрубныхъ участкахъ надѣльной земли. Спб. 1904.

Очерки по крестьянскому вопросу. Собраніе сочиненій подъ редакціей проф. ***А. А. Мануилова***. Вып. II. Изд. Д. С. Горшкова. М. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

С. Н. Прокоповичъ. Мѣстные люди о нуждахъ Россіи. Изд. Е. Д. Кусковой. Спб. 1904. Ц. 2 р.

Проф. ***В. А. Косинскій***. Къ во-

просу о мѣрахъ къ развитію производительныхъ силъ Россіи. Одесса. 1904.

Сборникъ свѣдѣній для опредѣленія убытковъ, причиняемыхъ культурнымъ растеніямъ градобитіями и др. асмосферическими вліяніями и пр. Составилъ ***В. А. Таргонскій.*** М. 1904. Ц. 2 р.

Климатологія въ связи съ климатотерапіей и гигіеной. ***А. Классовскаго.*** Одесса. 1904.

Территорія и населеніе врачебныхъ раіоновъ Московской губ. ***В. С. Лебедева.*** Изд Московск. Губернскаго земства. М. 1904.

Научный архивъ Виленской окружной лѣчебницы №№ 3—4. Вильна.1904.

Неорганическая химія (Начальный курсъ). Пр.-доц. ***А. Реформатскаго.*** М. 1905.

Символы элементарной математики. Проф. ***А. Классовскаго.*** Одесса. 1905.

Педагогическая мысль. Изд. коллегіи Павла Галагана. Подъ редакціей И. А. Сикорскаго и пр.-доц. И. И. Гливенко. Кіевъ. 1904.

Г. К. Дорофеевъ. Къ вопросу о реформѣ средней школы. Варшава.1904.

П. Сакулинъ. Сборникъ статей для упражненія въ знакахъ препинанія. Второе изд. М. 1904. Ц. 25 к.

Книги для дѣтскаго чтенія. Учебники и учебныя пособія. Составилъ ***Н. В. Чеховъ.*** Изд. П. Д. Путиловой. М. 1905. Ц. 25 к.

Вода и ея значеніе въ природѣ. ***М. Пряслова.*** Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1904. Ц. 50 к.

О пьянствѣ. Врача ***О. В. Аптекмана.*** № 6. Изд. коммиссіи по распространенію гигіеническихъ знаній въ народѣ. М. 1904. Ц. 4 к.

Библіотека для нашихъ дѣтей: ***А. Востромъ.*** Сестра Вѣрочка. Ц. 15 к.— ***Э. Томпсонъ.*** Разсказы изъ жизни животныхъ. Ц 25 к. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1905.

Библіотека для всѣхъ: Междуусобица. ***В. Измайловъ.*** Ц. 1 к.—Въ госпиталѣ. ***Ив. Нажививнъ.*** Ц. 3 к. — Въ одиночку. ***В. Беренштамъ.*** Ц. 3 к.—Въ стѣнахъ. ***Ив. Нажевина.*** Ц. 10 к.—На китайской рѣкѣ. ***Л. Мельшина.*** Ц. 10 к. Изд. О. Н. Рутенбергъ и А. И. Жуковой. Спб. 1904.

Разсказы о подвигахъ человѣческаго ума и о чудесахъ науки. Ц. 30 к. — Разсказы о дѣлахъ въ царствѣ животныхъ. Ц. 35 к.—Разсказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы. Ц. 25 к. Составилъ ***Н. А. Рубакинъ.*** Каталогъ книгъ для школьныхъ, народныхъ, публичныхъ и домашнихъ библіотекъ. Ц. 15 к. Изд. книжн. склада „Школьное Дѣло". Спб. 1904.

Изданія Горбунова-Посадова: Мой цвѣтникъ. Ц. 15 к.—Наши комнатныя растенія. Ц. 10 к. Составила ***Е. Ельманова.***—Какъ дѣлать крестьянскія вѣялки и молотилки. Ц. 6 к. — Человѣкъ, животныя и растенія. ***О. Шмейлъ.*** Вып. I. — 70 к., II — 90 к. Плодовое садоводство. ***Е. И. Поповъ.*** Ц. вып. I—60 к., вып. II—15 к.— Почва, ея обработка и удобреніе. Проф. ***П. А. Костычевъ.*** Ц. 1 р.— О борьбѣ съ засухами посредствомъ обработки полей и накопленія на нихъ снѣга. ***Его же.*** Ц. 20 к. М. 1905.

Сокровища искусства. Вып. I. Изд. т-ва „Просвѣщеніе".

К. Михайловъ-Стоянъ. Къ столѣтнему юбилею М. И. Глинки. Спб. 1904.

Генезисъ, анализъ и методъ естественнаго пѣнія. ***Его же.*** Спб. 1904.

Г. Риманъ. Музыкальный словарь. Изд.П. Юргенсона. Вып. XIX. М. 1904.

Указатель источниковъ для ознакомленія съ Южной Русью. Составилъ ***Д. Дорошенко.*** Спб. 1904. Ц. 40 к.

Главнѣйшія предварительныя данныя переписи г. Москвы 31 января 1902 г. Вып. 4-й. М. 1904.

Труды IX Пироговскаго съѣзда. Подъ редакціей д-ра П. Н. Булатова. Спб. 1904.

В. Норовъ. Казенная винная монополія при свѣтѣ статистики. Ч. I. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Сводъ свѣдѣній о финансовыхъ результатахъ и главныхъ оборотахъ по казенной продажѣ питей 1903 г. Спб. 1904.

Л. Ѳ. Снегиревъ. Подставные акціонеры. М. 1904.

J. Baudouin de Courtenay. Kwestya Alfabetu litewskiego w panstwie Rosyjskiem i jej rozwiazanie. Krakow. 1904.

Turcs et Grecs contre les Bulgares en Macédoine. Paris. 1904.

Отчетъ русскаго литературнаго кружка въ г. Ригѣ за 1903—4 годъ. Рига. 1904.

Отчетъ о состояніи Роменской общественной библіотеки за 1903 г. Ромны. 1904.

Meister Martin der Rufner, erzählung von E. T. ***A. Hoffmann*** bearbeitet von Pl. Linkewicz. Изд. книжнаго магазина. К. М. Тихомірова М. Ц. 35 к.

Specimens of english lyrical poetry, selected bu Dr. ***Thor Lange.*** Moscow. 1904. Ц. 26 к.

Господа юнкеры.

(Письмо изъ Германіи).

I.

Внѣклассовой и внѣпартійный характеръ монархической власти неоднократно получалъ въ научной литературѣ свое теоретическое обоснованіе. Однимъ изъ наиболѣе блестящихъ опытовъ въ этомъ отношеніи является безспорно попытка Лоренца фонъ Штейна нарисовать, при помощи гегелевской философіи и исторіи французскаго соціальнаго движенія, призваніе и цѣли безстрастной идеальной монархіи. „Королевство, какъ носитель чистой государственной идеи, стоитъ надъ общественными классами и ихъ противоположностью. Какъ личное представительство личности государства, оно съ необходимостью стремится къ самостоятельному вмѣшательству въ его движеніе. Но господствующій общественный классъ выступаетъ противъ него и желаетъ захватить государство въ свои руки. Борьба, которая возникаетъ отсюда между этимъ классомъ и королевствомъ, нѣкоторое время можетъ длиться съ мѣняющимся успѣхомъ и безъ окончательнаго результата. Но, въ концѣ концовъ, въ этой борьбѣ королевство всегда оказывается побѣжденнымъ и или изгоняется вовсе, или превращается въ лишеннаго всякой самостоятельности представителя государства. Въ противномъ случаѣ общественный строй уничтожается извнутри безнравственными средствами, и тогда вмѣстѣ съ гибелью моральности и свободы погибаютъ постепенно и общество, и государство. Въ этой борьбѣ королевство имѣетъ только единственный вѣрный путь для сохраненія своей самостоятельности и своего высокаго положенія. Это — во имя народнаго благосостоянія и свободы, со всею разсудительностью достоинствомъ и силой, которыя пристойны высшей власти въ государствѣ, стать во главѣ соціальной реформы. Всякое королевство или превращается въ пустую тѣнь или извращается въ деспотію, или, наконецъ, становится почвой для возникающей республики, если оно не имѣетъ высокаго нравственнаго мужества стать царствомъ соціальной реформы“ *). И такой прогрессивный писатель, какъ проф. Антонъ Менгеръ, не считаетъ „невозможнымъ“ „соглашеніе между монархіей и неимущими классами“. „Правда,— замѣчаетъ по этому поводу авторъ,— въ Германіи и Италіи—но не въ Англіи—монархическія и рабочія партіи

---

*) Lorenz von Stein. Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich. 1850. Leipzig, B. III, S. 49.

стоятъ, по большей части, на почвѣ безпощадной борьбы и враждебности", однако это является для него не убѣдительнымъ: примѣръ перехода „Константина I къ христіанству" даетъ ему увѣренность въ томъ, что не менѣе возможенъ и переходъ монархіи къ коллективизму. Понятно отсюда утвержденіе автора, что „цѣлесообразная политика династій у англичанъ, нѣмцевъ и другихъ германскихъ націй можетъ добиться того, что монархія и послѣ введенія новаго общественнаго строя останется обезпеченной еще на долгое время, а, можетъ быть, и на неопредѣленный срокъ". Примѣромъ такого развитія подъ общимъ кровомъ монархіи Менгеръ справедливо считаетъ Англію. Въ этой странѣ „уже болѣе двухъ столѣтій не было сдѣлано никакой попытки къ государственному перевороту; наиболѣе широко идущія народныя желанія здѣсь были удовлетворены путемъ законодательства. Континентальный военный и полицейскій гнетъ здѣсь почти неизвѣстенъ. Съ справедливой гордостью можетъ британецъ указать на то обстоятельство, что вѣрность законамъ въ его отечествѣ не только требуется отъ низшихъ классовъ населенія, но и на дѣлѣ осуществляется сильными міра, а личная свобода массъ неприкосновенна для придворныхъ или аристократическихъ интересовъ. Весьма вѣроятно поэтому, что и соціальный вопросъ въ Англіи будетъ разрѣшенъ при помощи продолжительнаго законодательнаго и административнаго развитія и при сохраненіи монархіи". „Гораздо менѣе благопріятно все политическое положеніе въ Германіи". Здѣсь не только совершился цѣлый рядъ государственныхъ переворотовъ, который закончился въ послѣднее время исключительнымъ законодательствомъ культуркампфа и закономъ о соціалистахъ, но къ этому присоединился еще „все возрастающій военный и полицейскій гнетъ, благодаря которому личная свобода широкихъ народныхъ массъ была ограничена во имя далеко лежащихъ, по большей части, имъ непонятныхъ цѣлей". Эти и подобныя вліянія вызвали въ нѣмецкомъ народѣ революціонныя стремленія въ такомъ объемѣ, о которомъ не смѣли даже приблизительно помышлять самые отчаянные фантазеры революціи" *).

И это вполнѣ понятно. Прусская монархія уже во время своего абсолютнаго періода далеко не была внѣклассовымъ или надклассовымъ господствомъ. Правда, старое нѣмецкое государство полицейскаго типа никакого „общества" не знало, оно дѣлило всѣхъ жителей государства только на два разряда: на управляющихъ и управляемыхъ, и никакими соціальными вопросами не задавалось. Къ управляющимъ и опекающимъ оно причисляло, такъ называемые, привилегированные классы или сословія, къ подвластнымъ и опекаемымъ—всѣ остальныя. Задачей первыхъ

*) A. Menger. Neue Staatslehre. Jena. 1903. S. 219—225.

было преуспѣвать въ наукахъ и искусствахъ, въ свойственныхъ „благороднымъ“ и „среднему разряду людей“ добродѣтеляхъ, вторые же должны были своимъ трудомъ содержать первыхъ и преуспѣвать въ добродѣтеляхъ „хамскихъ“, основными заповѣдями которыхъ были: смиреніе, терпѣніе, послушаніе и трудолюбіе. Никакого общества въ этой массѣ атомизированныхъ индивидовъ, связанныхъ другъ съ другомъ только механически, старая наука и государство не видѣли, а старались только о томъ, какъ бы похитрѣе изобрѣсти такую механику, которая охватила бы каждаго отдѣльнаго индивида тысячью петель, связала бы его цѣлою сѣтью различныхъ административныхъ инстанцій съ единымъ общимъ центромъ и сдѣлала бы изъ него только маленькій рычагъ, колесико или винтикъ для свыше назначенныхъ цѣлей. Однако нѣтъ никакого сомнѣнія, что старое нѣмецкое государство было тоже одной изъ формъ соціальнаго господства однихъ общественныхъ группъ и классовъ надъ другими; особенность этого господства заключалась только въ томъ, что властвующіе общественные слои цѣликомъ отождествляли себя съ государствомъ и свои узко-кастовые интересы прикрывали гордымъ знаменемъ общаго блага. Подобное явленіе въ старомъ нѣмецкомъ государствѣ можно, конечно, не иначе назвать, какъ узурпаціей государственной власти въ цѣляхъ монопольнаго господства привилегированныхъ классовъ надъ непривилегированными; и въ цѣляхъ именно этой узурпаціи властвующимъ элементамъ чрезвычайно важно было отождествить именно себя съ государствомъ, выдѣливъ всѣ остальныя подвластныя сословія и классы въ видѣ „народа“.

Какъ извѣстно, подобное противоположеніе между „правительствомъ“, съ одной стороны, и „народомъ“—съ другой, достигло въ старомъ нѣмецкомъ государствѣ чрезвычайнаго развитія. Между этими двумя полюсами не было ничего общаго, кромѣ того, что правительство повелѣвало, а народъ повиновался. Безграничная и мелочная опека свыше, чрезвычайное развитіе произвольныхъ и дисциплинарныхъ наказаній, крайне тяжелая матеріальная зависимость подданныхъ отъ господъ, а сплошь и рядомъ безысходная нужда—такова была обстановка, предназначенная различными большими и маленькими нѣмецкими фюрстами и ихъ правящими классами для того, что тогда называлось „народомъ“.

И когда настало время „сумасшедшаго года“ и его реформъ, неминуемо и неизбѣжно вышелъ наружу тотъ союзъ между абсолютизмомъ и феодально-юнкерскими интересами, который одинъ изъ демократическихъ писателей современности называетъ „монархически лгущей тиранизаціей монархіи“. Рядомъ съ интересами „колеблющагося трона“ внезапно оказались гораздо болѣе задѣтыми и болѣе сильными, чѣмъ тронъ, интересы феодальнаго дворянства. Защищая абсолютизмъ короны, юнкерство на самомъ

желѣзъ защищало только свой собственный абсолютизмъ. Монархъ оказался на положеніи „перваго слуги феодальнаго дворянства“; его самодержавіе получило характеръ власти не столько „Божьей милостью“, сколько милостью юнкеровъ. И реакціонное юнкерство нисколько не стѣснялось высказать совершенно открыто свои права на абсолютизмъ и на его дальнѣйшее поддержаніе.

Въ своей статьѣ „о необходимости и святости абсолютизма“ графъ Бресслеръ слѣдующимъ образомъ привѣтствовалъ въ 1850 году „утро“ наступающей реакціи: „Мы должны возвратиться къ абсолютной монархіи, мы должны возстановить наше дворянство“. И въ интересахъ этого послѣдняго почтенный графъ отрицалъ даже право короля распоряжаться своею короною: „Корона не есть собственность короля, который ее носитъ. Онъ не уполномоченъ распоряжаться ею или ея отдѣльными правами по своему усмотрѣнію. Если бы одинъ изъ королей сдѣлалъ что-нибудь подобное, то этимъ самымъ онъ отрекся бы отъ нея совершенно... Если бы, однако, онъ осуществилъ силу на мѣсто права и... уменьшилъ въ дѣйствительности права короны, то въ такомъ случаѣ очень скоро разорвался бы тотъ волосокъ, на которомъ Провидѣніе укрѣпило мечъ надъ его головою. Лучше республика, чѣмъ выполненіе подобнаго плана, заключающаго въ себѣ насиліе надъ священными правами короны; лучше пусть короны не будетъ совсѣмъ, чѣмъ останется опозоренная корона“. И эти безспорно измѣнническія слова достойно дополнилъ въ свое время Леопольдъ фонъ Герлахъ, который прямо противопоставилъ королю самодержавнаго феодала: „Король есть власть, установленная Божіею милостью для обузданія плоти; но точно такъ же вотчинный господинъ есть Божіей милостью отецъ королевскаго права“. Вполнѣ понятно отсюда, что когда 2 апрѣля 1848 года князь Лихновскій предложилъ проектъ благодарственнаго адреса королю за его уступки конституціонному принципу, то господинъ Бисмаркъ, представитель саксонскаго рыцарства, голосовалъ противъ этого адреса, такъ какъ вполнѣ естественно полагалъ, что безъ согласія феодаловъ король не смѣетъ распоряжаться своею властью: „Прошлое похоронено“, говоритъ этотъ геніальный юнкеръ: „и корона сама бросила землю на свой собственный гробъ“. Скоро, однако, подъ вліяніемъ юнкерства корона открыла этотъ гробъ и вызвала оттуда чудовище трехкласснаго избирательнаго закона. Съ этихъ поръ прусское феодальное дворянство уже не пряталось болѣе за спиною королей и не дѣлало изъ правительства одной только ширмы для прикрытія своихъ махинацій. Свои классовые интересы провозгласило оно высшей цѣлью самого прусскаго государства и постаралось обосновать свое открытое господство и надъ королемъ, и надъ правительствомъ, и надъ народомъ.

Указомъ 30 мая 1849 года была создана прусская избира-

тельная система, которая, вопреки обезпеченному по конституціи 8 апрѣля 1848 года всеобщему и равному избирательному праву, установила насильственнымъ путемъ уродливое преобладаніе феодаловъ надъ массой прусскаго населенія, а при помощи прусскаго ландтага и надъ германской имперіей. Прусское избирательное право не имѣетъ себѣ равнаго въ исторіи. Прежде всего, по признанію такихъ представителей консервативнаго принципа, какъ Шталь, оно съ формальной стороны совершенно противозаконно: „Мы готовы признать,—говорилъ онъ въ первой камерѣ въ 1849 году,—что это революція, на почвѣ которой мы находимся сейчасъ, благодаря этому акту (т. е. избирательному указу)... Мы признаемъ, что на этомъ указѣ 30 мая тяготѣетъ вина, однако, не вина тѣхъ, которые издали этотъ законъ, но вина тѣхъ, которые добивались и достигли всеобщаго избирательнаго права. Мы согласны, что наша точка зрѣнія, при обсужденіи этого закона, находится въ области высшей справедливости, чѣмъ обыкновенное право, которое держится только за внѣшность писаннаго закона..." На этой точкѣ зрѣнія, отрицанія права во имя „высшей справедливости", и остались стоять прусскіе феодалы. Они считали „невыносимой тираніей" равное участіе всѣхъ гражданъ государства въ народномъ представительствѣ на ряду съ „образованнымъ и состоятельнымъ классомъ". Для нихъ только однѣ „руки" были приспособлены къ тому, чтобы „содѣйствовать благу отечества", и это руки всѣхъ тѣхъ, кто не принадлежитъ къ „такъ называемому народу". По своему содержанію избирательный прусскій законъ дѣлаетъ совершенно нѣмой и безгласной громадную массу народа и 85% всего населенія отдаетъ на полный произволъ пятнадцати-процентнаго меньшинства. Удивительнѣйшая система ценза процѣживаетъ избирателей при помощи искусственнаго классоваго сита и обезпечиваетъ разъ навсегда полное и нерушимое господство состоятельнымъ классамъ населенія,—прежде всего феодальному юнкерству. И сколько бы ни возрастало малосостоятельное населеніе въ числѣ, въ какой бы мѣрѣ оно ни несло на себѣ тяжесть государственныхъ налоговъ, оно ни на одну минуту не можетъ повліять на составъ прусскаго представительства и ослабить власть своихъ прирожденныхъ господъ. Это избирательное право данаидъ. Въ немъ безслѣдно исчезаетъ народъ со своими интересами и стремленіями. Народъ здѣсь паріи, которые безпрестанно носятъ воду рѣшетомъ. И если Пруссія, охваченная новымъ индустріальнымъ развитіемъ, идетъ гигантскими шагами впередъ по пути соціальной „интеграціи" и „дифференціаціи", то весь этотъ процессъ нисколько не отражается на твердости и устойчивости прусскаго политическаго механизма. Исторія идетъ мимо и его не касается *).

*) Der preussische Landtag, herausgegeben von Paul Hirsch. Berlin. 1903, стр. 16 и слѣд.

Самое производство выборовъ въ не меньшей степени содѣйствуетъ нерушимому господству прусскаго юнкерства. Благодаря открытой подачѣ голосовъ, всякій избиратель непосредственно поставленъ подъ надзоръ своихъ хозяевъ и работодателей и рискуетъ всѣмъ своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ въ случаѣ своего несогласія съ политическими убѣжденіями господина. И консервативная печать не постыдилась оправдывать такое насиліе надъ гражданиномъ высокими нравственными мотивами и представить стремленія къ тайному производству выборовъ въ качествѣ тенденціи скрыть что-то „боящееся свѣта", какъ трусость въ высказываніи „самостоятельнаго убѣжденія". За высказываніе своихъ убѣжденій, конечно, феодалы ничѣмъ не рискуютъ, ихъ нравственность поэтому не можетъ быть заподозрѣна. Бѣдность въ ихъ глазахъ есть достаточное основаніе для того, чтобы требовать отъ бѣдняка еще нравственнаго героизма. Установленное въ 1858 году раздѣленіе на избирательные округа еще лучше оттѣняетъ всю систему. Она совершенно не желаетъ знать роста городского населенія и грандіознаго увеличенія богатствъ въ городахъ. Будучи основана на системѣ имущественнаго ценза, она предоставляетъ городу Берлину всего девять депутатскихъ мѣстъ, въ то время какъ 150 консервативныхъ депутатовъ врядъ ли по высотѣ платимыхъ ихъ участками налоговъ могутъ сравниться съ столицей нѣмецкаго государства. Благодаря такому раздѣленію участковъ, бѣдныя вотчинныя и сельскія мѣстности получаютъ искусственное преобладаніе надъ населенными и богатыми городами и подымаютъ „капустное юнкерство" на недосягаемую высоту сравнительно съ крупными городскими капиталистами.

И другія установленія прусскаго конституціонализма не менѣе рѣшительно обезпечиваютъ абсолютизмъ патримоніальныхъ господъ. Въ палатѣ господъ созданъ спеціальный органъ для представительства феодальныхъ интересовъ, который налагаетъ свою тяжелую руку и на законодательство, и на государственное хозяйство страны. Прекрасную характеристику этому учрежденію далъ еще покойный Трейчке въ 1872 году: „Сильному государству, пожалуй, не можетъ повредить такое тасканіе на своемъ тѣлѣ мертваго члена, въ видѣ этого унизительнаго и недостойнаго собранія, и постоянное откладываніе необходимой по общему мнѣнію реформы, какъ уплаты денегъ по ненадежному векселю. Однако, существованіе палаты господъ вредитъ твердому и послѣдовательному законодательству, колеблетъ консервативный образъ мыслей націи... Гнилое зданіе палаты господъ не выноситъ болѣе никакихъ поправокъ. Несчастный указъ 12 октября 1854 года остается поэтому однимъ изъ отвратительнѣйшихъ воспоминаній нашей исторіи... Наша первая палата показываетъ въ удивительномъ совершенствѣ всѣ пороки, которые тяготѣютъ на верхнихъ палатахъ, она оскорбляетъ гордость націи одностороннимъ упор-

ствомъ ограниченнаго государственнаго пониманія... Естественная лѣность привилегированныхъ классовъ оказывается необычайно развившейся въ этомъ мелкомъ дворянствѣ. Рѣдкія посѣщенія и безжизненные дебаты: развѣ только разбудятъ партійную страсть сословные интересы". И къ этому собранію наслѣдственныхъ законодателей изъ числа прусскаго юнкерства достойно примыкаетъ ничѣмъ неограниченное господство феодаловъ въ государственномъ управленіи, въ арміи, въ области мѣстнаго управленія и вотчинной полиціи. Въ 1903 году изъ 12 оберъ-президентовъ провинцій 9 принадлежало къ дворянству, а изъ 36 регирунгсъ-президентовъ было 26 дворянъ. Изъ 23 ландратовъ одного бреславльскаго округа 20 принадлежатъ къ юнкерскому сословію; въ потсдамскомъ округѣ и въ округѣ Кейслина всѣ ландраты безъ исключенія благородной крови. Въ кенигсбергскомъ округѣ на 19 ландратовъ приходится 13 высокорожденныхъ, а въ кельнскомъ 7 на 10. Въ Магдебургѣ изъ 14 десять обладаютъ бѣлой костью и голубою кровью.

Интересные дебаты возникли въ прусскомъ ландтагѣ по поводу преобладанія въ государственномъ управленіи не только дворянъ, но и, въ частности, бывшихъ членовъ дворянскихъ корпорацій при университетахъ. Возбудилъ ихъ профессоръ Фридбергъ, который уже нѣсколько лѣтъ борется противъ монополіи феодаловъ на государственной службѣ. И надо замѣтить, что эта монополія тѣмъ болѣе непонятна, что, какъ жаловался въ 1887 г. директоръ имперскаго отдѣла внутреннихъ дѣлъ, профессора постоянно указываютъ на возрастающую лѣность состоятельныхъ студентовъ юристовъ, въ особенности тѣхъ, которые носятъ цвѣтныя корпоративныя ленточки, а впослѣдствіи посвящаютъ себя административной дѣятельности. Полная „индифферентность ко всему", „полное отсутствіе идеальнаго воззрѣнія на жизнь", „поверхностное сужденіе обо всемъ сплеча",—таковы черты, отличающія собой этихъ избранниковъ судьбы, и это нисколько не мѣшаетъ имъ составлять невѣжественную, но, тѣмъ не менѣе, крѣпко организованную касту привилегированныхъ правителей государства. Господа корпоранты тянутъ другъ друга по лѣстницѣ служебнаго преуспѣянія и относятся съ чрезвычайной враждой и высокомѣріемъ ко всѣмъ лишеннымъ счастья имѣть семь поколѣній благородныхъ предковъ, проживать въ качествѣ „фукса" по 6000 марокъ въ годъ и носить бѣлую кепку прусскихъ государственныхъ цвѣтовъ. Но профессоръ Фридбергъ имѣлъ мало успѣха въ своей борьбѣ. Прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ фонъ-Гаммерштейнъ, самъ питомецъ корпоративной оранжереи, отвѣтилъ Фридбергу откровеннымъ панегирикомъ дворянству и корпораціямъ. При этомъ оказалось, что прусское дворянство создало въ Пруссіи самое государство, что съ нимъ Фридрихъ Великій одержалъ свои побѣды и сдѣлалъ великимъ государство

что правительство въ общемъ очень „хорошо дѣйствуетъ" при помощи дворянъ-чиновниковъ, что корпоративные дворянчики, это— „вѣрные слуги своего короля и отечества", что въ корпораціяхъ они получаютъ „великолѣпное воспитаніе", а въ силу этого, каждый корпоративный студентъ въ глазахъ министра имѣетъ „безспорное преимущество" передъ остальными. Коротко и ясно. Только для тѣхъ, кто хоть немножко знаетъ нѣмецкую жизнь, не можетъ при этомъ не представиться невольнаго вопроса: неужели же для того, чтобы быть прусскимъ чиновникомъ, нужна именно та подготовка, которую даютъ аристократическія корпораціи, неужели, въ самомъ дѣлѣ, безъ этой школы безпробуднаго пьянства, взаимнаго рѣзанія физіономій (на дуэляхъ) и нелѣпыхъ театральныхъ процессій нельзя стать способнымъ чиновникомъ, а глубокое невѣжество и твердость кастовыхъ предразсудковъ являются единственно плодотворной почвой для возрастанія пышныхъ цвѣтовъ святого Бюрократія (des heiligen Bürokratius)? Мы въ этомъ сомнѣваемся, но тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ упроченіи классового господства жаднаго и ограниченнаго юнкерства, само собою разумѣется, лучшей школы для административнаго восторга и полицейской лихости, чѣмъ корпораціи, Гаммерштейну не найти: только въ полномъ презрѣніи къ исторіи, только при ташкентской безъ азбучности можно съ такимъ трескомъ попирать принципы правового государства, какъ это дѣлаютъ подчиненные ему административные генералы и нѣмецкіе „держиморды" всевозможныхъ ранговъ и ступеней.

Владычество прусскаго юнкерства, однако, было бы не полно, если-бъ мы умолчали о тѣхъ центрахъ феодальнаго абсолютизма, которые до сихъ поръ сохранились въ Пруссіи въ видѣ патримоніальныхъ участковъ высокоблагородныхъ господъ. Какъ извѣстно, освобожденіе крестьянъ въ Пруссіи, начавшееся съ 1811 г., не столько было эмансипаціей крестьянъ отъ барской крѣпости, сколько освобожденіемъ ихъ отъ ихъ собственнаго имущества. И если, съ одной стороны, часть крестьянъ заплатила помѣщикамъ громадныя деньги за свои уцѣлѣвшіе участки, то съ другой — отдѣльнымъ вотчинамъ была присвоена полная административная автономія, и обезземеленные батраки были поставлены подъ непосредственную полицейскую власть своихъ прирожденныхъ командировъ. Для русскаго пониманія эти вотчинные участки представляютъ собою нѣчто весьма странное; въ нихъ помѣщикъ обладаетъ правами мѣстной общины; въ своей единой особѣ онъ представляетъ и общинное собраніе, и общинную власть, и плательщика податей, и раскладчика ихъ на свою собственную особу. Онъ самъ налагаетъ на себя подати для содержанія школъ и находящихся въ имѣніи мѣстныхъ дорогъ, самъ контролируетъ поступленіе этихъ податей съ самого себя, самъ расходуетъ ихъ по своему усмотрѣнію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ возводитъ себя въ

разрядъ такихъ мѣстныхъ единицъ, которыя пользуются крупными политическими правами,—смотря по размѣру платимыхъ имъ податей. И вполнѣ естественно, что, совмѣщая въ своемъ лицѣ цѣлую общину, помѣщикъ, при помощи простой канцелярской работы, можетъ создать изъ себя крупную величину въ области мѣстнаго управленія. Стоитъ ему только наложить самому на себя громадные сборы для поправки своихъ дорогъ и затѣмъ донести самому себѣ, что за эти громадныя суммы имъ сдѣланы соотвѣтственные расходы по водворенію мѣстнаго благоустройства, и дѣло въ шляпѣ. Помѣщикъ получаетъ голосъ, благодаря этой несложной операціи, и въ мѣстномъ представительствѣ, и въ привилегированномъ классѣ избирателей ландтага, и получаетъ такой же вѣсъ и вліяніе, какъ тысячи субъектовъ „такъ называемаго народа“, не имѣющіе возможности совмѣщать въ своемъ лицѣ одновременно и оцѣнщика, и заказчика, и исполнителя по совершенію важныхъ мѣстныхъ предпріятій общественнаго характера. Но важнѣе всего, конечно, тѣ полномочія, которыя дѣлаютъ помѣщика высшей полицейской властью надъ всѣмъ поселеніемъ въ предѣлахъ его вотчины. Онъ не только въ силу этого налагаетъ денежные штрафы съ замѣною ихъ соотвѣтственнымъ арестомъ, но и пользуется правомъ принуждать своихъ подданныхъ къ тѣмъ или другимъ дѣйствіямъ подъ страхомъ совершенія за ихъ счетъ этихъ работъ третьими лицами. Въ особенности, однако, полицейская власть помѣщика оказывается для нихъ полезной въ отношеніяхъ съ ихъ рабочими и челядью. Благородный господинъ здѣсь играетъ роль и судьи, и хозяина вмѣстѣ. Гдѣ не хватаетъ хозяйскаго глаза и голоднаго принужденія, тамъ дополняетъ ихъ полицейская мощь и насиліе именемъ государства. Челядь оказывается, во всякомъ случаѣ, обузданной и приведенной къ соотвѣтственной добродѣтели.

Нельзя обойти молчаніемъ и тѣ искусственныя мѣры, при помощи которыхъ прусскіе феодалы застраховываются за государственный счетъ отъ бурь и бѣдъ современнаго капиталистическаго производства и получаютъ возможность жить въ XVII вѣкѣ при наличности XX столѣтія. Мы не говоримъ здѣсь спеціально о податныхъ изъятіяхъ благородныхъ господъ, о желѣзнодорожныхъ тарифахъ и таможенныхъ пошлинахъ, которые прикрываютъ словно теплой периной страждущихъ и нуждающихся аграріевъ въ ихъ постоянной финансовой бѣдѣ, мы хотимъ отмѣтить здѣсь только тѣ любовные дары правительства аграріямъ, которые прямо выдѣляютъ ихъ въ особенный привилегированный классъ государства. Изъ такихъ мѣръ отмѣтимъ мы пока только слѣдующія: знаменитый фондъ для расширенія нѣмецкой колонизаціи среди польскихъ мѣстностей принесъ сотни милліоновъ марокъ нуждающимся нѣмецкимъ помѣщикамъ и за счетъ казны повысилъ въ громадной степени цѣнность ихъ имѣній. Въ результатѣ этого

было значительное возвышенiе ренты, которая менѣе всего можетъ считать своимъ теоретикомъ Рикардо и несомнѣнно усилила потребленiе устрицъ и шампанскаго среди обнищавшихъ землевладѣльцевъ. Учрежденiе 1900 года о рентныхъ имѣнiяхъ пришло на помощь задолженнымъ прусскимъ помѣщикамъ и за счетъ государства устроило имъ погашенiе многочисленныхъ ипотечныхъ долговъ. Цѣлый рядъ законовъ о наслѣдованiи крестьянскихъ дворовъ, установившихъ „единонаслѣдiе“ съ правомъ собственника исключать по произволу всѣхъ своихъ дѣтей, кромѣ одного, отъ наслѣдства, обезпечили помѣщикамъ резервный фондъ безземельныхъ пролетарiевъ въ качествѣ дешевой рабочей силы для культуры ихъ скромныхъ владѣнiй. Наконецъ, существованiе до сихъ поръ землевладѣльческихъ фидеикомиссовъ, выводящихъ крупныя имѣнiя изъ процесса мобилизацiи земли, создаетъ для бѣдныхъ феодаловъ неприступную твердыню экономическаго благосостоянiя, о которую разбивается весь напоръ современнаго хозяйственнаго движенiя. И въ самомъ дѣлѣ, эти имѣнiя не подлежатъ ни наслѣдственному раздробленiю, такъ какъ переходятъ только къ одному въ родѣ, ни экономическому отягощенiю, такъ какъ, по закону они свободны отъ долговъ, ни, наконецъ, продажѣ или парцелляцiи, такъ какъ не могутъ быть проданы ни съ торговъ, ни по добровольному соглашенiю. И подобныя заповѣдныя вотчины охватываютъ собою въ Пруссiи громадныя пространства земли. Къ концу 1895 года было занято фидеикомиссами не менѣе 2.121.600 гектаровъ земли. До 1889 года къ этому присоединились еще 19,000 гектаровъ, а въ слѣдующiе два года еще 52,000 гектаровъ. Эта громадная площадь земли, охватывающая собою не менѣе $^1/_{16}$ части всей Прусской монархiи, принадлежитъ всего на всего 1133 особамъ. Изъ этого пространства 200,000 гектаровъ принадлежитъ владѣтельнымъ господамъ, болѣе полмиллiона гектаровъ—63 князьямъ и другимъ персонамъ съ правами равнородства, болѣе $^3/_4$ миллiона гектаровъ—246 графамъ, 630,000 гектаровъ—571 изъ числа нетитулованныхъ дворянъ и 42,000 гектаровъ—103 затесавшимся въ ряды крупнаго землевладѣнiя представителямъ бюргерства. Крупные дворянскiе фидеикомиссы являются достойной опорой для юнкерскаго владычества въ Прусской монархiи. За стѣнами заповѣдныхъ имѣнiй современное юнкерство можетъ спокойно хранить тѣ традицiи, которыя унаслѣдованы имъ отъ рыцарскихъ грабителей средневѣковья, отъ офранцуженныхъ и развращенныхъ дворянчиковъ стараго абсолютизма, наконецъ, отъ тѣхъ неблагородныхъ, но, тѣмъ не менѣе, равнородныхъ тузовъ финансоваго мiра, которые влили въ засохшiя жилы феодальнаго хозяйства золотую струю промышленной эксплуатацiи и банковской аферы. И всѣ эти прирожденныя свойства и благопрiобрѣтенныя сокровища не только могутъ хранится въ полной безопасности въ юнкерскихъ гнѣздахъ, но и

сыграть вліятельную роль въ дѣлѣ устройства прусскаго „общаго блага". На нихъ зиждется удивительное прусское представительство помимо и безъ вѣдома народа; ими проникнута юнкерская бюрократія Пруссіи съ ея кастовой замкнутостью и презрѣніемъ къ бюргерскимъ „канальямъ"; ихъ лицемѣрнымъ духомъ и грубымъ своекорыстіемъ проникнута идеологія прусскаго консерватизма, который подъ звонкими и пышными фразами скрываетъ грубую политическую мощь и кастовую исключительность.

II.

Вѣра, монархія, народность!—вотъ девизъ, который въ старыя нѣмецкія времена производилъ воистину чудодѣйственное впечатлѣніе. И прежде всего „вѣра", „христіанство"! Припомнимъ хотя бы ту эпоху, когда, по выраженію строго-христіанскаго писателя, „волны движенія свободы, которыя залили Европу, покатились назадъ, и при возстановленіи старой монархической системы ея приверженцы думали прикрыться союзомъ со вновь ожившими христіанскими идеями и при ихъ помощи оправдать все движеніе", а „графъ Іосифъ де-Местръ, римско-католическій дипломатъ, былъ тѣмъ, кто придалъ религіозную окраску системѣ, представленной Меттернихомъ и Генцемъ". Въ это время, дѣйствительно, начала монархіи и народности вошли въ удивительное сочетаніе съ христіанствомъ, и именно идея „христіанскаго государства" стала оффиціальной основой того союза, который, по мѣткому выраженію Наполеона I, былъ ничѣмъ инымъ, какъ „une alliance des rois contre leurs peuples". Спеціально въ Пруссіи это христіанское направленіе получило особенно мощную и государственную, и полицейскую поддержку; и если здѣсь Фридрихъ-Вильгельмъ III называлъ „оглупѣвшими фанатиками" всѣхъ тѣхъ, кто не раздѣлялъ его христіанскихъ воззрѣній въ области проведенія евангелическаго единства среди его протестантскихъ подданныхъ, и почиталъ „безумными" тѣхъ родителей, которые въ теченіе 6 недѣль не крестили своихъ дѣтей, то старое прусское земское право прямо опредѣляло, что „государство... вправѣ настолько понуждать каждаго обывателя къ соблюденію внѣшнихъ обрядовъ и установленій церкви его вѣроисповѣданія, насколько отъ нихъ силою закона зависитъ опредѣленность и точность его гражданскихъ правъ". И даже революція 1848 года не устранила этой якобы христіанской тенденціи изъ прусской оффиціальной идеологіи. И хотя, благодаря этой, по выраженію Фридриха-Вильгельма IV, „самой вздорной, глупой и скверной, хотя, слава Богу, и не самой злой въ этомъ столѣтіи" революціи и совершилось то, чего менѣе всего ожидалъ король, а именно между „Господомъ Богомъ на небѣ и этой страной (т. е. Прус-

сіей) вторгся, какъ второе провидѣніе, исписанный листъ бумаги, дабы править нами при помощи своихъ параграфовъ и замѣнить ими старую святую вѣрность"; однако, и здѣсь въ октроированной конституціи 1850 г. въ ст. 146 было сказано: „христіанская религія полагается въ основаніе при тѣхъ установленіяхъ государства, которыя стоятъ въ связи съ отправленіемъ религіи"... Такъ Пруссія даже при своемъ новомъ порядкѣ ревниво охраняла свой христіански-прусскій принципъ, и вполнѣ понятно, что именно эта идея христіанскаго государства стала опорой, съ одной стороны, полицейско-религіозной практики въ Пруссіи, съ другой же—аграрно-юнкерскаго міровоззрѣнія.

Раскроемъ книжку, изданную оффиціально вождями консервативной партіи къ минувшимъ выборамъ въ рейхстагъ *), и мы найдемъ здѣсь опять то же христіанство, съ которымъ мы уже познакомились выше. Здѣсь мы читаемъ: „высокое почитаніе христіанства и сохраненіе нѣмецкаго народа въ христіанской вѣрѣ является для насъ одной изъ нашихъ величайшихъ цѣлей"; „христіанство", возглашаютъ далѣе аграріи: „для насъ не дѣло партіи, но дѣло сердца и совѣсти, и, вслѣдствіе его высокаго значенія и силы для важнѣйшихъ благъ отечества, оно есть также выдающееся отечественное дѣло"; „не внѣшняя принадлежность къ христіанству", проповѣдуютъ далѣе благочестивые юнкеры: „является условіемъ принадлежности къ консервативной партіи, но внутреннее сочувствіе нашимъ стремленіямъ, направленнымъ къ поддержанію христіанства". Такъ здѣсь внутренняя расположенность къ партійнымъ цѣлямъ уже отчасти замѣняетъ самое христіанство.

„Мы", заключаютъ первый отдѣлъ ученія о Богѣ господа консерваторы: „только съ тѣми можемъ быть заодно, кто признаетъ на основаніи историческаго развитія, что христіанское государство есть необходимость для нашего народа". Однако на этомъ чистая догма христіанскаго консерватизма и кончается. За этой догмой не стоитъ больше ни бисмарковскаго крѣпкаго кулака, который всегда приходилъ на помощь тамъ, гдѣ догмы не хватало, ни той полицейской палки временъ Фридриха-Вильгельма III-го, которая водворяла въ свое время христіанское смиреніе среди старо-лютеранъ и католиковъ и ограждала ихъ отъ анти-христіанской заразы. Теперь представителямъ охранительнаго юнкерства приходится и нападать, и защищаться до извѣстной степени за свой страхъ и рискъ. Является необходимость созданія своеобразной апологіи партійнаго христіанства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обнаруживать многіе изъ своихъ совсѣмъ уже нехристіанскихъ разсчетовъ и плановъ.

„Почему мы выступаемъ за такое высокое почитаніе христіанства?" задаютъ вопросъ представители партіи въ упомянутой

*) Ratgeber für die konservativen im Deutschen Reich. Leipzig, 1903.

книжкѣ и отвѣчають слѣдующимъ образомъ: „въ силу того, что мы христіане, мы національны“, „въ силу того, что мы христіане, мы вѣрны королю и конституціи“, „въ силу того, что мы христіане, мы народолюбивы“; „это-же послѣднее обстоятельство обнаруживается изъ справедливаго вниманія ко всѣмъ интересамъ цѣлаго и индивидовъ“. Таковы добродѣтели, которыя по юнкерскому катехизису принадлежатъ консерваторамъ, именно какъ христіанамъ. И нисколько не смущаетъ въ этомъ отношеніи авторовъ катехизиса, что менѣе всего можно признать націоналистической ту религію, которая не различаетъ ни эллина, ни іудея, что менѣе всего могъ имѣть Христосъ въ виду какую-бы то ни было конституцію, а въ особенности германскую. Во всякомъ случаѣ, какъ очевидно, полезность христіанства обосновывается здѣсь уже чисто земнымъ порядкомъ, и довольно ярко выступаетъ грубо-политическая подкладка громкихъ фразъ и высокопарныхъ заявленій.

И это вполнѣ понятно. Аграрій стремится къ устойчивому, опредѣленному доходу, который бы далъ ему возможность прожить сообразно требованіямъ сословнаго кодекса, а тутъ со всѣхъ сторонъ вторгается спекуляція, которая вышибаетъ его изъ „пріюта сладкихъ отдохновеній“, нарушаетъ покой и сладость жизни, колеблетъ уровень ренты, понижаетъ цѣнность заложеннаго и перезаложеннаго имѣнія, связываетъ его благородный дворянскій „Heim“ съ условіями и требованіями мірового рынка и тѣмъ самымъ лишаетъ юнкера и надлежащаго покоя, и возможности проводить время такъ, какъ этого требуетъ прадѣдовская традиція. „Еврей“ становится олицетвореніемъ этого рокового хозяйственнаго процесса и въ воображеніи аграрія выростаетъ въ чудовище, которое нужно засадить въ клѣтку, чтобы сдѣлать его безвреднымъ. Такъ аграрій сердится на исторію и дѣлаетъ за нее отвѣтственными отдѣльныя ея созданія.

Не менѣе ясно, далѣе, что еще болѣе сердится аграрій и на „разлагающее“ вліяніе исторіи, въ частности же ея капиталистическаго періода, на „народъ“. Кажется, далеко ли то время, когда люди искренне вѣрили, что они созданы исключительно съ тою цѣлью, чтобы служить феодаламъ и работать на нихъ. Вѣдь еще въ концѣ XVIII в. было въ ходу изреченіе стараго мудреца, герцога Ришелье, которое гласило, что народъ можно „уподобить осламъ, которые, пріобыкши къ вьюкамъ, портятся отъ долговременнаго покоя больше, нежели отъ работы“; при чемъ была сдѣлана тогда же и гуманная оговорка: „но чтобы та работа была въ мѣру, и бремя оныхъ животныхъ равно было ихъ силѣ“. Давно ли, кажется, согласно положеніямъ земскаго прусскаго права было постановлено, что тотъ, „кто принадлежитъ къ крестьянскому сословію, не можетъ безъ разрѣшенія государства ни самъ заниматься мѣщанскими промыслами, ни посвящать имъ своихъ

дѣтей", а вмѣстѣ съ тѣмъ была обезпечена аграріямъ та рабочая сила, которая при существованіи патримоніальной или вотчинной полиціи находилась дѣйствительно въ истинно-нѣмецкой вѣрности господамъ феодаламъ. Увы, это все уже минувшій золотой вѣкъ. Современная „еврейская" пресса уже отлично разоблачаетъ мечты о нѣмецкой вѣрѣ и вѣрности аграріевъ, которые не прочь на этихъ добродѣтеляхъ нѣмецкаго Михеля сдѣлать хорошій гешефтъ и этимъ обезпечить себѣ средства для истинно-нѣмецкаго, истинно христіанскаго, истинно-дворянскаго образа жизни. Что можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, лучше старо-нѣмецкаго батрака или крестьянина, который особо дрессировался въ добродѣтели трудолюбія, смиренія и той вѣрности, которая господамъ приносила вѣрный, обезпеченный доходъ. Увы, теперь эти добродѣтели не въ модѣ и на мѣсто старо-нѣмецкой добродѣтели вѣрности у Михеля появилась теперь новая добродѣтель: чувство человѣческаго достоинства и стремленіе обезпечить себѣ кусокъ хлѣба помимо милости феодальнаго господина. Мало того, обязанный питать довѣріе и вѣрность, Михель дошелъ даже до того, что когда аграріи во имя „общаго блага" рѣшили теперь подъ видомъ новыхъ таможенныхъ пошлинъ обложить Михеля изрядной податью въ свой карманъ за право кушать хлѣбъ, онъ не только не принялъ этого благодѣянія съ должнымъ смиреніемъ, но даже проявилъ вящшую неблагодарность и руки, протянувшіяся было за соотвѣтственной мздой, безъ церемоній отвелъ въ сторону. Да, велико вліяніе „разлагающихъ" старыя нѣмецкія добродѣтели новыхъ теченій въ жизни и въ прессѣ.

Вообще, какъ правило, надо замѣтить, что тамъ, гдѣ слабо на счетъ правъ, тамъ всегда съ особеннымъ удобствомъ на аренѣ политической жизни появляется добродѣтель. И ея услуги часто могутъ быть и въ самомъ дѣлѣ незамѣнимы. Прежде всего, она совершенно не знаетъ того двусторонняго характера права, который доставляетъ подчасъ такъ много горя различнымъ приверженцамъ національнаго нѣмецкаго христіанства. Добродѣтель не противополагаетъ людей другъ другу, какъ различныхъ „субъектовъ права", какъ двѣ враждебныя стороны, которымъ нужно дѣлиться и опредѣлять взаимно права и обязанности. Теперь при новѣйшей испорченности это дѣйствительно происходитъ такъ: рабочіе противостоятъ, какъ опредѣленный классъ населенія со своими классовыми интересами, капиталистамъ, прогрессивные классы капиталистической формаціи—консервативнымъ преемникамъ феодализма и цехового ремесла; ихъ, въ самомъ дѣлѣ, никакъ не подведешь подъ одну добродѣтель, такъ какъ у каждаго класса своя добродѣтель, отрицающая чужую. Этихъ людей иначе не примиришь, какъ отведя каждому строго опредѣленныя, защищенныя общественной властью права и не менѣе точно опредѣленныя правовыя же обязанности. Но не такъ было въ доброе старое время.

Тогда хотя и лежали на феодалахъ обязанности, но не юридическія, а возложенныя на нихъ снисходительной и мягкой добродѣтелью. Обязанности эти осуществлялись „по возможности", и отъ ихъ выполненія нисколько не зависѣло распоряженіе властью, потому что эта послѣдняя сама по себѣ была уже такой опорой добродѣтели, что если даже она и оказывалась въ не совсѣмъ добродѣтельныхъ рукахъ, то это все же торжеству добродѣтели въ принципѣ нисколько не препятствовало. Съ другой стороны, та же добродѣтель обращала свое строгое чело съ справедливымъ негодованіемъ къ тѣмъ изъ числа вотчинной власти подчиненныхъ, кто осмѣливался хоть чѣмъ-нибудь преступить ея велѣнія, изъ которыхъ главнѣйшими, однако, всегда были именно смиреніе, терпѣніе и трудъ. И въ этой области добродѣтель никогда не оставалась молчаливой свидѣтельницей совершающихся на ея глазахъ пороковъ и злоухищреній. Нѣтъ, здѣсь-то и приходила къ ней на помощь твердая и близкая къ народу вотчинная власть, вооруженная спасительной лозой и водворяла моральную тишину и спокойствіе тамъ, гдѣ только сейчасъ, кажется, буйствовало безначаліе и надругалось надъ добродѣтелью своевольство. Такъ, съ одной стороны, и феодальные господа оказывались не безъ высокой нравственной заслуги, ибо самое положеніе ихъ въ качествѣ вотчинниковъ или прирожденныхъ полиціймейстеровъ вмѣнялось имъ въ великую добродѣтель—служенія „благу общему",—съ другой же, и лоза оставалась не только не праздной, но даже какъ бы освященной самой добродѣтелью. Какъ очевидно, не раздѣленіе здѣсь является основой общественнаго организма, какъ это мы видимъ въ современномъ капиталистическомъ обществѣ, а нѣкоторое гармоническое соединеніе слуги и господина, при чемъ первый получаетъ отъ второго лозу, второй же отъ перваго пропитаніе. И вотъ на мѣсто этой феодальной идилліи наступаетъ, такъ называемый, правовой порядокъ со своимъ строгимъ распредѣленіемъ правъ и обязанностей, который одинаково ставитъ передъ собою и аграрія, и батрака и, награждая послѣдняго правами, налагаетъ и на перваго тяжелое ярмо правовыхъ обязанностей. Нѣтъ, съ добродѣтелью легче было и лучше, и немудрено, что именно на стражу добродѣтели становятся аграріи въ своей последней программѣ и ея тронъ желаютъ установить тамъ, гдѣ теперь у нѣмцевъ царитъ лишь одно равное для всѣхъ суровое и неизмѣняемое право. Увы, мораль, которую теперь выдвигаютъ снова юнкеры, потеряла свою дѣвическую невинность еще въ XVIII вѣкѣ, когда, захмелѣвъ за пышными трапезами просвѣщеннаго абсолютизма, она проповѣдывала, съ одной стороны, добродѣтель „доброму христіанскому народу", съ другой же—разыгрывала нескромныя пасторали съ петиметрами въ косахъ и пудрѣ. Нѣтъ, время добродѣтельнаго „Zopfenzeit" прошло невозвратно, и его уже болѣе не воскресить никакими исключительными за-

конами. Поэтому, только какъ на характерномъ пунктѣ консервативной программы, остановимся мы на моральныхъ требованіяхъ юнкерства.

„Мы выступаемъ",—гласитъ цитированный нами уже выше совѣтникъ для консерваторовъ: „за цѣлесообразное ограниченіе безнравственности, въ особенности ея выступленія въ публичной жизни".—Дѣйствительно, глубоко характерное заявленіе! Особенно хороша вторая часть этого требованія, которая готова помириться съ пороками подъ нѣкоторымъ, въ особенности домашнимъ, прикрытіемъ, но отнюдь не въ публичной жизни. „Основной недостатокъ", читаемъ мы дальше: „лежитъ здѣсь, конечно, въ постоянно все больше возрастающемъ слабомъ и свободномъ воззрѣніи (на мораль), которое въ особенности ужасающимъ образомъ проявляется въ произведеніяхъ печати". „Полнаго улучшенія возможно здѣсь ожидать только отъ обновленія всего духа народа въ его основахъ, и для этого слѣдуетъ именно охранять и поддерживать религію, какъ единственное вѣрное лѣкарство". Однако, кромѣ религіи, аграріи знаютъ въ этой области еще другіе пути; именно, путь расширенія полицейскихъ полномочій, путь исключительнаго законодательства, которое устранило бы въ данной области господство правового принципа и замѣнило бы его свободнымъ усмотрѣніемъ подлежащей власти. Именно этотъ путь и былъ испробованъ консерваторами при проведеніи въ послѣднюю легислатуру пресловутаго закона Гейнце.

Но то, чего не удается достичь исключительными законами, то достигается съ великимъ удобствомъ при помощи обрывковъ дореформеннаго полицейскаго права, дѣйствующихъ вопреки и помимо конституціи, и административныхъ мѣропріятій въ области народнаго просвѣщенія. Какъ наиболѣе яркій образчикъ бюрократически юнкерской системы, отмѣтимъ мартирологъ сценическихъ вещей, погибшихъ въ Берлинѣ подъ ножомъ уцѣлѣвшей съ 1851 г. театральной цензуры. И хотя попытка полиціи издать общій запретъ представленія на сценѣ пьесъ опредѣленнаго рода не удалась, а такія вещи, какъ „Власть тьмы" Толстого и Гауптмановскіе „Ткачи", пробились въ театръ, не смотря на всѣ запреты полиціи, однако для Берлина погибло всетаки много замѣчательныхъ и интересныхъ произведеній искусства. Въ 1890 г. былъ запрещенъ „Конецъ Содома" Зудермана и при томъ по очень простой причинѣ; какъ заявила тогда полиція возмущенному автору: „все направленіе намъ не подходитъ". И когда министръ въ концѣ концовъ разрѣшилъ представленіе и доложилъ куда слѣдуетъ, что онъ безъ всякихъ опасеній могъ бы повести жену на это представленіе, ему было указано свыше: „только тѣ пьесы заслуживаютъ разрѣшенія, на которыя вы могли бы повести вашихъ дочерей..." Такая мѣрка придворной критики не щадитъ даже спеціально гогенцоллернскихъ поэтовъ въ родѣ

Вильденбруха; его „Царь Лавринъ“ былъ удаленъ со сцены только потому, что содержаніе пьесы показалось неподходящимъ для пониманія юныхъ королевскихъ принцевъ. „Ганна Ягертъ“ Гартлебена была запрещена берлинской полиціей на томъ основаніи, что „произведенія искусства, которыя стоятъ въ противорѣчіи съ господствующими воззрѣніями на приличіе и нравы, не должны быть допускаемы на сцену“ — автору была поставлена на видъ „адюльтерная“ тенденція его пьесы. „Влюбленные“ Мориса Донне погибли только потому, что тамъ „естественнымъ“ закономъ любви предоставлялась перемѣна объектовъ страсти. Въ послѣднее время возникли три новыя могилки въ области берлинскаго искусства; во-первыхъ, безжалостной рукой полиціи была зарѣзана „Марія Магдалина“ Поля Гейзе: эта пьеса оказалась слишкомъ близко стоящей къ библейской исторіи, не смотря на свою полную и глубокую нравственность. „Долина Жизни“ Дрейера скончалась насильственной смертью только потому, что она осмѣлилась представить на сценѣ старую исторію изъ жизни одной вѣтви бранденбургской династіи, происшедшую за полтораста лѣтъ до настоящаго времени: это была исторія искусственнаго созданія наслѣдника тамъ, гдѣ его въ дѣйствительности не было. Въ самое послѣднее время, наконецъ, совершенно неожиданно погибъ въ Берлинѣ и безъ того уже „Мертвый Левъ“ Блюменталя: авторъ въ картинахъ XVI вѣка попробовалъ изобразить паденіе желѣзнаго канцлера подъ гнетомъ юнаго и благороднаго монарха; оказалось, что эта тема можетъ слишкомъ „взволновать“ берлинцевъ.

Таковы заботы о нравственности въ юнкерскомъ государствѣ; благодаря имъ, изъ одной пьесы были вычеркнуты слѣдующія слова: „Анхенъ, ты прекрасна, такъ прекрасна, когда такъ сидишь. Я могу все позабыть, цѣлуй, цѣлуй меня“—и въ то же самое время высшіе дворянскіе круги утѣшаютъ здѣсь публику веселыми скандалами или въ родѣ описанныхъ графомъ Бодмесеномъ, въ его „Первоклассныхъ Людяхъ“, или того, который оглашенъ надняхъ въ залѣ судебнаго засѣданія. Какъ оказалось, нѣкая госпожа Гартертъ, неоднократно наказанная за сводничество, была близкой пріятельницей массы обѣднѣвшихъ титулованныхъ гвардейцевъ и доставляла имъ банкирскихъ дочекъ въ качествѣ женъ для погашенія долговъ. При этомъ судебной огласкѣ подверглись такія фамиліи, какъ барона Мальцанъ, графа и графини Кенигсдорфъ, лейтенанта фонъ-Нетельблята и т. п. Благодаря этой сводницѣ, задолжавшимъ феодаламъ удавалось подцѣпить такіе жирные кусочки, какъ внучки самого Ротшильда. „Салонъ“ госпожи Гартертъ былъ центромъ оживленной торговли высоконравственнаго характера, но только, къ сожалѣнію, судебное разбирательство положило конецъ практиковавшейся тамъ юнкерской „добродѣтели...“

III.

Вѣра безъ дѣлъ мертва есть, и юнкерское христіанство было бы совершенно не полно, если бы оно не дополнялось изобильными подвигами христіанской любви и милосердія. Недаромъ бравые юнкеры рисуютъ себя въ слѣдующей картинѣ, словно заимствованной изъ какого-нибудь изданія XVIII вѣка: „одна рука" у нихъ будетъ „далеко простерта ко всѣмъ слабымъ и беэпомощнымъ въ нашемъ народѣ" во имя „сердечной, дѣятельной, христіанской любви къ ближнему", а „другая, закованная въ панцырь, желѣзная рука подыметъ мечъ съ угрозой противъ всѣхъ наглецовъ и разнузданныхъ въ нашемъ народѣ" и будетъ служить защитой „противъ все болѣе и болѣе угрожающаго переворота", чтобы остановить „почти несокрушимый, казалось бы, ходъ „безсмысленнаго" и „безбожнаго" „господства массъ въ народѣ!" Итакъ, передъ нами христіанство, снабженное „кулакомъ въ панцырѣ" и съ мечомъ противъ безбожныхъ. Воистину высшее воплощеніе христіанской любви! Впрочемъ, любовь тоже бываетъ разная. Развѣ не „съ любовію" сожигали въ средніе вѣка еретиковъ, развѣ не „съ любовію" пытали ихъ въ застѣнкахъ? Любовь" консерваторовъ къ меньшому брату, дѣйствительно, заслуживаетъ болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія.

Разсмотримъ сначала любовь аграріевъ къ сельскому народу, въ частности къ сельскимъ рабочимъ. Здѣсь мы встрѣтимъ уже весьма поучительные образцы этой добродѣтели. Прежде всего оказывается, что сельскіе рабочіе пользуются у столь любящихъ ихъ аграріевъ самыми печальными условіями жизни и даже находятся въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ ихъ собратья—промышленные рабочіе. Заработная плата здѣсь гораздо ниже, чѣмъ на фабрикахъ и заводахъ; то содержаніе натурой, которое получаютъ сельскіе рабочіе въ добавленіе къ денежной платѣ, приводитъ, какъ выражаются сами аграріи, къ тому, что сельскіе рабочіе не могутъ вести правильнаго домашняго хозяйства и бѣгутъ въ городъ; жилищныя условія сельскихъ рабочихъ до крайности печальны—это опять-таки не только признаютъ сами помѣщики, но и подтверждено свидѣтельствомъ Вильгельма II, который нашелъ, что во многихъ имѣніяхъ конюшни и хлѣва устроены съ неслыханной роскошью въ то время, какъ сельскіе рабочіе ютятся при невозможныхъ условіяхъ. Надо присоединить къ этому еще то обстоятельство, что сельскіе рабочіе не подчинены общему закону о застрахованіи на случай болѣзни, а эти правила могутъ быть на нихъ только распространены особыми мѣстными законами или обязательными постановленіями; и именно въ Пруссіи, гдѣ больше всего крупныхъ помѣщиковъ, а

слѣдовательно, казалось бы, и большая возможность для примѣненія христіанскихъ чувствъ, именно здѣсь, проведеніе этихъ законовъ встрѣчается съ особенно упорнымъ сопротивленіемъ любвеобильнаго юнкерства. Въ силу же этого положеніе сельскихъ рабочихъ въ случаѣ болѣзни становится очень тяжелымъ. Распространеніе на сельскихъ рабочихъ страхованія на случай увѣчія или несчастія хотя и установлено, но въ гораздо меньшемъ объемѣ, чѣмъ это сдѣлано для рабочихъ промышленныхъ, и при томъ именно крупные помѣщики несутъ значительно менѣе тягостей, чѣмъ промышленные предприниматели. Съ другой же стороны, выяснилось, что съ введеніемъ сельско-хозяйственныхъ машинъ значительно участились случаи увѣчія ими сельскихъ рабочихъ и работницъ. Такъ, число пострадавшихъ на работѣ при машинахъ лицъ съ 12,573 въ 1890 году возрасло въ 1901 году до 55,983 лицъ, которыхъ поврежденія были настолько серьезны, что они оказались не способными къ труду болѣе 18 недѣль! Однако, христіанская любовь аграріевъ не только здѣсь не оказывается достаточной для того, чтобы оградить рабочихъ отъ подобныхъ бѣдствій, но стремится еще къ ухудшенію ихъ положенія, добиваясь исключительнаго относительно ихъ законодательства; пользованіе болѣе дешевыми иностранными рабочими, приходящими изъ Силезіи, Познани, Россіи, Галиціи, Венгріи—аграріевъ не удовлетворяетъ; и они, очевидно, изъ національныхъ чувствъ стремятся, съ одной стороны, еще болѣе понизить заработную плату нѣмецкаго рабочаго при помощи приглашенія итальянцевъ, а за ихъ недостаткомъ, даже арестантовъ и солдатъ, съ другой же—установить особыя уголовныя кары для тѣхъ сельскихъ рабочихъ, которые осмѣлились бы прекратить работу у одного или нѣсколькихъ помѣщиковъ, вопреки контракту. Тѣмъ же крѣпостническимъ характеромъ отличаются и тѣ безчисленныя особыя постановленія о прислугѣ, въ особенности помѣщичьей, которыя унаслѣдованы въ основной своей части еще отъ XVIII вѣка и поддерживаются аграріями и до сихъ поръ съ величайшимъ рвеніемъ и настойчивостью. Такъ на дѣлѣ проявляется христіанская любовь юнкерства къ стоящимъ съ нимъ въ ближайшемъ общеніи ближнимъ! Положимъ, если послушать господъ юнкеровъ, то окажется, что не потому бѣгутъ сельскіе рабочіе изъ деревни въ городъ, что имъ плохо приходится отъ юнкерской любви, а потому, что хлѣбъ очень дешевъ, доходъ помѣщиковъ малъ, заработная плата въ деревнѣ низка, и рабочіе въ силу этого не имѣютъ достаточно „развлеченій". Чего не бываетъ на свѣтѣ, вѣдь, пожалуй, и дѣйствительно только развлеченій недостаетъ полуголодному рабочему, живущему при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ и находящемуся въ постоянной опасности попасть въ число тѣхъ 50 тысячъ, которые ломаютъ себѣ руки и ноги на машинахъ! Впрочемъ, надо аграріямъ отдать справедливость, они

указываютъ еще на другую прихоть, которая влечетъ работника въ городъ и заставляетъ его бросать счастливое пребываніе на лонѣ природы: это его стремленіе къ образованію, или къ „полуобразованію“, какъ презрительно выражаются бароны; при этомъ подразумѣвается, конечно, что „образованіе“ можетъ быть доступно имъ или еще—съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ—среднему классу людей.

Но болѣе всего, однако, христіанскія чувства аграріевъ выражаются въ отношеніи къ рабочему классу въ индустріи и въ особенности къ тѣмъ рабочимъ, которые принадлежатъ къ партіи соціалистовъ. Здѣсь уже силѣ одушевляющихъ аграріевъ чувствъ положительно нѣтъ предѣловъ. „Въ могучемъ распространеніи“ нѣмецкой соціалъ-демократіи видятъ консерваторы „величайшую опасность“, „громадный кризисъ“, даже „судъ Божій“; „каждый серьезный христіанинъ долженъ подумать о томъ, насколько слѣдуетъ искать вину въ этомъ на сторонѣ имущихъ классовъ народа, при чемъ далеко не въ малой степени среди такъ называемыхъ избранныхъ десяти тысячъ“. „Мы видимъ“, продолжаетъ далѣе консервативная книжка для выборовъ, „въ этомъ развитіи третій актъ той трагедіи, которая началась французской революціей, когда она возникла съ такимъ ужаснымъ взрывомъ. Во второмъ актѣ слѣдовали отдѣльныя изверженія вулкана тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, во время которыхъ не только завоеваны народныя права, но и революціонный ядъ, не смотря на сравнительно короткое время потрясеній, тѣмъ не менѣе проникалъ все въ болѣе широкіе круги населенія континента, пока, наконецъ, въ третьемъ актѣ—при господствѣ довѣреннаго нѣмецкому народу тайнаго и равнаго избирательнаго права — болѣзнь, на подобіе легко заражающаго яда, не пронизала народное тѣло, чтобы въ концѣ концовъ стало возможно великое крушеніе, о которомъ неустанно мечтаетъ Бебель и надъ которымъ сознательно работаетъ со своими помощниками“. „Пропитать народное тѣло принципами французской революціи въ формѣ кажущейся научности — таково современное положеніе вещей“, по мнѣнію юнкерства. Но и этого мало. Мы въ этомъ ученіи, по мнѣнію той же книжки, встрѣчаемся даже съ самимъ антихристомъ: „мы видимъ при томъ“, возглашаютъ далѣе консерваторы: „въ соціалъ-демократическихъ заблужденіяхъ систему ясно выраженнаго антихристіанства“. Здѣсь аграріямъ приходятъ на помощь страшилища французской революціи: „то, что произошло въ Парижѣ въ 1789 г.“, инсинуируютъ они дальше на рабочую партію: „когда женщина съ бутылкой водки была посажена на алтарь одной церкви и была почитаема, какъ богиня Разума, это былъ грубый прообразъ той противохристіанской ненависти, которой учатъ пророки соціалъ-демократіи теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь“, и это—даже не смотря на то, что соціалисты считаютъ, вообще,

„религію дѣломъ частнаго лица“! Таковы ужасы, которые несетъ съ собой нѣмецкій соціалистъ. Но и на этихъ размалеванныхъ чудовищахъ, для устрашенія „вѣрнаго“ Михеля, феодалы не останавливаются: „если бы только они (т. е. соціалисты) получили власть, то они постановили бы, такъ же какъ и тогда, упразднить Бога и королевство“, даже „захотѣли бы уничтожить всякій небесный и земной авторитетъ“. „Какъ христіанство“, поучаетъ далѣе выборная книжечка, „есть религія любви съ заповѣдью: „все, что мое, то и твое“, такъ соціалъ-демократія есть религія ненависти, зависти и нетерпѣнія съ обратной заповѣдью: „все, что твое, то и мое“. Таковъ матеріализмъ неимущихъ, котораго „не можетъ преодолѣть матеріализмъ имущихъ, но только сознающая свою великую отвѣтственность государственная власть и возрожденіе нашей народной жизни на основахъ практическаго христіанства“. И вотъ для того, чтобы пресѣчь эту ужасную заразу антихриста, которую разносятъ повсюду „апостолы современнаго невѣрія“, консерваторы указываютъ два средства: во-первыхъ, извѣстныя мѣры предупрежденія въ духѣ указа императора Вильгельма II, которымъ онъ открывалъ свой знаменитый курсъ государственнаго соціализма, и, во-вторыхъ, какъ мѣру пресѣченія, „цѣлесознающее выступленіе правительства“, которое, какъ бы съ упрекомъ по адресу бывшаго канцлера Каприви замѣчаетъ партійная книжка, „не должно забывать, что мечъ ему врученъ не напрасно“.

Остановимся на первомъ положеніи. Въ самомъ дѣлѣ, если мы припомнимъ, что выше говорилось объ одной изъ рукъ собирательнаго юнкера, которая протянута для утѣшенія „ко всѣмъ слабымъ и безпомощнымъ въ нашемъ народѣ“ во имя любви къ ближнему, то мы сейчасъ же и согласимся съ правильностью утвержденія аграріевъ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ счастливая мысль: сдѣлать въ дѣйствительности такъ, чтобы „все мое“ стало въ дѣйствительности и „все твое“, тогда вѣдь не будетъ никакой надобности и переворачивать этотъ воистину христіанскій афоризмъ на грубое: „все твое“ и „мое“ тоже. И мы видимъ уже аграріевъ не только принимающими въ своихъ наслѣдственныхъ помѣстьяхъ всѣхъ обездоленныхъ и неимущихъ, не только представляемъ ихъ себѣ прощающими долги всѣмъ ихъ арендаторамъ и фермерамъ, но и зримъ, какъ они дѣлятся своей второю одеждой съ пролетаріемъ и предлагаютъ ему свои обѣ ланиты для немедленнаго испробованія силы чувствъ и добродѣтели! Да, если бы водворилась такая идиллія въ предупрежденіе заразы, которую юнкеры рисуютъ такими невѣроятными красками, то навѣрно погибъ бы немедленно самъ Бебель въ видѣ антихриста, а съ нимъ и все звѣриное число! И съ самомъ дѣлѣ, обратимся къ дѣятельности аграріевъ въ Пруссіи и посмотримъ, что сдѣлали они въ дѣйствительности для предупрежденія царства богини Разума, да

еще вооруженной бутылкой водки! (Историческую достовѣрность этой бутылки, конечно, оставляемъ на отвѣтственности нашей „Wahlbüchlein").

Благодаря своему парламентскому вліянію, они свели фабричную инспекцію къ жалкому побочному институту по „ревизіи паровыхъ котловъ", уменьшили, насколько возможно было, число женщинъ среди фабричной инспекціи и такъ поставили все это дѣло, что среди всей массы занятыхъ въ 1900 г. прусскихъ рабочихъ и промышленныхъ предпріятій было осмотрѣно всего только 33% послѣднихъ и 75% первыхъ. Такимъ образомъ, остались безъ всякаго надзора, не считая дѣтей, 466,548 взрослыхъ мужчинъ, около 100,000 женщинъ, 35,710 юношей и 13,225 дѣвушекъ. Въ нѣкоторыхъ участкахъ число осмотрѣнныхъ заведеній не превышало собою 17,31%. Мы не будемъ останавливаться здѣсь на тѣхъ полицейскихъ и судебныхъ мѣрахъ, при помощи которыхъ прусское правительство вмѣшивается въ соціальную борьбу между предпринимателями и рабочими и угнетаетъ послѣднихъ во имя односторонне понятыхъ интересовъ, такъ называемой „промышленности". Мы отмѣтимъ здѣсь только ту рабочую политику, которую прусское государство проводитъ въ качествѣ „хозяина" по отношенію къ трудящимся массамъ, занятымъ въ фискальныхъ или казенныхъ предпріятіяхъ.

Обладая громаднымъ желѣзнодорожнымъ хозяйствомъ и получая съ него значительную часть своихъ государственныхъ доходовъ, Пруссія, какъ юнкерское государство, считаетъ возможнымъ, прежде всего, лишить всѣхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ ихъ политическихъ гражданскихъ правъ за счастье смазывать казенный паровозъ или мѣнять на дорогѣ сгнившія шпалы. Не желая, чтобы до парламента, а вмѣстѣ съ тѣмъ до общественнаго мнѣнія, доходили вѣсти о матеріальномъ положеніи мелкихъ и среднихъ служащихъ, прусскіе министры, съ одобренія юнкерскаго большинства ландтага, принимаютъ всевозможныя мѣры къ тому, чтобы отучить желѣзнодорожниковъ отъ пользованія общимъ правомъ петицій и не стѣсняются при этомъ передъ суровыми дисциплинарными взысканіями. Въ послѣднее время можно считать совершенно установленнымъ тотъ принципъ, что лицо, поступившее писаремъ или чертежникомъ въ желѣзнодорожное управленіе, этимъ самымъ признается лишеннымъ гарантированнаго конституціей права петицій и за его законное осуществленіе подвергается тяжкимъ послѣдствіямъ, такъ какъ юнкеры въ палатѣ господъ и палатѣ депутатовъ считаютъ это „грубымъ нарушеніемъ порядка" и „вредной агитаціей". Самая скромная просьба служащихъ о прибавкѣ имъ жалованья оскорбляетъ грубѣйшимъ образомъ христіанскія чувства прирожденныхъ законодателей.

Точно также должны платиться своими политическими правами,—правомъ сходокъ и собраній, правомъ союзовъ и соеди-

ненiй—и тѣ рабочiе, которые заняты въ казенныхъ кузницахъ и слесарняхъ или копаютъ землю на полотнѣ желѣзной дороги. Имъ запрещается даже вообще имѣть свои политическiя убѣжденiя. Всякiй кочегаръ на желѣзной дорогѣ обязанъ избирать только угодныхъ правительству кандидатовъ въ парламентъ, всякiй смазчикъ и кондукторъ подвергаются суровымъ репрессiямъ, если при выборахъ въ ландтагъ они отдадутъ свой голосъ по своему внутреннему убѣжденiю, а не по указкѣ начальства; имъ запрещается не только участiе въ союзѣ желѣзнодорожныхъ служащихъ, гдѣ членами могутъ быть приверженцы рабочей партiи, но даже сочленство въ потребительныхъ обществахъ, гдѣ случайно пайщиками могутъ оказаться приверженцы соцiализма. Подобной же участи подвергаются горнорабочiе на казенныхъ шахтахъ. Какъ это было вскрыто на послѣднихъ судебныхъ процессахъ, имъ прямо, подъ угрозой увольненiя или взысканiя, было предписано избирать угодныхъ юнкерству нацiоналъ-либераловъ, но отнюдь не представителей центра.

И за такое лишенiе величайшихъ благъ человѣка юнкерское государство далеко не щедро вознаграждаетъ желѣзнодорожниковъ въ матерiальномъ отношенiи. Христiанская любовь аграрнаго большинства скорѣе спасаетъ „слабыхъ въ народѣ" отъ непрiятной для себя политической заразы, чѣмъ заботится объ ихъ здоровьи, безопасности и необходимомъ отдыхѣ. Простое сравненiе суммъ, затрачиваемыхъ на каждаго желѣзнодорожнаго служащаго въ Пруссiи, сравнительно съ другими германскими государствами, показываетъ намъ, на какой низкой ступени стоитъ вознагражденiе пруссаковъ сравнительно съ баденцами, баварцами и такъ далѣе. Если въ Баденѣ приходится на желѣзнодорожный персоналъ въ среднемъ по 1,401 марки на голову ежегодно, а въ Баварiи по 1,372, то въ Пруссiи эта цифра доходитъ всего только до 1,278 м. Если же причислить сюда расходы на благотворительныя учрежденiя для служащихъ, то разница получается слѣдующая: въ то время, какъ въ Баденѣ на человѣка приходится 1,509 марокъ, въ Пруссiи всего 1,355 м.; Пруссiя стоитъ на послѣднемъ мѣстѣ въ дѣлѣ вознагражденiя своихъ служащихъ, и еще болѣе ухудшаетъ дѣло то обстоятельство, что здѣсь содержанiе распредѣляется крайне неравномѣрно. Если бы Пруссiя пожелала такъ же оплатить своихъ служащихъ, какъ Баденъ, она должна была бы тратить на нихъ ежегодно, по крайней мѣрѣ, на $55^1/_2$ миллiоновъ больше, чѣмъ теперь.

Но свои желѣзныя дороги Пруссiя дѣлаетъ прямо средствомъ для помощи нуждающимся и страждущимъ аграрiямъ. Съ особенной энергiей желѣзнодорожное управленiе привлекаетъ къ себѣ на службу дешевыхъ заграничныхъ рабочихъ и создаетъ, такимъ образомъ, цѣлыя армiи голодныхъ рабовъ, которые являются неистощимымъ резервомъ для помѣщиковъ, въ виду непрестанной

нужды въ дешевыхъ рабочихъ рукахъ. Этимъ аграріи спасаются отъ многихъ грозящихъ имъ непріятностей. Укажемъ одну изъ нихъ и при томъ въ высшей степени характерную. Свои рабочіе не только дороги, они имѣютъ еще другое, очень непріятное свойство: по истеченіи полугода службы въ помѣстьи, они становятся въ немъ „осѣдлыми" въ юридическомъ смыслѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ случаѣ бѣдности и неспособности къ труду, получаютъ право на пособіе отъ помѣщика. Это, конечно, противорѣчитъ совершенно юнкерскому христіанству. И если феодалы въ парламентѣ считаютъ наиболѣе полезнымъ умѣренность и воздержаніе для служащихъ и рабочихъ въ казенныхъ заведеніяхъ, то, тѣмъ болѣе, они считаютъ лишнимъ пособіе тому бѣдняку, который работалъ въ ихъ имѣніи. Чтобы избѣжать такого нарушенія своихъ христіанскихъ принциповъ, они пускаются на довольно оригинальныя штуки: они строятъ свои рабочія казармы на чужой землѣ или переселяютъ ихъ до истеченія каждаго полугодія въ разныя мѣста и къ себѣ, и по сосѣдямъ. Искусственно превращенные въ бродячую команду, не имѣющіе постояннаго мѣстожительства, эти рабочіе, такимъ образомъ, въ случаѣ бѣдности, уже не обременяютъ собою христіанской души помѣщика, они сваливаются на шею общему фонду страны. Но, повторяемъ, это стоитъ ухищреній и денегъ, съ иностранцами гораздо легче, и въ этой-то области доставленія дешевыхъ рабочихъ рукъ юнкерское государство, „какъ хозяинъ", дружески протягиваетъ руку отдѣльнымъ феодаламъ, какъ истиннымъ и великимъ властителямъ прусской классовой монархіи.

IV.

Теперь перейдемъ къ „народности" или „національности", какъ къ одному изъ главнѣйшихъ боевыхъ девизовъ юнкерства. а съ нимъ, къ сожалѣнію, и большей части либеральныхъ круговъ Германіи. Національность, какъ историческое явленіе, есть вещь, вполнѣ понятная и необходимо вездѣ проявляющаяся тамъ, гдѣ мы встрѣчаемся съ той или другой формой культуры, выросшей на почвѣ опредѣленнаго языка, быта, правового сознанія и давшей опредѣленную окраску искусству, наукѣ или даже религіи. Гдѣ національность есть или образуется, она есть явленіе весьма устойчивое и держится всегда до тѣхъ поръ, пока болѣе широкая культурная волна не захватитъ ее и не приведетъ къ расширенію національныхъ рамокъ, къ повышенію узко-національнаго въ область обще-человѣческаго. Психологически національность зиждется на чувствѣ. Она основана на любви къ „своимъ", къ сородичамъ, къ соотечественникамъ. Это чувство по своей природѣ способно къ чрезвычайному расширенію. Первоначаль-

ная фанатическая и узкая любовь и пристрастіе къ близкимъ людямъ очень легко выростаетъ въ любовь къ ближнимъ, а затѣмъ и дальнимъ. Въ настоящее время національныя особенности сохраняютъ свое значеніе, поскольку онѣ создаютъ разнообразіе культурныхъ формъ и придаютъ полноту и жизнь общему ходу развитія человѣчества, но національное чувство, чувство любви къ близкимъ, далеко вышло изъ узкихъ племенныхъ границъ и превратилось въ чувство культурнаго братства, которое обще всѣмъ народамъ современной Европы. Это — безспорный фактъ, противъ котораго возражать было бы совершенно безполезнымъ трудомъ. И именно здѣсь наилучшимъ доказательствомъ является непосредственный опытъ каждаго русскаго человѣка, побывавшаго за границей. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего удивительнаго, если англичанинъ, пріѣзжая на континентъ, нѣмецъ, перебираясь во Францію, или французъ, переходя въ Италію, чувствуютъ себя, какъ дома. Хотя онъ дорожитъ и своимъ языкомъ, и національностью, но, тѣмъ не менѣе, и среди чужестранцевъ находитъ туже культурную обстановку и атмосферу, съ которой онъ уже у себя сжился на родинѣ, и въ этомъ смыслѣ все же остается среди своихъ; и именно съ этой точки зрѣнія въ виду чрезвычайной разницы въ самой высотѣ культурнаго развитія Россіи и заграницы, казалось бы, русскій человѣкъ долженъ чувствовать себя и потеряннымъ, и чуждымъ послѣ переѣзда черезъ границу къ людямъ другого языка и культуры. Но на дѣлѣ происходитъ нѣчто совершенно другое. Здѣсь мы говоримъ, конечно, не о томъ „истинно-русскомъ“ человѣкѣ, который созданъ фантазіей нашихъ газетъ крайняго реакціоннаго направленія, а о томъ „просто русскомъ“ человѣкѣ, котораго мы ежедневно встрѣчаемъ на Руси и въ городѣ, и деревнѣ, и при томъ безразлично, носитъ ли онъ фракъ или сермяжный зипунъ. Для этого русскаго человѣка переходъ къ заграницѣ далеко не представляетъ собою ничего неожиданнаго или непонятнаго, а еще болѣе чуждаго или страннаго; и если его поражаетъ интенсивность и благоустройство заграничной жизни; если ему пріятно и радостно наслаждаться самымъ благообразіемъ и быстротой ея темпа; если онъ глубоко цѣнитъ высоту заграничной духовной культуры,—то, съ другой стороны, развѣ не пестрятъ имена русскихъ великихъ писателей на окнахъ всѣхъ магазиновъ, развѣ не такіе же рабочіе, какъ и у насъ, создали своими мозолистыми руками и эти дворцы, и театры, и трамваи, и магазины; развѣ, наконецъ, это движеніе, интенсивность, благоустроенность и красота жизни не стали бы и нашимъ достояніемъ, если бы были даны для этого надлежащія условія? — Нѣтъ, не чужимъ и чуждымъ представляется намъ ходъ заграничной жизни, а, безусловно, своимъ, понятнымъ и близкимъ. Не какъ дикари бродимъ мы среди европейской жизнерадостной и пестрой толпы, а какъ свои и близкіе ей люди, не

одинокими и заброшенными мы чувствуемъ себя въ Европѣ среди иноземцевъ, а такими же и одаренными, и работоспособными, и разумными людьми, какъ всѣ эти нѣмцы, французы, англичане и т. д. Мало этого, захваченный общимъ потокомъ этой дѣятельной и организованной жизни, стоя рядомъ съ людьми, которые выросли и созрѣли подъ эгидой политической свободы, нашъ соотечественникъ и самъ чувствуетъ, какъ и у него словно выростаютъ крылья, удесятеряются силы, и онъ успѣваетъ столько здѣсь сдѣлать, сколько никогда бы не сдѣлалъ въ то же самое время на родинѣ. Порою—это прямо чудесное превращеніе: изъ забитаго, загнаннаго, не довѣряющаго ни своимъ силамъ, ни призванію пессимиста онъ, словно по мановенію волшебнаго жезла, превращается въ удивительнаго работника, одареннаго и увѣреннаго въ себѣ и своихъ силахъ оптимиста. Таковы результаты соприкосновенія нашего брата-россіянина съ соціальной и правовой обстановкой Запада, таково вліяніе на него заграничной политической организаціи, ея интеллектуальной и нравственной атмосферы. Нѣтъ, не чуждъ современному русскому человѣку Западъ, а родной, и, можетъ быть, еще болѣе родной, чѣмъ тѣ во множествѣ фигурирующіе подъ русскими ярлыками обычаи и установленія, которые были у тѣхъ же нѣмцевъ заимствованы нами въ доброе старое время, а теперь хранятся на родинѣ, какъ созданія якобы чисто-русскаго духа. Но, конечно, такъ чувствуетъ себя на Западѣ только обыкновенный русскій человѣкъ, въ отличіе отъ „истино-русскаго“ человѣка; этотъ послѣдній судитъ о заграничной культурѣ критически и свысока; приверженный къ той нѣмецкой старинѣ, которая во множествѣ еще хранится у насъ въ Россіи со временъ Петра и второй Екатерины, онъ, считая въ доброй вѣрѣ это нѣмецкое наслѣдіе истино-русскими особенностями, разноситъ въ пухъ и прахъ нѣмецкую современность. Такъ проявляются русскія патріотическія чувства во множествѣ за границей; и каждый непредубѣжденный человѣкъ невольно начинаетъ искать какую-нибудь болѣе существенную подкладку у этого своеобразнаго національнаго энтузіазма: ужъ очень представляется странной самая вѣра въ то, что истинно-русскими являются только заимствованія у нѣмцевъ изъ XVIII вѣка, а не XIX или XX.

И чѣмъ болѣе повышается уровень нашего культурнаго развитія, тѣмъ менѣе мы чувствуемъ себя чуждыми Западу азіатами, тѣмъ болѣе растутъ у насъ братскія связи съ лучшими слоями западнаго общества, и мѣсто націоналистической исключительности заступаетъ широкое общеніе и заимствованіе наиболѣе подходящихъ для насъ соціальныхъ формъ у нашихъ сосѣдей. Исходя изъ тѣхъ же основаній, какъ прогрессивные и культурные народы Запада, мы не можемъ не пережить тѣхъ же общественныхъ стадій, какъ и они, мы не можемъ не заимствовать у нихъ ихъ

современныхъ политическихъ формъ и учрежденій. Мы должны рушить китайскую стѣну, отдѣляющую насъ отъ Запада, если мы хотимъ не только казаться, но и быть великой европейской державой.

Но прусскіе феодалы имѣютъ всѣ основанія для того, чтобы не желать нравственнаго и политическаго пробужденія русскаго народа. И если сами они изо всѣхъ силъ стремятся къ воскрешенію въ Германіи стараго прусскаго Polizeistaat'а, подъ кровомъ котораго они безъ всякой публичности и общественнаго контроля водворяли свое благополучіе на плечахъ закрѣпощеннаго народа, то тѣмъ болѣе желаютъ они, чтобы могучій сѣверный сосѣдъ подольше ходилъ въ прусскихъ государственныхъ обноскахъ и былъ связанъ тѣми узами, которыя давно ужъ сбросила съ себя сначала только южная, а затѣмъ и поднявшаяся надъ Пруссіей единая „имперская" Германія.

Прусское юнкерство отлично знаетъ, что пробужденіе общественныхъ силъ въ Россіи и политическое признаніе тамъ моральной и сознательной личности грозитъ ему и нравственнымъ, и матеріальнымъ пораженіемъ. При господствѣ въ Россіи системы довѣрія къ обществу и единенія между правительствомъ и народомъ, юнкерская гегемонія уже потому терпитъ моральное пораженіе, что она лишается того блестящаго примѣра бюрократическаго всемогущества и непогрѣшимости, который служилъ въ ея рукахъ своеобразнымъ доказательствомъ „ad oculos" для всѣхъ невѣрующихъ въ магическую силу полицейской палки. До сихъ поръ прусская реакціонная пресса ковала себѣ довольно сильное оружіе изъ тѣхъ остатковъ полицейскаго государства, которые временно сохранились въ русскомъ государственномъ организмѣ. Связывая въ одно цѣлое, съ одной стороны, русскую мощь и богатство, а съ другой—существованіе на сѣверѣ старой бюрократической системы по прусскимъ образцамъ, здѣшніе реакціонеры выставляли первое результатомъ второго, и выходило, что Россія только потому и велика и могуча, что она рядится въ политическій мундиръ Фридриха-Вильгельма IV и водворяетъ у себя блаженство среди широкихъ народныхъ массъ фухтелями и шпицрутенами полицейско-прусскаго образца. На русскихъ выпадала, такимъ образомъ, завидная роль быть представителями той отжившей формы общественой жизни, которая раздвояла государство на темныя массы закрѣпощеннаго народа и чисто механически организованную армію начальства, при чемъ обѣ эти части не имѣли между собою никакихъ точекъ соприкосновенія и ни малѣйшей общности ни въ культурѣ, ни въ духовныхъ потребностяхъ.

Такія нелестныя для насъ воззрѣнія прусскаго правящаго класса основывались еще на томъ странномъ представленіи о русскомъ народѣ, которое, къ сожалѣнію, господствуетъ и среди

такъ называемыхъ бюргерскихъ круговъ. Согласно этому воззрѣнію, русскій народъ представляется чѣмъ-то въ родѣ стада животныхъ, для которыхъ не нужно ни одного изъ тѣхъ правовыхъ и культурныхъ благъ, которыми въ изобиліи пользуется нѣмецъ у себя дома. И если юнкеръ считаетъ своимъ неотъемлемымъ правомъ пользованіе неограниченной свободой совѣсти, то это, конечно, есть привилегія однихъ европейцевъ, въ отличіе отъ русскихъ. Этимъ послѣднимъ не нужно истинной религіи, основанной на свободѣ убѣжденія, имъ не нужно быть честными передъ лицомъ Бога: какъ низшая раса, они могутъ пользоваться, вмѣсто религіи, обрядами и лицемѣріемъ. Точно такъ же, по мнѣнію прусскаго феодала, русскимъ не нужно свободы слова и печати, такъ какъ вообще имъ не слѣдуетъ много думать, за нихъ-де въ достаточной степени подумаетъ и устроитъ всѣ ихъ дѣла на нѣмецкій ладъ организованная бюрократія. Не нужно русскимъ дикарямъ, конечно, и политическихъ правъ, и если свой, такъ называемый, народъ юнкеры не считаютъ достойнымъ участвовать иначе въ государственной жизни, какъ на положеніи безгласной и пассивной массы, то тѣмъ болѣе считаютъ они русскій народъ прирожденными рабами, которымъ присуща только одна добродѣтель—животной покорности судьбѣ и преданности пришедшему „изъ нѣмцевъ“ чиновнику-культуртрегеру.

Съ этой точки зрѣнія вполнѣ естественно прусскіе феодалы считаютъ себя призванными мѣшаться въ русскія внутреннія дѣла и рѣзко принимать сторону того теченія въ русской общественной жизни, которое еще такъ недавно хотѣло превратить Россію въ грандіозную темницу, а правительство великаго народа низвести на положеніе укротителя дикихъ звѣрей. Прусское юнкерство уже видѣло Россію въ образѣ какого-то всесвѣтнаго жандарма, который долженъ былъ жертвовать народными средствами и кровью для спасенія прусскихъ аграріевъ отъ „переворота“, для вѣчной безопасности ихъ патримоніальныхъ правъ и классового господства. Создавъ въ своемъ воображеніи Россію въ видѣ какого-то дикаго и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственно убогаго великана, прусская реакція льстила себя пріятной надеждой приручить къ себѣ это чудовище при помощи различныхъ любовныхъ услугъ, чтобы затѣмъ, въ надлежащій моментъ, спустить его съ цѣпи, какъ дворовую собаку, на своего домашняго, прусскаго „врага отечества“. И ясное дѣло, что когда Пруссія почувствовала приближеніе русской общественной весны, когда все шире и просторнѣе становились пути между русской общественной жизнью и передовымъ идейнымъ движеніемъ на Западѣ, то прусская правящая клика стала чувствовать себя крайне безпокойной и съ лихорадочнымъ напряженіемъ начала принимать мѣры къ тому, чтобы—чего Боже сохрани—не попало въ Россію

того свѣта и воздуха, которые такъ нужны русской мысли и русской душѣ.

Свое вмѣшательство въ русскія внутреннія дѣла пруссаки могли осуществить, конечно, только путемъ воздѣйствія на тѣхъ русскихъ, которые находились на территоріи Пруссіи, занимались здѣсь наукой или лѣченіемъ, учились не только изъ книжекъ, но и изъ самой окружающей жизни. И въ нихъ Пруссія увидѣла страшную опасность. Въ нихъ прусскіе феодалы признали почему-то именно тѣхъ предвозвѣстниковъ русской „весны“, которые могли принести съ собою на родину запретные плоды широкаго просвѣщенія, вѣры въ прогрессъ и уваженія къ человѣческому достоинству. И на этомъ основаніи за русскими въ Пруссіи былъ учрежденъ самый тягостный полицейскій надзоръ. Ихъ выслѣживали, какъ дичь, нарушали тайну ихъ переписки, въ ихъ помѣщеніяхъ производились секретные и нелѣпые обыски, всѣми возможными и невозможными способами ихъ возводили въ званіе „анархистовъ“, а затѣмъ или высылали вонъ изъ предѣловъ Пруссіи, или выдавали ничего не подозрѣвавшимъ „о преступленіи“ данныхъ „анархистовъ“ русскимъ властямъ. Даже политическими доносами занимались прусскіе агенты по отношенію къ русскимъ студентамъ и путешественникамъ, пребывающимъ въ Пруссіи, и неоднократно бывали случаи, что прусская полиція обвиняла тѣхъ или другихъ лицъ въ революціонной дѣятельности противъ русскаго правительства, а это послѣднее, по самомъ тщательномъ разслѣдованіи, не находило никакой революціи въ дѣйствіяхъ выданныхъ ему обратно изъ Пруссіи.

Послѣдній инцидентъ съ русской студенткой г-жей Бэрсонъ является однимъ изъ наиболѣе характерныхъ проявленій прусской „національной политики“. Эта дѣвушка, дочь состоятельныхъ родителей, внушила мѣстной полиціи большое подозрѣніе уже тѣмъ, что, получая отъ отца 200 марокъ въ мѣсяцъ, она не покупала себѣ шикарныхъ шляпокъ, не рядилась въ шелковыя тряпки, а вела самый скромный образъ жизни. Это было уже въ высокой степени неблагонадежно. Женщина, которая имѣетъ деньги и не тратитъ ихъ по моднымъ лавкамъ на Фридрихштрассе, это съ юнкерской точки зрѣнія уродъ, который подлежитъ самому строгому надзору. Устоять передъ соблазномъ пестрой мишуры можетъ несомнѣнно только страшная революціонерка. Остающіяся въ ея кошелькѣ деньги могутъ въ силу этого пойти на помощь нуждающимся товарищамъ или, что еще ужаснѣе, на покупку „Освобожденія“ и т. п. страшныхъ вещей. Отсюда новое умозаключеніе. У г-жи Бэрсонъ голова должна быть революціонизована. Она, при наличности денегъ и отсутствіи модныхъ костюмовъ, непремѣнно должна заниматься „революціонными происками“; мало того, она должна быть непремѣнно анархисткой. И предположенія полиціи блестяще оправдались: оказалось, что эта не

модная барышня, нарушившая всѣ принципы кисейной морали и полицейскаго кодекса, остановилась въ Берлинѣ у своихъ знакомыхъ и въ теченіе цѣлыхъ 10 дней и 10 ночей не исполнила своего долга передъ прусской государственностью: она забыла сообщить о своемъ торжественномъ пріѣздѣ въ мѣстный полицейскій участокъ! Страшная кара не замедлила свалиться на грѣшницу; не смотря на то, что за такое полицейское упущеніе полагается всего только нѣсколько марокъ штрафа, русская дѣвушка была схвачена жандармами, была раздѣта и обыскана въ участкѣ, у ея знакомыхъ въ квартирѣ все было перевернуто вверхъ дномъ, а самую преступницу до нахожденія уликъ и вещественныхъ доказательствъ посадили въ тюрьму подъ особый надзоръ и охрану. У нея отнято было право пользоваться прогулкой по тюремному двору и дышать свѣжимъ воздухомъ—право, которымъ въ Германіи пользуются воры и грабители, попавшіе подъ стражу — къ ней не допустили знакомыхъ, желавшихъ ее посѣтить, ей запрещено было даже взять себѣ защитника, и только послѣ долгихъ хлопотъ къ ней удалось проникнуть адвокату и получить отъ нея законную довѣренность. Десять дней томилась бѣдная студентка подъ замкомъ, и ея судьба грозила принести ей всѣ прелести этапнаго путешествія въ Россію, когда, на ея счастье, пріѣхалъ ея отецъ изъ Россіи и вызволилъ свою дочь изъ юнкерскаго пріюта подъ условіемъ, что онъ немедленно же вмѣстѣ съ нею покинетъ предѣлы гостепріимной Пруссіи. Въ одномъ только прусская полиція не достигла своей цѣли: она до конца не могла найти ни уликъ, ни вещественныхъ доказательствъ, и ей пришлось ограничиться голымъ утвержденіемъ, что г-жа Б. „по вышеуказаннымъ соображеніямъ можетъ быть заподозрѣна въ революціонныхъ проискахъ".

Такъ спасаютъ прусскіе феодалы Россію отъ „весны", а себя отъ грядущей бури и политическаго переворота. Для нихъ страшенъ всякій прогрессъ гдѣ бы то ни было, а въ особенности въ Россіи. Крѣпостники по всему своему существу, они не останавливаются ни передъ какимъ произволомъ, когда дѣло идетъ объ ихъ интересахъ политическаго господства и экономической эксплуатаціи. Своими врагами считаютъ они поэтому и свободное слово драматурга, и союзную организацію рабочихъ, и русскихъ студентовъ, стремящихся къ свѣту и пробужденію своей родины. Государственную власть Пруссіи захватили они въ свои руки, а изъ монарха они сдѣлали орудіе своихъ узкихъ корыстныхъ интересовъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что преобразованіе прусскаго классового парламента и устраненіе оскорбительныхъ для массы народа привилегій есть вопросъ, отъ котораго зависитъ дальнѣйшая судьба Пруссіи и ея роль среди культурнаго движенія современности.

Реусъ.

Изъ замѣтокъ школьнаго учителя.

Учебная система.

I.

Графа Д. А. Толстого — творца современной, хотя и заподозрѣнной, но далеко еще не отжившей свой вѣкъ школы, — считаютъ поклонникомъ классицизма и убѣжденнымъ врагомъ естествознанія. Толстовская система называется по преимуществу классической, — въ чемъ и полагаютъ ея вредъ. Мнѣніе это довольно распространено, но едва ли справедливо.

Безспорно, классицизмъ въ избыткѣ—вещь нестерпимая. Но, во-первыхъ, самъ гр. Толстой заявилъ, что классическіе языки ему интересны, какъ наиболѣе удобное средство надзора.

„Надлежащее пониманіе—говорилъ онъ въ своей объяснительной запискѣ къ проекту устава — учениками преподаннаго изъ всѣхъ другихъ наукъ, особенно же изъ естествовѣдѣнія, почти ускользаетъ изъ-подъ учительскаго контроля, почему здѣсь и возможны, съ одной стороны, развитіе крайняго самомнѣнія, а съ другой — образованіе самыхъ превратныхъ понятій".

А во-вторыхъ, какъ онъ могъ быть врагомъ естествознанія, если этотъ предметъ занялъ чрезвычайно видное мѣсто въ программѣ городскихъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій? Да и вообще вопросъ, какихъ наукъ другомъ или врагомъ былъ гр. Толстой, весьма не легко поддается рѣшенію.

Суть не въ классицизмѣ и не въ реализмѣ. Значеніе Толстого совершенно въ другомъ. Министръ Уваровъ полагалъ, что логика — наука опасная, и на этомъ основаніи ее подвергли изъятію. Въ толстовскихъ учительскихъ институтахъ ее вполнѣ безпрепятственно изучаютъ. Но чтобы показать, какой она видъ приняла, воспроизвожу § изъ тѣхъ „лекцій" по логикѣ, которыя мы, воспитанники, зазубривали:

„Индукція (Inductio: in — въ, duco — веду). 1) Способъ наведенія въ логикѣ; 2) возбужденіе электричества на разстояніи; индуктивный — относящійся къ индукціи, идущій путемъ ея. Индуктивное сужденіе представляетъ сложную ассоціацію сначала по смежности, потомъ по сходству. Индукція есть прежде всего сужденіе о соотношеніи извѣстныхъ фактовъ. Отличіе ея отъ понятія индуктивный процессъ — сложнѣе, чѣмъ абстракція. Тамъ внѣшнее объединеніе чертъ, здѣсь связь между раздѣльными свойствами предметовъ. Индукція есть прежде всего сужденіе о неизмѣнномъ отношеніи, о твердой связи двухъ доселѣ раздѣльныхъ фактовъ или качествъ. Это операція по смежности, сосуществованіи или послѣдовательности. Индукція идетъ далѣе. Связь между фактами, справедливая для данныхъ случаевъ,

справедлива и для всѣхъ другихъ случаевъ, существенно сходныхъ съ первыми".

Беру параграфъ изъ психологіи, которую мы опять таки въ учительскомъ институтѣ зубрили:

„*Разумъ*: *Въ глубинѣ своего существа мы внутреннимъ чувствомъ* (сохраняю вездѣ курсивъ подлинника) созерцаемъ безусловное. *Созерцательная сила, съ помощью которой человѣкъ способенъ созерцать свой внутренній міръ и объяснять внутреннія движенія своего духа, называется разумомъ.* Разумъ есть такое высшее обнаруженіе познавательной дѣятельности, которое состоитъ въ созерцаніи безусловнаго, безконечнаго, которое должно быть основною цѣлью всего конечнаго, должно быть тѣмъ, безъ чего же можетъ быть конечнаго бытія. Источникомъ, откуда нашъ духъ почерпаетъ матеріалъ для познанія безусловнаго, служатъ идеи. Идея форма созерцанія, форма неуловимая, не чувственная, отвлеченная. Итакъ, созерцаніе облекается въ форму идеи. Отсюда, человѣкъ, далекій отъ всего матеріальнаго, называется *идеальнымъ, интеллектуальнымъ*. Точно такъ же христіанство есть вѣроученіе идеальное, ибо имѣетъ цѣлью поднять человѣка отъ земли, сдѣлать его истиннымъ подобіемъ Божіемъ".

Опаснымъ предметомъ считалось нѣкогда естествознаніе. Въ толстовскую школу оно вошло и даже успѣло сдѣлаться однимъ изъ очень нелюбимыхъ учениками предметовъ.

Правда, естествознанія, собственно, т. е. знакомства съ законами и исторіей органической и неорганической жизни, гр. Д. А. Толстой не допустилъ. Подъ названіемъ „естественной исторіи", въ школу вошли учебники, которые съ необыкновенною тщательностью описываютъ „представителей". Чтобъ не быть голословнымъ, ссылаюсь на школьныхъ авторовъ:

1) *Минералогія*, учебн. Александрова, для средн. школы, стр. 72:

Апатитъ (Apatit, Apatite), кристаллизующійся въ формахъ гексагональной системы. По твердости онъ считается пятымъ образцовымъ тѣломъ. Удѣльный вѣсъ его 3,2. Онъ бываетъ безцвѣтный, но чаще окрашенъ зеленымъ, синимъ, красноватымъ или сѣрымъ цвѣтомъ. Химическій составъ его: фосфорнокислая известь съ хлористымъ или фтористымъ кальціемъ (послѣднія соли могутъ быть и вмѣстѣ) — $3\,Ca_3\,(PO_4)_2 + Ca\,Cl_2$ (или $Ca\,F_2$).

2) *Зоологія*, учебн. Вараввы для городскихъ училищъ, стр. 159:

„*Крапивница*, длиною около 7 линій, шириною съ распущенными крыльями около 2 дюймовъ. Тѣло ея удлиненное, цилиндрическое, верхняя сторона крыльевъ кирпично-красная, наружный край окаймленъ бурожелтою оторочкою, и передъ нею черная лента съ голубыми пятнышками. На переднемъ краѣ переднихъ крыльевъ находится три большихъ черныхъ пятна, промежутки между которыми свѣтло-желтые. На срединѣ же два маленькихъ черныхъ пятна, и ближе къ внутреннему краю еще одно, немного больше, возлѣ котораго находится свѣтло-желтое пятно; вершина переднихъ крыльевъ съ бѣлымъ пятномъ. Заднія крылья, начиная отъ основанія до середины, черныя; на переднемъ же краѣ основаніе свѣтло-желтое. Нижняя сторона крыльевъ у основанія черноватая, далѣе пестрая и на наружномъ краѣ съ чернымъ ломанымъ ободкомъ"...

3) *Ботаника*, учебн. Ярошевскаго, для средней школы, §§ 51, 52:

„Ятрышникъ испятнанный (Orchis maculata). Небольшое травянистое растеніе въ 1 или 2 фута вышины съ глубоко-сидящими въ землѣ длинными придаточными волокнистыми корнями, между которыми помѣщается два особенные органы, имѣющіе видъ продолговатыхъ шишекъ (опускаю подробное описаніе этихъ „шишекъ", около которыхъ „виднѣется" еще „маленькая шишечка"...). „Стебель кругловатый, плотный или подъ конецъ, въ послѣднихъ междоузліяхъ, пустой внутри, полый, несущій до 10 сухихъ нижнихъ чешуй и до 10 вполнѣ развитыхъ, простыхъ дугонервныхъ листьевъ, пластинки которыхъ постепенно суживаются книзу", и т. д., и т. д. — на пространствѣ четырехъ печатныхъ страницъ.

Существуетъ анекдотъ о какомъ-то находчивомъ оппонентѣ. На ученомъ засѣданіи, не возражая противъ доклада по существу, этотъ оппонентъ предложилъ въ награду 5000 руб. тому, кто своими словами сумѣетъ передать основныя положенія докладчика. Такого же рода „конкурсъ", не рискуя заплатить деньги, можно устроить и по поводу только что процитированныхъ параграфовъ. Мысль, выраженную въ нихъ, тоже нельзя „передать своими словами". Да и какая же тутъ мысль? Кажется, правильнѣе ихъ разсматривать, какъ выписки изъ спеціальныхъ словарей, не всегда удачно сдѣланныя и расположенныя въ алфавитномъ безпорядкѣ.

Впрочемъ, сами авторы учебниковъ кое-гдѣ ухитряются объ однихъ и тѣхъ же предметахъ говорить разными словами. У Ясенскаго „свинья ростомъ бываетъ до $1^1/_2$ и длиною до 2 арш., а вѣсомъ до 20 пудовъ и болѣе. Зубная формула 6 — 6, 2 — 2, 14 — 14". Вараввины же свиньи „имѣютъ около 3 ф. вышины и отъ 5 до 6 длины, вѣсятъ до 25—30 п., зубная формула 6 — 6, 2 — 2, 12 (14) 12 (14)".

Кошка г. Ясенскаго бываетъ величиною до 3 футовъ; Вараввина кошка „длиною около десяти, высотою около 6 вершковъ".

Муха г. Ясенскаго имѣетъ „яички овальной формы и бѣлаго цвѣта"; имѣющая такое же латинское названіе муха г. Вараввы кладетъ: „яички цилиндрической формы, оболочка ихъ нѣжная, блестяще бѣлая"...

Ученику, очевидно, остается лишь во всемъ положиться на автора и вызубрить слова въ томъ именно порядкѣ, въ какомъ они составителемъ учебника написаны. Это и называется учить естественную исторію.

А что значитъ, напр., учить географію?

Вмѣстѣ со мною готовился къ поступленію въ институтъ одинъ изъ моихъ товарищей дѣтства. Онъ зубрилъ географію Россіи по Лебедеву, я — по Баранову, — оба учебника для средней школы. Товарищъ поѣхалъ въ московскій институтъ, я въ Б—скій. Потомъ мы встрѣтились и стали дѣлиться впечатлѣніями.

— Вотъ еще географія мнѣ сильно мѣшала,— жаловался мой товарищъ. — Я вѣдь училъ Лебедева. А въ въ институтѣ меня заставили учить Баранова. Пришлось заново перезубривать.

— Представь и со мною тоже случилось, — отвѣтилъ я.—Готовился то я по Баранову, а въ институтѣ заставили учить Лебедева. Совсѣмъ какъ будто новая наука!

Гг. Лебедевъ и Барановъ описали Россію разными словами— и въ этомъ весь секретъ. Ибо географіи, какъ науки, въ школахъ нѣтъ. Ученики заучиваютъ сборники географическихъ названій и справочныхъ свѣдѣній, выбираемыхъ каждымъ авторомъ по своему усмотрѣнію. Иногда, впрочемъ, одинъ и тотъ же авторъ для новаго изданія беретъ изъ спеціальныхъ книжекъ и новыя свѣдѣнія, или старыя располагаетъ въ другомъ порядкѣ. Для примѣра укажу хотя бы на извѣстнаго школьнаго географа г. Смирнова.

Подъ видомъ исторіи, школа предлагаетъ болѣе или менѣе подробное описаніе войнъ, походовъ, а главное—„погуще хронологіи, побольше именъ".

Вмѣсто физики,—детальное описаніе безчисленнаго множества приборовъ и машинъ.

Вмѣсто языка, - сводъ грамматическихъ правилъ, опредѣленій, исключеній, перечисленіе суффиксовъ, союзовъ, предлоговъ и пр.

Толстовская школа ввела новый и совершенно отличный отъ общепринятаго взглядъ на умственную зрѣлость. Общепринято считать человѣка умственно зрѣлымъ и образованнымъ, если онъ вполнѣ понимаетъ методы и схемы современной ему мысли и знаетъ, гдѣ ту или иную частность можно найти, и какъ этой частностью надо пользоваться. По школьному же воззрѣнію, образованъ и умственно зрѣлъ тотъ, кто схемъ современной мысли не понимаетъ, но безошибочно разсказываетъ о частностяхъ или, вѣрнѣе, хорошо и бойко повторяетъ слова, какими написанъ учебникъ. На этомъ основаніи общая, философская часть науки упразднена, а ея мѣсто заняло описаніе крыльевъ бабочки крапивницы etc. И если ученикъ этого описанія не умѣетъ повторить, ему, какъ человѣку совершенно необразованному и умственно незрѣлому, ставятъ двойку: такъ, между прочимъ, поступали съ воспитанниками въ московскомъ учительскомъ институтѣ.

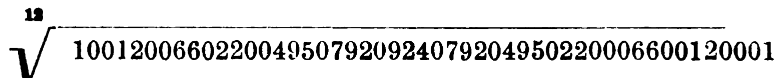
Но какой смыслъ имѣетъ заучивать слова, какими въ учебникѣ описывается расположеніе цвѣтовъ на крыльяхъ крапивницы? Смыслъ есть и очень серьезный.

II.

Во-первыхъ, благодаря обилію частностей, учебники получаются весьма внушительными по объему. То, что можно бы пройти въ одинъ годъ и вмѣстить въ одну школьную книгу, растягивается на 3 — 4 книги и на 3—4 года. Отсюда — чрезвычайное обиліе учебниковъ. „Нижегородскій Листокъ“ въ 1897—8 уч. г. подсчиталъ, сколько требуется книжекъ для учениковъ средней школы. Оказалось: въ третьемъ классѣ мужской гимназіи—20, реальнаго училища—17, женскаго института—22, въ высшихъ классахъ отъ 30 до 42. Подсчетъ довольно скромный. Моимъ ученикамъ городскихъ училищъ требовалось: въ третьемъ отдѣленіи (средній возрастъ 11—12 лѣтъ), около 13 книгъ, въ шестомъ до 30.

Конечно, множество учебниковъ и довольно частая замѣна однихъ другими удорожаетъ учебу, дѣлаетъ школу менѣе доступной. Но это чисто побочное обстоятельство.

Во-вторыхъ, обиліе не столько фактическаго, сколько словеснаго, матеріала ставитъ работу ученика въ строго опредѣленныя рамки. Разъ попалъ въ школу, заняться „посторонними дѣлами“, или унестись „въ заоблачныя мечтанія о предметахъ соціальныхъ“ некогда. Впору зубрить, зубрить и зубрить. Шутка ли мальчику 13 — 14 лѣтъ знать наизусть, или почти наизусть, до 30 книгъ. А вѣдь, кромѣ книгъ, есть еще и письменныя работы. Чего стоятъ однѣ только математическія задачи, необыкновенно тонко приноровленныя къ общему духу толстовской школы! Вотъ, напр., задача 60-я изъ § 199 „Алгебры“ Малинина:



$$\sqrt[12]{10012006602200495079209240792049502200066001200 01}$$

Т. е. изъ числа, стоящаго подъ радикаломъ, ученикъ долженъ извлечь корень двѣнадцатой степени. И не только извлечь, но и аккуратно переписать въ тетрадкѣ всѣ вычисленія. Можетъ быть, впослѣдствіи, у потомковъ, явится мысль увѣковѣчить одну изъ такихъ задачъ—выгравировать ее на надгробномъ мавзолеѣ Малинина, что ли, или даже самого гр. Д. А. Толстого, — точно такъ же, какъ выгравировано 35-значное π на памятникѣ кельнскаго математика Людольфа. Но это вопросъ будущаго. А пока несомнѣнно, что толстовская программа разсчитана на всѣ, сколько есть, силы ученика и ничего не оставляетъ для „внѣпрограммныхъ увлеченій“.

Въ-третьихъ, мысль, прикованная ко множеству частностей, „куда зря“ не летитъ. И чѣмъ дольше ее держать подъ давленіемъ мелочей, тѣмъ тѣснѣе суживается ея кругозоръ, тѣмъ значительнѣе утрачиваетъ она перспективы. Въ концѣ концовъ

наступаетъ то особенное состояніе психической близорукости, о которомъ говорятъ:

— Изъ-за деревьевъ человѣкъ пересталъ видѣть лѣсъ.

Въ-четвертыхъ, — программа, составленная сплошь изъ частностей, дѣйствительно, очень удобна для контроля. Установить, занимался ли ученикъ, и какъ занимался, легко и просто. Стоитъ лишь спросить у него:

— Назови всѣ суффиксы существительныхъ, всѣ предлоги, которые управляютъ родительнымъ падежемъ, всѣхъ русскихъ патріарховъ, всѣхъ французскихъ королей послѣ Генриха IV и время ихъ царствованія.

Или:

— Сколько сухихъ чешуй на стеблѣ у ятрышника? тычинокъ у крапивы? У какихъ представителей семейства мотыльковыхъ однобратственныя тычинки? и т. д.

Такими вопросами въ теченіе урока легко проконтролировать всѣхъ учениковъ. Толстовская школа отводитъ для мысли тѣсное пространство. А на маленькомъ мѣстѣ наблюдать легко.

Единственное время, когда ученикъ могъ бы ускользнуть отъ контроля со стороны правительственнаго учителя, — это каникулы. Но, какъ видно изъ печатнаго „Очерка Өеодосійскаго Учительскаго Института“ *), еще въ 1879 г. состоялось распоряженіе: „наблюдать, чтобы ученикамъ были задаваемы на лѣтнее вакаціонное время письменныя работы“. Когда я сталъ учителемъ, работы задавались и письменныя, и устныя и при томъ въ размѣрахъ по истинѣ гомерическихъ. Математикъ, порою приказывалъ рѣшить до 100 и даже до 150 задачъ, естествовѣдъ— „выучить всѣхъ лѣтнихъ представителей“, географъ—„начертить всѣ карты“ и т. д. Отмѣнены обязательныя каникулярныя работы лишь въ 1900 г. „Однако—говорилъ по этому поводу въ своемъ циркулярѣ министръ Боголѣповъ — я нахожу нежелательнымъ предоставить учениковъ самимъ себѣ, въ теченіе продолжительнаго вакаціоннаго времени“.

Какими же средствами можно заставить ребенка вызубрить нѣсколько десятковъ книжекъ? Гдѣ тотъ рычагъ, чтобы оторвать мальчика отъ свойственной его лѣтамъ рѣзвости, а юношу отъ стихійной потребности къ обобщеніямъ? Мало того—оторвать,— но и направить всѣ силы души на задачники Малинина и зоологію Вараввы? Рычагъ этотъ старый, испытанный. Называется балловой системой. Имѣетъ свою исторію, о которой не лишне сказать нѣсколько словъ.

*) „Очеркъ“ вышелъ въ 1888 г. и выпущенъ въ продажу.

III.

Честь изобрѣтенія балловой системы приписывается ордену іезуитовъ. Генералъ Аквавива чуть ли не первый—или, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ первыхъ,—указалъ на баллы, какъ на весьма надежный способъ „подстрекнуть соревнованіе и возбудить честолюбіе". Дѣйствительно, способъ оказался довольно удобнымъ. Отъ іезуитовъ онъ былъ позаимствованъ другими и, между прочимъ, вошелъ въ обиходъ и нашей школы. Впрочемъ, у насъ на баллы стали смотрѣть, какъ на средство оцѣнивать поведеніе и опредѣлять уровень познаній.

Но относительно поведенія еще въ 1857 г. Шестаковъ замѣтилъ, что „существующій способъ означать нравственность цифрами не удовлетворяетъ цѣли, не выдерживаетъ даже самаго снисходительнаго разбора; это произведеніе больного ума, до того увлекшагося математическими выкладками, что высшій моральный вопросъ былъ совершено упущенъ".

„Не выдерживаютъ даже самаго снисходительнаго разбора" принятыя цифровыя отмѣтки, и какъ способъ оцѣнивать знанія. Онѣ пытаются установить максимумъ познаній (5) и минимумъ (3). „Но максимума—напомнилъ, между прочимъ, Н. И. Пироговъ—нѣтъ, потому что по направленію вверхъ нѣтъ никакой границы человѣческихъ свѣдѣній". Отъ ученика можно требовать лишь условный минимумъ. Для школы, которая зиждется на экзаменахъ и переводахъ изъ класса въ классъ, нужны, слѣдовательно, двѣ отмѣтки: одна для обозначенія, что ученикомъ установленный министерствомъ минимумъ усвоенъ, другая,—что не усвоенъ. Какъ изображать эти отмѣтки буквами: „знаетъ—не знаетъ", цифрами ли 3—2, или иными знаками—по существу безразлично.

Но вѣдь учитель при пятибальной системѣ употребляетъ не двѣ, а около 20 отмѣтокъ *).

Если лишнія 18 отмѣтокъ существуютъ не для того, чтобъ „подстрекать соревнованіе и возбуждать честолюбіе", то какъ могли онѣ уцѣлѣть въ школьномъ обиходѣ?

Секретъ долголѣтней ихъ устойчивости весьма простъ: онѣ—дешевое и гибкое средство карать и награждать. Это по преимуществу орудіе дрессировки. Его воспитательное значеніе, по меньшей мѣрѣ, сомнительно, потому что балловая система разсчитана вовсе не на инстинкты дружества и взаимной пріязни.

Общераспространенное, насколько я могу судить по личному опыту, явленіе: ученики, равнодушные къ хорошимъ отмѣткамъ,

*) Вотъ наиболѣе употребительныя: 5, 5—, $4^1/_2$, 4+, 4, 4—, $3^1/_2$, 3+, 3, 3—, $2^1/_2$, 2+, 2, 2—, $1^1/_2$, 1+, 1, 1—, 0; Менѣе употребительны: $^1/_2$, 0+, 0—, 5+, 5=, 4++ и т. д.

или, какъ ихъ чаще называютъ, „лѣнтяи“—добрые товарищи и живутъ между собою въ трогательномъ единодушіи. За то два „первыхъ ученика“ въ одномъ классѣ своего рода несчастіе: они всегда на ножахъ; жить въ мирѣ для нихъ, повидимому, такъ же трудно, какъ собакѣ не драться съ кошкой. Да оно и понятно.

Съ виду невинныя пятерки, четверки, плюсы и минусы родятъ зависть, вооружаютъ ребенка противъ ребенка. Воспитывать помощью ихъ „добрыя чувства“ равносильно затѣѣ — водворять порядокъ, бросая въ толпу пряники.

Нельзя также сказать, что баллы водворяютъ согласіе между учителемъ и учениками. Изъ-за отмѣтокъ въ классѣ постоянныя пререканія. Ивановъ жалуется, что ему поставили 3—, хотя онъ знаетъ урокъ не хуже Степанова, которому, однако, поставлено 3+. А Степановъ доказываетъ, что онъ знаетъ „на всю четверку, а тройка съ плюсомъ для него кровная обида“. Учителю волей неволей приходится давать объясненія. И горе ему, если онъ не сумѣетъ это сдѣлать тактично, не сохранитъ полнаго самообладанія!

Въ Б—скомъ уѣздномъ училищѣ одно время ученики, пользуясь отмѣтками, устраивали своеобразную мелодраму. Ея первый актъ заключался въ томъ, чтобы учителя математики, Степана Николаевича, человѣка очень нервнаго, раздразнить, или, какъ выражались ученики,—„довести до бѣлаго каленія“. Эту задачу бралъ на себя кто-либо посмѣлѣе и добивался таки, что Степанъ Николаевичъ сердито кричалъ:

— А ты все шалишь!.. Такъ вотъ тебѣ нуль.

Кстати: усмирять шалуновъ плохими отмѣтками за успѣхи—средство довольно обычное.

Ученикъ, получившій нуль, заливался горючими слезами:

— Ой, простите!..—вопилъ онъ.—Никогда больше не буду... Простите...

— Простите его, Степанъ Николаевичъ, — присоединялись 2—3 ученика.

Степанъ Николаевичъ, хорошо понимавшій, что его дурачатъ, злился пуще.

— Молчать!—кричалъ онъ.

— Да вѣдь онъ намъ мѣшаетъ заниматься, — возражали ученики.—Простите его.

Взбѣшенный учитель ставилъ еще 2—3 нуля. Подымался плачъ и вой въ три—четыре голоса. Остальные просили „простить этихъ дураковъ, потому что они мѣшаютъ“. Учитель ставилъ нули. Ревъ усиливался. Дѣйствіе развивалось crescendo, вплоть до заключительнаго акта мелодрамы: Степанъ Николаевичъ схватывалъ журналъ и убѣгалъ изъ класса.

Нѣсколько лѣтъ спустя, когда В—ское училище было пре-

образовано въ городское, я засталъ другой способъ дурачить учителя—Павла Дмитріевича. Ученикъ рѣдко оставался доволенъ полученной отмѣткой и весьма почтительно увѣрялъ Павла Дмитріевича, что онъ знаетъ, положимъ, не на 3+, а на 4.

— Ей-Богу, я на четверку училъ. Позвольте мнѣ еще разъ отвѣтить.

— Молчи...

— Пожалуйста, Павелъ Дмитріевичъ, спросите меня. Я мамѣ обѣщалъ, что на четверку вамъ отвѣчу. Мнѣ очень тяжело маму огорчать. Она такъ вашимъ предметомъ интересуется...

— Вонъ изъ класса! — кричалъ Павелъ Дмитріевичъ, не находя другого способа прекратить объясненія, которыя мѣшаютъ продолжать урокъ.

Да и вообще, сколько я могъ замѣтить, пререканія изъ-за отмѣтокъ далеко не всегда ведутся въ серьезъ. Чаще же это способъ отнять у учителя время, устроить развлеченіе, правда, дешевое, но все же развлеченіе. И хоть ученики въ такихъ случаяхъ отводятъ учителямъ вовсе не почетную роль, и хоть балловая бухгалтерія съ ея гроссбукомъ,—класснымъ журналомъ,—требуетъ, чтобы содержать ее въ порядкѣ и исправности, не малаго труда,—тѣмъ не менѣе, Степаны Николаевичи и Павлы Дмитріевичи, въ массѣ, остаются убѣжденными друзьями отмѣтокъ. И это они дѣлаютъ, конечно, не потому, что имъ нравится вступать въ пререканія изъ-за плюсовъ и минусовъ.

„Когда ученица знала на полныхъ три, — признавался отставной учитель г. Розановъ, — я ей неизмѣнно ставилъ два" („Нов. Вр.", № 7798).

— Но вѣдь это несправедливо! — скажетъ сердобольный читатель.

Да, несправедливо, но скупые учителя à la Розановъ (порода, какъ извѣстно, довольно распространенная) считаютъ это очень педагогичнымъ. „Скупая отмѣтка" повышаетъ, видите ли, уровень класса. Ученику нужно получить три, ибо это баллъ обязательный: значитъ, пусть учитъ на „полную четверку".

Не бѣда, что посидитъ онъ надъ географіей Смирнова ночью лишнихъ $1^1/_2$—2 часа. Въ старинныхъ азбучкахъ не зря стишокъ печатался:

„Если хочешь лучше знать,
То поменьше нужно спать.

А затѣмъ можно плюсикомъ кого-либо поощрить: у другихъ соревнованіе подстрекнется. И, наконецъ, ученикъ, получившій въ награду за усердіе четверку или даже пятерку, неминуемо станетъ напрягаться изо всѣхъ силъ, чтобы награды этой и впредь не быть лишеннымъ. На сцену выступаетъ сильная у каждаго ребенка жажда похвалъ. Начинается игра на дѣтскомъ самолюбіи, напряженная погоня за отличіями и не менѣе напря-

женная боязнь потерять благорасположеніе учителя. Ученикъ, награждаемый хорошими отмѣтками, самый послушный, но врядъ ли самый счастливый. По крайней мѣрѣ, школьный языкъ лишь тройку признаетъ „балломъ душевнаго спокойствія“.

Въ рукахъ учителя сложная балловая машина — то же, что кнутъ въ рукахъ извозчика. Это орудіе татарской пытки самому злому возницѣ безполезно, пока лошадь везетъ посильную тяжесть по хорошей дорогѣ. Но если кладь не въ мѣру тяжела, или дорога очень плоха, — вовсе не надо быть злымъ, чтобы пустить въ дѣло кнутъ, т. е., причиняя острую боль, довести животное до крайняго нервнаго напряженія; по словамъ опытныхъ кучеровъ, кнутомъ можно придать лошади такую силу, что она, стараясь сорвать съ мѣста возъ, отламываетъ собственныя копыта.

Нѣтъ спора, отмѣтка — орудіе болѣе утонченное. Физической боли сдѣлать ими нельзя. Но раздражать дѣтское самолюбіе, причинять ему острую боль онѣ приспособлены. И довести, помощью ихъ, ребенка до крайняго нервнаго напряженія—не трудно. Такъ что учителя вполнѣ правы, когда говорятъ:

— Съ отмѣтками, правда, много хлопотъ и возни. Но если ученики зубрятъ греческія исключенія и славянскія склоненія и знаютъ Смирнова и Варавву, — за это мы должны быть глубоко признательны балловой системѣ.

Но отсюда же вытекаетъ и тотъ кошмаръ, который съ жестокою образностью увѣковѣченъ однимъ изъ авторовъ „ученическихъ воспоминаній“. Насъ,—говоритъ онъ,—поступило въ гимназію 53. Изъ нихъ:

1) Получили аттестатъ зрѣлости—7.

2) Покончили самоубійствомъ—3 *).

Жестокость заключается не въ цифрѣ - 46 „поломавшихъ собственныя копыта“, ибо цифра эта ничего исключительнаго не представляетъ. Толстовская школа считала вполнѣ достаточнымъ, если удовлетворительныхъ („переводныхъ“) отмѣтокъ получилось $66^2/_3\%$ общаго числа учениковъ. Т.-е. нормальнымъ признавался слѣдующій разсчетъ: изъ 53 перваго класса во II-й должно перейти 36, въ III—24, въ IV—16, въ V—11, въ VI—8, въ VII—6, въ VIII—4 и окончить курсъ 3. Несложныя ариѳметическія вычисленія показываютъ, гдѣ надо искать жестокости: училище, о которомъ идетъ рѣчь, имѣло „процентъ успѣшности“ 75, или на $8^1/_3$ выше нормальнаго.

---

*) См. „Русск. Шк.“, 1900 г., кн. IV.

IV.

Допустимъ, однако, что на того или другого ученика балловая система не подѣйствуетъ, какъ нѣкогда, въ дореформенной школѣ, не дѣйствовали розги. Не смотря на боль отъ уколовъ самолюбію, ученикъ не захочетъ везти школьный возъ и станетъ заниматься „посторонними дѣлами“. Какъ съ нимъ быть? Очень просто: онъ не отвѣтитъ на экзаменахъ и будетъ уволенъ за малоуспѣшность.

Еще предположеніе:

О каждомъ учителѣ, прежде чѣмъ принять его на службу, забираются очень тщательныя справки. Возможно, однако, что какой-либо учитель окажется охотникомъ заниматься не указанными въ программахъ разговорами и наталкивать на вопросы „соціальные“. Но и съ этой стороны толстовская школа казалась неуязвимой.

Во-первыхъ, программа обширна; времени выполнить ее—въ обрѣзъ, или даже не хватаетъ; курсъ, какъ выражаются учителя, „приходится гнать на почтовыхъ“. Когда жъ тутъ „разговоры разговаривать“?

Во-вторыхъ, учитель долженъ записать, чѣмъ онъ занимался на урокѣ, и что имъ пройдено. Учениковъ надо спрашивать непрестанно, потому что журналъ необходимо заполнить баллами. Ко многимъ учителямъ, и ко мнѣ въ томъ числѣ, прямо предъявлялось требованіе, чтобы каждому ученику по каждому предмету, въ теченіе недѣли было поставлено не менѣе одной отмѣтки.

Въ-третьихъ, во время ревизій и въ особенности на экзаменахъ, чрезвычайно легко обнаружить, чѣмъ склоненъ заниматься учитель—„дѣломъ“ или „разговорами“. Если ученики знаютъ слова, которыя въ учебникахъ напечатаны,—было дѣло. Если не знаютъ—были разговоры.

Словомъ, если смотрѣть на толстовскую школу съ высоты птичьяго полета, она должна казаться крѣпостью неприступной. Попавъ въ нее, ребенокъ могъ сбѣжать или залѣниться и быть исключеннымъ; могъ покончить трагически, какъ та пятнадцатилѣтняя дѣвочка въ Смоленскѣ, что оставила записку: „лишаюсь жизни изъ-за проклятой географіи“ (1902 г., „Смол. Вѣстн.“). Но разъ ему удалось окончить курсъ, школа выпуститъ его въ жизнь, дѣйствительно, „скромнымъ молодымъ человѣкомъ“, который „соціальныхъ“ вопросовъ не смыслитъ, и ничего, кромѣ учебниковъ, не знаетъ.

Когда толстовскій школьный режимъ былъ окончательно осужденъ высочайшимъ рескриптомъ 25 марта 1901 г., разда-

лось очень много голосовъ, горячо присоединившихся къ этому обвинительному приговору. Но были голоса и въ защиту обвиненнаго. Остановлюсь только на двухъ отзывахъ: одинъ, согласный съ рескриптомъ, другой не согласный.

„Толстовская гимназія—высказался А. В Амфитеатровъ—была не педагогическимъ учрежденіемъ. Она являлась системою заложничества, въ которой государство потребовало себѣ отъ русской семьи всѣхъ дѣтей ея, въ обезпеченіи политической благонадежности. Это заявлялось и печаталось совершенно откровенно. Гимназія брала ребенка всего. Комедія,—что она отпускала его послѣ уроковъ въ семью, домой! Онъ не видалъ семьи... О, проклятое время! Десятый кругъ Дантова ада—горючее море слезъ, наплаканныхъ русскими дѣтьми и матерями! Когда отцы заглядывали въ науку дѣтей, они хватались за голову:

— Что дѣлаютъ? Чему учатъ?

Къ какой жизни готовятъ? Поколѣніе слѣпыхъ котятъ! Ихъ судьба утонуть въ первой же глубокой житейской лужѣ!.. *)

Это голосъ, присоединившійся къ рескрипту. Защищать же „десятый кругъ Дантова ада“ выступилъ, между прочимъ, С. Рачинскій, небезъизвѣстный идеологъ классицизма. Послѣ 25 марта онъ издалъ брошюру: „Absit omen“, гдѣ и возстаетъ противъ „плана“ упразднить толстовскую систему образованія:

„Исходитъ этотъ планъ—говоритъ онъ—отъ вершинъ правительственныхъ, общественныхъ и научныхъ, въ странѣ монархической и сословной, слѣд., устроенной на началахъ охранительныхъ,—въ странѣ, въ коей достигаютъ крайняго выраженія естественныя различія состояній, матеріальнаго достатка, умственнаго развитія и политической власти, и сопряженныя съ ними различія обязанностей и сферъ возможной дѣятельности. Между тѣмъ, весь этотъ планъ носитъ на себѣ утопическій характеръ теоріи безусловнаго равенства, нигдѣ до сихъ поръ не достигнутаго и по силѣ вещей недостижимаго“.

Характерно: оба автора съ удивительнымъ единодушіемъ отмѣчаютъ въ толстовской школѣ прежде всего начало политическое. И только непостижимое затменіе разсудка мѣшало. Рачинскому видѣть, что школа эта одинаково безполезна всѣмъ политическимъ направленіямъ, и въ томъ числѣ „охранительнымъ началамъ“, во имя которыхъ онъ запугиваетъ читателя слишкомъ прозрачными намеками на „декларацію правъ человѣка и гражданина“. Допустите на минуту, что С. Рачинскій правъ, т. е. что такъ и впредь должно быть, какъ гр. Д. А. Толстымъ установлено. Жизнь пусть себѣ кипитъ какими угодно философскими и соціальными вопросами, а школа будетъ учить греческимъ склоненіямъ и словамъ, которыя въ учебникахъ напечатаны, предоставивъ молодежи самой знакомиться съ тѣмъ, что для пониманія жизни и для общественной дѣятельности необходимо. Попрошу единомышленниковъ Рачинскаго откровенно и прямо отвѣтить:

— Какъ такой способъ воспитывать „въ духѣ охранительныхъ

*) „Житейская накипь“, стр. 51—52.

началъ" называется? Есть ли это рѣшеніе задачи, или возведенное въ систему нежеланіе рѣшать ее? Воспитательный ли это пріемъ или примѣненіе къ школьному дѣлу канцелярскаго метода: по справкѣ за № 00 соціальные вопросы программами запрещаются, а потому все обстоитъ благополучно? И кого школа „охраняетъ"— самое себя или учениковъ?

Предложу единомышленникамъ С. Рачинскаго на размышленіе и еще одно обстоятельство:

Семья отдаетъ правительственной школѣ подъ надзоръ правительственныхъ учителей 53 ребенка. Трое покончили самоубійствомъ и исключаются изъ списковъ. Изъ остальныхъ 50-ти школа доучиваетъ только семерыхъ, а 43 выбрасываются за бортъ, куда-то, въ пространство, подъ чье-то невѣдомое и совершенно ускользающее отъ правительственнаго контроля вниманіе. Неужели и это значитъ—„воспитывать въ духѣ охранительныхъ началъ"?

Наконецъ, относительно семерыхъ, которые курсъ окончили, исполнена ли въ дѣйствительности толстовская программа? да и можно ли ее исполнить?

V.

По учебникамъ, созданнымъ школою гр. Толстого, учиться не легко. Они должны бы отнять у ребенка все время. И отъ обязанности зубрить ихъ, казалось бы, нѣтъ способовъ уклониться. Но... вотъ какъ начиналъ свои уроки одинъ изъ моихъ товарищей-сослуживцевъ, учитель исторіи. Это былъ мученикъ идеи — искоренить ученическое „мошенничество", которое, кстати сказать, приняло повсемѣстно размѣры, воистину, легендарные.

Явившись въ классъ, онъ прежде всего отбиралъ у всѣхъ учениковъ учебники по своему предмету и тетрадки, гдѣ записывается „хронологія". Отобранное складывалось на каѳедрѣ. Затѣмъ онъ тщательно осматривалъ классъ — нѣтъ ли гдѣ на стѣнѣ или доскѣ относящейся къ уроку надписи, и не валяется ли гдѣ нибудь комочекъ бумаги (статья важная, потому что на такихъ, съ виду невинныхъ, комочкахъ оказывается порою полный конспектъ урока). Убѣдившись, что никакого „мошенства" не подготовлено, онъ вызывалъ ученика — обязательно къ каѳедрѣ—и приказывалъ:

— Покажи руки.

Руки тщательно осматривались — опять таки статья важная, потому что на ладоняхъ и ногтяхъ ученики ухитряются записывать нужныя для урока имена, „хронологію", математическія формулы etc.

— Теперь разстегни поясъ,— приказывалъ искоренитель мошенничества (за поясомъ вѣдь тоже можетъ быть заткнута какая-нибудь „жульническая штука").

И лишь послѣ столь детальныхъ приготовленій онъ считалъ себя до нѣкоторой степени въ безопасности и говорилъ:

— Можешь отвѣчать... Да держи руки по швамъ. Не смѣй ихъ подымать. Не то... я знаю вашего брата...

— Ученики жалуются,— рѣшился я однажды сказать этому учителю,—что имъ, держа руки по швамъ, отвѣчать трудно. Согласитесь сами: стоять на вытяжку и докладывать о наукѣ, и вправду, не совсѣмъ для ребенка удобно.

— Толкуйте!—возразилъ онъ.—Не знаете вы развѣ ихняго брата! Имъ позволь только пальцемъ шевельнуть, а они ужъ того... Весь свѣтъ пройди—такихъ мошенниковъ не встрѣтишь... Знаете,—онъ даже голосъ понизилъ,—я все думаю, не двѣ ли у нихъ исторіи? Одну-то они мнѣ отдаютъ, а другую себѣ оставляютъ. Кажется, и хронологій у нихъ по двѣ... Ну, погоди—я до этого доберусь.

— Но вѣдь вы ученика къ каѳедрѣ вызываете. Какъ же онъ можетъ васъ обмануть?

— Да ужъ не знаю какъ, но чувствую, что обманываютъ. Непремѣнно надо прослѣдить и поймать.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого разговора, ему таки удалось „поймать“.

— Можете себѣ представить,—говорилъ онъ,—они къ нашему же учительскому столу бумажки приклеиваютъ. Напишутъ, что нужно, и приклеютъ...

Черезъ недѣлю онъ печально сознался:

— Подлецы опять какое-то мошенство придумали. Понять не могу какое! А чувствую, что мошенство есть...

Бороться съ мошенничествомъ, т. е. умѣньемъ получать удовлетворительные баллы, не зная урока,—занятіе чрезвычайно безполезное. На сторонѣ ученика слишкомъ много пособниковъ и укрывателей. И главнѣйшимъ пособникомъ является сама толстовская программа. Если бы она требовала отъ ученика понимать общій смыслъ той или иной эпохи, напр.,—подлогъ былъ бы немыслимъ. Ну, а имена, годы, названія рѣчекъ и городовъ, гдѣ были битвы, — все это при нѣкоторой сноровкѣ легко написать въ потребномъ для урока количествѣ на собственныхъ ногтяхъ. Строго говоря, программа, основанная исключительно на мелочахъ и частностяхъ, даже подстрекаетъ школьника обманывать. Заинтересоваться этими мелочами мальчикъ не можетъ. А учить ихъ трудно и имѣетъ лишь одинъ смыслъ—получить хорошую отмѣтку. Но разъ все дѣло сводится къ отмѣткѣ, то зачѣмъ мучить себя и „долбить эти противныя книжки?“ Гораздо проще организовать систему подсказываній, подбрасывать другъ другу записки...

Благо и родители, и общество до того принюхались къ школьному обману, что его и за обманъ не считаютъ. Не секретъ

вѣдь, что когда нужно выкрасть экзаменаціонную тему, складчину для подкупа нужныхъ лицъ устраиваютъ отцы, а дѣти лишь обдумываютъ планъ дѣйствій и приводятъ его въ исполненіе.

Дѣятельно помогаютъ водить учителей за носъ и книгопродавцы, которые, угадывая духъ и потребности вѣка, выпускаютъ на рынокъ обильное число подстрочниковъ, конспектовъ, сборники рѣшенныхъ задачъ по Малинину, по Давыдову, по Верещагину, „образцовыя сочиненія на общеупотребительныя школьныя темы"... И надо отдать справедливость авторамъ этихъ книжекъ—дѣло свое они знаютъ мастерски. Вотъ, напр., какъ рекомендуетъ нѣкто г. П. Л. начинать сочиненіе о Гоголѣ: „Я съ дѣтства любилъ чтеніе книгъ и, благодаря тому, что могъ свободно читать ихъ болѣе или менѣе безконтрольно, рано познакомился съ корифеями русской литературы... Сколько разъ перечиталъ я Гоголя—не помню. Но и теперь, когда мнѣ не по себѣ, или когда я усталъ, я беру наудачу одинъ изъ томовъ, открываю наугадъ—и черезъ минуту я уже въ другомъ мірѣ"...

П. Л. за свои двѣ книжечки—„Сочиненія на темы по русскому языку"—назначилъ цѣну не дешевую—3 р. 50 к. Но, конечно, не дешево стоитъ и искусство—написать такое „сочиненіе", чтобъ оно относилось сразу ко всѣмъ корифеямъ, отъ Гомера до Шекспира и Л. Н. Толстого включительно, и въ то же время могло быть съ пользою употреблено для другихъ темъ,—напр., о пользѣ чтенія, о значеніи литературы и т. д.

При столь искусныхъ руководителяхъ толстовская наука требуетъ не больше труда, чѣмъ это вызывается надобностями болѣе или менѣе ловкаго плагіата. Любопытно: плагіаторскій способъ одолѣвать науку ученикъ несетъ—такова сила привычки!—далеко за предѣлы гимназіи. Нѣкоторымъ молодымъ врачамъ, между прочимъ, хорошо извѣстенъ адресъ вѣнскаго профессора Ш., такъ какъ подъ его „руководствомъ" чрезвычайно легко и просто пишутся докторскія диссертаціи. О русскихъ ученикахъ этого Ш. существуетъ множество анекдотовъ. Напомню только одинъ. Молодой врачъ, вмѣстѣ съ женой, поѣхалъ за границу, явился къ проф. Ш. и сказалъ, какая ему нужна диссертація и къ какому сроку. Профессоръ посовѣтовалъ „всетаки немножко заняться изслѣдованіемъ". Врачъ послушался добраго совѣта и купилъ гуся, утку и еще какую-то птицу, которая была нужна для изслѣдованія. Но тутъ ему понадобилось куда-то уѣхать, а жена въ его отсутствіе велѣла приготовленныхъ для науки птицъ зарѣзать и изжарить. Вернувшись, будущій докторъ устроилъ по этому поводу бурную сцену. Квартирная хозяйка сочла нужнымъ вступиться за жену:

— O mein Herr, — сказала она,—пожалуйста, не волнуйтесь! Фонъ Ш. такъ много на своемъ вѣку написалъ диссертацій!.. Онъ и безъ вашего гусака знаетъ, что вамъ нужно.

Школьные учителя къ своимъ естественнымъ помощникамъ, вродѣ автора „образцовыхъ сочиненій“—г. П. Л., относятся далеко недружелюбно. На „подстрочники“ и прочую „мошенническую“, какъ ее называютъ, литературу устраиваются временами облавы, по всѣмъ правиламъ повальнаго обыска: старательно изслѣдуются парты, ранцы, верхнее ученическое платье, печи, промежутки между стѣной и шкафами... „Въ грандіозныхъ обыскахъ — разсказывалъ, напр., рецензентъ „Вѣстника Воспитанія“ (1898 г., кн. V, ст. 59)—принимало участіе почти все начальство. Уличенныхъ въ пристанодержательствѣ іогансоновскихъ, главнымъ образомъ, изданій сурово наказывали“. Но эти и другія мѣры строгости отнюдь не мѣшаютъ „мошеннической“ литературѣ процвѣтать и множиться. Къ тому же „воровскіе“ сборники рѣшенныхъ задачъ по Малинину, Верещагину etc. находятъ дружелюбный притонъ у самихъ учителей.

VI.

Еще въ сороковыхъ годахъ о германскихъ учителяхъ Кехли замѣтилъ, что они, „исправляя латинскія сочиненія, прибѣгаютъ къ лексикону такъ же часто, какъ и ихъ ученики“. Спѣшу оговориться: рѣчь веду не о безграмотности учителей древнихъ языковъ: это свое качество „классики“ доказали столь блестяще, что къ ихъ собственному показанію рѣшительно нечего добавить. Ужъ слишкомъ извѣстностью пользуются сочиненныя ими фразы: „животъ коротокъ, штука длинна“ (переводъ съ лат.: Vita brevis, ars longa); „лазутчики донесли Цезарю, что они нашли въ лѣсу человѣка, трепетущагося въ неопреоборимомъ страхѣ и бормотавшаго какую-то безсмысленницу, едва ли не пораженнаго молніемъ“—etc.

Успѣли надоѣсть, какъ опошленный анекдотъ, ссылки на „безсмысленницы“, вродѣ тѣхъ, какими полна, напр., „Книга упражненій гг. Ходобая и Виноградова: „часто молчащее лицо имѣетъ голосъ и слова; зимній южный вѣтеръ распускаетъ мерзлыя воды; рѣсницы весьма удобны для закрытія и открытія зрачковъ; черви вначалѣ бываютъ голыми бабочками“ и т. д. Мало кого трогаютъ даже указанія, что эти цитаты заимствованы изъ *седьмого, одобреннаго ученымъ комитетомъ* министерства народнаго просвѣщенія изданія. Да и вообще въ наши дни невѣжествомъ учебниковъ, даже такихъ распространенныхъ, какъ „исторіи“ Иловайскаго и „географіи“ Смирнова *), никого не удивишь: привыкли всѣ къ этому.

Не буду говорить и о томъ, что среди педагоговъ попадаются

---

*) См., напр., ст. г. Южакова въ «Рус. Бог.» 1897 г. №№ 6 и 7.

порою не только малограмотные люди, но и упорствующіе въ своей малограмотности. Въ Б... городскомъ училищѣ (1896 г.) былъ даже такой случай. Дѣвушка К. держала экзаменъ на званіе сельской учительницы. Педагогическій совѣтъ призналъ ее достойною этого званія. По обычаю, протоколъ совѣта, вмѣстѣ съ экзаменаціонными работами, былъ отправленъ на утвержденіе директору народныхъ училищъ. Къ великому удивленію учителей, директоръ протокола не утвердилъ, собственноручно отмѣтилъ въ письменныхъ работахъ „грубые промахи", которыхъ на самомъ дѣлѣ не было и слѣда; и въ довершеніе всего директорская резолюція содержала около десятка грамматическихъ ошибокъ, изъ нихъ четыре прямо таки конфузныя:

— За такія ошибки,—возмущались учителя,—даже ученикамъ приходскаго училища двойку слѣдуетъ ставить.

Обезкураженной дѣвушкѣ тихонько посовѣтовали жаловаться попечителю округа, что она и сдѣлала. Жалоба возымѣла дѣйствіе. Работы, забракованныя директоромъ, были потребованы на просмотръ въ канцелярію округа. Испытательный комитетъ нашелъ ихъ очень хорошими, и попечитель предписалъ совѣту Б—скаго училища выдать свидѣтельство. Директорскія ошибки, когда все „дѣло объ экзаменахъ" возвращено было обратно, оказались подчеркнутыми чьимъ-то краснымъ карандашемъ.

Но вопросъ объ общемъ уровнѣ учительской образованности оставимъ пока открытымъ. Въ данную минуту меня интересуетъ иное:

Знаютъ ли учителя свой предметъ въ предѣлахъ того учебника, который обязателенъ для учениковъ?

Къ сожалѣнію, моя восьмилѣтняя жизнь среди учителей рѣшительно не даетъ мнѣ основаній сказать утвердительно:

— Да, знаютъ.

Даже относительно русскаго правописанія, въ которомъ всѣ бы должны быть сильны, приходится высказать сомнѣніе. Изъ учителей русскаго языка, какихъ я знаю, рѣдкій провѣрялъ тетради по диктанту (старшихъ классовъ), не положивъ возлѣ себя книги, по которой онъ диктовалъ. А безъ справокъ въ грамматикѣ, или въ орѳографическомъ словарѣ, и руководствѣ Грота не обходился ни одинъ. И это бы не бѣда: въ американскихъ школахъ на такого рода справкахъ (тамъ ихъ дѣлаютъ, впрочемъ, ученики) основано обученіе орѳографіи. При томъ же наше, т. е. гротовское, правописаніе слишкомъ субъективно и слишкомъ капризно. Недаромъ В. П. Шереметевскій (довольно извѣстный педагогъ) предлагалъ всѣмъ русскимъ образованнымъ людямъ „порѣзаться" на слѣдующей диктовкѣ, составленной въ строгомъ соотвѣтствіи съ указаніями Грота:

„Поваръ Владиміръ, желая серіознымъ образомъ спрыснуть свой новый *сертукъ*, купилъ *склянку* вина, фунтъ *ветчины*, пару *колачей*; напекъ *ватру-*

шекъ, пироговъ съ кашей и снитками, сварилъ уху изъ *пескарей* и пригласилъ... дядю *Остафія*... и другого дядю *Онисима*, а также сестру *Олену* и свояченницу *Овдотью*... Не забылъ Владимиръ любимца своего *снѣгиря*, который съ *лодони* клевалъ крошки... Трезорка..., привязываемая на *бечевкѣ* у *конуры*, на этотъ разъ получила свободу".

Хотя эта диктовка, при желаніи, можетъ быть дана ученикамъ 4—5 отдѣленія городского училища или 2—3 класса гимназіи, но изъ нея далеко не всякій учитель благополучно выплыветъ. И не потому, что Шереметевскій составилъ свой диктантъ съ цѣлями, такъ сказать, кляузными: въ 1897 г. мнѣ лично посчастливилось присутствовать въ Д-скомъ городскомъ училищѣ при горячемъ спорѣ двухъ учителей, есть ли въ русскомъ языкѣ слово: „гостья", и какъ будетъ его родит. пад. множ. числа; два года спустя въ Б... училищѣ цѣлыхъ семь учителей сразу спорили, какого рода мозоль и овощь, и изъ семерыхъ только одинъ высказалъ мнѣніе, согласное съ академическимъ словаремъ.

Во всякомъ случаѣ, справка у Грота или въ грамматикѣ ничего зазорнаго, страннаго не заключаетъ. Странно лишь то, что справляться учителя разрѣшаютъ себѣ, а ученикамъ сплошь и рядомъ запрещаютъ. При мнѣ въ Б—омъ городскомъ училищѣ учитель Г—евъ „захватилъ" въ ученической партѣ орфографическій словарь Покровскаго и, на этомъ основаніи, требовалъ примѣрно наказать виновнаго, какъ притоносодержателя „мошеннической литературы".

— Но вѣдь вы и сами въ Покровскаго заглядываете, — напомнили ему.

— Мало ли куда я заглядываю!—возразилъ Г—въ.—У меня вонъ и жена есть. И водку я пью. А ученикъ дѣлать этого не смѣетъ.

Точно такъ же, повидимому, разсуждаютъ учителя математики, полагая, что только они „смѣютъ" заглядывать въ „Сборники рѣшенныхъ задачъ". И пока такой „сборникъ" на учительскомъ столѣ, его считаютъ „пособіемъ". Попавъ въ ученическую парту, онъ уже становится „мошенничествомъ". Ученики столь шаткую терминологію объясняютъ не совсѣмъ почтительно.

Въ 1894 г., во время каникулъ, гимназистъ В—чъ, юноша лѣтъ 15, обратился ко мнѣ съ просьбой, не пособлю ли я ему „задачу изъ алгебры рѣшить".

— Какую задачу?

— Да видите ли,—началъ объяснять В—чъ.—Требуха... Это мы математика Требухой дразнимъ... Такъ вотъ, говорю, онъ ее еще въ январѣ задалъ. А мы не рѣшили. Сталъ Требуха самъ рѣшать. Всѣ доски мѣломъ исписалъ, а толку не добился. Послѣ звонка схватилъ журналъ да поскорѣй изъ класса. — А какъ же, спрашиваемъ его, задача? — Ну, теперь, говоритъ, пустяки остались: къ слѣдующему уроку вы ее дома докончите...

В—чъ засмѣялся:

— Все равно, какъ въ сказкѣ солдатъ изъ топора кашу сварилъ: крупу поѣлъ, а топоръ, говоритъ, бабушка, сама завтра довари... Мы, конечно, опять не рѣшили... Сказали Требухѣ, а онъ говоритъ: теперь мнѣ некогда — къ слѣдующему уроку попробуйте дома рѣшить. Такъ мы его до конца года этой задачей допекали, а онъ ее все къ слѣдующему уроку задавалъ... И на каникулы вмѣстѣ съ другими задачами задалъ.

— И вы ее хотите непремѣнно рѣшить?—спросилъ я.

— Любопытно бы, какъ она въ самомъ дѣлѣ рѣшается,—отвѣтилъ В—чъ.

Задачу намъ удалось рѣшить, и В—чъ былъ, повидимому, очень доволенъ.

— Держись теперь, Требуха!—говорилъ онъ, смѣясь и пряча исписанную бумагу.—Я же тебѣ докажу!..

— Ничего вы не докажете,—замѣтилъ я.—Вашихъ каникулярныхъ тетрадокъ онъ, навѣрное, читать не станетъ...

— Что вы! что вы!—засмѣялся В—чъ и даже руками замахалъ.—Дуракъ я развѣ, что стану въ тетрадку рѣшеніе писать! Мы-то ему скажемъ, будто опять не рѣшили. И опять будемъ допекать, пока не надоѣстъ. Впередъ ему наука — не задавай трудныхъ задачъ...

Два года спустя, въ октябрѣ, я попалъ учителемъ въ Д... городское училище. Тамъ была классная система преподаванія, т. е. учитель долженъ заниматься въ одномъ только классѣ, но по всѣмъ предметамъ. На первомъ же урокѣ ариѳметики, ученики заявили мнѣ, что имъ еще Иванъ Алексѣевичъ (мой предшественникъ) задалъ задачу...

— Какую задачу?

— А вотъ №...

— Когда-жъ вамъ ее задали?

— Да въ первый-то разъ еще въ августѣ. А потомъ все къ слѣдующему уроку... Такъ мы ее и до сихъ поръ не рѣшили.

Иначе говоря, новому учителю классъ предложилъ подвергнуться тому же экзамену, на которомъ срѣзался „старый“.

Разумѣется, не совсѣмъ удобно для учителя математики сбиваться и запутываться, объясняя ученикамъ, напр., геометрическую теорему; или, доказывая въ классѣ ту же теорему, поминутно заглядывать въ учебникъ: хотя бываютъ и такіе случаи. Но даже болѣе свѣдущій въ своемъ предметѣ школьный математикъ порою попадаетъ впросакъ: задастъ второпяхъ нѣсколько задачъ, а въ число ихъ попадетъ и такая, которую онъ и самъ не рѣшитъ. Въ сущности, ничего очень зазорнаго въ этомъ нѣтъ. Многія задачи въ нынѣшнихъ учебникахъ правильнѣе бы отнести въ область спорта, а не науки. Онѣ построены слишкомъ условно, и требуютъ чисто шарадныхъ методовъ рѣшенія.

Рѣшить или не рѣшить задачу-шараду—вопросъ спортивнаго самолюбія. Тѣмъ болѣе странно: учитель, чтобъ разгадать головоломную задачу, сплошь и рядомъ обращается за помощью къ своимъ коллегамъ или къ „воровскимъ сборникамъ", а въ крайнемъ случаѣ задаетъ ее безъ конца „къ слѣдующему уроку". Ученикъ же, не рѣшившій задачи, получаетъ двойку, а уличенный въ укрывательствѣ „мошеннической литературы" по математикѣ подвергается болѣе или менѣе суровой дисциплинарной карѣ.

Изъ учителей „предметовъ памяти", т. е. исторіи, географіи, естествовѣдѣнія и т. д., я знаю только одного г. И—каго, который имѣлъ мужество начать свой первый урокъ естественной исторіи въ Б—ой учительской семинаріи такою приблизительно рѣчью:

— А что, господа, умѣете вы галку отъ вороны отличить? Вотъ и хорошо, что умѣете. А я не умѣю. Да вы не смѣйтесь. Ничего тутъ смѣшного нѣтъ. Ибо такъ ужъ премудро устроено, что въ учительскихъ семинаріяхъ исторію, географію и естествовѣдѣніе полагается одному учителю преподавать. Будь на моемъ мѣстѣ естественникъ, онъ ничего не смыслилъ бы въ исторіи. А такъ какъ я историкъ, то ничего не смыслю въ естествовѣдѣніи. Поняли? Поэтому буду я учиться вмѣстѣ съ вами. Но вы больше моего знаете, и потому мнѣ помогайте и, коли совру, подсказывайте... За однимъ разомъ, чтобъ ужъ не возвращаться, скажу и объ исторіи. Историкъ я это безспорно. Домосковскую Русь знаю лучше васъ. Эпоху Карла Великаго тоже знаю. А во всемъ остальномъ могу шибко напугать. То же и на счетъ географіи. Среднюю Азію я случайно изучалъ и недурно знаю. Но по нѣмой картѣ указывать не пробовалъ—пожалуй, собьюсь. На счетъ же всего остального у меня багажъ не важный. Москву, конечно, покажу, и чѣмъ она замѣчательна—знаю. И что въ Московской губ. есть города Серпуховъ и Клинъ—тоже знаю: по желѣзной дорогѣ мимо проѣзжалъ. Но сколько въ Германіи великихъ и малыхъ герцогствъ, и какъ они называются—сказать не умѣю. Такъ что вы мнѣ всякое лыко въ строку не ставьте. А я, съ своей стороны, вамъ обѣщаю, что зубрить буду здорово и постараюсь учебники выучить поскорѣе.

Тотъ же И—скій впослѣдствіи въ Б—скомъ учительскомъ институтѣ откровенно заявилъ ученикамъ:

— Кромѣ исторіи и географіи, на меня возложили преподавать космографію. Науки этой я никогда не зналъ, и теперь не знаю. А штудировать ее мнѣ некогда. Поэтому вполнѣ полагаюсь на вашу совѣсть: учите космографію сами, какъ знаете. На экзаменахъ же я о ней спрашивать не стану. Если же кто, паче чаянія, предложитъ вопросъ, не смущайтесь. Отвѣчайте только бойчѣе, увѣреннѣе. Коли ужъ очень явной глупости не сморо-

зите, передъ бойкимъ, увѣреннымъ отвѣтомъ нашъ братъ, учитель, пасуетъ.

Надо отдать справедливость И—скому: слово свое онъ держалъ крѣпко, и учебники по исторіи и географіи вызубрилъ, дѣйствительно, „здорово". Но даже онъ начиналъ урокъ традиціонною учительскою фразою:

— Дайте книжку.

— Ничего не подѣлаешь,—оправдывался И—скій.—И зубрить я горазлъ. И память у меня, безъ похвальбы скажу, крѣпкая. А улетучивается оно изъ головы. Безъ учебника на урокѣ, какъ безъ рукъ... Слушаешь ученика, или самъ разсказывать станешь— гдѣ, кромѣ учебника, въ сомнительныхъ случаяхъ, справиться?

Дѣйствительно, И—скій зналъ свой предметъ настолько, что могъ лишь „справляться". Другіе на его мѣстѣ просто слѣдятъ по учебнику за отвѣтомъ ученика. И такъ же просто глядятъ въ учебникъ, когда объясняютъ „новый урокъ". Третьи—болѣе самолюбивые—заглядываютъ на урокѣ въ книжку исподтишка, „глаза запускаютъ", какъ нѣсколько вульгарно выражаются о такихъ учителяхъ ученики. Четвертые—очень самолюбивые — зубрятъ уроки дома, и, что плохо запоминается, заносятъ для памяти въ записную книжку, которая и служитъ для нихъ классныхъ пособіемъ. Даже тотъ маньякъ, искоренитель мошенничества, что заставлялъ учениковъ руки показывать и пояса разстегивать, имѣлъ въ своемъ журналѣ узенькую тетрадку изъ очень тонкой бумаги, гдѣ кабалистическими знаками изображалась „хронологія" и какія то еще свѣдѣнія. Учитель, который вполнѣ знаетъ обязательный для ученика учебникъ, надо полагать, большая рѣдкость. По крайней мѣрѣ, я такого не встрѣчалъ. Вмѣстить въ головѣ все море частностей, какими наполняетъ свою книжку каждый школьный авторъ,—идеалъ, коего многіе пытаются достичь, но, кажется, никто еще не достигъ.

Я далекъ отъ мысли обвинять учителей въ поголовномъ невѣжествѣ. Среди нихъ, несомнѣнно, есть люди образованные, которые знаютъ свой предметъ и любятъ его. Но разсуждая о толстовскихъ программахъ, безусловно необходимо напомнить два обстоятельства:

1) память человѣческая не одарена безграничною вмѣстительностью,

2) и потому частности и мелочи она выбрасываетъ вонъ при первомъ удобномъ случаѣ.

И только совокупность особыхъ причинъ заставляетъ требовать отъ ученической головы, чтобы она вмѣстила то, чего не могутъ вмѣстить сами учителя всѣ вообще и каждый по своей спеціальности.

VII.

Къ началу девятидесятыхъ годовъ учителя русскаго языка, по М—скому учебному округу, переживали безпокойное время: окружной инспекторъ N., видимо, не на шутку рѣшилъ „упорядочить орѳографію“. Говорили объ N., что человѣкъ онъ въ сущности добрый, но имѣетъ два недостатка. Во-первыхъ, въ молодости былъ нѣсколько косноязыченъ, а подъ старость сталъ шамкать, такъ что нужна привычка, чтобъ разобрать или догадаться, о чемъ онъ говоритъ. А во вторыхъ, N.—большой поклонникъ диктовокъ, которыя сочиняетъ самъ и диктуетъ тоже самъ.

Въ первую его ревизію диктовки получились, какъ и слѣдовало ожидать, „ужасныя“. Въ интересахъ служебной репутаціи, учителя стали „практиковать“ учениковъ въ особенныхъ диктантахъ, которые кое гдѣ, чуть ли не изъ простой вѣжливости, называются „фонетическими“. Употребляются они, сколько я могъ замѣтить, чаще всего въ министерскихъ двухклассныхъ училищахъ. А чтобъ объяснить, что это такое, приведу общеизвѣстный отрывокъ изъ „Евгенія Онѣгина“, какъ его надо продиктовать „фонетически“ (паузы учителя обозначаю многоточіемъ):

„Диревня гдѣ .. Скучалъ Евгеній... Была прелеснай... Угалокъ тамъ... Друхъ невинахъ... Наслаждени благаславить бы небо... Мокъ гаспоцки домъ... Уидиненный гарой... Атъ вѣтравъ агражденнай... Стаялъ надъ рѣчкаю вдали... Пистрѣли и цвѣли луга“ etc.

Цѣль „фонетическаго“ диктанта—скрыть знаки препинанія и вообще сбить ученика съ толку, или, точнѣе, подготовить къ ревизіи. Отъ учениковъ я слышалъ другое названіе такому способу диктовать, но оно не можетъ быть оглашено въ печати.

О нѣсколькихъ учителяхъ, которые старались окружному инспектору угодить, говорили, что они диктовали такъ же, какъ N. т. е. шамкали и шепелявили. Разумѣется, имъ пришлось предварительно внушить ученикамъ, что смѣяться не слѣдуетъ, такъ какъ это нужно для дѣла и общей пользы.

Черезъ 3—4 года стало извѣстно, что N. каждый разъ во всѣхъ училищахъ даетъ одну и ту же диктовку. Не берусь судить, какъ это открытіе принято было въ другихъ мѣстахъ, но въ гор. В. ему очень обрадовались и къ ревизіи начали учениковъ готовить способомъ болѣе легкимъ, нежели фонетическая диктовка.

Передъ пріѣздомъ N. ученики писали „ревизоровъ“ диктантъ. Учитель его исправлялъ и возвращалъ для переписки набѣло. Затѣмъ онъ исправлялся вторично, и учитель русскаго языка говорилъ ученикамъ такую, примѣрно, рѣчь:

— Такого-то числа наше училище посѣтитъ дѣйств. стат. сов. N. Онъ будетъ диктовать вамъ то же самое. Надо, чтобы вышло у васъ получше. Поэтому вы диктовку перепишите еще разъ набѣло, да постарайтесь, потому что N. большое вниманіе на каллиграфію обращаетъ. Постарайтесь также, чтобъ не было ошибокъ. И чтобъ къ приходу окружного инспектора у васъ это лежало въ столахъ. А когда онъ продиктуетъ, такъ вы написанное подъ его диктовку, того... спрячьте въ столъ. А это ему отдайте. Поняли? Да осторожнѣе надо дѣлать.

Съ общаго вѣдома и согласія такъ велось нѣсколько лѣтъ. И нужно полагать, что соотвѣтственныя мѣры принимались не только въ Б. По крайней мѣрѣ, N. хвалился учителямъ:

— Если бъ вы знали,—говорилъ онъ,—что я засталъ! Ужасъ! Вмѣсто письменныхъ работъ, мнѣ тарабарщину какую-то подавали... Повѣрите ли—въ диктовкахъ, бывало, ни одного правильнаго слова! А теперь каллиграфія отличная; орѳографія не оставляетъ желать лучшаго. Положительно, нашъ округъ за послѣднее время по успѣшности въ русскомъ языкѣ занялъ первое мѣсто.

Такъ какъ учителя разными путями своевременно получаютъ вѣсти, когда пріѣдетъ ревизоръ, то „нашему округу" ничто не препятствовало занимать „передовое мѣсто", кабы въ Б скомъ городскомъ училищѣ не оплошалъ ученикъ Р—нъ: онъ вручилъ инспектору оба листа: и только что написанный, и заранѣе приготовленный... Къ счастью для учителей, онъ оказался парнемъ тихимъ и очень послушнымъ. Когда его вызвали на допросъ, онъ упорно молчалъ.

— У тебя въ М.,—подсказалъ кто-то изъ учителей,—товарищи учатся?

— Да, учатся,—покорно согласился допрашиваемый.

— Не они ли тебѣ прислали?

— Да, они прислали...

— А ты, значитъ, переписалъ, чтобъ безъ ошибки было?

— Да, я переписалъ...

— А какъ онъ по русскому языку учится?—спросилъ N.

— Плохо—отвѣтилъ учитель,—на двойку.

— Это и видно,—согласился N.—на одномъ листѣ его работа очень плоха, а на другомъ вполнѣ прилично написано.—Ай-ай-ай, такой мальчикъ, и такъ безнадежно испорченъ!..

Вообще ревизоры, вродѣ N., страшны лишь въ первое время, пока къ нимъ не привыкнешь и не узнаешь, какой именно отдѣлъ программы они „возобновляютъ въ памяти" передъ поѣздкой на ревизію. Изберетъ ли такой ревизоръ исторію, или географію, или математику,—вначалѣ онъ поражаетъ учениковъ и подавляетъ учителей необыкновенною освѣдомленностью, тщательно входитъ во всѣ мелочи и детали, не пропускаетъ ни одного года, ни

одного собственнаго имени. Первая ревизія заканчивается для учителей довольно плачевно. Но загладить первое невыгодное впечатлѣніе, обыкновенно, большого труда не составляетъ: стоитъ лишь узнать, изъ какихъ, приблизительно, учебниковъ ревизоръ запасается ученостью передъ поѣздкою. Ревизорамъ, какъ и всѣмъ смертнымъ, свойственно экономить свои силы. Потрудившись одинъ разъ, положимъ, надъ войнами за испанское наслѣдство, они и въ будущую поѣздку отправляются съ тѣми же войнами, но, конечно, повторивши ихъ. Черезъ 2—3 года ученики прекрасно отвѣчаютъ на всѣ вопросы, которые относятся къ испанскому наслѣдству. Ревизоръ доволенъ, ибо видитъ, что, благодаря его трудамъ, достигнуты поразительные успѣхи. Учителя получаютъ благодарность и тоже довольны.

Гораздо опаснѣе начальство, которое имѣетъ привычку отправляться на ревизію безъ подготовки, налегкѣ. Во-первыхъ, никакъ нельзя предугадать, что ему придетъ въ голову спрашивать. Во-вторыхъ, неподготовленный ревизоръ, по необходимости, держится общихъ вопросовъ. Напримѣръ, на урокѣ географіи онъ потребуетъ объяснить, отчего въ Донской области, не смотря на близость моря, климатъ сухой? на урокѣ исторіи—въ чемъ сказалось вліяніе культуры египетской и греческой на культуру римскую? На урокѣ Закона Божія...

— Извольте начальству угодить,—жаловался мнѣ законоучитель М—аго городского училища. — Приходитъ въ классъ его превосходительство. „Продолжайте, говоритъ, урокъ". Хорошо, продолжаю. Четвертая заповѣдь была задана. Дѣти, слава Богу, хорошо выучили, отвѣчаютъ безъ запинки. Только вдругъ его превосходительство спрашиваетъ: „А кто, говоритъ, правильнѣе день субботній чтитъ—евреи, или мы, православные христіане?" Дѣти на меня смотрятъ—покажи, дескать, хоть знакомъ, какъ отвѣтить надо. А что я покажу? Спроси онъ по настоящему: „кто, молъ, правильнѣе четвертую заповѣдь понимаетъ?" Другое бы дѣло. А тутъ какъ разсудить? Ежели съ нравоучительными цѣлями вопросъ заданъ, надо отвѣтить: евреи, потому что мы, христіане, отъ праведнаго житія уклонились. А ежели съ апологетическими, преимущество на сторонѣ православія должно быть. Пока я размышлялъ, Веревкинъ—какъ на грѣхъ, хорошій ученикъ—поднялся: и говоритъ: „евреи субботній день правильнѣе чтутъ". Взглянулъ я на генерала—эхъ, думаю, не въ ту точку мы съ тобою, братъ Веревкинъ, попали!..

— Что ты, что ты?—говорю.—Разскажи изъ Новаго Завѣта объ исцѣленіи сухорукаго... Веревкинъ-то поправился. А его превосходительство всетаки недовольство выразилъ: „желательно, говоритъ, чтобы хоть лучшіе ученики духъ христіанства понимали. Надо бы, говоритъ, съ ними почаще бесѣдовать объ этомъ"... Легко сказать! У меня, сами знаете, сколько работы. Катихизисъ пройди—разъ. По-

втори его—два. Богослуженіе—три. Церковная исторія—четыре. Ветхій и Новый Завѣтъ—пять. Молитвы—шесть. И на все это въ выпускномъ отдѣленіи 70 уроковъ. Въ пору ли тутъ казуистикой заниматься? Пошли Богъ силы программу выполнить...

Сколько я могъ замѣтить, учителя вообще не любятъ, если ревизоръ требуетъ „развитія“:

— Есть когда намъ,—говорятъ они,—развитіями заниматься. Эдакъ-то легко—пріѣхалъ, поболталъ на общіе вопросы и уѣхалъ. А ты побывай-ка въ нашей шкурѣ!..

Съ своей стороны и ревизоры, которые „болтаютъ на общіе вопросы“, учителями рѣдко довольны. Да оно и понятно: они требуютъ отъ толстовской школы невозможнаго и невыполнимаго.

Гораздо лучшее впечатлѣніе оставляютъ по себѣ ревизоры дѣлового характера. Такимъ былъ, между прочимъ, директоръ народныхъ училищъ М—ой губ. г. Н—кій. Ревизовать онъ выѣзжалъ тоже „налегкѣ“, безъ „подготовки“, за то и съ вопросами обращался исключительно къ учителямъ:

— Что задано? Чей учебникъ? Кто сдѣлалъ на стѣнѣ чернильное пятно? и т. д.

Просидѣвъ на урокѣ минутъ 15—20, Н—кій бралъ классный журналъ, смотрѣлъ отмѣтки, запись пройденнаго и уходилъ ревизовать другого учителя.

На большой перемѣнѣ онъ высказывалъ свои замѣчанія:

— Изъ вашего журнала, — говорилъ Н—скій одному, — я вижу, что программа вами закончена. Прекрасно. Къ февралю вообще слѣдуетъ курсъ заканчивать. Мартъ, апрѣль — повтореніе. Май—экзамены. Совершенно правильное распредѣленіе года. Письменныя работы вы задаете не большія, но часто. Тетради опрятны. Пишутъ ученики старательно. Видна система подчеркивать орѳографическія ошибки двумя чертами, синтаксическія одной. Хорошо также, что отмѣчаются числа, когда работа задана, и когда вами исправлена. Одобряю внимательное отношеніе къ журналу: отмѣтки выставляются часто. Благодарю васъ.

— А васъ, — обращался Н—скій къ другому учителю,—не могу одобрить. Уже февраль, а вы на имени прилагательномъ сидите. Когда же будетъ пройдено остальное? Курсъ скомканъ, годъ потерянъ. Потомъ — въ вашихъ тетрадкахъ подъ всѣми работами стоитъ какой-то „см.“. Что это значитъ?

— Значитъ — смотрѣлъ...

— Кто, когда?

— Когда ученики напишутъ, я смотрю.

— Сразу за полгода?

— Зачѣмъ за полгода? Каждую работу своевременно.

— Я этого не вижу. Вы не датируете своихъ отмѣтокъ. Затѣмъ, что это за отношеніе къ дѣлу? Въ вашемъ журналѣ нѣтъ записи уроковъ...

Нѣсколько часовъ Н—скій тратилъ въ каждомъ городскомъ училищѣ, чтобы обревизовать канцелярію, и горе инспектору, если какая либо изъ книгъ оказывалась не въ порядкѣ! Суровыя замѣчанія слѣдовали, если Н—кій замѣчалъ пыль, паутину, если въ библіотечномъ шкафу на мѣстѣ каждой взятой книги не находилось бумажки съ надписью, кѣмъ она взята и когда. Норовилъ онъ пріѣхать въ училищѣ во время общей молитвы передъ уроками. Учитель, не присутствовавшій на молитвѣ, или оказавшійся не въ формѣ, въ цвѣтномъ галстухѣ, или пестрыхъ брюкахъ, могъ жестоко поплатиться.

Первые два года Н—скій нагонялъ на своихъ подчиненныхъ оторопь. Потомъ къ нему привыкли, приспособились; онъ сталъ всюду находить образцовый порядокъ. И могъ съ полнымъ правомъ сказать:

— Благодаря моимъ трудамъ, учебная часть во ввѣренной мнѣ дирекціи поставлена образцово.

И, дѣйствительно, учителя съ трогательною заботливостью охраняли Н—скаго отъ обидныхъ разочарованій. Самъ того не вѣдая, онъ находился подъ весьма бдительнымъ негласнымъ надзоромъ. Около него находился „вѣрный человѣкъ", который увѣдомлялъ учителей заблаговременно, когда директоръ думаетъ выѣхать. За его проѣздомъ слѣдили станціонные телеграфисты О томъ, что прибылъ, немедленно сообщали хозяева гостиницъ...

— Стало быть, директоръ скоро пріѣдетъ? — спросили меня какъ-то ученики Д—скаго городского училища.

— Почему же это „стало быть"?

— А Ѳедоръ Ѳедоровичъ ужъ два урока въ журналѣ все пишетъ,—отвѣтили ученики. — И тетрадки отобралъ — не иначе, какъ для того, чтобъ баллы и числа поставить...

Передъ пріѣздомъ Н—скаго, работа закипала спѣшная: тетради „датировались", графы заполнялись отмѣтками, „пройденное" записывалось въ журналы, канцелярія приводилась въ порядокъ, учителя, не полагаясь на бдительность станціонныхъ телеграфистовъ, нѣсколько дней подрядъ, въ полномъ составѣ и полной формѣ приходили на общую молитву, библіотечныя полки украшались бумажками съ надписями. Н—скій находилъ все въ томъ видѣ, какой соотвѣтствовалъ его вкусамъ и желаніямъ.

Упомяну вскользь, какъ готовились въ Б—скомъ городскомъ училищѣ къ пріѣзду старика директора Б—скаго. Б—скій спрашивалъ „развитія", но имѣлъ слабость — чрезвычайно интересовался физическими опытами. Поэтому спеціально для него въ физическомъ кабинетѣ заготовлялось что-нибудь сложное и, по возможности, новое. Б—скій охотно шелъ на приманку, и у него не оставалось времени „заглянуть",—какъ выразился гоголевскій Лука Лукичъ,—въ классы.

Конечно, отъ учениковъ не ускользало волненіе учителей,

получившихъ вѣсть о скоромъ пріѣздѣ директора. Ни мало не стѣсняясь, они говорили:

— Іосифъ Козьмичъ (учитель физики) опять за опыты взялся. Значитъ, ревизора ждетъ...

Но какія бы мѣры ни принимать противъ ревизоровъ, они свое дѣло дѣлаютъ. Благодаря имъ, программу надо выполнять въ точности и быть такъ или иначе „на чеку". Какою бы мелочью ни казалось подробное описаніе крыльевъ крапивницы, напр.,—но и эту мелочь надо пройти: а вдругъ—кто можетъ поручиться? — нагрянетъ ревизоръ неожиданный, который именно на крапивницу и обратитъ сугубое вниманіе.

VIII.

Im wunderschönen Monat Mai кого изъ учителей не безпокоитъ серьезный вопросъ:

— А что-то дадутъ экзамены? Какъ-то отвѣтятъ ученики? Будетъ ли „спасенъ процентъ"?

Заботливые люди „спасаютъ процентъ" съ самаго начала учебнаго года, вызывая родителей на объясненіе, т.-е. для того, чтобы сказать:

— Вашъ сынъ учится плохо. Ему необходимо взять репетитора.

Но даже и безпечному человѣку трудно не волноваться, когда наступаетъ четвертая, роковая четверть. Успѣхи, при самой снисходительной оцѣнкѣ, оказываются далеко не блестящими. Несмотря на подсказываніе и на разныя другія уловки, ученики „врутъ" безбожно: существительныя спрягаютъ, глаголы склоняютъ, Генриха французскаго смѣшиваютъ съ Генрихомъ германскимъ, зубныхъ формулъ не знаютъ. Обь заставляютъ течь въ Индійскій океанъ и т. д., и т. д. А между тѣмъ, хочется, чтобы успѣвающихъ учениковъ было больше нормы, т.-е. $66^2/_3\%$. Значитъ, надо вывести годовыя отмѣтки щедрѣе. Однако, простая осторожность заставляетъ не быть щедрымъ до крайнихъ размѣровъ, дабы не вызвать у начальства подозрѣнія, у коллегъ — насмѣшки. Кому же изъ очень многихъ недостойныхъ и плохо подготовленныхъ поставить двойку?

Первыми жертвами процентной политики падаютъ, обыкновенно, такъ называемые „тупицы"—порода особенная, которую врядъ ли основательно смѣшивать съ нѣмецкими Schwachsinnigschüller'ами. Schwachsinnigschüller, какъ замѣтное соціальное явленіе, мыслимъ лишь при обязательномъ обученіи, котораго у насъ нѣтъ. Наши училища берутся съ бою. Повсемѣстные конкуррентные экзамены, безъ которыхъ не обходятся даже начальныя школы, слишкомъ мало благопріятствуютъ слабоумнымъ дѣ-

тямъ попасть въ число учениковъ. Правда, иногда ребенокъ, который успѣшно одолѣлъ своихъ конкуррентовъ на экзаменѣ, черезъ нѣсколько лѣтъ въ школѣ дѣлается тупицею. Но отсюда не слѣдуетъ, что причину надо искать въ природномъ слабоумiи.

Отъ обобщенiй и выводовъ воздержусь, но разскажу вкратцѣ, что знаю, объ одномъ типичномъ тупицѣ, котораго я наблюдалъ въ Б—скомъ городскомъ училищѣ. Фамилiя его Сусловъ. Сидѣлъ онъ въ пятомъ отдѣленiи. Было ему лѣтъ 16. Съ виду казался сумрачнымъ, подавленнымъ, но, по наружности, слабоумнымъ его едва ли можно было назвать. Въ первый разъ на моемъ урокѣ онъ началъ замѣтно, волнуясь, но вполнѣ осмысленно говорить о персидскихъ царяхъ, и вдругъ перескочилъ на какiе-то тычинки и пестики, кажется, крапивы.

— Сусловъ!—остановилъ я его.

Онъ вздрогнулъ и замолчалъ.

— Съ нимъ это случается,—стали мнѣ объяснять ученики.— Намедни по геометрiи разсказывалъ Пиѳагорову теорему, такъ гипотенузу назвалъ Геклой, а катеты — Краблой... Онъ у насъ шибко учитъ, да только нынѣшнее съ третьегоднишнимъ смѣшиваетъ.

Я познакомился съ семьею Суслова. Его старшiй братъ, по разсказамъ матери, учился хорошо. Младшiя сестры тоже четверки изъ гимназiи приносятъ.

— Только вотъ одинъ Ваня у меня такой,—говорила мать.— Знаете, каждая ворона свое дитя хвалитъ. Я вамъ по совѣсти, безъ материнскихъ нѣжностей, скажу: не дуракъ вѣдь онъ, Ваня-то. Право, не дуракъ. Черезъ собственное упрямство онъ у меня пропадаетъ.

— Какое же упрямство?

— А вотъ какое. Вы меня извините, на чистоту буду говорить. Учеба-то нынче мудреная пошла. Нельзя, чтобъ все напрямки, грудью брать. Иной разъ и на хитрости пуститься нужно. Старшiй-то сынъ у меня ловокъ по этой части былъ. И дѣвочки тожъ—ничего, умѣютъ. А Ваня не можетъ. Раньше-то, бывало, товарищи говорятъ ему: „Ну, что тебѣ, Сусловъ, надъ задачами надрываться? На-ка тетрадку, спиши“... Нѣтъ, вишь, не хочу, ночь, говоритъ, просижу, а своего добьюсь... Ну, вотъ и добился, и попалъ на дурацкую линiю. Въ первые-то годы онъ у меня четверки да пятерки приносилъ. Два похвальныхъ листа имѣетъ. А потомъ наука сложнѣе пошла. Въ третьемъ отдѣленiи на второй годъ застрялъ. Съ тѣхъ поръ онъ все во второгодникахъ состоитъ, а ночи напролетъ сидитъ. Ужъ не придумаю, право, что мнѣ съ нимъ дѣлать...

Впослѣдствiи ученики подтвердили слова матери: Сусловъ, дѣйствительно, не могъ брать „хитростью“.

— Мы ему и подсказывать пробовали, — говорили они, — и записки подбрасывали... Не умѣетъ.. Одинъ разъ ему прямо на столъ разогнутую книжку положили. Такъ онъ покраснѣлъ, смѣшался... Съ тѣхъ поръ мы его ужъ не трогаемъ.

И характерно: сколько мнѣ ни приходилось видѣть учениковъ „тупицъ", всѣ они безусловно не умѣли обманывать учителей, а если и пытались это дѣлать, то у нихъ выходило очень плохо. Неумѣнье обманывать свойственно, впрочемъ, иногда и взрослымъ. Не нужно быть воромъ, чтобы шутя вытащить у хорошаго знакомаго изъ кармана носовой платокъ. Но есть люди, которые даже въ шутку украсть не могутъ. Происходитъ ли это отъ тупоумія, или отъ другихъ причинъ,—мнѣнія, очевидно, могутъ быть разныя.

Но учителю, спасающему процентъ, разсуждать некогда. Тупицы получаютъ годовую двойку. Той же участи подвергается нѣсколько „лѣнтяевъ". Для остальныхъ, получившихъ удовлетворительныя отмѣтки и намѣченныхъ къ переводу или выпуску, наступаетъ пора окончательной подготовки къ экзамену. Способы подготавливать крайне разнообразны. Учитель русскаго языка В—скій, въ Б—городскомъ училищѣ, практиковалъ, напр., нѣчто вродѣ репетицій: ученики, по одному, выходили на середину класса, „какъ бы на экзаменѣ". В—скій давалъ каждому какой-либо отрывокъ для грамматическаго разбора, задавалъ вопросы. Репетиція имѣла очень серьезный характеръ, такъ какъ экзаменъ въ точности съ нею совпадалъ. Ученику оставалось лишь запомнить назначенный ему отрывокъ и вопросы, какіе будутъ предложены на экзаменѣ. Затѣмъ В—скій „размѣчалъ билеты", т.-е. говорилъ о славянской, напр., грамматикѣ:

— Первое, второе и третье склоненія существительныхъ войдутъ во второй билетъ. *Обратите особенное вниманіе на двойственное число.* Склоненія прилагательныхъ составитъ седьмой билетъ. *Обратите особенное вниманіе на творительный и родительный падежи.* Спряженіе правильныхъ глаголовъ—пятнадцатый билетъ. *Обратите особенное вниманіе на аористъ и давнопрошедшее время...*

Это и значило, что собственно должно вызубрить къ экзамену.

За 3—4 дня до „письменныхъ испытаній по русскому языку" къ В—скому „всѣ желающіе" ученики выпускного класса могли приходить для послѣдней, заключительной бесѣды. Для этой цѣли классъ выбиралъ тѣхъ, кто побойчѣе и одаренъ способностью писать быстро и четко. В—скій говорилъ съ ними и о прошедшемъ, и о будущемъ, но каждый годъ неизмѣнно въ самый разгаръ бесѣды его кто-либо вызывалъ въ сосѣднюю комнату, и тамъ „задерживалъ" никакъ не меньше 10—15 минутъ. А тѣмъ временемъ ученики переписывали заботливо лежащіе на столѣ списки экзаменаціонныхъ диктантовъ и темъ. Потомъ В—скій возвращался,

вновь бесѣдовалъ... Конечно, на завтра каждый классъ зналъ, кому какая тема назначена.

Законоучитель М—каго городского училища употреблялъ другой пріемъ. Билеты имъ также „размѣчались“, а сверхъ того, онъ приказывалъ ученикамъ въ день экзамена придти пораньше, „чтобы ознакомиться съ программой“. И, дѣйствительно, часовъ въ 8 утра ученики получали совершенно неинтересную для нихъ программу, но въ ней бумажки съ цифрами, т. е. тѣ именно „билеты“, которые будутъ разложены на экзаменаціонномъ столѣ. Съ ними ученики „знакомились“, и на экзаменѣ каждый бралъ знакомую бумажку съ цифрою.

Другой законоучитель, о. Дмитрій (К—ая учительская семинарія), ни къ „размѣткамъ“, ни къ другимъ вспомогательнымъ средствамъ не прибѣгалъ. Это былъ суровый и взыскательный человѣкъ. Ученическое „мошенничество“ преслѣдовалъ онъ безпощадно. Бывая ассистентомъ на чужихъ экзаменахъ, онъ все время глядѣлъ туда, гдѣ полагалось сидѣть ученику, уже вызванному и обдумывающему свой билетъ. Но на собственномъ экзаменѣ Закона Божія онъ никогда не забывалъ сѣсть къ этому мѣсту спиной и ни разу на него не оглянуться.

Мой сослуживецъ Б—нъ (К—ое уѣздное училище) устраивался гораздо проще: его ученики заранѣе знали, что на экзаменѣ будетъ тотъ диктантъ, который два раза подрядъ продиктованъ, и то сочиненіе, которое въ теченіе года велѣно написать не въ тетрадкѣ, а на отдѣльныхъ листахъ.

Противъ такого рода „подготовокъ“ относительно среднихъ учебныхъ заведеній приняты мѣры рѣшительныя. Экзаменаціонныя темы для письменныхъ работъ составляютъ тайну учебнаго округа. Онѣ разсылаются въ запечатанныхъ конвертахъ. Вскрыть ихъ только можно передъ самымъ экзаменомъ въ присутствіи учительской корпораціи, въ одинъ и тотъ же день и часъ по всему округу (дабы не было телеграфныхъ передачъ). Мѣры эти, однако, скорѣе затрудняютъ „подготовку“, но вовсе не устраняютъ ее. Какъ заблаговременно написать сочиненіе на окружную тему, которая неизвѣстна и хранится въ запечатанномъ конвертѣ,— искусство сложное и требующее спеціальныхъ знаній. Приведу лишь одинъ рецептъ, который былъ напечатанъ въ „Русской Школѣ“.

— Заставьте—совѣтуетъ болѣе опытный учитель менѣе опытному—учениковъ написать три отвлеченныхъ сочиненія: одно о пользѣ труда и знаній, другое о значеніи нравственнаго и религіознаго въ жизни человѣка, третье о патріотизмѣ. Здѣсь можно воспользоваться Карамзинымъ. Затѣмъ, исправивъ, какъ слѣдуетъ, эти сочиненія, заставьте учениковъ выучить ихъ наизусть, безъ ошибки. Какая бы ни была прислана на экзаменъ тема, ученики должны свести ее такъ или иначе на эти три основные мотива.

Тутъ все искусство только въ томъ, чтобы ученикъ сумѣлъ отъ заданной ему темы незамѣтно перейти къ одному изъ выученныхъ имъ сочиненій. Успѣхъ обезпеченъ. Рецензенты напишутъ: „хотя ученикъ значительно отступилъ отъ данной темы и вначалѣ сдѣлалъ нѣсколько логическихъ промаховъ, тѣмъ не менѣе въ дальнѣйшемъ изложеніи вполнѣ обнаружилъ умѣнье писать грамотно и связно и высказалъ весьма дѣльныя мысли“... И поставятъ ему, конечно, не менѣе трехъ балловъ, а это все, что требуется.

Шутка ли этотъ рецептъ—судите сами:

Онъ сдѣлался достояніемъ гласности въ апрѣлѣ 1895 г. Недѣли двѣ спустя, въ гимназіяхъ Харьковскаго, напр., учебнаго округа была предложена для экзамена на аттестатъ зрѣлости слѣдующая тема „сочиненія по русскому языку“:

„О Ахиллъ, о мой родитель
(Возгласилъ Неоптолемъ),
Быстрый міра посѣтитель —
Жребій лучшій взялъ ты въ немъ.
Жить въ любви племенъ дѣлами —
Благо первое земли.
Будемъ вѣчны именами
И сокрытые въ пыли,
Слава дней твоихъ нетлѣнна;
Въ пѣсняхъ будетъ жить она:
Жизнь живущихъ не вѣрна,
Жизнь отжившихъ неизмѣнна.

Въ сущности это—тема элегическая, хотя, конечно, быть можетъ, удобнѣе соловью запѣть въ когтяхъ у кошки, нежели абитуріенту подъ страхомъ двойки сочинить элегію. Но вполнѣ отъ ученика зависитъ, какъ написать сочиненіе такого свойства.

Онъ можетъ начать:

„В. А. Жуковскій, какъ всегда, правъ: именно надо „жить въ любви племенъ дѣлами“... (далѣе слѣдуетъ заранѣе выученное о патріотизмѣ).

Или:

„Какъ много смысла въ этихъ немногихъ словахъ: „будемъ вѣчны именами и сокрытые въ пыли“. Но что дѣлаетъ имя человѣка вѣчнымъ? Во-первыхъ, трудъ, окрыленный знаніями, и во-вторыхъ, опять таки трудъ, окрыленный знаніями. Значеніе труда и знаній и т. д.

Съ такимъ же точно правомъ можно писать:

„Воистину—только „жизнь отжившихъ неизмѣнна“. Эту великую мысль открываетъ намъ религія“ (слѣдуетъ исправленное учителемъ сочиненіе о религіозномъ и нравственномъ).

Впрочемъ, гораздо лучше учителей къ окружнымъ темамъ готовятся сами ученики. Не секретъ, что въ одномъ изъ округовъ гимназисты составляли правильно организованное товарищество для открытія экзаменаціонныхъ темъ. Товарищеская касса

располагала родительскими взносами и пожертвованіями. Делегаты изъ разныхъ гимназій собирались около Пасхи на съѣздъ для совмѣстнаго обсужденія способовъ, какъ лучше тему купить. И ее каждый годъ покупали въ округѣ у канцеляристовъ, у почтовыхъ чиновниковъ, у директорскихъ лакеевъ и т. д.,—смотря по тому, гдѣ дешевле и удобнѣе. „Въ Россіи все продажно"—выразился еще Пушкинъ, и при томъ какъ разъ въ своей запискѣ „О народномъ воспитаніи". Въ общемъ кража темъ абитуріентамъ всего округа стоила ежегодно 4000—5000 руб.

Не лишенъ интереса способъ подготовки къ экзаменамъ, какой употребляютъ учителя иностранныхъ языковъ. Кромѣ общеупотребительныхъ и универсальныхъ, такъ сказать, методовъ, они изобрѣли особый жаргонъ. Не припомню, кто именно рекомендовалъ называть этотъ жаргонъ интерлингвальнымъ нарѣчіемъ. Имѣетъ онъ этимологію общую сразу для двухъ языковъ и такой же синтаксисъ. Его цѣль облегчить ученикамъ переводы съ русскаго на иностранный, съ иностраннаго на русскій. Для образца приведу два примѣра интерлингвалки: оба взяты изъ работъ, данныхъ въ 1879 г. ученикамъ VII класса Оренбургской гимназіи учителемъ Клевановымъ (онъ же переводчикъ классическихъ авторовъ на русскій языкъ).

1) Для перевода по-латыни:

...„за оружіе взялись тѣ, которые, обучась ими (лат. arma склоняется во мн. ч.) пользоваться со славою, не находили, какимъ бы образомъ воспользоваться оружіемъ ко благу отечества. А потому мнѣ кажется, что счастливо и благополучно жили какъ въ прочихъ государствахъ, такъ и въ особенности въ нашемъ, которымъ было дозволено съ значеніемъ совершенныхъ дѣяній наслаждаться славою мудрости".

2) Для перевода по-гречески:

„Въ ту же зиму аѳиняне присовѣтовали снова большимъ приготовленіемъ того, что было съ Лахесомъ и Евримедономъ, отплывъ въ Сицилію, покорить ее, если бы смогли, многіе будучи не свѣдующіе величины острова и количества живущихъ тамъ еллиновъ и дикарей, и что не многимъ чѣмъ малозначительнѣе войну предприняли они, что противъ пелопонесцевъ. Ибо плаваніе вокругъ Сициліи есть въ лодкѣ немного менѣе восьми дней и будучи столь велика на двадцать стадій самое большое мѣрою моря отдѣлена, чтобы не быть твердою землею".

Было бы, однако, большою ошибкою думать, будто столь тщательная подготовка къ экзаменамъ, даетъ блестящіе результаты. Увы, результаты получаются слишкомъ не блестящіе! Не взирая на интерлингвальное нарѣчіе, ученикамъ Т—ской, напр., гимназіи приходилось тратить на каждый письменный экзаменъ по-латыни около 100 рублей: 40 р. переводчику, 50 сторожу, который сидѣлъ въ трубѣ надъ выгребной ямой и передавалъ отъ переводчика работы, 10 руб. на другіе мелкіе расходы. Не смотря на кражу темъ и вспомогательные пріемы учителей, начальство, счи-

таясь съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, признало, что „не препятствуетъ допущенію къ устнымъ испытаніямъ русское сочиненіе, оцѣненное отмѣткою ниже трехъ, но въ ореографическомъ отношеніи удовлетворительное“ (Цирк. 18 мая 1897 г.).

При самой тщательной „размѣткѣ билетовъ“, отвѣты учениковъ сплошь и рядомъ анекдотически безсмысленны и нелѣпы. „Ученикъ VIII класса—разсказываетъ одинъ преподаватель гимназіи—на испытаніи зрѣлости затруднился отвѣтить о Крымской войнѣ. Экзаменаторъ, желая ему помочь, спросилъ: „Кто съ кѣмъ воевалъ въ Крымскую войну?“ Ученикъ отвѣтилъ: „Россія съ Крымомъ“.—„А Крымъ кому принадлежитъ?“—„Турціи“... Тѣмъ не менѣе ученикъ получилъ удовлетворительный баллъ и аттестатъ зрѣлости“ *).

И какъ же иначе? Спасать-то процентъ вѣдь надо. Въ этомъ заинтересованъ не только учитель, но и весь совѣтъ, директоръ и даже—отчасти—округъ. Ради процента самый скупой на отмѣтки преподаватель становится во время экзаменовъ тароватымъ. Изъ-за процента яростнѣйшій гонитель и врагъ ученическаго мошенничества позволяетъ себѣ кое когда пользоваться тѣмъ же мошенничествомъ, какъ весьма полезною силою. Но это отнюдь не мѣшаетъ экзаменамъ быть суровыми и строгими. Возвращусь хотя бы къ о. Дмитрію, законоучителю К—ой семинаріи. Онъ прекрасно зналъ, что за его спиною каждый билетъ прочитывается по учебникамъ и конспектамъ, и сознательно, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, этому занятію не препятствовалъ: и всетаки находилъ для чего-то нужнымъ экзаменовать ученика не менѣе 30—40 минутъ.

Невѣдомо, для какихъ цѣлей онъ мучилъ и себя, и еще больше учениковъ. И такъ поступаетъ далеко не одинъ о. Дмитрій. Впрочемъ, среди учителей существуетъ мнѣніе, будто на экзаменѣ надо „хорошенько гонять лѣнтяевъ и жуликовъ“, потому что иначе они совсѣмъ не станутъ готовиться и работать. Въ переводѣ на практическій языкъ это значитъ: строгій экзаменъ нуженъ опять таки для спасенія процента, т. е. чтобы въ годовой отчетной вѣдомости общая успѣшность выразилась цифрой не меньше 66 ²/₃ %.

IX.

Люди, видавшіе остатки средневѣковыхъ тюремъ, разсказываютъ, что еще уцѣлѣли казематы, устроенные такъ, чтобы заключенному нельзя было ни спать, ни лечь, ни сѣсть. Человѣкъ, втиснутый въ такую нору, могъ лишь полусидѣть, полустоять, изогнувъ тѣло и наклонивъ низко голову. Въ этомъ положеніи

*) „Рус. Шк.“ 1895 г. кн. XI, стр. 128.

онъ ѣлъ, спалъ и вообще жилъ вмѣстѣ съ червями, которые въ немъ заводились. Трудно сомнѣваться, что попасть сюда значило быть приговореннымъ къ смертной казни, самой утонченной, какую только могла придумать средневѣковая власть для ослушника ея велѣній. И разсчетъ на необыкновенную живучесть человѣка оказывался вполнѣ вѣрнымъ, казнь была очень медленною: бывали примѣры, что обреченный на нее жилъ 10—15 лѣтъ.

По словамъ криминалистовъ, смертной казни, которая длится года, теперь нѣтъ, и былыя тюрьмы приводятъ въ содроганіе лишь туристовъ. Но человѣкъ все также живучъ. Въ какую бы нору его ни втиснула судьба, онъ всетаки живетъ, живетъ порою столь же непостижимо, какъ деревцо, выросшее среди скалъ: его корни ползутъ во всѣ стороны прямо по голымъ камнямъ, переброшены по воздуху изъ одной скважины въ другую, а находятъ гдѣ-то силу, чтобы каждый годъ давать хоть чахлую, но листву, хоть блѣдные, но цвѣты.

Эту удивительную приспособляемость живого существа ко всякимъ условіямъ необходимо серьезно учитывать, когда мы судимъ объ ученикахъ и учителяхъ толстовской школы. Откровенно говоря, ихъ взаимныя отношенія построены на сплошной неискренности, пожалуй, даже на сплошномъ обманѣ. Моралистъ найдетъ, что они ужасны и унизительны для обѣихъ сторонъ. Но не пытайтесь исправлять эти отношенія мѣрами строгости и надзора и не торопитесь винить тѣхъ, которые возвели обманъ въ законъ общежитія. Не будь обмана, процентъ успѣшности выразился бы нулемъ, и толстовская учебная система немедленно бы умерла — по той простой причинѣ, что ее нельзя выполнить. Своимъ тридцатилѣтнимъ существованіемъ она обязана приспособляемости, какую получили отъ природы ученики и учителя, и всѣ усиленныя мѣры надзора, которыя были ею вызваны (ревизоры, окружныя темы etc.), только изощряли приспособляемость, т. е. вели къ еще большему обману.

А. Петрищевъ.

Хроника внутренней жизни.

„Въ характеристикѣ настоящаго момента. — Странный лозунгъ. — Поиски „внутреннихъ враговъ".—Изъ сессіи уѣздныхъ земскихъ собраній. — Факты изъ жизни народныхъ учителей.—Подвигъ депутата волчанскаго дворянства г. Задонскаго.—Случаи возвращенія лицъ, подвергшихся административной ссылкѣ. — Рѣчь г. Рождественскаго въ нижегородскомъ земскомъ собраніи и рѣшеніе собранія. — Возможныя ожиданія отъ губернскихъ земскихъ собраній. — II. Извѣстія объ еврейскихъ погромахъ.—Безпорядки, произведенные запасными.—III. Правительственныя распоряженія и сообщенія. — Сообщенія относительно Финляндіи.—IV. Административныя распоряженія по дѣламъ печати.

I.

За послѣднее время въ русскомъ обществѣ проявляется замѣтное оживленіе. Періодическая пресса горячо обсуждаетъ темы, еще недавно считавшіяся для нея крайне неудобными, а то и совершенно недопустимыми. Земскія собранія и городскія думы наперерывъ спѣшатъ отозваться на обращенный по ихъ адресу призывъ къ „взаимному довѣрію", а нѣкоторыя изъ нихъ попутно высказываютъ и свои взгляды на условія осуществленія такого довѣрія въ государственной жизни. Угрюмое безмолвіе страны, въ которой такъ долго „на всѣхъ языкахъ все молчало", какъ будто начинаетъ уступать свое мѣсто живому человѣческому разговору и многимъ довѣрчивымъ людямъ уже представляется, что для русской жизни наступила совершенно новая эпоха.

Въ дѣйствительности послѣднее, конечно, невѣрно. Быть можетъ, русское общество и стоитъ передъ дверью, ведущею къ новой эпохѣ, но эту дверь во всякомъ случаѣ нужно еще открыть. Вполнѣ возможно, что страна, дѣйствительно, находится наканунѣ свѣтлаго будущаго, но это будущее предстоитъ еще создать путемъ дружной работы активныхъ общественныхъ силъ. Между тѣмъ въ переживаемой нами дѣйствительности подобная работа далеко еще не получила достаточнаго развитія. Мало того,—даже въ хорѣ голосовъ, говорящихъ о необходимости коренного обновленія русской жизни, порою прорываются рѣзкіе диссонансы и самые призывы къ такому обновленію сопровождаются подчасъ крайне своеобразнымъ лозунгомъ, способнымъ создать глубокое разъединеніе въ обществѣ и, если не обезсилить, то во всякомъ случаѣ на нѣкоторое время ослабить возрождающееся общественное движеніе.

Такого рода лозунгъ былъ недавно провозглашенъ въ нашей прессѣ кн. Е. Трубецкимъ, помѣстившимъ въ газетѣ „Право" статью „Война и бюрократія". Статья эта любопытна вомногихъ

отношеніяхъ, но особенно интересны ея заключительныя строки, суммирующія весь ея смыслъ. „Г. министръ внутреннихъ дѣлъ—замѣчаетъ кн. Трубецкой въ концѣ своей статьи — на дняхъ говорилъ о необходимомъ довѣріи правительства къ обществу. Въ добрый часъ! Привѣтствуя эти слова, пожелаемъ отъ души, чтобы они поскорѣе стали дѣломъ. Пусть только смѣлѣе и громче раздастся призывъ къ обществу; тогда мы вступимъ на единственно спасительный для насъ путь національнаго обновленія. Тогда намъ нечего бояться ни внѣшняго, ни внутренняго врага, и престолъ, собравшій вокругъ себя землю, будетъ славенъ, великъ и силенъ“ *). Вслѣдъ за провозглашеніемъ этого лозунга въ печати онъ былъ повторенъ и въ нѣсколькихъ земскихъ собраніяхъ. Елецкое уѣздное собраніе, выслушавъ рѣчь мѣстнаго предводителя дворянства А. А. Стаховича, отправило министру внутреннихъ дѣлъ привѣтственную телеграмму, въ которой, между прочимъ, помѣстило и такія слова: „мы твердо вѣримъ, что только на почвѣ широкаго и полнаго развитія мѣстнаго самоуправленія и самодѣятельности возрастетъ мощь обновленной Россіи до такого внутренняго благоустройства и могущества, что не страшны ей будутъ никакіе внутренніе и внѣшніе враги“ **). Въ свою очередь нижегородское уѣздное земское собраніе въ засѣданіи 3 октября рѣшило подать всеподданнѣйшій адресъ, въ которомъ, между прочимъ, высказало увѣренность въ томъ, что при укрѣпленіи „непосредственнаго сердечнаго единенія“ между престоломъ и народомъ „ни внутренніе враги, ни внѣшніе не прервутъ спокойной жизни нашего государства“ ***).

Въ елецкомъ собраніи разговоры о „внутреннихъ врагахъ“ и о необходимости для земства борьбы съ ними не вызвали, повидимому, никакого недоумѣнія. Нѣсколько иначе сложилось дѣло въ нижегородскомъ уѣздномъ собраніи. Здѣсь процитированная выше редакція адреса была первоначально принята единогласно, но на другой день нѣкоторые гласные, повидимому, спохватились и, усомнившись въ существованіи „внутреннихъ враговъ“, постарались разъяснить, кого собственно слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ страннымъ именемъ и какого рода борьба предлагается земству. „Мы не знаемъ, — заявилъ гласный Рождественскій, — о какомъ внутреннемъ врагѣ говорится въ адресѣ. Понятіе это крайне неопредѣленное. Всѣмъ извѣстно, напримѣръ, что всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ земство считалось до нѣкоторой степени внутреннимъ врагомъ. Выходитъ такимъ образомъ, что мы предлагаемъ бороться съ самими собой. Предлагаю исправить вкравшуюся въ адресъ неточность и избрать для этого коммиссію“.

---

*) „Право“ 1904 г., № 39.
**) „Русск. Вѣдомости“, 1 окт. 1904 г.
***) „Нижегор. Листокъ“, 10 окт. 1904 г.

Къ г. Рождественскому присоединилось еще нѣсколько гласныхъ, изъ которыхъ одни отрицали самое существованіе „внутреннихъ враговъ“, а другіе находили, что борьба съ такими врагами во всякомъ случаѣ „не дѣло земства“. Эти заявленія вызвали, однако же, со стороны большинства собранія горячій отпоръ, сопровождавшійся нѣсколькими попытками опредѣлить, что такое „внутренній врагъ“, причемъ едва ли не самая оригинальная изъ такихъ попытокъ была сдѣлана предсѣдателемъ мѣстной управы А. А. Остафьевымъ. „Я считаю—сказалъ онъ—врагомъ Россіи въ извѣстной степени всѣ тѣ фракціи, которыя возбуждаютъ партіи одну противъ другой, разжигаютъ страсти, травятъ. Вотъ „Московскія Вѣдомости“ этимъ занимаются, — онѣ тоже враги“. Предложивъ такимъ образомъ союзъ власти съ земствомъ для борьбы съ внутреннимъ врагомъ въ лицѣ г. Грингмута, г-нъ Остафьевъ тутъ же, впрочемъ, прибавилъ, что земское собраніе вообще не имѣетъ права трактовать о внутреннемъ врагѣ. Въ концѣ концовъ таинственная сущность „внутренняго врага“ такъ и осталась неразъясненной, но тѣмъ не менѣе большинство собранія признало ненужнымъ вносить какія-либо измѣненія въ редакцію своего адреса *).

Въ сущности немногимъ больше посчастливилось „внутреннимъ врагамъ“ и въ статьѣ г. Трубецкого, взявшаго на себя трудъ провозгласить въ печати тотъ самый лозунгъ, который породилъ столько недоумѣній въ нижегородскомъ земскомъ собраніи. Выступая съ этимъ лозунгомъ въ печати, кн. Трубецкой имѣлъ возможность обосновать и мотивировать его и посильно воспользовался такою возможностью. Тѣмъ не менѣе его мотивировка во свою очередь оказалась не особенно удачной и въ его горячо написанной статьѣ несравненно больше краснорѣчія и чувства, чѣмъ строгой логики и послѣдовательной мысли.

Поставивъ себѣ задачей объясненіе тѣхъ сюрпризовъ, какими явились для Россіи военныя дѣйствія на Дальнемъ Востокѣ, г. Трубецкой прежде всего указываетъ, что внезапность этихъ сюрпризовъ не можетъ быть поставлена въ вину русскому обществу, которое „спало по распоряженію начальства“. „Въ теченіе многихъ лѣтъ—говоритъ онъ — принимались всѣ мѣры къ тому, чтобы оно не пробудилось. Когда изрѣдка кто-либо пытался приподняться, встать на ноги и молвить человѣческое слово, это разсматривалось, какъ нарушеніе общественнаго спокойствія и безопасности. Раздавался грозный окрикъ: „молчать, лежать смирно“ и сильная рука пришибала ницъ поднявшуюся голову“. Съ своей стороны русская бюрократія „искала врага, но внѣшняго врага она не замѣтила, потому что вниманіе ея было от-

*) „Нижегор. Листокъ“, 10 окт. 1904 г.

влечено въ другую сторону; ей грезился — поясняетъ авторъ — врагъ внутри государства".

Судя по этимъ послѣднимъ словамъ, можно было бы думать что самому г. Трубецкому не будутъ грезиться „внутренніе враги". Но всего черезъ нѣсколько строкъ онъ говоритъ о такихъ врагахъ уже отъ собственнаго имени и при этомъ, подобно г. Остафьеву, зачѣмъ-то считаетъ нужнымъ соединять самыя разнородныя понятія и киваетъ на реакціонную прессу, мѣтя по существу совсѣмъ въ другую сторону. „Крайнія партіи — восклицаетъ онъ — захватили въ свои руки монополію организаціи. Благодаря нашимъ законамъ о печати и дѣятельности нашей цензуры, имъ же принадлежитъ въ настоящее время монополія свободнаго слова. Въ то время, когда люди умѣренные вынуждены молчать за невозможностью высказываться въ легальныхъ органахъ печати, нелегальные листки у насъ наводняютъ улицы и вліяніе ихъ, ничѣмъ не будучи сдержано, ростетъ не по днямъ, а по часамъ. Неужели же въ этомъ заключается цѣль нашихъ законовъ о цензурѣ и печати! Неужели мы не видимъ вытекающей отсюда грозной опасности и неужели мы когда-нибудь встрѣтимъ ее такъ же, какъ были встрѣчены нами однажды японскіе миноносцы въ Портъ-Артурѣ? Въ настоящій критическій моментъ русской исторіи, когда мы боремся съ грознымъ внѣшнимъ врагомъ, забота о сохраненіи мира внутренняго должна стоять для насъ на первомъ планѣ. Бюрократія и общество не должны стоять другъ противъ друга, какъ два враждебные лагеря, а соединиться въ служеніи общимъ національнымъ цѣлямъ". Бюрократія — говоритъ далѣе г. Трубецкой — „должна стать доступнѣе общественному контролю и править съ обществомъ, а не вопреки обществу", и, если это исполнится, „намъ нечего бояться ни внѣшняго, ни внутренняго врага" *).

Вчитываясь въ эту горячую тираду, нельзя прежде всего не замѣтить, что г. Трубецкой крайне своеобразно обращается съ понятіемъ монополіи. Если бы почтенный профессоръ далъ себѣ трудъ справиться о дѣйствительномъ значеніи этого слова у кого-либо изъ юристовъ, составляющихъ редакцію „Права", онъ, надо думать, убѣдился бы, что „монополіей свободнаго слова" обладаетъ только одна изъ тѣхъ „партій", о которыхъ онъ говоритъ, тогда какъ другая пользуется лишь такою „монополіей", какая имѣется къ услугамъ всякаго желающаго. При надлежащемъ вниманіи къ этому обстоятельству, г. Трубецкой, несомнѣнно, могъ бы уберечься и отъ другой ошибки, вкравшейся теперь въ его разсужденія. Когда онъ говоритъ о той спячкѣ, въ которую было погружено русское общество, какъ о главной причинѣ переживаемыхъ страною бѣдствій, онъ безусловно правъ. Но, очевидно, лишь

*) „Право", № 39.

при полномъ отказѣ отъ логики можно искать средства къ прекращенію общественной спячки въ организаціи союза противъ тѣхъ людей, которые старались пробудить общество отъ этой спячки и, говоря словами самого г. Трубецкого, „пытались приподняться, встать на ноги и молвить человѣческое слово“ въ окружавшемъ ихъ сонномъ царствѣ. Мало того,—результаты такого союза, если бы онъ осуществился на дѣлѣ, предвидѣть тѣмъ легче, что они уже неоднократно повторялись въ исторіи, въ томъ числѣ и въ исторіи русской. Разъ начатая борьба съ „внутреннимъ врагомъ“, въ томъ пониманіи, какое придаетъ этому термину г. Трубецкой, при первыхъ же успѣхахъ роковымъ образомъ обращается въ борьбу противъ всѣхъ „несогласно мыслящихъ“ и въ концѣ концовъ всею своею тяжестью обрушивается на тѣхъ самыхъ „умѣренныхъ“, которые на первыхъ порахъ приглашаются ей содѣйствовать. Благодаря этому практическое осуществленіе проектированнаго г. Трубецкимъ союза могло бы имѣть своимъ послѣдствіемъ лишь повтореніе той исторіи, которая была уже пережита русскимъ обществомъ за послѣднія десятилѣтія и конечные итоги которой такъ огорчаютъ самого г. Трубецкого.

Повидимому, однако, для значительной части русскаго общества эти уроки оказались болѣе поучительными, чѣмъ для кн. Трубецкого. По крайней мѣрѣ, провозглашенный послѣднимъ лозунгъ до сихъ поръ былъ повторенъ только въ двухъ названныхъ выше земскихъ собраніяхъ—елецкомъ и нижегородскомъ. Всѣ остальныя земскія собранія не нашли пока нужнымъ принимать участіе въ разысканіи „внутреннихъ враговъ“ и предпочли указывать внутренніе недуги страны. Отмѣчая этотъ фактъ, нельзя, впрочемъ, на ряду съ нимъ не отмѣтить и того обстоятельства, что въ своихъ указаніяхъ на нужды страны уѣздные земскіе дѣятели проявили большую осторожность, едва-ли соотвѣтствовавшую требованіямъ того момента, когда дѣлались эти указанія, и во всякомъ случаѣ до извѣстной степени затемнявшую смыслъ послѣднихъ. Громадное большинство уѣздныхъ земскихъ собраній нынѣшней сессіи громко выразило свое сочувствіе словамъ новаго министра внутреннихъ дѣлъ о необходимости довѣрія къ общественнымъ учрежденіямъ и къ населенію, но лишь немногія изъ этихъ собраній сочли возможнымъ присоединить къ своимъ сочувственнымъ откликамъ вполнѣ опредѣленныя указанія на ту программу, какую они желали бы видѣть воплощенной въ жизни страны. Такъ, напримѣръ, воронежское уѣздное собраніе въ привѣтственной телеграммѣ новому министру внутреннихъ дѣлъ высказалось въ томъ смыслѣ, что „только довѣріе къ органамъ самоуправленія можетъ служить дѣйствительною основой для широкой просвѣтительной и экономической ихъ дѣятельности, развить непочатыя силы нашей страны въ переживаемомъ нынѣ тя-

желомъ военномъ времени и отстоять ей подобающее мѣсто среди другихъ европейскихъ державъ". Екатеринославское земское собраніе нашло нужнымъ въ подобномъ же привѣтствіи отмѣтить, что „широкая самодѣятельность общественныхъ силъ, просвѣщеніе народа вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ его экономическаго быта и съ улучшеніемъ правового положенія, господство закона во всѣхъ сферахъ внутренняго управленія послужатъ прочнымъ основаніемъ для мирнаго прогресса и счастья Россіи". Балашевское собраніе въ своей телеграммѣ министру заявило, что „въ постоянномъ и правомѣрномъ сотрудничествѣ правительственныхъ органовъ съ общественными представителями" оно видитъ „необходимое условіе внутренняго мира". Въ свою очередь сумское уѣздное собраніе выразило пожеланіе, чтобы кн. Святополкъ-Мирскому даны были „силы и возможность въ ближайшемъ будущемъ воплотить великій принципъ довѣрія къ странѣ и ея органамъ самоуправленія въ конкретныя законодательно опредѣленныя формы общественнаго содѣйствія правительству" *).

Но такія, болѣе или менѣе опредѣленныя, заявленія были сдѣланы лишь немногими уѣздными земскими собраніями. Въ нѣкоторыхъ же изъ нихъ даже гораздо болѣе скромныя по своему смыслу заявленія, разъ они имѣли своею цѣлью оттѣнить симпатіи земства къ извѣстной общей программѣ, встрѣчали стойкій отпоръ. Въ горбатовскомъ земскомъ собраніи былъ предложенъ слѣдующій текстъ привѣтственной телеграммы министру внутреннихъ дѣлъ: „усматривая въ вашемъ призывѣ къ совмѣстной работѣ и въ довѣріи къ общественнымъ учрежденіямъ *единственный* вѣрный путь, отвѣчающій вполнѣ назрѣвшимъ потребностямъ населенія, земское собраніе убѣждено, что при выраженномъ вами довѣріи къ общественнымъ учрежденіямъ *и при расширеніи ихъ компетенціи* они оправдаютъ тѣ надежды, которыя вы на нихъ возлагаете". Большинство собранія приняло этотъ текстъ, но выбросило изъ него подчеркнутыя слова, тѣмъ самымъ какъ будто засвидѣтельствовавъ, что горбатовское земство готово признавать одинаково вѣрными самые различные пути и можетъ довольствоваться выраженіемъ довѣрія на словахъ, нисколько не требуя перехода этихъ словъ въ дѣло **). Подобные же случаи уклоненія отъ всякихъ рѣшительныхъ заявленій произошли и въ нѣкоторыхъ другихъ земскихъ собраніяхъ.

Значительно большую рѣшительность проявили уѣздныя собранія нынѣшней сессіи при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ на очередь современною жизнью земства. Въ Черниговской губерніи „проектная" коммиссія городнянскаго земскаго собранія, разсматривавшая вопросъ объ обезпеченіи

*) „Р. Вѣдомости", 19 окт. 1904 г.
**) „Нижег. Листокъ", 8 окт. 1904 г.

семействъ запасныхъ чиновъ арміи, нашла нужнымъ въ своемъ докладѣ собранію указать, что „въ настоящее время, когда для отраженія врага русскій народъ уже пролилъ столько крови, понесъ столько жертвъ и въ виду неопредѣленнаго будущаго, вѣроятно, долженъ будетъ еще въ огромной степени напрячь всѣ свои силы, ему для успѣха въ предстоящей громадной работѣ необходимъ громадный же подъемъ духа". „Къ сожалѣнію,—продолжала коммиссія—условія жизни какъ всего нашего народа, такъ и представителей его—довѣріемъ общественнымъ облеченныхъ земскихъ дѣятелей, а также и земства вообще, представляютъ чрезвычайныя препятствія не только къ желательному подъему духа, но и къ правильному теченію земской жизни и плодотворности работы земскихъ дѣятелей. Недовѣріе, постоянно оказываемое земству устраненіемъ лучшихъ людей его отъ дѣятельности въ земствѣ, въ связи съ необезпеченностью личности русскаго гражданина вообще,—недовѣріе, выразившееся, между прочимъ, въ установленіи предѣльности увеличенія земскихъ смѣтъ, въ изъятіи изъ вѣдѣнія земства нѣкоторыхъ отраслей земскаго хозяйства, какъ, напримѣръ, продовольственнаго дѣла, въ чрезмѣрной, подавляющей административной опекѣ и еще недавно въ томъ, что пересмотръ законодательства о сельскомъ состояніи производится не „при ближайшемъ участіи достойнѣйшихъ дѣятелей, довѣріемъ общественнымъ облеченныхъ", какъ о томъ было возвѣщено въ высочайшемъ манифестѣ 26 февраля прошлаго года, а почти совершенно бюрократическимъ способомъ, искаженіе самаго понятія о земствѣ введеніемъ въ него начала сословности и назначеніемъ гласныхъ администраціей, полное ограниченіе земскихъ собраній въ возможности высказывать свои пожеланія по вопросамъ, тѣсно связаннымъ съ удовлетвореніемъ пользъ и нуждъ населенія, но имѣющимъ хотя бы отдаленный намекъ на желательныя измѣненія нѣкоторыхъ общегосударственныхъ законовъ, запрещеніе печати указывать и разъяснять всю ненормальность установившихся отношеній,—вотъ причины, которыя не только не могутъ содѣйствовать столь желанному чрезвычайному подъему духа населенія, а, наоборотъ, приводятъ къ унынію и уменьшенію энергіи лучшихъ силъ народа и его представителей въ земствѣ". Городнянское собраніе, выслушавъ этотъ докладъ, постановило „согласиться съ соображеніями, высказанными проектною коммиссіей, и мнѣніе, выраженное ею, считать мнѣніемъ земскаго собранія настоящей сессіи" *).

Аналогичное мнѣніе было высказано и черниговскимъ уѣзднымъ собраніемъ. Проектная коммиссія послѣдняго, представивъ докладъ о желательныхъ измѣненіяхъ въ условіяхъ земской дѣятельности, указала, что сословное начало, введенное въ земство

*) „Р. Вѣдомости", 11 окт. 1904 г.

положеніемъ 1890 г., отсутствіе свободнаго представительства сельскаго населенія, полная необезпеченность личныхъ правъ земскихъ представителей, дискреціонное право администраціи не утверждать лицъ, избираемыхъ на земскія должности, назначать другихъ по своему усмотрѣнію, не допускать назначаемыхъ управами должностныхъ лицъ и подвергать земскихъ служащихъ ограниченіямъ въ правахъ по собственному усмотрѣнію, право администраціи задерживать исполненіе постановленій земскихъ собраній, если, по ея мнѣнію, эти постановленія не соотвѣтствуютъ интересамъ населенія, установленіе предѣльности земскаго обложенія, изъятіе изъ вѣдѣнія земства продовольственнаго дѣла и, наконецъ, цѣлый рядъ стѣсненій и ограниченій, созданныхъ для земства въ послѣдніе годы, представляютъ собою такія условія, которыя въ корнѣ подрываютъ самыя основы мѣстнаго самоуправленія и нарушаютъ первоначальную мысль законодателя, возложившаго на земство непосредственныя заботы о нуждахъ мѣстнаго населенія. По мнѣнію коммиссіи, всѣ указанныя ею условія должны быть отмѣнены и положеніе о земскихъ учрежденіяхъ должно подвергнуться коренному пересмотру, съ тѣмъ, чтобы послѣдній былъ произведенъ въ соотвѣтствіи съ численнымъ и культурнымъ ростомъ населенія и съ измѣнившимися въ теченіе 40 лѣтъ условіями жизни и общественныхъ отношеній. Сообразно этому коммиссія внесла въ собраніе слѣдующія предложенія: 1) право участія въ земскихъ выборахъ надлежитъ предоставить всѣмъ одинаково, безъ различія сословій и національностей; сельское управленіе необходимо замѣнить всесословнымъ и ввести его въ строй земскихъ учрежденій; 2) цензовыя нормы для участія въ земскихъ выборахъ необходимо значительно понизить; 3) крайне необходимо значительное увеличеніе числа уѣздныхъ гласныхъ противъ нормы 1864 г. и соотвѣтственное увеличеніе числа губернскихъ гласныхъ отъ уѣзда; 4) необходимо предоставить пассивное и активное избирательное право въ земствѣ женщинамъ; 5) право администраціи не утверждать избираемыхъ на земскія должности и назначаемыхъ управами на земскую службу, а также подвергать земскихъ служащихъ административнымъ карамъ, необходимо отмѣнить, такъ какъ недопущеніе правонарушеній въ земской дѣятельности можетъ быть достигаемо возбужденіемъ противъ нарушителей закона судебнаго преслѣдованія; 6) право администраціи задерживать исполненіе земскихъ постановленій и вмѣшиваться по существу въ распоряженія земскихъ управъ также необходимо отмѣнить, оставивъ за администраціей только право протеста противъ такихъ постановленій, въ которыхъ заключается нарушеніе дѣйствующихъ законовъ; 7) впредь до изданія закона, основаннаго на изученіи источниковъ обложенія, временный законъ 1900 г. о предѣльности земскаго обложенія необходимо отмѣнить. Собраніе единогласно приняло всѣ

эти предложенія коммиссіи и постановило ходатайствовать объ ихъ исполненіи *).

Многіе вопросы, затронутые въ этихъ постановленіяхъ городнянскаго и черниговскаго уѣздныхъ собраній, явились предметомъ обсужденія и въ другихъ уѣздныхъ собраніяхъ настоящей сессіи. Бобровская уѣздная управа доложила мѣстному собранію о тѣхъ затрудненіяхъ, какія она встрѣчаетъ при замѣщеніи должностей земскихъ служащихъ. Согласно закону, такое замѣщеніе производится съ согласія губернатора и послѣдній обязанъ въ теченіе двухнедѣльнаго срока увѣдомить управу о своемъ согласіи или несогласіи. На практикѣ же губернаторъ въ указанный срокъ въ большинствѣ случаевъ лишь извѣщаетъ управу о томъ, что представленное ею лицо „не можетъ быть допущено къ службѣ впредь до собранія о немъ необходимыхъ справокъ"; окончательный же отвѣтъ дается губернаторомъ по большей части черезъ одинъ—два мѣсяца, а то и черезъ три—четыре мѣсяца, и за это время приглашенные управой кандидаты обыкновенно устраиваются въ другихъ мѣстахъ. Благодаря такому порядку, управа не могла пригласить врача въ медицинскій участокъ, гдѣ свирѣпствовала эпидемія оспы; въ силу тѣхъ же причинъ въ уѣздѣ остается уже болѣе года вакантной должность земскаго агронома и имѣется цѣлый рядъ другихъ незамѣщенныхъ должностей земскихъ служащихъ. Бобровское земство не составляетъ, впрочемъ, въ этомъ отношеніи какого-либо исключенія. Тотъ же самый порядокъ практикуется и въ Уфимской губерніи, гдѣ губернаторъ еще въ прошломъ году циркуляромъ отъ 18 іюня потребовалъ представленія на его утвержденіе не только постоянныхъ служащихъ земства, но и лицъ, приглашаемыхъ на различнаго рода сдѣльныя работы, и гдѣ утвержденіе всѣхъ этихъ лицъ также затягивается на чрезвычайно долгіе сроки, вопреки прямому постановленію закона. Такъ, изъ 149 лицъ, представленныхъ на утвержденіе губернской управой послѣ упомянутаго циркуляра губернатора, окончательный отвѣтъ въ теченіе двухнедѣльнаго срока былъ данъ только о сорока лицахъ, отвѣты же объ остальныхъ затянулись на 2—6 мѣсяцевъ и болѣе. Въ нынѣшнемъ году потребовалось утвержденіе даже для тѣхъ лицъ, которыя временно работали весной на борьбѣ съ сусликами и въ числѣ которыхъ были, между прочимъ, нѣсколько воспитанниковъ земской белебеевской сельскохозяйственной школы, нѣсколько мѣстныхъ крестьянъ и бывшій белебеевскій исправникъ г. Ляминъ. Въ результатѣ весьма многія должности на земской службѣ въ Уфимской губерніи остаются въ теченіе долгаго времени незамѣщенными. Съ тѣми же самыми неудобствами пришлось считаться богородицкому и ковровскому земскимъ собраніямъ и оба они постановили ходатайствовать объ

*) „Кіевскіе Отклики", 6 окт. 1904 г.

измѣненіи закона въ томъ смыслѣ, чтобы губернатору предоставлено было право не утверждать земскихъ выборныхъ и служащихъ только вслѣдствіе допущенныхъ при ихъ избраніи или приглашеніи отступленій отъ требованій закона *).

Въ нѣсколькихъ другихъ уѣздныхъ собраніяхъ, какъ въ клинскомъ, саратовскомъ, сызранскомъ, мензелинскомъ и вологодскомъ, постановлено было ходатайствовать объ отмѣнѣ закона о предѣльности земскаго обложенія, который, по словамъ вологодскаго собранія, „желѣзнымъ кольцомъ стягиваетъ плодотворную работу земства и ставитъ послѣднее въ такое положеніе, когда ему приходится только констатировать нужды и потребности населенія, а не удовлетворять ихъ“. Кромѣ того вологодское и яренское собраніе рѣшили ходатайствовать о передачѣ дѣла народнаго продовольствія изъ рукъ земскихъ начальниковъ обратно въ вѣдѣніе земства, а мензелинское — о передачѣ на обсужденіе земства вопросовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Бирское уѣздное собраніе постановило возобновить однажды уже возбужденное имъ ходатайство о передачѣ на обсужденіе земскихъ учрежденій проекта коммиссіи министерства внутреннихъ дѣлъ о преобразованіи крестьянскихъ учрежденій и кромѣ того признало своевременнымъ разработать вопросъ о замѣнѣ имущественнаго ценза налоговымъ путемъ установленія особаго земскаго подоходнаго налога **).

Не менѣе любопытными оказались постановленія нѣкоторыхъ уѣздныхъ собраній по вопросамъ народнаго образованія. Сызранское собраніе постановило ходатайствовать о расширеніи программы для низшихъ школъ, о расширеніи каталоговъ сельскихъ библіотекъ до каталога городскихъ публичныхъ библіотекъ и о возвращеніи земству правъ, предоставлявшихся ему земскимъ положеніемъ 1864 года. Петровское собраніе рѣшило ходатайствовать о полной публичности учительскихъ съѣздовъ и объ отмѣнѣ всѣхъ постановленій, раздѣляющихъ земство и народную школу, а вмѣстѣ съ тѣмъ постановило представить министру внутреннихъ дѣлъ особую докладную записку съ выясненіемъ всѣхъ наболѣвшихъ нуждъ, которыя испытывало и испытываетъ дѣло народнаго образованія. Въ саратовскомъ уѣздномъ собраніи также былъ поднятъ вопросъ о народныхъ библіотекахъ. Гласный Безобразовъ, возбудившій здѣсь этотъ вопросъ, указалъ, что давно уже настало время освободить русскаго крестьянина отъ административной опеки, созданной существующими узаконеніями о народныхъ библіотекахъ и читальняхъ, и предоставить ему возможность читать все, что онъ пожелаетъ. Сообразно этому названный гласный предложилъ ходатайствовать

---

*) „Р. Вѣдомости“, 8 и 11 окт. 1904 г.

**) „Русь“, 1, 4, 16 октября; „Спб. Вѣдомости“, 10 октября, Н. Время“, 14 октября; „Р. Вѣдомости“ 11 октября 1904 г.

о допущеніи въ народныя библіотеки и читальни всѣхъ книгъ, изданныхъ съ разрѣшенія цензуры. Уѣздное собраніе единогласно присоединилось къ этому предложенію и рѣшило провести его черезъ губернское собраніе *).

Обсужденіе вопросовъ народнаго образованія вызвало въ одномъ изъ земствъ попытку разсмотрѣнія и другого немаловажнаго вопроса. Саратовское уѣздное собраніе въ текущемъ году удѣлило не мало вниманія дѣламъ народнаго образованія, но всѣ происходившія въ собраніи по этому предмету пренія появлялись въ мѣстной печати въ искаженномъ до неузнаваемости видѣ. Въ концѣ концовъ въ одномъ изъ засѣданій собранія нѣкоторые его гласные обратились къ предсѣдателю съ заявленіемъ о томъ, что въ помѣщаемыхъ въ мѣстныхъ газетахъ отчетахъ о засѣданіяхъ собранія они замѣтили чрезвычайныя сокращенія, а мѣстами даже и извращенія того, что происходитъ въ собраніи; въ виду этого названные гласные предлагали обратиться къ редакціямъ мѣстныхъ газетъ съ просьбою или совершенно не печатать отчетовъ о земскомъ собраніи, или же печатать ихъ въ формѣ, отвѣчающей дѣйствительности. Въ отвѣтъ на это представители всѣхъ трехъ мѣстныхъ газетъ („Саратовскаго Листка“, „Саратовскаго Дневника“ и „Приволжскаго Края“) представили предсѣдателю собранія слѣдующее заявленіе: „Въ виду обращенныхъ къ намъ, представителямъ мѣстной прессы, запросовъ г.г. гласныхъ саратовскаго уѣзднаго земскаго собранія, почему въ печатанныхъ нами отчетахъ о засѣданіяхъ собранія допускаются крупныя сокращенія, а мѣстами весьма значительныя искаженія, совершенно уничтожающія истинный смыслъ произнесенныхъ рѣчей, мы, референты отчетовъ, обращаемся къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою довести до свѣдѣнія гг. гласныхъ, что всѣ сокращенія и всѣ искаженія ихъ рѣчей произведены не нами и не редакціями, а мѣстнымъ отдѣльнымъ цензоромъ г. Виноградовымъ, признающимъ возможнымъ не только вычеркивать цѣликомъ рѣчи ораторовъ, но даже вставлять свои собственныя слова въ оффиціальные документы, оглашаемые въ собраніи, и замѣнять своими собственными выраженія, употребленныя г.г. гласными. Такимъ образомъ мы слагаемъ съ себя всякую отвѣтственность за точность воспроизведенія въ газетахъ дѣйствительнаго содержанія и истиннаго характера засѣданій собранія“. Это заявленіе вызвало въ собраніи бурныя пренія, во время которыхъ гласнымъ Ничипоровичемъ былъ поднятъ вопросъ о необходимости возбудить общее ходатайство о пересмотрѣ существующихъ законовъ о печати. Но на это послѣдовали возраженія, что положеніе саратовской прессы могло явиться слѣдствіемъ злоупотребленія отдѣльнаго лица, а не общихъ недостатковъ законоположеній о

*) „Русь“ 4 октября; „Н. Время“, 16 окт.; „Од. Новости“ 12 окт. 1904 г.

печати, и собраніе постановило оставить возбужденный г. Ничипоровичемъ вопросъ открытымъ, а пока лишь ходатайствовать передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, чтобы пренія саратовскаго уѣзднаго земскаго собранія были возстановлены во всѣхъ мѣстныхъ газетахъ по протоколамъ, утвержденнымъ собраніемъ, принести министру жалобу на дѣйствія саратовскаго отдѣльнаго цензора Виноградова, который, присвоивъ не принадлежащія ему права, позволялъ себѣ дѣлать приписки отъ себя къ рѣчамъ гласныхъ и къ документамъ, и, наконецъ, просить министра, чтобы вообще отношенія мѣстной цензуры къ отчетамъ газетъ о земскихъ и общественныхъ собраніяхъ были поставлены въ болѣе нормальныя рамки *).

Въ своихъ рѣшеніяхъ саратовскіе земцы исходили изъ того предположенія, что поразившіе ихъ цензурные порядки объясняются всецѣло мѣстными условіями и составляютъ своего рода исключеніе изъ общаго правила. Но для всякаго, сколько-нибудь знакомаго съ положеніемъ русской прессы, совершенно очевидна несостоятельность такого предположенія и дѣйствительность не замедлила опровергнуть его. Не прошло и нѣсколькихъ дней послѣ разсказанной саратовской исторіи, какъ такая же исторія повторилась въ Одессѣ. Гласные одесской городской думы подали головѣ такое заявленіе: „Въ двухъ мѣстныхъ газетахъ, а именно въ „Одесскомъ Листкѣ“ и въ „Южномъ Обозрѣніи“, въ №№ отъ 17 октября, напечатаны рефераты послѣдняго засѣданія городской думы 15 октября, причемъ какъ въ одной, такъ и въ другой газетѣ совершенно опущенъ отчетъ о происходившемъ въ этомъ засѣданіи разсмотрѣніи доклада управы по дѣлу о переустройствѣ зданія, занимаемаго бульварнымъ полицейскимъ участкомъ; въ газетѣ же „Одесскія Новости“ совсѣмъ не появился рефератъ этого засѣданія. Такой пропускъ можетъ быть приписанъ либо гг. референтамъ, либо редакціямъ газетъ, либо цензурѣ. Признавая гласность однимъ изъ основныхъ и необходимыхъ условій дѣятельности городского управленія и, считая, что въ этомъ отношеніи она должна встрѣчать полное содѣйствіе со стороны печати, мы находимъ желательнымъ выяснить причину означеннаго пропуска и потому предлагаемъ просить городского голову принять мѣры къ выясненію этого обстоятельства“. Городской голова, согласно единодушному желанію думы, обѣщалъ озаботиться выясненіемъ этого дѣла. Въ результатѣ такого выясненія, какъ и слѣдовало ожидать, оказалось, что ни репортеры, ни редакціи газетъ неповинны въ искаженіи отчетовъ о думскихъ засѣданіяхъ, и тогда 29 гласныхъ одесской думы предложили ей ходатайствовать о подчиненіи отчетовъ о думскихъ засѣданіяхъ

*) „Р. Вѣдомости“, 14 октября; „Русь“, 14 октября 1904 г.

дѣйствію общей цензуры *). Можно думать, однако, что въ случаѣ удовлетворенія этого ходатайства одесская дума такъ же мало выиграетъ отъ замѣны спеціальной цензуры общею, какъ мало выигралъ Саратовъ отъ замѣны вѣдавшаго цензуру губернаторскаго чиновника отдѣльнымъ цензоромъ. Для того, чтобы обезпечить печати дѣйствительную возможность правильнаго и всесторонняго освѣщенія земскихъ и муниципальныхъ дѣлъ, недостаточно, конечно, ни частныхъ распоряженій, касающихся отдѣльныхъ мѣстностей, ни мелкихъ палліативовъ, не выходящихъ изъ сферы болѣе или менѣе благожелательнаго произвола. Указанная цѣль можетъ быть достигнута только однимъ путемъ—путемъ кореннаго измѣненія тѣхъ условій, въ которыхъ дѣйствуетъ современная русская пресса и которыя въ свою очередь тѣсно связаны съ еще болѣе общими условіями всей русской жизни. И если бы ходатайства земскихъ и городскихъ дѣятелей были поставлены на эту единственно вѣрную почву, они, несомнѣнно, много выиграли бы въ своемъ значеніи, явившись не только болѣе опредѣленными, но и болѣе цѣлесообразными.

Возвращаясь къ постановленіямъ уѣздныхъ земскихъ собраній нынѣшней сессіи, нельзя не отмѣтить еще двухъ крайне характерныхъ рѣшеній, принятыхъ въ саратовскомъ и мензелинскомъ собраніяхъ. Въ первое изъ названныхъ собраній поступило заявленіе отъ бывшихъ учителей земскихъ школъ Саратовскаго уѣзда гг. Бендерова и Борисовскаго и бывшей учительницы г-жи Васильевой. Всѣ эти лица вынуждены были оставить свою службу и, попавъ благодаря этому въ крайне стѣснительное положеніе, обратились къ земству съ просьбой о пособіи, причемъ первые двое изъ нихъ просили пособія на воспитаніе дѣтей, а г-жа Васильева—лично для себя. Собраніе сдѣлало по этому поводу слѣдующія постановленія: 1) выдавать гг. Бендерову и Борисовскому ежегодное пособіе по 200 р. каждому, а г-жѣ Васильевой выдать единовременное пособіе въ 150 р.; 2) выразить названнымъ лицамъ благодарность за ихъ продолжительную и весьма полезную дѣятельность въ качествѣ земскихъ учителей; 3) возбудить въ установленномъ порядкѣ ходатайство о возвращеніи всѣхъ этихъ трехъ лицъ къ педагогической дѣятельности въ земскихъ школахъ; 4) поручить управѣ совмѣстно съ училищной коммиссіей разработать вопросъ объ измѣненіи правового положенія учителей и 5) ходатайствовать передъ мѣстнымъ архіереемъ объ устраненіи священника с. Лохъ Архангельскаго отъ педагогической дѣятельности **). Эти постановленія достаточно ярко освѣщаютъ подкладку того случая, благодаря которому земскія школы саратовскаго уѣзда лишились

*) „Кіевскіе Отклики", 28 октября; „Русь", 6 ноября 1904 г.
**) „Кіевскіе Отклики", 9 окт. 1904 г.

трехъ своихъ учителей. Съ подобнымъ же случаемъ пришлось встрѣтиться и мензелинскому уѣздному собранію. Въ одномъ изъ засѣданій послѣдняго гласный Мазуровскій сообщилъ своимъ товарищамъ такого рода факты: мѣстная учительница Фомина была устранена отъ должности за храненіе трехъ брошюръ, а учитель Барабановъ уволенъ отъ должности по одному лишь подозрѣнію въ политической неблагонадежности. Подозрѣніе это оказалось неосновательнымъ и въ этомъ Барабанову выдано даже удостовѣреніе отъ прокурора казанской судебной палаты. Тѣмъ не менѣе, по словамъ гласнаго, г. Барабановъ уже уволенъ, земство потеряло лучшаго учителя и школа, гдѣ г. Барабановымъ, помимо обученія грамотѣ, велась прекрасная мастерская и былъ устроенъ небольшой образцовый пчельникъ и садъ, вѣроятно, долго такого учителя не увидитъ. Скороспѣлость постановленія училищнаго совѣта объ увольненіи г. Барабанова объясняется, по мнѣнію гласнаго, тѣмъ обстоятельствомъ, что рѣшали участь учителя всего 3—4 лица, среди которыхъ не было ни одного представителя земства. Находя такой порядокъ совершенно ненормальнымъ, г. Мазуровскій предложилъ собранію въ видахъ гарантіи спокойной службы земскихъ учителей и обезпеченія интересовъ земства просить училищный совѣтъ, чтобы вопросы объ увольненіи земскихъ учителей рѣшались въ присутствіи представителей отъ земства и попечителей школъ, и собраніе съ своей стороны единогласно присоединилось къ этому предложенію *).

Приведенныя постановленія уѣздныхъ собраній, несомнѣнно, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ средѣ земскихъ дѣятелей назрѣло уже сознаніе необходимости оградить личность народнаго учителя отъ чрезмѣрнаго административнаго произвола. Но тѣ формы, въ какія вылилось это сознаніе, едва-ли можно считать вполнѣ удовлетворительными. Окружающая насъ дѣйствительность знаетъ массу случаевъ, совершенно подобныхъ тѣмъ, какіе обсуждались въ саратовскомъ и мензелинскомъ земскихъ собраніяхъ. „На-дняхъ—писали недавно „Новому Времени“ изъ гор. Тихвина — послѣдовало предложеніе завѣдующему колбечскимъ двухклассным министерскимъ училищемъ оставить занимаемую имъ должность. Учитель О—въ, человѣкъ не первой молодости, считается однимъ изъ лучшихъ и опытнѣйшихъ учителей въ уѣздѣ, такъ какъ 22 года работаетъ на педагогическомъ поприщѣ, безпрерывно служа вначалѣ въ земскихъ, а затѣмъ въ министерскихъ школахъ. Репутація его безупречна. За время своей продолжительной дѣятельности онъ принесъ не мало пользы дѣлу народнаго просвѣщенія; при его содѣйствіи было выстроено нѣсколько образцовыхъ школьныхъ помѣщеній, оборудованъ рядъ крестьянскихъ библіотекъ, при колбечскомъ училищѣ возникъ

*) „Н. Время“, 31 окт. 1904 г.

интернатъ для крестьянскихъ дѣтей и пр. Какъ учитель, О—въ пользовался любовью своихъ учениковъ. Не любили его лишь мѣстные богатѣи да духовенство за необщительность и независимое поведеніе. Неоднократные доносы и кляузы на какую-то неблагонадежность О—ва, вызвавшіе полицейскій обыскъ (не давшій, какъ и слѣдовало ожидать, никакихъ искомыхъ результатовъ) привели къ тому, что О—ву предложено было подать въ отставку, съ частнымъ предупрежденіемъ, что при неисполненіи этого предложенія онъ будетъ уволенъ безъ прошенія" *).

При царствующей у насъ смутѣ въ области нравственныхъ и правовыхъ понятій „доносами и кляузами" по адресу народнаго учителя не брезгаютъ подчасъ даже нѣкоторые общественные избранники. Не такъ давно въ газетахъ сообщалось, что въ Волчанскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи исправляющій должность уѣзднаго предводителя дворянства, г. Задонскій, внесъ въ мѣстный училищный совѣтъ заявленіе о необходимости удалить одного изъ народныхъ учителей въ виду распространенія имъ вредныхъ мыслей противоправительственнаго характера, предсказанія „политической весны" и пропаганды ученія Толстого. Свое обвиненіе г. Задонскій подкрѣпилъ лишь ссылкой на мѣстнаго землевладѣльца г. Киріянова. Послѣдній съ своей стороны заявилъ, что ему извѣстенъ лишь одинъ предосудительный фактъ относительно названнаго учителя, а именно — у него въ квартирѣ находится портретъ Л. Н. Толстого и на вопросъ Киріянова: „зачѣмъ у васъ этотъ портретъ?" учитель отвѣтилъ выраженіемъ своего уваженія къ Толстому. По отзыву училищнаго совѣта, учитель, о которомъ идетъ рѣчь, за все время своей службы никогда не былъ замѣченъ ни въ чемъ предосудительномъ и даже пользовался такой репутаціей благонадежности, что ему одному изъ всѣхъ учителей уѣзда разрѣшено было преподаваніе Закона Божьяго. Тѣмъ не менѣе, совѣтъ постановилъ произвести по заявленію г. Задонскаго разслѣдованіе и для такого разслѣдованія была организована коммиссія, въ которую вошли самъ г. Задонскій, инспекторъ народныхъ училищъ и одинъ земскій начальникъ. Эта коммиссія, по словамъ газетъ, „представила собранныя ею свѣдѣнія въ училищный совѣтъ, а послѣдній, разсмотрѣвъ ихъ, нашелъ, что въ нихъ нѣтъ ровно ничего компрометирующаго учителя, и закрытой баллотировкой оставилъ его на мѣстѣ" **).

Когда эти свѣдѣнія были оглашены въ печати, г. Задонскій нашелъ, что они выставили его „личное отношеніе къ этому дѣлу въ весьма непригляднымъ свѣтѣ", и прислалъ въ редакцію сообщившей ихъ газеты письмо съ нѣкоторыми поправками. „Дѣло возникло—такъ поправляетъ г. Задонскій газетный разсказъ—не

*) „Н. Время", 17 окт. 1904 г.
**) „Русь", 12 окт. 1904 г.

по „добровольному сыску", какъ полагаетъ анонимный корреспондентъ, а потому, что я былъ обязанъ, на основаніи закона и на основаніи моей вѣрноподданнической присяги, принять всѣ зависящія отъ меня мѣры для прекращенія вредной, по моему убѣжденію, дѣятельности учителя-пропагандиста въ крестьянской средѣ. Коммиссія, выѣхавшая на мѣсто для изслѣдованія дѣла, вполнѣ установила: 1) что упомянутый учитель часто приглашалъ къ себѣ на квартиру мѣстныхъ крестьянъ, даже вовсе не причастныхъ къ школѣ, и въ бесѣдахъ знакомилъ ихъ съ воззрѣніями гр. Толстого, 2) что между крестьянами уже нашелся такой, который заявилъ приходскому священнику о намѣреніи скоро „отколоться" отъ церкви, и 3) что учитель въ частныхъ разговорахъ высказывалъ свою надежду на скорую перемѣну нашего государственнаго строя. Кромѣ того, выяснилось, что упомянутый преподаватель охотно принималъ участіе въ попойкахъ съ крестьянами и не отличался нравственнымъ поведеніемъ. При этихъ данныхъ я считалъ удаленіе его необходимымъ. Дѣло, конечно, зависитъ отъ взглядовъ, но, что мои взгляды не были единичными, доказываетъ результатъ баллотировки. Большинствомъ шести голосовъ противъ пяти, училищный совѣтъ рѣшилъ не увольнять эту личность окончательно. Однако совѣтъ единогласно согласился съ моимъ предложеніемъ удалить учителя по крайней мѣрѣ изъ той школы, въ которой онъ до сихъ поръ преподавалъ. Въ настоящее время этотъ учитель уже переведенъ въ другую школу, болѣе близкую къ уѣздному центру, и отстраненъ отъ преподаванія Закона Божія. Результатъ этотъ, правда, не соотвѣтствуетъ моимъ надеждамъ; но онъ не соотвѣтствуетъ и изложенію г. корреспондента, заявившаго читателямъ, что совѣтомъ постановлено „оставить учителя на его мѣстѣ". Корреспондировать—дѣло хорошее, но не надо самовольно мѣнять окраску передаваемаго и не надо извращать факты, хотя бы мелкими штрихами" *). Какъ видно изъ этого письма, г. Задонскій нисколько не стѣсняется ни своего вздорнаго и тѣмъ не менѣе имѣвшаго нѣкоторый успѣхъ доноса, ни самой роли доносчика, и скорѣе даже наклоненъ гордиться такою ролью, вмѣняя ее себѣ въ прямую обязанность. Вкусы, очевидно, бываютъ различные и г. Задонскаго, конечно, трудно было бы разубѣдить въ томъ, что удовлетвореніемъ своихъ вкусовъ онъ выполняетъ нѣкоторую гражданскую обязанность. Тѣмъ не менѣе едва ли возможно считать нормальнымъ порядокъ, при которомъ такое учрежденіе, какъ уѣздный училищный комитетъ, идетъ на встрѣчу подобнымъ вкусамъ и считаетъ нужнымъ наряжать цѣлыя слѣдственныя коммиссіи для изслѣдованія вопросовъ о томъ, виситъ ли въ квартирѣ учителя портретъ гр. Толстого, приглашалъ ли учитель въ

*) „Русь", 7 ноября 1904 г.

гости мѣстныхъ крестьянъ и не ждетъ ли онъ „политической весны“.

Та атмосфера безправія, произвола и доносительства, въ которой процвѣтаютъ подвиги гг. Задонскихъ, дѣлаетъ, конечно, крайне тяжелою жизнь народнаго учителя. Но странно разсчитывать на серьезное освѣженіе этой атмосферы путемъ такихъ ничтожныхъ палліативовъ, какъ обязательное участіе земскихъ представителей въ рѣшеніяхъ училищныхъ совѣтовъ по дѣламъ, касающимся судьбы учителей. Не говоря уже о томъ, что такое участіе далеко не всегда можетъ обезпечить справедливое рѣшеніе, судьба народнаго учителя зависитъ не только отъ училищныхъ совѣтовъ и гг. Задонскіе проявляютъ свое благородное рвеніе не только въ этихъ учрежденіяхъ. Такимъ образомъ вопросъ о правовомъ положеніи народнаго учителя является гораздо болѣе сложнымъ, чѣмъ представляло его мензелинское земское собраніе. При всемъ томъ для правильнаго рѣшенія этого вопроса едва-ли была нужда и въ той спеціальной его „разработкѣ“, какую собрались производить саратовскіе земцы. Вопросъ о правовомъ положеніи народнаго учителя составляетъ лишь часть общаго вопроса о положеніи личности въ Россіи и не можетъ быть рѣшенъ внѣ связи съ этимъ общимъ вопросомъ. Громадная масса фактовъ обыденной жизни какъ нельзя болѣе краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что народный учитель прежде всего и больше всего нуждается въ установленіи такого порядка, при которомъ его личность была бы прочно ограждена отъ всякихъ произвольныхъ дѣйствій и онъ не могъ бы быть лишенъ никакихъ гражданскихъ правъ иначе, какъ въ силу законно состоявшагося рѣшенія суда. Высказавъ вполнѣ опредѣленно эту нужду, земскія собранія поступили бы тѣмъ правильнѣе, что ее въ такой же мѣрѣ испытываютъ и всѣ другіе земскіе служащіе и земскіе дѣятели, равно какъ и всѣ вообще русскіе граждане.

Въ хроникѣ прошлаго мѣсяца мнѣ уже приходилось упоминать о распоряженіяхъ новаго министра внутреннихъ дѣлъ, направленныхъ къ возстановленію правъ нѣкоторыхъ лицъ, подвергшихся въ послѣдніе годы различнаго рода административнымъ карамъ. Съ тѣхъ поръ количество такихъ распоряженій значительно увеличилось. Какъ сообщаютъ газеты, въ Суджѣ получено отъ курскаго губернатора увѣдомленіе, что кн. П. Д. Долгоруковъ, лишенный по докладу покойнаго министра Плеве права общественной дѣятельности, возстановленъ въ своихъ правахъ; вслѣдъ за полученіемъ этого извѣстія суджанское земское собраніе избрало кн. Долгорукова предсѣдателемъ своей управы *). Гласному новоторжскаго уѣзднаго и губернскаго тверского земства Ив. Ил. Петрункевичу, которому еще съ 1887 года при ми-

*) „Право“, № 40.

нистрѣ внутреннихъ дѣлъ Д. А. Толстомъ былъ запрещенъ въѣздъ въ Петербургъ, теперь разрѣшенъ такой въѣздъ въ виду приглашенія его предсѣдателемъ московской губернской управы на съѣздъ земскихъ дѣятелей въ Петербургѣ 6 ноября *). Всѣмъ земскимъ дѣятелямъ Тверской губерніи, высланнымъ по распоряженію покойнаго министра Плеве, разрѣшено вернуться; въ томъ числѣ возвращены г.г. Апостоловъ и Балавинскій **). Воронежской губернской управой получено увѣдомленіе отъ мѣстнаго губернатора, что съ участвовавшаго въ засѣданіяхъ воронежскаго уѣзднаго комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности члена губернской управы Д. А. Перелешина, отстраненнаго отъ должности въ началѣ 1903 года, слагается наложенное на него взысканіе, и того же числа г. Перелешинъ вступилъ въ исправленіе должности члена губернской управы ***). Въ Курскѣ получено увѣдомленіе, что уволенные со службы по распоряженію покойнаго министра Плеве гг. Бернашевскій и Каллисратовъ вновь получили право служить въ земскихъ учрежденіяхъ; точно также снято запрещеніе служить въ земствѣ съ бывшагó секретаря губернской управы г. Звягинцева, завѣдующаго земскимъ книжнымъ складомъ г. Сытина и съ нѣскольких другихъ лицъ, лишенныхъ права работать въ земскихъ учрежденіяхъ за демонстративный разрывъ съ губернской управой, происшедшій въ связи съ увольненіемъ гг. Бернашевскаго и Каллистратова ****). Освобожденъ изъ-подъ гласнаго надзора бывшій старшій врачъ севастопольской городской больницы докторъ С. А. Никоновъ, который былъ сосланъ на пять лѣтъ въ Архангельскъ за участіе въ коллективномъ протестѣ противъ назначенія новаго смотрителя севастопольской городской больницы безъ вѣдома ея врачей ***). Равнымъ образомъ освобождены и получили разрѣшеніе выѣхать изъ Архангельска бывшій секретарь уфимской губернской земской управы г. Гудзь и одинъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго, высланные въ прошломъ году изъ Уфы въ Архангельскую губернію на пять лѣтъ за политическую неблагонадежность, и болѣе десяти человѣкъ крестьянъ, изъ которыхъ одни были высланы по случаю аграрныхъ безпорядковъ въ Балашовскомъ уѣздѣ Саратовской губерній послѣ оправданія ихъ судомъ, а другіе—за стачки ******). Освобожденъ также изъ ссылки инженеръ-технологъ Б. Н. Смирновъ, который былъ сосланъ на пять лѣтъ въ Архангельскую губернію за предсѣдательство на студенческой сходкѣ, собравшейся въ прошломъ году во время студен-

*) „Русь“, 25 окт. 1904 г.
**) „Р. Вѣдомости“, 27 окт. 1904 г.
***) „Р. Вѣдомости“, 23 окт. 1904 г.
****) „Р. Вѣдомости“, 23 окт. 1904 г.
*****) „Р. Вѣд.“, 19 окт. 1904 г.
******) „Р. Вѣд.“, 27 окт. 1904 г.

ческаго вечера въ петербургскомъ технологическомъ институтѣ. За участіе въ этой сходкѣ былъ сосланъ въ Олонецкую губернію еще присяжный повѣренный Волкенштейнъ, теперь тоже освобожденный *). Изъ Архангельска возвращенъ еще, по ходатайству предсѣдателя петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, прис. пов. А. В. Переверзевъ **). Наконецъ, изъ Иркутска возвращенъ сосланный туда за участіе въ послѣднемъ съѣздѣ дѣятелей по техническому образованію писатель и гласный петербургской городской думы Г. А. Фальборкъ ***).

Всѣ эти лица, въ свое время понесшія различныя кары въ силу простого административнаго распоряженія, теперь освобождены такимъ же распоряженіемъ. Но не надо забывать, что въ томъ положеніи, изъ котораго они вышли, остаются еще сотни и тысячи другихъ и число это можетъ и впредь безпрепятственно возрастать, разъ остается неотмѣненной самая возможность административной расправы. Въ свою очередь и лица, только что избавившіяся отъ послѣдствій такой расправы, ничѣмъ не гарантированы отъ новаго знакомства съ нею, причемъ такое знакомство можетъ послѣдовать безъ всякого видимаго повода. Не далѣе, какъ на дняхъ, въ газетахъ былъ разсказанъ чрезвычайно характерный случай такого рода. Въ іюнѣ 1903 года въ г. Каркаралы Семипалатинской области былъ присланъ подъ гласный надзоръ полиціи срокомъ на два года В. Д. Соколовъ (В. Д. Митричъ), принимавшій ближайшее участіе въ редакціи газеты „Степной Край". „Неизвѣстно,—говоритъ газетный корреспондентъ,—что послужило поводомъ высылки г. Соколова,—ему было предъявлено постановленіе особаго совѣщанія министерства внутреннихъ дѣлъ о ссылкѣ его на два года въ Каркаралы и передъ этимъ администрація по отношенію его не предприняла ни обыска, ни какого-либо опроса. Въ Каркаралахъ г. Соколовъ жилъ уроками, очень скромно и тихо. Когда въ концѣ этого года Каркаралы выгорѣли, отъ пожара сильно пострадалъ и г. Соколовъ. У него сгорѣли рукописи, замѣтки, недоконченные разсказы и пр., сгорѣла вся мебель и всѣ запасы. Пришлось ему сдѣлать долги для того, чтобы собрать на зиму новые запасы и обзавестись на новой квартирѣ. Не успѣлъ онъ сдѣлать этого, какъ ему было объявлено, что по высочайшему манифесту онъ свободенъ, но что ему воспрещено жительство въ Степномъ генералъ-губернаторствѣ и въ полосѣ отчужденія Сибирской желѣзной дороги. Человѣкъ безъ средствъ, семейный, преклонныхъ лѣтъ, связанный различными дѣловыми обязательствами, г. Соколовъ очутился въ очень тяжеломъ положеніи. Въ настоящее время онъ подалъ заявленіе о разрѣшеніи ему перезимовать въ мѣстѣ ссылки или остаться тамъ

*) „Р. Вѣд.", 25 окт. 1904 г.

**) „Кіевск. Отклики", 13 окт. 1904 г.

***) „Право", № 40.

до тѣхъ поръ, пока онъ не подыщетъ себѣ какого-либо заработка или даже просто не выберетъ опредѣленнаго мѣста для будущаго своего жительства" *).

Въ виду такихъ фактовъ, переполняющихъ собою русскую жизнь, нельзя не подивиться тому слабому интересу, какой проявили земскія собранія нынѣшней сессіи къ вопросу объ обезпеченіи личности русскаго обывателя, и той чрезмѣрной осторожности, съ какою обсуждали этотъ вопросъ немногія собранія, такъ или иначе ближе подходившія къ нему. Не меньшую осторожность проявили, впрочемъ, уѣздныя собранія и по отношенію къ другому основному вопросу, выдвинутому на очередь современною русскою жизнью и сводящемуся къ формулировкѣ того пути, какимъ могли бы быть проведены необходимыя коренныя измѣненія этой жизни. Изъ всѣхъ состоявшихся до сихъ поръ земскихъ собраній только въ одномъ этотъ вопросъ былъ поставленъ вполнѣ опредѣленно, но и здѣсь онъ не встрѣтилъ достаточнаго сочувствія.

Въ нижегородскомъ уѣздномъ собраніи гласный Рождественскій, отмѣтивъ рядъ принятыхъ собраніемъ ходатайствъ о расширеніи правъ земства, обратился къ собранію съ такою рѣчью: „Недостаточно, господа, ходатайствовать,—необходимо еще поддерживать свои ходатайства. Мы этой возможности лишены. Въ виду этого является насущная потребность для населенія участвовать въ законодательной работѣ. Не пугайтесь, прошу васъ, этихъ „страшныхъ" словъ! Среди насъ нѣтъ ни крамольниковъ, ни враговъ правительства. Но мы должны откровенно заявить о насущной потребности нашего участія въ законодательствѣ. Какой можетъ быть вредъ отъ того, что правительство узнаетъ о народныхъ нуждахъ непосредственно отъ заинтересованныхъ въ нихъ людей? Стремиться къ этому—наша священная обязанность. Позволю себѣ маленькій намекъ (вы поймете его): не подлежитъ сомнѣнію, что масса юношей, неопытныхъ, способныхъ дѣлать ошибки, принимаетъ у насъ участіе въ тѣхъ дѣлахъ, которыми слѣдовало бы заниматься зрѣлымъ людямъ. Господа, у васъ есть дѣти, есть младшіе братья. Не возлагайте на нихъ непосильное дѣло! Сами беритесь за него! Не бойтесь, что на васъ взглянутъ, какъ на крамольниковъ, если вы захотите служить родинѣ. Намъ нужно объединиться, нужно идти навстрѣчу нуждамъ населенія. Это возможно только въ томъ случаѣ, если представители населенія будутъ участвовать въ законодательной работѣ. Въ какой формѣ это можетъ осуществиться, я не знаю. Но наша священная обязанность просить объ этомъ, особенно теперь, когда мы слышимъ призывъ правительства къ обществу. Не пугайтесь! Вы только поможете правящимъ классамъ. Я прошу передать мое предло-

*) „Р. Вѣдомости", 28 окт. 1904 г.

женіе въ коммиссію и разработать въ связи съ ходатайствами о земскомъ положеніи".

Нижегородское собраніе выслушало эту рѣчь, но не исполнило обращенной къ нему ораторомъ просьбы „не пугаться" и выразителемъ создавшагося въ собраніи настроенія выступилъ гласный Каргеръ. „Думаю,—заявилъ онъ—единственнымъ справедливымъ возраженіемъ правительства противъ расширенія правъ земства было бы то, что оно считаетъ наше общество неподготовленнымъ для созидательной работы, то общество, которое состоитъ еще въ большинствѣ изъ людей неграмотныхъ. Это было бы, повторяю, единственнымъ возможнымъ возраженіемъ. Чѣмъ же намъ доказать нашу способность въ такой дѣятельности? Главный признакъ этого—умѣніе сдерживаться, обладаніе извѣстнымъ тактомъ. По-моему, прежде, чѣмъ интеллигенція этого не докажетъ, нечего разсчитывать на сочувственный откликъ правительства. Поэтому, привѣтствуя отъ души какъ бы новое направленіе правительства, я думаю, что на нашей отвѣтственности лежитъ держать себя корректно, съ достоинствомъ, и показать, что мы обладаемъ той выдержкой, въ которой, повидимому, правительство сомнѣвается. Думать о новыхъ правахъ намъ обязательно нужно, но въ извѣстной послѣдовательности. Поэтому я противъ предложенія г. Рождественскаго" *). По существу, конечно, странно думать, что способность къ созидательной работѣ доказывается „умѣньемъ сдерживаться" отъ участія въ такой работѣ и что корректность и тактъ заключаются въ искусствѣ молчанія. Не менѣе странно ожидать, что не высказываемыя обществомъ нужды будутъ угаданы и удовлетворены именно потому, что онѣ никѣмъ не высказываются. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій массу русскаго общества всего меньше можно было упрекнуть въ отсутствіи „умѣнія сдерживаться", но, какъ извѣстно, это умѣніе не принесло ей особенно благопріятныхъ результатовъ. Но нижегородское собраніе, очевидно, разсуждало иначе и приняло мнѣніе г. Каргера, отвергнувъ предложеніе г. Рождественскаго.

Таковы выяснившіеся до сихъ поръ главные итоги сессіи уѣздныхъ земскихъ собраній. Этимъ итогамъ нельзя отказать въ извѣстной поучительности, но нельзя и назвать ихъ вполнѣ соотвѣтствующими требованіямъ переживаемаго момента. Уѣздныя земскія собранія указали много темныхъ сторонъ современной русской жизни и, въ частности, жизни земской, но они не свели своихъ указаній въ одно цѣлое, не договорили ихъ до конца и не намѣтили съ достаточною ясностью того пути, какимъ страна можетъ выйти изъ переживаемаго ею настоящаго къ болѣе свѣтлому будущему. Такой результатъ, конечно, въ значительной мѣрѣ объясняется самымъ составомъ уѣздныхъ собраній, страдаю-

*) „Нижегор. Листокъ", 15 октября 1904 г.

щимъ крайней односторонностью. Надо надѣяться, что предстоящія губернскія собранія, являющіяся болѣе вѣрными и болѣе авторитетными выразителями нуждъ земской Россіи, договорятъ то, что осталось недосказаннымъ въ постановленіяхъ уѣздныхъ земствъ, и съ большею полнотою и отчетливостью выяснятъ условія, необходимыя для правильнаго развитія русской общественной жизни. Надо надѣяться также, что въ дѣлѣ этого выясненія земскіе дѣятели не разойдутся съ ясно обозначившимися стремленіями прогрессивной части русскаго общества, ставящей своей цѣлью удовлетвореніе наиболѣе насущныхъ нуждъ великой народной массы путемъ предоставленія возможно болѣе широкаго простора ея самодѣятельности. Въ недавнемъ прошломъ русское земство не разъ отставало отъ общественнаго движенія страны. Въ настоящемъ оно не должно повторять этой ошибки и можно надѣяться, что она не повторится. По крайней мѣрѣ, послѣдніе шаги наиболѣе видныхъ представителей земства даютъ право разсчитывать, что въ настоящій моментъ окажется вполнѣ возможнымъ единеніе тѣхъ общественныхъ силъ, дружныя усилія которыхъ способны создать почву для лучшаго будущаго.

II.

За послѣдніе мѣсяцы опять возобновились еврейскіе погромы. Опять приходятъ вѣсти о разграбленіи еврейскихъ домовъ, объ уничтоженіи имущества сотенъ и тысячъ семействъ, объ избіеніи десятковъ и сотенъ ни въ чемъ неповинныхъ людей и эти печальныя, возмущающія душу вѣсти идутъ изъ цѣлаго ряда городовъ и мѣстечекъ юго-западнаго и сѣверо-западнаго края.

Въ м. Смѣлѣ Черкасскаго уѣзда Кіевской губерніи 22 и 23 августа толпа громилъ „бушевала по улицамъ, разрушая дома и лавки и разграбляя имущество". „Въ результатѣ—по словамъ выпущеннаго комитетомъ по сбору пожертвованій пострадавшимъ евреямъ и подписаннаго гр. А. Бобринскимъ и А. Прилуцкимъ воззванія—172 лавки и 96 домовъ, по нѣсколько квартиръ въ каждомъ, подверглись разгрому. Внутри квартиръ не осталось ни одной вещи цѣлой. Триста еврейскихъ семей осталось безъ хлѣба, безъ источниковъ заработка и средствъ въ существованію" *). Двухдневный погромъ, принесшій съ собою такіе результаты, повидимому, не встрѣтилъ никакихъ препятствій со стороны мѣстныхъ властей. Подобный же погромъ разыгрался 22 августа въ г. Ровно, Волынской губерніи, причемъ здѣсь главными дѣятелями погрома явились солдаты, служащіе на мѣстномъ сухар-

*) „Од. Новости", 30 сентября 1904 г.

номъ заводѣ *). Немного позже новый погромъ произошелъ въ г. Александріи, Херсонской губерніи. „Въ субботу 6 сентября— по словамъ описывающей этотъ погромъ газетной корреспонденціи—толпа мѣстныхъ хулигановъ, подкрѣпленная немногими изъ мобилизованныхъ запасныхъ чиновъ, бросилась громить еврейскіе магазины и лавочки. Въ теченіе одного часа было разгромлено болѣе десятка лавокъ... Происходилъ среди бѣлаго дня грабежъ на глазахъ у всѣхъ. Свистъ и гиканіе полусотни громилъ потрясали воздухъ; вся же остальная толпа спокойно, безъ всякаго шума и крика, забирала товары изъ еврейскихъ магазиновъ... Попутно громиламъ попалась синагога и здѣсь случилось нѣчто ужасное; говорятъ, что какіе-то выстрѣлы возбудили толпу и она ворвалась въ синагогу. Тутъ пошло избіеніе молящихся. Болѣе двухъ десятковъ евреевъ было изувѣчено. Въ эту тяжелую минуту на помощь евреямъ явился священникъ Алексѣй Александровичъ. Онъ вышелъ на площадь съ хоругвями и началъ служить молебенъ подъ открытымъ небомъ. Этимъ онъ пріостановилъ на время погромъ По окончаніи службы погромъ возобновился и обрушился главнымъ образомъ на богатые магазины. Опять человѣкъ 50 принялись громить и грабить, а многотысячная толпа уносила и увозила награбленное. Ночью громилы пріостановили свою „работу", а на слѣдующій день погромъ былъ прекращенъ прибывшей сотней казаковъ" **). Раньше же этого мѣстныя власти, повидимому, бездѣйствовали, вмѣшавшійся было въ погромъ священникъ счелъ свою задачу выполненной, отслуживъ молебенъ, а русская интеллигенція города не нашла въ себѣ достаточно мужества, чтобы выступить противъ толпы громилъ и грабителей. Около этого же времени менѣе значительные по размѣрамъ погромы произошли еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Съ конца сентября погромы еще болѣе участились, принявъ почти эпидемическій характеръ. Помѣщенное въ газетахъ оффиціальное сообщеніе главную вину въ этомъ возлагаетъ на мобилизованныхъ въ это время запасныхъ. „Безпорядки запасныхъ—говоритъ названное сообщеніе—происходили въ разныхъ мѣстахъ Витебской, Смоленской и Кіевской губерній и приняли наиболѣе острый характеръ въ г. Каневѣ, гдѣ партіи запасныхъ, произведшія на пути слѣдованія въ названный городъ разгромъ винныхъ лавокъ, еврейскихъ и помѣщичьихъ домовъ и мельницъ, оказали сопротивленіе полиціи, пожелавшей помѣшать имъ разгромить винную лавку. Пьяная толпа, воспользовавшись малочисленностью воинской команды, ворвалась въ управленіе воинскаго начальника, произвела тамъ буйство и, бросившись на базарную площадь, разграбила нѣсколько лавокъ. При подавленіи

*) „СПБ. Вѣдомости", 11 сентября 1904 г.
**) „СПБ. Вѣдомости", 12 октября 1904 г.

безпорядковъ былъ раненъ камнемъ въ голову помощникъ исправника и въ ногу одинъ нижній чинъ. Въ г. Смоленскѣ партія запасныхъ также произвела у помѣщенія воинскаго начальника буйство, начавшееся съ драки съ евреями. Самые продолжительные безпорядки произошли въ г. Полоцкѣ, гдѣ прибывавшіе послѣдовательно въ теченіе трехъ дней эшелонами запасные нижніе чины производили разгромъ винныхъ лавокъ и расхищали вино; попытка буйствовавшихъ произвести разгромъ въ еврейскихъ кварталахъ не увѣнчалась успѣхомъ въ виду вмѣшательства полиціи. Винныя лавки были разгромлены, кромѣ того, въ г. Лепелѣ и м. Ушачи Витебской губерніи, въ шести селахъ Кіевской губерніи, въ г. Сѣнно Могилевской губерніи и въ гг. Люцинѣ и Рѣжицѣ Витебской губерніи; въ Рѣжицѣ также пострадалъ винный складъ и избитъ полицейскій приставъ, а въ Сѣнно убитъ одинъ конвойный. Во время остановки воинскаго поѣзда на станціяхъ Крейцбургъ и Сиротино Риго-Орловской желѣзной дороги запасными были разгромлены буфеты и разбиты двѣ частныя лавки. Точно такъ же въ г. Витебскѣ слѣдовавшая изъ Смоленска партія въ 400 запасныхъ по остановкѣ поѣзда бросилась въ городъ за покупками, причемъ хватала и разбрасывала товары изъ лавокъ. Въ одномъ селѣ произведено нападеніе на сахарный заводъ, въ другомъ—на почтово-телеграфную контору. Въ Кіевской губерніи былъ раненъ толпой въ своемъ домѣ помѣщикъ, причемъ денежная касса его была разгромлена: въ той же губерніи у ст. Таганча запасные побили и отняли деньги у проѣзжавшаго священника, причемъ у жандармскаго унтеръ-офицера, пытавшагося повліять на толпу увѣщаніемъ, была выхвачена шашка, а самъ онъ поваленъ на землю и побитъ. Наконецъ, въ г. Быховѣ Могилевской губерніи безчинствующіе запасные разбивали и грабили дома обывателей".

Частныя газетныя корреспонденціи значительно дополняютъ свѣдѣнія, переданныя въ оффиціальномъ сообщеніи. Въ Каневскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи болѣе или менѣе значительные погромы произошли, по словамъ такихъ коррреспонденцій, въ нѣсколькихъ пунктахъ. Въ м. Богуславѣ 11 октября была разбита и разграблена масса еврейскихъ домовъ и лавокъ; почти одновременно то же самое повторилось въ Мироновкѣ, м. Степанцахъ и Козинѣ *). Еще болѣе крупные размѣры приняли еврейскіе погромы въ сѣверо-западномъ краѣ. Въ Витебскѣ такой погромъ продолжался пять дней, причемъ нѣсколько евреевъ было убито и нѣсколько десятковъ ранено **). Въ г. Быховѣ Могилевской губерніи погромъ длился три дня и въ результатѣ его городъ оказался на-половину разрушеннымъ ***). Подобные

*) „Нижег. Листокъ"; 23 окт.; „Русь", 22 окт. 1904 г.
**) „Русь", 21 октября; „Од. Новости", 28 октября 1904 г.
***) „Р. Вѣдомости", 19 окт. 1904 г.

же погромы произошли и въ другихъ мѣстахъ Могилевской губерніи, въ городахъ Мстиславлѣ и Сѣнномъ, въ мѣстечкахъ Княжичахъ, Сухаряхъ, Будничахъ, Сельцахъ и т. д. *). Въ самомъ Могилевѣ при объявленіи мобилизаціи также разыгрался двухдневный еврейскій погромъ, сопровождавшійся человѣческими жертвами **). Наконецъ, подобные же погромы, хотя и въ менѣе серьезныхъ размѣрахъ, происходили и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Петроковской губерніи ***).

Такимъ образомъ еврейскіе погромы охватили гораздо болѣе значительную территорію и приняли гораздо болѣе грозный характеръ, чѣмъ можно было бы подумать, судя по даннымъ оффиціальнымъ сообщеніемъ свѣдѣніямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя погромы и вспыхивали по большей части тамъ, гдѣ была объявлена мобилизація, но въ нихъ принимали участіе далеко не одни запасные и послѣднимъ часто даже принадлежала въ погромѣ сравнительно второстепенная роль. Выяснить съ надлежащей полнотой всю картину этихъ погромовъ въ настоящее время еще нѣтъ возможности за отсутствіемъ необходимыхъ свѣдѣній. Но уже и теперь можно отмѣтить двѣ рѣзко выдающіяся черты этой картины. Одною изъ нихъ является странное бездѣйствіе мѣстныхъ властей, нигдѣ почти не принявшихъ своевременныхъ мѣръ для предупрежденія и прекращенія возникавшихъ погромовъ. Между прочимъ, по этому поводу въ газетахъ разсказанъ чрезвычайно любопытный случай. Когда товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующій полиціею, генералъ-маіоръ Рыдзевскій, выѣхавшій изъ Петербурга для разслѣдованія безпорядковъ, произведенныхъ запасными, посѣтилъ Могилевъ, къ нему явились представители мѣстнаго еврейскаго общества и подали подробную записку о томъ, что творилось въ городѣ въ теченіе тѣхъ дней, когда толпа громила и грабила еврейское имущество, не встрѣчая ни малѣйшаго препятствія со стороны мѣстныхъ властей. Товарищъ министра обѣщалъ потерпѣвшимъ, что о дѣйствіяхъ могилевской полиціи будетъ произведено строгое разслѣдованіе. Такое разслѣдованіе, несомнѣнно, требуетъ нѣкотораго времени. Между тѣмъ сейчасъ же послѣ отъѣзда изъ Могилева г. Рыдзевскаго въ „Могилевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ появился приказъ губернатора съ объявленіемъ благодарности полицеймейстеру Родіонову и чинамъ полиціи за успѣшную дѣятельность по прекращенію безпорядковъ и сообщеніемъ, что губернаторомъ выдано въ распоряженіе г. Родіонова 150 р. для раздачи полицейскимъ денежныхъ наградъ ****). Этотъ эпизодъ бросаетъ неожиданно яр-

*) „Р. Вѣд.“, 23 октября; „Кіевск. Отклики“, 25 и 28 окт. 1904 г.
**) „Р. Вѣд.“, 18 окт. 1904 г.
***) „Нов. Время“. 26 окт. 1904 г.
****) „Спб. Вѣдомости“, 29 окт 1904 г.

кій свѣтъ на поведеніе могилевской полиціи, а, быть можетъ, и не одной только могилевской.

Другою характерною чертой развернувшейся передъ нами печальной картины погромовъ является безучастное поведеніе мѣстной русской интеллигенціи. Масса этой интеллигенціи, повидимому, спокойно смотрѣла, какъ рядомъ съ нею грабятъ, избиваютъ и убиваютъ беззащитныхъ людей, и не считала нужнымъ выйти изъ своего пассивнаго состоянія и дать энергическій отпоръ тѣмъ темнымъ силамъ, которыя подготовили и осуществили это жестокое преступленіе, налагающее позоръ на русское имя. Трудно понять такое поведеніе, трудно и оправдать его какими бы то ни было соображеніями.

Какъ произошли только что разыгравшіеся погромы,—выяснитъ будущее, надо надѣяться, недалекое. Но они во всякомъ случаѣ заключаютъ въ себѣ поучительный урокъ для настоящаго. Возможность повторенія еврейскихъ погромовъ при новомъ министрѣ почти въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ они происходили при его предшественникѣ, сама по себѣ уже является какъ нельзя болѣе убѣдительнымъ напоминаніемъ о томъ, что для дѣйствительнаго обновленія русской жизни нужны не благожелательныя слова, не маленькіе палліативы, а рѣшительныя и смѣлыя дѣйствія, направленныя къ переустройству государственнаго строя на началахъ равноправности и свободы. И этимъ жестокимъ урокомъ надо воспользоваться какъ можно скорѣе, не дожидаясь другихъ, еще болѣе жестокихъ, не вызывая новыхъ страданій и не создавая новыхъ жертвъ.

Собственно безпорядки, произведенные запасными, далеко не вездѣ получили характеръ еврейскихъ погромовъ. Мѣстами эти безпорядки носили совершенно иной характеръ. Случаи такого рода указаны уже въ цитированномъ выше оффиціальномъ сообщеніи, но, кромѣ того, извѣстно и еще нѣсколько такихъ же случаевъ.

Одинъ изъ этихъ случаевъ, происшедшій въ Москвѣ, передается газетами въ такомъ видѣ. 25 октября, рано утромъ, по пути изъ г. Кадникова Вологодской губерніи въ г. Томскъ прибылъ въ Москву на товарную станцію Казанской желѣзной дороги эшелонъ призванныхъ на дѣйствительную службу нижнихъ чиновъ запаса числомъ въ 1.000 человѣкъ. Отправившіеся въ городъ чины запаса въ сильно нетрезвомъ видѣ стали буйствовать, желая силой ворваться въ заблаговременно закрытыя винныя лавки и трактирныя заведенія, расположенныя вблизи станціи. Для возстановленія порядка прибыла военная команда, которая водворила запасныхъ на товарную станцію. Во 2-мъ часу дня запасные стали требовать, чтобы ихъ отпустили въ городъ, и стремились силой выйти

со станціоннаго двора. На всѣ увѣщанія военнаго начальства прекратить безпорядокъ, съ предупрежденіемъ о томъ, что воинская часть будетъ вынуждена прибѣгнуть къ оружію, толпа запасныхъ отвѣчала бранью и стала бросать полѣньями и камнями, которыми были ранены начальникъ команды, три офицера и девять нижнихъ чиновъ. Видя, что убѣжденія и угрозы не дѣйствуютъ и что запасные, не смотря на нѣсколько выстрѣловъ, произведенныхъ умышленно въ воздухъ, не только не успокаиваются, но продолжаютъ наступать на войска съ цѣлью прорваться, начальникъ приказалъ стрѣлять, причемъ были убиты два запасныхъ нижнихъ чина: Алексѣй Кузьминъ и другой, имя котораго пока не выяснено, и ранены шесть человѣкъ: Степанъ Гуляевъ, Иванъ Колдуновъ, Николай Косталовъ, Александръ Соколовъ, Василій Милютинъ и Алексѣй Каптинъ. Послѣ этого порядокъ возстановился *). По свѣдѣніямъ „Гражданина", весь этотъ инцидентъ въ значительной мѣрѣ объясняется дѣйствіями мѣстнаго военнаго управленія, которое „распорядилось, вмѣсто того, чтобы пріютить и накормить запасныхъ на станціи, приказать имъ пройти нѣсколько верстъ, чтобъ получить въ казармахъ пищу" **).

Значительные безпорядки запасныхъ произошли также въ Варшавѣ 28 октября. По словамъ газетъ, „при посадкѣ въ поѣздъ партіи въ 1.500 запасныхъ изъ Бендинскаго уѣзда на с.-петербургскомъ вокзалѣ въ Варшавѣ начались безпорядки, вызванные нерадѣніемъ желѣзнодорожнаго начальства, которое подало поѣздъ исключительно изъ товарныхъ вагоновъ безъ всякихъ приспособленій; при томъ запасные не получали горячей пищи. Послѣ нѣсколькихъ часовъ волненій, запасные успокоились и большая часть ихъ отправилась на мѣсто службы" ***). Еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ Варшавской и Петроковской губерній „были проявленія неудовольствія, но не со стороны запасныхъ, а со стороны провожавшихъ ихъ семействъ". Кромѣ того, „были замѣшательства по поводу скопленія большого количества войскъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, что вызывало недостатокъ помѣщенія для ожидающихъ" ****).

Безпорядкамъ, возникавшимъ при такихъ условіяхъ, когда отправляемые на войну солдаты должны были ѣхать въ товарныхъ вагонахъ безъ печей, ожидать на станціяхъ своей очереди подъ открытымъ небомъ и оставаться подолгу безъ пищи, едва-ли приходится удивляться. Гораздо болѣе способны вызвать удивленіе сами эти условія, создавшія почву для безпорядковъ.

*) „Р. Вѣдомости", 27 октября 1904 г.
**) „Гражданинъ", 31 октября 1904 г.
***) „Н. Время", 29 окт. 1904 г.
****) „Русь", 30 окт. 1904 г.

III.

За послѣдній мѣсяцъ состоялось нѣсколько перемѣнъ въ составѣ высшей мѣстной администраціи. Именнымъ высочайшимъ указомъ отъ 12 октября помощникъ главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ и командующаго войсками кавказскаго военнаго округа генералъ отъ-инфантеріи Фрезе назначенъ виленскимъ, ковенскимъ и гродненскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками виленскаго военнаго округа. Такимъ же указомъ отъ 13 октября тверской губернаторъ кн. Ширинскій-Шихматовъ назначенъ присутствовать въ сенатѣ; на мѣсто же тверского губернатора назначенъ бывшій бессарабскій губернаторъ кн. Урусовъ.

Въ теченіе послѣдняго мѣсяца опубликованъ еще рядъ правительственныхъ распоряженій и сообщеній, касающихся охраны порядка. Воспроизводимъ здѣсь важнѣйшія изъ нихъ.

Петербургскимъ губернаторомъ издано новое обязательное постановленіе о ношеніи оружія. Согласно этому постановленію, ношеніе безъ надобности ножей наказывается трехмѣсячнымъ арестомъ или штрафомъ въ 500 р. *).

Въ „Варшавскомъ Дневникѣ" напечатано слѣдующее обязательное постановленіе, изданное 2 октября варшавскимъ генералъ-губернаторомъ, ген.-ад. Чертковымъ: „Въ виду замѣченныхъ за послѣднее время многократныхъ случаевъ со стороны нарушителей порядка и злонамѣренныхъ лицъ употребленія въ ссорахъ, дракахъ и иныхъ личныхъ расправахъ при скопищахъ и сборищахъ на улицахъ и площадяхъ и другихъ общественныхъ мѣстахъ, помимо ножей, и иныхъ, по своей прочности и тяжеловѣсности наносящихъ серьезныя увѣчья, орудій, какъ-то: кастетовъ, разнаго рода кистеней и палокъ со скрытымъ въ нихъ оружіемъ или имѣющихъ тяжелые металлическіе набалдашники, я, въ дополненіе къ изданному мною 5-го іюня 1903 г. обязательному постановленію относительно воспрещенія ношенія при себѣ ножей внѣ вызываемой потребностями занятія или ремесла необходимости, на основаніи предоставленныхъ мнѣ Высочайше утвержденнымъ 21-го марта 1903 г. положеніемъ комитета министровъ правъ постановляю: 1) ношеніе при себѣ кастетовъ, разнаго вида кистеней и палокъ, со скрытымъ въ нихъ оружіемъ или имѣющихъ тяжелые набалдашники, воспрещается; 2) виновные въ нарушеніи этого постановленія подвергаются въ административномъ порядкѣ штрафу до 500 рублей или аресту до 3 мѣсяцевъ; 3) настоящее постановленіе распространяется на гор. Варшаву, Вар-

*) „К. Отклики", 31 окт. 1904 г.

шавскій уѣздъ, гг. Лодзь, Ченстоховъ, Томашевъ и Бендинскій уѣздъ Петроковской губерніи и входитъ въ силу по опубликованіи его въ установленномъ порядкѣ; 4) на разрѣшеніе сихъ дѣлъ уполномочиваю начальниковъ Варшавской и Петроковской губерній и варшавскаго оберъ-полицеймейстера по принадлежности“ *).

Въ Петербургѣ 14 и 17 октября были произведены попытки демонстраціи со стороны учащейся молодежи, по поводу которыхъ въ газетахъ появилось слѣдующее сообщеніе: „9 октября въ петербургской тюрьмѣ покончилъ съ собой самоубійствомъ студентъ петербургскаго технологическаго института Ив. Малышевъ, арестованный по обвиненію въ государственномъ преступленіи. Смерть его возбудила волненіе въ учащейся молодежи, среди которой ходили слухи о томъ, что арестъ Малышева былъ произведенъ безъ достаточныхъ поводовъ и что причиной его самоубійства было дурное обращеніе съ нимъ въ тюрьмѣ. Слухи эти привели къ тому, что появились гектографированные листки, приглашающіе молодежь къ массовому протесту, для чего назначался день—17-е октября и мѣсто—площадь Казанскаго собора. Малышевъ былъ арестованъ 18-го іюля текущаго года и пробылъ въ тюрьмѣ менѣе 3-хъ мѣсяцевъ; причиной его ареста было обвиненіе въ принадлежности къ подпольному кружку и въ агитаціи среди рабочихъ съ цѣлью организаціи вооруженныхъ безпорядковъ въ день похоронъ покойнаго министра внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве. Передъ смертью Малышевъ оставилъ письмо отцу и записку, въ которой между прочимъ говорится: „Не хочется жить, и не тюрьма причиной этому; причина во мнѣ самомъ: негодящій я человѣкъ для жизни; давно я уже хотѣлъ покончить съ собой“ **).

14 октября нѣсколько десятковъ человѣкъ учащейся молодежи собралось на Выборгской сторонѣ, около тюремнаго зданія, съ цѣлью произвести демонстрацію по поводу смерти Малышева, но послѣ увѣщанія градоначальника, лично прибывшаго на мѣсто и отославшаго полицію, демонстранты разошлись ***). 17 октября такая же попытка повторилась въ болѣе крупныхъ размѣрахъ на Невскомъ проспектѣ и окончилась такимъ же образомъ. Но эта попытка не обошлась уже безъ нѣкоторыхъ инцидентовъ, о которыхъ даетъ понятіе письмо, напечатанное въ газетѣ „Русь“. „Придя въ первомъ часу въ Казанскій соборъ,—разсказываетъ авторъ письма—я засталъ въ соборѣ довольно много народу, но не замѣтилъ почти формъ учащихся. На Невскомъ же, противъ

---

*) Цитирую по „Р. Вѣдомостямъ“, 19 окт. 1904 г.
**) „Р. Вѣд.“, 16 окт. 1904 г.
***) „Р. Вѣд.“, 18 окт. 1904 г.

собора, въ это время собралось довольно много публики и не мало учащихся. Стоя у алтаря, я вдругъ замѣтилъ, что недалеко отъ меня какой-то человѣкъ накинулся на молодую дѣвушку, по виду курсистку, и началъ ее грубо тащить. Она громко закричала, но это не остановило схватившаго ее дворника; къ нему подошелъ другой и оба они потащили ее къ выходу. На ея просьбу отпустить, одинъ изъ нихъ ударилъ ее по головѣ и затѣмъ оба они соединенными силами вытащили ее на паперть. Въ это же время начали тащить еще другую дѣвушку со стрижеными волосами, затѣмъ начали хватать еще другихъ и всего такимъ образомъ вытащили силой около двѣнадцати человѣкъ. На паперти собора полицейскій офицеръ отдалъ приказъ: „Не отпускать никого". Взятыхъ повели во дворъ ближайшаго дома. Когда я обратился къ дворникамъ съ упреками, туда же потащили и меня, но вскорѣ отпустили. Когда я вышелъ на площадь, къ панели противъ Казанскаго собора подъѣхалъ с.-петербургскій градоначальникъ и, сойдя на тротуаръ, началъ весьма деликатно уговаривать публику расходиться. Въ это время я подошелъ къ г. градоначальнику и спросилъ его, за что дворники били въ соборѣ женщинъ, которыя не обращали ничѣмъ на себя вниманія и стояли у алтаря, какъ и всѣ собравшіеся въ церкви. Градоначальникъ пригласилъ меня и нѣсколькихъ студентовъ, стоявшихъ въ окружавшей насъ толпѣ, слѣдовать за нимъ къ арестованнымъ, обѣщая тотчасъ же выпустить ихъ на свободу. Арестованные, когда мы пришли къ нимъ, уже были въ участкѣ, были переписаны и обысканы. Градоначальникъ, войдя къ нимъ, обратился съ вопросомъ, гдѣ арестованные, и тутъ же всѣ начали ему жаловаться на побои (дворники били кулаками по головѣ). Въ это время я замѣтилъ курсистку, которую ударили на моихъ глазахъ, и показалъ на нее градоначальнику, а затѣмъ увидѣлъ и дворника, ее бившаго, который бросился къ выходу, но былъ тутъ же мною задержанъ. Градоначальникъ спросилъ дворника, билъ ли онъ, но дворникъ отвѣтилъ: „никакъ нѣтъ". Градоначальникъ приказалъ записать имя дворника. Послѣ этого градоначальникъ еще нѣсколько минутъ разговаривалъ съ арестованными и отпустилъ ихъ на свободу, выразивъ сожалѣніе о происшедшемъ. Выйдя изъ участка, онъ тотчасъ же отдалъ приказъ снять немедленно нарядъ и вышелъ на площадь, гдѣ вокругъ него опять собралась толпа молодежи. Поговоривъ съ нѣсколькими лицами (къ нему подошли двѣ изъ избитыхъ дѣвушекъ; съ одной изъ нихъ передъ тѣмъ сдѣлалась истерика), градоначальникъ простился съ толпой и уѣхалъ. Вслѣдъ за нимъ всѣ начали расходиться, безъ всякаго участія полицейскихъ" *).

Вслѣдъ затѣмъ, по сообщеніямъ газетъ, „25 октября, въ

*) „Русь", 18 окт. 1904 г.

2 часа дня, послѣ сходки въ зданіи петербургскаго университета, толпа студентовъ съ пѣніемъ и криками направилась по набережной Невы, черезъ Дворцовый мостъ, на Невскій проспектъ. Здѣсь толпа раздѣлилась на двѣ группы. Первая, въ числѣ около 200 человѣкъ, пошла по лѣвой сторонѣ Невскаго проспекта съ пѣніемъ такъ называемой „Марсельезы", а другая—изъ представителей консервативной партіи „Денница" направилась по правой сторонѣ съ пѣніемъ гимна. Обѣ враждебныя партіи обмѣнивались взаимными протестами и свистками и т. д., причемъ отношенія между ними принимали иногда настолько обостренный характеръ, что грозили кончиться рукопашной схваткой. Вскорѣ прибывшій помощникъ спб. градоначальника г.-м. О. К. Вендорфъ и мѣстный полицеймейстеръ убѣдили манифестантовъ, дошедшихъ до Садовой улицы и постепенно уменьшавшихся въ числѣ, разойтись, и къ 4 часамъ Невскій проспектъ принялъ свой обычный видъ" *).

Въ г. Могилевѣ, по словамъ газетъ, 2 октября евреи-рабочіе произвели противоправительственную демонстрацію **).

Изъ г. Лодзи сообщаютъ „Варшавскому Дневнику": „жандармскому унтеръ-офицеру Назаренку кто-то бросилъ въ голову камнемъ, затѣмъ къ нему подбѣжалъ какой-то человѣкъ и тоже бросилъ въ него камнемъ. Назаренко ударилъ его шашкой и неизвѣстный упалъ. Казаки задержали обоихъ нападавшихъ; они старались вырваться, на ихъ крики собралась толпа и пыталась ихъ освободить, но это ей не удалось. Задержанные оказались братьями Чехъ. Одинъ изъ нихъ и Назаренко помѣщены въ больницу" ***).

Въ той же газетѣ помѣщено нѣсколько сообщеній о демонстраціяхъ, происходившихъ въ Варшавѣ. „10 октября, послѣ 5 часовъ пополудни,—говоритъ первое изъ этихъ сообщеній,— собравшаяся за городской чертой, около Вольскаго кладбища, толпа двинулась въ городъ, безчинствуя и разбрасывая по пути прокламаціи. Около Вольской заставы толпа была остановлена подоспѣвшимъ полицейскимъ нарядомъ, который былъ осыпанъ камнями и потому вынужденъ былъ дѣйствовать огнестрѣльнымъ оружіемъ, послѣ чего толпа разсѣялась и нѣсколько вожаковъ ея были захвачены. При столкновеніи съ толпою ранены камнями: приставъ 7 участка кол. асс. Фуксъ и помощникъ пристава

*) „СПБ. Вѣдомости", 27 окт. 1904 г.
**) „Право". Цитирую по „Нижег. Листку". 21 окт. 1904 г.
***) Цитирую по „Нижег. Листку", 21 окт. 1904 г.

кап. Алферовъ, убитъ камнемъ старшій околоточный надзиратель Левандовскій" *).

„Во вторникъ 19 октября, по случаю дня Всѣхъ Святыхъ, на Брудновскомъ кладбищѣ на Прагѣ было—по словамъ оффиціальной газеты—большое стеченіе народа. Когда стемнѣло, на одной изъ аллей кладбища кто-то выкинулъ красный флагъ и группа людей, съ пѣніемъ, двинулась по кладбищу. Одинъ изъ городовыхъ преградилъ путь толпѣ, но въ него было сдѣлано 7 револьверныхъ выстрѣловъ, на которые онъ отвѣчалъ выстрѣломъ въ человѣка, несшаго красный флагъ. Городовой былъ раненъ въ голову около уха, но самъ ранилъ въ спину несшаго флагъ. Переполнявшая кладбище публика, не желая принимать участія въ манифестаціи, весьма скоро очистила кладбище, и манифестанты, испугавшись, сами разсѣялись еще до прибытія воинской части. Въ тотъ же день въ больницу св. Роха поступилъ на излеченіе человѣкъ, раненый пулею казеннаго образца и старавшійся скрыть, что онъ пріѣхалъ изъ Праги. Человѣкъ этотъ несъ красный флагъ во время безпорядка на кладбищѣ. Другая уличная манифестація произошла въ субботу, 23 октября, въ 6 ч. 15 м. вечера, на Налевкахъ, гдѣ группа въ 7 или 8 человѣкъ, окруженная толпою человѣкъ въ сто, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ разбросала около 800 прокламацій и поранила ножами двухъ городовыхъ. Не встрѣтивъ никакого сочувствія въ публикѣ, манифестанты скрылись при появленіи полицейскаго наряда" **).

„Въ воскресенье, 31 октября, въ 12 ч. 30 м. дня,—говоритъ еще одно оффиціальное сообщеніе,—въ Варшавѣ, передъ самымъ окончаніемъ богослуженія, изъ костела Всѣхъ Святыхъ вышла на Грибную площадь небольшая сплоченная группа, которая, выкинувъ красный флагъ, начала пѣть пѣсни революціоннаго содержанія. Въ то же время изъ нея были сдѣланы выстрѣлы въ нарядъ полиціи, коими убитъ наповалъ городовой Прокофій Шиманица, ранены околоточный надзиратель и двое другихъ городовыхъ. Нарядъ, въ свою очередь, принужденъ былъ дѣйствовать оружіемъ, причемъ околоточный надзиратель, въ котораго были произведены въ упоръ два выстрѣла, ударомъ шашки свалилъ стрѣлявшаго. Послѣ этого толпа манифестантовъ разсѣялась и значительная часть ея устремилась на паперть, смѣшавшись съ публикой, выходившей изъ костела, гдѣ въ это время уже окончилась служба. Съ паперти манифестанты продолжали производить выстрѣлы въ полицейскихъ и бросать камнями, въ виду чего выходъ изъ костела былъ оцѣпленъ полицейскими, жандармскими отрядами и прибывшими по вызову войсками. Въ

*) Цитирую по „Руси", 16 окт. 1904 г.
**) Цитирую по „Руси", 1 ноября 1904 г.

толпѣ, стоявшей на паперти костела, оберъ-полицеймейстеръ предложилъ выдѣлить стариковъ, женщинъ и дѣтей, которые были свободно пропущены черезъ оцѣпленіе. Вслѣдъ затѣмъ часть толпы, активно принимавшая участіе въ безпорядкахъ, вошла обратно въ костелъ; остальные, въ числѣ 413 человѣкъ, подъ конвоемъ пѣхоты, были отправлены во дворъ ратуши, гдѣ были переписаны и, по установленіи личностей, частью отпущены. Въ это же время демонстранты собирались отдѣльными группами на прилегающихъ къ Грибной площади улицахъ и, съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и выстрѣлами, направились къ Грибной площади. На улицѣ Багно толпа, не смотря на требованіе полиціи разойтись, продолжала наступать, бросая камнями и стрѣляя въ полицію и войска. Одновременно изъ расположеннаго въ той же мѣстности дома произведено было нѣсколько выстрѣловъ. Вслѣдствіе этого, послѣ новыхъ неоднократныхъ предупрежденій, находившаяся на улицѣ Багно воинская команда вынуждена была дать залпъ. Изъ числа демонстрантовъ, какъ выяснено собранными свѣдѣніями, убито 6 человѣкъ, 26 ранено. Лицамъ, оставшимся въ костелѣ, оберъ-полицеймейстеръ, въ присутствіи настоятеля костела, дважды предлагалъ добровольно выйти, но, не смотря на увѣщеванія, они продолжали тамъ оставаться. Лишь спустя нѣсколько часовъ демонстранты вышли оттуда и въ числѣ 205 человѣкъ доставлены подъ конвоемъ во дворъ ратуши, гдѣ переписаны и частью отпущены. Полиція, жандармы и войска въ костелъ не входили. Къ 4 часамъ пополудни порядокъ былъ возстановленъ и въ послѣдующіе дни болѣе нарушаемъ не былъ“ *).

Въ г. Ригѣ, по словамъ „Рижскихъ Вѣдомостей“, 24 октября „до свѣдѣнія властей дошло, что въ виду назначеннаго на слѣдующій день засѣданія въ окружномъ судѣ отдѣленія с.-петербургской судебной палаты демонстранты собираются устроить передъ этимъ зданіемъ уличные безпорядки. Со стороны мѣстныхъ властей были приняты надлежащія мѣры къ недопущенію этихъ безпорядковъ. Когда демонстранты увидѣли, что ихъ планъ уже извѣстенъ властямъ, они разсѣялись, но снова собрались на Театральномъ бульварѣ, чтобы двинуться къ зданію мѣстнаго полицейскаго управленія. Здѣсь они подняли шумъ и съ криками „ура“ стали камнями и выстрѣлами изъ револьверовъ разбивать стекла полицейскаго управленія. При этомъ разбрасывались по улицамъ также и прокламаціи. Все это продолжалось лишь нѣсколько минутъ: демонстранты сами быстро разсѣялись и на улицѣ осталась только толпа любопытныхъ“ **).

*) „Русь“, 5 ноября 1904 г.
**) „СПБ. Вѣдомости“, 30 окт. 1904 г.

Въ кіевскихъ газетахъ напечатаны слѣдующія постановленія мѣстнаго губернатора:

Постановленіями отъ 5 октября подвергнуты аресту при полиціи: мѣщанинъ Ф. М. Шульсманъ, за нарушеніе обязательнаго постановленія генералъ-губернатора отъ 9 апрѣля 1901 г.,—на одинъ мѣсяцъ; мѣщанинъ В. С. Стефановичъ и прусскій подданный К. А. Вейнъ, за нарушеніе обязательнаго постановленія генералъ губернатора отъ 16 марта текущаго года,—на 3 мѣсяца каждый *).

Постановленіемъ отъ 10 октября, за нарушеніе обязательнаго постановленія генералъ губернатора отъ 17 марта с. г., подвергнуты аресту при полиціи: кр. Д. С. Шелестъ-Куценко—на три мѣсяца, крестьяне Т. Г. Стригуненко и Н. П. Фонченковъ—на одинъ мѣсяцъ каждый и крестьянки У. С. Лукашевичъ и Х. М. Сѣрикова—на двѣ недѣли каждая **).

Постановленіемъ отъ 19 октября кр. О. В. Стебновскій, за нарушеніе обязательнаго постановленія генералъ-губернатора отъ 16 апрѣля с. г., подвергнутъ аресту при полиціи на три мѣсяца ***).

Постановленіемъ отъ 28 октября мѣщане И. Е. Радзіевскій и П. П. Лѣсовскій, за нарушеніе обязательнаго постановленія генералъ-губернатора отъ 9 апрѣля 1901 г, подвергнуты аресту на три мѣсяца каждый ****).

Кромѣ того, постановленіемъ отъ 18 октября, за нарушеніе обязательнаго постановленія генералъ-губернатора отъ 15 іюля с. г. о прописке видовъ на жительство, одинъ домовладѣлецъ подвергнутъ штрафу въ 100 р. или аресту на одинъ мѣсяцъ, одинъ квартиронаниматель—штрафу въ 300 р. или аресту на три мѣсяца и дворникъ Г. Д. Мухинъ—аресту на двѣ недѣли, съ увольненіемъ отъ службы и съ воспрещеніемъ впредь занимать мѣсто дворника или ночного сторожа въ г. Кіевѣ *****).

По словамъ тѣхъ же газетъ, въ октябрѣ на дверяхъ кіевскаго университета было вывѣшено слѣдующее объявленіе ректора: „Въ послѣднее время лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ не состоялись за отсутствіемъ слушателей, которые въ это время были заняты обсужденіемъ какихъ-то своихъ дѣлъ. Считаю нужнымъ предупредить гг. студентовъ, что если подобныя явленія повторятся въ будущемъ, то виновные въ томъ не будутъ оставлены безъ взысканія и, прежде всего, всѣ студенты даннаго курса подвергаются опасности быть лишенными всякихъ льготъ (освобож-

*) „Кіевскіе Отклики“, 9 окт. 1904 г.
**) „К. О.“, 14 окт. 1904 г.
***) „К. О.“, 23 окт. 1904 г.
****) „К. О.“, 1 ноября 1904 г.
*****) „К. О.“, 23 окт. 1904 г.

денія отъ платы, стипендій, пособій), хотя бы таковыя были имъ назначены факультетомъ" *).

Послѣ того 2 ноября на дверяхъ кіевскаго университета появилось такое объявленіе ректора: „Считаю нужнымъ предупредить студентовъ, что если соберется сходка, то по распоряженію высшей власти противъ нея будутъ приняты самыя строгія мѣры и соучастники ея, какъ нарушившіе изданное г. кіевскимъ, волынскимъ и подольскимъ генералъ-губернаторомъ постановленіе о воспрещеніи сборищъ, могутъ подвергнуться, кромѣ прочихъ послѣдствій, тюремному заключенію до 3-хъ мѣсяцевъ по постановленію административной власти; поэтому я приглашаю благомыслящихъ студентовъ держаться по возможности далѣе отъ того мѣста, гдѣ соберется толпа, дабы не быть причисленными къ участникамъ сходки или единомышленникамъ ея. Ректоръ Н. Бобрецкій" **).

По поводу этого объявленія въ „Кіевскихъ Откликахъ" была напечатана слѣдующая замѣтка: „Обращаясь къ обязательнымъ постановленіямъ начальника края отъ 17-го марта с. г., усматриваемъ, что этими постановленіями жителямъ г. Кіева и его предмѣстій подъ угрозой ареста до 3-хъ мѣсяцевъ или штрафа до 500 р., воспрещаются всякія сходбища и собранія для совѣщаній и дѣйствій, общему спокойствію и тишинѣ противныхъ. Постановленія эти, изданныя г. начальникомъ края для жителей г. Кіева и его окрестностей, никоимъ образомъ не могутъ относиться къ университету, въ стѣнахъ котораго студенты, какъ вообще воспитанники всякаго учебнаго заведенія, подчиняются своему непосредственному начальству. Принятіе мѣръ къ прекращенію безпорядковъ, буде таковые возникнутъ среди студентовъ въ стѣнахъ университета, зависитъ исключительно отъ университетскаго начальства. Чины полиціи не имѣютъ права входить въ университетъ иначе, какъ по приглашенію завѣдывающаго учебнымъ заведеніемъ или же г. попечителя учебнаго округа. Равнымъ образомъ и взысканія на участниковъ безпорядковъ, возникшихъ въ стѣнахъ университета, могутъ быть налагаемы только университетскимъ начальствомъ, а не административною властью. Такимъ образомъ, объявленіе, вывѣшенное г. ректоромъ университета св. Владиміра, содержитъ въ себѣ распространительное толкованіе изданныхъ г. начальникомъ края обязательныхъ постановленій, совершенно несогласное съ точнымъ смысломъ этихъ постановленій, и указаніе на „распоряженіе высшей власти", представителемъ коей въ г. Кіевѣ является г. начальникъ края, представляется необоснованнымъ. Какъ мы имѣли возможность узнать изъ достовѣрныхъ источниковъ, такого распоряженія г. началь-

*) Цитирую по „Од. Новостямъ", 16 окт. 1904 г.

**) „К. О.", 4 ноября 1904 г.

никомъ края сдѣлано вовсе не было". Аналогичное разъясненіе было одновременно напечатано и въ „Кіевской Газетѣ" *).

Въ Харьковѣ, какъ сообщаютъ газеты, 2 ноября въ 9 ч. вечера по улицамъ города „прошла толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ, неся портретъ государя, съ пѣніемъ „Спаси, Господи, люди Твоя" и народнаго гимна. Эта патріотическая манифестація была вызвана состоявшимися наканунѣ вечеромъ попытками нарушить порядокъ и тишину въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города, быстро прекращенными энергичными мѣрами конной и пѣшей полиціи" **).

Въ одесскихъ газетахъ напечатанъ слѣдующій приказъ командующаго войсками одесскаго военнаго округа: „Обозный унтеръ-офицеръ 201 полевого подвижнаго госпиталя Тимофей Запорожецъ, встрѣтивъ 18 минувшаго сентября на желѣзнодорожномъ мосту пос. Крюкова двухъ неизвѣстныхъ людей, возбудившихъ въ немъ подозрѣніе своими разговорами, приблизился къ нимъ съ намѣреніемъ арестовать ихъ. Тогда одинъ изъ неизвѣстныхъ выхватилъ имѣвшійся при немъ кинжалъ, а Запорожецъ, обнаживъ свое оружіе, объявилъ имъ, что арестуетъ ихъ; при этомъ нападавшій съ оружіемъ бросилъ въ рѣку кинжалъ и бывшія при немъ бумаги, послѣ чего, по указанію Запорожца, оба неизвѣстныхъ, впослѣдствіи оказавшіеся не русско-подданными, были задержаны полиціей и переданы подлежащимъ властямъ. За такое похвальное поведеніе унтеръ-офицера Запорожца объявляю ему мое спасибо и жалую 15 руб." ***).

Главноначальствующій гражданскою частью на Кавказѣ, по словамъ мѣстныхъ газетъ, призналъ возможнымъ отмѣнить принятую противъ штабсъ-капитана запаса Исаака Карапетова Теръ-Саркисова административную мѣру взысканія — воспрещеніе жительства въ предѣлахъ Кавказскаго края.

По словамъ тѣхъ-же газетъ, крестьянину Полтавской губерніи, Пирятинскаго уѣзда, Диночинской волости, села Мамаевки Семену Кононенку и крестьянамъ Кіевской губерніи, Каневскаго уѣзда, Корсунской волости, села Пѣшокъ, Меѳодію Щербинѣ и Григорію и Даніилу Варварскимъ за значительный вредъ, приносимый предосудительнымъ образомъ жизни населенію Кубанской области, журналомъ совѣта главноначальствующаго гражданскою

*) Цитирую по „Р. Вѣдомостямъ", 9 ноября 1904 г.
**) „Русь", 4 ноября 1904 г.
***) „Од. Новости", 20 окт. 1904 г.

частью на Кавказѣ, утвержденнымъ и. д. главноначальствующаго на Кавказѣ генераломъ-отъ-инфантеріи Фрезе 5 сентября 1904 г., воспрещено жительство въ предѣлахъ Кавказскаго края *).

Въ петербургскихъ газетахъ была помѣщена слѣдующая телеграмма изъ Ченстохова отъ 30 октября: „Въ Ченстоховѣ у желѣзнодорожнаго вокзала неизвѣстнымъ лицомъ нанесена тяжелая рана ножемъ полицеймейстеру фонъ-Нерлиху. Розыски ведутся энергично. Положеніе раненаго серьезное“ **).

За истекшій мѣсяцъ опубликованы также свѣдѣнія о нѣкоторыхъ судебныхъ процессахъ, касающихся охраны порядка.

По словамъ газетъ, уголовный департаментъ правительствующаго сената постановилъ отмѣнить упомянутый въ предыдущей нашей хроникѣ приговоръ саратовской судебной палаты, которымъ бывшій членъ саратовской городской управы г. Милашевскій былъ признанъ виновнымъ по 1-й ч. ст. 250-й, 1-й ч. ст. 251-й и 1-й ч. 252-й ст. улож. о наказ. и приговоренъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы на шесть лѣтъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Дѣло это будетъ вновь слушаться въ саратовской судебной палатѣ при новомъ составѣ, причемъ будутъ примѣнены не указанныя статьи уложенія о наказаніяхъ, а новый законъ о политическихъ преступленіяхъ 7-го іюня 1904 г. ***).

Въ г. Витебскѣ 7 октября особымъ присутствіемъ выѣздной сессіи с.-петербургской судебной палаты въ усиленномъ составѣ слушалось дѣло по обвиненію Любковскаго, Перлина, Пинта, Блюдникова, Арона Левинтова, Хаима Левинтова, Лифшица и Хаи Муринсонъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 126-й ст. уголовнаго уложенія 22-го марта 1903 г., т. е. въ участіи въ сообществѣ, завѣдомо поставившемъ цѣлью своей дѣятельности ниспроверженіе существующаго въ государствѣ общественнаго строя. Дѣло разбиралось при закрытыхъ дверяхъ, резолюція же суда была объявлена при открытыхъ дверяхъ. Всѣ подсудимые были признаны виновными по 126-й ст. улож. и присуждены къ заключенію въ крѣпости отъ одного года одного мѣсяца до одного года восьми мѣсяцевъ, причемъ шести подсудимымъ палата постановила зачесть время предварительнаго заключенія, каковое для пяти подсудимыхъ, находившихся подъ стражей, составляетъ около 8-ми мѣсяцевъ, а для троихъ бывшихъ на свободѣ—около четырехъ мѣсяцевъ. По объявленіи резолюціи со-

*) Цитирую по „Кіевск. Откликамъ“, 23 окт. 1904 г.
**) „Н. Время“, 31 окт. 1904 г.
***) „Р. Вѣдомости“, 27 окт. 1904 г.

гласно заключенію прокурора палата постановила подсудимыхъ, бывшихъ на свободѣ, взять подъ стражу и защитѣ въ ходатайствѣ замѣнить арестъ по отношенію ко всѣмъ подсудимымъ болѣе легкой мѣрой отказала *).

Въ г. Лубнахъ Полтавской губерніи 18 октября особымъ присутствіемъ харьковской судебной палаты были разсмотрѣны при закрытыхъ дверяхъ два дѣла: 1) о мѣщанахъ Ольховскомъ, Будницкомъ, Кацовичѣ, Бубелѣ и Бройтѣ, обвиняемыхъ по 1 п. 130 ст. новаго уголовнаго уложенія, предусматривающему распространеніе среди сельскаго населенія или рабочихъ ученій, возбуждающихъ къ учиненію бунтовщическаго дѣянія, и 2-ое по обвиненію крестьянина Кушинаго въ томъ же преступленіи. Приговоромъ палаты, объявленнымъ публично, Ольховскій присужденъ къ заключенію въ крѣпости на 8 мѣсяцевъ; всѣ остальные подсудимые оправданы **).

Въ г. Баку 18, 19 и 20 октября выѣздная сессія тифлисской судебной палаты слушала при закрытыхъ дверяхъ дѣла: 1) 18-го по обвиненію Г. И. Хундадзе, И. С. Арлова и М. И. Щелчкова въ нарушеніи 1 ч. 126, 2 п. 1 ч. 129 и 2 п. 132 ст. новаго уголовнаго уложенія. Резолюціей, объявленной при открытыхъ дверяхъ, Хундадзе и Арловъ признаны виновными и приговорены первый — къ поселенію (пожизненному) въ Сибири, второй—къ 6 мѣсяцамъ крѣпости. Щелчковъ по суду оправданъ; 2) 19-го по обвиненію Г. А. Аскандарова (онъ же Александровъ) по 1 ч. 131 ст. угол. улож. Подсудимый приговоренъ къ 4-мѣсячному заключенію въ крѣпости; 3) 20-го по обвиненію А. С. Аракелова и К. А. Погосова (онъ-же Амирбекянцъ) по 2 п. 132 ст. и 3 п. 1 ч. 129 ст. угол. улож. Подсудимые приговорены къ заключенію въ исправительный домъ: Погосовъ—на 1 годъ и Аракеловъ — на 8 мѣсяцевъ, причемъ первому зачтено 9 мѣсяцевъ послѣдственнаго заключенія, а второму—все время, въ виду чего Аракеловъ подлежитъ немедленному освобожденію изъ-подъ стражи, а Погосову остается три мѣсяца ***).

Виленской судебной палатой 19 октября разбирались при закрытыхъ дверяхъ два дѣла: первое о мѣщанинѣ Менделѣ Абрамовѣ Шаевичѣ, обвинявшемся по 2 части 130 ст. уголовнаго уложенія, и второе о крестьянинѣ И. Г. Васильевѣ, обвинявшемся по 130 ст. уголовнаго уложенія. Резолюціями палаты, объявленными при открытыхъ дверяхъ, постановлено заключить Шаевича и Васильева въ крѣпость на 8 мѣсяцевъ каждаго. 20 октября той же палатой разбиралось дѣло о мѣщанахъ Абрамѣ Ицекѣ Либерзонѣ и Абелѣ Лейбѣ Гликманѣ, обвинявшихся по 129 ст. уголов-

*) „Р. Вѣдомости", 20 окт. 1904 г.
**) „К. Отклики", 20 окт. 1904 г.
***) „Од. Новости", 26 окт. 1904 г.

наго уложенія. Палата Либерзона оправдала, а Гликмана постановила заключить на 4 мѣсяца въ крѣпость *).

Въ Варшавѣ 25 октября 2-мъ уголовнымъ отдѣленіемъ варшавскаго окружного суда было разсмотрѣно при закрытыхъ дверяхъ дѣло о сопротивленіи чинамъ полиціи во время пожара склада аптечныхъ товаровъ Списса и К°, 31 мая текущаго года. Приговоромъ суда подсудимый Путовскій присужденъ въ арестантскія отдѣленія на одинъ годъ; остальные трое подсудимыхъ, Остроменскій, Сукульскій и Дзевульскій, какъ недостигшіе совершеннолѣтія, присуждены къ заключенію въ тюрьмѣ на 8 мѣсяцевъ каждый **).

Въ г. Ригѣ 25, 26 и 27 октября особымъ присутствіемъ с.-петербургской судебной палаты въ усиленномъ составѣ былъ разсмотрѣнъ цѣлый рядъ дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ. По постановленію палаты всѣ дѣла слушались при закрытыхъ дверяхъ, причемъ въ залъ засѣданія допускались защитники (только по тому дѣлу, по которому каждый выступалъ), товарищи прокурора, составлявшіе обвинительные акты (также только по данному дѣлу), лица жандармскаго управленія и лифляндскій губернаторъ. Защитники по другимъ,—однороднымъ и въ тотъ же день слушавшимся—дѣламъ допущены не были, равно и товарищи прокурора и даже члены суда. Первымъ разбиралось дѣло о студентѣ рижскаго политехникума Фридманѣ, обвинявшемся по ст. 129 угол. улож., предусматривающей, между прочимъ, произнесеніе публично рѣчей, возбуждающихъ къ ниспроверженію существующаго въ государствѣ общественнаго строя. Приговоромъ особаго присутствія Фридманъ оправданъ. Вторымъ и третьимъ слушались дѣла о фабричныхъ рабочихъ Завицкомъ и Зандовскомъ, обвинявшихся по 2 п. 129 ст. угол. улож. въ распространеніи прокламацій. Завицкій приговоренъ къ 3 мѣсяцамъ крѣпости, Зандовскій къ 6 мѣсяцамъ, оба безъ лишенія правъ, къ обоимъ примѣнена ст. 53 угол. улож., говорящая о наличности уменьшающихъ вину обстоятельствъ, и по сему нормальное по 2 п. 129 ст. наказаніе—ссылка на поселеніе—замѣнено заключеніемъ въ крѣпости. На слѣдующій день, 26-го октября, слушалось дѣло о студентѣ рижскаго политехническаго института Янѣ Мастерѣ и крестьянахъ Торманѣ, Крестманѣ и Лайценѣ, обвинявшихся: 1) Мастеръ—по ст. 126 угол. уложенія, предусматривающей „участіе въ сообществѣ, завѣдомо поставившемъ цѣлью своей дѣятельности ниспроверженіе существующаго въ государствѣ общественнаго строя или учиненіе тяжкихъ преступленій посредствомъ взрывчатыхъ веществъ или снарядовъ“, каковое участіе наказывается каторгою на срокъ не свыше 8 лѣтъ или ссылкою на поселеніе; причемъ если такое

*) „К. Отклики“, 30 окт. 1904 г.
**) „К. О.“, 28 окт. 1904 г.

сообщество завѣдомо имѣло въ своемъ распоряженіи средства для взрыва или складъ оружія, то наказаніе—срочная каторга; 2) тотъ же Мастеръ, вмѣстѣ съ вышеупомянутыми Крестманомъ, Торманомъ и Лайценомъ,—также и по 2 п. 129 ст. угол. уложенія (распространеніе прокламацій, возбуждающихъ къ ниспроверженію государственнаго строя). Приговоромъ особаго присутствія Янъ Мастеръ, равно какъ и остальные трое подсудимыхъ, на основаніи 1 п. 771 ст. уст. угол. суд., оправданы по всѣмъ предъявленнымъ обвиненіямъ. Затѣмъ слушалось дѣло фабричнаго рабочаго, крестьянина Эдуарда Звирздина, обвиняемаго по 2 п. 129 ст. угол. уложенія. Приговоромъ особаго присутствія Звирздинъ оправданъ. Всѣ приговоры объявлены при открытыхъ дверяхъ *).

27 октября тѣмъ же присутствіемъ было разсмотрѣно 5 политическихъ дѣлъ: 1) крестьянина Курляндской губерніи Мартина Аносова Плитыня, обвинявшагося по 1 п. 129 ст. угол. улож. Приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на 4 мѣсяца; 2) митавскаго мѣщанина Георга Юрова Матушевича, обвинявшагося по 2 п. 129 ст. угол. улож. Приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на 4 мѣсяца, съ зачетомъ ему въ счетъ наказанія 3 мѣсяцевъ предварительнаго заключенія; 3) крестьянина Яна Михелева Зилмана, обвинявшагося по 2 п. 129 ст. угол. улож. По Высочайшему манифесту отъ наказанія освобожденъ; 4) крестьянъ Эрнеста Якова Янсона и Паулины Яковлевой Карклинъ, обвинявшихся по 1 п. 1 ч. 130 ст. угол. ул. (нарушеніе государственнаго порядка). Судебной палатой оба оправданы; 5) крестьянина венденскаго уѣзда Альвина Карлова Видермана, обвинявшагося по 128 ст. и 1 и 3 пп. 129 ст. угол. улож. Приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на 6 мѣсяцевъ съ зачетомъ ему 3 мѣсяцевъ изъ времени проведеннаго подъ слѣдствіемъ, причемъ судъ потребовалъ отъ обвинявшагося залогъ въ 100 руб. до вступленія приговора въ силу. За непредставленіемъ этой суммы осужденный былъ взятъ подъ стражу *).

Въ г. Аткарскѣ 24 октября въ засѣданіи выѣздной сессіи саратовскаго окружнаго суда при открытыхъ дверяхъ была объявлена въ окончательной формѣ резолюція суда по дѣлу, разбиравшемуся 23 октября при закрытыхъ дверяхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, о крестьянахъ с. Широкаго Карамыша Аткарскаго уѣзда,—Александрѣ Антоновѣ Драгинѣ, 24 лѣтъ, и Андреѣ Николаевѣ Романовѣ, 37 лѣтъ, по обвиненію ихъ въ подстрекательствѣ на поджоги ометовъ сѣна и кладей ржи въ имѣніи г-жи Чаплицъ при с. Широкомъ Карамышѣ, съ цѣлью принудить ее сдать въ аренду землю крестьянамъ по болѣе дешевой цѣнѣ, и о крестьянахъ Федорѣ Васильевѣ Жупиковѣ, 21 г., Дмитріи

*) „СПБ. Вѣдомости“, 1 ноября 1904 г.

**) „Рижскій Вѣстникъ“. Цитирую по „К. Откликамъ“, 1 ноября 1904 г.

Васильевѣ Полубаровѣ, 24 л., Иванѣ Макаровѣ Терешенковѣ, 37 л., Иванѣ Федоровѣ Роговѣ, 20 л., Иванѣ Ивановѣ Маіоровѣ, 20 л., и Василіи Тихоновѣ Мозжилинѣ, 18 л., по обвиненію ихъ въ поджогахъ этихъ кладей и ометовъ съ той же цѣлью. Всѣ подсудимые присяжными засѣдателями признаны виновными, но заслуживающими снисхожденія, а судомъ приговорены: Драгинъ и Романовъ по лишеніи всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ къ отдачѣ въ арестантскія роты на 1 годъ и 6 мѣсяцевъ каждый; Жупиковъ, Полубаровъ и Терешенковъ тоже на 1 годъ и съ отдачей всѣхъ подъ надзоръ полиціи на 4 года; Роговъ, Маіоровъ и Мозжилинъ, какъ несовершеннолѣтніе, къ заключенію въ тюрьмѣ на 8 мѣсяцевъ. Ко всѣмъ приговореннымъ примѣненъ Высочайшій манифестъ, почему первые двое приговорены на 1 годъ, трое—къ 8 мѣсяцамъ и остальные трое на 5 мѣсяцевъ и 10 дней *).

Въ 1-мъ уголовномъ департаментѣ тифлисской судебной палаты 28 сентября разсматривалось въ апелляціонномъ порядкѣ, при закрытыхъ дверяхъ, дѣло по обвиненію жителей сел. Аштаракъ, Эчміадзинскаго уѣзда, Эриванской губ., Карапета Атомяна, Гарегина Амиряна и Арменака Парваняна по 263 ст. улож. о наказ. эриванскимъ окр. судомъ обвиненіе по 263 ст. было отвергнуто и подсудимые были осуждены по 271 ст. улож. о нак. къ 6-мѣсячному тюремному заключенію каждый. Дѣло перешло въ судебную палату по протесту товрища прокурора эриванскаго окр. суда и по аппелляціонному отзыву подсудимыхъ. Тифлисская судебная палата утвердила приговоръ эриванскаго окружнаго суда, приговоривъ подсудимыхъ, съ примѣненіемъ Высочайшаго манифеста, къ тюремному заключенію на 2 мѣсяца каждаго **).

Въ томъ же департаментѣ тифлисской судебной палаты съ 14 по 18 октября слушалось дѣло 40 армянъ, жителей Елисаветпольской губерніи, по обвиненію ихъ въ томъ, что они 29 августа 1903 года въ гор. Елисаветполѣ, по предварительному между собою и съ другими, слѣдствіемъ необнаруженными, лицами соглашенію, произвели безпорядки и буйство и оказали сопротивленіе чинамъ полиціи и членамъ особой коммиссіи при исполненіи ими служебныхъ обязанностей во время передачи армяно-григоріанскихъ церковныхъ имуществъ въ вѣдѣніе казны. Весной текущаго года елисаветпольскій окружный судъ, разсмотрѣвъ настоящее дѣло, 18 обвиняемыхъ призналъ невиновными и оправдалъ, а остальныхъ, признанныхъ виновными, приговорилъ къ тюремному заключенію: 5 чел.—на 6 мѣсяцевъ, 7 чел.—на 4 мѣсяца, 2 чел.—на 2 мѣсяца и къ аресту при полиціи: 3 чел.—на 1 мѣсяцъ и 5 чел.—на 2 недѣли. Въ палату дѣло это перешло

*) „Сар. Дневникъ". Цитирую по „К. Откликамъ", 31 окт. 1904 г.
**) „Новое Обозрѣніе". Цитирую по „К. О.", 5 окт. 1904 г.

по протесту товарища прокурора и по отзыву обвиняемыхъ. Судебная палата, послѣ 12 часового совѣщанія, 16 октября, объявила резолюцію, которой приговоръ окружнаго суда въ отношеніи 9 оправданныхъ подсудимыхъ утвердила, а въ отношеніи всѣхъ остальныхъ отмѣнила и, признавъ 31 подсуд. виновными, приговорила 19 подсудимыхъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ отдачѣ въ исправ. арест. отдѣл., изъ нихъ 9 лицъ—на 10 и 10—на 8 м.; 6 подсуд.—къ заключенію въ тюрьмѣ на 6 мѣс., одного на 4 мѣс., 3-хъ подсудимыхъ—на 2 мѣс. и 20 дней и 2-хъ—къ аресту при полиціи на полтора мѣсяца. Въ силу Высочайшаго манифеста послѣднія 12 лицъ, приговоренныя къ тюремному заключенію безъ лишенія правъ и къ аресту при полиціи, освобождены отъ наказанія *).

Приведемъ еще состоявшіяся за послѣдній мѣсяцъ распоряженія относительно Финляндіи.

Какъ сообщаютъ газеты, высочайше повелѣно перечислить изъ финляндскихъ казенныхъ средствъ въ государственное казначейство 4 230,000 марокъ въ видѣ аванса на военныя потребности **).

По словамъ тѣхъ же газетъ, въ силу манифеста 11 августа разрѣшено высланнымъ изъ Финляндіи въ предѣлы Имперіи директору банка Шюбергсону, учителю Вайніо и профессору барону Вреде выѣхать за границу, причемъ послѣднему срокъ высылки сокращенъ съ пяти лѣтъ до одного года ***).

Дѣло бывшаго сенатора Шаумана еще не окончилось, но абосскій гофгерихтъ, разбирающій это дѣло, въ концѣ октября призналъ возможнымъ впредь до окончанія судебнаго разбирательства освободить Шаумана изъ-подъ стражи. 28 октября освобожденный изъ заключенія Шауманъ пріѣхалъ въ Гельсингфорсъ. На желѣзнодорожной станціи уже задолго до прихода поѣзда собралась большая толпа, которая встрѣтила Шаумана восторженнымъ „ура“. Когда же онъ вышелъ изъ вокзала, онъ былъ встрѣченъ пѣніемъ гимна „Vart land“, исполненнаго собравшеюся на площади публикою. Вслѣдъ затѣмъ передъ квартирою Шаумана была произведена вторая демонстрація ****).

Согласно сообщеніямъ изъ Гельсингфорса, въ концѣ октября, по представленію сената, воспослѣдовало высочайшее соизволеніе на учрежденіе коммиссіи, состоящей изъ пяти русскихъ и столькихъ же финскихъ, юридически и научно образованныхъ, чле-

*) „Новое Обозрѣніе“. Цитирую по „Нижегор. Листку“, 31 окт. 1904 г.
**) „Русь“, 31 окт. 1904 г.
***) „Русь“, 31 окт. 1904 г.
****) „Русь“, 30 окт. 1904 г.

новъ для разработки проекта согласованія февральскаго манифеста и сеймоваго устава. Сенату повелѣно предложить финскихъ членовъ коммиссіи; по слухамъ, этими членами явятся главные представители старофинноманской партіи *). Во всякомъ случаѣ можно думать, что организація такой коммиссіи не особенно подвинетъ впередъ дѣло умиротворенія страны. Старофинноманская партія, на которую до извѣстной степени опиралась политика покойнаго генералъ-губернатора Бобрикова и которая готова и въ настоящее время идти на большіе компромиссы и уступки, на выборахъ въ нынѣшній сеймъ потерпѣла рѣшительное пораженіе, получивъ для себя лишь 83 депутатскихъ мѣста изъ общаго числа 232. Остальныя 149 мѣстъ достались представителямъ свекоманской и младо-финской партій, которыя передъ выборами объединились въ одну партію „конституціоналистовъ", заявившую о своемъ намѣреніи неуклонно стремиться къ возстановленію законнаго порядка управленія страною и высказавшуюся за невозможность работы сейма при условіи сохраненія въ силѣ постановленій, изданныхъ въ отмѣну основныхъ законовъ Финляндіи. Въ виду столь ясно обнаружившагося настроенія населенія нельзя, конечно, ожидать серьезнаго умиротворенія края отъ мелкихъ палліативовъ, не измѣняющихъ основныхъ началъ принятой по отношенію къ нему политики.

IV.

За мѣсяцъ, прошедшій со времени послѣдней нашей хроники, состоялись слѣдующія административныя распоряженія по дѣламъ печати:

1) 10-го ноября 1904 г.: „на основаніи ст. 178 устава о цензурѣ и печати (сводъ законовъ, т. XIV, изд. 1890 г.), министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: воспретить розничную продажу нумеровъ газеты „Наша жизнь";

2) 14-го ноября 1904 г.: „въ виду вреднаго направленія газеты „Право", выразившагося, между прочимъ, въ статьѣ „Война и Отечество", помѣщенной въ № 46 этого изданія, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи статьи 144 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV, изд. 1890 г., опредѣлилъ: объявить газетѣ „Право" первое предостереженіе въ лицѣ издателей-редакторовъ ея, приватъ-доцента Императорскаго университета Владиміра Гессена и коллежскаго ассесора Николая Лазаревскаго";

и 3) 18-го ноября 1904 г.: „въ виду вреднаго направленія газеты „Сынъ Отечества", выразившагося, между прочимъ, въ статьѣ „Благовременно ли?", помѣщенной въ № 1 этой газеты,

*) „Русь", 28 окт.; „СПБ. Вѣдомости", 2 ноября 1904 г.

министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV (изд. 1890 г.), опредѣлилъ: объявить газетѣ „Сынъ Отечества“ первое предостереженіе въ лицѣ издателя-редактора ученаго лѣсовода Сергѣя Юрицына и, на основаніи ст. 178 того же устава, воспретить розничную продажу отдѣльныхъ нумеровъ этого изданія“.

Изъ Баку сообщаютъ о дѣятельности мѣстнаго цензора, вице-губернатора П. А. Лилѣева, который не пропускаетъ въ мѣстной газетѣ „Бакинскія Извѣстія“ ни одной перепечатки распоряженій министра внутреннихъ дѣлъ о возвращеніи правъ общественной дѣятельности разнымъ лицамъ, о разрѣшеніи возвращенія изъ ссылки нѣкоторыхъ лицъ и т. д. Не разрѣшается также „Бакинскимъ Извѣстіямъ“ перепечатывать адреса земствъ и городовъ кн. Святополкъ-Мирскому. Послѣдніе мѣсяцы пришлось едва не прекратить веденіе обычнаго газетнаго отдѣла „обзоръ печати“, такъ какъ ни одной статьи „Права“, „Р. Вѣдомостей“, многихъ статей „Новостей“, „Н. Времени“ и даже „Гражданина“, „Моск. Вѣдомостей“ и подцензурныхъ кіевскихъ, одесскихъ и другихъ газетъ нельзя процитировать, — все вычеркивается до послѣдней строчки. Не допускалось, напримѣръ, перечисленіе, въ чемъ заключалось антисанитарное состояніе Чернаго городка. Не было разрѣшено напечатать письмо санитарнаго попечителя, служившее возраженіемъ на письмо губернскаго врача, взявшаго подъ покровительство врача холернаго барака. Даже нѣкоторыя перепечатки изъ тифлисскихъ газетъ, въ томъ числѣ и оффиціальнаго „Кавказа“, подвергались воспрещенію. Резолюціи суда объ армянскихъ процессахъ, объявленныя при открытыхъ дверяхъ, бакинскій читатель могъ узнать изъ тифлисскихъ и какихъ угодно газетъ, только не изъ бакинскихъ. Оффиціально оглашенные документы, какъ, напримѣръ, приказъ адмирала Чухнина и другіе, были вычеркнуты г. Лилѣевымъ, хотя и разрѣшены военнымъ цензоромъ *).

Еще болѣе странно положеніе печати въ Закаспійской области. Здѣсь на долю печати выпадаютъ поистинѣ курьезныя испытанія, недурнымъ образчикомъ которыхъ можетъ служить слѣдующій эпизодъ.

12 октября въ № 228 газеты „Асхабадъ“ появилась слѣдующая замѣтка:

„Счастливый путь!

„Въ числѣ 18 офицеровъ мѣстнаго гарнизона, отправляющихся

*) „Право“, 1904 г., № 44.

сегодня на Дальній Востокъ, отъѣзжаютъ и два нашихъ сотрудника—штабсъ-капитаны Д. С. Гамченко и В. К. Герштенцвейгъ. Первый изъ нихъ принималъ ближайшее и дѣятельное участіе въ „Асхабадѣ“ болѣе года, второй время отъ времени помѣщалъ „досуги пера“ въ формѣ маленькихъ разсказовъ и сценокъ. Оба офицера—симпатичные и развитые люди, которые, вопреки установившемуся въ военной средѣ обычаю, досуги свои посвящали интеллигентнымъ занятіямъ. Д. С. Гамченко съ самаго начала военныхъ дѣйствій велъ въ нашей газетѣ обзоръ военныхъ событій, и его обзоры всегда отличались серьезностью и знаніемъ дѣла. Въ сжатомъ видѣ, съ нѣкоторымъ, по большей части вѣрнымъ, освѣщеніемъ, Гамченко знакомилъ читателей съ текущими событіями, давая возможность читающимъ при помощи своихъ обзоровъ и замѣтокъ болѣе или менѣе, правильно оріентироваться въ цѣлой кучѣ телеграфическихъ извѣстій, часто одно другому противорѣчащихъ. Съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія разстаемся мы съ названными сотрудниками, особенно съ Гамченко. Надѣемся, впрочемъ, что, и находясь на Дальнемъ Востокѣ, они не порвутъ связи ни съ нашей газетой, ни съ ея читателями. Пожелаемъ отъѣзжающимъ счастливаго пути и успѣховъ на полѣ брани. Будемъ надѣяться, что Богъ сохранитъ ихъ жизнь на пользу родинѣ, какъ сохранилъ въ нихъ до сихъ поръ „душу живу“, несмотря на всю несвойственную тому обстановку. Счастливый путь!..“

Въ отвѣтъ на эту замѣтку начальникъ Закаспійской области генералъ-лейтенантъ Уссаковскій распорядился напечатать въ газетѣ нижеслѣдующій приказъ отъ 23 октября за № 326:

„Въ № 228 газеты „Асхабадъ“ въ редакціонной замѣткѣ подъ заглавіемъ „Счастливый путь“ заключается, между прочимъ, злобная выходка противъ военной среды, члены которой въ настоящее время кровью отстаиваютъ честь и достоинство Россіи на Дальнемъ Востокѣ и изумляютъ міръ геройскими подвигами. Каждому здравомыслящему человѣку должно быть ясно, что сотрудничество въ такой газетѣ какъ „Асхабадъ“, отнюдь не можетъ служить признакомъ особаго умственнаго развитія или наличія „души живой“ у сотрудниковъ-офицеровъ и что по меньшей мѣрѣ странно ставить имъ въ заслугу частныя занятія въ газетѣ. Во всякомъ случаѣ можно было бы разсчитывать, что руководитель газеты, хоть сколько-нибудь понимающій высокое значеніе печати, не станетъ пользоваться даннымъ случаемъ для того, чтобы порочить среду, къ которой принадлежатъ его сотрудники, отправляющіеся на тяжкое и опасное служеніе родинѣ. И такъ какъ газета „Асхабадъ“ есть изданіе подцензурное и потому редакторъ является лицомъ невмѣняемымъ, то вся отвѣтственность падаетъ на цензора, который не долженъ былъ допускать незаслуженныхъ злобныхъ выходокъ противъ военной

среды, давшей такъ много людей высокаго таланта и способностей на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ служенія Царю и родинѣ. Объявляю временно завѣдывающему цензурою газеты „Асхабадъ" выговоръ и предлагаю ему впредь внимательнѣе относиться къ возложеннымъ на него обязанностямъ" *).

В. Мякотинъ.

ОПЕЧАТКИ.

Въ сентябрьской «хроникѣ внутренней жизни» на стр. 164 напечатано: «Были ли обойдены такіе камни нижегородскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, которое въ виду раззоренной неурожаемъ губерніи нашло «неловкимъ» ограничится сравнительно скромной ассигновкой на нужды войны въ 20.000 р. и потому рѣшилось увеличить эту ассигновку до 300.000 р.»? Конецъ этой фразы слѣдуетъ читать: «и потому рѣшилось увеличить эту ассигновку до 30.000 р.»

Въ октябрьской «хроникѣ внутренней жизни»:

						напечатано:	слѣдуетъ читать:
на	стр.	180	строка	1	снизу:	«довѣрія»	«дѣйствія»
»	»	184	»	10	сверху:	«возраженіе»	«выраженіе»
»	»	184	»	12	снизу:	«постановленой»	«поставленной»
»	»	185	»	17	сверху:	«немыслимо»	«немыслимы»
»	»	186	»	18	снизу:	«которая имѣетъ возможность»	«которая имѣетъ своею цѣлью возможность»
»	»	187	»	17	снизу:	«государственныхъ правъ»	«гражданскихъ правъ»
»	»	191	»	12	снизу:	«касается»	«касаются»
»	»	193	»	14	сверху:	«Оно сдѣлалось»	«Оно «сдѣлалось»
»	»	203	»	8	сверху:	«Орловскомъ»	«Оргѣевскомъ»
»	»	212	»	1	сверху:	«которыя по новому разсматриваются»	«которыя по новому закону рзсматриваются»

Галлерея современныхъ французскихъ знаменитостей.

Жанъ Жорэсъ.

Человѣкъ, которому посвященъ предлагаемый читателямъ этюдъ, болѣе десяти лѣтъ занимаетъ общественное мнѣніе Франціи да и всего свѣта. Бываютъ періоды, когда имя Жорэса оттѣсняетъ на второй планъ имена прочихъ политическихъ дѣятелей современности; хоръ проклятій и благословеній, выраженій энтузіазма и

*) Цитирую по „Спб. Вѣдомостямъ", 5 ноября 1904 г.

криковъ ненависти сопровождаетъ чуть не на каждомъ шагу проявленія въ словѣ и жизни этой крупной личности, у которой нѣтъ недостатка ни въ жаркихъ идейныхъ товарищахъ, ни въ безпощадныхъ идейныхъ врагахъ. Уже это одно показываетъ, въ какой степени фигура Жорэса стоитъ въ центрѣ жгучихъ вопросовъ дѣйствительности, и какія усилія долженъ употреблять біографъ этого человѣка, чтобы, вмѣсто болѣе или менѣе добросовѣстнаго портрета, не дать смѣшно идеализированнаго образа или же, наоборотъ, безобразной каррикатуры. Да, тѣмъ изъ насъ, которымъ дороги счастіе личности и развитіе общества, не легко выдерживать объективный тонъ по отношенію къ человѣку, который такъ много можетъ сдѣлать,—и дѣлалъ уже,—и добра, и зла, и который въ состояніи, насколько это вообще возможно для индивидуума, ускорить рѣшеніе гигантскаго вопроса нашего времени, вопроса соціальнаго, или замедлить и исказить это рѣшеніе.

Это я чувствую на самомъ себѣ; и тѣ изъ моихъ читателей, которымъ пришлось перелистовать хотя бы мои „Очерки современной Франціи", составившіеся изъ писемъ, печатавшихся въ „Русскомъ Богатствѣ" на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ, навѣрно, уже замѣтили разность моего отношенія къ Жорэсу въ различные періоды его дѣятельности. Я началъ съ живого любопытства и горячей симпатіи къ нему, когда онъ остановилъ на себѣ вниманіе политическихъ круговъ и широкихъ слоевъ интеллигенціи и рабочихъ въ первой половинѣ 90-хъ годовъ. Эти чувства перешли у меня въ идейный энтузіазмъ и прямое восхищеніе Жорэсомъ въ началѣ его кампаніи за право и справедливость, попранныя въ лицѣ Дрейфуса, когда онъ выдерживалъ съ немногими пока союзниками натискъ темныхъ силъ реакціи. Это восхищеніе значительно, хотя и не сразу, поблѣднѣло, послѣ того, какъ Жорэсъ явился и въ теоріи, и на практикѣ однимъ изъ главнѣйшихъ, если не самымъ главнымъ основателемъ „министерскаго соціализма". И дѣлая по этому поводу оговорки, объясняя его передвиженіе вправо отчасти крупными тактическими ошибками бланкистовъ и гэдистовъ въ дѣлѣ Дрейфуса, я все же не могъ, не хотѣлъ и не имѣлъ права ни предъ собой, ни предъ читателями закрыть глаза на „фатальную переоцѣнку Жорэсомъ совмѣстной дѣятельности соціалистовъ съ буржуазіей, и возведеніе имъ даже въ принципъ участія соціалистовъ въ управленіи государственнымъ механизмомъ" и т. д. *). Послѣднія статьи, перепечатанныя въ моихъ „Очеркахъ", относились къ 1901 г. Съ тѣхъ поръ прошло чуть не четыре года, и все, что я вижу кругомъ себя, убѣдило меня еще больше въ серьезности „фатальнаго" заблужденія Жорэса, восхищеніе которымъ смѣни-

*) Н. Е. Кудринъ. *Очерки современной Франціи.* Спб., 1904, изд. второе, стр. 610—611.

лось у меня не только рѣзко отрицательнымъ отношеніемъ къ его тактикѣ, но чувствомъ идейной вражды къ тому, кому много дано и съ кого много должно быть взыскано. Въ этой перемѣнѣ чувствъ мнѣ нечего оправдываться: эту психологическую эволюцію я пережилъ,—на подобіе знаменитаго „портного изъ Зигрингена“ въ извѣстномъ нѣмецкомъ анекдотѣ, „въ хорошей компаніи“. Пусть приведетъ себѣ на память читатель хотя бы то обстоятельство, что было время, когда тѣ самые „ортодоксальные“ марксисты Германіи, которые теперь наиболѣе рѣзко критикуютъ министерскую тактику Жорэса, находили, что въ дѣлѣ Дрейфуса „Жорэсъ спасъ честь французскаго соціализма“.

Съ другой стороны, именно мое измѣненіе чувствъ къ Жорэсу обязываетъ меня если не къ безпристрастному,—вещь невозможная для живого человѣка, — то къ объективному изученію личности, являющейся предметомъ этого этюда. Я постараюсь вдохновиться словами великаго Спинозы и нарисовать по возможности точный портретъ Жорэса, не давая заволакиваться своему взгляду облакомъ идейной страсти, но стараясь объяснить особенности умственной физіономіи пророка министерскаго соціализма изъ условій его натуры, развитія, среды, политическаго положенія, какъ если бы дѣло шло о выработкѣ естественнаго продукта:

... Чтобы изслѣдовать то, что относится къ этой наукѣ (къ политикѣ, ad politicam. Н. К.) съ той же свободой ума, съ какой обыкновенно мы изучаемъ математику, я тщательно старался,—говоритъ Спиноза,—не смѣяться и не плакать надъ человѣческими дѣйствіями, не ненавидѣть ихъ, но понимать. Поэтому и человѣческіе аффекты, каковы любовь, ненависть, гнѣвъ, зависть, властолюбіе, сострадание и прочія движенія души, я разсматривалъ не какъ пороки человѣческой природы, но какъ свойства, стоящія къ ней въ такомъ же отношеніи, въ какомъ стоятъ къ природѣ воздухъ, жаръ, холодъ, буря, громъ, и тому подобныя вещи, которыя хотя и непріятны для насъ, но необходимы и имѣютъ извѣстныя причины, при помощи коихъ мы пытаемся понять ихъ природу, и истиннымъ созерцаніемъ которыхъ умъ нашъ столь же наслаждается, какъ и познаніемъ тѣхъ вещей, какія пріятны нашимъ чувствамъ *).

Насколько мнѣ удастся разсмотрѣть въ духѣ Спинозы „жаръ“ ораторскихъ рѣчей и „холодъ“ министеріализма Жорэса, „бурю и громъ“, исходящія отъ его личности, какъ если бы то были явленія природы, будетъ судить читатель. Во всякомъ случаѣ, мое намѣреніе — написать литературно-біографическій этюдъ о Жорэсѣ, а не политическій памфлетъ противъ него, какъ и не восторженный панегирикъ его личности и дѣятельности.

Мнѣ очень рѣдко приходилось видать Жорэса, какъ частнаго человѣка, и всегда по дѣлу, ибо всѣ фибры моего существа протестуютъ противъ той „охоты за знаменитостями“, которая характеризуетъ Тряпичкиныхъ-очевидцевъ, особенно изъ категоріи

*) *Tractatus politicus*, I, 4 въ таухницевскомъ изданіи (Bruder'a) „Benedicti de Spinoza Opera quae supersunt omnia“; Лейпцигъ, 1844, т. II, стр. 52.

„благополучныхъ россіянъ“, висящихъ на звонкѣ то у того, то у другого выдающагося дѣятеля Европы и оповѣщающихъ затѣмъ urbi et orbi,—и родной Москвѣ или Чухломѣ, и читателямъ своего „политическаго“ органа,—о цвѣтѣ мебели и прическѣ жены „интервьювируемаго“ ими субъекта. Съ другой стороны, мнѣ не хотѣлось свѣдѣніями, добытыми частнымъ же способомъ у пріятелей Жорэса, восполнять недостатокъ о немъ печатныхъ біографическихъ данныхъ, которыя сводятся къ короткимъ замѣткамъ въ словаряхъ „знаменитостей“ и многочисленнымъ, но ненадежнымъ слухамъ и сплетнямъ во враждебныхъ, главнымъ образомъ реакціонныхъ, газетахъ. Само собою разумѣется, это относится только къ личной жизни Жорэса, потому что съ тѣхъ поръ, какъ онъ получилъ извѣстность, его общественная дѣятельность можетъ быть легко прослѣжена по печатнымъ отчетамъ о парламентскихъ засѣданіяхъ, публичныхъ собраніяхъ и т. п. Я не говорю уже о самыхъ этихъ засѣданіяхъ и собраніяхъ, о безчисленныхъ рѣчахъ Жорэса и его газетныхъ и журнальныхъ статьяхъ, выходящихъ затѣмъ зачастую въ видѣ брошюръ и книгъ, наконецъ, о его ученыхъ или учено-публицистическихъ, порою очень объемистыхъ, трудахъ. Не мѣшаетъ здѣсь, между прочимъ, отмѣтить обстоятельство, показывающее, какую роль этотъ человѣкъ играетъ въ общественной жизни страны: недавно вышелъ первый очень громоздкій томъ „Парламентскихъ рѣчей“ Жорэса, и, повидимому, это изданіе разсчитано на цѣлый рядъ такихъ томовъ, такъ какъ вышедшій пока томъ не заходитъ далѣе конца 1894 г., т. е. самыхъ первыхъ лѣтъ политической дѣятельности Жорэса. Если мы обратимъ вниманіе на то, что многіе даже изъ очень выдающихся парламентскихъ ораторовъ Франціи не находятъ возможнымъ печатать сборники своихъ рѣчей за недостаткомъ издателей или изъ-за опасенія не найти читателей, то уже одинъ фактъ появленія въ свѣтъ упомянутыхъ „Парламентскихъ рѣчей“ Жорэса свидѣтельствуетъ о томъ вниманіи, съ какимъ публика относится къ дѣятельности вожака министерскихъ соціалистовъ.

Кстати сказать, въ различныхъ статьяхъ, брошюрахъ и книгахъ Жорэса мы находимъ нѣкоторыя небезъинтересныя данныя автобіографическаго характера, рисующія личность автора, оратора и политическаго дѣятеля. Этихъ данныхъ, вмѣстѣ съ тѣми, которыя можно извлечь изъ проникнувшихъ въ печать свѣдѣній, подвергая ихъ, однако, просѣиванію и взаимной провѣркѣ, достаточно для того, чтобы попробовать по возможности объективно построить индивидуальность Жорэса, не вдаваясь въ лично-біографическіе вопросы, порою очень сомнительнаго характера, которые такъ любилъ Сэнтъ-Бевъ.

Жанъ-Леонъ Жорэсъ родился 3 сентября 1859 г. (значитъ, ему теперь 45 лѣтъ) на югѣ Франціи, въ Кастрѣ, очень старомъ и наиболѣе населенномъ и промышленномъ центрѣ Тарнскаго департамента, главнымъ городомъ котораго онъ даже былъ въ самую бурную эпоху первой революціи (съ 1790 по 1798 г.). Жорэсъ происходитъ изъ зажиточной буржуазной семьи, отчасти сохранившей связи съ крестьянскимъ классомъ, изъ котораго она вышла, отчасти поднявшейся до верховъ гражданской и военной администраціи. Глава министерскихъ соціалистовъ довольно близкій родственникъ вице-адмирала и республиканскаго сенатора Констана Жорэса, бывшаго посланникомъ въ Мадридѣ и Петербургѣ и военнымъ министромъ (въ 1888 г.) и умершаго въ 1889 г. Родной братъ Жорэса избралъ себѣ тоже морскую карьеру: теперь онъ— капитанъ второго ранга; и имя его часто цитировалось въ прошломъ году по поводу остроумно придуманнаго и удачно выполненнаго имъ плана спасенія французскихъ импровизированныхъ матросовъ, бывшихъ на службѣ у Жака Лебоди, пресловутаго „императора Сахары“, и попавшихъ въ плѣнъ къ одному изъ марокскихъ племенъ.

И по семейнымъ связямъ, и лично Жорэсъ принадлежитъ къ категоріи французовъ-южанъ, къ которымъ болѣе, чѣмъ къ какой либо этнологической группѣ французскаго населенія, можетъ быть отнесена характеристика галловъ стариннымъ римскимъ писателемъ, утверждавшимъ, что этотъ народъ больше всего любитъ на свѣтѣ „войну и краснорѣчіе“ (rem militaren et argute loqui). Объ ораторскомъ искусствѣ Жорэса намъ еще придется говорить: никто, во всякомъ случаѣ, въ немъ не сомнѣвается, и вопросъ лишь въ томъ, насколько нравится тому или другому изъ насъ самый родъ жорэсовскаго краснорѣчія. Воинственныя же наклонности, находящія прямое удовлетвореніе въ военной карьерѣ у родственниковъ Жорэса, принимаютъ у самого трибуна форму боевого политическаго темперамента. И надо видѣть, съ какимъ пыломъ онъ бросается въ аттаку на своихъ враговъ въ тотъ самый моментъ, когда развиваетъ хотя бы совершенно противоположную воинственной темѣ тему всеобщаго разоруженія и братства народовъ. Въ параллель съ этимъ боевымъ политическимъ темпераментомъ не мѣшаетъ, можетъ быть, для курьеза, отмѣтить обычные пріемы Жорэса при фехтовкѣ, этомъ любимомъ упражненіи французовъ изъ „общества“, которые предаются ему отчасти въ виду нелѣпаго обычая дуэли. Бульварныя газеты съ комичною серьезностью оповѣщали нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что Жорэсъ приводилъ въ отчаяніе своихъ фехтовальныхъ учителей, потому что, пренебрегая изученіемъ всѣхъ выпадовъ, финтъ, отбоевъ. и прочихъ тонкостей благороднаго искусства, онъ неизмѣнно и чисто инстинктивно прибѣгалъ къ одной тактикѣ въ поединкѣ: устремляться на противника съ

высоко поднятой шпагой и стараться нанести ему во что бы то ни стало ударъ, даже оставляя самого себя безъ прикрытія...

Замѣтимъ, наконецъ, что Жорэсъ относится по происхожденію къ наиболѣе серьезной группѣ южанъ, а именно къ лангедокцамъ, у которыхъ положительныя качества ума и характера уравновѣшиваютъ недостатки крайняго южнаго темперамента, сказывающагося, напримѣръ, въ страсти къ преувеличеніямъ и хвастовству провансальца или гасконца. Лангедокъ, дѣйствительно, далъ Франціи генерала Лафайета, знаменитаго доктринера Гизо, главу позитивизма Огюста Конта, путешественника Лаперуза, остроумнаго и ѣдкаго публициста Ривароля, родоначальника „идеалистической" школы живописи Энгра, и т. д.

Молодой Жорэсъ рисуется по разсказамъ школьныхъ сверстниковъ живымъ, не по годамъ умнымъ, впечатлительнымъ ребенкомъ, уже въ бытность свою въ гимназіи питавшимъ склонность къ произнесенію рѣчей и поражавшимъ своихъ юныхъ товарищей умѣньемъ импровизировать на всевозможныя темы. Кромѣ дара природнаго краснорѣчія, ему помогали при этомъ его поистинѣ феноменальная память, позволявшая ему вставлять въ свои рѣчи громадные куски въ стихахъ и прозѣ французскихъ и иныхъ классиковъ, и недюжинная способность выразительно декламировать. Боссюэтъ и Вольтеръ, Гете и Дантъ, Виргилій и Гомеръ,— всѣ эти писатели служили юному Жорэсу предлогомъ для упражненій въ элоквенціи, вызывавшихъ порою веселый смѣхъ въ его товарищахъ, къ которымъ присоединялся въ этомъ случаѣ и самъ пятнадцатилѣтній ораторъ. Въ этомъ приблизительно возрастѣ Жорэсъ перешелъ изъ мѣстной гимназіи въ парижскій лицей (правительственную гимназію) Людовика Великаго, заключающій въ себѣ лишь высшіе классы средней школы. Но пребываніе въ дѣтскихъ годахъ на родномъ югѣ, съ его солнцемъ и растительностью, живымъ населеніемъ и памятниками галло-римской цивилизаціи,—на югѣ, куда молодой Жорэсъ продолжалъ возвращаться на каникулы,—оставило неизгладимые слѣды на впечатлительномъ мальчикѣ и обострило его способность къ эстетическимъ и идейнымъ эмоціямъ.

Въ докторской диссертаціи Жорэса о „Реальности чувственнаго міра" (на французскомъ языкѣ) есть любопытная автобіографическая страничка, рисующая эту сторону его психологіи:

Я вспоминаю, какъ однажды вечеромъ, съ своей школьницкой кроватки, я увидалъ чрезъ открытую верхнюю часть окна маленькую звѣзду, сіявшую невыразимо сладкимъ свѣтомъ въ глубинѣ неба; я видѣлъ только ее, и мнѣ казалось, что вся нѣжность, которую только могли заключать въ себѣ отдаленныя сферы, что все невѣдомое состраданіе, которое, можетъ быть, отвѣчало въ безконечномъ пространствѣ на наши заботы и наши страданія, что всѣ наивныя и чистыя грезы, которыя съ начала временъ лучеиспускались человѣческими душами въ тайнѣ ночи, выражали свою прелесть въ прелести звѣзды, и на мигъ я наслаждался до слезъ этою братскою и

таинственною дружбою души и безконечнаго пространства. Потомъ, мало-помалу и помимо всякой опредѣленной мысли, которая могла бы объяснить эту перемѣну, я почувствовалъ какой-то странный разрывъ. Дружественныя глубины неба превратились въ исполненную равнодушія и молчанія бездну. И я сказалъ себѣ, что горѣвшій во мнѣ огонь юной мысли и юной поэзіи угаснетъ, не успѣвъ согрѣть этихъ ледяныхъ пространствъ *).

Кончивъ курсъ въ гимназіи, Жорэсъ перешелъ въ такъ называемую высшую нормальную школу („Ecole normale superieure“), родъ педагогическаго института, изъ котораго выходятъ учителя среднихъ школъ и профессора университета. Было бы лишнимъ вдаваться въ подробности организаціи и характера этого спеціальнаго разсадника высшихъ слоевъ учащаго персонала. Оторванная до послѣдняго времени отъ прочихъ университетскихъ школъ, она съ самаго основанія своего (1794 г.) сохраняла особый духъ, особыя традиціи и составляла своеобразное „государство въ государствѣ“. Недаромъ въ настоящее время она подверглась преобразованію, которое имѣетъ цѣлью приблизить ее къ остальнымъ высшимъ (не спеціальнымъ) школамъ. Нечего, конечно, отрицать ея научныя и даже общественно-политическія заслуги: въ дни реакціи она старалась сохранить по возможности свободный духъ изслѣдованія; она всегда пыталась усиленной научной тренировкой развить возможно больше способности своихъ воспитанниковъ; изъ ея рядовъ вышли такія крупныя личности (я оставляю, конечно въ сторонѣ ихъ убѣжденія), какъ Огюстэнъ Тьерри, Кузэнъ, Прево-Парадоль, Тэнъ, знаменитый Пастёръ. Когда вамъ порою приходится просматривать темы экзаменаціонныхъ сочиненій, а въ особенности ихъ выполненіе лучшими воспитанниками школы, вы не можете удержаться отъ восторга, видя, съ какимъ знаніемъ дѣла, съ какимъ талантомъ молодые, едва перешедшіе за 20 лѣтъ, люди справляются съ трудностями задачи.

Но у этой казовой стороны медали есть своя оборотная сторона. Самая замкнутость высшей нормальной школы, представляющей собою закрытое учебное заведеніе (ея воспитанники—казенные пансіонеры, состоящіе на иждивеніи государства и обязующіеся за то прослужить въ учебномъ вѣдомствѣ извѣстное число лѣтъ), крайне удаляетъ молодыхъ людей отъ жизни и жгучихъ вопросовъ современности. Спеціальная тренировка, которой они подвергаются, носитъ чрезвычайно книжный характеръ и вселяетъ въ нихъ комичный порою фетишизмъ къ печатнымъ и писаннымъ документамъ и преклоненіе передъ отвлеченными формулами. Когда Тэнъ, напр., вооружается, — и вооружается несправедливо, — противъ „абстрактнаго“, „классическаго“ духа, создавшаго якобы всю нелѣпицу, извѣстную подъ названіемъ великой революціи, то въ сущно-

*) Jean Jaurés, *De la réalité du monde sensible*; Парижъ, 1902, 2-е изд., стр. 295—296.

сти онъ изображаетъ и осуждаетъ, самъ того не замѣчая, природныя и еще болѣе развившіяся въ нормальной школѣ особенности своего крайне отвлеченнаго и апріорнаго ума. Эта оторванность отъ жизни, этотъ книжный характеръ умственной работы въ связи съ корпоративнымъ духомъ закрытаго заведенія придаютъ даже самымъ выдающимся „нормалистамъ" (normaliens) особый отпечатокъ, который остается у нихъ на всю жизнь. Самоувѣренность; докторальный тонъ; большая эрудиція и тутъ же, рядомъ, поразительные пробѣлы мысли, маскирующіеся для нихъ же самихъ убѣжденіемъ въ своемъ всезнаніи,—вотъ наиболѣе типичные признаки бывшихъ воспитанниковъ школы, которые дѣлаютъ изъ нихъ великолѣпныхъ представителей „педантократіи". И, разговаривая съ „нормалистомъ", вы не можете забыть ни на минуту, что передъ вами человѣкъ, который, кажется, даже и во снѣ не можетъ выпустить изъ рукъ учительской указки. Есть, конечно, блестящія и немалочисленныя исключенія, но они лишь подтверждаютъ правило...

У Жорэса въ предисловіи къ его „Парламентскимъ рѣчамъ" указана очень рельефно одна сторона „нормальнаго" воспитанія, хотя, разумѣется, бывшій питомецъ школы не безъ нѣжности относится къ своей alma mater, самые недостатки которой онъ считаетъ общими ей съ университетомъ, — что не совсѣмъ вѣрно. Вотъ, во всякомъ случаѣ, что говоритъ Жорэсъ:

Когда въ 26 лѣтъ я вошелъ въ парламентъ, я, могу сказать, только что вышелъ изъ гимназіи. Ибо въ нашей странѣ, въ которой нѣтъ ничего подобнаго англійской аристократіи, распространяющей политическое образованіе во всякой средѣ, куда только ни бываютъ призваны ея сыновья, нормальная школа и университетъ представляютъ собою почти простое продолженіе гимназіи: это какъ бы интеллектуальный закрытый пансіонъ, оживляемый порою чудеснымъ броженіемъ идей, и откуда умъ со страстью слѣдитъ за міровымъ движеніемъ, но гдѣ онъ лишенъ непосредственнаго соприкосновенія съ людьми и вещами. Въ умахъ, получившихъ такую подготовку, самыя тонкія порою и самыя глубокія свѣдѣнія соприкасаются съ самымъ поразительнымъ незнаніемъ...

Что касается до меня, то еще въ первые годы своихъ занятій я уже или предугадывалъ весь соціализмъ, или проникъ въ него, начиная отъ Фихте и кончая Марксомъ, но въ то же время не зналъ, что во Франціи существовали соціалистическія группы, велась цѣлая агитація съ цѣлью распространенія идей и отъ Гэда до Малона пылало сектантское соперничество фракцій (ferveur de rivalité sectaire). Какъ же умамъ, получившимъ такой родъ подготовки, какъ я, не научиться многому отъ жизни, когда они, наконецъ, приходятъ въ соприкосновеніе съ нею? Имъ приходится не только исправлять и пополнять свое первое слишкомъ книжное и одинокое воспитаніе имъ должно еще, цѣною новыхъ усилій, защищаться или реагировать противъ слишкомъ сильнаго впечатлѣнія, производимаго на нихъ самою новизною вещей *).

*) *Discours parlementaires*; Парижъ, 1904, стр. 2 введенія (посвященнаго изображенію „Соціализма и радикализма въ 1885 г.")

Стараясь дать понятіе читателю, на основаніи свидѣтельства самого Жорэса, объ оторванномъ отъ жизни и въ извѣстномъ смыслѣ схоластическомъ характерѣ образованія, получаемаго въ высшей нормальной школѣ, я забѣжалъ собственно нѣсколькими годами впередъ. Но достаточно двухъ - трехъ строкъ, чтобы возстановить пропущенный нами промежутокъ времени. Жорэсъ поступилъ въ школу въ 1878 году, 18 лѣтъ отъ роду, какъ то полагается по ея правиламъ о минимумѣ возраста для допущенія. Въ 1881 г., т. е. три года спустя, какъ опять таки полагается для способнаго „нормалиста", онъ вышелъ изъ нея 21-лѣтнимъ юношей и получилъ званіе адъюнктъ-профессора (agrégé, приблизительно соотвѣтствующаго нашему приватъ-доценту философіи). Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ былъ преподавателемъ философіи въ гимназіи Альби, главнаго города его родного департамента; затѣмъ получилъ каѳедру по философіи же на словесномъ факультетѣ тулузскаго университета и вмѣстѣ съ тѣмъ читалъ курсъ психологіи въ женской гимназіи Тулузы. Во время выборовъ по спискамъ въ палату депутатовъ онъ былъ внесенъ въ республиканскій листъ Тарнскаго департамента и прошелъ первымъ изъ шести, 4 октября 1885 года, получивъ 48.040 голосовъ—изъ 94.392 голосовъ всѣхъ вотивировавшихъ.

Онъ былъ посланъ въ палату своими избирателями, какъ „кандидатъ республиканскаго единенія и концентраціи", и не записался ни въ одну изъ группъ, на которыя дѣлились тогда республиканцы, состоявшіе, какъ извѣстно, въ палатѣ 1885—1889 г. наполовину изъ оппортунистовъ, наполовину изъ радикаловъ. Эти фракціи свирѣпо боролись между собой, благодаря чему, образуя двѣ трети всей палаты, онѣ находились въ рукахъ послѣдней трети, слагавшейся изъ монархистовъ и вообще реакціонеровъ. Жорэсъ въ предисловіи къ своимъ „Парламентскимъ рѣчамъ" такъ изображаетъ свою тогдашнюю политическую позицію, равно какъ всю свою послѣдующую политическую эволюцію:

Я имѣю право сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ занимаюсь общественной дѣятельностью (depuis que je suis dans la vie publique), основное направленіе моей мысли и моихъ стремленій оставалось постоянно однимъ и тѣмъ же. Я всегда былъ республиканцемъ, и всегда былъ соціалистомъ: моимъ идеаломъ была всегда соціальная республика, республика организованнаго и державнаго труда. И за нее я боролся съ самаго перваго дня, со всею своею неопытностью и своимъ незнаніемъ. Объ этомъ единствѣ дѣйствія рѣшительно свидѣтельствуетъ рядъ рѣчей, произненныхъ мною въ парламентѣ; и съ еще большими подробностями могъ бы свидѣтельствовать рядъ напечатанныхъ мною статей.

Я не надѣюсь разрушить легенду, которая дѣлаетъ изъ меня прежняго депутата „лѣваго центра", перешедшаго внезапно къ соціализму. Легенды,

созданныя партійнымъ духомъ, не разрушимы, а эта легенда въ частности имѣетъ за собою извѣстное правдоподобіе; ибо если во все время существованія палаты 1885—1889 г. я не былъ записанъ ни въ одной группѣ, если я часто вотировалъ съ передовой лѣвой, если я при всякомъ случаѣ обнаруживалъ все болѣе и болѣе ясное тяготѣніе къ соціализму, то съ географической точки зрѣнія я, дѣйствительно, сидѣлъ въ центрѣ; и этого было достаточно въ глазахъ многихъ людей, чтобы меня классифицировать. Но уже въ ту пору я, глубоко и систематически, былъ соціалистомъ-коллективистомъ. И во всѣхъ словахъ, сказанныхъ мною, ясно обнаруживается вдохновеніе соціализмомъ. И какъ мой идеалъ остался въ общихъ чертахъ тѣмъ же самымъ, тѣмъ же самымъ остался и методъ.

Если невѣрно, что я перешелъ отъ доктрины и программы лѣваго центра къ доктринѣ и программѣ соціализма, то невѣрно также, что я совѣтовалъ и самъ практиковалъ, съ 1893 по 1898 г., грубо революціонный и непримиримо оппозиціонный методъ, чтобы затѣмъ избрать путь смягченнаго реформизма и медленно тянущейся эволюціи. Несомнѣнно, въ пылу первыхъ крупныхъ успѣховъ соціализма въ 1893 г., я питалъ порою иллюзію полной, совсѣмъ недалекой и, поистинѣ, черезчуръ легкой побѣды нашего идеала. И въ жару борьбы противъ систематическихъ реакціонныхъ министерствъ, которыя насъ вызывали и намъ угрожали, которыя изъявляли претензію выбросить насъ вонъ изъ республики, отлучить насъ отъ общаго права національной жизни, я обращался съ призывомъ къ бурной энергіи пролетаріата, какъ я обращусь къ ней завтра же, если правительство выразитъ притязаніе запретить свободную и легальную эволюцію коллективизму и рабочему классу. Но во всѣхъ моихъ рѣчахъ этой бурной эпохи, сильныя ощущенія которой я до сихъ поръ переживаю съ гордостью, легко найти всѣ черты нашей современной соціалистической политики.

Въ нихъ та же основная забота связать соціализмъ съ республикой, дополнить политическую демократію демократіей соціальной. Въ нихъ тотъ же призывъ къ силѣ республиканской законности, если только эта законность не насилуется дерзостью ретроградныхъ партій или искажается ихъ вѣроломствомъ. Въ нихъ та же страсть къ высокой человѣческой культурѣ и въ то же время къ возростающей организаціи и экономическому освобожденію пролетаріата. Въ нихъ та же постоянно озабочивающая меня мысль о томъ, чтобы закончить періодъ чистой критики и выразить въ положительныхъ законопроектахъ органическій характеръ соціализма. Въ нихъ тотъ же оппортунизмъ, ставящій своею задачею утилизировать, въ интересахъ соціалистической партіи и рабочаго движенія, всѣ несогласія въ рядахъ буржуазіи, всѣ силы свободы или всѣ шансы наименьшаго угнетенія, какіе только завѣщаны намъ демократической и революціонной традиціей Франціи. Въ нихъ то же желаніе осуществить непосредственныя реформы, которыя подготовляютъ или даже которыя открываютъ собой рѣшительное преобразованіе общества. Въ нихъ та же гибкость тактики, которая между рѣзкой оппозиціей министерствамъ Дюпюи и Казиміра-Перье и не менѣе рѣзкой оппозиціей министерству Мелина сумѣла вставить въ дни министерства Буржуа періодъ самаго рѣшительнаго, самаго постояннаго, я готовъ почти сказать, самаго непримиримаго соціалистическаго министеріализма. Такимъ образомъ я могу снова пробѣжать мысленно всю линію поведенія, которой я слѣдовалъ въ теченіе двадцати лѣтъ, не натыкаясь на собственныя противорѣчія. Эта линія не ровна и шероховата, какъ и самая почва, по которой она проходитъ, то прямо и круто поднимаясь словно на приступъ, то пробѣгая по самому краю пропасти, то принимая характеръ извилистаго и повидимому легкаго пути; но она все время ведетъ къ одной и той же цѣли, оріентирована въ направленіи къ все ростущему и ростущему свѣту соціализма *).

*) *Discours*, стр. 3—5.

Собственно и здѣсь мы зашли далеко впередъ того момента, на которомъ остановились, а именно, перваго выступленія Жорэса на политическое поприще. Но мнѣ не хотѣлось перерывать этого очень любопытнаго „человѣческаго документа", такъ какъ въ немъ Жорэсъ рисуетъ намъ себя такимъ, какимъ онъ самъ себѣ представляется, т. е. по необходимости рисуетъ свой *идеалъ* политическаго дѣятеля. Что сказать относительно этого документа? Такъ какъ я не пишу политическаго памфлета, то я оставляю совершенно въ сторонѣ вопросъ объ искренности этой исповѣди Жорэса. Враги его увѣряютъ, что онъ слишкомъ часто и не спроста испещряетъ свои рѣчи и статьи словами „честность", „лояльность" (loyauté), разсчитывая на простаковъ и пуская въ ходъ именно этотъ пріемъ всякій разъ, какъ замышляетъ новый ловкій планъ противъ идейныхъ противниковъ или „братьевъ-враговъ" изъ соціалистическаго лагеря. Но я принимаю все сказанное Жорэсомъ въ приведенной цитатѣ за выраженіе его глубокаго убѣжденія. За то мы должны помнить,—какъ выразился уже однажды мимоходомъ Марксъ, — что для оцѣнки того, что представляетъ собою данный индивидуумъ, не надо придавать особое значеніе тому, что онъ самъ воображаетъ о себѣ („so wenig man das. was ein Individuum ist, nach dem beurteilt, was es sich selbst dünkt" и т. д.). Самому Жорэсу можетъ казаться, что его „линія поведенія" обладаетъ непрерывностью и неизмѣннымъ общимъ направленіемъ. А вотъ одинъ изъ самыхъ жаркихъ противниковъ современнаго Жорэса,—я разумѣю Гэда,—выразился, въ виду разговоровъ о необходимости объединенія между двумя враждующими фракціями французскаго соціализма, что „есть нѣсколько Жорэсовъ"; и что Жорэсъ второй половины 80-хъ годовъ прошлаго вѣка такъ же мало похожъ на Жорэса большей части 90-хъ, какъ Жорэсъ этой эпохи мало напоминаетъ современнаго Жорэса. Можно, съ другой стороны, и такой отзывъ объяснять жаромъ идейной борьбы и находить, что въ немъ преувеличена разница послѣдовательныхъ „воплощеній" Жорэса, и линія его эволюціи является черезчуръ изломанной и прерывающейся. Но, стараясь по возможности объективно отнестись къ Жорэсу „первой", „второй" и „третьей манеры",—какъ любятъ выражаться французскіе критики, говоря о различныхъ періодахъ въ литературной дѣятельности писателей,—стараясь по возможности объективно разсмотрѣть сочетаніе различныхъ элементовъ въ этой сложной личности и преобладаніе того или другого изъ нихъ въ разные моменты ея дѣятельности, я прихожу къ заключенію, что къ истинѣ все же ближе враги Жорэса, чѣмъ самъ Жорэсъ.

Такъ, прежде всего, мнѣ кажется, что глава министерскихъ соціалистовъ страшно преувеличиваетъ опредѣленность своего міровоззрѣнія въ самомъ началѣ своей политической карьеры, утверждая, что „уже въ ту пору, глубоко и систематически, онъ

былъ соціалистомъ-коллективистомъ". Точно также мнѣ сдается, что Жорэсъ допускаетъ подобное же страшное преувеличеніе уже въ другомъ направленіи, преуменьшая яркость своего міровоззрѣнія и рѣзкость своей тактики въ 90-ые годы. Слово „оппортунизмъ", многозначительно употребленное имъ для характеристики этой полосы въ его дѣятельности, является лишь инстинктивной попыткой Жорэса отбросить тѣнь своего теперешняго министеріализма по возможности далеко назадъ, затемнивъ ею вполнѣ ясные и рельефные контуры своей боевой физіономіи того времени. Это слово „оппортунизмъ" побуждаетъ меня, съ другой стороны, провести въ настоящемъ этюдѣ давно приходящую мнѣ на мысль параллель между Гамбеттой и Жорэсомъ, параллель, въ результатѣ которой я надѣюсь доказать читателямъ, что эволюція Гамбетты въ области политическаго радикализма находитъ свой pendant въ эволюціи Жорэса внутри соціализма. Какъ пламенный трибунъ временъ второй имперіи, обѣщавшій націи въ своей рѣчи къ университетской молодежи „основать на началахъ справедливости истинный порядокъ и матеріальную обезпеченность" *), не походитъ на главу оппортунистовъ, который бросалъ освиставшимъ его бельвильскимъ избирателямъ бранный эпитетъ „пьяныхъ рабовъ", такъ Жорэсъ стачки въ Кармо и процесса Казиміра-Перье, Жорэсъ, произносившій великолѣпную апологію соціальной „ненависти", какъ великой „творческой силы", не походитъ на Жорэса, который строитъ цѣлую теорію „сотрудничества классовъ" и упорно примѣняетъ ее на практикѣ. Разумѣется, въ томъ и въ другомъ случаѣ надо брать вопросъ, по нѣмецкому выраженію, „въ общемъ и цѣломъ", а не вылавливать отдѣльныя слова изъ разныхъ періодовъ дѣятельности какъ Гамбетты, такъ Жорэса, и софистическимъ сближеніемъ возможнаго формальнаго сходства выраженій доказывать отсутствіе перемѣны взглядовъ того и другого дѣятеля. Эту параллель между Жорэсомъ и Гамбеттой я проведу, впрочемъ, ниже, тамъ, гдѣ она будетъ у мѣста по самой эволюціи Жорэса.

Прежде всего, можно ли сказать, что уже при первомъ вступленіи своемъ въ парламентъ, т. е. еще помѣщаясь „географически" на скамьяхъ лѣваго центра, Жорэсъ былъ,—какъ это ему кажется на разстояніи двухъ десятковъ лѣтъ,—„глубоко и систематически соціалистомъ-коллективистомъ"? Онъ рекомендуетъ читателямъ въ подтвержденіе этой самооцѣнки заглянуть въ его тогдашнія рѣчи и статьи. Я сдѣлалъ это и прихожу къ заключенію, что въ самомъ началѣ своей парламентарной дѣятельности Жорэсъ не былъ не только коллективистомъ, но и соціалистомъ,

*) *Discours et plaidoyers choisis de Léon Gambetta*; Парижъ, 1895, стр. 51.

какъ понимается теперь это слово. Нѣкоторый прогрессъ въ выработкѣ соціальныхъ взглядовъ Жорэса я замѣчаю въ послѣдующіе годы его первоначальной депутатской карьеры, такъ, приблизительно, съ 1888 г., и то, впрочемъ, гораздо болѣе въ газетныхъ статьяхъ, которыя онъ пишетъ для мѣстныхъ органовъ юга, чѣмъ въ парламентскихъ рѣчахъ. Этотъ процессъ „соціализаціи", если можно такъ выразиться, міровоззрѣнія Жорэса ускоряется и дѣлается болѣе энергичнымъ уже послѣ того, какъ ему приходится оставить временно палату депутатовъ. На выборахъ 22 сентября 1889 г., произведенныхъ по округамъ, онъ, дѣйствительно, ставитъ свою кандидатуру въ первомъ избирательномъ дѣленіи Кастрскаго округа и побитъ монархическимъ кандидатомъ, Абріалемъ, который получаетъ 9,632 голоса противъ 8,766 голосовъ, поданныхъ за Жорэса *). Но, повторяю, соціализмъ Жорэса на первыхъ шагахъ его парламентарной карьеры носитъ очень неопредѣленный характеръ. И если въ своемъ предисловіи онъ дѣлаетъ косвенную попытку объяснить тотъ фактъ, что онъ не примкнулъ въ то время въ какой-либо изъ соціалистическихъ фракцій, изображеніемъ противорѣчій и незрѣлости тогдашняго соціализма, то не надо забывать, что, во-первыхъ, эта пессимистическая картина нарисована имъ теперь, заднимъ числомъ и въ защиту своего министерскаго соціализма, а во-вторыхъ, что нѣсколько лѣтъ спустя такое же положеніе дѣлъ не помѣшало ему стать открыто въ ряды соціалистической партіи.

Его тогдашняя межеумочная позиція объясняется, по нашему мнѣнію, проще: вліяніемъ окружавшей его буржуазной среды и нормальной школы, препятствовавшихъ критической работѣ его недюжиннаго ума. И по этому поводу я считаю полезнымъ лишній разъ предостеречь читателей противъ черезчуръ обычнаго пріема объяснять явленія частной и общественной психологіи главнымъ образомъ или даже исключительно элементами сознанія и пониманія. Этотъ, если можно такъ выразиться, интеллектуализмъ недостаточно считается съ тѣмъ обстоятельствомъ, что до сихъ поръ громадное большинство человѣчества и въ громадной долѣ случаевъ управляется всемогущими безсознательными инстинктами и чувствами; и что въ частности, какъ бы ни была крупна данная личность, ея взгляды опредѣляются гораздо меньше тѣмъ, что она можетъ абстрактно понять, чѣмъ тѣмъ, что она можетъ ассимилировать всѣмъ существомъ своимъ и привести въ гармонію съ интересами, привычками и вкусами своей среды и своего первоначальнаго воспитанія. Какъ вы хотите, чтобы безъ

---

*) „Другъ" Жорэса, Кларисъ, собравшій и снабдившій примѣчаніями его „Парламентскія рѣчи", вдвойнѣ ошибается, говоря, что Жорэсъ совсѣмъ не представлялся на выборахъ 1889 г., и относя ихъ къ августу мѣсяцу этого года. См. *Discours parlementaires*, прим. къ стр. 381.

долгой борьбы, безъ нравственнаго кризиса молодой Жорэсъ, вышедшій изъ буржуазно-административной семьи, прошедшій черезъ нормальную школу, которая въ самомъ благопріятномъ случаѣ не опережаетъ, а лишь слѣдуетъ за общественнымъ движеніемъ, наконецъ, окруженный своими „географическими" сосѣдями лѣваго центра,—какъ вы хотите, говорю я, чтобы при этихъ условіяхъ 26-лѣтній депутатъ „республиканскаго единенія и концентраціи" могъ надлежащимъ образомъ войти умомъ и сердцемъ въ чуждыя его средѣ „соціалистическія группы"? А не сдѣлавъ этого акта проникновенія, этой внутренней ассимиляціи, онъ не не могъ быть въ ту пору „глубоко и систематически",—какъ кажется ему теперь,—„соціалистомъ-коллективистомъ".

Возьмите его первый политическій актъ въ парламентѣ, внесенное имъ въ палату, 8-го апрѣля 1886 г., предложеніе закона объ „организаціи корпоративныхъ кассъ взаимопомощи, пенсій и кооперація для рабочихъ различныхъ отраслей промышленности". Мотивировка этого предложенія представляетъ собою соціальное profession de foi тогдашняго Жорэса. Что видите вы въ немъ? Правда, авторъ относится критически къ „либеральной экономіи", которая враждебна всякому вмѣшательству государства въ дебаты между трудомъ и капиталомъ. Но „либеральная экономія" стала отрицаться на почвѣ Франціи во второй половинѣ 80-хъ годовъ даже такими умѣренными республиканцами, какъ Поль Дешанэль. И можно лишь констатировать отсталость французской буржуазіи въ соціальной области, указавъ на тотъ фактъ, что политическій радикализмъ у ея выдающихся представителей зачастую плелся позади плановъ общественной реформы, которые стали предлагаться людьми оттѣнка Вальдэка-Руссо. Съ другой стороны, Жорэсъ, повидимому, вдохновляется людьми 48-го года, употребляетъ даже ихъ терминологію, говоря о „банкирѣ" *), которымъ будетъ для производительныхъ ассоціацій проектируемый имъ для каждаго департамента совѣтъ изъ выборныхъ рабочихъ, или восхваляя „тотъ идеалъ экономической независимости, мира и добраго согласія въ трудѣ, который наши учителя 1848 г. сохраняли такимъ близкимъ, такимъ яркимъ въ своемъ сердцѣ и умѣ" **). Но это вдохновеніе „нашими учителями" не идетъ у Жорэса дальше тѣхъ неопредѣленныхъ стремленій къ кооперація, которыя были въ модѣ во время февральской революціи, и не доходитъ, напр., даже до плана „организаціи труда" Луи-Блана. Впрочемъ, самъ Жорэсъ говоритъ, что „та самая мысль, которая одушевляла людей 1848 г., руководила и нами; но только мы научились быть болѣе робкими и дѣй-

*) „Банкиръ бѣдныхъ", такъ часто называлось государство у соціальныхъ филантроповъ февральской революціи.

**) *Discours*, стр. 366.

ствовать болѣе медленными способами" *). Точно такъ же Жорэсъ противоставляетъ современной „экономической безпорядочности (dérèglement)" „справедливое и разумное распредѣленіе занятій", „гармонію производства и потребностей", которая устранитъ „мало-по-малу" періодическіе кризисы. Онъ говоритъ даже о „соціалистической идеѣ, къ которой все насъ ведетъ". Но въ то же самое время, съ какой тщательностью онъ устанавливаетъ различныя категоріи рабочихъ по ихъ отношенію къ этой идеѣ; и съ какимъ видимымъ удовольствіемъ противоставляетъ „великодушныхъ и благоразумныхъ" рабочихъ „другимъ людямъ", питающимъ „предвзятую" склонность къ „насилію" (les violents de parti pris) и успѣвающимъ „въ часы кризиса и обостряющейся нищеты поднимать порою криками ненависти тѣхъ изъ рабочихъ, которыхъ не могли привести въ движеніе слова разума, даже и соединеннаго со страстью" **). И онъ увѣщеваетъ государство „рѣшительно стать на точку зрѣнія смѣлыхъ, но благоразумныхъ рабочихъ", если только оно не хочетъ „сдѣлаться по своей инертности соучастникомъ людей насилія" ***).

Вы видите, какъ робко еще горитъ въ это время у Жорэса маленькое пламя новаго общественнаго идеала; и какъ его колеблютъ и чуть не задуваютъ на каждомъ шагу собственные же предразсудки депутата „республиканской концентраціи", являющіеся, конечно, предразсудками среды и воспитанія. Объективно всматриваясь въ фигуру Жорэса этой эпохи, можно констатировать незаурядную силу ума, облегчившую этому типичному сыну интеллигентной буржуазіи приподняться нѣсколько надъ роковымъ кругомъ классовыхъ интересовъ и бросить черезъ него взглядъ на разстилающійся во всѣ стороны отъ него широкій міръ интересовъ всеобщаго труда. Но вмѣстѣ съ тѣмъ приходится отмѣтить все разстояніе, еще отдѣлявшее въ то время Жорэса отъ „соціалиста-коллективиста", и притомъ „глубокаго и систематическаго", какимъ онъ является самому себѣ въ зеркалѣ своихъ пристрастныхъ воспоминаній.

Возьму еще рѣчь, произнесенную Жорэсомъ 8-го марта 1887 г. во время преній въ палатѣ объ измѣненіи общаго таможеннаго тарифа, а именно о введеніи покровительственныхъ пошлинъ на хлѣбъ. Какъ извѣстно, эта рѣчь заслужила тогда же похвалы соціалистическаго депутата Густава Руанэ (кстати сказать, теперешняго пріятеля Жорэса), который писалъ въ „La Revue socialiste" за апрѣль 1887 г., что сдѣлай Жорэсъ еще одинъ шагъ, и его можно было бы счесть „однимъ изъ нашихъ". Ибо, молъ, его „взгляды въ соціальной экономіи", не смотря на то, что онъ „си-

---

*) *Ibid.*, стр. 365.
**) *Ibid.*, стр. 370.
***) *Ibid.*, стр. 371.

дитъ въ центрѣ или на границѣ лѣвой“, несомнѣнно „обгоняютъ не одного члена крайней лѣвой, воображающаго себя очень передовымъ человѣкомъ потому только, что проповѣдуетъ экономическую свободу“. Но опять таки, читая эту рѣчь, вы не можете не замѣтить, это мысль Жорэса выражаетъ лишь общее тяготѣніе защищать интересы непосредственнаго производителя, но лишена всякой опредѣленной теоретической основы, которая позволяла бы видѣть въ этомъ тяготѣніи послѣдовательный планъ дѣйствій, исходящій отъ „соціалиста - коллективиста“. Дѣло шло тогда объ обложеніи пшеницы, овса, муки и т. п. ввозными пошлинами. Становясь на точку зрѣнія протекціонизма, начавшаго въ то время сильно проявляться во французскомъ парламентѣ, Жорэсъ предлагаетъ лишь отложить пренія о покровительственныхъ пошлинахъ до того времени, когда правительство изучитъ и представитъ на обсужденіе предварительныя мѣры, клонящіяся къ тому, чтобы дать возможность фермерамъ, половникамъ и сельскимъ рабочимъ дѣйствительно воспользоваться выгодами протекціоннаго тарифа. И я нахожу въ рѣчи Жорэса слѣдующія наиболѣе яркія мѣста:

Я заявляю, что я не врагъ покровительственнаго режима; я не только признаю со многими изъ товарищей по палатѣ, что въ извѣстные моменты можетъ быть полезно отклониться отъ принциповъ свободной торговли, но я безусловно убѣжденъ, что покровительство, извѣстнымъ образомъ понимаемое, отвѣчаетъ требованіямъ демократической идеи. Нужно только, чтобы оно было окружено извѣстными предосторожностями, дополнено извѣстными мѣрами соціальной справедливости...

Нація не представляетъ собой однородной глыбы; нація раздѣлена на различные и порою антагонистическіе интересы; и однѣ и тѣ же мѣры не обнаруживаютъ одинаковаго дѣйствія на всѣ части населенія.

Вполнѣ законно поэтому, разъ покровительство представляется намъ необходимымъ, организовать его такъ, чтобы оно шло на пользу не земельнаго капитала, а земледѣльческаго труда. Крупная собственность, когда она начинаетъ требовать отъ имени половниковъ и фермеровъ, походитъ немного на тѣхъ кормилицъ, которыя выбираютъ себѣ лучшіе куски, говоря, что это для ребенка (*Смѣхъ и рукоплесканія на лѣвой сторонѣ*). Постараемся же, насколько возможно, чтобы и ребенокъ получилъ свою порцію *).

И опять таки здѣсь, несомнѣнно, видно искреннее стремленіе помочь трудящимся элементамъ деревни. Но это стремленіе не опирается на ясное мѣровоззрѣніе труда; и Жорэсъ доходитъ лишь до нѣкотораго пониманія классовой борьбы, этого рычага современной политики, говоря, что „въ націи“ существуютъ „порою (?!) антагонистическіе интересы“. Насколько и здѣсь Жорэсъ далекъ отъ міросозерцанія „глубокаго и систематическаго соціалиста-коллективиста“, съ крайнею очевидностью вытекаетъ хотя бы изъ того, что въ эту пору онъ вѣритъ еще въ протекціонизмъ, который является почти повсюду излюбленною доктриною

*) *Discours*, стр. 191, 198—199, *passim*.

современной буржуазіи, а въ формѣ ввозныхъ пошлинъ на хлѣбъ обогащаетъ аграріевъ цѣною голоданія трудящихся массъ.

Я не буду останавливаться на другихъ рѣчахъ Жорэса въ этотъ начальный періодъ его парламентской дѣятельности, тѣмъ болѣе, что ихъ очень немного, ибо, не смотря на свое природное краснорѣчіе, молодой депутатъ крайне стѣснялся говорить въ палатѣ. „Одна мысль появиться на трибунѣ вызывала во мнѣ почти непобѣдимый страхъ и буквально съѣдала меня" *), говоритъ самъ будущій знаменитый ораторъ, который первое время долженъ былъ преодолѣвать смущеніе, являясь передъ публикой, хотя его тогдашнія рѣчи уже обращали на себя вниманіе знатоковъ, напр., тогдашняго радикальнаго депутата, нынѣ президента палаты, Анри Бриссона.

Я сказалъ выше, что проясненіе міровоззрѣнія Жорэса обнаруживается въ самомъ концѣ 80-хъ годовъ и преимущественно въ газетныхъ статьяхъ, которыя молодой „нормалистъ" пишетъ въ демократическомъ органѣ „La Dépêche", выходящемъ въ Тулузѣ. Но и здѣсь прогрессъ „соціализаціи" взглядовъ Жорэса принимаетъ форму постепенной эволюціи. Въ номерѣ отъ 17-го марта 1889 г. упомянутой газеты Жорэсъ пишетъ, напр., статью о „среднемъ классѣ и соціальномъ вопросѣ". Здѣсь авторъ уже рѣзко вооружается противъ силы капитала, съ одной стороны, концентрирующаго средства производства, а съ другой—разрушающаго средній классъ и создающаго пролетаріатъ, и предвидитъ общественный переворотъ. Но, на подобіе нѣкоторыхъ крайнихъ радикаловъ съ соціалистическимъ оттѣнкомъ, онъ сливаетъ еще воедино интересы рабочаго класса (называя его даже предпочтительно неопредѣленнымъ терминомъ „народа") и интересы „производительной" буржуазіи и противоставляетъ ихъ вмѣстѣ „капиталистическому феодализму":

Почему была въ 1789 г. революція противъ земельнаго и движимаго феодализма? Потому что французская буржуазія была по своимъ качествамъ лучше своего положенія. Почему противъ капиталистическаго феодализма будетъ неизбѣжно подобная же революція, которую нашъ долгъ приготовить, не регулируя ее? Потому что народъ мастерскихъ и народъ полей, трудолюбивая и бѣдная буржуазія стоятъ выше по своему уму и сердцу, чѣмъ созданное для нихъ соціальное положеніе... Капиталистическій феодализмъ, причиняющій столько зла націи, полезенъ небольшому лишь числу. Такимъ образомъ справедливость возникаетъ не изъ насильственной и исключительной агитаціи той или другой фракціи соціализма, а изъ извѣстнаго рода національнаго движенія. Какъ въ 1789 г. народъ и буржуазія соединились, чтобы уничтожить привилегіи знатныхъ и злоупотребленія феодаловъ, такъ же точно, наканунѣ 1889 г., народъ и трудолюбивая буржуазія должны соединиться, чтобы уничтожить капиталистическія привилегіи и злоупотребленія **).

---

*) Ibid., стр. 16, „введенія".

**) Перепечатано въ сборникѣ рѣчей и статей: Jean Jaurès, *Action socialiste*; Парижъ, 1899, I, стр. 46—47.

Почти полтора года спустя, уже провалившись на выборахъ въ палату и возвратившись къ преподаванію философіи въ тулузскомъ университетѣ, т. е., значитъ, снова имѣя досугъ для серьезнаго изученія соціальнаго вопроса, Жорэсъ все еще колеблется рѣшительно стать на точку зрѣнія соціализма. Онъ еще въ періодѣ сомнѣній. И эта психологія наглядно отражается въ газетной статьѣ отъ 15-го октября 1890 г. Статья эта, носящая поэтическое заглавіе „При лунномъ сіяніи", выражаетъ, очевидно, тогдашніе взгляды Жорэса на соціализмъ съ его тяготѣніемъ къ этому міровоззрѣнію, но и съ его сомнѣніями. Авторъ употребляетъ литературный пріемъ діалога, позволяющій ему раздвоиться и развить аргументы *за* и *противъ* соціализма. Въ этомъ діалогѣ Жорэсъ избираетъ себѣ роль приверженца соціалистическаго міровоззрѣнія; но его оспариваетъ нѣкій „молодой инженеръ", родъ „адвоката дьявола" въ средневѣковыхъ диспутахъ, однако, такого адвоката, который гораздо сильнѣе и искуснѣе своихъ обычныхъ собратовъ по адвокато-дьявольской профессіи. Это знаменательно въ томъ смыслѣ, что служитъ литературнымъ выраженіемъ субъективнаго настроенія Жорэса, для котораго возраженія противъ соціализма имѣли еще въ то время не малое значеніе.

Вотъ, напр., какъ говоритъ о соціализмѣ самъ Жорэсъ „При лунномъ сіяніи":

Когда соціализмъ восторжествуетъ, когда періодъ согласія смѣнитъ періодъ борьбы, когда всѣ люди будутъ обладать своей долей собственности въ гигантскомъ капиталѣ человѣчества и своей долей иниціативы и воли въ гигантской дѣятельности человѣчества, тогда всѣ люди будутъ испытывать полноту гордости и радости; въ самомъ скромномъ ручномъ трудѣ они будутъ чувствовать себя сотрудниками всемірной цивилизаціи; и этотъ трудъ, ставшій болѣе благороднымъ и братскимъ, они регулируютъ такимъ образомъ, чтобы оставить себѣ нѣсколько часовъ отдыха для размышленія и ощущенія жизни...

Они скоро начнутъ чувствовать, что эта вселенная, изъ которой возникло человѣчество, не можетъ быть въ самомъ основаніи своемъ грубой и слѣпой, что повсюду присутствуетъ умъ, повсюду душа, и что само мірозданіе является лишь гигантскимъ и смутнымъ стремленіемъ къ порядку, красотѣ, свободѣ и добру. Да, другимъ взоромъ и другимъ сердцемъ они будутъ смотрѣть не только на людей своихъ братьевъ, но и на землю и небо, на скалу, на дерево, на животное, цвѣтокъ и звѣзду *)...

Хорошо говоритъ Жорэсъ, хорошо и чувствительно, и послѣднія слова рисуютъ намъ его даже поэтомъ-философомъ пантеистическаго склада мыслей. Но недурно по своему отвѣчаетъ и „адвокатъ дьявола":

— „Отлично,—возразилъ мнѣ мой инженеръ,—но почему вы не говорите просто о соціальномъ прогрессѣ? Для чего вы говорите о соціализмѣ? Соціальный прогрессъ есть вещь реальная, а соціализмъ—пустое слово. Это—имя малочисленной, фразистой, насильствующей и раздѣленной внутри самой

*) *Action socialiste*, стр. 108--109, passim.

себя секты; но это не есть серьезная прогрессивная сила. Можетъ случиться, что рѣшенія, предлагаемыя соціалистами, будутъ постепенно приняты, но ужъ, конечно, не соціалисты дадутъ восторжествовать имъ. Никогда не будетъ правительства, дѣйствующаго и законодательствующаго во имя соціализма. Ибо правительство, даже для того, чтобы улучшить современный строй и создать новый, необходимо опирается на то, что есть. Но соціализмъ дѣлаетъ видъ, что онъ есть нѣкое поразительное откровеніе и новое евангеліе, ищущее для созданія будущаго точку опоры въ будущемъ же *).

Болѣе ясное и безъотговорочное признаніе соціализма находится въ статьѣ Жорэса отъ 1-го октября 1891 г., посвященной критикѣ рѣчи, произнесенной покойнымъ папою въ отвѣтъ на привѣтствіе графа де-Мэна отъ имени рабочихъ-католиковъ. Въ этой статьѣ, озаглавленной „Папа рабочихъ", Жорэсъ удачно вскрываетъ противорѣчіе въ разсужденіяхъ Льва XIII-го, который провозглашаетъ многозначительную формулу „заработная плата должна вполнѣ соотвѣтствовать труду" и вмѣстѣ съ тѣмъ нападаетъ на соціалистовъ:

Соціалисты никогда и не требовали чего-либо другого. И если они съ безпокойствомъ ищутъ болѣе раціональной, болѣе научной и болѣе справедливой организаціи труда, то съ тою цѣлью, чтобы каждый человѣкъ—получалъ плату, дѣйствительно строго равную его труду (adéquat au travail). Поэтому, если папа осуждаетъ ихъ, то въ силу соображеній, вполнѣ посторонних соціальному вопросу: дѣло въ томъ, что рабочіе-соціалисты организуются внѣ церкви, внѣ ея догматовъ и ея опеки; дѣло въ томъ, что они начинаютъ свободно мыслить съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность свободно работать; наконецъ, можетъ быть также, что въ ихъ страстномъ стремленіи къ справедливости, въ ихъ любви къ человѣчеству заключается скрытый принципъ новаго религіознаго возрожденія, которое довершитъ разрушеніе потрясеннаго католицизма **).

Жорэсъ, видимо, теперь уже сталъ на прямую дорогу, ведущую къ современному соціализму. И объективному историку приходится, повторяю, отмѣтить недюжинную силу умственной и нравственной энергіи, обнаруженной Жорэсомъ, чтобы освободиться изъ подъ ига предразсудковъ среды и воспитанія, не смотря на рядъ обстоятельствъ, неблагопріятно складывавшихся для его эволюціи. Такъ, въ своемъ введеніи къ „Парламентскимъ рѣчамъ" Жорэсъ разсказываетъ, какимъ смѣхомъ редакціи соціалистическаго органа „La Revue socialiste",—куда онъ пришелъ знакомиться съ Малономъ послѣ своей рѣчи о крестьянахъ,—онъ былъ сопровождаемъ, едва захлопнувъ дверь комнаты и очутившись на лѣстницѣ послѣ неудачной попытки „пилигримства изъ лѣваго центра на священную гору интегральнаго соціализма". Съ другой стороны, ко второй же половинѣ 80-хъ годовъ относится женитьба Жорэса на вѣрующей католичкѣ,—фактъ, который, къ сожалѣнію, такъ обыченъ во Франціи и послѣдствія кото-

*) Ibid., стр. 109—110.
**) Ibid., стр. 124—125.

раго Жорэсу пришлось испытать десять лѣтъ спустя во время его замѣчательной кампаніи въ дѣлѣ Дрейфуса. Тогда, дѣйствительно, враги уличали его въ противорѣчіи между его антиклерикальной политикой въ странѣ и его снисходительнымъ отношеніемъ къ католическимъ тенденціямъ жены, старавшейся въ томъ же духѣ воспитывать и двухъ малолѣтнихъ дочерей. Нечего, конечно, преувеличивать этого обстоятельства до размѣровъ политической измѣны, какъ то дѣлали въ полемикѣ съ Жорэсомъ его противники, многіе изъ которыхъ не только поступали такъ же, какъ бывшій депутатъ лѣваго центра, но были еще непослѣдовательнѣе Жорэса. Этотъ, по крайней мѣрѣ, пытался установить въ душѣ дѣвочекъ невозможное среднее ариѳметическое между католицизмомъ и свободной мыслью, воспитывая дочерей въ свѣтской гимназіи, тогда какъ не одинъ изъ враговъ Жорэса, особенно въ лагерѣ радикальствующихъ демагоговъ, помѣщалъ своихъ дѣтей въ учебныя заведенія, содержимыя патерами и монашенками. Но мы не сочли возможнымъ пройти молчаніемъ мимо этого факта въ личной жизни Жорэса, такъ какъ онъ указываетъ, какіе невыгодные для нормальнаго развитія Жорэса элементы заключались въ ближайшей, непосредственно окружавшей его атмосферѣ семьи...

Какъ бы то ни было, дальнѣйшая эволюція Жорэса въ сторону соціализма получила наглядное выраженіе въ томъ, что бывшій питомецъ нормальной школы не побоялся одну изъ своихъ диссертацій на степень доктора словесности, съ успѣхомъ полученную имъ въ февралѣ 1892 г., посвятить соціализму и опредѣленно заявить себя его сторонникомъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, познакомить читателя и съ другой диссертаціей, такъ какъ обѣ онѣ, взятыя вмѣстѣ, рисуютъ намъ міровоззрѣніе Жорэса почти наканунѣ формальнаго вступленія его въ ряды соціалистовъ. И та, и другая диссертація были написаны въ 1891 г.,—одна изъ нихъ (уже цитированная нами нѣсколькими страницами выше) по-французски и носила названіе о „Реальности чувственнаго міра"; другая,—согласно курьезной традиціи,—по-латыни и трактовала „О первыхъ проявленіяхъ (собственно очертаніяхъ, lineamentis. Н. К.) нѣмецкаго соціализма у Лютера, Канта, Фихте и Гегеля" *).

Французская диссертація любопытна въ томъ отношеніи, что даетъ намъ понятіе не только о философскомъ міровоззрѣніи Жорэса, оставшемся въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ неизмѣннымъ и до сихъ поръ, но и о складѣ и особенностяхъ ума Жорэса, придающихъ своеобразный отпечатокъ его духовной физіономіи. Надо прежде всего замѣтить, что читатель, ожидающій найти въ

*) *De primis socialismi germanici lineamentis apud Lutherum, Kant, Fichte et Hegel*; Тулуза, 1891 (позже появилась во французскомъ переводѣ въ „La Revue socialiste").

работѣ Жорэса „О реальности чувственнаго міра" что-нибудь оригинальное или, по крайней мѣрѣ, сильно продуманное, жестоко разочаруется. Это сочиненіе можетъ быть названо „философскимъ" развѣ только въ томъ смыслѣ, какой дается этому слову въ нѣкоторыхъ университетскихъ кругахъ Франціи, живущихъ болѣе, чѣмъ это можно было бы, казалось, ожидать, традиціями Кузэна и его школы: это—не „философія", а риторика, упражняющаяся въ темахъ общаго характера и полагающая, что она что-то анализируетъ, тогда какъ на самомъ-то дѣлѣ она въ болѣе или менѣе красивой формѣ развиваетъ отжившія свой вѣкъ схоластическія банальности. Замѣтьте, я обращаю эту критику къ диссертаціи Жорэса вовсе не потому, что она написана въ идеалистическомъ духѣ, но потому, что она пропитана поверхностнымъ идеализмомъ, который то превращается въ вульгарный спиритуализмъ, то ищетъ опоры въ поэтическомъ пантеизмѣ, къ которому инстинктивно тяготѣетъ натура Жорэса. Авторъ, повидимому, даже не далъ себѣ труда основательно познакомиться съ первоклассными мыслителями своего направленія, ибо то, что онъ пишетъ, напр., о „реальности" пространства, показываетъ, что онъ не хотѣлъ или не успѣлъ проштудировать какъ слѣдуетъ для своей диссертаціи не только Канта, не только выдающихся нѣмецкихъ неокантіанцевъ, въ родѣ Ланге, Когэна или Риля, но и такого представителя критицизма во Франціи, какимъ былъ недавно умершій Шарль Ренувье. Ибо онъ не написалъ бы тогда цѣлаго ряда фразъ въ родѣ слѣдующей и одинаковой убѣдительности (lucus a non lucendo!) съ нею:

Такъ какъ пространство является столь же реальнымъ, какъ бытіе, то свѣтъ и тѣнь могутъ играть въ пространствѣ; ихъ тонкая и бѣгущая реальность ведетъ свою игру на фонѣ недвижной и интеллигибельной реальности *).

Прямо можно подумать, что если бы въ лѣто Божіею милостью 1891-е Жанъ Жорэсъ не „доказалъ", т. е. не декретировалъ рядомъ риторическихъ фразъ „реальности" пространства, то бѣдные „свѣтъ и тѣнь" не могли бы до сихъ поръ проявлять своей „игры" за недостаткомъ мѣста! Это называется понять отношеніе „феноменовъ" къ „категоріямъ разума" въ системѣ отца современнаго идеализма!..

Намъ нечего, съ другой стороны, особенно скандализироваться тѣмъ обстоятельствомъ, что Жорэсъ въ своей философской диссертаціи злоупотребляетъ разсужденіями, которыя были бы у мѣста въ трактатѣ догматическаго богословія. Это опять таки совершенно въ духѣ вульгарнаго спиритуализма, который думаетъ риторикой замѣнить анализъ. Вотъ, напр., разсужденіе о механизмѣ перехода радости въ горе, разсужденіе, которое предста-

*) *De la réalité* etc, стр. 347.

вляетъ типичное смѣшеніе мнимой философіи и теологической фразеологіи.

...Какъ то, что есть радость, можетъ стать горестью и обратно? Истина здѣсь заключается въ томъ, что всякое существо самымъ центромъ своимъ обрѣтается въ Богѣ, т. е. въ той самой точкѣ, гдѣ радость и горесть взаимно примиряются. Богъ есть безконечная дѣятельность, гармонія и высочайшая радость: отсюда для всѣхъ существъ, которыя развиваются въ немъ, которыя соприкасаются съ нимъ, возникаютъ безконечныя возможности радости, но въ то же самое время Богъ, именно потому, что Онъ есть жизнь, кладетъ основаніе противорѣчію и борьбѣ: отнынѣ для всѣхъ существъ, которыя бьются въ этихъ противорѣчіяхъ, возникаетъ безконечная возможность страданія; и существа могутъ переходить безъ скандала (?! Н. К.) отъ радости къ горести, отъ горести къ радости, потому что самъ Богъ создаетъ этотъ переходъ и потому что, переходя отъ одной къ другой, души несутся по самому теченію божественной жизни *).

Но было бы несправедливо оставить читателей подъ этимъ нѣсколько комичнымъ впечатлѣніемъ, производимымъ философской диссертаціей Жорэса. Если читатель будетъ твердо помнить, что эта диссертація представляетъ собою риторическое упражненіе на философскую тему, и при томъ упражненіе въ духѣ поверхностнаго идеализма, который, черезъ голову увлеченныхъ позитивизмомъ поколѣній, подаетъ руку эклектическому спиритуализму 30-хъ и 40-хъ годовъ,—если читатель, говорю я, станетъ на эту точку зрѣнія, то новый масштабъ оцѣнки позволитъ ему найти положительныя стороны въ этой работѣ Жорэса. Въ ней разсыпано не мало тонкихъ замѣчаній, высказано не мало интересныхъ мыслей. Въ ней есть страницы, которыя положительно волнуютъ читателя широтою гуманнаго вдохновенія или свѣжестью и искренностью чувствъ. Всего лучше мѣста, напоминающія пріемы оратора. И любопытно, что они имѣютъ біографическое значеніе, касаясь или тяготѣнія автора къ живой рѣчи, или его инстинктивнаго пантеизма, который въ минуты воодушевленія отодвигаетъ въ немъ на задній планъ полу-оффиціальный спиритуализмъ и подсказываетъ ему наиболѣе прочувствованныя страницы.

Вотъ, напр., мысль о противоположеніи индивидуальнаго искусства символистовъ общественному искусству демократическихъ артистовъ въ широкомъ значеніи этого слова:

Я знаю, что преувеличенія интимнаго таинства души, столь привлекающаго нѣкоторыхъ современниковъ, представляютъ собою реакцію противъ внѣшняго и формальнаго искусства, противъ пустоты поэзіи, напоминающей скульптуру или архитектуру, и противъ демократической фразистости. Гамбетта, охваченный энтузіазмомъ ораторской агитаціи на югѣ Франціи, писалъ г-жѣ Аданъ: „вся страна кажется мнѣ одной громадной трибуной; я чувствую, что у меня хватило бы силъ обратиться съ рѣчью къ безконечному пространству". Какъ! наши мягкіе холмы въ глазахъ нашихъ Дантоновъ не

*) Ibid., стр.

что иное, какъ простыя тумбы, съ которыхъ они хотятъ упражняться въ краснорѣчіи; и эти голоса, раздающіеся громомъ на публичныхъ собраніяхъ, хотятъ захватить въ свою власть даже то таинственное эхо, что спитъ подъ сводомъ лѣсовъ. Будемъ же защищаться, будемъ обращаться внутрь себя, сжиматься по мѣрѣ возможности...

Пусть такъ. Но мнѣ хотѣлось бы, чтобы могучій ораторъ вырвался изъ подъ вліянія этихъ узкихъ и утонченныхъ кружковъ, обращаясь къ безконечному пространству. Мишлэ говорилъ: „если всѣ существа, вплоть до самыхъ скромныхъ, не войдутъ въ вашъ городъ грядущаго, то я останусь внѣ его". Что за великій день, когда человѣческая рѣчь, слово справедливости, нѣжности и надежды, дѣйствительно будетъ въ состояніи увѣрить, утѣшить, привести въ экзальтацію всѣ существа! Дайте же краснорѣчивой грезѣ великаго оратора, какъ братской грезѣ великаго мыслителя, охватить собой пространство и толпу, міръ людей и міръ всѣхъ живыхъ существъ. Я боюсь, что исключая изъ умственной и нравственной жизни пространство и внѣшній міръ, вы втискиваете ее въ узкія рамки эгоизма *).

Или вотъ одно изъ многочисленныхъ мѣстъ, гдѣ пантеистическое міровоззрѣніе, къ которому, повторяю, инстинктивно тяготѣетъ Жорэсъ, приводитъ его душу въ состояніе поэтическаго экстаза:

...Странное впечатлѣніе производитъ на меня видимый міръ. Я проникаюсь мало по малу его жизнью, его формою, его цвѣтами, его голосами, и я позволяю его вліяніямъ тихо проникать въ меня. Мало по малу мнѣ начинаетъ казаться, что жизнь всѣхъ вещей приходитъ въ движеніе, чтобы вырваться изъ смутнаго состоянія и вылиться въ болѣе опредѣленное сознаніе. Уже дубъ не довольствуется тѣмъ, что посылаетъ мнѣ могучій шумъ своихъ вѣтвей и листьевъ. Уже колеблющейся травѣ оврага недостаточно ласкать мои глаза своимъ мягкимъ волнообразнымъ движеніемъ. Дубъ зоветъ теперь самую душу мою; онъ хотѣлъ бы, чтобы моя мысль вошла въ него и придала большую отчетливость его смутной и разсѣянной жизни; и поле, которое тихо-тихо шепчетъ при вечернемъ вѣтеркѣ, желало бы, чтобы моя греза смѣшалась съ его грезой и придала бы ей, самъ не знаю какую, крылатую и легкую форму, которая позволила бы ей восходить выше и выше. Всѣ вещи страдаютъ, повидимому, отъ смутности своего состоянія и завидуютъ человѣческому сознанію, самые мимолетные сны котораго все же обладаютъ осязательной формой **).

Но, кромѣ указаній на общее міровоззрѣніе Жорэса, его философская диссертація позволяетъ намъ еще охватить основныя черты его ума и вообще его духовной организаціи, черты, которыя остаются неизмѣнными, какимъ бы варіаціямъ ни подвергались взгляды трибуна. Умъ Жорэса—не особенно глубокій и не особенно оригинальный, но очень широкій, очень гибкій и очень открытый, легко ассимилирующій и удачно формулирующій идеи оригинальныхъ мыслителей, — подъ условіемъ, впрочемъ, чтобы онѣ будили въ немъ извѣстную идейную или эстетическую эмоцію. И здѣсь мы переходимъ къ другой сторонѣ его индивидуальности. Жорэсъ одаренъ живымъ, не столько тонкимъ, сколько

*) Ibid., стр. 185—186.
**) Ibid, стр. 373.

могучимъ воображеніемъ, которое сейчасъ же облекаетъ поразившую его мысль въ форму конкретнаго образа, не всегда, можетъ быть, согласованнаго въ своихъ деталяхъ, но почти всегда производящаго впечатлѣніе своею выпуклостью и размѣрами. Это не тонкая живопись, но обширныя фрески, зачастую лишь гигантскія декораціи, дѣйствующія яркостью красокъ и размахомъ кисти, не смотря на возможныя условности и неправильности отдѣльныхъ подробностей,—качество, крайне цѣнное въ ораторѣ и трибунѣ, которому нужно не доказывать новыя истины и не анализировать передъ аудиторіей сложныя идеи, а увлекать ее сильнымъ изображеніемъ среднихъ чувствъ или же мыслей, уже добытыхъ оригинальными умами. И эта сторона Жорэса ярко выступаетъ въ его философской диссертаціи, лучшія мѣста которой представляютъ собой образное и патетическое выраженіе какой-либо довольно простой идеи или даже нѣсколько неопредѣленнаго, но могучаго чувства. Тутъ, пожалуй, можно даже видѣть настоящую оригинальность Жорэса: онъ обладаетъ обширнымъ и сильнымъ, если можно такъ выразиться, регистромъ чувствительности, понимая подъ этимъ словомъ не спеціальную склонность къ сентиментальности, а общую способность реагировать аффектами на впечатлѣнія, получаемыя отъ природы и людей. Въ частности же онъ привлекаетъ своею способностью къ эстетическому и идейно-нравственному энтузіазму, который является у него едва-ли не самымъ обычнымъ посредникомъ между міромъ мысли и міромъ дѣйствія. Эти черты читатель могъ, вѣроятно, уже и самъ отмѣтить въ нѣкоторыхъ приведенныхъ мною выше цитатахъ изъ диссертаціи Жорэса. И если бы я не опасался черезчуръ удлиннить этотъ этюдъ, я бы привелъ читателямъ еще одно мѣсто изъ „Реальности чувственнаго міра", гдѣ Жорэсъ съ заразительнымъ энтузіазмомъ говоритъ о „глубокой и трогательной дружбѣ нашего тѣла и земли" *), все въ духѣ пантеистическаго міровоззрѣнія или, лучше сказать, чувствованія.

Но я перехожу къ его латинской диссертаціи о „Первыхъ проявленіяхъ нѣмецкаго соціализма", диссертаціи, которая, не смотря на свой небольшой объемъ (въ 83 страницы), гораздо интереснѣе его чуть не въ пять разъ болѣе громоздской диссертаціи, и интереснѣе, прежде всего, потому, что если въ ней и не обходится совсѣмъ безъ риторики, то содержаніе ея посвящено жизненно-историческому вопросу о происхожденіи соціализма Маркса и Лассаля. Нельзя сказать, чтобы авторъ взялъ этотъ вопросъ во всей его широтѣ или даже вполнѣ вѣрно поставилъ его: міровоззрѣніе родоначальниковъ современнаго нѣмецкаго соціализма основано не только на Кантѣ, Фихте и Ге-

*) Ibid., стр. 217

гелѣ (еще менѣе того на Лютерѣ), но и на школѣ буржуазной классической экономіи Англіи, равно какъ на соціалистическихъ системахъ Франціи. Но допустимъ, что Жорэсъ по той или другой причинѣ умышленно съузилъ свою задачу, отыскивая лишь въ Германіи зародыши „германскаго“ же „соціализма“ (если оставить въ сторонѣ упоминаніе Жорэса о вліяніи на Фридриха Великаго французскихъ писателей просвѣщенія, а на Канта и Фихте—первой французской революціи).

Интересна уже самая мысль Жорэса заговорить въ докторской тезѣ о соціализмѣ, которой вызывалъ до тѣхъ поръ лишь презрительное пожатіе плечами въ оффиціальныхъ университетскихъ сферахъ. И какъ, если можно такъ выразиться, самъ традиціонный латинскій языкъ долженъ былъ изумляться, когда кандидатъ на доктора словесности то сгибалъ его ученый и сложный синтаксисъ, то вводилъ въ него варваризмы современной жизни на служеніе жгучимъ вопросамъ дѣйствительности! Жорэсъ чувствовалъ эту новизну сочетанія традиціонной формы и жизненнаго содержанія, заключая свою диссертацію словами:

И я не безъ удовольствія (Nec mihi displicuit) пользуюсь для современныхъ вещей латинскимъ языкомъ, ибо на этомъ языкѣ получило свое выраженіе человѣческое право въ древней нравственной философіи, на немъ вздыхало и пѣло христіанское братство, и еще понынѣ латинскій языкъ является единственнымъ универсальнымъ и общимъ діалектомъ, и такимъ образомъ вполнѣ подходитъ къ универсальному соціализму. Латинскій языкъ соотвѣтствуетъ тому интегральному соціализму, который описалъ Бенуа Малонъ: въ немъ соціализмъ представляется намъ не какъ незначительная партія, но какъ само человѣчество, и является sub specie aeternitatis et humanitatis *).

Слѣдуетъ, дѣйствительно, замѣтить, что, какъ самъ Жорэсъ признавался въ томъ,—теоретическимъ мостомъ къ современному соціализму служило для него изученіе Малона, этого недюжиннаго самоучки-рабочаго, явившагося во Франціи отцомъ „интегральнаго соціализма“. Суть послѣдняго заключалась въ томъ, что въ экономикѣ бралось за основаніе ученіе Маркса; но въ соціологіи и въ общественно-политической практикѣ это основаніе, согласно рецепту Малона, „дополнялось“ и „расширялось“ моральными элементами до предѣловъ „интегральнаго“ міровоззрѣнія. Надо прибавить, что такимъ міровоззрѣніе Жорэса осталось въ сущности и до сихъ поръ,—новое подтвержденіе гибкости и широты, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отсутствія истинной оригинальности въ умѣ Жорэса. Не должно, однако, забывать, что съ упрекомъ въ такомъ отношеніи къ Марксу можно было бы обратиться чуть ли не ко всѣмъ соціалистамъ современной эпохи. Ученики Маркса чувствуютъ, что доктрина „научнаго соціализма“ нуждалась бы въ критической переработкѣ, чтобы вполнѣ удо-

*) *De primis socialismi germanici lineamentis*, стр. 83 и послѣдняя.

влетворять требованіямъ безпокойной мысли нашего времени; но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ между ними не нашлось достаточно самостоятельныхъ умовъ для выполненія этой работы. Что касается до „критиковъ“ Маркса, то, къ неменьшему сожалѣнію, они недалеко ушли отъ „интегральнаго соціализма“: они, какъ Малонъ и его послѣдователи, соглашаются съ „важностью“ марксистской теоріи, но считаютъ нужнымъ такъ „расширять“ и „дополнять“ ее, что за этими механическими привѣсками исчезаетъ ядро системы, но ни міровоззрѣніе не становится отъ того яснѣй, ни соціологическая истина ближе...

Какъ бы то ни было, „интегралистъ“ Жорэсъ не безъ убѣдительности и таланта, хотя и не безъ нѣкоторыхъ натяжекъ, отыскиваетъ первыя проявленія современнаго нѣмецкаго соціализма у мыслителей, имена которыхъ онъ выписалъ въ самомъ заглавіи своей диссертаціи. Но главное достоинство его работы заключается въ краткомъ и недурномъ изложеніи нѣкоторыхъ основныхъ положеній Маркса и Лассаля: зависимости (преувеличенной, впрочемъ, Жорэсомъ для послѣдняго) „всей философіи и исторіи отъ формъ владѣнія“; реалистической діалектики общественнаго развитія въ противоположность идеалистической діалектикѣ разума у Гегеля; измѣренія стоимости количествомъ общественно-необходимаго рабочаго времени (кстати сказать, какъ курьезно выходитъ по-латыни эта формула: id laboris tempus quod in summam et generaliter, aut, ut Marx ait, „socialiter“ necessarium est *); и т. д.

Я сказалъ выше о натяжкахъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, какъ не натяжка причисленіе Лютера къ первымъ провозвѣстникамъ хотя бы и зародышеваго германскаго соціализма? Можно ли считать серьезной аргументаціей указаніе на то, что какъ соціализмъ признаетъ безусловную зависимость такъ называемой „свободной воли“ индивидуума отъ общественныхъ условій (или, по выраженію Жорэса, отъ понятій „истины и справедливости“, aequitate et veritate), такъ и Лютеръ признаетъ зависимость свободной воли отъ Божія произволенія и благодати? Но въ такомъ случаѣ пришлось бы признать провозвѣстниками соціализма всѣхъ богослововъ, которые держались этой точки зрѣнія, основываясь на словахъ апостола Павла въ посланіи къ филиппійцамъ: „ибо Богъ *содѣлываетъ* въ васъ и *хотѣніе*, и *дѣйствіе* по своему *благоволенію*“ **).

Точно также не особенно вѣскимъ представляется по отношенію къ Лютюру и то соображеніе, что онъ жестоко нападаетъ на ростов-

*) De primis, стр. 49.

**) Посл. къ филиппійцамъ, гл. II, ст. 13. Греческій текстъ говоритъ непереводимо энергично: ὁ Θεὸς γάρ ἐστιν ὁ ἐνεργῶν ἐν ὑμῖν καὶ τὸ θέλειν καὶ τὸ ἐνεργεῖν ὑπὲρ τῆς εὐδοκίας.

щиковъ, и даже цитируется по этому случаю Марксомъ въ „Капиталѣ". Ибо, не смотря на страстную рѣзкость выраженій, „соціализмъ" Лютера не дѣлаетъ изъ обличенія безжалостныхъ кредиторовъ болѣе радикальныхъ выводовъ, чѣмъ хотя бы раньше отцы церкви, напр., Василій Великій и его братъ, Григорій Нисскій, въ своихъ проповѣдяхъ „Противъ отдающихъ деньги въ ростъ" (Κατὰ τῶν τοκιζόντων). Съ другой стороны, почему не остановиться предпочтительнѣе, чѣмъ на Лютерѣ, на тѣхъ религіозныхъ соціалистахъ и коммунистахъ реформаціи, которые, по словамъ же самого Жорэса, „ближе походятъ на соціализмъ" (socialismo similiores)? Не мѣшало бы, кстати сказать, представить доказательство, что для развитія соціалистической мысли Германіи сочиненія фанатическихъ коммунистовъ XVI вѣка имѣли гораздо меньше значенія, чѣмъ писанія Лютера.

За волосы притащенъ Жорэсомъ, какъ непочтительно выражаются французы, въ ряды предвозвѣстниковъ германскаго соціализма и Кантъ, вліяніе котораго на развитіе этого направленія было въ общемъ незначительно и развѣ въ послѣднее время стало проявляться среди „критиковъ", да и то неизмѣримо больше въ философскомъ, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ отношеніи.

Всѣ эти частныя замѣчанія нисколько не имѣютъ, однако, цѣлью умалить значеніе небольшой, но довольно содержательной диссертаціи Жорэса, который вносилъ ею струю свѣжаго воздуха въ старыя стѣны оффиціальной науки и несомнѣнно способствовалъ тому, что въ университетскихъ сферахъ міровоззрѣніе труда стало отнынѣ находить приверженцевъ—и во всякомъ случаѣ перестало разсматриваться, какъ бредъ сумасшедшаго. Это вліяніе Жорэса, впрочемъ, особенно проявилось съ того момента, какъ онъ, послѣ почти четырехлѣтняго отсутствія *), снова вошелъ въ палату, но уже не депутатомъ, „географически", по крайней мѣрѣ, помѣщавшимся на скамьяхъ лѣваго центра, а очень выдающимся членомъ самой крайней, соціалистической, лѣвой. Отнынѣ, въ особенности нѣсколько мѣсяцевъ спустя, начинается героическая и самая блестящая эпоха въ жизни Жорэса, которая будетъ продолжаться вплоть до раскола соціалистовъ на „министеріалистовъ" и „революціонеровъ".

Обстоятельства, при которыхъ Жорэсъ снова начиналъ парламентскую карьеру, были слѣдующія. Въ концѣ 1892 г. одинъ изъ администраторовъ каменноугольной компаніи Кармо, находящейся въ родномъ Тарнскомъ департаментѣ Жорэса, маркизъ Людовикъ де-Солажъ, засѣдавшій съ 1889 г. въ палатѣ депутатовъ на

*) Жорэсъ въ теченіе нѣкотораго времени былъ помощникомъ мэра въ Тулузѣ.

скамьяхъ правой, разсчиталъ интеллигентнаго рабочаго, нѣкоего Кальвиньяка, мстя ему за политическую роль, которую тотъ игралъ въ качествѣ секретаря синдикальной палаты рудокоповъ и мэра города.

Рабочій классъ Франціи,—говоритъ новѣйшій историкъ соціальнаго движенія,—не одинъ разъ доказалъ, что вопросы заработной платы имѣютъ въ его глазахъ меньше значенія, чѣмъ уваженіе его человѣческаго достоинства и его правъ; а право голоса представляется ему наиболѣе драгоцѣннымъ изъ всѣхъ. Рудокопы Кармо устроили стачку, требуя, чтобы компанія снова приняла Кальвиньяка; такъ какъ дѣло шло лишь о принципѣ, то послѣдній обѣщалъ даже оставить самъ работу на другой же день послѣ своего принятія. По всей Франціи синдикаты пришли на помощь стачечникамъ Кармо. На этотъ разъ уже не одни соціалисты говорили въ пользу стачки; къ нимъ присоединились вожаки радикаловъ для защиты всеобщей подачи голосовъ, которой угрожала опасность *).

Въ результатѣ стачка эта, длившаяся съ 15-го августа по 3-е ноября, окончилась почти полнымъ успѣхомъ, такъ какъ приговоръ, произнесенный тогда выбраннымъ въ посредники первымъ министромъ Эмилемъ Лубэ (нынѣшнимъ президентомъ республики), лишь въ одномъ второстепенномъ пунктѣ отличался отъ первоначальныхъ требованій забастовщиковъ *). Маркизъ де-Солажъ, чувствуя себя нравственно побитымъ, счелъ нужнымъ сложить съ себя обязанности депутата. И на его мѣсто представителемъ 2-го избирательнаго дѣленія округа Альби (въ которомъ находится Кармо) былъ выбранъ Жорэсъ, дѣятельно поддержанный, кромѣ соціалистическихъ элементовъ, еще и всѣми радикальными и получившій на этихъ частныхъ выборахъ (перебаллотировкѣ 20-го января 1893 г.) 5317 голосовъ противъ 4843 голосовъ, поданныхъ за умѣреннаго республиканца Эраля (Héral).

Теперь Жорэсъ затушевываетъ,—можетъ быть, безсознательно для самого себя, — разницу между своими взглядами въ палатѣ 1885—1889 г. и тѣми взглядами, блестящимъ выразителемъ которыхъ онъ явился при своемъ вторичномъ выступленіи въ парламентѣ. Однако, въ то время яркость этой эволюціи служила не только предметомъ оживленныхъ разговоровъ въ политическихъ сферахъ, но была признана самимъ Жорэсомъ въ его первой же рѣчи, которую онъ произнесъ вскорѣ послѣ своего избранія, а именно 8-го февраля 1893 г. Задавшись цѣлью вывести соціальныя слѣдствія изъ Панамскаго дѣла, возбуждавшаго тогда страшное волненіе въ странѣ и больно зацѣпившаго буржазныя партіи въ парламентѣ, Жорэсъ былъ прерванъ восклицаніемъ типичнаго оппортуниста и панамиста Эммануэля Арэна: „семь лѣтъ тому

*) Georges Weill, *Histoire du mouvement social en France* (1852—1902); Парижъ, 1904 (обложка помѣчена впередъ 1905 г.), стр. 278.

**) Th. Lavallée, *Histoire des Français*; Парижъ, т. VII (написанный Maurice Dreyfous'омъ, 1901, стр. 393.

назадъ вы принадлежали къ лѣвому центру". И, отвѣчая на это возраженіе, онъ указалъ на „честное и искреннее движеніе своей мысли". Въ этой первой рѣчи Жорэса, произнесенной имъ уже въ качествѣ соціалиста (онъ примкнулъ къ незначительной по числу, но богатой талантами фракціи „независимыхъ соціалистовъ"), смыслъ Панамы былъ охарактеризованъ рельефными словами заключенія:

Не достаточно приносить сюда неопредѣленные протесты честности вродѣ тѣхъ, какіе были сдѣланы съ трибуны г. Кавеньякомъ, но новымъ моральнымъ рѣшеніямъ должно дать въ видѣ санкціи и гарантіи и новыя соціальныя рѣшенія... Передъ нами не узкій процессъ, который ведется противъ нѣсколькихъ лицъ въ стѣнахъ суда; то начался процессъ отмирающаго соціальнаго строя, и здѣсь мы для того, чтобы замѣнить его новымъ и болѣе справедливымъ *).

Отнынѣ на Жорэса ходили въ палату и по публичнымъ собраніямъ, какъ на знаменитаго актера или примадонну. И ходили не только его единомышленники, не только тяготѣвшая къ соціализму молодежь и пробуждавшіеся къ сознательной жизни рабочіе. Его шли слушать и буржуа, и совершенно индифферентные люди, которыхъ привлекали любопытныя и новыя для нихъ вещи, при томъ облеченныя въ прекрасную форму и согрѣтыя искреннимъ ораторскимъ пыломъ, — обстоятельство, всегда манящее любящихъ краснорѣчіе французовъ. Двѣ другія причины способствовали популярности Жорэса. Одна, общая, заключалась въ томъ, что въ то время общественное мнѣніе страны, разочаровавшееся въ прежнихъ политическихъ партіяхъ и скандализированное соціальнымъ гніеніемъ, обнаружившимся въ Панамѣ, искало новыхъ путей и стремилось къ новымъ идеаламъ, находя ихъ, главнымъ образомъ, въ различныхъ рѣшеніяхъ соціальнаго вопроса, отъ католическихъ и до анархическихъ включительно. Другая, частная, состояла въ той особенности Жорэса, что буржуазному обществу онъ говорилъ о соціалистическомъ идеалѣ языкомъ буржуазнаго же,—разумѣется, интеллигентнаго, общества. Въ смыслѣ опредѣленности, рѣзкости и даже обоснованности нѣкоторые старые вожаки соціализма ничуть не уступали Жорэсу, если не превосходили его. Но ихъ аргументація слишкомъ прямо била въ забрало предразсудковъ имущихъ и правящихъ классовъ. У Жорэса же всегда оказывалась въ распоряженіи цѣлая гамма мыслей и образовъ, которые по ассоціаціи идей и чувствъ вызывали у буржуа одною своею стороною знакомыя ощущенія, тогда какъ другою ставили слушателей этого рода передъ непривычнымъ имъ новымъ міровоззрѣніемъ, міровоззрѣніемъ труда. И какъ за этотъ мостъ между двумя разными мірами была благодарна эта публика Жорэсу, забывая неуклюжесть его

*) *Discours parlementaires*, стр. 384.

широкой приземистой фигуры, мужиковатость его физіономіи съ ея толстымъ носомъ и небольшими щурящимися глазами, монотонную рѣзкость его жестовъ, грубость его могучаго голоса; и вся отдавалась то баюкающей, то потрясающей поэзіи образовъ, оживлявшихъ среднее теченіе нѣсколько профессорской, отчеканивающей рѣчи Жорэса и бросаемыхъ имъ во всѣ концы переполненной залы на гребнѣ широко волнующихся періодовъ, въ то время какъ голосъ оратора крѣпчалъ, и гремѣлъ, и сливался съ апплодисментами и криками „браво“ въ концѣ каждой патетической фразы.

Но особенно рельефно выдѣлилась фигура Жорэса послѣ общихъ выборовъ въ палату депутатовъ 20-го августа—3-го сентября 1893 г., когда на ряду съ 311 республиканцами умѣреннаго оттѣнка,—именовавшими себя отнынѣ „прогрессистами“—122 радикалами, 35 „присоединившимися“, 58 членами правой, въ парламентъ прошла компактная группа соціалистовъ въ 50 человѣкъ (Жорэсъ былъ выбранъ 5895 голосами противъ 4107 голосовъ, поданныхъ за оппортуниста Грока). Говоримъ „компактная“ потому, что къ этому времени различія между гэдистами, бланкистами, поссибилистами стали стираться на практикѣ. И въ соціалистическомъ лагерѣ ощущалась потребность объединить усилія различныхъ фракцій, чтобы противоставить ихъ соціальной реакціи, все сильнѣе и сильнѣе охватывавшей большинство буржуазіи въ парламентѣ и странѣ, между тѣмъ какъ меньшинство въ рядахъ имущихъ и правящихъ охотно шло къ крайнимъ партіямъ. То была эпоха, когда самъ пламенный и революціонно настроенный Гэдъ подчеркивалъ значеніе парламентарной дѣятельности соціалистовъ, обращаясь къ буржуазіи съ трибуны палаты: „довольно кровопусканій; васъ убьетъ ваша собственная легальность: ея достаточно намъ въ борьбѣ противъ васъ („elle nous suffit contre vous“). Понятно, съ какимъ интересомъ, соединеннымъ или съ симпатіями, или съ враждой, различныя партіи выслушали общее соціалистическое profession de foi, которое было развито на первыхъ же порахъ въ новой палатѣ Жорэсомъ. Я живо помню, между прочимъ, безконечные толки въ обществѣ по поводу статьи глубоко буржуазнаго и скептичнаго, но умнаго редактора „Фигаро“, Маньяра, который всячески старался разрушить впечатлѣніе, произведенное рѣчью Жорэса, но признавалъ, что дебаты въ парламентѣ переносили Францію къ эпохѣ 1848 г. и страстныхъ соціальныхъ дебатовъ о „правѣ ихъ труда“ и т. п. Таково было, дѣйствительно, общее мнѣніе. Это была знаменитая рѣчь 21 ноября 1893 г. о ростѣ соціализма, принимавшаго наслѣдство обанкрутившейся свободомыслящей буржуазіи и ставившаго задачею устранить реальныя страданія отрезвленнаго свѣтскимъ образованіемъ пролетаріата:

Вы привели,—говорилъ Жорэсъ, обращаясь къ республиканской буржуазіи,—вы привели въ гармонію народное образованіе съ результатами современной мысли; вы окончательно вырвали народъ изъ подъ опеки церкви и догмата; вы разорвали... узы пассивности, привычки, традиціи и рутины, которыя еще оставались.

Но что вы сдѣлали этимъ? А, я знаю, то была привычка, а не настоящее вѣрованіе, выживавшее еще въ большомъ числѣ умовъ; но привычка эта была, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ успокаивающимъ и утѣшающимъ средствомъ. И что же! вы, вы именно прервали старую колыбельную пѣсню, которая баюкала человѣческую нищету (*аплодисменты на крайней лѣвой и на крайней правой,*—тамъ за недостаткомъ мѣста сидѣли нѣкоторые изъ соціалистовъ. Н. К.), и нищета проснулась съ крикомъ, она стала предъ вами, и она требуетъ теперь себѣ мѣста, широкаго мѣста на солнцѣ физическаго міра, единственномъ солнцѣ, блескъ котораго вы еще не затемнили.

Подобно тому, какъ земля утрачиваетъ вслѣдствіе ночного лучеиспусканія часть теплоты, накопившейся въ ней за день, такъ и часть народной энергіи тратилась путемъ религіознаго лучеиспусканія въ бездонной пустотѣ пространства.

Но вы остановили это религіозное лучеиспусканіе, и такимъ образомъ вы сконцентрировали въ непосредственныхъ требованіяхъ, требованіяхъ соціальныхъ, весь огонь мысли и весь пылъ желанія; вы подняли революціонную температуру пролетаріата, и если вы ужасаетесь теперь, то знайте, вы ужасаетесь предъ вашимъ же собственнымъ твореніемъ! (*Аплодисменты на крайней лѣвой и на правой*) *).

Послѣдующая роль Жорэса въ парламентѣ и странѣ слишкомъ извѣстна и служила въ свое время неоднократнымъ предметомъ моихъ писемъ изъ Франціи, чтобы нужно было въ подробностяхъ вспоминать ее. Заходила ли рѣчь о пропагандѣ соціалистическаго идеала среди университетской молодежи, Жорэсъ обращался къ ней при помощи группъ „студентовъ-коллективистовъ“. Шло ли дѣло о судебной защитѣ единомышленника, обвинявшагося въ оскорбленіи реакціоннаго президента республики, Казиміра-Перье, и Жорэсъ произносилъ страстную рѣчь, клеймящую всю буржуазную династію Перье, славную „величіемъ своихъ вѣковыхъ грабительствъ, позоръ которыхъ стерло время, не уничтоживъ, однако, ихъ прибыльности“ **). Надо ли было поддерживать долгую стачку стекольщиковъ Кармо (въ 1895 г.), возмутившихся противъ тираніи фабриканта, Жорэсъ снова былъ на бреши, ободряя забастовщиковъ своимъ присутствіемъ на мѣстѣ, не смотря на грубыя насилія администраціи, не стѣснявшейся депутатскимъ шарфомъ. И онъ же своей агитаціей во всей странѣ помогалъ рабочимъ устроить въ Альби стеклянный заводъ, ставшій достояніемъ не простой кооперативной группы, а всего пролетаріата Франціи. Уже говорить нечего о томъ, что Жорэсъ былъ однимъ изъ наиболѣе авторитетныхъ представителей соціализма

*) *Discours parlementaires*, стр. 492—493.

**) См. въ приложеніи къ *Discours parlementaires* (стр. 900) рѣчь, произнесенную 5-го ноября 1894 г. предъ сенскимъ окружнымъ судомъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

въ палатѣ, гдѣ онъ отзывался на всевозможные вопросы: о свободѣ научной мысли въ унирситетахъ; о крестьянствѣ, земледѣльческомъ кризисѣ и аграрной программѣ соціализма; о необходимости сохранить самую широкую свободу печати (по поводу ограниченій, вводившихся въ нее законодательствомъ противъ анархистовъ); о государственной монополизаціи хлѣбной торговли; объ отмѣнѣ смертной казни для солдатъ, оскорбившихъ дѣйствіемъ начальство; о турецкихъ звѣрствахъ въ Арменіи; и, наконецъ, въ самомъ концѣ политическаго существованія палаты, выбранной въ 1893 г., о нарушеніяхъ правъ въ дѣлѣ Дрейфуса (январь 1898 г.).

Во все это время и вплоть до дѣла Дрейфуса, Жорэсъ находился въ идейномъ общеніи со всѣмъ французскимъ соціализмомъ, который, раздѣляясь формально на различныя фракціи, обнаруживалъ въ этотъ періодъ наибольшее единство мысли и дѣйствія. Недаромъ многіе не только изъ французскихъ, но и заграничныхъ соціалистовъ считаютъ для Франціи упомянутый періодъ, приблизительно соотвѣтствующій жизни палаты 1893—1895 г., за время наиболѣе плодотворной работы представителей труда въ парламентѣ и странѣ. Продолжая называть себя „независимымъ“ соціалистомъ (какъ и Миллькранъ), Жорэсъ былъ въ сущности главнымъ вожакомъ и безспорно наилучшимъ выразителемъ соціализма въ палатѣ. Въ самой странѣ представители другихъ фракцій, даже такихъ рѣзкихъ и послѣдовательныхъ, какъ гэдистская, съ большой симпатіей относились къ Жорэсу и сквозь пальцы смотрѣли на различіе общаго философскаго міровоззрѣнія, которое отдѣляло отъ нихъ Жорэса, изъ уваженія къ его крупнымъ практическимъ заслугамъ.

Это философское міровоззрѣніе Жорэса продолжало оставаться тѣмъ неопредѣленнымъ идеализмомъ, съ которымъ мы познакомились въ его французской диссертаціи: эволюція его состояла развѣ въ томъ, что онъ утрачивалъ мало по малу элементы банальнаго спиритуализма и все болѣе и болѣе замѣнялъ ихъ широкимъ, не столько научнымъ, сколько поэтическимъ пантеизмомъ. Совсѣмъ наканунѣ выступленія рѣшительнымъ соціалистомъ онъ еще писалъ въ „La Dépêche“ (отъ 4 го іюля 1892 г.): „матеріалистическое рѣшеніе міровой проблемы узко и ложно“ и дѣлалъ даже комплименты оффиціальному спиритуализму современной эпохи, какъ „очень высокой формѣ религіознаго чувства“ *). Три года спустя, уже будучи однимъ изъ наиболѣе крупныхъ представителей соціализма, онъ еще дѣлалъ попытку примирить „матеріалистическое пониманіе исторіи“ у Маркса съ собственнымъ „идеалистическимъ истолкованіемъ“ ея. И надо прибавить, что это послѣднее онъ дѣлалъ даже не въ духѣ тѣхъ

*) *Action socialiste*, стр. 160, 161.

критиковъ Маркса, которые, стоя на точкѣ зрѣнія общаго матеріализма, указываютъ на значеніе идей въ жизни человѣчества, приписывая имъ, однако, какъ и всему въ мірѣ, матеріальное происхожденіе. Нѣтъ, его попытка была въ духѣ тѣхъ метафизическихъ идеалистовъ, которые приписываютъ общую эволюцію міра и человѣческаго общества осуществленію какого-то раньше существовавшаго идеала. Въ своей лекціи объ „Историческомъ идеализмѣ" (январь 1895 г.) Жорэсъ говорилъ:

На ряду съ матеріалистическимъ міровоззрѣніемъ существуетъ еще идеалистическое міровоззрѣніе, выливающееся въ разнообразныя формы. Я резюмирую его такъ: это такое міровоззрѣніе, согласно которому человѣчество, начиная съ самаго отправного пункта своего, обладаетъ, такъ сказать, смутной идеей, первымъ предчувствіемъ своихъ судебъ и своего развитія. Еще до всякаго историческаго опыта, еще раньше установленія такого или иного экономическаго строя, человѣчество уже носитъ въ самомъ себѣ предварительную идею справедливости и права, и этотъ-то предвзятый идеалъ (cet idéal préconçu) оно и преслѣдуетъ, переходя отъ одной формы цивилизаціи къ другой, все высшей и высшей *).

И далѣе, пытаясь охватить уже однимъ общимъ закономъ эволюцію природы и людей:

... Исторія является въ то же время и феноменомъ, который развертывается согласно механическому закону, и стремленіемъ, которое осуществляется сообразно идеальному закону. И, въ концѣ концовъ, развѣ въ эволюціи жизни вообще мы не замѣчаемъ того же, что и въ эволюціи исторіи?.. Всѣ безчисленныя существа, которыя претерпѣвали эволюцію, въ то же самое время, какъ подчинялись извѣстному закону, содѣйствовали своими тайными стремленіями осуществленію опредѣленнаго плана жизни **).

Этотъ общій философскій идеализмъ, допускавшій, впрочемъ, эклектически у Жорэса и „матеріалистическое истолкованіе" исторіи, не только, однако, не препятствовалъ практической дѣятельности Жорэса въ этотъ лучшій періодъ его жизни, но, соединяясь съ общимъ прекраснымъ образованіемъ „нормалиста", его краснорѣчіемъ, наконецъ, воодушевлявшимъ его идейнымъ энтузіазмомъ къ новому для него самого міровоззрѣнію труда, могущественно вліялъ на свѣжую публику и тѣхъ слушателей изъ буржуазной интеллигенціи, которые еще искали себѣ путей и общаго идеала. Съ другой стороны, тонкое чутье прирожденнаго оратора,—чутье, которое подсказываетъ этой категоріи людей, какъ обращаться съ различными аудиторіями,—заставляло Жорэса оставлять въ сторонѣ такіе въ извѣстномъ смыслѣ академическіе вопросы, какъ „идеализмъ и матеріализмъ", когда онъ дѣйствовалъ въ чисто рабочей, особенно же непочатой средѣ, гдѣ число

*) *Idéalisme et matérialisme dans la conception de l'histoire. Conférence de Jean Jaurès et réponse de Paul Lafargue*; Лилль, 1901, стр. 5 (перепечатка парижскаго изданія 1895 г.).

**) Ibid., стр. 20.

сознательныхъ элементовъ могло быть еще сравнительно мало. И здѣсь онъ со свойственнымъ ему энтузіазмомъ трактовалъ жгучія злобы дня или же агитировалъ на почвѣ непосредственныхъ практическихъ требованій, вызывая искренній восторгъ своихъ не всегда особенно развитыхъ, но всегда свѣжихъ умомъ и чувствомъ слушателей. Всѣ эти особенности рѣдкостнаго таланта Жорэса создавали ему горячія симпатіи среди соціалистовъ и поддерживали его идейное общеніе съ представителями различныхъ фракцій.

Его первый крупный разладъ съ наиболѣе сильными изъ этихъ фракцій произошелъ по дѣлу Дрейфуса; и произошелъ не потому, что онъ былъ въ этотъ моментъ уже „оппортунистомъ", а потому, наоборотъ, что онъ хотѣлъ вмѣшаться въ эту историческую борьбу за общечеловѣческую справедливость съ энергіею, передъ которой отступали другіе соціалисты. Они боялись изъ-за частнаго, какъ имъ казалось, дѣла отпугнуть отъ соціализма населеніе страны, науськиваемое въ то время противъ „интернаціоналистовъ" и „измѣнниковъ отечества" демагогами изъ шовинистскаго и клерикальнаго лагеря. Замѣчательно, однако, что въ самомъ началѣ этого дѣла нѣкоторые наиболѣе активные члены гэдистской партіи, и прежде всего самъ Гэдъ, полагали, что соціалистамъ надо рѣшительно вмѣшаться въ дѣло съ тѣмъ, чтобы обратить его противъ милитаризма. И нѣсколько лѣтъ спустя, во время дебатовъ о политикѣ между Жорэсомъ и Гэдомъ на публичномъ собраніи въ Лиллѣ, слушателямъ пришлось узнать, что Гэдъ выразилъ горячее одобреніе Жорэсу за энергію, съ какой тотъ интерпеллировалъ въ палатѣ министерство Мелина по поводу махинацій военнаго суда, осудившаго Дрейфуса. Но затѣмъ и Гэдъ, и Вальянъ, и другіе видные соціалисты отступили назадъ. И большинство партіи труда оставило Жорэса бороться противъ шовинистовъ, реакціонеровъ и клерикаловъ, опираясь лишь на алльманистскую и поссибилистскую фракцію, на анархистовъ и на демократическіе элементы буржуазіи.

Въ какой степени эта крупная тактическая ошибка руководителей французскаго соціализма способствовала эволюціи Жорэса вправо и выработкѣ имъ политики „сотрудничества классовъ"; и не продѣлалъ ли бы онъ этой эволюціи даже помимо странной перетасовки партій, произведенной дѣломъ Дрейфуса, — сказать трудно. Во всякомъ случаѣ, забаллотированный на выборахъ 8—22-го мая 1898 г. (какъ и Гэдъ, впрочемъ), Жорэсъ отнюдь не оказался пришибленнымъ парламентарной неудачей, а наоборотъ, заявилъ даже въ одной изъ статей „La petite République", что онъ считаетъ крайне полезнымъ, чтобы соціалисты не увлекались исключительно парламентской дѣятельностью, но энергично работали и въ самой странѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ еще большимъ пыломъ бросился въ самую гущу политической и идей-

ной борьбы, кипѣвшей вокругъ дѣла Дрейфуса и переросшей размѣры простого протеста противъ юридической несправедливости. Говорить объ этой высоко драматической и вмѣстѣ благородной страницѣ біографіи Жорэса мнѣ нечего: я посвятилъ въ своихъ „Очеркахъ современной Франціи" не одну статью дѣлу Дрейфуса и выдающейся роли Жорэса въ немъ. Гораздо больщій интересъ представляетъ эволюція Жорэса вправо, первые шаги которой, отъ образованія министерства Вальдэка-Руссо (22-го іюня 1899 г.) до ліонскаго конгресса (26—28-го мая 1901 г.), на которомъ остались въ концѣ концовъ лишь „министеріалисты", я уже, впрочемъ, изобразилъ опять-таки въ упомянутой книгѣ.

Объективный изслѣдователь долженъ считать, однако, дѣятельную поддержку, оказанную Жорэсомъ министерству Вальдэка-Милльрана-Галлиффэ при самомъ образованіи его, тактической ошибкой, но не принципіальной измѣной дѣлу пролетаріата. Во-первыхъ, заднимъ числомъ легко говорить, что въ то время республика не подвергалась никакой опасности; и что „республиканская оборона" была измышлена лишь дальновидными представителями буржуазіи, чтобы раздѣлить соціализмъ и подорвать этимъ путемъ его значеніе. Что эта опасность не была воображаемой, показываетъ уже рядъ многочисленныхъ заговоровъ и попытокъ реакціонныхъ и шовинистскихъ элементовъ свалить свободныя учрежденія страны. Съ другой стороны, весь 1898 и начало 1899 г. прошли въ выработкѣ различныхъ органовъ объединенія между соціалистическими фракціями,— главнымъ образомъ, въ виду исключительныхъ условій смутнаго положенія: напомнимъ о „комитетѣ бдительнаго наблюденія" (Comité de vigilance), о „комитетѣ соглашенія" (Comité de d'entente), состоявшемъ изъ представителей пяти соціалистическихъ организацій, и т. д.

Во-вторыхъ, самый вопросъ объ участіи соціалистовъ въ буржуазномъ правительствѣ лишь мало-по-малу вырисовывался во всей своей сложности и громадномъ историческомъ значеніи. Сначала онъ представлялся Жорэсу и другимъ соціалистамъ, раздѣлявшимъ его мнѣнія, лишь въ видѣ исключительнаго рѣшенія исключительной политической задачи. Не знаменательно ли, что, цѣлый годъ спустя, на международномъ соціалистическомъ конгрессѣ 1900 г. въ Парижѣ, прошло еще предложеніе такого ортодоксальнаго марксиста, каковъ Каутскій, предложеніе, разсматривавшее, однако, участіе соціалиста въ буржуазномъ кабинетѣ все же лишь какъ „опасный опытъ" и „не какъ вопросъ принципа, а какъ вопросъ тактики", требующій согласія „мѣстной или національной организаціи" *). Лишь въ нынѣшнемъ году,

*) Ср. *Очерки современной Франціи*, стр. 236.

на Амстердамскомъ конгрессѣ, международный пролетаріатъ высказался въ принципѣ противъ такого участія, и то далеко не единодушно и лишь послѣ тяжелыхъ,—еще не кончившихся,—коллизій внутри партій всего міра.

Эволюція Жорэса вправо приняла лишь тогда характеръ рѣшительнаго оппортунизма (который позволитъ мнѣ сейчасъ провести обѣщанную параллель между Жорэсомъ и Гамбеттой), когда Жорэсъ, не смотря на явныя политическія и нравственныя невыгоды своей тактики, возвелъ участіе соціалистической партіи въ буржуазномъ правительствѣ въ настоящій принципъ и построилъ цѣлую теорію правильнаго и постояннаго „сотрудничества классовъ". Не надо только, конечно, проводить это сравненіе двухъ дѣятелей во всѣхъ деталяхъ подъ опасеніемъ сдѣлать его натянутымъ: недаромъ Плутархъ въ своихъ „Параллельныхъ жизнеописаніяхъ", сравнивая, положимъ, біографіи Аристида и Катона, находитъ, что при большомъ сходствѣ одной жизни съ другой въ цѣломъ (ὅλος ὁ βίος), между ними все же есть различія.

Я упомянулъ, дѣйствительно, въ началѣ этого этюда, что эволюція Жорэса внутри соціализма напоминаетъ эволюцію Гамбетты внутри радикализма. Посмотримъ на нѣсколько аналогій. Всѣ знаютъ, съ какимъ жаромъ, съ какимъ энтузіазмомъ молодой Гамбетта провозглашалъ, въ своемъ манифестѣ къ бельвилльскимъ избирателямъ (1869 г.), „верховенство народа, организованное интегральнымъ и полнымъ способомъ" и во имя его объявлялъ войну „лживой цезаристской демократіи". Онъ повторялъ еще въ одной изъ своихъ рѣчей въ законодательномъ корпусѣ (5-го апрѣля 1870), что „надо сдѣлать рѣшительный выборъ между всеобщей подачей голосовъ и монархіей". Увы! Шесть лѣтъ спустя Гамбетта защищалъ противъ Греви сближеніе съ лѣвымъ центромъ для выработки какъ разъ полу-монархической конституціи 1875 г., а еще нѣсколькими мѣсяцами позже восхвалялъ крайне реакціонный по составу (въ особенности до пересмотра 1884 г.) и по тенденціямъ сенатъ, именуя его „великимъ совѣтомъ французскихъ общинъ". Выступая съ жаромъ неофита соціализма противъ реакціоннаго министерства Шарля Дюпюи, Жорэсъ ярко показалъ всю необходимость торжества „соціалистическаго движенія", потому, что оно „коренится въ одно и то же время и въ сердцѣ вещей, и въ глубинѣ всего существа пролетаріата"; и вмѣстѣ съ тѣмъ кратко и энергично обрисовалъ отношеніе партіи труда къ реформизму, сказавъ, что политика буржуазнаго насилія не оставитъ умѣреннымъ республиканцамъ „ни времени, ни свободы ума, ни энергіи, чтобы осуществить даже тѣ частныя реформы, которыя не могутъ спасти современный соціальный строй, но которыя, успокаивая кое-какія боли и обезоруживая нѣкоторыя проявленія

гнѣва, дали бы вамъ, по крайней мѣрѣ, хоть нѣсколько передохнуть" (un peu de répit) *). Но въ послѣднія пять лѣтъ Жорэсъ произнесъ великое множество рѣчей и написалъ не меньшее количество статей, чтобы доказать, что торжество міровоззрѣнія труда зависитъ исключительно отъ „сотрудничества классовъ", буржуазіи и пролетаріата,—на почвѣ реформъ и отъ „болѣе или менѣе добровольнаго присоединенія большинства націи къ реформамъ, послѣдовательно предлагаемымъ соціалистическимъ меньшинствомъ", при чемъ это большинство онъ принужденъ даже раздувать до предѣловъ „громаднаго и сознательнаго большинства" и во имя его презрительно трактовать „усилія и нечаянные удары смѣлаго меньшинства" **).

Въ 1878 г. Гамбетта въ марсельской рѣчи, забывая свои клятвы и планы „непримиримой оппозиціи", увѣщевалъ всю республиканскую партію послѣдовать по его оппортунистскимъ стопамъ: „надо, чтобы она стала министерской... Что касается до меня, то,—я всегда говорилъ это,—я человѣкъ правительства, а не человѣкъ оппозиціи... Годъ власти плодотворнѣе десяти лѣтъ героической оппозиціи". И онъ не переставалъ упрекать послѣдовательныхъ радикаловъ въ родѣ Клемансо въ томъ, что они изъ-за любви къ „абстрактнымъ дѣламъ" пренебрегаютъ „политикой положительныхъ результатовъ". Буквально почти въ такихъ же выраженіяхъ Жорэсъ, по вступленіи Мильрана въ министерство, бросалъ упрекъ послѣдовательнымъ соціалистамъ въ томъ, что они не поддерживаютъ въ принципѣ кабинетъ „республиканской защиты", и диѳирамбически прославлялъ результаты „соціальной политики" министра-соціалиста (идущаго, не мѣшаетъ это замѣтить, нынѣ съ націоналистами).

Въ частности, даже въ соціальномъ вопросѣ Жорэсъ обнаружилъ не меньшую эволюцію, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія тактики, чѣмъ Гамбетта. Въ той самой рѣчи (Гавръ, 18-го апрѣля 1872 г.), въ которой Гамбетта выразилъ возбудившую цѣлую бурю мысль, что нѣтъ соціальнаго вопроса, а есть лишь „рядъ задачъ, требующихъ разрѣшенія", онъ высказалъ увѣренность въ томъ, что „народы будутъ приведены къ освобожденію" не „панацеей", не „единственной формулой", а „трудомъ, изученіемъ, ассоціаціей, все болѣе и болѣе постояннымъ усиліемъ правительства честныхъ людей". Пусть читатель сравнитъ съ этимъ критику, направляемую Жорэсомъ противъ носителей „магиче-

*) Discours parlementaires, стр. 485, 486 (рѣчь 21-го ноября 1893 г.).

**) См., напр.. перепечатку его статей изъ „La Petite République" въ сборникѣ, носящемъ заглавіе: Etudes socialistes и изданномъ въ 1901 г. журналомъ „Cahiers de la quinzaine", стр. 31, 51 и т. д. Заднимъ числомъ Жорэсу начинаетъ даже казаться, что онъ „всегда видѣлъ въ реформахъ не палліативы современной нищеты, а начало соціалистической организаціи". Ibid., стр. XCIX „введенія".

ской формулы", „декрета", „пролетарскаго провозглашенія *Fiat lux*" и сопровождающій эту критику положительный планъ созданія „новой соціальной системы":

Она не можетъ функціонировать иначе, какъ съ согласія громаднаго большинства гражданъ. И большинство гражданъ мало-по-малу умножитъ ея первыя очертанія и зародыши. Оно, это большинство, извлечетъ постепенно изъ капиталистическаго хаоса различные типы общественной, кооперативной, коммунальной и корпоративной собственности, и оно разрушитъ послѣдніе остатки капиталистической системы, лишь когда основанія соціалистическаго строя будутъ обезпечены и т. д. *).

У Жорэса не замѣчается даже отсутствія апологіи „правительства честныхъ людей", которое принимало въ его глазахъ въ теченіе трехъ лѣтъ форму кабинета Вальдэка-Мильрана—Галлиффэ...

Но пойдемъ дальше. Гамбетта провозглашалъ необходимость сдѣлать республику довѣрчивой, любезной, открытой для всѣхъ, лишивъ ее характера подозрительнаго и сектантскаго режима. Съ него начинается политика не только мирволенія, но благоволенія „присоединившимся". И въ дни великаго министерства Гамбетты заклятый реакціонеръ генералъ де-Мирибэль былъ назначенъ начальникомъ генеральнаго штаба; маршалъ Канробэръ и генералъ Галлиффэ призваны въ высшій военный совѣтъ; графъ де-Шодорди и де-Курсель получили посольскіе посты въ Петербургѣ и Берлинѣ; недавній еще ожесточённый врагъ республики, Ж. Вейссъ, взывавшій къ государственному перевороту въ пользу монархіи, становился „политическимъ директоромъ" въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Словомъ, всѣ враги республики, заявлявшіе (какъ Вейссъ) о своемъ „честномъ присоединеніи къ правительству страны" или даже вовсе ничего не заявлявшіе, были осыпаны милостями; и, наоборотъ, вѣрные и горячіе защитники республиканскихъ учрежденій служили предметомъ насмѣшекъ и прямой вражды, какъ „хмурые фанатики отвлеченнаго догмата".

Жорэсъ не имѣлъ, конечно, такого вліянія въ дни образованія министерства „республиканской обороны", чтобы опредѣлить составъ кабинета. Но онъ употребилъ популярность, которой пользовался среди рабочаго класса, на то, чтобы заставить значительную часть его одобрить,— по крайней мѣрѣ, временно,— участіе своего друга Мильрана въ буржуазномъ правительствѣ и, мало того, продолжать поддерживать политику этого участія даже послѣ того, какъ опасность исключительнаго положенія миновала, а кабинетъ совершилъ нѣсколько актовъ рѣзкаго антисоціалистическаго характера. И предводимые имъ парламентарные соціалисты вотировали и секретные фонды, и довѣріе пра-

*) *Etudes socialistes*, стр. 98.

вительству послѣ избіенія рабочихъ въ Шалонѣ, и т. п. А, главное, съ той поры началась тактика „широкаго", „открытаго всѣмъ соціализма",—столь же широкаго и всѣмъ открытаго, какъ и „республика" Гамбетты,—тактика, которая раскрывала объятія „присоединившимся" къ соціализму и неудовольствіемъ и насмѣшками встрѣчала старыхъ и испытанныхъ защитниковъ міросозерцанія труда. „Гамбетта заставляетъ насъ полюбить республику, которая казалась намъ верхомъ политической анархіи", — говорили карьеристы изъ консервативнаго лагеря, присоединяясь къ „аѳинской республикѣ" Гамбетты, дававшаго имъ доступъ и вліяніе въ правительственныхъ сферахъ. „Жорэсъ заставляетъ насъ съ симпатіей относиться къ соціализму, который раньше представлялся намъ нелѣпой и опасной грезой", — говорятъ теперь многіе передовые буржуа (напр., такъ называемые „радикалы-соціалисты"), которымъ открывается возможность разсчитывать при выборахъ на голоса рабочихъ, въ виду того, что они являются постоянными союзниками жорэсистовъ въ палатѣ и странѣ.

Но такой же параллелизмъ въ судьбѣ Гамбетты и Жорэса обнаруживается и по отношенію къ ихъ вліянію въ парламентѣ и странѣ. Подливши оппортунистской воды въ вино своего радикализма, Гамбетта сталъ вожакомъ умѣренныхъ и почти консервативныхъ республиканцевъ въ палатѣ, пользуясь одно время, какъ говорилъ Клемансо, „тайной властью" (pouvoir occulte) безъ отвѣтственности. Но за то онъ не могъ показаться передъ своими бывшими бельвилльскими избирателями безъ того, чтобы они не освистали его, и прекратилъ хожденіе по публичнымъ митингамъ въ столицѣ. Подливши реформистской воды въ вино своего соціализма, Жорэсъ сталъ въ самое послѣднее время пользоваться „тайной властью" въ буржуазно-радикальномъ большинствѣ палаты, направляя порою министерство Комба, но не принимая на себя отвѣтственности. За то ему стало невозможно показываться, какъ прежде, на обширныхъ публичныхъ собраніяхъ столицы; и онъ вынужденъ искать для своего краснорѣчія дорогія концертныя залы, въ родѣ Трокадэро, доступъ въ которыя уже по самой высотѣ входной платы немыслимъ для рядового рабочаго и ремесленника и которыя, дѣйствительно, наполняются теперь „сочувствующей" Жорэсу радикальной буржуазіей.

Я знаю, что въ одномъ пунктѣ аналогія здѣсь не полна: мѣстные избиратели Жорэса (въ Альби) именно въ послѣднее время снова выразили довѣріе къ своему прежнему депутату, давъ на выборахъ 27-го апрѣля—11-го мая 1902 г. 6,544 голосовъ Жорэсу противъ 6,154 голосовъ, поданныхъ за маркиза де-Солажа, постояннаго противника Жорэса. Но требуется еще доказать, насколько вѣрны останутся главѣ министерскихъ со-

ціалистовъ эти избиратели, послѣ рѣшенія амстердамскаго конгресса, который выразилъ желаніе видѣть французскихъ соціалистовъ объединенными на почвѣ принципіальной борьбы противъ буржуазіи. Чѣмъ болѣе будетъ развиваться политическое пониманіе теперешнихъ избирателей Жорэса, тѣмъ ближе наступитъ, вѣроятно, и день, когда они потребуютъ у него поведенія, лучше отвѣчающаго интересамъ рабочаго класса.

Мнѣ хотѣлось бы кончить эту параллель нѣсколькими чертами сходства и различія между Гамбеттой и Жорэсомъ уже не столько съ политической, сколько съ личной точки зрѣнія. Оба они блещутъ краснорѣчіемъ, и у обоихъ же можно найти извѣстные изъяны въ ихъ рѣчахъ; но изъяны эти нѣсколько разнаго рода. У Гамбетты было, можетъ быть, еще больше дара импровизаціи; онъ менѣе готовился къ рѣчамъ (готовился, конечно, въ той или иной мѣрѣ всегда, за исключеніемъ нѣкоторыхъ экстренныхъ случаевъ: пора оставить легенду, которая смѣшиваетъ даръ слова съ возможностью импровизировать безо всякой подготовки по любому самому сложному вопросу). Но за то вы найдете въ рѣчахъ Гамбетты много неточныхъ и крайне банальныхъ выраженій, неправильныхъ конструкцій, фальшивыхъ образовъ, выкупавшихся неподражаемою страстностью рѣчи, музыкой великолѣпнаго голоса, широтою жестовъ. Жорэсъ, при своей замѣчательной способности импровизировать, предпочитаетъ тщательно приготовлять свои рѣчи. Онъ произноситъ ихъ болѣе по-профессорски; и раньше мы видѣли, чего ему недостаетъ съ чисто внѣшней стороны. Но за то въ общемъ его рѣчи отличаются большею правильностью, и образы болѣе выдержаны, грѣша развѣ нѣкоторымъ педантизмомъ, обнаруживающимся въ желаніи черезчуръ напирать на детали образнаго сравненія, что естественно вызываетъ у слушателей реплику: comparaison n'est pas raison. Но было бы еще большимъ педантизмомъ выискивать эти ошибки противъ вкуса или естественности сравненія.

Гамбетта вообще не любилъ писать и писалъ очень мало: не считать же за литературу его парижскія корресподенціи въ одной франкфуртской газетѣ, или его портреты знаменитыхъ адвокатовъ той эпохи. Жорэсъ же пишетъ, наоборотъ, очень много, въ въ послѣднее время гораздо больше, чѣмъ говоритъ. И, однако, его статьи и книги ниже въ литературномъ отношеніи, чѣмъ его рѣчи въ ораторскомъ. Пишетъ Жорэсъ нѣсколько растянуто, порою очень длинными періодами, которые выигрываютъ, если ихъ выразительно продекламировать вслухъ. Его образы чаще обнаруживаютъ здѣсь искусственность и вообще отступаютъ на задній планъ передъ отвлеченнымъ и порою громоздкимъ и вмѣстѣ сухимъ изложеніемъ. Однако, нѣкоторыя его газетныя статьи полемическаго характера и въ редактировавшейся имъ до прошлаго года „La petite République“, и въ редактируемой теперь

„L'Humanité" составляютъ замѣчательное исключеніе своею краткостью, живостью и остроуміемъ. Надо, кстати, замѣтить, что въ разговорныхъ репликахъ и парламентскихъ выпадахъ Жорэсъ очень остроуменъ и находчивъ; и нѣкоторыя его фразы столь же тонки, сколько ядовиты.

И Гамбетта, и Жорэсъ поражаютъ ассимилирующими способностями ума и вмѣстѣ практическимъ чутьемъ при столкновеніяхъ съ людьми и партіями. Это послѣднее удивляетъ больше въ Жорэсѣ, ибо у него умъ несомнѣнно болѣе отвлеченный, чѣмъ у Гамбетты. Можетъ быть, эта природная гибкость интеллектуальныхъ способностей Жорэса лишь скрывалась, раньше подъ наносомъ схоластическаго „нормализма", а затѣмъ проявилась и развилась въ самой практикѣ политической жизни.

И Жорэсъ, и Гамбетта, говорю для удобства сравненія въ настоящемъ времени,—люди, повидимому, способные испытывать глубокія и сильныя чувства, не только общественныя, но и личныя: оба они не только способны къ энтузіазму, любви, ненависти идейнаго характера, но отличаются семейными привязанностями, тяготѣніемъ къ сильной личной дружбѣ; словомъ, оба могутъ сказать, что ничто человѣческое имъ не чуждо. Было бы интересно, однако, прослѣдить у обоихъ, насколько эта естественная склонность къ аффективнымъ проявленіямъ „я" развита упражненіемъ. Можетъ быть, порою она лишь внѣшнимъ образомъ, лишь для эффекта показывается толпѣ, доставляя политическому дѣятелю эмоціональное орудіе вліянія на отдѣльныхъ людей и коллективность. Не знаменательно ли, что въ то время, какъ друзья превозносятъ и того, и другого за ихъ честность, искренность, мягкость, преданность не только идеямъ, но и людямъ, враги жестоко нападаютъ на нихъ за ловкость, коварство, умѣнье съ вибраціей въ голосѣ говорить о вещахъ, которыя въ сущности мало трогаютъ ихъ, и ради достиженія политической цѣли не останавливаться передъ актами, обнаруживающими глубокую неискренность. Здѣсь, впрочемъ, нужно считаться съ политическою же страстью, которая подсказываетъ часто друзьямъ и врагамъ крупной личности противоположныя нравственныя оцѣнки.

Есть еще, по моему, одна сторона, которая сближаетъ Гамбетту и Жорэса: эти жизнерадостные, находящіе и въ борьбѣ удовольствіе люди являются порою, не смотря на свое тонкое политическое чутье, жертвами своихъ идейныхъ увлеченій и, благодаря своему сангвиническому темпераменту, дѣлаютъ тогда грубыя тактическія ошибки. И если бы я не боялся удлинять черезчуръ эту статью, я могъ бы привести рядъ такихъ политическихъ промаховъ, — то, что французы называютъ на своемъ непочтительномъ жаргонѣ *gaffe*: и Гамбетта, и Жорэсъ, несомнѣнно, принадлежатъ нѣкоторыми сторонами своей физіономіи

къ категоріи *gaffeur*'овъ. Къ чему было, напр., Гамбеттѣ такъ настаивать въ 1881 г. на введеніи выборовъ по спискамъ, когда онъ замѣтилъ, что въ парламентѣ противъ этой реформы многіе были лишь потому, что видѣли въ реформѣ средство, какъ имъ казалось, осуществленія диктаторскихъ плановъ Гамбетты? Зачѣмъ, съ другой стороны, Жорэсу такъ понадобилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ агитировать въ пользу „единства" соціалистической партіи, когда онъ могъ ясно видѣть, что при томъ недовѣріи, которое возбуждалъ его „министеріализмъ", его братья-враги разсматривали эту тактику лишь какъ желаніе Жорэса провести свои оппортунистическіе взгляды во всѣ фракціи соціализма безъ исключенія, и т. п.

Есть, однако, одна—двѣ черты, которыя возвышаютъ Жорэса рѣшительно надъ Гамбеттой: это его несравненно большая образованность, идущая рука объ руку съ живымъ интересомъ къ наукѣ и такой наукѣ, которая, благодаря общественному характеру дѣятельности Жорэса, принимаетъ у него въ послѣднее время тоже общественный отпечатокъ. Политическая жизнь освободила Жорэса отъ тѣхъ схоластическихъ тенденцій, которыя оставила въ немъ нормальная школа, хотя и изощрившая въ немъ общую способность къ труду. Гамбеттѣ дѣйствительно и въ голову бы не могло придти приняться за писаніе исторіи французской революціи, которой Жорэсъ выпустилъ уже четыре тома, доведя ее до паденія Робеспьера *). Въ одной изъ своихъ статей **) я далъ оцѣнку перваго изъ четырехъ томовъ этой исторіи и отсылаю къ своему этюду читателя. Съ другой стороны, не въ этой біографической статьѣ дѣлать подробный обзоръ очень объемистаго труда, который, не смотря на нѣкоторые свои изъяны, заслуживаетъ серьезнаго вниманія не только большой публики, но и спеціалистовъ. И я надѣюсь когда-нибудь подробно поговорить объ исторіи французской революціи Жорэса. Здѣсь же да будетъ позволено мнѣ сказать по поводу этой работы лишь то, что можетъ касаться общей характеристики Жорэса, а именно его значенія, какъ научнаго историка.

Я думаю, внимательный читатель большого труда Жорэса найдетъ, что автору не удалось вполнѣ справиться съ трудной задачей разработать исторію французской революціи сразу въ духѣ тройственнаго „источника вдохновенія:" Маркса, Мишлэ и Плутарха. Не удалось уже потому, что сама задача врядъ-ли была осуществима, да, пожалуй, и желательна. Тотъ же внимательный читатель найдетъ изложеніе неравномѣрнымъ, растяну-

*) Jean Jaurès, *La Constituante*, Парижъ 1901. — *La Législative*; 1902.— *La Convention*, 2 тома, 1903 — 1904 (составляютъ первые четыре тома «Histoire socialiste»).

**) «Послѣдніе труды о происхожденіи современной Франціи», „Русское Богатство", 1902, февраль.

тымъ, не всегда одинаково интереснымъ, что объяснялось писаньемъ этой работы для выхода выпусками, разсчитанными, по крайней мѣрѣ отчасти, не на спеціалистовъ. Онъ, можетъ быть, сочтетъ неудачнымъ и пріемъ Жорэса подражать Мишлэ, обращая вопросы, восклицанія, интерпелляціи къ историческимъ дѣятелямъ и злоупотребляя этимъ вмѣшательствомъ въ ходъ разсказа. У Мишлэ это выходило болѣе естественно, и врядъ ли онъ заставилъ бы,— какъ это сдѣлалъ Жорэсъ, — Людовика XVI-го произносить на нѣсколькихъ страницахъ гипотетическую рѣчь къ судившимъ его членамъ конвента, рѣчь, въ которой король старается оправдать себя съ такой точки зрѣнія и пониманія тогдашнихъ политическихъ и обще-историческихъ условій, которая, несомнѣнно, была недоступна кому бы то ни было изъ участниковъ тогдашней трагедіи. Это, если хотите, историко-литературное сочиненіе въ родѣ тѣхъ, что задаются въ нормальной школѣ, но это далеко не подходящій пріемъ историческаго анализа. Точно также читатель замѣтитъ въ работѣ Жорэса очень явственныя порою усилія защитить ту или другую позицію, какую онъ занимаетъ теперь по отношенію къ вопросамъ современной политической борьбы, изображеніемъ перипетій прошлой борьбы партій.

Но всѣ эти оговорки не помѣшаютъ объективно оцѣнивающему читателю видѣть въ трудѣ Жорэса очень серьезную и временами очень удачную попытку разсмотрѣть великое французское движеніе позапрошлаго вѣка не совсѣмъ съ той стороны, какъ ее разсматривали до сихъ поръ, а именно, ввести въ исторію революціи гораздо большее количество экономическаго и соціальнаго матеріала, чѣмъ это дѣлалось. Положеніе различныхъ классовъ наканунѣ переворота (въ томѣ, посвященномъ „Учредительному собранію"); первые симптомы разслоенія классовыхъ интересовъ между буржуазіею и пролетаріатомъ (въ томѣ „Законодательнаго собранія"); соціальные взгляды конвента на собственность и т. п.,—всѣ эти предметы разработаны Жорэсомъ тщательно и убѣдительно, и читатель современной эпохи найдетъ у него въ изученіи этой стороны дѣла много поучительныхъ сближеній. Въ общемъ работа Жорэса показываетъ, что и въ смыслѣ научнаго анализа этотъ человѣкъ представляетъ незаурядную личность современной Франціи, оказываясь такимъ образомъ если не особенно оригинальнымъ и творческимъ, то, какъ уже было сказано, широкимъ, гибкимъ, интереснымъ умомъ...

Происходящія послѣ амстердамскаго конгресса усилія внести единство въ расколовшуюся соціалистическую партію Франціи опредѣлятъ своими результатами, будетъ ли снова этотъ замѣчательный человѣкъ цѣликомъ принадлежать міру организующагося труда, или же, какъ въ послѣдніе годы, стоять на границѣ двухъ міровъ,—буржуазнаго и трудового,—являясь однимъ изъ самыхъ яркихъ выразителей всеобщаго кризиса, но и всеобщаго роста соціализма.

Н. Е. Кудринъ.

Политика.

Около войны. — Заграничная хроника.

I.

Корреспондентъ газеты «Русь», Николай Кирилловъ, прислалъ въ эту газету глубоко интересную корреспонденцію объ условіяхъ дѣятельности корреспондентовъ на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Манчжуріи и о цѣнности сообщаемыхъ ими свѣдѣній. Приводимъ существенную часть этой замѣчательной корреспонденціи, вскрывающей съ поразительною ясностью одну изъ наболѣвшихъ язвъ нашего быта вообще, нашего дальне-восточнаго бѣдствія въ частности и въ особенности. Вотъ эта корреспонденція съ нѣкоторыми сокращеніями собственныхъ разсужденій почтеннаго автора, но съ сохраненіемъ всего имъ сообщаемаго:

Тяжела, очень тяжела доля корреспондента здѣсь, на полѣ военныхъ дѣйствій. Тяжела она не тѣми лишеніями и опасностями, которыя мы дѣлимъ на ряду съ войсками. Я скажу скорѣе, что эти лишенія, эта общность горя и страданія со всѣми, есть то, что скрашиваетъ нашу жизнь здѣсь, другія тяжелыя и темныя стороны ея. Невозможно насыщаться тонкимъ обѣдомъ въ теплѣ и комфортѣ, когда на глазахъ голодаютъ и холодаютъ другіе; нельзя и наблюдать съ безопаснаго, укрытаго мѣста, какъ идутъ на смерть, умираютъ на вашихъ глазахъ ваши же родные, дорогіе вамъ люди.

„На міру и смерть красна!" правъ русскій народъ.

И только эта общность, чудная общность судьбы со всѣми здѣсь и поддерживаетъ и даетъ нравственную силу для тягостной работы.

— Какой тягостной работы?—спрашиваете, наконецъ, вы, изумленный читатель.

Быть историкомъ живого времени, *правдиво* излагать происходящія событія, уяснить себѣ причины ихъ, связать все въ одно и дать впослѣдствіи полную картину всего—вотъ цѣль, къ которой стремиться представляетъ собою захватывающій, интересный интеллигентный трудъ.

Но я не усчиталъ *лжи*, которую мы должны посылать къ вамъ въ Россію потому что ложь посылаемъ мы вамъ, когда пишемъ письма, корреспонденціи, телеграммы.

Я не написалъ ни одного лживаго слова, но много ихъ послалъ въ Россію и посылаю ежедневно, потому что ложь получается въ результатѣ, *когда, наблюдая, описываешь лишь одну сторону дѣла, а о другой молчишь.*

И это безконечно тяжело.

Но особенно это тяжко, когда видишь, какую огромную пользу принесло бы описать извѣстное явленіе; тогда его легко можно было бы устранить теперь же, и это спасло бы многія сотни, часто тысячи жизней.

Вѣдь въ томъ-то и суть, что тутъ отъ незамѣтныхъ часто мелочей и небрежностей зависитъ бездна жизней и живого, ежедневнаго страданія, а отъ взятыхъ купно всѣхъ этихъ мелочей и частностей можетъ зависѣть и успѣхъ всего дѣла.

Замѣтьте, прошу, что я говорю здѣсь не о военной цензурѣ; она необходима...

Наши недостатки необходимо разрѣшить все указывать, а о японскихъ приказать строго молчать; пусть мы, пока есть время, все исправимъ, а о японскихъ прорѣхахъ лучше помолчимъ; пусть они съ ними и остаются до конца войны и служатъ имъ въ ущербъ, а намъ на пользу.

У насъ же поступаютъ наоборотъ: дыру на своей одеждѣ не смѣй указать, а къ врагу поди, сколько хочешь, и скажи ему: наложи, дескать, заплату, а то простудишься и, пожалуй, еще ослабнешь, нашъ милый прiятель.

Умно это?

И здѣсь отлично это понимаютъ, разрѣшаютъ указывать и серьезные промахи, и важные недостатки въ организацiи армiи и всего дѣла...

А его взгляды непремѣнно отражаются и на всѣхъ его подчиненныхъ.

Живя же одной жизнью съ войсками, всюду со всѣми сталкиваясь, видишь и наблюдаешь много. Бездна, масса матерiалу.

Только писать и обрабатывать некогда, слишкомъ много времени отнимаютъ сами наблюденiя, разъѣзды, бои и т. д., да и условiя, и матерiальныя, и нравственныя очень ужъ неблагопрiятны для работы.

Но вотъ улучишь время, напишешь замѣтку, отнесешь въ цензуру. Не только пропуститъ цензоръ, а скажетъ еще часто: „Вотъ отлично, что объ этомъ пишете, это никогда не мало писать, всегда намъ на пользу будетъ".

Чтобы замѣтка скорѣе оказала свое дѣйствiе и быстрѣе дошла до Петербурга -- телеграфируешь ее; будьте увѣрены, черезъ три дня получаете отъ телеграфа извѣстiе: Вашъ № 5329, отъ 24 сентября, Петербургъ, „Русь", цензурою не разрѣшенъ.

Руки опускаются и горько станетъ на душѣ.

Неужели только и можно, что описывать „аметистовыя" сопки да расхваливать „героевъ" въ высокопарномъ стилѣ?!

А если я вижу изъянъ, отъ котораго страдаетъ дѣло, неужели же я не долженъ указать его?! Вѣдь только польза отъ этого и можетъ быть, а повредить я никакъ не могу.

И кого мы обманываемъ? Помню, я былъ въ первые мѣсяцы войны сначала за границей, а потомъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ; вѣдь извѣстiя черезъ письма отъ участвующихъ все равно приходятъ и часто преувеличенныя, извращенныя ходятъ въ видѣ достовѣрнѣйшихъ извѣстiй и тревожатъ, смущаютъ, волнуютъ общество, подрывая только его довѣрiе.

И это очень плохо—такiя вѣсти вѣдь безотвѣтственны и часто это бываютъ чудовищныя искаженiя истины, но имъ вѣрятъ, потому что нѣтъ гласности, которая одна только можетъ давать правду.

Тогда какъ гласность можно поставить подъ самую строгую драконовскую отвѣтственность передъ судомъ за ложь и искаженiе правды — это ей будетъ лишь на пользу, позволяя существовать только чистымъ источникамъ ея. Я бы согласился, да и многiе другiе тоже, хоть на смертную казнь за первое же слово неправды, лишь разрѣшите писать мнѣ важную, необходимую спасительную правду, лишь позвольте мнѣ писать то, что доложить всенародно во всеуслышанiе есть обязанность, долгъ передъ страной и государствомъ.

Описать, обнародовать извѣстное явленiе, изъянъ, это значитъ часто уже его уничтожить или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать невозможнымъ повторенье...

И когда при этомъ стремленiи, которымъ горятъ всѣ, видишь еще возможность полезной и болѣе необходимой работы и вамъ не даютъ выполнять ее, становится мучительно тягостно, хоть не живи.

Не видишь толку, нѣтъ просвѣта въ настоящемъ, въ кровавомъ, мрачномъ настоящемъ; хорошее будущее далеко; такъ тоскливо, такъ скверно станетъ на душѣ, что хоть иди подъ японскiя пули.

Я никогда до сихъ поръ не работалъ въ русской печати и только теперь ощутилъ весь ужасъ пишущаго, узналъ, какое страданiе желать помочь, ука-

зать на губительное зло, тѣмъ его уже исправить наполовину, быть можетъ,— и не имѣть возможности это сдѣлать.

Это все равно какъ, если братъ вашъ, любимый дорогой братъ вашъ идетъ въ опасный бой, и вы видите, что онъ забылъ все оружіе, что онъ идетъ на вѣрную гибель, и вы не можете сказать, вамъ зажимаютъ ротъ и не даютъ крикнуть, и онъ идетъ и умираетъ... на вашихъ глазахъ.

Вѣдь это же страданіе, котораго больше нѣтъ: это хуже, чѣмъ погибнуть самому.

Гибнетъ родина или, по крайней мѣрѣ, въ опасности она и не имѣть возможности работать для нея!..

Горько и стыдно даже за себя; думаешь, зачѣмъ же ты послѣ того русскій, если не можешь ты работать для Россіи, отдать свой трудъ и силы?

И главное почему, для кого, для чего?

Для призрака, для фантасмагоріи въ умахъ людей, которымъ слово гласность кажется страшнымъ и губительнымъ и которые забыли или привыкли не видѣть, что этимъ страшнымъ словомъ называется вещь, спасительная для всѣхъ, и для страны, и для государства прежде всего.

Какой фабрикантъ, какой хозяинъ дорогой и сложной машины не поблагодаритъ того, кто ему укажетъ на недостатки въ ней, на соръ и грязь въ оси, увеличивающіе треніе, замедляющіе ходъ и работу, разстраивающіе и портящіе цѣнную машину, принося ему убытки.

Поблагодаритъ, да еще вознаградитъ такого человѣка умный фабрикантъ.

Но вѣдь страна, народное хозяйство, государство это огромная машина, колоссальная фабрика съ той разницей только, что порча, соръ и грязь, замедленіе работы и убытки вымѣщаются въ ней на живыхъ людяхъ, выражаются въ людскомъ, въ народномъ страданіи, высчитываются въ большей смертности, въ голодныхъ, въ тифозныхъ, а теперь въ убитыхъ и раненыхъ, въ слезахъ матерей, въ рыданіяхъ женъ и плачѣ дѣтей.

Ну какъ же тутъ не позволить, неужели же не разрѣшатъ намъ и теперь говорить о томъ, что можетъ уменьшить долю страданія и горя, которую нынѣ нести суждено намъ, русскому народу.

Скажите, неужели правда когда-нибудь, кому-нибудь могла повредить? Да, она повредитъ всему дурному, гнилому, она уничтожитъ его, но хорошему быть во вредъ правда никогда не можетъ.

Противодѣйствовать поэтому гласности, значитъ защищать все дурное, испорченное.

И ни въ какой странѣ, никакому государству правда, иначе свободное выраженіе ея, до сихъ поръ не повредило, да и повредить не можетъ.

А сколько больныхъ, негодныхъ организмовъ она уже оздоровила! скольким дала жизнь и процвѣтаніе!

Вспомнимъ хоть нашъ судъ, старый темный судъ и нынѣшній гласный. Поистинѣ безъ гласности нѣтъ суда праваго; этому много можно привести доказательствъ и въ исторіи, и въ нашей современности.

Гласность, что солнечный свѣтъ; безъ нея въ темнотѣ заводится и гниль, и плѣсень, и всякая дрянь; подъ ея же лучами пропадаетъ гниль, исчезаетъ плѣсень и все оздоравливается.

И какъ безъ солнечнаго свѣта не живетъ полной жизнью ни одинъ сложный организмъ на землѣ, такъ не можетъ существовать безъ правды, безъ гласности продолжительное время ни одинъ общественный и никакой государственный организмъ.

Безъ гласности онъ хирѣетъ, загниваетъ, разлагается и гибнетъ, или собственной смертью, какъ Турція, Персія, или насильственной, отъ столкновенія съ другимъ нравственно болѣе здоровымъ и свѣжимъ организмомъ.

Вѣдь прежде всего высшимъ лицамъ важна она, гласность! Развѣ безъ нея могутъ они когда-нибудь имѣть вѣрное, правдивое представленіе о томъ, что творится подъ ихъ рукой?!.

Правда для нихъ такъ же трудно доступна, какъ они сами для насъ и уши ихъ для нашихъ словъ неприступны.

А развѣ можетъ идти хорошо у меня хозяйство, если я не знаю, какъ оно ведется, какъ исполняются мои распоряженія, что въ немъ творится? Погибнетъ тогда мое хозяйство, и я разорюсь.

Перенесите это на государство, которое есть не что иное, какъ крупное хозяйство.

Тяжело и трудно положеніе хозяина такого государства безъ гласности, во тьмѣ, безъ свѣта правды вокругъ. Все это знакомыя старыя истины. Ихъ даже стыдно высказывать, такъ просты, ясны и очевидны онѣ. Это аксіомы, это—азбука вещей.

Но теперь все это пріобрѣтаетъ особенное значеніе, потому что за незнаніе этой азбуки, за пренебреженіе этими простыми и ясными аксіомами мы расплачиваемся живымъ страданіемъ и горемъ, рѣками крови, льющимися здѣсь непрерывно.

И когда вы, по мѣрѣ силъ вашихъ, стремитесь придти на помощь этой бездне горя и страданія, вамъ зажимаютъ ротъ, приказываютъ молчать.

Ужасное состояніе!

Нѣтъ возможности работать, опускаются руки, беретъ тоска, овладѣваетъ губительное равнодушіе или, еще того хуже, враждебность, желаніе противодѣйствовать такому порядку вещей, при которомъ работать, при которомъ дышать нельзя.

И вотъ тутъ получается опаснѣйшая для насъ и самая выгодная для враговъ разноголосица, тутъ вырабатывается это ужаснѣйшее и вмѣстѣ съ тѣмъ естественное, вполнѣ понятное явленіе, что хорошіе русскіе люди, прекрасныя, общественныя силы на каждомъ шагу говорятъ: „Пусть насъ побиваютъ японцы, это—хорошо, потому что бьются за нашу свободу"...

Не думайте, что армія у насъ та же, что пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Нѣтъ, теперь всѣ мыслятъ и желаютъ выражать свои мысли, хотятъ настойчиво возможности свободнаго выраженія ихъ.

Гласность, свобода печати у всѣхъ на языкѣ. „Безъ этого дѣло никогда не пойдетъ и толку никакого не будетъ",—слышишь изъ устъ почти каждаго офицера.

Дѣйствительно, имъ больше не къ кому и они часто обращаются къ намъ: „Будьте добры,—говорятъ они, разсказывая что-нибудь, иногда, на самомъ дѣлѣ, весьма важное,— напишите это, освѣтите; вѣдь это же возмутительно, можетъ быть, тогда какъ-нибудь и устроятъ".

На это почти всегда приходится отвѣчать: „Голубчикъ, напишите сами, запечатайте въ конвертъ и сдайте вашимъ дѣтямъ. Лѣтъ черезъ тридцать, сорокъ, когда васъ уже, можетъ, и не будетъ на свѣтѣ, они пошлютъ это въ „Русскую Старину" въ назиданіе потомству. Тамъ, въ 1940 году это напечатаютъ, а теперь нельзя".

— Что вы чепуху городите? Я вамъ серьезно говорю, а вы съ глупостями—люди гибнутъ теперь, а не черезъ сорокъ лѣтъ, а вы тутъ съ „Русской Стариной!" — вскипятится часто въ первый разъ столкнувшійся съ подобнымъ явленіемъ честный, горячій человѣкъ.

— А я вамъ серьезно отвѣчаю: печатать этого нельзя; повѣрьте, не я въ томъ виноватъ,—отвѣтишь ему.

— Такъ что жъ это такое?! мы на смерть идемъ, вдовъ и сиротъ оставляемъ, а правду говорить нельзя,—начнетъ опять волноваться иногда сѣдой капитанъ или еще турецкой войны полковникъ; я не говорю уже о юныхъ, горячихъ душахъ.

И теперь, когда всѣ борются за страну и государство; когда здѣсь никто не жалѣетъ ни себя, ни жизни; когда во всей странѣ изъ конца въ конецъ раздается плачъ и льются слезы, теперь настало время отказаться отъ напраснаго и губительнаго недовѣрія къ русскимъ силамъ и разрѣшить

всѣмъ хотя бы мыслью и словомъ участвовать въ дѣлѣ спасенія страны отъ серьезно опасныхъ враговъ.

Мы молимъ о томъ во имя русской крови, которая льется здѣсь непрерывно, непрерывной рѣкой.

„Русь", 6 ноября 1904 г. № 326.

Нельзя не принести самой искренней признательности и почтенному автору, и уважаемой газетѣ за эту корреспонденцію, описавшую этотъ ужасъ и эту ложь, которая была извѣстна и раньше, но пряталась въ сердцахъ и умахъ. Не имѣя возможности открыто проявить себя, недовѣріе сказалось и въ постепенномъ сокращеніи и даже прекращеніи военныхъ хроникъ въ журналахъ, и въ сокращеніи, если не прекращеніи народныхъ жертвъ на Красный Крестъ, и во многомъ другомъ... Будемъ ждать правды и не будемъ внимать «лжи». Будемъ говорить, насколько это возможно, о войнѣ и по поводу войны, но не будемъ ее лѣтописать, если не имѣемъ всей правды для этого.

II.

Кромѣ военныхъ событій на Дальнемъ Востокѣ, приковывающихъ къ себѣ вниманіе всего цивилизованнаго міра, въ послѣднее время общее вниманіе обращали преимущественно два крупныхъ историческихъ событія: президентскіе выборы въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки и разрывъ Франціи съ Ватиканомъ съ его послѣдствіями, въ видѣ внесенія во французскій парламентъ законопроекта объ отдѣленіи церкви отъ государства. Послѣднее событіе еще не завершилось, и бесѣду о немъ мы отложимъ до окончательнаго разрѣшенія этого глубокаго историческаго кризиса, имѣющаго міровое значеніе. Президентскіе выборы въ Соединенныхъ Штатахъ, напротивъ того, уже вполнѣ выяснились, и мы отмѣтимъ здѣсь это явленіе, какъ имѣющее очень серьезное значеніе не для одной Америки. 2 ноября (20 окт.) произошло голосованіе для избранія 477 выборщиковъ, призванныхъ черезъ два мѣсяца въ январѣ избрать президента. Это январьское голосованіе является простою формальностью и результатъ выборовъ уже вполнѣ обезпеченъ послѣ голосованія 20 октября, когда было выбрано сторонниковъ республиканскаго кандидата, нынѣшняго президента Теодора Рузвельта,—триста двадцать пять противъ ста пятидесяти двухъ сторонниковъ его противника Паркера, кандидата партіи демократической. Около трехъ-четвертей голосовъ принадлежитъ республиканской партіи и всего около $^1/_4$ демократамъ. вмѣстѣ съ присоединившейся къ нимъ партіей популяристовъ. Демократамъ остались вѣрны лишь старые рабовладѣльческіе штаты юго-востока. Западные штаты, тоже демократическіе на трехъ послѣднихъ президентскихъ выборахъ, нынѣ частью отпали, а равно голосовали за рес-

публиканцевъ всѣ спорные штаты, обыкновенно рѣшающіе исходъ борьбы (Нью-Іоркъ, Пенсильванія, Индіана и др.).

Эта побѣда республиканской партіи (которая одновременно съ этимъ значительно усилила свою численность въ палатѣ депутатовъ) является не простымъ пораженіемъ демократовъ, но полнымъ разгромомъ ихъ партіи. Побѣду республиканской партіи можно было предвидѣть, но ея успѣхъ въ такомъ размѣрѣ не предвидѣли самые большіе оптимисты въ ея средѣ. Интересно поэтому нѣсколько разобраться въ причинахъ этого важнаго политическаго событія.

При самомъ возникновеніи великой американской республики, въ ней возникло двѣ партіи: сторонниковъ болѣе тѣснаго единства въ законодательствѣ и управленіи (партія, принявшая названіе *виговъ*, какъ называлась либеральная партія въ Англіи) и сторонниковъ широкой децентрализаціи при автономіи отдѣльныхъ штатовъ, назвавшихся демократической партіей. Это названіе въ то время соотвѣтствовало программѣ партіи, такъ какъ децентрализація болѣе съ родни демократіи, чѣмъ централизація, всегда имѣющая склонность вырождаться въ «имперіализмъ», какъ теперь англичане и американцы называютъ партію, стремящуюся къ господству надъ другими народами и странами. Истинной демократіи такое стремленіе должно быть чуждо, а децентрализація спасаетъ націю отъ созданія той власти, которая можетъ явиться носителемъ и осуществителемъ этой наступательной международной политики. Однако, въ то время, когда столѣтіе съ четвертью тому назадъ создавалась сѣверо-американская республика, опасность имперіализма еще не существовала въ Америкѣ. Только-что отбившаяся отъ англійскаго имперіализма и руководимая своими великими основателями, Вашингтономъ, Джефферсономъ, Франклиномъ, она ненавидѣла имперіализмъ и провозгласила совершенно добросовѣстно права человѣка, столь несовмѣстимыя съ идеей имперіализма. Преобладаніе демократовъ надъ вигами, характеризующее около девяти первыхъ десятилѣтій американской исторіи, было обязано своимъ существованіемъ только отчасти этому глубокому отвращенію американскаго народа къ централизаціи, связанной генетически съ агресивною внѣшнею политикою. Въ значительной степени предпочтеніе демократической программы основывалось и на сознаніи, что единеніе въ законодательствѣ и въ управленіи между свободными и рабовладѣльческими штатами невозможно. Только принципъ широкой автономіи штатовъ спасалъ республику отъ опаснаго внутренняго конфликта. Долгое время спасалъ, но не спасъ.

Борьба изъ-за невольничества была неизбѣжна и вспыхнула прежде истеченія перваго полустолѣтія американской исторіи. Сначала она имѣла мало успѣха, и сторонники упраздненія рабства, аболиціонисты, подвергались повсемѣстно преслѣдованію. На югѣ ихъ преслѣдовали рабовладѣльцы, на сѣверѣ инертная масса, опа-

савшаяся разрыва съ южными рабовладѣльческими штатами. Однако, не смотря на всѣ преграды, идея освобожденія рабовъ крѣпла и завоевывала симпатію все болѣе и болѣе обширныхъ круговъ націи. Она становилась опасною для рабовладѣльцевъ, которые видѣли, что только въ систематическомъ отстаиваніи демократической программы автономіи отдѣльныхъ штатовъ можно найти спасеніе отъ аболиціонизма. Всѣ рабовладѣльцы стали демократами, тогда же часть демократовъ въ сѣверныхъ штатахъ стала склоняться въ пользу виговъ. Когда же эти послѣдніе, идя навстрѣчу назрѣвшему движенію, приняли новое названіе республиканцевъ и новую программу освобожденія рабовъ, значительная часть сѣверныхъ демократовъ вошла въ составъ новой партіи, которая и одержала верхъ на первыхъ же послѣ того президентскихъ выборахъ (1861). Отсюда конфликтъ, междоусобіе, разгромъ южныхъ штатовъ и торжество сѣверныхъ штатовъ. Невольничество упразднено, вчерашнимъ рабамъ дарованы гражданскія и политическія права, и республика вступила въ новый періодъ своей еще недолгой, но уже очень богатой исторіи.

Побѣда сѣвера надъ югомъ была побѣдою свободы надъ рабствомъ, но и побѣдою промышленныхъ штатовъ надъ земледѣльческими. Она открыла собою новую широкую дорогу торгово-промышленнымъ успѣхамъ и самому разностороннему и головокружительно скорому экономическому развитію въ сторону капитализма. Обширныя пространства дѣвственной плодородной почвы на западѣ значительно смягчали остроту этого процесса, а постоянный приливъ европейскихъ переселенцевъ замѣнялъ отбывающія на западъ свободныя рабочія руки и гарантировалъ капитализму необходимое ему количество рабочихъ пролетаріевъ. По мѣрѣ того, какъ одни, скопивъ небольшія средства, шли на западъ основывать собственныя хозяйства, новые выходцы изъ Европы ихъ замѣщали на фабрикахъ и заводахъ промышленныхъ штатовъ сѣвера и центра. Возникла прямо исполинская промышленность и огромное невиданное и неслыханное скопленіе капиталовъ. Въ рукахъ побѣдителей 1861—1864 гг. была эта гигантская промышленность и въ ихъ же рядахъ находились эти милліардеры. Интересы капиталистической промышленности и ея руководителей милліардеровъ и стали мало по малу во главѣ программы республиканской партіи, которая изъ партіи освобожденія рабовъ постепенно выродилась въ партію плутократовъ. Сначала это былъ протекціонизмъ, затѣмъ золотая валюта, наконецъ, имперіализмъ, таковы этапы, по которымъ прошла программа республиканской партіи въ ея движеніи отъ демократіи (въ европейскомъ смыслѣ) къ плутократіи. Уже около десяти лѣтъ, какъ протекціонизмъ окончательно побѣдилъ идею свободной торговли. Восемь лѣтъ тому назадъ и вторично четыре года тому назадъ, на президентскихъ выборахъ 1896 и 1900 гг., О'Брайанъ, вождь со-

единенныхъ партій, демократической и популистской, бился противъ золотой валюты, но дважды былъ разбитъ, и въ «платформу» (программу) демократической партіи на президентскихъ выборахъ 1904 года вопросъ о валютѣ уже включенъ не былъ. Золотая валюта, какъ и протекціонизмъ, одержали уже полную побѣду и ихъ господства уже никто не оспаривалъ. Борьба шла изъ за «имперіализма», который и одержалъ вышеприведенную блистательную побѣду.

Побѣдилъ имперіализмъ. Но кто же побѣжденъ при этомъ? Это трудно сказать, потому что главный противникъ республиканской партіи — партія демократическая—явилась на выборы съ такою неопредѣленною физіономіей, что нѣтъ возможности вывести, какія собственно изъ взаимно противорѣчивыхъ идей, слагавшихъ собою программу партіи, заслужили это полное осужденіе со стороны сѣверо-американской націи. Въ программѣ демократовъ была борьба съ трестами и протестъ противъ аггресивной иностранной политики. Это дѣйствительно по-демократически. Однако, въ той же программѣ былъ протестъ противъ равноправности цвѣтного населенія съ бѣлымъ. Это же совершенно противорѣчитъ демократизму. Демократы протестовали противъ продажности и злоупотребленій чиновничества. Это не помѣшало имъ въ Нью-Іоркѣ заключить союзъ съ знаменитою лигою Tammany-Hall... Такимъ образомъ, въ то время, какъ плутократія, сосредоточившая свои силы въ лагерѣ республиканской партіи, имѣетъ ясную и послѣдовательную программу и организованные заинтересованные слои населенія, ея противники представляютъ скопленіе элементовъ, между собою не солидарныхъ и другъ друга подрывающихъ. Американская демократія еще нуждается въ организаціи, нуждается даже въ программѣ, а до тѣхъ поръ надолго обезпечено господство плутократіи, какъ то и доказали президентскіе выборы въ 1904 году.

Въ отчетномъ періодѣ происходили еще выборы въ Италіи, гдѣ побѣдила партія умѣренныхъ лѣвыхъ, нынѣ за смертью Дзанарделли предводимая Джолити... Число сторонниковъ Джолити (теперь министра-президента) значительно возросло; оппозиція и справа, и слѣва ослабѣла. Умѣренная лѣвая представляетъ собою буржуазно-прогресивную партію, и ея побѣда является дальнѣйшимъ успѣхомъ капитализма.

С. Южаковъ.

Къ сорокалѣтію судебныхъ уставовъ.

По какой-то странной ироніи судьбы съ самаго начала новаго, XX-го, вѣка намъ все приходится вспоминать старое и справлять не то юбилеи, не то поминки по несбывшимся надеждамъ. На порогѣ вѣка, 19 февраля 1901 года, мы „праздновали" сорокалѣтіе величайшей реформы прошлаго столѣтія—освобожденія крестьянъ. Въ томъ же году исполнилось десять лѣтъ съ большого голода 1891 года, открывшаго собою послѣдній періодъ въ жизни нашего крестьянства... Уже одно это мрачное совпаденіе достаточно подчеркиваетъ, на какія „праздничныя" мысли и чувства могъ наводить этотъ юбилей. Два года спустя, въ январѣ 1903 г., мы *молча* „чествовали" юбилей печатнаго слова: двухсотлѣтіе существованія періодической печати въ Россіи. 1 января нынѣшняго года исполнилось сорокалѣтіе „Положенія о земскихъ учрежденіяхъ",—совпавшее съ частью осуществленными уже (въ формѣ новаго управленія по мѣстнымъ дѣламъ), частью задуманными преобразованіями, которыя должны были похоронить земство, созданное эпохою великихъ реформъ. Теперь мы опять стоимъ передъ юбилеемъ. И опять этотъ юбилей болѣе похожъ на поминки: 20 ноября истекаетъ сорокъ лѣтъ съ изданія „Судебныхъ уставовъ" 1864 года. Изъ всѣхъ законодательныхъ актовъ первой половины шестидесятыхъ годовъ „Судебные уставы" представляются несомнѣнно наиболѣе цѣльнымъ, наиболѣе выдержаннымъ въ одномъ „освободительномъ" стилѣ. И съ другой стороны, едва ли не всего безпощаднѣе отнеслась именно къ этому акту послѣдующая работа правящаго механизма. Та переформированная юстиція, которую мы теперь имѣемъ предъ собою, сохраняетъ въ себѣ очень мало слѣдовъ великихъ началъ, провозглашенныхъ реформою 1864 года. Сквозь новую оболочку въ ней явно сквозятъ черты стараго, какъ казалось, совсѣмъ похороненнаго, дореформеннаго прошлаго.

Судьбы всѣхъ „великихъ реформъ" шестидесятыхъ годовъ имѣютъ много общаго между собою. Всѣ эти реформы вызваны были къ жизни тѣмъ подъемомъ общественнаго настроенія, тѣмъ могучимъ освободительнымъ движеніемъ, которое явилось вслѣдъ за крушеніемъ стараго, крѣпостного строя, обнаружившаго свое полное банкротство во время крымской кампаніи, съ ея „лицомъ и изнанкою". Это обновительное движеніе на первыхъ своихъ порахъ широкою волною захватило самые разнообразные круги—и правительственные, и общественные. Всѣ видѣли и чувствовали, что такъ жить далѣе нельзя, что необходима коренная

перестройка всѣхъ существующихъ порядковъ, всѣхъ устоевъ, на которыхъ держалась старая, крѣпостная Россія. Подъ напоромъ этого освободительнаго теченія были задуманы планы реформъ. Но уже при самой разработкѣ этихъ плановъ, при составленіи соотвѣтственныхъ законодательныхъ актовъ—первоначальное единство общаго настроенія было разрушено. Элементы, враждебные обновительному движенію, смятые и растерявшіеся подъ первымъ натискомъ новыхъ запросовъ жизни, скоро подняли голову. Теченіе въ верхнихъ слояхъ если не измѣнило еще направленіе, то значительно замедлило темпъ, и въ окончательномъ видѣ широко задуманныя преобразованія явились плодомъ компромисса между старымъ и новымъ. Не завершенныя и не связанныя между собою, открытыя со многихъ сторонъ для вторженія чуждыхъ имъ пережитковъ стараго,—они брошены были въ среду, въ которой если не нравственная, то матеріальная сила была на сторонѣ тѣхъ же „командующихъ" элементовъ, которые господствовали и въ дореформенной Россіи. Люди шестидесятыхъ годовъ слишкомъ поторопились зачислить ихъ въ списки мертвыхъ. Чтобы пробить себѣ дорогу и завоевать мѣсто въ общественномъ строѣ, новымъ началамъ приходилось выдержать упорную и донынѣ еще не закончившуюся борьбу.

Если мы присмотримся къ перипетіямъ этой борьбы, мы различимъ два паралельно идущихъ процесса. Это, съ одной стороны, процессъ постепеннаго приспособленія новыхъ институтовъ къ средѣ, процессъ ихъ линянія и извращенія. Этотъ процессъ такъ рѣзко и выпукло выражался въ нашей пореформенной жизни, что много говорить о немъ едва ли есть надобность. Въ старомъ дореформенномъ строѣ всѣ части государственнаго механизма были прилажены одна къ другой; этимъ поддерживалось его равновѣсіе. Это равновѣсіе было нарушено введеніемъ въ систему новыхъ учрежденій, не гармонировавшихъ съ остальными ея частями. Система построена была на началахъ авторитета, опеки, сословной обособленности и іерархической подчиненности. Тѣ же начала постепенно проникли и въ новые институты и окрасили ихъ подъ общій казенный цвѣтъ. Дворянское земство, поставленное подъ чиновничью указку, судъ, переплетающійся съ администраціей и прислушивающійся къ ея камертону, земскій начальникъ, опекающій крестьянина, и чрезъ сорокъ лѣтъ по освобожденіи все еще причисляемаго къ низшему роду людей, всевластная бюрократія и безправное общество—вотъ тѣ наглядные результаты, къ которымъ привелъ указанный процессъ линянія новыхъ началъ въ борьбѣ съ пережитками стараго. Но этотъ процессъ былъ не единственнымъ. Если среда вліяла и приспособляла къ себѣ попавшіе въ нее чужеродные элементы, то имѣло мѣсто также и обратное воздѣйствіе—и эти элементы въ свою очередь вліяли на измѣненіе среды. Оба процесса, какъ мы уже говорили,

шли рядомъ, параллельно другъ другу, какъ бы подѣливъ между собою области своего дѣйствія. Въ сферѣ внѣшней, въ области учрежденій и внѣшнихъ распорядковъ общественной жизни — первый процессъ получилъ рѣшительное преобладаніе; конечно, и здѣсь равнодѣйствующая должна была пройти между двумя крайними теченіями,— но много ближе къ тому, которое стремилось вернуть государственную жизнь въ старое русло, къ дореформеннымъ порядкамъ сословно-бюрократическаго строя. Не то видимъ мы въ средѣ общественной.

Здѣсь обновительная работа шла если и съ перерывами и замедленіями, то въ общемъ и цѣломъ несомнѣнно въ одномъ преобладающемъ направленіи. Ростъ общественной мысли, сознательнаго отношенія къ общественной жизни и навыковъ къ общественной работѣ въ пореформенномъ періодѣ составляетъ фактъ столь же безспорный, какъ и параллельное ему выцвѣтаніе зачатковъ новаго въ строѣ государственной жизни. Въ концѣ концовъ противоположное движеніе обоихъ описанныхъ процессовъ опять приводитъ къ такому же кризису, который послужилъ ихъ исходнымъ пунктомъ. Опять мы встрѣчаемся съ полнымъ разладомъ между требованіями и запросами общества и всею обстановкою его существованія. „Система“, приведенная къ единству и равновѣсію, оказывается совершенно неудовлетворительною въ работѣ и безсильною къ выполненію самыхъ элементарныхъ, самыхъ неотложныхъ потребностей. Вся энергія механизма уходитъ на поддержаніе его цѣлости. На внѣшнюю-же полезную работу, на развитіе живой его силы не остается ничего. Сознаніе, что такъ жить нельзя, что необходима перемѣна курса, опять такъ же настоятельно и такъ же всеобще, какъ было наканунѣ эпохи великихъ реформъ. Только теперь долгій и горькій опытъ дѣлаетъ совершенно ясною безцѣльность частичныхъ, разрозненныхъ реформъ. Выходъ изъ кризиса можетъ быть найденъ только въ перестройкѣ самой „системы“, а не въ измѣненіи тѣхъ или другихъ, органически между собою связанныхъ, ея отдѣльныхъ частей.

Участь судебной реформы можетъ служить хорошей иллюстраціей набросанной выше общей схемы.

„Судебные уставы 20 ноября 1864 г.“ должны были внести въ русскую жизнь то начало *законности*, которое оставалось и не могло не оставаться мертвою буквою въ дореформенной крѣпостной Россіи. Отнынѣ носителемъ и хранителемъ этого начала становился независимый судъ, отдѣленный совершенно отъ администраціи; судъ съ участіемъ общественнаго элемента, въ видѣ присяжныхъ засѣдателей и выборныхъ мировыхъ судей; судъ устный и гласный, предоставляющій обвиняемымъ и тяжущимся всѣ гарантіи безпристрастія и соблюденія законныхъ ихъ интересовъ. Какъ мы уже говорили, „Судебные уставы“ представляютъ собою

наиболѣе цѣльный изъ законодательныхъ актовъ эпохи великихъ реформъ; колебанія курса сравнительно слабо отразились на послѣдовательномъ проведеніи въ нихъ основныхъ началъ, которыми задавалась реформа. Нельзя сказать, однако, чтобы такая послѣдовательность была соблюдена безусловно: то тутъ, то тамъ оставались щелочки, открывавшія доступъ въ сферу, отмежованную, казалось бы, безраздѣльно суду и закону, для началъ, не имѣющихъ съ ними ничего общаго. И эти щелочки скоро обратились въ цѣлыя бреши, совершенно разрушившія цѣльность судебнаго зданія.

Когда судебные уставы были обнародованы, кривая прогрессивнаго движенія шестидесятыхъ годовъ начала уже клониться книзу. Первые признаки реакціи появились уже много ранѣе; съ польскаго возстанія 1863 г. они обозначались съ полной ясностью. Съ осуществленіемъ новаго закона не торопились. Судебные уставы введены были въ дѣйствіе только спустя полтора года и то не повсемѣстно, а лишь въ обѣихъ столицахъ. Распространеніе новыхъ судебныхъ порядковъ на всю территорію страны растянулось на десятки лѣтъ.

Очень знаменательна была та обстановка, при которой происходило открытіе новыхъ судовъ. 1866 годъ, въ сущности, заключалъ собою тотъ весенній періодъ нашей жизни, который носитъ названіе „шестидесятыхъ годовъ". Съ половины этого года имѣло мѣсто рѣшительное измѣненіе курса: програмный рескриптъ 13 мая на имя предсѣдателя государственнаго совѣта, князя Гагарина, явился формулировкой этого новаго курса; Муравьевская диктатура въ Петербургѣ, вслѣдъ за событіемъ 4 апрѣля—самымъ яркимъ его выраженіемъ. Въ это именно время, 17 апрѣля 1866 г., въ Петербургѣ, а вслѣдъ затѣмъ въ Москвѣ открылась дѣятельность новыхъ судебныхъ установленій, организованныхъ на началахъ судебныхъ уставовъ 1864 г. Въ памяти современниковъ еще живы впечатлѣнія этого медоваго мѣсяца судебной реформы. Могучая струя свѣжаго воздуха ворвалась въ общественную атмосферу. Все въ новомъ судѣ было необычно, все дѣйствовало приподнимающимъ и бодрящимъ образомъ. Уже одинъ мировой судъ дѣлалъ цѣлую революцію въ нравахъ. Не нужно забывать, что крѣпостное право со всѣмъ его обиходомъ было еще дѣломъ вчерашняго дня; будни жизни еще полны были переживаніями этого недавняго прошлаго, а съ этими буднями и имѣлъ дѣло „равный для всѣхъ" мировой судъ. Вообще всѣ судебные порядки, въ ихъ цѣломъ, въ тѣ молодые для новаго суда дни, представлялись для общества какимъ-то обломкомъ другого міра, другого строя отношеній, не похожаго на то, что привыкли видѣть кругомъ. А рядомъ „внѣсудебная юстиція" добраго стараго времени дѣлала свое дѣло. Слѣдствіе, руководимое гр. Муравьевымъ и выполняемое военными офицерами, получившими судебную подготовку при по-

давленіи мятежа въ сѣверо-западномъ краѣ, было кульминаціоннымъ пунктомъ этихъ старыхъ порядковъ. Оба начала, старое и новое, въ наиболѣе чистомъ своемъ видѣ одновременно выступали на государственной аренѣ.

Конечно, такое внутреннее противорѣчіе не могло длиться долго. Составныя части государства должны были приспособиться одна къ другой. Весь вопросъ заключался только въ томъ: какіе элементы должны играть при этомъ активную, приспособляющую и какіе приспособляющуюся роль. Дальнѣйшая исторія „Судебныхъ уставовъ“ показываетъ, что на ихъ долю выпало послѣднее. Дѣйствительно, ни одно изъ основныхъ началъ, на которыхъ построена была судебная реформа, не сохранилось въ своемъ первоначальномъ видѣ до настоящаго времени. Независимость судейскаго персонала пострадала прежде всего. Первая брешь въ этомъ коренномъ устоѣ новой системы пробита была даже не закономъ, а простою министерскою практикою: съ осени 1867 г. прекращено было назначеніе судебныхъ слѣдователей, пользующихся правомъ несмѣняемости; исполненіе слѣдовательскихъ обязанностей поручалось исправляющимъ должность слѣдователей чиновникамъ, находящимся въ полномъ подчиненіи министерству юстиціи. Такимъ образомъ слѣдственная часть была, такъ сказать, отрознена отъ независимаго суда и попала подъ ферулу судебной бюрократіи въ лицѣ прокурорскаго надзора и центральныхъ органовъ министерства юстиціи. Вслѣдъ затѣмъ (закономъ 1885 года) ограничено начало несмѣняемости судей и усилена ихъ служебная подчиненность старшему предсѣдателю судебной палаты и министру юстиціи; высшему дисциплинарному присутствію предоставлено было право увольнять ихъ безъ прошенія, какъ за служебныя упущенія, такъ и за предосудительные и противные нравственности внѣслужебные проступки. Все это вмѣстѣ значительно сближало судейскій институтъ съ общими условіями чиновничьей службы; независимые судьи, огражденные отъ какихъ бы то ни было постороннихъ воздѣйствій и вмѣшательствъ въ отправленіе ихъ судейскихъ обязанностей, превращались мало по малу въ обыкновенныхъ „чиновниковъ вѣдомства юстиціи“. Съ другой стороны, цѣлый рядъ ограниченій испыталъ на себѣ институтъ присяжныхъ засѣдателей. Кругъ компетенціи этихъ представителей „общественной совѣсти“ съуженъ былъ рядомъ послѣдовательныхъ узаконеній. Первыя изъятія сдѣланы были въ 1879 и 1881 гг.; изъятія эти касались сравнительно небольшой группы преступленій государственныхъ. Гораздо болѣе существенныя ограниченія внесены были закономъ 1889, изъявшимъ изъ подсудности суду присяжныхъ цѣлый рядъ дѣлъ, такъ или иначе затрогивающихъ административные интересы. Ограничено было и начало гласности въ судебномъ производствѣ, и ограничено опять

таки по соображеніямъ внѣсудебнаго характера. Въ судебныхъ уставахъ были точно обозначены категоріи дѣлъ, по которымъ судъ имѣлъ право закрывать двери присутствія. Законъ 1887 г. предоставлялъ суду право вести дѣло при закрытыхъ дверяхъ каждый разъ, когда процессъ признавался опаснымъ для нравственности, религіи, государства и порядка. Такое же право дано министру юстиціи, а въ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуетъ положеніе объ усиленной охранѣ—генералъ-губернаторамъ и министру внутреннихъ дѣлъ. Но самая существенная ломка началъ судебной реформы имѣла мѣсто въ области мировой юстиціи. По закону 12 іюля 1889 выборныхъ мировыхъ судей, независимыхъ и несмѣняемыхъ, замѣнили земскіе начальники, назначаемые и увольняемые по усмотрѣнію администраціи и соединяющіе въ своихъ рукахъ и судебныя, и административныя функціи. Такимъ образомъ мѣстная юстиція, всего ближе соприкасающаяся съ будничными интересами массы населенія, совершенно выведена была изъ круга общихъ судебныхъ учрежденій. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко нарушался и принципъ раздѣльности административной и судебной властей, служившій однимъ изъ краеугольныхъ камней судебной реформы.

Мы перечислили только нѣсколько наиболѣе крупныхъ измѣненій въ судебныхъ уставахъ, но они ясно свидѣтельствуютъ, съ какою послѣдовательностью происходила въ теченіе всего пореформеннаго періода ассимиляція новыхъ судовъ съ общими порядками господствующаго строя, въ которые они должны были внести новую струю. Завершеніемъ этой ассимиляціи долженъ былъ явиться новый общій пересмотръ судебныхъ уставовъ, предпринятый въ 1894 — 1899 гг. именно съ тою цѣлью, чтобы устранить „несоотвѣтствіе нѣкоторыхъ началъ“ судебной реформы „особенностямъ нашего государственнаго и общественнаго быта“. Выработанный въ результатѣ этого пересмотра „исправленный“ кодексъ судебныхъ уставовъ есть завтрашній день, ожидающій судебную реформу.

Мы видимъ такимъ образомъ, что первый изъ тѣхъ двухъ общихъ процессовъ, которые намѣчены въ приведенной выше схемѣ, очень ярко и выпукло можетъ быть прослѣженъ въ судьбахъ судебной реформы. Но рядомъ съ нимъ шелъ и другой, обратный процессъ, процессъ воздѣйствія введенныхъ реформою новыхъ началъ на среду. Выражался онъ не въ измѣненіяхъ во внѣшнихъ порядкахъ бюрократическаго строя государственной жизни, а въ развитіи и ростѣ общественнаго сознанія. Какъ ни далекъ былъ дѣйствительный судъ отъ того идеала, который носился предъ мыслью творцовъ судебной реформы; какимъ урѣзкамъ и „поправкамъ“ ни подвергались основныя начала этой реформы, — никакъ нельзя отвергать ея огромнаго воспитательнаго значенія для общества. Та *обществен-*

ная среда, въ которой приходится теперь дѣйствовать судебнымъ установленіямъ, рѣзко отлична отъ той, какая окружала первые шаги реформы. И въ ряду причинъ, вызвавшихъ это измѣненіе, несомнѣнно не малая роль принадлежала и той конкретной, живой пропагандѣ идей законности и справедливости, которую несла въ широкія массы работа новаго суда. Гласный и публичный судъ былъ широкою ареною, на которой, при состязательномъ процессѣ, свободно дебатировались вопросы, затрогивающіе самые живые общественные интересы.

Въ результатѣ противоположнаго теченія обоихъ названныхъ процессовъ, мы стоимъ теперь предъ такимъ же кризисомъ, какъ и наканунѣ судебной реформы. Какъ тогда порядки дореформенной юстиціи, „неправды черной“ полной, вызывали единодушные протесты современниковъ, такъ и теперь выросшее правовое сознаніе общества не удовлетворяется тѣмъ копромиссомъ закона и бюрократическаго произвола, какой представляетъ собой настоящее правосудіе. Но опытъ 40 лѣтъ не прошелъ даромъ. Теперь намъ очевидно, что начало законности не можетъ жить и рости, какъ какое то экзотическое растеніе, среди атмосферы ему чуждой. Независимый судъ не можетъ существовать рядомъ съ всевластнымъ полицейскимъ участкомъ. Только тогда судъ можетъ быть носителемъ и хранителемъ начала законности, когда то же начало является повелительнымъ руководящимъ указаніемъ для всѣхъ сферъ государственнаго и общественнаго организма. Прочный законный порядокъ возможенъ только при правовомъ строѣ этого организма.

Н. Анненскій.

Случайныя замѣтки.

„Тѣнь Сморгунера“ (*къ дѣламъ ген. Ковалева и Е. Голицынскаго*).—Читателямъ „Р. Бог.“ памятно еще, вѣроятно, громкое дѣло казачьяго полковника Сташевскаго, застрѣлившаго изъ револьвера беззащитнаго редактора газеты „Русскій Туркестанъ“, Сморгунера. Въ свое время въ нашемъ журналѣ были напечатаны подробности этого возмутительнаго убійства. Полковникъ Сташевскій былъ судимъ и понесъ наказаніе. Не касаясь размѣровъ этой кары и вопроса объ ея соотвѣтствіи съ преступленіемъ военнаго, напавшаго съ оружіемъ въ рукахъ на мирнаго гражданина,—мы должны сказать, что, повидимому, уголокъ россійской имперіи за Каспіемъ особенно изобилуетъ „героями въ мирное время“, для которыхъ личность и даже жизнь ихъ мир-

ныхъ согражданъ представляется чѣмъ-то совершенно ничтожнымъ и ни въ какой мѣрѣ не ограждаемымъ существующими законами. Такъ, по крайней мѣрѣ, заставляютъ думать новыя дѣла, громкіе отголоски которыхъ вновь доносятся до насъ изъ за Каспія...

Въ мартѣ настоящаго года всѣ газеты облетѣло извѣстіе о томъ, что *„одинъ* изъ врачей, въ *одномъ* изъ городовъ, подвергся тяжкому насилію со стороны *одного* изъ лицъ, занимающихъ видное положеніе"... Извѣстіе было перепечатано во всѣхъ русскихъ, столичныхъ и провинціальныхъ газетахъ, и общественное мнѣніе чутко насторожилось. „Мы ждемъ, что судъ прольетъ свѣтъ на это мрачное дѣло"—писали въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", и другіе органы печати выражали надежду, что уже прошли времена, когда насилія, совершаемыя „лицами, занимающими видное положеніе", проходили безнаказанно, и дѣла объ нихъ „заминались". Еще черезъ нѣкоторое время таинственность, окружавшая это происшествіе, постепенно разсѣялась, и имена участниковъ стали достояніемъ гласности, какъ и подробности факта. Главнымъ его героемъ оказался генералъ Ковалевъ, бывшій тогда начальникомъ Закаспійской казачьей бригады. У этого генерала явились какіе-то счеты съ старшимъ врачемъ Средне-азіатской дороги, г. Забусовымъ. Что это были за счеты и въ чемъ они заключались,—совершенно неизвѣстно; дѣло, очевидно, партикулярное. Фактъ состоитъ въ томъ, что 14 марта настоящаго года генералъ Ковалевъ пригласилъ къ себѣ г-на Забусова, *какъ врача къ больному,* приказавъ предварительно казенной прислугѣ (т. е. денщикамъ) нарѣзать розогъ и позвать четырехъ военныхъ писарей, т. е. нижнихъ чиновъ, состоящихъ на службѣ, подъ его начальствомъ. Не подозрѣвая предательства, докторъ, позванный къ больному, явился въ квартиру генерала. Г. Ковалевъ предложилъ ему угощеніе, а затѣмъ, по данному знаку, вошли 7 казаковъ... Такимъ образомъ противъ одного врача, предательски вызваннаго для исполненія обязанностей его профессіи и, конечно, безоружнаго, въ квартирѣ позвавшаго его притворно-больного оказался цѣлый отрядъ казаковъ. По приказанію генерала Ковалева, принявшаго команду надъ отрядомъ, „казаки растянули доктора,—такъ лаконически говорится въ обвинительномъ актѣ,—и подвергли его жестокому истязанію розгами"...

Повидимому, генералъ, устроившій эту засаду, разсчитывалъ на то, что подвергшійся насилію г. Забусовъ изъ чувства стыда умолчитъ объ этомъ происшествіи... Тогда, конечно, въ „обществѣ" начались бы перешептываніе и тѣ подлые. злорадные толки, которые всегда къ услугамъ торжествующаго насилія. Но г. Забусовъ обманулъ ожиданія генерала Ковалева. Онъ рѣшилъ, что невозможность защититься отъ нападенія одному противъ семи не составляетъ позора и что, наоборотъ, позоръ на сторонѣ

устроившихъ засаду. И поэтому докторъ Забусовъ огласилъ фактъ и призвалъ генерала Ковалева на судъ оффиціальный и на судъ общественнаго мнѣнія.

Общественное мнѣніе высказалось вполнѣ опредѣленно. „Многоуважаемый товарищъ, Николай Петровичъ,—говоритъ одинъ изъ адресовъ, посланныхъ пострадавшему:—Общество русскихъ врачей въ Петербургѣ, ознакомившись въ засѣданіи своемъ 13 мая съ исторіей возмутительнаго оскорбленія и предательскаго насилія, которому вы подверглись со стороны генерала Ковалева при исполненіи вами врачебнаго долга, преисполненное чувствомъ глубокаго негодованія, постановило выразить вамъ, почтенный товарищъ, свое искреннее и горячее сочувствіе“ *). Въ томъ же тонѣ глубокаго негодованія составлены были другіе адресы и статьи газетъ, единодушно откликнувшихся на дикій поступокъ закаспійскаго генерала.

Дѣло слушалось недавно въ особомъ присутствіи кавказскаго военно-окружнаго суда. „Ковалевъ, признавая себя виновнымъ въ превышеніи власти, отрицалъ желаніе подвергнуть Забусова физическому истязанію, оправдывался невмѣняемостью (!?) въ моментъ совершенія преступленія, о мотивахъ коего умолчалъ, и отказался отъ вызова свидѣтелей“ **). Послѣ четырехчасового совѣщанія судъ, признавъ ген. Ковалева виновнымъ въ превышеніи власти и истязаніи, постановилъ (за примѣненіемъ манифеста) исключить его со службы безъ лишенія чиновъ. Какъ на интересную черту этого процесса, „Нов. Время“ указываетъ на оглашенныя въ судѣ „телеграммы генераловъ Куропаткина и Субботича, давшихъ подсудимому прекрасную аттестацію“, и особенно на телеграмму генерала Усаковскаго (начальника Закаспійской области), который „проситъ принять участіе и облегчить судьбу подсудимаго“. Газета не безъ основанія видитъ въ этомъ послѣднемъ обращеніи „противозаконное давленіе на судъ“ ***).

Мотивы преступленія остались совершенно невыясненными. Выяснить ихъ, если они хоть сколько нибудь смягчали безобразный характеръ происшествія,—было въ интересахъ генерала Ковалева. Но онъ отъ этого воздержался, ссылаясь только на свою „невмѣняемость“, которая, однако, не помѣшала ему отдать храброму отряду всѣ распоряженія, точно передъ боемъ. Въ одномъ изъ первоначальныхъ газетныхъ извѣстій указывалось на „романическую подкладку“ происшествія. Генералъ Ковалевъ отомстилъ будто бы своему счастливому сопернику. Но никакихъ подтвержденій этого объясненія разбирательство дѣла не предста-

*) Подписали: предсѣдатель, академикъ Л. Поповъ, тов. предс. проф. И. Павловъ, секрет. прив.-доцентъ Ф. Чистовичъ.

**) „Русскія Вѣд.“, 11 ноября, № 314.

***) Замѣтку „Нов. Вр.“ цитируемъ по „Нижег. Листку“, № 313.

вило. Съ другой стороны, г. А. Ст—нъ, фельетонистъ „Новаго Времени“, счелъ возможнымъ огласить часть письма, полученнаго имъ отъ какого-то изъ своихъ корреспондентовъ „въ связи съ дѣломъ Ковалева“. „Имѣйте мужество—пишетъ этотъ неизвѣстный—отвѣтить печатно: 1) какъ бы вы поступили не на окраинѣ (повидимому, на окраинѣ корреспондентъ допускаетъ другіе законы поведенія), а въ центрѣ столицы, если бы на вашихъ глазахъ хулиганъ оскорбилъ вашу родную мать, дочь или жену? 2) какой бы вы заплатили гонораръ врачу, который повелъ бы лѣченіе вашей матери, жены или дочери „на зоологической подкладкѣ“? *).

Нужно сознаться, что г. Ст—ну пишутъ иной разъ странныя письма и, быть можетъ, еще болѣе странно печатать ихъ „въ связи съ дѣломъ Ковалева“, когда самъ г. Ст—нъ удостовѣряетъ тутъ же, что никакого отношенія къ дѣлу Ковалева вопросы корреспондента не имѣютъ, „потому что, сколько извѣстно, въ этомъ дѣлѣ не замѣшаны родственники“. Какъ бы то ни было, противъ одного бездоказательнаго намека не въ пользу ген. Ковалева выдвигается другой, не менѣе бездоказательный, противъ потерпѣвшаго. И разумѣется, нѣтъ ни малѣйшихъ основаній отдавать предпочтеніе второй инсинуаціи только потому, что ея объектъ является потерпѣвшимъ отъ трудно объяснимаго насилія. Если бы вопросы, оглашенные г-мъ А. Ст—мъ, были обращены ко мнѣ, я отвѣтилъ бы, что не знаю еще, какъ бы я поступилъ въ перечисленныхъ случаяхъ. Но знаю твердо, что, во 1-хъ, не заманивалъ бы врача въ ловушку, прикинувшись больнымъ, потому что роль *всякаго* врача, призываемаго къ больному, должна служить ему полной гарантіей; во 2-хъ, не позорилъ бы полка, въ которомъ бы служилъ, приказаніемъ его солдатамъ играть роль безсмысленныхъ палачей надъ безоружнымъ человѣкомъ. А именно это сдѣлалъ генералъ Ковалевъ. И, сдѣлавъ это, онъ оскорбилъ не г-на Забусова, которому причинилъ лишь физическую боль, и не „корпорацію“ русскихъ врачей, которая стоитъ выше мундирныхъ представленій о чести. Онъ оскорбилъ все русское общество, которое не можетъ безъ тревоги видѣть, какъ легко состоящіе на службѣ солдаты исполняютъ приказы даже „невмѣняемыхъ“ начальниковъ по отношенію къ безоружнымъ обывателямъ...

Въ тѣхъ же Закаспійскихъ странахъ пріобрѣлъ въ послѣдніе дни знаменитость и г. Е. В. Голицынскій. Г-нъ Е. В. Голицынскій не совсѣмъ военный, а только „почти военный человѣкъ“ (гражданскій чиновникъ военнаго вѣдомства). Онъ—не Сташевскій и не генералъ Ковалевъ, а нѣчто въ родѣ маленькой каррикатуры на обоихъ. Его оружіе—не револьверъ, а перо, и не насиліе, а только прославленіе насилія и угроза... И намъ ка-

*) „Новое Вр.“, 14 ноября, № 10312.

жется, что зрѣлище, представляемое г-мъ Голицынскимъ, довольно поучительно и, пожалуй, можетъ имѣть до извѣстной степени „отрезвляющее вліяніе“...

Господинъ Голицынскій поэтъ, повидимому, довольно плохой. Онъ прислалъ свои стихотворенія въ редакцію газеты „Самаркандъ“, которая признала ихъ для печати негодными. Спустя короткое время послѣ этого приговора, въ редакцію поступило анонимное произведеніе, написанное тѣмъ же почеркомъ и тѣми же чернилами, въ которомъ содержался рядъ оскорбительныхъ выраженій, заканчивавшихся недвусмысленной угрозой: „Мы русскіе,—писалъ анонимный авторъ,—*умѣемъ вызывать тѣни Сморгунеровъ*, но умѣемъ и пронять ихъ сначала нагайками, а потомъ и чѣмъ нибудь посильнѣе“. Въ дальнѣйшемъ этотъ храбрый „русскій человѣкъ“, считающій аттрибутами патріотизма „нагайку и что нибудь еще посильнѣе“,—сѣтуетъ на подборъ перепечатокъ, „которыя разстраиваютъ ему нервы, какъ русскому человѣку и воину“, такъ какъ „подбираются въ угоду армяно-жидовскимъ симпатіямъ продажными русскими людьми“ *).

Редакція газеты представила это поэтическое упражненіе въ судъ, который, по сличеніи почерковъ письма и стихотвореній за подписью Е. В. Голицынскаго, пришелъ къ заключенію объ ихъ тождественности... При этомъ г. Голицынскій подалъ заявленіе, въ которомъ доказывалъ свою неподсудность мировому судьѣ, въ качествѣ „гражданскаго чина военнаго вѣдомства“. Явившись въ камеру во время самаго разбирательства и узнавъ, что судья призналъ отводъ неосновательнымъ, г. Голицынскій тотчасъ удалился со словами: „пусть ихъ разбираетъ. Мнѣ все равно“.

Послѣ рѣчей обвинителей (издателя Болотина и завѣд. редакціей Морозова), выяснявшихъ тяжелое положеніе провинціальной печати, мировой судья призналъ Голицынскаго виновнымъ въ оскорбленіи и угрозѣ и приговорилъ къ 10 днямъ ареста. Въ угрозѣ убійствомъ воинственный поэтъ признанъ оправданнымъ.

Рѣшеніе намъ кажется совершенно правильнымъ. Угрозы человѣка, который посылаетъ ихъ, прикрывшись анонимомъ, конечно, только комичны. Но есть въ этомъ маленькомъ эпизодѣ и очень серьезныя стороны...

Это, во 1-хъ, самое содержаніе анонимнаго письма, съ его якобы патріотическими фіоритурами, которыя, въ другой формѣ, не разъ тяжело отзывались на провинціальной печати. Во 2-хъ, это великолѣпное пренебреженіе „гражданскаго чина военнаго вѣдомства“ къ суду, не облаченному въ военные мундиры. И въ 3-хъ, это тѣнь Сморгунера, которую съ такимъ кощунственнымъ легко-

*) „Спб. Вѣд.“ 16 окт., № 284.

мысліемъ вызываетъ этотъ „русскій человѣкъ и воинъ". Очевидно, поступокъ полковника Сташевскаго имѣетъ въ извѣстной, средѣ своихъ идеологовъ... Но намъ, людямъ въ черныхъ сюртукахъ, которыхъ оружіе только мысль, слово, перо,—нѣтъ надобности напоминать о скорбной тѣни Сморгунера... Она укоризненно стоитъ и передъ нами, и передъ всѣмъ русскимъ обществомъ, и будетъ стоять до тѣхъ поръ, пока будутъ гг. Сташевскіе, генералы Ковалевы, Е. В. Голицынскіе... Къ сожалѣнію, этотъ перечень можно бы продолжить еще многими именами, пріобрѣвшими печальную извѣстность на той же мало почетной аренѣ. **Вл. Кор.**

Капля водъ. Отъ того, сравнительно давняго уже времени, когда я работалъ въ земской статистикѣ, у меня сохранились кое-какіе записи, бланки и другіе матеріалы. Недавно меня охватило сильное желаніе раскрыть эти пыльныя папки и отыскать одинъ характерный документъ. Вотъ онъ. Это—описаніе одного изъ частныхъ хозяйствъ Орловской губерніи. Имѣніе: „с-цо Хомутово"; владѣлецъ: „коллежскій совѣтникъ А. Н. Тиньковъ". Обширный бланкъ не богатъ записями, но за то самыя записи, при всей ихъ лаконичности, очень краснорѣчивы. „Управляетъ имѣніемъ,—читаю я,—самъ владѣлецъ; приказчиковъ приходится мѣнять чуть не черезъ мѣсяцъ: все мошенники и воры". Постоянные рабочіе „не нанимаются, потому что всегда обманываютъ: сбѣгаютъ до срока". Объѣздчикъ „былъ, но сбѣжалъ". Изъ 600 дес. пашни въ экономической запашкѣ находится 130 дес. и сдано въ аренду—68 дес.; „остальная пашня пустуетъ, такъ какъ владѣлецъ не желаетъ сдавать ее крестьянамъ, которые предпочитаютъ лучше пропить деньги, чѣмъ заплатить ихъ помѣщику; къ тому же они надѣются на коронаціонный манифестъ, думая, что имъ простятъ всѣ долги; самъ же владѣлецъ не обрабатываетъ за недостаткомъ рабочихъ рукъ". „Горохъ,—читаю я въ слѣдующемъ пунктѣ,—не сѣютъ, потому что весь воруютъ мальчишки". „Рожь до сихъ поръ (описаніе составлено 20 февраля) еще не молочена, потому что мужики разлѣнились и на работу къ помѣщикамъ не идутъ". Инвентаря „было гораздо больше, но крестьяне сожгли молотильный сарай, въ которомъ находились орудія". „Было много овецъ, но раскрали крестьяне, а коровы все дохнутъ: почти каждый день приказчикъ докладываетъ о падежѣ". Лѣсъ „былъ бы столѣтній, если бы не вырубали его крестьяне, на которыхъ у владѣльца имѣется масса исполнительныхъ листовъ". Вотъ и послѣдняя рубрика: садъ „дохода никакого не приноситъ, потому что крестьяне воруютъ всѣ плоды и ломаютъ деревья". Таково это хозяйство.

Къ описанію приложенъ, впрочемъ, еще планъ имѣнія. Достаточно одного взгляда на него, чтобы понять все остальное содержаніе бланка. Конфигурація имѣнія прямо таки фантасти-

ческая: случайно получиться она не могла; нужна была особая, доведенная до какой-то виртуозности, изобрѣтательность. Земля крестьянъ деревни Хомуты расположена въ пяти участкахъ и между ними нѣтъ иного сообщенія, какъ черезъ чужія земли; кромѣ того, еще три куска надѣльной земли вкраплены въ землю г. Тинькова и къ нимъ уже вовсе нельзя подступиться безъ его согласія.

— Видите эту узенькую полоску,—съ какимъ-то злорадствомъ говорилъ онъ статистику, тыкая пальцемъ въ планъ:—вотъ я ихъ тутъ и прижму; весь скотъ подохнетъ, а не пущу къ водопою... Вотъ и тутъ я имъ ловушку заготовилъ...

Помню, что товарищъ, производившій описаніе, съ ужасомъ потомъ вспоминалъ про эту атмосферу злобы и ненависти, въ которой онъ очутился. Страшно было даже подумать, что въ этой атмосферѣ люди должны жить десятки лѣтъ: что же удивительнаго, если они бѣгутъ, если даже коровы дохнутъ... Нужныхъ для оцѣнки данныхъ статистикъ такъ и не получилъ. Заполнивъ приведенными мною отвѣтами бланкъ, онъ снабдилъ его такою надписью: „всѣ замѣчанія объ испорченности сосѣднихъ крестьянъ записаны со словъ и по требованію владѣльца“.

„По требованію владѣльца“... Эта-то надпись и заставила меня сохранить описаніе хозяйства г. Тинькова. По существу во взаимныхъ отношеніяхъ его съ крестьянами не было ничего исключительнаго. Ту же основную ноту намъ, статистикамъ, приходилось слышать почти повсюду; варьировались лишь ближайшіе поводы взаимнаго озлобленія. Въ одномъ мѣстѣ были натянуты однѣ струны, въ другомъ—другія: здѣсь больнымъ мѣстомъ являлся прогонъ или водопой, тамъ—харчъ, еще чаще—аренда; даже грибы въ лѣсу и тѣ подчасъ служили объектомъ военныхъ дѣйствій. Въ данномъ случаѣ нота была исключительна только по своей крикливости и, главное, по той соціальной позиціи, какую занимало лицо, со словъ котораго ее пришлось зарегистрировать.

Побывавъ у помѣщика, статистикъ обыкновенно выносилъ впечатлѣніе, что взаимныя отношенія между усадьбой и деревней самыя прекрасныя, и только потомъ, на крестьянскомъ сходѣ, передъ нимъ вскрывался иногда истинный ихъ характеръ. Затронувъ, подчасъ совершенно случайно, особо наболѣвшее мѣсто, онъ вдругъ слышалъ вопль невыносимой боли и накипѣвшей злобы. Что помѣщики не охотно откровенничали со статистиками, это, конечно, понятно. Вскрывать передъ „заѣзжими“ людьми интимныя стороны деревенской жизни было не въ ихъ разсчетахъ. Ихъ вопли неслись совсѣмъ въ иную сторону... Мольбы ихъ, какъ извѣстно, были услышаны, и „твердая власть“ русской деревнѣ была дарована...

Пора, однако, сказать, почему это мнѣ вздумалось перерывать

пыльныя бумаги и вытаскивать на свѣтъ описаніе сельца Хомутова.

Въ газетахъ мнѣ недавно встрѣтилась корреспонденція изъ той же, довольно хорошо мнѣ знакомой, Орловской губерніи.

Дмитровскій помѣщикъ Муравьевъ, — разсказываетъ корреспондентъ „Руси",—долго думалъ о томъ, чѣмъ бы ему свою власть и превосходство надъ мужичьемъ показать, и такъ какъ, очевидно, умнѣе ничего придумать не могъ, то взялъ да и запретилъ крестьянамъ ходить по прилегающей мимо его дома дорогѣ въ церковь, расположенную, къ несчастью, на его усадьбѣ.

Знакомая картинка! Передо мною, какъ живой, всталъ хомутовскій помѣщикъ. Стало быть, онъ не умеръ, не задохся въ атмосферѣ испускаемаго имъ человѣконенавистничества и даже не измѣнился. Десяти лѣтъ какъ бы не бывало. Впрочемъ, г. Муравьевъ оказался изобрѣтательнѣе г. Тинькова: тотъ все больше насчетъ прогона и водопоя фантазировалъ, а этотъ даже около церкви „ловушечку" поставилъ...

На этомъ, заложенномъ вѣками, фундаментѣ высилась, однако, уже современная надстройка. Сверху до низу въ ней выдержанъ одинъ стиль,—стиль твердой власти.

Въ одинъ прекрасный день—продолжаетъ корреспондентъ—помѣщикъ Муравьевъ увидалъ, что мѣстный крестьянинъ Панфиловъ, не смотря на упомянутый приказъ, идетъ себѣ мимо помѣщичьяго дома въ церковь Богу молиться. Помѣщикъ Муравьевъ крикнулъ крестьянину Панфилову, чтобы онъ не смѣлъ проходить мимо его дома, но тотъ, не оборачиваясь, прошелъ въ церковь. Въ этомъ поступкѣ крестьянина Панфилова земскій начальникъ Дмитровскаго уѣзда, отставной офицеръ П. Н. Шамшевъ, нашелъ самоуправство и подвергъ Панфилова взысканію. По перенесеніи дѣла въ съѣздъ (при чемъ, между прочимъ, выяснилось, что обвиняемый глухъ), приговоръ земскаго начальника былъ утвержденъ. Крестьянинъ Панфиловъ и этимъ не остался доволенъ и подалъ кассаціонную жалобу, но до выясненія ея юридическихъ результатовъ познакомился съ ея практическими послѣдствіями, ибо былъ внезапно арестованъ и посаженъ въ тюрьму по распоряженію орловскаго губернатора, г. Баляснаго. По совѣту присяжнаго повѣреннаго Л. І. Кржевскаго, который былъ защитникомъ Панфилова, родственники послѣдняго поѣхали въ Петербургъ съ жалобой на губернатора къ бывшему министру внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве, но министръ сказалъ, что онъ не допускаетъ и мысли, чтобы губернаторъ могъ такъ поступить, какъ изложено въ ихъ жалобѣ, и потому оставилъ ее безъ удовлетворенія и разслѣдованія. Послѣ смерти министра родственники Панфилова вновь обратились съ тою же жалобою къ его замѣстителю и, по предписанію изъ Петербурга, крестьянинъ Панфиловъ былъ, наконецъ, недавно освобожденъ изъ тюрьмы, гдѣ пробылъ $2^1/_2$ мѣсяца...

Маленькая эта исторія, такая маленькая, что не будь въ ней этого счастливаго конца, мы, можетъ быть, никогда бы про нее и не слышали. Какой-то Панфиловъ, какой-то Муравьевъ, какой-то Шамшевъ... Но вѣдь этихъ Панфиловыхъ милліоны, этихъ Муравьевыхъ—десятки тысячъ. Муравьевы и Тиньковы издаютъ приказы и тысячи Шамшевыхъ судятъ ихъ ослушниковъ. На

губернаторъ, ни министръ не допускаютъ даже мысли, чтобы эти ослушники,—эти, какъ именуетъ ихъ г. Тиньковъ, обманщики, пьяницы, воры, мошенники и поджигатели,—могли быть правы. Всѣ озабочены лишь тѣмъ, чтобы поддержать престижъ власти... и странное дѣло!—въ конечномъ счетѣ вѣдь ни больше, ни меньше, какъ власти Тиньковской...

Маленькая это исторія, но въ ней, „какъ солнце въ малой каплѣ водъ", отразился весь строй громадной страны: и соціально-экономическій его фундаментъ, и широко раскинувшійся надъ нимъ стильный замокъ многоэтажной бюрократіи.

Счастливъ, конечно, г. Панфиловъ, что онъ дожилъ до эпохи „довѣрія". Иначе вѣдь за „сутяжничество" ему не миновать бы пребыванія въ мѣстахъ болѣе или менѣе отдаленныхъ... Много ли такихъ счастливцевъ въ концѣ концовъ окажется, я не знаю. Думаю, однако, что такими каплями моря не высушишь, ибо и ведрами его, какъ извѣстно, не вычерпаешь.

Да и странно какъ-то слышать о довѣріи къ многомилліонному народу. Во всемъ культурномъ мірѣ этотъ вопросъ ставится вѣдь совсѣмъ иначе: не Панфиловымъ, а Панфиловы тамъ оказываютъ довѣріе. **А. П.**

Голосъ изъ провинціи. Идея о фондѣ народнаго просвѣщенія возбуждаетъ вниманіе общества къ больному вопросу нашей жизни. Но, оставляя въ сторонѣ многія неясности и оцѣнку практической полезности, нельзя не сказать, что лучи фондоваго освѣщенія направлены на одну изъ самыхъ поверхностныхъ, формальныхъ сторонъ дѣла народнаго образованія, и вслѣдствіе этого идея фонда можетъ лишь заслонить настоятельныя первоочередныя нужды народа въ *этомъ* дѣлѣ, маскируя истинныя прорѣхи его. И людская отзывчивость, благодаря популярному ярлыку, направляется, такимъ образомъ, въ сторону пустую, мертвую, бездѣятельную.

Дѣло въ томъ, что менѣе всего мы нуждаемся *теперь* въ фондѣ, ибо и существующій, огромный по сравненію съ крохами фондоваго сбора, просвѣтительный фондъ страны лежитъ втунѣ. Порывъ къ просвѣщенію въ Россіи необыкновенно великъ самъ по себѣ и сдерживается онъ отнюдь не недостаткомъ средствъ: какъ земскія суммы, нынѣ отпускаемыя и *могущія* при извѣстныхъ условіяхъ общественности быть отпускаемы, такъ и тѣ средства, которыя населеніе готово особо нести въ видѣ содержанія своихъ школъ—въ странѣ весьма значительны. Вина въ искусственной задержкѣ этого порыва менѣе всего можетъ быть отнесена на долю отсутствія фонда.

Одинъ земскій дѣятель, возвратившійся изъ поѣздки по уѣзду, разсказывалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Въ одной хатѣ, вижу, мальчикъ читаетъ книжку. Въ ихъ селѣ не числилось никакой школы, и ближайшая земская отстоитъ въ нѣсколькихъ верстахъ.

Спрашиваю, гдѣ онъ обучался грамотѣ? Въ земской школѣ?— „Нѣтъ, говоритъ, далеко она".—Кто же выучилъ?—„У насъ на селѣ есть школа. Учителька тамъ обучаетъ"... Заинтересовался я, что это за школа. Оказывается, точно, у нихъ проживаетъ какая-то учителька, которая уже лѣтъ десять учитъ дѣтей этого села и грамотѣ, и закону Божьему, и географіи, и ариѳметикѣ. Началось дѣло съ двухъ-трехъ ребятишекъ, а теперь—форменная школа, только свидѣтельствъ не выдаетъ, да народъ за ними и не гонится. Ей платятъ деньгами, яйцами, мукой, масломъ (вотъ онъ—фондъ). Цѣлое поколѣніе грамотѣевъ выростила. Сама себѣ учителька выработала и систему, и методъ, и планъ, и мужики предовольны: „муштруе дѣтей добре, и мыться и причесаться заставляе..." Инспектору народныхъ училищъ,—добавилъ разсказчикъ,—я не сказалъ объ этой школѣ, боюсь ненарокомъ проболтаться: сейчасъ полетитъ бумага о закрытіи. А вѣдь какой вредъ отъ этихъ добровольныхъ, независимыхъ педагоговъ: себя кормятъ школой, другихъ учатъ."

Я знаю въ деревняхъ не мало такихъ „вольныхъ" учителей, имѣющихъ три-четыре ученика и больше, безъ видимыхъ признаковъ школы. И все основано на „натуральномъ" фондѣ: на приношеніяхъ муки, яицъ, обязательствѣ вспахать десятину, засѣять, а подъ помѣщеніе ходятъ всѣ хаты села въ ежегодной очереди. Учителями являются мѣстные жители: бывшіе наборщики, по болѣзни перебравшіеся въ деревню, дочери или сестры желѣзнодорожныхъ служащихъ, осиротѣвшіе родственники псаломщиковъ, дьячковъ, сельскихъ писарей и т. п. И все это „народное просвѣщеніе" тщательно скрывается отъ высматривающаго ока инспектора. Является начальство, или по собственной иниціативѣ на основаніи уловленнаго гдѣ-нибудь намека, по наслышкѣ, или вслѣдствіе прямого „отношенія" и вопрошаетъ:— „гдѣ тутъ школа?" А школа уже за нѣсколько минутъ ранѣе вся разбѣжалась.—„А ни якой школы у насъ нема".—Какъ? А N. N. тутъ учительствуетъ?—„Какое учительствуетъ! Онъ хозяйство свое мае, невеличке таке хозяйство, а усе-жъ хозяйство, псалтырь читае по покойникамъ, письмо напише (если она: покроитъ або шье дівчатамъ и бабамъ...), колы-колы покаже тамъ якому-сь: о це „а", а це „бе"—ось и уся школа..." Начальство разводитъ руками и уѣзжаетъ, а школа идетъ по прежнему.

Хорошо народное просвѣщеніе, которое надо прятать и скрывать—и отъ кого?—отъ вѣдомства народнаго просвѣщенія! Здѣсь находитъ себѣ объясненіе часто встрѣчаемое удивленіе—откуда столько грамотныхъ, не проходившихъ ни земскихъ, ни министерскихъ школъ! Грамотная Русь растетъ, таясь, втихомолку, и вслѣдствіе того должна прибѣгать къ услугамъ самыхъ неудовлетворительныхъ педагоговъ, тогда какъ при иной постановкѣ

дѣла, когда не нужно таить свое учительство, составъ педагоговъ могъ бы улучшиться.

Хотите убѣдиться, какой огромный просвѣтительный фондъ, вполнѣ готовый, таится въ странѣ? Добейтесь свободнаго открытія школъ въ селахъ—и на другой день величина этого фонда ослѣпитъ васъ. Фондъ есть, но онъ лежитъ мертво подъ замкомъ. Къ чему собирать, зная, что собранное скроется подъ тѣмъ же замкомъ?

А вотъ выписка изъ доклада управы собранію гласныхъ въ одномъ изъ южныхъ земствъ, которую приводимъ для того, чтобы показать, какъ идетъ дѣло въ „явныхъ" земскихъ и министерскихъ школахъ.

„Печатной программы народныхъ школъ намъ не удавалось видѣть, но „какая-то" неуловимая проводится по школамъ всей Россіи, и это портитъ, по нашему мнѣнію, все дѣло... Составители книгъ, введенныхъ въ наши школы, живутъ и печатаются въ городахъ, пишутъ преимущественно для городскихъ школъ, для великорусскихъ губерній, забывая, что для дѣтей юга, запада и востока Россіи нужны совершенно другія учебныя книги, въ которыхъ встрѣчались бы слова и понятія о предметахъ, окружающихъ нашихъ дѣтей, а не рѣпы и брюквы, у насъ не произростающія, о которыхъ дѣти наши не имѣютъ никакого представленія. Въ книгахъ для чтенія Баранова, распространенныхъ въ нашихъ школахъ, дѣти читаютъ, что ячмень называется житомъ *). Такое обученіе, оставаясь школьникамъ чуждымъ, не втягиваетъ ихъ въ стремленіе къ дальнѣйшему образованію и вызываетъ скептицизмъ у родителей. Одинъ изъ лучшихъ и ревностнѣйшихъ учителей земскихъ школъ записывалъ самъ и просилъ школьниковъ записывать слова, которыя оказывались непонятными для дѣтей при чтеніи учебниковъ и книгъ, принятыхъ въ нашихъ школахъ. Составился обширный словарь. Трудолюбивый учитель привелъ слова въ строго алфавитный порядокъ и, думая его напечатать для общаго пользованія, спрашивалъ нашего мнѣнія. Мы одобрили его вниманіе къ школѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ подумали, что книжку, предназначенную для школъ и требующую словарей при пользованіи ею—слѣдуетъ сжечь или, по крайней мѣрѣ, изъять изъ употребленія... Висятъ въ школѣ карты обоихъ полушарій, разсказывается о далекихъ странахъ: Африкѣ, Европѣ, Америкѣ, а также о Россійской имперіи, но нигдѣ въ школахъ не имѣется карты губерніи, уѣзда, волости, плана деревни, школы, а учителя ничего не могутъ сказать о природѣ, нравахъ и обычаяхъ своего уголка, своей родины, съ чего именно и слѣдовало бы начинать, если желаютъ знакомить ученика съ землею, какъ

*) Въ пятнадцати южныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ „жито" означаетъ рожь, а ячмень такъ и называется ячменемъ.

съ обиталищемъ человѣка. И дѣти заинтересовываются, отыскивая на картѣ свою и сосѣднія деревни и города, имъ хорошо знакомые.. Заговорятъ о ярмаркахъ—непремѣнно о Нижегородской, о мѣстной—ни слова... Поэтому образованіе является внѣшнимъ, поверхностнымъ налетомъ, быстро проходящимъ, не связывающимъ жизнь деревни съ книгой, мѣстныхъ интересовъ школьниковъ съ образованіемъ... Преподаваніе закона Божія ведется не по силамъ дѣтей. Дѣти захлебываются отъ обилія матеріала, отъ множества названій (вродѣ: Сифъ, Енохъ, Өарра, Потифаръ, Иссахаръ, Асиръ, Левій, Іефөай, Невөалимъ, Хевронъ, Сунамъ, Моріа, Хоривъ, Хоравъ, Мадіамъ и т. д., Капернаумъ, Виөлеемъ, Іерихонъ, Еммаусъ, Ханаанъ, Вавилонъ, Тиверіада, Галилея, Филистимляне и т. д.). Вообще разсказы изъ библейской исторіи передаются какъ бы для того, чтобы изучать географію Палестины, а не ученіе пророковъ, великое ученіе Господа нашего и Его апостоловъ, и за ненужными подробностями стушевывается главное. И эта ошибка—ошибка схоластиковъ, приведшихъ къ тому, что наши сельчане только съ обрядовой стороны христіане. Ихъ не коснулись, или очень мало коснулись, со времени принятія христіанства, начала этой великой религіи; мало восприняты ими и нравственныя основы, заключенныя въ превосходныхъ книгахъ, написанныхъ до-нельзя простымъ, дѣтскимъ языкомъ... Всѣ эти обстоятельства дурно вліяютъ на школьное дѣло... Земство нельзя обвинять, потому что деньги оно даетъ—во все же остальное не должно вмѣшиваться, и почему дѣло не идетъ, почему обозъ школьный движется грузно и тяжело—того оно можетъ не знать, не его отдѣла—дѣло".

Стучаться въ закрытыя двери нашего просвѣщенія необходимо, но идея фонда стучитъ не въ тѣ двери. И мѣстнаго человѣка она поражаетъ своею отчужденностью отъ положенія дѣлъ въ провинціи, въ селахъ и деревняхъ. Идея отливаетъ *выдуманностью*, отсутствіемъ питающихъ ее корней въ нѣдрахъ нашей жизни.

Л. Сокальскій.

Ошибка печати. — Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" появилось коротенькое сообщеніе слѣдующаго содержанія: „министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 178 уст. о ценз. и печ., опредѣлилъ воспретить розничную продажу нумеровъ газеты „Наша Жизнь". Случай не новый, настолько примелькавшійся, что русскій читатель пересталъ уже реагировать на впечатлѣнія этого рода. Подходитъ онъ къ газетному кіоску и спрашиваетъ: „Нашу Жизнь". — Нѣтъ ея. Запрещена. — Какъ, совсѣмъ?... — Въ розницу... Не возьмете ли „Новое Время"? — Только и всего. Но если бы и нашелся настойчивый читатель, готовый повторить свое требованіе въ книжномъ магазинѣ или въ конторѣ газеты, то вездѣ онъ встрѣтилъ бы тотъ же отказъ. Не больше разговоровъ вызываютъ эти случаи и въ писательской средѣ. Здѣсь спраши-

ваютъ: за что? — Неизвѣстно еще. Вѣдь это не предостереженіе, безъ мотивовъ... Редакторъ, говорятъ, поѣхалъ справиться. — Фельетонъ тамъ былъ... — Нѣтъ, скорѣе за передовую... — Да?.. Ну, не первые они, да и не послѣдніе, должно быть... И „инцидентъ“ считается исчерпаннымъ.

Но, какъ часто бываетъ, эта обыкновенная въ газетномъ дѣлѣ напасть, всѣми извѣданная, всѣмъ, казалось бы, хорошо, до мельчайшихъ подробностей, извѣстная, остается на повѣрку, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, порядкомъ неразобранной, пребываетъ въ положеніи знакомой незнакомки. Легкомысленное или небрежное отношеніе къ фактамъ, затрогивающихъ жизненные интересы общества, никогда и нигдѣ не проходитъ даромъ. Конечно, и въ этомъ случаѣ оно оплачивается дорогою цѣною...

Что такое воспрещеніе розничной продажи повременного изданія? Отвѣтъ ясенъ: административная кара, налагаемая на газету или на журналъ за такъ называемое „вредное направленіе“. Фактически, пожалуй, эта мѣра имѣетъ именно такое значеніе. Но напрасно вы стали бы искать подтвержденія этого взгляда въ законѣ. Глава цензурнаго устава „о мѣрахъ противъ распространенія произведеній печати, обнаружившихъ вредное направленіе, и объ административныхъ взысканіяхъ“ умалчиваетъ о воспрещеніи розничной продажи газетъ и журналовъ, какъ карательной или даже предупредительной мѣрѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, какъ и подчиненные ему цензурные органы, пользуется широкими полномочіями для огражденія публики отъ „вреда“, причиняемаго повременною печатью. Изданіямъ дѣлаются предостереженія; отдѣльные выпуски ихъ могутъ быть задержаны по распоряженію администраціи и уничтожены; самое изданіе можетъ быть прекращено на срокъ, безсрочно или навсегда. Существуютъ даже такіе способы воздѣйствія на періодическую печать вреднаго направленія, какъ недозволеніе печатать разсужденія „о несовершенствахъ существующихъ у насъ постановленій“ и „о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ администраціи и судебныхъ мѣстъ“. Легко понять, что значитъ подобное распоряженіе, если оно обращено къ органу, имѣющему, по утвержденной правительствомъ программѣ, характеръ общаго политико-литературнаго изданія. Мало того: русской газетѣ можно запретить печатаніе даже частныхъ объявленій. Но все же пока она существуетъ, ея редакторы и издатели не могутъ быть, согласно дѣйствующему уставу о цензурѣ и печати, лишены права распространять свое изданіе въ розницу, отдѣльными номерами, такъ же, какъ и по предварительной подпискѣ. И ни одно изданіе никогда еще не было *объявлено* лишеннымъ этого права, хотя на практикѣ многія изданія, иногда подолгу, не пользовались имъ, какъ бы слѣдовало. Но это уже плодъ недоразумѣнія и нашей непривычки или неумѣнья бережно хранить пріобрѣтенныя права.

Ст. 178 уст. о ценз. и печ. дѣйствительно предоставляетъ министру внутреннихъ дѣлъ воспрещать розничную продажу какъ газетъ и журналовъ, такъ и отдѣльныхъ брошюръ, но не редакторамъ и издателямъ этихъ изданій, а разносчикамъ газетъ и содержателямъ газетныхъ кіосковъ и книжныхъ ларей, т. е. лицамъ, по опредѣленію закона (ст. 177 уст. о ценз. и печ.), продающимъ книги и повременныя изданія „не въ лавкахъ, а на улицахъ и площадяхъ, равно какъ и въ разносъ“.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть текстъ этой статьи. „Министру внутреннихъ дѣлъ—гласитъ ст. 178—предоставляется право указывать мѣстнымъ полицейскимъ начальствамъ, при выдачѣ оными дозволеній на розничную продажу на улицахъ, площадяхъ, станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ и торговыхъ заведеніяхъ разнаго рода дозволенныхъ книгъ и повременныхъ изданій, отдѣльными нумерами, тѣ періодическія изданія и отдѣльныя брошюры, которыя не должны быть допускаемы въ розничной продажѣ“. Но конторы и редакціи газетъ и журналовъ не нуждаются въ подобныхъ полицейскихъ разрѣшеніяхъ. Право распространять свои изданія въ публикѣ они получаютъ вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ изданія, а не на основаніи дозволенія со стороны мѣстнаго полицейскаго начальства. Даже книжные магазины и лавки, учрежденіе которыхъ разрѣшается тоже въ особомъ порядкѣ (ст. 158, 159 и 175 уст. ценз.), не сходномъ съ порядкомъ разрѣшенія уличнаго торга газетами и книгами, не теряютъ права продавать отдѣльные номера газеты, когда она, на основаніи ст. 178 уст. ценз., воспрещена въ розничной продажѣ у разносчиковъ и уличныхъ торговцевъ произведеніями печати. Законъ разрѣшаетъ книжнымъ лавкамъ и магазинамъ „держать у себя и продавать“, какъ гласитъ ст. 179 уст. о ценз. и печ., „*всѣ* не запрещенныя изданія, напечатанныя въ Россіи“. Но очевидно, что повременное изданіе, относительно котораго принята мѣра, предусмотрѣнная въ ст. 178, не можетъ считаться запрещеннымъ. Напротивъ, это изданіе дозволенное, иногда даже—предварительною цензурою. Въ какой мѣрѣ неосновательно смѣшиваются эти два понятія, видно изъ того, что дѣйствіе ст. 178 распространяется не только на повременныя изданія, но и на брошюры. Повременное изданіе даже въ томъ случаѣ, если оно подверглось безусловному воспрещенію въ розничной продажѣ, можетъ быть распространяемо по подпискѣ на тотъ или иной срокъ. Но если придавать распоряженіямъ, основаннымъ на ст. 178, широкій смыслъ, то для отдѣльныхъ брошюръ такое воспрещеніе было бы равносильно полному запрещенію. Между тѣмъ, для запрещенія напечатанныхъ съ дозволенія цензуры книгъ (а всѣ брошюры безъ исключенія подлежатъ у насъ даже предварительной цензурѣ) существуетъ другой порядокъ, и самое запрещеніе обставлено, по закону, нѣкоторыми важными и для

власти, и для издателя условіями. Въ ст. 180 уст. о ценз. говорится: „если правительство признаетъ за нужное запретить напечатанную съ дозволенія цензуры книгу, то книгопродавцы обязываются, чрезъ полицію, подпискою, не имѣть и не продавать оной, подвергаясь за нарушеніе сего взысканію по законамъ. Напечатавшій же дозволенную и потомъ запрещенную книгу получаетъ отъ правительства удовлетвореніе за понесенный чрезъ то убытокъ". Слѣдовательно, будь воспрещеніе розничной продажи на основаніи ст. 178 равнозначительно одному воспрещенію продажи отдѣльныхъ экземпляровъ изданія, издатели брошюръ, подвергшихся дѣйствію такого распоряженія, имѣли бы право иска къ министерству внутреннихъ дѣлъ о возмѣщеніи убытковъ. Отъ такого смѣшенія понятій частичнаго ограниченія и изъятія изъ обращенія, вѣроятно, откажется прежде всего министерство. Но это одно изъ необходимыхъ послѣдствій широкаго толкованія права, предоставленнаго министру внутреннихъ дѣлъ ст. 178.

На самомъ дѣлѣ, однако, воспрещеніе розничной продажи какого-либо изданія есть лишь воспрещеніе, на точномъ основаніи ст. 178, продажи его въ уличныхъ кіоскахъ, съ ларей желѣзнодорожныхъ станцій, въ разносъ. Ни книжныхъ магазиновъ, ни тѣмъ болѣе конторъ и редакцій повременныхъ изданій такое запрещеніе отнюдь не касается. Если бы издатель газеты, изъятой изъ розничной продажи, или даже владѣлецъ книжнаго магазина былъ обвиненъ въ нарушеніи распоряженія, основаннаго на ст. 178, то судъ, по крайней мѣрѣ, въ высшей инстанціи, несомнѣнно освободилъ бы его отъ отвѣтственности за отсутствіемъ въ его дѣяніи какого-либо правонарушенія. Если, однако, на практикѣ ст. 178 уст. о ценз. примѣняется въ смыслѣ широкаго начала неограниченнаго воспрещенія розничной продажи газетъ и журналовъ, то вина за это лежитъ на издателяхъ. Въ оправданіе ихъ можно привести много вѣскихъ соображеній: это—ошибка, по обстоятельствамъ мѣста и времени извинительная, но всетаки это—ошибка дѣятелей печати. Практика примѣненія нашихъ цензурныхъ узаконеній изобилуетъ подобными ошибками. Въ однихъ случаяхъ онѣ сдѣланы цензурнымъ вѣдомствомъ, въ другихъ—учрежденіями, кодифицирующими наши законы, въ третьихъ—сенатомъ и т. д. Но ошибалась и печать. Такъ, въ данномъ случаѣ, широкое распространеніе, въ качествѣ административно-карательной мѣры, воспрещенія розничной продажи періодическихъ изданій должно быть, по всей справедливости, признано ошибкой печати. **В. Р.**

Удивительный случай безпамятности. Редакція „Русскаго Богатства" получила отъ одного херсонскаго обывателя два миніатюрныхъ сборничка стиховъ, изданныхъ въ текущемъ году преподавателемъ мѣстнаго духовнаго училища г. Зеленецкимъ — при

письмѣ, полномъ недоумѣнныхъ вопросовъ. Въ чемъ именно послѣдніе заключаются, читатель увидитъ ниже, но, какъ бы то ни было, съ произведеніями г. Зеленецкаго письмо это заставило насъ внимательно ознакомиться.

Одна изъ книжечекъ, побольше размѣромъ, имѣетъ заглавіе: „А. А. Зеленецкій (А. Мартовъ). Ad astra. Грезы и Думы. Херсонъ. 1904". Заглавіе другой короче: „А. Зеленецкій. Элегіи. Херсонъ. 1904".

Прочитавъ первую изъ нихъ, мы вспомнили крыловскихъ музыкантовъ:

Они немножечко дерутъ,
За то ужъ въ ротъ хмѣльного не берутъ!

Корявые, прозаичные стихи проникнуты такимъ добродѣтельнымъ паѳосомъ, что даже и самые придирчивые рецензенты смѣло могли бы... умолчать объ ихъ существованіи.

Пусть стремятся люди
Деньгами разжиться,
Для меня нѣтъ лучше —
Вѣкъ живя, трудиться!

Даромъ готовъ человѣкъ трудиться—какое, въ самомъ дѣлѣ, рѣдкое и удивительное въ наши дни безкорыстіе! Но, увы,—какъ это часто случается съ носителями неземной добродѣтели, — г. Зеленецкій не оцѣненъ и не понятъ своими ближними:

Среди толпы веселой и кичливой,
Среди толпы, не знающей заботъ,
Я прохожу угрюмо-молчаливый,
Какъ будто чей-то голосъ торопливый
Меня порой настойчиво зоветъ.
И этотъ голосъ лживый и прекрасный
Меня зоветъ бороться и страдать...

Но что это? Положительно недурные стихи, только... какъ-будто, гдѣ-то уже слышанные и не совсѣмъ вяжущіеся съ прозаически-благонравными виршами г. Зеленецкаго? Тщетно, однако, станетъ читатель перелистывать книжку, пытаясь найти ключъ къ этой загадкѣ: стихотвореніе „Мимо" останется таинственно-красивымъ оазисомъ среди скучной пустыни...

Вторая, меньшая объемомъ, книжечка открывается слѣдующимъ стихотвореніемъ:

In memoriam.

Не весь я твой, поэзія... О, нѣтъ!
Ты только сонъ и дивный, и прекрасный,
Ты только сердца молодого бредъ, —
Не правда ты, не голосъ безпристрастный!
Ты не отвѣтъ на зовъ души моей,
На скорбный зовъ усталаго страданья,
Не заглушишь мелодіей своей
Ты диссонансовъ мрачныхъ міозданья!
Какъ позабыть толпы голодной стонъ?

Какъ позабыть безумный смѣхъ разврата?
Они страшатъ, какъ погребальный звонъ,
Они зовутъ, какъ вѣщій гулъ набата...
Суровыхъ думъ властительная рѣчь,
Она нашъ вѣкъ немолчно призываетъ —
Палящій свѣточъ Истины зажечь:
Сіянье грезъ его не согрѣваетъ.

Но вѣдь это, ужъ несомнѣнно, не стихи г. Зеленецкаго! Читаемъ дальше и дальше—все то же впечатлѣніе: гдѣ-то читано...

Вотъ оно, то недоумѣніе, по поводу котораго обратился къ намъ херсонскій корреспондентъ. Слѣдуя его указанію, беремъ „Русскую Музу“ (книгу, изданную недавно г-номъ П. Я.) и на стран. 321 находимъ всѣ эти стихи г. Зеленецкаго—*А.* Мартова, только приписанные не ему, а *В.* Мартову—литературному псевдониму, подъ которымъ скрывался въ началѣ 80-хъ годовъ „талантливый, но вскорѣ замолкшій и безслѣдно исчезнувшій изъ литературы“ Владиміръ Петровичъ Михайловъ. Кто же, спрашивается, ошибся? Составитель „Русской Музы“, или г. Зеленецкій?

Наводимъ справку въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона, и въ томѣ XIX-А (стр. 496) отыскиваемъ краткую біографію В. П. Михайлова, въ концѣ которой говорится: „Въ *„Русской Мысли, Словѣ, Вѣстникѣ Европы* и др., подъ псевдонимомъ *Вл. Мартовъ*, помѣщаетъ не лишенныя таланта стихотворенія“. Случайно у насъ есть подъ руками журналъ „Слово“ за 1879—80 годы; подвергая провѣркѣ и свѣдѣнія энциклопедическаго словаря, отряхаемъ пыль съ этого стараго журнала — и здѣсь въ оглавленіи чуть не каждой книжки читаемъ фамилію Мартова: стоитъ она подъ тѣми самыми стихотвореніями, которыя перепечатаны г. Зеленецкимъ въ книжечкѣ: „А. Зеленецкій. Элегіи. Херсонъ. 1904“.

Итакъ, сомнѣнія быть не можетъ...

По этому поводу припоминается намъ не такъ давно имѣвшій мѣсто случай, когда другой поэтъ, изобличенный въ присвоеніи стиховъ Полонскаго, далъ слѣдующее оригинальное объясненіе. Рядомъ съ собственными произведеніями у него были списаны нѣкогда въ общей тетради стихи извѣстныхъ авторовъ, но съ теченіемъ времени память ему измѣнила: онъ пересталъ различать чужія вдохновенія отъ своихъ...

Конечно, точь въ точь такое же несчастіе могло приключиться и съ г. Зеленецкимъ, тѣмъ болѣе, что Мартовъ принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ забытыхъ поэтовъ: печатался въ журналахъ давно, сборника стиховъ не издалъ и самъ находится гдѣ-то въ безвѣстной отлучкѣ. Безпамятность пошла, впрочемъ, у г. Зеленецкаго нѣсколько дальше, распространившись и на псевдонимъ Мартова...

Но... такія ли чудеса на свѣтѣ бываютъ! Эль-Эмъ.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

На сооруженіе памятника на могилѣ **Николая Константиновича Михайловскаго** поступило:

Отъ группы слушательницъ курсовъ проф. Лесгафта—13 р., черезъ контору журнала „Восходъ"—163 р.

Итого . 176 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 2.449 р. 04 к. *)

На устройство народной школы имени **Николая Константиновича Михайловскаго:**

Отъ студентовъ Екатеринославской высшей горной школы: Слонимскаго - 1 р., Семенова—1 р., Гембицкаго—1 р., Комлишинскаго—1 р., Шахновича—1 р., Рюмшина—50 к., отъ студента-экономиста, С.-Петербургъ—3 руб., А. Ѳ. Фортунатова, изъ Астрахани—2 р.

Итого . . . 10 р. 50 к.

А всего съ прежде поступившими 129 р. — к.

Въ капиталъ имени **Николая Константиновича Михайловскаго** при „Литературномъ Фондѣ":

Отъ двухъ читателей и почитателей „Русскаго Богатства", изъ Рославля—2 р., А. Ф. Фортунова, изъ Астрахани—2 р.

Итого . . . 4 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 190 р. 48 к.

На стипендію имени **Николая Константиновича Михайловскаго:**

Отъ А. Ѳ. Фортунатова, изъ Астрахани—2 р.

Итого . . . 2 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 873 р. 65 к.

---

*) Къ сооруженію памятника уже приступлено. 26 іюля были произведены расходы: церковному причту на Волковомъ кладбищѣ за право открытія могилы уплачено—14 р. 70 к. и по счету мастерской М. Ф. Крутикова за устройство склепа и фундамента—400 р. Итого 414 р. 70 к.

На изданіе сборника, посвященнаго памяти **Николая Константиновича Михайловскаго:**

От студента-ветеринара С. Н. Петропавловскаго, изъ Любенецъ—1 р.

Итого . . . 1 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 3 р. 50 к.

На библіотеку имени **Николая Константиновича Михайловскаго:**

От А. Ѳ. Фортунатова, изъ Астрахани—2 р., Л. А. Беклемишевой, изъ Новаго Аѳона—2 р. 25 к.

Итого . . 4 р. 25 к.

А всего съ прежде поступившими 56 р. 50 к.

На устройство школы имени **Гл. И. Успенскаго** въ д. Сябриницахъ, Новгородской губ.:

Отъ А. Митяншевой, изъ Шадринска—2 р.

Итого . . . 2 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 3.551 р. 76 к. *)

На пріобрѣтеніе въ общественную собственность части усадьбы Некрасовыхъ въ Грешневѣ, Ярославскаго уѣзда, для устройства тамъ школы и библіотеки въ память 25-лѣтія со дня смерти **Н. А. Некрасова:**

Отъ полтавцевъ—8 р., отъ студента-ветеринара С. Н. Петропавловскаго, изъ Любенецъ—1 р.

Итого . . . 9 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 412 р. 35 к.

На учрежденіе высшей народной школы имени гр. **Л. Н. Толстого:**

Отъ студента-ветеринара С. Н. Петропавловскаго, изъ Любенецъ—1 р.

Итого . . . 1 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 157 р. 50 к.

---

*) Изъ этой суммы 3.509 р. 26 к. 20 февраля 1904 г. за № 6201 переведены черезъ Государственный Банкъ въ Новгородскую губернскую земскую управу.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на петербургскій—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 20 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1902 г. и не востребованныя обратно до 1-го декабря 1903 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

Редакторъ-Издатель: ***Вл. Г. Короленко.***

Дозв. ценз. Спб., 27 ноября 1904 г. Типографiя **Н. Н. Клобукова Лиговская, 34.**

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 2083.

ДЕКАБРЬ. 1904.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 12.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. 2-ую стр. обложки).

(*См. 3-ю стр. обложки*).

ДЕКАБРЬ. 1904.

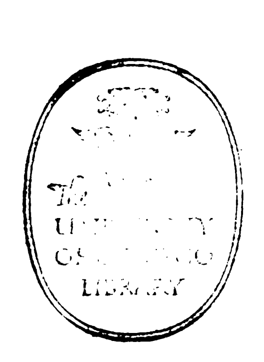
РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 12.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1904.



Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 декабря 1904 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

СТРАН.

Н. Кудринъ. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Отъ автора. — I. Народъ и его характеръ. Психологія француза. Французское краснорѣчіе. Цезаризмъ и роль личности во Франціи XIX в. Ренегаты и герои убѣжденія. — II. Общественные классы. Французское крестьянство. Несчастный богачъ и счастливые бѣдняки. Безработные. Жизнь и идеалы четвертаго класса во Франціи. — III. Наука, литература и печать. Соціологія человѣка-звѣря. О марксизмѣ вообще, по поводу франц. марксизма въ частности. Натурализмъ на службѣ у утопіи. Французская пресса.—IV. Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ. Современное „чертобѣсіе". Шовинистская и клерикальная реакція. Дѣло Дрейфуса (Торжество военщины. Идейное пробужденіе. Реннскій процессъ и его міровой характеръ). Еврейскій вопросъ и антисемитизмъ во Франціи. Французскій парламентаризмъ и его критики. Эволюція политическихъ партій. Сто лѣтъ взаимныхъ отношеній буржуазіи и пролетаріата.

Ек. Лѣткова. ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Томъ I. *Второе* изд. 1903 г.—311 стр. Ц. 1 р.

Мертвая зыбь.—Лушка.—Горе.—Счастье.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Томъ II. *Второе* изд. 1903 г.—314 стр. Ц. 1 р.

Отдыхъ. — Чудачка. — Бабьи слезы. — Праздники. — Лишняя.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Томъ III. Изд. 1903 г.—316 стр. Ц. 1 р.

Рабъ.—Оборванная переписка. — На мельницѣ. — Облачко. — Безъ фамиліи (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ. ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Томъ I. *Третье* изд. 1903 г.—386 стр. Ц 1 р. 50 к.

Въ преддверіи. — Шелаевскій рудникъ. — Ферганскій орленокъ.—Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Томъ II. *Второе* изд. 1902 г.—402 стр. Ц 1 р. 50 к.

Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.—Post-scriptum (отъ автора).

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Второе* изд. 1903 г.—367 стр. Ц. 1 р.

Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни. — Чортовъ яръ.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда. — На китайской рѣкѣ.—Ганя.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г.—406 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Пѣвецъ гуманной красоты (Пушкинъ).—Муза мести и печали (Некрасовъ).—Чудеса „вседневнаго міра" (Фетъ).—На высотѣ (Тютчевъ).—Пѣвецъ „тревоги юныхъ силъ" (Надсонъ). — Современныя миніатюры (Гг. Минскій, Андреевскій, Фругъ, Льдовъ, Фофановъ, Коринфскій, Чюмина, Облеуховъ, Бальмонтъ, Брюсовъ, Танъ, Соловьевъ, Allegro, Ѳедоровъ, Бунинъ, Лохвицкая, Щепкина-Куперникъ, Галина). О старомъ и новомъ настроеніи.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ. Шесть томовъ. Изд. 1896 г. Цѣна каждаго тома 2 р.

Томъ I. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Томъ II. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 5) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ.

7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

Томъ III. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его „новая наука". 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

Томъ IV. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

Томъ V. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника: I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Ціона, чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ".

Томъ VI. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія. 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ I. Изданіе *второе.* 1905 г. — 504 стр. Ц. 2 р.

Мой первый литературный опытъ. „Разсвѣтъ". „Книжный Вѣстникъ". Братья Курочкины, Ножинъ, Благосвѣтловъ, Писаревъ, Демертъ, Минаевъ. — „Гласный судъ", „Современ. обозрѣ ніе", „Отеч. Записки". — Некрасовъ. — Романъ „Борьба" и статья „Что такое прогрессъ". Салтыковъ, Елисеевъ, Успенскій. Некрасовъ, какъ человѣкъ. — Фетъ о Салтыковѣ. Изъ переписки и дневника Шелгунова. Шелгуновъ и Поздньшевъ. „Исторія новѣйшей русской литературы" А. М. Скабичевскаго. — П. Д. Боборыкинъ и его отношеніе къ „Отеч. Запискамъ". — Въ одной изъ толстовскихъ колоній. Изъ прошлаго и настоящаго Л. Н. Толстого. Полемика съ нимъ И. И. Мечникова. — Личныя воспоминанія о гр. Толстомъ. Толстой и г. Мечниковъ, какъ гигіенисты. О естественномъ и неестественномъ. О задачахъ науки. О будущемъ женщинъ и женскаго вопроса. Люди, владѣющіе перомъ и перомъ владѣемые. Двоякаго рода эпигоны. Г. Сементковскій о нашемъ недавнемъ прошломъ. — „Книга о книгахъ". Воспоминаніе объ одномъ маленькомъ человѣкѣ. Письмо К. Маркса. Кающіеся дворяне. Идеалы и идолы. Ошибки исторической перспективы. „Черезъ сто лѣтъ" Беллами и „Крушеніе цивилизаціи" Буажильбера". — О. г. Розановѣ и его отказѣ отъ наслѣдства. О мозаичности культуры. Славянофилы, „Моск Вѣдомости", „Гражданинъ" и благонамѣренность. Изъ поѣздки по Волгѣ и изъ исторіи русской цензуры. — Г. З. Елисеевъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ II Изданіе 1900 г. — 496 стр. Ц. 2 р.

Оптимистическій и пессимистическій тонъ. Марксъ Нордау о вырожденіи. Декаденты, символисты, маги и проч. Русское отраженіе франц. символизма. О разныхъ типахъ празднословія. Объ исторической критикѣ. Отрывокъ изъ романа „Карьера Оладушкина". Основы народничества г. Юзова. — Памяти Тургенева. О народничествѣ г. В. В. Братство народовъ. — О молодости. О гг. П. Ковалевскомъ и Сениговѣ.

Смерть Гайдебурова. Объ экономическомъ матеріализмѣ.—Изъ писемъ марксистовъ. Гегелизмъ и гальванизмъ. О діалектическомъ развитіи и тройственныхъ формулахъ прогресса. О разсказахъ гг. Григоровича и Мамина-Сибиряка. О силѣ привычки вообще, у писателей въ частности. О гр. Л. Н. Толстомъ.—Нѣчто о бѣдствіяхъ существенныхъ и красныхъ вымыслахъ. Фламмаріонъ, Мечниковъ и Бертело о грядущихъ судьбахъ человѣчества. Будущія бородатыя женщины г. Брандта. „Выдающаяся женщина" г. Ардова и Раскольниковъ Достоевскаго.—О „Литературномъ обществѣ" и нашихъ литературныхъ нравахъ. О системахъ морали. О Максѣ Штирнерѣ и Фр. Ничше.—О г. Струве и его „Критическихъ замѣткахъ".

— ОТКЛИКИ. Томъ I. Изд. 1904 г.—492 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— ОТКЛИКИ. Томъ II. Изд. 1904 г.—432 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Два тома. Ц. 1 р 50 к. каждый. (Печатаются).

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

А. В. Пѣшехоновъ. НА ОЧЕРЕДНЫЯ ТЕМЫ. Матеріалы для характеристики общественныхъ отношеній въ Россіи. Изд. 1904 г.—434 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Крестьянскій вопросъ. — Не додѣланное дѣло. — Изъ хроники голодныхъ лѣтъ. — Современные аргонавты. — Торгово-промышленныя дѣла и дѣятели.—По поводу одного аграрнаго закона.—Централизація экономической власти.—Желѣзныя дороги въ русскомъ государственномъ бюджетѣ. Неудавшійся праздникъ.—Пора рѣшить. — Уединенная реформа.—Изъ земской жизни: 1) Земцы новой формаціи.—2) Кризисъ въ земской статистикѣ.—Господа ремесленники и ихъ комментаторы.—Самарскій мужикъ въ новомъ освѣщеніи. — Докторъ Штокманъ на русской сценѣ. — Изъ исторіи чести и совѣсти.—Проблемы совѣсти и чести въ ученіи новѣйшихъ метафизиковъ. — Матеріалы для характеристики русской интеллигенціи.

СБОРНИКЪ «РУССКАГО БОГАТСТВА». Часть I. *Беллетристика.* Изд. 1899 г.—206 стр. Ц. 2 р.

Изъ романа „Карьера Оладушкина". Въ провинціи. *Н. К. Михайловскаго.*—У святыхъ могилокъ. Эскизъ. *Д. Н. Мамина-Сибиряка.*—На службѣ обществу. *Л. Мельшина.*—Современная Миньона. *Н. Съверова.*—Бѣлыя крылья. Изъ разсказовъ стараго шахтера. *В. І. Дмитріевой.*—Маруся. Разсказъ. *В. Г. Короленко.*— Стихотворенія. *В. Г.* Послѣдній выборъ. Романъ. *Р. Штратца* (съ нѣмецкаго).

— Часть II. *Публицистика.* Изд. 1899 г.—450 стр. Ц. 1 р.

А. С. Пушкинъ. *П. Ф. Гриневича.*—Муки слова. *А. Г. Горнфельда.*—А. С. Пушкинъ и его письма. *Е. А. Ляцкаго.*—Изъ Пушкинской эпохи. *В. А. Мякотина.*—Сербско-болгарскія отношенія по македонскому вопросу. *П. Н. Милюкова.*—Покупательныя силы крестьянства. *А. В. Пѣшехонова.*—О классицизмѣ филологическомъ и идейномъ. *Н. Е. Кудрина.*—Людвигъ Бюхнеръ. *В. В. Лункевича.* — Неудавшійся праздникъ. *А. В. Пѣшехонова.*—Правители и властители современной Европы. *С. Н. Южакова.*

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ. — На теплыхъ водахъ.

П. Я. СТИХОТВОРЕНІЯ. Томъ I (1878—1897 гг.). *Пятое* изд. 1903 г.—282 стр. Ц. 1 р.

— СТИХОТВОРЕНІЯ. Томъ II (1898—1902). *Второе* изд. 1902 г.—295 стр. Ц. 1 р.

— РУССКАЯ МУЗА. *Второе* изданіе. 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.

Собраніе лучшихъ, оригинальныхъ и переводныхъ, стихотвореній русскихъ поэтовъ XIX вѣка. Съ приложеніемъ образцовъ юмористической поэзіи. Въ книгѣ больше 30.000 стиховъ. Произведеніямъ почти каждаго поэта предпослана краткая характеристика.

Открыта подписка на 1905 годъ

(XIII-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ **Вл. Г. КОРОЛЕНКО**

и при ближайшемъ участіи **Н. Ѳ. Анненскаго, А. Г. Горнфельда, Діонео, А. И. Иванчинъ-Писарева, Н. Е. Кудрина, П. В. Мокіевскаго, В. А. Мякотина, А. В. Пѣшехонова, Реуса, С. Н. Южакова и П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина).**

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой **9** р., безъ доставки въ Петербургѣ и въ Москвѣ **8** р. *), за границу **12** р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ журнала — *Баскова ул., 9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—*Никитскія вор., д. Гагарина.*

Желающіе воспользоваться разсрочной подписной платы (за исключеніемъ книжныхъ магазиновъ и др. коммиссіонеровъ по пріему подписки, отъ которыхъ подписка въ разсрочку не принимается) должны обращаться **непосредственно** въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗСРОЧКУ:

При подпискѣ	5 р.	или	при подпискѣ	3 р.
			къ 1-му апрѣля	3 »
и къ 1-му іюля	4 »		и къ 1-му іюля	3 »

Не приславшимъ доплатъ въ означенные сроки высылка журнала прекращается.

Доставляющіе подписку КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ И УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛІОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРІЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ **могутъ** удерживать за коммиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра, т. е. присылать, вмѣсто **9** рублей, **8** руб. **60** коп., ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.

Подписка въ разсрочку или не вполнѣ оплаченная 8 р. 60 к. отъ нихъ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

---

*) ***Для городскихъ подписчиковъ*** въ Петербургѣ и Москвѣ ***безъ доставки*** (**за исключеніемъ книжныхъ магазиновъ и библіотекъ**) допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ, съ платежомъ впередъ: въ декабрѣ за январь, въ январѣ за февраль и т. д. по іюль включительно.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на петербургскій—65 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 15 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1903 г. и не востребованныя обратно до 1-го декабря 1904 г., **уничтожены**.

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются**.

ДУНАЙСКІЯ ВОЛНЫ.

Разсказъ.

—

I.

Трактиръ „Англія“ помѣщался въ вылинявшемъ отъ дождя и солнца двухъэтажномъ деревянномъ домѣ. Видъ этого дома, жалкаго и угловатаго, чѣмъ-то напоминалъ пропившагося субъекта, неожиданно останавливающаго прохожаго фразою: „Ваше сіятельство... нѣсколько argent... бывшему дворянину.“

Лѣтомъ окна въ трактирѣ открывались настежь. Скучающій вѣтеръ лѣниво теребилъ грязныя ситцевыя занавѣски. За столиками сидѣли раскраснѣвшіеся потные люди и пили чай. Черезъ входныя двери можно было замѣтить, какъ у буфета суетится самъ хозяинъ, Данилычъ, живой человѣчекъ съ птичьей физіономіей и начинавшимъ округляться брюшкомъ.

На стойкѣ стоялъ граммофонъ или, какъ называлъ его Данилычъ, „фонъ-баронъ“. Граммофонъ этотъ сопѣлъ и пыхтѣлъ, и подъ его хриплое пѣніе „Англія“ торговала до полуночи.

Кучеровы дочки, Анка и Марья, и Анфисина племянница, Ѳеклуша, въ свободныя минуты собирались напротивъ трактира на набережной вонючаго канала у водопойки и грызли подсолнухи. Анка бойко пересмѣивалась со знакомыми, шутила надъ Ѳеклушей и неизвѣстно за что дразнила ее Аникой-заикой. Ѳеклуша виновато улыбалась, стряхивала съ платка прилипшія сѣмечки и смотрѣла на свои прюнелевые ботинки, которые ей страшно нравились. „Чисто, что деревенщина,“ конфузливо думала она о себѣ и незамѣтно отъ подругъ приподнималась на цыпочки и плавно опускалась.

Когда панель достаточно покрывалась подсолнушной шелухой, изъ водопойки взволнованно выбѣгалъ развинченный и вѣчно-заспанный Левушка. Ярко-рыжіе волосы его тор-

чали безпорядочными космами, а рѣдкая, сомнительнаго цвѣта бороденка, имѣла такой комическій видъ, что невольно казалось, будто кто-то для потѣхи приклеилъ къ Левушкиному подбородку нѣсколько клочьевъ вывѣтрившейся пакли.

— Нашли мѣсто,—буркалъ онъ себѣ подъ носъ и останавливался, недоумѣвающе вскидывая глаза на масляныя отъ смѣха лица дѣвушекъ.

— Ты возьми и вымети.

Левушка чесалъ затылокъ.

— И въ самъ-дѣлѣ... Поди жъ ты: метлу забылъ.

— Левушка, а отчего ты бороду себѣ не сбрѣешь?—спрашивала Анка.

— Отчаво... бороду-то? Безъ бороды физіономія у меня шероховатая... Вотъ отчаво.

Дѣвушки прыскали со смѣху и толкали другъ дружку.

— Вы зубы скалить, ерихонскія кобылицы? Погодите, вотъ я васъ!

Онъ неуклюже срывался съ мѣста и гнался за ними до воротъ большого каменнаго дома, сосѣдняго съ „Англіей". На дворѣ на самомъ солнопекѣ стоялъ старшой, Яковъ Абрамычъ, слѣдившій, какъ подручные рубятъ дрова, какъ отецъ Анки и Марьи моетъ въ раскрытой конюшнѣ лоснящихся грузныхъ лошадей домохозяина. Отъ яркаго солнца онъ жмурился, какъ котъ. Толстые обрубки его пальцевъ играли дутой цѣпочкой отъ часовъ, выползавшей изъ кармана ватнаго жилета.

— Фи, противный толстопузикъ,—шептала Анка, ущипнувъ Ѳеклушу за руку.—Не люблю я такихъ.

Яковъ Абрамычъ повертывалъ за ними и, миновавъ флигель, облапливалъ которую-нибудь, чаще всего Ѳеклушу. Глаза его отъ напряженія пучились, онъ тяжело дышалъ.

— Доберусь я до тебя, Ѳекла, какъ слѣдоваетъ... А вы, принцессы, чего раскудахтались?

— Рукамъ волю даешь... Подальше проходи. Добро-бъ еще кавалеръ былъ, а то такъ, прихвостень,—задорно отвѣчала Анка.

— Не сахарныя, не растаете. Все равно одинъ конецъ: подъ ракитовъ кустъ.

— Ишь сколько синяковъ насадилъ!—оголяя руку, жаловалась болѣзненная, богомольная Марья.—Срамъ одинъ.

Ѳеклуша трусила, сердце билось часто-часто, и отъ волненія дѣлалось жарко. Запыхавшись, приходила она домой, пунцовая, какъ макъ.

Въ ихъ низенькой маленькой квартиркѣ, въ первомъ этажѣ, пахло затхлымъ кухоннымъ чадомъ, сыростью и ко-

жей. Обои словно облѣзли и ослизли. Майбахъ, любовникъ ея тетки, сидѣлъ на табуретѣ у окна и меланхолично чинилъ обувь. На полу, на раскинутомъ одѣялѣ, играли дѣтки: трехлѣтняя Дашутка, съ капельнымъ въ видѣ пуговки носикомъ, и годовалый Мотя. Восковое личико Моти, какъ будто, таяло отъ сгущеннаго воздуха.

— Смотри: брюхо нагуляешь. У васъ это недолго! — ворчливо встрѣчала Ѳеклушу костлявая, какъ бездомная кошка, Анфиса.

— Я, тетенька, только за воротами постояла. Вотъ тѣ крестъ истинный!

— На Анку-то не гляди. У нея отецъ покроетъ. А ты съ такимъ приданымъ куда явишься?

Ѳеклуша брала Мотю. Маленькое жидкое тѣльце барахталось на ея рукахъ, пищало, дрыгало кривыми ноженками.

— Спи, слѣпышъ!—унимала она.—Погибели на тебя нѣту.

Лицо ея дѣлалось безсмысленно сосредоточеннымъ. Она совала Мотѣ въ ротъ оловянную чайную ложку и тихо плачущимъ голосомъ начинала напѣвать:

У кота, у кота
Была мачиха лиха.
Она била кота
Поперекъ живота
За сметанку, за творогъ
Да за кисло молоко.

Подъ эту пѣсню ее самое клонило ко сну, и она дремала и лѣниво думала: какія это деньги три рубля! Тетка Анфиса за нихъ поѣдомъ ѣстъ, а цѣликомъ въ срокъ никогда не отдастъ. Ни тебѣ платья, ни мамкѣ послать. Брошку, вотъ, только за сорокъ копѣекъ купила. Въ деревнѣ лучше: подождать годика два—и замужъ можно. Ее въ любую семью возьмутъ. Она работящая.

Мотя плакалъ.

— Погибели на него нѣту!—зѣвая, говорила вслухъ Ѳеклуша. Дремота овладѣвала всѣми членами, но вмѣстѣ съ тѣмъ грустно было. Плакать хотѣлось, прижавшись гдѣ-нибудь въ уголкѣ, чтобы никто не видѣлъ, или послать мамкѣ письмо: пусть позволитъ пріѣхать обратно въ деревню.

„На деревнѣ тоже работы много! Масло тамъ свертѣть, корову подоить, ужинъ отцу собрать,—пересчитывала она.

„Николи теперь не поѣду къ нимъ. Звать будутъ—не поѣду. Николи."

Глаза слипались.

Мотя выростетъ большимъ—

Будетъ въ золотѣ ходить,
Будетъ яхонты носить,—

машинально повторяла она.

II.

Анфиса поругалась съ Майбахомъ изъ-за потеряннаго гривенника; когда же запасъ бранныхъ словъ и колкостей истощился, сердито хлопнула дверью и ушла за ворота. Стояла она тамъ, не двигаясь, точно не живой человѣкъ.

Грамофонъ въ „Англіи“ выкрикивалъ „Ваньку Ключника“, и подъ его залихватски-печальные звуки на душѣ у Анфисы становилось горько, подымалось щемящее унылое чувство. Она жалѣла, что не высказала Майбаху самаго обиднаго и главнаго. „Онъ, дьяволъ, взялъ на табакъ гривенникъ, больше некому“, рѣшала она про себя, и ей начинало казаться, что кто-то нанесъ ей смертельную, непоправимую обиду. Отъ этого сердце сжимала злоба, и были ненавистны проходящіе люди, красная съ бѣлыми буквами вывѣска „Англіи“ и самая жизнь, мелкая, удушливая, грязная.

Пришла Ѳеклуша. Анфиса не оглянулась. Яковъ Абрамычъ, по обязанности дежурнаго, топтался недалеко. Онъ то и дѣло касался руками козырька новой клеенчатой фуражки, подходилъ къ окнамъ „Англіи“ и искоса поглядывалъ на женщинъ.

— Растетъ Ѳекла-то,—не выдержалъ онъ и сдѣлалъ умильные глаза.—Баба бабой выходитъ. Настоящая мамзелька.

Онъ сплюнулъ, вытеръ губы краснымъ носовымъ платкомъ и приблизился къ Ѳеклушѣ.

— Въ самдѣлѣ ладная барышня будете, въ сурьезъ говоря. Только вотъ деревенской дурости въ васъ много. А то бы хоть на проспектъ идтить, рыбу ловить... Сапожки такіе бѣлые, шляпку съ перомъ, зонтичекъ. И пожалуйте, барышня - сударышня, подъ ручку съ чистыми господами гулять.

Анфиса метнула на него злобнымъ предостерегающимъ взоромъ. Абрамычъ закатился сладострастнымъ смѣшкомъ и шутливо ударилъ ее по спинѣ.

— Тетка, мы ей карьеру составляемъ, а ты въ амбицію. Мы по хорошему, съ согласія. Бери примѣръ съ Лизаветы: рыла теперь не достанешь, съ какимъ бариномъ живетъ.

Онъ помолчалъ съ минуту, походилъ и опять остановился.

— Цыпъ-цыпъ-цыпъ!—крикнулъ онъ пробѣжавшей мимо горничной.

— Смотри, Яковъ, за такія дѣла не милуютъ,—отозвалась, наконецъ, Анфиса.—Больно ужъ полакомиться охочъ. Ужъ мы какіе ни на есть, а она мнѣ матерью подъ присмотръ сдадена. Ступай, Θекла, домой. Нечего глупости слушать.

Θеклуша лѣниво поплелась. Она не понимала, о чемъ говорилъ Абрамычъ, и только боялась смотрѣть ему прямо въ глаза, потому что тогда ей дѣлалась стыдно. „Польку-крейцъ Анка учить“,- подумала она, когда услышала въ сараѣ ритмичное топанье ногъ, но идти туда не посмѣла.

У Майбаха третій день не было работы. Онъ уныло ходилъ по діагоналямъ своей мастерской и ругалъ русскаго человѣка „шабакой“.

— Рушки дѣвушка бѣдовая голова... Плохо будетъ, ошенъ плохо,—закачалъ онъ головой, увидѣвъ Θеклушу.—Рушки народъ—лютый народъ. Ай-я-яй, какой лютый!

Онъ присѣлъ на Θеклушину кровать, поправилъ подушку и, показывая рядъ гнилыхъ зубовъ, продолжалъ говорить:

— Эстонски дѣвушка семьи любитъ, хозяйкой живетъ. Эстонски дѣвушка—хорошая дѣвушка. Мать уважайтъ, отца уважайтъ, пѣсни поетъ. У васъ такихъ пѣсенъ нѣту.

Потомъ онъ, словно вспомнивъ что-то, подошелъ къ Θеклушѣ, уперся въ нее быстро бѣгавшими мышиными глазами и, наклонившись къ самому лицу, спросилъ:

— Анфиса гдѣ?

— Не знаю,—дрожа, отвѣтила Θеклуша и принялась укладываться спать.

Не спалось ей. Отъ жары она сбросила одѣяло, раскинулась вся, стараясь, чтобы руки не прикасались къ горячему тѣлу.

„Три рубля получаешь, какое это жалованье,—безсознательно шевелились мысли,—а тутъ мамкѣ помогай и наряды себѣ справь. Погибели на нихъ нѣту. Право слово“.

Изъ трактира доносились дребезжащія, разбитыя „Дунайскія волны“, и подъ ихъ тоскливую мелодію, напоминавшую сѣрое, неопредѣленное чувство давнишней грусти о надломленной, вывихнутой долѣ, о ненужныхъ плачущихъ дняхъ, приходили и уходили щемящія думы. И вмѣстѣ съ жалобными звуками въ простую деревенскую душу врывалось что то незнакомое, чуждое и непонятнымъ образомъ связывалось съ Яковомъ Абрамычемъ, съ полькой-крейцъ, съ Майбахомъ, съ слѣпенькимъ Мотькой.

Въ деревнѣ такъ просто было, словно и жить не надо.

Жарко Θеклушѣ. Отъ жары она переворачивалась съ боку на бокъ и, чтобы простыть, подходила къ крану и обливала лицо холодной водой.

Вотъ тетка вернулась, тихо прошла, и тѣнь ея, длинная-длинная, протянулась по стѣнѣ и потолку.

Рядомъ Мотька заплакалъ. Майбахъ закашлялся и проворчалъ: „Пришла стерва".—„Спи, каторжный! Самъ сгнилъ, такъ хочешь, чтобъ и другіе".

Потомъ затихло все.

Часы пробили два.

Ѳеклуша вздрогнула. Ей почудилось, что къ окну кто то подошелъ. На занавѣскѣ вырисовался темный силуэтъ человѣка. Разомъ захватило духъ. На лбу выступили капли холоднаго пота... Раздался осторожный тихій стукъ.

„Онъ это, безпремѣнно".

— Ѳеклунька! ты спишь, что ли?—сдавленно спросилъ шепчущій голосъ.

— Онъ! Онъ!—Она быстро подбѣжала къ окну, схватила съ подоконника свой платокъ, вернулась на кровать и закрылась съ головой одѣяломъ.

— Выдь на улицу. Насчетъ пачпорта мнѣ. И потомъ секретецъ одинъ надо сказать.

— Съ кѣмъ ты тамъ?—крикнула проснувшаяся Анфиса.

Ѳеклуша молчала. Она рѣшила притвориться спящей и только боялась, что сердце бьется черезчуръ громко. „Будь, что будетъ. Ни за что не откликнусь, Матушка-Богородица."

— Косы я тебѣ оборву!—слышалось ворчаніе Анфисы.—Съ этакихъ-то поръ. Молоко на губахъ не обсохло. Будете честь знать.

III.

Шумитъ въ головѣ, шумитъ.

Ѳеклуша еще ребенкомъ упала съ воза съ сѣномъ и ударилась головой объ оглоблю, и вотъ съ тѣхъ поръ по временамъ появлялся этотъ гнетущій, сверлящій мозгъ шумъ.

Апатичная тяжелая тоска овладѣвала душою, нельзя было думать. Просыпалась боязнь, тупая и безсмысленная, и было все равно, что бы ни случилось.

Она встала съ тяжестью въ головѣ, долго ставила самоваръ и, когда мыла чашки, прислушивалась.

Шумитъ въ головѣ, шумитъ.

Стѣна огромнаго казарменнаго дома смотрѣла на нее, въ глазахъ темнѣло, и жутко и пріятно было воображать, что вотъ домъ повалится, раздавитъ ее, ихъ всѣхъ, и больше уже ничего не будетъ—ни жизни, ни шума, одна свалка камней; а тамъ рядомъ, въ трактирѣ, какъ прежде, забренчитъ граммофонъ, гости будутъ сидѣть за чаемъ и разговаривать.

Подручные мели дворъ. Слышно было, какъ Яковъ Абрамычъ перекидывался фразами съ кучеромъ.

— Только, Яковъ, моихъ дочекъ больше не трожь. Жалются онѣ. Очень ты ихъ того...

— Ладно. По мнѣ, Вася, все единственно. Конечно, баловство это. Но для времяпровожденія... Не хочешь, такъ я ни-ни...

Голосъ Абрамыча отдавался въ душѣ Ѳеклуши, и она сдавливала себѣ виски до боли. Ушли бы всѣ, оставили ее, въ покоѣ. Хорошо, когда ночь темная, дождливая ночь въ деревнѣ, и на дорогѣ страшно, огней нѣтъ, въ кустахъ кто-то чудится, и кусты непонятно говорятъ между собой, а верстовой столбъ смотритъ вдаль и ничего не видитъ, и около него куча щебня, и за этой кучей опять притаился кто-то.

Сегодня Мотя сказалъ первое слово. Майбахъ улыбнулся. У Анфисы скривились губы.

— Ублюдокъ слѣпенькій!—ласково потрепала она сына по головѣ.

Заглянуло солнце, и стало веселѣе. Свѣтлыя пятна выступили на рваныхъ обояхъ.

Непривычно было, что Анфиса сидитъ противъ Майбаха, держитъ на рукахъ Мотю и разсуждаетъ, какъ поправить запутанныя дѣла, что Майбахъ шепеляво говоритъ, будто съ переѣздомъ въ Либаву пойдетъ все по новому.

— Дашутку въ гимназію отдадимъ.

— О, Господи!—вздохнула Анфиса и принялась возиться около плиты.

Ѳеклуша вынесла Мотю на дворъ. Ребенку нравилось яркое, ласковое солнечное тепло. Сморщенная кожа разглаживалась, и на личикѣ появилась тѣнь улыбки.

— Мотя, на деревнѣ у насъ солнца много... У, какъ много! Тамъ покосъ теперь, а потомъ жать пойдутъ. И спину тогда, охъ, разломитъ!—говорила Ѳеклуша, и каждое слово повторялось въ головѣ и словно застывало въ ней, сухое и пламенное.

Подошли Анка и Марья. Анка въ кокетливо подвязанной новой косынкѣ съ полевыми ромашками въ рукахъ.

— На кладбище гулять ходили,—сообщила она и протянула одинъ цвѣтокъ.—На, погадай.

— Не умѣю я,—отказалась Ѳеклуша.

— У Абрамыча корова пѣгая куплена,—серьезно заговорила Марья.—Слышала я, доить нанимать тебя хочетъ. За рубль въ мѣсяцъ.

Шумитъ въ головѣ, шумитъ.

Ѳеклуша вертѣла ромашку, Мотя ухватился за нее и поспѣшно упряталъ въ ротъ.—„Анка всегда смѣется“,—мелькнуло въ мозгу у Ѳеклуши. Марья что-то говорила. Она не слушала.

— Дурочка ты!—расхохоталась Анка.

— Онъ фабричную одну испортилъ. Умерла она,—продолжала Марья.—Отъ этого молиться святому Урвану надо. Помолись, Ѳеклунька, на ночь.

Ѳеклуша безпомощно уставилась на нее.

— Что это ты?

— Голова болитъ.

— Такъ иди домой. Отъ солнца хуже. У меня, когда болитъ, не могу я на солнцѣ.

„Нанимать за рубль хочетъ,—очнулась Ѳеклуша, придя домой.—Четыре рубля будетъ: мамкѣ два и себѣ два. Сапоги на пуговицахъ куплю“.

— Нѣтъ, не надо... ничего не надо, ни ботинокъ, ни сапогъ... Откажусь я!..

И ничего, какъ есть ничего подѣлать нельзя. Только ждать и молчать надо. Тогда, можетъ, все перейдетъ... Сидѣть дома, никуда не выходить.

— Тетка! А, тетка!—дрожащимъ отъ сдерживаемыхъ слезъ голосомъ внезапно обратилась она къ Анфисѣ: — домой къ мамкѣ я хочу. Отпусти меня. Страшно здѣсь.

Анфиса удивленно посмотрѣла на нее.

Въ груди у Ѳеклуши закипѣло. Взволнованное безнадежное чувство охватило ее всю.

— Тетка, а тетка?—повторяла она и ловила испуганными глазами лицо Анфисы:—скажи что-нибудь.

Анфиса отвернулась, зашумѣла тарелками, потомъ порывисто спросила:

— Готова, что ли?

— Вотъ те крестъ, боюсь я его, боюсь... Марья кучерова мнѣ говорила..

Слова у нее запутались. Она бухнулась въ ноги.

— Болѣзная моя, золотая тетушка, отпусти домой. Худо у васъ. Жить я не могу. Тетка! А, тетка?

— Съ чего ты, дура?—понявъ въ чемъ дѣло, остановила ее Анфиса.—Веди себя чисто, и все тутъ.

Ѳеклуша встала, сѣла на кровать и, закрывъ лицо руками, продолжала рыдать.

— Боюсь я его. Все равно мнѣ... Убьетъ онъ меня, если такъ.

Слезы стекали по ея мясистымъ щекамъ, и она чувствовала себя такой несчастной и беззащитной, что ей казалось, будто все уже кончено и воли своей нѣтъ: отняли эту волю неизвѣстно кто, неизвѣстно зачѣмъ.

А ночью ей снился темный глухой лѣсъ съ безмолвными старыми осинами, съ черными соснами. Тишина царила кругомъ. Одни кусты дрожали. Вѣяло застывшей многолѣтней

сыростью, многолѣтнимъ молчаніемъ. Мѣсяцъ выплылъ изъ стаи волнистыхъ тучъ Пролетѣла сова.—„Сычъ",—подумала она, осторожно идя впередъ, вглядываясь въ темень лѣса. Одни кусты вздрагивали. И жутко было отъ сырости, отъ стараго лѣса и мертвыхъ взглядовъ далекаго холоднаго мѣсяца...

IV.

Заводили подъ рядъ нѣсколько разъ „Дунайскія волны". Отрывисто дребезжали колеса по мостовой. Удушливая пустота воздуха томила и жгла. Ждали грозы.

Показались синія съ черными отливами тучи. Плыли онѣ медленно, полукругомъ опоясавъ небо, останавливаясь какъ бы для совѣщанія и озирая лежащій внизу городъ

Сухо, безъ раскатовъ, прозвучалъ первый ударъ, и сейчасъ же закосилъ тяжелый свинцовый ливень; молнія разрывала тучи и стремительно вонзалась тамъ гдѣ-то, за домами, въ землю; колыхаясь, ходилъ громъ.

Тучи трепетали.

Онѣ, какъ будто, должны были сказать много жестокаго и отчаяннаго и не могли. Рѣшимости не хватало. И ливень дѣлался чаще, а молнія сверкала великолѣпнѣе и прекраснѣе.

Сѣрый потемнѣвшій городъ насупился и трусливо замолкъ.

Зачѣмъ говорить о томъ, что всѣ знаютъ безъ словъ и намековъ?

Какъ странно—пусто стало на улицахъ.. Что это? Душа рыдаетъ, безграничная вселенская душа поруганной жизни? Нѣтъ! это плачутъ „Дунайскія волны", тревожныя, мечтательныя „Дунайскія волны". Оторвались онѣ отъ мягкой дѣвственной рѣки, отъ золотистыхъ объятій счастливаго солнца, отъ влажныхъ, спокойныхъ береговъ и пришли сюда, гдѣ онѣ непонятны и чужды, какъ пѣсня ласточки, долетѣвшая въ убогій сельскій храмъ въ часъ свершенія обычной службы старому, дряхлому Богу, давно ушедшему съ земли.

Заслушался въ „Англіи" трепета разбитыхъ, усталыхъ „Дунайскихъ волнъ" потрепанный шутъ-адвокатъ по запутаннымъ казусамъ, Игнатій Осипычъ Карталинскій.

Стаканъ чаю стоялъ передъ нимъ недопитымъ, и онъ неизвѣстно о чемъ думалъ. Бакенбарды жалко свѣсились. Въ мутныхъ глазахъ грустно блуждала робкая, загнанная мысль.

Данилычъ подкрался и ударилъ его по спинѣ.

— Что, панъ, дѣла плохи, Польшу вспомнилъ?

Входныя двери то и дѣло открывались. Пришелъ Яковъ Абрамычъ, бережно стряхнулъ капли дождя съ новаго кар-

туза, постучалъ нога объ ногу и сѣлъ на излюбленное мѣсто подъ образа въ уголъ.

— По положенію,—сказалъ онъ, разставивъ короткія ноги на подобіе ижицы.

— Ужъ мы знаемъ. Парочку?—ухмыльнулся расторопный усатый слуга, въ легкомъ пиджачкѣ съ грязной салфеткой подъ мышкой, и мигомъ принесъ на облупленномъ подносѣ два чайника—уточки, одинъ побольше, другой поменьше, и густо размалеванную яркими цвѣтами чашку.

— У нихъ двойная комплекція. Старшій дворникъ въ большомъ домѣ—замѣсто управляющаго, и притомъ человѣкъ съ деталями,—пояснилъ, мотнувъ головой въ сторону Абрамыча, своимъ гостямъ Данилычъ.—Яша, листочекъ не прикажешь ли? Сегодня много пишутъ.

— Давай. Посмотрю, что въ Буффѣ.

— Убивство на стеклянномъ прочтите, — посовѣтовалъ Абрамычу сосѣдъ, восемнадцатилѣтній парень, по виду изъ уличныхъ торговцевъ.

Абрамычъ свысока посмотрѣлъ на него.

— Ты изъ какихъ?

— Мы разносчики,—конфузливо отвѣтилъ парень и густо покраснѣлъ.

— А не изъ карманныхъ? Признаться, на жулика смахиваешь. Носъ больно длиненъ. Суешь, куда не слѣдуетъ

Абрамычъ повертѣлъ газету, навернулъ ее на палку и отложилъ въ сторону.

— Скучно что-то, Данилычъ, нонеча у васъ. Вотъ и аблакатъ ничего не говоритъ.

— У нихъ жена беременная, — услужливо подсказалъ слуга.

— Значитъ, тараканъ родится. У захудалыхъ бaръ всегда такъ, дѣти на насѣкомую смахиваютъ.

— Истинно что. Вамъ плюшечку позволите?

— Валяй. Да живѣе поворачивайся.

Абрамычъ медленно проглатывалъ сладкую булку и съ сопѣніемъ тянулъ чай. Вошелъ степенный мужчина среднихъ лѣтъ съ легкой рябиной на лицѣ, рьяно перекрестился на образа, поздоровался съ Данилычемъ и Яковомъ Абрамычемъ и спросилъ ветчинки.

— А что, Яша, лобъ у тебя, какъ будто, исцарапанъ. Со студентами воевалъ, что ли?

— Съ бабами онъ,—игриво кинулъ изъ-за стойки коловшій сахаръ Данилычъ.—Онъ, Софронъ Иванычъ, гостинецъ себѣ тутъ на дворѣ облюбовалъ.

— И не надоѣдаютъ тебѣ бабы-то?

— Кому хорошее надоѣстъ.

— Извѣстно,—согласился Абрамычъ.—Кошкинъ самъ въ Буффъ отъ законной жены ходитъ. Спровадилъ на дачу, такъ думаетъ, и чортъ не братъ. Правда, Степанъ?

— Они тутъ при торговлѣ,—скромно отвѣтилъ слуга.

— Вы про „Буффъ"?—вступилъ въ разговоръ Карталинскій.—Тамъ вчера „Бѣдныхъ овечекъ" ставили.

Абрамычъ повернулся къ нему.

— А ты ходилъ?

— Ходилъ.

— Го... Да разѣ поляковъ въ русское заведеніе пускаютъ? Эхъ, ты, фатюй на лѣву ногу!

V.

— Наказъ теперь такой вышелъ, — медленно, выжидая, когда водворится прерванная смѣхомъ тишина, продолжалъ Абрамычъ,—бить, значитъ, каждому русскому всѣхъ этихъ пановъ: котораго по затылку, котораго по шеямъ. Потому плодливы больно стали, по всѣмъ трактирамъ, какъ клопы, расползались. Хотятъ, видите ли, насъ, дворниковъ, и васъ, торговцевъ, передѣлать, чтобы въ родѣ, такъ сказать, фабричныхъ или универтсановъ стали. Ужъ прости, Игнатій Осиповичъ, наскрозь вижу и тебя, и не миновать тебѣ по всѣмъ твоимъ видимостямъ предварительнаго.

Сидѣвшіе за столиками дружно расхохотались. Данилычъ, предвкушая удовольствіе, превратился весь въ слухъ. Острыми, искрящимися глазками слѣдилъ онъ за колыхавшейся фигурой Якова Абрамыча и поощрительно кивалъ головой.

Карталинскій едва сдерживался, нервно крутя одну изъ бакенбардъ и какъ-то брезгливо ежась, словно его били по лицу, и онъ не могъ защищаться.

Потомъ онъ вскочилъ, раскрылъ громадный допотопный дождевой зонтъ и, застегивая пальто, взвизгнулъ:

— Мужикъ!

— Мы-то мужики, мы это знаемъ, экзаментовъ не держали,—съ видимой злобой, тяжело подыскивая слова, рѣзалъ Абрамычъ.—А вотъ ты, баринъ, уходить-то собрался, а деньги за выпитое и скушанное заплатить не изволилъ.

— Будетъ тебѣ,—остановилъ его Данилычъ, опасавшійся, что Карталинскій, бывшій, какъ и граммофонъ, развлеченіемъ для гостей „Англіи", разсердится и перестанетъ ходить.—Вы его, добже панъ, концомъ зонтика въ толстое брюхо.

— Го-го-го, посмѣй только! — самодовольно громыхалъ Абрамычъ.

— И посмѣетъ. Хи-хи-хи...—таялъ примирительный смѣшокъ Данилыча.

Карталинскій закрылъ зонтикъ, но пальто оставилъ застегнутымъ. Руки его дрожали, когда онъ мѣшалъ сахаръ. Онъ допилъ чай, отодвинулъ стаканъ и, неприлично долго порывшись въ кошелькѣ, презрительно вышвырнулъ на подносъ мелкую серебряную монету.

— Всѣ мы, и поляки, и русскіе, одного поля ягода, какъ блохи на кровати. Жить надо, вотъ что! — послѣ короткой паузы вздохнулъ онъ. Тотъ украдетъ—живетъ, тотъ панель подмететъ—живетъ.—Тотъ дѣло отыщетъ—золотой получитъ. Душа у всѣхъ одна.

Паренекъ-разносчикъ весело прыснулъ.

— Го-го-го!—одобрительно поддержалъ его Абрамычъ.— Золотой—многаго хочешь. Хоть-бы цилиндру перемѣнилъ, а то десятый годъ одну таскаешь.

— Для глянцу это онъ,—пробовалъ съострить молчавшій до сихъ поръ Кошкинъ, но острота его прошла незамѣченной, и онъ, обидѣвшись, сдѣлалъ видъ, что пересталъ слушать.

Карталинскій сидѣлъ, подперевъ голову обѣими руками и уставивъ глаза на Кошкина.

Нерѣшительно взялся онъ за цилиндръ и щелкнулъ его по-верху.

— Вотъ, какъ щелкаетъ. Плачетъ, щелкаетъ. Ваши головы такъ не могутъ. И это смѣшно, конечно. А еще смѣшнѣе, что въ прежнее время пользу я думалъ людямъ принести, и много денегъ у меня было. Много всего было!... Идеи, которыхъ вы не нюхали, съ молокомъ матери я всосалъ. Мицкевичъ былъ. Марксъ былъ. Отчизна была. А теперь деревяннымъ масломъ вмѣсто духовъ пахнетъ, и я не зажимаю носа, не морщусь, ничего. Еще хуже бываетъ. Жить надо, все оттого. Желудокъ, бестія, говоритъ. Брюки говорятъ. Вы, нищіе духомъ, смотрите—солнце!

Въ самомъ дѣлѣ, изъ разорванныхъ тучъ вышло успокоенное, благосклонное послѣ дождя солнце.

Карталинскій вскочилъ на стулъ и, картинно взмахнувъ цилиндромъ, словно привѣтствуя хорошаго знакомаго, крикнулъ надтреснутымъ голосомъ:

— Ave, caesar, morituri te salutant.

Конвульсіи мягкаго животнаго смѣха пріятно щекотали душу Абрамыча. Онъ разомлѣлъ весь, красная шея напыжилась, пуговицы на жилетѣ разстегнулись.

— Нагрѣшишь тутъ съ вами. Пойду я. Посмотрю, какъ Ѳекла корову доитъ.

— Что торопишься? Посиди. Успѣешь.

— Дѣло до нея маленькое есть, — уклончиво отвѣтилъ Абрамычъ и зашагалъ къ выходу.

Съ нимъ всегда случалось это среди веселаго разговора. Накатывало разомъ. И онъ не пробовалъ бороться, потому что не видѣлъ тутъ ничего страннаго. Лицо его потемнѣло, мускулы рукъ какъ то особенно сжались... Обрывки смѣха проходили еще волнообразно, но не давали прежняго пріятнаго ощущенія.

— Го-го-го,—неожиданно расхохотался онъ,—чудакъ панъ этотъ, самъ нищій, а людей нищими зоветъ... Пойти, што ль. Доитъ она теперь.

Онъ помедлилъ съ минуту. Тоскливо было. Неопредѣленно, смутно. Жалости не было. Все въ расплывчатомъ, сгущенномъ туманѣ.

„Ноги у меня прѣютъ. Неудобство это“.

На дворѣ онъ замѣтилъ, что метла не къ мѣсту поставлена. „Пётра навѣрно“,—сердито подумалъ онъ и отнесъ ее къ дворницкой.

Волны Дуная,
Тихо играя...

вполголоса напѣвала Ѳеклуша въ сараѣ.

Грудной женскій голосъ зацѣпилъ его. Въ горлѣ сдавило. Вспомнился клокъ нижней юбки Ѳеклуши и коричневые чулки.

Далеко прогремѣлъ слабый ударъ грома. Яковъ Абрамычъ снялъ картузъ, набожно перекрестился и осторожно ровными шагами, пошелъ къ сараю.

VI.

Ѳеклуша выдоила корову и вытирала руки передникомъ.

Снопъ солнечныхъ лучей, яркой полосой ворвавшійся вмѣстѣ съ приходомъ Абрамыча, ударилъ въ сырые темные углы. Яковъ Абрамычъ, не глядя на Ѳеклушу, направился къ добродушно мычавшей коровѣ, наткнулся на кадку съ мутной водой и глухо, отрывисто сказалъ:

— Не прибрано у тебя тутъ.

Неловко онъ наклонился къ подойнику. Теплый, жирный запахъ парного молока обдалъ лицо.

— Теперь она больше даетъ, и ровно сливки, — упавшимъ отъ страха голосомъ проговорила Ѳеклуша.

Абрамычъ приподнялъ подойникъ и слегка взболтнулъ.

— Въ самдѣлѣ густое. Только вотъ отъ безпорядка вашего сыростью пахнетъ. Отучиться пора отъ неряшества. Говорилъ я... И дверь никогда не закрываете. Мало-ли что. Пыль тамъ, соръ всякій. Закрывать двери надо, — прикрикнулъ онъ.—Закрой двери!

Она послушно, не отдавая себѣ отчета въ чемъ дѣло, тихо запахнула дверь.

Рѣзко понесло навозомъ. Стало темно. Слышно было, какъ корова размахиваетъ хвостомъ и жуетъ сѣно.

— Зачѣмъ сапожки носишь? Ходи босая. Удобнѣе это...— перемѣнивъ тонъ, сладострастнымъ шепотомъ началъ Абрамычъ.

Ѳеклуша задрожала. Шепотъ дѣлался ближе и переходилъ въ какіе-то слюнявые сдавленные звуки.

— Поздно, поздно, не уйдешь. Давно я до тебя добирался...

И слова эти уже дышали какой-то порывистой, дикой злостью.

Ѳеклуша отбѣжала въ противоположный уголъ и закрыла лицо передникомъ, чтобы не такъ было страшно.

— Миленькій, дорогой, отпустите меня!

— Бить я тебя буду, вотъ что!—свирѣпѣлъ ничего не видѣвшій въ темнотѣ Абрамычъ.

— Нехорошо это... Ей-Богу, нехорошо,—просила растерянная Ѳеклуша,—бросьте. Боюсь я, миленькій, дорогой! Тетка заѣстъ меня.

— Молчи, стерва!

Сильныя руки впились въ ея плечо. Она вывернулась и, упавъ на колѣни, ловила ноги Абрамыча, цѣловала пахнувшіе свѣжей ваксой сапоги.

— А, дьяволъ!

Онъ обхватилъ ее за талію, потрясъ на воздухѣ, и оба упали...

Стремительно выскочила Ѳеклуша изъ сарая.

— И ровно ничего худого нѣтъ! — крикнулъ ей въ догонку довольный Яковъ Абрамычъ.—Чего дура боялась? Не я, такъ другой.

Дома никого не было. Майбахъ и Анфиса съ дѣтьми съ утра ушли въ гости.

„Все равно узнаютъ, всѣ узнаютъ, — мучительно думала Ѳеклуша.—Сживутъ меня. Мамка! Бѣдная мамка! Всю жизнь билась, и теперь вотъ что!"

„Допустила я".—горько проносилось въ мозгу.

И опять въ головѣ шумѣло.

Она сидѣла на кровати, и ей противно было смотрѣть на недавно купленные сапоги на пуговицахъ. Слезы струились изъ подпухшихъ глазъ, тѣло горѣло, и вся она была опустошенная, разбитая.

Смутно, словно издали откуда-то, явилось на минуту сознаніе, что вотъ пришелъ чужой человѣкъ, нелюбимый и непрошенный, и перековеркалъ тѣло и душу... И все пойдетъ теперь по другому!

„Батюшки! комнаты не прибраны“.

Она спустила занавѣски, обмахнула крошки со стола постлала кровати.

„Я мужа въ Москву провожала
И просила его не скучать,
А сама цѣлый день танцовала
Па-де-Спань, Па-де-Спань, Па-де-Спань“...—

назойливо вертѣлась въ головѣ любимая Анкина пѣсня.

Случайно взглядъ упалъ на маленькій темный образокъ.

„И Царица Небесная знаетъ“, — безпомощно рѣшила она.

„А сама цѣлый день танцовала
Па-де-Спань, Па-де-Спань, Па-де-Спань!!.—

мучилъ сухой воспаленный мотивъ.

Будь, что будетъ!

Тупая и забитая покорность передъ случившимся, нахлынувшая внезапной волной, сначала смутила и обожгла. А потомъ забаюкала. Тихо и горестно стало. Бываетъ такъ, когда слушаешь лихорадочную колыбельную пѣсню надъ умирающимъ ребенкомъ.

Будь, что будетъ!

„Молчать буду,—безсознательно шептала Ѳеклуша,—никому не скажу“.

Ей захотѣлось освѣжиться. Она выглянула въ окно посмотрѣть, нѣтъ ли кого на дворѣ, и, оглядываясь, поспѣшно прошла за ворота.

У водопойки стоялъ извозчикъ.

— Жена пріѣхала утречкомъ,—крикнулъ ему, пробѣжавшій съ булками, сіявшій радостью Левушка. — Сейчасъ отпущу.

Ѳеклушѣ почему-то стало совѣстно.

VII.

Жизнь раздвоилась.

Ѳеклуша была такой же, какъ и прежде, говорила Мотѣ: «погибели на тебя нѣту», завидовала бойкой и шустрой Анкѣ, тревожно думала о деревнѣ. Но это было не все. Лихорадочное ожиданіе поработило ее, и каждую минуту она была на сторожѣ, неожиданно вздрагивала, слѣдила, куда уходитъ Анфиса, и боязливо ждала ея возвращенія.

Въ каждой, сказанной другимъ человѣкомъ, фразѣ улавливался новый смыслъ. Говорили на лѣстницѣ про Якова Абрамыча, и было достаточно, чтобы сердце сжалось томи-

тельнымъ предчувствіемъ. Снаружи спокойная, прежняя, она, содрогаясь, ждала дня, когда всѣмъ станетъ извѣстно, и отчетливо до боли чувствовала, что настоящее положеніе оставлено ей лишь пока, что оно не имѣетъ подъ собой почвы и скоро должно измѣниться. Какъ измѣнится, ей было совершенно безразлично. Она объ этомъ не задумывалась. Только начало развязки страшило ее до жуткости. Она боялась представить себѣ тетку въ первую роковую минуту. „Выгонитъ она меня, выгонитъ",—вмѣсто всякихъ предположеній нашептывали встревоженныя горячечныя думы.

Ей казалось, что Майбахъ начинаетъ догадываться. Она готова была просить у него прощенія, умолять, особенно когда онъ, не имѣя работы, меланхолично ходилъ по комнатамъ, подходилъ близко и, вскидывая подслѣповатые глаза, беззвучнымъ голосомъ говорилъ о злыхъ качествахъ русскаго народа.

Тогда все, чего уныло и лихорадочно ждала она, разомъ подступало, нащупывало душу и наполняло ее темнымъ, скользкимъ ужасомъ.

Абрамыча она избѣгала. Надо было доить корову, она брала съ собой Дашутку и Мотю. Если онъ стоялъ къ ней спиной, она старалась проходить легкими безшумными шагами.

Разъ они столкнулись лицомъ къ лицу.

— Бѣгать стала,—ехидно сказалъ онъ.—Не хочешь добромъ, такъ силой заставлю. Теперь нечего оберегать. Все равно вѣдь, какъ гулящая.

Въ Преображеніе ей взгрустнулось сильнѣе обыкновеннаго. Любимый праздникъ навѣялъ тихія воспоминанія изъ далекаго дѣтства. Прошедшіе дни словно освѣщались грустными косыми лучами осенняго красноватаго солнца. Они умирали и, умирая, дѣлались такими воздушными, прозрачными, золотистыми. Невидимое, неощущаемое раньше счастье въ нихъ оказалось. И грустно — покорно было жаль этого счастья, бѣднаго, милаго русскаго счастья, неприхотливаго и нѣжнаго, какъ синій колокольчикъ въ полѣ у дороги.

Къ вечеру Ѳеклуша, Анфиса, Анка и Марья собрались за воротами. Абрамычъ кончалъ дежурство. Слегка подвыпившій, онъ былъ въ обидчивомъ настроеніи. Ему хотѣлось доказать свое право, какое-то неизвѣстное право на вниманіе и уваженіе постороннихъ людей. „Мелкая сошка и та наровитъ задѣть",—капризничалъ онъ, вспоминая утренній выговоръ отъ околоточнаго за неисправность въ водосточныхъ трубахъ.

— Анфиса! пойдемъ со мной чайку испить,—предложилъ онъ.

— Да что ты думаешь, лѣшій, страмить я себя на людяхъ буду? Никакого понятія нѣтъ.

Пренебреженіе, явно звучавшее въ тонѣ ея голоса, окончательно обозлило Абрамыча.

— Безъ тебя обойдемся. Өекла со мной тогда пойдетъ. Ишь старая баба расходилась. Думаетъ, нуждаемся. Өеклунька! Пойдемъ „фонъ-барона“ слушать...

Идти съ Өеклушей въ „Англію“ показалось заманчивымъ. Пусть Кошкинъ посмотритъ, какъ онъ въ этомъ дѣлѣ управляется. И вмѣстѣ съ тѣмъ Анфисѣ отместка.

— Пойдемъ! А не то я твой секретецъ сердешный выдамъ,—погрозился онъ.—Прикидываться-то не къ чему.

Өеклуша молчала, какъ-будто слова Абрамыча относились не къ ней. Только вспыхнувшія щеки выдавали поднявшуюся въ душѣ борьбу. „Будь, что будетъ“,—мелькнуло въ головѣ.

— Какой такой секретъ? Это еще что?—злобно спросила Анфиса.

Анка разсмѣялась. Марья нарочно слѣдила за уплывающими, бѣлыми и волнистыми, какъ ягнятки, облачками.

— Өеклунь! Идемъ!

— Жди, пока не надоѣстъ. Не привыкать стать,—оборвала его Анфиса и насупилась.

Өеклуша растерянно отвернулась и такъ сжала пальцы, что они хрустнули. Сухое, выжидающее выраженіе лица тетки ошеломило ее.

— Идешь, што-ль?

— Иду,—опустивъ глаза, тихо отвѣтила она.

— Өекла! Не смѣй!—загородила дорогу сорвавшаяся съ мѣста Анфиса.

— Такъ и послушаетъ!—желчно загромыхалъ Абрамычъ.— Вы впередъ, барышня. Не осмѣлится она.

— Смотри: домой придешь—всѣ глаза выцарапаю.

— Законовъ теперь такихъ нѣту. Не обращайте вниманія.

Онъ растворилъ двери „Англіи“, пропустилъ Өеклушу и возбужденно повернулся къ Анфисѣ.

— Тебя, вѣдьма, не спрашиваютъ, такъ и молчи. А скандалить будешь, управу найдемъ. Въ части мѣста хватитъ. Или барину какому за десятку берегла? Такъ это съѣхало и проѣхало. Косой глазъ у тебя былъ. Не услѣдила.

Онъ рѣзко хлопнулъ дверью, за которой Анфиса бранилась отборными словами.

— Не бойся,—шепталъ Өеклушѣ разгоряченный Абрамычъ,—мы ее приструнимъ. Видъ у нея такой безшабашный, а на самомъ дѣлѣ ничего она не можетъ. Не начальство какое.

Онъ безпокойно ерошилъ волосы.

Чай застревалъ у Ѳеклуши въ горлѣ. Она захлебывалась, давилась, съ блюдечка на колѣни лилась горячая жидкость.

— Расходилась, подлая!—не могъ уняться Абрамычъ.— Пойду касательно полиціи распорядиться.

Въ „Англіи“ всѣ высыпали къ окнамъ, Анфиса быстро жестикулировала, посылала Майбаха за Ѳеклушей, причитала, что вотъ поила, кормила сколько времени, а племянница, вмѣсто благодарности, хвостъ показала.

— Кровопивицы! Черти!—истерически кричала она и подбѣгала къ окнамъ.

Абрамычъ улучилъ минуту и грубо толкнулъ ее на мостовую. Она схватилась за грудь, надрывисто закашляла и съ размаху ударила его по лицу. Раздались рѣзкіе свистки. Городовой взялъ ее подъ руки.

— Веди ее!—скомандовалъ онъ дворникамъ.

Анфиса сопротивлялась. На лицѣ выступили красныя пятна. Въ изступленіи, она проклинала свою судьбу.

— Пьяненькая, видно,—посочувствовалъ кто-то.—Вотъ и вдарила толстомясаго въ рожу.

Майбахъ, безмолвно стоявшій въ сторонѣ, когда увели Анфису, заволновался, выковырнулъ камень съ мостовой и пустилъ имъ въ двери „Англіи“. Стекла со звономъ разлетѣлись.

— Изничтожу!—бросился на него съ кулаками Абрамычъ.

Майбахъ безъ борьбы далъ взять себя.

— Все равно подожгу. Не сегодня—завтра! — твердилъ онъ до самаго участка.

— Съ квартиры сгоню, — разсуждалъ въ трактирѣ Абрамычъ.—Намъ скандалисты лишніе. Хорошій жилецъ шума не любитъ. Руки, вотъ, о поганцевъ раскровянилъ.

Къ столику подсѣлъ Данилычъ.

— Будетъ тебѣ. Дѣло ужъ конченное. Поговоримъ лучше о другой механикѣ. Мнѣ-то отъ твоей крали очистится что?

— Всѣмъ хватитъ. Мы о друзьяхъ не забывчивы,—говорилъ отходчиво Яковъ Абрамычъ.

— А какъ твоего бутончика зовутъ?

— Представиться надо. Чего молчишь? Люди спрашиваютъ, такъ отвѣчай... Простите, не обучена она говорить. Деревенская, и фамилія мужицкая: Ѳекла Прохорова.

— Неудачное имя,—пошутилъ Карталинскій.

— Ну, пусть хоть Маргариткой будетъ. Ихъ всѣхъ на французскій ладъ зовутъ. Потому иностранное это дѣло.

— Маргариточка, апельсинчика не желаете-ли?—суетился около нея Данилычъ.—Вы не смѣйтесь, что ухаживаю,—повернулся онъ къ засмѣявшейся публикѣ.—Пожалѣть ее те-

перь надо. Вѣдь она, какъ сиротиночка пухленькая, одна у насъ.

Ѳеклуша, не соображавшая, что происходитъ, наблюдала какъ слуги подбираютъ осколки стеколъ.

— Свѣжа еще, оттого и молчитъ. Ей все вновѣ. Погодите, дайте обтерпѣться. Сама не только гостинца, а казенной запроситъ. А какъ на вашъ взглядъ, стоющая?

— Стоющая,—согласился Кошкинъ,—мягкость есть. Пружинная антиллерія.

— Женскіе глазки—жестокая вещь,—философствовалъ въ углу Карталинскій:—Многихъ они сгубили и сами теперь пропадаютъ. Вечерняя жертва, называется это иносказательно. А проще: нашего брата прибыло.

Онъ вдохновлялся и повышалъ голосъ. Глаза горѣли болѣзненнымъ внутреннимъ пламенемъ, лицо подергивалось.

— Разъ въ жизни сказать можно. Да и не обидитесь вы, поймете, что такъ на вѣтеръ... слова идутъ. Толстыя шкуры вы, господа! Маленькій, незамѣтный человѣчекъ порѣшенъ, а вамъ смѣшно. Не видите вы его оттого, что вмѣсто души въ васъ боровъ сидитъ, только хрюкаетъ. Не вы несли и несете великое бремя жизни. Маленькій, незамѣтный человѣчекъ несетъ. Весь земной шаръ на его плечахъ. Сердцемъ своимъ затыкаетъ онъ голодныя пасти. Душу въ комокъ свертываетъ, чтобы вы прошли мимо. Поклонитесь въ ноги маленькому человѣчку. Послѣднее время настало ему. Съѣдятъ его скоро до конца. Однѣ косточки останутся.

— И тѣ собакамъ пойдутъ.

— Правъ ты, Абрамычъ, и тѣ вы изгложете. Жадны вы очень. Тѣло до конца, душу до конца, а потроха въ помойную яму.

— „Домой идтить нельзя“,—думалось Ѳеклушѣ подъ нервныя, шероховатыя фразы Карталинскаго. — „Какъ же я теперь?“

— Наша жизнь продана. У насъ голоса нѣтъ,—какъ во снѣ доносилось до нея. — Сидятъ люди въ департаментахъ, трактирахъ и домахъ и играютъ нами, какъ бирюльками.

— Шутъ, такъ шутъ и есть,—оборвалъ Кошкинъ, которому прискучило слушать.

Карталинскій вдругъ съежился.

— Да я такъ только. Навязчивыя идеи... Ерунда, однимъ словомъ.

Онъ стыдливо умолкъ.

— Десяточекъ бы папиросъ мнѣ,—уныло спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Деньги впередъ.

За мной будетъ...

— Ладно ужъ. Я заплачу. Дай ему. Сколько тамъ?—зазвенѣлъ мѣдными деньгами Абрамычъ.—Въ шесть или въ пять куришь?

Забытая всѣми Өеклуша испуганно таращила глаза.

В. Башкинъ.

* * *

Порой внезапно душа проснется,
Насильемъ дикимъ уязвлена,
И отвѣчаетъ безумнымъ крикомъ...
Такъ рвется съ плачемъ больнымъ струна!
Порой обида въ душѣ мятежной
Успѣетъ пламя свое зажечь...
О, если-бъ люди умѣли нѣжно,
Какъ пламя Весты, его беречь!

Чредою быстрой промчатся годы:
Чтó искрой тлѣло въ сердцахъ нѣмыхъ,
Пожаромъ грознымъ охватитъ ихъ—
И рухнутъ цѣпи къ ногамъ свободы!

Борисъ Лойко.

Старое въ новомъ.

(Изъ современной борьбы съ преступностью).

Въ прошломъ году, во время моего ознакомленія съ французскими тюрьмами, мнѣ пришлось посѣтить тюрьму для долгосрочныхъ арестантовъ въ г. Poissy. Это была центральная департаментская тюрьма съ организованными въ ней многочисленными работами. Осмотръ продолжался долгое время, и я уже уставалъ отъ оглушительнаго свиста машинъ этой тюрьмы-фабрики, отъ шума молотовъ и отъ однообразнаго зрѣлища всюду безостановочно вертѣвшихся колесъ съ работающими автоматично при машинахъ арестантами. Но въ одномъ изъ помѣщеній шумъ и грохотъ смѣнились мертвой тишиною; огромный залъ, куда мы вошли, не былъ пустъ, въ немъ были все тѣ же арестантскія фигуры, но, странное дѣло, всѣ они—человѣкъ 30, неподвижные, какъ бы застывшіе, сидѣли въ одной и той же позѣ: спины ихъ были выправлены, правыя руки лежали на правыхъ колѣнкахъ, а лѣвыя на лѣвыхъ, всѣ головы повернуты въ одну сторону и глаза устремлены на одну точку. Это былъ дисциплинарный залъ. Каждое утро приводятъ сюда наказываемыхъ, провинившихся противъ тюремной дисциплины и, разсадивъ по неудобнымъ для сидѣнья узкимъ столбикамъ, оставляютъ ихъ сидѣть 15 минутъ; черезъ 15 минутъ имъ отдается приказъ встать и въ опредѣленномъ порядкѣ ходить по залу 15 минутъ и затѣмъ снова садиться на 15 минутъ, чтобы черезъ 15 минутъ опять начать пятнадцати-минутную прогулку. Это продолжается до вечера. Въ тюрьмѣ г. Nimes заранѣе опредѣляется число шаговъ, которое долженъ сдѣлать арестантъ въ минуту и число километровъ въ день. Извѣстны случаи назначенія этого наказанія на срокъ до 30 дней. Въ 1899 году въ дисциплинарныхъ залахъ французскихъ тюремъ было проведено 37,776 дней, т. е. болѣе ста лѣтъ.

Но чтобы понять все значеніе этихъ цифръ французской тюремной администраціи, нужно видѣть самую картину исполненія наказанія. Видѣнное мною зрѣлище было до того печально, издѣвательство надъ человѣческимъ достоинствомъ сѣрыхъ арестант-

скихъ фигурокъ, казавшихся мнѣ въ этомъ высокомъ и свѣтломъ залѣ какими-то особенно маленькими, пришибленными, было до того очевидно, что не было силъ оставаться здѣсь созерцателемъ этихъ утонченностей тюремной дисциплины.

И тогда же, при видѣ этой тяжелой картины, у меня невольно возникъ вопросъ: что представляетъ собою этотъ дисциплинарный залъ? Пережитокъ ли старины, наслѣдіе далекаго прошлаго или новое явленіе „прогресса" въ этой тюрьмѣ съ ея паровыми и электрическими двигателями, усовершенствованными машинами труда, ея безчисленными колесами съ проводами, замѣнившими собою прежнія машины и колеса пытки? И вѣрно ли говорятъ намъ о пыткѣ, какъ о далекомъ прошломъ? Не ошибается ли общественная совѣсть, думая, что въ области карательной дѣятельности государствъ все обстоитъ благополучно, что уже нѣтъ пищи для негодованія, сколько нибудь глубокаго и похожаго на то, которое нѣкогда всецѣло охватывало борцовъ противъ костра и пытокъ?

Да, мы успокоились слишкомъ рано. Мнѣ думается, что было слишкомъ много диѳирамбовъ каждой побѣдѣ надъ защитниками палача и плахи, что не жалѣли похвалъ даже поборникамъ безполезной жестокости въ борьбѣ съ преступностью за уступки, вырванныя у нихъ самою необходимостью, уступки, часто такія незначительныя, какъ замѣна одного кнута другимъ, какъ гильотинированіе на двѣ на три головы въ годъ меньше. Эти гимны должны были дѣйствовать на общество успокаивающимъ, усыпляющимъ образомъ, отодвигая на задній планъ такъ занимавшіе его ранѣе вопросы пенитенціарнаго характера. А подъ шумъ этихъ всюду раздававшихся славословій, сторонники крутыхъ средствъ борьбы съ преступленіемъ уже подготовляли и постепенно вводили на смѣну старыхъ мѣръ новыя, не подъ старыми, ненавистными и достаточно опозоренными названіями, но старыя по существу. И, такимъ образомъ, мы вошли въ XX вѣкъ съ отмѣненною квалифицированною казнью, но съ казнью посредствомъ электричества, безъ пытокъ, но съ развитою системою дисциплинарныхъ тюремныхъ наказаній, въ которыхъ сказалась вся жестокость людей конца XIX в.; безъ клейменія преступниковъ, но съ ихъ оскопленіемъ; безъ закапыванія живымъ въ землю, но съ погребеніемъ заживо въ одиночныхъ камерахъ усовершенствованныхъ тюремъ... То въ одномъ, то въ другомъ государствѣ вводятся эти старыя нововведенія. При окидываніи всѣхъ ихъ общимъ взглядомъ получается картина ужасовъ, мало отличающаяся отъ жизни средневѣковаго застѣнка. Но еще болѣе мрачная картина встаетъ передъ нами, когда отъ области дѣйствующихъ законодательствъ мы обращаемся къ области теоретической мысли нѣкоторыхъ изъ современныхъ криминалистовъ-террористовъ: здѣсь ничѣмъ не сдерживаемый полетъ фантазіи

приводитъ къ проектамъ ссылки на необитаемые острова, къ возстановленію позорнаго столба и пр., и пр.

На этихъ явленіяхъ я и хочу остановить въ настоящей статьѣ вниманіе читателя. Матеріаломъ для статьи послужили новѣйшія работы по криминологіи, парламентскіе отчеты Франціи, Германіи, Англіи съ преніями по вопросамъ уголовнаго законодательства и личные осмотры мною заграничныхъ тюремъ *).

Перенесемся во французскую палату депутатовъ въ ея засѣданіе 28 февраля 1902 года. На трибунѣ депутатъ Jules Louis Breton демонстрируетъ передъ палатой какіе-то удивительной формы инструменты; не менѣе оригинально и оффиціальное названіе этихъ инструментовъ XX вѣка, они называются—„les fers de correction“, т. е. кандалами для исправленія. Эти кандалы французскаго издѣлія совсѣмъ не походятъ на оковы, которыя мы привыкли видѣть на русскихъ арестантахъ. Они трехъ видовъ: одни, называемые „les poucettes“, предназначены для сдавливанія пальцевъ арестанта, другіе—„les menottes“ для сжиманія кистей рукъ и третьи для надѣванія на ноги наказываемаго. Въ основѣ всѣхъ ихъ лежитъ одинъ и тотъ же принципъ устройства: сдавливаніе при посредствѣ особо устроенныхъ винтовъ: пальцевъ, кистей или ногъ наказываемаго и лишеніе его всякой возможности движенія ими. Всѣ эти орудія, впрочемъ, не новыя: они вступили въ 1902 году въ 31 годъ своего существованія. Три десятилѣтія пользованія ими прошли безъ всякого измѣненія ихъ формы; всѣ они — точныя копіи образцовыхъ моделей, выработанныхъ военнымъ министерствомъ для совершившихъ проступки солдатъ дисциплинарныхъ батальоновъ, всѣ они во всемъ согласны съ образцами, описанными съ величайшею подробностью и обстоятельностью въ оффиціальномъ органѣ министерства **). Но если такое точное и подробное описаніе не позволило практикѣ видоизмѣнить самую форму инструментовъ, гдѣ каждый винтикъ существовалъ на законномъ основаніи, то болѣе чѣмъ тридцати-лѣтнее пользованіе ими дало практикамъ возможность измѣнить и отягчить способы болѣзненнаго воздѣйствія оковъ на наказываемаго Рѣчь Бретона имѣла своею цѣлью познакомить палату депутатовъ

---

*) 1. Journal Officiel, 1 mars 1902 и отдѣльн. изд. Discours du Citoyen J. L. Breton, député: „des bagnes militaires“.
2. Aus dem Deutschen Reichstag. Sitzung vom 7 März 1900. Stenographischer Bericht (Blätter für Gefängnisskunde, 1900, B. I. H. 2).
3. Засѣданіе палаты лордовъ 21 мая 1900 г. Письма изъ Англіи Ж. Мин Юст. 1900 г. № 7.
4. Filippo Turati: Discorso sul bilancio degli interni, pronunziato alla camera dei deputati il 18 marzo 1904. Estrato dal resconto stenografico. Roma. 904. Другія работы названы ниже.

**) Le journal militaire № 3—1868.

съ этими новыми отягченіями. Такъ, депутатъ указывалъ на установившуюся практику надѣвать оковы на загнутыя за спину руки и связывать ихъ съ пригнутыми къ заду ногами въ колодкахъ такимъ образомъ, что выгнутый въ дугу арестантъ съ выпяченнымъ впередъ животомъ не можетъ ни сидѣть, ни стоять, а только лежать. Для увеличенія страданія придумали вставлять между зубами наказываемаго палку съ веревкою, притянутою къ рукамъ, сложеннымъ на спинѣ, или къ ногамъ, пригнутымъ къ заду: взнузданный такимъ образомъ арестантъ не можетъ двигать головою.

Трудно было бы повѣрить докладу депутата, но онъ ничего не говорилъ голословно и все подтверждалъ доказательствами. Военный министръ согласился съ необходимостью реформы, и палата постановила, что она возлагаетъ на военнаго министра „осуществленіе полнаго преобразованія режима дисциплинарныхъ ротъ и пенитенціарныхъ заведеній".

Я не хочу останавливаться на всѣхъ сообщенныхъ депутатомъ Breton'омъ фактахъ *). Я рѣшилъ говорить не о злоупотребленіяхъ правомъ, не о превышеніяхъ тюремною администраціею предѣловъ предоставленной ей надъ арестантами власти, но лишь о законныхъ средствахъ борьбы съ преступностью въ наши дни. Поэтому для меня достаточно лишь отмѣтить существованіе „исправительныхъ кандаловъ", этихъ средствъ борьбы, звучащихъ какъ эхо отошедшаго въ вѣчность прошлаго, но о которыхъ депутату французскаго парламента приходилось говорить въ 1902 году не въ прошедшемъ, а въ настоящемъ времени.

Въ Америкѣ, въ штатѣ Мичиганъ введена кастрація преступниковъ. Это—самое послѣднее нововведеніе. То, что казалось немыслимымъ, абсурдомъ, варварствомъ, стало теперь дѣйствительностью **).

Предложенія о введеніи кастраціи преступниковъ были сдѣланы лѣтъ 5—6 тому назадъ почти одновременно въ Германіи, Франціи, Италіи.

*) Нѣкоторые изъ нихъ особенно поражаютъ своею изощренною жестокостью: таково дѣло солдата Bena; стражники, надѣвъ на него ручные и ножные кандалы, бросили его голаго въ терновый кустъ подъ палящіе лучи солнца; наказанный пролежалъ послѣ этого 50 дней въ больницѣ. Таковъ же случай солдата Aubert, искалѣченнаго въ 1900 г. ручными колодками; его, закованнаго, положили на солнечномъ припекѣ, тѣло его распухло и оковы удалось снять лишь послѣ большихъ усилій, но рука осталась искалѣченной (о послѣднемъ случаѣ см. письмо la ligue pour la defense de la liberté individuelle къ воен. министру отъ 20 окт. 1903 г., напечатано въ „Le Journal" 24 окт. 1903 г.).

**) См. Жбанковъ: „О врачахъ" „Міръ Бож." 1902 г., іюль. Къ сожалѣнію, г. Жбанковъ не сообщаетъ подробностей этого закона.

Какъ извѣстно, увѣчащія наказанія, состоявшія въ отнятіи у преступника пальцевъ рукъ, кистей рукъ, въ отрѣзаніи губъ, ушей, въ рваньѣ ноздрей и пр., были сильно распространены въ старое время. Древне-русское законодательство видѣло въ этихъ наказаніяхъ средство обезвреженія преступника или примѣрное наказаніе, при которомъ наказанный превращался для другихъ въ ходячее пугало. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такое наказаніе, напримѣръ, какъ лишеніе половины или всего уха, играло ту же роль, какую возложили теперь на судебные регистры со справками о судимости арестантовъ. Всѣ эти мѣры практиковались въ широкихъ размѣрахъ, но никто не искалъ имъ тогда никакихъ научныхъ основаній и оправданій.

Прошла сотня лѣтъ. Казалось, эти наказанія исчезли навсегда; но вотъ наступилъ XX вѣкъ и вернулись вмѣстѣ съ нимъ эти старыя, похороненныя заживо и проклятыя мѣры борьбы съ преступностью. Но онѣ явились теперь не въ прежней, откровенной, не стѣснявшейся никого и ничего наготѣ, но прикрытыя и наряженныя высокими принципами общественной пользы, не въ святой простотѣ, sancta simplicitas, о которой говорилъ со своего костра Гуссъ старухѣ, подкладывавшей дрова въ костеръ подъ него, но въ гордомъ сознаніи за собою будто бы научной силы.

Интересно познакомиться съ научными доводами сторонниковъ кастраціи. Я черпаю ихъ изъ трехъ статей, напечатанныхъ: двѣ въ Archives d'anthr. criminelle и одна въ Archiv für Kriminal-Anthropologie. B. III 1899. Двѣ изъ нихъ принадлежатъ нѣмецкому профессору P. Nacke, а третья французскому бывшему профессору при l'Ecole du Vâl de Grâce, доктору Servier. Статья послѣдняго озаглавлена: „La peine de mort remplacée par la castration“ *).

Въ началѣ своей статьи Servier говоритъ о своемъ отвращеніи къ смертной казни, являющейся позоромъ для нашего времени, и полагаетъ, что она съ успѣхомъ можетъ быть замѣнена кастраціею. Но уже черезъ 3—4 страницы онъ забываетъ, что питаетъ отвращеніе къ ней, и категорически заявляетъ, что наказаніе смертью необходимо должно быть сохранено въ кодексахъ для преступниковъ противъ общества, семьи, такъ какъ „предатели, отцеубійцы, нѣкоторые поджигатели и позорные отщепенцы, бросающіе бомбы, не имѣютъ права на жизнь“. Такимъ образомъ, дѣло идетъ не о полной замѣнѣ смертной казни кастраціей, а, правильнѣе, о введеніи въ лѣстницу наказаній новаго средства борьбы съ преступностью—кастраціи, и всѣ заявленія автора объ его отвращеніи къ юридическому убійству напоми-

*) Arch. d'anthr. crim., XVI v. 129—141 p.p. Servier: „La peine de mort remplacée par la castration“ и Nacke: „Note sur la castration prophylactique“ ibid. 304 p. его же: „Die Kastration bei gewissen Klassen von Degenerirten als ein wirksamer socialer Gesetz“ Arch. f. Krim-Ant. B. III—1899.

наютъ мнѣ напечатанное въ парижской газетѣ „L'Action" и перепечатанное въ итальянскомъ журналѣ „Scuola Positiva", 1904 письмо французскаго палача Дейблера съ заявленіемъ, что онъ „противникъ смертной казни" *).

Авторъ полагаетъ, что наслѣдственность играетъ огромную роль въ преступности, и въ доказательство этого ссылается на труды Ломброзо. По его мнѣнію, мы давно поняли необходимость подбора въ дѣлѣ скотоводства, пора подумать объ улучшеніи и человѣческой расы. Однимъ изъ средствъ такого улучшенія является кастрація преступниковъ, но, кромѣ этого главнаго достоинства проектируемой мѣры, авторъ видитъ въ ней еще и другія хорошія стороны: кастрація будетъ устрашающимъ образомъ дѣйствовать на преступниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ ограждать насъ отъ новыхъ посягательствъ кастрированныхъ, такъ какъ, по наблюденіямъ автора, которыя онъ обѣщаетъ опубликовать, кастрированные превращаются въ мирныхъ, мягкихъ людей, неспособныхъ ни на какое опасное насильственное дѣйствіе и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ каторжныхъ работъ или тюрьмы, какъ добавочнаго къ кастраціи наказанія, войдутъ въ общество спокойные, безопасные. Авторъ полагаетъ, что предлагаемый имъ законъ будетъ принятъ судьями, какъ прогрессъ гуманности: они рѣже станутъ давать преступникамъ расточаемое теперь во вредъ обществу снисхожденіе, а глава государства будетъ рѣже миловать преступниковъ отъ заслуженнаго ими наказанія.

Обращаясь къ подробностямъ своего проекта, авторъ говоритъ, что операцію кастрированія будетъ исполнять палачъ; послѣ нѣсколькихъ уроковъ и упражненій въ анатомическомъ театрѣ онъ быстро сдѣлается ловкимъ спеціалистомъ. Оперированіе будетъ совершаться съ еще большею легкостью, если сдѣлать соотвѣтствующіе инструменты, напримѣръ, въ видѣ „l'ecraseur lineaire". Авторъ не разрабатываетъ проекта этого инструмента въ деталяхъ. Извѣстно, что гильотина получила свое названіе отъ имени предложившаго ее для казни доктора Гильотена. Кто знаетъ, быть можетъ, и „l'ecraseur lineaire", этотъ инструментъ для оскопленія, получитъ свое названіе по имени изобрѣтателя, и Servier, какъ Гильотенъ, увѣковѣчитъ свое имя для потомства.

Операція будетъ совершаться безболѣзненно подъ хлороформомъ; усыпленіе будетъ производиться помощниками палача, которые должны будутъ научиться этому. Послѣ операціи оперированный поступаетъ въ вѣдѣніе тюремнаго врача. Кастрированіе

*) По поводу предстоявшей въ Парижѣ казни, Gustave Téry напечаталъ въ l'Action статью, въ которой назвалъ палача и двухъ его помощниковъ „наемными убійцами". Палачъ Deibler счелъ себя оскорбленнымъ этой фразой и напечаталъ письмо (въ l'Action) съ извѣщеніемъ, что „онъ противникъ смертной казни, но нужно же жить", и заявилъ о своемъ рѣшеніи начать дѣло за оскорбленіе его профессіональной чести (Scuola Positiva).

должно производиться, хотя и не публично, но въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей изъ магистратуры, журналистовъ и чиновъ высшей администраціи.

Допуская возможность случаевъ желанія преступникомъ скорѣе быть казненнымъ, чѣмъ кастрированнымъ, авторъ полагаетъ предлагать, при приговорахъ къ кастрированію, самому приговоренному выборъ между смертною казнью и кастраціею. Поистинѣ, не легкая будетъ эта задача для осужденнаго!

Въ томъ же Archives d'antroph. crim., мы находимъ замѣтку извѣстнаго врача-антрополога Nacke. Онъ жалѣетъ, что Servier не познакомился съ его работою о кастраціи, и полагаетъ, что операція не можетъ быть довѣрена палачу—профану въ медицинѣ, но лишь врачу. Этотъ споръ о томъ, долженъ ли палачъ превратиться въ врача, или врачъ въ палача, чрезвычайно характеренъ и въ то же время печаленъ.

По предположеніямъ Nacke, операція кастрированія должна производиться надъ выродившимися субъектами, въ возрастѣ не моложе 25 лѣтъ и не старше 55 лѣтъ. Подвергаемые ей преступники должны быть привычными преступниками, но не рецидивистами по нуждѣ. Оскопленіе рекомендуется также за любострастныя преступленія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ эпилепсіи и пьянства, а также въ случаяхъ предумышленнаго хладнокровнаго убійства.

Но Nacke не согласенъ съ Servier въ томъ, что кастрація мѣняетъ характеръ оперированнаго къ лучшему, и потому онъ настаиваетъ на помѣщеніи кастрированныхъ въ тюрьмы. Впрочемъ, кастрація способна измѣнять характеръ, но лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда она произведена въ молодомъ возрастѣ.

Такимъ образомъ, между обоими цитированными сторонниками оскопленія есть нѣкоторая разница: въ то время, какъ первый выдвигаетъ по преимуществу значеніе кастраціи, какъ наказанія, второй, Nacke, видитъ въ ней преимущественно средство борьбы съ дурною наслѣдственностью или, какъ, напримѣръ, при оперированіи прелюбодѣевъ, вѣрное средство обезвреживанія преступника. Конечно, спорить съ обоими авторами о „вѣрности" такого способа борьбы съ изнасилователями и растлителями не приходится. Далѣе операціи кастрированія они не пошли. Но много ли шаговъ надо сдѣлать еще впередъ или, вѣрнѣе, назадъ, къ доброму старому времени, чтобы провозгласить необходимость отсѣченія рукъ, какъ самаго дѣйствительнаго средства борьбы съ наводняющими міръ ворами? Къ успокоенію особенно чувствительныхъ изъ общества, можно бы сказать имъ, что операція будетъ производиться безболѣзненно, подъ хлороформомъ и т. д. По мнѣнію Nacke, Европа отстаетъ отъ Америки въ вопросѣ о средствахъ борьбы съ преступностью. По наведеннымъ имъ черезъ германскаго консула въ Чикаго справкамъ

кромѣ штата Мичиганъ, гдѣ тогда (въ 1899 г.) кастрація еще не была введена, но почти введена, оскопленіе было предположено къ введенію и въ другихъ штатахъ. Заканчивая свою статью, Kaske пророчествовалъ: „Я не сомнѣваюсь, что придетъ день, когда Америка приметъ это нововведеніе —абсолютно соціальное и гуманное—и только старая Европа будетъ колебаться много лѣтъ, чтобы въ той или другой формѣ послѣдовать затѣмъ ея примѣру. Но мы, добавляетъ съ грустью авторъ, до этого не доживемъ!“. Первая половина предсказаній автора сбылась: день оскопленія преступниковъ для Америки наступилъ. Неужели сбудется и второе пророчество, и въ Европу снова вернутся средневѣковые дни надруганія надъ преступникомъ?

Орудія совершенія смертной казни пережили всѣ тѣ фазы прогресса, которыя сказались и на орудіяхъ труда: отъ первобытнаго побитія камнями перешли къ топору палача, топоръ замѣнили гильотиной—машиной, приводимой въ движеніе рукой палача, и теперь, согласно съ послѣдними требованіями техники производства, прибѣгли въ Америкѣ къ электрическому току.

Неизвѣстно, кому первому пришла въ Америкѣ, въ этой странѣ электричества, гдѣ не знаютъ, куда дѣвать его избытокъ, мысль объ утилизаціи этой страшной силы на борьбу съ преступностью, но у этой новой формы смертной казни, введенной въ штатѣ Нью-Іоркъ съ 1 янв. 1889 г., есть уже своя исторія *).

Введенію новаго закона предшествовало образованіе двухъ коммиссій: первой въ 1886 году по постановленію законодательнаго собранія штата Нью-Іоркъ для изысканія „наиболѣе человѣчнаго и наиболѣе удобнаго“ способа смертной казни, и второй въ 1888 году по постановленію судебно-медицинскаго общества Нью-Іорка, все съ тѣми же „гуманными“ цѣлями изысканія наиболѣе гуманнаго средства юридическаго убійства.

Въ „гуманныхъ“ проектахъ не оказалось недостатка: одинъ считалъ наиболѣе человѣчнымъ истреблять человѣка-преступника синильною кислотою; другой—вспрыскиваніемъ морфія; третій отстаивалъ достоинства удушенія въ особо-приспособленной комнатѣ окисью углерода; четвертый восхвалялъ казнь вдыханіемъ усыпляющаго навсегда средства и проектировалъ устройство для такой казни особой комнаты, по образцу парижской камеры для истребленія бродячихъ собакъ: черезъ окошечко въ этой комнатѣ

---

*) Der Tod durch Elektricität. Eine forensisch-medicinische studie auf experimenteller Grundlage von d-r Kretter, o. o. proffessor der gericht. Medicin an der Univers. Graz. Leipzig 1896 s.s. 99—111. Авторъ противникъ казни посредствомъ электричества.

исполнитель приговора наблюдаетъ за наступленіемъ смерти приговореннаго; пятые предложили казнь электричествомъ и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, „наиболѣе человѣчныхъ“ способовъ смертной казни оказалось столько, что, пожалуй, упомянутыя выше коммиссіи облегчили бы свою задачу, если бы поставили вопросъ иначе и выяснили, какіе способы казни менѣе человѣчны? Коммиссія судебно-медицинскаго общества остановилась на выясненіи достоинствъ казни электричествомъ и рѣшила приступить къ опытамъ. Они производились въ лабораторіяхъ Эдисона и Columbia-College надъ 24 собаками, двумя телятами и одною лошадью. Всѣ эти животныя, кромѣ двухъ собакъ, были убиты электрическимъ токомъ различной силы и продолжительности, и коммиссія пришла на основаніи этихъ опытовъ къ проекту казни этого рода. Было выработано убивать преступника въ его горизонтальномъ или сидячемъ положеніи пропускомъ тока въ 1500 вольтъ (von wirkung eines Wechselstromes von 1500 volt Spannung mit einer Frequenz von 15 bis 30). Электроды должны приставляться къ головѣ и крестцу. Такое расположеніе электродовъ встрѣтило критику со стороны доктора Carleton'а, полагавшаго болѣе гуманнымъ приставлять оба электрода къ головѣ (одинъ къ темени, а другой къ затылку), но это предложеніе не было принято, проектъ коммиссіи прошелъ полностью и съ 1 января 1889 года сталъ закономъ. Текстъ его слѣдующій. Ст. 505. Для приведенія въ исполненіе смертной казни, черезъ тѣло приговореннаго пропускается электрическій токъ силы достаточной для умерщвленія. Пропускъ тока совершается до наступленія смерти. Ст. 506. Смертная казнь совершается внутри обозначенной въ приговорѣ тюрьмы или на принадлежащемъ къ ней дворѣ. Ст. 507. При исполненіи казни обязанъ находиться тюремный директоръ и назначенные имъ, по крайней мѣрѣ за три дня до того: судья высшаго суда, адвокатъ, шерифъ, два врача и 12 выбранныхъ имъ извѣстныхъ и уважаемыхъ гражданъ. По требованію преступника, директоръ обязанъ пригласить для присутствованія при казни священниковъ въ числѣ не болѣе двухъ. Онъ можетъ назначить еще и семь другихъ свидѣтелей, но не долженъ допускать присутствія другихъ лицъ. Тѣло казненнаго, если оно не потребовано родственниками, погребается на тюремномъ кладбищѣ безъ всякихъ религіозныхъ обрядовъ; въ печати запрещается опубликовывать всякія свѣдѣнія, кромѣ того, что въ такой то день виновный казненъ согласно закону.

Первымъ мученикомъ казни электричествомъ былъ Вильямъ Кэммлеръ, казненный въ Обурнской нью-іоркской тюрьмѣ 6 августа 1890 года. За исполненіе казни взялись, можетъ быть тоже изъ гуманныхъ цѣлей, доктора Mac-Donald и Spitzka. Оффиціальный отчетъ о казни былъ представленъ первымъ изъ этихъ

врачей, Макъ-Дональдомъ. Цитированный нами проф. Kratter, изъ работы котораго я беру эти свѣдѣнія, сообщаетъ слѣдующія подробности о первой казни. При казни присутствовало 25 свидѣтелей, въ томъ числѣ 14 врачей. Въ одной комнатѣ находились необходимыя машины (динамо-машина, паровой двигатель, вольтоизмѣритель и др.), въ другой—спеціально устроенное для казни кресло. Приговореннаго къ смерти усадили на это кресло, ремнями привязали его руки, ноги и стянули грудь; на голову надѣли ему металлическій шлемъ, прикрѣпивъ его ремнями подъ подбородкомъ и на лбу. Дали знакъ сомкнуть токъ, и съ несчастнымъ начались страшныя корчи. Черезъ 17 секундъ сочли преступника мертвымъ и прервали токъ, но черезъ 30 секундъ послѣдовалъ рядъ вздоховъ, изо рта полилась слюна. Тогда (приблизительно черезъ двѣ минуты послѣ прекращенія перваго тока) пропустили его вторично на 70 секундъ, пока не загорѣлась кожа на мѣстахъ тѣла, гдѣ были приложены электроды, обернутые смоченною губкою. Преступникъ былъ мертвъ; палачъ-врачъ Mac-Donald пришелъ къ заключенію, что „цѣль и духъ закона дать преступнику быструю и безболѣзненную смерть вполнѣ достигнуты".

Г. Жбанковъ сообщаетъ описаніе другого случая такой же казни. Замкнутый токъ вызвалъ молнеобразное сокращеніе всѣхъ мышцъ. Черезъ минуту токъ былъ прерванъ, тѣло казненнаго опустилось въ креслѣ, онъ издавалъ звуки, подобные ржанію лошади, изъ открытаго рта вытекала слюна, сонная артерія билась. Токъ снова былъ замкнутъ на 30 секундъ *).

Kratter даетъ описаніе 8 случаевъ казни электричествомъ, одна другой ужаснѣе. Такъ, 7 іюля 1891 года послѣдовала казнь четырехъ осужденныхъ Slocum, Smiler, Wood и Jugigo. Д-ръ Mac-Donald, на этотъ разъ съ тремя товарищами, пришелъ къ заключенію, что аппаратъ работалъ „чудесно и скоро", но установлено, что послѣ перваго тока въ 37 секундъ пульсъ Slocum'а продолжалъ сильно биться, а черезъ минуту или двѣ возстановилось правильное дыханіе; у Smiler'а послѣ троекратнаго пропуска тока, по 10 секундъ каждый, было также замѣчено дыханіе, и пришлось снова замкнуть токъ на 19 секундъ. Очевидецъ казни описываетъ, что при замкнутіи электрическаго тока тѣло казненныхъ начинало содрогаться, всѣ мускулы напрягались, какъ бы въ страшномъ усиліи порвать привязывающіе къ стулу ремни, которые трещали и глубоко врѣзывались въ тѣло; кожа и тѣло загорались у всѣхъ.

7 декабря 1891 года при казни въ нью-іоркской Обурнской тюрьмѣ женоубійцы Loppy пришлось смыкать токъ три раза.

При казни 6 іюня 1893 г. въ тюрьмѣ Clinton въ Donnemora,

*) Статья г. Жбанкова „О врачахъ", въ „Мірѣ Божемъ", іюль 1902 г.

послѣ тока силою въ 1660 вольтъ, продолжительностью въ 1 мин. 2 сек., было обнаружено глубокое дыханіе и пришлось снова сомкнуть токъ на 55 секундъ.

27 іюля 1893 г., при казни William'a Taylor'a, первый токъ оказался не смертельнымъ, и аппаратъ не могъ дать второго, такъ какъ сломался. Преступникъ стоналъ и тяжело дышалъ. Врачи дали ему морфія, и черезъ часъ исправленная электрическая машина добила его.

Довольно этихъ примѣровъ для тѣхъ, въ комъ еще не совсѣмъ убито чувство состраданія и чувство отвращенія къ человѣческой бойнѣ. Уже 14 лѣтъ работаетъ электричество, „это величайшее открытіе на позоръ человѣчества". Американцы производятъ въ машинѣ разныя усовершенствованія, и англичане, по словамъ Kraterr'a, начинаютъ говорить о введеніи и у себя казни электричествомъ *).

Интересны тѣ заключительные выводы, къ которымъ пришелъ проф. Краттеръ. Смерть отъ электричества, говоритъ онъ, есть въ сущности особый родъ удушенія и смертная казнь электричествомъ должна быть поставлена на одной ступени съ повѣшеніемъ, утопленіемъ, закапываніемъ заживо въ землю, но въ сравненіи съ этими способами казни электрическая отнюдь не лучше. Въ противоположность другимъ способамъ она, наоборотъ, очень сложна, а чѣмъ сложнѣе казнь, тѣмъ легче могутъ произойти всякія случайности, какъ въ дѣйствительности и происходитъ. Лишь въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ смерть наступаетъ моментально, въ большинствѣ же случаевъ—послѣ истеченія нѣкотораго времени. Пораженный электрическимъ ударомъ очень часто находится въ состояніи мнимой смерти **). Слѣдуетъ добавить, одна и та же электрическая сила дѣйствуетъ различно не только на различныхъ лицъ, но и на одно и то же лицо въ различные моменты его состоянія.

На борьбу съ преступниками рѣшили примѣнить кромѣ электричества, еще и другую великую силу—паръ. Г. Малининъ въ своей статьѣ: „Каторга во Франціи" („Тюремный Вѣстникъ" 1904 г., январь) даетъ описаніе парохода для перевозки каторжанъ въ Гвіану. Пароходъ оконченъ постройкой и принятъ правительствен-

*) Хотя въ машинѣ были введены различныя „усовершенствованія", но, при послѣдней произведенной недавно казни Шиллера въ г. Колумбѣ штата Огайо, врачи два раза ошиблись въ опредѣленіи наступленія смерти; только послѣ третьяго тока силою въ 1,800 вольтъ и продолжительностью въ 60 секундъ наступила смерть Шиллера. Еще мучительнѣе была казнь другого осужденнаго Топсона: несчастный провелъ въ электрическомъ креслѣ 18 минутъ и былъ убитъ только новымъ разрядомъ (см. „Рус. Вѣд.", 1904 г., 10 іюня).

**) Kratter, ук. соч. 109 стр.

ной коммиссіей въ 1902 году. Его названіе Луара. „Въ немъ 888 мѣстъ для арестантовъ, 26 для пассажировъ I-го класса, 48 для II-го класса и 96 для III-го“. Для пассажировъ всякія удобства и комфортъ. Но здѣсь же въ числѣ мѣръ, необходимыхъ для предотвращенія всякаго рода волненій, возмущеній и безпорядковъ во время плаванія и для полной безопасности надзора и свободныхъ пассажировъ, есть одно сильное средство: „во всѣ помѣщенія, занимаемыя преступниками, проведены трубы особаго устройства, черезъ которыя въ случаѣ надобности проходитъ паръ, несущій съ собою неменуемую смерть со страшными мученіями для возмутившихся...“ (стр. 73). Итакъ, въ XX вѣкѣ во Франціи не прочь варить преступниковъ заживо, хотя въ „комфортабельно“ устоенномъ океанскомъ пароходѣ.

Отъ области дѣйствующихъ законодательствъ перейдемъ на время къ области теоретической мысли, къ различнымъ проектамъ, попавшимъ на трибуны парламентовъ, или напечатаннымъ, опубликованнымъ, т. е. внесеннымъ прямо на обсужденіе круга еще болѣе широкаго, чѣмъ парламентъ — на обсужденіе самого общества. Много было составлено такихъ проектовъ. Знакомясь съ ними, часто не знаешь, чему больше удивляться: безграничной ли смѣлости ихъ авторовъ, или тому времени, въ которое то здѣсь, то тамъ становится возможнымъ появленіе такихъ проектовъ-монстровъ. Было время, когда, при господствѣ въ доктринѣ и въ законодательствахъ теоріи устрашенія наказаніемъ, судьи, желавшіе особенной примѣрности и суровости кары, обращались къ ученому содѣйствію профессоровъ университетовъ и тѣ измышляли соотвѣтствующія случаю и нужныя суду пытки и казни. Это—„было“, но не все кануло въ вѣчность: охотники составлять проекты казней не перевелись и въ наши дни. Чѣмъ объяснить это?

Среди доводовъ противъ смертной казни однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ является подтверждаемое наблюденіями утвержденіе, что обрядъ смертной казни дѣйствуетъ на окружающую толпу развращающимъ образомъ, пробуждая въ ней порочныя наклонности, развивая страсть къ крови. Можетъ быть область развращающаго вліянія современной карательной системы со смертною казнью и нѣкоторыми другими наказаніями шире, чѣмъ принято думать? Не огрубѣваютъ ли, благодаря ей, до нѣкоторой степени даже люди, причастные къ современной юстиціи? Мы увидимъ ниже, что часто именно отъ нихъ исходятъ поражающіе своею суровостью проекты новыхъ средствъ борьбы съ преступниками посредствомъ наказанія. Говорятъ, что ко всему можно привыкнуть: могильщику тяжело рыть лишь первыя могилы, мяснику—рѣзать лишь первую корову, судьѣ труднѣе под-

писать первый смертный приговоръ, нежели второй. Самое существованіе въ законодательствахъ нормъ, предписывающихъ гильотинированіе, повѣшеніе, разстрѣлъ, электризацію, не толкаетъ ли мысль прожектёровъ на изысканія другихъ средствъ истребленія преступниковъ? Во всякомъ случаѣ, сторонники новыхъ способовъ казни, каковы бы ни были эти способы, чувствуютъ за собою силу одобренія закона: они расходятся съ нимъ не въ кардинальномъ вопросѣ о самомъ существованіи смертной казни, но въ такомъ второстепенномъ, побочномъ вопросѣ, какъ способы легальнаго умерщвленія. На ряду со смертною казнью существуютъ въ современныхъ законодательствахъ и другія карательныя мѣры, которыя должны были наводить многихъ на мысль объ изобрѣтеніи новыхъ, но аналогичныхъ по существу со старыми, средствъ борьбы съ преступностью. Такъ, мнѣ представляется весьма вѣроятнымъ, что существованіе во французскихъ тюрьмахъ описанныхъ выше дисциплинарныхъ залъ со столбиками для сидѣнья навело врача французской тюрьмы Lemaistre на мысль о возстановленіи позорнаго столба для публичной выставки преступниковъ. Свое предложеніе онъ опубликовалъ отдѣльною брошюрою въ 1900 году: „La criminalité—la repression". Онъ не хотѣлъ ограничиться простымъ напоминаніемъ о существовавшихъ когда-то и теперь сгнившихъ позорныхъ столбахъ; онъ рѣшилъ доказать ихъ силу и значеніе, какъ могущественнаго средства борьбы съ растущею не по днямъ, а по часамъ арміею преступниковъ. Принявъ такое рѣшеніе, онъ обратился къ самимъ осужденнымъ съ вопросами, что они предпочли бы себѣ, какъ наказаніе, тюрьму ли на одинъ, на два, на четыре года, на шесть лѣтъ или короткую выставку у позорнаго столба. Среди опрошенныхъ были пропойцы, женщины, опустившіяся до дна, воры-профессіоналы и мать-дѣвушка, обвиненная за дѣтоубійство. И всѣ они, какъ одинъ человѣкъ, отвѣчали, что предпочитаютъ оставаться годы въ тюрьмѣ, нежели простоять минуты у позорнаго столба. Отсюда тюремный врачъ дѣлаетъ выводъ, что „позорная выставка, не являясь тѣлеснымъ наказаніемъ, служитъ наиболѣе сильнымъ моральнымъ страданіемъ, какое можно примѣнить къ осужденнымъ и доказательство этому—то, что отъявленные преступники предпочитаютъ ему смерть" (стр. 25). Но, кромѣ этого значенія, позорный столбъ имѣетъ и другое „воспитательное", предохраняющее вліяніе для молодежи, и въ этомъ отношеніи онъ заслуживаетъ особаго интереса: „я, говоритъ Lemaistre, настолько проникнутъ этой идеей, ея, быть можетъ, спасеніемъ будущаго, что желалъ бы водить всѣхъ учениковъ школъ смотрѣть выставленныхъ у позорнаго столба осужденныхъ" (28 стр.) *).

*) Et je suis tellement imbu de cette idée que là est peut-être le salut pour l'avenir, que je voudrais, lors d'une exposition, que tous les élèves des écoles

Было бы ошибкою думать, что авторъ дѣлаетъ это чудовищное предложеніе не серьезно: нѣтъ у него ни одного намека на шутку или сатиру. Передъ нами лишь убѣжденный сторонникъ системы устрашенія наказаніемъ, вѣрящій въ возможность перерожденія человѣка позоромъ выставки преступника у столба на публичное посмѣяніе.

Предложеніе о возстановленіи позорнаго столба было сдѣлано въ 1900 году. Черезъ 4 года послѣ выхода въ свѣтъ этой брошюры Леместра, т.-е. въ текущемъ 1904 году, появляется въ германской криминальной литературѣ объемистый (въ 332 стр.) томъ члена суда въ Zweibrücken'ѣ Казиміра Вагнера: „Die Strafinseln" *). Столь недавній выходъ въ свѣтъ работы Вагнера даетъ намъ право назвать ее въ своемъ родѣ послѣднимъ словомъ науки. Находя, что современныя мѣры борьбы съ преступностью недостаточны, авторъ проектируетъ введеніе въ германское законодательство ссылки на острова океана: „далеко отсюда,—говоритъ онъ,—подъ созвѣздіемъ Южнаго Креста, среди чуждой имъ (ссыльнымъ) природы, подъ шумъ прибоя волнъ Великаго океана, среди дикихъ первобытныхъ лѣсовъ и еще дикихъ обитателей страны, они научатся вѣрить въ крестъ Спасителя, передъ которымъ когда-то, на далекой родинѣ они невинными дѣтьми стояли колѣнопреклоненные, полные вѣры" **). Но то, что говоритъ этотъ судья и бывшій прокуроръ, ясно обнаруживаетъ полнѣйшее забвеніе имъ самимъ основныхъ началъ христіанства. Для него ветхозавѣтное „око-за-око, зубъ-за-зубъ"—слишкомъ мягко: если преступникъ причиняетъ страданіе ни въ чемъ неповинному, то тѣмъ большее страданіе долженъ понести онъ самъ, потому что онъ—виновный. Ложною жалостью называетъ онъ состраданіе къ преступнику: „Nur ein falsches Mitleid ist es, wenn der Frevler gegen Staat und Sitte als ein Unglücklicher betrachtet wird" ***). Все спасеніе—въ суровости. Когда не помогаютъ добрыя понуканія лошади, часто страхъ передъ кнутомъ оказывается послѣднимъ дѣйствительнымъ средствомъ. Но считая кнутъ крайнимъ средствомъ воздѣйствія на лошадь, авторъ изобрѣтаетъ для воздѣйствія на человѣка другія, болѣе суровыя, чѣмъ кнутъ, мѣры: наказаніе палочными ударами, заковываніе въ цѣпи, принужденіе къ работѣ въ цѣпяхъ, ограниченіе и лишеніе пищи, темный карцеръ и остогранныя нары, пребываніе на которыхъ должно причинять остріями брусковъ сильное

fussent conduits pour voir le condamné. Lemaistre: Criminalité—repression. 1900. 28 p.).

*) Casimir Wagner, Königl. Bayr. Oberlandsgerichtsrat in Zweibrücken: „Die Strafinseln" Stuttgart 1904. См. также объ этой книгѣ въ „Правѣ" № 13—1904 г. ст. Штильмана „мечты отставного прокурора".

**) Wagner: ук. соч. стр. 54.

***) Ук. соч., 17 стр.

страданіе преступнику. Палочные удары рекомендуются авторомъ въ книгѣ не разъ. Но извѣстно, что ни карцеръ, какъ бы онъ ни былъ теменъ, ни цѣпи, какъ бы онѣ ни были тяжки, ни палки не являются новымъ открытіемъ Вагнера. Извѣстно также, что къ уменьшенію преступности эти мѣры никогда не приводили. Но Вагнеръ надѣется на ихъ успѣшное дѣйствіе въ общей системѣ его суровой ссылки; болѣе новымъ добавленіемъ къ ней являются проектируемыя имъ отягченія наказаній въ дни недѣли и мѣсяца, соотвѣтствующіе для сосланныхъ днямъ ихъ осужденія. Жирнымъ шрифтомъ печатаетъ Вагнеръ эту часть своихъ предложеній: „въ дни недѣли, соотвѣтствующіе дню осужденія, а при нѣсколькихъ приговорахъ, въ день постановленія тягчайшаго, — слѣдуетъ, по образцу австрійскаго законодательства, для увеличенія устрашающей силы наказанія давать осужденному пищу лишь въ уменьшенномъ количествѣ и лишь жесткую кровать безъ матраца, въ соотвѣтствующіе же дни мѣсяца назначать ему темный карцеръ и полное лишеніе пищи“ *).

Таково послѣднее слово науки о ссылкѣ въ устахъ этого суроваго нѣмецкаго судьи, призывающаго имя Христа и въ то же время вооружающагося на борьбу съ преступленіемъ палками, цѣпями и готоваго распять на крестѣ всѣхъ осужденныхъ.

Поменьше жалости — побольше суровости! Не отъ одного Wagner'а приходится выслушивать такіе совѣты. То же провозглашаютъ многочисленные сторонники уголовно-антропологической школы: итальянскій прокуроръ суда баронъ Гарофало, отстаивающій необходимость смертной казни въ странѣ, гдѣ она отмѣнена, профессоръ судебной медицины и тюремный врачъ Цезарь Ломброзо и др. О ложной жалости къ преступнику писалъ въ 1902 году никому неизвѣстный тюремный чиновникъ во Франціи. Защищая ссылку на Корсику, онъ говорилъ противъ указаній на смертность въ странѣ отъ лихорадки: „Лихорадка?... Но въ этой странѣ, населенной теперь и эксплуатируемой свободнымъ населеніемъ, можно ли бояться за здоровье приговоренныхъ къ релегаціи? Не стали ли мы, дѣйствительно, слишкомъ чувствительны къ преступникамъ?“ **) И объ излишней чувствительности къ преступникамъ говоритъ чиновникъ французскихъ тюремъ, гдѣ изъ каждой сотни наказанныхъ по суду и присужденныхъ къ долгосрочному наказанію,—63,86% въ 1900 году и 59,17% въ 1901 году несли еще добавочныя дисциплинарныя наказанія по усмотрѣнію тюремной администраціи, и при томъ несли ихъ такъ часто, что на каждую сотню заключенныхъ приходилось въ 1899 г.—317 наказаній, въ 1900 г.—318,65 и въ

*) Ук. соч., 282 стр.

**) „Ne sommes nous pas devenus vraiment un peu sensibles à l'égard des détenus?“ (Revue penit. 1902, 121 p.).

1901 г.—321,96 взысканій; гдѣ тысячи (28,719—въ 1898—1901 гг. въ долгосрочныхъ тюрьмахъ и 14,595 въ одномъ 1901 г. въ краткосрочныхъ тюрьмахъ) сажаются на хлѣбъ и на воду и еще большія тысячи (38,486 въ 1898—1901 г. въ долгосроч. тюрьмахъ) приговариваются тюремною администраціею къ другимъ ограниченіямъ пищи, и гдѣ десятки тысячъ дней проводятся заключенными въ карцерахъ темныхъ, полутемныхъ и свѣтлыхъ (71,515 дней въ 1899 году) *).

Недовольствомъ же, питаемымъ къ будто бы излишней мягкости наказаній, надо объяснить вносимыя въ парламенты предложенія о введеніи розги или о расширеніи области примѣненія тѣлеснаго наказанія.

Въ засѣданіи 7 марта 1900 года депутатъ д-ръ Oertel, настаивая въ германскомъ рейхстагѣ на необходимости введенія тѣлеснаго наказанія за преступленія, обнаруживающія грубость преступника, его жестокость, говорилъ подъ горячіе аплодисменты депутатовъ правой: „Требуя устрашенія (розгами) авторовъ жестокихъ преступленій, мы не погрѣшаемъ противъ культуры, но служимъ ей и дѣйствуемъ, по моему глубокому убѣжденію, не негуманно, но гуманно въ самомъ благородномъ и высокомъ смыслѣ слова“ **).

Не безынтересно остановиться на доводахъ Oertel'я за розги нѣсколько подробнѣе, тѣмъ болѣе, что гласъ его вопіялъ не въ пустынѣ, но въ законодательномъ собраніи страны и находилъ поддержку въ одобрительныхъ возгласахъ политическихъ единомышленниковъ депутата правой. Самъ ораторъ съ торжествомъ указывалъ, что число сторонниковъ тѣлеснаго наказанія въ Германіи ростетъ, и Миттельштедъ, знаменитый Миттельштедъ, стоявшій нѣкогда совсѣмъ одиноко со своимъ требованіемъ введенія розги, теперь окруженъ плеядой сторонниковъ розги: среди нихъ, по словамъ оратора, много теоретиковъ, но еще больше судей и практиковъ ***).

Если мы говоримъ, что не безынтересно остановиться на тѣхъ доводахъ, которые нашлись въ 1900 году у сторонниковъ розги, то не потому, что они говорятъ намъ что-нибудь новое.

*) Statistique penit. Exposé générale de la situation des services et des divers établiss. 1903. Pour les années 1898, 1899, 1900 et 1901.

**) „Wen wir die abschreckende Wirkung gegenüber den Rohheitsverbrechen fordern, so versündigen wir uns nicht an der Kultur, sondern wir dienen ihr, so handeln wir — das ist meine feste Ueberzeugung—nicht inhuman, sondern human im höchsten und edelsten Sinne“ (Aus dem deutschen Reichstag. Sitzung vom 7 März 1900. Stenogr. Bericht. Blät. f. Gefängnisskunde, 1900, I, B. Heft 2, 155 стр.).

***) Ссылка оратора на германскихъ судей, какъ на сторонниковъ розги, если она вѣрна, лишній разъ подтверждаетъ высказанную нами мысль о томъ вліяніи, какое оказываетъ современная карательная система на лицъ, всего ближе къ ней стоящихъ.

Напрасно мы стали бы искать проблеска свѣжей мысли тамъ, гдѣ говоритъ не разумъ, а чувство и такое дурное чувство, какъ месть, вспоенная и вскормленная классовою рознью. Не новизною, но своею ветхостью интересны намъ доводы Oertel'я.

„Три цѣли должно преслѣдовать наказаніе: возмездіе, воспитаніе, устрашеніе". Розга, по мнѣнію депутата, прекрасное возмездіе. Десять лѣтъ занимается онъ собираніемъ судебныхъ случаевъ, въ которыхъ самымъ лучшимъ наказаніемъ было бы тѣлесное, вмѣсто назначенныхъ судами другихъ наказаній, и много сотенъ набралъ онъ такихъ процессовъ, гдѣ „за скотское преступленіе единственнымъ искупленіемъ является скотское же наказаніе". Изъ этихъ многихъ сотенъ преступленій авторъ приводитъ для примѣра три и, покончивъ съ возмездіемъ, переходитъ къ воспитанію розгою. Воспитательное значеніе тѣлеснаго наказанія представляется Oertel'ю стоящимъ внѣ сомнѣнія и потому, очевидно, не нуждающимся въ доказательствахъ. Что касается устрашающей силы розги, то депутатъ надѣется, что при тѣлесныхъ наказаніяхъ не будетъ проявляться осужденными то чувство удовольствія и благодарности къ судьѣ, которое не стѣсняются обнаруживать теперь приговоренные къ тюрьмѣ. Наконецъ, совершенно не вѣрны утвержденія противниковъ тѣлеснаго наказанія о развращающемъ его вліяніи на самого наказываемаго и на приводящихъ наказаніе въ исполненіе: учителя и родители, пользующіеся этимъ воспитательнымъ средствомъ, никогда не становились отъ этого хуже. Розга не оскорбляетъ чувство чести преступника и никогда не вредитъ его здоровью: оскорбленіе чести невозможно тамъ, гдѣ нѣтъ чести, гдѣ передъ нами не человѣкъ, а скотина. Справедливо говорятъ о сверхгуманности (Ueberhumanität): „Humanität, angewendet gegen Bestialität, ist die grosste Inhumanität".

Таковы были доводы Oertel'я, убѣждавшаго противниковъ розги принять предложеніе объ ея введеніи, если не окончательно, то хотя бы для опыта: „Вы, господа, противники розги,—говоритъ депутатъ, — можете голосовать за наше предложеніе: разъ вы такъ твердо убѣждены въ основательности вашихъ доводовъ, то должны предположить, что послѣ произведенныхъ опытовъ имперскій канцлеръ и правительство придутъ также къ отрицанію тѣлеснаго наказанія, и ваше положеніе значительно окрѣпнетъ" *).

Мы не будемъ останавливаться на возраженіяхъ депутату Oertel'ю представителей другихъ партій рейхстага: но наказаніе розгою, примѣняемое какъ дисциплинарное взысканіе въ тюрьмахъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ государствъ, не было принято, какъ наказаніе по суду.

*) Тамъ же, стр. 145—155.

Черезъ $2\frac{1}{2}$ мѣсяца послѣ описаннаго засѣданія германскаго рейхстага, вопросъ о розгѣ обсуждался 21 мая 1900 года въ англійской палатѣ общинъ: министръ внутреннихъ дѣлъ сэръ Матью Уайтъ Ридлей предложилъ ей для второго чтенія билль о малолѣтнихъ преступникахъ *). Въ палатѣ лордовъ билль уже былъ принятъ однажды съ большимъ сочувствіемъ. Было предложено замѣнять по приговору суда тюремное заключеніе малолѣтнихъ, 12—16 лѣтъ, розгами—не свыше 24 ударовъ березовой розгою. Сторонники розги указывали, что тѣлесное наказаніе менѣе вредно, чѣмъ тюремное заключеніе, что тюрьма способствуетъ загрубѣнію малолѣтняго и сближенію его съ преступнымъ міромъ, что тѣлесныя наказанія устрашительнѣе и дѣйствуютъ предупредительнѣе, чѣмъ какое-либо другое наказаніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ возможность безъ перерыва вести свои занятія и дешево стоятъ государству. Послѣ долгихъ дебатовъ обсужденіе проекта было отложено.

Поразительно, что англійскіе лорды и депутаты въ 1900 году почти дословно повторили въ защиту розги слова, сказанныя давнымъ давно въ похвалу ей стариннымъ англійскимъ писателемъ еще въ то время, когда сѣкли на площадяхъ мужчинъ и женщинъ, молодыхъ и старыхъ, больныхъ и здоровыхъ: „розга не менѣе полезна для честной части человѣческаго рода, писалъ онъ, чѣмъ и для людей безъ опредѣленныхъ занятій: она тотъ могущественный воспитатель, котораго встрѣчаютъ на пути молодые люди рядомъ съ висѣлицей. Она вѣрное средство противъ разврата и порчи. Поистинѣ велики услуги, оказанныя странѣ par le poteau au fuet (столбъ, къ которому привязывали при наказаніи розгами)“. Мы взяли эти свѣдѣнія изъ капитальнаго труда William Andrews, Les Chatimemts de jadis (traduits de l'anglais. Paris 1902, p. p. 267—268); у него же мы нашли примѣръ устрашительности тѣлеснаго наказанія, на который могутъ ссылаться въ будущее время сторонники этихъ мѣръ борьбы съ преступностью: однажды, разсказываетъ Andrews со словъ William de Malmesbury, въ дѣтство короля Elthered'а его мать за что-то разсердилась на него и, не имѣя подъ рукою розги, схватила попавшіяся подъ руку свѣчи и била ими короля почти до потери сознанія. Съ этого времени, добавляетъ историкъ, король въ теченіе всей своей жизни боялся до такой степени свѣчъ, что не могъ выносить ихъ свѣта и не позволялъ зажигать ихъ въ своемъ присутствіи (263—264 стр.).

Трудно найти въ мірѣ сколько-нибудь значительный городъ, въ которомъ не было бы тюрьмы. Большія или маленькія, оди-

*) См. журн. мин. юст. № 7—1900 г. „Письма изъ Англіи“, 197 стр.

ночныя или общія, новыя усовершенствованныя или разваливающіяся старыя, вездѣ онѣ бросаются въ глаза прохожему, съ ихъ характерными окнами за желѣзными рѣшетками и съ часовыми у массивныхъ дверей на запорѣ. Много осмотрѣлъ я этихъ „мертвыхъ домовъ“ во Франціи, Италіи, Швейцаріи, Пруссіи, Саксоніи. На ихъ фронтонахъ я читалъ надписи, то короткія съ различными названіями мѣстъ заключенія, то другія, болѣе громкія. Такъ, надъ дверями французскихъ тюремъ красуются высѣченныя изъ камня слова: свобода, равенство, братство — liberté, égalité, fraternité; на старой римской тюрьмѣ, существующей не одну сотню лѣтъ, но называемой Новою тюрьмою (Carcere Nuovo) я читалъ: „Justitiae et clementiae securiori ac mitiori reorum custodiae. Novum carcerem Innocentius X Pont. Max. posuit anno domini MDCLV“. Прочтя эти хорошія слова о любви, состраданіи, братствѣ и свободѣ, я входилъ въ украшенныя такими надписями дома заключенія и видѣлъ тамъ совершенно темные, сырые, подвальные карцеры (въ Лозаннѣ), дисциплинарные залы (Пуаси), смирительныя рубашки (парижская консьержери), видѣлъ арестантовъ въ маскахъ (Fresnes-les-Rongis), видѣлъ маленькихъ дѣтей 9—10 лѣтъ въ одиночныхъ камерахъ тюремъ (Парижъ, Римъ), видѣлъ десятки арестантовъ, работающихъ вмѣстѣ, бокъ о бокъ, въ общихъ мастерскихъ, но не имѣющихъ права рѣчи, обязанныхъ къ постоянному молчанію за работою, не смотря на всѣ соблазны сосѣдства направо и налѣво, сзади и спереди тутъ же работающихъ товарищей по заключенію.

Обязанность молчанія—одно изъ очень тяжелыхъ требованій тюремной дисциплины—возлагается на арестантовъ, осмотрѣнныхъ мною французскихъ, итальянскихъ и швейцарскихъ тюремъ, но нигдѣ не слѣдятъ такъ строго за ея исполненіемъ, какъ во французскихъ мѣстахъ заключенія. Директоры всѣхъ осмотрѣнныхъ мною итальянскихъ тюремъ, а также и швейцарскихъ, признавались въ невозможности исполненія этого противоестественнаго требованія закона. Въ старое время за „неистовыя рѣчи“ рѣзали языки, но существуютъ историческія свѣдѣнія, что наказанные научались говорить и при помощи оставшагося обрубка. Тѣмъ болѣе не можетъ привести ни къ какимъ желаемымъ законодателемъ результатамъ запрещеніе говорить—эта психологическая операція урѣзыванія языка страхомъ суроваго наказанія. По свѣдѣніямъ французской тюремной статистики, въ 1901 году было 14,265 случаевъ примѣненія дисциплинарныхъ наказаній за нарушеніе обязанности молчанія. Въ флорентійской тюрьмѣ Santa Teresa 16 мая текущаго года произошли, вслѣдствіе взысканія, наложеннаго на арестанта за разговоры, столь сильные безпорядки, что пришлось призвать для усмиренія военную силу: арестанты забаррикадировались и дрались стульями, кирпичами и пр. (Messaggero 18 мая—1904). Объ этихъ волненіяхъ писали и говорили. Но

какъ они не были первыми, такъ, конечно, не были и послѣдними: „время отъ времени то здѣсь, то тамъ, говорилъ недавно въ итальянской палатѣ депутатовъ Турати, всплываетъ наружу то или другое тюремное дѣло, бросающее лучъ свѣта въ мракъ мертвыхъ домовъ нашей страны; тогда общественное мнѣніе на время возмущается, какой-нибудь депутатъ дѣлаетъ запросъ, министръ отвѣчаетъ, что ему вздумается, и могилы снова герметически закрываются, пока не разразится какая-нибудь новая трагедія“ *). Въ то же засѣданіе палаты этотъ депутатъ и криминалистъ совершенно основательно указывалъ на достоинства и недостатки тюремнаго регламента итальянскихъ мѣстъ заключенія, но слова его съ полнымъ правомъ могутъ быть распространены и на тюремные регламенты другихъ странъ. „Въ дѣйствующемъ регламентѣ, созданіи Бельтранія-Скаліа, двѣ части противоположнаго характера: одна направлена на устрашеніе, подавленіе осужденнаго; она стремится дать ему почувствовать всю безконечную мощь государства-побѣдителя, заставить его пригнуться и ужаснуться своей вины. Эта часть регламента—безспорно сурова... Но есть и другая часть, стремящаяся поднять преступника, приготовить его къ выходу изъ могилы въ такомъ физическомъ, интеллектуальномъ и нравственномъ состояніи, чтобы онъ былъ способенъ къ жизненной борьбѣ, чтобы онъ могъ стать на путь исправленія. Но такъ какъ много легче запереть осужденнаго и запугивать его суровостью, чѣмъ посредствомъ воспитанія сдѣлать новаго человѣка; такъ какъ жестокость не требуетъ ни ума, ни утомленія, ни денежныхъ средствъ, а воспитаніе требуетъ всего этого, то случилось, что первая часть регламента, суровая, въ которой живетъ духъ общественной мести противъ несчастнаго узника, широко примѣняется, а вторая часть... осталась мертвою буквою“.

Къ области содержанія первой части регламентовъ относятся, между прочимъ, не вышедшія изъ употребленія дисциплинарныя тюремныя наказанія розгами. Они примѣняются въ тюрьмахъ Пруссіи, Саксоніи, Гамбурга, Любека, Мекленбурга, Ольденбурга, Шварцбурга, Рудольштата и др. **). Въ Даніи до сихъ поръ не отмѣненъ законъ 3 дек. 1850 года о наказаніи арестантовъ за проступки противъ тюремной дисциплины розгами, девяти-хвостою кошкою (le chat à neuf queues), лямками, и ими пользуются въ повседневной практикѣ (см. Revue penitiaire 1902—401 стр.) Въ Англіи изобрѣтено для мученія арестантовъ (въ Pantonville, Milbank,

*) Turati: I cimiteri dei vivi (per la riforma carceraria) Discorso sul Bilancio degli interni, pronunziato alla camera dei deputati il 18 marzo 1904. Roma 1904, 3—4 p. p.

**) Орудія тѣлеснаго наказанія: розга, палка, ремень, бычачій хвостъ. Наказываемаго привязываютъ къ „кобылкѣ“. Число ударовъ: въ Ольденбургѣ и Мекленбургѣ до 25. въ Саксоніи до 30, въ Пруссіи до 60. См. 192—207 стр. Hans Leuss: Aus dem Zuchthause. 3 Auflage 1904.

Hollawai) нѣсколько видовъ безрезультатнаго труда: 1) верченіе колеса (tread wheal)—къ громадному цилиндру придѣланы ступени, и 24 арестанта, держась руками за перекладину надъ ихъ головою, шагаютъ по ступенямъ и приводятъ такимъ образомъ колесо въ движеніе. 2) Schot drill—арестантъ долженъ переносить пушечное ядро справа налѣво, потомъ слѣва направо, снова справа налѣво и т. д. безъ конца. Въ русской литературѣ встрѣчалось описаніе очевидца другой формы этого наказанія въ англо-бирманскихъ тюрьмахъ: выстроенные въ рядъ арестанты должны продѣлывать на солнечномъ припекѣ т. н. бомбовое ученіе; у ногъ каждаго изъ нихъ лежитъ ядро; по командѣ ударяющаго въ барабанъ стражника (онъ сидитъ въ тѣни), они нагибаются къ ядрамъ, по командѣ же поднимаютъ ихъ вверхъ, а затѣмъ по новому удару въ барабанъ опускаютъ ядра снова къ ногамъ, чтобы начать опять продѣлывать то же самое. 3) Арестантъ обязанъ вертѣть ручку колеса съ ковшами; колесо (crank) находится наполовину въ пескѣ; ковши, проходя черезъ слой песку, зачерпываютъ его, но затѣмъ опрокидываются и высыпаютъ, снова зачерпываютъ и снова высыпаютъ и. т. д. *).

На московскомъ съѣздѣ русской группы Союза криминалистовъ Д. А. Дриль, говоря о тюремныхъ жестокостяхъ, описывалъ, между прочимъ, видѣнное имъ въ 1882 г. дисциплинарное кресло въ Брухзальской тюрьмѣ В. герц. Баденскаго: усаженнаго въ это кресло арестанта перетягиваютъ ремнями до такой степени, что это наказаніе должно причинять не только боль провинившемуся, но и вредъ его здоровью. Но, къ сожалѣнію, неизвѣстно, существуетъ ли это наказаніе теперь, или замѣнено какимъ нибудь другимъ.

Но довольно! Думается мнѣ, что приведенныхъ примѣровъ „стараго въ новомъ" слишкомъ достаточно, чтобы рѣшиться назвать ихъ случайными: не исключеніями они являются изъ общей системы современной суровой борьбы съ преступностью, но ея дѣтищами, съ особенною яркостью отразившими на себѣ основныя свойства наказанія: наказанія—какъ устрашенія, наказанія—какъ возмездія и наказанія—какъ средства перевоспитанія. Четыреста лѣтъ тому назадъ Томасъ Морусъ, указывая на ту всемогущую силу, которую придавали наказанію современныя ему законодательства, сравнивалъ юстицію Англіи и другихъ странъ съ дурнымъ учителемъ, охотнѣе наказывающемъ дѣтей, нежели ихъ воспитывающимъ **). Мы имѣемъ всѣ основанія повторить

*) Въ январской книжкѣ „Lectures pour tous" за 1902 г. помѣщена фотографія верченія цилиндровъ группами арестантовъ въ 24 человѣка. Высчитано, что арестантъ дѣлаетъ на колесѣ восхожденіе въ 8½ километровъ въ 8 часовъ.

**) См. мою статью „Предшественники соціологической школы уголовнаго права", „Научное Слово", январь 1904 года, № 1.

эти не состарившіяся слова въ XX вѣкѣ, когда „великія силы“ — электричество и паръ—заставили забыть въ борьбѣ съ преступностью силу еще болѣе великую—силу любви къ ближнему.

Мих. Гернетъ.

Парусъ.

Яркой зеленью одѣта,
Вновь земля—въ потокахъ свѣта,
Въ теплой ризѣ голубой;
Развернувшись на просторѣ,
Дремлетъ блещущее море,
Споря съ небомъ синевой.

Все въ движеньи... Присмирѣло
Только море. Парусъ бѣлый
По широкой глади водъ,
Одинокій, сиротливый,
Какъ-то медленно, лѣниво
Подвигается впередъ.

Но померкнетъ блескъ лазури,
Налетятъ порывы бури—
И, отваги гордой полнъ,
Парусъ вмигъ преобразится
И смѣлѣй впередъ помчится
По грядамъ сердитыхъ волнъ!

В. На—зневъ.

РЕКЛАМА.

Разсказъ.

I.

Съ особымъ чувствомъ смотрѣлъ о. Іоиль Воздуховъ на рекламу о лодзинскихъ одѣялахъ, гдѣ въ отдѣлѣ отзывовъ, на ряду съ фамиліями полковниковъ, статскихъ совѣтниковъ, директоровъ гимназій, врачей больницъ и смотрителей тюремъ, напечатаны были жирнымъ шрифтомъ имена и духовныхъ лицъ. Сочинить что-нибудь, напечатать и увидѣть подъ печатнымъ свою печатную фамилію было для о. Іоиля завѣтной мечтой еще съ семинарской скамьи, но мечта эта не осуществлялась, хотя онъ за десять лѣтъ своего священства прилагалъ не мало стараній къ пріобрѣтенію извѣстности. Онъ доставилъ въ епархіальныя вѣдомости цѣлый рядъ статей подъ общимъ заглавіемъ „Идеалы пастыря", обременилъ губернскія вѣдомости трактатомъ „О замѣнѣ новѣйшихъ элеваторовъ исконно-русскими скирдами", побезпокоилъ „Душеполезное Чтеніе", „Русскій Паломникъ" и „Радость Христіанина" духовно-нравственными стихами и возмутилъ даже „Стрекозу" пародіей на цѣловальника, умершаго десять лѣтъ тому назадъ, но ни разу судьба не дала автору счастья лицезрѣть свой трудъ и собственную фамилію въ печатномъ видѣ. И вотъ теперь, узрѣвъ свою духовную собратію въ обществѣ свѣтскихъ чиновъ, онъ съ горечью выговаривалъ вслухъ:

— Пишутъ же вотъ, дери ихъ горой... „Такого-то уѣзда такой-то губерніи, села такого-то іерей такой-то"... И имена сіи расходятся въ тысячахъ экземплярахъ при газетахъ и въ особицу, и всѣ знаютъ этихъ священниковъ... А почему же меня никто не знаетъ? Почему нѣтъ священника Полынской епархіи, Крапивинскаго уѣзда, села Лебеды, пятаго благочинія, въ печати? Одно недоразумѣніе... Не боги же горшки обжигаютъ... Можетъ быть, и я могу. Чѣмъ я хуже прочихъ?

Стоитъ только захотѣть—и вся дорогая отчизна узнаетъ Іоиля Воздухова..

Часто приходили къ о. Іоилю рекламы, но не всякая фирма могла снискать его благоволеніе. Напечататься, напримѣръ, въ отзывахъ о велосипедахъ казалось о. Іоилю прямо неблагоразумнымъ. Равнымъ образомъ высказаться о „Базарѣ марокъ“ и „Базарѣ роскоши“ тоже не подходило: суету можно поселить въ читателяхъ, особенно въ холостыхъ псаломщикахъ, любящихъ тонкія цѣпочки японскаго золота.

Резиновыя шины—тоже вещь неподобающая: откуда, скажутъ, сельскій священникъ можетъ знать о резиновыхъ шинахъ, когда въ большинствѣ случаевъ мужичьи телѣги даже безъ желѣзныхъ шинъ? И въ вопросѣ о рояляхъ, о судовыхъ канатахъ, о паровыхъ котлахъ и моторахъ—тоже затруднительно сказать вѣское слово духовному пастырю.

Однако, гдѣ бы вписать свое имя неизгладимыми чертами? Развѣ въ кофейнаго цвѣта брошюркѣ о химическихъ угляхъ, употребляемыхъ при церковномъ богослуженіи? Можно, но... недостаточно широка извѣстность этого органа: одни попы да церковные старосты имѣютъ тутъ касательство, а свѣтское общество совершенно равнодушно къ тому, на какихъ угляхъ фиміамъ курится — на химическихъ или обыкновенныхъ. О. Іоилю хотѣлось познакомить съ собою всю Россію... да, всю... Вотъ хорошая вещь—персидскій порошокъ, всюду его употребляютъ, и можно бы во славу его сочинить нѣчто такое, и задача по плечу... Но сюжетъ самъ по себѣ незначительный и даже паразитскій... Важнѣе майскій бальзамъ противъ ревматизма, старинное, но вѣрное лѣкарство, къ стыду человѣчества забываемое; хорошъ и пластырь отъ мозолей... Но опять все не то, не то... Не всѣ въ бальзамѣ и пластырѣ нуждаются...

Долгой думой надъ разными сторонами жизни, подъ угломъ рекламъ, о. Іоиль пришелъ къ выводу, что его душу можетъ безъ остатка захватить только такое изобрѣтеніе, въ которомъ нуждаются рѣшительно всѣ человѣки, особенно если онъ самъ на опытѣ удостовѣрится въ его несокрушимой полезности, и если при этомъ попутно представится поводъ высказать какую-либо поучительную идею.

Выборъ рѣшила одна реклама, прочитавъ которую, о. Іоиль воскликнулъ:

— Попадья! Что я тебѣ скажу: выпишемъ прачечную машину! Американскую... Почитай-ка, что пишутъ... Преполезнѣйшая вещь!

Маланья Никитишна читала медленно, вдумчиво, отрывисто роняя слова:

— Чисто... удобно... практично... Кружева даже не рветъ,

тюлевыя занавѣски... и ковры... На мылѣ экономія вдвое, на прислугѣ втрое... Одинъ человѣкъ въ день три пуда управитъ шутя... Даже дѣвочка 12 лѣтъ вертитъ машину... выжиматель такъ дѣйствуетъ, что клади бѣлье прямо подъ утюгъ. А прокатный станокъ такая штука, что и самого утюга не надо...

— Это хорошо. Но цѣна?—спросила она.

— Все, съ выжимателемъ и каткомъ, сто пять рублей. Упаковка даромъ. Пересылка за счетъ покупателя. Пятнадцать пудовъ судя по разстоянію... рублей тоже пятнадцать.

— Деньги, попъ, не маленькія...

— Но ты обрати вниманіе—черезъ годъ она себя оправдаетъ, машина-то. А дальше ужъ одна выгода. Гарантія на пять лѣтъ.

Матушка стала высчитывать. Трудно всегда давалась ей ариѳметика, а тутъ особенно. Въ задачѣ было много неизвѣстныхъ. Главная неопредѣленность заключалось въ мылѣ, котораго выходило — то большой брусъ фунтовъ въ пять, то обмылочки; а цѣна стиральщицамъ — когда пятіалтынный, а когда пятакъ, судя по человѣку. Одно только несомнѣнно: ребятишекъ пятеро, пачкаются постоянно, стирка доняла, бѣлье залеживается... И матушка склонялась душою къ изобрѣтенію ума человѣческаго; когда же въ числѣ рекомендующихъ встрѣтила одну игуменью, сказала съ живостью:

— Эту я знаю, мы съ бабушкой ѣздили на богомолье... Эта не совретъ, святая женщина...

— Такъ что выписывать?—спросилъ просіявшій батюшка и тотчасъ же сочинилъ трогательное письмо въ Петербургъ, прося прислать машину, „во всѣхъ отношеніяхъ какъ можно безъ порока“.

II.

Черезъ три недѣли машина прибыла въ Лебеду. Привезъ ее со станціи церковный сторожъ, который, исполнивъ важное порученіе достойнымъ образомъ, самоувѣренно разсказывалъ, какъ онъ разговаривалъ съ начальникомъ станціи и даже съ телеграфистомъ. Особенно нравилось ему слово „накладная“, которое онъ повторилъ разъ двадцать, дѣлая удареніе на серединѣ слова, отчего получался смыслъ, что этотъ багажъ стоитъ „накладно“... Если бы машина имѣла голову и сердце, она осталась бы благодарна устроенной ей встрѣчѣ и тому почету, которымъ ее окружили. Все село сбѣжалось: и дѣвки, и бабы, и степенные мужики, и старыя старухи.

— Машину привезли!.. Батюшкѣ машину привезли... Всякія пятна выѣдаетъ и отъ масла, и отъ дегтя...

Подходили близко, ласково щупали тюкъ, но батюшка ревниво отстранялъ:

— Руки прочь!

Были и такіе, которыхъ занятная машина настраивала игриво:

— А ежели... Примѣрно, я вотъ въ банѣ полгода не парился, грязи-то на мнѣ, какъ на боровѣ... Можетъ такая машина и человѣка отскрести?

И на это батюшка въ тонъ отвѣчалъ:

— Можетъ. Будешь чистъ, но мертвъ.

И всѣ улыбнулись умному замѣчанію отца духовнаго, вызвавшему цѣлый рядъ такихъ же милыхъ сентенцій:

— Это что къ чему...

— Цыгана не отмоешь...

— Всему предѣлъ...

Улица, пофилософствовавъ всласть, удалилась въ хибарки, подобныя вороньимъ гнѣздамъ, открывавшимъ просторъ дождю сверху и вѣтру съ боковъ своими раскрытыми крышами, развалившимися трубами и сквозными дырами въ пазахъ. А машину внесли въ горницу во всемъ ея дорожномъ одѣяніи, т. е. въ рогожахъ.

И домашніе, и дьячковы, и сидѣлецъ изъ винной лавки— всѣ тормошили батюшку скорѣе показать „чудо-прачку", но онъ упрямился:

— Сейчасъ нельзя.

— Почему же?

— А развѣ вы не знаете, что ежели, напр., рояль переносятъ изъ дома въ домъ, то въ новомъ домѣ на немъ не играютъ ровно двадцать четыре часа? Иначе испортится. Надо устояться.

— „Надо устояться",—повторили за батюшкой, кто вслухъ, кто про себя. Это словечко такъ понятно въ глуши, такъ обаятельно и доказательно: „устаивается" молоко, кислое и прѣсное, устаивается сметана, сусло, гуща, квасъ, брага, тѣсто, домъ, только что выстроенный, тепло въ банѣ, погода на улицѣ, даже въ соотвѣтствіи съ этимъ одёжа, если новенькая, „улеживается". Вообще „улежаться", „отлежаться", „отстояться", „выстоять" должно все хорошее вплоть до хорошаго человѣка. А потому противъ такой всеобщей необходимости „отстояться" и хорошей машинѣ, побѣдившей при томъ разстояніе въ двѣ тысячи верстъ, возражать никто не могъ, и батюшка, водворивъ тюкъ въ гостиной, заперъ его со всѣхъ сторонъ, предварительно замкнувъ окна и форточки и спустивъ тюлевыя занавѣски...

Машина отдыхала въ полномъ спокойствіи весь день и вечеръ, а ночью въ поповомъ домѣ было такое настроеніе, что

казалось, въ немъ опочивалъ дорогой гость. Это даже не благочинный, не консисторскій членъ или секретарь, не епархіальный наблюдатель или архимандритъ, а кто-то больше и выше, кто-то столичный и даже заграничный, только не грозный, а безконечно благостный, внушающій не трепетъ, а единственно любовь и уваженіе безпредѣльное...

Дѣти въ своемъ чуланѣ перешептывались:

— На что она похожа?

— На маслобойку.

— На старостину? Нѣтъ, та очень громадная, одинъ валъ-бревно въ тринадцать аршинъ, да шестерня подъ сараемъ.

— Разбери-ка и эту, то же будетъ.

— Нѣтъ, братцы, она—въ родѣ молотилки или вѣялки,— рѣшилъ старшій, Петька-Сычъ, и братья стали засыпать.

Матушка говорила, сладко потягиваясь на своей кровати, о. Іоилю, лежавшему въ отдаленіи на двухъ сундукахъ, сомкнутыхъ концами:

— Попъ! А мнѣ не жалко денегъ, ей-Богу!

— Деньги—что! Тьфу!—отвѣчалъ попъ, въ такой же сладкой мечтательности:—Тутъ главное—интеллектуальная сторона, умственный интересъ... Изобрѣтеніе... превыспренность... Надо въ это вникнуть. Нынѣ вездѣ машины. И пишутъ, и пашутъ, и сѣютъ, и жнутъ, и молотятъ—все машинами. Чулки вяжутъ, сапоги шьютъ, стригутъ—все машина! Только не ѣдятъ машиной. А со временемъ и хлѣбъ будутъ выдѣлывать не такъ, какъ сейчасъ, въ потѣ лица круглый годъ,— этого не будетъ. А вотъ, примѣрно, сѣла за обѣдъ, надо тебѣ хлѣба, ты чикъ-чикъ по кнопкѣ и готово—цѣлый каравай прямо изъ воздуха получай. И щи, и кашу—все такъ по кнопкѣ...

— Заврался, попъ!—Матушка широко зѣвнула.

— И ни капельки!—отвѣтилъ тотъ воодушевленно.—Все изъ воздуха дѣлается. Такъ древніе философы полагали, а новѣйшіе ученые подтвердили: въ воздухѣ рѣшительно всѣ элементы хлѣба находятся, надо только эти элементы совокупить воедино, дабы получилась булка. Пока такой машины не изобрѣли, но изобрѣтутъ. Ученые-то?.. О, они до всего дойдутъ. Задача о хлѣбѣ изъ воздуха не то, что не разрѣшимая, а только сложная, потому что всѣ данныя ея рѣшенія на лицо: и азотъ, и кислородъ...

Матушка задремала отъ мудрыхъ рѣчей супруга, голосъ котораго звучалъ все сильнѣе:

— Въ это я вѣрю. Всѣ данныя... Во-первыхъ, умъ человѣческій—онъ близокъ къ безграничности; во-вторыхъ, всѣ эти телефоны, телеграфы безъ проволокъ, радіи... Да, да... Не спорю, конечно, о времени... Ну, черезъ тысячу лѣтъ... И тогда не

будетъ на землѣ ни печалей, ни воздыханія, и самая смерть будетъ въ старости такъ же желательна, какъ свиданіе влюбленнымъ молодымъ существамъ. Такъ говоритъ ученый Мечниковъ въ газетахъ... Если слѣпую кишку вырѣзать, если кислое болгарское молоко ѣсть постоянно... да, да... Даже сама тварь освободится отъ рабства. Коровы съ овцами будутъ пастись, думушки не думая, что ихъ поведутъ на убой. Рабами будутъ неодушевленные предметы, какъ-то: паръ, огонь, желѣзо, дерево, вода и, конечно, воздухъ, сжатый воздухъ. Но это имъ не доставитъ страданія, потому что они—стихія. Хорошо будетъ, Маланья? А? Что ты говоришь?

— Хх... хх...—слышалось въ отвѣтъ.

— Ты уже дрыхнешь...—О. Іоиль отвернулся къ стѣнѣ на своемъ сундукѣ и съ досадой думалъ о супругѣ:

— Удивительный человѣкъ—моя Маланья... Ничто такъ быстро не вгоняетъ ее въ сонъ, какъ мечтаніе о будущемъ. И то, что у меня порождаетъ безсонницу, на нее дѣйствуетъ, какъ морфій.

Но и съ мечтателемъ не долго боролся сонъ, и весь домъ скоро объятъ былъ сладкой тишиной... увы, не совсѣмъ, впрочемъ, безмятежнаго спа. О. Іоиль жевалъ во снѣ, — должно быть, кушалъ блинъ изъ воздуха, полученный при помощи кнопки. Матушкѣ снилось, будто она при помощи громаднѣйшей мѣдной машины, похожей на водочный очиститель „Саваль", видѣнный ею на выставкѣ, ловитъ маленькую блошку, и это казалось ей черезчуръ смѣшнымъ. Попъ для блохъ завелъ машину! Умора! И ея алыя губы, и острый носъ, и двойной подбородокъ, даже пухлая горячая шея подергивались и сжимались въ одну большую улыбку, въ которой не участвовали только закрытые глаза. Петя за стѣнкой кричалъ: „Ма..." и никакъ не могъ побороть непослушнаго языка, который отказывался прибавить два слога: „шина". Кухарка въ кухнѣ металась на печкѣ, — ей снилось, будто машина растетъ и растетъ и вытаскиваетъ ее изъ кухни. Матрена упирается и кричитъ:

— А-яй! А-яй!

Работникъ Кузька проснулся и заворчалъ:

— Экъ ее давитъ домовой... колѣнкой!

III.

Прошла ночь, прошелъ и бредъ, и день у всѣхъ начался одинаково воодушевленно. Столичный гость по-прежнему лежалъ въ гостиной. Раньше всѣхъ проснулись дѣти и подошли къ запертой двери. Они ходили на цыпочкахъ, боялись стучать,

говорили шепотомъ и поглядывали въ замочную скважину такъ же, какъ и на прошлой недѣлѣ, когда на томъ же мѣстѣ, гдѣ теперь машина, утопалъ въ пуховикахъ отецъ благочинный. И они прислушивались, какъ спитъ машина, дышетъ она или нѣтъ... Она не проснулась,--надо беречь ея покой...

Послѣ чаю о. Іоиль отперъ гостиную, взглянулъ на часы и сказалъ:

— Рано. Двадцати четырехъ часовъ съ пріѣзда не минуло.

Ждать еще три часа было пыткой для ребятъ. И Петька-Сычъ для сокращенія времени рѣшился на подлость,—перевелъ часы на цѣлыхъ два часа, когда отецъ отлучился на полчаса съ требой. И Петьку ни братья, ни сестры не осудили. Только вдумчивый Вася высказалъ было сомнѣніе, какъ бы отъ этого машина не испортилась, но Петька нагло увѣрялъ:

— Это не лѣкарство принимать по часамъ...

— А папаша говорилъ...

— По моему, папашка вретъ...

И всѣ повѣрили Петькѣ больше, чѣмъ отцу, который, войдя въ домъ, пріятно изумился:

— Время-то какъ бѣжитъ... Пора. Ну, Господи благослови

Петька засуетился больше всѣхъ, и отецъ то и дѣло его осаживалъ:

— Легче. Не суйся. Этакая непосѣда! Прямой сычъ... Развѣ такъ можно? На-ка ты, всю охапку стружекъ выбросилъ безъ разбору!.. Надо каждую соломинку разсмотрѣть по отдѣльности—нѣтъ ли тамъ гаечки, винтика...

И Васькѣ досталось:

— А ты зачѣмъ бичевку зубами? На твои зубы мнѣ наплевать, но ты можешь что-нибудь погнуть въ томъ сверткѣ. Ахъ, отойдите всѣ, пожалуйста! Я одинъ все самъ...

Семья отстранилась, хотя у всякаго чесались руки помочь.

Петька дѣлалъ въ воздухѣ дополнительныя движенія къ движеніямъ отца, которыя были сверхъ мѣры осторожны, медленны и убійственно-скучны. Въ томъ мѣстѣ, напримѣръ, гдѣ обрѣзывалась англійская бичевка, нуженъ бы энергичный маховой взмахъ, а папашка—словно земскій фельдшеръ въ операціи надъ желвакомъ, щупаетъ, вертитъ узелъ, примѣряетъ къ нему ножикъ,—тошнехонько! И Петька укоряетъ съ жаромъ:

— Ахъ, папаша!..

— Терпѣніе, терпѣніе, сыны мои...—стойко говоритъ свое отецъ.

Наконецъ, части машины развернуты и разложены на столѣ.

— Полотенце... Самое чистое полотенце! — потребовалъ о. Іоиль и обтеръ каждую вещь, какъ стаканъ архіерею.

— Теперь будемъ составлять по руководству. Во-первыхъ, буква „А“, это основа. Вотъ она... Къ ней привинчивается „Б“. Такъ... Отлично... Далѣе, ребята, по чертежу слѣдуетъ „Вѣди“... Выходитъ точь въ точь.

И черезъ часъ вся гостиная съ мягкою мебелью и диваномъ подъ чехлами, съ цвѣтами и рояземъ, съ портретами по стѣнамъ и съ тюлевыми занавѣсками на окнахъ, получила совсѣмъ иной видъ отъ присутствія въ ней стиральной машины, выжимателя и механическаго ручного станка. Эти три вещи заняли все свободное мѣсто, и для прохода оставался лишь крошечный уголокъ комнаты.

— Готово! Теперь надо ей постоять на свободѣ.

— Опять?—воскликнулъ Сычъ.

— Да. И тоже двадцать четыре часа... Ну, маршъ всѣ отсюда! Наглядѣлись, довольно. Запираю...

IV.

Только на третій день машину съ великими предосторожностями перенесли въ кухню. Батюшка по прежнему не давалъ къ ней прикасаться. Матренѣ позволено было только принести дровъ, воды, нарѣзать ниткой мыла и собрать бѣлье для стирки. Опусканіе мыла и бѣлья въ котелъ о. Іоиль совершилъ собственноручно, предварительно взвѣсивъ то и другое на безменѣ для установленія надлежащей пропорціи. Бѣлье выбрано—которое почище, какъ бы въ уваженіе къ силамъ машины, послѣ долгаго пути еще, такъ сказать, не раскачавшимся.

— Самое грязное потомъ, Матрена...

Батюшка остался въ бѣлой рубашкѣ, безъ полукафтанья, рукава засучилъ, брюки запряталъ въ сапоги, а чтобъ не замочиться, надѣлъ старыя глубокія калоши. Онъ самъ вертѣлъ ручкой, самъ вынималъ бѣлье, самъ дѣйствовалъ выжимателемъ. Матрена должна была повиноваться командѣ двухъ словъ: „Держи. Подай“. А матушка и дѣти оставались только зрителями. Батюшка потѣлъ, отдувался, но провелъ весь процессъ стирки во всѣхъ фазахъ отъ начала до конца. И въ то время, какъ другіе позѣвывали отъ скуки, онъ пріятно волновался. Операція превращенія грязнаго въ чистое закончилась прокатываніемъ бѣлья чрезъ механическій ручной станокъ. Тутъ батюшка не пожалѣлъ силы и такъ налегъ на рессоры, что немного даже усомнился въ прочности аме-

риканскаго изобрѣтенія. И, только когда ничего вреднаго съ машиной не случилось, онъ облегченно прошепталъ:

— Выдержала... мошенница!..

— Выдержала! — повторилъ и прихожанинъ, пріѣхавшій звать батюшку на крестины и ждавшій часа два, пока батюшка управится со своимъ дѣломъ.

И когда въ результатѣ вышло чистое бѣлье, онъ кричалъ съ восторгомъ:

— Готово! Получи, попадья! Блескъ-то какой, глянецъ... А? Утюжить не надо! Что на это скажешь?

Откидывая со лба взмокшіе волосы, онъ чрезъ каждыя пять минутъ повторялъ:

— Экая благодать! И какъ это мы поздно спохватились? Давно бы надо. Да, по истинѣ—благодать Божія!..

— Что же ты мужика не отпустишь?—замѣтила матушка.

— Ахъ, да... — спохватился батюшка и поспѣшилъ къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ.

V.

Ребятамъ скорѣе хотѣлось надѣть то бѣлье, которое вышло изъ-подъ машины, и этого они легко добились, послушавшись совѣта и примѣра Петьки-Сыча, склонившаго братцевъ и сестрицъ поваляться въ пыли на дорогѣ, а потомъ — побрызгаться помоями изъ поганаго корыта. Въ другой разъ Петькѣ влетѣло бы за это, потому что рубашенки съ утра были чистенькія, но теперь и отецъ, и мать, какъ будто, рады были провѣрить эффектъ машинной стирки на дѣтяхъ. И дѣти шли ихъ желаніямъ на встрѣчу.

— Какъ мягко прилегаетъ рубашка, точно шелковая! — вралъ Петька, поддерживая общую иллюзію.

— Теперь стирка не доймѣтъ! Теперь отнынѣ и довѣка всѣ будемъ въ чистомъ ходить! И вездѣ у насъ будетъ чистота, чистота, чистота...

Такъ говорилъ о. Іоиль, бѣгалъ въ кухню, справлялся у Матрены, какъ ей нравится машина, гладилъ машину, называя милашкой, а выйдя къ банѣ, запѣлъ:

«Пчелка златая! Что ты жужжишь?»

Не дѣйствительныя пчелы навели его мысль на эту пѣсню, а названіе „Пчелки“, данное фирмой машинѣ.

«Все вкругъ летая, прочь не летишь».

Пѣлъ онъ эту старинную пѣсенку дѣдовъ, прадѣдовъ и, несомнѣнно, блаженствовалъ.

Но на слѣдующій день, когда поэзія улеглась, ему стало тѣсно отъ бездѣйствія. Хотѣлось еще разъ убѣдиться въ

необычайной способности машины къ работѣ, но Матрена, какъ на грѣхъ, все отложенное бѣлье домыла съ утра въ корытѣ, не смотря на распоряженіе оставить его для машины. Опять мыть хотя бы и плохо вымытое казалось о. Іоилю нерезоннымъ, и онъ сталъ искать себѣ новаго матеріала. Оглядѣлъ ребятъ, постели, наволочки, простыни — все еще сравнительно было чисто. Становилось досадно: неужели больше нѣтъ ничего грязнаго? Жажда работы заставила побѣдить чувство ложнаго стыда, и онъ открылся попадьѣ робко и смущенно:

— А что, Малаша, нѣтъ ли чего постирать?

— Постирать? Развѣ не усталъ?.. Что же, слазь на подволоку,—тамъ, навѣрное, найдется.

— Ого!—воскликнулъ батюшка и, какъ бѣлка по вѣтвямъ, взбѣжалъ по крутой лѣстницѣ на чердакъ. Тамъ была пожива... Съ жадностью сгребъ онъ бѣлье въ простыню и громыхнулъ узелъ съ высоты. Узелъ шлепнулся съ шумомъ, и изъ души о. Іоиля вырвался отзвукъ:

— Ага...

Вторая стирка вышла блистательнѣе первой. Но Матрена была огорчена, потому что всѣ ея стремленія принять дѣятельное участіе встрѣчали со стороны батюшки рѣзкій отпоръ:

— Матрена, не подступайся!

Матрену разбирала ревность... Въ концѣ недѣли она пошла къ дьячихѣ жаловаться на свое положеніе:

— Не батюшкино бы, кажется, дѣло... Ну, первый разъ— туда-сюда, надо показать. А коли я все поняла, зачѣмъ отстранять меня? Будто я изломаю... А самъ, гляди, скорѣе меня набѣдитъ. Этакъ жметъ, этакъ жметъ, что страстиньки Господни смотрѣть... Зубы сцѣпитъ, жилы вздуются кровью, косточки въ суставахъ хрустятъ... Ну, вотъ, кажись, или самъ лопнетъ, или машина... Право слово... А я, баба строженая, все бы сдѣлала по чести, безъ грѣха...

— Ты бы сказала матушкѣ,—совѣтовала дьячиха.

— Говорила. Не дѣйствуетъ. Одно всѣ слышимъ: „Не подступаться! Вещь сотенная, изломаете, съ кого взыскивать?" Теперь ребятъ пріучаетъ исподоволь...

— Горевать особенно нечего. Кума пѣша, куму легче — знаешь пословицу?

— Такъ-то оно такъ, да и мнѣ, чай, охота постирать на машинѣ... Можетъ, у меня еще лучше окажется? Стирка—дѣло бабье: ежели у мужика такъ, у бабы должно скорѣе и лучше выходить. Я баба рукодѣльная и на ногу верткая...

— Придетъ и твой чередъ. Надоѣстъ, поди!

— Не надоѣдаетъ, вишь ты... Три раза стиралъ и ни-

сколько не подпущаетъ. Нынѣ вотъ что было. Ходитъ по двору, чего-то ищетъ. Кузька и говоритъ: „Чего тоскуешь, батюшка? Не объ стиркѣ ли соскучился? Такъ вотъ я больно загрязнился на бороньбѣ... Коли хошь, не попрепятствую"... Батюшка въ обидѣ отвѣчаетъ: „Въ дорогой машинѣ твою рвань чистить—рыломъ не вышли ни ты, ни твои порты... Для васъ есть корыто, прудъ—тута и идите". Конечно, машина барская, развѣ гоже сквернить ее нашими посконками.

Матрена теряла нить мыслей и сдѣлала паузу. Дьячиха ее направляла:

— А еще что было?

— Ну, онъ Кузьку отшилъ и смотритъ на ребятъ, а тѣ ребячьимъ дѣломъ по рѣчкѣ побѣгали, гольцовъ ловили, на пескѣ поваляились, рубашенки запачкали... Не такъ чтобы зря, можно бы еще дня три носить, а онъ кричитъ: „Скидавайте, мошенники, все съ себя! Разъ, два... въ стирку!" Матушка—противъ: „Чистое-де на нихъ", а онъ: „Привыкли въ грязи жить весь вѣкъ, все вамъ кажется чистымъ." Матушка думала тѣмъ остановить, что не хотѣла давать смѣниться бѣльемъ, а батюшка:—„И не надо! Будетъ все готово черезъ часъ". А чтобы скорѣе дѣло шло, машину выкатили на дворъ... Ребятишки голешенькіе, день жаркій, смотрѣть забавно... Вертятъ во всѣ руки, кто во что гораздъ, а онъ только командуетъ: „Живѣе, живѣе!.." И вѣдь что? въ часъ у нихъ поспѣло...

И, помолчавъ немного, Матрена прибавила вполголоса:

— Кабы вычету съ меня не было... Вѣдь я обязана стирать, а не стираю. Хочу, а мнѣ не даютъ. Всего полтора цѣлковыхъ въ мѣсяцъ получаю,—ну, какъ полтину сбавятъ?

— Разузнай.

— Боязно. Еще невзначай наведешь...

— Такъ молчи.

— И молчать тошно...

VI.

Горе Матрены было неосновательно. Медовая недѣля прачечнаго увлеченія окончилась для о. Іоиля. Онъ потомъ только наблюдалъ, такъ ли дѣло дѣлается, не испорчена ли машина, въ надлежащей ли чистотѣ содержится, не спитъ ли Кузька ночью на каткѣ, смазывалъ колесики, но душа батюшки пошла дальше и витала въ другихъ сферахъ, далеко-далеко отъ села Лебеды.

Изведавъ на дѣлѣ несомнѣнную пользу „Пчелки", онъ приступилъ къ составленію отзыва, и тутъ, какъ и вездѣ,

заработалъ на всѣхъ парахъ. Онъ еще разъ перечиталъ всѣ отзывы, много нашелъ въ нихъ дѣльныхъ наблюденій, хотя видѣлъ недостатки стиля и промахи со стороны содержанія. Неполная оцѣнка была въ его глазахъ неправдой, колющей сердце. Ему, напримѣръ, очень не нравилось, какъ одинъ статскій совѣтникъ писалъ, что ничего худого не можетъ сказать о машинѣ.

— „Ничего худого"... Эка выпалилъ! Видно, что самъ не стиралъ, а произвелъ только поверхностный осмотръ, оттого такъ и вышло... По чиновничьи... „Ничего плохого"... Развѣ такъ хвалятъ? Развѣ это рекомендація?... Видать гордаго человѣка... Нѣтъ, я не такъ: у меня — что хорошо, то ужъ будетъ превознесено. И это—безъ лести, отъ чистаго сердца, искренно, всей душой... И безъ всякой задней мысли... Какой мнѣ интересъ? Развѣ я его знаю — этого изобрѣтателя? Мой другъ онъ? Знакомый? Дѣтей съ нимъ крестилъ? Ни-ни-ни... Я даже на портретѣ его не видалъ. Кто онъ — этотъ Ловель-американецъ? Несомнѣнно, неправославный. И, можетъ быть, даже еврей. Но я справедливъ. Я на это не смотрю. Разъ дѣло хорошо сдѣлано, разъ превеликая польза не только нашей дорогой странѣ, но и всему человѣчеству всего земного шара на всѣ настоящія и будущія времена, для меня ни вѣроисповѣданіе, ни національность значенія не имѣютъ. Наука—вотъ что я уважаю! Изобрѣтеніе—вотъ что цѣню! Цѣню и преклоняюсь... Преклонюсь и благословлю... Работайте во славу Божію на пользу человѣческую! Работайте, измышляйте на всеобщій прогрессъ! Умѣряйте трудъ человѣка, осушайте слезы трудящихся, давайте всѣмъ больше и больше досуга для духовной жизни, для истинно-человѣческой жизни. А тамъ—будь ты нѣмецъ, будь ты жидъ, мнѣ до этого дѣла нѣтъ. Въ тебѣ искра изъ общаго пламени творчества, ума Бога Единаго, Онъ тебѣ—судья, а мое дѣло благодарить и восхвалить. Да не такъ восхвалить—путемъ отрицательнымъ, полицейскимъ: „Нѣтъ ничего худого". Такъ не годится. Такія похвалы расхолаживаютъ читателя. Не такъ надо, не такъ!... „Бѣлья не рветъ"— нѣтъ, этого мало: „бѣлье дѣлается крѣпче". Вотъ это будетъ похвала цѣльная и цѣнная!

О. Іоиль дошелъ въ своемъ чувствѣ благодарности до крайнихъ предѣловъ и сталъ въ этомъ духѣ писать. Но скоро задумался: разъ бѣлье отъ стирки дѣлается крѣпче, то, при помощи Ловеля, въ цѣломъ рядѣ стирокъ оно можетъ стать неизносимымъ и, такъ сказать, вѣчнымъ.

— „Вѣчность кальсонъ"... да въ это никто не повѣритъ, ниже азъ самъ!—сказалъ о. Іоиль и разорвалъ похвалу надвое.

Мысли путались и терялись,—надо было ихъ освѣжить, а сдѣлать это можно было только чтеніемъ самой брошюры и критическимъ отношеніемъ къ тому, что въ ней изложено.

„Процессъ стирки можетъ быть названъ игрушкой, но никакъ не трудомъ",—читалъ о. Іоиль и разсуждалъ:

— Во первыхъ, игрушка—не процессъ, а вещь. Автору подобало сказать—„играніе", но онъ, по глупой свѣтской привычкѣ, относится къ славянскому языку враждебно, а малая гибкость русскаго языка привела къ тому, что похвала оказалась хуже порицанія. При бѣгломъ чтеніи недостаточно развитой читатель можетъ отнести слово „игрушка" къ самой машинѣ. Но какая же это игрушка, если она стоитъ больше сотни цѣлковыхъ и пользы даетъ на тысячу? Нѣтъ, господинъ, въ васъ много легкомыслія... А еще врачъ!.. Представитель строго-научнаго мышленія!.. Вотъ игуменьи—тѣ хорошо пишутъ. Сестры монастырскія, получивъ свободу отъ корытъ, возымѣли болѣе досуга и обращаютъ его на святое дѣло молитвы...

— Хорошо тоже сказано: „Чудо-прачка". Это батька писалъ, и даже дважды написалъ одно и то же (черезъ нѣсколько страницъ), слово въ слово. Почему дважды? Хм... Впрочемъ, хорошія вещи можно повторять сотни разъ... За то, вотъ, одинъ іерей поступилъ немного опрометчиво: хвалитъ болѣе выжиматель, чѣмъ самую машину. Это не резонъ: телушка не можетъ быть лучше коровы, ее уродившей, — истина логическая и историческая. Между тѣмъ, иной читатель изъ-за этого выпишетъ одинъ только выжиматель безъ машины, и получится ерунда. Что онъ будетъ дѣлать съ однимъ выжимателемъ? Посему хвалить надо и то, и другое, и третье въ совокупности, не раздѣляя, въ равной степени, ибо только при тройственномъ дѣйствіи очистителя, выжимателя и прокатывателя получается та полнота впечатлѣнія, какая соотвѣтствуетъ наличной дѣйствительности. Навѣрное, это писалъ цензоръ проповѣдей въ родѣ, нашего о. Семена Метаніева, который ни одну проповѣдь не похвалитъ вполнѣ, а непремѣнно придерется то къ началу, то къ серединѣ, то къ хвосту, а разъ даже о словѣ самого Филарета, митрополита московскаго, звѣзды церковнаго витійства, о словѣ, мной только переписанномъ и подписанномъ, далъ таковой отзывъ: „Мысли туманныя, изложеніе тяжелое, построеніе частей механическое". Вообще, тѣ священники, кои мѣтятъ въ благочинные или въ наблюдатели, очень критическій народъ. А протоіереи и того хуже... Вотъ одинъ отзывается: „Я доволенъ машиной". Какой тонъ! „Я доволенъ..." Только?.. Мало, ваше высокопреподобіе, прибавьте для истины: „весьма, очень, въ высшей степени, безконечно",—тогда

еще можно васъ слушать. „Я доволенъ"—видно сознаніе собственнаго достоинства въ ущербъ самой машинѣ... Вообще, эти протоіереи, прости Господи... Животъ у нихъ толстый, голова маленькая, и вездѣ они ведутъ себя одинаково, какъ въ обществѣ, такъ и въ печати... чванно!

— Ксендзы—куда проще! Одинъ, напримѣръ, объявилъ: „достоинства и выгоды прачечной машины неисчислимы..." И хотя задача исчисленія выполнима всегда, тѣмъ не менѣе такая рекомендація оставляетъ сильное впечатлѣніе.

— „Моетъ все, что угодно!"—энергично пишетъ майоръ. Постой? Вымою свое полукафтанье, съ дегтярными пятнами на подолѣ и съ обыкновенными на плечахъ и у ворота. Что-то получится?

— „Десятилѣтній ребенокъ можетъ вертѣть безъ устали..." Значитъ, машина пріучаетъ къ труду съ малыхъ лѣтъ. Надо на Петьку приналечь, а то шельма полосатая все отлынивает отъ дѣла...

— „Трудно нарочно изломать машину!" Да, сущая правда, могу подтвердить. Человѣкъ я всетаки — благодареніе Господу—пудовъ десять обѣими руками могу поднять... А она выдержала!

— Всѣхъ лучше, по-моему, написалъ коллежскій совѣтникъ. „По долгу чести и совѣсти считаю обязанностью заявить, что со времени пріобрѣтенія мною этой машины, семья моя въ восторгѣ, имѣя возможность въ одинъ день вымыть 600 штукъ бѣлья, которое получается изящно бѣлымъ, что совершается съ удовольствіемъ руками жены и дѣтей моихъ, какъ пріятное развлеченіе, тогда какъ прачка моетъ это количество *пять* дней, руками третъ ужасно и стоитъ съ продовольствіемъ рублей 7 и 50 коп. Машину зовемъ „Божья благодать".—Непремѣнно родомъ изъ духовныхъ: стиль показываетъ, да и фамилія подтверждаетъ.

— Но губернскій секретарь смотритъ на дѣло глубже— не съ точки зрѣнія личной своей выгоды, а со стороны блага имперіи. Далеко пойдетъ этотъ секретарь...

— А дамы плохо пишутъ. Вотъ одна, навѣрное, не ту порцію мыла положила, или засплетничалась съ кумушкой да и проглядѣла время, и вотъ вамъ отзывъ: „Нѣтъ блестящаго результата при первой стиркѣ..." Милостивая государыня! Я вамъ возражу! Я съ вами не согласенъ! Я васъ опровергну!

Послѣднія слова о. Іоиль уже выкрикивалъ и взялся за перо. Невѣдомая барыня, хотя и сознавалась въ неопытности, но взвинтила его, и о. Іоиль даже подивился, зачѣмъ фирма помѣщаетъ женскіе отзывы.

— Я бы всю эту бабью белиберду за бортъ...

Самъ о. Воздуховъ, припомнивъ пріемы семинарскихъ сочиненій, началъ такъ:

„Имѣя громадную семью въ 15 человѣкъ...“

И пріостановился, откладывая по пальцамъ членовъ семейства. Онъ включалъ въ составъ семьи работника и работницу, дѣдушку и бабушку, тетку и свояченицу, которые два года назадъ оставили Лебеду, и при всемъ этомъ, какъ будто, оказывалось два человѣка лишнихъ. Но сообразивъ, что черезъ два года семья, навѣрное, прибудетъ, онъ оставилъ допущенную въ цифрѣ „15“ передержку безъ поправки и продолжалъ:

„Я завелъ два года тому назадъ...“

„Два года *назадъ*... „Впередъ“—было бы вѣрнѣе. Но разъ допущена ошибка въ числѣ членовъ семейства, то другая ошибка требовалась, какъ поправка, ибо устанавливаетъ логику.

— Пусть будетъ анахронизмъ, это ничего!—успокаивалъ себя о. Іоиль.—Я въ будущемъ такъ же прекрасно увѣренъ, какъ и въ настоящемъ. Дѣти будутъ родиться, машина не испортится, и все будетъ ладно. А для похвалы двухлѣтнее испытаніе—большая штука.

Послѣ того, какъ о. Іоиль побѣдилъ своимъ воображеніемъ времена и числа, письмо пошло быстро, и тѣ достоинства „Пчелки“, которыя казались ксендзу неисчислимыми, оказались для лебединскаго священника удобоисчислимыми. Въ основу плана работы легли общія пять достоинствъ „Пчелки“, указанныя самой фирмой на первой страницѣ, и эти пять достоинствъ, при анализѣ, схоластикѣ и упрямствѣ мысли о. Іоиля, превратились въ двадцать пять—относительно спиральной машины, во столько же относительно выжимателя и механическаго ручного катка, и получилось всего семьдесятъ пять достоинствъ... Путемъ усиленнаго потѣнія къ нимъ удалось прибавить еще двадцать четыре пользы... Хотѣлось загнать исчисленіе за сотню, дабы такимъ образомъ покрыть каждое достоинство соотвѣтствующимъ рублемъ стоимости, но, какъ ни растягивалъ о. Іоль путемъ синонимовъ и аналогій, какъ ни теръ лобъ и переносицу, долженъ былъ сознаться, что всему есть предѣлъ, и воскликнулъ въ изнеможеніи:

— Нѣтъ, хоть ты тресни, а пересылки не оправдаешь... Ну, и песъ съ ней! Хорошо и такъ.

Потомъ онъ позвалъ попадью и, держа передъ собой листъ, сказалъ:

— Слушай... „Имѣя семью въ 15 человѣкъ и ежедневно сокрушаясь относительно тѣлесной чистоты, я два года тому назадъ выписалъ отъ васъ прачечную машину американскаго

типа подъ русскимъ наименованіемъ „Пчелка", со всѣми дополнительними аппаратами, какъ-то: выжиматель и механическій катокъ, и долженъ вамъ сказать во всеобщее свѣдѣніе, что тогда же сдѣлали опытъ: на третій день по установленіи машины къ дѣйствію самолично, при посредствѣ всей семьи, состоящей изъ 15 человѣкъ, выстиралъ 1000 штукъ самаго разнообразнаго по формѣ и по качеству загрязненія бѣлья, начиная отъ подшт...

— Попъ! ты съ ума сошелъ! — воскликнула въ испугѣ попадья.

— А что?—спокойно спросилъ о. Іоиль.

— Двухъ недѣль не прошло, а ты—два года назадъ... 15 человѣкъ... 1000 вещей... Да что ты? Опомнись. Или помутился въ разумѣ отъ стирки?

— А ты, Маланья, не лайся, а вникни. Въ сущности, дѣло легко объясняется. Пока письмо идетъ, пока къ мѣсту придетъ, пока напечатаютъ да разошлютъ, время-то идетъ да идетъ... Ѣхалъ я разъ на пароходѣ въ одной каютѣ съ литераторомъ,—онъ говорилъ, что примутъ рукопись, деньги получишь, проѣшь ихъ на колбасѣ, а рукопись все не печатаютъ, все не печатаютъ, годъ, два и даже три... Потому матеріала много, очередь не скоро доходитъ. Тоже и относительно „Пчелки"... Матеріала въ ней масса; машины ежедневно продаются, и ежедневно притекаетъ матеріалъ. И вотъ ты представь: если я теперь правду напишу, какъ слѣдуетъ, напечатаютъ ее черезъ два-три года, какъ у того литератора, то моя правда будетъ уже неправдой. А дабы сего не случилось, я и предусмотрѣлъ, въ полной увѣренности, что время, такъ сказать, оправдаетъ меня...

— Большой всетаки рискъ... Попадешь о. Симеону на зубъ, онъ тебя процѣдитъ.

— Волковъ бояться—въ лѣсъ не ходить.

— Какъ знаешь... Въ писательскихъ дѣлахъ я тебѣ не помощница. Одно только могу сказать: пиши правду.

— Вотъ ты, Малаша, все еще меня, какъ будто, не понимаешь. Правда бываетъ двухъ родовъ: одна правда—это изображеніе дѣйствительности, какъ она есть, иначе сказать — правда реалистическая. А другая правда — правда возможности, иначе идеализмъ. Въ литературѣ всегда такъ: что возможно психологически, то не ложь. То же самое и у меня... Отвѣть мнѣ: проживемъ мы, при помощи Божіей, два года безмятежно?

— Проживемъ,—увѣренно отвѣтила матушка.

— Будетъ у насъ прибавленіе семейства?—допрашивалъ батюшка.

— Вѣроятно... — Матушка отвела голову въ сторону, краснѣя.

— Неизбѣжно даже?—допытывался о. Іоиль.

— Ну?

— И вотъ, когда мы такъ будемъ жить, то можетъ случиться, что и бабушка, и дѣдушка, и тетка, и свояченица пріѣдутъ къ намъ погостить... Ну, и можетъ тогда сгрудиться бѣлья 1000 штукъ?

— Можетъ.

— Поняла теперь, въ чемъ дѣло?

— Поняла... Ну, пиши, пиши...

— Да я ужъ написалъ... У меня такъ написано, что все объединено... Въ моемъ произвед... то бишь, въ отзывѣ—все собрано. Такъ что оно, если угодно, съ успѣхомъ замѣнитъ всѣ предыдущіе и даже послѣдующіе. Ничто не оставлено будущимъ поколѣніямъ, все предвосхищено... Суди сама — девяносто девять достоинствъ и пользъ! Неужели при эдакой работѣ можетъ ускользнуть хоть одна польза, хоть одно достоинство? Ни, Боже мой! Готовъ руку отдать на отсѣченіе, что этого не случится. Я, Малаша, такъ сказать, обворовалъ всѣхъ будущихъ писателей-хвалителей, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на двадцать. Иной рекламистъ, положимъ, и вздумаетъ что-нибудь этакое новенькое сказать, но—шалишь, голубчикъ! Прежде познакомься съ исторіей дѣла, и если ты совѣсть не потерялъ, то воскликнешь: „Хоть не живи на бѣломъ свѣтѣ! О. Іоиль Воздуховъ всѣ пути заградилъ, пороху не выдумаешь". Ну, конечно, найдутся наглецы, которымъ ничего не стоитъ устроить плагіатъ. Но на мою долю останется, Малаша, пріятное сознаніе, что есть въ печати попугаи... Сдѣлайте милость, повторяйте мои мысли, мои слова, я возражать не стану. Я, во-первыхъ, добръ, во-вторыхъ —великодушенъ.

— Ахъ, попъ, попъ, и уменъ же ты! — воскликнула матушка.—Старайся. Не успѣлъ въ стихахъ, успѣешь въ прозѣ.

— У насъ пойдетъ, Малаша! У насъ пойдетъ!

О. Іоиль поставилъ номеръ по исходящей на письмѣ, приложилъ сургучную церковную печать на пакетъ, полагая вполнѣ основательно, что казенный пакетъ не пропадетъ, а за семикопѣечной маркой посылаютъ всякую глупость, только не общеимперское дѣло.

VII.

Начали ждать.

— Недѣля туда, двѣ недѣли на печатанье, недѣля оттуда, отчего же до сихъ поръ ничего нѣтъ, Маланья? — спрашивалъ черезъ мѣсяцъ о. Іоиль.—Я просилъ прислать пятьдесятъ экземпляровъ въ ихъ же интересахъ... для распространенія.

— Какъ?.. А о. Симеонъ-то?

— А мнѣ наплевать. Что угодно говори. Пусть знаютъ всѣ. Я не боюсь.

— Смѣяться будутъ, попъ... 13 человѣкъ дѣтей... 1000 рубашекъ... два года назадъ, хотя двухъ мѣсяцевъ еще не прошло. Какъ ты хочешь, мнѣ даже страшно!

— Разъ что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ. Я и объяснять не стану. Разъ литература—этимъ все сказано, я крѣпко убѣжденъ... „О. Симеонъ, о. Симеонъ..." Да плевать я на него хочу... вотъ и все.

Матушка видѣла, что ея супругъ въ необычайномъ воодушевленіи, а это такое состояніе, что ужъ лучше отойти и не мѣшать.

Еще мѣсяцъ прождалъ безъ результата о. Іоиль и сталъ безпокоиться:

— Ужъ не цензура ли, кой грѣхъ, придралась? Ты какъ думаешь, Маланья?

— Ничего я въ писательскихъ дѣлахъ не понимаю!

— Въ самомъ дѣлѣ—есть ли цензура для рекламъ? Надо взглянуть... Да, есть, есть... Теперь горизонтъ ясенъ: она воспрепятствовала. Тотъ литераторъ—помнишь, съ которымъ я ѣхалъ?—много трактовалъ по этой части: будто страсть сколько вычеркиваютъ. И этимъ, будто, объясняютъ два явленія: съ одной стороны, рабій языкъ, съ другой—еще что-то... ужъ не помню. На всякій случай, не справиться ли письмомъ, почему такъ долго не печатаютъ? Ты какъ думаешь, Маланья?

— Подожди. Можетъ и выйдетъ скоро.

— Ладно. Но больше мѣсяца ждать не смогу.

Дѣйствительно, о. Іоиль изнемогалъ отъ нетерпѣнья; онъ потерялъ аппетитъ, сонъ, похудѣлъ значительно, и въ курчавой головѣ его гвоздемъ засѣлъ вопросъ:

— Скоро ли? Какого чорта за душу тянутъ... Скверно и почтовое дѣло въ Россіи поставлено, — возмущался о. Іоиль. — Не то, что за границей... Тамъ почтальонъ два раза въ сутки развозитъ почту по деревнямъ даже, утромъ и

вечеромъ. А у насъ два раза въ недѣлю приходитъ только въ Дракино, и коли самъ не догадаешься послать туда нарочнаго, два мѣсяца жди, а то и никогда не получишь. Человѣка, вотъ, гоняй каждый разъ изъ-за несовершенствъ государственнаго устройства.

Церковный сторожъ Макаръ въ сердцахъ говорилъ дьячку, который требовалъ отъ него скорѣйшей починки сапогъ:

— Погоди, не до тебя, Филимонычъ, свои на череду... Вишь какіе? Всѣ въ дырахъ... А давно ли, кажется, куплены? Полгоду не прошло... А отчего?.. То-то... Все отъ этого самаго... У батюшки съ почтой дѣла завелись, а я страдай... Съ утра ни свѣтъ, ни заря придетъ въ церковную сторожку, я сплю, а онъ: „Иди, Макаръ, на почту". Ну, что же, я иду... иду... не идти нельзя. Туда восемь верстъ, оттуда восемь—вышло шестнадцать, за недѣлю, стало быть, лошадиная упряжка! А за мѣсяцъ—сколько?.. То-то!.. А за четыре-то мѣсяца?.. Небось, иную лошадь разъ пять подкуютъ за этакую гонку... А я вотъ въ клочья сапожонки свои разодралъ, и никому дѣла нѣтъ...

Но вотъ Макаръ получилъ, наконецъ, съ почты адресованную на имя попа бандероль.

— Заказная... — удивился онъ про себя: — Значитъ, дѣло-то важное... Ну-ка, что такое? По печатному малымъ дѣло маракую, въ поминаньяхъ разбираю... Книжки!.. Цѣлыхъ пятьдесятъ и одна на другую, какъ двѣ капли воды... „Пчелка"... Ага, видно пчельникъ хочетъ заводить... Такъ. А мнѣ опять горе... съ пчельникомъ возня...—И такъ, понуривъ голову, сдалъ онъ попу почту.

— Попадья!—закричалъ о. Іоиль.—Маланья! Пришла, наконецъ! Иди-ка скорѣе. Вмѣстѣ прочтемъ. Ужъ какъ я радъ!

— „Да, вамъ радость,—думалъ Макаръ,—медъ будете ѣсть, чай пить на пчельникѣ, а я роевъ карауль... Церковь, почта, пчельникъ... да тутъ дѣловъ-то и-и! Трехъ паръ сапогъ не хватитъ съ вашими затѣями"...

Но Макаръ подавилъ въ себѣ раздраженіе и рѣшился подать батюшкѣ совѣтъ:

— У Ефима Митрича больно хороши ройки зимуютъ въ теплушкѣ. Дружная пчела, густая и не очень дохнетъ. Самъ видалъ, какъ онъ кормитъ ихъ въ корытчикѣ сытóй. Такъ и идутъ, такъ и лѣзутъ изъ летка, ну, ровно баранье стадо къ пойлу, право слово...

— Ты о чемъ, Макаръ?

— Насчетъ пчелъ... Пчельникъ, вишь, съ весны хотите разводить?

— Откуда ты узналъ?

— Да изъ книжки... „Пчелка“ то...

— Поди ты!

— Ну? Развѣ нѣтъ?—И Макаръ жадными глазами уставился на стоявшіе въ углу старые рваные батюшкины сапоги, рѣшая вопросъ: отдастъ или не отдастъ батюшка, ежели попросить? И, видя на лицѣ у батюшки необычайную радость, Макаръ рѣшился попросить. Попъ упираться не сталъ—сейчасъ далъ согласіе. Батюшку разбирала злость на жену, возившуюся съ ребятами.

— Да брось ты ихъ, Христа ради! Эка невидаль какая—расцарапались!.. Иди, пожалуйста, скорѣе...

Расчесывая бороду праздничнымъ гребнемъ изъ слоновой кости, онъ говорилъ съ чувствомъ:

— Да-съ... Мечта исполнилась... Дожилъ!.. Напечатано!.. Въ послѣднемъ изданіи, въ самомъ свѣжемъ... Ну-съ, извольте слушать, милостивая государыня, нашъ первый литературный трудъ...

Едва ли съ такимъ паѳосомъ читалъ когда-нибудь о. Іоиль собственнаго сочиненія писанную проповѣдь. Онъ влагалъ въ чтеніе все чувство и все воодушевленіе, на какое только былъ способенъ, а того и другого было въ немъ отъ природы не мало.. Прочелъ, щелкнулъ пальцами по воздуху и заговорилъ, шагая по гостиной:

— Вѣдь какая штука! Одно дѣло—писанная вещь и другое—печатанная... Совсѣмъ особый коленкоръ получается... Что значитъ печать-то, Маланья!

Шаги дѣлались быстрѣе, движенія порывистѣе, полы развѣвались, курчавые волосы на головѣ путались,—радость такъ и свѣтилась изъ всѣхъ поръ не только тѣла, но и одежды о. Іоиля... Ему хотѣлось свои слова слышать отъ другихъ.

— Ну-ка, ты прочитай, Маланья, вслухъ, а я этакъ издали послушаю, изъ уголочка... Что будетъ? Садись свободнѣе... Ну?

И о. Іоиль слушалъ изъ угла, приставивъ указательный палецъ къ губамъ, и восхищенная улыбка сверкающихъ глазъ показывала, что онъ сдерживаетъ рвущуюся наружу похвалу:

— Какъ хорошо!

Но всетаки онъ замѣтилъ попадьѣ:

— Въ концѣ ты не такъ сдѣлала удареніе... Недостаточно выразительно. Ну-ка, еще прочти...

Матушка исполнила его желаніе, и о. Іоиль удовлетворился.

— Ну, вотъ теперь такъ... Хорошо, очень хорошо!

Матушка остановилась и положила брошюрку на колѣни.

— Что же ты остановилась? Конецъ-то? — спросилъ ее о. Іоиль.—Читай.

— Да я все прочла...

— Нѣтъ, не все... А это?—И о. Іоиль вскочилъ, взялъ у нея брошюрку и, ставъ посерединѣ комнаты, съ закинутой назадъ головой и протянутыми впередъ руками, выкрикнулъ по брошюрѣ, какъ по апостолу:

— „Священникъ села Лебеды, Полынской епархіи, Крапивинскаго уѣзда, пятаго благочинія, Іоиль Георгіевъ Воздуховъ". И, шлепнувъ себя указательнымъ пальцемъ по носу, онъ заключилъ:—Это—главное!

Забѣжали въ комнату дѣти, и отецъ проэкзаменовалъ успѣхи Петьки-Сыча въ грамотѣ по своему творенію. Петька читалъ неважно и разъ шесть получилъ краткое, но выразительное замѣчаніе:

— Дуракъ!

Матрена, пріотворивъ дверь, ловила краемъ уха чтеніе и могла понять только одно:

Батюшка книжку сочинилъ... Большая радость... Ну, и слава тебѣ, Господи!..

Но радость была скоротечна: о. Іоиль вдругъ задумался.

— А что, попадья,—какъ будто я не совсѣмъ такъ писалъ? А? Давай сравнимъ съ черновой... Садись на диванъ, читай по печатному, а я буду тебя останавливать, гдѣ не такъ.

Тотчасъ же послышались восклицанія ужаса и негодованія:

— Но какія измѣненія! Всѣ сильныя мѣста выпущены, какъ блѣдно вышло... Какъ небо отъ земли... Было у меня тамъ девяносто девять достоинствъ, а тутъ по старому только пять... Никакого впечатлѣнія! О, Боже! до чего мы дожили— даже хорошей рекламы нельзя напечатать,—цензура изгадитъ!

— А не редакція ли измѣнила?—соображала матушка.— Можетъ, ты написалъ такъ, что ужъ никому мѣста для похвалъ не оставилъ, вотъ тебя и укоротили...

Это соображеніе матушки усилило страданіе о. Іоиля до высшей степени.

— Ахъ, Иля!—нѣжно успокаивала Меланія Никитична:— Полно, не разстраивайся.

— Нѣтъ, милая, это огорченіе особенное, долго не приду въ себя... Это не мелочь, это, какъ говорятъ, очень принципіально... Вѣдь было бы, знаешь, много пріятнѣе, если бы сокращенія сдѣлала цензура. Значитъ, какое у меня перо? Ядоносное ..

— Да?—Меланія Никитична сжала губы и потомъ высказала:—Я убѣждена, что это цензура... Цензура!

— О если такъ, я воспряну духомъ! И, можетъ быть... что-нибудь напишу.

— Цензура... цензура...—вскрикивала матушка и вливала въ душу попа новыя силы...

VIII.

Однако, что было бы съ о. Іоилемъ, если бы его произведеніе появилось въ печати цѣликомъ, когда даже въ урѣзанномъ видѣ оно принесло ему много непріятностей?! Когда реклама распространилась по благочинію, о. Симеонъ при первой же встрѣчѣ сталъ придираться:

— Ты, батя, совершилъ ужасное преступленіе, и если ты священникъ, то это одно недоразумѣніе.

О. Іоиль самодовольно ухмыльнулся и язвительно спросилъ:

— Противъ какой же статьи цензурнаго кодекса я согрѣшилъ?

— Какое тамъ противъ цензурнаго! Ты совершилъ очень гнусное уголовное преступленіе, за которое ссылаютъ въ каторгу.

— Что ты мелешь?

— Дѣло ясно. Ты вступилъ съ Меланіей Никитичной въ брачныя отношенія, когда она была далеко-далеко отъ возраста, дающаго ей право имѣть дѣтей.

— Послушай, о. Симеонъ, ты городишь...

— Не я, а ты... Ты печатно въ этомъ признался.

— Никогда!

— Ну, считай: два года назадъ у тебя было тринадцать человѣкъ дѣтей.

— Я въ семью включаю домочадцевъ.

— Какъ Домострой.. Понимаю. Ну, еще?

— Четверыхъ родственниковъ...

— Ладно, откинемъ шестерыхъ, всетаки остается, знаешь, семь дѣтей. Я знаю, на какомъ году вѣнчалась съ тобой Меланія Никитична—на семнадцатомъ. Ровно черезъ девять мѣсяцевъ родился у васъ Петя, потомъ еще четверо родилось, и всѣ живы. Гдѣ же еще двое?

— Да какихъ?

— Я и спрашиваю—какія это дѣти—брачныя или добрачныя? Если добрачныя, то выходитъ, что Меланія Никитична имѣла первенца по пятнадцатому году.

— Какая чупуха!

— Нѣтъ, не чепуха: на мертвыхъ бѣлья не стираютъ. Подавай двоихъ первенцевъ! Куда они дѣлись?

— Слушать противно...—отвертывался о. Іоиль.

— Ага, противно?.. Такъ не болтай зря!

— Это, братъ, для распространенія полезнаго дѣла.

— Что же, сколько тебѣ за семейный позоръ заплатили?

— Даже нисколько.

— И въ цѣнѣ не сбавили?

— Ни-ни...

— Тѣмъ паче глупо. И мало еще того... Ты вотъ еще что скажи: какое право имѣешь ты именовать какую то прачечную машину благодатью Божіей? Откуда у тебя для сего основанія? А?

— Такъ многіе говорятъ. И не я первый... Напримѣръ, одинъ коллежскій совѣтникъ...

— Мало ли глупостей говорятъ всякіе совѣтники, они тебѣ не указъ. Имъ простительно, они невѣжи во многомъ, а въ богословіи — особенно. Но ты-то, ты человѣкъ богословски образованный, студентъ даже, и выпалилъ такую дичь! Машина всякое грязное бѣлье моетъ, а ты—„благодать Божія“ и даже: „Воистинѣ, благодать Божія...“

— По полезности дѣйствія.

— Ну, этакъ, отче, ты и не знай, въ какія дебри зайдешь, ежели всякую полезную вещь будешь именовать благодатью.

О. Іоиль задумался, а о. Симеонъ допекалъ:

— То-то... цѣны не знаешь святымъ словамъ, топчешь ихъ въ грязь. Или не понимаешь, или намѣренно профанируешь и еретичествуешь или просто, наконецъ—у тебя тутъ (о. Симеонъ указалъ на свой лобъ) большая-большая нехватка.

Отъ послѣднихъ словъ о. Іоиль вспыхнулъ и отвѣтилъ:

— А у тебя, о. Симеонъ, должно быть, перехватка. Что же особеннаго: благодать очищаетъ грязь духовную, грѣхи, машина—скверну тѣлесную. Вотъ тебѣ и основанія... Крещеніе называется въ писаніи баней.

— Натяжно, о. Іоиль, натяжно... Я тебѣ докажу. Слышишь?.. Докажу твою неосновательность!

IX.

Въ скоромъ времени все пятое благочиніе Крапивинскаго уѣзда занялось вопросомъ о благодати: что можно назвать этимъ словомъ и чего отнюдь нельзя? И не одни только священники и ихъ жены толковали, но дьякона, учителя и холостые псаломщики, при чемъ среди послѣднихъ, жившихъ своимъ безцензурнымъ кругомъ, отъ необузданности фантазіи, раздавался подчасъ гомерическій хохотъ. Разница

мнѣній была необычайная, и изъ всѣхъ предметовъ въ отношеніи благодати посчастливилось одному только проливному дождю послѣ засухи, о которомъ было единогласно установлено, что его можно и слѣдуетъ именовать благодатію Божіей, а всѣ прочіе полезные предметы и явленія остались подъ сильнымъ сомнѣніемъ. О. Симеонъ возбудилъ таки дѣло о кощунственномъ употребленіи священнаго слова о. Іоилемъ, въ этомъ смыслѣ подавъ жалобу благочинному о. Софрону. Послѣдній старался урезонить старшаго помощника.

— Умный ты человѣкъ, о. Симеонъ, а того не сообразилъ, что разъ цензура разрѣшила, значитъ—ты останешься съ носомъ.

Но о. Симеонъ стоялъ на своемъ.

— Проведите мнѣ рекламу о. Воздухова чрезъ нашу духовную цензуру, тогда такъ... По моему, всякая строка, которую хочетъ пустить въ печать священникъ, должна пройти прямой путь своего вѣдомства, а если она проскользнула окольно-облыжнымъ путемъ, то ее вернуть, вернуть въ свое русло!

— Да ты, въ самомъ дѣлѣ, о. Симеонъ, это серьезно?..

— Совершенно серьезно, о. благочинный...

О. Софронъ сдѣлался угрюмъ и мраченъ, и даже въ испугѣ перемѣнилъ тонъ:

— Да... М-да... Такъ что же мнѣ дѣлать съ вашимъ донесеніемъ, о. Симеонъ?

— Это ужъ какъ знаете... на то вы и начальникъ.

— М-да... Значитъ, передать это дѣло въ высшія сферы, въ консисторскія?

— По закону такъ полагается, о. благочинный.

— М-да... Придется. Что дѣлать, что дѣлать... Тяжко, но приходится...

Событіе это ни для кого, конечно, не осталось тайнымъ, и для о. Іоиля потянулись мрачные дни. День и ночь онъ томился теперь страхомъ, что вотъ-вотъ позовутъ его къ отвѣту... Жена ему говорила:

— И какъ это я-то, дура, не остановила тебя въ свое время? Вотъ и расхлебывай теперь!

О. Іоиль молчалъ и вздыхалъ... Отъ печатнаго своего слова онъ не могъ, конечно, отречься, но тяжесть взятаго имъ на себя бремени возростала по мѣрѣ того, какъ ослабѣвало увлеченіе прачечной машиной, къ которой онъ привыкалъ какъ къ самовару, керосину и всякому другому изобрѣтенію. И чаще сталъ раздаваться тайный голосъ въ скорбящей душѣ „писателя“:

— Ну, машина,—ну, что-жъ изъ того... Полезная и все такое... Но мало ли всякихъ машинъ на бѣломъ свѣтѣ, и болѣе

полезныхъ, и болѣе геніальныхъ, предъ которыми „Пчелка"— совершеннѣйшій плевокъ.

Видъ машины угнеталъ его; про нѣжныя слова, вродѣ „милашки", уже нечего и говорить,—о нихъ больше помину не было. Пересталъ онъ ее звать и „Пчелкой", и даже „машиной", а если приходилось упоминать, то выражался иносказательно:

— Эта... какъ, бишь, ее... Ну, та самая, которая бѣлье стираетъ.

Въ тайнѣ о. Іоиль задавался даже вопросомъ:

— Да скоро ли она, проклятая, сломается? Всю душу вымотала!

И когда это, наконецъ, случилось, онъ съ чувствомъ большого облегченія отволокъ машину на чердакъ.

Разочарованіе превратилось вскорѣ въ раскаяніе... О. Іоиль началъ даже говорить знакомымъ, что писалъ не такъ, какъ напечатано, и что редакція отъ себя прибавила прилагательное „Божія",—у него же было только одно существительное „благодать". На этомъ съ нимъ всѣ примирились, кромѣ о. Симеона, который говорилъ:

— Ладно!.. Увертываешься, увертышъ? Поздно ужъ, братъ, не увильнешь, жди запроса...

О. Іоиль еще болѣе трепеталъ и, стараясь замести слѣды своей печальной извѣстности, при всякомъ случаѣ выпрашивалъ обратно раздаренныя брошюрки о „Пчелкѣ" съ надписью „на добрую память", даже тайно похищая ихъ и сжигая у себя дома въ печкѣ. Долго, однако, не давался ему въ руки экземпляръ, который былъ у о. Симеона. Послѣдній нерѣдко дразнилъ автора, вынимая при встрѣчахъ съ нимъ „Пчелку" изъ кармана и вслухъ вычитывая оттуда наиболѣе любопытныя мѣста. Но вотъ однажды, когда онъ сдѣлалъ это на имянинахъ у матушки благочинной, о. Іоиль быстрымъ движеніемъ руки выхватилъ „Пчелку", вырвалъ изъ брошюрки злосчастную страницу и... скомкавъ, запихалъ себѣ въ ротъ.

Всѣ присутствовавшіе при этой сценѣ на мгновеніе онѣмѣли отъ изумленія и страха: какъ отнесется къ поступку о. Іоиля его противникъ? Наконецъ, о. Симеонъ разсмѣялся, и вслѣдъ за нимъ всѣ засмѣялись. У о. Симеона явилось желаніе окончательно унизить врага.

— Ну, отецъ,—сказалъ онъ,—лишь въ томъ случаѣ получишь отъ меня прощеніе, если свое произведеніе не только изжуешь, но и проглотишь.

— О?—возрадовался о. Іоиль и искоса взглянулъ на жену, какъ бы спрашивая ея мнѣнія.

— Проглоти!— былъ тихій совѣтъ.

— Выплюнь!—посовѣтовалъ о. Софронъ громко.

На этотъ разъ о. Іоиль послушался начальства и вышелъ изъ затрудненія съ достоинствомъ. Всѣ смѣялись, и только о. Симеонъ былъ явно раздраженъ. Онъ попросилъ благочиннаго на минутку въ кабинетъ, переговорить о дѣлѣ.

— Ну, что же?—спросилъ онъ о. Софрона: — Ничего не слышно?

— Нѣтъ, о. Симеонъ, ничего.

— Странно, такъ долго.... Почему?

— Не знаю. Должно быть, дальше консисторіи пошло... Можетъ, тамъ ужъ, въ столицѣ... Можетъ, общему-то цензору и нагорѣло ужъ... Хе-хе!

„Если точно въ Синодъ пошло,—подумалъ о. Симеонъ, — такъ это хорошо. По крайности, узнаютъ, что въ нашемъ благочиніи не одни Іоили Воздуховы есть, а и люди съ головой... Досадно, въ самомъ дѣлѣ, что такъ долго ни слуху, ни духу: надо мной ужъ посмѣиваются; въ моемъ присутствіи опять ужъ стали свободнѣе говорить и держаться, а съ о. Іоилемъ безбоязненно дружить... Можно бы, пожалуй, къ владыкѣ толкнуться, справку навести, да какъ-то оно неловко...“

О. Симеонъ задумался.

— Да вы не скрыли, о. благочинный?

— Кого?!

— Мою бумагу...

— Что вы, что вы, о. Симеонъ, развѣ можно! Вотъ убѣдитесь по исходящей... Ровно годъ назадъ отослана.

— Не запросить ли?

— Дѣло ваше.

О. Симеонъ началъ грызть ногти и, минуту спустя, высказалъ съ огорченіемъ:

— Вотъ такъ всегда у насъ на Руси! Даже вполнѣ праваго дѣла нельзя отстоять! И даже тѣ, кто обязанъ стоять на сторонѣ правды, равнодушны до попустительства...

О. благочинный зашмыгалъ носомъ и забѣгалъ глазами по потолку... Ему было страшно въ собственномъ кабинетѣ высказать свое мнѣніе предъ о. Симеономъ. Не смотря на почтенный возрастъ и большую опытность, онъ рѣшительно сбился съ толку и не зналъ, правъ или неправъ о. Симеонъ. Можетъ быть, и правъ, только спаси Боже имѣть дѣло съ такимъ праведчикомъ!.. О. Симеонъ уѣхалъ немедленно, ни съ кѣмъ не простившись, и, когда о. Іоиль послалъ ему въ догонку самое жесткое слово во всемъ языкѣ человѣческомъ:— Іуда!— старый благочинный въ душѣ не осудилъ его...

Прачечная машина, между тѣмъ, распространялась въ пятомъ благочиніи успѣшно. Ее именовали просто „благодатью“, безъ прибавленія „Божія“. Завелъ ее и о. Симеонъ, но звалъ и всѣмъ въ дому приказалъ звать:

— Вычищалка.

Лѣтъ черезъ пять осуществилось то, что о. Іоиль вдохновенно предусматривалъ при составленіи отзыва о машинѣ. Семья съ дѣтьми и родственниками достигла числа „15“, и къ стиркѣ скоплялось за мѣсяцъ до 1000 штукъ бѣлья. Но „благодать“, къ огорченію матушки Маланьи, бездѣйствовала. У хозяина въ душѣ засѣла отчаянная дума:

— Какъ прокормить такую ораву?

И то, что прежде такъ занимало его, такъ пріятно волновало, теперь только раздражало. Попадья знала слабое мѣсто супруга и, когда хотѣла особенно допечь его, говорила:

— Хорошо бы теперь хлѣбца-то изъ воздуха...

— Ахъ, Маланья,—мучительно восклицалъ о. Іоиль, — какая ты ехидна!

— Чего злишься? Лучше „благодать“-то почини!

С. Елеонскій.

Современный государственный строй Англіи.

Общее право Англіи исторически старше ея коституціоннаго строя. Политическая свобода выработалась постепенно, какъ необходимое подспорье для гражданскихъ правъ. Въ этомъ смыслѣ будетъ не парадоксомъ, а основной истиной, если мы скажемъ, что во главѣ британской конституціи такъ же, какъ во вступительныхъ актахъ къ американской и французской конституціямъ, стоятъ „права человѣка и гражданина".

Прежде, чѣмъ граждане Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ формулировали свою „декларацію независимости", они предъявляли и отстаивали свои права въ качествѣ британскихъ гражданъ, и сами англійскіе юристы эпохи парламентской олигархіи вполнѣ ясно выдвигали „абсолютныя" права человѣка на жизнь, личную свободу и собственность, какъ условія, съ которыми должно сообразоваться всякое нормально устроенное государство.

Сопротивляясь произвольному вторженію властей въ частныя квартиры, произвольнымъ обыскамъ и арестамъ, привлеченію гражданъ къ отвѣтственности передъ судами, составъ которыхъ зависѣлъ отъ правительственнаго произвола, устраненію гарантій общественной совѣсти, выражающихся въ вердиктѣ присяжныхъ, освобожденію должностныхъ лицъ отъ отвѣтственности за ихъ дѣйствія, жители Сѣверо-Американскихъ колоній ссылались на естественное право всѣхъ людей и на общее право англичанъ. Эти ссылки могутъ служить иллюстраціей къ положеніямъ, которыя постоянно признавались въ предѣлахъ Великобританской державы.

Неотъемлемое право человѣка „на жизнь, свободу и стремленіе къ счастью" было лишь формулой для выраженія той простой мысли, что государство существуетъ не для того, чтобы притѣснять и раззорять гражданъ. Ссылки на общее право Англіи придавали этой формулѣ вполнѣ конкретное содержаніе и ста-

вили англійскую конституцію на широкую основу правового порядка, необходимаго для всѣхъ и каждаго.

Указанная точка зрѣнія заставляетъ и при систематическомъ обзорѣ англійскаго государственнаго строя выдвинуть впередъ ученіе о гарантіяхъ личности въ общемъ правѣ. Къ этому первому отдѣлу естественно примкнетъ обзоръ судебной организаціи, призванной примѣнять право въ странѣ. Третій отдѣлъ долженъ быть посвященъ парламенту, какъ высшему законодательному и правительственному учрежденію страны. Въ четвертомъ будетъ идти рѣчь объ административной системѣ и будетъ представленъ очеркъ устройства самоуправляющихся колоній и лишенныхъ самоуправленія областей.

1. Права гражданина.

Всѣ частныя опредѣленія правъ британскаго гражданина стоятъ въ связи съ основнымъ началомъ *правового порядка или господства права*, надъ выработкой котораго англійскій народъ трудился въ теченіе тысячи лѣтъ. Смыслъ и значеніе этого начала не могутъ быть выражены лучше, нежели это сдѣлано самымъ блестящимъ изъ современныхъ учителей англійскаго государственнаго права, оксфордскимъ профессоромъ Дайси.

„Господство права означаетъ, во-первыхъ, бесусловное верховенство или преобладаніе закона въ противоположность произвольной власти. Оно исключаетъ возможность произвольныхъ дѣйствій, такъ называемой прерогативы, или даже обширныхъ и произвольныхъ (discretionary) полномочій правительства. Англичане управляются закономъ, и только закономъ: можно наказать человѣка за нарушеніе закона, но нельзя подвергнуть его наказанію ни за что иное.

„Во-вторыхъ, господство права означаетъ равенство передъ закономъ или одинаковое подчиненіе всѣхъ классовъ общества обыкновенному закону, примѣняемому обыкновенными судами. Въ этомъ смыслѣ „господство права“ не допускаетъ освобожденія должностныхъ или иныхъ лицъ отъ обязанности повиноваться закону, управляющему прочими гражданами, и отъ юрисдикціи обыкновенныхъ судовъ. Въ основѣ „административнаго права“, извѣстнаго иностраннымъ государствамъ, лежитъ мысль, что дѣла и споры, въ которыхъ заинтересовано правительство или его подчиненные, лежатъ внѣ компетенціи обыкновенныхъ судовъ и должны быть разрѣшаемы учрежденіями болѣе или менѣе административнаго характера. Эта мысль совершенно не приложима къ англійскому праву и находится въ противорѣчіи съ нашими традиціями и обычаями.

„Наконецъ, „господство права“ является формулой для выра-

женія того факта, что у насъ конституціонное право служитъ не источникомъ, а послѣдствіемъ правъ отдѣльныхъ гражданъ, насколько таковыя опредѣлены и примѣняются судами. Иначе говоря, начала частнаго права получили у насъ, благодаря дѣйствію судовъ и парламента, такое распространеніе, что подъ нихъ было подведено положеніе короны и ея слугъ. Такимъ образомъ. конституція вытекаетъ изъ обыкновеннаго права страны".

а. Свобода личности.

Самое важное право, вытекающее изъ того законнаго порядка, который признается основой британской конституціи, есть право гражданина, а равно всякаго иностранца, находящагося подъ охраной англійскихъ законовъ, свободно жить и двигаться въ предѣлахъ британской территоріи, не подвергаясь задержанію и заключенію въ тюрьму иначе, какъ на законныхъ основаніяхъ, т. е. въ силу произнесеннаго судомъ приговора или формальнаго, санкціонированнаго судебнымъ порядкомъ обвиненія. Общій принципъ въ этомъ смыслѣ выраженъ былъ уже въ великой хартіи вольностей и подтвержденъ петиціей о правѣ и биллемъ о правахъ. Но важнѣе провозглашенія принципа было практическое развитіе и примѣненіе его судами и статутами. По общему праву суды обязаны освобождать лицъ, задержанныхъ безъ юридическихъ основаній, или на недостаточныхъ основаніяхъ, или же содержимыхъ въ заключеніи по обвиненіямъ долѣе, нежели строго необходимо для разбора дѣла судомъ.

Въ 1679 году (31 Car. II, c. 2) была регулирована судебная процедура, направленная къ освобожденію незаконно заключенныхъ по обвиненіямъ въ преступленіяхъ. а въ 1816 году (56— Geo. III, c. 100) рамки этой процедуры были расширены, чтобы подъ нее могли быть подведены всѣ случаи лишенія свободы, помимо уголовныхъ обвиненій. Благодаря этимъ актамъ, окончательно сложилась знаменитая процедура „Habeas Corpus", т. е. выдача верховнымъ судомъ въ Уестминстерѣ приказа. начальнику тюрьмы, въ которой содержится арестованный, или всякому другому лицу, содержащему его въ заключеніи, чтобы они „доставили особу арестованнаго" (habeas corpus NN) въ судъ для разсмотрѣнія законности его ареста. Всякій арестъ, произведенный безъ распоряженія подлежащей судебной власти (warrant), по административному приказу или безъ достаточныхъ юридическихъ основаній, отмѣняется, въ результатѣ провѣрки судомъ, при чемъ потерпѣвшее отъ него лицо можетъ привлечь тѣхъ, кто посягнулъ на его свободу, къ отвѣтственности въ уголовномъ и гражданскомъ порядкѣ. Точно такъ же подлежатъ освобожденію лица, арестованныя на вполнѣ законныхъ основаніяхъ, если дѣло ихъ не

будетъ передано въ судъ для разбора въ теченіе двухъ сессій, слѣдующихъ за производствомъ ареста. Этимъ пресѣкается возможность держать въ тюрьмѣ людей по простымъ обвиненіямъ. Нѣтъ надобности распространяться о капитальной важности этихъ положеній, благодаря которымъ не только обезпечивается свобода личности отъ произвольнаго задержанія, но, кромѣ того, суды призваны котролировать правильность и законосообразность дѣйствій администраціи по отношенію къ подданнымъ. Людямъ, живущимъ въ иной правовой обстановкѣ, представляется почти невѣроятнымъ, чтобы такое положеніе дѣла могло быть нормальнымъ и постояннымъ безъ ущерба для общественной безопасности. Между тѣмъ, таково именно нормальное и постоянное положеніе дѣлъ въ Англіи.

Даже въ исключительныхъ случаяхъ, въ эпохи революціонныхъ движеній или агитаціи, дискреціонныя полномочія предоставляются административнымъ властямъ крайне скупо и со всевозможными ограниченіями. Законодательное учрежденіе страны можетъ послѣ тщательнаго обсужденія признать формальнымъ актомъ, что государству грозятъ такія опасности отъ безпокойныхъ элементовъ общества, что необходимо вооружить его слугъ особыми полномочіями. Въ такомъ случаѣ обыкновенно дѣйствіе актовъ о Habeas Corpus пріостанавливается на одинъ годъ для спеціальной цѣли: представители администраціи получаютъ возможность брать подъ стражу и держать въ заключеніи на это время лицъ, которыхъ они подозрѣваютъ въ государственной измѣнѣ, и судьи будутъ лишены возможности выдать въ такихъ случаяхъ приказъ Habeas Corpus. Во всѣхъ другихъ случаяхъ процедура сохраняетъ свою силу, такъ что ни одно должностное лицо не можетъ безотвѣтственно воспользоваться предоставленными ему полномочіями для произвольнаго посягательства на свободу гражданъ. Черезъ годъ вопросъ о пріостановкѣ опять долженъ быть обсужденъ, и хотя бывали случаи повторенія акта о пріостановкѣ въ теченіе ряда лѣтъ (въ теченіе семи лѣтъ во время борьбы съ французской республикой, отъ 1794 до 1801), но самая необходимость сознательнаго и отвѣтственнаго проведенія пріостановки обезпечиваетъ общество отъ обращенія мѣръ исключительной обороны въ постоянное господство административнаго произвола. Мало того, даже при наличности пріостановки, представители администраціи не освобождаются ею отъ отвѣтственности за какія либо незаконныя мѣры, такъ какъ по истеченіи срока они могутъ быть привлечены къ суду освобожденными изъ заключенія гражданами. Чтобы положить предѣлъ процессамъ, которые могли бы возникнуть такимъ путемъ, возвращеніе къ законному порядку обыкновенно сопровождается ретроспективными актами „сложенія отвѣтственности“ (Act of Indemnity), которыми парламентъ снимаетъ съ представителей администраціи отвѣтственность за по-

ступки, совершенные ими при проведеніи исключительныхъ мѣръ общественной безопасности. Даже и такой актъ, однако, не спасетъ губернатора или полицейскаго офицера, который воспользовался бы временной безнаказанностью періода пріостановки, чтобы совершить насилія надъ гражданами въ своемъ частномъ интересѣ или безъ прямого отношенія къ государственной безопасности. Во всякомъ случаѣ, вопросъ о степени наказуемости или безнаказанности можетъ быть рѣшенъ только судомъ, который и въ этомъ случаѣ войдетъ въ разсмотрѣніе всѣхъ наличныхъ условій и побужденій. Кромѣ пріостановокъ, въ англійской практикѣ примѣняются такъ называемые акты о принужденіи (Coercion acts) и о „предупрежденіи преступленій" (Prevention of Crime acts), которыми видоизмѣняются общія постановленія объ уголовной отвѣтственности, и администрація получаетъ временныя полномочія дискреціоннаго характера. Этотъ видъ исключительнаго законодательства былъ примѣненъ въ послѣднее время въ Ирландіи послѣ убійства Кавендиша и Борка въ Дублинѣ и ряда аграрныхъ преступленій, организованныхъ ирландской лигой. Опять таки, даже эти чрезвычайныя полномочія существенно умѣряются двумя обстоятельствами: они исходятъ отъ законодательнаго учрежденія и представляютъ, такимъ образомъ, не одностороннее вторженіе администраціи въ область гражданскихъ правъ, а сознательное предоставленіе исключительныхъ полномочій администраціи со стороны представительства общественнаго мнѣнія и воли. Примѣненіе ихъ находится подъ строгимъ надзоромъ независимой судебной власти. Въ общемъ, всякое ограниченіе свободы личности въ Англіи разсматривается, какъ зло; если къ нему и прибѣгаютъ иногда въ силу необходимости, то его всѣми средствами ограничиваютъ и стараются отъ него какъ можно скорѣе освободиться.

b) Свобода слова и печати.

Основное положеніе англійскаго права по отношенію къ устному и печатному слову сводится къ тому, что всякій имѣетъ право выражать свои мысли и вліять на другихъ всѣми доступными средствами, подъ условіемъ отвѣтственности за вредъ, который могутъ принести его слова или изданія. Какъ всякій, распространяющій клевету или издающій пасквиль, можетъ быть привлеченъ къ судебной отвѣтственности и присужденъ къ уплатѣ вознагражденія за понесенные убытки, такъ же точно авторы газетныхъ статей или книгъ, ораторы, произносящіе рѣчи въ публикѣ, и тому подобныя лица могутъ быть привлечены къ отвѣтственности за воззваніе къ мятежу, за распространеніе безнравственныхъ или соблазнительныхъ изданій, за возбужденіе

вражды между классами общества или подрывъ авторитета государственной власти, за проповѣдь противъ христіанства. Но, именно вслѣдствіе возможности судебнаго преслѣдованія, никакихъ мѣръ предварительнаго огражденія и никакихъ способовъ административной, внѣсудебной кары не существуетъ. Цензура исчезла въ Англіи въ 1695 году, и единственнымъ ея переживаніемъ является право министерства двора (Lord Chamberlain) разрѣшать и запрещать драматическія произведенія, право,—въ силу котораго королю Эдуарду пришлось недавно смотрѣть интересующую его пьесу („Красная Мантія“, — Robe Rouge) въ Парижѣ, такъ какъ она была запрещена въ Лондонѣ. Кромѣ того, разрѣшеніе щекотливыхъ вопросовъ, въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ признавать заявленія извѣстныхъ мнѣній законной критикой частныхъ лицъ, общественныхъ классовъ или правительства, и въ какихъ случаяхъ они являются подговорами къ общественной борьбѣ и нарушенію закона, а также какъ отличить законную защиту научныхъ и философскихъ взглядовъ отъ злостныхъ нападокъ на религію и подрыва нравственности—предоставляется всецѣло суду и зависитъ въ концѣ концовъ отъ приговора присяжныхъ. Можно, конечно, сомнѣваться въ томъ, чтобы трибуналы такого рода были всегда компетентны въ подобныхъ случаяхъ, но несомнѣнно, что такая постановка дѣла гарантируетъ Англію отъ мѣръ предосторожности, которыя душатъ мысль подъ предлогомъ ея направленія по одобреннымъ путямъ. Фактическая свобода мнѣній и выраженія ихъ полная: примѣненіе къ устному и печатному слову общаго права и контроля судовъ лучше обезпечиваетъ за англичанами свободу печати и слова, нежели провозглашеніе какихъ бы то ни было отвлеченныхъ принциповъ.

c) *Право собраній.*

Англійскіе граждане имѣютъ право собираться въ публичныхъ мѣстахъ, говорить, пѣть и шествовать въ томъ или другомъ направленіи, если они не нарушаютъ этими дѣйствіями чужихъ правъ. Десять тысячъ человѣкъ могутъ стоять вмѣстѣ на митингѣ въ Гайдъ-Паркѣ, потому что каждый изъ этихъ десяти тысячъ имѣетъ право стоять порознь въ любомъ мѣстѣ, гдѣ онъ не мѣшаетъ другимъ. Каждый изъ участвующихъ въ митингѣ можетъ произносить какія угодно рѣчи, потому что ему не запрещено говорить на улицѣ съ кѣмъ бы то ни было, хотя бы съ десятью тысячами слушателей. Но, конечно, каждый отвѣчаетъ подъ страхомъ судебнаго преслѣдованія, если его поведеніе или рѣчи нанесутъ ущербъ другимъ, окажутся предосудительными, какъ призывъ къ мятежу, подрывъ государственности, нарушеніе

спокойствія и т. п. Кромѣ того, полиція призвана наблюдать за тѣмъ, чтобы собранія, какъ и вообще пребываніе людей въ общественныхъ мѣстахъ, происходили въ порядкѣ, безъ нарушенія „королевскаго мира“. Въ случаѣ явныхъ нарушеній порядка, она можетъ пригласить собравшихся разойтись за своею отвѣтственностью передъ судомъ. Такая постановка дѣла ручается за свободу собраній отъ всякой навязчивой опеки полицейскихъ властей.

d) Свобода совѣсти.

Однимъ изъ главныхъ результатовъ революціи 1688 года было установленіе въ Англіи свободы совѣсти въ смыслѣ права каждаго гражданина исповѣдывать какія угодно религіозныя мнѣнія, соединяться съ другими для отправленія богослуженія и практической религіозной дѣятельности и распространять свои взгляды путемъ проповѣди и печати. Все это вытекало изъ акта вѣротерпимости 1689 года, на которомъ примирились произведшія переворотъ партіи виговъ и тори. Съ тѣхъ поръ какъ протестанты, не подчинившіеся англиканской церкви, такъ и католики получили законную почву для исповѣдыванія своихъ религіозныхъ взглядовъ. Евреи были уравнены въ правахъ съ христіанскими исповѣданіями рядомъ актовъ, изъ которыхъ главные относятся къ 1846 году. Права и преимущества государственной церкви остались, однако, въ силѣ. Она по прежнему продолжала пользоваться громадными матеріальными выгодами и до XIX вѣка сохранила огромное вліяніе въ политической области; лишь въ 1827 и 1829 годахъ были отмѣнены законы, установившіе англиканскія формулы присяги для замѣщенія государственныхъ и муниципальныхъ должностей (Test Act и Corporation Act). Въ 1871 году были отмѣнены подобныя же присяги для членовъ университетскихъ корпорацій. По отношенію къ праву засѣдать въ палатѣ общинъ слова „согласно христіанской вѣрѣ“ (on the true faith of a Christian) были устранены въ 1858 г., послѣ упорной борьбы со стороны евреевъ, избранныхъ членами парламента, а въ 1889, вслѣдствіе столкновенія по дѣлу Брадло, который былъ извѣстенъ какъ „агностикъ“ — невѣрующій, пришлось отказаться отъ обязанности религіозной присяги. До сихъ поръ остаются въ силѣ нѣкоторыя переживанія стараго законодательства нетерпимости. Администрація можетъ потребовать отъ іезуитовъ, живущихъ въ Англіи, чтобы они оставили страну. Суды не признаютъ законности завѣщательнаго распоряженія, учреждающаго или поддерживающаго „суевѣрные обычаи“ (Superstitious practices), напримѣръ, отказъ извѣстной суммы денегъ той или другой церкви подъ условіемъ служенія заупокойныхъ обѣдень

или содержанія вѣчной лампады на могилѣ. Но всѣ эти курьезные остатки старины не подрываютъ по существу той свободы совѣсти, которая составляетъ въ настоящее время достояніе англійскаго народа.

2. Судебная власть.

а) Политическая роль суда.

Судебныя учрежденія Англіи не могутъ быть разсматриваемы только какъ органы государственной власти, которымъ поручено разбирать споры между частными лицами и подвергать уголовной отвѣтственности преступниковъ. Роль ихъ не только технически-судебная, но также политическая, и этимъ объясняются многія черты самой ихъ организаціи. Дѣло въ томъ, что, какъ мы видѣли, самая конституція Великобританіи есть лишь одно изъ выраженій ея общаго права, и всѣ конституціонныя положенія тѣсно соприкасаются съ ученіями, имѣющими силу въ частно-правовыхъ отношеніяхъ. Въ прежнее время роль судовъ въ установленіи конституціонныхъ положеній была особенно велика, потому что все развитіе права совершалось болѣе путемъ судебныхъ рѣшеній въ спорныхъ случаяхъ, нежели путемъ опредѣленнаго законодательства. Въ послѣднее время, особенно въ XIX столѣтіи, отношеніе измѣнилось: статутарное право, основывающееся на опредѣленныхъ актахъ парламента, постоянно растетъ, и въ конституціонной области остается уже немного положеній, которыя не опредѣлены либо имъ, либо прочно установившимися обычаями. Вообще, вслѣдствіе энергическаго примѣненія законодательной дѣятельности, писанный законъ охватываетъ все болѣе и болѣе широкое поле, такъ что судебныя рѣшенія обращаются больше на его детальное толкованіе, нежели на его распространеніе и пополненіе. Тѣмъ не менѣе и теперь роль судовъ въ примѣненіи государственно-правовыхъ нормъ далеко немаловажна, а условія, въ которыя они поставлены, таковы, что ими устраняется возможность различныхъ злоупотребленій.

Прежде всего суды обязаны примѣнять дѣйствующее право въ томъ видѣ, какъ оно въ данную минуту существуетъ, и потому въ извѣстныхъ случаяхъ имъ предстоитъ рѣшить, законны или незаконны требованія тѣхъ или другихъ властей, хотя бы даже самаго парламента. Въ дѣлѣ Ульфа Тона судъ постановилъ, что мятежникъ, высадившійся съ французскаго корабля въ Ирландіи, не могъ быть судимъ и приговоренъ военнымъ судомъ, потому что онъ не считался на военной службѣ въ Англіи. Въ дѣлѣ Ашби противъ Уайта судъ рѣшилъ, что избиратель не

можетъ быть лишенъ права подать голосъ при избраніи члена парламента, хотя въ защиту должностнаго лица, отказавшагося принять голосъ, выступила нижняя палата. Въ дѣлѣ Стокделя противъ Ганзардта судъ сталъ на сторону лица, предъявившаго искъ о диффамаціи противъ издателя парламентскихъ документовъ, хотя палата общинъ усмотрѣла въ этомъ нарушеніе своей привилегіи: иммунитетъ издателей подобныхъ документовъ былъ признанъ лишь послѣ того, какъ прошелъ соотвѣтствующій законъ. Въ дѣлѣ Брадло противъ Госсета суды призваны были рѣшить вопросъ о формѣ и дѣйствительности присяги, приносимой новыми членами при вступленіи въ парламентъ, и т. п.

Въ случаѣ противорѣчивыхъ указаній въ законахъ относительно того или другого юридическаго вопроса, суды обязаны выяснить, какого направленія слѣдуетъ держаться практикѣ, какія положенія должны быть признаваемы, какъ законныя (напр., въ высшей степени важное рѣшеніе по дѣлу Taff Vale ,по вопросу о предѣлахъ законнаго воздѣйствія тредъ-юніоновъ на независимыхъ рабочихъ). Права англійскихъ судовъ въ данномъ случаѣ не такъ обширны, какъ права сѣверо-американскихъ трибуналовъ, такъ какъ англійская конституція не составляетъ малоподвижного источника права, возвышающагося одинаково надъ судами и надъ законодательными учрежденіями, подобно сѣвероамериканской. Но права эти всетаки очень велики и, въ случаѣ рѣдкихъ конфликтовъ между парламентами и судами, первые могутъ настоять на своемъ лишь путемъ опредѣленнаго законодательнаго акта.

Что же касается органовъ исполнительной власти, то они лишены всякой возможности дѣйствовать наперекоръ судамъ или безнаказанно проявлять произволъ по отношенію къ подданнымъ. Въ самой присягѣ вновь вступающаго въ должность судьи упоминается о томъ, что онъ не долженъ ни подъ какимъ видомъ принимать какія-либо личныя приказанія или внушенія со стороны, хотя бы отъ самого короля. Существеннымъ въ данномъ случаѣ является правило, что въ Англіи всѣ одинаково отвѣчаютъ предъ общими судами: не признается никакой спеціальной подсудности должностныхъ лицъ и никакой административной юстиціи. Вслѣдствіе перваго условія, члены административнаго персонала могутъ быть признаны къ отвѣтственности за свои дѣйствія передъ судомъ, при чемъ отвѣчаетъ каждый въ отдѣльности, и подчиненные не имѣютъ права отговариться приказаніемъ начальства. Полицейскій, взломавшій двери частной квартиры безъ приказа судьи (Warrant), можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности, хотя бы ему было дано предписаніе самимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ (Home Secretary), который съ своей стороны также подлежалъ бы отвѣтственности за выдачу незаконнаго предписанія. По выраженію лорда Чатама,

„хотя бы вѣтеръ завывалъ вокругъ хижины бѣдняка и дождь пронизывалъ ее насквозь, король не имѣетъ права войти въ нее". Нѣтъ такого высокопоставленнаго лица, противъ котораго нельзя было бы найти управы передъ судомъ и, съ другой стороны, даже члены королевскаго семейства обращаются къ судамъ для осуществленія своихъ частныхъ правъ. Англійское право не знаетъ такъ называемаго осаднаго положенія или подчиненія страны, или части ея, управленію военныхъ властей. Въ случаѣ безпорядковъ или мятежа, какъ военная сила, полиція и администрація, такъ и всѣ обыкновенные граждане призываются къ подавленію безпорядковъ и защитѣ „королевскаго мира". При этомъ могутъ произойти столкновенія, нанесеніе ранъ и даже умерщвленіе лицъ, производящихъ безпорядки. Но никто, кромѣ общихъ судовъ, не имѣетъ права наказывать виновныхъ въ производствѣ безпорядковъ, и даже самое употребленіе силы при подавленіи волненій подлежитъ провѣркѣ общихъ судовъ. Всѣ участвовавшіе въ насильственныхъ дѣйствіяхъ могутъ быть привлечены къ суду, который рѣшитъ при участіи присяжныхъ, вызваны ли были эти дѣйствія необходимостью, и не отличались ли они чрезмѣрной жестокостью.

b) Составъ судовъ.

Для того, чтобы судебная власть была на высотѣ своего призванія и дѣйствительно гарантировала обществу не только разрѣшеніе техническихъ вопросовъ права, но и свободу отъ всякаго произвола, она должна быть поставлена во всѣхъ отношеніяхъ независимо. Въ низшихъ инстанціяхъ судятъ преимущественно мировые судьи, которые разрѣшаютъ единолично или въ небольшихъ коммиссіяхъ попарно (Petty sessions) менѣе значительныя тяжбы и разбираютъ полицейскіе проступки и мелкія уголовныя дѣла, а четыре раза въ годъ собираются въ четвертныя сессіи (Quarter sessions) для разбора апелляцій и болѣе важныхъ дѣлъ при участіи присяжныхъ засѣдателей. Независимость этихъ судей достигается тѣмъ, что должность безвозмездная и почетная. Мировые судьи назначаются лордами-лейтенантами графства, представителями короны, при чемъ выработался обычай, что всѣ пользующіяся уваженіемъ и достаткомъ лица, которыя готовы жертвовать своимъ временемъ при исполненіи обязанностей мирового судьи, обыкновенно получаютъ назначеніе. Въ городахъ въ настоящее время большею частью дѣйствуютъ не почетные, а платные мировые судьи, избираемые городскими корпораціями и, во всякомъ случаѣ, независимые по отношенію къ административнымъ властямъ.

Главное значеніе въ поддержаніи авторитета судебной власти имѣютъ, конечно, высшія судебныя учрежденія. Намъ нѣтъ на-

добности останавливаться на юрисдикціи трибуналовъ графствъ (County courts), существующей, главнымъ образомъ, для разбора гражданскихъ дѣлъ, возникающихъ въ провинціи: судьи въ нихъ назначаются канцлеромъ. На ихъ рѣшенія можно апеллировать къ высшему апелляціонному суду въ Уестминстерѣ. Послѣдній согласно акту 1873 г. составляетъ одно изъ отдѣленій верховнаго суда (Supreme Court), въ которомъ, помимо разбора дѣла въ апелляціонномъ порядкѣ, рѣшаются въ первой истанціи важнѣйшія гражданскія и нѣкоторыя уголовныя дѣла. Въ этомъ судѣ соединены въ настоящее время обѣ основныя отрасли англійскаго права,—общее право (Common Law), опирающееся на точный смыслъ судебныхъ прецедентовъ и статуты, и канцлерская юрисдикція, примѣняющая начало справедливости. Надо замѣтить, что принципіальная противоположность этихъ сторонъ права въ настоящее время далеко не такъ глубока, какъ прежде, и сводится, главнымъ образомъ, къ различію въ процессуальныхъ формахъ и въ самомъ содержаніи подвергающихся спору правъ— всѣ отношенія, вытекающія изъ довѣрія, опеки и т. п., напр., разсматриваются въ порядкѣ справедливости (Equity). Важнѣйшія уголовныя дѣла разбираются разъѣздными коммиссіями верховнаго суда (Circuits) при участіи присяжныхъ. По административнымъ вопросамъ и дѣламъ, восходящимъ изъ такъ называемыхъ коронныхъ, т. е. бюрократически управляемыхъ колоній, высшей инстанціей является судебная коммиссія тайнаго совѣта, состоящая изъ четырехъ судей, а по всѣмъ вообще вопросамъ формальнаго примѣненія права послѣднее слово предоставлено судебной коммиссіи палаты лордовъ.

Положеніе членовъ этихъ высшихъ судовъ обставлено такъ, чтобы обезпечить за ними величайшій авторитетъ и независимость. Они могутъ быть назначены только изъ числа такъ называемыхъ Serjeants of law и при томъ не иначе, какъ послѣ пятнадцатилѣтней юридической практики Оклады ихъ громадны— обыкновенно около 5,000 фунтовъ (50,000 руб.). Оклады эти опредѣлены закономъ и не могутъ быть увеличены по милости. Главное же, по Act of setlement 1701 года, воспроизводящему въ данномъ случаѣ положеніе, высказанное въ биллѣ о правахъ,— судьи назначаются на срокъ, „доколѣ они ведутъ себя какъ слѣдуетъ“(quamdiu se bene gesserint), иначе говоря, они несмѣняемы. Единственными основаніями для ихъ смѣщенія могутъ быть установленное судомъ нарушеніе обязанностей, уголовное преступленіе или резолюція обѣихъ палатъ парламента. Это начало несмѣняемости было проведено сознательно, чтобы прекратить всякія посягательства со стороны администраціи на независимость судовъ, и оно сдѣлалось однимъ изъ основныхъ оплотовъ англійской гражданской и политической свободы.

Другимъ ея оплотомъ является участіе въ рѣшеніи дѣлъ пред-

ставителей общественной совѣсти, присяжныхъ. Древняя традиція этого учрежденія придаетъ ему въ Англіи особенную жизненность, хотя и обставляетъ нѣкоторыми архаическими чертами. Мало удобной, напр., является необходимость единогласія присяжныхъ и передача дѣлъ въ новый составъ при невозможности добиться такого единогласія. Суть дѣла, однако, не въ этомъ, а въ широкомъ распространеніи института присяжныхъ и въ его политическомъ значеніи. Вердиктъ присяжныхъ примѣняется въ Англіи не только въ уголовныхъ дѣлахъ, гдѣ онъ обязателенъ, но во многихъ гражданскихъ, напр., въ искахъ объ убыткахъ, которые даютъ часто случай привлекать къ отвѣтственности представителей администраціи, такъ или иначе нарушившихъ права отдѣльныхъ гражданъ. Мы уже видѣли, что свобода печати, свобода совѣсти, свобода собраній въ сущности зависятъ отъ трезваго и твердаго отношенія присяжныхъ къ своимъ обязанностямъ, такъ какъ для примѣненія ограничительныхъ постановленій въ этихъ направленіяхъ нѣтъ иного пути, какъ добиваться судебныхъ приговоровъ на основаніи вердикта присяжныхъ. Нечего и говорить, что всякое превышеніе власти можетъ вызвать процессъ, въ которомъ поведеніе должностного лица, напр., полицейскаго, разгонявшаго толпу, будетъ разсмотрѣно и оцѣнено присяжными. И англичане привыкли считать судъ присяжныхъ однимъ изъ самыхъ необходимыхъ своихъ учрежденій. Не смущаясь отдѣльными ошибками и техническими недостатками, они видятъ въ этой формѣ выраженія отвѣтственнаго мнѣнія общества великую моральную силу, которая постоянно поддерживаетъ связь между спеціалистами юридической техники и общественнымъ сознаніемъ, постоянно обновляетъ идею, что законъ исходитъ отъ совокупности общества и обязателенъ для всѣхъ.

Въ тѣсной связи съ этой судебной организаціей, вѣдающей частные интересы и права наравнѣ съ государственными, возникаютъ и опредѣляются политическія учрежденія въ узкомъ смыслѣ слова.

3. Парламентъ.

Если можно примѣнить къ англійской конституціи начало раздѣленія властей, то развѣ только по отношенію къ выдѣленію независимой судебной власти, да и то независимость эта оказывается не безусловной, такъ какъ законодательное учрежденіе можетъ всегда по своему усмотрѣнію измѣнить организацію судовъ и условія ихъ дѣятельности. Въ сущности, власти по англійскому праву объединены верховенствомъ парламента, какъ главнаго законодательнаго учрежденія страны, которое можетъ подчинить своему рѣшенію всѣ остальныя учрежденія, а само не подчинено никакому другому. Парламенту принадлежитъ,

такимъ образомъ, верховенство въ странѣ, и хотя оно номинально обусловлено согласіемъ короны и облекается въ форму провозглашенія воли короля въ парламентѣ, но въ дѣйствительности самостоятельная политика короны наперекоръ парламенту невозможна, право налагать veto на парламентскія рѣшенія давно оставлено, и формула „король въ парламентѣ“ является не болѣе, какъ эвфемизмомъ. Парламентъ не ограниченъ и существованіемъ не подлежащей измѣненію или трудно измѣнимой конституціи въ родѣ той, напр., какая существуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ и обезпечиваетъ тамъ дѣйствительное раздѣленіе власти между законодательнымъ, судебнымъ и исполнительнымъ органами. Англійскій парламентъ всесиленъ не только въ видахъ созданія или измѣненія частныхъ законовъ, но и для преобразованія конституціи, которая ничѣмъ не отмежевана отъ частныхъ законовъ.

По англійской поговоркѣ, парламентъ можетъ сдѣлать въ Англіи все, кромѣ пересозданія женщины въ мужчину или мужчины въ женщину. Нечего говорить, что парламентъ часто пользуется своими неограниченными правами творить и видоизмѣнять конституціонныя положенія. Такими конституціонными актами были, напр., перемѣна церковнаго строя въ 1534 году, Act of setlement 1701 года, унія съ Ирландіей 1801 года, реформы избирательнаго права 1832 г., 1867 и 1884 года и т. п. Но надо прибавить, что многія существенныя положенія конституціоннаго права установились въ Англіи въ силу обычая и не опираются на опредѣленные законы, что нисколько, впрочемъ, не умаляетъ ихъ силы: таковы положенія объ исключительномъ правѣ палаты общинъ вырабатывать финансовые законопроекты, весь порядокъ кабинетскаго правленія, обычай распускать палату общинъ въ случаѣ, если послѣ общихъ выборовъ возникаютъ вопросы первостепенной важности, разстраивающіе предыдущее распредѣленіе партій. Эти обычаи и условности конституціи не всѣ одинаково безспорны, но въ общемъ ихъ необходимо имѣть въ виду для уразумѣнія ея смысла и примѣненія.

Обращаясь къ характеристикѣ парламента, какъ верховнаго законодательнаго учрежденія, мы прежде всего остановимся на составѣ палаты общинъ и палаты лордовъ, во-вторыхъ, разберемъ процедуру выработки законовъ, въ третьихъ, другія полномочія и привилегіи парламента и его палатъ, въ четвертыхъ, партіи, поскольку онѣ сосредоточиваются въ парламентѣ.

а) Составъ парламента.

Парламентъ созывается королемъ на срокъ, не превышающій семи лѣтъ. Лорды получаютъ при этомъ личное приглашеніе, а въ каждый изъ 670 избирательныхъ округовъ, имѣющихъ право

посылать депутатовъ въ палату общинъ, посылается указъ (worit) объ избраніи депутата. На долю англійскихъ округовъ (со включеніемъ Уельса) приходится въ настоящее время 495 депутатовъ, на Шотландію 72 и на Ирландію 103; Лондонъ посылаетъ 62 депутата, изъ которыхъ двое избираются Сити. Цензъ избирателей различенъ, смотря по тому, владѣетъ ли извѣстное лицо землею или нанимаетъ ее, или живетъ квартирантомъ въ домѣ, принадлежащемъ землевладѣльцу или съемщику земли *).

На основаніи владѣнія землею имѣютъ право быть избирателями свободные держатели (фригольдеры), получающіе не менѣе 40 шиллинговъ дохода (20 р.), копигольдеры (владѣльцы „крѣпостныхъ" держаній), получающіе не менѣе 5 фунтовъ дохода, долгосрочные арендаторы (leaseholders), получающіе не менѣе 5 фунтовъ, если срокъ аренды 60-ти лѣтній или большій, и 50 фунтовъ, если срокъ аренды не менѣе 20 лѣтъ. Эти владѣльческія категоріи имѣютъ историческое происхожденіе.

Проще постановленія относительно съемщиковъ (occupiers) и жильцовъ. Первые имѣютъ голосъ на выборахъ, если ихъ доходъ съ занимаемой земли не менѣе десяти фунтовъ въ годъ. Вторые получаютъ голосъ, какъ представители семейной домашней группы (houssehold), если они обложены сборомъ въ пользу бѣдныхъ (poor rate) и сами не получаютъ помощи отъ мѣстнаго общества. На всѣхъ этихъ основаніяхъ считается въ настоящее время (1901 г.) въ Соединенномъ Королевствѣ 6,822,000 избирателей при общей численности населенія въ 41,600,000.

Палата лордовъ состояла по списку 1901 г. изъ 592 перовъ. Изъ нихъ 520 принадлежатъ семействамъ англійской аристократіи, главы которыхъ имѣютъ наслѣдственное право засѣдать въ верхней палатѣ; 16 являются представителями шотландской аристократіи, избираемыми для каждаго парламента особо (въ силу уніи 1707 г.); 28 представляютъ ирландскую аристократію (въ силу уніи 1801 г.), при чемъ представительство пожизненное; два архіепископа и три епископа засѣдаютъ на основаніи сана, 10 другихъ епископовъ по старшинству посвященія въ санъ и, наконецъ, два апелляціонныхъ лорда (Lords of Appeal in Ordinary) призываются въ силу своей судебной должности. Король имѣетъ право, по совѣту своего правительства, назначать новыхъ перовъ въ Англіи въ неограниченномъ числѣ, и въ Ирландіи съ такимъ разсчетомъ, чтобы общее число титулованныхъ фамилій не превысило ста. Шотландскихъ перовъ онъ не имѣетъ права назначать. Въ общемъ, въ составѣ палаты представлена главнымъ образомъ землевладѣльческая аристократія. Не смотря на эту сословную окраску и на очень смѣшанный личный составъ,

---

*) Я привожу главныя положенія англійскаго избирательнаго права. Въ Шотландіи и Ирландіи дѣйствуютъ нѣсколько иныя правила.

въ которомъ наравнѣ съ людьми, выдающимися по своимъ государственнымъ заслугамъ и опытности, является множество ничтожныхъ и мало интересующихся законодательствомъ и правительственной дѣятельностью лицъ, англичане дорожатъ верхней палатой, какъ умѣряющимъ факторомъ въ политической жизни демократическаго государства. Надо думать, что несомнѣнно предстоящая въ будущемъ реформа этой палаты будетъ произведена лишь постепенно и осторожно.

б) Законодательная процедура.

По дѣйствующему праву Англіи законодательная власть всецѣло принадлежитъ парламенту. Правительство не имѣетъ никакой самостоятельной компетенціи по изданію законовъ; распоряженія и постановленія исполнительныхъ органовъ, о которыхъ рѣчь впереди, имѣютъ лишь подчиненное значеніе и должны быть направлены лишь къ разъясненію и практическому примѣненію законодательныхъ мѣръ парламента.

Процедура законодательства можетъ исходить какъ отъ палаты общинъ, такъ и отъ палаты лордовъ, но такъ какъ большая часть законовъ получаетъ начало въ нижней палатѣ, а въ одномъ весьма важномъ отношеніи инищіатива этой палаты обязательна, то всего удобнѣе будетъ передать ходъ законодательной процедуры, имѣя въ виду тотъ случай, когда она отправляется отъ палаты общинъ. Законодательныя мѣры, проходящія черезъ парламентъ, могутъ касаться государственныхъ интересовъ или интересовъ частныхъ лицъ и корпорацій: отсюда двѣ категоріи законопроектовъ—государственные (public bills) и частные (private bills).

Первымъ шагомъ для проведенія государственнаго закона является предложеніе (motion) одного изъ членовъ палаты, которое должно быть сдѣлано послѣ предварительнаго заявленія (notice of motion). Если нѣтъ препятствій къ внесенію законопроекта, палата даетъ разрѣшеніе, и инищіаторъ вноситъ *билль* (законопроектъ), при чемъ его поддерживаютъ (second) другіе члены. Когда билль переданъ секретарю палаты, его читаютъ первый разъ безъ преній, посылаютъ печатать и назначаютъ день для второго чтенія. При второмъ чтеніи предлагаемая мѣра подвергается обсужденію съ точки зрѣнія ея общей цѣлесообразности. Если большинство палаты высказывается принципіально въ ея пользу, то билль переходитъ на обсужденіе комитета всей палаты, при чемъ предсѣдательствуетъ не спикеръ, а особый предсѣдатель комитета. Въ этой стадіи статьи законопроекта разсматриваются одна за другой и предлагаются поправки къ нимъ, а въ заключеніе дѣлаются предложенія относительно дополнительныхъ статей. По окончаніи комитетскаго обсужденія, палата разсматриваетъ билль

въ его цѣломъ въ исправленномъ видѣ и можетъ либо рѣшить, что онъ долженъ быть прочтенъ въ третій разъ, либо отослать его для новаго разсмотрѣнія въ комитетъ. Если рѣшено прочесть третій разъ, то билль считается принятымъ палатой общинъ и переходитъ въ палату лордовъ. Въ послѣдней билль читается первый разъ и въ теченіе двѣнадцати дней послѣ этого чтенія одинъ изъ членовъ верхней палаты долженъ сдѣлать предложеніе о второмъ чтеніи, иначе билль считается пріостановленнымъ на время текущей сессіи. Обыкновенно, конечно, онъ читается второй разъ и затѣмъ наступаетъ процедура, во всемъ похожая на ту, которой держалась палата общинъ. Если лорды вносятъ поправки въ билль, то она возвращается общинамъ съ посланіемъ (Message), объясняющимъ цѣль поправокъ. На это посланіе общины могутъ, съ своей стороны, возразить отвѣтнымъ посланіемъ. Въ прежнее время иногда назначались конференціи между представителями обѣихъ палатъ съ цѣлью выработать соглашеніе, но это вывелось изъ употребленія, и послѣдняя конференція имѣла мѣсто въ 1836 г. Лорды имѣютъ конституціонное право настаивать на своихъ поправкахъ или даже отвергать билли, съ которыми они не согласны, и они часто пользовались этимъ правомъ въ теченіе XIX вѣка; напомнимъ лишь объ отверженіи мѣръ объ административной автономіи Ирландіи (Home Rule) въ 1884 году. Но ихъ сопротивленіе можетъ имѣть фактическій успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, если общественное мнѣніе страны не достаточно опредѣлилось и сплотилось. По ирландскому вопросу скоро выяснилось, напр., что большинство англичанъ противъ значительныхъ уступокъ ирландцамъ, и либеральное большинство въ палатѣ общинъ, образовавшееся подъ руководствомъ Гладстона, быстро распалось. Иное дѣло, когда лорды оказываютъ сопротивленіе реформамъ, которыя упорно поддерживаются общественнымъ мнѣніемъ страны. Въ такихъ случаяхъ, какъ было, напр., по вопросамъ объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ или о формѣ избирательнаго права въ восьмидесятыхъ годахъ, сопротивленіе лордовъ оказываетъ лишь задерживающее вліяніе на ходъ законодательства, и лорды въ концѣ концовъ благоразумно уступаютъ. Если бы они оказались слишкомъ упорны, то большинство палаты общинъ могло бы добиться своего, принудивъ правительство, которое всегда солидарно съ этимъ большинствомъ, назначить новыхъ перовъ въ числѣ достаточномъ, чтобы сломить сопротивленіе палаты лордовъ. До этого дѣло никогда не доходило, но при проведеніи парламентской реформы 1832 года тогдашній премьеръ, лордъ Грей, принужденъ былъ заручиться согласіемъ короля назначить въ случаѣ надобности новыхъ перовъ, и палата лордовъ уступила въ послѣднюю минуту. При обыкновенномъ теченіи дѣлъ палата лордовъ рано или поздно приходитъ къ соглашенію съ палатой общинъ, и билль

становится закономъ послѣ полученія королевскаго утвержденія (Le Roy le veult). Послѣдній случай примѣненія королевскаго права налагать veto на законопроектъ, прошедшій черезъ обѣ палаты, былъ въ 1707 году, и можно сказать, что это право, хотя формально и не отмѣнено, въ дѣйствительности болѣе не существуетъ.

Одинъ разрядъ законопроектовъ идетъ особымъ порядкомъ: это билли, касающіеся денежныхъ назначеній. Всѣ предложенія о денежныхъ ассигнованіяхъ и обложенія населенія податями или сборами должны, во-первыхъ, исходить отъ правительства. Отдѣльные члены парламента могутъ предлагать резолюціи общаго свойства о желательности затратъ на то или другое дѣло, но опредѣленные проекты назначеній вносятся не иначе, какъ правительствомъ. Этотъ обычай имѣетъ цѣлью избѣжать необдуманныхъ и разрозненныхъ начинаній въ финансовыхъ вопросахъ. Второй особенностью денежныхъ биллей является обсужденіе ихъ нижней палатой въ особыхъ комитетахъ объ ассигнованіяхъ (Supply) и о „способахъ и средствахъ“ (Ways and means). Въ первомъ разсматриваются всѣ назначенія и кредиты, которые испрашиваются различными вѣдомствами. Во второмъ обсуждаются правительственныя предложенія относительно источниковъ дохода. Соотношеніе между смѣтой расходовъ и смѣтой доходовъ достигается тѣмъ, что сначала разверстываются по статьямъ расходовъ суммы, имѣющія получиться изъ источниковъ, по которымъ не предполагается перемѣнъ сравнительно съ прежними годами (Consolidated fund), а затѣмъ разсматриваются предложенія о новыхъ формахъ обложенія. Въ своей совокупности эти назначенія составляютъ годовой бюджетъ (Apprропriation Bill).

Третьей особенностью финансовыхъ биллей является то, что они разрабатываются одной палатой общинъ. Уже издавна стало примѣняться парламентское правило, что лорды, которые не могутъ считаться представителями плательщиковъ податей въ ихъ совокупности, не должны вмѣшиваться въ разборъ вопросовъ, касающихся затратъ населенія и обложенія его податями. Въ резолюціи 1860 года палата общинъ выразила этотъ взглядъ очень рѣшительно, распространивъ его не только на случаи измѣненія и исправленія биллей, но и на самое ихъ утвержденіе или отверженіе, такъ что право лордовъ принимать участіе въ проведеніи финансовыхъ законоположеній сводится на чистую формальность. Юридической силы эта резолюція палаты общинъ не имѣетъ, но по существу она несомнѣнно соотвѣтствуетъ положенію дѣлъ, и нельзя предвидѣть возможности для верхней палаты пойти наперекоръ этому воззрѣнію.

Остается прибавить, что для разсмотрѣнія правовыхъ и коммерческихъ вопросовъ въ палатѣ общинъ образованы специальные комитеты, состоящіе изъ 60—80 членовъ.

Процедура по частнымъ биллямъ во многомъ отличается отъ только что описанной: они возникаютъ въ силу петицій со стороны заинтересованныхъ лицъ (напр., о разрѣшенія провести каналъ, построить желѣзную дорогу и т. п.) и разсматриваются предварительно съ точки зрѣнія формальной правильности особыми „экзаменаторами" (examiners) изъ числа членовъ обѣихъ палатъ. Когда эта формальная провѣрка сдѣлана, билль читается два раза въ той или другой палатѣ и затѣмъ поступаетъ на разсмотрѣніе одного изъ комитетовъ для разбора частныхъ биллей, состоящаго изъ небольшого числа лицъ (обыкновенно изъ пяти). Комитетъ выслушиваетъ лицъ, ходатайствующихъ о проведеніи билля, и его противниковъ, вызываетъ и допрашиваетъ свидѣтелей и экспертовъ, вообще дѣйствуетъ, какъ судебное мѣсто. Въ результатѣ онъ представляетъ докладъ палатѣ, и ей предоставляется окончательно принять или отвергнуть билль. Въ первомъ случаѣ онъ переходитъ по общему порядку въ другую палату.

c) Правительственныя полномочія и привилегіи парламента.

Помимо дѣятельности парламента, облеченной въ формы опредѣленнаго законодательства, ему принадлежитъ обширная дѣятельность общеправительственнаго характера, вытекающая изъ того факта, что парламентъ въ сущности имѣетъ верховную власть въ странѣ. Съ этой точки зрѣнія, во первыхъ, само правительство, которому поручено руководство исполнительной властью, есть лишь постоянная коммиссія парламента, дѣйствующая въ обязательномъ согласіи съ палатой общинъ. Въ началѣ XVIII вѣка еще спорили о томъ, въ какой мѣрѣ министры являются слугами короля или представителями господствующей въ палатѣ общинъ партіи, но въ теченіе этого вѣка мало по малу твердо установился порядокъ *кабинетскаго* правленія, по которому главные министры солидарны между собою въ существенныхъ вопросахъ, организованы въ кабинетъ вокругъ перваго министра или премьера и должны опираться на поддержку большинства въ палатѣ общинъ. Хотя не существуетъ какихъ либо законовъ въ этомъ смыслѣ, но намѣченный порядокъ поддерживается неизмѣнно въ силу молчаливаго соглашенія и всѣми признаваемаго обычая. Принудительная сила этого обычая зависитъ въ концѣ концовъ отъ полной финансовой зависимости правительства отъ парламента и въ частности отъ палаты общинъ. Всѣ кредиты утверждаются ею, и она можетъ, когда угодно, парализовать дѣятельность любой отрасли государственной организаціи или всего правительства, отказавъ въ требуемыхъ ассигнованіяхъ. Отсюда вытекаетъ обычная процедура при смѣнѣ министерствъ. Если кабинетъ терпитъ пораженіе въ палатѣ общинъ по какому либо существенному вопросу, то это при-

знается выраженіемъ „недовѣрія“ со стороны большинства палаты къ правительству, и послѣднему остается или выйти въ отставку, или „обратиться къ рѣшенію страны“, т. е. распустить парламентъ и назначить новые выборы въ палату общинъ. Если эти выборы дадутъ враждебное министерству большинство, то кабинетъ выходитъ въ отставку, и задача составить новое правительство переходитъ къ оппозиціи. Недовѣріе можетъ быть вотировано, какъ косвенно, путемъ отверженія какого-нибудь важнаго правительственнаго предложенія, такъ и прямо, въ результатѣ обсужденія и голосованія предложенія оппозиціи выразить недовѣріе правительству. Та же цѣль можетъ быть достигнута проведеніемъ направленной противъ министерства поправки къ адресу въ отвѣтъ на тронную рѣчь, которой открывается сессія парламента. Надо прибавить, что кабинетъ не зависитъ въ своемъ существованіи и составѣ отъ отношенія къ нему палаты лордовъ. Большинство ея можетъ быть, и часто бывало, въ разногласіи съ политикой кабинета, но это не является для него существеннымъ препятствіемъ и, въ случаѣ крайности, онъ всегда имѣетъ возможность сломить враждебное большинство назначеніемъ новыхъ перовъ.

Помимо общаго обсужденія политики правительства, которое принято производить во время преній, палаты постоянно слѣдятъ за текущей политикой и оказываютъ на нее воздѣйствіе. Главными средствами для этого являются запросы, обращенные къ отдѣльнымъ министрамъ по предметамъ ихъ вѣдомства, истребованіе документовъ по тому или другому вопросу, интерпелляціи, обставленныя мотивированными нападками на ту или другую мѣру или образъ дѣйствій правительства, предложенія о сокращеніи кредитовъ по опредѣленнымъ статьямъ бюджета, резолюціи палатъ, а иногда и всего парламента, имѣющія цѣлью формулировать взгляды палатъ на тотъ или другой общій вопросъ. Резолюціи эти могутъ, конечно, имѣть какъ положительный, такъ и отрицательный характеръ, направляться къ провозглашенію принциповъ, которыхъ слѣдуетъ держаться впредь или къ осужденію дѣйствій, уже совершенныхъ; могутъ заключать въ себѣ обращеніе къ коронѣ съ цѣлью удаленія тѣхъ или другихъ должностныхъ лицъ. Наконецъ, парламентъ можетъ образовать особыя коммиссіи для провѣрки и разслѣдованія по той или другой отрасли администраціи. Благодаря всѣмъ этимъ полномочіямъ, правительственная дѣятельность во время сессіи парламента проходитъ при его постоянномъ контролѣ и вмѣшательствѣ, а за все, сдѣланное въ промежуткѣ между сессіями, министерству приходится держать отвѣтъ при возобновленіи засѣданій. Въ общемъ, парламентъ является столько же, если не больше, регуляторомъ правительства, сколько законодательнымъ учрежденіемъ.

Кромѣ того, у палатъ и у парламента въ его цѣломъ есть

опредѣленныя судебныя функціи. Каждая изъ палатъ въ отдѣльности можетъ привлечь къ отвѣтственности и заключить въ тюрьму на время сессіи кого либо изъ своихъ членовъ или постороннее лицо за нарушеніе своихъ привилегій и за неуваженіе къ себѣ, напр., за незаконное присутствіе на засѣданіи, за неповиновеніе распоряженію спикера или канцлера и т. п.

Во-вторыхъ, палата лордовъ, какъ мы уже сказали, является высшимъ судебнымъ мѣстомъ въ странѣ и разрѣшаетъ въ послѣдней инстанціи восходящія до нея въ апелляціонномъ и кассаціонномъ порядкѣ (въ силу writ of error) дѣла. Надо замѣтить, что при этомъ дѣйствуетъ не палата въ ея цѣломъ, члены которой, въ большинствѣ своемъ, не получили юридическаго образованія, а особый судебный комитетъ, состоящій изъ канцлера, лордовъ, занимавшихъ судебныя должности, и двухъ постоянныхъ апелляціонныхъ лордовъ (Lords of Appeal in Ordinary). Парламентъ, кромѣ того, является судилищемъ по политическимъ обвиненіямъ. Всѣ должностныя лица королевства отвѣтственны не только передъ общими судами, но и передъ парламентомъ, который можетъ возбудить противъ нихъ преслѣдованіе за ихъ поведеніе при исполненіи обязанностей. Обвиненія эти крайне рѣдки, послѣднее — процессъ Уорренъ Гестингса за злоупотребленія въ бытность губернаторомъ въ Индіи (1786 г.) и лорда Мелвилля за казнокрадство (1806 г.), но самая процедура ихъ вполнѣ установлена и составляетъ необходимое звено въ конституціонной теоріи отвѣтственности должностныхъ лицъ. Она возбуждается въ палатѣ общинъ, которая является обвинительной камерой и поддерживаетъ обвиненіе передъ палатой лордовъ. Послѣдняя въ полномъ составѣ дѣйствуетъ въ качествѣ суда, допрашиваетъ свидѣтелей и по требованію общинъ произноситъ приговоръ и опредѣляетъ наказаніе.

Палата лордовъ засѣдаетъ также въ качествѣ судилища, если одинъ изъ ея членовъ обвиняется въ государственной измѣнѣ или уголовномъ преступленіи (felony), но въ данномъ случаѣ юрисдикція лордовъ вытекаетъ изъ феодальнаго положенія, что они перы обвиняемаго, его равные по общественному положенію.

Привилегіей палатъ является ихъ право поддерживать свою дисциплину и достоинство наложеніемъ наказаній на всякаго, кто рѣшился бы не признать авторитета спикера (или канцлера), обычаевъ и требованій палатъ. Особенно существенными слѣдуетъ, конечно, признать свободу членовъ парламента отъ личнаго задержанія въ теченіе сессіи и сорока дней до и послѣ нея, а также полную свободу и безнаказанность въ выраженіи мнѣній во время парламентскихъ преній. Только благодаря этимъ привилегіямъ, изъ-за которыхъ, какъ извѣстно, велась особенно горячая борьба при Карлѣ I, парламентъ достигъ своего независимаго положенія. Онъ обязанъ заботиться, чтобы его члены не

подвергались никакимъ преслѣдованіямъ и непріятностямъ за то, что по крайнему разумѣнію участвуютъ въ разрѣшеніи его задачъ, и ради проведенія этого принципа англійское право не стѣсняется нѣкоторыми второстепенными неудобствами, въ родѣ затрудненія гражданскихъ взысканій.

d) *Партіи.*

Такъ какъ фактическимъ регуляторомъ государственной жизни служитъ общественное мнѣніе избирателей, то вопросъ о направленіяхъ этого мнѣнія и объ ихъ отраженіи на выборахъ имѣетъ первостепенное значеніе. Для того, чтобы по возможности захватить управленіе страной или, по крайней мѣрѣ, оказывать на него вліяніе, организуются политическія партіи, устанавливающія постоянное взаимодѣйствіе между парламентомъ и массами избирателей. По существу населеніе дѣлится на двѣ главныя политическія группы, соотвѣтствующія двумъ основнымъ психологическимъ типамъ и двумъ элементамъ всякаго процесса развитія—на прогрессистовъ, смотрящихъ преимущественно впередъ и ищущихъ улучшенія существующихъ условій, и на консерваторовъ, приверженцевъ традиціи, которые дорожатъ добытыми благами и неохотно отступаютъ отъ проторенныхъ путей. Схема нѣсколько осложняется появленіемъ на крайнихъ флангахъ двухъ партій—радикаловъ и представителей рабочихъ, съ одной стороны, которые ставятъ себѣ цѣлью болѣе или менѣе рѣзкія перемѣны въ политическомъ или соціальномъ строѣ, и крайнихъ англиканцевъ, мечтающихъ о возстановленіи роли мистической церкви, съ другой. Но кучки этихъ крайнихъ не велики и не измѣняютъ общаго отношенія между главными партіями. Болѣе безпорядка вноситъ существованіе довольно сплоченной группы ирландцевъ (около 80), которые не интересуются англійскими политическими вопросами, какъ таковыми, а смотрятъ на нихъ исключительно сквозь призму своихъ особыхъ націоналистическихъ стремленій. При большемъ или меньшемъ равенствѣ силъ между англійскими партіями, ирландцы получаютъ возможность оказывать довольно рѣшительное вліяніе, примыкая, смотря по своимъ выгодамъ, то къ той, то къ другой сторонѣ. Кромѣ того, какъ извѣстно, самый фактъ появленія вопроса объ ирландской автономіи внесъ рознь въ группировку англійскихъ партій, вызвавъ образованіе средней группы, либеральной по происхожденію, но имперіалистической по своимъ взглядамъ на національные вопросы (либеральные уніонисты). Однако, не смотря на эти осложненія, основная противоположность между прогрессивнымъ и консервативнымъ направленіями мысли и общественнаго мнѣнія продолжаетъ играть главную роль въ распредѣленіи общества по партіямъ.

Въ палатахъ эта группировка приводитъ къ строгой партійной дисциплинѣ, къ организаціи вокругъ признанныхъ вождей (лидеровъ), къ уговорамъ между членами и къ цѣлому ряду условныхъ правилъ веденія борьбы. Менѣе всего подчиняются этимъ условіямъ ирландцы, и практика „обструкціи", которую они безцеремонно ввели въ употребленіе въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, заставила нижнюю палату позаботиться о болѣе строгомъ регламентѣ, объ усиленіи авторитета спикера въ руководствѣ преніями и даже о примѣненіи въ крайнихъ случаяхъ принудительнаго прекращенія преній (Closure).

Особенное значеніе имѣетъ организація партій среди избирателей и способы, которыми сторонники этихъ партій вліяютъ на общественное мнѣніе. Здѣсь не мѣсто говорить о роли прессы, такъ какъ она дѣйствуетъ до нѣкоторой степени какъ самостоятельный факторъ, при томъ мало подчиняющійся внѣшнимъ формамъ организаціи. Но необходимо имѣть въ виду, что, съ увеличеніемъ числа избирателей, для каждой партіи становится жизненнымъ вопросомъ привлечь вниманіе и сочувствіе массы мелкихъ индивидуальностей, которыя часто не ясно представляютъ себѣ главные спорные вопросы дня, руководствуются въ сильной степени впечатлѣніями и легко поддаются ловкому руководству. Отсюда естественно возникаетъ профессія политикановъ (wire pullers) и обширныя союзныя организаціи, которыя ставятъ себѣ цѣлью распространять извѣстныя политическія мнѣнія, поддерживать интересъ и энергію избирателей и направлять ее въ нужномъ для партіи направленіи. Пріемы и уловки такихъ организацій нигдѣ не примѣняются въ столь колоссальныхъ размѣрахъ, какъ въ Америкѣ, но и въ Англіи они вошли въ обычную практику и объясняютъ многое въ текущей политикѣ. Первая крупная организація, охватившая постепенно все королевство, была создана въ 1877 году подъ вліяніемъ Чемберлэна. Это былъ, такъ называемый, Caucus, федерація либеральныхъ ассоціацій. Цѣлью было сговариваться о принципахъ, издавать и распространять политическія программы, организовать митинги и рѣчи, собирать съѣзды представителей мѣстныхъ центровъ, намѣчать кандидатовъ и поддерживать ихъ при выборахъ всею силою общественнаго вліянія и журналистики. Первый секретарь либеральной федераціи, Шнагорстъ, развилъ эту систему въ подробностяхъ, и, благодаря явнымъ и закулиснымъ вліяніямъ, федерація стала великой политической силой и одержала побѣду на первыхъ общихъ выборахъ. Само собою разумѣется, что консерваторы не остались въ долгу; затѣмъ образовалась подъ вліяніемъ движенія къ гомъ-рулю особая федерація либераловъ-уніонистовъ, и въ настоящее время избирательная агитація въ странѣ повсюду считается съ этими обширными организаціями. Было бы большой ошибкой думать, что они совершенно фальсифицируютъ

общественное мнѣніе и замѣняютъ его своего рода игрой политическихъ маріонетокъ, послушно повинующихся политиканамъ. Всѣ главные повороты общественнаго мнѣнія опредѣляются, въ концѣ концовъ, умственными процессами, совершающимися болѣе или менѣе самостоятельно въ головахъ массъ. Значеніе демократической постановки государственной жизни сказывается даже въ усиленіи вліянія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей, людей, одаренныхъ „политическимъ магнетизмомъ“, умѣющихъ приковывать вниманіе массъ и говорить съ ними,—таковы Чемберлэнъ, Рузвельтъ. Но, безъ всякаго сомнѣнія, доля вліянія обдуманной и тщательно руководимой партійной организаціи очень велика и несомнѣнно возрастаетъ съ увеличеніемъ числа демократическихъ личностей, принимающихъ участіе въ политической жизни.

Въ общемъ сосредоточеніе гражданъ въ большихъ и сплоченныхъ партіяхъ чрезвычайно облегчаетъ задачу управленія при помощи парламентскаго большинства. Разъ опредѣлившееся преобладаніе той или другой партіи не легко и не сразу разстраивается, оно зависитъ не отъ случайныхъ и неустойчивыхъ комбинацій немногочисленныхъ группъ, а отъ колебаній общественнаго мнѣнія въ предѣлахъ историческихъ противоположностей, значеніе которыхъ ясно для широкихъ круговъ общества, и которыя оказываютъ другъ на друга умѣряющее вліяніе. Хотя такіе вопросы, какъ гомъ-руль, имперіализмъ, протекціонизмъ, осложнили эти простыя отношенія и вызвали образованіе самостоятельныхъ группъ внѣ главнаго развѣтвленія на либераловъ и консерваторовъ, но всетаки англійскія партійныя отношенія выгодно отличаются своею устойчивостью, сдержанностью и положительной практичностью отъ ожесточенныхъ раздоровъ и колеблющихся комбинацій, характеризующихъ, напр., политическую жизнь Франціи, Германіи, Австро-Венгріи. Объясняется это, въ концѣ концовъ, не только привычками партійной дисциплины и парламентской тактики, но продолжительной политической опытностью народа, своевременнымъ, а не запоздалымъ разрѣшеніемъ политическихъ задачъ и сочувственнымъ отношеніемъ большинства населенія къ существующему общественному и государственному строю. Одни лишь ирландцы являются въ парламентъ съ непримиримою злобою и смотрятъ на государственную работу великобританскихъ учрежденій съ точки зрѣнія не ея прямыхъ задачъ, а своихъ не осуществленныхъ идеаловъ.

---

4. Исполнительная власть.

а) Корона и кабинетъ.

Мы уже указывали на постепенный переходъ реальной власти отъ монарха къ министерству, которое опирается на общественное мнѣніе страны, поскольку послѣднее выражается въ большинствѣ палаты общинъ. Хотя Соединенное Королевство продолжаетъ быть монархіей съ формальной и церемоніальной стороны, но въ дѣйствительности оно—республика, управляемая представителями сильнѣйшей партіи въ парламентѣ. Благодаря своей безвредности, современные монархи вызываютъ въ большинствѣ лояльныя чувства, однородныя съ восторженной преданностью національному знамени. Косвенное соціальное вліяніе популярнаго короля или королевы до сихъ поръ велико; они оказываютъ значительную протекцію при замѣщеніи выгодныхъ синекуръ, свѣтскихъ и духовныхъ, и принимаютъ личное участіе въ раздачѣ почетныхъ наградъ, орденовъ и титуловъ. Но роль ихъ въ управленіи страной почти совершенно упразднена признаніемъ двухъ основныхъ положеній: король не можетъ поступать неправильно (The King can do no wrong); за всѣ дѣйствія короны отвѣчаетъ кто либо изъ министровъ или министерство въ его совокупности. Иначе говоря, король признается безотвѣтственнымъ подъ условіемъ, что за всѣ приказанія, исходящія отъ короны, будетъ отвѣчать какое либо другое оффиціальное лицо. Такимъ образомъ, личный и единоличный элементы совершенно устраняются изъ государственной практики. Король, какъ лицо, присутствуетъ на обѣдахъ, открываетъ благотворительные базары, участвуетъ въ торжественныхъ процессіяхъ; во всѣхъ же реальныхъ государственныхъ актахъ дѣйствуютъ король или корона, какъ учрежденіе, движимое отвѣтственными передъ страной исполнителями. Единственнымъ сколько нибудь важнымъ переживаніемъ прежняго участія единоличнаго фактора въ государственной жизни является требованіе, чтобы королю сообщались свѣдѣнія о важнѣйшихъ актахъ государственной политики, напр., ежедневные бюллетени о ходѣ дѣлъ въ обѣихъ палатахъ парламента, когда онѣ засѣдаютъ, и депеши министерства иностранныхъ дѣлъ. Когда лордъ Пальмерстонъ въ 1851 году не счелъ нужнымъ предварительно сообщить о содержаніи своей дипломатической переписки королевѣ Викторіи, она настояла на его удаленіи. Конечно, и въ этомъ отношеніи монархъ имѣетъ случай оказывать личное вліяніе только въ извѣстныхъ предѣлахъ: въ случаѣ разногласія съ кабинетомъ по вопросамъ внѣшней политики, онъ не имѣлъ бы никакой возможности настоять на своемъ мнѣніи, такъ какъ попытка въ этомъ смыслѣ вызвала бы выходъ въ отставку министровъ и ог-

поръ со стороны парламентскаго большинства. Всякія поползновенія на личную политику фактически прекратились въ Англіи послѣ царствованія Георга III и Георга IV. Вильгельмъ IV во время проведенія билля о реформѣ избирательнаго права еще обнаруживалъ нѣкоторое личное неудовольствіе, но оно привело только къ мелкимъ задержкамъ и не оказало существеннаго вліянія на ходъ дѣла. Королева Викторія уже отличалась совершенной корректностью въ конституціонномъ отношеніи.

Главнымъ выраженіемъ этого удаленія монарха отъ реальной правительственной дѣятельности является тотъ фактъ, что онъ не принимаетъ участія въ совѣщаніяхъ *кабинета*, т. е. высшаго исполнительнаго учрежденія страны. Кабинетъ выработался постепенно изъ политической коммиссіи тайнаго совѣта, который состоялъ не только изъ министровъ, но также изъ другихъ личныхъ совѣтниковъ короны. По мѣрѣ осуществленія господства сильнѣйшей парламентской партіи, роль тайнаго совѣта, какъ цѣлаго, становилась слабѣе и, наконецъ, сдѣлалась совершенно номинальной. Дѣйствительное значеніе сохранили лишь нѣкоторые его комитеты, и главный изъ нихъ подъ именемъ кабинета, сдѣлался настоящимъ центромъ правительства. Изъ него при этомъ выдѣлились всѣ элементы, связанные съ личнымъ вліяніемъ монархіи. Прежде всего, со времени Георга I король болѣе не предсѣдательствуетъ въ засѣданіяхъ кабинета и даже не присутствуетъ на нихъ. Затѣмъ, къ началу XIX вѣка, выяснилось, что въ кабинетѣ принимаетъ участіе лишь опредѣленный составъ дѣйствительныхъ министровъ, а предсѣдателемъ и руководителемъ является первый министръ (премьеръ), т. е. глава сильнѣйшей партіи парламента.

Существенной чертой въ организаціи кабинета слѣдуетъ считать солидарность его членовъ. Ни одинъ изъ нихъ не можетъ отговариваться тѣмъ, что онъ не принималъ личнаго участія въ какомъ либо рѣшеніи или былъ не согласенъ съ мнѣніемъ другихъ сочленовъ. Если возникаютъ серьезныя разногласія въ средѣ кабинета, представителямъ взглядовъ, отклоняющихся отъ политики премьера, какъ вождя большинства, остается либо подчиниться, либо выйти въ отставку. Конечно, если бы разногласія стали слишкомъ значительны и образовался бы расколъ между приблизительно равными по вліянію группами членовъ, то это сказалось бы на всемъ руководствѣ дѣлами, какъ въ странѣ, такъ и въ парламентѣ, и привело бы къ распаденію министерства: поучительной иллюстраціей къ изложеннымъ положеніямъ служитъ исторія раскола въ уніонистскомъ кабинетѣ Бальфура, происшедшаго вслѣдствіе протекціонистской программы Чемберлэна. Цѣлый рядъ перемѣнъ въ составѣ кабинета, начавшійся выходомъ въ отставку самого Чемберлэна, видимо обнаруживаетъ распаденіе правительственной партіи и постоянно грозитъ преждевремен-

нымъ распущеніемъ парламента. Засѣданія кабинета не публичны, и происходящее на нихъ должно оставаться въ тайнѣ; однако достаточно извѣстно, что рѣшенія кабинета зависятъ не отъ голосованій, а отъ соглашенія мнѣній подъ преобладающимъ вліяніемъ премьера. Хотя послѣдній, такимъ образомъ, является главой правительства въ настоящемъ смыслѣ этого слова и, прежде всего, отвѣчаетъ передъ страной за общее веденіе политики, но ни кабинетъ, ни премьеръ не вмѣшиваются въ частности жизни отдѣльныхъ вѣдомствъ, и, напр., дипломатическія донесенія адресуются статсъ-секретарю иностранныхъ дѣлъ. Лишь важнѣйшіе вопросы, касающіеся общаго веденія государственной политики, обсуждаются министрами съ премьеромъ или въ собраніи кабинета.

b) Центральныя учрежденія.

При историческомъ характерѣ англійскаго государственнаго строя и зависимости многихъ его положеній отъ обычаевъ и условностей, а не отъ ясныхъ опредѣленій закона, приходится строго различать между формальностями и дѣйствительностью въ англійской администраціи. Такъ, широкая компетенція *тайнаго совѣта*, который въ XVI и XVII вѣка осуществлялъ всевозможныя полномочія и широко пользовался правомъ издавать распоряженія въ пополненіе законовъ, не отмѣнена формально до сихъ поръ. Въ дѣйствительности же большая часть дѣлъ перешла къ различнымъ спеціальнымъ вѣдомствамъ и совѣтамъ, возникшимъ въ теченіе XVIII и особенно XIX вѣка; функціи тайнаго совѣта, какія остались, осуществляются имъ либо въ особыхъ комитетахъ, напр., въ судебномъ, либо стали юридическою формою для актовъ, выработанныхъ въ сущности различными вѣдомствами или кабинетами. Послѣднее наблюдается въ особенности по отношенію къ такъ называемымъ „приказамъ совѣта" (Orders in Council), административнымъ распоряженіямъ, инструкціямъ и уставамъ, которые вырабатываются для руководства различныхъ учрежденій. Эта категорія обнимаетъ въ высшей степени важныя постановленія. Сюда относятся, между прочимъ, заключеніе и обнародованіе договоровъ, королевскія прокламаціи, напр., о нейтралитетѣ и его условіяхъ, инструкціи по управленію колоніями, распредѣленіе обязанностей и составъ центральныхъ учрежденій и т. п. Формально все это дѣлается тайнымъ совѣтомъ, который, однако, въ дѣйствительности никогда не собирается для обсужденія этихъ дѣлъ. Всѣ соотвѣтствующія распоряженія вырабатываются подлежащими вѣдомствами при участіи коронныхъ юристовъ и съ утвержденія кабинета или, по крайней мѣрѣ, перваго министра. Смыслъ такъ называемой компетенціи тайнаго совѣта сводится, такимъ образомъ, къ тому, что высшимъ орга-

намъ исполнительной власти предоставлены широкія полномочія по изданію административныхъ распоряженій, при чемъ отвѣтственность за нихъ всецѣло лежитъ на министерствѣ, и, въ случаѣ злоупотребленій или ошибокъ, оно можетъ быть привлечено къ этой отвѣтственности самымъ рѣшительнымъ образомъ. Такъ, послѣдняя военная реформа прошла въ сущности вслѣдствіе того, что недостатки военнаго устройства, разоблаченные въ прессѣ и парламентѣ, вызвали образованіе королевской коммиссіи. Она подвергла ихъ разслѣдованію, и на основаніи этого разслѣдованія приказомъ совѣта, который былъ выработанъ военнымъ министромъ и принятъ кабинетомъ, была произведена реформа главныхъ военныхъ учрежденій. О судебной коммиссіи тайнаго совѣта было оказано раньше.

Переходя къ организаціи отдѣльныхъ вѣдомствъ, необходимо прежде всего замѣтить, что трое изъ членовъ министерства не имѣютъ въ своемъ завѣдываніи (спеціальныхъ) отраслей администраціи: это какъ разъ три наиболѣе почетныхъ и вліятельныхъ члена кабинета: первый министръ, президентъ совѣта и лордъ-хранитель тайной печати. Хотя премьеръ обыкновенно занимаетъ должность перваго лорда казначейства, но онъ не имѣетъ спеціальнаго отношенія къ финансамъ, управленіе которыми лежитъ на канцлерѣ казначейства. Первый министръ, президентъ совѣта и лордъ-хранитель тайной (или частной) печати являются политическими дѣятелями, а не администраторами. Руководство различными частями административной машины лежитъ на слѣдующихъ министрахъ и учрежденіяхъ. Пять статсъ-секретарей завѣдуютъ внутренними дѣлами (Home), иностранными дѣлами (Foreign affairs), военнымъ министерствомъ, колоніями и Индіей. Министромъ юстиціи въ нашемъ смыслѣ является лордъ-канцлеръ, а министромъ финансовъ канцлеръ казначейства (Chancellor of the Exchequer). Послѣдній всегда членъ палаты общинъ, такъ какъ финансовые билли вырабатываются палатой общинъ. Онъ входитъ въ составъ совѣта казначейства (Treasury Board) вмѣстѣ съ первымъ лордомъ и еще нѣсколькими членами (junior lords), обыкновенно двумя. Надо замѣтить, что совѣтъ этого управленія собирается въ настоящее время лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, а вся дѣйствительная административная работа ведется канцлеромъ казначейства и подвѣдомственными ему лицами *). Почтовое вѣдомство поставлено самостоятельно, и его глава, генералъ-почтмейстеръ, имѣетъ положеніе министра и засѣдаетъ въ парламентѣ, хотя не всегда входитъ въ составъ кабинета. Морское вѣдомство находится въ рукахъ совѣта адмиралтейства (Admiralty board), состоящаго изъ перваго лорда и пяти членовъ, изъ которыхъ четыре моряка, а одинъ гражданскаго вѣдомства.

*) Контроль (Audit office) примыкаетъ къ вѣдомству казначейства.

Затѣмъ идетъ группа управленій, которыя имѣютъ своимъ главнымъ назначеніемъ не непосредственное завѣдываніе той или другой отраслью дѣлъ, а контроль со стороны государства надъ различными формами общественной дѣятельности. Такая постановка дѣла сама по себѣ очень характерна для самоуправляющейся и привыкшей къ самодѣятельности Англіи. Такими контрольными учрежденіями являются совѣтъ торговли (Board of trade), совѣтъ общественныхъ работъ (Board of works), совѣтъ мѣстнаго управленія (Local government board), совѣтъ земледѣлія (Board of Agriculture) и совѣтъ воспитанія, или, по нашему, народнаго просвѣщенія (Board of Education). Всѣ эти учрежденія выработались постепенно изъ административныхъ коммиссій тайнаго совѣта. Хотя названія ихъ указываютъ на коллегіальность, но въ дѣйствительности всѣ эти вѣдомства подчинены такъ называемымъ предсѣдателямъ совѣтовъ. Въ списокъ представителей высшихъ административныхъ учрежденій необходимо включить еще шотландское управленіе (Scotch office), съ секретаремъ во главѣ, и главнаго секретаря Ирландіи, который номинально подчиненъ ирландскому губернатору (Lord Lieutenant of Ireland), но въ дѣйствительности стоитъ во главѣ ирландской администраціи и представляетъ ее въ парламентѣ. Наконецъ, весьма важную роль играютъ два юрисконсульта правительства — генеральный атторней и генеральный солиситоръ, положеніе которыхъ можно до нѣкоторой степени иллюстрировать, назвавъ перваго генеральнымъ прокуроромъ, а второго генеральнымъ нотаріусомъ, хотя въ дѣйствительности разница не такъ рѣзка, какъ указывали бы наши термины. Особое управленіе учреждено для завѣдыванія дѣлами и имуществами герцогства Ланкастерскаго, и глава его, канцлеръ герцогства, считается членомъ министерства. Особаго министерства двора не существуетъ, и завѣдущій дворовыми дѣлами и театральной цензурой лордъ-чемберленъ не принадлежитъ къ числу политическихъ дѣятелей.

На особомъ положеніи находятся также два управленія, главы которыхъ не принимаютъ непосредственнаго участія въ политической борьбѣ и не зависятъ отъ ея превратностей—это коммиссіи по церковнымъ дѣламъ (Ecclesiastical Commission) и по благотворительнымъ капиталамъ (Charity Commission). Цѣль первой ясна. Что касается до второй, то она наблюдаетъ за сохраненіемъ, расширеніемъ и расходованіемъ средствъ, пожертвованныхъ или завѣщанныхъ на благотворительныя цѣли, включая, конечно, завѣдываніе и имѣніями, отказанными съ этой цѣлью.

Послѣднія два учрежденія, какъ я сказалъ, не имѣютъ политическаго характера и постояннаго представительства въ парламентѣ. Остальныя должности (за исключеніемъ лорда чемберлена, положеніе котораго въ палатѣ лордовъ личное, а не политическое) могутъ быть названы министерскими и требуютъ участія

въ парламентѣ. Въ кабинетѣ, т. е. въ солидарной коммиссіи господствующей партіи, которая ведетъ управленіе страны, состоятъ далеко не всѣ министры. Обязательныхъ членовъ его только одиннадцать: премьеръ, лордъ-президентъ, канцлеръ, пять статсъ-секретарей, канцлеръ казначейства, первый лордъ адмиралтейства и секретарь по ирландскимъ дѣламъ (или лордъ-лейтенантъ Ирландіи); обыкновенно призываются въ кабинетъ, кромѣ того, хранитель частной печати, президентъ совѣта торговли, а изъ остальныхъ министровъ нѣкоторые по выбору премьера и его товарищей въ кабинетѣ. Общее число членовъ кабинета доходитъ въ настоящее время до двадцати.

Существенной чертой организаціи англійскаго управленія является, такимъ образомъ, его двойственный характеръ: высшіе его представители должны быть въ одно и то же время политическими дѣятелями въ парламентѣ и руководителями административной машины; въ однѣхъ должностяхъ преобладаетъ первый, въ другихъ второй элементъ, но въ министерствѣ, какъ цѣломъ, соединены оба. Эта капитальная сторона дѣла имѣетъ любопытныя послѣдствія въ дальнѣйшихъ особенностяхъ организаціи: Во-первыхъ, чисто административная служба считается не совмѣстимой съ дѣятельностью въ парламентѣ. Уже въ XVIII вѣкѣ были изданы законы, которыми воспрещалось лицамъ, находящимся на коронной службѣ, т. е. на жалованіи правительства, независимо отъ того быть депутатами въ палатѣ общинъ: цѣль этихъ законовъ была, конечно, устранить вліяніе министерской протекціи и іерархическаго подчиненія на мнѣнія и голосованія парламента. Для министровъ дѣлается исключеніе: они могутъ и должны присутствовать въ парламентѣ, въ качествѣ его членовъ, для защиты интересовъ своихъ вѣдомствъ и для разъясненія парламенту всѣхъ связанныхъ съ ними вопросовъ, но и для нихъ исключеніе не безусловно: требуется переизбраніе въ округахъ, которые первоначально выбрали ихъ депутатами. Другая не менѣе существенная сторона дѣла заключается въ томъ, что весь составъ администраціи въ собственномъ смыслѣ стоитъ внѣ политической борьбы. Перемѣна министерства ведетъ къ полной смѣнѣ политическихъ главъ администраціи, но всѣ прочія должностныя лица остаются на своихъ мѣстахъ и продолжаютъ свою работу подъ руководствомъ новыхъ политическихъ начальниковъ. Ничего подобнаго американской „системѣ добычи“ (spoils system), т. е. выбрасыванію всего административнаго персонала одной партіи послѣ побѣды другой, въ Англіи не существуетъ. Однимъ изъ характерныхъ выраженій этой неразрывности административной традиціи въ противоположность политическимъ колебаніямъ служитъ существованіе въ главныхъ вѣдомствахъ такъ называемыхъ „постоянныхъ секретарей“ (Permanent Secretaries). На ряду съ статсъ-секретаремъ по дѣламъ

Индіи или съ предсѣдателями совѣта народнаго просвѣщенія стоятъ постоянные секретари этихъ вѣдомствъ, которые не засѣдаютъ въ парламентѣ и должны сообразоваться до извѣстной степени съ указаніями своихъ политическихъ начальниковъ, но въ то же время представляютъ административную традицію и опытность по своей спеціальности и фактически имѣютъ громадное вліяніе на ходъ текущихъ дѣлъ. Однимъ изъ признаковъ здраваго смысла и превосходной политической выдержки слѣдуетъ считать, что разнородныя теченія политики и постоянныя традиціи администраціи хорошо примиряются на практикѣ.

c) Отдѣльныя отрасли управленія.

Въ настоящемъ очеркѣ мы не имѣемъ возможности обстоятельно разслѣдовать всѣ части англійской администраціи. Мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ, особенно характерныхъ сторонахъ ея, въ которыхъ ясно сказываются особенности англійскаго отношенія къ государственнымъ вопросамъ. Нельзя съ этой точки зрѣнія не коснуться положенія арміи и флота, полиціи, организаціи церкви, воспитанія и мѣстнаго управленія.

Англичане всегда признавали образованіе большой постоянной арміи одною изъ величайшихъ опасностей для благосостоянія страны. Въ эпоху борьбы между правительствомъ и народомъ, первое стремилось создать такую армію, съ нескрываемой цѣлью употребить ее для подавленія вольностей гражданъ, и даже та армія, которая вышла изъ революціонной, пуританской среды, сдѣлалась, въ концѣ концовъ, въ рукахъ Кромвеля тиранической силою. Этимъ печальнымъ опытомъ и необыкновенно счастливымъ островнымъ положеніемъ, обезпечивающимъ отъ нападенія большихъ массъ съ моря, объясняется ограниченное чрезвычайно тѣсными предѣлами положеніе военной силы въ Англіи. Самое существованіе ея опредѣляется формально однимъ годомъ: ежегодно утверждаются штаты на ея содержаніе и особые военные законы, необходимые для поддержанія въ ней дисциплины. Конечно, фактически военное устройство основано на постоянной традиціи учрежденій и правилъ, но самая постановка вопроса въ зависимости отъ ежегодныхъ постановленій законодательной власти ручается въ настоящее время за невозможность какихъ-либо попытокъ противопоставлять армію странѣ или разсматривать ее, какъ особо связанное съ монархіей учрежденіе, какъ это нерѣдко дѣлается въ Германіи. Регулярная армія не велика и пополняется вольной вербовкой, при чемъ вступающій въ нее становится солдатомъ въ силу заявленія, сдѣланнаго въ присутствіи мирового судьи, и военной присяги. Съ этихъ поръ онъ считается подчинившимся военной власти и военнымъ законамъ, утверждаемымъ ежегодно парламентомъ, такъ что обыкновенныя га-

рантіи гражданской свободы болѣе не приложимы къ нему. Индійская армія находится на особомъ положеніи, и ея устройство не зависитъ отъ указанныхъ ограничительныхъ условій, но, хотя эти войска могутъ быть употребляемы и внѣ Индіи, злоупотребленіе ими для какихъ-либо покушеній на вольности англійскаго народа невозможно уже потому, что содержаніе ихъ поставлено въ счетъ индійскаго бюджета, который, какъ и всѣ остальныя части финансовой системы, подлежитъ верховному контролю парламента. Кромѣ регулярной арміи, имѣется милиція, своего рода ополченіе, которое пополняется добровольно вступающими людьми и, за недостаткомъ ихъ, наборомъ по жребію. Эти отряды созываются для военныхъ занятій въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, а въ случаѣ войны предназначены для службы въ предѣлахъ Соединеннаго Королевства. Наконецъ, волонтеры и іомеври составляютъ вспомогательныя войска изъ добровольцевъ, также предназначенныя собственно для защиты отечественной территоріи въ случаѣ вторженія. Въ послѣднюю южно-африканскую войну ихъ, однако, посылали съ разрѣшенія парламента въ Африку. По отношенію къ флоту въ Англіи никогда не было того же чувства ревности и опасенія, какъ по отношенію къ арміи. Напротивъ, англичане всегда сознавали, что въ сильномъ флотѣ заключается обезпеченіе ихъ независимости, внутренняго преуспѣянія и міроваго могущества. Въ дисциплинарномъ отношеніи, однако, чины флота находятся въ одинаковомъ положеніи съ солдатами арміи.

Полиція въ Англіи въ значительной своей части находится въ зависимости отъ самоуправляющихся общинъ и округовъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ имѣетъ общее наблюденіе за организаціей полицейской службы, утверждаетъ въ должности начальниковъ полиціи (Chief Constables) въ графствахъ, назначаетъ инспекторовъ, завѣдуетъ непосредственно корпусами полиціи въ Лондонѣ, за исключеніемъ Сити, въ которой полиція подчинена муниципальнымъ властямъ. Кромѣ того, какъ министерство внутреннихъ дѣлъ, такъ и совѣтъ мѣстнаго управленія контролируютъ примѣненіе различныхъ статутовъ, касающихся общественнаго благоустройства: санитарныхъ мѣръ, содержанія дорогъ, общественнаго призрѣнія и т. п. Инспекція фабричныхъ и ремесленныхъ заведеній зависитъ непосредственно отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Точно такъ же въ вѣдѣніи министерства находится тюремное вѣдомство. Но всѣ прямыя распоряженія по полиціи благоустройства и безопасности производятся выборными собраніями и властями графствъ и городовъ и мировыми судьями. Тайная полиція, конечно, существуетъ, но никакой „политической“ полиціи съ особыми полномочіями по производству обысковъ, арестовъ и т. п. нѣтъ, и быть не можетъ. Вообще говоря, составъ полиціи и ея отношенія къ публикѣ таковы, что англій-

ская полиція можетъ по справедливости гордиться своей дѣятельностью. Это, быть можетъ, единственная въ мірѣ популярная полиція.

Уже изъ сказаннаго ясно, какое громадное значеніе имѣетъ въ жизни Англіи мѣстное и областное самоуправленіе. Принципы децентрализаціи и общественной самодѣятельности проходятъ черезъ всю исторію страны и въ значительной степени объясняютъ преуспѣяніе народа. Въ настоящемъ очеркѣ я, однако, коснусь лишь вкратцѣ этой важной стороны государственнаго устройства, потому что мнѣ еще недавно пришлось говорить о ней довольно обстоятельно (Сборникъ „Мелкая земская единица" Спб. 1903 г.). Я ограничусь лишь нѣкоторыми указаніями относительно связи, въ которой находятся между собою земская и городская организаціи.

Преобразованіе мѣстныхъ учрежденій на послѣдовательно проведенномъ выборномъ началѣ было произведено сначала въ примѣненіи къ городскимъ корпораціямъ (Municipal corporations Acts 1835 и 1882 год.); затѣмъ тѣ же принципы были распространены законами 1888 и 1894 года на всѣ административныя дѣленія страны. Въ настоящее время городскія поселенія, въ которыхъ живетъ три четверти всего населенія Англіи, раздѣляются по отношенію къ формамъ своего управленія на три группы: 1) инкорпорированные города (boroughs), имѣющіе болѣе 50,000 жителей; 2) города съ населеніемъ менѣе 50,000; эта группа подраздѣляется на два отдѣла, но для нашей цѣли нѣтъ надобности входить въ подробности этихъ отличій, и 3) городскія поселенія (urban districts), не имѣющія корпоративнаго устройства. Первая группа приравнена къ административнымъ графствамъ и пользуется всѣми ихъ полномочіями; города второй включены въ графство по отношенію къ немногимъ дѣламъ, напр., содержанію главныхъ дорогъ, устройству больницъ для умалишенныхъ и т. п., а во всѣхъ другихъ случаяхъ дѣйствуютъ самостоятельно; меньшіе города этой группы подчинены графству по отношенію къ примѣненію актовъ о ветеринаріи, о взрывчатыхъ веществахъ, о полиціи, объ устройствѣ исправительныхъ заведеній и профессіональныхъ школъ и т. п. Меньшіе города не всегда имѣютъ самостоятельные съѣзды мировыхъ судей. Поселенія третьей группы приравнены къ округамъ и подчинены графству на тѣхъ же основаніяхъ, какъ земскіе округа. Управленіе городскихъ поселеній повсюду выборное, при чемъ подробности его опредѣляются грамотой, которой городу дано корпоративное устройство. Главнымъ органомъ этого управленія служитъ дума, состоящая изъ извѣстнаго числа совѣтниковъ или гласныхъ, избираемыхъ на три года, и изъ альдермэновъ, которые избираются гласными на шесть лѣтъ. Изъ послѣднихъ избирается на одинъ годъ меръ (городской голова). Въ общемъ городское самоуправленіе совершенно однородно по своимъ основнымъ чертамъ съ земскимъ. Главными

предметами его вѣдѣнія являются: забота о недостаточныхъ, объ общественномъ здравіи и народномъ образованіи, а также, поскольку его органами служатъ мировые судьи, разрѣшеніе второстепенныхъ судебныхъ дѣлъ. Къ этимъ главнымъ предметамъ вѣдѣнія примыкаютъ всѣ обычныя обязанности муниципальнаго управленія по завѣдыванію городскими имуществами, уличному благоустройству и порядку и т. п. Существенно въ этомъ случаѣ, въ городахъ, какъ и въ земствахъ, что правительство совершенно отстраняется отъ прямого вмѣшательства и руководства мѣстными дѣлами; оно ограничивается наблюдательными и контрольными функціями и, именно благодаря мудрому ограниченію своей сферы дѣйствія, развиваетъ черезъ посредство своего совѣта мѣстнаго управленія, санитарныхъ и полицейскихъ инспекторовъ, судебныхъ рекордеровъ при мировыхъ съѣздахъ и т. п. весьма полезную и авторитетную дѣятельность.

Вопросы народнаго образованія поставлены въ Англіи также очень характерно. Въ настоящее время вполнѣ организовано подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ государства лишь начальное образованіе. Съ 1870 года введено всеобщее обученіе, и сѣть добровольныхъ или вѣроисповѣдныхъ (voluntary, denominational) и свѣтскихъ или государственныхъ школъ (national schools, board schools) покрываетъ всю территорію Великобританіи. По закону 1902 г. содержаніе первыхъ также перешло къ государству, а вмѣстѣ съ тѣмъ оба вида школъ были объединены въ административномъ отношеніи. И въ данномъ случаѣ опять таки главная забота о школахъ возложена на мѣстныя общества: графства и приравненные къ нимъ города завѣдуютъ ими при помощи особыхъ комитетовъ, состоящихъ при ихъ собраніяхъ или думахъ. Затѣмъ совѣту воспитанія (Board of Education) принадлежитъ общій контроль и инспекція, которые, однако, не обращаются въ прямое бюрократическое завѣдываніе. Школы среднія живутъ пока разрозненно. По прежнему существуютъ „большія публичныя школы“ (public schools), частныя корпораціи, владѣющія отказанными имъ капиталами и имѣніями; болѣе скромныя и многочисленныя „грамматическія школы“ (grammar schools), обслуживающія, главнымъ образомъ, нужды мелкой буржуазіи, техническія и промышленныя училища разнаго рода, основанныя какъ частными благотворителями, такъ и мѣстными обществами, наконецъ, множество частныхъ школъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ. Забота о „координаціи“ и распространенія этихъ типовъ учебныхъ заведеній по закону 1902 года поручена опять таки графствамъ и приравненнымъ къ нимъ городамъ, при чемъ ихъ комитеты имѣютъ возможность не только хлопотать объ открытіи, содержаніи и матеріальной обстановкѣ различныхъ заведеній, но также устраивать по своему усмотрѣнію ихъ учебные планы и воспитательную часть. Министерство (совѣтъ воспитанія) ограничивается общимъ наблю-

деніемъ, устраненіемъ несообразностей и дѣятельной инспекціей. Такая постановка дѣла ручается за быстрое развитіе сѣти дѣйствительно необходимыхъ странѣ заведеній, за энергическую поддержку ихъ со стороны общества и за отношенія взаимнаго довѣрія между школой и семьей.

Высшее образованіе еще въ большей степени, нежели среднее, зависитъ отъ самостоятельной инициативы общественныхъ силъ. Достаточно сказать, что университеты Великобританіи свободны отъ всякой административной опеки государства. Разъ оно предоставило имъ корпоративныя права, разъ учрежденъ, какъ корпорація, университетъ въ Лондонѣ или союзъ сѣверныхъ колледжей—такъ называемый университетъ Викторіи,—дальнѣйшее существованіе корпораціи совершенно самостоятельно. Парламентъ можетъ издать для нихъ, какъ и для всякаго другого общества, тотъ или другой законъ (напр., актъ 1882 года, внесшій измѣненія въ порядки управленія оксфордскаго и кембриджскаго университетовъ); нѣсколько профессуръ и другихъ университетскихъ должностей замѣщаются по назначенію короны на правахъ учредителя, (такъ называемые королевскіе профессора въ Оксфордѣ и Кембриджѣ—Regii professors, начальникъ коллегіи св. Троицы въ Дублинѣ и т. п.), но въ общемъ жизнь англійскихъ университетовъ проходитъ внѣ всякаго вмѣшательства государственной администраціи; о циркулярахъ и утвержденіяхъ министерства, объ обязательныхъ учебныхъ планахъ и распоряженіяхъ учебнаго начальства никто и не слышитъ. Университеты представляютъ своего рода федеративныя республики, состоящія подъ покровительствомъ національнаго правительства. Эта одна изъ причинъ ихъ глубокаго консерватизма. Другая—соціальный подборъ изъ среды обезпеченныхъ классовъ—мало по малу теряетъ свое значеніе вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа стипендіатовъ и возникновеніемъ неангликанскихъ колледжей (напр., Mansfield college и Manchester college въ Оксфордѣ). Шотландскіе же университеты и федерація колледжей, составляющая уэльсскій университетъ, всегда были демократичны по своему составу и духу. Замѣчу мимоходомъ, что уэльсская организація народнаго образованія по своей систематичности, демократическому восхожденію отъ ступени къ ступени и широкому вліянію въ странѣ представляетъ вообще явленіе своеобразное и замѣчательное. Въ настоящей статьѣ нельзя не подчеркнуть, что англичане примиряются съ ея глубокими національными особенностями и стремленіями, потому что считаютъ, что имъ выгоднѣе жить въ мирѣ съ иноплеменнымъ народомъ, нежели тратить силы на его подавленіе.

Организація церкви въ Англіи естественно представляетъ большія особенности. Я имѣю въ виду государственныя церкви, такъ какъ относительно вѣроисповѣданій, которыя не подчиняются государственнымъ церквамъ, дѣйствуютъ общія положенія о вѣро-

терпимости и свободѣ ассоціацій. Я говорю о государственныхъ церквахъ во множественномъ числѣ, такъ какъ если англиканизмъ признать государственнымъ исповѣданіемъ въ Англіи, то пресвитеріанизмъ занимаетъ подобное же положеніе въ Шотландіи.

Начнемъ съ характеристики положенія англиканской церкви. Оно опредѣляется тѣмъ главнымъ условіемъ, что оффиціальная реформація XVII вѣка отдѣлила церковныя учрежденія отъ Рима, замкнула ихъ въ самостоятельный кругъ и поставила ихъ подъ покровительство государственной власти. Хотя король и не считается главою церкви въ вѣроисповѣдномъ отношеніи, но догматическая ея самостоятельность тѣсно ограничена надзоромъ свѣтской власти, а въ административномъ и дисциплинарномъ отношеніи она прямо зависитъ отъ правительства. Дѣйствительно, весь высшій церковный персоналъ, епископы и деканы, назначаются короной, съ соблюденіемъ странной формальности, такъ называемой congé d'élire, т. е. разрѣшенія избирать извѣстное лицо. Назначеніе священниковъ зависитъ отъ патроновъ различныхъ церквей, которые пользуются своими правами на чисто владѣльческомъ основаніи. Отъ всѣхъ духовныхъ судовъ—архидіаконскаго, епископскаго и архіепископскаго—можно апеллировать въ послѣдней инстанціи къ судебному комитету тайнаго совѣта. Для изданія каноническихъ правилъ созываются въ двухъ провинціяхъ—Кентерберійской и Іоркской,—такъ называемыя конвокаціи, въ которыхъ, кромѣ епископовъ, принимаютъ участіе архидіаконы, деканы и прокторы или представители приходскаго духовенства. Но самое созваніе этихъ собраній зависитъ отъ правительства, разрѣшеніе обсуждать каноническія правила и разрѣшеніе издавать новыя даются правительствомъ. Наконецъ, положенія, обязательныя не только для духовенства, но и для мірянъ, принадлежащихъ къ англиканской церкви, утверждаются парламентомъ и заносятся въ книгу статутовъ. Не далѣе, какъ въ 1872 году, парламентъ утвердилъ такимъ образомъ сокращенный формуляръ церковныхъ службъ, выработанный конвокаціями. Подобныя же положенія дѣйствовали до 1869 года по отношенію къ англиканской церкви въ Ирландіи, но въ этомъ году она была отмѣнена, какъ церковь государственная, и обратилась въ свободную ассоціацію лицъ, исповѣдующихъ англиканизмъ въ Ирландіи.

Актомъ объ уніи съ Шотландіей послѣдней гарантировано государственное устройство пресвитеріанской церкви. Она зиждется на іерархіи собраній, въ которыхъ участвуютъ пасторы и старѣйшины изъ мірянъ. Низшей инстанціей служитъ приходъ; нѣсколько приходовъ составляютъ пресвитерію; послѣднія соединяются въ синоды, которыхъ во всей Шотландіи 16; наконецъ, вся шотландская церковь объединяется общимъ собраніемъ делегатовъ изъ пасторовъ и старѣйшинъ. Эти общія собранія гораздо свободнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, нежели англійскія конвокаціи

но ихъ постановленія всетаки подлежатъ контролю парламента и провѣркѣ общихъ судовъ.

d) Индія и колоніи.

41 милліонъ населенія Соединеннаго Королевства составляютъ лишь около одной десятой всего населенія Великобританіи, которое считается въ 408 милліоновъ. Изъ нихъ 52 милліона бѣлые, а 356 принадлежатъ разнымъ цвѣтнымъ племенамъ. Управляется эта колоссальная масса, составляющая, вѣроятно, болѣе четверти и менѣе трети всего населенія земного шара (считая послѣднее въ 1,500 милліоновъ), весьма различными способами, начиная отъ полнаго подчиненія нѣкоторыхъ изъ подвластныхъ областей назначаемымъ англійскимъ правительствомъ губернаторамъ до почти полной независимости самоуправляющихся колоній отъ метрополіи. Въ общемъ, если пренебречь мелкими различіями и особенностями, можно распредѣлить зависящія отъ Соединеннаго Королевства области на четыре главныхъ группы.

Индійская имперія стоитъ особо въ своемъ управленіи. Хотя на нее распространяется, конечно, общее верховенство парламента Соединеннаго Королевства и рѣшенія по нѣкоторымъ особо важнымъ дѣламъ, какъ-то объ употребленіи индійскихъ денежныхъ средствъ на военныя операціи внѣ Индіи, о началѣ враждебныхъ дѣйствій, объ установленіи правилъ для доступа къ административнымъ должностямъ, не могутъ быть приняты безъ согласія парламента, но, вообще говоря, управленіе громадной Имперій, со времени акта 1858 года, находится въ рукахъ статсъ-секретаря по дѣламъ Индіи и состоящаго при немъ совѣта (Council oi Jndia). Члены послѣдняго, въ числѣ отъ 10 до 15, назначаются пожизненно статсъ-секретаремъ. Всѣ важнѣйшія мѣры и постановленія для Индіи вырабатываются этимъ совѣтомъ или статсъ-секретаремъ при участіи совѣта, а не приказами тайнаго совѣта, какъ по дѣламъ Соединеннаго Королевства и колоній. По одному лишь вопросу объ измѣненія административнаго персонала или жалованья въ вѣдомствѣ по дѣламъ Индіи требуется приказъ тайнаго совѣта. По важнѣйшимъ изъ остальныхъ дѣлъ совмѣстная дѣятельность статсъ-секретаря и совѣта Индіи обязательна, по другимъ—мнѣніе совѣта имѣетъ лишь совѣщательное значеніе. На мѣстѣ корона представлена вице-королемъ, назначаемымъ на 5 лѣтъ. При вице-королѣ состоитъ совѣтъ изъ пяти членовъ, который пополняется для цѣлей законодательства добавочными шестнадцатью членами. И тѣ, и другіе назначаются вице-королемъ. Собственно англійскія владѣнія въ Индіи раздѣлены на восемь провинцій, которыя подраздѣляются на отдѣлы и округа. Англійское управленіе организовано на началѣ бюрократическаго подчиненія такъ называемыхъ магистратовъ (magi-

strates), ихъ помощниковъ и сборщиковъ доходовъ (collectors of revenue), но, кромѣ того, дѣйствуютъ самоуправляющіяся городскія и сельскія общины, которыя завѣдуютъ всѣмъ мѣстнымъ управленіемъ. Послѣднее ведется туземнымъ населеніемъ. Многія изъ областей, входящихъ въ составъ имперіи, до сихъ поръ считаются отдѣльными туземными государствами *). Въ этихъ областяхъ корона представлена резидентами, и контроль надъ иностранными сношеніями, военными силами и финансовой системой находится въ рукахъ имперскаго правительства. Послѣднее не вмѣшивается въ частности законодательства, суда и управленія, но предоставляетъ себѣ, въ случаѣ враждебности или тяжкихъ злоупотребленій, смѣщать туземныхъ правителей.

Первая группа колоній по своему устройству напоминаетъ Индію, съ тою разницею, что она подчинена колоніальному секретарю и тайному совѣту, а не индійскому секретарю. Къ ней принадлежитъ Гибралтаръ, островъ Св. Елены, нѣсколько территорій въ южной Африкѣ (Бечуаналендъ, Зулулендъ, Басутолендъ) и вновь пріобрѣтенныя Трансвааль и колонія Оранжевой рѣки. Всѣми этими землями управляютъ губернаторы при помощи назначенныхъ ими-же совѣтовъ. Къ той же группѣ въ сущности принадлежатъ Новая Гвинея, Гонъ-Конгъ, Малайскій архипелагъ (Straits Settlement), Цейлонъ, Сіерра Леоне, Гамбія, Ямайка и нѣкоторыя другія. Въ нихъ существуютъ законодательныя собранія, но члены этихъ собраній назначаются губернаторами. Вторая группа составляется изъ колоній съ законодательными собраніями, избранными самимъ населеніемъ. Сюда относится большая часть островов такъ называемой Западной Индіи, Британская Гвіана, о-въ Св. Маврикія, Наталь.

Наконецъ, самымъ важнымъ типомъ колоніальнаго управленія являются самоуправляющіяся колоніи Сѣверной Америки, Австраліи и Южной Африки (Капле ндъ). Эти области представляютъ въ сущности самостоятельныя государства, похожія по своему строю на метрополію. Въ нихъ, при широкой децентрализаціи, правительство находится въ рукахъ отвѣтственныхъ министерствъ, которыя должны сообразоваться съ партіями, господствующими въ парламентахъ. Каждая такая колонія имѣетъ обыковенно законодательное собраніе, состоящее изъ двухъ палатъ. Члены верхней палаты (сената) избираются либо самимъ населеніемъ, либо нижной палатой. Канада съ 1867 года и Австралія съ 1901 года составляютъ федераціи, во главѣ которыхъ стоятъ особыя законодательныя палаты и министерства. Въ канадскую федерацію входитъ семь колоній, въ австралійскую шесть. Великобританское правительство представлено генералъ-губернаторами и ихъ совѣтами, которые дѣйствуютъ въ качествѣ какъ бы кон-

*) Ихъ считается около 800 съ населеніемъ въ 60 милліоновъ.

ституціонныхъ государей, сообразуясь съ указаніями отвѣтственныхъ министерствъ и постановленіями собраній. Они имѣютъ право veto по отношенію къ послѣднимъ, и, кромѣ того, англійское правительство можетъ кассировать колоніальный законъ, даже если онъ получилъ санкцію генералъ-губернатора. Спорные вопросы публичнаго права колоній разрѣшаются ихъ высшими судами, а въ послѣдней инстанціи судебнымъ комитетомъ тайнаго совѣта. Понятно, что отношенія колоній къ иностраннымъ государствамъ направляются великобританскимъ правительствомъ, но въ устройствѣ войска и флота, въ хозяйственной и соціальной политикѣ онѣ почти самостоятельны. Послѣ горькаго опыта съ отдѣленіемъ Соединенныхъ Штатовъ англійскіе государственные люди относятся съ величайшей осторожностью къ колоніальнымъ интересамъ, стремясь поддерживать и усиливать нравственную связь съ колоніями, но не навязывая своего руководства и избѣгая рѣзкихъ конфликтовъ.

Въ заключеніе не трудно будетъ формулировать нѣкоторыя основныя начала, проходящія черезъ всѣ частности англійскаго государственнаго права.

1) Политическая свобода является необходимымъ послѣдствіемъ и гарантіей гражданскихъ правъ, и отдѣльныя вольности англійскаго народа служатъ примѣненіемъ къ политическимъ вопросамъ началъ общаго права.

2) Поэтому первымъ условіемъ гражданственности англичане считаютъ господство права и независимость суда.

3) Администрація не стоитъ въ Англіи внѣ общаго закона.

4) Англійская политическая система основана не на раздѣленіи властей, а на сосредоточеніи ихъ подъ верховенствомъ парламента.

5) Въ парламентѣ преобладающую роль играетъ палата общинъ, какъ представительство самостоятельныхъ хозяевъ-мужчинъ Соединеннаго Королевства, а палата лордовъ имѣетъ весьма реальное значеніе сдерживающаго учрежденія.

6) По существу правительство въ Англіи республиканское, при чемъ во главѣ стоитъ кабинетъ, какъ исполнительная коммиссія парламента, и первый министръ, какъ делегатъ господствующей въ данное время партіи.

7) Партійное правленіе значительно облегчается простотою основныхъ противоположностей, раздѣляющихъ общество.

8) По отношенія къ своимъ подданнымъ-туземцамъ англичане проводятъ начало бюрократическаго господства, но бѣлые пользуются въ колоніяхъ широкимъ самоуправленіемъ и, въ иныхъ случаяхъ, колоніи представляютъ почти самостоятельныя государства подъ покровительствомъ метрополіи.

П. Виноградовъ.

КЪ ИСТОЧНИКУ ИСЦѢЛЕНІЙ.

Разсказъ.

VI.

Ноги вязли въ пескѣ, и Егоръ едва поспѣвалъ за отцомъ и его спутниками. Они обгоняли толпы стариковъ и старухъ, медленно тянувшихся къ монастырю. Онъ казался очень близко. Было видно, какъ на фонѣ его бѣлыхъ стѣнъ шли люди по какому-то карнизу, устроенному надъ старыми деревянными сараями и избами, ютившимися подъ самымъ монастыремъ. Но потомъ дорога вильнула въ сторону, въ лѣсъ, и монастырь спрятался. Вынырнулъ онъ не скоро, и тогда карнизъ оказался насыпью, и волны народа катили по ней безпрерывно въ обитель и обратно.

— Ну, куда же пойдемъ?—спросилъ Алексѣй.

Старый хохолъ Симонычъ, который собирался говѣть, сказалъ:

— Узнать надо, гдѣ митрополитъ служитъ. Это что за народъ?

У паперти небольшой церкви, которая стояла внизу, сгрудилась и топталась на мѣстѣ огромная, тѣсная толпа. Два околоточныхъ надзирателя, нѣсколько городовыхъ и урядниковъ, энергично жестикулируя кулаками и палашами, сдерживали ея натискъ. Надъ головами въ разныхъ мѣстахъ поднимались руки съ какими то узелками,—онѣ точно взывали къ небу о милосердіи. И видно было, какъ эти узелки проползали по головамъ ближе къ дверямъ и затѣмъ, колыхнувшись нѣсколько разъ то впередъ, то назадъ, попадали всетаки въ церковныя двери и исчезали въ нихъ.

— Это—позвольте узнать—митрополитъ тутъ служитъ, или что?—спросилъ Алексѣй у одного изъ зрителей, сидѣвшихъ рядами на ступенькахъ широкой каменной лѣстницы, которая вела внизъ, по направленію къ церковкѣ.

— Нѣтъ, это которые говѣютъ. Міру—сила! Каждому

желательно, а мѣста нѣтъ... Такъ вотъ порядокъ такой и сдѣлали: коль говѣешь—иди въ церкву, неси просвиры; а коли такъ ежели, то подъ окномъ становись и хоть лобъ разбей... То-есть, сколько влѣзетъ—молись, а внутрь запрещено: подушиться народъ могетъ... страсть сколько міру!.. Никакъ невозможно...

Наши богомольцы постояли въ раздумьи и пошли дальше.

— Д-да... вотъ какой порядокъ...—говорилъ Алексѣй невесело:—а вы, дидусю, митрополита? Х-хе-хе... наврядъ ли придется... Нашему брату и въ рай очереди долго ждать...

— Ну... куда же теперь?—сказалъ отецъ Егора.

Алексѣй, который взялъ на себя роль руководителя, остановился и задумался.

— Чи церква осматривать, чи до Городка ходить,—сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ спутникамъ.

— Оно бы не мѣшало того... помолиться...—сказалъ дѣдъ.

— А вещи?

— Вещи... да... вещи къ мѣсту опредѣлить надо...

— Такъ ходимъ до Городка... Выпьемъ чаю, вещи положимъ и назадъ...

И они пошли дальше, усталые, голодные и потерявшіе бодрость въ этомъ чуждомъ людскомъ потокѣ, наполнявшемъ воздухъ своимъ смутнымъ, смѣшаннымъ, разноголосымъ говоромъ. Въ этой темной и запыленной массѣ, двигавшейся по разнымъ направленіямъ, тихо и почти благоговѣйно шевелившейся подъ окнами церквей, выдѣлялись бѣлыми пятнами величественные городовые, привезенные изъ Петербурга, солдаты-гренадеры и урядники. Все это былъ чистый и щеголевато одѣтый, по сравненію съ толпой, народъ, и на ихъ лицахъ застыло великолѣпное выраженіе власти, распорядительности и величія.

— Не останавливаться! Проходи, проходи! Тутъ нельзя, не садись! Дальше!—осаживая и разрѣжая толпу, говорили великолѣпные городовые, съ знаками трезвости на груди, властнымъ голосомъ, голосомъ хозяевъ и господъ положенія, и толпа безпрекословно тѣснилась и перекатывалась на другую сторону, откуда ее опять гнали дальше, дальше...

Наши богомольцы зашли по пути въ двѣ-три церкви, въ которыхъ службы не было и входы никто не охранялъ, и направились изъ монастыря по дорогѣ въ Городокъ. Узкая дорога вилась по лѣсу среди огромныхъ, величественныхъ, прекрасныхъ сосенъ. Вереницы богомольцевъ и богомолокъ съ котомками за плечами, съ усталыми и серьезными лицами, подняли бѣлую пыль, которая остановилась и какъ будто застыла въ воздухѣ, какъ ѳиміамъ, среди этихъ огромныхъ зеленыхъ колоннъ. Солнечные лучи, прорѣзывая этотъ

бѣлый, прозрачный пологъ, построили бѣлыя стѣны, колокольни, воздушныя причудливыя зданія,—и въ полудремотѣ усталости Егоръ ждалъ, что вотъ-вотъ грянетъ великолѣпный, торжественный трезвонъ съ этихъ стройныхъ, колеблющихся колоколенъ, а изъ-за стѣнъ, раздвигающихся передъ ними, польется стройное, тихое, торжественное пѣніе...

Но стѣны отодвигались все дальше и заходили назадъ; колокольни молчали. Ноги съ трудомъ работали, увязая въ пескѣ и спотыкаясь объ огромные, лохматые корни сосенъ; клонилъ сонъ.

— Далече, дяденька?—спрашивалъ Алексѣй у встрѣчныхъ.

— Версты двѣ.

— Ого!—восклицалъ съ сокрушеніемъ Алексѣй и, сомнѣваясь, тотчасъ же обращался къ другому встрѣчному:

— Долго еще?

— Версты четыре...

— Фу-у, ты...

Да, должно быть, не близко, судя по усталымъ, суровымъ лицамъ этихъ мало разговорчивыхъ людей, которые тянулись безконечною цѣпью изъ нѣдръ этого безмолвнаго, величественнаго бора. Люди съ болячками на лицахъ, люди съ тонкими, странно изогнутыми, точно соломенными ногами, люди въ странныхъ бѣлыхъ, изъ домотканнаго сукна, одеждахъ, съ навитыми на головѣ копнами изъ тряпья, люди монашескаго образа, постныя, худыя, морщинистыя, злыя женскія лица,—все было пестро, странно, интересно и ново...

Вотъ, наконецъ, мелькнули какія-то постройки. Вонъ и площадь за рѣчкой, а надъ ней бараки изъ новаго тесу. Замелькали вывѣски: „Чайная", „Закуски и чай", „Самовары" и т. п. Народъ кишѣлъ, какъ муравьи, толпился около рѣчки, выползалъ изъ бараковъ, торчалъ въ открытыхъ балаганахъ чайныхъ и закусочныхъ, группами бесѣдовалъ на площади.

Наши богомольцы обошли длинный рядъ бараковъ, но вездѣ было полно, нечисто, неудобно.

— Нѣтъ, было бы намъ тамъ остаться, въ энтихъ,—сказалъ отецъ Егора.

— Послушали эту старушенку... чорта!—сердито говорилъ Алексѣй:—Отсюда переть въ монастырь,—языкъ высунешь... Господинъ урядникъ, гдѣ бы намъ помѣститься?

Урядникъ окинулъ величаво-презрительнымъ взглядомъ вопрошавшаго и сказалъ тономъ сановника:

— Выбирай баракъ, какой побольше, да и ложись въ растяжку... Можешь даже вполнѣ быть спокоенъ, какъ лѣтомъ въ саняхъ...

Они пошли дальше. Наконецъ, около часовни два крайнихъ барака оказались совсѣмъ пустыми.

— Вотъ оно!—воскликнулъ съ радостью Алексѣй:—зря я старуху ругалъ... она правду... Ложись, господа! ха-ха... Давайте соснемъ сперва, а тогда чаю... Слав-но! ха-ха...

— Да надо бы въ церковь,—нерѣшительно возразилъ Фимонычъ.

— Ну, дидусю, успѣете... Сидайте вотъ...

И Алексѣй упалъ на солому, потянулся и почти тотчасъ-же заснулъ.

Въ баракѣ былъ полумракъ и прохлада. Сквозь щели падали на солому лучи солнца и золотили ее нѣжной, новой позолотой. Тихо было и хорошо. Все тѣло ныло отъ усталости. Кажется, вѣкъ бы такъ пролежалъ, ни о чемъ не думая, безсознательно глядя на эти щели и полоски золотого свѣта. Сна не было.

Вошелъ урядникъ, бѣлобрысый, худой, съ длиннымъ носомъ и самъ весь какой-то длинный и нелѣпый, а голосъ у него былъ почти женскій.

— Придется, ребяты, потревожить вашу старость: тутъ для депутацій,—сказалъ онъ.

— Да мы тоже депутаты,—сказалъ отецъ Егора усталымъ до отчаянія голосомъ.

— Х-хе... не похоже... Депутаты—это больше отъ татаръ, отъ мордвы... старшины... Вонъ въ бабій баракъ, можетъ, пойдете?

— Мы тутъ немножко отдохнемъ... тогда уйдемъ...

— Н-ну... отдыхайте.

Симонычъ принесъ половину ситнаго хлѣба и звалъ пить чай. Онъ спѣшилъ въ церковь. Алексѣя едва растолкали и пошли въ какой-то балаганъ, подъ названіемъ „Народная чайная“. Балаганъ былъ открытый, столики—изъ не оструганнаго тесу. Вездѣ виднѣлся соръ, грязь. Приходили запыленные люди, снимали съ себя верхнюю одежду и тутъ же вытряхивали. Пыль неслась и садилась въ чай. И чай былъ мутный, невкусный. Солнце припекало Егору самый затылокъ, болѣла голова и продолжалъ сильно клонить сонъ.

Но спать было некогда. Всѣ—и его отецъ, и старый хохолъ, и Алексѣй - спѣшили напиться чаю и идти опять въ монастырь, къ какой-нибудь службѣ. Рѣшено было забраковать Городокъ, какъ главную квартиру, а изъ монастыря пройти въ тѣ бараки, куда пріѣхали утромъ: оттуда было много ближе къ монастырю.

Пошли. Усталыя ноги плохо служили Егору. Песокъ казался глубже и путь длиннѣе. Алексѣй опять шелъ впереди, сучилъ ногами, и похоже было, какъ будто онъ топтался

на одномъ мѣстѣ. Но Егоръ всетаки не могъ догнать его на своихъ костыляхъ. Теперь уже Алексѣй не спрашивалъ, много ли осталось, но и молчать не могъ. Онъ нагналъ какого-то сердито-унылаго чернаго человѣка, освѣдомился у него, откуда онъ и давно ли тутъ живетъ. Оказалось— пятый день.

— Что же, чудеса были, дяденька?

— А какъ же! Сколько человѣкъ оправдалось,—сказалъ черный человѣкъ:—вчера восемнадцать исцѣленіевъ было...

— А вы сами видѣли?—осторожно освѣдомился Алексѣй.

— Видѣлъ! — иронически воскликнулъ черный человѣчекъ:—чай, записываютъ!.. Какъ какой исцѣлился, — его, чай, не отпускаютъ!.. Тутъ и всѣ святыя мѣста, и гдѣ его разбойники били, и клокъ волосъ, и одежа,—все цѣло...

— Цѣло?! — воскликнулъ Алексѣй съ неопредѣленнымъ выраженіемъ легковѣснаго скептика:—Неужели не истлѣло?

— И-и, ми-лый! да развѣ святая вещь можетъ истлѣть?

— А вѣдь тѣло-то, пишутъ вонъ... истлѣло?..

— Какъ истлѣло! Нѣ-ѣтъ... Святые не тлѣютъ. Ишь какую ему Господь Богъ послалъ славу на землѣ: сколько народу... изъ разныхъ земель... изъ-за границы есть... отъ разныхъ народовъ...

— А какъ же въ вѣдомостяхъ было?..

— Въ вѣдомостяхъ?! Х-ха... Жалко, говѣю я, а то бы я тебѣ, милый, сказалъ слово... Въ вѣдомостяхъ!.. х-мъ!.. Кой-чего много печатаютъ нонѣ въ вѣдомостяхъ!..

Совсѣмъ усталые, они вошли въ монастырь. Встрѣчный потокъ иногда совсѣмъ затоплялъ ихъ и прижималъ куда-нибудь къ стѣнѣ. Въ концѣ концовъ, Алексѣй и хохолъ отбились и потерялись въ живомъ людскомъ морѣ. Егоръ остался съ отцомъ. Они остановились около могилы святого, въ толпѣ людей, которые стояли подъ окнами церкви и молились. Тихое, стройное пѣніе иногда выплывало въ окна и звучало среди звуковъ безпрестаннаго людского движенія и говора чѣмъ-то далекимъ, безмятежнымъ, отрѣшеннымъ отъ суеты земли. Кто-то грустный и кающійся смиренно вздыхалъ, горько плакалъ и тихо, покорно умолялъ... И звуки скорби и плача были гармоничны, красивы и трогательны своей чистотой и необычайной музыкой. А шумъ людской суеты, какіе-то болѣзненные, истерическіе вопли, долетавшіе иногда со стороны, стоны, окрики и крупный разговоръ казались тогда нестройными, дикими и досадными...

Иногда новые звуки врѣзывались въ смутно переливающійся говоръ толпы. Тяжелый, мѣрный, правильно чередующійся тактъ издали напоминалъ звукъ большого сита, сор-

тирующаго зерно, затѣмъ выросталъ, раздвигалъ другіе звуки и постепенно заполнялъ воздухъ. Стройные, слегка зыблющіеся ряды гренадеръ въ бѣлыхъ рубахахъ щеголевато проходили мимо, дружно, въ тактъ шлепая ногами о камни мостовой. Камни звонко откликались на этотъ дружный, одновременный ударъ многихъ ногъ, тѣсныя монастырскія стѣны отдавали глухой отзвукъ. Толпа глядѣла, молча или съ рѣдкими, бѣглыми замѣчаніями, провожая глазами колонну. Всплыхавшійся шумъ ея шаговъ, удаляясь, сперва росъ и ширился, потомъ становился глуше и замиралъ гдѣ-то тамъ, за воротами.

VII.

Солнце уже свернуло съ полудня, когда Егоръ съ отцомъ вышли снова изъ монастыря. Было жарко. У Егора болѣла голова. Они остановились около лавочки съ картинами и купили двѣ маленькихъ иконки о. Серафима. Тутъ они встрѣтили Алексѣя и оба обрадовались ему чрезвычайно, точно родному. Вспотѣвшее и запыленное лицо его тоже засіяло радостной улыбкой.

— Откуда?—спросилъ отецъ.

— У источника святого былъ. Вотъ гдѣ міру!

— А теперь?

— Теперь туда, въ энти бараки. Думаю—въ энти. Городокъ—ну его къ Богу!.. Надо мѣста добиться, а то надоѣло таскать все на себѣ.. Просто—плечи какъ отрѣзало. А вы?

— Да мы сами не знаемъ.

— Въ церквахъ были?

— Помолились у одной.

— Святыя мѣста видали?

— Могилку... осмотрѣли.

— А келью?

— Келью—нѣтъ. А гдѣ она?

— Эхъ вы, народы! — воскликнулъ Алексѣй съ сожалѣніемъ и покачалъ головой: — ну, вотъ что. Давайте ваши сумки,—донесу и къ мѣсту опредѣлю—тамъ...

Алексѣй махнулъ рукой въ пространство.

— А вы сейчасъ прямымъ трактомъ—къ святому источнику. Не мѣшаетъ выпить святой водицы... исцѣлиться...

Отецъ Егора съ готовностью передалъ свою ношу Алексѣю.

— Ну, съ Богомъ! — напутствовалъ онъ ихъ, показывая дорогу:—Егорушка, бодрымъ шагомъ! По кавалерійски! Смотри у меня, чтобы назадъ безъ костылей! Святому отдай костылики... Ну, дай Господи...

Онъ еще что-то говорилъ имъ вслѣдъ, но за народомъ уже не было слышно. Они спустились съ насыпи и пошли по новой, пыльной, хорошо устроенной дорогѣ съ свѣже обрытыми глинистыми берегами, надъ узенькой зеленой рѣчкой. Толпы народа шли туда и обратно и по дорогѣ, и по лѣснымъ тропамъ, вьющимся вверху, надъ яромъ. Здѣсь было царство больныхъ, калѣкъ, нищихъ, людей, просящихъ подаянія, взывающихъ къ щедротамъ міра сего. Всѣ они выкликали, громогласно пѣли, читали что-то, и подъ яркимъ, палящимъ солнцемъ, въ пыли, среди этого суетливаго, поспѣшнаго и сосредоточенно-серьезнаго движенія, это скопленіе нищеты, грязи, физической уродливости производило такое впечатлѣніе какъ будто здѣсь нарочно собралось все, что есть самаго ненормальнаго, гадкаго, отвратительно-зловоннаго, нечистаго, возбуждающаго содроганіе ужасными болѣзнями и несчастіемъ... И здоровый человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ удрученъ нуждой, заботами и горемъ, невольно останавливался передъ этой бездной непонятнаго несчастія и, вглядѣвшись, чувствовалъ себя богачемъ и счастливцемъ...

Звуки говора и выкликаній были здѣсь свободнѣе, громче, чѣмъ въ монастырѣ, и разнообразнѣе. Вотъ лохматый человѣкъ съ бѣльмомъ на глазу, сбычившись, поетъ дикимъ голосомъ какой-то тропарь и держитъ передъ собой руку ковшомъ... Вотъ, поджавъ тонкія, голыя выше колѣнъ ноги, громогласно читаетъ псалтырь какой-то растерзанный, почти голый человѣкъ съ болячками на лицѣ, съ облѣзшей головой и бородой. Загорѣлая, съ обвѣтреннымъ лицомъ молодая женщина, симулируетъ сумасшедшую: она сидитъ на колѣняхъ въ тѣни куста и то смѣется дробнымъ смѣхомъ, то бормочетъ, то крутитъ головой и вдругъ роняетъ ее себѣ въ колѣни съ искусствомъ акробата.

Около нея останавливаются прохожіе, глядятъ съ недоумѣніемъ. Выростаетъ толпа. Какая-то старуха участливо спрашиваетъ:

— Ты чего?

Но женщина молчитъ, уткнувшись лицомъ въ ладони. Молчитъ и стоящая вокругъ нея толпа. Что-то загадочное, исполненное таинственнаго ужаса, медленно подымается изъ-за спинъ и объемлетъ всѣхъ темнымъ облакомъ неизвѣстности.

— Ты откель?—спрашиваетъ робкій голосъ.

Глубокое молчаніе. Дикое пѣніе тропаря выростаетъ вдругъ надъ толпой, быстро и нелѣпо проносится въ сторону, затѣмъ падаетъ.

— Больна, что-ль?

— Голова... голова моя,—бормочетъ женщина тихо, почти невнятно: — болитъ голова... я не хочу... хлѣбушки нѣтъ... ѣсть нечего...

И она опять быстро роняетъ лицо въ ладони.

Ей подаютъ мѣдныя, темныя монетки и отходятъ въ недоумѣніи. Таинственный ужасъ передъ невнятнымъ, безсмысленнымъ бормотаніемъ еще сквозитъ на лицахъ. А женщина быстро и ловко прячетъ деньги въ карманъ и опять бормочетъ, смѣется, крутитъ головой и роняетъ ее въ колѣни...

Егоръ медленно и тяжело идетъ за отцомъ дальше. Кружится голова, томитъ жажда, кровь стучитъ въ вискахъ. Пѣніе доносится издали, стройное, согласное, красивое, хотя нѣсколько однообразное. Повторяющійся мотивъ вьется и плещетъ въ горячемъ, пыльномъ, душномъ воздухѣ, и жалобно-покорные, безнадежно-молящіе и монотонные, какъ пустыня, звуки то плывутъ навстрѣчу, приближаются и выростаютъ, — хорошо спѣвшіеся голоса сплетаются, льются вмѣстѣ и развиваются,—то отступаютъ въ даль, тихіе, полусонные, замирающіе... Вотъ и они, сами пѣвцы. Ихъ пять человѣкъ: двѣ женщины и трое кудластыхъ мужиковъ безъ шапокъ. Всѣ трое слѣпы, одинъ—хромой, два—убогихъ. У всѣхъ деревянныя чашечки въ рукахъ и огромныя сумки грубаго рядна черезъ плечо.

— И-о-онъ мо-лит-ся Бо-гу сы-ы-ы сле-за-э-э-ми...—ровнымъ басомъ ведетъ фланговый слѣпецъ, согнувъ шею и вытянувши впередъ кудластую, непокрытую голову.

— Йо-о-нъ вя-ли-кіе по-кло-э-ны ис-пра-вля-а-е...—мягкими тенорами грустно говорятъ два другихъ слѣпца, крутя въ тактъ головами и глядя передъ собой темными, невидящими очами. Женскіе голоса, не произнося словъ, присоединяются то разомъ, то поочередно, и звуки тогда свиваются въ красивую гирлянду и изумляютъ слушателей своимъ сурово-аскетическимъ разсказомъ, напоминая о бренности жизни, о краткости и быстротечности счастья, объ иномъ, невѣдомомъ мірѣ, чреватомъ муками и отвѣтственностью, о безнадежномъ однообразіи вѣчности...

Слушатели останавливаются, охотно бросаютъ деньги въ чашечки слѣпцовъ. Какая-то тощая старушка умиленно и скорбно качаетъ головой, всплескиваетъ руками на своей тощей груди и затѣмъ поспѣшно вывязываетъ изъ платочка мѣдную монету. Проѣзжаетъ верхомъ урядникъ съ воинственнымъ видомъ. Взглянувъ на толпу и на слѣпцовъ, онъ дѣлаетъ вдругъ строгое лицо и кричитъ:

— Ну, вы, купцы, купцы... Будетъ! Опять торгъ завели...

— Да что-жъ мы... чѣмъ помѣшали? — говоритъ, остановившись, фланговый слѣпецъ.

— Будетъ,—сказано! Кончено!.. Чтобы никакъ!.. — строго повторилъ урядникъ и, погрозивъ очами нѣсколько мгновеній, удалился.

— Чортъ... помѣшали ему...—говоритъ слѣпецъ и, переждавъ, пока урядникъ, по его разсчету, отъѣхалъ, онъ запѣлъ опять.

— Пойдемъ, чадушко, а то припоздаимся,—сказалъ отецъ Егору, и они двинулись дальше.

Два раза они останавливались около колодцевъ и пили воду изъ общаго ковша. Приходилось долго ждать очереди, потому что люди не только пили, но и мочили себѣ головы, а вода съ нихъ стекала въ колодецъ. Вода была свѣжая, чистая, прозрачная, и на днѣ колодца виднѣлись мѣдныя монеты, которыя бросили туда богомольцы.

Вотъ опять толпа. И опять отецъ съ Егоромъ подошли взглянуть, не чудо ли. Они все время ждали чуда, страстно мечтали о немъ, хотѣли увидѣть исцѣленныхъ, хотѣли вѣрить и вѣрили вѣрою робкихъ, колеблющихся людей... Но первый же осязательный фактъ раздулъ бы эту вѣру въ яркій пламень, и они искали чуда, искали исцѣленныхъ съ тревогой и жаждой алчущихъ и обдѣленныхъ судьбой людей.

Въ центрѣ толпы видно было іеромонаха, бесѣдующаго съ тощей, вороватаго вида женщиной съ полуобнаженной грудью. Егоръ съ отцомъ протискались поближе. Около женщины стояла телѣжка, а въ телѣжкѣ лежало странное, полуживое существо — дряблое, полусгнившее, грязное тѣло въ грязныхъ кумачныхъ лохмотьяхъ. Вмѣсто лица, у этого человѣческаго подобія была одна сплошная глубокая язва. Узкій загаженный лобъ, почти голый черепъ и подбородокъ, на которомъ торчали кустики грязныхъ, пыльныхъ волосъ... Въ промежуткѣ между лбомъ и подбородкомъ, въ черномъ широкомъ отверстіи, болтался языкъ...

Звякали монетки, падая въ деревянную чашку, стоявшую въ телѣжкѣ. При этомъ звукѣ рука человѣка, не подававшаго признаковъ жизни, конвульсивно двигалась, сжавъ въ кучку пальцы, языкъ бормоталъ что-то невнятное, не похожее на человѣческіе звуки, и это невнятное бормотаніе било въ сердце нестерпимыми ударами жалости и отвращенія...

— Давно онъ такъ?—спрашивалъ іеромонахъ у женщины, выбиравшей изъ чашечки деньги, когда ихъ накоплялось тамъ много.

Она запахнула свою тощую, плохо прикрытую платкомъ грудь, и сказала:

— Попортился то? Годовъ одиннадцать.

— Онъ тебѣ родственникъ, что-ль?

— Нѣтъ, милый... сосѣдъ. Сосѣдъ онъ мнѣ. Изъ одной деревни мы. И энтотъ вонъ тоже изъ нашей деревни.

Рядомъ, въ другой телѣжкѣ, лежало неподвижно, не подавая признаковъ жизни, еще маленькое существо, сгорбившееся, все покрытое струпьями и гнойными язвами отъ головы до ногъ.

Женщина приподняла грязную тряпицу, которою прикрыто было отъ мухъ лицо этого человѣка, достигшаго „предѣла скорби". При видѣ гнойныхъ болячекъ по всему лицу и бѣлыхъ наростовъ на рѣдкихъ волосахъ, Егоръ почувствовалъ внезапную тошноту и задрожалъ вдругъ мелкою дрожью. Іеромонахъ сокрушенно покачалъ головой, а толпа разомъ тяжело вздохнула.

— Пойдемъ, — сказалъ Егоръ отцу, безмолвно смотрѣвшему на этихъ несчастныхъ.

И, уходя, они слышали, какъ женщина съ распахнутой грудью говорила іеромонаху:

— Сорокъ одинъ годъ... женатый..

У Егора кружилась голова, и мутно было въ глазахъ. Жилки на вискахъ бились сильнѣе, и въ ушахъ звенѣло и шуршало что-то безформенное и безпредѣльное... Потъ лился ручьями, попадалъ въ глаза; соленая влага рѣзко раздражала ихъ и вызывала слезы.

— Батюня! я усталъ... давай сядемъ гдѣ-нибудь, — сказалъ Егоръ, готовясь захныкать.

— Некогда сидѣть, чадушко,—возразилъ отецъ:—иди-ка, я тебя понесу...

Онъ взялъ Егора на руки и понесъ. Но Егоръ чувствовалъ, что отцу тяжело,—онъ и безъ того утомился духотою, зноемъ и долгимъ хожденіемъ. Потъ лилъ съ него ручьями. Не только рубаха, но и пиджакъ на спинѣ были мокры. А раскаленное солнце безпощадно жгло своими прямыми лучами и землю, и лѣсъ, и людей. Тѣни были коротки и душны, и пыль, поднявшаяся и остановившаяся въ знойномъ воздухѣ, казалось, еще больше накаляла его... Толпы тѣснились у колодцевъ, тянулись руками къ ковшамъ, жадно хватались за нихъ, расплескивали воду, наливали ее въ чайники, въ бутылки, пили, мочили головы, умывались, бросали грязныя, темныя монеты въ колодцы, молились на иконы, поставленныя около нихъ, истово крестясь и впиваясь въ нихъ неподвижнымъ взоромъ... Много скорбныхъ моленій возносилось тутъ къ небу...

Опять какіе-то странные звуки стали доноситься издали. Кто-то стоналъ и причиталъ, звонко, настойчиво, неотступно

причиталъ...Эхо вѣкового сосноваго бора, близко подошедшаго къ рѣчкѣ съ обѣихъ сторонъ, отражало и усиливало этотъ ритмическій стонъ. Сквозь ровный и мѣрный потокъ этихъ причитаній, плывшихъ поверхъ людского говора и смутнаго шума движущейся толпы, прорывался по временамъ громкій и дикій вскрикъ, и эхо, повторяя его, придавало ему неистово-дикіе, удивительные оттѣнки, точно это кричалъ человѣкъ, молившій въ послѣдвія минуты жизни о спасеніи...

Вотъ они ближе, эти громкіе вскрики, это звонкое причитаніе.

Впереди, въ одной рубахѣ—когда-то красной, а теперь отъ грязи оранжевой,—ползъ человѣкъ съ маленькой клинообразной головой и съ провалившимся носомъ. Голыя сухія ноги его были уродливо сплетены между собою, и онъ подвигался впередъ при помощи рукъ, какъ бы двигался на полозьяхъ. За нимъ шелъ слѣпой человѣкъ съ острыми чертами лица, бѣлокурый, съ свѣсившимися на лобъ волосами. Позади два мальчугана везли трехколесную телѣжку, въ которой, прикрытый рогожами, лежалъ пожилой безногій человѣкъ, весь кишѣвшій паразитами, лежалъ неподвижно, съ закрытыми глазами, безъ признаковъ жизни.

Слѣпецъ, обливаясь потомъ, причиталъ звонкимъ, пріятнымъ голосомъ:

От-цы на-ши, ма-а-те-ри...
До-бры-е пи-та-а-те-ли...
По-а-ма-ги-те, ба-тюш-ки..
По-ма-ги-те, ма-а-туш-ки...
За свои-и гы-лаз-ки о-чи...
За-св-о-и вы руч-ки но-о-ж-ки...

Въ его пѣвучемъ, мягкомъ речитативѣ слышались вздохи, всхлипыванья...Въ иныхъ мѣстахъ, какъ будто, кто-то рыдалъ въ безконечной скорби, о которой съ такимъ чувствомъ и умѣніемъ разсказывалъ этотъ слѣпецъ людямъ здоровымъ, счастливымъ своимъ здоровьемъ, возможностью свободно двигаться, работать, видѣть бѣлый свѣтъ и весь прекрасный Божій міръ... Слова были не ярки, обычны, но въ звукахъ этихъ причитаній было что-то могущественное и глубоко-потрясающее, была жгучая тоска вѣчной темноты и безвыходнаго униженія, вѣчная, неутолимая скорбь отчаянія, вѣчнаго голода, нищеты, грязи, униженій, волчьей жадности, злобы и зависти...

А мы горь-кі-е ка-лѣ-ки...
Мы не-счаст-ны-е ка-а-лѣ-ки...
За-ро-ди-лись мы сты-рра-да́-ти...

Съ мо-ло-дыхъ лѣ-товъ блу-жда-ти...
У-у-ми-ли-тесь вы-э-на насъ...

И среди этого складнаго, гармоническаго речитатива вдругъ раздавался рѣжущій ухо, дикій вскрикъ охрипшаго и осипшаго горла:

— По-а-дай-те, православные христіяне! За упокой вашихъ родителей... всѣхъ сродниковъ... — кричалъ ползущій на рукахъ калѣка, и эхо отражало и усиливало этотъ крикъ, и въ немъ звучала не просьба, а настоятельное требованіе вниманія къ несчастію и горю обездоленныхъ людей.

— По-дай-те, православные хри-сті-я-ни-и... сиротамъ без-род-ны-имъ!.. — гнусавыми и пронзительными голосами кричали вслѣдъ за первымъ калѣкой мальчуганы, катившіе телѣжку, въ которой лежало неподвижное, безногое существо. И эхо, повторяя этотъ крикъ, плакало голосомъ, полнымъ страданія.

И здоровые люди, загорѣлые, бѣдные, нуждающіеся, у которыхъ было свое горе, свои печали, останавливались, подавали монетки,—крестились и уходили прочь, качая головами съ сокрушенною мыслью о человѣческомъ страданіи, объ его ужасѣ и гнетущей тяжести, объ его невѣдомомъ, таинственномъ смыслѣ, сжимающемъ сердце страхомъ. Женщины плакали.

Вдали показалась часовня. Плотно сбившаяся толпа людей на разстояніи не менѣе четверти версты, телѣги и телѣжки съ больными, полицейскіе и солдатскіе патрули, двѣ длиннѣйшихъ вереницы богомольцевъ, стоявшихъ безъ штановъ и безъ подштанниковъ, въ однѣхъ рубахахъ, въ ожиданіи очереди войти въ купальню—все это смѣшалось, двигалось, толкалось и угнетало тѣснотой, грубостью, грязью, неистовымъ стремленіемъ впередъ, впередъ и впередъ,—туда, гдѣ горѣли свѣчи, очень много свѣчей, гдѣ одновременно бормотали что-то духовныя лица и откуда по временамъ доносилось дьячковское козлогласное торопливое пѣніе... Но другіе звуки, пестрые, шумные, необычайные, заглушали и пѣніе, и бормотаніе служителей молебновъ и панихидъ. Изъ купальни—изъ женскаго отдѣленія, главнымъ образомъ—доносились неистовые визги; въ толпѣ мычали и хохотали идіоты, вырываясь изъ рукъ провожатыхъ; слышался дѣтскій плачъ. Бранились за очередь люди, стоявшіе въ однѣхъ рубахахъ; слышалась и брань обиженныхъ, получившихъ толчки отъ полицейскихъ: они, усталые, измученные, изнывающіе отъ жары, озлобленные, наводили порядокъ только упрощеннымъ способомъ—толчками и бранью...

Егоръ съ отцомъ тоже стали въ очередь. Долго пришлось стоять подъ этимъ ужаснымъ палящимъ солнцемъ, въ духотѣ и въ пыли, слушая жужжаніе и крики людей, усталое и жалкое пѣніе дьячковъ, созерцая дурачковъ, вырывавшихся изъ рукъ провожатыхъ, изможденныхъ больныхъ, съ страдальческимъ недоумѣніемъ смотрѣвшихъ на это людское море, жаждущее помощи, облегченія и исцѣленія. Эти глаза безнадежно-больныхъ людей... Ихъ не забыть никогда. Вонъ несутъ одного: голыя ноги—какъ спицы.. руки безсильно болтаются... голова качается на тонкой шеѣ... черная бородка рѣзко выдѣляется на восковомъ лицѣ... И прекрасные, исполненные страданія, мольбы, жалостной покорности и робкой, но жадной надежды, глаза глядятъ съ нѣмымъ вопросомъ передъ собой...

Ближе шепотъ воды и глухой плескъ. Видна уже дверь купальни, куда входятъ и выходятъ богомольцы. Около жолоба на лѣсенкѣ стоитъ монахъ и наблюдаетъ за происходящимъ внутри. Толпы любопытныхъ заглядываютъ и въ трещины, и въ двери; тутъ же и женщины, заглядывающія во внутренность купальни и что-то оживленно разсказывающія. Дѣтскіе и женскіе визги изъ женскаго отдѣленія, лающіе крики „бѣсноватыхъ“ раздаются тутъ еще звонче и оглушительнѣе.

Егоръ разсмотрѣлъ только большое количество голыхъ тѣлъ, когда отецъ ввелъ его въ купальню. Вода шумно бѣжала изъ жолоба, сырая прохлада пріятно охватила его вспотѣвшее тѣло, и по липкому грязному полу онъ, хромая, пошелъ подъ этотъ бѣлый дождь, подъ которымъ крестились, ахали, плескались и стонали голые люди.

— Перекстись, чадушка! Перекстись! Съ молитовкой, съ молитовкой, чадушка... Проси Боженьку, Отца небеснаго,— говорилъ отецъ со слезами на глазахъ, самъ голый и могуче сложенный.

Егоръ крестился и мысленно просилъ Бога, о Которомъ всегда много и упорно думалъ, сдѣлать его рѣзвымъ и дать возможность снова драться на кулачкахъ, ловить силками птичекъ, лазить по деревьямъ и скакать верхомъ на Киргизкѣ.

Онъ хотѣлъ сначала подставить лишь голову, но отецъ легонько подвинулъ его впередъ, и онъ попалъ подъ дождь всѣмъ тѣломъ. Холодныя, какъ ледъ, острыя струйки накрыли его и обожгли. Онъ ахнулъ и едва удержался, чтобы не взвизгнуть. Дыханіе на мгновеніе перехватило какою-то волною, поднявшеюся отъ сердца къ горлу. Тѣло сначала загорѣлось, потомъ задрожало и покрылось мелкими пупырышками; потомъ стало хорошо.

— Буде!—сказалъ онъ, стуча зубами.

— Сотвори молитовку, чадушка... Съ молитовкой, — повторялъ отецъ, крестясь и становясь самъ подъ жолобъ.

Оба они дрожали, одѣваясь. Отецъ пытливо посматривалъ на Егора и говорилъ:

-- Рубахи-то бѣлыя не догадались взять... Ну, какъ, чадушка, ножка-то?

— Ничего. Голова... стало лучше...—сказалъ Егоръ.

— Кабы Господь, Отецъ небесный, ножечку-то... Кабы милость Его неизреченная... Одинъ ты у меня и остался... одинъ-разъединый... Господи! сглянись на нашу немочь...

Они вышли изъ купальни, перешли мостикъ и сѣли на противоположномъ берегу рѣчки отдохнуть. Весь берегъ былъ усѣянъ отдыхающимъ народомъ; тутъ была тѣнь и меньше пыли. Духота уже не чувствовалась послѣ купанья, и было легче. Сразу потянуло въ сонъ. Въ глазахъ пестрѣлъ противоположный берегъ. Входили люди, выходили назадъ мокрые, но не исцѣленные, такіе же калѣки и идіоты. Кругомъ стоялъ говоръ. Говорили о чудесахъ.

Егоръ прилегъ головой къ отцу на колѣни. Онъ уже не дрожалъ; рубаха высохла. Только голова была еще мокрая.

— Спать хочется,—сказалъ Егоръ.

— Отдохни, матушка, отдохни...

Сначала Егору виднѣлся весь противоположный берегъ. Потомъ онъ заколыхался и отодвинулся дальше. Передъ глазами остался одинъ мальчишка, лѣтъ шестнадцати, съ надломленнымъ носомъ и съ красной болячкой на всей правой половинѣ лица. Онъ сидѣлъ на берегу безъ портовъ, мычалъ, и слюни текли у него длинными нитями. Иногда онъ дѣлалъ попытки прополэти впередъ, къ водѣ, но мужикъ, сидѣвшій спиной къ Егору, хваталъ его за рубаху и удерживалъ на мѣстѣ. Потомъ и мужикъ, и мальчишка заволоклись постепенно шумящимъ водянымъ пологомъ. Мелькнуло синее, сверкающее небо, и зеленыя облака сосенъ на немъ. Потомъ все потухло, и осталась степь, звѣзды и шуршащая вдали телѣга...

VIII.

Когда отецъ разбудилъ Егора, солнца не было видно за деревьями. Тѣни протянулись черезъ всю рѣчку. Сосны противоположнаго берега еще грѣлись въ солнечныхъ лучахъ, но свѣжесть уже чувствовалась въ воздухѣ.

Егоръ потянулся. Спать очень хотѣлось, опять болѣла голова, и въ тѣлѣ чувствовалось что-то вязкое и обезсиливающее, лишающее бодрости. Но надо было идти.

Противоположный берегъ все кишѣлъ народомъ, и съ трудомъ можно было пройти черезъ ряды людей, ожидавшихъ очереди въ купальню. Егоръ съ отцомъ пошли назадъ, къ монастырю.

— Камень тутъ гдѣ-то, говорятъ, — сказалъ отецъ: — на какомъ онъ молился тыщу дней и тыщу ночей. Ну, это ужъ, вѣрно, до завтра. А теперь пойдемъ-ка Алексѣя искать.

И они шли очень долго, хотя уже нигдѣ не останавливались. Прошли монастырь, не заходя въ него и направляясь къ баракамъ, около которыхъ останавливались въ первый разъ утромъ. Дорога показалась ужасно длинной. Опять у Егора разболѣлась голова и одолѣвала какая-то судорожная зѣвота. По временамъ дрожь пробѣгала по тѣлу, потомъ становилось жарко, и чувствовалась сухость во рту. Хотѣлось пить... чего-нибудь кисленькаго и холоднаго, холоднаго...

Алексѣя они долго искали по баракамъ и не нашли. Наконецъ, онъ самъ наткнулся на нихъ — шелъ съ чайникомъ отъ берега рѣчки, у котораго кипѣлъ огромный кубъ съ водой.

— Были? — крикнулъ онъ, бодрый и жизнерадостный, должно быть, выспавшійся: — ну, теперь чайку. Я хотѣлъ было въ баракѣ въ одномъ,—нашелъ мѣстечко, — но потомъ ушелъ: дюже гребостно... Народъ какой-то... всякій... и гнилой, и всякій... Лучше нѣтъ — вотъ тутъ, въ лѣсу, на песочкѣ. Тутъ много православныхъ. Славно такъ... на вольномъ воздухѣ...

Онъ повелъ ихъ черезъ поляну, и за телѣгами, на опушкѣ лѣса, они нашли свои узлы и временную квартиру. Кругомъ былъ народъ. Спустился вечеръ. Пахло смолистымъ сосновымъ запахомъ, смѣшаннымъ съ густымъ запахомъ человѣческихъ экскрементовъ и лошадиной мочи. Надъ рѣчкою кое-гдѣ уже зажглись огоньки. Люди сидѣли и копошились около нихъ.

— Да,—говорилъ Алексѣй, заваривая чай: — святыя-то дѣла явно совершаются. Говорятъ, слѣпая одна—дѣвка—годовъ восемнадцати, умылась святой водицей и прозрѣла. Глядитъ на солнышко, а глаза у ней-то мутные были, а то свѣтлѣютъ, свѣтлѣютъ... Міру, говорятъ, около нея... сколько денегъ ей накидали!..

Отецъ Егора вздохнулъ и сказалъ съ глубокой грустью:

— Вотъ намъ не довелось... Не сподобилъ Господь грѣшныхъ... А хорошо бы своими глазами-то...

— Мнѣ тоже не пришлось. Въ одномъ баракѣ тутъ мальчикъ исцѣленный есть, говорятъ. Ногами не владалъ ничуть, а какъ трижды искупали его у источника, сталъ, говорятъ, ходить...

— Трижды? — переспросилъ отецъ Егора, слушавшій съ жаднымъ вниманіемъ.

— Трижды. Такъ говорили,—сказалъ Алексѣй:—мнѣ таки тоже желательно было взглянуть... Ходилъ, искалъ его... Ну, развѣ тутъ добьешься толку? Кто туда махнетъ рукой, кто— туда...

— Не нашли?

— Не нашелъ, нѣтъ.

Отецъ Егора судорожно вздохнулъ. Еще одной надеждой меньше стало. А Егоръ остался равнодушенъ: его знобило, болѣла голова и немножко тошнило. Слова Алексѣя летѣли какъ-то мимо, и нѣкоторыя онъ скорѣе видѣлъ, чѣмъ слышалъ, а другія проскакивали незамѣтными.

— Ну, Егорушка, чайку! Чайку, милой!—сказалъ Алексѣй, и голосъ его принялъ оттѣнокъ нѣжнаго участія, и Егоръ увидѣлъ и слова, и Алексѣя, который наливалъ крѣпкій чай изъ чайника въ кружку.

Чай показался Егору невкусенъ. Онъ не допилъ своей кружки и отдалъ отцу.

— Ты чего же, братъ?—спросилъ отецъ.

— Не хочу,—отрывистымъ, ослабѣвшимъ голосомъ проговорилъ Егоръ.

— Э, милый, такъ отощаешь,—сказалъ Алексѣй съ веселымъ упрекомъ.

— Не хочу,—повторилъ Егоръ, пряча въ карманы руки, чтобы согрѣть ихъ:—я озябъ...

— Петровичъ, одѣньте-ка его, а то, въ самъ дѣлѣ, сыро... А то выпилъ бы, милый?.. а?

Опять нѣжно-ласковыя, подкупающія ноты зазвучали въ молодомъ голосѣ Алексѣя.

— Вотъ дѣдъ нашъ скоро подойдетъ отъ вечерни,—дѣдъ... Онъ намъ что-нибудь разскажетъ... Петровичъ, вы постелите-ка ему... У меня въ узлу вонъ подушка и полушубочекъ... Постелите, а то онъ-таки и того... усталъ... пускай отдохнетъ... Охъ-хо-хо... Народу тутъ больного—страсть!..

Когда отецъ разостлалъ между корявыми, толстыми корнями, впившимися въ песокъ, свой чесаный зипунъ и положилъ розовую старую подушку Алексѣя и его полушубокъ, свернутый вверхъ шерстью, Егоръ сейчасъ же легъ, засунулъ зябнувшія руки въ рукава и весь сжался. Тѣло его вдругъ быстро задрожало, въ суставахъ появилась зудящая и щекочущая боль, а въ головѣ застучалъ деревяннымъ молоткомъ монахъ въ черномъ шлыкѣ, котораго онъ видѣлъ за монастырскими стѣнами около старыхъ деревянныхъ кадокъ. Лицо у этого монаха было серьезное, дѣловое, мужиц-

кое, и монашеская одежда вовсе не подходила къ его слишкомъ земному выраженію.

Потомъ стало теплѣе, захотѣлось потянуться. Слюнявый дурачекъ, мальчишка въ красной рубахѣ съ голыми ногами, вылѣзъ изъ-за толстой сосны, замычалъ и засмѣялся.

— Дуракъ... поганый,—хотѣлъ крикнуть Егоръ, но мальчишка вдругъ страдальческимъ голосомъ запѣлъ:

О-а-тцы на-ши... ма-а-те-ри...
До-бры-е пи-та-а-те-ли...

Потомъ пришелъ высокій слѣпецъ съ кривой шеей и сказалъ своимъ глухимъ басомъ:

— И лучше нѣтъ, какъ кто на Господа Бога уповаетъ... Лучше всякихъ лѣкарствъ...

— Это вѣрно,—сказалъ очень знакомый голосъ, и кто-то вздохнулъ надъ самымъ ухомъ Егора.

Егоръ открылъ глаза. Надъ нимъ наклонился отецъ и глядѣлъ на него пристально и тревожно. Шагахъ въ пяти горѣлъ огонь. Около него сидѣли Алексѣй, дѣдъ и еще два какихъ-то незнакомыхъ старика. У одного лицо было мѣдно-красное отъ загара, глаза почти закрыты, а бѣлыя брови приподняты, словно онъ былъ чѣмъ-то навѣки изумленъ. Другой, какъ будто, былъ похожъ на того странника въ монашеской одеждѣ, который ѣхалъ подъ лавкой вагона.

— Ну какъ, чадушка?—спросилъ отецъ Егора.

— Ничего.

— Согрѣлся?

— Да.

— Можетъ, поѣлъ бы чего? Бурсачика, ай яичка?

— Нѣ-ѣтъ. Такъ—хорошо...

— Ну, лежи, мой славный, лежи. Одѣть? Я одѣну.

Отецъ прикрылъ его какой-то одеждой, пахнувшей сосновыми стружками, и отошелъ къ огоньку. Егоръ закрылъ глаза, но спать не могъ. Опять открылъ. Огоньки виднѣлись кругомъ: у края лѣса, надъ рѣчкой и на полянѣ, и около нихъ неподвижно сидѣли или слабо шевелились люди. И было пріятно смотрѣть на это мигающее, живое золото на черной эмали ночи. Что-то объединяющее, согрѣвающее и пріютное было въ этихъ дрожащихъ и прыгающихъ язычкахъ пламени, и задумчивыя, усталыя лица людей казались теперь новыми, интересными, необыкновенными...

Тихій, колеблющійся, пестрый, разноязычный говоръ плавалъ въ неподвижномъ воздухѣ. Отъ телѣгъ доносилась растянутая мордовская рѣчь, съ боку—быстрая, сухая, прыгающая рѣчь цыганъ,—и въ темнотѣ чудился загорѣлый,

смугло-бронзовый, крѣпкій народъ въ пестрой одеждѣ съ блестящими побрякушками. Мягкій малороссійскій языкъ и короткій смѣхъ переплетался съ волжскими нарѣчіями, и всѣ эти смѣшанные звуки шуршали, сыпались, прыгали и плавали вокругъ головы, въ которой тихо стучалъ молоткомъ монахъ въ черномъ шлыкѣ. И было все такъ странно, необычно, ново, все казалось фантастическимъ, точно сказочный міръ, въ которомъ огни горятъ, котлы кипятъ... И вспомнилась Егору далекая родина, мать.. милая маманя... и сердце сжалось отъ грусти и непонятнаго страха...

Что-то разсказывалъ дѣдъ Симонычъ. Его подстриженная сѣдая бородка шевелилась и прыгала, а слова мягко шуршали, вылетая, поднимались вверхъ и падали, немножко странныя и не всегда знакомыя.

— Ей дохторъ дулъ трубкой у ноздри. Казалъ: „коли у голову продуетъ, поправишься; а коли у сердце стукне, усе равно—не будешь слышать“. Такъ ни: у сердце вдарило...

— Не вѣрю я этимъ дохтурамъ, — сказалъ старикъ съ краснымъ лицомъ:—все отъ Господа — и жизнь, и смерть... И нищая братія, и богачи, и царіе земстіи—всѣ въ равномъ достоинствѣ. Вѣдь Господь, Отецъ небесный, Онъ святымъ апостоламъ велѣлъ написать, и они написали: „жить будешь на бѣломъ свѣтѣ да помнить Отца небеснаго, и на свѣтѣ будешь жить долголѣтенъ, никто тебя не укуситъ... А коль укуситъ, зубы поломаетъ“...

Вѣроятно, сердитый былъ старикъ: говорилъ онъ тономъ суровымъ, точно кто обидѣлъ его, и голосъ у него былъ толстый и лающій.

Что то еще говорилъ дѣдъ, вспоминая давнія времена. Потомъ разсказывалъ странникъ съ длинными волосами какую-то длинную исторію о толстомъ монахѣ, продававшемъ свѣчи и скопившемъ себѣ капиталецъ въ сорокъ тысячъ. Подъ этотъ разсказъ Егоръ задремалъ. Снились ему пестрыя толпы народа, проходившія надъ нимъ или съ боку — съ смутнымъ говоромъ — и не замѣчавшія его. Обезсиленный, онъ лежалъ въ какомъ-то бурьянѣ, чувствовалъ горячее дыханіе солнца, рой мухъ, которыя жужжали и вились надъ головой, — у него было теперь нѣсколько головъ, и въ каждой безъ устали, упорно стучалъ мужикъ въ черномъ монашескомъ шлыкѣ. Хотѣлось пить, хотѣлось прохладной тѣни и тишины. Онъ кричалъ, но самъ не слышалъ своего голоса, — жужжащія толпы слѣпыхъ, хромыхъ, бѣсноватыхъ шли, шли и шли какъ разъ надъ нимъ, а мужикъ въ монашескомъ шлыкѣ продолжалъ упорно бить молоткомъ въ кадку... Проползъ къ рѣчкѣ, двигая голыя ноги впередъ, слюнявый мальчишка-дурачекъ и сталъ пить, припавши къ

водѣ лицомъ. Какъ ни противно было Егору пить изъ одной рѣки съ этимъ поганымъ мальчишкой, но онъ не могъ бороться съ жаждой и поползъ, также двигая впередъ ноги... И проснулся.

— Это не Божьи люди, — говорилъ голосъ странника съ длинными волосами, и Егоръ безповоротно рѣшилъ, что это долженъ быть тотъ самый старичокъ, который ѣхалъ съ ними въ вагонѣ: —теперь почти на третью четь народъ сатанѣ служитъ. „Двумъ царямъ",—говоритъ, — „служимъ на бѣломъ свѣтѣ, да два духа надъ нами"... Умножилось такого народу—страсть! „Бога нѣтъ", — говорятъ. Хм... нѣтъ Бога... Хотѣли противъ нихъ огонь открывать, а царь говоритъ: „чего противъ нихъ огонь открывать? Какіе они воины? Сколько православныхъ изъ-за нихъ погубишь... какъ разберешь? Они наши же, русскіе... Я ихъ найду, чѣмъ наказать: какъ Бога нѣтъ,—нѣтъ имъ и матушки сырой земли! Сажайте ихъ въ Суздаль, въ каменные мѣшки!.."

— Въ мѣшки?—сказалъ сонный голосъ Алексѣя у самаго уха Егора.

— Въ каменные мѣшки... да. А каменные мѣшки — это, стало быть, въ Суздалѣ... шесть мѣшковъ. Вотъ это, стало быть, стѣна, а это — другая, а это — ишшо стѣна... А тутъ дверь и надъ дверьми слега. И три зарубки. И какъ на первую зарубку поднялъ, такъ дверь къ этой стѣнѣ прижметъ. А какъ на вторую зарубку, — такъ эти стѣны сомкнутся, и всѣ кости захрустятъ... У-у, трудна-а смерть!.. Со мной солдатъ одинъ ходилъ. „Труднѣй этой смерти",—говоритъ,—„и нѣтъ никакой. Что это за смерть — разстрѣляютъ или повѣсятъ? Закроютъ ему глаза, онъ и не видитъ: пуля летитъ... она его вразъ!.. Или скамейку примутъ, онъ и—готовъ... А тутъ—мука..." Два милліона ихъ туда... Вотъ смерть...

— Мати Божія говоритъ,—пробурчалъ старикъ недовольнымъ голосомъ: — кто на свѣтъ родился, христіянство принялъ, моимъ словамъ не дерзалъ, кого—хучь што—избавлю муки вѣчной, огня горючаго, воды кипучей...

Никто не возразилъ. Тихо было. Отъ телѣгъ донеслось два раза фырканье лошади. Огонекъ догорѣлъ. Чуть краснѣли два уголька въ золѣ. Рядомъ съ Егоромъ лежалъ кто-то, уткнувшись лицомъ въ шерсть полушубка, — должно быть, Алексѣй. Странникъ съ длинными волосами сидѣлъ, какъ и раньше, спиной къ Егору, а недалеко отъ него лежало три тѣла поближе къ огню. Погасли огоньки и на полянѣ, и надъ рѣкой. Вверху звѣздочки, сквозь густое кружево сосновыхъ вѣтокъ, мигали и звали къ себѣ. А лѣсъ стоялъ огромный, неподвижный, нѣмой и угрюмый. Онъ давилъ своимъ безмолвіемъ, и тоскливо вспоминало сердце о звукахъ простор-

мой жизни, объ разноголосомъ звонѣ степей, о движеніи и шумѣ трудовыхъ людей, объ ихъ радостяхъ и заботахъ, страстяхъ и борьбѣ...

Какіе люди скрывались здѣсь? И неужели ихъ не угнетало вѣковое молчаніе этихъ великановъ, которые сами тянулись къ свѣту и рвались на просторъ? Неужели сердце ихъ не тосковало, вспоминая грѣшныя и милыя пѣсни жизни? Неужели звѣзды, жмурившіяся своими золотыми рѣсницами въ неясной и бурной глубинѣ прозрачнаго неба, ничего не говорили имъ о просторѣ и жизни степей, не напоминали объ ея милыхъ музыкальныхъ жителяхъ, неутомимо игравшихъ въ травѣ?..

И заплакалъ Егоръ отъ тоски, вспомнивъ милую, далекую родину, прекрасную родную степь... Сначала тихо и дружно полились слезы, потомъ подступили рыданія, и онъ вслухъ выговорилъ: „Маманя!.“ Проснулся отецъ и, оглянувшись быстро и съ недоумѣніемъ кругомъ, спросилъ тревожно:

— Ты чего, чадушка?

— Голова,—прошепталъ сквозь слезы Егоръ.

Отецъ сѣлъ и, еще не проснувшись окончательно, сказалъ:

— Захворалъ? Ишь, горе наше... Дрянь дѣло...

— Дай пить.

Странникъ съ длинными волосами перегнулся черезъ два лежавшія у потухшаго огня тѣла и досталъ чайникъ. Егоръ жадно потянулъ крѣпкій, съ металлическимъ вкусомъ, холодный чай и упалъ на подушку. Онъ дышалъ тяжело, а въ головѣ стучалъ молоткомъ монахъ и странникъ сталъ пилить доски въ ушахъ. Было жарко и хотѣлось раздѣться, но отецъ укуталъ его и сидѣлъ надъ нимъ, молчаливый, усталый и встревоженный, пока онъ не уснулъ.

Онъ проснулся, когда было уже свѣтло. Не было дѣда Симоныча и странника: они ушли къ заутренѣ. Алексѣй готовилъ утреннюю трапезу: нарѣзалъ ситнаго хлѣба, досталъ помятыя сливы и яйца, выложилъ сахаръ. Чайникъ уже стоялъ на разостланной сумкѣ. Отецъ, должно быть, только что умылся и стоялъ теперь лицомъ къ монастырю, молился. Въ нѣкоторомъ отдаленіи сидѣлъ старикъ съ мѣдно-краснымъ лицомъ. За плечами у него была котомка, и постромки ея перекрещивались на его груди.

— Ну, что, милый? Проснулся? — ласково сказалъ Алексѣй, замѣтивъ, что Егоръ глядитъ глазами.

Егоръ слабо улыбнулся ему. Отецъ кончилъ молиться и сказалъ:

— Вставай, чадушка. Чайку... Прошла головка?

— Болитъ, — сказалъ Егоръ, подымаясь и чувствуя зябкую слабость во всемъ тѣлѣ.

— Вотъ бѣда: захворалъ парнишка,—сказалъ отецъ, обращаясь къ Алексѣю.

— Съ глазу,—сказалъ угрюмо старикъ.

— Ничего. Вотъ къ святымъ мѣстамъ сходите, приложитесь, все пройдетъ, — сказалъ Алексѣй съ увѣренностью:— теперь ужъ недолго... девятнадцаго... послѣзавтра.

— Да-а, девятнадцатаго! — возразилъ старикъ, и опять въ его голосѣ слышалась обида:—такъ тебя и пустятъ. Гляди, хромыхъ, слѣпыхъ... какіе съ провожатыми калѣки... А ты до 22-го жди. На ранней обѣднѣ вчера вычитывали: 19-го военные, старшины и чины, а чернь съ 22-го...

— Толкуй тамъ! А афишка-то... Сказано: 18-го ночь и 19-го.

— Не надѣюсь я. Я ужъ тутъ двѣ недѣли живу... вотъ... весь проѣлся...

— Двѣ недѣли! — воскликнулъ съ добродушной ироніей Алексѣй: — бегъ ума-то хорошо жить... хочь бы и годъ... А шелъ бы по деревнямъ, все чего-нибудь и дали бы...

— Дали бы... Теперь въ деревняхъ по четыре копѣйки за ночное берутъ... Міру-то вонъ сколько!..

Напились чаю. Егоръ опять не обнаружилъ никакого аппетита и не допилъ кружки съ чаемъ, какъ ни упрашивали его отецъ и Алексѣй. Чай казался кислымъ, а яйцо онъ еле прожевалъ.

— Батюня, дай старику... — прошепталъ Егоръ отцу, ложась на подушку. Ему было жаль этого стараго и, вѣрно, голоднаго человѣка, который сидѣлъ теперь спиной къ нимъ, не глядя на ихъ ѣду, но въ самой позѣ его чувствовалось, что неотступная и жгучая мысль у этого человѣка одна: дадутъ ли ему поѣсть, или нѣтъ?..

— Старичку? Ну, ну... мы его покормимъ... покормимъ, чадушка, — мягко заговорилъ отецъ: — ты покель полежи, Алеша, дадимъ старичку кружечку... Онъ— человѣкъ странній...

Алексѣй, не спѣша, допилъ свою кружку, молча съѣлъ помятыя сливы. Одну, почти совсѣмъ негодную, онъ долго молча осматривалъ и отложилъ въ сторону. Потомъ досталъ небольшой кусокъ сахару и остатокъ нѣсколько завѣтреннаго ситнаго хлѣба.

— Можно и старичку, — сказалъ онъ, наконецъ, тономъ высокаго покровительства:—Ну-ка, дѣдушка, подвигайся.

Дѣдъ крякнулъ, обернулся, сдѣлавъ сначала лицо какъ бы не понимающаго человѣка, потомъ расцвѣлъ улыбкой, обнаруживая три желтыхъ зуба, и сказалъ:

— Вотъ, спаси Христосъ... Горяченькаго-то я давно... не того...

Онъ подсѣлъ, съ трудомъ согнувъ свои колѣни, и съ то-

ропливостью давно не ѣвшаго человѣка принялся за чай и хлѣбъ.

— А много годковъ, дѣдушка?—спросилъ отецъ Егора, внимательно глядя на то, какъ старикъ съ усиліемъ прожевывалъ размоченную корку ситнаго хлѣба.

— Мнѣ-то?

— Да.

— Безъ году девяносто.

Алексѣй посвисталъ.

— А на видъ ты еще ничего... молодецъ,—сказалъ онъ, поглядывая на согнутыя въ дугу плечи старика.

— Хе-хе... Нѣтъ, золотой, плохо... подшибаетъ старость...

Старикъ съ трудомъ прожевалъ и остановился отдохнуть.

— Глазами тулъ сталъ и ноги не тово... — сказалъ онъ, вздыхая отъ усталости:—годовъ двадцать, а можетъ, и поболѣ хожу вотъ... Мнѣ и то вотъ господа говорили: „чего ты, дѣдушка, ходишь? По настоящему, тебѣ пенсіенъ долженъ идтить“. Я и говорю: „да вы дайте мнѣ его, пенсіенъ-то. Я бы нанялъ себѣ фатерку за пятьдесятъ копѣекъ, поселился бы, гдѣ церковка есть, ходилъ бы къ обѣднѣ — утренѣ... А то мнѣ ходить... безъ году девяносто... Гдѣ-нибудь въ чистомъ полѣ... безъ покаянія... и душу отдашь такъ-то“...

И онъ снова принялся мочить хлѣбъ въ кружкѣ крѣпкаго чая... Борода его проворно прыгала, когда онъ жевалъ; на лицѣ было сосредоточенное, почти угрюмое выраженіе, а на худой шеѣ и около ушей шевелились и работали всѣ кости...

Черезъ полчаса пошли въ монастырь. Вещи Алексѣй пристроилъ на храненіе какой-то больной женщинѣ, лежавшей неподалеку на тюфякѣ. Идти теперь было очень тяжело. Егору казалось, что онъ несетъ на себѣ несоизмѣримую тяжесть. Онъ задыхался и останавливался, задерживая отца. Потъ лилъ съ него, но было холодно, болѣла голова, билось сердце, бились жилки на вискахъ, тошнило, и въ глазахъ иногда качалась и проползала рѣчка съ зеленой водой и тростникомъ.

Опять отецъ взялъ его на руки и понесъ. Было еще не жарко, и онъ несъ легко, изрѣдка испуская долгій вздохъ. Въ монастырѣ, по прежнему, было многолюдно, пестро и шумно. Подъ руководствомъ Алексѣя обошли всѣ святыя мѣста. Прикладывались вслѣдъ за другими къ запечатаннымъ дверямъ церкви, у которой были завѣшены окна. Посмотрѣли на искривленную и изуродованную женщину, ноги которой свились почти въ клубокъ; ее тоже принесли къ этимъ запечатаннымъ двеямъ приложиться. Она корчилась

и что-то невнятно бормотала страннымъ, подвывающимъ голосомъ, и толпа смотрѣла на нее съ изумленіемъ ужаса и глубокаго состраданія.

— Завтра побѣжишь у насъ, милая,—говорила, утѣшая ее, какая-то богомолка:—о. Серафимъ вылѣчитъ. Вчера вылѣчилъ одну. Да и не одну... Двѣсти девять исцѣленіевъ уже было...

Потомъ подводили блѣдныхъ, съ измученными лицами, женщинъ. Онѣ истерически рыдали, конвульсивно бились въ рукахъ провожатыхъ, выкликали и визжали. Что-то говорилъ или читалъ монахъ надъ ними. Толпа кругомъ росла, безмолвная и пораженная этими воплями, въ которыхъ звучали невысказанныя, тайныя муки, долгое острое страданіе и отчаянная скорбь темной, безрадостной жизни...

— Теперь келью глядѣть, — сказалъ Алексѣй и повелъ ихъ въ новую большую церковь, только что отстроенную. Внутри ея бабы въ калошахъ мыли полъ. Самой кельи видѣть было нельзя,—не пускали. На часовенькѣ, которая закрывала ее, былъ изображенъ старикъ въ длинной бѣлой рубахѣ и въ лаптяхъ. Онъ сурово смотрѣлъ на бабъ, мывшихъ полъ, и на богомольцевъ, подававшихъ монаху свѣчи. Носился тяжелый запахъ огарковъ, сырости и грязныхъ человѣческихъ тѣлъ.

Пришли солдаты и городовые, очистили церковь отъ богомольцевъ и стали передъ входомъ въ двѣ шеренги. Кто-то ожидался. Толпа надвигалась и притиснула Егора съ отцомъ къ деревянной рѣшеткѣ, въ тѣнь, падавшую отъ церкви. Въ тѣни было прохладнѣе и дышалось легче. Небольшой человѣкъ съ бѣлокурой, взъерошенной бородкой и съ острымъ лицомъ, оказавшійся рядомъ съ Егоромъ, говорилъ учительнымъ тономъ, ни къ кому не обращаясь:

— Вотъ Онъ его прославилъ, Господь... Сколько міру!.. Угодны Господу были дѣла его, а онъ о мірскомъ не хлопоталъ... Онъ прославилъ, чтобы мы понимали... да. А мы все объ мірскомъ. Все норовимъ, чтобы побольше... Объ мірскомъ не хлопочи! Богъ знаетъ, чего кому надо. А ты отдавай всегда хоть малѣйшую—(онъ показалъ на палецъ)—частичку Богу. Много свѣчей не носи, а понеси одну, маленькую, а что лишнее—дай бѣдному, нищему, просящему. И Богъ тебѣ воздастъ... Ты и знать не будешь какъ, а Онъ тебѣ дастъ: и въ мукѣ, и въ водѣ, и въ припекѣ будетъ у тебя прибавка... Главное - въ чистотѣ сердца... Богатый—онъ много несетъ, а какъ ишшо это Господь приметъ,—мы не знаемъ... да. Тоже и начальство: брюхаты больно стали... Господь доберется и до нихъ!

Онъ снялъ картузъ, поскребъ взъерошенную голову и, оглянувшись вокругъ себя, присѣлъ на ступеньку входа.

— Я говорю по слову Божію... Другіе прочіе отъ чрева своего, а я по слову Божію говорю...—сказалъ онъ.

— Ну, ты!.. Пошелъ отсюда!—крикнулъ на него стоявшій рядомъ солдатъ.

— А я тебѣ что?—вызывающимъ тономъ, въ полуоборотъ глядя назадъ, сказалъ взъерошенный ораторъ.

Солдатъ сердито покосился на его ершеподобную фигуру.

— Тебя, братъ, поставили, ты и стой на своемъ мѣстѣ,— продолжала эта фигура:—а я не боюсь никого... нѣ-ѣтъ! Я Господа моего...

Онъ сдѣлалъ движеніе по лбу правой рукой, нѣкое подобіе креста.

— Одного Господа!—произнесъ рѣшительно онъ и, тряхнувъ головой, сталъ совсѣмъ похожъ на ерша.

— Разговорился тутъ... Разсказчикъ! — иронически и злобно сказалъ солдатъ.

— Я, братъ, не побоюсь! Я самъ знаю свое мѣсто. А тебя поставили, ты и стой... Съ мѣста даже тронуться не моги!— не безъ ироніи прибавилъ ораторъ, продолжая сидѣть на ступенькѣ.

— Горячихъ захотѣлъ?—сказалъ солдатъ угрожающимъ тономъ.

— Я знаю Господа моего...

И опять взъерошенный человѣчекъ сдѣлалъ десницей жестъ по лбу, и во всей фигурѣ его была видна непреклонная рѣшимость упереться на мѣстѣ. Солдатъ сначала посмотрѣлъ на него съ грознымъ недоумѣніемъ, потомъ надвинулся. Послышались звуки возни. Толпа заколыхалась. Опять Егора съ отцомъ приперли къ рѣшеткѣ, сдавили, потомъ вытѣснили изъ тѣни на солнцепекъ. У Егора скоро закружилась голова, и онъ упалъ.

Очнулся онъ уже за монастыремъ, въ какомъ-то чуланѣ съ землянымъ поломъ; рядомъ, вѣроятно, была конюшня, потому что оттуда доносились фырканье и топотъ лошадей и пахло конскимъ навозомъ. На концахъ широкой лавки, на которой лежалъ Егоръ, сидѣли отецъ и Алексѣй.

— Пить,— сказалъ Егоръ и не узналъ своего голоса.

У отца былъ растерянный видъ. Озабоченность была и на лицѣ Алексѣя.

— Мой совѣтъ: опять къ святому источнику... — говорилъ Алексѣй вполголоса:—авось, Господь оглянется.

Отецъ вздохнулъ, потомъ заплакалъ. О чемъ онъ заплакалъ? Поколебалась ли вѣра его, которую онъ бережно лелѣялъ въ душѣ? „Просите и дастся вамъ...!“ Онъ-ли не про-

силъ?... Онъ вѣрилъ въ эти ободряющія слова и просилъ, просилъ всегда страстно, горячо, со слезами, неотступно просилъ милости... У него уже умирали дѣти... Егоръ оставался послѣдній... И было что-то непонятное и страшное въ мысли о полномъ безсиліи передъ таинственными, непонятными предначертаніями...

— Ну, такъ чего же время терять? Идемъ!—сказалъ Алексѣй:—Бодро, кавалерійскимъ шагомъ... а?... Ты какъ, милый?—обратился Алексѣй къ Егору съ своей особенной, привлекательной лаской:—ничего? Вотъ къ святому источнику опять сходимъ, искупаемся. Тамъ есть чистая половина, для господъ... Мы въ нее... попросимъ... тамъ – ничего, пускаютъ...

И снова Егоръ увидѣлъ вчерашнюю дорогу нищихъ, больныхъ, слѣпыхъ, хромыхъ и уродовъ. Опять въ знойной пыли жужжала и быстро двигалась передъ нимъ живымъ потокомъ толпа. Но больная, утомленная голова его, лежавшая на плечѣ отца, не могла уже наблюдать. Онъ безучастно смотрѣлъ на этотъ движущійся и шелестящій людской потокъ и только одного хотѣлъ: скорѣй бы домой, къ матери... И самое большое и желанное чудо было бы, если бы онъ могъ очутиться сейчасъ дома, въ тѣни, и съѣсть пирожокъ съ вишней,—вкуснѣе онъ ничего не ѣдалъ въ этой чужой сторонѣ...

Алексѣю удалось выговорить разрѣшеніе искупать Егора на „господской" половинѣ купальни. Но купать его не стали, а лишь помочили голову. Потомъ отдыхали въ лѣсу. Егоръ метался въ жару и часто просилъ пить. Въ бреду онъ звалъ мать. Отецъ сидѣлъ надъ нимъ, безпомощный и убитый горемъ. По совѣту Алексѣя, онъ отслужилъ у часовни молебенъ о здравіи болящаго отрока Георгія, поставилъ нѣсколько свѣчей, долго молился Богу. Когда возвратился къ Егору, то Алексѣй сказалъ рѣшительнымъ тономъ:

— Нѣтъ, Петровичъ, везите-ка его до дому... А тамъ что Господь дастъ. А то плохъ хлопецъ сталъ... Горячій, какъ огонь...

—Я и то думаю такъ...—сказалъ отецъ, и они снова поочередно понесли Егора назадъ.

Егоръ смутно помнилъ, какъ его принесли къ тому мѣсту, гдѣ они ночевали, какъ его клали на большую телѣгу, устланную соломой. Кучеромъ была высокая баба въ сарафанѣ или въ рубахѣ,—въ странномъ мордовскомъ костюмѣ. Алексѣй заботливо укрывалъ его какими-то одеждами, мочилъ голову святой водой, потомъ мазалъ какимъ-то масломъ и что то говорилъ ему, но что—онъ не понималъ, хотя и отвѣчалъ иногда, повторяя его слова. Послѣ Егоръ часто

вспоминалъ о своемъ кратковременномъ другѣ и скучалъ, а тутъ ему было все равно.

День уже погасалъ, когда телѣга выѣхала изъ лѣсу на Арзамасскую дорогу. Ѣхали шагомъ. Тихо качало. Пыль относилъ вѣтерокъ въ сторону. По бокамъ дороги вездѣ шли, стояли, сидѣли и лежали люди.

Тихая качка усыпила Егора. Раза два ночью онъ просыпался. И странныя, уродливыя видѣнія вставали передъ нимъ и пугали его. Онъ плакалъ. Но когда отецъ, утѣшая его, напоминалъ, что они ѣдутъ домой, онъ радостно засыпалъ снова.

Ѳ. Крюковъ.

Вечерняя фантазія.

Когда прощалось солнце
    Съ красавицей землей
И поцѣлуй съ деревьевъ
    Срывало огневой,—
Межъ гибкихъ лозъ кровавыхъ,
    Гдѣ стонутъ кулики,
Лежалъ я одиноко
    Надъ кручами рѣки.

Межъ гибкихъ лозъ кровавыхъ
    Такъ долго я лежалъ,
Что съ жизнью грёзы сердца
    Безплотныя смѣшалъ.
Я видѣлъ въ небѣ дальнемъ
    Бѣгущихъ тучъ стада:
Изъ нихъ росли въ лазури
    Дворцы и города.
Кровавыми огнями
    Сверкали башни тамъ,
И рыцари въ доспѣхахъ,
    И тѣни стройныхъ дамъ
Толпились и бѣжали,
    Играя и смѣясь,
Въ лучахъ багряныхъ солнца

Изъ синихъ тучъ родясь...
За далью дымокъ синихъ
Сверкала ширь озеръ,
А дальше... дальше тѣни
Голубоватыхъ горъ.
А вотъ и образъ милой,
Лазурь ея очей:
Она плыветъ съ улыбкой.
Вся въ золотѣ лучей.
Я руки къ ней невольно
Съ мольбою протянулъ,
Но... въ небѣ призракъ милый,
Какъ чайка, потонулъ!..
Средь гибкихъ лозъ кровавыхъ
Такъ долго я лежалъ,
Что съ жизнью грезы сердца
Безплотныя смѣшалъ.

Ѳ. Вербицкій.

Торгующія тѣломъ.

(Очерки современной проституціи).

III. Какъ мы „обезвреживаемъ“ проституцію.

8 октября 1843 года былъ изданъ указъ объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ, при медицинскомъ департаментѣ, особаго „Врачебно-полицейскаго Комитета“ для надзора за женщинами, промышляющими развратомъ.

Этимъ указомъ проститутки были выдѣлены въ особую группу, какъ бы не подлежащую обычнымъ принципамъ закона. Такое состояніе ихъ „внѣ закона“ продолжается до нашихъ дней.

Статья 155-я „Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій“ ясно говоритъ: „Запрещается открывать днемъ и ночью домъ свой, или наемный, для непотребства, входить въ оный, и непотребствомъ своимъ или непотребствомъ иныхъ снискивать себѣ пропитаніе“.

Оказывается, однако, что стоитъ только женщинѣ оффиціально заявить, что она желаетъ „заняться непотребствомъ“, какъ законъ закрываетъ глаза и передаетъ ее на полное усмотрѣніе административной власти. Такая противорѣчивая двойственность не могла, конечно, пройти незамѣченною. Въ 1868 году соединенные департаменты правительствующаго сената высказали слѣдующее:

1) „Законодательство, признавая непотребство, обращенное въ ремесло, дѣйствіемъ противозаконнымъ (XIV т., ст. 155—158, уст. о пред. и пресѣч. преступл.) и отвергая, слѣдовательно, всякое нормальное его существованіе, не можетъ входить безъ явнаго себѣ противорѣчія въ какія-либо соображенія о порядкѣ и способахъ его организаціи; 2) врачебно-полицейскіе комитеты дѣйствуютъ на особо изданныхъ для нихъ административныхъ правилахъ и положеніяхъ, утвержденныхъ не въ законодательномъ порядкѣ, а въ порядкѣ административномъ, и 3) за симъ всякія въ означенныхъ правилахъ и положеніяхъ измѣненія и дополненія, къ чему они бы ни относились — къ внутреннему

устройству комитетовъ или же къ способу ихъ дѣйствій,—могутъ и должны имѣть мѣсто не иначе, какъ въ томъ же административномъ, а не въ законодательномъ порядкѣ".

Такимъ образомъ, законъ рѣшилъ совершенно отстраниться отъ этой „грязной" сферы. Однако, въ виду дальнѣйшихъ недоразумѣній, возникавшихъ при оцѣнкѣ непотребства „дозволеннаго и недозволеннаго", общему собранію перваго и кассаціоннаго департаментовъ пришлось высказаться въ томъ смыслѣ, что, принимая во вниманіе фактическое допущеніе существованія домовъ терпимости, а также проституирующихъ женщинъ, приходится установить только отвѣтственность „за несоблюденіе правилъ, установленныхъ для предупрежденія непотребства и пресѣченія вредныхъ отъ него послѣдствій".

Въ этомъ смыслѣ и сдѣлано примѣчаніе къ статьѣ 155-ой.

Что законодательная власть все время чувствовала извѣстную произвольность въ существованіи „врачебно-полицейскихъ комитетовъ" и старалась держаться вдали отъ нихъ, видно хотя бы изъ слѣдующихъ двухъ примѣровъ.

Когда суммы, потребныя для бюджета „врачебно-полицейскихъ комитетовъ", предполагалось возмѣщать спеціальнымъ сборомъ съ публичныхъ женщинъ, такой порядокъ былъ признанъ неудобнымъ „въ особенности потому, что учрежденіе какого бы то ни было сбора съ публичныхъ женщинъ не согласовалось бы съ духомъ нашихъ законовъ, ибо сіе могло бы казаться дозволеніемъ правительства промышлять непотребствомъ, тогда какъ закономъ оное строго преслѣдуется" *).

Въ отзывѣ соединенныхъ департаментовъ законовъ и государственной экономіи отъ 20 марта 1873 года, между прочимъ, сказано, что „городовымъ положеніемъ попеченіе объ охраненіи народнаго здравія и принятіе съ этой цѣлью мѣръ предупрежденія и прекращенія заразительныхъ, повальныхъ и мѣстныхъ болѣзней, предоставлено городскимъ общественнымъ управленіямъ, и не усматривается, въ какой мѣрѣ согласовалась бы съ такимъ правомъ дѣятельность врачебно-полицейскаго комитета,—почему и признано болѣе осторожнымъ объ учрежденіи этомъ въ узаконеніи не упоминать" **).

Впечатлѣніе получается неизмѣнно такое, что законодательная власть всячески открещивается отъ своей солидарности съ дѣятельностью „врачебно-полицейскихъ комитетовъ".

Но толпѣ, въ широкомъ значеніи этого слова, нѣтъ никакого дѣла до такихъ юридическихъ тонкостей. Для нея важны факты. А факты таковы. Заниматься непотребствомъ „начальство"

*) *А. Плетневъ.* Врачебно-полицейскій комитетъ и его роль. Спб., 1902, стр. 12.

**) *Д-ръ П. А. Граціановъ.* Борьба съ сифилисомъ, какъ предметъ общественной гигіены. Харьковъ, 1902, стр. 8.

разрѣшаетъ. Женщинѣ стоитъ только для этого—вольно или невольно—побывать въ „врачебно-полицейскомъ комитетѣ“. Тамъ предупредительно снабдятъ ее „бланкой“ и книжкой съ правилами. Если потерянъ паспортъ, если приходится блуждать безъ ночлега по улицамъ, если полиція почему-либо придирается, — нѣтъ ничего проще, какъ взять „бланку“. Несчастная женщина сразу попадаетъ въ какое-то—сравнительно, конечно,—привилегированное положеніе. Такое милостивое вниманіе „начальства“ должно быть истолковано сѣрою, неинтеллигентною средой не иначе, какъ въ смыслѣ дозволенности и даже желательности привлеченія къ проституціи свѣжихъ элементовъ. Не разъ при мнѣ проститутки высказывали слѣдующую мысль.

— Значитъ мы нужны, если съ нами такъ возятся и комитетъ, и смотрители, и врачи, и полиція... И набираютъ-то насъ безъ всякой задержки... Плепорціи нѣтъ... Приходи наша сестра, сколько хочешь—всѣхъ возьмутъ!..

Извѣстно, что на ярмаркахъ, въ особенности на Нижегородской, существуетъ проституція, въ качествѣ отхожаго промысла. Это не профессіональныя проститутки, пріѣзжающія туда вкупѣ съ хозяйками и сутенерами. Это молодыя женщины и дѣвушки приволжскихъ городовъ и селеній, которыхъ посылаютъ сюда „на заработки“ ихъ родители и родственники. Пойти въ ярмарочный врачебно-полицейскій комитетъ, оставить тамъ „на храненіе“ паспортъ и взять, вмѣсто него, „смотровую книжку“, тутъ же сняться у фотографа (для удостовѣренія личности) и обязаться не препятствовать полицейскимъ требованіямъ—все это такъ просто и такъ легко достижимо... Ярмарка кончилась. Дѣвушка беретъ обратно свой паспортъ, мѣняетъ кричащую цвѣтную вѣтошь своего костюма на крестьянскій нарядъ и возвращается въ свою деревню, въ свою семью, гдѣ принимается за привычный трудъ. Приработанныя деньги вручаются главѣ семьи или прячутся въ сундукъ, на „приданое“...

Если бы самый процессъ внесенія въ списокъ проститутокъ былъ обставленъ на ярмаркѣ извѣстными препятствіями, если бы были приняты всѣ зависящія мѣры, чтобы отговорить и удержать крестьянскую дѣвушку отъ позорнаго шага, навѣрное, такой видъ „отхожаго промысла“ сократился бы до минимума. Но опасаясь развитія тайной проституціи, каждый добровольный шагъ дѣвушки къ подчиненію надзору встрѣчаютъ охотно и съ полной готовностью. Этимъ окончательно вытравляется нравственное чувство и усугубляется вѣра въ дозволенность „непотребства“...

Учрежденіе въ 1843 году петербургскаго „врачебно-полицейскаго комитета“ и связанное съ этимъ обособленіе проституціи отъ общихъ принциповъ закона, повело къ размноженію въ крупныхъ центрахъ Россіи такихъ же комитетовъ. Въ 1844 г. вра-

чебно-полицейскій надзоръ введенъ былъ въ Москвѣ. Въ ближайшее десятилѣтіе—въ Кіевѣ, Одессѣ, Варшавѣ и нѣкоторыхъ другихъ губернскихъ центрахъ. Во многихъ городахъ и мѣстечкахъ, какъ мы увидимъ ниже, дѣло дошло впослѣдствіи до нѣсколько упрощенной системы. Врачебно-полицейскій надзоръ здѣсь выродился прямо въ полицейскій, и врачебная компетенція имѣетъ къ нему лишь отдаленное касательство.

И все же, не смотря на то, что подобная система надзора за проституціей существуетъ у насъ болѣе 60 лѣтъ, она до сихъ поръ не узаконена и носитъ характеръ административной, *временной* мѣры.

Выше я уже указалъ на то, что соединенные департаменты законовъ и государственной экономіи признали „болѣе осторожнымъ объ учрежденіи этомъ (т. е. врачебно-полицейскомъ комитетѣ) въ узаконеніи не упоминать". Далѣе мы видимъ, что симпатіи законодательной власти склоняются въ сторону передачи надзора въ вѣдѣніе городскихъ общественныхъ управленій. Высочайше утвержденнымъ 7 іюля 1873 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта, повелѣно: „предоставить министру внутреннихъ дѣлъ внести въ государственный совѣтъ, въ установленномъ порядкѣ, соображенія о томъ, представляется ли нужнымъ, въ виду примѣненія въ столицѣ городового положенія, дальнѣйшее существованіе врачебно-полицейскаго комитета" *).

Въ дѣйствительности въ Россіи кое гдѣ существуетъ и такая „городская" система надзора за проституціей. Москва послѣ опыта съ врачебно-полицейскимъ комитетомъ передала это дѣло въ руки городской санитарной коммиссіи. Въ Минскѣ надзоръ за проституціей въ продолженіи 10 лѣтъ находится въ вѣдѣніи городского общественнаго управленія. Уже болѣе двухъ лѣтъ говорятъ о томъ, что и въ Петербургѣ будетъ введена именно эта форма надзора, съ учрежденіемъ особаго „городского санитарнаго присутствія" подъ предсѣдательствомъ городского головы. Но почему-то это мѣропріятіе тормозится и до сихъ поръ не вводится въ жизнь. Между тѣмъ, если вообще принять идею подчиненія проститутокъ спеціальному надзору, то изъ всей разноголосицы практикуемыхъ системъ самою справедливою и разумною оказалась бы передача всей организаціи надзора городскимъ управленіямъ. Вѣдь имъ именно вручено наблюденіе за санитарно-гигіеническимъ состояніемъ городовъ. Что поводомъ для регламентаціи проституціи послужила, главнымъ образомъ, забота объ общественномъ здравоохраненіи—въ этомъ сомнѣнія быть не можетъ. Слѣдовательно, наблюденіе за проституціей, какъ элементомъ, угро-

---

*) *Д-ръ П. Граціановъ.* По поводу проекта новаго положенія о С.-Петербургскомъ врачебно-полицейскомъ комитетѣ. „Русск. Медиц. Вѣстникъ" 1904 года стр. 7.

жающимъ „народному здравію“ — прямая обязанность города. Тогда надзоръ дѣйствительно будетъ носить характеръ санитарно-гигіеническій. Онъ будетъ изолировывать и лѣчить больную женщину; врачебную помощь и санитарныя мѣры поставитъ на первый планъ, придавъ имъ возможную широту, и совершенно отойдетъ отъ цѣлей сыска, принудительнаго подчиненія и крутыхъ мѣръ,—что мы видимъ пока въ большинствѣ городовъ.

Посмотримъ теперь, какъ обставлено дѣло надзора въ С.-Петербургѣ, гдѣ функціонируетъ старѣйшій „врачебно-полицейскій комитетъ“, по образцу и подобію котораго дѣйствуютъ остальные россійскіе комитеты. Прежде всего, какъ происходитъ самое подчиненіе, какъ женщина попадаетъ въ списки поднадзорныхъ, получаетъ аттестатъ проститутки?... Существуютъ для этого слѣдующіе три пути.

Женщина является *сама* и заявляетъ, что желаетъ подчиниться надзору. Случаи такіе сравнительно, конечно, рѣдки. Относятся они большею частью къ особой разновидности поднадзорныхъ, къ такъ называемымъ „кабинетнымъ“. Кабинетныя, это—особы, которыя открыто не занимаются проституціей. Ихъ общественное положеніе весьма различно; среди нихъ встрѣчаются служащія въ разныхъ учрежденіяхъ, дѣвушки изъ „приличныхъ“ семей, замужнія женщины, ведущія, повидимому, весьма скромный образъ жизни. Причиной для продажи себя является чаще всего ограниченность средствъ, при тщеславномъ желаніи хорошо одѣваться и ослѣплять своимъ блескомъ подругъ. Конечно, такая особа не пойдетъ торговать собой на улицу. Но въ Петербургѣ существуетъ нѣсколько, подлежащихъ надзору комитета, такъ называемыхъ „домовъ свиданій“, посѣщаемыхъ мужчинами изъ богатыхъ классовъ общества. Въ эти-то „дома свиданій“ и записывается „приличная“ женщина, оставляя хозяйкѣ свою фотографическую карточку. По этимъ фотографіямъ „заказчикъ“ и дѣлаетъ выборъ. Хозяйка извѣщаетъ записавшуюся объ обнаружившемся „спросѣ“, и въ назначенный часъ принаряженный „живой товаръ“ появляется въ уютной обстановкѣ раздушеннаго будуара. За сеансъ въ „домѣ свиданій“ женщинѣ достается обыкновенно половина суммы, полученной хозяйкой (25—50 руб.), да иногда перепадаетъ приличный кушъ и отъ самого „заказчика“. Благодаря тому, что „дома свиданій“ находятся подъ надзоромъ, хозяйка не имѣетъ права занести въ „книгу предложеній“ особу, надзору не подчиненную. Поэтому эти „приличныя“ женщины являются сами въ комитетъ и обязуются періодически приходить туда на врачебный осмотръ. Онѣ-то и зачисляются въ категорію „кабинетныхъ“. Въ настоящее время такихъ женщинъ числится около 200. Имъ предоставлены разныя льготы. Онѣ могутъ являться на осмотры относительно рѣдко. Съ ними обращаются съ особою предупредительностью, ихъ осматриваютъ отдѣльно отъ другихъ прости-

тутокъ, высказывается даже сожалѣніе (д-ръ А. Ѳедоровъ) о томъ, что для ихъ удобства не устроено особаго хода.

Второй путь попасть подъ надзоръ, это—поступленіе въ домъ терпимости. Какъ только торговецъ живымъ товаромъ доставилъ хозяйкѣ такого дома новую пансіонерку, или послѣдняя сама пришла туда предложить свои услуги, хозяйка безъ промедленія должна сообщить объ этомъ въ комитетъ; вновь поступившая региструется, и ей выдаютъ „билетъ". Бываетъ весьма часто, что дѣвушка пріѣхала къ хозяйкѣ изъ другого города, гдѣ состояла также въ домѣ терпимости. Тогда у нея имѣется такъ называемое „проходное свидѣтельство", въ нѣкоторомъ родѣ формуляръ проститутки, и она заносится въ книги съ отмѣткой о ея прошломъ. Замѣна паспорта „проходнымъ свидѣтельствомъ" даетъ, съ одной стороны, хозяйкамъ и самимъ проституткамъ поводъ къ массѣ злоупотребленій, а съ другой — усугубляетъ безправное положеніе послѣднихъ. Во всякомъ случаѣ, въ способѣ подчиненія проститутокъ изъ домовъ терпимости (билетныхъ) болѣе всего ясности, простоты и систематичности.

Совсѣмъ иначе дѣло обстоитъ съ третьей разновидностью— съ „бланковыми", т. е. живущими на свободѣ „одиночками", которыя ищутъ покупателя на улицахъ. Сюда введена многочисленная категорія такъ называемыхъ „бродячихъ" (коммиссіонныхъ) женщинъ, введена искусственно, и въ высокой степени несправедливо... Сошлюсь на авторитетъ научнаго труда, компетенція котораго не должна вызывать сомнѣній, это—диссертація на ученую степень доктора П. Е. Обозненко: „Поднадзорная проституція С.-Петербурга, по даннымъ врачебно-полицейскаго комитета и Калинкинской больницы". Обширная диссертація эта разсмотрѣна и одобрена профессорами В. М. Тарновскимъ, С. В. Шидловскимъ и привагъ-доцентомъ П. И. Граціанскимъ. Позволю себѣ сдѣлать обширную выписку:

„На основаніи закона, вмѣняющаго въ обязанность врачебно-полицейскимъ комитетамъ надзоръ за бродячими женщинами, отъ времени до времени устраиваются ночные обходы, облавы по извѣстнымъ полиціи ночлежнымъ домамъ, грязнымъ, тѣснымъ угловымъ квартирамъ низшаго разряда и другимъ подобнымъ же притонамъ столицы, гдѣ ютится самая крайняя нищета, а вмѣстѣ съ нею порокъ и преступленіе. Всѣ женщины, встрѣченныя при такомъ обходѣ (на улицѣ или въ притонахъ), которыя не могутъ указать своего мѣстожительства и опредѣленныхъ занятій или же предъявить бланку врачебно-полицейскаго комитета, удостовѣряющую ихъ явки къ медицинскимъ осмотрамъ,—считаются бродячими женщинами, забираются обходомъ и доставляются въ участокъ подъ именемъ женщинъ, взятыхъ по коммиссіи (коммиссіонныхъ).

„Этотъ съ каждымъ годомъ все увеличивающійся, довольно

многочисленный классъ „коммиссныхъ" женщинъ стоитъ на границѣ между низшимъ рабочимъ населеніемъ столицы и поднадзорною проституціею. Здѣсь сходятся и начало, и конецъ проституціи. Сюда, въ концѣ-концовъ, попадаютъ старыя, утратившія всѣ свои прелести проститутки, зараженныя сифилисомъ (въ гуммозномъ періодѣ), пропитанныя алкоголемъ, доживающія свою бурную жизнь на жалкіе гроши, выручаемые продажею своего дряхлаго тѣла; сюда ежегодно приливаютъ массы крестьянскихъ женщинъ и дѣвушекъ, пришедшихъ въ столицу искать заработковъ, истратившія свои скудные запасы, не нашедшія мѣста и впавшія въ крайнюю нужду; здѣсь есть не мало и дѣвочекъ-подростковъ, частью сопровождающихъ своихъ матерей, частью сбѣжавшихъ отъ звѣрскаго обращенія разныхъ мастеровъ и мастерицъ, которымъ были отданы для обученія ремеслу; наконецъ, изрѣдка, попадаются тутъ и представительницы лучшаго общества, нѣкогда богатыя и знавшія лучшіе дни; на нихъ, именно, чаще всего приходится наблюдать ужасную картину самаго крайняго паденія, до котораго только можетъ дойти человѣкъ. Несчастье и порокъ здѣсь такъ похожи другъ на друга, такъ близко сошлись между собою, такъ тѣсно смѣшались, что нѣтъ возможности съ перваго взгляда отличить одно отъ другого. Впрочемъ, городовой не имѣетъ ни времени, ни желанія размышлять, онъ рѣшаетъ дѣло быстро и... безапелляціонно: *женщина, взятая имъ на улицѣ, въ угловой квартирѣ или въ ночлежномъ домѣ, считается проституткой съ нею поступаютъ, какъ съ развратною женщиною, хотя бы, кромѣ неимѣнія опредѣленнаго мѣстожительства и занятій, не было ни единаго намека на то, что она промышляетъ развратомъ.* Иногда въ практикѣ комитета случаются недоразумѣнія весьма остраго характера, которыя, казалось, должны были бы вызвать сомнѣнія въ проницательности городового, но недоразумѣнія улаживаются, и дѣло идетъ по прежнему, развѣ только обходы ведутъ себя осторожнѣе съ прилично одѣтыми женщинами, попадающимися на улицахъ.

„Всѣ женщины, забранныя обходомъ, доставляются, какъ я уже сказалъ, въ участокъ, гдѣ проводятъ ночь, а на другой день ихъ допрашиваютъ и *подвергаютъ медицинскому осмотру, вмѣстѣ съ проститутками...*

„Со страхомъ и любопытствомъ всматривается на другой день арестованная женщина, уже узнавшая отъ подругъ по несчастью,— куда и зачѣмъ ее привели,—въ окружающую обстановку. Передъ нею проходятъ безконечныя толпы сытыхъ, веселыхъ, нарядныхъ женщинъ. Какими счастливыми и довольными онѣ выглядятъ! Какъ шумно и развязно онѣ ведутъ себя! Съ какимъ почтеніемъ относятся къ нимъ городовые и низшіе полицейскіе служители, получающіе отъ нихъ подачки. Нѣтъ и слѣда того презрѣнія, насмѣшекъ, которыя бы встрѣтила такая продажная женщина въ ея

родной деревнѣ. „Всѣ онѣ были такими, какъ ты",—шепчетъ ей опытная подруга по несчастью,—„и ты сама, хоть сейчасъ, можешь сдѣлаться такою, какъ онѣ". Содержательницы домовъ терпимости, уже замѣтившія въ толпѣ коммиссныхъ подходящій „товаръ", обращаются къ ней съ заманчивыми предложеніями: „Подчинись комитету, я сейчасъ же возьму тебя, одѣну, дамъ полное содержаніе. Вотъ онѣ мои, посмотри—какъ онѣ одѣты, спроси,—какъ имъ живется у меня"!.. И въ душѣ несчастной женщины начинается жестокая борьба: послѣ нищеты, грязныхъ, вонючихъ трущобныхъ угловъ, все окружающее кажется ей роскошью, перспектива легкой, веселой, обезпеченной жизни отуманиваетъ ея мозгъ, неудержимо влечетъ къ себѣ и тутъ же, на ряду съ этимъ, встаютъ вѣковыя традиціи нравственности, стыдъ, все отвращеніе, воспитанное съ дѣтства, къ позорному ремеслу проститутки, воспоминаніе о далекой, брошенной на родинѣ семьѣ, которая погорюетъ о ея паденіи и отвернется отъ нея съ презрѣніемъ и отвращеніемъ. „Нѣтъ, не желаю",—отвѣчаетъ она содержательницѣ дома терпимости; такой же отвѣтъ даетъ она и полицейскому чиновнику, который послѣ долгихъ, непонятныхъ ей уговоровъ и разъясненій предлагаетъ подчиниться комитету. И опять начинается голодная жизнь, безплодные поиски мѣста, скитанія по трущобнымъ угламъ столицы. Черезъ нѣсколько дней — опять ночной арестъ и повтореніе только что описанной исторіи. „Вотъ видите, вы не нашли мѣста, васъ опять привели сюда",—говоритъ женщинѣ полицейскій чиновникъ. „Совѣтую вамъ подчиниться надзору. Поймите, вы ничего отъ этого не потеряете, наоборотъ, только выиграете: вы получите право вездѣ ходить, ночевать, гдѣ вамъ вздумается, васъ не будутъ забирать обходы, вся ваша обязанность будетъ заключаться въ томъ, чтобы одинъ разъ въ недѣлю, когда вамъ удобнѣе, являться сюда къ медицинскому осмотру"... „Подчинитесь надзору"! Какъ просто звучатъ эти слова и какъ трудно несчастной женщинѣ рѣшиться на роковой шагъ.

„Между тѣмъ аресты неуклонно слѣдуютъ другъ за другомъ; обстановка комитета, съ его врачебными осмотрами, толпою проститутокъ, уже не производятъ на женщину никакого впечатлѣнія: она присмотрѣлась къ нимъ, привыкла; даже предложенія подчиниться комитету болѣе не возмущаютъ ее; нужда достигла крайней степени, ослабила волю, притупила остроту чувствъ, сдѣлала ее равнодушной къ окружающему. Душой все болѣе и болѣе овладѣваетъ отчаяніе. А мѣста все нѣтъ и нѣтъ и шансы на полученіе его уменьшаются съ каждымъ днемъ: одежда пришла въ ветхость, превратилась въ грязныя лохмотья, отъ обуви осталось одно воспоминаніе, лицо вспухло отъ холода и голода и приняло синевато багровый оттѣнокъ, какъ у привычныхъ пьяницъ, тѣло покрылось расчесами и язвами отъ укусовъ милліоновъ насѣко-

мыхъ. Что дѣлать?.. Ѣхать на родину—нѣтъ денегъ, да и тамъ та же нужда, которой она хотѣла помочь, голодная семья, отъ которой она взяла послѣднія крохи, отправляясь сюда. Сколько жалобъ, упрековъ, а можетъ быть, и побоевъ ожидаютъ ее тамъ... Нѣтъ, ни за что! „Подчинитесь надзору"—въ 12-й—15-й разъ говоритъ ей полицейскій чиновникъ. „Неужели вы и теперь надѣетесь еще найти мѣсто. Посмотрите на себя, въ какомъ вы видѣ. Кто васъ приметъ такою?!" Несчастная женщина чувствуетъ всю горькую правду этихъ словъ, она уже примирилась съ мыслью о надзорѣ, съ неизбѣжностью его... Въ душѣ она считаетъ себя честной женщиной, она еще не торговала собой, не отдавала себя первому встрѣчному за деньги. Какая польза въ этомъ. Вѣдь всѣ, рѣшительно всѣ считаютъ ее за проститутку: ее приводятъ сюда на ряду съ завѣдомыми развратными женщинами, подвергаютъ вмѣстѣ съ ними медицинскому осмотру и, если бы она оказалась больной, ее пошлютъ въ ту же больницу, куда отправляютъ и проститутокъ... „Я согласна подчиниться"!.. и женщина вносится въ списки, а въ графѣ причинъ, побудившихъ ее заниматься проституціею, значится: „нужда" или „по собственному желанію". Иногда женщина, спрошенная о причинахъ занятія проституціей (въ медицинскомъ отдѣленіи комитета), отвѣчаетъ: „что же, дали бланку—нужно гулять"!.." *).

Имѣйте еще разъ въ виду, что все это описаніе взято изъ солидной научной диссертаціи. И если мѣстами поражаетъ лиризмъ изложенія, если совершенно исчезаетъ тонъ академическаго спокойствія, этимъ доказывается только то, насколько вопіюще-несправедливо основное положеніе вопроса, заставляющее даже серьезнаго ученаго терять хладнокровіе...

Диссертація доктора П. Е. Обозненко помѣчена 1896 годомъ. Въ настоящее время дѣло нѣсколько измѣнилось. Сортировка „коммиссьыхъ" въ комитетѣ происходитъ въ присутствіи дежурнаго попечителя „Россійскаго общества защиты женщинъ", и, конечно, не бываетъ уже настойчиваго уговариванія каждой женщины, забранной обходомъ, подчиниться надзору. Но основное положеніе вопроса этимъ не мѣняется. Захватываютъ женщину, ни въ чемъ въ сущности не повинную, и ничего общаго съ проституціей не имѣющую. Заставляютъ ее ночевать въ участкѣ. И потомъ позорно влекутъ на позорный врачебный осмотръ. Ее насильно отправляютъ въ Калинкинскую больницу, даже въ случаѣ такихъ болѣзненныхъ явленій, которыя не имѣютъ ничего общаго съ сифилисомъ, а вызваны простою неопрятностью. Если же ничего ровно не оказывается, ее послѣ нѣсколькихъ мучительныхъ часовъ отпускаютъ на всѣ четыре стороны. И за-

*) *П. Е. Обозненко.* Поднадзорная проституція С.-Петербурга, стран. 32—36.

тѣмъ, если этой несчастной нигдѣ не удалось устроиться, ее черезъ нѣсколько дней опять ловятъ и опять приводятъ въ комитетъ, съ повтореніемъ той же процедуры. При такихъ обстоятельствахъ собственно и „уговариванія“ никакого не надо. Сама женщина рѣшительно потребуетъ, чтобы ей выдали „бланку“ и оставили въ покоѣ.

Здѣсь я хочу обратить вниманіе на слѣдующее важное обстоятельство. Согласно отчету инспектора „врачебно-полицейскаго комитета“, д-ра А. Өедорова, оказывается, что среди „коммиссныхъ“ врачебное изслѣдованіе находитъ только 1,8%, сифилитокъ (отчетъ за 1888 г.). Между тѣмъ, среди настоящей, поднадзорной проституціи, сифилисъ достигаетъ 52%!.. 1,8%—это цифра, не отклоняющаяся далеко отъ нормы распространенія сифилиса среди женскаго населенія Петербурга вообще, т. е. среди свободнаго, „приличнаго“ населенія *)... И вотъ, безъ всякой логической послѣдовательности, „коммиссныхъ“ считаютъ наиболѣе опасными для общественнаго здравія и сочетаютъ ихъ съ пропитанными сифилисомъ проститутками...

Понятіе о „бродячей“ женщинѣ должно быть вычеркнуто разъ навсегда!.. Этотъ терминъ имѣлъ смыслъ въ свое время во время крѣпостничества. Отъ помѣщичьяго произвола бѣжали въ города „женки и дѣвки“ и здѣсь, не имѣя средствъ существованія, очень часто „занимались непотребствомъ“. Ихъ старались ловить и возвращать владѣльцу. Отсюда произошло сочетаніе понятій: бродяжка и проститутка. Отсюда же осталось обыкновеніе „забирать“ ночью женщинъ и тянуть ихъ къ допросу и осмотру. Теперь нѣтъ крѣпостныхъ, слѣдовательно, нѣтъ и бѣглыхъ. Теперь каждый человѣкъ, казалось бы, настолько свободенъ, что можетъ жить гдѣ угодно, ходить куда угодно и когда угодно.

Почему же свободная женщина, безъ всякаго непосредственнаго повода, забирается ночью на улицѣ, въ ночлежномъ домѣ, въ угловой квартирѣ?!... Забирается и подвергается оскорбительному осмотру... Позорный историческій пережитокъ.

Между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что именно изъ этой категоріи „бродячихъ“ женщинъ и набирается главнымъ образомъ кадръ проститутокъ... Беру изъ книги инспектора „врачебно-полицейскаго комитета“, д-ра А. И. Федорова имѣющіяся тамъ параллельныя данныя за два года **).

Въ 1889 году вновь зарегистровано проститутокъ 872. Среди нихъ оказалось рецидивистокъ 205 и впервые подвергнутыхъ

---

*) *П. Е. Обозненко.* „Матеріалы для сужденія о распространеніи сифилиса и венерическихъ болѣзней среди недостоточнаго населеія С.-Петербурга“. Вѣстникъ общественной игіены, 1899 г. Февраль, стр. 180.

**) *А. И. Федоровъ.* Grundzüge der polizei-ärztlichen Beaufsichtigung der Prostitution in St. Petersburg. 1897 г. стр. 43 и 44.

осмотру и включенію въ списки *667*, т. е. *болѣе 75%* всего числа. Въ 1890 г. зарегистровано вновь 693. Изъ нихъ рецидивистокъ 197 и впервые подчиненныхъ надзору *496*, т. е. *болѣе 70%* всего числа.

Эти 667 и 496 женщинъ—именно тѣ бродячія, „коммиссныя" женщины, которыя являются свѣжею, обновляющею волною для проституціи...

Въ 1891 г. „коммиссныхъ" оказалось уже 1671; въ 1892 г.—1990; въ 1893 г.—1787; въ 1895 г.—даже 3020! *)

Если такъ искусственно и произвольно поставлено дѣло регистраціи въ Петербургѣ, то что уже говорить о провинціи...

Приведу нѣсколько случаевъ, достовѣрность которыхъ не можетъ подлежать сомнѣнію, потому что въ свое время они служили предметомъ судебнаго разбирательства.

Въ Одессѣ, 1 іюля 1885 года, въ квартиру околоточнаго надзирателя Швайковскаго явилась молодая дѣвушка, вооруженная большимъ кухоннымъ ножемъ, и бросилась на Швайковскаго, но не причинила ему никакихъ пораненій только потому, что тотъ успѣлъ схватить ее за руки. По собраннымъ свѣдѣніямъ, оказалось, что утромъ того же дня въ комнату этой дѣвушки, Алифановой, когда она находилась еще въ постели, ворвался упомянутый околоточный и заявилъ ей, что она проститутка, и что онъ заставитъ ее взять желтый билетъ, если... Тутъ онъ поставилъ ей какой-то ультиматумъ. Возмущенная дѣвушка стала неистово звать сосѣдей. Когда къ ней, въ подвальный этажъ, спустился часовщикъ, у котораго дѣвушка нанимала комнатку, то Швайковскій уже удалялся, „совершенно растерянный", а Алифанова съ истерическимъ плачемъ передала то, что сказалъ ей околоточный, не договоривъ лишь до конца. Дѣвушка пошла было жаловаться къ полицейскимъ властямъ, но никого не застала дома; тогда, не зная, что дѣлать, она купила ножъ и отправилась къ оскорбителю.

На предварительномъ слѣдствіи выяснилось, что дѣвушка эта первоначально училась въ гимназіи, но по смерти отца вынуждена была прекратить ученье и приняться за шитье. Зарабатывала она немного, и хотя сильно нуждалась (напр., „зимой ходила безъ пальто и въ прорванныхъ галошахъ", „нерѣдко голодала"), однако не только никогда не прибѣгала къ сомнительнымъ источникамъ, но даже отказывалась отъ предлагаемыхъ ей займовъ. Мало того, драпировщикъ, у котораго она по временамъ работала, показалъ, что, въ виду ея старанія и добросовѣстности, онъ назначилъ ей рубль въ день; но такъ какъ другія работницы получали лишь по 60—70 коп., то и она отказывалась брать больше, не желая получать благодѣяніе, какъ ей казалось. Терпя

*) *Ibidem*. стр. 56.

большія лишенія, она удѣляла часть своего заработка на книги, желая приготовиться на акушерскіе курсы, и училась по ночамъ, отнимая нѣсколько часовъ отъ сна.

Когда началось слѣдствіе, то Алифанова была отдана подъ надзоръ полиціи(?). Такъ какъ къ ней начали постоянно заявляться городовые, то она предпочла перейти въ арестантское помѣщеніе. До суда она перетерпѣла много мытарствъ. Сначала она была освобождена отъ ареста; потомъ опять заключена въ тюрьму, прогулялась по этапу въ Измаилъ (хотя родомъ была изъ Харьковской губерніи). Во время тюремнаго заключенія несчастная дѣвушка пыталась отравиться растворомъ фосфора.

При разбирательствѣ дѣла Швайковскаго, судъ зачѣмъ-то счелъ нужнымъ пригласить въ качествѣ эксперта женщину-врача, которая удостовѣрила, что Алифанова находится въ дѣвственномъ состояніи. Швайковскій былъ приговоренъ всего къ двухнедѣльному аресту при гаупвахтѣ *).

Въ 1893 году въ Казани разбиралось дѣло, по обвиненію мѣстнаго полиціймейстера Панфилова въ превышеніи власти. Дѣло было возбуждено „по указу правительствующаго сената". Вотъ нѣкоторыя черты изъ этого дѣла.

Одинъ изъ служащихъ въ канцеляріи казанскаго полиціймейстера заявилъ письмоводителю врачебно-полицейскаго комитета, что дѣвица М. занимается тайнымъ развратомъ, и сослался при этомъ еще на двухъ свидѣтелей. Почти одновременно съ этимъ, комитетомъ былъ полученъ анонимный доносъ подобнаго же рода относительно дѣвицъ В. и С., проживавшихъ у своихъ родителей. Полиціймейстеръ поручилъ приставамъ произвести дознаніе о поведеніи этихъ дѣвушекъ. По отношенію дѣвицы М. сочли, однако, излишнимъ дожидаться дознанія отъ пристава, „которое какъ оказалось впослѣдствіи, было вполнѣ благопріятно для М.", и ее вытребовали въ комитетъ. Что касается дѣвицъ В. и С., то, вѣроятно, въ виду того, что онѣ не были такъ беззащитны, какъ М., формальности „дознанія" были продѣланы предварительно. Но какъ? Полиціймейстеръ поручилъ это дѣло приставу, приставъ—своему помощнику, а тотъ—своему письмоводителю. Письмоводитель, поговоривъ съ сосѣдями этихъ дѣвушекъ и не узнавъ отъ послѣднихъ ничего предосудительнаго, составилъ такой протоколъ, на основаніи котораго эти двѣ дѣвушки тоже были вытребованы въ комитетъ. Врачебное освидѣтельствованіе обнаружило, что всѣ эти три дѣвушки *находятся въ дѣвственномъ состояніи... Поэтому онѣ были освобождены отъ надзора.*

На судѣ всѣ тѣ свидѣтели, которые допрашивались при производствѣ полицейскаго дознанія, „удостовѣрили, что показанія

*) *Д. Л. Муратовъ.* Врачебно-полицейскій надзоръ. Журналъ „Жизнь" 1899 г. стр. 397 и 398.

ихъ записаны въ протоколы не вѣрно". Весьма характерно показаніе одного изъ свидѣтелей защиты, бывшаго письмоводителя комитета, „а нынѣ помощника пристава", Попова. Этотъ свидѣтель удостовѣрилъ, что дѣвица М. „была отправлена на смотровой пунктъ по его, Попова, личному распоряженію; Панфиловъ же объ этомъ даже и не зналъ"... Полиціймейстеръ, онъ же и предсѣдатель врачебно полицейскаго комитета, считалъ возможнымъ оправдываться тѣмъ, что въ его вѣдомствѣ подобныя вещи могутъ продѣлываться даже „по личному распоряженію" комитетскаго писаря...

Врачъ комитета на предварительномъ слѣдствіи показалъ, что дѣвица М., приведенная къ нему полицейскимъ на смотровой пунктъ, „была очень взволнована, плакала и не желала подвергаться освидѣтельствованію, но онъ, хотя приведенная и не производила впечатлѣнія проститутки, не счелъ себя въ правѣ не исполнить требованія комитета, а потому освидѣтельствовалъ М., которая *оказалась дѣвственной, вслѣдствіе чего онъ отпустилъ ее домой*, а о случившемся тотчасъ же передалъ полиціймейстеру"...

Полиціймейстеръ Панфиловъ, между прочимъ, пишетъ губернскому правленію въ своемъ донесеніи за № 686: „*Онѣ оказались невинными, почему и не были зачислены въ проститутки*" *)...

Третій разъ уже мнѣ приходится подчеркивать свидѣтельство о невинности, какъ причину того, что дѣвушки были освобождены отъ надзора. Какъ будто имѣютъ право женщину подчинять надзору только за то, что она окажется *не* дѣвственною... Повидимому, такая дикая мысль уживается въ головахъ нѣкоторыхъ провинціальныхъ „властей". Иначе не имѣло бы смысла повторять постоянно въ протоколѣ: „вслѣдствіе чего, т. е. вслѣдствіе констатированія дѣвственности, „ее отпустили домой", почему... „и не была зачислена въ проститутки"...

Наконецъ, приведу случай изъ практики провинціальнаго врачебно-полицейскаго надзора, прямо невѣроятный, истинность котораго, однако, опять таки подтверждается судебнымъ процессомъ.

„Приставъ 2-й части г. Симбирска, Милютинъ, получивши 19 іюля 1889 года сообщеніе, что среди нижнихъ чиновъ квартировавшаго въ Симбирскѣ 94-го баталіона распространяется сифилисъ, въ тотъ же день отдалъ приказъ своему помощнику, Каменскому, арестовать съ наступленіемъ ночи всѣхъ женщинъ, живущихъ во второй части г. Симбирска, и представить ихъ на слѣдующій день къ освидѣтельствованію. Каменскій, собравъ ночью нарядъ изъ полицейскихъ и караульщиковъ, началъ аресты, хватая и отправляя въ участокъ всѣхъ женщинъ безъ разбора, не

*) *Л. Я. Муратовъ*. Ibid. стр. 400 и 401.

только попадавшихся на улицахъ, но и бывшихъ въ своихъ квартирахъ, при чемъ забирались и старухи, и дѣвушки, и матери съ грудными младенцами. Ворвавшись во второмъ часу ночи въ домъ Трофимовой, Каменскій приказалъ взять подъ арестъ проживавшую въ томъ домѣ нѣкую Кліенкину. Но такъ какъ у Кліенкиной, кромѣ грудного младенца, было еще нѣсколько малолѣтнихъ дѣтей, которыя съ уходомъ матери подъ арестъ остались бы безъ надзора, то домовладѣлица Трофимова стала просить Каменскаго, чтобы онъ оставилъ Кліенкину до утра, когда долженъ вернуться мужъ ея. При этомъ Трофимова добавила, что хотя она и не знаетъ причины этого ареста, однако готова взять эту женщину на поруки до утра.

„Въ отвѣтъ Трофимова услыхала цѣлый рядъ дерзостей, а въ заключеніе сама была арестована и вмѣстѣ съ другими женщинами просидѣла въ части подъ арестомъ до слѣдующаго дня. Выпущенная на свободу, Трофимова обратилась съ жалобой къ прокурорскому надзору и губернатору. Жалоба ея была провѣрена, и такъ какъ все, изложенное въ ней, подтвердилось, то противъ Каменскаго и Милютина начато было дѣло по обвиненію въ превышеніи власти и въ незаконномъ лишеніи свободы какъ домовладѣлицы Трофимовой, такъ и вообще всѣхъ женщинъ, подвергшихся въ ту ночь аресту. Судъ призналъ ихъ обоихъ виновными, при чемъ перваго изъ нихъ приговорилъ къ аресту при полиціи на 10 дней; для второго же наказаніе было ограничено лишь вычетомъ трехъ мѣсяцевъ изъ службы“ *).

Этотъ невѣроятный случай показываетъ, какъ превратно и съ какою всеобъемлющею широтою толкуется нѣкоторыми провинціальными полицейскими властями вопросъ о подчиненіи надзору. Не приходится даже удивляться появленію такого рода приказовъ, какъ годъ тому назадъ напечатанный въ „Гродненскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“: „Приказомъ гродненскаго полиціймейстера подвергнутъ штрафу въ 3 рубля старшій городовой 2-й части, С. Анзимъ, *за слабый надзоръ за тайной проституціей*“. Недуренъ также примѣръ, приводимый въ видѣ „иллюстраціи“ д-ромъ П. Граціановымъ. Въ оффиціальномъ документѣ отъ 3 іюня 1901 года значится: „паспортъ такой-то особы былъ отобранъ городовымъ Р., у котораго, вѣроятно, находится и сейчасъ“ **).

Сужденіе о нравственности женщинъ ввѣряется городовымъ!.. Они же отбираютъ и хранятъ у себя паспорта подозрѣваемыхъ въ непотребствѣ!..

Но поклонники существующей системы надзора идутъ и дальше. Докторъ А. И. Федоровъ не довольствуется уже пріобщеніемъ къ

*) *Д. Л. Муратовъ.* Ibidem. стр. 409.

**) *П. Граціановъ.* Борьба съ сифилисомъ, какъ предметъ общественной гигіены. Стр. 9.

проституціи искусственно созданнаго элемента „бродячихъ“ (коммиссныхъ) женщинъ. Сознавая слабость—въ смыслѣ общественнаго здравоохраненія — конечныхъ результатовъ, достигаемыхъ „врачебно-полицейскимъ“ надзоромъ, онъ ищетъ новые горизонты, куда бы направить пронизывающіе лучи этого надзора—и находитъ. Въ качествѣ „профилактической мѣры“ противъ распространенія сифилиса, онъ предлагаетъ: „врачебное освидѣтельствованіе незамужнихъ фабричныхъ работницъ, а также и всѣхъ поступающихъ на частную службу мужчинъ и женщинъ. Чтобы не затронуть женской стыдливости, изслѣдованіе женщинъ можно бы поручить спеціально подготовленнымъ акушеркамъ, которыя уже передадутъ врачу тѣхъ, которыхъ найдутъ больными. Эти осмотры, кромѣ непосредственной пользы, послужатъ еще къ распространенію свѣдѣній о значеніи и серьезной опасности сифилиса. При каждомъ наймѣ новой прислуги, она должна подвергнуться такому осмотру въ особо устроенномъ врачебномъ бюро. На паспортѣ прислуги, которая признана здоровой, ставится соотвѣтствующее клеймо. Установленіе такихъ мѣропріятій не можетъ представить особыхъзатрудненій, и поэтому я надѣюсь на скорое ихъ практическое осуществленіе“ *).

„Надежда“ докторомъ А. Федоровымъ высказана въ 1897 г. Но, слава Богу, до сихъ поръ она еще не оправдалась!.. Весьма деликатно изложенная выше тирада угрожаетъ ни болѣе ни менѣе, какъ низведеніемъ громаднаго класса—прислугъ и фабричныхъ—чуть ли не до степени тѣхъ же несчастныхъ „коммиссныхъ“... Но почему же тогда не осматривать и „господъ“, которые, безъ всякаго сомнѣнія, передаютъ венерическія болѣзни женской прислугѣ? . Почему не учредить параллельное „бюро“, гдѣ будутъ подвергаться врачебному контролю наниматели?!.

Это глубокое основное противорѣчіе, къ сожалѣнію, было выяснено далеко не во всей полнотѣ, когда вопросъ о періодическихъ осмотрахъ прислуги обсуждался въ засѣданіи медицинскихъ обществъ. Находилось не мало сторонниковъ этой мѣры, правда, предлагавшейся въ весьма сдержанной формѣ и скромныхъ размѣрахъ. Но принципіально подобный спеціальный надзоръ за какою либо, сохраняющею всѣ гражданскія права, группой населенія (прислуга, фабричныя) ничѣмъ оправданъ быть не можетъ, и явился бы актомъ величайшей несправедливости...

Переходимъ къ слѣдующему вопросу.

Женщина подчинена уже надзору. Какъ фактически выполняется этотъ надзоръ?..

Разсмотримъ дѣятельность петербургскаго врачебно-полицейскаго комитета.

Наблюдательная силы комитета таковы: врачебный инспекторъ,

*) *А. П. Федоровъ.* Locus cit. стран. 56.

8 врачей, 3 акушерки и 20 надзирателей. Имѣются 3 врачебныхъ смотровыхъ пункта, куда являются для освидѣтельствованія „кабинетныя“ и „бланковыя“, т. е. живущія на волѣ, „билетныя“, населяющія дома терпимости, тамъ же и осматриваются комитетскими врачами. „Кабинетнымъ“, какъ я указалъ выше, позволено являться на осмотръ съ большими промежутками; „билетныя“ свидѣтельствуются 2 раза въ недѣлю; „бланковыя“ подвергаются врачебному контролю 1 разъ въ недѣлю.

Фактически возможенъ правильный надзоръ только по отношенія къ „билетнымъ“. Врачъ въ извѣстный день и часъ является въ „домъ терпимости“, и населенію этого дома нельзя ужъ избѣжать контроля.Совершенно иначе дѣло обстоитъ съ „бланковою“. Ее приходится ловить, разъ она имѣетъ свои резоны избѣгать очередного осмотра. Имѣйте въ виду, что резоны эти являются чаще всего тогда, когда проститутка чувствуетъ себя нездоровой и боится попасть въ Калинкинскую больницу. Слѣдовательно, именно *нездоровая, представляющая громадную опасность зараженія, скрывается отъ надзора*. Когда она „подлѣчилась“, когда проявленія болѣзни у нея исчезнутъ, она сама придетъ на смотровой пунктъ. Чего ей тогда бояться?!.

Ловить такихъ уклоняющихся „бланковыхъ“ лежитъ на обязанности надзирателей врачебно-полицейскаго комитета. Каждому изъ нихъ подвѣдомственны проститутки ограниченнаго городского околотка. Разъ „бланковая“ не явилась къ осмотру, надзиратель долженъ отправиться къ ней на домъ и узнать причину. Тутъ возможны различные „обходы закона“. Проститутка отмѣчается выѣхавшею на другую квартиру, а сама временно кочуетъ отъ подруги къ подругѣ, и поймать ее во время этихъ перелетовъ весьма трудно. Или она дѣйствительно уѣзжаетъ временно за городъ въ окрестности Петербурга, совершенно ускользая отъ надзора, но ежедневно къ ночи регулярно возвращается въ столицу и занимается своимъ промысломъ. Наконецъ, „бланковая“ никуда не бѣжитъ, не скрывается, а заявляетъ надзирателю, что она больна (инфлуэнца, ангина, острый ревматизмъ), и что врачъ приказалъ ей лежать въ постели; поэтому она при всемъ желаніи не можетъ придти въ комитетъ... Въ подобныхъ случаяхъ для провѣрки собственно долженъ былъ бы явиться комитетскій врачъ. Но ежедневная работа этого врача настолько колоссальна и непомѣрна, что фактически такой порядокъ невозможенъ. „Провѣрять“ предоставляется надзирателю. Какъ разъ я знаю одного изъ такихъ наиболѣе дѣятельныхъ надзирателей. По его словамъ, провѣрка состоитъ въ томъ, что „смотрятъ, есть ли рецептъ отъ врача, и этимъ подтверждается дѣйствительность заболѣванія“...

Вообще интересно остановиться на этомъ своеобразномъ институтѣ надзирателей, который является „начальствомъ“, ближе

и чаще всего соприкасающимся съ проститутками и для послѣднихъ имѣющимъ значеніе первостепенное.

Жалованье надзирателю полагается 35 рублей. Обязанности его сложны и обширны. Онъ долженъ слѣдить въ своемъ околоткѣ за правильностью посѣщенія проститутками смотрового пункта, слѣдить за домами терпимости; посѣщать бани, номера гостиницъ, подозрительныя меблированныя комнаты и „дома свиданій" съ цѣлью уловить тайныхъ проститутокъ; вечеръ и часть ночи дежурить на людныхъ улицахъ и въ увеселительныхъ мѣстахъ, чтобы отчасти не допускать туда проститутокъ, отчасти сдерживать ихъ слишкомъ необузданные порывы; участвовать въ полицейскихъ облавахъ укрывающихся проститутокъ и бездомныхъ „бродячихъ" женщинъ; наводить разнаго рода справки объ особахъ подозрительныхъ въ нравственномъ отношеніи; нести часть канцелярской работы на смотровыхъ пунктахъ во время ежедневной врачебной визитаціи... Быть можетъ, я даже еще не исчерпалъ всѣхъ сложныхъ обязанностей надзирателей комитета. Нечего разсчитывать на то, что, при мизерномъ окладѣ и неприглядныхъ обязанностяхъ этой своеобразной службы, къ ней примкнутъ мало мальски нравственно щепетильные элементы... При соприкосновеніи съ средой проститутокъ, хозяекъ, маклершъ, здѣсь естественно ожидать попытокъ „задабриванія" и преложенія гнѣва на милость, въ той или иной формѣ...

Если надзирателю такъ-таки и не удалось разыскать уклоняющуюся отъ осмотра проститутку, онъ начинаетъ искать ее и ловить на улицѣ. Иногда послѣ нѣсколькихъ недѣль и даже мѣсяцевъ ее удается арестовать при содѣйствіи полиціи. Такая упорно и неоднократно уклоняющаяся, по жалобѣ комитета, подвергается судебной отвѣтственности. Однако мировые судьи, по большей части, относятся къ этого сорта провинностямъ довольно мягко: иногда выносятъ оправдательный вердиктъ, иногда присуждаютъ къ 3—5 рублямъ штрафа или къ 1—3 днямъ ареста. Проститутка платитъ эту сумму, или отсыпается день—другой въ арестномъ домѣ. А потомъ опять продолжаетъ держаться системы „уклоненія", когда ей это будетъ удобно и выгодно... Сколько народу успѣютъ заразить такія „состоящія подъ надзоромъ особы", учету, конечно, не подлежитъ. Но въ общемъ цифра эта, безусловно, громадна... И вотъ, не имѣя никакой возможности настоять на относительномъ хотя бы обезвреживаніи проституціи, подчиненной уже надзору (осмотръ 1 разъ въ недѣлю), наполняютъ списки искусственно привлекаемыми съ улицы бродячими женщинами, радуясь, что „коммиссные" списки растутъ, что новыя сотни приводятся „къ подчиненію"... Для чего?.. Чтобы потомъ за ними гоняться?.. Чтобы многихъ изъ нихъ совершенно не видѣть въ тѣ дни, когда онѣ представляютъ громадную опас-

ность зараженія, и „изъять ихъ изъ обращенія“ только послѣ того, какъ онѣ успѣли натворить не мало бѣдъ?..

И другія требованія, предъявляемыя существующею системою надзора, иногда столь же несовмѣстимы съ практикой жизни и неминуемо должны вести къ нарушеніямъ. Приведу нѣсколько примѣровъ.

Въ § 12-омъ „Правилъ для женщинъ, состоящихъ подъ надзоромъ врачебно-полицейскаго комитета, живущихъ отдѣльно“, значится: „Не появляться для прогулки въ Пассажѣ, на Невскомъ, Литейномъ, Владимірскомъ и Вознесенскомъ проспектахъ, Гороховой, Большой и Малой Морской улицахъ, а также въ саду „Акваріумъ“.

Какъ видите, это какъ разъ перечисленіе тѣхъ людныхъ пунктовъ, гдѣ проститутки продолжаютъ появляться въ большомъ количествѣ... Да иначе и быть не можетъ. Разъ допускается существованіе спеціальнаго промысла „бланковыхъ“, то надо же предоставить имъ возможность показываться на торжищахъ, гдѣ можетъ на нихъ оказаться спросъ. Нельзя загонять ихъ въ глухіе и темные переулки, куда рѣдко забредетъ одинокій пѣшеходъ... Да и съ точки зрѣнія многолюдства система запрета проведена весьма произвольно. Почему не упомянута Большая Садовая улица, Разъѣзжая, Николаевская?.. Почему въ „Акваріумѣ“ бывать не дозволяется, а въ „Аркадіи“, „Крестовскомъ“ и „Буффѣ“ можно?.. Понятно, что все это не исполняется и остается только мертвою буквой...

Едва ли исполнимо и требованіе § 11 правилъ „не затрагивать на улицахъ проходящихъ и не зазывать ихъ къ себѣ“... Опять таки самый характеръ торговли собой неминуемо ведетъ къ извѣстной инициативѣ въ предложеніи услугъ... Наконецъ, мы знаемъ, что періодически забираютъ на улицахъ и такихъ женщинъ („бродячія“), которыя ровно ни къ кому не пристаютъ и никого не зазываютъ...

Пойдемъ далѣе въ эту область противорѣчій.

У женщины, зарегистрованной комитетомъ, отбирается паспортъ. Всякій знаетъ, какъ важно для каждаго русскаго гражданина это своеобразное habeas corpus... Человѣкъ безпаспортный, по народному воззрѣнію, въ сущности даже не человѣкъ... Такимъ образомъ, для проститутки нравственное значеніе этой мѣры, какъ полнаго отчужденія отъ гражданской жизни, очень велико.. Вмѣсто паспорта, поднадзорной выдаютъ медицинскій билетъ („желтый билетъ“). Удержаніемъ паспорта имѣется въ виду „прикрѣпить“ женщину къ требованіямъ врачебно-полицейскаго надзора. Но мы видѣли, что этого не достигаютъ, и, не смотря на отсутствіе паспорта, „бланковыя“ съ полнымъ успѣхомъ ускользаютъ отъ періодическихъ осмотровъ. Мало того, безпаспортность проститутки вноситъ въ эту темную область

лишній моментъ для злоупотребленій. Когда проститутка временно переѣзжаетъ въ другой городъ, ей выдаютъ „проходное свидѣтельство". Вотъ съ текстомъ этихъ проходныхъ свидѣтельствъ и происходятъ всякіе казусы, дѣлающіе ихъ совершенно не тождественными съ текстомъ паспортовъ, хранящихся въ полицейскомъ управленіи. Бываютъ случаи, когда проститутка кочуетъ изъ одного города въ другой по чужому проходному свидѣтельству. Контроль тутъ почти невозможенъ. Бываетъ, что проститутка желаетъ вырваться изъ дома терпимости и начать иную жизнь. Безъ паспорта искать работы нельзя, и, при противодѣйствіи хозяйки, добыть паспортъ изъ полиціи—дѣло очень трудное. Пока что, хозяйка перепродаетъ неудобную „протестантку" въ другой городъ, въ другой домъ терпимости, и жертва эта сдается съ рукъ на руки „по проходному свидѣтельству", безъ всякой надежды уже получить паспортъ.. Или такъ еще. Существуютъ циркуляры, воспрещающіе пріемъ несовершеннолѣтнихъ въ дома терпимости. Между тѣмъ изъ отчета „Севастопольскаго отдѣла защиты женщинъ" за 1902 годъ мы видимъ, что въ убѣжище этого отдѣла поступило изъ домовъ терпимости 94 несовершеннолѣтнихъ... Какъ это могло случиться? . Конечно, путемъ „обхода". Такъ, „въ убѣжище поступила изъ дома терпимости 14-ти лѣтняя Е., которую привезли въ Севастополь по проходному свидѣтельству, составленному въ г. Александровскѣ, и въ этомъ свидѣтельствѣ она показана 22-хъ лѣтъ" *).

Не можетъ быть сомнѣнія въ громадномъ значеніи пьянства для процвѣтанія и расположенія „непотребства"... Благодаря алкоголю, разыгрываются самыя необузданныя оргіи разврата; крайнее, безотчетное опьяненіе является часто ближайшимъ поводомъ къ зараженію. Казалось бы, употребленіе спиртныхъ напитковъ должно быть категорично и безусловно запрещено во всѣхъ домахъ терпимости. Въ дѣйствительности этого нѣтъ. „Дому" разрѣшается то торговля портеромъ, то пивомъ, то красными винами, то шампанскимъ. Извѣстный процессъ бывшаго кронштадтскаго полиціймейстера Шафрова показалъ, насколько здѣсь открыты пути для произвола. Въ пунктѣ, касающемся обвиненія Шафрова въ лихоимствѣ и вымогательствѣ съ содержательницъ веселыхъ домовъ, между прочимъ, сказано:

„Здѣсь, прежде всего, обвинитель констатируетъ чрезвычайное увеличеніе этихъ домовъ, именно при Шафровѣ. Если вспомнить объясненія нѣкоторыхъ „заведенокъ", что торговля женскимъ тѣломъ шла плохо, что содержаніе женщинъ стоило дороже, чѣмъ сколько онѣ давали дохода, то окажется, что надобности въ увеличеніи домовъ не было. На чемъ наживались содержательницы этихъ домовъ? На разрѣшеніи имъ торговать

*) *Отчетъ*, страница 63.

пивомъ и водкой. И только это дозволеніе торговать спиртными напитками дѣлало этотъ промыселъ чрезвычайно выгоднымъ. Шафровъ не только разрѣшалъ новые дома, онъ существующимъ дозволилъ торговать позже 2-хъ часовъ ночи, вопреки прежнимъ циркулярамъ и распоряженіямъ генералъ-адъютанта Казнакова" *).

Дозволеніе торговать какимъ-нибудь однимъ крѣпкимъ напиткомъ приводитъ къ тому, что въ сущности можно торговать всѣми производными алкоголя.

Да и въ домахъ терпимости низшаго сорта, гдѣ не должно быть никакихъ крѣпкихъ напитковъ, контроль по нѣкоторымъ причинамъ ведется очень несовершенно и нисколько не достигаетъ цѣли.

„Не смотря на всѣ запрещенія—говоритъ Д. Н. Бородинъ—во всѣхъ перворазрядныхъ домахъ терпимости шампанское разныхъ марокъ и портеръ свободно подаются гостямъ и, конечно, по небывало высокому тарифу. Въ домахъ низшей платы вы не встрѣтите шампанскаго и портера, но за то подаются вамъ лимонады, кислые щи, квасъ, „что такое", и, подъ видомъ этихъ невинныхъ напитковъ, самая простѣйшая водка переливается въ сосуды изъ подъ кваса и лимонада. Мало того, во всѣ эти дома низшихъ категорій посѣтители, не смотря на тщательный осмотръ прислуги заведенія, всегда приносятъ удобныя посудины съ ярлыкомъ казенной винной монополіи. Хозяйкамъ этихъ домовъ крайне невыгоденъ такой проносъ, такъ какъ онѣ лишаются сбыта своихъ спиртныхъ фабрикатовъ, но, при входѣ въ домъ цѣлой ватаги пьяныхъ мастеровыхъ или солдатъ, одной прислугѣ убогаго заведенія весьма трудно установить правильный надзоръ, а подчасъ это бываетъ и опасно. Будучи уже невмѣняемыми, при блескѣ освѣщенія, общаго пьянаго чада, царящаго въ этихъ домахъ, побуждаемые къ тому же проститутками угостить ихъ виномъ,—а это входитъ въ кругъ ихъ обязанностей къ хозяйкѣ,—требуютъ вина и вина, не справляясь ни съ цѣною и количествомъ его, не заботясь и о качествѣ его. Разгулъ идетъ во всю, а это и составляетъ выгоду антрепренеровъ этихъ заведеній" **).

Приведенные примѣры только незначительная часть тѣхъ недочетовъ, которыми обильна существующая система регламентаціи.

Перехожу къ врачебному надзору, въ узкомъ значеніи этого слова.

Мы видѣли уже выше, какъ неаккуратно являются къ вра-

---

*) *Судебный отчетъ по дѣлу Шафрова.* Газета „Новости", 4 февраля, 1903 г.

**) *Д. Н. Бородинъ.* Алкоголизмъ и проституція. Журналъ „Трезвость и Бережливость" 1903 года, стр. 13.

чебному осмотру „бланковыя“, какъ онѣ всячески уклоняются отъ него. Но и при существующихъ обстоятельствахъ, та громадная работа, которая навалена на 8 врачей комитета, совершенно имъ не по силамъ. Каждый изъ этихъ врачей занимается на осмотровыхъ пунктахъ 3 раза въ недѣлю отъ 9 часовъ утра до 2-хъ дня. Остальные дни они посвящаютъ „билетнымъ“ въ домахъ терпимости, гдѣ осмотръ пансіонерокъ долженъ производиться 2 раза въ недѣлю. Бываютъ дни, когда каждому врачу приходится проконтролировать *до 300 женщинъ*, при чемъ на каждую, слѣдовательно, удается удѣлить не болѣе минуты. Можно ли требовать при такомъ осмотрѣ хотя бы какой-нибудь тщательности и увѣренности въ діагнозѣ?!. Нельзя ждать даже и отъ выдающихся по опытности врачей сверхъ человѣческой прозорливости... А нагромождая 300 проституткъ на долю каждаго врача, отъ него именно такой прозорливости и требуютъ...

Если врачебный осмотръ такъ обставленъ въ столицѣ, то, конечно, въ провинціи онъ и того хуже. Ссылаясь на оффиціальные отчеты, д-ръ П. Граціановъ говоритъ: „три года (1888—1890) ни разу не осмотрѣно 10 тысячъ слишкомъ женщинъ, занесенныхъ въ списки полиціи. Зачѣмъ же ихъ заносили?.. Надзоръ санитарный, гигіеническій возложенъ на врачей оффиціальныхъ, городскихъ, уѣздныхъ, полицейскихъ, не снабженныхъ на это никакими матеріальными средствами. У нихъ нѣтъ ни спеціально приспособленнаго для осмотра женщинъ помѣщенія, нѣтъ никакихъ инструментовъ, нѣтъ даже полотенца для вытиранія рукъ.— словомъ, санитарная часть надзора за проституціей находится въ большинствѣ случаевъ въ самомъ плачевномъ состояніи“ *).

Какое же значеніе можетъ имѣть такой контроль?

Но если бы контроль велся въ сотни разъ тщательнѣе и полнѣе, — то и тогда мы ничѣмъ не могли бы гарантировать общество отъ опасности зараженія. Допустимъ, что добросовѣстнѣйшій осмотръ будетъ производиться 2 раза въ недѣлю, три раза въ недѣлю, даже ежедневно. И если еще утромъ проститутка признана здоровою, то къ вечеру у нея уже могутъ открыться заразныя явленія, и она можетъ передать заразу... Слѣдовательно, абсолютной гарантіи — никакой, и можно говорить только *о большей вѣроятности предохраненія*. На „брюссельской международной конференціи по вопросу о сифилисѣ“ профессоръ Фингеръ разсказалъ слѣдующій случай:

Онъ работалъ въ клиникѣ проф. Неймана, гдѣ находились на излѣченіи проститутки. Послѣднія выпускались оттуда только послѣ троекратнаго тщательнаго осмотра. Наканунѣ выпуска проститутку осматривалъ проф. Фингеръ, въ день осмотра проф. Нейманнъ, а затѣмъ врачъ врачебно-полицейскаго надзора. Только

*) *Д-ръ П. Граціановъ*. Борьба съ сифилисомъ стр. 9.

тогда она выпускалась на волю, и ей возвращался ея желтый билетъ съ надписью: „здорова“. Такому освидѣтельствованію подверглась, между прочимъ, очень молодая и красивая проститутка-сифилитичка и была признана здоровой. Она понравилась одному молодому врачу клиники. Въ полной увѣренности, что троекратный осмотръ обезпечиваетъ ему безопасность, онъ первый вошелъ съ ней въ сношеніе и заразился сифилисомъ *).

Вотъ вамъ разительный примѣръ полной несостоятельности многократнаго и самаго добросовѣстнаго осмотра!..

Мнѣ, въ качествѣ врача-сифилидолога, нерѣдко приходится сталкиваться съ довольно трагическими подробностями довѣрія къ бдительности и серьезности врачебно-полицейскаго надзора. Паціенты недоумѣваютъ и раздраженно говорятъ о выдачѣ проститутками „ложнаго свидѣтельства“ о здоровьи. То-же самое констатировалъ д-ръ М. П. Манасеинъ въ докладѣ, читанномъ на „5-мъ съѣздѣ общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова“. Докладчикъ, между прочимъ, замѣтилъ: „Желательно высказаться болѣе или менѣе окончательно, чтобы выйти изъ тяжелаго нравственнаго гнета, когда видишь крайне тяжелый случай заболѣванія, и когда больной говоритъ мнѣ: къ чему же существуютъ у насъ надзоры за проституціей и осмотры?“

На этотъ вопросъ рѣшительно отвѣтилъ профессоръ Н. И. Стуковенковъ: „Понятная вещь, что общество и отдѣльные члены его должны сами заботиться о себѣ, и думаю, что тотъ упрекъ, который приходится слышать вамъ иногда отъ паціентовъ: „что же вы дѣлаете — надзоръ въ вашихъ рукахъ“, этотъ упрекъ имѣетъ мѣсто потому, что еще живутъ старыя традиціи; у публики существуетъ понятіе, что есть нянька, въ видѣ медико-полицейскаго комитета, которая заботится о безопасности ея распущенныхъ удовольствій. Скажите же этой публикѣ: няньки нѣтъ; всѣ взрослые должны заботиться сами о себѣ,—и упрека не будетъ“... **).

Тутъ мы наталкиваемся на старый, давній споръ аболиціонистовъ, совершенно отрицающихъ всякій спеціальный контроль надъ проституціей, и регламентистовъ, требующихъ самаго строгаго подчиненія проститутокъ особымъ мѣрамъ надзора. Не мѣсто здѣсь подробно разбираться въ вопросѣ. Приведу только нѣсколько противорѣчій изъ области этой борьбы.

На основаніи извѣстнаго солиднаго труда профессора В. М. Тарновскаго „Аболиціонизмъ и проституція“, „русское сифилидологическое общество“ категорически постановило въ 1887 г.: *„установить постоянный врачебно полицейскій надзоръ за проституціей“*.

---

*) *М. И. Покровская.* Мѣры, предупреждающія распространеніе сифилиса. „Русскій Врачъ“ 1903 г. стран. 372.

**) *Д-ръ М. П. Манасеинъ.* Современное состояніе вопроса о проституціи. Труды 5-го съѣзда. Томъ II, стр. 364.

Въ томъ же 1887 г. въ Кіевѣ „врачебная коммиссія для обсужденія вопроса о мѣрахъ противъ распространенія сифилиса" постановляетъ: „За полнымъ отсутствіемъ раціональныхъ основъ самый принципъ (надзора) долженъ считаться нераціональнымъ, почему коммиссія и *высказалась за отмѣну существующей регистраціи проституціи*" *).

На 2-мъ международномъ съѣздѣ дерматологовъ проф. Недановичъ ставитъ въ качествѣ категорическаго императива, чтобы „въ тѣхъ государствахъ, гдѣ еще нѣтъ регламента проституція, *таковой былъ созданъ въ скоромъ времени*" **).

Приблизительно въ тотъ же періодъ на съѣздѣ московско-петербургскаго медицинскаго общества въ 1885 г. д-ръ Шперкъ заявляетъ: „*регламентація проституціи — есть распространеніе сифилиса съ врачебною санкціей*" ***).

На „2-мъ международномъ съѣздѣ для профилактики сифилиса и венерическихъ болѣзней", имѣвшемъ мѣсто въ Брюсселѣ въ 1902 г., противорѣчіе дошло до того, что одновременно состоялось два діаметрально противоположныхъ постановленія „въ виду разногласія между членами съѣзда": 1) „*Регламентація* проституціи, оказавшаяся на практикѣ безполезной, *должна быть уничтожена*. Для профилактики венерическихъ болѣзней нужно обратиться къ закону, равному для мужчины и для женщины; 2) *Регламентацію нужно сохранить*, но построить на другихъ началахъ" ****).

Для довершенія картины замѣтимъ, что регламентація существуетъ въ Россіи, Франціи, Германіи; отсутствуетъ въ Италіи и Англіи... Вотъ какая черезполосица мнѣній, постановленій и фактическихъ мѣропріятій!..

Повторяемъ, мы не можемъ входить здѣсь въ разборъ этихъ споровъ между аболиціонистами и ихъ противниками. Но одно положеніе стоитъ во всякомъ случаѣ внѣ сомнѣній: *полицейско-врачебный надзоръ*, — въ какомъ угодно видѣ, — долженъ быть отмѣненъ. Если надзоръ нуженъ, его необходимо передать въ полное вѣдѣніе городскихъ общественныхъ управленій. Все вниманіе будетъ обращено тогда именно на сторону гигіенически-санитарную.

*) *Протоколы общества кіевскихъ врачей за 1888 годъ*, стр. 10.

**) *М. П. Манасеинъ*. Locus cit. стр. 358.

***) *Д. Ахшарумовъ*: Современный взглядъ на санитарное значеніе домовъ терпимости. Стр. 46.

****) *Отчетъ о съѣздѣ*. Врачебная Газета 1903 г. № 1.

IV. Изъ жизни проститутокъ.

Въ 1901 году (послѣднія имѣющіяся отчетныя цифры) въ Петербургѣ наблюденію комитета подлежало 47 домовъ терпимости съ контингентомъ въ 650 женщинъ (билетныя). Съ 1880 года замѣчается неуклонное и, за послѣдніе годы весьма сильное, паденіе числа домовъ терпимости, между тѣмъ какъ, наоборотъ, до 1880 года количество ихъ возрастало: въ 1868 г.—138 домовъ терпимости; въ 1879 уже 206 такихъ домовъ; въ 1880 цифра понижается до 195; въ 1884—уже 118; въ 1887—75; въ 1890—67 *) и, наконецъ, въ 1901 доходитъ до 47. Правда, пониженіе это не покажется столь рѣзкимъ, если принять во вниманіе сравнительное увеличеніе числа живущихъ въ каждомъ отдѣльномъ домѣ терпимости. Такъ, цифры 1879 г. даютъ въ среднемъ по 8 женщинъ на каждый домъ терпимости; въ 1901 г. приходится на такой домъ 14 женщинъ. Однако, и при такой поправкѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что изъ года въ годъ потокъ проститутокъ даетъ все болѣе мощную волну „бланковыхъ" и слабую—„билетныхъ".

Чѣмъ объясняется это явленіе?

Главною причиной слѣдуетъ считать для Петербурга удаленіе, мѣрами полиціи, домовъ терпимости на окраины города. Конечно, „торговля" этихъ своеобразныхъ лавокъ должна сильно страдать отъ такого изгнанія изъ центральныхъ частей столицы. Какая нужда пьяненькимъ да и трезвымъ покупателямъ тащиться въ глухія улицы окраинъ, когда тутъ же, подъ бокомъ, „на проспектѣ", существуетъ громадная розничная торговля на всѣ вкусы и требованія. Конечно, такое усиленное предложеніе бланковыми своихъ услугъ весьма убыточно для домовъ терпимости.

Контингентъ посѣтителей этихъ домовъ теперь значительно ограниченъ, и все меньше въ немъ элементовъ случайныхъ. Тутъ имѣются то, что нѣмцы называютъ „Stamgäste"—постоянные посѣтители, которые являются сюда чуть ли не ежедневно покутить, или даже скромно выпить бутылку пива, отводя душу за оживленной бесѣдой съ хозяйкой дома и ея питомицами. Всякіе бываютъ вкусы и всякія причудливыя сочетанія интеллекта!.. И такихъ Stamgäste, изо дня въ день посѣщающихъ, словно клубъ, облюбованный ими домъ терпимости, сравнительно не мало, и что всего удивительнѣе въ числѣ этихъ постоянныхъ гостей

*) *А. Федоровъ*. Locus cit. стр. 5 и 43.

не мало типичныхъ циниковъ изъ среды такъ называемыхъ *интеллигентовъ*.

Другая разновидность посѣтителей, это—мужчины, придающіе большое значеніе врачебному надзору. Въ домахъ терпимости они считаютъ себя болѣе обезпеченными съ этой стороны и норовятъ явиться туда непосредственно послѣ врачебнаго осмотра проститутокъ. Въ такіе дни заведенія эти торгуютъ значительно лучше. Обидно, что на эту удочку идетъ чаще всего молодежь, еще не болѣвшая спеціальными болѣзнями и особенно интенсивно чувствующая страхъ зараженія...

Третья разновидность—люди весьма инертные, которымъ нѣтъ даже охоты бродить по улицѣ и вступать въ переговоры и торгъ съ женщинами. Для нихъ удобнѣе отправляться прямо въ домъ терпимости, гдѣ существуетъ такса.

Четвертая разновидность—случайные посѣтители, чаще всего являющіеся сюда уже пьяными, когда закрываются всѣ рестораны и увеселительныя мѣста, чтобы продолжать пьянствовать и дебоширить. Пьяненькихъ же возятъ сюда и нѣкоторые извозчики, которые столковались по этому поводу съ содержательницами „домовъ“ и за каждаго доставленнаго безчувственно-пьянаго сѣдока получаютъ установленную коммиссіонную плату.

Вотъ четыре группы, главнымъ образомъ, питающія дома терпимости. Но и эти группы количественно все уменьшаются, благодаря отдаленности веселыхъ домовъ отъ центра.

Еще можно искать извѣстную „моральную“ причину систематическаго сокращенія числа домовъ терпимости въ особенностяхъ режима, налагаемаго ими на своихъ пансіонерокъ. Этотъ режимъ близокъ къ режиму тюрьмы. „Билетныя“ лишены свободы, онѣ поставлены въ строгія рамки подчиненія общему строю заведенія, и хозяйка третируетъ ихъ, какъ любой товаръ, залежавшійся на полкахъ въ ожиданіи покупателя. Конечно, для человѣка, хотя немного одареннаго энергіей, чувствомъ иниціативы и сознаніемъ своего „я“, такой режимъ долженъ быть невыносимымъ. Послѣ болѣе или менѣе короткаго срока, ему хочется бѣжать изъ „дома“, внѣ его свободно вздохнуть и искать хотя бы иллюзіи—только иллюзіи—свободы... Этимъ обстоятельствомъ, быть можетъ, тоже отчасти объясняется прогрессивная убыль „билетныхъ“, а также и то, что многія проститутки мѣняютъ по нѣсколько разъ „билетъ“ на „бланку“ и обратно: отдохнувши на свободѣ, онѣ снова отправляются въ болѣе обезпеченную обстановку дома терпимости, а затѣмъ, чувствуя, что тамъ дышать нечѣмъ, опять бѣгутъ „на проспектъ“, съ тѣмъ, чтобы утомившись своимъ случайнымъ существованіемъ, вернуться подъ кровъ того же или другого „дома веселья“...

Разсмотримъ теперь параллельно, какъ въ общемъ слагается жизнь „билетной“ и жизнь „бланковой“.

„Билетная“ обязана быть на своемъ посту, въ залѣ заведенія къ 10 часамъ вечера. Къ этому времени она должна быть одѣта, причесана и покрыта привычнымъ слоемъ косметики. Нарядъ далеко не всегда предоставляется вкусу проститутки и въ болѣе дорогихъ заведеніяхъ сооружается съ извѣстнымъ намекомъ на „стиль“. Такъ, въ одномъ домѣ терпимости весь ансабль женщинъ одѣтъ въ наряды разныхъ національностей, въ другомъ — въ костюмы, представляющіе подобіе стиля директоріи, при напудренныхъ даже парикахъ, въ третьемъ всѣ наряжены въ бѣлыя подвѣнечныя платья съ флеръ д'оранжемъ и т. д. Впрочемъ, бываютъ дни въ недѣлѣ, когда пансіонеркамъ позволяютъ одѣвать любыя платья, по собственному вкусу, и тутъ-то, главнымъ образомъ, проявляются расточительныя наклонности проститутки и ея желаніе перещеголять подругу. Это, конечно, очень на руку хозяйкѣ, у которой ея питомцы постоянно кредитуются и постоянно въ неоплатномъ долгу.

Въ домахъ „среднихъ“ и „бѣдныхъ“, понятно, не до „стилей“. Тутъ „убогая роскошь наряда“ проявляется во всевозможныхъ формахъ и цвѣтахъ. Но обычная тенденція всѣхъ домовъ, богатыхъ и бѣдныхъ, это—по возможности показать больше голаго тѣла. Только въ двухъ—трехъ „фешенебельныхъ“ заведеніяхъ пансіонерки появляются въ дорогихъ и приличныхъ вечернихъ туалетахъ съ небольшимъ сравнительно декольтэ; но есть дома, гдѣ весь „костюмъ“ сводится къ поперечному лоскуту матеріи.

Съ приходомъ гостей, пансіонерки заведенія должны время отъ времени дефилировать передъ ними по залѣ, а также подсаживаться къ нимъ, занимать ихъ разговорами, а главное, заставлять ихъ требовать вино и угощеніе. „Билетная“ должна принимать участіе въ танцахъ и вообще всячески забавлять гостя. Если она привлекла милостивое вниманіе посѣтителя, она не имѣетъ права отказать ему въ своихъ услугахъ. Каждая „билетная“ имѣетъ свою отдѣльную комнату. Въ богатыхъ домахъ эти комнаты—красивые, иногда со вкусомъ убранные, будуары. Въ домахъ низшаго разбора одна комната многочисленными перегородками раздѣляется на отдѣльныя каюты. Подобно обстановкѣ различна и плата въ „домахъ“. Она колеблется отъ 5 руб. до 50 коп. Плата эта вносится цѣликомъ хозяйкѣ. Но существуетъ обычай „награждать“ нѣкоторой суммой и самихъ „билетныхъ“. Въ богатыхъ „домахъ“ сумма эта часто равна платѣ, внесенной хозяйкѣ; въ рублевыхъ и 50-копѣечныхъ домахъ это иногда только нѣсколько мѣдяковъ. Изъ платы, получаемой хозяйкой, $^1/_4$, согласно постановленію врачебно-полицейскаго комитета, должна быть отдана на руки проституткѣ. Но въ дѣйствительности ей ничего не причитается, такъ какъ „билетная“ всегда въ долгу у хозяйки, и весь заработокъ идетъ на погашеніе этого неистощимаго долга.

Всю ночь „билетная“ пьянствуетъ съ гостями, развратничаетъ,

а иногда еще принимаетъ дѣятельное участіе въ скандалахъ, которыми такъ чревата хроника домовъ терпимости. Къ 7—8 часамъ утра, когда почти всѣ гости покидаютъ „домъ“, пансіонерки его собираются въ столовую къ завтраку. Кормятъ ихъ очень хорошо и обильно,—не только въ богатыхъ заведеніяхъ, но и въ болѣе бѣдныхъ. Хорошій столъ для проститутки одна изъ могучихъ приманокъ „дома“. Хозяйка это отлично знаетъ и очень строго наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы ея рабыни были довольны пищей. Играютъ тутъ извѣстную роль и соображенія чисто коммерческаго характера. Хозяйка старается „откормить“ свой живой товаръ, какъ откармливаютъ гусей и поросятъ, такъ какъ признано, что посѣтители заведеній очень цѣнятъ толщину и обиліе живого мяса. Хозяйка, какъ купецъ, должна идти навстрѣчу спроса и „вгонять въ тѣло“ своихъ пансіонерокъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ терпимости слѣдятъ даже за тѣмъ, чтобы его питомицы какъ можно меньше двигались. Послѣ завтрака „билетныя“ отправляются спать и спятъ тяжелымъ, пьянымъ сномъ часто до 6—7 часовъ вечера, когда нужно садиться за обѣдъ. Ранѣе 4 часовъ едва ли кто встаетъ. Передъ обѣдомъ хорошо опохмѣляются. Послѣ обѣда принимаются за туалетъ и къ 10 часамъ уже приступаютъ къ отправленію обязанностей. Такъ изо дня въ день.

При полномъ, въ сущности, бездѣльи, режимъ этотъ ведетъ къ тому, что для себя, для личной жизни, остается 2—3 часа. Но и они лишніе, такъ какъ личной жизни, въ сущности, нѣтъ. Эти 2—3 часа проходятъ въ пересудахъ съ подругами, въ истребленіи коробокъ съ конфектами, въ тайномъ пьянствѣ; въ лучшемъ случаѣ—въ примѣркѣ нарядовъ. Ужасающая скука, совершенная пустота существованія должны дѣйствовать угнетающе. Изъ дому также отлучаться нельзя. Хотя по правиламъ дозволяется уходить два раза въ недѣлю на нѣсколько часовъ, но опять таки дозволеніе это фиктивное. Каждую билетную приходится отпускать съ прислугой, а это весьма хлопотливо. Да и является опасность, что билетная можетъ начать промышлять собой на сторонѣ, что вовсе не соотвѣтствуетъ разсчетамъ хозяйки. И вотъ билетная остается дома, и развѣ что смотритъ изъ окна (впрочемъ, и это запрещается!) на внѣшній міръ, на другихъ, „свободныхъ“, людей.

Нѣкоторый интересъ (едва ли пріятнаго свойства) представляютъ посѣщенія комитетскаго врача, являющагося въ заведеніе два раза въ недѣлю для осмотра и для отправленія въ больницу тѣхъ, которыя окажутся больными. Чтеніе книгъ здѣсь представляется явленіемъ довольно рѣдкимъ. Читаются, конечно, все больше отчаянные романы, истрепанные томики которыхъ доставляютъ постоянные гости заведенія. Пробовали, и не однократно, вносить въ эту область извѣстное освѣжающее начало, пріохо-

чивать къ чтенію книгъ съ дѣйствительными литературными достоинствами и книгъ нравственно-религіознаго содержанія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ придумали обязательную подписку для этихъ „домовъ“ на такіе журналы, какъ „Странникъ“, „Русскій Паломникъ“. Конечно, листы журналовъ оставались неразрѣзанными, и самое появленіе ихъ въ чертѣ заведеній представлялось какимъ то непріятнымъ, безтактнымъ диссонансомъ и совершенно безцѣльнымъ... Существовали, да и теперь, кажется, существуютъ, дамскіе кружки, члены которыхъ пріѣзжаютъ въ дома терпимости читать дѣвушкамъ книжки нравственнаго содержанія. При разбирательствѣ дѣла бывшаго кронштадтскаго полиціймейстера Шафрова выяснилось, что во время этихъ чтеній требовалось, чтобы всѣ питомицы заведенія были одѣты въ черныя, гладкія платья. Содержательница одного изъ домовъ, нѣкая Прикеръ, категорически отказалась исполнить это требованіе, такъ какъ „считала для себя невыгоднымъ сдѣлать 30 платьевъ, которыя стоили бы ей около 1000 р.“ *), и ея домъ былъ закрытъ... Нѣкоторыми благотворительницами составляются спеціальныя „душеспасительныя“ библіотечки для домовъ терпимости...

Всѣ эти затѣи ни къ чему не вели и не ведутъ. Тѣ немногія проститутки, которыя интересуются книгой, ищутъ именно увлекательнаго, фанатическаго чтенія. Оно и понятно. Только полное отвлеченіе отъ міра реальнаго, только полное переселеніе въ иной міръ, міръ грезъ, прекрасныхъ рыцарей, романтическихъ похожденій, благородныхъ порывовъ, можетъ дать нѣкоторый отдыхъ ихъ душѣ, отвлечь ее на время отъ грубой дѣйствительности. Нравственно-религіозное чтеніе вызвать этого не можетъ. Оно должно будить горькія мысли о собственной грѣховности и мерзости окружающаго. Проститутка ищетъ въ чтеніи только забвенія, „вызывающаго обмана“, и только въ бульварныхъ романахъ находитъ его.

Та же пустота жизни заставляетъ проститутку искать хотя какой-нибудь иллюзіи искренней привязанности. Для свободной, уличной проститутки отвѣтомъ на эту потребность служитъ сутенерство и хулиганство. „Билетная“ дома терпимости, находясь въ четырехъ стѣнахъ позолоченной темницы, ограничена и въ этомъ отношеніи Но запросъ сердца настолько силенъ, что нѣкоторыя умудряются и здѣсь находить себѣ друга среди посѣтителей заведенія. Иногда это молодой, случайно забредшій сюда гость въ котораго „влюбляется“ проститутка и, мало по малу, пріучаетъ его къ систематическому посѣщенію ея заведенія. Иногда это одинъ изъ постоянныхъ посѣтителей (Stamgast). Такъ какъ это именно игра въ любовь, то въ данномъ случаѣ на матеріальное положеніе избранника не обращается никакого вниманія.

---

*) *Отчетъ о дѣлѣ Шафрова.* Газета „Новости“ 1903 г., 4 февраля.

Очень часто „билетная“ сама, изъ собственныхъ средствъ, вноситъ за него установленную вечернюю плату хозяйкѣ; часто она его угощаетъ, подноситъ ему подарки. Хозяйки заведеній весьма косо поглядываютъ на подобнаго рода связь, такъ какъ это обстоятельство имъ въ убытокъ. Проститутка, поглощенная „любовью“, менѣе занимается съ остальными гостями заведенія и манкируетъ исполненіемъ своихъ обязанностей. Если проститутка свѣжа и хороша собой, хозяйка терпитъ, зная, что, спустя нѣкоторое время, „любовь“ разстроится, и все войдетъ въ прежнее русло. Бываетъ, однако, что билетная уходитъ съ своимъ возлюбленнымъ изъ „дома“. Въ исключительныхъ случаяхъ, если возлюбленный человѣкъ порядочный и искренно любитъ дѣвушку, этотъ уходъ можетъ послужить къ возрожденію ея и обращенію на путь честной труженицы и жены. Гораздо чаще, конечно, билетная становится бланковою, а возлюбленный является уже ея сутенеромъ и торгуетъ ею. Вообще, въ перемѣщеніяхъ проститутокъ изъ билетныхъ въ разрядъ бланковыхъ значительную роль играетъ именно желаніе дать временную волю своему сердцу, нуждающемуся въ ласкѣ. Но, кромѣ исканія иллюзіи искренней мужской любви, среди проститутокъ замѣчается еще одно явленіе, на которое ни одинъ изъ изслѣдователей вопроса не обращалъ вниманія. Объ этомъ интересномъ явленіи я вскользь упомянулъ въ первомъ очеркѣ. Теперь остановлюсь на немъ подробнѣе, тѣмъ болѣе, что оно одинаково касается и билетныхъ, и бланковыхъ.

Среди проститутокъ очень распространено „обожаніе“ подругъ. Это, въ своей основѣ, то же самое явленіе, которое замѣчается въ женскихъ гимназіяхъ и институтахъ. Ученицы младшихъ классовъ влюбляются въ какую-нибудь изъ старшихъ подругъ и начинаютъ ее „обожать“. Такое „обожаніе“ носитъ, конечно, вполнѣ идеальный характеръ, и со стороны старшей ученицы принимаетъ форму дружественнаго участія и покровительства. Подруги-одноклассницы также часто обожаютъ другъ друга, и въ каждомъ классѣ непремѣнно найдется нѣсколько inseparables.

И у проститутокъ, какъ это ни странно, наблюдается такая же невинная чистота отношеній къ избранной подругѣ. Но чаще, на фонѣ развращающей обстановки, это, въ началѣ, идеальное чувство принимаетъ затѣмъ другой характеръ... Такія двѣ обожающія другъ друга подруги избѣгаютъ часто тяготъ хулиганства и сутенерства, такъ какъ не чувствуютъ нужды въ мужскомъ избранникѣ сердца. Въ домахъ терпимости подобная застрахованность отъ искренняго увлеченія мужчиной весьма пріятна хозяйкамъ заведеній, и поэтому онѣ относятся къ „обожанію“ вообще благосклонно. Самый режимъ домовъ терпимости, съ ихъ тюремными устоями и постояннымъ общеніемъ „билетныхъ“, какъ нельзя болѣе способствуетъ такому дружескому сближенію.

У бланковыхъ „обожаніе“ сочетается и съ извѣстною матеріальною выгодой. Такъ какъ обыкновенно очень юныя, только начинающія свою дѣятельность, проститутки влюбляются въ болѣе солидныхъ и опытныхъ подругъ, то, поселяясь вмѣстѣ, онѣ безусловно приносятъ другъ другу профессіональную пользу. Старшая посвящаетъ младшую во всѣ особенности и уловки промысла, а въ критическія минуты оказываетъ ей серьезную, энергичную поддержку. Младшая, плѣняя своею свѣжестью, является притягательнымъ магнитомъ и привлекаетъ болѣе состоятельныхъ гостей. Часто можно встрѣтить именно такое сочетаніе: проститутка, уже въ лѣтахъ, появляется съ почти не сформировавшеюся еще дѣвушкой-подросткомъ. Первая сама по себѣ едва ли могла бы разсчитывать на успѣхъ, а тутъ, благодаря присутствію юной подруги, тоже, глядишь, привлекаетъ менѣе требовательнаго поклонника. Такъ и живутъ обожающая съ обожаемой, какъ бы дополняя другъ друга и принося другъ другу извѣстныя выгоды...

За бытность мою въ Калинкинской больницѣ, мнѣ не разъ приходилось видѣть такія трогательно-ласковыя пары, двигавшіяся по аллеямъ больничнаго сада, или, нѣжно обнявшись, ворковавшія въ суровой обстановкѣ больничныхъ палатъ. Тогда же мнѣ было доставлено нѣсколько писемъ, которыми обмѣнивались подруги-проститутки. Изъ-за безграмотныхъ строкъ тутъ часто просвѣчивала такая чуткая и нѣжная женская душа, что становилось грустно до боли. Чувствовалось, сколько искренней любви и страстнаго самопожертвованія таится подъ грязной оболочкой. Чувствовалось, что, сложись матеріально жизнь писавшей иначе, изъ нея могъ бы выработаться хорошій, честный человѣкъ, быть можетъ, хорошая жена и хорошая мать...

Я позволю себѣ привести нѣкоторыя изъ этихъ писемъ. Думаю, что для общей характеристики проститутокъ это представитъ извѣстный интересъ.

Изъ первой переписки:

1) „Дорогая моя, въ садъ мнѣ не охота идти. Если хочешь, то приходи ко мнѣ, а если не придешь, то значитъ ты меня не любишь. Дорогая Маня, мнѣ очень обидно, что ты меня упрекаешь. Я люблю одну, но не могу любить десять. Ходить можно со всѣми, но не любить. А кого я люблю, то ты сама должна понять. Долго я не рѣшалась написать тебѣ отвѣтъ, потому что думаю, и теперь это напрасно. Все равно ты мнѣ не можешь быть подругой, потому что ты будешь жить въ кающемъ *), а я въ заведеніи. Да все равно, положимъ. Ты еще вѣтреная и найдешь себѣ другую подругу, гдѣ будешь жить, и меня позабу-

*) Т. е. въ „Домѣ Милосердія“

дешь. Пока прощай. Жду отъ тебя отвѣта. Цѣлую несчетно разъ въ твои аленьки губки. Твоя Нюша". Тутъ же стихи:

Посвящаю на добрую память Мани.

Когда будетъ свободное время,
То взгляни ты тогда на листокъ
И припомни, давно-ль было это,
Какъ ходила ко мнѣ въ вечерокъ.
Каждый день мы съ тобою встрѣчались,
Я была другомъ всегда для тебя,
Но повѣрь, не пройдетъ и недѣли,
Какъ забудешь ты скоро меня.
Хоть и мнѣ-то самой и придется
Видѣть новыя лица подчасъ,
Но клянусь, я тебя не забуду,
Вспоминать буду, вѣрь мнѣ, не разъ.
Старый другъ, вѣдь извѣстно, что лучше
Будетъ новаго друга всегда,
Такъ прошу тебя, Маня, припомни
Ты въ свободное время меня.

2) „Дорогая моя. Ты даже не написала своего адреса—въ баракахъ ли ты. Я не знаю, какъ писать. Дорогая Нюша, у меня теперь денегъ мало, и я тебѣ пришлю въ четвергъ ленту и опишу все. Навѣрно, тебѣ тамъ весело съ своей Таней. Я хотѣла проситься въ бараки, хотѣла сказать, что къ больной сестрѣ, двою или трою-родной, но вспомнила, что у васъ тамъ есть, и рѣшилась не идти и не *помѣшать* вашему счастію. Просто не знаю, мнѣ хотя тебя жаль, но все равно ты мнѣ не можешь быть подругой. Тебѣ еще нѣтъ 16 лѣтъ. Если бы хотя 16-ть было, тогда бы совсѣмъ другое дѣло. Этакъ, по моему, дорогая Нюша, лучше намъ совсѣмъ разойтись. Потому что, чѣмъ дальше, тѣмъ ты будешь больше привыкать, и тебѣ тогда скучнѣе будетъ отставать. Такъ подумай лучше, Нюша. Я тебѣ вся открываюсь, но если ты не захочешь разойтись, то тогда ты должна будешь все сдѣлать и слушать, что я захочу, и помни, ты тогда отъ меня ужъ не отстанешь, хотя бы и захотѣла. Такъ вотъ, говорю тебѣ раньше, выбирай что нибудь изъ двухъ.

Жду отвѣта по полученіи моего письма. Извѣстная тебѣ Маня.

Нюша десять слоговъ для тебя: будь счастлива и не забудь меня".

3) „Дорогая Маня. Спасибо тебѣ, что ты мнѣ скоро отвѣтъ прислала. Маня, ты просишь писать отвѣтъ. Ну, что я буду тебѣ писать, совсѣмъ не знаю. Я хотѣла и еще три дѣвочки сдѣлать скандалъ и стекла разбить, чтобы перевели къ тебѣ въ бараки, да думаю, что не стоитъ, потому что меня въ пятницу выпишутъ. Хотѣли сегодня, но оставили до пятницы, такъ что мы съ тобой здѣсь больше не увидимся. Я тебѣ оставлю свой адресъ и, если я тамъ не буду жить и ты когда обо мнѣ вспомнишь, то мо-

жешь разыскать въ адресномъ: имя, фамилія, отчество—все вѣрное. Ты пишешь, какъ мое здоровье?—слава Богу. Ленту я тебѣ въ бараки, Маничка, пришлю. Пока до свиданья, остаюсь скучная твоя Нюша.

На летучей страницѣ альбома
Оставляю я подпись свою
Въ томъ, что я милую Маню
Крѣпко, прекрѣпко люблю.
Пройдутъ дни, недѣли и годы,
Моя подпись съ листка не сойдетъ:
Такъ и любовь моя къ Манѣ
Живетъ и со мною умретъ.

Твоя Нюша; цѣлую тебя безсчетно разъ и горячо обнимаю“.

Изъ другой переписки:

1) „Дорогая моя Дуня. Прости меня, что я тебѣ такъ долго не писала, потому что не было время. Дорогая моя Дуня, тебѣ даже непріятно, что я ходила съ *П.* Но каково мнѣ было, когда ты была съ *Я.*, и я сколько разъ плакала, и ты этимъ слезамъ раньше не вѣрила. Милая Дуняша, прошу тебя, пожалуйста, не заводи себѣ въ больницѣ подругъ: онѣ только тебя собьютъ съ пути. Остаюсь горячо любящая твоя подруга А. А.

Не забудь меня. Цѣлую тебя крѣпко“.

2) „Дорогая Дуня. Прошу простить меня за все, за все, чѣмъ я тебя обидѣла. Дорогая Дунечка, прошу тебя помириться со мною, не будь сердита; я на тебя не сержусь. Дорогая Дуня, почему ты думаешь, что я надъ тобой смѣюся; если мы говоримъ съ Лизой, то вовсе мы не смѣемся надъ тобой, а говоримъ совсѣмъ о другомъ. Дорогая Дунечка, мнѣ очень жаль, что ты такая обидчивая, что ты на все обижаешься, на всякіе пустяки обращаешь вниманіе. Мнѣ очень тяжело безъ тебя и твое недовѣріе. Дорогая Дуня, ты думаешь, что люблю А. П.; нѣтъ, я ее не люблю; если бы я любила ее, то не стала бы съ тобой дружиться. Но ты знаешь, что я люблю тебя одну, и я твоя подруга, а ты моя до гроба моей жизни. Я любила тебя и буду любить, но не знаю, любишь ли ты меня такъ крѣпко. О! Дуня, прошу тебя, прости меня, какъ друга, не сердись на меня. Любящая тебя твоя подруга по гробъ твоей жизни А.“.

3) „Дорогая моя Дуня, нѣтъ, мы не для того сошлись вмѣстѣ, чтобы ругаться и ссориться; нѣтъ, не для того... О!.. Дорогая Дуня, неужели ты мнѣ эти двѣ записки написала въ насмѣшку; напиши, пожалуйста, отвѣтъ. Неужели это правда, Дуня, что ты мнѣ написала въ запискѣ. Я очень плакала надъ твоей запиской и не знала, что со мной. Дорогая Дуня, ты просишь забыть всѣ наши ссоры, но я ихъ даже не помнила. Какъ можно скорѣй отвѣчай. Не сердись и сжалься надо мной. Остаюсь горячо любящая твоя подруга Ан...“

———

Изъ третьей переписки:

1) „Милая и дорогая Танюшка. Цѣлую тебя несчетно разъ въ твои аппетитныя губки. Милая Таня, ты знаешь, что я тебя люблю. Я люблю тебя до безумія. Таня, когда услыхала про тебя, что ходила ты по этапу, то два дня и ночи не спала и, не высушая глазъ, все плакала и жалѣла тебя, что ты такая молодая пропадаешь. Когда я тебя потомъ увидѣла, то я начала опять плакать, и едва меня успокоили больные. Это я плакала отъ большой радости, что я увидѣла тебя.

Такъ шути же со мной осторожно,
Съ пылкимъ сердцемъ опасно шутить.
Полюбить такъ легко, такъ возможно,
Трудно будетъ только Таню забыть.

Стихъ на память отъ Кати П."

2) „Милая и любезная Катя. Я очень чувствую, какъ ты жалѣла меня, что я шла по этапу. Я очень благодарю тебя, что ты такая ко мнѣ добрая. Когда увижу тебя, расцѣлую отъ всего сердца. Я всегда тебя вспоминала и скучала за тобой. Когда выйдемъ изъ больницы, мы можемъ не разставаться. Это хорошо бы было. Я всегда хотѣла подругу, которая со мною бы все дѣлила. Пока до свиданія. Такъ же цѣлую тебя въ алыя губки. Прости, стиховъ писать не могу, не знаю. Твоя навѣкъ Т.".

Не слышится ли въ этихъ простыхъ, безграмотныхъ письмахъ нѣжной тревоги и отзывчивой предупредительности?.. Не слышится ли вопля одинокой женской души, жаждущей дружескаго участія?..

Взаимоотношенія между „билетными" и хозяйками заведеній не разъ служили причиной вмѣшательства административной власти. Билетныя матеріально въ полной кабалѣ у своихъ хозяекъ. Вполнѣ обезпеченныя помѣщеніемъ, столомъ, одеждой и бѣльемъ, окруженныя даже значительнымъ комфортомъ, онѣ, благодаря полному бездѣлью и безцѣльности существованія, расточительно тратятся на пестрые наряды, на дюжины башмаковъ, на сласти, на выпивку. Хозяйки имъ охотно открываютъ кредитъ, цѣнятъ, конечно, все въ десятки разъ дороже, насчитываютъ фиктивные расходы. Въ любой моментъ, когда бы билетная ни пожелала уйти изъ дома терпимости, за нею всегда окажется громадный долгъ, и никогда ей не придется ничего получить на руки. Если билетная переходитъ изъ одного „дома" въ другой, новая ея хозяйка будто бы платитъ за нее сумму, которую проститутка осталась должна прежней хозяйкѣ. Конечно, эта сдѣлка, вѣроятнѣе всего, фиктивна, но результатъ получается тотъ, что билетная съ перваго же момента оказывается уже въ долгу у новой хозяйки „за выходъ". Къ этому переписанному долгу прибавляется скоро новый долгъ. И, побывавъ

въ трехъ—четырехъ домахъ, билетная оказывается опутанною со всѣхъ сторонъ. Теперь въ Петербургѣ поставлено за правило, чтобы каждая „билетная“ имѣла книжку сберегательной кассы и вносила въ кассу четвертую часть своего дохода. Конечно, контролю эта операція не подлежитъ. Является всегда возможность обойти постановленіе. Кто знаетъ истинную сумму заработка билетной? Наконецъ, ей предоставлено пользоваться своимъ сбереженіемъ на „неотложныя нужды“. По настоянію хозяйки, билетная всегда сумѣетъ симмулировать эту „нужду“ и накупить у той же хозяйки всякаго хлама.

Хозяйки лишены права насильно удерживать у себя проститутку за долгъ. Но, во первыхъ, при переходѣ въ другой „домъ“, долгъ этотъ все равно переписывается, во вторыхъ, для перемѣщенія изъ билетныхъ въ разрядъ бланковыхъ, необходимо выказать много энергіи, такъ какъ хозяйка всегда сумѣетъ обставить всякими формальными трудностями такой уходъ на волю, разъ почему либо ей особенно желательно удержать данную проститутку у себя.

Въ Минскѣ, по иниціативѣ д-ра П. Граціанова, былъ предпринятъ цѣлый рядъ мѣръ, чтобы уменьшить поборы хозяекъ. Для билетныхъ завели особые разсчетные листки, куда записывались заработокъ и инвентарь пріобрѣтаемыхъ ими вещей. Это ни къ чему не привело, и дѣвушка, уходя изъ „дома“, оставляла тамъ и деньги, и весь свой гардеробъ „за долгъ“ хозяйкѣ. Тогда прибѣгли къ системѣ именныхъ сберегательныхъ книжекъ, при чемъ деньги получать можно было только лично. Дѣйствительно, получали „лично“... и отдавали хозяйкѣ. Установили весьма рѣшительное правило, что деньги выдаются только при совершенномъ отказѣ отъ порочнаго промысла, при выходѣ замужъ, при поступленіи на „честную“ должность. Не смотря и на такія условія, деньги какъ-то получались обманнымъ путемъ и опять таки попадали къ хозяйкѣ... Такимъ образомъ, всѣ лучшія стремленія минскаго комитета были разбиты, и ему пришлось совершенно отказаться отъ всякаго участія въ матеріальныхъ разсчетахъ хозяекъ съ ихъ питомицами. Эта картина пережитыхъ минскимъ комитетомъ злоключеній какъ нельзя болѣе характеризуетъ полную невозможность для администраціи бороться со всѣми хитросплетеніями, создаваемыми хозяйками домовъ терпимости.

Необезпеченность завтрашняго дня, постоянная забота о насущныхъ потребностяхъ лишаетъ существованіе „бланковыхъ“ того соннаго равновѣсія, которое замѣчается у обитательницъ домовъ терпимости. Послѣднія отбываютъ свою службу только ночью. Бланковой приходится идти на промыселъ и ночью, и днемъ. Если она ночью ничего не заработала, надо слоняться днемъ по наиболѣе люднымъ улицамъ, въ извѣстные часы ловить возвращающихся со службы мужчинъ, утромъ подкарауливать

пьяненькихъ въ глухихъ переулкахъ. А бываетъ, что неумѣлая и неудачливая бланковая ничего не заработаетъ и въ продолженіи цѣлыхъ сутокъ. Не до сна уже тутъ, и надо упорно ходить и искать...

Къ ночи, когда движеніе по улицамъ уменьшается, когда приличныя женщины находятся уже дома, конечно, рельефнѣе выдѣляется вся эта масса несчастныхъ. Но и днемъ, добрая половина ихъ бродитъ по городу, отыскивая покупателя, теряясь въ громадной обывательской толпѣ. Вообще, въ смыслѣ обезпеченности, жизнь бланковой, къ какой бы категоріи она ни принадлежала, можно раздѣлить на три фазиса. Когда бланковая еще очень юна, только что сдѣлалась проституткой, ея заработокъ сравнительно скуденъ. Неопытная, не изучившая всѣ уловки ремесла, неказисто одѣтая, въ платочкѣ, не умѣющая еще держаться „съ шикомъ", она, не взирая на свою молодость и привлекательность, таксируетъ свои услуги весьма дешево и часто оказывается обиженной пьянымъ гостемъ. Обижаютъ ее безнаказанно и дворники, и извозчики, и хулиганскія шайки, и вообще каждый, кому не лѣнь.

Проработавъ такъ болѣе или менѣе долго, дѣвушка пріобрѣтаетъ уже необходимый опытъ, обзаводится подругами, сутенеромъ, примыкаетъ къ той или другой корпораціи. Отъ того, какъ сложатся обстоятельства этого второго періода, вообще зависитъ дальнѣйшая ея судьба. При удачѣ, она можетъ познакомиться съ богатымъ поклонникомъ и передвинуться въ болѣе высокій и дороже оплачиваемый разрядъ, можетъ даже временно попасть на содержаніе и добраться до званія „кокотки" и „дамы полусвѣта". Все это въ значительной степени зависитъ отъ случая, благопріятныхъ обстоятельствъ. Но и личная энергія, врожденный умъ и ловкость имѣютъ тутъ большое значеніе. Бываютъ проститутки и сравнительно некрасивыя, и сравнительно немолодыя, которыя въ своей сферѣ добиваются прекрасной „карьеры", въ то время, какъ ихъ бывшія подруги, гораздо болѣе привлекательныя, остаются безсмѣнными дежурными тротуаровъ. Способствующимъ для этого обстоятельства моментомъ является неумѣренное пьянство. Конечно, хроническая алкоголичка-проститутка никакъ не сумѣетъ перейти въ высшій разрядъ своей профессіи, а, наоборотъ, будетъ опускаться все ниже и ниже.

Итакъ, въ этомъ второмъ періодѣ въ полной мѣрѣ развертывается и опредѣляется жизнь бланковой. Намѣчается ея работоспособность. Вообще плата за услуги бланковой въ столицѣ колеблется отъ 10 руб. до 25 коп. Количество десяти-рублевыхъ очень не велико. Среди нихъ „артистки" нѣкоторыхъ увеселительныхъ заведеній, шикарныя „дамы съ компаніонками", появляющіяся въ нѣкоторыхъ садахъ, дѣвицы, находящіяся „на содержаніи", но, тѣмъ не менѣе, не упускающія случая пополнить

свой бюджетъ. Всѣ эти особы, хотя и не очень афишируются, разсчитывая больше на удачныя случайныя побѣды, тѣмъ не менѣе запасаются бланкой, чтобы не бояться преслѣдованій врачебно-полицейскаго надзора.

Особъ, оцѣниваемыхъ въ 30—25 копѣекъ, много. Это нищія-бланковыя Сѣнной площади, Малковскаго переулка, Лиговки, Глазовой улицы, Никольскаго рынка и т. под. мѣстъ. Среди этихъ ужасныхъ отрепьевъ разврата есть женщины изъ высшихъ разрядовъ, постарѣвшія, спившіяся до потери облика человѣческаго. И тутъ же, среди такихъ мегеръ—совершенно молодыя крестьянскія дѣвушки, только что прибывшія изъ деревни, не имѣющія на что купить себѣ мало мальски приличный нарядъ, необходимый для выхода „на проспектъ", да и вовсе не понимающія, какъ нужно ходить, говорить и держать себя на этомъ проспектѣ.

Въ промежуткѣ между двумя крайностями расцѣнки—10 рублевой и четвертаковой—идутъ среднія градаціи въ пять, три, два, одинъ рубль и 50 копѣекъ. Таксировка эта, конечно, совершенно произвольна. Устанавливается она, благодаря большей или меньшей роскоши наряда, благодаря предпріимчивости и нахальству „бланковой", благодаря той группѣ подругъ, къ которой она примкнула. Но какъ бы тамъ ни было, проститутка старается прочно держаться одной цѣны и не уступать. Съ одной стороны, это вопросъ профессіональнаго самолюбія, съ другой — вопросъ существеннаго матеріальнаго значенія. Стоитъ только проституткѣ нѣсколько разъ понизить цѣну, какъ это будетъ узнано ея подругами и ея обычными покупателями. Таксировка ея услугъ уменьшится разъ навсегда, и она принуждена будетъ перейти въ низшій разрядъ. Стремленіе удержать себѣ цѣну настолько велико, что даже въ трудныя минуты жизни и дни совершеннаго безденежья проститутка скорѣе поголодаетъ и какъ-нибудь перебьется, чѣмъ согласится на любое предложеніе.

Въ лучшіе годы второго періода дѣятельности, жизнь бланковой слагается очень „весело", конечно, въ смыслѣ того спеціальнаго веселья, которое доступно въ этой сферѣ разврата и разгула. Въ меблированныхъ комнатахъ, гдѣ она живетъ, и гдѣ ея соcѣдки такія же бланковыя, часто съ утра уже идетъ пирушка, приходятъ „друзья сердца", играютъ на гармоніи, на балалайкѣ, поютъ пѣсни, пляшутъ, безобразничаютъ и, конечно, обильно угощаются спиртными напитками. Къ вечеру бланковая облачается въ свой кричащій костюмъ и отправляется или „на проспектъ", или въ одно изъ увеселительныхъ заведеній. Въ послѣднемъ, если ей удается найти поклонника, она уживаетъ съ нимъ и везетъ его къ себѣ, или, если комната ея слишкомъ тѣсна и убога, то въ номеръ гостиницы „для пріѣзжающихъ", гдѣ продолжается разгулъ и пьянство...

Конечно, нельзя дать общей схемы жизни бланковой въ этотъ

періодъ ея дѣятельности. Тутъ много разнообразія и профессіональныхъ частностей. Но, сомнѣнія нѣтъ, что, при удачѣ, жизнь бланковой слагается „весело“... И, главное, она, сравнительно съ билетной изъ дома терпимости, чувствуетъ себя свободной; вольна, какъ угодно, располагать собой, не обязана сидѣть въ четырехъ стѣнахъ, легко находитъ друга сердца и принимаетъ весьма дѣятельное участіе въ бурной жизни близкой ей шайки.

Конечно, во многихъ отношеніяхъ эта свобода весьма призрачнаго свойства: каждый городовой, каждый дворникъ норовитъ отправить въ участокъ, а посѣтитель-скандалистъ считаетъ своимъ неотъемлемымъ правомъ „за свои деньги“ тиранить и бить бланковую...

Заработокъ бланковой достигаетъ иногда значительной цифры и, во всякомъ случаѣ, обезпечиваетъ существованіе, если ей удается обзавестись кругомъ постоянныхъ кліентовъ, а не надѣяться только на кліентовъ случайныхъ... Но для привлеченія такого постояннаго контингента необходимо, кромѣ миловидности, обладать ловкостью, хитростью и умѣньемъ угодить каждому гостю. Въ числѣ доходныхъ статей слѣдовало бы отмѣтить и тѣ посягательства на бумажникъ и драгоцѣнности гостя, которыя производятся бланковыми въ случаѣ его крайняго опьяненія. Но грабежъ этотъ обыкновенно совершается въ соучастіи съ сутенерами, съ квартирною хозяйкой, и по ихъ наущенію. Послѣдніе и пользуются львиной частью добычи, на долю же бланковой перепадаетъ очень мало. Затѣмъ можно съ увѣренностью сказать, что большинство бланковыхъ не причастны къ грабительству и занимаются исключительно своимъ промысломъ, не переходя въ область воровства. Только предвзятые сторонники итальянской школы криминалистовъ видятъ обязательную, „патологическую“, связь проституціи съ преступленіемъ, тогда какъ связь эта только случайная, экономическая...

Наступаетъ третій фазисъ въ жизни бланковой. Она начинаетъ увядать, слабѣетъ, истощается, благодаря спеціальнымъ хроническимъ болѣзнямъ, благодаря пьянству, благодаря различнымъ неудачамъ бурной жизни. Періодъ этотъ можетъ наступить, конечно, и раньше, и позже, въ зависимости отъ разныхъ причинъ. Встрѣчаются бланковыя еще совершенно юныя, успѣвшія, однако, уже впасть въ маразмъ. Другія въ средніе годы жизни держатся еще молодцами и, не унывая, продолжаютъ свой тяжелый промыселъ...

Если, и въ полномъ расцвѣтѣ силъ, бланковыя чувствуютъ время отъ времени страстное желаніе отдохнуть, подправиться и переходятъ для этого въ разрядъ билетныхъ домовъ терпимости, то особенно такая жажда болѣе спокойной, хотя и лишенной свободы, жизни ощущается къ концу второго фазиса дѣятельности бланковой. Доходы все падаютъ, приходится переходить въ низ-

шіе разряды проститутокъ, „друзья сердца“ тоже находятся не такъ легко... Въ общемъ, угощаютъ больше пинками и ударами кулака, чѣмъ ласками. Если счастье улыбнется такой бланковой, и она попадетъ въ домъ терпимости, то тутъ она можетъ еще немного „откормиться“ и прожить нѣсколько лѣтъ. Затѣмъ, когда чары ея почти совсѣмъ поблекнутъ, и она не въ состояніи будетъ привлекать болѣе гостей, хозяйка ее выгонитъ на улицу. Она перекочуетъ въ „домъ“ попроще... И такъ, со ступеньки на ступеньку, она дойдетъ до того, что будетъ выброшена изъ послѣдняго, самаго дешеваго „дома“ и опять очутится „на проспектѣ“, опять „бланковой“... Но теперь ея „проспектомъ“ будетъ уже Никольская площадь, Глазовая улица, Малковскій переулокъ, а цѣна ея упадетъ до 30—25 копѣекъ!...

Къ счастью, большинство бланковыхъ не доживаетъ до этого ужасающаго момента. Большинство умираетъ въ болѣе молодые годы отъ бугорчатки, отъ пьянства, отъ заразныхъ болѣзней, отъ истощенія, отъ случайныхъ пораненій... Хотя и молодость, и старость для бланковой—понятіе весьма относительное. Если взять за среднее, что проститутка начинаетъ свою спеціальную дѣятельность въ 17 лѣтъ, то разцвѣтомъ ея слѣдуетъ считать 20 лѣтъ; въ 22—23 года начинается уже упадокъ; въ 30 лѣтъ это уже старуха; а къ 35 годамъ—мѣсто ей только въ трущобахъ Вяземской лавры...

Казалось бы, въ годы расцвѣта и хорошаго заработка можно прикопить что-либо на черный день. Но въ средѣ бланковыхъ такая экономія является великою рѣдкостью Все идетъ прахомъ, все пропивается, тратится на наряды и бездѣлушки, раздается „друзьямъ сердца“. Кромѣ того, бланковыя безжалостно эксплуатируются хозяйками меблированныхъ комнатъ, у которыхъ живутъ. Отношенія между бланковыми и хозяйками въ общемъ распадаются на три типа. Бланковыя нанимаютъ только комнату, и на этомъ прекращаются всѣ отношенія къ хозяйкѣ. Такъ обыкновенно устраиваются интимныя подруги, „обожательницы“, о которыхъ я говорилъ выше. Живя и промышляя вдвоемъ, всѣми силами поддерживая другъ друга, онѣ избѣгаютъ тенетъ сутенерства и хозяйскаго произвола. Но въ матеріальномъ отношеніи такая самостоятельность даетъ себя знать очень тяжелыми днями безработицы, когда не у кого взять въ долгъ, не къ кому обратиться за временною помощью.

Чаще всего бланковыя устраиваются у хозяйки на полномъ пансіонѣ (помѣщеніе, столъ, освѣщеніе) Такія уже застряли въ цѣпкихъ лапахъ хозяйки, которая ихъ неимовѣрно обсчитываетъ, сбываетъ имъ всякую рухлядь и заставляетъ ихъ опаивать гостей, такъ какъ занимается продажей, по неимовѣрному тарифу, спиртныхъ напитковъ.

Наконецъ, третья категорія бланковыхъ уже не ведетъ соб-

ственно никакихъ счетовъ съ хозяйкой. Вся получка переходитъ въ карманъ хозяйки. А та за это ихъ кормитъ, одѣваетъ и обуваетъ. Получается какъ бы замаскированный, помѣщающійся въ центрѣ города, домъ терпимости, съ тою разницею, что обитательницы его выпускаются на улицу для улавливанія и привода гостей. Закабаленіе бланковыхъ тутъ полное. И администраціи даже не приходится дѣлать попытокъ къ урегулированію отношеній между такими бланковыми и ихъ хозяйками, такъ какъ оффиціально вѣдь это не дома терпимости, и все тутъ предоставлено личному соглашенію хозяйки съ ея квартирантками. Только иногда въ камерѣ мирового судьи, гдѣ разбирается какое-нибудь крупное недоразумѣніе между „гостями", бланковой и ея хозяйкой, выплываютъ ужасающія подробности „личнаго договора", ярко рисующія картину порабощенія бланковыхъ.

Если внимательно вникнуть въ вопросъ, который за послѣднее время все чаще ставится на разрѣшеніе различными спеціальными коммиссіями, общественными дѣятелями и публицистами: что лучше—допустить ли существованіе однихъ только домовъ терпимости, или, совершенно уничтоживъ ихъ, сдѣлать всю толпу проститутокъ бланковыми, невольно хочешь дать отвѣтъ: „оба хуже"!... Здѣсь допустимо только разсужденіе сравнительное: какое изъ двухъ золъ меньше, но и это рѣшить едва ли возможно. Говорятъ, что дома терпимости вносятъ развратъ въ общественное сознаніе, такъ какъ узаконяютъ существованіе спеціальныхъ лавокъ, гдѣ торгуютъ женскимъ тѣломъ. Конечно, это такъ... Но не узаконяется ли развратъ и всею существующею системой регламентаціи, которая признаетъ легальность спеціальнаго промысла проститутки?.. Указываютъ на примѣръ городовъ, гдѣ домовъ терпимости нѣтъ (хотя бы Берлинъ)... Но за то улицы этихъ городовъ кишмя кишатъ бланковыми, и общее число проститутокъ не падаетъ ни на одинъ процентъ!. Говорятъ, что ужасна эксплуатація, которой подвергаются обитательницы домовъ терпимости... Выше я указалъ, что эксплуатація бланковыхъ хозяйками квартиръ, быть можетъ, еще ужаснѣе... Изъ двухъ коммиссій, занимавшихся въ послѣднее время этимъ вопросомъ („Коммиссія общественнаго здравія при московской городской думѣ" и въ Петербургѣ „Коммиссія по вопросу о врачебно-полицейскомъ надзорѣ за проституціей"), высказались: первая—окончательно, а вторая—въ значительномъ большинствѣ за уничтоженіе домовъ терпимости. Въ пунктѣ 6-мъ мотивированныхъ положеній д-ра М. Маргуліеса, послужившихъ матеріаломъ для заключеній послѣдней коммиссіи, между прочимъ, сказано: „При необходимости въ силу мѣстныхъ условій постепенно приготовлять переходъ отъ регламентированной проституціи къ „свободной", прежде всего должно уничтожить дома терпимости. Дома терпимости уменьшаются въ количествѣ повсемѣстно и при томъ очень быстро. Безцѣльно

дольше удерживать учрежденіе, стремящееся исчезнуть естественнымъ путемъ"...*).

Но мы видѣли уже, какіе неподдающіеся контролю, замаскированные дома терпимости съ бланковымъ населеніемъ создаются въ центрѣ города. Слѣдовательно, совершенное закрытіе, даже на окраинахъ, домовъ терпимости заставитъ ихъ принять только другую внѣшнюю форму, симулируя ту же сущность. Стоять за закрытіе домовъ терпимости теперь считается „моднымъ"... Но мое глубокое убѣжденіе, что *сущность* вопроса о проституціи этимъ мѣропріятіемъ нисколько не измѣнится...

Д-ръ Б. Бентовинъ.

* * *

Дальше, вдоль мирныхъ лѣсныхъ береговъ,
Дальше отъ скучнаго шума!
Сердце не хочетъ ни смѣха, ни словъ,
Тихая теплится дума...

Вѣетъ свободою вѣтеръ морской,
Свѣжею ласкою дышетъ...
Будто спокойный, могучій прибой
Нѣжно мнѣ душу колышетъ!

Сердце покорно и радостно ждетъ,
Старую боль забывая...
Будто къ далекому счастью несетъ
Эта волна голубая!..

Г. Галина.

*) *М. П. Манасеинъ.* Отчетъ о дѣятельности коммиссіи по вопросу о врачебно-полицейскомъ надзорѣ за проституціей. „Русскій Медицинскій Вѣстникъ". 1904 г. № 10.

ИЗЪ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ СИРІИ.

Разсказы.

I.

Единственная непріятность.

Абу-Уадіа былъ совершенно счастливъ въ своей жизни. Конечно, у него, какъ и у всѣхъ людей на свѣтѣ, были маленькія непріятности, но эти непріятности не могли испортить его общаго довольства судьбой, хотя судьба, какъ извѣстно, весьма похожа на жену: ею никто не доволенъ.

Но Абу-Уадіа былъ судьбой вполнѣ доволенъ, какъ и своей женой. Хоть и немного на свѣтѣ людей, довольныхъ своими женами, но есть. Можетъ быть, и у читателя есть жена, и онъ (я даже въ этомъ увѣренъ) очень и очень ею доволенъ, но... всякій доволенъ женой по своему. Абу-Уадіа былъ доволенъ женой не потому, чтобы она была особенная умница или красавица. Нѣтъ, онъ былъ человѣкъ очень обстоятельный и обращать въ женщинѣ главное вниманіе на умъ и красоту счелъ бы для себя униженіемъ. Его жена была хорошая хозяйка, покорно исполняла всѣ желанія мужа, а главное,—это было самое главное—она рожала постоянно сыновей, одних только сыновей. Абу-Уадіа даже увѣровалъ въ то, что жена его не можетъ рожать никого иного, кромѣ сыновей. Поэтому, когда она бывала беременна, онъ, сидя въ своей лавкѣ на базарѣ (Абу-Уадіа торговалъ), отъ нечего-дѣлать выдумывалъ имя будущему сыну, всегда сыну, а не дочери. Первый сынъ его назывался Уадіа, что значитъ Кроткій, почему и самъ онъ назывался Абу-Уадіа, т. е. отецъ Кроткаго. Второй его сынъ назывался Насръ Діябъ, т. е. Побѣдитель Волковъ; третій сынъ именовался Мугибъ, т. е. Грозный; четвертый — Гиндъ, т. е. Индѣецъ. Теперь Абу-Уадіа ожидалъ пятаго, которому уже около мѣсяца тому назадъ началъ выдумывать имя. Онъ называлъ его: Прозрачный, Единственный, Милый, Сидящій на Лошади, Совершенный, — но ни одно

изъ этихъ именъ ему не нравилось. Онъ обращался въ міръ звѣрей и птицъ и тамъ хотѣлъ найти достойный прообразъ своему новому наслѣднику. Но ни Газель, ни Орелъ, ни Тигръ, ни Соловей, ни Леопардъ, ни Верблюдъ, ни даже Левъ—ни одно изъ этихъ славныхъ именъ не могло удовлетворить гордаго отца. Однако, онъ не терялъ надежды выдумать новому сыну такое имя, которому могли бы позавидовать всѣ Антиливанскія горы.

Чувствую,—читатель думаетъ: „Но все это не можетъ составить полнаго счастья въ жизни". Совершенно вѣрно! Не будь у Абу-Уадіа еще другой радости, онъ не былъ бы такъ доволенъ своей судьбой. Дѣло въ томъ, что у Абу-Уадіа была еще прекрасная кобылица. Кобылица была не простая, вела свою родословную отъ знаменитаго жеребца одного князя изъ племени Бану-Гиляль и кобылицы, принадлежавшей племени Бану-Курейшъ. Хотя Абу-Уадіа и былъ христіанинъ, однако не безъ гордости утверждалъ, что на ея далекомъ праотцѣ ѣздилъ самъ пророкъ Магометъ. Кобылица имѣла свидѣтельство, въ которомъ подробно перечислялась вся ея родословная. Когда Абу-Уадіа разсказывалъ ее слушателямъ, то всегда добавлялъ, что такой знаменитой родословной позавидовалъ бы любой изъ турецкихъ генераловъ.

За то Абу-Уадіа ухаживалъ за своей кобылицей и всячески холилъ ее. Онъ давалъ ей ежедневно утромъ и вечеромъ по мѣркѣ чистаго ячменя, чистилъ, поилъ, а въ хорошую погоду выпускалъ гулять по селу. Кобылица ходила по улицамъ горнаго села, лазила по горамъ, рѣзвилась по долинамъ, сильная, какъ вѣтеръ, стройная, какъ газель, и гибкая, какъ рыба. Къ вечеру она возвращалась въ домъ и нетерпѣливо стучалась въ ворота.

Но чѣмъ въ особенности былъ доволенъ въ ней Абу-Уадіа, такъ это тѣмъ, что кобылица приносила всегда кобылицъ. Въ этомъ было ея главное достоинство. Въ настоящее время и кобыла, какъ и его жена, была беременна. Абу-Уадіа ужъ успѣлъ запродать будущую кобылицу одному богачу за десять турецкихъ золотыхъ монетъ.

Итакъ, жена рожала мальчиковъ,—за это ее Абу-Уадіа и любилъ. Кобылица приносила ему кобылицъ,—за это она и была ему дорога; можно прибавить, что Абу-Уадіа любилъ ее не меньше жены. Обѣ онѣ исправно выполняли свое назначеніе и веселили сердце счастливаго Абу-Уадіа.

За всѣмъ этимъ или, можетъ быть, именно поэтому Абу-Уадіа пользовался подобающимъ отъ всѣхъ уваженіемъ и почетомъ. Какъ хотите, счастье есть то же богатство. Счастливаго человѣка, какъ и богатаго, вездѣ любятъ и всегда рады видѣть. Конечно, людей оклеветали, говоря, что они

преклоняются только передъ богатствомъ. Счастья дайте намъ, немножко радости, удовлетворенія жизнью—и мы не захотимъ даже богатства. Ну, зачѣмъ много богатства при счастьи?

II.

Но съ тѣхъ поръ, какъ совершенное счастье и высшее спокойствіе человѣческой жизни было нарушено въ раю, въ долинѣ Месопотамской (куда теперь нѣмцы проводятъ желѣзную дорогу), ни одно человѣческое счастье не бывало еще полнымъ, и не было на землѣ такого довольства, которое въ концѣ концовъ не омрачилось бы какимъ-нибудь неожиданнымъ и непріятнымъ оборотомъ колеса фортуны. Такъ, къ сожалѣнію, случилось и съ Абу-Уадіа.

Однажды Абу-Уадіа сидѣлъ, по обыкновенію, въ своей лавкѣ на базарѣ. Онъ уже продалъ женщинамъ нѣсколько кусковъ синей матеріи на юбки, два флакона какихъ-то невѣдомыхъ міру духовъ, которые онъ иногда употреблялъ съ сахаромъ для отравы мышей; нѣсколько фунтовъ финиковъ и провѣрялъ вырученныя деньги, чтобы узнать, не обсчитался ли онъ при получкѣ. Все время онъ думалъ о томъ, какое имя дать своему пятому сыну, который не сегодня-завтра долженъ былъ появиться на Божій свѣтъ. Наконецъ, остановился онъ на имени арабскаго богатыря, Антаръ.

— Прекрасно! — воскликнулъ онъ и даже привскочилъ на мѣстѣ.—Прекрасно! Пусть онъ называется Антаръ. Это будетъ очень ново. А главное сильно!.. Скажутъ въ Антиливанскихъ горахъ, у Абу-Уадіа есть сынъ Антаръ. Всѣ будутъ объ немъ говорить, прославлять и сына, и отца... Превосходно!

Абу-Уадіа пришелъ въ прекрасное расположеніе духа. Въ это время въ лавку вбѣжалъ четвертый его сынъ, по имени Гиндъ, и торопливо проговорилъ:

— О, отецъ мой! Мать принесла ребенка. Пойдемъ скорѣе домой...

Счастливый Абу-Уадіа тотчасъ же заперъ лавку и, побрякивая ключами, пошелъ домой. По дорогѣ онъ разговорился съ сыномъ.

— А знаешь ли ты, какъ будетъ зваться новый твой маленькій братъ?—спросилъ сына Абу-Уадіа.

Мальчикъ посмотрѣлъ на отца съ недоумѣніемъ, немного подумалъ и сказалъ:

— Отецъ мой! Развѣ ты хочешь назвать ребенка мальчикомъ? Бабушка сказала, что моя мать принесла дѣвочку...

Абу-Уадіа разсердился.

— Врешь ты, сынъ вчерашняго дня! Мать принесла мальчика! Это тебѣ, поросенку, хочется, чтобы мать принесла дѣвочку, ибо ты еще малъ и глупъ. А я не хочу, понимаешь, не хочу дѣвчонки!..

Абу-Уадіа сердился все больше и больше. Въ сердцѣ его зародилось сомнѣніе. А ну, какъ и въ самомъ дѣлѣ жена родила дѣвочку?! И въ душѣ его поднималась досада, даже злоба на жену за такой промахъ. Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ дому, тѣмъ болѣе охватывало его волненіе и нетерпѣніе. До дому остается всего какихъ-нибудь двадцать шаговъ, а ему кажется, что передъ нимъ еще цѣлая сирійская пустыня. Наконецъ, вотъ и стѣна его дома. Абу-Уадіа тяжело дышалъ, точно поднялся на вершину Гермона; потъ катился съ него, какъ въ банѣ. Онъ перевелъ духъ, прислушался къ суетѣ и крику бабъ въ домѣ и постучался въ ворота...

Въ первое мгновеніе онъ хотѣлъ бѣжать отъ воротъ куда-нибудь подальше, но во второе же мгновеніе краска стыда за собственную слабость бросилась ему въ лицо, а въ третье мгновеніе онъ уже негодовалъ, что ему такъ долго не открываютъ воротъ. Онъ ударилъ скобкой такъ сильно, что даже больная жена его простонала:

— Отворите, мужъ мой пришелъ...

Въ комнатѣ, гдѣ лежала больная, собралось нѣсколько женщинъ, болтавшихъ такъ громко, какъ будто въ комнатѣ работала цѣлая сотня горныхъ водяныхъ мельницъ въ полномъ ходу. Абу-Уадіа первымъ долгомъ прошелъ къ бабкѣ и, увидѣвъ въ ея рукахъ ребенка, хриплымъ голосомъ спросилъ:

— Мальчикъ!?

— Нѣтъ, дѣвочка!—не безъ робости отвѣчала бабка, однако поздравила:

— Если Богъ хочетъ, дочь твоя будетъ большая и народитъ тебѣ много внуковъ.

Абу-Уадіа позеленѣлъ, прошелъ прямо къ женѣ и началъ ее бранить:

— Ахъ ты, дочь прожженнаго! Да сократитъ Богъ твою жизнь, разрушитъ твою вѣру! Собака ты, дочь собаки! Развѣ ты не знаешь, что мнѣ не нужно твоихъ дѣвчонокъ? Ты этого не знаешь?!.

И Абу-Уадіа, въ изступленіи, замахнулся на больную жену и хотѣлъ ее ударить. Но присутствующія при этомъ женщины удержали его.

— Во имя Господа, будь милосердъ, Абу-Уадіа! Жена твоя теперь больна, не бей ее. Развѣ потомъ ты не можешь сдѣлать съ ней, что хочешь?

Абу-Уадіа остановился. Онъ стоялъ весь багровый и тяжело дышалъ, потомъ повернулся и, выходя изъ комнаты, прохрипѣлъ:

— Подожди ты, я еще съ тобой потомъ побесѣдую..

Женщины остались утѣшать больную, плачущую женщину.

— Да, счастлива та, которая родитъ орловъ! Но горе той, которая родить дѣвочекъ!—сказала одна женщина.

— Когда родится дѣвочка, даже дерево дома загорается,—вздохнувъ, промолвила другая.

— За то, когда родится мальчикъ, ангелы на небѣ радуются,—воскликнула третья.

Въ домѣ шла обычная возня. Бабка съ помощью другихъ женщинъ вымыла ребенка въ теплой, освященной заранѣе попомъ водѣ, потомъ принялась натирать крошечное, красное тѣльце его солью съ виномъ. Дѣлаютъ это, очевидно, для того, чтобы сразу пріучить будущаго человѣка къ суровой дѣйствительности. Соли насыпали ребенку вездѣ: между ножекъ, на шейку, въ ротъ и даже въ глаза, которые затѣмъ протерли крѣпко рукой.

— Дай Богъ, чтобы ты никогда не болѣла,—сказала бабка и закутала засоленный комочекъ живого тѣла въ пеленки. Дѣвочку положили къ матери съ тѣмъ, чтобы завтра снова развернуть и снова обсыпать солью, ибо полагается это дѣлать въ теченіе семи дней.

Родственники и знакомые Абу-Уадіа, узнавъ, что жена его родила дѣвочку, не пришли къ нему совсѣмъ, ибо поздравить съ рожденіемъ дѣвочки—значитъ обидѣть кого угодно, а Абу-Уадіа и подавно. Женщины тоже скоро разошлись по домамъ. Онѣ только сказали роженицѣ:

— Слава Богу, что ты освободилась. Будь здорова

Въ домѣ осталась лишь бабка, да больная жена Абу-Уадіа. Сыновья его разбѣжались играть на улицѣ, а самъ онъ мрачно пошелъ на базаръ въ свою лавочку. Онъ ни на кого не смотрѣлъ и ни съ кѣмъ не разговаривалъ. Ему было стыдно, точно онъ сдѣлалъ какое-то преступленіе. Да и злоба не улеглась въ немъ и давила сердце, какъ камень. Онъ тяжело опустился на полъ въ своей лавочкѣ и просидѣлъ такъ до самаго вечера въ полномъ одиночествѣ; даже покупатели къ нему не заглядывали, точно всѣ сразу узнали, что его жена родила дѣвочку. Ужь поздно вечеромъ пошелъ Абу-Уадіа домой. Жены онъ не хотѣлъ видѣть: спалъ и ѣлъ въ другой комнатѣ, а день проводилъ на базарѣ.

Такъ прошло время до перваго воскресенья. Друзья Абу-Уадіа знали объ его горѣ и пришли его утѣшить. Пришелъ цирюльникъ Ибрагимъ, мясникъ Курше и священ-

никъ Ханна. Абу-Уадіа пригласилъ ихъ на крышу своего дома, угостилъ водкой, апельсинами и кофеемъ. Поговорили о послѣднихъ европейскихъ новостяхъ, объ Японіи, о дороговизнѣ хлѣба и маслинъ, о недавней дракѣ. Наконецъ, свели рѣчь на несчастіе Абу-Уадіа.

— Все отъ Бога, Абу-Уадіа!—сказалъ внушительно цирюльникъ Ибрагимъ.—И мальчикъ отъ Бога, и дѣвочка отъ Бога! Ты самъ разсуди: если бы не рождались дѣвочки, то ни у тебя, ни у меня не было бы жены.

— Видитъ Богъ, господинъ Ибрагимъ говоритъ мудрыя рѣчи!—сказалъ Абу-Уадіа.—А все же, если у тебя родится дѣвочка, ты не будешь радоваться.

— Я не буду радоваться, потому что у меня нѣтъ мальчиковъ,—отвѣтилъ Ибрагимъ.—А ты не долженъ печалиться, ибо у тебя уже есть четыре сына. Одна дѣвочка не помѣшаетъ.

— Видитъ Богъ, онъ говоритъ правду, — добавилъ священникъ Ханна, что-то вытаскивая двумя пальцами изъ своей бороды.

— Конечно,—согласился Абу-Уадіа.—Но не привыкъ я! Четыре сына одинъ за другимъ... И вдругъ такое несчастье! Знаете, какъ говоритъ арабская пословица: дѣти нашихъ сыновей—наши дѣти; дѣти нашихъ дочерей—чужія дѣти. Вотъ что мнѣ съ непривычки обидно знать!.. Не достаетъ только, чтобы теперь моя кобылица принесла мнѣ жеребца.

— Вотъ это несчастіе,—сказалъ мясникъ Курше.—Отъ жеребца будетъ прямой убытокъ. Здѣсь его никто не купитъ, а въ Дамаскѣ продать—дадутъ очень мало.

Абу-Уадіа нахмурился.

— Если кобылица принесетъ мнѣ жеребца, я его застрѣлю. Чтобы Абу-Уадіа поѣхалъ продавать своего жеребца въ Дамаскъ извозчикамъ!.. Никогда этого не будетъ!

— Богъ дастъ, этого не случится,—успокоилъ священникъ и снова принялся ловить кого-то въ бородѣ.

— Ну, а какъ здоровье твоей жены?—спросилъ мясникъ Курше.

— Не знаю,—отвѣтилъ неохотно Абу-Уадіа,—не видѣлъ. Думаю, что здорова. Что ей дѣлается.

— Вотъ это нехорошо, — сказалъ Курше.—Знаешь пословицу: будь милостивъ къ виноватому,—онъ будетъ тебѣ рабомъ.

— Или другая: за зло дѣлай добро, чтобы стереть зло,—сказалъ священникъ Ханна.

Абу-Уадіа ничего не отвѣтилъ. Гости посидѣли, поговорили еще о томъ, о семъ и разошлись.

III.

Кобылица вскорѣ должна была принести жеребенка. Абу-Уадіа ждалъ этого событія и очень тревожился. Извѣстно, кто хоть разъ испыталъ въ жизни крупную неудачу, тотъ уже не можетъ смотрѣть судьбѣ въ глаза довѣрчивымъ взглядомъ. И Абу-Уадіа теперь тоже началъ безпокоиться. Вѣдь жена родила же ему дѣвочку. Положимъ, это была простая случайность, но по такой же случайности и кобылица можетъ принести жеребца. А на что ему жеребецъ!?

Отъ ожиданій и безпокойныхъ сомнѣній Абу-Уадіа плохо спалъ по ночамъ, похудѣлъ, былъ постоянно хмуръ и золъ. На стѣнѣ у него висѣлъ заряженный пистолетъ, на случай если бы и кобылица вздумала надъ нимъ подшутить такъ же, какъ и жена. Онъ хотѣлъ сорвать всю накопившуюся въ сердцѣ досаду на свою судьбу, на эту первую крупную неудачу въ жизни.

Однажды ночью, когда Абу-Уадіа, измученный безсонницей, метался на своей постели, въ конюшнѣ раздался необычный стукъ и легкое ржанье кобылицы. Сердце его забилось сильно, сильно. Значитъ, кобылица принесла жеребенка. Но кого? Кобылицу или жеребца?

Абу-Уадіа схватилъ со стѣны заряженный пистолетъ и побѣжалъ босикомъ и въ одной рубашкѣ въ конюшню. Тамъ было темно. Онъ увидѣлъ только, что кобылица нагнулась къ землѣ и съ ласковымъ ржаніемъ облизываетъ какой-то темный комочекъ.

— Навѣрно, жеребецъ!—мелькнуло въ головѣ Абу-Уадіа. Онъ взвелъ курокъ пистолета и заоралъ на всѣ Антиливанскія горы:

— Уадіа, принеси фонарь!

Какъ ни крѣпко спалъ сынъ его Уадіа, онъ услышалъ грозный окрикъ отца и, какъ угорѣлый, заметался по дому, отыскивая фонарь. На порогѣ конюшни онъ увидѣлъ своего отца съ пистолетомъ въ дрожащихъ рукахъ и съ багровымъ лицомъ.

— Давай сюда!—прохрипѣлъ Абу-Уадіа.

Вдругъ онъ радостно вскрикнулъ, швырнулъ въ навозъ пистолетъ, бросился къ кобылицѣ, обнялъ ее за шею и поцѣловалъ въ горячій лобъ. Кобылица устало потерлась мордой объ его плечо и принялась снова облизывать своего дѣтеныша. А Абу-Уадіа гладилъ ее по шеѣ, по спинѣ, трепалъ за уши и чолку и все приговаривалъ:

— Милая, милая! Я былъ мертвъ, и ты меня оживила! Теперь я опять счастливъ.

Съ этихъ поръ Абу-Уадіа снова повеселѣлъ. Онъ снова увѣровалъ въ судьбу и простилъ женѣ ея ошибку. А дѣвочку назвалъ Аль-Масыбатъ, что значитъ—„Единственная непріятность".

II.

Горе каймакама города Наблуса.

Между горами Гевалъ и Гаризимъ, утопая въ садахъ и голубомъ сумракѣ вечера, прижался красивый городокъ Наблусъ, древній Сихемъ. Все кругомъ говоритъ о разнообразномъ и далекомъ прошломъ: глиняныя надстройки домовъ неуклюже лѣпятся на древнихъ прочныхъ стѣнахъ временъ римскаго владычества; изящный порталъ римскаго храма, обращеннаго въ мечеть, и теперь еще радуетъ зрителя чистотой и игрой украшеній, своей правильной, какъ радуга, аркой. Поодаль отъ города, въ долинѣ виднѣется изгородь вокругъ обломковъ старинной постройки надъ колодцемъ Іакова. Всюду валяются, точно трупы, почернѣвшія колонны, карнизы, капители... Похоже на то, будто пришли дикари во дворецъ, разложили въ немъ свои грязные пожитки, но не успѣли еще вымести и втоптать въ грязь осколки не оцѣненнаго ими наслѣдства.

По бокамъ города высятся сѣрыя вершины двухъ старцевъ, видѣвшихъ подъ своими ногами цѣлыя сотни народовъ, цѣлыя рѣки крови, цѣлый адъ человѣческой злобы, вражды, преступленій. Они ко всему уже присмотрѣлись; имъ все равно. Были здѣсь хананеяне, евреи, потомъ приходили ассирійцы, персы, римляне, татары, арабы, приходили крестоносцы, а теперь властвуютъ тутъ турки и копошится въ пыли разношерстная толпа. Не все ли равно?!

Городокъ звенитъ въ вечерней прохладѣ. Съ высоты мечетей льется пѣсня муэдзиновъ; по горамъ съ радостнымъ блеяньемъ скатываются внизъ стада козъ и овецъ; около колодцевъ столпились дѣвушки съ кувшинами на головахъ; на выпрямленномъ станѣ выпукло вырѣзываются дѣвическія груди, звонко раздается плескъ воды, смѣхъ и говоръ; послышались всхлипыванія ослика и, наконецъ, громкій ревъ; перебрасываясь отъ горы къ горѣ, онъ смѣшался съ звуками трубы турецкаго солдата, съ криками бабъ, собравшихся доить козъ, и визгливыми голосами ребятишекъ.

Воздухъ сырѣетъ. Тѣни южнаго палестинскаго вечера трепещутъ надъ горами, садятся въ долины и навѣваютъ

своими легкими крыльями прохладу. Потянулись легкія паутины росы. На обожженные камни, зелень гранатъ и апельсиновъ ложится прохладная влага.

Каймакамъ города Наблуса, Рустомъ-эффенди вышелъ погулять по гладкой шоссированной дорогѣ, извивающейся по долинѣ. Въ почтительномъ отдаленіи его сопровождалъ солдатъ, а рядомъ съ нимъ шло нѣсколько чиновниковъ. Пройдя немного, всѣ усѣлись на громадный обломокъ римской колонны и закурили папиросы.

На полянѣ, недалеко отъ колодца Іакова, остановились нагруженные палатками мулы и ослы. Пріѣхалъ небольшой караванъ англійскихъ путешественницъ. Четыре миссъ послѣзали съ лошадей и расхаживали по полянѣ въ ожиданіи палатки. Подъ простыми, круглыми соломенными шляпами виднѣлись загорѣлыя лица; сѣрые дорожные костюмы плотно облегали ихъ тонкія, плоскія фигуры. Слуги быстро раскинули палатки, и скоро надъ ними взвился красный англійскій флагъ.

Каймакамъ Рустомъ-эффенди долго смотрѣлъ на путешественницъ, потомъ вдругъ злобно швырнулъ папиросу и грозно поднялся съ колонны, какъ само воскресшее римское величіе.

— Хорошо, мужчины-европейцы вездѣ шляются!.. А теперь и бабы начали надоѣдать. Пойду посмотрю, не переодѣтые ли это шпіоны,—сказалъ Рустомъ.

Чиновники пошли за нимъ.

Рустомъ-эффенди былъ человѣкъ очень честолюбивый и мнительный, какъ всѣ турецкіе чиновники. Онъ любилъ въ своей служебной жизни три вещи: деньги, власть и покорность. Людей подчиненныхъ онъ презиралъ; начальство терпѣлъ по необходимости. Европейцевъ онъ не любилъ за то, что они не признаютъ надъ собой въ Турціи ровно никакой турецкой власти, а въ томъ числѣ и власти его, Рустома-эффенди. Пріѣдетъ въ Наблусъ какой-нибудь европеецъ, встрѣтится съ нимъ, каймакамомъ, посмотритъ въ упоръ иногда насмѣшливо, иногда съ любопытствомъ, но никогда не поклонится, не отдастъ начальству чести... Это Рустома-эффенди бѣсило. И понятно почему: Рустомъ-эффенди привыкъ, чтобы ему всѣ въ Наблусѣ и окрестностяхъ повиновались безпрекословно, почитали и страшились. Узналъ онъ, напримѣръ, что арабы селенія Сильфидъ до сихъ поръ носятъ только длинную рубашку. Онъ приказалъ имъ носить непремѣнно и штаны. Кто не слушался, того онъ сажалъ въ тюрьму и заставлялъ тамъ солдатъ обучать заключенныхъ, какъ нужно надѣвать штаны и какъ въ нихъ ходить. Домъ Рустома стоялъ на улицѣ; поэтому, когда у него рожала ка-

кая-нибудь жена или болѣла голова, онъ запрещалъ горожанамъ ходить мимо своего дома. Кто не слушался, того солдаты били плетьми... Такъ поступать онъ не могъ въ Наблусѣ только съ европейцами.

Рустомъ важно прошелъ мимо англичанокъ со своей свитой. Но тѣ не обратили на него ровно никакого вниманія; онѣ не поняли, что около нихъ проходитъ такая власть, которой боится весь городъ Наблусъ и двадцать пять окрестныхъ селъ и деревень.

Около палатки кухни уже блестѣлъ огонекъ. Зажимая пѣтухамъ глотки, чтобы не кричали, изъ города прибѣжалъ мальчикъ, получилъ за пѣтуховъ деньги и убѣжалъ обратно. Собрались бабы, мужики и дѣти посмотрѣть на иностранцевъ.

Переговариваясь съ окружающими, поваръ готовилъ кушанье. Усталыя путешественницы уже скрылись въ палатку-спальню, чтобы отдохнуть передъ ужиномъ.

Рустомъ-эффенди прошелъ дальше за палатки и возвращался обратно той же дорогой. Онъ нервно стучалъ по камнямъ своей тоненькой тросточкой и нетерпѣливо передвигалъ на головѣ феску. Наконецъ, поровнявшись съ палатками, онъ сказалъ:

— Хочу знать, что за люди.. Зачѣмъ сюда пріѣхали?

— Твое величіе, нашъ владыка!—робко замѣтилъ одинъ изъ чиновниковъ.—Не ходи туда, нашъ господинъ! Видишь—англійскій флагъ. Стало быть, это ужъ англійская земля теперь. Не ходи, пойдемъ домой отъ бѣды. Оставь этихъ собакъ...

Но Рустомъ-эффенди былъ слишкомъ раздраженъ, чтобы слушаться мирныхъ совѣтовъ. Напротивъ, эти слова его еще пуще раззадорили. Онъ злобно взглянулъ на чиновника, поднялъ палецъ кверху и спросилъ:

— Развѣ я не начальникъ здѣсь? Развѣ здѣсь не оттоманская имперія?

Чиновникъ грустно замолкъ, а Рустомъ-эффенди вошелъ въ палатку.

Англичанки съ недоумѣніемъ посмотрѣли на красную феску, однако не сказали вошедшему ни слова, не тронулись со своихъ мѣстъ. Только старшая изъ нихъ кликнула переводчика и сказала:

— Спросите, чего хочетъ здѣсь этотъ человѣкъ?

— Я хочу знать,—сказалъ Рустомъ-эффенди, и голосъ его задрожалъ:—почему вы не предъявили начальству своихъ паспортовъ?

— Всегда, когда мы пріѣзжаемъ въ какой-нибудь городъ,—сказала миссъ,—къ намъ приходитъ полицейскій чи-

новникъ, провѣряетъ паспорта и записываетъ имена. А этотъ человѣкъ, кажется, и не полицейскій чиновникъ,— одѣтъ онъ не по формѣ.

Рустомъ-эффенди покраснѣлъ отъ обиды; однако, не скрывая злорадства, съ разстановкой произнесъ:

— Должно быть, госпожа плохо видитъ. Я, дѣйствительно, не полицейскій чиновникъ, я—каймакамъ города Наблуса...

Какъ ни мало надѣялся Рустомъ-эффенди на почтительность европейцевъ, однако въ этотъ моментъ былъ въ полной увѣренности, что турецкая власть восторжествуетъ. Предвкушая это великое наслажденіе, онъ даже поднялъ взоръ кверху. Онъ прислушивался къ послѣднему звуку своего голоса и ждалъ, что сдѣлаютъ путешественницы. Вонъ онѣ встаютъ, извиняются за ошибку и сажаютъ Рустома на почетное мѣсто... Онъ даже закрылъ отъ пріятнаго ожиданія глаза и замеръ на мѣстѣ. Ему казалось, что онъ плаваетъ въ лодкѣ по масляному морю... Такъ велика сила человѣческаго самообольщенія!

Но прошло нѣсколько секундъ. Въ палаткѣ ничего не случилось. Все было тихо по прежнему. Тогда Рустомъ-эффенди открылъ глаза. Англичанки спокойно сидѣли на своихъ мѣстахъ. Одна изъ нихъ устало сказала:

— Во всякомъ случаѣ, мы каймакама къ себѣ въ палатку не звали, а потому онъ можетъ уходить...

Услышавъ эти слова, Рустомъ долго стоялъ. Ему показалось, что подъ нимъ провалилась земля. Его — каймакама города Наблуса—выгоняютъ изъ палатки четыре какихъ-то англійскихъ женщины! Въ припадкѣ безумія, онъ едва было не закричалъ своему солдату: „Стрѣляй въ этихъ собакъ!“ Онъ выбѣжалъ изъ палатки, но потомъ, опомнившись немного, снова возвратился и сказалъ:

— Завтра я разберу ваше дѣло, а потому завтра вы уѣхать отсюда не можете.

— Завтра воскресенье. Мы — протестантки; у насъ нѣтъ привычки ѣздить въ воскресенье. Но на этотъ случай мы завтра уѣдемъ.

— Нѣтъ, вы не уѣдете!—закричалъ каймакамъ и вышелъ изъ палатки.

— Я покажу имъ завтра,—сказалъ Рустомъ своимъ спутникамъ,—какъ не уважать власть.

Вскорѣ переводчикъ англійскихъ путешественницъ поѣхалъ на телеграфъ. Англичанки писали въ Іерусалимъ англійскому консулу:

„Наблусскій каймакамъ не позволяетъ ѣхать дальше четыремъ англійскимъ путешественницамъ“.

А изъ города къ палаткамъ въ это время спустилась рота

солдатъ. Они окружили палатки путешественницъ длинной цѣпью.

Отвѣта англійскимъ путешественницамъ пришлось ждать недолго. Англійскій консулъ въ тотъ же вечеръ отвѣтилъ имъ: „Можете выѣзжать во всякую минуту, когда вздумаете. Препятствій не будетъ".

Одновременно съ этой телергаммой іерусалимскій губернаторъ прислалъ телеграмму и Рустому-эффенди. Долго ругался телеграфистъ со своимъ слугой, посылая его отнести каймакаму телеграмму: тотъ идти съ такой телеграммой къ Рустому отказался наотрѣзъ. Наконецъ, телеграфистъ пошелъ самъ. Дрожащей рукой передалъ онъ Рустому телеграмму, послѣ чего закашлялся и изъ скромности выбѣжалъ на улицу.

Іерусалимскій губернаторъ писалъ Рустому-эффенди: „Ты—дуракъ. Оставь англійскихъ путешественницъ въ покоѣ, а позаботься лучше немедленно собрать и выслать мнѣ подати съ твоего округа".

Вскорѣ, по звуку трубы, всѣ солдаты, окружавшіе палатки путешественницъ, быстро убѣжали въ казармы. Рустомъ-эффенди цѣлую ночь сидѣлъ въ своей комнатѣ и бранилъ собакъ-европейцевъ, надъ которыми турецкому начальству въ турецкой же имперіи власти своей показать нельзя.

На утро цѣлая толпа христіанъ-арабовъ вышла изъ города къ палаткамъ, чтобы проводить англійскихъ путешественницъ, посрамившихъ ненавистную турецкую власть. Всѣ кричали:

— Съ миромъ, съ миромъ, наши госпожи! Да облегчитъ Богъ вамъ дорогу!

Но горы Гевалъ и Гаризимъ остались и въ это утро такъ же хмуры и молчаливы, какъ всегда: онѣ не улыбнулись надъ людскимъ ничтожествомъ, не нахмурились сильнѣе надъ людской злобой. Онѣ достаточно всего насмотрѣлись въ свою долгую жизнь, чтобъ могли еще чему-либо радоваться, удивляться, негодовать. Только на востокъ смотрѣли ласково ихъ сѣдыя вершины и нѣжились подъ теплыми лучами южнаго солнца. Гевалъ и Гаризимъ улыбаются только навстрѣчу утреннему солнцу.

С. Кондурушкинъ.

глазами,—развѣ такъ рѣжутъ? Ты кромсаешь, а не рѣжешь!

— Не все ли равно, такъ или иначе,—возразила Миньтье, которая всегда все знала лучше другихъ.

— Уходи прочь, я сама нарѣжу!—пронзительно крикнула Эсси и, притянувъ къ себѣ Регги, жаловалась ей, покрывая своимъ рѣзкимъ голосомъ крики дѣтей:

— Выросла большая, а смыслу ни на грошъ. Рѣжетъ, точно саблей рубитъ! Вы пощупайте. Это она называетъ ломоть хлѣба! У васъ сколько ломтей выходитъ изъ каравая?

— Сколько мнѣ надо,—усмѣхнулась слѣпая, уже много лѣтъ рѣзавшая на ощупь, руководствуясь осязаніемъ, толстые или тонкіе ломти, смотря по тому, сколько у нихъ было хлѣба.—Рѣзать хлѣбъ это—тоже искусство; у меня выйдетъ, пожалуй, двадцать ломтей.

— Двадцать?—на распѣвъ протянула Эсси.—Нѣтъ, вы погодите, я вамъ покажу...

Она прижала хлѣбъ къ своей плоской груди и принялась водить ножемъ быстро, увѣренно, не задумываясь и не останавливаясь. Маленькій Мейеръ, заложивъ руки за голову, внимательно слѣдилъ за ней, громко отсчитывая ломти, и, чѣмъ выше поднимались цифры... двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять, тридцать одинъ,—тѣмъ больше удивленія выражалось на лицѣ Регги.

— Ну, васъ можно поздравить: вы удивительная хозяйка.

— Вы не видите, оттого и восхищаетесь,—ворчливо замѣтила Миньтье,—какіе же это ломти,—паутина!

— Это паутина?!—сердито воскликнула Эсси, держа ломоть хлѣба противъ свѣта такъ, чтобы красиво выдѣлялась корочка,—ну ка ты, ловкая, попробуй-ка нарѣзать такой паутины на глазахъ у четырнадцати человѣкъ!

— Я могу еще тоньше нарѣзать,—не осталась въ долгу Миньтье.—Если приглядѣться хорошенько, не такъ ужъ аккуратно отрѣзано...

Споръ грозилъ перейти въ стычку. Зейкерперъ смѣялся; Эсси подозрительно поглядывала на него и язвительно спрашивала, ужъ не угостился ли онъ гдѣ нибудь, что такъ странно ведетъ себя. Яантье, подбира[illegible] хлѣбныя крошки съ клеенки, получила отъ матер[illegible] [illegible]къ по рукѣ.

Къ счастью, въ это время лѣстница заскрипѣла подъ тяжелыми мужскими шагами.

— Давидъ,—радостно сказала слѣпая.

Онъ совсѣмъ запыхался отъ быстрой ходьбы; глаза его блестѣли, зрачки были расширены, въ голосѣ слышалась нервная хрипота. Онъ былъ, видимо, чѣмъ-то смущенъ и, войдя, сразу затараторилъ, но его перебили.

— Мы давно тебя ждемъ, мы умираемъ съ голоду,—говорилъ Зейкерперъ.

— Какъ можно такъ запаздывать! Уже почти восемь часовъ,—жаловалась Регги.

— За столъ, за столъ!—восклицала Миньтье, унимая дѣтей.

Съ большимъ трудомъ удалось Давиду вставить слово:

— Новости! важныя новости!

— Новости?—переспросила слѣпая, у которой слухъ былъ тоньше другихъ.

Давидъ, въ первый разъ за много недѣль обратившись къ Элеазару, хриплымъ голосомъ крикнулъ:—Мы побѣдили!

Тотъ даже вскочилъ.

— Побѣдили?

Давидъ опять что-то сказалъ, но дѣти подняли такой шумъ, а Бекки такъ стучала ложкой по тарелкѣ, что словъ невозможно было разслышать.

— Да замолчите ли вы когда-нибудь? Вотъ я васъ!—пригрозилъ Зейкерперъ.

— Смотрите, пойдете спать голодными,—грозилась Миньтье, которую дѣти слушались больше другихъ.

Шумъ стихъ, и Давидъ, тяжело дыша, сиплымъ отъ нервнаго волненія голосомъ объявилъ:

— Мы побѣдили! Бриллiантщики нынче утромъ прислали письмо...—онъ захлебнулся отъ волненія и не сразу могъ отдышаться.

Даже онъ, бросившій работу только подъ страхомъ угрозъ и насилія, все время ругавшій пьяницами и лежебоками забастовщиковъ, вырвавшихъ у него изо-рта кусокъ хлѣба, даже онъ теперь поддался общему радостному опьяненію и отчасти испытывалъ особенное, необычайное волненіе, заставившее Элеазара ударить кулакомъ по столу!

— Такъ бриллiантщики прислали письмо? Что-же они пишутъ? Что? Откуда ты это знаешь?

Давидъ сѣлъ, отдуваясь и откашливаясь; онъ все никакъ не могъ отдышаться.

— Откуда я знаю?—усмѣхаясь, повторилъ онъ:—откуда же мнѣ знать, ослиная твоя голова, какъ не отъ товарищей! Они хотятъ говорить съ Деккеромъ... завтра у нихъ конференція... а послѣзавтра собраніе въ Палэ...

Послѣ горькой нужды, пережитой во время стачки, послѣ упорства бриллiантщиковъ, послѣ жгучаго отчаянія, охватывавшаго при мысли, что стачка приходитъ къ концу, что они напрасно боролись, что придется опять протягивать руку, каясь и прося прощенія,—эта радостная вѣсть такъ властно захватила всѣхъ, что взрослые, пораженные, уста-

вились на расплывшееся въ улыбку довольное лицо Давида, и даже дѣти на минуту притихли отъ неожиданности.

Слѣпая заговорила первая, повернувъ къ свѣту свои незрячіе глаза, блестѣвшіе яркимъ блескомъ. Она высморкалась отъ волненія и голосомъ, въ которомъ слышались слезы, сказала:

— Да благословитъ ихъ Господь Богъ во вѣки вѣковъ, аминь, за то, что они оказались разсудительнѣе другихъ и хотятъ сдѣлать, чтобы все опять было мирно... Да благословитъ ихъ Богъ...

— Благословлять ихъ?!—вскричалъ Элеазаръ, и глаза его вспыхнули гнѣвомъ, а тонкія губы искривились въ горькую улыбку.—Не за что намъ ихъ благословлять. Если бъ на этотъ разъ стачка не удалась, мы бы черезъ нѣсколько лѣтъ устроили другую. Даже при неудачѣ мы выигрываемъ отъ стачки, а при удачѣ беремъ лишь частицу того, что возьмемъ потомъ. Пусть ихъ благословляетъ кто-нибудь другой!

— Эли, Эли,—останавливала его слѣпая.—Какъ можно такъ сердиться! Какъ можно говорить такія вещи! Развѣ это не счастье, что Богъ ихъ надоумитъ, что они пожалѣли нашу бѣдность?

— Пожалѣли? они? Если они уступаютъ, значитъ, имъ невыгодно дольше сидѣть въ этой петлѣ, слишкомъ дорого стоитъ. Эти негодяи заставили десять тысячъ человѣкъ голодать больше мѣсяца! Вамъ съ дѣтьми по недѣлямъ ѣсть было нечего, а вы ихъ благословляете! Что вы всуе призываете имя Божіе? Богъ лучше насъ съ вами знаетъ, что это за люди...

— Не надо, не надо такъ говорить,—кротко улыбалась слѣпая.—Богу угодно было лишить меня зрѣнія, я и то никогда не роптала.

— Вы ангелъ!—воскликнулъ Элеазаръ и съ такимъ жаромъ поцѣловалъ ее, что у нея съѣхалъ на бокъ парикъ, и серебристыя сѣдины заблестѣли при свѣтѣ лампы. Дѣти визжали отъ восторга...

Она, улыбаясь, поправила волосы и повторила:

— Да благословитъ ихъ Богъ... ихъ и васъ!...

Довольные, со смѣхомъ и шутками, всѣ усѣлись за два стола. Разговоръ шелъ о радостной новости, о холодной погодѣ, о томъ, какой умница Элеазаръ и какъ онъ ловко умѣетъ ловить рыбу руками. Каждый разъ, какъ Эсси, экономно дѣля рыбу, клала кому нибудь кусокъ на тарелку, Ревекка привѣтливо говорила:

— Не хотите ли немножко и моей стряпни?—И, когда кто нибудь соглашался, она набирала большой ложкой изъ горш-

ка порцію каши и накладывала на тарелку. Давидъ съ жадностью съѣлъ рыбу съ костями и кожей и съ такой же жадностью накинулся на рисъ. Эсси только покачивала головою.

— Давидъ, какъ вы можете такъ жадно ѣсть? вы заболѣете.

Давидъ, давясь и грубо отшучиваясь, отвѣтилъ:

— Надо хоть разъ наѣсться досыта, а тамъ, пожалуй, хоть и подохнуть...

И онъ засунулъ себѣ въ ротъ полную ложку каши.

— Ха, ха, ха, вотъ обжора-то!—смѣялась Миньтье.

Зеленщикъ снова принялся разсказывать, какъ онъ сегодня замучился, какая это тяжелая работа счищать снѣгъ съ тротуара, и какой дрянной человѣкъ ихъ надсмотрщикъ. Онъ страшно обозлился, что взяли на работу еврея; когда христіане лѣнились, онъ ничего, молчалъ, а ему, Зейкерперу, все время кричалъ: „ну, ты, Шмуль, пошевеливайся!“ и весь день придирался къ нему, хотя онъ, Зейкерперъ, сразу оборвалъ его на первомъ же словѣ.

Элеазаръ, отложившій на закуску самое вкусное блюдо, попробовалъ, наконецъ, свою рыбу и скорчилъ гримасу. Всѣ расхохотались: ему какъ разъ досталась рыбка, облитая желчью.

— Еще немножко,—смѣялась Эсси,—и онъ перепортилъ бы всю рыбу.

— Не хотите ли еще немножко моей стряпни? — предложила Ревекка.

Тетя Регги, медленно прожевывая каждый кусокъ, разсказывала, какъ она въ молодости варила огромныхъ щукъ... да, щукъ: въ то время еще можно было бѣдному человѣку на шабашъ имѣть щуку—теперь ихъ совсѣмъ нѣтъ, а когда и бываютъ на рынкѣ, такъ ихъ не докупишься.—какъ она начиняла ихъ сдобнымъ тѣстомъ, и что это было за чудесное кушанье, какое не всегда доводится ѣсть и богачамъ. Да, она умѣла стряпать въ свое время; Эсси тоже умѣетъ, но у нея былъ на это особый талантъ. Одинъ разъ, въ субботу, когда еще дѣти и ея мужъ были живы и къ нимъ неожиданно пріѣхали родные, она сварила супъ на шестнадцать персонъ изъ бычачьей ноги—изъ одной единственной бычачьей ноги, съ прибавкой на два цента порею и на центъ сельдерею, да еще немножко фасоли. И не какую нибудь безвкусную водицу, а настоящій хорошій бульонъ, на которомъ жиръ плавалъ сверху. Эсси, съ своей стороны, говорила, что она, можетъ быть, и не сумѣетъ сварить супъ изъ одной бычачьей ноги на шестнадцать персонъ, но и она умѣетъ быть очень и очень экономной.

Послѣ ужина Ревекка и Миньтье принялись мыть посуду. Во всемъ домѣ только въ этой комнатѣ и было тепло. Вѣтеръ завывалъ на дворѣ и хлопалъ дверьми, словно въ нихъ стучались снаружи. Лампа тускло горѣла въ молочно-бѣлыхъ облакахъ табачнаго дыма. Мужчины сидѣли вокругъ очага и курили слегка подмокшія сигаретки, пожертвованныя Подди. Они рады были бы сидѣть такъ цѣлую вѣчность, тѣсно, другъ возлѣ друга, въ пріятномъ обществѣ, слушая веселые голоса, говоръ и шутки.

— Ну, теперь мы васъ еще кое-чѣмъ угостимъ,—сказала Эсси.

Миньтье опять побѣжала внизъ взять на полцента кипятку, полъ-лота кофе за два съ половиною цента и немножко сиропу. Кромѣ того, мать разрѣшила ей мимоходомъ прихватить на полцента молока, да изъ пирожной лавки на два цента имбирныхъ леденцовъ: ихъ даютъ четыре штуки на одинъ центъ. Въ шкафу еще найдется немного корицы— все, что нужно для кофе по французски.

— А хватитъ ли у насъ чашекъ-то?—озабоченно спросилъ Зейкерперъ.

— Ужъ какъ нибудь соберемъ,—сказала Эсси.—Вотъ Эли принесетъ намъ снизу...

Элеазаръ вмѣстѣ съ Миньтье спустился съ лѣстницы, стуча зубами отъ стужи въ холодныхъ сѣняхъ, ощупью нашелъ въ шкафу чашки и поспѣшилъ наверхъ. Въ темныхъ сѣняхъ онъ столкнулся съ Ревеккой.

— Это ты, Миньтье?—спросила она.

— Я,—весело сказалъ Элеазаръ.

— Неправда!—засмѣялась она и, вытянувъ руки въ темнотѣ, погладила его по небритому лицу; онъ почувствовалъ ея дыханіе.

Онъ вдругъ охватилъ руками ея станъ и страстно, бѣшено прижалъ къ своей груди. Все время за столомъ его смущали ея искрящіеся глаза, ея влажныя, алыя губы. Теперь эти влажныя губы прижимались къ его губамъ, ея грудь къ его груди, ея тѣло къ его тѣлу. У него даже голова закружилась: такъ крѣпко обвила она руками его шею, такъ горячо прильнули ея уста къ его устамъ въ безконечномъ, мучительно долгомъ поцѣлуѣ. Съ горѣвшими глазами, все крѣпче прижимая ее къ себѣ, онъ чувствовалъ теплоту ея губъ, которыхъ не видѣлъ, страсть, проникавшую все ея молодое, гибкое тѣло, котораго онъ также не видѣлъ; завитки ея волосъ щекотали ему глаза.

Ихъ спугнула Миньтье, бѣжавшая вверхъ по лѣстницѣ, и они отскочили другъ отъ друга.

Возбужденный, блѣдный, онъ вошелъ въ комнату Зей-

керпера. Ревекка прошла къ отцу. Минуту спустя, она отворила дверь и улыбнулась; глаза ея блуждали; она смотрѣла на всѣхъ, только не на него, и старалась избѣгать свѣта.

Эсси готовила кофе. Она брала леденцы, одинъ за другимъ—ихъ было восемь, какъ она и предполагала—перегрызала пополамъ и клала по половинкѣ въ каждую чашку. Миньтье осторожно просѣивала сквозь ситечко корицу; Ревекка, слегка вздрагивая, наливала горячую воду въ мѣшечекъ съ молотымъ кофе.

Всѣ пили и похваливали. Потомъ пошли разсказы, веселые, шумные...

— Ужъ сколько лѣтъ, сколько лѣтъ я не слыхала около себя такого веселья!—качая головой, говорила слѣпая,— сколько лѣтъ!...

XV.

Рано утромъ на слѣдующій день Элеазаръ пошелъ къ Іудѣ, жившему на Рапенбургерштраатъ. Онъ не въ состояніи былъ дольше лежать въ постели. Спать онъ не могъ. Часъ за часомъ, горя, какъ въ лихорадкѣ, онъ ворочался съ боку на бокъ, думая о томъ, что произошло въ темныхъ сѣняхъ. У нихъ съ Ревеккой была теперь общая тайна, которая и радовала, и смущала его. Минутами онъ снова чувствовалъ влажную теплоту ея губъ, близость ея молодого, гибкаго тѣла, и опять словно огонь вспыхивалъ въ его мозгу, и вѣки начинали горѣть. Но когда онъ думалъ о ней, старался представить ее себѣ цѣликомъ, образъ ея расплывался и таялъ передъ глазами: это мучило и дразнило его, наполняло его душу какой-то раздражающей, смутной тревогой.

Вѣдь онъ рѣшилъ ни за что не жениться на еврейкѣ. Такой бракъ представлялся ему чѣмъ-то вродѣ кровосмѣшенія. Сотни лѣтъ эта раса, благодаря своей религіи и своеобразнымъ обычаямъ, жила обособленной, замкнутой жизнью. Сотни лѣтъ она попирала ногами самые основные законы природы, сотни лѣтъ размножалась въ замкнутомъ и постоянно съуживавшемся кругу, въ кругу своей собственной семьи, такъ что рослые, вполнѣ развитые физически люди среди евреевъ сдѣлались исключеніемъ, и, помимо голода, нищеты и тѣсныхъ, нездоровыхъ жилищъ, именно эти постоянные браки евреевъ только съ еврейками наполняли улицы изуродованными, безобразными людьми. Теперь эта раса, нервная, болѣзненно чувственная, хотя не отравленная алкоголемъ, поставляла сравнительно наибольшій процентъ сумасшедшихъ, теперь она сплошь и рядомъ ради выгодъ соединяла бракомъ членовъ одной и той же семьи, производя

на свѣтъ новыя поколѣнія слѣпыхъ, идіотовъ и калѣкъ. Они не знали этого, не могли знать и шли по ложному пути все дальше и дальше, подстегиваемые бичемъ фанатиковъ-раввиновъ, благословлявшихъ браки, ведущіе къ безнадежному вымиранію ослѣпленнаго народа, и проклинавшихъ тѣхъ изъ его сыновъ, которые осмѣливались сочетаться съ иновѣрками. Распутная жизнь юноши еврея до брака - разумѣется, съ христіанскими женщинами—не ставилась въ грѣхъ, но бракъ еврея съ христіанкой, христіанина съ еврейкой, обыкновенно дававшій здоровыхъ дѣтей, считался разрушеніемъ священнѣйшихъ основъ.

Каждый разъ, какъ Элеазаръ осматривалъ самого себя, съ головы до ногъ въ зеркалѣ, свое тѣло съ большою головой и короткими ногами, или когда онъ въ субботу разглядывалъ на Кальверштраатъ некрасивыя лица, жалкія, тщедушныя фигуры, онъ возмущался противъ этихъ проповѣдуемыхъ съ каѳедры преступленій, противъ жестокой традиціи, требовавшей все новыхъ и новыхъ жертвъ. Какъ они, бывало, дѣтьми потѣшались надъ Абрамомъ, приходившимъ рѣзать цыплятъ, видѣвшимъ днемъ и слѣпнувшимъ съ наступленіемъ вечера. Днемъ Абрамъ ходилъ быстро и увѣренно, какъ молодой цыпленокъ, но въ сумерки уже ничего не видѣлъ, падалъ и спотыкался на каждомъ шагу. Абрамъ пьетъ,—говорили христіане. У Абрама какая то особенная болѣзнь глазъ,—говорили евреи. Абрамъ ходилъ въ больницу, его осмотрѣли, но не вылѣчили. Каждый вечеръ съ закатомъ солнца онъ терялъ зрѣніе, съ разсвѣтомъ начиналъ видѣть снова. Однажды его вытащили мертвымъ изъ канала вмѣстѣ съ корзиной цыплятъ, утонувшихъ съ нимъ. Элеазаръ какъ разъ въ это время лѣчился у доктора отъ начинавшагося отравленія свинцомъ. Онъ никогда не забудетъ, какъ докторъ сказалъ ему: „Вотъ что, Эли, выходитъ, когда люди женятся на двоюродныхъ и троюродныхъ сестрахъ и вообще на близкихъ родственницахъ“.

Въ первый разъ въ жизни онъ тогда изъ любопытства присутствовалъ при похоронахъ, и синее искаженное лицо Абрама, лежавшее на подушкѣ въ гробу, распухшее, безобразное, до сихъ поръ стоитъ у него передъ глазами. И хотя такіе факты, конечно, случались не каждый день, и было бы глупо сгущать краски, тѣмъ не менѣе, чѣмъ старше онъ становился, тѣмъ яснѣе видѣлъ, тѣмъ больше убѣждался, какую гибель, какое проклятіе несетъ съ собою привычка евреевъ цѣпляться только другъ за дружку, чуждаясь всѣхъ другихъ націй. Не разъ ему случалось влюбляться: однажды онъ былъ влюбленъ въ дочь булочника, потомъ въ сестру Рійста, затѣмъ въ цвѣточницу. Но каждый разъ, какъ дѣло

доходило до разговора, его что нибудь да отталкивало: взглядъ, улыбка, движеніе. У всѣхъ еврейскихъ дѣвушекъ было что-то общее въ голосѣ, въ жестахъ, въ походкѣ; всѣ онѣ были похожи на его тетку, на его сестру. Дико, но мысль о сближеніи съ еврейкой вызывала въ немъ, евреѣ по рожденію, предчувствіе вины въ кровосмѣсительствѣ. И въ себѣ самомъ, въ своемъ типично-еврейскомъ тѣлѣ съ большой головой и блѣднымъ лицомъ, онъ находилъ сходство съ тысячами евреевъ, которыхъ онъ встрѣчалъ на улицѣ, въ синагогѣ, вездѣ.

И онъ рѣшилъ, что никогда не женится на еврейкѣ. Съ этимъ развратомъ нужно покончить; только сбросивъ съ себя это иго, только смѣшавъ свою кровь съ кровью другихъ націй, евреи станутъ опять здоровыми; только тогда будетъ устранено это ужасное зло. Онъ часто говорилъ объ этомъ съ Іудой, и тотъ съ усмѣшкой называлъ его антисемитомъ. Да, онъ дѣйствительно былъ здравомыслящій антисемитъ по своему презрѣнію къ замкнутой жизни гетто, по своей увѣренности, что человѣчество не можетъ сочувствовать такому семитизму. Вѣдь ненавидишь тогда, когда любишь что-нибудь лучшее. Или мало еще зла причинилъ Моисеевъ законъ? Неужели надо умышленно закрывать глаза?..

— Погодите,—усмѣхался, бывало, Іуда.—Придетъ и вашъ чередъ, и вы влюбитесь въ ту, которая будетъ у васъ подъ руками, будете сходить съ ума и дѣлать то, чего не собирались дѣлать. Говорите-то вы красно, но только это вамъ не поможетъ.

И вотъ его предсказаніе оправдалось. Онъ пылаетъ страстью къ этой маленькойевреечкѣ, пріѣхавшей изъ Россіи. Онъ цѣловалъ ее въ губы, въ эти сочныя, алыя губы, упивался ея дыханіемъ, прижималъ ее къ своей груди охваченный бѣшеннымъ, безумнымъ желаніемъ. Когда онъ только представлялъ себѣ этотъ поцѣлуй, въ немъ дрожалъ каждый нервъ, кружилась голова, и онъ ходилъ, какъ потерянный. То, что еще вчера было твердымъ рѣшеніемъ, теперь утратило для него всякій смыслъ: онъ не въ силахъ былъ бороться съ налетѣвшей бурей страсти.

Онъ ускорилъ шаги: Іуда, можетъ быть, знаетъ что-нибудь о письмѣ бриллiантщиковъ, знаетъ, состоится ли конференція, есть ли дѣйствительно надежда на побѣду...

Домъ, гдѣ жилъ Іуда, былъ окруженъ лѣсами и грудами строительныхъ матеріаловъ. Элеазаръ не сразу могъ пробраться къ воротамъ.

Сосѣднія лачуги были срыты, и на мѣстѣ ихъ предполагалось выстроить настоящіе, хорошіе дома. Постройка уже

началась; каменщики уже вывели стѣну, но наступленіе холодовъ прервало работу.

Теперь ждали оттепели, а въ ожиданіи ея возили камень. Въ глубокую яму только что вывалили цѣлый возъ камней. Старая, костлявая лошадь еще не успѣла отдохнуть. Она тяжело дышала; изъ ноздрей ея валилъ бѣлый паръ. Рабочіе, въ кожаныхъ рукавицахъ, поочередно набирали по грудѣ камней и, взваливъ ихъ на плечи, сбѣгали по лѣсенкѣ въ замерзшую черную яму. Тамъ они, по шаткимъ доскамъ, бѣгали между торчавшими кольями и сваливали камни на землю. Другіе подвозили на двухколесныхъ телѣжкахъ болтавшіяся на цѣпяхъ сваи.

Одна свая, повернувшись не туда, куда слѣдуетъ, загородила тротуаръ; сбѣжались рабочіе, поднялся шумъ и гамъ, и прохожимъ, пугливо сторонившимся, пришлось дожидаться. Только когда сваю обмотали цѣпью и припрягли къ ней здоровенную лошадь,—только тогда удалось придать сваѣ правильное положеніе и очистить улицу.

По узкой лѣстницѣ Элеазаръ поднялся во второй этажъ и постучалъ.

Отвѣта не было.

— Неужто нѣтъ дома?

Онъ постучалъ громче и нажалъ рукой на щеколду. Дверь была не заперта.

У небольшого окошечка сидѣла дѣвушка и спала, прислонившись головой къ спинкѣ кресла. Руки ея безпомощно свѣшивались внизъ. Она была блѣдна, и на ея худомъ лицѣ рѣзко обрисовывались скулы.

Элеазаръ нерѣшительно отступилъ, думая, что онъ ошибся дверью, и уже хотѣлъ было уйти, но въ это время дѣвушка проснулась и, не подымая головы, усталымъ голосомъ спросила:

— Кто тамъ?

Элеазаръ подошелъ къ окошку и улыбнулся.

— Мы, кажется, не узнали другъ друга, Эйтье?

Она устало выпрямилась и кивнула головой.

— Іуды нѣтъ дома?

— Нѣтъ.

— А матери?

— Тоже нѣтъ.

— Такъ я минутку подожду, можно?

Только усѣвшись напротивъ ея некрашеннаго деревяннаго столика, онъ замѣтилъ, какъ она блѣдна, какъ впали ея глаза и исхудали руки. Онъ не видалъ ее уже нѣсколько лѣтъ. Когда ему случалось провожать Іуду домой, они обыкновенно разговаривали на улицѣ или же ходили по площадкѣ изъ угла въ уголъ, не заходя въ комнату. На

верху онъ не былъ давнымъ давно, а на улицу Эйтье можно было выходить только въ очень теплые дни. Иногда онъ спрашивалъ Іуду объ ея здоровьѣ и получалъ неизмѣнный отвѣтъ: все то же, не хуже, не лучше; иной разъ подбодрится, повеселѣетъ, потомъ опять лежитъ цѣлыми днями, даже встать не можетъ отъ слабости. У нея была чахотка. Болѣзнь могла продлиться еще нѣсколько мѣсяцевъ, и кончиться очень скоро: все во власти Божіей. Эйтье была старшая изъ трехъ дѣтей Іуды. Всегда здоровая, она вдругъ тяжко захворала и уже не могла поправиться. Время отъ времени, къ ней заходилъ докторъ для бѣдныхъ, когда случалось бывать въ этихъ краяхъ, щупалъ пульсъ и говорилъ, что нужно имѣть терпѣніе, что теплое лѣто можетъ вылѣчить ее. Но больше онъ ужъ ея не изслѣдовалъ и не выстукивалъ груди.

Откинувшись на спинку кресла, дѣвушка посмотрѣла на Элеазара и вдругъ спросила:

— Я кажусь совсѣмъ старухой, правда, Эли?

— Нѣтъ,—сказалъ онъ и покачалъ головой.

— Да,—подтвердила она.

— Да вовсе нѣтъ. Конечно, цвѣтъ лица у васъ не такой, какъ у деревенской дѣвушки... Еще бы не быть блѣдной, когда вы постоянно сидите въ комнатѣ, но всетаки вы выглядите ужъ не такъ плохо.

— Ахъ, зачѣмъ лгать! — вздохнула она, закрыла глаза и затихла; только грудь ея тяжело вздымалась.

Она, дѣйствительно, казалась старухой, хотя ей не могло быть больше восемнадцати лѣтъ. Нѣтъ, не больше. Еще нѣтъ семи лѣтъ, какъ они праздновали мѣдную свадьбу Іуды и по этому случаю пировали всю ночь до утра. Тогда Эйтье была здоровой, хорошенькой дѣвочкой, бойкой щебетуньей, помощницей матери, цѣлый день сновавшей по дому, прибирая, чистя и сметая пыль, вѣчно поющей, смѣющейся и въ то же время страстно любившей читать. Она съ жадностью глотала романы изъ библіотеки; еще ребенкомъ она забиралась на чердакъ, гдѣ вѣшали бѣлье и ссыпали торфъ, чтобы тамъ безъ помѣхи углубляться въ свои любимыя книги. Тамъ она часами сидѣла у чердачнаго окошечка, заткнувъ кулачками уши, забывая объ ѣдѣ и питьѣ, а потомъ, бывало, притихнетъ и сидитъ цѣлый вечеръ смирно, переживая приключенія своихъ героевъ и героинь. Она такъ пристрастилась къ чтенію, что отецъ, огорченный ея блѣдностью и красными глазами, пересталъ давать ей деньги на абонементъ въ библіотекѣ. Но во время болѣзни ее опять избаловали книгами. Не проходило дня, чтобы она не читала въ постели, если только у нея на это хватало силъ. Когда

книга выскользала изъ ея ослабѣвшей руки, когда каждое движеніе и даже разговоръ были ей въ тягость, а между тѣмъ, всетаки хотѣлось узнать поскорѣе конецъ прочитаннаго разсказа, къ ней на постель присаживался Іуда и сонньмъ голосомъ, не вдумываясь въ содержаніе, скороговоркой читалъ вслухъ. И, когда онъ останавливался, думая, что она уснула, и можно уже отдохнуть послѣ трудоваго дня, или же просто начиналъ зѣвать, она тихонько требовала:

— Дальше.

Въ другіе дни, когда она чувствовала себя болѣе сильной, она придвигала свой стулъ къ окну и читала, покуда у нея не приливала кровь къ головѣ. Докторъ говорилъ, что ей нельзя читать, что чтеніе слишкомъ ее утомляетъ, но какъ только онъ уходилъ, она снова бралась за книгу. Она проглатывала все, что попадалось подъ руку: Вальтеръ-Скотта, Диккенса, Эженя Сю, Поль-де-Кока, Дюма, конечно, въ переводахъ. Но сегодня, хотя ее оставили одну дома, она не могла читать. Она всю ночь не спала: такъ ее мучилъ кашель. Даже сидѣть ей было трудно. Словно въ смертельной агоніи, она запрокинула голову назадъ; ротъ ея искривился; губы были также блѣдны, какъ и все лицо.

Обхвативъ руками колѣни, Элеазаръ смотрѣлъ на больную, время отъ времени устало подымавшую вѣки. Въ углу топилась плита; на ней пыхтѣлъ небольшой кофейникъ, пуская облачка пара. У ящика съ угольями, на полу лежала клубочкомъ свернувшаяся кошка.

— Не могу ли я быть вамъ чѣмъ-нибудь полезенъ?— спросилъ онъ, думая, что ей нехорошо.

— Нѣтъ... Не сердитесь на меня, что я сижу такъ, молча: я слишкомъ утомлена, чтобы говорить.

— Я знаю,— сказалъ онъ и, чтобы подбодрить ее, прибавилъ:—Я вѣдь на себѣ это испыталъ. Я былъ боленъ той же болѣзнью.

— Вы?—слабо усмѣхнулась она, какъ бы говоря: какъ же это можетъ быть, когда у васъ теперь такой здоровый видъ?

— Да, я лежалъ въ больницѣ, у меня тоже было что-то въ легкихъ, а потомъ поправился.

— Вы лежали въ больницѣ?—спросила она, поддерживая рукой голову.

Онъ утвердительно кивнулъ головой.

— Что это у васъ за книга? — поинтересовался онъ, раскрывая книжку въ грязной обложкѣ, взятую на прочтеніе изъ библіотеки.

— Такъ; Марлиттъ: „Имперская графиня Гизела"... — и, вытащивъ бумажную закладку, онъ предложилъ:—Хотите я вамъ почитаю немного?

Она не сказала ни да, ни нѣтъ. И онъ звучнымъ голосомъ началъ читать съ большимъ выраженіемъ, хотя романическія фразы казались ему смѣшными.

„Гизела была блѣдна, какъ смерть. Эти два человѣка безжалостно растоптали священный вѣнецъ изъ лучей, который она только что съ такимъ жаромъ отстаивала. Она знала, что ея бабушка всегда стояла особнякомъ отъ всѣхъ другихъ людей, на высотѣ, откуда вѣяло ледянымъ холодомъ на дѣтское сердце, жаждавшее любви, но ей никогда не приходило въ голову, чтобы источникомъ этого холода и сдержанности могло быть что-нибудь другое, кромѣ возвышенныхъ и строгихъ нравственныхъ требованій этой гордой, женской души...“

Онъ остановился, перевелъ духъ и, смѣясь, сказалъ:

— Это прямо стоитъ заучить наизусть.

Она не слушала его. Она смотрѣла въ окно. Онъ сталъ читать дальше. На фразѣ: „Боже мой, графиня, неужели вы хотите, не смотря не всѣ наши возраженія, осуществить ваше намѣреніе?“—она закашлялась и съ тревогой спросила:

— Что они тамъ дѣлаютъ?

— Гдѣ? — спросилъ онъ, удивленный тѣмъ, что она не слушала.

— Тамъ... на постройкѣ.

— Ничего, носятъ камень. Вамъ это мѣшаетъ слушать? Я буду читать громче.

Баба съ такимъ грохотомъ ударила по сваѣ, что стѣны застонали. Когда все стихло, Элеазаръ разслышалъ скрипъ доски, по которой ходили рабочіе.

— Да, надо читать немножко громче,—сказала она, опять откидываясь головой на спинку кресла, но, прежде чѣмъ онъ успѣлъ вымолвить слово, она взволнованно попросила:

— Не можете ли вы придвинуть мой стулъ ближе къ окну?

— Отъ окна дуетъ.

— Это ничего.

— Я, даже сидя здѣсь, чувствую, какъ дуетъ.

— Ничего, я хочу посмотрѣть.

Ножки кресла зацарапали по ковру; кошка испугалась и вскочила на столъ.

— Еще чуточку ближе.

Эйтье положила локоть на подоконникъ. Элеазаръ вынулъ изъ кармана перочинный ножикъ и старую газету и принялся затыкать щель, изъ которой дуло, потомъ пододвинулъ больной грѣлку для ногъ.

— Спасибо.

При свѣтѣ чахоточная казалась еще блѣднѣе; худенькими

бѣлыми пальчиками она подтянула штору вверхъ, такъ что бахрома завернулась на палку.

— Они опять начинаютъ, — сказала она, прижимаясь лбомъ къ стеклу.

— Что начинаютъ?

Не оборачиваясь къ нему, не обращая вниманія на кошку, которая, мурлыкая, терлась объ ея свѣсившуюся руку, Эйтье монотоннымъ голосомъ проговорила:

— Когда они начинаютъ носить камни и забивать сваи, это значитъ, что скоро наступитъ оттепель.

— Возможно,—отвѣтилъ онъ, гладя кошку.

— Да... а потомъ они начнутъ выводить стѣну.

— Да,—также равнодушно подтвердилъ онъ.

— И тогда это протянется самое большее дня два,—выговорила она устало.

— Что?—переспросилъ онъ, пугливо взглядывая на соскользнувшій со стула платокъ, на которомъ были кровавыя пятна.

— ...Стѣна,—сказала она и опять откинулась назадъ, устремивъ взоръ въ голубое пространство.

— Да, пожалуй,—безразличнымъ тономъ сказалъ онъ, не понимая, къ чему она клонитъ. Такъ отвѣчаютъ наудачу, когда не знаютъ, что отвѣтить. Потомъ онъ взялъ книгу и предложилъ:

— Читать дальше?

— Да,—едва слышно шепнула она.

Онъ нашелъ мѣсто, гдѣ остановился, и снова прочелъ послѣднюю фразу:

„Боже мой, графиня, неужели вы хотите, не смотря на всѣ наши возраженія, осуществить ваше намѣреніе?!—вскричалъ докторъ. Достойный посредникъ между жизнью и смертью внутренно дрожалъ отъ гнѣва, между тѣмъ, какъ госпожа фонъ-Гербекъ въ безмолвномъ ожесточеніи рвала и теребила свой носовой платокъ“.

Онъ остановился, насмѣшливо улыбаясь, и хотѣлъ сказать что-то ядовитое по поводу высокопарнаго стиля, но, взглянувъ на дѣвушку, испугался. Она положила голову на руку, опиравшу[illegible] на подоконникъ, и по щекамъ ея катились крупныя [illegible]

Чувствуя, что онъ смотритъ на нее, она спросила:

— Почему вы перестали читать?

— Вамъ скучно слушать.—Онъ закрылъ книгу.—О чемъ вы плачете?

— Такъ...—и прежнимъ тономъ она добавила:—подождите еще уходить, скоро покажется солнце. Вотъ кисынька отлично это знаетъ, она у насъ такая умная!

Дѣйствительно, по подоконнику и по столу скользнулъ солнечный свѣтъ блестящимъ золотымъ кружкомъ, какъ наведенный зеркаломъ зайчикъ.

Съ странной улыбкой больная положила кончики пальцевъ на скользившій кружокъ.

— Черезъ четверть часа,— говорила она, поочередно указывая рукой на предметы, которые называла,—свѣтъ дойдетъ вонъ до того угла, около шкафика, потомъ кругомъ по стѣнѣ до мѣднаго ящика съ золой; потомъ останется только узенькая полосочка, а потомъ и совсѣмъ скроется...

— Откуда вы это такъ хорошо знаете?

— Вѣдь солнце свѣтитъ къ намъ наискось изъ-за домовъ и исчезаетъ за стѣною...

Онъ перегнулся черезъ столъ и смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ строили домъ. Изъ земли уже выросъ неуклюжій, тяжеловѣсный срубъ съ огромными, ровно обтесанными балками. Голубоватое небо съ сѣро-стальными облаками, сквозь которыя свѣтило солнце, широко раскинулось надъ крышами убогихъ лачугъ и надъ свободнымъ пространствомъ, оставленнымъ для новаго дома.

За спиной Элеазара раздался монотонный голосъ Эйтье, и отъ словъ ея холодная дрожь пробѣжала у него по спинѣ.

— Если ужъ мнѣ суждено умереть, я бы хотѣла умереть раньше, чѣмъ они выведутъ стѣну.

— Умереть, умереть! — накинулся онъ на нее. — Что за вздоръ вы говорите? Вы еще такъ молоды.

— Такъ что-жъ изъ того?—возразила она спокойно.— Что я знаю, то знаю... А хорошо бы не дождаться...

Онъ молчалъ.

Она грѣла себѣ руку въ разроставшемся солнечномъ дискѣ, шутя, отталкивая кошку, которая хотѣла сдѣлать то же, и продолжала:

— Сначала, когда сломали старый домъ, отсюда было видно далеко, далеко и каждый день что-нибудь новое. Они начали въ сентябрѣ. Если-бъ вы раньше пришли къ намъ, Эли, вы бы прямо любовались этимъ видомъ. Вы помните, что здѣсь было раньше?

— Нѣтъ.—Онъ никогда не обращалъ вниманія: здѣсь было то же, что и вездѣ.

— Раньше ничего не было видно, кромѣ крышъ—крыша на крышѣ, да еще желобъ или окошечко съ кисейными занавѣсками, или труба; когда, бывало, подымется вѣтеръ, даже къ намъ въ комнату дымъ задувало... Вы не помните?

— Нѣтъ,—повторилъ онъ еще разъ.

— Ну, а я такъ отлично помню,—улыбнулась она.—Вѣдь мы тутъ поселились, когда мнѣ было семь лѣтъ; мы ужъ

больше десяти лѣтъ здѣсь живемъ, и всегда, всегда было то же; случалось, мы съ братомъ вылѣзали изъ окошка на крышу, но только далеко не заходили, потому что у меня всегда голова начинала кружиться. А вотъ теперь, въ сентябрѣ, начали ломать сперва крышу, потомъ балки, стѣны. Отецъ иногда угощалъ рабочихъ кофеемъ черезъ окно... Потомъ они все сломали, и стало кругомъ такъ пусто, такъ странно, словно мы перебрались на другую квартиру или совсѣмъ въ другой домъ...

— Да, конечно,—сказалъ онъ, пережидая, пока у нея пройдетъ приступъ кашля.

— Прежде, бывало, вечеромъ мы никогда и не смотрѣли въ окно, потому что на что же смотрѣть?—однѣ крыши! И шторы не подымали — не затѣмъ, чтобы не заглядывали въ комнату—кому же заглянуть, съ крыши-то?—смѣшно даже сказать!.. нѣтъ, просто такъ, потому что при огнѣ уютнѣе, когда штора спущена... Ну, а тогда, тогда мы смотрѣли и видѣли маленькія освѣщенныя окошечки, а въ темныя ночи звѣзды...

— Да, это, должно быть, было странно для васъ,—замѣтилъ онъ.

— Ужасно странно. Мы прямо не знали, гдѣ мы. Мы все смотрѣли на Большую Медвѣдицу... вы знаете?—семь звѣздъ вмѣстѣ, яркія такія, словно бриллiанты. Мы даже лампы не зажигали, чтобъ лучше видѣть...

Она смолкла, глядя на уже выведенную стѣну, на лѣса, на ведра съ известью.

— Если оттепель продержится, тогда, значитъ, все это минетъ, пройдетъ, тогда у насъ тутъ будетъ стѣна вдвое выше прежней. Я бы хотѣла, чтобы ударилъ морозъ, сильный морозъ, чтобы еще долго была зима, а то вѣдь черезъ два дня все будетъ кончено. Я считала: они каждый день кладутъ восемь рядовъ, а дважды восемь—шестнадцать... И тогда штора опять будетъ спущена—и прости всякая радость, прости поэзія!..

Кошка тихонько мурлыкала. Одинъ уголъ стола купался въ солнечномъ свѣтѣ.

Элеазаръ смотрѣлъ въ окно и считалъ ряды кирпичей. Эйтье была права. Больная устало откинулась на спинку кресла и закрыла глаза; отъ утомленія она стала еще блѣднѣе. Съ минуту оба молчали; только кофейникъ, фыркая, шипѣлъ на плитѣ, да скрипѣла доска, по которой ходили рабочіе, нося камни. Потомъ она попросила его еще почитать.

— Нѣтъ, не теперь.

— Ахъ, пожалуйста, доставьте мнѣ удовольствіе. Вы читаете гораздо лучше отца.

— Да вѣдь у васъ совсѣмъ не то въ головѣ.

— Ну, сдѣлайте мнѣ удовольствіе.

И пока не вернулись родители Эйтье, Элеазаръ читалъ ей объ имперской графинѣ Гизелѣ.

Однозвучно сыпались слова... Солнце играло на книгѣ...

Роза, мать больной, была маленькая, чистая, опрятная женщина; когда то она славилась своимъ искусствомъ повивальной бабки, и еще до сихъ поръ ей случалось иногда принимать ребятъ у сосѣдей. Теперь она какъ разъ съ часу на часъ ждала родовъ у жены мясника Якобса, торговавшаго кошернымъ мясомъ.

Розетье тотчасъ спустила высоко поднятую штору. Столько свѣта въ комнатѣ—это даже не порядокъ.

Удрученная и озабоченная, такъ какъ деньги были совсѣмъ на исходѣ, она суетливо сновала по комнатѣ, то и дѣло отрываясь отъ своихъ хлопотъ, чтобы съ тревогой во взорѣ взглянуть на Эйтье, сидѣвшую въ тѣни въ той же усталой позѣ.—Нѣтъ, она не отговаривала Іуду отъ участія въ стачкѣ, хотя онъ, какъ надсмотрщикъ, и раньше получалъ хорошее жалованье. И теперь она не плачется на свою участь при немъ, какъ другія жены, которыя буквально по цѣлымъ днямъ поѣдомъ ѣдятъ за это своихъ мужей. Но за то она думаетъ свое: если бъ за каждую семейную ссору, за каждую потасовку, ей давали хоть по полштивера, она отлично могла бы прожить цѣлый годъ.

— Это все отъ того,—сказалъ Элеазаръ, понижая голосъ до шепота, чтобы не встревожить больную,—все отъ того, что не всѣ жены такъ умно поступаютъ, какъ вы.

— Умно, умно... что называть умно?..—Она покачала головой.—Вотъ давеча я видѣла у Кларуновъ: она прямо-таки каждый день лупитъ его по мордѣ...

Передъ глазами Элеазара встало, какъ живое, желтое лицо гранильщика алмазовъ, того самаго, который нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ такъ беззпечно шутилъ съ мальчишкой торговцемъ. Какой это долженъ быть ужасъ, когда человѣкъ не можетъ вернуться домой безъ того, чтобъ на него не посыпались укоры, брань и пощечины. Сколько разъ уже женщины разбивали съ трудомъ выработанное единеніе

— Какъ можно такъ не понимать своихъ собственныхъ интересовъ?—сказалъ онъ, чувствуя приливъ жалости къ Кларуну.

— Погодите, пока вы сами женитесь,—усмѣхнулась Розетье, дыша на только что выполосканный стаканъ и еще разъ вытирая его передникомъ. — Вы тоже ловки; заварите кашу, а намъ приходится расхлебывать.

———— ———— ———— — —

Лѣстница заскрипѣла подъ тяжелыми, скорыми шагами Іуды.

Видъ у него былъ довольный. Потирая озябшія руки онъ подтвердилъ сказанное Давидомъ. Бриллiантщики хотятъ вступить въ переговоры. Если ихъ условія таковы, что ихъ можно принять, завтра въ Палэ состоится собраніе, и тогда гранильщики рѣшать сами.

Хозяйка разлила кофе и заставила Эли отвѣдать домашней булки. Да, у нихъ все время были свои домашнія булки и коржики. Благодаря Бога, имъ повезло; у нея за это время была практика: двѣ роженицы — большихъ денегъ это, конечно, не даетъ, но вѣдь въ хозяйствѣ каждая копѣйка не лишняя,—а то и ей бы пришлось бѣгать къ закладчику.

Эйтье не захотѣла кофе. Пусть Эли немножко отвернется, мать поможетъ ей лечь въ постель; тогда они могутъ разговаривать, сколько угодно. Ей это не мѣшаетъ.

Онъ слышалъ, какъ соскользнула на полъ ея юбка, и въ блестящемъ стеклѣ мелькомъ увидѣлъ отраженіе ея голыхъ рукъ, худыхъ, какъ у скелета. Присѣвъ къ окну и глядя на уже выведенную стѣну, они долго еще разговаривали, соображая, на какихъ требованіяхъ нужно настаивать и въ чемъ Деккеръ найдетъ возможнымъ уступить. Потомъ опять по лѣстницѣ застучали торопливые шаги, и кто-то затопгался у самой двери.

— Это вѣрно за мной,—сказала Роза, идя отворить. Она угадала.

Мигомъ схвативъ узелокъ, лежавшій наготовѣ въ шкафу, она завернула въ старую газету бутылочку карболки и побѣжала къ двери, радостно говоря на ходу:

— Везеть мнѣ нынче! Если бъ только Эйтье сумѣла состряпать для васъ обѣдъ! Ты скажешь отцу, Эйтье, когда картошка будетъ готова и что съ ней надо дѣлать?

— Иди себѣ, будь спокойна,—отвѣтилъ голосъ изъ альхова.

Она побѣжала съ двумя узелками подъ мышкой и бутылкой въ свободной рукѣ, потомъ вернулась, запыхавшись.

— Вотъ глупая то! она забыла ножницы, свои чудесныя ножницы. А вѣдь если доктора нѣтъ дома, или онъ не сразу придетъ, можно держать сто противъ одного, что ей самой придется пустить въ ходъ эти ножницы, — это не разъ уже бывало. Іуда сталъ искать ножницы. Она искала, Элеазаръ искалъ пакъ-пецъ, ножницы нашлись. Они лежали въ плетеной корзиночкѣ.

— Да выпей же кофе,—говорилъ Іуда.—вѣдь одинъ глотокъ не задержитъ тебя

— Нѣтъ нѣтъ, кофе слишкомъ горячъ.—Но она всетаки су-

нула себѣ въ ротъ кусокъ булки и, прожевывая ее беззубыми челюстями, кивнула каждому головой на прощанье и торопливо побѣжала опять по лѣстницѣ.

Напѣвая пѣсенку, веселый и бодрый, Элеазаръ вернулся домой. Послѣ многихъ робкихъ подходовъ онъ всетаки занялъ у Іуды гульденъ изъ копилки его жены: вѣдь теперь уже недолго осталось, какихъ-нибудь три-четыре дня, воздухъ очистился. Солнце, сіявшее на улицахъ, на льду канала, на блестящемъ небѣ, настраивало удивительно бодро. Высчитавъ предварительно, сколько что будетъ стоить, онъ купилъ фунтъ соли, полъунца молотаго кофе, хлѣба и керосину въ бутылку изъ-подъ уксусу. Слава Богу, послѣ вчерашняго пира имъ сегодня не придется голодать!

Съ румянымъ лицомъ отъ холода онъ порывисто распахнулъ дверь—и отступилъ.

Напротивъ тетки Регги, около стекляннаго шкафа, сидѣлъ Дрейфъ, младшій раввинъ, ежась отъ холода въ своемъ длинномъ камзолѣ съ мѣховымъ воротникомъ. Очевидно, что-то произошло. Элеазаръ почувствовалъ это по внезапно наступившему молчанію, по неподвижному лицу слѣпой, не дрогнувшему при звукѣ его шаговъ. Обыкновенно, она сразу узнавала его по походкѣ и привѣтливо кивала головой.

— Съ добрымъ утромъ, — сказалъ онъ и положилъ свои покупки на столъ, возлѣ лежавшаго на немъ гульдена, очевидно, положеннаго гостемъ. Эта подачка была непріятна Элеазару. Молчаніе не прерывалось. Онъ распаковалъ бутылку съ керосиномъ, подозрительно посмотрѣлъ на тетку и Дрейфа и спросилъ:

— Я помѣшалъ?

— Нѣтъ, не помѣшали.

Лицо Дрейфа еще больше пополнѣло, совсѣмъ заплыло жиромъ, но голосъ остался прежній, тягучій.

— Я принесъ соли, кофе, хлѣба и керосину, — сказалъ Элеазаръ, съ удивленіемъ глядя на слѣпую. Она, должно быть, была, по своему, страшно сердита: губы ея были плотно стиснуты, руки сжаты въ кулаки.

Глаза, эти добрые старые глаза, которые онъ такъ хорошо зналъ, выраженіе которыхъ такъ легко угадывалъ,—грустные слѣпые глаза съ бѣлыми стеклянными зрачками, расширились отъ напряженія мысли и неувѣренно подозрительно искали его лица. Голова какъ-то нерѣшительно тянулась впередъ, словно не зная, не ошиблась ли она, точно ли это онъ. И, увѣрившись, какъ бы застыла, а слѣпые глаза посмотрѣли на него такъ пристально, съ такимъ страшнымъ упрекомъ во взорѣ, что Элеазаръ со стономъ опустилъ руку на столъ.

Навѣрное, это Дрейфъ оклеветалъ его и настроилъ противъ него тетку. Трудъ невеликъ: подчинить своему вліянію слѣпую старуху! Мало ли какихъ ядовитыхъ гадостей раввинъ могъ насказать ей о сборищѣ въ паркѣ, о его зажигательной рѣчи къ стачечникамъ... Эта мысль, какъ молнія, промелькнула въ его мозгу, и онъ презрительно улыбнулся, глядя сверху внизъ на толстаго раввина. Ну, что жъ, если такъ, онъ готовъ дать отпоръ...

Но Дрейфъ и усомъ не повелъ. Онъ остался равнодушенъ къ взгляду Элеазара. Онъ сердито смотрѣлъ на кончикъ своего сапога и что-то ворчалъ себѣ подъ носъ. Среди общаго безмолвія расло и передавалось отъ одного къ другому настроеніе угрюмой враждебности.

Сверху доносились крикъ и возня: это дѣти Зейкерпера, играя, катались по полу.

Но затѣмъ произошло нѣчто такое, отъ чего Элеазаръ вдругъ поблѣднѣлъ, что рѣзнуло его по душѣ острой болью. А между тѣмъ, это было просто, такъ просто, что каждый жестъ, каждый звукъ остались у него въ памяти. Слѣпая, опершись иасохшими руками на спинку кресла, встала, оттолкнула ногой скамеечку и торжественно, вытянутыми впередъ руками нащупывая дорогу, пошла къ двери. Голова ея, съ серебристымъ ободкомъ, выступавшимъ изъ-подъ парика, вся вырисовывалась въ блѣдномъ свѣтѣ, падавшемъ изъ окна; губы ея слегка дрожали.

Трепетной рукой она торопливо шарила, нащупывая ручку двери, словно за дверью стоялъ кто-то, кто медлилъ войти. Потомъ отворила ее настежь. Съ лѣстницы пахнуло сыростью погреба, холодъ прошелъ по ногамъ. А слѣпая, поднявъ дрожавшую руку, худыми костлявыми пальцами водила по сѣрому выцвѣтшему косяку, все выше, выше, съ тревогой и ужасомъ въ померкнувшемъ взорѣ, по направленію къ тому мѣсту, гдѣ прежде была прибита *мезузо.*

Регги еще не успѣла нащупать дырочки изъ-подъ гвоздей, какъ Элеазаръ понялъ. Въ памяти его встала забытая картина: первый вечеръ по возвращеніи изъ Америки, сумерки, онъ самъ, съ руку съ маленькой Саартье здѣсь, у двери. Потомъ набережная канала, трубочка съ заповѣдями летитъ въ грязную воду, рядомъ съ падалью, по водѣ пошли круги...

Это было сдѣлано въ порывѣ раздраженія. Онъ потомъ ни разу и не вспомнилъ объ этомъ.

Только теперь, при видѣ серьезнаго, испуганнаго лица слѣпой, этихъ дрожащихъ рукъ, шарившихъ у двери, отыскивая пропавшее, дорогое, словно обвинявшихъ его въ святотатствѣ, ему почудился пугливый таинственный шепотъ

Саартье: „О, о! дядя!“ и передъ глазами блеснула мутно-зеленая вонючая вода канала.

Стоя въ дверяхъ и заслоняя собою свѣтъ снаружи, точно застывшая въ той же позѣ, съ поднятой кверху рукой, слѣпая спросила голосомъ, который больно рѣзнулъ по сердцу Элеазара; онъ никогда не слыхалъ у нея такого голоса:

— Гдѣ *мезузо?*

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ, раздраженный молчаніемъ Дрейфа.

— Гдѣ же она?

— Не знаю.

Медленно опустилась рука слѣпой, медленно вернулась она къ своему креслу. И вдругъ, выйдя изъ своей неподвижности, она съ плачемъ заломила костлявыя руки и, тяжело дыша, застонала.

— Какъ можетъ, — началъ Дрейфъ и ударилъ рукой по столу, такъ что гульденъ звякнулъ,—какъ можетъ, говорю я, придти въ голову честному человѣку сорвать съ двери мезузо?—И, еще больше раздраженный гнѣвнымъ взглядомъ Элеазара, онъ продолжалъ:—Это шалость, достойная уличнаго мальчишки... да, уличнаго мальчишки! Вы при Саартье сорвали его съ косяка и сунули въ карманъ... Не зайди я сюда, ваша тетя такъ бы и не знала объ этомъ... Это скандалъ — скандалъ, какого не должно быть въ порядочномъ домѣ!..

— Это значитъ накликать бѣду...—Это—безчестіе для всего дома!—съ болѣзненнымъ стономъ жаловалась слѣпая, раскачиваясь взадъ и впередъ.

— У меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія разговаривать съ вами объ этомъ при немъ,—сдерживаясь, съ напускнымъ равнодушіемъ отвѣтилъ Элеазаръ.—Мы объяснимся потомъ, когда будемъ одни...

Блѣдное лицо Дрейфа побагровѣло отъ злости.

— Такая дерзость! такая дерзость... и отъ кого же?—отъ какого-то уличнаго сорванца! Кто далъ вамъ право коснуться мезузо?

Элеазаръ презрительно пожалъ плечами. Онъ вовсе не желалъ вступать въ пререканія съ этимъ... Пусть его бранится. Если бы тетя Регги наединѣ спросила его,—тогда другое дѣло. А теперь онъ не намѣренъ давать объясненій.

Но съ Регги это было трудно.

— Пусть онъ только скажетъ,—жалобно начала она опять добрымъ голосомъ, чтобы смягчить его,—вы только скажите, Эли, гдѣ мезузо?.. Вѣдь не выбросили же вы ее... это было бы такое несчастье, такое несчастье!..

Онъ все молчалъ. Онъ сдѣлалъ это безъ умысла. У него не

было намѣренія уничтожить вещь, дорогую и священную для слѣпой. Если-бы трубочка крѣпко держалась на гвоздикахъ, онъ не сорвалъ бы ее въ порывѣ глупой досады; если бы тогда на набережной онъ не споткнулся о камень, свитокъ не лежалъ бы въ грязи. Глубокая вѣра тетки, ея пугливое стараніе соблюдать всѣ предписанія религіи, всѣ старинныя суевѣрія, внушали ему состраданіе и сочувствіе... Слѣпая каждый день устремляла незрячій взоръ въ глубину, въ бездну смерти; каждый день она искала утѣшенія и прибѣжища въ своей незыблемой твердынѣ, въ своей вѣрѣ въ Бога, и Элеазаръ не могъ надивиться этой простодушной вѣрѣ.

Если-бъ ему тогда только пришло въ голову, что онъ причинитъ такое горе слѣпой, онъ бы удержался... Она такъ терпѣливо, такъ кротко мирилась со своею участью, что всякая насмѣшка, даже простой, трезвый анализъ подъ ея пристальнымъ невидящимъ взоромъ становились чуть не преступленіемъ.

Но не при этомъ же человѣкѣ оправдываться! Этотъ человѣкъ съ его грошевыми благодѣяніями, раскошеливающійся на цѣлыхъ сто центовъ при посѣщеніи бѣдныхъ, человѣкъ, который прошелъ черезъ эти ворота, видѣлъ ужасающую грязь и убожество этихъ жилищъ, заплеснѣвшія отъ сырости стѣны, комнаты, похожія на берлоги,—и смотритъ прежде всего на косякъ: есть ли мезуза!.. Человѣкъ въ теплой шубѣ, не замѣчающій грязной, лишенной оконъ норы, гдѣ спитъ вмѣстѣ съ дѣтьми Давидъ, на полу, возлѣ ведра съ нечистотами!.. Раввинъ,, который, по своему ремеслу,—иначе назвать его обязанности онъ не могъ,—долженъ знать, въ какомъ аду живетъ еврейскій народъ, долженъ видѣть этотъ адъ съ его улочками и закоулками, гдѣ творится столько постыдныхъ дѣлъ,—и не вопіетъ съ налитыми кровью глазами отъ ужаса и гнѣва!.. Человѣкъ, которому не приходитъ въ голову подняться наверхъ, къ Подди, не встающему съ постели, заглянуть къ Зейкерперу, къ сосѣдямъ справа и слѣва, полюбоваться ихъ отчаянной борьбой изъ-за хлѣба насущнаго!.. Раввинъ, у котораго не горитъ мозгъ, не болитъ душа, когда онъ видитъ людей, стонущихъ въ погребахъ и подвалахъ, утратившихъ человѣческій образъ, и который приходитъ въ негодованіе, не найдя на косякѣ свитка съ заповѣдями!.. Онъ стыдитъ юношей, позволяющихъ себѣ курить въ субботу, вездѣ вывѣдываетъ и вынюхиваетъ: не ѣстъ ли кто, не пьетъ ли трефнаго, заготовлена ли маца къ Пасхѣ, прячутъ ли женщины свои волосы подъ парикъ, въ еврейской ли лавкѣ куплено мясо!.. Раввинъ, который молится, воздѣваетъ руки къ небу, поетъ и благословляетъ и у котораго, можетъ быть, и сейчасъ лежитъ

въ карманѣ пакетикъ съ алмазами—Элеазаръ самъ видѣлъ, какъ онъ барышничалъ въ Казино,—такому человѣку онъ не обязанъ отчетомъ, передъ нимъ онъ не станетъ оправдываться: онъ—врагъ и ему, и другимъ.

— Вы не слышите?.. вы не слышите, Эли?—еще разъ повторила Регги.

— Я не знаю, гдѣ мезузо, — солгалъ Элеазаръ: къ чему еще огорчать ее?—Если вся бѣда только въ этомъ, горю помочь не такъ трудно.

— Не такъ трудно! Не такъ трудно! — разсвирипѣлъ Дрейфъ.—Онъ даже не знаетъ, куда дѣвалъ святыню! Если-бъ это ребенокъ сказалъ, и то его слѣдовало бы приколотить. Онъ даже не знаетъ, не знаетъ!

Раздражающій учительскій тонъ и грубый голосъ раввина, забывшаго, что онъ имѣетъ дѣло уже не съ мальчикомъ, и отстаивавшаго то, что было мерзостью въ глазахъ Элеазара, начинали волновать молодого человѣка. Время, когда этотъ человѣкъ могъ ему приказывать, давно уже прошло.

— Я полагаю,—началъ онъ, блѣднѣя отъ сдерживаемой ярости и сжимая въ кулакъ руки, засунутыя въ карманы,— я полагаю, вы пришли не ко мнѣ, а къ моей теткѣ. И оставайтесь при ней. Я не имѣю ни малѣйшаго желанія вступать съ вами въ споры.

Съ минуту Дрейфъ смотрѣлъ на него, откинувшись на спинку кресла, потомъ сурово сказалъ:

— Съ вами я не стану тратить попусту словъ. Вы дерзкій негодяй! И при томъ вы лжете... да, лжете! съ мезузо произошло что-нибудь особенное. Это я видѣлъ по вашему лицу, когда ваша слѣпая тетка подошла къ двери и коснулась того мѣста, гдѣ висѣлъ свитокъ. Вы лжете!

У Элеазара напряглись мускулы, заострились локти. — Онъ—уличный мальчишка,—ребенокъ, котораго можно избить, онъ — лжецъ?!—Жилы на вискахъ у него вздухли, налились кровью. Онъ забылъ о Регги и видѣлъ передъ собой только жирное, чувственное лицо, обрамленное круглой черной бородой. И рѣзко, со злобой, онъ крикнулъ:

— Я лгу? да,—я лгу!.. Она валяется на днѣ канала. И другіе такіе свитки надо бы швырнуть туда: не мѣсто имъ на дверяхъ людей, которые дохнутъ съ голоду. Насъ давятъ, топчутъ ногами, выжимаютъ изъ насъ всѣ соки, кругомъ нужда, нищета,—а на дверяхъ—десять заповѣдей!.. Да вѣдь отъ этого кричать хочется, отъ этого лопнуть можно со смѣху!..

Дрейфъ стукнулъ кулакомъ по столу, такъ что бутылка подпрыгнула, и пакетъ съ солью раскрылся.

— Вы забываете, съ кѣмъ вы говорите, мальчишка, молокососъ!

Съ угрожающимъ жестомъ онъ поднялся съ мѣста.

— Ради Бога!.. ради Бога!—умоляла слѣпая.—Уйдите отсюда, Эли!.. Замолчите, сдержите себя!..

— Я не хотѣлъ огорчить васъ,—болѣе мягко сказалъ Элеазаръ.—У васъ будетъ надъ дверью новая мезузо... мало ли ихъ! А по мнѣ все это выѣденнаго яйца не стоитъ... да!

— Вы... вы плохо кончите!—накинулся на него еще разъ, Дрейфъ, свирѣпо застегивая свой мѣховой сюртукъ.—Вы слишкомъ ничтожны, чтобы тратить съ вами слова. Но, Богъ свидѣтель! вы не уйдете отъ наказанія!

Элеазаръ пожалъ плечами. Пусть его бранится!.. Почти забавно слышать, какъ этотъ человѣкъ призываетъ имя Божіе, грозитъ отъ имени Бога.

— Не уходите, останьтесь еще немного,—прошептала слѣпая, чутьемъ угадывая, какъ оба разсержены.—Вспомните, что онъ вынесъ за это время, какъ онъ ожесточенъ стачкой, хоть она—дѣло и не похвальное... Если даже онъ сдѣлалъ то, о чемъ я и помыслить не могу, то это оттого, что онъ въ умѣ разстроился отъ всѣхъ напастей, которыя валились на насъ въ послѣднее время... Онъ не хотѣлъ васъ обидѣть... онъ не такъ сказалъ...

— Тетя!—перебилъ ее Элеазаръ,—не унижайтесь передъ нимъ! Что ему отъ меня нужно? Я не хотѣлъ съ нимъ связываться, онъ самъ меня заставилъ. Пусть не трогаетъ!

Дрейфъ молчалъ и только мѣрилъ молодого человѣка съ головы до ногъ гнѣвнымъ взглядомъ. Онъ понялъ все. Вся знакомая ему молодежь каждый день отравлялась брошюрами и собраніями. Каждый день онъ читалъ объ евреяхъ, которые вели дебаты, сотрудничали въ газетахъ, подстрекали къ возмущенію другихъ. Глупыя обезьяны, лѣнтяи, тупицы, которымъ еле-еле удавалось вколотить что-нибудь въ голову въ школѣ, невѣжды, неспособные написать письмо безъ ошибокъ,—туда же пустились въ политику, говорятъ рѣчи въ собраніяхъ! Эта алмазная промышленность со своими фабриками—сущая чума. Одинъ заражаетъ другого, одинъ другому даетъ читать книги и соціалистическія брошюры. Во всѣхъ почти семьяхъ, гдѣ онъ привыкъ бывать смолоду, онъ встрѣчаетъ такихъ же грубіяновъ, дерзкихъ мальчишекъ, которые берутся разсуждать о Лассалѣ и Марксѣ, объ экономическихъ условіяхъ, о богослуженіи, о чемъ угодно. Самонадѣянные, заносчивые, повторяющіе то, чего они наслушались или начитались изъ книгъ, и чего еще не могутъ осмыслить ихъ незрѣлые умы, они говорятъ рѣчи на публичныхъ собраніяхъ, нападаютъ на почтенныхъ, всѣми уважаемыхъ обывателей. На это уже не разъ жаловались ему матери и отцы.

Случалось ему и самому сталкиваться съ этими представителями новаго поколѣнія молодежи. И сколько онъ наслушался грубостей! Прежде, бывало, когда онъ входилъ въ кварталъ бѣдняковъ, ему со всѣхъ сторонъ почтительно кланялись, снимали шапки, здоровались съ нимъ. А теперь онъ, какъ завидитъ кучку гранильщиковъ, иной разъ не знаетъ, пройти ли ему мимо нихъ, или же перейти на другую сторону. Это проклятіе, сущее проклятіе! Что за несчастье этотъ разнузданный, безстыдный, всему угрожающій соціализмъ! И хуже всего, что на еврейскіе умы онъ оказываетъ какое-то совсѣмъ особенное вліяніе. Не дальше, какъ вчера, у него была мать Іосифа Цахена, молодого человѣка, поступившаго въ семинарію, и со слезами разсказывала, какъ Іосифъ сказалъ ей, что онъ не станетъ ходить на лекціи, что у него открылись глаза, что онъ не можетъ иначе. Онъ самъ, Дрейфъ, пытался усовѣстить мальчишку, говорилъ ему о святости его призванія, о величіи богослуженія, просуществовавшаго въ неизмѣненномъ видѣ столько столѣтій. И что же? Этотъ блѣдный, умный мальчикъ такъ разозлилъ его своимъ фанатизмомъ и грубымъ поношеніемъ Священнаго Писанія, что онъ, Дрейфъ, едва удержался, чтобы не дать ему по уху. Но то, что онъ сейчасъ пережилъ, это—вѣнецъ всему. Сорвать съ косяка божественный символъ, утверждать, что мезузо не мѣсто на двери бѣдняка — это неслыханно, это такая наглая дерзость, такая насмѣшка надъ Богомъ Израиля, что онъ не находилъ словъ.

— Когда вы... когда вы,—заикаясь, выговорилъ онъ,—дорастете до того, что научитесь понимать, вы раскаетесь, и до послѣдняго вашего смертнаго часа совѣсть васъ будетъ мучить за то... за то...

Его пухлое, чувственное лицо побѣлѣло отъ сдержанной ярости, губы тряслись.

— Ну? за что же? — спросилъ Элеазаръ, досадуя на себя, зачѣмъ онъ не сдержался. Онъ и младшій раввинъ— двѣ противоположности, старинные, давнишніе враги—къ чему же спорить? Что пользы въ томъ, что этотъ человѣкъ будетъ думать, что ему, Элеазару, доставляетъ удовольствіе говорить ему жестокія вещи? Борьба и безъ того безпощадна,—къ чему еще обострять ее?

— За что?—повторилъ онъ еще разъ, но мягче:—почему я долженъ чувствовать угрызенія совѣсти изъ-за того, къ чему я совершенно равнодушенъ? Не я первый, не я послѣдній!

— Даже христіане уважаютъ такія религіозныя эмблемы!— гнѣвно воскликнулъ Дрейфъ, нажимая своей пухлой рукой

ручку двери.—Даже христіане плюютъ на такихъ евреевъ, какъ вы!

— Такіе евреи, какъ я, знаютъ, что Мессія уже пришелъ...

Онъ выговорилъ эти слова спокойно, беззвучно, какъ тогда вечеромъ, когда въ снѣжную мятель они шли съ Іудой Для него это было такъ просто, такъ ясно, единственное, за что можно уцѣпиться.

Но Дрейфъ пришелъ въ неописанную ярость.

— Мессія! Мессія! Какъ вы смѣете произносить это имя своими нечестивыми устами! Глупый молокососъ! дерзкій грубіянъ!

— Мессія... да, Мессія! — повторилъ Элеазаръ. — Если-бъ мы не чувствовали его пришествія, если-бъ онъ не говорилъ съ нами въ нашихъ берлогахъ словами, для которыхъ у *васъ* нѣтъ ушей, — вы бы ужъ ничего не видѣли кругомъ, кромѣ убійствъ и пожаровъ — не осталось бы камня на камнѣ...

Дрейфъ съ минуту смотрѣлъ на него, какъ на разглагольствующаго сумасшедшаго. Потомъ рванулъ дверь и распахнулъ ее, говоря:

— Я приду опять, Регги, приду, когда этого дурака здѣсь не будетъ.

Тѣнь его скользнула по кисейной занавѣскѣ; на лѣстницѣ застучали шаги...

— Я сейчасъ же добуду новую мезузо,—сказалъ Элеазаръ, отвѣчая на выраженіе закрытыхъ глазъ тетки.

Регги не отвѣтила. Она откинулась назадъ, совершенно обезсиленная.

Среди наступившаго безмолвія Элеазаръ пересыпалъ соль обратно въ пакетъ, развернувшійся отъ удара кулакомъ по столу. Слѣпая сидѣла неподвижно, прислушиваясь къ движеніямъ его пальцевъ.

Охваченный глубокой жалостью къ ней, онъ еще разъ извинился:

— Развѣ ужъ это такъ ужасно, тетя?.. Развѣ я когда-нибудь умышленно огорчалъ васъ?

— Вы дадите за это отвѣтъ передъ Богомъ, передъ Всемогущимъ, Который видитъ то, чего мы не видимъ... То, что вы сдѣлали, дурно, страшно дурно, это значитъ испытывать Бога... какъ тутъ не плакать!..

— Испытывать Бога... испытывать Бога!.. Добрая вы душа! Неужто же Богъ представляется вашему темному уму такимъ маленькимъ!

Онъ ласково улыбнулся и повысилъ голосъ, чтобы заглушить шумъ и возню на верху.

— Маленькимъ Бога нельзя себѣ и представить, мой мальчикъ,—кротко возразила она, въ первый разъ со времени его возвращенія называя его именемъ, которое онъ такъ любилъ,—Богъ великъ, великъ, и законъ Его есть непреложный законъ.

Что-то торжественное было въ ея тонѣ, въ ея глазахъ, съ глубокой вѣрой устремленныхъ въ ту сторону, гдѣ она предполагала небо.

— Сказано: будетъ вамъ новая *мезузо,*—шутливо замѣтилъ онъ, чтобы подбодрить ее,—хоть полдюжины, если хотите.

— Новую-то можно купить, да старой не вернешь. Нѣтъ, мальчикъ! Въ тотъ вечеръ вы свою вѣру бросили въ каналъ, вѣру вашихъ отцовъ, вашихъ дѣдовъ, вашихъ прадѣдовъ! У васъ нѣтъ вѣры. Вчера вечеромъ, когда Давидъ разсказывалъ про ювелировъ, вы тоже что-то въ этомъ родѣ сказали,—что имъ не можетъ быть благословенія Божія.. Развѣ нельзя быть соціалъ-демократомъ, какъ васъ называетъ Давидъ, и не терять вѣры?

— Нѣтъ... я не умѣю! Другіе, можетъ быть, умѣютъ, а я—нѣтъ!

— Если есть еще такіе, какъ вы—жаль мнѣ ихъ,—сказала она спокойно.—Съ вѣрой уходитъ и счастье.

— Съ новой вѣрой придетъ и новое счастье,—усмѣхнулся онъ: къ чему тревожить ее? Развѣ она пойметъ, если сказать ей, что еврей, обновляя свое міровоззрѣніе, долженъ порвать со всѣмъ своимъ прошлымъ, съ обветшалымъ закономъ и завѣтами?..

— Очень вы меня огорчили,—продолжала она, прерывисто дыша.— Я буду молиться Богу, чтобы Онъ простилъ васъ...

— Молитесь, молитесь,—смѣялся онъ, беря въ свои руки ея худенькую костлявую руку и ласково гладя морщинистую кожу.

Она улыбалась своей тихой, доброй улыбкой, отъ которой у него становилось всегда такъ тепло на душѣ: что-то та кое милое и родное было въ этой улыбкѣ.

— Вотъ, когда вы женитесь, Эли,—ея худенькіе дрожавшіе пальцы обняли его руку—когда, вы женитесь... пошли вамъ Богъ добрую работящую еврейскую жену—аминь!.. и придетъ ея часъ родить сына, или здоровую дочку—аминь!.. и вы будете стоять за дверью и слушать—это ужъ всѣ мужья дѣлаютъ, мальчикъ, когда жены родятъ,—и услышите первый крикъ вашего ребенка: ин-де-ля, ин-де-ля!—всѣ они такъ кричатъ, когда появляются на свѣтъ Божій: ин-де-ля! ин-де-ля!—вотъ тогда голосъ вашего ребенка вамъ скажетъ, что есть Богъ, всемогущій Богъ!..

Она ласково, крѣпко сжимала его руку, поднимая на него свои незрячіе влажные глаза.

Онъ былъ тронутъ и тяжело дышалъ, ему хотѣлось взять ее въ свои объятія.

— Тетя Регги,—началъ онъ, наконецъ, овладѣвъ собой, и сѣрые глаза его, не отрываясь, смотрѣли сквозь маленькія кисейныя занавѣски на побѣлѣвшій отъ мороза дворъ,—когда я женюсь, и у меня будетъ ребенокъ, я разскажу ему прежде всего о людяхъ, а Бога пусть ужъ онъ ищетъ самъ... самъ, и не въ синагогѣ...

— Не въ синагогѣ? Какъ же такъ? Если-бъ мы, евреи, не были избраннымъ народомъ Божіимъ... да, избраннымъ, мы не вынесли бы всѣхъ гоненій...

— Избраннымъ! — разсмѣялся онъ, представивъ себѣ еврейскій кварталъ со всей его нищетой.—Избраннымъ! Уже нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ Спиноза ясно, какъ день, доказалъ, что негры и кафры такіе же „избранные“, какъ мы.

— Кто это говоритъ?—добродушно переспросила она.

— Спиноза.

И онъ расхохотался опять, до коликъ, до слезъ, ибо Регги, добродушно жуя беззубыми деснами, словно говоря о праздничной похлебкѣ, приготовленной Эсси или Соортье, снова переспросила:

— Шпиноозе... Шпиноозе, это—двоюродный братъ Миранды, которая торгуетъ чулками?

— Нѣтъ,—еле выговорилъ онъ, давясь отъ смѣху,—тотъ Спиноза давно умеръ... Онъ жилъ триста лѣтъ назадъ. Онъ не оставилъ камня на камнѣ въ старыхъ завѣтахъ.

— Какъ же ему не стыдно!

— Да, ужъ именно,—засмѣялся Элеазаръ, вынувъ резервуаръ изъ лампы и осторожно наливая туда керосинъ изъ бутылки. Горлышко бутылки вторило его смѣху и звенѣло, стукаясь о край резервуара.

— Что вы дѣлаете съ лампой?

— Наливаю керосинъ, я принесъ.

— Старые завѣты!.. Такъ онъ безъ уваженія говорилъ о старыхъ завѣтахъ? Какъ же это можно? Неужто онъ былъ еврей?

— Да—и какое дивное лицо! почти такое же прекрасное, какъ у Христа.

— Не пойму я этого, въ толкъ не возьму... Развѣ можно еврею судить и пересуживать о его собственной религіи. Это не годится. Въ прежнія времена за это побивали камнями.

— И его чуть не побили.

— Шпи-ноозе... Шпи-ноозе,—задумчиво повторяла она, словно перебирая свои воспоминанія, и уголки губъ ея вздра-

гивали...—Одного Шпи-поозе я знала... Это фамилія довольно распространенная.

Элеазару опять стало смѣшно. Бутылка съ керосиномъ стукнулась о резервуаръ.

— Что-нибудь разбилось?—спросила слѣпая.

— Нѣтъ, это бутылка ударилась объ резервуаръ.

— Вы посмотрите, Эли, нѣтъ ли трещины.

Онъ поднесъ къ окну молочно-бѣлый резервуаръ и внимательно изслѣдовалъ его. Нѣтъ, на этотъ разъ все обошлось благополучно.

Онъ вытеръ испачканныя руки и хотѣлъ прибрать со стола. Но слѣпая всегда дѣлала это сама и теперь не хотѣла позволить ему помочь, боясь, что онъ поставитъ вещи не на то мѣсто, куда слѣдуетъ, и ей потомъ придется искать. Она осторожно поднялась съ кресла, взяла хлѣбъ и кофе и нащупала гульденъ.

— Теперь мы обезпечены на цѣлую недѣлю, — сказала она съ радостной улыбкой.—Не сходите ли вы купить торфу, Эли?—тутъ недалеко, за угломъ.

— Только не на эти деньги, у меня еще остались.

— Этотъ гульденъ—*мицва* (благодѣяніе),—сказала она.— А вы позаботьтесь о новой мезузо...

Онъ до самого вечера оставался у тетки, помогалъ ей стряпать, пытался оттаять замерзшую въ кранѣ воду. Весь домъ остался безъ воды. Прибѣжала Эсси съ своимъ ведеркомъ и Миньтье со своимъ. Ревекка спустилась сверху. На весь домъ имѣлся одинъ только кранъ, и всѣ привыкли ходить за водою къ Регги. А теперь воды не было ни капли.

— Если-бъ здѣсь натопить хорошенько, можетъ быть, вода бы пошла,—озабоченно говорила слѣпая.

Эсси совѣтовала обернуть трубу нагрѣтыми тряпками.

— Вы только нагрѣйте ихъ хорошенько, Эли, и вотъ увидите, увидите.

— Дайте-ка я свое средство испробую,—сказалъ Элеазаръ, отвинтилъ кранъ, взялъ глиняный горшокъ съ солью и началъ сыпать соль въ отверстіе. Онъ гдѣ-то видѣлъ, какъ этимъ способомъ добывали воду.

— Ахъ, какой глупый! Ну, что вы тамъ пачкаете? Какъ можно такъ обходиться съ такой дорогой вещью, какъ соль?

— Отъ соли ледъ растаетъ, не мѣшайте мнѣ,—смѣялся онъ.

— Эли, завинтите опять кранъ!—умоляла слѣпая.—Совсѣмъ это не вашего ума дѣло, Эли; соль стоитъ денегъ!

— Ага! уже дѣйствуетъ, слышите?

Эсси и Миньтье испуганно отскочили къ самой двери.

Женщины заразили своей нервностью и Элеазара. Онъ поспѣшилъ завинтить кранъ.

— Теперь только подождите немного, и пойдетъ, вотъ увидите. Только ведра подставляйте.

Онѣ терпѣливо ждали. Вода не шла.

— Много я видала на своемъ вѣку, — заявила Эсси, — но чтобы къ холодной водѣ прибавляли холодной соли, холодъ на холодъ, воображая, что отъ этого ледъ растаетъ,—нѣтъ, это выше моего разумѣнія!

Она сердилась, не хотѣла дольше ждать: Эли всегда выдумываетъ всякія глупости... Нѣтъ, это кого угодно можетъ разозлить. Ну, приложили бы горячаго песку, отъ горячаго песку мигомъ растаетъ, это она сама разъ десять пробовала... Хорошо, она подождетъ, она подождетъ, но не больше пяти минутъ, какъ было условлено, и только затѣмъ, чтобъ онъ самъ увидѣлъ, какую глупость выдумалъ...

Тѣмъ временемъ Элеазаръ, стоя на скамеечкѣ, прибивалъ къ косяку новую мезузо и какъ-то странно улыбался, поглядывая на ровное блестящее небо.

Сосѣдкамъ онъ и Регги объяснили, что мезузо сорвалась съ гвоздей.

Приходила и Ревекка съ ведромъ, еще раньше Эсси и Миньтье, но Элеазаръ спрятался отъ нея въ темный альковъ. Онъ боялся ея глазъ, этихъ жгучихъ глазъ подъ черными бархатными бровями. Что, если они снова встрѣтятся наединѣ? Что тогда? Онъ не зналъ. И это волновало и смущало его. Все утро онъ провелъ возлѣ слѣпой и даже игралъ съ Мосье.

Ревекка больше не сходила внизъ. И это раздражало его. Посреди работы раздраженіе приливало къ его сердцу горячей волной, что-то давило горло, путались мысли... Онъ два раза ходилъ на лѣстницу и угрюмо смотрѣлъ, не стоитъ ли она на площадкѣ.

Обыкновенно онъ каждое утро заходилъ навѣстить папиросницу. Но сегодня не пошелъ. Ясный зимній день, работа, ссора съ Дрейфомъ какъ-то отрезвили его, погасили жаръ въ крови, зажженный ея поцѣлуями. Держа на колѣняхъ ребенка, онъ думалъ, раздумывалъ и пришелъ къ убѣжденію, что тутъ не можетъ быть ничего серьезнаго, что, въ сущности, онъ равнодушенъ къ ней, она непріятно навязчива, у нея вульгарное, даже отталкивающее выраженіе лица... И эта неряшливость... Какъ она тогда противно ѣла апельсинъ!.. Нѣтъ, онъ уже можетъ спокойно думать о ней...

Первые дни онъ будетъ избѣгать ее... Вчера онъ былъ, какъ пьяный: его опьянилъ этотъ неожиданный проблескъ радости послѣ мучительнаго блужданья по льду, опьянила ея ласка, темнота на лѣстницѣ, опьянило его собственное тѣло,

истомленное, столько времени не знавшее желаній и вдругъ вспыхнувшее пожаромъ страсти.

Закрывъ глаза, облокотившись на облитый керосиномъ столъ, онъ старался представить себѣ нѣжныя очертанія ея носа, ея губъ... Сквозь опущенныя вѣки его жгли ея огневые глаза, онъ чувствовалъ, какъ прижималась къ нему молодая грудь. Но цѣликомъ представить себѣ ея лицо онъ не могъ. Странно, ея образъ ускользалъ отъ него, — какъ тогда, когда онъ въ первый и послѣдній разъ въ жизни пошелъ къ женщинѣ, вмѣстѣ съ товарищами; онъ былъ тогда глупымъ мальчишкой, лѣтъ восемнадцати, и провелъ у нея всю ночь и утро, а вечеромъ, сколько ни думалъ, сколько ни напрягалъ память, не могъ припомнить ея лица.

Любовь къ женщинѣ—въ этомъ должно быть что-то возвышающее. Любовь къ женщинѣ должна включать желаніе чувствовать ея близость, любоваться ея движеніями, смотрѣть въ ея глаза, туманящіе своимъ блескомъ. А онъ, какъ всегда, исполнялъ только порученія, болталъ, шутилъ, и лишь временами въ немъ подымалось горькое сознаніе, что за всѣмъ этимъ въ немъ сидитъ другое, отъ чего онъ не можетъ отдѣлаться, какъ ни старается трезво разсуждать.

Но въ полусвѣтѣ двора настроеніе его измѣнилось; тишина наверху какъ-то смягчала его, и онъ все прислушивался, не раздадутся ли шаги, не хлопнетъ ли дверь.

Нервная дрожь пробѣжала по тѣлу Элеазара, и опять на него багряной волной нахлынули воспоминанія. Спускающіяся на землю раннія зимнія сумерки, колеблющаяся тѣнь на противоположной стѣнѣ, усиливающійся свистъ вѣтра, этотъ пустынный дворъ и какая-то особенная внутренняя тревога,—все это будило въ немъ страстное желаніе. И онъ стоялъ передъ дверью, не имѣя силы войти, чувствуя страшную пустоту въ головѣ. Наколотыя щепки лежали у его ногъ; топоръ выскользнулъ изъ рукъ...

Какимъ нужно быть малодушнымъ трусомъ, чтобъ опахнуть знойнымъ дыханьемъ внезапно прорвавшейся страсти такое молоденькое существо, обжечь его жаромъ своихъ поцѣлуевъ и потомъ уйти, просто уйти, со страху улепетнуть, ему, мужчинѣ, отъ женщины, и еще такой молодой!..

Къ чему лгать передъ самимъ собой? Вѣдь онъ и сейчасъ видитъ ея глаза, какими онъ увидалъ ихъ впервые тогда, у Зейкерпера, блестящіе, черные съ фіолетовымъ отливомъ, огромные, бездонные!.. И всю ее видитъ сидящей напротивъ картины, изображающей подвигъ Вильгельма Телля, рядомъ съ Миньтье,—всю, съ ея свѣжимъ розовымъ личикомъ, спутанными кудрями и иголкой, вколотой въ блузу, вмѣсто недостающей пуговицы... Что за жизнь она ведетъ

вотъ ужъ сколько мѣсяцевъ, въ этой адской конурѣ, у постели больного отца, безъ прогулокъ, безъ свѣжаго воздуха, почти безъ сна!.. И всегда кротка, всегда терпѣлива... Какъ она заботится о своихъ сестренкахъ, о маленькомъ братѣ!.. И у себя въ комнатѣ онъ чувствуетъ присутствіе заботливой женской руки, которая складываетъ разбросанные листки, приводитъ въ порядокъ его брошюры: на нихъ не нашлось покупателя, и аккуратно, рядышкомъ устанавливаетъ ихъ на полкѣ...

Нѣтъ, онъ долженъ увидѣть ее... только увидѣть, чтобы съ перваго взгляда почувствовать, потерялъ ли онъ ее, или же владѣетъ ею навсегда.

Чувствуя болѣзненный ознобъ во всемъ тѣлѣ, онъ отворилъ дверь и прошелъ прямо въ альковъ. Подди спалъ. Старшая дѣвочка, Серре, приложила пальчикъ къ губамъ и указала на матрацъ на полу.

— Она всю ночь глазъ не смыкала, — шепнула дѣвочка, еще разъ сдѣлавъ ему знакъ, чтобъ онъ не шумѣлъ.

На полу за столомъ, на рваномъ стеганомъ одѣялѣ, лежала на спинѣ, вытянувшись во весь ростъ, совсѣмъ одѣтая Ревекка. Руки ея, безсильно соскользнувшія съ подушекъ, были раскинуты, словно у распятой. Грудь мѣрно подымалась и опускалась. Она, должно быть, заснула отъ страшной усталости, дышала такъ ровно, матовая блѣдность лица такъ рѣзко выдѣлялась въ черной рамкѣ волосъ.

Элеазаръ успокоительно улыбнулся дѣвочкѣ и долго смотрѣлъ на лицо спящей съ длинными, черными рѣсницами и изогнутой линіей бровей. Онъ прислушивался къ ея ровному дыханію и, въ первый разъ за все ихъ знакомство, какая-то нѣжная мягкость, жалость къ ней закрадывалась въ его душу. Она была такое-жъ, какъ и онъ, дитя лачугъ, онъ сумѣлъ подняться выше, она осталась, чѣмъ была. Но ея самоотверженіе, ея ласковость, ея материнская заботливость о семьѣ были своего рода дивнымъ даромъ, озаряли лучистымъ свѣтомъ доброты эту убогую комнатку съ единственнымъ окномъ, откуда открывался видъ на грязно-сѣрыя черепицы крыши,—комнатку, гдѣ ее съ утра до ночи ругалъ отецъ, гдѣ шумѣли дѣти, гдѣ забота уже наложила печать на ея молодое лицо. Пока Серре, Салли и Розетье успѣютъ вырости, она состарится, увянетъ въ нуждѣ. Если бъ онъ теперь могъ поцѣловать ее, это былъ бы почтительный поцѣлуй, который сказалъ бы ей о зарождающемся въ его сердцѣ чувствѣ уваженія и любви... Такою онъ увидитъ ее и завтра, и послѣ завтра, изнемогающей, спящей, съ раскинутыми руками, словно у нея нѣтъ больше силъ...

Подди, со стономъ приподнявшись на постели, спугнулъ его мысли.

— Воды! воды! — закричалъ больной, не узнавая Элеазара.

— Сегодня я не успѣлъ...—началъ тотъ.

— Воды! воды!

Ревекка вскочила, спросонокъ испуганно озираясь кругомъ.

— Лежите! лежите!—улыбнулся ей Элеазаръ.—Я подамъ ему. Гдѣ у васъ вода?

Дѣвушка, еще не совсѣмъ проснувшаяся, оправляла юбки и смущенно улыбалась, удивляясь, что она не слышала, какъ онъ вошелъ.

— Воды нѣтъ,—сказала она.—Вода въ водопроводѣ замерзла.

— Ну, ничего, я гдѣ-нибудь добуду.

И онъ помчался внизъ. Тамъ ему не посчастливилось. Очевидно, вода замерзла на большомъ протяженіи, какъ онъ и предполагалъ. Онъ опять побѣжалъ наверхъ и зачерпнулъ воды изъ ведра Зейкерпера, при чемъ ему изрядно досталось. Зеленщикъ, его жена и Миньтье наперерывъ потѣшались надъ нимъ, донимая его разными шуточками: ну что, не правда-ли, соль помогаетъ? Теперъ они всѣ будутъ прикладывать себѣ мѣшки съ солью къ ногамъ, если озябнутъ въ постели. Ему завтра же надо взять патентъ на свое изобрѣтеніе. Такого дурня, конечно, пригласятъ на службу при городскомъ водопроводѣ... А не попробовать ли еще посыпать туда стручковаго перцу: онъ вѣдь тоже горячитъ, отъ него такъ жжетъ внутри!

Элеазаръ, не отвѣтивъ ни слова, затворилъ за собою дверь.

— У меня точно бездонная яма въ желудкѣ,—жаловался больной, съ жадностью глотая воду,—пьешь, пьешь и конца нѣтъ.

— Докторъ былъ?

— Да,—отвѣтила Ревекка.

— И что же?..

— Да ничего.

Она уклонялась отъ прямого отвѣта, и выраженіе лица ея говорило, что она что-то скрываетъ отъ больного.

Они посмотрѣли другъ на друга, съ одинаковой озабоченностью, съ однимъ и тѣмъ же опасеніемъ во взорѣ.

Тяжело дыша, Подди сидѣлъ на кровати, безсильно уронивъ руки на одѣяло. Его ротъ и глаза казались больше на исхудаломъ лицѣ, неузнаваемомъ теперь, когда онъ сбрилъ бороду. Рѣзко выдавались на этомъ худомъ лицѣ острый

подбородокъ, покрытый колючей щетиной, и ястребиный носъ между торчащихъ скулъ.

— Я васъ едва узналъ,—весело говорилъ Элеазаръ.—Вы помолодѣли безъ бороды.

Подди пошевелилъ губами, словно хотѣлъ что-то отвѣтить, но отъ слабости не могъ выговорить ни слова, и только закашлялся. Безъ бороды голова его походила на скалящую зубы голову мертвеца. Сидѣть онъ не могъ и, застонавъ, съ глухимъ хрипомъ повалился на подушки.

Ревекка укрыла его, пригладила его волосы и подошла къ Элеазару, стоявшему возлѣ окна.

— Что говоритъ докторъ?—спросилъ онъ шепотомъ.

Дѣвушка посмотрѣла на него, и крупныя слезы, стоявшія въ ея глазахъ, безъ словъ сказали ему все.

— Онъ что-нибудь дурное сказалъ?

— Да. Его нужно помѣстить въ больницу... непремѣнно, тогда...

— Что же тогда?

— Тогда еще есть надежда, что онъ еще нѣкоторое время протянетъ.

— Вы это ему сказали?

— Нѣтъ. Вѣдь онъ все равно не пойдетъ — не захочетъ. А между тѣмъ, здѣсь ночью прямо выдержать невозможно. Вотъ онъ вчера поѣлъ, а ночью кричалъ до того, что дѣти каждую минуту просыпались... А я всю ночь такъ и не ложилась. Вчера ему хорошо было, а сегодня такъ худо, какъ еще никогда не бывало...

— Вы всю ночь не ложились?

— Да, — кивнула она головой. — Какъ отойдешь отъ кровати, онъ кричитъ. Ему все страшно было...

Въ приливѣ нѣжности онъ взялъ ея маленькую загрубѣлую руку, заглянулъ въ ея влажные отъ слезъ глаза и сказалъ ей такимъ тономъ, какъ будто говорилъ съ ребенкомъ:

— Ревекка, я такъ радъ, что мы вчера полюбили другъ друга, очень, очень радъ.

— Я тоже, — отвѣтила она усталымъ голосомъ.

— Что вы тамъ шепчетесь?—послышался тревожный окрикъ Подди.

Элеазаръ подошелъ къ постели.

— Мы говорили съ Ревеккой о томъ, что давеча сказалъ докторъ.

Подди охнулъ и съ видомъ скуки отвернулся къ стѣнѣ.

— Онъ говоритъ то-же, что говорилъ и раньше, что вамъ надо идти въ больницу, что въ больницѣ лѣченіе пойдетъ куда успѣшнѣе.

— Охъ, оставьте вы меня въ покоѣ!

— Можно ли быть такимъ упрямымъ, Подди... Здѣсь вы пропадаете въ грязи—тамъ за вами будетъ отличный уходъ. Если бы еще за это деньги надо было платить. Но вѣдь тамъ лѣчатъ даромъ! Сдѣлаютъ вамъ операцію такъ, что вы и не почувствуете боли, и черезъ мѣсяцъ вы будете на ногахъ. А здѣсь каждую минуту... понимаете, каждую минуту можетъ случиться съ вами самое худшее... да, самое худшее. И это я вамъ умышленно говорю, чтобы испугать васъ, потому что вы упорно отказываетесь...

Подди повернулъ свое костлявое неузнаваемое лицо къ Ревеккѣ и Элеазару, поочередно глядя въ глаза то одной, то другому.

— Что—самое худшее?

— Смерть,—умышленно рѣзко выговорилъ Элеазаръ, чтобы вынудить больного пойти на уступки ради своей же пользы. Но онъ сейчасъ же пожалѣлъ о сказанномъ, и его твердость показалась ему жестокостью, ибо лицо больного выразило неописуемый ужасъ. Большіе глаза, обведенные синими кругами, съ мучительнымъ вопросомъ блуждали вокругъ, руки судорожно уцѣпились за борты кровати; дыханіе вырывалось толчками съ хрипомъ и свистомъ. Одно время казалось, онъ задохнется отъ кашля; потомъ онъ сердито уперся локтями въ подушки и, не сводя глазъ съ губъ Элеазара, спросилъ:

— Онъ совсѣмъ отказался отъ меня?

— Нѣтъ.

— Вы лжете! Я вижу по выраженію вашего лица, что вы лжете,—простоналъ больной, и ротъ его болѣзненно искривился.

— Я сказалъ вамъ суровую и горькую правду для вашей же пользы. Если-бъ вы знали ее раньше, вы бы давно уже лѣчились, какъ слѣдуетъ, а не корчились въ мукахъ на этой кровати. Теперь откладывать больше нельзя. Подумайте, какой за вами тамъ будетъ уходъ.

— Нѣтъ! Если ужъ такъ... если ужъ такъ!..—Подди кричалъ такъ пронзительно, такое животное отчаяніе слышалось въ его крикѣ, что испуганная Серре заплакала, а Ревекка отошла отъ кровати.

— ... Тогда я хочу, чтобъ Бекки была около меня, и Іоозепъ, и Серре, и всѣ мои дѣти! Я хочу умереть на рукахъ моихъ дѣтей... Что за низость разлучать меня съ моими дѣтьми! Что за низость говорить мнѣ о смерти!

— Чего же ты бранишься опять? Вѣдь онъ же тебѣ добра желаетъ,—испуганно, скороговоркой выговорила Ревекка.

— Безсовѣстные вы всѣ, оставьте меня въ покоѣ!

Со стономъ, весь дрожа отъ гнѣва, онъ отвернулся къ стѣнѣ, дѣлая видъ, что не слушаетъ убѣжденій Элеазара.

— Итакъ, завтрашній день мы васъ отправимъ въ больницу, Подди. А когда вы поправитесь, вы сами скажете мнѣ спасибо. Вѣдь здѣсь вамъ ѣсть нечего, печку вытопить нечѣмъ! Вѣдь вы сами себѣ врагъ. Можно ли такъ упрямиться? Вѣдь вамъ же добра желаютъ. Чистая постель, чистое бѣлье, ванна, пища, лѣкарства—да вы сразу воскреснете. У васъ такой крѣпкій организмъ; конечно, вы поправитесь. Другой на вашемъ мѣстѣ давно бы умеръ. Я разъ десять за васъ боялся, а вы ничего: покиснете, покиснете, и опять молодцомъ. Не притворяйтесь, пожалуйста, будто вы не слышите. Вы отлично знаете, что я правъ. И вы завтра поѣдете въ больницу. Это такъ же вѣрно, какъ то, что меня зовутъ...

Больной вдругъ повернулся къ нему съ ядовитымъ вопросомъ:

— Да вамъ-то что? Вы-то о чемъ хлопочете?

Элеазаръ съ минуту колебался.

— Я имѣю право заботиться о васъ, Подди, потому что... я люблю Ревекку...

Гнѣвъ Подди сразу утихъ. Онъ пристально посмотрѣлъ на дочь, потомъ на молодого человѣка. Ему какъ будто трудно было усвоить себѣ это сообщеніе. Успокоенный, онъ медленно соскользнулъ съ подушекъ, руки его опустились, глаза закрылись. Нѣкоторое время онъ лежалъ, будто спящій, потомъ какъ то вяло спросилъ:

— Ревекку?

— Да,—сказалъ Элеазаръ,—и она меня.

— Ничего изъ этого не выйдетъ... не можетъ выйти,— сквозь кашель выговорилъ Подди.—Ревекка нужна здѣсь.

— Это я знаю. Передъ нами еще семь тощихъ годовъ, а потомъ придутъ тучные.

Элеазаръ взялъ руку Ревекки въ свои большія ладони.

— Если вы скажете „нѣтъ", это все равно не поможетъ. И вы поѣдете въ больницу,—иначе вамъ не бывать на свадьбѣ... Что? Ну, вотъ видите, имѣю я право желать вамъ добра. Дѣло наше выиграно; стачка приходитъ къ концу; съ будущей недѣли я уже начну зарабатывать деньги. Вы не могли выбрать удачнѣе времени, чтобы начать лѣчиться и выздоровѣть. Ну, согласны вы? Что же вы молчите? Вѣдь мы можемъ навѣщать васъ хоть каждый день.

— А дѣти?—спросилъ Подди, все еще не рѣшаясь.

— Дѣти?.. Ну ужъ о нихъ вамъ нечего безпокоиться, мы о нихъ позаботимся... Ну, такъ какъ же, идетъ?

— Идетъ, — сказалъ Подди, совершенно измученный.

— Значитъ, завтра?

Онъ только кивнулъ головой.

— И вотъ еще что,—добавилъ обрадованный Элеазаръ,— сегодня ночью Ревекка и всѣ дѣти будутъ спать наверху, у меня.

— Нѣтъ, —съ трудомъ выговорилъ Подди.

— Нѣтъ, да, — сказалъ Элеазаръ, — а я лягу здѣсь на стульяхъ. Такъ оно и будетъ.

— Нѣтъ, Эли, я не хочу, — возразила Ревекка. — Вы не можете ходить за нимъ такъ, какъ я. Я вѣдь знаю все, что ему нужно.

Она тихонько сжала его пальцы.

— Чтобы опять не спать всю ночь? Нѣтъ, вы пойдете наверхъ, а я останусь здѣсь... А если вамъ захочется поворчать, Подди, можете, сколько душѣ угодно, потому что завтра мы васъ устроимъ по-царски.

— Нѣтъ, Эли,—начала было опять Ревекка. Но онъ не сдавался: если-бъ онъ не былъ такимъ эгоистомъ, онъ бы давно объ этомъ подумалъ. Чтобъ опять дѣти просыпались ежеминутно? Чтобъ опять Ревекка всю ночь зябла на холоду? Нѣтъ, этого не будетъ. Онъ вмѣстѣ съ Зейкерперомъ перетащитъ наверхъ матрацъ для дѣтей, а Ревекка съ Розочкой или Серре могутъ спать на его кровати. Это моментально надо устроить. Она и то вонъ какая блѣдная—видно, что не спала. Этого онъ не желаетъ. Кстати, ему и дѣлать завтра нечего, развѣ только пойти на собраніе въ Палэ... Да и днемъ дѣти могли бы сидѣть у него. Вотъ глупая-то голова, какъ это онъ раньше не придумалъ! Надо поскорѣй затопить печку. Если Подди не дастъ ему спать, онъ усядется поудобнѣе въ тепломъ уголкѣ и будетъ читать. Наверху еще много брошюръ.

Счастливый и радостный, онъ крѣпко сжималъ руку невѣсты.

Она же, взволнованная его заботливостью, его бодрымъ тономъ и радостью, что ея отецъ, наконецъ, согласился поступить въ больницу, что тамъ онъ, быть можетъ, поправится, мечтательно смотрѣла на него своими удивительными черными глазами.

Помогали всѣ, и Зейкерперъ, и Миньтье. Ревекка несла одѣяло. Огарокъ, свѣтившій имъ, совсѣмъ оплылъ отъ этой бѣготни вверхъ и внизъ, и на подсвѣчникѣ образовалась лужица отъ стекавшаго сала. Потомъ они всѣ вмѣстѣ прибрали комнату больного. Элеазаръ раздобылъ воды, принесъ торфу и горячихъ угольевъ отъ тетки Регги. Они все время не разставались и все время радовались своей близости; она немножко конфузилась — все вышло такъ неожиданно; онъ былъ блѣденъ, и всѣ движенія его были рѣзки и нервны.

Потомъ они опять очутились наверху въ его комнатѣ; онъ принесъ умывальную чашку, она—выпутый изъ стола ящикъ съ гребешкомъ, мыломъ и полотенцами. Онъ заперъ дверь и сдѣлалъ то, чего она давно ждала, чего требовали ея жгучіе глаза: обнялъ ее и прижался губами къ ея губамъ. Наконецъ, у нея не хватило дыханія; она, смѣясь, оттолкнула его. Тогда онъ опустился на полъ, на матрацъ и привлекъ ее къ себѣ. Колеблющееся пламя огарка бросало яркіе блики на ея лицо, блѣдныя щеки, на спутанныя черныя кудри.

Онъ гладилъ ея руку, лежавшую у него на колѣнѣ, и говорилъ, что приходило въ голову.

— А вѣдь это мы въ первый разъ разговариваемъ наединѣ.

— Да, въ первый разъ,—сказала она, безпокойно двигая пальцами.

— Откуда же ты знала, что я тебя люблю?

— Я этого не знала.

— Ты это отлично знала.

— Да, правда, я это думала,—улыбнулась она.

— Сколько тебѣ собственно лѣтъ?—вѣдь я даже этого не знаю.

— Восемнадцать будетъ въ сентябрѣ.

— Восемнадцать?

— Да. А тебѣ?

— Мнѣ? Мнѣ двадцать семь.

— Я думала, больше.

— Развѣ я выгляжу такимъ старымъ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—испугалась она,—я только такъ подумала... нѣтъ, я даже ничего не думала.

Онъ не сводилъ съ нея глазъ. Губы его шевелились, но кто-то другой произносилъ за него всѣ эти слова, нарушая смущавшую его тишину, а онъ сидѣлъ, не мигая, не дыша, ничего не чувствуя, потонувъ въ бездонной, безконечной глубинѣ этихъ лучистыхъ черныхъ глазъ. Огарокъ догоралъ, вспыхивая трепетнымъ огнемъ, озарявшимъ бѣлую шею Ревекки, скользившимъ по ея бровямъ и рѣсницамъ и отражавшимся въ черныхъ, какъ бархатъ, зрачкахъ. Чувствуя, какъ горятъ ея маленькія жесткія руки въ его дрожавшихъ рукахъ, онъ по-дѣтски, какъ гимназистъ, шепталъ ей ласковыя слова.

— Что ты подумала, когда я тебя поцѣловалъ?

— Мнѣ было хорошо.

— Я чуть было не выронилъ чашекъ.

— Хорошо, что не выронилъ, а то бы это такъ скоро кончилось...

Онъ только кивнулъ головой и, тяжело дыша, сжалъ ея

руки, едва удерживаясь, чтобь не прильнуть опять губами къ ея алому ротику съ двумя рядами жемчуговъ.

— Ты меня оттого раньше не цѣловалъ, что боялся?

— Да, я не смѣлъ, не рѣшался, но теперь... теперь!..

— Что же теперь?—сказала она, подставляя губы.

Глядя другъ другу въ глаза, слившись устами, страстно прижавшись другъ къ другу, они замерли въ жгучемъ объятіи, ничего не видя, не слыша, не чувствуя.

Онъ заговорилъ, испугавшись своего возбужденія:

— Однако, я усталъ.

— А я нѣтъ.

— Ты нѣтъ?

— Нѣтъ,—смѣялась она, съ блестящими глазами и разгорѣвшимися щечками.

— Да вѣдь это опьяняетъ.

— Ну, что-жъ, такъ и надо, когда люди въ первый разъ... Что такое?

— Свѣчка гаснетъ.

— Ну, и пусть ее.

— Нѣтъ, намъ надо внизъ.

— Почему? почему? — спросила она разочарованнымъ тономъ.

— Потому что,—засмѣялся онъ,—потому что я хочу видѣть тебя.

Перегорѣвшій фитиль свалился въ растопленное сало и заплясалъ, треща и чадя.

— Только я еще разокъ поцѣлую тебя, прежде чѣмъ мы сойдемъ внизъ,—сказала она, приковывая его къ мѣсту своими агатовыми глазами. И опять онъ, подъ трескъ и шипѣнье догоравшаго фитиля, обвилъ рукой ея станъ, чувствуя трепетъ молодой груди, тѣсно стянутой лифомъ; опять прильнулъ къ ея горячимъ, влажнымъ устамъ, и острые зубки ея больно впились въ его губы. Фитиль вспыхнулъ еще разъ и погасъ. Ледяные цвѣты на окнѣ казались золотыми отъ свѣта лампы въ сосѣдней квартирѣ; всѣ ихъ рубцы и чешуйки выдѣлялись такъ ярко...

Хлопнула дверь, заскрипѣла лѣстница.

Онъ испуганно вскочилъ.

— Кто-то идетъ.

— Нѣтъ, это на улицу идутъ.

— Дай мнѣ руку.

Онъ ласково поднялъ ее, чиркнулъ спичкой и сталъ разыскивать брошюры, которыя хотѣлъ взять съ собой на ночь къ Подди.

— Что ты ищешь?

— Что-нибудь почитать—на случай, если мнѣ не удастся уснуть.

— Я буду сидѣть съ тобой.

— Нѣтъ, не будешь.

— А если я хочу.

— Ты не хочешь этого... Ты только заболѣешь отъ безсонной ночи..

Снова чиркнула спичка.

— Ты, вѣрно, считаешь меня очень глупой: я ничего не знаю, а ты такой ученый.

— Кто это говоритъ?

— Папаша.

— Ученый?—весело засмѣялся онъ.—Когда мы годикъ поживемъ вмѣстѣ, ты будешь знать все то, что и я... Вѣдь я учился ничуть не больше тебя.

— Нынче утромъ, убирая твою комнату, я было попробовала почитать одну книгу.

— Ну, и что же?

— Ахъ,—наивно засмѣялась она,—я ничего не поняла. На что тебѣ эти книги?

— На то, чтобы вырваться изъ этой трущобы,—сказалъ онъ, обнимая ее одной рукой за талію и медленно ведя къ двери.

Она не поняла.

— Откуда?

— Скоро поймешь.

— Такъ ты мнѣ не позволишь сидѣть съ тобой?

— Нѣтъ, моя женушка.

— И я буду спать на твоей постели?

Она засмѣялась.

— Да, какъ принцесса. А завтра я поцѣлую то мѣсто, гдѣ лежала твоя головка.

— Какая тебѣ радость въ этомъ?—засмѣялась она, и опять въ ея смѣхѣ прозвучала вызывающая, дерзкая нотка.

На послѣдней ступенькѣ лѣстницы она остановилась, обвила руками его колѣни и шепнула:

— Я бы хотѣла, чтобы мы спали вмѣстѣ...

— Ты не должна этого говорить... такъ нельзя говорить, не надо!—испуганно воскликнулъ онъ.

— А я говорю!

Онъ отвелъ ея руки, взялъ въ обѣ ладони ея головку, поцѣловалъ ее въ лобъ и выговорилъ своимъ прежнимъ наставительнымъ тономъ:

— Даже когда мы будемъ мужемъ и женою, Ревекка, ты не должна такъ говорить...

Слова ея все время звучали въ его ушахъ, пока онъ сидѣлъ у больного, и портили ему настроеніе. Онъ не зналъ, не думалъ, что въ ней такъ много чувственности. Потомъ онъ вспомнилъ, какъ она весь день хлопочетъ по хозяйству, какъ матерински заботится о дѣтяхъ, какъ терпѣлива съ больнымъ, хотя отецъ все время ворчитъ и бранится, представилъ себѣ ея худенькое, блѣдное личико, и опять на лицѣ его заиграла улыбка. Вѣдь она сама не знаетъ, что говоритъ. Вѣдь она росла, какъ рабыня: въ бѣдности, въ нуждѣ, въ постоянныхъ огорченіяхъ и заботахъ объ отцѣ, сестрахъ, братьяхъ—мать умерла въ родахъ пять лѣтъ тому назадъ—она не привыкла къ ласкѣ, и любовь къ нему разлилась у нея жаромъ въ крови. Ее не учили владѣть собою. Опьяненная страстью, она говорила неожиданныя вещи, то, что подсказывалъ ей ея темпераментъ, говорила то, о чемъ нужно молчать, о чемъ женщины не говорятъ, когда любятъ. Въ своемъ одиночествѣ—вѣдь она почти нигдѣ не бывала—она росла, какъ дитя природы. Элеазаръ самъ своей страстностью вызвалъ въ ней отвѣтный порывъ, который могъ бы оттолкнуть, будь онъ подсказанъ чѣмъ-либо инымъ.

Вѣдь сумѣлъ же онъ самъ изъ соннаго, простоватаго юноши сдѣлаться человѣкомъ, который всетаки живетъ сознательной жизнью. Прежде, чѣмъ они поженятся—это, можетъ быть, будетъ еще черезъ нѣсколько лѣтъ—онъ постарается и изъ нея сдѣлать разумную, мыслящую женщину...

Улыбаясь и уже не сердясь, но радуясь спокойной нѣжности, наполнявшей его душу, онъ помогъ Подди умыться на ночь и уложилъ его. Затѣмъ сталъ приводить въ порядокъ его бѣлье и платье: надо же его въ приличномъ видѣ свезти въ больницу. Ревекка заштопала отцу носки; Элеазаръ вычистилъ сапоги. Потомъ они положили ему все на столъ возлѣ его кровати: бѣлье, панталоны, жилетъ, сюртукъ, праздничную манишку. Подди смѣялся, говорилъ, что все это глупости, но ему были пріятны тишина и порядокъ въ комнатѣ, было пріятно вниманіе, которымъ его окружали. Онъ давалъ наставленія Іоозепу, что ему дѣлать, какъ поступать съ табакомъ и съ немногими торговцами, которымъ онъ поставлялъ готовыя папиросы. Когда его повезутъ завтра въ больницу, пусть его сначала хорошенько закутаютъ одѣялами; Эли пусть возьметъ его подъ руки, а Іоозепъ и Зейкерперъ за ноги. Ну, а его золотые часы,—шутилъ онъ,—его золотые часы и бумажникъ могутъ остаться и дома.

Ревекка, сидя за столомъ, перелистывала брошюры, принесенныя Элеазаромъ. Она какъ то странно притихла и почти не поднимала глазъ. Напротивъ нея сидѣлъ Іоозепъ, подперевъ кулаками щеки, и сонными глазами глядѣлъ въ пространство.

— Тебѣ нездоровится, Ревекка? Что ты такъ притихла?— спрашивалъ Элеазаръ, положивъ руку ей на голову.

Она вздрогнула и сказала, что очень устала. И застѣнчиво, словно предостерегая, указала глазами на Іоозепа, который сопѣлъ носомъ и совсѣмъ засыпалъ.

Онъ придвинулся къ ней и обнялъ ее рукой.

— Не надо,—смущенно шепнула она.

Онъ засмѣялся.

Наединѣ съ нимъ она говорила такія вещи, а здѣсь, очевидно боясь отца, ведетъ себя, какъ робкое дитя. Онъ обожалъ ее вотъ именно такой, робкой, застѣнчивой.

Лампа тихонько шипѣла, оставляя въ тѣни альковъ, освѣщая выдающійся подбородокъ Іоозепа и золотя лицо Ревекки съ бархатными бровями и нѣжными опущенными рѣсницами. Она держала его руку подъ столомъ, косясь въ сторону брата: не смотритъ ли онъ на нихъ? и время отъ времени торопливо и застѣнчиво цѣловала его.

Въ десять часовъ Элеазаръ пошелъ внизъ пожелать доброй ночи Регги. Она была уже въ постели и жаловалась, что у нея болятъ ноги и стучитъ въ вискахъ. Но онъ зажегъ спичку, освѣтивъ темный альковъ, такъ поразившій его въ первый вечеръ по возвращеніи изъ Америки. Выдвинулась изъ мрака сырая стѣна, выступъ камина, заплеснѣвѣлая, осыпающаяся штукатурка. Старушка лежала на кровати вмѣстѣ съ Саартье и Моосье. Безъ парика она была почти неузнаваема. Рѣденькіе, серебристые волосы лебяжьимъ пухомъ покрывали костистый черепъ. Эли хотѣлъ дать теткѣ выпить чего нибудь горячаго, но она, спокойно улыбаясь, отклонила его предложеніе, говоря, что ей ничего не надо, пусть только онъ убавитъ огонь въ лампѣ.

Онъ нагнулся въ темнотѣ, поцѣловалъ ее, подоткнулъ ей одѣяло подъ плечи и какъ-то нерѣшительно вышелъ изъ алькова. Потомъ убавилъ свѣтъ въ лампѣ и сталъ осторожно подниматься по лѣстницѣ.

Сверху его окликнули.

— Эли!

Онъ хотѣлъ отворить дверь въ комнату Подди.

— Здѣсь, наверху,—шепнула Ревекка.

Какъ воръ, онъ прокрался на верхнюю площадку.

— Я здѣсь хожу уже сколько времени, — сказала она, стуча зубами отъ холода,—все ждала, когда ляжетъ Іоозепъ. А онъ до сихъ поръ сидитъ за столомъ и дремлетъ.

Онъ грѣлъ ея холодныя ручки.

— Гдѣ ты былъ такъ долго?

— Тетя Регги не совсѣмъ здорова.

Не дождавшись его отвѣта, она уже обвила руками его шею и прижималась къ нему, чтобы вознаградить себя за весь вечеръ.

И опять уста ихъ слились въ поцѣлуй, и въ безмолвіи мрака онъ чувствовалъ, какъ она вся льнула и прижималась къ нему.

Черезъ нѣсколько минутъ, испугавшись ея страсти, ея безъумныхъ порывовъ, онъ выпустилъ ее изъ объятій.

— Ну, дитя, теперь иди, ложись, спи спокойно... До завтра...

— Ты такъ торопишься?... И это все?

— Все?—повторилъ онъ.—То есть, какъ все? Что ты хочешь сказать?

— Ты понимаешь,—выговорила она, тяжело дыша и снова обнимая его.

— Нѣтъ, не понимаю,—смущенно пробормоталъ онъ.

— Ты отлично понимаешь меня,—сказала она еще разъ, отыскивая въ темнотѣ его губы.

— Ревекка!—воскликнулъ онъ охрипшимъ отъ волненія голосомъ.—Ты сама не знаешь, что говоришь.

Онъ гнѣвно сбросилъ ея руки съ своей шеи и оттолкнулъ ее такъ, что она отскочила къ стѣнѣ.

— Боже мой, Боже мой, — повторилъ онъ, не находя словъ, чтобы выразить внезапно охватившее его чувство отчужденія.

Въ жуткой, непріятной тьмѣ послышались сдавленныя рыданія, и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ оправиться отъ перваго тягостнаго впечатлѣнія, прежде чѣмъ нашелъ слова, она съ плачемъ выговорила нѣчто такое, что сковало его языкъ, отъ чего онъ весь замеръ съ широко раскрытыми глазами, съ ужасомъ прислушиваясь къ чудовищнымъ звукамъ, пронизывавшимъ его мозгъ.

— Почему?... — рыдала она, задыхаясь и всхлипывая.— Почему?.. Вѣдь Іоосъ же это дѣлаетъ, Іоосъ же дѣлаетъ.

Руки его судорожно впились въ деревянную стѣну, словно онъ цѣплялся за нее, чтобы не упасть. Вытянувъ шею, горѣвшими, какъ уголь, глазами онъ старался разглядѣть въ темнотѣ ея лицо.

— Что... что такое дѣлаетъ съ тобой Іоосъ? — спросилъ онъ беззвучнымъ голосомъ.

— Ты самъ знаешь,—сказала она, ища его руки.—А ты... только стоишь и цѣлуешь...

Еще прежде, чѣмъ ея рыдавшій голосъ коснулся его слуха съ мучительной болью, передъ умственными глазами его встала комната Подди... Задыхаясь, онъ шагнулъ впередъ, напрасно ища поддержки, и тотчасъ же грузно от-

шатнулся назадъ, ударившись головою объ стѣну, такъ что затрещали доски.

— Ты ничего больше не скажешь мнѣ, Эли?—спрашивала она, шаря рукой въ темнотѣ, пока не дотронулась до него. Онъ вздрогнулъ отъ ея прикосновенія и очнулся.

— Завтра поговоримъ,—отвѣтилъ онъ просто и началъ, спотыкаясь, спускаться съ лѣстницы.

— Ты даже не хочешь пожелать мнѣ доброй ночи?

— Ночи... ночи?—глухо откликнулся онъ изъ темноты. Шатаясь, блѣдный, какъ смерть, онъ пріотворилъ дверь комнаты Подди и, чувствуя только одно, что теперь онъ не въ состояніи видѣть никого, крикнулъ въ щель:—Іоозенъ!

— А?—послышался сонный голосъ.

— Мнѣ надо выйти, посидите съ отцомъ, пока я вернусь.

Шатаясь, какъ пьяный, не соображая, куда онъ идетъ, не узнавая улицъ и площадей, одурѣвшій, какъ послѣ долгой ночной работы, онъ все шелъ и шелъ, пока, наконецъ, не свалился въ тупомъ изнеможеніи на скамьѣ въ городскомъ саду. Тамъ онъ сидѣлъ, съежившись, упорно борясь противъ тяжелаго свинцоваго сна, который судорожно вдавливалъ внутрь его глаза и распиралъ черепъ до того, что онъ, казалось, готовъ былъ лопнуть, и тупо смотрѣлъ на замерзшій гравій дорожекъ, сѣро поблескивавшій при тускломъ свѣтомъ луны. Вѣтеръ съ воемъ носился по аллеямъ, взметая рыхлый снѣгъ и кружа его вихрями въ воздухѣ. Онъ хлесталъ оголенныя вѣтви деревьевъ, деревья качались и скрипѣли. Изъ оконъ дома на противоположной сторонѣ улицы падалъ косыми полосами красноватый свѣтъ лампы.

У Элеазара болѣла голова. Сжимая ее руками и дыша теплымъ воздухомъ, нагрѣтымъ его же дыханіемъ, онъ чувствовалъ только смертельную усталость. Всѣ воспоминанія притупились. Съ болѣзненнымъ стономъ онъ прилегъ на скамью, согнувъ ноги въ колѣняхъ, и припалъ головой къ холодному дереву. Вѣтеръ забирался ему подъ платье, знобилъ его тѣло; съѣхавшая на бокъ шляпа вздрагивала и трепыхалась...

Чья-то рука ударила его по плечу; грубый голосъ сказалъ:

— Эй вы! скамьи здѣсь не для спанья!

Онъ безсмысленно поднялъ глаза. Передъ нимъ стояли двое полицейскихъ.

— Вы не поняли? Или пьяны?

Рука трясла его за плечо, такъ что онъ почувствовалъ боль въ лопаткѣ.

Онъ всталъ и пробормоталъ въ отвѣтъ что-то невнятное, такъ что полицейскіе, глядя ему вслѣдъ, соображали, не арестовать ли его.

Онъ прошелъ твердымъ, увѣреннымъ шагомъ довольно большое пространство. Гравій и замерзшіе листья трещали у него подъ ногами. По льду катка неслышно, какъ тѣнь, скользилъ одинокій конькобѣжецъ, выдѣляясь темной тѣнью на гладкой бѣлой поверхности, вдругъ круто повернулъ и остановился. Ледъ скрипнулъ подъ его конькомъ. Гдѣ-то въ саду неистово залаяла собака, но скоро перестала, потомъ тявкнула нѣсколько разъ и протяжно завыла...

Онъ торопливо шагалъ, то ощупывая свой лобъ, какъ бы боясь надвигающагося безумія, то начиная громко свистать, понемногу приближаясь къ застроенной части сада. Холода онъ не чувствовалъ. Вѣки его горѣли, глаза съ трудомъ ворочались въ холодныхъ и влажныхъ орбитахъ, шея точно окоченѣла, въ затылкѣ ощущалась боль. Онъ остановился, сдѣлалъ какой-то странный жестъ, потеръ рукой лобъ и голову и, ловя воздухъ открытымъ ртомъ, пошелъ дальше, спотыкаясь на каждомъ шагу. Углубленный въ свои мысли, ничего не видя передъ собой, онъ поскользнулся и рухнулъ всей тяжестью на замерзшую землю.

Съ минуту онъ лежалъ неподвижно. Потомъ со стономъ приподнялся, сѣлъ, потрогалъ колѣно и медленно, съ усиліемъ обтеръ кровь со лба Лопнувшія брюки его отсырѣли, колѣно было горячее и такъ болѣло, что, дотронувшись до него, онъ весь скрючился отъ боли и вдругъ зарыдалъ, вспомнивъ, почему онъ здѣсь лежитъ. Съ громкимъ стономъ и въ то же время боясь, какъ бы его не услышали, какъ бы не подсмотрѣли эти шпіонящіе красные глаза оконъ за деревьями, онъ опять повалился на землю, пряча горячую голову въ складкахъ рукава. Онъ кусалъ зубами сукно, чтобъ заглушить душившія его рыданія, и плакалъ отъ острой боли въ колѣнѣ, радуясь ей, какъ облегченію. Другая страшная рана на лбу была для него сущимъ благодѣяніемъ: она согрѣла его. Ледяной холодъ, сковывавшій его мозгъ, его мысли растаяли въ этой жгучей боли, отъ которой безумно колотилось его сердце и кровь приливала къ вискамъ. Онъ видѣлъ передъ собою личико Ревекки, ея утомленное, блѣдное личико, такое, какимъ онъ видѣлъ его въ послѣдній разъ при свѣтѣ лампы,—со слезами усталости послѣ долгой безсонной ночи, съ черными, какъ ночь, глазами, въ рамкѣ спутанныхъ кудрей. И снова слышалъ ея слова: „Вѣдь Іоосъ же это дѣлаетъ“...

Въ безумной, животной ярости онъ ударилъ кулакомъ по раненому колѣну, громко вскрикнулъ отъ боли и, какъ бѣшеный, заметался по землѣ подъ наплывомъ отчаянія, которое жгло его мозгъ, не находя выхода.

Рыданія ослабили его нервное возбужденіе; онъ съ тру-

домъ поднялся и пошелъ назадъ, прихрамывая и осторожно ступая, чтобы не попасть опять на скользкое мѣсто. Онъ смертельно усталъ, но мысли его были совершенно ясны, и онъ соображалъ, что ему теперь надо дѣлать. Послѣ безумнаго, бѣшенаго приступа острой боли наступило полное истощеніе. За то теперь онъ дышалъ такъ же ровно и думалъ такъ хладнокровно, спокойно, какъ всегда.

Надо пойти въ ночлежный пріютъ возлѣ клуба... у него еще есть десять центовъ... выспаться хорошенько: спать онъ будетъ, заснетъ навѣрное сейчасъ же, какъ только положитъ голову на подушку. За ночь онъ накопитъ силъ и тогда ужъ будетъ думать и рѣшать. Его бѣшеный гнѣвъ улегся. Тамъ, въ паркѣ, мечась по землѣ, какъ раненый звѣрь, онъ вытиралъ свои губы о жесткую землю, чтобы стереть ея поцѣлуи, вырвать изъ памяти омерзительное жгучее прикосновеніе ея устъ.

Теперь все это прошло и не возвращалось. Онъ уже не чувствовалъ боли. Въ душѣ его было только глубокое, безконечное состраданіе. Прошлое представлялось ему чѣмъ-то чудовищнымъ и безформеннымъ и почти не задѣвало его: такъ велика была его усталость. Теперь онъ понималъ все: ея наглые взгляды, смѣхъ; всѣ ея поступки представились ему въ трагической связи.

При первой же его встрѣчѣ съ Зейкерперомъ, его непріятно поразило какое-то нахальное выраженіе ея глазъ. И потомъ въ сѣняхъ школы ея вульгарный, вызывающій смѣхъ, ея поза, когда она стояла, прислонившись къ колоннѣ, съ опущенными руками безъ силъ, безъ сопротивленія. Его первый поцѣлуй на лѣстницѣ не испугалъ ея, не поразилъ, не смутилъ; она сама цѣловала его, какъ безумная, безъ конца, безъ малѣйшаго страха... И вечеромъ, при свѣтѣ гаснувшаго огарка, когда ея бѣлые зубки больно впились въ его губы, когда она обнимала его колѣни на лѣстницѣ, плакала, потому что онъ не хотѣлъ сдѣлать то, что дѣлалъ другой..

Нѣтъ, она не винна. Она говорила объ этихъ ужасныхъ вещахъ, какъ наивный ребенокъ. Распутница не сказала бы ничего. Распутница скорѣй откусила бы себѣ языкъ, чѣмъ проболталась бы о своемъ паденіи, чѣмъ стала бы выплакивать такое горе въ объятіяхъ безумно влюбленнаго въ нее мужчины. Она не винна.

Но развѣ можно думать объ этихъ ужасныхъ вещахъ, когда смотришь въ такіе чудные дѣвичьи глаза? Вѣдь нельзя же. Нужно самому быть низкимъ, грязнымъ человѣкомъ, чтобы искать низости и разврата тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ.

Онъ еле держался на ногахъ отъ усталости. Онъ присѣлъ отдохнуть на скамью на Федерикскомъ бульварѣ и по-

правилъ съѣхавшій внизъ носовой платокъ, которымъ онъ перевязалъ себѣ раненое колѣно. Глаза его горѣли, давили и жгли его мозгъ. Свѣтъ фонарей отражался въ нихъ снопами лучей. По Утрехтской улицѣ проѣхала коляска; копыта лошадей звонко застучали по асфальту; потомъ коляска въѣхала на бульваръ, и топотъ сталъ глуше. Еще не было двухъ часовъ. За запотѣвшими стеклами углового кафе свѣтились, какъ въ туманѣ, электрическія лампочки; по временамъ оттуда доносился говоръ и смѣхъ; въ темныхъ домахъ кое-гдѣ еще были освѣщены окна. На молочно-бѣломъ фонѣ неба выдѣлялся изящный темный силуэтъ Палэ съ куполами и башнями.

Согнувшись, какъ старикъ, тяжелый, грузный, сидѣлъ Ѳлеазаръ, глядя на тонкіе стволы деревьевъ, на кружечки свѣта на камняхъ, на неподвижные дома съ едва выдѣлявшимися фронтонами, на блестѣвшій снѣгъ въ садахъ. Все таяло въ огнѣ, который жегъ ему глаза, расплывалось въ тепловатомъ туманѣ, наполнявшемъ его голову. Его одолѣвала дремота. Онъ чувствовалъ, что если сейчасъ не встанетъ и не уйдетъ, онъ заснетъ тутъ же на скамьѣ. Но подняться не было силъ. Онъ уже забылъ, что можно переночевать въ ночлежномъ пріютѣ. Теперь онъ думалъ о томъ, что надо пойти смѣнить Іоозепа, надо дать Іоозепу отдохнуть: вѣдь завтра они повезутъ Подди въ больницу. Онъ отлично уснетъ на полу, подложивъ мѣшокъ подъ голову. А завтра, когда онъ увидитъ ее, онъ... но онъ не зналъ, что сдѣлаетъ завтра: голова его была такъ затуманена, что онъ ничего не могъ придумать.

Каждый шагъ причинялъ ему острую боль. Дома, улицы, камни, подъѣзды плавали передъ его глазами въ какомъ-то буромъ туманѣ. Въ вискахъ стучало, судорожно сводило скулы, затылокъ, давило точно свинцомъ.

У воротъ своего дома онъ остановился, тупо озираясь кругомъ... Не можетъ быть, чтобы онъ уже пришелъ домой... не можетъ быть. У нихъ подъ воротами всегда темно; а эти зіяютъ, точно огромная пасть съ черными контурами, освѣщенная изнутри красноватымъ свѣтомъ, словно кто-то тамъ на дворѣ машетъ факеломъ. Смущенный, не понимая, въ чемъ дѣло, онъ хотѣлъ пройти мимо, какъ вдругъ звонъ разбитаго стекла заставилъ его оглянуться. Онъ оцѣпенѣлъ на мѣстѣ, вперивъ неподвижный взоръ въ моментально освѣтившуюся среди ночи арку воротъ. Послышались глухіе шаги. Изъ-за угла вышелъ обходъ. Одинъ изъ полицейскихъ всмотрѣлся въ освѣщенныя ворота и вдругъ испуганно вскрикнулъ:

— Чортъ подери, да тамъ пожаръ!

Оттолкнувъ Элеазара, онъ вбѣжалъ во дворъ, и тамъ, озаренный краснымъ отблескомъ еще невидимаго пламени, игравшимъ на его мѣдной каскѣ и пуговицахъ мундира, крикнулъ, что было силъ, такъ что крикъ его пронесся по всему дому отъ подвала до чердаковъ:

— Пожаръ! Пожаръ!

Этотъ крикъ ужаса, ворвавшійся въ безмолвіе ночи, какъ громомъ, ударилъ по головѣ Элеазара, стряхнувъ его отупѣніе. Словно чей-то дюжій кулакъ схватилъ его за шиворотъ и швырнулъ на дворъ, ярко освѣщенный, какимъ Элеазаръ еще никогда его не видалъ. И онъ кричалъ вмѣстѣ съ полицейскими, громче ихъ, дико озираясь вокругъ.

Загорѣлось въ квартирѣ тетки Регги.

— П-о-жаръ! П-о-о-жаръ!—ревѣлъ полицейскій.

Они оба поочереди пытались отворить дверь, но она была заперта изнутри.

— Давидъ! Тетя Регги!—кричалъ Элеазаръ, стуча кулаками въ дверь. Но изъ комнатъ слышенъ былъ только трескъ огня. Одинъ изъ полицейскихъ побѣжалъ за пожарными, остальные вмѣстѣ съ Элеазаромъ старались высадить дверь.

Давидъ очевидно проснулся отъ шума. Яркій свѣтъ въ окнѣ вдругъ заслонила чья-то тѣнь. Чья-то рука нащупывала задвижку; что-то съ глухимъ стукомъ упало за дверью. Должно быть, это упалъ Давидъ, задохнувшись отъ дыма Какъ сумасшедшій, не сознавая, что онъ дѣлаетъ, Элеазаръ разбилъ кулакомъ стекло, высадилъ ветхую раму и, подсаженный полицейскимъ, влѣзъ на подоконникъ прямо навстрѣчу огню, хватаясь за осколки и не замѣчая, что онъ ранитъ себѣ руки. Давидъ въ одной рубашкѣ лежалъ на порогѣ двери. Элеазаръ чуть не упалъ, зацѣпившись за него, но удержался, поспѣшно повернулъ ключъ въ замкѣ и отдернулъ задвижку. Дверь распахнулась; полицейскій вытащилъ Давида и сталъ срывать горѣвшіе обрывки обоевъ. Но было уже поздно. Горѣвшая уже лѣстница трещала подъ ногами бѣгущихъ сверху жильцовъ. Плачъ и крики Эсси, жены Зейкернера, разносились по всему дому.

Обезумѣвъ отъ страха, заслоняя руками глаза отъ огня, опалившаго ему волосы,—Элеазаръ бросился въ альковъ, гдѣ спала его тетка, но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ добѣжать до порога, дымъ ударилъ ему въ лицо, онъ зашатался и чуть не упалъ. Кашляя, давясь и захлебываясь, онъ нащупалъ въ альковѣ кровать и обхватилъ слѣпую поперекъ тѣла. Платье на немъ дымилось, дышать было нечѣмъ, но онъ, дѣлая надъ собой отчаянныя усилія, дотащилъ безчувственную

Регги до выступа камина, здѣсь споткнулся объ матрацъ, на которомъ спалъ Давидъ, и упалъ вмѣстѣ со своей ношей.

Съ минуту онъ лежалъ, одурѣвъ отъ дыма, безсильно уронивъ голову на исхудавшее тѣло слѣпой, потомъ вскочилъ въ отчаяніи, въ смертельномъ страхѣ, нагнулся поднять слѣпую, второпяхъ наступилъ на одну изъ ея свѣсившихся рукъ, рванулъ ее и вытащилъ въ горѣвшую комнату. Ему пахнуло въ лицо нестерпимымъ жаромъ. Огненные языки лизали его кожу, жгли ему руки, словно когти вцѣпившіяся въ тѣло старухи, озаряли ея жалкую, худенькую фигурку съ серебристыми волосами. Полицейскій, помогшій Зейкерперу и Эсси спуститься съ горѣвшей лѣстницы, видя эту отчаянную борьбу, хотѣлъ помочь имъ, шагнулъ было впередъ, протянулъ руки—и отпрянулъ. Миньтье, успокаивавшая плакавшую маленькую Бекки, увидавъ въ окно Элеазара съ Регги на рукахъ, пронзительно вскрикнула. Этотъ крикъ словно бичемъ хлестнулъ Элеазара. Глотая дымъ и скрежеща зубами, онъ ринулся со своей ношей сквозь пламя.

Очутившись на дворѣ, онъ, не торопясь, осторожно опустилъ на камни безчувственную слѣпую и принялся топтать ногами ея загорѣвшіяся юбки, но вдругъ раскинулъ руки, словно ища поддержки, и безъ чувствъ рухнулся на землю. Пламя, вырывавшееся изъ двери, озарило его мертвенно-блѣдное лицо.

— Господи! Господи!—ломая руки, кричалъ Зейкерперъ.— Смотрите, и вверху загорѣлось! Что же это такое! весь домъ сгоритъ! Вѣдь тамъ еще остались Саартье и Моосье.

— А Подди, Ревекка, дѣти!—плакала Минтье.

— Я пойду туда! пойду!—кричалъ Зейкерперъ, хватаясь за лѣстницу.

Это привело въ бѣшенство Эсси. Внѣ себя отъ волненія и страха, она ухватила его за рубашку и оттащила назадъ, колотя его съ пронзительнымъ крикомъ:

— Если ты сдѣлаешь хоть шагъ, я тебѣ выцараплю глаза.

— Господи! Не могу же я дать имъ сгорѣть живымъ!

— Ты не пойдешь! не пойдешь! У тебя шестеро дѣтей,— бѣсновалась она.

Зеленьщикъ сложилъ руки трубой, приставилъ ихъ ко рту и закричалъ во все горло въ черный, наполненный искрящимся дымомъ колодецъ:

— Пожаръ! Подди! Ревекка!

На шумъ прибѣжалъ еще одинъ полицейскій. Сбѣжались сосѣди. Мужчины и женщины, полуодѣтые, въ наскоро наброшенномъ платьѣ, кричали, визжали отъ страха, давали совѣты. Царило страшное смятеніе. Одинъ изъ полицейскихъ старался привести въ чувство Давида. Другіе, набросавъ разной ветоши въ ручную телѣжку, положили на нее Элеазара

и Регги, потомъ рядомъ съ Элеазаромъ положили и Давида, который никакъ не могъ очнуться, и поспѣшно вывезли ихъ на сосѣдній дворъ, въ ожиданіи, пока доставятъ носилки.

То тамъ, то сямъ распахивалось окно; откуда-то упалъ цвѣточный горшокъ и разбился. Въ темныхъ отверстіяхъ оконъ показывались люди, перепуганные, неодѣтые, прямо съ постели. Какой то мужчина съ голой волосатой грудью, рядомъ съ которой его сорочка и заспанное лицо казались фіолетовыми, высунулся въ окно, оперся руками на подоконникъ и, разслышавъ крики, самъ заревѣлъ на всю улицу:

— Пожаръ! Пожаръ!

Полицейскій, ринувшійся за пожарными, уже бѣжалъ назадъ, придерживая рукой болтавшуюся саблю. Запыхавшись, онъ вбѣжалъ во дворъ. Лицо его казалось багровымъ отъ яркаго свѣта, рыжіе усы горѣли, какъ золото; на мѣдной каскѣ сверкали и преломлялись снопы лучей. Онъ стучался въ дверь сапожника, и дерево вздрагивало подъ глухими ударами мощнаго кулака. Его товарищи, оставивъ телѣжку съ безчувственными жертвами на сосѣднемъ дворѣ, пытались еще разъ взобраться на лѣстницу. Но это было немыслимо. Лѣстница уже пылала, выбрасывая въ окно снопы искръ и клубы удушливаго дыма. Полицейскій полѣзъ было на лѣстницу, шагая черезъ двѣ-три ступеньки, но одна изъ обуглившихся ступенекъ сломалась; изъ отверстія выкинуло огонь и огромный клубъ дыма. Чуть не задохнувшись, кашляя и ругаясь, полицейскій кубаремъ скатился внизъ, потирая ушибленную ногу. Другой поспѣшилъ оттащить его.

Цинковая труба кровельнаго желоба уже кривилась и таяла на огнѣ; серебристые шарики дождемъ падали внизъ и расплющивались, ударяясь объ землю. Жаръ былъ такъ силенъ, что лопались стекла на напротивоположномъ фасадѣ. Тамъ, повидимому, только теперь замѣтили пожаръ.

— Скорѣй! Скорѣй выходите! Тащите свои пожитки! — кричалъ полицейскій, заслоняя ладонью глаза. Яркій столбъ пламени взвился кверху и заплясалъ, выбрасывая огненные языки. Пурпурно-красныя окна рѣзко выдѣлялись на болѣе темныхъ стѣнахъ, отражая огонь.

Полицейскіе помогали выбираться сапожнику. Въ подвалѣ сидѣла освѣщенная зеленоватымъ свѣтомъ коптѣвшей лампочки жена сапожника и плакала въ три ручья, прижимая къ себѣ самаго младшаго, грудного ребенка. Мальчики стояли уже подъ воротами, стуча зубами отъ холода, озябшіе, не выспавшіеся, блѣдные, одурѣвшіе отъ страха и яркаго свѣта.

— Живѣй! Живѣй! Пошевеливайтесь! Вы хотите сгорѣть живыми? — торопилъ полицейскій, защищая ладонью лицо

отъ пышущаго со двора жара. — Если вы сами не уйдете, мы вышвырнемъ васъ на улицу.

— Развѣ я могу такъ выйти,—еще пуще зарыдала женщина и протянула ребенка мужу, совсѣмъ ослѣпшему отъ огня и жара.

Какъ разъ въ эту минуту, когда вдали уже загрохотали колеса пожарныхъ бочекъ, въ воздухѣ пронесся такой мучительный, душу раздирающій вопль, что у зрителей захолонуло сердце. Этотъ крикъ нечеловѣческаго ужаса словно прорвался сквозь пламя. И второй разъ среди наступившей тишины раздался тотъ же безумный животный вопль. Полицейскіе осаживали толпу. Одинъ изъ нихъ выбѣжалъ впередъ, рискуя самъ загорѣться, и заслонивъ руками слезящіеся отъ дыма глаза, пытался сообразить, откуда несется крикъ.

Изъ окошка сверху свѣсились двѣ руки и копна черныхъ волосъ. Ревекка, должно быть, лишилась сознанія въ тотъ самый моментъ, какъ ей удалось разбить окно. Огненные языки, вырываясь изъ окна, лизали ея развѣвавшіеся волосы, оцѣпенѣвшія руки.

Не въ силахъ больше выносить страшнаго жара, палившаго ему лицо и глаза, полицейскій крикнулъ вверхъ первое, что пришло на умъ:

— Прыгайте изъ окна!.. слышите? Чортъ побери, прыгайте прямо на дворъ!

Голова въ окнѣ не двигалась, словно внимательно слушая. Красныя отъ огня дѣвичьи руки, казалось, становились все меньше.

Люди, стоявшіе у воротъ, шарахнулись въ сторону. Съ грохотомъ подъѣхала первая пожарная бочка; головы лошадей рдвинулись въ раскаленную пасть воротъ. Пѣна на ихъ мордахъ казалась кровавой; дыханіе вырывалось изъ ноздрей матово красными клубами. Глаза сверкали и казались какими-то желтыми шарами.

Пожарные еще не успѣли соскочить на землю, какъ ихъ окружила цѣлая толпа съ воспаленными красными глазами, крича, что въ горящемъ домѣ есть еще люди, что тамъ наверху больной старикъ и что оттуда кто-то кричалъ о помощи. Ужасный крикъ! Каски наклонялись, сіяли, сверкали, отражая яркое пламя. Черезъ ворота уже нельзя было пройти. Со двора летѣли искры, какіе-то горѣвшіе лохмотья и обрывки; и полицейскіе, и сапожникъ съ женой и дѣтьми принуждены были перекочевать на улицу. Съ крикомъ и бранью расталкивая народъ, пожарные разыскали водопроводный кранъ и развернули кишки. Но вода въ водопроводѣ замерзла, и резиновый рукавъ лежалъ пустой на землѣ. Заглушая крики толпы, звенѣли и грохотали подъѣзжавшія новыя повозки съ лѣстницами и насосами. Ожили всѣ сосѣднія улицы

и переулки, озаренные мерцавшимъ свѣтомъ факеловъ и яркимъ заревомъ пожара. Пожарные сверкавшими, словно раскаленными, топорами рубили ледъ на каналѣ, чтобы добыть воды. Ледъ стоналъ подъ ударами топоровъ; вода брызгала изъ образовавшихся щелей; осколки льда лопались и трещали подъ ногами, отбитые куски откатывались прочь, блестя краснымъ свѣтомъ.

На набережной, на мостикахъ черезъ каналъ толпились зрители; иные перебѣгали черезъ ледъ, чтобъ посмотрѣть поближе, и отскакивали назадъ, потому что въ лицо имъ летѣли снопы искръ и головешекъ, гонимыхъ вѣтромъ. По крышамъ и по стропиламъ ходили пожарные. Одинъ храбро усѣлся верхомъ на брусъ, держа въ рукахъ резиновый рукавъ, словно копье, металлическимъ концомъ кверху, дожидаясь воды. Его рѣзко очерченный силуэтъ, окруженный цѣлой лавиной искръ, какъ-то жутко выдѣлялся на багряномъ фонѣ неба. Но, прежде чѣмъ онъ дождался воды, на улицѣ раздался громкій ликующій крикъ, вырвавшійся разомъ изъ тысячи глотокъ. Изъ парового насоса хлынула огромная серебристая струя воды, сразу стало темнѣе, и среди огненныхъ языковъ забѣгали тѣни. Забили тонкія струйки и изъ пожарныхъ рукавовъ.

Сапожникъ сидѣлъ рядомъ съ женой, скорчившись въ три погибели, на своемъ рабочемъ столѣ, заботливо кутая въ полу куртки младшую дочку.

Якъ и Диркъ, держась за руки и ухмыляясь, стояли, позади, прислонившись къ стѣнѣ. Они болтали между собой вполголоса, боясь матери, которая уже дала шлепокъ Дирку, чтобы онъ не лѣзъ туда, гдѣ его не спрашиваютъ, а мать, потрясенная, сидѣла и плакала о себѣ и обо всѣхъ, оставшихся безъ крова въ эту зимнюю ночь.

— Господи!—говорилъ Янъ,—гляди-ка, гляди, какъ кидаетъ огонь во всѣ стороны! Важная штука—пожаръ!

— Гляди, заливаютъ.

— Жалко! Такъ красиво горѣло.

— Ишь, какъ высоко бьетъ струя! Смотри, смотри, вонъ одинъ сидитъ на крышѣ.

— Вотъ бы мнѣ туда къ нему: здѣсь ничего почти не видно.

— Гдѣ тебѣ на крышу! Струсилъ бы.

— Ого, струшу! Совсѣмъ нѣтъ! Только пожарные вѣдь не пустятъ.

— Ты чего вспотѣлъ, жарко? И отлично, а то у меня пальцы окоченѣли отъ холода.

— Ой! Я боюсь. Смотри, какой огонь.

— Вотъ молодчина—этотъ огонь! Ничего ты съ нимъ не подѣлаешь...

Оба вдругъ испуганно смолкли.

Пламя охватило лицевой фасадъ сосѣдняго домика. Сначала слабо засвѣтилось въ одной изъ комнатъ, точно кто нибудь ходилъ тамъ съ лампой, что-то отыскивая, затѣмъ длинный, извилистый огненный языкъ лизнулъ нижнія стекла окна. Тотчасъ же стекла потрескались и огоньки забѣгали по подоконнику. Въ окно направили струю воды изъ насоса, и опять раздался тотъ же ужасный, раздирающій душу крикъ о помощи.

По небу неслись фіолетовыя тучки, окутанныя блѣдносѣрой дымкой.

Вода могучими струями съ нѣсколькихъ сторонъ сразу врывалась въ разгулявшееся пламя, поливая остовъ дома и заглушая своимъ шипѣніемъ трескъ ломавшихся балокъ. Часть стѣны обрушилась, посыпался градъ камней, закружился въ воздухѣ столбъ искръ и горѣвшихъ щепокъ. Стонъ пошелъ по всей улицѣ. Мусоръ и обломки вылетали даже за ворота. Вскорѣ огонь опять вспыхнулъ съ новой силой; руина выкидывала столбы огня, вихри искръ. Вода лилась на нее, красная, какъ кровь, и все тонуло въ цѣломъ морѣ дыма...

Медленно расходился народъ по домамъ; лишь въ одномъ переулкѣ осталась кучка людей, тревожно переговарившихся между собой, въ ожиданіи носилокъ, которыя должны были прислать изъ больницы. Паровой насосъ гудѣлъ, продолжая тушить остатки пожара. Искры воды вырывались изъ толстой пасти машины и носились надъ крышами. Трескъ и шипѣніе слышны были по всей набережной. Факелы, колеблемые вѣтромъ, озаряли мелькавшимъ свѣтомъ лужи воды. Теперь, когда тучи дыма уже не закрывали бѣгущихъ по небу облаковъ, видѣнъ былъ далеко, далеко маленькій прозрачный серпъ мѣсяца.

XVI.

Когда Элеазара привезли въ больницу, у него хлынула горломъ кровь, и подъ утро то же повторилось. А на слѣдующій день обжоги вызвали лихорадку: онъ лежалъ въ полузабытьи, и все происшедшее представлялось ему какъ бы въ туманѣ. Давидъ, положенный въ этой же палатѣ, почти не пострадалъ, очень скоро оправился и ушелъ еще до сумерекъ. Онъ заговаривалъ съ Элеазаромъ, пытаясь подбодрить его, но не добился отвѣта.

Только въ ночной тишинѣ, прислушиваясь къ ровному дыханію спящихъ, Эли совершенно пришелъ въ себя и ясно представилъ себѣ весь ужасъ случившагося. Послѣ неожидан-

ныхъ словъ Ревекки, на площадкѣ, послѣ своего безумнаго отчаянія въ паркѣ, онъ все время былъ какъ бы въ бреду, и теперь ему трудно было думать связно. Всего яснѣе засѣла у него въ памяти безконечно утомительная борьба съ безчувственнымъ тѣломъ тетки, которое онъ тащилъ изъ алькова черезъ пылавшую комнату.

Особенно ярко выдѣлялось одно воспоминаніе. Серебристая голова, не прикрытая, какъ всегда, парикомъ, и бѣлые волосы, шевелившіеся въ огненномъ свѣтѣ пожара. Тамъ, въ альковѣ, онъ споткнулся и упалъ вмѣстѣ съ нею, потомъ наступилъ ей каблукомъ на худенькую, старческую руку. У него щемило сердце и кружилась голова. Онъ не могъ отогнать этой мысли, все видѣлъ передъ собой руку, такую знакомую, съ тоненькими косточками пальцевъ, съ набухшими синими жилами, ту самую руку, которая скользила по косяку, отыскивая исчезнувшую *мезузо*. И на эту руку онъ наступилъ ногой! Навѣрное, ей было больно, хоть она была и безъ сознанія.

Больше онъ ничего не помнилъ. Онъ могъ представить себѣ лицо тетки въ рамкѣ серебристыхъ сѣдинъ, кровавую пасть воротъ, блестящія рыбьи чешуйки на подоконникѣ. Но ничего больше. Потомъ онъ сталъ думать оПодди, о дѣтяхъ— успѣли ли ихъ спасти?.. Вѣдь лѣстница еще не горѣла. Онъ слышалъ на дворѣ голоса Эсси и Зейкернера, слышалъ отчаянный крикъ Миньтье. Ихъ, вѣрно, спасли. Если-бъ онъ легъ въ комнатѣ Подди, какъ было условлено, произошло бы страшное несчастье... Ревекка съ Іоозеномъ и дѣтьми, навѣрное, пріютились у кого-нибудь изъ сосѣдей. Надо будетъ спросить ночную дежурную, когда она придетъ въ палату: привезли ли въ больницу Подди?..

Больше онъ думать не могъ. Онъ слишкомъ усталъ и такъ радъ былъ покою и тишинѣ больничной палаты, радъ, что лежитъ на чистой постели, тепло укрытый, что вокругъ уютно и чисто... ахъ, какъ онъ усталъ отъ этой ужасной, мучительной ночи!.. Ему немножко непріятно было вспомнить о своихъ брошюрахъ и книгахъ: онъ такъ дорожилъ ими. Вотъ, если кровать сгорѣла, это хорошо: онъ все равно не могъ бы уснуть на этой кровати послѣ того, какъ *она* спала на ней, со своими горестными, ужасными думами...

Онъ закрылъ глаза, такъ какъ его раздражалъ даже слабый свѣтъ ночника, и представилъ себѣ лицо Ревекки, съ темной линіей бровей и волнистыми черными волосами. Теперь онъ могъ думать о ней безъ горечи, безъ раздраженія. Онъ побѣдилъ свое отчаяніе. Теперь ужъ все равно: хуже вѣдь ничего не будетъ. Онъ отдыхалъ, почти физически наслаждаясь покоемъ, и прислушивался къ ровному дыханію спящихъ сосѣдей.

Когда пришла дежурная сестра, онъ слегка приподнялся на постели и спросилъ, гдѣ лежитъ Подди.

— Какой Подди?—съ удивленіемъ спросила она.

— Мой сосѣдъ по дому,—тотъ самый, что лежалъ больной, когда вспыхнулъ пожаръ. А какъ здоровье тетки Регги, которую я вытащилъ изъ огня?

— Вы задаете слишкомъ много вопросовъ... Вообще, вамъ нельзя много говорить: докторъ не велѣлъ,—сказала сестра.— Пожалуйста, молчите. Надо дать покой вашей груди, полный покой, понимаете?

Онъ улыбнулся ея тревогѣ.

— Вы только скажите мнѣ, успѣли ли унести дѣтей и бѣднягу Подди?..

— Ничего не скажу, ни единаго слова. Когда вы поправитесь, мы вамъ все разскажемъ, но не теперь. И вы, пожалуйста, не волнуйтесь, потому что...—она запнулась,—потому что для этого нѣтъ никакихъ основаній...

Онъ съ безпокойствомъ глядѣлъ ей вслѣдъ, напуганный ея уклончивыми отвѣтами, смыслъ которыхъ онъ начиналъ понимать. Быть можетъ, тетя Регги или Подди, или кто нибудь изъ дѣтей... И вдругъ его охватилъ безумный страхъ. Кто же вытащилъ Саартье и Моосье изъ алькова? Вѣдь послѣ него туда уже нельзя было войти. Значитъ, дѣти...

Въ отчаяніи онъ сѣлъ на постели и уставился широко раскрытыми глазами въ пространство. Сестра уже ушла. На противоположной кровати кто-то стоналъ.

Онъ всталъ, шатаясь, еле держась на ногахъ отъ слабости. Переходя отъ одной койки къ другой, онъ искалъ среди спящихъ Давида, чтобы разспросить его. Но его не было. При видѣ столика сидѣлки, его осѣнила блестящая мысль. Добраться до этого столика, на которомъ лежала „Народная газета“, стоило ему неимовѣрныхъ усилій, хотя разстояніе было всего нѣсколько шаговъ. Добравшись, онъ почти упалъ на стулъ и началъ искать. На первой же страницѣ жирнымъ шрифтомъ было напечатано: *„Стачка гранильщиковъ окончилась побѣдой рабочихъ!“* На второй такими же крупными черными буквами было выведено заглавіе: *„Пожаръ въ еврейскомъ кварталѣ. Семь человѣческихъ жертвъ: двое взрослыхъ и пятеро дѣтей“*. . . . .

. . . .

Онъ положилъ газету и съ минуту сидѣлъ, не понимая, совершенно растерянный. Потомъ всталъ, забывъ объ усталости, подошелъ къ ночнику и безучастно, спокойно, какъ будто ничто не касалось его, прочелъ сухой перечень фактовъ:

„При первомъ же извѣстіи о пожарѣ, на помощь выѣхали пожарныя команды съ Агнитенштраатъ и Весперплена.

По прибытіи, онѣ нашли оба этажа дома уже объятыми пламенемъ. Тотчасъ же привезены были паровые насосы изъ ближайшихъ пожарныхъ частей. Но въ ходъ были пущены только два. Пожарные, подъ руководствомъ старшаго брандмейстера центральной пожарной части, что на Весперпленѣ, энергично боролись съ сильнымъ огнемъ, заливая его водой съ крышъ сосѣднихъ домовъ. Первыя минуты, по прибытіи пожарныхъ на мѣсто катастрофы, были ужасны, ибо всѣ знали, что въ горѣвшемъ домѣ еще оставались люди. Прибавьте къ этому естественное смятеніе, крики о помощи, стоны и вопли, множество полуодѣтыхъ людей (этотъ кварталъ густо населенъ), молодыхъ и старыхъ, мужчинъ и женщинъ, мечущихся въ испугѣ по улицѣ, и вы довольно ясно представите себѣ эту картину ночного ужаса. Полиціи съ большимъ трудомъ удавалось поддерживать порядокъ.

„Мы осмотрѣли сгорѣвшее зданіе. Лицевой фасадъ дома также сильно пострадалъ, но, по крайней мѣрѣ, лѣстницы остались цѣлы; изъ окна, выходящаго во дворъ, видѣнъ цѣлый лабиринтъ узкихъ корридоровъ, каморокъ и закоулковъ; всюду обгорѣлыя стѣны; всюду валяются обугленные доски и куски дерева; можно только удивляться, что при этой катастрофѣ не погибло еще больше человѣческихъ жизней.

„Пожаръ вспыхнулъ въ подвальномъ этажѣ, въ квартирѣ вдовы Регги Принсъ. Причина, по всей вѣроятности, лопнувшая керосиновая лампа, которую забылъ погасить послѣдній вернувшійся обитатель этой квартиры, Давидъ Принсъ. Нѣкій Элеазаръ, —какъ говорятъ, племянникъ вдовы Регги Принсъ,—одновременно съ полицейскими замѣтилъ огонь. Ему посчастливилось съ опасностью жизни вытащить изъ огня свою уже безчувственную тетку, но при этомъ онъ самъ получилъ довольно сильные обжоги. Оба теперь находятся въ еврейской больницѣ и внѣ опасности. Въ особенности слѣпая тетка чувствуетъ себя сравнительно очень хорошо, принимая во вниманіе обстоятельства. Точно такъ же и зять ея, Давидъ Принсъ, только оглушенный дымомъ, но серьезно не пострадавшій; онъ также былъ привезенъ въ больницу, и теперь, по всей вѣроятности, уже выписался. Къ сожалѣнію, въ альковѣ оставались еще спящія дѣти, мальчикъ и дѣвочка, которыхъ уже нельзя было спасти. Обуглившіеся трупики ихъ нашли подъ кучей обломковъ. При попыткахъ спасенія пострадало еще нѣсколько человѣкъ, но не серьезно. Въ верхнемъ этажѣ пожарными найденъ трупъ еврея-папиросника, выходца изъ Россіи. Сынъ его вылѣзъ изъ слухового окошка на крышу и спасся.

„Въ верхнемъ этажѣ глазамъ зрителей представилась ужасная картина: застрявшій въ одномъ изъ разбитыхъ стеколъ окна обгорѣлый трупъ молодой женщины, дочери

папиросника. И еще выше, на площадкѣ лѣстницы, трое дѣтей, по всей вѣроятности, задохшихся отъ дыма во время попытки спастись. Тяжесть этого несчастья, обрушившагося на небогатый и густо заселенный еврейскій кварталъ, еще усугубляется довольно значительными убытками: у многихъ бѣдняковъ даже не былъ застрахованъ ихъ домашній скарбъ, и они потеряли все, что имѣли.

„Имена погибшихъ: *Саартье Принсъ*, дѣвочка лѣтъ двѣнадцати; *Моосье Принсъ*, мальчикъ двухъ лѣтъ; не встававшій съ постели больной папиросникъ *Подновскій*, болѣе извѣстный въ своемъ околодкѣ подъ именемъ *Подди*; дочь его *Ревекка*, восемнадцати лѣтъ, и трое дѣтей: *Серре*, *Салли* и *Розетье*.

„Настроеніе въ еврейскомъ кварталѣ крайне удрученное. Въ слѣдующемъ номерѣ газеты мы еще вернемся къ этому пожару и посвятимъ передовую статью печальному состоянію жилищъ въ еврейскомъ кварталѣ, которое, по нашему мнѣнію, и является главной причиной катастрофы".

. . . .

Элеазаръ неподвижно стоялъ подъ шипѣвшимъ газовымъ рожкомъ. Бумага въ его рукахъ не дрожала. Онъ еще разъ прочелъ заключеніе, и опять глаза его остановились на напечатанныхъ жирнымъ шрифтомъ знакомыхъ именахъ, которыя здѣсь казались ему чужими. Потомъ онъ машинально положилъ на столъ газету; шатаясь, прошелъ разстояніе, отдѣлявшее его отъ его койки, и натянулъ одѣяло на голову, не издавъ ни малѣйшаго звука.

На слѣдующее утро его нашли въ безсознательномъ состояніи.

Онъ больше не приходилъ въ себя. Его навѣстилъ Іуда. Онъ пришелъ утѣшить его, разсказать ему, какъ хоронили Подди и его дѣтей, какъ весь еврейскій кварталъ провожалъ ихъ на кладбище, какъ люди останавливались на улицѣ и плакали отъ жалости при видѣ двухъ большихъ и пяти малыхъ гробовъ, кстати, разсказать ему и о побѣдѣ, впервые одержанной рабочими,—но Іуду не пустили къ нему.

За то допустили Регги, еще не знавшую о гибели своихъ внучатъ. Ее привела сестра милосердія, подъ условіемъ не разговаривать съ больнымъ.

Слѣпая сидѣла у него на кровати, и тонкіе худые пальцы ея здоровой руки скользили по лицу Элеазара.

Но не ощущая дыханія ни около носа, ни около рта, старушка вдругъ вся затряслась и заплакала...

Изъ еврейской больницы тѣло Элеазара свезли на еврейское кладбище и похоронили по еврейскому обряду.

КОНЕЦЪ.

Духовная смута въ освѣщеніи Н. К. Михайловскаго.

IV.

Для всего душевнаго склада Достоевскаго Михайловскій считалъ особенно характернымъ, что онъ „до такой степени вѣрилъ въ силу личной нравственной проповѣди и въ единоспасающее значеніе личнаго совершенствованія, что всякіе иные пути устраненія униженій и оскорбленій казались ему самымъ дерзкимъ возстаніемъ и противъ исторіи, и противъ народныхъ идеаловъ, и даже противъ Бога". „Проще говоря, замѣчаетъ Михайловскій, это была вѣра въ свою собственную силу", — чрезвычайная вѣра въ силу своего чувства и своего слова. Она была проявленіемъ ощущенія въ себѣ большихъ силъ, а въ частности необычайнаго психологическаго проникновенія въ сложнѣйшіе изгибы человѣческой души. Повинуясь своей жаждѣ морализировать, поучать, будить совѣсть, онъ удовлетворялъ совершенно законнымъ требованіямъ своего темперамента и своихъ взглядовъ на личную нравственность. И Михайловскій на это ничего не имѣлъ бы сказать. Но, по его мнѣнію, это былъ бы вполнѣ нормальный путь только въ томъ случаѣ, если бы эта дѣятельность происходила не въ безвоздушномъ пространствѣ, когда рядомъ съ ней шло бы движеніе общественное. „Но этого-то послѣдняго, говоритъ Михайловскій, Достоевскій никогда не признавалъ и, кажется, даже просто органически не могъ понять". Въ этомъ отношеніи онъ дошелъ до утвержденія, что помѣщица Коробочка и ея крѣпостные могли бы устроить свои отношенія въ наивысшемъ нравственномъ видѣ, оставаясь помѣщицей и крѣпостными,—если бы только прониклись идеями христіанской морали. Съ этой же точки зрѣнія онъ въ послѣднее время своей жизни чрезвычайно горячо и язвительно возставалъ противъ новыхъ „учрежденій", доказывая ихъ тщету и, напротивъ, единоспасающее значеніе личнаго совершенствованія.

Останавливаясь на приведенномъ мнѣніи Достоевскаго по поводу Коробочки, Михайловскій говоритъ:

„Никто не сомнѣвается въ возвышенности христіанской морали, но въ этой выходкѣ сквозитъ такое страшное презрѣніе ко всякому общественному идеалу, что поневолѣ вспомнишь „джентльмэна съ ретроградной и насмѣшливой физіономіей", о которомъ упоминается въ „Запискахъ изъ Подполья". Подпольный человѣкъ, разсуждая о нѣкоторой теоріи общественныхъ отношеній, между прочимъ, пишетъ: „Вѣдь я, напримѣръ, нисколько не удивлюсь, если вдругъ ни съ того, ни съ сего среди всеобщаго будущаго благоразумія возникнетъ какой нибудь джентльмэнъ съ неблагородной или, лучше сказать, съ ретроградной и насмѣшливой физіономіей, упретъ руки въ боки и скажетъ: а что, господа, не столкнуть ли намъ все это благоразуміе съ одного раза ногой, прахомъ, единственно съ тою цѣлью, чтобы всѣ эти логарифмы отправились къ чорту, и чтобы намъ опять по своей глупой волѣ пожить. И это бы еще ничего, но обидно то, что вѣдь непремѣнно послѣдователей найдетъ: такъ человѣкъ устроенъ. И все это оттого, что человѣкъ всегда и вездѣ, кто бы онъ ни былъ, любилъ дѣйствовать такъ, какъ хотѣлъ, а вовсе не такъ, какъ повелѣвали ему разумъ и выгода: хотѣть же можно и противъ собственной выгоды, а иногда положительно должно. Свое собственное, вольное и свободное хотѣнье, свой собственный, хотя бы самый дикій капризъ своя фантазія, раздраженная иногда хотя бы даже до сумасшествія: вотъ это и есть та выгода, которая ни подъ какую классификацію не подходитъ, и отъ которой всѣ системы и теоріи постоянно разлетаются къ чорту".

Пользуясь образомъ изъ этой картины, Михайловскій прибавляетъ: „На этотъ разъ фантастическій джентльмэнъ долженъ бы былъ, „уперевъ руки въ боки", сказать: а давайте-ка, господа, столкнемъ къ чорту все, что выработано и выстрадано человѣчествомъ по части общественныхъ идеаловъ: не все ли, собственно говоря, равно—крѣпостное право, теперешній, завтрашній порядокъ? все это чепуха, ибо во всякомъ положеніи можно быть высоко-нравственнымъ человѣкомъ".

Презирая въ такой степени значеніе общественныхъ формъ, да и вообще не желая знать никакихъ „системъ и теорій", Достоевскій отдавался капризнымъ внушеніямъ своей фантазіи совершенно безконтрольно. Какія-то интимныя побужденія направляли его художественное вниманіе по преимуществу на всевозможныя болѣзненныя душевныя явленія, мучительныя, безъисходно терзающія душу. Эта болѣзненная складка не подвергалась контролю и регулированію со стороны какихъ бы то ни было опредѣленныхъ руководящихъ началъ. И потому стремленіе къ болѣзненному, переходящему въ мучительное, повлекло за собой ослабленіе чувства мѣры. Посредствомъ разбора цѣлаго ряда произведеній Достоевскаго Михайловскій обнаруживаетъ въ его творчествѣ какую-то страсть рыться въ глубинѣ души, разыскивая въ ней проявленія мучительства и ненужнаго тиранства, подходя къ нимъ со стороны ихъ привлекательности, со стороны какъ бы заключающагося въ мучительствѣ сладострастія. Вотъ нѣсколько относящихся сюда соображеній изъ разныхъ произведеній Достоевскаго. „Человѣкъ — деспотъ отъ природы и любитъ быть мучителемъ". „Тиранія есть привычка, обращающаяся въ потребность". „Я

дошелъ до того, что иногда теперь думаю, что любовь-то и заключается въ добровольно дарованномъ отъ любимаго предмета правѣ надъ нимъ тиранствовать". „Странная вещь эта дружба! Положительно могу сказать, что я на девять десятыхъ сталъ съ нимъ друженъ изъ злобы". Въ пристрастіи къ изображенію этого рода явленій Достоевскій терялъ чувство мѣры. Это давало себя знать и въ той безпричинности и безцѣльности проявленій мучительства, которыми онъ загромождалъ свои произведенія,—безпричинности и безцѣльности, какъ съ точки зрѣнія правдивости, такъ и съ художественной стороны.

„Формальнымъ образомъ на архитектурѣ его произведеній это отражалось непомѣрными и нехудожественными длиннотами, вводными сценами, отступленіями — во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда былъ соблазнъ мучительно пощекотать нервы читателя или подвергнуть жестокому воздѣйствію кого-нибудь изъ персонажей. При этомъ внутренняя сторона всѣхъ этихъ отступленій и вводныхъ картинъ часто не вызывается теченіемъ романа, не соотвѣтствуетъ жизненной правдѣ, не имѣетъ нравственнаго смысла и не шевелитъ въ читателѣ мысль. Чтобы получить какое-нибудь созданное имъ лицо, онъ наваливаетъ на него невѣроятную гору несчастій, заставляетъ его совершить самыя вычурныя преступленія и терпѣть за нихъ соотвѣтственныя угрызенія совѣсти, волочитъ ихъ сквозь тысячи бѣдъ и оскорбленій, самыхъ фантастическихъ, самыхъ невозможныхъ. Житейское, обыденное оставляется при этомъ безъ вниманія или ему удѣляется таковое въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ, а за то каждый мельчайшій штрихъ, каждая микроскопическая подробность ненужнаго страданія развивается съ тщательностью виртуоза".

И чѣмъ больше измѣняло ему чувство мѣры и самообладанія, чѣмъ больше онъ поддавался потребности наслаждаться процессомъ безпредметнаго „трепетанія нервами", тѣмъ легче было зародиться фантастически произвольной и ни на чемъ не обоснованной идеѣ, будто не только существуетъ своего рода сладострастіе въ мучительствѣ и въ страданіи, но что въ этихъ болѣзненныхъ явленіяхъ заключается какой-то общій глубокій законъ природы человѣческой, побуждающій человѣка вообще любить страданіе. Сначала въ „Запискахъ изъ подполья" „парадоксалисту" вкладывается мысль въ такой формѣ, что „человѣкъ иногда ужасно любитъ страданіе, до страсти". Затѣмъ, въ послѣдующихъ произведеніяхъ самъ авторъ любовно останавливается на тѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ, когда человѣкъ ищетъ страданія— въ искупленіе когда-то совершеннаго имъ грѣха. А съ теченіемъ времени, въ подкрѣпленіе того, что человѣку нужно страданіе, онъ уже сталъ ссылаться на авторитетъ самого Бога и въ особенности настойчиво на авторитетъ русскаго народа. Онъ сталъ утверждать, что коренная черта русскаго человѣка, особливо сохранившаяся въ народѣ, состоитъ въ неудержимомъ стремленіи къ страданію. Именно съ этой точки зрѣнія онъ полагалъ возможнымъ возставать противъ оправдательныхъ приговоровъ суда и усматривалъ въ нихъ проявленіе оторванности отъ на-

ціональной почвы и непониманіе потребности русскаго народа; судъ оправдываетъ преступника-мужика, тогда какъ тотъ самъ хотѣлъ бы попасть на каторгу и даже преступленіе-то совершаетъ именно, можетъ быть, затѣмъ, чтобы потомъ пострадать отъ угрызеній совѣсти или въ острогѣ, или на каторгѣ.

Если возникновеніе этихъ фантастическихъ воззрѣній и находитъ себѣ объясненіе въ нѣкоторыхъ случайныхъ специфическихъ свойствахъ „жестокаго таланта“ Достоевскаго, то, какъ видимъ, съ другой стороны, въ развитіи и предъявленіи этихъ идей сказались общія черты, характерныя для душевнаго состоянія, связаннаго со склонностью возлагать на личность чрезмѣрную отвѣтственность за все и про все. Тутъ именно типично это болѣзненное сочетаніе требованія смиренія и жажды жестокихъ, мучительныхъ ощущеній. Столь же характерна склонность Достоевскаго слагать отвѣтственность за свои произвольныя фантастическія утвержденія на темныя мистическія начала—въ родѣ произвольно приписываемой русскому народу специфической любви къ страданію.

Если современному читателю можетъ показаться, что въ настоящее время нѣтъ больше интереса возвращаться къ этимъ страннымъ взглядамъ Достоевскаго, то не мѣшаетъ принять во вниманіе, что дѣло собственно не въ нихъ самихъ, а въ тѣхъ условіяхъ, которыя благопріятствовали ихъ развитію. Продолжая вліять и послѣ Достоевскаго, эти же самыя условія—въ теченіе болѣе двухъ десятковъ лѣтъ, прошедшихъ съ его смерти—породили въ духовной жизни общества явленія на первый взглядъ, можетъ быть, и очень далекія отъ душевнаго строя Достоевскаго, но на самомъ дѣлѣ обладающія многими чертами близкаго сходства съ ними. Къ этимъ явленіямъ Михайловскому пришлось вернуться, когда онъ обратился въ началѣ 90-хъ годовъ къ декадентамъ, и въ концѣ ихъ—къ Максиму Горькому *).

Указывая на отсутствіе у Достоевскаго регулирующаго и руководящаго вліянія опредѣленнаго общественнаго идеала и вообще опредѣленныхъ идейныхъ началъ, Михайловскій ставилъ это обстоятельство въ вину не Достоевскому лично, а той совокупности условій, жертвой которыхъ онъ считалъ Достоевскаго. При этомъ подъ общественнымъ идеаломъ Михайловскій разумѣлъ отнюдь не просто отвлеченное представленіе объ извѣстныхъ желательныхъ общественныхъ формахъ. Онъ тутъ имѣлъ въ виду такое представленіе, которое неразрывно связано съ всестороннимъ, живымъ, личнымъ участіемъ человѣка въ созданіи

*) Сюда относится тема о жаждѣ первенства и власти, къ которой въ примѣненіи къ Достоевскому Михайловскій вернулся въ обстоятельной статьѣ, въ „Р. Б.“ 1902 г., сентябрь. О Максимѣ Горькомъ по этому поводу см. „Отклики“ II и „Р. Б.“ 1902 г., февраль.

этихъ формъ и въ ихъ осуществленіи. Вообще, говоря объ „идеалахъ“, Михайловскій всегда разумѣетъ идею о чемъ-то желательномъ, которая реально руководитъ и реально обязываетъ. Достоевскій жилъ при такихъ историческихъ условіяхъ, когда дѣйствительная жизнь самымъ рѣшительнымъ образомъ отстраняла личность отъ возможности подобнаго участія въ общественной организаціи. Достоевскій лично на себѣ испыталъ это въ высокой степени. За невиннѣйшее участіе въ дѣлѣ Петрашевскаго онъ перенесъ всѣ ужасы и весь позоръ каторги и солдатской лямки. Значитъ, помимо воздѣйствія его личныхъ вкусовъ, реальная дѣйствительность устранила его отъ малѣйшей попытки принять въ общественной жизни и ея организаціи участіе въ качествѣ живой, цѣльной личности, не только думающей и чувствующей, но и дѣйствующей. Но въ то же время личность съ такими значительными душевными силами, какъ у Достоевскаго, не могла оставаться равнодушной къ совокупности жизни и погрузиться съ головой въ разрозненныя мелочи дѣйствительности. Подобная личность невольно чувствуетъ себя отвѣтственной за это цѣлое. И въ результатѣ получается такое положеніе, что личность составляетъ часть цѣлаго и чувствуетъ себя отвѣтственной за цѣлое, въ которомъ она, какъ въ цѣломъ, тѣмъ не менѣе не можетъ принимать реальное участіе. Отсюда само собой создается положеніе, до извѣстной степени наталкивающее ее на то, чтобы кидаться отъ безмѣрнаго смиренія къ чрезмѣрной самонадѣянности: она чувствуетъ себя то безсильной дробью чрезвычайно большого и чуждаго ей цѣлаго, то отвѣтственной за это цѣлое во всемъ его объемѣ. Она и мечется отъ смиреннаго требованія себѣ страданія до разныхъ высокомѣрныхъ притязаній: на всечеловѣка, Константинополь и тому подобное. И все это въ мистическомъ туманѣ экзальтированной души, не желающей знать никакого контроля надъ самымъ фантастическимъ изъ своихъ внушеній и увлекаемой возвышенной, но безотвѣтственной ролью „пророка“.

Другой оттѣнокъ получили тѣ же и сходные мотивы у гр. Л. Толстого,—и смиреніе, и грандіозно высокомѣрныя, тоже съ „пророческимъ“ оттѣнкомъ—притязанія на самоличное рѣшеніе универсальныхъ задачъ.

V.

Гр. Л. Толстой, который, какъ моралистъ и философъ, занялъ такое видное мѣсто въ умственныхъ теченіяхъ русской жизни, въ особенности въ восьмидесятыхъ годахъ,—привлекъ къ себѣ усиленное вниманіе Михайловскаго, въ качествѣ мыслителя еще къ 1875 году. Михайловскій тогда проявилъ вели-

чайшій интересъ въ „глубокой и оригинальной точкѣ зрѣнія“ Толстого на цѣлый рядъ вопросовъ, высказанныхъ имъ въ четвертомъ томѣ его сочиненій. Михайловскій выразилъ восторженное удивленіе предъ необычайной смѣлостью мысли гр. Толстого и, выражая „почтеніе и сочувствіе“ существенной части его воззрѣній, тогда же, однако, отмѣтилъ „излишнюю простоту“ его взглядовъ. Эти взгляды,—говоритъ Михайловскій,—„часто слишкомъ просты и, такъ сказать, прямолинейны для того, чтобы вполнѣ соотвѣтствовать сложной и запутанной дѣйствительности“ (VI, 492).

Уже тогда эта „простота“ его смущала. Современемъ она обратилась въ ту „упрощенность“, которая и удивляла, и глубоко возмущала его въ сужденіяхъ гр. Толстого за послѣдніе годы, когда этотъ послѣдній освободился отъ сомнѣній и колебаній молодыхъ лѣтъ. Въ ту пору Михайловскому казалось, что въ душѣ гр. Толстого происходитъ драма. Онъ оговаривается, что это только гипотеза, но такая гипотеза, безъ которой гр. Толстой представляется ему неразрѣшимой загадкой. Данныя для сужденія объ этой драмѣ въ изобиліи представлены въ собственныхъ заявленіяхъ гр. Толстого. Основной мотивъ этого душевнаго разлада Михайловскій представлялъ себѣ заключающимся въ чувствѣ отвѣтственности гр. Толстого, какъ представителя цивилизованнаго общества и какъ писателя, предъ нецивилизованнымъ обществомъ въ его цѣломъ—предъ „народомъ“. Положеніе было такое. Гр. Толстой, завидуя чистотѣ совѣсти и „гармоническому“ развитію изображенныхъ имъ первобытныхъ „Лукашекъ и Илюшекъ“, не можетъ завидовать скудости ихъ понятій, печальнымъ сторонамъ ихъ образа жизни, ихъ невѣжеству, ихъ грубости. Напротивъ, онъ желалъ бы отъ души поднять ихъ на высшую ступень развитія. Онъ даже долженъ считать это своей обязанностью. Но можетъ ли онъ, могутъ ли цивилизованные люди вообще это сдѣлать? и если могутъ, то какъ слѣдуетъ приняться за дѣло? Гр. Толстой,—говоритъ Михайловскій, — очевидно, мучительно, болѣзненно занятъ этимъ вопросомъ. Есть что-то лихорадочное въ его пріемахъ, онъ то даетъ одно рѣшеніе, то беретъ его назадъ, то опять къ нему возвращается, то боится вмѣшательства цивилизованныхъ людей, то призываетъ его, то удаляется въ будуары Каренинныхъ и Курагиныхъ и старается отыскать въ этомъ мірѣ хоть что-нибудь „гармоническое“, то топчетъ этотъ міръ.

И Михайловскому представляется, что эта лихорадка вполнѣ понятна. Изломанный, искалѣченный „цивилизованный“ человѣкъ, стоя предъ міромъ грубости и невѣжества, въ которомъ, однако, есть задатки высшей красоты, высшей правды и высшаго добра, и чувствуя себя обязаннымъ внести въ этотъ міръ что-то большое и важное, поневолѣ долженъ смущаться. Гр. Толстой убѣжденъ, что „литература есть одинъ изъ видовъ эксплуатаціи на-

рода, тѣмъ не менѣе участвуетъ въ ней. А не участвовать въ ней онъ не можетъ, потому что, какъ вѣчному жиду таинственный голосъ не уставалъ говорить: иди, иди, иди! такъ и гр. Толстому внутренній голосъ, голосъ его богато одаренной природы, не устаетъ говорить: пиши, пиши, пиши!" Этотъ голосъ его богато одаренной природы навязывалъ ему роль и отвѣтственность, которую при данныхъ условіяхъ,—при его взглядахъ на обязанности, задачи и отвѣтственность литературы,—онъ не считалъ возможнымъ возлагать на представителя „испорченнаго меньшинства — такъ называемаго образованнаго класса". Отсюда получился рядъ противорѣчій, какъ въ его дѣятельности, такъ и въ его сужденіяхъ. Разбираясь въ этихъ противорѣчіяхъ, Михайловскій находилъ, что они заслуживаютъ самого большого вниманія, такъ какъ причины, толкающія такого человѣка, какъ гр. Л. Толстой, къ такимъ рѣзкимъ противорѣчіямъ, должны непремѣнно быть очень серьезны и очень поучительны.

Почти за 30-тилѣтній періодъ, прошедшій съ тѣхъ поръ, эти причины постепенно пріобрѣли много въ ясности, да и противорѣчія обострились.

Нѣсколько болѣе десяти лѣтъ прошло послѣ первыхъ статей Михайловскаго о гр. Толстомъ, и наступила знаменательная эпоха преклоненія предъ ученіемъ Толстого. Михайловскій, посвящая разбору этого ученія рядъ статей, горячо заявляетъ, что никому не уступитъ „въ глубокомъ уваженіи къ десницѣ Толстого, въ уваженіи и любви почти личной". Но въ то же время онъ выражаетъ свое глубокое огорченіе по поводу противорѣчій, насквозь пронизавшихъ дѣятельность Толстого, какъ моралиста. Противорѣчія эти подкапывали живой смыслъ его проповѣди и цѣнность ея для реальной дѣйствительности съ той именно стороны, которая представлялась Михайловскому дороже всего. Это были противорѣчія, отнимавшія у нравственныхъ предписаній Толстого не только возможность согласованія слова съ дѣломъ для него самого,—это только частность личнаго свойства,—но и вообще характеръ чего-нибудь способнаго руководить. Это уже были противорѣчія, въ самомъ корнѣ подкашивавшія убѣдительность его моральныхъ предписаній — живую способность и силу обязывать къ чему-нибудь.

Въ основѣ всѣхъ противорѣчій гр. Толстого лежитъ, такъ сказать, ошибка перспективы — относительно общественной приложимости его поученій. Ему, напримѣръ, казалось, что онъ вполнѣ рѣшаетъ вопросъ о правильномъ распредѣленіи труда, когда онъ придумалъ свое раздѣленіе дня на четыре „упряжки", согласно которому „одна часть дня—первая упряжка—посвящается тяжелому труду, другая—умственному, третья — ремесленному и четвертая — общенію съ людьми". — И непосредственно вслѣдъ за этими словами гр. Толстой пишетъ: „Мнѣ

представилось, что тогда только уничтожится то ложное раздѣленіе труда, которое существуетъ въ нашемъ обществѣ, и установиться то справедливое раздѣленіе труда, которое не нарушаетъ счастія человѣка“. Такимъ образомъ, въ своемъ правилѣ о четырехъ упряжкахъ онъ видѣлъ не просто правило для себя лично; ему казалось, что онъ даетъ общее правило. Но какъ общее правило, оно, если примѣнить его ко всему человѣчеству или хотя бы къ отдѣльному народу, осуществимо только для очень небольшой его части. Эта программа жизни явно недоступна ни рабочему, ни городскому жителю, ни даже деревенскому. Какъ говоритъ Михайловскій, „вообще человѣкъ, имѣющій какое-нибудь свое дѣло, настоящее, а не игрушечное дѣло, которымъ онъ кормится и семью кормитъ, можетъ только улыбнуться на предложеніе жить въ упряжкѣ и отрываться отъ своего дѣла для того, чтобы наколоть дровъ или натаскать воды, дабы тѣмъ выразить свою любовь къ ближнему. Благо тому, кто можетъ дѣлать эти веселыя, пріятныя, здоровыя экскурсіи отъ своего собственнаго дѣла къ чужому, но такихъ счастливцевъ не много найдется“. Такимъ образомъ, хотя правило о четырехъ упряжкахъ какъ будто заключаетъ въ себѣ проповѣдь труда и отрицаніе роскоши, но въ результатѣ—въ соотвѣтной общественной перспективѣ—оно является ни чѣмъ инымъ, какъ проповѣдью роскоши. Это странное, но вмѣстѣ съ тѣмъ явное противорѣчіе получилось оттого, что правило приноровленное къ очень тѣсно ограниченнымъ общественнымъ условіямъ, произвольно распространяется на совокупность всего общества. Для самого гр. Толстого и для тѣхъ немногихъ, кто находится въ одинаковой съ нимъ обстановкѣ, его правило можетъ быть идеально хорошо. Но они составляютъ очень небольшую частицу общества въ его цѣломъ. И поэтому, чѣмъ въ большей степени эта частица общества отдѣлена отъ остальныхъ классовъ своими привычками, вкусами и интересами, тѣмъ несообразнѣе такой пріемъ перенесенія на цѣлое того, что пригодно для отдѣльной части, — тѣмъ больше въ этомъ пріемѣ заключается произвольнаго и фантастическаго по отношенію къ реальной дѣйствительности. Такой пріемъ необычайно упрощаетъ задачу, онъ дѣйствительно даетъ очень простое общее правило, какъ будто пригодное для всѣхъ, независимо отъ тѣхъ или другихъ общественныхъ комбинацій и осложненій. Въ этомъ и состоитъ соблазнительная простота вообще всякаго такого правила „личной морали“. Но эта простота, какъ видимъ, цѣликомъ основана на явной ошибкѣ перспективы, заставляющей рекомендовать роскошь подъ видомъ проповѣди труда. Въ цѣломъ, благодаря этой постановкѣ всего вопроса, рѣшеніе гр. Толстого въ общемъ не даетъ ровно ничего руководящаго.

Та же самая комбинація легла въ основаніе знаменитаго уче-

нія о непротивленіи злу. Здѣсь опять чрезвычайно простое положеніе, произвольно предписывающее всегда и всѣмъ правило поведенія, которое, можетъ быть, и прекрасно, но только въ совершенно спеціальной комбинаціи общественныхъ условій. Михайловскій разбираетъ это ученіе, пользуясь однимъ эпизодомъ изъ сказки гр. Толстого „объ Иванѣ Дуракѣ и его двухъ братьяхъ". Здѣсь разсказывается, какъ дьяволъ нагналъ на Дураково царство „тараканскаго царя" войной, а дураки не желаютъ сопротивляться. Солдаты отбираютъ у дураковъ хлѣбъ, скотину, а дураки отдаютъ, и никто не обороняется. Кончается тѣмъ, что когда солдаты, по приказу своего царя, всетаки жгутъ дома и хлѣбъ, бьютъ скотину, а дураки и тутъ все не обороняются, только плачутъ и говорятъ — за что вы насъ обижаете? — то „гнусно стало солдатамъ. Не пошли дальше, и все войско разбѣжалось". Такимъ способомъ побѣждаетъ непротивленіе злу, согласно правилу: „покорись бѣдѣ, и бѣда тебѣ покорится".

Въ этомъ разсказѣ Михайловскій видитъ вопіющую неправду. „Мы очень хорошо знаемъ, — говоритъ онъ, — что при всякомъ нашествіи иноплеменниковъ извѣстная часть побѣжденнаго населенія не противится злу. И, однако, никогда еще не бывало, чтобы тараканцы, монголы или какіе другіе побѣдители оставляли въ покоѣ непротивящихся, потому что имъ „гнусно стало". Въ самомъ благопріятномъ случаѣ, когда тараканцы даже въ самомъ дѣлѣ удалялись, они устраивали у побѣжденныхъ свои порядки и налагали на нихъ дань". Обыкновенно бываетъ такъ, что „тараканцамъ нисколько не гнусно, и они спокойно остаются въ Дураковомъ царствѣ". При этомъ только измѣняется форма насилій — острыя насилія смѣняются хроническимъ, спокойнымъ владычествомъ, и „дураки" работаютъ на тараканцевъ, кормятъ, поятъ, одѣваютъ ихъ, платятъ дани и оброки". Съ точки зрѣнія „непротивленія злу" это хорошо, — хорошо то, что дураки не сопротивляются злу. Но въ то же время, повидимому, выходитъ такъ, что хотя они и рабы, но и въ этомъ ничего дурного нѣтъ. Мало того, съ точки зрѣнія „непротивленія злу", тѣ, кто причиняетъ зло, тѣ тараканцы, которые свалили съ себя всю работу на дураковъ, составляютъ естественно неизбѣжную и необходимую составную часть идиллической картины, которая наступила съ того момента, какъ прекратилось противленіе злу. Съ этой точки зрѣнія всякій миръ хорошъ только потому, что онъ миръ, а всякая война есть зло уже потому, что она война, совершенно независимо отъ того, во имя чего ведется война и въ чемъ состоятъ отношенія, которыя освящаются миромъ. Но ясно, что при такихъ условіяхъ общая проповѣдь мира или непротивленія злу въ цѣломъ обращается въ своего рода поощреніе насилія. Поэтому, въ концѣ концовъ, неизвѣстно, что собственно рекомендуется — смиренное ли повиновеніе насилію и вообще

„злу“, или безпрепятственное совершеніе насилій и зла, или и то, и другое вмѣстѣ, или, въ концѣ концовъ, ровно ничего не рекомендуется?

Такой же пріемъ повторяется и въ проповѣди воздержанія отъ любви, вложенной въ уста Позднышеву. У Позднышева въ любви получился свой очень печальный опытъ, и онъ этотъ спеціальный опытъ возводитъ въ законъ природы и дѣлаетъ изъ него тотъ общій выводъ, что половая любовь неестественна. Этимъ путемъ онъ совершенно произвольно навязываетъ въ законъ природы всѣ тѣ безобразныя, уродливыя формы любовныхъ отношеній, въ которыя чувство это выливается только въ спеціальныхъ, тѣсно ограниченныхъ условіяхъ. По выраженію Михайловскаго, „Позднышевъ, обжегшись на своемъ молокѣ, дуетъ на чужую воду, да еще на какую воду-то, на цѣлый океанъ“. И въ результатѣ этого — ни къ чему не ведущее негодованіе противъ природы и нравственныя предписанія, не имѣющія никакихъ шансовъ кого-нибудь убѣдить. То же самое положеніе занялъ гр. Толстой и въ своей проповѣди противъ куренія и пьянства, въ которой онъ, на основаніи своего личнаго опыта, утверждаетъ, что люди бросаютъ куреніе, когда они достигаютъ болѣе высокаго нравственнаго уровня, и что вообще люди курятъ и пьютъ только, чтобы заглушить голосъ совѣсти. Вообще, во всѣхъ этого рода правилахъ и поученіяхъ, чрезвычайно капризно смѣнявшихъ другъ друга у гр. Толстого, даже въ ихъ противорѣчіяхъ, можно сказать, есть своя система. Это—постоянное возведеніе въ нѣчто обязательное для всѣхъ классовъ общества, для всѣхъ комбинацій и для всѣхъ случаевъ—спеціальныхъ нормъ, случайныхъ положеній, произвольныхъ въ своей общности и неопредѣленности, хотя бы въ родѣ того, что „женщинѣ слѣдуетъ заниматься рожденіемъ и кормленіемъ“ и т. п. Въ итогѣ всѣ эти моральныя предписанія не осуществимы, не приложимы къ дѣйствительности. Даже самъ гр. Толстой, не говоря уже о многихъ его послѣдователяхъ, очень часто и не думаетъ объ ихъ осуществленіи. По своей неопредѣленности они иногда могутъ показаться чѣмъ-то очень широкимъ. Но именно потому, что они взяты изъ тѣсно ограниченной, узкой комбинаціи условій (обыкновенно это результатъ спеціальной комбинаціи извѣстныхъ общественныхъ отношеній), идея дать имъ общее приложеніе всегда несетъ въ себѣ задатки фантастическаго произвола. Вслѣдствіе этого, при всей своей кажущейся ширинѣ, въ приложеніи къ дѣйствительности они роковымъ образомъ сводятся къ чему-то болѣе чѣмъ скромному, въ родѣ, напримѣръ, совѣта женщинамъ: для того, „чтобы усвоить себѣ высшее міросозерцаніе, не посѣщать курсовъ, а только прочесть евангеліе и не закрывать глазъ, ушей и, главное, сердца“. И получается такое положеніе, что, какъ говоритъ Михайловскій, „размахнется чело-

вѣкъ такъ, что, кажется, камня на камнѣ не оставитъ, анъ смотришь,—все на своемъ мѣстѣ". Вся ширина размаха сводится къ нулю, потерявъ всякую практическую цѣну, и обращается въ нѣчто фантастическое, висящее въ воздухѣ, благодаря тому, что потеряна перспектива общественной обстановки вещей: то, что имѣетъ извѣстный реальный смыслъ, да и то условный, въ совершенно спеціальныхъ условіяхъ жизни, навязывается всему человѣчеству и всей природѣ. Если же пытаться дать такимъ фантазіямъ осуществиться, то вслѣдствіе такого ихъ происхожденія получается ни съ чѣмъ не сообразное посягательство на живые, естественные интересы человѣка. „Самый деспотическій произволъ—говоритъ Михайловскій по поводу статьи „Что такое искусство"—безпощадный и жестокій, господствуетъ во всѣхъ новѣйшихъ произведеніяхъ гр. Толстого. Ему ничего не стоитъ любое явленіе жизни, какъ бы оно ни было значительно, изломать, изогнуть, совсѣмъ упразднить въ угоду своей капризной мысли" (Отклики, II, 316).

А между тѣмъ, гр. Толстой въ послѣдній періодъ своей дѣятельности освободился отъ своихъ прежнихъ сомнѣній, которыя могли бы сдерживать его въ этомъ отношеніи,—сомнѣній относительно того, позволительно ли ему, въ качествѣ представителя обособленнаго меньшинства, брать на себя полную, безраздѣльную и безконтрольную отвѣтственность по отношенію къ задачамъ общества въ его цѣломъ. Чѣмъ меньше у него оставалось сомнѣній на этотъ счетъ, тѣмъ произвольнѣе и нетерпимѣе онъ сталъ относиться къ сторонамъ жизни, чуждымъ ему лично, и тѣмъ рѣшительнѣе сталъ присвоивать себѣ произвольную роль рѣшающаго голоса за всѣхъ. „Свое собственное міросозерцаніе сегодняшняго дня, — говоритъ Михайловскій, — міросозерцаніе совершенно исключительное, гр. Толстой съ изумительной и ничѣмъ не оправдываемой смѣлостью приписываетъ всѣмъ „трудовымъ людямъ". Такъ, напримѣръ, въ своей статьѣ „Что такое искусство", онъ утверждаетъ, что „чувства чести, патріотизма, влюбленія, составляющія главное содержаніе теперешняго искусства, вызываютъ въ человѣкѣ трудовомъ только недоумѣніе и презрѣніе или негодованіе". „Гр. Толстой,—говоритъ по этому поводу Михайловскій, — конечно, давно пересталъ „влюбляться", да и самую любовь объявилъ чѣмъ-то „неестественнымъ". И вотъ это свое личное настроеніе, опредѣляемое частью возрастомъ, а частью надменнымъ презрѣніемъ къ жизни, онъ безъ всякихъ колебаній навязываетъ „народу" — „рабочимъ людямъ". Между тѣмъ, у русскаго народа есть множество пѣсенъ, посвященныхъ любви. Точно также, что касается патріотизма, то гр. Толстой самъ же въ одномъ изъ своихъ старыхъ разсказовъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ крестьянскіе ребятишки, стало быть, дѣти „трудовыхъ людей", восторгались разсказами о войнѣ 12-го года.

въ особенности тѣмъ именно, что Кутузовъ, наконецъ, „окорачилъ“ Наполеона. Въ такой же мѣрѣ произвольно и утвержденіе относительно „чести“.

И это для гр. Толстого все типичные пріемы. Онъ очень любитъ, въ подкрѣпленіе самыхъ произвольныхъ изъ своихъ утвержденій, ссылаться на народъ, на трудовые классы, на все человѣчество или (это его излюбленный пріемъ) на большинство человѣчества — на $^{9}/_{10}$ или $^{99}/_{100}$ человѣчества, рекомендуя смириться предъ этимъ многомилліоннымъ голосомъ. „Но на самомъ дѣлѣ,—говоритъ Михайловскій,—это его личный голосъ и онъ, подобно Людовику XIV, утверждавшему, что l'état c'est moi,— могъ бы сказать: $^{99}/_{100}$ человѣчества—это я“.

Этому же свойству родственна „одна изъ странностей гр. Толстого“, которая „состоитъ въ увѣренности, что у него нѣтъ предшественниковъ, кромѣ Конфуція, Будды и другихъ, вѣками и тысячелѣтіями отдаленныхъ отъ насъ авторитетовъ“. Эта самонадѣянность не разъ ставила его въ недостойное его положеніе открывателя открытыхъ Америкъ или, какъ выразился о немъ В. Боткинъ, открывателя „Средиземнаго моря“. Онъ, напримѣръ, рѣшительно заявляетъ, что „всѣ ученые проглядѣли бездоказательность, неправильность и совершенную произвольность выводовъ Мальтуса. А „вотъ графъ, — прибавляетъ Михайловскій,— пришелъ и открылъ Америку“. Указывая въ другой разъ на нѣкоторые эстетическіе взгляды, которые гр. Толстой пропустилъ и въ которыхъ онъ могъ бы найти поддержку своему отвѣту на вопросъ „что такое искусство?“, Михайловскій замѣчаетъ: „Но графъ поддержки не любитъ, онъ все самъ“... Касаясь этой черты, Михайловскій высказываетъ какъ-то надежду, что гр. Толстой, „можетъ быть, послѣдній крупный представитель маніи рѣшать общія задачи „для себя“, и называетъ это свойство характернымъ проявленіемъ „барства“. Въ статьѣ, представляющей замѣчательную характеристику Толстого съ этой стороны, онъ говоритъ: „въ этомъ великомъ писателѣ сидитъ баринъ, привыкшій ничѣмъ не стѣсняться въ своихъ рѣшеніяхъ и сообразовать ихъ только съ своимъ сегодняшнимъ настроеніемъ“. Тутъ, съ одной стороны, склонность отожествлять свое личное „я“ или даже свое сегодняшнее настроеніе съ „$^{99}/_{100}$ всего человѣчества“, съ тѣмъ, что онъ называетъ „закономъ Бога или природы“, а съ другой — стремленіе обходиться безъ предшественниковъ и разрѣшать общія задачи, волнующія иногда весь міръ, „для себя“ лично и для небольшой кучки людей, находящихся въ одинаковомъ съ нимъ положеніи.

И та, и другая тенденція, глубоко антиобщественная по своему характеру, составляютъ продуктъ особой комбинаціи общественно-историческихъ условій, заставляющихъ личность дѣйствовать только „для себя“, а отвѣчать, въ концѣ концовъ, все-

таки за всѣхъ и за все. Эта комбинація условій, давая личност только обрывки жизни, обращая даже и самую личность въ обрывокъ, въ то же время внушаетъ ей мысль безконтрольно рѣшать и вязать за цѣлое, т.-е. за всѣхъ.

Безконтрольность рѣшеній и побужденій сообщаетъ душевному строю даже такихъ геніальныхъ и возвышенныхъ личностей, какъ гр. Л. Толстой, что-то глубоко расшатывающее, подрывающее самую способность сводить концы съ концами. Именно она способствуетъ склонности принимать чуть ли не за требованіе всего человѣчества или за непреложный законъ природы не только свое личное „я“, но всякое случайное и капризное проявленіе этого „я“. Отсутствіе регулирующаго контроля, вносимаго въ душевный строй участіемъ въ живой общественной средѣ и въ широкой общей работѣ мысли, съ одной стороны, отнимаетъ у личности, такъ сказать, чутье общественной перспективы и чувство того, къ чему эта перспектива обязываетъ. А съ другой — оно вноситъ дезорганизующее начало во всѣ жизненные пріемы личности, побуждая ее принимать случайныя и разрозненныя проявленія своего „я“ за что-то очень высокое и обязательное для всѣхъ, но непремѣнно—безъ контроля.

VI.

Если въ Достоевскомъ и Толстомъ мы видитъ тяжелые слѣды все той же „старой русской исторіи“, съ ея расшатывающими личность воздѣйствіями, то и новая русская исторія, — да и не одна русская — не осталась свободной отъ вліяній того же характера. Они естественно должны явиться тамъ, гдѣ есть недостатокъ или слабость высшихъ всеохватывающихъ началъ, тѣхъ началъ, которыя даютъ живую связь мысли, чувству и дѣятельности личности и заставляютъ эти основныя составныя части ея дѣйствовать въ согласіи. Многоразличны обстоятельства, дезорганизующія личность въ этомъ смыслѣ, и, поддаваясь ихъ вліянію, она стремится къ неяснымъ, туманнымъ, сбивчивымъ цѣлямъ. Дезорганизуемая снаружи внѣшними условіями, она дезорганизуется внутри себя и, теряя привычку согласовать свои мысли, чувства и дѣятельность, стремится къ миражамъ и фантомамъ. Главнымъ образомъ, она при этомъ теряетъ живое ощущеніе того, въ чемъ заключаются ея собственные человѣческіе интересы, и, отстаивая „не свое“, кидается изъ стороны въ сторону, болѣзненно привязываясь къ интересамъ, возникающимъ ненормально. „Куда бы вы ни посмотрѣли, — пишетъ Михайловскій въ одномъ изъ своихъ „Писемъ Посторонняго“ (въ 1883 г.),—

на какой бы слой общества, на какую бы общественную функцію вы ни обратили вниманіе, вездѣ вы увидите одно и то же: люди не знаютъ ни

того, кому или чему они могутъ или должны помогать, или уже помогаютъ, какъ своими дѣйствіями, такъ и бездѣйствіемъ, ни того, кто имъ самимъ помогаетъ или можетъ быть помощникомъ. Отраженіе этой безпомощности и неумѣнія оказать помощь и незнанія, куда она должна быть направлена, вы найдете и въ литературѣ, и въ сферѣ административной дѣятельности, и въ частной жизни всѣхъ слоевъ общества отъ верхняго края до нижняго" (V, 802).

Какими же особенностями проявилась эта „смута" умовъ и интересовъ за послѣднія пережитыя нами десятилѣтія и что ей способствовало?

Въ 1895-мъ году Михайловскій останавливается на рядѣ поразившихъ его литературно-художественныхъ явленій, самихъ по себѣ незначительныхъ, а именно — на стихахъ и предисловіи къ нимъ г. В. Брюсова, на выходкѣ г. Розанова, грубо усовѣщевавшаго гр. Толстого съ обращеніемъ къ нему на „ты", и, наконецъ, на удивительномъ скопленіи лжи и сплетенъ, поднятыхъ по поводу газетныхъ сообщеній объ умершемъ незадолго передъ тѣмъ оригиналѣ, кн. Вяземскомъ. Изумляясь предъ забвеніемъ требованій логической, нравственной и художественной благопристойности, которое обнаружилось въ этихъ литературно-общественныхъ явленіяхъ, Михайловскій замѣчаетъ, что врядъ ли даже въ наши сѣрые, тусклые дни требованія эти вообще совсѣмъ забыты. „Они только какъ-то ослабѣли въ своемъ предупреждающемъ, устрашающемъ и карающемъ значеніи. Огромное большинство читателей отлично понимаетъ цѣну этихъ выходокъ (г. Розанова) и осуждаетъ ихъ. Но осужденіе это, въ отдѣльныхъ единицахъ достигающее, надо думать, послѣднихъ предѣловъ негодованія и презрѣнія,—въ массѣ настолько робко и лишено энергіи, что г. Розановъ не мало его не боится; мало того, онъ бравируетъ своею безобразною распущенностью. Точно также и декаденты. Всѣ понимаютъ, что ихъ стихи безсмысленны, некрасивы и бездарны, а „посвященія" и „завѣщанія" просто глупы, но отдѣльныя мнѣнія этихъ „всѣхъ" не слагаются въ общественное мнѣніе, достаточно сильное, чтобы этимъ господамъ стыдно стало. И имъ любо издѣваться надъ этимъ общественнымъ безсиліемъ, — вотъ онъ я. Въ этомъ-то безсиліи общественнаго мнѣнія, заключаетъ Михайловскій, и состоитъ, мнѣ кажется, характернѣйшая общая черта нашихъ дней. Люди здороваго ума и чувства есть, и ихъ даже не мало по нашему обиходу, но общества нѣтъ" (Отклики, I, 176). Противъ возможнаго возраженія, что вотъ вѣдь въ Европѣ тоже существуетъ всякая декадентщина, стало быть, и тамъ общественное мнѣніе безсильно, значитъ, и тамъ люди есть, а общества нѣтъ, Михайловскій говоритъ:

„Нѣтъ, не значитъ. „Несозданныя созданія" тамъ возможны, возможны, пожалуй, и изувѣры въ родѣ г. Розанова, но тамъ они имѣютъ подъ собой извѣстную историческую почву, и въ той сложной пестротѣ, которую представляетъ собой европейская жизнь, можно различить не одно, а нѣсколько

обществъ и нѣсколько общественныхъ мнѣній, въ сферѣ своего вліянія очень сильныхъ. Возможны, конечно, отдѣльныя уродства, но за то у всѣхъ французовъ, у всѣхъ нѣмцевъ, у всѣхъ англичанъ, или, по крайней мѣрѣ, у громаднаго, подавляющаго большинства ихъ есть извѣстный фондъ идей, неприкосновенный для всѣхъ партій и всѣхъ оттѣнковъ общественнаго мнѣнія". (Отклики, I, 176).

Въ той „смутѣ", которая расшатываетъ и путаетъ интересы и которая господствуетъ тамъ, гдѣ отсутствуетъ и извѣстный общепризнанный фондъ идей, и установившіяся дорогія всѣмъ формы общественной организаціи, чрезмѣрно выдающуюся роль въ дѣйствительности пріобрѣтаютъ два элемента: съ одной стороны, „толпа", сѣрая, темная, ординарная, то тупо инертная, то неистово мятущаяся дикими взрывами страстей, непонятными ей самой, а съ другой стороны, — искатели блеска и душевнаго подъема, жаждущіе новаго, оригинальнаго и исключительнаго, какъ источника чего-то высшаго и даже дающаго какія-то особыя права. Обоимъ этимъ элементамъ Михайловскій посвятилъ много самаго пристальнаго вниманія въ 80-хъ, 90-хъ годахъ.

Относительно психологіи „толпы" изслѣдованія его и соображенія сведены въ рядъ статей, получившихъ извѣстную законченность. Поэтому я ограничусь здѣсь краткой формулировкой его конечныхъ выводовъ. Они сводятся къ тому, что толпа, не организуемая и не руководимая никакими высшими и убѣдительными для нея объединяющими началами, становится обезличенной, безвольной и грозной силой, страшнымъ орудіемъ въ рукахъ перваго попавшагося „вожака". Эта сила можетъ быть направлена и на высшіе подвиги самопожертвованія и благородства. Но столь же легко ее можно направить на самыя безсмысленныя, безпощадно жестокія дѣйствія. Невмѣняемая, она въ подобныхъ условіяхъ ничѣмъ не дорожитъ; для нея нѣтъ ничего святого и она не знаетъ ни своихъ собственныхъ интересовъ, ни того, кто ея друзья, а кто враги.

Къ характеристикѣ искателей „новаго" и исключительнаго Михайловскій обращался много разъ и далъ намъ изъ этой области высоко цѣнныя черты для пониманія этого интереснаго душевнаго склада.

Основное свойство, которое Михайловскій прежде всего отмѣчаетъ въ людяхъ этой тенденціи, это ихъ усиленная озабоченность насчетъ своей исключительности и оригинальности,—озабоченность, которая несомнѣннымъ образомъ выдаетъ ихъ неувѣренность въ томъ самомъ, что они выдаютъ за нѣчто оригинальное, невиданное раньше—во всякихъ „новыхъ словахъ", „новыхъ искусствахъ" и т. п.

Когда въ 80-хъ годахъ выступили „молодые" люди съ „новымъ словомъ"—г. Розановъ напечаталъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" двѣ статьи: „Почему мы отказываемся отъ наслѣдства?" и „Въ чемъ главный недостатокъ наслѣдства 60-хъ — 70-хъ го-

довъ". При этомъ онъ писалъ: „Старики, которые такъ много трудились на нивѣ въ знойные и холодные дни, руки которыхъ устали и болѣе неспособны къ труду, видятъ, что свою жатву, надежду стольких лѣтъ, имъ остается только унести съ собой въ могилу". Г. Дистерло въ то же время въ „Недѣлѣ" разразилъ Добролюбова, обличивъ незрѣлость его мысли и его эстетическое невѣжество. А какой-то корреспондентъ Шелгунова писалъ ему: „шире дорогу, восьмидесятникъ идетъ". Сопоставляя эти явленія, Михайловскій восклицаетъ: „Да идите же, наконецъ, господа, идите такъ, чтобы видно было, что вы несете. А то вѣдь это только одни разговоры, будто идете, знамя вырвали и сами понесли и разное прочее славословіе по собственному адресу безъ всякаго, однако, практическаго подтвержденія. Пожалуйте, — дорога вамъ и въ самомъ дѣлѣ широка. Дайте посмотрѣть на васъ" (VI, 965). Михайловскій полагалъ, что если г. Дистерло разнесъ Добролюбова и сказалъ этимъ „новое слово", то всетаки не въ этомъ же дѣло — пусть онъ самъ или его сторонники замѣнятъ старыя слова Добролюбова, пусть они предъявятъ, что именно они несутъ. Если г. Розановъ отказывается отъ наслѣдства 60 — 70 годовъ, то пусть предъявитъ свое, чѣмъ онъ хочетъ замѣнить устарѣлое наслѣдство. Вотъ на чемъ упорно настаивалъ Михайловскій. А тутъ еще г. Волынскій выступилъ не просто съ новымъ словомъ, а даже съ „обнаженнымъ новымъ угломъ души" и „новой мозговой линіей". По этому поводу Михайловскій счелъ нужнымъ высказать, между прочимъ, слѣдующее:

„Надломъ идеаловъ и вѣрованій есть обыкновенное въ исторіи явленіе. Но онъ не каждыя десять минутъ происходитъ и даже не каждыя десять лѣтъ, какъ у насъ почему-то думаютъ. Это процессъ болѣзненный, трудный, и именно поэтому здѣсь вполнѣ неумѣстенъ дѣтскій зудъ, легкомысленная жажда сказать новое слово, хотя бы за душой ровно ничего не было".

Ссылаясь на свое прошлое, онъ замѣчаетъ, что когда онъ выступилъ, то не думалъ о новомъ словѣ, а просто выражалъ свои мысли, относительно которыхъ, однако, хорошо зналъ, что не всѣ „отцы" могутъ быть ими довольны, а только извѣстная ихъ группа. И затѣмъ, обращаясь къ авторамъ новыхъ словъ, онъ восклицаетъ:

„Говорите просто свое слово, и если оно новое, такъ не безпокойтесь,— исторія его новымъ и назоветъ. Говорите старое, говорите новое, но говорите такъ, чтобы васъ хоть понять можно было и чтобы видно было, что вы сами понимаете то, что говорите. А то новая мозговая линія. Шутка сказать" (VI, 916).

И все послѣдующее блистательно обнаружило, какъ законно было это требованіе. Прошли десятки лѣтъ, и многіе предъявители всѣхъ этихъ „новыхъ словъ" не только другимъ, но даже и самимъ себѣ такъ и не открыли своего секрета. Менѣе лег

ковѣсные и съ болѣе яснымъ строемъ мысли, хотя и успѣли выяснить себѣ свои собственныя „новыя слова", обнаружили такую быстроту въ смѣнѣ ихъ на еще болѣе новыя и даже на самоновѣйшія, что, принимая это во вниманіе, трудно повѣрить, чтобы авторы и открыватели этихъ „словъ" въ свое время сами ясно понимали, что собственно они предъявляютъ. Въ одной изъ своихъ недавнихъ статей Михайловскій съ изумленіемъ обращаетъ вниманіе на слѣдующее. Въ декабрѣ 1895 г., въ апрѣлѣ 1896 г. и позже, напримѣръ, въ январѣ, февралѣ 1899 г., г. Туганъ-Барановскій выступалъ провозвѣстникомъ экономическаго или соціальнаго матеріализма. Это было „новое направленіе", какъ называлъ его тогда самъ г. Туганъ-Барановскій. Но вотъ прошло три—пять лѣтъ, и „новое" ученіе становится (въ предисловіи къ книгѣ, напечатанной въ концѣ 1902 г.) „ветшающимъ марксизмомъ"... Гордо поднятое знамя спускается однимъ изъ знаменосцевъ. Мало того: по его собственному свидѣтельству, „новая (то есть уже самая новая) доктрина должна явиться прямою противоположностью соціальному матеріализму". При этомъ,—замѣчаетъ Михайловскій,—„какъ сходны даже въ мелкихъ подробностяхъ всѣ эти открытія новыхъ словъ. И г. Бенуа (авторъ „Исторіи русской живописи"), превознеся новое слово въ искусствѣ, тутъ же утверждаетъ, что „за дверью стоитъ реакція и что насъ ждетъ слѣдующій, вѣроятно противоположный фазисъ искусства". Такъ же быстры превращенія другого столпа марксизма, г. Струве или г. Бердяева, или провозвѣстника новаго искусства въ видѣ символизма,—г. Мережковскаго.

Въ тѣсной связи съ этой быстротой и, главное, легкостью смѣны взглядовъ, не перестававшей изумлять Михайловскаго въ поклонникахъ и предъявителяхъ новаго, оригинальнаго, небывалаго раньше, вниманіе его нѣсколько разъ останавливала на себѣ другая характерная ихъ особенность, — склонность ихъ къ самолюбованію, и при томъ совсѣмъ особаго рода. Это, именно, такое самолюбованіе, когда человѣкъ самъ не увѣренъ, чѣмъ собственно онъ любуется, и достойно ли то, чѣмъ онъ въ себѣ любуется, преклоненія, хотя бы съ собственной его точки зрѣнія.

Истинно превосходно въ этомъ отношеніи было это исполненное восторга къ себѣ восклицаніе „восьмидесятника", обращенное къ Шелгунову: „шире дорогу, восьмидесятникъ идетъ". Надо еще принять во вниманіе историческую обстановку, при которой это великолѣпное заявленіе было сдѣлано. Восьмидесятники, объявляя, что „идеалы отцовъ и дѣдовъ надъ ними безсильны", что они не хотятъ знать традицій прошлаго, и что они представители „новаго литературнаго поколѣнія", въ то же время желали „реабилитировать дѣйствительность". Съ этой цѣлью они предлагали искать въ ней „свѣтлыхъ явленій" и „бодрящихъ впечатлѣній". Михайловскій, приводя соображенія по этому поводу

Шелгунова, говоритъ: „Не въ томъ дѣло, что старые идеалы замѣнились новыми; это было бы, можетъ быть, дѣло законное... Дѣло даже не въ томъ, что идеалы совсѣмъ потухли, и, лишенные ихъ животворящаго дѣйствія, люди не чувствуютъ въ себѣ силъ и способностей къ „героизму“.. Но если ужъ насъ настигла такая печальная полоса, такъ ее нужно признать печальной исторической полосой и думать о томъ, чтобы ее скорѣе пронесло, а не носиться съ ней, какъ съ писанною торбой, не ходить, уперевъ руки въ бока фертомъ, не говорить съ нелѣпою гордостью: мы—соль земли, мы — „новое слово“ (V 389). Пусть, говоритъ онъ, „теперешнее время—не время широкихъ задачъ, а время мелочей, маленькихъ мыслей и несущественныхъ споровъ“, но—зачѣмъ подрумянивать эту мертвенную блѣдность разными ad hoc изобрѣтенными „пантеизмами“, теоріями „свѣтлыхъ явленій“ и т. п. Точно также, останавливаясь на удивительно быстрой смѣнѣ взглядовъ у марксистовъ, Михайловскій замѣчаетъ: „Искренно признавъ свою ошибку, они, какъ мы видѣли на примѣрѣ г. Туганъ-Барановскаго, иногда при этомъ слишкомъ ужъ любуются на себя“. Опять таки и тутъ — странны обстоятельства, при которыхъ писатель по всѣмъ видимостямъ оказывается вполнѣ довольнымъ собой, даже чуть не побѣду какую-то празднуетъ. Иногда это любованіе принимаетъ такую форму, какъ, напримѣръ, у г. Бердяева, который въ одной изъ своихъ недавнихъ статей (въ сборникѣ „Проблемы идеализма“) произвелъ на Михайловскаго такое впечатлѣніе, что авторъ „точно все въ зеркало смотрится: не отсталъ ли онъ отъ г. Струве? Вровень ли съ нимъ идетъ г. Булгаковъ? Достаточно ли онъ вообще самостоятеленъ и оригиналенъ?“

Въ данномъ случаѣ Михайловскому представлялось любопытнымъ и характернымъ то, что сторонникъ извѣстныхъ идей какъ будто любуется не столько идеями, которыя ему дороги, не ихъ содержаніемъ, которое онъ ставитъ высоко и которое ему близко, а какъ то со стороны. Эти идеи, повидимому, недостаточно подвергнуты собственному контролю и переработкѣ, чтобы самостоятельно опредѣлить имъ настоящую цѣну. Отсюда является забота о томъ, какъ бы не отстать отъ другихъ оригинальныхъ людей и самому быть достаточно новымъ и оригинальнымъ. Въ такомъ же положеніи находятся тѣ новѣйшіе живописцы, которые щеголяютъ намѣренною неправильностью рисунка, нелѣпостью красокъ и еще большей нелѣпостью сюжетовъ, стараясь подражать наивности примитивныхъ живописцевъ. Поддѣлываясь подъ наивность и стараясь представить настроеніе примитивныхъ художниковъ, современный живописецъ выражаетъ не свое настроеніе, а чужое, не свои художественные идеалы и задачи, а чужія. Отсюда естественно должны получиться поза и легкомысленное самолюбованіе. Это неизбѣжно тамъ, гдѣ чужія идеи и

настроеніе не подверглись провѣркѣ собственными. Оно неизбѣжно въ тѣхъ случаяхъ, когда чужія идеи не согласованы съ своей собственной духовной атмосферой, со всѣмъ, что къ ней принадлежитъ. Но подобное согласованіе неосуществимо для жертвъ того общаго порядка вещей, который усиленно возбуждаетъ жажду новаго и оригинальнаго и въ то же время расшатываетъ основу всего самостоятельнаго и своеобразнаго. Тамъ, гдѣ общія условія запутываютъ ясныя представленія объ интересахъ и задачахъ человѣческой личности и ея достоинствѣ, тамъ не легко дается выработка опредѣленныхъ воззрѣній и настроеній. И являющееся при этомъ ощущеніе неувѣренности въ собственныхъ чувствахъ и идеяхъ неизбѣжно создаетъ беззащитность противъ всевозможныхъ безконтрольныхъ воздѣйствій, идущихъ извнѣ, и особенно велика беззащитность противъ всего смутнаго и неяснаго. Въ такомъ положеніи человѣку особенно легко увлекаться тѣмъ, что для него чужое, такъ какъ по отношенію къ воздѣйствіямъ со стороны у него не хватаетъ ни способности контроля, ни силы сопротивленія. Онъ при этомъ даже не желаетъ ясности, которую могла бы дать ему работа провѣрки,—такъ какъ чувствуетъ свое безсиліе справиться съ этой задачей до конца. И у него при этомъ усиленная склонность ко всему неясному, темному, лишь бы оно увлекало и давало иллюзію чего-то особеннаго и возвышеннаго. При такихъ условіяхъ легко явиться экзальтированному любованію тѣмъ, что для самого любующагося неясно, окружено мистическимъ туманомъ. А когда удается собственной личностью пріобщиться къ этому неясному, то естественно возникнуть тому своеобразному самолюбованію, когда человѣкъ самъ не знаетъ, что собственно его привлекаетъ и въ чемъ состоитъ возвышенность того, чѣмъ онъ въ себѣ любуется.

Характерными представителями этого рода душевныхъ состояній являются такъ называемые символисты, декаденты и разныя примыкающія къ нимъ группы всевозможныхъ „новыхъ“ людей.

Яркую фигуру среди нихъ представляетъ близкій символистамъ „магъ“—Саръ Пеладанъ. Одинъ изъ „символистовъ“, Сенъ Поль Ру присвоилъ себѣ прозвище „Великолѣпный“. Онъ въ напыщенныхъ выраженіяхъ возвѣщаетъ грядущій „алмазный вѣкъ поэзіи“—вѣкъ маньифоназа: маньифики, аргонавты Красоты, отправятся за Божественнымъ Руномъ въ Колхиду Истины. Они завоюютъ его душою вещей,—душою, которую они облекутъ въ ризу, вышитую и разукрашенную ихъ ощущеніями. Такъ же точно и Пеладанъ присвоилъ себѣ титулъ „Саръ“—собственно халдейскій титулъ безъ всякаго значенія (что тоже очень достойно вниманія). Дѣло въ томъ, что въ библіи упоминается вавилонскій царь Меродакъ Беладанъ.

„Читая это мѣсто, Жозефенъ Пеладанъ поразился сходствомъ своей фамиліи съ именемъ вавилонскаго царя. Къ этому прибавилось еще нѣкоторое сходство его лица съ внѣшностью ассирійскихъ царей, какими мы ихъ знаемъ по древнимъ изображеніямъ. Задумываясь надъ этими совпаденіями, онъ пришелъ къ мысли, что, можетъ быть, онъ потомокъ ассирійскихъ или вавилонскихъ царей, и въ одинъ прекрасный день прибавилъ къ своей фамиліи титулъ Саръ или, кромѣ того, и имя „Меродакъ“. Случайная ассоціація идей повела Пеладана дальше: Ассирія, Вавилонъ, Халдея... маги... Почему бы Сару Меродаку Пеладану не оказаться наслѣдникомъ утраченной мудрости маговъ? Онъ предается изученію такъ называемыхъ тайныхъ наукъ. Но его влечетъ къ себѣ и все таинственное, мистическое. Въ качествѣ любителя музыки и поклонника Вагнера, онъ ѣдетъ въ Байрейтъ, проникается сюжетами вагнеровскихъ оперъ, воображаетъ себя хранителемъ чаши Грааля, затѣмъ духовнымъ преемникомъ Тампліеровъ и Розенкрейцеровъ. При этомъ онъ носитъ какіе-то особаго покроя атласные голубые и черные камзолы, расчесываетъ себѣ волосы и бороду по ассирійскимъ образцамъ, выработалъ себѣ особенный почеркъ на старинный манеръ, любитъ писать красными и желтыми чернилами,—изобрѣлъ себѣ гербъ съ ассирійской короной“ и проч., и проч. (см. „Лит. Воспом. и Соврем. смута“. II, 15 и д).

Хотя Саръ Пеладанъ человѣкъ съ явно ненормальнымъ состояніемъ умственныхъ способностей, но у него только съ особенной яркостью дала себя знать основная черта, характерная и для сравнительно нормальныхъ символистовъ, декадентовъ и другихъ носителей новыхъ словъ въ литературѣ и искусствѣ (они любили называть себя „молодыми“). Это—любовь и влеченіе къ неясному, темному, таинственно-загадочному. Глава французскихъ символистовъ, Маларме, формулируя задачи поэзіи и символизма, связываетъ символъ съ тайной, а поэзію съ загадочностью. Кромѣ того, онъ свою собственную работу облекалъ какой-то особенной тайной, его ученики говорили о великомъ произведеніи, тайно творимомъ Маларме, которое, можетъ быть, навсегда останется тайной для всѣхъ, потому что не созрѣли времена, пригодныя для воспріятія этой великой тайны. Такимъ образомъ, у Маларме, какъ и у одержимаго маніей величія Сара Пеладана, тайна поддерживаетъ въ ея предъявителѣ и въ тѣхъ, кто къ ней такъ или иначе пріобщается, сознаніе своей особенности, своего какого-то превосходства надъ другими — надъ непосвященной „толпой“. Мы видимъ, что Саръ—халдейскій титулъ безъ всякаго значенія. Казалось бы, что тутъ можетъ быть привлекательнаго и возвышеннаго? Между тѣмъ, вслѣдствіе его таинственности, получается именно такое впечатлѣніе отъ этого ничего не означающаго „титула“. Маларме носился съ идеей о „неслыханномъ художественномъ твореніи“. „Неслыханное твореніе“, это — звукъ пустой, а между тѣмъ, при тайнѣ, окружающей эти ничего не значущія слова, можетъ быть, даже и самому Маларме эта идея внушала идею о чемъ-то очень возвышенномъ и о какомъ-то проистекающемъ отсюда превосходствѣ своемъ надъ другими. А въ чемъ эта возвышенность состоитъ, въ чемъ превосходство — это какъ-то

никого даже не интересуетъ и не заботитъ; это почему-то, повидимому, ни для кого не имѣетъ никакого значенія.

Въ такомъ же родѣ привлекаетъ къ себѣ „мистическое" русскаго приверженца символизма, г. Мережковскаго. По его мнѣнію, „критики-реалисты" просмотрѣли у Тургенева такія вещи, какъ „Живыя мощи", „Бѣжинъ лугъ", „Довольно", „Собака", „Пѣснь торжествующей любви" и др., которыя на самомъ дѣлѣ выше, чѣмъ „Наканунѣ", „Отцы и дѣти", „Новь". И при этомъ, по словамъ Михайловскаго, г. Мережковскій „въ своемъ растрепанномъ мышленіи и еще болѣе растрепанномъ изложеніи, играетъ словами религіозный, художественный, божественный, мистическій, идеалистическій, не давая себѣ труда опредѣлить, какъ онъ ихъ понимаетъ, и чаще всего употребляя ихъ, какъ синонимы". Къ чему же это ведетъ? спрашиваетъ Михайловскій. Остановившись для примѣра на „Собакѣ", изложивъ содержаніе этого произведенія и указавши на то, что по формѣ это одно изъ слабѣйшихъ произведеній Тургенева, Михайловскій полагаетъ, что г. Мережковскаго въ такомъ произведеніи очевидно подкупаетъ самая фабула его, а именно его мистическое содержаніе. „Содержаніе несомнѣнно мистическое, соглашается Михайловскій.

Но при чемъ тутъ прочія слова, представляющія собой, по мнѣнію г. Мережковскаго, синонимы мистицизма? Неужто, въ самомъ дѣлѣ, заслуживаетъ названія „божественнаго идеализма" исторія о томъ, какъ щенокъ и два старика-раскольника послужили орудіями спасенія проигравшагося въ карты Порфирія Капитоныча отъ бѣшеной собаки? Я отказываюсь, говоритъ Михайловскій, понимать смыслъ такого произвольнаго сочетанія словъ, какъ „божественный идеализмъ". Но я достовѣрно знаю, что къ области религіи разсказанный въ „Собакѣ" анекдотъ не имѣетъ ровно никакого отношенія".

Въ данномъ случаѣ, какъ и у французскихъ символистовъ, все дѣло въ томъ, что заключающіеся въ мистическихъ представленіяхъ элементы неясности и загадочности даютъ возможность примоститься потребности въ чемъ-то неопредѣленно возвышенномъ, потребности принять участіе въ чемъ-то высокомъ, но такомъ высокомъ, которое, благодаря свой фантастичности, ни къ чему ровно не обязываетъ. Тутъ-то и открывается самый широкій просторъ для какихъ угодно миражей и для того, чтобы, не стѣсняясь абсолютно ничѣмъ, приписывать этимъ миражамъ что угодно. Другими словами, это полнѣйшій просторъ, чтобы приписывать самыя высокія (но, правда, никому непонятныя) свойства чему угодно. Въ этомъ отношеніи необыкновенно удачны нѣкоторыя выраженія у г-жи Гиппіусъ, которую также влечетъ ко всему таинственному, необъяснимому, неясному. Въ посвященіи къ собранію своихъ разсказовъ, носящему заглавіе „Новые люди", она называетъ свою книгу „первой ступенью къ новой красотѣ". Въ ея стихотвореніи „Пѣсня" (оно приведено цѣликомъ въ „Откликахъ", I, 318) основная идея выражена въ такихъ словахъ: „Увы,

въ печали безумной я умираю, я умираю. Стремлюсь къ тому, чего я не знаю, не знаю. И это желанье не знаю откуда пришло, откуда. Но сердце хочетъ и проситъ чуда, чуда". И въ заключеніе: „Мнѣ нужно то, чего нѣтъ на свѣтѣ, чего нѣтъ на свѣтѣ". Въ прозаическихъ разсказахъ г-жи Гиппіусъ эти же мотивы повторяются. Про одного молодого человѣка она разсказываетъ, что „всегда только непонятное и необъяснимое имѣло силу давать ему радость. Онъ точно вспоминалъ что-то, чего съ нимъ никогда не случалось, можетъ быть, страны, которыхъ глаза его никогда не видѣли; онъ самъ не зналъ, чего ему хочется". Дѣвушкѣ кажется, что знакомый ея—„такой, какихъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ", и очень разочарована при мысли, что онъ „какъ и всѣ". И другіе есть въ такомъ же родѣ.

Характерно въ этомъ слѣдующее. Поэтесса, стремясь къ тому, чего она не знаетъ, что пришло неизвѣстно откуда и чего нѣтъ на свѣтѣ, полагаетъ, что это ступень новой красоты, т. е. что-то высокое, хотя неизвѣстно почему и въ какомъ смыслѣ, а, въ концѣ концовъ, именно потому, что объясненія этому нѣтъ, да и быть не можетъ. Стремясь неизвѣстно откуда и куда, поэтесса, очевидно, находится въ абсолютной неизвѣстности относительно вещей, очень важныхъ для нея, какъ для человѣка, который несомнѣнно желаетъ стремиться къ чему-то хорошему; но при такихъ мало ободряющихъ обстоятельствахъ у нея въ одномъ пунктѣ сомнѣній нѣтъ: она убѣждена, что именно то, „чего нѣтъ на свѣтѣ" и чего „въ самомъ дѣлѣ нѣтъ" — есть новая красота, т. е. нѣчто непремѣнно заслуживающее преклоненія. Произвольность такого рода преклоненія можетъ быть поставлена рядомъ только съ произволомъ другого поэта, г. Минскаго, который безпощадно сомнѣвается въ очень многомъ, что другіе, обыкновенные люди, цѣнятъ очень высоко, но въ то же время не питаетъ сомнѣній относительно того, что „поцѣлуи поэта священны". Тутъ характерно и это равнодушіе къ тому, во имя чего собственно признается возвышеннымъ („священнымъ") то, что угодно г. поэту; характеренъ и пріемъ возвеличивать по своему произволенію первое, что пришло въ голову. Захотѣлъ — возвеличилъ то, „чего въ самомъ дѣлѣ нѣтъ", а захотѣлъ—призналъ поцѣлуи поэта священными— и дѣлу конецъ, такъ тому и быть. А на какихъ основаніяхъ— этого нечего спрашивать. И въ духѣ безотвѣтственнаго произвола, лежащаго въ основѣ подобныхъ проявленій, лежитъ великій развращающій душу соблазнъ—находить что-то возвышенное и сознаніе своего превосходства и своихъ какихъ-то высшихъ правъ въ чемъ ни попало.

На стремленіяхъ такого же рода выростаетъ то удивительное душевное состояніе, которое Достоевскій охарактеризовалъ, между прочимъ, въ великолѣпно-выраженномъ требованіи Раскоm-

никова: „взять просто-за просто все за хвостъ и стряхнуть къ чорту“. Михайловскій опредѣляетъ это анархическое настроеніе, какъ „порожденіе полнаго сиротства личности, полной ея общественной безпріютности“. Это продуктъ того состоянія личности, „когда она разными обстоятельствами осуждена на нравственное одиночество и сопряженныя съ нимъ невзгоды и когда она дошла до полнаго отрицанія всякихъ формъ общежитія, реальныхъ и идеальныхъ, и всякихъ нравственныхъ обязательствъ,—въ сиротствѣ своемъ ничѣмъ не дорожащая и нетерпѣливая“. На этой почвѣ возникаетъ стремленіе возводить на пьедесталъ всевозможныя проявленія дезорганизаціи: герои М. Горькаго гордятся своимъ цинизмомъ и своей порочностью, пьянствомъ и т. п.; декаденты тѣмъ, что они—продукты „упадка“. Все это теченіе заставляетъ личность „съ веселой гордостью“ радоваться собственной расшатанности и разодранности, т. е. тому, что не заслуживаетъ радости ни съ какой точки зрѣнія. Внушая безпричинную радость и безпричинную гордость, оно побуждаетъ относиться съ враждебнымъ недовѣріемъ ко всему, что способно организовать и объединять людей въ общей вѣрѣ во что-то понятное и вразумительно высокое. Внушая безпричинное уваженіе къ неотвѣтственному ни передъ чѣмъ произволу, оно понижаетъ способность личности дорожить въ задачахъ общественной организаціи, въ мышленіи и въ искусствѣ—тѣмъ высокимъ, что поддается ясной провѣркѣ при помощи опредѣленныхъ, ясно сознаваемыхъ критеріевъ. Оно заставляетъ видѣть залогъ чего-то высшаго только въ такомъ „новомъ“, такомъ „оригинальномъ“ и „исключительномъ“, что не допускаетъ общедоступной провѣрки, во имя чего собственно оно возвеличивается.

При такихъ условіяхъ личность чаще всего склонна думать, и совершенно искренно, что не въ чемъ иномъ, какъ въ мистической неясности, и заключается то, что даетъ мысли и чувству высшую санкцію. Именно это, напримѣръ, побуждаетъ г. Мережковскаго говорить о „божественномъ“ идеализмѣ. Михайловскій самымъ рѣшительнымъ образомъ протестуетъ противъ такого отожествленія „мистическаго“ съ „религіознымъ“. Это—говоритъ онъ—не только не одно и то же, а даже двѣ противоположности. То, что ихъ раздѣляетъ—это элементъ, опредѣляющій отвѣтственность, наличность такихъ началъ, которыя способны руководить и обязывать. Мистицизмъ, „если позволено такъ выразиться, говоритъ Михайловскій, тушитъ свѣточъ религіи и уводитъ человѣка изъ настоящей дѣйствительной жизни куда то въ туманную даль—въ ту фантастическую область, гдѣ лѣшій бродитъ, русалка на вѣтвяхъ сидитъ“. А для религіи характерно то, что она въ дѣйствительной жизни руководитъ и обязываетъ. Вѣра, пока она не обязываетъ къ дѣлу, не есть

еще религія. „Можно исповѣдывать извѣстное вѣроученіе и дѣйствительно вѣровать, и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣть религіи, ибо вѣра безъ дѣла мертва есть. Это даже очень обыкновенный случай. Религія начинается тамъ, гдѣ вѣра или знаніе, согласованныя съ нравственными идеалами человѣка, властно побуждаютъ человѣка къ дѣйствію въ извѣстномъ направленіи".

Жертва дезорганизаціи, расшатанная и боящаяся всего, что можетъ потребовать отвѣтственности, то есть того, что руководитъ и побуждаетъ къ чему-нибудь опредѣленному,—лишена „религіи". А когда случается, что она чувствуетъ въ ней потребность и ищетъ ее, то у нея является соблазнъ создать ея суррогатъ изъ расшатанныхъ элементовъ своего „я", мистически приписывая имъ что-то „внѣ личное" или „сверхличное", но по существу безсодержательное. На этой почвѣ выростаютъ, между прочимъ, тѣ своеобразныя проявленія душевной расшатанности, которыя привлекали къ себѣ вниманіе Михайловскаго въ лицѣ религіозныхъ и политическихъ самозванцевъ. Михайловскій сумѣлъ обнаружить въ этой темѣ выдающійся интересъ, но тема эта слишкомъ обширная, чтобы намъ здѣсь на ней останавливаться. Замѣтимъ только, что при всей своей яркости и исключительности, эти личности такіе же продукты анархическаго ослабленія личныхъ началъ, какъ и обезличенная сѣрая толпа. Хотя они какъ будто и ведутъ ее за собой, но у нихъ съ толпой много общаго. Въ характерной для нихъ душевной распущенности они такъ же безотвѣтственны, потому что такъ же не дорожатъ ничѣмъ. Они такіе же рабы минуты, и та мнимая высшая—мистическая и сверхчеловѣческая санкція, которую и они любятъ призывать, такъ же безсодержательна, какъ и у „толпы". Они хотятъ вѣрить во что-то и дорожить чѣмъ-то, и только поэтому думаютъ, что дѣйствительно вѣрятъ. Но ихъ духовное безсиліе заключается въ томъ, что они не знаютъ, чѣмъ дорожить, потому что обстоятельства такъ сложились, что не научили ихъ этому. Запутанность общественныхъ отношеній, возлагая на нихъ въ этомъ смыслѣ непосильное бремя, наталкиваетъ ихъ растерянную и вслѣдствіе этого нетерпѣливую мысль на „сверхчеловѣческое" и тѣмъ самымъ лишаетъ просто человѣческаго. Въ связи съ этимъ, имъ, какъ и толпѣ, свойственно сочетать въ себѣ „сверхчеловѣческое" съ безчеловѣчнымъ или, вѣрнѣе, —высокочеловѣческое съ рѣзкими проявленіями безчеловѣчнаго произвола и жестокости.

Можетъ быть, не лишнимъ будетъ прибавить, что явленія самозванства политическаго и религіознаго, съ точки зрѣнія Михайловскаго, представляютъ только частный случай болѣе общаго и обширнаго явленія, а именно, склонности анархически расшатанной и экзальтированной личности ко всякаго рода несоразмѣрнымъ притязаніямъ, вплоть до притязанія на „пророче-

ства". И рядомъ съ этимъ — обезличенная и растерянная толпа жаждетъ именно „пророковъ", непогрѣшимыхъ и въ своей непогрѣшимости исполненныхъ величайшаго произвола по отношенію къ человѣку и къ жизни.

Въ сказанномъ мы въ бѣглыхъ чертахъ получили отвѣтъ на вопросъ, который неизмѣнно занималъ Михайловскаго—откуда идетъ наша обезличенность?—Мы сдѣлали длинный путь въ исторіи умственнаго состоянія русскаго общества, начиная съ шестидесятыхъ годовъ и кончая настоящимъ временемъ. И во время всего этого пути основная идея Михайловскаго руководила нами, заставляя подходить къ разнообразнымъ умственнымъ теченіямъ съ однимъ и тѣмъ же опредѣленнымъ и яснымъ критеріемъ. Въ основѣ всѣхъ его сужденій мы неизмѣнно видимъ одну идею: растерянность, обезличенность и сопутствующія имъ явленія неизбѣжны тамъ, гдѣ у личности плохо согласованы какъ посторонніявлiянія, такъ и отдѣльныя проявленія собственнаго „я". Участвуя въ сложныхъ комбинаціяхъ вещей въ качествѣ дробной частицы неяснаго для нея цѣлаго, лишенная живыхъ объединяющихъ воздѣйствій и урѣзываемая въ томъ, что можетъ руководить, обязывать и давать вѣру въ свои собственныя побужденія, — она путается. Теряя живую связь между своими задачами и интересами, она увлекается смутными и темными побужденіями къ задачамъ фальшивымъ, въ которыхъ произвольно и болѣзненно извращено то, что составляетъ прямое и ясное содержаніе интересовъ человѣка и его человѣческаго достоинства. Такова основная мысль, которая руководила Михайловскимъ неизмѣнно. Эта опредѣленность точки зрѣнія заставляла нѣкоторыхъ людей, какъ при жизни Михайловскаго, такъ и послѣ смерти, упрекать его въ неподвижности. Странный упрекъ. Если можетъ быть рѣчь о неподвижности и стояніи на одномъ мѣстѣ у такого большого и живого ума, то неужели же упрекавшимъ его въ этомъ не приходило въ голову, чтó могло побуждать человѣка съ такими большими душевными силами неподвижно оставаться на своемъ „посту" и чтó могло его приковывать къ нему? Да, онъ стоялъ на одномъ мѣстѣ—вынужденный повторять „забытую азбуку", мужественно и терпѣливо отбиваясь не только отъ тѣхъ, кто требовалъ идти назадъ „домой", но и отъ тѣхъ, кто предлагалъ „новыя слова" и, къ глубокому негодованію Михайловскаго, звалъ либо къ возмущавшему его и, казалось бы, похороненному старому, либо къ тому, „чего не вѣдаетъ никто". Да, онъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, съ раздраженіемъ безцѣльно терзаемаго „отца", уговаривая „дѣтей" и провозвѣстниковъ новыхъ словъ, чтобы они сговорились, въ чемъ эти слова состоятъ и куда они хотятъ идти. Онъ все стоялъ на своемъ:

желаете-ли вы быть оригинальными и указывать новые пути, или же готовы довольствоваться болѣе скромной ролью,—во всякомъ случаѣ говорите отъ своего имени, требуйте только того, что вамъ дѣйствительно дорого—дорого, какъ людямъ и законнымъ представителямъ людей, а не „тѣней несозданныхъ созданій“. Когда вы выставляете требованія вѣчной красоты, науки, націи, труда, справедливости и какихъ угодно высокихъ словъ, говорилъ онъ, то знайте, чѣмъ вы дорожите въ этихъ требованіяхъ, къ чему они обязываютъ, къ чему побуждаютъ. Внѣ этого—вы будете жертвами и орудіями произвола и анархіи, обезличенія и обезчеловѣченія. Вотъ на чемъ онъ стоялъ „неподвижно“.

Его положеніе было въ извѣстномъ смыслѣ трагично. Онъ былъ убѣжденъ, что только общественныя формы и преемственная работа мысли, то есть вообще общественная организація, могутъ дать устойчивость дорогимъ ему идеямъ. Между тѣмъ, общественныя формы не давали ему поддержки, а слабость преемственности въ духовной жизни русскаго общества способна была привести въ отчаяніе. Но Михайловскій мужественно стоялъ „неподвижно“ „на одномъ мѣстѣ“—и до конца жизни оставался оптимистомъ. Его поддерживала вѣра въ возможность организовать общественное мнѣніе, насколько это зависитъ отъ литературы — и отсюда его безграничная любовь къ литературѣ. Въ то же время его утѣшала и поддерживала вѣра въ исключительную личность, но особенной категоріи, — такую, именно, у которой выдающіяся силы ума, таланта и характера не осложняются роковыми притязаніями на непогрѣшимость „пророка“, имѣющаго какія-то высшія—мистическія и фантастическія—права относиться произвольно къ дѣйствительности и къ человѣку. Въ его сужденіяхъ и воспоминаніяхъ о привлекавшихъ его выдающихся людяхъ и въ его заботахъ охранить ихъ память былъ какой-то культъ предъ такими особенными личностями. Это былъ культъ предъ личностями, которыя, благодаря счастливой комбинаціи, въ своей „многогранной“ и цѣлостной натурѣ соединяютъ элементы, которые у обыкновенныхъ людей способны достичь нормальной гармоніи только черезъ посредство организующихъ воздѣйствій общественныхъ формъ и общественной работы мысли. Этимъ исключительнымъ личностямъ дано среди дезорганизующихъ условій какимъ-то чудомъ сохранять въ своемъ лицѣ полноту и гармоническую цѣльность человѣческой природы. И когда къ такого рода личностямъ удается приковать вниманіе общества, тогда онѣ способны играть въ немъ ту роль, какая, по убѣжденію Михайловскаго, принадлежитъ высшимъ объединяющимъ началамъ, присущимъ общественной организаціи. Тогда жизнь выдающейся личности не одинока, и дѣятельность ея оставляетъ послѣ себя долгіе и долгіе слѣды. Вторгаясь въ историческій ходъ вещей,

въ качествѣ сознательнаго и дѣятельнаго начала, такая выдающаяся личность является представителемъ типично человѣческаго отношенія къ жизни: она знаетъ, чего хочетъ, и вѣритъ въ то, что дѣлаетъ. Самъ Н. К. Михайловскій былъ именно такой личностью, въ которой своеобразно и характерно сочетались два преобладавшихъ въ немъ свойства: необыкновенно спокойная увѣренность вѣрующаго—съ страстной стремительностью боевой натуры, видѣвшей въ борьбѣ за дорогія и высшія начала что то обязывающее и дающее существованію высшій смыслъ и высшую цѣнность.

Nemo.

Новыя книги

Алексѣй Ачкасовъ. Пѣсни русскихъ писателей о волѣ. Изд. второе, дополненное. М. 1904.

Чѣмъ меньше воли, тѣмъ горячѣе и вдохновеннѣе поютъ о ней; вѣрно, поэтому сборникъ г. Ачкасова полонъ такихъ хорошихъ пѣсенъ о политической свободѣ, что, услышавъ ихъ, пожалуй, и гетевскій Брандеръ отказался бы отъ своего пренебрежительнаго восклицанія:

Ein garstig Lied! Pfui! Ein politisches Lied!

При этомъ богатствѣ русской политической лирики нельзя понять, ради чего составитель вздумалъ обогатить свой сборникъ такими пѣснями, которыя, правда, говорятъ о волѣ, только не о той... „Исполнить сердце читателя благоговѣніемъ къ памяти Царя-Освободителя, умиленіемъ и благодарностью за его великія дѣла,—вотъ къ чему стремился составитель этой книги“. Что жъ, задача почтенная, только не вполнѣ понятно, какое собственно къ ней отношеніе имѣетъ, напримѣръ, „Пѣсня“ Кольцова. Правда, въ ней говорится о молодой душѣ „хочетъ воли она“; но что противополагаетъ она неволѣ и для чего нужна ей воля? Надо ли напоминать читателю?

То ли дѣло вдвоемъ
Надъ рѣкою сидѣть,
На зеленую степь,
На цвѣточки глядѣть!
То ли дѣло вдвоемъ
Зимню ночь коротать...

Хороша „Пѣсня“ Кольцова, но, думается, въ сборникъ г. Ачкасова она попала только по его склонности къ распространительному толкованію. Противъ этого пріема по существу ничего

бы нельзя возразить, но расширять ужъ слѣдовало бы скорѣе въ другомъ направленіи. Г. Ачкасовъ внесъ въ свой сборникъ и публицистическую прозу Жуковскаго и Градовскаго, и сатирическія обличенія Салтыкова, и художественныя изображенія крѣпостной неправды Тургенева и Аксакова, и огненныя строки письма Бѣлинскаго къ Гоголю, и воспоминанія Гл. Успенскаго, съ поразительной простотой и отчетливостью раскрывающія психологію первоначальнаго народничества. Все это очень интересно и очень желательно провести—хотя бы въ качествѣ „пѣсенъ"—въ тѣ обширныя читательскія массы, на которыя разсчитываетъ книжка г. Ачкасова. Но именно поэтому слѣдовало ее сдѣлать болѣе опредѣленной, болѣе полной и — съ позволенія составителя—очистить ее отъ его связующихъ разсужденій, иногда наивныхъ, иногда безцвѣтныхъ, и всегда ненужныхъ. Русская политическая поэзія много богаче, чѣмъ это можетъ показаться читателю г. Ачкасова. Онъ обошелъ не только отдѣльныя ея произведенія, но и цѣлыя полосы ея развитія. Правда, онъ не всегда виноватъ: онъ даже стихотвореніе Пушкина долженъ былъ напечатать съ купюрами. Но, вмѣсто Державина, лучше было вспомнить о Пнинѣ; это одинъ примѣръ изъ многихъ. Переводныя стихотворенія также представляли гораздо болѣе интересный матеріалъ, чѣмъ то, что мы находимъ у г. Ачкасова; онъ ограничился Шиллеромъ, Лонгфелло и Гейне, а вѣдь у насъ такъ много хорошаго переводили изъ Гюго, изъ Барбье, изъ Никколини, изъ нѣмецкихъ лириковъ сороковыхъ годовъ.

Мы дѣлаемъ эти указанія, потому что они могутъ быть полезны при новомъ изданіи, котораго мы желаемъ „Пѣснямъ о волѣ". Пусть оно будетъ полнѣе; пусть въ него войдутъ не только поэты, сознательно или нечаянно пропущенные составителемъ, но и тѣ новые, въ комъ зажжетъ истинное вдохновеніе наша текущая жизнь, столь трепетно рвущаяся къ волѣ. Давно ждетъ она свободы для вдохновеній и того грядущаго поэта, о которомъ мечталъ старѣйшій изъ нашихъ живыхъ пѣвцовъ свободы:

Приди, я жду тебя, поэтъ гражданской чести!
Ты нуженъ въ наши времена.

Александръ Блокъ. Стихи о прекрасной дамѣ. Книгоиздательство Грифъ. Москва 1905.

Ставъ на точку зрѣнія, отвергаемую г. Блокомъ и тѣми, кто съ нимъ, не трудно показать, что его стихи—прескверные стихи, и даже совсѣмъ не стихи. Одинъ образецъ изъ многихъ, не самый характерный, но за то короткій:

По городу бѣгалъ черный человѣчекъ,
Гасилъ онъ фонарики, карабкаясь на лѣстницу.

Медленный, бѣлый подходилъ разсвѣтъ,
Вмѣстѣ съ человѣкомъ взбирался на лѣстницу.
Тамъ, гдѣ были тихія, мягкія тѣни
Желтыя полоски вечернихъ фонарей,
Утреннія сумерки легли на ступени,
Забрались въ занавѣски, въ щелки дверей.
Ахъ, какой блѣдный городъ на зарѣ!
Черный человѣчекъ плачетъ на дворѣ.

Если кто-нибудь скажетъ, что это не стихи, а чепуха, это не будетъ убѣдительно для г. Блока. Онъ привыкъ къ непониманію толпы; это его нота.

Я былъ весь въ пестрыхъ лоскутьяхъ,
Бѣлый, красный въ безобразной маскѣ
Хохоталъ и кривлялся на распутьяхъ
И разсказывалъ шуточныя сказки...
Кто-то долго, безсмысленно смѣялся,
И кому-то становилось больно.
И когда я внезапно сбивался,
Изъ толпы кричали: „довольно"!

Но мы и не разсчитываемъ убѣдить г. Блока; мы отмѣчаемъ его стихотворенія только потому, что въ нихъ декадентская теорія наиболѣе рѣшительно отказывается оправдать декадентскую практику. Теорія новой, символистской, декадентской, нео-идеалистской лирики исходила, какъ извѣстно, изъ того положенія, что средства старой поэзіи исчерпаны, что посредствомъ ея пріемовъ нельзя сказать больше того, что она сказала; новая поэзія создастъ новыя формы и, такимъ образомъ, получитъ возможность передать при ихъ посредствѣ новое содержаніе. Такъ было всегда въ развитіи поэзіи; такъ будетъ и на этотъ разъ.

Такъ оно, дѣйствительно, бывало — только въ обратномъ порядкѣ. Въ общественномъ и индивидуальномъ настроеніи чувствовалось нѣчто новое, невыразимое въ старыхъ формахъ; создавались новыя формы, въ нихъ находили выраженіе новыя настроенія, а теорія покрывала все это, доказывая законность и жизнеспособность новыхъ художественныхъ формъ. У насъ было наоборотъ: не литературная теорія пришла вслѣдъ за творчествомъ, а стали сочинять для того, чтобы представить образцы, продиктованные провозглашенной теоріей. Понятно, какую цѣну могла имѣть такая поэзія. Прозаическая по источнику и риторическая по содержанію, она займетъ мѣсто только въ исторіи русской версификаціи. Наиболѣе характернымъ и яркимъ ея образцомъ останется поэзія Бальмонта, эта Голконда выдумки и Сахара вдохновенія.

Съ нимъ и за нимъ пошли многіе, лишенные его способностей. Уже онъ пытался бросать ряды звонкихъ словесныхъ комбинацій въ разсчетѣ на то, что довѣрчивая мысль читателя связываетъ съ ними какое нибудь опредѣленное содержаніе. Г. Блокъ

пошелъ по тому же пути. При самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ и вниманіи къ замыслу автора, совершенно невозможно рѣшить, что онъ хотѣлъ — хоть для себя — выразить, напримѣръ, разсказомъ о томъ, какъ „черный человѣчекъ плачетъ на дворѣ", или какъ

Восхищенью не вѣря,
Съ темнотою — одинъ —
У задумчивой двери
Хохоталъ арлекинъ.

Вотъ настоящая „поэзія для немногихъ" — для тѣхъ, кому авторъ по дружбѣ далъ ключъ къ іероглифамъ своей заплетающейся поэзіи. А между тѣмъ, вѣдь не этихъ немногихъ имѣла первоначально въ виду эта поэзія; предполагалось, что вокругъ новыхъ словъ сгруппируется небольшая община тонко чувствующихъ и тонко понимающихъ, которые разнесутъ повсюду вѣсть о новомъ поэтическомъ откровеніи и прославятъ его. Немного вышло изъ этого шума. Надъ нашими декадентами теперь даже не смѣются. То небольшое вниманіе, которымъ они пользовались, пока имъ удавалось épater le bourgeois, отвлечено предметами, менѣе возвышенными и болѣе насущными. Напрасно г. Бальмонтъ доводитъ свое риторическое дерзновеніе до доступнаго его мысли конца, напрасно онъ увѣряетъ:

Знаю, мелкія низости
Не удержатъ меня...

Напрасно онъ воспѣваетъ:

Былыхъ *ночь, предавшихся мечтамъ*,
Красоту и нѣгу безъ предѣла...

Все напрасно: читатели знаютъ дурныя и хорошія стихотворенія и другихъ дѣленій знать не хотятъ.

Въ этихъ условіяхъ появляется лирическій сборникъ г. Блока, гдѣ уродливости новаго поэтическаго движенія доведены до абсурда. Едва ли въ этомъ была необходимость.

Въ разноголосицѣ оцѣнокъ на долю г. Блока достается немного похвалъ; опредѣленія его фигуры будутъ различны. Для однихъ онъ кривляка и спекулянтъ на модное извращеніе вкуса, для другихъ больной выродженецъ. Намъ представляется онъ гораздо проще и обыкновеннѣе. Въ каждомъ литературномъ движеніи бываютъ такія межеумочныя фигуры, такіе не совладавшіе съ собой носители невысказанныхъ мыслей. Они бываютъ покрупнѣе, но чаще остаются въ этомъ загадочномъ образѣ. Трудно судить о томъ, что имъ хотѣлось и не удалось высказать. Ясно одно: у нихъ не оказалось для этого силъ. Нельзя, однако, утверждать, что они остаются за предѣлами литературы:

наоборотъ, они принадлежатъ къ обширной группѣ литературныхъ курьезовъ.

Ѳедоръ Сологубъ. Книга сказокъ. Книгоиздательство Грифъ. Москва. 1905 годъ.

„Летѣла ворона. Видитъ мужика и спрашиваетъ:

— Мужикъ, а мужикъ?

— Чего тебѣ?

— Воронъ считать умѣешь?

— Ишь ты, какая затѣйная, чего захотѣла, — проваливай по добру, по здорову.

Полетѣла ворона, встрѣтила купца, спросила:

— Купецъ, воронъ считать умѣешь?

А купецъ говоритъ:

— Намъ такими пустяками не приходится заниматься, наше дѣло торговое.

Полетѣла ворона, встрѣтила гимназиста, самаго маленькаго изъ всей гимназіи, и спрашиваетъ:

— Гимназистъ, воронъ считать умѣешь?

А онъ и говоритъ:

— Я все считать умѣю, я до милліона умѣю считать и даже больше. Я Малинина и Буренина училъ.

А ворона ему въ отвѣтъ:

— А вотъ воронъ не сосчитаешь.

— А нѣтъ, сосчитаю, — говоритъ гимназистъ.

И сталъ считать:

— Одна, двѣ, три...

А ворона тутъ влетѣла ему въ ротъ и укусила его за языкъ. Заплакалъ гимназистъ и говоритъ:

— Никогда впередь не буду васъ, воронъ, считать, — коли кусаетесь, такъ и живите такъ, несчитанныя".

Это первая „сказка" г-на Сологуба. А вотъ, не угодно ли тридцать первую:

„Жила такая веселая дѣвчонка, — ей что хочешь дѣлай, а она смѣется.

Вотъ отняли у нея куклу подруги, а она бѣжитъ за ними, заливается, смѣется и кричитъ:

— Наплевать на нее. Не надо мнѣ ея!

Вотъ мальчишки ее прибили, а она хохочетъ:

— Наплевать! — кричитъ, — гдѣ наше не пропадало!

Говоритъ ей мать:

— Чего дура смѣешься, вотъ возьму вѣникъ.

Дѣвчонка хохочетъ:

— Бери, говоритъ, вѣникъ. Вотъ-то не заплачу, — наплевать на все.

Веселая такая дѣвчонка".

Все! Такихъ сказокъ г-нъ Сологубъ написалъ 39. Въ двухъ-трехъ изъ нихъ, при нѣкоторомъ напряженіи воображенія, можно отыскать признаки смысла, въ огромномъ большинствѣ — одно сплошное недоумѣніе. Правда, въ собраніи сочиненій даже такого глубокомысленнаго писателя, какъ Кузьма Прутковъ, иной

разъ попадаются подобныя же словесныя внезапности. Напримѣръ:

— „Вы любите-ли сыръ?“—спросили разъ ханжу.
— „Люблю,—онъ отвѣчалъ,—я вкусъ въ немъ нахожу“.

Но, во-первыхъ, это только двустишіе, а не цѣлая книга. А во-вторыхъ, послѣ „сказокъ“ г-на Сологуба невольно приходитъ въ голову, не хотѣлъ ли Кузьма Прутковъ намекнуть на нѣкоторыхъ писателей, до такой степени обуянныхъ самомнѣніемъ, что каждая ихъ словесная внезапность кажется имъ достойной опубликованія во всеобщее свѣдѣніе, независимо отъ смысла. Справедливость требуетъ отмѣтить, что на обложкѣ есть символическій рисунокъ, предупреждающій читателя противъ непроизводительной затраты 80 коп. на покупку книги „сказокъ“. На этомъ рисункѣ изображена занавѣска. На занавѣскѣ наивно, по-дѣтски зачерченный домикъ, кустикъ, дорожка, мальчикъ въ колпачкѣ. Однимъ словомъ, всякіе пустяки. И какая-то рука отодвигаетъ занавѣску, за которой не оказывается уже ровно ничего: черная пустота. Мы понимаемъ это такъ: занавѣска, это—пустяковыя сказки г-на Сологуба, за коими было бы тщетно искать смысла. Спасибо художнику, но... не мѣшало бы сказать это яснѣе... „Языкъ символовъ“ не всѣмъ легко доступенъ.

Генрихъ фонъ-Клейстъ. Михаилъ Кольгазъ Пер. О. Ф. Брандтъ. Спб. 1904.

Едва ли многіе изъ читателей, въ средѣ которыхъ пользуется заслуженнымъ успѣхомъ романъ „За правду“, знаютъ, что популярное произведеніе Францоза есть распространенный варіантъ исторической темы, уже ранѣе получившей художественную обработку въ нѣмецкой литературѣ. Этотъ прототипъ романа Францоза наканунѣ своего столѣтняго юбилея дѣлается достояніемъ русскихъ читателей.

Это слѣдовало сдѣлать раньше. Правда, повѣсть Клейста беднѣе содержаніемъ, чѣмъ ея новѣйшая переработка; въ ней нѣтъ тѣхъ бытовыхъ картинъ изъ жизни карпатскаго простонародья, которыми такъ увлекаетъ романъ Францоза; при всей своей краткости, она во второй половинѣ не лишена длиннотъ, которыя объясняются техникой стараго повѣствованія, равно какъ вниманіемъ автора къ исторической правдѣ, но затягиваютъ движеніе разсказа; ея фигуры эскизны и не всегда отчетливы. Но основная мысль разсказа въ ней выражена ясно, и за ея простотой чувствуется тотъ паѳосъ, который долженъ быть присущъ происшествію столь высокаго трагизма

Это исторія человѣка, который, не добившись отъ государственной власти защиты своихъ правъ, рѣшился осуществить ихъ самостоятельно, опираясь на свою силу. Такую расправу называ-

ютъ самоуправствомъ, но надо помнить, что она является таковымъ только въ строго правовомъ строѣ.

Повѣсть имѣетъ подзаголовокъ „изъ старинной хроники" и дѣйствительно основана на историческомъ событіи. Это было въ 1532 году; бранденбургскій купецъ Кольгазъ ѣхалъ на ярмарку въ Лейпцигъ; по дорогѣ онъ столкнулся съ людьми одного дворянина, которые затѣяли съ нимъ ссору и отняли у него пару лошадей. Потерпѣвшій сдѣлалъ все возможное, чтобы возстановить законнымъ путемъ свое нарушенное право. Послѣ долговременной тяжбы онъ получилъ отнятыхъ у него лошадей, но безъ всякаго возмѣщенія убытковъ. Въ борьбѣ за свое право онъ потерялъ все свое имущество и всю свою глубокую вѣру въ правый судъ; когда послѣднія надежды его на торжество правосудія рухнули, Кольгазъ обратился къ самозащитѣ, которая, конечно, не могла обойтись безъ тяжелыхъ эксцессовъ. Пославъ рѣшительный вызовъ своему обидчику и всей Саксоніи, Кольгазъ долго не начиналъ враждебныхъ дѣйствій; при содѣйствіи Лютера, онъ велъ переговоры съ курфюрстомъ, который, уже заключивъ съ нимъ соглашеніе, вздумалъ арестовать Кольгаза. И послѣ этого послѣдній хранилъ нѣкоторое время спокойствіе, но затѣмъ приступилъ къ борьбѣ. Долго, но съ перерывами, во время которыхъ ему обѣщали удовлетворить его, но обманывали—онъ велъ эту борьбу, разорялъ съ шайкой пособниковъ курфюршество саксонское разбоями и грабежами, поджегъ Виттенбергъ и, наконецъ, еще разъ обратился къ Лютеру съ просьбой подѣйствовать на государей и удовлетворить его законныя требованія. Потерпѣвъ здѣсь неудачу, онъ перенесъ свои насилія въ Бранденбургъ и свирѣпствовалъ здѣсь, пока его не заманили въ Берлинъ, гдѣ присудили къ смертной казни и колесовали въ 1640 году.

Въ деталяхъ Клейстъ по своему переработалъ это историческое сказаніе, но въ основныхъ чертахъ сохранилъ его содержаніе. Привлекательный образъ рѣшительнаго защитника своей личности выступаетъ нѣсколько схематично, но отчетливо на фонѣ бытовой обстановки старой Германіи. Въ романѣ Францоза отмѣчали идейное вліяніе знаменитаго произведенія Іеринга подъ аналогичнымъ заглавіемъ. Но вотъ—разсказъ Клейста, написанный чуть не за три четверти вѣка до „Борьбы за право", проводитъ ту же мысль. Очевидно, Іерингъ былъ только яркимъ выразителемъ этой мысли, одной изъ основныхъ идей человѣческаго общежитія: кто отстаиваетъ свое право, борется за общее право. А если его право сталкивается съ другими правовыми началами общежитія, тѣмъ хуже для этого общаго права: оно было создано не для всѣхъ, но для нѣкоторыхъ; оно виновато въ самоуправствѣ, ибо довело до него.

Разсказъ Клейста заслуживалъ бы у насъ самаго широкаго распространенія. Цѣна перевода 60 коп.—довольно высокая для

небольшой книжки, назначена не по волѣ издателя и переводчицы.

Профессоръ - идеалистъ. Сборникъ статей, посвященныхъ памяти проф. П. С. Климентова; сборникъ статей проф. **П. С. Климентова.**

Смерть человѣка, умѣвшаго жить цѣнной жизнью, всегда вызываетъ потребность въ оцѣнкѣ ушедшей въ его лицѣ съ жизненной сцены силы и въ учетѣ понесенной потери. Такой потребности и отвѣчаетъ сборникъ рѣчей и статей, посвященныхъ памяти скончавшагося около двухъ лѣтъ тому назадъ проф. томскаго университета, П. С. Климентова. Сборникъ отличается однимъ крупнымъ достоинствомъ: несомнѣнной искренностью своего содержанія; читателю ясно, что это не статьи, написанныя ex officio, а „оцѣнка сердцемъ", если можно такъ выразиться, личности человѣка, главной силой котораго была высота и чистота души. Въ общемъ, впечатлѣніе отъ сборника получается вполнѣ опредѣленное и цѣльное, что само по себѣ представляетъ для него достаточный raison d'etre.

Что касается сборника статей П С. Климентова, то тутъ умѣстно повторить слова проф. Озерова въ его статьѣ, посвященной памяти П. С. Климентова: „Дѣлать его (П. С. К.) литературную характеристику было бы трудно: покойный такъ безвременно сошелъ въ могилу, и въ томъ наслѣдіи, которое онъ оставилъ, видны колебанія мысли: онъ искалъ, искалъ лихорадочно новыхъ путей, мысль его билась, но литературная дѣятельность его была еще такъ кратковременна, что не успѣла отлиться въ твердыя формы". Тѣмъ не менѣе то, что принято называть „направленіемъ" писателя, намѣчено въ статьяхъ проф. Климентова съ достаточной ясностью. Какъ ученый финансистъ, Климентовъ примыкалъ къ прогрессивнымъ теченіямъ въ наукѣ финансоваго права; взгляды его по этому предмету высказаны имъ въ двухъ статьяхъ: *„Новые пріемы изученія въ финансовой наукѣ"* и *„Финансы по ученію абсолютной школы и германскаго катедеръ-реформаторскаго направленія"*. Въ нихъ Климентовъ является убѣжденнымъ эволюціонистомъ, стоящимъ на почвѣ строгаго научнаго реализма. Опредѣляя финансы, какъ историческую категорію, Климентовъ видитъ задачу своей науки въ изученіи „тѣхъ реальныхъ силъ, которыя создаютъ, видоизмѣняютъ финансовые институты и дѣлаютъ ихъ необходимыми, органически связанными съ общими условіями соціальнаго развитія, явленіями общественной жизни". Реальныя силы проявляются въ борьбѣ общественныхъ группъ, вслѣдствіе чего изученіе классовыхъ соотношеній составляетъ, по мысли Климентова, conditio sine qua non правильнаго отношенія къ финансовой наукѣ: именно въ этихъ соотношеніяхъ, а не въ чемъ-либо иномъ, заключается сущность тѣхъ или другихъ явленій госу-

дарственно-хозяйственной жизни. Съ точки зрѣнія научнаго реализма, Климентовъ критикуетъ катедеръ-реформаторское направленіе въ лицѣ его главныхъ представителей, обрушиваясь главнымъ образомъ на телеологію и идеализмъ въ наукѣ финансоваго права. По этимъ статьямъ Климентова цѣлью науки должно быть объективное изученіе дѣйствительности, того, что есть, а не того, что должно быть; наука призвана освѣщать людямъ арену ихъ борьбы, которая и есть истинный регуляторъ общественныхъ отношеній.—Но на почвѣ научнаго реализма Климентовъ стоитъ лишь одной ногой; въ остальныхъ его статьяхъ, гдѣ онъ выступаетъ уже какъ экономистъ и публицистъ, рѣзко пробивается идеалистическая струя; не трудно уловить объединяющую ихъ общую мысль, легшую, очевидно, въ основу общественно-политическаго credo автора и касающуюся вопроса о роли сознанія въ исторіи. По взгляду Климентова человѣческое сознаніе есть самостоятельный историческій факторъ; оно не только не подчиненная, но главная, руководящая и, по преимуществу, созидающая сила въ процессѣ исторіи. Такой взглядъ очень характеренъ для Климентова и опредѣляетъ ту позицію, которую онъ долженъ былъ занять въ отношеніи къ марксизму. Климентовъ, студенческіе годы котораго и первые шаги на литературномъ поприщѣ совпали съ эпохой усиленной пропаганды принциповъ матеріалистическаго пониманія исторіи, не могъ остаться внѣ вліянія этого направленія; но, принимая нѣкоторыя его существенныя положенія, онъ становится къ нему въ оппозицію въ вопросѣ о стихійности историческаго процесса; эта стихійность, по мнѣнію Климентова, не фатальна, не представляетъ чего-то такого, черезъ что человѣчество никогда не будетъ въ состояніи перешагнуть. Съ слѣпой стихійностью призвано бороться человѣческое сознаніе, которое, неуклонно прогрессируя, въ концѣ концовъ побѣдитъ ее, превративъ стихійную жизнь въ „познанный міръ“, подчиненный планомѣрному воздѣйствію со стороны человѣчества. „Только разумъ,—утверждаетъ Климентовъ,—явится могущественнымъ Самсономъ, который потрясетъ колоннады прежней исторіи“.—Читатель не найдетъ въ статьяхъ проф. Климентова солиднаго логическаго обоснованія приведенныхъ взглядовъ, въ которыхъ явно преобладаетъ элементъ вѣры; ему придется также убѣдиться въ существованіи въ нихъ нѣкотораго смѣшенія матеріалистическаго принципа съ идеализмомъ. Тѣмъ не менѣе, статьи проф. Климентова читаются съ интересомъ, благодаря, главнымъ образомъ, проявившемуся въ нихъ съ замѣчательною яркостью инстинкту общественности.—Остается пожелать успѣха сборнику: отразивъ въ себѣ свѣтлый образъ проф. Климентова и пуская въ оборотъ идеи, которыя послѣдній, какъ ученый и публицистъ, успѣлъ высказать за свою

недолгую жизнь, онъ, какъ нельзя лучше, выполняетъ свое назначеніе.

I. М. Гольдштейнъ. Проблемы населенія во Франціи. Спб. 1903.

Добросовѣстное изслѣдованіе г. Гольдштейна ставитъ задачею изучить вопросъ народонаселенія во Франціи въ связи съ соціально-экономическими условіями страны. Уже давно Франція представляетъ въ этомъ отношеніи очень поучительное поле наблюденія. Малая рождаемость населенія, лишь благодаря умѣренной смертности, не вызываетъ абсолютнаго уменьшенія въ числѣ жителей; при томъ есть годы, когда французское населеніе и дѣйствительно уменьшается. Въ теченіе послѣднихъ 11 лѣтъ прошлаго вѣка, начиная съ 1890 и кончая 1900 включительно, этотъ фактъ абсолютнаго уменьшенія встрѣчается, напр., пять разъ: въ 1890 г., 1891 г., 1892 г., 1895 г. и 1900 г.; и общая убыль населенія за эти 5 лѣтъ доходитъ до цифры въ 115,000 человѣкъ. Только благодаря тому, что были годы, болѣе счастливые въ этомъ смыслѣ, число жителей во Франціи и въ послѣднее десятилѣтіе XIX-го вѣка оказалось увеличившимся. Но какъ слабо это увеличеніе: превышеніе рожденій надъ смертями достигаетъ за этотъ промежутокъ времени всего 237,000 человѣкъ, что и понижаетъ коэффиціентъ прироста населенія до 0,7 на 1,000 въ теченіе всего десятилѣтія. Еще нагляднѣе слабый ростъ числа жителей во Франціи можетъ быть выраженъ словами г. Элизэ Реклю, который въ своемъ „Введеніи" къ „Географическому словарю Франціи" Поля Жоанна пишетъ: „По сравненію съ Франціей, увеличивающей свое населеніе едва на 250 единицъ ежедневно, всѣ другія страны, имѣющія переписи (denombrés), ведутъ себя въ этомъ отношеніи совсѣмъ иначе. Соединенное королевство ростетъ ежедневно въ общемъ на 1,000 человѣкъ, Германія на 2 200, Соединенные Штаты на 3,600, Россія, можетъ быть, на 5,000" (*Dictionnaire géographique de la France. Introduction*). Именно этотъ малый приростъ населенія Франціи, вызывавшій среди ея теоретиковъ и практическихъ дѣятелей опасенія за политическую будущность ихъ отечества, окруженнаго все болѣе и болѣе крѣпчающими сосѣдями, послужилъ основнымъ фактомъ для переработки мальтузіанскихъ доктринъ, такъ сильно господствовавшихъ между буржуазными экономистами Франціи.

Г. Гольдштейнъ, на основаніи значительнаго числа статистическихъ данныхъ, пытается не безъ успѣха поставить въ зависимость слабый приростъ французскаго населенія отъ нѣкоторыхъ характерныхъ чертъ экономическаго уклада страны, а именно, отъ сравнительно медленнаго развитія крупной промышленности при существованіи значительнаго класса мелкихъ крестьянскихъ собственниковъ. Во Франціи до сихъ поръ преобладаетъ именно это мелкое крестьянство, избѣгающее большого числа дѣтей; а го-

раздо болѣе плодовитый пролетаріатъ недостаточно многочисленъ, чтобы пополнить дефицитъ населенія среди мальтусіанствующихъ мужиковъ-собственниковъ. Исключеніе въ этомъ послѣднемъ отношеніи представляютъ лишь нѣкоторые болѣе бѣдные департаменты, особенно въ старой провинціи Бреція Бретани (стр. 158—160). Замѣтимъ, что г. Гольдштейнъ, когда писалъ свою работу, не имѣлъ еще подъ руками подробныхъ результатовъ послѣдней переписи (1901 г.) Если бы онъ могъ пользоваться этой статистикой, то онъ нашелъ бы въ ней еще дальнѣйшее подкрѣпленіе своихъ выводовъ А именно, мелкая частная собственность при возрастаніи благосостоянія начинаетъ обнаруживать все большій и большій страхъ передъ обширными семьями И на стезю мальтусіанства уже ступила сама благочестивая Бретань: изъ пяти департаментовъ, составляющихъ „страну гранитовъ и дубовъ", два, Илль-и-Виланъ и Сѣвернаго берега, обнаружили абсолютное уменьшеніе населенія отъ переписи 1895 г. до переписи 1901 г., первый на 8,472 человѣка, второй на 6,725 (см. *Dénombrement de la population* 1901; Парижъ, 1902, стр. 826).

Не надо, впрочемъ, забывать, читая книгу г. Гольдштейна, что все время дѣло идетъ о такой странѣ, какъ Франція, гдѣ сравнительно медленное развитіе крупной капиталистической промышленности совершается въ средѣ, характеризующейся старой и довольно высокой культурой и заключающей многочисленный классъ мелкихъ собственниковъ. Не само по себѣ земледѣльческое занятіе, а спеціальное положеніе французскаго крестьянства понижаетъ въ такой степени рождаемость въ чисто сельскихъ районахъ. Возьмите, съ одной стороны, хотя бы канадскихъ фермеровъ французскаго происхожденія, которые славятся своими громадными семьями,—или, по крайней мѣрѣ, славились, когда располагали массой свободныхъ земель. Возьмите, съ другой стороны, деревенское населеніе Россіи, которое отличается низкими потребностями и въ которомъ преобладаетъ мужикъ-общинникъ: по послѣднимъ даннымъ, ежегодная рождаемость достигаетъ у насъ 49 рожденій на 1000 жителей въ деревняхъ и всего 34 рожденій въ городахъ, т. е. отношеніе городскихъ и сельскихъ классовъ какъ разъ перевернуто въ смыслѣ движенія народонаселенія.

Интересны результаты изслѣдованія г. Гольдштейна по вопросу, касающемуся близко вопроса населенія, а именно, о вліяніи протекціонной политики Франціи на экономическую жизнь страны. Вопреки увѣреніямъ аграріевъ, высокія пошлины на хлѣбъ лишь замедлили прогрессъ сельскаго хозяйства и вмѣстѣ ослабили потребленіе пшеницы населеніемъ. Въ подтвержденіе своей фразы „мелкое крестьянское хозяйство производитъ часто какъ разъ столько, сколько имъ самимъ потребляется "(ст. 94) авторъ могъ бы привести не мало вѣскихъ доказательствъ, сдѣланныхъ де-

мократическими и соціалистическими защитниками свободной торговли, которые именно показали, что хотя французскіе протекціонисты много кричатъ о пользѣ покровительства для мелкаго крестьянства, на самомъ-то дѣлѣ всѣ барыши отъ высокихъ ввозныхъ пошлинъ текутъ въ карманъ крупныхъ землевладѣльцевъ.

Существенной оговорки заслуживаетъ слѣдующій утрированный въ своей первой части практическій выводъ, который дѣлается авторомъ изъ разсмотрѣнія „проблемъ населенія во Франціи": „Изъ всѣхъ этихъ фактовъ видно съ достаточной ясностью, что для Франціи имѣется только одинъ исходъ для увеличенія своей крайне низкой рождаемости. Этимъ исходомъ является: *поощреніе развитія крупной промышленности* (курсивъ нашъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ проведеніе широкихъ и радикальныхъ реформъ въ области рабочаго законодательства, соціальной гигіены, таможенной, торговой, транспортной и финансовой политики" (стр. 246). Со второй частью этого положенія мы вполнѣ соглашаемся, тѣмъ болѣе, что авторъ стоитъ въ ней за свободу торговли, прогрессивный подоходный налогъ и т. п. Но что за странное предложеніе заняться „поощреніемъ развитія крупной промышленности"! Къ чему этотъ крупно-капиталистическій утопизмъ? Крупная промышленность развивается и безъ того во Франціи, хотя и гораздо слабѣе, чѣмъ въ Германіи,—это разъ. А затѣмъ дѣло искреннихъ сторонниковъ новаго строя заключается въ томъ, чтобы пользоваться техническими успѣхами и соціальными послѣдствіями, приносимыми крупной промышленностью, но отнюдь не насаждать ее искусственными мѣрами. Не надо забывать, что капитализмъ несетъ съ собою и массу бѣдствій для втянутыхъ въ его процессъ рабочихъ; и что роль соціальныхъ реформаторовъ должна состоять въ энергичномъ вмѣшательствѣ въ отношенія между трудомъ и капиталомъ съ цѣлью устраненія чрезмѣрныхъ проявленій эксплуатаціи,—пока, по крайней мѣрѣ, современный режимъ капиталистической собственности не уступилъ мѣсто режиму собственности общественной.

Справедливо критикуя характеръ строя, основаннаго на мелкой частной собственности крестьянина и кустаря, г. Гольдштейнъ перегнулъ палку въ другую сторону и черезчуръ выдвинулъ впередъ положительныя стороны крупной промышленности. Наконецъ, поставимъ г. Гольдштейну практическій вопросъ: какими мѣрами онъ думаетъ „поощрять" капиталистическую индустрію? Вѣроятно, онъ отвѣтитъ: устраненіемъ протекціоннаго тарифа въ отношеніяхъ между отдѣльными странами и защитой рабочаго отъ эксплуатаціи въ сферѣ національнаго производства, ибо, молъ, такимъ путемъ только и можно заставить фабрикантовъ вводить техническія улучшенія въ сферу промышленности. Но тогда странно прилагать къ этому терминъ „поощреніе"

Если же г. Гольдштейнъ думаетъ прибѣгать къ другимъ мѣрамъ поощренія капитализма, въ родѣ предлагаемыхъ самими фабрикантами и ихъ апологетами, то эти проекты совсѣмъ не къ лицу серьезному изслѣдователю современныхъ соціальныхъ отношеній. Мы не думаемъ, однако, чтобы такова была точка зрѣнія г. Гольдштейна, и сожалѣемъ, что онъ не счелъ нужнымъ устранить свою злополучную неясную фразу о „поощреніи" крупной промышленности и не подчеркнулъ надлежащимъ путемъ тѣхъ взглядовъ на предметъ, которые мы вправѣ предполагать у противника протекціонизма и защитника „широкихъ и радикальныхъ реформъ" въ родѣ прогрессивнаго налога, рабочаго законодательства и т. п.

Оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя другія возраженія по поводу того или другого положенія автора, мы рекомендуемъ въ общемъ читателямъ книгу г. Гольдштейна, какъ наводящую мысль на серьезные вопросы современной жизни.

С. Лозинскій. Исторія французской республики. Кіевъ 1904 г.

„Исторія второй французской республики" г. С. Лозинскаго представляетъ объемистый томъ въ 544 страницы и посвящена подробному изложенію историческихъ событій, разыгравшихся во Франціи въ срединѣ прошлаго вѣка, начиная съ февральской революціи 1848 г. и кончая государственнымъ переворотомъ 2-го декабря 1851 г. Этому изложенію, распадающемуся на главы о „Паденіи іюльской монархіи", о „Дѣятельности временнаго правительства", объ „Учредительномъ собраніи", о „Л.-Н. Бонапартѣ и учредительномъ собраніи", о „Законодательномъ собраніи", о „Государственномъ переворотѣ", предшествуютъ, въ видѣ введенія, двѣ небольшія главы о „Второй реставраціи" и объ „Іюльской монархіи".

Трудъ г. Лозинскаго, въ общемъ живо и удачно написанный, будетъ полезнымъ пособіемъ для русскихъ читателей, располагающихъ до сихъ поръ очень небольшимъ числомъ источниковъ для ознакомленія съ исторіей февральской революціи и вытекшей изъ нея второй республики. Именно въ виду этого намъ хотѣлось бы указать на нѣкоторые недостатки работы г. Лозинскаго недостатки, которые могутъ быть исправлены при послѣдующихъ изданіяхъ (такого успѣха мы искренно желаемъ автору) и устраненіе которыхъ значительно увеличитъ цѣнность книги. Прежде всего бросается въ глаза противорѣчіе между характеромъ сочиненія г. Лозинскаго и его манерой цитировать. Авторъ, очевидно, имѣлъ въ виду дать публикѣ популярный, но вмѣстѣ и серьезный трудъ, основанный если не на изученіи первоисточниковъ (архивныхъ документовъ, періодической прессы, спеціальныхъ брошюръ

эпохи и т. п.), трудномъ для пишущихъ внѣ Парижа или Франціи,—то, по крайней мѣрѣ, на критической сводкѣ и разработкѣ сочиненій, посвященныхъ данному историческому періоду. Г. Лозинскій цитируетъ, дѣйствительно, и Луи-Блана, и Гарнье-Пажэса, и Прудона, и Даніэля Стерна, и Шарля Робэна и Верамореля, и Вейля, и де-Лагорса, даже статьи Эмиля де-Жирардэна и т. п. Но, если не ошибаемся, нигдѣ онъ не даетъ точныхъ указаній и ссылокъ на годъ изданія, мѣсто, страницу цитируемыхъ имъ сочиненій; зачастую онъ даже ограничивается простымъ упоминаніемъ имени автора, не давая названія труда, откуда берется цитата. Это въ значительной степени подрываетъ довѣріе читателей къ степени научной добросовѣстности или даже просто серьезности, съ какой г. Лозинскій выполнилъ свой трудъ историка. Очень часто при внимательномъ чтеніи „Исторіи“ г. Лозинскаго вы задаетесь вопросомъ: знаетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, авторъ цитируемое имъ сочиненіе изъ первыхъ рукъ, или же онъ цитируетъ его по цитатамъ другихъ авторовъ? Такъ, намъ показалось, что „Исторія революціи 1848-го года“ Даніэля Стерна, „Исторія французской революціи 1848 г.“ Шарля Робэна, статьи Жирардэна въ „La Presse“ и т. п. знакомы г. Лозинскому лишь по Вермрелю (извѣстному и русской публикѣ по его этюдамъ о дѣятеляхъ 48-го и 51-го года), который вообще, повидимому, вдохновлялъ довольно часто русскаго автора. Укажемъ лишь на слѣдующее. На стр. 96—97 г. Лозинскій говоритъ о первой прокламаціи временнаго правительства, которой оно возвѣщало странѣ о низверженіи іюльской монархіи и о предстоящей санкціи народомъ окончательной формы правленія. И авторъ, оцѣнивая этотъ документъ, считаетъ нужнымъ замѣтить: „Какъ робко, неопредѣленно и двусмысленно говорили эти побѣдители тотчасъ послѣ побѣды! Такимъ ли языкомъ надо было оповѣстить Францію о паденіи іюльской монархіи?“ и т. д (стр. 97). Но если бы г. Лозинскій дѣйствительно былъ знакомъ съ Даніэлемъ Стерномъ (графиней д'Агу), а не только изъ вторыхъ рукъ, то въ подтвержденіе своей мысли онъ привелъ бы не одну окончательную форму прокламаціи, гдѣ все же говорится о томъ, что „временное правительство хочетъ республики, утвержденной всѣмъ народомъ, который будетъ съ этою цѣлью немедленно созванъ“, но и первоначальную форму этой прокламаціи, гдѣ находится еще гораздо болѣе робкая и двусмысленная фраза: „ни парижскій народъ, ни временное правительство не претендуютъ подставить свое мнѣніе мнѣнію гражданъ“, при чемъ ничего не говорится о „немедленномъ“ созваніи народа. Даніэль Стернъ цитируетъ даже какъ разъ эту первоначальную редакцію манифеста и сопровождаетъ ее разсказомъ о необыкновенномъ замѣшательствѣ временного правительства и комической бѣготнѣ изъ типографіи въ типографію „Le Moniteur“, ознаменовавшихъ напечатаніе

прокламаціи, на болѣе республиканской формѣ которой настоялъ Луи-Бланъ (см. Daniel Stern, *Histoire de la Revolution de 1848*; Парижъ, 1862, 2-е изданіе, т. I, стр. 317—320). Мы не останавливаемся особенно на этомъ эпизодѣ, потому что для всякаго читателя, знакомаго съ исторіей февральской революціи вообще и сочиненіемъ Даніэля Стерна въ частности, сказанное нами должно носить характеръ очевидности. И такихъ примѣровъ сомнительнаго пользованія источниками изъ первыхъ рукъ можно было бы указать не одинъ въ книгѣ г. Лозинскаго.

Намъ хотѣлось бы, впрочемъ, перевести этотъ вопросъ на болѣе общую почву и посовѣтовать автору не злоупотреблять цитатами. Несомнѣнно, историкъ долженъ давать въ распоряженіе читателей достаточное количество фактическаго матеріала, подлинныхъ документовъ, рѣчей политическихъ дѣятелей и т. п. Но не надо переступать извѣстныя границы, которыя долженъ подсказывать литературный тактъ историка, и загромождать работу сырымъ матеріаломъ, сообщающимъ при томъ ей, благодаря уже упомянутой неточный манерѣ цитировать, компилятивный и начетчицкій характеръ, а между тѣмъ у г. Лозинскаго есть цѣлый рядъ страницъ, сплошь состоящихъ изъ подробной перепечатки самихъ по себѣ интересныхъ документовъ, но нарушающихъ своими размѣрами гармонію исторической работы, которая должна во всякомъ случаѣ представлять работу личной мысли историка. Обратимъ вниманіе, хотя бы на стр. 266 — 286, воспроизводящія, правда, любопытные дебаты въ учредительномъ собраніи по поводу вырабатывавшейся конституціи, напримѣръ, о внесеніи въ нее права на трудъ, но дебаты, которые все же можно было бы, за исключеніемъ самыхъ выпуклыхъ мѣстъ, срезюмировать безъ ущерба для содержанія книги. Такое подробное воспроизведеніе этихъ преній было бы у мѣста въ книгѣ, въ три раза превосходящей своими размѣрами и безъ того объемистую книгу г. Лозинскаго: иначе теряется пропорція между частями труда, и однѣ стороны развиваются черезчуръ насчетъ другихъ. Мы, дѣйствительно, нашли, напримѣръ, у г. Лозинскаго сравнительно очень мало относительно клубной агитаціи и самого характера всевозможныхъ клубовъ, плодившихся, словно грибы, въ первое время февральской революціи. А между тѣмъ, изслѣдованіе этой стороны дѣла позволило бы лучше оріентироваться въ хаосѣ сталкивавшихся идей, мнѣній, настроеній и чаяній толпы и глубже заглянуть въ причины краха 1848 г. и прежде всего въ необыкновенную хаотичность соціально-политическихъ взглядовъ, господствовавшихъ тогда даже между наиболѣе сознательными рабочими, слѣдовавшими за Луи-Бланомъ, Кабэ, Пьеромъ Леру, Прудономъ и т. п. мыслителями.

А, можетъ быть, г. Лозинскій,—повидимому, еще начинающій, но не лишенный дарованія писатель, — инстинктивно предпочи-

талъ выдвигать впередъ чужія цитаты и давать слишкомъ много мѣста сырому матеріалу, не особенно полагаясь на собственную уясняющую и обобщающую силу мысли. Говоримъ это потому, что авторъ, если и любитъ отъ времени до времени выражать свою оцѣнку людей и событій, то дѣлаетъ это скорѣе въ морализирующей формѣ, но по возможности воздерживается отъ общаго взгляда на смыслъ изучаемыхъ имъ историческихъ явленій; въ тѣхъ же случаяхъ, когда рѣшается на это, обнаруживаетъ незрѣлость или, по крайней мѣрѣ, поверхностность политическаго пониманія. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, страненъ и наивенъ кажется г. Лозинскій, когда онъ заднимъ числомъ рекомендуетъ свою программу дѣйствій Луи-Блану, говоря, что въ виду „соціалистическаго революціонаризма, который господствовалъ въ большинствѣ народныхъ клубовъ", Луи-Бланъ долженъ былъ бы „успокаивать народныя страсти, заставлять рабочихъ идти на сдѣлки съ буржуазіей и подчеркивать возможность мирнаго прогресса" (стр 94). Какъ будто бы не это именно и дѣлалъ Луи-Бланъ, и—увы!—дѣлалъ — съ такимъ фатальнымъ для собственнаго дѣла успѣхомъ, что до сихъ поръ большинство мыслящихъ историковъ находятъ слабость автора „Организаціи труда" въ его непослѣдовательности, нерѣшительности, въ его неумѣньи пользоваться великимъ энтузіазмомъ и вѣрою въ него рабочихъ массъ, чтобы давить на тогдашнее правительство. Г. Лозинскій серьезно полагаетъ, что „вступленіе въ правительство Луи-Блана было необходимо"—для того, чтобы „ослабить рѣзкія различія между отдѣльными классами" (стр. 94). И не видитъ, что именно этимъ вступленіемъ, которое свелось къ платоническимъ дебатамъ въ люксембургской коммиссіи, Луи Бланъ отрѣзалъ себѣ возможность дѣйствовать на правительство извнѣ, такъ какъ былъ связанъ съ нимъ формальною солидарностью. Съ другой стороны, легко сказать: „ослабить рѣзкія различія между отдѣльными классами" или даже, какъ выражается г. Лозинскій страницей дальше, „показывать, что въ интересахъ рабочаго класса соединиться съ средней и мелкой буржуазіей для борьбы съ финансовой и промышленной аристократіей" и т. д. (стр. 95). Эта задача — квадратура круга, противорѣчивая по самому существу своему. Не смотря на всѣ свои достоинства (мы оставляемъ въ сторонѣ слабость его характера), Луи-Бланъ былъ безжалостно раздавленъ исторіей именно потому, что поступалъ такъ, какъ совѣтуетъ ему заднимъ числомъ поступать г. Лозинскій. И въ теоріи, и на практикѣ Луи Бланъ былъ, какъ сказали бы теперь, горячимъ сторонникомъ „сотрудничества классовъ". Ему всегда казалось, что грозный фактъ „борьбы классовъ" можно устранить, *убѣдивъ* борющихся въ ненормальности настоящаго положенія вещей. Не говорилъ ли Луи-Бланъ: „язва общества не въ борьбѣ классовъ, но въ невѣжествѣ, жертвами котораго они являются всѣ безъ

исключенія?“ Не дѣлалъ ли онъ формальнаго предложенія буржуазіи: „вмѣсто того, чтобы держаться отдѣльно отъ народа, соединиться съ нимъ неразрывнымъ образомъ (d'une manière indissoluble), взять на себя иниціативу системы, которая перевела бы промышленность отъ режима конкурренціи къ режиму ассоціацій?“ (въ послѣсловіи къ своей „Исторіи десяти лѣтъ.“) Этой тактикѣ онъ остался вѣренъ во время февральской революціи, вызвавъ слѣдующій приговоръ современнаго историка: „Луи-Бланъ, чтобы онъ ни говорилъ и ни писалъ, былъ игрушкой въ рукахъ своихъ коллегъ по правительству. Его роль, помимо его вѣдома, состояла въ томъ, чтобы дурачить пролетаріатъ, служить посредникомъ между возстаніемъ и исполнительной властью, вступать въ переговоры и заключать торгъ, всегда оказывавшійся гибельнымъ для той стороны, которую ему всего болѣе хотѣлось защищать... Такимъ образомъ, Луи Бланъ, самъ будучи болѣе искреннимъ, болѣе добросовѣстнымъ, прикрылъ собой самые возмутительные акты лицемѣрія правой правительства“ и т. д. А г. Лозинскій полагаетъ, что Луи Бланъ мало еще „успокаивалъ страсти“ и мало принималъ мѣры для „ослабленія различій между классами!..“

Намъ желалось бы, чтобы авторъ не видѣлъ въ нашей критикѣ простой придирки, а постарался бы къ слѣдующему изданію замѣнить свою манеру цитировать болѣе точной и научной; просѣять нѣсколько и расчистить свои черезчуръ длинныя и многочисленныя ссылки, замѣнивъ ихъ, гдѣ возможно, своимъ резюмэ; продумать и выработать болѣе самостоятельный взглядъ на крайне поучительную до сихъ поръ исторію февральской революціи. Этимъ г. Лозинскій придастъ гораздо большее значеніе своей, повторяемъ, въ общемъ интересной книгѣ и сдѣлаетъ дѣйствительно полезный вкладъ въ литературу движенія 1848 года на русскомъ языкѣ.

Ю. Н. Лавриновичъ (Надеждинъ). Очерки французской общественности. Спб. 1903.

Книжкѣ г. Лавриновича вредитъ, прежде всего, ея нѣсколько пышное названіе, вызывающее разочарованіе въ читателѣ. Авторъ намѣревается въ ней дать „набросокъ типовъ французской общественности“ (Отъ автора, стр. IX). Но когда читатель пробѣгаетъ одинъ за другимъ пять очерковъ, составляющихъ содержаніе книжки, то онъ находитъ, что это по большей части перепечатка журнальныхъ статей не одинаковыхъ размѣровъ и не одинаковаго достоинства, притомъ имѣющихъ порою скорѣе спеціальный, чѣмъ общій характеръ. Лучшимъ и наиболѣе живымъ очеркомъ (г. Лавриновичъ пишетъ, впрочемъ, вообще живо, хотя перехватывая по части паѳоса, выходящаго у него довольно дѣланнымъ) является первый, озаглавленный „Журнализмъ и журналисты“.

Можетъ быть, слѣдовало бы слегка упрекнуть автора за то, что мѣстами это почти пересказъ „Исторіи французской печати“ Анри Авенэля и „Журнализма“ Таверньe. Но авторъ скрашиваетъ этотъ компилятивный характеръ этюда тою искренностью и горячностью, съ какою онъ слѣдитъ за судьбами французской прессы, и указываетъ на значеніе этого могучаго органа „общественности“, удачно иллюстрируя исторію печати нѣкоторыми характерными анекдотами. Какъ вамъ, напр., нравится сообщаемый г. Лавриновичемъ (стр. 12) со словъ Таверньe анекдотъ о Наполеонѣ III, который въ то время, какъ всячески давилъ независимую прессу, запрещая ей обсуждать мало-мальски интересные государственные и общественные вопросы, самъ аккуратно читалъ, однако, издававшуюся для него спеціально газету для ознакомленія съ внутренней и внѣшней политикой? Не есть ли это наилучшее доказательство того, какую отвѣтственность берутъ на себя такъ называемые „мудрые правители“, препятствуя развитію свободнаго общественнаго мнѣнія? По поводу „либеральнаго“ закона о печати, появившагося при концѣ имперіи (15-го іюля 1868 г.) и разсмотрѣннаго г. Лавриновичемъ съ указаніемъ на его половинчатость и слабыя стороны (стр. 35), намъ хотѣлось бы разсказать, въ свою очередь, анекдотъ объ исторіи выработки этого закона. Въ многотомной работѣ Пьерра де-Лагорса о второй имперіи сообщается слѣдующее: когда зашла рѣчь о реформѣ законодательства о печати, въ столицу, наканунѣ дебатовъ въ законодательномъ корпусѣ, нахлынула цѣлая масса журналистовъ изъ провинціи.

„То были редакторы оффиціозныхъ газетъ, — говоритъ де-Лагорсъ, — они горько жаловались и заявляли, что, не смотря на привилегію судебныхъ объявленій, имъ невозможно будетъ существовать, если рядомъ съ ними могутъ по произволу возникать оппозиціонныя газеты. „Le Pays“, органъ де Кассаньяка, пытался объединить своихъ друзей для сопротивленія. „Лучшее средство обнаружить свою преданность правительству, это — бороться съ внесеннымъ имъ же закономъ“ (Pierre de la Gorce. *Histoire du Second Empire*; Парижъ, 1901, т. V, стр. 355—356). Этотъ анекдотъ вскрываетъ въ достаточной степени психологію такъ называемыхъ „вѣрныхъ слугъ“ власти: всѣ громкія фразы, произносимыя ими насчетъ „великихъ завѣтовъ“, „основъ“ и т. п. вещей, сводятся къ прозаичному опасенію исчезнуть съ лица земли подъ вліяніемъ конкурренціи болѣе ихъ талантливыхъ и убѣжденныхъ писателей оппозиціи...

Возвращаясь къ г. Лавриновичу, мы могли бы указать на рядъ неточностей и оплошностей, допущенныхъ имъ въ очеркѣ о прессѣ. Но эти промахи, объясняющіеся, вѣроятно, спѣшностью написанія этого этюда, не настолько важны, чтобы подробно останавливаться на нихъ. Приходится бѣгло отмѣтить лишь нѣкото-

рые. Рошфоровская газета „Mot d'ordre" не только не была „органомъ" коммуны (стр. 53), но жестоко высмѣивала „диктаторовъ, возсѣдавшихъ въ ратушѣ"; и самъ Рошфоръ принужденъ былъ бѣжать изъ Парижа, спасаясь отъ угрозъ Рауля Риго, который обѣщалъ его арестовать. Еще болѣе странна фраза г. Лавриновича о Клемансо: „онъ основалъ въ 1880 году газету „Justice", въ которой онъ почти двадцать лѣтъ проводилъ свои политическіе взгляды; но наиболѣе блестящій періодъ его журнальной карьеры относится ко времени его сотрудничества въ „Aurore" (стр. 58). Развѣ г. Лавриновичъ не знаетъ, что за исключеніемъ самыхъ послѣднихъ лѣтъ существованія „Justice", когда она уже умирала, Клемансо никогда не писалъ въ этой газетѣ, будучи лишь ея „политическимъ директоромъ"; и что публика была даже крайне удивлена, когда Клемансо, послѣ своего крушенія на выборахъ 1893 г., взялся за перо и обнаружилъ значительный публицистическій талантъ. А нижеслѣдующая фраза г. Лавриновича невольно вызываетъ улыбку своею политическою невинностью: „популярность Клемансо вскорѣ была возстановлена, а недавно нація выразила ему высшую степень довѣрія, почтивъ его избраніемъ въ сенаторы" (стр 59). Прежняя „популярность" Клемансо не только не была „вскорѣ возстановлена", но избраніе бывшаго вождя радикаловъ въ сенаторы именно и показываетъ, что отъ этой популярности осталась лишь слабая тѣнь: не горькая ли иронія судьбы въ томъ, что Клемансо, этотъ страстный врагъ сената въ прошломъ, принужденъ ставить свою кандидатуру не передъ всеобщей, а передъ ограниченной подачей голосовъ? Это—упадокъ значенія лидера крайней лѣвой, а вовсе не „высшая степень довѣрія" и какое то особое „почтеніе". Клемансо еще можетъ, конечно, выплыть и даже стать министромъ; но его сенаторство показываетъ всякому, знакомому съ политической жизнью Франціи, лишь необходимость для Клемансо слѣдовать для возобновленія своей карьеры рутинной дорожкѣ политикановъ, забракованныхъ на выборахъ въ палату депутатовъ. Сомнительнымъ намъ представляется и утвержденіе г. Лавриновича, будто „въ уличной печати надо видѣть одну изъ причинъ нравственной распущенности, царящей во Франціи и особенно въ Парижѣ" (стр. 93). Такая фраза простительна лишь въ устахъ какого нибудь наивнаго филистера изъ провинціаловъ, а не человѣка, дающаго серьезный этюдъ о французской печати. Стары эти разсужденія о современномъ Вавилонѣ, стары и невѣрны. Во Франціи нѣтъ никакой особой распущенности; а пороки Парижа - пороки всякаго громаднаго города въ капиталистическомъ обществѣ. Съ другой стороны, отношеніе „распущенности" въ въ жизни и „уличной печати" должно быть совсѣмъ обратное, чѣмъ полагаетъ г. Лавриновичъ: распущенность во всякомъ случаѣ является въ неизмѣримо большей степени причиною, чѣмъ

слѣдствіемъ „уличной печати“. Да и вообще мы полагаемъ, что авторъ „очерковъ французской общественности“ черезчуръ строгъ къ изображаемой имъ странѣ, говоря о нашемъ времени, какъ объ „эпохѣ упадка нравственности во всей Франціи“. (стр. 117). Все это очень поверхностно и очень смѣло обобщено, да, пожалуй, идетъ и въ разрѣзъ съ преобладающимъ духомъ книжки г. Лавриновича.

Суше, но и обстоятельнѣе написанъ второй очеркъ, посвященный „рабочимъ союзамъ“. Авторъ сообщаетъ немало фактическихъ данныхъ, касающихся синдикатовъ, биржъ труда и т. п. союзовъ, къ сожалѣнію, затопляя временами въ подробностяхъ общій смыслъ изучаемыхъ имъ явленій. Жаль, напр., что авторъ удѣляетъ лишь нѣсколько послѣднихъ страницъ (XII-ую главу своего очерка) соціальному и политическому значенію рабочихъ союзовъ. Именно этотъ вопросъ возбуждаетъ въ настоящее время наиболѣе горячіе споры, такъ какъ отношеніе синдикальнаго движенія къ политикѣ соціалистическихъ партій и обратно является одною изъ самыхъ интересныхъ проблемъ, занимающихъ теоретиковъ и практиковъ соціализма, а за ними и всѣхъ изслѣдователей современнаго общества. Авторъ же какъ разъ кончаетъ свой этюдъ тамъ, гдѣ его слѣдовало бы начинать по этому вопросу, говоря: „сама жизнь толкаетъ французскіе рабочіе союзы на борьбу, которую имъ приходится вести на два фронта· въ парламентѣ и у рабочаго станка“ (стр. 285).

Три остальные очерка г. Лавриновича и короче, и менѣе интересны, и страдаютъ обиліемъ сухихъ деталей. Это можно сказать объ этюдахъ, носящихъ громкія заглавія „Армія просвѣщенія“, „Демократизація науки“ и „Заботы о будущемъ человѣчествѣ“, но изображающихъ гораздо болѣе скромныя явленія, чѣмъ можно было бы думать, судя по упомянутымъ названіямъ. Первый, напр., изъ этихъ этюдовъ описываетъ дѣятельность народно-образовательныхъ обществъ въ родѣ „филотехнической“ и „политехнической“ ассоціацій, имѣющихъ въ виду преимущественно профессіональное обученіе взрослыхъ и подростковъ. Второй разсматриваетъ публичные курсы нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеній въ родѣ музея при Ботаническомъ саду (Jardin des Plantes) и такъ называемаго Collége de France. Третій посвященъ „Союзу для спасенія дѣтства“, т. е. дѣтей, оставляемыхъ на произволъ судьбы родителями или находящихся въ тяжелыхъ нравственныхъ условіяхъ. Всѣ эти три этюда, благодаря своему по большей части детальному изложенію, можетъ быть, и у мѣста въ спеціальныхъ педагогическихъ органахъ, но недостаточно интересны для большой публики. Хотѣлось бы, чтобы деревья здѣсь хоть нѣсколько разступались, и читатель могъ бы видѣть весь лѣсъ, куда авторъ приглашаетъ очень заманчивыми надписями у входа, но гдѣ онъ оставляетъ блуждать своихъ пригла-

шенныхъ безъ достаточнаго числа просѣкъ и дорожекъ. Кому изъ среднихъ читателей нужно, напр., подробное перечисленіе на цѣлой страницѣ (стр. 367) всѣхъ лекцій, читаемыхъ въ Collège de France? Г. Лавриновичъ, умѣющій, когда захочетъ, писать довольно живо, могъ бы гораздо болѣе заинтересовать большую публику,—для которой, конечно, и предназначены его этюды,—если-бы давалъ поменьше подробностей и лучше бы освѣщалъ общія стороны изучаемыхъ имъ явленій.

Пругавинъ, А. С. Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ сектантствомъ (Къ вопросу о вѣротерпимости). Съ критическими замѣчаніями духовнаго цензора. Изданіе „Посредника" М. 1904.

Заключеніе въ монастырскія тюрьмы, представляющее собой печальный пережитокъ отдаленнаго прошлаго, сохранилось у насъ до настоящаго времени, не смотря на то, что ни гражданскими, ни церковными законами такая мѣра наказанія не предусматривается. Въ длинной цѣпи безправія, окутывающей русскаго обывателя, заключеніе въ монастырскую тюрьму является однимъ изъ послѣднихъ звеньевъ. Мало того, что заключеніе это примѣняется всегда въ административномъ порядкѣ, безъ суда и слѣдствія, бывали случаи, когда это заключеніе совершалось даже вопреки рѣшенію суда (случай съ архангельскимъ уроженцемъ Раховымъ, стр. 96—105).

Мы не беремся передавать здѣсь содержаніе высокоинтересной брошюры г. Пругавина и думаемъ, что и безъ всякой рекомендаціи она найдетъ себѣ самое широкое распространеніе среди читающей публики. Ужасами инквизиціи вѣетъ со страницъ ея!.. Что касается немногихъ „критическихъ замѣчаній духовнаго цензора", іеромонаха Александра, то о нихъ можно сказать, что они во всякомъ случаѣ не подтверждаютъ необходимости существованія монастырскихъ казематовъ и могутъ вызывать возраженія весьма существенныя. Человѣку, знакомому хотя бы по случайнымъ газетнымъ извѣстіямъ съ тѣмъ, какъ у насъ распоряжаются съ раскольниками и сектантами, трудно повѣрить, чтобы у насъ была въ этомъ отношеніи *„слабость административныхъ мѣропріятій"* (курсивъ цензора), вынуждающая духовное начальство прибѣгать въ расправѣ съ сектантами и раскольниками къ такой мѣрѣ, какъ заключеніе въ монастырскія тюрьмы. Всуе, намъ кажется, ссылается г. духовной цензоръ и на примѣръ Христа, изгнавшаго торгующихъ изъ храма. Какое сходство между торгующими во храмѣ и раскольниками, между изгнаніемъ изъ храма и одиночнымъ заключеніемъ въ монастырскомъ казематѣ? „Чудо! восклицалъ двѣсти лѣтъ тому назадъ протопопъ Аввакумъ, какъ-то въ позианіе не хотятъ придти: огнемъ да кнутомъ, да висѣлицею хотятъ вѣру утвердить. Которые-то апостолы научили

такъ, не знаю! Мой Христосъ не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить, еже бы огнемъ да кнутомъ, да висѣлицею въ вѣру приводить". Костры и висѣлицы теперь исчезли, но не многимъ лучше этихъ мученій и пожизненное одиночное заключеніе, продолжающееся иногда—страшно сказать—болѣе 60 лѣтъ, или лишеніе религіознаго человѣка возможности читать въ тюрьмѣ псалтырь и евангеліе (Такой случай, по словамъ г. Пругавина, имѣлъ мѣсто въ тюрьмѣ Суздальскаго монастыря всего годъ-два тому назадъ). Костры и висѣлицы убивали тѣло, а теперешніе монастырскіе казематы убиваютъ душу, ибо добрая половина сидящихъ десятки лѣтъ въ одиночномъ заключеніи сходитъ съ ума... Остается пожелать, чтобы книга г. Пругавина возможно шире ознакомила наше общество съ „печальной аномаліей, уцѣлѣвшей въ нашей жизни отъ далекихъ вѣковъ религіозной нетерпимости", и помогла бы скорѣйшему ея уничтоженію.

Анна Догановичъ. Дѣдъ Игнатъ. М. 1904. Того же автора: **Вася Горбунъ.** М. 1903. Изд. В. С. Спиридонова.

„Дѣдъ Игнатъ" предназначается „для школьнаго и семейнаго чтенія", но онъ полезенъ и для всѣхъ коммиссій по крестьянскому вопросу, имѣющихъ цѣлью достигнуть наибольшихъ результатовъ при наименьшихъ перемѣнахъ въ общемъ положеніи вещей. Что можетъ быть проще, напримѣръ, какъ уничтожить разъ навсегда деревенскіе пожары и снабдить всѣхъ мужиковъ просторными каменными домами... и при томъ руками однихъ стариковъ!.. Въ селѣ, о которомъ разсказываетъ г-жа Догановичъ, мужики хотѣли построить церковь, а денегъ не было. И церкви, конечно, не было бы, если бы не помогъ „дѣдъ Игнатъ". Онъ поселился на глиняномъ мѣсторожденіи и сталъ дѣлать кирпичи: въ десять лѣтъ онъ одинъ-одинешенекъ наготовилъ кирпичей на всю церковь... Но если такъ, то очевидно, что вопросъ о пожарахъ, ежегодно уносящихъ сотни милліоновъ, навѣки устраняется „по способу г-жи Догановичъ". Стоитъ только выселить на глиняныя поля всѣхъ ненужныхъ семьямъ стариковъ (все равно, даромъ на печахъ лежатъ), и меньше, чѣмъ черезъ 10 лѣтъ красный пѣтухъ будетъ побѣжденъ и „оскудѣнію центра" и всего, что кругомъ центра, конецъ положенъ и надолго безъ „ломки". — За свои десятилѣтніе труды дѣдъ Игнатъ былъ вознагражденъ и возвеличенъ: при освященіи церкви, ему было отведено почетное мѣсто; онъ получилъ просфору изъ рукъ преосвященнаго, а школьники спѣли ему „Славу". По нашему, это даже слишкомъ много: дѣдъ вѣдь полѣнился построить доменную печь для выплавки желѣза на крышу церковную. Эта задача немногимъ развѣ труднѣе постройки кирпичнаго завода и выдѣлки кирпича и на церковь, и на „всѣ печи въ окружности!" Очевидно, что полѣнился.

Правда, онъ искупилъ это другой заслугой: убѣдилъ мѣстную учительницу, что ѣсть скоромное въ постъ ей, учительницѣ, грѣшно: въ соблазнъ вводитъ... Г-жа Догановичъ, очевидно, забыла старую истину: не то грѣхъ, что въ уста входитъ, а то грѣхъ, что изъ устъ исходитъ. Въ этомъ отношеніи неискренній религіозно-нравственный разсказъ г-жи Догановичъ, предназначенный *для дѣтей*, несомнѣнный грѣхъ.

Такой же искусственностью и придуманностью вѣетъ и отъ второго разсказа.

Э. Томсонъ. Разсказы изъ жизни животныхъ. Перев. съ англійскаго Е. В. Лавровой. Спб. 1905. Изд. О. Н. Поповой.

Э. Сетонъ-Томсонъ. 1) **Маленькій герой и другіе разсказы.** Перев. Е. Б. Москва. 1904. 2) **Жизнь сѣраго медвѣдя.** Перев. Н. Шишкова. М. 1903 г. („Библіотека И. Горбунова-Посадова").

Особенность разсказовъ г. Томсона—любовное къ міру животныхъ отношеніе, въ которомъ чувствуется неподдѣльная искренность. Но авторъ *слишкомъ* любитъ своихъ безмолвныхъ героевъ. Дикій конь, о которомъ онъ разсказываетъ, пойманный и лишенный свободы, не хочетъ примириться съ путами на ногахъ и бросается со скалы въ пропасть. Состарѣвшійся и одряхлѣвшій медвѣдь не хочетъ переживать чувство постояннаго страха за свое достоинство и при появленіи въ горахъ соперника, который грозитъ ему униженіемъ подчиненія, уходитъ въ „долину смерти" (глубокій оврагъ, наполненный удушающимъ газомъ) и тамъ погибаетъ.

Выходитъ, если повѣрить г. Томсону, что американскіе лошади и медвѣди больше „люди", чѣмъ наши отечественные самобытники и пѣвцы „оригинальнаго" уклада русской жизни... Свой своему поневолѣ братъ, однако—и мы думаемъ, что г. Томсонъ слишкомъ споэтизировалъ своихъ любимцевъ въ ущербъ г. Скальковскому съ его грустнымъ скептицизмомъ: помянутъ ли русскіе люди добрымъ словомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, недавнюю отмѣну порки?

Только эти зоопсихологическія преувеличенія и портятъ симпатичные разсказы г. Томпсона. При отсутствіи ихъ (преувеличеній) разсказы были бы очень полезнымъ вкладомъ въ нашу дѣтскую литературу. Изданы книжки удовлетворительно (изд. г. Горбунова-Посадова лучше) и снабжены недурными рисунками.

Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и юношества. 1) **Наши звѣрьки.** Разсказы для младшаго возраста Е. Горбуновой, съ 36-ю черными и 6-ю хромолитографированными рисунками. М. 1904 г. 2) **Въ деревнѣ.** Четыре разсказа для дѣтей С. Т. Семенова. Съ рисунками К. Лебедева и З. Пичугина. Изданіе второе. М. 1904 г. 3) **Человѣкъ, животныя и растенія.** Начальное природовѣдѣніе. Составилъ О. Шмейль. Перевелъ съ нѣмецкаго С. Порѣцкій. Выпускъ первый: животныя и человѣкъ, съ 103 рисунками. М 1904 г.

Первая изъ названныхъ работъ имѣетъ въ виду дѣтей ранняго возраста, стоящихъ на порогѣ или даже за порогомъ грамотности. По исполненію и замыслу это безусловно одна изъ лучшихъ дѣтскихъ книжекъ на нашемъ рынкѣ. Всѣ одиннадцать ея разсказовъ („Мышата", „Воробышекъ", „Котята", „Лѣсная птичка", „Зайка", „Голуби и мышка изъ подъ полѣнницы", „Цыплята", „Мишенька", „Сенбернардъ", „На хуторѣ", „Мы товарищи") имѣютъ дѣло съ животными, окружающими ребенка; всѣ они просто, но художественно передаютъ случаи изъ дѣйствительной жизни безъ всякой поддѣлки подъ дѣтскій языкъ. Авторъ обращается къ ребенку такъ же сердечно, какъ къ взрослому, но только не выходитъ изъ круга понятій, доступныхъ дѣтскому возрасту. Всѣ разсказы, добавимъ, проникнуты самымъ теплымъ, любовнымъ отношеніемъ къ животнымъ.

Второй изъ названныхъ сборниковъ предназначенъ для подростковъ въ 10—15 лѣтъ. Онъ не такъ талантливъ, какъ предыдущій, но за то всѣ разсказы его написаны такъ же тепло и задушевно и проникнуты глубокой любовью къ природѣ и животному міру. Темы для этого сборника взяты исключительно изъ деревенской жизни и посвящены главнымъ образомъ деревенской молодежи.

Наконецъ, послѣдняя книжка представляетъ изъ себя хорошій элементарный учебникъ по зоологіи. Составленъ онъ очень толково: языкъ простой, фактамъ вездѣ, гдѣ можно, дается біологическое освѣщеніе, много удачныхъ и продуманныхъ рисунковъ, матеріалъ выбранъ удачно (въ большинствѣ случаевъ все это животныя, близкія и доступныя изученію всякаго), читателю путемъ наводящихъ вопросовъ оставляется значительная доля самодѣятельности въ усвоеніи предмета. Книжку слѣдуетъ считать пригодной для юношей, уже получившихъ нѣкоторую элементарную подготовку, хотя бы въ размѣрѣ начальной школы.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются***. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Новыя стихотворенія ***С. Д. Дрожжина***. М. 1904.

Сказки ***В. Гауфа***. Переводъ О. М. Коржинской. Спб. 1904.

Н. Яворская. Марына. Поэма. Кіевъ. 1904.

А. Т. Грабина. Давни ричи. Русско-украинскій сборникъ. Кіевъ. 1904. Ц. 35 к.

Н. Яворская. Вирши украиньски. Кіевъ. 1904.

Н. Яворская. Стихотворенія. Кіевъ. 1904.

Кучакъ-Наапетъ. Пѣсни любви. Переводъ съ армянскаго А. Амбарцуміанъ. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Сборникъ стихотвореній Л. Я. Можаровскаго. Александрія. 1904. Ц. 1 р.

А. А. Мирапольскій. Вѣдьма. Лѣствица. Кн.—ство „Грифъ". М. 1905. Ц. 1 р.

Николай Ленау. Фаустъ. Поэма. Перев. съ нѣмецкаго Ан. Анютина, съ приложеніемъ очерка ***А. Луначарскаго***. Изд. ред. журнала „Образованіе". Спб. 1904. Ц. 80 к.

Подъ осень. Стихотворенія ***Н. Б. Хвостова***. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Три сестры. Сказка въ стихахъ для всѣхъ возрастовъ ***Н. Толстого***. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1904.

Ольгердъ и Кейстутъ. Историческая поэма изъ литовской жизни ***Н. Ф. Рыбчинскаго***. Варшава. 1904. Ц. 75 к.

Е. П. Прокофьевъ. Убійца. Разсказы и стихотворенія. Кіевъ. 1904. Ц. 70 к.

Крѣпостное право на Руси. Сборникъ очерковъ и стиховъ. Составила ***А. О.*** Изд. Т-ва М. Д. Орѣхова и К°.

Царь Іоаннъ Грозный. Историческая повѣсть ***Л. Жданова***. Изд. А.. Ф Девріена. Спб. 1904.

Полное собраніе сочиненій ***А. И. Свирскаго***. Т. I. Изд. М. Н. Прокоповичъ. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Алексѣй Худековъ. На пашнѣ. Очерки и разсказы. Спб. 1904. Ц. 80 к.

Энне (Н. Е. Поповъ). Въ мірѣ отверженныхъ. Изъ записокъ случайнаго конторщика. М. 1904. Ц. 60 к.

Н. И. Бѣлоконскій. Разсказы. Т. III. Изд. „Донская Рѣчь". Ростовъ на Дону. 1905.

Н. Сѣверовъ. Шербекскіе выборы. Разсказъ. Изд. Т-ва Орѣховъ и К°. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Два старика. Повѣсть для юношества ***Д. А. Пахомова***. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1904. Ц. 1 р. 20 к.

Танъ. Очерки и разсказы. Т. V и VI. Изд. Н. Глаголева. Спб. 1904. Ц. по 1 р.

Изданія А. Ф. Девріена: На весенней зарѣ. ***В. П. Желиховской***. Ц. 90 к.—Басни въ лицахъ. ***Е. К. Сомовой***. Ц. 80 к.—Въ снѣгахъ Восточной Сибири. ***С. А. Посниълова***. Ц. 90 к.—Война и приключенія оловянныхъ солдатиковъ. ***С. Р. Минцлова***. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Добрый Путь. Книга для чтенія. Составили Н. Розановъ и И. Сахаровъ. Изд. К. Тихомирова. Ч. I—50 к., ч. II—75 к. М. 1904.

Русскія былины. Вып. I и II. Изд. И. Ѳ. Жиркова. М. 1904. Ц. 20 и 30 к.

Державный вождь земли русской Императоръ Петръ Великій. Историческій очеркъ для семьи и школы. Составилъ ***Д. И. Тихомировъ***. М. 1905. Ц. 60 к.

Изданія О. Н. Поповой: Очерки ***Е. Э. Сно***: Великороссы. Ц. 13 к. — Малороссы. Ц. 6 к. — Бѣлоруссы. Ц. 5 к. — Поляки и литовцы. Ц. 6 к. — Финны. Ц. 10 к. — Татары. Ц. 5 к. — Кавказъ. Ц. 13 к.—Самоѣды. Ц. 5 к.—Инородцы Сибири. Ц. 10 к.—Народы Туркестана. Ц. 10 к. — ***В. И. Анучина***: Сибирскія легенды. Ц. 5 к. — Уважили Разсказъ. Ц. 2 к. — ***О. Н. Поповой***. Годъ на материкѣ Южнаго Полюса. Ц. 30 к. Спб. 1904.

Изданія В. И. Раппъ и В. И. Потапова: Дѣло Жерома. ***Л. Юрьевой***. Ц. 3 к.—Холера. ***А. Фогаццаро***. Ц. 3 к. — Страстная суббота. Разсказъ ***В. Г. Короленко***. Ц. 3 к. Харьковъ. 1905

Весенніе гости. Изданіе редакціи

журналовъ „Дѣтское Чтеніе" и „Педагогическій Листокъ". М. 1905. Ц. 25 к.

Сибирскій Сборникъ за 1904 г. Подъ редакціей ***И. И. Попова.*** Иркутскъ. 1904.

К. Смальновскій. За годъ. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Повѣяло весною. Рѣчи г. министра внутреннихъ дѣлъ кн. П. Д. Святополкъ-Мирскаго и толки о нихъ прессы. Составилъ ***А. Ачкасовъ.*** Изд. Д. П. Ефимова. М. 1904. Ц. 50 к.

А. В. Никитенко. Моя повѣсть о самомъ себѣ. Записки и дневникъ. (1804—1877 гг). Два тома. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. 1904. Ц. за оба тома 7 р.

Бруно Эмиль Кенигъ. Черные кабинеты въ Западной Европѣ. Переводъ съ нѣм. Я. М. Шабадъ. Изд. М. Н. Прокоповичъ М. 1905. Ц. 60 к

Ч. Файфъ. Исторія Европы XIX вѣка. Перев. съ англійскаго М. В. Лучицкой. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. 1904. Ц. 5 р. 50 к.

В. Чернышевъ. Гоненія на христіанъ въ Римской Имперіи. Общедоступные историческіе разсказы. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

Д-ръ ***Бруно Борхардъ.*** Въ началѣ столѣтія. (Культурныя завоеванія 19-го столѣтія). Перев. съ нѣм. Э. Бернштейнъ. М. 1905. Ц. 40 к.

В. И. Голиковъ. Природа. Уроки и бесѣды по естествовѣдѣнію. Изд. К. Тихомирова. М. 1904. Ц. 65 к.

Царство минераловъ. Сочиненіе д-ра ***Брауниа.*** Вып. 4-й. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1904. Ц. 2 р. 75 к.

К. Кр—инъ. Взаимопомощь среди животныхъ и людей. Перев. съ англ. А. А. Николаева. Изд. Т-ва М. Д. Орѣхова и К°. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

О. Шмейль. Животныя. Основы ученія о жизни и строеніи животныхъ. Перев. съ нѣм. подъ ред. В. Н. и В. В. Половцовыхъ. Съ предисловіемъ проф. Д. Кайгородова. Изд. Тенишевскаго уч—ща. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Свенъ Гединъ. Таримъ-Лобъ-Норъ. Тибетъ. Путешествіе по Азіи. 1899 — 1902. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1904.

Крымъ и горные татары. ***С. И. Васюнова.*** Изд. А. Ф. Девріена.

О свободѣ воли. 12 лекцій ***В. Виндельбанда.*** Изд. И. И. Фондаминскаго. М. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Д-ръ ***Хмѣлевскій.*** Патологическій элементъ въ личности и творчествѣ Фр. Ничше. Кіевъ. 1904.

Н. А. Гредескулъ. Марксизмъ и идеализмъ. Изд. кн. маг. П. А. Брейтигама. Харьковъ. 1905.

Три бесѣды о современномъ значеніи философіи. Казань. 1904. Ц. 35 к.

П. Милюковъ. Государственное хозяйство въ Россіи. Изд. 2-е. М. В. Пирожкова. Спб. 1905. Ц. 3 р. 50 к.

Карлъ Бюхеръ. Крупные города въ прошломъ и настоящемъ. Перев. съ нѣм. Б. Вологдина. Спб. 1905. Ц. 30 к.

М. Я. Герценштейнъ. Мелкій кредитъ въ трудахъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйств. промышленности. М. 1904.

Кн. ***О. Трубецкая.*** Кн. В. А. Черкасскій и его участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Т. I, кн. 2-ая. М. 1904.

Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйств. промышленности. II. Сборникъ статей. Изд. Н. Н. Львова и А. А. Косовича при участіи ред. газеты „Право". Спб. 1904. Ц. 3 р. 50 к.

Письмо изъ Америки.

Соединенные Штаты, какъ ни сродни они Европѣ, во многихъ отношеніяхъ представляли и представляютъ немало особенностей. На этотъ разъ я остановлюсь на одномъ свѣжемъ и странномъ явленіи изъ области отношеній между трудомъ и капиталомъ.

Дѣло происходитъ главнымъ образомъ въ Чикаго, хотя до нѣкоторой степени повторяется и въ другихъ промышленныхъ центрахъ Соед. Штатовъ и даже переходитъ въ Англію.

Если вы обратитесь въ Чикаго къ г-ну Альберту Юнгу, президенту общества ломовыхъ извозчиковъ, или къ секретарю общества Мильтону Бутъ и спросите ихъ, много ли въ Чикаго ломовыхъ извозчиковъ, не состоящихъ членами Юніи, то они вамъ отвѣтятъ:

— Врядъ ли они есть вовсе; развѣ, можетъ быть, лежатъ въ госпиталяхъ.

Съ другой стороны, обратитесь къ секретарю „Ассоціаціи владѣльцевъ ломовыхъ телѣгъ“, г-ну Джону Дрисколь, и спросите, много ли въ Чикаго такихъ владѣльцевъ телѣгъ, которые не принадлежатъ къ ихъ ассоціаціи, то онъ коварно улыбнется и отвѣтитъ:

— Ихъ надо отыскивать съ микроскопомъ.

Еще очень недавно трудъ и капиталъ стояли въ Чикаго, подобно двумъ враждебнымъ арміямъ, въ положеніи вооруженнаго мира, готовые броситься другъ на друга при первомъ сигналѣ. Въ общей процессіи рабочихъ, въ день послѣдняго рабочаго праздника, производители садовыхъ оросительныхъ колесъ шли рядомъ съ упаковщицами сухарей и рабочими съ фабрикъ сельтерской воды; развозители мороженаго—съ поденьщицами для мытья половъ; посыльные мальчики—съ учителями и учительницами и разливальщиками винъ по бутылкамъ. Въ чикагскихъ рабочихъ организаціяхъ принимаютъ участіе 40 тысячъ ломовыхъ извозчиковъ, 40 тысячъ рабочихъ по постройкамъ, 3,300 учителей школъ, 6,000 грузчиковъ товаровъ, 4,000 машинистовъ, 18,000 прислуги.

Съ другой стороны, въ томъ же Чикаго въ капиталистическомъ лагерѣ состоятъ такія организаціи, какъ „Ассоціація хозяевъ по плотничьему и столярному дѣлу“, „Ассоціація хозяевъ каменьщиковъ“, „Общество торговцевъ углемъ въ розницу“, „Ассоціація управляющихъ желѣзными дорогами“, въ вѣдѣніи которой находятся 20 линій желѣзныхъ дорогъ.

Еще два года тому назадъ эти двѣ стройныя и прекрасно дисциплинированныя арміи, членовъ которыхъ съ рабочей стороны можно было узнать по особымъ значкамъ въ петлицахъ и по союзнымъ карточкамъ въ карманахъ, вели между собой ожесточенную борьбу. Теперь это уже дѣло исторіи. Вражда предана забвенію; какая то геніальная голова нашла исходъ изъ невыгоднаго для обѣихъ сторонъ военнаго положенія. Въ частномъ случаѣ отношеній между капиталистическими и рабочими силами въ распредѣленіи каменнаго угля между потребителями его въ Чикаго, представители тѣхъ и другихъ интересовъ въ одинъ прекрасный вечеръ сошлись вмѣстѣ и разрубили Гордіевъ узелъ устройствомъ общаго синдиката. Цѣлью этой новой организаціи высшаго порядка было поставлено повышеніе заработной платы, съ одной стороны, и капиталистической прибыли,—съ другой. Такъ какъ независимыхъ отъ этого синдиката рабочихъ и предпринимателей нужно было отыскивать съ микроскопомъ, то все дѣло

распредѣленія и мелочной торговли углемъ оказалось цѣликомъ въ рукахъ новаго страннаго синдиката.

Въ секретномъ договорѣ, подписанномъ обѣими сторонами, между прочимъ, читаемъ такую статью:

„Первая сторона („Ассоціація собственниковъ ломовыхъ телѣгъ“) симъ обязуется не держать другихъ извозчиковъ, кромѣ дѣйствительныхъ членовъ „Общества ломовыхъ извозчиковъ“, его мѣстной секціи № 4-й, членовъ, могущихъ предъявить билетъ этой секціи.“

И далѣе: ...„Мы („Общество ломовыхъ извозчиковъ“) еще обязуемся, что не будемъ работать ни у какой фирмы, которая не принадлежитъ къ „Ассоціаціи собственниковъ ломовыхъ телѣгъ... Мая 21, 1902 года.“

Нѣсколько позже, боясь преслѣдованія со стороны правительства по обвиненію въ заговорѣ съ цѣлью ограниченія торговли и производства и устраненія конкурренціи между торговцами углемъ въ розницу, эта послѣдняя статья была видоизмѣнена такъ:

„Мы обязуемся употребить всѣ усилія, чтобы заставить всѣхъ нанимателей ломовыхъ извозчиковъ для перевозки угля присоединиться къ „Ассоціаціи собственниковъ ломовыхъ телѣгъ“...

Результатомъ такого неестественнаго союза между трудомъ и капиталомъ въ отрасли распредѣленія каменнаго угля явилось то, что рабочіе ломовики, уже до этого за послѣдніе два года добившіеся повышенія заработной платы на 20%, повысили ее еще на 11—15%. Кромѣ того, были регулированы часы работы и назначено спеціальное вознагражденіе за трудъ выше положенныхъ часовъ. Многіе ломовые извозчики этой отрасли получаютъ нынѣ отъ 25 до 30 долларовъ въ недѣлю въ теченіе зимы. Что касается самого „Общества ломовыхъ извозчиковъ“, то оно накопило 18 тысячъ долларовъ въ общественной кассѣ, составившихся изъ членскихъ взносовъ (вступительнаго въ 15 долларовъ и ежемѣсячнаго въ 1 долларъ).

Выгоды, извлеченныя собственниками телѣгъ, какъ и слѣдовало ожидать, были еще больше. Плата за перевозку одной телѣги угля была поднята съ 1 д. 40 ц. до 2-хъ долларовъ, т. е. почти на 43%. Этимъ повышеніемъ пользуются 300 членовъ ассоціаціи, вносящихъ въ кассу ея по 25 дол. вступительнаго взноса.

Со дня подписанія вышеупомянутаго условія, ни одинъ потребитель не могъ перевезти своего собственнаго угля въ своей собственной телѣгѣ на собственный дворъ.

Обѣ синдикатныя организаціи строго слѣдили за этимъ и, въ случаѣ нарушенія правила посторонними, телѣги опрокидывались а извозчики подвергались побоямъ.

Но на этомъ дѣло не остановилось.

Городъ Чикаго соединенъ газопроводной трубой съ источниками естественнаго газа въ штатѣ Индіана. Многимъ большимъ

зданіямъ, особенно въ дѣловомъ центрѣ города, изъ экономіи лѣтомъ приходится прибѣгать, вмѣсто угля или въ помощь ему, къ этому вспомогательному источнику тепла, свѣта и двигательной силы. Такимъ образомъ естественный газъ до нѣкоторой степени конкуррируетъ съ углемъ и нѣсколько ограничиваетъ его употребленіе.

Новый рабоче-капиталистическій синдикатъ по распредѣленію угля объявилъ естественному газу войну. Владѣльцы всѣхъ зданій, употреблявшихъ газъ въ помощь углю, подъ угрозой прекращенія доставки угля зимою, были принуждены подписать обязательство удалить въ 30 дней всѣ газовыя приспособленія и не употреблять газа въ теченіе 5 лѣтъ. Такъ какъ газовыя компаніи были не въ состояніи поставлять достаточное количество газа зимою, то даже такія гигантскія фирмы, какъ Marshal Field и K°, должны были сдаться. Thomas Hall, владѣлецъ пятнадцати большихъ зданій въ центрѣ Чикаго, боролся дольше всѣхъ, держался цѣлый годъ, добывая свою долю угля разными уловками; но, когда у него случилась стачка прислуги: швейцаровъ, лакеевъ, мальчиковъ при лифтахъ и поломойщицъ, пришедшихъ на помощь синдикату, сдался и онъ.

Побѣдивъ газъ, синдикатъ объявилъ о прекращеніи доставки угля въ мѣшкахъ, какъ способа грязнаго, тяжелаго и неудобнаго.

Дѣйствительно, таскаиіе на спинѣ этихъ мѣшковъ, особенно въ дождливую погоду, когда угольная грязь течетъ за шею, не представляетъ ничего пріятнаго. По новому способу уголь долженъ былъ нагружаться и разгружаться при помощи телѣгъ особыми рабочими. Пришлось покориться и въ этомъ.

Единственнымъ протестомъ противъ монополистическаго своеволія явился искъ противъ 18 членовъ ассоціаціи торговцевъ углемъ Сѣвернаго Иллинойса, начатый прокуроромъ штата передъ уголовнымъ судомъ графства Кукъ. Эти 18 членовъ небольшой корпораціи, которая была конкуррентомъ вышеупомянутой ассоціаціи владѣльцевъ ломовыхъ телѣгъ въ Чикаго, были присуждены къ незначительнымъ штрафамъ. Рѣшеніе суда не затронуло могущественной корпораціи и пальцемъ, а скорѣй помогло ей. Дѣло въ томъ, что и юридически, и практически американскіе аконы (anti-trust laws), направленные противъ ограниченія произвола синдикатовъ, созданы на подобіе тонкихъ сѣтей, которыми ловить можно только мелкую рыбешку; большая легко ихъ разрываетъ и уходитъ. Свѣтила адвокатуры составляютъ себѣ имя и состояніе въ качествѣ наемныхъ совѣтниковъ и руководителей синдикатовъ. Пользуясь вліяніемъ своихъ кліентовъ, они выходятъ въ прокуроры штата и даже въ генеральные прокуроры федеральнаго правительства, на обязанности которыхъ лежитъ вчинать иски противъ синдикатовъ за нарушеніе противо-синдикатныхъ законовъ. Такъ какъ политическое положеніе прокуроровъ

и генеральныхъ прокуроровъ непрочно, подлежитъ всѣмъ капризамъ выборной партійной борьбы, то обыкновенно, лишаясь мѣста, они снова переходятъ въ совѣтчики своихъ прежнихъ кліентовъ. При такомъ положеніи дѣла трудно ожидать, чтобы прокуроръ штата или федеральный рѣшился на походъ противъ синдикатовъ, которые его питали и будутъ питать.

— Бороться съ ними (т. е. синдикатами) все равно что бить воздухъ!

Вотъ пока все, что остается думать страдающимъ отъ нихъ потребителямъ.

Стачки капиталистическихъ и рабочихъ организацій въ Чикаго охватили и многія другія отрасли. Такъ, торговцы молокомъ (капиталисты) стакнулись въ одинъ синдикатъ съ рабочимъ союзомъ развозчиковъ молока. Первымъ результатомъ стачки было прекращеніе вечерняго развоза. До стачки развозили утромъ и вечеромъ. Напрасно санитарныя власти протестовали, заявляя, что это прежде всего отзовется пагубно на дѣтяхъ тѣхъ же рабочихъ классовъ, которымъ придется питаться по вечерамъ уже не свѣжимъ молокомъ.

Дѣйствительно, когда начались лѣтніе жары, смертность между дѣтьми усилилась. Въ іюнѣ мѣсяцѣ она поднялась на 90% выше того же мѣсяца прошлаго года. Но никакіе доводы и послѣдствія не убѣдили стачечниковъ. Попыткамъ не принадлежащихъ къ союзу извозчиковъ былъ положенъ конецъ нѣсколькими случаями въ родѣ B. F. Warner'а, проѣзжавшаго по улицѣ съ собственнымъ возомъ. Какой-то неизвѣстный человѣкъ сильно его исколотилъ и переломилъ ему челюсть. Другой субъектъ, нѣкто Samuel Gates, попробовалъ перевезти къ себѣ грузъ полученныхъ для продажи яицъ, которые онъ не могъ долго оставить на станціи жел. дор. На дорогѣ его встрѣтилъ членъ общества извозчиковъ Covert, опрокинулъ возъ, а дерзкаго собственника убилъ на мѣстѣ.

Та же комбинація труда и капитала возникла въ торговлѣ листовымъ желѣзомъ. Въ этомъ отношеніи не безынтересна исторія нѣкоего подрядчика Рисдона, бывшаго членомъ „Ассоціаціи подрядчиковъ листового желѣза", къ которой принадлежатъ всѣ сколько нибудь значительныя фирмы капиталистовъ въ этой отрасли.

Ассоціація имѣетъ форменный договоръ съ „Обществомъ рабочихъ по листовому желѣзу", къ которому принадлежатъ въ сущности всѣ рабочіе этой отрасли. Въ этомъ договорѣ, между прочимъ, есть такія статьи:

„*Статья 9*. Всѣ, находящіеся въ наймѣ „Ассоціаціи подрядчиковъ листового желѣза", рабочіе обязаны имѣть билеты „Общества рабочихъ по листовому желѣзу" на послѣднюю четверть года или спеціальныя разрѣшенія отъ его агента. Въ случаѣ,

если общество рабочихъ не въ состояніи поставить достаточное, требуемое ассоціаціей число рабочихъ, „Ассоціація подрядчиковъ“ можетъ нанимать недостающихъ со стороны, но такимъ рабочимъ будетъ даваться два дня въ недѣлю, въ которые они могли бы добыть себѣ членскіе рабочіе билеты“.

„*Статья 17.* Агентъ общества рабочихъ будетъ имѣть во всякое время въ теченіе рабочихъ часовъ право доступа въ мастерскія и другія мѣста работы для освидѣтельствованія членскихъ рабочихъ билетовъ и вообще для отправленія всѣхъ своихъ законныхъ обязанностей“.

Нѣсколько человѣкъ, почти исключительно выборныхъ служащихъ, завѣдывали всѣми дѣлами ассоціаціи, къ которой принадлежали 27 фирмъ.

Нѣкто Пушэ, агентъ общества рабочихъ, распоряжался отъ имени этого общества.

Хотя ассоціація и представляла изъ себя закрытую для посторонпихъ организацію, но Рисдонъ скоро узналъ, что внутри ея есть другая, болѣе тѣсная организація, эксплуатирующая общество въ свою пользу. Узналъ онъ это по тому, что лучшіе заказы какимъ-то таинственнымъ образомъ обходили его. Въ виду этого, онъ началъ активную, энергичную оппозицію и сумѣлъ сдѣлаться настолько опаснымъ, что его пригласили присоединиться. Онъ былъ приглашенъ на собраніе заговорщиковъ. Здѣсь ему дана была подробная инструкція, какъ поступать, если онъ захочетъ участвовать въ торгахъ на какой либо подрядъ. Ему былъ данъ списокъ всѣхъ архитекторовъ въ городѣ, гдѣ противъ каждаго имени стояли иниціалы одного изъ заговорщиковъ, который носилъ названіе „предсѣдателя конторы“ этого архитектора. Ему было сообщено, что внутренняя организація содержитъ шпіона въ конторѣ каждаго архитектора, выбираемаго среди перепнсчиковъ, помощниковъ или прислуги и доносящаго за плату обо всемъ, что дѣлается и говорится. Имена 17 фирмъ изъ 27 были подписаны подъ секретнымъ договоромъ внутренняго кружка. Кружокъ имѣлъ свои правильныя тайныя засѣданія, во время которыхъ обсуждались всѣ вопросы и дѣлилась добыча.

Но Рисдону не пришлось оставаться долго въ ладахъ съ заговорщиками. Случилось вскорѣ, что компанія Пулльмановскихъ спальныхъ вагоновъ объявила торги на постройку вагонныхъ сараевъ изъ листового желѣза. Заговорщики собрались и нашли, что дѣйствительная стоимость этихъ сараевъ не превышаетъ 19 тысячъ долларовъ, и что подрядчикъ могъ бы смѣло взяться за 25 тыс. Присутствовавшіе послѣ долгихъ споровъ и пререканій, наконецъ, рѣшили, что слѣдуетъ объявить наименьшую цѣну 42 тыс., а наибольшую 57 тыс., при чемъ послѣднюю долженъ былъ объявить Рисдонъ. Каждый изъ участниковъ долженъ по-

лучить 500 дол. изъ прибыли. Такая сдѣлка Ридсону очень не понравилась, и онъ въ припадкѣ гнѣва отправился въ компанію Пулльмана и независимо отъ общества и заговорщиковъ предложилъ построить сараи значительно дешевле минимальной цифры, назначенной собраніемъ. Измѣна вскорѣ обнаружилась, Рисдонъ былъ призванъ къ отвѣту и оштрафованъ за нарушеніе договора 5 т. дол., которые, по выраженіи имъ искренняго, якобы, раскаянія и обѣщанія впредь полнаго повиновенія, были милостиво уменьшены до 1 тысячи. Но это было лишь формальнымъ миромъ. На самомъ дѣлѣ его товарищи уже не довѣряли ему и рѣшились подчинить его своей волѣ прочнѣе. Замѣтивъ это, онъ объявилъ о своемъ уходѣ изъ общества и началъ дѣйствовать на свой страхъ. Явился въ мастерскія Рисдона вышеупомянутый Пушэ и приказалъ всѣмъ рабочимъ оставить работу. На всѣ протесты и обѣщанія Рисдона онъ отвѣчалъ:

— Сходите въ ассоціацію хозяевъ и погорите съ ними.

— Да я уже не принадлежу къ ассоціаціи.

— Ваша отставка еще не была принята.—Надо было выбирать между раззореніемъ и полной покорностью. Рисдонъ, конечно, выбралъ послѣднее. Его оштрафовали на 2 тыс. и потребовали еще 1 тыс. залога для обезпеченія неукоснительнаго шествія по пути добродѣтели. Рисдонъ находилъ условія невозможно тяжелыми. Для рѣшенія вопроса назначенъ былъ третейскій судъ, состоявшій изъ членовъ ассоціаціи и рабочихъ. По рѣшенію этого суда Рисдонъ долженъ былъ уплатить 500 дол. въ кассу рабочаго общества и выдать рабочимъ жалованье за все время стачки. 2500 дол. онъ долженъ былъ уплатить ассоціаціи хозяевъ-подрядчиковъ. Этому рѣшенію онъ тоже не согласился подчиниться и подалъ жалобу въ судъ, обвиняя общество въ заговорѣ съ цѣлью ограниченія конкурренціи по поставкамъ листового желѣза. Выиграетъ онъ это дѣло или нѣтъ, во всякомъ случаѣ онъ раззоренъ, его мастерскія закрыты вслѣдствіе стачки рабочихъ.

А вотъ другой „рыцарь таблицы умноженія", нѣкто г. Жоржъ Гинклифъ, недавно выигравшій въ первой инстанціи процессъ по убыткамъ, понесеннымъ имъ вслѣдствіе заговора противъ него съ цѣлью ограниченія и уничтоженія конкурренціи девяти выдающихся членовъ „Ассоціаціи хозяевъ каменьщиковъ и подрядчиковъ по постройкамъ". Получитъ ли онъ или нѣтъ 22 тыс. дол., присужденные первой инстанціей въ его пользу, будетъ зависѣть отъ того, у кого изъ тяжущихся окажется больше средствъ, времени и терпѣнія въ предстоящемъ безконечномъ рядѣ апелляцій и перенесеній дѣла изъ суда въ судъ, изъ одной инстанціи въ другую, составляющихъ судебную волокиту въ Штатахъ. Вѣроятнѣе что никто. Его дѣло состоитъ въ слѣдующемъ:

Состоя членомъ вышеупомянутой „Ассоціаціи хозяевъ", онъ въ то же время имѣлъ участіе въ кирпичной фабрикѣ штата

Индіана и имѣлъ несчастіе возбудить противъ себя 3 сильныя организаціи: 1) „Ассоціацію кирпичнаго производства“, держащую въ своихъ рукахъ 90% этого производства; 2) вышеупомянутую „Ассоціацію хозяевъ каменьщиковъ и подрядчиковъ по постройкамъ“, членомъ которой онъ состоялъ (95% дѣла подъ контролемъ), и 3) „Общество рабочихъ каменьщиковъ“, членами котораго состоятъ 98% всѣхъ каменьщиковъ.

Ассоціація производителей кирпича имѣла условіе съ ассоціаціей хозяевъ каменьщиковъ поставлять имъ кирпичъ на 1 дол. за тысячу дешевле, чѣмъ всѣмъ другимъ. Такъ какъ Гинклифъ былъ и производителемъ, и покупателемъ, то неудовольствіе возникло вслѣдствіе его положенія; по выраженію враговъ его, „онъ сидѣлъ на двухъ лошадяхъ“.

Нѣкая вдова Анна Джонсонъ строила себѣ домъ въ Чикаго и имѣла несчастіе купить кирпичъ у Гинклифа. Кромѣ того, изъ экономіи за постройкой наблюдалъ не членъ ассоціаціи подрядчиковъ, а братъ покойнаго мужа А. Джонсонъ. Немедленнымъ послѣдствіемъ такихъ прегрѣшеній была стачка рабочихъ каменьщиковъ. Когда вдова спросила рабочихъ о причинахъ стачки, ей сказали:

— Обратитесь въ ассоціацію хозяевъ подрядчиковъ.

А хозяева подрядчики поставили условіемъ прекращенія стачки: 1) уплатить ассоціаціи 1 дол. за каждую тысячу кирпича, купленнаго у Гинклифа и 2) удалить съ надзора за рабочими своего родственника и назначить на его мѣсто г-на Donaldson'а, члена ассоціаціи.

Нѣкто Н. Н. Kohlsaat и К°, собственники хлѣбопекарни и многочисленныхъ ресторановъ въ Чикаго, были недавно наказаны подобнымъ же образомъ за непринадлежность къ „Ассоціаціи хозяевъ булочниковъ“. Предлогомъ открытой противъ нихъ кампаніи было удаленіе изъ ресторановъ негровъ-лакеевъ за плохую службу и замѣна ихъ бѣлыми дѣвушками, тоже принадлежавшими къ „Обществу прислуги“. Стачка поддерживалась „Ассоціаціей хозяевъ булочниковъ“, которая была конкуррентомъ Kohlsaat и К и продолжалась 7 недѣль, во время которыхъ 800 человѣкъ лишились рабочей платы, въ сложности составляющей 40 тыс. дол. Фирма хозяевъ потеряла столько же. Благодаря отсутствію конкурренціи, цѣна на булку хлѣба была повышена съ 5 цент. на 6 цент., и потребители уплатили 80 тыс. дол. Фирма Kohlsaat начала процессъ, обвиняя „Ассоціацію хозяевъ булочниковъ“, „Общество рабочихъ булочниковъ“ и „Общество прислуги“ въ заговорѣ съ цѣлью уничтоженія конкурренціи.

Аналогичныя комбинаціи труда и капитала существуютъ и во многихъ другихъ отрасляхъ производства и распредѣленія: въ водопроводномъ дѣлѣ, въ кровельномъ, въ снабженіи электричествомъ, въ водосточномъ, каучуковомъ и проч. Тенденція къ коа-

линіи между трудомъ и капиталомъ переплыла и черезъ Атлантическій океанъ. Въ Бирмингамѣ въ Англіи наблюдается то же явленіе.

Излишне объяснять, что по счетамъ повышенныхъ прибылей капиталиста и заработной платы рабочаго расплачивается потребитель, т. е. народная масса. Пока эти комбинаціи распространяются лишь на сравнительно немногія отрасли производства и распредѣленія, тѣ группы рабочихъ, которыя участвуютъ въ комбинаціяхъ, вознаграждаются повышеніемъ рабочей платы за повышеніе своихъ потребительскихъ счетовъ и не только ничего не теряютъ, но и выигрываютъ. Ихъ выигрыши, какъ и выигрыши капиталистовъ по повышенію прибылей, уплачиваются массой потребителей, еще не успѣвшихъ вступить въ комбинаціи. Если же описанное теченіе распространится на всѣ отрасли производства и распредѣленія, при печальномъ интересѣ останутся лишь тѣ классы, которые по характеру своему не могутъ устроить никакой стачки съ капиталомъ: фермеры, чиновники, люди свободныхъ профессій и т. п. Повышеніе стоимости жизни, какъ результатъ повышенія цѣны всѣхъ продуктовъ необходимости, можетъ дать и, вѣроятно, даетъ возможность и фермерамъ повысить цѣны на продукты земледѣлія, и въ такомъ случаѣ количество пострадавшихъ сведется на очень небольшой классъ: повышеніе заработной платы въ общемъ лишь покроетъ повышенные расходы той же массы, какъ потребителя, т. е. выгода для рабочихъ классовъ сведется къ нулю и даже хуже, такъ какъ имъ же придется покрыть изъ той же рабочей платы и повышеніе прибыли на капиталъ, не уравновѣшиваемое сравнительно ничтожнымъ потребленіемъ капиталистовъ.

John Bates Clark, профессоръ политической экономіи въ колумбійскомъ университетѣ, въ лекціи своей, прочитанной 24-го іюня текущаго года говоритъ:

„Вліяніе монополіи капитала наблюдается въ самой выразительной формѣ въ организаціи капиталистическихъ синдикатовъ. Есть и монополія труда, монополія еще не полная, несовершенная, но всетаки монополія. Обѣ монополіи имѣютъ тенденцію къ примиренію въ ущербъ потребителю“.

Clarence Darrow въ рѣчи передъ назначенной президентомъ Рузвельтомъ коммиссіей для соглашенія труда и капитала въ стачкѣ антрацитныхъ углекоповъ, между прочимъ, сказалъ:

„Тяжесть подобныхъ комбинацій труда и капитала цѣликомъ ложится на средніе и рабочіе классы. Большинство, и при томъ значительное, не имѣетъ возможности увеличить свою заработную плату. Въ этомъ безумномъ движеніи средніе и рабочіе классы и потребитель совершенно упускаются изъ вида и обрекаются на жертву. Я смотрю съ безпокойствомъ на дружественныя симпатіи, выражаемыя нѣкоторыми капиталистическими корпораціями къ trades-union'амъ. Конечно, J. P. Morgan преслѣдуетъ великія

задачи, онъ видитъ выгоду въ возможности имѣть дѣло не съ отдѣльными рабочими, а съ ихъ корпораціями. Ему безразлично, какую рабочую плату приходится платить, такъ какъ онъ понимаетъ, что рабочіе не могутъ въ повышеніи заработной платы угнаться за его возможностью повышать цѣны на сталь. Но въ дѣйствительности за то и другое расплачивается публика и не получаетъ ничего взамѣнъ. Это наблюдается во всѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ капиталъ и трудъ живутъ въ мирѣ и согласіи"

Д-ръ **И. Б.**

Японцы въ нѣмецко-японскомъ освѣщеніи.

(Окончаніе).

(Кромѣ указанныхъ выше источниковъ, см. еще Unser Vaterland Japan. Ein Quellenbuch geschrieben von Japanern, Leipzig, 1904).

IV.

Остановимся теперь нѣсколько на историческомъ воспитаніи японца.

Онъ началъ свой экономическій бытъ съ того же первобытнаго родового коммунизма, которымъ начинали свое развитіе и всѣ другіе европейскіе и азіатскіе народы.

„Уджи" или „уши", родъ составлялъ основу общественнаго строя. Весь народъ распадался на о-уджи или большіе роды, а эти послѣдніе на нѣсколько ко-уджи или на малые роды. Ко-уджи въ свою очередь состояли изъ нѣсколькихъ домовъ или „ко", заключающихъ въ себѣ не только мужа и жену съ нисходящимъ потомствомъ, но и боковыхъ родственниковъ съ ихъ потомками, такъ что общее число членовъ „ко" доходило, по мнѣнію г. Арига, отъ 50 — до 90 человѣкъ. Въ составъ каждаго уджи входили какъ свободные члены (уджибито), такъ и крѣпостные (томобе, муре) изъ числа побѣжденныхъ враговъ (корейцевъ) или преступниковъ. Малые уджи сосредоточивали въ себѣ всю хозяйственную жизнь той эпохи, большіе уджи имѣли политическое значеніе. Домы или семьи (ко) не играли еще никакой самостоятельной роли. Главнымъ занятіемъ малыхъ уджи было сельское хозяйство и рыбная ловля. Сообща обрабатывались сухія и мокрыя поля, а плоды ихъ дѣлились среди всѣхъ членовъ уджи. Подробныхъ извѣстій о томъ, какъ велось это общинное хозяйство малыхъ родовъ, не сохранилось. Но во время сессіи 1898—99 года японскаго сейма (при проведеніи поземельнаго

реформы въ Окинава) были очень ярко нарисованы въ мотивахъ коммиссіи общія черты японской поземельной общины, поскольку она уцѣлѣла съ древнѣйшихъ временъ: поля и лѣса здѣсь находятся въ общей собственности и подвергаются передѣламъ каждыя 6—16 лѣтъ; передѣлы совершаются сообразно числу душъ въ семьѣ и ея состоятельности; въ случаѣ, если равный дѣлежъ оказывается невозможнымъ, недоданное возмѣщается деньгами или хлѣбомъ. Выгоны остаются въ общемъ владѣніи. Только въ двухъ мѣстахъ усадьбы не подвергаются передѣламъ (въ городахъ Нава и Шури); это и не удивительно, такъ какъ дома въ Японіи до крайности просты. Самый передѣлъ совершается по постановленію собранія домохозяевъ или отцовъ семействъ отдѣльной общины.

Этотъ общинный порядокъ былъ соединенъ въ первобытной Японіи съ строго патріархальной организаціей. Во главѣ каждаго „ко“ стояли особые старѣйшины „качо“, во главѣ „уджи“—предводители подъ названіемъ „уджи-но-ками“. Всѣ эти лица обладали ничѣмъ не ограниченной властью патріарха надъ подчиненными имъ лицами, правомъ не только продажи въ рабство отдѣльныхъ членовъ уджи, но и смертной казни надъ провинившимися. Такая власть принадлежала качо надъ членами ко, уджи-но-ками малыхъ уджи надъ качо, а предводителямъ большихъ уджи надъ старѣйшинами малыхъ. Есть основанія предполагать, что главные уджи-но-ками занимали свою должность по избранію, въ то время какъ господствующей формой преемства должности старѣйшины было несомнѣнно наслѣдованіе, и при томъ едва ли не въ порядкѣ первородства. Однако, не должно думать, что эти старѣйшины представляли собою должностныхъ лицъ рода въ современномъ смыслѣ слова. Не индивиды, а цѣлые роды считались тогда носителями наслѣдственныхъ должностей и призваній, и если предводители уджи и считались „кабу“, т. е. сановниками государства, то это было только потому, что сами уджи были носителями опредѣленныхъ государственныхъ должностей и съ этой точки зрѣнія являлись „кабане“. Если одни главы большихъ уджи обладали высшими должностями, чѣмъ другіе, то это было простымъ результатомъ правъ и привилегій отдѣльныхъ кабане, которые обладали опредѣленными правами на должность, какъ на свое наслѣдственное достояніе.

Родовой принципъ былъ опредѣляющимъ началомъ и для первоначальнаго пониманія царской власти въ Японіи.

Императоръ былъ только главою важнѣйшаго, наиболѣе сильнаго рода, происшедшаго отъ богини солнца и обладавшаго привилегіей служенія этому главнѣйшему божеству. Всѣ его права поэтому покоились на его высшемъ жреческомъ положеніи. И если служеніе родовымъ божествамъ придавало особое значеніе другимъ уджи-но-ками, то служеніе царя высшей богинѣ да-

вало ему естественныя преимущества передъ другими старѣйшинами. Своимъ положеніемъ жреца главной родовой богини царь пользовался во многихъ случаяхъ. Онъ опредѣлялъ необходимыя жертвы со стороны отдѣльныхъ уджи въ пользу богини и средства на постройку ей храмовъ. Онъ, какъ защитникъ ея алтаря и ея представитель на войнѣ, присвоивалъ богинѣ всѣхъ или большую часть военноплѣнныхъ и по ея уполномочію образовывалъ изъ нихъ особые новые уджи въ составѣ своего о-уджи. Онъ, наконецъ, въ случаяхъ особыхъ бѣдствій налагалъ на всѣ большіе уджи очистительныя жертвы, разбиралъ въ случаѣ надобности споры отдѣльныхъ большихъ родовъ. И финансовая, и военная, и судебная власть царя коренилась въ его близости къ главной родовой богинѣ всѣхъ древнихъ японскихъ родовъ, всѣхъ ямато, и нѣтъ ничего удивительнаго, что, благодаря въ особенности праву устраивать новые уджи въ составѣ своего большого рода, эти первоначальные цари-жрецы сильно увеличили силу и значеніе своего родного большого уджи. Къ срединѣ II-го вѣка эта власть царей уже настолько возросла, что была вполнѣ въ силахъ пойти на встрѣчу новому экономическому развитію и использовать его въ своихъ цѣляхъ.

Въ послѣдующую „царскую" эпоху японской жизни (645—930), патріархальный родовой строй подвергся значительному видоизмѣненію. Подъ вліяніемъ возрастанія населенія, знакомства съ Китаемъ, возвышенія культуры и увеличенія потребностей обитателей, первобытный коммунизмъ уджи значительно ослабѣлъ, и на его мѣсто выступила новая форма хозяйственной жизни, имѣвшая своимъ центромъ уже не сравнительно крупные ко-уджи, а новую „ко", которую надо отличать отъ старой. Эта новая „ко" представляетъ собою соединеніе отца семейства съ его нисходящими и боковыми родственниками, числомъ отъ 13—24 человѣкъ, которое и ведетъ свое хозяйство сравнительно очень самостоятельно на предоставленной ей землѣ. Однако же, права собственности на землю „Ко" не имѣютъ. Вся собственность на землю въ эту эпоху переходитъ изъ рукъ большихъ о-уджи въ руки царя, и этотъ послѣдній уже распредѣляетъ всѣ поземельные участки между отдѣльными „ко". Въ основу такого распредѣленія была положена система „хан-денъ" или „кубун-денъ", т. е. система раздѣленія рисовыхъ полей по ѣдокамъ. Согласно этой системѣ былъ установленъ слѣдующій порядокъ распредѣленія полей. Каждыя шесть лѣтъ особые чиновники надѣляли жителей землею, при чемъ на каждое лицо мужского пола, достигшее пятилѣтняго возраста, приходилось по 2 танъ (около $16^1/_2$ аръ европ. мѣры), а на женскую особу — $^2/_3$ этого ($1^1/_3$ танъ); однако, въ годъ передѣла—ханенъ—далеко не вся земля подвергалась передѣлу; предоставленные каждому участки земли оставались во владѣніи пожизненно: только участки, ставшіе вакантными послѣ

смерти владѣльцевъ, подвергались новому передѣлу. Болѣе плохія земли раздавались въ двойной мѣрѣ. Въ плотно населенныхъ мѣстностяхъ указанная выше мѣра уменьшалась. Оставшіяся послѣ раздѣла земли составляли свободное публичное поле, которое и отдавалось затѣмъ или въ аренду отдѣльнымъ лицамъ, или же въ управленіе царскимъ намѣстникамъ; эти послѣдніе хозяйничали самостоятельно отъ имени верховнаго собственника. Кубунденъ были обложены барщиной въ пользу царя, особыми натуральными сборами въ части урожая и поземельной податью, которая уплачивалась рисомъ. Кромѣ кубунденъ, каждая „ко" получала еще особую огородную или садовую землю, „ончи", которая предоставлялась не въ пожизненное владѣніе членовъ, а въ постоянное владѣніе „ко" до времени ея уничтоженія. Эти ончи были свободною собственностью „ко" и могли быть отчуждаемы. На этихъ земляхъ культивировались лаковыя и тутовыя деревья. Въ общемъ владѣніи нѣсколькихъ „ко" находились по прежнему лѣса и пастбища, которыя въ видѣ альмендъ сохранились и до послѣдняго времени.

„Ко" могли состоять не только изъ свободныхъ, но и несвободныхъ земледѣльцевъ. Государственные крѣпостные получали надѣлы въ томъ же размѣрѣ, какъ и свободные. Частные рабы и рабыни пользовались надѣлами въ размѣрѣ одной трети надѣла свободныхъ людей. Первые, кромѣ того, были свободны отъ податей, частные же рабы были обложены ими. Къ несвободнымъ принадлежали тѣ родственники ниже пятой степени родства, входящіе въ составъ отдѣльныхъ „ко", которые были обращены въ рабство по волѣ старшихъ; такіе несвободные (хенинъ или дворовые), однако, не подлежали отчужденію.

Высшее административное и финансовое значеніе получили пятерки или „гохо", состоящія изъ пяти „Ко", обязанныхъ между собой круговою порукой.

Таковы основныя черты такъ называемыхъ реформъ тайква, введшихъ китайскую систему землевладѣнія въ Японію, и главнѣйшихъ изъ относящихся сюда узаконеній Тайхо. Всѣ эти опредѣленія въ послѣдующее время значительно видоизмѣнялись по мѣрѣ возрастанія населенія. Участки становились меньше, сроки передѣла больше, уменьшались значительно кубунденъ несвободныхъ и увеличивался возрастъ этихъ послѣднихъ для полученія права на надѣлъ. Вся эта система могла держаться только при наличности сильной центральной власти и высоко развитой административной машины съ многочисленными регистрами, кадастрами и постоянной ихъ провѣркой, наконецъ, она нуждалась въ постепенномъ приспособленіи къ нуждамъ все ростущаго населенія, которое, благодаря знакомству съ Китаемъ и Кореей, сильно повысило свои культурные запросы. Этимъ условіямъ японское царство, однако, удовлетворить не могло, и уже въ началѣ X-го

вѣка вся система кубунденъ неизбѣжно рушится. Съ этого времени мы не находимъ уже ни свѣдѣнiй о распредѣленiи кубунденъ, ни документовъ о разграниченiи общихъ выгоновъ: китайская система аграрнаго строя, пришедшая на смѣну уджи, уступаетъ свое мѣсто все возрастающему значенiю частной собственности.

Первую брешь въ системѣ кубунденъ пробили новозаимочныя земли или „конденъ". Правительство совершенно естественно всегда имѣло интересъ въ возможно широкомъ развитiи площади обработанныхъ земель, такъ какъ съ этимъ было тѣсно связано возрастанiе его доходовъ. И если, съ одной стороны, оно само непосредственно принималось за расчистку лѣсныхъ площадей и сдавало затѣмъ расчищенные участки въ качествѣ публичныхъ полей въ аренду „ко" за высокую цѣну, то, съ другой стороны, оно поощряло отдѣльныя „ко" къ самостоятельной расчисткѣ пустошей и награждало ихъ за это различными привилегiями. Такiя площади, расчищенныя силами частныхъ „ко", правительство оставляло за ними во владѣнiи до третьяго поколѣнiя съ освобожденiемъ отъ всякихъ пошлинъ; когда же выяснилось, что въ виду необходимости отдавать эти конденъ въ казну на нихъ въ послѣднее время до истеченiя срока велось хищническое хозяйство, правительство разрѣшило обращать частныя конденъ въ полную собственность („шизай") ихъ разработавшихъ „ко". Такъ къ полной частной собственности на садовую землю, на рабовъ, скотъ и движимыя вещи присоединилась еще частная собственность на поля, которая нашла дальнѣйшее свое развитiе въ церковныхъ земляхъ „джиденъ" и помѣстьяхъ „иденъ" и „коденъ", которыя давались чиновникамъ: первыя въ качествѣ служебнаго жалованья землей, вторыя же—какъ награда за заслуги. Правда, правительство принимало очень энергичныя мѣры, чтобы уменьшить возможность возрастанiя церковной собственности, такъ какъ она была свободна отъ податей, и положительно запрещало пожертвованiя въ пользу монастырей и храмовъ. Но, съ одной стороны, буддiйскiе жрецы и монахи были наиболѣе опытными сельскими хозяевами и поэтому принимали большое участiе въ расчисткѣ новыхъ полей, съ другой же, не смотря на запреты, благочестивые крестьяне дарили монастырямъ свои земли въ томъ разсчетѣ, чтобы такимъ образомъ освободиться отъ тяжелыхъ государственныхъ повинностей и получить свою землю отъ монастыря въ аренду за болѣе низкую плату.

Образованiе частной собственности повело весьма скоро и къ появленiю крупной собственности. Богатыя семьи, захватившiя въ свои руки громадныя дѣвственныя площади, переманивали на эти свободныя отъ повинностей земли крестьянъ изъ густо населенныхъ областей, предоставляли имъ сначала большiя льготы, а потомъ и закрѣпляли ихъ за собой. Такъ образовались большiя

вотчины изъ кондевъ Но и помѣстья, предоставленныя въ пользованіе чиновникамъ за заслуги, по мѣрѣ ослабленія царской власти все рѣже возращались въ казну и обращались въ частную собственность сановныхъ родовъ. Къ этому присоединились еще обширныя земельныя даренія, которыми цари (со временъ Іозеи 877—884) награждали своихъ любимцевъ. Эти земли были снабжены полнымъ иммунитетомъ. Но и провинціальные намѣстники воспользовались своимъ положеніемъ. Они обратили въ свою частную собственность тѣ государственныя свободныя земли, которыя были въ ихъ управленіи, и стали не только крупными землевладѣльцами, но и начали стягивать въ свою руки крестьянскія кубунды, дѣлить общинные выгоны и лѣса, захватывать крестьянскія усадьбы. А такъ какъ монастыри не только продолжали въ широкихъ размѣрахъ свои расчистки, но и обогащались, благодаря обширнымъ земельнымъ пожертвованіямъ со стороны частныхъ лицъ, благочестивыхъ князей и самихъ государей, то весьма скоро землевладѣніе Японіи приняло тотъ видъ, который лучше всего характеризуется извѣстной средневѣковой формулой: „Nulle terre sans seigneur".

Послѣдствія такого развитія крупнаго землевладѣнія въ странѣ, лишенной сильной центральной власти, были здѣсь совершенно тѣ же, что и въ феодальной Европѣ. Богатые господа, пользуясь всевозможными привилегіями и иммунитетами, безъ зазрѣнія совѣсти захватывали крестьянскія имущества, обращали свободныхъ людей въ крѣпостныхъ или дворовыхъ, сосредоточивали въ своихъ рукахъ мѣстную юстицію и управленіе и создавали изъ своихъ подданныхъ военныя банды, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ качествѣ высшей общественной нормы, вводили пресловутое кулачное право. Самые подданные такихъ землевладѣльческихъ господъ раздѣлились на два класса: съ одной стороны, это были прежніе крѣпостные, которымъ была дана свобода для боевой службы господину; съ другой стороны, это были несвободные крестьяне, которые своимъ трудомъ должны были доставить господину возможность содержать своихъ оруженосцевъ. И нужно замѣтить, что для связи этихъ оруженосцевъ (хенинъ или родо) съ ихъ господиномъ уже не надо было кровнаго родства или общаго происхожденія: получая отъ своего господина содержаніе, жилище и рисъ, эти рыцари вступали по отношенію къ сеньору на положеніе подчиненныхъ и обязанныхъ ему вѣрностью воиновъ. Правда, для того, чтобы искусственно установить родство крови со своимъ господиномъ, эти воины отвѣдывали съ нимъ вмѣстѣ изъ одного кубка налитой туда смѣшанной крови, однако же, это была только фикція, которая связывала новый феодальный строй съ старымъ родовымъ порядкомъ. Такъ образованіе крупныхъ вотчинъ, снабженныхъ иммунитетомъ (шоенъ), привело къ созданію

всѣхъ необходимыхъ элементовъ для послѣдующаго леннаго строя; и онъ не заставилъ себя ждать.

Для усилившихся за счетъ царской власти военныхъ регентовъ страны, или шогуновъ не оставалось никакого другого средства для сохраненія своего верховенства и политическаго значенія, какъ закрѣпленіе фактическаго владѣнія крупныхъ господъ при помощи юридическаго акта, а именно—выдачи на шойенъ особыхъ ленныхъ патентовъ. Этимъ хотя бы съ внѣшней стороны спасалось единство государства и права царя, какъ верховнаго собственника земли. Подъ вліяніемъ узурпировавшихъ царскую власть шогуновъ, феодализмъ въ Японіи получилъ широкое развитіе. Многія ленныя грамоты, гогебунъ, были выданы поземельнымъ владѣльцамъ въ цѣляхъ предоставленія имъ мѣстной юрисдикціи; многіе независимые владѣльцы были принуждены къ принятію ленной зависимости силою оружія: для укрѣпленія вѣрности шогуну со стороны феодальныхъ держателей въ ихъ составъ были введены массы заслуженныхъ воиновъ изъ его арміи; назначенные шогунами въ каждую провинцію особые сановники, для наблюденія за мѣстнымъ управленіемъ и судебными дѣлами во время отсутствія намѣстниковъ (шуго и дзито), скоро также были надѣлены ленами за счетъ тѣхъ земель, которыя не имѣли своего господина или потеряли его, вслѣдствіе междоусобицъ. Даже монастыри и храмы, въ качествѣ поземельныхъ владѣльцевъ, были введены въ составъ феодальныхъ держателей и обложены опредѣленными повинностями. Нечего и говорить, что обширныя государственныя земли, ввѣренныя прежде управленію провинціальныхъ намѣстниковъ, стали цѣликомъ ихъ леннымъ достояніемъ.

Ленная система развилась и въ другомъ отношеніи. Воины или рыцари, стоявшіе въ подчиненіи и вѣрности отдѣльнымъ господамъ, стали получать отъ нихъ, вмѣсто содержанія и продовольствія, особые земельные надѣлы, на которые они, въ свою очередь, стали сажать своихъ крѣпостныхъ и подвассаловъ. Такъ родились промежуточныя ступени въ общемъ феодальномъ зданіи и дали многочисленное мелкое дворянство помѣстнаго типа, или самураевъ. Ихъ составъ пополнялся, какъ изъ среды класса бывшаго свободнаго крестьянства, такъ и изъ боковыхъ вѣтвей крупнаго дворянства. Подъ вліяніемъ постоянныхъ феодальныхъ междоусобицъ, наиболѣе честолюбивые и одаренные элементы изъ среды стараго крестьянства бросали плугъ и брались за мечъ, чтобы выслужиться при дворахъ феодаловъ; выдвигались впередъ и тѣ несвободные крестьяне, которые занимали у богачей мѣста ихъ управляющихъ или домоправителей. Съ другой же стороны, процессъ выдѣленія новыхъ домовъ младшихъ братьевъ продолжался по прежнему, и этимъ путемъ значительные и богатые феодалы создавали подчиненныхъ себѣ и преданныхъ вассаловъ.

Положеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ эту эпоху далеко нельзя назвать отраднымъ. Спасаясь отъ тягостей государственнаго обложенія прежнихъ временъ, они охотно переходили на земли господъ, пользующихся свободою отъ податей. Но скоро оказалось, что они попали изъ огня да въ полымя. Когда феодальная система утвердилась, она принесла земледѣльческому населенію много бѣдъ. Если положеніе крѣпостныхъ было сравнительно не такъ плохо на сѣверо-востокѣ, гдѣ для владѣльцевъ нужны были колонисты и поэтому они дорожили крестьянами (міоденъ), то за то ихъ положеніе было тяжело въ культурныхъ областяхъ юго-запада, на земляхъ давнишняго вотчиннаго владѣнія (шойенъ), ставшаго ленами (ріошу). Только тѣ арендаторы ленныхъ земель пользовались хозяйственной независимостью, которые вышли изъ среды воиновъ или рыцарей и обратились, въ качествѣ управителей или шоши, къ обработкѣ чужихъ ленныхъ земель. Изъ такихъ шоши образовался впослѣдствіи классъ крестьянъ-арендаторовъ, пользовавшихся нѣкоторымъ достаткомъ. Надо замѣтить, однако, что такой переходъ изъ самураевъ въ крестьяне не былъ рѣдкостью на сѣверо-востокѣ страны. Тамъ положеніе крестьянъ, разрабатывавшихъ новыя земли, представлялось многимъ воинамъ болѣе привлекательнымъ, чѣмъ ихъ военная служба, и они мѣняли мечъ на плугъ. Впослѣдствіи они образовали изъ себя сравнительно независимое крестьянство сѣвера.

Феодальная система Японіи, какъ она сложилась тамъ къ концу XVI вѣка (1583—1598 г.), даетъ намъ слѣдующія подраздѣленія ленной іерархіи. Во главѣ здѣсь стоятъ кокушу или господа провинцій, которые владѣли въ качествѣ лена цѣлыми областями. За ними слѣдуютъ ріошу или феодальные господа, получавшіе не менѣе 100,000 коку риса въ годъ (коку = 1,804 гектолитрамъ); слѣдующую категорію представляютъ собою замковые господа или джошу, получавшіе не менѣе 10,000 коку риса въ годъ. Къ этой послѣдней категоріи принадлежало большинство феодальныхъ владѣльцевъ. Первыя двѣ группы назывались дайміо (великаго имени) третья — шоміо (малаго имени). Всѣ они принадлежали къ военной кастѣ и, образуя изъ себя частью непосредственныхъ, а по большей части посредственныхъ держателей земли, обладали не только правами управленія, но и судебнымъ верховенствомъ надъ своими подвассалами и крѣпостными.

Паденіе феодальнаго строя въ Японіи и переходъ его въ полицейское государство совершился тамъ путемъ своеобразнаго процесса. Ленный порядокъ по внѣшности сохранилъ свое дѣйствіе, между тѣмъ какъ внутри его создались уже новыя образованія, а главное, выросла новая мѣстная единица, въ видѣ „мура“ или деревенской общины и „куми“ — особаго союза для цѣли взаимной помощи и круговой поруки. Интереснѣе всего, что

въ средѣ „мура" мы встрѣчаемъ уже начатки всесословнаго соединенія, которые охватываютъ собою въ равной степени и мелкихъ крестьянъ, и гордыхъ воиновъ самураевъ. Ленный строй, съ превращеніемъ феодальныхъ отношеній въ административно-полицейскую опеку, неизбѣжно привелъ, при своемъ разложеніи, къ своеобразному равенству обывателей „мура" передъ ленной крѣпостью; въ собраніи мура (іоріай) участвовали всѣ главы земледѣльческихъ родовъ независимо отъ ихъ сословнаго раздѣленія. Мы можемъ различить въ составѣ мура слѣдующіе разряды лицъ: прежде всего, это самые крупные землевладѣльцы мура, сельскіе самураи, „гоши", имѣвшіе привилегію носить два меча и пользоваться фамильными именами; это—помѣстное дворянство, стоявшее всегда въ непосредственной связи и близости къ крестьянству, съ которымъ оно, въ извѣстной степени, дѣлило общность ленной зависимости отъ дайміо. Послѣдующее уничтоженіе феодальной системы оставило въ рукахъ гоши цѣликомъ ихъ поземельныя владѣнія, и въ силу этого они и до сихъ поръ представляютъ собою дворянскій землевладѣльческій классъ Японіи. За гоши, въ качествѣ почетнѣйшихъ жителей мура, слѣдовали кузаваке, изъ среды которыхъ, по большей части, происходили сельскіе начальники или нануши, имѣвшіе право, вмѣстѣ съ другими должностными лицами мура, носить одинъ мечъ. За этими землевладѣльцами слѣдовалъ разрядъ такамочи, т. е. болѣе крупныхъ крестьянъ, которые воздѣлывали свои поля путемъ отдачи ихъ въ аренду. За этими категоріями обывателей мура слѣдовали уже нэои, т. е. тѣ крестьяне, которые, составляя большую часть населенія общины, обрабатывали свои поля своими собственными силами и силами своей семьи. Козаку или джигари, т. е. мелкіе крестьяне, представляли собою разрядъ безземельныхъ, которые брали въ аренду земли крупныхъ владѣльцевъ. Собраніе мура, состоявшее изъ всѣхъ домохозяевъ, распредѣляло подати, налагаемыя въ пользу дайміо или шогуна, и регулировало пользованіе тѣми еще уцѣлѣвшими землями общины, которыя не были огорожены дайміо. Меньшей организаціей, нежели мура, была куми, охватывавшая собою 5 сосѣднихъ домовъ. Куми состояла изъ лицъ самаго различнаго соціальнаго и экономическаго положенія. Въ этихъ сосѣдскихъ пятеркахъ были смѣшаны богатые и бѣдные, знатные и незнатные, только такъ называемые нечистые образовывали отдѣльные куми. Принадлежность къ куми была наслѣдственная и по принципу вѣчная. Во главѣ каждой пятерки стоялъ особый выборный гочо, хранившій печати всѣхъ членовъ. Онъ былъ представителемъ пятерки, какъ цѣлаго, и отвѣчалъ за отдѣльныхъ ея членовъ. Въ случаѣ какихъ-либо бѣдствій собраніе куми обязано было помочь пострадавшему. Для постройки и перестройки домовъ отдѣльнаго члена всѣ члены куми, а иногда и мура, обязаны были исполнить работу общими силами. Самой

низшей хозяйственной единицей была въ этотъ періодъ семья. Но передъ высшимъ леннымъ владѣльцемъ отвѣчала не она, а мура.

Въ эпоху реформъ пали послѣдніе признаки ленной организаціи въ поземельномъ владѣніи японцевъ. Въ 1868 г. было признано право собственности держателей земли на ихъ участки, за исключеніемъ крупныхъ ленныхъ владѣній и монастырскихъ имуществъ. Въ 1872 г. было разрѣшено свободное отчужденіе имуществъ всѣмъ классамъ народа безъ различія, а въ 1875 г. были устранены ограниченія, которыя запрещали раздробленіе поземельныхъ участковъ.

Японскіе города получили свое начало въ феодальную эпоху и выросли возлѣ замковъ территоріальныхъ господъ подъ защитою ихъ вооруженной стражи. Нуждаясь въ купцахъ и ремесленникахъ для удовлетворенія своихъ потребностей, различные дайміо награждали привилегіями тѣхъ изъ нихъ, которые селились возлѣ ихъ замковъ и служили имъ своими операціями. И не смотря на то, что во время японскаго средневѣковья исключительнымъ почетомъ пользовались только дворяне-самураи, денежная нужда заставляла гордыхъ феодаловъ предоставлять богатой городской буржуазіи довольно значительную роль и положеніе. Въ виду того уже, что городскіе буржуа всегда особенно цѣнили блага городского самоуправленія, дайміо неоднократно прибѣгали къ широкому привилегированію городовъ и ихъ населенія, чтобы привлечь на свою сторону наиболѣе состоятельные элементы страны. Подобно тому, какъ въ западной Европѣ гильдіи и цехи были первоначальной формой городской организаціи, точно также возникли они и въ Японіи, и при томъ по двоякимъ основаніямъ: съ одной стороны, японскія гильдіи, „за", были организаціей, связанной круговою порукою въ уплатѣ податей ленному господину и поэтому удовлетворяли вполнѣ его интересамъ, съ другой же—онѣ обезпечивали монопольное положеніе членамъ опредѣленной „за" и тѣмъ спасали ихъ отъ неудобствъ возможной конкурренціи. Въ нѣкоторыхъ городахъ въ очень раннюю сравнительно эпоху развилось независимое городское управленіе съ собраніемъ патриціевъ, „квайгошу", во главѣ и даже съ своей собственной военной стражей изъ числа состоявшихъ на жалованьи безгосподныхъ рыцарей или „ронинъ".

XVII вѣкъ, время господства шогуната и полицейскаго режима въ Японіи, можно считать вмѣстѣ съ тѣмъ и эпохой развитія японскихъ городовъ. Полный миръ, продолжавшійся столѣтіями, связанный съ чрезвычайнымъ подъемомъ промышленности и торговли, привелъ съ собою возрастаніе числа городовъ и промышленнаго населенія. Въ это же время мы встрѣчаемся и съ особымъ устройствомъ городского самоуправленія, которое совер-

шенно отличало его отъ сельской общины—мура. Въ имперскихъ городахъ, наряду съ правительственными коммиссарами или градоначальниками, стояли особые городскiе старѣйшины, которые являлись посредниками между ними и городскими „нануши". Въ главныхъ городахъ развилась также весьма многочисленная полицiя для поддержанiя тишины и порядка, а въ отдѣльныхъ городскихъ участкахъ существовали особые старосты, которые въ нѣкоторыхъ случаяхъ были наслѣдственными, въ большинствѣ же случаевъ — выборными своего участка или улицы. Развитiе цеховъ и гильдiй шло въ полицейскую эпоху своимъ порядкомъ, хоть и было подчинено самой подробной и мелочной правительственной опекѣ. Управленiе гильдiй въ это время получило твердую организацiю. Скоро, однако, у нихъ оказался крупный конкуррентъ въ лицѣ богатыхъ даймiо, которые рѣшили вести продажу своихъ продуктовъ помимо гильдiй, непосредственно за счетъ своего камеральнаго хозяйства. Гильдiи протестовали противъ этого и добивались увеличенiя монополiй, но безуспѣшно: не въ ихъ силахъ было уже овладѣть все возраставшимъ хозяйственнымъ развитiемъ страны Скоро у нихъ оказался еще новый противникъ: правительство отъ меркантильной системы и отъ монополiй рѣшило перейти къ принципу свободной внутренней торговли и тѣмъ открыть широкiй путь сдавленнымъ производительнымъ силамъ страны. Въ 1841 г. гильдiи были отмѣнены и возстановленiе ихъ черезъ 10 лѣтъ на короткое время уже не могло спасти ихъ участи. Съ великой реставрацiей въ 1867 г. они погибли безвозвратно.

Съ этого же времени датируется тотъ удивительный подъемъ японской промышленности и торговли, который сталъ предметомъ удивленiя всего мiра. Страна покрылась сѣтью желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, организовала у себя образцовую почту. Въ 1872 г. была открыта здѣсь первая желѣзная дорога. Въ 1880 г. была проведена желѣзная дорога отъ Токiо до Iокогамы длиною въ 29 кил. Въ 1883 г. на лицо было всего 250 километровъ желѣзныхъ дорогъ, а къ 1901 г. въ Японiи было не менѣе 5,892 кил. рельсовыхъ путей и находилось въ постройкѣ 1,980 кил. государственныхъ и не менѣе 3,997 килом. частныхъ жел. дорогъ. Заслуживаетъ вниманiя также развитiе телеграфныхъ линiй въ Японiи: въ 1899 — 1900 г. телеграфныхъ линiй было не менѣе 25,674 съ длиною проволоки въ 99,361 килом.; однѣхъ международныхъ депешъ было въ томъ году отправлено не менѣе 354,987. Телефонъ въ то же время охватывалъ уже 2,513 километ. проводовъ съ 8,064 абонентами. Въ 1899 г. было уже не менѣе 4,325 почтовыхъ учрежденiй, которыя отправили въ теченiе года 602,4 миллiона внутренней, 5,7 миллiона международной корреспонденцiи; къ этому надо еще присоединить 4,9 миллiона внутреннихъ и 10,874 иностранныхъ посылокъ. Не менѣе быстрыми шагами

шло развитіе торговаго пароходства. Впервые въ 1875 г. было основано японское пароходное общество, которое завязало морскія сношенія съ материкомъ. Въ 1885 г. оно преобразовалось въ акціонерную компанію „Ниппонъ-Юзенъ-Кайша", которая удовлетворялась мѣстнымъ каботажемъ и только въ рѣдкіе сроки посылала свои пароходы во Владивостокъ, Корею, Шанхай, Тіензинъ, Маниллу, Гонконгъ, Бомбей и Гонолулу. Во время китайской войны это общество могло уже служить правительству своими 59 кораблями, а послѣ войны компанія завязала непосредственныя сношенія съ Европой, Сѣверной Америкой и Австраліей; въ концѣ 1901 г. число ея судовъ доходило до 68, при помощи которыхъ поддерживались регулярныя сношенія со всѣми странами свѣта. Нечего и говорить, что рядомъ съ этимъ обществомъ возникли другія, въ родѣ „Озака-Шозенкайша" и „Тоіо Кизенкайша", а въ 1901 г. торговый флотъ Японіи охватывалъ уже 942 парохода съ 557,166 регистр. тоннъ и 3,416 парусниковъ европейской постройки съ 315,767 регистр. тоннъ.

Въ 1872 г., въ *Японіи* впервые были введены механическіе двигатели. Съ тѣхъ поръ въ странѣ успѣла развиться крупная индустрія въ шелковой промышленности, бумажномъ производствѣ, хлопчато-бумажномъ производствѣ и другихъ отрасляхъ промышленности: въ 1900 г. насчитывалось уже 59 прядиленъ съ 1.000,000 веретенъ и болѣе, чѣмъ съ 70,000 рабочихъ. Рядомъ съ этимъ шло возрастаніе и внѣшней торговли Японіи. Въ 1891 г. страна ввозила всего на 62,727 тысячъ іенъ. Въ 1901 г. эта цифра возросла до 261,146 тысячъ іенъ. Вывозъ съ 79,527 тысячъ іенъ (1891 г.) возросъ до 257,607 тысячъ іенъ (1901 г.), такъ что общая цѣнность внѣшней торговли за десятилѣтіе поднялась съ 142,254 тыс. іенъ до 518,753 тыс. іенъ. Увеличеніе торговыхъ оборотовъ, не имѣющее себѣ буквально равнаго въ исторіи!

V.

Могучій экономическій подъемъ страны сопровождался не менѣе значительнымъ политическимъ преобразованіемъ. Правда, послѣднюю политическую реформу (1867 — 1890) японцы очень любятъ представлять въ видѣ великой „реставраціи" императорской власти. Самаго поверхностнаго взгляда на реформаціонные акты новой эпохи достаточно для того, чтобъ убѣдиться въ чрезвычайномъ стараніи японскаго правительства представить всѣ преобразованія новаго времени, какъ „возвращеніе" къ порядку, существовавшему за много тысячъ лѣтъ, установленному самой богиней солнца, всеблагой и славной Аматеразу. „Императоръ основатель нашей династіи — говорится въ указѣ объ обнародованіи конституціи (11 февраля 1889 г.) — „и наши остальные пра-

родители заложили съ помощью и при содѣйствіи предковъ нашихъ подданныхъ основы нашей имперіи на такомъ основаніи, которое должно остаться навѣки. Нашимъ священнымъ прародителямъ обязаны мы тѣмъ, что настоящее прекрасное дѣяніе (дарованіе конституціи) становится славою анналовъ нашей страны, и не менѣе обязаны мы этимъ вѣрности, мужеству нашихъ подданныхъ, ихъ любви къ отечеству и ихъ народному духу". Еще разительнѣе это сочетаніе патріархальной теократіи и новаго конституціонализма выступаетъ въ той клятвѣ императора на вѣрность конституціи, которую онъ принесъ въ храмѣ императорскаго дворца передъ лицомъ своихъ божественныхъ предковъ. И въ этомъ случаѣ императоръ нисколько не измѣняетъ своему монархическому принципу, не смотря на созывъ народныхъ представителей. „Мы", говоритъ онъ въ своей клятвѣ, „унаслѣдовавъ императорскій тронъ нашихъ предковъ, смиренно и торжественно клянемся предъ лицомъ основателя нашей династіи и остальныхъ нашихъ прародителей, что мы въ осуществленіи великой, равной небу и землѣ по своимъ размѣрамъ политики будемъ хранить и оберегать отъ всякаго упадка старую форму правленія". Конституція съ этой точки зрѣнія является только „основнымъ, ясно формулированнымъ закономъ", „неизмѣняемымъ, основнымъ законодательствомъ", которое по существу ничего не измѣняетъ въ старомъ строѣ, но только вноситъ „ясность и точность" въ предписанія, которыя оставлены императору „основателемъ" его династіи и „остальными императорскими прародителями" (Указъ 11 февр. 1889 г., текстъ присяги той же даты).

Получается на первый взглядъ удивительная нелѣпица: при помощи совершенно фантастической фикціи, теократія сливается съ правовымъ режимомъ, а культъ предковъ прикрываетъ собою прогрессивный политическій строй, не имѣющій ничего общаго ни съ богинею солнца, ни съ тѣми священными куклами, которыя въ теченіе столѣтій были живыми символами погибшей власти единаго, верховнаго микадо. И такое невѣроятное сочетаніе взаимно другъ друга отрицающихъ принциповъ въ государственномъ строѣ Японіи получитъ для насъ еще болѣе оригинальной характеръ, если мы прослѣдимъ по очерку барона Санномія (оберъцеремоніймейстера двора въ Токіо) исторію развитія императорской власти въ Японіи.

Какъ оказывается, уже XII столѣтіи начался тотъ процессъ узурпаціи власти микадо военными регентами или шогунами, который съ малыми перерывами продержался болѣе, чѣмъ до половины XIX вѣка. Въ 1187 году впервые мы встрѣчаемся въ японской исторіи съ раздвоеніемъ власти между „духовнымъ" и „свѣтскимъ" владыками, при чемъ на долю перваго остались только однѣ церемоніи, на долю второго—вся фактическая государственная власть. И такой порядокъ уже въ IX вѣкѣ имѣлъ своихъ

предвѣстниковъ: 56-ой императоръ Сева, какъ малолѣтній, имѣлъ уже регента изъ фамиліи Фудживара. Наслѣдственное регентство осталось за этой фамиліей до XI вѣка, когда 71-ый императоръ, Го Санью, сдѣлалъ попытку устранить всемогущаго регента. Однако, уже 79-ый императоръ Рокуйо долженъ былъ уступить свою власть регенту. Должность регента перешла опять въ руки упомянутыхъ нами дайміо. Безучастными и пассивными объектами княжескихъ споровъ и интригъ остались императоры и во время знаменитаго раздора между семьями Минамото и Таира, и когда Таира побѣдили, то ихъ представители заняли при дворѣ то же мѣсто, какое принадлежало раньше Фудживара. Это былъ второй шагъ къ установленію шогуната. При 81-омъ императорѣ, Антоку, вождь фамиліи Минамото побѣдилъ партію Таира и у 82-го императора, Го-Тоба, получилъ всѣ права военнаго регента, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всю власть надъ государствомъ. Этотъ могущественный князь — по имени Іоритомо — былъ пожалованъ также титуломъ шогуна и удержалъ его наслѣдственно въ своемъ потомствѣ. Послѣ перехода власти шогуна къ семьѣ Ашиказа система регентства была еще усовершенствована, а въ рукахъ шогуновъ изъ дома Токугава она удержалась съ 1603 по 1867 г. Благодаря этой системѣ, и административная, и судебная, и военная власть цѣликомъ принадлежала военному регенту. Микадо былъ совершенно заключенъ въ своемъ дворцѣ, занимался исключительно жертвоприношеніями и богослуженіемъ, выдавалъ патенты шогунамъ при ихъ вступленіи въ должность, былъ превращенъ въ живую священную куклу, находившуюся на попеченіи наслѣдственно подобраннаго двора, и утопалъ въ праздности и тунеядствѣ. Однако, уже тогда фикція верховной власти микадо поддерживалась съ чрезвычайнымъ упорствомъ. Шогуны, считая кукольнаго микадо совершенно для себя безвреднымъ, заботились только о томъ, чтобы онъ былъ покрѣпче запертъ, и чтобы къ нему ничто не проникло, что могло бы нарушить его священный покой. Фикцію о верховенствѣ микадо они оставляли нетронутой и пользовались ею для божественнаго освященія своихъ дѣлъ и сана. Они никогда не могли предположить, что эта кукла станетъ силой, которая въ концѣ концовъ лишитъ ихъ всякой власти.

И, дѣйствительно, настало время, когда священная кукла заговорила, а фикція наполнилась содержаніемъ. Микадо сталъ центромъ реакціонной оппозиціи въ то время, когда партія приверженцевъ старины „сако“ боролась противъ открытія границъ для международнаго обмѣна и противъ партіи либераловъ „кайкоку“ съ шогуномъ во главѣ. Микадо сталъ участникомъ партійной борьбы. Подъ его защиту прибѣгли всѣ враги правительства шогуна, которые желали эксплуатировать въ свою пользу государственную власть, а для сверженія шогуна опирались на народное чувство, оскорбленное вторженіемъ въ Японію иностранцевъ и установле-

ніемъ здѣсь консульскаго суда. И мятежные князья, поддержанные военной кастой, нашли въ лицѣ микадо вполнѣ подходящее орудіе. Не желая междоусобной войны, шогунъ самъ сдѣлалъ микадо посредникомъ между собою и бунтующимъ дворянствомъ. Указанная нами фикція послужила для этого юридическимъ основаніемъ. Изъ всемогущаго регента шогунъ самъ низвелъ себя на положеніе исполнителя воли микадо. И микадо Коме воспользовался такимъ положеніемъ. Опираясь на вооруженную поддержку реакціонныхъ князей, онъ возсталъ противъ всякаго общенія съ иностранцами и успѣшно велъ съ шогуномъ борьбу. Какъ извѣстно, 14-ый шогунъ изъ династіи Токугава, послѣ междоусобной войны, былъ окончательно лишенъ своей должности, а съ нимъ вмѣстѣ пала и та неограниченная власть, которая держала японскихъ феодаловъ въ безпрекословномъ повиновеніи центральной власти шогуна. Японское дворянство побѣдило шогуна. Въ руки дворянства перешло рѣшеніе судьбы всей страны и отъ его отношенія къ императору и народу зависѣла вся дальнѣйшая судьба Японіи. И вотъ тутъ то мы должны отмѣтить удивительное политическое чутье японскаго дворянства и его умѣнье воспользоваться моментомъ не только для своихъ интересовъ, но и для прогрессивнаго развитія страны. Фикцію всемогущества микадо они менѣе всего желали превратить въ дѣйствительность. Они отлично знали, что абсолютизмъ въ принципѣ всегда влечетъ за собою шогунатъ на практикѣ. Практика всѣхъ абсолютныхъ монархій показываетъ, что узурпація абсолютной власти всемогущими министрами лежитъ въ самой природѣ вещей, и что, если оставить за микадо неограниченную власть, то на мѣсто одного низвергнутаго шогуна явятся два новыхъ, и эти послѣдніе съ такимъ же успѣхомъ, какъ прежній, отдѣлятъ народъ отъ монарха и обратятъ послѣдняго въ декоративное украшеніе страны, а второй— въ пассивную массу безправнаго человѣческаго стада. Фикція всемогущества микадо осталась бы въ этомъ случаѣ только фикціей, и монархъ былъ бы опять таки лишенъ всякаго дѣйствительнаго значенія. Съ другой стороны, побѣдители шогуна были слишкомъ связаны съ широкими кругами военнаго дворянства, чтобы отдать неограниченную власть шогуната своекорыстной олигархіи немногихъ крупныхъ феодаловъ. Они избрали тотъ путь, который сдѣлалъ ихъ истинными спасителями страны и организаторами такого государственнаго строя, который, съ одной стороны, надѣлилъ императора значительной государственной властью, съ другой же—ограничилъ ее при помощи народнаго представительства. Старая фикція верховенства микадо наполнилась новымъ содержаніемъ. Ставши основой монархическаго суверенитета, она не только замѣнила собою европейскую формулу „Божьей милостью", но и установила преемственную связь между старымъ строемъ и новыми порядками. Старая теократическая формула пригодилась,

однако, и въ другомъ отношеніи. Будучи въ глазахъ народа идеей, которой въ дѣйствительности не соотвѣтствовало никакого реальнаго всемогущества и абсолютизма, она съ чрезвычайной легкостью могла быть приспособлена ко всякому новому распредѣленію верховной власти безъ того, чтобы это вызвало какое бы то ни было недоразумѣніе въ народѣ. Микадо всегда былъ фиктивно всемогущъ; и если онъ послѣ „реставраціи" оказывался опять таки не всемогущимъ самодержцемъ, а только конституціоннымъ монархомъ, то это никого не должно было поражать. Въ принципѣ все оставалось по старому, или даже лучше стараго, такъ какъ народъ, благодаря конституціи, сталъ въ непосредственную близость къ монарху, а императоръ получилъ лишь ограниченную, но тѣмъ не менѣе весьма дѣйствительную власть.

Переходъ отъ шогуната къ конституціонному образу правленія облегчался еще тѣмъ, что раздвоеніе власти между микадо и шогуномъ прекрасно подготовило почву для противопоставленія государя и народа при новомъ представительномъ строѣ. И если, по утвержденію Еллинека, феодальное раздѣленіе государства и народа отразилось въ Западной Европѣ въ новое время на самой организаціи государства и вылилось въ противопоставленіи правительства и парламента, то подобное же раздѣленіе верховной власти между духовнымъ и свѣтскимъ владыкой въ Японіи несомнѣнно облегчало послѣдующее распредѣленіе власти между народнымъ представительствомъ и монархомъ. Еще замѣчательнѣе другое обстоятельство. Какъ мы видѣли, движеніе противъ шогуна было построено на консервативной или даже реакціонной почвѣ. И микадо, и его партія поднялись противъ допущенія иностранцевъ въ предѣлы страны, противъ какихъ бы то ни было международныхъ сношеній и противъ новой европейской культуры. Казалось бы, послѣ низверженія шогуна въ Японіи должны были водвориться старые китайскіе нравы, иностранцамъ должно было грозить полное истребленіе и менѣе всего можно было думать о заимствованіи приверженцами старины чуждыхъ, невѣдомыхъ дотолѣ обычаевъ, понятій и нравовъ. На дѣлѣ, однако, случилось не такъ. Все стремленіе къ замкнутости и ненависть къ чужеземному у японцевъ моментально исчезли, какъ только былъ устраненъ полицейскій режимъ шогуна, а императоръ сталъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ господствующей военной касты. Когда дворянство увидѣло, что нѣтъ никакой возможности закрыться китайской стѣной отъ „заморскихъ чертей", а уничтоженіе чужеземной консульской юрисдикціи на японской землѣ возможно только подъ условіемъ принятія въ Японіи европейскаго провового строя,—вчерашніе реакціонеры превратились въ либераловъ и прогрессистовъ, и цѣною радикальнѣйшей реформы странѣ было куплено не только право полнаго освобожденія отъ консульскихъ судовъ, но и широкаго культурнаго прогресса. И въ

цѣломъ рядѣ актовъ „возстановленный" въ своихъ правахъ и преимуществахъ Тенно (императоръ) не только провозглашаетъ старую фикцію своего божественнаго могущества и верховенства, но и то единеніе правительства и народа, которое во время шогуната было до основанія разрушено полицейской властью всемогущаго военнаго регента.

При созваніи совѣщанія мѣстныхъ дѣятелей въ 1874 г. слѣдующими словами намѣчаетъ Тенно свою программу: „вслѣдствіе клятвы, данной нами при вступленіи на престолъ, и для постепеннаго осуществленія нашей политики мы созываемъ собраніе представителей всего народа, чтобы ввести законы при помощи публичнаго обсужденія, установить этимъ путемъ соглашеніе между правительствомъ и подданными и исполнить желаніе народа. Мы надѣемся пробудить въ нашихъ подданныхъ сознаніе всего значенія государственныхъ дѣлъ... посему созвали мы совѣщаніе главныхъ представителей различныхъ мѣстныхъ единицъ"... И при открытіи этого совѣщанія въ 1875 г. императоръ опять повторяетъ: „это — наша воля, чтобъ вы свободно и безпрепятственно совѣщались относительно всѣхъ тѣхъ мѣропріятій, которыя необходимы для блага народа, и чтобы вы вмѣстѣ съ тѣмъ облегчили намъ управленіе внутренними дѣлами страны. Мы желаемъ далѣе, чтобы правительство было въ единеніи съ народомъ, и чтобы чрезъ васъ голосъ нашихъ подданныхъ получилъ къ намъ доступъ". Вполнѣ естественно было затѣмъ, что при объявленіи конституціи въ 1889 г. императоръ превозгласилъ „гармоническое взаимодѣйствіе" правительства и народа, „единеніе съ народомъ" и „помощь народа", какъ важнѣйшія условія для развитія и роста государственныхъ силъ, а когда въ 1893 г. произошелъ нѣкоторый конфликтъ между правительствомъ и парламентомъ по поводу ассигнованія необходимыхъ средствъ на усиленіе флота, то опять таки монархъ обратился къ помощи и содѣйствію народа и въ рескриптѣ 10 февраля слѣдующимъ образомъ изложилъ смыслъ и сущность новаго режима: „Мы учредили сеймъ потому, что мы надѣялись увеличеніемъ числа совѣтниковъ облегчить главную работу націи... Сила прогрессивнаго движенія во всѣхъ странахъ растетъ со дня на день; въ такую эру, какъ настоящая, всякая потеря времени, причиненная безполезнымъ споромъ, и всякая упущенная возможность содѣйствовать развитію страны представляется зрѣлищемъ, отъ котораго мы должны уберечь духъ нашихъ предковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасная цѣль представительной конституціи не можетъ быть достигнута подобнымъ образомъ дѣйствій"... Даже въ императорскомъ повелѣніи относительно воспитанія народа (30 октября 1890 г) Тенно призываетъ подданныхъ къ тому, чтобы они „обнаружили въ себѣ духъ народа" и „свое мужество" и помогли монарху „содѣйствовать охраненію чести и блага имперіи". И японскій императоръ имѣлъ право разсчитывать на такое

сочувствіе и содѣйствіе своихъ подданныхъ; онъ постоянно указываетъ имъ на необходимость „прогрессивнаго направленія во всѣхъ человѣческихъ вещахъ“, на необходимость „усовершенствованія“ и выполненія требованій „цивилизаціи“, на неразумность той политики, которая „одинъ разъ дѣлаетъ шагъ впередъ, а въ другой—отступаетъ назадъ“, свое правительство императоръ называетъ въ противоположность „феодальной политикѣ“ „прогрессивнымъ“ и открыто провозглашаетъ, что „положеніе внѣшняго міра настоятельно требуетъ отъ нашей страны величайшего прогресса“. „Въ такое многознаменательное время, какъ настоящее, говоритъ указъ императора 24 декабря 1893 г., для насъ было бы источникомъ глубокой скорби, если бы не были устранены съ пути всѣ препятствія, которыя могутъ задержать нашу просвѣщенную и прогрессивную политику“!

Какіе возвышенные принципы, какое глубокое стремленіе къ единенію съ свободнымъ народомъ въ общемъ прогрессивномъ движеніи къ благосостоянію и свѣту! И вмѣстѣ съ тѣмъ какая разительная противоположность тѣмъ, казалось бы, еще недавнимъ, порядкамъ, когда властвовалъ надъ страною безотвѣтственный шогунъ, а народъ стоналъ подъ гнетомъ полицейскаго режима. Вотъ какими словами рисуетъ молодой японскій ученый, Токузо Фукуда, темныя стороны господства дома Токугава, который въ теченіе 250 лѣтъ сумѣлъ усыпить при помощи мѣръ насилія и произвола все живое, что тогда порывалось мыслить, двигаться или говорить. „Предписанное сверху соблюденіе массы мелочныхъ обрядовъ и церемоній отнимало у людей лучшую часть ихъ времени, и самый ихъ образъ мыслей дѣлался все болѣе и болѣе мелочнымъ. Еще вреднѣе и даже прямо деморализующимъ образомъ вліяла расчлененная на тысячи органовъ, обхватившая собою положительно всю страну система низкаго шпіонства. Ея неизбѣжными результатами было всеобщее недовѣріе и подозрительность даже среди наиболѣе близкихъ лицъ, преувеличенная вѣжливость, подхалимство, лживость и моральная неустойчивость. Хозяйственнымъ вредомъ было то, что, не смотря на всю дѣловитость и неустанное прилежаніе японцевъ, имъ не оставалось никакого доступа къ широко захватывающей предпріимчивости, къ мощному честолюбію и дѣятельности, направленной этими мотивами. Самое лучшее, чѣмъ можетъ похвалиться созданный Токугавами государственный порядокъ, заключается въ томъ, что его неизбѣжнымъ результатомъ была полная невозможность его дальнѣйшаго существованія. Непрерывный миръ въ теченіе двухъ съ половиною столѣтій необходимо долженъ былъ привести къ невозможности порядка, который поддерживалъ искусственное преобладаніе военной касты, потерявшей всякую продуктивность. Не смотря на всѣ искусственныя мѣры къ прекращенію какого бы то ни было дальнѣйшаго развитія, долгій миръ по необходи-

мости долженъ былъ воспитать силы, ведущія къ ниспроверженію ставшаго безсмысленнымъ государственнаго строя".

И это не могло быть иначе. Наслѣдственность должностей, какъ въ самомъ шогунатѣ, такъ и въ отдѣльныхъ областяхъ, подчиненныхъ князей-дайміо, привела къ тому, что высшія должностныя мѣста все болѣе и болѣе становились синекурами, а дѣйствительная власть перешла къ низшимъ, судя по имени, совершенно незначительнымъ чиновникамъ. Подобно императору и семьѣ Фудживара, шогуны постепенно цѣликомъ погрузились въ лѣность и потонули въ роскоши, а вмѣстѣ съ тѣмъ потеряли всякое значеніе. Съ другой стороны, и личныя отношенія феодальной вѣрности неминуемо извратились подъ вліяніемъ полицейскаго режима. Съ потерею территоріальной основы и съ наступленіемъ эпохи мира, военное дворянство подверглось необходимому процессу разложенія. На первый планъ выступила жизнь, „сообразная съ требованіями сословной чести", и самураи соперничали другъ передъ другомъ въ роскоши и пышности обстановки. Среди нихъ развилось чрезвычайное презрѣніе ко всякому труду и къ трудящимся, а сословныя рамки давили всякое проявленіе индивидуальнаго дарованія или таланта. Естественное обнищаніе тунеядствующаго дворянства привело къ необходимому размноженію рониновъ или безгосподныхъ самураевъ. Особенной опасностью полицейскому строю грозило также возвышеніе городского сословія или класса—хониновъ. Какъ говоритъ Фукуда, „хроническая финансовая нужда шогуната, территоріальныхъ господъ и самураевъ, была прежде всего той причиной, которая привела къ великому перевороту въ соціальномъ положеніи хониновъ. Хонины, систематически преданные произвольнымъ вымогательствамъ господъ и ихъ прихотямъ, были въ силу этого, правда, затруднены въ свободномъ развитіи своихъ хозяйственныхъ способностей. Однако, съ теченіемъ времени, они выучились охранять свои интересы и при данныхъ условіяхъ и увеличивать свое благосостояніе. Не смотря на высокіе поборы, они накопляли богатства и, не смотря на драконовскіе законы о роскоши, они сумѣли выразить свое благосостояніе и во внѣшней обстановкѣ. Такъ наступила полная перемѣна въ отношеніяхъ между сословіемъ горожанъ и военной кастой. Прежде хонины были только слугами своихъ господъ, теперь они взяли верхъ надъ самураями, и господа очутились въ финансовой зависимости отъ ханиновъ. Въ особенности въ Осакѣ и Іедо развилась сильная буржуазія. Вмѣстѣ съ ронинами сословіе хониновъ образовало подъ властью Токугавовъ средоточіе просвѣщеннаго индивидуализма и грозило великой опасностью существовавшему режиму. И крестьянство не осталось чуждый общему движенію. Въ особенности на сѣверовостокѣ, гдѣ было болѣе свободы у членовъ общины-мура, сельчане проявили себя способными быть носителями индивидуаль-

ныхъ правъ и обязанностей. Обходъ строгаго запрета отчужденія и раздѣленія земли былъ повсемѣстнымъ; въ рукахъ болѣе сильныхъ нагромождались поземельныя владѣнія, а это обозначало для стараго строя не меньшую опасность, чѣмъ со стороны горожанъ". Такъ сложился процессъ внутренняго разложенія старыхъ отношеній, и внѣшнимъ выраженіемъ грядущей революціи былъ могучій подъемъ въ области духовной жизни и литературы...

Въ области конфуціанскаго ученія появилась масса диссидентовъ, возставшихъ противъ школы Шуши, оправдывавшей старый государственный порядокъ. Правовѣрное государственное ученіе Квандаку скоро потеряло всякій кредитъ. Возрожденіе національной литературы принесло съ собою обновленіе императорской идеи, и цѣлый рядъ ученыхъ сталъ проповѣдникомъ легитимнаго императорскаго владычества. Не мудрено послѣ этого, что, когда былъ отмѣненъ запретъ ввоза европейскихъ книгъ, то съ Запада нахлынулъ цѣлый потокъ иноземныхъ идей и нашелъ массу приверженцевъ среди японцевъ. Съ каждымъ днемъ возрастало число недовольныхъ, и „кинно"—девизъ возстановленной имперіи — сталъ всеобщимъ лозунгомъ политическаго движенія. Ронины и ученые объединились въ пропагандѣ противъ полицейскаго строя; ихъ поддерживали землевладѣльцы, лишенные возможности вести интенсивную культуру при громадномъ возрастаніи населенія, имъ помогли неурожайные годы 1833 и 1845 гг; и когда Японіи, благодаря вторженію иностранцевъ, пришлось пережить международный позоръ, громадная масса вліятельныхъ классовъ объединилась вокругъ микадо, старый порядокъ былъ низверженъ послѣ кровавой борьбы, а съ тѣмъ вмѣстѣ былъ похороненъ навѣки тотъ удивительный строй, который былъ основанъ на положеніи: „народъ долженъ повиноваться закону, но онъ не долженъ знать его".

По утвержденію современнаго японскаго министра юстиціи, самое дѣло „реставраціи" 1868 г. было начато патріотическими вождями бывшихъ феодальныхъ владѣній имперіи, и въ іюлѣ 1881 г. они сложили всѣ свои наслѣдственныя административныя права. Шогунъ былъ отрѣшенъ и императору возвращено его государственное верховенство. Въ 1873 г. былъ обнародованъ первый годовой бюджетъ, а съ 1875 г. онъ обнародывается уже ежегодно. Въ 1878 г. были образованы собранія фу и кенъ—провинціальные органы самоуправленія, городскія и сельскія общины. Въ 1880 г. была учреждена счетная палата и въ томъ же году обнародовано уголовное уложеніе и уставъ уголовнаго судопроизводства. Въ 1890 г., былъ изданъ законъ объ административной юстиціи, а въ 1895 г. послѣ пересмотра судебныхъ уставовъ, былъ учрежденъ сенатъ и высшій кассаціонный судъ. Наконецъ, завершеніемъ всего зданія реформы были изданные въ 1889 г.: конституція имперіи, законъ о престолонаслѣдіи и законъ о финан-

сахъ. „Реставрація 1868 г., какъ говоритъ тотъ же авторъ, была на дѣлѣ шагомъ несравненнаго значенія въ исторіи нашей націи. Какъ отголосокъ такого многознаменательнаго событія, возникли кое-гдѣ въ имперіи безпорядки и появились непріятныя нарушенія общественной тишины. Однако ни одно изъ нихъ не имѣло значенія, хоть сколько-нибудь приближающагося по своей силѣ къ тому стремительному прогрессу, который отдѣляетъ прошлое отъ эпохи Меджи или эпохи реформъ. Многія препятствія, которыя стояли на пути административной реформы, должны были быть устранены уже во время новаго царствованія, но ничто не могло устранить его величество императора Муцухито въ дѣлѣ проведенія реформы на основаніи опредѣленныхъ принциповъ, которую онъ и провелъ, опираясь на такихъ превосходныхъ дѣятелей, какъ Окубо, Кидо и Сайго, принявшихъ на себя отвѣтственность за первыя стадіи государственнаго прогресса".

И, дѣйствительно, надо отдать молодому императору полную справедливость, онъ не испугался союза и поддержки обѣднѣвшей дворянской интеллигенціи, его — „сына свѣтлой солнечной богини"—не устрашили тѣ идеи западно-европейскаго либерализма, которыя должны были принести его странѣ свободу и правовой порядокъ Онъ не задумался стать во главѣ радикальнаго движенія въ пользу „свободы и равенства". И если это либеральное движеніе несло съ собою энергичную проповѣдь всеобщаго народнаго представительства и современнаго парламентаризма, то молодой императоръ, съ другой стороны, прекрасно понялъ потребность въ правѣ, приспособленномъ къ новымъ отношеніямъ, необходимость дать хозяйственной жизни страны новую законодательную и административную основу.

Война съ Китаемъ была первымъ огненнымъ крещеніемъ страны, рѣшительно и смѣло ставшей на путь дѣйствительной, а не призрачной связи между правительствомъ и народомъ, на путь реальнаго довѣрія монарха къ подданнымъ, нашедшаго выраженіе въ народномъ представительствѣ, „основной и неизмѣняемой" конституціи, и признаніи правъ политической свободы. Японія не только получила конституцію, но и на дѣлѣ стала правовымъ и конституціоннымъ государствомъ.

VI.

Японская конституція 1890 г. въ своей второй главѣ провозглашаетъ равенство всѣхъ передъ закономъ и цѣлый рядъ публичныхъ правъ японскихъ гражданъ. Параграфы 13-ый и 14-ый обезпечиваютъ неприкосновенность личности отъ произвольныхъ административныхъ взысканій: „ни одинъ японскій подданный не

можетъ быть задержанъ, арестованъ, подвергнутъ допросу или наказанъ иначе, какъ только согласно закону". Точно такъ же онъ „не можетъ быть лишенъ права быть допрошеннымъ передъ своимъ законнымъ судьей". Согласно параграфу 25-му, „въ домъ японскаго подданнаго можно войти или произвести тамъ обыскъ только въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ". Въ согласіи съ этимъ 26-ой параграфъ провозглашаетъ, что „тайна писемъ японскаго подданнаго неприкосновенна, за исключеніемъ только закономъ опредѣленныхъ случаевъ". Дополненіемъ этихъ постановленій безспорно является 58-ой параграфъ конституціи, обезпечивающій несмѣняемость судей, и параграфъ 59-ый, устанавливающій публичность судебнаго производства. Согласно конституціи, закрытіе дверей судебнаго засѣданія можетъ послѣдовать только въ силу опредѣленія закона, или же самого несмѣняемаго и независимаго суда. Конституція обезпечиваетъ, далѣе, всякому японскому подданному „свободу религіозныхъ вѣрованій, поскольку они не нарушаютъ мира и порядка и не противны обязанностямъ подданнаго" (§ 28). Точно такъ же обезпечиваетъ конституція японцамъ и то драгоцѣнное право моральной человѣческой личности, которое она называетъ „свободою рѣчи, печати и журналистики, публичныхъ собраній и союзовъ" (§ 29). Но важнѣйшія права японскихъ гражданъ безспорно заключаются въ тѣхъ опредѣленіяхъ закона, которыми провозглашается (§ 37), что „каждый законъ нуждается въ согласіи парламента", и что (§ 35) „палата депутатовъ образовывается изъ членовъ, которые избираются народомъ согласно предписаніямъ избирательнаго закона".

Этими постановленіями Японія безспорно признаетъ и нравственное достоинство, и политическое значеніе каждаго отдѣльнаго своего гражданина. Она опирается въ силу этого не на одностороннюю власть замкнутой и корыстной бюрократіи, а на широкія общественныя силы страны. И не къ пассивной массѣ порабощеннаго народа обращаетъ основной законъ имперіи свои предписанія, но къ сознательнымъ индивидамъ, въ которыхъ онъ предполагаетъ и разумную волю, и моральность поведенія, и пониманіе общихъ интересовъ. Къ широкому національному творчеству призванъ каждый отдѣльный гражданинъ восточной имперіи, и законъ создаетъ всѣ необходимыя условія для того, чтобы онъ какъ можно лучше могъ выполнить свою задачу. Безъ свободы вѣры не можетъ развиться истинная религія и нравственность; безъ свободы печати и слова не могутъ быть вскрыты національныя болѣзни, не можетъ быть услышанъ голосъ страны и создаться судъ общественнаго мнѣнія; безъ народнаго представительства не можетъ проявиться въ законодательной дѣятельности правовое чувство народныхъ массъ, не можетъ быть обезпечено царство неприкосновенной и нерушимой законности, наконецъ, не можетъ быть внесена закономѣрность въ область полиціи и

управленія. И передовые люди Японіи поняли это. Они глубоко вѣрили въ свой народъ и считали его достойнымъ участія въ отправленіи высшихъ государственныхъ функцій. Дѣйствительность не обманула ихъ ожиданій...

Правда, японская конституція носитъ на себѣ чрезвычайно сильный монархическій отпечатокъ. И если по своему происхожденію и формѣ она является свободнымъ даромъ государя своему народу, своего рода знакомъ довѣрія монарха къ силамъ націи, то нужно замѣтить, что за монархомъ и по конституціи осталось исключительное право инціативы въ дѣлѣ пересмотра или измѣненія основного закона (§ 73). Императоръ, конечно, не можетъ такъ же свободно взять конституцію назадъ, какъ онъ даровалъ ее. Всякое измѣненіе основного закона не можетъ быть принято иначе, какъ по рѣшенію, постановленному большинствомъ двухъ третей головъ въ засѣданіи, гдѣ присутствуетъ не менѣе двухъ третей всѣхъ членовъ парламента. Но парламентъ не имѣетъ права принимать петицій, относящихся къ усовершенствованію или измѣненію конституціи, и хотя за нимъ остается право представлять правительству свои законопроекты и адресы, однако и здѣсь, по смыслу закона, вопросъ объ измѣненіи конституціи остается исключеннымъ. Другую особенность японской конституціи и ея сильно монархическаго характера составляетъ ограниченность правъ парламента въ дѣлѣ установленія бюджета. Если параграфъ 62-ой конституціи провозглашаетъ, что взиманіе новыхъ податей или измѣненіе размѣра существующихъ сборовъ могутъ быть опредѣлены только закономъ, то уже въ этомъ параграфѣ изъ категоріи законной власти парламента исключаются всѣ тѣ поступленія, которыя носятъ характеръ возмѣщенія расходовъ управленія, или тѣхъ сборовъ, которые состоятъ въ вознагражденіи за услуги государства. Но еще дальше идетъ параграфъ 67-ой. Онъ прямо запрещаетъ отклонять или измѣнять безъ согласія правительства тѣ „уже существующія выдачи, которыя, согласно конституціи, подлежатъ исключительно власти императора, или возникаютъ на основаніи силы закона, или обусловливаются законными обязанностями правительства“. Въ силу этихъ постановленій, съ одной стороны, гарантируется неприкосновенность императорскаго цивильнаго листа и установленныхъ особымъ финансовымъ указомъ императора выдачъ, съ другой же—парламентъ совершенно лишается того могучаго средства для борьбы съ правительствомъ, которое состоитъ въ его правѣ отказать правительству въ полномъ утвержденіи бюджета. Японскій парламентъ этимъ рѣзко отличается отъ палатъ европейскихъ державъ. Онъ обладаетъ, главнымъ образомъ, только правомъ контроля и правомъ вотировать тѣ новые налоги, которые не подходятъ подъ опредѣленіе 67-го параграфа. Какъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу докторъ Бруннъ,

этими постановленіями бюджетное право парламента становится въ значительной степени иллюзорнымъ. Къ этому заключенію тѣмъ болѣе необходимо примкнуть, что, во-первыхъ, согласно параграфу 12-му императоръ опредѣляетъ организацію и численность арміи и флота совершенно самостоятельно, безъ какого-то бы ни было участія народнаго представительства, а во-вторыхъ, имѣетъ право (§ 70) издавать временные указы финансоваго содержанія во время отсутствія парламента, впредь до его созыва. Остальныя права японскаго императора цѣликомъ совпадаютъ съ правами европейскихъ конституціонныхъ монарховъ, въ особенности прусскаго короля, и состоятъ въ правѣ созыва, отсрочки и распущенія парламента, въ обнародованіи законовъ и особыхъ временныхъ распоряженій съ силою закона, въ командованіи надъ арміей и флотомъ, въ назначеніи гражданскихъ и военныхъ чиновъ, въ объявленіи войны, въ заключеніи мира, раздачѣ почетныхъ преимуществъ, дарованіи амнистій и т. п.

Кромѣ рѣзко монархической окраски, характерною чертой японской конституціи является классовой составъ парламента и преобладаніе въ немъ состоятельныхъ классовъ населенія. Какъ единогласно замѣчаютъ японскіе писатели, новый строй былъ вынесенъ на плечахъ классомъ дворянства — шизоку — прежними самураями. Во главѣ новаго соціальнаго и хозяйственнаго развитія находятся еще и до сихъ поръ именно представители этого класса. Всѣ тѣ предпріятія, которыя вызваны теперь къ жизни по европейскимъ образцамъ, — всѣ они и созданы, и находятся подъ руководствомъ не хониновъ или горожанъ, называемыхъ нынѣ „хейминъ“, какъ настоящихъ носителей духа хозяйственной предпріимчивости, а въ рукахъ шизоку, весьма поощряемыхъ со стороны правительства. Японская буржуазія еще очень мало развита и все, что сдѣлано въ хозяйственномъ отношеніи, все это было октроировано свыше, все сдѣлано усиліями просвѣщеннаго правительства. Въ сборникѣ,изданномъ въ настоящее время японскими патріотами, выдающіеся государственные люди Японіи не перестаютъ жаловаться на излишне дворянскій характеръ властвующихъ классовъ страны, на ихъ неподготовленность къ тому положенію, которое создается хозяйственными условіями новой эпохи.

Въ своей статьѣ объ организаціи конституціоннаго государства, бывшій министръ, баронъ Кентару Канеко, съ особеннымъ удареніемъ указываетъ на этотъ недостатокъ своей родины. Онъ считаетъ потомковъ самураевъ или буши весьма мало подготовленными къ современной хозяйственной дѣятельности. Сравнивая конституцію государства съ его скелетомъ, а хозяйственный элементъ съ мускулами и кровью, которые придаютъ ему силу и движеніе, Канеко находитъ, что Японія совершенно развита, поскольку дѣло касается законовъ и военнаго дѣла, но такъ какъ

финансовой Японіи все еще не существуетъ, то въ виду этого всѣ силы правительства и народа должны быть направлены на ея созданіе. Одною изъ причинъ этого недостатка въ японскомъ строѣ баронъ Канеко считаетъ тотъ фактъ, что во главѣ правительства все время стояли только дворяне, которые свысока смотрятъ на всякую торговую и промышленную дѣятельность, и еще ни разу во главѣ министерства финансовъ не стоялъ торговый человѣкъ, а во главѣ министерства земледѣлія -- крестьянинъ Еще болѣе рѣзко выражается по поводу дворянскаго преобладанія баронъ Шибусава, бывшій министръ, а въ настоящее время предсѣдатель соединенныхъ торговыхъ камеръ Японіи. Если Канеко указываетъ на отсутствіе какой бы то ни было бережливости у потомковъ бывшей военной касты и рекомендуетъ цѣлый рядъ мѣръ для обезпеченія бережливости въ казнѣ, то Шибусава ищетъ объясненія отмѣченныхъ имъ недостатковъ въ промышленной и финансовой области въ тѣхъ чертахъ японскаго характера, которыя сложились подъ гнетомъ стараго полицейскаго режима. Къ этимъ чертамъ причисляетъ онъ, во-первыхъ, излишнюю страстность, которая быстро воспламеняется во имя какого-нибудь предпріятія и очень поспѣшно, иногда даже преждевременно, переходитъ въ дѣло; во-вторыхъ недостатокъ выдержки, который очень легко приводитъ японца къ полному отчаянію при первой же мало мальски серьезной неудачѣ; въ третьихъ,—японцамъ много вредитъ нежеланіе дѣйствовать сообща; въ четвертыхъ,—они слишкомъ мало цѣнятъ кредитъ и въ значительной степени злоупотребляютъ имъ. Таковы спеціальные недостатки японскаго купца и предпринимателя, которые воспитаны въ немъ цѣлыми вѣками безправія и рабскаго подчиненія привилегированному дворянству — самураямъ или буши. Въ виду этого, въ горячихъ, проникнутыхъ истиннымъ патріотизмомъ строкахъ призываетъ этотъ авторъ своихъ соотечественниковъ къ объединенной и рѣшительной конкурренціи съ великими промышленными державами, такъ какъ современная борьба народовъ ведется не столько солдатами, сколько промышленниками и торговцами и побѣждаетъ та нація, которая имѣетъ наиболѣе успѣха въ коммерческихъ предпріятіяхъ. „Истинная сила прогресса, такъ характеризуетъ этотъ дѣятель свою былую министерскую программу, состоитъ не въ политикѣ, а въ производительной хозяйственной работѣ, и торговые элементы имѣютъ громадное вліяніе на все развитіе страны". Вредный консерватизмъ усматриваетъ онъ поэтому въ чрезмѣрномъ милитаризмѣ современной политики Японіи и требуетъ полнаго устраненія всѣхъ препятствій, которыя закрываютъ ей доступъ къ міровой торговлѣ. „Въ то время, говоритъ онъ, какъ мы, съ одной стороны, преслѣдуемъ политику открытыхъ дверей въ торговлѣ, мы, съ другой стороны, цѣпляемся за старый, узкій, исключительный духъ преданія, а въ силу этого

мы ничего не можемъ создать. Наша политика самоубійственна. Прогрессъ и консерватизмъ не совмѣстимы". Не менѣе возстаетъ противъ военно-дворянской гегемоніи и знаменитый японскій дѣятель, графъ Инуйе, который требуетъ систематическаго развитія японской индустріи, охранительной таможенной политики въ интересахъ Японіи и привлеченія иностраннаго капитала не путемъ займовъ, а путемъ открытія ему доступа къ хозяйственной дѣятельности страны, введеніе болѣе либеральной политики, по его мнѣнію, здѣсь совершенно неизбѣжно.

Преобладаніе военно-дворянскихъ элементовъ обезпечивается, однако, въ Японіи не столько избирательнымъ правомъ страны, сколько фактическимъ замѣщеніемъ почти всѣхъ гражданскихъ и военныхъ должностей представителями стараго класса самураевъ, и это въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ повело даже къ благотворнымъ результатамъ. Какъ свидѣтельствуетъ баронъ Суематсу — бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ — всѣ низшія должности въ Японіи замѣщены молодыми дворянами, которымъ предоставлено несравненно высшее положеніе, чѣмъ полицейскимъ служителямъ на Западѣ. И по своему соціальному положенію и интеллектуальному эти бывшіе ронины оказались весьма подходящими охранителями общественнаго порядка... Повторяемъ, преобладаніе дворянства болѣе практическое, чѣмъ юридическое. Избирательный законъ Японіи знаетъ только имущественный цензъ, а не сословный. И если по старому закону участвовали въ выборахъ только лица 25-ти лѣтъ отъ роду, уплачивающія не менѣе 15 іенъ въ годъ, то теперь этотъ цензъ пониженъ до 10 іенъ. Такимъ образомъ, если, благодаря этому цензу, устраняются отъ выборовъ массы рабочаго пролетаріата, то во всякомъ случаѣ правомъ представительства пользуются не только дворяне-землевладѣльцы, но и всѣ средніе и мелкіе круги торгово-промышленнаго класса и все болѣе или менѣе состоятельное крестьянство. По новому закону, далѣе, устранено и то ограниченіе числа избираемыхъ лицъ, которое порождалось требованіемъ, кромѣ тридцатилѣтняго возраста, еще—продолжительнаго мѣстопребыванія въ опредѣленномъ округѣ и высокаго относительно ценза. Остаткомъ болѣе старыхъ воззрѣній является то положеніе избирательнаго закона, которое натурализованнымъ въ Японіи иностранцамъ предоставляетъ только право быть избирателями, но не депутатами. Изъятія изъ этого правила разрѣшаются министромъ внутреннихъ дѣлъ съ соизволенія императора. Выборные участки по большей части совпадаютъ съ административными подраздѣленіями, однако же, совершенно отъ нихъ независимы. Города съ населеніемъ болѣе 30,000 жителей образуютъ самостоятельные выборные участки, а города съ меньшимъ населеніемъ сливаются въ одинъ участокъ съ своими пригородами. Въ настоящее время всѣ города уже превысили требуемую норму. Число депутатовъ для каждаго участка зави-

ситъ исключительно отъ числа жителей, находящихся въ немъ. На каждые 130 тысячъ жителей приходится одинъ депутатъ и на каждыя послѣдующія 65 тысячъ полагается еще по одному. Важнѣйшіе обособленные острова посылаютъ по одному депутату, не смотря на меньшее число жителей. Новый законъ пока не имѣетъ примѣненія только для Хокандо и Окиновы, такъ какъ эти мѣстности не обнародовали для себя его постановленій. Число всѣхъ депутатовъ въ настоящее время достигаетъ 376 человѣкъ, а когда новый законъ войдетъ въ силу, это число повысится до 381. Самые выборы производятся при помощи прямой и тайной подачи голосовъ, при чемъ въ каждомъ выборномъ округѣ выбирается сразу нѣсколько депутатовъ. Для того же, чтобы обезпечить возможно большее представительство меньшинству, принята система выборовъ англичанина Томаса Хэра (Hair), которая, по утвержденію японскаго министра юстиціи, составившаго очеркъ избирательнаго права своей родины, представляется „наиболѣе совершенной методой для того, чтобы доставить представительство въ палатѣ депутатовъ и сравнительно небольшому числу избирателей“. Выборы происходятъ подъ непосредственнымъ надзоромъ органовъ мѣстнаго самоуправленія. Дѣйствительность выборовъ можетъ быть кассирована или благодаря рѣшенію палаты депутатовъ по выслушаніи заключеній коммиссіи, или по рѣшенію имперскаго суда. Тѣ случаи, которые уже разрѣшены судомъ, не подлежатъ дальнѣйшему оспариванію со стороны палаты. Члены палаты депутатовъ, такъ же какъ палаты господъ, получаютъ ежегодное содержаніе въ 800 іенъ, кромѣ особаго вознагражденія до пяти іенъ ежедневно по числу посѣщаемыхъ ими засѣданій въ особыхъ коммиссіяхъ. Президенты обѣихъ палатъ получаютъ ежегодно по 4,000 іенъ, а вице-президенты по 2,000 іенъ. Лица, находящіяся на государственной службѣ, не получаютъ никакихъ діетъ во время засѣданій палаты.

Гораздо большее вліяніе предоставлено дворянству и землевладѣнію въ палатѣ господъ японскаго сейма. Кромѣ членовъ императорской фамиліи, тамъ засѣдаютъ всѣ князья и маркизы имперіи и тѣ графы, виконты и бароны, которые избираются равными себѣ дворянами въ количествѣ не болѣе одной пятой всѣхъ графовъ, виконтовъ и бароновъ страны. Къ этому числу дворянскихъ представителей присоединяются еще лица, назначаемыя императоромъ за ихъ ученыя и государственныя заслуги, а также представители наивысшихъ плательщиковъ податей, которые избираются на семь лѣтъ съ утвержденія императора изъ числа пятнадцати жителей города или префектуры, платящихъ наивысшія прямыя національныя подати съ поземельнаго владѣнія, а также торговаго или промышленнаго предпріятія. Эти послѣднія лица должны достичь, по крайней мѣрѣ, тридцатилѣтняго возраста, тогда какъ отъ представителей дворян-

ства требуется только двадцатипятилѣтній возрастъ. Для того же, чтобы дворянство, благодаря возрастанію буржуазныхъ представителей, не оказалось въ меньшинствѣ, положеніе о палатѣ господъ напередъ ограничиваетъ число избираемыхъ буржуазіей или назначаемыхъ императоромъ членовъ: они не должны превышать собою всего числа представителей дворянства. Всѣ недоразумѣнія или споры, возникающіе относительно права членовъ палаты господъ на ихъ участіе въ ея засѣданіяхъ, разрѣшаются самой палатой. Только члены, уже разъ исключенные въ дисциплинарномъ порядкѣ изъ состава палаты, нуждаются для своего обратнаго пріема въ императорскомъ разрѣшеніи.

Оригинальную черту японскаго представительства составляетъ то обстоятельство, что здѣсь весь распорядокъ внутренняго производства дѣлъ въ палатахъ, выборы должностныхъ лицъ парламента, порядокъ засѣданій, учрежденіе коммиссій, даже отношенія обѣихъ палатъ другъ къ другу и внутренняя дисциплина каждой камеры почти цѣликомъ входятъ въ составъ конституціоннаго закона, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, не подлежатъ самостоятельному и независимому измѣненію со стороны каждой камеры. Не говоримъ уже о томъ, что президентъ и вице-президентъ палаты господъ непосредственно назначаются императоромъ, а подобныя же должностныя лица нижней палаты назначаются императоромъ изъ числа избранныхъ ею кандидатовъ. Не смотря на такой несамостоятельный характеръ парламентскаго дѣлопроизводства въ Японіи, и здѣсь, однако, закономъ установлено право интерпелляціи или запросовъ со стороны членовъ палаты правительству по поводу различныхъ недостатковъ или нарушеній въ области государственнаго управленія; и одинъ изъ министровъ обязанъ или немедленно отвѣтить на запросъ, или же назначить время для такого отвѣта. Такая интерпелляція министру должна быть подписана не менѣе, какъ тридцатью членами. Если же министръ не отвѣчаетъ на запросъ, то въ такомъ случаѣ каждый членъ палаты получаетъ право продолжать эти запросы правительству лично отъ себя столько времени, сколько онъ этого пожелаетъ.

Таковы особенно важныя для насъ постановленія японской конституціи. Нельзя не видѣть, что они чрезвычайно усиливаютъ власть правительства по отношенію къ парламенту, съ одной стороны, и преобладаніе состоятельныхъ классовъ населенія надъ широкими народными массами—съ другой. Японія въ виду этого является менѣе всего парламентарнымъ государствомъ, но только—государствомъ конституціоннымъ. Министры юридически совершенно безотвѣтственны передъ народнымъ представительствомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и независимы отъ общественнаго мнѣнія страны. Подобно министрамъ Германіи и Пруссіи, они являются слугами монарха, а не народа, и въ случаѣ кон-

фликта съ парламентомъ и нарушенія конституціи ничѣмъ не рискуютъ, кромѣ безплодныхъ интерпелляцій. Не менѣе устойчиво они себя чувствуютъ по отношенію къ парламенту въ финансовыхъ и военныхъ вопросахъ; лишенныя бюджетнаго права, палаты не могутъ здѣсь прибѣгнуть къ тому могучему орудію парламентской власти, который создалъ изъ Англіи не только правовое, но и парламентарное государство. Даже самому преступному правительству, даже самымъ безчестнымъ и неразумнымъ министрамъ японскій парламентъ не можетъ отказать ни въ одной копѣйкѣ народныхъ денегъ, ни въ одномъ солдатѣ, развѣ только императоръ поддерживаетъ министровъ или прибѣгаетъ къ помощи 67-го параграфа конституціи. Роль японскаго парламента въ виду этого въ высшей степени ограничена. Это скорѣе органъ гласной критики и теоретическихъ разсужденій, чѣмъ парламентъ, могущій принять на себя часть отвѣтственности за благосостояніе и прогрессивное развитіе страны. Къ счастью для Японіи, до сихъ поръ ея правительство не измѣняло своему либеральному направленію и не расходилось съ представительствомъ прогрессивнаго японскаго бюргерства и дворянства. Но, спрашивается, что будетъ тогда, когда этотъ конфликтъ произойдетъ, какую роль сыграетъ тогда народное представительство, обладающее правомъ самой широкой критики, но лишенное какого бы то ни было вліянія на фактическое положеніе дѣлъ, къ какимъ мѣрамъ прибѣгнетъ тогда представленный въ палатахъ народъ, лишенный права уменьшить хоть на одного солдата составъ арміи, хоть на пару іенъ народныя тягости и не смѣющій заикнуться объ измѣненіи конституціи, которая обезпечиваетъ и юридическую, и политическую безотвѣтственность правителей страны. Не надо забывать, что тамъ, гдѣ нѣтъ законнаго пути къ обезпеченію народныхъ интересовъ, тамъ ихъ замѣняютъ средства насильственнаго переворота и кровавыхъ междоусобій. Мы не желаемъ Японіи тѣхъ внутреннихъ потрясеній, которыя порождаются полнымъ отсутствіемъ народныхъ правъ при реакціонномъ господствѣ своекорыстнаго и произвольнаго правительства. Ея правительство дѣйствовало до сихъ поръ въ согласіи со своимъ народомъ, но въ японской конституціи безспорно скрываются недостатки, которые тяжело могутъ отразиться на всей жизни страны въ недалекомъ будущемъ.

Не меньшимъ недостаткомъ японской конституціи является аграрно-дворянскій и буржуазный составъ ея верхней палаты и классовой характеръ избирательнаго ценза. И если Пруссія при подобныхъ же условіяхъ еще можетъ кое какъ держаться, благодаря дѣйствію всеобщаго избирательнаго права германской имперіи, то Японіи уже очень скоро придется считаться съ могучимъ развитіемъ индустріальной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ все съ большимъ обостреніемъ классовыхъ противоположностей и со-

ціальной борьбы. Въ настоящее время въ Японіи еще слишкомъ мало сознательнаго пролетаріата для того, чтобы вести съ успѣхомъ борьбу за лучшія условія труда и повышеніе заработной платы. Однако, уже теперь армія труда въ Японіи все болѣе и болѣе возрастаетъ, и въ концѣ 1900 года, по оффиціальному отчету министерства земледѣлія и торговли, въ заводскихъ помѣщеніяхъ съ механическими двигателями было занято не менѣе 280,000 рабочихъ (изъ ихъ числа мужчинъ было 98,000, а женщинъ—182,000). Въ промышленныхъ заведеніяхъ безъ механическихъ двигателей работали 670,000 человѣкъ (изъ нихъ 137,000 мужчинъ и 253,000 женщинъ). Итого вмѣстѣ 950,000 человѣкъ. Въ настоящее время число это, безъ всякаго сомнѣнія, далеко переросло одинъ милліонъ. Это уже довольно значительная масса рабочихъ и вполнѣ естественная основа для политическаго движенія въ пользу государственной защиты труда; и это тѣмъ болѣе необходимо, что условія труда въ Японіи, какъ и вообще во всѣхъ странахъ съ только еще возникающей капиталистической индустріей, поражаютъ своимъ безчеловѣчнымъ эксплуататорскимъ характеромъ. Размѣры эксплуатаціи женскаго труда уже довольно ярко характеризуются вышеприведенными цифрами. Остается еще добавить нѣкоторыя данныя объ эксплуатаціи японскихъ дѣтей. Въ мастерскихъ съ механическими двигателями, по оффиціальнымъ даннымъ, въ 1900 году было занято дѣтей до четырнадцатилѣтняго возраста: мальчиковъ 3,681 и дѣвочекъ—21,638. Итого 25,319 дѣтей. Это число нѣсколько уменьшается, если мы обратимся къ промышленнымъ заведеніямъ безъ механическихъ двигателей. Здѣсь было занято мальчиковъ 4,137, а дѣвочекъ—11,994. Еще болѣе печальнымъ представится положеніе трудящихся дѣтей, если мы отмѣтимъ, что въ текстильной индустріи большинство работающихъ женщинъ находится въ возрастѣ отъ 14 до 20 лѣтъ, при чемъ встрѣчаются и двѣнадцатилѣтнія работницы. Въ машинной индустріи работаютъ мальчики 15 и 16 лѣтъ; въ стеклянномъ производствѣ встрѣчаются десятилѣтнія дѣти; на бумажныхъ и табачныхъ фабрикахъ работаютъ дѣти, начиная съ девятилѣтняго возраста. Объ условіяхъ труда нечего и говорить. Фабричнаго законодательства въ Японіи еще не существуетъ, не смотря на старанія такихъ людей, какъ баронъ Канеко Кентаро, Шимада, Сакума, Мацумура, Кентаро-Охи и другіе. Рабочее время также ничѣмъ не ограничено. Встрѣчаются въ силу этого 16-ти и 17-ти часовой рабочій день. На хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ и дневная, и ночная смѣны работаютъ одинаково по 12 часовъ, на прядильняхъ обыченъ 13-ти и 14-ти часовой рабочій день; на ручныхъ прядильняхъ работаютъ по 12, 15, 16 и 17 часовъ въ сутки. Заработная плата до крайности мала; на хлопчато-бумажныхъ прядильняхъ и ткацкихъ фабрикахъ взрослый рабочій зарабатываетъ въ среднемъ 30 копѣекъ, а женщины всего—

20 копѣекъ; на машиностроительныхъ фабрикахъ заработокъ взрослаго рабочаго доходитъ до 50 и 62 копѣекъ; на спичечныхъ фабрикахъ обычныя работницы получаютъ отъ 12 до 20 копѣекъ въ день, тогда какъ маленькія дѣвочки удовлетворяются дневной платой отъ 4—5 копѣекъ. Этотъ размѣръ заработной платы распространяется и на горнорабочихъ, взрослые рабочіе получаютъ не больше 50 копѣекъ, при чемъ мальчики и дѣвочки отъ 15 до 18 копѣекъ. Заработокъ рабочихъ ухудшается еще тѣмъ что громадное число ихъ находится на полномъ иждивеніи хозяина; получаетъ отъ него въ счетъ заработной платы квартиру и покупаетъ все нужное въ хозяйской же лавочкѣ.

Такое положеніе японскаго рабочаго не могло не вызвать соціальнаго и политическаго движенія сознательнаго пролетаріата. Катаямо — одинъ изъ выдающихся представителей японскаго соціализма — слѣдующими чертами рисуетъ исторію молодого рабочаго движенія на своей родинѣ: въ 1897 году впервые объединились въ корпоративномъ устройствѣ желѣзнодорожники и книгопечатники, въ томъ же году состоялось первое публичное собраніе по рабочему вопросу, было основано общество для содѣйствія рабочимъ организаціямъ и, наконецъ, послѣ открытія желѣзнодорожнаго союза, была открыта газета подъ названіемъ „Рабочій міръ“. Въ 1878 г. мы уже встрѣчаемся съ большой стачкой машинистовъ на желѣзной дорогѣ общества Ниппонъ, съ основаніемъ депозитнаго банка для рабочихъ и съ попытками провести фабричный законъ черезъ министерство торговли, промышленности и земледѣлія. Въ 1899 г очень оживилась дѣятельность книгопечатниковъ съ основаніемъ ихъ союза и состоялась стачка машинистовъ компаніи „Кіу-шіу“. Въ 1900 г. впервые появились полицейскія запрещенія, относящіяся къ рабочимъ, а въ то же время былъ организованъ рядъ промышленныхъ союзовъ и создана лига кондукторовъ въ Токіо.

1901 г. былъ ознаменованъ основаніемъ соціалъ-демократической японской партіи подъ названіемъ Шаквай-Минщуто, которая сначала была запрещена правительствомъ, но затѣмъ ея организаторы были оправданы судомъ. Въ этомъ году замѣчательны стачки кочегаровъ, собраніе же машинистовъ было полиціей распущено. Въ 1900—1902 г. окончательно образовалась рабочая лига, вспыхнули стачки на морскихъ верфяхъ и арсеналахъ, а правительство объявило, что публичныя рѣчи о положеніи труда оно приравниваетъ къ политическимъ рѣчамъ.

Такъ началась въ Японіи соціальная борьба между трудомъ и капиталомъ. Прошедшая всѣ стадіи европейскаго хозяйственнаго развитія, Японія, какъ очевидно, стремится въ настоящее время къ той эпохѣ, которая можетъ быть названа капиталистической. Черезъ гильдіи и цехи средневѣковья, черезъ привилегированныя „искусства“ и ремесла эпохи полицейской опеки, черезъ

меркантилизмъ шогуната и систему свободной торговли новой имперіи пришла страна и здѣсь къ новымъ временамъ и новымъ формамъ. Родовая уджи, феодальная ко, полицейско-обязанная мура уступили свое мѣсто отдѣльному свободному индивиду, и хотя остатки прежняго еще очень крѣпки въ странѣ Восходящаго Солнца, однако, цѣлый рядъ симптомовъ указываетъ на то, что страна переживаетъ родъ хозяйственнаго перелома и впервые въ исторіи встрѣчается съ тѣмъ соціальнымъ вопросомъ, который является законнымъ дѣтищемъ индивидуалистическаго капитализма. Правда, еще до настоящаго времени жизнь въ Японіи до крайности дешева, а несложныя потребности народныхъ массъ удовлетворяются безъ особенныхъ затрудненій. Еще и теперь бездѣтные богачи усыновляютъ тысячами равнородныхъ бѣдняковъ и дѣлаютъ ихъ наслѣдниками своего состоянія. Честь, а не корысть и нынѣ еще является главнымъ двигателемъ руководящихъ круговъ, а торгово-промышленное сословіе, испорченное вѣками опеки и дворянскаго высокомѣрія, не играетъ еще значительной роли въ государствѣ. Положеніе прислуги, а частью и наложницъ, въ Японіи еще не показало всѣхъ своихъ мрачныхъ сторонъ и патріархальныя черты много скрадываютъ здѣсь отношенія высшихъ и низшихъ классовъ. Но, съ другой стороны, не надо забывать, что каждая дымовая труба фабричнаго зданія несетъ съ собою новый экономическій факторъ, который тѣмъ хуже отражается на населеніи, чѣмъ дольше отжившія отношенія скрываютъ подъ собою новое соціальное содержаніе. Не изъ пустого обезьянства возникла въ Японіи рабочая соціалъ-демократическая партія и недаромъ подымаются теперь многочисленныя жалобы на положеніе рабочихъ и работницъ на фабрикахъ.

Жизнь становится все дороже. Населеніе возрастаетъ съ чрезвычайною быстротой. Свобода отчужденія поземельныхъ имуществъ внесла разложеніе въ основы стараго аграрнаго строя и выбросила въ города массы японскаго пролетарія. И новоявленный японскій капиталистъ оказывается ничѣмъ не лучше своего европейскаго собрата.

Пользуясь отсутствіемъ рабочаго законодательства, предприниматели даютъ полный просторъ своимъ пріобрѣтательскимъ инстинктамъ. И если положеніе рабочаго можетъ быть приравнено скорѣе къ положенію раба, чѣмъ свободнаго человѣка, то участь молодыхъ дѣвушекъ, поступающихъ „ученицами“ на пятилѣтній срокъ на фабрики, положительно ужасна. За 5 лѣтъ имъ полагается отъ 10 до 15 іенъ вознагражденія или, другими словами, по 2—3 іены за годъ труда! Вполнѣ естественно послѣ этого, что бѣдныя дѣвушки идутъ въ веселые дома, поступаютъ на содержаніе или въ прислуги къ состоятельнымъ господамъ, предпочитаютъ положеніе мусме положенію честной и свободной работницы. Какъ справедливо замѣчаетъ Брезницъ фонъ Зыдаковъ,

такое положеніе вещей не можетъ долго длиться въ Японіи: и страна, которая такъ много сдѣлала за послѣднее время на поприщѣ цивилизаціи и культуры, не оставитъ безъ удовлетворяющаго рабочихъ рѣшенія и этотъ важный вопросъ современности.

Мы вполнѣ въ этомъ согласны съ г Брезницъ: страна, которая съ такою энергіей и послѣдовательностью устранила у себя всѣ проявленія феодальнаго строя, не можетъ допустить, чтобы на мѣсто прежнихъ феодаловъ родились новые и использовали въ своихъ интересахъ юную мощь возрожденной къ новой жизни націи; лишенная соціальныхъ и религіозныхъ предразсудковъ, патріотическая интеллигенція въ союзѣ съ рабочими должна стать въ Японіи тѣмъ буферомъ, о который разобьются рѣзкія классовыя различія капиталистическаго строя. Дѣло патріотическаго общества не дать имъ развиться до полнаго раздвоенія страны на два враждебныхъ лагеря; мы убѣждены, что идеи коллективизма и соціализма, сыгравшія такую важную роль въ старой исторіи Японіи, явятся базисомъ, на которомъ совершится будущая организація хозяйственной жизни страны

Но такому необходимому соціальному прогрессу страны стоитъ на дорогѣ именно тотъ классовой и цензовой характеръ японскаго представительства, который мы уже отмѣтили выше. Пролетаріатъ лишенъ здѣсь права выборовъ. Однако же, совершенно очевидно, что безъ его представительства въ палатахъ немыслима никакая дѣйствительная соціальная реформа. Одной радикальной интеллигенціи не преодолѣть сопротивленія своекорыстнаго капитала. И г. Катояма, къ сожалѣнію, уже отмѣчаетъ въ своей статьѣ симптомы политической борьбы буржуазіи противъ рабочихъ, мѣры полицейскаго преслѣдованія ихъ союзовъ и соединеній, факты эксплуатаціи капиталистами своего вліянія на высшія правительственныя сферы...

Все это выдвигаетъ реформу представительства, какъ настоятельную потребность страны.

Реусъ.

Крестьянскій вопросъ.

(По поводу новаго его превращенія).

— Удивительное дѣло! — говорилъ недавно одному акціонерному дѣятелю видный чиновникъ, хорошо знакомый съ дѣлопроизводствомъ особаго совѣщанія о нуждахъ сельско хозяйственной промышленности. — Пока былъ живъ В. К. Плеве, всѣ записки, поступавшія въ совѣщаніе, имѣли одинъ и тотъ же характеръ. Всѣ рекомендовали усилить власть администраціи и расширить

сферу опеки ея надъ населеніемъ. Теперь—совсѣмъ иное дѣло. Даже чиновники—и тѣ непремѣнно о довѣріи къ общественнымъ учрежденіямъ пишутъ...

На самомъ дѣлѣ ничего удивительнаго въ этомъ, конечно, нѣтъ. Чиновникъ по самому существу своему есть органъ зависимый и провиденціальное назначеніе его состоитъ въ томъ, чтобы выполнять чужую волю. При правовомъ порядкѣ такою волею для него является законъ, при бюрократическомъ режимѣ—властное усмотрѣніе. Послѣднее не всегда, однако, отливается въ форму яснаго и категорическаго приказа. Чтобы уловить волю начальства, чиновникъ долженъ прислушиваться къ каждому намеку, присматриваться къ каждому жесту. Вся карьера его нерѣдко зависитъ отъ умѣнья угадать невысказанныя и даже, быть можетъ, несознанныя, но властныя въ данную минуту мнѣнія и желанія. Отсюда проистекаетъ та чуткость, какую проявляютъ наши канцеляріи къ „вѣяніямъ". Съ особою силою эта чуткость сказывается, конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда канцеляріямъ приходится проявлять иниціативу и писать проекты. Не потребности населенія и даже не собственное убѣжденіе водятъ въ такихъ случаяхъ рукою составителя проекта. Чтобы отличиться и даже просто для того, чтобы работа не пропала даромъ, онъ долженъ не только считаться, но и всецѣло сообразоваться съ господствующими въ данный моментъ теченіями. Само собою понятно, что и добровольцы, мечтающіе осчастливить себя или Россію при посредствѣ подаваемыхъ въ канцеляріи записокъ, строятъ всѣ свои надежды на тѣхъ же „вѣяніяхъ". Отъ послѣднихъ всецѣло зависитъ, какіе звуки проникаютъ сквозь канцелярскія стѣны и чьи однотонные и нерѣдко фальшивые голоса замѣняютъ для сидящихъ въ этихъ канцеляріяхъ чиновниковъ шумный и многозвучный говоръ жизни.

Было бы, можетъ быть, очень интересно пересмотрѣть съ этой точки зрѣнія всѣ матеріалы особаго совѣщанія, или даже хотя бы только опубликованныя во всеобщее свѣдѣніе. Мы, конечно, нашли бы въ нихъ слѣды и памятной всѣмъ зимы, и только что пережитой оттепели, и даже вновь начавшихся заморозковъ. Мы наглядно убѣдились бы, что политическая погода играетъ важную роль не только въ дѣятельности петербургскаго дворника, но и въ работахъ высшаго государственнаго учрежденія... Предоставимъ, однако, сдѣлать это будущему историку русской бюрократіи. Изъ всѣхъ матеріаловъ, поступившихъ непосредственно въ особое совѣщаніе, я имѣю возможность остановиться сейчасъ лишь на одномъ документѣ.

Я имѣю въ виду только что опубликованную „Записку по крестьянскому дѣлу" г. предсѣдателя особаго совѣщанія. Слухи объ этой запискѣ ходили уже раньше. Въ частныхъ бесѣдахъ С. Ю. Витте не скрывалъ, что онъ придаетъ ей очень важное

значеніе. Произведенное „запиской“ впечатлѣніе оказалось, повидимому, слабѣе, нежели разсчитывалъ ея авторъ, но и за всѣмъ тѣмъ она, несомнѣнно, является однимъ изъ самыхъ важныхъ документовъ, какіе за три года были внесены въ особое совѣщаніе. Со свойственнымъ ему талантомъ, С. Ю. Витте ставитъ въ ней основные вопросы крестьянскаго дѣла и даетъ достаточно опредѣленные на нихъ отвѣты. Къ существу этихъ отвѣтовъ, затрогивающихъ самые серьезные интересы многомилліонныхъ массъ крестьянства, я постараюсь вернуться въ слѣдующихъ книгахъ журнала. Сейчасъ же мнѣ хотѣлось бы остановиться на нѣкоторыхъ формальныхъ моментахъ, связанныхъ съ появленіемъ записки С. Ю. Витте.

I.

Три года тому назадъ почти одновременно были опубликованы два высочайшихъ акта. 14 января 1902 г. высочайшее повелѣно было министру внутреннихъ дѣлъ подвергнуть пересмотру законодательство о крестьянахъ въ цѣляхъ согласованія его „съ дѣйствительными потребностями жизни въ сельскихъ мѣстностяхъ и пользами государства“. Высочайшимъ повелѣніемъ 23 января того же года было учреждено особое совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ С. Ю. Витте (тогда министра финансовъ) въ цѣляхъ „выясненія нуждъ сельско-хозяйственной промышленности и связанныхъ съ нею отраслей народнаго труда“. Давно выяснившіяся и успѣвшія донельзя обострится нужды деревни были, наконецъ, поставлены, такимъ образомъ, на очередь, но крестьянскій и сельско-хозяйственный вопросы были при этомъ расчленены и разработка ихъ была поручена разнымъ, независимымъ другъ отъ друга, учрежденіямъ. Общественной мысли, привыкшей до извѣстной степени отождествлять сельско-хозяйственный вопросъ съ крестьянскимъ, трудно было примириться съ такимъ расчлененіемъ, и многие тогда уже предусматривали возможность очень серьезныхъ отъ этого неудобствъ.

Разница во взглядахъ двухъ вѣдомствъ, если не на существо, то на методы разрѣшенія переданныхъ имъ вопросовъ, обнаружилась очень скоро. Порученный особому совѣщанію вопросъ, хотя и не въ полномъ, какъ теперь оказывается, объемѣ, почти сразу былъ вынесенъ на широкую арену. Къ участію, къ обсужденію его были привлечены спеціально учрежденные для этого губернскіе и уѣздные сельско-хозяйственные комитеты, въ которыхъ приняли участие до 11.000 лицъ, принадлежащихъ къ „служилой и земской Россіи“. Почти весь 1902 годъ и большая часть 1903 года ушли на работу въ мѣстныхъ комитетахъ. 1904 годъ былъ употребленъ на сводку ихъ обширныхъ трудовъ, и только теперь, когда сводка по многимъ вопросамъ закончена,

особое совѣщаніе получаетъ возможность приступить къ систематической работѣ, опираясь на данныя произведенной имъ широкой анкеты.

Совершенно иначе шла работа въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Переданный на его разработку вопросъ довольно долго оставался безъ движенія и только при новомъ министрѣ, а именно въ іюнѣ 1902 года, была образована, подъ предсѣдательствомъ товарища министра г. Стишинскаго, редакціонная (какъ потомъ она назвала себя) коммиссія по пересмотру законодательства о крестьянахъ. Занятія этой коммиссіи продолжались до октября 1903 года. За это время въ кабинетной тиши и за плотно закрытыми дверями министерской канцеляріи были не только разрѣшены всѣ принципіальные вопросы крестьянскаго законодательства, но и выработанъ детальный законопроектъ, опубликованный затѣмъ въ пяти томахъ „Трудовъ редакціонной коммиссіи". Только послѣ этого, высочайшимъ указомъ отъ 8 января 1904 года правительствующему сенату, труды коммиссіи были переданы на разсмотрѣніе губернскихъ совѣщаній. Такимъ образомъ, хотя „крестьянскій" вопросъ, подобно „сельско-хозяйственному", и поступилъ на обсужденіе мѣстныхъ людей, но въ видѣ законченнаго уже законопроекта, при чемъ предѣлы критики, какая допускалась со стороны губернскихъ совѣщаній, были заранѣе указаны свыше. Число лицъ, привлеченныхъ къ обсужденію крестьянскаго вопроса, было ограничено сравнительно тѣснымъ кругомъ, при чемъ „служилому" элементу въ совѣщаніяхъ дано было рѣшительное преобладаніе надъ „земскимъ".

Смерть В. К. Плеве, подъ общимъ руководствомъ котораго работала коммиссія тайнаго совѣтника Стишинскаго, произошла какъ разъ въ то время, когда выработанный коммиссіею законопроектъ находился на разсмотрѣніи мѣстныхъ совѣщаній. Назначеніе кн. Святополкъ-Мирскаго министромъ внутреннихъ дѣлъ давало право надѣяться, что труды редакціонной коммиссіи, основанные на явномъ недовѣріи къ населенію и къ общественнымъ учрежденіямъ, сами собою сойдутъ со сцены. Высказанныя на этотъ счетъ нѣкоторыми газетами предположенія и появившіеся въ печати слухи о томъ, что губернскія совѣщанія будутъ упразднены или, по крайней мѣрѣ, реорганизованы, вызвали рѣзкій отпоръ и категорическія опроверженія на столбцахъ реакціонной прессы. „Мы можемъ сообщить изъ вполнѣ достовѣрнаго источника—писали „Московскія Вѣдомости",—что *всѣ эти сообщенія лишены всякаго основанія* и разсчитаны только на то, чтобы снова внести смуту въ умы людей.. Ни о какой пріостановкѣ работъ нѣтъ рѣчи, и пересмотръ законоположеній будетъ вестись въ томъ же направленіи..." Никакихъ оффиціальныхъ заявленій на этотъ счетъ сдѣлано, однако, не было, если не считать состоявшейся въ концѣ сентября и, вѣроятно, предположен-

ной за много времени раньше передачи проекта опекунскаго устава въ той части его, которая касается крестьянства, на разсмотрѣніе губернскихъ совѣщаній.

Создалось, такимъ образомъ, столь характерное для послѣднихъ мѣсяцевъ неопредѣленное положеніе—„положеніе на Шахе“, какъ стали называть его въ обывательскихъ разговорахъ. Логика, опиравшаяся на слова, не совпадала съ логикой, искавшей опоры въ фактахъ. То, что, казалось бы, умерло, оставалось непохороненнымъ—и этотъ непохороненный покойникъ каждую минуту могъ воскреснуть. Какъ бы то ни было, губернскія совѣщанія, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, возобновили свои работы, хотя и безъ увѣренности, можетъ быть, въ томъ, что они занимаются достаточно серьезнымъ дѣломъ.

Появленіе при такихъ обстоятельствахъ „Записки по крестьянскому дѣлу“ предсѣдателя особаго совѣщанія не устранило этой неопредѣленности и породило новыя недоумѣнія. Оказывается прежде всего, что хотя „крестьянскій“ вопросъ въ 1902 году и былъ выдѣленъ изъ „сельско-хозяйственнаго“, однако вслѣдъ затѣмъ, почти немедленно же, онъ былъ включенъ въ программу особаго совѣщанія. „Во исполненіе высочайше утвержденной общей программы его занятій (пп. 30 и 31), — читаемъ мы теперь въ запискѣ С. Ю. Витте,—особое совѣщаніе обязано было войти въ обсужденіе тѣхъ препятствій успѣшному развитію сельскаго хозяйства, которыя замѣчаются въ условіяхъ крестьянскаго землепользованія и правопорядка“. Эта „общая“ программа, о которой упоминаетъ въ данномъ случаѣ г. Витте и которою руководится особое совѣщаніе, какъ извѣстно, не была и до сихъ поръ остается не опубликованной. „Частная же программа, сообщенная мѣстнымъ комитетамъ, совершенно не касалась крестьянскаго вопроса“. Такимъ образомъ, этотъ вопросъ былъ включенъ въ программу особаго совѣщанія какъ бы конфиденціально и во всякомъ случаѣ безъ оповѣщенія о томъ не только широкихъ слоевъ населенія, но и тѣхъ мѣстныхъ дѣятелей, которые были призваны въ сельско-хозяйственные комитеты, чтобы высказаться по общему вопросу о нуждахъ сельско - хозяйственной промышленности. Трудно понять, чѣмъ было обусловлено это умолчаніе. Во всякомъ случаѣ, оно сопровождалось крайне характерными послѣдствіями. Къ этимъ послѣднимъ я вернусь ниже. Сейчасъ для меня важно лишь констатировать, что разработка крестьянскаго вопроса съ самаго начала была поручена двумъ учрежденіямъ, занятія которыхъ не были, однако, координированы между собою. Правда, въ составъ особаго совѣщанія въ качествѣ непремѣннаго члена входилъ и входитъ министръ внутреннихъ дѣлъ. Но это не помѣшало послѣднему въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса пойти совершенно инымъ путемъ и инымъ темпомъ, чѣмъ какими шло и идетъ особое совѣщаніе.

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, какъ мы видѣли, давно уже не только рѣшены всѣ принципіальные вопросы крестьянскаго законодательства, но и выработанъ подробный законопроектъ. Дѣло только за частными поправками, какія позволено внести въ него мѣстнымъ людямъ, приглашеннымъ въ губернскія совѣщанія. Работа, порученная министерству внутреннихъ дѣлъ, близка такимъ образомъ ужъ къ окончанію.

Въ это же время особое совѣщаніе только еще приступаетъ къ обсужденію крестьянскаго дѣла, и С. Ю. Витте въ своей запискѣ только еще ставитъ его „принципіальные вопросы". Само собой понятно, что отъ того или иного рѣшенія этихъ вопросовъ зависитъ и характеръ законопроекта, какой будетъ выработанъ. Разсуждая даже a priori, не трудно предвидѣть, что онъ можетъ значительно разойтись съ тѣмъ, какой былъ составленъ подъ руководствомъ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ. Имѣя передъ собою записку предсѣдателя особаго совѣщанія, мы можемъ говорить объ этомъ съ полною увѣренностью.

Правда, и В. К. Плеве въ своемъ законопроектѣ, и С. Ю. Витте въ своей запискѣ основываются на однихъ и тѣхъ же высочайшихъ актахъ, но они приходятъ къ совершенно противоположнымъ заключеніямъ.

Высочайшимъ повелѣніемъ 14 января 1902 г. было повелѣно, чтобы пересмотръ узаконеній о крестьянахъ „совершался на почвѣ основныхъ началъ положеній 19 февраля 1861 г. и представлялъ собою дальнѣйшее ихъ развитіе". „Обратившись къ ближайшему опредѣленію тѣхъ, заключающихся въ положеніяхъ 19 февраля 1861 года постановленій, которыя надлежитъ признать главными, одухотворяющими весь этотъ законодательный актъ началами", коммиссія тайнаго совѣтника Стишинскаго нашла, что таковыми должны быть признаны „обособленность крестьянскаго сословія" и „особливый порядокъ управленія крестьянами". Составленный ею проектъ, какъ основанный „на почвѣ главныхъ началъ преобразованій 1861 года" и согласный съ высочайшими предначертаніями, 8 января 1904 года и былъ переданъ на заключеніе губернскихъ совѣщаній.

Въ настоящее время С. Ю. Витте, основываясь на тѣхъ же преобразованіяхъ, приходитъ въ своей запискѣ къ совершенно иному выводу: „неизмѣнное сохраненіе сословной обособленности сельскаго суда и управленія, а тѣмъ болѣе ея расширеніе,—говоритъ онъ,—не только не допускалось составителями положенія, но они прямо указывали, что организація эта должна быть замѣнена единообразнымъ управленіемъ". Въ виду этого предсѣдатель особаго совѣщанія полагаетъ, что „конечною цѣлью работъ по пересмотру законодательства о крестьянахъ должно быть устраненіе обособленности ихъ отъ прочихъ сословій". „Работа,—говоритъ онъ далѣе, — которая имѣла бы въ виду иную цѣль,

а именно развитіе сословной обособленности крестьянъ,—которая расширяла бы, напримѣръ, компетенцію чисто сословнаго суда и управленія и стремилась бы нормировать частно-правовыя отношенія крестьянъ и уголовную ихъ отвѣтственность въ иномъ порядкѣ, инымъ положительнымъ правомъ, чѣмъ существующее для прочихъ сословій, — всякая такая работа, по моему убѣжденію, не отвѣчала бы дѣйствительнымъ нуждамъ страны, указаннымъ мѣстными комитетами, противорѣчила бы основнымъ началамъ той освободительной реформы, которая устранила наиболѣе серьезныя правовыя отличія крестьянъ отъ прочихъ сословій, и тѣмъ самымъ оказалась бы несогласованной съ предуказаніями Его Императорскаго Величества".

Такимъ образомъ, два вѣдомства, при одной и той же исходной точкѣ, разошлись не только въ методахъ выполненія порученной имъ работы, но и въ тѣхъ конечныхъ цѣляхъ, къ которымъ каждое изъ нихъ стремилось.

Не станемъ говорить о томъ, что этотъ фактъ совершенно несогласованной работы и эта возможность появленія двухъ одинаково авторитетныхъ и въ то же время противорѣчивыхъ „правительственныхъ" законопроектовъ указываютъ на очень серьезные недостатки въ законодательномъ механизмѣ. Не касаясь этого общаго вопроса и оставаясь въ предѣлахъ намѣченной темы, мы не только имѣемъ право, но и обязаны спросить себя, какой же изъ этихъ двухъ проектовъ получитъ въ концѣ концовъ силу закона? воскреснетъ ли — я позволю себѣ повторить допущенное уже мною образное выраженіе—не погребенный мертвецъ или выростетъ только еще зачатый младенецъ? Какое же изъ двухъ имѣющихся въ правительствѣ теченій, какое изъ двухъ „вѣяній" одержитъ въ концѣ концовъ побѣду?

II.

Высочайшій указъ 12 декабря 1904 г. „о предначертаніяхъ къ усовершенствованію государственнаго порядка" заключаетъ въ себѣ извѣстный отвѣтъ на этотъ вопросъ. „Во главѣ заботъ Нашихъ поставляя мысль о наилучшемъ устройствѣ быта многочисленнѣйшаго у насъ крестьянскаго сословія, Мы усматриваемъ,— говорится въ этомъ указѣ,—что, согласно Нашимъ предуказаніямъ, дѣло это уже подвергается обсужденію: на ряду съ подробнымъ, на мѣстахъ, разсмотрѣніемъ первоначальныхъ предположеній министерства внутреннихъ дѣлъ, нынѣ въ особомъ, изъ опытнѣйшихъ лицъ высшаго управленія, совѣщаніи изучаются важнѣйшіе вопросы устроенія крестьянской жизни на основаніи свѣдѣній и отзывовъ, заявленныхъ при изслѣдованіи въ мѣстныхъ комитетахъ общихъ нуждъ сельско-хозяйственной промышленно-

сти. Мы повелѣваемъ, чтобы работы эти привели законы о крестьянахъ къ объединенію съ общимъ законодательствомъ Имперіи, облегчивъ задачу прочнаго обезпеченія пользованія лицами этого сословія признаннымъ за ними Царемъ-Освободителемъ положеніемъ „полноправныхъ, свободныхъ сельскихъ обывателей".

Изъ этого видно, что въ основу „усовершенствованія государственнаго порядка", поскольку онъ касается крестьянъ, предначертано положить *объ* уже начатыя работы по этому вопросу. Предполагается, очевидно, возможнымъ найти компромиссъ между „первоначальными предположеніями министерства внутреннихъ дѣлъ" и результатами „изученія важнѣйшихъ вопросовъ устроенія крестьянской жизни" въ особомъ совѣщаніи. Въ дѣйствительности такой компромиссъ едва ли окажется возможнымъ. Во всякомъ случаѣ прежде, чѣмъ удастся согласовать радикально противоположные проекты и „примирить непримиримое" въ нихъ, неизбѣжна упорная борьба между выдвинувшими ихъ основными теченіями. Предусмотрѣть въ настоящее время, каковъ будетъ исходъ этой борьбы, въ особенности, если она будетъ ограничена стѣнами бюрократическихъ учрежденій, очень трудно. Во всякомъ случаѣ въ данный моментъ положеніе остается въ высшей степени неопредѣленнымъ.

Правда, въ высочайшемъ указѣ отъ 12 декабря упоминается объ „объединеніи" законовъ о крестьянахъ съ общимъ законодательствомъ Имперіи и объ укрѣпленіи за крестьянами предоставленнаго имъ Царемъ Освободителемъ положенія „полноправныхъ, свободныхъ сельскихъ обывателей". Этимъ заранѣе какъ бы отдается предпочтеніе тому изъ двухъ теченій, которое приближается къ свободѣ и равноправности, а не удаляется отъ нихъ, но мы только что видѣли, какимъ разнообразнымъ и даже противорѣчивымъ интерпретаціямъ подвергаются въ бюрократическихъ учрежденіяхъ одни и тѣ же предначертанія и какъ различно истолковываются освободительные акты Александра II. Нѣсколько большее значеніе, казалось бы, имѣетъ въ данномъ случаѣ то обстоятельство, что „установить самый порядокъ для обсужденія способовъ наиболѣе быстраго и полнаго осуществленія" предположенныхъ преобразованій поручено комитету министровъ, предсѣдателемъ котораго въ настоящее время состоитъ авторъ „Записки по крестьянскому дѣлу", внесенной въ особое совѣщаніе. Можно, конечно, думать, что, являясь руководителемъ въ занятіяхъ того и другого учрежденія, С. Ю. Витте сумѣетъ установить такой „порядокъ" дальнѣйшаго хода работъ по пересмотру законодательства о крестьянахъ, который обезпечитъ болѣе или менѣе полное торжество проводимыхъ имъ въ его запискѣ на этотъ предметъ взглядовъ. Такіе разсчеты, конечно, возможны, но и ихъ, какъ я думаю, нельзя считать достаточно обезпеченными.

Я не стану говорить о томъ, что роль предсѣдателя въ каждомъ коллегіальномъ учрежденіи ограничена сравнительно тѣсными предѣлами. Достаточно сказать, что въ комитетѣ министровъ принимаютъ участіе до 50 государственныхъ сановниковъ, среди которыхъ не мало, конечно, найдется принципіальныхъ сторонниковъ „первоначальныхъ предположеній министерства внутреннихъ дѣлъ". Въ особомъ совѣщаніи основныя положенія записки предсѣдателя уже вызвали возраженія. „Обмѣнъ мнѣній членовъ перваго засѣданія (8 декабря) съ очевидностью показалъ,—по словамъ „Руси",—что проектъ-записка С. Ю. не можетъ быть осуществленъ въ томъ объемѣ, въ какомъ предлагалъ его авторъ. Нѣкоторые члены въ слѣдующихъ засѣданіяхъ внесутъ контръ-записку, въ которой будутъ предложены нѣкоторыя измѣненія".

Не стану я говорить и о томъ, какъ трудно и рискованно разсчеты на тѣ или иныя преобразованія въ государственномъ строѣ связывать всецѣло съ личностью того или иного государственнаго дѣятеля. Гораздо болѣе важными въ данный моментъ представляются мнѣ отношенія самого С. Ю. Витте къ основнымъ проблеммамъ нашей государственной жизни и въ частности къ крестьянскому вопросу, а эти отношенія ни въ коемъ случаѣ нельзя считать неизмѣнными.

Появленіе „Записки по крестьянскому дѣлу" именно въ данный моментъ — въ періодъ новыхъ вѣяній—представляется съ этой точки зрѣнія въ высшей степени характернымъ. „Если бы записка С. Ю. Витте,—говорятъ по этому поводу „Русскія Вѣдомости",— появилась нѣсколько мѣсяцевъ назадъ и была тогда же поставлена на обсужденіе въ особомъ совѣщаніи, это было бы безспорно крупнымъ событіемъ въ русской общественной жизни. Это значило бы, что въ правящихъ сферахъ есть достаточно силъ, чтобы дать должный отпоръ реакціоннымъ стремленіямъ, выразившимся съ такою откровенностью въ проектѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Но въ то время, къ сожалѣнію, ничего не было слышно о возраженіи со стороны вліятельныхъ круговъ противъ реакціонныхъ намѣреній редакціонной коммиссіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ т. с. Стишинскаго".

Такихъ возраженій, повидимому, и не было. Правда, въ своей запискѣ С. Ю. Витте напоминаетъ теперь, что въ рядѣ представленій комитету министровъ уже въ 1898 году и во всеподданнѣйшемъ докладѣ о государственной росписи на 1899 годъ онъ высказывалъ, что „причина, задерживающая упроченіе хозяйства нашихъ крестьянъ, кроется въ правовыхъ условіяхъ ихъ быта". Представленія г. министра финансовъ комитету министровъ, конечно, оставались и остаются неизвѣстными публикѣ. Что касается всеподданнѣйшаго доклада на 1899 годъ, то всѣ, конечно, помнятъ содержавшіяся въ немъ указанія на необходимость „проч-

наго правопорядка“ въ деревнѣ. Эти указанія были сдѣланы, однако въ столь неопредѣленной формѣ, что все время оставалось сомнѣніе, не слѣдуетъ ли подъ „прочнымъ правопорядкомъ“ разумѣть распространенія на крестьянскія имущественныя отношенія общегражданскихъ законовъ о куплѣ, продажѣ и т. д., т. е. ту часть опубликованной нынѣ въ „Запискѣ“ програмы, которая представляется наиболѣе спорной. Если въ дальнѣйшемъ употребленіи слова „прочный правопорядокъ“ получили достаточно опредѣленное и при томъ политическое содержаніе, то вѣдь это объясняется исключительно тѣмъ, что вынужденная употреблять эзоповскій языкъ печать стала пользоваться этимъ выраженіемъ вмѣсто другого термина, не всегда, однако, представлявшагося удобнымъ, а именно вмѣсто словъ „правовой порядокъ“. Какъ бы то ни было, взгляды С Ю. Витте на политическую сторону крестьянской проблеммы, — а ихъ-то я и имѣю, главнымъ образомъ, въ виду въ настоящей замѣткѣ,—оставались до послѣдняго времени большой публикѣ неизвѣстными, а для освѣдомленныхъ людей представлялись далеко не вполнѣ совпадающими и въ нѣкоторыхъ пунктахъ даже прямо противоположными тѣмъ, какіе имъ высказаны въ послѣдней запискѣ.

Возбуждая въ 1898 году лишь вопросъ „объ образованіи особаго совѣщанія для разсмотрѣнія законодательства о сельскомъ состояніи“, С. Ю Витте, конечно, могъ считать излишнимъ и преждевременнымъ болѣе подробно и опредѣленно излагать свою програму по этому вопросу. Вполнѣ благовременно сдѣлать это было лишь въ 1902 году, когда подъ его предсѣдательствомъ учреждено было особое совѣщаніе о нуждахъ сельско хозяйственной промышленности и въ програму послѣдняго включенъ былъ вопросъ о „тѣхъ препятствіяхъ успѣшному развитію сельскаго хозяйства, которыя заключаются въ условіяхъ крестьянскаго землепользованія и правопорядка“. Прошло, однако, почти три года, прежде чѣмъ особое совѣщаніе, занимавшееся все время частными вопросами, приступило къ обсужденію причины—и, какъ теперь оказывается, главной причины,—„задерживающей упроченіе хозяйства нашихъ крестьянъ“.

Можно, конечно, предположить, что предсѣдатель особаго совѣщанія все время ожидалъ заключеній мѣстныхъ людей, не желая до полученія и сводки ихъ предрѣшать принципіальные вопросы крестьянскаго дѣла. Такое предположеніе было бы, однако, явно неправильнымъ. Мы уже видѣли, что „частная програма, сообщенная мѣстнымъ комитетамъ, совершенно не касалась крестьянскаго вопроса“. Мнѣнія мѣстныхъ людей по этому вопросу, очевидно, считались излишними. Какъ бы то ни было, ждать отвѣта на вопросъ, который не былъ заданъ, по меньшей мѣрѣ было бы нецѣлесообразно. Очевидно, были какія-то другія причины, которыя препятствовали предъявленію опубликованной

нынѣ программы. Чтобы лучше уяснить эти причины, мы должны обратить вниманіе еще на нѣкоторыя особенности интересующей насъ записки.

Выше я уже упомянулъ, что умолчаніе о томъ, что крестьянскій вопросъ входитъ въ программу особаго совѣщанія, имѣло свои характерныя послѣдствія. Въ самомъ дѣлѣ, „хотя частная программа, сообщенная мѣстнымъ комитетамъ, совершенно не касалась крестьянскаго вопроса, тѣмъ не менѣе комитеты,—читаемъ мы въ запискѣ С. Ю. Витте,—вошли въ обсужденіе крестьянскаго дѣла по своему почину, признавъ, что преуспѣяніе сельскохозяйственной промышленности ближайшимъ образомъ зависитъ отъ такого улучшенія правового положенія нашего крестьянства, которое содѣйствовало бы развитію въ немъ духа хозяйственной предпріимчивости и самодѣятельности; внѣ этого, а также просвѣщенія крестьянской среды, всевозможныя мѣры въ области экономики и техники сельскаго хозяйства принесутъ, по мнѣнію комитетовъ, лишь ничтожную пользу, не оправдывающую значительныхъ затратъ, которыя потребуются съ этою цѣлью изъ народныхъ же средствъ“.

Что мѣстные дѣятели не сочли возможнымъ остаться въ рамкахъ „частной программы“ и „по своему почину“ вошли въ обсужденіе главной причины переживаемыхъ крестьянскимъ хозяйствомъ затрудненій,—это вполнѣ понятно. Сознавая свой долгъ передъ страною, они должны были считаться съ потребностями страны и велѣніями собственной совѣсти, а не съ тѣми „вѣяніями“, которыя царили тогда въ петербургскихъ канцеляріяхъ. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что „умолчаніе“ очень сильно затруднило обсужденіе даннаго вопроса на мѣстахъ. Прежде всего, не всѣ комитеты считали себя вправѣ и имѣли фактическую возможность высказаться съ полною откровенностью и всесторонностью по данному предмету. „Многіе мѣстные комитеты—читаемъ мы въ запискѣ—совершенно не коснулись крестьянскаго дѣла, считая себя обязанными отвѣтить исключительно лишь на частные вопросы программы, которые были имъ предложены; нерѣдко, впрочемъ—прибавляетъ С. Ю. Витте—подобное отношеніе комитетовъ обусловлено было убѣжденіемъ предсѣдателей о невозможности обсужденія тѣхъ нуждъ сельско-хозяйственной промышленности, которыя прямо не указаны въ этихъ частныхъ вопросахъ“. Нельзя также забыть, что попытки мѣстныхъ людей выйти изъ предѣловъ данной имъ программы не всегда оставались безнаказанными. Что министерство внутреннихъ дѣлъ, озабоченное проведеніемъ своего проекта, считало необходимымъ не только затруднить, но и подавить несогласныя съ этимъ проектомъ мнѣнія, — это опять таки вполнѣ понятно. Не совсѣмъ яснымъ, однако, представлялось и представляется, почему особое совѣщаніе не постаралось оградить свободу сужденій въ мѣстныхъ

комитетахъ и ничего не сдѣлало для пострадавшихъ лицъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, какъ извѣстно, тогда же обращались къ предсѣдателю особаго совѣщанія съ просьбой о защитѣ.

Наиболѣе любопытный моментъ въ исторіи сельско-хозяйственныхъ комитетовъ наступилъ, однако, теперь. Въ основу своей записки С. Ю. Витте положилъ именно эти, высказанныя внѣ программы, „по своему почину", мнѣнія мѣстныхъ людей,—мнѣнія, въ сущности, далеко неполныя и далеко не вполнѣ свободныя. При этомъ оказывается, что мнѣнія и пожеланія большинства сельско-хозяйственныхъ комитетовъ по всѣмъ принципіальнымъ вопросамъ крестьянскаго дѣла „въ точности отвѣчаютъ принципамъ освободительной реформы 1861 года" и „тѣмъ началамъ для пересмотра законодательства о крестьянахъ, которыя предуказаны Высочайшей волей". Вмѣстѣ съ тѣмъ они вполнѣ соотвѣтствуютъ и личнымъ взглядамъ на этотъ предметъ г. предсѣдателя особаго совѣщанія.

Это совпаденіе для даннаго момента представляется въ высшей степени знаменательнымъ и характернымъ. Едва ли нужно говорить, что мнѣнія мѣстныхъ людей можно считать „въ точности отвѣчающими принципамъ освободительной реформы 1861 г." только при той интерпретаціи послѣднихъ, какая дана имъ въ запискѣ С. Ю. Витте. На самомъ дѣлѣ, положенія 19-го февраля 1861 года представляли изъ себя компромиссъ самыхъ противоположныхъ началъ. Этимъ, конечно, и объясняется, что министерство внутреннихъ дѣлъ истолковало ихъ совершенно иначе. Интерпретація, данная въ „Запискѣ по крестьянскому дѣлу", поэтому не можетъ считаться безспорной, и несомнѣнно, что въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя будутъ разсматривать крестьянскій вопросъ, она вызоветъ съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ серьезныя возраженія. По крайней мѣрѣ, въ первомъ же засѣданіи особаго совѣщанія по этому вопросу, какъ сообщили газеты, „выяснились нѣкоторые фактическіе недочеты представленной записки, напримѣръ, при ссылкахъ на крестьянское положеніе 1861 г.".

Мнѣніе большинства мѣстныхъ людей въ запискѣ также, несомнѣнно, подвергнуты интерпретаціи, и при томъ по существу дѣла еще болѣе свободной. Иначе, впрочемъ, и быть не могло. Мнѣнія эти были высказаны не въ одномъ учрежденіи, а во многихъ сотняхъ ихъ, разсѣянныхъ по всему лицу земли русской; вопросы не были заключены въ однообразныя для всѣхъ мѣстъ формулы; отвѣты давались не въ категорической формѣ: „да" или „нѣтъ", а нерѣдко лишь въ видѣ мотивовъ къ тѣмъ или инымъ постановленіямъ по вопросамъ сельско-хозяйственной „экономіи и техники". Едва ли нужно говорить даже, какъ трудно свести эти отвѣты и выяснить мнѣніе большинства, хотя бы „относительнаго", не внося собственныхъ, чисто субъективныхъ, тол-

кованій. Если же принять во вниманіе, что труды комитетовъ, прежде чѣмъ они дошли до особаго совѣщанія, были подвергнуты цензурѣ предводителями и губернаторами, то окажется, что установить мнѣніе большинства безъ тѣхъ или иныхъ совершенно произвольныхъ допущеній представляется при данныхъ условіяхъ совершенно невозможнымъ. Къ составленнымъ по порученію особаго совѣщанія „сводамъ" предъявленъ, какъ извѣстно, вполнѣ основательный съ этой точки зрѣнія упрекъ, что на ряду съ мнѣніями мѣстныхъ дѣятелей они отражаютъ въ себѣ вѣянія петербургскихъ канцелярій. Приложенная къ запискѣ С. Ю. Витте сводка „принципіальныхъ вопросовъ по крестьянскому дѣлу съ отвѣтами мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ" еще менѣе можетъ претендовать на объективность. Это субъективная выборка изъ субъективныхъ сводокъ. Съ внѣшней стороны она представляетъ изъ себя разграфленную канцелярскую вѣдомость, при чемъ въ одной изъ графъ выписаны „принципіальные вопросы по крестьянскому дѣлу", формулированные коммиссіей т.с. Стишинскаго, въ другой—отвѣты большинства, и въ третьей—меньшинства сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. Вопросы „редакціонной коммиссіи" были опубликованы много времени спустя послѣ того, какъ комитеты закончили свои занятія. Какимъ образомъ въ ихъ трудахъ подысканы отвѣты на данныя коммиссіей формулы, — объ этомъ можно только догадываться. При обсужденіи существа затронутыхъ въ запискѣ С. Ю. Витте вопросовъ, мнѣ придется не разъ указывать, какъ много, и по формѣ и по существу, приведенные въ брошюрѣ „отвѣты" заключаютъ въ себѣ чисто канцелярскаго истолкованія. Сейчасъ же достаточно будетъ указать лишь тотъ принципъ, которымъ авторъ интересующей насъ записки, повидимому, руководился въ своей интерпретаціи. „Обращаясь къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ принципіальныхъ положеній, установленныхъ пожеланіемъ большинства мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, изложенныхъ въ приложеніи къ настоящей запискѣ, — говоритъ С. Ю. Витте, — я прежде всего обязываюсь обратить вниманіе, что—само собой разумѣется—они имѣютъ практическое значеніе для предстоящаго пересмотра законодательства о крестьянахъ лишь въ предѣлахъ строгаго соотвѣтствія Высочайше предуказаннымъ основаніямъ сего пересмотра". Исходя изъ этихъ соображеній, авторъ записки, конечно, легко могъ достигнуть вышеуказаннаго совпаденія.

Необходимо, наконецъ, отмѣтить, что и свои собственные взгляды на крестьянскій вопросъ С. Ю. Витте, очевидно, призналъ необходимымъ подвергнуть въ настоящій разъ такъ же нѣкоторой интерпретаціи. Въ качествѣ примѣра я укажу, что въ своей „Запискѣ по крестьянскому дѣлу" онъ является сторонникомъ распространенія земскихъ учрежденій вглубь народной жизни, при посредствѣ проектируемыхъ имъ всесословныхъ „поселковаго

общества“ и „земскаго округа“. При этомъ онъ высказывается за то, чтобы организаціямъ „земскаго типа“ были переданы не только хозяйственныя дѣла, но также полицейскія и податныя функціи. „Низшая полицейская и податная служба въ сельскихъ мѣстностяхъ, — говоритъ онъ, — должна быть поставлена подъ извѣстный контроль мѣстнаго населенія въ лицѣ его общественныхъ организацій и выборныхъ властей“. „Зависимость низшей полицейской власти отъ исполнительныхъ органовъ земства,— читаемъ мы дальше,—является тѣмъ болѣе соотвѣтственной, что для многихъ видовъ земской дѣятельности, напримѣръ, въ области полиціи медицинской, строительной, дорожной, пожарной и т. д., необходимы низшіе исполнители, обладающіе полицейскою властью“.

Такимъ образомъ, въ настоящее время авторъ цитируемой записки является сторонникомъ земскихъ учрежденій вплоть до подчиненія имъ низшей администраціи. Между тѣмъ, какъ три-четыре года тому назадъ онъ являлся рѣшательнымъ противникомъ земскаго самоуправленія даже въ нынѣшнемъ видѣ, считая его несовмѣстимымъ съ основами русскаго государственнаго строя. „Только при условіи однородности началъ въ устройствѣ высшихъ и низшихъ инстанцій, центральныхъ и мѣстныхъ органовъ,— писалъ онъ тогда,—получается дѣйствительное единство управленія; государство является, дѣйствительно, хозяиномъ въ дѣлѣ этого послѣдняго; только при этомъ условіи мѣстные органы могутъ быть надежными исполнителями предначертаній властей центральныхъ и, въ свою очередь, являются для этихъ послѣднихъ „своими“, а не чужими... Этимъ-то требованіямъ единства въ управленіи и не могутъ удовлетворять земскія учрежденія въ самодержавномъ строѣ государства“. По существу эта мысль, въ особенности, если ее изложить въ видѣ дилеммы, едва ли можетъ подлежать спору. Въ данномъ случаѣ важно то, что С. Ю. Витте, отдавая еще недавно безусловное предпочтеніе одному изъ двухъ возможныхъ принциповъ управленія, теперь высказывается за необходимость отступленія отъ него въ сферѣ „низшей“ администраціи, ни словомъ не касаясь въ то же время другихъ ступеней управленія.

„Какъ бы ни относиться къ С. Ю. Витте,—говоритъ по этому поводу г. Иструбинъ въ „Нашей Жизни“,—одно несомнѣнно: это реальный политикъ, хорошо учитывающій соотношеніе политическихъ силъ не въ исторической перспективѣ, а *въ данный моментъ*“. Выраженные въ запискѣ взгляды несомнѣнно тоже сложились подъ вліяніемъ данной политической конъюнктуры и, конечно, легко могутъ вновь измѣниться при иномъ сочетаніи политическихъ условій.

Такимъ образомъ, всѣ основанія, на которыхъ построена записка С. Ю. Витте, оказываются въ конечномъ счетѣ подвиж-

ными. Искуснымъ истолкованіемъ самыхъ разнообразныхъ по своему происхожденію взглядовъ, талантливому автору ея удалось достигнуть замѣчательнаго совпаденія между ними по всѣмъ принципіальнымъ вопросамъ и построить на этомъ свой проектъ. Едва ли, однако, нужно говорить, насколько неустойчиво можетъ оказаться зданіе, возведенное на движущемся фундаментѣ. Углы послѣдняго во всякій моментъ легко могутъ разойтись, и тогда бюрократія прибѣгнетъ, конечно, къ новымъ и, можетъ быть, совершенно инымъ построеніямъ.

Между тѣмъ крестьянскій вопросъ стоитъ на очереди не годъ и не два, а цѣлые десятки лѣтъ. За это время онъ претерпѣлъ уже цѣлый рядъ бюрократическихъ превращеній — и всѣ они въ конечномъ счетѣ оказались безрезультатными. Въ настоящее время жизнь съ особою настойчивостью требуетъ разрѣшенія этой сложной и огромной задачи. Пора убѣдиться, что для успѣшнаго выполненія ея есть только одно средство: въ основу всѣхъ работъ „по усовершенствованію государственнаго строя" нужно положить не канцелярскія вѣянія и не чиновничьи интерпретаціи, а дѣйствительныя потребности населенія и искреннее убѣжденіе знакомыхъ съ ними дѣятелей.

А. Пѣшехоновъ.

Изъ практики новаго податного закона.

I.

Минувшимъ лѣтомъ курская казенная палата издала книгу подъ названіемъ „Обзоръ податного состоянія Курской губерніи за 1901 и 1902 гг."; еще ранѣе изданы такіе же „Обзоры" за 1899 и 1900 гг. Въ этихъ изданіяхъ заключается очень много любопытнаго матеріала для уясненія податного, такъ сказать, облика курскаго крестьянина. Обильныя цифровыя свѣдѣнія, помѣщенныя въ названныхъ изданіяхъ, дополняются и иллюстрируются печатными „Журналами засѣданій 3-го съѣзда податныхъ инспекторовъ Курской губ.", бывшаго въ декабрѣ 1900 года.

Въ виду того, что рѣдкая казенная палата имѣетъ такое хорошее обыкновеніе выпускать свои труды, а также въ виду того, что Курская губернія во многихъ отношеніяхъ является довольно типичною изъ средне-земледѣльческихъ губерній, мы познакомимъ читателей съ нѣкоторыми данными, касающимися высоты прямого

обложенія и условій взысканія прямыхъ налоговъ съ курскаго крестьянства.

Всего *облагаемой* надѣльной земли въ Курской губерніи около 2.460 тыс. десятинъ (число десятинъ незначительно колеблется по годамъ). Съ этого количества крестьянской земли взыскивается ежегодно около 7 милл. руб. или около 2 р. 80 к. съ десятины.

Изъ чего же составляется этотъ 7-милліонный сборъ? Оказывается, что наибольшая доля этой суммы приходится на казенные сборы (выкупные платежи + государственный поземельный налогъ); за ними по размѣру слѣдуютъ мірскіе (сельскіе и волостные) сборы, потомъ земскіе (губернскіе и уѣздные вмѣстѣ) и, наконецъ, идутъ страховые платежи. Такъ, за 1902 годъ съ надѣльныхъ земель курскихъ крестьянъ было взыскано 6.940 тыс. руб.; въ томъ числѣ:

казенныхъ сборовъ	4.083	тыс. руб. или	58,8	%
мірскихъ	1.245	" " "	17,9	"
земскихъ	1.170	" " "	16,9	"
страховыхъ	442	" " "	6,4	"

Изъ приведенныхъ свѣдѣній ясно видно, какъ неосновательны сѣтованія, часто повторяемыя противниками земскихъ учрежденій, относительно мнимой раззорительности земскихъ сборовъ; послѣдніе составляютъ лишь 1/6 часть всѣхъ прямыхъ налоговъ, падающихъ на крестьянскія земли (мы не говоримъ уже о косвенныхъ налогахъ, превышающихъ прямые); земскіе сборы по величинѣ своей уступаютъ даже сельскимъ и волостнымъ платежамъ. Почти всѣ прямые налоги носятъ исключительно сословный характеръ: лишь земскіе сборы и государственный поземельный налогъ (5 коп. съ десятины) уплачиваются владѣльцами всѣхъ сословій. Въ печатныхъ матеріалахъ курской палаты имѣется наглядная таблица, сравнивающая податное бремя, лежащее на землѣ различныхъ сословій; вотъ она:

Наименованіе сборовъ.	Приходится на 1 дес. земли. Частновладѣльч. Дворянск. (копеекъ)	Частновладѣльч. проч. сосл. (копеекъ)	Надѣльной крестьянской (копеекъ)
Государственнаго поземельнаго налога	5	5	5
Земскихъ сборовъ	41	41	41
Дворянскихъ повинностей	8	—	—
Мірскихъ сборовъ	—	—	50
Выкупныхъ платежей	—	—	166
Обязат. страх. платеж.	—	—	22
Итого всего сборовъ.	54	46	284

Хотя эта таблица относится къ 1899 году, но соотношеніе платежей съ тѣхъ поръ измѣнилось мало; обложеніе надѣльной земли превышаетъ въ пять разъ обложеніе дворянской, и еще болѣе превышаетъ сборы съ земли прочихъ сословій.

Чтобы дополнить представленіе о солидности платежей, уплачиваемыхъ курскими крестьянами, замѣтимъ, что податное бремя распредѣлено далеко неодинаково по отдѣльнымъ уѣздамъ; оно въ 1902 году колебалось отъ 2 р. 14 к. въ Тимскомъ уѣздѣ до 3 р. 35 к. въ Рыльскомъ; колебанія эти опредѣлялись главнымъ образомъ высотой мірскихъ сборовъ. Одинъ изъ податныхъ инспекторовъ (Курскаго уѣзда) дѣлаетъ въ своемъ отчетѣ любопытное сопоставленіе высокихъ платежей съ доходами, извлекаемыми крестьянами отъ земли, при чемъ сопоставленіе его ничуть не можетъ быть признано за какое-либо преуменьшеніе дохода: „Взявъ 2 р. 67 коп., какъ среднее обложеніе десятины надѣльной земли въ Курскомъ уѣздѣ, интересно сопоставить, говоритъ онъ, высоту обложенія съ доходностью земли. Принимая въ разсчетъ трехпольный сѣвооборотъ и имѣя въ виду данныя о приблизительномъ чистомъ доходѣ отъ посѣвовъ озимого и ярового хлѣба, въ среднемъ чистый доходъ пашни можно приблизительно опредѣлить въ 6 руб. и установить, такимъ образомъ, что высота обложенія десятины составляетъ 40,5% чистаго дохода пашни. При такомъ положеніи ясно, что надѣльная земля несетъ слишкомъ высокое обложеніе, которое не можетъ не отражаться на общемъ экономическомъ благосостояніи населенія... почти 90% стоимости всего остатка отъ урожая (за покрытіемъ продовольственныхъ потребностей населенія) идетъ на покрытіе обязательныхъ платежей по окладнымъ сборамъ, не считая погашенія части недоимки“.

II.

Насколько же аккуратно поступаютъ прямые налоги съ крестьянъ? Изъ свѣдѣній казенной палаты видно, что курскій крестьянинъ въ общемъ является плательщикомъ исправнымъ. Приведемъ цифры:

Годы.	Годовой окладъ. въ тысячахъ рублей.	Взыскано. въ тысячахъ рублей.
1899	7.040	7.434
1900	6.958	6.821
1901	6.814	7.816
1902	6.940	7.184
за 4 года	27.752	29.255
	100%	105%

Иначе говоря, за разсматриваемое четырехлѣтіе курское крестьянство сполна уплатило окладъ и покрыло часть недоимки, накопившейся за прежніе годы, преимущественно за голодные 1891, 1892 и 1897 годы. Особенно поразителенъ 1901 годъ, когда крестьянами внесенъ 1 милліонъ рублей сверхъ оклада. Къ сожа-

ленію, въ изданіяхъ казенной палаты не помѣщено данныхъ о поступленіи сборовъ съ частновладѣльческихъ земель.

О фактическомъ исправномъ поступленіи окладныхъ сборовъ съ крестьянъ Курской губерніи можно судить еще по крайне незначительному примѣненію тѣхъ льготъ въ уплатѣ недоборовъ, которые предусмотрѣны 98—100 ст. закона 23 іюня 1899 года; эти статьи закона разрѣшаютъ дѣлать отсрочку уплаты государственныхъ окладныхъ сборовъ за предѣлы окладного года въ случаяхъ пожара, градобитія и тому подобныхъ бѣдствій, постигшихъ крестьянъ. Общая отсроченная сумма причитающихся съ крестьянъ сборовъ была ничтожна: въ 1901 году она составляла 1.966 руб. казенныхъ и 451 руб. земскихъ и въ 1902 году — 3.201 руб. казенныхъ и 589 рублей земскихъ. Между тѣмъ, по свѣдѣніямъ той же палаты, въ 1901 году градобитіями крестьянамъ причинено убытка на 735 тыс. руб., а 1902 году—на 727 тыс. руб. („Обзоръ", табл. №№ 4 и 5); пожарами приносится населенію, конечно, еще болѣе убытка.

Такая исправность курскихъ крестьянъ какъ бы не мирится съ низкимъ уровнемъ ихъ экономическаго благосостоянія и въ частности съ высокой доходности ихъ земли.

Обстановка, при которой получается указанная выше платежная исправность, отчасти вскрывается краткими свѣдѣніями о принудительныхъ мѣрахъ по взысканію сборовъ, помѣщенными въ книгахъ казенной палаты.

Одною изъ главныхъ причинъ образованія недобора, пишетъ обоянскій податной инспекторъ, „является упорное нежеланіе плательщиковъ уплачивать причитающіеся съ нихъ оклады своевременно, безъ принятія принудительныхъ мѣръ. Въ особенности это замѣчается по тремъ волостямъ уѣзда—Бобрышевской, Ольшанской и Медвѣнской. По этимъ волостямъ большая часть оклада взыскивается исключительно только съ помощью принудительныхъ мѣръ („Журналы 3-го съѣзда инспекторовъ", стр. 54)". „Что касается результатовъ примѣненія принудительныхъ мѣръ, говоритъ тотъ же инспекторъ въ другомъ мѣстѣ, то здѣсь слѣдуетъ указать, что въ этомъ отношеніи пока достигнуто очень немного: большинство неисправныхъ домохозяевъ продолжаетъ уплачивать причитающіеся съ нихъ платежи не иначе, какъ по принятіи въ каждый частный срокъ принудительныхъ мѣръ взысканія". Оказывается, что въ Курской губерніи за 1900 годъ въ 704 случаяхъ потребовалось примѣненіе тѣхъ статей закона 23 іюня 1899 года о взиманіи податей, которыя предусматриваютъ принудительное взысканіе недобора и недоимки по уплатѣ окладныхъ платежей (ст. 50, 64, 69, 90 — 94); въ слѣдующемъ 1901 году число такихъ случаевъ возросло до 1465; въ 1902 году ихъ было 1127. Въ большинствѣ указанныхъ случаевъ практиковалась продажа движимаго имущества на пополненіе недобора и принуди-

тельная сдача полевой земли неисправныхъ плательщиковъ. Еще чаще, чѣмъ фактическая продажа движимости и сдача земли, примѣнялась угроза продажи движимаго имущества; угроза эта состояла въ составленіи описей имущества и назначеніи торговъ на него. Такъ, напримѣръ, по одному Обоянскому уѣзду назначено было въ продажу движимаго имущества въ 1901 году 8.290 домохозяевъ на сумму 75 тыс. рублей, а въ 1901 году—14.490 домохозяевъ на сумму 80 тыс. рублей; по Тимскому уѣзду въ 1901 году составлено описей 5.157, а въ 1902 году—3.465 описей. По Льговскому уѣзду за 1900 годъ описи произведены у 4.165 домохозяевъ. „Описи имѣютъ, говорится въ „Обзорѣ", главнымъ образомъ, значеніе устрашающей мѣры, такъ какъ огромное большинство плательщиковъ, подъ угрозой составленныхъ описей, вносятъ недоборы до продажи имущества, часто даже наканунѣ торговъ. Это явленіе до нѣкоторой степени объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ числѣ другихъ недоимщиковъ оказывается нерѣдко много богатыхъ плательщиковъ, которые усвоили себѣ привычку не платить до наступленія срока, ссылаясь на то, что за ними дѣло не станетъ".

Въ „Обзорахъ" имѣются указанія и на другія причины, почему иногда не могутъ состояться торги на крестьянскую движимость, продаваемую „съ молотка", или на отдачу въ аренду полевой земли неисправныхъ плательщиковъ. „Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, читаемъ мы въ одномъ изъ „Обзоровъ", иногда не оказывается покупателей на продаваемое имущество; крестьяне отказываются вступать въ торги при продажѣ имущества ихъ односельчанъ, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что и по отношенію къ нимъ односельчане ихъ въ подобныхъ случаяхъ также будутъ поступать... Благодаря такому отношенію крестьянъ по одной волости Корачанскаго уѣзда, изъ 2.355 описей (въ 12 селеніяхъ) ни по одной не состоялась продажа имущества. Единственнымъ средствомъ противъ такого явленія служитъ назначеніе торговъ за предѣлами селеній, въ городѣ или въ ближайшемъ торговомъ центрѣ". То же самое замѣчаютъ податные инспектора и при принудительной отдачѣ въ аренду участковъ полевой земли; здѣсь „крестьяне проявляютъ такую же единодушную пассивную оппозицію, какъ при продажѣ движимости" *); такъ, напримѣръ, въ Фатежскомъ уѣздѣ въ 1902 году изъ 100 назначенныхъ къ сдачѣ въ аренду участковъ были сданы только три, на остальные 97 по разнымъ причинамъ не нашлось арендаторовъ.

„Въ 1902 году, сообщаетъ корочанскій податной инспекторъ, впервые производилась сдача въ аренду земли недоимщиковъ. Такъ какъ подлежащія селенія, кромѣ одного, отказались принять въ свое распоряженіе земли недоимщиковъ, то уѣздный

*) „Обзоръ" за 1901—1902 г.г., стр. 113.

съѣздъ постановилъ о сдачѣ этихъ земель съ торговъ въ аренду на три года. Торги были назначены въ с. с. Чуксинѣ, Шаховѣ, Озеровѣ, Сажномъ и селеніяхъ части Липовскаго общества; изъ присутствовавшихъ никто не пожелалъ взять въ аренду ни одного участка, и торги не состоялись" (стр. 99).

Если встрѣчаются затрудненія при продажѣ крестьянской движимости и при отдачѣ надѣльной земли въ аренду, то не безъ затрудненій осуществляются и другія мѣры, указанныя въ законѣ 23 іюня 1899 года для принудительнаго взысканія недоборовъ; законъ предусматриваетъ, среди прочихъ мѣръ, „наложеніе ареста на заработную плату, получаемую неисправнымъ домохозяиномъ или членами его семьи, кромѣ женщинъ и малолѣтнихъ, а также на всякія иныя денежныя суммы, принадлежащія неисправному домохозяину или предстоящія къ полученію" (п. 2 ст. 50). По свѣдѣніямъ палаты за 1900 годъ, эта мѣра (наложеніе ареста на заработную плату) была осуществлена лишь въ 25 случаяхъ, за 1901 годъ—въ 23 случаяхъ, а за 1902 г.—въ 11 случаяхъ. Нельзя не удивляться незначительности примѣненія этой мѣры въ виду того, что главный источникъ для внесенія податей и денежныхъ повинностей у курскихъ крестьянъ, это—отхожіе и мѣстные заработки. О причинахъ ея рѣдкаго примѣненія мы читаемъ интересныя замѣчанія въ отчетѣ бѣлгородскаго податного инспектора за 1900 годъ. „Наложеніе ареста на заработанную плату крестьянъ, работающихъ на фабрикахъ и заводахъ, не примѣнялось въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ, такъ какъ завѣдующіе фабриками и заводами *отказались* производить подобные вычеты, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что рабочіе заявили имъ объ уплатѣ недоборовъ".

...„Точно такъ же незначительное примѣненіе получилъ циркуляръ департамента окладныхъ сборовъ о взысканія недоборовъ съ рабочихъ, ушедшихъ на заработки. Не смотря на то, что значительная часть крестьянъ Бѣлгородскаго уѣзда уходитъ на заработки въ Харьковъ, Екатеринославъ и другіе города южной Россіи, волостныя правленія сообщили свѣдѣнія о мѣстонахожденіи лишь 30 человѣкъ недоборщиковъ, ушедшихъ на заработки, при чемъ взысканіе недоборовъ произведено только съ 3 крестьянъ, по мѣсту временнаго ихъ нахожденія. Подобное незначительное примѣненіе указаннаго порядка взысканія недоборовъ съ отлучившихся крестьянъ слѣдуетъ приписать тому обстоятельству, что сельскіе старосты и сборщики податей не сообщаютъ волостному правленію, кто изъ недоборщиковъ находится въ отлучкѣ на заработкахъ, а волостные старшины, при выдачѣ паспортовъ, не наводятъ справокъ, куда именно отлучается рабочій и у какого подрядчика онъ будетъ работать**).

*) Журналы засѣданій 3-го съѣзда податныхъ инспекторовъ Курской губ., стр. 18.

Въ „Обзорѣ“ за 1901—2 годъ мы читаемъ слѣдующее заключеніе относительно примѣнимости мѣры, указанной въ ст. 69 закона 23 Іюня 1899 года (о разверсткѣ недобора на всѣхъ домохозяевъ даннаго населенія): „требуемой ст. 69 положенія разверстки непополненнаго къ концу года недобора между домохозяевами нигдѣ не было произведено, и сходы отъ составленія приговоровъ по этому предмету рѣшительно *отказывались*“ (стр. 108).

Такимъ образомъ, надобность въ принудительныхъ мѣрахъ взысканія окладныхъ сборовъ далеко не выражается указаннымъ выше числомъ случаевъ примѣненія продажи движимости, отдачи земли въ аренду, наложенія ареста на заработки, и проч. (704 случаевъ—въ 1900 г., 1.465 случаевъ—въ 1901 году и 1.127 случаевъ—въ 1902 году); для достиженія платежной исправности крестьянъ Курской губерніи требовалось бы значительно расширить рамки примѣненія этихъ мѣръ, а также слѣдовало бы примѣнять такія мѣры, предусмотрѣнные закономъ, какъ, наприм., назначеніе опеки, отобраніе надѣла, продажа строеній неисправныхъ плательщиковъ и т. п. Однако, эти мѣры, по отзывамъ податного надзора, въ дѣйствительности непримѣнимы. Чѣмъ же достигалась исправность курскаго крестьянства въ уплатѣ повинностей? „Обзоръ“ 1901—1902 гг. констатируетъ „слабое сознаніе у населенія своихъ податныхъ обязанностей“. Приходится, поэтому, признать, что аккуратное поступленіе окладныхъ сборовъ съ крестьянъ обусловливается не сознаніемъ у плательщиковъ своихъ обязанностей передъ казной, даже не однѣми мѣрами, указанными въ законѣ 1899 года, а чѣмъ то инымъ: оказывается неизбѣжнымъ: „*энергичное побужденіе* къ уплатѣ сборовъ со стороны ближайшихъ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія“ (стран. 96 въ „Обзорѣ“ за 1901—1902 г.г.). Чтобы дать понятіе о пріемахъ такого понужденія, мы приведемъ выписки изъ четырехъ инспекторскихъ отчетовъ. Путивльскій податной инспекторъ, сообщивъ о мѣрахъ взысканія сборовъ, перечисленныхъ въ законѣ 1899 года и примѣненныхъ въ 1900 году въ Путивльскомъ уѣздѣ, добавляетъ *): „Всѣмъ вышесказаннымъ и исчерпываются мѣры взысканія собственно легальнаго характера, но наряду съ тѣмъ практиковались еще и прежнія мѣры, но, конечно, не гласно, а кабинетнымъ образомъ, какъ выразился одинъ изъ писарей волостного правленія, а именно арестъ, отвергнутый новымъ закономъ, и захватъ разныхъ вещей крестьянскаго хозяйства, при чемъ наиболѣе сообразительные старшины, сознавая незаконность такихъ дѣйствій, придумали крайне казуистическое толкованіе въ защиту легальности такихъ мѣръ, мотивируя арестъ не неисправностью въ

*) „Журналы третьяго съѣзда податныхъ инспекторовъ“, стр. 64.

уплатѣ повинностей, а неявкою неисправнаго домохозяина въ волость для уплаты повинностей или объясненій по поводу недобора". „Для скорѣйшаго пополненія недобора, сообщаетъ обоянскій податной инспекторъ, земскими начальниками примѣнялись дисциплинарныя мѣры по отношенію къ должностнымъ лицамъ волостного и сельскаго правленій въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднія, съ своей стороны, примѣняли *недостаточно энергичныя мѣры* къ пополненію недобора съ неисправныхъ домохозяевъ. Мѣры заключались въ сажаніи подъ арестъ и оштрафованіи сельскихъ старостъ тѣхъ селеній, по которымъ числятся значительныя суммы недобора, а также въ оштрафованіи волостныхъ старшинъ" *). Въ отчетѣ грайворонскаго инспектора мы читаемъ **): „Мѣстная администрація, слѣдящая за ходомъ поступленій въ казну поземельныхъ сборовъ, относится весьма скептически ко всякаго рода продажамъ и съ своей стороны принимаетъ мѣры предупредительнаго характера, такъ, наприм.: старосты и сборщики податей, замѣченные въ пьянствѣ, немедленно удаляются отъ занимаемыхъ должностей; крестьяне, замѣченные въ разгульной жизни, пьянствѣ или дракахъ, отправляются старшинами подъ арестъ (во всѣхъ земскихъ участкахъ); по нѣкоторымъ селеніямъ, гдѣ существовалъ недоборъ (у земскаго начальника третьяго участка), старосты съ рапортомъ о своей дѣятельности являлись черезъ каждые три дня къ земскому начальнику; для скорѣйшаго взысканія недобора съ лицъ отсутствовавшихъ были спеціальные командировки старостъ къ должникамъ и т. п. При такой постановкѣ дѣла вполнѣ удовлетворительно поступленіе платежей безъ принятія особыхъ мѣръ репрессивнаго (?) характера". Осторожнѣй въ выраженіяхъ, но не менѣе внушительно, разсказываетъ рыльскій инспекторъ ***). „Сборщики все время настаивали на уплатѣ домохозяевами сборовъ, особенно настойчиво требовали при полученіи домохозяиномъ какихъ либо средствъ, при упорствѣ же плательщиковъ обращались къ старостамъ, которые и принимали мѣры понужденія, а неисправныхъ высылали въ волостное правленіе для внушенія со стороны волостныхъ старшинъ. При заключеніи условій на работы и полученіи задатковъ, старшины и должностныя лица сельскаго управленія настаивали на уплатѣ части причитающагося въ частный срокъ оклада".

Мы привели здѣсь сообщенія объ условіяхъ взысканія податей податной инспекціи по Грайворонскому, Обоянскому, Путивльскому и Рыльскому уѣздамъ за 1900 г. Нѣтъ никакихъ основаній думать, что упоминаемые въ этихъ сообщеніяхъ пріемы административнаго „понужденія" вызывались какимъ либо осо-

*) „Журналы" стр. 56.
**) Ibid. стран. 25.
***) „Журналы" стр. 71.

бымъ упорствомъ населенія именно названныхъ уѣздовъ не платить или особой недоимочностью его.

Наоборотъ, можно думать, что общая исправность курскихъ крестьянъ въ уплатѣ податей, которую мы констатировали выше, покоится главнымъ образомъ на энергіи мѣстной администраціи въ понужденіи должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленія и, далѣе въ передаточномъ порядкѣ, на энергичномъ понужденіи послѣдними лицами самихъ крестьянъ. Мы не можемъ, поэтому, отнестись иначе, какъ скептически, къ совершенно категорическому утвержденію курскаго податного инспектора, который въ отчетѣ за 1900 годъ высказалъ слѣдующій оптимистическій взглядъ на условія взысканія податей: „Должностными лицами крестьянскаго управленія вполнѣ усвоенъ тотъ взглядъ, что существующимъ законоположеніемъ вполнѣ обезпечивается своевременное поступленіе окладныхъ сборовъ и что всякія экзекуціонныя мѣры, практиковавшіяся ранѣе, скорѣе оказываютъ чисто отрицательное значеніе на успѣхъ правильнаго поступленія окладныхъ сборовъ. Самая картина взысканія окладныхъ сборовъ съ сельскаго населенія рѣзко измѣнилась. Уже нѣтъ этихъ наѣздовъ въ села становыхъ приставовъ и урядниковъ, суетливаго сбора крестьянъ на сходку, отправленія съ десятниками въ волость неисправныхъ плательщиковъ подъ арестъ. Самыя арестантскія волостныхъ правленій, поражавшія въ періодъ взысканія податей переполненіемъ посаженными подъ арестъ неплательщиками, по отзывамъ волостныхъ старшинъ, теперь пустуютъ" *) Мы вполнѣ понимаемъ психологію человѣка, почитающаго себя интеллигентнымъ, когда онъ хочетъ доказать свою неприкосновенность къ „выколачиванію податей" прежняго времени; подтверждать то, что разсказывалъ курскій податной инспекторъ, это значитъ выдавать свои пожеланія за факты. Не напоминаетъ ли эта реплика о благоденствіи обычныя бюрократическія донесенія о полномъ благополучіи? Вѣдь если мы посмотримъ отчеты прежняго времени, когда, по увѣренію курскаго податного инспектора, арестантскія поражали переполненіемъ неплательщиками, то слѣдовъ этого переполненія въ отчетахъ не замѣтимъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ „Сводѣ свѣдѣній о поступленіи и взиманіи окладныхъ сборовъ за 1892 — 1894 гг.", составленномъ по „отчетамъ податныхъ инспекторовъ" и изданномъ департаментомъ окладныхъ сборовъ въ 1902 году, имѣются подробныя таблицы о „мѣрахъ, принимавшихся для взысканія сборовъ съ сельскихъ сословій". Если судить по этимъ таблицамъ въ казенномъ изданіи, то въ Курскомъ уѣздѣ за 1893 годъ подъ арестомъ не сидѣло ни одного недоимщика **) и вообще никакихъ мѣръ къ понужденію неплательщи-

*) „Журналы", стран. 8.

**) „Сводъ свѣдѣній о поступленіи и взиманіи казенныхъ, земскихъ и общественныхъ окладныхъ сборовъ за 1892—1894 г." стран. 693.

ковъ не принималось, кромѣ 3 арестовъ волостныхъ старшинъ и 20 арестовъ сельскихъ старостъ; а въ слѣдующемъ 1894 году дѣло прошло еще благополучнѣе; вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ смыслѣ поступленія сборовъ оба указанныхъ года для Курскаго уѣзда были благопріятны: въ 1893 году оклада съ крестьянскихъ обществъ должно было поступить (безъ страховыхъ платежей) 513 тыс. рублей, а поступило 534 тыс. руб.; въ 1894 году должно было поступить 490 тыс. руб., а поступило 495 тыс. рублей *). Стало быть, эти годы не могли выдѣляться какою-либо исключительной бездѣятельностью администраціи по взысканію сборовъ. Невольно относишься скептически и къ заявленіямъ о томъ, будто при новомъ порядкѣ взысканія окладныхъ сборовъ пустуютъ арестантскія и переходятъ въ область преданій экзекуціонныя мѣры. Не добросовѣстнѣе ли поступили обоянскій, рыльскій, путивльскій и грайворонскій инспектора, когда свидѣтельствовали о широкомъ примѣненіи мѣръ „предупредительнаго“ характера? Иначе и быть не можетъ при существующей высотѣ прямого обложенія и при слабомъ у населенія сознаніи „своихъ податныхъ обязанностей“. При такихъ условіяхъ взиманіе не можетъ обойтись безъ личныхъ взысканій и энергичныхъ понужденій, т. е. безъ того, что народъ прекрасно охарактеризовалъ однимъ словомъ „выколачиваніе“.

Е. Звягинцевъ.

Изъ жизни народныхъ библіотекъ.

По сравненію съ совсѣмъ еще недавнимъ прошлымъ, развитіе у насъ народно-библіотечнаго дѣла нельзя не признать чрезвычайно быстрымъ. Въ 1894 году всѣхъ сельскихъ библіотекъ насчитывалось въ Россіи 96, изъ которыхъ на Прибалтійскій край приходилось 43, а на всѣ прочія губерніи имперіи оставалось, слѣдовательно, всего на всего 53 народныя библіотеки, т. е. чуть ли не по одной библіотекѣ на двѣ губерніи. Къ сожалѣнію, статистика библіотечнаго дѣла находится у насъ до сихъ поръ въ зачаточномъ состояніи, и для сужденій о его современномъ положеніи приходится пока довольствоваться лишь болѣе или менѣе неточными предположительными исчисленіями, да появляющимися время отъ времени монографіями по отдѣльнымъ земскимъ губерніямъ. Во всякомъ случаѣ, можно безошибочно утверждать, что общее количество безплатныхъ народныхъ би-

*) Тамъ же, стран. 48—49.

-бліотекъ слѣдуетъ теперь исчислять уже тысячами. Въ одной только земской Россіи ихъ имѣется болѣе пяти тысячъ *) и съ каждымъ годомъ число народныхъ библіотекъ продолжаетъ быстро увеличиваться. Такимъ образомъ, нельзя не признать, что уже въ настоящее время народная библіотека заняла видное мѣсто въ нашемъ общественномъ хозяйствѣ и не можетъ не играть замѣтной роли въ народной жизни. Мѣстныя монографіи даютъ чрезвычайно цѣнные матеріалы для характеристики современнаго положенія народныхъ библіотекъ, ихъ значенія и новыхъ общественныхъ теченій въ этой области. Въ настоящее время передъ нами лежитъ нѣсколько новѣйшихъ работъ этого рода, съ главнѣйшими результатами которыхъ мы и познакомимъ читателя **).

Прежде всего эти работы показываютъ, что какъ ни быстръ общій количественный ростъ народныхъ библіотекъ, но по сравненію съ размѣрами той народной потребности, которую онѣ должны удовлетворять, современныя народныя библіотеки представляются еще совершенно ничтожной величиной. Вотъ что читаемъ, напримѣръ, въ изслѣдованіи библіотечнаго дѣла по Вологодской губерніи: „до сихъ поръ число открытыхъ библіотекъ въ Вологодской губерніи такъ незначительно по сравненію съ ея громадной территоріей и съ количествомъ населенія, что говорить о степени удовлетворенія этими библіотеками сельскаго

*) Заимствуемъ этотъ, правда, очень грубый подсчетъ изъ статьи Б. С. У. „Народныя библіотеки" въ „Вѣстн. Тверск. Земства" 1904 г., №№ 9—11. Для характеристики современнаго положенія народно-библіотечнаго дѣла не безполезно привести свѣдѣнія объ общемъ количествѣ народныхъ библіотекъ по слѣдующимъ 16 губерніямъ: Архангельской (1899 г.)—27; Владимірской (1903 г.)—143; Вологодской (1902 г.)—257; Вятской (1903 г.)—281; Екатеринославской (1903 г.)—53; Курской (1903 г.)—143; Московской (1901 г.)—104; Нижегородской (1903 г.)—84; Пензенской (1903 г.)—50; Пермской (1901 г.)—320; Полтавской (1901 г.)—381; Саратовской (1901 г.)—134; Таврической (1903 г.)—124; Харьковской (1903 г.)—350; Черниговской (1903 г.)—247; Ярославской (1902 г.)—87. Къ сожалѣнію, эти свѣдѣнія не отличаются однородностью. Само собой разумѣется, что въ нихъ не входятъ школьныя библіотеки; не включены въ нихъ также, такъ называемыя, „пятирублевыя библіотеки" Вятскаго губернскаго земства, которыхъ открыто въ губерніи около 3 тысячъ.

**) Во избѣжаніе дальнѣйшихъ ссылокъ, укажемъ здѣсь же эти работы: 1) „Статистическій ежегодникъ полтавскаго губернскаго земства на 1903 годъ". Глава I. Народныя библіотеки и библіотеки-читальни; 2) „Безплатныя народныя библіотеки Вологодской губерніи по свѣдѣніямъ 1902—1903 гг."; 3) Текущая школьная статистика Курскаго губернскаго земства. Годъ седьмой. Глава X: Народныя библіотеки; 4) Библіотеки въ Екатеринославской губерніи— „Вѣстникъ Екатеринославскаго Земства" 1904 г., № 29; 5) Къ вопросу объ упорядоченіи дѣятельности народныхъ библіотекъ въ балашовскомъ земствѣ— „Сарат. Земск. Недѣля" 1904 г., № 4; 6) „Народныя библіотеки". Статья Б. С. У. въ „Вѣстн. Тверск. Земства" 1904 г., №№ 9—11; 7) „Недочетъ въ организаціи народно-библіотечнаго дѣла". Статья И. О. Фесенко въ „С.-Петербургск. Земск. Вѣстникъ" 1904 г., № 5.

населенія положительно невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, 257 библіотекъ совершенно теряются на пространствѣ Вологодской губерніи, равномъ 353 тысячамъ квадратныхъ верстъ и превосходящемъ по величинѣ своей на нѣсколько тысячъ квадратныхъ верстъ Пруссію, Великобританію, Италію и многія другія государства западной Европы. Въ среднемъ по губерніи, на одну безплатную библіотеку приходится не менѣе 1374 квадратныхъ верстъ. Площади подобнаго рода едва ли могутъ быть названы районами библіотекъ, такъ какъ сторона квадрата такой площади равняется болѣе, чѣмъ 37 верстамъ". Правда, Вологодская губернія одна изъ самыхъ большихъ губерній, но и въ другихъ мѣстностяхъ дѣло обстоитъ въ этомъ отношеніи, въ общемъ, развѣ лишь немного лучше. Къ совершенно такимъ же печальнымъ результатамъ приводитъ сопоставленіе количества народныхъ библіотекъ съ населеніемъ. Такъ, въ Вологодской губерніи на одну народную библіотеку приходится около 6 тысячъ душъ населенія, Харьковской—около 10 тысячъ душъ, Черниговской—12 тысячъ душъ, Полтавской — 61 тысяча душъ. Небезынтересно также сопоставленіе числа народныхъ библіотекъ съ числомъ народныхъ школъ: въ Вологодской губерніи, напримѣръ, на каждыя 10 организованныхъ начальныхъ школъ не приходится и трехъ библіотекъ.

Какъ свидѣтельствуютъ всѣ, безъ исключенія, появившіяся до настоящаго времени, мѣстныя изслѣдованія по народно-библіотечному дѣлу, поворотнымъ пунктомъ въ его развитіи послужила иниціатива закрытаго впослѣдствіи петербургскаго комитета грамотности, рѣшившаго въ 1894 году открыть на собранныя имъ средства не менѣе ста безплатныхъ народныхъ библіотекъ и разославшаго спеціальныя обращенія по этому дѣлу во всѣ губернскія и уѣздныя земскія собранія и всѣмъ волостнымъ сходамъ земскихъ губерній. Въ этомъ обращеніи комитета говорилось, что „для ближайшихъ земскихъ собраній устройство народныхъ библіотекъ представляется такимъ же капитальнымъ вопросомъ, какъ для земскихъ собраній 60-хъ годовъ было устройство народныхъ училищъ", и проводилась мысль о необходимости созданія въ странѣ правильной сѣти безплатныхъ народныхъ библіотекъ, обезпеченныхъ достаточными средствами для солидной постановки и являющихся совершенно самостоятельными общественными просвѣтительными учрежденіями. Все предшествующее развитіе нашего общественнаго хозяйства, очевидно, уже подготовило вполнѣ благопріятную почву для распространенія его и на эту область народнаго образованія, и иниціатива комитета послужила тѣмъ общимъ толчкомъ, благодаря которому организація общественныхъ безплатныхъ библіотекъ сразу стала очереднымъ земскимъ вопросомъ и начала быстро развиваться.

Въ общемъ, процессъ этого развитія во многомъ близко ско-

дится съ процессомъ развитія нашей общественной народной школы, и главныя основанія системы, на которой будетъ построена въ будущемъ полная сѣть безплатныхъ общественныхъ библіотекъ, въ настоящее время въ значительной степени уже опредѣлились. Однако ходъ дѣла въ различныхъ мѣстностяхъ былъ далеко не одинаковъ, и имѣющіяся у насъ новѣйшія изслѣдованія представляютъ въ этомъ отношеніи довольно типичные примѣры. Такъ, въ Полтавской губерін, не смотря на то, что „на призывъ комитета грамотности большинство уѣздныхъ земствъ и откликнулось весьма сочувственно", „большинство первоначально устроенныхъ библіотекъ-читаленъ возникло въ губерніи безъ всякаго матеріальнаго, а подчасъ и нравственнаго участія земства, исключительно по ходатайствамъ и на средства волостныхъ и сельскихъ обществъ. Мало того, иныя земства, какъ, напр., переяславское, отказывали обществамъ, рѣшившимъ устроить у себя библіотеки, не только въ земской субсидіи, но даже въ ходатайствѣ предъ губернаторомъ о разрѣшеніи такихъ библіотекъ", и „потребность народа въ библіотекахъ далеко опередила заботы земства въ въ удовлетвореніи этой потребности"; „практика большинства уѣздныхъ земствъ не выработала еще не только никакихъ руководящихъ основаній для планомѣрной помощи населенію въ учрежденіи библіотекъ, но и самая помощь земства въ этомъ дѣлѣ, будучи незначительной, обусловливалась обстоятельствами, въ большинствѣ, случайнаго характера и при томъ стимулировавшими земства извнѣ". Въ Вологодской губерніи, напротивъ, земства съ самаго начала стали играть главную роль въ развитіи библіотечнаго дѣла; въ настоящее время нѣтъ ни одной библіотеки въ губерніи, которая не получала бы субсидіи на свое содержаніе отъ соотвѣтствующаго уѣзднаго земства. Впрочемъ, первыя двѣ народныя библіотеки возникли въ Вологодской губерніи помимо участія земствъ, а для послѣдующаго отношенія послѣднихъ къ дѣлу характерно, что въ земскихъ собраніяхъ долго преобладала тенденція оказывать земскую помощь лишь при учрежденіи библіотекъ: „вопросъ о постоянныхъ субсидіяхъ библіотекамъ нѣкоторыми уѣздными земствами разбирался довольно вяло, что особенно ясно видно на дѣятельности въ этомъ отношеніи кадниковскаго земства, которое цѣлые годы все отклоняло это предложеніе, охотно соглашаясь на единовременныя пособія. Тѣмъ не менѣе, фактически уѣздныя земства все время помогали открытымъ библіотекамъ, хотя главное вниманіе ихъ обращено было на открытіе сельскихъ библіотекъ". Любопытной иллюстраціей тѣсной зависимости развитія библіотечнаго дѣла въ Вологодской губерніи отъ земской работы служитъ Никольскій уѣздъ; въ 1894—1896 гг. въ немъ не было земскихъ собраній за невозможностью сформировать составъ гласныхъ по новому земскому положенію, земская дѣятельность, въ виду

этого, пріостановилась, а вмѣстѣ съ этимъ „остановилось и развитіе безплатныхъ народныхъ библіотекъ". Характерно для Вологодской губерніи также то обстоятельство, что „въ ней почти совершенно отсутствуетъ частная инициатива въ развитіи библіотечнаго дѣла". Въ исторіи библіотечнаго дѣла въ Балашовскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи замѣчается два характерныхъ періода: „сначала библіотеки возникаютъ исключительно по иниціативѣ частныхъ лицъ, чаще всего мѣстныхъ землевладѣльцевъ, и содержатся на ихъ средства и при пособіи С.-Петербургскаго комитета грамотности, который въ свое время далъ серьезный толчекъ дѣлу. Сельскія общества не принимаютъ никакого участія въ содержаніи библіотекъ, земство лишь въ слабой степени. Постепенное распространеніе библіотекъ вызываетъ къ себѣ вниманіе со стороны земства. „Послѣднее ассигнуетъ на нихъ извѣстныя суммы, но возникновеніе ихъ по прежнему зависитъ отъ частной иниціативы" и „носитъ случайный характеръ, такъ какъ всецѣло зависитъ отъ присутствія въ томъ или другомъ селѣ энергичнаго интеллигентнаго лица. Села съ густымъ населеніемъ часто остаются безъ библіотекъ, маленькія — имѣютъ ихъ, земская иниціатива почти не играетъ никакой роли". Это—періодъ не организованной земской помощи библіотечному дѣлу, который вскорѣ смѣнился вторымъ періодомъ—„періодомъ организованной, планомѣрной земской иниціативы въ дѣлѣ внѣшкольнаго образованія народа" и прежде всего въ библіотечномъ дѣлѣ. Въ этомъ именно направленіи происходитъ его развитіе во всей земской Россіи, и мы нисколько не боимся ошибиться, если скажемъ, что будущая безплатная народная библіотека, какъ и будущая народная школа, явится учрежденіемъ, всецѣло содержимымъ на средства всѣхъ плательщиковъ налоговъ, т. е. земствомъ, городомъ или будущей мелкой земской единицей. При столь близкой аналогіи развитія народныхъ библіотекъ съ развитіемъ народныхъ школъ, между ними есть, однако же, и одно, очень характерное, различіе. Какъ извѣстно, заботы о народной школѣ были очень долго сосредоточены исключительно въ рукахъ уѣздныхъ земствъ, губернскія же земства стали принимать въ этомъ участіе только очень недавно. Въ библіотечномъ же дѣлѣ, напротивъ, губернскія земства съ самаго начала стали играть очень видную роль. Объясняется это, конечно, той общей эволюціей во взглядахъ земскихъ дѣятелей на земское хозяйство, которая успѣла произойти къ тому времени, когда созданіе народныхъ библіотекъ стало очереднымъ общественнымъ дѣломъ. Земская работа въ этой области основана на совмѣстной дѣятельности губернскаго и уѣздныхъ земствъ. Какое значеніе уже успѣла получить эта работа, видно, напр., хотя бы изъ слѣдующихъ данныхъ: въ Полтавской губерніи земскія библіотеки составляютъ болѣе 61%

общаго ихъ количества въ губерніи, въ Курской губерніи—около 62%, въ Вологодской—болѣе 98% и т. д.

Финансовыя средства, которыми располагаютъ въ настоящее время народныя библіотеки, въ громадномъ большинствѣ случаевъ совершенно ничтожны. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія по этой части библіотечнаго дѣла очень скудны; впрочемъ, и то, что имѣется, вполнѣ достаточно для общей характеристики. Такъ, весь годичный расходъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ Полтавской губерніи на народныя библіотеки не достигаетъ и 6 т. р., а въ среднемъ на одну библіотеку этого расхода приходится 115 р. Годичный бюджетъ народныхъ библіотекъ Вологодской губерніи равняется 8½ т. рублей, изъ которыхъ земствами доставлено 82,5%, сельскими обществами 6%, частными лицами 5%, просвѣтительными обществами—2% и изъ всѣхъ другихъ источниковъ получено 4,4%. Средній годичный расходъ на одну народную библіотеку Вологодской губерніи равняется всего 49 рублямъ, колеблясь въ отдѣльныхъ уѣздахъ между 190 р. и 14 р. Надо замѣтить, что въ финансовомъ отношеніи судьба народныхъ библіотекъ почти повсемѣстно характеризуется однѣми и тѣми же чертами: первоначально всѣ средства почти исключительно употребляются на учрежденіе библіотекъ, а на дальнѣйшее ихъ содержаніе обращается самое незначительное вниманіе. Но ненормальность такого отношенія къ дѣлу скоро становится очевидной, и съ теченіемъ времени расходы по содержанію библіотекъ начинаютъ все болѣе и болѣе увеличиваться. Однако до сихъ поръ народныя библіотеки съ болѣе или менѣе солиднымъ бюджетомъ, обезпечивающимъ правильную и прочную постановку дѣла, составляютъ лишь очень небольшое меньшинство.

Понятно, что ничтожность библіотечныхъ бюджетовъ должна крайне неблагопріятно отражаться на всѣхъ сторонахъ библіотечнаго дѣла и въ особенности на тѣхъ, которыя такъ или иначе могутъ быть организованы или вовсе безъ всякихъ расходовъ, или съ самыми минимальными и совершенно уже неизбѣжными тратами. Къ числу такихъ сторонъ библіотечнаго дѣла относится прежде всего вопросъ о помѣщеніи.

Въ Полтавской губерніи спеціально для библіотекъ устроенные дома имѣютъ всего четыре библіотеки и почти двѣ трети библіотекъ помѣщается при волостныхъ и сельскихъ правленіяхъ. Въ Вологодской губерніи громадное большинство библіотекъ помѣщается при школахъ, нѣкоторая часть, весьма незначительная, при волостныхъ правленіяхъ и совсѣмъ ничтожное число въ другихъ помѣщеніяхъ, при чемъ собственное помѣщеніе имѣетъ всего на всего одна народная библіотека. Такой характеръ библіотечныхъ помѣщеній влечетъ за собой то, что далеко не всѣ

библіотеки обезпечены отдѣльными комнатами. Въ той же Вологодской губерніи громадное большинство библіотекъ не имѣютъ отдѣльныхъ комнатъ, библіотекъ, имѣющихъ одну отдѣльную комнату, около 11%, а имѣющихъ двѣ комнаты всего 1%. Удобствами помѣщенія, главнымъ образомъ, опредѣляется теперь и самый характеръ библіотеки-читальни, т. е. дѣйствуетъ ли она только какъ библіотека, или же какъ библіотека и читальня вмѣстѣ. Въ Полтавской губерніи имѣютъ при себѣ читальни 58% библіотекъ, а въ Вологодской губерніи читальни имѣются лишь при совершенно ничтожномъ количествѣ библіотекъ (4,6%), да въ такомъ же количествѣ библіотекъ, не смотря на отсутствіе читаленъ, все же допускается чтеніе книгъ. Вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ необходимы читальни при сельскихъ библіотекахъ, имѣющейся литературой еще не достаточно выясненъ. Принципіально же онъ, разумѣется, можетъ быть рѣшенъ только въ положительномъ смыслѣ, между тѣмъ какъ господствующія условія, какъ мы видимъ, заставляютъ рѣшить его въ совершенно обратномъ смыслѣ.

Нисколько не въ лучшемъ положеніи находится и другой важный вопросъ библіотечнаго дѣла—условія труда библіотекарей. Въ Вологодской губерніи огромное большинство библіотекарей не получаютъ никакого вознагражденія (84,5%), а изъ получающихъ плату лишь весьма немногіе имѣютъ болѣе 50 р., средній же размѣръ вознагражденія библіотекарей равняется въ этой губерніи всего 36 р. По условіямъ вознагражденія библіотекарскаго труда, всѣ уѣзды Вологодской губерніи распредѣляется на три, крайне неравномѣрныя, группы: въ 5 уѣздахъ до сихъ поръ нѣтъ ни одного платнаго библіотекаря, въ 4 уѣздахъ получаютъ плату не всѣ библіотекари и только въ одномъ уѣздѣ всѣ. Характерно, что количество безплатныхъ библіотекарей очень близко къ количеству библіотекарей изъ народныхъ учителей, такъ что преобладающимъ типомъ библіотекаря является теперь въ Вологодской губерніи учитель начальной школы, работающій въ библіотекѣ безплатно и отдающій ей столько времени, сколько имѣетъ его свободнымъ отъ своихъ профессіональныхъ занятій. Кромѣ народныхъ учителей, въ составъ библіотекарей по Вологодской губерніи входятъ волостные писаря (8,7%), духовенство (1%), крестьяне (1,6%) и на всѣ остальныя категоріи приходится 2,1%. Въ Полтавской губерніи находимъ уже нѣсколько лучшія условія. Библіотекарей, служащихъ безплатно, здѣсь только около 30%, всѣ же остальные получаютъ опредѣленное годичное вознагражденіе, при чемъ въ одномъ уѣздѣ они получаютъ по 120 р., а въ большинствѣ остальныхъ по 25—100 р. Въ одной библіотекѣ Золотоношскаго уѣзда мѣстное сельское общество смотритъ на эту должность, какъ на общественную повинность, для исполненія которой ежегодно избирается новое лицо. Изъ общаго количества библіотекарей въ Полтавской губерніи, больше трети не несутъ

никакихъ другихъ обязанностей, остальныя же двѣ трети комплектуются изъ волостныхъ и сельскихъ писарей, учителей, волостныхъ судей, псаломщиковъ и волостныхъ старшинъ. Больше двухъ третей библіотекарей составляютъ лица съ домашнимъ или низшимъ образованіемъ, и только остальные получили полное или неполное среднее образованіе. Въ общемъ же, по даннымъ изслѣдованія, почти половина библіотекарей не удовлетворяютъ своему назначенію, если только предъявляютъ къ библіотекарямъ народныхъ читаленъ „условіе достаточнаго знакомства со степенью развитія каждаго читателя и книгами, составляющими библіотеку". Насколько можно судить по имѣющимся даннымъ, на современное положеніе народныхъ библіотекарей въ громадномъ большинствѣ мѣстностей нельзя смотрѣть иначе, какъ на переходное. Среди дѣятелей библіотечнаго дѣла все болѣе распространяется мысль, что для нормальной жизни народной библіотеки такъ же необходимъ самостоятельный, достаточно оплачиваемый и подготовленный библіотекарь, какъ для народной школы необходимъ народный учитель, компетентный въ своемъ дѣлѣ. Повидимому, дѣло и развивается именно въ сторону приравненія должности народнаго библіотекаря къ должности народнаго учителя. Характернымъ представляется въ этомъ отношеніи постановленіе послѣдняго совѣщанія завѣдующихъ народными библіотеками Балашовскаго уѣзда. Совѣщаніе высказалось за необходимость учрежденія въ самостоятельныхъ библіотекахъ должностей отдѣльныхъ библіотекарей съ учительскимъ жалованьемъ, а для завѣдующихъ остальными библіотеками совѣщаніе опредѣлило нормы вознагражденія въ 60 р. и 36 р. (въ пришкольныхъ библіотекахъ). Мелитопольская уѣздная земская управа проектируетъ ввести нѣсколько нормъ вознагражденія учителей, завѣдующихъ библіотеками, въ соотвѣтствіи съ количествомъ выдаваемыхъ изъ библіотеки книгъ.

Условія, въ которыхъ находятся современныя народныя библіотеки относительно помѣщенія и труда библіотекарей, опредѣляютъ собой очень незначительную интенсивность ихъ дѣятельности. Въ Вологодской губерніи лишь немного болѣе половины всѣхъ народныхъ библіотекъ дѣйствуетъ круглый годъ, остальныя же функціонируютъ только въ учебное время. При этомъ ежедневная выдача книгъ не практикуется даже и въ третьей части библіотекъ; отъ 3 до 5 разъ въ недѣлю книги выдаются лишь самымъ ничтожнымъ числомъ библіотекъ, большинство же библіотекъ (63,5%) функціонируетъ лишь одинъ или два дня въ недѣлю. Такимъ образомъ, четверть библіотекъ въ губерніи выдаетъ книги приблизительно около 220 дней въ году, другая четверть—отъ 100 до 150 дней и, наконецъ, остальная половина библіотекъ выдаетъ книги отъ 50 до 100 дней въ году. На этихъ цифрахъ какъ нельзя болѣе ясно отражается громадное преобладаніе народныхъ учителей въ составѣ библіотекарей Во-

логодской губерніи: „очевидно библіотекари—народные учителя не въ состояніи удѣлить хотя часть отъ своего рабочаго времени на выдачу книгъ въ библіотекахъ“, и главнымъ временемъ функціонированія библіотекъ являются поэтому праздники. Интенсивность дѣятельности народныхъ библіотекъ Полтавской губерніи значительно выше: больше трети библіотекъ выдаютъ книги ежедневно и, въ общемъ, около двухъ третей всѣхъ библіотекъ функціонируютъ болѣе полугода и свыше одной трети—менѣе полугода. Ближайшее изслѣдованіе вопроса объ интенсивности дѣятельности народныхъ библіотекъ въ Полтавской губерніи показало, что наичаще открыты для публики тѣ библіотеки, которыя имѣютъ при себѣ и читальни; что она находится въ связи съ окладомъ библіотекарей, и что пользованіе добровольнымъ и безплатнымъ трудомъ библіотекаря, какъ явленіе ненормальное, встрѣчается наименѣе въ библіотекахъ-читальняхъ.

-

Что же представляетъ собой современная народная библіотека по своему книжному запасу? На качественной сторонѣ его мы остановимся ниже, теперь же обратимъ вниманіе исключительно на количественную. По даннымъ о восьми земскихъ губерніяхъ *), каждая народная библіотека имѣетъ, въ среднемъ, отъ 228 (Вологодская губ.) до 570 (Саратовская губ.) названій книгъ, при числѣ томовъ отъ 274 (Вологодская губ.) до 619 (Нижегородская губ.) и средней стоимости: одной библіотеки отъ 103 (Вологодская губ.) до 357 (Саратовская губ.) рублей; одного названія отъ 45 (Вологодская губ.) до 63 (Саратовская губ.) книжекъ и одной книги отъ 32 (Полтавская губ.) до 55 (Нижегородская губ.) копѣекъ. Однако, приведенныя данныя сильно колеблятся не только по различнымъ губерніямъ, но и въ предѣлахъ одной и той же губерніи и въ различныхъ категоріяхъ народныхъ библіотекъ. Въ Вологодской губерніи „число книгъ въ той или иной библіотекѣ не имѣетъ никакихъ минимальныхъ предѣловъ. Нѣкоторыя библіотеки настолько маломощны въ этомъ отношеніи, что даже самое ихъ существованіе становится фиктивнымъ“. Въ самомъ дѣлѣ, около 9% библіотекъ Вологодской губерніи имѣютъ всего до 50 названій книгъ, а библіотекъ, имѣющихъ книгъ на сумму не болѣе 25 рублей, здѣсь около 14%, при чемъ есть библіотеки (1,1%), имѣющія книгъ менѣе, чѣмъ на 10 рублей. Въ Полтавской губерніи всѣ народныя библіотеки были распредѣлены на три главныя группы, типичныя для всего вообще современнаго народно-библіотечнаго дѣла, при чемъ оказалось, что книжный инвентарь общественно-земскихъ библіотекъ и библіотекъ сель-

*) Владимірской, Нижегородской, Пензенской, Пермской, Полтавской, Саратовской, Таврической и Ярославской.

скихъ обществъ втрое дороже инвентаря библiотекъ-читаленъ попечительства о народной трезвости и болѣе, чѣмъ въ четыре раза, превосходитъ инвентарь народно-школьныхъ библiотекъ. При этомъ общественно земскiя библiотеки-читальни имѣютъ, сравнительно, наиболѣе объемистыя и дорогiя книги, попечительскiя же библiотеки, помѣщающiяся въ большинствѣ случаевъ при чайныхъ, снабжены книгами меньшаго объема, что, несомнѣнно, объясняется самой организацiей этихъ библiотекъ—стремленiемъ дать посѣтителямъ чайной и читальни книгу, которая можетъ быть прочитана тутъ же и при томъ въ наиболѣе короткое время. Для характеристики книжнаго богатства нашихъ народныхъ библiотекъ не лишне упомянуть, что по даннымъ Вологодской губернiи „на каждыя тридцать душъ населенiя приходится только по одной книгѣ", а стоимость книгъ въ народныхъ библiотекахъ Балашовскаго уѣзда Саратовской губернiи составляетъ 13 копѣекъ на каждаго жителя. Въ среднемъ для всей земской Россiи, не говоря уже объ остальной странѣ, эта послѣдняя цифра должна быть еще понижена.

При наличности столь незначительнаго книжнаго запаса, особенное значенiе получаетъ его ежегодное пополненiе, но намъ уже приходилось указывать на то, что только въ послѣднее время стали усиливаться заботы объ обезпеченiи народнымъ библiотекамъ достаточнаго ежегоднаго бюджета и на этомъ пути предстоитъ сдѣлать еще очень и очень многое. Какъ мы уже видѣли, библiотечный бюджетъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, все еще крайне недостаточенъ и хотя онъ расходуется главнымъ образомъ именно на пополненiе книжнаго запаса библiотекъ, дѣло мало двигается впередъ. Въ Вологодской губернiи на прiобрѣтенiе книгъ и перiодическихъ изданiй идетъ почти три четверти всего библiотечнаго бюджета и, тѣмъ не менѣе, на то и другое, въ среднемъ, въ теченiе года, каждой библiотекой затрачено менѣе 35 рублей. Однако библiотеки, прiобрѣтавшiя книги, составляли только 77% всѣхъ народныхъ библiотекъ губернiи и увеличенiе ихъ книжнаго запаса шло далеко неравномѣрно: болѣе половины библiотекъ обновляли и пополняли свой составъ на сумму не свыше 25 рублей, около четверти—отъ 25 до 50 рублей и менѣе четверти—свыше 50 рублей. По Полтавской губернiи однородныя данныя были доставлены только 8 библiотеками; въ среднемъ, онѣ пополнялись книгами на 70 рублей въ годъ. Очевидно, что эти библiотеки принадлежатъ къ числу лучшихъ, и въ этомъ отношенiи необходимо имѣть въ виду вполнѣ вѣрное замѣчанiе изслѣдованiя, „что отчетъ, а тѣмъ болѣе отчеты, годные для разработки, могли прислать библiотеки, наиболѣе хорошо выполняющiя свое назначенiе".

Имѣющiйся въ народныхъ библiотекахъ 8 земскихъ губернiй книжный запасъ распредѣляется по различнымъ отдѣламъ слѣ-

дующимъ образомъ *). Первое мѣсто, какъ и слѣдовало ожидать, принадлежитъ отдѣлу литературному, къ которому относится отъ 35,5 до 48% всѣхъ библіотечныхъ книгъ, непосредственно за нимъ идетъ отдѣлъ духовно нравственныхъ книгъ съ 9,5—21% книгъ, а всѣ остальные отдѣлы располагаются въ слѣдующей постепенности: историческій съ 11—15,5% книгъ, географическій съ 6,2—12% книгъ, естественно-историческій и медицинскій 7—12%, сельско-хозяйственный 5—9%, прочихъ книгъ 2—6%, періодическихъ изданій 0,5—4%.

Познакомившись съ тѣмъ, что представляетъ собою современная народная библіотека, посмотримъ, сколько и какихъ читателей она имѣетъ, какія предъявляются къ ней со стороны читателей требованія и насколько послѣднія удовлетворяются.

По даннымъ тринадцати земскихъ губерній **), на каждую народную библіотеку приходится, въ среднемъ, менѣе двухсотъ читателей (отъ 56,4 въ Вологодской губерніи до 385 въ Пензенской), изъ которыхъ на долю женщинъ приходится лишь немного болѣе одной десятой части (отъ 9% въ Саратовской и Полтавской губерніяхъ до 19% въ Ярославской). Какъ извѣстно, среди учащихся народныхъ школъ дѣвочекъ также гораздо меньше, чѣмъ мальчиковъ, но въ Полтавской губерніи, напримѣръ, въ народныхъ библіотекахъ эта неравномѣрность почти въ два съ половиной раза больше, чѣмъ въ народныхъ школахъ, и такимъ образомъ „тѣ же условія, которыя препятствуютъ женщинѣ получать грамоту, сказываются еще сильнѣе въ отношеніи дальнѣйшаго ея развитія и образованія". Однако на самомъ дѣлѣ это заключеніе нуждается въ значительной поправкѣ и по Екатеринославской губерніи, напримѣръ, читаемъ, что „малое число женщинъ, съ одной стороны, указываетъ на рѣдко встрѣчающуюся среди женщинъ грамотность, съ другой стороны, вѣроятно, характеризуетъ бытовыя условія: личность крестьянской женщины мало проявляется внѣ дома. Принявъ во вниманіе сильно развитый среди крестьянъ обычай читать книгу группой—вслухъ, нужно думать, что духовная пища доступна и мужчинамъ, и женщинамъ почти одинаково: имѣющіе уши слышать, да слышатъ"...

По своему возрастному составу, читатели народныхъ библіотекъ распредѣляются, приблизительно, слѣдующимъ образомъ: около одной пятой общаго ихъ количества составляютъ дѣти, около двухъ пятыхъ — подростки и только остальныя двѣ пя-

*) По губерніямъ: Вологотской, Нижегородской, Пермской, Полтавской, Саратовской, Харьковской, Черниговской и Ярославской.

**) Владимірской, Вологодской, Екатеринославской, Курской, Нижегородской, Пензенской, Пермской, Полтавской, Саратовской, Таврической, Харьковской, Черниговской и Ярославской.

тыхъ — взрослые *). Насколько можно судить по немногимъ имѣющимся даннымъ, количество взрослыхъ читателей, въ общемъ, увеличивается. Такъ, по Курской губерніи за послѣдніе 4 года процентъ взрослыхъ читателей-мужчинъ увеличился на 0,6%, а взрослыхъ женщинъ на 8,1%. Тѣмъ не менѣе, количество взрослыхъ читателей нельзя не признать несоразмѣрно малымъ. По нѣсколькимъ губерніямъ мы находимъ кой какія указанія для освѣщенія этого явленія. Прежде всего въ этомъ отношеніи, навѣрное, вліяетъ то же обстоятельство, на которое намъ уже приходилось указывать при объясненіи небольшого процента читательницъ. Въ Вологодской губерніи, „по указаніямъ знатоковъ деревни, книги читаются на дому и преимущественно вслухъ, а роль подписчиковъ библіотекъ выполняютъ въ значительной мѣрѣ или ученики начальныхъ школъ, или же только вышедшая изъ начальныхъ школъ молодежь, которая стоитъ въ тѣсной связи еще съ нею". Далѣе въ этомъ отношеніи несомнѣнно оказываетъ замѣтное вліяніе то или иное состояніе дѣтскихъ школьныхъ библіотекъ. Такъ, въ библіотекахъ Полтавской губерніи процентъ подписчиковъ-дѣтей почти вдвое ниже, чѣмъ въ библіотекахъ сосѣдней Харьковской губерніи; вѣроятное объясненіе этой разницы, по словамъ изслѣдованія, кроется въ томъ обстоятельствѣ, что полтавское губернское земство субсидируетъ уѣздныя земства при устройствѣ ими школьныхъ и народно-школьныхъ библіотекъ и, такимъ образомъ, дѣти, особенно учащіяся, имѣютъ почти во всѣхъ школахъ губерніи спеціально для нихъ устроенныя библіотеки. Несомнѣнное вліяніе оказываетъ на малый процентъ взрослыхъ читателей имѣющійся въ современныхъ библіотекахъ подборъ книгъ, но объ этой сторонѣ дѣла мы будемъ говорить ниже. Теперь же приведемъ еще наблюденія по этому вопросу въ библіотекахъ Екатеринославской губерніи: „большее или меньшее количество взрослыхъ въ женскихъ народныхъ библіотекахъ-читальняхъ зависитъ отъ многихъ причинъ: отъ степени грамотности и умственнаго развитія взрослой массы въ томъ селеніи, гдѣ находится библіотека, напримѣръ, въ фабрично-заводскомъ районѣ процентъ взрослыхъ болѣе высокъ, чѣмъ въ земледѣльческомъ" **), далѣе отмѣчается, что „вообще взрослые болѣе требовательны къ книгѣ, особенно заводскіе рабочіе. Поздняя присылка журналовъ, необновленіе состава библіотеки

---

*) По даннымъ Пензенской, Полтавской и Таврической губерній дѣтей до 12 л. — 21% (14 — 23%), читателей 12 — 17 л. — 41% (33 — 44%); 17 лѣтъ и свыше — 38% (29 — 53%). По Вологодской, Курской, Пермской, Саратовской, Харьковской, Черниговской и Ярославской губерніямъ число читателей до 15 лѣтъ колеблется отъ 29 до 60%, 15 лѣтъ и свыше — между 40 и 71%.

**) Здѣсь есть библіотеки съ 86, 95 и даже 100 проц. взрослыхъ читателей.

новой выписской книгъ—все это ярко отражается на количествѣ взрослыхъ". Наконецъ, „процентъ взрослыхъ въ библіотекѣ зависитъ также отъ совершенно посторонней библіотечному дѣлу, но очень важной причины—экономическаго положенія взрослаго читателя въ данное время. Застой въ промышленныхъ дѣлахъ создаетъ безработицу въ фабрично-заводской мѣстности, и взрослый читатель выписывается изъ библіотеки и уѣзжаетъ. Въ числѣ записанныхъ причинъ выписки отъѣздъ фигурируетъ въ 30%. Въ библіотекахъ, гдѣ подписчикомъ является исключительно земледѣлецъ-крестьянинъ, взрослые выписываются изъ библіотеки при наступленіи полевыхъ работъ, когда матеріальныя заботы отодвигаютъ на задній планъ духовныя потребности".

Уже на основаніи данныхъ о распредѣленіи читателей народныхъ библіотекъ по возрастамъ, легко замѣтить ту тѣсную связь, которую имѣетъ дѣятельность библіотекъ съ народной школой. Она выступаетъ еще яснѣе при изученіи состава читателей по образованію. Въ этомъ отношеніи всѣ имѣющіяся свѣдѣнія близко между собою сходятся.

Въ Вологодской губ. и Балашевскомъ уѣздѣ Саратовской губ. окончившіе народную школу, вышедшіе изъ нея до окончанія курса и учащіеся составляютъ около 91,1% всѣхъ читателей библіотекъ, въ Курской губерніи около 70% общаго числа подписчиковъ даютъ лица, бывшія въ земской школѣ; въ Екатеринославской губерніи „образованіе читателя сельскихъ библіотекъ характеризуется двумя словами: всѣ почти учились въ народныхъ школахъ" и т. д. Чтобы исчерпать имѣющіяся свѣдѣнія, характеризующія составъ читателей народныхъ библіотекъ, намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о районѣ, на который простирается дѣйствіе народной библіотеки, и о томъ, какую величину представляютъ собой подписчики библіотекъ по отношенію къ общему числу мѣстнаго населенія. При незначительномъ количествѣ имѣющихся въ настоящее время библіотекъ, обслуживаемый ими районъ рѣдко ограничивается однимъ селеніемъ, и обыкновенно онѣ развиваютъ свою дѣятельность въ нѣсколькихъ сосѣднихъ пунктахъ, при чемъ есть случаи, когда подписчики живутъ за 15, 20, 25 и даже болѣе верстъ отъ мѣста расположенія библіотеки. При составленіи библіотечной сѣти, радіусомъ, повидимому, можетъ быть теперь принято разстояніе въ 6 верстъ; по крайней мѣрѣ, эта именно цифра выяснена изслѣдованіемъ по двумъ такимъ различнымъ губерніямъ, какъ Полтавская и Вологодская. Совершенно понятно, что „посѣщеніе библіотекъ читателями въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ разстоянія: съ далекаго разстоянія читатели ходятъ въ библіотеки рѣже, а то и совсѣмъ ихъ не посѣщаютъ. Это особенно замѣтно на женскомъ элементѣ, который уменьшается почти въ ариѳметической прогрессіи обратно пропорціонально разстоянію... для женщинъ дѣй-

ствіе народной библіотеки очерчивается самое большее 6-тиверстнымъ радіусомъ, съ разстоянія выше 6 верстъ онѣ уже не вездѣ посѣщаютъ библіотеки. За предѣлами этой площади библіотеки имѣютъ, надо полагать, случайныхъ читателей. Вообще читатели съ 6-тиверстнаго разстоянія начинаютъ рѣдѣть и посѣщаютъ библіотеки только потому, что онѣ являются дѣйствительно рѣдкостью въ Вологодской губерніи", читаемъ мы въ мѣстномъ изслѣдованіи библіотечнаго дѣла. По всей вѣроятности, дальность разстоянія вліяетъ не только на количество читателей, но и на интенсивность пользованія ими библіотекой. Что касается отношенія читателей народныхъ библіотекъ ко всему населенію, то оно, конечно, значительно колеблется въ разныхъ губерніяхъ и разныхъ мѣстностяхъ одной и той же губерніи, но для общей характеристики современнаго положенія библіотечнаго дѣла достаточно упомянуть, что въ Вологодской губерніи, напримѣръ, читатели народныхъ библіотекъ составляютъ приблизительно 0,3% всего населенія губерніи. По Полтавской губерніи изслѣдованіемъ произведено сопоставленіе числа читателей съ общимъ числомъ населенія тѣхъ именно селеній, въ которыхъ расположены народныя библіотеки, при чемъ оказалось, что читатели составляютъ 9,5% всего населенія—цифра довольно высокая, особенно принимая во вниманіе распространенность чтенія вслухъ и передачи книги отъ одного читателя къ другому. Обратимся теперь къ вопросу, *сколько* читаютъ подписчики народныхъ библіотекъ, что именно читаютъ и насколько удовлетворяются предлагаемымъ имъ книжнымъ матеріаломъ.

Среднее количество прочитываемыхъ каждымъ подписчикомъ въ теченіе года книгъ можетъ быть принято равнымъ 8: по даннымъ о библіотекахъ десяти земскихъ губерній оно колеблется между 5,2 въ Вологодской губерніи и 12,8 въ Нижегородской. Больше всего, конечно, читаются книги беллетристическія, составляющія 39,5—72% всѣхъ прочитанныхъ книгъ, а остальные отдѣлы распредѣляются по читаемости въ слѣдующемъ нисходящемъ порядкѣ: духовно-нравственныя книги (8—18%), историческія (7—15%), географическія (4,5—7%), по естествознанію (3—5,5%), сельско-хозяйственныя (1—3%) и прочія книги (0,5—5%). Что касается періодическихъ изданій, то сопоставленіе ихъ читаемости съ имѣющимся въ библіотекахъ запасомъ показываетъ, что они читаются очень интенсивно: процентъ прочитанныхъ изданій выше соотвѣтствующаго процента ихъ въ библіотечномъ запасѣ. Такое же явленіе наблюдается и относительно литературнаго отдѣла библіотекъ, но во всѣхъ же остальнымъ отдѣламъ замѣчается обратное явленіе: процентъ прочитанныхъ изъ нихъ книгъ ниже процента ихъ въ общемъ библіотечномъ запасѣ. Библіотечные отчеты показываютъ, что масса читателей предъявляетъ къ народнымъ библіотекамъ довольно

устойчивыя требованія, и организаторы библіотекъ обязаны съ ними считаться, если не хотятъ, чтобъ ихъ библіотеки работали слабѣе, чѣмъ могли бы работать при болѣе правильной постановкѣ. Такъ, въ двухъ библіотекахъ Полтавской губерніи вовсе отсутствуетъ литературный отдѣлъ, но это обстоятельство не могло заставить читать болѣе усиленно книги прочихъ отдѣловъ: только книги по географіи и путешествіямъ, какъ отчасти способныя замѣнить собой беллетристику, читаются нѣсколько сильнѣе, чѣмъ въ прочихъ библіотекахъ, имѣющихъ и литературный отдѣлъ. Въ библіотекахъ Черниговской губерніи сравнительно слабо представленъ отдѣлъ книгъ духовно-нравственнаго содержанія, и въ то же время здѣсь замѣчается сильная читаемость книгъ этого отдѣла. Въ общемъ, насколько можно судить по далеко недостаточнымъ имѣющимся свѣдѣніямъ, количество книгъ въ разныхъ отдѣлахъ народныхъ библіотекъ соотвѣтствуетъ читаемости этихъ отдѣловъ; сравнительно съ литературнымъ отдѣломъ остальные отдѣлы представлены въ библіотекахъ или достаточно, или даже болѣе чѣмъ достаточно. Однако это обстоятельство еще не даетъ основанія заключать, что нынѣшніе показатели читаемости разныхъ отдѣловъ дѣйствительно выражаютъ собой отношеніе къ нимъ читателей. Нѣтъ сомнѣнія, что слабая читаемость научныхъ отдѣловъ современныхъ народныхъ библіотекъ объясняется вовсе не индиферентностью читателей къ научнымъ вопросамъ, а качествомъ того научнаго матеріала, который можетъ имъ предложить библіотека. Вотъ что читаемъ, напримѣръ, по этому вопросу относительно народныхъ библіотекъ Хорольскаго уѣзда. Слабая читаемость въ мѣстныхъ библіотекахъ книгъ по сельскому хозяйству, естествознанію, медицинѣ и гигіенѣ „объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что книги эти пишутъ обыкновенно люди бездарные, быть можетъ, и живо сознающіе необходимость изданія полезныхъ книгъ, но не надѣленные къ тому и скромнымъ талантомъ. Все еще люди не могутъ проникнуться той здравой мыслью, что простой народъ не требуетъ для себя и не нуждается въ особой для народа литературѣ, въ особой для народа наукѣ. Все истинно научное, все дѣйствительно художественно-литературное одинаково ему доступно, какъ и другому классу населенія, смотря по степени умственнаго его развитія и образовательной подготовкѣ. Это, между прочимъ, доказывается, и тѣмъ, что талантливо написанныя, дѣльныя книги читаются и теперь съ увлеченіемъ, почти наравнѣ съ княземъ Серебрянымъ или другими ходкими беллетристическими произведеніями. Но, кромѣ этой причины, серьезныя книги мало читаются еще и потому, что для надлежащаго ихъ пониманія требуется предварительная бесѣда библіотекаря съ читателемъ по трактуемому въ книгѣ предмету, съ цѣлью подготовить его къ пониманію ея содержанія“. Точно такъ же въ библіотекахъ Курской губерніи на-

селеніемъ хотя и „предъявляется запросъ на практическія знанія по сельскому хозяйству и техническія знанія, но удовлетворяется въ очень слабой степени, такъ какъ выборъ доступныхъ книгъ по этимъ отраслямъ ограниченъ... Отсутствіе популярныхъ брошюръ по юридическимъ вопросамъ вліяетъ несомнѣнно на то, что книги, взятыя изъ указаннаго отдѣла, составляютъ 0,2% по губерніи“.

Вліяніе, оказываемое качественной неудовлетворительностью библіотечнаго запаса, однако, далеко не ограничивается одними только научными и спеціальными отдѣлами народныхъ библіотекъ. Съ большей или меньшей силой, это отражается на всей дѣятельности послѣднихъ, и нѣтъ ни одного изслѣдованія библіотечнаго дѣла, въ которомъ не обращалось бы вниманія на это обстоятельство. Какъ извѣстно, въ народныя библіотеки до сихъ поръ еще допускаются не всѣ издаваемыя въ Россіи книги, а лишь тѣ изъ нихъ, которыя спеціально допускаются въ эти библіотеки ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. По подсчету, произведенному справочно-педагогическимъ бюро курскаго губернскаго земства для ярославской выставки прошлаго года, оказалось, что въ 1895, 1898 и 1901 гг. ученымъ комитетомъ разрѣшены для народныхъ библіотекъ лишь 4,1% общаго количества вышедшихъ въ эти годы книгъ, въ 1903 году процентъ этотъ повысился до 7,2%, но и эта цифра какъ нельзя болѣе краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о крайней ненормальности условій комплектованія народныхъ библіотекъ. Выше мы видѣли, что средняя народная библіотека имѣетъ теперь около 400 книгъ и что каждый читатель прочитываетъ въ теченіе года въ среднемъ 8 книгъ. Это сопоставленіе, казалось бы, должно привести къ заключенію, что нынѣшняя народная библіотека можетъ удовлетворять читателей десятки лѣтъ, и о недостаточности ея книжнаго запаса долго еще не можетъ быть рѣчи. Дѣйствительность, однако, обнаруживаетъ совсѣмъ иную картину. Въ Полтавской губерніи, чтобы перечитать всю библіотеку, среднему подписчику не хватило бы и 100 лѣтъ, „словомъ, со стороны обезпеченности библіотекъ книжнымъ имуществомъ, принимая во вниманіе небольшую читаемость, состояніе библіотекъ должно бы казаться вполнѣ удовлетворительнымъ, а книгъ вполнѣ достаточно для читателей. На самомъ же дѣлѣ мы видимъ и слышимъ совершенно другое. Въ то время, какъ народная школа переполнена учащимися,—народная библіотека, какъ говорятъ цифры, насчитываетъ теперь читателей меньшее количество, чѣмъ ихъ было раньше, т. е. библіотека перестала удовлетворять ихъ“. На вопросъ о томъ, достаточно ли въ данномъ селеніи книгъ для чтенія, получились чрезвычайно характерные отвѣты: въ общемъ, на недостатокъ книгъ указывается изъ 71% всѣхъ селеній, при чемъ въ селеніяхъ съ библіотеками этотъ процентъ (68—74%) лишь очень немно-

гимъ меньше, чѣмъ въ селеніяхъ безъ всякихъ библіотекъ (80%). Надо замѣтить, что относительно мѣстностей, имѣющихъ какую либо библіотеку и не чувствующихъ недостатка въ книгахъ, лишь немногія сообщенія приписываютъ отсутствіе такого недостатка мало развитой потребности въ книгахъ; изъ мѣстностей же, лишенныхъ библіотекъ, всѣ немногочисленныя показанія о достаточности книгъ для чтенія основаны на фактѣ отсутствія сознанной потребности населенія въ немъ, остальныя же всѣ, указывая на развившуюся потребность въ чтеніи, жалуются или на отсутствіе у нихъ библіотеки, или, если библіотека есть,—на недостатки въ ней книгъ. По четыремъ библіотекамъ Кобелякскаго уѣзда были собраны интересныя данныя о количествѣ неудовлетворенныхъ ими требованій со стороны читателей, при чемъ оказалось, что число получившихъ отказъ равняется 63—182% числа получившихъ книги. Мѣстная земская управа пишетъ, что вслѣдствіе неудовлетворительности библіотечнаго запаса „интересъ у читающаго быстро падаетъ". Объясненіе всѣмъ этимъ явленіямъ находимъ въ многочисленныхъ отдѣлахъ земскихъ корреспондентовъ о томъ, что „мало подходящихъ книгъ", „мало хорошихъ книгъ", „интересныя книги—прочитаны по нѣсколько разъ" и „больше трехъ разъ одной и той же книги читать не хотятъ" и т. д. По совершенно справедливому замѣчанію мѣстнаго изслѣдованія, всѣ эти заявленія несомнѣнно свидѣтельствуютъ „о какомъ-то крупномъ дефектѣ въ книжномъ составѣ народныхъ библіотекъ". Этотъ „крупный дефектъ" сильно даетъ себя знать и въ Курской губерніи; здѣсь „совсѣмъ оставляютъ библіотеку, къ сожалѣнію, наиболѣе цѣнные подписчики, которые, ознакомившись съ небогатымъ библіотечнымъ матеріаломъ, не могутъ найти въ библіотекѣ отвѣта на свои повышенные запросы.

Послѣднее явленіе не находится въ зависимости отъ экономической жизни деревни. Причина его лежитъ въ несовершенствѣ типа сельской библіотеки, стѣсненной чрезмѣрной регламентаціей въ выборѣ матеріала для чтенія". „Отъ многихъ завѣдующихъ библіотеками слышатся жалобы на то, что при существующемъ каталогѣ нѣтъ возможности удовлетворить хорошей книгой часто очень скромныхъ требованій, и дѣятельность библіотеки поневолѣ клонится къ упадку, какъ разъ въ то время, когда она должна бы развиваться". Что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ случайностью, а съ серьезнымъ явленіемъ, показываетъ то, что за послѣдніе три года среднее число читателей въ библіотекахъ Курской губерніи уменьшилось на 9%, а количество выданныхъ каждому читателю книгъ—на 15%. То же самое наблюдается и въ другихъ мѣстностяхъ и, между прочимъ, въ Нижегородской губерніи. Объясненіе этому явленію и здѣсь „приходится искать въ неудовлетворительности книжнаго состава народныхъ библіотекъ, въ бѣдности и убожествѣ той литературы, которая по су-

ществующимъ узаконеніямъ можетъ проникнуть въ народныя библіотеки, узости и спеціальности періодическихъ изданій, разрѣшенныхъ къ выпискѣ“. Искусственность книжнаго состава народныхъ библіотекъ съ особенной силой отражается на отношеніи къ библіотекѣ взрослаго населенія. Такъ, относительно екатеринославскихъ библіотекъ констатируется, что „качество библіотекъ оказываетъ свое вліяніе на возрастный составъ подписчика. Взрослый читатель предъявляетъ спросъ на современныхъ беллетристовъ, которые въ безплатныя библіотеки читальни, за рѣдкимъ исключеніемъ, не допущены каталогомъ разрѣшенныхъ книгъ“.

Въ одной изъ библіотекъ Полтавскаго уѣзда „число читателей съ каждымъ годомъ уменьшается, взрослое населеніе замѣняется подростками, почти дѣтьми. Причину этого, столь нежелательнаго, факта нужно видѣть въ томъ, что многіе изъ посѣтителей перечитали всѣ книги въ библіотекѣ и, не находя себѣ здѣсь больше духовной пищи, оставляютъ ее“. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ обстоятельствомъ, оказывающимъ серьезное вліяніе на возрастный составъ читателей народныхъ библіотекъ и искусственно задерживающимъ приливъ въ библіотеки наиболѣе цѣнныхъ кліентовъ: взрослыхъ мужчинъ и женщинъ. Мы могли бы привести еще сколько угодно иллюстрацій, характеризующихъ качественную сторону народныхъ библіотекъ, но полагаемъ, что и уже приведенныхъ болѣе чѣмъ достаточно для доказательства того, что нынѣшній искусственный подборъ книжнаго состава народныхъ библіотекъ не удовлетворяетъ народнаго читателя и задерживаетъ его умственное развитіе. Приведемъ здѣсь еще только слѣдующую небольшую, но крайне характерную, корреспонденцію о состоявшемся въ нынѣшнемъ году открытіи въ Костромской губерніи народной библіотеки имени Некрасова. „Послѣ молебна,—пишетъ корреспондентъ,—сейчасъ же была произведена выдача книгъ, а затѣмъ произошелъ приблизительно такой разговоръ: „Мнѣ бы вотъ почитать сначала самого Некрасова... Поди, стоющій писатель, коли читальня въ честь его“...—„Къ сожалѣнію, сочиненія Н. А. Некрасова въ народныя библіотеки не допущены“...—„Какъ же это? Коли и сама-то наша библіотека некрасовская?“ ...—„Да, она называется некрасовской, а сочиненія Некрасова не допущены“...

Говоря о неудовлетворительности книжнаго состава народныхъ библіотекъ, нельзя не отмѣтить еще двухъ обстоятельствъ. Первое—это особенная скудость и односторонность допущенныхъ въ народныя библіотеки газетъ и журналовъ, а между тѣмъ они, какъ мы уже видѣли, составляютъ одинъ изъ самыхъ читаемыхъ отдѣловъ библіотеки. Благодаря искусственнымъ ограниченіямъ, быстро развивающееся въ населеніи общественное самосознаніе можетъ найти въ современной народной библіотекѣ лишь жалкія крохи того, что даетъ періодическая печать

для освѣщенія современной политической и культурной жизни человѣчества. Второе обстоятельство не менѣе характерно и важно. Всякому извѣстно, какъ много въ Россіи населенія, или вовсе не понимающаго по-русски, или знающаго русскій языкъ очень плохо; при чемъ у нѣскольких народностей имѣется собственная родная литература, достигшая высокаго развитія. Достаточно назвать здѣсь поляковъ, нѣмцевъ, евреевъ, малороссовъ. Между тѣмъ, дѣйствующія правила о городскихъ библіотекахъ и изданные для нихъ каталоги совершенно почти игнорируютъ самые, казалось бы, элементарные интересы всѣхъ этихъ народностей. Для народныхъ библіотекъ губерній Царства Польскаго составлены спеціальные каталоги, являющіе еще неизмѣримо болѣе жалкое и уродливое зрѣлище, чѣмъ общіе каталоги народныхъ библіотекъ. Для всѣхъ же прочихъ народностей въ этихъ каталогахъ просто на просто почти вовсе не имѣется книгъ на ихъ родныхъ языкахъ; какое огромное значеніе имѣетъ этотъ дефектъ, видно хотя бы изъ слѣдующихъ отзывовъ относительно библіотекъ среди малорусскаго населенія, говорящаго очень родственнымъ русскому языкомъ: „люди нашей захолустности мало понимаютъ слова русскаго языка, приходится почти что каждое слово переводить на свой языкъ"; „желательно, чтобы въ наши библіотеки были допущены книги на литовскомъ языкѣ, тогда было бы больше читающихъ"; „мало допущено книгъ въ библіотеки, и родной малорусскій языкъ, по независящимъ обстоятельствамъ, не имѣетъ возможности отражать въ литературѣ свой народъ". Саратовскимъ губернскимъ земствомъ уже вторично представлено ходатайство о допущеніи въ народныя библіотеки нѣмецкихъ колоній книгъ на нѣмецкомъ языкѣ, такъ какъ нѣмецкое населеніе, составляющее половину всего населенія Камышинскаго уѣзда, не умѣетъ читать по-русски. Вслѣдствіе этого, „имѣющіяся въ нѣкоторыхъ селеніяхъ библіотеки приносятъ мало пользы населенію, такъ что стремленіе камышинскаго земства къ болѣе продуктивному внѣшкольному образованію въ цѣлой половинѣ своего уѣзда, при существующихъ условіяхъ, не достигаетъ цѣли".

Не смотря на незначительность денежныхъ средствъ и на крайне неблагопріятныя внѣшнія условія, народныя библіотеки успѣли уже завоевать себѣ прочныя симпатіи массы населенія, и дѣятельность ихъ быстро развивается. Съ достаточной опредѣленностью намѣчаются уже и нѣкоторыя, очень существенныя основанія организаціи нашего народно-библіотечнаго дѣла. Одно изъ этихъ основаній присуще нашимъ народнымъ библіотекамъ съ самаго ихъ основанія и теперь не возбуждаетъ уже никакихъ споровъ. Наши земства, города и наше общественное мнѣніе сразу признали, что народная библіотека должна быть общественнымъ уч-

ражденіемъ, открытымъ для всеобщаго безплатнаго пользованія и назначеннымъ для удовлетворенія умственныхъ потребностей массы взрослаго населенія подобно тому, какъ народная школа назначена для предоставленія всѣмъ дѣтямъ безплатнаго элементарнаго образованія. Развитіе библіотечнаго дѣла идетъ именно по этому пути, но на немъ сдѣланы пока только самые первые шаги, и, конечно, пройдетъ еще не мало времени до тѣхъ поръ, когда вся Россія покроется густою, правильною сѣтью народныхъ библіотекъ, вполнѣ удовлетворяющихъ своему высокому назначенію. Во главѣ этой сѣти въ каждомъ уѣздѣ, если даже не въ болѣе мелкой единицѣ, будутъ стоять центральныя общественныя библіотеки, снабженныя разными дорогими и спеціальными изданіями, недоступными для средствъ каждой отдѣльной народной библіотеки и назначенныя для разсылки изъ центральной библіотеки по библіотекамъ всего обслуживаемаго ею района. Наши земскія и городскія общественныя библіотеки въ ближайшемъ же будущемъ должны будутъ взять на себя функціи такихъ центральныхъ библіотекъ, и если этого еще не наблюдается, то единственно только потому, что наши народныя библіотеки до сихъ поръ стѣснены ограничительнымъ каталогомъ, дѣлающимъ невозможной органическую связь ихъ съ полноправными библіотеками. Тѣмъ не менѣе, кой какіе намеки на это уже имѣются и теперь. Такъ, на полтавскую общественную библіотеку земствомъ возложена функція подбора и продажи книгъ для народныхъ и школьныхъ библіотекъ въ случаяхъ, если учрежденія, устраивающія такія библіотеки, нуждаются въ подобномъ посредничествѣ. Въ крупномъ промышленномъ селѣ Павловѣ, Нижегородской губерніи, обществомъ содержится безплатная библіотека-читальня и платная общественная библіотека, въ которую и переходитъ часть читателей первой, нуждающихся въ болѣе широкомъ подборѣ книгъ; для облегченія этого перехода, мѣстное общество потребителей имѣетъ въ платной библіотекѣ 50 годовыхъ абонементовъ для своихъ членовъ.

Нуждаясь въ болѣе солидно обставленномъ библіотечномъ центрѣ, каждая народная библіотека сама является въ то же время такимъ просвѣтительнымъ центромъ, которому приходится позаботиться о доступности своего книжнаго запаса для всего безъ исключенія отведеннаго ей района, сплошь и рядомъ состоящаго изъ нѣсколькихъ небольшихъ поселеній. Этой цѣли должны служить организуемыя при народной библіотекѣ особыя передвижныя ея отдѣленія или народныя безплатныя летучія библіотеки. Въ настоящее время послѣднія устроены уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ и, повидимому, оказались вполнѣ жизненными. Такъ, въ Славяносербскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи изъ безплатной библіотеки-читальни посылается до 100 книгъ въ ближайшую школу: по использованіи, книги возвращаются обратно и

замѣняются новыми. Фатежской городской библіотекой-читальней (Курской губерніи) разсылаются въ нѣсколько пунктовъ летучія библіотечки, состоящія изъ 30—50 книгъ, подобранныхъ по возможности согласно требованіямъ читателей. Каждая такая библіотечка сдается извѣстному лицу, изъявившему согласіе завѣдывать выдачей книгъ; приблизительно черезъ мѣсяцъ книги возвращаются и взамѣнъ ихъ посылаются новыя. Для Лиговской безплатной народной библіотеки (Петербургской губерніи) мѣстнымъ губернаторомъ утверждено особое положеніе объ организуемыхъ ею народныхъ летучихъ безплатныхъ библіотекахъ. Въ отчетѣ этой библіотеки намѣчаются два типа такихъ летучихъ или круговыхъ народныхъ библіотекъ, устраиваемыхъ при самостоятельныхъ народныхъ библіотекахъ и періодически высылаемыхъ въ отдаленныя отъ нихъ деревни. Если средства основной народной библіотеки недостаточны, то она выдѣляетъ изъ своихъ книгъ извѣстную часть, стараясь, конечно, чтобы въ числѣ выдѣляемыхъ были книги по всѣмъ главнѣйшимъ отдѣламъ, и затѣмъ посылаетъ шкафъ съ ними уполномоченному лицу для выдачи книгъ въ намѣченныхъ пунктахъ. При большихъ средствахъ, основная библіотека обзаводится нѣсколькими небольшими самостоятельными библіотечками, развозимыми по отдѣльнымъ пунктамъ и періодически обмѣниваемыми.

На ряду съ непосредственными цѣлями народныхъ библіотекъ, на очередь выдвигается цѣлый рядъ другихъ задачъ ихъ въ области внѣшкольнаго образованія. Хотя большая часть этихъ задачъ въ настоящее время еще только намѣчается и для практическаго ихъ осуществленія сдѣлано крайне мало, тѣмъ не менѣе самое появленіе ихъ имѣетъ важное значеніе для характеристики вырабатываемой жизнью организаціи нашего народно-библіотечнаго дѣла. Прежде всего здѣсь слѣдуетъ упомянуть о попыткахъ организовать при народныхъ библіотекахъ отдѣленія земскихъ книжныхъ складовъ и вообще торговлю книгами, картинами и письменными принадлежностями. Затѣмъ для народной библіотеки намѣчается роль центра, гдѣ должны устраиваться безплатныя народныя чтенія, различные курсы, народныя увеселенія и т. д. Наконецъ, въ кругъ дѣятельности народной библіотеки включается также роль общеобразовательнаго элементарнаго музея, въ видѣ устройства при ней различныхъ коллекцій, витринъ съ иллюстраціями и картинами и т. д. *).

Само собой разумѣется, что успѣшная дѣятельность народныхъ библіотекъ совершенно немыслима безъ широкой ихъ общественной организаціи. Жизненная практика успѣла уже доказать,

*) Для интересующихся вопросомъ о расширеніи дѣятельности народныхъ библіотекъ въ этомъ направленіи можемъ указать, между прочимъ, отчетъ Лиговской народной безплатной библіотеки-читальни. Годъ третій. Спб. 1903 г. и годъ четвертый. Спб. 1904 г.

какое огромное значеніе имѣетъ учрежденіе при каждой библіотекѣ особаго выборнаго совѣта или комитета изъ представителей содержащихъ ее учрежденій, мѣстныхъ органовъ самоуправленія и читателей. Одно время такіе совѣты встрѣтили рѣшительное противодѣйствіе администраціи и уничтоженіе ихъ неизмѣнно сопровождалось очень печальными для библіотекъ послѣдствіями. Вскорѣ, однако, друзьямъ библіотечнаго дѣла удалось доказать незаконность подобнаго противодѣйствія, и теперь коллегіальное завѣдываніе народными библіотеками снова можетъ развиться.

В. Ивановичъ.

Холера и гласность.

Въ этой замѣткѣ я намѣренъ разсказать исторію двухъ нижегородскихъ холеръ—1892 г. и 1894 г. Первая сопровождалась довольно снисходительнымъ отношеніемъ къ гласности, вторая ознаменовалась совсѣмъ противоположнымъ взглядомъ. Результаты этихъ двухъ политикъ, такъ сказать, довѣрія и недовѣрія выразились съ чрезвычайной ясностью. Гласность въ первомъ случаѣ дала плоды добрые; недовѣріе и строгій намордникъ второго случая привели къ „паникѣ и милліоннымъ убыткамъ“. Примѣры красноречивые и вспомнить о нихъ меня побуждаютъ слѣдующія соображенія.

Во-первыхъ, вопросъ о гласности сталъ теперь на очередь и съ большимъ вниманіемъ обсуждается нашей печатью всякихъ оттѣнковъ. Во-вторыхъ, холера, распространяющаяся теперь по Волгѣ довольно слаба по причинѣ холода, по мнѣнію компетентныхъ людей, можетъ превратиться въ сильную эпидемію весной будущаго года. Къ этому нужно приготовиться и, между прочимъ, очень важно установить твердый взглядъ на гласность. Какой лозунгъ долженъ быть преподанъ печати— молчать о холерѣ или же говорить о ней свободно? Исторія двухъ минувшихъ нижегородскихъ холеръ даетъ, какъ мнѣ кажется, убѣдительное основаніе къ разрѣшенію этого вопроса.

Думается мнѣ, что объ эпидеміяхъ начала 90-хъ годовъ возможно говорить съ маленькой долей самой скромной свободы: если это и не „дѣла давно минувшихъ дней“, то все же это покрыто болѣе, чѣмъ земской давностью. Игравшій видную роль въ борьбѣ съ эпидеміями 1892—1894 г.г. нижегородскій губернаторъ Н. М. Барановъ давно уже скончался. Сошли со сцены и многіе другіе изъ упоминаемыхъ мною дѣятелей. Чего же еще ждать? Итакъ, по всѣмъ видимостямъ, мой матеріалъ достигъ уже той

зрѣлости, которая дѣлаетъ его подходящимъ для „Русской Старины“...

Заканчивая на этомъ мое введеніе, перехожу къ дѣлу.

26-го августа 1894 г. на нижегородскомъ ярмарочномъ обѣдѣ купечества губернаторъ, Н. М. Барановъ, между прочимъ, сказалъ:

— Въ 1892 г. холерныхъ заболѣваній было 2024, въ 1893 г.—1583 и въ 1894 г.—1176, но паника *этого года* была несравненно сильнѣе прежнихъ, и я полагаю, что слѣдуетъ считать десятками милліоны, потерянные для торговли, благодаря секретной болтовнѣ, удобной на почвѣ разъединеннаго общества. Мнѣ кажется, намъ нуженъ клубъ, въ которомъ, какъ въ легко доступномъ центрѣ, могли бы сходиться нынѣ разъединенные люди ярмарочнаго населенія *).

Эти слова констатируютъ очень важные и очень интересные факты. Холера 1892 г. была гораздо сильнѣе холеры 1894 г. Кромѣ того, холера 1892 г. нагрянула неожиданно, застала все неподготовленнымъ. Съ низовій Волги шли слухи о холерныхъ волненіяхъ, объ избіеніи докторовъ. 1894 г. далъ эпидемію ослабѣвшую, третью по счету; больницы и врачебный персоналъ были наготовѣ, народъ обтерпѣлся и склоненъ былъ относиться къ болѣзни хладнокровнѣе и покойнѣе, чѣмъ прежде. И, не смотря на все это, въ 1894 г. по Н.-Новгороду и ярмаркѣ распространилась паника, которую не зналъ 1892 г.; торговцы бросились бѣжать, ужасаемые „секретной болтовней“. И въ итогѣ—„десятки милліоновъ“ убытка. Не правда ли, странно и удивительно...

Н. М. Барановъ, какъ на причину, указалъ на „разъединенность населенія“ и въ видѣ лѣкарства прописалъ устройство ярмарочнаго клуба... Но развѣ „разъединенности населенія“ не было и въ 1892 г.? Не было въ этомъ году всеспасительнаго ярмарочнаго клуба, неожиданное упоминаніе о которомъ изумило слушателей и заставило ихъ улыбнуться надъ экспромптомъ, призваннымъ уврачевать вѣковѣчную, общественную разобщенность. Очевидно, причину нужно искать въ другомъ мѣстѣ, и найти ее будетъ не трудно въ разницѣ мѣропріятій Н. М. Баранова въ 1892 г. и въ 1894 г.

Въ 1892 г. о приближеніи холеры нижегородцы узнали въ іюнѣ. Эпидемія съ береговъ Каспійскаго моря ползла вверхъ по Волгѣ. Немедленно приняты были мѣры въ Н.-Новгородѣ къ подготовкѣ населенія: въ мѣстныхъ газетахъ, на стѣнахъ домовъ и на заборахъ появились объявленія о холерѣ и „обязательныя постановленія“, указывающія, какъ слѣдуетъ охранять себя отъ заразы и что надо дѣлать въ случаѣ заболѣванія. Населенію настойчиво рекомендовалось идти въ больницы при малѣйшихъ же-

*) „Волгарь“, 1904 г. № 203.

лудочно-кишечныхъ разстройствахъ. Крупныхъ шрифтомъ было напечатано, гдѣ открыты пріемные покои. На ряду съ этими полезными мѣрами были приняты даже излишнія: полицейскіе были снабжены аптечками и были обязаны зорко слѣдить не затошнитъ ли кого на улицѣ и не скрываются ли гдѣ нибудь въ домахъ больные поносомъ. Конечно, эти необыкновенныя для городовыхъ обязанности не обошлись безъ курьезовъ: одну старушку, икавшую на улицѣ, полицейскій заставилъ выпить какихъ то капель, отъ которыхъ, по увѣренію старушки, ее „прострѣлило“. Были сцены и при розыскахъ по домамъ больныхъ поносомъ: заподозрѣнные божились и крестились, что они безвинны въ этомъ дѣлѣ, а городовые производили цѣлыя слѣдствія. Но все это никакихъ дурныхъ послѣдствій не имѣло: надъ смѣшнымъ смѣялись открыто, и „секретной болтовнѣ“ никто не предавался. На улицѣ гласности былъ праздникъ. Въ „Волгарѣ“ и въ „Нижегородскомъ Листкѣ“ ежедневно писали о холерѣ и писали довольно свободно, безъ нелѣпой боязни „напугать населеніе“. Вотъ для примѣра, цитата изъ первой газеты: „Наступаетъ іюль мѣсяцъ; [illegible] смотрѣть ей въ глаза“. Въ другой статьѣ мы находимъ: „По волѣ Божіей Н.-Новгороду пришло время встрѣтить нашего врага — холеру“. На эти цитаты я обращаю особенное вниманіе читателей, такъ какъ ниже я покажу, какъ приказано было нижегородскимъ газетамъ говорить о холерѣ въ 1894 году.

Ежедневно въ теченіе лѣта и осени 1892 г. и „Нижегор. Листокъ“, и „Волгарь“ печатали бюллетени съ точнымъ и подробнымъ указаніемъ числа умершихъ и числа заболѣвшихъ холерой. Обозначались дома, гдѣ обнаружены заболѣванія и указывались пріемные покои, куда больные были направлены. Гласность была въ почетѣ и это чрезвычайно успокаивало населеніе. Надо замѣтить, что и въ положеніи о санитарно-исполнительныхъ коммиссіяхъ о гласности есть такія строки: „Для точнаго свѣдѣнія о ходѣ холеры, коммиссія издаетъ по возможности часто бюллетени о количествѣ заболѣвающихъ и умершихъ отъ холеры“. Такимъ образомъ, практика 1892 г. вполнѣ совпадала съ указаніями закона и тѣмъ болѣе удивительно, что въ 1894 г. я законъ былъ забытъ, и практика пошла противъ гласности по дорогѣ импровизацій, которая быстро привела къ „секретной болтовнѣ“, панинкѣ и десяткамъ милліоновъ убытка.

Этотъ новый курсъ 1894 г., курсъ безгласности и недовѣрія, открылся оффиціально циркуляромъ нижегородскаго врачебнаго отдѣленія отъ 16 іюля 1894 г., № 1398, обращенный „въ больницы и всѣмъ гг. врачамъ Нижегородской губерніи“. Вотъ подлинный текстъ этого характернѣйшаго циркуляра, общій смыслъ котораго: о холерѣ не смѣть говорить:

„За послѣднее время въ Н.-Новгородѣ неоднократно появля-

лись случаи желудочно-кишечныхъ заболѣваній съ благополучнымъ и быстрымъ исходомъ въ выздоровленіе, *ничего схожаго съ холерою не имѣвшихъ*. Между тѣмъ, по доставленіи такихъ больныхъ въ больницы *по поверхностному* изслѣдованію гг. врачами таковые случаи были отнесяемы къ холеровиднымъ и даже къ холернымъ. Подобные *поспѣшные* діагнозы могутъ вызвать только напрасную тревогу и панику въ обществѣ, на что его превосходительство, господинъ начальникъ губерніи, Николай Михайловичъ Барановъ *обратилъ особенное свое вниманіе*. А потому врачебное отдѣленіе предлагаетъ всѣмъ гг. врачамъ Нижегородской губерніи, при появленіи въ ихъ практикѣ кишечно-желудочныхъ больныхъ, быть въ діагнозѣ *особенно осторожными и осмотрительными* и только послѣ *самаго тщательнаго и вполнѣ подробнаго, коллегіальнаго* и, по возможности, *бактеріологическаго* изслѣдованія допускать установленіе формы заболѣванія".

Сопоставьте теперь смыслъ этого циркуляра съ практикою 1892 г. Тамъ даже городовые были снабжены аптечками и были уполномочены отыскивать холерныхъ, а здѣсь даже врачамъ указано, чтобы они ставили свои діагнозы только „*коллегіально*". Въ каждой строкѣ циркуляра сквозитъ не желаніе, чтобы всѣ холерные были поскорѣе обнаружены, а совсѣмъ иное желаніе— чтобы врачъ какъ-нибудь не назвалъ простого поноса „холеровиднымъ". И чтобы гг. врачи держали ухо востро, имъ указано было на „особенное вниманіе" „его превосходительства, господина начальника губерніи, Николая Михайловича Баранова", хорошо извѣстнаго своей... энергией.

Врачи тѣмъ болѣе все это приняли къ свѣдѣнію, что устно передавалось объ арестѣ за „поспѣшные" діагнозы. И такой порядокъ установился вопреки ясному смыслу правилъ изоляціи и дезинфекціи. Въ положеніи о санитарныхъ исполнительныхъ коммиссіяхъ говорится: „При появленіи перваго или первыхъ заболѣваній холерою, или *похожею на нее болѣзнью*, должны быть немедленно приняты безотлагательныя мѣры изоляціи и дезинфекціи". Ни о какихъ „коллегіальныхъ" и „бактеріологическихъ" діагнозахъ въ правилахъ не упоминается и не упоминается весьма основательно: лучше дезинфицировать помѣщеніе и послѣ больного простымъ поносомъ, чѣмъ опоздать съ дезинфекціей въ дѣйствительно холерномъ случаѣ. Такъ и дѣлали въ 1892 г., карболки и сулемы не жалѣли. А въ 1894 г. Н. М. Барановъ рѣшилъ иначе: онъ рѣшилъ, что, можетъ быть, холеры и не будетъ, если о ней не будутъ говорить, и если доктора не будутъ ее признавать.

Въ итогѣ появились „секретная болтовня", паника и милліонные убытки. Опытъ оказался неудачнымъ

Но продолжимъ сравненіе 1892 г. и 1894 г.

Въ 1892 г., когда холера была еще только на берегахъ Кас-

пійскаго моря, въ Н.-Новгородѣ всѣ были уже оповѣщены о надвигающейся опасности. Мѣстныя газеты ежедневно печатали указанія, какъ предохраняться отъ болѣзни, какъ съ нею бороться. На углахъ городскихъ домовъ о томъ же говорили оффиціальныя воззванія. Бюллетени ежедневно знакомили населеніе съ распространеніемъ холеры въ Астрахани, въ Саратовѣ и т. д. Всѣ знали точно, какъ подвигается эпидемія и всѣ готовились ее встрѣтить: дворы очищались, съ сырой воды переходили на кипяченую, раскупали популярныя брошюрки и т. д.

Въ 1894 г. все дѣлалось наоборотъ. Въ концѣ іюля и въ началѣ августа въ Н.-Новгородѣ и на ярмаркѣ всѣ узнали, что холера началась и уноситъ многія жертвы, но оффиціальныхъ объявленій объ этомъ не появлялось, въ газетахъ о холерѣ не было ни слова, эпидемію замалчивали. Конечно, развилась „секретная болтовня"; повсюду передавали другъ-другу о числѣ заболѣваній, объ умершихъ и при этомъ нерѣдко факты преувеличивались. Теперь изъ доклада доктора Гриневскаго о нижегородской холерѣ 1894 г. мы знаемъ, что эпидемія въ городѣ и на ярмаркѣ началась 20-го іюля, но въ то время этотъ фактъ, по приказанію Н. М. Баранова, тщательно и возможно долго скрывался. Только 7-го августа появилось первое оффиціальное признаніе наличности холеры. Девятнадцать дней она распространялась, свирѣпствовала, уносила свои жертвы—и никто не смѣлъ объ этомъ громко говорить: права „усиленной охраны" слишкомъ хорошо были извѣстны, и никому не хотѣлось подвергаться карамъ. Надо замѣтить, что оффиціальное объявленіе отъ 7-го августа о холерѣ въ Нижнемъ и на ярмаркѣ было первымъ и послѣднимъ документомъ въ этомъ родѣ: какъ приказано было молчать о холерѣ до 7-го августа, такъ же приказано было не говорить о ней и послѣ 7-го августа. Вотъ текстъ этого единственнаго объявленія:

„Заболѣвающіе на ярмаркѣ, въ Канавинѣ и въ с. Гордѣевкѣ помѣщаются въ госпиталѣ на шоссе. По сегодняшній день, 7-го августа, тутъ находится на излѣченіи 45 человѣкъ. Въ городѣ больные помѣщаются въ барачной больницѣ—14 человѣкъ, и въ Бабушкинской больницѣ—9 человѣкъ".

О числѣ заболѣвшихъ и выздоровѣвшихъ съ 20 іюля по 7 августа—ни слова. О числѣ умершихъ въ теченіе этихъ 19 дней тоже ни слова. Населеніе узнало, что въ больницахъ лежатъ 68 холерныхъ и только; умершихъ какъ будто и не было. Но всѣ хорошо понимали, что умереть успѣли уже многіе; объ этомъ сообщала „секретная болтовня"; оффиціальному объявленію не вѣрили и волновались, подозрѣвая и разныя другія событія.

Политика замалчиванія возымѣла самыя печальныя послѣдствія. Эпидемія скрывалась, изоляцій и дезинфекцій не производилось, врачи боялись ставить вѣрные діагнозы, и холера, какъ тогда говорили, „пошла по домамъ".

Лозунгъ—„не говорить о холерѣ“ отразился, конечно, и на мѣстныхъ газетахъ. Въ 1892 г., когда холера еще только приближалась къ Н.-Новгороду, „Волгарь“ писалъ: „эпидемія грозно смотритъ въ глаза“... „По волѣ Божіей и Н.-Новгороду пришло время встрѣтить опаснаго врага — холеру“. Въ 1894 г. та же газета, дѣлала видъ, что не вѣритъ въ холеру, а если и признаетъ наличность какой-то болѣзни, то только такой пустячной, о которой можно говорить лишь смѣясь, шутя и балагуря. Для примѣра привожу цитату изъ номера отъ 9-го августа, когда, какъ теперь извѣстно, число холерныхъ было болѣе 200:

„Немножко о холерѣ... Но, господа, не пугайтесь: нынѣшняя холера на ярмаркѣ такъ незамѣтна, что можетъ дать матеріалъ только для набросковъ въ фельетонномъ духѣ“.

Въ другомъ номерѣ „Волгаря“ шутка еще усилилась: „Къ счастью, холерою уже никого не испугаешь. Развѣ только одно: меньше пріѣдетъ въ Нижній нѣмокъ изъ Риги“.

И это писалось, когда на ярмаркѣ была паника, были сотни больныхъ и умершихъ и когда торговцы разбѣгались, неся милліонные убытки...

Интересно отмѣтить, что въ 1892 г. отъ холеры въ Н.-Новгородѣ и на ярмаркѣ умерло очень немного людей состоятельныхъ и интеллигентныхъ. Напротивъ, въ 1894 г. эпидемія унесла много жертвъ изъ этихъ слоевъ. Это явленіе объясняется очень просто. Въ 1892 г. всѣ болѣе или менѣе развитые люди, освѣдомленные бюллетенями, соблюдали всякаго рода предохранительныя мѣры. Въ 1894 г. тѣ же люди, усыпленные отсутствіемъ бюллетеней, игривымъ тономъ замѣтокъ и фельетоновъ, предались ярмарочному разгулу, пока многочисленныя смерти не разогнали оптимизма и не породили паники.

Смѣшно и грустно читать, какъ нижегородскія газеты 1894 г., угождая Н. М. Баранову, писали некрологи объ умершихъ отъ холеры извѣстныхъ въ городѣ людяхъ. Вотъ примѣры:

„Е. М. Попковъ скончался послѣ очень непродолжительной, но тяжелой болѣзни“... „Куперъ Айтухаметовъ продалъ 20.000 бѣлокъ купцу Бородину, но Бородинъ, не успѣвши отдать денегъ, скоропостижно умеръ“... „Умеръ губернскій землемѣръ М. В. Любимовъ. Покойный три дня тому назадъ былъ совершенно здоровъ“... „Скончался секретарь съѣзда М. А. Фигуровскій послѣ весьма непродолжительной болѣзни“... „На ярмаркѣ очень скоропостижно умеръ купецъ Г. И. Вавинъ“... „Третьяго дня внезапно скончался купецъ В. М. Вагановъ“... И т. д., и т. д. Въ самый разгаръ эпидеміи, 21 августа, „Волгарь“ писалъ: „Сегодня имѣетъ быть совершенъ крестный ходъ вокругъ ярмарки въ память избавленія отъ холеры 1860 года“... А о наличной холерѣ—ни слова.

Политика замалчиванія 1894 г. создалась на предположеніи, что въ третій годъ эпидеміи форма ея будетъ легкая и что ока-

жется возможнымъ все это скрыть, потихоньку, безъ огласки, безъ испуга ярмарочныхъ торговцевъ. Но все вышло наоборотъ. Холера безъ гласности, безъ мѣръ изоляціи и дезинфекціи распространилась сильно, произошла паника, ярмарка разбѣжалась и получились милліонные убытки. Въ своей рѣчи 26 августа Н. М. Барановъ такъ очертилъ это положеніе:

— Началась паника, начался разъѣздъ съ ярмарки, конечно, усилившійся съ появленія 7 августа (а не 20 іюля?) заболѣваній настоящею холерой. Безконтрольное шушуканье раздуло сравнительно не очень сильную холеру этого года до необыкновенныхъ размѣровъ.

Но и эти слова не помогли успокоенію: слушатели и здѣсь видѣли смягченія. Столь же безполезными оказались и крутыя мѣры противъ „безконтрольнаго шушуканья“ и „секретной болтовни“.

Первый „репримандъ неожиданный“, никакими законами не предусмотрѣнный, обрушился на голову томскаго купца Толоконскаго. Онъ легкомысленно позволилъ себѣ послать домой съ ярмарки телеграмму съ извѣщеніемъ, что здѣсь холера. Телеграмма, вмѣсто Томска, попала къ Н. М. Баранову, и вслѣдствіе этого произошелъ слѣдующій эпизодъ, описаніе котораго я заимствую изъ номера „Русской Жизни“ отъ 25 августа 1894 г.

„Хозяинъ ярмарки призвалъ Толоконскаго къ себѣ и сказалъ: —Вы, очевидно, имѣете превратныя свѣдѣнія объ эпидеміи. Я васъ поставлю въ курсъ дѣла! —И, обращаясь къ дежурному полицейскому офицеру, приказалъ: —Посадите этого милостиваго государя въ холерный баракъ и пусть его тамъ наблюдаютъ“.

Необходимо вспомнить, что въ 1892 г. въ этотъ же самый холерный баракъ былъ заключенъ мѣщанинъ Китаевъ, но не за вѣру въ холеру, а за сомнѣніе въ ея существованіи. Такимъ образомъ и Толоконскій, и Китаевъ избѣгли бы тяжелаго наказанія, сопряженнаго съ опасностью заразиться и умереть, если бы они помѣнялись временами своихъ преступленій. Съ такою быстротою чередовались направленія въ Н.-Новгородѣ, поражая тѣхъ, кто недостаточно чутко умѣлъ держать носъ по вѣтру.

Не только устрашающими мѣрами, какъ съ Толоконскимъ, Н. М. Барановъ попробовалъ „успокоить умы“ еще и письмомъ къ доктору Смирнову, опубликованнымъ въ мѣстныхъ газетахъ. Письмо это помѣчено 13-мъ августа:

„Теперь, т. е. къ 13-му августа, благодаря наступившему ослабленію болѣзни, не нахожу болѣе надобности въ ежедневныхъ посѣщеніяхъ мною больницы и спѣшу принести мою сердечную благодарность вамъ, уважаемый Николай Николаевичъ“.

Однако и это письмо дѣлу не помогло: въ провозглашенное ослабленіе холеры не вѣрили, и ярмарка разбѣгалась. Да это было и не удивительно: изъ доклада доктора Гриневскаго мы теперь

знаемъ, что къ 13-му августа не было никакого ослабленія холеры; она продолжала усиливаться до 16-го августа, послѣ чего немного постояла на одномъ уровнѣ и, наконецъ, пошла на убыль. Вѣрныя свѣдѣнія передавались въ городѣ „секретной болтовней"...

Обратимся еще разъ къ интересному вопросу:—почему въ 1892 г. нижегородская холера сопровождалась гласностью, а въ 1894 г.—совсѣмъ противоположной обстановкой? Кромѣ вышеуказанныхъ причинъ, здѣсь важную роль сыграли денежныя соображенія. Въ 1892 г. на борьбу съ эпидеміей было истрачено 585,000 руб., что при 2024 умершихъ составляетъ по 289 рублей на каждую жертву. Это много и даже очень много. Покойный Н. М. Барановъ принадлежалъ къ людямъ, не задумывающимся надъ тратою денегъ. Но, когда холера утихла и когда подвели итоги расходовъ, то стало ясно, что денегъ ушло много и стали заднимъ умомъ думать—изъ какихъ источниковъ платить? По объ этой сторонѣ я немного подробнѣе поговорю ниже, а сейчасъ укажу только на то, что въ 1894 г. нижегородская холера обошлась всего лишь въ 49,137 руб., или по 42 руб. на каждаго умершаго. Чтобы достигнуть этого экономнаго результата, Н. М. Баранову показалось, что лучшій путь—безгласность: не будетъ разговоровъ, все пойдетъ тихо, скромно, шито-крыто, да и холера въ третій разъ, можетъ быть, будетъ слабенькой.

Совершенно вѣрно, что траты въ 1892 г. велись расточительно и нужно было приняться за экономію. Но совершенно ошибочно, что расточительность 1892 г. зависѣла отъ гласности, а экономія 1894 г. требовала замалчиваній. Однако, эта ошибка была допущена, и результаты получились плачевные. Безъ вины виноватая гласность была присуждена къ изгнанію, а дѣйствительныя причины расточительности вышли сухими изъ воды. Давно все это было, а все-таки не безполезно хоть теперь установить ту правду, которая не могла быть высказана своевременно. Таковы условія нашей жизни.

Итакъ, займемся расходами 1892 г. Крупный размѣръ этихъ расходовъ -585 т. р. можетъ навести на мысль, что большая часть денегъ ушла на устройство бараковъ, которыхъ не пришлось строить уже въ 1894 г. Однако это не такъ. Въ 1892 г. большая часть холерныхъ были помѣщены въ плавучихъ госпиталяхъ и въ губернаторскомъ дворцѣ. Ни тутъ, ни тамъ въ 1894 г. больныхъ не помѣщали, и, стало быть, затраты 1892 г. на приспособленіе этихъ помѣщеній никакихъ облегченій 1894-му году не принесли. Расточительность 1892 г. объясняется просто тѣмъ, что деньги по всѣмъ статьямъ тратились „широкой рукой". Это обстоятельство видно изъ отчета. Изъ него, какъ я уже сказалъ, въ 1892 г. было израсходовано 585 т. р. Одну треть этой цифры оплатила казна, другую треть—ярмарка, а третью треть было предложено взять на себя городу. Но дума задумалась надъ отче-

томъ, выбрала коммиссію и дѣло стало грозить изслѣдованіями. Тогда Н. М. Барановъ съ обычной ловкостью устроилъ все такъ, что и городскую долю расходовъ оплатила казна... Кто при этомъ провѣрялъ отчетъ—неизвѣстно, но у гласныхъ думы на рукахъ осталось нѣсколько экземпляровъ этого отчета и одинъ изъ нихъ попалъ ко мнѣ. Вотъ что представляетъ изъ себя этотъ характернѣйшій документъ.

Отчетъ сброшюрованъ книгой въ форматѣ большого листа почтовой бумаги и заключаетъ въ себѣ 239 страницъ. Но, несмотря на столь почтенный размѣръ, въ отчетѣ ничего понять нельзя: страницы заняты столбцами записей ежедневныхъ расходовъ съ 2-го іюля и по 31-ое декабря 1892 г. Тысячи записей слѣдуютъ одна за другой и при этомъ нельзя понять, что онѣ означаютъ. Записано, напримѣръ, что извозчикамъ выдано столько-то, гробовщикамъ—столько-то и т. д., а рядомъ значится, что Ивану Иванову и Семену Иванову уплачено столько-то. Но кто эти Ивановы, Семеновы,—извозчики ли или гробовщики—неизвѣстно. Чтобы подсчитать, напримѣръ, итогъ расходовъ на бѣлье, нужно прочитать всѣ страницы отчета, сдѣлать выборку и всетаки не достигнешь результата, такъ какъ большинство записей настолько глухо, что не знаешь куда ихъ отнести. Если искусство составленія отчетовъ состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать ихъ непонятными, то разсматриваемый отчетъ заслуживаетъ высшей преміи. И все же можно изъ этого лѣса словъ и цифръ выудить довольно много курьезовъ. Вотъ нѣкоторые. На страницѣ 228-ой мы читаемъ: „Выдано авансомъ по устройству больничныхъ бараковъ канцеляріи губернатора 5,000 руб.". „Тоже авансомъ канцеляріи губернатора по ремонту дворца—10,000 р." На стр. 231-ой мы находимъ: „Авансомъ исправляющему должность полиціймейстера Косткину на усиленіе полиціи 30,200 руб." Эти авансы въ отчетѣ сложены со всѣми другими расходами, хотя и извѣстно, что авансы требуютъ сами еще отчетовъ, а ихъ нѣтъ и не было. Удивительна и роль канцеляріи губернатора, являющаяся въ качествѣ подрядчика по ремонтнымъ работамъ... Канцелярія, получающая авансы и отчета не дающая...

На наемъ экипажей для перевозки больныхъ и докторовъ снесено 16,243 р. 24 коп., что на каждаго умершаго даетъ 8 руб., а въ 1894 г. тотъ же расходъ съ этихъ 8-ми руб. спустился на 34 коп... Какова разница!

Въ 1892 г. превращеніе губернаторскаго дома въ холерную больницу сопровождалось такимъ приказомъ Н. М. Баранова: „Въ теченіе десяти лѣтъ я и моя семья пользовались Императорскими комнатами въ кремлевскомъ дворцѣ. Зная любовь Августѣйшаго Монарха къ своему народу, я, въ дни, волею Божіей, постигшей насъ болѣзни, обращаю кремлевскій губернаторскій домъ въ хо-

лерный госпиталь, и при этомъ горячо молюсь Богу, чтобы больные, наполняющіе его, возможно скоро исцѣлялись".

Совсѣмъ иное происходитъ въ 1894 г.: первыхъ больныхъ холерою Н. М. Барановъ приказалъ класть въ *глазную* лѣчебницу губернскаго земства, чтобы холерный баракъ оставался какъ можно дольше заколоченнымъ, свидѣтельствуя этимъ, что все обстоитъ благополучно. Но скоро наполнилась и глазная лѣчебница, и холерный баракъ. Больныхъ стали класть въ тифозную больницу, разсчитанную на 40 кроватей, и быстро навозили туда 90 умирающихъ... Какой контрастъ съ дворцовымъ помѣщеніемъ 1892 г. и какая послѣдовательность!..

Понимая, что въ 1892 г. деньги тратились расточительно, Н. М. Барановъ попробовалъ слѣдующимъ „приказомъ" оправдаться по этому пункту:

„Успѣшные результаты борьбы съ холерою могли быть достигнуты не только разумностью мѣръ, но и *моментальною* распорядительностью. Все дѣлалось быстро. Такая спѣшка, удовлетворяющая существо дѣла, не могла не отразиться на экономической сторонѣ. Зло это было неизбѣжно. Выборъ былъ простъ: задушить эпидемію и не останавливаться передъ расходами, или дать развиться эпидеміи и сдѣлать мнимыя сбереженія".

Не прошло послѣ этого „приказа" и двухъ лѣтъ, какъ все въ немъ изложенное было забраковано тѣмъ же Н. М. Барановымъ: расходы были сокращены почти въ 12 разъ, и это оказалось не „мнимымъ сбереженіемъ", а „разумной экономіей". По этому поводу нижегородскій врачебный инспекторъ И. С. Ершовъ хорошо сострилъ въ засѣданіи коммиссіи *): „Расходы наши на холеру такъ быстро падаютъ, что можно ожидать отъ холеры въ 1895 году, если она будетъ, уже чистый доходъ".

Упомянутый мною выше отчетъ по расходамъ на холеру 1892 г. еще замѣчателенъ одною своею чертою, о которой стоитъ сказать нѣсколько словъ. Итогъ этого отчета, представленнаго въ думу, равнялся одной трети всѣхъ расходовъ—585 тыс. рублей. Можно себѣ представить затрудненіе думскихъ гласныхъ при провѣркѣ, когда они увидѣли, что ихъ вниманію предложены не всѣ расходы, а лишь ихъ треть... Какъ провѣрять, когда не видно, что отнесено къ двумъ остальнымъ третямъ? И всетаки и казна, и ярмарка „безъ разсужденій" приняли свои части...

Къ 1892-му году относится и „приказъ" Н. М. Баранова, надѣлавшій много шума на всю Россію. Въ этомъ „приказѣ" заключались необычайныя угрозы по адресу тѣхъ, которые рѣшатся усомниться въ наличности холеры и по этому поводу нарушатъ порядокъ. „Я возстановлю его, — писалъ Н. М. Барановъ,—находящейся въ моемъ распоряженіи военною силой, а

*) „Волгарь" 1894 г. № 211.

зачинщиковъ и подстрекателей *повѣшу немедленно на мѣстѣ*, участники-же *жестоко*, на глазахъ у всѣхъ, будутъ наказаны".

Населеніе поняло, что сомнѣваться въ холерѣ чрезвычайно опасно. Опасно даже проходить около такого мѣста, гдѣ можетъ случайно оказаться какой-нибудь сомнѣвающійся. Слово „немедленно" указывало на судебный процессъ, котораго можно было ожидать: разъ, два, три—и готово, либо выпорютъ „жестоко", либо повѣсятъ. Къ счастью, до этого дѣло не дошло, но и „посажденіе" въ холерный баракъ было мѣрой не шуточной. И не странно ли послѣ этого, что чрезъ два года кары явились уже угрозою не за сомнѣніе въ холерѣ, а за признаніе ея наличности?!... Изумились нижегородцы, но, по обычаю, смирились, прикусили языки и только кое-гдѣ „шушукались". Даже врачи въ 1894 г. твердо вѣрили, что за холерный діагнозъ, гдѣ его не желаютъ видѣть, послѣдуетъ арестъ. Въ бумагахъ врачей появился особый терминъ — „gastro-enteritis acutissima" и только между строкъ легко стираемымъ карандашемъ надъ дипломатичнымъ „гастро-интеритомъ" мелко проставлялось „холера"...

До какой степени оробѣли нижегородцы подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ страшныхъ мѣръ и еще болѣе страшныхъ угрозъ, видно изъ постановленій санитарной коммиссіи. Въ началѣ августа 1894 г. эта коммиссія рѣшила, что занятія во всѣхъ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ должны быть начаты, такъ какъ *„обнаруженные случаи холеры не имѣютъ характера эпидеміи"*. И это писалось, когда ежедневно заболѣвало по 70 человѣкъ. Та же коммиссія въ 1892 г. называла холеру „эпидеміей" даже тогда, когда число больныхъ всего на всего было 20 — 30, а заболѣваній ежедневно было и того меньше. „Энергія" Н. М. Баранова обезличивала людей, превращая многихъ изъ нихъ въ господъ „точно такъ-съ" и „чего-изволите".

Выводы, которые получаются изъ описанныхъ фактовъ, настолько очевидны, что ихъ едва ли нужно и подчеркивать. Въ 1892 г. въ Н.-Новгородѣ холера сопровождалась нѣкоторыми льготами для гласности—и ярмарка прошла безъ паники, торговцы не разбѣжались. Въ 1894 г. гласность была запрещена и въ результатѣ—„десятки милліоновъ рублей убытка". Очевидно также, что если бы гласность у насъ имѣла твердое право на существованіе, то и отчеты съ неоправданными авансами были бы своевременно критикуемы, а не чрезъ 10 лѣтъ, и запугивающія угрозы розгами, смертной казнью не превращали бы обывателей, по выраженію С. Ю. Витте, въ „людскую пыль". Не велика польза для государства отъ дѣятелей, которые по направленію вѣтра готовы называть холеру—не холерой и на все смотрѣть, какъ шекспировскій Полоній, глазами смѣняющихся помпадуровъ.

С. Протопоповъ.

Случайныя замѣтки.

Еще о дѣлѣ генерала Ковалева. Въ ноябрской книжкѣ „Р. Б." мы говорили уже о дѣлѣ генерала Ковалева, заманившаго врача (подъ предлогомъ болѣзни) къ себѣ на квартиру и здѣсь подвергшаго его сѣченію при помощи семи казаковъ. Мы упоминали также о томъ, что начальство генерала Ковалева (генералъ Куропаткинъ и генералъ Уссаковскій) дали ему наилучшія рекомендаціи, а послѣдній присоединилъ къ этому ходатайство о смягченіи участи подсудимаго. „Новое Время", въ замѣткахъ г-на Ст—на, а также и другіе органы печати увидѣли въ этомъ „противозаконное давленіе на судъ". Г. А. Ст—нъ, кромѣ того, далъ легкую характеристику края, въ которомъ произошло событіе. Воспоминанія г-на А. Ст—на объ этомъ краѣ имѣютъ, по его словамъ, чисто кошмарный характеръ.

Теперь генералъ Уссаковскій прислалъ въ „Новое Время" длинное письмо, въ которомъ возражаетъ по пунктамъ на замѣтки г-на А. Ст—на. Вторая часть этого письма касается „кошмарности" впечатлѣній. Какъ начальникъ края, генералъ Уссаковскій считаетъ себя обязаннымъ заступиться за „природу и жизнь" ввѣренной ему области и рекомендуетъ г-ну А. Ст—ну познакомиться съ содержаніемъ издающихся въ Асхабадѣ газетъ („Закаспійское Обозрѣніе" и „Асхабадъ"). Можно бы много возразить генералу Уссаковскому по поводу рекомендуемаго имъ метода ознакомленія съ „жизнью края", такъ какъ извѣстно, что, по разнымъ причинамъ, съ нѣкоторыми сторонами мѣстной жизни гораздо удобнѣе иногда знакомиться по газетамъ, болѣе свободнымъ отъ „мѣстныхъ воздѣйствій"... Г. Ст—нъ могъ бы, въ благодарность за совѣтъ, — отплатить такимъ же совѣтомъ генералу Уссаковскому: почерпать свѣдѣнія о нѣкоторыхъ сторонахъ мѣстной жизни изъ газетъ, издающихся внѣ подвѣдомственной ему области. Во всякомъ случаѣ, однако, споръ рѣшается уже наличностью и условіями „дѣла генерала Ковалева". Какъ для кого, а для людей, не имѣющихъ чести носить военный мундиръ, — достаточно и одного этого факта: одинъ изъ „высокопоставленныхъ" военныхъ, имѣющій, по свидѣтельству своего начальства, наилучшую репутацію, по неизвѣстнымъ побужденіямъ заманиваетъ врача въ свою квартиру и употребляетъ казаковъ своего полка въ качествѣ палачей надъ беззащитнымъ человѣкомъ. Невольно при этомъ приходитъ въ голову: если такъ могутъ поступать наилучшіе, то чего же можно ожидать въ этомъ удивительномъ краѣ отъ среднихъ и худшихъ? Мы можемъ, конечно, согласиться съ генераломъ Уссаковскимъ, что въ природѣ Закас-

пійской области „есть и чудные уголки“... Но, по вопросу о томъ, что въ этихъ чудныхъ уголкахъ происходитъ,—мы склонны скорѣе принять мнѣніе г-на А. Ст—на, которому вспоминаются разные „кошмары“.

Генералъ Уссаковскій касается затѣмъ вопроса о „противозаконномъ давленіи на судъ“, котораго онъ въ своемъ поступкѣ рѣшительно не усматриваетъ. Мы недостаточно знакомы съ процедурой и обычаями суда военнаго, несомнѣнно отличающагося многими особенностями отъ обычнаго представленія о судѣ и гарантіяхъ „обѣихъ сторонъ“ процесса. Но мы съ трудомъ представляемъ себѣ судъ „гражданскій“, на которомъ предсѣдатель огласилъ бы, напримѣръ, „ходатайство“ какого-нибудь высокопоставленнаго лица о смягченіи участи подсудимаго чиновника... „По какому праву,—спрашиваетъ далѣе генералъ Уссаковскій,—авторъ „замѣтокъ“ въ своей защитѣ независимости суда идетъ далѣе самого суда“. На этотъ вопросъ отвѣтить очень не трудно: по праву писателя и гражданина, по праву члена общества... А судъ, всякій судъ, есть явленіе общественное, и его зависимостью или независимостью въ правѣ интересоваться не только данный составъ самого суда, но и всѣ граждане государства. Въ самые даже тяжелые для печати періоды русской жизни за ней признавалось право обсуждать эти вопросы и, если бы аргументація генералъ Уссаковскаго была правильна, то вѣдь, даже относительно дореформеннаго суда, даже русскому писателю Гоголю можно было предложить тотъ же вопросъ: съ какой стати онъ заботится о достоинствѣ суда больше, чѣмъ, напр., повѣтовый судья гор. Миргорода?.. Итакъ, и по этому вопросу не мы одни, но, полагаю, и всѣ русскіе писатели, даже тѣ, кто, подобно г-ну А. Ст—ну, „очень чтятъ военныхъ“, — не могутъ стать на точку зрѣнія ген. Уссаковскаго.

Къ сожалѣнію, мы должны пойти еще нѣсколько дальше этой общей постановки вопроса, такъ какъ то, что сообщаютъ газеты объ условіяхъ именно *даннаго* суда, вызываетъ очень тревожныя недоумѣнія. Такъ въ газетѣ „Русь“ (отъ 25 ноября, № 345) одинъ асхабадецъ, „занимающій положеніе, которое вызываетъ на полное довѣріе“, сообщаетъ очень интересныя и серьезныя указанія условій и обстоятельствъ, при которыхъ прошелъ процессъ Ковалева, „бывшаго командира Закаспійской казачьей бригады и замѣстителя начальника области“. По словамъ этого асхабадца, опирающагося на приговоръ суда, помѣщенный въ оффиціальной газетѣ „Кавказъ“ отъ 9 ноября, — разборъ этого дѣла представляетъ небывалыя особенности:

Во 1-хъ, дѣло слушалось въ Тифлисѣ, хотя преступленіе совершено въ Асхабадѣ, гдѣ находится и потерпѣвшій, и свидѣтели;

Во 2-хъ, не только *не были вызваны въ засѣданіе суда потерпѣвшій, свидѣтели и заявившій для участія въ дѣлѣ граждан-*

скій искъ, но никого не сочли даже нужнымъ увѣдомить о слушаніи дѣла въ Тифлисѣ, вмѣсто Асхабада,

и въ 3-хъ, не смотря на двукратную оффиціальную экспертизу (въ первый разъ слѣдственную), установившую наличность тяжкаго истязанія (до 52 ударовъ нагайками и палками по задней части тѣла, *животу* и *паховой области*)—наличность истязанія была судомъ отвергнута.

„Приговоръ, постановленный съ такими особыми условіями, являющійся приговоромъ вновь, особо ad hoc введеннаго келейнаго судилища, достоинъ стать достояніемъ общества", — замѣчаетъ г. асхабадецъ *).

Свѣдѣнія, сообщаемыя въ этой замѣткѣ, до такой степени изумительны, что, вѣроятно, въ слѣдующей книжкѣ журнала намъ придется еще вернуться къ громкому дѣлу генерала Ковалева, чтобы сообщить (хотѣлось бы, по крайней мѣрѣ, такъ думать) оффиціальное разъясненіе тревожныхъ вопросовъ, поставленныхъ „заслуживающимъ довѣрія" асхабадцемъ въ распространенной русской газетѣ. А пока, полагаемъ, читатель согласится, что передъ мотивами, выдвигаемыми этимъ дѣломъ и его обстановкой, совершено уже блѣднѣетъ вопросъ объ его „подкладкѣ"... Подкладка эта — есть вопросъ индивидуальной оцѣнки личностей и ихъ досудебныхъ отношеній. А гарантіи сторонъ на судѣ и огражденіе судомъ личнаго достоинства и неприкосновенности русскихъ гражданъ, носящихъ и не носящихъ мундиры,—есть насущный, близкій, неотложный интересъ всего русскаго общества..

Вл. Кор.

P. S. Наша замѣтка была уже набрана, когда въ газетахъ появилось письмо потерпѣвшаго г-на Забусова. Всѣ наши соображенія блѣднѣютъ передъ ужасающимъ смысломъ этого вопля истерзаннаго гнуснымъ насиліемъ человѣка. Приводимъ его цѣликомъ и думаемъ, что это долженъ сдѣлать каждый органъ печати, которому дороги правда, человѣческое достоинство и правосудіе.

Вотъ это письмо **):

„До сихъ поръ я не могъ писать ничего, такъ какъ надѣялся, что судъ такъ или иначе выяснитъ обстоятельства и причины звѣрскаго насилія, произведеннаго надо мной генераломъ Ковалевымъ. Въ то же время я былъ такъ глубоко потрясенъ происшедшимъ, что всякое воспоминаніе о нелѣпой и безцѣльной гнусности приводило меня въ болѣзненное состояніе. Энергія пала, духъ сломленъ. Но теперь мнѣ хочется не только писать, но кричать на площадяхъ и улицахъ, чтобы найти себѣ хоть тѣнь защиты у общества. Какъ можно сдѣлать насиліе надъ личностью

*) „Русь", № 345.
**) См. „Новое Время", 8 дек. 1904, № 10336.

и остаться весьма мало наказаннымъ—показываетъ гнуснѣйшее въ лѣтописяхъ Россіи „дѣло генерала Ковалева". Вотъ оно въ чемъ.

Въ мартѣ 1904 года, въ городѣ Асхабадѣ, вечеромъ, по телефону, я былъ приглашенъ къ тяжело заболѣвшему Ковалеву; приглашеніе было весьма настойчивое и повторено дважды. Я тотчасъ же бросилъ свои дѣла и поѣхалъ черезъ 2—3 минуты, какъ только могъ найти извозчика. Ковалева я зналъ очень мало, не больше, чѣмъ обыкновенное шапочное знакомство, никогда его не лѣчилъ и тутъ естественно подумалъ, что съ нимъ случилось что-то экстренное, такъ какъ я по спеціальности хирургъ. Голосъ изъ телефона увѣрялъ меня, что генералъ очень боленъ.

Пріѣхавъ быстро къ нему на квартиру, я тотчасъ спросилъ, что у него болитъ; онъ отвѣтилъ, что еще успѣется объ этомъ поговорить. Въ это время у него сидѣлъ какой-то неизвѣстный мнѣ молодой человѣкъ, какъ выяснилось потомъ, служащій въ службѣ сборовъ Средне-Азіатской желѣзной дороги, Самохненко. Ковалевъ приказалъ подать стулъ, предложилъ садиться, предлагалъ сигары и вино.

Все время я сидѣлъ спиной къ сосѣдней комнатѣ и мелькомъ замѣтилъ тамъ нѣсколько человѣкъ нижнихъ чиновъ-казаковъ, которыхъ принялъ за пѣсенниковъ.

Ковалевъ о своей болѣзни ничего не говорилъ, но настойчиво предложилъ вина. Я отказывался, говоря, что не пью.—„Отчего?"— Потому что отъ вина у меня дѣлается сердцебіеніе, — отвѣтилъ я.—„Это не отъ вина, а отъ того, что *вы любите не того, кого слѣдуетъ*". Удивленный этими словами, я попросилъ ихъ объясненія, котораго не получилъ.—„Ваше здоровье",—говоритъ Ковалевъ, чокаясь со мной стаканомъ; такъ же поступилъ и его собесѣдникъ. Не успѣлъ я поставить стаканъ на столъ, какъ сзади былъ неожиданно схваченъ нѣсколькими людьми, грубо раздѣтъ и началось безпощадное *истязаніе*. Какъ ни былъ я потрясенъ, но всетаки и тутъ требовалъ объясненія; въ отвѣтъ же со стороны Ковалева раздавалось только неистовое: „Бей его, мерзавца". Звѣрское истязаніе продолжалось и по животу: я тутъ уже понялъ, что меня хотятъ убить. Я былъ лишенъ малѣйшей возможности къ какой бы то ни было самозащитѣ и, какъ врачъ, понималъ ясно, къ чему могутъ повести удары по животу. Далѣе я былъ одѣтъ и выведенъ подъ руки на извозчика. Какого-либо протеста со стороны присутствующаго г. Самохненки не было.

Въ эту же ночь все дѣло мною было обнародовано и даны оффиціальныя сообщенія. Это все произошло 14 марта. Глубоко потрясенный, я напрасно искалъ и ищу до этой минуты какого-либо объясненія всего происшедшаго. Но вотъ что изъ этого произошло. Насилію я подвергся 14 марта, дѣло разбиралось будто бы въ Тифлисѣ въ началѣ ноября. Такимъ образомъ, преступное

дѣяніе Ковалева подпало подъ силу высочайшаго манифеста. Далѣе, ни я, какъ пострадавшій, ни мой повѣренный, юрисконсультъ Средне-Азіатской жел. дор. А. А. Хонинъ, не получали ни повѣстки, ни вообще какого-либо увѣдомленія отъ суда, и потому на судѣ были лишены возможности быть (пострадавшій не явился, какъ сказано было въ судѣ). Что было вообще на судѣ—намъ неизвѣстно по тѣмъ же причинамъ. Ковалевъ, будто бы, не былъ признанъ виновнымъ въ истязаніи, но я, какъ врачъ, протестую противъ этого и настаиваю, что здѣсь именно было преднамѣренное истязаніе. Ковалевъ судился и былъ осужденъ, будто бы, только за превышеніе власти, но моя личность гражданина оставлена безъ вниманія. Но вѣдь я не военный, и мнѣ нѣтъ дѣла до дисциплинарныхъ отношеній Ковалева къ его подчиненнымъ. Съ ужасомъ прочиталъ я въ № 10333 „Новаго Времени" письмо генерала Уссаковскаго, который смѣло возводитъ на мою честь самое тяжелое обвиненіе; тяжело оно главнымъ образомъ потому, что тайное. Генералъ Уссаковскій, прося не залѣзать въ его душу, настолько признаетъ душу у меня, что вотъ что говоритъ:

„Иной вопросъ, почему я считалъ себя обязаннымъ ходатайствовать за генерала Ковалева: это, конечно, дѣло моей совѣсти, и надѣюсь, авторъ „Замѣтокъ" не станетъ забираться ко мнѣ въ душу, но могу указать одно: я знаю генерала Ковалева и, *что главное, знаю совершенно точно подкладку дѣла*, которую авторъ только угадываетъ и, конечно, неудачно. Бываетъ такъ въ жизни, что расправа звѣрская, а побужденія къ ней самыя благородныя; послѣднее, разумѣется, не можетъ оправдать расправы, но до нѣкоторой степени ее извиняетъ".

„Итакъ, Ковалевъ, въ лицѣ своего защитника генерала Уссаковскаго, находитъ извиненіе: очевидно, что обвиняюсь я, врачъ Н. П. Забусовъ, въ совершеніи чего-то столь гнуснаго, столь постыднаго, что даже подлѣйшее насиліе изъ-за угла является мною лишь только заслуженнымъ, потому что „*побужденія къ нему самыя благородныя*", и съ точки зрѣнія генерала Уссаковскаго можетъ быть извиняемо. Генералъ Уссаковскій отрицаетъ, что своимъ ходатайствомъ на судѣ за Ковалева онъ произвелъ давленіе на судъ; можетъ быть, это такъ, я не юристъ, но давленіе на общественное мнѣніе онъ своимъ письмомъ въ № 10333 отъ 5 декабря пытается сдѣлать, и давленіе опять-таки въ пользу Ковалева. Генералъ Уссаковскій ясно намекаетъ, что за мной имѣется величайшая гадость и что наказаніе я заслужилъ (благородныя побужденія). Я безсиленъ опровергнуть эту вопіющую неправду, если мнѣ не будетъ дана возможность давать объясненія въ гражданскомъ судѣ, если не будутъ допрошены нѣкоторыя личности, если не будетъ выяснена роль г. Самохненки во всемъ этомъ постыдномъ дѣлѣ и если обвиненіе въ какой-то сдѣланной гнусности, которое высказывается теперь тайно, не

будетъ высказано публично. Всего этого я былъ лишенъ до сихъ поръ и по желанію кого то превратился изъ потерпѣвшаго въ обвиняемаго во вкусѣ метаморфозъ Овидія. Я заявляю въ окончательной формѣ вотъ что. Съ Ковалевымъ я имѣлъ только самое мимолетное шапочное знакомство, не сталкивался съ нимъ ни на почвѣ служебныхъ, ни на почвѣ частныхъ отношеній даже самымъ малѣйшимъ образомъ; ни въ одной общечеловѣческой слабости никогда въ жизни не имѣлъ съ нимъ ни малѣйшаго соприкосновенія, никогда о Ковалевѣ не говорилъ ни хорошаго, ни дурного, такъ какъ имъ совершенно не интересовался. Со всѣми знакомыми Ковалева былъ почти незнакомъ, исключая шапочнаго знакомства; Ковалева никогда не лѣчилъ,—словомъ, къ Ковалеву я имѣлъ вообще такое же отношеніе, какъ и къ каждому жителю Марса. Я такъ усталъ душевно отъ безпощадной травли, что у меня едва хватаетъ силы жить. За что же это? Во имя какого принципа?

„Неужели 63-лѣтній старецъ Ковалевъ продолжаетъ думать, что онъ сдѣлалъ хорошее и достойное дѣло, неужели его поддерживаютъ только потому, что этого требуетъ солидарность касты?

Неужели мой голосъ останется голосомъ вопіющаго въ пустынѣ, и никто не придетъ на помощь невинно погибающему нравственно человѣку?

„Я могу только сказать, что дѣятельность врачебная требуетъ отъ врача, чтобы онъ былъ и честнымъ человѣкомъ; какъ только этого нѣтъ, онъ не можетъ быть врачомъ, сама корпорація должна его изгнать изъ своей среды. Такъ и я долженъ быть отвергнутъ врачебной корпораціей, какъ недостойный ея членъ, какъ позорящій ее. А это должно быть, если вѣрить генералу Уссаковскому.

„Итакъ, вотъ моя ставка на общественномъ судѣ; но что поставятъ въ отвѣтъ на это Ковалевъ и другіе? По адресу г. А. Ст—на скажу, что мнѣ удивительно, почему для него и для всѣхъ безпристрастныхъ людей особенно цѣнно *авторитетное* (?) свидѣтельство начальника области, что у подсудимаго были обстоятельства, извиняющія его поступокъ. Нѣтъ, г. А. Ст—нъ, не авторитетно это свидѣтельство, а въ особенности для всѣхъ безпристрастныхъ людей, потому что это *авторитетное* свидѣтельство есть *обвиненіе*, а для безпристрастія „audiatur et altera pars“, если ужъ меня ставятъ въ роль обвиняемаго. *Въ достаточной ли мѣрѣ* отражаютъ мѣстную жизнь газеты „Асхабадъ“ и „Закаспійское Обозрѣніе“, ясно изъ того, что *почему-то* (?!) ни въ одной изъ этихъ газетъ не появилось ни слова о насиліи надо мной. Можетъ быть, это и достаточно, но для кого?

Старшій врачъ Ср.-Аз. ж. д. **Н. Забусовъ**“.

Заарестованіе «человѣчьяго голоса». Извѣстный англійскій пи-

сатель Стивенсонъ разсказываетъ о фантастическомъ островѣ, гдѣ человѣчьи голоса въ извѣстное время года раздаются шумно и свободно, а ихъ обладатели недоступны не только какому бы то ни было воздѣйствію, но даже и просто человѣческому зрѣнію. Картина, разумѣется, достойная лишь очень буйнаго воображенія... Но что сказать о странѣ, въ которой „человѣчій голосъ“ можетъ попасть... въ холодную?! Повидимому, это происшествіе еще фантастичнѣе стивенсоновскаго разсказа... Кто, въ самомъ дѣлѣ, ухитрится арестовать „человѣчій голосъ“ и водворить его въ кутузку?.. А между тѣмъ это фантастическое событіе имѣло мѣсто въ нашемъ богоспасаемомъ отечествѣ, точнѣе—въ Самарской губерніи и еще точнѣе—въ селѣ Б. (увы, — не названномъ полностью въ газетѣ, изъ которой мы заимствуемъ это извѣстіе). А волшебникомъ, ухитрившимся совершить этотъ tour de force полицейской магіи, — является, конечно, бдительный мѣстный урядникъ. Дѣло было такъ.

„Учительница мѣстной школы, г-жа Ф., пріобрѣтя граммофонъ, въ праздничные дни демонстрировала его въ присутствіи своихъ учениковъ и ихъ родителей“. Вѣроятно, г-жа Ф. полагала, что, знакомя деревенскихъ обывателей съ этимъ изобрѣтеніемъ человѣческаго генія, она, пожалуй, дѣлаетъ просвѣтительное дѣло и въ извѣстной мѣрѣ исполняетъ, хотя и въ видѣ забавы, свою миссію. Но она забыла, что излишнее усердіе г.г. учителей и учительницъ въ этомъ направленіи далеко не поощряется, что для контроля надъ ихъ дѣятельностью есть не только г.г. инспектора, но еще и столь просвѣщенная инстанція, какъ гг. урядники. Наконецъ, она упустила изъ виду, что граммофонъ имѣетъ дѣло съ членораздѣльными звуками, т. е. словомъ. А всякое слово, съ которымъ учитель обращается къ народу, должно непремѣнно „соотвѣтствовать программѣ, утвержденной“ и т. д.

Разумѣется, такого штемпеля у граммофона г-жи Ф. не было, а самъ онъ на несчастье оказался крамольникомъ: онъ злоупотребилъ свободой голоса и запѣлъ... некрасовское „Укажи мнѣ такую обитель“... Къ счастью, на мѣстѣ происшествія оказался г-нъ урядникъ, который, при своемъ просвѣщеніи, тотчасъ понялъ, съ какимъ это „голосомъ“ онъ имѣетъ дѣло. И вотъ, выступивъ изъ толпы слушателей, онъ обратился къ учительницѣ:

— Барышня, прошу прекратить.

— Почему?—спрашиваетъ учительница.

— Зловредные слухи-съ... Мы, барышня, сами за это отвѣчаемъ.

Учительница возмутилась:

— Послушайте, — во-первыхъ, эта пѣсня дозволена цензурой...

Разумѣется, это было очень наивно.

— Позвольте-съ,—можно было бы возразить учительницѣ:—

какой цензурой? Цензура бываетъ всякая-съ. Иная цензура тоже ой-ой-ой... Покажите штемпель: дозволено къ произнесенію въ низшихъ народныхъ училищахъ...

Но и этого мало. Г-жа Ф. была такъ наивна, что сказала далѣе:

— Во-вторыхъ, этотъ граммофонъ мой, и я могу его показывать кому угодно...

Господи-Боже! Какъ еще терпятъ на службѣ такихъ учительницъ! „Граммофонъ мой"... У г-жи Ф. есть вѣдь не только *свой* граммофонъ, но и *свой*, т. е. лично ей принадлежащій голосъ, и даже... собственная мысль; о, у меня, напримѣръ, можетъ быть собственный журналъ или газета. Неужели изъ этого слѣдуэтъ, что г-жа Ф. *своимъ голосомъ*, а я *своимъ* журналомъ можемъ проводить *свои* собственныя мысли? не боясь „вмѣшательства"?.. Разумѣется, урядникъ не поддался на софизмы учительницы:

— Ну,—сказалъ онъ твердо:—тамъ начальство разберетъ, а пока что, барышня, я у васъ машинку-то заберу.

И, конечно, забралъ. Дальше безхитростный разсказъ корреспондента пріобрѣтаетъ непосредственную яркость самыхъ фантастическихъ разсказовъ Эдгара По или Стивенсона. Поэтому приводимъ его дословно.

„Учительница смущена (вольно же было!). Взявъ машинку, урядникъ задумывается надъ вопросомъ, куда ее дѣвать, но скоро взоръ его проясняется.

„— Староста!— вызываетъ онъ.

„Изъ толпы слушателей выдѣляется староста.

„— Давай ключи отъ холодной, пусть до начальства тамъ постоитъ.

„Урядникъ беретъ граммофонъ подъ мышки и направляется къ выходу, впереди него идетъ, бренча ключами, староста, смущенная толпа сопровождаетъ машинку до холодной.

„— Дементьичъ, — спрашиваетъ кто-то у старосты,—неужто взаправду ее въ холодную?

„— А ты думалъ какъ?

„— Машинку-то?

„— Что жъ, что машинка,—резонируетъ староста, — главная причина, что въ ей голосъ человѣчій.

„— Не робѣй, машинка, нынче пороть не приказано,— замѣчаетъ какой-то деревенскій зубоскалъ.

„Голосъ человѣчій торжественно водворяется въ холодную".

Ну, что-жъ... можно сказать—не впервой... Дѣло это для „человѣчьяго голоса", не имѣющаго соотвѣтственнаго штемпеля, довольно привычное... **О. Б. А.**

Князь Мещерскій и покойные министры. Въ книжкѣ г-на Скальковскаго „Русскіе люди о самихъ себѣ" приводится, между прочимъ, слѣдующій афоризмъ князя Мещерскаго о „столичномъ кон-

серватизмѣ": „Столичный консерваторъ тоже въ своемъ родѣ интересный субъектъ. Если онъ въ чаяніи что нибудь хапнуть (sic) отъ казны, — онъ консерваторъ; если надежда хапнуть лопнула, если штука сорвалась, если не удался планъ воздушнаго полета, то онъ сразу дѣлается либераломъ и разноситъ правительство на всѣ корки".

Къ сожалѣнію, г. Скальковскій не снабдилъ своихъ цитатъ точными ссылками и датами, но, справкой въ нашемъ журнальномъ архивѣ, мы имѣемъ возможность пріурочить это дѣйствительно мѣткое изреченіе князя Мещерскаго къ 1901 году *). Министромъ въ то время былъ Д. С. Сипягинъ, никакой „весны", ни „оттепели" серьезно не предвидѣлось, и „столичный консерватизмъ" стоялъ довольно прочно.

Послѣ этого, какъ извѣстно, погода наступила очень „перемѣнная", а въ послѣдніе мѣсяцы мы вступили въ полосу „довѣрія", въ которой благополучно покоимся и понынѣ (по крайней мѣрѣ, когда пишутся эти строки). Не знаемъ, написалъ-ли бы князь Мещерскій свой афоризмъ „въ настоящее время, когда"... Несомнѣнно, однако, что для провѣрки справедливости этого изреченія наше время довольно удобно. И вотъ, случилось такъ, что вмѣстѣ съ колебаніями стрѣлки всероссійскаго барометра начались также удивительно бурныя пертурбаціи въ настроеніи „отзывчиваго" князя. Метеорологъ или физикъ сказалъ-бы, что амплитуда внезапныхъ переходовъ его отъ консерватизма къ либерализму достигаетъ въ эти неустойчивые дни своего максимума, а одно время могло даже показаться, что князь стремится стать во главѣ россійскаго либерализма при нападеніяхъ на „бюрократическій строй" и „административную опеку"... Будущій г-нъ Скальковскій, безъ сомнѣнія, найдетъ въ писаніяхъ князя Мещерскаго за это время много изреченій и замѣчательныхъ, и неожиданныхъ; мы же въ настоящей замѣткѣ остановимся лишь на одномъ небольшомъ, но, кажется намъ, очень характерномъ эпизодѣ, который долженъ заинтересовать настоящихъ и будущихъ біографовъ сіятельнаго публициста.

Вскорѣ послѣ смерти В. К. фонъ-Плеве, князь Мещерскій сталъ печатать въ „Гражданинѣ" мемуары о своихъ разговорахъ съ этимъ и съ другими бывшими министрами. При этомъ (конечно, случайно) вышло такъ, что всѣ бесѣды велись съ сановниками, нынѣ уже умершими; не смотря на это, обращеніе князя съ высокопоставленными покойниками исполнено истинно гражданской неустрашимости. Всякій, кто прочтетъ, напримѣръ, воспоминанія о покойномъ фонъ-Плеве, долженъ признать, что въ портретѣ этого своего „друга" князь Мещерскій проявилъ гораздо больше „безпристрастія", чѣмъ дружбы, которую онъ, оче-

*) Оно приведено, напр., въ „Южномъ Обозрѣніи" отъ 31 іюня 1904 г.

видно, приноситъ въ жертву долгу гражданина и правдиваго историка.

Главнымъ предметомъ этихъ бесѣдъ были... свобода вообще, а въ особенности свобода печати, которую князю Мещерскому приходилось постоянно защищать и отстаивать отъ (нынѣ покойныхъ) министровъ *).

„Свобода печати! — восклицаетъ почтенный князь въ одномъ изъ своихъ дневниковъ: — Боже мой, сколько разъ я слыхалъ на своемъ вѣку эти два слова въ людскихъ устахъ, какъ талисманъ, отъ пріобрѣтенія котораго должно вдругъ получится счастіе русскаго народа. Я говорю: въ людскихъ устахъ... но сколько разъ приходилось мнѣ слышать эти слова въ устахъ (изъ устъ?) министра внутреннихъ дѣлъ, начиная съ Валуева... Сколько разъ я слышалъ его (Валуева) обсуждающимъ вопросъ о свободѣ печати!.. Но разговоры эти дальше перевода на нашу почву наполеоновскихъ avertissements не пошли... Послѣ Валуева *громко подумывалъ* (превосходное выраженіе!) о свободѣ печати... Л. С. Маковъ, fortissime говорилъ гр. Лорисъ-Меликовъ, forte говорилъ гр. Н. П. Игнатьевъ. Но, — съ истинно гражданской горечью прибавляетъ опять князь, — дальше разговоровъ всетаки эта свобода не шла".

За то самъ князь Мещерскій во всѣхъ этихъ бесѣдахъ является неизмѣннымъ паладиномъ несчастной гонимой свободы. Въ одной изъ бесѣдъ съ (покойнымъ) Валуевымъ князь поставилъ, между прочимъ, дѣйствительно интересный вопросъ: „почему вѣдѣніе печати должно принадлежать какому-нибудь министерству?"

„Вѣдь какъ ни говори, — правильно аргументировалъ при этомъ князь, — а разъ министръ внутреннихъ дѣлъ есть верховный вершитель судебъ каждаго органа печати и имѣетъ безапелляціонное право жизни и смерти надъ каждымъ изданіемъ, то онъ есть въ то же время безапелляціонный судья въ своемъ собственномъ дѣлѣ... Валуевъ былъ прекрасный человѣкъ, — добрый, справедливый, деликатный, мягкій, но... и онъ обольстился своею неограниченною властью владыки печати до такой степени, что измѣнилъ своимъ природнымъ качествамъ изъ политической ненависти къ мыслямъ Каткова... и сталъ душить его предостереженіями"...

Затѣмъ кн. Мещерскій вспоминаетъ о министрѣ Тимашевѣ, дававшемъ волю своимъ предубѣжденіямъ противъ славянофиловъ (при чемъ пострадалъ и самъ издатель „Гражданина"... Пріятное открытіе: въ половинѣ 70-хъ годовъ кн. Мещерскій былъ славянофиломъ и союзникомъ Аксакова?!), а закрытіе „Голоса" Д. А.

---

*) Заимствуемъ сочувственную перепечатку изъ „Одесскаго Листка" отъ 27 сент. 1904 г.

Толстымъ даетъ князю еще одинъ поводъ для проявленія самыхъ благородныхъ чувствъ по адресу литературнаго противника.

„Я былъ врагомъ „Голоса",—вспоминаетъ князь съ благородною откровенностью, — но я *почувствовалъ ужасное нарушеніе свободы печати* (курсивы всюду принадлежатъ намъ), когда гр. Толстой, сдѣлавшись министромъ вн. дѣлъ, одну только газету закрылъ—„Голосъ", въ отместку за его долголѣтнюю войну противъ классицизма". Наконецъ, въ бесѣдахъ съ В. К. Плеве, князь указываетъ даже, что „онъ подчасъ слышалъ отъ другихъ министровъ сѣтованія на то, что у министра внутреннихъ дѣлъ двѣ мѣры въ оцѣнкѣ свободы печати: одна, широкая, противъ министровъ ему не милыхъ, а другая, узкая—противъ политики своей и своихъ друзей"...

Такъ разговаривалъ... такъ, можно сказать, мужественно разговаривалъ князь съ покойными министрами, такъ „*ужасно чувствовалъ онъ нарушеніе свободы печати*" даже по отношенію къ своимъ литературнымъ врагамъ! Можно ли послѣ этого сомнѣваться, что кн. Мещерскій долженъ быть поставленъ въ ряды „истинныхъ либераловъ" (куда, по словамъ князя, и зачислилъ его одинъ берлинскій знакомый)... Можно ли сомнѣваться, что когда нибудь освобожденная, наконецъ, „отъ личныхъ усмотрѣній" русская пресса вспомнитъ эти заслуги князя, о которыхъ онъ съ такою искренностью сообщилъ намъ теперь, и внесетъ его славное имя на скрижали своего освобожденія...

Мы бы охотно въ этомъ не сомнѣвались... Къ сожалѣнію, однако, цѣльности этого свѣтлаго образа мѣшаютъ наши „недобрые литературные нравы", наше стремленіе во что бы то ни стало умалить всякую истинную заслугу. И вотъ, едва появились цитированные выше прекрасные мемуары, какъ уже А. С. Суворинъ, очевидно, снѣдаемый завистью къ истинному либерализму кн. Мещерскаго, позволилъ себѣ высказать самыя ядовитыя сомнѣнія. Неблагородно пользуясь тѣмъ, что всѣ интервью князя Мещерскаго, по странной случайности, относятся къ покойникамъ, — г. Суворинъ поставилъ коварный вопросъ: дѣйствительно ли эти разговоры имѣли мѣсто? И благоразумно ли заносить ихъ на скрижали исторіи безъ достаточной провѣрки?

Признаемся откровенно: неблагородной статьи г-на Суворина мы не читали, но мы узнали объ ней изъ слѣдующаго, въ высшей степени благороднаго отвѣта кн. Мещерскаго, въ одномъ изъ ноябрскихъ его дневниковъ:

„Приведи г. Суворинъ свой разговоръ съ кѣмъ-либо изъ покойныхъ людей, — пишетъ князь съ присущимъ ему спокойнымъ достоинствомъ,—я бы прочелъ, и мнѣ бы въ голову не пришло не только обвинить, но даже заподозрить во лжи Суворина. Почему? Потому что *я относительно печати*

не допускаю возможности лгать или выдумывать, и *порядочность* состоитъ въ томъ, чтобы не приписывать другому то, чего самъ не сдѣлаешь" *).

Сказано это, поистинѣ, прекрасно. Дѣйствительно, порядочность состоитъ въ этомъ, съ маленькой, конечно, оговоркой: „если нѣтъ доказательствъ противнаго". Мы не позволимъ себѣ сомнѣваться, что въ данномъ случаѣ такихъ доказательствъ нѣтъ и быть не можетъ. И чтобы убѣдить въ этомъ читателя, чтобы сохранить для исторіи свѣтлый обликъ внука Карамзина, благородно и правдиво отстаивавшаго въ трудныя времена свободу русскаго слова даже для своихъ противниковъ, мы позволимъ себѣ привести небольшія справки изъ журнальнаго архива по отношенію хотя бы къ одному эпизоду: закрытію газеты „Голосъ", о которомъ говоритъ и князь въ своихъ „мемуарахъ".

Какъ извѣстно, „Голосъ" закрытъ Д. А. Толстымъ 13 февраля 1883 года. Этому предшествовала многолѣтняя полемика газеты съ классицизмомъ, при чемъ, конечно, „Голосъ" адресовалъ свои возраженія „Московскимъ Вѣдомостямъ" Леонтьева и Каткова. Разумѣется, кромѣ классицизма, газета затрогивала и другія явленія русской жизни въ тонѣ умѣреннаго либерализма, который для нашего времени долженъ быть признанъ довольно блѣднымъ даже по сравненію съ нѣкоторыми статьями о бюрократіи кн. Мещерскаго. 11 февраля, въ № 42 „Голоса" была помѣщена передовая статья по поводу двухъ процессовъ полицейскихъ чиновниковъ, обвинявшихся въ истязаніяхъ арестованныхъ, съ цѣлью вынудить у нихъ признаніе въ кражѣ. Авторъ статьи говорилъ о слабомъ развитіи понятія о законности въ низшихъ представителяхъ власти. Въ обществѣ, по указанію самого князя Мещерскаго, уже носились слухи о близкомъ закрытіи „Голоса", такъ какъ Д. А. Толстой „не могъ ему простить долголѣтней войны противъ классицизма". И вотъ въ этой-то зловѣщей обстановкѣ кн. Мещерскій доблестно выступаетъ на защиту свободы для своего противника. Раскрываемъ № 7 „Гражданина" (1883 г.) и читаемъ (въ статьѣ „Нѣсколько словъ милому „Голосу") слѣдующія истинно великодушныя строки:

> „Бѣдный, миленькій „Голосъ", — сказалъ бы я, читая его ежедневныя *бѣшеныя нападки на правительство*, прикрытыя (для дураковъ) полемикой съ „Московскими Вѣдомостями".
>
> ...„Приходится спрашивать себя съ глубокимъ смущеніемъ: когда же этой всѣхъ русскихъ людей, честныхъ и богобоязненныхъ, *дуэли между „Голосомъ" и правительственнымъ авторитетомъ будетъ положенъ конецъ*"?.. (Просимъ

*) См. „Русь", 24 ноября № 344, въ отчетѣ о судебномъ засѣданіи по дѣлу Мещерскаго и Стаховича.

простить нѣкоторую безсвязность этой фразы. Благородное волненіе, очевидно, отражается на складѣ княжеской рѣчи). „Образумься, милый органъ тайныхъ совѣтниковъ и Вѣрочекъ Засуличъ... Сегодня, когда я прочиталъ его передовую статью по поводу двухъ судебныхъ эпизодовъ, въ которыхъ полицейскіе чиновники на Руси (sic) подверглись преслѣдованію... признаюсь откровенно, я почувствовалъ приступъ *не только злости, но бѣшенства* противъ публициста „Голоса", написавшаго такую умышленно гнусную статью, опять таки, подъ предлогомъ нападки на простого полицейскаго, *направленной противъ правительства*".

Мы позволимъ себѣ сдѣлать еще нѣсколько выписокъ изъ этой прекрасной статьи, чтобы г. А. С. Суворинъ увидѣлъ, что значитъ „писать въ хорошемъ тонѣ" и великодушно относиться къ противнику, надъ которымъ уже нависла кара. Призывалъ ли князь Мещерскій эту кару? О, нѣтъ. Наоборотъ, онъ стоялъ за „свободу чужого мнѣнія".

„Говорятъ о запрещеніи „Голоса",—пишетъ онъ въ томъ же номерѣ.—Я, признаться, не понимаю, зачѣмъ запрещать „Голосъ", т. е. дѣлать именно то, чего онъ самъ добивается (?!). Зачѣмъ просто не *запретить „Голосу" быть непримиримымъ и крайне пристрастнымъ въ своемъ направленіи*". А сдѣлать это, по мнѣнію князя, очень легко: теперь „Голосъ" слушается однихъ тайныхъ совѣтниковъ и пишетъ по ихъ внушенію. Нужно *приказать ему слушаться другихъ тайныхъ совѣтниковъ и писать по ихъ внушенію*".

Какъ видите, читатель, кн. Мещерскій въ трудную для противника минуту сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло... Не смотря на эту великодушную защиту (кто посмѣетъ сказать, что именно благодаря ей?)—42-й № „Голоса", говорившій о процессахъ двухъ полицейскихъ (и о монастырскихъ тюрьмахъ)—былъ послѣднимъ. Противникъ замолкъ навѣки... Что же вы думаете: кн. Мещерскій радуется его гибели? О! нѣтъ, наоборотъ: онъ *„ужасно почувствовалъ нарушеніе свободы печати"* и высказалъ это чувство въ слѣдующемъ же 8-мъ номерѣ „Гражданина".

„Ты меня спрашиваешь,—говоритъ авторъ „Писемъ консерватора" какому-то своему собесѣднику,—доволенъ ли я? *Да* (да?!), если бы вредное дѣйствіе на общество было сосредоточено въ одномъ „Голосѣ"... но направленіе „Голоса" это многоголовная гидра: раздавишь одну его голову, а она поднимаетъ другую"... „Голоса" нѣтъ, это правда, но тѣнь его преслѣдуетъ повсюду... Вчера (она) явилась ко мнѣ и изрекла слѣдующее: „Взгляни на газеты и журналы: *развѣ они въ другихъ выраженіяхъ не пускаютъ въ общество тѣ же мысли, какъ и я?*... Развѣ они не собираютъ такъ же

тщательно, какъ и я, только факты и явленія, которые рисуютъ безпомощность власти и неудовольствіе общества?..“

Надѣемся теперь, послѣ этихъ краснорѣчивыхъ справокъ, подлежащихъ провѣркѣ всякаго, кто ихъ пожелаетъ провѣрить, дѣло становится яснымъ, какъ день; надѣемся также, что намъ удалось показать, съ какимъ неоспоримымъ правомъ В. П. Мещерскій, россійскій князь, дѣлающій честь русской литературѣ своимъ благосклоннымъ участіемъ, сіятельный публицистъ и внукъ Карамзина, можетъ сказать о себѣ, что онъ *относительно печати не допускаетъ возможности лгать и обманывать...*

Въ предыдущей замѣткѣ у насъ разсказано о томъ, какъ въ Самарской губерніи урядникъ, вступивъ въ роль цензора, отобралъ у учительницы и посадилъ въ холодную „человѣческій голосъ“, заключенный въ граммофонъ, за то, что онъ запѣлъ некрасовское: „Выдь на волгу: чей стонъ раздается...“ Мы глубоко увѣрены, что, если бы, волею судебъ, кн. Мещерскій находился у власти, то онъ непремѣнно вступился бы за права „человѣчьяго голоса“ такъ же искренно, какъ онъ заступался за „Голосъ“ газетный. И сказалъ бы онъ, приблизительно, слѣдующее:

— Вы спрашиваете, г. самарскій урядникъ, доволенъ ли я, что вы посадили въ холодную „человѣчій голосъ“? Да, если бы вредное дѣйствіе на общество было сосредоточено въ одной этой машинкѣ.. Но машинокъ много, а учительницъ, пожалуй, еще больше... Стоитъ ли арестовывать граммофонъ, когда учительница осталась на свободѣ и можетъ тотчасъ же купить другую машинку... Вотъ, если бы у васъ хватило рѣшимости на рядъ дѣйствій, осуществляющихъ программу...“

И, конечно, послѣ этого, когда нибудь, въ своихъ правдивыхъ мемуарахъ, князь будетъ имѣть право сказать: „я ужасно почувствовалъ тогда нарушеніе свободы „человѣчьяго голоса“...

О, нѣтъ. Внукъ Карамзина не обманщикъ и какая бы погода ни водворилась въ нашемъ отечествѣ, русская печать, конечно, не забудетъ роли кн. Мещерскаго въ судьбахъ родного слова...

Вл. Короленко.

Два слова о привычкѣ лгать. Нижегородскій корреспондентъ „Новаго Времени“ дѣлится съ читателями этой газеты интересными воспоминаніями о посѣщеніи Нижняго покойнымъ министромъ Сипягинымъ.

„По обязанности корреспондента, — пишетъ авторъ любопытныхъ воспоминаній, — я сопровождалъ его при поѣздкѣ по городскимъ общественнымъ учрежденіямъ. Написавъ отчетъ для газеты, я представилъ послѣдній чиновнику особыхъ порученій министра для цензурнаго просмотра. Чиновникъ, просматривая гранки, обратилъ вниманіе на фразу: „городское общественное самоуправленіе“.

— У насъ еще пишутъ самоуправленіе?—спросилъ онъ,

а затѣмъ, взявъ карандашъ, съ любезной улыбкой, сдѣлалъ поправку и вышло „общественное управленіе“ *).

По поводу путешествія министра по губерніи, корреспондентъ вспоминаетъ „не мало курьезовъ“. Между прочимъ, ему было сообщено, что министръ „не любитъ корреспондентовъ“. „Мы не запрещаемъ вамъ быть здѣсь, — говорили чиновники, — но просимъ васъ дѣлать такъ, чтобы для министра вы были невидимы. Въ какомъ-то городѣ, при осмотрѣ древней церкви, прислушиваясь къ словамъ протоіерея, корреспондентъ сталъ записывать свѣдѣнія объ историческомъ значеніи церкви. Вдругъ за его спиной раздается шепотъ:

— Спрячьте книжку, ради Бога, спрячьте книжку!.. На васъ смотритъ министръ. — Каюсь, — пишетъ авторъ, — я спряталъ книжку въ шляпу...

Все это довольно ярко и характерно, но наиболѣе яркимъ является слѣдующій небольшой эпизодъ, простодушно и даже самоотверженно сообщенный корреспондентомъ:

„Въ старообрядческомъ центрѣ, въ селѣ Городцѣ, министръ говорилъ рѣчь старообрядцамъ. Говорилъ онъ съ разстановкой, рѣдко, я стоялъ почти рядомъ и записалъ всю рѣчь цѣликомъ. Представляю гранки въ министерскую цензуру (это особый видъ цензуры, такъ сказать, ad hoc). Успокоительная и дружелюбная рѣчь министра о сохраненіи за старообрядцами правъ и преимуществъ, предоставленныхъ закономъ 1883 г., превратилась подъ карандашомъ цензора въ грозный и, признаюсь, даже грубый приказъ раскольникамъ. Вмѣстѣ съ цензоромъ гранки изъ любопытства читалъ кто-то изъ высшихъ чиновниковъ министерства.

— Кажется, не это говорилъ министръ,—замѣтилъ онъ цензору, ознакомившись съ его „исправленіемъ“. Послѣдній улыбнулся и почти нѣжно произнесъ:

— „Политика“!

„*Такъ городецкіе старообрядцы и получили въ газетѣ грозный приказъ, вмѣсто сказаннаго привѣтливаго слова*“ **).

Въ этой маленькой картинкѣ все необыкновенно типично на нашъ русскій ладъ. И чиновникъ, цензирующій министра, и его „почти нѣжная политика“, придающая словамъ начальника прямо обратный смыслъ, въ полной увѣренности, что министръ даже и не узнаетъ, въ какомъ видѣ его слова появятся передъ цѣлой страной... Но, признаемся, наиболѣе великолѣпной кажется намъ фигура самого корреспондента, такъ самоотверженно сообщающаго, что... *въ его газетѣ и въ его изложеніи, за его значи-*

*) „Новое Время“. Цитируемъ по „Русскимъ Вѣд.“, 11 дек., № 344.
**) Курсивъ нашъ.

нравственной отвѣтственностью, старообрядцы и подчиненная министру администрація получили завѣдомую и довольно таки наглую ложь. Кто виноватъ въ этомъ? Министръ? Но онъ и не зналъ объ этой продѣлкѣ. Чиновникъ? Да, но вѣдь онъ не могъ заставить корреспондента посылать въ газету завѣдомую ложь отъ своего имени? Вотъ что, поистинѣ, можетъ привести въ отчаяніе,—это подчиненіе русскаго человѣка тамъ, гдѣ уже ничто и никто его къ этому не принуждаетъ. И послѣ этого „корреспондентъ" еще иронизируетъ надъ „чиновниками", а газета, та самая, въ которой была помѣщена зловредная и вполнѣ добровольная ложь,—печатаетъ ироническія воспоминанія объ этомъ, не замѣчая собственной своей роли... Вотъ ужъ истинно: „Надъ кѣмъ смѣетесь! Надъ собой смѣетесь..." Что значатъ, въ самомъ дѣлѣ, цензурные курьезы передъ такими наивными признаніями самихъ „представителей печати". **О. Б. А**.

Мертвыя богатства (изъ Донской области). За послѣдніе 15—20 лѣтъ донская областная хозяйственная политика проявляла неуклонное стремленіе къ созданію войсковыхъ и станичныхъ капиталовъ. И нельзя сказать, чтобы мѣра эта не принесла осязательныхъ результатовъ. Войсковые и станичные сундуки наполнялись казною, а населеніе бѣднѣло и постепенно дошло до такого состоянія экономическаго оскудѣнія, что потребовались особыя мѣры для поднятія достатка казаковъ, ибо при полномъ раззореніи казачьяго хозяйства главная обязанность донцовъ—„защита отечества"—оказалась бы невыполнимой. Мѣры эти, однако, какъ и всѣ бюрократическія предпріятія, начинаясь въ нѣдрахъ какого-нибудь „стола" и получивъ крещеніе въ одномъ изъ „ближайшихъ засѣданій", переходили затѣмъ въ „подкоммиссіи" и, наконецъ, совершенно исчезали въ пучинахъ „архивовъ", въ лучшемъ случаѣ не принося никакихъ осязательныхъ результатовъ. Для потрудившихся же надъ проектами канцелярскихъ архимедовъ всегда наиболѣе радостнымъ оказывалось открытіе, что въ сущности никакого „оскудѣнія" никогда на Дону не было. Въ самомъ дѣлѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ по Донскому краю перестали течь молочныя рѣки съ кисельными берегами, началось набиваніе червонцами, а потомъ и 4%-ной рентой войсковыхъ и станичныхъ сундуковъ. Правда, въ станицахъ сундуки эти постигала печальная участь. Напримѣръ, въ Сальскомъ округѣ за послѣдніе два года изъ станичныхъ капиталовъ исчезло безслѣдно около 9,000 рублей. Но ужъ это несчастье другого порядка. На злыхъ людей никогда у насъ „оскудѣнія" не было.

Спросите у станичниковъ о теперешнемъ житьѣ-бытьѣ.

— При-и-жимисто стало!.. Никакихъ средствій, чтобы на ноги стать.

— Такъ-што развороту нѣтъ... Полъ-юрта въ аренду отдадено на пополненіе обчественной сумы.

Въ *голодный* 1892 годъ, особенно въ сѣверной части области, царили голодъ и безкормица съ невѣроятнымъ процентомъ смертности людей и почти повальнымъ падежомъ скота и лошадей. И въ то время, какъ населеніе изнемогало въ безсильной борьбѣ съ несчастьемъ, а канцеляріи еще не озаботились изобрѣтеніемъ проектовъ, въ станичныхъ кассахъ (напр., казанской) безмятежно хранились неприкосновенныя суммы иногда въ 40,000 рублей. Въ калмыцкихъ станицахъ Сальскаго округа, гдѣ „оскудѣніе" дошло до предѣла, дальше котораго идти некуда, — не рѣдкость встрѣтить капиталы въ 100,000 рублей.

Подобныя суммы накопляются путемъ отдачи въ аренду откупщикамъ наилучшихъ земель на продолжительные сроки. Откупщики извлекаютъ изъ этой операціи огромные барыши, въ свою очередь сдавая юртовые участки въ разбивку иногороднымъ поселенцамъ. Такимъ образомъ, создаются *мертвые капиталы* А кореннымъ жителямъ станицъ, нищенствующимъ отъ экономическаго неустройства, коснѣющимъ въ невѣжествѣ по недостатку школъ и вымирающимъ отъ вопіющаго антисанитарнаго состоянія, — остается успокаивать себя тщеславною мыслью о заколдованныхъ общественныхъ богатствахъ и не смѣть сужденія имѣть о какомъ-то „оскудѣніи", ибо первою заботой казака должно быть „снаряженіе на службу", а на это-де и припасено въ станичномъ сундукѣ. Казакъ облекается въ новый „общественный" мундиръ, садится на „казеннаго" *) коня. И забота о немъ начальства исчерпана. До другихъ его нуждъ никому нѣтъ дѣла.

Мертвые капиталы не разъ фигурировали на страницахъ остроумныхъ отчетовъ, проектовъ и соображеній. И всегда лица, такъ или иначе потрудившіяся объ увеличеніи ихъ, заслуживали самыхъ лестныхъ поощреній. Но лишь только заходила рѣчь объ открытіи въ станицѣ школы, объ устройствѣ гдѣ-нибудь больницы, опытнаго поля, объ организаціи мелкаго кредита или склада земледѣльческихъ орудій, — словомъ, о насущнѣйшихъ нуждахъ населенія, — какъ выставлялись непреодолимыя преграды со стороны охранителей мертвыхъ богатствъ.

И только нужды военнаго снаряженія всегда находятъ къ нимъ широко открытыя двери. **М. Казмичевъ.**

„Кулачный боецъ „Русскаго Богатства". Подъ такимъ заглавіемъ въ ноябрьской книгѣ журнала „Правда" (адресъ редакціи: Москва, Кудрино, 1, 18), въ отдѣлѣ „Жизнь и литература" напечатана статья г. Луначарскаго. Эта статья посвящена мнѣ и заканчивается, между прочимъ, такими словами: „Жду, что г. Пѣшехоновъ, какъ храбрый единоборецъ, и передо мною кулаками помашетъ"... Г. Луначарскій въ этой выжидательной позиціи,

*) Съ 1902 года отъ казны выдается пособіе по 100 рублей каждому выходящему на службу казаку на покупку лошади.

конечно, такъ и останется. До свѣдѣнія своихъ читателей считаю, однако, необходимымъ довести, что такая статья въ русской литературѣ существуетъ. Желающіе познакомиться съ нею могутъ обратиться по вышеуказанному адресу. **А. Пѣшехоновъ**.

Хроника внутренней жизни.

I. „Эра довѣрія" и рѣчи реакціонныхъ газетъ объ ея окончаніи. — Указъ 12 декабря.—Правительственное сообщеніе 14 декабря.—II. Административныя распоряженія по дѣламъ печати.

I.

Нѣсколько недѣль тому назадъ въ одной изъ петербургскихъ газетъ была напечатана любопытная бесѣда газетнаго сотрудника съ пріѣхавшимъ въ Петербургъ провинціальнымъ земскимъ дѣятелемъ. „Я пріѣхалъ сюда, — разсказывалъ, между прочимъ, послѣдній сотруднику газеты — нѣсколько дней назадъ, и первое впечатлѣніе, полученное мною, я могу сравнить съ ощущеніемъ человѣка, вошедшаго въ ярко освѣщенную комнату изъ темной конуры. Повсюду слышишь и читаешь о новомъ вѣяніи, о довѣріи къ обществу, о „веснѣ". И мнѣ до сихъ поръ все кажется, что я пріѣхалъ въ другое государство. Хотя нашъ Елецкій уѣздъ отстоитъ всего на тысячу верстъ отъ Петербурга, но тѣмъ не менѣе тамъ не только не чувствуется никакой перемѣны, а, наоборотъ, усилившаяся за послѣдніе годы система подозрѣнія все растетъ" *).

Немного времени прошло послѣ той бесѣды, въ которой были сказаны приведенныя слова, но за это недолгое время многое успѣло выясниться. Въ частности Петербургъ сумѣлъ за это время какъ нельзя болѣе наглядно показать, что разговоры о „довѣріи" сами по себѣ ни къ чему еще не обязываютъ и нисколько не мѣшаютъ существованію тѣхъ порядковъ, наличность которыхъ создаетъ для народной жизни обстановку „темной конуры". Новыя вѣянія, такъ сильно поразившія воображеніе нѣкоторыхъ впечатлительныхъ людей и заставившія ихъ предполагать существованіе рѣзкаго контраста между Петербургомъ и провинціей, на дѣлѣ, какъ и слѣдовало ожидать, пошли не особенно далеко и оказались не особенно устойчивыми. Очень скоро они уступили свое мѣсто проявленіямъ старой системы.

*) „Русь", 1 ноября 1904 г

Немногочисленные органы нашей реакціонной прессы спѣшатъ привѣтствовать такой поворотъ. Если вѣрить этимъ органамъ, всѣ допущенныя за послѣдніе мѣсяцы частичныя отступленія отъ старой системы являлись лишь своеобразнымъ опытомъ, который по существу былъ даже лишнимъ, но который во всякомъ случаѣ блестяще доказалъ полную невозможность какой-либо перемѣны въ политикѣ послѣднихъ десятилѣтій. „Экспериментъ „довѣрія"—восклицали не такъ давно „Московскія Вѣдомости"—доведенъ до конца и обнаружилъ полную свою несостоятельность. Министръ внутреннихъ дѣлъ позволилъ русской печати свободно высказываться, а печать немедленно самымъ безцеремоннымъ образомъ злоупотребила этой свободой и вынудила министра прибѣгнуть къ цѣлому ряду репрессивныхъ, болѣе чѣмъ заслуженныхъ, мѣръ. Министръ внутреннихъ дѣлъ предоставилъ земцамъ свободу выразить свои пожеланія, конечно, относительно лучшаго устройства мѣстнаго хозяйственнаго самоуправленія, коимъ они призваны завѣдывать, а земскіе вожаки злоупотребили довѣріемъ министра, воспользовавшись дарованною имъ свободой для широкой пропаганды противъ существующаго строя". „Все это—прибавляетъ газета г. Грингмута — легко было предвидѣть a priori, и мы съ самаго начала предсказывали, чѣмъ по необходимости должна была кончиться вся эта „новая эра" довѣрія... Кто знаетъ нашихъ „либераловъ", тотъ не могъ не предвидѣть, что имѣть довѣріе къ какой-либо созидательной дѣятельности ихъ невозможно. Ясно было также, что, по неимѣнію корней въ родной почвѣ, по равнодушію къ истиннымъ нуждамъ Россіи, наши либералы, допущенные къ свободному дѣйствію, могутъ привести не къ здоровому оживленію, а только къ шумнымъ смутамъ. Все это, столь ясное a priori, стало до очевидности яснымъ на практикѣ". Въ виду этого, по мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей", остается только скорѣе прекратить „дальнѣйшую болтовню либераловъ" и вмѣстѣ съ тѣмъ правительству слѣдуетъ „сказать громко и твердо свое слово", которое помѣшало бы русскому народу „подумать, что эти самозванные преобразователи пользуются правительственнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ" *).

Приблизительно такія же рѣчи ведетъ и „Гражданинъ", не менѣе рѣшительно выражающій свою радость по поводу прекращенія „эры довѣрія". Можно думать, однако, что эта радость реакціонныхъ органовъ прессы является нѣсколько преждевременной и что простота рекомендуемыхъ ими рецептовъ далеко еще не обезпечиваетъ успѣшности послѣднихъ. За послѣдніе годы жизнь не разъ уже обманывала ожиданія нашихъ реакціонеровъ и не трудно предвидѣть, что ближайшее будущее гото-

*) „М. Вѣд.", 24 ноября 1904 г.

вить имъ новое разочарованіе. Конечно, ничего не можетъ быть проще совѣта твердо держаться однажды принятой системы и на всѣ выдвигаемыя жизнью потребности отвѣчать однимъ лишь категорическимъ отказомъ сдѣлать что бы то ни было для ихъ удовлетворенія. Но въ жизни народовъ бываютъ такіе моменты, когда нѣтъ ничего труднѣе, какъ привести въ исполненіе этотъ, столь простой съ виду, совѣтъ, и переживаемая нами минута, несомнѣнно, является однимъ изъ подобныхъ моментовъ. Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ самыя разнообразныя общественныя группы такъ настойчиво пользовались всякимъ поводомъ для обнаруженія своихъ взглядовъ, такъ рѣшительно и опредѣленно высказывали свои стремленія и такъ близко подходили въ этихъ стремленіяхъ одна къ другой, что въ настоящій моментъ уже не можетъ быть мѣста ни для какихъ сомнѣній на счетъ дѣйствительнаго настроенія русскаго общества. Поскольку общественное мнѣніе можетъ высказываться въ условіяхъ русской дѣйствительности, оно уже высказалось съ достаточною опредѣленностью, рѣзко осудивъ существующій строй жизни. Теоретическіе апологеты этого строя могутъ, правда, доказывать, что нѣтъ никакой нужды считаться съ такимъ настроеніемъ общества, но практическіе дѣятели едва ли послѣдуютъ подобнымъ совѣтамъ и вступятъ на путь, рискованность котораго въ достаточной мѣрѣ выяснена уже опытомъ. Съ гораздо большею вѣроятностью можно ожидать другого — попытокъ ослабить существующую остроту положенія и понизить діапазонъ общественнаго настроенія путемъ частныхъ мѣръ, разсчитанныхъ на то, чтобы удовлетворить тѣ или иныя отдѣльныя пожеланія различныхъ общественныхъ круговъ, не выходя изъ рамокъ современнаго строя. Такого рода попытки могутъ быть предприняты въ большемъ или меньшемъ масштабѣ, но это обстоятельство само по себѣ, конечно, нисколько не измѣняетъ ихъ характера и цѣль ихъ всегда останется одною и той же.

---

12 декабря состоялся именной высочайшій указъ правительствующему сенату—„о предначертаніяхъ къ усовершенствованію государственнаго порядка“. Въ условіяхъ современной дѣйствительности указъ этотъ является крайне характернымъ документомъ, и въ виду этого я позволю себѣ изложить его содержаніе, несомнѣнно, уже знакомое читателямъ изъ газетъ, возможно подробнѣе.

Первыя строки указа посвящены своего рода общему введенію. „Мы,—говорится въ этомъ введеніи—при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ имперіи, полагаемъ задачу правленія въ неусыпной заботливости о потребностяхъ страны, различая все, дѣйствительно соотвѣтствующее интересамъ русскаго народа, отъ нерѣдко ошибочныхъ и преходящими об-

стоятельствами навѣянныхъ стремленій. Когда же потребность той или другой перемѣны оказывается назрѣвшею, то къ совершенію ея Мы считаемъ необходимымъ приступить, хотя бы намѣченное преобразованіе вызывало внесеніе въ законодательство существенныхъ нововведеній. Не сомнѣваемся, что осуществленіе такихъ начинаній встрѣчено будетъ сочувствіемъ благомыслящей части Нашихъ подданныхъ, которая истинное преуспѣяніе родины видитъ въ поддержаніи государственнаго спокойствія и непрерывномъ удовлетвореніи насущныхъ нуждъ народныхъ".

Главною заботою правительства указъ признаетъ „мысль о наилучшемъ устройствѣ быта многочисленнѣйшаго у насъ крестьянскаго сословія". „Дѣло это — продолжаетъ указъ—уже подвергается обсужденію: на ряду съ подробнымъ, на мѣстахъ, разсмотрѣніемъ первоначальныхъ предположеній министерства внутреннихъ дѣлъ нынѣ въ особомъ, изъ опытнѣйшихъ лицъ высшаго управленія, совѣщаніи изучаются важнѣйшіе вопросы устроенія крестьянской жизни на основаніи свѣдѣній и отзывовъ, заявленныхъ при изслѣдованіи въ мѣстныхъ комитетахъ общихъ нуждъ сельско-хозяйственной промышленности". Въ настоящее время высочайшій указъ повелѣваетъ,—„чтобы работы эти привели законы о крестьянахъ къ объединенію съ общимъ законодательствомъ имперіи, облегчивъ задачу прочнаго обезпеченія пользованія лицами этого сословія признаннымъ за ними Царемъ-Освободителемъ положеніемъ „полноправныхъ свободныхъ сельскихъ обывателей".

Наряду съ этою главной задачей въ указѣ 12 декабря намѣчается еще рядъ другихъ желательныхъ преобразованій. „Для упроченія правильнаго въ отечествѣ нашемъ хода государственной и общественной жизни—говорится по этому поводу въ указѣ—Мы признаемъ неотложнымъ:

„1) принять дѣйствительныя мѣры къ охраненію полной силы закона,—важнѣйшей въ самодержавномъ государствѣ опоры престола, — дабы ненарушимое и одинаковое для всѣхъ исполненіе его почиталось первѣйшею обязанностью всѣхъ подчиненныхъ Намъ властей и мѣстъ, неисполненіе же ея неизбѣжно влекло законную за всякое произвольное дѣйствіе отвѣтственность, и въ сихъ видахъ облегчить потерпѣвшимъ отъ такихъ бѣдствій лицамъ способы достиженія правосудія;

„2) предоставить земскимъ и городскимъ учрежденіямъ возможно широкое участіе въ завѣдываніи различными сторонами мѣстнаго благоустройства, даровавъ имъ для сего необходимую, въ законныхъ предѣлахъ, самостоятельность, и призвать къ дѣятельности въ этихъ учрежденіяхъ, на однородныхъ основаніяхъ, представителей всѣхъ частей заинтересованнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ населенія; съ цѣлью успѣшнѣйшаго же удовлетворенія потребностей онаго образовать сверхъ нынѣ существующихъ гу-

бернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій, въ тѣснѣйшей съ ними связи, общественныя установленія по завѣдыванію дѣлами благоустройства на мѣстахъ, въ небольшихъ по пространству участкахъ;

„3) въ цѣляхъ охраненія равенства передъ судомъ лицъ всѣхъ состояній, ввести должное единство въ устройство судебной въ имперіи части и обезпечить судебнымъ установленіямъ всѣхъ степеней необходимую самостоятельность;

„4) въ дальнѣйшее развитіе принятыхъ уже мѣръ по обезпеченію участи рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ и промыслахъ, озаботиться введеніемъ государственнаго ихъ страхованія;

„5) пересмотрѣть изданныя во времена безпримѣрнаго проявленія преступной дѣятельности враговъ общественнаго порядка исключительныя законоположенія, примѣненіе коихъ сопряжено съ значительнымъ расширеніемъ усмотрѣнія административныхъ властей, и озаботиться при этомъ какъ возможнымъ ограниченіемъ предѣловъ мѣстностей, на которыя они распространяются, такъ и допущеніемъ вызываемыхъ ими стѣсненій правъ частныхъ лицъ только въ случаяхъ, дѣйствительно угрожающихъ государственной безопасности;

„6) для закрѣпленія выраженнаго Нами въ манифестѣ 26 февраля 1903 года неуклоннаго душевнаго желанія охранять освященную основными законами имперіи терпимость въ дѣлахъ вѣры, подвергнуть пересмотру узаконенія о правахъ раскольниковъ, а равно лицъ, принадлежащихъ къ инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ, и независимо отъ сего принять нынѣ же въ административномъ порядкѣ соотвѣтствующія мѣры къ устраненію въ религіозномъ бытѣ ихъ всякаго, прямо въ законѣ не установленнаго, стѣсненія;

„7) произвести пересмотръ дѣйствующихъ постановленій, ограничивающихъ права инородцевъ и уроженцевъ отдѣльныхъ мѣстностей имперіи, съ тѣмъ, чтобы изъ числа сихъ постановленій впредь были сохранены лишь тѣ, которыя вызываются насущными интересами государства и явною пользою русскаго народа,

„и 8) устранить изъ нынѣ дѣйствующихъ о печати постановленій излишнія стѣсненія и поставить печатное слово въ точно опредѣленные закономъ предѣлы, предоставивъ тѣмъ отечественной печати, соотвѣтственно успѣхамъ просвѣщенія и принадлежащему ей вслѣдствіе сего значенію, возможность достойно выполнять высокое призваніе быть правдивою выразительницею разумныхъ стремленій на пользу Россіи".

Въ указѣ 12 декабря намѣчается и „самый порядокъ для обсужденія способовъ наиболѣе быстраго и полнаго осуществленія" всѣхъ этихъ преобразованій. „Въ ряду государственныхъ нашихъ учрежденій—гласитъ указъ—задача тѣснѣйшаго объединенія отдѣльныхъ частей управленія принадлежитъ комитету министровъ;

вслѣдствіе сего повелѣваемъ: комитету министровъ по каждому изъ приведенныхъ выше предметовъ войти въ разсмотрѣніе вопроса о наилучшемъ способѣ проведенія въ жизнь намѣреній Нашихъ и представить Намъ въ кратчайшій срокъ свои заключенія о дальнѣйшемъ, въ установленномъ порядкѣ, направленіи подлежащихъ мѣропріятій. О послѣдующемъ ходѣ разработки означенныхъ дѣлъ комитетъ имѣетъ Намъ докладывать".

Такова программа предстоящихъ преобразованій, возвѣщенная указомъ 12 декабря. Сравнительно недавно всякая попытка поднять и освѣтить любой изъ вопросовъ, включенныхъ въ эту программу, начиная съ уравненія крестьянства въ правахъ съ другими сословіями и кончая необходимостью измѣненія въ положеніи печати, признавалась дѣломъ совершенно празднымъ и даже заслуживающимъ строгаго осужденія. Въ настоящій моментъ всѣ эти вопросы, въ теченіе долгаго времени настойчиво возбуждавшіеся обществомъ, вошли въ оффиціальную программу преобразованій, самимъ правительствомъ признанныхъ за „неотложныя". Съ этой точки зрѣнія указъ 12 декабря, несомнѣнно, можетъ доставить русскому обществу нѣкоторое нравственное удовлетвореніе.

Нѣсколько иное впечатлѣніе производитъ приведенная программа, если разсматривать ее по существу, независимо отъ тѣхъ воспоминаній, которыя связаны съ отдѣльными ея частями въ прошломъ. Прежде всего нельзя не замѣтить, что лишь немногіе пункты этой программы выражены въ указѣ 12 декабря съ достаточною ясностью, не оставляющею мѣста никакимъ сомнѣніямъ насчетъ истиннаго ихъ значенія. Таковы именно пункты, говорящіе о правовомъ положеніи крестьянства, о расширеніи самостоятельности земскихъ и городскихъ учрежденій въ сферѣ мѣстнаго хозяйства, объ измѣненіи избирательной системы въ этихъ учрежденіяхъ, о созданіи мелкой земской единицы и о введеніи государственнаго страхованія промышленныхъ рабочихъ. Всѣ остальные пункты программы не имѣютъ сколько-нибудь рѣшительнаго характера и намѣчены въ такихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, которыя допускаютъ возможность самыхъ различныхъ толкованій.

Само по себѣ составленіе того или иного проекта представляется, однако, лишь первымъ шагомъ всякой реформы. Вторымъ, и не менѣе важнымъ, шагомъ является проведеніе выработаннаго проекта въ жизнь. Такимъ образомъ, самъ собою возникаетъ вопросъ о томъ, насколько такія преобразованія могутъ быть соглашены съ остальными условіями русской жизни, которыя предположено оставить въ „незыблемомъ" видѣ. Отвѣта на этотъ вопросъ не приходится искать особенно далеко, такъ какъ любопытныя данныя для такого отвѣта находятся въ самомъ указѣ 12 декабря. Названный указъ, между прочимъ, на-

мѣчаетъ нѣкоторыя мѣры „для закрѣпленія выраженнаго въ манифестѣ 26 февраля 1903 года неуклоннаго душевнаго желанія охранять освященную основными законами имперіи терпимость въ дѣлахъ вѣры". Для достиженія этой цѣли въ указѣ предписывается произвести пересмотръ законовъ о правахъ раскольниковъ и лицъ, принадлежащихъ къ инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ, и немедленно принять административныя мѣры къ устраненію въ религіозномъ быту названныхъ лицъ всѣхъ стѣсненій, не установленныхъ прямо закономъ. Предписаніе это носитъ довольно рѣшительный характеръ, но и манифестъ 26 февраля 1903 года не менѣе рѣшительно предписывалъ „укрѣпить неуклонное соблюденіе властями, съ дѣлами вѣры соприкасающимися, завѣтовъ вѣротерпимости, начертанныхъ въ основныхъ законахъ Имперіи Россійской", и, однако, это требованіе манифеста, какъ свидѣтельствуетъ указъ 12 декабря, не получило практическаго осуществленія. Можно ли разсчитывать, что указъ 12 декабря окажется болѣе дѣйствительнымъ?

Возможныя въ этомъ случаѣ сомнѣнія находятъ себѣ серьезное подкрѣпленіе въ другомъ пунктѣ того же указа 12 декабря, рисующемъ роль закона въ современной русской жизни. Статья 47-я основныхъ законовъ гласитъ: „Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ". Статья 63-я тѣхъ же законовъ говоритъ, что „законъ долженъ быть свято и ненарушимо исполняемъ всѣми и каждымъ", а статья 65-я добавляетъ, что „всѣ безъ изъятія мѣста, не исключая и высшихъ правительствъ, во всякомъ случаѣ должны утверждать опредѣленія свои на точныхъ словахъ закона". За нарушеніе закона лицами, облеченными властью, въ теоріи полагаются суровыя кары. Тѣмъ не менѣе высочайшій указъ свидѣтельствуетъ, что на дѣлѣ власти въ Россіи не соблюдаютъ закона и не несутъ за это никакой отвѣтственности. Въ виду подобнаго положенія дѣлъ названный указъ однимъ изъ пунктовъ проектируемой реформы ставитъ созданіе такого порядка, при которомъ ненарушимое и одинаковое для всѣхъ исполненіе закона являлось бы первою обязанностью всѣхъ властей, неисполненіе этой обязанности влекло бы за собою отвѣтственность, а лицамъ, пострадавшимъ отъ произвольныхъ дѣйствій, была бы облегчена возможность добиться правосудія. Совершенно очевидно, однако, что намѣченная въ этихъ словахъ задача водворенія законности въ управленіи не можетъ быть осуществлена путемъ какихъ-либо частичныхъ мѣропріятій, поставленныхъ внѣ всякой связи съ общими условіями государственной жизни. Одно новое предписаніе соблюдать законы едва ли можетъ въ данномъ случаѣ сыграть бо́льшую роль, чѣмъ десятки, если не сотни, такихъ же предписаній, изданныхъ раньше и оставшихся безъ всякаго результата.

14 декабря было опубликовано слѣдующее правительственное сообщеніе.

„Осенью текущаго года въ Петербургѣ происходили собранія нѣкоторыхъ гласныхъ разныхъ губернскихъ земствъ, выразившія рядъ пожеланій о необходимыхъ, по мнѣнію участниковъ ихъ, реформахъ внутренняго управленія имперіею. Пожеланія эти сдѣлались предметомъ обсужденія печати, различныхъ созывавшихся для сего или по инымъ поводамъ собраній, а такъ же, вопреки требованіямъ закона, обсуждались въ засѣданіяхъ нѣкоторыхъ городскихъ думъ и земскихъ собраній. Подъ вліяніемъ лицъ, стремящихся внести въ общественную и государственную жизнь смуту и воспользовавшихся возникшимъ въ обществѣ волненіемъ умовъ, преимущественно въ воспріимчивой средѣ молодежи,—въ нѣкоторыхъ городахъ имперіи произошелъ рядъ шумныхъ сборищъ, заявлявшихъ о необходимости представить правительству различныя требованія, недопустимыя въ силу освященныхъ основными законами имперіи незыблемыхъ началъ нашего государственнаго строя, и цѣлыми скопищами устраивались уличныя демонстраціи, при чемъ оказывалось полиціи и властямъ открытое сопротивленіе. Такое движеніе противъ существующаго порядка управленія, чуждое русскому народу, вѣрному исконнымъ основамъ существующаго государственнаго строя, старается придать означеннымъ волненіямъ несвойственное имъ значеніе общаго стремленія. Охваченныя этимъ движеніемъ лица, въ забвеніи тяжелой годины, выпавшей нынѣ на долю Россіи, ослѣпленныя обманчивыми призраками тѣхъ благъ, которыя они ожидаютъ отъ кореннаго измѣненія вѣками освѣщенныхъ устоевъ русской государственной жизни, сами того не сознавая, дѣйствуютъ на пользу не родины, а ея враговъ.

„Законный долгъ правительства ограждать государственный порядокъ и общественное спокойствіе отъ всякихъ попытокъ прервать правильный ходъ внутренней жизни,—поэтому всякое нарушеніе порядка и спокойствія и всякія сборища противуправительственнаго характера должны быть и будутъ прекращаемы всѣми имѣющимися въ распоряженіи властей законными средствами, а виновные въ сихъ нарушеніяхъ, особенно же лица, состоящія на государственной службѣ, будутъ привлекаемы къ законной отвѣтственности. Земскія и городскія установленія и всякаго рода учрежденія и общества обязаны не выходить изъ предѣловъ предоставленныхъ ихъ вѣдѣнію предметовъ и не касаться тѣхъ вопросовъ, на обсужденіе которыхъ они не имѣютъ законнаго полномочія; предсѣдатели же общественныхъ собраній, за допущеніе въ нихъ обсужденія не относящихся къ ихъ вѣдѣнію вопросовъ общегосударственнаго свойства, подлежатъ отвѣтственности на основаніи дѣйствующихъ законовъ. Органы печати, при трезвомъ отношеніи къ текущимъ событіямъ и при сознаніи лежащей на

нихъ отвѣтственности, должны, съ своей стороны, внести необходимое успокоеніе въ общественную жизнь, уклонившуюся въ последнее время отъ правильнаго теченія".

II.

За мѣсяцъ, прошедшій со времени послѣдней нашей хроники, состоялись слѣдующія административныя распоряженія по дѣламъ печати:

1) 25-го ноября 1904 г.: „въ виду вреднаго направленія газеты „Сынъ Отечества", выразившагося, между прочимъ, въ статьяхъ „Замѣтки журналиста" и „Изъ провинціальнаго портфеля", помѣщенныхъ въ № 8 этой газеты, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV (изд. 1890 г.), опредѣлилъ: объявить газетѣ „Сынъ Отечества" второе предостереженіе въ лицѣ издателя-редактора ея, ученаго лѣсовода Сергѣя Юрицына".

2) 29-го ноября 1904 г.: „въ виду непрекращающагося вреднаго направленія газеты „Сынъ Отечества", выразившагося, между прочимъ, въ отдѣлѣ „Провинція" нумера 12-го означенной газеты, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV (изд. 1890 г.), опредѣлилъ: объявить газетѣ „Сынъ Отечества" третье предостереженіе въ лицѣ издателя-редактора ея, ученаго лѣсовода Сергѣя Юрицына, съ пріостановленіемъ изданія газеты на три мѣсяца".

3) 29-го ноября 1904 г.: „въ виду вреднаго направленія газеты „Право", выразившагося, между прочимъ, въ статьѣ „Итоги юбилея", помѣщенной въ № 48 этого изданія, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV (изд. 1890 г.), опредѣлилъ: объявить газетѣ „Право" второе предостереженіе въ лицѣ издателей-редакторовъ ея, приватъ-доцента императорскаго с.-петербургскаго университета Владиміра Гессена и коллежскаго асессора Николая Лазаревскаго".

4) 7-го декабря 1904 г.: „на основаніи статьи 154 уст. о цензурѣ и печати, т. XIV св. зак. (изд. 1890 г.), министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: пріостановить изданіе газеты „Бессарабецъ" на три мѣсяца"

и 5) 9-го декабря 1904 г.: „въ виду вреднаго направленія газеты „Наша Жизнь", выразившагося, между прочимъ, въ статьяхъ передовой и подъ названіемъ „Маленькій Фельетонъ", помѣщенныхъ въ № 33 этого изданія, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV (изд. 1900 г.), опредѣлилъ: объявить газетѣ „Наша Жизнь" первое предостереженіе въ лицѣ издателя-редактора ея, д. с. с. Леонида Ходскаго, и редактора, кол. асс. Артемія Котельникова".

В. Мякотинъ.

Политика.

Годъ 1904.

Кардинальное явленіе историческаго движенія отчетнаго года. — Состояніе міра и состояніе Россіи къ началу года. — Перемѣна въ томъ и другомъ въ теченіе года.—Война. — Россія.—Россія, Японія и державы.—Европейскій Западъ.—Внѣ Европы.—Резюме и перспективы.

I.

Отчетный 1904 годъ будетъ отмѣченъ во всемірной исторіи, какъ начало крупнаго перелома, исходъ котораго еще не выяснился въ достаточной мѣрѣ. Исторія русскаго народа, внѣшняя и внутренняя, представляется кардинальнымъ явленіемъ современной жизни человѣчества. Исходъ военнаго столкновенія Россіи съ Японіей и развитіе ея внутренняго историческаго движенія составляли въ 1904 году и составятъ въ 1905 году центръ всемірнаго вниманія. Именно въ этихъ событіяхъ выражается теперь и долженъ выразиться въ будущемъ вышеупомянутый переломъ въ историческихъ судьбахъ человѣчества. Огромное значеніе тѣхъ дѣлъ, что творитъ теперь русская нація, совершенно заслоняетъ собою другія историческія событія, и всѣ народы слѣдятъ за ходомъ русской исторіи едва ли не съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ за собственными дѣлами. Всѣми чувствуется, если не сознается, что на поляхъ дикой и суровой Манчжуріи, на необъятныхъ водныхъ равнинахъ Великаго океана, въ канцеляріяхъ с.-петербургскихъ министерствъ, въ рѣшеніяхъ русскихъ дѣятелей, въ самосознаніи русской націи, въ проявленіяхъ русской мысли, въ результатахъ этого сложнаго и труднаго историческаго процесса, человѣчество найдетъ новыя основы для своего историческаго движенія... Каковы бы ни были эти результаты, чѣмъ бы ни завершился этотъ трудный процессъ, во всякомъ случаѣ произойдутъ серьезныя перемѣны, и міръ приметъ новый видъ, получитъ новые могучіе импульсы. Къ добру или ко злу? Я уже сказалъ, что исходъ еще недостаточно выяснился. Тѣмъ не менѣе, кое что уже вполнѣ видно, кое что рисуется подъ дымкою отдаленныхъ

перспективъ, кое что можно предугадывать... Нѣтъ болѣе важнаго для современнаго человѣчества вопроса, чѣмъ эти перспективы. Нѣтъ болѣе жгучаго для Россіи. Попробуемъ разобраться. Просимъ читателя помнить, что не все будетъ договорено и что эти недомолвки, отчасти естественныя, когда рѣчь идетъ о незавершившемся процессѣ, въ условіяхъ мѣста и времени неизбѣжны. Надѣемся всетаки дать сводъ историческихъ событій минувшаго года, который освѣтитъ ходъ процесса въ мѣрѣ, достаточной для пониманія его сущности, его главныхъ сторонъ, или возможныхъ и вѣроятныхъ плодовъ.

Годъ 1903 былъ типичнымъ для многихъ ему предшествовавшихъ, длинною вереницею другъ за другомъ слѣдовавшихъ годовъ. Торжествующее господство капитализма съ медленнымъ накопленіемъ силъ, ему противодѣйствующихъ; торжествующее господство націонализма („имперіализма“ тожъ) и медленное проясненіе умовъ въ этомъ отношеніи; торжествующее господство милитаризма и движеніе къ его замѣнѣ международной мирной организаціей; тѣсная связь между этими тремя торжествующими господствами (капитализма, націонализма и милитализма), — являются выраженіемъ одного и того же историческаго процесса, именно роста авторитета, т. е. замѣны свободнаго самодѣятельнаго согласованія индивидуальныхъ дѣйствій между собою и съ общественными интересами ихъ согласованіемъ принудительнымъ, исходящихъ изъ воли, усмотрѣнія ими интересовъ господствующихъ группъ населенія, будь эти группы бюрократическія, аристократическія, плутократическія или теократическія. Этотъ ростъ авторитета (т. е. подчиненіе стремленій и дѣйствій, а подчасъ и мнѣній одной части населенія, обыкновенно большинства, волѣ другой части населенія) сопровождается всегда распаденіемъ на классы (дифференцованіе) и націи (дивергенція) и обыкновенно называется процессомъ органическаго развитія, потому что централизація управленія всѣми частями организма, дифференцованіе отправленій въ организмѣ и дивергенція организмовъ, до того одинаковыхъ, и составляютъ отличительные признаки естественной органической эволюціи. Борьба между этою естественною эволюціею и сознательнымъ человѣческимъ идеаломъ, домогающимся устранить и господство однихъ надъ другими, и рознь классовую, и рознь національную, составляетъ главное содержаніе всемірной исторіи столько же, сколько и каждой національной исторіи въ частности.

Всякіе бываютъ авторитеты. Сначала это просто физическая сила. Типическимъ образцомъ такого авторитета была Ассирія и монархіи Аттилы, Чингиза, Тамерлана. Затѣмъ мы наблюдаемъ случаи, когда этотъ военный авторитетъ существуетъ рядомъ съ авторитетомъ духовнымъ. Порою эти два авторитета вступаютъ

въ борьбу (довольно вспомнить борьбу между императорами и папами въ средневѣковой Западной Европѣ); иногда соединяются для лучшаго господства надъ большинствомъ (браминская Индія, древній Египетъ, мусульманскія страны, габсбургская Испанія, бурбонская Франція, Русь Іоанновъ). Это развитіе авторитетовъ военно-политическаго и духовнаго, отдѣльно или совмѣстно, составляетъ самые опасные случаи органическаго развитія, многократно приводившіе къ паденію самыя могущественныя государства и къ вырожденію даровитыя и цивилизованныя націи. Западная Европа уже пережила эти фазисы и побѣдила эту форму органической эволюціи. Рабство низшихъ классовъ, замкнутая сословность, бюрократическій деспотизмъ, бюрократическая и клерикальная опека, клерикальная нетерпимость, — все это уже побѣждено, и самая грозная опасность упадка и вырожденія устранена въ передовыхъ странахъ европейски-цивилизованнаго міра.

Но, le Roi est mort, vif le Roi! И „на мѣсто цѣпей крѣпостныхъ люди придумали много иныхъ"... Авторитетъ, побѣжденный въ голомъ видѣ ассирійскаго владыки или монгольскаго мірокрушителя, возрождается въ одеждѣ пророка, наполняя во имя Аллаха исторію тѣми же подвигами мірокрушенія, или же подъ видомъ папской непогрѣшимости, наполняя міръ гоненіями на мысль и за мысль и угрожая кострами инквизиціи самому существованію цивилизаціи. Поверженный и въ этихъ формахъ, авторитетъ поднимаетъ голову снова, возвеличивая себя въ такихъ историческихъ фигурахъ, какъ Филиппъ II, Людовикъ XIV, Наполеонъ, Бисмаркъ, и т. д., или въ такихъ наслоеніяхъ, какъ венеціанская и польская олигархія и пр. Ростъ сознательныхъ идеаловъ человѣчества побѣждаетъ и эти авторитеты, и на ихъ обломкахъ выростаетъ капитализмъ съ своимъ естественнымъ дополненіемъ, націонализмомъ, и съ нормальнымъ дополненіемъ всякаго авторитета, милитаризмомъ. Это и есть тотъ фазисъ исторіи, въ которомъ 1904 годъ засталъ передовыя страны міра въ то время, какъ остальная часть міра еще находилась въ болѣе раннихъ фазисахъ, во власти другихъ видовъ авторитета, бюрократическаго (какъ теперь его называютъ), аристократическаго (феодальнаго) и теократическаго. Годъ 1903 и былъ полонъ явленіями и событіями, показующими это торжество авторитетовъ всѣхъ видовъ: плутократическаго въ Сѣв. Америкѣ и Англіи, плутократическаго и аристократическаго въ Германіи, плутократическаго и бюрократическаго въ Австріи, бюрократическаго въ Россіи и т. д.

Таково было состояніе міра передъ грозою 1904 года.

Господство авторитета, на западѣ плутократическаго, на востокѣ бюрократическаго и въ центрѣ смѣшанныхъ формъ, харак-

теризовало Европу первыхъ годовъ XX вѣка. Эта власть, однако, всюду подкопана могучими историческими теченіями и опирается на почву, зыбкую и колеблющуюся. Довольно вспомнить наши неурядицы послѣднихъ годовъ, аграрныя волненія, рабочія, академическія, такія явленія, какъ исторія нѣсколькихъ ученыхъ съѣздовъ, созванныхъ министерствомъ финансовъ губернскихъ совѣщаній, и пр., чтобы усомниться въ незыблемости нашей бюрократіи. Западная плутократія тоже покоится не на розахъ, или, по меньшей мѣрѣ, эти розы изобилуютъ шипами... Во всѣхъ парламентахъ неизмѣнно растетъ соціалистическая партія. Во всѣхъ странахъ промышленность терпитъ кризисъ и всюду усиливается безработица. Причины тому не временныя, а постоянныя и необходимыя, закономѣрныя. Постепенная, но исторически необходимая замѣна все большей части перемѣннаго капитала постояннымъ и повышеніе уровня заработной платы, обусловленное повышеніемъ уровня потребностей рабочихъ и фабричнымъ законодательствомъ, вели и ведутъ неизбѣжно къ сокращенію прибыли, а это заставляетъ капиталы искать болѣе выгодное помѣщеніе. Сюда отсталымъ странамъ и основаніе предпріятій въ этихъ странахъ оказались отличнымъ исходомъ для капиталовъ экономически передовыхъ странъ. Протекціонизмъ, торжествующій въ отсталыхъ странахъ, еще увеличиваетъ эту разницу между прибылями капиталовъ, затраченныхъ въ промышленность передовыхъ странъ и выселившихся въ страны отсталыя.

Поэтому эмиграція капиталовъ стала крупнымъ явленіемъ въ передовыхъ странахъ, а отсюда неизбѣжное замедленіе, если не прекращеніе роста собственной промышленности, во всякомъ случаѣ отстающей отъ роста населенія и отъ роста налоговъ. Отсюда кризисъ, хроническій и хронически возрастающій. Такимъ образомъ, и восточная бюрократія, и западная плутократія имѣли подъ собою могучія противотеченія и приближались къ банкротству, но часъ ликвидаціи не казался близкимъ. Онъ какъ бы терялся въ туманной дали будущаго. Настоящее принадлежало бюрократіи на востокѣ, плутократіи на западѣ, и власть имущіе классы не сомнѣвались въ завтрашнемъ днѣ, спокойно властвовали, спокойно вершили дѣла, спокойно прозѣвали надвигавшіяся событія, приближавшуюся грозу.

II.

На далекомъ востокѣ, за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ, тамъ, гдѣ нѣкогда фантазія западныхъ народовъ помѣщала страшныя племена Гога и Магога, росла и крѣпла, выросла и окрѣпла новая великая нація. Выросла, окрѣпла и потребовала себѣ подобающаго мѣста... Власть имущіе классы власть иму-

щихъ націй такого мѣста ей не приготовили. Тогда она взялась за оружіе... Такъ вкратцѣ прорезюмируетъ исторія событія прошлой зимы (1903—1904).

Новая могущественная держава, не замѣченная другими великими державами (или совсѣмъ не замѣченная, какъ въ Россіи, или недостаточно оцѣненная, какъ даже въ Англіи), взявшись за оружіе для пріобрѣтенія соотвѣтствующаго ея могуществу и ея культурѣ мѣста, могла обратить это оружіе противъ западной плутократіи или противъ восточной бюрократіи. Она выбрала для нападенія вторую, но своими успѣхами въ завязавшейся ожесточенной борьбѣ тѣснитъ и плутократію, почва подъ которой становится отъ этихъ японскихъ успѣховъ еще менѣе надежною, еще болѣе зыбкою и колеблющеюся.

Когда около полувѣка тому назадъ „Россія встала ото сна", разбуженная грохотомъ севастопольскихъ битвъ (вѣдь „такихъ громовъ еще и небо не метало съ нерукотворныхъ облаковъ"), тогда наступила „эпоха великихъ реформъ", пало рабство, знаменитая судебная волокита отошла въ прошедшее, ее замѣнилъ независимый судъ, организованы первые опыты мѣстнаго самоуправленія, облегчены условія печатнаго дѣла, обезпечена нѣкоторая академическая независимость... Это было не мало. Но едва, около сорока лѣтъ тому назадъ, все это совершилось и новая свободная Русь начала свой новый историческій путь, старая бюрократія, казалось, побѣжденная, стала оправляться и все сильнѣе и сильнѣе стѣснять развитіе новыхъ учрежденій, мало по малу сперва, очень скоро и рѣшительно затѣмъ, отнимая у общественныхъ силъ ихъ прерогативы и ихъ значеніе и возстановляя свое господство. Сорокъ лѣтъ Россія переживала этотъ процессъ, поглотившій огромныя силы и средства и отвлекавшій общественное вниманіе отъ всего прочаго. Да и это „все прочее" было запретно. Бюрократы взялись думать и вершать дѣла за всѣхъ.

Покуда шелъ этотъ процессъ въ Россіи, наступила и въ Японіи эпоха великихъ реформъ, но тамъ за нею не послѣдовала эпоха реакціи, а нація тратила свои силы не на внутреннюю борьбу, а на ростъ культуры. Постепенно изъ азіатскаго народца Японія выросла въ культурную націю. Воспринимая европейскую культуру, японцы, вмѣстѣ съ ея силою и красотою (знаніе, образованность, правопорядокъ, техника), естественно, воспринимали и оборотную сторону: капитализмъ, національзмъ и милитаризмъ. Конечно, и Японія имѣла *свои* авторитеты и до европеизаціи. То были теократія священной особы микадо и аристократія феодаловъ. Въ извѣстной мѣрѣ эти историческіе авторитеты сохраняли значеніе, но рядомъ выросли и заимствованные авторитеты, потому что Японія усвоивала не только умственную, но и экономическую культуру западной Европы. Страна земледѣльческаго и

натуральнаго хозяйства сорокъ лѣтъ тому назадъ, теперь Японія превратилась въ страну торгово-промышленную съ денежнымъ и товарнымъ хозяйствомъ. Извѣстно, какими тягостными для народной массы обстоятельствами сопровождаются подобныя хозяйственныя преобразованія, даже разсроченныя на болѣе продолжительное время и смягченныя правительственными мѣропріятіями. Въ Японіи такое коренное преобразованіе совершилось въ какія нибудь три десятилѣтія и безъ всякихъ мѣръ со стороны правительства къ смягченію процесса. Японскій народъ жилъ отъ произведеній земли, надѣлы которой были обезпечены всему населенію, въ формѣ неотчуждаемой испольной аренды у феодаловъ. Эти надѣлы были обращены въ собственность крестьянъ, при томъ не въ общественную, а въ частную по европейскому образцу, испольная же арендная плата обращена въ денежный налогъ. Крайняя затруднительность уплаты этого налога сразу повела къ задолженности крестьянства, а паденіе кустарныхъ промысловъ подъ вліяніемъ фабрики повлекло уже прямо къ совершенному нарушенію крестьянскаго бюджета, къ быстрому росту задолженности безъ всякой возможности погасить долги, слѣдственно, къ обезземеленію земледѣльцевъ и сосредоточенію земельной площади въ рукахъ меньшинства. Отсюда упадокъ земледѣлія, и Японія теперь уже нуждается въ иностранномъ хлѣбѣ для пропитанія своего населенія. Отсюда же гигантскій ростъ городовъ на счетъ селъ и фабричной промышленности—на счетъ мелкаго производства. Но фабрика требуетъ рынковъ, и въ условіяхъ мѣста и времени рынки стали жизненнымъ вопросомъ для Японіи. Такимъ образомъ, японскія заботы объ экономическомъ покореніи Кореи и Манчжуріи и объ „открытыхъ дверяхъ" въ Китаѣ составляютъ для японцевъ вопросъ жизни и смерти. Не менѣе того имъ нужна территорія для колонизаціи.

Японія населена густо, именно 110 человѣкъ на кв. километръ, гуще Германіи (104 челов. на кв. килом.), приблизительно такъ же густо, какъ Италія (113 чел. на кв. килом.), но много рѣже, нежели Англія (215 чел. на кв. килом.) и Бельгія (231). Принимая во вниманіе благословенную почву и благодатный климатъ страны Восходящаго Солнца и крайнюю умѣренность потребностей японскаго народа, нельзя считать Японію абсолютно перенаселенною, но вышеуказанная эволюція обезземеливанію паденіе кустарныхъ промысловъ и скопленіе пролетаріевъ въ городахъ создали искусственное перенаселеніе, обычное и неизбѣжное явленіе, въ капитализующихся странахъ. Даже въ Европейской Россіи, при ея 20 жителяхъ на кв. кил., при болѣе медленномъ процессѣ капитализаціи промысловъ и при законодательныхъ мѣропріятіяхъ съ цѣлью обезпеченія землею крестьянскаго населенія это явленіе искусственнаго перенаселенія сказалось настолько рѣшительно, что пришлось цѣлымъ рядомъ правитель-

ственныхъ мѣръ организовать переселенческое дѣло и признать переселеніе вопросомъ крупнаго государственнаго значенія. Тѣмъ острѣе эта потребность и тѣмъ настоятельнѣе такая задача въ Японіи, которая, будучи въ пять съ половиною разъ населеннѣе Европейской Россіи, капитализовалась съ головокружительною быстротой и допустила обезземеленіе значительной части земледѣльческаго класса. Тамъ переселеніе составляетъ такой же вопросъ жизни и смерти, какъ и вопросъ о рынкахъ. Господство въ Кореѣ, отчасти и въ Манчжуріи является съ этой точки зрѣнія самою императивною задачею для Японіи. Россія стояла на пути осуществленія этой задачи. На Россію и напала Японія, добиваясь мѣста въ ряду націй, соотвѣтственнаго ея могуществу и ея культурѣ.

Кромѣ Манчжуріи, занятой русскими, и Кореи, независимость которой оберегала Россія, японцы могли бы направить свою политику и на другія малонаселенныя и малокультурныя страны, омываемыя водами Тихаго океана, на безчисленные архипелаги Океаніи, на материкъ Австраліи или Южной Америки, на Индо-Китай, Соединенные Штаты и Англію, стоявшіе на этомъ пути. Борьба съ Англіей на морѣ была, конечно, немыслима для японцевъ, но Соединенные Штаты, перехватившіе у японцевъ Гавайскіе острова, завладѣвшіе столь пригодными для японцевъ Филиппинами и оберегающіе слабосильныя южно-американскія республики, могли бы съ такимъ же основаніемъ вызвать нападеніе Японіи, какъ и Россія, завладѣвшая Манчжуріей и оберегавшая Корею. Американскій флотъ въ Тихомъ океанѣ много слабѣе японскаго, американская армія не велика. И, однако, хотя русскій флотъ въ Тихомъ океанѣ былъ много сильнѣе американскаго, а русская армія самая многочисленная на свѣтѣ, японцы объектомъ нападенія выбрали не Америку, а Россію. Разумѣется, тому были причины, и естественныя, какъ отраженіе недавней исторіи, и сознательныя, основанныя на изученіи японцами возможныхъ противниковъ.

Естественныя историческія причины понятны. Японія издавна смотритъ на Корею, какъ на свою возможную и вѣроятную добычу. Изъ за нея она въ 1894 году вступила въ борьбу съ Китаемъ, побѣдила его, но Корею вынуждена была очистить подъ давленіемъ Россіи. Она тогда же отняла у Китая Портъ-Артуръ, Ляодунскій полуостровъ и юго-восточную Манчжурію (приблизительно ту часть Манчжуріи, которую нынѣ японскія арміи успѣли уже занять). И это важное пріобрѣтеніе пришлось оставить подъ давленіемъ Россіи. Оккупація Манчжуріи Россіей, неочищеніе ея въ обѣщанный срокъ, вліяніе русскаго дипломатическаго агента при корейскомъ дворѣ, русскія концессіи въ Кореѣ,—все указывало, что Японія должна или отказаться отъ уже проводимой политики, уже потребовавшей большихъ жертвъ

хотя бы войны съ Китаемъ, проведенія желѣзныхъ дорогъ въ Кореѣ и пр.), или рѣшиться отнять у русскихъ эти страны. Совершенно отказаться отъ завоеванія колоній и рынковъ Японія безусловно не могла, а перемѣнить направленіе политики и потерять достигнутые результаты и принесенныя жертвы всегда труднѣе, нежели продолжать движеніе въ прежнемъ, хотя бы и болѣе опасномъ направленіи. Если мы не забудемъ, что Корея и Манчжурія населены желтою расою, какъ и Японія, и что это обстоятельство, сорокъ лѣтъ тому назадъ не имѣвшее никакого значеніе для японцевъ, теперь подъ вліяніемъ европейскихъ суффлеровъ выросло въ глазахъ японцевъ въ серьезный доводъ, то мы легко себѣ уяснимъ весь комплексъ естественныхъ причинъ, толкнувшихъ Японію на борьбу съ наступательною политикою Россіи, а не съ Америкой. Однако, болѣе, чѣмъ вѣроятно, здѣсь дѣйствовали не однѣ естественныя причины, но и сознательный разсчетъ руководителей судьбами народа Восходящаго Солнца.

Японцы долго и внимательно изучали и Россію, и другія страны, которыя могли стать на пути ихъ колоніальной политики, въ условіяхъ мѣста и времени повелительно диктуемой внутреннимъ состояніемъ страны. Выше мы очертили то состояніе Россіи, которое пришлось изучать японцамъ. Оно было не отрадно, и японцы хорошо поняли и оцѣнили дефекты бюрократическаго строя, дошедшаго къ 1904 году до крайняго развитія и совершенно исключительнаго положенія. Съ этою слабою стороною Россіи Японія не могла не считаться тѣмъ болѣе, что десять лѣтъ передъ тѣмъ она такъ легко разгромила огромную китайскую націю, тоже бюрократическую. Именно дефекты бюрократическаго строя обусловили собою пораженіе китайской громады народомъ, въ десять разъ менѣе численнымъ и гораздо болѣе бѣднымъ. Ресурсы Китая огромны и, можно сказать, неисчерпаемы, благодаря богатству природы, трудолюбію и культурности населенія. Но эти рессурсы надо умѣть использовать, на что китайская бюрократія, несомнѣнно самая старая и опытная бюрократія на свѣтѣ, оказалась вполнѣ неспособною. Нація же, лишенная всякой самодѣятельности, благодаря тысячелѣтней бюрократической опекѣ, не могла сама дать достаточно энергичный отпоръ нашествію иноземцевъ. Боксерское движеніе было такою попыткою. Извѣстны и его ошибочное направленіе, и его печальные судьбы. Эти примѣры и учили японцевъ. Такимъ образомъ, и естественныя причины, и сознательный разсчетъ привели японцевъ къ конфликту съ Россіей.

Придя къ рѣшенію воевать съ Россіей, утвердиться въ Кореѣ, вытѣснить русскихъ изъ Манчжуріи, быть можетъ, отнять и русское Приамурье, во всякомъ случаѣ сломить русское морское могущество въ водахъ Дальняго Востока, японцы стали энерги-

чески готовиться, создали огромный флотъ, удвоили армію и, выбравъ наиболѣе удобный моментъ для нанесенія удара, начали войну. 24 января (5 февраля) 1904 года они прервали дипломатическія сношенія съ Россіей; наканунѣ, 23 января японскій флотъ вышелъ изъ Сасебо для нападенія на русскій флотъ; съ 26 на 27 января ночью аттакована русская портъ-артурская эскадра и выведены изъ строя три русскихъ большихъ судна; 27 января дана нерѣшительная морская битва у Портъ-Артура и потоплены „Варягъ" и „Кореецъ", у Чемульпо. Такъ началась русско-японская война, уже теперь принесшая серьезныя перемѣны и обѣщающая принести еще много больше много бóльшихъ перемѣнъ во всемъ земномъ мірѣ.

III.

Излагать ходъ военныхъ дѣйствій мы здѣсь не будемъ по причинѣ, о которой мы говорили въ прошлой нашей бесѣдѣ (въ ноябрьской хроникѣ). Остановимся только на результатахъ, какъ они до сего часа выяснились.

Война развивалась на сушѣ и на морѣ. И тамъ, и здѣсь произошли серьезныя событія. На сушѣ произошли сраженія при Тюренченѣ, Цзинь-Чжоу, Вафангоу, Гай-пинѣ, Дашичао, на перевалахъ Далинскомъ, Модулинскомъ и Фыйшулинскомъ, вокругъ Ляояна, на Шахе и вокругъ Портъ-Артура, не считая мелкихъ столкновеній. Результатомъ этихъ кровопролитныхъ битвъ было вытѣсненіе русскихъ изъ юго-восточной Манчжуріи и съ Ляодунскаго полуострова и паденіе всѣхъ передовыхъ укрѣпленій Портъ-Артура. Уже два мѣсяца слишкомъ, какъ на Шахе враги стоятъ другъ противъ друга неподвижно, не имѣя возможности отогнать противника. Эти результаты очень велики, и очень ничтожны. Они очень велики, даже огромны, если смотрѣть на нихъ съ русской стороны, потому что величайшая въ мірѣ военная держава въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ не только не можетъ справиться съ второстепенною державою, но видѣла себя вынужденною шагъ за шагомъ отступать передъ успѣхомъ противника и не могла до сихъ поръ выручить мужественный гарнизонъ Портъ-Артура. Это безсиліе могущественной державы, представительницы великой и мужественной націи, является, конечно, очень значительнымъ событіемъ. Причина безсилія таится въ неподготовленности и непредусмотрительности, а затѣмъ и въ другихъ дефектахъ, свойственныхъ бюрократическому строю. Японцы не ошиблись, считая этотъ строй своимъ лучшимъ союзникомъ. Они ошиблись, однако, сосчитавъ русскую бюрократію и не сосчитавъ русской націи, не столь обезличенной своими бюрократами, какъ китайская своими. Они ошиблись въ силѣ сопро-

тивленія, которое встрѣтятъ, и потому-то результаты одиннадцати мѣсяцевъ кровавой борьбы, столь огромные, если на нихъ смотрѣть съ русской стороны, оказываются очень незначительными, если смотрѣть со стороны японцевъ.

Чего въ самомъ дѣлѣ достигли японцы на сушѣ? Они распоряжаются въ Кореѣ довольно самовластно, но Корея сама безсильна и побѣдитель въ Манчжуріи будетъ и ея властелиномъ. Значитъ, и для укрѣпленія своего положенія въ Кореѣ, японцы должны выиграть кровопролитную манчжурскую тяжбу. Они не могутъ сказать, что они ее выиграли, а послѣ ляоянскихъ и мукденскихъ боевъ они едва ли рѣшатся утверждать, что они ее непремѣнно выиграютъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнные успѣхи, достигнутые японцами, не обезпечили торжества. Оно все еще остается вопросомъ и это послѣ неслыханнаго напряженія всѣхъ національныхъ силъ въ исходѣ цѣлаго года борьбы, въ концѣ этого длиннаго срока ужасающихъ жертвъ, страданій и затратъ! Полная и всесторонняя подготовленность, полная и всесторонняя предусмотрительность, замѣчательная организація, желѣзная энергія, высокая техника, выдающееся мужество арміи, искусство и знаніе военачальниковъ, глубокій патріотизмъ всего народа,—все это соединилось, чтобы обезпечить Японіи успѣхъ, но годъ жестокаго напряженія приближается къ концу, огромныя силы и средства израсходованы, а войнѣ еще не видно конца... Поэтому-то огромныя событія, имѣющія всемірно-историческое значеніе, являются съ японской стороны очень незначительными, или, по крайней мѣрѣ, очень недостаточными. Измѣнивъ многое вокругъ, эти событія очень мало сдѣлали для рѣшенія японской проблеммы. Мы говоримъ о войнѣ на сушѣ. На морѣ успѣхи японцевъ болѣе значительны и здѣсь уже не мало сдѣлано для рѣшенія японской проблеммы.

Война застала русскій и японскій флоты на Дальнемъ Востокѣ почти равносильными. Нѣкоторый перевѣсъ былъ на сторонѣ японцевъ, но не такой, чтобы дѣлалъ для русскихъ невозможною борьбу. Произошли затѣмъ морскія сраженія въ ночь на 27 января у Портъ-Артура, 27 января тамъ же и у Чемульпо, 22 февраля у Владивостока, рядъ морскихъ аттакъ противъ Портъ-Артура, 31 марта сраженіе тамъ же, выходъ артурской эскадры 10 іюня, ея же выходъ и бой 28 іюля, бой владивостокской эскадры 1 августа, бомбардировка артурской эскадры и минныя аттаки противъ нея же. Въ результатѣ этихъ боевъ оказались затопленными „Петропавловскъ", „Рюрикъ", „Новикъ", „Варягъ", „Кореецъ", „Сивучъ", „Енисей" и нѣсколько миноносцевъ; разоружены въ нейтральныхъ портахъ — „Цесаревичъ", „Аскольдъ", „Діана", „Манчжуръ", „Лена" и 6 миноносцевъ; повреждены и выведены изъ строя всѣ остальные суда артурской эскадры, кромѣ канонерки „Отважный" и нѣсколькихъ миноносцевъ (называли

восемь). Сохранились еще во Владивостокѣ три крейсера, нѣсколько береговыхъ судовъ и нѣсколько небольшихъ миноносцевъ. Японцы за это время потеряли „Гатсусе", „Яшиму", „Іошино", „Міако", „Каймонъ" и десятка два или три миноносцевъ (не считая транспортовъ). Эти потери окончательныя сопровождались очень серьезными аваріями другихъ судовъ и ихъ временнымъ выведеніемъ изъ строя, но аваріи исправлялись, и суда снова входили въ строй. Японскій флотъ и теперь стоитъ во всеоружіи, сильный, исправный и опытный. Его двинули на встрѣчу второй тихоокеанской эскадрѣ, которую ведетъ вице-адмиралъ Рождественскій. Исходъ этой встрѣчи рѣшитъ войну на морѣ... Если японцамъ и на этотъ разъ посчастливится, то борьба на морѣ будетъ ими выиграна, и этимъ путемъ Японія окажется обезпеченною отъ окончательнаго проигрыша. Въ этихъ шансахъ и заключается огромное значеніе уже достигнутыхъ японцами морскихъ успѣховъ, потому что, при сохраненіи въ цѣлости первой тихо-океанской эскадры, движеніе второй эскадры было бы роковымъ для Японіи. Теперь же это движеніе, конечно, опасно японцамъ, но исходъ встрѣчи не предрѣшенъ въ пользу русскихъ, какъ-то было бы, если-бы въ тылу японскаго флота сохранялась сильная эскадра. Встрѣча со второй тихо-океанской эскадрой во всякомъ случаѣ, даже при полномъ торжествѣ японцевъ, должна значительно ослабить ихъ флотъ, что было бы роковымъ при цѣлости первой эскадры, но теперь не отниметъ у нихъ господства на морѣ. Только побѣда вице-адмирала Рождественскаго лишила бы ихъ этого господства, которое гарантируетъ безопасность ихъ островного государства и отъ сухопутной арміи противника.

Такимъ образомъ, японскіе успѣхи на морѣ устранили неизбѣжность ихъ пораженія, въ случаѣ своевременнаго прибытія второй эскадры, но еще не обезпечили окончательнаго торжества. Только пораженіе второй эскадры и паденіе Портъ-Артура подготовитъ японцамъ уже неоспоримое господство на морѣ, а тѣмъ самымъ въ большей или меньшей мѣрѣ осуществленіе ихъ проблеммы. Можно сказать, что тяжба еще продолжается и что поэтому Японіи именно теперь было бы выгодно окончить дѣло миромъ. Но и Россіи именно теперь, когда наступленіе японской арміи въ Манчжуріи остановлено, Портъ-Артуръ держится, а вторая эскадра движется угрозою японскому флоту, миръ могъ бы быть выгоднымъ безъ новыхъ непомѣрныхъ жертвъ. Въ иностранныхъ газетахъ нѣсколько разъ появлялся слухъ, проникавшій и въ русскую печать, будто Японія зондируетъ почву для переговоровъ о мирѣ. То японскій принцъ Фушими пріѣзжалъ въ Вашингтонъ съ этою цѣлью, то самъ японскій императоръ обращался къ императору Вильгельму, или королю Эдуарду. По послѣдней версіи, король Эдуардъ уже зондировалъ черезъ Лубе почву.

Сообщались и японскія пожеланія: Японіи — Корею, Россіи — Манчжурію, но съ Портъ-Артуромъ, какъ исключительно коммерческимъ портомъ. Конечно, все это можетъ быть такая же фантазія, какъ и ранѣе циркулировавшія версіи о японской программѣ, заключавшей будто бы намѣреніе присоединить къ Японіи все русское Приамурье до Байкала и всѣ берега Тихаго океана съ Камчаткою и Сахалиномъ. Истинныхъ намѣреній японскихъ правительственныхъ сферъ никто не знаетъ, но думаемъ, что они скорѣе умѣренныя, потому что если наши потери и наши затраты огромны, то огромны и ужасны они и для Японіи, гдѣ умѣютъ разсчитывать. А гдѣ умѣютъ разсчитывать, тамъ скоро поймутъ, что худой миръ лучше доброй ссоры и что различіе расъ не должно мѣшать добро-сосѣдскимъ отношеніямъ.

О расовомъ вопросѣ въ русско-японскихъ отношеніяхъ интересный отзывъ далъ кн. Долгоруковъ, уполномоченный общеземской организаціи на Дальнемъ Востокѣ, прибывшій недавно съ театра военныхъ дѣйствій. Приводимъ его слова, согласно цитатамъ „Руси“:

„Я убѣжденъ, что никакой расовой коренной непріязни между русскими и японцами нѣтъ, и напрасно шовинисты раздуваютъ эту войну въ расовую. Это война изъ экономическихъ интересовъ. Я увѣренъ, что по окончаніи войны русскіе могутъ такъ же дружно жить съ японцами, какъ послѣ Севастополя сдружились съ французами. Я говорю на основаніи видѣннаго, я видѣлъ только раненыхъ японцевъ. Я думаю и надѣюсь, что настанетъ пора, когда обладатель плоскаго лица съ выдающимися скулами будетъ друженъ съ человѣкомъ европейскаго типа. Ихъ объединитъ сильное культурное теченіе и общечеловѣческіе идеалы. Это можетъ быть при нормальныхъ условіяхъ, а не тогда, конечно, когда эти люди дерутся, когда они ожесточились въ борьбѣ, озвѣрѣли. Расовое же отличіе не должно играть такой роли и не можетъ служить препятствіемъ къ сближенію. Благомыслящимъ патріотамъ обѣихъ странъ нужно надѣяться и желать, чтобы наступилъ поскорѣе миръ, возможно почетный для обѣихъ сторонъ. Обѣ стороны уже доказали въ этой войнѣ свои выдающіяся доблести и боевыя качества“.

„Русь“, съ своей стороны, къ этимъ словамъ дѣлаетъ примѣчаніе: „но до сихъ поръ на нашей сторонѣ одни убытки и ущербы“. Газета думаетъ, что при этихъ условіяхъ трудно думать о почетномъ мирѣ... Быть можетъ, это было бы справедливо, если бы японцы уже успѣли получить что нибудь существенное, кромѣ убытковъ и ущербовъ. Они могутъ надѣяться, но они могутъ и разсчитывать. А кто разсчитываетъ, тотъ отлагаетъ въ сторону мечтательныя надежды и считается съ фактами. Только это и необходимо, чтобы найти почву для необиднаго и прочнаго мира. Принести новыя выгоды японцамъ война, и даже вполнѣ

успѣшная, можетъ весьма сомнительныя, а миръ именно теперь могъ бы принести большія выгоды: укрѣпленіе въ Кореѣ, крупное значеніе на морѣ, признаніе великою державою, возможность колоніальной политики, возможность вліянія въ Китаѣ. Только почетный обоюдно-выгодный и прочный миръ можетъ доставить Японіи эти выгоды, а продолженіе войны можетъ скомпрометировать достигнутое... Ради чего рисковать? Ради Манчжуріи? Намъ кажется, что японцы умѣютъ разсчитывать и что съ ихъ стороны можно ожидать большой склонности къ заключенію мира.

Едва ли русскіе интересы или русское достоинство могутъ требовать продолженія войны, если возможно заключеніе почетнаго и прочнаго мира. Надо не забывать, что на Дальнемъ Востокѣ кардинальный русскій интересъ не въ расширеніяхъ территоріи, не во вліяніяхъ у правительствъ восточныхъ государствъ, не въ рынкахъ, а главнѣе всего и прежде всего въ *обезпеченности мира*. И если обезпеченнаго мира можно добиться безъ новыхъ жертвъ, то это и должно быть главною и насущною нашею задачею въ настоящее время.

IV.

Миръ—насущная потребность, но политическому обозрѣвателю истекающаго года приходится говорить не столько о мирѣ, вопросъ о которомъ рѣшитъ наступающій 1905 годъ (надѣемся, что не передастъ его 1906 году), сколько о войнѣ, наполняющей собою отчетный 1904 годъ. Мы указали ея результаты, какъ они выяснились до сихъ поръ. Сжато выражая сущность этихъ результатовъ, надо сказать, что въ политической системѣ міра народилась новая великая держава, могущественная на морѣ и на сушѣ. Въ началѣ XVIII в. такую пертурбацію въ политическую исторію внесло выступленіе Россіи въ качествѣ новой великой державы; позднѣе огромныя перемѣны внесло выступленіе Пруссіи во второй половинѣ XVIII в. и превращеніе ея въ Германію во второй половинѣ XIX в. Одновременное съ послѣднимъ событіемъ образованіе великой державы итальянской имѣло меньше значенія. Изъ прежнихъ великихъ державъ XVI—XVII вв. Испанія, Голландія и Швеція выбыли изъ политической системы великихъ державъ, вершащихъ политическія судьбы міра. Остались изъ прежнихъ—Австрія, Англія и Франція, присоединились Германія, Италія и Россія. Это измѣнило судьбы міра и тѣ силы, которыя руководятъ его исторіей. Именно такой же фактъ измѣненія политической системы великодержавнаго міра и ознаменовалъ собою истекающій 1904 годъ.

Трудно предвидѣть *политическое* значеніе этого новаго фактора, особенно осложняемое тѣмъ обстоятельствомъ, что именно

въ это же время великая сѣверо-американская республика, доселѣ не входившая въ великодержавную политическую систему, предъявляетъ свои права на мѣсто въ этой системѣ и на значеніе и вліяніе, соотвѣтствующія ея могуществу, богатству и культурности. Ей не приходится завоевывать признаніе этого права. Именно завоеваніе такого признанія Японіей и составляетъ главное и важнѣйшее содержаніе политической исторіи отчетнаго года. Только тогда, когда будетъ возстановленъ миръ, можно будетъ оцѣнить политическое значеніе совершившейся политической перемѣны. Только миръ увѣнчаетъ великодержавность Японіи и только мирное развитіе обнаружитъ прочность этой новой роли державы Восходящаго Солнца. Намъ кажется, что при справедливой и разумной политикѣ эта японская великодержавность угрожаетъ Россіи менѣе всего. Впрочемъ, это покажетъ будущее, но уже и теперь можно предвидѣть крупныя экономическія перемѣны, которыя должны явиться послѣдствіемъ японскихъ успѣховъ.

Укрѣпленіе капитализма въ Японіи должно сильно потѣснить капитализмъ другихъ странъ, и безъ того стѣсненный собственною эволюціей (естественное и неизбѣжное паденіе прибыли), рабочимъ движеніемъ и непомѣрными тягостями милитаризма, съ одной стороны, необходимаго капитализму для охраны и расширенія рынковъ, а съ другой стороны, пагубнаго для того же капиталистическаго строя своимъ экономическимъ гнетомъ, еще много понижающимъ прибыль. Кризисъ передовыхъ капиталистическихъ націй, уже достигшихъ экономическаго господства надъ другими странами, но вмѣстѣ съ тѣмъ достигшихъ и фазиса сильно пониженной прибыли, повышенной заработной платы, фиксированной длины рабочаго дня и огромныхъ вооруженій, долженъ подъ давленіемъ новаго могущественнаго конкуррента въ значительной степени возрасти, а весь процессъ самосъѣденія капитализма ускориться... Однако, что случилось бы, если бы одновременно съ этимъ экономически-отсталыя страны, или хотя бы нѣкоторая немалозначительная ихъ часть вышли изъ подъ экономическаго господства странъ капиталистическихъ? Довольно поставить этотъ вопросъ, чтобы почувствовать всю его огромную важность.

Сначала рѣчь можетъ идти единственно о Россіи и ея отклоненіи отъ общаго процесса съѣденія народнаго хозяйства капиталистическимъ и слѣдующаго за симъ процесса самосъѣденія капитализма. Русская нація уже вступила на путь капиталистическаго развитія. Она уже сдѣлала не мало шаговъ по этому тягостному пути. Народному хозяйству нанесены жестокіе удары. Однако, еще огромное большинство населенія только терпитъ отъ этого пути, именно отъ процесса капитализаціи доходовъ, но само еще не вовлечено въ движеніе, такъ какъ процессъ капитализаціи промысловъ далеко отсталъ отъ капитализаціи доходовъ. На-

родное большинство еще не оторвано отъ земли. Оно еще ведетъ собственное хозяйство. Его еще не лишили гарантій общиннаго быта. У него еще сохранились подсобные кустарные промыслы. Капитализація этихъ промысловъ еще можетъ быть замѣнена ихъ собственной организаціей, ихъ обобществленіемъ артельнымъ, вмѣсто капиталистическаго. Община, подавленная суровыми условіями крестьянскаго быта послѣднихъ десятилѣтій, можетъ, наконецъ, получить возможность свободнаго развитія. Разумная государственная и земская помощь, финансовая и техническая, можетъ дать силы и средства для этого развитія. Земельное обезпеченіе земледѣльческаго населенія, теперь уже явно недостаточное, можетъ и должно быть увеличено до необходимой нормы. Наконецъ, обезпеченіе личности крестьянина и самостоятельность сельскаго самоуправленія должны открыть новые широкіе пути хозяйственнаго развитія. Къ тому же поведетъ и расширеніе образованія. Скромная программа семидесятыхъ годовъ теперь, когда зло покровительства капитализму уже принесло свои плоды, будетъ недостаточна, но лишь бы русская мысль и русское самосознаніе получили должный просторъ, всѣ недочеты будутъ исправлены, въ дѣло хозяйственнаго возрожденія и самостоятельнаго экономическаго прогресса русскаго народа будутъ вовлечены творческія силы націи и будутъ внесены всѣ должныя поправки. Необходимый просторъ для критической и творческой мысли русскаго общества, вмѣстѣ съ важными другими благами, выработаетъ широкую программу хозяйственной политики, государственной, земской и общинной, опирающуюся на принципы прогрессивной экономической школы и охватывающую всѣ области національнаго хозяйства, не только не капитализованныя, но и капитализованныя (напр., при помощи ихъ націонализаціи, муниципализаціи и т. п.). Невозможное недавно станетъ и возможнымъ, и должнымъ, и необходимымъ въ обновленной Россіи и глубоко отразится на всемірной исторіи.

Мы подошли теперь отъ внѣшнихъ русскихъ событій къ внутреннимъ, которыя въ такой же мѣрѣ составляютъ самый важный элементъ во всемірной исторіи 1904 года. Здѣсь не мѣсто излагать ходъ внутренней русской исторіи за 1904 годъ, но совершенно умѣстно отмѣтить всемірно историческое значеніе задуманнаго въ 1904 году обновленія Россіи. Мы еще не знаемъ ни степени, ни формы, ни скорости этого обновленія, но мы знаемъ, что оно во всякомъ случаѣ близко и что бюрократическая рутина и бюрократическое усмотрѣніе теряютъ свое всевластіе, а критика и національное творчество составятъ въ той или иной формѣ существенный элементъ въ національной исторіи. Когда это совершится, міръ измѣнитъ свою физіономію. Появятся другія политическія тяготѣнія, иная политическая группировка, быть можетъ, совершенно новая политическая система, основанная на

довѣрія и взаимности. Политическія перемѣны, какъ всегда болѣе зависимыя отъ обстоятельствъ мѣста и времени, болѣе детально предвидѣть невозможно. Экономическія послѣдствія яснѣе, потому что зависятъ отъ менѣе сложныхъ и потому легче предусматриваемыхъ факторовъ.

Обновленная Россія можетъ и должна, какъ мы выше указали, обновить и свое хозяйственное развитіе, направивъ его на путь обобществленія народнаго хозяйства, минуя фазисъ капитализма на что указывалъ Марксъ въ отвѣтномъ письмѣ къ Михайловскому и къ чему стремились всѣ вожди русскаго умственнаго движенія, Герценъ, Чернышевскій, Лавровъ, Михайловскій, Елисеевъ, Шелгуновъ и др., и самые выдающіеся русскіе экономисты, Чупровъ, Посниковъ, Карышевъ, Щербина, Никола—онъ, В. В. и др. Конечно, обновленная Россія найдетъ силы и средства выполнить эту великую проблемму. Какое же это можетъ имѣть значеніе для нашихъ сосѣдей и вообще для другихъ націй, имѣющихъ съ нами торговыя сношенія и хозяйственное общеніе? Постепенно мы перестанемъ быть „рынкомъ" въ теперешнемъ смыслѣ экономической эксплуатаціи. Постепенно мы перестанемъ быть поприщемъ для затраты иноземныхъ капиталовъ, что теперь является самымъ распространеннымъ методомъ нашей эксплуатаціи иностраннымъ капитализмомъ. Постепенно перейдемъ къ вывозу обработанныхъ продуктовъ своей почвы, вмѣсто сырья (нашею долгою зимою воспользуются общинныя хозяйства для обработки сырья). Постепенно перейдемъ къ системѣ свободной торговли и начнемъ ввозить тѣ продукты, которыхъ сырье у себя не добываемъ и которыхъ производство у насъ поневолѣ должно быть дороже, чѣмъ на мѣстахъ добыванія сырья. Постепенно освободимся и отъ задолженности. Эти справедливыя международныя отношенія выгодны и намъ, и всѣмъ націямъ, съ которыми мы имѣемъ хозяйственное общеніе, но они ударъ для капитализма, у котораго окажутся потерянными и обширный рынокъ, и обширное мѣсто затраты свободныхъ капиталовъ, и очень выгодныя обширныя кредитныя операціи, эти три устоя капиталистическаго строя... Если же мы не забудемъ, что и другія отсталыя страны, отъ маленькой Сербіи до громаднаго Китая включительно, хранятъ въ своемъ хозяйственномъ строѣ черты, при которыхъ возможно хозяйственное развитіе въ обходъ капиталистическаго періода, и что русскій успѣхъ въ этомъ направленіи можетъ повлечь и ихъ выходъ на эту дорогу, то мы сознаемъ что обновленная Россія есть поистинѣ обновленный міръ.

Въ этомъ великомъ процессѣ обновленія Россіи замѣчаются, колебанія. Это неизбѣжно и унывать отъ этого не слѣдуетъ. Если бы не было колебаній, это было бы чудо, но кто же въ правѣ на это разсчитывать? Скажемъ словами нашего великаго поэта:

Я самъ не слишкомъ обольщаюсь,
Не ждалъ я и не жду чудесъ,
Но твердо за одно ручаюсь,
Что съ мели сдвинулъ насъ прогрессъ.

На этой мели мы долго сидѣли, а волны били и расшатывали нашъ корабль, пока съ востока не налетѣлъ грозный ураганъ, и оставаться на мели значило бы рисковать всѣмъ. Конечно, не одна только буря съ востока столкнула насъ съ мели. Въ такомъ случаѣ нашъ корабль былъ бы разбитъ. Его сняли съ мели дружныя усилія людей, преданныхъ родинѣ. Огромная культурная работа подготовляла эти дружныя усилія.

V.

Русско-японская война многое перемѣнила и многое остановила во всемъ мірѣ, но не все перемѣнила, конечно, и не все остановила, разумѣется. Событія международныя и національныя продолжали свое теченіе.

Изъ событій международнаго значенія прежде всего надо отмѣтить многочисленные трактаты о третейскомъ разбирательствѣ, заключенные между различными державами. Эти трактаты мало разнятся между собою и заключаютъ обязательство договаривающихся сторонъ споры, истекающіе отъ различнаго толкованія трактатовъ, передавать на разсмотрѣніе и рѣшеніе международнаго суда въ Гаагѣ или третейскому суду. Этимъ путемъ значительное число международныхъ столкновеній изъемлется изъ компетенціи того первобытнаго дикаго международнаго трибунала, который называется войною. Чтобы оцѣнить значеніе этихъ новыхъ трактатовъ, отмѣтившихъ собою 1904 годъ, приведемъ въ примѣръ столкновеніе между Россіей и Англіей изъ за пароходовъ добровольнаго флота „Смоленскъ" и „Петербургъ", прошедшихъ Дарданеллы подъ коммерческимъ флагомъ, а въ Красномъ морѣ преобразовавшихся въ военныхъ крейсеровъ. Столкновеніе было очень острое, и именно на почвѣ толкованія трактата, понимаемаго англичанами распространительно, а русскою дипломатіей ограничительно. Если бы между Англіей и Россіей былъ заключенъ трактатъ въ родѣ вышеупомянутыхъ, то остроты никакой не было бы, да и никакого столкновенія въ сущности, потому что разногласіе было бы передано обязательно международному суду. Нельзя потому не видѣть въ этихъ новыхъ трактатахъ существеннаго шага впередъ. Такіе трактаты заключены: Франціей съ Англіей, Италіей, Испаніей, Голландіей, Шведо-Норвегіей, Швейцаріей, Аргентиной и Соединенными Штатами; Англіей съ Франціей, съ Италіей, Шведо-Норвегіей и Соединенными Штатами; Германіей съ Соединенными Штатами; Аргентиной съ

Чили; Боливіей съ Чили. Проектированы подобные же трактаты между Англіей и Франціей, между Россіей и Соединенными Штатами, между Соединенными Штатами и Японіей; между Южно-Американскими республиками.

Франція взяла инипіативу въ этомъ движеніи къ организаціи мира. Она же взяла иниціативу въ другомъ движеніи того же значенія. Кромѣ столкновеній между державами, вслѣдствіе разногласія въ толкованіи трактатовъ, еще большія и крупнѣйшія столкновенія происходятъ, вслѣдствіе противорѣчія интересовъ. Въ настоящее время, при объединеніи экономическаго движенія всего міра, интересы всѣхъ великихъ націй переплетаются и сталкиваются по лицу всего земного шара. Всюду могутъ возникнуть поэтому опасныя осложненія. Для ихъ мирнаго улаженія, французская дипломатія выдвинула принципъ наибольшаго интереса въ качествѣ преимущественнаго права на признаніе, и принципъ компенсаціи для интересовъ, очищающихъ мѣсто наибольшему. На этихъ началахъ Франція вошла въ переговоры и достигла соглашенія съ Англіей, Италіей и Испаніей.

Третьей заботой мирнаго направленія международныхъ отношеній была локализація войны, вспыхнувшей на Дальнемъ Востокѣ. Соединенные Штаты и Франція много приложили усилій для этой цѣли. Нейтралитетъ Китая есть дѣло преимущественно Соединенныхъ Штатовъ, улаженіе англо русскаго конфликта по поводу гульскаго инцидента — дѣло Франціи, а эти два вопроса были въ 1904 году наиболѣе опасными въ смыслѣ вовлеченія въ войну другихъ крупныхъ факторовъ, кромѣ Россіи и Японіи.

Локализація войны достигнута. Предстоитъ другая проблемма, именно такъ окончить ее, чтобы миръ не былъ только перемиріемъ, а не создавалъ и иныхъ новыхъ опасностей. Эту проблемму 1904 годъ завѣщаетъ своему преемнику, наступающему изъ невѣдомаго будущаго 1905 году.

Національная исторія великихъ народовъ міра въ 1904 году не была богата событіями. Самое крупное было столкновеніе церкви и государства во Франціи, еще находящееся въ процессѣ совершенія. Значеніе его въ томъ, что наносится новый и серьезный ударъ одному изъ прежнихъ авторитетовъ прежней Франціи Феодальный авторитетъ давно повержвнъ, но клерикальный гораздо живучѣе не въ одной Франціи. Его пораженіе во Франціи не можетъ не имѣть серьезнаго значенія и внѣ Франціи. Другимъ крупнымъ событіемъ были президентскіе выборы въ Соединенныхъ Штатахъ, укрѣпившіе господство плутократіи. Въ томъ же направленіи прошли и законодательные выборы въ Италіи. Въ Австріи и Венгріи острота націонализма дошла до кризиса и едва ли можетъ идти еще дальше, но не видно и признаковъ, что правильный исходъ найденъ правящими классами. Въ Англіи и Германіи продолжалась старая и упорная борьба между феодально-

плутократическими правящими слоями и демократіей. На Балканскомъ полуостровѣ—прежняя безнадежная неурядица. На Пиринейскомъ — немногимъ лучше. На Скандинавскомъ — улажено острое столкновеніе между шведами и норвежцами съ полною надеждою на полное соглашеніе. Въ Южной Америкѣ нѣсколько кровавыхъ междоусобій, но острые международные конфликты между Чили и Боливіей, между Бразиліей и Перу устранены и улажены. Соединенные Штаты безъ войны отняли у Колумбіи Панамскій перешеекъ подъ видомъ основанія новой Панамской республики. Крупныя внутреннія событія подготовляются въ Китаѣ, но извѣстія очень неполны и сбивчивы, и только 1905 годъ ихъ повѣдаетъ міру.

Огромныя событія свершились въ 1904 году, но цѣпь этихъ огромныхъ событій только начата въ этомъ году. Огромнаго значенія эволюція выпадетъ на долю 1905 года и нашему отечеству предстоитъ крупная роль въ этой эволюціи. Она, эта роль, будетъ крупная во всякомъ случаѣ. Пожелаемъ, чтобы она была свѣтлая и благотворная, для себя и для всего міра, для нашихъ теперешнихъ противниковъ въ томъ числѣ.

С. Южаковъ.

Высшіе женскіе курсы.

С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы за 25 лѣтъ. Спб. 1903 г.

С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы—солидное, прочное и блестящее завоеваніе русскаго общества. Это гордость его. Всѣми признанное, важное большое дѣло, выросло, всецѣло благодаря частной иниціативѣ.

Подробное и систематическое изложеніе исторіи курсовъ желающіе найдутъ въ „Историческомъ очеркѣ“ А. Н. Анненской въ книгѣ, указанной въ подзаголовкѣ. Мы же бросимъ лишь бѣглый взглядъ на одну изъ самыхъ любопытныхъ характерныхъ страницъ въ исторіи борьбы за высшее образованіе женщинъ.

Началась она въ ту свѣтлую пору подъема общественной жизни, которой ознаменовался конецъ 50-хъ годовъ. С.-Петербургскій университетъ распахнулъ тогда свои двери для всѣхъ. Каждый, кто хотѣлъ пріобрѣсти тѣ или другія научныя познанія, въ томъ или другомъ размѣрѣ,—являлся туда невозбранно. Офицеръ, чиновникъ, священникъ — шли слушать профессора. Не было запрета и для женщинъ. Рѣшились придти двѣ сестры Корсини, потомъ стали ходить и другія. „Университетъ нашъ, все больше

и больше пріобрѣтаетъ то значеніе въ обществѣ, которое по праву принадлежитъ ему"—такъ писали по этому поводу въ студенческомъ „Сборникѣ" 1860 г.

Однако, прочно установить за собой такое значеніе университету не удалось. Въ 1857 году лекціи въ немъ сдѣлали общедоступными, а въ 1861 г. его закрыли и для самихъ студентовъ. Въ прессѣ заговорили о необходимости открыть „вольный университетъ", это была иниціатива Костомарова. Идея его осуществилась; въ думской залѣ профессора начали чтеніе отдѣльныхъ систематическихъ курсовъ. Прошло два мѣсяца и „вольнаго университета" не стало. Закрыли и его. Женщины, продолжавшія здѣсь свои занятія, закончить ихъ не имѣли возможможности нигдѣ, уже потому, что потомъ, по новому уставу университета, онѣ допущены туда не были.

С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы открылись только въ 1878 г., т. е. ровно черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, какъ для женщинъ явилась возможность, впервые и такъ ненадолго, удовлетворять свою духовную жажду. Два десятка лѣтъ—громадное время. Куда оно ушло? Что дѣлали въ продолженіе его томимыя этой жаждой, что дѣлало русское общество для нихъ? Женщины метались съ просьбами, прошеніями, коллективными подписями, устраивали научныя пристанища для себя то тутъ, то тамъ; имъ запрещали, къ нимъ снисходили, потомъ снова сокращали, снова дозволяли и т. д. Въ этой борьбѣ наиболѣе стойкія изъ нихъ столпились въ одну организацію,—и имена тѣхъ, чьи силы соединились въ одну, стали популярными именами. А что же дѣлало за это время для высшаго образованія женщины русское общество? Оно вынашивало идею этого образованія.

Творецъ Заратустры писалъ, что ему нужно было семнадцать мѣсяцевъ, чтобы выносить это произведеніе, и онъ сравнивалъ себя съ самкой слона, которая вынашиваетъ своихъ дѣтей за такой же срокъ. Трудно сказать, съ кѣмъ должно сравнить себя русское общество, если для того, чтобы выносить женское высшее образованіе, ему понадобилось два десятка лѣтъ...

Несомнѣнно только, что для самого женскаго образованія этотъ подготовительный для рожденія періодъ—былъ временемъ очень капризнымъ и своеобразнымъ.

Достаточно вспомнить, что было въ 1870 г. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ просьбы энергичныхъ устроительницъ „разсматривались", печатаніе въ газетахъ объ организаціи высшаго учебнаго заведенія запрещалось, всякія собранія людей по этому поводу преслѣдовались, — имъ, наконецъ, даютъ разрѣшеніе испытать свои замыслы на дѣлѣ. Однако безъ сокращеній и тутъ не обошлось: просили о женскомъ учебномъ заведеніи,—дозволили общедоступное вообще, но никакъ не исключительно женское. Пусть это не будетъ учеб-

нымъ заведеніемъ, — пусть это будутъ публичныя лекціи. Ну, что жъ дѣлать: лекціи, такъ лекціи. Стали хлопотать, гдѣ бы ихъ устроить. И вдругъ — имъ самымъ любезнымъ образомъ предлагаютъ воспользоваться нѣсколькими комнатами въ зданіи... министерства внутреннихъ дѣлъ. И не какими-нибудь корридорчиками и закоулками, а помѣщеніемъ, отведеннымъ для квартиры министра народнаго просвѣщенія. Не правда ли странно: такъ долго неудачливые ходатаи по женскому дѣлу осуществляютъ его въ министерской квартирѣ, да еще въ зданіи того вѣдомства, которое своимъ отношеніемъ раньше никоимъ образомъ не давало поводовъ заподозрить себя въ склонности къ гостепріимству.

Но это еще не все. Курсы организовались, 20-го января было открытіе ихъ и потомъ начались лекціи. Профессора, зная, что лекціи являются публичными не по волѣ устроительницъ, сразу придаютъ каждый своему курсу характеръ научности и законченности. Плата за слушаніе и полугодовая, и попредметная, и полекціонная — и публика является самая разнохарактерная, приходятъ и любопытствующіе, и занимающіеся серьезно, но вскорѣ первые понемногу перестаютъ приходить, и дѣло слушанія пріобрѣтаетъ чисто серьезный характеръ.

Однимъ изъ лицъ, довольно часто посѣщавшихъ лекціи, является самъ министръ народнаго просвѣщенія. Онъ старается ничѣмъ не выдѣляться среди другихъ слушателей: какъ всѣ, онъ предъявляетъ при входѣ свой билетъ дежурной распорядительницѣ и потомъ скромно усаживается гдѣ нибудь сзади.

— У меня въ образованіи большой пробѣлъ, — сказалъ онъ одной изъ устроительницъ, возлѣ которой сидѣлъ, — я совсѣмъ не знаю анатоміи и физіологіи.

Кто же этотъ министръ народнаго просвѣщенія, этотъ Гарунъ аль-Рашидъ, такъ любовно и по-братски смѣшивающійся съ толпой своихъ подданныхъ? Это — самъ знаменитый графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой. Хорошо, что онъ объяснилъ самъ причины своихъ посѣщеній, а то можно было бы потеряться въ догадкахъ.

Какъ разъ передъ открытіемъ курсовъ тотъ же графъ Толстой заявилъ, что „публикаціи о пріемѣ пожертвованій въ пользу лекцій и о *подпискѣ* на нихъ *не могутъ быть разрѣшены* до тѣхъ поръ, пока не упрочится существованіе учрежденія и не обозначится его направленіе".

Оба министерства — внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, единодушныя въ своемъ желаніи имѣть новые курсы публичныхъ лекцій поближе къ себѣ и такъ удачно совмѣстившіе свои гостепріимныя предложенія у Чернышева моста, оба они были единодушны и въ своихъ взглядахъ на печатныя объявленія о лекціяхъ. Когда въ томъ же 1870 г. кружокъ распорядительницъ обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ, А. Е. Тимашеву, съ просьбой разрѣшить имъ напечатать публикаціи, что въ ре-

дакціи одной изъ газетъ принимаются пожертвованія въ пользу лекцій и запись на нихъ, министръ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ. Можно себѣ представить, насколько трудно было существовать этимъ курсамъ, столь ревниво оберегаемымъ со всѣхъ сторонъ отъ гласности. Но тѣмъ не менѣе они существовали, не прекратились они и послѣ того, какъ черезъ годъ, въ началѣ 1871 г. гр. Толстой объявилъ, что помѣщеніе необходимо очистить къ 1 февралю, такъ какъ оно понадобилось министерству внутреннихъ дѣлъ для комитета по разбору польскихъ дѣлъ. Перешли въ гимназію историко-филологическую; оттуда черезъ годъ переселились на Владимірскую улицу въ здание уѣзднаго училища, еще черезъ годъ въ Василеостровскую женскую гимназію. Такъ кочуя, курсы лекцій функціонировали $5^1/_2$ лѣтъ, съ января 1870 г. по конецъ 1875 г. Являлись средства, являлись научныя силы, и чтеніе лекціи не прерывалось. Жизнь дѣлу давала та несокрушимая энергія, та страсть творца къ своему созданію, которою были исполнены лица, стоявшія въ центрѣ организаціи лекцій; русское общество не забудетъ ихъ именъ, отъ нихъ же первыя: Е. И. Конради, М. В. Трубникова, Н. В. Стасова, А. П. Философова.

Впервые вопросъ о высшемъ образованіи женщинъ былъ возбужденъ Е. И. Конради, принадлежавшей къ литературному кружку Лаврова-Миртова. На съѣздѣ естествоиспытателей 2 января 1868 г. была прочитана проф. Фаминцынымъ представленная ею черезъ дѣлопроизводителя съѣзда проф. А. Н. Бекетова записка. Это первый писанный документъ исторіи движенія. Въ запискѣ отъ имени „кружка женщинъ“ Е. И. Конради выражала надежду, что въ университетскихъ городахъ „въ сословіи преподавателей нашлось бы достаточное количество людей, готовыхъ подѣлиться своими знаніями съ посторонней публикой, не принадлежащей къ корпораціи ихъ настоящихъ слушателей“. Комитетъ съѣзда отнесся къ запискѣ сочувственно, но отъ разсмотрѣнія дѣла по существу долженъ былъ уклониться, такъ какъ въ немъ не было педагогическаго отдѣла. Въ маѣ того же года на имя ректора университета было подано прошеніе „объ открытіи правильныхъ курсовъ для женщинъ по предметамъ историко-филологическихъ и естественныхъ наукъ... въ стѣнахъ университета, въ часы свободные отъ занятій студентовъ или въ другомъ зданіи, вмѣщающемъ тѣ же учебныя пособія, какъ-то: химическую лабораторію, физическій кабинетъ и проч.“ Прошеніе было подписано 400 женщинами. Совѣтъ профессоровъ согласился принять на себя устройство учебной части, заботы же о матеріальной сторонѣ дѣла и о помѣщеніи предоставилъ организаціи самихъ просительницъ. Теперь нужно было хлопотать о разрѣшеніи курсовъ и изыскать средства для содержанія ихъ, т. е. передать дѣло въ руки группы лицъ изъ среди подписавшихся. Всѣмъ 400 женщинамъ, давшимъ

свои подписи, были разосланы листы для записи своихъ депутатовъ. Такъ образовалось то *ядро*, изъ котораго впослѣдствіи выросло „общество для доставленія средствъ в. ж. к."; это и были тѣ женщины, энергіи и преданности дѣлу которыхъ мы обязаны проведеніемъ въ жизнь идеи высшаго образованія для женщинъ. Къ нимъ нужно присоединить и А. Н. Бекетова, отдававшаго нарождающимся курсамъ много труда и времени, а по устройствѣ ихъ—и свои знанія. Прошеніе министру народнаго просвѣщенія подавали лично—Е. Н. Воронина, А. Н. Бекетовъ, Н. В. Стасова и А. П. Философова.

— Наконецъ-то, вы пріѣхали,—такими словами встрѣтилъ ихъ гр. Толстой,—я все слышу со всѣхъ сторонъ, что открывается женское учебное заведеніе, даже государь меня спросилъ какъ-то: „У тебя открывается женскій университетъ?" А я ничего не знаю. Что вамъ угодно?.

Отвѣтъ просительницы получили въ декабрѣ. Въ немъ гр. Толстой высказался совершенно въ томъ же духѣ, какъ и въ личной бесѣдѣ при подачѣ прошенія: „Сочувствуя стремленію женщинъ получить высшее образованіе, я полагалъ бы въ настоящее время наиболѣе удобнымъ устроить для сего общія публичныя лекціи, т. е. совокупно для мужчинъ и женщинъ на основаніи существующихъ нынѣ о публичныхъ лекціяхъ постановленій, буде гг. профессора университета изъявятъ на это согласіе". Отвѣтъ печальный. Изъ него было ясно, что министерство оказывать поддержку дѣлу высшаго образованія женщинъ не намѣрено.

Такъ образовались тѣ кочующія изъ дома въ домъ лекціи, усерднымъ слушателемъ которыхъ въ началѣ былъ самъ г. министръ. А средства на нихъ въ теченіе всѣхъ пяти лѣтъ добывала неутомимая коммиссія и путемъ сбора частныхъ пожертвованій, и путемъ концертовъ, и билетныхъ записей, ходившихъ по рукамъ; энергія ея съ первыхъ же шаговъ дала результаты такіе, на какіе разсчитывать было нельзя; этому помогло и большое количество слушателей. Въ общемъ явилась возможность оплачивать лекціи профессоровъ тѣмъ же гонораромъ, какъ оплачивали ихъ мужскія высшія учебныя заведенія.

Въ 1873 г. *) была учреждена коммиссія для составленія проекта устава высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній. Въ концѣ 1875 г. распорядительницы лекцій и профессора рѣшили пріостановить свое дѣло на время въ ожиданіи новаго проекта.

Результатомъ работы коммиссіи явилось то, что въ 1876 году министерство предложило начальствамъ учебныхъ округовъ разрѣшать существованіе въ университетскихъ городахъ высшихъ курсовъ для женщинъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы: 1) курсы назы-

*) Еще до начала этой коммиссіи проф. Герье удалось получить разрѣшеніе на открытіе курсовъ въ Москвѣ.

вались высшими женскими курсами, учрежденными въ такомъ-то городѣ, такимъ-то лицомъ; 2) чтобы курсы состояли на общемъ со всѣми частными учебными заведеніями основаніи, подъ надлежащимъ наблюденіемъ начальства учебнаго округа, и 3) чтобы въ разрѣшеніи учебныхъ вопросовъ (въ томъ числѣ объ утвержденіи новаго устава или положенія о курсахъ, программъ и учебныхъ ихъ плановъ) и по оффиціальной перепискѣ они были подчинены учебно-окружному начальству наравнѣ съ другими частными учебными заведеніями. Окончившія эти курсы правъ никакихъ не получаютъ *).

Таковы тѣ основанія, на которыхъ были открыты въ 1878 г. с.-петербургскіе высшіе женскіе курсы, существующіе и понынѣ. Въ октябрѣ того же года былъ утвержденъ уставъ „общества для доставленія средствъ в. ж. к.". Это общество и до сихъ поръ является владѣльцемъ курсовъ, какъ частнаго учебнаго заведенія.

Исторія курсовъ за эти 25 лѣтъ распадается на два періода съ 1878 по 1886 г. и съ 1889 по сейчасъ. Три года между этими періодами курсы находились въ какомъ-то полузакрытомъ состояніи. Въ маѣ 1886 г. занятія шли своимъ обычнымъ порядкомъ, слушательницы сдавали экзамены, комитетъ общества готовилъ смѣту на будущій учебный годъ; вдругъ это спокойное теченіе жизни было нарушено однимъ маленькимъ обстоятельствомъ: какая-то изъ слушательницъ случайно 8-го мая прочла маленькую замѣтку въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" и разсказала объ ней на курсахъ. Замѣтка эта была слѣдующаго содержанія: „Въ виду производящагося въ особой коммиссіи, учрежденной при министерствѣ народнаго просвѣщенія, разсмотрѣнія вопроса о высшемъ образованіи, министерство народнаго просвѣщенія признало нужнымъ сдѣлать распоряженіе о прекращеніи нынѣ же пріема слушательницъ на существующіе женскіе курсы вѣдомства означеннаго министерства" **). Просто, ясно и... какъ снѣгъ на голову. Ни завѣдующій курсами, ни комитетъ, ни педагогическій совѣтъ не только не получали какого-либо оффиціальнаго извѣщенія на этотъ счетъ, но даже и не подозрѣвали, что подобная „мѣра" готовится. Завѣдующій курсами А. Н. Бекетовъ на другой же день отправился къ министру народнаго просвѣщенія — графу Делянову и тотъ увѣрилъ его, что курсы не будутъ закрыты совсѣмъ, а получатъ иную организацію.

Въ 1889 г. пріемъ на курсы былъ возобновленъ. Но и тутъ опять понадобилось подавать записки, просьбы, прошенія, и комитетъ, вдохновляясь примѣромъ славныхъ защитницъ женскаго образованія въ 60 и 70-хъ гг. проявилъ не менѣе героическую

*) Въ этомъ же году открылись курсы въ Казани, а въ 1878 г. въ Кіевѣ.

**) Прекращеніе пріема слушательницъ для провинціальныхъ курсовъ сыграло роль закрытія. Закрыты они не были, но пріемъ былъ прекращенъ, и курсы перестали функціонировать.

энергію. Главной дѣятельницей въ эту новую полосу испытаній была Е. І. Лихачева, авторъ извѣстнаго труда „Матеріалы къ исторіи женскаго образованія въ Россіи“. По ея иниціативѣ и по ея проекту была составлена обстоятельная „записка“ о высшихъ курсахъ и передана въ коммиссію, занятую пересмотромъ высшаго женскаго образованія. На „записку“ эту отвѣта не послѣдовало никакого. Затѣмъ комитетъ совмѣстно съ педагогическимъ совѣтомъ предпринялъ ходатайство передъ министромъ народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи пріема новыхъ слушательницъ. Но ходатайство это не привело ни къ какимъ результатамъ. Наступилъ конецъ 1888 года, лекціи слушалъ только одинъ уже курсъ, кончавшій въ этомъ учебномъ году. Положеніе становилось критическимъ. Снова комитетъ обращается съ ходатайствомъ, педагогическій совѣтъ отдѣльно съ прошеніемъ къ министру народнаго просвѣщенія. Наступилъ и 1889 г., а отвѣта на прошеніе не было. Тогда комитетъ подаетъ прошеніе на высочайшее имя. И только послѣ этого получилось разрѣшеніе на пріемъ новыхъ слушательницъ. Сами курсы съ 1889 г. получили новую организацію; измѣненія главнымъ образомъ касались дѣла завѣдыванія курсами, а также отчасти и программы, въ результатѣ этихъ измѣненій курсы приняли характеръ двухъ полныхъ факультетовъ: историко-филологическаго и физико-математическаго.

Закрытіе пріема слушательницъ на шесть лѣтъ нарушило нормальное теченіе жизни курсовъ, ибо съ 1886/87 и по 1891/92 г. не было полнаго комплекта курсовъ, два года не доставало трехъ курсовъ, два — двухъ, и два — одного курса. Поводомъ къ прекращенію пріема послужило учрежденіе такъ называемой коммиссіи кн. Волконскаго, а поводомъ къ образованію ея явилась „записка“ баронессы Каденъ. Имя ея надо поставить въ ряду именъ ея сотрудниковъ: Трепова, кн. Мещерскаго, Циговича, Дрентельна, X. У Z. (въ „Голосѣ“), еще разъ кн. Мещерскаго. Вотъ тѣ люди, которые своей разрушительной работой старались смести съ лица земли русской просвѣщеніе женщинъ. Доносы на курсы начались очень скоро послѣ открытія еще тѣхъ курсовъ, которые назывались публичными лекціями. Начало имъ положилъ петербургскій оберъ-полицеймейстеръ Треповъ. Въ 1871 г. имъ была представлена министру внутреннихъ дѣлъ записка о ненужности и вредности курсовъ. „Государственное и уголовное право читаютъ два молодыхъ профессора Градовскій и Таганцевъ, повидимому, изъ моды... Они проповѣдуютъ вредныя истины, Градовскій—о государственной власти и формѣ правленія“...—говорилось тамъ, между прочимъ. „Главныя руководительницы и подстрекательницы“ тамъ были названы по именамъ, и въ числѣ ихъ Треповъ не постѣснился упомянуть и такихъ лицъ, которыя не только не принимали никакого участія въ курсахъ, но даже ни разу и не были въ помѣщеніи ихъ. „Отсюда, — писалъ онъ, — политиче-

ское направленіе можетъ распространяться неудержимо и здѣсь имѣетъ всѣ способы созрѣвать во взаимныхъ бесѣдахъ".

Особое совѣщаніе изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, шефа жандармовъ и с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера, назначенное для разсмотрѣнія дѣла, — съ мнѣніемъ генерала Трепова не согласилось. И это не единственный случай, когда правительственнымъ сферамъ приходилось давать острастку черезчуръ усерднымъ ревнителямъ по части доноса. Попечитель учебнаго округа въ Кіевѣ долженъ былъ оффиціальной бумагой на имя министра народнаго просвѣщенія защищать слушательницъ кіевскихъ курсовъ отъ гнусныхъ обвиненій господъ ревнителей. То же сдѣлалъ попечитель казанскаго округа Масленниковъ во время коммиссіи кн. Волконскаго. Защищалъ курсы, наконецъ, и самъ гр. Толстой, когда въ 1879 г. государь вызвалъ его на объясненіе по поводу доносовъ Цатовича и Дрентельна.

Общественное мнѣніе было противъ курсовъ, благодаря широкому распространенію темныхъ слуховъ, порожденныхъ этими инсинуаціями. Насколько основательны были эти обвиненія и насколько легко было въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ возстановить истину—мы видимъ на одномъ изъ типичнѣйшихъ примѣровъ обвиненія, разобраннаго И. Т. Осининымъ.

„По поводу педагогическихъ курсовъ, существующихъ въ Петербургѣ подъ вѣдомствомъ IV отдѣленія, предсѣдатель ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія А. И. Георгіевскій высказался, что они должны быть закрыты, такъ какъ внушаютъ ученицамъ антихристіанскій образъ мыслей: А. И. Георгіевскій убѣдился въ этомъ, два раза посѣтивъ курсы и прочитавъ сочиненіе одной изъ ученицъ на тему „Натанъ Мудрый" Лессинга. И. Т. Осининъ горячо протестовалъ противъ такого обвиненія учебнаго заведенія, находящагося подъ его начальствомъ, и, между прочимъ, указалъ, что инкриминированныя г. Георгіевскимъ мѣста въ сочиненіи ученицы представляютъ просто переводъ извѣстнаго сочиненія о Лессингѣ Куно Фишера и выписки изъ книги, которыми ученица пользовалась съ вѣдома преподавателя".

Но темные слухи не достигли своей конечной цѣли. Изъ того же общества, среди котораго они усердно распространялись, раздавались голоса негодованія противъ нихъ; изъ того же общества на курсахъ, въ періодъ закрытія ихъ, получались тревожные запросы и письма о положеніи дѣлъ. Одинъ изъ такихъ запросовъ—трогательное письмо симферопольцевъ за 24 подписями—приводится въ „Историческомъ очеркѣ". Отъ того же общества со всѣхъ концовъ земли русской и даже изъ мѣстъ за предѣлами ея стекались пожертвованія на высшіе курсы еще до ихъ реорганизаціи. Здѣсь нѣтъ возможности перечислить имена всѣхъ крупныхъ и мелкихъ вкладчиковъ въ дѣло матеріальной поддержки курсовъ. Открылись

курсы въ 1878 г. на Гороховой, въ зданіи Александровской женской гимназіи, потомъ помѣщались въ квартирѣ, снятой въ домѣ Боткиной на Сергіевской, а въ 1885 г. они перешли уже въ собственный домъ на Васильевскій островъ; и „общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ", начавшее ихъ въ 1878 г. съ капиталомъ въ 222 р. 25 к. (остатокъ отъ владимірскихъ курсовъ), въ настоящее время имѣетъ: 88,600 р. въ капиталѣ, 190,000 р. въ движимомъ имуществѣ курсовъ, 16,000 р. въ движимомъ имуществѣ интерната и 710,500 р. въ домахъ общества. Такъ возросъ капиталъ курсовъ за 25 лѣтъ. Онъ росъ, какъ растетъ все, что должно жить, какъ растетъ все крупное, имѣющее корни, дающее нужные для жизни плоды. Онъ возросталъ вопреки всѣмъ препятствіямъ, которыми обставлялъ дѣятельность комитета гр. Толстой. Направляя удары на „Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ", можно было навѣрняка разсчитывать на естественную смерть курсовъ, безъ толковъ и безъ скандаловъ, и это было тѣмъ болѣе заманчиво, что такой конецъ далъ бы лишнее оружіе въ руки противниковъ высшаго женскаго образованія и притомъ очень солидное оружіе факта, указывающаго на мертворожденность затѣяннаго дѣла. Вынужденный на „попустительство", облеченный свыше правомъ на открытіе курсовъ, графъ невольно долженъ былъ считать себя въ нѣкоторомъ родѣ виновникомъ ихъ существованія и даже выхлопоталъ имъ стипендію въ три тысячи рублей. „У него" и все должно имѣть видъ благополучнаго процвѣтанія. Когда ревнители доноса завопили о разсадникѣ нигилизма, онъ долженъ былъ отвѣтить: „все спокойно", и взять на себя защиту курсовъ. Но соблюдая всѣ аппарансы, онъ не оставлялъ мысли о возможности безшумной естественной смерти для курсовъ, стоило только... немножко помочь этой возможности. Источникомъ матеріальныхъ средствъ курсовъ были, во-первыхъ, и главнымъ образомъ, пожертвованія и, во-вторыхъ, плата за право слушанія. Вотъ на эти-то два источника и нужно было обратить воздѣйствіе магическаго способа пресѣченій и сокращеній. Мы видѣли, какъ поставилъ это дѣло гр. Толстой еще въ самомъ началѣ курсовъ-лекцій.

Но ограничиться этимъ впослѣдствіи оказалось мало. Когда комитетъ общества обратился за помощью къ земствамъ, онъ встрѣтилъ дружный сочувственный откликъ; 82 земства постановили ассигновать опредѣленную сумму въ пособіе курсамъ. Но прийти на помощь имъ не удалось: постановленія собраній въ семи губерніяхъ были опротестованы губернаторами. Это было въ 1883—1884 гг. Когда комитетъ общества задумалъ постройку собственнаго дома для курсовъ, онъ рѣшилъ открыть черезъ посредство газетъ подписку для этого дѣла, но гр. Толстой не разрѣшилъ подписки. Мало того, въ концѣ 1884 г. имъ были разосланы циркуляры губернскимъ начальствамъ, воспрещавшіе по

жертвованія земствъ на высшіе женскіе курсы. Графъ Толстой тогда былъ уже не министромъ народнаго просвѣщенія, а министромъ внутреннихъ дѣлъ; отвѣчать за попустительства, къ которымъ онъ былъ вынужденъ на прежнемъ посту, ему было уже незачѣмъ. Вотъ тѣ „психологическіе" мотивы, которыми вполнѣ объясняется кажущееся превращеніе скромнаго слушателя съ „пробѣлами" во врага открытаго и активнаго.

Воздѣйствіе на другой путь притока средствъ—на комплектъ слушательницъ слагается изъ столькихъ подробностей, что вдаваться въ нихъ нѣтъ возможности въ замѣткѣ, равно какъ и разсказывать эпопею постоянныхъ вмѣшательствъ въ хозяйственныя дѣла курсовъ. Все это уже отошло болѣе или менѣе въ область исторіи. Однако, нельзя не указать на одинъ фактъ изъ этой эпопеи. Въ 1890 г. землевладѣлецъ Таврической губерніи С. Б. Тумановъ оставилъ по духовному завѣщанію въ пользу высшихъ женскихъ курсовъ 3,000 р. Душеприказчики его, не зная, какія именно высшіе женскія курсы существуютъ въ данное время въ Россіи, переслали эту сумму въ министерство народнаго просвѣщенія для передачи по принадлежности. Министерство не сочло нужнымъ препроводить эти деньги казначею „общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ", а зачислило ихъ въ депозитъ VI отдѣленія спеціальныхъ средствъ министерства, подъ рубрикой: „капиталъ, завѣщанный дворяниномъ Сергѣемъ Тумановымъ въ пользу высшихъ женскихъ курсовъ, для употребленія процентовъ на содержаніе с.-петербургскихъ женскихъ курсовъ". Это было въ періодъ очень интенсивнаго вмѣшательства въ хозяйственныя дѣла курсовъ, и сколько ни хлопоталъ потомъ комитетъ, этихъ денегъ такъ и не выдали.

Не смотря на всѣ эти затрудненія, средства не оскудѣвали. За время существованія курсовъ на нихъ истрачено болѣе трехъ милліоновъ, и теперь курсы имѣютъ, какъ мы видѣли, теперь болѣе милліона капитала. Это сдѣлало то самое русское общество, на которое такъ ошибочно возлагалъ свои надежды кн. Мещерскій.

Теперь это уже не то русское общество, которому понадобилось нѣкогда два десятка лѣтъ, чтобы выносить идею высшаго образованія женщины. Историческая обстановка существенно измѣнилась. И мы вправѣ надѣяться, что трудное время пережито и что затормозить дѣло высшаго женскаго образованія теперь не въ силахъ уже никакіе министры.

А. Лужинская.

Елена Іосифовна Лихачева.

Четвертаго декабря скончалась Е. І. Лихачева, бывшая сотрудница „Отечественныхъ Записокъ“, авторъ труда „Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи“ и извѣстная дѣятельница на поприщѣ культурной жизни нашей страны.

Имя Е. І. Лихачевой обыкновенно связываютъ съ такъ называемымъ женскимъ вопросомъ. Это отчасти справедливо, но не совсѣмъ. Елена Іосифовна никогда не была тѣмъ, что теперь принято опредѣлять словомъ „феминистка“; она говорила, что „всѣ человѣческіе вопросы такъ тѣсно связаны между собою, что выдѣлять изъ нихъ женскій вопросъ невозможно“, и всегда исходила только изъ вѣчныхъ началъ права и справедливости.

Е. І. Лихачева родилась въ 1836 году и воспитывалась въ Смольномъ институтѣ. Богато одаренная отъ природы и подъ вліяніемъ своего просвѣщеннаго отца, она очень рано увидала, какъ мало она знала, какъ плохо ее учили. И она стала сама работать надъ своимъ образованіемъ, много читала, много училась, неустанно добиваясь знаній. Замужество и материнство не прервали ея занятій, она „по тетрадямъ своего мужа“ изучила итальянскій языкъ и стала работать по итальянскому отдѣлу въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ Корша.

Яркая заря освобожденія, занявшаяся послѣ севастопольскаго погрома, уже застала Елену Іосифовну готовымъ разумнымъ существомъ и освѣтила ей тотъ путь, по которому она должна была пойти. Шестидесятые года, когда такъ смѣло и властно заявили себя лучшія стремленія общества: стремленія къ равенству, справедливости и свободѣ, выдвинули и женскій вопросъ; но онъ явился не изъ сострадания къ женщинѣ, а изъ общихъ соціальныхъ задачъ. Е. І. такъ и поняла это и стала горячо и непреклонно работать по исторіи современнаго женскаго движенія въ Россіи и Европѣ, въ связи съ остальными вопросами освободительной эпохи. И тутъ—какъ и на собственномъ примѣрѣ—она скоро увидала, какъ безсильна женщина въ своемъ невѣжествѣ, какъ плохое образованіе дѣлаютъ изъ нея безмолвную рабу. Съ первыхъ же шаговъ своей литературной дѣятельности Е. І. заявляетъ, что единственный путь для разрѣшенія женскаго вопроса—образованіе, только оно—образованіе, знаніе—ведетъ къ пониманію, а пониманіе обязываетъ дѣйствовать, и изъ безполезнаго нароста на общественномъ организмѣ дѣлаетъ человѣка—человѣкомъ.

Это убѣжденіе опредѣлило всю дѣятельность Е. І, и въ концѣ концовъ она вся сосредоточилась на вопросѣ женскаго образо-

ванія, которое должно быть уравнено съ мужскимъ. Но если и теперь, въ XX-мъ столѣтіи, далеко еще не всѣ увѣрены: нужно ли давать дѣвушкамъ высшее образованіе, то что же было тогда, когда начала работать Е. I., т. е. болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ? И она должна была потратить не мало силъ и труда, доказывая, что поднятіе умственнаго уровня женщины важно не столько по отношенію къ самой женщинѣ, сколько по отношенію къ общему неустройству человѣчества. Если женскій вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ помимо общихъ соціальныхъ задачъ, то и общіе вопросы находятся въ полной зависимости отъ положенія женщины въ странѣ. И Е. I. требовала для женщины не состраданія, а справедливости, не снисхожденія, а законныхъ человѣческихъ правъ.

Въ этомъ смыслѣ она напечатала рядъ статей въ „Отечественныхъ Запискахъ", давшихъ ей громкое имя, какъ защитницы женскихъ правъ. Она постоянно проводила параллель между женскимъ движеніемъ у насъ и за границей, слѣдила за всѣми проявленіями этого движенія и пользовалась ими для проведенія въ русскую жизнь и русское сознаніе своихъ идей. Она горячо привѣтствовала девизъ передовыхъ американокъ: „равенство передъ закономъ всѣхъ, безъ различія пола и цвѣта", она энергично протестовала противъ позитивистовъ, когда они выступили *) противъ уравненія образованія женщинъ и мужчинъ и доказывали, что женщина стоитъ ниже мужчины въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, а потому должна занимать второе мѣсто, какъ въ семьѣ, такъ и въ обществѣ. Е. I. Лихачева восстала противъ этого. Въ своей статьѣ „Воспитаніе женщинъ съ точки зрѣнія положительной философіи" **) она спокойно, но убѣжденно доказываетъ, что только полное равенство въ воспитаніи и образованіи создастъ полную равноправность всѣхъ передъ закономъ и принесетъ благо личности, семьѣ, обществу.

Въ сущности, въ этой статьѣ формулированъ весь символъ вѣры Е. I. относительно женскаго вопроса. На основаніи научныхъ данныхъ и историческихъ указаній, она доказываетъ, что физическая организація женщины не можетъ препятствовать ей занять по знаніямъ одинаковое мѣсто съ мужчиной; она говоритъ, что если бы могли указать „страну, гдѣ женщины получаютъ или получали одинаковое съ мужчинами образованіе, гдѣ онѣ пользуются равными съ ними правами и несутъ одинакія съ ними обязанности,—однимъ словомъ, гдѣ онѣ поставлены въ общечеловѣческія условія,—если бы и при такихъ условіяхъ

*) De l'éducation des femmes. *Louis André.* Quelques mots á propos d'un discours de M. Mill sur l'instruction moderne. *G. Wyrouboff.* Principes d'éducation positive. *E. Bourdet.*

**) „Отеч. Зап.", 1870. Кн. 10.

женщины оставались бы такими же, каковы онѣ теперь, тогда можно было бы утверждать, что сама женская природа носитъ въ себѣ неизмѣнныя особенности...“ Но пока такой страны нѣтъ — необходимо допустить полное равенство въ образованіи, въ правахъ и обязанностяхъ, и тогда можно будетъ дѣлать выводы. И Е. І. неуклонно вѣритъ, что эти выводы будутъ не только въ пользу полнаго равенства половъ, но и что „возвышеніе умственнаго уровня женщинъ будетъ содѣйствовать повышенію этого уровня и въ цѣломъ обществѣ, приготовляя поколѣнія все болѣе и болѣе способныя къ разрѣшенію общественныхъ задачъ и двигающія человѣчество впередъ“.

Теперь такія рѣчи могутъ казаться трюизмами, но напомнимъ опять, что Е. І. родилась, выросла и начала жить, „когда кругомъ насилье ликовало“, когда были „къ свободѣ ей (женщинѣ) заказаны пути; позорный плѣнъ, весь ужасъ женской доли, ей для борьбы оставилъ мало силъ“... *) И въ свое время ея статьи были и новы, и смѣлы, и должны были оставить громадный слѣдъ въ русскомъ общественномъ самосознаніи. Е. І. ненавидѣла равнодушіе и предразсудки, этихъ враговъ всего свѣтлаго и свободнаго, и энергично боролась съ ними. Она понимала „какое громадное значеніе имѣетъ то, что разъ уже перешло въ сознаніе общества“, и знала, какъ „важно тѣмъ или другимъ путемъ убѣдить возможно большее число людей въ несправедливости извѣстныхъ отношеній; разъ достигнувъ этого, законы уступятъ общественному требованію“ **). Она вѣрила въ силу печати и поэтому постоянно печатала о томъ, что ей хотѣлось перевести въ сознаніе общества. Но она говорила: „извѣстная вещь, что, по большей части, никакія брошюры, никакія сочиненія по различнымъ вопросамъ не читаются именно тѣми, кого они должны убѣждать. Путемъ митинговъ и ассоціацій всего скорѣе можно разрушить главныя препятствія всякаго дѣла“...***) И она горячо привѣтствовала воззванія женщинъ для протеста противъ франко-прусской войны. Въ своей статьѣ „Женщины въ современной войнѣ“ („От. Зап.“ 1871. Кн. 2) Е І. сказала, что обязанность женщины во время войны „поддерживать утраченныя въ пылу разнуздавшихся страстей общечеловѣческія чувства“. Привилегія женщинъ („единственная“, какъ отмѣтила Е. І.) въ томъ, что онѣ не обязаны принимать участіе во взаимной рѣзнѣ, „даетъ имъ возможность, не справляясь о національности страдающихъ, изувѣченныхъ войною людей, видѣть въ нихъ прежде всего человѣка, нуждающагося въ помощи, оказывать ему эту

*) *Н. Некрасовъ. Мать.* Отрывки изъ поэмы. Посвящ. Е. І. Лихачевой.
**) От. Зап. 1870 г. Кн. 4. Стр. 230.
***) Ibid. Стр. 237.

помощь и такимъ образомъ, хоть сколько-нибудь, исправлять страшное зло, причиненное войной".

Во время франко-прусской войны, „женщины—писала Е. І.—поняли совершенно правильно лежащія на нихъ обязанности; прямо заинтересованныя стороны и нейтральныя заявили протесты противъ войны, а когда она началась, то во всѣхъ почти странахъ появились воззванія, приглашавшія женщинъ устраивать общества для ухода за ранеными безъ различія національности". Мужчины, особенно въ Германіи, страшно возмутились противъ этого; нѣмецкія газеты подняли шумъ, что германскія женщины не дѣлаютъ различія между французскими плѣнными и нѣмецкими побѣдителями, женщинъ обвиняли въ оскорбленіи достоинствъ націи и достигли того, что многія „изъ гуманныхъ существъ превратились въ ярыхъ нетерпимыхъ патріотокъ". Но мысль осталась жива и нашла себѣ многихъ поборницъ. „Если женщины счастливѣе мужчинъ тѣмъ, что не ходятъ въ сраженіе, такъ заканчиваетъ Е. І. свою статью, и не несутъ на себѣ отвѣтственности за войну, то онѣ своею тяжелою, добровольно принятою на себя обязанностью ухаживать за ранеными, искупаютъ эту привилегію".

Какъ только началась русско-турецкая война, Е. І. поѣхала въ Сербію. Кто зналъ Е. І., тотъ пойметъ, что сдѣлала она это не по увлеченію, охватившему тогда нѣкоторую часть русскаго общества, а по убѣжденію, и по необходимости сочетать это убѣжденіе съ дѣломъ—что было отличительной чертой Е. І. Она „добровольно принятой на себя обязанностью" искупала привилегію не принимать участія въ рѣзнѣ: она ухаживала за ранеными и больными, организовала помощь мѣстному населенію Сербіи, разоренному и измученному войною, и все время писала горячія статьи съ мѣста военныхъ дѣйствій. По возвращеніи въ Петербургъ Е. І. опять вся отдалась вопросу о женскомъ воспитаніи и образованіи. Она принимала живое участіе въ созданіи образцовой женской гимназіи, работала въ просвѣтительномъ направленіи въ одномъ изъ первыхъ женскихъ обществъ, возникшемъ въ 60-хъ годахъ, въ „Обществѣ воспитательницъ и учительницъ" и, наконецъ, въ 80-мъ году вступила въ составъ Комитета Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ. Почти одновременно съ этимъ она начала работать надъ „Матеріалами для исторіи женскаго образованія въ Россіи". Въ этомъ, т. е. на практической работѣ на пользу высшаго женскаго учебнаго заведенія и на теоретическомъ изученіи всей исторіи женскаго просвѣщенія, Е. І. сосредоточила всѣ свои силы въ послѣдніе годы своей жизни.

Въ теченіе пятнадцати лѣтъ она неустанно работала въ архивахъ, собирая матеріалы, и у себя въ кабинетѣ, приводя эти матеріалы въ стройную систему. Результатомъ этого явились че-

тыре тома ея труда, скромно озаглавленнаго „Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи“ и обнимающаго періодъ отъ 1886—1880 г.

Этотъ трудъ получилъ себѣ оцѣнку академіи наукъ въ присужденіи Е. І. почетнаго отзыва, а по выходѣ послѣдняго тома—Уваровской награды. Академикъ С. Ф. Ольденбургъ, взявшій на себя, по порученію академіи, разборъ этого труда, пишетъ:

„Оцѣнка труда г-жи Лихачевой въ значительной мѣрѣ уже произведена жизнью; какую бы статью или книгу, относящуюся къ женскому образованію, мы ни взяли, вездѣ въ настоящее время изслѣдованіе г-жи Лихачевой является главнымъ источникомъ, и ничего соотвѣтствующаго ея книгѣ мы не имѣемъ по всѣмъ остальнымъ сторонамъ нашего воспитанія и образованія“.

Дѣятельность Е. І. въ комитетѣ высшихъ женскихъ курсовъ, гдѣ она работала больше двадцати лѣтъ, глубоко убѣжденная въ громадномъ значеніи своего дѣла, вся проникнута строгой принципіальностью и непреклоннымъ стремленіемъ все къ одной и той же цѣли.

Горячая поборница высшаго образованія для женщинъ, она работала на высшихъ женскихъ курсахъ, и тутъ была вѣрна своимъ взглядамъ и только мирилась съ отдѣльнымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ для женщинъ, но не примирялась съ недопущеніемъ женщинъ въ университетъ, и однимъ изъ послѣднихъ ея дѣяній въ комитетѣ высшихъ курсовъ была подача прошенія на имя ректора спб. университета, во время работы коммиссіи по пересмотру университетскаго устава, „о допущеніи женщинъ въ русскіе университеты“.

Болѣе двадцати лѣтъ работала Е. І. въ составѣ комитета курсовъ. Сознавая всю важность и необходимость хорошей библіотеки для учебнаго заведенія, она прежде всего устраиваетъ такую библіотеку и одиннадцать лѣтъ остается завѣдующей ею. На ряду съ этимъ она принимаетъ самое живое участіе во всѣхъ дѣлахъ комитета, и въ 1889 году избирается его предсѣдательницей. Въ это время курсамъ пришлось пережить тяжелый четырехлѣтній перерывъ въ пріемѣ слушательницъ. Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Е. І., все время энергично отстаивалъ существованіе курсовъ, пока не достигъ желанныхъ результатовъ. Когда курсы были открыты вновь, комитету пришлось много и бодро работать, и Е. І. отдала не мало своихъ силъ и энергіи на ихъ возрожденіе, внося въ это дѣло свое широкое міровоззрѣніе, дѣятельную любовь и непреклонную преданность высокимъ задачамъ курсовъ.

Годъ тому назадъ болѣзнь лишила Е. І. возможности принимать активное участіе въ дѣлахъ общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ, и она вышла изъ состава комитета. Но она постоянно интересовалась ходомъ дѣлъ въ

немъ. Особенно волновала ее новая задача комитета—основаніе юридическаго отдѣленія на курсахъ, что еще болѣе должно приблизить ихъ къ типу университета.

Вообще Е. I. до самыхъ послѣднихъ дней существованія осталась вѣрна всему, что интересовало ее въ жизни. Она не только не отказалась ни отъ одного изъ своихъ взглядовъ, но трогательно была вѣрна имъ до конца жизни. И настоящая война находила въ ней такую же горячую и непоколебимую противницу, какъ и тридцать лѣтъ тому назадъ, и также она чувствовала свою—нашу—вину за нее и не признавала оправданій. Вообще она не гнулась и не „складывалась"; мягкость и всепрощеніе были чужды ей; въ ней была та нетерпимость, упорство и стойкость, которыя дѣлаютъ изъ человѣка принципіальнаго дѣятеля и надежнаго друга. Въ ней не было сентиментальности, но была настоящая доброта; ее трогали не слезы, а безмолвныя страданія; она тратила силы не на помощь бѣднякамъ, а на борьбу во имя поднятія уровня общественнаго и политическаго существованія. И рядомъ съ нею — всѣ свои маленькія печали и большія горя казались мелкими и ничтожными, и чувствовалось, что есть задачи шире и выше, которымъ слѣдуетъ отдавать и свои мысли, и свои силы.

Е. I. умерла отъ кровоизліянія въ мозгу, случившагося 30 ноября. Весь этотъ день она была, какъ всегда, ясна умомъ, бодра духомъ и очень оживленна, можетъ быть болѣе оживленна, чѣмъ обыкновенно. Она говорила о войнѣ не съ усталымъ равнодушіемъ, а съ кипучимъ негодованіемъ, восхищалась одной статьей по поводу войны... Но мы всѣ такъ привыкли видѣть и знать Е. I. именно такою чуткою и отзывчивою, что никому изъ насъ и въ голову не пришло, что это уже послѣдніе лучи того свѣта, который дѣлаетъ человѣка человѣкомъ. Одна секунда, какой-то толчекъ въ мозгъ—и свѣтъ потухъ; и Е. I. не стало...

Ек. Лѣткова.

А. Н. Пыпинъ.

Предъ лицомъ обширнаго литературнаго наслѣдія покойнаго Александра Николаевича Пыпина, ушедшаго отъ насъ въ столь преклонномъ возрастѣ, многіе, быть можетъ, скажутъ, что онъ уже сдѣлалъ все, что могъ, что онъ ушелъ во время. Едва ли согласится съ этимъ всякій, кто видѣлъ въ покойномъ А. Н. Пыпинѣ не только ученаго изслѣдователя русской литературы. Онъ умеръ, конечно,

достаточно поздно, чтобы умереть съ сознаніемъ исполненнаго долга; и все же, онъ ушелъ отъ насъ слишкомъ рано, чтобы мы могли съ этимъ примириться. Жизнь дѣлаетъ свое: и въ научной литературѣ, и въ общественномъ движеніи сдвинется надъ усопшимъ волна, и коллективное творчество не утеряетъ ни одного изъ тѣхъ цѣнныхъ результатовъ, которые могли быть еще добыты созидающимъ трудомъ покойнаго. Но это не устраняетъ той печальной мысли, что смерть его оставляетъ пока незаполненный пробѣлъ въ нашихъ духовныхъ стремленіяхъ. Ушелъ не досточтимый памятникъ прошлаго, ушла живая сила, съ отсутствіемъ которой надо считаться.

Нѣтъ нужды распространяться о результатахъ научной дѣятельности покойнаго. Его обширные курсы „Исторіи русской этнографіи“ и „Исторіи русской литературы“ представляютъ собою то, что на западѣ называется „Standart-works“: классически законченное изложеніе накопленныхъ въ наукѣ данныхъ, которымъ заканчивается одинъ періодъ ея развитія и начинается другой. Творчество заключается здѣсь не въ созданіи большихъ новыхъ идей, но въ систематизаціи частнаго, въ перераспредѣленіи и объединеніи результатовъ всего подготовительнаго научнаго движенія въ одно цѣлое, стройное, но не застывшее, законченное, но всегда готовое къ новому развитію. Мы назвали бы курсы А. Н. Пыпина инвентаремъ изученій русской народности, если бы въ этомъ понятіи не было привкуса чего-то механическаго.

Нѣтъ, въ этомъ цѣнномъ инвентарѣ идей, въ этой сокровищницѣ знаній нѣтъ ничего, не проникнутаго живымъ духомъ самостоятельной мысли.

Превосходныя монографіи А. Н. Пыпина, предшествовавшія его курсамъ, были не только новымъ изученіемъ уже обслѣдованнаго матеріала: онѣ открывали новые міры. Въ неопредѣленной формѣ были извѣстны нѣкоторые элементы общественнаго движенія начала прошлаго вѣка. А. Н. Пыпинъ ввелъ ихъ въ законченное цѣлое, представивъ цѣлую картину этого движенія, столь же полную, сколько воспитательную. Знали, что Бѣлинскій велъ обширную переписку съ друзьями, въ которой высказывался болѣе полно, чѣмъ въ своихъ статьяхъ. А. Н. Пыпинъ показалъ намъ этого Бѣлинскаго, во всей безконечной привлекательности его душевной красоты; онъ открылъ Бѣлинскаго писемъ, безъ котораго менѣе полно и менѣе сознательно было бы наше преклоненіе предъ Бѣлинскимъ „Отечественныхъ Записокъ“.

Какъ ни велики эти заслуги въ изысканіи исторической истины, за ними есть нѣчто болѣе значительное: общественно воспитательный смыслъ работъ А. Н. Пыпина. Напомнимъ одинъ внѣшній, но глубоко характерный фактъ: всѣ его научные труды прошли черезъ распространенный и авторитетный толстый жур-

валъ. Въ этомъ какъ бы сказалось отношеніе самого автора къ своимъ трудамъ: при всемъ уваженіи къ объективной истинѣ, добытой въ нихъ, онъ цѣнилъ въ нихъ болѣе всего средство воздѣйствія на общество. Не во всемъ послѣдователь, но въ общихъ началахъ своего направленія духовный сынъ Чернышевскаго, онъ никогда не переставалъ въ своихъ научныхъ трудахъ быть прежде всего публицистомъ. Онъ уходилъ на вершины объективной истины не затѣмъ, чтобы наслаждаться ея единоличнымъ лицезрѣніемъ, но чтобы воздвигнуть на этихъ вершинахъ храмъ свободнаго и справедливаго человѣческаго общежитія. Та небольшая, но сплоченная и авторитетная группа старыхъ прогрессистовъ, къ которой онъ принадлежалъ послѣднюю треть вѣка, не такъ однородна, какъ это иногда думаютъ, и А. Н. Пыпинъ въ своихъ теоретическихъ воззрѣніяхъ стоялъ на ея лѣвой сторонѣ. Въ эпоху, когда русская прогрессивная мысль находила наиболѣе распространенное выраженіе въ безличномъ либерализмѣ, не лишенномъ буржуазной окраски, болѣе рѣшительные элементы нашего литературнаго освободительнаго движенія встрѣчали въ А. Н. Пыпинѣ сочувствіе, какого были чужды даже такіе представители русскаго либерализма, какъ Градовскій, Чичеринъ, Кавелинъ. Изученію родного народа посвящены были всѣ труды этого патріарха русской науки и, конечно, если литература способна поднять безсознательную любовь къ родинѣ до степени идейно осмысленнаго и самоотверженно глубокаго патріотизма, то въ первыхъ рядахъ этой литературы должны быть названы труды ученаго обличителя теоріи „оффиціальной народности", которому представители этой теоріи такъ легко навязывали кличку „космополита". Космополитомъ онъ, пожалуй, и былъ, только не въ ихъ смыслѣ. Рядъ поколѣній, сознательно дѣлающихъ исторію, выросъ подъ воспитательнымъ вліяніемъ стараго прогрессиста, и если передовая волна общественнаго движенія обогнала его тактическія воззрѣнія, то не здѣсь, у его свѣжей могилы, умѣстно раскрывать эти неизбѣжные противорѣчія. Память А. Н. Пыпина будетъ неизмѣнно дорога и тѣмъ, кто при его жизни не во всемъ сходился съ нимъ на пути къ общей великой цѣли.

А. Г.

Письма въ редакцію.

I.

Въ ноябрьской книжкѣ „Русскаго Богатства" авторъ статьи: „Торгующія тѣломъ", г. Бентовинъ, говоря о желательности устройства общежитій для дѣвушекъ-мастерицъ, мимоходомъ замѣчаетъ:

„Вѣдь существуетъ какое-то „общество попеченія о молодыхъ дѣвицахъ“, которое всю свою дѣятельность ограничиваетъ устройствомъ по воскреснымъ днямъ душеспасительныхъ развлеченій для молодыхъ дѣвицъ-ремесленницъ (какая наивность). Этому обществу какъ нельзя болѣе пристало бы посвятить свои труды устройству подобныхъ домовъ-общежитій“ (см. стр. 109).

Приведенныя строки ясно говорятъ о незнакомствѣ автора съ указываемымъ обществомъ, и поэтому, чтобы хотя нѣсколько ознакомить читателей статьи г. Бентовина съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла, Комитетъ общества попеченія о молодыхъ дѣвицахъ въ С.-Петербургѣ покорнѣйше проситъ редакцію журнала дать мѣсто слѣдующимъ даннымъ о дѣятельности и учрежденіяхъ общества.

Общество располагаетъ 3-мя общежитіями для дѣвушекъ-работницъ: 1-ое (Коломенская, 12) на 115 кроватей, 2-ое (В. О., 4 линія, 45) на 47 кроватей и 3-е (Старо-Петергофскій, 14)—на 56 кроватей; 6-ю воскресными собраніями и 2-мя вечерними, функціонирующими ежедневно, и 8-ью библіотеками-читальнями; сверхъ того, при двухъ общежитіяхъ открыты ссудо-сберегательныя кассы и при одномъ—посредническое бюро для пріисканія мѣстъ и занятій нуждающимся въ работѣ дѣвушкамъ. При этомъ въ общежитіяхъ въ 1903 г. жило болѣе или менѣе продолжительное время 573 дѣвушки, по преимуществу ремесленницы и прислуги, а также фабричныя, отъ 15 до 30 лѣтъ; значительное число дѣвушекъ пользовалось обѣдами въ общежитіяхъ—въ 1903 г. взято 16,296 обѣдовъ и 9,496 отдѣльныхъ порцій. Кровати и обѣды предоставляются дѣвушкамъ по возможно дешевымъ цѣнамъ.

Число посѣтительницъ воскресныхъ собраній общества дошло до 2,567 дѣвушекъ, изъ которыхъ большинство живетъ своимъ заработкомъ фабричной, ремесленницы, швеи и прислуги. Въ собраніяхъ ведутся занятія грамотой, ариѳметикой, кройкой, шитьемъ и разнымъ рукодѣліемъ, духовныя бесѣды, чтенія популярно-научнаго и литературнаго содержанія (съ туманными картинами), хоровое пѣніе и устраиваются посѣщенія музеевъ и выставокъ и прогулки за городъ. Одно изъ воскресныхъ собраній — кулинарное — преслѣдуетъ спеціальную цѣль обученія дѣвушекъ-работницъ кухонному дѣлу и домоводству.

Вечернія собранія (Коломенская, 12 и Сергіевская, 20), функціонируя по программѣ воскресныхъ собраній, открыты ежедневно, отъ 8 до 11 ч. вечера.

Въ библіотекахъ-читальняхъ об-ва дѣвушки безплатно и безъ залога получаютъ книги для чтенія на дому или тутъ же, въ читальнѣ, и общее число читательницъ въ 1903 г. дошло до 1,589, а общее число книжныхъ выдачъ—21,126.

Таковы вкратцѣ цифровыя данныя о дѣятельности общества и его учрежденій; ознакомившись съ ними, можно убѣдиться, что

„наивность“ общества не такъ ужъ велика, какъ это представляется автору упомянутой статьи.

Комитетъ общества.

II.

Въ № 8 „Русск. Богатства“ за 1904 г. въ библіографическомъ отдѣлѣ напечатана рецензія на мою книгу „Библіотеки, ихъ организація и техника. Спб. 1904“. Позвольте мнѣ указать на то, что въ этой рецензіи имѣется рядъ фактическихъ неточностей, и назвать нѣкоторыя изъ нихъ.

1. Книга написана не по тому плану, съ точки зрѣнія котораго она разбирается. По замыслу автора она не должна была представлять того „руководства для библіотекарей“, о которомъ говоритъ г. рецензентъ, резюмируя его тремя положеніями: 1) борьба съ библіотекарями-машинками, 2) выборъ книгъ для библіотеки и 3) изученіе читающей толпы. Это—монографія по библіотечной техникѣ, т. е. одной лишь спеціальной отрасли библіотечнаго дѣла. „Цѣль предлагаемой книги“,—говорится въ ея предисловіи,—„изложить основы библіотечной техники и указать пріемы, которые практикуются въ наилучше поставленныхъ библіотекахъ“. Затѣмъ на стр. 90, гдѣ указывается разница между теоретическимъ и практическимъ библіотековѣдѣніемъ, приводится общепринятое опредѣленіе библіотечной техники. „Прикладное библіотековѣдѣніе извѣстно также подъ названіемъ библіотекономіи или библіотечной техники... Къ нему относятся: помѣщеніе библіотеки, ея меблировка, классификація и нумерація книгъ, составленіе каталоговъ, системы записей, отчетность, выборъ и подготовка служащихъ“. Ео ipso покупка книгъ, библіографія, разработка юридической стороны и т. п. вопросы, на отсутствіе которыхъ указываетъ г. рецензентъ, включенію въ программу книги и не подлежали.

2. „На стр. 99 приведены лишь жалкія указанія литературы по библіотековѣдѣнію“, сказано въ рецензіи. Однако, совершенно не упомянуто о томъ, что предыдущія восемь страницъ (91—98) посвящены перечню и разбору главнѣйшихъ иностранныхъ и русскихъ трудовъ по библіотековѣдѣнію, распредѣленныхъ по слѣдующимъ рубрикамъ: библіографическіе указатели по библіотековѣдѣнію, исторія библіотекъ, статистика и законодательство, руководства, періодическія изданія. На стр. 99 говорится лишь о томъ, что въ Россіи нѣтъ спеціальнаго библіотечнаго органа, но что общіе журналы удѣляютъ мѣсто статьямъ по вопросамъ библіотечнаго дѣла; затѣмъ въ подтвержденіе на выдержку (слова подлинника) названы заглавія нѣсколькихъ изъ этихъ статей.

3. Въ рецензіи говорится, что автору книги „неизвѣстенъ цѣлый рядъ улучшеній, введенныхъ въ библіотечномъ дѣлѣ, напр., коллективные абонементы, подписка на одни новые журналы“... На стр. 282 описанъ коллективный абонементъ въ примѣненіи его къ Курской Семеновской публичной библіотекѣ, на стр. 50 упоминается о школьныхъ коллективныхъ абонементахъ въ Америкѣ. На стр. 286 — 287 рекомендуется распредѣленіе категорій подписной платы по образцу Харьковской общественной библіотеки, въ силу котораго „предоставляется право брать новые журналы при абонементѣ даже на одну книгу“, а это тождественно съ подпиской исключительно на новые журналы.

4. „На стр. 88 указывается, что каталоги библіотеки Л. Т. Рубакиной снабжены какими-то библіографическими примѣчаніями— изъ этого слѣдуетъ, что авторъ не видалъ этихъ каталоговъ“, пишетъ рецензентъ. Не упомянуто о томъ, что на стр. 244—245 напечатанъ перечень этихъ каталоговъ и выдержка (15 строкъ въ два столбца) изъ каталога переводной беллетристики библіотеки Л. Т. Рубакиной.

5. „Говоря о томъ, кѣмъ долженъ быть библіотекарь, г-жа Х. не нашла ничего лучшаго, какъ привести слова Сопикова, написанныя въ 20-хъ годахъ XIX вѣка, что библіотекарь долженъ быть чуждъ всѣхъ философическихъ, богословскихъ, политическихъ и историческихъ предразсудковъ (стр. 105), но, кромѣ того, добавляетъ отъ себя г-жа Х., библіотекарю нужны извѣстныя административныя способности, достаточная эрудиція и спеціальная подготовка (стр. 106).“ Такъ сказано въ рецензіи. Между тѣмъ, въ ней приводится только одна фраза отрывка изъ предисловія къ „Опыту россійской библіографіи“ Сопикова, который напечатанъ въ книгѣ съ тою цѣлью, чтобы показать, что и у насъ еще въ прошломъ столѣтіи были люди, понимавшіе истинное назначеніе библіотекаря. Центръ тяжести этого отрывка заключается въ слѣдующей фразѣ: „обязанность его (библіотекаря) бываетъ еще священнѣйшею, когда любопытное юношество, жаждущее всякаго рода познаній, имѣетъ въ немъ надежнаго и просвѣщеннаго руководителя (стр. 105)“. Фраза автора, приведенная въ рецензіи, также составляетъ лишь часть характеристики библіотекаря, которой посвящены страницы 106—107.

6. Въ рецензіи сказано: „подготовкѣ библіотекарей авторъ посвящаетъ около двадцати страницъ, но на этихъ страницахъ просто на просто выписываетъ программы заграничныхъ курсовъ для подготовки библіотекарей“. О подготовкѣ библіотекарей говорится на стран. 108- 222. Изъ нихъ программы занимаютъ лишь 3 страницы (111, 112 и по половинѣ 114 и 116), а затѣмъ дается описаніе общей постановки дѣла на заграничныхъ и, въ частности, американскихъ библіотечныхъ курсахъ.

7. Рецензія указываетъ на то, что цѣна книги высока отъ

того, что она „издана превосходно“ и напечатана разгонистымъ шрифтомъ. Совершенно не упомянуто о томъ, что книга иллюстрирована (32 рис. и 40 табл.), а это обстоятельство, несомнѣнно вліяетъ на стоимость изданія.

8. Выраженное въ рецензіи положеніе, что „г-жа X. совсѣмъ не дотрогивалась до того богатаго матеріала, который, по ея словамъ, былъ въ ея рукахъ“, также представляетъ фактическую неточность. Помимо того, что въ книгѣ указана (во 2-ой главѣ и въ многочисленныхъ выноскахъ) литература, на основаніи которой изложены принципы библіотечной техники, въ самомъ текстѣ, при обсужденіи отдѣльныхъ вопросовъ, приводятся имена авторитетовъ, поддерживающихъ тотъ или иной взглядъ, какъ-то Гревеля, Делиля, Дьюи, Куттера, Рейера и др. (см. стр. 104, 105, 135, 174, 176, 179, 185, 188, 193, 206, 214, 247, 274 и т. д.). Этого не могло бы быть, если бъ литература не была использована. Цифровыя данныя въ большинствѣ случаевъ приведены за 1901–2–3 гг. (стр. 12, 19, 24, 30, 38, 48, 58–60, 63–65, 81, 86), а такъ какъ съ 1900 года не вышло ни одной новой сводной работы, то ясно, что онѣ взяты непосредственно изъ отчетовъ. Техническіе пріемы отдѣльныхъ библіотекъ описаны по первоисточникамъ; это доказывается уже тѣмъ, что въ литературѣ нѣтъ ни одного сочиненія, трактующаго о техникѣ русскихъ библіотекъ, которой въ книгѣ удѣлено значительное мѣсто. Этими первоисточниками служили коллекціи техническихъ матеріаловъ различныхъ иностранныхъ и русскихъ библіотекъ, имѣющіяся въ основанномъ по моему проекту и находящемся въ моемъ завѣдываніи „отдѣлѣ библіотековѣдѣнія“ Харьковской общественной библіотеки, въ которой я имѣю честь состоять членомъ правленія.

Примите и пр. Л. Хавкина *).

*) Охотно давая мѣсто фактическимъ поправкамъ автора книги „Библіотеки, ихъ организація и техника“ и не входя въ ихъ обсужденіе по существу, мы должны, однако, отмѣтить, что за всѣми этими поправками остается неопровержимой основная мысль рецензіи; авторъ книги, конечно, имѣлъ формальное право ограничиться въ своихъ указаніяхъ вопросами исключительно техническими; но рецензентъ полагалъ, что такое спеціальное вниманіе къ технической сторонѣ дѣла отвлекаетъ мысль автора и его читателей отъ идейной стороны библіотечной организаціи. Эта сторона должна выдвигаться на первый планъ съ особенной настойчивостью въ виду тѣхъ условій, въ которыхъ находится библіотечное дѣло въ Россіи. Ред.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

На сооруженіе памятника на могилѣ **Николая Константиновича Михайловскаго** поступило:

Отъ д-ра М. А. Ладыженскаго, изъ Ростова-на-Дону—10 р., отъ иркутянъ, черезъ Н. Ю. Татарова—203 р.

Итого . . 213 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 2.662 р. 04 к.

На устройство народной школы имени **Николая Константиновича Михайловскаго:**

Отъ учителей: А. Щипакина и П. Казакова, изъ с. Ивановки 2-й, Сарат. губ.—1 р. 50 к., А. Ѳ. Кожевникова, изъ Усть-Курдюма—50 к., отъ 8 лицъ, служащихъ въ врачебно-санитарномъ отдѣлѣ О-ва К.-В. ж. д., со станціи Манчжурія—110 р.

Итого . . 112 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 241 р. — к.

На изданіе *безплатнаго* сборника для публичныхъ библіотекъ и народныхъ школъ, посвященнаго вѣчной памяти великаго заступника народнаго **Николая Константиновича Михайловскаго:**

Отъ І. И. Годлевскаго, изъ Челябинска—1 р.

Итого . . . 1 р. — к.

На устройство школы имени **Гл. И. Успенскаго** въ д. Сябринцахъ, Новгородской губ.:

Отъ ветеринарнаго врача П. Н. Дроздова, изъ Козлова—1 р.

Итого . . . 1 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 3.552 р. 76 к. *)

*) Изъ этой суммы 3.509 р. 26 к. 20 февраля 1904 г. за № 6201 переведены черезъ Государственный Банкъ въ Новгородскую губернскую земскую управу.

На учрежденіе высшей народной школы имени гр. **Л. Н. Толстого**:

Отъ М. С. Пынзехоновой, изъ Твери — 1 р., отъ кружка молодежи, изъ с. Васильевскаго, Влад. губ. — 5 р.

Итого . . . 6 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 163 р. 50 к.

Въ пользу земскаго врача **Влад. Обольянинова**:

Отъ Маріи Померанской, С.-Петербургъ 6 р.

Итого . . . 6 р. — к.

ственныхъ мѣръ организовать переселенческое дѣло и признать переселеніе вопросомъ крупнаго государственнаго значенія. Тѣмъ острѣе эта потребность и тѣмъ настоятельнѣе такая задача въ Японіи, которая, будучи въ пять съ половиною разъ населеннѣе Европейской Россіи, капитализовалась съ головокружительною быстротой и допустила обезземеленіе значительной части земледѣльческаго класса. Тамъ переселеніе составляетъ такой же вопросъ жизни и смерти, какъ и вопросъ о рынкахъ. Господство въ Кореѣ, отчасти и въ Манчжуріи является съ этой точки зрѣнія самою императивною задачею для Японіи. Россія стояла на пути осуществленія этой задачи. На Россію и напала Японія, добиваясь мѣста въ ряду націй, соотвѣтственнаго ея могуществу и ея культурѣ.

Кромѣ Манчжуріи, занятой русскими, и Кореи, независимость которой оберегала Россія, японцы могли бы направить свою политику и на другія малонаселенныя и малокультурныя страны, омываемыя водами Тихаго океана, на безчисленные архипелаги Океаніи, на материкъ Австраліи или Южной Америки, на Индо-Китай, Соединенные Штаты и Англію, стоявшіе на этомъ пути. Борьба съ Англіей на морѣ была, конечно, немыслима для японцевъ, но Соединенные Штаты, перехватившіе у японцевъ Гавайскіе острова, завладѣвшіе столь пригодными для японцевъ Филиппинами и оберегающіе слабосильныя южно-американскія республики, могли бы съ такимъ же основаніемъ вызвать нападеніе Японіи, какъ и Россія, завладѣвшая Манчжуріей и оберегавшая Корею. Американскій флотъ въ Тихомъ океанѣ много слабѣе японскаго, американская армія не велика. И, однако, хотя русскій флотъ въ Тихомъ океанѣ былъ много сильнѣе американскаго, а русская армія самая многочисленная на свѣтѣ, японцы объектомъ нападенія выбрали не Америку, а Россію. Разумѣется, тому были причины, и естественныя, какъ отраженіе недавней исторіи, и сознательныя, основанныя на изученіи японцами возможныхъ противниковъ.

Естественныя историческія причины понятны. Японія издавна смотритъ на Корею, какъ на свою возможную и вѣроятную добычу. Изъ за нея она въ 1894 году вступила въ борьбу съ Китаемъ, побѣдила его, но Корею вынуждена была очистить подъ давленіемъ Россіи. Она тогда же отняла у Китая Портъ-Артуръ, Ляодунскій полуостровъ и юго-восточную Манчжурію (приблизительно ту часть Манчжуріи, которую нынѣ японскія арміи успѣли уже занять). И это важное пріобрѣтеніе пришлось оставить подъ давленіемъ Россіи. Оккупація Манчжуріи Россіей, неочищеніе ея въ обѣщанный срокъ, вліяніе русскаго дипломатическаго агента при корейскомъ дворѣ, русскія концессіи въ Кореѣ,—все указывало, что Японія должна или отказаться отъ уже проводимой политики, уже потребовавшей большихъ жертвъ

хотя бы войны съ Китаемъ, проведенія желѣзныхъ дорогъ въ Кореѣ и пр.), или рѣшиться отнять у русскихъ эти страны. Совершенно отказаться отъ завоеванія колоній и рынковъ Японія безусловно не могла, а перемѣнить направленіе политики и потерять достигнутые результаты и принесенныя жертвы всегда труднѣе, нежели продолжать движеніе въ прежнемъ, хотя бы и болѣе опасномъ направленіи. Если мы не забудемъ, что Корея и Манчжурія населены желтою расою, какъ и Японія, и что это обстоятельство, сорокъ лѣтъ тому назадъ не имѣвшее никакого значеніе для японцевъ, теперь подъ вліяніемъ европейскихъ суффлеровъ выросло въ глазахъ японцевъ въ серьезный доводъ, то мы легко себѣ уяснимъ весь комплексъ естественныхъ причинъ, толкнувшихъ Японію на борьбу съ наступательною политикою Россіи, а не съ Америкой. Однако, болѣе, чѣмъ вѣроятно, здѣсь дѣйствовали не однѣ естественныя причины, но и сознательный разсчетъ руководителей судьбами народа Восходящаго Солнца.

Японцы долго и внимательно изучали и Россію, и другія страны, которыя могли стать на пути ихъ колоніальной политики, въ условіяхъ мѣста и времени повелительно диктуемой внутреннимъ состояніемъ страны. Выше мы очертили то состояніе Россіи, которое пришлось изучать японцамъ. Оно было не отрадно, и японцы хорошо поняли и оцѣнили дефекты бюрократическаго строя, дошедшаго къ 1904 году до крайняго развитія и совершенно исключительнаго положенія. Съ этою слабою стороною Россіи Японія не могла не считаться тѣмъ болѣе, что десять лѣтъ передъ тѣмъ она такъ легко разгромила огромную китайскую націю, тоже бюрократическую. Именно дефекты бюрократическаго строя обусловили собою пораженіе китайской громады народомъ, въ десять разъ менѣе численнымъ и гораздо болѣе бѣднымъ. Ресурсы Китая огромны и, можно сказать, неисчерпаемы, благодаря богатству природы, трудолюбію и культурности населенія. Но эти рессурсы надо умѣть использовать, на что китайская бюрократія, несомнѣнно самая старая и опытная бюрократія на свѣтѣ, оказалась вполнѣ неспособною. Нація же, лишенная всякой самодѣятельности, благодаря тысячелѣтней бюрократической опекѣ, не могла сама дать достаточно энергичный отпоръ нашествію иноземцевъ. Боксерское движеніе было такою попыткою. Извѣстны и его ошибочное направленіе, и его печальные судьбы. Эти примѣры и учили японцевъ. Такимъ образомъ, и естественныя причины, и сознательный разсчетъ привели японцевъ къ конфликту съ Россіей.

Придя къ рѣшенію воевать съ Россіей, утвердиться въ Кореѣ, вытѣснить русскихъ изъ Манчжуріи, быть можетъ, отнять и русское Приамурье, во всякомъ случаѣ сломить русское морское могущество въ водахъ Дальняго Востока, японцы стали энерги-

чески готовиться, создали огромный флотъ, удвоили армію и выбравъ наиболѣе удобный моментъ для нанесенія удара, начали войну. 24 января (5 февраля) 1904 года они прервали дипломатическія сношенія съ Россіей; наканунѣ, 23 января японскій флотъ вышелъ изъ Сасебо для нападенія на русскій флотъ; съ 26 на 27 января ночью аттакована русская портъ-артурская эскадра и выведены изъ строя три русскихъ большихъ судна; 27 января дана нерѣшительная морская битва у Портъ-Артура и потоплены „Варягъ" и „Кореецъ", у Чемульпо. Такъ началась русско-японская война, уже теперь принесшая серьезныя перемѣны и обѣщающая принести еще много больше много бо̀льшихъ перемѣнъ во всемъ земномъ мірѣ.

III.

Излагать ходъ военныхъ дѣйствій мы здѣсь не будемъ по причинѣ, о которой мы говорили въ прошлой нашей бесѣдѣ (въ ноябрьской хроникѣ). Остановимся только на результатахъ, какъ они до сего часа выяснились.

Война развивалась на сушѣ и на морѣ. И тамъ, и здѣсь произошли серьезныя событія. На сушѣ произошли сраженія при Тюренченѣ, Цинь-Чжоу, Вафангоу, Гай-пинѣ, Дашичао, на перевалахъ Далинскомъ, Модулинскомъ и Фыйшулинскомъ, вокругъ Ляояна, на Шахе и вокругъ Портъ-Артура, не считая мелкихъ столкновеній. Результатомъ этихъ кровопролитныхъ битвъ было вытѣсненіе русскихъ изъ юго-восточной Манчжуріи и съ Ляодунскаго полуострова и паденіе всѣхъ передовыхъ укрѣпленій Портъ-Артура. Уже два мѣсяца слишкомъ, какъ на Шахе враги стоятъ другъ противъ друга неподвижно, не имѣя возможности отогнать противника. Эти результаты очень велики, и очень ничтожны. Они очень велики, даже огромны, если смотрѣть на нихъ съ русской стороны, потому что величайшая въ мірѣ военная держава въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ не только не можетъ справиться съ второстепенною державою, но видѣла себя вынужденною шагъ за шагомъ отступать передъ успѣхомъ противника и не могла до сихъ поръ выручить мужественный гарнизонъ Портъ-Артура. Это безсиліе могущественной державы, представительницы великой и мужественной націи, является, конечно, очень значительнымъ событіемъ. Причина безсилія таится въ неподготовленности и непредусмотрительности, а затѣмъ и въ другихъ дефектахъ, свойственныхъ бюрократическому строю. Японцы не ошиблись, считая этотъ строй своимъ лучшимъ союзникомъ. Они ошиблись, однако, сосчитавъ русскую бюрократію и не сосчитавъ русской націи, не столь обезличенной своими бюрократами, какъ китайская своими. Они ошиблись въ силѣ сопро-

тивленія, которое встрѣтятъ, и потому-то результаты одиннадцати мѣсяцевъ кровавой борьбы, столь огромные, если на нихъ смотрѣть съ русской стороны, оказываются очень незначительными, если смотрѣть со стороны японцевъ.

Чего въ самомъ дѣлѣ достигли японцы на сушѣ? Они распоряжаются въ Кореѣ довольно самовластно, но Корея сама безсильна и побѣдитель въ Манчжуріи будетъ и ея властелиномъ. Значитъ, и для укрѣпленія своего положенія въ Кореѣ, японцы должны выиграть кровопролитную манчжурскую тяжбу. Они не могутъ сказать, что они ее выиграли, а послѣ ляоянскихъ и мукденскихъ боевъ они едва ли рѣшатся утверждать, что они ее непремѣнно выиграютъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнные успѣхи, достигнутые японцами, не обезпечили торжества. Оно все еще остается вопросомъ и это послѣ неслыханнаго напряженія всѣхъ національныхъ силъ въ исходѣ цѣлаго года борьбы, въ концѣ этого длиннаго срока ужасающихъ жертвъ, страданій и затратъ! Полная и всесторонняя подготовленность, полная и всесторонняя предусмотрительность, замѣчательная организація, желѣзная энергія, высокая техника, выдающееся мужество арміи, искусство и знаніе военачальниковъ, глубокій патріотизмъ всего народа,—все это соединилось, чтобы обезпечить Японіи успѣхъ, но годъ жестокаго напряженія приближается къ концу, огромныя силы и средства израсходованы, а войнѣ еще не видно конца... Поэтому-то огромныя событія, имѣющія всемірно-историческое значеніе, являются съ японской стороны очень незначительными, или, по крайней мѣрѣ, очень недостаточными. Измѣнивъ многое вокругъ, эти событія очень мало сдѣлали для рѣшенія японской проблеммы. Мы говоримъ о войнѣ на сушѣ. На морѣ успѣхи японцевъ болѣе значительны и здѣсь уже не мало сдѣлано для рѣшенія японской проблеммы.

Война застала русскій и японскій флоты на Дальнемъ Востокѣ почти равносильными. Нѣкоторый перевѣсъ былъ на сторонѣ японцевъ, но не такой, чтобы дѣлалъ для русскихъ невозможною борьбу. Произошли затѣмъ морскія сраженія въ ночь на 27 января у Портъ-Артура, 27 января тамъ же и у Чемульпо, 22 февраля у Владивостока, рядъ морскихъ аттакъ противъ Портъ-Артура, 31 марта сраженіе тамъ же, выходъ артурской эскадры 10 іюня, ея же выходъ и бой 28 іюля, бой владивостокской эскадры 1 августа, бомбардировка артурской эскадры и минныя аттаки противъ нея же. Въ результатѣ этихъ боевъ оказались затопленными „Петропавловскъ", „Рюрикъ", „Новикъ", „Варягъ", „Кореецъ", „Сивучъ", „Енисей" и нѣсколько миноносцевъ; разоружены въ нейтральныхъ портахъ — „Цесаревичъ", „Аскольдъ", „Діана", „Манчжуръ", „Лена" и 6 миноносцевъ; повреждены и выведены изъ строя всѣ остальные суда артурской эскадры, кромѣ канонерки „Отважный" и нѣсколькихъ миноносцевъ (называли

восемь). Сохранились еще во Владивостокѣ три крейсера, нѣсколько береговыхъ судовъ и нѣсколько небольшихъ миноносцевъ. Японцы за это время потеряли „Гатсусе", „Яшиму", „Іошино", „Міако", „Каймонъ" и десятка два или три миноносцевъ (не считая транспортовъ). Эти потери окончательныя сопровождались очень серьезными аваріями другихъ судовъ и ихъ временнымъ выведеніемъ изъ строя, но аваріи исправлялись, и суда снова входили въ строй. Японскій флотъ и теперь стоитъ во всеоружіи, сильный, исправный и опытный. Его двинули на встрѣчу второй тихоокеанской эскадрѣ, которую ведетъ вице-адмиралъ Рождественскій. Исходъ этой встрѣчи рѣшитъ войну на морѣ... Если японцамъ и на этотъ разъ посчастливится, то борьба на морѣ будетъ ими выиграна, и этимъ путемъ Японія окажется обезпеченною отъ окончательнаго проигрыша. Въ этихъ шансахъ и заключается огромное значеніе уже достигнутыхъ японцами морскихъ успѣховъ, потому что, при сохраненіи въ цѣлости первой тихо-океанской эскадры, движеніе второй эскадры было бы роковымъ для Японіи. Теперь же это движеніе, конечно, опасно японцамъ, но исходъ встрѣчи не предрѣшенъ въ пользу русскихъ, какъ-то было бы, если-бы въ тылу японскаго флота сохранялась сильная эскадра. Встрѣча со второй тихо-океанской эскадрой во всякомъ случаѣ, даже при полномъ торжествѣ японцевъ, должна значительно ослабить ихъ флотъ, что было бы роковымъ при цѣлости первой эскадры, но теперь не отниметъ у нихъ господства на морѣ. Только побѣда вице-адмирала Рождественскаго лишила бы ихъ этого господства, которое гарантируетъ безопасность ихъ островного государства и отъ сухопутной арміи противника.

Такимъ образомъ, японскіе успѣхи на морѣ устранили неизбѣжность ихъ пораженія, въ случаѣ своевременнаго прибытія второй эскадры, но еще не обезпечили окончательнаго торжества. Только пораженіе второй эскадры и паденіе Портъ-Артура подготовитъ японцамъ уже неоспоримое господство на морѣ, а тѣмъ самымъ въ большей или меньшей мѣрѣ осуществленіе ихъ проблеммы. Можно сказать, что тяжба еще продолжается и что поэтому Японіи именно теперь было бы выгодно окончить дѣло миромъ. Но и Россіи именно теперь, когда наступленіе японской арміи въ Манчжуріи остановлено, Портъ-Артуръ держится, а вторая эскадра движется угрозою японскому флоту, миръ могъ бы быть выгоднымъ безъ новыхъ непомѣрныхъ жертвъ. Въ иностранныхъ газетахъ нѣсколько разъ появлялся слухъ, проникавшій и въ русскую печать, будто Японія зондируетъ почву для переговоровъ о мирѣ. То японскій принцъ Фушими пріѣзжалъ въ Вашингтонъ съ этою цѣлью, то самъ японскій императоръ обращался къ императору Вильгельму, или королю Эдуарду. По послѣдней версіи, король Эдуардъ уже зондировалъ черезъ Лубе почву.

Сообщались и японскія пожеланія: Японіи — Корею, Россіи — Манчжурію, но съ Портъ-Артуромъ, какъ исключительно коммерческимъ портомъ. Конечно, все это можетъ быть такая же фантазія, какъ и ранѣе циркулировавшія версіи о японской программѣ, заключавшей будто бы намѣреніе присоединить къ Японіи все русское Приамурье до Байкала и всѣ берега Тихаго океана съ Камчаткою и Сахалиномъ. Истинныхъ намѣреній японскихъ правительственныхъ сферъ никто не знаетъ, но думаемъ, что они скорѣе умѣренныя, потому что если наши потери и наши затраты огромны, то огромны и ужасны они и для Японіи, гдѣ умѣютъ разсчитывать. А гдѣ умѣютъ разсчитывать, тамъ скоро поймутъ, что худой миръ лучше доброй ссоры и что различіе расъ не должно мѣшать добро-сосѣдскимъ отношеніямъ.

О расовомъ вопросѣ въ русско-японскихъ отношеніяхъ интересный отзывъ далъ кн. Долгоруковъ, уполномоченный общеземской организаціи на Дальнемъ Востокѣ, прибывшій недавно съ театра военныхъ дѣйствій. Приводимъ его слова, согласно цитатамъ „Руси“:

„Я убѣжденъ, что никакой расовой коренной непріязни между русскими и японцами нѣтъ, и напрасно шовинисты раздуваютъ эту войну въ расовую. Это война изъ экономическихъ интересовъ. Я увѣренъ, что по окончаніи войны русскіе могутъ такъ же дружно жить съ японцами, какъ послѣ Севастополя сдружились съ французами. Я говорю на основаніи видѣннаго, я видѣлъ только раненыхъ японцевъ. Я думаю и надѣюсь, что настанетъ пора, когда обладатель плоскаго лица съ выдающимися скулами будетъ друженъ съ человѣкомъ европейскаго типа. Ихъ объединитъ сильное культурное теченіе и общечеловѣческіе идеалы. Это можетъ быть при нормальныхъ условіяхъ, а не тогда, конечно, когда эти люди дерутся, когда они ожесточились въ борьбѣ, озвѣрѣли. Расовое же отличіе не должно играть такой роли и не можетъ служить препятствіемъ къ сближенію. Благомыслящимъ патріотамъ обѣихъ странъ нужно надѣяться и желать, чтобы наступилъ поскорѣе миръ, возможно почетный для обѣихъ сторонъ. Обѣ стороны уже доказали въ этой войнѣ свои выдающіяся доблести и боевыя качества“.

„Русь“, съ своей стороны, къ этимъ словамъ дѣлаетъ примѣчаніе: „но до сихъ поръ на нашей сторонѣ одни убытки и ущербы“. Газета думаетъ, что при этихъ условіяхъ трудно думать о почетномъ мирѣ... Быть можетъ, это было бы справедливо, если бы японцы уже успѣли получить что нибудь существенное, кромѣ убытковъ и ущербовъ. Они могутъ надѣяться, но они могутъ и разсчитывать. А кто разсчитываетъ, тотъ отлагаетъ въ сторону мечтательныя надежды и считается съ фактами. Только это и необходимо, чтобы найти почву для необиднаго и прочнаго мира. Принести новыя выгоды японцамъ война, и даже вполнѣ

успѣшная, можетъ весьма сомнительныя, а миръ именно теперь могъ бы принести большія выгоды: укрѣпленіе въ Кореѣ, крупное значеніе на морѣ, признаніе великою державою, возможность колоніальной политики, возможность вліянія въ Китаѣ. Только почетный обоюдно-выгодный и прочный миръ можетъ доставить Японіи эти выгоды, а продолженіе войны можетъ скомпрометировать достигнутое... Ради чего рисковать? Ради Манчжуріи? Намъ кажется, что японцы умѣютъ разсчитывать и что съ ихъ стороны можно ожидать большой склонности къ заключенію мира.

Едва ли русскіе интересы или русское достоинство могутъ требовать продолженія войны, если возможно заключеніе почетнаго и прочнаго мира. Надо не забывать, что на Дальнемъ Востокѣ кардинальный русскій интересъ не въ расширеніяхъ территоріи, не во вліяніяхъ у правительствъ восточныхъ государствъ, не въ рынкахъ, а главнѣе всего и прежде всего въ *обезпеченности мира*. И если обезпеченнаго мира можно добиться безъ новыхъ жертвъ, то это и должно быть главною и насущною нашею задачею въ настоящее время.

IV.

Миръ—насущная потребность, но политическому обозрѣвателю истекающаго года приходится говорить не столько о мирѣ, вопросъ о которомъ рѣшитъ наступающій 1905 годъ (надѣемся, что не передастъ его 1906 году), сколько о войнѣ, наполняющей собою отчетный 1904 годъ. Мы указали ея результаты, какъ они выяснились до сихъ поръ. Сжато выражая сущность этихъ результатовъ, надо сказать, что въ политической системѣ міра народилась новая великая держава, могущественная на морѣ и на сушѣ. Въ началѣ XVIII в. такую пертурбацію въ политическую исторію внесло выступленіе Россіи въ качествѣ новой великой державы; позднѣе огромныя перемѣны внесло выступленіе Пруссіи во второй половинѣ XVIII в. и превращеніе ея въ Германію во второй половинѣ XIX в. Одновременное съ послѣднимъ событіемъ образованіе великой державы итальянской имѣло меньше значенія. Изъ прежнихъ великихъ державъ XVI—XVII вв. Испанія, Голландія и Швеція выбыли изъ политической системы великихъ державъ, вершащихъ политическія судьбы міра. Остались изъ прежнихъ—Австрія, Англія и Франція, присоединились Германія, Италія и Россія. Это измѣнило судьбы міра и тѣ силы, которыя руководятъ его исторіей. Именно такой же фактъ измѣненія политической системы великодержавнаго міра и ознаменовалъ собою истекающій 1904 годъ.

Трудно предвидѣть *политическое* значеніе этого новаго фактора, особенно осложняемое тѣмъ обстоятельствомъ, что именно

въ это же время великая сѣверо-американская республика, доселѣ не входившая въ великодержавную политическую систему, предъявляетъ свои права на мѣсто въ этой системѣ и на значеніе и вліяніе, соотвѣтствующія ея могуществу, богатству и культурности. Ей не приходится завоевывать признаніе этого права. Именно завоеваніе такого признанія Японіей и составляетъ главное и важнѣйшее содержаніе политической исторіи отчетнаго года. Только тогда, когда будетъ возстановленъ миръ, можно будетъ оцѣнить политическое значеніе совершившейся политической перемѣны. Только миръ увѣнчаетъ великодержавность Японіи и только мирное развитіе обнаружитъ прочность этой новой роли державы Восходящаго Солнца. Намъ кажется, что при справедливой и разумной политикѣ эта японская великодержавность угрожаетъ Россіи менѣе всего. Впрочемъ, это покажетъ будущее, но уже и теперь можно предвидѣть крупныя экономическія перемѣны, которыя должны явиться послѣдствіемъ японскихъ успѣховъ.

Укрѣпленіе капитализма въ Японіи должно сильно потѣснить капитализмъ другихъ странъ, и безъ того стѣсненный собственною эволюціей (естественное и неизбѣжное паденіе прибыли), рабочимъ движеніемъ и непомѣрными тягостями милитаризма, съ одной стороны, необходимаго капитализму для охраны и расширенія рынковъ, а съ другой стороны, пагубнаго для того же капиталистическаго строя своимъ экономическимъ гнетомъ, еще много понижающимъ прибыль. Кризисъ передовыхъ капиталистическихъ націй, уже достигшихъ экономическаго господства надъ другими странами, но вмѣстѣ съ тѣмъ достигшихъ и фазиса сильно пониженной прибыли, повышенной заработной платы, фиксированной длины рабочаго дня и огромныхъ вооруженій, долженъ подъ давленіемъ новаго могущественнаго конкуррента въ значительной степени возрасти, а весь процессъ самосъѣденія капитализма ускориться... Однако, что случилось бы, если бы одновременно съ этимъ экономически-отсталыя страны, или хотя бы нѣкоторая немалозначительная ихъ часть вышли изъ подъ экономическаго господства странъ капиталистическихъ? Довольно поставить этотъ вопросъ, чтобы почувствовать всю его огромную важность.

Сначала рѣчь можетъ идти единственно о Россіи и ея отклоненіи отъ общаго процесса съѣдѣнія народнаго хозяйства капиталистическимъ и слѣдующаго за симъ процесса самосъѣденія капитализма. Русская нація уже вступила на путь капиталистическаго развитія. Она уже сдѣлала не мало шаговъ по этому тягостному пути. Народному хозяйству нанесены жестокіе удары. Однако, еще огромное большинство населенія только терпитъ отъ этого пути, именно отъ процесса капитализаціи доходовъ, но само еще не вовлечено въ движеніе, такъ какъ процессъ капитализаціи промысловъ далеко отсталъ отъ капитализаціи доходовъ. На-

родное большинство еще не оторвано отъ земли. Оно еще ведетъ собственное хозяйство. Его еще не лишили гарантій общиннаго быта. У него еще сохранились подсобные кустарные промыслы. Капитализація этихъ промысловъ еще можетъ быть замѣнена ихъ собственной организаціей, ихъ обобществленіемъ артельнымъ, вмѣсто капиталистическаго. Община, подавленная суровыми условіями крестьянскаго быта послѣднихъ десятилѣтій, можетъ, наконецъ, получить возможность свободнаго развитія. Разумная государственная и земская помощь, финансовая и техническая, можетъ дать силы и средства для этого развитія. Земельное обезпеченіе земледѣльческаго населенія, теперь уже явно недостаточное, можетъ и должно быть увеличено до необходимой нормы. Наконецъ, обезпеченіе личности крестьянина и самостоятельность сельскаго самоуправленія должны открыть новые широкіе пути хозяйственнаго развитія. Къ тому же поведетъ и расширеніе образованія. Скромная программа семидесятыхъ годовъ теперь, когда зло покровительства капитализму уже принесло свои плоды, будетъ недостаточна, но лишь бы русская мысль и русское самосознаніе получили должный просторъ, всѣ недочеты будутъ исправлены, въ дѣло хозяйственнаго возрожденія и самостоятельнаго экономическаго прогресса русскаго народа будутъ вовлечены творческія силы націи и будутъ внесены всѣ должныя поправки. Необходимый просторъ для критической и творческой мысли русскаго общества, вмѣстѣ съ важными другими благами, выработаетъ широкую программу хозяйственной политики, государственной, земской и общинной, опирающуюся на принципы прогрессивной экономической школы и охватывающую всѣ области національнаго хозяйства, не только не капитализованныя, но и капитализованныя (напр., при помощи ихъ націонализаціи, муниципализаціи и т. п.). Невозможное недавно станетъ и возможнымъ, и должнымъ, и необходимымъ въ обновленной Россіи и глубоко отразится на всемірной исторіи.

Мы подошли теперь отъ внѣшнихъ русскихъ событій къ внутреннимъ, которыя въ такой же мѣрѣ составляютъ самый важный элементъ во всемірной исторіи 1904 года. Здѣсь не мѣсто излагать ходъ внутренной русской исторіи за 1904 годъ, но совершенно умѣстно отмѣтить всемірно историческое значеніе задуманнаго въ 1904 году обновленія Россіи. Мы еще не знаемъ ни степени, ни формы, ни скорости этого обновленія, но мы знаемъ, что оно во всякомъ случаѣ близко и что бюрократическая рутина и бюрократическое усмотрѣніе теряютъ свое всевластіе, а критика и національное творчество составятъ въ той или иной формѣ существенный элементъ въ національной исторіи. Когда это совершится, міръ измѣнитъ свою физіономію. Появятся другія политическія тяготѣнія, иная политическая группировка, быть можетъ, совершенно новая политическая система, основанная на

довѣрія и взаимности. Политическія перемѣны, какъ всегда болѣе зависимыя отъ обстоятельствъ мѣста и времени, болѣе детально предвидѣть невозможно. Экономическія послѣдствія яснѣе, потому что зависятъ отъ менѣе сложныхъ и потому легче предусматриваемыхъ факторовъ.

Обновленная Россія можетъ и должна, какъ мы выше указали, обновить и свое хозяйственное развитіе, направивъ его на путь обобществленія народнаго хозяйства, минуя фазисъ капитализма на что указывалъ Марксъ въ отвѣтномъ письмѣ къ Михайловскому и къ чему стремились всѣ вожди русскаго умственнаго движенія, Герценъ, Чернышевскій, Лавровъ, Михайловскій, Елисеевъ, Шелгуновъ и др., и самые выдающіеся русскіе экономисты, Чупровъ, Посниковъ, Карышевъ, Щербина, Никола—онъ, В. В. и др. Конечно, обновленная Россія найдетъ силы и средства выполнить эту великую проблему. Какое же это можетъ имѣть значеніе для нашихъ сосѣдей и вообще для другихъ націй, имѣющихъ съ нами торговыя сношенія и хозяйственное общеніе? Постепенно мы перестанемъ быть „рынкомъ" въ теперешнемъ смыслѣ экономической эксплуатаціи. Постепенно мы перестанемъ быть поприщемъ для затраты иноземныхъ капиталовъ, что теперь является самымъ распространеннымъ методомъ нашей эксплуатаціи иностраннымъ капитализмомъ. Постепенно перейдемъ къ вывозу обработанныхъ продуктовъ своей почвы, вмѣсто сырья (нашею долгою зимою воспользуются общинныя хозяйства для обработки сырья). Постепенно перейдемъ къ системѣ свободной торговли и начнемъ ввозить тѣ продукты, которыхъ сырье у себя не добываемъ и которыхъ производство у насъ поневолѣ должно быть дороже, чѣмъ на мѣстахъ добыванія сырья. Постепенно освободимся и отъ задолженности. Эти справедливыя международныя отношенія выгодны и намъ, и всѣмъ націямъ, съ которыми мы имѣемъ хозяйственное общеніе, но они ударъ для капитализма, у котораго окажутся потерянными и обширный рынокъ, и обширное мѣсто затраты свободныхъ капиталовъ, и очень выгодныя обширныя кредитныя операціи, эти три устоя капиталистическаго строя... Если же мы не забудемъ, что и другія отсталыя страны, отъ маленькой Сербіи до громаднаго Китая включительно, хранятъ въ своемъ хозяйственномъ строѣ черты, при которыхъ возможно хозяйственное развитіе въ обходъ капиталистическаго періода, и что русскій успѣхъ въ этомъ направленіи можетъ повлечь и ихъ выходъ на эту дорогу, то мы сознаемъ что обновленная Россія есть поистинѣ обновленный міръ.

Въ этомъ великомъ процессѣ обновленія Россіи замѣчаются, колебанія. Это неизбѣжно и унывать отъ этого не слѣдуетъ. Если бы не было колебаній, это было бы чудо, но кто же въ правѣ на это разсчитывать? Скажемъ словами нашего великаго поэта:

Я самъ не слишкомъ обольщаюсь,
Не ждалъ я и не жду чудесъ,
Но твердо за одно ручаюсь,
Что съ мели сдвинулъ насъ прогрессъ.

На этой мели мы долго сидѣли, а волны били и расшатывали нашъ корабль, пока съ востока не налетѣлъ грозный ураганъ, и оставаться на мели значило бы рисковать всѣмъ. Конечно, не одна только буря съ востока столкнула насъ съ мели. Въ такомъ случаѣ нашъ корабль былъ бы разбитъ. Его сняли съ мели дружныя усилія людей, преданныхъ родинѣ. Огромная культурная работа подготовляла эти дружныя усилія.

V.

Русско-японская война многое перемѣнила и многое остановила во всемъ мірѣ, но не все перемѣнила, конечно, и не все остановила, разумѣется. Событія международныя и національныя продолжали свое теченіе.

Изъ событій международнаго значенія прежде всего надо отмѣтить многочисленные трактаты о третейскомъ разбирательствѣ, заключенные между различными державами. Эти трактаты мало разнятся между собою и заключаютъ обязательство договаривающихся сторонъ споры, истекающіе отъ различнаго толкованія трактатовъ, передавать на разсмотрѣніе и рѣшеніе международнаго суда въ Гаагѣ или третейскому суду. Этимъ путемъ значительное число международныхъ столкновеній изъемлется изъ компетенціи того первобытнаго дикаго международнаго трибунала, который называется войною. Чтобы оцѣнить значеніе этихъ новыхъ трактатовъ, отмѣтившихъ собою 1904 годъ, приведемъ въ примѣръ столкновеніе между Россіей и Англіей изъ за пароходовъ добровольнаго флота „Смоленскъ" и „Петербургъ", прошедшихъ Дарданеллы подъ коммерческимъ флагомъ, а въ Красномъ морѣ преобразовавшихся въ военныхъ крейсеровъ. Столкновеніе было очень острое, и именно на почвѣ толкованія трактата, понимаемаго англичанами распространительно, а русскою дипломатіей ограничительно. Если бы между Англіей и Россіей былъ заключенъ трактатъ въ родѣ вышеупомянутыхъ, то остроты никакой не было бы, да и никакого столкновенія въ сущности, потому что разногласіе было бы передано обязательно международному суду. Нельзя поэтому не видѣть въ этихъ новыхъ трактатахъ существеннаго шага впередъ. Такіе трактаты заключены: Франціей съ Англіей, Италіей, Испаніей, Голландіей, Шведо-Норвегіей, Швейцаріей, Аргентиной и Соединенными Штатами; Англіей съ Франціей, съ Италіей, Шведо-Норвегіей и Соединенными Штатами; Германіей съ Соединенными Штатами; Аргентиной съ

Чили; Боливіей съ Чили. Проектированы подобные же трактаты между Англіей и Франціей, между Россіей и Соединенными Штатами, между Соединенными Штатами и Японіей; между Южно-Американскими республиками.

Франція взяла иниціативу въ этомъ движеніи къ организаціи мира. Она же взяла иниціативу въ другомъ движеніи того же значенія. Кромѣ столкновеній между державами, вслѣдствіе разногласія въ толкованіи трактатовъ, еще большія и крупнѣйшія столкновенія происходятъ, вслѣдствіе противорѣчія интересовъ. Въ настоящее время, при объединеніи экономическаго движенія всего міра, интересы всѣхъ великихъ націй переплетаются и сталкиваются по лицу всего земного шара. Всюду могутъ возникнуть поэтому опасныя осложненія. Для ихъ мирнаго улаженія, французская дипломатія выдвинула принципъ наибольшаго интереса въ качествѣ преимущественнаго права на признаніе, и принципъ компенсаціи для интересовъ, очищающихъ мѣсто наибольшему. На этихъ началахъ Франція вошла въ переговоры и достигла соглашенія съ Англіей, Италіей и Испаніей.

Третьей заботой мирнаго направленія международныхъ отношеній была локализація войны, вспыхнувшей на Дальнемъ Востокѣ. Соединенные Штаты и Франція много приложили усилій для этой цѣли. Нейтралитетъ Китая есть дѣло преимущественно Соединенныхъ Штатовъ, улаженіе англо русскаго конфликта по поводу гульскаго инцидента — дѣло Франціи, а эти два вопроса были въ 1904 году наиболѣе опасными въ смыслѣ вовлеченія въ войну другихъ крупныхъ факторовъ, кромѣ Россіи и Японіи.

Локализація войны достигнута. Предстоитъ другая проблемма, именно такъ окончить ее, чтобы миръ не былъ только перемиріемъ, а не создавалъ и иныхъ новыхъ опасностей. Эту проблемму 1904 годъ завѣщаетъ своему преемнику, наступающему изъ невѣдомаго будущаго 1905 году.

Національная исторія великихъ народовъ міра въ 1904 году не была богата событіями. Самое крупное было столкновеніе церкви и государства во Франціи, еще находящееся въ процессѣ совершенія. Значеніе его въ томъ, что наносится новый и серьезный ударъ одному изъ прежнихъ авторитетовъ прежней Франціи Феодальный авторитетъ давно поверженъ, но клерикальный гораздо живучѣе не въ одной Франціи. Его пораженіе во Франціи не можетъ не имѣть серьезнаго значенія и внѣ Франціи. Другимъ крупнымъ событіемъ были президентскіе выборы въ Соединенныхъ Штатахъ, укрѣпившіе господство плутократіи. Въ томъ же направленіи прошли и законодательные выборы въ Италіи. Въ Австріи и Венгріи острота національизма дошла до кризиса и едва ли можетъ идти еще дальше, но не видно и признаковъ, что правильный исходъ найденъ правящими классами. Въ Англіи и Германіи продолжалась старая и упорная борьба между феодально-

плутократическими правящими слоями и демократіей. На Балканскомъ полуостровѣ—прежняя безнадежная неурядица. На Пиринейскомъ — немногимъ лучше. На Скандинавскомъ — улажено острое столкновеніе между шведами и норвежцами съ полною надеждою на полное соглашеніе. Въ Южной Америкѣ нѣсколько кровавыхъ междоусобій, но острые международные конфликты между Чили и Боливіей, между Бразиліей и Перу устранены и улажены. Соединенные Штаты безъ войны отняли у Колумбіи Панамскій перешеекъ подъ видомъ основанія новой Панамской республики. Крупныя внутреннія событія подготовляются въ Китаѣ, но извѣстія очень неполны и сбивчивы, и только 1905 годъ ихъ повѣдаетъ міру.

Огромныя событія свершились въ 1904 году, но цѣпь этихъ огромныхъ событій только начата въ этомъ году. Огромнаго значенія эволюція выпадетъ на долю 1905 года и нашему отечеству предстоитъ крупная роль въ этой эволюціи. Она, эта роль, будетъ крупная во всякомъ случаѣ. Пожелаемъ, чтобы она была свѣтлая и благотворная, для себя и для всего міра, для нашихъ теперешнихъ противниковъ въ томъ числѣ.

С. Южаковъ.

Высшіе женскіе курсы.

С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы за 25 лѣтъ. Спб. 1903 г.

С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы—солидное, прочное и блестящее завоеваніе русскаго общества. Это гордость его. Всѣми признанное, важное большое дѣло, выросло, всецѣло благодаря частной инициативѣ.

Подробное и систематическое изложеніе исторіи курсовъ желающіе найдутъ въ „Историческомъ очеркѣ" А. Н. Анненской въ книгѣ, указанной въ подзаголовкѣ. Мы же бросимъ лишь бѣглый взглядъ на одну изъ самыхъ любопытныхъ характерныхъ страницъ въ исторіи борьбы за высшее образованіе женщинъ.

Началась она въ ту свѣтлую пору подъема общественной жизни, которой ознаменовался конецъ 50-хъ годовъ. С.-Петербургскій университетъ распахнулъ тогда свои двери для всѣхъ. Каждый, кто хотѣлъ пріобрѣсти тѣ или другія научныя познанія, въ томъ или другомъ размѣрѣ,—являлся туда невозбранно. Офицеръ, чиновникъ, священникъ — шли слушать профессора. Не было запрета и для женщинъ. Рѣшились придти двѣ сестры Корсини, потомъ стали ходить и другія. „Университетъ нашъ, все больше

и больше пріобрѣтаеть то значеніе въ обществѣ, которое по праву принадлежитъ ему"—такъ писали по этому поводу въ студенческомъ „Сборникѣ" 1860 г.

Однако, прочно установить за собой такое значеніе университету не удалось. Въ 1857 году лекціи въ немъ сдѣлали общедоступными, а въ 1861 г. его закрыли и для самихъ студентовъ. Въ прессѣ заговорили о необходимости открыть „вольный университетъ", это была иниціатива Костомарова. Идея его осуществилась; въ думской залѣ профессора начали чтеніе отдѣльныхъ систематическихъ курсовъ. Прошло два мѣсяца и „вольнаго университета" не стало. Закрыли и его. Женщины, продолжавшія здѣсь свои занятія, закончить ихъ не имѣли возможможности нигдѣ, уже потому, что потомъ, по новому уставу университета, онѣ допущены туда не были.

С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы открылись только въ 1878 г., т. е. ровно черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, какъ для женщинъ явилась возможность, впервые и такъ ненадолго, удовлетворять свою духовную жажду. Два десятка лѣтъ—громадное время. Куда оно ушло? Что дѣлали въ продолженіе его томимыя этой жаждой, что дѣлало русское общество для нихъ? Женщины метались съ просьбами, прошеніями, коллективными подписями, устраивали научныя пристанища для себя то тутъ, то тамъ; имъ запрещали, къ нимъ снисходили, потомъ снова сокращали, снова дозволяли и т. д. Въ этой борьбѣ наиболѣе стойкія изъ нихъ столпились въ одну организацію, -и имена тѣхъ, чьи силы соединились въ одну, стали популярными именами. А что же дѣлало за это время для высшаго образованія женщины русское общество? Оно вынашивало идею этого образованія.

Творецъ Заратустры писалъ, что ему нужно было семнадцать мѣсяцевъ, чтобы выносить это произведеніе, и онъ сравнивалъ себя съ самкой слона, которая вынашиваетъ своихъ дѣтей за такой же срокъ. Трудно сказать, съ кѣмъ должно сравнить себя русское общество, если для того, чтобы выносить женское высшее образованіе, ему понадобилось два десятка лѣтъ.

Несомнѣнно только, что для самого женскаго образованія этотъ подготовительный для рожденія періодъ—былъ временемъ очень капризнымъ и своеобразнымъ.

Достаточно вспомнить, что было въ 1870 г. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ просьбы энергичныхъ устроительницъ „разсматривались", печатаніе въ газетахъ объ организаціи высшаго учебнаго заведенія запрещалось, всякія собранія людей по этому поводу преслѣдовались, — имъ, наконецъ, даютъ разрѣшеніе испытать свои замыслы на дѣлѣ. Однако безъ сокращеній и тутъ не обошлось: просили о женскомъ учебномъ заведеніи,—дозволили общедоступное вообще, но никакъ не исключительно женское. Пусть это не будетъ учеб-

нымъ заведеніемъ, — пусть это будутъ публичныя лекціи. Ну, что жъ дѣлать: лекціи, такъ лекціи. Стали хлопотать, гдѣ бы ихъ устроить. И вдругъ — имъ самымъ любезнымъ образомъ предлагаютъ воспользоваться нѣсколькими комнатами въ зданіи... министерства внутреннихъ дѣлъ. И не какими-нибудь корридорчиками и закоулками, а помѣщеніемъ, отведеннымъ для квартиры министра народнаго просвѣщенія. Не правда ли странно: такъ долго неудачливые ходатаи по женскому дѣлу осуществляютъ его въ министерской квартирѣ, да еще въ зданіи того вѣдомства, которое своимъ отношеніемъ раньше никоимъ образомъ не давало поводовъ заподозрить себя въ склонности къ гостепріимству.

Но это еще не все. Курсы организовались, 20-го января было открытіе ихъ и потомъ начались лекціи. Профессора, зная, что лекціи являются публичными не по волѣ устроительницъ, сразу придаютъ каждый своему курсу характеръ научности и законченности. Плата за слушаніе и полугодовая, и попредметная, и полекціонная — и публика является самая разнохарактерная, приходятъ и любопытствующіе, и занимающіеся серьезно, но вскорѣ первые понемногу перестаютъ приходить. и дѣло слушанія пріобрѣтаетъ чисто серьезный характеръ.

Однимъ изъ лицъ, довольно часто посѣщавшихъ лекціи, является самъ министръ народнаго просвѣщенія. Онъ старается ничѣмъ не выдѣляться среди другихъ слушателей: какъ всѣ, онъ предъявляетъ при входѣ свой билетъ дежурной распорядительницѣ и потомъ скромно усаживается гдѣ нибудь сзади.

— У меня въ образованіи большой пробѣлъ, — сказалъ онъ одной изъ устроительницъ, возлѣ которой сидѣлъ, — я совсѣмъ не знаю анатоміи и физіологіи.

Кто же этотъ министръ народнаго просвѣщенія, этотъ Гарунъ аль-Рашидъ, такъ любовно и по-братски смѣшивающійся съ толпой своихъ подданныхъ? Это — самъ знаменитый графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой. Хорошо, что онъ объяснилъ самъ причины своихъ посѣщеній, а то можно было бы потеряться въ догадкахъ.

Какъ разъ передъ открытіемъ курсовъ тотъ же графъ Толстой заявилъ, что „публикаціи о пріемѣ пожертвованій въ пользу лекцій и о *подпискѣ* на нихъ *не могутъ быть разрѣшены* до тѣхъ поръ, пока не упрочится существованіе учрежденія и не обозначится его направленіе“.

Оба министерства — внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, единодушныя въ своемъ желаніи имѣть новые курсы публичныхъ лекцій поближе къ себѣ и такъ удачно совмѣстившіе свои гостепріимныя предложенія у Чернышева моста, оба они были единодушны и въ своихъ взглядахъ на печатныя объявленія о лекціяхъ. Когда въ томъ же 1870 г. кружокъ распорядительницъ обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ, А. Е. Тимашеву, съ просьбой разрѣшить имъ напечатать публикаціи, что въ ре-

дакціи одной изъ газетъ принимаются пожертвованія въ пользу лекцій и запись на нихъ, министръ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ. Можно себѣ представить, насколько трудно было существовать этимъ курсамъ, столь ревниво оберегаемымъ со всѣхъ сторонъ отъ гласности. Но тѣмъ не менѣе они существовали, не прекратились они и послѣ того, какъ черезъ годъ, въ началѣ 1871 г. гр. Толстой объявилъ, что помѣщеніе необходимо очистить къ 1 февралю, такъ какъ оно понадобилось министерству внутреннихъ дѣлъ для комитета по разбору польскихъ дѣлъ. Перешли въ гимназію историко-филологическую; оттуда черезъ годъ переселились на Владимірскую улицу въ зданіе уѣзднаго училища, еще черезъ годъ въ Васильеостровскую женскую гимназію. Такъ кочуя, курсы лекцій функціонировали $5^1/_2$ лѣтъ, съ января 1870 г. по конецъ 1875 г. Являлись средства, являлись научныя силы, и чтеніе лекцій не прерывалось. Жизнь дѣлу давала та несокрушимая энергія, та страсть творца къ своему созданію, которою были исполнены лица, стоявшія въ центрѣ организаціи лекцій; русское общество не забудетъ ихъ именъ, отъ нихъ же первыя: Е. И. Конради, М. В. Трубникова, Н. В. Стасова, А. П. Философова.

Впервые вопросъ о высшемъ образованіи женщинъ былъ возбужденъ Е. И. Конради, принадлежавшей къ литературному кружку Лаврова-Миртова. На съѣздѣ естествоиспытателей 2 января 1868 г. была прочитана проф. Фаминцынымъ представленная ею черезъ дѣлопроизводителя съѣзда проф. А. Н. Бекетова записка. Это первый писанный документъ исторіи движенія. Въ запискѣ отъ имени „кружка женщинъ“ Е. И. Конради выражала надежду, что въ университетскихъ городахъ „въ сословіи преподавателей нашлось бы достаточное количество людей, готовыхъ подѣлиться своими знаніями съ посторонней публикой, не принадлежащей къ корпораціи ихъ настоящихъ слушателей“. Комитетъ съѣзда отнесся къ запискѣ сочувственно, но отъ разсмотрѣнія дѣла по существу долженъ былъ уклониться, такъ какъ въ немъ не было педагогическаго отдѣла. Въ маѣ того же года на имя ректора университета было подано прошеніе „объ открытіи правильныхъ курсовъ для женщинъ по предметамъ историко-филологическихъ и естественныхъ наукъ... въ стѣнахъ университета, въ часы свободные отъ занятій студентовъ или въ другомъ зданіи, вмѣщающемъ тѣ же учебныя пособія, какъ-то: химическую лабораторію, физическій кабинетъ и проч.“ Прошеніе было подписано 400 женщинами. Совѣтъ профессоровъ согласился принять на себя устройство учебной части, заботы же о матеріальной сторонѣ дѣла и о помѣщеніи предоставилъ организаціи самихъ просительницъ. Теперь нужно было хлопотать о разрѣшеніи курсовъ и изыскать средства для содержанія ихъ, т. е. передать дѣло въ руки группы лицъ изъ среди подписавшихся. Всѣмъ 400 женщинамъ, давшимъ

свои подписи, были разосланы листы для записи своихъ депутатовъ. Такъ образовалось то *ядро*, изъ котораго впослѣдствіи выросло „общество для доставленія средствъ в. ж. к.“; это и были тѣ женщины, энергіи и преданности дѣлу которыхъ мы обязаны проведеніемъ въ жизнь идеи высшаго образованія для женщинъ. Къ нимъ нужно присоединить и А. Н. Бекетова, отдававшаго нарождающимся курсамъ много труда и времени, а по устройствѣ ихъ—и свои знанія. Прошеніе министру народнаго просвѣщенія подавали лично—Е. Н. Воронина, А. Н. Бекетовъ, Н. В. Стасова и А. П. Философова.

— Наконецъ-то, вы пріѣхали,—такими словами встрѣтилъ ихъ гр. Толстой,—я все слышу со всѣхъ сторонъ, что открывается женское учебное заведеніе, даже государь меня спросилъ какъ-то: „У тебя открывается женскій университетъ?“ А я ничего не знаю. Что вамъ угодно?.

Отвѣтъ просительницы получили въ декабрѣ. Въ немъ гр. Толстой высказался совершенно въ томъ же духѣ, какъ и въ личной бесѣдѣ при подачѣ прошенія: „Сочувствуя стремленію женщинъ получить высшее образованіе, я полагалъ бы въ настоящее время наиболѣе удобнымъ устроить для сего общія публичныя лекціи, т. е. совокупно для мужчинъ и женщинъ на основаніи существующихъ нынѣ о публичныхъ лекціяхъ постановленій, буде гг. профессора университета изъявятъ на это согласіе“. Отвѣтъ печальный. Изъ него было ясно, что министерство оказывать поддержку дѣлу высшаго образованія женщинъ не намѣрено.

Такъ образовались тѣ кочующія изъ дома въ домъ лекціи, усерднымъ слушателемъ которыхъ въ началѣ былъ самъ г. министръ. А средства на нихъ въ теченіе всѣхъ пяти лѣтъ добывала неутомимая коммиссія и путемъ сбора частныхъ пожертвованій, и путемъ концертовъ, и билетныхъ записей, ходившихъ по рукамъ; энергія ея съ первыхъ же шаговъ дала результаты такіе, на какіе разсчитывать было нельзя; этому помогло и большое количество слушателей. Въ общемъ явилась возможность оплачивать лекціи профессоровъ тѣмъ же гонораромъ, какъ оплачивали ихъ мужскія высшія учебныя заведенія.

Въ 1873 г. *) была учреждена коммиссія для составленія проекта устава высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній. Въ концѣ 1875 г. распорядительницы лекцій и профессора рѣшили пріостановить свое дѣло на время въ ожиданіи новаго проекта.

Результатомъ работы коммиссія явилось то, что въ 1876 году министерство предложило начальствамъ учебныхъ округовъ разрѣшать существованіе въ университетскихъ городахъ высшихъ курсовъ для женщинъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы: 1) курсы назы-

*) Еще до начала этой коммиссіи проф. Герье удалось получить разрѣшеніе на открытіе курсовъ въ Москвѣ.

вались высшими женскими курсами, учрежденными въ такомъ-то городѣ, такимъ-то лицомъ; 2) чтобы курсы состояли на общемъ со всѣми частными учебными заведеніями основаніи, подъ надлежащимъ наблюденіемъ начальства учебнаго округа, и 3) чтобы въ разрѣшеніи учебныхъ вопросовъ (въ томъ числѣ объ утвержденіи новаго устава или положенія о курсахъ, программъ и учебныхъ ихъ плановъ) и по оффиціальной перепискѣ они были подчинены учебно-окружному начальству наравнѣ съ другими частными учебными заведеніями. Окончившія эти курсы правъ никакихъ не получаютъ *).

Таковы тѣ основанія, на которыхъ были открыты въ 1878 г. с.-петербургскіе высшіе женскіе курсы, существующіе и понынѣ. Въ октябрѣ того же года былъ утвержденъ уставъ „общества для доставленія средствъ в. ж. к.". Это общество и до сихъ поръ является владѣльцемъ курсовъ, какъ частнаго учебнаго заведенія.

Исторія курсовъ за эти 25 лѣтъ распадается на два періода съ 1878 по 1886 г. и съ 1889 по сейчасъ. Три года между этими періодами курсы находились въ какомъ-то полузакрытомъ состояніи. Въ маѣ 1886 г. занятія шли своимъ обычнымъ порядкомъ, слушательницы сдавали экзамены, комитетъ общества готовилъ смѣту на будущій учебный годъ; вдругъ это спокойное теченіе жизни было нарушено однимъ маленькимъ обстоятельствомъ: какая-то изъ слушательницъ случайно 8-го мая прочла маленькую замѣтку въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" и разсказала объ ней на курсахъ. Замѣтка эта была слѣдующаго содержанія: „Въ виду производящагося въ особой коммиссіи, учрежденной при министерствѣ народнаго просвѣщенія, разсмотрѣнія вопроса о высшемъ образованіи, министерство народнаго просвѣщенія признало нужнымъ сдѣлать распоряженіе о прекращеніи нынѣ же пріема слушательницъ на существующіе женскіе курсы вѣдомства означеннаго министерства" **). Просто, ясно и... какъ снѣгъ на голову. Ни завѣдующій курсами, ни комитетъ, ни педагогическій совѣтъ не только не получали какого-либо оффиціальнаго извѣщенія на этотъ счетъ, но даже и не подозрѣвали, что подобная „мѣра" готовится. Завѣдующій курсами А. Н. Бекетовъ на другой же день отправился къ министру народнаго просвѣщенія — графу Делянову и тотъ увѣрилъ его, что курсы не будутъ закрыты совсѣмъ, а получатъ иную организацію.

Въ 1889 г. пріемъ на курсы былъ возобновленъ. Но и тутъ опять понадобилось подавать записки, просьбы, прошенія, и комитетъ, вдохновляясь примѣромъ славныхъ защитницъ женскаго образованія въ 60 и 70-хъ гг. проявилъ не менѣе героическую

*) Въ этомъ же году открылись курсы въ Казани, а въ 1878 г. въ Кіевѣ.

**) Прекращеніе пріема слушательницъ для провинціальныхъ курсовъ сыграло роль закрытія. Закрыты они не были, но пріемъ былъ прекращенъ, и курсы перестали функціонировать.

энергію. Главной дѣятельницей въ эту новую полосу испытаній была Е. І. Лихачева, авторъ извѣстнаго труда „Матеріалы къ исторіи женскаго образованія въ Россіи". По ея иниціативѣ и по ея проекту была составлена обстоятельная „записка" о высшихъ курсахъ и передана въ коммиссію, занятую пересмотромъ высшаго женскаго образованія. На „записку" эту отвѣта не послѣдовало никакого. Затѣмъ комитетъ совмѣстно съ педагогическимъ совѣтомъ предпринялъ ходатайство передъ министромъ народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи пріема новыхъ слушательницъ. Но ходатайство это не привело ни къ какимъ результатамъ. Наступилъ конецъ 1888 года, лекціи слушалъ только одинъ уже курсъ, кончавшій въ этомъ учебномъ году. Положеніе становилось критическимъ. Снова комитетъ обращается съ ходатайствомъ, педагогическій совѣтъ отдѣльно съ прошеніемъ къ министру народнаго просвѣщенія. Наступилъ и 1889 г., а отвѣта на прошеніе не было. Тогда комитетъ подаетъ прошеніе на высочайшее имя. И только послѣ этого получилось разрѣшеніе на пріемъ новыхъ слушательницъ. Сами курсы съ 1889 г. получили новую организацію; измѣненія главнымъ образомъ касались дѣла завѣдыванія курсами, а также отчасти и программы, въ результатѣ этихъ измѣненій курсы приняли характеръ двухъ полныхъ факультетовъ: историко-филологическаго и физико-математическаго.

Закрытіе пріема слушательницъ на шесть лѣтъ нарушило нормальное теченіе жизни курсовъ, ибо съ 1886/87 и по 1891/92 г. не было полнаго комплекта курсовъ, два года не доставало трехъ курсовъ, два — двухъ, и два — одного курса. Поводомъ къ прекращенію пріема послужило учрежденіе такъ называемой коммиссіи кн. Волконскаго, а поводомъ къ образованію ея явилась „записка" баронессы Каденъ. Имя ея надо поставить въ ряду именъ ея сотрудниковъ: Трепова, кн. Мещерскаго, Цитовича, Дрентельна, X. Y Z. (въ „Голосѣ"), еще разъ кн. Мещерскаго. Вотъ тѣ люди, которые своей разрушительной работой старались смести съ лица земли русской просвѣщеніе женщинъ. Доносы на курсы начались очень скоро послѣ открытія еще тѣхъ курсовъ, которые назывались публичными лекціями. Начало имъ положилъ петербургскій оберъ-полиціймейстеръ Треповъ. Въ 1871 г. имъ была представлена министру внутреннихъ дѣлъ записка о ненужности и вредности курсовъ. „Государственное и уголовное право читаютъ два молодыхъ профессора Градовскій и Таганцевъ, повидимому, изъ моды... Они проповѣдуютъ вредныя истины, Градовскій—о государственной власти и формѣ правленія"...—говорилось тамъ, между прочимъ. „Главныя руководительницы и подстрекательницы" тамъ были названы по именамъ, и въ числѣ ихъ Треповъ не постѣснился упомянуть и такихъ лицъ, которыя не только не принимали никакого участія въ курсахъ, но даже ни разу и не были въ помѣщеніи ихъ. „Отсюда, — писалъ онъ, — политиче-

ское направленіе можетъ распространяться неудержимо и здѣсь имѣетъ всѣ способы созрѣвать во взаимныхъ бесѣдахъ".

Особое совѣщаніе изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, шефа жандармовъ и с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера, назначенное для разсмотрѣнія дѣла, — съ мнѣніемъ генерала Трепова не согласилось. И это не единственный случай, когда правительственнымъ сферамъ приходилось давать острастку черезчуръ усерднымъ ревнителямъ по части доноса. Попечитель учебнаго округа въ Кіевѣ долженъ былъ оффиціальной бумагой на имя министра народнаго просвѣщенія защищать слушательницъ кіевскихъ курсовъ отъ гнусныхъ обвиненій господъ ревнителей. То же сдѣлалъ попечитель казанскаго округа Масленниковъ во время коммиссіи кн. Волконскаго. Защищалъ курсы, наконецъ, и самъ гр. Толстой, когда въ 1879 г. государь вызвалъ его на объясненіе по поводу доносовъ Цатовича и Дрентельна.

Общественное мнѣніе было противъ курсовъ, благодаря широкому распространенію темныхъ слуховъ, порожденныхъ этими инсинуаціями. Насколько основательны были эти обвиненія и насколько легко было въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ возстановить истину—мы видимъ на одномъ изъ типичнѣйшихъ примѣровъ обвиненія, разобраннаго И. Т. Осининымъ.

„По поводу педагогическыхъ курсовъ, существующихъ въ Петербургѣ подъ вѣдомствомъ IV отдѣленія, предсѣдатель ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія А. И. Георгіевскій высказался, что они должны быть закрыты, такъ какъ внушаютъ ученицамъ антихристіанскій образъ мыслей: А. И. Георгіевскій убѣдился въ этомъ, два раза посѣтивъ курсы и прочитавъ сочиненіе одной изъ ученицъ на тему „Натанъ Мудрый" Лессинга. И. Т. Осининъ горячо протестовалъ противъ такого обвиненія учебнаго заведенія, находящагося подъ его начальствомъ, и, между прочимъ, указалъ, что инкриминированныя г. Георгіевскимъ мѣста въ сочиненіи ученицы представляютъ просто переводъ извѣстнаго сочиненія о Лессингѣ Куно Фишера и выписки изъ книги, которыми ученица пользовалась съ вѣдома преподавателя".

Но темные слухи не достигли своей конечной цѣли. Изъ того же общества, среди котораго они усердно распространялись, раздавались голоса негодованія противъ нихъ; изъ того же общества на курсахъ, въ періодъ закрытія ихъ, получались тревожные запросы и письма о положеніи дѣлъ. Одинъ изъ такихъ запросовъ—трогательное письмо симферопольцевъ за 24 подписями—приводится въ „Историческомъ очеркѣ". Отъ того же общества со всѣхъ концовъ земли русской и даже изъ мѣстъ за предѣлами ея стекались пожертвованія на высшіе курсы еще до ихъ реорганизаціи. Здѣсь нѣтъ возможности перечислить имена всѣхъ крупныхъ и мелкихъ вкладчиковъ въ дѣло матеріальной поддержки курсовъ. Открылись

курсы въ 1878 г. на Гороховой, въ зданіи Александровской женской гимназіи, потомъ помѣщались въ квартирѣ, снятой въ домѣ Боткиной на Сергіевской, а въ 1885 г. они перешли уже въ собственный домъ на Васильевскій островъ; и „общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ“, начавшее ихъ въ 1878 г. съ капиталомъ въ 222 р. 25 к. (остатокъ отъ владимірскихъ курсовъ), въ настоящее время имѣетъ: 88,600 р. въ капиталѣ, 190,000 р. въ движимомъ имуществѣ курсовъ, 16,000 р. въ движимомъ имуществѣ интерната и 710,500 р. въ домахъ общества. Такъ возросъ капиталъ курсовъ за 25 лѣтъ. Онъ росъ, какъ растетъ все, что должно жить, какъ растетъ все крупное, имѣющее корни, дающее нужные для жизни плоды. Онъ возросталъ вопреки всѣмъ препятствіямъ, которыми обставлялъ дѣятельность комитета гр. Толстой. Направляя удары на „Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ“, можно было навѣрняка разсчитывать на естественную смерть курсовъ, безъ толковъ и безъ скандаловъ, и это было тѣмъ болѣе заманчиво, что такой конецъ далъ бы лишнее оружіе въ руки противниковъ высшаго женскаго образованія и притомъ очень солидное оружіе факта, указывающаго на мертворожденность затѣяннаго дѣла. Вынужденный на „попустительство“, облеченный свыше правомъ на открытіе курсовъ, графъ невольно долженъ былъ считать себя въ нѣкоторомъ родѣ виновникомъ ихъ существованія и даже выхлопоталъ имъ стипендію въ три тысячи рублей. „У него“ и все должно имѣть видъ благополучнаго процвѣтанія. Когда ревнители доноса завопили о разсадникѣ нигилизма, онъ долженъ былъ отвѣтить: „все спокойно“, и взять на себя защиту курсовъ. Но соблюдая всѣ аппарансы, онъ не оставлялъ мысли о возможности безшумной естественной смерти для курсовъ, стоило только... немножко помочь этой возможности. Источникомъ матеріальныхъ средствъ курсовъ были, во-первыхъ, и главнымъ образомъ, пожертвованія и, во-вторыхъ, плата за право слушанія. Вотъ на эти-то два источника и нужно было обратить воздѣйствіе магическаго способа пресѣченій и сокращеній. Мы видѣли, какъ поставилъ это дѣло гр. Толстой еще въ самомъ началѣ курсовъ-лекцій.

Но ограничиться этимъ впослѣдствіи оказалось мало. Когда комитетъ общества обратился за помощью къ земствамъ, онъ встрѣтилъ дружный сочувственный откликъ; 82 земства постановили ассигновать опредѣленную сумму въ пособіе курсамъ. Но придти на помощь имъ не удалось: постановленія собраній въ семи губерніяхъ были опротестованы губернаторами. Это было въ 1883—1884 гг. Когда комитетъ общества задумалъ постройку собственнаго дома для курсовъ, онъ рѣшилъ открыть черезъ посредство газетъ подписку для этого дѣла, но гр. Толстой не разрѣшилъ подписки. Мало того, въ концѣ 1884 г. имъ были разосланы циркуляры губернскимъ начальствамъ, воспрещавшіе по

жертвованія земствъ на высшіе женскіе курсы. Графъ Толстой тогда былъ уже не министромъ народнаго просвѣщенія, а министромъ внутреннихъ дѣлъ; отвѣчать за попустительства, къ которымъ онъ былъ вынужденъ на прежнемъ посту, ему было уже не зачѣмъ. Вотъ тѣ „психологическіе“ мотивы, которыми вполнѣ объясняется кажущееся превращеніе скромнаго слушателя съ „пробѣлами“ во врага открытаго и активнаго.

Воздѣйствіе на другой путь притока средствъ—на комплектъ слушательницъ слагается изъ столькихъ подробностей, что вдаваться въ нихъ нѣтъ возможности въ замѣткѣ, равно какъ и разсказывать эпопею постоянныхъ вмѣшательствъ въ хозяйственныя дѣла курсовъ. Все это уже отошло болѣе или менѣе въ область исторіи. Однако, нельзя не указать на одинъ фактъ изъ этой эпопеи. Въ 1890 г. землевладѣлецъ Таврической губерніи С. Б. Тумановъ оставилъ по духовному завѣщанію въ пользу высшихъ женскихъ курсовъ 3,000 р. Душеприказчики его, не зная, какія именно высшіе женскія курсы существуютъ въ данное время въ Россіи, переслали эту сумму въ министерство народнаго просвѣщенія для передачи по принадлежности. Министерство не сочло нужнымъ препроводить эти деньги казначею „общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ“, а зачислило ихъ въ депозитъ VI отдѣленія спеціальныхъ средствъ министерства, подъ рубрикой: „капиталъ, завѣщанный дворяниномъ Сергѣемъ Тумановымъ въ пользу высшихъ женскихъ курсовъ, для употребленія процентовъ на содержаніе с.-петербургскихъ женскихъ курсовъ“. Это было въ періодъ очень интенсивнаго вмѣшательства въ хозяйственныя дѣла курсовъ, и сколько ни хлопоталъ потомъ комитетъ, этихъ денегъ такъ и не выдали.

Не смотря на всѣ эти затрудненія, средства не оскудѣвали. За время существованія курсовъ на нихъ истрачено болѣе трехъ милліоновъ, и теперь курсы имѣютъ, какъ мы видѣли, теперь болѣе милліона капитала. Это сдѣлало то самое русское общество, на которое такъ ошибочно возлагалъ свои надежды кн. Мещерскій.

Теперь это уже не то русское общество, которому понадобилось нѣкогда два десятка лѣтъ, чтобы выносить идею высшаго образованія женщины. Историческая обстановка существенно измѣнилась. И мы вправѣ надѣяться, что трудное время пережито и что затормозить дѣло высшаго женскаго образованія теперь не въ силахъ уже никакіе министры.

А. Лучинская.

Елена Іосифовна Лихачева.

Четвертаго декабря скончалась Е. I. Лихачева, бывшая сотрудница „Отечественныхъ Записокъ“, авторъ труда „Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи“ и извѣстная дѣятельница на поприщѣ культурной жизни нашей страны.

Имя Е. I. Лихачевой обыкновенно связываютъ съ такъ называемымъ женскимъ вопросомъ. Это отчасти справедливо, но не совсѣмъ. Елена Іосифовна никогда не была тѣмъ, что теперь принято опредѣлять словомъ „феминистка“; она говорила, что „всѣ человѣческіе вопросы такъ тѣсно связаны между собою, что выдѣлять изъ нихъ женскій вопросъ невозможно“, и всегда исходила только изъ вѣчныхъ началъ права и справедливости.

Е. I. Лихачева родилась въ 1836 году и воспитывалась въ Смольномъ институтѣ. Богато одаренная отъ природы и подъ вліяніемъ своего просвѣщеннаго отца, она очень рано увидала, какъ мало она знала, какъ плохо ее учили. И она стала сама работать надъ своимъ образованіемъ, много читала, много училась, неустанно добиваясь знаній. Замужество и материнство не прервали ея занятій, она „по тетрадямъ своего мужа“ изучила итальянскій языкъ и стала работать по итальянскому отдѣлу въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ Корша.

Яркая заря освобожденія, занявшаяся послѣ севастопольскаго погрома, уже застала Елену Іосифовну готовымъ разумнымъ существомъ и освѣтила ей тотъ путь, по которому она должна была пойти. Шестидесятые года, когда такъ смѣло и властно заявили себя лучшія стремленія общества: стремленія къ равенству, справедливости и свободѣ, выдвинули и женскій вопросъ; но онъ явился не изъ состраданія къ женщинѣ, а изъ общихъ соціальныхъ задачъ. Е. I. такъ и поняла это и стала горячо и непреклонно работать по исторіи современнаго женскаго движенія въ Россіи и Европѣ, въ связи съ остальными вопросами освободительной эпохи. И тутъ—какъ и на собственномъ примѣрѣ—она скоро увидала, какъ безсильна женщина въ своемъ невѣжествѣ, какъ плохое образованіе дѣлаютъ изъ нея безмолвную рабу. Съ первыхъ же шаговъ своей литературной дѣятельности Е. I. заявляетъ, что единственный путь для разрѣшенія женскаго вопроса—образованіе, только оно—образованіе, знаніе—ведетъ къ пониманію, а пониманіе обязываетъ дѣйствовать, и изъ безполезнаго нароста на общественномъ организмѣ дѣлаетъ человѣка—человѣкомъ.

Это убѣжденіе опредѣлило всю дѣятельность Е. I, и въ концѣ концовъ она вся сосредоточилась на вопросѣ женскаго образо-

ванія, которое должно быть уравнено съ мужскимъ. Но если и теперь, въ XX-мъ столѣтіи, далеко еще не всѣ увѣрены: нужно ли давать дѣвушкамъ высшее образованіе, то что же было тогда, когда начала работать Е. І., т. е. болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ? И она должна была потратить не мало силъ и труда, доказывая, что поднятіе умственнаго уровня женщины важно не столько по отношенію къ самой женщинѣ, сколько по отношенію къ общему неустройству человѣчества. Если женскій вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ помимо общихъ соціальныхъ задачъ, то и общіе вопросы находятся въ полной зависимости отъ положенія женщины въ странѣ. И Е. І. требовала для женщины не состраданія, а справедливости, не снисхожденія, а законныхъ человѣческихъ правъ.

Въ этомъ смыслѣ она напечатала рядъ статей въ „Отечественныхъ Запискахъ", давшихъ ей громкое имя, какъ защитницы женскихъ правъ. Она постоянно проводила параллель между женскимъ движеніемъ у насъ и за границей, слѣдила за всѣми проявленіями этого движенія и пользовалась ими для проведенія въ русскую жизнь и русское сознаніе своихъ идей. Она горячо привѣтствовала девизъ передовыхъ американокъ: „равенство передъ закономъ всѣхъ, безъ различія пола и цвѣта", она энергично протестовала противъ позитивистовъ, когда они выступили *) противъ уравненія образованія женщинъ и мужчинъ и доказывали, что женщина стоитъ ниже мужчины въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, а поэтому должна занимать второе мѣсто, какъ въ семьѣ, такъ и въ обществѣ. Е. І. Лихачева востала противъ этого. Въ своей статьѣ „Воспитаніе женщинъ съ точки зрѣнія положительной философіи" **) она спокойно, но убѣжденно доказываетъ, что только полное равенство въ воспитаніи и образованіи создастъ полную равноправность всѣхъ передъ закономъ и принесетъ благо личности, семьѣ, обществу.

Въ сущности, въ этой статьѣ формулированъ весь символъ вѣры Е. І. относительно женскаго вопроса. На основаніи научныхъ данныхъ и историческихъ указаній, она доказываетъ, что физическая организація женщины не можетъ препятствовать ей занять по знаніямъ одинаковое мѣсто съ мужчиной; она говоритъ, что если бы могли указать „страну, гдѣ женщины получаютъ или получали одинаковое съ мужчинами образованіе, гдѣ онѣ пользуются равными съ ними правами и несутъ одинакія съ ними обязанности,—однимъ словомъ, гдѣ онѣ поставлены въ общечеловѣческія условія,—если бы и при такихъ условіяхъ

*) De l'éducation des femmes. *Louis André.* Quelques mots á propos d'un discours de M. Mill sur l'instruction moderne. *G. Wyrouboff.* Principes d'éducation positive. *E. Bourdet.*

**) „Отеч. Зап.", 1870. Кн. 10.

женщины оставались бы такими же, каковы онѣ теперь, тогда можно было бы утверждать, что сама женская природа носитъ въ себѣ неизмѣнныя особенности...“ Но пока такой страны нѣтъ — необходимо допустить полное равенство въ образованіи, въ правахъ и обязанностяхъ, и тогда можно будетъ дѣлать выводы. И Е. І. неуклонно вѣритъ, что эти выводы будутъ не только въ пользу полнаго равенства половъ, но и что „возвышеніе умственнаго уровня женщинъ будетъ содѣйствовать повышенію этого уровня и въ цѣломъ обществѣ, приготовляя поколѣнія все болѣе и болѣе способныя къ разрѣшенію общественныхъ задачъ и двигающія человѣчество впередъ“.

Теперь такія рѣчи могутъ казаться трюизмами, но напомнимъ опять, что Е. І. родилась, выросла и начала жить, „когда кругомъ насилье ликовало“, когда были „къ свободѣ ей (женщинѣ) заказаны пути; позорный плѣнъ, весь ужасъ женской доли, ей для борьбы оставилъ мало силъ“... *) И въ свое время ея статьи были и новы, и смѣлы, и должны были оставить громадный слѣдъ въ русскомъ общественномъ самосознаніи. Е. І. ненавидѣла равнодушіе и предразсудки, этихъ враговъ всего свѣтлаго и свободнаго, и энергично боролась съ ними. Она понимала „какое громадное значеніе имѣетъ то, что разъ уже перешло въ сознаніе общества“, и знала, какъ „важно тѣмъ или другимъ путемъ убѣдить возможно большее число людей въ несправедливости извѣстныхъ отношеній; разъ достигнувъ этого, законы уступятъ общественному требованію“ **). Она вѣрила въ силу печати и поэтому постоянно печатала о томъ, что ей хотѣлось перевести въ сознаніе общества. Но она говорила: „извѣстная вещь, что, по большей части, никакія брошюры, никакія сочиненія по различнымъ вопросамъ не читаются именно тѣми, кого они должны убѣждать. Путемъ митинговъ и ассоціацій всего скорѣе можно разрушить главныя препятствія всякаго дѣла“...***) И она горячо привѣтствовала воззванія женщинъ для протеста противъ франко-прусской войны. Въ своей статьѣ „Женщины въ современной войнѣ“ („От. Зап.“ 1871. Кн. 2) Е. І. сказала, что обязанность женщины во время войны „поддерживать утраченныя въ пылу разнуздавшихся страстей общечеловѣческія чувства“. Привилегія женщинъ („единственная“, какъ отмѣтила Е. І.) въ томъ, что онѣ не обязаны принимать участіе во взаимной рѣзнѣ, „даетъ имъ возможность, не справляясь о національности страдающихъ, изувѣченныхъ войною людей, видѣть въ нихъ прежде всего человѣка, нуждающагося въ помощи, оказывать ему эту

*) *Н. Некрасовъ. Мать.* Отрывки изъ поэмы. Посвящ. Е. І. Лихачевой.
**) От. Зап. 1870 г. Кн. 4. Стр. 230.
***) Ibid. Стр. 237.

помощь и такимъ образомъ, хоть сколько-нибудь исправлять страшное зло, причиненное войной".

Во время франко-прусской войны, „женщины—гласила Е. I.—поняли совершенно правильно лежащія на нихъ обязанности; прямо заинтересованныя стороны и нейтральныя заявили протесты противъ войны, а когда она началась, то во всѣхъ почти странахъ появились воззванія, приглашавшія женщинъ устраивать общества для ухода за ранеными безъ различія національности". Мужчины, особенно въ Германіи, страшно возмутились противъ этого; нѣмецкія газеты подняли шумъ, что германскія женщины не дѣлаютъ различія между французскими плѣнными и нѣмецкими побѣдителями, женщинъ обвиняли въ оскорбленіи достоинствъ націи и достигли того, что многія „изъ гуманныхъ существъ превратились въ ярыхъ нетерпимыхъ патріотокъ". Но мысль осталась жива и нашла себѣ многихъ поборницъ. „Если женщины счастливѣе мужчинъ тѣмъ, что не ходятъ въ сраженіе, такъ заканчиваетъ Е. I. свою статью, и не несутъ на себѣ отвѣтственности за войну, то онѣ своею тяжелою, добровольно принятою на себя обязанностью ухаживать за ранеными, искупаютъ эту привилегію".

Какъ только началась русско-турецкая война, Е. I. поѣхала въ Сербію. Кто зналъ Е. I., тотъ пойметъ, что сдѣлала она это не по увлеченію, охватившему тогда нѣкоторую часть русскаго общества, а по убѣжденію, и по необходимости сочетать это убѣжденіе съ дѣломъ—что было отличительной чертой Е. I. Она „добровольно принятой на себя обязанностью" искупала привилегію не принимать участія въ рѣзнѣ: она ухаживала за ранеными и больными, организовала помощь мѣстному населенію Сербіи, разоренному и измученному войною, и все время писала горячія статьи съ мѣста военныхъ дѣйствій. По возвращеніи въ Петербургъ Е. I. опять вся отдалась вопросу о женскомъ воспитаніи и образованіи. Она принимала живое участіе въ созданіи образцовой женской гимназіи, работала въ просвѣтительномъ направленіи въ одномъ изъ первыхъ женскихъ обществъ, возникшемъ въ 60-хъ годахъ, въ „Обществѣ воспитательницъ и учительницъ" и, наконецъ, въ 80-мъ году вступила въ составъ Комитета Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ. Почти одновременно съ этимъ она начала работать надъ „Матеріалами для исторіи женскаго образованія въ Россіи". Въ этомъ, т. е. на практической работѣ на пользу высшаго женскаго учебнаго заведенія и на теоретическомъ изученіи всей исторіи женскаго просвѣщенія, Е. I. сосредоточила всѣ свои силы въ послѣдніе годы своей жизни.

Въ теченіе пятнадцати лѣтъ она неустанно работала въ архивахъ, собирая матеріалы, и у себя въ кабинетѣ, приводя эти матеріалы въ стройную систему. Результатомъ этого явились че-

тыре тома ея труда, скромно озаглавленнаго „Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи“ и обнимающаго періодъ отъ 1886—1880 г.

Этотъ трудъ получилъ себѣ оцѣнку академіи наукъ въ присужденіи Е. І. почетнаго отзыва, а по выходѣ послѣдняго тома—Уваровской награды. Академикъ С. Ф. Ольденбургъ, взявшій на себя, по порученію академіи, разборъ этого труда, пишетъ:

„Оцѣнка труда г-жи Лихачевой въ значительной мѣрѣ уже произведена жизнью; какую бы статью или книгу, относящуюся къ женскому образованію, мы ни взяли, вездѣ въ настоящее время изслѣдованіе г-жи Лихачевой является главнымъ источникомъ, и ничего соотвѣтствующаго ея книгѣ мы не имѣемъ по всѣмъ остальнымъ сторонамъ нашего воспитанія и образованія“.

Дѣятельность Е. І. въ комитетѣ высшихъ женскихъ курсовъ, гдѣ она работала больше двадцати лѣтъ, глубоко убѣжденная въ громадномъ значеніи своего дѣла, вся проникнута строгой принципіальностью и непреклоннымъ стремленіемъ все къ одной и той же цѣли.

Горячая поборница высшаго образованія для женщинъ, она работала на высшихъ женскихъ курсахъ, и тутъ была вѣрна своимъ взглядамъ и только мирилась съ отдѣльнымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ для женщинъ, но не примирялась съ недопущеніемъ женщинъ въ университетъ, и однимъ изъ послѣднихъ ея дѣяній въ комитетѣ высшихъ курсовъ была подача прошенія на имя ректора спб. университета, во время работы коммиссіи по пересмотру университетскаго устава, „о допущеніи женщинъ въ русскіе университеты“.

Болѣе двадцати лѣтъ работала Е. І. въ составѣ комитета курсовъ. Сознавая всю важность и необходимость хорошей библіотеки для учебнаго заведенія, она прежде всего устраиваетъ такую библіотеку и одиннадцать лѣтъ остается завѣдующей ею. На ряду съ этимъ она принимаетъ самое живое участіе во всѣхъ дѣлахъ комитета, и въ 1889 году избирается его предсѣдательницей. Въ это время курсамъ пришлось пережить тяжелый четырехлѣтній перерывъ въ пріемѣ слушательницъ. Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Е. І., все время энергично отстаивалъ существованіе курсовъ, пока не достигъ желанныхъ результатовъ. Когда курсы были открыты вновь, комитету пришлось много и бодро работать, и Е. І. отдала не мало своихъ силъ и энергіи на ихъ возрожденіе, внося въ это дѣло свое широкое міровоззрѣніе, дѣятельную любовь и непреклонную преданность высокимъ задачамъ курсовъ.

Годъ тому назадъ болѣзнь лишила Е. І. возможности принимать активное участіе въ дѣлахъ общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ, и она вышла изъ состава комитета. Но она постоянно интересовалась ходомъ дѣлъ въ

немъ. Особенно волновала ее новая задача комитета—основаніе юридическаго отдѣленія на курсахъ, что еще болѣе должно приблизить ихъ къ типу университета.

Вообще Е. І. до самыхъ послѣднихъ дней существованія осталась вѣрна всему, что интересовало ее въ жизни. Она не только не отказалась ни отъ одного изъ своихъ взглядовъ, но трогательно была вѣрна имъ до конца жизни. И настоящая война находила въ ней такую же горячую и непоколебимую противницу, какъ и тридцать лѣтъ тому назадъ, и также она чувствовала свою—нашу—вину за нее и не признавала оправданій. Вообще она не гнулась и не „складывалась“; мягкость и всепрощеніе были чужды ей; въ ней была та нетерпимость, упорство и стойкость, которыя дѣлаютъ изъ человѣка принципіальнаго дѣятеля и надежнаго друга. Въ ней не было сентиментальности, но была настоящая доброта; ее трогали не слезы, а безмолвныя страданія; она тратила силы не на помощь бѣднякамъ, а на борьбу во имя поднятія уровня общественнаго и политическаго существованія. И рядомъ съ нею — всѣ свои маленькія печали и большія горя казались мелкими и ничтожными, и чувствовалось, что есть задачи шире и выше, которымъ слѣдуетъ отдавать и свои мысли, и свои силы.

Е. І. умерла отъ кровоизліянія въ мозгу, случившагося 30 ноября. Весь этотъ день она была, какъ всегда, ясна умомъ, бодра духомъ и очень оживленна, можетъ быть болѣе оживленна, чѣмъ обыкновенно. Она говорила о войнѣ не съ усталымъ равнодушіемъ, а съ кипучимъ негодованіемъ, восхищалась одной статьей по поводу войны... Но мы всѣ такъ привыкли видѣть и знать Е. І. именно такою чуткою и отзывчивою, что никому изъ насъ и въ голову не пришло, что это уже послѣдніе лучи того свѣта, который дѣлаетъ человѣка человѣкомъ. Одна секунда, какой-то толчекъ въ мозгъ—и свѣтъ потухъ; и Е. І. не стало...

Ек. Лѣткова.

А. Н. Пыпинъ.

Предъ лицомъ обширнаго литературнаго наслѣдія покойнаго Александра Николаевича Пыпина, ушедшаго отъ насъ въ столь преклонномъ возрастѣ, многіе, быть можетъ, скажутъ, что онъ уже сдѣлалъ все, что могъ, что онъ ушелъ во время. Едва ли согласится съ этимъ всякій, кто видѣлъ въ покойномъ А. Н. Пыпинѣ не только ученаго изслѣдователя русской литературы. Онъ умеръ, конечно,

достаточно поздно, чтобы умереть съ сознаніемъ исполненнаго долга; и все же, онъ ушелъ отъ насъ слишкомъ рано, чтобы мы могли съ этимъ примириться. Жизнь дѣлаетъ свое: и въ научной литературѣ, и въ общественномъ движеніи сдвинется надъ усопшимъ волна, и коллективное творчество не утеряетъ ни одного изъ тѣхъ цѣнныхъ результатовъ, которые могли быть еще добыты созидающимъ трудомъ покойнаго. Но это не устраняетъ той печальной мысли, что смерть его оставляетъ пока незаполненный пробѣлъ въ нашихъ духовныхъ стремленіяхъ. Ушелъ не досточтимый памятникъ прошлаго, ушла живая сила, съ отсутствіемъ которой надо считаться.

Нѣтъ нужды распространяться о результатахъ научной дѣятельности покойнаго. Его обширные курсы „Исторіи русской этнографіи" и „Исторіи русской литературы" представляютъ собою то, что на западѣ называется „Standart-works": классически законченное изложеніе накопленныхъ въ наукѣ данныхъ, которымъ заканчивается одинъ періодъ ея развитія и начинается другой. Творчество заключается здѣсь не въ созданіи большихъ новыхъ идей, но въ систематизаціи частнаго, въ перераспредѣленіи и объединеніи результатовъ всего подготовительнаго научнаго движенія въ одно цѣлое, стройное, но не застывшее, законченное, но всегда готовое къ новому развитію. Мы назвали бы курсы А. Н. Пыпина инвентаремъ изученій русской народности, если бы въ этомъ понятіи не было привкуса чего-то механическаго.

Нѣтъ, въ этомъ цѣнномъ инвентарѣ идей, въ этой сокровищницѣ знаній нѣтъ ничего, не проникнутаго живымъ духомъ самостоятельной мысли.

Превосходныя монографіи А. Н. Пыпина, предшествовавшія его курсамъ, были не только новымъ изученіемъ уже обслѣдованнаго матеріала: онѣ открывали новые міры. Въ неопредѣленной формѣ были извѣстны нѣкоторые элементы общественнаго движенія начала прошлаго вѣка. А. Н. Пыпинъ ввелъ ихъ въ законченное цѣлое, представивъ цѣлую картину этого движенія, столь же полную, сколько воспитательную. Знали, что Бѣлинскій велъ обширную переписку съ друзьями, въ которой высказывался болѣе полно, чѣмъ въ своихъ статьяхъ. А. Н. Пыпинъ показалъ намъ этого Бѣлинскаго, во всей безконечной привлекательности его душевной красоты; онъ открылъ Бѣлинскаго писемъ, безъ котораго менѣе полно и менѣе сознательно было бы наше преклоненіе предъ Бѣлинскимъ „Отечественныхъ Записокъ".

Какъ ни велики эти заслуги въ изысканіи исторической истины, за ними есть нѣчто болѣе значительное: общественно воспитательный смыслъ работъ А. Н. Пыпина. Напомнимъ одинъ внѣшній, но глубоко характерный фактъ: всѣ его научные труды прошли черезъ распространенный и авторитетный толстый жур-

валъ. Въ этомъ какъ бы сказалось отношеніе самого автора къ своимъ трудамъ: при всемъ уваженіи къ объективной истинѣ, добытой въ нихъ, онъ цѣнилъ въ нихъ болѣе всего средство воздѣйствія на общество. Не во всемъ послѣдователь, но въ общихъ началахъ своего направленія духовный сынъ Чернышевскаго, онъ никогда не переставалъ въ своихъ научныхъ трудахъ быть прежде всего публицистомъ. Онъ уходилъ на вершины объективной истины не затѣмъ, чтобы наслаждаться ея единоличнымъ лицезрѣніемъ, но чтобы воздвигнуть на этихъ вершинахъ храмъ свободнаго и справедливаго человѣческаго общежитія. Та небольшая, но сплоченная и авторитетная группа старыхъ прогрессистовъ, къ которой онъ принадлежалъ послѣднюю треть вѣка, не такъ однородна, какъ это иногда думаютъ, и А. Н. Пыпинъ въ своихъ теоретическихъ воззрѣніяхъ стоялъ на ея лѣвой сторонѣ. Въ эпоху, когда русская прогрессивная мысль находила наиболѣе распространенное выраженіе въ безличномъ либерализмѣ, не лишенномъ буржуазной окраски, болѣе рѣшительные элементы нашего литературнаго освободительнаго движенія встрѣчали въ А. Н. Пыпинѣ сочувствіе, какого были чужды даже такіе представители русскаго либерализма, какъ Градовскій, Чичеринъ, Кавелинъ. Изученію родного народа посвящены были всѣ труды этого патріарха русской науки и, конечно, если литература способна поднять безсознательную любовь къ родинѣ до степени идейно осмысленнаго и самоотверженно глубокаго патріотизма, то въ первыхъ рядахъ этой литературы должны быть названы труды ученаго обличителя теоріи „оффиціальной народности“, которому представители этой теоріи такъ легко навязывали кличку „космополита“. Космополитомъ онъ, пожалуй, и былъ, только не въ ихъ смыслѣ. Рядъ поколѣній, сознательно дѣлающихъ исторію, выросъ подъ воспитательнымъ вліяніемъ стараго прогрессиста, и если передовая волна общественнаго движенія обогнала его тактическія воззрѣнія, то не здѣсь, у его свѣжей могилы, умѣстно раскрывать эти неизбѣжные противорѣчія. Память А. Н. Пыпина будетъ неизмѣнно дорога и тѣмъ, кто при его жизни не во всемъ сходился съ нимъ на пути къ общей великой цѣли.

А. Г.

Письма въ редакцію.

I.

Въ ноябрьской книжкѣ „Русскаго Богатства“ авторъ статьи: „Торгующія тѣломъ“, г. Бентовинъ, говоря о желательности устройства общежитій для дѣвушекъ-мастерицъ, мимоходомъ замѣчаетъ:

„Вѣдь существуетъ какое-то «общество попеченія о молодыхъ дѣвицахъ», которое всю свою дѣятельность ограничиваетъ устройствомъ по воскреснымъ днямъ душеспасительныхъ развлеченій для молодыхъ дѣвицъ-ремесленницъ (какая наивность). Этому обществу какъ нельзя болѣе пристало бы посвятить свои труды устройству подобныхъ домовъ-общежитій" (см. стр. 109).

Приведенныя строки ясно говорятъ о незнакомствѣ автора съ указываемымъ обществомъ, и поэтому, чтобы хотя нѣсколько ознакомить читателей статьи г. Бентовина съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла, Комитетъ общества попеченія о молодыхъ дѣвицахъ въ С.-Петербургѣ покорнѣйше проситъ редакцію журнала дать мѣсто слѣдующимъ даннымъ о дѣятельности и учрежденіяхъ общества.

Общество располагаетъ 3-мя общежитіями для дѣвушекъ-работницъ: 1-ое (Коломенская, 12) на 115 кроватей, 2-ое (В. О., 4 линія, 45) на 47 кроватей и 3-е (Старо-Петергофскій, 14)—на 56 кроватей; 6-ю воскресными собраніями и 2-мя вечерними, функціонирующими ежедневно, и 8-ью библіотеками-читальнями; сверхъ того, при двухъ общежитіяхъ открыты ссудо-сберегательныя кассы и при одномъ—посредническое бюро для пріисканія мѣстъ и занятій нуждающимся въ работѣ дѣвушкамъ. При этомъ въ общежитіяхъ въ 1903 г. жило болѣе или менѣе продолжительное время 573 дѣвушки, по преимуществу ремесленницы и прислуги, а также фабричныя, отъ 15 до 30 лѣтъ; значительное число дѣвушекъ пользовалось обѣдами въ общежитіяхъ—въ 1903 г. взято 16,296 обѣдовъ и 9,496 отдѣльныхъ порцій. Кровати и обѣды предоставляются дѣвушкамъ по возможно дешевымъ цѣнамъ.

Число посѣтительницъ воскресныхъ собраній общества дошло до 2,567 дѣвушекъ, изъ которыхъ большинство живетъ своимъ заработкомъ фабричной, ремесленницы, швеи и прислуги. Въ собраніяхъ ведутся занятія грамотой, ариѳметикой, кройкой, шитьемъ и разнымъ рукодѣліемъ, духовныя бесѣды, чтенія популярно-научнаго и литературнаго содержанія (съ туманными картинами), хоровое пѣніе и устраиваются посѣщенія музеевъ и выставокъ и прогулки за городъ. Одно изъ воскресныхъ собраній — кулинарное — преслѣдуетъ спеціальную цѣль обученія дѣвушекъ-работницъ кухонному дѣлу и домоводству.

Вечернія собранія (Коломенская, 12 и Сергіевская, 20), функціонируя по программѣ воскресныхъ собраній, открыты ежедневно, отъ 8 до 11 ч. вечера.

Въ библіотекахъ-читальняхъ об-ва дѣвушки безплатно и безъ залога получаютъ книги для чтенія на дому или тутъ же, въ читальнѣ, и общее число читательницъ въ 1903 г. дошло до 1,589, а общее число книжныхъ выдачъ—21,126.

Таковы вкратцѣ цифровыя данныя о дѣятельности общества и его учрежденій; ознакомившись съ ними, можно убѣдиться, что

„наивность“ общества не такъ ужъ велика, какъ это представляется автору упомянутой статьи.

Комитетъ общества.

II.

Въ № 8 „Русск. Богатства“ за 1904 г. въ библіографическомъ отдѣлѣ напечатана рецензія на мою книгу „Библіотеки, ихъ организація и техника. Спб. 1904“. Позвольте мнѣ указать на то, что въ этой рецензіи имѣется рядъ фактическихъ неточностей, и назвать нѣкоторыя изъ нихъ.

1. Книга написана не по тому плану, съ точки зрѣнія котораго она разбирается. По замыслу автора она не должна была представлять того „руководства для библіотекарей“, о которомъ говоритъ г. рецензентъ, резюмируя его тремя положеніями: 1) борьба съ библіотекарями-машинками, 2) выборъ книгъ для библіотеки и 3) изученіе читающей толпы. Это—монографія по библіотечной техникѣ, т. е. одной лишь спеціальной отрасли библіотечнаго дѣла. „Цѣль предлагаемой книги“,—говорится въ ея предисловіи,—„изложить основы библіотечной техники и указать пріемы, которые практикуются въ наилучше поставленныхъ библіотекахъ“. Затѣмъ на стр. 90, гдѣ указывается разница между теоретическимъ и практическимъ библіотековѣдѣніемъ, приводится общепринятое опредѣленіе библіотечной техники. „Прикладное библіотековѣдѣніе извѣстно также подъ названіемъ библіотекономіи или библіотечной техники... Къ нему относятся: помѣщеніе библіотеки, ея меблировка, классификація и нумерація книгъ, составленіе каталоговъ, системы записей, отчетность, выборъ и подготовка служащихъ“. Eo ipso покупка книгъ, библіографія, разработка юридической стороны и т. п. вопросы, на отсутствіе которыхъ указываетъ г. рецензентъ, включенію въ программу книги и не подлежали.

2. „На стр. 99 приведены лишь жалкія указанія литературы по библіотековѣдѣнію“, сказано въ рецензіи. Однако, совершенно не упомянуто о томъ, что предыдущія восемь страницъ (91—98) посвящены перечню и разбору главнѣйшихъ иностранныхъ и русскихъ трудовъ по библіотековѣдѣнію, распредѣленныхъ по слѣдующимъ рубрикамъ: библіографическіе указатели по библіотековѣдѣнію, исторія библіотекъ, статистика и законодательство, руководства, періодическія изданія. На стр. 99 говорится лишь о томъ, что въ Россіи нѣтъ спеціальнаго библіотечнаго органа, но что общіе журналы удѣляютъ мѣсто статьямъ по вопросамъ библіотечнаго дѣла; затѣмъ въ подтвержденіе на выдержку (слова подлинника) названы заглавія нѣсколькихъ изъ этихъ статей.

3. Въ рецензіи говорится, что автору книги „неизвѣстенъ цѣлый рядъ улучшеній, введенныхъ въ библіотечномъ дѣлѣ, напр., коллективные абонементы, подписка на одни новые журналы“... На стр. 282 описанъ коллективный абонементъ въ примѣненіи его къ Курской Семеновской публичной библіотекѣ, на стр. 50 упоминается о школьныхъ коллективныхъ абонементахъ въ Америкѣ. На стр. 286 — 287 рекомендуется распредѣленіе категорій подписной платы по образцу Харьковской общественной библіотеки, въ силу котораго „предоставляется право брать новые журналы при абонементѣ даже на одну книгу“, а это тождественно съ подпиской исключительно на новые журналы.

4. „На стр. 88 указывается, что каталоги библіотеки Л. Т. Рубакиной снабжены какими-то библіографическими примѣчаніями— изъ этого слѣдуетъ, что авторъ не видалъ этихъ каталоговъ“, пишетъ рецензентъ. Не упомянуто о томъ, что на стр. 244—245 напечатанъ перечень этихъ каталоговъ и выдержка (15 строкъ въ два столбца) изъ каталога переводной беллетристики библіотеки Л. Т. Рубакиной.

5. „Говоря о томъ, кѣмъ долженъ быть библіотекарь, г-жа Х. не нашла ничего лучшаго, какъ привести слова Сопикова, написанныя въ 20-хъ годахъ XIX вѣка, что библіотекарь долженъ быть чуждъ всѣхъ философическихъ, богословскихъ, политическихъ и историческихъ предразсудковъ (стр. 105), но, кромѣ того, добавляетъ отъ себя г-жа Х., библіотекарю нужны извѣстныя административныя способности, достаточная эрудиція и спеціальная подготовка (стр. 106).“ Такъ сказано въ рецензіи. Между тѣмъ, въ ней приводится только одна фраза отрывка изъ предисловія къ „Опыту россійской библіографіи“ Сопикова, который напечатанъ въ книгѣ съ тою цѣлью, чтобы показать, что и у насъ еще въ прошломъ столѣтіи были люди, понимавшіе истинное назначеніе библіотекаря. Центръ тяжести этого отрывка заключается въ слѣдующей фразѣ: „обязанность его (библіотекаря) бываетъ еще священнѣйшею, когда любопытное юношество, жаждущее всякаго рода познаній, имѣетъ въ немъ надежнаго и просвѣщеннаго руководителя (стр. 105)“. Фраза автора, приведенная въ рецензіи, также составляетъ лишь часть характеристики библіотекаря, которой посвящены страницы 106—107.

6. Въ рецензіи сказано: „подготовкѣ библіотекарей авторъ посвящаетъ около двадцати страницъ, но на этихъ страницахъ просто на просто выписываетъ программы заграничныхъ курсовъ для подготовки библіотекарей“. О подготовкѣ библіотекарей говорится на стран. 108—222. Изъ нихъ программы занимаютъ лишь 3 страницы (111, 112 и по половинѣ 114 и 116), а затѣмъ дается описаніе общей постановки дѣла на заграничныхъ и, въ частности, американскихъ библіотечныхъ курсахъ.

7. Рецензія указываетъ на то, что цѣна книги высока отъ

того, что она „издана превосходно“ и напечатана разгонистымъ шрифтомъ. Совершенно не упомянуто о томъ, что книга иллюстрирована (32 рис. и 40 табл.), а это обстоятельство, несомнѣнно вліяетъ на стоимость изданія.

8. Выраженное въ рецензіи положеніе, что „г-жа Х. совсѣмъ не дотрогивалась до того богатаго матеріала, который, по ея словамъ, былъ въ ея рукахъ“, также представляетъ фактическую неточность. Помимо того, что въ книгѣ указана (во 2-ой главѣ и въ многочисленныхъ выноскахъ) литература, на основаніи которой изложены принципы библіотечной техники, въ самомъ текстѣ, при обсужденіи отдѣльныхъ вопросовъ, приводятся имена авторитетовъ, поддерживающихъ тотъ или иной взглядъ, какъ-то Гревеля, Делиля, Дьюи, Куттера, Рейера и др. (см. стр. 104, 105, 135, 174, 176, 179, 185, 188, 193, 206, 214, 247, 274 и т. д.). Этого не могло бы быть, если бъ литература не была использована. Цифровыя данныя въ большинствѣ случаевъ приведены за 1901-2-3 гг. (стр. 12, 19, 21, 30, 38, 48, 58-60, 63-65, 81, 86), а такъ какъ съ 1900 года не вышло ни одной новой сводной работы, то ясно, что онѣ взяты непосредственно изъ отчетовъ. Техническіе пріемы отдѣльныхъ библіотекъ описаны по первоисточникамъ; это доказывается уже тѣмъ, что въ литературѣ нѣтъ ни одного сочиненія, трактующаго о техникѣ русскихъ библіотекъ, которой въ книгѣ удѣлено значительное мѣсто. Этими первоисточниками служили коллекціи техническихъ матеріаловъ различныхъ иностранныхъ и русскихъ библіотекъ, имѣющіяся въ основанномъ по моему проекту и находящемся въ моемъ завѣдываніи „отдѣлѣ библіотековѣдѣнія“ Харьковской общественной библіотеки, въ которой я имѣю честь состоять членомъ правленія.

Примите и пр. Л. Хавкина *).

*) Охотно давая мѣсто фактическимъ поправкамъ автора книги „Библіотеки, ихъ организація и техника“ и не входя въ ихъ обсужденіе по существу, мы должны, однако, отмѣтить, что за всѣми этими поправками остается неопровержимой основная мысль рецензіи; авторъ книги, конечно, имѣлъ формальное право ограничиться въ своихъ указаніяхъ вопросами исключительно техническими; но рецензентъ полагалъ, что такое спеціальное вниманіе къ технической сторонѣ дѣла отвлекаетъ мысль автора и его читателей отъ идейной стороны библіотечной организаціи. Эта сторона должна выдвигаться на первый планъ съ особенной настойчивостью въ виду тѣхъ условій, въ которыхъ находится библіотечное дѣло въ Россіи. Ред.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

На сооруженіе памятника на могилѣ **Николая Константиновича Михайловскаго** поступило:

Отъ д-ра М. А. Ладыженскаго, изъ Ростова-на-Дону—10 р., отъ иркутянъ, черезъ Н. Ю. Татарова—203 р.

Итого . . 213 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 2.662 р. 04 к.

На устройство народной школы имени **Николая Константиновича Михайловскаго:**

Отъ учителей: А. Щипакина и П. Казакова, изъ с. Ивановки 2-й, Сарат. губ.—1 р. 50 к., А. Ѳ. Кожевникова, изъ Усть-Курдюма—50 к., отъ 8 лицъ, служащихъ въ врачебно-санитарномъ отдѣлѣ О-ва К.-В. ж. д., со станціи Манчжурія—110 р.

Итого . . 112 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 241 р. — к.

На изданіе *безплатнаго* сборника для публичныхъ библіотекъ и народныхъ школъ, посвященнаго вѣчной памяти великаго заступника народнаго **Николая Константиновича Михайловскаго:**

Отъ I. И. Годлевскаго, изъ Челябинска—1 р.

Итого . . . 1 р. — к.

На устройство школы имени **Гл. И. Успенскаго** въ д. Сябринцахъ, Новгородской губ.:

Отъ ветеринарнаго врача П. Н. Дроздова, изъ Козлова—1 р.

Итого . . . 1 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 3.552 р. 76 к. *)

*) Изъ этой суммы 3.509 р. 26 к. 20 февраля 1904 г. за № 6201 переведены черезъ Государственный Банкъ въ Новгородскую губернскую земскую управу.

На учрежденіе высшей народной школы имени гр. **Л. Н. Толстого**:

Отъ М. С. Пѣшехоновой, изъ Твери 1 р., отъ кружка молодежи, изъ с. Васильевскаго, Влад. губ. 5 р.

Итого . . . 6 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 163 р. 50 к.

Въ пользу земскаго врача **Влад. Обольянинова**:

Отъ Маріи Померанской, С.-Петербургъ 6 р.

Итого . . . 6 р. — к.

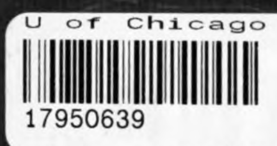
Редакторъ-Издатель *Вл. Г. Короленко*.

Дозв. ценз. Спб., 21 декабря 1904 г. Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская, 34.

При этомъ № разсылается всѣмъ подписчикамъ, кромѣ Петербурга, Москвы, Варшавы, и Одессы, объявленіе о „Медицинскомъ Журналѣ".

UNIVERSITY OF CHICAGO
17 950 639

U of Chicago
17950639
17 950 639



U of Chicago
17950639
17 950 639

U of Chicago
17950639
17 950 639

U of Chicago
17950639
17 950 639